СОЦИОЛОГИЯ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ПОНЯТИЯ

от АВТОРИТАРНОЙ ЛИЧНОСТИ, АКСИОМЕТРИИ, АТТИТЮДА
и ДИЗАЙНА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ, ВАЛИДНОСТИ, НОВЫХ МЕДИА
до ТЕОРИЙ "СРЕДНЕГО УРОВНЯ", ГАБИТУСА, "ОБЩЕСТВА СПЕКТАКЛЯ"

ПЕРСОНАЛИИ

от КОНТА, СПЕНСЕРА, МАРКСА, ДЮРКГЕЙМА
и М.ВЕБЕРА, СОРОКИНА, ПАРСОНСА, МОРЕНО
до БАУМАНА, БУРДЬЕ, ГИДДЕНСА, ДЕБОРА

НАПРАВЛЕНИЯ и ШКОЛЫ

от СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГИЗМА, ФОРМАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ, СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА

и СОЦИОЛОГИИ ЗНАНИЯ, СОЦИОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ, СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

до СОЦИАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИИ, СОЦИОЛОГИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ, СОЦИОЛОГИИ ТЕЛА

ТЕКСТЫ

от "РАССУЖДЕНИЯ О ПОЗИТИВНОМ ДУХЕ" КОНТА, "ОБЩЕНИЯ. ПРИМЕРА ЧИСТОЙ ИЛИ ФОРМАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ" ЗИММЕЛЯ, "МИССИИ УНИВЕРСИТЕТА" ОРТЕГИ-И-ГАССЕТА

и "АНАТОМИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ" ФРОММА, "ПОЗНАВАЯ МЕДИА: О РАСШИРЕНИИ ЧЕЛОВЕКА" МАКЛЮЭНА, "МИРО-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА" ВАЛЛЕРСТАЙНА

до "РАЗЛИЧЕНИЯ. СОЦИАЛЬНОЙ КРИТИКИ СУЖДЕНИЯ" БУРДЬЕ, "ЗАКОНОВ И ОБЪЯСНЕНИЙ В СОЦИОЛОГИИ" АУТВЕЙТА, "В ТЕНИ МОЛЧАЛИВОГО БОЛЬШИНСТВА, ИЛИ КОНЕЦ СОЦИАЛЬНОГО" БОДРИЙАРА

МЕТОДЫ СБОРА и АНАЛИЗА ДАННЫХ

от ПРОСТОЙ СЛУЧАЙНОЙ ВЫБОРКИ, КРИТЕРИЯ "ХИ-КВАДРАТ", КОНТЕНТ-АНАЛИЗА
и КЕЙС-СТАДИ, ДИСКРИМИНАНТНОГО АНАЛИЗА, ФАКТОРНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА
до НАРРАТИВНОГО АНАЛИЗА, КАУЗАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ, АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

СОЦИОЛОГИЯ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Минск
Книжный Дом
2003

УДК 316
ББК 87.я2
С69

**Серия "Мир энциклопедий"
основана в 2000 году**

*Исключительные права на книгу принадлежат ООО "Интерпрессервис".
Выпуск произведения, а также использование его отдельных частей без разрешения правообладателя является противоправным и преследуется по закону.*

Редакционная коллегия:
А.А. Грицанов (председатель), **В.Л. Абушенко** (зам. председателя), **Г.М. Евелькин** (зам. председателя), **Г.Н. Соколова** (зам. председателя), **О.В. Терещенко** (зам. председателя), **Е.М. Бабосов, Г.П. Давидюк, В.И. Овчаренко, Е.Н. Вежновец, О.В. Кобяк, С.В. Кузьмин, А.И. Мерцалова** (отв. секретарь), **К.И. Скуратович**

Составители:
А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко

Рецензенты:
В.С. Барулин — доктор философских наук, **З.Т. Голенкова** — доктор философских наук, **О.С. Осипова** — доктор социологических наук, **Д.Г. Ротман** — доктор социологических наук

С69 **Социология:** Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. — Мн.: Книжный Дом, 2003.— 1312 с.— (Мир энциклопедий).

ISBN 985-428-619-3.

Энциклопедия "Социология" включает в себя около 1300 аналитических статей, посвященных теории и истории социологии, а также новейшим методам сбора и анализа социологических данных. Издание адресовано специалистам в области теоретической социологии, организаторам и исполнителям конкретных социологических исследований, студентам и аспирантам гуманитарных специальностей.

Энциклопедия подготовлена представителями четырех поколений Белорусской социологической школы, а также авторами из Российской Федерации и дальнего зарубежья.

ISBN 985-428-619-3

**УДК 316
ББК 87.я2**

© Серия "Мир энциклопедий". "Книжный Дом", 2000
© Составление. Грицанов А.А., Абушенко В.Л., Евелькин Г.М., Соколова Г.Н., Терещенко О.В., 2003
© Оформление. "Книжный Дом", 2003
© ООО "Интерпрессервис", 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

"Вглядимся в прошлое: науки освободили человеческий дух от опеки со стороны теологии и метафизики, опеки, необходимой в детстве, но безмерно затянувшейся. Вглядимся в настоящее: науки должны способствовать или своими методами, или своими выводами реорганизации общественных теорий. Вглядимся в будущее: приведенные в систему, науки станут перманентным духовным основанием общественного порядка, пока будет продолжаться на Земле деятельность рода человеческого" (*Огюст Конт*).

"Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего... Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов" (*Карл Маркс*).

"Знаете ли, что весьма многие люди больны именно своим здоровьем, то есть непомерной уверенностью в своей нормальности" (*Федор Достоевский*).

"Проблема организации общества должна решаться не декламациями вокруг более или менее смутного идеала справедливости, а только научными исследованиями, задача которых – найти способ соотнесения средств с целью, а для каждого человека – усилий и страданий с наслаждением, так чтобы минимум страданий и усилий обеспечивал как можно большему числу людей максимум благосостояния" (*Вильфредо Парето*).

"Универсализация знания об условиях и связях общественно объединяющих действий не только не ведет к их рационализации, но, скорее, наоборот. "Дикарь" знает неизмеримо больше об экономических и социальных условиях своего существования, чем "цивилизованный" человек в обычном смысле слова" (*Макс Вебер*).

"Сумасшедшими" являются лишь неразделяемые смыслы. Безумие перестает быть безумием, если оно коллективно" (*Зигмунд Бауман*).

"Не бойся совершенства, тебе не достичь его никогда" (*Сальвадор Дали*).

Энциклопедия "Социология" создана в рамках издательского проекта, инициированного директором ООО "Интерпрессервис" И.С. Фалько и директором издательства "Книжный Дом", кандидатом философских наук С.В. Кузьминым. В свет уже вышли энциклопедии "Постмодернизм", "Новейший философский словарь", "История философии", "Эзотеризм"; к выпуску готовятся оригинальные издания "Религия", "Социальная философия", "Психоанализ", "Политология" и др.

Энциклопедия "Социология" предлагает читателю комплексное аналитическое рассмотрение социологической традиции в ее разнокачественных исторических версиях, а также характеристики новейших методов сбора и анализа социологиче-

ских данных. Издание включает в себя около 1300 статей, посвященных ключевым понятиям, персоналиям, текстам, а также исследовательским методикам, определившим как эволюцию классической социологии, так и современные направления развития социологической мысли.

Содержательная специфика предлагаемой книги обусловила и особенности ее структуры: прежде всего в словник энциклопедии вошли статьи, отражающие имена, понятия и тексты, определившие собою как те или иные эпохи в истории социологической мысли, так и поворотные моменты ее развития. Несмотря на необходимость определенной селекции материала (обусловленной объемом однотомного издания), в энциклопедии особенно подробно представлены те социологические феномены, которые находились в фокусе исследовательского интереса на протяжении и классического, и современного периодов ее истории, т.е. те, которые могут быть обозначены как сквозные по отношению к исторической эволюции социологии как дисциплины, обладающей потенциалом преобразования и конструирования социальной реальности.

Тексты энциклопедии "Социология" не содержат сокращений, помимо общеупотребительных.

Редакционная коллегия

А

АБСОЛЮТИЗАЦИЯ (лат. absolutus – безусловный) – абстракция наиболее высокого порядка, результатом которой являются так называемые абсолютные объекты, ничем не обусловленные, существующие сами по себе.

В науке А. – придание статуса исключительности какому-либо свойству объекта, позволяющее решать научные проблемы, гипотетически конструировать объекты иной природы и на этой основе получать новое знание о реальных объектах и их свойствах ("абсолютно твердое тело", "абсолютно непроводящее тело", "абсолютная величина (модуль)" и др.). А. в науке – достижение определенной полноты, которую невозможно реализовать в процессе эмпирического познания.

С.В. Воробьёва

АБСОЛЮТНОЕ и ОТНОСИТЕЛЬНОЕ (лат. Absolutus – отделенное, отпущенное и лат. relativus – отнесенное в то или иное место) – противоположные по смыслу и сопряженные философские категории. А. – безусловное, независимое, безотносительное, самостоятельное, непреложное, само по себе сущее, несотворимое, вечное, всеобщее. О. (релятивное) – временное, зависящее от тех или иных условий и обстоятельств и, следовательно, изменчивое; обусловливаемое системой отсчета и оценок, а потому несовершенное и преходящее, характеризует явление в его отношениях и связях с другими явлениями и в зависимости от них. А. и О. выражают в своей взаимосвязи меру проявления безусловного в условном, вечного во временном, совершенного в несовершенном и т.д.

В современной философии при истолковании А. как достигнутого чистого совершенства и уже реализованной бесконечности оно описывается как самодовлеющая, самозаконная (автономная), трансцендентная, непостижимая, вечная, ничем не ограничиваемая и сама себе непосредственно создавшая место сущность, всецело противоположная миру отношений (например, А. пространство). Соответственно, мир отношений и человеческое познание оказываются лишенными моментов А. и описываются в духе релятивизма. Если же А. задается как потенциальная бесконечность, то оно мыслится как проект будущего – идеал полноты и совершенства, его контуры постепенно проявляются и складываются через неисчерпаемое множество отношений вещей и процессов. Концепция А. как самодовлеющей и свободной сущности логически противоречива: изоляция есть форма несвободы, а действенность А. предполагает его открытость иному бытию и погружение в мир отношений. А. может постулироваться либо как "целое", создающее свои части (отношения) и не сводящееся к их сумме, либо, наоборот, как нечто, образуемое суммой относительных форм существования за бесконечно долгое время.

А.А. Грицанов

АБСТРАКТНОЕ и КОНКРЕТНОЕ – философские категории, обозначающие ступени познания действительности, выраженные в гносеологическом законе восхождения от А. к К. А. (лат. abstractio – отвлечение, удаление) – мысленный образ, полученный путем отвлечения (абстрагирования) от тех или иных несущественных свойств или отношений предмета с целью выделения его существенных признаков; теоретическое обобщение, позволяющее отразить основные закономерности исследуемых явлений, изучать и прогнозировать новые, неизвестные закономерности. В качестве абстрактных объектов выступают целостные образования, составляющие непосредственное содержание человеческого мышления (понятия, суждения, умозаключения, законы, математические структуры и др.).

Специфика абстрактного объекта определяется спецификой абстракции. Различают несколько типов абстракции: 1) абстракция отождествления, или обобщающая абстракция, в результате которой выделяется общее свойство исследуемых объектов. Данный вид абстракции считается основным в математике и математической логике. Например, взаимно однозначное соответствие между множествами характеризуется тремя важнейшими свойствами: симметричностью, транзитивностью и рефлексивностью. Если между определенными объектами существуют отношения с данными свойствами, то с помощью такого отношения, аналогичного равенству, выделяется некоторое общее свойство, присущее всем этим объектам; 2) абстракция аналитическая, или изолирующая, в результате которой четко фиксируются свойства объектов, обозначаемые определенным именем ("теплоемкость", "растворимость", "непрерывность", "четность", "наследственность" и

др.); 3) абстракция идеализирующая, или идеализация, в результате которой образуются понятия идеализированных (идеальных) объектов ("идеальный газ", "абсолютно черное тело", "прямая" и др.); 4) абстракция актуальной бесконечности (отвлечение от принципиальной невозможности зафиксировать каждый элемент бесконечного множества, т.е. бесконечные множества рассматриваются как конечные); 5) абстракция потенциальной осуществимости (отвлечение от реальных границ наших возможностей, нашей ограниченности собственной конечностью, т.е. предполагается, что может быть осуществлено любое, но конечное число операций в процессе деятельности). Иногда как особый тип выделяют абстракцию конструктивизации (отвлечение от неопределенности границ реальных объектов, их "огрубление" с целью схватывания в "первом приближении". Пределами или интервалами А. как обобщенного образа являются интерпретации (например, понятие мнимого числа) и информационная полнота (наличие семантической интерпретации и осмысление на материальных моделях). К. (лат.concretus – густой, твердый, сросшийся) – реально существующее, вполне определенное, точное, предметное, вещественное, рассматриваемое во всем многообразии свойств и отношений (в отличие от А.). К. в мышлении – это содержание понятий, отражающих предметы или явления в их существенных признаках, деление понятий на К. и А. в логике есть следствие различения отображения предмета и его свойства.

С.В. Воробьёва

АБСТРАКЦИЯ (лат. abstractio – отвлечение, удаление – введено Боэцием как перевод греческого термина, употреблявшегося Аристотелем) – одна из важнейших операций мышления. Мысль человека отвлекает нечто от непосредственно данного воспринимаемого представления и сохраняет этот фрагмент для осуществления последующих фазисов мыслительного процесса. Из соответствующего представления элиминируется несущественное и таким образом выявляются определенные основания его подлинной сущности. Результаты А. – образы реальности – традиционно обозначаются тем же термином. Для различения результата А. и самого процесса А. последний называют иногда абстрагированием. А. предполагает отказ от фиксации единичного, случайного в пользу вычленения общего, необходимого в целях обеспечения истинного познания мира. Потребность в А. задается исследовательской ситуацией, когда становятся явными отличия между характером интеллектуальной проблемы и бытием объекта в его конкретности (возможность восприятия и описания горы как геометрической формы, а движущегося человека – в качестве некой совокупности механических рычагов). В европейской философии и логике А. трактуется, как правило, как способ поэтапного мыслительного членения объекта, продуцирующий понятия, которые, в свою очередь, образуют все более общие изображения реальности. (Важной в границах методологии науки является проблема взаимосвязей А. "первого", "второго" и последующих порядков, а также о возможностях их редукции.) В процедуре А. очевидны две ипостаси процесса познания: первая отражает направленность внимания на то, что именно вычленяется; вторая – на то, от чего именно осуществляется отвлечение. Акцент на той или другой стороне указанного процесса (при их взаимодополнительности) часто приводит к полярным выводам относительно роли А.: либо их рассматривают как значимый источник поступления данных о мире, либо как процедуру, приводящую к их искажению и обеднению. (Уяснение того, какие именно из свойств предмета или явления выступают для них "посторонними", – по сути главный вопрос оперирования с А.) Понятие "интервал А." выражает наличие степеней свободы в процедурах отвлечения от тех или иных свойств объектов. Наиболее развитой системой А. обладает математика. В целях более успешной реализации человеком своих проектов А. также используются для выделения таких специфических особенностей объектов, без учета которых эффективная преобразующая деятельность людей невозможна. (Например, экологические программы и все случаи взаимодействия человека с самоорганизующимися системами, когда рефлексия над объектом изменяет сам объект.)

А.А. Грицанов

АБСУРД (лат. ad absurdum – исходящий от глухого) – термин интеллектуальной традиции, обозначающий нелепость, бессмысленность феномена или явления. (Разработку "философии А." в первую очередь принято ассоциировать с экзистенциализмом Ж.-П. Сартра.) Понятие "А." стало использоваться экзистенциализмом как атрибутивная характеристика отношений человека с миром, лишенным "смысла" и враждебным человеческой индивидуальности: не стоит придавать смысл всему тому, что происходит. Осознание отчуждения человека от мира и самоотчуждения индивида порождает "абсурдное сознание" (А.Камю). Согласно сознанию такого типа, адекватная коммуникация с "другими" невозможна: взгляд иных невыносим, эти "другие" суть посюсторонний ад. Любая попытка покинуть эту ситуацию А. – по определению абсурдна сама по себе. Лишь Существование (а не Бытие) реально, но это – реальность прибрежного песка, зыбкая и ненадежная. Свобода абсолютна, все безразличны друг другу – выбор не обсуждаем, он неизбывно задан. Единственный не-А., согласно экзистенциализму, – постоянная честность перед самим собой, готовность к помощи любому человеческому существу. Эта единственная деятельность, достойная уделосоразмерного выбора. Либо помощь несчастным и убогим, либо самоубийство – такова альтернатива, по Сартру, подножия "Стены", стены А. Понятие А. нередко использовалось в середине 20 ст. и для критики претензий научного разума, бессильного перед непостижимостью мира, которую можно постичь лишь через кардинальную переинтерпретацию подходов и установок традиционного естествознания, либо через художественное сознание. Тема А. была присуща творчеству С.Беккета, Э.Ионеско, С.Дали, А.Тарковского и мн. др. В традиционной логике "доведение до А." предполагает доказательство внутренней противоречивости утверждения. В повседневной жизни понятием "А." принято обозначать утрату субъектом действия его смысла. При условии недостаточности инстру-

ментария и информации для адекватной оценки ситуации и принятия сбалансированного решения, как "абсурдную" оценивают саму ситуацию.

А.А. Грицанов

АБУШЕНКО Владимир Леонидович (р. 1957) – белорусский социолог и социальный философ. Кандидат философских наук (1985), доцент (1991). Зам. директора Института социологии НАН Беларуси (с 2002). Член редколлегии журнала "Социология" (2001). Автор более 400 научных публикаций.

Главные направления научных исследований: социология культуры, социология и социальная мысль Латинской Америки, история общественно-политической мысли в Беларуси. Основные работы: "История социологии" (1993 и 1997, соавтор); "Социология" (1998 и 2000, соавтор); "Современная западная философия" (2000, соавтор и научный редактор); "Методологические основы социологии. Социология как наука" (1992, соавтор); "Выпускник перед выбором пути" (1988, соавтор); "Молодежь и научно-технический прогресс" (1989, соавтор); "Методологические проблемы социологического познания" (1995, соавтор); "Новейший философский словарь" (1999, соавтор и научный редактор); "Всемирная энциклопедия. Философия" (2001, соавтор и член редакционного совета); "Новейший философский словарь" (2001, соавтор); "Постмодернизм. Энциклопедия" (2001, соавтор); "Всемирная энциклопедия. Философия XX век" (2002, соавтор); "История философии. Энциклопедия" (2002, соавтор) и др.

С.А. Радионова

АВАНГАРДИЗМ (фр. avant-garde – впереди идущий) – компонента культуры, ориентированная на новаторство и характеризующаяся резким неприятием традиции. Исходно термин "А." был перенесен Т.Дюре из сферы политики в область художественной критики (1885). В широком своем смысле понятие "А." может быть аппликировано на соответствующую тенденцию любой культурной традиции (например, известная интерпретация позднеримской культуры в качестве А.); в строгом (узком) своем смысле относится к творческим поискам первой половины 20 в.

Формирование А. связано с отказом от позитивизма в эстетике и реализма в искусстве, а также с доминированием в сфере политики коммунистических и анархистских теорий. Общекультурными предпосылками становления А. выступают: философские идеи Шопенгауэра, Ницше, Кьеркегора, Бергсона, Хайдеггера, Сартра; конституирование лингвистики в качестве дисциплины, имеющей выраженную философскую размерность, обращение психологии к фрейдизму; а также отход от европоцентризма и повышенное внимание к восточным культурам; возникновение в культуре такого феномена, как антропософия. В качестве непосредственных предтечей А. могут рассматриваться эстетика романтизма, разработавшая концепцию антиимитационной (так называемой "музыкальной") живописи и обозначившая вектор внимания художественного творчества к феноменам подсознания, а также импрессионизм, заложивший такие тенденции (оказавшиеся чрезвычайно важными для развития А.), как массовый внеиндивидуальный характер героя и весьма индивидуальная, остро личная точка зрения самого художника. По своему происхождению А. – это художественная программа искусства изменяющегося мира – мира ускорения индустриального прогресса на базе продвинутой технологии, урбанизации, омассовления стиля и образа жизни.

Проблема соотношения А. с модернизмом (см.) имеет несколько измерений. С одной стороны, с точки зрения своих концептуальных оснований, А. тесно связан с модернизмом своим неприятием реалистической эстетики и практически представлен теми же школами, что и модернизм в художественном своем измерении, однако в функциональном отношении А. может быть специфицирован как значительно более отчетливо педалирующий тенденции социального протеста, нежели модернизм. Вместе с тем, модернизм как социокультурный феномен существенно шире А. как по своему содержанию, так и по социокультурной значимости. С концептуальной точки зрения, А. фундирован той презумпцией, что связь искусства с действительностью не имеет ни обязательного характера, ни стабильных форм своего осуществления, но, напротив, находится в постоянном трансформационном процессе, и что именно это позволяет искусству поддерживать подлинный контакт с действительностью, позволяет постоянно обновлять этот контакт (Ф.Т.Маринетти, М.Дюшан, Т.Тцара, Ф.Пикабиа, С.Дали). Применительно к началу 20 в. А. постулирует ситуацию компрометации "здравого смысла" и "банкротства" традиционных систем ценностей. Такие феномены, как закон, порядок, поступательное движение истории и культуры, подвергаются со стороны А. сокрушительной критике как идеалы, не выдержавшие проверку временем (в данном пункте своей концепции А. весьма близко подходит к моделированию концепции постистории).

А. постулирует отказ "современного" (modern – см.) общества от традиционной интенции культуры на поиски стабильной основы того, что феноменологически предстает в качестве хаоса социальной процессуальности, и провозглашает переориентацию на рассмотрение хаоса как такового в качестве основы социального движения. В соответствии с этими концептуальными основаниями, характерной особенностью А. является его программная эпатажность, имеющая своей целью активное (вплоть до скандального, шокирующего и агрессивного) воздействие на толпу ради пробуждения последней от сна здравого смысла. Сверхзадачей А. выступает разрушение традиционных нормативно-аксиологических шкал, сопряженное, соответственно, с ниспровержением традиционных авторитетов и распадом традиционных оппозиций: "синтез "да" и "нет" – путь к окончательному пониманию, где тезис – подтверждение, антитезис – отрицание, а их синтезом будет понимание" (Дж.Мак-Фарлайн). В этом отношении А. может быть оценен как обладающий мощным потенциалом культурной критики, находящей свое выражение также и в формальном негативизме: "охваченные горячкой вычитаний, художники отделяли от искусства и отбрасывали одну за другой составляющие его части. По мере того, как сокращалось искусство, возрастала свобода художника, а

вместе с ней – и значимость жестов чисто формального бунта" (Р.Поджоли).

С авангардной концепцией художественной и эстетической революции связана программа революции политической, претендующей на тотальное изменение мира. При этом большинство представителей А. не имели твердых политических убеждений, однако, как правило, декларировали оппозиционные взгляды в отношении к наличному социальному состоянию (вплоть до откровенно скандального фрондерства): в стремлении к "новизне" дадаизм был близок анархизму; многие представители русского А. приветствовали социалистическую революцию; итальянский футуризм активно принял идеи Муссолини; многие французские сюрреалисты были членами компартии Франции. Данная установка негативизма обнаруживает себя в отказе А. не только от традиций искусства, но и от самого термина "искусство", – целью А. становится "анти-творчество" в "рамках анти-искусства". Это находит свое проявление в стремлении А. конституировать так называемую "нефилософию", которая была бы близка их "неискусству", раскрывая творческие возможности человека в процессе плюрального видения мироздания. Решительно порывая с классическими традициями изобразительного искусства, А. ориентирован на то, чтобы посредством абстрактных композиций спровоцировать интеллектуальное соучастие зрителя, разбудить обыденное сознание, предлагая ему радикально новый опыт видения мира (сходство позиций поп-арта, дадаизма, футуризма, сюрреализма, экспрессионизма в самооценке своей деятельности не в качестве художественного направления, но в качестве образа мышления). В этом контексте манифесты А. постоянно апеллируют к так называемому "чистому" сознанию, т.е. сознанию, не отягощенному культурными нормами в их конкретно-историческом (и, стало быть, изначально ущербном) варианте. В поисках такого сознания А. прокламирует абсолютную ценность непредвзятого взгляда на мир, присущего детскому мышлению, на основе чего формируется такой программный принцип А., как принцип инфантилизма (начиная от самых ранних версий экспрессионизма). Пафос А. фундирован, таким образом, идеей плюрализма различных (и при этом аксиологически равноправных, т.е. равновозможных) типов восприятия действительности – и если с точки зрения художественной техники произведения А. могут быть отнесены к абстракционистским, то основой данного абстракционизма выступает программное смещение опыта с импровизацией. В соответствии с этим, проблема собственной социальной легитимности не артикулируется для А. в качестве острой: "авангард ставит под сомнения смысл подражания античному образцу; вырабатывает, в противоположность норме абсолютной красоты, кажущейся независимой от времени, масштаб зависимой от времени, относительной красоты" (Хабермас – **см.**). Вместе с тем, А. пытается утвердить себя в качестве нового слова в понимании человека, социума, искусства, творчества и морали (в этом плане А. апеллирует к Фрейду – **см.**, обратившему внимание на творческо-креативный потенциал бессознательного). Столь же противоречива и позиция А. в отношении оппозиции элитарного и массового искусства: с одной стороны, для А. характерны ориентации на предельно повседневное сознание (нашедшие программное выражение в позиции искусства поп-арт), с другой – А. тяготеет к интеллектуальной элитарности, ибо массовость предполагает отрицаемые А. унификацию и стандарт. В этом отношении А. не может быть отнесен к массовой культуре, хотя в нем присутствуют элементы массовости (китч, реклама и др.). Таким образом, действие двух сил определяет волны взлетов и падений всех течений А.: с одной стороны – А. поддерживает элитарная публика, с другой – стандартизирующая и тиражирующая новизну мода (**см.**).

Одним из мощных факторов собственной социальной адаптации (**см.**) А. считают моду, функция которой – непрерывная стандартизация, включения нового в сферу всеобщего потребления: "вследствие влияния моды, авангард обречен завоевать ту самую популярность, которую сам презирает, – и в этом начало его конца. Фактически это и есть неизбежная, неумолимая судьба каждого движения: восставать против уходящей моды старого авангарда и умирать, когда появляется другая мода" (Р. Поджоли).

Е.П. Коротченко

АВТАРКИЯ (греч. autarkeia – самоудовлетворение) – независимость от всех вещей внешнего мира или других людей (Платон, Аристотель), жизненный идеал киренаиков и стоиков. Мудрецу-стоику "достаточно самого себя". А. в экономике – это экономическая независимость страны, освобождающая данное государство от ввоза наиболее важных предметов потребления.

С.Ю. Солодовников

АВТОКОММУНИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ (лат. auto – сам, само и communicatio – разговор; букв. "общение, разговор с самим собой") одна из основных культурных моделей коммуникации (**см.**), в которой сообщение передается по каналу "Я – Я", т.е. сам отправитель является также и адресатом сообщения (в коммуникации отправитель и адресат разные – сообщение передается по каналу Я – Он). Примером А.П. могут являться дневники, автобиографии, прочтение собственных текстов и др. По мнению Лотмана, в ходе А.П. качественно изменяются все их переменные: происходит "сдвиг кода" и "сдвиг контекста", меняется смысл передаваемого сообщения (измененные в ходе передачи переменные не могут быть обращены в исходные). В результате возрастает, трансформируется и переформулируется информация. Происходит и перестройка самого Я, поэтому с точки зрения А.П. можно трактовать Я как постоянно меняющийся набор социально значимых кодов.

В семиотической культурологии Лотмана А.П. расматриваются как обусловленные воздействием внешних добавочных кодов и шумов; они заимствуют их ритмику и размерность (ср. шум дождя, ветра, моря во внутреем монологе романтических переживаний) и этот ритмический фон отражается в "дыхании" текста А.П., организуя его и придавая ему поэтическое и стилистическое своеобразие. А.П. характеризуются редукцией как знаковой (упрощения, сокращения,

превращения слов в знаки слов), так и грамматической формы (незаконченные предложения, ритмическое повторение фраз). В ходе А.П. текст одновременно порождает беспорядочные ассоциации и инкорпорирует индивидуальные смыслы, ассоциативно накапливающиеся у коммуниканта. Данный механизм А.П. может быть представлен как характеристика процессов поэтического творчества, но лишь в сочетании с механизмами коммуникативного канала Я – Он, в котором творческий потенциал автокоммуникативного ритмо- и смыслопорождения транслируется в художественных формах культуры (Лотман).

В психологии А.П. рассматриваются как невокализуемая, молчаливая "внутренняя речь", функционально и структурно обособленная от внешней речевой активности (Л.С.Выготский). Внутренняя речь одновременно является также универсальным механизмом интериоризации, присвоения коммуникативных и социальных ролей, смыслов, норм и ценностей. С другой стороны, экстериоризация, овнешнение внутренней речи определяет потенциал и активность человека как автора (отправителя) в коммуникации. Тем не менее А.П. принадлежат внутреннему интимному миру личности. Это тот одинокий разговор, в котором вырабатывается и реализуется моральный дискурс "заботы о себе", индивидуальная концепция самоопределения и саморазвития (Фуко – **см.**). А.П. лежат в основе одного из главных принципов практики себя: "быть во всеоружии, всегда иметь наготове "дискурс-подспорье", заранее изученный, часто повторяемый и служащий предметом постоянных размышлений" (Фуко). Его культивирование с точки зрения протестантизма, например, может стать основой для сакрального диалога с Богом (Истиной) в глубинах внутреннего мира человека. В Новое время сочетание религиозных запретов и рационализации культуры вытесняет в сферу интимного одинокого разговора также и табуированную тематику тела и жизни пола (Кон – **см.**). Таким образом, с одной стороны, А.П. относятся к культуре индивидуального, приватного, интимного и романтического. По сути, автокоммуникативный проговор себя или дискурс о себе есть основа культурной идентичности человека. С другой стороны, А.П. выступают как креативный культурный механизм порождения новых идей, смыслов и художественных форм, а также механизм социализации и личностного развития.

Д.В. Галкин

АВТОКРАТИЯ (греч. autos – сам и cratos – власть) – форма государства (**см.**), где высшая государственная власть принадлежит одному субъекту. Данный субъект – глава государства – является источником и носителем суверенитета государственной власти. Суверенный субъект обладает высшей законодательной, исполнительной и судебной властью. Население, в том числе экономически господствующий социальный класс, прямого правового участия в образовании государственных органов не принимает, либо это участие носит формальный характер и не оказывает существенного влияния на функционирование государственных институтов. Автократические формы государства характеризуются также жесткой централизованной властью, при которой местные органы являются лишь исполнителями воли высших органов.

По способу замещения главы государства А. можно классифицировать следующим образом: наследственная А. (абсолютная монархия); легальная А., возникающая в результате выборов лиц (институций), которым придаются неограниченные полномочия; нелегальная А., возникающая вследствие насильственного захвата власти. В зависимости от объема функций управления общественной жизнью (в том числе ее экономической областью), принимаемых на себя государственными органами, А. делятся на тоталитарные и авторитарные формы государства. Если первая из них основана на моральной поддержке большинства населения, предполагает его формально-демонстрационное участие в формировании органов государственной власти и активное вмешательство государства во все сферы общественной жизни, то вторая – проявление относительной самостоятельности государства и его аппарата, независимости последних от определенных социальных сил. Круг вмешательства авторитарного государства в общественную жизнь ограничен, как правило, лишь политической сферой.

С.Ю. Солодовников

АВТОМАТИЗАЦИЯ – качественные изменения в профессионально-квалификационной структуре рабочей силы, обусловленные значительными преобразованиями всего хозяйственного механизма. Социальные проблемы А. можно разделить на две группы: связанные с частичной А., характерной для переходного периода общества, и связанные с внедрением новой техники и технологии – необходимой предпосылки полной, комплексной А. Сложность переходного периода заключается в том, что значительную долю всей промышленной продукции (особенно в машиностроении) дают предприятия с мелкосерийным характером производства и сравнительно низким уровнем специализации. Между тем, специализация производства является важнейшей предпосылкой А. – непрерывного производственного процесса. Массовое поточное производство с непрерывным производственным процессом требует перехода к специализированным машинам с неизменным, автоматически выполняемым рабочим циклом, т. е. к полуавтоматам. Для обслуживания таких машин бывает достаточно неквалифицированного ручного труда, дополняющего работу машин. В машиностроении, например, введение специальных обрабатывающих полуавтоматов устраняет из производства квалифицированных токарей, фрезеровщиков, вальцовщиков и др. Основные рабочие превращаются в рабочих-операторов, выполняющих малоквалифицированные функции по обслуживанию полуавтоматов. Одновременно вспомогательные рабочие, какими являлись до сих пор наладчики и ремонтники, превращаются в высококвалифицированных основных рабочих, сочетающих функции контроля с функциями ремонта и наладки автоматического оборудования.

Опыт хозяйствования показывает, что временную тенденцию снижения требований к квалификации рабочих в условиях неполной А. можно преодолевать целенаправленными

организационными и экономическими методами. Внимание сосредоточивается на морально-материальном стимулировании, улучшении условий труда и формировании такого отношения к автоматизации, при котором работники видят для себя облегчение тяжелого физического труда, повышение ответственности за работу, повышение производительности и оплаты труда. Связанная с автоматизацией тенденция сокращения рабочей силы выступает как тенденция высвобождения работников из сферы непосредственного производства для освоения новых и смежных профессий, политехнизации своей профессиональной культуры как предпосылки мобильности в организационной структуре предприятия.

Другая группа социальных проблем А. связана с внедрением новой техники и технологии. Сложность их разрешения состоит в том, что если развитие частично автоматизированного производства обусловливает снижение квалификации работников, то интенсивное освоение новой техники в процессе этого развития требует повышения качества рабочей силы, создания интеллектуального резерва. В стратегическом плане преодоление указанного противоречия состоит в возможно более быстром прохождении этапа частичной А. и переходе к ее полному и комплексному виду. В современных же условиях необходимы специальные меры, препятствующие распространению его негативных социальных последствий.

Г.Н. Соколова

АВТОРИТАРНАЯ ЛИЧНОСТЬ (лат. auctoritas – власть, влияние) – понятие и концепция, разработанные Фроммом (см.) и Хоркхаймером (см.); фиксируют и объясняют существование особого типа личности, являющегося основой тоталитарных режимов. По Фромму, для А.Л. характерны: непереносимость свободы; жажда самоутверждения и власти; агрессивность; ориентация на авторитет лидера, собственной социальной группы и государства; стереотипность мышления; конформизм; ненависть к интеллигенции и людям из других этнических групп и др. Название "А.Л." носили материалы социологического исследования, проведенного коллективом авторов (Э. Френкель-Брюнсуик, Р. Сэнфорд, Д. Левинсон) под руководством Адорно (см.) в 1950. Исследование было инициировано социально-философской парадигмой Франкфуртской школы и ориентировалось на обоснование концепции А.Л. эмпирическими данными.

В предпосланном исследованию предисловии Хоркхаймер охарактеризовал А.Л. как возникающий в 20 в. "новый, специфический антропологический тип". Возникновение последнего объяснялось на основе модифицированной фрейдовской концепции "Эдипова комплекса" (см.): по мнению Хоркхаймера, в современном обществе ребенок стремится отождествить себя не с отцом, а с более сильным авторитетом. Выявление черт А.Л. предполагало использование исследовательских методов, позволяющих раскрыть неосознаваемые установки личности. В ходе исследования массовые опросы сочетались с применением социально-психологических методов.

В качестве составляющих феномена А.Л. рассматривались антисемитизм (см.), этноцентризм и политико-экономический консерватизм (см.). Для их выявления была разработана "Ф-шкала", включавшая в себя девять базовых элементов, поддающихся замеру: 1) "конвенциализм" как приверженность традициям и ценностям "среднего класса"; 2) авторитарное подчинение – некритическое отношение к моральным авторитетам собственной группы; 3) авторитарная агрессия – нетерпимость к нарушению общепринятых норм; 4) антиинтрацептивность – оппозиция по отношению к субъективному, личностному, основанному на воображении; 5) суеверность и стереотипность; 6) культ силы и твердости; 7) деструктивность и цинизм; 8) проективность – проекция собственных нежелательных качеств на внешний мир; 9) чрезмерная озабоченность сексуальными проблемами. Респондентами исследования были 3000 человек, преимущественно белых, коренных жителей США, иудеев, входящих в "средний класс".

В развитие концепции Фромма, авторы проекта "А.Л." охарактеризовали ее как "фашизоидную", т.е. несущую в себе постоянную угрозу фашизма. Созданная типология "фашизоидных" личностей опиралась на следующие критерии: общий контекст значения присущих типу черт; зависимость проявленности типа в реальности от его социальной детерминированности; нивелирование различий индивидуального характера. В нее вошли следующие типы, соотнесенные с "баллами" по "Ф-шкале": а) "поверхностная зависть" характеризуется тотальным подчинением воспринятым извне предрассудочным взглядам и призвана рационализировать и преодолеть трудности собственного существования; б) "конформизм" определяется подчинением шаблонным групповым ценностям, самоидентификацией с группой; в) "авторитарный синдром" ("садомазохистский характер") связан со страхом оказаться слабым, абсолютизацией авторитета, нетерпимостью; г) статус "бунтовщика и психопата" характеризуется разрешением индивидуальных психологических проблем через "бунт", деструктивные действия; д) ипостась "чудака" ориентирована на создание иллюзорного внутреннего мира, противопоставленного внешней реальности, и самовозвеличивание; е) поведение "функционера-манипулятора" предельно детерминировано стереотипами, которые становятся самоцелью, реальность воспринимается исключительно схематично – как совокупность объектов воздействия.

В.И. Овчаренко, М.Н. Мазаник

АВТОРИТЕТ (лат. auctoritas – власть, влияние) – значимость, которой обладают индивиды, общественные группы, социальные институты и организации, не нуждающиеся в постоянном ее подтверждении, в ее доказательстве на деле.

Носитель А. обладает определенным набором свойств и качеств, которые сами по себе обрели широкое общественное признание.

Традиционно предполагается допустимость выделения формального (обусловленного административным положением лица) и неформального А. Неформальный А. осуществляет

свое воздействие на развитие событий посредством социально-психологических механизмов, а не властного ресурса.

Принято также говорить о возможности обладания нравственным, политическим, религиозным и т.п. А.

A. Wozniak

АГРЕССИЯ (лат. aggredio – нападать) – понятие, используемое в настоящее время для обозначения самых разнообразных видов и форм поведения – от реплик и элементов пародий до применения различных мер физического воздействия, включая и такие из них, которые заканчиваются индивидуальным или массовым летальным исходом. Подлинный смысл понятия "А." можно весьма часто установить только на уровне контекста. К тому же в силу установившейся традиции в работах одного и того же автора понятие А. нередко употребляется в различных значениях, не говоря уже о специфике употребления его представителями различных наук, каждая из которых привносит свое понимание этого феномена. Примерно аналогичная картина наблюдается в сфере обыденного, массового употребления понятия А., где оно чаще всего ассоциируется с действиями, нарушающими физическую или психическую целостность другого человека, наносящими ему материальный ущерб, препятствующими осуществлению им своих намерений. Несмотря на наличие определенных моментов дополнительности и конвенциональности, становится целесообразной выработка более или менее единообразного представления о содержании понятия А. В значении, близком к нормативному, оно употребляется сегодня в психологии и социологии (**см.**), где им обозначается индивидуальное или коллективное поведение, действие, направленное на нанесение физического или психологического вреда, ущерба либо на уничтожение другого человека. Анализ этого определения свидетельствует об изначальной полисемичности данного понятия, посредством которого обозначают разнообразные по целям, механизмам, методам и результатам индивидуальные и групповые действия людей.

Т.Г. Румянцева

АДАПТАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ – процесс и результат приспособления индивида к требованиям профессии, усвоения им профессиональных и социальных норм поведения, необходимых для выполнения трудовых функций. А.П. связывают обычно с начальным этапом профессионально-трудовой деятельности человека. Однако фактически она начинается еще во время обучения профессии, профессионального образования, когда не только усваиваются знания, навыки, правила и нормы поведения, но складывается характерный для работников той или иной профессии стиль жизни.

Общая длительность периода А.П. зависит как от особенностей конкретной профессии, так и от индивидуальных способностей человека, его склонностей и интересов. Степень А.П. может быть измерена социологическими и психологическими методами. В социологическом исследовании используются показатели, характеризующие количественные и качественные результаты труда, отношение работника к характеру, содержанию и условиям трудовой деятельности, его включенность в трудовой коллектив, ориентацию на сохранение или перемену места работы, профессии, повышение квалификации и др. Результаты социологических исследований А.П. используются в ходе подготовки, подбора и расстановки кадров, в организационной и воспитательной работе с рабочей молодежью.

Г.Н. Соколова

АДЕКВАТНЫЙ (лат. adaequatus – приравненный) – соразмерный, соответствующий, согласующийся, равный, эквивалентный. Представление, образ, знание считаются А., если они соответствуют вещи, оригиналу, объекту, к которому относятся, если они "правильны", носят характер объективных истин. В этом контексте истина есть адекватность мышления бытию. Противоположность А. – не-А., ин-А.

АДЛЕР Альфред (1870-1937) – австрийский врач, психолог, социолог и психиатр. Доктор медицины, профессор психологии Колумбийского университета (1929). Основатель индивидуальной психологии. Основные сочинения: "Нервный темперамент" (1912), "Познание людей" (1917), "Практика и теория индивидуальной психологии" (1920), "Наука жить" (1929), "Смысл жизни" (1933) и др. Примкнул к кружку З.Фрейда (**см.**) в 1902. В работе "О неполноценности органов" (1907) сформулировал концепцию болезни как нарушения баланса в отношениях органа и среды, которое организм стремится компенсировать. Полагал, что в основании психопатологических репертуаров человеческого поведения лежит идея компенсации чувства неполноценности – результат реализации неосознаваемого стремления к превосходству.

Идея и принцип компенсации и сверхкомпенсации стали одним из оснований учения А. А. отвергал фрейдистские мотивы особой акцентации роли и значения сексуальности и бессознательного психического в жизни людей, не усматривая жесткого водораздела и конфликтов бессознательного и сознания в психике человека. А. считал особенно важным уделять внимание социальным составляющим, а также (пусть даже и не осознаваемым) целям поведенческих мотиваций. Основные движущие силы развития человеческого характера, по А., обусловлены целостной совокупностью целенаправленных стремлений, отражающих потребность в самоутверждении, успехе, превосходстве, совершенстве, чувстве общности и формирующихся в детстве. Особую популярность снискала идея и термин А. "комплекс неполноценности" (**см.**). Преодоление этого чувства А. связывал с тенденцией "стремления к власти" и (значительно позднее) с установкой "стремления к общности". Недостаточная либо извращенная компенсация чувства неполноценности, согласно А., приводит к неврозам. В дальнейшем А. корректирует некоторые прежние установки, отказывая компенсации и чувству неполноценности в статусе универсальных механизмов и источников развития личности (**см.**). См. также: **Комплекс неполноценности**.

А.А. Грицанов

АДОРНО (Adorno), ВИЗЕНГРУНД-АДОРНО (Wiesengrund-Adorno) Теодор (1903-1969) – немецкий философ, социолог, музыковед, композитор. Один из ведущих представителей Франкфуртской школы (см.), внес крупный вклад в эстетику модернизма. Творческую деятельность А. начал уже в 17-летнем возрасте с опубликования первой критической статьи "Экспрессионизм и художественная правдивость" (1920), в которой речь шла об экспрессионистской драме. Следом появляются полемические и критические статьи преимущественно о музыке. В них предметом рассмотрения А. становятся музыкальные направления, формирующие образ "музыкального ландшафта" 1920-х. При этом метод анализа А. феноменов передачи музыкального содержания характеризуется акцентированием не художественной выразительности, а когнитивного потенциала музыки, что свидетельствует о рациональном осмыслении музыкального материала. С начала 1920-х вовлечен в интеллектуальную орбиту Франкфуртского института социальных исследований, вокруг которого стала складываться т.наз. Франкфуртская школа.

Философия А. строилась на исходном мотиве о необходимости подвергать критике любые теории общества по мере исторического изменения последнего. Ранние философские работы А. были посвящены критическому разбору философских систем Э.Гуссерля (1924) и С.Кьеркегора (1930), которые критиковались им за пренебрежение факторами социальной реальности и приоритетную трактовку субъекта. В этот же период ярче всего сказались симпатии А. по отношению к марксизму (см.) – марксизму неортодоксальному, разработанному Лукачем (см.) и Коршем (см.), некоторые установки которого А. будет разделять в течение всей жизни. Наиболее значимой для философии А. была марксистская концепция товарного фетишизма, интегрированная с идеей Лукача об "овеществлении". В 1934 А. эмигрировал из фашистской Германии в Великобританию, с 1938 жил в США. В эмиграции связи А. с институтом особенно укрепились, обернувшись интенсивным интеллектуальным сотрудничеством.

Результатом данной деятельности стала одна из важнейших работ А. "Диалектика-просвещения" (1947), написанная им совместно с Хоркхаймером. В ней авторы бросили вызов вере в исторический прогресс (см.), которая составляла незыблемый потенциал марксистской традиции. История (см.) общества интерпретирована в книге как универсальная история просвещения. Показано, что в ходе борьбы за выживание человек вынужден постоянно совершенствоваться в управлении миром в своих собственных субъективных целях. Эта постоянная ориентация на господство изменяет сущность человеческого мышления, делая его несостоятельным в осуществлении своей собственной саморефлексии, низводя разум до значения неизменного во всех ситуациях инструмента. Так процесс просвещения оборачивается последовательной рационализацией мира в субъективно-инструментальном смысле. В ходе ее человеческий разум опускается до слепой процедуры формального автоматизма, осуществляемой им исключительно в поле действия самого себя. Логическая и техническая "аппаратура подавления" внешней природы, созданная человеком с помощью науки и техники, через господство и разделение труда подавляет и природу самого человека. Он все меньше распоряжается созданной аппаратурой, которая все более обособляется от него. Опасность медленного дрейфа человеческого миропонимания в сторону укрепления пустого автоматизма сложившихся стереотипов, действований по правилам, узаконенным лишь силой привычки, еще острее будет обозначена в следующей совместной работе А. и Хоркхаймера "Авторитарная личность" (1950). Люди, считают авторы, сплющиваясь в ходе рационализации в "узловые пункты установившихся реакций и укрепившихся представлений", обнаруживают завуалированные склонности к авторитаризму. На основе проведенных в 1940-е социологических исследований А. выявил весьма симптоматичное для антидемократической структуры сочетание таких личностных черт как конвенциальность, покорность власти, деструктивность и цинизм. В "авторитарной личности" А. усматривал проявление недуга позитивистской цивилизации, результат действия ее тоталитарных тенденций. Вместе с тем франкфуртские теоретики не утверждали, что просвещение было полностью репрессивным или что инструментальный разум будет полностью отвергнут. Своей критикой прогрессивного историзма они надеялись подготовить в интеллектуальной сфере почву для поиска концепции справедливого общества.

В 1950-1960-е А. продолжал входить в число ведущих мыслителей Франкфуртской школы. Это был наиболее плодотворный период творческой деятельности А. Были написаны, в частности, весьма значительные философские произведения: "К метакритике эпистемологии" (1956), "Негативная диалектика" (см.), "Эстетическая теория" (1970). В них получила дальнейшее развитие развернутая им ранее совместно с Хоркхаймером теория рациональности. В этих же работах А. разрабатывает свою негативную диалектику как диалектический способ противоречиво мыслить о противоречиях. Неудовлетворенность А. формально-логическим мышлением была вызвана его глубокой убежденностью в том, что между вещами и их понятиями имеет место конфронтация, в условиях которой утверждается "нетождественное", т.е. "то, что не уступает себя понятию, дезавуирует в-себе-бытие этого понятия". Высказываясь против систематизации, детерминированности, категориального аппарата как инструментов формально-логического мышления, А. основным принципом своей "негативной диалектики" делает принцип отрицания "тождества". В ее рамках А. отклоняет категорию диалектического снятия, которая вменялась Гегелем в качестве непременного условия осуществления философской системы. А. переосмысливает гегелевскую категорию "определенного" (bestimmte) отрицания, придавая отрицанию другое значение. Если по Гегелю оно являлось движущим моментом, в соответствии с которым диалектика подводила к развертыванию и снятию, то А. поворачивает его как "твердое", "непоколебимое" (unbeirrte) отрицание, которое более не должно приступать к снятию. Принимая во внимание руководящую для Франкфуртской школы идею о социальной обусловленности всех форм духовной жизни, которая и сообщает социальный подтекст адорновской интерпретации логики движения мышления, возможно подчеркнуть, что и в негативной диалектике

А. выражается реакция на бесчеловечную общественно-историческую реальность. А. не удовлетворяет позитивное гегелевское отрицание, поскольку он рассматривает его как санкционирующее существующий порядок вещей. Последний, по мнению А., оказывается "недостаточно отрицаемым". В таком истолковании отрицания содержится решающий момент, отделяющий негативную дилектику А. от диалектики Гегеля.

Важнейшую часть теоретического наследия А. составляет философская критика культуры, в сферу которой входят все его многочисленные музыкально-критические работы. Среди них "Философия новой музыки" (1949), "Опыт о Вагнере" (1952), "Призмы. Критика культуры и общество" (1955), "Диссонансы. Музыка в управляемом мире" (1956), "Введение в социологию музыки" (1962). Ключевое значение в этих работах получила критика "массового" коммерческого искусства, искажающего, по А., сознание людей до уровня, на котором критическое мышление оказалось под угрозой искоренения. Стандартизация и псевдоиндивидуализация опровергали притязания массовой культуры угодить индивидуальным вкусам. Критическому сознанию и счастью отдельной личности, по А., могло бы способствовать только "аутентичное" искусство, под которым у него подразумевалось искусство стиля "модерн". Искусство, которое сознательно разоблачает собственные притязания на целостность и самодостаточность, по мнению А., более способно к продуктивному отрицанию общественной реальности, нежели то, которое продолжает держаться своей претенциозности. А. разработал философско-эстетическую концепцию "новой музыки", отстаивая позиции эстетического модернизма и протестуя против призывов вернуться к классической или реалистической альтернативам искусства. Труды А. оказали влияние на современную западную философию, социологию, эстетику, музыковедение, а также на идеологию леворадикального студенческого движения 1960-х. См. также: **"Диалектика Просвещения" (Хоркхаймер, Адорно).**

С.Н. Александрова

АЙЯ де ла ТОРРЕ (Haya de la Torre) Виктор Рауль (1895-1979) – перуанский мыслитель, социолог, политик. Обосновал особый путь латиноамериканцев в мировой истории и их новаторскую функцию в современной цивилизации. Фактически речь шла о разработке новой концепции философии истории модернистского типа. Считал, что европейские философские системы, в том числе и марксизм, созданы в развитых странах и предназначены для решения их собственных проблем (применимы только внутри породивших их социокультурных контекстов). Ту теоретическую работу, которую проделала Европа, должна самостоятельно проделать для своей пространственно-временной ситуации и Латинская Америка, в том числе и Перу. Примечательно, что если в целом в латиноамериканской мысли интеллектуальные проекты возникали применительно к конкретной стране и лишь затем расширялись до масштабов континента, то А. де ла Т. изначально формулировал свой проект как общеамериканский, а затем постепенно вынужден был сузить его до масштабов одной страны – Перу. В целом А. де ла Т. концептуально завершил свою теоретико-методологическую разработку к середине 1930-х и в дальнейшем все больше уходил в область политической практики, сделав политику своей основной профессией и внося изменения в свой философско-социологический проект в основном под напором "вновь открывшихся политических обстоятельств". В качестве истока своей концепции А. де ла Т. указывал на творчество Гонсалеса Прадо, но у последнего он воспринял лишь общую установку на необходимость критической рефлексии перуанской и латиноамериканской ситуации. В качестве же концепций, оказавших непосредственное влияние на его творчество, выступают разработки Г.Риккерта, А. Шопенгауэра, Ницше, Маркса, А. Эйнштейна, Шпенглера, геополитиков 19 – начала 20 в., Х.Ортеги-и-Гассета, М.Унамуно (причем, к идеям Маркса и Шпенглера, а также к "геополитикам" А. де ла Т. относился крайне критически, видел в них воплощение европоцентризма, подлежащего "преодолению"). Наиболее же существенно повлиял на него А.Тойнби, концепцию которого он и пытался развить, социологизировать и актуализировать на проблематике Латинской Америки. Сам А. де ла Т. является основоположником такого заметного направления в социально-политической мысли Латинской Америки как апризм (который он в значительной мере и персонифицировал до 1970-х).

А. де ла Т. происходил из аристократической семьи. В 1913 **поступает** на гуманитарный факультет Университета Трухильо, где попадает в интеллектуальный студенческий кружок во главе с будущим философом А. Оррего (в кружок входил и будущий поэт С. Вальехо). С 1917 – в масонской ложе. Увекался анархизмом. С 1917 – в профсоюзном студенческом движении, в этом же году знакомится с Гонсалесом Прадой. С 1919 – лидер Движения за университетскую реформу (автономию университетов), председатель Федерации студентов Перу, в 1920 участвует в создании народных университетов. В эти же годы знакомится с Мариатеги, с которым его будет связывать дружба, сотрудничество и соперничество вплоть до окончательного разрыва в 1928. В 1922-1923 ректор Народного университета им. Гонсалеса Прадо. В 1923 основал журнал "Кларидад". В мае 1923 подвергнут аресту и высылке, а его начинания продолжил Мариатеги. В 1924 в Мексике создает Американский народный революционный альянс (АПРА – отсюда апризм) как общеконтинентальное движение (на основе лозунгов антиимпериализма, антиолигархизма и индеанизма). Вступил в Компартию Мексики, участвовал в 1924 в работе V конгресса Коминтерна и III конгресса – Профинтерна. Дискутировал с Л.Троцким. В 1930 вернулся в Перу, конституировал на основе АПРА Перуанскую аристекую партию (ПАП), выставил свою кандидатуру на президентских выборах. В 1932 арестован, в 1933 освобожден. В 1932, 1939, 1948 ПАП принимала участие в мятежах, уходила в подполье, запрещалась. В 1945-1948 был министром без портфеля. В 1949 А. де ла Т. был вынужден искать спасения в посольстве Колумбии в Лиме, в котором прожил пять лет. Испытав духовный кризис, пересмотрел свою концепцию "функциональной демократии" и отказался от наси-

лия как средства достижения политических и социальных целей. В 1956 ПАП была легализована. В 1962-1963 вновь выставляет свою кандидатуру на президентских выборах. 21.09.1969 выступил с речью в поддержку академика Сахарова. В 1976-1979 как председатель Учредительной ассамблеи участвовал в выработке новой конституции Перу. Эпитафия на могиле А. де ла Т. гласит: "После моей смерти – победа!". В 1985 (через шесть лет после смерти А. де ла Т.) ПАП впервые пришла к власти. Основные философские, социологические и программные работы А. де ла Т. собраны в его книге "Апризм и философия" (1961). Философию А. де ла Т. понимал как социальную философию, призванную обеспечить, в первую очередь, действенность проводимой политики. Тем самым она конституируется как философия политики, основная задача которой для него – формулировка и обоснование идеи апризма как иного (чем классические европейские) типа политической идеологии, приемлемой для латиноамериканского региона и, прежде всего, Перу (типологически близкая апризму версия иной региональной идеологии была выработана в Аргентине усилиями Х.Б.Хусто – хустиализм, переформулированный затем в политическую практику перронизма; в Китае ее аналогом можно считать идеологию Гоминдана – самого А. де ла Т. называли "перуанским Сун Ят Сеном). Ее конечная задача – разработать комплекс мер, позволивших бы вписать Перу (Латинскую Америку) в контекст мирового развития. Необходимость особой идеологии диктуется, согласно А. де ла Т., цивилизационной спецификой Латинской Америки, развивающейся по отличной от Европы модели. Если принять тезис об империализме как высшей и завершающей стадии развития капитализма (индустриализма), то он подлежит переформулировке для Перу и других слаборазвитых стран. Здесь он выступает низшей и исходной формой развития и сочетает в себе элементы варварства, феодализма и индустриализма. Более того, он парадоксальным образом требует проведения последовательного "антиимпериализма", олицетворяемого США, как пытающегося навязать другим свою эффективную, но неадекватную иным условиям модель развития, предполагающую, к тому же, нивелировку национальных ценностей и разрыв с собственной культурной традицией. Состояние "неразвитости" предполагает особую роль государства в организации всех областей жизни нации, так как в этом состоянии экономические, политические, социальные и культурные факторы тесно взаимосвязаны друг с другом и способны взаимно "блокировать" любые новации в одной из подсистем общества. Дополнительные ограничения задает недоформированность наций как самодостаточных социально-культурных организмов (особенно в условиях Перу, где резко выражен раскол населения по расово-этнокультурному признаку на три группы – креолов, метисов, индейцев, а территории – на три относительно замкнутых географическо-экономических региона – Косту (побережье), Сьерру (нагорье), Монтанью (Амазонию)). В этих условиях, согласно А. де ла Т., единственно приемлемой стратегией, способной обеспечить стабильное развитие и искоренить олигархизм как явление социально-политической и экономической жизни, является госкапитализм с институтами "функциональной демократии", призванными обеспечить проведение политики индустриализации (самостоятельной модернизации), повышения культурно-образовательного уровня населения, и нацеленными, в конечном итоге, на создание подлинного правового государства (отсутствующего как предусловие модернизации в Перу). В этой связи А. де ла Т. много размышляет о таком постоянном феномене перуанской (латиноамериканской) жизни, как насилие, его допустимости для реализации "функциональных целей". Однако к середине 1950-х он приходит к необходимости отказа от этого тезиса, объявляя насилие "могильщиком истории", и окончательно оформляет апристскую доктрину как национал-реформистскую, признающую ценности демократии и правового государства как таковые. Суть же апризма определяется-как "социальная систематизация кооперативизма на основе социальной демократии". Тем самым в фокусе апристской идеологии оказывается ориентация на запуск процессов самоорганизации общества "снизу" и создание аналогов структурам гражданского общества европейского образца. Однако путь построения этих структур видится для А. де ла Т. принципиально отличным от европейского.

В центре его внимания оказывается традиционная община индейцев-кечуа айлью, которая, согласно А. де ла Т., будучи подвергнута модернизации на основе принципов кооперативного социализма, может и должна явиться базовой структурой процессов самоорганизации общества. Познакомившись с жизнью индейцев во время службы в Куско, А. де ла Т. на всю жизнь остался сторонником индеанизма, видел в индейцах основу для формирования новой перуанской нации. Более того, он пытался доказать определяющую роль автохтонного населения в формировании и специфике латиноамериканской цивилизации в целом, перуанской культуры в частности. Саму Латинскую Америку он обозначал при этом как Индоамерику, а идеал ее будущего обосновывал из прошлого – времен инкского государства Туантинсуйо. Акцентирование ценностей прошлого и идеалов будущего приводило у А. де ла Т. к неизбежной "дискредитации" настоящего как малозначащего и преходящего, как того, что с необходимостью должно быть преодолено в целенаправленном действовании. Тем самым его философия изначально акцентировала аспект динамики, а не статики в общественной жизни ("универсальное и вечное есть развитие"), но при этом саму динамику трактовала как "вечное возвращение" собственного прошлого при очередном повороте исторического времени (развитие принципиально не может быть понято как прогресс). "Постоянно возвращаемое", а следовательно, и определяющее неизбываемую латиноамериканскую специфичность и задается через идеологему Индоамерики, которая к тому же и есть "постоянное возвращение" доевропейского прошлого. Поэтому "западное" (европейское, североамериканское) может быть привлекательным, но всегда обречено оставаться "чужим", "национальное" же, будучи непривлекательным в настоящем, как "свое" всегда будет задавать цивилизационно-историческую ритмику социальной динамике. Основным же реализуемым в действии дискурсом является для А. де ла Т. дискурс освобождения [в пределе – от настоя-

щего, характеризуемого через категории зависимости и временного несовпадения (диссонирования) с глобальными цивилизационными процессами, "невписанностью" в них]. Последние категории имеют для А. де ла Т. также экологическое и космическое наполнения, фиксируемые через понятия пространства и времени (точнее – пространства-времени как некоего характерологического единства, задающего параметры социокультурной жизни и истории).

В этой перспективе всеобщая история "распадается" у А. де ла Т. на динамики относительно изолированных "исторических пространств-времен". "Исторические пространства-времена" не могут выйти за пределы собственных космическо-экологических рамок и в этом отношении "зависимость" непреодолима (они "обречены" быть "уникальными"), но возможно и необходимо преодоление внешних зависимостей, что есть основание для самоопределения (освобождения) и "синхронизации "себя" с ритмами иных "исторических пространств-времен" ("попадания в современность"). Тем самым философия А. де ла Т. базируется на двух концептуальных основаниях, утверждающих "неотделимость эволюционного движения каждого народа или социальной группы от своего гравитационного поля или сцены истории", с одной стороны, и зависимость исторических процессов от точки зрения наблюдателя (перспективы), устанавливающего синхронность-асинхронность, с другой. "Исторические реальности не формируют цели из единственной и великой цели", что предполагает, в конечном итоге, "индивидуальность", "отличность", "неповторимость" содержания "исторических пространств-времен" ("универсальное движение имеет различные скорости и различные направления"). Последние А. де ла Т. переинтерпретирует-локализирует через введение категории "народ-континент", посредством которой он и дифференцирует социокультурный мир на "составляющие" (Западная Европа, Северная Америка, Россия, Индоамерика и т.д.), соотносящиеся в своей исторической динамике друг с другом. Отсюда один из основных тезисов философии истории А. де ла Т., легший в основу его "действенной" политики, об относительности социального развития. "Пройденные" расстояния и "затраченное" на их прохождение время различны в разных системах отсчета (которые, к тому же, разнонаправленно "движутся" друг относительно друга). Более того, то, что представляется "пространственно"-соотнесенным и "одновременно"-синхронным внутри одной исторической целостности, вовсе может не быть таковым для "внешних наблюдателей" из других "исторических пространств-времен" (для других "народов-континентов"). "...История мира, обозреваемая с индоамериканского пространства-времени, не будет никогда такой, какой ее видит философ с европейского исторического пространства-времени". Отсюда логически вытекает и следующее утверждение А. де ла Т.: "Законы и принципы, применимые для одного исторического пространства-времени, не соответствуют другому". Следовательно, то, что традиционно понимается под универсальностью и всеобщностью есть не более чем попытка гипертрофирования европейского "взгляда" за его собственные пределы. Принятие последнего и есть попадание в ситуацию "внешней зависимости". Необходима своя перспектива видения – своя точка зрения, что предполагает и наличие своей собственной истины. Тем самым позиция А. де ла Т. может быть классифицирована как антиевроцентристская, что не мешает ему (в силу требования соотносимости позиций) говорить, вслед за Ортегой-и-Гассетом (**см.**), о стремлении к гармонии возможных точек зрения (перспектив). Конкретная конфигурация этой гармонии задается "народом-континентом", обладающим наибольшим потенциалом и готовностью к действованию, – "народом-светом" (в качестве такового в перспективе А. де ла Т. видит латиноамериканцев) и "реализующими социальными группами", т.е. теми группами, которые обладают "психологической способностью для реализации своей истории" (такую способность и призван конституировать как идеологию апризм). Таким образом, А. де ла Т. принципиально замыкает философско-социологические анализы на практику политического действия, теоретически обосновывая и свой собственный социально-политический активизм.

В.Л. Абушенко

АККУЛЬТУРАЦИЯ – в социальных науках – процесс изменения материальной культуры, обычаев и верований, происходящий при непосредственном контакте и взаимовлиянии различных социальных и культурных систем. Термин "А." используется для обозначения как самого этого процесса, так и его результатов.

Согласно Линтону (**см.**) (1940), два типа условий, при которых может происходить А., следующие: 1) свободное заимствование контактирующими культурами элементов друг друга, протекающее при отсутствии военно-политического господства одной группы над другой; 2) направляемое культурное изменение, при котором доминирующая в военном или политическом отношении группа проводит политику насильственной культурной ассимиляции подчиненной группы.

В настоящее время явное или неявное отождествление А. с ассимиляцией (**см.**) уступило место более широкому пониманию А. как процесса взаимодействия культур, в ходе которого происходит их изменение, усвоение ими новых элементов, образование в результате смешения различных культурных традиций принципиально нового культурного синтеза.

АКСИОЛОГИЯ (греч. axia – ценность, logos – слово, учение) – философская дисциплина, занимающаяся исследованием ценностей как смыслообразующих оснований человеческого бытия, задающих направленность и мотивированность человеческой жизни, деятельности и конкретным деяниям и поступкам.

Выделение и конституирование предметной проблематики А. как самостоятельной области философской и социологической рефлексии было связано: 1) с пересмотром обоснования этики (в которой бытие отождествлялось с благом) Кантом, противопоставившим сферу нравственности, т.е. свободы, сфере природы, т.е. необходимости, что требовало четкого разграничения должного и сущего; 2) с расщеплением понятия бытия в послегегелевской философии, которое разделяется на "актуализированное реальное" и "желаемое и

должное", рефлексией над теми теоретико-методическими и практически-деятельностными следствиями, которые следовали из тезиса о тождестве бытия и мышления; 3) с осознанием необходимости ограничения интеллектуалистских притязаний философии и науки, того, что познание не является областью их монополии и доминирования, а также того, что оно также связано сложными отношениями с направленностью человеческой воли (для которой критериальное различение истины и неистины является далеко не единственным и не всегда определяющим среди иных критериев: добро – зло, прекрасное – безобразное, полезное – вредное и т.д.); 4) с обнаружением неустранимости из познания оценочного момента, разных модальностей и (позднее) типов организации мыслительной деятельности (логика, антропология, лингвистика, семантика и т.д., с которыми окажется связан новый поворот в развитии А.); 5) с постановкой под сомнение самых основополагающих ценностей христианской цивилизации в концепциях А.Шопенгауэра, С.Кьеркегора, Дильтея (**см.**) и др., но прежде всего с "открытым вызовом" им, брошенным Ф.Ницше; 6) с осознанием, с другой стороны, невозможности редукции понятия ценности к "благу" (традиция, идущая от Платона) или ее понимания как "стоимости", экономической ценности [традиция утвердившаяся в классической политэкономии, существенно переосмысленная Марксом (**см.**) в "Капитале" и положенная затем в основу марксистской А., будучи соединена с разработками раннего Маркса и др. аксиологическими теориями]. Таким образом, А. конституируется как философская дисциплина в специфических конкретно-исторических условиях философско-интеллектуальной жизни Европы, характеризующихся исчерпыванием импульсов, заданных Просвещением, осознанием (скорее, предчувствием) переломности эпохи и необходимости смены вектора развития. В философии это вылилось в стремлении подвести черту под классическим этапом ее развития, что в частности стало фиксироваться и терминологически в определении направлений и школ как "нео" философий (неокантианство, неогегельянство и т.д.), а содержательно (кроме всего остального – смены проблематики, стилистики и т.д.) выразилось в том числе в плюрализации способов философствования, порождении многих разноаксиологически ориентированных традиций. Обращение к проблемам А. оказалось в этой ситуации одновременно и симптомом кризиса просвещенческого рационализма и способом его преодоления, свидетельством завершения одной фазы философского развития и в то же время основой переструктурации философского знания. Более того, "аксиологизация" познания обнаружила принципиальную различность (иноорганизованность и иноупорядоченность), а также взаимодополнительность и взаимопроникновение друг в друга разных возможных систем знания (сама идея построения и анализа различных "возможных миров", столь популярная в 20 в., предзадавалась аксиологическими изысканиями второй половины 19 в.). Именно в А. и благодаря ей была осознана со всей очевидностью неоднородность самого научного знания, наряду с естественнонаучным, математическим, техническим знанием было конституировано как особое социальное и гуманитарное научное знание. Антропологический и экзистенциальный поворот в философствовании также предопределен во многом произошедшим ранее аксиологическим поворотом.

Основной вопрос, который изначально поставила А. и который потом внутри нее неоднократно переформулировался, – это вопрос об условиях возможности оценок (**см.**), имеющих "абсолютное значение", их критериях и соотносимости разных систем ценностей (**см.**) между собой. Тогда основную задачу А. можно видеть в анализе того, как возможна ценность в общей структуре бытия и как она соотносится с миром наличного бытия, с данностями социума и культуры (как ценности, будучи обращены к человеку, реализуются в действительности). Последнее выводит А. за рамки чисто философской дисциплинарности и требует ее переформулирования в терминах социогуманитарной науки (социологии, психологии, культурологии и т.д., выступая основанием попыток построения отдельной научной дисциплины – аксиометрии). Решение названной задачи породило в А. изначально различные ответы в зависимости от понимания самой природы ценности, способа ее существования, источника ее возникновения (продуцирования). Одна из основных версий (в нескольких вариантах) А. была предложена в неокантианстве и квалифицируется в А. как трансценденталистская.

Традиционно началу дисциплины связывается с именем Р.Лотце, введшем в своем анализе логических и математических истин понятие "значимости" как специфической характеристики мыслительного содержания, а в эстетических и этических контекстах использовавшем в аналогичном смысле понятие "ценности". Взгляды Лотце развил Коген. Согласно Когену, ценности связаны с порождающей их "чистой волей" трансцендентального субъекта, при этом само трансцендентальное понимается как основополагание, постоянно заново совершаемое мышлением (в частности, в этике постоянно "переполагается" идея свободы человеческой личности как абсолютный идеал, т.е. ценность). Основной же вариант трансцендентальной версии А. был предложен Баденской школой неокантианства (В.Виндельбанд и Г.Риккерт). Виндельбанд обосновывал через теорию ценностей общезначимость не только нравственного действия, но и теоретического (философского) познания в целом. Утверждая "абсолютность оценки" как "коренного факта" философии, Виндельбанд видел в А. способ преодоления релятивизма, отождествляемого им со "смертью" философии. Ни от чего и ни от кого не зависящая и в этом смысле абсолютная значимость (ценности истины, добра и красоты), к которой стремятся ради нее самой, обнаруживается в ценностях-благах культуры (наука, право, искусство, религия, "нормирующие" ценностные содержания) и оборачивается к познающему, созерцающему и действующему индивиду, выступая как требования долженствования. Носитель ценностей и источник нормотворчества – трансцендентальный субъект. Как принципы бытия, познания и деятельности трактовал ценности Риккерт, считая, что единство "Я" и мира возможно только как единство действительности и ценности. Трансцендентные ценности обнаруживаются в имманентном мире как "смыслы", зафиксированные в культуре как "значимости" (нормативные требова-

ния долженствования). Изучаются ценности в науках о культуре с помощью особых идиографических методов, отличных от генерализирующих методов естествознания (наук о природе). Тем самым А. оборачивается и специальной методологией – одной из основных тем, в частности, социологии (см.) 20 в.

В целом же трансцендентальная версия неокантианства может быть охарактеризована как нормативистская (нормативизм), ведущая либо к "субъективизации" (плюрализации) проблематики А., либо к ее "спиритуализации" через постулирование сверхчеловеческого логоса. Поэтому наряду и параллельно с трансценденталистской версией возникают разные варианты онтологизации и субъективизации ценностей. Онтологизацию А. можно проследить по работам Шелера (см.), Н. Гартмана, Ф.Брентано и др. Так, Брентано, различая акты представления, суждения и "любви и ненависти", источником ценностей считает представления, как более фундаментальные феномены, чем акты выбора (суждения) на основе рациональной воли в неокантианстве, ведущие к неоправданной интеллектуализации понятия ценностей. В основе объективности ценности лежит объективность всеохватывающего чувства "любви-ненависти" (предпочтений и отвержений). Для Гартмана, с точки зрения его имманентно-трансцендентного отношения субъекта и объекта, предмет познания постулируется за пределами самого познавательного акта и наделяется онтологическим статусом, модально (ценностно) по-разному "смоделированным". В свою очередь, он различает познание и эмоционально-трансцендентные акты, позволяющие схватывать действительность непосредственно и прямо, а действительности "навязываться" субъекту. Кроме того, ценность обнаруживается в предвосхищениях субъекта (таких, как надежда, страх, беспокойство), а также фиксируется в спонтанных ориентационно-поисковых актах субъекта (вожделении, желании, воле). Таким образом, в ценностном отношении один полюс постулируется эмоционально-трансцендентными актами, а другой их интенциональными предметами, т.е. ценностями (они даны в интуиции, возникающей в актах любви-ненависти, как безоговорочное принятие-отвержение). Тем самым Гартман попытался обосновать А. вне религиозной проблематики и не прибегая к авторитету Бога (возможность высокой нравственности при атеистическом посыле, необходимом для обеспечения свободы человеческого деяния, ориентированного на ценность, обоснованная в его "Этике"). Иной, ставший классическим, вариант онтологизации проблематики А. предложил Шелер, у которого реальность ценностного мира гарантируется "вневременной аксиологической серией в Боге", лишь отражаемой и воплощаемой на индивидуальном уровне, на котором типология личностей задается типологией их иерархизированных систем ценностей, задающих личностную онтологичность. Такой подход потребовал "переворачивания" ценностного отношения: не от целей к ценностям, а наоборот, от ценностей через волю к целям, в котором акт предпочтения (основанный на чувстве любви-ненависти) и есть суть познания ценностей. Структура ценностей априорна, они вечно тождественны сами себе, но в актах предпочтения устанавливаются их "ранги", на основе трех критериев: долговечности, "неделимости", способности к вызыванию у человека чувства удовлетворенности. Таким образом, Шелер ввел в А. проблематику типологии ценностей. Противоположной "онтологизму" в А. является версия субъективизации и психологизации понятия ценности. Вариантом такой версии является прагматизм, прежде всего инструментализм Дьюи, связавший понятие ценности со стандартизируемыми и типологизируемыми (социологически) представлениями о прагматически и утилитаристски понимаемой "полезности".

Иной вариант "субъективизации" проблематики А. предложен в экзистенционализме, редуцирующем, в конечном итоге, ценности к выражению индивидуальной воли человека. "Моя свобода – единственное основание ценностей, и ничто, абсолютно ничто не может оправдать меня в принятии той или другой ценности, той или другой определенной шкалы ценностей ... Моя свобода вызывает у меня тревогу потому, что она лежит в основе ценностей, а сама лишена основания" (Сартр). Отождествлением ценности с "благом" отличалась позиция позитивизма, социологически редуцирующего их или к норме, задающейся ценностью, но получающей легитимизацию от стоящей за ней "санкции", или к операционным определениям, сводящим ценность (в конечном итоге) к верифицируемым фактам непосредственного опыта. В этой версии А. ценностью могли выступить любые предметы, обладающие поддающимся определению содержанием и значением для членов социальной группы, или "правила поведения", с помощью которых социальная группа сохраняет, регулирует и распространяет собственные типы действия среди своих членов, – Ф.Знанецкий (см.) и У. Томас (см.).

Психологизированный вариант "субъективистских" версий задается в бихевиоризме (см.), теории обмена, частично в символическом интеракционизме (см.), в трактовках ценности как возникающей в процессах межсубъектных социокультурных обменов и взаимодействий в интерсубъективном пространстве. Все эти версии (за исключением экзистенционалистской) отличает сведение ценности к факту, неразличение ценности и ее носителя, смешение ценностной и предметной реальностей.

Крайняя позиция в подходе к А. выражена Ф. Адлером, отказывающем понятию ценности в какой-либо содержательной наполненности, а следовательно и значимости, а А. – в возможности существования как дисциплины, занимающейся реальными проблемами (наблюдаемы факты поведения, но не ценности). Противоположную крайность презентирует натуралистическое понимание ценностей как атрибутов самих предметов действительности, не зависящих от наличия или отсутствия отношения к этим предметам субъектов.

Особый круг версий А., получивших широкое распространение в 20 в., продуцирует культурно-исторический релятивизм, истоки которого видят в идее аксиологического плюрализма Дильтея, вводившей в научный оборот представление о множественности равноправных ценностных систем, опознаваемых с помощью исторического метода. Фактически им была впервые сформулирована нашедшая впоследствии многочисленных продолжателей программа критики самой возможности общей А. внутри А. (а не из внешней позиции,

как в нигилирующей критике Ф. Адлера) как необоснованного абстрагирования от конкретно-исторических контекстов и произвольной абсолютизации некоей одной "подлинной" системы ценностей. Эта версия была поддержана О.Шпенглером, А.Тойнби, П.Сорокиным (**см.**) и др. "Выведение" А. за рамки чисто философской дисциплины и открывающиеся при этом эвристические возможности со всей очевидностью продемонстрировала социология, прежде всего культур-ориентированная.

Первым проблематику А. в социологию ввел М. Вебер (**см.**), исходивший из неокантианской методологии и резко выступавший против позитивизма и психологизма в подходе к пониманию ценностей, избегая крайностей "чистой значимости" (ценности, взятой самой по себе) и "растворения ценности" в имманентном бытии. Вебер сделал предметом своего рассмотрения и отправным пунктом своей социологии анализ "имманентного смысла" переживаний и действий людей, т.е. "субъективно подразумеваемый смысл". Поведение становится действием (целерациональным или ценностнорациональным, а не остается традиционным и не является аффективным) только тогда, когда и поскольку оно связывается действующим индивидом с конкретным субъективным смыслом. Смысл же задается через соотнесение с ценностью, позволяющее артикулировать индивидуальные цели и нормативировать сами ценности. Постигаются ценности в понимающе-объясняющих процедурах (отсюда программа понимающей социологии). В целом "социологизация" А. шла в русле общей тенденции сдвига в А. от проблем нормирования и значения к проблемам смысла и анализу коммуникативно-языковых практик (как "мест бытования" ценностей).

Другая линия внедрения аксиологических идей в социологию прослеживается от первой развернутой социологической теории Знанецкого через Сорокина к Т.Парсонсу (**см.**), считавшему ценности высшими принципами, обеспечивающими согласие (консенсус) в обществе и придающими значимость проявлениям конкретной эмпирической данности. Выделенные пять основных версий (со множеством вариантов внутри них) совместно с марксистской А. (шестая версия) и задают в своих продолжениях пересекающиеся исследовательские поля современной А. (определяемые ответами на вопросы: "что такое ценности?", "каким образом они существуют?" и "откуда возникают?").

В традициях русской социальной философии наиболее развитыми аксиологическими подходами оказались неокантианский нормативизм – Новгородцев (**см.**), Кистяковский (**см.**) и др., феноменолого-герменевтический смысло-анализ Шпета (**см.**), совершенно оригинальная (не имеющая прямых "западных" аналогов) концепция теории ценностей как "теории творчества" или "теории символизма" Белого, но прежде всего религиозно-ориентированная версия А., предложенная в различных вариантах В.С. Соловьевым, Бердяевым (**см.**), Франком (**см.**), П.Флоренским, Н.О. Лосским и др. мыслителями "русского религиозного ренессанса", которая может быть рассмотрена наряду с шестью уже обозначенными выше (основные ее концепты: "богочеловечество", "софийность", "соборность" и т.д.).

Советская философия долгое время игнорировала ценностную проблематику и не признавала за А. статуса особой философской дисциплины. Возрождение интреса к А. связано с пионерскими работами В.П. Тугаринова (в философии), О.Г. Дробницкого (в этике), А.А. Ивина (в логике) и др. В 1966 вышла работа "Проблемы ценности в философии", в 1978 – "Философия и ценностные формы сознания", ставшие "программными" в советской А. Работами ряда авторов (Бакрадзе, П.П. Гайденко, Б.Т. Григорьян, Ю.Н. Давыдов, М.А. Киссель, Н.В. Мотрошилова, И.С. Нарский, Э.Ю. Соловьев и мн. др.) в научный оборот была введена основная проблематика европейской А. (под этикеткой ее "критики"). Особая область аксиологических разработок – "реконструкция" марксистской А., давшая начало многим оригинальным концепциям (но уже в польской, венгерской, чехословацкой А. того времени). А. возвращалась и через культурологические анализы (Аверинцев – **см.**, А.Я. Гуревич – **см.**, Г.С.Кнабе, В.Л. Рабинович, А.М. Пятигорский и др.), психологию (Дм. Узнадзе и его школа), социологию (В.А. Ядов – **см.** и его школа). Таким образом, и в условиях монополии на философскую истину А. оказалась тем "троянским конем", который подтачивал устои официального философствования, вводил принципы методологического плюрализма (хотя формально обсуждение шло в рамках марксистской философии). Более того, обнаруживается, что А. позволила сохранить определенную преемственность в развитии, например, грузинской философии (Ш.Нуцубидзе, К.Бакрадзе, Узнадзе, З.Какабадзе, Н.З.Чавчавадзе и др.).

Можно констатировать, что к настоящему времени А. утвердилась как особая область знания не только в западной, но и постсоветской традиции. Более того, современная А. выходит на новый этап своего развития (ценностный релятивизм постмодернизма, компаративистская философия, герменевтические теории, философия и социология знания, философия и социология образования и т.д.), связанный, во многом, с трактовкой философии как самосознания культуры, как рефлексии над ее предельными (смысловыми и ценностными) основаниями, как средства конструирования и освоения новых "возможных человеческих миров" (в этом отношении соотносимой с искусством, религией и наукой), как задающей не только теоретическое, но и практически-духовное отношение к миру и человеку (в этом плане соотносимой с этикой, правом и наукой), в том числе на основе "ценностного причинения" (механизмы целеполагания и долженствования). А. поворачивает философское и социогуманитарное познание к анализу феноменов личности и индивидуальности, "человеческого в человеке", смыслам и оправданию человеческого бытия, его идеалам и императивам. В настоящее время А. как теория дополняется феноменологией ценностей (история как генетическое "дедуцирование" ценностей, социология как репрезентация типов и иерархий ценностных систем, культурология как конкретный целостный анализ автономных культурных образований). В качестве особого уровня научного изучения ценностей предлагаются различные программы аксиометрии (**см.**).

В.Л. Абушенко

АКСИОМАТИЧЕСКИЙ МЕТОД (греч. axioma – значимое, принятое положение) – способ построения теории (**см.**), при котором некоторые истинные утверждения избираются в качестве исходных положений (аксиом), из которых затем логическим путем выводятся и доказываются остальные истинные утверждения (теоремы) этой теории. Научная значимость А.М. была обоснована еще Аристотелем, который первым разделил все множество истинных высказываний на основные ("принципы") и требующие доказательства ("доказываемые"). В своем развитии А.М. прошел три этапа.

На первом этапе А.М. был содержательным, аксиомы принимались на основании их очевидности. Примером такого дедуктивного построения теории служат "Начала" Евклида. На втором этапе Д. Гильберт внес формальный критерий применения А.М. – требование непротиворечивости, независимости и полноты системы аксиом. На третьем этапе А.М. становится формализованным. Соответственно, изменилось и понятие "аксиома". Если на первом этапе развития А.М. она понималась не только как отправной пункт доказательств, но и как истинное положение, не нуждающееся в силу своей очевидности в доказательстве, то в настоящее время аксиома обосновывается в качестве необходимого элемента теории, когда подтверждение последней рассматривается одновременно как подтверждение ее аксиоматических оснований как исходного пункта построения. Помимо основных и вводимых утверждений в А.М. стал выделяться также уровень специальных правил вывода. Таким образом наравне с аксиомами и теоремами как множеством всех истинных утверждений данной теории формулируются аксиомы и теоремы для правил вывода – метааксиомы и метатеоремы. Геделем в 1931 была доказана теорема о принципиальной неполноте любой формальной системы, ибо в ней содержатся неразрешимые предложения, которые одновременно недоказуемы и неопровержимы. Учитывая накладываемые на него ограничения, А.М. рассматривается как один из основных методов построения развитой формализованной (а не только содержательной) теории наряду с гипотетико-дедуктивным методом (который иногда трактуется как "полуаксиоматический") и методом математической гипотезы. Гипотетико-дедуктивный метод, в отличие от А.М., предполагает построение иерархии гипотез (**см.**), в которой более слабые гипотезы выводятся из более сильных в рамках единой дедуктивной системы, где сила гипотезы увеличивается по мере удаления от эмпирического базиса науки. Это позволяет ослабить силу ограничений А.М.: преодолеть замкнутость аксиоматической системы за счет возможности введения дополнительных гипотез, жестко не связанных исходными положениями теории; вводить абстрактные объекты разных уровней организации реальности, т.е. снять ограничение на справедливость аксиоматики "во всех мирах"; снять требование равноправности аксиом. С другой стороны, А.М., в отличие от метода математической гипотезы, акцентирующего внимание на самих правилах построения математических гипотез, относящихся к неисследованным явлениям, позволяет апеллировать к определенным содержательным предметным областям.

В.Л. Абушенко

АКСИОМЕТРИЯ – формирующаяся комплексная научная дисциплина, ставящая своими целями выявление: актуально и потенциально презентированных в конкретных социокультурных средах и ситуациях "наборов" ценностей и ценностных систем (феноменология); соотносительной значимости ценностей между собой и у разных социальных субъектов (измерения и статистики); существующих механизмов "ценностного причинения", т.е. целеполагания и долженствования (социальная психология); реально существующих типологий ценностей и их носителей-субъектов (социология); генезиса и развития ценностных представлений и самих ценностей (историческая социология и культурология).

Основанием А. выступает аксиология (**см.**) как философская дисциплина, взятая в одной из своих методологически обосновываемых для аксиометрического анализа версий. А. претендует на развитие подходов, ранее развивавшихся в социологии и психологии как исследование ценностных ориентаций, социальных установок и аттитьюдов ("внутрикультурные" исследования), в социологии и антропологии как кросс-культурные исследования. Особый упор в А. делается на изучение ценностей в целостных социокультурных и исторических контекстах и на новых методолого-методических основаниях. В качестве методов работы в А. Называются тесты (**см.**) (направленные на изучение мотиваций и личностных выборов); проективные методики (предполагающие "проигрывание" аксиологической проблематики в условно задаваемых ситуациях и режимах); аксиобиографические методики (ориентированные на выявление личностных смыслов респондентов и наиболее значимых, аксиологически окрашенных событий их жизни); методы социопсихолингвистики или семиосоциопсихологии (позволяющие фиксировать смысловую воспринимаемость речи, текстов и сообщений); контент-анализ (измерение "встречаемости" и частотности аксиологически зачимых единиц-сигналов) и информационно-целевой (смысловой, содержательный) анализ текстов и любых иных знаково закрепленных продуктов человеческой деятельности; социометрия (фиксация и анализ предпочтений в социальных группах); метод семантического дифференциала (основанный на шкальном измерении ценности через характеризующие ее антонимические пары прилагательных); работу в фокус-группах (основанную на срежессированном по сценарию "представлении", "разыгрывании", обсуждении интересующей проблематики в режиме групповой работы); методы статистической обработки и качественного анализа получаемых результатов.

Насущная потребность конституирования А. как особой научной области очевидна, в этом направлении сделан ряд шагов: в рамках отечественного социально-гуманитарного знания и социологии многомерную разработку основоположений А. осуществил А.П. Вардомацкий (**см.**).

В.Л. Абушенко

АКТУАЛИЗАЦИЯ (лат. actualis – деятельный, действенный) – 1) действие, направленное на приспособление чего-либо к условиям данной ситуации; 2) в субъективно-идеалистическом учении – абсолютизация принципа деятель-

ности и отождествление реальности с активностью субъекта; 3) в методологии науки – использование актуалистического метода (сравнительно-исторического), согласно которому на основе изучения современных процессов можно судить об аналогичных процессах прошлого; в палеонтологии актуалистический метод дополняется данными экологии современного органического мира; 4) в герменевтике – форма понимания текста на уровне его интерпретации, которая предполагает выделение характеристик текста, соотносимых со смысловыми структурами читателя (слушателя). Предельным выражением А. как смысловом погружении в текст является конъюнктуризация; 5) в математической логике – построение бесконечности, мыслимой как завершенная, целостная совокупность объектов, актуальная бесконечность (например, множество действительных чисел, заключенных в интервале между числами 0 и 1) в отличие от неактуализируемой потенциальной бесконечности (например, множество натуральных чисел); 6) в политике, дипломатии – реализация, приведение в исполнение идеи, плана; придание степени важности (находящейся в зависимости от степени подтверждения, освещения в средствах массовой коммуникации) явлению или действию.

С.В. Воробьёва, Ю.А. Коршунов

АЛГОРИТМ (лат. algoritmi, algoritmus; первоначально – транслитерация имени среднеазиатского ученого 9 в. – Мухамеда бен Мусы аль-Хорезми) – одно из основных понятий логики и математики. Термин "А." был введен в математику Лейбницем в связи с разработкой им вопросов дифференциального исчисления. Под А. понимают последовательность точно описанных операций, выполняемых в определенном порядке. Примерами А. могут служить точно установленные предписания решения математических, логических, физических и всяких других задач, когда эти задачи являются заведомо решаемыми. Массовость А. понимается как то обстоятельство, что исходные данные задач изменяются лишь в определенных пределах. Детерминированность А. состоит в том, что путь решения задач предопределен однозначно. Результативность А. означает, что на каждом шаге процесса решения задачи известно, что считать его результатом. Алгоритмической называют проблему отыскания для ряда конкретных задач как самого А., так и его массовости.

Г.В. Беляев

АЛЕКСАНДЕР Джеффри (р. 1945) – американский социолог, представитель неофункционализма. Впервые ввел в научный оборот термин "неофункционализм". В своем основном труде "Теоретическая логика в социологии" (1982-1983) А. предложил интерпретацию развития классической социологической теории: К.Маркс (см.), Э.Дюркгейм (см.), М.Вебер (см.), Т.Парсонс (см.). А. стремился учесть ту критику, которая высказывалась в 1960-1970-е в адрес функционалистского направления в социологии. В связи с этим А. пытался пересмотреть некоторые положения концепции Парсонса, считая необходимым дополнить данную концепцию элементами других теоретических подходов (социология конфликта, феноменология). А. критиковал взгляды Парсонса на проблему социальных изменений. Одним из важных направлений научной деятельности А. стали его исследования по истории теоретической социологии второй половины 20 в.

АЛКОГОЛЬ – этиловый спирт, этанол. Наиболее распространенное в Европе, России, Северной Америке, части государств Азии вещество наркотического действия, оказывающее депрессивное воздействие на нервную систему. А. известен как значимый компонент, обусловливающий поведенческие сценарии людей, с самых ранних стадий эволюции социума. Способность А. вызывать у человека состояние эйфории, вуалировать заботы и формировать сопутствующие иллюзорные представления уже в глубокой древности воспринималась людьми как свойство безусловно сакрального типа (например, широко распространенные Дионисийские таинства в Аттике и аналогичные культы в других странах). Изобретение процедуры перегонки А. в эпоху средневековья позволило значительно усилить меру и степень воздействия А. на психику человека. Врач и алхимик средневековья Арнольд из Виллановы (1235-1311), автор сочинений "О ядах", "О противоядиях", "Розарий философов" и др., именовал разновидность А. – бренди – "эликсиром бессмертия". (В традиции символизма А. трактовался как "огонь-вода" или образ соединения противоположностей: горящий А. интерпретировался как одно из великих таинств природы. По мнению Г.Башляра, когда А. горит, "он кажется как бы "женской" водой, утрачивающей всякий стыд; неистово отдает она себя своему господину – огню".)

В новейшее время преобладающей функцией А. (в контексте реконструкции процессов научного и художественного творчества) правомерно рассматривать его значимый и одновременно высокотрагичный потенциал как распространенного стимулирующего средства механизмов сублимации у выдающихся творческих личностей (Л. ван Бетховен, В. Высоцкий, С. Есенин, Маркс, М. Мусоргский, А. де Тулуз-Лотрек, Ф.С. Фицджеральд, П. Чайковский и др.).

Систематические исследования медико-социологического и психологического порядка тех деформаций в обществе, которые вызываются массовым избыточным употреблением А., начались с середины 19 в.; тогда же (1848) шведский ученый М. Гусс предложил термин "алкоголизм" для обозначения совокупности патологических изменений в организме человека, явившихся результатом неумеренного потребления А. Актуализировавшиеся во второй половине 20 ст. собственно философские реконструкции проблемы многомерной топологии бытия акцентировали, в частности, исследования воздействия А. на трансформацию пространственных ориентаций и временного восприятия индивида. В ряде версий (например, у Делеза – см.) отмечается, что алкоголизм человека являет собой поиск особого эффекта: "необычайной приостановки настоящего". Алкоголик, по мысли Делеза, живет совсем не в прошедшем времени несовершенного вида и не в будущем времени; у него есть лишь сложное прошлое совершенного вида – хотя и весьма специфическое. Пьянствуя, алкоголик так компонует воображаемое прошлое, как если бы "мягкость причастия прошедшего времени соединялась с

твердостью вспомогательного настоящего: я бывало-любил, я бывало-делал, я бывало-видел"... Сам же пьющий человек переживает один момент в другом, наслаждаясь своим маниакальным всемогуществом... Совершенное прошедшее время превращается в "я бывало-напьюсь". Настоящий момент в данном случае – уже не момент алкогольного эффекта. Это, по Делезу, "момент эффекта эффекта"; застывшее "настоящее" ("я, бывало...") соотносится теперь лишь с ускользанием "прошлого" ("напивался"). Кульминация достигается в "оно, бывало...". В этом эффекте ускользания прошлого, в этой утрате всякого объекта и заключается депрессивный аспект алкоголизма... Когда алкоголизмом страдают по-настоящему, когда выпивка – это острая необходимость, тогда, согласно Делезу, возникает иная, не менее основательная деформация времени. На этот раз любое будущее переживается как "будущее совершенное" с необычайным ускорением этого сложного будущего – эффектом от эффекта, не оставляющим до самой смерти... Алкоголизм героев Фицджеральда – это процесс саморазрушения, доходящий до того, что вызывает эффект "отлета" прошлого: не только трезвого прошлого, от которого алкоголик навсегда отрезан, но и ближайшего прошлого, в котором он только что выпивал и напился, а также и фантастического прошлого, когда впервые был достигнут этот эффект... По убеждению Делеза, как "триумф над застывшим и неприглядным настоящим, в котором затаилась означаемая им смерть – именно в этом отношении алкоголизм может служить примером". А., по мысли Делеза, суть сразу и любовь и утрата любви, и деньги и безденежье, и родина и ее потеря. Это "сразу объект, потеря объекта и закон, управляющий этой потерей, в налаженном процессе разрушения...".

В границах информационного общества с характерной для него многомерностью сферы мыследеятельности человека, дополняемой полинаправленностью его личной активности, особую значимость обретает свойство А. продуцировать ситуацию "одиночества-в-толпе". Блокируя основные эмоционально-диалоговые каналы коммуникации индивида с его ближайшим окружением, А. сохраняет при этом иллюзию его /индивида. – *А.Г., Е.В.*/ адекватного участия в полилогах карнавального и тусовочного типа.

А.А. Грицанов, Е.Н. Вежновец

АЛЬБЕРТ (Albert) Ганс (р. 1921) – немецкий философ, социолог, экономист. Представитель "критического рационализма", который трактовал в духе необходимости развития самокритики собственных оснований, принятия принципов плюральности и конструктивности научных теорий, усиления в нем критической составляющей. Отстаивал тезис о неизбежности технологизации современного социального (по)знания, являющегося основой ответственных социально-политических решений. Считается разработчиком политической философии "критического рационализма". Кроме идей К.Поппера (**см.**) (А. считали даже "ортодоксальным попперианцем") в его концепции заметно влияние Г.Динглера (разработавшего своего рода рационалистическую версию операционализма – децизионизм), а в социальной философии и социологии – М.Вебера, Т.Гейгера и первого учителя А.Г.Вайсера (философа неокантианской ориентации и идеолога СДПГ – Социал-демократической партии Германии). Философское становление А. приходится на послевоенное время, так как с 1939 он находился в действующей армии, а затем в американском плену. Учился в Кельнском университете, изучал экономику и социальные науки. С 1952 – научный сотрудник Института социальных наук Кельнского университета, затем приват-доцент этого университета. С конца 1950-х – последователь Поппера. В 1963 возглавил кафедру социологии и теории науки Мангеймского университета. В 1964 активно включился в "спор о позитивизме", инициированный Адорно и Поппером. Основную полемику вел с Хабермасом. Являлся одним из авторов (наряду с З.Бжезинским, Ароном и др.) труда "198-е десятилетие. Коллективный прогноз на период 1970-1980 г.г.". Завершил научную карьеру ординарным профессором Гейдельбергского университета. Основные работы А.: "Экономическая идеология и политическая теория" (1954); "Трактат о критическом разуме" (1968, программная работа); "В защиту критического рационализма" (1971); "Конструкция и критика. Очерки философии критического рационализма" (1972); "Просвещение и управление" (1976); "Трактат о критической практике" (1978, программная работа); "Наука и погрешности разума" (1982) и др.

В основу социальной доктрины А. были положены идеи, восходящие к социальной философии Поппера, но значительно переинтерпретированные А.: 1) идея критики "тотальности" идеологий; 2) идея "открытого общества" (**см.**); 3) идея действования "в границах возможного". В философии политики А. продолжает свою критику "догматического рационализма", но уже как критику идеологий, как критику "стратегий иммунитизирования". Задача критики при этом троякая. Это: 1) защита науки от ложного сознания, продуцируемого догматизацией ценностных суждений, мимикрирующих под суждения о фактах; 2) преодоление "идеологической пропаганды господствующей власти", игнорирующей принципы социальных технологий (техник) и неинституционализирующей социальную критику; 3) уход от катастрофизма идеологического мышления либо догматизирующего неизменность традиции (консервативный догматизм фашистского или клерикального типа), либо исходящего из политической теологии (утопический догматизм – прежде всего марксизм). Последний и является основным объектом критики в политической философии А. Вместо того, чтобы исходить из "границ возможного", марксизм настаивает на тотальности отрицания во имя принципиально не верифицируемой и не фальсифицируемой идеи ("как учит нас опыт, мечта об обществе, совершенно свободном от господства, утопична", точно так же, как "не может быть никакого идеального социального строя, который мог бы быть справедливым для всех"). К тому же, настаивает А., общество может быть реформировано, но не может быть создано заново. Отсюда он определяет марксизм как "мышление по партийной линии", как "радикальное, тотальное мышление в альтернативах", важнейшей из которых является оппозиция "свой – чужой". "Мышление по схеме "друг – враг" связано с идеей привилегированного доступа к истине для определенных лиц, именно носителей священного знания.

Это учение подобно весьма старым теологическим представлениям, переодетым в современную терминологию, в которой речь идет об определении сознания через классовое положение, следовательно, о невозможности правильного познания и представления без экзистенциального соучастия...” Поэтому, согласно А., марксистская доктрина принципиально строится как рассчитанная на теократию, а любые “криптонормативные идеологические представления” ориентированы на идеал “закрытого общества”. Инструмент построения “открытого общества” – рациональная политика “критического рационализма”, противодействующая догматизации (идеологизации) как постоянной угрозе мышлению “вследствие постоянно действующего принципа инерции”. Рациональная политика, будучи технологизируемой программой критики идеологий, не порождает, в то же время, “ценностный вакуум”. “Технологическая система как бы то ни было, ценностно свободна в том смысле, что она не содержит оценок, рекомендаций, ценностных суждений и т. д. Она показывает только, что человеческие действия могут вызывать определенные эффекты” (А.). Но она же не вольна выйти за установленные самим типом культуры границы возможных действий и практик, которые обнаруживаемы благодаря способности к рефлексии критического стиля мышления, формируемого в процессах просвещения (образования), и усвоению конструктивно-технических способов работы в процессах управления. В этих смыслах в современных типах общества, согласно А.: “Сама теоретическая работа является частью социальной жизни, которую она делает своей темой. Существование свободной социальной науки, которая сама может выбирать свои темы и которая не связана в своих результатах, имеет в политике большое значение”.

В.Л. Абушенко

АЛЬТРУИЗМ (фр. altruisme, лат. alter – другой) – моральный принцип, основанный на признании естественной связанности людей через врожденное чувство симпатии. При этом в другом, наделяемом статусом этической доминанты всего моего существования, видится воплощение общечеловеческого. А. отказывается от внутренней самооценки субъекта в попытке выйти за пределы эгоизма, безусловным этическим абсолютом которого являлся “единственно я сам”. Нравственность обеспечивается оценкой извне, а потому А. вынуждает человека смотреть на собственные действия с точки зрения беспристрастного очевидца, что приравнивается к суду совести. С позиции А. понятие долга естественно следует из чувств врожденной симпатии между людьми.

Понятие “А.” введено Контом (см.) как обобщение принципа “жить ради других”, существенного для морали буддизма и христианства, позднее развитого английской этикой 18 в. (А. Шефтсбери, Ф. Хатчесон, А.Смит) и идеями французского Просвещения (Ж.-Ж.Руссо). Идея особой самоценности, направленности на другого через сопереживание полнее всего была развита А.Шопенгауэром. С точки зрения самого Конта, следует различать инстинктивный А., объединяющий животных в род, и человеческий А., зарождающийся в условиях цивилизации и переходящий в спонтанное врожденное чувство. Ницше ставил вопрос о преодолении А. как уравнивающего чувства стада. З.Фрейд (см.) трактовал А. как невротическую компенсацию вытесненного первоначального эгоизма. Позднее возникают попытки устранить этическую оппозицию “А. – эгоизм” через рассмотрение Другого как уникального Я, подобного моему.

Д.В. Майборода

АЛЬТЮССЕР (Althusser) Луи Пьер (1918-1990) – французский философ, крупнейший представитель неомарксизма. Член ФКП (1948-1980), участник войны в Испании и Движения Сопротивления. Ученик Башляра. Более 30 лет (до 1981) преподавал в парижской Эколь Нормаль. Основные сочинения: “За Маркса” (1965), “Читать “Капитал” (в соавторстве с Э. Балибаром и Р. Этабле, 1965), “Философия и житейская философия выдающихся ученых” (1967, опубликована в 1974), “Ленин и философия” (1969), “Идеология и идеологические аппараты государства” (1970), “Элементы автократии” (1973), “Позиции” (1976), “Почему я не могу оставаться в Коммунистической партии Франции” (1978), “Заметки о психоанализе” (1993), “О философии” (1994) и др.

Смысл творчества А. обусловливался политическими (осуждение Сталина на XX съезде КПСС, раскол в комдвижении ввиду конфликта между китайскими и советскими коммунистами) и теоретическими истоками. Современный А. неомарксизм (см.) в его экзистенциалистской версии исполнял функции своеобычной философии истории, стремясь установить связь между наличным порядком вещей и переживаемыми субъективностями индивидов. Марксистская догматика в условиях демократической Западной Европы могла воспроизводиться лишь деформированным мировосприятием отдельных людей. А именно – оценкой отношения “эксплуататоры – эксплуатируемые” в качестве экзистенциального и – как следствие – осознанным выбором социальной модели, исключающей мировоззренческий плюрализм. (По мысли А., “невежды”, превратившие “Капитал” в свою Библию, оказались прозорливее подавляющего большинства ученых мужей. Причина этого в том, что “вопреки буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, которая оказывает на них страшное давление, они /эксплуатируемые. – *А.Г., А.Ф.*/ не могут не видеть этой эксплуатации, поскольку она составляет их повседневную жизнь”.) В контексте осмысления того, что данная мифологема стремительно утрачивала популярность и маргинализировалась, А. определил идеологию как некое “выражение пережитого отношения человека к условиям его существования”. Данное выражение, по А., всегда фундировано чем-то воображаемым и в принципе не имеет отношения к познанию истины. Согласно А., основание марксизма необходимо отыскивать не в философии свободы, но в соображениях эпистемологического порядка. А. стремился трактовать Маркса (см.) с позиций структурализма (см.), рассматривая его как первого философа, предложившего концепцию, могущую быть оцененой как “смерть субъекта”. Поэтому он, в отличие от предшественников, не обращается к ранним работам Маркса, содержащим элементы гуманизма (см.), а делает акцент на поздних произведениях. А. усматривает радикальный раз-

рыв между гегельянской антропологией Маркса и структурным анализом социальной реальности, предлагаемым в "Капитале". Им подчеркивается новизна метода Маркса по сравнению с диалектикой Гегеля. Эта новизна, по мысли А., заключается в отказе от гегелевского сведения философских проблем к субъекту как единому центру антропологической каузальности.

Как полагал А., марксизм не диалектичен, метод Маркса – иной, кардинально новый. Опережая свое время, Маркс был вынужден за неимением адекватных языковых средств, употреблять гегелевскую терминологию. Правильнее же, согласно А., элиминировать слово "диалектика" из профессиональных словарей как преждевременный проект. По схеме А., науки – это *теоретические практики*, превращающие в "познания" (суть в научные истины) идеологические результаты существующих *эмпирических практик* (всевозможных видов деятельности людей). Диалектика (как и философия) является *общей теорией практики* как таковой (практику в целом А. трактовал как эквивалент "единства человека и природы"). Основана эта общая теория на теории научных практик (или эпистемологии). Как отмечал А., в диалектике "теоретически выражена сущность теоретической практики вообще, а через нее – сущность практики вообще, а через нее – сущность изменений, "становления" вещей вообще". А. стремится к обоснованию марксизма в качестве строгой научной теории, направленной на выявление структур социальной реальности с помощью исторического материализма (науки – учения о социальных формациях) и диалектического материализма (философии – теории научной практики). По мысли А., исторический материализм (**см.**) был изложен Марксом в "Капитале"; эту книгу А. рассматривал как крупнейшее событие в истории науки, сопоставимое с основанием математики Фалесом или физики Галилеем ("Ленин и философия"). Философия Маркса, по А., содержится в логике "Капитала"; ее больше "нигде" ("Читать "Капитал") невозможно обнаружить. А. использует принцип "теоретического антигуманизма", который направлен против любых попыток привнести в марксизм антропологическую тематику. Как отмечал А., "не с конкретными людьми имеет дело наука, а с людьми-функциями в определенной структуре, носителями рабочей силы, представителями капитала... В теории люди соединены формой, поддерживающей структурные отношения, индивидуальность предстает в форме особых эффектов структуры". Теоретический антигуманизм Маркса, по А., – основание как познания, так и практической трансформации мира: "нельзя что-то знать о людях, если только не испепелить философский миф о человеке. Любая философия, пытающаяся так или иначе реставрировать марксистскую антропологию или философский гуманизм, будет в теоретическом смысле собиранием пыли". (В 1967 А. выступает с курсом лекций, критикующих так называемый "шардено-марксизм", соединяющий в себе космологизм Тейяра де Шардена, религию и некоторые марксистские принципы.)

Согласно А., осмысление соотношения исторического материализма и диалектического материализма (как, соответственно, науки об истории и философии этой науки) правомерно осуществлять в рамках категориально-понятийного комплекса, включающего ряд базовых терминов. 1) "Практика" (или "трансформация без субъекта"), включающая исходный материал, средства производства, конечный продукт. 2) Сопряженная с ней (практическая и теоретическая) идеология – единство реальных и воображаемых отношений к наличным условиям существования людей; по А., "идеология окликает индивидов как субъектов", тем самым конституируя их. "Узнавание/неузнавание", "интерпелляция" ("запрос", "призыв") конституируют основания теории идеологии А. По его мысли, функция идеологического узнавания суть "одна из двух функций идеологии как таковой (ее обратная сторона – это функция неузнавания)". Как отмечал А., "идеология "действует", или "функционирует", так, что среди индивидов она "рекрутирует" субъектов (она рекрутирует их всех); или "трансформирует" индивидов в субъектов (она трансформирует их всех). Происходит это в той самой операции, которую я называю *интерпелляцией*, или окликанием. Эта операция стоит даже за самыми обычными действиями, например когда полицейский (или кто-нибудь другой) окликает тебя: "Эй, ты!"... Индивид, которого только что окликнули на улице, обернулся. В результате этого "психологического поворота на 180 градусов" он превратился в *субъекта*. Почему? Потому что он распознал, что оклик был "действительно" адресован ему и что "окликнули *действительно его*" (а не кого-то другого)... И вы, и я *всегда уже* субъекты и как таковые постоянно исполняем ритуалы *идеологического узнавания*, гарантирующего, что мы действительно есть конкретные, индивидуализированные, различимые и (естественно) незаменимые субъекты". 3) Структурированное целое ("всегда заранее заданное") – согласно А., комплексирование социального процесса не есть итог разворачивания исходного противоречия, а изначально обусловлено; общественное бытие, по мнению А., исторически выступает в качестве совокупности всевозможных (экономической, политической, идеологической и теоретической) практик (марксово-гегельянские схемы "центрированной тотальности" А. акцентированно замещает рассеянной топикой равноправных и разнокачественных инстанций). 4) Сюр-детерминация или "сверхдетерминированное противоречие". 5) "Эпистемологический перелом" (связанный с созданием диалектического материализма; по мысли А., был осуществлен Марксом вне контекста предшествующих социальных теорий). Согласно схеме А., марксова теория – наука о научности науки – центрирована на механизмах продуцирования знаний. По мысли А., а) наука есть знание происхождения (посредством "эпистемологического разрыва" – термин Г.Башляра) *идеологии* и б) наука являет собой это самое знание вследствие изменения этого *идеологического* продукта ("Читать "Капитал"). А. весьма точно отметил, что познавательная процедура суть конструирование мышлением постигаемого объекта ("мыслительное присвоение находящегося вне мышления реального объекта").

В 1970-е, в эпоху спада популярности марксизма, А. пересматривает ряд своих взглядов: он переносит акцент с трактовки марксизма как научной теории на его интерпретацию в качестве теории политической борьбы. (Маркс, с точки зре-

ния А., "основал не новую философию практики, а новую практику философии".) По убеждению А., на разных этапах своего существования марксизм реализовывал: а) апологетическую функцию (обосновывая конкретные политики и практики); б) экзегетическую функцию (комментируя тексты, полагавшиеся до этого непреложной истиной); в) практическую функцию (раскалывая социум и науку на "буржуазную" и "пролетарскую" компоненты.

Жизнь самого А. была омрачена шизофренией, которой он страдал многие годы. Несмотря на длительные курсы лечения, эта болезнь в конечном счете привела к преждевременному завершению его философской карьеры. В 1980, в состоянии шизофренического расстройства, он убил свою жену Элен Леготье и был помещен в психиатрическую клинику, где находился до 1988. Немногочисленные работы А. оказали сильное влияние на леворадикальные течения шестидесятых, и в частности на маоистские группы французских интеллектуалов, вокруг которых начиналось формирование постструктурализма. Его влияние определяется также многолетней работой в качестве преподавателя в Высшей нормальной школе. Среди его учеников следует выделить Фуко (см.) и Деррида (см.).

А.А. Грицанов, А.В. Филиппович

"АМЕРИКА" ("Amerique". Paris, 1986) – философско-художественное эссе Бодрийара (см.). Посвящено осмыслению последствий возникновения на современном Западе все более обыскусственной среды обитания, собственно философский анализ которых Бодрийар впоследствии осуществил в книге "Прозрачность Зла" – см. **"Прозрачность Зла" (Бодрийар).**

Текст "А." выстроен в жанре путевых заметок странствующего по стране философа. Внешне американские города напоминают Бодрийару "нечеловеческие черты внеземного объекта", созданного "транссексуальной капиталистической надменностью мутантов". Это "симметричная, светоносная, властвующая абстракция", где даже религия смогла сделаться "спецэффектом". По мысли Бодрийара, "бесчеловечность нашего запредельного, асоциального и поверхностного мира" отыскивает свою "эстетическую и экстатическую" форму в великих американских пустынях. Именно они символизируют "экстатическую критику" современной культуры. Отсутствие у США прошлого, которое можно было бы осмыслить, позволяет Бодрийару сделать вывод, что Америка – "единственно реально существующее первобытное общество", хотя и принадлежащее будущему. Америка – страна-"оригинальная версия современности" – именно ее города находятся в центре мира. Европейцы ("дублированная или с субтитрами" версия современности) безнадежно отстали от "ограниченности, способности к переменам, наивного отсутствия чувства меры и социальной, расовой, морфологической, архитектурной эксцентричности" американского общества. Менее всего способны проанализировать его, по мнению Бодрийара, сами американские интеллектуалы, "драматически чуждые конкретной, невероятной мифологии, которая творится вокруг". Америка – гиперреальность, ибо являет собой утопию, которая "с самого начала переживалась как воплощенная". Для Европы характерен "кризис исторических идеалов, вызванный невозможностью их реализации". У американцев – "кризис реализованной утопии, как следствие ее длительности и непрерывности". (Ср. у О.Паса: Америка создавалась с намерением ускользнуть от истории, построить утопию, в которой можно было бы укрыться от нее.) Истина этой страны способна открыться лишь европейцу, ибо только он в состоянии рассмотреть в Америке "совершенный симулякр, симулякр имманентности и материального воплощения всех ценностей". В этом средоточии богатства и свободы, когда "все доступно: секс, цветы, стереотипы жизни и смерти", всегда стоит, по Бодрийару, один и тот же вопрос: "Что Вы делаете после оргии?" Оргия окончена, освобождение состоялось, – фиксирует Бодрийар, – "... секса больше никто не ищет, все ищут свой "вид" (gender), то есть одновременно свой внешний вид (look) и свою генетическую формулу. Теперь мы выбираем не между желанием и наслаждением, а между своей генетической формулой и собственной сексуальной идентичностью (которую необходимо найти)". Философ видит вокруг себя субъектов "полного одиночества" и "нарциссизм, будь он обращен на тела или на интеллектуальные способности". Тело выступает здесь в качестве "объекта исступленной заботы": "мысль о физическом или нервном истощении не даст покоя, и смысл смерти для всех заключается в ее постоянном предупреждении". Речь не идет, согласно Бодрийару, чтобы *быть* или даже *иметь тело*, необходимо быть *подключенным* к нему: тело являет собой "сценарий", осуществляющийся посредством разнообразных "гигиенических реплик".

Характеризуя миссионерство и анабаптизм Америки, Бодрийар отмечает акцентированно расширенную концепцию американских музеев: "все заслуживает сохранения, бальзамирования, реставрации". Американцы, – пишет философ, – "... прозевав настоящее крещение, мечтают все окрестить во второй раз, и только это позднейшее таинство, которое, как известно, повторение первого, только *куда более подлинное*, для них имеет значение: вот совершенное определение симулякра" /подчеркнуто нами. – *А.Г., О.Г.*/. Одним из следствий такого культурного состояния выступает то, что американцы сражаются "двумя важнейшими видами оружия: авиацией и информацией. Иными словами: это реальная бомбардировка неприятеля и электронная всего остального мира... Такие армии не нуждаются в территории... Война /во Вьетнаме – *А.Г., О.Г.*/ была выиграна одновременно обеими сторонами: вьетнамцами на земле, а американцами в электронном ментальном пространстве... Одни одержали идеологическую и политическую победу, другие извлекли из всего этого *Апокалипсис сегодня*, который обошел весь мир". По мысли Бодрийара, "если европейское мышление характеризуется негативизмом, иронией, возвышенностью, то мышление американцев характеризуется парадоксальным юмором свершившейся материализации, всегда новой очевидности... юмором естественной видимости вещей". Европе присущ "тревожный синдром deja vu /уже виденного – *А.Г., О.Г.*/ и мрачная трансцендентность истории". Свобода и равенство приобрели в Америке неевропейский облик. Как отмечал А.Токвиль (см.): "Я упрекаю равенство вовсе не в том, что оно вовлекает людей в погоню

за запрещенными наслаждениями, а в том, что оно полностью поглощает их поиском наслаждений дозволенных". Парадокс Токвиля, по мысли Бодрийара, состоит в том, что американское общество тяготеет одновременно к абсолютной незначимости (все вещи стремятся к тому, чтобы уравняться и раствориться в общем могуществе) и к абсолютной оригинальности. Америка – это "гениальный универсум, появившийся благодаря неудержимому развитию равенства, пошлости и незначимости". В своем коллективном сознании американцы "больше предрасположены к моделям мышления XVIII века: утопической и прагматической, нежели к тем, которые были навязаны Французской революцией: идеологической и революционной".

Как подчеркивает Бодрийар, "в американской системе поражает то, что не существует никакой заслуги в неподчинении закону, нет престижа в нарушении закона или несогласии с ним": этот конформизм "сближает американское общество с обществами первобытными, где с нравственной точки зрения было бы абсурдно не соблюдать правил, установленных коллективом". Такой конформизм оказывается "следствием пакта, заключенного на уровне нравов, совокупности правил и норм, предполагающих в качестве принципа функционирования почти добровольное согласие, тогда как в Европе распространилось чуть ли не ритуальное неподчинение собственной системе ценностей". Согласно Бодрийару, "гарсон из сартровского кафе ... изображает свободу и равенство с нами, ничего этого не имея. Отсюда несчастная надуманность его поведения, свойственная у нас почти всем социальным классам. Этот вопрос о равенстве нравов, свободе нравов не только не был никогда разрешен, но даже не был по-настоящему поставлен в нашей культуре [...] В Америке ... люди почти естественно забывают о разнице положений, отношения строятся легко и свободно". Европейская культура – культура "переуплотненности", американская культура – демократическая культура пространства. Движение – естественное занятие для американца, природа – граница и место действия. По мысли Бодрийара, "в этом нет ничего от вялого романтизма и галло-романского покоя, из которого состоит наш досуг". Отпуск стандартного француза суть "деморализующая атмосфера свободного времени, вырванного у государства, потребляемого с плебейской радостью и показной заботой о честно заработанном досуге. В Америке свобода не имеет статичного или негативного определения, ее определение пространственное и мобильное". Осмысливая в этом контексте специфику американской демократии, Бодрийар отмечает: "... свобода и равенство, так же, как непринужденность и благородство манер, существуют только как изначально данные. В этом и есть демократическая сенсация: равенство дается в начале, а не в конце ... *Демократы требуют, чтобы граждане были равны на старте, эгалитаристы настаивают, чтобы все были равны на финише*". Америка есть реализованная антиутопия: антиутопия безрассудства, детерриторизации, неопределенности субъекта и языка, нейтрализации всех ценностей, конца культуры. Согласно Бодрийару, "тайна американской реальности превосходит наши вымыслы и наши интерпретации [...] В этом смысле вся Америка представляет собой для нас пустыню". Культура здесь "приносит в жертву интеллект и любую эстетику, буквально вписывая их в реальное". Нового в Америке – шок первого уровня (примитивного и дикого) и третьего типа (абсолютный симулякр). Европе это трудно понять, ибо она, констатирует Бодрийар, всегда предпочитала второй уровень – уровень рефлексии, раздвоения, несчастного сознания. Безжизненный и завораживающий Новый Свет девальвировал все европейские ценности, для Старого Света Америка – "страна без надежды".

А.А. Грицанов, О.А. Грицанов

АНАЛИЗ ДАННЫХ – область математики и информатики, занимающаяся построением и исследованием наиболее общих математических методов и вычислительных алгоритмов извлечения знаний из экспериментальных (в широком смысле) данных.

В социологии А.Д. применяется в основном к анализу данных опросов. Первоначально А.Д. практически сводился к прикладным разделам математической статистики, поскольку объектом анализа являлись в основном случайные выборки из тех или иных совокупностей, называемых генеральными, что и составляет предмет математической статистики. Прикладная математическая статистика и в настоящее время представляет собой наиболее обширный раздел А.Д. Вместе с тем необходимость исследования больших массивов данных, не являющихся случайными выборками, – например, содержимого баз данных и данных в сети Интернет – привели к созданию других подходов, из которых в первую очередь следует отметить так называемый Data Mining (DM), что может быть переведено как "раскапывание данных" (в русскоязычной литературе термин обычно используется без перевода). DM в настоящее время несколько эклектичен по набору используемых методов и представляет собой скорее некоторую идеологию. Разницу между математической статистикой и DM можно проиллюстрировать следующим образом. Если типичной задачей математической сатистики является задача "найти зависимость между заданными переменными", то для DM характерны задачи типа "найти переменные, между которыми существует достаточно хорошо выраженная зависимость". DM находится в стадии интенсивного развития как в плане расширения арсенала используемых методов, так и углубления концепции, что в перспективе может привести к цельной системе методов, различающихся по шкале "направленный анализ – поисковый анализ". Однако и на нынешнем этапе развития DM может успешно применяться в социологии. Имеются и принципиально иные разделы А.Д., пока еще в социологии практически не используемые, – например, математическая морфология, связывающая методы количественного анализа и визуального представления данных, или теория интерпретации эксперимента, которая сближает традиционный А.Д. и моделирование математическое (см.).

Н.Н. Леонов

АНАЛИЗ ДАННЫХ ВТОРИЧНЫЙ – вид исследования, в котором повторно анализируются данные, собранные и,

как правило, опубликованные ранее или/и другими исследователями. Результатом А.Д.В. могут быть любые интерпретации, выводы и заключения, отличающиеся от тех, которые были получены и опубликованы авторами. В некоторых научных дисциплинах, например экономике или демографии, А.Д.В. является основным методом исследования. Основным источником данных для таких наук является, например, официальная статистика. Использование вторичного анализа в социологии ограничивается, прежде всего, правами собственности на собранные данные. Открытие крупных банков социологических данных во многих странах создает хорошие перспективы для А.Д.В. в социологии.

О.В. Терещенко

АНАЛИЗ ДИСКРИМИНАНТНЫЙ – группа методов многомерной статистики, предназначенных для 1) описания различий между классами и 2) классификации объектов, не входивших в первоначальную выборку обучающую (**см.**). Переменные (**см.**), используемые в А.Д., называются дискриминантными.

Для решения первой задачи строится пространство канонических дискриминантных функций, которые позволяют с максимальной эффективностью "разделить" классы. Для того чтобы разделить k классов, требуется не более $(k-1)$ канонических дискриминантных функций (например, для разделения двух классов достаточно одной функции, для разделения трех классов – двух функций и т.д.). Канонические дискриминантные функции можно рассматривать как аналог регрессии, построенной для целей классификации; дискриминантные (исходные) переменные являются в них переменными независимыми (**см.**). Для измерения абсолютного и относительного вклада дискриминантных переменных в разделение классов используются нестандартизированные и стандартизированные коэффициенты канонических функций.

В пространстве канонических дискриминантных функций можно также решать задачу классификации объектов, не принадлежавших к первоначальной выборке. Для этого вычисляются расстояния от каждого "нового" объекта до геометрического "центра" каждого класса. Могут учитываться априорные вероятности принадлежности к классам, а также цена ошибок классификации.

Альтернативным подходом к классификации объектов является вычисление классифицирующих функций Фишера – по одной для каждого класса. Эти функции также можно рассматривать как аналог регрессионных уравнений с "независимыми" дискриминантными переменными. Объект относится к тому классу, для которого вычисленное значение классифицирующей функции является максимальным.

Первоначальная выборка, для каждого объекта из которой априорно известна классовая принадлежность и на основе которой строятся как классифицирующие, так и канонические дискриминантные функции, называется обучающей. По ней же оценивается эффективность решающих процедур. Для этого строится специальная классификационная матрица, которая показывает, к какому классу объект принадлежал априорно и в какой класс был классифицирован с помощью канонических дискриминантных или классифицирующих функций.

Метод А.Д. предъявляет к данным довольно строгие требования. В модели должно быть не менее двух классов, в каждом классе – не менее двух объектов из обучающей выборки, число дискриминантных переменных не должно превосходить объем обучающей выборки за вычетом двух объектов. Дискриминантные переменные должны быть количественными и линейно независимыми (не должны коррелировать друг с другом). Выполнение этих требований проконтролировать достаточно легко. Для каждого класса требуется также приблизительное равенство матриц ковариации и многомерная нормальность распределения. Нарушение последнего требования может привести к ошибкам классификации в "пограничных" зонах, где вероятности принадлежности объекта к двум или нескольким классам приблизительно равны.

О.В. Терещенко

АНАЛИЗ ДИСКУРСА (дискурс-анализ) – совокупность методик и техник интерпретации различного рода текстов или высказываний как продуктов речевой деятельности, осуществляемой в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях. Тематическую, предметную и методическую специфику таких исследований призвано подчеркнуть само понятие дискурса, под которым понимается социально обусловленная и культурно закрепленная система рационально организованных правил словоупотребления и взаимоотношения отдельных высказываний в структуре речевой деятельности (см. **Дискурс**). Такое понимание дискурса отталкивается от определения, данного Ван Дейком (**см.**): "В широком смысле дискурс является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта".

А.Д. как самостоятельная научная дисциплина или, по крайней мере, автономная отрасль научного знания, зародился в 1960-е во Франции в результате соединения лингвистики, марксизма и психоанализа в рамках общих тенденций развития структуралистской идеологии. В работах основоположников этого направления Э.Бенвениста, Л. Альтюссера (**см.**), Р. Якобсона, Р. Барта (**см.**), Ж. Лакана (**см.**) и др. продолжалось предложенное Ф. де Соссюром разделение языка и речи при попытке соединения их с теорией речевых актов, лингвистикой устной речи, когнитивной прагматикой текста и т.д. Формально "А.Д." – это перенос во французский контекст термина "discourse analysis", обозначавшего метод, применяемый американским лингвистом З. Харрисом для распространения дистрибутивного подхода на изучение сверхфразовых языковых единиц. В дальнейшем А.Д. стремился создать такую технику интерпретации, которая выявляла бы социокультурные (идеологические, политические, религиозные и пр.) предпосылки организации речевой деятельности, присутствующие в текстах различных высказываний и проявляющиеся как их скрытая или явная ангажированность. Это и стало про-

граммным ориентиром и общей целью дальнейшего развития данного научного направления.

Работы этих ученых инициировали появление различных исследований и целой отрасли знания, которую принято обозначать как "школу А.Д.". Она сформировалась на теоретической основе "критической лингвистики", которая возникла на рубеже 1960-1970-х и трактовала речевую деятельность прежде всего с точки зрения ее социальной значимости. Согласно этой теории, высказывания являются результатом деятельности коммуникантов (говорящих и пишущих) в конкретной общественной ситуации; отношения субъектов речи обычно отображают различные типы социальных отношений (зависимостей и взаимозависимостей); средства коммуникации на любом уровне их функционирования социально обусловлены, поэтому соотнесенность содержания и формы высказываний не произвольна, но всегда мотивирована речевой ситуацией. В результате большинство исследователей все чаще обращается к понятию дискурса (от лат. "discursus" – рассуждение), определяемого как цельный и связный текст, актуализация которого детерминирована различными социокультурными факторами. При этом для исследования контекста социальной коммуникации важно, что в дискурсе отражены не только языковые формы высказываний, но содержится и оценочная информация, личностные и социальные характеристики коммуникантов, их "фоновые" знания, имплицируются коммуникативные намерения и определяется социокультурная ситуация. При этом А.Д. ориентирован прежде всего на изучение лингвистического уровня в структуре социальной коммуникации как доминирующего на протяжении всего исторического развития общества и культуры. И хотя на современном этапе он все более активно замещается паралингвистическим и особенно синтетическим уровнями коммуникации, опирающимися на невербальные средства передачи информации, его роль все еще достаточно велика и значима для всех типов социального взаимодействия, поскольку зачастую нормы и стандарты гутенберговской эпохи письменной культуры проецируются и переносятся на ситуацию "после Гутенберга".

А.Д. позволяет выделить не только существенные характеристики социальной коммуникации, но и второстепенные, содержательные и формальные показатели (например, тенденции в вариативности речевых формул или построении высказываний). В этом неоспоримое преимущество данного подхода, поэтому методы моделирования дискурса, обоснование его компонентов и изучение его структуры как целостной коммуникативной единицы активно используются различными исследователями. Например, М. Холлидей создает модель дискурса, в которой взаимодействуют три структурных компонента: смысловое (тематическое) поле, тональность (регистр) и способы реализации дискурса. Эти компоненты получают формальное выражение в речи и могут служить объективным основанием для выделения содержательных особенностей коммуникации, которые обусловлены социальным контекстом на фоне властных отношений адресата и адресанта. Также некоторые методы А.Д. используются в самых различных исследованиях при рассмотрении конкретных текстов высказываний социальных агентов в процессе коммуникации. А.Д. как целостной, социально обусловленной единицы коммуникации, а также понимание взаимосвязи различных типов дискурсов (научного, политического, идеологического и пр.) выявляет перспективу создания общей теории социальной коммуникации. Но ей должна предшествовать разработка ситуационных моделей, отражающих степень воздействия социокультурных факторов на процесс коммуникации. В настоящий момент эта проблема находится в центре внимания работы многих исследовательских групп и научных центров.

С 1960-х по 1990-е это направление исследований испытало на себе влияние всех господствующих в различные периоды истории науки *парадигм*: критической, интерпретативной, позитивистской (структуралистской) и постмодернистской (постструктуралистской). Соответственно в зависимости от влияния господствовавшей на тот или иной момент парадигмы в рамках А.Д. на передний план выдвигались то идеологические и прагматические разработки, то лингвистические (текстологические) и статистические методы, провозглашалась необходимость ограничения границами отдельного текста либо его "размыкания" в социокультурный контекст (интердискурс). В настоящее время А.Д. воспринимается как междисциплинарный подход, оформившийся на стыке социолингвистики и лингвокультурологии, но впитавший в себя приемы и методы различных наук гуманитарного профиля: риторики, языкознания, философии, психологии, политологии, социологии и т.п. Поэтому вполне допустимо выделить соответствующие подходы в качестве магистральных стратегий исследований, осуществляемых в рамках А.Д., например, психологические (когнитивные, культурно-исторические и т.д.), лингвистические (грамматические, текстологические, стилистические и пр.), семиотические (семантические, синтаксические, прагматические), философские (структуралистские, постструктуралистские, деконструктивистские), логические (аргументативные и аналитические), информационно-коммуникативные, риторические и т.п.

С точки зрения этнокультурных (региональных) предпочтений в истории становления и развития теории дискурса можно выделить следующие школы и традиции, а также их основных представителей: французская структурно-семиологическая (Барт, Тодоров, Греймас, Серио, Пешё); германская лингвистическая (Мерингер, Шухарт); голландская когнитивно-прагматическая (Ван Дейк); английская логико-аналитическая (Остин, Серль, Куайн) и социолингвистическая (Гилберт, Малкей). В различных традициях, представленных в том числе и данными школами, предпринимаются попытки смоделировать множество теоретических и практических аспектов функционирования дискурса в процессах социальной коммуникации. И тогда главная проблема заключается не в том, как разработать наиболее точную, объективную и исчерпывающую методику исследований в рамках А.Д., но как согласовать между собой множество подобных разработок. Основные подходы в рамках коммуникативного моделирования дискурса связаны главным образом с обобщенным представлением о структуре его концептуальной организации. Она рассматривается в качестве механизма ор-

ганизации наших знаний об окружающем мире, их упорядочения и систематизации, регулирования нашего поведения в определенных ситуациях (в процессе труда, отдыха, игры, ритуала и т.д.), создания социальной ориентации участников коммуникации, функционирования основных компонентов дискурса в адекватной интерпретации информации и поведении людей. Здесь познавательный аспект дискурсивных практик смыкается с прагматическим аспектом, где важную роль играют социальные условия взаимодействия коммуникантов.

С учетом этих аспектов создавались такие аналитические модели дискурса, как "ментальная модель" (Ф. Джонсон-Лэрд), представляющая обобщенную схему наших знаний об окружающем мире; разработана модель "фреймов" (М. Мински, Ч. Филмор) как схема организации представлений о различных способах поведения в типовых ситуациях, а также модель "скриптов" (сценариев) (Р. Шенк, Р. Абелсон), предусматривающая развитие и изменение таких типовых ситуаций и их корректировку. Для изучения коммуникативных аспектов функционирования дискурса применяется "ситуационная модель" Т.А. ван Дейка, сочетающая принципы анализа социальных категорий, определяющих наши представления и поступки в социальном контексте с личностным знанием субъекта (оценки, мнения, установки), а также социосемиотический подход М.А. Холлидея и его "полевая модель" дискурса, объединяющая эмпирический, логический, межличностный и контекстуальный уровни анализа.

В итоге на данный момент основные стратегии и тактики в рамках А.Д. предстают в виде разнообразных междисциплинарных исследований, для которых характерно многообразие как способов постановки проблем интерпретации, так и их решения в плане трактовки содержания текстов: от простых, экстенсивных (манифестирующих) до дискриптивных, интерпретативных (латентных). При этом в границах данного проблемного поля предполагается возможность соотнесения друг с другом таких качественных методик изучения текста, как структурный, семиотический (семиологический), системный, символический (мифологический) анализ; анализ социальных индикаторов и наррации (линии) ключевых слов; социально-ролевой, риторический, перформативный, жанровый, речедеятельностный, психоаналитический, критический, исторический, культурологический, интертекстуальный, феноменологический типы анализа; контент- и интент-анализ; анализ коммуникативных стратегий и свободных ассоциаций; прагма-, психо-, социо-, этно-, когнитивно-лингвистический анализ.

Для того, чтобы попытаться сопоставить и скоординировать эти методы и подходы, необходимы интегративные исследовательские программы – новые методики, использующие общие категории различных подходов, отобранных на основе принципов взаимодополнительности и верификативности в единых метатеоретических рамках и концептуальных установках А.Д. Обобщить и сгруппировать эти разнообразные направления представляется возможным в виде трех основных групп, объединенных по принципу своего отношения к анализу отдельных высказываний как *текстов*. И тогда можно выделить: 1) текстуальный подход как сознательно ограничивающий свои исследовательские интересы рамками одного отдельно взятого текста как изолированного, автономного речевого образования; 2) интер- или гипертекстуальный подход, пытающийся выявить и проанализировать смысловые взаимосвязи (цитаты, ссылки, аллюзии, реминисценции) между самыми различными текстами; 3) контекстуальный подход, рассматривающий любое высказывание (текст) как продукт деятельности социальных агентов, всегда включенных в социальные взаимодействия и структуры, конкретную политическую и культурно-историческую ситуацию.

В рамках первого из указанных направлений, которое исторически сложилось раньше всех остальных, акцент ставится на рассмотрении прежде всего отдельно взятой единицы анализа, в качестве которой могут выступать слово, предложение, фраза, фрагмент текста или весь текст в целом. При этом считается, что тексты сообщений следует анализировать на различных уровнях описания прежде всего с точки зрения их собственной структурной организации, когда в центре внимания исследователя всегда находится прежде всего сам текст и многообразие вариантов его интерпретации, осуществляемых с различных позиций. При этом данные позиции (точнее, "следы" их присутствия) всегда "проявляют" или "обнаруживают" себя, будучи помещены изначально как бы "внутри" смыслового пространства текста. Классические образцы такого рода анализа представлены в работах русских формалистов (Шкловский, Тынянов, Эйхенбаум, Томашевский) и французских структуралистов (Барт, Леви-Стросс, Тодоров, Греймас, Бремон), вдохновленных исследованием морфологии русской сказки В. Проппа.

Напротив, сторонники второго подхода, который можно обозначить как интертекстуальный и к которому относятся представители французской школы анализа дискурса постструктуралистского периода (Кристева, Деррида, Серио, Пешё, Апри, Робен) стремятся выявить и проанализировать указанные позиции в качестве возможных вариантов интерпретации текста (высказывания) всегда как бы "извне", т.е. в процессе сопоставления и сравнения с другими текстами или высказываниями. При этом считается, что именно в пространстве интертекстуального взаимодействия осуществляются самые разные стратегии чтения и понимания текстов, в результате чего и становятся возможны различные варианты их интерпретации. В итоге в рамках данного направления становятся возможны два пути исследований. Первый ориентируется на поиски системы устойчивых значений, инвариантов смысла, присущих всем рассматриваемым текстам, что позволяет решить проблему их переводимости и взаимопонимания. Второй путь, напротив, подчеркивает специфику и своеобразие каждого текста и в каком-то смысле его уникальность, поскольку "все течет, все меняется", а потому даже одно и то же выражение "не может быть повторено дважды", т.к. постоянно изменяются контексты его порождения и восприятия (понимания).

Такой путь закономерно приводит к третьему из указанных подходов, который можно обозначить как контекстуальный. В рамках данного направления принято считать, что текст вплетен в некую "паутину значений" – сеть, "сотканную

ную" и автором, и адресатом, а также обществом и культурой, в которых и стало возможным общение между ними. В тексте и его интерпретациях обнаруживается сама история, поскольку любые высказывания, дискурсы и "дискурсивные комплексы" приобретают определенный смысл только в конкретной исторической ситуации. Поэтому "паутину значений" можно понимать как культуру или "систему смыслов", которые ориентируют человеческие существа по отношению друг к другу и окружающему миру (К. Гирц). Этот уровень интерпретации сопряжен с тем, что именно текст представляет, репрезентирует, воспроизводит, на что указывает и что называет. Это то, что принято называть "референтом" или "денотатом" высказывания и что открывает нам социальные отношения, в контексте которых происходит коммуникация субъектов, а также различные культурные коды, которые можно выделить в их речи. К числу представителей данного направления можно отнести британских социологов М. Малкея и Дж. Гилберта, осуществляющих дискурсивный анализ высказываний ученых преимущественно в естественнонаучных кругах. Их работы посвящены относительно мало изученным сторонам научной деятельности и позволяют проанализировать социокультурные, институциональные, коммуникативные и личностные аспекты познания. В этом же русле работает и уже упоминавшийся голландский исследовать Т.А. ван Дейк, который создал ситуационную модель А.Д., рассматривая процессы коммуникативных взаимодействий не как жестко алгоритмическую, но как гибкую стратегическую процедуру. Отталкиваясь от разработок в области грамматики текста, прагматики дискурса и когнитивного моделирования коммуникации, Ван Дейк исследует специфику функционирования языка в СМИ с учетом таких социальных факторов, как мнения, установки говорящего и слушающего, их социальный статус, этническая принадлежность и т.д. Как подчеркивает исследователь, "анализ дискурса не следует ограничивать структурами текстов или диалогов. Когда дискурсы получают определения как единицы вербального общения или как коммуникативные явления, к их реальной обработке или использованию в социальных и коммуникативных аспектах следует обращаться с позиций целостного, интегрированного подхода" (Ван Дейк).

Общая методика А.Д. всегда воспроизводит модель качественного содержательного анализа, которая в отличие от формально-количественных методик (например, контент-анализа) способна выявить не только явно присутствующие и отчетливо фиксируемые текстовые данные, но и скрытые, латентные смыслы сообщения. Обобщенная модель качественного содержательного А.Д. складывается из следующих пошаговых стратегий исследования: фиксация изучаемого материала; выделение его формальных характеристик; обозначение контекста как коммуникативной ситуации; выбор направления и стратегии анализа; теоретическое дифференцирование и структурирование этапов исследования; определение техники и средств анализа при использовании конкретной модели исследования; дефиниции единиц анализа; проверка системы категорий в теории и на эмпирическом материале; осуществление основных этапов исследования (дескрипция, реконструкция, интерпретация); фиксация результатов исследования, их обобщение, истолкование и структурирование. Методическая схема А.Д. близка по логике к другим формам содержательного анализа и выстраивается по следующим этапам: определение цели исследования; обеспечение выборки (отбор единиц анализа); сбор материалов и документов (методами опроса, интервью, сканирования и т.д.); фиксация основных показателей речевого материала; транскрибирование (расшифровка) полученных данных; выявление их основных параметров; перекодировка в соответствии с системой принятых категорий; реконструкция смысла полученных сообщений; анализ обработанных данных, их обобщение и систематизация; общий отчет и выводы. Программа эмпирических исследований в рамках А.Д. выглядит как ряд последовательно задаваемых вопросов и выполняемых задач: как сформировался данный тип дискурса; какие изменения фиксируются в нем за определенный период времени; к какой аудитории он обращен и в каких социальных сферах задействован; какие явные и скрытые сюжеты, жанры и сценарии (когнитивные схемы, идеологические программы, моральные оценки) в нем реализуются; какие риторические, логические и эстетические средства для этого используются; в чем проявляется специфика выразительных средств сообщения; кто является их носителем (производителем речевой практики); в каких отношениях с другими дискурсами (возможно, конкурирующими) они находятся; насколько успешен (эффективен) данный тип дискурса и какова сила его влияния на аудиторию. Такова обобщенная формальная модель (схема) реализации методической программы исследований в рамках А.Д., на разных этапах и стадиях которой в зависимости от конкретной ситуации могут быть задействованы и использованы самые различные подходы и методы, дополняющие и корректирующие друг друга.

А.Я. Сарна

АНАЛИЗ ДИСПЕРСИОННЫЙ (ANOVA) – статистический метод, предназначенный для исследования причинной связи между переменной зависимой (**см.**) и одной или несколькими независимыми переменными (факторами). По числу независимых переменных, различают однофакторный А.Д., двухфакторный А.Д. и т.д. (не путать с **Анализом факторным**!) Зависимая переменная может быть только количественной, в то время как независимые переменные могут быть представлены номинальными, порядковыми или количественными шкалами (последние должны быть дискретными или сгруппированными в интервалы).

Первоначально А.Д. был разработан для обработки данных, полученных в ходе специально поставленных экспериментов (**см.**), и считался единственным методом, корректно исследующим причинные связи. Однако в последние годы, вследствие общей либерализации взглядов на природу статистического анализа, он применяется также к данным, собранным в результате выборочных обследований, если численность выделяемых групп не слишком велика.

В основе метода лежит сравнение средних значений зависимой переменной для групп, образованных комбинациями

факторов (сами значения факторов не рассматриваются). Это обстоятельство позволяет некоторым авторам рассматривать А.Д. как обобщение t-критерия Стьюдента, предназначенного для сравнения средних значений переменной в двух группах. В А.Д. все различия в значениях зависимой переменной (y) объясняются двумя причинами: ее "собственной" или "естественной" изменчивостью, а также изменчивостью, вызванной влиянием независимых переменных, которые в данном случае называются факторами (см. **Дисперсия объясненная**). Соответственно сумма квадратов (см.) зависимой переменной $SS_{общая} = \Sigma(y_{ij} - \overline{y})^2$, где j – номер группы, к которой принадлежит объект с номером i, может быть разложена на две составляющие, одна из которых отражает собственную изменчивость y, а вторая – изменчивость, вызванную влиянием факторов:

$$SS_{общая} = SS_{внутригрупповая} + SS_{межгрупповая}.$$

Внутригрупповая сумма квадратов

$$SS_{внутригрупповая} = \Sigma\left(y_{ij} - \overline{y}_j\right)^2,$$

где $\overline{y}_j$ – среднее арифметическое (см.) переменной y для группы j, в которую входит объект с номером i, рассчитывается внутри групп, образованных факторами, и измеряет степень разброса зависимой переменной в однородных условиях. Межгрупповая сумма квадратов $(SS_{межгрупповая})$ рассчитывается для средних значений y в разных группах и отражает различия, вызванные влиянием факторов.

Модель однофакторного А.Д. предполагает, что среднее значение зависимой переменной y в группе с номером j $(\overline{y}_j)$ зависит, во-первых, от среднего значения $\overline{y}$ по всей совокупности и, во-вторых, от эффекта j-го значения фактора x_j, который обозначается α_j: $\overline{y}_j = \overline{y} + \alpha_j$. Если фактор x не влияет на зависимую переменную y, то все $\alpha_j = 0$ и, следовательно, все $\overline{y}_j = \overline{y}$, т.е. не отличаются друг от друга. Проверка гипотезы о влиянии фактора на зависимую переменную сводится к проверке нулевой гипотезы (см.) о том, что все α_j равны нулю ($H_0 : \alpha_j = 0$ для всех значений j), означающей также, что все групповые средние равны друг другу, против альтернативной гипотезы, состоящей в том, что хотя бы для некоторых значений фактора x_j эффекты α_j отличны от нуля ($H_1 : \alpha_j \neq 0$ хотя бы для некоторых j). Принятие нулевой гипотезы означает признание независимости переменной y от фактора x; ее отклонение (и, соответственно, принятие альтернативной гипотезы) может служить подтверждением исследуемой причинной зависимости.

Результаты однофакторного А.Д. представляются в виде стандартной таблицы, известной как таблица А.Д. (См. **Таблицу 1** на стр. 1291.)

Если H_0 верна, то F-отношение имеет распределение Фишера с $df_{межгр} = k - 1$ и $df_{внутр} = n - k$ степенями свободы (см.). Нулевая гипотеза должна быть отклонена, если вычисленное значение F превысит критическое значение $F_{1-\alpha}$, где α – заданный уровень значимости (см.).

Многофакторный А.Д. концептуально не отличается от однофакторного. В двух- и многофакторных моделях проверяется ряд гипотез о влиянии на зависимую переменную каждого отдельно взятого фактора, а также их всевозможных сочетаний, что математически выражается в гипотезах о равенстве нулю прямых эффектов факторов и эффектов их взаимодействия. Для проверки таких гипотез межгрупповая сумма квадратов $(SS_{межгрупповая})$, представляющая вариацию зависимой переменной под общим влиянием всех факторов, делится на более мелкие составляющие, каждая из которых представляет прямой эффект одного из факторов или один из эффектов взаимодействия.

А.Д. не позволяет судить о том, как именно влияют факторы на значение зависимой переменной, т.е. в каких конкретно группах средние достоверно различаются. Для проверки конкретных гипотез о характере таких различий используются метод парных сравнений (см.) и методы множественных сравнений (см.).

О.В. Терещенко

АНАЛИЗ ДОКУМЕНТОВ – совокупность методических приемов и процедур, применяемых для извлечения из документальных источников социологической информации при изучении социальных процессов и явлений для решения определенных исследовательских задач.

Во всех современных обществах одним из важнейших средств оформления, фиксации, сохранения, передачи информации, обмена ею являются документы. Для отдельного человека – это свидетельство о рождении, паспорт, удостоверение личности, аттестат зрелости, диплом о высшем образовании и т.п. Для семьи – это свидетельство о бракосочетании. Для университета или исследовательского института – это его устав. Для политической партии – ее программа и устав, для государства – это Конституция страны и ее законы.

В своем отношении к документам социология исходит из того, что они представляют собой важный источник социальной информации, и вместе с тем результат осмысления и определенного оформления знаний об определенной сфере, социальной структуре или ячейке общества, об их отношениях к другим структурам, сферам и ячейкам. А.Д. позволяет социологу выявить определенные особенности, свойства и взаимосвязи тех или иных социальных явлений и процессов, специфику включения в них различных индивидов, групп и общностей, распознать нормы, ценности, идеалы, которыми руководствуются на различных этапах развития общества и в различных социальных ситуациях, проследить динамику развития тех или иных социальных слоев и групп, их взаимоотношений друг с другом, а также с государством, культурой, религией, политическими партиями и т.п., выявить основные тенденции и пропорции социального развития.

Круг документов, содержащих в себе интересующую социолога информацию, настолько широк и настолько информативен вследствие чрезвычайной широты и разнообразия отображаемых в них различных сторон социальной действительности, что практически любое конкретное социологическое исследование должно начинаться с анализа существующих по исследуемой проблеме документов. В частности, не рекомендуется начинать на пилотажное, ни тем более полевое

исследование, не изучив предварительно официальные статистические данные – отчеты и публикации Госкомстата, данные ведомственной статистики, отчеты, решения коллегий, приказы и распоряжения соответствующих государственных органов – законодательства, принимаемого парламентом, указов президента, решений и распоряжений министерств, публикаций в средствах массовой информации.

Но для того, чтобы огромный и разнообразный массив документации можно было успешно и эффективно использовать в целях извлечения из нее необходимой социологам информации, документы следует классифицировать. Такая классификация осуществляется по целому ряду оснований.

По *общей значимости* документы обычно делятся на: 1) *официальные* (законы, указы, декларации, распоряжения и т.п.); 2) *неофициальные* (личные заявления, письма, жалобы, дневники, семейные альбомы и др.).

По *форме изложения* документы подразделяются на: 1) *статистические* (статистические отчеты, сборники статистических материалов, содержащие экономические и социальные показатели развития страны, динамику рождаемости, смертности, материального благосостояния населения, его образовательного уровня и т.п.); 2) *вербальные*, т.е. такие, в которых информация воплощена в словесно выраженной форме (письма, пресса, книги и т.п.).

По *способу фиксации информации* выделяются следующие разновидности документов: 1) *письменные документы*, в которых информация изложена в форме буквенного изображения (рукописи, книги, сообщения прессы, различного рода документальные свидетельства – о рождении, о служебной должности, о праве на владение имуществом и т.п.); 2) *иконографические документы*, воспринимаемые визуально (иконы, картины, кино- и фотодокументы, видеозаписи); 3) *фонетические*, т.е. ориентированные на слуховое восприятие (грампластинки, магнитофонные записи, лазерные диски и др.).

По *критерию авторства* документы делятся на: 1) *индивидуальные*, созданные одним автором (письмо, заявление, жалоба); 2) *коллективные*, созданные несколькими авторами или группой людей (обращение к депутатам, правительству или населению страны, декларация о намерениях группы, партии, движения и т.п.).

Документы могут стать источником получения необходимых сведений об изучаемом объекте только тогда, когда социологами оценена *надежность* имеющейся в их распоряжении документальной информации. При оценке надежности документальных данных необходимо учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, официальные документы как правило, более надежные, чем неофициальные. Во-вторых, личные документы (характеристики, карточки индивидуального учета, анкеты и др.) обладают большей степенью надежности, чем безличные (данные прессы, протоколы собраний, заседаний и др.). В-третьих, повышенной надежностью обладают документы юридического характера (постановление суда, нотариально заверенные данные и др.), а также те документы, которые подвергаются финансовому контролю (сведения об изготовленной продукции, о заработной плате и т.п.). В-четвертых, необходимо учитывать, что некоторые личные документы – автобиографии, воспоминания и др. – имеют тенденциозный характер и в силу этого позволяют оценить некоторые личностные качества их авторов – одаренность, скромность либо самовлюбленность, заносчивость и т.п.

Важнейшим источником социологической информации являются документы, специально созданные для целей исследования: анкеты, опросные листы, бланки интервью, тесты, протоколы наблюдений, данные контент-анализа, выраженные в форме отчета.

Многообразие документов, их содержания, направленности, видов, форм и т.п. порождает и разнообразие их использования в социологии, причем формулирование такого использования в значительной степени определяется не только целями и задачами исследования, но и особенностями изучаемого объекта.

Если объектом исследования становится крупная социально-экономическая проблема, например активизация экономического поведения населения страны, то важными источниками социологической информации становятся официальные документы, содержащие требуемые сведения – принятые парламентом законы о предпринимательстве, труде, заработной плате, социальном страховании, указы президента, данные государственной и ведомственной статистики, публикации в прессе. Если же исследуются ценностные ориентации молодежи, то наряду с названными видами документов значительно большее значение приобретают ответы респондентов (опрашиваемых молодых людей) на вопросы социологических анкет, а также экспертов, полученные в процессе проведения стандартизированного интервью, данные полученные и помощью и тестирования и личных документов – писем, документов и т.п.

Таким образом, при исследовании различных социальных процессов и явлений и при решении различных исследовательских задач требуется подбирать именно такие документы, которые глубже, полнее и точнее выражают сущность и особенности исследуемого объекта и в наибольшей степени соответствует решаемой социологами исследовательской задаче.

Многообразие видов документов по-разному используется в социологических исследованиях, однако существуют два основных метода А.Д. Один из них *традиционный*, классический, а второй – *формализованный*, или, как его чаще всего называют, *контент-анализ* (от англ. content-analysis – анализ содержания).

Традиционный А.Д. представляет собой совокупность определенных логических построений, направленных на раскрытие основного содержания изучаемого материала. Дело в том, что в большинстве случаев интересующая социолога информация, содержащаяся в документе, присутствует в нем в неявном, скрытом виде, в форме, отвечающей целям, во имя которых документ был создан (статистический отчет, закон, информационное сообщение и т.п.), а это далеко не всегда совпадает с интересами и задачами социологического анализа. Традиционный А.Д. позволяет преобразовать первоначальную форму информации, содержащейся в документе, в ту форму, которая интересует исследователя. При этом необхо-

димо установить, кто является автором документа, с какими целями и в каком социальном контексте создавался данный документ? Каково соотношение фактов, отраженных в документе, с изучаемой социологами действительностью? Как отражаются на содержании документа взгляды, оценки, социальные и политические предпочтения автора, его статус и позиция? В поисках ответа на эти вопросы социолог, осуществляющий традиционный анализ документа, получает возможность проникнуть в глубинный смысл изучаемого документа, исчерпать его содержание и повернуть его в сторону, необходимую именно для данного конкретного исследования.

Традиционный А.Д. представляет собой самостоятельный, творческий процесс, который зависит от: 1) содержания, направленности самого документа; 2) условий, целей и задач проводимого исследования; 3) научной квалификации, богатства опыта и творческой интуиции исследователя (более квалифицированный и творчески мыслящий социолог сумеет извлечь из одного и того же документа гораздо более обширное и нужное для исследования содержание, чем менее квалифицированный и опытный, не обладающий творческим воображением.

Изложение особенности традиционного А.Д. показывает, что при всей его важности и значимости такой вид аналитической деятельности неотделим от личности исследователя, а потому и несет в себе возможность субъективной оценки и интерпретации изучаемого документа. Стремление избавиться от налета субъективности, вполне возможного при осуществлении традиционного анализа, привело к разработке существенно иного вида формализованного анализа документов, т.е. контент-анализа.

Применять *контент-анализ* начал еще в 1930-х известный социолог Г. Лассуэл в сфере политики и пропаганды, но широкое распространение он получил начиная с 1950-х, когда в США вышел фундаментальный труд Б. Берельсона "Контент-анализ в коммуникационных исследованиях". Этот вид А.Д. был ориентирован на извлечение социологической информации из больших массивов документальных источников, трудно поддающихся или вовсе не поддающихся традиционному интуитивному анализу. Он основан на выявлении определенной совокупности количественных, статистических характеристик текстов (или сообщений). При этом предполагается, что количественные характеристики содержания изучаемых массивов документов отражают некоторые существенные особенности изучаемых социальных явлений и процессов, например, тематика телепередач, время, отводимое для тех или иных тем телевизионными компаниями, отражают в той или иной степени интересы зрительской аудитории, информационную политику данного источника информации и существующие в обществе нормы их взаимодействия.

Процедура формализованного А.Д. заключается в выделении в изучаемом тексте определенных, интересующих исследователя элементов содержания, классификации выделенных элементов в соответствии с концептуальной схемой исследования, последующем их подсчете и количественном анализе. Контент-анализ основан на стандартизации процедур поиска, определении в содержании изучаемого документа единиц счета, в качестве каковых выступают отдельные слова (термины, имена политических деятелей, названия партий и движений, географические названия и т.п.), суждения, выраженные в форме предложений, абзацев, фрагментов текстов, оценки, точки зрения, аргументы, а также различные виды публикаций (по тематике, жанру, типам авторов и др.). Определение единиц счета зависит от целей исследования.

В социологических исследованиях используются два вида контент-анализа, различающиеся в зависимости от характера представления содержания текста: качественный и количественный. *Качественный* контент-анализ основа на использовании нечастотной модели содержания текста и позволяет выявить типы качественных характеристик содержания текста вне зависимости от частоты (т.е. количества) встречаемости каждого из этих типов. *Количественный* контент-анализ основан на использовании количественных мер, его задача – получить количественную характеристику содержания изучаемого текста.

Содержательным ядром контент-анализа выступает *логическая модель предмета анализа*, в которой взаимодействуют три элемента: 1) категориальная модель предмета анализа; 2) система единиц анализа; 3) меры (единицы) измерения.

Категориальная модель предмета анализа включает в себя параметры и категории анализа, отражающие признаки изучаемого объекта, их основные характеристики и аспекты, соответствующие целям и задачам социологического исследования. При этом параметры анализа соответствуют признаку объекта исследования, а категория анализа – значению данного признака. Например, в процедуре контент-анализа, проводимого социологом в рамках исследовательского проекта "Активизация экономического поведения различных групп населения Беларуси" одним из существующих параметров является тема "предпринимательство". А категориями контент-анализа данной темы в различных видах документов – в законах о развитии предпринимательства, статистических материалах, публикациях в прессе и т.п. – будут такие понятия, как "предприниматель", "средний бизнес", "малый бизнес", "рынок капиталов", "рынок товаров" и т.п.

Таким образом, параметр контент-анализа жестко задан проблемой и задачами исследования, а категории анализа более гибко приспособлены к тому процессу или явлению, которое предстоит анализировать, и тем задачам, которые придется решать в процессе исследования. Следовательно, каждый параметр контент-анализа может быть представлен в виде определенного набора, а еще лучше (особенно если необходимо учитывать характер взаимосвязей между различными аспектами изучаемого признака) в виде целостной системы категорий анализа. Взаимосвязь параметров и категорий контент-анализа, сведенных в определенным образом упорядоченную систему, предстает в качестве категориальной модели предмета анализа, т.е. исследуемого объекта социальной действительности.

Система единиц контент-анализа представляет собой определенным образом иерархизированную совокупность единиц анализа. В практике социологических исследований сложился определенный набор устойчивых, стандартных

единиц контент-анализа. К числу наиболее часто употребляемых из них относятся:

1) *Понятие*, выраженное отдельным словом, термином или сочетанием слов. В приводимом нами примере прикладного социологического проекта, посвященного исследованию активизации экономического поведения различных групп населения, такими смысловыми единицами являются "предприниматель", "наемный работник", "безработный", "рынок капиталов", "рынок товаров", "рынок труда", "мотивация экономического поведения", "стимулирующая роль заработной платы" и др.

2) *Тема*, выраженная в единичных суждениях, смысловых абзацах или целостных текстах. Выбор темы в качестве единицы контент-анализа подразумевает внутреннее разделение изучаемого текста на определенные части, являющиеся органическими единицами контекста, внутри которых тема может быть более или менее честно определена. Темой контент-анализа изучаемого текста может быть как общая тема социологического исследования, так и определенная ее часть, например проблема создания благоприятного правового пространства для развития малого и среднего бизнеса, являющаяся частью общей темы активизации экономического поведения.

3) *Персонаж* ("герой") некоего действия или отношений, отраженных в изучаемом тексте. В качестве такого персонажа, в зависимости от выделенной темы контент-анализа, может выступать предприниматель, менеджер, банковский служащий, президент страны или союза предпринимателей и т.п.

4) *Ситуация*, например экологическая ситуация, рассматриваемая в контексте отношений человека с окружающей средой, экстремальная ситуация, сложившаяся в районах Беларуси, пострадавших от Чернобыльской катастрофы и др.

5) *Действие*, осуществляемое отдельными индивидами или их группами, в пределах избранной для контент-анализа темы, например, действия предпринимателей, безработных или налоговой полиции.

Категории и единицы контент-анализа – это конструктивные объекты, содержание которых определяется в рамках конкретной области, избранной в качестве объекта прикладного социологического исследования.

Меры (единицы) измерения, применяемые в процедуре контент-анализа изучаемого текста, бывают обычно двух типов. Первый из них составляют *единицы протяженности*, располагаемые в координатной сети пространство – время. Примером таких единиц счета, применяемых в контент-анализе, могут служить съем текста в квартирных сантиметрах, либо в числе отведенных на него строк в печатном документе, а также количество минут, которые занимает эфирное время телевизионного сообщения. Единицей измерения может служить и появление искомого признака в тексте, а также частота такого появления. Именно последнее – частота появления искомого признака в тексте является самым распространенным в прикладных исследованиях способом измерения характеристик изучаемого содержания с точки зрения интересующего социолога объекта исследования.

Процедура социологического исследования, основанная на методике и технике контент-анализа, включает в себя ряд операций, осуществляемых в соответствии с тремя стандартными документами. Первый такой документ – *таблица контент-анализа*. Она содержит в себе набор параметров и категорий, применяемых в процессе осуществления контент-анализа определенного содержания различных типов. Второй документ – *инструкция кодировщика*. Она включает в себя описание единиц анализа и мер измерения (подсчета) выделяемых характеристик. Регистрация единиц анализа производится в специальных таблицах, составляющих кодированные карточки или матрицы. *Кодированная карточка* – это и есть третий стандартный документ для проведения контент-анализа. Она содержит все классификационные единицы анализа – параметры и категории, обозначаемые обычно определенным кодом. В этой кодировочной матрице каждый вертикальный столбец означает отдельный документ (присвоенный ему номер), а каждая горизонтальная строчка – классификационные единицы и меры измерения, выраженные в определенных кодах.

Наряду с названными документами в процедуре подсчета единиц контент-анализа применяются специальные формулы, в частности формула конфликта Яниса. Она предназначена для исчисления соотношения между благоприятными и неблагоприятными оценками, позициями, суждениями по интересующему исследователя вопросу. Например, при исследовании отношения населения Беларуси к возможности развития атомной энергетики выявились существенные расхождения как в позициях между экспертами и большинством населения по этой проблеме, так в оценках и в единицах возможных последствий принятия решения о сооружении ядерных энергетических установок. Когда в подобных случаях общее количество благоприятных оценок (единиц анализа) больше числа неблагоприятных, отрицательных, тогда коэффициент подсчитывается по формуле:

$$C^{+}=\frac{f^{2}\cdot f\cdot n}{z\cdot t},$$

где f – число положительных единиц анализа, n – число отрицательных единиц, z – объем содержания текста, имеющего прямое отношение к исчисляемой проблеме, t – общий объем текста.

В том случае, когда количество положительных оценок меньше, чем отрицательных, коэффициент исчисляется по формуле:

$$C^{-}=\frac{f\cdot n-n^{2}}{z\cdot t}.$$

В рассматриваемой формуле индекс C^{+} увеличивается в положительном направлении, когда растет число единиц положительного содержания, и уменьшается, если число сокращается. Аналогичным образом ведет себя и индекс C^{-}, только его увеличение или уменьшение предопределено обратным по знаку изменением числа единиц анализа.

Контент-анализ в социологическом исследовании обычно употребляется в тех случаях, когда исследователь сталкивается с большими текстовыми массивами, которые нуждаются в целенаправленном изучении. Чаще всего он используется при изучении сообщений, транслируемых на массовую аудиторию газетами, радио, телевидением.

Анализ больших текстовых массивов ставит перед исследователем проблему обеспечения репрезентативности результатов при отборе текстов, поэтому и при проведении этой процедуры осуществляется *метод выборки*, во многом аналогичный тому, который обстоятельно изложен в предыдущей главе. Отметим только, что в каждом конкретном социологическом исследовании, в котором применяется контент-анализ, вопрос о построении выборки (т.е. отбора источников информации и отбора необходимых для исследования документов) решается по-своему, в зависимости от особенностей объекта и целей исследования.

Важную роль при использовании контент-анализа играет установление *адекватности документов*. Она определяется как степень, в которой в изучаемом документе отражаются интересующие исследователя характеристики объекта, т.е. степень, в какой документ соответствует предмету исследования. Контент-анализ в процессе социологического исследования целесообразно дополнять другими методами исследования или же использовать его в качестве дополнительного метода, если основным методом исследования выступает какой-либо иной из социологических методов. Например, при проведении массовых опросов в некоторых случаях очень важно использовать контент-анализ открытых вопросов анкет и бланков интервью.

Как и всякое иное методическое средство контент-аналитические приемы и процедуры социологического исследования могут дать ожидаемый эффект только если они, во-первых, соответствуют целям и задачам изучения определенного социального процесса или явления и употребляются в свойственных им пределах, и, во-вторых, когда они проводятся квалифицированно, с соблюдением всех правил соответствующей процедуры, дополняясь в случае необходимости применением других методов конкретного социологического исследования.

Е.М. Бабосов

АНАЛИЗ ЕСТЕСТВЕННЫХ СОБЫТИЙ – одна из разновидностей *квазиэкспериментов*, т.е. экспериментов, в которых независимая переменная не изменяется, а *выбирается* из имеющихся случаев. Большинство исследований, которые включают А.Е.С., имеют структуру "А1 – В – А2", что значит "наблюдение-условие-наблюдение". Например, мы можем оценить отношение белорусов к интеграции с Россией до начала войны в Чечне (фаза А1) и после (фаза А2). Однако условие не находится под контролем экспериментатора и обычно имеет длительный эффект влияния. Если проходит достаточно много времени между наблюдениями, то у испытуемых может меняться возраст (при *интраиндивидуальной схеме* исследования), что грозит опасностью *смешения* возраста с интересующей нас переменной. Хотя возраст не оказывает на другие переменные непосредственного влияния, с возрастом связано лучшее знакомство с жизнью, увеличение способности решать проблемы, улучшение лингвистических навыков, биологическое взросление и т.д. Эти факторы, которые обычно называются взрослением, практически всегда вызывают смешение в исследованиях с естественными событиями.

Кроме того, в жизни людей случается множество событий, которые могут так или иначе повлиять на результаты исследования. Так как исследователь не может контролировать способ и место проведения эксперимента, испытуемые не изолированы от многочисленных посторонних влияний по сравнению с классическим экспериментом. Этот источник смешения называется *историей*.

История и взросление могут изменяться оба или по одному, прямо или обратно пропорционально интересующему нас событию или не изменяться вовсе. К тому же эти эффекты могут взаимодействовать между собой. Для того чтобы уменьшить влияние этих факторов на результаты исследования, исследователь должен более активно вмешиваться в квазиэксперимент. Можно, например, постараться найти *контрольную группу*. Тогда квазиэкспериментальная схема будет выглядеть следующим образом:

Время ⟶

Экспериментальная группа	Наблюдаемые результаты ⟵	Событие, затрагивающее группу ⟵	Наблюдаемые результаты
Контрольная группа	Наблюдаемые результаты ⟶	Отсутствие события ⟶	Наблюдаемые результаты

Такая схема часто называется схемой неэквивалентной контрольной группы. Использование схемы неэквивалентной контрольной группы несет дополнительную угрозу *внутренней валидности* исследования. Несмотря на то что она выглядит как обычная экспериментальная схема, на самом деле у исследователя нет непосредственного контроля над ситуацией. Так как случайного распределения испытуемых по группам не производилось, то нет гарантии, что испытуемые в группах не подобраны по какой-либо характеристике, которая и обусловила наблюдаемый эффект. Данную проблему называют проблемой предвзятого выбора. Кроме того, при А.Е.С. существует проблема применимости статистических критериев для анализа данных. Все вышесказанное не позволяет интерпретировать связи, установленные с помощью ex post facto анализа эффектов событий (например, стихийное бедствие, появление нового товара на рынке и т.д.), как причинные.

А.П. Репеко

АНАЛИЗ и СИНТЕЗ – термины, обозначающие: 1) методы научного познания, которые являются этапами гносеологического процесса формирования понятий (А., С., сравнение, абстрагирование, обобщение), 2) начальный и конечный

этапы научного исследования. А. (греч. analysis – разложение, расчленение) – мысленное структурирование исследуемого объекта на составные части, экстрагирование (выделение) их отдельных свойств, отношений с целью их изучения. А. и С. как противоположным процессам (или смысловым моделям) исторически предшествовал и соответствует риторический топ, или общая гносеологическая модель, "целое и часть". Специфика А. зависит от природы исследуемого объекта. В рамках каждого научного направления существует целый ряд особых познавательных задач и соответствующих им линий А.

В логике А. рассуждения предполагает отвлечение от содержания рассуждения и выявление его логической формы (схемы), воспроизведение схемы дедукции (запись или мысленное представление логической формы рассуждения), установление правильности или неправильности вывода. В теории коммуникации (см.) разработаны несколько видов А.: автоматический – извлечение данных, выражающих в однозначной и явной форме смысл текста; грамматический – определение грамматической категории и функциональной роли слова в предложении; независимый – анализ текста, осуществляемый в терминах языка-посредника и др.

По способу осуществления различают: 1) возвратный (регрессивный) А., предполагающий при исследовании фактов переход к А. возможных причин, породивших эти факты. Например, особый характер рентгеновского излучения, поступающего из созвездия Лебедя, позволяет предположить, что источником данного излучения является черная дыра; 2) поступательный (прогрессивный) – предполагающий исследование следствий, вызванных интересующими нас причинами. Например, мысленный А. последствий сжатия Солнца до радиуса 3 км, при котором скорость света на его поверхности обратится в нуль; 3) прямой А. – расчленение непосредственного содержания какой-либо мысли: переход от родовых понятий к видовым, от видовых к подвидовым и т.д. (дедуктивное ограничение).

С. (греч. synthesis – соединение, составление) – мысленное соединение частей объекта, структурированного в процессе А., установление связей и взаимодействий отдельных его частей. В процессе С. происходит восстановление первоначальной целостности исследуемого объекта и одновременная верификация (проверка) полученных знаний о неизвестных ранее свойствах и отношениях данного объекта в научной теории, в пределах которой осуществлялся А. Различают несколько видов С.: 1) возвратный (регрессивный), при котором ход исследования направлен от данных фактов, полученных в ходе предварительного А., к предполагаемым или первоначальным условиям, причинам. Например, проведенный А. характера рентгеновского излучения, поступающего из созвездия Лебедя, позволяет сделать вывод о том, что в данном созвездии можно наблюдать двойную звезду, один из компонентов которой – огромная, излучающая свет звезда, а второй, как предположили,– невидимая глазу черная дыра; 2) поступательный (прогрессивный), при котором ход исследования направлен от причинных оснований к следствиям. Например, А. гипотетически предполагаемого сжатия Солнца позволяет сделать вывод о том, что ничто не сможет покинуть это сжатое Солнце, так как скорость любых объектов, начиная со света (как физического объекта с максимально допустимой скоростью, согласно теории относительности), станет равной нулю. Такой объект называется черной дырой; 3) прямой, связанный с переходом мысли от видовых понятий к родовым, от родовых к типологическим и т.д. (индуктивное обобщение).

С.В. Воробьёва

АНАЛИЗ КЛАСТЕРНЫЙ (автоматическая классификация, таксономия, распознавание образов) – совокупность многомерных статистических методов, предназначенных для исследования структуры некоторой совокупности объектов, переменных или других единиц анализа.

Анализ структуры объектов, т.е. разделение их на классы (кластеры – см.), производится на основе матрицы расстояний – квадратной таблицы, в которой представлены расстояния между всеми возможными парами объектов в многомерном пространстве переменных. Выбор мер расстояния зависит от типа измерительных шкал; наиболее просто он определяется, если все признаки измерены с помощью однотипных шкал – количественных, порядковых или дихотомических. Для некоррелированных количественных и порядковых переменных обычно используется расстояние Евклида, для коррелированных – расстояние Махалонобиса; для дихотомических шкал – расстояние Хемминга (city–block). Иногда вместо мер расстояния используются меры сходства или подобия объектов.

Алгоритмы А.К. можно разделить на иерархические, неиерархические и методы классификации "с обучением". Иерархические методы предполагают последовательное объединение объектов в кластеры по степени их близости друг к другу или, напротив, последовательное разбиение совокупности объектов на все более мелкие кластеры. В этом случае кластерное решение представляет собой иерархическую структуру вложенных друг в друга кластеров. Неиерархические методы позволяют находить и идентифицировать "сгущения" объектов в пространстве переменных. Кластеризация "с обучением" предполагает, что количество классов известно заранее, и имеется обучающая выборка – набор объектов, для которых известно, к каким классам они принадлежат. Остальные объекты классифицируются по степени их близости к объектам из выборки обучающей (см.).

Результаты А.К. чаще всего представляются графически, в виде дендрограммы ("дерева"), показывающей порядок объединения объектов в кластеры. Интерпретация кластерной структуры, которая во многих случаях начинается с определения числа кластеров, является творческой задачей. Для того, чтобы она могла быть эффективно решена, исследователь должен располагать достаточной информацией о кластеризуемых объектах. При кластеризации "с обучением" результаты могут быть представлены в виде списков объектов, отнесенных к каждому классу.

Основными преимуществами А.К. являются отсутствие ограничений на распределение переменных, используемых в анализе; возможность классификации (кластеризации) даже в

тех случаях, когда нет никакой априорной информации о количестве и характере классов; универсальность (кластерный анализ может применяться не только к совокупностям объектов, но также к наборам переменных или любых других единиц анализа).

О.В. Терещенко

АНАЛИЗ КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ – группа методов, предназначенных для исследования корреляции (см.) между переменными (см.). Корреляционная связь не предполагает причинной зависимости между переменными, но А.К. может использоваться для анализа тесноты и направления связи и в причинных моделях. Инструментами А.К. являются разнообразные меры связи (см.). Выбор мер (коэффициентов) связи зависит от способов измерения переменных и характера связи между ними.

Для количественных, порядковых и дихотомических переменных используются понятия прямой и обратной связи. Связь между количественными и/или порядковыми переменными является прямой, если значения двух переменных одновременно возрастают или убывают; обратной – если возрастание значений одной переменной сопровождается убыванием значений второй.

Для дихотомических переменных связь является прямой, если измеряемые ими свойства объектов чаще встречаются или не встречаются одновременно, чем порознь; обратной – если соответствующие свойства чаще встречаются порознь.

Для номинальных переменных, за исключением дихотомических, понятия прямой и обратной связи не определены, связь между ними рассматривается как ненаправленная.

Отдельную методологическую проблему представляет так называемая ложная корреляция, проявляющаяся в корреляционной связи (иногда достаточно сильной) между переменными, которые заведомо не могут взаимно обусловливать друг друга. Причиной ложной корреляции обычно является наличие некого неучтенного в анализе фактора, который влияет на каждую из исследуемых переменных и, тем самым, порождает "корреляцию" между ними. Например, широко известный артефакт корреляции сорта губной помады с политическими убеждениями женщины объясняется ее общественным положением и уровнем благосостояния. Ложные корреляции, так же, как вызывающие их факторы, могут быть выявлены только в результате глубокого теоретического анализа структуры связей между переменными. Для их устранения применяется аппарат коэффициентов частной корреляции (см.).

О.В. Терещенко

АНАЛИЗ ЛОГЛИНЕЙНЫЙ (логарифмически-линейный) – метод анализа категориальных (номинальных) данных, позволяющий исследовать отношения между переменными в таблицах сопряженности; обобщение многомерного анализа частот. Предположений о распределении переменных не делается. А.Л. может рассматриваться как непараметрический аналог многофакторного дисперсионного анализа с дискретным измерением. В отличие от последнего все переменные, используемые для классификации, рассматриваются как независимые, а зависимой переменной является логарифм количества наблюдений в ячейке таблицы сопряженности. Частный случай А.Л., в котором отношения моделируются в привычной манере, когда в качестве зависимой выступает измеренная переменная, называется логит-анализом; обычно в этом случае исследователи предпочитают логистическую регрессию, поскольку она обладает большей гибкостью. Общая модель А.Л. для двух переменных X и Y имеет вид:

$$\ln(m_{ij}) = \mu + \gamma_i^X + \gamma_j^Y + \gamma_{ij}^{XY},$$

где $\ln(m_{ij})$ – натуральный логарифм ожидаемой частоты в i, j-й ячейке таблицы сопряженности, μ – константа, общая для всех ячеек (она равна среднему натуральному логарифму ожидаемых частот во всех ячейках таблицы), γ_i^X и γ_j^Y – соответственно эффект i-й категории переменной X и j-й категории переменной Y, γ_{ij}^{XY} – эффект взаимодействия i-й и j-й категорий двух переменных. Название метода связано с тем, что логарифм ожидаемой частоты представляется в виде линейной функции значений переменных. Приведенная модель называется насыщенной (полной), поскольку включает все возможные эффекты и описывает данные совершенным образом, без ошибок.

Как правило, общая цель А.Л. состоит в том, чтобы найти наиболее простое описание данных или проверить гипотезу об адекватности этой простой (минимальной) модели данным. Адекватность оценивают с использованием статистик пригодности, обычно с помощью отношения функций максимального правдоподобия: $G^2 = 2\sum f \ln \frac{f}{m}$, где f и m – наблюдаемые и ожидаемые (с точки зрения проверяемой модели) частоты. Эта статистика обладает свойством аддитивности и имеет распределение χ^2 с числом степеней свободы, определяемым количеством оцениваемых параметров. Статистика пригодности оценивает степень расхождения модели и эмпирических данных, поэтому ее большое, статистически значимое в привычном смысле значение свидетельствует о непригодности модели. Простые модели получают удалением отдельных эффектов из насыщенной модели. Удаление последнего эффекта (взаимодействия) из приведенного уравнения позволяет проверить гипотезу о независимости переменных (отсутствии взаимодействия). Особым классом моделей А.Л. являются иерархические (вложенные) модели: наличие взаимодействия более высокого порядка (напр., γ^{XYZ}) предполагает наличие всех взаимодействий более низкого порядка и главных эффектов ($\gamma^{XY}, \gamma^{XZ}, \gamma^{YZ}, \gamma^X, \gamma^Y, \gamma^Z$). Иерархические модели удобны тем, что для проверки их пригодности можно использовать разность между G^2 для двух иерархически вложенных моделей, и эта разность также распределена как χ^2. Для сравнения неиерархических моделей статистические критерии, как правило, не используются. Для оценки важности отдельных эффектов используют также стандартизованные значения оцененных параметров, сравнивая их с критическими значениями единичного нормального распределения.

Как непараметрический метод А.Л. имеет широкий диапазон пригодности. Содержательным ограничением является количество независимых переменных, поскольку взаимодействия высокого порядка трудно интерпретировать. Формаль-

ные ограничения связаны с требованием независимости частот в ячейках (одно и то же наблюдение не должно входить в несколько ячеек) и минимальным числом наблюдений в ячейках таблицы сопряженности. Как и в случае χ^2, все ожидаемые частоты в ячейках должны быть больше 1, и не более 20% ожидаемых частот могут быть менее 5. Нарушение этого требования приводит к возрастанию вероятности ошибки первого рода. Прибавление к каждой ячейке некоторого небольшого числа (операция, выполняемая автоматически в некоторых статистических пакетах) не способствует стабилизации ошибки первого рода и к тому же уменьшает мощность метода. Для сходимости анализа рекомендуется выборка, объем которой не менее чем в 5 раз превышает количество ячеек таблицы сопряженности.

А.Л. находит широкое применение в анализе таблиц социальной мобильности, в политологии и маркетинговых исследованиях.

С.В. Сивуха

АНАЛИЗ МНОГОМЕРНЫЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ – раздел математической статистики (**см.**), предназначенный для анализа связей между тремя и более переменными. Можно условно выделить три основных класса задач А.М.С. Это исследование структуры связей между переменными (**см.**) и снижение размерности пространства признаков, построение классификаций и типологий, исследование причинных связей.

Для представления структуры связей между переменными обычно используется матрица корреляций (**см.**). Ее анализ, заключающийся в выделении подмножеств переменных, тесно коррелирующих друг с другом, может осуществляться "вручную", например, с помощью графа, отражающего наиболее существенные связи между переменными, либо методами компьютерного анализа, такими, как метод главных компонент, факторный анализ, кластерный анализ переменных. Анализ структуры связей часто рассматривается в качестве самостоятельной задачи, например, при исследовании структуры ценностей, мотивов и т.п., для проверки психометрических шкал на надежность и в других случаях. Однако он может использоваться и в качестве промежуточного этапа при решении задачи снижения размерности пространства признаков.

Снижение размерности обычно применяется для построения пространства, более удобного для решения задач классификации и исследования причинных связей, чем исходный набор переменных. Задача снижения размерности заключается в том, чтобы от большого количества исходных переменных перейти к нескольким обобщенным показателям. Метод главных компонент (**см.**), анализ факторный (**см.**), метод многомерного шкалирования предусматривают для этого разнообразные процедуры.

Задачи и методы классификации, в зависимости от условий, делятся на три группы: классификация по заданным формальным критериям, автоматическая классификация и классификация с обучением. Классификация по заданным критериям, строго говоря, не является статистическим методом. Она состоит в группировке объектов по одному или нескольким показателям. В последнем случае классификация называется перекрестной или лингвистической (например, половозрастная структура населения).

Автоматическую классификацию применяют в тех случаях, когда критерии группировки неизвестны и отсутствуют априорные представления о количестве и характере классов. Для ее построения используются методы анализа кластерного (**см.**), позволяющие выделить группы объектов, близких друг к другу по значениям измеренных переменных. В основе кластерного анализа лежит вычисление расстояний между объектами.

Классификация с обучением применяется, когда критерии классификации неизвестны, но известно количество классов и их типологические особенности. В этом случае может быть сформирована так называемая выборка обучающая (**см.**), состоящая из реальных объектов, обладающих соответствующими характеристиками, или/и искусственных объектов – моделей "типичных представителей" классов. В обучающей выборке должны присутствовать "представители" всех предполагаемых классов. Классификация конкретного объекта состоит в том, что вычисляется расстояние между ним и объектами из обучающей выборки и объект причисляется к тому классу, расстояние до которого для него оказалось минимальным. Классификация с обучением осуществляется некоторыми методами кластерного и дискриминантного анализа.

Анализу статистических причинных связей в последние годы уделяется особое внимание. Классическим методом для решения таких задач является дисперсионный анализ, в основе которого лежит эксперимент факторный (**см.**) (не путать с анализом факторным – **см.**). Начиная с 1960-х активно разрабатываются регрессионные и регрессионно-подобные причинные модели (см. **Каузальное моделирование**), а также техники, позволяющие использовать в этих моделях не только "количественные", но и "качественные" переменные (см. **Dummy-кодирование**). В настоящее время для исследования причинных связей, в зависимости от характера используемых переменных, применяются методы множественной линейной регрессии, логистической регрессии, дискриминантного анализа и т.п. Эти методы предполагают наличие единственной зависимой переменной и не позволяют исследовать структуру связей между независимыми переменными (предикторами). Структура связей между предикторами может быть учтена в моделях анализа путевого (**см.**).

Наиболее общим является метод линейных структурных уравнений (**см.**), позволяющий строить сложные модели с большим числом взаимодействующих между собой зависимых и независимых переменных, среди которых могут быть не только наблюдаемые, но и латентные признаки. Регрессионный, дисперсионный, путевой и факторный анализ являются его частными случаями.

О.В. Терещенко

АНАЛИЗ ПУТЕВОЙ – метод анализа данных опросов, предложенный Х.Блалоком, который он считал основным источником эмпирической информации в социальных науках.

Его книга "Причинные выводы в неэкспериментальных исследованиях", вышедшая в 1961, была посвящена А.П. с применением техники частных корреляций. Идея метода состоит в том, чтобы с помощью техники частных корреляций попытаться устранить влияние некоторой переменной на отношение между двумя другими переменными. Цель научных исследований, по Блалоку, состоит в том, чтобы найти модель, позволяющую объяснить собранные эмпирические данные. А.П., в свою очередь, был призван помочь с выбором наиболее правильной среди всех возможных моделей.

Например, пусть были собраны данные о доходе (годовой доход) – Д1, образовании (количество лет обучения) – Д2 и приверженности демократическим традициям – Д3. Одна из возможных моделей (1), построенных для объяснения этих данных, будет состоять в том, что между Д1 и Д2, а также между Д2 и Д3 предполагается наличие причинных связей (больший доход ведет к лучшему образованию, а лучшее образование, в свою очередь, обусловливает приверженность демократическим традициям):

Д1 → Д2 → Д3. (1)

Рассчитанные корреляции между переменными как будто подтверждают такую модель (r_{12}=0,78; r_{23}=0,72; r_{13}=0,58). Однако не исключен и другой вариант объяснения полученных данных – модель (2) – больший доход связан с получением лучшего образования и, независимо, с приверженностью демократическим традициям, а лучшее образование, в свою очередь, независимо от дохода способствует демократической ориентации:

Д1 → Д2 (2)
↘ ↙
Д3

В модели (3) имеется прямая связь между доходом и демократической ориентацией, в то время как такая связь отсутствует в модели (1). Путевой анализ должен помочь с выбором одной из этих двух моделей. Если связь между Д1 и Д3 действительно существует, то частичная корреляция между Д1 и Д3 без учета связи через Д2 должна существенно отличаться от нуля. Коэффициент частной корреляции $r_{13.2}$=0,042, что близко к нулю и позволяет отрицать наличие связи между Д1 и Д3, а это, в свою очередь, может служить достаточным основанием для принятия модели (1) вместо модели (2).

Единственная существенная проблема с анализом, предложенным Блалоком, состоит в том, что корреляция не показывает направления. В приведенном примере отсутствие связи между Д1 и Д3 можно считать доказанным, но можно предложить и другие модели (3) и (4), равновероятные модели (1).

Д1 ← Д2 → Д3 (3)

Д1 → Д2 ← Д3 (4)

К сожалению, с помощью путевого анализа невозможно сделать выбор между моделью (1), (3) или (4). Только личное мнение исследователя и его "здравый смысл" могут помочь в процессе выбора одной из моделей.

Следует отметить, что Блалок и не настаивал на том, что использование данного метода может гарантировать нахождение причинных связей между явлениями, а позволяет говорить лишь о вероятной причине. По сути, с помощью данного метода можно лишь уменьшить количество возможных объяснений, найдя среди множества всех моделей наиболее вероятные, что не является единственным решением.

А.П. Репеко

АНАЛИЗ РЕГРЕССИОННЫЙ – группа методов статистического анализа данных, предназначенных для исследования причинных связей между количественными переменными (**см.**). В общем виде, регрессионную зависимость можно представить в виде функции $y=f(x_1,x_2,...x_k)$, где y – переменная зависимая (**см.**), $x_1,x_2,...,x_k$ – переменные независимые (**см.**) или предикторы. Если функция f является линейной, говорят о линейной регрессии, если нет – о регрессии нелинейной (**см.**). Наиболее популярными нелинейными моделями в социальных науках являются логарифмическая $y=b\ln(x)+a$ и экспоненциальная $y=e^{bx+a}$.

В самом простом случае уравнение линейной регрессии включает две переменные $y=bx+a$. Если в уравнении используется несколько независимых переменных, регрессия называется множественной. Уравнение множественной линейной регрессии имеет вид $y=\sum b_i x_i+a$. В настоящее время используются два подхода к интерпретации коэффициентов линейной регрессии b_i. Согласно первому из них, b_i представляет собой величину, на которую изменится предсказанное по модели значение $\hat{y}=\sum b_i x_i+a$ при увеличении значения независимой переменной x_i на одну единицу измерения; согласно второму – величину, на которую, в среднем, изменяется значение переменной y при увеличении независимой переменной x_i на единицу. Свободный член уравнения регрессии a равен предсказанному значению зависимой переменной $\hat{y}$ в случае, когда все независимые переменные $x_i=0$.

Теснота регрессионной связи измеряется коэффициентом детерминации (**см.**), который интерпретируется как доля дисперсии зависимой переменной y, объясненная независимыми переменными $x_1,x_2,...,x_k$ (см. **Дисперсия объясненная**). Для парной линейной регрессии коэффициент детерминации равен квадрату коэффициента линейной корреляции Пирсона (**см.**) r^2, для множественной линейной регрессии – квадрату коэффициента корреляции множественной (**см.**) R^2.

Современные регрессионные техники позволяют включать в уравнение не только количественные, но и качественные, в первую очередь дихотомические, переменные. Независимые дихотомические переменные включаются в регрессионные модели на общих основаниях. Номинальные переменные с числом градаций $k>2$ подвергаются процедуре dummy-кодирования (**см.**), после чего могут быть включены в модель в виде набора $(k-1)$ независимых дихотомических переменных.

Если дихотомическая переменная ($y=1$ – "успех", $y=0$ – "неуспех") является зависимой, то уравнение $p=\sum b_i x_i + a$ – наиболее простой способ предсказать вероятность "успеха" (того, что событие произойдет или объект обладает требуемым качеством). К сожалению, эта простая модель отличается неустойчивостью и низкой достоверностью результатов.

Несколько более сложной, но и перспективной, является модель логистической (логит-) регрессии, в которой вероятность успеха предсказывается по формуле $p=\frac{e^{\sum b_i x_i + a}}{1+e^{\sum b_i x_i + a}}$.

Эту модель можно представить более удобной для понимания формулой $\ln(p/1-p)=\sum b_i x_i + a$. Она представляет логарифм отношения вероятности "успеха" p к вероятности "неуспеха" $1-p$ как линейную функцию независимых переменных $x_1, x_2, ..., x_k$.

Еще одна популярная модель для дихотомической зависимой переменной – пробит-регрессия. В ней вероятность успеха предсказывается по формуле $p=\int_{-\infty}^{\sum b_i x_i + a} \frac{1}{\sqrt{2\pi}} e^{z^2/2} dz$,

где z – случайная величина, распределенная по нормальному закону Гаусса.

Следующим этапом развития статистического моделирования явилось обобщение логит– и пробит-моделей на порядковые и номинальные зависимые переменные с числом градаций больше двух. Они называются мультиномиальными и порядковыми логит- и пробит-моделями и пользуются большой популярностью благодаря своей высокой эффективности и устойчивости, а также развитию программных средств статистического анализа данных.

О.В. Терещенко

АНАЛИЗ СОБЫТИЙНЫЙ – анализ данных об истории событий, т.е. о времени и обстоятельствах (ковариатах) их наступления в границах наблюдаемого периода времени и о самих этих событиях. Под событием понимается изменение статуса, измеряемого дискретной переменной, принимающей счетное количество взаимно исключающих значений. Например, в исследовании брачного поведения событиями могут быть вступление в брак, развод, повторный брак, вдовство и т.д. Единицами А.С. могут выступать индивиды, группы и организации, страны, политические объединения, культурные процессы.

Для предсказания времени наступления события строят модель, подобную регрессионному уравнению. Необходимость в особом методе анализа, отличном от регрессионного, связана с тем, что последний не позволяет корректно учитывать информацию о случаях, для которых событие за время наблюдения не наступило. Такие случаи называют цензурированными справа. Кроме того, регрессионный анализ не допускает использования независимых переменных, изменяющихся во времени. Например, вероятность вступления в брак в разные периоды жизни может варьировать с изменениями дохода, жилищных условий и образования. В зависимости от концептуализации событий различают три стратегии А.С.: для единичных неповторяющихся событий (вступление в первый брак); для множественных событий (вступление в одну из политических партий); для повторяющихся событий (переход с одной работы на другую).

А.С. является обобщением ряда методов, разработанных в частных науках для эксплораторного исследования единичных неповторяющихся событий: анализа отказов в технике, анализа дожития (выживания) в биологии, анализа таблиц дожития в демографии. Общая модель А.С. для непрерывного времени была разработана американскими социологами Н. Тума и М. Ханнаном в конце 1970-х и является одним из главных методологических достижений социологии за последние 25 лет. Ключевыми понятиями А.С. являются функция плотности вероятности $f(t)$ (безусловная вероятность того, что событие произойдет во время t), функция распределения накопленной вероятности $F(t)$, функция дожития $S(t)$ (вероятность того, что событие не произойдет вплоть до момента времени t). Особое значение имеет интенсивность, буквально "показатель риска" (hazard rate), или вероятность наступления события в малом промежутке времени между t_j и $t_j+\Delta t$, при условии, что событие не произошло до этого. Для непрерывно измеренного времени

$$h(t_j)=\lim_{\Delta t \to 0} \frac{P(t_j \le T < t_j + \Delta t \mid T \ge t_j)}{\Delta t}.$$

По статистическим и содержательным соображениям социологи предпочитают исследование функциональной формы интенсивности исследованию других упомянутых функций. Интенсивность концептуально связана с другими понятиями А.С.: $h(t)=f(t)/S(t)=-\mathrm{d}(\ln S(t))/\mathrm{d}t$.

Как и другие статистические методы, А.С. может быть эксплораторным (описательным) либо конфирматорным (направленным на проверку гипотез). В первом случае строят и сравнивают эмпирические графики функций, например выживания, для различных значений независимых переменных, например для мужчин и женщин. Вторая стратегия состоит в моделировании функциональной формы зависимости интенсивности (риска) наступления события от истекшего времени и от значений предикторов. Цель в том, чтобы не только оценить эффекты независимых переменных, но и подобрать (на основании содержательной теории или эмпирически) наилучшую функциональную зависимость, т.е. модель, способную наилучшим образом объяснить гетерогенность совокупности. И функция времени, и гетерогенность совокупности могут моделироваться с помощью двух подходов. Непараметрический подход связан с дискретизацией данных и оценкой показателя риска для каждого из значений независимых переменных. Предположений о форме функциональной зависимости не делается. В параметрическом подходе функциональные формы зависимостей постулируются и оцениваются на предмет правдоподобия. Чаще всего используют следующие функции зависимости от времени: экспоненциальную, Вейбулла, Гернеса, Мейкхама-Гомперца для монотонной связи интенсивности с временем, лог-логистическую, логарифмически-гауссову для немонотонной связи. Специальным случаем моделирования гетерогенности совокупности являются модель пропорционального риска, в которой интенсив-

ность (показатель риска) есть функция базового показателя риска, $q(t)$, зависящего от времени и постоянного для всех единиц выборки (респондентов), и вектора предикторов, **x**, не зависящего от времени: $h(t, \mathbf{x}) = q(t) \cdot e^{\mathbf{x}\beta}$, где β – вектор регрессионных коэффициентов. Для оценки этой модели Д. Кокс предложил метод частичного правдоподобия, который позволяет исследователям не делать предположений о $q(t)$, что удобно при отсутствии как содержательных теорий, так и специальных статистических знаний. С этим связана большая популярность регрессионных моделей Кокса.

А.С. требует сбора данных в специальном формате, с точным измерением времени наступления событий, что затрудняет применение метода на практике. С некоторой потерей информации задачу можно переформулировать для дискретного времени, когда время предполагается измеренным с низкой точностью, и оценить обычную логистическую регрессию, в которой зависимой переменной является факт наступления или ненаступления события. Серьезные проблемы для анализа создает левое цензурирование, т. е. отсутствие информации о предыстории событий. Поскольку многие предикторы сами зависят от времени, для моделирования даже относительно простых событий (рождение ребенка) необходимо располагать полной историей жизни респондента, включая образовательную, трудовую и др. линии. Одной из актуальных задач статистического аппарата А.С. является включение в модели ошибок измерения, подобно тому, как это делается в *структурных уравнениях*.

А.С. продуктивно использовался для анализа брачно-репродуктивного поведения (Н. Тума и др.), влияния человеческого капитала на брачное поведение (Х.-П. Блоссфельд), образования и ликвидации фирм (М. Ханнан и Г. Кэррол), трудовых биографий (А. Соренсен), принятия законов разными штатами США (Э. Повалко), обретения независимости бывшими колониями (Д. Странг), этнических конфликтов (С. Ользак) и др. А.С. позволяет рассматривать процессы диффузии (распространения слухов или инноваций) на микроуровне, с учетом позиции индивидов в социальной структуре.

С.В. Сивуха

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ – методология и методы исследования связей между социальными акторами. Возникновение этой методологии относят либо к 1930-м, когда в психологии оформился социометрический подход, либо к 1950-м, когда для анализа ранних описательных исследований были применены матричная алгебра и теория графов.

Предметом А.С.С. является структура – повторяющиеся, регулярные паттерны (**см.**) отношений. Математический аппарат А.С.С. позволяет исследовать реляционные данные, свойства связей и отношений, хотя атрибутивные данные также могут быть включены в анализ. Другой важной особенностью является возможность одновременно использовать в анализе данные разного уровня: особенности акторов, подгрупп акторов, позиций и целой сети. С самого начала А.С.С. был междисциплинарным мероприятием и объединял усилия психологов, социологов, специалистов по коммуникациям, антропологов, математиков и статистиков. В 1978 была образована Международная ассоциация специалистов по А.С.С. (INSNA), учрежден журнал "Social Networks". В Интернете доступны другие издания по А.С.С. – электронные журналы "Connections" и "Journal of Social Structure". Методология исследования сетей оказывает существенное влияние на компьютерные науки, менеджмент, социальную медицину, молекулярную биологию.

С. Вассерман и Ф. Паттисон условно выделяют три поколения в А.С.С. Основными темами исследований первого поколения (до 1970-х) были квантификация положения индивида в группе; анализ сплоченных подгрупп; структурный анализ сбалансированных диадических и триадических отношений; идентификация позиций – структурно неразличимых подгрупп, т. е. индивидов, имеющих одинаковые закономерности связей с другими. Хотя попытка статистического исследования связей в социоматрице была предпринята уже Морено и Дженнингс (1939), развитие статистических методов сдерживалось тем обстоятельством, что связи между парами акторов в социальной сети не являются взаимно независимыми, и по этой причине использование традиционных формул для расчета стандартных ошибок, необходимых для проверки статистических гипотез, неправомерно. Второе поколение зародилось в 1970-х с разработки П. Холландом, С. Линардом и другими статистических моделей, параметрически оценивающих вероятности отношений в небольших группах. Эти модели строились на предположениях о независимости диадических связей. Третье поколение моделей появилось на свет в конце 1980-х – начале 1990-х и основывалось на идее марковских случайных графов. Эти наиболее общие модели свободны от предположения о независимости диад и позволяют проверять статистические гипотезы о сплоченных подгруппах, транзитивных триадах, взаимосвязанных диадах, о влиянии индивидуальных характеристик на групповую структуру. Ниже представлены наиболее популярные методы описательного, нестатистического анализа сетей. Методы А.С.С., относящиеся ко второму и третьему поколениям, см. **Стохастический анализ социальных сетей.**

Элементарные понятия А.С.С. Данные о связях акторов представляются в виде социоматрицы – квадратной или прямоугольной таблицы, элементы которой равны показателю силы связи, исходящей от актора в i-й строке к актору в j-м столбце. Всякой социоматрице может быть взаимно однозначно сопоставлен орграф. Графом называется множество вершин и связей между ними. Связи могут быть ненаправленными (ребра) и направленными (дуги). Граф с заданными на нем дугами называется ориентированным, или орграфом. Вершины, соединенные ребром, являются смежными. Степенью вершины называется число ребер, соединенные с ней. Исходящей степенью вершины называется число дуг, исходящих из вершины, входящей степенью – число дуг, входящих в вершину. Последовательность вершин, соединенных ребрами, составляет цепь. В цепи направление связей между вершинами не имеет значения. В простой цепи ни одна из вершин и ни одно из ребер не повторяются. Число ребер цепи называется ее длиной. Длина самой короткой цепи, связы-

вающей две вершины, называется расстоянием между вершинами (без учета направления связей). Последовательность вершин, соединенных дугами, называется путем (направление связей существенно). В простом пути ни одна из вершин и ни одна из дуг не повторяются. Число дуг, составляющих путь, называется его длиной. Длину самого короткого пути, связывающего две вершины, называют расстоянием между ними (с учетом направления связей). Орграф, в котором из каждой вершины существует путь к любой другой вершине, называется сильно связным (путешествовать можно лишь по направлению дуг). Орграф, в котором существует цепь из каждой вершины к любой другой, называется слабо связным (можно путешествовать против направления дуг). Плотность графа есть отношение числа наличных связей к потенциально возможному. В графе и социоматрице различают дихотомические и взвешенные, означенные и неозначенные связи. Для простоты последующее изложение основных методов А.С.С. касается социоматриц с дихотомическими неозначенными связями, хотя во многих случаях возможны обобщения на более сложные ситуации.

Индивидуальные и групповые показатели заметности. Идея центральности вершин в графе, их "важности" начала разрабатываться одной из первых в анализе социальных сетей. Источник этой идеи можно усмотреть в мореновском понятии "звезды" – самого популярного человека в группе. Будем называть меру заметности актора в сети (неориентированном графе) центральностью, для входящих связей в орграфе – престижем, для исходящих связей – экспансивностью.

Простой и интуитивно понятный подход к измерению центральности индивидов основывается на идее степени. Для сопоставимости индексы нормируют, т. е. делят на максимально возможное количество связей $(n-1)$ и умножают на 100. Полученные значения лежат в пределах от 0 до 100. Формулы для центральности, престижа и экспансивности по степени различаются числителями, которые содержат соответственно степень вершины, степень входа и степень выхода. Степени входа (выхода) получают суммированием элементов социоматрицы по столбцу (строке). Индексы центральности по степени являются локальными характеристиками положения вершины в графе – они учитывают непосредственных соседей, ближайшую окрестность вершины и в этом смысле поверхностны.

Вторая группа показателей центральности (престижа, экспансивности) основана на идее близости данной вершины ко всем остальным вершинам графа. Центральным является тот индивид, который быстро взаимодействует с другими либо непосредственно, либо через небольшое число посредников. Г. Сабидуси в 1966 году квантифицировал эту характеристику как величину, обратную сумме длин самых коротких путей от данного индивида ко всем остальным. Индекс равен 100, если вершина смежна со всеми другими. Возможная физическая интерпретация близости – ожидаемое время движения ресурса от любого участника сети к данному индивиду. Центральность по близости является глобальной мерой сети. Недостаток показателя в том, что он не определен для изолированных вершин, поскольку при отсутствии связи между вершинами расстояние между ними бесконечно.

Взаимодействие двух несмежных индивидов может находится под контролем возможных посредников. При поисках работы, например, важно не то, сколько знакомых у претендента, а сколько знакомых у этих знакомых. Метод оценки центральности по посредничеству для вершины предложен Л. Фриманом в 1977 и заключается в нахождении доли самых коротких путей, соединяющих все пары вершин, которые проходят через данную вершину. Это сумма вероятностей того, что другие акторы в своих взаимодействиях будут прибегать к посредничеству данного актора. Показатель стандартизуется делением на максимально возможную величину – $(n-1)(n-2)/2$. Центральность по посредничеству является глобальной характеристикой вершины и имеет более интересную интерпретацию, чем другие индексы центральности. Показатель определен на несвязных графах, хотя индексы для экспансивности и престижа не определены. Показатель учитывает лишь кратчайшие пути от вершины к вершине и основан на предположении, что при наличии между двумя вершинами нескольких коротких путей равной длины каждый из них используется с равной вероятностью. Эти ограничения снимаются в поточных индексах.

Индекс поточного посредничества предложен как обобщение предыдущего показателя, чтобы учесть все потоки, проходящие через вершину, независимо от их длины (Л. Фриман). Индекс информационной центральности оценивает распределение информации во всех цепях графа, взвешивая цепи величиной, обратной их длине (К. Стивенсон, М. Зелен). В индексе Боначича (собственный вектор социоматрицы, нормированный делением на первое собственное значение) центральность актора определяется как взвешенная сумма центральностей акторов, которые с ним связаны, а эти центральности – как взвешенные суммы центральностей тех акторов, которые связаны с ними, и т. д. Более сложные варианты индексов, основанные на собственных векторах, получают стандартизацией социоматрицы по определенным правилам.

Показатели центральности, основанные на степени, информационно бедны. Центральность по посредничеству и поточные индексы предпочтительны в силу того, что они имеют большую изменчивость значений и более интересную интерпретацию. Для более точной оценки значимости индивида в группе рекомендуется сравнивать показатели участников сети до и после удаления индивида с наибольшим значением индекса центральности по посредничеству. Н. Фредкин полагает, что центральность по степени отражает влияние данного индивида на других, центральность по близости – скорость распространения этого влияния, а центральность по посредничеству – контролирующую, посредническую роль в этом процессе. В литературе показатели центральности интерпретируются как индикаторы власти.

Групповые показатели центральности являются мерами изменчивости или неравенства индивидуальных показателей в графе. В таком общем понимании групповые индексы по смыслу близки дисперсии (мере разброса). По причинам математического свойства наиболее популярны групповые ин-

дексы Фримана по степени, близости или посредничеству. Каждый из этих показателей равен сумме отклонений индивидуальных показателей от максимального наблюдаемого, отнесенной к теоретически возможному максимуму сумм отклонений. Знаменатель получают аналитически. Групповые индексы равны нулю в том случае, когда все индивидуальные показатели равны, и 100, если в графе доминирует одна вершина. В отличие от дисперсии, групповые индексы не зависят от размера графа.

Анализ сплоченных подгрупп. Сплоченность принадлежит к числу основных характеристик социальных групп. В широком смысле она понимается как единство, общность норм и интересов, взаимные симпатии членов группы. Основными индикаторами сплоченности в А.С.С. выступают взаимность и частота контактов акторов, близость и достижимость вершин графа. В разумно больших сетях обычно обнаруживают несколько пересекающихся сплоченных подгрупп. Для аналитика интерес представляют количество, состав, размер, а также степень взаимного пересечения подгрупп. Большинство методов этого раздела разработаны для ненаправленных дихотомических связей, и компьютерные программы анализа сетей приводят социоматрицы к симметричному виду.

Простейшим методом анализа сплоченных подгрупп является идентификация клик. В терминах теории графов это максимальный полный подграф, включающий не менее трех вершин. По определению, все вершины клики связаны между собой, и при добавлении любой другой вершины это свойство теряется. Следует иметь в виду, что в отечественной социальной психологии закрепилось определение клики как сплоченной асоциальной группировки. Понятие клики является чрезмерно строгим, а полученные подмножества акторов неустойчивы: удаление или случайное отсутствие одной связи разрушает клику. Чтобы ослабить это ограничение, были разработаны другие меры сплоченности подгрупп. Они основаны либо на понятии достижимости вершин в подграфе, либо на степени вершины (смежность с другими).

Клика порядка n (n-клика) определена как максимальный подграф, в котором наибольшее расстояние между вершинами не превышает заданной величины n. Основным недостатком этого подхода является то, что наикратчайшие пути между членами n-клики могут проходить через посредников, которые сами не принадлежат сплоченной подгруппе. Это обстоятельство может создавать трудности в интерпретации результатов. Скорректированное понятие называется кланом порядка n. Кланы получают исключением из найденных n-клик подгрупп с диметром (наибольшим из самых коротких расстояний между вершинами), превышающим заданное n. Алгоритм поиска клик и кланов заданного порядка обычно приводит к большим подгруппам.

Понятия k-плекса и k-ядра основаны на идее степени вершины, или меры ее смежности с другими. k-плекс – это максимальный подграф с n вершинами, такой, что каждая вершина связана не менее чем с $n–k$ вершинами этого же подграфа. Другими словами, задается максимальное количество связей между членами подгруппы, которое может отсутствовать. Ядро порядка k определяется как максимальный подграф с n вершинами, в котором каждая вершина смежна, как минимум, с k другими вершинами. Здесь задается минимальное количество связей, которое должно присутствовать в подгруппе. Оба метода дают более реалистичную картину сплоченных подгрупп относительно небольшого размера и устойчивы к случайному отсутствию связей.

Логика следующей группы методов связана со сравнением характера связей акторов внутри подгруппы и с "внешними" акторами. LS-множество определяется как подграф, плотность связей между вершинами которого больше, чем плотность связей этих вершин с другими, не входящими в подграф. LS-множества либо не пересекаются, либо связаны отношениями включения. Другой подход к описанию сплоченных подгрупп, лямбда-множество, основан на идее связности вершин внутри и вне подграфа; вершины подграфа не обязательно смежны. Оба метода дают устойчивые и хорошо интерпретируемые результаты.

Из числа общестатистических методов для анализа сплоченных подгрупп используют многомерное шкалирование, которое позволяют представлять изучаемые объекты в пространстве меньшей размерности. Подгруппы объектов, соседствующие в этом редуцированном пространстве, интерпретируются как сплоченные подгруппы.

Позиционный и ролевой анализ. Рассмотренные выше методы А.С.С. основаны на простых понятиях, которые могут быть визуализированы на графах. Методы, представленные в этом разделе, более абстрактны. С точки зрения структурного аналитика, элементами социальной структуры являются не акторы, а регулярности отношений между ними – социальные позиции и роли. Актор выступает не в своем индивидуальном качестве, а как представитель категории (лидер, посредник, подчиненный, владелец и т. д.). Позиция в А.С.С. определяется как множество неразличимых акторов, имеющих сходные отношения в сети, роль – как тип отношений между акторами и/или позициями.

Позиционный анализ включает следующие шаги: формальное определение эквивалентности акторов, выбор способа измерения эквивалентности, конструирование модели (правил отнесения акторов к взаимоисключающим позициям и уточнение связей между позициями), оценка адекватности модели полученным данным. Центральным понятием является эквивалентность акторов внутри позиции. Простейшая идея связана со структурной эквивалентностью (Ф. Лорейн и Г. Уайт, 1971). Нестрого, два актора являются структурно эквивалентными, если они имеют одинаковые отношения со всеми другими элементами сети. Это определение существенно ограничивает возможности анализа. Например, с точки зрения социологии (и родительских комитетов общеобразовательных школ), все родители занимают одну и ту социальную позицию, однако структурно эквивалентными будут только родители одних и тех же детей. Вот почему обычно измеряют не наличие/отсутствие структурной эквивалентности, а ее меру. В этом качестве может выступать евклидово расстояние или коэффициент корреляции между парами акторов в многомерном пространстве диадических связей полной сети. Для представления (визуализации) позиций и отношений между

позициями используют иерархический кластерный анализ или многомерное шкалирование.

Определение структурной эквивалентности запрещает сравнение позиций в разных сетях. Понятие регулярной эквивалентности более универсально. Два актора регулярно эквивалентны, если они имеют одинаковые связи с другими регулярно эквивалентными акторами. В отличие от структурной эквивалентности, все отцы регулярно эквивалентны, поскольку их социальные связи со своими детьми, женами и родителями жены весьма сходны.

Большую популярность в А.С.С. получил более общий подход к позиционному анализу – т. н. блочное моделирование отношений. Блочная модель включает два компонента: разделение акторов на позиции и спецификация связей между всеми позициями. Цель состоит в том, чтобы "свести большую, потенциально некогерентную структуру к меньшей структуре, более понятной и легко интерпретируемой" (А. Ферлигой). Результаты моделирования представляются в виде редуцированного графа или матрицы образов, где каждой вершине или каждому элементу матрицы соответствует не единичный актор, а блок (класс акторов). Блоки бывают двух типов: нулевые (связей скорее нет) и единичные (связи скорее есть). Структурная эквивалентность предполагает следующий критерий для различения нулевых и единичных блоков: если связи между любой парой акторов внутри блока отсутствуют, он кодируется как нулевой; если между всеми парами акторов связи наличествуют, блок является единичным. Сформулированы более гибкие критерии, например, если плотность связей внутри блока превышает плотность связей в полной сети, он кодируется как единичный. П. Дореан, А. Ферлигой и В. Батагель предложили набор идеальных блоков, который отличает значительная реалистичность, универсальность и эмпирическая проверяемость. Предложены простые критерии оценки соответствия блочных моделей полученным данным. Используют как индуктивный (правдоподобные блоки идентифицируются в данных), так и дедуктивный подходы (блоки задаются исследователем априорно и проверяются на данных). Более сложные стохастические методы блочного моделирования см. **Стохастический анализ социальных сетей.**

Цель ролевого анализа – идентифицировать на множестве акторов, связанных множественными простыми связями, закономерности отношений (С. Бурман, Г. Уайт). Анализ основан на аппарате алгебры отношений. В качестве простых связей могут использоваться измерения с помощью набора социометрических критериев, различные связи в родственных или организационных сетях (совет, помощь, подчинение, контроль, стратегическое управление). Смешанные связи конструируются из простых с помощью булевой алгебры (совет подчиненному, брат жены, друг друга и т. п.). Конечной целью является редукция к гомоморфным и легко интерпретируемым структурам, на которых можно изучать сочетаемость и подчиненность отношений. Развивается аппарат эго-алгебры, позволяющий исследовать социальные роли в *эго-сетях* с точки зрения эго.

Компьютерные программы А.С.С. На рынке представлено множество компьютерных программ для сбора и ввода данных, описательного и статистического анализа. Программа UCINET (S. Borgatti, M. Everett, L. Freeman) является своего рода стандартом для специалистов в области А.С.С. Версии программы часто обновляются. К моменту верстки настоящего словаря доступна версия 6, включающая все основные методы анализа, за вычетом p^*-моделей, и средства преобразования данных. Предыдущие версии программы свободно доступны через Интернет, однако содержат немало ошибок в алгоритмах расчетов.

Программа Pajek (V. Batagelj, A. Mrvar) предназначена для анализа больших сетей (с тысячами вершин). Ее привлекательными свойствами являются богатые средства визуализации сетей, возможности преобразования данных, поддержка разных форматов графических и текстовых файлов, оперативное появление новых версий и свободный доступ через Интернет для некоммерческого использования.

STOCNET (P. Boer, M. Huisman, T. Snijders, E. Zeggelink) содержит весьма сложные методы анализа повторяющихся измерений, стохастического блочного моделирования и стохастического анализа сетей (p^*-модели). Свободно доступна в Интернете.

Другими программами, популярными в научной литературе, являются GRADAP (C. Sprenger, F. Stokman), NEGOPY (W. Richards), MultiNet (W. Richards). Имеются специализированные программы, содержащие небольшое количество методов анализа (SNAPS, STRUCTURE, PSPAR и др.), предназначенные для визуализации сетей (Mage), разработанные для сбора данных в антропологических исследованиях или в компьютерных сетях и др. Ряд специфических методов А.С.С. реализован в командных файлах, написанных для стандартных программ статистического анализа (SPSS, SAS).

С.В. Сивуха

АНАЛИЗ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ – см. **СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.**

АНАЛИЗ ФАКТОРНЫЙ – группа методов исследования структуры и снижения размерности (**см.**) пространства переменных (**см.**). Модель А.Ф. предполагает, что значение любой измеряемой переменной зависит от небольшого числа латентных (скрытых) факторов. Основной целью А.Ф. является определение латентных факторов по результатам реальных измерений, и снижение размерности за счет замены набора исходных переменных выделенными факторами. В большинстве случаев предполагается, что факторы статистически независимы, т.е. не коррелируют друг с другом.

Основными этапами А.Ф. являются первоначальное выделение факторов, вращение факторной структуры, ее интерпретация и факторное шкалирование. Первоначальное выделение факторов осуществляется методами собственно А.Ф. либо методом главных компонент (**см.**). На этом этапе определяются также размерность факторного пространства, факторная структура, информативность каждого фактора и структуры в целом. Факторная структура представляется в виде матрицы факторных нагрузок (**см.**).

Факторная структура называется простой, если каждой измеряемой переменной соответствует только одна значительная по величине нагрузка. Если первоначальная факторная структура недостаточно проста для содержательной интерпретации, она может быть подвергнута дополнительному вращению, вследствие чего информативность отдельных факторов может измениться. Различают ортогональные и неортогональные методы вращения. При ортогональном вращении факторы сохраняют свою статистическую независимость. Неортогональное (косоугольное) вращение допускает корреляцию между "вращенными" факторами, если это позволяет получить более простую для интерпретации структуру.

Интерпретация факторов (как до, так и после вращения) производится на основе матрицы факторных нагрузок, при этом учитываются значения нагрузок и их знаки. При интерпретации фактора принимаются во внимание, главным образом, те исходные переменные, которые имеют на него максимальные по абсолютной величине нагрузки. Если все значительные нагрузки имеют одинаковые знаки, фактор интерпретируется как "фактор размера", измеряющий "количество" некоторого свойства, определяемого с помощью соответствующих переменных. Если рассматриваются положительные и отрицательные нагрузки, фактор интерпретируется как "фактор формы", дифференцирующий объекты по обладанию некоторыми противоположными свойствами. Замечено, что во многих случаях в результате вращения факторы формы трансформируются в факторы размера.

Факторное шкалирование предполагает вычисление значений факторов для каждого объекта из выборки и, тем самым, "перенос" объекта из пространства исходных переменных в факторное пространство. Наиболее простым является регрессионное шкалирование, при котором значения исходных переменных суммируются с использованием специальных коэффициентов, называемых факторными весами (**см.**).

О.В. Терещенко

АНАРХИЯ (греч. anarchia – безвластие) – понятие, посредством которого обозначается состояние общества, достижимое как результат упразднения государственной власти. Анархизм – общественно-политическое учение, ставящее своей целью освобождение личности от давления всяких авторитетов и любых форм экономической, политической и духовной власти. Стремление к А. как образ мышления встречается у киников и в раннем христианстве, а также в хилиастических сектах средневековья.

Цельная теория А. и анархизма возникла в трудах английского писателя У. Годвина, сформулировавшего концепцию "общества без государства" в книге "Исследование о политической справедливости" (1793). Немецкий мыслитель М. Штирнер (**см.**) (сочинение "Единственный и его собственность", 1845) отстаивал индивидуалистическую версию экономического анархизма, сводя социальную организацию общества к "союзу эгоистов", целью которого явился бы обмен товарами между независимыми производителями на основе взаимного уважения "уникальности" личности каждого. Французский философ П. Ж. Прудон, стремясь теоретически обосновать анархистское движение ("Что такое собственность?", 1840), выдвинул тезис "Собственность есть кража". Исходя из того, что источником несправедливости в обществе выступает "неэквивалентный обмен" ("Система экономических противоречий, или Философия нищеты", 1846), Прудон видел необходимой организацию (без революционистского насилия) безденежного, эквивалентного обмена продуктами труда (товарами) между всеми членами общества (одновременно автономными частными производителями) при финансировании их деятельности при помощи "народного" (а не государственного) банка под минимальный ссудный процент. Это обеспечило бы, согласно Прудону, достижение реальной независимости личности от государства и постепенное отмирание последнего.

"Коллективистский" анархизм Бакунина (**см.**) ("Государственность и анархия", 1873) постулировал идею о том, что любое государство есть орудие угнетения масс и должно уничтожаться революционным путем. Социальный идеал Бакунина сводился к обустройству общества как "свободной федерации" крестьянских и рабочих ассоциаций, коллективно владеющих землей и орудиями труда. Производство и распределение, по Бакунину, должно было носить коллективный характер в контексте учета индивидуального трудового вклада каждого человека. В коммунистической версии анархизма Кропоткин ("Современная наука и анархия", 1920), опиравшийся на сформулированный им гипотетический "биосоциологический закон взаимной помощи" ("Взаимная помощь, как фактор эволюции", 1907), предполагал переход к федерации свободных коммун с предварительным уничтожением факторов разъединения людей: государства и института частной собственности. Последние по времени вспышки анархистских устремлений можно отнести к некоторым разновидностям движения "новых левых" на Западе.

А.А. Грицанов

"АНАТОМИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ" ("The anatomy of human destructiveness", 1973) – произведение Фромма (**см.**), посвященное проблеме агрессивности как биологического и антропологического феномена. Фромм вводит разделение агрессии "доброкачественной" – филогенетически заложенного импульса к атаке (или бегству) в ситуации, когда возникает угроза жизни, и агрессии "злокачественной" (деструктивности и жестокости). "Доброкачественно-оборонительная" агрессия необходима для выживания индивида и рода, имеет биологические формы проявления и затухает, как только исчезает опасность. "Злокачественно-деструктивная" агрессия присуща только человеку и практически не наблюдается у других млекопитающих; по Фромму, этот вид агрессии не имеет филогенетической программы и служит биологическому приспособлению. Фромм подвергает критике понимание агрессивности в инстинктивизме (отдельные положения учения Фрейда (**см.**), К.Лоренца и др.) и бихевиоризма (Б.Скиннер и др.). Инстинктивистские концепции трактуют агрессивность как постоянный фактор психической жизни, заданный биологически и имеющий тенденцию накапливаться и искать разрядки в деструктивных

поведенческих актах ("гидравлическая концепция агрессивности"). Бихевиоризм, по мысли Фромма, рассматривает агрессивность только в контексте визуально наблюдаемого поведения, исключая из анализа целостную человеческую личность. Как результат, бихевиористские концепции не могут объяснить психические явления, не обусловленные вызовами среды, и учесть мотивирующие поведение импульсы. Фромм считает, что и инстинктивизм, и бихевиоризм являются формами редукционизма, сводящими понимание человека соответственно либо к унаследованным из прошлого моделям, либо к некритическому воспроизведению сегодняшних социальных схем.

В качестве альтернативы этим моделям Фромм предлагает реформированный психоанализ как учение о характере и о конфликтах между характерологическими страстями, органично присущими личности, и необходимостью самоограничения. Фромм стремится опровергнуть представление о присущих человеку от рождения деструктивных наклонностях, используя для этого данные нейрофизиологии, психологии животных, палеонтологии и антропологии. Так, нейрофизиология показывает, что при отсутствии внутренних или внешних раздражителей импульсы зон мозга, активизирующие и сдерживающие агрессивность, находятся в состоянии подвижного равновесия (т.е. агрессивность не действует постоянно, а возникает ситуативно). Сам нейрофизиологический механизм обеспечения защиты жизни демонстрирует неочевидность значимости агрессивности, поскольку в физиологии мозга (и в поведении) не меньшую значимость имеет рефлекс бегства (нервные волокна и центры нападения и бегства расположены очень близко). При этом "инструментальная" агрессивность хищников нейрологически отлична от защитной агрессивности и у других животных не встречается; человек же в своем филогенезе не являлся хищником. Характерно, что в неволе животные значительно чаще проявляют агрессивность, чем в естественных условиях обитания. Причиной этого является сокращение жизненного пространства и разрушение структуры внутривидовых контактов. Однако аналогичные явления в человеческом обществе (аномия), по Фромму, имеют иную природу и связаны не столько с плотностью населения, сколько с ущербностью социальной структуры, утратой настоящих человеческих связей и жизненных интересов. Если решение проблем, связанных с перенаселением, у животных имеет биологические основания, то у человека – социальные и политические. Антропологические данные не подтверждают наличие деструктивности и жестокости у примитивных народов в процессе охоты, а также опровергают тезис о присущем человеку стремлении к господству (социальные отношения таких народов не определяются командно-подчиненной психологией). Войны первобытных народов не имеют характера массовых организованных действий; их эскалация экономически невыгодна.

В целом, по Фромму, воинственность является функцией цивилизационного развития. Агрессивность в обществе тем выше, чем выше степень разделения труда. Самыми агрессивными являются социальные системы, которым уже присуще деление на классы. Фромм полагает, что основой превращения человека в эксплуататора и разрушителя стала "революция городов" 4-3 тысячелетий до н.э. Рост производительности и разделение труда, превращение прибыли в капитал, необходимость централизованного учета готовой продукции обусловили классовое расслоение общества. В этот же период возникает собственно институт войн, направленных на захват ценностей и на преодоление политической и династической раздробленности. Возникшая социальная система изначально являлась эксплуататорской; власть в ней опиралась исключительно на силу, страх и подчинение. Городская цивилизация становится источником жажды власти (садизма) и страсти к разрушению жизни (некрофилии). Таким образом, деструктивность и жестокость не являются сущностными чертами человеческой натуры, однако могут достигать значительной силы и распространенности. Фромм считает, что их объяснение следует искать не в унаследованном от животных предков разрушительном инстинкте, а в тех факторах, которые относятся к специфически человеческим условиям существования. Так, даже в форме защитной реакции агрессивность у людей встречается значительно чаще, чем у животных. Фромм рассматривает ряд видов этой формы агрессивности, "собственно человеческих вариантов ее проявления"; их объединяют понятия псевдоагрессии и оборонительной агрессии. Псевдоагрессия (в виде непреднамеренной агрессии, игровой агрессии и агрессии-самоутверждения) обозначает "действия, в результате которых может быть причинен ущерб, но которым не предшествовали злые намерения". Оборонительная агрессия связана у человека с ответными реакциями на угрозы свободе, индивидуальному или групповому нарциссизму, на попытку лишения человека иллюзий, а также с конформистским или "инструментальным" поведением. В силу специфики человеческого существования она проявляется сильнее, чем у животного: человек реагирует не только на наличную, но и на возможную угрозу; он подвержен манипуляции, руководству, убеждению; человек нуждается не только в физических, но и в психических условиях выживания – прежде всего в "системе координат" и в объектах почитания. Главным условием снижения оборонительной агрессии, в силу невозможности изменения ее биологической основы, является, по мысли Фромма, устранение из жизни как индивидов, так и групп взаимных угроз. Это предполагает в первую очередь создание системы производства и распределения, обеспечивающей людям достойные условия бытия и исключающей или делающей непривлекательным стремление к господству одной группы над другими. В отличие от оборонительной, "злокачественная" агрессия не порождается инстинктами и присуща только человеку. Фромм утверждает, что она не нужна для физиологического выживания, но в то же время представляет собой важную составную часть человеческой психики. Деструктивность рассматривается им как возможная реакция на психические потребности, глубоко укорененные в человеческой жизни, как результат взаимодействия различных социальных условий и экзистенциальных потребностей человека. Фромм определяет человека как примата, начинающего свое развитие в момент эволюции, когда инстинктивная детерминация становится минимальной, а

развитие мозга достигает максимального уровня. Соответственно у человека возникают специфически человеческие (экзистенциальные) потребности, общие для всех людей и ориентированные на преодоление своего страха, изолированности, беспомощности, заброшенности, на поиск новых форм связи с миром. По Фромму, различные способы удовлетворения экзистенциальных потребностей проявляются в таких страстях, как любовь, нежность, стремление к справедливости, независимости и правде, в ненависти, садизме, мазохизме, деструктивности, нарциссизме. Именно страсти являются стержнем мотивационной сферы человека. Таким образом, "злокачественная" агрессия, по Фромму, является иррациональным (неконструктивным) вариантом ответа на экзистенциальные потребности.

Фромм различает "кажущуюся" деструктивность (необусловленные страстью к разрушению деструктивные действия, например ритуальные), "спонтанные" формы деструктивности (активизация деструктивных импульсов при чрезвычайных обстоятельствах, например деструктивность в состоянии экстаза, деструктивность как идеальная цель) и укорененную в характере деструктивность (садизм и некрофилия). Садизм Фромм определяет как страстное влечение к неограниченной власти над другим живым существом; развитию садизма способствует эксплуататорская социальная система и ситуация отсутствия "положительных стимулов" (в качестве "клинического случая анально-накопительского садизма" Фромм рассматривает Г.Гиммлера, "клинического случая несексуального садизма" – Сталина). Некрофилия, по Фромму, есть страсть к разрушению жизни и привязанность ко всему мертвому, разложившемуся, механическому. Одним из симптомов некрофилии Фромм считает присущее техногенному обществу вытеснение интереса к живому интересом к артефактам. Развитие некрофилии связывается им с определенными генетическими предпосылками; однако собственно некрофильский характер формируется под влиянием гнетущей, лишенной радости атмосферы в семье и – в первую очередь – "злокачественными" кровосмесительными узами. Примером "клинического случая некрофилии" Фромм считал А.Гитлера. "А.Ч.Д.", выступив одним из прецедентов многомерного психоаналитического подхода к анализу социальной проблематики, содействовала дальнейшей отработке методологии социологического психологизма.

М.Н. Мазаник

"АНДЕРКЛАСС" (далее – А.; от англ. under – "под") – термин, возникший в американской социологии в конце 1950-х – начале 1960-х, в рамках этнических и расовых исследований, для обозначения дискриминируемых этнических групп, компактно проживающих в гетто. Первоначально предполагал "исключенную" группу, которая в каком-то смысле находится вне основного направления движения общества, однако столь жесткая формулировка вызвала многочисленные возражения. В настоящее время используется в различных трактовках для обозначения дискриминируемых и "исключенных" групп с негативной коллективной идентификацией (**см.**), вне зависимости от их этнической принадлежности.

Проблемы социального неравенства волновали людей задолго до возникновения социологии (**см.**). Еще Аристотель в "Политике" писал, что в любом государстве (**см.**) есть три элемента: один класс очень богат, другой – очень беден, третий же – средний. Размышляя о стабильности государства, он отмечал, что у государств, в которых много бедняков исключено из управления, неизбежно будет много врагов, поскольку бедность порождает бунт и преступления.

В первых социологических трактовках "низшего" класса отсутствует единая терминология. К. Маркс (**см.**) в своей классовой теории выделял люмпен-пролетариат, который по своей сути являлся тем, что в современной социологии обозначается как А. Маркс определял люмпен-пролетариат как "остатки и отбросы всех классов". В эту группу он включал мошенников, жуликов, старьевщиков, содержателей публичных домов, шарманщиков, нищих и другие "отбросы общества". М. Вебер (**см.**) в работе "Основные понятия стратификации" указывал на существование "негативно привилегированного класса", в который он включал тех, кто не имел ни собственности, ни квалификации, которые можно было бы предложить на рынке. У.Л. Уорнер на основе разработанной им теории репутаций выделял 6 классов, из которых "низший низший" (низший слой низшего класса) состоял из наиболее бедных и отверженных членов общества.

Расовые и этнические исследования стали особенно актуальными в США и Западной Европе после второй мировой войны, вследствие захлестнувшей их волны иммиграции из стран третьего мира, а также процессов демократизации и либерализации общественной жизни, приведших к снижению уровня всех форм социального контроля (**см.**). Ожидаемой ассимиляции не произошло; "не принятые" этнические меньшинства самогеттоизировались, криминализовались, укреплялась их негативная коллективная идентификация; на этой почве развивалась катастрофическая эскалация этнических конфликтов. Возникла необходимость в пересмотре стратификационно-классовых схем, интегрировании в них расово-этнического фактора. Мнения о значимости этнического фактора в социальной стратификации (**см.**) разделились. В США, где социальную структуру (**см.**) традиционно представляют в виде "лестницы", лишенной жестких непроницаемых ("классовых") перегородок, А. рассматривается в терминах стиля жизни. Так, в качестве "симптомов" принадлежности черных гетто к А. называются "низкий уровень притязаний, низкий уровень образования, нестабильность браков, высокий процент незаконнорожденных, безработица, преступность, наркомания и алкоголизм, высокая заболеваемость, низкая продолжительность жизни" (К. Кларк). В Европе, где в исследованиях социальной структуры преобладает классовый подход, в рамках традиционных дискуссий между марксистами и веберианцами дебатируется вопрос о том, составляют ли иммигранты особые, наиболее обездоленные, слои рабочего класса (и, следовательно, не являются А.), или этническая принадлежность полностью лишает их статусных и властных преимуществ, в результате чего иммигранты оказываются в худшем положении, чем рабочий класс, не только в экономической сфере, но и в сфере потребления, т.е. образуют А.

Несколько позже понятие "А.", как и многие термины, касающиеся дискриминации и первоначально появившиеся в рамках этнических исследований, было распространено на все дискриминируемые и исключаемые группы. Согласно определению Ф. Паркина, А. образуется "в результате социального исключения групп с негативной коллективной идентификацией". Шведский экономист и социолог Г. Мюрдаль определяет низший класс как "ущемленный в своих интересах класс, состоящий из безработных, нетрудоспособных и занятых неполный рабочий день лиц, которые с большей или меньшей степенью безнадежности отделены от общества в целом, не участвуют в его жизни и не разделяют его устремлений и успехов". По определению К. Аулетты, А. состоит из четырех четко различимых категорий: 1) пассивных бедных граждан, как правило, в течение длительного времени получающих государственные пособия; 2) членов агрессивных преступных группировок, терроризирующих улицы большинства городов (в эту категорию нередко входят бросившие школу молодые люди и наркоманы); 3) людей, зарабатывающих на жизнь в "теневом" секторе экономики; 4) алкоголиков, бродяг, бездомных, попрошаек и выпущенных из мест заключения.

В современной социологии используются два основных критерия для выделения А. В первом подходе (преимущественно, американском) превалирует точка зрения на А. как на собрание антисоциальных элементов – это люди, не имеющие легальных средств существования, легальных доходов, профессии, легального занятия, легальной собственности. Он пополняется за счет несовершеннолетних правонарушителей, отчисленных из школ учащихся, наркоманов, живущих на пособие матерей-одиночек, грабителей, особо опасных преступников, сутенеров, торговцев наркотиками, попрошаек и т.п.

Согласно второму подходу (преимущественно, европейскому), А., помимо антисоциальных, включает также беднейшие слои населения. У индивидов, семей и групп населения, находящихся в состоянии бедности, отсутствует достаточное количество ресурсов для поддержания стандартов питания, времяпрепровождения, условий жизни и быта, традиционных для общества, к которому они принадлежат. Поэтому они "действительно исключены из нормальных отношений, жизненных традиций, деятельности" (П. Таунсенд) и с течением времени неизбежно начинают пополнять антисоциальные слои.

Рассматривая социальную структуру современной России, Н.М. Римашевская не использует термин А., но наряду с элитой и средними слоями выделяет слой "маргиналов", характеризующихся низкой адаптацией, асоциальными и антисоциальными установками в своей социально-экономической деятельности, а также "криминалитет", обладающий высокой социальной активностью и адаптацией, но при этом вполне рационально действующий вопреки легальным нормам хозяйственной деятельности.

В А. формируется специфическая культура. Характерные черты этой культуры – нежелание что-либо менять в жизни, иметь легальные доходы и занятия; презрение к общественным нормам, моральная деградация. Иногда эта культура формируется поколениями. Общество старается отгородиться от таких групп, внутри которых также появляется своя стратификация и субкультуры (**см.**). Существуют (и иногда даже специально создаются) отдельные поселения таких групп, контроль за которыми со стороны общества часто весьма затруднителен.

При всем многообразии стратификационных систем, А. ни в одну из них не входит, что показывает его существенную особенность среди других классов.

М.С. Терещенко

АНДРЕЕВА Галина Михайловна (р. 1924) – российский специалист в области социальной психологии, психологии социального познания. Окончила философский факультет МГУ (1950). Доктор философских наук (1965), профессор (1968), академик РАО (1994). В 1953-1968 – ассистент, ст. преподаватель, доцент, профессор кафедры исторического материализма философского факультета МГУ; в 1968-1971 – зав. кафедрой методики конкретных социологических исследований МГУ; зав. кафедрой (1971-1989), с 1989 – профессор кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ.

Основные работы: "Современная буржуазная эмпирическая социология" (1965 – одна из первых книг в СССР с обзором американской социологии); "Лекции по методике конкретных социальных исследований" (1972, редактор и соавтор – одно из первых учебных пособий для студентов-социологов); "Современная социальная психология на Западе: теоретические ориентации" (1978, в соавторстве); "Социальная психология" (1980, 1988, 1994, 1996, 1998 – первый в стране университетский учебник по данной дисциплине); "Межличностное восприятие в группе" (1981, редактор и соавтор – коллективная монография с результатами эмпирических исследований); "Общение и оптимизация совместной деятельности" (1989, редактор); "Психология социального познания" (1997 – первое в отечественной науке систематическое изложение проблематики относительно новой отрасли социальной психологии) и др.

АНДРОГИНИЯ – интеграция, сбалансированное сочетание мужских и женских (в традиционном понимании) характеристик, личностных черт.

Термин "А." возник и получил свое развитие в рамках психологии Юнга (**см.**). Изначально понятие "А." служило для обозначения литературного и психологического идеального типа (**см.**) личности (**см.**), для которого характерно гармоничное сочетание женской и мужской природы.

Понятие "А." было введено в феминистский дискурс в начале 1970-х. Концепция А. сформировалась в качестве реакции феминистской мысли на существующие в обществе гендерно-ролевые стереотипы и связанные с ними социальные ожидания дискриминационного характера. Суть такого рода стереотипов заключается в убежденности (на уровне массового сознания) в существовании коренных врожденных различий между полами (черты характера и особенности по-

ведения), предопределяющих социальные роли представителей каждого пола. Принцип А. акцентировал тот факт, что все люди, независимо от принадлежности каждого из них к определенному биологическому полу, являются, в первую очередь, не мужчинами или женщинами, а человеческими существами. Концепция А. имела своей целью упразднить стереотипы, препятствующие реализации личностного потенциала каждого человека (в первую очередь женщин), а также создать условия для формирования свободного мышления и идеологии эгалитарного развития личности.

Понятие "А." легло в основу концепции психолога С. Бем (Sandra Bem). Согласно результатам проведенных автором исследований, феминность и маскулинность представляют собой особые психологические типы и не связаны с биологическим полом (встречаются психологические типы "маскулинных женщин" и "феминных мужчин"). Предположение С. Бем заключалось в том, что типы поведения, традиционно воспринимаемые в качестве "мужского" и "женского", являются не противоположными полюсами одного континуума, а скорее двумя различными конфигурациями поведения. Как маскулинные, так и феминные черты проявляются в личности и поведении любого человека. В зависимости от степени выраженности маскулинных и феминных черт С. Бем выделила четыре (психологических) типа личности: маскулинный, феминный, недифференцированный и андрогинный. Для последнего типа личности характерна высокая степень выраженности как феминных, так и маскулинных черт.

Понятие "А." также получило разработку в трудах литературного теоретика К. Хейлбран (Carolin Heilbrun). А. рассматривалась в качестве возможного решения проблемы социально сконструированных гендерных ролей и связанной с ней проблемы гендерного неравенства. Андрогинная личность в данной концепции выступает в качестве идеального типа, ориентация на который способствует личностному росту и развитию представителей обоих полов. Женщины, по мнению автора, должны стремиться осваивать, имитировать типично мужские модели поведения, направленного на достижения (и тем самым приближаться к андрогинному идеалу).

Значение принципа А. в качестве феминистского идеала стало уменьшаться в связи с последовавшей критикой в 1980-1990-е. Сконструированный идеальный андрогинный тип человека сочетал в себе стереотипизированные "типично мужские" и "типично женские" черты. Таким образом, в рамках андрогинного идеала продолжали существовать социально сконструированные гендерно-ролевые стереотипы.

В.В. Костюк

АНКЕТА – социологический инструментарий, представляющий собой определенным образом структурированную систему вопросов, логически связанных между собой, а также с задачами и целями исследования.

А. состоит из: 1) введения; 2) основной части; 3) паспортички (демографического блока). Во введении содержится обращение к респонденту, излагаются цели исследования и то, как будут использованы результаты опроса, указывается, какая организация проводит опрос, даются ее контактные телефоны, оговариваются правила заполнения и возврата А., дается гарантия анонимности.

Основная часть А. содержит вопросы, направленные на исследование изучаемой проблемы. Демографическая часть (паспортичка) содержит вопросы о статусе респондента, например пол, возраст, образование, место жительства и др. (вопросы паспортички связаны с выборкой исследования). Весьма важным является верстка А. – компоновка вопросов А. в итоговую структуру. Нужно говорить о типографской верстке – четкость шрифта, использование цветной печати, хорошо воспринимаемый дизайн А. [нумерация и расположение вопросов, грамотное оформление таблиц, пояснений и др.; все вопросы А. должны быть пронумерованы по порядку, варианты ответов на вопросы также нумеруются по порядку. Категорически запрещается разрывать текст вопроса (и варианты ответов к нему) и переносить его со страницы на страницу; можно использовать рисунки для оживления текста А. и снятия психологического утомления респондента] и логической верстке, которая предполагает логическую последовательность вопросов, понятную респонденту, использование буферов, фильтров и др. (сама же последовательность вопросов может быть сформирована либо методом воронки, либо методом постадийного развертывания). Само же содержание блоков А. определяется исходя из проблемы и исследовательских задач.

Количество вопросов в А. лимитировано. Практика показывает, что А., требующая для заполнения более 45 минут несет в себе больше случайной или недостаточной информации (что связано с эмоционально-психологической усталостью респондента). Поэтому наиболее оптимальным считается заполнение А. в течение 35-45 минут, чему соответствует 25-30 вопросов. Однако при проведении, например, оперативных социологических исследований оптимальный объем опросника составляет 10-15 вопросов.

Составление А. предполагает ее проверку, апробацию. Так, для оценки качества А. и ее своевременной корректировки необходим пилотаж, т.е. проверка содержания А., формулировок и последовательности вопросов и вариантов ответов к ним. Пилотаж проводится на микровыборке опытным социологом в форме интервью с обязательной фиксацией ответов респондентов, их реакций на вопросы и комментариев к ним, времени, затраченного на опрос. Все это позволяет выявить недостатки инструментария, откорректировать и адаптировать А. к работе. После окончания полевых работ А. готовятся к обработке по традиционной схеме: 1) проверка на чистоту и полноту заполнения; 2) нумерация; 3) работа со свободными вопросами; 4) обработка на ЭВМ или вручную.

Е.Е. Кучко

АНКЕТЕР – человек, проводящий анкетный опрос. В большинстве случаев А. работают непрофессиональные социологи, что требует учебы и подготовки кадров опросной сети. Отбор потенциальных А. для дальнейшей работы в опросной сети проводится по анонсу и предварительным ре-

зультатам тестирования на коммуникабельность, быстроту реакции и др. Затем проводится учеба потенциальных А. в исследовательском центре. Непосредственно перед опросом проводится инструктаж А., где уточняется задание по организации и процедуре опроса, обсуждаются нюансы работы с анкетой (см.) и поиски респондентов, сроки выполнения работы и сдачи анкет. От правильно организованной работы А. во многом зависит качество получаемой в ходе опроса информации. Поэтому каждый А. должен осознавать личную ответственность по исполнению возложенных на него обязанностей. А. должен помнить, что именно он обеспечивает оптимальные условия для проведения и наиболее добросовестного, искреннего заполнения анкет. Поэтому каждый А. должен обладать организаторскими способностями, быть общительным, коммуникабельным, способным побудить респондента к сотрудничеству, создать атмосферу доверия и рабочую обстановку при заполнении анкет. Для этого А. должен четко следовать выборке и инструкции, хорошо знать инструментарий, ориентироваться в исследуемой проблеме, грамотно проинструктировать респондентов по технике заполнения анкеты и ее возврату. При этом А., проводящий опрос, не должен допускать дискуссий по теме исследования, навязывания своей точки зрения опрашиваемым и склонения их к какому-либо мнению, а также комментирования полученных ответов на вопросы анкеты. Категорически запрещается заставлять принимать участие в исследовании, торопить респондентов с ответами. В случае проведения анкетного опроса по месту работы категорически запрещается проводить анкетирование в кабинетах или в присутствии должностных лиц.

А. беспристрастен и нейтрален. Его задача – провести опрос, обеспечив при этом такие условия работы, которые гарантировали бы получение надежной информации. В случае группового или индивидуального анкетного опроса, А. должен подумать, где, в каком месте будет проведен опрос и как обеспечить условия для спокойной, самостоятельной работы по заполнению анкеты. Заполненные анкеты возвращаются либо в руки А., либо складываются на стол или опускаются в специальную урну. По окончании анкетирования А. должен представить в исследовательский центр отчетные документы опроса: 1) маршрутные листы (с указанием когда, где, в какое время проходил опрос и кто был опрошен), 2) заполненные анкеты, 3) отчет о проведенном опросе (с указанием кто, где, в какое время и в каком месте проводил анкетный опрос, сколько человек было опрошено, сколько было получено отказов от участия в опросе со стороны респондентов, какие отклонения от выборки имеются, какие есть замечания по процедуре опроса).

Е.Е. Кучко

АНКЕТИРОВАНИЕ – процедура заполнения анкеты (см.) респондентом. Для повышения качества информации необходимо соблюдать ряд требований, касающихся организации анкетных опросов (выбор объекта, учет ситуации и вида опроса) и правил поведения анкетера (см.) на объекте при проведении анкетных опросов.

Е.Е. Кучко

"АННАЛОВ" ШКОЛА или "Новая историческая наука" (La Nouvelle Histoire) – направление во французской исторической науке и историографии, задавшее нетрадиционный и высокоэвристичный системный подход в гуманитарном знании 20 ст. Главные представители А.Ш. – Л.Февр, М.Блок, Бродель, Ле Гофф – традиционно акцентировали лишь наличие общего "духа А." и сопряженное с ним отсутствие жестко задаваемого универсального методологического канона.

Возникновение А.Ш. датируется выходом в свет в 1929 в Страсбурге первого номера журнала "Анналы экономической и социальной истории" (послевоенное название издания – "Анналы: экономики, общества, цивилизации"), основанного Блоком и Февром. Традиционно в истории А.Ш. принято выделять следующие фазисы эволюции: 1929-1945 – жесткая критика А.Ш. подходов традиционной историографии Западной Европы (связана с именами Февра и Блока); 1945-1968 – утверждение и институционализация движения А.Ш. (Бродель, Э.Лабрусс, Ф.Арьес и др.); 1970-1980 – фрагментация А.Ш. ввиду обретения сю высокого интеллектуального статуса и значимой влиятельности в самых различных сферах общество- и человековедения (Ле Гофф, Ж.Дюби, М.Ферро, Ф.Фюре, А.Бюргьер, Э.Леруа Ладюри, А.Фарж, Ж.Ревель и др.). В качестве интеллектуальных источников А.Ш. рассматриваются первые упражнения в "неэлитной" (по объекту описаний) глобальной истории Вольтера, Шатобриана, Гизо, Мишле и др., неокантианская эпистемология В.Виндельбанда, Г.Риккерта и М.Вебера; творческая схема французского философа А.Берра (1863-1954) и историческая концепция Й.Хейзинги, социологические модели Дюркгейма и Мосса, а также послуживший точкой отсчета для исходных размышлений Февра и Блока "Критический манифест в адрес историков" французского социолога и экономиста Ф. Симиана (1873-1935).

Главное содержание переворота в совокупности принципов и подходов социального знания и историографии, осуществленного А.Ш., образуют следующие социально-философские и гносеологические максимы и тематизированные исследовательские программы: 1) критика общепринятых трактовок отношения между историком, историческим памятником и фактом истории; новое эпистемологическое понимание позиции историка, выведенное эмпирически и созвучное тезисам Дильтея о противоположности "наук о духе" "наукам о природе", а также неокантианским идеям о роли оценочных суждений, о необходимости применения метода "идеальных типов"; 2) установка на создание тотальной истории, которая объединила бы все аспекты активности человеческих обществ; в рамках А.Ш. осуществилась трансформация проблемных полей исторической науки: от экономической и интеллектуальной истории – к "геоистории", исторической демографии и истории ментальностей, перешедшей в историческую антропологию; 3) принципиально междисциплинарная практика исторического исследования и социальных наук (внимание к проблемам хронологии, анализу "длительности" и сопряженных измерений).

Согласно установкам представителей А.Ш., настороженно относящихся к любым (включая Гегеля, Маркса, Шпенг-

лера, Тойнби, Риккерта, М.Вебера) традиционалистским версиям философии истории, основной задачей истории как особо значимой науки о "человеке, человеке в обществе и во времени" выступает создание "всеобъемлющей" истории – "истории, которая стала бы центром, сердцем общественных наук, средоточием всех наук, изучающих общество с различных точек зрения – социальной, психологической, моральной, религиозной, эстетической и, наконец, с политической, экономической и культурной". Согласно модели миропонимания А.Ш., характер и (в самой значимой степени) результаты исторического исследования обусловливаются формулировкой исходной проблемы (с каковой данное исследование собственно и начинается), суть же проблемы в конечном итоге диктуется культурой того общества, к которому принадлежит сам историк. (А.Ш. отвергла установки историков позитивистского толка, следовавших принципам догматической привязанности исследователя к историческим источникам и ориентированных на профессиональное творчество в виде обильного цитирования и комментирования текста-"аутентичного источника".) Представители А.Ш. были убеждены, что памятник прошлого (письменный или вещественный), являющий собой текст или артефакт, дошедший от изучаемой эпохи, сам по себе неинформативен и нем. Как исторический источник он начинает выступать лишь тогда, когда историк приступает к его исследованию, в семиотическом смысле расшифровывая его язык; вне этого отношения исторический памятник правомерно полагать несуществующим. В эвристическом же аспекте трансформация сообщения исторического источника в исторический факт (феномен иного, более высокого понятийного статуса и историографического достоинства) осуществляется, согласно А.Ш., в рамках процедуры осмысления этого источника самим историком, включающим его в определенную систему интеллектуально-интерпретационных схем, связей и субординаций. А.Ш. исходит, таким образом, из идеи исходной "непрозрачности" исторического памятника, трактуя тем самым историческое исследование как "борьбу с оптикой, навязываемой источниками". Не "история-повествование", а "история-проблема" призвана находиться в фокусе внимания профессионала: согласно Февру, "данное" – это "творение историка... изобретение и конструкция, созданная при помощи гипотез и догадок... Это ответ на вопрос, и если нет вопроса, то нет ничего". Изучение истории в этом контексте может восприниматься как неизбывный диалог современности с прошлым, и в границах такого подхода та временная и культурная точка, из которой осуществляется изучение истории и определяющая видение историка, несет особую идейную нагрузку, ибо разворачивание исторического исследования осуществимо лишь от настоящего – в прошлое.

Ключевыми понятиями историографической традиции А.Ш. выступают следующие: "структура", "конъюнктура", "цикл", "ментальность". Пакетное понятие "структура" (structure) обозначает самые различные феномены жизни социума – духовный склад людей, глубоко укоренившиеся обычаи, привычный образ мышления, явления в экономике – обусловленные такими безличными началами, как география, климат, биосфера, почвенное плодородие; "структуры" замкнуты, устойчивы во времени, способны сопротивляться изменениям. Иногда термином "структура" в традиции А.Ш. характеризовалось общество в целом (традиционное или общество экономического роста). Понятие "конъюнктура" (conjoncture) в трактовке А.Ш. отображает определенный период эволюции общества с характерным для него сочетанием различных тенденций: совокупности демографических изменений, динамики технологий производства, движений цен и зарплаты. (Термин "цикл" используется представителями А.Ш. сопряженно понятиям "структура" и "конъюнктура".) Понятие "ментальность" (mentalité) относимо к сфере автоматических форм сознания и поведения людей; согласно установкам А.Ш., история ментальностей должна дополняться историей идеологий, историей воображения, историей ценностей. Реконструкция мира воображения людей прошлого и наиболее распространенных схем интерпретации ими действительности, уяснение соответствующей системы понятий выступают для А.Ш. не менее значимыми, нежели анализ социально-экономических структур исследуемого общества.

В целом максимы и методики А.Ш. сочетают в облике достаточно органичной констелляции самые разнообразные достижения и установки всего комплекса социально-гуманитарных дисциплин 20 ст.: интерес к социально-экономической и демографической истории вкупе с "историей повседневности" (в ущерб истории политической), компаративистские подходы, "математизация" истории с использованием компьютеров для обработки серийных источников, пафос междисциплинарности в исследованиях, особое внимание изучению природно-географической среды, акцентированный переход от исторического повествования к исторической интерпретации. Поворот в интеллектуально-ценностных ориентациях А.Ш., начавший осуществляться в конце 1980-х, характеризуется углубленной разработкой концепции Броделя о множественности социального и исторического времени, природа и качество которых изменчивы в разных социумах.

В конце 20 в. парадигма исторических изысканий А.Ш. все более приобретает облик своеобразной исторической социальной антропологии – конституируется обновленная глобальная концепция истории, объемлющая все достижения А.Ш. и включающая в свои рамки изучение и реконструкцию материальной жизни, менталитета, повседневности, выстроенные в смысловом поле понятия "антропология", охватывая при этом и совершенно новые области исследования: начинается изучение социальной природы и функций тела, жеста, устного слова, ритуала, символики и т.п. См. также: **Бродель.**

А.А. Грицанов

АНОМИЯ (франц. anomie – отсутствие закона, организации) – философско-социологическое понятие, используемое для обозначения состояния общества, при котором отсутствие или неустойчивость регулирующих отношения между индивидами и обществом императивов и правил приводит к тому,

что большинство населения оказывается "вне" общества, вступая в конфронтацию с ним.

Проблема А. была поставлена Дюркгеймом (см.) в книге "О разделении общественного труда" (см.), где в ходе анализа "ненормальных" форм этого разделения, была выделена А. Согласно Дюркгейму, состояние А. возникает тогда, когда разделение труда противостоит отношениям солидарности, в результате чего сопряженная стихийно установившаяся совокупность правил оказывается не в состоянии регламентировать отношения общественных структур. Состояние А. может характеризовать и отдельного индивида, находящегося в состоянии конфликта с обществом.

В "Самоубийстве" (см.) Дюркгейм выделил три типа самоубийств: "эгоистические", "альтруистические" и "аномические". Последние имеют тенденцию к росту во время общественно-экономических кризисов и катаклизмов, когда индивиды не могут приспособиться к быстро изменяющейся социальной ситуации. Дюркгейм считал А. одним из факторов общественного здоровья или нездоровья. А., по его мнению, порождая систематические отклонения от социальных норм, подготавливает и ускоряет перемены в обществе. То обстоятельство, что "А." начала являть собой термин академической теоретической социологии, явилось, в частности, свидетельством того, что в обществе 20 в. граница между нормой и патологией постепенно стирается.

Дюркгеймовская трактовка А. была развита Р. Мертоном (см.), который ввел систему понятий, описывающих феномен "отклоняющегося" (девиантного) поведения. В ряду элементов системы целей и интересов, задаваемых, по Мертону, данной культурой, важную роль исполняют общественные институты, определяющие и контролирующие общепринятые способы достижения этих целей. Согласно Мертону, девиантное поведение может быть охарактеризовано как симптом рассогласованности между избираемыми субъектами средствами реализации целей и общественно организованными способами их достижения. Мертон выделял две мыслимые разновидности несогласованности между элементами социокультурной структуры: а) ситуация, когда выбор альтернативных способов достижения целей ничем не ограничивается, разрешены любые средства и способы достижения этих целей; б) ситуация, когда деятельность по достижению целей становится самоцелью. В этом случае, по Мертону, "первоначальные цели забыты и ритуалистическая приверженность к институционально предписанному поведению принимает характер подлинной одержимости". Мертон считал, что А. "взывается к жизни" именно принятыми в обществе общепризнанными культурными ценностями и, в свою очередь, сопряжена с различным доступом к возможностям институционально допустимых средств достижения обусловленных культурой целей. Высокая степень дезинтеграции между этими средствами и целями вкупе с водоразделами социально-классовой структуры (что оставляет индивида в неопределенном, "деклассированном" состоянии, без чувства солидарности с конкретной группой) способствуют более частым проявлениям А.

А.А. Грицанов

АНОРЕКСИЯ (от греч. an – отрицательная частица, órexis – аппетит) – психопатологический синдром, выражающийся в навязчивом стремлении к снижению веса, которое реализуется при помощи диеты или полного отказа от еды, физических упражнений, приема лекарственных препаратов, воздействующих на аппетит и процессы выделения. В результате масса тела снижается на пятнадцать и более процентов от нормального уровня, замедляется процесс полового созревания, возникают нарушения в работе желудочно-кишечного тракта, эндокринной и сердечно-сосудистой систем. Иногда не удается избежать летального исхода, который наступает, согласно различным оценкам, приблизительно у одной двадцатой части всех больных. Наблюдается значительное искажение образа тела, пациенты недовольны своей внешностью и панически боятся поправиться, даже находясь в состоянии полного истощения. В медицинской литературе чаще используется термин "нервная А.", чтобы дифференцировать данное расстройство от снижения аппетита, которое наблюдается при многих хронических заболеваниях.

А. чаще всего начинается в подростковом возрасте, причем у женщин она встречается приблизительно в 10-20 раз чаще, чем у мужчин. В определенной степени сходным по своим клиническим проявлениям, а иногда и проявляющимся одновременно с А. расстройством, является синдром нервной булимии. Он выражается в приступах переедания и навязчивом стремлении контролировать свой вес. В результате больной стремится компенсировать излишний прием калорий, вызывая у себя рвоту, прибегая к голоданию либо к другим подобным методам. Булимия также является довольно распространенным среди женщин синдромом (они болеют приблизительно в 10 раз чаще, чем мужчины). В отличие от А. булимия не всегда угрожает жизни человека и может не приводить к значительной потере веса.

Большой интерес со стороны гуманитарных наук к А. и булимии объясняется несколькими причинами. Эти заболевания получили известность в 19-20 вв., то есть в эпоху значительных социальных перемен, причем число заболевших с каждым годом увеличивается. И А., и булимия рассматриваются как типичные болезни девушек из обеспеченных городских семей. Чем бы ни было обусловлено возникновение данных синдромов, очевидным является тот факт, что современный идеал женского тела, который усиленно пропагандируется массовой культурой, вызывает у многих женщин с "нестандартной" внешностью чувство собственной неполноценности и желание изменить себя. Обращает на себя внимание значительная гендерная диспропорция в распространенности заболевания. Наконец, диета практически во всех культурах рассматривается как символически насыщенная телесная практика.

Существует несколько теорий возникновения нервной А. В психоанализе (см.) А. рассматривается как подсознательный страх взросления и отказ от беременности (одним из важнейших эндокринных симптомов этого расстройства является аменорея). При этом подчеркивается символическое сходство приема пищи и оплодотворения. Психоаналитики также указывают на особенности семьи, в которых росли больные: власт-

ная, чрезмерной опеке мать и пассивный отец, фактически не принимающий участия в воспитании детей. Обычно в семье присутствует особое отношение к еде, заключающееся в закармливании детей или в культе стройного тела.

Достаточно популярным является объяснение нервной А. как следствия протеста женщины против социального давления. Первые случаи заболевания были описаны у девушек, принадлежащих к среднему классу (**см.**). Основываясь на их воспоминаниях, некоторые авторы называют А. болезнью "золотой клетки" (Г. Бруч). Подразумевается, что девушка из богатой семьи не имеет необходимости работать, она обеспечена всем необходимым и в то же время лишена самостоятельности. Попытка взять под свой контроль свое тело, сдерживать аппетит предоставляет ей единственную возможность для обретения автономии. Кроме того, современный канон женской красоты, действительно, предъявляет излишне строгие требования к весу и пропорциям тела, в силу чего он является практически недостижимым для женщины, имеющей детей. Пусковым моментом для развития у больных синдрома негативного отношения к своей внешности (дисморфофобии) часто служит ее изменение в период полового созревания и сопутствующие этому насмешки со стороны родственников и знакомых. При этом следует отметить особое отношение к телу в современном обществе, на которое указывают многие социологи, в частности Э. Гофман (**см.**). Драматургическая модель утверждает, что каждый человек является актером на социальной сцене, задачей которого является создание и поддержание положительного имиджа (**см.**). Тело играет важнейшую роль в этом процессе, оно является "проектом" "Я" в том смысле, что личность строит свое тело и тем самым демонстрирует свою успешность. Соответственно, поощряется контроль над телом, а его отсутствие рассматривается как значительный личностный недостаток. Критические замечания в адрес социальной этиологии нервной А. заключаются в том, что давление со стороны общества должно было бы вызывать нервную А. практически у всех склонных к полноте женщин, однако это не так. Чтобы объяснить этот парадокс, обычно указывают на преморбидные личностные особенности пациенток: мнительность, обидчивость, упорство в достижении целей, самолюбие, перфекционизм, гиперсоциальность. Интересно, что больные продолжают отказываться от пищи даже в том случае, когда их внешний вид начинает значительно отклоняться от телесного канона. Характерно, что пациентки часто не стремятся походить на каких-либо определенных женщин и не следят за своей внешностью в целом, они беспокоятся только о своем весе.

Некоторые представительницы феминизма (**см.**) утверждают, что оценка нервной А. как психического расстройства является неправомерной и представляет собой пример патологизации женского тела в фаллоцентрическом обществе. Отказ женщины от еды может являться вполне оправданной формой протеста против навязываемых извне требований (Д. Вуд). Однако следует заметить, что аменорея многих больных оставляет равнодушными. Кроме того, нервная А. возникает в подростковом возрасте, когда социальная норма фертильности не является высоко актуальной.

Еще одним возможным фактором развития нервной А. является стремление к тотальному контролю над своим телом, страх потери власти над витальными желаниями (в частности, над чувством голода), боязнь всего спонтанного и непосредственного. Больные испытывают удовольствие не столько от внешних оценок их фигуры, сколько от последовательного приближения к избранному телесному идеалу. Женщина, обладающая стройным телом, получает социальное одобрение не только за свой привлекательный внешний вид, но и за свои волевые качества. Б. Тернер предлагает интерпретировать А. и булимию как современный вариант древних телесных практик, имеющих непосредственное отношение к религии (**см.**). Контроль над телом является важным требованием христианской этики, залогом спасения души. В древних религиях можно было встретить не только аскетизм, но и оргии (как, например, в культе Диониса). Однако булимические оргии вызывают у больных сильное чувство вины и желание наказать себя за переедание, в то время как анорексический аскетизм приводит не к духовному освобождению, а к психическому рабству, когда все мысли и желания связаны лишь с контролем над телом.

Невзирая на обилие психологических, социологических и медицинских теорий А. и булимии, в настоящее время пока не разработаны методы их эффективного лечения и тем более профилактики.

Ю.Г. Фролова

АНТИСЕМИТИЗМ – форма национальной нетерпимости, выражающаяся во враждебном отношении к евреям в различных сферах социальной жизни и на различных уровнях социальной организации (бытовой, культурный, религиозный, политический А.) вплоть до геноцида (холокост).

Эмансипация еврейского населения, начавшаяся в европейских странах в конце 18 в., вызвала в качестве ответной реакции формирование идейных и идеологических установок антиеврейской направленности. Последние оказались самым тесным образом связаны с ортодоксальными христианскими учениями, обремененными негативными оценками евреев и еврейства, прежде всего в том, что касалось их религиозности и морали. А. долгие столетия существовал преимущественно в латентной форме, но в любой момент мог быть актуализирован, что и произошло при оживлении антисемитских движений.

В идеологической подготовке и сопровождении движений А. приняли активное участие ряд ортодоксальных христианских мыслителей, в частности де Бональд Мюссе во Франции, Юлиус Шталь в Пруссии и Себастьян Брунер в Австрии. Одна из базовых версий мировоззренческого обоснования А. предполагала трактовку христианства как единственно возможного гаранта общественной и индивидуальной морали современной цивилизации, краеугольного камня европейской культуры. Этот вид "нерелигиозного" христианства базировался на точке зрения о собственном принципиальном культурном превосходстве над иудаизмом, что очень легко трансформировалось в открытый А. Адепты подобного – "культурологического" – А. далеко не всегда были христиа-

нами в конфессиональном или догматическом смысле, но их творчество определялось глубоким укоренением в христианскую традицию, в которой они и находили свои аргументы. Выдвигались тезисы о моральной неполноценности евреев, об их неистребимом стремлении к мировому господству и т.д.

Идею о том, что исторически христианство может рассматриваться как более совершенная религия, нежели иудаизм, отстаивали даже такие предельно секуляризованные мыслители-антисемиты, как Вольтер и Е. Дюринг (**см.**). В целом сама социальная ситуация после начала процесса успешной эмансипации евреев в Европе, создавшая условия для возрождения прежде отвергаемого национального меньшинства, инициировала враждебность к нему социального большинства. Антисемиты стремились подчинить еврейство или вернуть его в ситуацию "до эмансипации".

Одним из важнейших аргументов, к которым прибегали и прибегают идеологи А., является указание на то обстоятельство, что антиеврейские проявления и даже систематическое насилие против евреев существовали еще в эллинистической Александрии и в Римском мире, т. е. задолго до утверждения христианства. Отождествляя эти античные феномены с А., можно было закрыть вопрос о поиске более поздних его корней. Поскольку единственным постоянным элементом, существовавшим на трех фазах (до христианства, при доминирующем христианстве и в новейшее время) являются сами евреи, то, согласно подобной схеме, и во всех бедах своей долгой истории евреи обязаны своей ментальной и актуальной враждебности к окружающим.

Необходимо отметить, что и в античные времена неевреи нередко демонстрировали настороженность в отношении живших среди них евреев, выходившую за рамки обычного напряжения, обычно существовавшего между любыми этническими группами, конкурировавшими между собой в экономическом и политическом отношении. Евреи преследовались эллинами и римлянами под предлогом борьбы с чуждыми им нравами, обычаями, бытом и религией. Верность своим религиозным предписаниям, среди которых самым важным был запрет на межэтнические браки, усиливала изоляцию еврейской общины. Разумеется, евреи проникали в нееврейский мир поначалу благодаря контактам со своими народами-соседями, потом сталкиваясь с завоевателями в своей собственной стране и лишь затем в общинах собственной диаспоры, которые были обязаны следовать религиозным традициям, отсутствовавшим в античном мире. Поскольку евреи не разделяли религиозных верований своих соседей, последние осуждали их и даже высмеивали как духовных слепцов. Это обстоятельство усиливало внутреннюю взаимосвязь евреев, помогало обеспечить их выживание как внутренне сплоченной социальной группы в условиях враждебного окружения. В качестве реакции на такое состояние развился комплекс фантастических представлений о еврейской ментальности и ее особенностях.

Отдельные характеристики древнего и современного А. схожи, но при более подробном анализе становятся видны и различия, которые следует отнести на счет христианского А., существовавшего в течение очень длительного времени, отделившего современный А. от античного. Христианский А. (стигматизация евреев на основе христианских учения и мировоззрения) не есть простое продолжение античных идей. Христианская враждебность дополнила прежние аргументы обвинениями, коренящимися в религиозном конфликте между христианством и иудаизмом, имеющим свои корни в непризнании евреями христианского мессии. Отсюда проистекает обвинение в Богоубийстве и т.п.: неприязнь к евреям принимает почти метафизическую сущность, которой она не имела в античные времена. "Христианский" А. имел и больший масштаб: поскольку ненависть к евреям была связана с самим ядром христианства, под его всеохватным влиянием она распространилась на все общество. Античный А. мог иметь религиозный привкус, определяемый иудаистским презрением к гедонистическим богам язычества, но по своей моральной интенсивности и общественным масштабам он не достигал энергичности своего христианского наследника. В то же время христианскому А. были присущи и толерантные элементы. В его рамках отторжение не было безусловным: для евреев, принявших христианство, делались исключения. На фоне нетерпимости христианской церкви к еретикам и представителям иных конфессий, толерантность к крещеным евреям считалась средством обращения всех евреев в истинную веру.

Современный А. объединяет наиболее пагубные черты античного и христианского предшественников. Как следствие христианского А. он унаследовал его духовную и социальную тотальность. Предубеждения против евреев (от смутного чувства неудовольствия до открытой враждебности) сохранились даже там, где духовная структура христианского мировоззрения была поставлена под сомнение. В итоге враждебность к евреям была замещена ожиданием того, что они в недалеком будущем будут адаптированы и ассимилированы. Христианская вера в очищение обращенных евреев от их вины и греховности не подвергалась сомнению. Ожидание ассимиляции евреев требовало ее эмпирической верификации. Отслеживание еврейского поведения в течение десятилетий после эмансипации на предмет его изменения в нужную сторону, представляло собой внешнюю сторону этой верификации. В то же время она была по существу манифестом скрытого А. Ведь если предполагалось, что процесс интеграции все еще можно установить по наблюдаемым фактам, то это означало только одно: евреи (каждый в отдельности и как группа в целом) все еще сохраняют свои характерные черты. И поскольку неизбывная порочность еврейского характера представлялась очевидной, постольку дальнейшее существование евреев в нееврейском мире становилось невозможным. Этот вывод нашел свое обоснование в расовой теории, которая в 1860-е получила свое псевдонаучное обоснование. Согласно этой теории, расы существенно отличаются между собой и это различие и определяет историю как таковую: в этом контексте конфликт семитской и арийской рас представлялся неизбежным. Первоначально эта гипотеза исследовалась только в историческом и лингвистическом отношении. Но в силу обстоятельств конфронтация между семитами и арийцами была увязана с различиями между евреями и христианами: все, что до сих пор говорилось о евреях, теперь было перенесено на семитов,

а арийцы рассматривались как единственный субъект христианства. Таким образом, обличения евреев и еврейства вышли за пределы исторического религиозного противостояния и вошли в научный контекст. А после этого стали предметом общественной дискуссии.

В 19 ст. расовая теория в ее социальном и политическом применении была обращена исключительно против евреев. Эта теория актуализировала идею исключения евреев из христианского социума, которую никогда не забывали радикальные антисемиты. Расовая теория способствовала превращению этой идеи в совершенно конкретную политическую доктрину, смысл которой нацисты видели в "окончательном решении еврейского вопроса".

К.И. Скуратович

АНТИТЕХНИЦИЗМ – мировоззренческая установка относительно функций и значимости техники в системе культуры, согласно которой техника и научно-техническое знание в целом объявляются негативной альтернативой культурным ценностям, а научно-технические достижения вызывают страх как возможные орудия порабощения человека. Сущность А. ярко выразил Н. Бердяев (**см.**): "Самая главная опасность состоит в том, что техника угрожает самому человеку... По чудовищному сцеплению обстоятельств человек становится снова рабом, рабом того, что он сам сделал, рабом общества машин, в котором сам он незаметно вырождается... Наступит время, когда машины станут настолько совершенными, что они будут действовать без какой-либо помощи человека, машины овладеют всей вселенной, автомобили и самолеты победят скорость, радио населит воздух музыкой умерших голосов; последние люди, став бесполезными, неспособными дышать и жить в этой технической среде, исчезнут, оставив после себя новую вселенную, созданную их разумом и их руками".

В основе А. лежит технический фетишизм – абсолютизация роли техники в обществе, восприятие техники как отчужденного мира, угрожающего человеку, как безличной силы, якобы повелевающей людьми. А. возник на рубеже 19-20 вв. в науке и массовом сознании как реакция на научно-технический прогресс и признание того, что технические достижения имеют непредсказуемые негативные побочные следствия (например, экологический и энергетический кризис), как протест против усиления влияния техники на образ жизни человека. А. отождествляет социальные функции техники с ее вещественными свойствами, признает автономию законов технической рациональности, а затем на этом основании пессимистически оценивает настоящее и будущее "технологической цивилизации" как обреченной на потерю человеческих ценностей или полную гибель. А. неразрывно связан со своей противоположностью – техницистской установкой в оценке роли техники и ее перспектив, поскольку обе эти позиции основываются на методологии технологического детерминизма (**см.**) и некритически оценивают технику, различаясь лишь знаком "плюс" или "минус".

В теоретической социологии позиции А. разделяют представители Франкфуртской школы (**см.**), теоретики контркультуры (**см.**), некоторые леворадикальные социологи диалектического направления. В работе "Диалектика Просвещения" (**см.**) Адорно (**см.**) и Хоркхаймера (**см.**) раскрыто негативное понимание науки и техники как орудий порабощения человека. В массовом сознании А. также тесно переплетен с антисциентизмом как мировоззренческой ориентацией, направленной на преуменьшение роли науки в общественной жизни.

Л.Г. Титаренко

АНТИУТОПИЯ – самоосознающее течение в литературе, представляющее собой критическое описание общества утопического типа. А. выделяет наиболее опасные, с точки зрения авторов, общественные тенденции. (В аналогичном смысле в западной социологической литературе употребляются также понятия "дистопия", т.е. "искаженная, перевернутая" утопия, и "какотопия", т.е. "страна зла".) А. можно представить в качестве своеобычной саморефлексии жанра социальной утопии (**см.**). А. существенно меняет ракурс рассмотрения идеального социума: подвергается сомнению сама возможность позитивного воплощения какого бы то ни было преобразовательного интеллектуального проекта. При этом, если в жанре традиционной утопии происходит воображаемое обращение авторов в прошлое и настоящее, то в стилистике А. доминирует обращенность в будущее.

Конституирование А. как особого интеллектуального жанра совпало по времени (20 в.) с установлением достаточно жестких общепринятых дисциплинарных границ в сфере гуманитарного знания, поэтому А. почти всецело представляет собой литературное явление. (Исторически А. ведет свое происхождение от сатирической традиции Свифта, Вольтера, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Г.К. Честертона и др., а также от жанра романов-предостережений, к которому обращались в своем творчестве А. Франс, Дж. Лондон, Г. Уэллс, К. Чапек и др.) 20 в. породил ситуацию, когда некоторые проекты утопических обществ с различной степенью самоадекватности стали реальностью. Разочарование в прогрессе, кризис идеалов европоцентризма, негативные эффекты функциональной дифференциации общества актуализировали жанр А., которая постоянно обращалась к репрессированным пластам общественной жизни. [Согласно мысли Оруэлла (**см.**), А. становится возможной лишь после того, как "утопия была дискредитирована".] Переход от абстрактного интереса по поводу проектов преобразования общества к опасениям, связанным с перспективой их претворения в жизнь, был сформулирован Бердяевым (**см.**): "Утопии выглядят гораздо более осуществимыми, чем в это верили прежде. И ныне перед нами стоит вопрос, терзающий нас совсем иначе: как избежать их окончательного осуществления?"

Главными темами А. выступают как проблемы невозможности непосредственного межиндивидуального общения вкупе с утерей личностью своего духовного мира (Замятин), так и абсолютизированные до крайности негативные тенденции современного общества: нивелирующее людей потребление (О. Хаксли), тотальный контроль бесчеловечной государственной власти (Оруэлл), прогрессирующий индивидуализм (Р. Шекли) и т.д. См. **Оруэлл, Новояз.**

А.А. Грицанов

АНТОНОВИЧ Иван Иванович (р. 1937) – белорусский и российский философ и социолог, специалист в области международных отношений, политической социологии. Окончил Минский педагогический институт иностранных языков (1960). Доктор философских наук (1973), профессор (1977). В 1960–1969 – младший научный сотрудник, старший научный сотрудник Института философии и права АН БССР; в 1969-1974 – сотрудник отдела социального развития ООН (Нью-Йорк, США), редактор журнала "Международное обозрение криминальной политики"; в 1975–1987 – на партийной работе в Белоруссии, преподавал в Белорусском университете. В 1987–1990 – проректор по научной работе АОН при ЦК КПСС; в 1990-1991 – секретарь ЦК Коммунистической партии РСФСР; 1992-1995 – директор научно-исследовательского института "Белинформпрогноз" при президенте Республики Беларусь. С 1995 по 1998 – зам. министра, министр иностранных дел Республики Беларусь.

Круг научных интересов А. – философская антропология, история зарубежной социологии. В научных трудах А. значительное место уделено исследованию проблем будущего человеческой цивилизации, социологической прогностике.

А. – автор более 300 научных публикаций, в том числе: "Современная философская антропология" (1970); "Социальная патология капитализма" (1974); "Социология США: проблемы и поиски решений" (1976); "Социальное развитие и проблема прогресса" (1977); "Капитализм и социальный контроль" (1976); "Буржуазная социологическая теория: Ч. 1. Этапы эволюции. Ч.2. Диалектика кризиса" (1980-1981); "Современный капитализм: социология кризиса" (1987); "Современный капитализм и социодинамика власти" (1990); "Социодинамика идеологии" (1994) и др.

АНТРОПОАНАЛИЗ (греч. anthropos – человек и analysis – разложение, расчленение) – одно из наименований психотерапевтического метода Бинсвангера (см.) и его последователей, основанного на антропологическом анализе природы и особенностей присущих человеку (индивиду) форм и способов "бытия-в-мире" (в т. ч. и отношений с миром). Создан в 1930-х в рамках экзистенциального психоанализа. В теоретическом и методологическом планах А. базируется на совокупности идей и концепций антропологического, феноменологического, психологического и экзистенциалистского толка.

В.И. Овчаренко

АНТРОПОЛОГИЯ (anthropology), реже – общая А. (general Anthropology) – преимущественно в англоязычных странах – совокупность научных дисциплин, изучающих человечество на всех исторических этапах его развития. А. фокусирует свое внимание, с одной стороны, на биологической и культурной дифференциации различных групп людей, с другой стороны – на тех интегративных чертах, которые позволяют представить человечество как единое целое. Антропологические дисциплины объединены рядом общих научных принципов и методологических подходов, среди которых особо выделяется "принцип холизма", ориентирующий на многоаспектный анализ изучаемых явлений. Как правило, к А. относят физическую А., археологию, антропологическую лингвистику и культурную А. Физическая (или биологическая) А. исследует биологические аспекты человеческого существования. В ее рамках выделяется палеонтология человека (палеоантропология), изучающая проблемы происхождения и эволюции человека как биологического вида. Ответвлением этого направления считается приматология, ориентированная на исследование социальных форм поведения человекообразных обезьян. Другое направление, с которым чаще всего ассоциируется название физическая А., исследует расовую дифференциацию человечества. Археология занимается анализом ископаемых материальных культурных объектов и реконструкцией на этой основе культуры и образа жизни древних народов. С достаточной степенью условности выделяют классическую археологию, изучающую древние цивилизации Средиземноморья, доисторическую археологию, ориентированную на исследование культур бесписьменных народов, и историческую археологию, верхний временной предел исследований которой доходит до сер. 19 в. Существует также представление об антропологической археологии как о субдисциплине, решающей такие сложные комплексные проблемы, как этногенез народов, доместификация животных или возникновение земледелия в различных регионах планеты. Антропологическая лингвистика исследует различные формы человеческой коммуникации, включая язык. В ее состав входит историческая лингвистика, изучающая происхождение языка как универсального феномена человеческой культуры, а также – генезис и историческое развитие отдельных языков; дискриптивная лингвистика – наука о фонетической и грамматической структуре языков; этнолингвистика, акцентирующая свое внимание на взаимодействии языка и конкретной культуры; социолингвистика, исследующая социальную обусловленность речевого поведения различных групп людей.

Культурная А. (реже – социальная А., социально-культурная А.) ориентирована на изучение культур отдельных народов и человечества в целом. При этом выделяется этнография – описание культур конкретных современных народов и этнология – сравнительный анализ и обобщение данных, собранных во время этнографических экспедиций. Сама же культурная А. выступает в виде высшей формы генерализации представлений об институтах культуры человечества, представленной в универсальной интерэтнической форме. В структуре антропологических дисциплин культурная А. занимает центральное место, так как, главным образом, именно в ее рамках и ее представителями вырабатывались базовые теоретические положения, характерные для А. в целом. В отдельных случаях в качестве самостоятельной антропологической дисциплины выделяют прикладную А., ориентированную на решение конкретных проблем (например, здравоохранения, образования, национальных меньшинств и т.д.). Институциональное единство антропологических дисциплин в ряде случаев (например в США) достигается на уровне университетского образования в рамках общих факультетов, а также – на уровне профессиональных ассоциа-

ций. В российской традиции термин А. изначально закрепился за физической А., а за культурной А. – этнография (последние годы – этнология).

П.В. Терешкович

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРНАЯ (cultural anthropology), реже – социальная или социально-культурная А. – преимущественно в англоязычных странах, в последние десятилетия во Франции и других странах континентальной Европы – наука о культуре во всех формах ее проявления и на всех исторических этапах ее развития. При этом культура понимается в предельно широком смысле как совокупность материальных объектов, идей, ценностей, представлений и моделей поведения.

Для современной А.К. характерны холистский подход (см. **Холизм**) к изучению культурных явлений, понимание культуры как формы биосоциальной адаптации, а также – этический и методологический принцип культурного релятивизма, постулирующий универсальную ценность каждой культуры вне зависимости от стадиального уровня ее развития. В качестве субдисциплин, отражающих уровень генерализации знаний, выделяют этнографию – описание культуры конкретного современного народа и этнологию – сравнительный анализ культур. Сама же А.К. выступает как обобщенное знание об основных институтах человеческой культуры, представленных в универсальной интерэтнической форме. Кроме этого, существует большое количество сфер специализации, в том числе: экологическая, экономическая, политическая, урбанистическая, аграрная, медицинская А., А. труда, А. образования и т.д. От других социальных наук А.К. традиционно отличала преимущественная ориентация на изучение культур бесписьменных народов, а также – специфический метод непосредственного наблюдения, используемый для сбора информации при проведении "полевых исследований" (экспедиций). Как самостоятельная наука А., первоначально под названием этнология, оформляется в конце 1830 – начале 1840-х. Термин А. закрепляется с начала 1870-х. Преподавание А. как учебной дисциплины начинается в 1879 в США (Рочестерский университет) и в 1884 в Великобритании (Оксфордский университет).

Формированию современной А. предшествовал длительный период развития антропологической мысли, истоки которого могут быть прослежены с эпохи античности. Так, Демокритом и Титом Лукрецием Каром были сформулированы оригинальные концепции антропо– и социогенеза, Гиппократ предложил идею о природно-географической обусловленности социально-психологических и политических явлений, Корнелий Тацит противопоставил цивилизованность дикости, отметив моральные преимущества последней. Активизация развития антропологических идей в Европе 16-18 вв. была обусловлена резким увеличением объема этнографической информации в результате Великих географических открытий. Значительную популярность в это время приобрела концепция "счастливого дикаря", развитая в трудах П. Мортира, М.Монтеня, Ж.-Ж.Руссо и Д.Дидро. На формирование А. 19 века большое влияние оказали идеи исторического прогресса, сформулированные А. Фергюсоном, Ж.А.М.Кондорсе и А.Р.Ж.Тюрго. Значительным было и влияние немецкой трансцендентально-критической философии, работ Г.Гердера, а также так называемой "мифологической школы" – компаративистского направления в европейской фольклористике и этнографии конца 18 – начала 19 вв.

Исторически первым чисто антропологическим направлением стал сформировавшийся во второй половине 19 в. в Великобритании и США эволюционизм (**см.**). Его наиболее известные представители – Э.Тайлор и Л.Г.Морган – полагали, что все народы и отдельные институты культуры (например, семья, религия и т.д.) проходят определенные эволюционные стадии развития. Именно этим объяснялось культурное разнообразие человечества. В отличие от эволюционистов представители так называемого диффузионизма объясняли культурную дифференциацию явлениями межкультурных контактов. Так, лидеры Германо-Австрийской школы диффузионизма Ф. Гребнер и В. Шмидт утверждали, что все значимые элементы культуры были изобретены однажды в пределах нескольких "культурных кругов" и потом распространились (диффузировали) между другими народами. Представители Английской школы диффузионизма У. Смит и Э. Пери полагали, что центром происхождения важнейших элементов цивилизации является древний Египет.

В начале 20 в. с критикой эволюционизма выступил основоположник школы культурного партикуляризма в США Боас (**см.**), который отвергал возможность генерализации в сфере культурных явлений, подчеркивал уникальность каждой культуры и постулировал принцип культурного релятивизма. Боас подчеркивал необходимость собирания как можно большего количества полевых материалов, противопоставляя его схоластическому теоретизированию. Другие критики эволюционизма и диффузионизма британские функционалисты Б.Малиновский (**см.**) и А.Радклифф-Браун (**см.**) (также как Боас) были сторонниками кропотливого собирания эмпирического материала как базы для создания антропологических теорий. Малиновский полагал, что культура является целостным явлением, каждый элемент которой выполняет определенную функцию по удовлетворению базовых или производных потребностей человека в обществе. В то же время Радклифф-Браун акцентировал внимание на том, что отдельные элементы культуры служат поддержанию социальной структуры (**см.**) общества, понимаемой как глобальная сеть социальных отношений.

В США в 1920-х сложилось еще одно теоретическое направление, получившее название "культура и личность" (реже, психологическое направление). Его создателями стали ученицы Боаса Р.Бенедикт (**см.**) и М.Мид (**см.**). Отталкиваясь от антиэволюционистских положений Боаса и концепций З.Фрейда (**см.**), они утверждали, что основополагающую роль в культурной дифференциации играют вариации форм детского воспитания. Одновременно во Франции в это же время сложилась школа учеников Э.Дюркгейма (**см.**), известного своим интересом к проблемам этнологии. Лидером этого направления стал М.Мосс (**см.**) – автор оригинальных исследований по традиционным формам обмена, этнической психо-

логии. К школе Дюркгейма был близок Л.Леви-Брюль (см.), разработавший концепцию о принципиальном отличии первобытного мышления от современного на уровне коллективных представлений. С именами Мосса и Леви-Брюля связано создание института этнологии в Парижском университете в 1926. В послевоенный период во Франции ведущим направлением в А.К. становится структурализм, лидером которого является К.Леви-Стросс (см.) – один из наболее известных антропологов современности. Опираясь на приемы, разработанные в лингвистике и когнитивной психологии, Леви-Стросс пришел к выводу о существовании ментальных структур, определяющих культурное и социальное поведение. Краеугольным камнем концепции Леви-Стросса стало положение о бинарных оппозициях как о базовой модели, позволяющей людям классифицировать элементы культуры и вырабатывать свое отношение к ним. В британской послевоенной А.К. ведущее место занимали продолжатели линии Радклиффа-Брауна Эванс-Притчард и М.Глакман (см.). Последний приобрел известность благодаря исследованию феномена конфликта как составного элемента структуры общества. Для американской послевоенной А. характерным стала реабилитация эволюционизма, что стало заслугой Л.Уайта (см.), автора оригинальной концепции о зависимости прогресса человечества от объема потребляемой энергии (получившей название "закон Уайта"). Другим представителем неоэволюционизма стал Д. Стюарт, предложивший концепцию полилинейной эволюции, учитывавшей специфику развития каждой культуры. Особый интерес Стюарта к проблемам взаимодействия культуры и окружающей среды позволяет считать его основоположником экологической А.К. Особое место в современной американской А.К. занимает личность К. Герца, известного своим подходом к изучению традиционной культуры (например, петушиных боев у балийцев) как интерпретации текста.

Развитие А.К. (этнографии) в России и, позже, СССР было отмечено значительным своеобразием. В последней трети 19 – начале 20 вв. большинство этнографов-практиков – Н. Миклухо-Маклай, В. Богораз, Л. Штернберг, М. Довнар-Запольский – занимались интерпретацией идей эволюционизма. Наибольший интерес в теоретическом плане представляли работы Ковалевского, посвященные общине и общинному землевладению как универсальным стадиальным формам развития социальных отношений. В послереволюционный период канонизация раннего эволюционизма в его марксистской (точнее, энгельсовской трактовке) на долгие годы застопорила развитие теоретической мысли. Этому же содействовала изоляция и, часто, агрессивное отношение к новым тенденциям в "буржуазной" этнологии. На рубеже 1960-1970-х сформировалось несколько оригинальных концепций в области теории этноса. Их создатели в разной степени отталкивались от концепции, разработанной в 1920-х русским ученым-эмигрантом А. Широкогоровым. Наибольшую известность приобрели работы Ю. Бромлея, попытавшегося соединить концепцию этноса с марксистским учением об общественно-экономических формациях и построить на этой основе модель эволюции этно-социальных общностей. В меньшей степени замеченной оказалась идея А. Арутюнова и Н. Чебоксарова о передаче информации как о механизме существования этносоциальных и биологических групп человечества. Наибольшей оригинальностью отличались приобретшие впоследствии широкую известность концепции Л.Гумилева (см.), открыто порвавшего с марксистской традицией и рассматривавшего этносы как биосоциальные феномены, развивающиеся согласно своим уникальным законам.

П.В. Терешкович

АНТРОПОЛОГИЯ ФИЛОСОФСКАЯ – см. **ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ.**

АНТРОПОТЕХНИКА – совокупность прикладных технических знаний для работы с человеком. Идея А. возникает в 20 в. как философский ответ на вызов тоталитарных идеологий, продемонстрировавших столь же эффективные, сколь и антигуманные технологии процесса воспитания "нового человека". Первые попытки формулировок технического отношения к человеку возникали в рамках объяснительных, дескриптивных философских теорий – например философская антропология (см.) М.Шелера (см.).

В рамках философско-социологического отношения к А. характерно формальное употребление категорий "человек" (см.) и "человеческое", направленное на формулировку принципов мышления об этом и решение проблемы принципиальной подверженности человека искусственным воздействиям и их ограничениям. Одним из ведущих мотивов для этих философских размышлений выступает расширение человеческих возможностей и границ. После Первой мировой войны А. эмансипируется от философии и начинает складываться как синтез воспитательных, психотерапевтических, а иногда и эзотерических практик. В А. входят методы работы с сознанием, психическими процессами, телесностью из христианства с его практиками медитации и аскезы, а также из восточных религий и культов. Разрабатываются и изобретаются различные формы тренингов: от аутотренинга начала века до заимствования методов и элементов у-шу, йоги и т.д. По мере накопления знаний, методического оснащения и опыта происходит институционализация отдельных антропотехнических подходов. Иногда они институционализируются в традиционной деятельности, например в педагогике (вальдорфская педагогика), в психотерапии, иногда за пределами традиционной деятельности (в эзотерических, харизматических сектах, молодежных сообществах, маргинальных группах, авангардистских течениях искусства). В своих крайних формах антропотехнические практики могут приходить в столкновение с законом и требуют правового регулирования. Речь идет не только о концептуальном обосновании употребления наркотиков в маргинальных группах (С. Гроф, Кастанеда), но и явлениях Кашпировского, Чумака, Джуны и др. на экранах массовых телевизионных программ. В последние годы 20 в. А. начинает рассматриваться как философско-концептуальная рефлексия многочисленных форм воздействия на сознание, психическую организацию и телесность человека, по большей части не контролируемых в самих этих практиках. С появле-

нием А. существенно расширяются представления о человеке: человеческий феномен перестает рассматриваться как натуральный, природный, биологический и все больше выступает как принципиальная возможность, потенциальность. Человек снова начинает рассматриваться в категориях "замысла", "проекта", "цели", "образа и подобия".

В.В. Мацкевич

АРГУМЕНТАЦИЯ (лат. argumentatio) – понятие, обозначающее логико-коммуникативный процесс, служащий обоснованию определенной точки зрения с целью ее восприятия, понимания и (или) принятия индивидуальным или коллективным реципиентом. С этой точки зрения, А. выступает как цельный, сложный, многоуровневый феномен, который регулируется логическими нормами и законами. Как речевая коммуникативная деятельность А. включает в себя нелингвистические компоненты, мировоззренческо-этические, психологические параметры, обеспечивающие вписывание того или иного научного знания в культуру. Структурно-функциональный анализ научной аргументации позволяет проводить необходимое четкое разграничение понятий "А.", "обоснование", "доказательство", которые часто используются как синонимы. Как всякий языковой феномен, процедура А. связана с соответствующими логическими формами. Подобно тому, как слову (словосочетанию) соответствует понятие, предложению – суждение, А. соответствует обоснование. Обоснование, таким образом, является логическим каркасом А. Разведение понятий обоснования и А. следует проводить по двум линиям – логической и языковой. А. не сводится лишь к логическому обоснованию, это не только логический, но и коммуникативный процесс, направленный на адекватное восприятие отстаиваемой точки зрения, ее субъектно-смысловую идентификацию, понимание и вписывание в культуру. В зависимости от специфики изучаемой предметной области в процессе научной А. используются различные виды обоснования. Исходя из специфики тезиса, привлекаемых аргументов и способа связи между ними, можно выделить такие виды обоснования, как доказательство, опровержение, подтверждение, объяснение, интерпретация, определение, оправдание и др. В строгом смысле слова доказательство представляет собой логический процесс, заключающийся в обосновании истинности того или иного положения с помощью других положений, истинность которых уже установлена. В соответствии с этим использование понятия доказательства в широком смысле слова (как всякое обоснование) является неточным. Всякое доказательство есть обоснование, но далеко не всякое обоснование есть доказательство. Различие между указанными видами обоснования заключается не только в логической структуре, включающей тезис, аргументы и способ связи между ними, но и в содержательном наполнении этой структуры. Как только логическая структура А. погружается в коммуникативно-прагматическое измерение, все ее компоненты, все виды обоснования приобретают дополнительные характеристики. Всякий коммуникативный процесс предполагает субъект-субъектные отношения, однако в качестве адресата в А. не всегда выступает конкретный человек, чаще всего он предстает как обобщенный представитель того или иного сообщества, которому адресован текст, концепция и т.п. А. как коммуникативно-прагматический процесс включает следующие основные этапы и соответственно компоненты: идентификация выдвигаемых концепций с идеально-смысловыми структурами реципиента (или их восприятие), понимание, принятие (непринятие), убеждение (его отсутствие). Обосновываемая концепция для определенного реципиента первоначально выступает как соответствующая информация, изложенная в научном тексте или в иной форме. Она еще не понята, не идентифицирована с идеально-смысловыми структурами реципиента, и тем более не принята им, она пока еще только воспринимается адресатом. До тех пор, пока субъект не включился в процесс "со-творчества" понимающих, в деятельностный процесс "по-знания", т.е. "приобщения к знанию", к смыслам используемых терминов, А. не стала действенной и знание существует только в виде определенной информации, не наполненной смыслами. Когда информация благодаря А. пропускается через интеллектуальные, социокультурные и этико-мировоззренческие установки познающего субъекта, это и создает предпосылки для ее расшифровки, т.е. идеально-смысловая идентификация предъявленной реципиенту концепции есть своего рода "предпонимание". Приобретая в рамках коммуникативной системы новые содержательные характеристики, различные виды А. обеспечивают не только восприятие, но и понимание выдвигаемой концепции. Гуманитаризация современной науки, с одной стороны, а также постоянно возрастающий уровень абстрактности теоретических и математических моделей А. обусловили трансляцию проблемы понимания из традиции герменевтики и гуманитарных наук в анализ естественнонаучного знания и науки в целом. Становится ясно, что не только уникальные объекты гуманитарного знания, с их неповторимостью, "непрозрачностью", "человеческим миром", но и объекты современного естествознания и математики с их сложным содержанием, высокоабстрактной конструктивностью, со снятой в их содержании "сделанностью", математическими формализмами нуждаются в расшифровке научных смыслов, распредмечивании и реконструкции познавательной деятельности. Понимание той или иной концепции является предпосылкой ее принятия и вписывания в культуру. Термин "принятие" используется, как правило, без достаточно четкой его экспликации. Как определенный компонент научной А. и коммуникативной связи субъектов творческой деятельности принятие предполагает понимание той или иной концепции, признание ее истинности или приемлемости, преломление через теоретические, интеллектуальные и этические установки познающего субъекта (реципиента), соотнесенность с господствующими в научном сообществе философско-мировоззренческими и теоретическими представлениями и в результате всего этого приобретение прагматических характеристик и параметров, алгоритмических измерений, позволяющих экспериментировать, действовать, поступать в соответствии с данной концепцией. Логические и коммуникативно-прагматические средства А. создают предпосылки не только для принятия тех или иных положений, концепций, но и для

формирования соответствующих убеждений рационального характера. Смена устоявшихся убеждений осуществляется именно через механизмы аргументационных конструкций. Используемые логико-коммуникативные приемы и способы А. работают на реализацию ее цели – формирование новых убеждений в том или ином сообществе.

Я.С. Яскевич

АРЕНД (Arendt) Ханна (1906-1975) – немецко-американский философ и политолог, доктор философии, член-корреспондент Германской академии языка и литературы (ФРГ), действительный член Американской академии политических наук. Профессор университета Чикаго (с 1963), профессор Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке (с 1967). Основные сочинения: "Происхождение тоталитаризма" (1951), "Человеческая ситуация" (1958), "Между прошлым и будущим. Шесть упражнений в политической мысли" (1961), "О революции" (1963), "О насилии" (1970), "Жизнь разума" (1971) и др.

Исследовала процессы и структуры труда (**см.**), производства и торговли, политические феномены революции (**см.**) и свободы, а также сформулировала основы современного понимания тоталитаризма (**см.**) как социального феномена 20 в. Центральная характеристика работ А. – реконструкция крупномасштабных социальных феноменов и процессов ("Между прошлым и будущим...") в предельном приближении их к масштабу конкретной человеческой жизни.

По мысли А., в изложении М.А. Можейко, – ведущей характеристикой любого общества является баланс между публичностью и приватностью, который в индивидуально человеческом измерении предстает в качестве возможности реализовать себя как в общественно-гражданской, так и в частной сферах. Нарушение гармоничного соотношения между этими сферами деформирует нормальное течение человеческой жизни. Так, дисбаланс в пользу публичности, характеризующий тоталитарные общества, предельно расширяет границы официальной легитимности, до минимума сводя возможности проявления человеком себя в приватной сфере. Между тем, согласно концепции А., индивидуальность человека, делающая осуществимыми главные репертуары его жизни, требует для собственного существования некого "приватного адреса" – неотчуждаемую ни при каких условиях "частную долю мира, фрагмент бытия", внутри которого творится частная жизнь, защищенная от вмешательства публичности, как на уровне коррекции, так и на уровне оценки. Разрушение таких преград между личностью и внешним миром (в первую очередь – государством) необходимо ведет к гибели человеческой индивидуальности. Жизненные ценности индивидуального (и – одновременно – исконно общечеловеческого) порядка заменяются идеологическими догмами, функционирующими в массовом сознании, с одной стороны – как догматы, ибо требуют бездоказательного принятия на веру и беспрекословной верности идее, а с другой – как клише, ибо предполагают стереотипные формы поведения, социальный "автоматизм". Не менее значимой для жизни является, однако, и сфера публичности. Согласно концепции А., именно и только здесь (а именно – в сфере политики) возможен такой феномен, как свобода.

Понятие "свобода" в творчестве А. весьма многозначно: наряду с традиционным его толкованием, А. выявляет и новые пласты его содержания. А. фиксирует, что свобода в сфере политики (**см.**) выступает как "сопротивление" – в контексте воздействия, как "особое личное мнение" – в контексте несогласия. В этом смысле в зоне приватности, где "свободность" человека задана как изначальная (по определению), свобода не конституируется в качестве специфичного феномена. И как исполнительское искусство не только требует взаимодействия между исполнителем и адресатом, но и является формой этого взаимодействия, так и свобода задает новые формы публичности. Согласно Можейко, креационный потенциал свободы, который инспирирует "начинание нового", фиксируется А. как реализующийся в особом срезе человеческой жизнедеятельности – "активности". В отличие от "труда" (labour), обеспечивающего воспроизводство биологических процессов человеческого организма, и "производства" (work), воспроизводящего неорганическое тело цивилизации, "активность" (action) выстраивается в рамках не субъект-объектных, но субъект-субъектных отношений. Она принципиально коммуникативна, и именно в контексте свободной коммуникации человек выступает не как "рабочее животное" (animal labourer) или "человек производящий" (homo faber) (в – соответственно – labour и work), но как творческий субъект "начинания нового". Источник свободы, таким образом, выводится А. как за пределы интеллектуальной сферы, так и за пределы эмоционально-волевой (ибо если разум формулирует цели, достижение которых вынуждает человека сообразовываться с требованиями внешних условий, то воля не позволяет ему отступить). "Активность", в сущности, внепрагматична и осуществляющееся в ее рамках общение есть цель самого себя. Между тем, свобода как проявление этой "активности" (избыточный продукт непрагматичного процесса) оказывается чрезвычайно значимой и "полезной" для общества, инспирируя его к новому, к "рождению того, чего еще никогда не бывало". Именно свобода, по А., в состоянии преодолеть даже барьеры тоталитарных общественных систем. В социально-событийной системе отсчета свобода реализуется, по А., как революция, которая не только разрушает "окаменелость" тоталитаризма, освобождая человека от ложных идеологических догм, но и привносит в мир "рождение нового". Таким образом, поскольку творческая креация нового возможна лишь для человека, обладающего индивидуальностью, воспитанной в рамках частной жизни, постольку свобода выступает связующим звеном между публичностью и приватностью, всеобщей историей и "уделом человека". Универсальные определения каждого существования, по А., – "рожденность" и "смертность". И, если на уровне индивида "рожденность" реализуется в "активности", т.е. в создании нового, то "смертность" – в утрате креативности, а значит, и индивидуальности. Соответственно этому, и на уровне общества "смертность" есть не что иное, как лишение человека индивидуальности, предпринятое в качестве масштабной акции, разрушение сферы приватности, т.е., иными словами, тотали-

таризм, предполагающий "тотального человека", представителя массы как конгломерата, целостность и сплоченность которого не имманентна, но является результатом целенаправленного насилия посредством идеологической обработки с последующим политическим манипулированием. "Рожденность" же на уровне общества есть "революция" как "перехват истории" и прорыв к творчеству и свободе.

АРОН (Aron) Реймон Клод Фердинанд (1905-1983) – французский философ, социолог, публицист. Учился в Высшей нормальной школе вместе с Сартром (1924-1928). С 1930 – профессор Кельнского, затем Берлинского университетов. После прихода Гитлера к власти возвратился во Францию, преподавал в Гаврском лицее, Тулузском университете. В 1955-1968 – зав. кафедрой социологии Сорбонны, с 1970 – зав. кафедрой современной цивилизации в "Коллеж де Франс". С 1962 – вице-президент Всемирной социологической ассоциации. С 1963 – член Французской академии моральных и политических наук. Почетный доктор Базельского, Брюссельского, Гарвардского университетов. В ранний период творчества испытал влияние баденской школы неокантианства, особенно своего учителя Л. Брюневиля, а затем – М.Вебера и Гуссерля. Опубликовал более 60 крупных монографических исследований, в которых философская рефлексия органично взаимопереплетается с теоретическими социологическими изысканиями, а также с исследованиями эпистемологических и методологических проблем исторического познания. Основные работы А.: "Критическая философия истории" (1935), "Измерения исторического сознания" (1961), "Разочарование в прогрессе" (1963), "Восемнадцать лекций об индустриальном обществе" (1963), "Эссе о свободах" (1965), "Этапы развития социологической мысли" (1967), "От одного святого семейства к другому. Очерки о воображаемых марксизмах" (1969), "В защиту упадочной Европы" (1977) и др. К А. вполне применима оценка, данная им Конту (см.): философ в социологии, социолог в философии.

Социальная действительность и процесс ее исторического развития, согласно А., в своих основных структурах надындивидуальны и подвластны строго научному анализу. Однако, это не отвергает микроанализа, раскрывающего намерения, ожидания, мотивы поведения действующих в исторических процессах лиц. Такой подход позволяет постигнуть все области социального целого в их связи между переменными величинами. А. – один из авторов концепции деидеологизации, которая, по его утверждению, дает возможность построить единственно верную "неидеологическую" теорию общества, изучающую "то, что есть в действительности". В 1963 А. опубликовал курс лекций, прочитанный им в Сорбонне в 1955-1956 под названием "Восемнадцать лекций об индустриальном обществе". Эту публикацию правомерно считать исходным пунктом широко распространенной в 1960-1970-х на Западе теории индустриального общества. Теоретико-методологической основой этой теории явилась концепция технологического детерминизма, базирующегося на постулате об определяющей роли техники (и технологии) в общественном развитии. Понятие техники А. трактовал как воплощение рациональной деятельности человека, его активного отношения к окружающей природной и социальной действительности. Понятие "индустриального общества" дало А. возможность установить связь экономического роста, определяемого статистически-математическим путем, с общественными отношениями и возможными иными видами роста – культурного, цивилизационного, политического. Поэтому максимизация роста – производства или потребления, с точки зрения А., не является абсолютным благом, и общественное развитие не следует понимать как "бег на скорость".

Согласно А., в границах индустриального общества утратил остроту и обоснованность исторический конфликт между капитализмом и социализмом, ибо они выступают как две разновидности одного и того же типа социума. Тем не менее, вопреки широко распространенной точке зрения, А. никогда не являлся апологетом теории конвергенции: он еще в 1966 предвещал неизбежное поглощение социализма капитализмом (а не их слияние) ввиду более высокой эффективности экономики Запада. Отмирание тоталитарных политических систем и идеологий, опиравшихся, в частности, на марксову концепцию исторического закона, обусловливается, по А., исторической обреченностью марксистско-ленинской теории общественного прогресса. А. утверждал, что "только либералы, пессимисты и, быть может, мудрецы призывают человечество брать на себя лишь те задачи, которые оно может выполнить. Поэтому они не делают историю и довольствуются тем, что комментируют ее. Марксисты принадлежат к другому семейству. Они соизмеряют задачи не со своими силами, а своими мечтами". В контексте обсуждения проблемы смысла и ценностей эволюции человеческой цивилизации симпатии А. на стороне гуманистической направленности социального знания, его "человеческого измерения". Такой теоретико-методологический подход, в его понимании, позволяет философско-социологическим концепциям углубляться в сложную сеть человеческих поступков. Основными компонентами и одновременно стержневой линией развертывания последних являются: связь "средства-цели", мотивации поведения, система ценностей, побуждающая людей совершать те или иные действия, а также ситуации, к которым действующий субъект адаптируется и в зависимости от изменения которых он определяет свои цели. История, по А., не может быть полностью обыденным знанием, поскольку это элиминирует ощущение свободы в истории: исторический макроанализ призван раскрывать намерения действующих в исторических событиях лиц. Только определенная философская система, по мнению А., может обеспечить историческую реконструкцию существенных связей между разнообразными данными о прошлом.

Е.М. Бабосов

АРТЮХИН Михаил Иванович (р. 1947) – белорусский социолог. Кандидат философских наук (1983), руководитель Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров Института социологии и социальных технологий НАН Беларуси (с 1999).

В 1970 окончил Брестский государственный педагогический институт, филологический факультет. После окончания

института работал учителем в средних школах Брестской области. Младший научный сотрудник отдела социологии культуры Института философии и права АНБ (1981-1985). Ученый секретарь Института философии и права АНБ (1985-1990). Старший научный сотрудник отдела социологии науки Института социологии НАН Беларуси (1990-1999).

Основные научные интересы: социология науки, научно-техническая политика стран с переходной экономикой, трудовые ресурсы как объект государственной социальной политики, научная миграция и проблемы ее государственного регулирования. А. участвовал в разработке концепции республиканского мониторинга миграции научных кадров, ее практической реализации.

А. – автор более 50 научных публикаций, в том числе на немецком и английском языках.

"АРХЕОЛОГИЯ ЗНАНИЯ" ("L'archeologie du savoir", 1969) – работа Фуко (см.), завершающая первый, так называемый "археологический период" в его творчестве и составляющая своеобразный триптих с работами "Рождение клиники. Археологический взгляд медика" (1963) и "Слова и вещи. Археология гуманитарных наук" (см.). Может быть рассмотрена как рефлексия структуралистских подходов и методов исследования знания над самими собой. Концептуально оформляет А.З. как особую дисциплину и метод исследования документально зафиксированных дискурсивных практик, а также взаимосвязи последних с социокультурными обстоятельствами их конституирования и практикования. Подход Фуко акцентированно противопоставлен традиции "истории идей", что вызвало необходимость радикальной ревизии понятийно-концептуального аппарата истории и философии науки и сопредельных дисциплинарностей. Фуко выводит возможности А.З. как метода за пределы узкой дисциплинарной спецификации, считая, что он, восстанавливая генеалогию знания, позволяет реконструировать целые культурно-интеллектуальные, исторически маркированные эпохи, выражаемые через понятие "эпистема" в работе "Слова и вещи. Археология гуманитарных наук", но практически не используемом в "А.З." Тем самым "А.З." не только подводит черту под первым периодом творчества автора, фиксируя его определенную концептуальную завершенность, но и намечает разрыв с ним, открывая перспективу движения Фуко в новый (постструктуралистский) период его творчества.

Понятие концептуальных (эпистомологических) разрывов (как переинтерпретация аналогичного понятия Башляра), примененное Фуко для анализа продуцирования целостностей дисциплинарных дискурсов, оказалось способным зафиксировать и переориентацию его собственного философского подхода. Этот последний, отличаясь цельностью, методологически развивал те же идеи, которые автор высказал в своих ранних работах, но концептуально строился далее на других основаниях (термины "археология знания", а тем более "эпистема", после работы "А.З." практически не употреблялись), фокусируясь вокруг концепта "власти-знания". Что же касается собственно "А.З.", то эта работа сместила анализ Фуко с проблематики рефлексии пределов, в которых люди того или иного исторического периода только и способны мыслить, понимать, оценивать, а следовательно, и действовать, на рефлексию механизмов, позволяющих тематически концептуализировать возможные в этих пределах (эпистемах как общих пространствах знания, как способах фиксации "бытия порядков", как скрытых от непосредственного наблюдателя и действующих на бессознательном уровне сетей отношений, сложившихся между "словами" и "вещами") дискурсивные практики. Одна из ключевых методологических задач работы – окончательное развенчание представления классического рационализма о прозрачности сознания для самого себя, а мира для человеческого (как трансцендентального) сознания. Ни сознание (в своем "подсознательном"), ни мир (в своей социокультурности) "непрозрачны", они сокрыты в исторических дискурсивных практиках, выявить исходные основания которых и есть задача А.З. как дисциплины и метода. Вторая ключевая методологическая установка работы – избегание модернизирующей ретроспекции, что требует рассмотрения выявленных прошлых состояний культуры и знания при максимально возможном приближении к их аутентичному своеобразию и специфике. Третья – избавление в анализе от всякой антропологической зависимости, но вместе с тем обнаружение и понимание принципов формирования такой зависимости.

В соответствии с заявленными установками и тематизмами и строится структура работы. "А.З.", кроме введения и заключения, подразделяется на три части: "Дискурсивные закономерности" (7 параграфов), "Высказывание и архив" (5 параграфов) и "Археологическое описание" (6 параграфов). Первая часть работы рассматривает прежде всего специфику дискурсивных анализов как формы организации (по)знания. "Поначалу, – указывает Фуко, – нам требуется провести сугубо негативную работу: освободиться от хаоса тех понятий, которые (каждое по-своему) затемняют понятие прерывности". Это такие традиционно применяемые в анализах понятия, как традиция, развитие и эволюция, "ментальность" или "дух", т.е. те, которые исходно предполагают встраивание "единичностей" в некие предзаданные целостные ряды с нерефлексируемыми основаниями и принципами их конструирования. Все они – "неосознанные непрерывности, которые задним числом организуют дискурс, составляющий предмет нашего анализа". Тем же операциям необходимо подвергнуть и те целостные культурные формы, в которых принято фиксировать целостность и неизменность определенных содержаний. Речь идет прежде всего о таких кажущихся очевидно-однозначными понятиях, как "книга" и "произведение". Однако внимательный взгляд исследователя обнаруживает, что "границы книги никогда не очерчены достаточно строго", а "единство книги, понимаемое как средоточие связей, не может быть описано как тождественное". Еще неоднозначнее, согласно Фуко, понятие "произведение", которое не может быть исследовано "ни как непосредственная, ни как определенная, ни как однородная общность". "Мы допускаем, что должен существовать такой уровень (глубокий настолько, насколько это необходимо), на котором произведение раскрывается во всем множестве своих составляющих, будь то

используемая лексика, опыт, воображение, бессознательное автора или исторические условия, в которых он существует. Но тотчас становится очевидным, что такого рода единства отнюдь не являются непосредственно данными, – они установлены операцией, которую можно было бы назвать интерпретативной (поскольку она дешифрует в тексте то, что последний скрывает и манифестирует одновременно)". Нужно признать многоуровневость и разрывность в организации дискурса, наличие в нем "глубинных структур" и "осадочных пластов" и прервать, тем самым, нерефлексируемую игру "постоянно исчезающего присутствия и возвращающегося отсутствия", проблематизировать все наличные "квазиочевидности". При этом нет необходимости "отсылать дискурс к присутствию отдаленного первоначала", а необходимо понять, "как взаимодействуют его инстанции". Во имя методологической строгости необходимо уяснить, что можно иметь дело только с общностью рассеянных в поле дискурса событий как с горизонтом для установления единств, которые формируются в нем. "Поле дискурсивных событий ... является конечным набором совокупностей, ограниченным уже сформулированными лингвистическими последовательностями..." В отличие от анализа истории мысли, двигающегося из прошлого к настоящему, в дискурсивных анализах мы двигаемся в обратном направлении, пытаясь выяснить, "почему такие высказывания возникают именно здесь, а не где-либо еще?" Речь идет о том, "чтобы заново восстановить другой дискурс, отыскать безгласные, шепчущие, неиссякаемые слова, которые оживляются доносящимся до наших ушей внутренним голосом". В этом смысле анализ мысли "всегда *аллегоричен* по отношению к тому дискурсу, который он использует".

Фуко интересует проблема условий самой возможности того или иного типа дискурса (как связанной определенным образом совокупности высказываний), в том виде, в каком он есть, и на том месте, на котором он есть. "Основной вопрос такого анализа можно сформулировать так: в чем состоит тот особый вид существования, которое раскрывается в сказанном и нигде более?" В этом ключе Фуко рассматривает ряд гипотез, пытающихся объяснить сложившиеся дисциплинарные общности (медицины, грамматики, политической экономии), и показывает их несостоятельность. Это гипотезы, видящие общность как образованную: 1) совокупностью высказываний, соотносящихся с одним и тем же объектом (обнаруживается изменение объекта в истории и в разных аспектах дисциплинарных дискурсов); 2) единством формы и типов сцепления высказываний, их стилем (выявляется наличие разных типов высказываний в дисциплинарном дискурсе); 3) группой высказываний внутри определенной системы постоянных и устойчивых концептов, концептуальной архитектоникой дисциплины (фиксируются эпистемологические разрывы в развитии любого знания); 4) тождественностью тем (наличествуют случаи присутствия одной и той же темы в разных дискурсах). Учитывая неудачи всех этих попыток, Фуко предлагает "попытаться установить рассеивание точек выбора и определить, пренебрегая любыми мнениями, тематические предпочтения поля стратегических возможностей". С его точки зрения, речь в этом случае идет об условиях возможности "дискурсивных формаций". Дискурсивные данные перераспределяются внутри них в соответствии с правилами формации. Внутри дискурсивных формаций различаются объекты, модальности высказываний, концепты и тематические выборы. Все они подлежат специальному анализу. Так, объекты дискурсов задаются: 1) поверхностью их проявления, различной для различных обществ, эпох и форм дискурса; 2) инстанциями разграничения; 3) решетками спецификации. Однако план выявления (1), инстанции разграничения (2), формы спецификации (3) не формируют полностью установленные объекты, которые в дискурсе инвентаризируются, классифицируются, называются, выбираются, покрываются решеткой слов и высказываний. "Дискурс это нечто большее, нежели просто место, где должны располагаться и накладываться друг на друга – как слова на листе бумаги – объекты, которые могли бы быть установлены только впоследствии". Кроме того, появляется несколько планов различий, в которых могут возникать объекты дискурса, что ставит вопрос о связи между ними. Таким образом, дискурс характеризуется не существованием в нем неких привилегированных объектов, а тем, как он формирует свои объекты, которые остаются при этом рассеянными, т.е. установленными отношениями между инстанциями появления, разграничения и спецификаций (в которых любой объект исследуемого дискурса обретает свое место). Отсюда: 1) объект существует в позитивных условиях сложного пучка связей; 2) отношения, внутри которых появляется объект, не представлены в объекте, не определяют его внутренней конституции; 3) сама система отношений имеет несколько уровней, они как связывают дискурс с условиями его появления, так и формируются внутри самого дискурса (вторичные, рефлексивные, собственно дискурсивные отношения); 4) дискурсивные отношения характеризуют "не язык, который использует дискурс, не обстоятельства, в которых он разворачивается, а самый дискурс, понятый как чистая практика". Объекты связываются тем самым не с "сутью вещей", а с совокупностью продуцирующих их правил. Они суть "не вещи", а дискурсивные объекты. Как таковые они не могут быть поняты вне дискурсивных практик и не могут быть редуцированы к их словарю (они – "не слова"). "Безусловно, дискурс – событие знака, но то, что он делает, есть нечто *большее*, нежели просто использование знаков для обозначения вещей. Именно это "нечто большее" и позволяет ему быть несводимым к языку и речи". В то же время способ сцепления высказываний между собой должен стать предметом специального рассмотрения в аспекте выяснения того, "почему появляются именно эти высказывания, а не какие-либо другие?" В этой связи возникает ряд вопросов, требующих ответов: 1) кто говорит, хранит данный вид языка и в силу каких своих характеристик; 2) исходя из какой институционализированной области разворачивается тот или иной дискурс; 3) какова позиция субъекта относительно различных областей и групп объектов (вопрошание осуществляется в соответствии с определенной решеткой исследования, даже если она не эксплицирована). Обновление дисциплинарных точек зрения в рассматриваемом ракурсе выступает как об-

новление модальностей, установление новых отношений между различными элементами в дискурсе. "Но ведь если существует общность, если модальность высказываний, которые в ней используются и в которых она раскрывается, не являются простым совпадением исторически случайных последовательностей, то таким образом устойчивые пучки связей решительно вводятся в обиход". В этом дискурсивном анализе, указывает Фуко, различные модальности высказываний манифестируют рассеяние, отсылая к различным статусам, местам и позициям субъекта в ходе поддерживаемого им дискурса, "к различным планам прерывности, "из которых" он говорит". Связь между этими планами устанавливается складывающимися в специфике дискурсивной практики отношениями. Дискурс не есть феномен выражения. Скорее, он есть "поле регулярности различных позиций субъективности". Таким образом, "дискурс – это внешнее пространство, в котором размещается сеть различных мест". Следовательно, как строй объектов дискурсивной формации нельзя определить через "слова" или "вещи", так и порядок высказываний субъекта нельзя понять ни с позиции трансцендентального субъекта, ни с позиции психологической субъективности.

Следующая задача, которую ставит перед собой Фуко, – описание поля высказываний, в котором появляются и циркулируют концепты дискурсивной формации. Это предполагает выявление рельефа поля высказываний: 1) последовательностей и прежде всего возможных распределений рядов высказываний, их типов зависимостей, риторических схем; 2) форм сосуществования, которые, в свою очередь, намечают: а) поле присутствия (совокупность всех спродуцированных высказываний независимо от их статуса, но в соответствии с ним); б) поле совпадений (концентрации высказываний разной дискурсивной природы вокруг областей объектов); в) область памяти (высказывания, уже не присутствующие в дискурсах актуально, но по отношению к которым устанавливаются родственные связи, генезис, изменения, историческая прерывность и непрерывность); 3) возможностей вторжения [выявляемых в: техниках переписывания (например линеарности в табличность); методах транскрипции высказываний; способах взаимоперевода качественных и количественных высказываний; правилах применения; структурном анализе взаимоотношений элементов; приемах разграничения областей истинности высказываний; способах переноса типов высказываний из одного поля приложения в другое; методах систематизации уже существующих пропозиций; методах перераспределения высказываний]. Таким образом, дискурсивная формация на уровне концептов порождает весьма ощутимую гетерогенность. "Но принадлежит собственно дискурсивной формации, разграничивает группу совершенно разрозненных концептов и определяет их специфику только самый способ, который позволяет различным элементам устанавливать связи друг с другом". По сути речь идет не об описании концептов, а о концентрации анализа "вокруг некоего *доконцептуального* уровня, подчиняясь правилам которого различные концепты могут сосуществовать в одном поле". Этот уровень не отсылает ни к горизонту идеальности, ни к эмпирическому генезису абстракции, – "мы вопрошаем об уровне самого дискурса, который не является более выражением внешнего, а, напротив, местом появления концептов". Тем самым выявляется совокупность определенных правил, находящих свое приложение в горизонте дискурса. "В анализе, который мы здесь предлагаем, правила формации имеют место не в "ментальности" или сознании индивида, а в самом дискурсе; следовательно, они навязываются в соответствии с неким видом анонимной единообразности всем индивидуумам, которые пытаются говорить в этом дискурсивном поле". Доконцептуальный уровень позволяет выявить закономерности и принуждения, делающие возможной гетерогенную множественность концептов. Вывод, который делает Фуко из анализа концептов дискурсионной формации, гласит: "...Нет необходимости прибегать ни к допущению горизонта *идеальности*, ни к эмпирическому движению *идей*". Следующий предмет внимания автора – темы и теории в дискурсивных формациях, которые он предлагает обозначать как стратегии – независимо от их формального уровня. Проблема – механизмы их распределения в истории. С помощью исследования стратегий возможно выявление: а) точек несовместимости – объектов, высказываний, концептов, находящихся в одной и той же формации; б) точек эквивалентности (несовместимых элементов, сформированных одним и тем же способом); в) точек сцепления систематизации (формирующих ряды элементов). Далее необходимо исследование инстанций решений, позволяющих реализоваться тем или иным стратегиям, т.е. механизмов, формирующих принципы исключения из дискурса и возможности выборов внутри и между дискурсами. Затем важно выявить механизмы вовлечения дискурса в поле недискурсивных практик, т.е. порядок и процесс присвоения дискурса, травестирования его в решения, институты и практики. Кроме того, речь может идти и об возможных позициях желания по отношению к дискурсу. Таким образом, дискурсивные формации в своих стратегиях "должны быть описаны как способ систематизации различных трактовок объектов дискурса (их разграничения, перегруппировки или отделения, сцепления и взаимообразования), как способ расположения форм высказывания (их избрания, установления, выстраивания рядов и последовательностей, составления больших риторических единств), как способ манипулирования концептами (для чего необходимо дать им правила применения, ввести их в отдельные устойчивости и, таким образом, конституировать концептуальную архитектонику)". Над этими стратегиями надстраиваются элементы второго порядка, собственно и организующие дискурсивную рациональность. Тем самым нет никаких оснований "соотносить формации теоретических предпочтений ни с основополагающим замыслом, ни со вторичной игрой мнений и воззрений". Сам "выбор стратегий не вытекает непосредственно из мировоззрения или предпочтения интересов, которые могли бы принадлежать тому или иному говорящему субъекту, но сама их возможность определена точками расхождения в игре концептов". Стратегии строятся в соответствии со сложившейся системой "вертикальных зависимостей", спродуцированных в дискурсивной формации и подтверждаемых дискурсивными практиками, задавая принципы "финальной сборки текстов". Знание "за-

кономерностей" организации дискурсивных формаций в их соотношении с дискурсивными практиками позволяет, согласно Фуко, перейти к рассмотрению правил образования дискурсов, выводимых из него самого. Рассмотрению этих вопросов и посвящена вторая часть его работы ("Высказывание и архив"). Она начинается с рефлексии традиционного понимания элементарной общности дискурса как высказывания. Проведя анализ последнего, Фуко показывает, что оно, соотносясь, но не совпадая, с понятиями пропозиции, фразы и акта формулирования, остается неопределяемым ни через одно из них. "Во всех трех случаях, – констатирует Фуко, – очевидно, что предложенные критерии слишком многочисленны и неоднозначны и не объясняют высказывание во всем его своеобразии". Во всех трех случаях высказывание играет роль относящегося к существу дела, не передаваемому ни одним из них: "...В логическом анализе высказывание является тем, что остается после извлечения и определения структуры пропозиций; для грамматического анализа оно – ряд лингвистических элементов, в которых можно признавать или не признавать форму фразы; для анализа речевых актов оно представляет собой видимое тело, в котором проявляются акты". Высказывание суть не структура, "но функция существования, принадлежащая собственно знакам, исходя из которой можно путем анализа или интуиции решить, "порождают ли они смысл", согласно какому правилу располагаются в данной последовательности или близко друг к другу, знаками чего являются и какой ряд актов оказывается выполненным в результате их формулирования (устного или письменного)". В этом смысле Фуко говорит о том, что отношение высказывания к тому, что высказывается, не совпадает ни с какими другими отношениями. Отношения, которые оно поддерживает с тем, что высказывает, не тождественны совокупности правил применения. Только внутри определенных отношений высказывания можно установить отношение пропозиции к референту и фразы к ее смыслу. Коррелятом высказывания выступает совокупность областей, в которых могут возникать данные объекты и устанавливаться данные отношения. Он устанавливается по законам возможности, правилам существования для объектов, которые оказываются названными, обозначенными или описанными отношениями утверждения или отрицания. "...Посредством отношения с различными областями возможности высказывание создает синтагму или ряд символов, фразу, которой можно или нельзя придать смысл, пропозицию, которая может получить или не получить значение истины". Описание уровня высказывания возможно лишь путем анализа отношений между высказыванием и пространствами различения, в которых оно выявляет различия". Кроме того, высказывание всегда соотносится с субъектом ("автором" или любой иной производящей субстанцией). При этом последний "является определенным и пустым местом, которое может быть заполнено различными индивидуумами". Это "место", которое может и должен занять индивидуум для того, чтобы быть субъектом, принадлежит функции высказывания и позволяет его описать: "Если пропозиция, фраза, совокупность знаков могут быть названы "высказываниями", то лишь постольку, поскольку положение субъекта может быть определено". Следующая особенность функции высказывания заключается в том, что она не может выполняться без существования "области ассоциируемого". "Для того, чтобы появилось высказывание и речь коснулась высказывания, недостаточно произнести или написать фразу в определенном отношении к полю объектов или субъекту; необходимо еще включить ее в отношения со всем прилегающим полем". Согласно Фуко, "высказывание всегда имеет края, населенные другими высказываниями". Именно эти "края" делают возможными различные контексты. "Не существует высказывание, которое бы так или иначе не вводило в ситуацию другие высказывания". Оно всегда занимает место вне линейного порядка и всегда включено в игру высказываний, всегда участвует в распределении функций и ролей, располагая "сигнификативные, или означающие, общности в пространстве, где они умножаются и накапливаются". Еще одно требование, без которого невозможно продуцирование высказывания, – обладание материальным существованием. "...Нужно, чтобы высказывание имело материю, отношение, место и дату. И когда эти необходимые условия изменятся, оно само меняет тождественность". Материальность высказывания определяется его "всегда готовым быть поставленным под вопрос статусом", порядком институции, а не пространственно-временной локализацией, возможностью "повторной записи и переписи". Схема применения задает для высказываний поле стабилизаций, которое позволяет им повторяться в их тождественности, но и определяет порог, с которого тождественности (равноценности) более не существуют, и нужно признать появление нового высказывания. "Посто-янство высказывания, сохранение его тождественности в единичных событиях актов высказываний, раздвоения в тождественности форм, – все это является функцией *поля использования*, которым оно окружено".

В конечном итоге, мы сталкиваемся, – отмечает Фуко, – не с атомическим высказыванием, "но с полем изучения функции высказывания и условий, при которых оно вызывает к жизни различные общности, которые могут быть (но вовсе не должны быть) грамматическим или логическим порядком". Это порождает проблему определения того, что значит описать высказывание. Фуко предлагает понимать: 1) под высказыванием "разновидность существования, присущего данной совокупности знаков – модальность, которая позволяет ему не быть ни последовательностью следов или меток на материале, ни каким-либо объектом, изготовленным человеческим существом, модальность, которая позволяет ему вступать в отношения с областью объектов, предписывать определенное положение любому возможному субъекту, быть расположенным среди других словесных перформансов, быть, наконец, наделенным повторяющейся материальностью"; 2) под дискурсом – "то, что было произведено (возможно, все, что было произведено) совокупностью знаков" ("дискурс является общностью очередностей знаков постольку, поскольку они являются высказываниями, т.е. поскольку им можно назначить модальности частных существований"). Окончательно дискурс можно определить "как совокупность высказываний, принадлежащих к одной и той же системе формаций". Он – принцип рассеивания и распределения высказываний, а анализ выска-

зывания соответствует частному уровню описания. Таким образом, "описание высказывания не сводится к выделению или выявлению характерных особенностей горизонтальной части, но предполагает определение условий, при которых выполняется функция, дающая существование ряду знаков (ряду не грамматическому и не структурированному логически)...". В силу этого высказывание одновременно невидимо и несокрыто. "Оно несокрыто по самому своему определению, поскольку характеризует модальности существования, присущие совокупности действительно произведенных знаков". Рассмотреть можно только то, что "является очевидностью действующего языка". Однако высказывание не дано восприятию как явный носитель пределов и скрытых элементов. Необходимо перенести акцент в анализе с означаемого на означающее, "чтобы заставить появиться то, что есть повсюду в отношении с областью объектов и возможных субъектов, в отношении с другими формулировками и вероятными повторными применениями языка". Несокрытый и невидимый, уровень высказывания находится на пределе языка, указывает Фуко. "Он определяет модальность своего появления, скорее, ее периферию, нежели внутреннюю организацию, скорее, ее поверхность, нежели содержание".

Проделанный анализ позволяет, согласно Фуко, предпринять упорядочивание того, что сможет индивидуализироваться как дискурсивная формация. Последнюю он переопределяет как основную систему высказываний, которой подчинена группа словесных перформансов, – "не единственная ею управляющая система, поскольку сама она подчинена помимо того и в соответствии с другими измерениями логическим, лингвистическим и психологическим системам". Четыре направления исследования формации (образование объектов, положений субъектов, концептов и стратегических выборов) соответствуют четырем областям, в которых выполняется функция высказывания. Соответственно, понятие дискурса переопределяется здесь как совокупность высказываний, образующих таковой постольку, поскольку они принадлежат к одной и той же дискурсивной формации; а понятие дискурсивной практики задается как "совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания". Большей частью анализ дискурса проходит под знаком целостности и избытка означающих элементов по отношению к единственному означаемому ("каждый дискурс таит в себе способность сказать нечто иное, нежели то, что он говорил, и укрыть, таким образом, множественность смыслов – избыток означаемого по отношению к единственному означающему"). Однако анализ высказываний и дискурсивных формаций открывает, по Фуко, иное направление исследования: "он хочет определить принцип, в соответствии с которым смогли появиться только означающие совокупности, бывшие высказываниями. Он пытается установить закон редкости". Высказывания всегда в дефиците по отношению к тому, что могло бы быть высказыванием в естественном языке, – это принцип нехватки или, по крайней мере, ненаполнения поля возможных формулировок. В этом аспекте дискурсивная формация одновременно проявляет себя и как "принцип скандирования и переплетения дискурсов", и как "принцип бессодержательности в поле речи". Высказывания: 1) изучают на границе, которая отделяет их от того, что не сказано, в инстанции, которая заставляет их появиться, в своем отличии от остальных, что позволяет обнаружить в дискурсивных формациях распределение лакун, пустот, отсутствий, пределов и разрывов; 2) анализируют не как находящиеся на месте других высказываний, но как находящиеся на своем собственном месте – "область высказывания полностью располагается на своей поверхности"; 3) рассматривают как управляемые предустановленными структурами и как имеющие статус в системе институций. Анализ же дискурсивной формации обращается собственно к редкости: "...Он рассматривает ее как объект объяснения, он стремится определить в ней единую систему и, в то же время, учитывает то, что она может иметь интерпретацию". Если интерпретация трактуется при этом как "способ реакции на бедность высказывания и ее компенсирования путем умножения смысла", как "способ говорить, исходя из нее и помимо нее", то анализ дискурсивной формации понимается как "поиск закона скудности, нахождение ее меры и определение ее специфической формы". Он ориентирован не на бесконечность извлечения смыслов, а на обнаружение отношений власти, истолковывая их в систематической форме внешнего. Его сверхзадача – избежать вторжения историко-трансцендентальной темы. "Тема, от которой пытается избавиться анализ высказываний, чтобы восстановить высказывания в их чистом рассеивании. Чтобы анализировать их в несомненно парадоксальном внешнем, поскольку оно не соотносится ни с какой противостоящей формой внутреннего. Чтобы рассмотреть их в прерывности, не искажая положение, с помощью одного из разрывов, которые ставят их вне игры и делают их несущественными в разомкнутости или более важном различии. Чтобы уловить самое их вторжение в место и момент, когда оно производится. Чтобы найти их влияние на событие". Эта задача предполагает, что: 1) поле высказываний не описывается как "перевод" операций или процессов, которые развертываются в другом месте (в мыслях людей, в их сознании или бессознательном, в сфере трансцендентальных структур); 2) область высказываний не относится ни к говорящему субъекту, ни к чему-либо наподобие коллективного сознания, ни к трансцендентальной субъективности; 3) в их трансформациях, последовательных рядах, ответвлениях поле высказываний не подчиняется темпоральности сознания как своей законной модели ("время дискурса не является переводом в видимую хронологию смутного времени мысли"). Тем самым анализ высказываний осуществляется безотносительно к cogito. "Не важно, *кто* говорит, но важно, *что* он говорит, – ведь он не говорит этого в любом месте. Он непременно вступает в игру внешнего". Соответственно формы накопления нельзя отождествить ни с интериоризацией в форме воспоминания, ни с безразличным подытоживанием документов. В конечном итоге "суть анализа высказываний – не разбудить спящие в настоящий момент тексты, чтобы вновь обрести, заворожив прочитывающиеся

на поверхности метки, вспышку их рождения; напротив, речь идет о том, чтобы следовать им на протяжении сна или, скорее, поднять родственные темы сна, забвенья, потерянного первоначала и исследовать, какой способ существования может охарактеризовать высказывания независимо от их акта высказывания в толщи времени, к которому они принадлежат, где они сохраняются, где они действуют вновь и используются, где они забыты (но не в их исконном предназначении) и возможно даже разрушены". Этот анализ предполагает, что: 1) высказывания рассматриваются в остаточности, которая им присуща ("забвение и разрушение в некотором роде лишь нулевая степень этой остаточности", на основе которой могут развертываться игры памяти и воспоминания); 2) высказывания трактуются в форме добавочности (аддитивности), являющейся их специфической особенностью; 3) во внимание принимаются феномены рекурренции (высказывание способно реорганизовывать и перераспределять поле предшествующих элементов в соответствии с новыми отношениями). "Таким образом описание высказываний и дискурсивных формаций должно избавляться от столь частого и навязчивого образа возвращения". В этом аспекте анализ дискурсивной формации есть не что иное, как трактовка совокупности "словесных перформансов на уровне высказываний в форме позитивности, которая их характеризует", что есть определение типа позитивности дискурса. "Позитивность дискурса ... характеризует общность *сквозь* время и вне индивидуальных произведений, книг и текстов". Предпринять в дискурсивном анализе исследование истории того, что сказано, означает "выполнить в другом направлении работу проявления". Для обеспечения этого анализа Фуко вводит понятие исторического априори как "априори не истин, которые никогда не могли бы быть сказаны или непосредственно даны опыту, но истории, которая дана постольку, поскольку это история действительно сказанных вещей". Это понятие позволяет учитывать, что "дискурс имеет не только смысл и истинность, но и историю, причем собственную историю, которая не сводит его к законам чужого становления". Но историческое априори не над событиями – оно определяется как "совокупность правил, характеризующих дискурсивную практику" и "ввязанных в то, что они связывают". Область же высказывания, "артикулированная согласно историческим априори и "скандируемая" различными дискурсивными формациями", задается системой, которая устанавливает высказывания как события (имеющие свои условия и область появления) и вещи (содержащие свою возможность и поле использования). Ее Фуко называет *архивом*.

"Архив – это прежде всего закон того, что может быть сказано, система, обусловливающая появление высказываний как единичных событий". Архив, продолжает Фуко, – "это то, что различает дискурсы в их множественности и отличает их в собственной длительности". Он между языком и изучаемыми явлениями – "это *основная система формации и трансформации высказываний*". Архив нельзя описать во всей его целостности, а его актуальность неустранима. "Он дан фрагментами, частями, уровнями несомненно настолько лучше и настолько с большей строгостью, насколько время отделяет нас от него; в конечном счете, если бы не было редкости документов, для его анализа было бы необходимо самое великое хронологическое отступление". Архив маркирует кромку времени, которая окружает наше настоящее, – "это то, что вне нас устанавливает наши пределы". "Описание архива развертывает свои возможности (и принципы овладения этими возможностями) исходя из дискурсов, которые только что перестали быть исключительно нашими; его порог существования установлен разрывом, отделяющим нас от того, что мы не можем более сказать, и от того, что выходит за пределы нашей дискурсивной практики; оно начинается за пределом нашей собственной речи; его место – это разрыв наших собственных дискурсивных практик". Исследования архива Фуко называет "археологией": "археология описывает дискурсы как частные практики в элементах архива". Анализ А.З. как особой дисциплинарности Фуко проводит в третьей части своей работы ("Археологическое описание"). А.З. у Фуко конституируется во многом через ее артикулированное противопоставление дисциплинарным притязаниям истории идей, которая рассказывает "историю побочных обстоятельств, историю по краям", презентируя "скорее анализ точки зрения, нежели анализ собственно знания, скорее анализ заблуждений, нежели анализ истины, наконец, скорее анализ менталитета, нежели анализ форм мысли". В этой трактовке история идей выступает скорее стилем анализа, чем дисциплинарностью, она занята "началами и концами, описанием смутных непрерывностей и возвращений, воссозданием подробностей линеарной истории". В то же время она оказывается способной описывать переходы из не-философии в философию, из не-науки в науку, из не-литературы в само произведение. "Генезис, непрерывность, подытоживание – вот предметы, которыми занята история идей, вот ее темы, с помощью которых она привызывается к определенной, теперь уже вполне традиционной форме исторического анализа". От всего этого и пытается уйти А.З., вырабатывающая "иную историю того, что было сказано людьми". Основными являются четыре различия между ними: 1) различие в представлении о новизне; 2) различие в анализе противоречий; 3) различие в сравнительных описаниях; 4) различие в ориентации трансформаций. Основными принципами А.З. являются: 1) ориентация на определение не мыслей, репрезентаций, образов, предметов размышлений, идей, которые скрыты или проявлены в дискурсах, а на исследование самих дискурсов в качестве практик, подчиняющихся правилам (археология обращается к дискурсу как к памятнику); 2) отсутствие в ней ориентации на поиск непрерывных и незаметных переходов в преемственности дискурсов, археология – "различающий анализ, дифференциальное счисление разновидностей дискурса"; 3) отсутствие ориентации на установление взаимопереходов между индивидуальным и социальным, она определяет типы и правила дискурсивных практик, пронизывающих индивидуальные произведения; 4) отсутствие ориентации на поиск точки концентрации, где автор и произведение обмениваются тождественностями, – археология знания "не является ничем более и ничем иным, нежели перезаписью, трансформацией по определенным правилам того, что уже было напи-

сано, в поддерживаемой форме внешнего". Если история идей пытается установить идентичности в непрерывности преемственности и отделить "новое" от "старого", то А.З. говорит в этих случаях лишь об эффектах дискурсивного поля, в котором отмечаются рассматриваемые историей идей явления. А.З. стремится лишь установить регулярности (или закономерности) высказываний. Анализ регулярностей можно вести по многим направлениям: 1) через различение лингвистической аналогичности (или переводимости), логической идентичности (или эквивалентности) и однородности высказываний – последние и составляют предмет археологии; 2) через вскрытие внутренней иерархии высказываний, воссоздание деривационного (отличного от дедуктивного, исходящего из аксиом) древа дискурса (отличимого и от генетического и психологического анализов). "Порядок в археологии – не тот же, что в систематике или хронологической преемственности". Отсюда: "Нет большей ошибки, нежели стремление видеть в анализе дискурсивных формаций опыт всеобщей периодизации...". А.З. описывает уровень однородности высказываний, имеющей свой временной срез и не объемлющей всех остальных форм идентичности и различия, какие можно заметить в речи. Эти организованные однородности и рассматриваются ею как "эпохи". Будучи предназначенной для описания различных "пространств разногласия", А.З. при рассмотрении этих "связностей-эпох" имеет своей задачей "разрушить старые и открыть новые противоречия; это значит объяснить, в чем они могут выражаться, признать их значимость или приписать их появлению случайный характер". Для нее существенны прежде всего внутренние присущие дискурсам оппозиции. Она занята исследованием неадекватности объектов, расхождениями модальностей, несовместимостью концептов, случаями исключения теоретического выбора. Еще одна ее задача – выявить различие ролей всех этих форм оппозиции в дискурсивной практике.

Подводя итог этой части своего анализа, Фуко отмечает: "Дискурсивная формация – это отнюдь не идеальный текст, протяженный и гладкий, протекающий в свете разнообразных противоречий и разрешающий их в спокойном единстве упорядоченной мысли; это и не поверхность, в которой отражается в тысяче разных видов противоречие, отступающее всегда на второй план и в то же время доминирующее. Это скорее пространство множества разногласий; это единство различных противоположностей, для которых можно выделить и уровни и роли". Горизонт, который рассматривает А.З., – "это не сама по себе наука, мышление, менталитет или культура; это скрещение интерпозитивностей, чьи пределы и точки пересечения могут быть мгновенно обозначены". А.З. – сравнительный анализ, предназначенный не для того, чтобы редуцировать многообразие дискурсов и отображать единство, долженствующее их суммировать, а для того, чтобы разделить их разнообразие на отдельные фигуры. Следствие археологического сравнения – не объединение, но разделение. А.З. стремится "в специфике разграниченных между собой дискурсивных формаций установить игру аналогий и различий такими, какими они предстают перед нами на уровне правил формации". Она должна выявить: археологический предпочтений". Эту совокупность закономерно возникающих элементов Фуко предлагает обозначать термином "знание". "Знание – это то, о чем можно говорить в дискурсивной практике, которая тем самым специфицируется: область, образованная различными объектами, которые приобретут или не приобретут научный статус, ... это пространство, в котором субъект может занять позицию и говорить об объектах, с которыми он имеет дело в своем дискурсе...". Знание следует определять и как "поле координаций и субординаций высказываний, в котором определяются, появляются, применяются и трансформируются концепты...". Кроме того, оно " изоморфизм, археологическую модель, археологическую изотопию, археологические расхождения, археологические корреляции в каждой из обнаруживаемых формаций. Археология раскрывает также связи между дискурсивными формациями и недискурсивными областями. Наконец, еще одной ее задачей является исследование изменений и трансформаций позитивностей, в которых она особо фиксирует ситуации возникающих разрывов и феномены сдвигов внутри дискурсивных формаций. А.З. исследует именно позитивности дискурсивных формаций, а не описывает дисциплины – первые далеко выходят за пределы вторых. "...Дискурсивные формы – это не будущие науки, находящиеся на той стадии развития, когда, еще не осознанные "внутри себя", они выглядят уже вполне сформированными. Они действительно не подлежат телеологической субординации по отношению к ортогенезу наук". Анализ позитивностей имеет своей целью показать, "по каким правилам дискурсивная практика может образовывать группы объектов, совокупности актов высказываний, игры концептов, последовательности теоретических определяется возможностями использования и присвоения, установленными данным дискурсом". Ряду "сознание – познание – наука" А.З. противопоставляет ряд "практика – знание – наука". Тем самым необходимо разграничивать научные области и археологические территории. По мысли Фуко, "знание проявляет себя не только в доказательствах, но и в воображении, размышлениях, рассказах, институциональных распоряжениях, политических решениях". В этом аспекте можно говорить о том, что "науки появляются в элементе дискурсивной формации и на основе знания". Наука локализуется в поле знания и изменяется в соответствии с преобразованием дискурсивных формаций. Тем самым наука может и должна быть рассмотрена как практика среди других практик. Ее различение, как и различение других дискурсивных практик, задается характеристиками ряда проходимых ими порогов – позитивности, эпистемологизации, научности, формализации. Эти пороги проходятся разными формациями асинхронно, что и задает специфичность переплетению конкретных знаниевых практик, в конкретный момент времени, выявить которое и есть задача археологических разысканий, что только и позволяет представить наличное знание во всем его конкретном многообразии (в его эпистемной организованности и заданности). См. также: **Знание, Социология знания.**

В.Л. Абушенко

АРХЕТИП (греч. arche – начало и typos – образ; первообраз, проформа) – понятие, восходящее к традиции платонизма и играющее главную роль в "аналитической психологии", разработанной Юнгом. Под слоем "личностного бессознательного", составлявшего основной предмет изучения в классическом психоанализе Фрейда, Юнг обнаруживает "коллективное бессознательное", трактуемое как общечеловеческое основание ("гробница") душевной жизни индивидов, наследуемое, а не формирующееся на базе индивидуального опыта. Если в личностном бессознательном основную роль играют "комплексы" (например, комплекс Эдипа, комплекс неполноценности), то структурообразующими элементами коллективного бессознательного являются "А." – универсальные модели бессознательной психической активности, спонтанно определяющие человеческое мышление и поведение. А. сравнимы с кантовскими "априорными формами" познания, однако лишены их абстрактности и эмоционально насыщены. Собственно А. не имеют конкретного психического содержания (Юнг уподоблял их осям кристалла); другое дело – архетипические представления (символы) как результат совместной работы сознания и коллективного бессознательного. Символы есть единство прозрачного сознанию образа и стоящего за ним сокровенного и неэксплицируемого смысла, уводящего в бессознательные глубины психики. Мифология и религия (оцениваемые Юнгом чрезвычайно высоко) строят "защитную стену символов", позволяющую сознанию ассимилировать опасно-самостоятельную энергию А. бессознательного и гармонизирующую тем самым человеческую психику. За исторической изменчивостью конкретных символов Юнг усматривал инвариантность А., объясняющую поразительные сходства в различных мифологических и религиозных системах и факты воспроизведения в сновидениях и психотическом бреде фрагментов древних эзотерических систем. Разработанная Юнгом концепция А. оказала значительное влияние на современную культурологию. См. также: **Юнг**.

В.Н. Фурс

АССИМИЛЯЦИЯ – в социальных науках – процесс, в результате которого члены одной этнической группы утрачивают свою первоначальную культуру и усваивают культуру другой этнической группы, с которой они находятся в непосредственном контакте. А. может происходить спонтанно и в данном случае может рассматриваться как один из типов процесса аккультурации и как итог этого процесса. Нередко термин "А." используется в другом значении и обозначает особую политику доминирующей национальной группы в отношении этнических меньшинств, направленную на искусственное подавление их традиционной культуры и создание таких общественных условий, при которых участие меньшинств в институциональных структурах доминирующей группы опосредствуется их принятием культурных эталонов данной группы.

АССМАН (Assmann) Уго – бразильский теолог, философ и социолог. Один из лидеров "теологии освобождения". Основные работы: "Теология и практика освобождения" (1976), "Практическая теология освобождения" (1975) и др. Придерживается (нео)марксистской ориентации, излагаемой им в терминах критической теории Франкфуртской школы. Марксизм понимается А. при этом как теория социального развития, которой не обладает христианство и которую оно может и должно использовать. Считается лидером социологического направления в "теологии освобождения". Нередко его относят и к представителям "философии освобождения". Эволюционизировал от католицизма к протестантизму. Профессор Института теологии образования и Катехизического пастырского института в Сан-Паулу. В последнее время жил в Коста-Рике. Социальную теорию строит вокруг оппозиции зависимость – освобождение.

Основные задачи "теологии освобождения", по А., заключаются: 1) в восстановлении истинного смысла христианства на основе Ветхого Завета, что предполагает трактовку спасения как освобождения, 2) в наполнении христианских терминов социально-политическим содержанием, соответствующим современной практике (праксису). Последнее предполагает историчность теологии, так как: "Не существует теологии вечных истин. Каждая теология исторична по необходимости в том смысле, что она имеет социальную почву и поэтому вполне определенное идеологическое основание". Теология "делается" в каждый конкретный момент времени и в каждом данном наборе социокультурных обстоятельств. Она не есть простая интерпретация, а всегда ориентирована на преобразование мира, которое "занимает центральное место в заботах теолога, который сумел сознательно принять временной характер своего "делания теологии". Условием такого преобразования является критика идеологических репрезентаций социальной действительности, а следовательно прежде всего того языка, в котором это описание действительности дано. Критика языков описания есть условие расширения горизонтов видения реальности, внутри которого происходит организация тех или иных социальных практик. Позиция бескомпромиссного критика – это по сути позиция всегда преследуемого пророка, так как эта критика осуществляется в эсхатологической перспективе самореализации человека, понимаемой как его освобождение и спасение в единении с Богом (в этом смысле А. определял свою позицию как "пророческую теологию"). При этом сами освобождение и спасение должны быть поняты процессуально-исторически, как постоянное переопределение "нашей ситуации". В любой же "нашей ситуации" постоянно присутствует сам Иисус Христос, в силу чего история есть "христоцентрированная" история, что равнозначно истории "спасения", в которой человек призван делать самого себя ответственным за то, что с ним происходит, а следовательно и за историю в целом. Таким образом, текстом, подлежащим прочтению, является прежде всего сама эта ситуация, а не Библия. Ситуативная же реальность есть одновременно латиноамериканский и политический феномен. В первом своем измерении она вписана в общую периферийную, но и а-центричную контекстуальность "третьего мира", в котором революция "является одновременно антиимпериалистической и антитехнократической". Как прежде всего политический феномен она описывается

максимой, утверждающей способность человека "делать самого себя ответственным за историю". "Христианин – это человек перманентной революции, который никогда не успокаивается определенностью настоящего. Он живет постоянно неудовлетворенным..." Следовательно, собственно человеческим качеством выступает способность человека быть существом деятельностным (действующим), что, согласно А., одновременно (по определению) означает быть человеком религиозным. Сосредоточенность на социальной проблематике деблокирует религиозное сознание, позволяя реализовать основные задачи, которые формулирует перед собой "теология освобождения": 1) переопределить субъекта теологии, которым должен выступать не отдельный индивид, а политически активная группа, 2) изменить ориентацию теологии с созерцания на активную практику, 3) пересмотреть "инструментарий" теологической рефлексии с целью придания современного звучания Слову Божьему, что требует свободы в толковании Библии, признания права обращаться к "запретным" темам – классовой борьбе, например, 4) выработать стратегию действий, соответствующую современной латиноамериканской ситуации. Все это позволит снять извечную оппозицию церковь – мир. Ориентация на решение социальных проблем превращает религиозного человека-деятеля в "человека перманентной революции, который никогда не успокаивается определенностью настоящего". Подлинный христианин в этой перспективе всегда "живет постоянно неудовлетворенным", устремляясь по пути, указанному Христом.

В.Л. Абушенко

АТТИТЮД – одно из центральных понятий социологии и социальной психологии (**см.**), имеющее давнюю историю изучения. В 1935 Г.Олпорт (**см.**) утверждал, что А. – "наиболее важный и характерный концепт современной социальной психологии". С тех пор понятие "А." не утратило своей популярности (пережив определенный кризис в 1960-х и новую волну популярности в 1970-х), что обусловлено неослабевающим интересом, проявляемым к нему со стороны прикладной науки.

А. – практическая транскрипция англоязычного термина "attitude" ("отношение", "позиция"). Обычно термин переводится как "установка", однако понятие "установка" в русском научном словоупотреблении имеет коннотации со школой Узнадзе (**см.**), сосредоточившей свои усилия на изучении установки физиологического типа. Напротив, под термином "attitude" в западной психологической литературе понимается социальная установка, поэтому перевод "аттитюд" кажется более приемлемым.

Понятие "А." было впервые предложено Томасом (**см.**) и Знанецким (**см.**) в 1918 для объяснения различий в успешности адаптации польских крестьян в США. В понимании авторов, А. обеспечивали связь индивида с его группой, делали возможным взаимодействие индивидуального и социального. Хотя общепризнанного определения А. не существует, в настоящее время под ним принято понимать благоприятную или неблагоприятную оценочную реакцию на объект, выражающуюся в когнитивных оценках (мнениях), эмоциях и поведении. Объектом в данном случае может служить все, по отношению к чему индивид может реагировать благоприятным или неблагоприятным образом – другой человек, неодушевленный объект, социальная группа, нация, действие, идея и пр. А. – это гипотетический конструкт. С точки зрения М. Агостинос и Я. Уокера (Augoustinos, Walker, 1995), это понятие следует рассматривать скорее как прилагательное, чем как существительное, поскольку оно имеет описательную функцию. Когда мы говорим, что некто имеет негативный А. по отношению к феминизму (**см.**), например, мы просто пытаемся описать совокупность скрытых поведенческих реакций в отношении феминизма, которые выводятся из других, более открытых реакций индивида. Таким образом, А. не является самостоятельной сущностью, но попыткой обобщенного описания поведения.

Структура А. В социальной психологии существует два конфликтующих подхода к определению структуры А. Согласно одному из них, А. имеет трехкомпонентную структуру, включающую когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты – впервые такая модель А. была предложена Розенбергом и Ховландом (см. **Таблицу 2** на стр. 1291). Каждый из компонентов может проявляться в виде вербальных и невербальных реакций (и может быть измерен с помощью вербальных и невербальных индикаторов). Например, положительный А. по отношению к идеологии "Гринпис" может выражаться в том, что индивид часто высказывается о важности акций названной организации для будущего человечества (вербальная когнитивная реакция), в активном принятии участия в этих акциях (невербальная поведенческая реакция) или в энергичных одобрительных кивках при виде лидеров "Гринпис", выступающих по телевидению (невербальная аффективная реакция).

Критика трехкомпонентного подхода к А. сводится к двум основным моментам. Во-первых, многие исследования показывают, что корреляция между тремя компонентами А. низка. Во-вторых, бессмысленно включать в структуру А. поведенческие проявления, коль скоро понятие предназначено для объяснения и предсказания поведения. Критики трехкомпонентной структуры (представляющие второй подход) считают, что аффективный компонент – единственный релевантный индикатор А. и что установку следует отличать от убеждения и поведенческого намерения.

Эмпирические данные не дают возможности с достоверностью утверждать, что одна из моделей больше соответствует реальности, чем другая. Складывается впечатление, что предпочтение одной их них – дело вкуса исследователя. Так, Агостинос и Уокер (Augoustinos, Walker, 1995) называют трехкомпонентную модель устаревшей, а Манстед в статье, вышедшей годом позже (Manstead, 1996), никак не упоминает об одномерной модели, подробно рассматривая модель Розенберга и Ховланда. Шлегель и Ди Текко (Shlegel, DiTecco, 1982) считают, что размерность структуры А. зависит от вида объекта. Одномерная структура существует в тех случаях, когда убеждения относительно объекта немногочисленны, просты и непротиворечивы. Если индивид имеет личный опыт взаимодействия с объектом, его убеждения относитель-

но последнего скорее всего более многочисленны, достаточно сложны и часто противоречивы. В последнем случае простой оценочной реакции недостаточно для того, чтобы представить всю структуру А. (См. схему 1 в приложении).

А. не может быть измерен напрямую, но только с помощью регистрируемых когнитивных, аффективных или поведенческих реакций. Выделяют три группы методов измерения: вербальный самоотчет, физиологические и поведенческие методы. Физиологические методы включают в себя измерение интенсивности кожно-гальванической реакции при предъявлении стимула, анализ электромиограммы, измерение частоты сердечных сокращений, частоты дыхания и прочих физиологических изменений, сопровождающих эмоциональную реакцию на объект. Их недостаток в том, что они дают возможность оценить либо интенсивность эмоциональной реакции (кожно-гальваническая реакция), либо ее направление (электромиограмма), но не то и другое одновременно.

Поведенческие методы чаще используются для измерения тех А., выражать которые в открытую люди не расположены по тем или иным причинам. Примерами измерения А. помощью поведенческих реакций могут служить замеры шума аплодисментов при появлении артиста, количества банок из-под определенной марки пива в мусорных корзинах, частоты посещения сайта, а также методы потерянных писем и мнимого источника информации.

Метод потерянных писем состоит в том, что исследователь "роняет" в общественных местах или на улицах города большое количество неотправленных писем с надписанным адресом и маркой. Человек, находящий одно из таких "потерянных" писем, должен решить, отправить ли письмо, проигнорировать его или уничтожить. Отправка найденного письма – социально одобряемое поведение. Однако если письмо адресовано организации или человеку, по отношению к которым у испытуемого сложился негативный А., он может не послать письмо. Таким образом, сравнивая доли писем, пришедшие по экспериментальному адресу (адресу интересующей исследователя организации) и нейтральному адресу, можно делать выводы об А. по отношению к определенной организации. В частности, Милграм использовал этот метод для изучения А. по отношению к коммунистам в Гонконге в 1960-х (Милграм, 2001). Основной недостаток метода – трудоемкость процесса разбрасывания писем.

Метод мнимого источника информации был предложен Джонсом и Сигалом. Для реализации метода необходимо убедить испытуемых, что хитроумный прибор, имеющийся у экспериментатора, в состоянии измерить их истинные убеждения, вне зависимости от желания их скрыть. Затем испытуемых просят отвечать на вопросы, касающиеся исследуемого объекта, стараясь при этом как можно точнее предсказать показания прибора. Испытуемые в такой ситуации склонны отвечать более искренне, поскольку считают, что их истинные взгляды в любом случае будут обнаружены. Недостатки метода мнимого источника информации состоят в его дороговизне, а также в том, что необходимым условием его реализации является неинформированность испытуемых. В этой связи поднимаются также определенные этические вопросы.

К методам измерения А. с помощью вербальных самоотчетов относятся шкалы Лайкерта, шкалы Терстоуна, семантический дифференциал Осгуда и репертуарные решетки. Шкала Лайкерта представляет собой набор положительных и отрицательных утверждений об объекте, которые испытуемые оценивают по пятибалльной шкале (от "совершенно согласен" до "совершенно не согласен"). Итоговая оценка А. вычисляется путем суммирования баллов, полученных за каждый ответ. Шкала Лайкерта конструируется в несколько этапов. Сначала подбирается избыточно большое количество утверждений, относящихся к объекту. Затем проводится пилотажное исследование для оценки надежности и валидности каждого пункта. В окончательной шкале остаются только утверждения, удовлетворяющие обоим требованиям (надежности и валидности). Иногда вместо дорогостоящего пилотажного исследования используют экспертную оценку отобранных утверждений. Основной недостаток шкал Лайкерта состоит в том, что шкалу приходится конструировать заново для каждого изучаемого объекта. Этого неудобства лишен метод семантического дифференциала. Его автор Осгуд с помощью факторного анализ выделил три базисных измерения, в соответствии с которыми можно описать любое понятие: оценка, сила и активность. Пары прилагательных, высоко коррелирующие с фактором оценки, могут быть использованы для описания А. Респондентов просят по семибалльной шкале оценить, какой из двух антонимов (например, приятный/неприятный) лучше описывает объект. Пункты шкалы изменяются от –3 до +3. Итоговая оценка А. вычисляется путем суммирования оценок по каждому пункту шкалы. Сложность метода в том, что нерелевантность некоторых пар прилагательных исследуемому объекту может порождать артефакты.

При *измерении А.* должны соблюдаться три основных принципа.

1) Принцип агрегирования. Он заимствован из психометрики и состоит в том, что измерение любого сложного концепта с помощью единственного утверждения (вопроса) не может быть надежным. Ответ на единственный вопрос может быть результатом множества посторонних факторов, не отражая истинного положения вещей. Например, отрицательный ответ на вопрос "Согласитесь ли Вы пригласить в гости представителя черной расы?" может свидетельствовать вовсе не о расистских настроениях, а о том, что человек не располагает подходящими для приема гостей жилищными условиями или просто не терпит любых гостей в своем доме. Отсюда следует, что А. должны измеряться с помощью шкал, состоящих из ряда пунктов.

2) В шкалу измерения А. должны быть включены пункты, позволяющие измерить все три компонента: когнитивный, аффективный и поведенческий.

3) Принцип согласованности. Измеряемый А. должен быть согласован с поведением, ради прогнозирования которого он измеряется. Согласно Фишбейну и Айзену (Fishbein, Ajzen, 1977), это означает, что измеряемый А. и прогнозируемое поведение должны совпадать не только по действию, но и по объекту, контексту действия и времени совершения дейст-

вия. Так, если стоит задача измерения А. по отношению к покупке шоколада с целью предсказать объем продаж шоколада определенной марки в киосках города в течение следующего месяца, следует измерить не просто отношение к покупке шоколада, а отношение к покупке шоколада данной марки (объект) в киоске (контекст) в ближайший месяц (время). В то же время, Фацио утверждает, что соблюдение этого условия необязательно. Можно удачно спрогнозировать поведение даже с помощью общего А. (без учета конкретного объекта, контекста и времени), если последний был сформирован в результате личного опыта (взаимодействия с объектом) и обладает вследствие этого ясностью, силой и доступностью.

Функции А. Приводимый ниже классический список функций А. был предложен Кацом (Katz, 1960).

1) Функция познания. А. позволяют распределять поступающую информацию по категориям. Они экономят нашу энергию – благодаря им нет необходимости каждый раз заново затрачивать время и силы на оценку объекта. Цена категоризации – потеря части информации, однако мы охотно платим ее за возможность упростить и лучше понять сложный окружающий мир (точнее, мы платим за иллюзию такого понимания).

2) Утилитарная функция. "Правильные" А. помогают достичь желаемой цели. Политическая корректность – пример выражения А. из утилитарных соображений. Эта функция тесно связана с возможностью использования А. для самолокализации индивида внутри социальной матрицы (см. ниже).

3) Экспрессивная функция. Люди часто охотно выражают А., которые отражают их основные ценности или составляют ядро их представлений о себе. Это может быть направлено как на утверждение справедливости собственного самопонимания, так и на публичную демонстрацию принадлежности к референтной группе. Майки с названиями рок-групп или международных организаций, шарфы цветов любимой команды, ярлыки с именами модных дизайнеров на одежде – примеры выражения А. с целью сообщить другим нечто о себе. По словам Агостинос и Уокера, это тот случай, когда вы становитесь "тем, во что вы одеты, или, по меньшей мере, тем, что написано на том, во что вы одеты".

4) Эго-защитная функция. А. этого типа часто враждебны по отношению к объекту и плохо поддаются изменению. Они защищают индивида от негативных чувств по отношению к себе или своей группе путем проекции их на другую группу. Так, гомофобия свойственна тем, кто не принимает некоторые стороны своей собственной сексуальности, самыми яростными антисемитами становятся те, в чьих жилах течет еврейская кровь, а святыми – раскаявшиеся грешники.

К этим четырем функциям можно было бы добавить самозащитную функцию А. А. могут влиять на отбор, оценивание и запоминание релевантной информации таким образом, чтобы исключить информацию, противоречащую А. Мы просто не замечаем положительных качеств человека, по отношению к которому сформировали негативный А. Влияние А. на восприятие и оценивание информации особенно велико, если он доступен, высоко устойчив и базируется на продуманной системе суждений.

Дальнейшие работы на тему функций А. (Shavitt, 1987, Herek, 1986) отталкивались от приведенной выше первоначальной классификации, объединяя или добавляя отдельные функции. Было отмечено, что возможность изменения А. зависит от выполняемых им функций, а также от того, основан ли он на реальном или предвосхищаемом опыте.

Агостинос и Уокер (Augoustinos, Walker, 1995) обращают внимание на то, что все известные до сих пор исследования концентрировались на индивидуальных функциях А., и дополняют список некоторыми социальными функциями.

1) Локализация индивида в социальной матрице. Большинство групп настаивают на том, чтобы их члены открыто выражали свое отношение к значимым для группы вопросам. Для группы важно, чтобы это отношение не слишком отклонялось от принятого в группе прототипа. Открытое выражение А. позволяет группе оценивать своих членов и воздействовать на них.

2) А. являются механизмом передачи и распространения социальных репрезентаций и идеологических убеждений. За выражением А. следует реакция социума. Индивид и социум вовлекаются в риторический диалог, заставляющий индивида формулировать свою точку зрения и придерживаться ее. Само по себе "иметь мнение" по какому-то вопросу значит находиться в рамках идеологии. Для того чтобы иметь пусть и негативный А. по отношению к феминизму, необходимо сначала признать феминизм как явление, то есть в какой-то степени принять его.

3) А. могут служить оправданию и воспроизводству социальной системы. Примером таких А. являются негативные А. по отношению к бедным ("Они так живут, потому что заслуживают этого"). Установки вроде этой стоят на пути реформирования экономической и социальной системы.

Анализ социальных функций А., их идеологической роли – одно из перспективных направлений будущих исследований.

Одним из наиболее важных вопросов, связанных с понятием А., является вопрос о зависимости между А. и поведением. Концепт А. имеет смысл только в том случае, если он позволяет предсказать соответствующее поведение. Именно эта функция А. была поставлена под большое сомнение в конце 1960-х. Первые сомнения появились гораздо раньше – в 1934, когда Ла Пьер опубликовал данные эксперимента, ставшие известными как "парадокс Ла Пьера" и цитируемые при каждом обсуждении проблемы зависимости между А. и поведением. Ла Пьер путешествовал по США с молодой китайской парой, и в каждом (кроме одного) из 251 отеля и ресторана, куда они приезжали, их принимали весьма любезно (несмотря на то, что многие американцы в 1930-х относились к представителям азиатской расы с предубеждением). По окончании путешествия исследователь послал письменные запросы в каждое из посещенных им вместе с китайцами заведений, а также в некоторые другие. Запросы касались того, не согласятся ли эти заведения принять в качестве гостей китайцев. Результаты оказались прямо противоположными предыдущему опыту: из 128 полученных ответов лишь один был положительным.

Можно привести достаточно возражений против валидности результатов этого раннего эксперимента, вошедшего в историю скорее благодаря яркости и новизне, чем чистоте экспериментального дизайна. Во-первых, измерение А. было проведено *после* измерения поведения, тогда как принцип каузальности (а между А. и поведением предполагается каузальная связь) подразумевает обратный порядок. С момента измерения поведения до момента измерения А. прошло целых шесть месяцев. Кроме того, не следует исключать возможность того, что сам опыт приема китайской пары мог оказать воздействие на А. хозяев (может быть, они потеряли некоторых клиентов из-за своей терпимости). Во-вторых, в исследовании Ла Пьера не бы проведен анализ причин, по которым не были получены ответы почти на половину запросов. Не известно наверняка, что скрывалось за молчанием более 123 респондентов. В-третьих, в исследовании Ла Пьера применялся единственный индикатор как для измерения А., так и для измерения поведения, что противоречит принципу агрегирования данных, описанному выше. Принцип согласованности также не был соблюден: А. измерялись по отношению к азиатам вообще, а поведение относилось к конкретной китайской паре (несогласованность объекта). И, наконец, самое важное возражение состоит в том, что неясно, был ли человек, отвечавший на запрос, и человек, ответственный за прием посетителей, одним и тем же лицом. Если были измерены А. одного человека и поведение другого, нет никакого повода ожидать значимой корреляции между результатами этих двух измерений.

Однако исследование Ла Пьера не было единственной работой, в которой было указано на отсутствие связи между поведением и А.; и последующие исследования нельзя упрекнуть в большинстве недостатков, присущих эксперименту Ла Пьера. В частности, Корей (Corey, 1937) измерял А. своих студентов по отношению к списыванию, а затем сравнивал полученные данные с реальным поведением студентов во время написания контрольной. Корреляция между А. и поведением оказалась близка к нулю, т.е. студенты, отрицательно относившиеся к списыванию, списывали не реже, чем все остальные. Этот экспериментальный дизайн, правда, можно было бы упрекнуть в том, что не было учтено влияние социальной желательности на ответы испытуемых: какой студент скажет своему преподавателю правду о том, что он думает о списывании? (Проблема социальной желательности вообще крайне существенна для измерения А., поскольку очевидно, что социальные установки подчинены влиянию нормативных социальных факторов.)

Даже тогда, когда выборка состояла исключительно из индивидов, имеющих наиболее выраженные А. (девять верхних и девять нижних процентов распределения), коэффициент корреляции между А. и поведением не превышал 0,4. Такие результаты были получены в эксперименте Де Флер и Вести (DeFleur, Westie, 1958), в котором предметом исследования были А. по отношению к афроамериканцам.

Данные упомянутых выше, а также других исследований (всего 45) позволили Уикеру (Wicker, 1969) сделать следующий пессимистический вывод: гораздо более вероятно, что А. не связаны или очень слабо связаны с поведением, вследствие чего "лучше всего было бы отказаться от понятия аттитюда".

Разрешение кризиса концепции А., остро обозначенного Уикером, пришло в 1970-х, когда Фишбейн и Айзен предложили принцип согласованности и указали на тот факт, что в большинстве исследований, проанализированных Уикером, этот принцип соблюден не был (в частности, Де Флер и Вести, Корей и Ла Пьер использовали общие измерения А. – без спецификации времени, объекта действия и контекста – для предсказания специфичных видов поведения). Последующие исследования выявили ряд других условий, при соблюдении которых А. оказывают влияние на поведение.

А. и поведение: выход из кризиса (переменные, опосредующие влияние А. на поведение):

Ситуационные переменные

1) Для того, чтобы проявилось влияние А. на поведение, необходимо, чтобы особенности социальной ситуации не создавали для этого препятствий. Социальное давление может вызывать конформное, противоречащее А. поведение (что иногда приводит к последующему изменению А., как было показано в экспериментах по когнитивному диссонансу – **см.**). Люди ведут себя в соответствие с А., когда не чувствуют необходимости оправдывать чьи-либо ожидания или же когда думают, что их истинные взгляды в любом случае станут известны (например, при использовании метода мнимого источника информации – см. выше).

2) А. оказывают сильное влияние на поведение, когда ситуация актуализирует наиболее существенные аспекты А., когда ситуация и А. соответствуют друг другу, как две части мозаики. Это было показано в эксперименте Миллара и Тессера, в ходе которого испытуемые решали логические задачи. Если предварительно вводилась установка на когнитивную важность задач, последующая инструкция, актуализирующая когнитивный аспект, была наиболее эффективной для актуализации всей установки по отношению к задаче. Если же вначале эксперимента давалась информация об аффективной значимости задачи, наиболее действенной была "аффективная" инструкция. Таким образом, для того, чтобы А. находили выражение в действии, необходимо, чтобы ситуация не просто предоставляла такую возможность, но и актуализировала один из аспектов А.

Свойства А.: А. по отношению к конкретному действию проявляются в поведении чаще, чем А. по отношению к образу действий в целом. Например, если человек имеет установку по поводу "здорового образа жизни вообще", он может восхищаться людьми, ведущими здоровый образ жизни, но сам ничего не делать для того, чтобы изменить свой образ жизни. Если же А. относится к конкретному действию – бегу по утрам, то скорей всего этот человек действительно будет бегать каждое утро. А. по отношению к конкретным действиям жизнь дает больше шансов воплотиться в поведении.

1) На поведение влияют выраженные (сильные) А. Социальные установки приобретают выраженный характер в следующих случаях:

а) А. сформирован и закреплен личным опытом. Фацио и Занна (Fazio, Zanna, 1981) исследовали ситуацию в Корнельском университете, где имелись проблемы с жильем для студентов. Все студенты демонстрировали установку на то, чтобы университетские власти что-то предприняли для разрешения этой проблемы. Однако *действовали* в соответствие с этим А. только те студенты, которые были стеснены в жилье *сами*. Часто мы не склонны действовать в соответствие со своими А., пока ситуация не затронет нас лично, многократно усиливая А.

б) А. актуализирован (осознан). В эксперименте Динера и Уолбома (Diener, Wallbom, 1976) 71% студентов жульничали при выполнении задания, когда зеркал в комнате не было, и только 7% жульничали, когда перед ними стояли зеркала (что способствовало осознанию себя). При этом почти все студенты изначально демонстрировали установку на аморальность обмана. А. чаще воплощался в поведении, когда испытуемые осознавали себя (и соответственно свои А.). Схожий эффект был получен, когда испытуемых просто просили задуматься, прежде чем совершить какое-то действие – поведение было в большей мере связано с А.

Личностные переменные

1) А. сильнее влияют на поведение людей с низким самомониторингом. Люди с низким самомониторингом стремятся вести себя в соответствие с собственными убеждениями, а не с ожиданиями других.

2) Люди с высоким самоосознанием чаще ведут себя в соответствии с А. Дюваль и Виклеланд считают самоосознание устойчивой чертой личности.

3) Степень самосогласованности (черта личности по Бему и Аллену) также оказывает влияние на степень связи между А. и поведением. Высоко самосогласованные люди стремятся к тому, чтобы между их поступками и убеждениями не было противоречий.

4) А. в значительной степени влияют на поведение людей, имеющих не минимальный, но и не слишком обширный опыт в отношении объекта А. Такой вывод можно сделать, объединив результаты исследований Шлегеля и Фацио и Занны. Шлегель утверждает, что опыт расширяет поведенческий репертуар и усложняет структуру А. таким образом, что зависимость поведения от А. становится незаметной (А. перестает быть оценочной реакцией и становится сложным процессом выбора формы поведения). Фацио и Занна настаивают, что при минимальном опыте вероятность совпадения А. и поведения низка, поскольку А. не выражены (не сформированы). Отсюда следует, что зависимость степени связи между А. и поведением от опыта взаимодействия с объектом носит криволинейный характер, и эта зависимость достигает максимума при наличие среднего объема опыта.

Таким образом, влияние А. на поведение будет наиболее сильным у субъекта, не подверженного социальному влиянию, осознающего себя, имеющего устойчивые А. по отношению к конкретному действию в ситуации, актуализирующей какие-либо аспекты А., раскрывающей возможности для соответствующего поведения.

Теоретические модели связи между А. и поведением.

Кризис концепции А. 1960-х был разрешен не только благодаря введению новых методологических правил (принципов агрегирования данных и согласованности) и исследованию переменных, опосредующих влияние поведения на А., но и благодаря включению концепции А. в более широкий теоретический контекст. Это привело к появлению теории обоснованного действия (Fishbein & Ajzen, 1975) и ее более поздней разработке в виде теории запланированного действия (Ajzen, 1988).

Выше было рассмотрено социальное влияние как один из факторов, оказывающих воздействие на степень зависимости между А. и поведением. Фишбейн и Айзен предложили модель А. и поведения, которая включает компонент социальных норм как основной фактор. Основное предположение теории состоит в том, что большая часть поведения, изучаемого в социальной психологии, является подвластным волевому контролю (т.е. индивид в состоянии выбирать, вести ли ему себя определенным образом или нет). Авторы теории полагают, что непосредственной детерминантой поведения является "поведенческое намерение". "Поведенческое намерение", в свою очередь, зависит от А. по отношению к поведению и субъективной нормы. А. представляет собой оценку поведения – то, в какой степени индивид "считает данное поведение плохим или хорошим". Детерминантами А. являются "поведенческие убеждения" (представления о последствиях поведения) и "оценка последствий". Субъективная норма представляет собой убеждения индивида относительно того, насколько значимые другие ожидают от него данного поведения (воспринимаемое социальное давление). Детерминантами субъективной нормы являются "нормативные убеждения" (убеждения индивида относительно того, насколько каждый из значимых других ожидает от него определенного поведения) и "мотивация подчинения" (склонность индивида конформно реагировать на ожидания других). Авторы теории утверждают, что относительные доли вклада А. и субъективных норм в предсказание поведения неопределимы заранее и зависят от конкретного типа поведения и индивида. Теория обоснованного действия получила значительную эмпирическую поддержку. Будет ли мать запрещать своему ребенку есть сладкое, зависит от того, какие последствия запрета она предполагает (уменьшение риска кариеса), как она оценивает эти последствия (насколько важно снизить риск заболевания ребенка кариесом), что думают об этом значимые для нее люди (одобряют ли мама или муж этот запрет) и насколько важно для нее мнение этих людей.

Применимость теории обоснованного действия ограничена поведением, поддающимся сознательному контролю человека. Полностью под контролем индивида (в том смысле, что их выполнение зависит исключительно от мотивации субъекта) находятся лишь наиболее простые виды поведения. Это исключает из рассмотрения теорией не только поведение в силу привычки и аддиктивное поведение, но и любое поведение, которое требует специальных навыков, ресурсов или совместных действий.

Теория запланированного действия возникла как реакция на этот недостаток и как попытка создания модели, пригодной для анализа более широкого спектра поведения. Айзен добавил к модели обоснованного действия новый конструкт – "воспринимаемая контролируемость поведения". Конструкт отражает представления индивида о том, насколько просто или сложно выполнить рассматриваемое действие. Относительно приведенного выше примера это означает, что запрет на сладкое будет зависеть также от того, насколько сложной мать считает реализацию этого запрета (доступность продуктов, не содержащих сахара).

Воспринимаемая контролируемость поведения оказывает влияние как на поведенческое намерение, так и на само поведение. Влияние на поведенческое намерение очевидно: люди не формируют намерений, если уверены в невозможности их реализовать /я не намереваюсь упомянуть в этой статье все исследования, связанные с А., поскольку понимаю, что это нереально – *A.P.J.* Влияние воспринимаемой контролируемости поведения на само поведение имеет место благодаря двум фактам: 1) чем больше мы верим в то, что желаемое действие находится под нашим контролем, тем больше усилий прилагаем для его выполнения; 2) если индивид реально оценивает степень своего контроля над ситуацией, влияние воспринимаемой контролируемости на поведение отражает влияние реальных внешних ограничений.

Теория запланированного поведения позволяет лучше объяснить поведение, не находящееся под полным контролем человека. По данным Година и Кока по сравнению с теорией обоснованного действия, она увеличивает процент объясненной дисперсии поведения в среднем на 11%.

Влияние поведения на А.

Между поведением и А. существует двойственное отношение. Не только посредством изменения А. можно изменять поведение, но и наоборот, модифицируя поведение, можно оказывать влияние на А. Существуют три основные теории, объясняющие процесс обратного влияние поведения на А.

1) Теория самопрезентации (Snyder, 1987) утверждает, что поведение влияет на А., когда люди мотивированы произвести хорошее впечатление на окружающих. Люди стремятся казаться последовательными, поэтому они демонстрируют А., соответствующие их поведению. Однако эта теория не дает информации о том, действительно ли люди изменяют свои установки ради того, чтобы казаться лучше, или только делают вид. Кроме того, как будет показано ниже, мы изменяем свои А. даже в том случае, если никто не может проверить, как мы вели себя раньше.

2) Теория когнитивного диссонанса (Festinger, 1957) постулирует, что влияние поведения на А. может иметь место тогда, когда возникает диссонанс – негативное побудительное состояние, возникшее вследствие рассогласованности знаний. Диссонанс, в частности, возникает, когда индивид по каким-либо причинам поступает вразрез со своими А. Согласно теории, диссонанс может быть снижен благодаря изменению одной из противоречащих друг другу когниций. Для того, чтобы поведение, противоречащее А., привело к изменению последнего, должны быть соблюдены следующие условия:

А) Индивид добровольно выполняет действие, по отношению к которому он настроен отрицательно. В известном эксперименте Фестингера и Карлсмита (Festinger, Carlsmith, 1959) испытуемые выполняли скучную работу, а затем их просили солгать другому испытуемому о том, что работа была интересной. Когда экспериментатор подчеркивал возможность отказаться, солгавшие испытуемые меняли свое отношение к скучной работе на более положительное. Если задание представлялось как обязательное, изменений в А. не следовало.

Б) Индивид чувствует сильную связь со своим поступком (обязательства). В эксперименте Фестингера и Карлсмита условие сильной связи задавалось через личную встречу испытуемого с подставным, которому он рассказывал об интересности задачи, а слабой – тем, что испытуемый оставлял письменное сообщение для подставного.

В) У поведения оказываются негативные последствия. В одном из опытов испытуемые пили горькое лекарство, якобы анестезирующее и необходимое для дальнейшего исследования факторов вкуса, после чего исследование не состоялось "по вине врача". Испытуемые преуменьшали неприятный вкус выпитого лекарства.

Г) Индивиды приписывают себе ответственность за неприятные последствия. Это условие было проверено следующим образом. Испытуемым давалась возможность самим выбрать партнера для совместного выполнения задания (размер вознаграждения зависел от успешности его выполнения). Испытуемые, которые заранее знали о негативных характеристиках партнера, в ходе эксперимента меняли свой А. по отношению к нему на более положительный. Те испытуемые, которым сообщали о негативных характеристиках уже после выбора, никак не меняли своего отношения к партнеру.

Д) Надежное внешнее оправдание поведения отсутствует. Важность этого условия была подтверждена в экспериментах Леппера. Если детям грозили суровым наказанием за игру с привлекательной игрушкой, они не меняли своего отношения к ней (поскольку подчинение можно было оправдать сильной внешней угрозой). Если же угроза наказания была слабой, дети начинали считать игрушку менее привлекательной.

Е) Напрасно затраченные усилия. Испытуемые, затратившие больше усилий для того, чтобы попасть в группу, оценивали ее более высоко.

Ж) Индивид обладает сильной Я-концепцией. Только в этом случае поступок, противоречащий А., создает угрозу устойчивому положительному представлению о себе и требует приведения в соответствие А. и поведения.

З) После совершения действия, противоречащего А., прошло достаточно времени для того, чтобы индивид успел изменить А.

Таким образом, каждый раз, когда люди в результате добровольного выбора совершают поступки, противоречащие их положительному представлению о себе, они изменяют свои установки под влиянием этих поступков.

Теория самовосприятия (Bem, 1972) утверждает, что на вопрос "Что было раньше – аттитюд или поведение?" следует отвечать "поведение". Поскольку изначально люди не имеют

четких установок, то о том, что они любят, а что – нет, они узнают, наблюдая за собственным поведением как бы со стороны. Теория не признает важности первоначального А. Это положение было проверено в эксперименте, проведенном Бемом и Макконелом. Испытуемых студентов просили написать очерк о ненужности студенческого контроля за количеством лекций. Одна группа выбирала аргументацию, а у второй группы выбора не было. После написания очерка часть студентов просили дать свою настоящую оценку проблемы, а другую часть – вспомнить свою первоначальную оценку (до написания очерка). Были получены заметные различия в оценках между группами с выбором и без него, но не было различий между испытуемыми, дававшими текущую и первоначальную оценку. Таким образом, результаты эксперимента показывают, что в момент формирования оценки после поведения, первоначальный А. теряет свою актуальность.

Три теории описывают три различных вида влияния поведения на А.:

1) Теория самопрезентации – фиктивное изменение А. с целью произвести хорошее впечатление на других.

2) Теория когнитивного диссонанса – изменение А. в результате поведения, противоречащего им.

3) Теория самовосприятия – влияние поведения на А. в случае, если последние недостаточно выражены.

Изучение А. в социальной психологии имеет большой практический смысл. Конечной целью многих социальных программ (и не только их) является изменение поведения. Речь может идти о поведении в отношении окружающей среды, собственного здоровья, потребительском поведении, политическом поведении и проч. Программы предвыборной агитации, рекламные кампании, социальные программы по предотвращению курения среди подростков основываются на убеждении, что изменение А. влечет за собой изменения в поведении, и направлены в первую очередь на изменение А. В этой связи всегда вызывали и будут вызывать интерес техники изменения А. Другое многообещающее направление исследований, возникшее во второй половине 1990-х, связано с социальной природой А. и их идеологической функцией. Радикальная критика реификации концепта А. открывает новые горизонты для переосмысления этого центрального понятия социальной психологии

А.О. Рабинович

АУДИТОРИЯ – специальный социологический термин, который обозначает устойчивую совокупность людей, возникающую на основе общности их информационных потребностей, интересов, а также форм, способов и каналов удовлетворения этих потребностей. Термин широко используется в методике социологических исследований, прежде всего, направленных на изучение средств массовой информации, эффективности их воздействия на различные группы людей (социальные и профессиональные группы, коллективы), эффективности любого идеологического или рекламного воздействия на те или иные социальные общности (например, в предвыборной кампании), на формирование общественного мнения.

Учет особенностей А. – необходимое условие успешного проведения ее исследования. Обычно считается возможным и необходимым эмпирически фиксировать два ряда признаков А., называемых объективными и субъективными относительно целей и задач исследования:

А) внутренняя структура А., которая не зависит от конкретного средства массовой информации или идеологического воздействия. К таким признакам относят социально-демографические характеристики: возраст, пол, социально-профессиональная структура, место жительства, семейное положение, уровень образования. К подобным независимым признакам можно отнести структуру материальных и духовных потребностей изучаемой общности, степень подготовки к восприятию того или иного материала, типы восприятия и т.п.

Б) субъективное отношение А. к рекламе, СМИ в целом, конкретному носителю информации. Это отношение непосредственно проявляется в оценке того или иного средства информации или идеологического воздействия, установках на восприятие информации из того или иного источника, например, пропагандистского воздействия того или иного кандидата на выборщиков.

Оценка особенностей А. важна также при проведении исследования методом наблюдения, особенно при сборе информации при работе по разведывательному плану. Выдвижение работающих гипотез во многом зависит от того, насколько внимателен социолог к А., насколько точно фиксирует ее особенности.

В истории развития социологии средств массовой информации необходимо упомянуть исследования П.Лазарсфельда (**см.**), который предложил целостную схему изучения продвижения информации от источника коммуникации к А. В советской социологии типы А. были подробно описаны при изучении потоков массовой информации и ее восприятии в г. Таганроге в 1970-е (см. Массовая информация в советском промышленном городе. М., 1980).

Л.Г. Титаренко

АУДИТОРИЯ СМИ – совокупность получателей сообщения, общего для всех ее членов. А. может представлять собой социальную группу и тогда обладать характеристиками: локализована в пространстве и во времени, имеет внутреннюю структуру и предполагает взаимодействие ее членов.

Развитие средств массовой коммуникации (возникновение печати, радио, телевидения, Интернета) обусловило появление феномена массовой А. Массовая А. многочисленна, рассеяна в пространстве и во времени, гетерогенна, анонимна, предполагает минимальное взаимодействие составляющих ее индивидов, формируется под влиянием канала информации или определенного сообщения. Общеизвестно приватное определение А.: "А. – совокупность индивидов, являющихся читателями, зрителями, слушателями определенного средства массовой информации".

В рамках таковой концепции А. (А. как "масса"), А. – аморфное множество потребителей информации, изолированных индивидов, не взаимодействующих друг с другом. П.Лазарсфельд (**см.**) и Б. Берельсон доказывают наличие

структурной организации массовой А. По их мнению, А.– это система, состоящая из групп, которые имеют своих лидеров, способных через межличностные связи формировать то или иное мнение о СМИ и соответственно спрос на информацию.

Концепция А. как "рынка" предполагает анализ А. в терминах производства-потребления. А. в таком контексте представляет собой рынок потребителей: 1) продукции средств массовой информации; 2) других продуктов и выступает как А. рекламы (**см.**).

Размер А. является показателем спроса на СМИ и его эффективности. С целью обеспечения максимального спроса СМИ следуют за потребностями и запросами А. При изучении А. как совокупности покупателей учитываются ее социально-демографические характеристики, включая доход, мнение о стиле жизни, отношение к рекламе, потребительское поведение.

При определении размера А. различают тип А. по степени вовлеченности в процесс коммуникации: 1) потенциальная А. – имеющая возможность получать сообщение (те, кто имеет доступ к определенному источнику информации); 2) А., фактически получающая сообщение (регулярные читатели, слушатели, зрители и т.д.); 3) А., достигающая определенной степени понимания и запоминания информации.

С точки зрения активности в процессе коммуникации, А. может рассматриваться как объект влияния и манипуляции со стороны СМИ; как субъект влияния на СМИ путем выбора на рынке того источника информации, который в наибольшей степени соответствует ее потребностям; как источник и опосредованный создатель содержания массовой коммуникации как массовой культуры; как субъект гражданского воздействия и контроля за деятельностью СМИ.

М.В. Батурчик

АУТВЕЙТ (Outhwaite) Уильям (р. 1949) – британский социолог. Доктор философии, профессор университета Сассекс, Брайтон (Англия). Основные работы: "Формирование понятий в социальной науке" (1983), "Понимание социальной жизни" (1986), "Новые философские концепции социальных наук. Реализм. Герменевтика и критическая теория" (1987). Редактор (совместно с Т.Боттомором) словаря "Социальная мысль двадцатого века" (1993).

Опираясь на работы Бхаскара (**см.**), А. дополняет реалистскую стратегию концепциями интерпретации, которые были разработаны в рамках герменевтики и критической теории. Социальные явления, по А., концептуально зависимы от способов, какими они интерпретируются включенными в них людьми и внешними наблюдателями. Понятия и теории общественных наук должны иметь вещественную, реальную связь с теориями действователей, действующих субъектов в жизненном мире. Общественные науки более связаны с мышлением на основе здравого смысла. Они не столько сообщают новое знание, сколько дают более адекватные формулировки наших интуиций относительно социальных событий. Более того, элементарные структуры общества не просто интерпретированы, но суть не что иное как интерпретация, символы, за которыми кроется мир действенных вещей и мир действователей. Методология и онтология, по А., должны быть аналитически разведены, различные методы уместны в различных контекстах, а реалистская метапарадигма не дает возможности сделать между ними выбор. См.: **"Законы и объяснения в социологии" (Аутвейт).**

Д.М. Булынко

АУТИЗМ (от греч. autos – сам) – отстранение от окружающей действительности, погружение в мир собственных переживаний, ориентация на самого себя.

1) Понятие "А." было введено швейцарским психиатром Э. Блейером для описания заболевания, характеризующегося психическим расстройством, связанным с бегством человека от внешней реальности в мир собственных фантазий, галлюцинаций и грез. Явление А. рассматривалось им как одно из проявлений психического заболевания, названного им "шизофренией".

В работе "Аутическое мышление" он подчеркивал, что, наряду с другими симптомами, для шизофрении характерно преобладание внутренней жизни, связанной с активным отстранением от внешнего мира. А. не означает пассивность человека: отстранение от внешнего мира может сопровождаться такой активностью, в результате которой все помыслы, стремления и действия человека могут быть направлены на переустройство, преобразование мира независимо от того, насколько это реально и в какой степени действия человека адекватны сложившейся ситуации. Аутическое мышление, аутические желания оказываются превалирующими, подчиняющими себе реальные возможности человека и его адекватные оценки окружающей действительности. Для А. характерно иллюзорное восприятие внешнего мира, превращение реального в желаемое вопреки тому, что имеет место на самом деле. При А. отстранение от окружающей действительности чаще всего осуществляется за счет отождествления собственного мира бредовых идей и представлений с миром как таковым. Фантазия и вымысел могут приобрести такую силу и власть над человеком, что он будет воспринимать их не в качестве продуктов своей психической деятельности, а как нечто внешнее, независимое от него и самостоятельно существующее. "Аутическая психика" находится во власти всевозможных страхов, подозрений, фантастических образов, имеющих инфантильную природу и свидетельствующих о дезинтеграции психических функций, ложных представлениях человека о внешнем мире и неопределенных границах представления о самом себе. Погрузившись в себя, человек не отличает собственное Я от окружающего, не видит различий между фантазией и действительностью. В поле зрения психоаналитиков чаще всего попадает инфантильный А., связанный с неспособностью ребенка общаться со своими родителями и другими людьми, будь то взрослые или дети. При инфантильном А. ребенок отстраняется от мира окружающих его людей, создает свое собственное замкнутое пространство, в котором реально значимыми для него оказываются не живые люди, а неодушевленные предметы. Ребенок не доверяет своим родителям, избегает общения с ними или не реагирует на их присутствие, зато получает удовольствие от игры с различными

предметами, которые наделяются им качествами "хороших" объектов. Общение с людьми тяготит ребенка: он может испытывать страх перед ними, воспринимать их как угрозу своему существованию, находится во власти бессознательных мыслей о том, что взрослые (родители) хотят его убить. Аутичные дети чаще всего отчуждены от своих родителей, замкнуты в себе: они живут в своей, созданной ими самими психической реальности, не имеют тесных связей с реальным миром. Аутичный ребенок может заниматься изо дня в день одним и тем же. Создается впечатление, что удовлетворение у такого ребенка вызывают не разнообразные действия, а именно неоднократное повторение чего-то одного. При этом он может выражать безразличие по отношению к чему-то, что он делает и с чем играет. Аутичный ребенок может монотонно колотить каким-то предметом по полу или стенке, но если родители отбирают у него этот предмет, то он не будет капризничать, кричать, плакать, а легко примирится со своей потерей. Безразличие, индифферентность аутичного ребенка наблюдаются не только дома, в семье, но и при встрече с аналитиком, в процессе лечения. Поэтому при психоаналитическом лечении таких детей требуется проявление со стороны аналитика особого эмпатического (участливого) наблюдения за маленькими пациентами и способности к пониманию субъективной, психической реальности, составляющей пространство их жизни.

2) Жизненная установка и не всегда осознаваемый поведенческий принцип. В случае А. восприятие окружающего мира, а также потенциальное (как правило, преобладающее) и осуществляемое воздействия на него преломляются через нравственно-психологические координаты и мировоззренческий камертон собственного Я и его сиюминутных состояний. Черты А. очень часто присущи профессиональным программистам, переносящим на реальный мир принципы бинарной логики, а также воспринимающим окружающую среду в виде совокупности разнообразных алгоритмов.

В.М. Лейбин

АФФИЛИАТИВНЫЕ СЕТИ – бимодальные *сети социальные* (см.) (гиперсети), построенные по критерию участия акторов в одних и тех же событиях или принадлежности к социальным группам. В отличие от традиционных сетей, А.С. включают два множества элементов – акторов и события. Отношения между элементами одного множества обусловлены их связями с элементами другого. Основное предположение, лежащее в основе анализа А.С., состоит в том, что совместное участие в событиях создает условия для возникновения социальных связей другого типа – знакомств, дружбы, конкуренции.

Матрица связей принадлежности, в отличие от социоматрицы (см.), имеет вид прямоугольной таблицы с акторами по горизонтали и событиями по вертикали. Элемент матрицы равен 1 в случае, если соответствующий актор связан с соответствующим событием, и 0 в иных случаях. Набор методов анализа А.С. ограничен. Обычно бимодальную матрицу связей принадлежности преобразуют в одномодальную социоматрицу взвешенных (количественных) связей, элементами которой является либо количество событий, в которых пара акторов одновременно участвует, либо количество общих участников в паре событий. Для полученных таким образом социоматриц рассчитывают простые показатели: активность участников, размер событий, достижимость акторов, плотность, взаимное пересечение акторов или событий. Другая группа методов позволяет одновременно представлять и анализировать связи между двумя множества элементов. Для этого используют методы, известные под названием салата Галуа и анализа соответствия. В последние годы развиваются методы стохастического моделирования А.С.

А.С. особенно полезны для изучения сложных сетей, полный охват которых невозможен, например, в социологии города (см.). Пионерским в анализе А.С. является исследование Л.Уорнером социальных агрегаций в поселении, известном под псевдонимом Олдсити на юге США. Другие примеры: участие в общественных комитетах, посещение одних и тех же развлекательных мероприятий, приверженность к телевизионным каналам и газетам, членство в правлениях компаний, участие в научных конференциях.

С.В. Сивуха

АШИН Геннадий Константинович (р. 1930) – российский социальный философ, социолог, политолог. Окончил МГИМО (1953). Доктор философских наук (1970), профессор (1972). Зав. кафедрой философии МГИМО (1974-1985). Главные направления научных исследований: теоретическая и эмпирическая социология Запада, психология политического лидерства и властвующих элит, феномены массовой культуры.

Сформулировал идею "промежуточной" культуры – опосредующего звена между элитарной и массовой культурой. Одним из первых в отечественной социологии исследовал проблемы элиты, лидерства, массового общества. Осмыслил базовые типы рекрутирования элит, проблематику элитного образования. По мысли А., теория элит может быть дополнена и конкретизирована современными разработками по проблеме классов и классовых отношений в обществе.

А. – автор более 150 научных работ, в том числе: "Основные направления современной буржуазной социологии" (1960), "Современная буржуазная социология" (1965), "Доктрина "массового общества" (1971), "Критика современных буржуазных концепций лидерства" (1978), "Современные теории элиты" (1985), "Теория политической элиты. Основы политологии" (1992), "Элитология. Становление. Основные направления" (1995) и др.

"ACNIELSEN–BEL" – иностранное предприятие в Республике Беларусь, являющееся дочерней компанией корпорации ACNielsen, которая осуществляет свою деятельность во всех странах Северной Америки, Австралии и Европы. В Республике Беларусь предприятие зарегистрировано в июле 1997. Компания специализируется в области мониторинга розничной торговли потребительскими товарами, а также в сфере качественных и количественных опросов потребителей по заказу клиентов – мировых производителей товаров повседневного спроса. Директор – кандидат философских наук Е.Н. Борковская.

В белорусском офисе работают более двадцати штатных сотрудников и вдвое больше совместителей. Состоит из двух функциональных основных подразделений: отдела мониторинга розничной торговли и отдела опроса потребителей.

Отдел мониторинга розничной торговли занимается: регулярным обновлением информации о генеральной совокупности (дислокация, типология точек розничной торговли); сбором информации и контролем над ее качеством (аудит репрезентативной сети магазинов, сбор данных о продажах, контроль правильности заполнения анкет, организация взаимодействия с сотрудничающими торговыми точками и т.п.); предварительной обработкой информации (проверка и кодирование собранных данных, ввод информации, ведение базы зарегистрированных товаров, предварительная обработка результатов, отслеживание репрезентативности панели торговых точек); обслуживанием клиентов (анализ рынков, презентации, работа с запросами, поиск новых клиентов).

Окончательная обработка данных и производство отчетов ведется в головном офисе на Кипре.

Отдел опроса потребителей также имеет сеть интервьюеров для проведения республиканских опросов. Разработка инструментария и обработка данных могут производиться как в Беларуси, так и в головном офисе на Кипре. Основные темы опросов потребителей – осведомленность о рекламе и торговых марках, исследования о потребительских предпочтениях в таких товарных группах, как жевательные резинки, сигареты, средства личной гигиены, средства для стирки и т.д. Опросы проводятся как по республике, так и в ее отдельных регионах.

Благодаря единой методологии и точности стандартов, качеству и международной сопоставимости данных компания уже на протяжении многих лет является постоянным партнером в области опроса потребителей для международных корпораций, занятых в сфере производства и продажи потребительских товаров, чьи рынки сбыта – страны мира или государства отдельных континентов.

Корпорация ACNielsen, в лице своей дочерней фирмы "ACNielsen–Bel" – ведущая компания в области мониторинга розничной торговли, активно присутствующая на рынке Беларуси и осуществляющая непрерывный аудит торговых точек.

Л.Н. Михейчиков

Б

БАБОСОВ Евгений Михайлович (р. 1931) – белорусский социолог и философ. Доктор философских наук (1972), профессор (1973), академик НАН РБ (1994). Заслуженный деятель науки РБ (1997). Лауреат Государственной премии БССР (1984) за цикл работ по истории философии и общественной мысли Беларуси. Директор Института философии и права АН БССР (1977-1989). Директор Института социологии НАН Беларуси (1990-1998). С 1998 – почетный директор Института социологии НАН Беларуси.

Главные направления научных исследований: социальная философия, теория и история социологии, конфликтология, экстремальные ситуации, особенности переходных (посткоммунистических) обществ.

Б. – автор более 750 научных работ (из них более 30 индивидуальных монографий, учебников и учебных пособий объемом более 500 печ.л.). В том числе: "Диалектика анализа и синтеза в научном познании" (1963), "Современный католицизм и наука" (1964), "Тейярдизм: попытка синтеза науки и христианства" (1970), "Научно-техническая революция и модернизация католицизма" (1971), "Личность, коллектив, общество" (1975), "Социальные аспекты научно-технической революции" (1976), "Образ жизни, рожденный Октябрем" (1978), "Духовный мир советского человека" (1983), "Учение К. Маркса о человеке и реальный социализм" (1983), "Идеология в современном мире" (1984), "Нравственная культура личности" (1985), "Истина и богословие" (1988), "Социология конфликтов" (1991), "Человек на пороге рынка" (1992), "Социальная экология и экстремальные ситуации" (1993), "Катастрофы: социологический анализ" (1995), "Динамика религиозности в независимой Беларуси" (1995), "Введение в конфликтологию" (1996), "Чернобыльская трагедия в ее социальных измерениях" (1996), "Основы конфликтологии" (1997), "Конфликтология. Учебное пособие" (1997), "Социология. Часть I. Общая социологическая теория" (1998), "Конфликтология. Учебное пособие" (2000), "Социология управления" (2000), "Прикладная социология" (2000), "Социальные последствия Чернобыльской катастрофы" (2001), "Общая социология. Учебное пособие" (2002), "Социально-стратификационная панорама современной Беларуси" (2002) и др.

Б. сыграл значимую роль в создании и институциализации академической социологии в Республике Беларусь, а также в осуществлении Минского философского проекта "Гуманитарная энциклопедия".

А.А. Грицанов

БАЗИС и НАДСТРОЙКА (греч. basis – основание) – основные понятия марксистской версии социологии (**см.**), характеризующие структуру "общественно-экономической формации" (**см.**). С помощью данных понятий в границах исторического материализма (**см.**) была предпринята попытка установить существенную, системообразующую связь и взаимозависимость экономических и идеологических отношений, а также общие закономерности их развития.

Сжатую характеристику Б. и Н. и их взаимодействия Маркс (**см.**) сформулировал в предисловии к работе "К критике политической экономии": "В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания". Таким образом, Б., по Марксу, – это первичная экономическая структура общества, представляющая собой совокупность исторически определенных производственных отношений. Н. – совокупность идеологических отношений и взглядов (идей), а также соответствующие им организации и учреждения (государство, партии, церковь и др.). К надстроечным идеям относятся политические, правовые, нравственные, эстетические, религиозные, философские воззрения (по Марксу, "формы общественного сознания"). Б. носит исторически изменяющийся характер, что обусловлено развитием производительных сил. Коренные качественные изменения в экономическом строе общества (т.е. в Б.) вызывают изменения и в Н. Однако изменения в ней, по Марксу, происходят не автоматически вслед за изменениями в Б., а лишь через опосредующие звенья. Например, философия определенным образом связана с Б. через политику, право, мораль. Н. обладает относительной самостоятельностью в своем развитии. Она может несколько отставать от Б. или опережать его в своем развитии. Н. выполняет в обществе важные социальные функции. Она выражает и закрепляет экономические отношения собственности данного общества прежде всего с помощью определенных правовых и политических норм и учреждений. Но в каждом обществе существуют элементы Н., выполняющие разрушительные функции по отношению к породившему их Б. и способствующие возникновению нового Б. Таким образом, Н. оказывает активное воздействие на Б.

Разработка концепции Б. и Н. в версии Маркса, с одной стороны, являла собой одну из первых попыток анализа социума как сложной системы, с другой же – выступила как избыточно упрощенная и одномерная попытка материалистического решения так называемого "основного вопроса философии" в марксовой версии применительно к обществу. Справедливая критика Маркса его оппонентами за экономический материализм во многом была обусловлена именно этой концептуальной схемой.

Р.И. Дождикова

БАКУНИН Михаил Александрович (1814-1876) – русский мыслитель, революционер, идеолог и теоретик анархической версии народничества. В 1828-1833 учился в Петербургском военном училище. В 1836 вышел в отставку и поселился в Москве. Увлекся философией Г.Гегеля, которую определял как синтетическую систему, преодолевшую крайности идеализма и эмпиризма, разрыв бесконечного и конечного, духа и материи, а также примирявшую человека с действительностью. Б. истолковывал действительность как вечную божественную жизнь, волю и деятельность духа. Всеобщее должно быть реализовано в жизни личности, проникнутой любовью. Соответственно, познание призвано объяснить "тайну" этой реализации. В свою очередь, единичное самосознание, по мнению Б., движется "всеобщей сущностью". Мысль должна перейти из теории в "действительность". В 1840 выехал в Берлин для продолжения образования. Познакомился с А.Руге, В. Вейтлингом, Марксом (см.), что способствовало переходу Б. в лагерь левых гегельянцев и увлечению политической проблематикой, а затем и революционизации его мышления. Б. становится профессиональным революционером-эмигрантом. Принял активное участие в революционных событиях 1848-1849 в Париже, Праге, Дрездене. В 1849 арестован и приговорен к смертной казни. В 1851 Б. выдают в Россию как опасного государственного преступника. Отбывал наказание в Петропавловской, затем (с 1854) – в Шлиссельбургской крепости. После смерти Николая I выслан в Сибирь на вечное поселение. В 1861 бежал из ссылки через Японию в Америку, затем перебрался в Лондон, где сотрудничал с Герценом. С середины 1860-х занялся разработкой анархической доктрины. С 1868 – член I Интернационала, из которого исключен в 1872 на Гаагском конгрессе. В эти годы Б. являлся одним из основных оппонентов Маркса. После поражения Парижской коммуны отошел от активной политической деятельности. Основные сочинения: "Гимназические речи Гегеля. Предисловие переводчика" (1838), "О философии" (1840), "Реакция в Германии" (1842), "Кнуто-Германская империя и социальная революция" (1871), "Государственность и анархия" (1873), "Федерализм, социализм и антитеологизм" (не закончена), "Бог и государство" (не закончена), "Исповедь" (написана в заключении) и др.

Во второй период своего творчества Б. предложил анархическую версию философии действия, построенную на отрицании всего существующего порядка. В марксизме Б. видел главным образом "материализм экономический", игнорирующий социальные инстинкты человека. Разумная трудовая деятельность людей переводит их, по Б., из сферы биологического в сферу общественного. Как часть природы, человек должен повиноваться ее законам, но социальную действительность люди творят сами. Цель социального прогресса (см.) и его базовый критерий – постоянное приращение свободы личности. Главный угнетатель человечества – государство (см.), созданное меньшинством для господства над большинством. Государство, по мнению Б., – антипод гражданского общества. Власть опирается на фикцию Бога. В своей идейной эволюции Б. проделал путь от имманентной "новой религии" (религии жизни и деятельности, иначе – "дела"), в которой борются откровение и рассудок, между которыми действует мысль, преобразующая рассудок в разум, до полного отрицания религии и дискредитации ее как социального института и культурного феномена. "Если Бог существует, то у человека нет свободы, он – раб: но если человек может и должен быть свободен, то, значит, Бога нет". Отсюда, религия – второе основное препятствие в движении человека к свободе. В конечном итоге, Б. стал трактовать религию как вид "коллективного сумасшествия", а церковь – как разновидность "небесного кабака". Для обретения счастья необходима ликвидация религии и государства как института и принципа власти как такового. По Б., власть обладает уникальным свойством развращать всех независимо от классовой принадлежности. Любые правительство и парламент, сформированные из рабочих, трансформируются в угнетателей и эксплуататоров. Всякая форма легитимного политического поведения, по мнению Б., лишь укрепляет государственную власть. Уничтожить ее может лишь стихийный бунт. Революция, согласно Б., "закроет кабаки и церкви, развращающие душу и тело призрачными радостями". Разум преодолеет религию, а бунт разрушит государство, как главные препятствия на пути свободы. Антиавторитарные формы жизни Б. трактовал как неизбежное будущее человечества. Идеал Б. – созданная исключительно "снизу вверх" свободная федерация земледельческих и ремесленно-фабричных ассоциаций – был явно утопичен. В России Б. абсолютизировал социальный потенциал общинной артели с ее идеей "права на землю" и "социалистическим инстинктом". Полагал, что русскому народу присущи "наивное чувство братства" и "любовь к огню". Пожар из России призван, по Б., уничтожить мировую цивилизацию буржуазного типа и заменить ее свободным союзом народов на основаниях автономии и федерализма.

В.Л. Абушенко, А.А. Грицанов

БАРАНОВСКИЙ Николай Александрович (р. 1949) – белорусский социолог и юрист. В 1972 окончил юридический факультет Белгосуниверситета. В течение трех лет работал в органах прокуратуры. В 1978 окончил очную аспирантуру Института государства и права АН СССР в г. Москве. Под научным руководством академика Кудрявцева В.Н. в 1978 защитил кандидатскую диссертацию по теме "Социальные потребности личности и преступное поведение" по специальности "уголовное право и криминология". Работа имела междисциплинарный характер и была выполнена в контексте интеграции права, социологии и психологии. С 1979 Б. рабо-

тает в Национальной Академии наук Беларуси, в настоящее время в Институте социологии и социальных технологий заведующим сектором социологии права и государственного управления. Одновременно работает в должности профессора криминологии Белорусского института правоведения. В 1993 защитил докторскую диссертацию по социологии на тему "Социальные и личностные детерминанты отклоняющегося поведения".

Область научной деятельности Б.: социология права, криминология, виктимология (**см.**), социология личности и девиантного поведения. Имеет более 30 научных публикаций, в том числе монографии "Борьба с пьянством как антисоциальным явлением" (1986), "Социальные и личностные детерминанты отклоняющегося поведения" (1993) и учебное пособие "Введение в виктимологию" (2002). Научные публикации последних лет посвящены проблемам профилактики девиантного поведения молодежи, виктимологической политики, противодействия торговле людьми и проституции. По грантам БРФФИ Б. выполнял фундаментальные исследования по следующим темам: "Социальная реабилитация молодых правонарушителей и молодежи из групп социального риска", "Предупреждение виктимизации, защита прав и оказание помощи жертвам преступлений", "Стратегия эффективного социального контроля преступности и защиты граждан от преступлений". В настоящее время занимается научными исследованиями проблем оптимизации социально-правового контроля преступности и другого девиантного поведения, предупреждения наркомании, торговли людьми, насилия в отношении женщин и проституции в Беларуси.

БАРТ (Barthes) Ролан (1915-1980) – французский литературовед, социальный философ-структуралист. Основатель Центра по изучению массовых коммуникаций (1960), профессор Практической школы высших знаний (1962), руководитель кафедры литературной семиологии в Коллеж де Франс (с 1977). Погиб в автокатастрофе. Основные работы: "Нулевая степень письма" (1953); "Мифологии" (1957); "О Расине" (1963); "Критические очерки" (1964); "Элементы семиологии" (1964); "Критика и истина" (1966); "Система моды" (1967); "S/Z. Опыт исследования" (1970); "Империя знаков" (1970); "Сад, Фурье, Лойола" (1972) и др.

Несмотря на значительный тематический разброс и множественность философских интересов Б., можно выделить основную тематику не только всего его творчества, но и структуралистской традиции в целом – принципы и методы обоснования знания (**см.**). Проблема языка при этом фактически вытесняет проблему сознания в том виде, в котором сознание как далее не разложенный атом, на каком строится любое обоснование знания, присутствует в философской традиции. По этим представлениям языковая деятельность предшествует любым когитальным или перцептуальным актам познания, фиксированию любых субъект-объектных оппозиций. Таким образом, язык становится условием познания феноменов "сознания", "бытия" и пр.

Фундаментальная для структурализма (**см.**) тема обоснования знания разрабатывается Б. на материале социально-культурного содержания. Подвергая анализу конкретные исторические "срезы" этого материала, а таковым выступает и сугубо литературное творчество, и системы моды, этикета, различные социальные структуры, Б. пытается выявить общие механизмы порождения и функционирования этих систем, причем в таком виде, чтобы все эти явления культуры выглядели связанными друг с другом через их, как считает Б., исконно знаковую природу. Понятно, что семиотический модус того или иного культурного явления будучи возведен в ранг атрибута усложняет, а зачастую и полностью вытесняет исследование других, не знаковых, аспектов этого явления. Однако, подобная парадигма исследования, а именно, представления разрозненных, внешне не связанных культурных образований, как транзитивно сообщающихся через институт языка и функционирующих согласно его закономерностям, приводит к построению качественно новых моделей и постановке таких вопросов, которые фактически не могли возникнуть в доструктуралистскую эпоху.

Так, например, по Б. возможно решение оппозиции между социальной и природной детерминацией субъекта в литературном творчестве. В своей первой работе "Нулевая степень письма" (см. **Нулевая степень**) Б. развивает такое понимание термина "письмо" (**см.**), которое, с одной стороны, опирается на самотождественный национальный язык (здесь фактически растворены типы художественного, научного, религиозного и прочих "языков"), а с другой – на совершенно недифференцированную область индивидуального, личностного писательского "стиля", понимаемого как биологическая детерминация по сути любого субъективного литературного действия. Свою задачу, в этом случае, Б. видит в поиске тех типов письма, которые и определяют специфику построения конкретно художественного произведения. Из того, что письмо само по себе не представляется до конца, во всех своих формах, актуализируемым в каком-либо конкретном, единичном событии, следует, что его частные актуализации связаны с различным набором условий (культурных, социальных, политических и т.д.), а это значит, что письмо, по существу, – способ реализации индивидуального во всеобщем, причем, в таком виде каждый творческий акт индивида воспринимается социумом как некое осмысленное усилие, доступный общественному пониманию продукт творчества.

Впоследствии Б. пытается дифференцировать свою теорию письма в терминах разного рода отношений между знаками. Такими отношениями выступают в "Критических очерках" синтагматические, парадигматические и символические отношения. И если символическое отношение между означаемым и означающим в достаточной мере было исследовано в семиотике, то синтагматическое знакоотношение, трактуемое как специфическая ассоциация между знаками сообщения на уровне означающего, а также парадигматическое знакоотношение как ассоциация между элементами на уровне означаемого, объединяющая знаки, родственные по смыслу, возникают в этой области знания как совершенно новые методы анализа самых разных культурных явлений; более того, Б. закрепляет за каждым из этих трех типов знаковых отношений различные виды художественного сознания и как реали-

зацию этих типов – различные виды художественных произведений. Несмотря на явную потребность в уточнении и расширении этой семиотической парадигмы на материале конкретно-литературного свойства, Б. в середине 1960-х оставляет, в какой-то мере, литературоведческие исследования, чтобы обратиться к социальной проблематике – анализу массовых коммуникаций.

Под влиянием работ Леви-Стросса (см.) Б. приходит к заключению о том, что коль скоро структурный подход позволяет обнаружить не ассоциативные, по аналогии с существующими, механизмы социального творчества в различных обществах (а у Леви-Стросса это первобытные), т.е. не случайные механизмы, зачастую примитивно сводимые к тем или иным социальным институтам, а саму кинематику отдельной культуры – "социо-логику", конкретно-историческую систему духовного производства, то вполне правомерно распространение этого метода с анализа примитивных культур на исследования современных. "Социо-логика", таким образом, должна способствовать изучению тех моделей культурного творчества, которые лежали бы в основе не только литературы или дизайна, но и детерминировали бы общественные отношения конкретного социума, а значит, были бы принципами всевозможных самоописаний и самоидентификаций этой культуры. Другими словами, были бы смысло-образовательными возможностями культуры.

Интерес к нелитературным источникам анализа привел Б. к исследованию структурных особенностей женской одежды в журналах мод 1958-1959. Основной пафос работы "Система моды" состоит в выявлении взаимной конверсии различных типов творчества и производства: языка фотографии, языка описания, языка реалий, языка технологий производства. Б. пытается найти специфическую область общения этих языков, выясняя возможности перехода элементов одних языков в другие. Благодаря этой методологической перспективе Б. удается обнаружить неравнозначные зависимости между языками выделенных типов, а также ментальную конструкцию, лежащую в основе "семиологического парадокса" – следствия этой неравнозначности. Суть этого парадокса состоит в том, что общество, постоянно переводя элементы "реального языка" – по сути своей, "вещи" в элементы речи, или знаки, пытается придать элементам означения "рациональную" природу. Таким образом возникает парадоксальная ситуация превращения "вещей" в смысл и наоборот. Поиск разнообразных смыслопорождающих механизмов того или иного культурного периода приводит Б. к признанию рядоположенности любой теоретической и практической деятельности, от эстетической до инженерно-технической или политической.

Эпицентром исследовательских интересов Б. выступает, однако, не сама система знаков и денотативных значений, а возникающее в процессе коммуникации (см.) поле "коннотативных" значений, которые и позволяют тому или иному обществу (см.) дистанцироваться в культурно-историческом плане от иных обществ, с их особыми коннотативными содержаниями. Поставив проблему "семиологического парадокса", Б. утверждает, что в массовом сознании происходит фетишизация языка, а само сознание становится пристанищем разнообразных мифов, коренящихся в наделении языковых конструкций силой описываемых ими вещей и явлений. С другой стороны, вещи и явления сами начинают претендовать на "рациональность" и наделенность смыслом (феномен товарного фетишизма).

А.В. Вашкевич

БАРУЛИН Владимир Семенович (р. 1931) – российский философ. Доктор философских наук (1971), профессор (1972). Специалист по социальной философии, методологии социального познания и социально-философской антропологии. С 1954 преподает философию в вузах (Луцка, Барнаула и Москвы). В 1964-1977 заведовал кафедрой философии в Алтайском политехническом институте. С 1977 профессор кафедры философии ИПК при МГУ (в 1981-1987 заведовал этой кафедрой). Основные сочинения: "Отношение материального и идеального в обществе как проблема исторического материализма" (1970), "Соотношение материального и идеального в обществе" (1977), "Диалектика сфер общественной жизни" (1982), "Социальная жизнь общества. Вопросы методологии" (1986), "Исторический материализм. Современные тенденции развития" (1986), "Социальная философия" (1993, в 2-х частях; 1999), "Социально-философская антропология. Общие начала социально-философской антропологии" (1994), "Российский человек в XX веке. Очерки социально-философской антропологии" (1997), "Российский человек в XX веке: потери и обретение себя" (2000) и ряда других работ, опубликованных в разных странах.

Осуществил фундаментальные исследования отношения материального и идеального в обществе, разработал общие концепции социальной философии и социально-философской антропологии, их предметов, системы законов и категорий, структуры и функций. Выделил и исследовал основные сферы общественной жизнедеятельности, формы интегрального бытия и функционирования общества, философско-антропологические законы и др. Выявил антропологический детерминизм и формы его представленности, феномен идеолого-герменевтического мира и пр. Охарактеризовал всеобщие модусы человеческого бытия (к которым отнес свободу, творчество, смысло-ценностное самоутверждение и устремление к абсолютному). См. также: **"Основы социально-философской антропологии" (Барулин).**

В.И. Овчаренко

БАТАЙ (Bataille) Жорж (1897-1962) – французский философ, писатель, социолог, экономист, публицист, этнограф, искусствовед, поэт. По характеристике М.Хайдеггера – "самый светлый ум во Франции". В 1901-1913 учился в лицее в Реймсе. В 1914 принял католичество. В 1915 окончил колледж д'Эперней, в 1918 поступил в Эколь де Шарт в Париже, где в 1922 защитил дипломную работу "Рыцарский орден, стихотворная повесть 13 в." и получил квалификацию архивиста-палеографа. В 1922 поступил на службу в парижскую Национальную библиотеку, где проработал до 1942. В начале 1920-х в Париже общался с Л.Шестовым; под его влиянием начал читать Ф.Достоевского, С.Кьеркегора, Б.Паскаля, Пла-

тона, принял участие в переводе на французский язык книги Шестова "Добро в учении гр. Толстого и Ф.Ницше" (1925). Кроме этих мыслителей, Б. интересовали Ф.Ницше, З.Фрейд (см.), де Сад, позже – Г.Гегель и Маркс (см.); стержнем его концепции стало гегельянство, переосмысленное с позиций ницшеанства и психоанализа. В 1931 вступил в Демократический коммунистический кружок (кружок распался в 1934). Опубликовал ряд статей в журнале "Социальная критика": "Критика основ гегелевской диалектики" (совместно с Р.Кено, 1932; в статье проводилась мысль о необходимости обогащения марксистской диалектики за счет включения в нее психоанализа Фрейда и социологии Мосса – см. и Дюркгейма – см.); "Проблема государства" (1933; полемика против революционного оптимизма, фашистского тоталитарного государства и диктатуры социализма); "Психологическая структура фашизма". Первым во Франции Б. применил психоаналитические методы к анализу политических проблем. С 1931 участвовал в семинаре А.Койре в Школе высших исследований, а в 1934-1939 – в семинаре Кожева, где в сотрудничестве с Р.Кено, Ароном (см.), М.Мерло-Понти, Э.Вейлем, А.Бретоном и другими работал над переводом и комментариями к гегелевской "Феноменологии духа". В 1935 принимал участие в работе исследовательской группы, организованной Лаканом (см.). В 1935 стал одним из инициаторов движения "Контратака" (движение распалось в 1936), объединившего левых интеллектуалов различных творческих ориентаций. Основными лозунгами движения были антинационализм, антикапитализм, антипарламентаризм, основной целью провозглашалась замена мифологии фашизма мифами моральной и сексуальной революции. Основными идейными источниками "Контратаки" были сочинения де Сада, Ш.Фурье, Ницше. В этот период Б. обвинили в профашистских настроениях, поскольку в одном из составленных ими документов "недипломатическая грубость" Гитлера трактовалась как позитивная альтернатива "слюнтяйству" французских политиков и дипломатов. С 1936 Б. начал организацию тайного общества "Асефаль" (и одновременно журнала с тем же названием). Первый номер журнала вышел в 1936, общество было создано в 1937 [его членом, в частности, стал Клоссовски (см.); одним из правил общества было не подавать руки антисемитам].

В 1937 Б. стал одним из организаторов социологического колледжа, одной из задач которого была разработка социологии "сакрального", способной дополнить марксистский социальный анализ исследованием иррациональных фактов социальной жизни. В тот же период Б. организует Общество коллективной психологии, нацеленное на изучение роли психологических, в том числе бессознательных, факторов в социальной жизни. На первый план для Б. выдвинулись проблемы смерти как основы социальных отношений (по мысли Б., смерть – "эмоциональный элемент, придающий безусловное значение совместному существованию"), вины, греха, зла, внутреннего опыта. В 1946 по инициативе Б. началось издание журнала "Критика", где он опубликовал статьи "Моральный смысл социологии", "Тайна Сада", "О рассказах жителей Хиросимы", "Переход от животного к человеку и рождение искусства", "Коммунизм и сталинизм", "Сад (1740-1814)" и др. В 1952 Б. был награжден орденом Почетного легиона.

Основные сочинения: "Внутренний опыт" (1943), "Виновный" (1944), "О Ницше" (1945), "Метод медитации" (1947), "Теория религии" (1948), "Проклятая доля" (1949), "Литература и зло" (1957), "Эротизм" (1957), "Слезы Эроса" (1961), "Сумма атеологии" (1972) и др. Объектами пристального внимания Б. становились: Бергсон, Ницше, З.Фрейд, Л.Шестов, С.Кьеркегор, Ф.Достоевский, Б.Паскаль, Платон, Маркс, Г.Гегель, Клоссовски, М.Бланшо.

В общих чертах взгляды Б. сводятся к осмыслению опыта "абсолютной негативности", преодолевающего опосредованность в любых ее формах (исторической, феноменологической, трансцендентальной) в противостоянии непосредственной реальности смерти. Б. последовательно вырабатывает философскую, литературную, экономическую стратегии достижения и преодоления пределов мышления и чувственности. Адекватное выражение Б. опыта "невозможного" в мистицизме, эротизме и т.п. преследует цель предельной интенсификации языка с целью устранения дистанции-различия между внешним контролем и внутренним опытом. Наиболее важными у Б. в этом контексте становятся заимствованные у Гегеля понятия "суверенности" и "трансгрессии". ("Господин" в гегелевской трактовке, по версии Б., – это тот, кто неизбывно рискует собственной жизнью.) "Суверенность" у Б. символизирует верховную власть и высшую независимость субъекта, т.е. "чистую позитивность", предшествующую всякому представлению. Это состояние, в котором индивид может находиться всю свою жизнь или одно мгновение, и одновременно качество, которым он может быть наделен в стремлении преодолеть любые ограничения своей автономии.

В своем оригинальном понимании "трансгрессии" Б. исходит из предпосылок о конвенциальности всех человеческих установлений как результата "общественного договора" и о естественном, "органически" присущем каждому индивиду стремлении к собственной "суверенности", которая никогда не достигается в рамках социальных ограничений. Экстремальность форм реализации субъективности в "пограничных ситуациях" (насилие, экстаз, безумие, смерть) обосновывается и оправдывается Б. в контексте следования принципам расчета и выгоды, экономического обмена действия на удовольствие. При этом, согласно Б., индивидуальное "постановочное движение" суверенной мысли отвергает конформизм, гарантирующий "длительность" жизни, и стремится к конфликтам и рискам, придающим ей необходимую "интенсивность", тем самым восстанавливая существенную ипостась самого субъекта. В случае же консервации этого "отверженного фрагмента" последний может стать основанием построения общества и первоначальным капиталом для развития экономики и религии. Эти сферы ориентированы на сохранение субординации жизненных функций индивидуального организма и поэтому контролируют исполнение индивидом целей рода, первичных по отношению к потребностям его самого. Б. отождествляет "суверенность" и "трансгрессию" вплоть до реабилитации самого статуса субъективности. Наилучшей же сферой воплощения этой радикальной позиции выступает для Б. не социальный активизм, а литературное творчество.

Согласно Б., настоящая литература первой подвергает сомнению принципы регулярности и осторожности; она подобна Прометею и осмеливается сделать то, что противоречит основным законам общества. Эта тенденция характерна и для самого Б., который насыщает свое письмо предельной степенью "революционности", тем самым нарушая "правила игры" как по отношению к интеллектуальной оппозиции, так и к официальной идеологии.

А.А. Грицанов

БАТЫГИН Геннадий Семенович (р. 1951) – российский социолог, специалист в области методологии социологических исследований и социальной истории науки. Окончил философский факультет МГУ (1974). С 1974 – старший, ведущий, главный научный сотрудник Института социологии РАН. Докторская диссертация – "Методологические проблемы обоснования научного вывода в прикладной социологии" (1986). Профессор (1991). С 1979 по 1987 – редактор отдела, зам. главного редактора журнала "Социологические исследования". В 1988-1989 – зам. директора Института книги Всесоюзной книжной палаты. С 1994 – главный редактор "Социологического журнала". С 1995 – декан факультета социологии Московской высшей школы социальных и экономических наук при Академии народного хозяйства. Член редколлегии журналов "Вестник Российской Академии наук", "Человек".

В публикациях 1970 – 1980-х Б. развивал конструктивистскую версию социологических показателей как идеализированных объектов теории. В частности, им было выявлено присутствие вненаучных представлений в проектах социологических исследований и предложено понятие "интерпретационной схемы", связанное с семантическими и прагматическими аспектами языка науки и использовавшееся в качестве неявного обоснования операциональных и измерительных процедур. В последующих публикациях Б., в частности в статье "Ремесло Пауля Лазарсфельда: введение в научную биографию" (1990) вненаучные компоненты создания совокупного социологического текста были отграничены от процедур рационального вывода. Развивая идею автономии научного знания как рационально-технической формы освоения мира, Б. использовал понятие "научного этноса" в его мертоновской трактовке. Это потребовало обращения к социологии и истории науки. В конце 1980-х – начале 1990-х Б. публикует результаты архивных исследований и обзорные очерки по социальной истории общественных наук в СССР, в центре которых – роль интеллектуалов и "дискурсивного сообщества" в легитимации и реформировании социальных порядков.

Основные работы: "Обоснование научного вывода в прикладной социологии" (1986); "Место, которого нет: Феномен утопии в социологической перспективе" (1989); "Ремесло Пауля Лазарсфельда: Введение в научную биографию" (1990); "Происхождение социологии" (1991); "Советская социология на закате сталинской эры" (1991); "Лекции по методологии социологических исследований: Учебник для вузов" (1995); "Формы воспроизводства и представления социологического знания" (1996) и др.

БАУМАН (Bauman) Зигмунд (р. 1925) – британский социолог польского происхождения, один из самых ярких и оригинальных представителей постмодернистской социальной теории. Получил образование в университетах Англии, Канады и США. Ныне почетный профессор университета в Лидсе (Великобритания). Воевал на стороне советской армии против фашистской Германии, был активным и убежденным коммунистом в послевоенной Польше. В 1950-х эмигрировал в Великобританию.

Б. – автор более 20 книг. Примечательна эволюция теоретических идей и исследовательских интересов Б. Его первая работа, опубликованная еще в Польше – "Между классом и элитой: эволюция британского рабочего движения" (1972), как и еще одна ранняя работа 1970-х – "Социализм: активная утопия" (1976), посвящены анализу социально-политических движений того времени. В этот же период Б. много работает над пролемами методологии социальных исследований: "Герменевтика и социальные науки" (1976); "К критической социологии" (1976). Самая известная книга Б. в 1980-х – "Законодатели и интерпретаторы" (1987) – является одной из ярчайших работ по политической социологии.

Тексты Б., вышедшие в 1990-х, составляют отдельный и без сомнения самый яркий этап его творчества – создание постмодернистской социологической теории. Работы этого периода: "Современность и противоположность" (1991), "Намеки постмодерности" (1992), "Жизнь во фрагментах: очерки по морали постмодерна" (1995), "Постмодерность и ее неудовлетворенности" (1997). Пожалуй, одна из самых знаменитых книг Б., переиздававшаяся ежегодно с 1993, – "Этика постмодерна". В работах конца 1990-х и начала 21 в. Б. обращается к актуальным социальным вопросам конца тысячелетия: глобализации, росту неравенства, тенденциям индивидуализации, будущему государства благосостояния: "Работа, консьюмеризм и новые бедные" (1998), "Глобализация: человеческие последствия" (1998), "Индивидуализированное общество" (2001), "Неустойчивая современность" (2000).

Как социальный теоретик, Б. рассматривает широкий круг тем и проблем, которые объединяет общая линия анализа динамики социальных трансформаций конца 20 в. В "постмодерном повороте" Б. видит не только критическую трансформацию ценностей и социальных форм модерна, но и возникновение специфических проблем, свойственных постсовременности. Несмотря на то, что эпоха модерна строилась на созидательном законотворческом разуме и устанавливаемом им же социальном порядке, в самом динамизме, в свободе и творчестве модерного разума, по мысли Б., содержится скепсис, двойственность и обратимость усилий к демонтажу и самодеструкции. Более того, эпоха модерна неотделима от того ужаса, который она содержит исторически и с которым модерный разум тщился справиться. Именно этот момент нестабильности и неопределенности гипертрофируется в постмодерне, деконструируя социальный порядок через пара-

щивание чувства дискомфорта, небезопасности, ненадежности, неуверенности, непредсказуемость.

В такой ситуации кризис рациональности и рационального действия неизбежен. Осмысленность и уверенность сменяются страхом и чувством незащищенности; стратегии конформизма теряются в избытке индивидуалистической неадекватности. Общая тенденция определяется Б. как "фрагментация жизни", со свойственной ей радикальной индивидуализацией, гибкостью, недоверием к идеалам и ценностям, эпизодичностью личной судьбы и дисгармонизацией интересов. Борясь теперь один на один с "системными противоречиями" глобального мира, человек вынужден искать опоры не в социальном окружении, а в собственной индивидуальности. Индивидуально приватное вытесняет конвенционально социальное. Каждый в противостоянии один на один с Хаосом прокладывает себе путь, уже следуя по нему. Б. сравнивает культуру постмодерна с карандашом, который имеет на другом конце стирательную резинку и беспрестанно стирает ею то, что только что начерчено.

"Фрагментация жизни" упраздняет устойчивые этические основания поведения. Это принципиальная черта постсовременности – довлеющая интенсивность постоянного морального выбора, не имеющего этического обоснования. Постмодерный мир – мир морали как индивидуального упражнения в выбирании – бросил вызов этическому коду рациональной (философской) этики модерна. Нагнетание постмодерных страхов отнюдь не случайно, поскольку они связаны вовсе не с разбуханием панoптической – см. **"Надзирать и наказывать" (Фуко)** – власти, а с распространением девиации и тотальной аномии (**см.**).

Эти тенденции сформировались в контексте социального конструирования пространства, сутью которого стали возрастающая мобильность и сжатие времени-пространства. Б. отмечает, что развитие транспорта от почтовых карет до самолета определило социальные процессы Нового времени. А далее, "среди всех технических факторов мобильности особенно большую роль сыграла передача информации – способ сообщения, при котором проблема перемещения физических тел снимается, или по крайней мере становится второстепенной, малосущественной. Постепенное и неуклонное развитие технических средств позволило перемещать информацию независимо не только от ее телесных носителей, но и от тех объектов, о которых она информирует; техника освободила "означающее" от "означаемого". Сепарирование потоков информации от передвижения ее носителей и объектов привело, в свою очередь, к дифференциации скоростей; скорость передачи информации намного превзошла скорость перемещения тел – об изменении ситуации мы узнаем гораздо быстрее, чем можем прибыть на место. В конечном итоге появление глобальной компьютерной сети изменило, в информационном плане, само значение "путешествия" (и понимание "расстояния", которое должно быть покрыто) и открыло, как в теории, так и на практике, моментальный доступ к информации через весь земной шар".

Рассматривая социальную фрагментацию, Б. обращается к теме идентичности (**см.**). Идентичность постмодерного субъекта формируется в пустыне современного города и проходит долгий исторический путь. Вслед за В.Беньямином (**см.**) и Ш.Бодлером, Б. отводит роль центральной фигуры городской среды "прогуливающемуся". Прогуливаться, фланировать, значит находить себя (незнакомца) среди незнакомцев, видеть их как "поверхности", скользить по поверхности города. Прогулки разбивают жизнь на эпизоды – без прошлого и без обстоятельств. Это встречи-репетиции, без эффектов, обязательств и последствий. Происходит начальная фрагментация и отчуждение от реальности: прогуливающийся помещен в разрыв между появлением и реальностью. Собственно это и есть человек досуга, все делающий в свободное время и ради свободного времени. Затем он из маргинальной, периферийной стратегии стремительно переродится в доминирующую стратегию потребителя, как аллеи – пространственный архетип прогулки – вдруг стали торговыми рядами торговых центров: "место для прогулки по пути совершения покупок и для покупок в процессе прогулки". Уже сама конструкция этих рыночных мест стимулирует постоянное движение, не дает остановиться, требует перемещаться и менять объект внимания.

Как пишет Б., "торговые ряды (или заботливо оснащенные электронными средствами охраны их части – торговые центры) сохраняют мир для жизни-как-прогулки. Иначе говоря, торговые ряды являются мирами, сотворенными приглашенными дизайнерами для сохранения ареала обитания прогуливающегося... Торговые ряды провоцируют постмодерный взлет прогуливающегося, но также и подготавливают почву для последующего разрастания и возвышения этой модели жизни".

В постмодерную эпоху все перевернулось: "бродят" и "прогуливающихся" – этих маргиналов модерна с их неподчиненностью, внеструктурностью, незафиксированностью, свободой передвижения и ускользанием от локального контроля – этого "обличия анархии в слишком упорядоченном модерне" стало больше, чем оседлых людей. Скитание из маргинальной превратилось в центральную стратегию большинства. И былой мир начал впадать в запустение, свидетельствующее об интенсивной дереализации.

"Постмодерн все поставил с ног на голову. Теперь осталось мало "занятых" и обжитых мест. "Поселившиеся навсегда" вдруг проснулись, чтобы искать места (места на земле, в обществе и в жизни), которые им на самом деле "суждены" и которым они "принадлежат", места еще не обжитые и не занятые; аккуратные улицы сменилась убожеством, заводы исчезли вместе с рабочими местами, искусства больше не находят покупателей, знание обратилось в невежество, профессиональный опыт стал обязанностью, прочные сети отношений распадаются и засоряют место гнилыми отбросами".

Так на постмодерной сцене появляется "турист" – воплощение мобильности и фрагментации. С одной лишь поправкой, что туризм, в отличии от прогулки, это все-таки вид активности, а не тип личности. Цель туриста – новый опыт, им движет стремление покинуть повседневность и "запрыгнуть" в новое, определяемое в зависимости от странности, экзотичности и безвредности (очень важный момент: турист

всегда имеет пакет средств безопасности). Сам мир предназначен чтобы возбуждать, наслаждать, изумлять, предназначен служить для практикования "техник себя" – другого оправдания этому миру и существованию в нем туриста нет. Поэтому жизнь устраивается по эстетическим критериям.

Но чем больше "туризм" становится жизнью, – отмечает Б., – тем сложнее ощущать наличие дома. Дома не в смысле улицы, города, а именно в смысле самой установки – здесь мой дом, здесь я живу, здесь мой мир: дом как символ центрированной и главенствующей повседневности, символ реального и упорядоченого мира. Дом становится будущим временем и одновременно страхом быть привязанным к дому, одновременно и убежищем, и тюрьмой. Бездомность – это пренебрежение реальностью повседневного, это дереализация в туристической модели жизни.

Еще одна модель постмодерной идентичности, по Б., – "игрок". Собственно, сама игра и характеризует эту модель. В игре нет ни неизбежности, ни случайности; нет ничего неизменного и необратимого. Ничего нельзя полностью предсказать или проконтролировать. Это мир риска и эвристических решений, а не алгоритмических цепочек поведения. Весь мир – это игрок. Его время состоит из последовательности игр, а каждая игра – закрытое, практически непроницаемое пространство. Цель игры – выиграть, и здесь нет места сочувствию, жалости, расплате. Постмодерная игра не упорядочивает мир, не производит мораль и право, а наоборот, дестабилизирует, деморализует, дереализует. Этим ее культурное значение радикально отличается от прекрасно проанализированного Й.Хейзингой мира архаической и модерной игры. И очевидно не серьезное выступает альтернативой постмодерной игры у Б., а иной тип игры, заслуживающий отдельного анализа, который он и проделывает.

В этой же логике формируется техника использования удовольствий. Модерный этос строился на принципе отложенного и запасенного удовольствия, на аскетизме пустынного отшельника, с его постоянной неудовлетворенностью и разорванностью между "здесь"-ожиданием и "там"-удовлетворением. Задержка наслаждения становилась энергетикой, заставляла запасаться на будущее и делала сверхзначимым сохранность и эффективность запасов. Так формировался капитал и сам мир раннего капитализма: упорядоченный, детерминированный, предсказуемый, застрахованный.

"Туристы" и "игроки" стремятся к наслаждению здесь и сейчас. Они ничего не запасают, не обременяют себя ради отложенного удовольствия никакими обязанностями. Само откладывание чего бы то ни было, включая удовлетворение, не имеет для них смысла, поскольку не существует больше той линии времени, на которой можно было бы выстроить порядок следующих друг за другом эффектов запасания и счастья. И, вероятно, постмодерное использование удовольствий скорее аппелирует не к отложенности желания и удовлетворения, а к актуальности наслаждения. При этом тело "туристов" и "игроков" размещено преимущественно в рамках частной собственности, с ним требуются специальные нормы обращения: фитнесс, диета, калории и пр. Это уже даже не тело, а практики воплощения, которые провоцируют характерную шизофреническую раздвоенность: между стремлением к экстатическим проявлениям и тотальным контролем, между необходимостью быть в теле как в себе и существованием во вне как престижная собственность. Модель "туриста" "воплощает" в теории Б. ключевое понятие мобильности, постоянного движения и перемещения, "бытия-в-движении", которое концентрирует базовые представления о динамике постмодерного общества.

Последствия гипер-мобильности и фрагментации отражаются на динамике социальных институтов. Первой удар дестабилизации принимает на себя, по мысли Б., институт семьи. Главное, что он при этом утрачивает – это функция связи поколений. В самостоятельном моделировании своей индивидуальной траектории самоутверждения, будучи лишен жесткой принудительности традиции, человек не ищет опоры в корнях и роде. Если авторитеты возникают, то возникают ниоткуда, чтобы, уловив момент доверия, незаметно исчезнуть в никуда – и спросить оказывается не с кого. Постмодерная мораль личного выбора зацикливает ответственность перед собой, а не перед другими. И семья переходит в разряд формального атрибута состоятельности и выполнения отнюдь не первостепенных обязанностей. "Мост в бессмертие" в постмодерном мире характеризуется стратегией запечатления личных достижений в приватной логике успеха, а не в памяти рода или народа. Аналогичным образом "туризм" приводит к разрушению структур местных сообществ и упразднению публичных пространств, существование которых базировалось на оседлости и укорененности.

Б. также убедительно показывает, сколь стремительно меняются параметры социальной стратификации (см.) под влиянием мобильности и производимой ею социальной поляризации. Разрыв в доходах европейцев и африканцев за столетие вырос почти в 5 раз и это соотношение стало равным 50. Мир поляризуется. Эти тенденции обретают красочную идеологическую обертку в "концепции" глобализации. Реальность же такой институциональной динамики (войны, как ее называет Б.) состоит в том, что "центры принятия решений, вместе со всеми расчетами, на основе которых они принимаются, последовательно и неуклонно освобождаются от территориальных ограничений – ограничений, налагаемых местоположением... В эпоху взрыва коммуникаций, когда мгновение сжалось до мельчайшей доли секунды, пространство и пространственные маркеры теряют свое значение; по крайней мере для тех, кто может придать своим действиям скорость электронного письма". Но упразднение пространства становится механизмом социального исключения тех, кто остается привязан к месту и иммобилен. Быть местным в глобальном мире означает социальную деградацию. Глобализация вытесняет "местное", превращает его в отходы и издержки собственного триумфального шествия.

Особенно явственно эти тенденции дают о себе знать в экономике. Капитал и его хозяева (инвесторы) совершенно не зависят от конкретного местоположения предприятий и тем самым оказываются вне территории, вне обязательств перед местным сообществом, вне любых социально значимых обязательств. Мобильность капитала всегда позволяет ему навя-

зывать свои правила игры или уйти без последствий для себя. Политическая власть, неразрывно связанная с экономическим капиталом, также неизбежно отчуждается от своих обязательств на данной конкретной территории и утрачивает свою географическую реальность.

Однако Б. не считает, что эти социокультурные тенденции имеют лишь негативные институциональные последствия. С его точки зрения, при всем том, что модерная модель отношений труда и капитала претерпевает значительные изменения, что новые линии стратификации провоцируют усиление разобщенности и нестабильности, новый тип отношений обещает существенное смягчение базового экономического конфликта. И здесь основная роль отводится Б. "государству благосостояния". Но уже не по экономическим соображениям, как в момент возникновения этого типа государства в эпоху модерна, а по моральным: показатели человечности общества должны измеряться качеством жизни слабейших его членов, и это ныне единственное оправдание государства благосостояния. Таким образом, оно противопоставляет морали "сильных" (власти) политическую поддержку "слабых" (политику). И если конфигурации власти и политики создают позитивную сумму индивидуальных векторов и траекторий (остающихся, однако, скоротечными социальностями), оформляют некоторый "здравый смысл", уверенность в сегодняшнем дне, "ощущение, что время на нашей стороне", тогда, считает Б., мы вправе говорить о социальном прогрессе как универсальном критерии для любых социальных структур, а не как о модусе исторического

Здесь Б. в духе неосоциализма пытается преодолеть проблематичность индивидуализации морали и выступает за выработку универсальных этических критериев развития, минимум которых он связывает с преодолением имущественных разрывов и уменьшением бедности. На пути такого прогресса демократия может рассматриваться как постоянный источник нестабильности и деинституциализации, поскольку провоцирует "борьбу за права". Ее действенность всегда под угрозой из-за того, что стремление людей к свободе не является постоянной переменной в отличии от постоянства репрессивных амбиций власти. Однако Б. демонстрирует, что теоретической необходимости демократий в постсовременных обществах не существует и что демократические принципы в условиях гипериндивидуализации оказываются под вопросом.

В работах Б. можно проследить ключевую линию проблематизации, в которой он обостряет противоречие между социальным порядком и моральным установлением. По глубине разработки проблемы идеи Б. безусловно не менее значимы, чем знаменитые выводы М.Вебера (**см.**) об отношении протестантской этики и капитализма [см. **"Протестантская этика и дух капитализма" (Вебер)**]. Наиболее острый момент в противоречии социального и морального связан, по Б., с тем, что постмодерная социальность перешагнула за тот предел, за которым практически невозможно определить существование общества без глубокой моральной рефлексии. Причем не столько в рационально-критическом аспекте, сколько в эмоционально-чувственном. Здесь идеи Б. сближаются с размышлениями в поздних работах П.Сорокина (**см.**), в которых он показывает, что основы социальной интеграции лежат в общечеловеческом переживании любви. Любовь как первичное и наиболее глубокое отношение к другому, с точки зрения Б., есть особая форма действия-рефлексии за пределами этики и социального действия, формирующая основы социальности.

Д.В. Галкин

БЕГСТВО ОТ СВОБОДЫ – понятие, используемое для характеристики состояния человека, испытывающего страх перед свободой и прибегающего в жизни к бессознательным механизмам защиты, позволяющим ему реализовать скрытое желание, заключающееся в стремлении покончить со своей собственной свободой и избавиться от ее бремени.

Понятие "Б.отС." было введено в научную литературу американским психоаналитиком Э. Фроммом (**см.**). В одноименной работе "Бегство от свободы" (1941) он попытался не только ответить на вопросы, что означает свобода для современного человека, каковы его переживания по поводу обретенной им свободы и почему индивидуум стремится избавиться от нее, но и раскрыть психологические механизмы Б.отС., к которым человек прибегает в процессе своей жизнедеятельности. В отличие от З. Фрейда (**см.**), высказавшего лишь некоторые соображения о свободе человека, Э. Фромм уделил значительное внимание обсуждению данной проблематики. Если основатель психоанализа исходил из того, что свобода ограничивается вместе с развитием культуры, "индивидуальная свобода не является культурным благом", а стремление к свободе направлено или против определенных форм и притязаний культуры, или против культуры вообще, то Э. Фромм полагал, что "свобода определяет человеческое существование как таковое" и понятие свободы меняется в зависимости от степени "осознания человеком самого себя как независимого и самостоятельного существа". Если, согласно З. Фрейду, человек "всегда будет отстаивать свои притязания на индивидуальную свободу против воли масс", то, по мнению американского психоаналитика, свобода может превращаться в невыносимое страдание, и у человека возникает непреодолимое желание избавиться от нее, найти какой-либо иной способ связи с миром и людьми, чтобы "избежать неуверенности, пусть даже лишившись свободы". Подвергнув анализу завоевание свободы в эпохи средневековья, Возрождения и развития капитализма, Э. Фромм пришел к следующим заключениям: в процессе превращения ребенка во взрослого человека и становления человечества наблюдается постоянное стремление к обретению свободы от внешних сил, но не осознаются те внутренние принуждения и страхи, которые ставят под сомнение все завоевания свободы; проблема свободы не только количественная, но и качественная; свобода имеет двоякий смысл, поскольку, с одной стороны, человек освобождается от уз прежней власти и становится "индивидуумом", а с другой – он ощущает одиночество и собственное бессилие, превращается в орудие внешних целей, отрывается от самого себя и окружающего его мира; следует различать "свободу от" внешних ограничений и "свободу для" реализации внутреннего потенциала

человека: "свобода от" принесла человеку победу над силами природы, независимость от обстоятельств жизни, но в то же время изолировала его от других людей, породила в нем чувства одиночества, бессилия, пустоты, тревоги; если человек не может перейти от негативной "свободы от" к позитивной "свободе для", то он различными способами стремится "избавиться от всякой свободы вообще". Основываясь на психоаналитическом представлении о действии бессознательных сил в глубинах человеческой психики, Э. Фромм сосредоточил внимание на раскрытии психологических механизмов Б.отС. Он показал, что пути избавления от свободы являются следствием неуверенности и беспомощности изолированного индивидуума, который в попытках избавления от тревоги прибегает к таким психологически действенным и социально значимым механизмам Б.отС., как авторитаризм, разрушительность, конформизм. Авторитаризм связан со стремлением человека к подчинению и покорности, мазохизму и садизму, обретению новых вторичных уз вместо утраченных первичных. Разрушительность – с полной ликвидацией объекта, чтобы тем самым избавиться от невыносимого чувства собственного бессилия. Конформизм – с отказом человека от самого себя, утратой собственного Я, превращением в робота. Анализ свободы и психологических механизмов Б.отС. в современном мире привел Э. Фромма к пониманию того, что процесс развития свободы не является порочным кругом, с неизбежностью предполагающим усиление стремления человека к избавлению от свободы как таковой. По его убеждению, возможны варианты такого развития, когда человек может быть свободным и независимым, но в то же время связанным с другими людьми и человечеством. Речь идет об обретении человеком "свободы для", той позитивной свободы, которая предполагает спонтанную активность индивидуума в направлении развертывания его внутреннего потенциала и творческих возможностей, реализации чувственных, эмоциональных и интеллектуальных способностей, становления продуктивной и преисполненной любви личностью.

В.М. Лейбин

БЕДНОСТИ ПОРОГ – нормативно устанавливаемый уровень денежных доходов отдельного индивида, семьи за определенный период времени, обеспечивающий прожиточный минимум. Впервые Б.П. установили английские социологи Ч. Бут и С. Раунтри в 1890-е.

В основу современных трактовок Б.П. положена концепция бедности абсолютной (**см.**), в соответствии с которой он определяется как уровень доходов или расходов в денежном выражении, ниже которого невозможно обеспечить минимальное питание и удовлетворение основных потребностей непроизводственного характера. Методология Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) в национальной оценке Б.П. основывается на концепции абсолютной бедности; что же касается концепции бедности относительной (**см.**), то при расчете этого показателя в программе ПРООН она не используется. Методологически достоверными являются оценки Б.П., основанные на данных, взятых из фактического обследования бюджета домохозяйств, доходов или расходов. Так, если за Б.П., по данным ПРООН 1996, взять доход в один доллар США в день, то 33 % населения развивающихся стран, или 1,3 миллиарда человек, относятся к категории бедных. Численное значение Б.П. фиксируется либо в цифровом выражении, либо в виде доли среднего дохода (обычно от 40 до 60 %), либо через сравнения материального положения нижних 10 или 20 % населения с уровнем жизни остальных граждан.

А.Б. Александрова

БЕДНОСТЬ – отсутствие достаточных материальных ресурсов для поддержания здоровья и ведения умеренно активной трудовой жизни людей, обусловливающее их существование ниже официального уровня прожиточного минимума. Б. характерна для любой экономической системы. Глубина Б. определяется макроэкономическими показателями: производственным потенциалом страны, валовым национальным продуктом и благосостоянием народа, а также внутренней и внешней политикой государства.

Б. бывает двух видов: 1) ситуативная Б. – Б. человека или семьи, испытывающих в данный момент соответствующие материальные затруднения; 2) постоянная Б. – выражающаяся в отсутствии жилья, другой собственности и перспектив на получение работы. Критериями наличия Б. являются безработица и инфляция, уровень которых характеризует степень Б. К основным критериям Б. относят: уровень доходов, приходящихся на одного человека, потребительскую корзину и прожиточный минимум. Бюджет прожиточного минимума – стоимость минимальной корзины потребительских товаров и услуг, необходимых для поддержания здоровья и выполнения труда. Чем больше корзина, тем выше порог Б., и, следовательно, к категории бедных относится большее количество людей. Общий уровень Б. в каждой стране определяется как доля бедных в общей численности населения от 15 лет и старше.

В мире существует несколько методов оценки Б.: 1) статистический – в соответствии с которым бедными считаются 10-20 процентов всего населения, распределенного в общий ряд по размерам получаемых доходов, 2) нормативный – метод минимальной потребительской корзины, 3) метод лишений – основанный на расчете недопотребления определенных продуктов, 4) стратифицированный метод – метод отнесения к бедным определенных групп людей, не способных к самообеспечению (старики, инвалиды, дети без родителей, иммигранты и т.д.), 5) эвристический метод – который представляет собой социологический опрос с целью определения достаточного и недостаточного уровня жизни и 6) экономический метод – который характеризует категорию бедных теми ресурсными возможностями государства, которые распределяются на данную категорию людей для поддержания их материальной обеспеченности.

Обычно выделяют два способа борьбы с Б.: 1) поддержание основных доходов на уровне, необходимом для действующих в обществе стандартов потребления. Этот метод применяется в развитых странах и направлен на сокращение численности бедного населения. Он включает в себя меры по предупреждению увеличения бедных и поэтому связан с про-

ведением такой экономической политики, которая позволила бы увеличить доходы основной массы населения, организовать механизм оказания поддержки нуждающимся, создать новые рабочие места, поддержать малый бизнес и частный сектор путем предоставления налоговых льгот; 2) адресная социальная помощь тем нуждающимся, кто находится в крайне тяжелом материальном положении. В соответствии с этой программой обеспечивается выделение определенной суммы средств из национального дохода для осуществления помощи нуждающимся. Данный способ является основным для развивающихся стран, но в определенных случаях может применяться и в развитых странах.

А.А. Гришин

БЕДНОСТЬ АБСОЛЮТНАЯ – явная недостаточность имеющихся у индивида (см.), семьи (см.), региона, государства (см.) имущественных ценностей, товаров, денежных средств, минимально необходимых для поддержания жизни и жизнедеятельности. Б.А. имеет место, когда люди не обладают достаточными ресурсами для поддержания минимума физического здоровья, работоспособности и фактически не в состоянии удовлетворить базовые человеческие потребности, обеспечивающие выживание. Этот вид бедности (см.) чаще всего измеряется в количестве потребляемых индивидами калорий или уровне и качестве питания. Современные социологические концепции бедности оперируют к понятию бедности относительной (см.).

А.Б. Александрова

БЕДНОСТЬ ДОГОНЯЮЩАЯ – социокультурное явление, показывающее стремление к достижению субъектами бедности (см.) стандартов и уровня жизни экономически более обеспеченных социальных групп (см.). Проявляется в потреблении престижных благ и ценностей, при этом относительная цена престижных покупок для бедных гораздо выше. Стремление "догнать" потребительские и жизненные стандарты более обеспеченных приводит к нерациональному распределению материальных средств при изначальной ограниченности доходов, а также повышает вероятность возникновения ценностно-нормативного конфликта внутри бедных категорий. Отдельные субъекты из бедных могут тяготиться своим положением и своей семьей, материальный уровень которой не позволяет жить лучше. Возникает противоречие между их фактическим стандартом и уровнем жизни и стандартом и уровнем жизни более обеспеченных, достижение которого требует более высоких затрат. Единичное разрешение противоречия происходит за счет вынужденного нерационального приобретения материального блага. Стратегическое "снятие" противоречия связано с развертыванием программы преодоления явления бедности как таковой.

А.Б. Александрова

БЕДНОСТЬ ОТНОСИТЕЛЬНАЯ – невозможность поддерживать уровень жизни, принятый в данном социуме. Определяется общими уровнями жизни в различных обществах и основывается на культурологическом определении, а не на абсолютном уровне депривации. Б.О. в качестве базы сопоставления использует нормативные оценки, внешние по отношению к объекту исследования. Показывает, насколько бедным является индивид, группа, общество в сравнении с другими индивидами, социальными группами, обществами.

Б.О. является сравнительной характеристикой в двух смыслах. Во-первых, она показывает состояние субъекта бедности относительно того изобилия или достатка, которым обладают другие члены общества, не считающиеся бедными, и заключается в сравнении различных групп (слоев) стратифицированных обществ. Во-вторых, она показывает состояние субъекта бедности относительно некоторого стандарта жизни, например стандарта достойной или приличествующей жизни.

Масштабы Б.О. не совпадают с масштабами бедности абсолютной (см.). В обществе может быть ликвидирована абсолютная бедность, но всегда сохраняется Б.О. вследствие того, что неравенство – непременное условие стратифицированных обществ. Поэтому Б.О. сохраняется или даже возрастает, когда стандарты жизни всех социальных слоев повышаются.

А.Б. Александрова

БЕЗНЮК Дмитрий Константинович (р. 1970) – белорусский социолог, кандидат социологических наук (1997), доцент (2000). Окончил философское отделение Белорусского государственного университета. Доцент кафедры социологии Белгосуниверситета.

Научные интересы – проблемы социологии власти и управления, социологии религии, русской религиозной философии, социологии войны, истории восточных славян. Разработки Б. в сфере социологии власти и управления касаются, прежде всего, методологических проблем: формирование общей схемы методологических основ теории (конкретной отрасли социологического знания) и прояснение предметного поля социологии управления.

Основные работы: "Власть: методологические основы социологического анализа" (1997), "Социология религии" (1999, в соавторстве с А.Н. Елсуковым), "Основы социологии религии" (2003), а также более 50 научных статей.

БЕЗОПАСНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ обеспечение – процесс создания условий для стабильного, бескризисного развития государства в соответствии с целями и задачами развития и укрепления экономического суверенитета; устранения и предупреждения угроз, условий и других факторов, могущих оказать негативное, дестабилизирующее воздействие на развитие национальной экономики; устранения противоречий между интересами отдельных социальных групп, общества и индивида. Обеспечение Б.Э. представляет собой целенаправленную, постоянно осуществляемую деятельность (хозяйственная, нормотворческая, аналитическая, оперативно-розыскная и иная) всех субъектов Б.Э. по защите жизненно важных интересов республики, сохранению и развитию процессов экономического роста.

В функциональном аспекте Б.Э. субъектов хозяйствования обеспечивается путем:

– определения коммерческих, организационных, технологических и социальных приоритетов (предприятия, отрасли, региона);

– налаживания системы оценок реальных и потенциальных угроз своим жизненным интересам;

– разработки методов и средств парирования угроз экономическим интересам; а также стратегии применения защитных мер;

– создания организационно-правового механизма практической реализации защитных мер.

В качестве исходных методологических принципов обеспечения Б.Э. выделяются:

– разработка механизма определения жизненно важных экономических интересов республики или субъекта хозяйствования, сфер и особенностей их реализации;

– выявление угроз и субъектов угроз Б.Э. в современных условиях;

– определение объектов защиты;

– выявление субъектов, чья деятельность наносит ущерб жизненно важным экономическим интересам личности, общества и государства (субъекты угроз-действий), или угроз-процессов и угроз-факторов;

– определение признаков, свидетельствующих о совершении действий, наносящих ущерб жизненно важным экономическим интересам республики или субъекта хозяйствования;

– определение основных факторов и условий, складывающихся в сфере обеспечения Б.Э. государства или производителя;

– анализ особенностей и механизмов нанесения ущерба жизненно важным экономическим интересам республики или хозяйствующим субъектам;

– определение компетенции и взаимоотношений органов, осуществляющих деятельность по обеспечению Б.Э.;

– формирование системы мер по реализации жизненно важных экономических интересов;

– осуществление мероприятий по противодействию угрозам и локализации их последствий.

Концепция обеспечения Б.Э., построенная на этих принципах, должна включать в себя:

а) систему обеспечения Б.Э. как совокупность мер и деятельность по их реализации субъектов Б. в целях надежного стабильного функционирования экономических отношений в республике и между хозяйствующими субъектами;

б) критерии распределения компетенции отраслевых министерств и ведомств, субъектов хозяйствования по обеспечению Б.Э., учитывающие: сферу деятельности, имеющиеся механизмы обеспечения, характер угроз (угрозы-процессы, угрозы-факторы, угрозы-действия) выполняемым функциям;

в) модель деятельности по обеспечению Б.Э.

Обеспечение Б.Э. осуществляется на каждом ее уровне соответствующими субъектами и методами. Б.Э. государства – структурными элементами государственного аппарата. На уровне общества субъектами обеспечения Б.Э. выступают различные общественные образования (например, элиты, общество защиты прав потребителя и пр.). Б.Э. субъекта хозяйствования обеспечивают структурные звенья предприятия, фирмы или сам индивидуальный производитель.

Система обеспечения Б.Э. включает в себя совокупность мер и деятельность по их реализации субъектов Б. в целях надежного стабильного функционирования экономических отношений в республике и между хозяйствующими субъектами по предупреждению возникновения угроз и устранению их последствий.

Таким образом, концептуально построение модели обеспечения Б.Э. должно, на наш взгляд, базироваться на рассмотренных методологических подходах, учитывать структурный и функциональные аспекты и включать создание системы обеспечения Б.Э. государства, общества и субъектов хозяйствования.

Концепция обеспечения Б.Э., так же, как и национальной Б. во всех ее составляющих, должна включать в качестве элементов деятельность и механизмы обеспечивающие:

– выявление угроз и субъектов угроз Б.Э. в современных условиях;

– определение объектов защиты;

– механизм выявления жизненно важных экономических интересов республики или субъекта хозяйствования, сфер и особенностей их реализации;

– выявление субъектов, чья деятельность наносит ущерб жизненно важным экономическим интересам личности, общества и государства (субъекты угроз-действий), или угроз-процессов и угроз-факторов;

– определение признаков, свидетельствующих о совершении действий, наносящих ущерб жизненно важным экономическим интересам республики или субъекта хозяйствования;

– определение основных факторов и условий, складывающихся в сфере обеспечения Б.Э. государства или производителя;

– анализ особенностей и механизмов нанесения ущерба жизненно важным экономическим интересам республики или хозяйствующим субъектам;

– определение компетенции и взаимоотношений органов, осуществляющих деятельность по обеспечению Б.Э.;

– формирование системы мер по реализации жизненно важных экономических интересов;

– деятельность по противодействию угрозам и локализации их последствий.

Угроза есть возможное негативное (с позиций интересов личности, общества или государства) воздействие на сами интересы, условия и механизмы их реализации, на систему отношений. Это воздействие может быть осуществлено различными факторами и процессами (природными, социальными и экономическими) – как реальными, уже существующими, протекающими, так и потенциальными.

Воздействие на Б.Э. социальной структуры природных факторов (засуха, наводнение, землетрясение или другие катаклизмы) проявляется в социально-экономических последствиях, к которым они приводят, в нарушении существующей

системы общественных отношений. Угрозой Б.Э. являются не сами по себе природные явления или техногенные факторы, а те действия, которые не были предприняты или не обеспечили нейтрализацию последствий.

С этих позиций угрозами для экономических интересов личности, общества и государства являются не только процессы, условия и факторы, но и действия, направленные на ущемление жизненно важных экономических интересов личности, общества и государства или использующие для этого последствия различных экономических, социальных, политических и природных факторов и процессов. Именно конкретная деятельность, наносящая ущерб интересам общества и государства, вне зависимости от того, осознает это или не осознает лицо или иной субъект отношений возможные негативные последствия, представляет непосредственную угрозу Б.Э.

Поэтому угроза Б.Э. имеет явно выраженный субъектный характер. То есть – она является выражением противодействия отдельных личностей, определенных социальных групп, субъектов общественных отношений (государств, общественных организаций, партий и пр.) удовлетворению общенациональных или государственных, а также личных жизненно важных экономических интересов.

Соответственно угрозы с учетом причин их возникновения могут быть классифицированы по видам:

1. Угрозы, вызываемые объективно развивающимися как природными, так и социально-экономическими процессами.

2. Угрозы, вызываемые определенными политическими, экономическими и социальными действиями.

По первой группе угроз их источником являются природные силы или факторы, противодействие которым со стороны общества может осуществляться путем создания резервов, своевременного оказания помощи пострадавшим и пр. В то же время по второй группе угроз их субъектами, "носителями" являются физические и юридические лица, субъекты общественных отношений. В этом случае обеспечение Б.Э. может быть достигнуто или путем правового предупреждения и пресечения незаконных действий по реализации интересов в ущерб интересам других субъектов отношений; или формирования условий деятельности, которые позволят государству не допустить обострения противоречий между общенародными, государственными интересами, с одной стороны, и отдельных субъектов – с другой. Иными словами, государственные органы могут активно противодействовать возникновению такого рода угроз через реализацию политики, формируя условия, когда субъектам экономических отношений станет невыгодно действовать вопреки общенародным, государственным интересам.

Для обеспечения Б.Э. важное методологическое значение имеет и вопрос об определении "носителей", источников или субъектов угроз, чьи именно действия и направлены против жизненно важных экономических интересов общества и государства. И если в одном случае их носителями являются природные силы, объективные процессы и факторы экономического развития, то в другом таковыми являются конкретные субъекты хозяйствования.

В качестве же субъектов угроз Б.Э., чьи конкретные действия способны наносить ущерб жизненно важным экономическим интересам республики, следует, на наш взгляд, рассматривать:

– юридических лиц (предприниматели, фирмы, фонды и благотворительные организации; государственные предприятия и другие субъекты хозяйствования);

– физических лиц, профессионально выполняющие работу экономического характера (частные производители и предприниматели, не имеющие статуса юридического лица; руководители, осуществляющие от имени предприятий хозяйственные операции; сотрудники государственных организаций и учреждений и пр.);

– иностранных юридических лиц, организации, фирмы, спецслужбы и т.д.;

– организованную преступность, действующую как внутри республики, так и за рубежом.

Следует учитывать, что все субъекты хозяйствования могут иметь противоречащие общенародным и государственным личные, корыстные экономические интересы и использовать формы, методы деятельности, которые им позводяют достигнуть нужного результата. И в этом отношении они функционируют в рамках прав, предоставленных им Конституцией. Однако с другой стороны, их действия могут ущемлять жизненно важные экономические интересы общества, государства или других субъектов хозяйствования, то есть являться угрозой Б.Э. республики или отдельного производителя. Иными словами, они реально выступают субъектами угроз Б.Э. Поэтому при оценке данных субъектов как носителей угроз в современных условиях следует исходить из критерия соответствия их деятельности установленным правовым, хозяйственным нормам и правилам. Степень ответственности за такие действия определяется законодательством, но в современных условиях развития республики ряд деяний закон не определяет как преступные. Во-первых, – в силу появления совершенно новых видов экономических преступлений, с которыми общество столкнулось в условиях рыночных реформ и законодатель не успевает за изменяющейся ситуацией. Во-вторых, – в связи с тем, что эти действия используются для первоначального накопления капитала и перераспределения общественной собственности, определенные социальные группы не заинтересованы в общественной оценке и законодательном определении этих действий как преступных. Поэтому действия ряда субъектов в соответствии с существующим законодательством не могут быть пресечены на законодательной основе, хотя наносят значительный ущерб Б.Э. общества и производителей.

В этой связи жизненно важным условием обеспечения Б.Э. на современном этапе для республики является не просто законодательное определение приоритетных экономических интересов, но и, соответственно, уголовно-правовая оценка действий, которые могут представлять реальные или потенциальные угрозы Б.Э. государства и субъектов хозяйствования. Только на этой основе, можно четко определить как всех субъектов угроз, так и степень их уголовной, административной или иной ответственности, а также возможные меры про-

тиводействия им. Не менее важно также определить и соотношение жизненно важных экономических интересов личности, общества и государства. В противном случае объективно существующие противоречия между ними будут затруднять деятельность государства по регулированию хозяйственной практики: или будут создавать искусственные барьеры в деятельности субъектов хозяйствования; либо государство может потерять контроль и возможности оказывать хоть какое-либо положительное реальное воздействие на экономику. Помимо этого, определение приоритетов в соотношении экономических интересов личности, общества и государства может обеспечить отправные точки для оценки правоохранительными органами тех или иных деяний, отнесения или неотнесения их к преступным и, соответственно, ориентации сотрудников в быстро меняющемся мире рыночных отношений.

Еще одним методологическим положением, которое необходимо учитывать при обеспечении Б.Э., является разграничение объектов Б.Э. и объектов обеспечения Б.Э. (или объектов защиты). Объектом Б.Э. выступают экономические интересы как воплощение экономических отношений. А объектами обеспечения Б.Э. являются носители (материальные и идеальные) экономических отношений, иными словами, те объекты, воздействуя на которые возможно нанесение ущерба экономическим интересам.

Использование понятий объект воздействия и объект обеспечения Б.Э. обусловлено рассмотрением системы взаимоотношений различных субъектов. Об объекте воздействия речь идет при анализе механизма реализации угроз Б.Э., который проявляется в виде деятельности субъектов, ущемляющих интересы республики. Об объекте обеспечения говорится при анализе деятельности государства, его органов или субъектов хозяйствования, направленной на предотвращение воздействия угроз на экономические интересы или экономические отношения. Иными словами, в первом случае рассматривается система: угроза и ее субъект – объект воздействия. Во втором: между ними встает субъект, деятельность которого должна предотвратить воздействие угрозы на объект.

В самом общем виде объекты воздействия (защиты или обеспечения) целесообразно подразделить на две большие группы: физические, материальные и идеальные объекты и рассматривать в соответствии с классификацией объектов непосредственно Б.Э. То есть, – на разных уровнях, в разных сферах, по видам производственной, финансовой и др. деятельности.

Идеальные объекты существенно отличаются от физических в силу значительного разнообразия средств нанесения ущерба, применяемых в отношении к ним.

Подход к вычленению объектов Б.Э. и объектов воздействия позволяет при анализе: во-первых, выделить конкретные механизмы реализации угроз Б.Э., в которых объекты воздействия являются элементами; во-вторых, раскрыть непосредственные и опосредованные воздействия на объекты Б.Э. и, соответственно, определить наиболее полный перечень угроз, которые необходимо предотвращать для защиты национальных, общественных, государственных и индивидуальных интересов; в-третьих, создать методологическую основу для более четкого разграничения компетенции органов государственной власти и управления в сфере обеспечения Б.Э. Выделяются не только объекты защиты, но становится возможным распределить функции субъектов обеспечения Б. в выявлении, предотвращении и пресечении угроз по отношению к одному объекту, но разными органами.

Обеспечение Б.Э. осуществляется на каждом ее уровне соответствующими субъектами и методами. Б.Э. государства – структурными элементами государственного аппарата. На уровне общества субъектами обеспечения Б.Э. выступают различные общественные образования (например, элиты, общество защиты прав потребителя и пр.). Б.Э. субъекта хозяйствования обеспечивают структурные звенья предприятия, фирмы или сам индивидуальный производитель.

Распределение компетенции органов (субъектов), входящих в систему обеспечения Б.Э., должно осуществляться на основе ряда критериев.

Во-первых. Соответствие компетенции той сфере хозяйственной деятельности (отраслевой структуре экономики), в которой субъекты обеспечивают реализацию жизненно важных экономических интересов. То есть соответствующие органы и организации должны обеспечивать Б.Э. в производственной сфере, в рамках внешнеэкономической деятельности, в ходе реализации интересов государства, общества или личности, при проведении приватизации и пр.

Во-вторых. Компетенция должна соответствовать механизмам обеспечения Б.Э., включающим определение жизненно важных экономических интересов, выявление угроз реализации интересов, определение системы мер, направленных на преодоление влияния угроз и т.д.

В-третьих. Компетенция определяется в зависимости от характера угроз, преобладающих, действующих в той или иной сфере деятельности: угрозы-факторы, угрозы-процессы, угрозы-действия.

В-четвертых. Зависимость компетенции от функций, которые то или иное структурное образование выполняет в системе обеспечения Б.Э.: организация взаимодействия всех элементов системы, определение стратегии реализации жизненно важных экономических интересов, организация противодействия возникающим угрозам, пресечение угроз-действий и пр.

В соответствии с данными критериями основными функциями субъектов обеспечения Б.Э. являются:

1) Создание условий для реализации жизненно важных интересов личности, общества и государства и выбор приоритетов по их защите в конкретно-исторических условиях, а также их корректировка в соответствии с текущими изменениями принципиального характера.

2) Оценка текущего состояния Б. Республики Беларусь, прогнозирование возможных направлений его развития.

3) Разработка и осуществление оперативных и долговременных мер по предупреждению, выявлению и прогнозированию внутренних и внешних угроз, а также нейтрализации источников их происхождения.

4) Создание и поддержание в готовности сил и средств обеспечения национальной Б. в целом и экономической в частности, разработка и осуществление организационно-управленческих мер по их эффективному использованию в повседневных условиях и при чрезвычайных ситуациях.

5) Контроль за эффективностью деятельности органов и общественных объединений в сфере обеспечения национальной безопасности и Б.Э.

В этом плане алгоритм обеспечения Б.Э. как характеристика деятельности по достижению стабильного, устойчивого состояния и развития экономической структуры реализуется по этапам:

– вычленение жизненно важных национальных экономических интересов;

– анализ возникающих противоречий между интересами внешних социальных элементов и интересами социального образования, их причин;

– выявление (мониторинг) внутренних экономических противоречий между интересами социального организма и интересами его составляющих элементов;

– определение путей и возможных механизмов разрешения возникших внешних и внутренних экономических противоречий;

– определение субъектов обеспечения Б., действия которых должны обеспечить равновесное состояние экономической системы; принятие управленческих решений, реализацию которых будут осуществлять субъекты;

– осуществление мероприятий по разрешению возникших внешних и внутренних конфликтов и противоречий, достижение (восстановление) стабильного, устойчивого функционирования и развития экономической структуры.

Соответственно, модель обеспечения Б.Э. в общем виде включает в качестве своих элементов субъекты, механизмы и деятельность по:

– классификации жизненно важных экономических интересов всех субъектов хозяйствования;

– выявлению угроз и субъектов угроз Б.Э. в современных условиях;

– определению объектов защиты;

– прогнозированию и анализу механизмов реализации угроз и признаков их осуществления;

– определению компетенции и взаимоотношений субъектов, осуществляющих деятельность по защите жизненно важных экономических интересов;

– формированию системы мер (правовых, организационно-экономических и иных) по созданию условий и реализации жизненно важных экономических интересов;

– противодействию угрозам Б.Э., локализации их негативных последствий.

Применительно к деятельности различных органов государственного управления по обеспечению Б.Э. наряду с вышеперечисленными элементами включает в себя:

– выявление субъектов, деятельность которых представляет угрозу Б.Э.;

– определение объектов защиты, основываясь на выявлении механизмов реализации угроз;

– определение признаков, свидетельствующих о совершении действий, наносящих ущерб жизненно важным экономическим интересам;

– прогнозирование направлений, сфер, методов и механизмов реализации угроз-действий;

– определение и подготовку необходимых сил и средств, использование которых может обеспечить выявление, предупреждение и пресечение угроз Б.Э.;

– взаимное информирование органами власти и управления, субъектами хозяйствования друг друга о возникающих угрозах-факторах, процессах и действиях, оказание содействия в реализации планов народнохозяйственного развития;

– выявление недостатков экономических механизмов, влияющих на обеспечение Б.Э. республики, и формирование отраслевыми министерствами и ведомствами предложений по их устранению;

Эффективность функционирования такой модели и в целом системы обеспечения Б.Э. определяется, по нашему мнению, степенью защищенности и реализованности жизненно важных экономических интересов личности, общества и государства.

В.В. Пузиков

БЕЗОПАСНОСТЬ – состояние общественных отношений, при котором личность, социальная группа, общность, народ, страна (государство) может самостоятельно, суверенно, без вмешательства и давления извне свободно выбирать и осуществлять свою стратегию международного поведения, духовного, социально-экономического и политического развития. Существует множество аспектов Б. – личностная, национальная, экономическая, социальная, политическая, экологическая, информационная, военная, международная и т.п.

Социальная Б. представляет собой такое состояние социальных взаимодействий и общественных отношений, которые исключают политическое, экономическое, духовное подавление личности и социальных групп, применение насилия и вооруженных сил по отношению к ним со стороны государства и (или) других социальных субъектов для достижения своих целей.

Политическая Б. – система мер, органов, функций государства и общества по защите политических интересов страны, народа, граждан, способствующая динамичному развитию всех сфер общества как в нормальных условиях, так и в ситуации конфликтов, рисков, неопределенностей.

Международная Б. – система политических, экономических, социокультурных отношений и конструктивных взаимодействий в гуманитарной и военной областях, исключающая любые формы дискриминации и диктата, обеспечивающая благоприятные возможности для социально-экономического и духовного прогресса всех государств, совместного решения глобальных проблем человечества на основе уважения общепринятых норм международных отношений, национальной независимости, суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, равноправия.

Е.М. Бабосов

БЕЗОПАСНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНАЯ – состояние системы общественных отношений между субъектами социальной системы, индивидами, государственными институтами как в рамках национального образования, так и в сфере международной деятельности, обеспечивающее возможность полной реализации и защищенность жизненно важных интересов от внешних и внутренних угроз через достижение сбалансированности интересов каждого из участников отношений путем оптимального соотношения с интересами других субъектов. В узком понимании Б. – это защищенность политических, экономических, социальных и иных отношений и организационных связей, материальных, финансовых и интеллектуальных ресурсов личности, общества и государства от угроз; это состояние системы отношений, при котором реализуются жизненно важные интересы личности, общества и государства.

Б. необходимо рассматривать, во-первых, в *структурном аспекте*, во-вторых, как *состояние*, и, в-третьих, как *процесс*, т.е., в *функциональном плане*.

В *структурном аспекте* Б. рассматривается как система жизненно важных интересов и их субъектов (носителей отношений); угроз им, обусловленных различными факторами, процессами и действиями; субъектов (носителей) угроз.

Структурный аспект проблемы предполагает выделение основных факторов, влияющих на реализацию интересов, а через последние – на Б. государства и субъектов хозяйствования. Эти факторы можно разделить на группы, характеризующие: а) политическую, экономическую, социальную, информационную, военную и иные сферы; б) материальное обеспечение; производства, социальной политики, здравоохранения и пр.

Как *состояние* Б. характеризуется степенью достижения наибольшего соответствия (сбалансированности) между жизненно важными интересами личности, общества и государства, создания условий для оптимального функционирования системы общественных отношений, обеспечивающей удовлетворение потребностей и реализацию интересов.

В *функциональном плане* Б. тождественна понятию "обеспечение Б." и должна рассматриваться как процесс обеспечения, достижения единства жизненно важных интересов; выявления и предупреждения угроз им; противодействия субъектам угроз, что фактически будет обеспечивать создание и упрочнение условий надежного функционирования социальной структуры в ходе ее развития.

Особенности внешних и внутренних процессов, политических, экономических и социальных факторов развития республики со всей остротой ставят вопрос об обеспечении Б. Беларуси, о защите жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, определении компетенции каждого из субъектов системы обеспечения Б., построении модели обеспечения Б., применимой как на национальном, государственном уровне, так и в различных сферах жизнедеятельности.

Исходным пунктом построения такой модели является определение основных понятий, принципов моделирования, элементов системы обеспечения Б.Н.

В наиболее общем плане Б. рассматривается как отсутствие опасности (или защищенность от угроз) для функционирования или развития объекта, процесса, явления, то есть характеризует свойство или состояние (стабильность, устойчивость) последних.

Применительно к социальной структуре, социальной общности, Б. означает функционирование и развитие этой социальной структуры и ее элементов (на микро- или макроуровне) без опасности, прежде всего, со стороны другой социальной группы, общности или их представителей, а также со стороны других факторов (природных, техногенных и пр.).

Определяющее значение для формирования системы Б. социальной структуры имеют жизненно важные интересы, которые реализуются и для человека, и для общества, и для государства в различных сферах их жизнедеятельности. Интересы каждого из субъектов социума находятся в постоянном развитии и изменении. Соответственно, обеспечение Б. в социальном плане в целом должно рассматриваться как создание условий по устранению опасности (негативного воздействия) для жизненно важных интересов личности, общества и государства, в том числе и экономических.

Интересы каждого из элементов социальной системы противоположны и даже могут находиться в противоречии с интересами других. Наличие противоречий интересов и отсутствие механизмов их разрешения создают предпосылки для возникновения угроз в целом и угроз-действий в частности. Соответственно преодоление противоречий интересов составляет практическую деятельность по обеспечению Б. в целом.

С этих позиций определение Б. в наиболее общем виде для социальных систем в различных сферах их деятельности формулируется как защищенность жизненно важных интересов социальной структуры или ее отдельного элемента от внешних и внутренних угроз, где последние выступают или реализуются как противоположные, противоречивые интересы каждого элемента социального сообщества.

Б. выражает состояние системы общественных отношений между субъектами социальной системы на различных уровнях ее функционирования – межгосударственном, межпартийном (групповом), межличностном и т.д., и в различных сферах деятельности – политической, экономической, социальной, информационной и пр. Субъектами этих отношений выступают производители и потребители, индивиды, социальные группы и элиты, государственные институты и общественные организации.

Иными словами, базовыми терминами в дефиниции Б. являются: "интересы", "состояние", "объект", "угрозы", "субъект" и т.д.

Объектом Б. являются жизненно важные интересы личности, общества и государства с учетом того, что они выражают определенные общественные отношения.

Тенденция развития социальных структур реализует процесс усложнения системы социальных, экономических и политических связей и отношений, изменения структуры и формы существования человеческого социума. На базе разделения труда идет процесс кооперации, концентрации, созда-

ния системы транснациональных систем отношений и форм их существования и реализации.

На каждом новом этапе, на каждом новом уровне, в новой форме социального существования изменяются и задачи, решаемые социумом, системы взаимоотношений между группами, принципы и критерии их оценки. Однако многообразие форм и методов решения задач для отдельного институционального образования на каждом этапе развития человечества, все более трансформируется в направлении решения общечеловеческих ценностей.

В то же время, каждое из социальных, государственных образований на каждом этапе решает проблему защиты своих национальных, государственных интересов, обеспечения Б. существующих социальных образований – национальных государств. Однако уже сегодня государственность не может однозначно реализовать интересы развития социума в силу различия интересов как внутри национального образования, так и между ними.

Изменение системы интересов внутри национально-государственных образований, выдвижение на первый план общечеловеческих интересов привело к возникновению и новых социальных общностей, которые не имеют государственной формы существования и включают в себя субъектов, принадлежащих к разным национально-государственным структурам (например, ООН).

Именно под влиянием формирования новой системы интересов, требующей и новой системы взаимоотношений между социальными структурами, привело к трансформации ряда национально-государственных образований. В основе его лежит противоречие между осознаваемыми планетарными, глобальными, общечеловеческими интересами и ценностями, с одной стороны, и неизменными, или государственно закрепленными, но не в полной мере соответствующими реалиям, национальными интересами.

Новое планетарное мышление и интересы – это сохранение экологии планеты, новый экономический порядок, борьба со СПИДом – "чумой 20 в." и т.д.

Старые национально-государственные интересы – это завоевание и передел рынков сбыта, гипертрофирование национальных интересов, роль мирового жандарма или третейского судьи и пр.

Соответственно, наметилось противопоставление тенденции к интеграции, реализации общечеловеческих интересов и ценностей, с одной стороны, и защиты своих национальных или государственных интересов, что привело к вычленению понятий международная, всеобъемлющая Б. и разграничению содержания и объемов государственной и национальной Б. Для государственной Б. присуща ориентация на защиту государственного образования в виде системы органов власти и управления, государственно легитимированных идеологии, политики, экономической системы и т.д.

Содержание и объем национальной Б. отличается от государственной по охвату той системы интересов граждан, организаций, социальных структур, находящихся в противоположности с официально провозглашаемыми.

В то же время, господствующее положение практически во всех социально-государственных, национальных системах занимают государственные интересы, поскольку они (их реализация) обеспечена системой государственной власти, механизмом реализации.

На международной арене, в системе надгосударственных связей, отношения и интересы реализуются через систему общественных организаций, структур. Например, – ООН. Но сложившаяся практика отношений показывает, что межгосударственные образования (типа НАТО, в которых господствующее положение занимают интересы ведущего государства) оказываются более деятельными, что и приводит к превалированию государственных интересов в противовес или с ущемлением глобально-национальных, общечеловеческих интересов.

Международная Б. исходит из необходимости учета национальных и интернациональных интересов всех государств и всех групп государств и рассматривает их соотношение на международном и национальном уровнях, реализуется в постоянно *возрастающей взаимозависимости*, например, национальных экономик, являясь ее логическим следствием и результатом. На национальном уровне выделяются конкретные интересы (проблемы) для данного государства на данный момент времени. Поэтому общим интересом для мирового сообщества государств выступает *создание системы, позволяющей обеспечить равноправное развитие каждого государства и их взаимодействие в рамках политических отношений и международного разделения труда.* Но на национальном уровне жизненно важные интересы страны связаны с проблемами экономического роста данного государства, решения его политических, социальных и других вопросов.

Соответственно, международная Б. обеспечивается не через решение вопроса о соотношении сил (потенциалов), а на основе достижения баланса национальных и интернациональных интересов. В процессе достижения баланса указанных интересов необходимо учитывать (или стремиться к наиболее полному учету) и национально-государственные, и групповые, и блоковые интересы. Стремление к достижению баланса должно быть обоюдным, многосторонним. В противном случае, при нарушении равновесия взаимозависимость государств в социальной, экономической сферах из фактора, обеспечивающего Б. стран, превращается в свою противоположность – фактор, дестабилизирующий, подрывающий Б., создающий внутри национальные проблемы политического, социального или экономического развития. Иными словами, – *обеспечение Б. достигается через преодоление различия и противоречивости интересов.* На международном уровне должно быть преодолено различие и противоречивость политических, экономических и других интересов государств и их блоков, на национальном – различие и противоречия социальных и экономических интересов различных социальных групп.

В современных условиях реформирования существовавших общественно-политических систем, процессов суверенизации республик бывшего Советского Союза, проведения рыночных преобразований в экономиках государств –

участников СНГ и ряда других социально-политических и экономических процессов система жизненно важных интересов приведена к положению достаточно существенного размежевания, вплоть до противоречия, интересов, ранее считавшихся едиными, совпадавшими с общенародными. В настоящее время эти интересы четко разделяются на *три основные группы: интересы личности, общества и государства.* Данное положение нашло закрепление в Конституциях ряда стран. Противоречивость этих групп интересов привела к необходимости вычленения новых понятий и терминов. В частности, в сфере обеспечения Б. наряду с понятием государственная стало использоваться понятие "Б.Н.".

Термин "Б.Н." используется для характеристики состояния основных сфер жизнедеятельности наций, имеющей государственное образование. Такими сферами являются экономическая, политическая, гуманитарная, военная, культурная, экологическая, информационная и другие, в которых реализуются жизненно важные интересы нации и которые характеризуют ее как общественно-историческое, этническое, экономическое и т.п. образование. В определенном смысле *сферы национальной и государственной Б. совпадают, когда государство рассматривается как аппарат реализации национальных интересов.* С этих позиций к сфере государственных интересов и, соответственно, к сфере государственной Б., относится *деятельность государственных органов в основных сферах жизнедеятельности государства по реализации национальных интересов. Однако, в силу различия интересов личности, общества и государства как составляющих нации, государственная Б. входит в объем национальной Б., но отличается от него сферой своего охвата.* В эту сферу входит Б. государственных органов и институтов, защита интересов общества и государства как субъектов собственности и связанные с ними аспекты. В то же время Б.Н. *включает в себя Б. личности, даже когда интересы последней не совпадают с интересами общества (в силу противоречивости позиций субъектов хозяйствования и отдельных личностей по отношению к интересам государства и общества).* В этом случае органы государственной власти и управления при обеспечении национальной Б. в сферу своей деятельности однозначно включают реализацию в полном объеме государственных жизненно важных экономических интересов, *но ограниченно (например, на объем теневой экономики) – общественных и личности.* Поэтому, наряду с национальной и государственной Б. выделяется форма Б., связанная с защитой интересов личности или отдельных субъектов хозяйствования.

В зависимости от степени близости жизненно важных интересов государства, общества и личности возможно совпадение по масштабам и сферам реализации национальной и государственной экономической Б. При наличии существенных противоречий между интересами личности и государства можно вести речь о совпадении государственной и экономической Б. общества. Но в этом случае по своим масштабам не будут стыковаться национальная и государственная экономическая Б.

Это обуславливает необходимость формирования концепции Б., основываясь на вычленении и учете интересов каждого из участников общественных отношений. Только в этом случае возможно обеспечить в деятельности государственных органов по обеспечению Б.Н. оптимальное сочетание и реализацию интересов личности, общества и государства, разрешение существующих противоречий.

Различия и противоречивость интересов предопределяют то, что Б. не является неизменным, статичным состоянием, а может быть обеспечена только в динамике, в постоянном изменении, поиске нового сочетания разнообразных, противоречивых интересов, определения путей их разрешения. Известно, что взаимодействие интересов личности, общества и государства представляет собой многоуровневую и сложную систему. На уровне интересов личности необходимо их согласование в межличностных отношениях, соблюдение одной личностью прав, свобод и интересов другой личности. В этом же плане должны быть отрегулированы отношения личности с обществом и государством. И здесь необходимо взаимное уважение интересов. В обществе у различных социальных слоев, национальных и религиозных групп существуют отличающиеся и противоречивые политические, экономические, информационные интересы и потребности. *Недопустимо удовлетворение интересов одного социального сообщества или группы за счет других.* Соответственно и национальные интересы должны вырабатываться путем преодоления противоречий между обществом и государством, в отношениях между государственной властью и субъектами отношений.

Интересы взаимосвязаны (взаимообусловлены) и в то же время противоречивы. Поэтому *с позиции обеспечения национальной (государственной) Б. необходимо определить степень вмешательства государства на различных уровнях, в различных сферах деятельности, способы и методы вмешательства (законодательное регулирование, административное или иное вмешательство) и его временные реалии.*

Соответственно, в системе интересов: во-первых, необходимо создать иерархию интересов – вычленять долгосрочные, перспективные и краткосрочные, но не менее жизненно важные интересы; во-вторых, постоянно корректировать эту систему с учетом как изменяющихся условий развития, так и возникающих новых угроз.

Проблема обеспечения жизненно важных интересов требует решения вопроса о соотношении интересов различных сфер жизнедеятельности – их приоритетности по отношению друг к другу. В современных условиях, например, актуально определить, чему республика должна отдать предпочтение – обеспечению экономической стабильности или иным вопросам. И это не простой вопрос, так как реализация экономических отношений осуществляется сегодня не столько на межправительственном уровне, сколько через контакты между производителями и потребителями продукции, интересы которых довольно противоречивы и отличаются от общественных.

Не менее важен и такой аспект проблемы, как наличие существенных отличий и даже противоречий между интересами личности, общества и государства. Конституционное закрепление приоритетности интересов личности по отноше-

нию к интересам общества и государства отражает демократическую направленность развития нашей республики, но часто вступает в противоречие с потребностями проведения преобразований в различных сферах жизнедеятельности: например, по вопросам социальной защиты граждан при введении рыночных условий хозяйствования, в процессе приватизации, устранении диспропорций между доходами и расходами и пр. В то же время, мировая практика рыночных преобразований в аналогичных республике условиях свидетельствует, что зачастую интересы личности можно обеспечить только через первоочередную реализацию общественных или государственных интересов, подчинение первых последним вплоть до их игнорирования или противопоставления интересам отдельных социальных групп (послевоенная Япония, Южная Корея и др.). Главным в этом плане становится вопрос о стратегическом направлении развития республики, концептуальных подходах к модели преобразования общества.

Организация воплощения и контроль за реализацией жизненно важных интересов возможны или при их совпадении, когда и личность, и общество, и государство действуют в одном направлении, или если государство обеспечивает через свои возможности единую направленность интересов. И в этом случае одним из важнейших рычагов воздействия на ситуацию является законодательное определение жизненно важных интересов, прежде всего национальных и государственных, и подчинение им интересов личности и отдельных субъектов хозяйствования, подкрепляемое и экономическими, информационными и административными рычагами, и даже силовыми методами.

Преобладающие в стране интересы влияют на формирование не только внутренней, но и внешней политики. Столкновение национальных интересов на международной арене приводит к изменению позиций отдельных стран во внутренних вопросах. Поэтому достижение баланса интересов возможно с наименьшими потерями при условии соблюдения каждой из сторон взаимоотношений следующих принципов: стабильность, надежность и предсказуемость.

Эти общие принципы реализуются как стабильность, надежность и предсказуемость политики государств и деятельности других субъектов отношений.

В.В. Пузиков

БЕЗОПАСНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ – состояние системы экономических отношений между субъектами хозяйствования (производителями и потребителями), индивидами, государственными институтами как в рамках национальной экономики, так и в сфере внешнеэкономической деятельности, обеспечивающее возможность полной реализации и защищенность жизненно важных экономических интересов от внешних и внутренних угроз через достижение сбалансированности интересов каждого из участников отношений путем оптимального соотношения с интересами других субъектов хозяйствования. В узком понимании, как Б.Э. предприятия, отрасли, региона или субъектов хозяйствования, – это защищенность производственных, финансовых, юридических и иных отношений и организационных связей, материальных, финансовых и интеллектуальных ресурсов от угроз, состояние, при котором реализуются экономические интересы.

Среди видов Б. основополагающей, на наш взгляд, является Б.Э.

В условиях становления суверенитета Республики Беларусь, осуществления рыночных преобразований, формирования новой системы международных экономических отношений существенно возрастает значимость проблемы Б.Э. как в целом республики, так и субъектов хозяйствования в частности.

Однако единые концептуальные подходы еще не выработаны. Так, в рамках Содружества Независимых Государств используется определение: "Безопасность экономическая – состояние защищенности экономической системы государства, обеспечивающее достаточный уровень социального, политического и оборонного существования, прогрессивного развития государства (объединения государств), неуязвимость его (их общих) экономических интересов по отношению к возможным внешним и внутренним угрозам". В то же время, группа ученых под руководством Е.А. Олейникова национальную Б.Э. определяет как "такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, гармоничное, социально направленное развитие страны в целом, достаточный экономический и оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных вариантах развития внутренних и внешних процессов". Данное определение группой российских авторов дополняется также и уточнением: "экономическая безопасность – это не только защищенность национальных интересов, но и готовность и способность институтов власти создавать механизмы реализации и защиты национальных интересов развития отечественной экономики, поддержания социально-политической стабильности общества". Есть и еще более противоположные определения.

Отсутствие общепринятых методологических подходов и теоретических построений приводит к затруднениям при формировании системы органов и учреждений, обеспечивающих Б.Э., разграничении компетенции и функций между ними, обусловливает сложности рационального учета в деятельности по обеспечению Б.Э. особенностей современного социально-политического и экономического положения республики, не позволяет объективно оценивать процессы, происходящие в государстве.

В этой связи для организации деятельности по обеспечению Б.Э. как республики, так и субъектов хозяйствования, важное значение приобретает разработка единых для всех уровней обеспечения Б. методологических и теоретических подходов и построение на этой основе концепции и системы обеспечения Б.Э.

Как и другие виды Б., Б.Э. имеет более предметную, конкретную форму проявления, проявляется в широком спектре процессов, характеризующих жизнедеятельность социальной структуры.

Прежде всего, Б.Э. охватывает и характеризует конкретную сферу жизнедеятельности социума – производство, рас-

пределение, обмен и потребление материальных благ во всех проявлениях и аспектах.

Во-вторых, в силу многообразия различных видов хозяйственной деятельности, Б.Э. по своим масштабам включает непосредственно производство, кредитно-финансовую сферу, сельское хозяйство, строительство и пр. (в соответствии с отраслевым и функциональным делением экономики).

В-третьих, – в отличие от других видов Б. – Б.Э. сама выступает как родовое понятие по отношению к своим видам: промышленной, финансовой, продовольственной и т.д.

Соответственно, как и его родовое понятие (Б.), Б.Э. по своей сути есть состояние защищенности жизненно важных экономических интересов от внешних и внутренних угроз. И в то же время как более конкретное понятие оно затрагивает более широкий спектр своих проявлений, как по масштабам охвата, так и по уровням социальных общностей.

Такое положение Б.Э. в общей системе Б. обусловлено тем, что удовлетворение важных, значимых экономических потребностей воздействует на процесс функционирования и развития как мировой экономики, экономик отдельных стран, активизацию экономической деятельности общественных групп и элит, так и жизнедеятельность отдельного индивида-производителя, субъекта хозяйственной деятельности.

Исходным моментом при определении места Б.Э. в общей системе является определение самого понятия "Б.Э.", его содержания. В существующих подходах реализуются попытки исследователей рассмотреть все аспекты Б.Э.

Вопрос о Б.Э. волнует не только Беларусь. Начиная с 1985, с Резолюции 40/173 Генеральной Ассамблеи, Организация Объединенных Наций постоянно обращается к рассмотрению этой проблемы. Подходы ООН ориентируются, прежде всего, на исследование международных аспектов обеспечения Б.Э., которые имеют особое значение для развития отношений промышленно развитых и развивающихся стран. Их анализу были посвящены, в частности, резолюция 42/165 Генеральной Ассамблеи ООН "Международная экономическая безопасность" и доклад Генерального секретаря ООН "Концепция международной экономической безопасности" (документ ООН А/42/314 от 4 июня 1987). В указанных документах перечислялись основные проблемы мировой экономики, анализировались национальные и международные источники угрозы Б.Э. развивающихся стран.

Следует отметить, однако, что до недавнего времени проблемы Б.Э. были предметом рассмотрения в основном западных специалистов. При определении понятия "Б.Э." преобладало мнение, что его содержание отражает такое состояние хозяйства страны, которое обеспечивает способность противостоять неблагоприятным внешнеэкономическим воздействиям.

Так, в подготовленном министерством внешней торговли и промышленности Японии документе Б.Э. определяется как "... состояние экономики, при котором она защищена, прежде всего, экономическими средствами, от серьезных угроз ее безопасности, возникающих под воздействием международных факторов". Указывалось, что в начале 1980-х существовало четыре основных фактора, представляющих угрозу национальной индустрии. Это – обеспеченность энергетическими и минеральными ресурсами, продуктами питания, безопасность морского транспорта. В документе определялись основные направления деятельности внешнеэкономических органов Японии по преодолению возможного негативного влияния этих факторов.

В то же время существуют и другие точки зрения. Согласно одному из подходов Б.Э. развивающихся стран в значительной степени зависит, наряду с внешними обстоятельствами, и от внутренних экономических неурядиц. Таким образом, речь идет о влиянии как внутренних, так и внешних факторов на Б.Э. страны.

В соответствии с этой точкой зрения под национальной Б.Э. может пониматься такое состояние национальной экономики, которое характеризуется ее устойчивостью, "иммунитетом" к воздействию внутренних и внешних факторов, нарушающих нормальное функционирование процесса общественного воспроизводства, подрывающих достигнутый уровень жизни населения и, тем самым, вызывающих повышенную социальную напряженность в обществе, а также угрозу самому существованию государства.

Однако в подходах наших исследователей проявились две крайности. До начала 1990-х угрозы Б.Э. связывались с действием только внешних факторов – ограничений и запретов зарубежных государств и организаций на поставку передовых технологий, выдачу кредитов и пр. После августовских (1991) событий, наметилась другая крайность – видеть угрозы Б.Э. только во внутренних факторах. Учитывая реальное состояние экономики РБ, усиление воздействия внутренних факторов, ведущих к развалу экономики, в то же время нельзя сбрасывать со счетов достаточно тесную их взаимосвязь с внешними угрозами. Целесообразно, на наш взгляд, найти оптимальное соотношение между внутренними и внешними угрозами, что позволит получить более объективную картину состояния Б.Э. Беларуси.

В работах западных специалистов исследуются также такие связанные с Б.Э. страны явления и процессы, как диспропорциональность развития хозяйства, степень управляемости внешнеэкономических связей, способность внедрять технологические новинки, определяются критерии экономической опасности.

Следовательно, в соответствии с уровнями рассмотрения проблемы Б.Э. и, в частности, уровнями реализации экономических интересов и возникающих угроз и опасностей следует анализировать формы ее проявления, в качестве которых выступают международная Б.Э., национальная Б.Э., Б.Э. государства или индивида.

Международная Б.Э. базируется на необходимости учета национальных и интернациональных интересов всех государств и всех групп государств. Их соотношение обусловлено постоянно возрастающей взаимозависимостью национальных экономик. На национальном уровне выделяются конкретные экономические интересы (проблемы) для данного государства на данный момент времени. Аналогично и на уровне субъекта хозяйствования. На национальном уровне жизненно важные экономические интере-

сы страны связаны с проблемами экономического роста данного государства. Для субъекта хозяйствования жизненно важными интересами являются доходность деятельности, создание условий для перспективного развития и пр. Но общим экономическим интересом для мирового сообщества государств выступает создание мировой системы, позволяющей обеспечить равноправное развитие каждого государства и их взаимодействие в рамках международного разделения труда.

Соответственно, следует учитывать, что Б.Э., в том числе и международная Б.Э., обеспечиваются не через решение вопроса о соотношении сил (экономических потенциалов), а на основе достижения баланса национальных и интернациональных интересов. В процессе достижения баланса указанных интересов необходимо учитывать (или стремиться к наиболее полному учету) и национально-государственные, и групповые, и блоковые интересы. При возникновении противоречий интересов субъектов хозяйствования друг с другом или интересов субъекта и государства и т.д. обеспечение Б.Э. означает формирование такой системы (экономических отношений, правового регулирования, социальных условий и пр.), которая будет обеспечивать эквивалентные условия их реализации.

Стремление к достижению баланса должно быть обоюдным, многосторонним. В противном случае, при нарушении равновесия, взаимозависимость государств в экономической сфере из фактора, обеспечивающего Б.Э., превращается в свою противоположность – фактор, дестабилизирующий, подрывающий Б.Э., создающий внутри национальные проблемы экономического развития. А на уровне отношений производитель и производитель, производитель – государство дестабилизация баланса интересов проявляется в действиях, прямо ущемляющих интересы противоположной стороны.

Иными словами, обеспечение Б.Э. достигается через преодоление различия и противоречивости экономических интересов. На международном уровне должно быть преодолено различие и противоречивость экономических интересов государств и их блоков, на национальном – различие и противоречия экономических интересов различных социальных групп. И для Беларуси сегодня проблема заключается в том, что на международной арене мы должны сами разрешать те противоречия, которые ранее решались на уровне взаимоотношений СССР с другими государствами и были подкреплены потенциалом, ресурсами всех республик. И рассчитывать мы чаще всего можем только на свои собственные силы даже во взаимоотношениях с государствами – бывшими членами Союза ССР.

На национальном уровне мы сегодня имеем совершенно новую ситуацию с противоречиями интересов социальных групп, к которой оказались практически не готовыми ни в плане наличия законодательной базы, ни с позиций обеспечения приоритета государственных интересов, ни в морально-психологической подготовке общества. В силу этого, на уровне отношений субъектов хозяйствования, противоречия интересов сегодня реализуются через противоправные действия (хищения кредитов, псевдоприватизация и коррумпирование чиновников, мошенничество и другие виды преступлений).

Таким образом, даже краткий обзор подходов к проблеме Б.Э. свидетельствует о том, что преобладает ее рассмотрение как некоего состояния защищенности экономики страны от угроз. Анализ и осмысление существующих наработок позволяют дать следующее определение такого явления как Б.Э.

Б.Э. – это совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию. При этом обеспечиваются гарантированная защита национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов.

При всем разнообразии подходов базовыми терминами в дефиниции Б.Э. являются: "Б.", "состояние", "объект", "угрозы", "субъект" и т.д.

Кроме того, она неразрывно связана с категориями потребностей и интересов. Причем, в зависимости от уровня рассматриваемой социальной общности, это национальные или общественные потребности и экономические интересы, интересы социальных групп или элит, индивидуальные или личностные потребности и экономические интересы.

Экономические интересы после их анализа в государственных и общественных институтах формируются в единую систему в целях развития экономики страны. Эти цели в определенной степени служат индикаторами, которыми хозяйственные субъекты должны руководствоваться в своей деятельности. Подобные индикаторы принимают форму планов, программ, концепций, стратегий социально-экономического развития страны на определенный период.

Соответственно такому подходу Советом Безопасности РБ республики и была принята в марте 1995 первая "Концепция национальной безопасности Республики Беларусь", в которой были закреплены следующие основные, принципиальные положения, имеющие отношение и к Б.Э.:

– Б. в целом и экономическая в частности – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз в различных сферах жизнедеятельности;

– жизненно важные интересы – совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства;

– к основным объектам Б. относятся: личность – ее права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность;

– субъекты – структуры, организующие защиту объектов, в том числе и Б.Э.;

– угроза Б. – совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства;

– реальная и потенциальная угроза объектам Б., исходящая от внутренних и внешних источников опасности, опреде-

ляет содержание деятельности по обеспечению внутренней и внешней Б.

По нашему мнению, в Концепции так же, как и в ряде исследований, был заложен один методологически некорректный подход. А именно, – в качестве объектов Б. в целом и Б.Э. в частности рассматриваются личность, общество и государство, которые, на наш взгляд, относятся к элементам системы, а не объектам Б.

При определении объектов Б.Э. следует учитывать, что они относятся к собственно экономической сфере, включая ее пересечение со смежными сферами. К ним относятся: военно-экономическая сфера; сфера защиты научно-технического и интеллектуального потенциала страны; сфера обеспечения общественной Б. (проблемы теневой экономики, организованной преступности и коррупции в экономике, экономических афер, осуществляемых в рамках закона, и т.д.); сфера взаимодействия экономики и природы и т.д.

Иными словами, при рассмотрении объектов Б.Э. анализируется как экономическая система страны, так и экономическая деятельность в военной, общественной, экологической, информационной и т.д. сферах.

Если рассматривать вопрос об объекте Б.Э. с позиций ее места в общей системе Б., то в качестве такового, по нашему мнению, должны выступать экономические интересы. В то же время, экономические интересы реализуются (согласно традиционным трактовкам) как проявление производственных отношений в виде объективной направленности хозяйственной деятельности людей, в которой отражается их место в системе общественного производства. Даже в случае, когда некоторые авторы рассматривают в качестве объектов Б. личность, общество и государство, следует помнить, что по отношению к экономической системе речь о "лицах" может идти только постольку, поскольку они (в классическом понимании) являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов.

В ходе осуществления экономической, хозяйственной деятельности реализуются жизненно важные национальные экономические интересы, интересы государств, социальных групп, индивидов через систему отношений. Жизненно важные национальные экономические интересы (в отдельных источниках – всеобщие общественные интересы) складываются как интересы всего общества в реализации совокупных потребностей. Коллективные экономические интересы выражают необходимость удовлетворения материальных потребностей групп людей, объединенных одинаковым положением в системе общественного производства. Личные экономические интересы выражают необходимость удовлетворения материальных нужд отдельного человека и определяются социально-экономическими условиями его жизни.

Возникающие в ходе реализации экономических интересов противоречия обусловливают деятельность субъектов хозяйствования, направленную на преодоление этих противоречий и удовлетворение своих потребностей и как результат – возникновение новых экономических отношений. В случае, когда эти противоречия носят антагонистический характер, их разрешение может осуществляться за счет ущемления экономических интересов одних групп другими. В этих условиях возникает опасность нарушения стабильного, устойчивого развития социума, угроза Б.Э. социальной группы или индивида, которая как раз и выражается в нарушении системы экономических взаимоотношений, в ущемлении экономических интересов.

Исходным пунктом анализа Б.Э. являются теоретические и методологические положения теории Б.

В наиболее общем плане Б. рассматривается как отсутствие опасности (или защищенность от угроз) для функционирования или развития объекта, процесса, явления, то есть характеризует свойство или состояние (стабильность, устойчивость) последних.

Применительно к социальной структуре, социальной общности, Б. означает функционирование и развитие этой социальной структуры и ее элементов (на микро- или макроуровне) без опасности, прежде всего, со стороны другой социальной группы, общности или их представителей, а также со стороны других факторов (природных, техногенных и пр.).

Определяющее значение для формирования системы Б. социальной структуры имеют жизненно важные интересы, которые реализуются и для человека, и для общества, и для государства в различных сферах их жизнедеятельности. Интересы каждого из субъектов социума находятся в постоянном развитии и изменении. Соответственно, обеспечение Б. в социальном плане в целом и в отношении Б.Э. должно рассматриваться как создание условий по устранению опасности (негативного воздействия) для жизненно важных интересов личности, общества и государства, в том числе и экономических.

Интересы каждого из элементов социальной системы противоположны и даже могут находиться в противоречии с интересами других. Наличие противоречий интересов и отсутствие механизмов их разрешения создают предпосылки для возникновения угроз в целом и угроз-действий в частности. Соответственно преодоление противоречий интересов составляет практическую деятельность по обеспечению Б. в целом и Б.Э. в частности.

С этих позиций определение Б. в наиболее общем виде для социальных систем и, соответственно, в экономической сфере формулируется как защищенность жизненно важных интересов социальной структуры от внешних и внутренних угроз, где последние выступают или реализуются как противоположные, противоречивые интересы каждого элемента социального сообщества.

Б.Э. как политико-экономическая категория выражает состояние системы экономических отношений между субъектами хозяйствования (производителями и потребителями), индивидами, государственными институтами как в рамках национальной экономики, так и в сфере внешнеэкономической деятельности, обеспечивающее возможность полной реализации и защищенность жизненно важных экономических интересов от внешних и внутренних угроз через достижение сбалансированности интересов каждого из участников отноше-

ний путем оптимального соотношения с интересами других субъектов хозяйствования.

Вычленение объектов Б.Э. позволяет при анализе Б.Э.: во-первых, выделить конкретные механизмы реализации угроз Б.Э., в которых объекты воздействия являются элементами; во-вторых, раскрыть непосредственные и опосредованные воздействия на объекты Б.Э. и, соответственно, определить наиболее полный перечень угроз, которые необходимо предотвращать для защиты национальных, общественных, государственных и индивидуальных экономических интересов; в-третьих, создать методологическую основу для более четкого разграничения компетенции органов государственной власти и управления в сфере обеспечения Б.Э. Выделяются не только объекты защиты, но становится возможным распределить функции субъектов обеспечения Б.Э. в выявлении, предотвращении и пресечении угроз по отношению к одному объекту, но разными органами.

Еще одним методологически важным вопросом при характеристике Б.Э. является вопрос о понятии "угроза".

Угроза есть возможное негативное (с позиций интересов личности, общества или государства) воздействие на сами экономические интересы, условия и механизмы их реализации, на систему отношений. Это воздействие может быть осуществлено различными факторами и процессами (природными, социальными и экономическими) как реальными, уже существующими, протекающими, так и потенциальными. Однако следует уточнить, что воздействие на Б. социальной структуры природных факторов (засуха, наводнение, землетрясение или другие катаклизмы) проявляется в социально-экономических последствиях, к которым они приводят, в нарушении существующей системы экономических отношений. Иными словами, угрозой Б.Э. являются не сами по себе природные явления или техногенные факторы, а те действия, которые не были предприняты или не обеспечили нейтрализацию последствий.

С этих позиций необходимо, на наш взгляд, дополнить характеристику угроз и рассматривать их не только как процессы, условия и факторы, но и как действия, направленные на ущемление жизненно важных экономических интересов личности, общества и государства или использующие для этого последствия различных экономических, социальных, политических и природных факторов и процессов. Именно конкретная деятельность, наносящая ущерб интересам общества и государства, вне зависимости от того, осознает это или не осознает лицо или иной субъект экономических отношений, представляет угрозу Б.Э.

Поэтому экономическая угроза (или угроза Б. в целом), по нашему мнению, имеет явно выраженный субъектный характер. То есть – она является выражением противодействия отдельных личностей, определенных социальных групп, субъектов хозяйствования или иных представителей экономических отношений (государств, общественных организаций, партий и пр.) удовлетворению общенациональных или государственных, а также личных жизненно важных экономических интересов.

Соответственно определению угроз как условий, факторов и действий (деятельности) и с учетом причин их возникновения, они могут быть классифицированы по видам:

1. Угрозы, вызываемые объективно развивающимися как природными, так и социально-экономическими процессами.

2. Угрозы, вызываемые определенными экономическими и социальными действиями.

Такая классификация, на наш взгляд, позволяет выделить методологический подход к определению субъектов угроз по признаку возможного активного или пассивного противодействия им, а также по методам и способам его реализации со стороны государства. Так, по первой группе угроз их источником являются природные силы или факторы, противодействие которым со стороны общества может осуществляться путем создания резервов, своевременного оказания помощи пострадавшим и пр. В то же время по второй группе угроз их субъектами, "носителями" являются физические и юридические лица, субъекты хозяйствования различных форм собственности.

Б.Э. необходимо рассматривать, во-первых, как структуру, во-вторых, как состояние, и, в-третьих, как процесс, то есть, в функциональном плане.

В структурном разрезе Б.Э. рассматривается как система жизненно важных экономических интересов и их субъектов (носителей экономических отношений); угроз им, обусловленных различными факторами, процессами и действиями; субъектов (носителей) угроз.

С учетом различия групп экономических интересов можно конкретизировать уровни Б.Э. по отношению к субъектам экономических отношений и вычленять национальную Б. и Б.Э. субъектов хозяйствования. В этом плане национальная Б.Э. может определяться как защищенность общенародных экономических интересов от внешних и внутренних угроз, устойчивость системы экономических отношений к неблагоприятным факторам и воздействиям.

Соответственно, Б.Э. в узком понимании, как безопасность предприятия, отрасли, региона или субъектов хозяйствования, – это защищенность производственных, финансовых, юридических и иных отношений и организационных связей, материальных, финансовых и интеллектуальных ресурсов, при которой реализуются их экономические интересы.

Структурный аспект проблемы предполагает выделение основных факторов, влияющих на реализацию экономических интересов, а через последние – на Б.Э. государства и субъектов хозяйствования. Эти факторы можно разделить на группы, характеризующие: материальное обеспечение производства; состояние рабочей силы, размеры и прогрессивность основного производственного капитала (фондов); развитие сферы исследований, разработка технологических нововведений, возможность сбыта продукции на внешнем и внутреннем рынках и ряд других.

Как состояние Б.Э. характеризуется степенью достижения наибольшего соответствия (сбалансированности) между жизненно важными интересами личности, общества и государства, создания условий для оптимального функционирования системы экономических отношений, обес-

печивающей удовлетворение экономических потребностей и реализацию интересов. Иначе можно сказать, что это такое состояние системы экономических отношений, институтов, государственной власти, субъектов хозяйствования различных форм собственности, при котором обеспечивается достаточная защита национальных (общественных), государственных экономических интересов и интересов субъектов хозяйствования различных форм собственности от реальных и потенциальных внутренних и внешних угроз и воздействий.

На уровне субъектов хозяйствования Б.Э. как состояние – это наличие таких экономических, производственных и технологических условий, которые позволяют обеспечивать законную реализацию экономических интересов без возникновения противоречий с интересами других субъектов и устойчиво функционировать в данный момент.

В функциональном плане Б.Э. тождественна понятию "обеспечение экономической безопасности" и должна рассматриваться как процесс обеспечения, достижения единства жизненно важных интересов; выявления и предупреждения угроз им; противодействия субъектам угроз, что фактически будет обеспечивать создание и упрочение условий надежного функционирования национальной экономики в ходе ее развития.

Иными словами, понятие "Б.Э." является оценочной категорией, характеризующей состояние системы экономических отношений с позиции наличия противоречий между интересами субъектов хозяйствования (в широком плане) и реализации этих противоречий за счет использования несоответствующих данной системе способов и методов осуществления, воплощения интересов (ущемление интересов одних социальных групп другими).

В.В. Пузиков

БЕЗРАБОТИЦА – отражение несовпадения предложения рабочей силы и спроса на нее на рынке труда, их количественное и качественное несоответствие. Б. присуща любой экономической системе, осуществляющей товарное производство. Она не есть чисто экономическое явление, а, скорее, своеобразный синтез экономики, политики, идеологии, традиций и морали данного общества. Б. обычно подразделяют на *фрикционную, структурную* и *циклическую*.

Фрикционная Б. Даже в условиях равновесия спроса и предложения рабочей силы на рынке труда (это состояние иногда называют "полной занятостью") часть людей находится в процессе смены работы, то есть на стадии увольнения, поиска нового рабочего места, перехода к новому нанимателю, оформления трудоустройства. Это и есть фрикционная Б. Можно утверждать, что при отсутствии в обществе принудительного труда фрикционная Б. всегда имеет место. Фрикционная Б. увеличивается при развитии и улучшении деятельности инфраструктуры рынка труда, особенно при повышении качества информационного обслуживания безработных. Фрикционная Б. склонна возрастать при устранении проблем, связанных с переходом на новое место работы.

Структурная Б. возникает в результате несоответствия спроса и предложения труда в профессионально-квалификационном или региональном аспекте. Структурная Б. вызывается научно-техническим прогрессом и неравномерностью экономического развития регионов. Она объективно присуща нормально развивающейся эффективной экономике и в демократическом обществе неустранима. Поэтому необходимо ее изучать, чтобы иметь возможность принимать превентивные меры по минимизации ее негативных последствий.

Циклическая Б. возникает из-за спада производства вследствие недостаточного спроса на продукцию. Она связана с колебаниями деловой активности (экономическим циклом).

Если фрикционная и структурная Б. имеют место при равновесной экономике, то циклическая возникает в условиях экономического кризиса, и с ней можно и нужно бороться. Государство может бороться с ней различными мерами, направленными на поддержание экономической активности субъектов хозяйствования. Например, путем увеличения совокупного спроса, в том числе за счет увеличения государственных расходов, снижения налогов, эмиссии денег и др. Или путем предоставления налоговых льгот фирмам, которые создают новые рабочие места. Сокращение циклической Б. возможно также при понижении уровня оплаты труда работников в случае падения спроса на выпускаемую ими продукцию.

Скрытая Б. – скорее феномен отечественной экономической мысли и экономической практики, западные исследователи о ней ничего не говорят, хотя вплотную подходят к ней, обсуждая возможность снижения заработной платы вместо увольнения. Скрытая Б. в качественном плане отражает положение той части занятых, которая стала излишней в связи со спадом производства. Это достаточно мобильная часть, которая в случае нормализации финансового или изменения нормативно-правового состояния предприятий, а также по собственному желанию, может быть либо высвобождена, либо эффективно занята. При нормальном развитии экономики скрытая Б. в перспективе должна исчезнуть, трансформируясь в открытые формы либо в эффективную занятость. Таким образом, с одной стороны, скрытая Б. служит резервом мощности предприятия, а с другой – является формой сохранения его коллектива. Скрытую Б. следует отличать от официальной неполной занятости, являющейся своеобразной формой трудовых отношений, которые оформлены соответствующим трудовым договором. Неполная занятость является нормальной для нанимателя, а над частично занятым работником не висит угроза увольнения. Скрытая же Б. есть дополнительная нагрузка на финансы нанимателя и может быть преддверием открытой Б.

Основные инструменты социальной политики в отношении разных видов Б. различны. В случае структурной Б., связанной с необходимостью структурной перестройки экономики и перемещения рабочей силы из одних отраслей в другие, жизненно важна активная политика, направленная на переобучение и повышение мобильности рабочей силы. В случае циклической Б., вызванной распадом хозяйственных связей, закрытием нерентабельных предприятий, приватизацией сферы обслуживания, сокращением научных и педагогических кадров в постсоветских государствах, приоритетное значение

получают услуги служб занятости по трудоустройству, создание новых рабочих мест на предприятиях, создание временных рабочих мест в государственном секторе (общественные работы), поддержка предпринимательства.

В долгосрочной перспективе рынок труда должен перестраиваться, постепенно отходя от режима избыточного спроса, характерного для советской экономики, к такому режиму, при котором Б. становится постоянно действующим механизмом регулирования рыночных отношений.

Г.И. Соколова

БЕЗУМИЕ – понятие, приобретающее собственно философскую и культурологическую размерность в контексте выхода книги Фуко (см.) "История безумия в классическую эпоху" (1961). Осмысливая генезис современного европейского человека, Фуко анализирует становление феномена Б. в истории европейского Запада. По мысли Фуко, в конце средних веков культуру Европы охватили тревога и беспокойство. Б. и безумец несли в себе "и угрозу, и насмешку, и головокружительную бессмыслицу мира, и смехотворное ничтожество человека". При этом Б. полагалось не только предвестником апокалипсиса, оно полагалось также и знанием, элементами некоего труднодостижимого, скрытого от всех, эзотерического знания. Гуманизм 16 в., который, по мысли А.Арто, "не возвеличил, а умалил человека", предварил эпоху классицизма, давшую начало новому пониманию Б. 1) Б. становится формой, соотнесенной с разумом. Оба служат друг другу мерой. 2) Б. превращается в одну из форм самого разума. Оно сохраняет определенный смысл и самоценность, лишь находясь в пространстве последнего. "Истина Б.", по Фуко, стала "одним из ликов разума", благодаря которой он обрел "еще большую уверенность в себе". Эпоха Возрождения выпустила на свободу голоса Б., сумев усмирить их неистовую силу; классическая эпоха ... заставила Б. умолкнуть. Так, Декарт отметил, что Б. сродни сновидению и заблуждению ума во всех его формах. Для 16 в. Не-разум был некой прямо грозящей опасностью, которая всегда могла ... нарушить связь субъективного восприятия и истины. Со времен Декарта Б. помещено "вне той неотъемлемо принадлежащей субъекту сферы, где он сохраняет все права на истину, – т.е. вне той сферы, какой является для классической мысли сам разум ... Если отдельный человек всегда может оказаться безумным, то ... мысль безумной быть не может". Появляется институт изоляции безумных, медицина применительно к ним приняла "форму репрессии, принуждения, обязанности добиваться спасения собственной души".

Классическая эпоха, согласно Фуко, уподобила друг другу ряд самых различных форм девиантного поведения и собственно Б. на основе "общего знаменателя" *неразумия*: "наше научное и медицинское познание безумия имплицитно основывается на сложившемся в эту эпоху этическом опыте неразумия, и это неоспоримый факт". Неразумие выступило в роли осуждаемого, отрицаемого и тайного опыта, но "на его основе не только сложился такой социальный институт, как изоляция, не только возникла система категорий и практик, относящихся к Б., но прошла перестройка всей этической сферы". 19 в. создал понятие "душевной болезни", десакрализировав Б.: "человек неразумный" был переведен в больницу, а изоляция стала терапевтической мерой. Фуко ставит проблему: "Какой смысл заключает в себе упрямое и неотвязное присутствие безумия в современном мире – такого безумия, которое неизбежно влечет за собой свою науку, свою медицину, своих врачей и которое целиком поглощается пафосом душевной болезни". При этом немаловажно и то, что "вся проблематика Б." начала центрироваться на представлениях о "материальности души". К 19 в. неразумие начинает интерпретироваться и как "психологическое следствие моральной вины": "все, что было в безумии парадоксальным проявлением небытия, станет лишь естественным возмездием за моральное зло". "Научная" психиатрия 19 ст. отныне становится возможной.

По мысли Фуко, весьма значимым в судьбах "научной" психиатрии оказалось создание психоанализа: "Фрейд вновь стал рассматривать безумие на уровне его языка, восстанавливая один из центральных элементов опыта, обреченного позитивизмом на немоту ... он вернул медицинской мысли понятие о возможности диалога с неразумием ... Психоанализ – это вовсе не ответвление психологии; это возврат к тому самому опыту неразумия, в сокрытии которого, собственно, и состоит смысл психологии в современном мире". Как отмечает Фуко, если до 17 ст. средой, наиболее благоприятствующей распространению Б., считалось богатство и прогресс, то в 19 в. эту роль берет на себя нищета. Б. осмысляется в рамках социальной морали: оно превращается в стигмат класса, отказавшегося принять формы буржуазной этики. Б. утрачивает связь с неразумием. Медицинское и психологическое понятие сумасшествия становится полностью внеисторическим, претворяясь в нравственную критику, направленную на все, что способно подорвать благоденствие и спасение человечества. Согласно Фуко, "представление о сущности безумия", которое имплицитно перешло от 18 ст. к 19, таково: 1) Роль изоляции состоит в том, чтобы свести Б. к его истине. 2) Истина Б. равна ему самому, минус окружающий мир, минус общество, минус все, что идет вразрез с природой. 3) Этой истиной Б. является сам человек в своей простейшей изначальной неотчуждаемости. 4) Неотчуждаемым началом выступает в человеке единство Природы, Истины и Морали, иными словами, сам Разум. 5) Исцеляющая сила *Убежища* заключается в том, что оно сводит Б. к истине, которая есть одновременно и истина Б., и истина человека, к природе, которая есть одновременно природа болезни и безмятежная природа мироздания. По Фуко, "отныне всякое объективное осмысление безумия, всякое познание его, всякая высказанная о нем истина будет разумом как таковым ... концом отчуждения в сумасшествии". Безумец прежде выступал Чужим относительно Бытия – человеком-ничто, иллюзией. Теперь он Чужой относительно себя самого. *Отчужденный*, Сумасшедший. Результатом выступает то, что "все то, что составляло неоднозначный, *основополагающий* и *конституирующий опыт* безумия" окажется утрачено в "сплетении теоретических конфликтов, связанных с проблемами *истолкования* различных феноменов безумия".

Главный тезис книги Фуко заключается в том, что до 19 в. не было Б.; психиатрия создала психические болезни; современная культура непреднамеренно создала такой образ психической болезни, в который можно вглядываться, ища разгадки сущности человека. По мысли Фуко, истина Б. связывает истину дурных инстинктов человека с его телом. Таковая истина несовместима с общественными нормами. Излечение безумных становится уделом других людей (ср. у Делеза: "Чтобы сойти с ума, нужны двое. С ума сходят всегда на пару"), а – как итог – "истина человека" как таковая посредством Б. и тела становится объектом научного исследования, надзора и управления.

А.А. Грицанов

БЕЙТСОН (Bateson) Грегори (1904-1980) – англо-американский философ, социолог, этнограф, антрополог, психолог, кибернетик. Основные сочинения: "Разум и Природа. Необходимый союз" (1980); "Священный союз. Будущие шаги к экологии Разума" (1990); "Ангельский страх. К эпистемологии сакрального" (1987) и др. Свою научную деятельность Б. начал в 1920-х в качестве этнографа, изучая, совместно со своей первой женой М. Мид (см.), культуры племен Новой Гвинеи и балийцев в Индонезии. Б. внес значительный вклад в развитие методов этнографических исследований, широко использовав фото- и кинорегистрацию материала для анализа экспрессивного поведения. В 1940-е Б. тесно сотрудничает с Н. Винером, активно участвует в первых конференциях по кибернетике. Одним из первых начал применять системный подход в методологии как естественных, так и гуманитарных наук. Так, Б. связал социальную, клиническую, сравнительную и педагогическую психологию через ключевое для его концепции понятие "коммуникация". В осмыслении последнего центральную роль играет теория логических типов Рассела и понятие "двойной связи" или двойного послания, разработанное преимущественно самим Б.

Согласно Б., процесс коммуникации (см.) представляет собой многоуровневую структуру. В послании, как правило, содержится информация и о самом послании. Сообщение может вызывать патологию адресата, если послания, в нем содержащиеся, стимулируют, как правило имплицитно, взаимоисключающее поведение. Причем это взаимоисключающее дополнение посланий происходит на разных логических уровнях, ибо послания принадлежат разным логическим типам. В логике подобная ситуация ведет к возникновению парадокса. Во взаимодействии живых систем такое смешение контекстов, языковых игр может вести либо к частичной или полной их дезориентации, либо, если удается парировать и сопротивляться этой патологии, опыт такого рода, взятый в целом, может способствовать творчеству. Исследования Б. демонстрируют, что в семьях, где ситуация двойного послания обнаруживает себя систематически (преимущественно по отношению к ребенку), случаи шизофрении являются скорее правилом, нежели исключением. В поздний период творчества Б. занимается тем, что можно назвать эпистемологией патологии мышления. По Б., кризис западного мира обусловлен западным типом мышления, разума. В первую очередь это относится к сформировавшемуся в адаптационных процессах линейному целеполагающему и рецептурному способу действия. Б. условно различает "большой" разум (разум, для Б., является синонимом кибернетической системы: совокупной системы обработки релевантной информации, где элементарной единицей информации является различимое различие) и "малый" разум (субсистема большего разума, какая-либо теория, например). Разум – конститутивная часть реальности. Согласно Б., попытки разграничить разум и материю бессмысленны. Малый и большой разум соотносятся как часть и целое. Если же имеет место реверсированная стратегия отношений, возникает кризис в состоянии обоих (экологический кризис, например). Научная теория, таким образом, для своего собственного сохранения должна предполагать системный кибернетический подход в методологии и в самопозиционировании. Такое знание большей интерактивной системы Б. называет мудростью или "системной мудростью". На основе идей Б. возникают концепция "прагматики человеческих коммуникаций" (П.Вацлавик, Д.Джексон, Дж.Бивин и др.), стратегическая психотерапия (Дж.Хейли), миланская школа системной терапии (М.С.Палаццоли, Л.Боскола, Г.Чеччин и др.), "анти-психиатрия" (Лейнг), нейролингвистическое прагматическое программирование (Р.Бандлер, Дж.Гриндер, Р.Дилтс и др.).

В.Н. Кириленко

БЕЛЛ (Bell) Даниел (р. 1919) – американский философ, социолог и публицист, член Американской академии искусств и наук. Преподавал социологию в Колумбийском университете (1959-1969), профессор Гарвардского университета (с 1969). Основные сочинения: "Новое американское право" (1955), "Конец идеологии. Истощение политических идей в 50-х годах" (1960), "Марксистский социализм в Соединенных Штатах" (второе издание, 1967), "Капитализм сегодня" (1971), "Грядущее пост-индустриальное общество. Опыт социального прогнозирования" (1973), "Культурные противоречия капитализма" (1976), "Извилистый путь" (1980), "Социальные науки после Второй мировой войны" (1982) и др. В 1955 Б. вместе с И. Кристолом и Д. Мойнихеном основал журнал "The Public Interest".

Наряду с А.Шлезингером-младшим Б. возглавлял т.наз. "школу консенсуса" – либерально-центристское течение, доминировавшее в интеллектуальной жизни Америки 1950-х. Ключевым тезисом этой школы стало утверждение об исчерпанности традиционных политических идеологий. Коммунизму, фашизму и другим "программным" идеологиям Б. противопоставил либеральную приверженность умеренному социальному реформизму, свободному рынку и индивидуальным гражданским свободам. В отличие от либеральных теоретиков националистического склада или неоконсерваторов, Б. не стремился преувеличивать степень культурной однородности американского общества или распространенности ценностей среднего класса. Б. – один из наиболее выдающихся представителей сциентистско-технократического направления социальной философии. В 1960 Б. выступил одним из

основных авторов (одновременно с Ароном – **см.**) концепции деидеологизации, ставшей истоком теории индустриального общества (**см.**).

Согласно Б., центральными переменными, обусловливающими тенденции, динамику и направленность развития индустриального общества, являются труд и капитал, а противоречия между ними составляют основной источник его развития. Основным инструментом оптимизации такого общества, а также управления существующими в нем организациями и предприятиями выступает машинная технология. Технологии как инструментальные способы рационального действия являются главным детерминантом общественного развития. Само же развитие технологии происходит рывками. Более того, можно выделить целые эпохи в ее автономном саморазвитии, в рамках которых происходят разнообразные социальные трансформации. Хотя технологические революции идеальны в своих теоретических основаниях, их символами и одновременно носителями выступают вполне реальные материально-вещные формы, например для постиндустриального общества эта "вещь" – компьютер. Б. вводит в свою философско-социологическую концепцию в качестве теоретико-методологического основания т.наз. "осевой принцип". Суть его заключается в том, что различные типы общества развиваются в контексте определенной стержневой линии, обусловливающей социальный, экономический, культурный и политический облик их осмысления. В зависимости от выбора основной оси, согласно Б., исторический процесс можно, например, рассматривать как смену форм собственности и соответствующих им общественных формаций. И тогда правомерна его интерпретация в терминах "феодализм", "капитализм", "социализм". Если же вместо данного измерения использовать иной "осевой принцип", где "главная стержневая линия" – статус и историческая роль человеческих знаний, то социальная эволюция выглядит совершенно иначе: доиндустриальное – индустриальное – постиндустриальное общество. В отличие от индустриального общества, в постиндустриальную эпоху именно знание (**см.**) выступает, по Б., основным источником богатства и власти (**см.**), поэтому решающим средством управления выступают уже не машинные, а интеллектуальные технологии. В наступающем столетии определяющее значение будет иметь становление системы телекоммуникаций. Для понимания сущности и характера "телекоммуникационной революции", играющей решающую роль в организации и обработке информации и знаний, особенно важны три аспекта: 1) переход от индустриального к "сервисному обществу"; 2) первостепенное значение кодифицированного теоретического знания для осуществления технологических нововведений; 3) превращение новой интеллектуальной технологии в ключевой инструмент системного анализа и теории принятия решений. Взаимодействие этих трех аспектов предопределяет громадное значение теоретического знания в качестве "осевого принципа" постиндустриального общества. Одновременно в контексте проблемы "направляющей и определяющей" силы социальных изменений этого общества возрастает значимость того, что оно становится все более открытым и индетерминированным, а также увеличивается его "социальная плотность". Признавая, что знания и информация становятся стратегическими ресурсами и агентами трансформации постиндустриального общества, Б. вместе с тем стремится избежать упреков в приверженности технологическому детерминизму. Поэтому он формулирует концепцию многоаспектности социального организма. В этой концепции каждая из сфер – экономика, социальная жизнь, культура, политика – развивается по особым, только ей присущим законам. Поэтому эти сферы способны не только взаимодействовать, но и противостоять друг другу. В частности, "информационное общество" в силу нарастающих культурных противоречий может оказаться перед опасностью еще более глубокого разрыва между культурной и социальной жизнью. Возрастает противоречие между весьма нежелательной и опасной для развития общества "революцией растущих притязаний" и вытесняемой ею, но действовавшей прежние десятилетия "революцией растущих ожиданий". Самые существенные причины этих нежелательных революций, считает Б., заключаются как в непомерном уровне требований, предъявляемых их поборниками, так и в том, что они носят всеобщий характер. Это нарушает установленный в обществе порядок, расшатывает социальную устойчивость, порождает многочисленные межгрупповые конфликты. Следствием такой ситуации становится политическая нестабильность, дополняемая нестабильностью экономической. Лучшими средствами для искоренения этих нестабильностей выступают, по Б., рыночная система организации экономики и основанные на философии неоконсерватизма принципы порядка и устойчивости, активно внедряемые в жизнь современного общества.

Е.М. Бабосов

БЕЛОРУССКАЯ ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА (далее – БЭСШ) – научно-преподавательская школа, в рамках которой создавалась и развивалась методология и методика социально-экономических исследований белорусского общества в разные периоды его развития: системный подход к рассмотрению социокультурных процессов в сфере труда в 1970-х; исследование качественных и количественных особенностей социального развития рабочего класса и технической интеллигенции в 1980-х на базе республиканских исследований, проводимых совместно с Институтом социологии РАН; изучение формирования рынка труда в Республике Беларусь в 1990-х на основе концепции социальных механизмов регулирования экономических отношений и процессов. Переход к социальным механизмам регулирования экономических отношений позволил разрабатывать регулятивные механизмы разных типов экономического поведения социальных субъектов, а переход к социальным механизмам регулирования экономических процессов – стратегические механизмы территориальных и отраслевых перемещений и тактические механизмы занятости и безработицы.

БЭСШ – это школа, сформированная вокруг научной парадигмы, разрабатываемой ее создателем и бессменным лидером – Г.Н. Соколовой (**см.**). Разработка системного подхода к рассмотрению социокультурных процессов в сфере труда в 1970-е получила отражение в монографии Г.Н. Соколовой

"Труд и профессиональная культура" (Мн., 1980). Социологический анализ культуры труда как подсистемы в системе культуры общественного производства, выступающей комплексным выражением активного характера человеческой деятельности, представлен в монографиях Г.Н. Соколовой – "Культура труда в социальном развитии рабочего класса: Опыт социологического исследования" (Мн., 1984) и "Культура труда в социальном развитии технической интеллигенции: Социологический анализ" (Мн., 1989). Методология, разработанная лидером школы, нашла отражение в коллективных монографиях "Общественное мнение рабочего класса в условиях перестройки" (Мн., 1990) и "Экономический образ мышления: реальность и перспективы" (Мн., 1994). Концепция социальных механизмов регулирования экономических отношений и процессов, явившаяся продолжением парадигмы социальных механизмов развития (см. **Новосибирская экономико-социологическая школа**) и позволившая "проигрывать" эти механизмы на мезо- и микроуровнях в рамках конкретных социологических исследований, отражена в монографии Г.Н. Соколовой "Экономическая социология" (Мн., 1995). Эта методология получила свое дальнейшее воплощение в коллективных монографиях "Социальные механизмы регулирования рынка рабочей силы" (Мн., 1998) и "Рынок труда и механизмы его регулирования" (Мн., 2001). Эмпирической базой коллективных монографий стали материалы республиканских исследований, проводимых в режиме социологического мониторинга под научным руководством Г.Н. Соколовой. Это, в первую очередь, исследования в рамках плановых тем: "Основные тенденции развития экономического сознания в условиях перехода к рыночной экономике" (1991-1995), "Прогнозные оценки состояния рынка труда: направления и социальные механизмы государственного регулирования" (1996-2000), "Социальные механизмы регулирования количественных и качественных характеристик структуры спроса и предложения рабочей силы в Республике Беларусь" (2001-2005); а также – исследования по грантам Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований "Социальные механизмы регулирования рынка рабочей силы" (1992-1995), "Социальные механизмы регулирования отраслевой структуры национальной экономики" (1996-1999). Исследовательский коллектив, под научным руководством Г.Н. Соколовой, включал в себя И.И. Куропятник (**см.**), А.С. Теребова, И.Ю. Никитину, О.В. Терещенко (**см.**), О.В. Кобяка (**см.**), О.Г. Лукашову, Л.В. Северину, Е.Е. Серову, Е.С. Тырышкину.

В БЭСШ параллельно развиваются научное и обучающее направления, что позволяет создавать авторские версии специальных социологических теорий социологии труда и экономической социологии и одновременно анализировать средствами данных теорий социально-трудовые и социально-экономические отношения в обществе. Подобная работа отражена в учебнике Г.Н. Соколовой "Социология труда" (**см.**), где, во-первых, раскрывается логика формирования специальной социологической теории социологии труда с присущим ей объектом, предметом и системой категорий, а во-вторых, – средствами данной теории воссоздается целостная картина эволюции социально-трудовых отношений основных субъектов труда в период 1980-1990-х. Преподавание экономической социологии в БГУ и других вузах республики обеспечивается учебным комплексом для вузов: Соколова Г.Н. Экономическая социология: Учебник (М.; Мн., 1998, 2000); Соколова Г.Н., Кобяк О.В., Александрова А.Б. Экономическая социология: Практикум (Мн., 2000, 2001); Экономическая социология: Хрестоматия / Авторы-составители Г.Н. Соколова, О.В. Кобяк (Мн., 2000, 2001). Учебник раскрывает логику построения и развития экономической социологии как специальной социологической теории; практикум формирует у студентов навыки анализа явлений и процессов экономической жизни с выходом на поиск социальных механизмов управления этими феноменами; хрестоматия приобщает студентов к творческому наследию теоретиков и практиков мировой и отечественной социально-экономической мысли. Результатом параллельного развития научного и обучающего направлений БЭСШ явился "Экономико-социологический словарь", изданный под научной редакцией Г.Н. Соколовой (Мн., 2002). Целостность методологического подхода к определению объекта, предмета, метода и системы категорий представленных теорий позволяет использовать их в качестве универсального набора инструментов, способствующих познанию природы социально-экономических отношений и процессов.

БЭСШ воспроизводится за счет лучших выпускников БГУ, обучающихся в аспирантуре при Институте социологии и социальных технологий НАН Беларуси, и докторантов по специальности "Экономическая социология". Первое поколение учеников сформировалось в 1960-1990-е в рамках прикладной социологии, а более конкретно – социологии труда. К его представителям относятся кандидат философских наук Т.А. Поршнева (производственная активность трудового коллектива), кандидат философских наук И.Ю. Никитина (роль экономического мышления в социальном развитии производственного коллектива), доктор философских наук Н.И. Латыш (профессионально-техническая школа и ее роль в социальном развитии рабочего класса). Второе поколение учеников развивалось преимущественно в 1990-2000-е в рамках экономической социологии, и в частности – методологии социальных механизмов регулирования экономических отношений и экономических процессов. К ним относятся: О.В. Терещенко (причинная модель как средство объяснения расслоения общества по уровню доходов); О.В. Кобяк (роль экономической культуры в регуляции экономического поведения хозяйствующего субъекта); кандидат социологических наук А.Б. Александрова (конкурентоспособность молодежи на рынке труда); кандидат социологических наук Д.И. Алехин (развитие малых форм предпринимательской деятельности); доктор социологических наук Ф.У. Мухаметлатыпов (трудовая мобильность: методология и реальные тенденции); Л.Г. Титаренко (**см.**) (технократическое сознание как проблема современности); И.И. Куропятник (экономическое стимулирование отраслей: социологический анализ). В настоящее время формируется третье поколение учеников в русле дисциплины "Экономическая социология и демография".

Внешнее признание БЭСШ, как республиканская научно-преподавательская школа, получила в 1990-е. Рассматривая на страницах журнала "Социологические исследования" перспективность категории "социальный механизм", Т.И. Заславская (**см.**) отмечает (со ссылкой на учебник "Экономическая социология" Г.Н. Соколовой), что эта перспективность подтверждается не только использованием данной категории широким кругом обществоведов разного профиля, но и тем, что в последние годы она стала одним из базовых элементов методологии нескольких социологических школ (СОЦИС, 2002, № 8). В "Белорусской энциклопедии" Г.Н. Соколова определяется как основатель белорусской научной школы социологии труда и экономической социологии (Беларуская энцыклапедыя: В 18 т. Мн., 2002. Т. 14. С. 85). В настоящее время БЭСШ продолжает свое развитие как научное сообщество в единстве научного и обучающего направлений, совершенствует механизмы своего воспроизводства, обеспечивая преемственность научных традиций.

Л.Г. Титаренко, О.В. Кобяк

БЕЛОРУССКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ "СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО" (Беларускае грамадскае аб'яднанне "Сацыялагічнае таварыства", Belarusian public organization "Sociological society") (далее – О.) – добровольное общественное научное объединение социологов. Имеет статус республиканского общественного объединения и действует на территории Республики Беларусь. Решение по созданию О. было принято на Учредительном съезде социологов республики 16 июня 2000, зарегистрировано органами юстиции 11 октября 2000. Президентом О. был избран А.Н. Данилов (**см.**).

В состав членов О. входят лица, занимающиеся научной, педагогической, производственной или общественной деятельностью в области социологии, а также аспиранты и студенты. В соответствии с Уставом О., его целью является содействие развитию социологической науки в стране, широкое распространение социологических знаний, развитие научных связей и сотрудничества между социологами республики и с иностранными учеными, налаживание постоянного обмена информацией, а также содействие в проведении международных исследований и организация конференций, симпозиумов, совещаний и семинаров различного уровня.

О. ставит перед собой задачу совершенствования социальных исследований, содействия их методологической оснащенности, повышения эффективности исследований, обоснованности и социальной действенности рекомендаций. Задачей О. является также содействие развитию социологического образования в стране. О. призвано способствовать развитию конкретных научных социологических направлений и координации деятельности ученых в рамках научно-исследовательских комитетов, и в связи с этим, развитию связей с аналогичными исследовательскими комитетами Международной социологической ассоциации (МСА). Задачей, стоящей перед О., также является повышение престижа профессии социолога, поддержание норм профессиональной этики в их деятельности.

Высшим органом О. является съезд, созываемый один раз в три года. Съезд принимает решения по важнейшим текущим и перспективных вопросам деятельности О., только съезд правомочен вносить дополнения и изменения в его Устав. Съезд избирает президента, вице-президента, председателя Контрольно-ревизионной комиссии (КРК) и ученого секретаря О., а также Правление и КРК. На съезде также избирается Высший консультационный совет О., в состав которого входят ученые, внесшие большой вклад в развитие социологии или имеющие продолжительный стаж научно-педагогической деятельности в этой области. Руководящим органом в период между съездами является Правление, работу которого возглавляет президент О.

Структуру О. составляют областные отделения, которые организуют деятельность своих членов по территориальному принципу, и исследовательские комитеты, организующие работу социологов по проблемному принципу. Первые создаются при наличии не менее 10 членов О., а вторые при наличии инициативной группы, включающей не менее трех членов О. и представивших программу коллективной научно-исследовательской деятельности. Создание и реорганизация этих структурных подразделений относится к компетенции Правления. Оно же решает вопрос приема новых членов на основе их письменного заявления и исключения из членов О. Правление может принимать решения о создании хозрасчетных организаций и временных научных коллективов, определять размер членских взносов и др. Заседания Правления проводятся не реже одного раза в три месяца.

О. создавалось на основе Белорусской социологической ассоциации (1994-2000), явившейся преемником Белорусского отделения Советской социологической ассоциации АН СССР (1976-1994) – общественных научных организаций социологов, функционировавших на территории республики в последней четверти 20 в.

О.Г. Лукашова

БЕНЕДИКТ (Benedict) Рут (1887-1948) – американский антрополог, этнопсихолог и поэт. Доктор философии (1923), профессор Колумбийского университета (1948). Окончила Вассар-Колледж в Пуфкипси (штат Нью-Йорк). В 1909 получила диплом бакалавра гуманитарных наук по специальности "английский язык". Преподавала в Калифорнии в школах для девочек. В 1919 поступила на курсы Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке. Продолжила обучение у антрополога Боаса (**см.**) в Колумбийском университете. После защиты диссертации "Концепция духа покровительства в Северной Америке" (1923) работала в Колумбийском университете помощником и преемником Боаса. С 1922 сотрудничала с М. Мид (**см.**). Осуществила антропо-психологическое исследование племен индейцев Северной Америки. В 1926-1928 была президентом Американского этнологического общества. В 1928 опубликовала первые статьи по проблемам культурантропологии. Исследовала взаимосвязи психики и культуры, психологии и антропологии. Осуществила психологическую ориентацию антропологии.

В результате социально-антропологических исследований Б. пришла к выводу, что этнические особенности определяются преимущественно социальной средой, в которой существенную роль играет "этос культуры" – специфическая совокупность структур, основных общественных ценностей и установок, определяющая содержание и направленность воспитания детей, и жизнедеятельность взрослых. В 1934 в статье "Антропология и аномалия" показала, что представления о "нормальном" и "аномальном" являются относительными и варьируются от культуры к культуре. Подчеркивая культурогенный и релятивистский характер данных представлений, отметила, что их относительность распространяется и на социальное, и на сексуальное поведение людей. Изучала "транскультурные" факторы, позволяющие сглаживать и уменьшать этноцентризм и межнациональную враждебность. С позиций психоаналитических ориентаций исследовала воздействие культуры на личность. В значительной части описывала изучаемые явления посредством категориально-понятийного аппарата психоанализа и психиатрии. Содействовала распространению психоаналитических идей и стимулировала интерес психоаналитиков, психологов и психиатров к проблемам культуры. В 1934 опубликовала книгу "Паттерны культуры", которая и поныне пользуется популярностью. В качестве одной из возможных трактовок культуры предложила ее понимание как относительно определенной совокупности предписаний для личности, сопряженных с ее душевной организацией и возможностями самореализации. Показала решающую роль культуры в создании различных образов жизни. Опровергала примитивные представления о линейной направленности исторического процесса и подчеркивала неограниченность "конфигураций культуры". Обосновывала недопустимость войн и любых форм дискриминации. Боролась за права человека. Выступала против существования цензуры. Организовала сбор подписей под письмом протеста против нацизма и расизма. Осуществила исследование этноса зуни в Нью-Мексико и изложила результаты этой работы в книге "Мифология зуни" (1935, в двух томах).

Во время Второй мировой войны Б. разрабатывала культур-антропологическую методологию дистанционного исследования культур посредством анализа их "продуктов" (произведений литературы, искусства и т.д.). В 1946 опубликовала книгу "Хризантема и меч", в которой изложила результаты такого исследования японской культуры. Выявила и проанализировала существование и взаимодействие типов культур эстетизма и милитаризма в японском обществе, государстве и национальном характере. Показала возможности и перспективы развития Японии в условиях мира. В послевоенный период осуществила дистанционное исследование культур России, Польши, Китая и др. С 1947 была президентом Американской антропологической ассоциации. Оказала влияние на развитие и социально-культурные ориентации современной антропологии. Автор книги "Раса, наука и политика" (1940) и других работ по проблемам антропологии и этнопсихологии.

В.И. Овчаренко

БЕНЬЯМИН (Benjamin) Вальтер (1892-1940, покончил с собой на франсузско-испанской границе, спасаясь от нацистов) – немецкий социальный философ и историк культуры. Его работы получили известность начиная с 1960-х, когда впервые было издано (при непосредственном участии Адорно – **см.**) систематическое собрание его сочинений; 7-томное собрание сочинений Б. опубликовано в 1972-1989. Основные сочинения: "Избранное сродство" (1922), "Происхождение немецкой трагедической игры" (1925, опубликована в 1928), "Московский дневник" (1926-1927), "Шарль Бодлер: лирический поэт в век позднего капитализма" (1937-1939), "Что такое эпический театр?" (1939), "О понятии истории" (включает в себя 18 "афоризмов", или "тезисов", 1940) и др.

Философствование Б. объединяет в себе элементы марксизма (**см.**) в духе Франкфуртской школы и иудаизма, которые дополняются интересом к исследованию конкретных форм культуры. Б. изучал философию в Берлине, Мюнхене и Берне. В 1919 защитил диссертацию "Понятие художественной критики в немецком романтизме". "Происхождение немецкой трагедической игры" в качестве докторской диссертации было отвергнуто Франкфуртским университетом из-за ее необычности. В 1925-1926 Б. посетил Москву, стал активно изучать работы Маркса (**см.**), Энгельса (**см.**) и Ленина (**см.**). С 1933 жил в Париже. Тогда же началось его сотрудничество с Институтом социальных исследований во главе с Хоркхаймером (**см.**).

В работе "Труд о Парижских пассажах", которая является частью незавершенного проекта исследования культуры 19 в. (готовился в 1927-1940, опубликован в 1955), Б. анализирует конкретные феномены парижской культуры 19 в., развитие которых выражает становление современной капиталистической эпохи. Архитектура, живопись, литература рассматриваются Б. как взаимосвязанные части единого исторического контекста, который формируется на основе развития способа производства: по Б., художественное произведение суть "интегральное выражение религиозных, метафизических, политических и экономических тенденций" своего времени. Критический анализ культуры французской буржуазии сочетается у Б. с бережным археологическим описанием мельчайших элементов и ностальгической констатацией упадка. Осмысливая "трагическую игру" барокко, Б. предвосхитил постмодернистский тезис об отсутствии "финальных" смыслов в компонентах духовной культуры. Аллегории века барокко могут, по Б., означать все что угодно и всегда иное, нетождественное самому себе. Истина предмета целиком растворена в субъективном волюнтаризме аллегорических означиваний: в аллегорических фигурах "трагической игры" история человечества суть история мук и испытаний, на языке же символов природа воспринимается как промысел спасения и преображения. Согласно Б., утрата именем и вещью взаимного соответствия (сразу же вслед за грехопадением Адама) и результируется в том, что язык должен трактоваться не как орудие адекватной коммуникации, а в качестве произвольной формы всего сущего. Поскольку любая вещь обладает неким духовным содержанием, постольку язык сопричастен любым вещественным осуществлениям и проявлениям: словесная коммуникация –

лишь фрагмент функционирования языка. По мысли Б., имя как особый предмет, на котором центрируется интерес философии языка, только и способно препятствовать редуцированию сообщения до уровня обычного инструментального акта. В эссе "Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости" (1936) Б. использует идеи Маркса для пересмотра традиционных трактовок искусства. Б. указывает, что возможность воспроизводства произведения искусства, которая возникла с развитием фотографии и кино, создает принципиально новую ситуацию в культуре. Ритуальные черты, которые изначально связывали искусство с религией, культом, утрачивают свое значение. Соответственно, искусство основывается уже не на ритуале, а на политике. Если традиционно произведение искусства служило инструментом магии и культа, то в современную эпоху его центральной характеристикой становится выставочная ценность, способность стать массовым продуктом потребления. Произведение искусства утрачивает свою "ауру" и уникальность, оно вырывается из истории и традиции. Фотография и кино становятся стандартными свидетельствами исторических событий, приобретая политическое значение. Зритель, смотрящий фильм, обретает права критика потому, что данное на экране совпадает с точкой зрения камеры, которая оценивает происходящее с различных позиций. Изменяется и позиция творца. Художник, указывает Б., представляет собой противоположность оператору. Если первый соблюдает естественную дистанцию по отношению к реальности и создает ее целостное изображение, то последний глубоко проникает в реальность, разрезает ее на кусочки и создает изображение по-новому из множества фрагментов. Расширение аудитории делает кино важным политическим фактором воздействия на массы. Кино расширяет границы восприятия и уничтожает расстояния, позволяя предпринимать мельчайший анализ реальности, подобный работе психоаналитика. Искусство, подчеркивает Б., становится важной политической силой, которая используется фашизмом для эстетизации политики в целях структурирования и мобилизации масс без изменения существующих отношений собственности. Результатом этого является эстетизация войны, которая становится целью, организующей массы, а также средством снять противоречие между бурным развитием средств производства и неадекватными методами их использования. Единственным способом противостояния фашистской эстетизации политики является, по мнению Б., возможность коммунистической политизации искусства. Полемизируя в новых исторических условиях с кантовской трактовкой "опыта", Б., анализируя творчество Ш. Бодлера, приходит к выводу о трансформации "аурного" опыта классического искусства в совокупность шоковых переживаний общества 20 в. (Именно Бодлер, согласно Б., с его "Цветами зла" эстетизировал это самое зло для публики середины века.)

Особый интерес вызывает в начале 21 в. социально-историческая концепция Б. Оценивая историю (например, тезис 9 сочинения "О понятии истории") как "единственную катастрофу", как чреду "руин", на которые зрит "ангел истории", уносимый в никуда "бурей прогресса", Б. утверждает исторический материализм (**см.**) как единственный путь для угнетенных покинуть историческую колею. (Хотя, по мысли Б., исторический материализм может победить, только если "воспользуется услугами теологии, которая сегодня, по общему признанию, мала и уродлива и не смеет показаться в своем собственном обличье" – тезис 1.)

Б. стремился (вопреки установкам герменевтики) отделить ту или иную часть прошлого от континуума истории: "вырвать определенную биографию из эпохи, определенное произведение из творческой биографии" (тезис 17). Смысл данной процедуры определяется заинтересованностью угнетаемого класса в той или иной интерпретации прошлого: по Б., "исторически артикулировать прошедшее" не значит осознавать "как оно было на самом деле" (тезис 6); "не человек или люди, а борющийся, угнетаемый класс есть кладезь исторического знания" (тезис 13).

По убеждению Б. (тезис 16), "исторический материалист" не может отречься от такого понятия настоящего, которое не есть переход, а становление во времени, прихода к состоянию покоя. Поэтому такое понятие определяет равно и настоящее, в котором он пишет историю для самого себя. Историзм устанавливает "вечный" образ прошлого, исторический материалист видит в нем опыт, который присутствует только здесь. Как отмечал Б., "существует невозвратный образ прошлого, который угрожает исчезнуть с таким настоящим, которое не узнало себя в качестве мыслимого в нем" (тезис 5). Б. полагал, что не должно быть заимствований понятийных комплексов исторической нормативности: он отвергает как гомогенное и пустое "время", наполняемое благодаря "упрямой вере в прогресс" эволюционизма и традиционной философии истории, так и выступает против историзма – "нейтрализации" таких масштабов, когда история выступает музеем и "может перебирать пальцами, как четки, очередность данностей".

Таким образом, Б. разграничивал два принципиально различных способа восприятия времени: пустое, гомогенное время континуума (присущее историографии правящего класса) и "заполненное" (постоянно прерывающееся) время исторического материализма. Ограничивая себя установкой на выяснение того, "как оно было на самом деле", трактуя историю как замкнутое, прямолинейное, непрерывное течение событий, официальная историография выступает априорным взглядом "тех, кто победил". С точки зрения Б., история таким образом интерпретируется как непреложная "последовательность прогресса", ведущего к господству тех, кто сегодня находится у власти: "Представление о прогрессе человеческого рода в истории неотделимо от представления о ее ходе сквозь гомогенное и пустое время" (тезис 13); такая версия интерпретации прошлого неотделима от трактовки времени правящими классами. За рамками осмысления оказывается все то, что в истории было "ошибочным"; из истории элиминируется все, что может препятствовать возникновению тотального континуума "происшедшего на самом деле". Господствующая историография изображает "позитивную" историю великих достижений и культурных свершений, исторический же материалист "отнесется к ним как отстраненный наблюдатель. Ибо то, что он видит в культурном достоянии, – все это, без исключения, вещи такого рода, о происхождении

которых он не может думать без отвращения. Они обязаны своим существованием не только труду великих гениев, их создавших, но и безымянному тяглу их современников. Они никогда не бывают документами культуры, не будучи одновременно документами варварства" (тезис 7).

Угнетаемый класс, по мысли Б., апроприирует /термин Б., который приближенно возможно перевести как "предназначать для себя", "присваивать". – *А.Г.*/ прошлое, ибо оно "открыто", ибо "надежда на освобождение" в нем уже действует. Прошлое уже содержит – в форме "ошибок, которые стремятся придать забвению", – измерение будущего: "прошлое несет с собой тайный знак, посредством которого оно указывает на освобождение" (тезис 2). Чтобы апроприировать это подавленное измерение прошлого, которое имманентно содержит будущее революционного действия угнетенного класса (а именно это действие ретроактивно искупает прошлое), необходимо, согласно Б., прервать непрерывное течение исторического развития и совершить "тигриный прыжок в прошедшее" (тезис 14). Это осуществимо потому, что "существует тайный сговор между бывшими поколениями и нашим. То есть нас ожидали на Земле" (тезис 2).

Именно такой процедурой обретается фундаментальная асимметрия между историографическим эволюционизмом, отображающим непрерывность исторического движения, и историческим материализмом. По Б.: "Исторический материалист не может рассматривать современность как переходное состояние, она для него включена в понятие времени, которое остановилось. Ибо это понятие определяет как раз ту современность, когда он пишет историю для себя самого" (тезис 16). При этом, согласно рассуждениям Б., "мышлению свойственно не только движение идей, но и равным образом их остановка. Где мышление внезапно останавливается при стечении обстоятельств, насыщенном напряжением, там оно испытывает шок, посредством которого само кристаллизуется в монаду. Исторический материалист приближается к исторической теме единственно только там, где она выходит ему навстречу как монада. Он видит в ней знак мессианской остановки происходившего, иными словами, революционный шанс в борьбе за побежденное прошлое" (тезис 17).

Как постулирует Б., исторический материализм призван "останавливать", "обездвиживать" и "сепарировать" фрагменты исторической целостности: в процессе апроприации прошлого формируется "монада" как такой момент настоящего, с которым непосредственно – в обход континуума эволюции – соединено прошлое; революционная ситуация наличного дня трактуется как повторение провальных ситуаций прошлого, как их ретроспективное искупление. Для Б. "точка зрения Страшного Суда" – это позиция тех, кто платил судьбами за чужие исторические триумфы; тех, кто необходимо и неизбежно ошибался, дабы эти триумфы смогли осуществиться; тех, кто остался "следами", анонимными пометками на полях официальной фиксации великих исторических деяний. Революция, таким образом, предстает перед нами как разрыв эволюционной истории – как точка, где текстура предшествующей истории, истории официально признанных победителей, обращается в ничто. Одновременно поражение революции радикально обессмысливает всю героическую борьбу предшествующих поколений: "И мертвые не уцелеют, если враг победит" (тезис 6). Революция есть созидательный акт, одновременно выступающий иным измерением фрейдовского "влечения к смерти", стирание доминирующего Текста истории, создание нового исторического Текста, в границах которого осуществится подавленное прошлое. Тем самым каждая новая точка революционных шансов "наполняет настоящим" все уже произошедшее, заново определяет множество иных, неудавшихся попыток революции: "Для исторического материализма речь идет о том, чтобы удержать образ прошлого, который внезапно является в момент опасности перед историческим субъектом. Опасность угрожает как традиции, так и ее получателям" (тезис 6).

Особо значимо, по мысли Б., то, что каждая новая революция заново ставит на кон собственное революционное прошлое, являя собой интегративную сумму некогда упущенных революционных шансов: "История – предмет конструирования, отправная точка которого не гомогенное и пустое время, а современность. Так, для Робеспьера античный Рим был прошлым, преисполненным современности, вырванным из континуума истории. Французская революция осознавала себя в качестве нового Рима. Она цитировала Древний Рим точно так, как мода цитирует старое платье" (тезис 14). Согласно Б., каждый раз вновь и вновь осуществляется "присоединение некоторого прошлого к текстуре настоящего", метафоризация истории как особого текста: "Если мы согласимся рассматривать историю как текст, то сможем сказать о ней то же, что говорил один современный автор о литературном тексте: прошлое несет в себе образы, которые можно сравнить с образами, хранимыми на фотопластинке. *Только будущее будет располагать проявителем, достаточно сильным, чтобы сделать картину ясной во всех деталях. Многие страницы Руссо или Мариво несут в себе смысл, который их современники были не в состоянии до конца расшифровать*".

Трактовка исторического времени осуществляется Б. в контексте сюрреалистического опыта и еврейской мистики: оно /время. – *А.Г.*/ совмещает признаки аутентичного момента инновационного настоящего, прерывающего продолжительность (дление) истории, и феномена эмфатического обновления сознания ("каждая секунда есть малые ворота, через которые мессия мог бы войти" – тезис 18). По мысли Б., соответствующий опыт /Eingedenken. – *А.Г.*/ суть такой опыт, который "не позволяет понимать историю как нечто совершенно атеологическое".

Как впоследствии отмечал Хабермас (см.), Б. было осуществлено определенное "оборачивание" горизонтов "ожидания" и области опыта. Б. не доверял наследию передаваемых благ культуры, переходящему во владение настоящего, а также фиксировал асимметричность связи между усваиваемой действительностью настоящего, ориентированного будущим, и усвоенными объектами прошлого. Б. (уникальный прецедент в неомарксизме) трактовал историю как текст, как множество событий, которые способны лишь "стать сбывшимися", – их смысл, их историчность определяется "задним чис-

лом", – тем, каким именно способом они окажутся вписаны в соответствующую символическую систему.

Ретроспективно, движение мысли Б. от "философии апофатического" к "апокалиптическому" и – далее – к "культур"-мессианизму вряд ли можно считать завершенным, но (по мысли Деррида, – наряду с "тремя религиями, Марксом и Хайдеггером") оно выступило значимым прологом поворотной социально-философской деконструкции 20 в.

А.А. Грицанов

БЕРГЕР (Berger) Артур Аза (р. 1933) – американский ученый, специалист в области качественных методик в социологическом исследовании, теории и практики речевого воздействия, специфики функционирования текстов в поп-культуре и в интерактивном пространстве новых технологий, специалист в области технологий рекламы (в том числе политической), других жанров массовой коммуникации. Профессор кафедры телерадиовещания и электронной коммуникации государственного университета Сан-Франциско, где он работает с 1965. Окончил бакалавриат университета Массачьюсет (по специальности "английский язык"), магистратуру университета Айова (по специальности "журналистика")и докторантуру в университете штата Миннесота (по специальности "американские исследования"), где и начал свою педагогическую карьеру (1960-1965). Работал также в Миланском университете (1963-1964) и Аннинбергской школе коммуникации университета Южной Калифорнии (1984-1985). Автор более ста статей и около сорока книг, среди которых научные, научно-популярные и учебные издания. Многие из книг Б. уже многократно переиздавались. Среди них – "Видеть значит верить: введение в видеокоммуникацию" (1989, 1998); "Технологии исследования средств коммуникации" (1982, 1991, 1998), пользующаяся наибольшей известностью; "Наука в современной культуре" (1984, 1986, 1998). Среди относительно недавних книг Б. можно назвать такие, как "Основы теории массовой коммуникации" (1995), "Гений еврейского юмора" (1997), "Нарративы в поп-культуре, СМИ и повседневном общении" (1997), "Искусство комедии" (1997), "Вскрытие постмодерниста" (1997). Книги Б., увидевшие свет в 2000, – "Методы исследования СМИ и коммуникации", "Реклама и культура потребителя", "Еврейское жестикулирование".

Основная тема научных интересов Б. – безусловная недостаточность изучения текста как социального документа, явления культуры, искусства или же повседневной жизни, каким-либо одним методом. Б. активно пропагандирует и воплощает в собственной исследовательской практике идею сочетания различных дисциплинарных методик/практик/технологий, среди которых семиотика, марксистская теория, теория психоанализа, социологические подходы. Развивая свой метод работы с текстом (наиболее полно представленный в книге "Агитпопулизм", 1989), Б. вводит и широко использует метафору "секретный агент" с целью демонстрации множества "тайников" / "секретов" в практически любом тексте, которые исследователю необходимо обнаружить и вскрыть. Проблема, по мнению Б., заключается в том, что трудно быть уверенным, какая именно методика раскрывает правду или хотя бы в большей степени говорит правду, чем другие.

А.А. Berger, И.Ф. Ухванова-Шмыгова

БЕРГЕР (Berger) Питер Людвиг (р. 1929) – американский социолог, ведущий представитель феноменологической социологии знания (**см.**). Возглавлял Институт экономической культуры Бостонского университета. Основные сочинения: "Шум торжественных ассамблей" (1961), "Двусмысленное видение" (1961), "Введение в социологию" (1963), "Социальное конструирование реальности" (1966, совместно с Лукманом), "Священная завеса" (1967), "Слухи об ангелах" (1969), "Бездомное сознание" (1973), "Пирамиды жертв" (1975), "Лицом к современности" (1977), "Капиталистическая революция" (1986), "В поисках Восточно-Азиатской модели развития" (1988) и др.

Творчество Б. посвящено разработке проблем феноменологической социологии знания, социологии религии, теории модернизации. Теоретическая концепция Б. синтезирует социологические традиции, идущие от М. Вебера (**см.**) и Э. Дюркгейма (**см.**), феноменологически ориентированную социологию А. Шюца (**см.**) и символический интеракционизм Дж.Г. Мида (**см.**). В работе "Социальное конструирование реальности" Б. определяет человеческую реальность как реальность социально сконструированную и уделяет особенное внимание исследованию взаимосвязей между институтами и легитимирующим "символическим универсумом" в виде науки, искусства, философии и религии. Религиозный подуниверсум играет стратегическую роль при конструировании и легитимации реальности, благодаря способности религиозных институтов представлять институциональный порядок во всей его целостности, устанавливая стабильную символическую завесу для всего общества ("Священная завеса"). Символические представления интеграции есть то, что Дюркгейм называл "религией". Это означает, что для анализа институционального порядка необходим анализ знания о социальном мире, имеющегося у членов общества. В сумме оно представляет собой "то, что каждый знает" – совокупность правил поведения, моральных принципов и предписаний, пословицы и поговорки, ценности и верования, мифы и дотеоретический массив знания рецептов, передаваемый по наследству. Теоретически сложные легитимации появляются в определенный момент истории институционализации, конструируя "номос" – когнитивно-нормативный комплекс, упорядочивающий индивидуальный опыт членов общества, хранящий смысл и порядок в объективных и субъективных структурах, который вновь и вновь подтверждается в символических объектах или символических действиях. Символический универсум как матрица значений накладывается на общество и индивидуальные биографии, на явления, происходящие в рамках этого универсума; им охватываются и возможные маргинальные ситуации – мир снов, фантазий, смерть, которые ставят под сомнение само собой разумеющийся характер повседневной жизни. Но большинство современных обществ являются плюралистичными, т.е. в них одновременно сосуществуют

несколько символических подуниверсумов, каждый из которых воспринимается как нестабильный и ненадежный, релятивизируется, а акцент реальности переносится на сферу субъективности. Повседневная жизнь также оказывается все менее проникнутой священными силами в ходе осуществления "субъективной секуляризации", последствия которой определяются Б. как деструктивные и приведшие к "кризису идентичности". Секуляризация как один из моментов модернизации враждебна, по мнению Б., трансцендентному измерению человеческого бытия. Выход из кризиса видится Б. в контрмодернизации и в использовании идущего от Шлейермахера индуктивного подхода к интерпретации религиозных феноменов, который позволяет проследить традицию до первоначального опыта и сделать собственный выбор.

С.А. Радионова

БЕРДЖЕСС (Bergess) Эрнст (1886-1966) – американский социолог, один из основателей Чикагской школы, разработавший прикладной вариант социально-экологической теории для исследования города. Учился в Чикагском университете, ученик Р. Парка (см.), Дж.Г. Мида (см.). С 1934 – президент Американского социологического общества.

В рамках программы по изучению локальных сообществ в Чикаго и на основе социально-экологической теории Б. выдвинул гипотезу "концентрических зон". Гипотеза описывает механизм формирования социально неоднородных районов в процессе роста города и так называемых локальных сообществ.

Б. рассматривает конкурирующий и расширяющийся бизнесцентр как доминантный центр сообщества и как характерную организацию образа жизни. Конкуренция – ключевое экологическое понятие – определяет, какого рода бизнес оккупирует центр и каким образом формируется центральный район бизнеса. Рост этого района воздействует на окружающее пространство, называемое зоной транзита. Это пространство разделяется такими барьерами, как транспортные артерии, организации бизнеса и индустрии, парки и бульвары, которые модифицируют гипотетический концентрический зональный образец. Так, окружающие озера модифицируют зональный образец Чикаго в концентрические полукружья. Население, образующее локальные сообщества в рамках зон, как и сами зоны, фокусирует социологический интерес чикагских исследователей.

Основным методом определения "зон" стало картографирование. На основании разработанной Б. "Карты социальных исследований города Чикаго" (1923-1924) было выделено 75 "естественных зон" и более трех тысяч локальных сообществ, которые затем исследовались методами включенного наблюдения, интервью, анализа документов. Значительная роль в проверке зональной гипотезы отводилась данным переписи населения. Проведенная Б. на основании переписей 1930 и 1934 классификация районов Чикаго сохраняет свое практическое значение до сих пор.

В методологическом плане эмпирические исследования Б. четко базировались на основополагающих тезисах "классической" социально-экологической теории Парка: адаптации к человеческому (и особенно городскому) обществу идей, заимствованных из экологии; понимании современного общества как продукта эволюции из относительно недифференцированного социального порядка в социальную систему с функциональным разделением труда и функциональной взаимозависимостью различных типов локальных сообществ. Зональные гипотезы, сформулированные исходя из заданных идей, тестировались в эмпирических исследованиях описательного и объяснительного плана. В практическом аспекте эти исследования были подчинены решению основной задачи – установлению "социального контроля" и "социального согласия". В целом, как показала общественная практика, выявленные в то время зональные изменения оказались типичными для растущих крупных индустриальных городов Америки, а чикагские исследования стали истоком становления эмпирической социологии города.

Г.Н. Соколова

БЕРДЯЕВ Николай Александрович (1874-1948) – русский философ и публицист. В 1898 за участие в социал-демократических студенческих беспорядках исключен из Киевского университета. В 1900 выслан на 3 года в Вологодскую губернию. Состоял в партии кадетов. Выступал в сборниках "Проблемы идеализма" (1902), "Вехи" (1909), "Из глубины" (1918). Организатор Вольной академии духовной культуры в Москве (1918-1922). Преподавал философию в Московском университете. Арестовывался, в 1922 выслан за границу. После краткого пребывания в Берлине, где преподавал в Русском научном институте, с 1924 жил во Франции (Кламар, пригород Парижа), профессор Русской религиозно-философской академии в Париже. Основатель и редактор русского религиозно-философского журнала "Путь" (Париж, 1925-1940), а также редактор издательства ИМКА-ПРЕСС. Огромное литературное и философское дарование, религиозные искания плодотворно и богато отразились в творчестве Б., вобравшем в себя также и плоды его сомнений и трагических конфликтов с самим собой. В работах "Субъективизм и индивидуализм в общественной философии" (1901), "Философия свободы" (1911), "Смысл творчества. Опыт оправдания человека" (1916), "Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности" (1918), "Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы" (1923), "Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии" (1923), "О назначении человека. Опыт парадоксальной этики" (1931), "Основная антиномия личности и общества" (1931), "Генеральная линия советской философии и воинствующий атеизм" (1932), "Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы" (1934), "Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения" (1934), "Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности" (1937), "Человеческая личность и сверхличные ценности" (1937), "Истоки и смысл русского коммунизма" (1937), "О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии" (1939), "Русская идея. Основные проблемы русской мысли 19-20 века" (1946), "Самопознание. Опыт философской автобиографии" (1949), "Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого" (1952) и др.

Б. исследовал проблемы свободы и кризиса культуры, размышлял над путями русской и всемирной истории 20 в., осуществлял изыскания историософского характера. Эволюцию философских идей Б. можно разделить (как отмечал В.В. Зеньковский) на четыре периода, каждый из которых определяется по тому акценту, который его характеризует. В первый период Б. выдвигает на первый план этическую проблематику. Второй период отмечен религиозно-мистическим переломом в мировоззрении Б. Третий период определяется акцентом на историософских вопросах (включая и характерный для последних лет Б. интерес к эсхатологии). Четвертый период связан с его персоналистическими идеями. Философские воззрения Б. базировались на ряде автономных идейно-ценностных комплексов, отражавших его индивидуальные предпочтения и приоритеты: своеобычная трактовка личности, оригинальная концепция свободы, идея метаисторического эсхатологического "смысла" исторического процесса. Противополагая объекты, феномены, мир, необходимость и дух (Бога), свободу, ноуменальную реальность, Б. именно последнюю трактовал как подлинную "вещь в себе" – именно в структурах субъекта, личности и коренится потенциал человеческой духовной свободы. Посюсторонний мир у Б. – продукт "нисхождения", "ниспадения" безосновной, безначальной свободы – самоосуществление духа в субъекте результируется, по Б., в отчужденных объектах, подчиненных необходимости. Объективация духовного начала, согласно Б., искажает его, лишь творческие усилия людей преодолевают отчужденную внеположность объектов человеку. Достижение состояния всеобъемлющего избавления от объективированности феноменов мира через прорыв свободы в эту сферу, конституирование радикально иного "внеисторического" бытия – смысл истории у Б. Различение мира призрачного (это "мир" в кавычках, мировая данность, эмпирические условия жизни человека, где царствует разъединенность, разорванность, вражда, рабство) и мира подлинного ("мир" без кавычек, "космос", идеальное бытие, где царствует любовь и свобода) – одно из оснований миропредставления Б. Человек, его тело и дух находятся в плену у "мира", призрачного бытия – это есть следствие грехопадения человека, описанного в Библии. Задача же человека состоит в том, чтобы освободить свой дух из этого плена, "выйти из рабства в свободу", из вражды "мира" в "космическую любовь". Это возможно лишь благодаря творчеству, способностью к которому одарен человек, поскольку природа человека есть образ и подобие Бога-творца. Свобода и творчество неразрывно связаны: "Тайна творчества есть тайна свободы. Понять творческий акт и значит признать его неизъяснимость и безосновность". Рассмотрение человека как существа, одаренного огромной творческой мощью и в то же время вынужденного подчиняться материальной необходимости, определяет характер понимания Б. таких глубинных вопросов человеческого существования, как вопросы пола и любви. Критикуя ханжеское отношение к этим вопросам современного ему общества и церкви, Б. подчеркивает, что "это мучительнейший вопрос для каждого существа, для всех людей он также безмерно важен как вопрос о поддержании жизни и смерти. Это – проклятый, мировой вопрос, и каждый пытается в уединении, тщательно скрываясь, таясь и стыдясь, точно позора, победить половое разъединение мира, эту основу всякого разъединения, последний из людей пытается любить, хотя бы по-звериному". Глубинное основание полового влечения Б. видит в том, что ни мужчина, ни женщина сами по себе не есть образ и подобие Бога в полном смысле этого слова. Только соединяясь в любви, они образуют целостную личность, подобную личности божественной. Это воссоединение в любви есть одновременное творчество, выводящее человека из мировой данности, царства необходимости, в космос, царство свободы. Любовь творит иную, новую жизнь, вечную жизнь лица. "В творческом акте любви раскрывается творческая тайна лица любимого. Любящий знает о лице любимого то, чего весь мир не знает, и любящий всегда более прав, чем весь мир". По мнению Б., нет общественного прогресса – смысл истории в обретении людьми в собственной эволюции ипостаси обитателей "мира свободного духа", находящегося вне реального исторического времени, в ином ("эсхатологического характера") измерении. Соприкасание мира посюсторонней истории и "царства божия" вкупе с его подлинной духовностью потенциально осуществимо в любой момент времени: Бог, Дух являют себя миру, не корректируя его. Созданная Б. система новых мировоззренческих ориентаций в миро- и человековедении была связана с выбором им жестко определенной системы гуманистических координат, осознанием и пониманием того, что по сравнению с человеческой личностью весь мир – ничто, "все внешнее, предметное, материальное есть лишь символизация свершающегося в глубине Духа, в Человеке". Наиболее полно основополагающее значение моральной, истинно человеческой сферы в творчестве Б. прозвучало в книге "Смысл творчества". Вся эта работа есть апофеоз человека, его моральное возвеличение, при котором основной задачей человека становится творчество. "Цель человека не спасение, а творчество", – пишет Б. "Не творчество должны мы оправдывать, а наоборот – творчеством должны мы оправдывать жизнь". Для Б. "творческий акт задерживается в мире искуплением", а в моральном сознании, по Б., открывается внутренняя двойственность: "христианство, как мораль искупления, не раскрыло морального творчества". Нельзя жить в мире и творить новую жизнь, пишет Б., с одной моралью послушания. А это уже попытка найти новую "этику творчества", воздагающую на человека ответственность за его судьбу и судьбу мира. Апофеоз творчества связывается с персоналистической метафизикой, которую развивал Б. в книгах "О рабстве и свободе человека" и "Я и мир объектов", с учением об "объективации духа". По словам Б., в нем всегда была "влюбленность в высший мир", а к "низшему миру – только жалость", т.е. жалость к миру, который есть лишь "объективация духа", а не подлинное бытие, не первореальность. По Б., есть два пути самореализации личности: "объективация", или принятие "общеобязательных" форм жизни, и путь "трансцендирования", или "жизнь в свободе". Объективация всегда "антиперсоналистична", ибо обезличивает человека, создает "рабью" психологию. Личность в своем подлинном и творческом движении стеснена, как считает Б., неот-

вратимой и роковой объективацией, поэтому – "быть в мире есть уже падение". Идея об объективации служит тому, чтобы отделить личность от мира, вобрать творчество вовнутрь человека. Но тогда творчество, которое стремится "овладеть" миром, теряет свой смысл, так как результаты творчества снова связывают нас с "падшим" миром. Понимая, что персонализм, отчуждая личность от мира, провозглашает не просто трагичность творчества, но и обессмысливает его, Б. ввел новое понятие "экспрессивности", которая призвана стать на место "объективации". "Экспрессивность" вводит нас в творчество и во внешний мир, но "сохраняет" и то, что было в личности. Однако преодолеть противоречивость концепции, которая формировалась всю жизнь, Б. так и не удалось: творчество у него неизбежно ведет к "объективации", хотя оно же назначено ее разрушить.

Признание примата личностного над социальным позволило Б. выступить против практики тотального подчинения индивида общественно-утилитарным целям и провозгласить свободу человека в качестве самодовлеющей ценности. Последовательно выступая против "разжигания инстинктов" масс и разгула стихии насилия, Б. стремился понять причины и механизмы несвободы человека и отчужденный характер создаваемой им культуры. По мысли Б., несмотря на героическую борьбу людей за свою свободу на протяжении почти всей своей истории, они все же остаются несвободными и в лучшем случае в результате всех своих усилий меняют одну несвободу на другую. В своей исторической судьбе, с точки зрения Б., человек проходит разные стадии, и всегда трагична эта судьба. Вначале человек был рабом природы, и он начал героическую борьбу за свое сохранение, независимость и освобождение. Он создал культуру, государства, национальные единства, классы. Но он стал рабом государства, национальности, классов. Ныне, – утверждал Б., – вступает он в новый период. Он хочет овладеть иррациональными общественными силами. Он создает организованное общество и развитую технику, делает человека орудием организации жизни и окончательного овладения природой. Но он становится рабом организованного общества и техники, рабом машины, в которую превращено общество и незаметно превращается сам человек. Тревога и печаль Б. по поводу неизбывности человеческого рабства побуждали его обратить внимание на комплекс освободительных и псевдоосвободительных идей, циркулировавших в то время в общественном сознании. Б. отдав дань увлечению марксовой философско-социологической парадигмой, отвергнул ее затем из-за неприятия идеи пролетарского мессианизма, а также вследствие собственной ориентации на рассмотрение человека, его культуры и деятельности в контексте не столько "частичных", идеологизированных, сколько универсальных критериев.

В этой связи блестящий русский интеллектуал П.Струве (см.), комментируя книгу Б. "Субъективизм и индивидуализм в общественной философии", подчеркивал, что истина и идеал у автора не заимствуют своего достоинства от классовой точки зрения, а сообщают ей это достоинство. Такова точка зрения философского идеализма. Принципиально же, это – внеклассовая, общечеловеческая точка зрения, и было бы нечестно и смешно, по Струве, утаивать это. Отдавая должное марксизму как социологической доктрине, Б. отрицал его притязания на статус философии истории, ибо данному учению присуще отождествление духовного существа, "общечеловека" и человека классового, группового и эгоистичного с прагматичными и узкими целями и ценностями. Марксизм, по Б., выступая как объяснительная модель социологического уровня при анализе общественно-экономических процессов, не способен наполнить историю имманентным смыслом, сформулировав для человечества действительный идеал исторического развития. В дальнейшем Б. обратился к задаче выработки нового религиозного сознания, которое должно было содействовать прояснению существа человека, духа, свободы и современной социальной ситуации. Именно с этих позиций Б. осуществил исследование одной из наиболее запутанных и идеологизированных проблем социологического и социально-философского теоретизирования последних веков – проблемы равенства. Подвергая критике идею равенства как "метафизически пустую идею", ведущую к энтропии и гибели социального мира, Б. провозгласил особую ценность свободы, любви к свободе и, в конечном счете, значимость права на неравенство. Б. был, пожалуй, одним из первых социальных философов, обративших внимание на формирование отчужденного характера социальных ценностей и социальных движений своего времени. В частности, Б. зафиксировал и дал своеобычную интерпретацию определенного рода трансформационным процессам в учении и политической практике социализма (см.).

По мысли Б., социалистическая идея как результат теоретической и практической деятельности людей обретает некую самостоятельную и самодовлеющую сущность, приобретающую при всей своей антирелигиозной направленности отчетливо выраженную телеологическую, мессианскую и религиозную окраску. В социализме, как религии, – утверждал Б., – проявляется что-то сверхчеловеческое, религиозно-тревожное и в социалистически-религиозном пафосе чувствуется уже сверхисторическое начало. Социализму как особой лже-религии, согласно Б., присущи свои святыни ("народ", "пролетариат"), свое учение о грехопадении (появление частной собственности), культ жертвенности (счастье будущих поколений как смысл существования людей), экстремально-эсхатологическое переживание истории, которая должна завершиться установлением "рая на земле". Но это, по Б., демоническая религия. Основатели теории научного социализма, с его точки зрения, не интересовались тем, как их идеи трансформируются в психиках миллионов индивидов. Еще в 1907 Б. предупреждал, что в границах социалистического сознания рождается культ земной материальной силы, нарастает процесс гипостазирования общественных универсалий, порождающий устремление к сверхчеловеческому – к "новому земному богу", возвышающемуся на груде человеческих трупов и развалинах вечных ценностей.

Анализируя "истоки и смысл русского коммунизма", Б. квалифицировал его как "неслыханную тиранию" и вскрыл людоедскую сущность большевизма, основанного на принципах антигуманизма, антидемократизма, отрицания свободы и

прав человека, постоянно приносящего людей и их интересы в жертву ненасытному государству. Подвергая критическому анализу разнообразные концепции социального прожектерства и социального утопизма, Б. констатировал, что утопии (см.) оказались гораздо более осуществимыми, чем до сих предполагалось. Это суждение Б., беспощадная глубина которого быть может не вполне осознавалась даже им самим, стало апокалипсическим знамением многострадального 20 в. Предельно негативно оценивая разнообразные социологические версии учения об общественном прогрессе (см.), Б. настаивал на признании абсолютной и непреходящей ценности всякого поколения людей и всякой культуры. По Б., данное учение "заведомо и сознательно утверждает, что для огромной массы человеческих поколений и для бесконечного ряда времен и эпох существует только смерть и могила... Все поколения являются лишь средством для осуществления этой блаженной жизни, этого счастливого поколения избранников, которое должно явиться в каком-то неведомом и чуждом для нас грядущем". Нравственный смысл и пафос этого тезиса Б. противостояли революционистским риторикам, постулирующим пренебрежение человека к собственной судьбе, его самоуничижение ввиду принадлежности к "менее совершенному" поколению либо "менее прогрессивной" культуре. Одновременно Б. отвергал и цели тех реформаторов истории, которые видят смысл жизни поколений настоящего главным образом как процесс обеспечения достойной жизни грядущим поколениям.

Размышляя в последние годы жизни о трагических судьбах России, Б. был твердо убежден в том, что обновление и освобождение Родины явится результатом не какого-то давления извне, а произойдет от имманентных импульсов, "от внутренних процессов в русском народе". Возрождение прерванных культурных ценностей, принципов самоценности и суверенности личности, идеалов духовной свободы может и должно, по Б., выступить основанием для этого процесса. Будучи по существу романтиком и мало интересуясь реальностью, Б., мысль которого работала очень интенсивно, постоянно находился под властью своих исканий. Самое глубокое в нем было связано с его этическими поисками, с его публицистическими темами; все его метафизическое дарование здесь проявлялось с огромной силой. В этой сфере Б. по праву имел мировое значение; к его голосу прислушивались во всем мире. Наиболее значительный вклад Б. в диалектику русской и мировой мысли определялся его философскими построениями в сфере морали. Идеи Б. сказали значительное влияние на развитие французского экзистенциализма и персонализма, а также на социально-философские концепции "новых левых" течений во Франции 1960-1970-х.

А.А. Грицанов, В.И. Овчаренко

БЕРН (Bern) Эрик (1910-1970) – американский психиатр и психоаналитик. Создатель трансакционного анализа. Ученик П. Федерна. Доктор медицины, профессор. Около 15 лет занимался классическим психоанализом, под влиянием которого разработал трансакционный анализ (анализ взаимодействий людей) – теорию и метод групповой психотерапии. В 1947 (с предисловием Брилла) опубликовал книгу "Психика в действии" (которая в дальнейшем многократно переиздавалась в разных странах под названием "Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных"). В 1949 опубликовал статью "Природа интуиции". В 1949-1950 читал курсы лекций по психиатрии. Основные сочинения: "Структура и динамика организаций и групп" (1963), "Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений" (1966), "Секс в человеческой любви" (1970), "Что мы говорим после того, как произнесли приветствие (Люди, которые играют в игры). Психология человеческой судьбы" (1972) и др. Занимался проблемами групповой психотерапии и терапевтической работы. Развивал идеи о психике как энергетической системе. Исследовал структуру человеческих взаимоотношений и модусы поведения (типичные для Взрослого, Родителя и Ребенка – три основных состояния Эго). В конце 1950-х руководил группой специалистов, исследовавших различные состояния Эго. В 1957 опубликовал статью о детском состоянии Эго. В 1961 издал книгу "Трансакционный анализ в психотерапии", в которой дал полное изложение новых теоретических воззрений и результатов их практического использования. К 1962 открыл, выделил, исследовал и описал ряд игр как формы существования и взаимодействия людей (см. **Игра**). В 1966 прочитал цикл лекций по психологии секса. На протяжении ряда лет руководил работой организованного им Сан-Францисского семинара трансакционного анализа. Принимал активное участие в создании и деятельности "Международной ассоциации трансакционного анализа". Оказал влияние на развитие новых психоаналитически ориентированных воззрений, теорию и практику групповой психотерапии, сексологию и пр.

В.И. Овчаренко

БЕРНХЭМ (Burnham) Джеймс (1905-1987) – американский социолог и историк гуманитарного знания, сформулировавший теорию "революции управляющих" (одноименная книга "The Managerial Revolution: What is Happining in the World", 1941). Другие сочинения: "Сдерживание или освобождение?" (1953), "Самоубийство Запада" (1964), "Война, в которую мы вовлечены" (1967), "Грядущее поражение коммунизма" (1968) и др. Б. полагал, что именно "новый господствующий класс" Запада (высшие инженеры, администраторы-менеджеры и интеллектуалы-гуманитарии), осуществляющий управленческие функции и при этом лишенный владения собственностью, способен в будущем обеспечить успешную реализацию как экономического, так и политического руководства в интересах всего общества. Теоретическая реконструкция Б. совокупных характеристик "нового правящего класса" оказала значимое воздействие на оценку перспектив возможной институализации тоталитарных структур в границах постиндустриального общества (см. **Оруэлл**). Была прояснена потенциальная значимость вертикальной системы организации власти (даже в большей степени нежели неравномерного распределения частной собственности) для

приобретения социумом формы общественной пирамиды с минимизированными обратными связями и реальным бесправием подавляющего большинства людей.

А.А. Грицанов

БЕРНШТЕЙН (Bernstein) Эдуард (1850-1932) – теоретик и деятель европейского социал-демократического движения. В 1872 примкнул к немецким социал-демократам. В 1881-1890 редактировал центральный печатный орган социал-демократической партии газету "Социал-демократ". С 1902 входил в состав социал-демократической фракции рейхстага. В 1917 вместе с Каутским участвовал в создании "Независимой социал-демократической партии". Принимал активное участие в деятельности II Интернационала. Автор ряда работ по теории и истории социалистического движения. Основные сочинения: "Проблемы социализма" (серия статей, 1896-1898), "Проблемы социализма и задачи социал-демократии" (1899), "Очерки по истории и теории социализма. Сборник статей" (1890-1899), "В защиту свободы науки. Сборник статей" (1898-1899), "Возможен ли научный социализм?" (1901), "Социализм" (1922) и др.

В конце 19 в. Б. поставил вопрос о статусе и действенности марксистского социализма (**см.**) в новой исторической ситуации. Б. призвал отказаться от революционного толкования материалистической диалектики, утверждая, что основной принцип социального развития, особенно сложных систем, – эволюционный. Считал, что в усложнившемся по своей структуре современном обществе возможно лишь постепенное преобразование экономических, политических и других социальных институтов, а любая попытка насильственно прервать эту постепенность, чревата кризисом или катастрофой. По мнению Б., процесс концентрации производства в промышленности замедляется, а в сельском хозяйстве практически не происходит, монополии устраняют анархию производства и ведут к исчезновению глобальных экономических кризисов, развитие акционерных компаний ведет к "демократизации капитала", т.к. распространение акций является средством для совладения собственностью для широких слоев населения. Б. пытался доказать, что собственность в своей корпоративной форме есть признак наступающего процесса, при котором класс капиталистов постепенно вытесняется административной стратой, интересы которой совпадают с интересами большинства общества. В вопросе собственности Б. придерживался мнения, что "коллективная собственность" разовьется не вследствие насильственного уничтожения капиталистической собственности, а через постепенное обобществление, под которым Б. понимал создание "общественных и товарищеских предприятий", основанных на кооперативных началах. Допускал возможность при социализме частной собственности на мелкие и средние предприятия, но исходной формой социалистических общественных отношений считал кооперацию, кооперативную собственность, а не огосударствление средств производства и т.н. общественное присвоение, которое "имело бы последствием безграничную трату производительных сил, бессмысленную экспериментацию и бесцельное насилие...". Б. одним из первых среди социалистов поставил вопрос о саморазвитии и приспособляемости капитализма, результатом которых является изменение содержания классовой борьбы (затухание и поиск социальных компромиссов), демократизация форм капиталистической собственности и государства, сохранение мелких и средних предприятий, повышение и выравнивание жизненного уровня различных социальных слоев и групп, большая доступность образования, возможность создания на производстве самоуправленческих структур и т.д. В развитии демократии Б. видел не только средство, но и цель, сущность социализма. Отсюда вытекали, по мнению Б., и следующие задачи социал-демократии: постепенная социализация частной собственности, демократизация общественных институтов, т.к. партия не может уповать на грядущий всеобщий кризис капитализма, ибо экономическое развитие свидетельствует о стабилизации капиталистического хозяйства. Новые социально-экономические реалии, утверждал Б., опровергли тезис Маркса (**см.**) и Энгельса (**см.**) о политической революции (**см.**) как единственно действенном средстве преобразования капиталистического общества и диктатуре пролетариата как необходимом и достаточном средстве переустройства экономики на социалистических принципах. Эти реалии, по Б., свидетельствуют о том, что движение к социализму возможно только реформаторским путем. Отсюда и знаменитый, столь часто критикуемый в прошлом революционными марксистами, лозунг "конечная цель – ничто, движение – все", в содержание которого сам Б. вкладывал следующее: чтобы придти к "конечной цели" – к социализму – необходимо иметь ряд соответствующих предпосылок (рабочий класс должен созреть до своей эмансипации), которые создаются лишь в процессе "движения". Поэтому марксистское понимание социализма, в котором политическое и экономическое освобождение пролетариата осуществляется исключительно в ходе революционного захвата власти, является лишь абстрактной, лишенной конкретно-исторического содержания схемой.

Эти мысли были продолжены Б. в работе "Возможен ли научный социализм?", где было показано, что рассмотрение социализма как цели и неизбежного результата общественного развития за рамками социалистической доктрины и социалистического движения бессмысленно, т.к. социальные науки (в частности, социология) не в состоянии с достоверностью естественно-научного знания обосновать, что общественный строй, за установление которого борются социал-демократы, наступит при любых условиях и обстоятельствах. Социализм, являясь учением о будущем обществе, в силу этого не поддается строго научному исследованию и доказательству, ибо основа всякой действительной науки – опыт, которого социалистическая доктрина не имеет: "...Поэтому термину "научный социализм" я предпочел бы другое понятие, которое могло бы достаточно ясно выразить ту мысль, что социализм зиждется на основах научного познания, признает науку своим конститутивным элементом, но при этом не претендует на статус научного знания, близкого к созданию завершенной системы представлений о социализме". Взгляды Б. на теоретические проблемы социализма, на перспективы социалистического движения критиковались радикальным крылом этого движения – революционными социалистами (Ленин, Плеха-

нов, Ф. Меринг, Р. Люксембург и др.), в среде которых ревизия Б. отдельных положений Маркса и Энгельса была воспринята как полный отказ от теории и метода марксизма, а его социалистическая программа – как альтернативная не только идеям марксистского социализма, но и социализма вообще. У Б. было много последователей, прежде всего среди германской социал-демократии, во Франции – мильеристы, в России – "легальные марксисты" (П. Струве), "экономисты" (С. Прокопович, Е. Кускова). В современном социал-демократическом движении существует немало сторонников Б., он считается классиком современного социализма на Западе, положившим начало размежеванию реалистической и утопической традиции в социалистической теории. Его идеи легли в основу концепции "демократического социализма" – наиболее распространенной теории социалистического реформаторства. См. **"Демократический социализм".**

Е.М. Приленко

БЕСТУЖЕВ-ЛАДА Игорь Васильевич (до 1967 Б. выступал под псевдонимом Лада) (р. 1927) – российский социолог, специалист в области социального прогнозирования, социальных проблем российского общества, глобалистики и альтернативистики. Окончил МГИМО (1950). Кандидат исторических наук (1954), доктор исторических наук (1963), профессор (1979), академик Российской академии образования (1992). Научный сотрудник Института истории АН СССР (1954-1966); зав. сектором социального прогнозирования Института международного рабочего движения и Института социологии АН СССР (1967), профессор МГУ (1969), с 1992 – профессор социологического факультета МГУ.

Б.-Л. – основатель Московской школы социального прогнозирования, развивающей идеи технологического прогнозирования. Согласно этой концепции, прогноз явлений, поддающихся управлению, не должен сводиться только к предсказанию, которое может быть перечеркнуто ("самоосуществлено" или, напротив, "саморазрушено") решением, а должен предусматривать анализ и оптимизацию наблюдаемых явлений, продолженных в будущее, заранее "взвешивая" возможные последствия намечаемых решений и тем самым повышая их эффективность.

Б.-Л. разработал общетиповую методику социального прогнозирования, применяемую в сфере глобалистики и альтернативистики, а также при анализе ожидаемых и желательных изменений в социальной организации труда, власти, семьи, школы, науки, культуры, расселения, охраны природы и общественного порядка, армии, денаркотизации (включая дезалкоголизацию) российского общества. Б.-Л. был разработан ряд прогнозных сценариев трансформации России.

Б.-Л. – автор около 70 научных работ, в том числе: "Русская интеллигенция как промежуточный социальный тип" (1992); "Институциональные и стихийные факторы в процессах социализации. Подходы к проблеме" (1992); "Предпринимательские ценности в маргинальной среде" (1994); "Феномен социального лидера" (1994); "Институт президенства и массовое сознание: новый облик власти в модернизирующемся обществе" (1995); "Россия накануне XXI века, 1904-2004: от колосса к коллапсу и обратно" (1997); "Альтернативная цивилизация" (1998) и др.

БЕТАНЕЛИ Нугзар Ираклиевич (р. 1951) – российско-грузинский социолог, специалист в области социологии общественного мнения, политического и социального прогнозирования. Окончил факультет журналистики Тбилисского университета (1972), кандидат психологических наук (1980).

В 1974 создал Общественную лабораторию социально-психологических исследований (Тбилиси); в 1977-1986 работал в Совете общественного мнения при ЦК Компартии Грузии, руководил деятельностью Центра по изучению общественного мнения при ЦК Компартии Грузии; в 1987-1991 – преподаватель кафедры социальной психологии и социальной политики Академии общественных наук при ЦК КПСС; в 1989-1991 – один из руководителей социологической службы съездов народных депутатов СССР; в 1990 создал и возглавил первое в РФ частное научно-исследовательское учреждение – Институт социологии парламентаризма, в настоящее время – директор данного института.

Б. занимается изучением общественного мнения, социальных установок, общественным и индивидуальным самосознанием, психологией пропаганды, системой политического лидерства и ее факторов. Изучает также технологии прогнозирования политической, социально-психологической ситуации и массового поведения. Выдвинул и обосновал понятие "Мы-концепция". Согласно утверждению Б., концепция "Мы" выполняет нормативно-регулятивную функцию, обеспечивает социализацию, социальный контроль общности за ходом своего развития, формирует у членов общности схожие побуждения и поведение.

Б. совместно с А. Уледовым и М. Горшковым провел масштабные опросы общественного мнения населения СССР – "Гласность и демократизация. Общественное мнение о перестройке и ее влиянии на политическую жизнь страны" (1988). Развивает "социологию парламентаризма" – новое междисциплинарное направление, изучающее систему и особенности политической культуры, психологии и поведения избирателей, процесс формирования и функционирования органов законодательной власти, проблему адекватного отражения волеизъявления народа. Возобновил практику социологических опросов членов высших органов законодательной власти. В 1989-1991 провел около 20 опросов на съездах народных депутатов СССР, сессиях Верховного Совета СССР, РСФСР. С 1993 проводит ежемесячные опросы общественного мнения по самой представительной в России выборке в 6000 респондентов.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД в социологии (англ. biographical approach, biographical perspective) – мультиметодологический подход, развивающийся в этнографии, социологии и психологии, преимущественно опирающийся на качественную исследовательскую парадигму. Б.М. направлен на исследование "истории" индивидуальной жизни человека, с акцентом на субъективных представлениях индивида о своей жизни и социальной реальности (см.), выраженных в форме

индивидуально-субъективного повествования. Впервые метод жизненной истории использовали представители Чикагской школы социологии У. Томас (см.) и Ф. Знанецкий (см.) в исследовании "Польский крестьянин в Европе и Америке" (1918-1920). На разработку Б.М. повлияли теории, тяготеющие к интерпретативному подходу: символический интеракционизм (см.), феноменология, семиотика, феминизм (см.). В качестве материалов в биографическом исследовании могут использоваться различные виды данных: устные жизненно-исторические свидетельства, результаты опросов, данные наблюдений, акты, официальные и семейно-исторические документы и пр.

Б.М. имеет много общего с методом устной истории (oral history), иногда рассматривается как разновидность метода истории отдельного случая (case study). Спецификой Б.М. считают его сфокусированность на субъективной интерпретации аспектов жизни личности, группы (например, семьи), организации. Если устная история – это воссоздание определенных исторических событий с фактологической точностью со слов их участника, то в центре внимания Б.М. оказывается устное или документальное описание событий с точки зрения самого рассказчика в той форме, в которой субъект жизнеописания переживает, интерпретирует и определяет эти события. В истории жизни присутствуют три типа конкретизации субъекта (по М. Бургосу): субъект в качестве интервьюируемого; субъект как предмет, герой рассказа; и субъект – рассказчик истории. Каждый из этих типов занимает самостоятельное положение в структуре повествования, потому может быть проанализирован отдельно. Еще одной особенностью Б.М. является возможность изучения процессуальности социальной жизни. В истории жизни рассказчик репрезентирует момент возникновения события, его развитие и завершение, а также самостоятельно выстраивает между несколькими событиями смысловые цепи.

Под влиянием традиций символического интеракционизма Б.М. привлекает внимание к проблеме предоставления своего исследовательского поля "голосам молчащих групп". Б.М. снимает разграничение уникальных и типичных событий и проявляет интерес не только к стандартным, но, прежде всего, маргинальным смысловым перспективам. Биографический подход дает возможность исследователю описать значения и смыслы поступков, исходя из перспективы самих участников событий, при помощи их собственных категорий. Возможности Б.М. позволяют изучать и интерпретировать при помощи создаваемых в ходе самого исследования мини-теорий (А. Страусс, Дж. Корбин) маргинальные для социологической теории области, т.е. ранее не попадавшие во внимание исследователей, а также данные социологических исследований, полученных в периоды значительных социокультурных изменений.

Поскольку Б.М. направлен на исследование и представление субъективного опыта информанта, то возникает проблема субъективности данных, которые могут быть окрашены ложью, желанием произвести впечатление, и вследствие этих особенностей не могут считаться надежными. Установление критериев объективности исследования различается в рамках реалистического и конструктивистского подходов. Реалист представляет читателям жизненные истории как новые "факты" о людях. Допускается, что информант может ошибаться, лгать и преувеличивать, – поэтому в исследовании используют дополнительные методы и дополнительные источники с целью проверки информации, например, анализ личных и официальных документов, свидетельства очевидцев. С позиции конструктивизма история жизни, полностью бы отражавшая жизнь, невозможна. Такого исследователя интересует не истинность описанных событий, а способ их репрезентации рассказчиком: нарративный аспект материалов, способ реконструкции своей жизни, категории, используемые информантом для объяснения своего поведения.

Исследовательская рефлексия 1990-х, получившая название "кризис репрезентаций и легитимаций", характеризовалась выходом на передний план проблемы присутствия в тексте автора. Любая репрезентация социальной реальности оборачивается саморепрезентацией исследователя, а "Другой", представленный в теории, может оказаться лишь авторской версией. Необходимо установить связь между живым опытом информантов и научным текстом. В ходе преодоления кризиса была открыта новая перспектива оценки качества исследования. Автор (читатель) волен легитимировать любую репрезентацию, опираясь на удовлетворяющие его критерии. Это предполагает открытость исследовательского процесса – читатель должен быть ознакомлен со всеми инструментами и процедурами, чтобы самостоятельно судить об их адекватности, иметь возможность повторить исследование. Для повышения обоснованности исследовательской версии используется также множественная триангуляция (Дензин) – особая исследовательская стратегия соотнесения данных нескольких исследований, придающая полученному знанию конвенциональный характер: принимается исследовательская версия, которая большинством исследователей признается наиболее адекватной.

Г.Г. Манжула

БИОЭТИКА (от греч. bios – жизнь и ethikos – этика, мораль, обычаи) – наука о нравственной стороне жизнедеятельности. Б. или этика жизни является разделом прикладной этики – философской дисциплины, которая изучает проблемы морали, прежде всего, относительно человека и всего живого, определяет, какие действия по отношению к живому с моральной точки зрения допустимы, а какие недопустимы.

Термин "Б." был впервые предложен американским онкологом-исследователем В.Р. Поттером в 1969. Б. рассматривается В. Поттером как "новая дисциплина", которая перекинет мост между точными и гуманитарными науками, соединит знание и размышление, разум, интуицию и эмпирический опыт для выживания человечества и для улучшения условий его жизни. Выступая в Коста-Рике в марте 1999, В. Поттер сказал в заключение своего доклада: "Я прошу вас понимать биоэтику как новое этическое учение, объединяющее смирение, ответственность и компетентность, как науку, которая по

своей сути является междисциплинарной, которая объединяет все культуры и расширяет значение слова "гуманность".

На сегодняшний день трактовка Б. разнородна. В *узком смысле* термином "Б." обозначается весь круг этических проблем во взаимодействии врача и пациента. Этическая направленность Б. предполагает поиск решения моральных коллизий, возникающих в ходе научных исследований. Б. – это процесс осмысления неоднозначных ситуаций, постоянно возникающих в практической медицине как порождение прогресса биологической науки и медицинского знания. Врачи, создающие новые технологии и осваивающие новые сферы приложения медицинского знания, объективно нуждаются в определенной этико-нормативной системе, содержанием которой является цельная и вполне определенная программа морального и юридического регулирования острейших проблем, возникающих в современной медицине.

В *широком смысле* содержание понятия "Б." предполагает освещение и исследование ряда аксиологических, социальных, экологических, медицинских и социально-правовых проблем, причем касающихся в некоторых случаях не только человека, но и любых животных или растений, включенных в систему человеческих интеракций. Б. имеет, прежде всего, философскую направленность, так как предполагает, что процесс инноваций и экспериментальных исследований в медицине зависит не только от уровня научности медицины, но и от сложившегося в общественном мнении (сознании) представления о пределе вмешательства в живую природу и, следовательно, требует философско-методологического осмысления нового медицинского знания и новых медицинских технологий. Иными словами, Б. как новое научное направление основывается на достижениях современной биологии, но обосновывает или решает моральные и правовые проблемы, возникающие в ходе научных исследований и практической деятельности человека во взаимодействии с живым миром.

Таким образом, Б., появившаяся около трех десятилетий назад, стала системным ответом на так называемые "проблемные ситуации" этико-правового характера, объективно возникающие в современной клинической практике под влиянием научно-технического прогресса в биологии и медицине, а также культурной панмиксии и социально-экономических факторов. Эта наука вписывается в более общий контекст биокультуры, охватывающей приложения биологии не только к социально-политической, но и ко всей гуманитарной проблематике и включающей наряду с Б. биополитику, биоэстетику, биоюриспруденцию, биотеологию и др.

А.В. Бобрикова, Л.М. Сагальчик

БИСЕКСУАЛЬНОСТЬ (лат. bi – два и лат. sexus – пол; буквально – "двойная сексуальность"). Наиболее распространенные значения: 1) фундаментальная характеристика конституциональной природы человека, отражающая факт изначальной и постоянной двойственности его сексуальной организации, обусловленной присутствием в каждом человеке различных мужских и женских элементов, в зависимости от развития и соотношения которых формируются соответствующие типы сексуальных предпочтений и поведения. Первоначальные представления о двуполой (имеющей половые признаки обеих полов) природе человека были сформулированы в фольклоре и мифологии многих народов мира (например, древнегреческий миф о Гермафродите). Определенное развитие эта идея получила в античной философии (например, повествование Платона об андрогинах – двуполых существах, от которых произошли современные люди). В дальнейшем представления о бисексуальной природе человека развивались в философии, биологии и медицине. В 19 в. понятие "Б." употреблялось в философской и психиатрической литературе.

В современную постановку и исследование проблемы Б. наиболее существенный вклад внесли В. Флисс, О. Вейнингер и З. Фрейд (см.). Основываясь на данных биологии, физиологии, анатомии, эмбриологии и других наук, Флисс показал, что Б. является универсальным человеческим феноменом, обусловливающим ряд существенных параметров психической деятельности и поведения людей. Эти выводы были подтверждены Вейнингером. В психоанализе Фрейда идея и концепция Б. получили развитие в контексте исследований психосексуальности и ее значения в человеческой жизнедеятельности. Основным выводом Фрейда было признание того факта, что все люди в силу своей биологической и психической природы, имеют одновременно и женскую, и мужскую психосексуальные предрасположенности. Фрейд считал, что Б. является одним из факторов, предопределяющих конфликтную природу человека вообще и, в частности, определяющих внутрипсихические конфликты, связанные с противоречивыми (преимущественно неосознаваемыми) психосексуальными ориентациями самого индивида и противоречиями между его побуждениями и внешним миром. Некоторое сглаживание психосексуальных конфликтов происходит при осознанном выборе определенной половой роли и организации поведения в соответствии со своим биологическим полом; 2) в сексологии и сексопатологии – половое влечение индивида к сексуальным контактам с людьми обоих полов, выступающее в истинной и различных транзиторных (преходящих, в т.ч. ситуативных) формах; 3) синоним понятий андрогиния (греч. androgynes – двуполый) – наличие у особи одного пола свойств и преимущественно вторичных половых признаков другого пола, и гермафродитизм (греч. Hermaphrodites – Гермафродит) – наличие у животного или человека признаков мужского и женского пола, и др.

В.И. Овчаренко

БИХЕВИОРИЗМ (англ. behaviour – поведение) – одно из ведущих направлений в психологии конца 19 – начала 20 в. Явился также одним из оснований формирования так называемой "поведенческой" парадигмы в социологии – наряду с работами Тарда (см.), Лебона (см.) и др. по формам коллективного поведения и психологическим эволюционизмом Уорда (см.), Гиддингса (см.) и др., – т.е. психологического направления в социологии.

Родоначальником Б. считается Э. Торндайк. Программа Б. и сам термин были впервые предложены Дж. Б. Уотсоном

(1913). На формирование научных основ Б. большое влияние оказали работы И. Павлова и В. Бехтерева. Классиком социальной версии Б. является Б. Скиннер (см.). В основе Б. лежит понимание поведения человека как совокупности двигательных, вербальных и эмоциональных реакций на воздействия (стимулы) внешней среды. Общеметодологической предпосылкой Б. явились принципы философии позитивизма, согласно которым наука должна описывать и анализировать только непосредственно наблюдаемое. Отсюда основной тезис Б.: психология (и социология) изучает внешнефиксируемое поведение, а не сознание, которое в принципе непосредственно не наблюдаемо. Нововведение же в Б. понимается как совокупность связей, сводимых к схеме "стимул-реакция". В качестве объясняющей подход Б. может быть использована выработанная позднее в кибернетике обобщенная схема "черного ящика", предполагающая фиксацию сигнала "на входе" и "на выходе", и отвлечение от процессов, происходящих "внутри". Изначально Б. экстраполировал на социальную жизнь механизмы условных рефлексов, выявленные на основе экспериментальных исследований психики животных. Согласно Б., у человека имеется набор врожденных схем поведения, которые "достраиваются" в процессе научения вырабатываемыми сложными навыками, постоянно психологически подкрепляемыми в сложившихся стратегиях повеления и институционально контролируемыми. Адекватность реакции на стимул определяется в ходе многократных проб и ошибок. Найденная адекватная реакция закрепляется подкрепляемым повторением, автоматизирующим и включающим ее в постоянный поведенческий "репертуар" ("закон упражнения"). Закрепление реакции в "репертуаре" порождает тенденцию к ее воспроизведению в соответствующих типах ситуаций ("закон эффекта").

Период наивысшего развития Б. в его классической форме приходится на начало 1920-х, когда его подходы получили развитие в антропологии, педагогике, а главное – в социологии. Однако бихевиористы, по сути редуцируя социальное к психическому, а то, в свою очередь, к условно-рефлекторному уровню психики и к ее физиологическим основам, в итоге "встретились с непреодолимыми препятствиями на пути объяснения и интерпретации социальных явлений в терминах этой биологической дисциплины" (П. Сорокин – см.). Поворот к объективному изучению психики, разработка новых методик эксперимента, широкое привлечение в психологию математических средств составили сильную сторону Б. Однако устранение из психологии (а следовательно и социологии) таких фундаментальных понятий, как сознание, мышление, воля и т.д., игнорирование социальной природы психики, примитивизация поведения человека дали повод для серьезной критики Б. (фрейдизм, гештальтпсихология, Л. Выготский, С. Рубинштейн, Ж. Пиаже и др.).

Результатом потери популярности Б. и попыткой самообновления стал необихевиоризм, возникший к 1930-м (работы К. Халла и Э. Толмена). В схему "стимул-реакция" было введено промежуточное звено – совокупность познавательных и побудительных факторов, – позволяющее анализировать регулятивные механизмы поведения. В социологии схема необихевиоризма созвучна принципам коррелятивного анализа в функционализме (независимая, латентная и зависимая переменные) как позволяющего описать реальную сеть социальных взаимодействий и взаимоотношений. То же можно сказать о различных вариантах теорий "социальных ролей". Наибольшее же влияние бихевиористские идеи оказали на теорию социального обмена Блау (см.) и, особенно, Хоманса (см.). Как "социальный Б." определял свою позицию Дж.Г. Мид (см.), хотя он существенно дистанцировался от идей Б.

В.Л. Абушенко

БЛАУ (Blau) Питер Микаэл (р. 1918) – американский социолог, профессор Колумбийского университета, президент Американской социологической ассоциации в 1973-1974. Основные сочинения: "Динамика бюрократии" (1955); "Обмен и власть в социальной жизни" (1964); "Американская структура занятости" (1964); "Неравенство и гетерогенность" (1977) и др. В ранний период творчества испытал влияние М. Вебера (см.) и структурного функционализма, занимался проблемами структурных изменений в формальных организациях и анализом развития бюрократии в современном обществе. В последующем выступил против основных положений структурного функционализма, акцентируя дифференцирующую роль ценностно-нормативных образцов в современных социальных процессах, с одной стороны, и выдвинув программу масштабных эмпирических их исследований – с другой. Реализацией этого поворота во многом явилось проведенное в конце 1960-х совместно с О. Дунканом признанное классическим исследование динамики социальной структуры США, направленное на выявление мобильности между поколениями. Теоретический пересмотр позиций привел Б. к формулированию к середине 1960-х своей версии социального обмена, классиком которой он и считается (наряду с Хомансом).

В отличие от Хоманса (см.), предложившего психологизированный вариант теории, Б. пытался соединить анализ поведенческих стратегий на микроуровне с исследованием выводимых из них макроструктур общества. Базисными в социокультурной динамике являются акты обмена. Любое социальное взаимодействие есть обмен чего-либо (прежде всего целенаправленного усилия-действия) на что-либо (стимулы). В качестве основных стимулов выступают соображения пользы, выгоды, награды. Обмен, согласно Б., – это такой тип ассоциации индивидов, который включает действия, зависящие "от получаемых от других лиц вознаграждений" и заканчивающиеся "при прекращении ожидания этих вознаграждений". Границы обмена задаются наличными разделяемыми участниками взаимодействия ожиданиями – возможными и приемлемыми вознаграждениями. В конечном счете в основе социального обмена лежат принципы, задающие модель экономического поведения, а теоретико-методологичекие основы концепции редуцируемы к необихевиоризму. Опосредующими в схеме "стимул-реакция" у Б. выступают отношения власти, понимаемой как установление легитимной монополии на вознаграждения, организационно оформляемой в качестве рангов-статусов. Для легитимизации власти необходимы разделяемая участниками социального

обмена, но выведенная за его рамки система ценностей и норм, конституируемая культурой. Макроструктуры возникают из сетей обмена, но не редуцируются обратно к ним, выполняя, наоборот, регулятивные и организационные функции, санкционируясь нормативно-оформленными ценностями культуры и, в свою очередь, санкционируя сложившееся распределение ресурсов и обеспечивая гарантии "вознаграждения" ("платы"). Вариативность и разнонаправленность цепочек обмена постоянно ставят акторов в ситуацию выбора, что приводит, с одной стороны, к их ранговой (статусной) иерархизации, а с другой – к постоянному продуцированию конфликтов в сетях социального обмена. Большинство из них гасятся в последующих актах обмена, в силу его подчиненности определенным принципам (законам). Б. выделяет семь таких законов, четыре из которых непосредственно описывают взаимозависимости действия и стимула, а три вводят "надиндивидуальные" характеристики обмена: стремление устоявшихся отношений к норме "справедливого обмена"; зависимость между силой власти социальных групп и нормами справедливости, а также уровнем отклонений от норм; закономерности установления балансов между разными обменными цепочками (сетями). Часть конфликтных отношений не гасятся непосредственно на микроуровне социума. Это связано с появлением аутсайдеров, для которых все более сужаются возможности участия и принятия ими решений в существующих обменных сетях, а также с возникновением сил, оппозиционных сложившемуся социальному порядку. Б. рассматривает оппозицию как "регенерирующую силу", стремящуюся к перераспределению ресурсов через реорганизацию макроструктур (властных отношений, определяющих акты обмена) и делигитимизацию господствующих норм. Сила оппонирования системе зависит от четырех факторов: сплоченности, солидарности, политизированности и выраженности идеологии групп и партий оппозиции.

В.Л. Абушенко

БЛОХ (Bloch) Эрнст (1885-1977) – немецкий философ, социолог и публицист неомарксистской ориентации. Создатель "философии надежды" и "онтологии Еще-Не-Бытия". Сумел в определенной мере дополнить интенцию европейской культуры на память, воспитание, Прошлое установкой на Новое, "конкретную утопию надежды", на Будущее. Учился у Зиммеля, М. Вебера, О. Кюлпе. Диссертация (1908) по теме: "Критический анализ Риккерта и проблема современной теории познания". С 1911 начинается творческое сотрудничество Б. и Лукача. В 1917 эмигрирует в Швейцарию и осуществляет исследование "Политические программы и утопии в Швейцарии". В 1919 возвращается в Германию. В 1933 – повторная эмиграция из Германии. В 1934 выслан из Швейцарии. Переезжает в Париж (1935). Эмигрировал в США (1938). (Хоркхаймер отказался принять Б. на работу в Институт социальных исследований, переместившийся из Франкфурта в Нью-Йорк, по причине "слишком коммунистических" убеждений Б., а также его веры в утопию как ту философскую форму, которая позволит постичь современные общественные проблемы.) Профессор философии Лейпцигского университета (ГДР) (1949-1956). Директор Института философии при Лейпцигском университете (с 1949). Действительный член Немецкой академии наук (1955, еще не разделенной). Национальная премия 2-го класса по науке и технике (1954). Отечественный орден за заслуги (1955). В 1956 в докладе о Гегеле критикует "узколейный марксизм". За неортодоксальность воззрений был принужден покинуть кафедру. С 1957 – на пенсии без права публичных выступлений. Его сторонники были подвергнуты репрессиям. С 1959 – гастпрофессор в Тюбингене. Премия по культуре от Объединения немецких профсоюзов (1964). Международная премия мира немецких издателей (1967, в другие годы этой премии удостаивались Марсель, Тиллих, Ясперс, Гвардини, Бубер). Почетный доктор Загребского университета (1969). Почетный доктор Сорбонны и Тюбингенского университета (1975). Основные работы: "Вадемекум для нынешних демократов" (1918), "Дух утопии" (1918), "Томас Мюнцер как теолог революции" (1921), "Наследие этого времени" (сборник очерков, 1924-1933), "Следы" (1930), "Наследство нашего времени" (1935), "История и содержание понятия "материя" (1936-1938, опубликована в 1952 под названием "Проблема материализма – его история и сущность"), "Свобода и порядок. Очерк социальных утопий" (1946), "Субъект-Объект. Комментарий к Гегелю" (на испанском языке в 1949, первое немецкое издание в 1951), "Авиценна и аристотелевские левые" (1952), "Христиан Томазиус, немецкий ученый без убожества" (1953), "Принцип надежды" (в трех томах – 1954, 1955, 1960), "Основные философские вопросы онтологии Еще-Не-Бытия" (1961), "Тюбингенское введение в философию" (1963), "Атеизм в христианстве" (1968), "Experimentum Mundi" (1975) и др.

Философия Б. трактовала несуществующее еще будущее человечества как подлинно человеческое пространство. ("Мир – это никогда не закон", это всегда "тенденция" и "эксперимент". "Материя" же – это всего лишь "По-Возможности-Сущее".) Согласно Б., и жизнетворящий Эрос Платона, и "отчаянная надежда" у Гераклита, и "потенция бытия" – материя у Аристотеля, и ориентированная в будущее диалектика Гегеля – являют собой разноплановые фрагменты такого подхода. По мнению Б., практически вся домарксистская философская традиция обращена в прошлое, ибо она трактует настоящее в контексте тезиса об идеале совершенства, уже достигнутого в Абсолюте. Как утверждал Б., категория novum /лат. "новое". – *А.П.*/ даже в самой отдаленной степени не определена и не нашла своего места ни в одной домарксистской картине мира. Традиционно, по мысли Б., последняя, наивысшая новизна воплощалась и фиксировалась в категории "предельное"; при этом "неизбежное присутствие цели-тенденции во всем прогрессивно новом" осмысливалось через термин "повторение", последней и самой основательной формой которого являлась "идентичность". Как отмечает Б., "во всей иудейско-христианской философии – от Филона и Августина до Гегеля – "предельное" связано исключительно с "первичным", и не с "новым"; вследствие этого "новое" выступает как достигнутое возвращение уже завершенного, потерянного или отчужден-

ного "предельного". В рамках же философии 20 в., – например, у Бергсона, – "понятие нового ... является абстрактной противоположностью повторения, а зачастую и просто оборотной стороной механического однообразия; оно одновременно приписывается каждому моменту жизни без исключения и вследствие этого утрачивает свою ценность". Концептуальным продолжением идеи о необходимости кардинального переосмысления содержания термина "новое", а также несущей категориальной конструкцией философской системы Б. выступило понятие "надежда". С точки зрения Б., "думать о лучшем – есть первоначально сугубо внутренний процесс "Я". Это свидетельствует о том, сколько молодости живет в человеке, сколько в нем скрыто надежд, ожиданий, которые не хотят погрузиться в сон, хотя их так часто хоронили. Даже у самых отчаявшихся они устремлены не совсем в ничто. Даже самоубийца бежит в отрицание [жизни] как в лоно: он ждет покоя. Даже разбитая надежда продолжает мучительно обманывать – призрак, потерявший дорогу обратно на кладбище, хранящий верность развенчанным образам. Надежда не проходит сама по себе, а лишь уступает место своим собственным новым образам. То, что в мечтах можно *парить*, что возможны сны наяву, зачастую не имеющие ничего общего с действительностью, – все это значительно расширяет пространство пока еще открытой и непознанной жизни в человеке". С точки зрения Б., "сознательный человек – животное, насытить которое труднее всего. Если у него отсутствует необходимое к жизни, то эту нехватку он осуществляет как никакое другое существо. Если он имеет необходимое, то вместе с удовлетворением появляются новые вожделения, которые мучают ничуть не меньше...". В исконном космическом (присущем и до- и сверхчеловеческим мирам) импульсе "голода", осуществляющемся в мире человека как "надежда", реализуется, согласно Б., возможное будущее, "Еще-Не-Бытие". Онтологический статус "Еще-Не-Бытия" задан, по Б., тем, что стремление конструировать потенциально возможное, "еще незавершенное" – необходимое основание для освободительного преодоления людьми недостаточной адекватности земного бытия. Согласно Б., Настоящее постижимо посредством "гештальта неконструируемого вопроса" – "Для чего?" Или: "Кто мы? Откуда мы пришли? Куда мы идем? Что ожидаем мы? Что ожидает нас?" Человек обречен на состояние неизбывной надежды: прошлое постижимо лишь по истечении определенного времени, а подлинное настоящее в данный момент всегда отсутствует. Иными словами, у Б. действительность всегда выступает "процессуальной действительностью". По схеме Б., "человек придумывает желания. Он способен на это и находит для этого массу материала в себе самом, хотя и не всегда наилучшего, прочного. Такое смятение и брожение сверх сформировавшегося сознания представляет собой *первый коррелят* фантазии, заключенный вначале только внутри нее самой". Далее, по мысли Б., правомерно предположить следующее: "Действительное – это процесс. Он представляет собой широко разветвленное опосредование между настоящим, неокончательным прошлым и – самое главное – возможным будущим... Следует при этом проводить различие между просто познавательно или объективно возможным и реально возможным как единственным, к чему могут привести существующие обстоятельства. *Объективно* возможным является все то, наступление чего научно ожидаемо или, по крайней мере, не исключено на основании простого *частичного* познания его наличных условий. *Реально* возможным, напротив, является все то, чьи черты еще не полностью собраны в сфере *самого объекта*, будь то по причине их незрелости либо потому, что новые условия, хотя и опосредованные уже существующими, подготавливают появление новой действительности. Подвижное, меняющееся и изменчивое бытие, предстающее диалектико-материалистическим, обладает этим незавершенным возможным становлением, еще-не-окончательностью как в своем основании, так и по своему горизонту. Здесь мы, следовательно, можем сказать: *второй, конкретный коррелят* придает утопической фантазии *реально возможную, диалектико-материалистически обусловленную новизну*; этот коррелят находится вне смятения и брожения во внутреннем слое сознания". Преодолевая разделение субъекта и объекта ("отчуждение"), которое, согласно Б., изначально, люди своей активностью призваны воссоединить этот разрыв, тем самым создавая реальность ("Все", "совершенство", "предельное блаженство", Царство Свободы, коммунизм), адекватную подлинной себе самой. Экспликация тезиса об обретении (творении) реальности, соразмерной подлинно человеческому в человеке, осуществляется Б. так: "Ясно, что ограничение фактическим даже внутри значительно измененной сегодняшней действительности было мало реалистичным; что сама реальность является неокончательной; что на ее границе расположено то, что наступает и вырывается за ее пределы. Человек нашего времени хорошо ощущает пограничность своего существования за пределами контекста ожиданий, подавленных уже ставшей действительностью. Он больше не видит вокруг себя якобы завершенные факты и вовсе не считает их единственной реальностью; в этой реальности пугающе взошло возможное фашистское "ничто", а еще раньше – понимаемый как окончательно завершенный и достижимый в срок "социализм". Возникло понятие, иное, чем узкое и застывшее понятие реальности, сложившееся во второй половине XIX в. ...Конкретная фантазия и сила образов, переданных посредством ее предвосхищений, в процессе действительного сами находятся в состоянии брожения и формируются в конкретных мечтах, устремленных в будущее; элементы предвосхищения представляют собой составную часть самой действительности". Пафос этого истинно философского пути человеческого самообретения, его начало и конец у Б. – формула "Я есмь": "У самого себя. В Мире как Родине. Здесь и Теперь". Альтернативной возможностью является "Ничто" – конец мирового процесса. Надежда, как и страх – аффекты ожидания, первая так же включает в себя и "знание о будущем". Анализируя "формы воплощения" надежды, Б. различал "дневные мечты" (грезы, иллюзии, плоды воображения) и "ночные грезы" (схожие со "сновидениями", толкуемые Фрейдом). (Как отмечал Б., "существуют все же и самые глупые мечты – как пена; сны наяву содержат, однако, и такую пену, из которой иногда может родиться Венера".) Особо

продуктивным было вычленение Б. "малых дневных мечтаний" в контексте того, что Бессознательное – это не только "Уже-Не-Осознанное" (по Фрейду), но также и "Еще-Не-Осознанное", сопротивление которому отнюдь не невротично, а продуцируется самим предметом постижения.

С точки зрения Б., для воплощения лучшего в человеке для истории необходимы индивиды, способные активно действовать в пространстве становящегося. По Б., лишь часть людей живет и действует в "Теперь", остальные же (в Германии в середине 1930-х – крестьянство, разоряющиеся государственные служащие и т.п.) лишь внешне в нем присутствуют, исконно принадлежа своим образом действий временному пласту "Раньше" и идеалам "готического" образа жизни, "нордической чести" и т.д. Данная "теория неодновременности", эксплицировавшая процессы самоидентификации этносоциальных групп, объясняла механизмы глухого неприятия немцами Веймарской республики дня сегодняшнего, ту "застывшую ярость", которая и привела фашистов к власти. По мнению Б., "субъективный фактор есть потенция, не замкнутая эволюционным процессом, объективный фактор есть также незамкнутая потенциальность мировых мутаций в рамках его законов, которые в новых условиях меняются, но не перестают быть законами". Человек становится соразмерен масштабам того, что должно стать, лишь конституируясь как адекватная этим процессам тотальность собственных внешних и внутренних условий и их определений. "Только действующий и познающий человек может построить из подвижных конструкций дом и родину, т.е. то, что древние утописты называли "царством человека". Марксизм, согласно Б., – воплощенный "акт надежды", соединяющий конкретную "теорию-практику" с "объективно-реальной возможностью" эволюции мира. Подлинная философия, по мнению Б., т. обр., являет собой "систему теоретического мессианизма" и "руководство" для "пророков" и "провозвестников будущего": "...философия будет обладать совестью завтрашнего дня, партийностью будущего, знанием надежды – или она не будет обладать никаким знанием".

Религия у Б. – не только продукт отчуждения и самоотчуждения человека, но и ожидание "нового неба" и "новой земли". "Теократическое" пространство, по Б., элиминирует человека из процесса порыва к новому, "еретическое" же – оспаривает существующий порядок вещей, взывая к Новому. "Коммунистическая космология" Б. постулирует достижимость, реальность воплощения Бога в грядущем мире – мире, где мышление тождественно бытию, где тем самым преодолевается ограниченность природы человека и он становится бессмертным. Известная "дуга Б." ("мир – утопия") постулировала главную идею его философского учения: непрерывную устремленность человека к обретению возможной Родины в контексте процессуальной трансформации окружающего мира. Программным средством такого движения Б. полагал "воинствующий оптимизм" – активное отношение к нерешенному, но решаемому посредством труда и конкретных действий будущему (ср. у Маркса: с помощью воинствующего оптимизма нельзя осуществить абстрактные идеалы, но зато можно освободить задавленные элементы нового, более человечного общества, то есть конкретный идеал). По мысли Б., "для воинствующего оптимизма не существует иного места, кроме того, которое открывает категория "фронт" или "передовая линия истории" – "мало еще осмысленный передний край бытия подвижной, утопически открытой материи". Несмотря на то, что Б. нередко именовали "философом Октябрьской революции" (Б. воспринял как "скандал" успешный социалистический переворот в России, а не в Германии), он уже в 1918 обозначил Ленина как "красного царя" и "Чингис-хана". По Б., "революция по Ленину" неизбежно вернет Россию к ее самодержавному прошлому. Б. на протяжении всей своей жизни отстаивал идею о множественности потенциально возможных моделей социализма, будучи убежденным в том, что советский опыт ни в коем случае не может выступать как эталон.

А.А. Грицанов

БЛУМЕР (Blumer) Герберт (1900-1987) – американский социолог и психолог. В 1925-1952 – в Чикагском, с 1952 – в Калифорнийском (Беркли) университетах. Представитель Чикагской школы, ученик Дж.Г. Мида (**см.**). Пытался переинтерпретировать методологические установки прагматизма (в варианте инструментализма Дьюи) в терминах теории своего учителя. В 1937 предложил термин "символический интеракционизм" для обозначения концепции, классиком которой он по праву считается (кроме Мида ее основы были заложены некоторыми работами Кули – **см.** и Морено – **см.**).

Основная работа Б., излагающая его концепцию символического интеракционизма, – "Символический интеракционизм. Перспективы и метод" (1969). Б. исходил из установки Дьюи на определение значения объекта исходя не из его свойств, а из его роли в жизни людей. Объект – то, что он значит в ожидаемом и реальном взаимодействии. Причем устойчивость значений делает взаимодействие привычным, позволяет его институционализировать. В самом же взаимодействии можно выделить два уровня: 1) несимволический (объединяющий все живое) и 2) символический (свойственный только человеку). Люди производят жесты и интерпретируют жесты других, их поведение словесно отображается и "задается" во многом языком. Действия с символами предваряют, как правило, практически-преобразовательное действие. Посредством знаковой деятельности мы задаем дистанции, т.е. структурируем внешний мир. Развивая и изменяя значения, мы тем самым изменяем и сам мир. Поскольку социальная жизнь является в конечном счете продуктом интерпретаций, оценок и определений, продуцируемых индивидами, координирующими свое поведение, ее исследование должно быть ориентировано на осмысление символических процессов действующих субъектов и поддерживающих действие структур. Конституирующие реальность интерпретации действуют на двух уровнях – внутреннего и внешнего общения. Внутреннее общение продуцирует интерпретации как результат взаимодействия между двумя "Я". Первое – "Мое", т.е. видение себя глазами других, близкое "отраженному (зеркальному) Я" Кули (символы способны вызывать во мне ту

же реакцию, что и у других). Второе – собственно "Я", как "субъективное Я" (мое видение самого себя). Второе "Я" – источник креативности, первое "Я" задает дистанцию по отношению к самому себе, позволяя занимать рефлексивную позицию. Внешнее общение задается стремлением к результату и кооперированию действий для его достижения с другим. Во внешнем общении от меня (как и от любого другого участвующего актора) требуется умение "принимать роль другого". (Это требование распространяется и на исследователя, отрабатывающего свои теории в ходе "разведок" и "проверок", позволяющих согласовать понятийный уровень социологии с фактическими событиями эмпирического мира.) На уровне же повседневных практик эта процедура необходима для согласования взаимных усилий на основе выявления образа "обобщенного другого" (Дж.Г. Мид). Следовательно, любое действие всегда есть "диалог", который человек ведет с самим собой и другими.

В этой связи Б. рассматривает проблемы формирования коллективного ("обобщенного") действия и одним из первых вводит в социологию тему массового общества. Общество у него в целом задается процессуально через ситуации, в которых встречаются конструктивно действующие во взаимодействии индивиды, постоянно рефлексирующие и "дефинирующие", т.е. порождающие дефиниции как идентификации мира, предзадающие предполагаемые способы обращения с предметами (объектами). Теоретическая программа Б. вылилась в требования методологического и методического переосмысления социологии, критику классических социологических доктрин, переоценку роли и сути социогуманитарного знания в целом.

В.Л. Абушенко

БОАС (Boas) Франц (1858-1942) – американский антрополог. Родился в еврейской семье в Германии. Изучал физику и математику в Гейдельбергском и Боннском университетах. Докторская диссертация по физической географии была посвящена проблеме цвета морской воды (1881). После экспедиции на Баффинову землю (1883-1884) заинтересовался антропологией. В 1886 переехал в США. Профессор Колумбийского университета (1896-1936). Основные сочинения: "Пределы сравнительного метода в антропологии" (1896); "Ум первобытного человека" (русск. изд., 1926); "Антропология в современной жизни" (1929); "Раса, язык и культура" (1940); "Общая антропология" (1944) и др.

Б. стал основателем направления в антропологии (см.), получившего наименование исторический партикуляризм. Среди его учеников – М. Мид (см.), Р. Бенедикт (см.), Э. Сэпир, А. Кребер и др. Б. выступил с критикой идей Тайлора (см.), Моргана (см.) и всей концепции эволюционизма (см.) за ее стремление к генерализации и поиску универсальных законов развития культуры. По Б., социокультурные вариации чрезвычайно значительны, а информация о них слишком фрагментарна для того, чтобы заниматься построением универсальной теории. Основываясь на идиографической методологии неокантианства, Б. считал, что каждая отдельная культура имеет свою длительную и уникальную историю. Для понимания отдельной культуры требуется реконструкция ее индивидуального пути развития. Подчеркивая уникальность каждой культуры, Б. фактически отвергал возможность построения универсальных теорий. Другой значительной чертой исторического партикуляризма Б. был принцип культурного релятивизма, согласно которому в культуре не существует высших и низших форм и, следовательно, понятия прогресса. Такие термины, как дикость, варварство, цивилизация, по Б., отражают лишь этноцентризм тех народов, которые считают собственный образ жизни более нормальным, чем у других. Вместо бесплодного теоретизирования, свойственного эволюционизму, Б. призывал антропологов к скрупулезному собиранию эмпирических материалов, основанному на том же принципе культурного релятивизма. В данном случае он означал отказ исследователя от установок собственной культуры и ориентация на познание другой культуры исходя из ее собственных ценностных ориентаций. Одним их важнейших достижений Б. стала аргументированная критика положения социального дарвинизма о единстве процессов биологической и культурной эволюции. Основываясь на примерах языковых и культурных различий в пределах одной и той же расы, Б. удалось доказать, что раса, язык и культура являются самостоятельными аспектами человеческого существования.

П.В. Терешкович

БОГДАНОВ (настоящая фамилия Малиновский) Александр Александрович (1873-1928) – русский философ, до конца своих дней оставшийся убежденным марксистом, политик и идеолог российской социал-демократии, один из создателей партии большевиков, ученый-естествоиспытатель, писатель-фантаст. В 1893 поступил на естественное отделение Московского университета. В 1894 арестован за участие в народовольческом союзном совете землячеств, исключен из университета и выслан в Тулу. В 1895 поступил, а в 1899 закончил медицинский факультет Харьковского университета. С 1896 наметился отход Б. от народовольческих идей к социал-демократизму, в 1899 Б. определил себя по убеждениям как "работника научного социализма". Осенью 1899 арестован за пропаганду и после четырехлетнего полицейского пребывания в Калуге и Туле примкнул в 1903 к большевикам, став ближайшим соратником Ленина. (По данным опроса учащихся средних учебных заведений России в 1903, Б. – наиболее читаемый автор-обществовед.) Принимал активное участие в революционных событиях 1905-1907. В конце 1909 вышел из большевистской партии, а после 1911 полностью отошел от политической деятельности, во время Первой мировой войны был военным врачом. Не поддержал лозунга превращения империалистической войны в гражданскую. Б. положительно оценил Февральскую (1917) революцию, считая ее способной содействовать демократическому развитию России. После Октябрьского переворота (1917) был членом президиума Коммунистической академии (1918-1926), читал лекции в Московском университете. В 1918-1920 принимал активное участие в Пролеткульте, не разделяя культур-экстремизма многих его представителей. С 1921 Б. занимался

исключительно естественно-научными проблемами переливания крови, омоложения организма, продления жизни. В 1926 возглавил первый в мире Институт переливания крови. Умер в результате эксперимента, поставленного на самом себе. Основные сочинения: "Краткий курс экономической науки" (1897); "Основные элементы исторического взгляда на природу" (1899); "Революция и философия" (1905); "Эмпириомонизм. Статьи по философии" (1904-1906); "Очерки по философии марксизма" (1908); "Падение великого фетишизма. Вера и наука (о книге В. Ильина "Материализм и эмпириокритицизм") (1910); "Философия живого опыта" (1913); "От монизма религиозного к научному" (1913); "Наука об общественном сознании" (1914); "Вопросы социализма" (1918); "Курс политической экономии" (в соавторстве с И.И. Скворцовым-Степановым, 1918-1920); "Всеобщая организационная наука (тектология)" (Ч. I-III; 1913-1922) и др. Б. явился также автором двух фантастических романов, написанных в традиции социальной утопии, – "Красная звезда" (1908) и "Инженер Мэнни" (1912).

Советская научная историография в силу ряда причин идеологического характера тенденциозно подходила к оценке философского и идейно-политического наследия Б. Хотя сам Б. до конца своей жизни считал себя социал-марксистом, он в то же время категорически отвергал ортодоксальность в марксизме, получившую, как он полагал, широкое распространение в среде российской социал-демократии, имея в виду Плеханова и Ленина. В этом – основа всех разногласий Б. с большевиками, приведшая к 1917 к полному разрыву с ними. (Б. подверг сокрушительной критике сочинение Ленина "Материализм и эмпириокритицизм".) Наука и гражданская свобода, наука и социализм – таково философское и идейно-политическое кредо Б. На протяжении всего своего творчества Б. проводил идею: "Наука сделает философию ненужной, как уже теперь не нужна религия". Убежденность в неограниченных возможностях научного знания, вполне характерная для того времени, сочеталась у Б. с убежденностью, что общество способно поставить под свой контроль "условия жизни". Отсюда вытекали постоянные поиски таких познавательных форм ("бесконечно широких" и "бесконечно пластичных"), которые способны были бы охватить все разнообразие "беспредельно прогрессирующей жизни". В этом плане Б. обратил особое внимание на труды Оствальда и Маха, придя к выводу, что учение Маркса (в частности, его диалектика как "последнее слово научно-эволюционного метода", хотя и не достигшее "полной ясности и законченности") вполне совместимо с новейшим естественно-научным позитивизмом, монистическим пониманием общественной жизни и развития. Марксизм, по Б., "единственное в наше время по существу философское политическое течение". Эти идеи были отражены Б. в работе "Эмпириомонизм. Статьи по философии (1904-1906)", в которой была сделана попытка разработать единую познавательную картину мира с "организационной точки зрения, т.е. как процесса формирования, борьбы и взаимодействия комплексов и систем различных типов и ступеней организованности". В "Философии живого опыта" Б. продолжил развитие идей эмпириомонизма, а в работе "От монизма религиозного к научному" дал обоснование борьбы за научный монизм, устраняющий философию вообще. По Б., философские понятия – дух, материя, субстанция и т.п. – суть "идолы и фетиши познания, порожденные трудовыми отношениями в определенные эпохи и не имеющие смысла за их пределами. Их можно заменить универсальным понятием "энергии", служащим познанию для того, чтобы "представить все явления как соизмеримые". Вслед за Э. Махом, Б. осуществил собственную интерпретацию сдвигов в гносеологической ситуации в контексте революции в физике. В отличие от Ленина (**см.**), реально отстаивавшего в границах данной проблематики уровень решений философии Д. Дидро, Б. стремился двигаться вперед.

Именно в философии эмпириомонизма Б. нащупал отдельные нити к "организационному подходу", приведшему к созданной им "организационной науке" – "тектологии" (**см.**), обобщившей интегративные тенденции в естественно-научном и социальном познании. Сам Б. определил тектологию как "общее учение о нормах и законах организации всяких элементов природы, практики и мышления". Будущее показало, что некоторые положения тектологии Б. предвосхитили идеи кибернетики (принцип обратной связи, идея моделирования и др.), а сама теоретическая концепция оценивается как первая серьезная попытка системно-кибернетического анализа функционирования социальных структур и управления ими. В основе социальной концепции Б. лежала трудовая теория общества, краеугольный камень которой, согласно Б., – "теория трудовой стоимости в той коллективистической форме, которая дана Марксом". Социализм (**см.**) представляется Б. как нетоварная хозяйственная система с происходящими в ней на всех социальных уровнях процессами обобществления, органически ей присущими и претворяемых в жизнь классом социалистических пролетариев, т.к. именно он "совмещает в себе функции организатора и исполнителя и воплощает опыт коллективной человеческой практики". Второй составляющей богдановской концепции социализма являются представления об организации человеческого общества через организацию человеческого знания, через "научно-организованный труд": "Все – трудящиеся, и в сфере труда они удовлетворяют жажду творчества... Они совершенствуют технику и познание – а стало быть и собственную природу". И тектология как всеобщая организационная наука была задумана Б. именно как наука о строительстве социализма на основе всего социально-экономического и культурного опыта, накопленного человечеством. Концепция социализма Б. (по обозначенным им методам борьбы промышленного пролетариата и средствам достижения поставленных целей) значительно отличалась от ленинско-большевистской. Б. скептически относился к идее диктатуры пролетариата, а мировая война привела его к выводу о неготовности реального европейского пролетариата к роли класса – строителя социализма. При этом Б. до конца считал рабочий класс единственной движущей силой социалистических преобразований, но в рамках особой формы рабочего движения – через преодоление его "культурной несамостоятельности", через его "культурное вызревание" при буржуазно-демократическом строе (лозунги Рабочего Уни-

верситета, Рабочей Энциклопедии и пролетарского искусства).

Б. не признавал социалистический характер переворота октября 1917, считая этот переворот отказом от теории марксизма, сдачей позиций социализма, обосновывая данную идею тем, что движущей силой Октября был не рабочий класс, а солдатские массы, армия. Б. резко осудил политику военного ("государственного") коммунизма, назвав его "ублюдком капитализма", не верил в способность Советов стать основой государственно-правового устройства общества. Именно Б. ввел в оборот обозначения "военный коммунизм", "государство-коммуна", "совизношенность" ("советская изношенность"). По мысли Б. из его записной книжки о работе Ленина "Материализм и эмпириокритицизм", "в борьбе за единоличную диктатуру он /Ленин. – *Е.П.*/ был объективно прав: таков был уровень его стада, это была необходимость; а единичные, случайно развившиеся сильные индивидуальности европейского типа не могли столько прибавить, сколько отнять, подрывая самым своим существованием в организации основной ее, авторитарный тип связи – при его ограниченном образовании, целые области "духа" его стада остались бы вне его контроля, под воздействием этих индивидуальностей. Отсюда попытки захватить и эти области, ребяческие, но через 10-15 лет имевшие успех, который свидетельствует о поразительном умственном рабстве стада (профессора, цитирующие с благоговением детскую книгу)". См. **Тектология**.

Е.М. Приленко

БОДРИЙАР (Baudrillard) Жан (р. 1929) – французский философ, социолог, культуролог. Основные сочинения: "Система вещей" (**см.**), "К критике политической экономии знака" (1972), "Зеркало производства" (1975), "Символический обмен и смерть" (1976), "В тени молчаливого большинства..." (**см.**), "О совращении" (1979), "Симулякры и симуляции" (**см.**), "Фатальные стратегии" (1983), "Америка" (**см.**), "Экстаз коммуникации" (1987), "Прозрачность Зла" (**см.**), "Год 2000 может не наступить" и др.

Оригинальный философский дискурс Б. представляет из себя гиперкритицизм, тотальную сверхкритическую критику. Его стиль и письмо скорее можно отнести к интеллектуальной прозе и модной литературе, нежели чем к академической философии, что нередко рассматривалось как повод стигматизировать его идеи как маргинальные и псевдо-, нефилософские. Б. преподает в Парижском университете, читает лекции в университетах Европы, США и Австралии. Всегда рациональный "дискурс вещей" (товаров) и их производства, дискурс объекта потребления как знаковой функции структурирует, по Б., поведение человека ("дискурс субъекта"). Не потребности являются основанием для производства товара, а наоборот – машина производства и потребления производит "потребности". В акте потребления потребляются не товары, а вся система объектов как знаковая структура. Вне системы обмена и (у)потребления нет ни субъекта, ни объектов. Объект потребления как таковой конституируется тем, что потребность подвергается рациональному обобщению; а также тем, что товар артикулирует выражения из дискурса объектов, предшествующего их "отовариванию" и приобретению ими меновой стоимости. "Язык" вещей классифицирует мир еще до его представления в обыденном языке; парадигматизация объектов задаст парадигму коммуникации; взаимодействие на рынке служит базовой матрицей для языкового взаимодействия. Субъект, чтобы остаться таковым, вынужден конструировать себя как объект, и эта "система управляемой персонализации" осознается потребителем как свобода – свобода владеть вещами. Б. считает, что быть свободным в обществе потребления, на самом деле, означает лишь свободно проецировать желания на произведенные товары и впадать в "успокоительную регрессию в вещи". Нет индивидуальных желаний и потребностей, есть машины производства желаний, заставляющие наслаждаться, эксплуатирующие наши центры наслаждения. Объекты есть категории объектов, тирания которых задает категории личности. Места в социальной иерархии помечены/означены обладанием вещами определенного класса. Знаковый код – всегда обобщенная рациональная модель – и снятый в нем принцип эквивалентности монопольно организуют поля власти и порядка. Потребление – это тоже своего рода бизнес, труд, когда мы инвестируем собственные смыслы и значения в систему дискурса объектов. В самом акте потребления, в "волшебстве покупки" совершается, по Б., бессознательное и управляемое принятие всей социальной системы норм. Дискурс объектов как парадигма языка, коммуникации и идентичности вытеснил символический обмен – тот социальный институт, который в архаических обществах определял поведение и коммуникацию до и без всякого осознания и рационализации. Символический обмен выстраивается относительно субъекта и символов его присутствия; принципом интерактивности здесь является не симметрия эквивалентного обмена, а асимметрия дара, дарения, жертвоприношения – т.е. принцип неравенства или амбивалентности. Потребительская стоимость и ее функциональная, жизненно-практическая основа в фатальном жесте отрицания подменяются меновой – т.е. рыночной, фундированной принципом эквивалентности: все равно абстрактному эквиваленту денег, все рационально обобщается до эквивалентности. Однако далее и этот "фетишизм потребительской стоимости", также известный в марксистской политэкономической теории как проблема отчуждения, становится жертвой диктатуры знаковой стоимости, подпадая под "монополию кода" (торговая марка, стэндинг). Объект становится единством знака и товара; отныне товар – это всегда знак, а знак – всегда товар. Знак провоцирует отчуждение стоимости, смысла/означаемого, референта, а значит реальности. В дискурсе рекламы, организующем приобретение вещи через приобретение ее смысла и управление желаниями, воображаемое и бессознательное переходят в реальность. Эту работу проделывает знак, однако при этом он сам производит свои референты и значения; мир и реальность, согласно Б., – отражения означающего, его эффекты, его своеобразные фантазматические модусы. И теперь отчуждение уже исчерпало себя – наступил "экстаз коммуникации", как позже отметит Б.

В этом пункте Б. радикально критически расходится со структурализмом и марксизмом: в знаковой форме стоимости

доминирует означающее, что разрушает основную структуралистскую пару означаемое/означающее; политэкономические формулы стоимости перестают работать в мире диктатуры знака. Б. подчеркивает, что знаки в принципе стремятся порвать со значениями и референциями, что они стремятся взаимодействовать только между собой. Вся эта знаковообъектная машина обосабливается в самодостаточную систему, которая в пределе стремится поглотить Вселенную. Система порождает свое иное, своего Другого. Цензура знака отбрасывает и вытесняет смерть, безумие, детство, пол, извращения, невежество. Именно эту монополию кода стремится захватить идеология, полагает Б. Поэтому идеология не есть форма ложного сознания, как ее рассматривает марксизм. Идеологический дискурс до-сознателен, он достигает высшей точки рационализации и обобщения, колонизируя все уровни знакового кода. Он, как и сами коды, порождает коннотации, а не-денотации; он паразитирует на мультипликации знаков, он – уродливый мутант, экскремент, всегда исчезающий остаток. Поэтому, строго говоря, здесь уже нельзя даже вести речь об идеологии. Б. приходит к выводу, что идеологии больше нет – есть лишь симуляция. В результате непрерывной эксплуатации языка кода в качестве инструмента социального контроля к концу 20 в. знаки окончательно отрываются от своих референтов и получают полную автономность сигналов – "симулякров", воспроизводящих и транслирующих смыслы, неадекватные происходящим событиям и факты, не поддающиеся однозначной оценке.

По мысли Б., произошла "истинная революция" – революция симуляции знака-кода (симулякра), закрывшая повестку дня двух предшествующих (тоже "истинных" – в отличии от пролетарской) революций – революции про-симулякров "подделки" Ренессанса и "производства" индустриального века. Утрачивают свою состоятельность как симулякры-подделки эпохи Возрождения – т.е. принципы традиции, касты, естественного закона, сакрального и религии; так и симулякры-продукция индустриальной революции – принципы эквивалентности, авангарда, класса, идеологии, труда и производства. Закрыта, согласно Б., и повестка дня теорий, рожденных индустриализмом: антропологии, политэкономии, структурализма, семиотики, психоанализа, которые лишь маскировали террор системы, создавали ей "алиби". Восшествие симулякра стирает и сам механизм революции, а взамен симуляция порождает мир катастроф.

Концептуальная реверсия гиперкритики адресуется Б. и самому себе, идеям его ранних работ: системы объектов больше нет, есть "операциональная белизна" имманентной функциональной поверхности операций и коммуникаций – медиум-симулякр насилует реальность, утрата объекта становится аллегорией смерти. Симулякр у Б. "превзошел" историю: он создал "массы" (вместо классов) и они остановили исторический процесс. "Массы" – молчаливое большинство, черная дыра, поглощающая социальное; они тяготеют к физической и статистической форме, одновременно не социальной и сверхсоциальной, совершенно социальной. Они не могут быть управляемы никакой политической властью, но массы порождают иллюзии власти, иллюзии быть властью; функционирование всех современных систем привито на теле этого смутного существа масс. Массы нигде, никем и ничем не могут быть представлены. Они существуют помимо и вне демократической репрезентации; они парадоксальным образом сочетают в себе сверхуправляемость и катастрофическую угрозу тотальной дерегуляции. Их невозможно сбить с пути или мистифицировать, ведь они никуда не движутся и ничем не заняты. Они поглощают всю энергию и информацию, растворяя при этом все социальное и все антисоциальное. Массы дают тавтологичные ответы на все вопросы, ибо на самом деле они молчат – они безмолвны как звери. Наивно полагать, считает Б., что массы созданы манипуляциями средств массовой информации. Массы сами по себе являются сообщением ["mass(age) is the message"]. Вероятно массы превосходят в этом СМИ, но в любом случае и те и другие находится в одном общем процессе. СМИ – это своего рода генетический код, управляющей мутацией реального в гиперреальность; он, следовательно, не реализуют функцию социализации, а напротив излучает социальное в черную дыру масс, за счет чего последние набирают критический "вес" и парадоксальным образом обращают систему в гиперлогику амбивалентности, заставляя ее давать всегда больше и принуждая себя всегда больше потреблять – все что угодно ради какой угодно бесполезной и абсурдной цели. Симулякр формирует среду прозрачности, где ничего не может быть утаено или сокрыто. Все наоборот становится сверхвидимым, приобретает избыток реальности. Б. называет это гиперреальностью. Она порождена "техническим безумием совершенного и сверхточного воспроизведения" (образов, звуков и пр.). Бесконечная репродукция, микродетализация объектов, превращение их в модельные серии – вот определение "реального" как гиперреальности. Здесь реальные объекты дереализуются и абсорбируются симулякрами. Вещи теперь слишком правдивы, слишком близки, слишком детально различимы (детали пола порнографии, атомы звука в квадрофонии и пр.); они выведены в сверхочевидность галлюцинации деталей. Прозрачность упраздняет дистанцию, в жадной "прожорливости взгляда" мы сливаемся с объектом в непристойной близости. Поэтому в гиперреальности безраздельно царствует новая непристойность: "Это какой-то раж... стремление все вывести на чистую воду и подвести под юрисдикцию знаков... Мы погрязли в этой либерализации, которая есть ни что иное, как постоянное разрастание непристойности. Все, что сокрыто, что еще наслаждается запретом, будет откопано, извлечено на свет, предано огласке и очевидности". Непристойность означает гипер-представленность вещей. Именно в непристойности Б. видит суть социальной машины производства и потребления, поэтому именно вокруг непристойного в псевдосакральном культе ценностей прозрачности выстраиваются ритуалы коллективного поведения. Мы, – отмечает Б., – поглощены гиперреальностью, а значит ввергнуты в непристойность. Гиперреальность и непристойность характеризуют фатальный и радикальный антагонизм мира. Ни диалектический или любой иной синтез, ни эквивалентность или тождество, но радикальная амбивалентность оппозиций создаст мир симулякров и катастроф. Все стремится вырваться за пределы, стать экс-

тремальным; все захвачено симулякром и превращено в бесконечную собственную гипертрофию: мода – более прекрасна, чем само прекрасное; порнография более сексуальна, чем сам секс; терроризм – это больше насилие, чем само насилие; катастрофа более событийна, чем само событие. Это более не трагедия отчуждения, а экстаз коммуникации. Войдя в это экстатическое состояние, пережив экстремальное свершение, все в мире гиперреальности, согласно Б., перестает быть собой. Вселенная становится холодной и объектной: на ее сцене больше невозможен спектакль – в лучшем случае состоится банальная церемония; порнография сменила сексуальность, насилие замещено террором; информация упразднила знание. Амбивалентность катастрофы обозначает границы кода – это смерть. Нет более никакой диалектики, есть движение к пределу и за предел – к смерти. Главный актор этой культуры катастроф – средства массовой информации и современных телекоммуникаций, экран как поверхность знака, компьютер и передовые технологии, молчаливое большинство масс. Параноидального субъекта индустриальной эпохи "стирает" новый субъект-шизофреник, "больной" шизофренией имманентной распущенности, что вовсе не означает для него потерю реальности в клиническом понимании шизофренических расстройств – наоборот, речь идет о полном гипер-контакте с объектами, перманентной гиперблизости миру. Шизофреник "становится чистым экраном, чистой абсорбирующей и ресорбирующей поверхностью...". Его тело постепенно превращается в искусственный протез, бесконечную серию протезов, позволяющих продлевать тело до бесконечности. Субъект и его тело подвергаются трансмутации в гиперрепродуктивной модели клона-двойника. Двойник – таков совершенный протез, симулякр тела. В абсурдной логике амбивалентности шизосубъект – атом молчаливого большинства масс – гипертрофирует свое частное пространство и живет в своей приватной телематике: в повседневности каждый видит себя на орбите своей суверенной, изолированной и закрытой жизни в скафандре-машине, сохраняющей достаточную скорость чтобы не сойти с орбиты. Поэтому здесь мы существуем как адресаты, терминалы сетей, тогда как креативная игра субъекта-демиурга, актора-игрока уже сыграна.

Согласно Б., "банальная стратегия" контроля рационального или ироничного субъекта над объектом более невозможна. Шизофрения не оставляет выбора: в нашем распоряжении только "фатальная стратегия" перехода на сторону объекта, признания его гениальности и его экстатического цинизма, вхождение в игру по его правилам. Объект должен нас совратить, а мы должны отдаться объекту. Очарование "совращения" и бессмысленности аннулирует метафизический "принцип Добра". Фатальная стратегия следует "принципу Зла", который находится вне логики стоимости и исключает позицию и категории субъекта – причинность, время, пространство, целеполагание и т.д. Следовать фатальной стратегии в "прозрачности Зла" и требует постмодерный мир, который Б. характеризует как состояние "после оргии". Оргия закончена, все уже сбылось, все силы – политические, сексуальные, критические, производственные и пр. – освобождены, утопии "реализованы". Теперь остается лишь лицедействовать и симулировать оргиастические судороги, бесконечно воспроизводить идеалы, ценности, фантазмы, делая вид, что этого еще не было. Все, что освобождено, неизбежно начинает бесконечно размножаться и мутировать в процессе частичного распада и рассеивания. Идеи и ценности (прогресса, богатства, демократии и пр.) утрачивают свой смысл, но их воспроизводство продолжается и становится все более совершенным. Они расползаются по миру как метастазы опухоли и проникают везде, просачиваясь и друг в друга. Секс, политика, экономика, спорт и т.д. теперь присутствуют везде и значит нигде. Политика сексуальна, бизнес – это спорт, экономика неотличима от политики и т.д. Ценности более невозможно идентифицировать, культура стала транскультурой, политика – трансполитикой, сексуальность – транссексуальностью, экономика – трансэкономикой. Все подверглось "радикальному извращению" и погрузилось в ад воспроизводства, в "ад того же самого". Другой как принцип различения стал знаком-товаром на рынке, стал ресурсом рыночной игры отличий, стал сырьевым ресурсом, который уже исчерпан. На место Другого, по мысли Б., возведен Тот же самый (=объект) – главный участник Оргии, которого мы старательно маскируем под Другого. На симулякре Другого, на теле Того же самого паразитируют и вынашивают свое могущество машины: сверхскоростной и сверхпродуктивный аутичный разум-мутант компьютеров так эффективен потому, что он "отключен от Другого". Как полагает Б., нет больше сцены, нет спектакля, нет иллюзии, нет Другого, который единственный "позволяет мне не повторяться до бесконечности". По Б., "между тем все наше общество с присущими ему антисептическими излияниями средств коммуникации, интерактивными излияниями, иллюзиями обмена и контакта нацелено на то, чтобы нейтрализовать отличия, разрушить Другого как естественное явление. При существовании в обществе средств массовой коммуникации оно начинает страдать аллергией на самое себя... Весь спектр отрицаемых отличий воскресает в виде саморазрушительного процесса. И в этом тоже кроется прозрачность Зла. Отчужденности больше не существует. Нет Другого, который ощущался бы нами как взгляд, как зеркало, как помутнение. С этим покончено". Мир культуры Запада препарируется дискурсивным симулякром гиперкритики Б. как тело гигантского полуживого и одновременно сверхактивного мутанта – бессмертного и вечно самотождественого в своей оргиастической симуляции воспроизводства. Имя и совершенное воплощение этого мутанта – Америка. По мысли Б., ничто и никто больше не приходит извне; все исходит только от нас самих. Мы не ждем гостей и чужды гостеприимства. Другие культуры очень гостеприимны, – замечает Б., – именно это делает их культурами, ибо гость – это всегда Другой. См. также: **Порнография, "Система вещей" (Бодрийар), "Прозрачность Зла" (Бодрийар), "Америка" (Бодрийар), "В тени молчаливого большинства..." (Бодрийар).**

Д.В. Галкин

БОКЛЬ (Buckle) Генри Томас (1821-1862) – британский мыслитель и историк. Испытал большое влияние идей Конта (**см.**). Главное сочинение – незаконченная двухтомная "Исто-

рия цивилизации в Англии" (1857-1861). Предпринял попытку применить к истории закон причинности в духе материализма, отвергая соответствующие гипотезы о предопределении, сверхъестественных вмешательствах либо господстве случайностей и тем самым "поднять историю на один уровень с другими отраслями знания". Особое внимание обращал на статистически значимые составляющие в поведении больших масс людей. Установил, что "все должно быть результатом двоякого действия: действия внешних явлений на дух человека и духа человеческого на внешние явления". Разделял представления географического детерминизма, объясняя эволюцию народов влиянием ландшафта, климата, почвы, рациона питания и даже "общего вида природы". Различал ландшафты, способствующие развитию рассудка и логической деятельности (Европа), которые предзадавали подчинение природы человеку, и ландшафты, возбуждающие воображение (районы возникновения древнейших цивилизаций и пояс тропиков), которые способствовали процессу подчинения человека природе. Пищу Б. трактовал как вторичный фактор, зависящий от климата и почвы, при этом "почвой обусловливается вознаграждение, получаемое за данный итог труда, а климатом – энергия и постоянство самого труда". Главным фактором исторического развития считал умственный прогресс и накопление практических знаний и умений людей. "Умственный фактор" трактовал как "истинный двигатель" общественной эволюции, что "может быть доказано двумя различными путями: во-первых, тем, что если не нравственное начало движет цивилизацией, то остается приписать это действие одному умственному; а во-вторых, тем, что умственное начало проявляет такую способность все обхватывать, которая совершенно достаточно объясняет необыкновенные успехи, сделанные Европой в продолжении нескольких столетий". Б. признавал важную роль безграничной "энергии человека" в сравнении с ограниченностью ресурсов природы. Прогрессизм и научная основательность Б. сделали его труды весьма популярными (но только кратковременно – лишь в третьей четверти 19 в.).

А.А. Грицанов

БОЛЬШЕВИЗМ – идеология, теория и социальная практика экстремистского направления в российском революционном движении начала 20 в. Возникновение Б. как самоосознающего интеллектуально-политического течения традиционно связывается с расколом социал-демократии на втором съезде РСДРП в 1903. Явившись катализатором и основной движущей силой гражданской войны в России (1917-1920) партия большевиков осуществила захват власти в стране. Общественно-политические процессы 20 в. во многих государствах, ряд из которых (Китай, Сев. Корея, Куба, страны так называемого социалистического лагеря) были насильственным путем трансформированы в социалистическом и коммунистическом духе согласно канонам и догмам Б., способствовали его интернационализации.

Характерными чертами Б. как социального феномена правомерно считать следующие: 1) принципиальное рассмотрение городских по происхождению маргинальных и деклассированных общественных прослоек и групп, объединенных в организации орденско-религиозного толка, в качестве ведущего субъекта процессов разрушения аграрно-сословного общества; 2) сведение всей палитры задач глобальных общественных трансформаций к проблемам захвата и удержания государственной власти; 3) акцентированное и осознанное стремление к достижению общественного равенства через нивелирующий социальный геноцид; 4) приоритет нелегитимных, насильственных методов социального управления и контроля; 5) ликвидация свободы слова, информации и мнений, агрессивная социальная демагогия; 6) ориентация на гражданскую войну в форме перманентных массовых репрессий как на атрибут существования общественных организмов; 7) вера в возможность волевых, "силовых" решений экономических проблем за счет массового применения принудительного труда; 8) деформация и минимизация индивидуальных и общественных потребностей людей как главное средство компенсации социальных ожиданий общества; 9) государственная автаркия и проповеди национально-государственной исключительности; 10) предпочтение, отдаваемое процессам перераспределения, а не производства материальных благ в интересах класса новой номенклатуры.

Б. (в любых версиях) неизбывно являет собой феномен политизированной уголовщины, ориентированной на захват всей полноты государственной власти. (Ср. с мыслью Бухарина в 1923 на XII съезде РКП(б): "Характерным для методов фашистской борьбы является то, что они больше, чем какая бы то ни было партия, усвоили себе и применяют на практике опыт русской революции. Если их рассматривать с формальной точки зрения, то есть с точки зрения техники их политических приемов, то это полное применение большевистской тактики и специально русского большевизма: в смысле быстрого собирания сил, энергичного действия очень крепко сколоченной военной организации, в смысле определенной системы бросания своих сил... и беспощадного уничтожения противника, когда это нужно и когда это вызывается обстоятельствами".)

В 20 в. Б. зарекомендовал себя как универсальный инструментарий для осуществления экспроприации материального богатства общества в интересах космополитичных, амбициозных и асоциальных групп людей. В контексте новейших философских проблематизаций феномен Б. обращает на себя внимание по следующим причинам: а) потерпев фиаско в укоренении в Средней Азии и Закавказье дискурса, фундированного "классовой основой", идеологи Б. совершили идеологический парадигмальный поворот, увязав (впервые в истории) национальную идентичность с территориальными топосами – нации в СССР начали конституироваться в качестве территориальных образований; б) в контексте идеи о неизбывном конфликте "культур" и "цивилизаций" смысл архикровавой большевистской революции в России может быть интерпретирован как силовая замена русско-российской "культуры" – космополитичной коммунистической "цивилизацией". См. **Ленин**, **Сталин**, **Марксизм**, **Социализм**, **Коммунизм**, **Тоталитаризм**.

А.А. Грицанов

"БОЛЬШИЕ ЦИКЛЫ КОНЪЮНКТУРЫ" – книга (1925) Н.Д. Кондратьева (см.). В работе обращено внимание на движущее противоречие внутри производительных сил, которое реализуется в их взаимодействии с производственными отношениями. Кондратьев создал теорию малых (продолжительностью 3-5 лет), средних (продолжительностью 7-11 лет) и больших (средней продолжительностью около 50 лет) циклов конъюнктуры.

На временном отрезке в 140 лет Кондратьев обосновал наличие трех больших циклов экономической конъюнктуры, чередующихся примерно через полвека, и показал, что на повышающей волне большого цикла наблюдается оживление в сфере технических изобретений и внедрение этих изобретений, связанное с реорганизацией производственных отношений. На понижающей волне кризиса и депрессий создаются предпосылки для перехода к новым технологическим принципам, что, в свою очередь, требует капиталовложений в обновление действующих производств и формирование новых отраслей. Проблема кризисов и их значения при этом не потеряла своей актуальности, но она рассматривается в контексте проблемы больших циклов конъюнктуры в целом.

По существу, Кондратьев доказал циклический характер внутреннего развития производительных сил и взаимосвязь этого развития с *реорганизацией* производственных отношений. Эта реорганизация происходит в рамках одной экономической формации, отражая во многом принципы реорганизации производственно-технических отношений между людьми, определяемые новыми приоритетами научно-технического прогресса.

Кондратьев считает необходимым отметить в развитии больших циклов четыре эмпирические правильности, которые можно установить при более или менее внимательном изучении конкретного хода развития экономической жизни.

Первая эмпирическая правильность сводится к следующему: перед началом повышательной волны каждого большого цикла, а иногда в самом начале ее наблюдаются значительные изменения в условиях хозяйственной жизни общества.

Эти изменения обычно выражаются в той или иной комбинации, в значительных технических изобретениях и открытиях, в глубоких изменениях техники производства и обмена, в изменении условий денежного обращения, в усилении роли новых стран в мировой хозяйственной жизни и т.д. Указанные изменения в той или иной степени совершаются непрерывно, и их можно наблюдать на протяжении всей истории мировой экономики. Но, по-видимому, они протекают неравномерно и наиболее интенсивно выражены именно перед началом повышательных волн больших циклов и в их начале.

Обращаясь к *первому циклу* (1795-1845), нужно отметить, что повышательная волна его начинается в разгар промышленной революции и глубоких изменений в производственных отношениях прежде всего в Англии, в меньшей степени во Франции и других странах. Промышленная революция охватила почти все основные отрасли промышленности – прядильную, ткацкую, химическую и металлургическую и др. Она сказалась и на технике путей сообщения. Но промышленной революции предшествует и сопутствует ряд значительных технических изобретений, более многочисленных и важных, чем в обычное время. Этот период охватывает время примерно с 1764 по 1795. Многие из этих изобретений являются новыми. Некоторые из них являются значительным усовершенствованием более ранних.

В вопросе о технических изобретениях необходимо различать момент их появления и момент приложения их на практике. И если период значительных изобретений начинается с середины 1760-х, то преимущественно после 1770-х, в 1780-х и позднее эти технические изобретения находят широкое практическое применение и производят действительную промышленную революцию. Так, в Англии изобретение усовершенствованных прядильных машин относится к концу 1760 – началу 1770-х, а приложение их на практике, т.е. подлинно революция прядения, начинается в 1780-е и более поздние годы. Прогресс в технике и промышленности прядения явился побудительным мотивом для усовершенствования техники ткачества. Однако прогресс в этой области шел медленнее. Механический станок Картрайта был изобретен в 1784.

Успехи текстильной индустрии далее развивались параллельно и отчасти стимулировали прогресс в соответствующих областях химической индустрии, особенно в области белильной и красильной промышленности. Изобретение искусственных красящих веществ относится к 1771, но широкое практическое приложение эти изобретения находят лишь с 1790-х. Что касается других отраслей химической промышленности, то к 1791 относится устройство первой фабрики по выработке соды, а к 1799 относится открытие глицерина.

Значительный прогресс наблюдался в конце 18 в. и в металлургической промышленности. В 1766 Карнеджи была изобретена отражательная печь, послужившая основанием для нового метода обработки железа – пудлингования. С 1780-х получает практическое применение производство чугуна при помощи каменного угля по способу А. Дерби, изобретение которого относится еще к 1735. К 1783-1784 относятся изобретения Корта в области усовершенствования приемов пудлингования и прокатки, которые произвели по тому времени революцию в области металлургии.

Улучшение условий и рост производства за то же время наблюдается также и в угольной промышленности. Это обусловлено развитием металлургии, но, главным образом, одним из самых значительных событий эпохи – изобретением паровой машины Уатта (1769) и ее применением. Разумеется, применение паровых машин явилось новым сильным толчком к развитию всей экономической жизни, в частности угольной промышленности, металлургии, текстильной индустрии, транспорта и т.д. Приведенные данные о промышленной революции относятся к Англии. Однако аналогичный процесс революции в области производства, хотя и более медленный, наблюдается во Франции и других странах.

Приведенная краткая характеристика изменений в области производства позволяет утверждать, с одной стороны, что с 1780-х действительно наблюдается экономическое оживление, а с другой – что повышательная волна большого цикла

начинается действительно в разгар промышленной революции, в разгар значительных и глубоких изменений в сфере производства и производственных отношений и, наконец, что этим изменениям предшествуют и сопутствуют значительные технические изобретения и открытия.

Началу повышательной волны *второго большого цикла* (1845-1895) также предшествует ряд крупнейших технических изобретений. Среди них можно указать значительное усовершенствование паровоза (1824), изобретение турбины (1824-1827), построение первого автомобиля (1831), открытие явления индукции (Фарадей, 1832), открытие гальванопластики (Якоби, 1833), изобретение телеграфа (Морзе, 1837), постройку первого колесного парохода (1836), изобретение парового насоса (1840), ротационного пресса (1846), изобретение швейной машины (1847) и др. Многие из новых технических изобретений были внедрены в промышленность и привели к формированию новых отраслей промышленности. Таким образом, и перед началом повышательной волны второго большого цикла наблюдается полоса значительных изменений в области техники производства.

Повышательной волне *третьего большого цикла* (1895-1935) равным образом предшествуют крупнейшие изменения в условиях экономической жизни и прежде всего в области техники. В связи с прогрессом естествознания наблюдается полоса значительных изобретений в сфере электротехники. Среди технических изобретений можно указать как главнейшие – динамо-машину постоянного тока Гримма (1870), вакуум-насос Шпренгеля (1875), электрический телефон (1877), электрический локомотив Сименса (1878), электрическую железную дорогу (1880), электрический трамвай (1881), трансформаторы (1882), бензиновые двигатели (1885), беспроволочный телеграф (1892), аэроплан (1894) и т.д.

Эти успехи техники 1870-1890-х нашли широкое применение в промышленной практике. Особенно глубокий переворот, своего рода новая промышленная революция, наблюдается в области химической и электротехнической промышленности. Применение электричества с 1880-х пошло быстрыми шагами и привело к перевороту в моторной технике, в области техники освещения и связи. И как широкое применение пара в середине 18 в. совпало с началом общего повышения темпа хозяйственной жизни, так широкое применение электричества и химических знаний в конце 19 в. совпало с началом нового периода повышения темпа хозяйственного развития.

Из рассмотренных данных о начале всех трех циклов можно заключить, что в течение примерно двух-трех с половиной десятилетий перед началом повышательной волны каждого большого цикла наблюдается оживление в сфере технических изобретений. Широкое применение этих изобретений в сфере промышленной практики связанное, несомненно, с реорганизацией производственных отношений, совпадает с началом повышательной волны больших циклов. Начало больших циклов совпадает с расширением орбиты мировых экономических связей.

Вторая эмпирическая правильность, согласно Кондратьеву, сводится к следующему. *Периоды повышательных волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества* (революции, войны), *чем периоды понижательных волн.*

Так, период повышательной волны *первого* большого цикла сопровождался: французской революцией (1789-1804); войной России с Турцией (1806-1812); походом Наполеона на Россию и отступлением (1812-1813); временным возвышением и окончательным поражением Наполеона (1815) и др.

Период повышательной волны *второго* большого цикла сопровождался: Февральской французской революцией (1848); революционным движением в Германии (1848-1849); Крымской войной (1853-1856); гражданской войной в Соединенных Штатах Северной Америки (1861-1865); франко-прусской войной (1870-1871); революцией в Париже, Парижской коммуной и ее подавлением (1870-1871); образованием Германской империи (1870) и др.

Период повышательной волны *третьего* большого цикла сопровождался: столкновением Японии и Китая (1895); русско-японской войной (1904-1905); русской революцией (1905); аннексией Боснии и Герцеговины (1908); Первой мировой войной (1914-1918); русской революцией (февраль 1917); Октябрьским переворотом в России, гражданской войной и иностранной интервенцией в России (1917-1921); революцией в Германии (1918-1919); революцией в Австро-Венгрии (1918-1919); переустройством карты Европы по Версальскому миру (1918) и др.

Из приведенного (далеко не полного) перечня следует, что на периоды повышательных волн больших циклов приходится наибольшее количество наиболее значительных потрясений и переворотов как революционных, так и военных.

Третья эмпирическая правильность, которая может быть констатирована в ходе больших циклов, заключается в том, что *понижательные волны этих циклов сопровождаются длительной депрессией сельского хозяйства.* Так, после кризиса 1920, когда по всем данным капиталистический мир вступил в период понижательной волны третьего большого цикла, вновь обнаружились признаки длящейся сельскохозяйственной депрессии. Она имела место во всех европейских странах, но острее всего дала себя знать в Соединенных Штатах Америки.

Четвертая наблюдаемая правильность сводится к следующему. *Большие циклы экономической конъюнктуры выявляются в том же едином процессе динамики экономического развития, в котором выявляются и средние циклы с их фазами подъема, кризиса и депрессии.* Средние циклы как бы "нанизываются" на волны больших циклов. Но если это так, то ясно, что характер фазы большого цикла, на которую приходятся данные средние циклы, не может не отражаться на ходе средних циклов. Действительно, если взять средние циклы, приходящиеся на понижательный период большого цикла, то очевидно, что все повышательные тенденции элементов, участвующих в средних циклах, будут ослабляться, а все понижательные тенденции их будут усиливаться общей понижательной волной большого цикла. Если же взять средние циклы, приходящиеся на повышательный период большого цикла, то бу-

дет наблюдаться обратная картина. Отсюда – средние циклы, приходящиеся на понижательный период большого цикла, должны характеризоваться длительностью и глубиной депрессий, краткостью и слабостью подъемов; средние циклы, приходящиеся на повышательный период большого цикла, должны характеризоваться обратными чертами. Очевидно, что в период понижательных волн большого цикла преобладают годы депрессий, а в период повышательных волн большого цикла – годы подъемов.

Если, говоря о правильности, иметь в виду солидарность и одновременность колебаний различных элементов экономической жизни, то нужно признать, что у больших волн она имеется в той же степени, что и у средних волн. Эмпирическими исследованиями средних волн установлено, что волны эти захватывают не все элементы экономической жизни, что глубина колебаний захватываемых ими элементов неодинакова и что моменты переломов в динамике отдельных элементов при этом не совпадают. То же самое происходит и в движении больших волн.

Следуя методологии Кондратьева, можно проследить, в самом общем виде, окончание *третьего* (1895-1945) и *четвертый* (1945-2000) большие циклы развития экономической жизни. Окончание *третьего* цикла было связано, как известно, с развитием атомной энергетики, в основе которой заложено выделение атомной энергии в результате процессов, происходящих в атомных ядрах, и изобретение атомной и водородной бомб. Одновременно, третий цикл ассоциируется с таким величайшим социальным потрясением для человечества, как Вторая мировая война (1939-1945). Если Первая мировая война (1914-1918) возникла в результате первого кризиса системы мирового хозяйства, то в результате второго кризиса возникла Вторая мировая война.

Четвертый большой цикл (конец 20 в.) ознаменован широко развернувшейся информационной революцией, приближающей нас к информационному обществу (**см.**), в котором информация, знания выступают в качестве основной социальной ценности. Если в индустриальном обществе главное – производство товаров, а ограничивающим фактором выступает капитал, то в информационном – производство и применение информации для эффективного функционирования других форм производства, а ограничивающим фактором становится знание. Если в индустриальном обществе центральными переменными были труд и капитал, то в информационном – в качестве таковых выступают информация и знания, которые замещают труд в качестве источника прибавочной стоимости. Само название "информационное общество" появилось в 1980-х и было связано с широко развернувшейся микроэлектронной революцией. По оценкам специалистов, наиболее удачная попытка системного анализа проблем информационного общества и его отличия от общества индустриального принадлежит японскому исследователю Ю. Масуда (**см.**).

Итак, изменения в области техники производства, оказывающие мощное влияние на ход мировой экономики, предполагают два условия: 1) наличие соответствующих научно-технических открытий и изобретений; 2) хозяйственные возможности применения этих открытий и изобретений на практике. Целесообразно предположить, что направление и интенсивность научно-технических открытий и изобретений являются функцией запросов практической действительности и предшествующего развития науки и техники. Однако, чтобы имело место реальное изменение техники производства, наличия научно-технических изобретений еще недостаточно. Научно-технические изобретения могут иметь место, но могут оставаться недейственными, пока не появятся необходимые экономические условия их применения. Пример тому – факт научно-технических изобретений 17 – начала 18 в., нашедших широкое применение лишь в эпоху промышленной революции конца 18 в. *Самое развитие техники включается в закономерный процесс экономической динамики.*

Правомерно отметить (интерпретируя и экстраполируя мыслительные ходы Кондратьева), что войны и революции равным образом не могут не иметь весьма глубокого влияния на ход хозяйственного развития. Но войны и революции возникают на почве реальных, и прежде всего, экономических условий. Если думать, что войны и революции являются приходящими толчками, порождающими большие волны экономической динамики, то в силу каких обстоятельств они располагаются по определенным периодам, и как раз по периодам повышательных волн больших циклов, что было отмечено выше? Представляется рациональным допустить, что самые войны возникают на почве повышения темпа роста производительных сил, обострения экономической борьбы за рынки и сырье. Представляется также целесообразным допустить, что и социальные потрясения возникают легче всего именно в период бурного натиска новых производительных сил, приходящих в конфликт с отставшими экономическими отношениями и социально-правовым укладом общества.

Таким образом, по Кондратьеву, *и войны, и социальные потрясения включаются в процессы развития мировой экономики и оказываются не исходными силами этого развития, а его функцией и формой*, а именно – функцией и формой разрешения постоянно возникающих *противоречий* между характером и уровнем развития производительных сил и состоянием производственных отношений, связанных с борьбой за рынки сбыта и сферы экономического влияния.

Г.Н. Соколова

БОРОДКИН Фридрих Маркович (р. 1934) – российский социолог, специалист в области социальных конфликтов и местного самоуправления. Окончил Институт внешней торговли (1957). Доктор экономических наук (1978), профессор (1993).

Научную деятельность начал в НИИ труда в области применения математических методов в экономике и социологии (1958). С 1962 работал зав. отделом социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР, затем зав. кафедрой общей социологии Новосибирского университета. Организатор социологической специализации в Новосибирском университете (1991), создатель кафедры общей социологии и отделения социологии в составе экономического факультета.

В середине 1960-х Б. явился одним из основателей математической социологии. Позднее главное внимание Б. уделяет моделированию демографических процессов, игровому моделированию в социологии. В середине 1970-х основным направлением деятельности Б. стал феномен организационного конфликта. Работа "Статистический анализ связей экономических показателей" (1968) положила начало серии научных работ Б. по экономике и социологии с анализом и моделированием причинных связей при помощи статистических методов и теории графов. Широкую дискуссию вызвала работа Б. "Принцип дополнительности в социологии" в сборнике "Моделирование социальных процессов" (1970, в соавторстве), где утверждался рефлексивный характер эмпирических социологических исследований и, как следствие, – возможность одновременных противоречивых выводов. Б. также принадлежат работы по социологии и социальной психологии конфликтов: "Внимание – конфликт!" (1982, 1989; в соавторстве). Всего Б. опубликовано более 100 научных работ.

БОФФ (Boff) Леонардо (р. 1938) – бразильский теолог и социолог. Лидер (наряду с сальвадорским теологом Й. Собрино) христологического течения в "теологии освобождения". Францисканец. Учился теологии в Бразилии и Европе (в том числе в Германии у К. Ранера). Непосредственно его образованием руководил Р. Коснер, ставший впоследствии верховным генералом францисканского ордена.

Испытал влияние марксизма (прежде всего работ "раннего" К. Маркса), однако считал приемлемым лишь марксистский способ анализа общества ("Отказавшись от марксизма, мы придем к мистификации общества"), но не марксистские решения обнаруживаемых проблем. "Маркс, – писал Б., – помог нам понять, что действия религиозного характера не ограничиваются только религиозным аспектом. Они включают и политический, и экономический, и идеологический уровни". Б. – ответственный редактор журнала "Концилиум", член Теологической комиссии Бразильской епископальной конференции, профессор систематической теологии в Высшей философско-теологической школе Петрополиса (Бразилия, штат Рио-де-Жанейро). Его сестра Мария Лина Бофф – монахиня Ордена служанок Марии. Ряд работ Б. написал совместно с братом Клодовисом Боффом – также представителем "теологии освобождения", преподававшим (до запрета) на теологическом факультете Папского университета Рио-де-Жанейро. Сам Б. 7.09.1984 был приглашен для объяснений в Конгрегацию доктрины веры (процедура началась еще в 1975). Наложенный на него Ватиканом обет молчания был снят в 1986. Он автор более 30 работ, основные из которых: "Иисус Христос как Освободитель" (1975), "Церковь: харизма и власть. Теология освобождения" (1985), "И церковь становится народом. Генезис церкви: церковь, которая рождается из веры народа" (1986) и др.

Б. исходит из тезиса о том, что церковь рождена и действует в этом мире, в той или иной степени детерминирована в своих действиях сложившимися формами общественного производства, вовлечена в отношения господства и подчинения-сопротивления. Поэтому, с одной стороны, "церковь сплошь и рядом способна выступить как религиозная идеология, узаконивающая господствующий порядок", но с другой – она может благословить и оправдать радикальное изменение сложившегося порядка. "Свобода возникает не из проповедей, а из практики борьбы за возвеличивание жизни", – утверждает Б. По ходу истории (которая есть прежде всего история освобождения) меняются ее субъекты. Таковыми в современном "третьем мире" стали беднейшие слои трудящихся, организующиеся в низовые христианские общины, открытые миру. Появление и развитие низовых (базовых) общин Б. считает подлинным экклесиогенезом, так как их члены способны (частично) взять на себя роль профессиональных богословов. Низовые общины по мере осознания ими своего места в процессе освобождения порождают народную церковь, противостоящую традиционной церкви (воплощающей собой культуру господствующих классов) и работающую в гуще народных масс, понимая и поддерживая их стремление к социальной справедливости и участвуя в его реализации. Конституирующими народную церковь чертами Б. считал прежде всего ее демократизм и ориентацию на народную культуру. "Народ" в народной церкви "понимается не как безликий прихожанин, получающий причастие или усваивающий урок катехизиса, а скорее – как активный член, участвующий во всех делах наравне и вместе со священником, епископом, а временами и с самим кардиналом, вступившими на этот церковный путь". Сама же народная церковь должна быть рассмотрена как социологический факт – особый способ быть церковью. "Вместо церкви-общества со строгой, централизованной, иерархической и безликой системой власти возникает церковь-община, более справедливо распределяющая священную власть". При этом Б. не устраивает трактовка "народа" как в тоталитарных идеологиях (якобинство, нацизм, фашизм, популизм), так и в культурной антропологии, где понятие народа соответствует "нации" и/или "населению", принадлежащему одной культуре. Он считает, что народ не есть данность, а возникает (конституируется) во взаимодействии групп в результате создания проекта и его воплощения в определенной практике.

Согласно Б., народ как социологическая категория включает в себя: 1) наличие комплекса взаимодействующих между собой ассоциаций, 2) осознание своего положения между "массой" и "элитой", что предполагает борьбу и сопротивление, 3) выработку эгалитарного проекта и равного участия всех в общественных процессах, 4) социально-историческую практику, преобразующую общественные отношения с целью создания нового, более эгалитарного общества, допускающего широкое участие людей в общественных делах, 5) аксиологическое измерение (способность вбирать в себя разные группы). Церковь должна не участвовать в иерархическом распределении власти в обществе, а посредничать во взаимодействии общества с низовыми религиозными общинами, включая последние в активную политическую жизнь. Отсюда те характеристики народной церкви, которыми она должна обладать как историческая конкретизация народа Божьего: 1) социологически церковь должна быть народной, объединяющей бедняков и/или маргиналов в религиозные общины совместно

со священниками и иными религиозными деятелями, которые социологически также составляют народ и выступают в защиту бедных; 2) в социальном плане церковь должна быть церковью бедных; 3) в социально-политическом плане это должна быть церковь борьбы за освобождение; 4) субъектно она должна выступать как религиозное социально-политическое движение, основанное на принципах открытости и векторно направленное из центра к периферии, куда перемещается центр религиозной жизни из атеистической Европы; 5) в исторической перспективе это должна быть церковь, укорененная в самом базисе обществе и исходящая из него (при этом базис трактуется и как организованный народ, и как политико-экклезиологическое понятие: из базиса рождается общность, препятствующая возникновению авторитарной власти; 6) идеологически это должна быть церковь политической святости – она занимает конфронтационную позицию по отношению к обществу, основанному на несправедливости и насилии, порождающих нищету большинства; 7) наконец, это церковь выполняющая принятые решения (в этом смысле – церковь дисциплины), проповедующая принципы любви, солидарности и жертвенности, и принципиально открытая для всех, кто принимает эти принципы. Тем самым утверждается подлинно кафолический (вселенский) характер нового образца церкви, неразрывно связанной при этом с контекстами "третьего мира", формирующими для этого необходимые условия (утраченные в "центре"). "Подобный тип церкви, открытой для всех, бросает вызов стилю, практикуемому папством", – отмечает Б. С его точки зрения, евангелизация принципиально не может не носить политический оттенок, ведь сама "политика" реализуется в двух смысловых пространствах. С одной стороны, она есть деятельность по управлению обществом и его преобразованию, т.е. нацелена на решение конкретных мирских дел, с другой – она выражает глобальный поиск всеобщего блага, возвышения справедливости и реализации прав, нацелена на изживание насилия над человеческим достоинством. Во втором своем измерении она определяет фундаментальные ценности общества, обеспечивает согласие внутри него и внешнюю безопасность, равенство, свободу, братство, публичность авторитета и автономию людей. В этом смысле политика должна вытекать из Евангелия, а следовательно, аполитичность церкви недопустима, политика суть часть миссии церкви. Высший политический идеал для Б. – демократия, понятая как единственно возможный достойный человека способ организации жизни: "...Демократия – это более чем форма конкретного правления, это дух, который должен пронизывать все формы власти, ибо цель демократии – достижение равенства и участия всех или максимально возможного большинства людей в общественной жизни. Демократия – это вызов, на который надо отвечать повседневно..." Считая, что "в природе человека заложено стремление к сотрудничеству, а не к господству над другими", что в основе человеческой природы лежит "любовь, доверие и уважение к народу", Б. выводит формулу демократического идеала – "человек человеку – друг, а не волк". Отдавая себе отчет в его утопичности, он призывает все же "ежеминутно обращаться к этой утопии": "Она никогда полностью не воплотится в жизнь, но если не желать невозможного, никогда не достичь возможного". В этой перспективе "теология освобождения" для Б. вторична по отношению к практике освобождения народа, так как "только исходя из социологической области и находясь в постоянной связи с ней, религиозный фактор может проявить себя как освободительный", с одной стороны, а с другой – само "теология освобождения" есть по сути ни что иное как "критические размышления о практической деятельности христиан, организованных в низовых общинах. Именно эта практика первична; теология лишь вторична и может развиваться только внутри этих требований, этих народных движений". В то же время, говоря о неизбежном "исчезновении великих социальных утопий" в современном мире, Б. утверждает, что это обстоятельство только усиливает и придает совершенно особое значение именно социальной роли религии, функционально занимающей опустевшую нишу былых "освободительных идеологий", ведь только она (будучи очищена от наслоений прошлого и будучи перестрактована в духе "теологии освобождения") способна предложить человеку смысл, ради которого стоит жить и умереть.

В.Л. Абушенко

БРАК – в широком смысле – социально организованные половые отношения между мужчиной и женщиной. В узком смысле – Б. представляет собой гражданское состояние мужчины и женщины, их союз для образования семьи (см.), рождения детей. Брачные отношения в современном их понимании – это сочетание разных аспектов взаимоотношений двух взрослых представителей разного пола. В отличие от других социальных отношений Б. включает в себя естественно-биологический элемент – интимную связь половых партнеров, сексуальные контакты. Кроме этого, брачные отношения имеют экономическую, эмоционально-психологическую, правовую, моральную стороны. В разные исторические времена наличие или преобладание одной из них было обусловлено характером и уровнем развития общественных отношений.

На всем протяжении своей истории общество по-разному регулировало Б. Мораль (см.), религия (см.), право (см.) как социальные институты (см.), государство (см.) в целом никогда не были индифферентны к половым отношениям между мужчиной и женщиной, так как это связано с людским воспроизводством, которым человечество было озабочено всегда. "Тайна половой любви, как абсолютная тайна двух, недосягаема для общества, но общество привыкло регламентировать все, что имеет отношение к продолжению человеческого рода". (Н. Бердяев – см.). Понятие Б. наиболее близко понятию супружества, брачной жизни. Этимология слова "Б." связана с глаголом брать, т.е. получать в "свою собственность" (мужа, жену), принимать с какой-то целью, овладевать кем-то (чем-то). Проблемы возникновения и развития Б. напрямую связаны с появлением на земле людей, с развитием отношений между мужчинами и женщинами.

Очень многие вопросы в проблеме появления людей обоих полов, до сих пор остаются без ответа. Одна из популяр-

ных теорий – эволюционистская – построена на данных о постепенном развитии форм жизни на земле. У эволюционистской теории развития человечества, основанной Э. Тайлором (см.) и Л. Морганом (см.) в середине 19 в. и развитой многочисленными последователями, много сторонников, но достаточно и критиков. Например, американский антрополог Ф. Боас (см.) еще в начале 20 в. критиковал идеи указанных авторов за стремление к генерализации объяснения и поиску общих и универсальных законов многообразной человеческой культуры.

Считается доказанным, что человечество имело в своей истории добрачный этап. Б. возник на ранних этапах цивилизации как способ регулирования обществом половых отношений и имеет множество исторических форм. Однако сначала он воспринимался мыслителями как изначально и неизменно моногамный. В античном обществе Б. был моногамным с ярко выраженным господством мужчины. Этот реальный факт брался как исходный и единственный для всех, кто хотел понять природу и историю брачных и семейных отношений. В связи с этим в средние века безраздельно господствовала "патриархальная теория" семьи и Б. Это господство основывалось и на Библии, которая знала только такую форму отношений между мужчиной и женщиной, и на учении Аристотеля, который был в то время непререкаемым авторитетом. Кроме этого "патриархальная теория" была удобным средством для обоснования естественности монархической власти. Теория извечности патриархального характера брачно-семейных отношений использовалась и идеологами буржуазии. Однако в эпоху великих географических открытий и колониального освоения Америки и других континентов шло активное накопление фактов, которые уже не укладывались в прокрустово ложе "патриархальной теории".

Историзм для объяснения развития отношений между полами был использован впервые швейцарским ученым И. Бахофеном в его труде "Материнское право" (1861), посвященном первобытности. Он связал воедино непонятые до него факты существования в разных человеческих сообществах моногамии, многоженства и многомужества для объяснения брачных отношений в разные исторические периоды. Почти одновременно идеи эволюционизма рассматривались другим исследователем – юристом из Шотландии Дж. Мак-Леннаном. Его книга "Первобытный брак. Исследование о происхождении обряда похищения в свадебных церемониях" вышла в 1865. Оба ученых независимо друг от друга пришли к выводу о добрачном состоянии общества, о существовании до появления брака промискуитета, о первоначальном материнском роде, который предшествовал отцовскому. Мак-Леннан выдвинул гипотезу о широком распространении в первобытном обществе запрета на Б. внутри определенной группы людей, который он назвал принципом экзогамии. В это же время на другом континенте американский исследователь Л. Морган (см.) завершил капитальный труд "Системы родства и свойства человеческой семьи" (1866). Эволюционная схема развития Б. и семьи (промискуитет, "коммунальная семья", парный Б., моногамный Б.) была детально описана им позднее в фундаментальной работе "Древнее общество" (1877). Морган предпринял попытку синтезировать в рамках одной теории многообразие человеческих культур. Немногим позднее идеи эволюционизма брачно-семейных отношений разрабатывались Ф. Энгельсом (см.) ("Происхождение семьи, частной собственности и государства", 1884). Среди известных сторонников эволюционистской теории, которые внесли свою лепту в знание о развитии половых человеческих отношений, А. Файсон, У. Риверс, М.М. Ковалевский (см.), П.А. Сорокин (см.), М.О. Косвен, С.П. Толстов, А.М. Золоторев, Н.И. Зибер, Р. Бриффолт, Дж. Мэрдок и многие другие. Главные идеи эволюционистов нашли широкую поддержку у последователей, но позже появились и появляются до сего времени отдельные уточнения, пояснения и некоторые опровержения, опирающиеся на новые факты и доказательства. При помощи общих усилий теоретиков-эволюционистов и ученых, добывающих знания опытным путем (археологи, этнографы, палеонтологи, антропологи и др.), можно реконструировать процесс развития брачных отношений, картина которого на сегодняшний день будет выглядеть в весьма упрощенном виде в изложенном ниже образом. Нужно заметить, что такой анализ позволяет увидеть преемственность элементов характера брачных отношений у наших современников и людей, проживавших в далекие времена.

Добрачное состояние общества было обусловлено существованием на заре человечества человекоподобных особей, живших в одиночку, с присущим им зоологическим индивидуализмом. Позже эти особи стали объединяться в группы, для которых был характерен промискуитет. В понимании сторонников морганновского направления этим понятием определялось отсутствие позитивных социальных норм, которые регулировали отношения между полами, а не всеобщее смешение полов, или свальный грех, как это воспринимается некоторыми учеными и большинством людей. Стихийные половые отношения между членами человеческого коллектива, который формировался тысячелетиями, имели для него опасность, потому что носили неупорядоченный, промискуитетный характер и не регулировались им. В конечном счете они были запрещены. Социогенез "прежде всего заключается в обуздании зоологического индивидуализма становящимися производственными отношениями и формировавшейся как их отражение коллективной волей, в установлении социального контроля над проявлением животных инстинктов". (Ю.И.Семенов – см.).

Исторической границей между добрачным состоянием общества и появлением Б. как социального явления принято считать введение запрета на инцест (см.), половые отношения между кровными родственниками, названного Ю.И. Семеновым агамией. Наукой установлено, что доклассовое общество было родовым. Понятие рода по-разному интерпретировалось исследователями. Если Морган считал род разросшейся вширь семьей, то Мак-Леннан понимал его как форму общественной организации, которая предшествовала семье как социальному образованию. Второе считается более аргументированным. Агамный запрет представлял собой фундаментальный принцип поведения членов родового коллектива. Он являлся единственной нормой поведения в родовом обществе,

нарушение которой каралось смертью. Ю.И. Семенов считает, что это связано с тем, что много тысячелетий над людьми властвовал кошмар давно исчезнувших предков. Предполагается, что на ранних стадиях формирования человечества какие-то половые отношения между членами его объединений таили в себе смертельную опасность. Этнографии известны многообразные запреты на отношения между мужчинами и женщинами. Все они, включая агамию, принадлежат к числу запретов, которые специалисты именуют табу (запрет, который никак не мотивируется). Наличие табу (см.) – это свидетельство существования более древних социальных норм, чем обычные запреты. Их можно трактовать как средство обуздания зоологических инстинктов, биологических потребностей людей. Р. Бриффолт, С. Рейнак, Г. Вебстер считали, что существование человеческого сообщества невозможно без постоянного контроля над биологическими инстинктами своих членов. Половые табу доказывают их генетическую связь с промискуитетом. Позже возникли и производственные половые табу, которые были связаны с разнообразной деятельностью людей (рыболовством, охотой, земледелием и т.д.). Это своеобразное разведение особенностей жизни первобытного человеческого стада во времени. Вся жизнь первобытного стада чередовалась периодами агамии и промискуитета. Отзвуки таких отношений были заметны сравнительно недавно. Как отмечает Ю.И. Семенов, вплоть до 17 в. и позже некоторые народные праздники в Италии, Германии, России, Франции, Швейцарии отличались значительной свободой половых отношений. Промискуитетные отношения в первобытном обществе подтверждаются многими исследованиями (Л. Файсона, К.Д. Кавелина, М.В. Довнар-Запольского и др.), что не исключало одновременного существования временных и постоянных пар. Однако в то время не было и быть не могло никаких социальных норм, которые регулировали их образование и распад.

При этом надо учитывать, что половые и брачные отношения – это не одно и то же. Если между мужчиной и женщиной не возникает никаких прав и обязанностей, нет санкций со стороны общества за их невыполнение, половые отношения, даже регулярные, нельзя назвать брачными. Первым социальным организмом, который пришел на смену первобытному человеческому стаду, был род. Он был производственным, распределительным, агамным. Этнографами доказано, что появление производственных половых табу сопровождалось бытовым обособлением мужчин и женщин. Во время действия этих табу мужчинам запрещалось не только вступать в половой контакт с женщинами, но и смотреть на них, прикасаться к ним, разговаривать с ними, находиться под одной крышей и даже есть пищу, которую они приготовили. Агамия вызвала к жизни и требование экзогамии, т.е. полного запрета на вступление в половые отношения в одном человеческом коллективе. Одной из причин этого было осознание вреда кровосмешения. В силу последнего признака он не мог существовать изолированно, поэтому объективно возникла необходимость в дуально-родовой организации. При этом роды, составлявшие дуальную организацию, были связаны как социальные общности не по производственной надобности, а в силу необходимости деторождения, биологические же родители – мужчина и женщина – не были связаны производственными отношениями и принадлежали к разным хозяйственным единицам. Каждый род состоял из двух групп: мужской и женско-детской. Мужчины и женщины одного рода могли вступать в половые отношения только с женщинами и мужчинами другого рода. Вступление в половые отношения людей, которые принадлежали к разным родам, было сугубо добровольным, не давало им никаких прав и не влекло никаких обязанностей по отношению друг к другу. Ребенок после рождения, проживал по месту нахождения своей матери, в женско-детской группе рода, к которому женщина принадлежала изначально, вместе с детьми, рожденными другими женщинами. Родовая коммуна была как хозяйственной, так и социальной организацией, так как в ней обеспечивалось вскармливание и воспитание детей. Таким образом мужчины и женщины, вступавшие в половые отношения, были не мужьями и женами в современном понимании, а просто половыми партнерами. Этот период развития межполовых человеческих отношений назван групповым Б., т.е. союзом двух родов, так как в качестве сторон в нем выступают не отдельные люди, не просто мужские и женские подгруппы, а роды, как целостные группы. Сущность же группового Б. заключается в ограничении круга возможных половых партнеров рамками определенной родовой организации. При групповом Б. известной была как биологическая родительница только мать ребенка. Отец не был известен. Этот этап развития брачных отношений считается научно установленным фактом.

Социально-экономическая структура первобытного общества постепенно усложнялась. Первоначальные разборные отношения как форма производственных отношений (когда каждый член коллектива имел право взять долю производственного продукта для своего пользования) по мере появления избыточного продукта начали дополняться дарообменом между мужчиной и женщиной. Пока мужчина и женщина обменивались дарами, они имели и в сфере половых отношений права и обязанности по отношению друг к другу. Это послужило основанием для возникновения индивидуального Б., который является социальной организацией (см.). Однако он еще не был основой семьи, предназначение которой заключается прежде всего в воспроизводстве и социализации нового поколения людей. Парный Б. не предполагал исключительности сожительства. В отличие от более поздней моногамии внебрачная связь в этом Б. не рассматривалась как отклонение от нормы и не осуждалась обществом. У всех народов в период нахождения их на определенной стадии развития исследователями отмечается наличие разделения труда между мужской и женско-детской группами, которому были присущи разборные отношения собранного, полученного и т.д. продукта. На смену разборным отношениям пришли распределительные, которые сначала осуществлялись только между мужской и женско-детской группами как целостными образованиями. При этом естественно то, что последняя получала больше, чем отдавала, так как малолетние дети не принимали участия в производстве материальных благ. Естественно и то, что как женщины-матери, так и все общество были заинтере-

сованы в постоянных экономических связях с мужчинами, которые могли отдавать больше, чем получали взамен. Мужчина, который начал давать жене больше продуктов, чем получал от нее, превратился в кормильца ее детей. При этом совершенно не обязательным было его биологическое отцовство. Эти связи становились все более постоянными. С возникновением парного Б. половые отношения между мужчиной и женщиной становились не только социальными, но и социально-экономическими. При парном Б. появляются и определенные права, и определенные обязанности по отношению друг к другу, но воздержания от половых контактов с другими партнерами не требовалось. С появлением и развитием религии общественно-моральное регулирование Б. дополняется религиозным. Будучи первоначально легко разрушаемым, непостоянным, в процессе перехода от доклассового общества к классовому индивидуальный Б. постепенно становился все более прочным, дополнялся все новыми формами общественного воздействия и превращался в единственную форму регулирования половых отношений.

По мере укрепления института частной собственности, накопления богатств и усиления экономических интересов, укреплялись и брачные отношения, а добрачные и внебрачные все больше ограничивались. Рост влияния религии и церкви как ее организации в более поздние времена сопровождался введением все больших ограничений на вступление в Б. и затруднением разводов. Становление моногамного Б. (единобрачия), пришедшего на смену парному, было очень сложным и длительным процессом, связанным с формированием классового общества. Известны многие разновидности у разных народов переходных форм Б. от парного к моногамному. Существующие стереотипы об исторически обусловленном жестком закреплении гендерных ролей мужчин и женщин разрушены вышедшими в 1990-х трудами историографа И.С. Свенцицкой о греческих женщинах античной эпохи, нередко отличавшихся неординарным поведением в брачно-семейной сфере; в середине 1970-х трудами Э. Шортера, Ж.-Л. Фландрена и Л. Стоуна, посвященным распределению прав и обязанностей между мужчинами и женщинами, внутрисемейным отношениям, в том числе материальным, сексуальным, эмоциональным в английских семьях средневековья. Согласно данным Д. Николаса в Англии в 14-15 вв. для представителей средних и низших слоев городского населения важную роль в выборе брачного партнера и в семейной жизни играли не только сексуальные влечения, но и "романтическая любовь", и взаимные чувства. Эти данные разрушают целый ряд стереотипов о месте и роли женщины в супружеской жизни. Еще одна исследовательница Б. Ханавалт после тщательного исследования документальных источников пришла к выводу, что в средневековом английском крестьянском обществе самым подходящим словом для описания Б. является партнерство, которое было и экономическим, и эмоциональным. Исследованиями опровергнуто положение о том, что в доиндустриальной Европе супружеская семья представляла собой лишь экономический союз; в ней находилось место и эмоциональной, и сексуальной притягательности. Хотя право предписывало жесткое подчинение женщин мужчинам, на деле они нередко выступали как равные партнеры мужчин: мужей или сыновей. Дж. Шарп доказал, что в 17 в. в Англии среди простых людей Б. по любви считались не только нормальными, но и желательными, а Б. по расчету были предосудительными и заведомо несчастливыми. В средние века долгое время как обычай, так и письменное право допускали существование разных вариантов половых союзов между мужчинами и женщинами, которые имели равный социальный статус, а также временное сожительство мужчин с женщинами более низкого социального положения. Дети, рожденные в законных и незаконных Б., обычно воспитывались совместно, а иногда даже имели равное право на наследство. Все виды половых отношений имели много общего. Чувственная страсть была движущей силой этих отношений, а духовная близость являлась не только не обязательной, но и необычной (Ю.Л. Бессмертный).

В классовом обществе полностью исчезли уравнительные распределения. Мужчины, как правило, выступают в качестве собственников средств производства. Женщины же получают свою долю произведенного продукта только из доли мужчины: сначала отца, а затем мужа. Иждивенчество в массовом порядке приобретает не социально-экономический, а семейно-экономический характер. Этим продиктованы и мотивы вступления в Б. Б. становится необходим мужчине, чтобы продлить свой род, передать нажитое имущество законным детям, а женщине – чтобы иметь кормильца. Так как на протяжении всей истории классового общества вплоть до индустриализации только мужчины входили в социально-экономическую производственную систему, женщины были экономически зависимы от них и в обществе, и в семье. Это отражалась и в правовых нормах, которые закрепляли подчиненное положение женщин. С. Мендельсон, основательно разработавшая некоторые общие для 17 в. проблемы женщин, отмечает, что не все женщины следовали модели поведения, которая предписывалась им традиционным обществом, однако возможности такой самостоятельности были весьма ограниченными, даже в сексуальной сфере, поэтому реальной угрозы патриархальным структурам не создавалось. В доиндустриалистических обществах вопрос о замужестве дочерей чаще всего решался без их участия, они *выдавались или брались* замуж по согласованию глав двух семей, т.е. Б. не был личным делом, а отражал интересы семей. Б. считался пожизненным союзом и его расторжение было значительно затруднено для мужчины, а для женщины практически невозможно. Женщина должна была быть целомудренной до Б. и верной женой в Б., что связано было прежде всего с необходимостью для мужчины быть уверенным в своем биологическом отцовстве в отношении детей, которых она рожала и которые становились наследниками его имущества. Существовал обычай наказывать неверных жен, эта обязанность сначала принадлежала мужу, а в более позднее время и государству. Во Франции еще в середине 19 в. за супружескую неверность жена могла быть заключена в тюрьму от трех месяцев до двух лет (А. Бебель). Однако требование соблюдать супружескую верность должно было быть распространено и на мужчин, чтобы полностью исключить "женскую порочность". Поэто-

му в обществах, где индивидуальный Б. был единственным регулятором межполовых связей, ограничение половых отношений рамками Б. считалось обязательным и для женщин, и для мужчин. Однако в классовом обществе запрет внебрачных половых отношений был реальным только для женщин, он был закреплен как моральными нормами, так и правовыми. Мужчины были гораздо свободнее. То же французское законодательство 19 в. признавало за мужчиной право иметь любовницу, если они встречались за пределами супружеского дома. Таким образом, двойной стандарт, двойная мораль по отношению к женщинам и мужчинам были реалиями жизни в классовом и индустриальном обществе и практически остаются таковыми во многих современных обществах. Отношения между мужем и женой в разных социальных классах строились по принципу подчинения женщин мужчинам, но основания для этого были разными. Если в классе собственников жена была не просто иждивенкой мужа, но и зависела от него, как и дети, в силу того, что он являлся частным собственником, то в семьях неимущих женская зависимость обуславливалась традицией и тем, что она находилась на содержании мужа, хотя бы частично. Развитие капитализма привело к социальному востребованию женщин как дешевой рабочей силы. Вовлечение женщин в общественное производство привело к изменению ее положения не только в обществе, но и в семье. Женщина сама стала зарабатывать деньги, т.е. исчезла необходимость целиком и полностью зависеть материально от других. Становление экономической независимости женщин подорвало основы господства мужа над женой. Экономическая сторона брачных отношений стала видоизменяться. Это обстоятельство послужило основанием для возникновения эгалитарного Б., в котором отношения сторон являются равноправными. Процесс эгалитаризации Б. длителен, сложен, противоречив и характерен для всех слоев общества. Включение женщин в общественно-экономические отношения автоматически не влекло их юридического равноправия с мужчинами, за это им пришлось бороться. 19 в. знаменателен возникновением и развитием женского движения за уравнивание прав с мужчинами. В настоящее время законами многих стран предусмотрены равные права обоих полов. Изменения положения женщины в социально-экономической и социально-правовой сфере не замедлили сказаться и на брачно-семейных отношениях. Увеличение самостоятельности женщин в целом привело к расширению свободы их выбора, и, в частности, в матримониальном и сексуальном поведении. Стала меняться сама идеология Б. и семьи.

Существенное изменение претерпевала и мотивация Б. Если раньше повсеместно основной целью Б. (хотя во многих обществах она остается таковой и сегодня) было деторождение и бездетные пары рассматривались как наказанные Богом или дефектные, то сегодня в развитых странах мира все чаще ценность детей отодвигается с первого места на пятое-седьмое, уступая индивидуальным стремлениям получить удовлетворение от жизни с любимым человеком, быть материально обеспеченным, оберегать собственное здоровье, достичь высот в профессиональной карьере и т.д. Например, в современных индустриальных обществах распространение получили бикарьерные Б., в которых оба партнера нацелены на собственные профессиональные достижения и не озабочены деторождением и домашними обязанностями. Репродуктивная функция перестала быть основной и единственной целью Б. по многим причинам: высвобождения людей из-под воздействия религиозных представлений, демократизации общества, эмансипации женщин и др. Экономический фактор является одним из ведущих при заключении Б., так как это связано с созданием необходимой материальной базы будущей семьи. Исследователи отмечают, что чем большую роль в обществе играет частная собственность, тем сильнее действие экономического интереса при заключении брачного союза. Одной из исторических брачных форм являются Б. по любви мужчины и женщины, сильнейшей эмоциональной привязанности, сочетающейся с физическим влечением, когда личностные качества избранника (избранницы) так же значимы, как и его половые признаки. Критерии выбора брачного партнера определяются обществом, но сам выбор индивидуален, избранник (избранница) при этом являются уникальными личностями, замена которых невозможна именно в силу своей неповторимости. Потребность в половой любви появилась сравнительно недавно. Ю.Л. Бессмертный отмечает, что, например, в 12-13 вв. Б. рассматривался как союз в принципе не совместимый с любовью, как комплексным чувством, сочетающим духовную и плотскую близость. Чувственные отношения полов появляются лишь в игровой, куртуазной сфере, где социальная и правовая регламентация была не такой сильной, а возможности для установления новых вариаций отношений между полами были большими. Социальная роль любовного флирта была существенной, так как помогала разрушать стереотипные образцы отношений между мужчинами и женщинами. Например, российскому дворянству 19 в. любовный флирт помогал в личном самоутверждении и способствовал переосмыслению традиционных жизненных ценностей. Необычные межполовые эмоциональные отношения как притягательное поведение отдельных индивидов стали той питательной средой, из которой со временем родились новые нормы отношений между мужчинами и женщинами, ставшие впоследствии массовыми.

Исследования историографов и социальных историков показывают наличие и роль эмоциональных отношений между супругами не только в раннее новое время, но и в средние века (Д. Николас). Э. Гидденс (см.), проведший в начале 1990-х анализ сексуальных и личных отношений в современном обществе, пришел к выводу, что они стали более интимными, т.е. более открытыми и близкими. Идеализация Б., заключенного по любви, была широко распространена в СССР. Именно такой Б. считался морально оправданным. Вместе с тем, Б., заключенные по любви, как свидетельствовали результаты многих советских социологов, нередко оканчивались разводами (данные А.Г. Харчева, М.С. Мацковского, Н.Г. Юркевича и др.). Только чувство, положенное в основу Б., не может быть гарантией его стабильности и успешности. "...человек не для того только существует, чтоб *любиться*; неужели *вся* цель мужчины – обладание такою-то женщиной, *вся* цель женщины – обладание таким-то мужчиною?" (А. Герцен). Для со-

временного Б. лучшей основой можно считать сочетание чувства с разумом.

В разные исторические времена относительное количество состоящих в Б. людей брачного возраста (по сути могущих вступать в половой акт) по отношению к живущим современникам колеблется. Так, в доклассовом обществе в брачных отношениях состояли все его члены (кроме малолетних и престарелых). Там не могло быть ни "старых холостяков", ни "старых дев". Состояние вдовства или развода являлось лишь временным, так как разделение труда (см.) делало невозможным отдельное существование мужчин и женщин (Ю.И. Семенов). В более позднее время существовала значительная часть населения, не состоящая в Б. в связи с экономической или социальной несостоятельностью, а также в связи с социокультурными обоснованиями предпочтительности безбрачия (например, монахи в христианстве). В современном мире большинство людей живет в Б.

Важнейшей характеристикой Б. является стабильность – это устойчивость, прочность супружеских отношений, которые задают тон всем остальным внутрисемейным отношениям. Данное понятие является довольно узким, оценивающим только тесноту связи между мужем и женой, не вдаваясь в характеристику совокупности отношений в семье и не рассматривая успешности комплекса брачно-семейных отношений. Определить, какие отношения считать устойчивыми, довольно трудно. Считается, что чем меньше разводов, тем прочнее Б. Стабильность может быть обусловлена воздействием как внешних факторов, так и внутренних. Внешние факторы (например, социально-правовая регламентация) могут быть настолько жесткими, что не допускают разрыва брачных отношений почти ни при каких обстоятельствах. Такое положение может кардинальным образом не совпадать с индивидуальными ориентациями, что обуславливает внутреннюю неудовлетворенность супругов и напряженность между ними. В современном обществе стабильность как одна из характеристик брачных отношений не может считаться единственным и достаточным условием оправдания их существования. Кроме нее необходимо должна присутствовать как субъективная составляющая состояния брачных отношений личная удовлетворенность Б. Именно наличие этого признака позволяет относить Б. как современный социальный институт к таким, где происходит самореализация личности. Поэтому истинная стабильность обеспечивается внутренними источниками, желаниями самих супругов. И здесь уже необходимо рассматривать такие характеристики супружеских отношений, как качество супружества, успешность Б. и т.д.

Б. могут распадаться естественным путем, т.е. в связи со смертью одного или обоих супругов, или прекращаться их волевым усилием. Развод – это одна из форм прекращения Б. путем его юридического оформления, т.е. социально санкционированный распад брачных отношений. На протяжении столетий отношение к разводу и формы развода отличались в зависимости от господствующих религиозных и социокультурных установок. Долгое время право на развод было преимуществом мужчин. Свобода разводов является обратной стороной свободы Б. Впервые в истории равенство мужчин и женщин перед законом было провозглашено Французской революцией 1793, когда Б. заключались по взаимному согласию и была предусмотрена система разводов. Однако уже в 1794 эти нововведения были уничтожены контрреволюцией. Вторым историческим примером стала Россия. Развод стал возможен по требованию как мужа, так и жены в советской России сразу после Октябрьских событий (1917). Это было значительное достижение в уравнивании социальных прав женщин с мужчинами в брачно-семейной сфере. Под воздействием этих нововведений и феминистского движения многие страны по примеру России ввели в свое законодательство схожие нормы, предоставив право развода и женщине. Длительное время расторгнуть Б. можно было только при наличии вины со стороны одного из супругов, прежде всего в силу супружеской измены. В настоящее время многие страны мира предусматривают развод "без вины". Ни в одном из вопросов брачно-семейной сферы перемены не происходили так радикально, как в области развода в 1970-х. Новые законы о разводе были приняты в Англии, Австрии, Франции, Германии, Швеции, Голландии, Дании, Швейцарии, Норвегии, Финляндии, Австралии, большинстве штатов США, немногим позже и в таких католических странах, как Италия, Испания, Португалия (О.А. Хазова). Это произошло в связи со значительным отставанием правовых норм от изменившихся социальных условий и стало возможным благодаря тому, что на смену традиционной форме Б. с четким распределением ролей супругов, где на жену возлагались только функции домохозяйки, а на мужа ее кормильца, на смену понятия Б. как нерушимого пожизненного союза, пришла новая форма Б. – Б.-товарищества, Б.-партнерства. Эта форма является более хрупкой, но зато не дискриминирует супругов, оба имеют одинаковые права и обязанности. Сохранение единства такого союза все меньше зависит от давления общества, и все больше – от воли самих супругов. Коэффициент разводимости в той или иной стране можно объяснять индивидуальными ожиданиями и ролью Б. в обществе. Чем больше брачные партнеры ориентированы только на индивидуальные ожидания, тем выше будет уровень разводов при их неосуществимости. Б., не нацеленный на интересы семьи, менее устойчив, так как более уязвим в силу меньшей зависимости друг от друга мужчины и женщины.

Согласно действующему законодательству Беларуси права и обязанности супругов порождает лишь Б., заключенный в государственных органах, а расторжение Б. производится судом в порядке искового производства. (По имеющимся данным UNDP в 1996 мировым лидером по соотношению процента юридических разводов от количества бракосочетаний была Беларусь. Этот процент составил 68. Второе место занимала Российская Федерация – 65%, третье Швеция – 64%.)

В современном мире ценность Б. как жестко контролируемого социального образования снижается во многих странах в силу разных причин. Среди них рост привлекательности индивидуальной частной жизни, которая все больше распространяется в связи с доступностью разнообразных услуг, организованных обществом, которые можно получить не всту-

пая в Б. и не беря на себя ответственность за другого человека; реструктуризация социальных ценностей, среди которых на первых местах чаще всего появляются внесемейные ценности, связанные с личными достижениями и личным благополучием; негативного опыта многих супружеских пар, расторгающих браки, и падением престижа брака в связи с этим среди молодежи; либерализация взглядов на характер половых отношений до Б., в Б. и вне Б.; девальвация многих моральных ценностей, связанных с отношениями между людьми и т.д. К этим факторам в странах с переходной экономикой присоединяется кризисная социально-экономическая ситуация. Вступление в юридический Б., который по-прежнему имеет и экономическую сторону, для определенной части населения является недоступным в связи со стесненными материальными возможностями. Происходит перекос в сторону образования большего количества фактических сожительств, которые менее формализованы, или одинокой жизни. В недавнем прошлом Б. не рассматривался в качестве института, призванного удовлетворять сексуальные потребности. Сегодня нередко Б. воспринимается только как способ потребления секса с постоянным партнером. В таких случаях остальные его стороны становятся менее значимыми. Половое общение осуществляется только с гедонистической целью, а не ради зачатия и рождения детей, причем эта цель ставится не только мужчинами, но и женщинами, имеющими возможность пользоваться современными противозачаточными средствами. Эротизация Б. как самоцель привела к его обесцениванию и уменьшению прочности, лишила его многокрасочности отношений между мужчиной и женщиной, ограничила его только плотскими удовольствиями. Культ потребления в сфере секса подчиняет людей желанию получать все новые ощущения. Этот феномен способствовал появлению многих новых форм половых сожительств. Среди них американский социолог Р. Мазур называет коммуны, в которых образцы сексуальных отношений варьируют от вседозволенности до пуританства; фактическое сожительство, т.е. без заключения брачного договора; вторичный Б. (в послеразводной ситуации); групповой Б., при котором несколько мужчин и женщин дают какие-то моральные обязательства друг другу, принимая виды ответственности, предусмотренные традиционным Б.; "открытый Б.", допускающий по обоюдному согласию супружескую измену. О.Г. Кирьянова, исследовавшая современную американскую семью, называет такие формы Б., как свингерство, при котором супружеские пары практикуют обмен партнерами; сепаратное проживание, когда супружеские пары, сознательно придерживающиеся бездетности, проживают в разных местах; "visiting marriage" – Б. – посещения супругами друг друга по выходным дням и раздельное проживание во все остальные дни. В небольших масштабах встречаются гомосексуальные сожительства. Иными словами, эти брачные союзы создаются прежде всего для личного удобства мужчин и женщин, не ставящих целью превратить их в семью, и брачные отношения в таких случаях как бы противопоставляются семейным. Но традиционное моногамное гетерогенное сожительство безусловно преобладает. Таким образом, в современном человеческом сообществе Б. имеет очень много форм, распространенных в большей или меньшей степени. Являясь изобретением мужчины и женщины, Б. меняется по их прихоти или в связи с какими-то глубинными потребностями, иногда возможно не осознаваемыми до конца, но под многоаспектными воздействиями общества. Б. многолики и так же различны, как порой кардинально различны мужчины и женщины, проживающие в разных социокультурных и исторических условиях, обладающие специфическими психологическими характеристиками, жизненными стратегиями и тактиками. Вопросы брачного поведения всегда были, есть и будут частью проблемы о способах, формах и границах самореализации человека, который живет в обществе, связан с ним и зависит от него.

Характеризовать стабильность Б. во времени и в разных обществах можно при помощи сравнительных данных: количества разводов, например, на 1000 человек. Так, в Республике Беларусь на указанное количество жителей в 1990 приходилось 3,4 развода, а в 1996 – 4,2. (Сравним: в царской России разводы составляли на 1000 человек в 1867-1871 – 0,013; 1882-1886 – 0,016; 1913 – 0,15; в СССР в 1926 – 11,0, а в 1938 снизились до 4,8.)

Стабильность Б. в обществе обеспечивается объективными и субъективными факторами. К первым относят стабильность социальной системы, материальные условия жизни, формы социального контроля, правовые нормы, состояние брачно-семейной идеологии, культурные традиции, ожидания и требования социального окружения. Большинство указанных объективных факторов сегодня не относятся к числу стабилизирующих.

Субъективными факторами стабильности современного Б. являются установки супругов на сохранение Б., чувства мужа и жены, уровень супружеской совместимости, т.е. нравственные, эмоциональные и психологические характеристики супругов. Внутренние субъективные источники прочности сегодня являются главными в вопросе сохранения Б., потому что именно они способны (или не способны) обеспечить противостояние брачной пары неблагоприятному внешнему воздействию. Социологи отмечают, что в последние десятилетия ужесточились индивидуальные требования к брачному союзу, особенно со стороны женщин, а ценность Б. заметно снизилась, что сказывается на его стабильности и на отношении к его сохранению. Но при этом люди, получившие негативный опыт в первом Б., нередко вступают в повторный Б. Мужчины чаще, чем женщины, заключают новый брачный союз, причем делают это с партнершей, которая по возрасту моложе бывшей жены. Стабильность повторных Б. по сравнению с первыми оценивается по-разному. Одни исследователи обнаруживают их большую устойчивость, другие – меньшую прочность. Неоднозначность научных заключений объясняется недостаточной изученностью этой проблемы на эмпирическом уровне.

Особой нестабильностью отличаются ранние Б., которая в значительной степени объясняется недостаточной социальной зрелостью вступающих в Б. молодоженов.

По данным исследований, наименее устойчивы Б., заключенные как в очень раннем возрасте (до 20 лет), так и в пожилом возрасте. Если первые неустойчивы в силу незрело-

сти молодых людей, то вторые – по причине сложности взаимной адаптации, так как к этому возрасту характеры людей уже сформировались, а кроме этого сказывается опыт жизни в предшествовавшем Б. и неудовлетворенность связанных с Б. ожиданий.

С.Н. Бурова

БРИГАДИР ОПРОСНОЙ СЕТИ – руководитель группы лиц (анкетеров, интервьюеров, наблюдателей и т.д.), ведущих сбор первичной социологической информации в ходе проведения полевого социологического исследования.

Крупные социологические опросы, особенно проводимые в сжатые сроки (оперативные исследования), требуют привлечения значительного числа исполнителей, а значит и четкой организации их работы. Социологические институты, центры, лаборатории, формируя опросную сеть в своих регионах, привлекают к этой работе, как правило, лиц с высшим образованием, по различных профессий. Зачастую это аспиранты, студенты вузов, учителя, библиотекари, пенсионеры, домохозяйки, безработные, использующие массовые опросы как временный вид занятости. Б.О.С. назначаются руководителем полевого исследования из числа профессиональных социологов, обладающих хорошими организаторскими способностями.

В функции Б.О.С. входит:

1) Оптимальный подбор конкретных исполнителей для определенных видов полевых работ; распределение участков работ; определение объема работы для каждого конкретного исполнителя; определение сроков выполнения поставленной задачи.

2) Обучение и подготовка исполнителей для работы в поле: проведение коллективного инструктажа, при необходимости – индивидуальное инструктирование, предусматривающие общее знакомство с целями и задачами исследования, доскональное изучение инструментария, акцентирование внимания на самых сложных моментах работы, определение последовательности ее выполнения. В подготовку исполнителей входит также знакомство с объектом исследования, принципами отбора респондентов, если это входит в задачу анкетера или интервьюера. (Руководитель полевого исследования оговаривает с интервьюером правила заполнения маршрутного листа; порядок сдачи заполненных социологических документов.)

3) Обеспечение исполнителей комплектами исследовательских документов (анкетами, бланками интервью, опросных листов, маршрутных листов и т.д.).

4) Выдача письменных инструкций каждому исполнителю, обеспечение их необходимыми сопроводительными документами для работы в поле – удостоверениями интервьюера, анкетера.

5) Регулирование конфликтных ситуаций и оперативное устранение трудностей, которые могут возникнуть в ходе полевого опроса между лицами, ведущими сбор первичной социологической информации и респондентами, руководством предприятий, местными властями и т.д.

6) Осуществление контроля за содержанием работы и ходом ее проведения. Тщательная проверка заполнения каждого опросного документа и выборочная проверка соблюдения условий маршрута опроса. Контроль за соблюдением сроков выполнения полевых социологических опросов.

7) Прием заполненных опросных документов, их учет и хранение.

При необходимости Б.О.С. осуществляет организацию кодировки анкет. Проводит подготовку и передачу инструментария для последующей математической обработки. Осуществляет сбор индивидуальных отчетов непосредственных исполнителей и подготовку итогового отчета о ходе проведения полевого опроса на данном участке.

О.Г. Лукашова

БРОДЕЛЬ (Braudel) Фернан (1902-1985) – французский историк-медиевист, представитель школы "Анналов", возглавивший редколлегию журнала "Анналы: экономики, общества, цивилизации" в 1956. Окончил лицей Вольтера и Сорбонну. С начала 1920-х до середины 1930-х Б. – преподаватель одного из лицеев в Алжире (первая научная статья – "Испанцы в Северной Африке" была опубликована в 1928). С 1949 – зав. кафедрой современной цивилизации в Коллеж де Франс, председатель жюри по защите диссертаций по истории. Главный администратор созданного по его инициативе "Дома наук о человеке" (с 1962). Почетный доктор университетов Брюсселя, Оксфорда, Мадрида, Женевы, Варшавы, Кембриджа, Лондона, Чикаго. Основные сочинения: "Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв." (в 3 томах, 1979; т. 1 был издан в 1967); "Средиземноморье и мир Средиземноморья в эпоху Филиппа II" (1949); "История и социальные науки. Длительная временная протяженность" (1958); "Записки об истории" (сборник статей, 1969) и др.

Главными характеристиками понимания истории по Б. выступают определенная "конфронтация" географии и собственно истории (главный "персонаж" исторического исследования у Б., как правило, – географический ареал), а также весьма своеобычная диалектика пространства – времени, находящая свое выражение в идеях эшелонированности исторической действительности и циклического характера эволюции общества. Б. полагал правомерным рассмотрение исторической реальности в разных преломлениях, помещая быстротечные событийно-политические феномены на ее верхний уровень, долговременные социально-экономические тенденции – на средний, и, наконец, вневременные природно-географические константы – на нижний.

Теория о множественности времен в истории (предшественником Б. в которой выступал Ж. Гурвич – см.) постулировала таким образом наличие трех основополагающих типов длительности, присущих разным уровням исторической реальности: а) "время чрезвычайно большой протяженности", протекающее на природном (время природных ритмов) и макроэкономическом (время экономических структур) уровнях и "как бы неподвижное"; б) время больших "циклов" и хозяйственных "конъюнктур" (длящееся в социальной сфере); в) краткое и "нервное" время "короткого дыхания" – время событий. Человеческая свобода оказывается, по мнению Б., не более чем "пеной" на поверхности "океана" неподвижных "структур". Ана-

лизируя в традициях "Анналов" течение "глобальной истории", Б. вычленяет в ее границах экономическую, социальную, политическую и культурную "системы", включающие в себя далее ряд "подсистем". По Б., "согласно этой схеме, глобальная история (или, лучше сказать, история, имеющая тенденцию к глобальности, стремящаяся к тотальности, но никогда не могущая стать таковой) – это исследование по меньшей мере этих четырех систем самих по себе, потом в их взаимоотношениях, в их взаимозависимости, их чешуйчатости". Реконструкция глобальной истории являет собой у Б. уяснение динамики взаимосвязанных уровней исторической действительности, которая осуществляется не в форме их единонаправленной, синхронизированной и равноускоренной эволюции, а представляет неравномерные и смещенные во времени движения, поскольку каждой исторической реальности свойственен собственный специфический временной ритм. (Применительно к исследованию "Средиземноморье и мир Средиземноморья в эпоху Филиппа II" Б. отмечал: "единственная проблема, которую мне нужно было решить, заключалась в том, чтобы показать, как разные времена движутся с разной скоростью".) Легитимизировав в научном обороте исторической науки понятие "длительная временная протяженность" (longue durée), Б. подчеркивал, что главной сферой его исследовательских интересов является "почти неподвижная история людей в их тесной взаимосвязи с землей, по которой они ходят и которая их кормит; история беспрерывно повторяющегося диалога человека с природой... столь упорного, как если бы он был вне досягаемости для ущерба и ударов, наносимых временем".

Осуществляя в своем, ставшем классическим, исследовании "Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв." детальный анализ трех пластов экономической жизни человечества (материальной повседневности, рыночной экономики и капитализма) в их эволюции, Б. пытался ответить на вопрос, сформулированный в первом издании первого тома книги в 1967: "... каким образом тот строй, та сложная система существования, которая ассоциируется с понятием Старого порядка... могла прийти в негодность, разорваться; как стало возможным выйти за ее пределы... Как был пробит, как мог быть пробит потолок? И почему лишь в пользу некоторых, оказавшихся среди привилегированных на всей планете?" Архитектоника монументального труда Б. оказывается созвучной его трактовке природы и сущности общественных процессов, имевших место в данный исторический период. Первый том был посвящен рассмотрению структур повседневной жизни людей, которые, согласно Б., выступали в качестве "правил, которые слишком долго удерживали мир в довольно трудно объяснимой стабильности". Содержание второго тома демонстрировало процессы сосуществования и постепенного взаимопроникновения структур рыночной экономики, с одной стороны, противостоявшей, по Б., "массиву инфраэкономики", т.е. материальной повседневной жизни людей (питание, одежда, жилище, техника, деньги), – с другой. Приметы же капитализма в этот период Б. усматривал в спекулятивных операциях, торговле на дальние расстояния и процедурах банковских кредитов. Третий том излагал возможные подходы к проблеме организации истории мира во времени и пространстве: эксплицировались механизмы чередования (на протяжении пяти или шести веков) господства определенных экономически автономных регионов планеты (Венеция, Генуя, Англия и т.д.).

Исторические изыскания Б. не только (в известной степени вопреки "историко-психологическому духу" "Анналов") продемонстрировали возможность создания экономически-центрированной, однако при этом полифакторной истории общества, но и явились образцом сочетания классических традиций системной философии истории и новаторских интеллектуальных методик и приемов второй половины 20 в. См. также: **"Анналов" школа**.

А.А. Грицанов

БУРДЬЕ (Bourdieu) Пьер (1930-2002) – французский социолог, представитель постструктурализма (**см.**). Основатель и издатель (с 1975) журнала "Ученые труды в социальных науках", заведующий кафедрой социологии Коллеж де Франс (с 1981), профессор Высшей школы социальных наук, глава издательства "Liber – Raison d'agir". Учился на отделении философии Эколь Нормаль у Л. Альтюссера (**см.**), Г. Башляра и М. Фуко (**см.**). С 1955 по 1958 преподавал философию в лицее г. Мулен, затем уехал в Алжир, где продолжил преподавание и начал работать как социолог. Преподавал в университете Лиля, затем в Париже. С 1964 – директор-исследователь Высшей школы практических исследований. В 1975 возглавил Центр Европейской социологии. Автор 35 книг и нескольких сотен статей, Б. исследовал социальное воспроизводство, систему образования, государство, власть и политику, литературу, масс-медиа, социальные науки.

Основные работы:

Опубликованные на русском языке: "Начала" ("Choses dites") (М.: Socio-Logos, 1994); "Практический смысл" (М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001); "Рынок символической продукции" // Вопросы социологии. 1993. № 1/2; "Социология политики" (М.: Socio-Logos, 1993).

А также: "Любовь к искусству. Европейские художественные музеи и их публика" (1966 и 1969); "Срединное искусство. Очерк о социальном использовании фотографии" (1965, совм. с L. Boltanski, R. Castel, J.-C. Chamboredon); "Различие. Социальная критика суждения" (1979); "Интеллектуальное поле и творческий проект" (1966); "Научное поле" (1976); "Студенты и их учеба" (1964, совм. с J.-C. Passeron, M. Eliard); "Наследники. Студенты и культура" (1964, совм. с J.-C. Passeron); "Паскалевские размышления" (1997); "Нищета мира" (1993, в соавт.); "Практический разум. О теории действия" (1994); "Правила искусства. Происхождение и структура литературного поля" (1992); "Ответы. К рефлексивной антропологии" (1992); "Вопросы социологии" (1980); "Ответы экономистам" (1984) и др.

Главный труд Б. – "Различение. Социальная критика суждения" является одной из трех наиболее цитируемых социологических книг. Начиная с публикации в 1993 "Нищеты мира", Б. занимает критическую социологическую и политически ангажированную позицию, выступая на стороне социально обделенных, находящихся под угрозой или исключенных из общества групп: алжирских эмигрантов, безработных, молодежи

"проблемных парижских окраин", крестьян, выступающих против неолиберального репрессивного законодательства. Свою позицию ангажированного социолога – "ученого-борца", соединяющего некоим образом сартровского "тотального" и фукианского "специфического интеллектуала" Б. выражал в исследованиях и публикациях на "горячие сюжеты", объединенных в книжную серию "Повод к действию". Эти работы, а также выступления на митингах и демонстрациях навлекли на Б. множество нареканий со стороны "чистых мыслителей", считавших, что дело ученого – быть в стороне от политики, наблюдать и анализировать, но не участвовать непосредственно в политических событиях.

Концепция Б. представляет собой попытку синтеза структурализма (см.) и феноменологии – "генетический структурализм". Б. ведет борьбу на два фронта: как и с объективизмом, так и с субъективизмом. Опыт антропологических и социологических исследований привел его к выводу, что операции разрыва с повседневным опытом и построения объективных связей чреваты опасностью придания им статуса реально существующих вещей, возникших помимо индивидуальной или групповой истории. Отсюда тезис о необходимости борьбы с *реализмом структуры* и с жестким детерминизмом, постулирующим полную зависимость индивида от объективных социальных отношений. С другой стороны, субъективизм, индивидуалистическая тенденция к рассмотрению человека лишь как совокупности своеобразных личностных характеристик (рациональный выбор, вкус, способности, намерения), примат свободы субъекта, отрицание общественных детерминаций и т.п., представляет, по мысли Б., не меньшую опасность для социальной науки. Он считает, что только обращение к практике – к этому "диалектическому месту *opus operatum* и *modus operandi* – объективированным и инкорпорированным продуктам практической истории, структурам и габитусам" позволяет уйти от "неизбежного" выбора между объективизмом и субъективизмом.

Теоретической основой социологии Б. является концепция "двойного структурирования". Ее суть заключается в том, что социальная действительность структурирована, во-первых, со стороны (существующих объективно, т.е. независимо от сознания и воли агентов) социальных отношений, объективированных в распределениях разнообразных ресурсов (капиталов) как материального, так и нематериального характера, и, во-вторых, со стороны представлений людей о данных отношениях, о социальных структурах и об окружающем мире в целом, оказывающих обратное воздействие на первичное структурирование. Б. уточняет, что соотношение между структурами и практиками эквивалентно соотношению объективных и инкорпорированных структур, которое реализуется в любом практическом действии. Это соотношение выражает процесс интериоризации/экстериоризации, связывающий объективные и инкорпорированные структуры: социальные отношения, интериоризируясь в ходе практической деятельности, превращаются в "практические схемы" (схемы производства практик) – инкорпорированные структуры, которые обусловливают экстериоризацию, т.е. воспроизводство практиками агентами, породивших их объективных структур. Концепция двойного структурирования включает в себя комплекс представлений, отражающих генезис и структуру социальной действительности. То, что относится к генезису, есть установление причинно-следственных связей в социальной действительности: существуют объективные (независящие от воли и сознания людей) структуры, которые решающим образом воздействуют на практики, восприятие и мышление индивидов. Именно социальные структуры являются "конечными причинами" практик и представлений индивидуальных и коллективных агентов, которые эти структуры могут подавлять или стимулировать. С другой стороны, агентам имманентно присуща активность, они являются источниками непрерывных причинных воздействий на социальную действительность. Итак, социальные структуры обусловливают практики и представления агентов, но агенты производят практики и тем самым воспроизводят и/или преобразуют структуры. Говоря об активной роли агентов в воспроизводстве/производстве социальной действительности, Б. подчеркивает, что оно невозможно без инкорпорированных структур – практических схем, являющихся продуктом интериоризации объективных социальных структур. Отсюда следует, что субъективное структурирование социальной действительности есть подчиненный момент структурирования объективного. Второй аспект двойного структурирования социальной действительности – структурный. Он состоит в том, что все в обществе структурировано: во-первых, социальные отношения неравномерно распределены в пространстве и во времени; во-вторых, агенты неравномерно распределены между социальными отношениями (не все агенты и не в одно и то же время принимают участие в одних и тех же социальных отношениях); в-третьих, неравномерно распределены между (индивидуальными и коллективными) агентами объективации социальных отношений, которые Б. называет капиталами; в-четвертых, инкорпорированные социальные отношения (практические схемы) также распределены крайне неравномерно. Агенты, исходя из своих практических схем, по-разному воспринимают, оценивают и выражают социальную действительность. Способность агентов спонтанно ориентироваться в социальной действительности и более или менее адекватно реагировать на события и ситуации, которая складывается в результате огромной работы по образованию и воспитанию в процессе социализации, кристаллизуется в соответствующий социальным условиям становления индивида тип габитуса (см.).

Рассмотрение природы различных ресурсов, которые индивиды ставят на карту в борьбе за занятие определенной позиции, привело Б. к выводу, что за всем богатством и разнообразием ставок скрываются три большие группы, три категории капиталов. *Экономический капитал* – обладание материальными благами, к которым, исходя из их роли всеобщего эквивалента любого товара, можно отнести деньги, помогающие занять преимущественное место в поле, а также и любой товар в широком понимании этого слова. *Культурный капитал* – образование (общее, профессиональное, специальное) и соответствующий диплом, а также тот культурный уровень индивида, который ему достался в наследство от его семьи и усвоен в процессе социализации. *Социальный капитал* – ресурсы, связанные с принадлежностью к группе: сеть мобилизующихся связей, которыми нельзя воспользоваться иначе, как через по-

средство группы, обладающей определенной властью и способной оказать "услугу за услугу" (семья, друзья, церковь, ассоциация, спортивный или культурный клуб и т.п.). *Символический капитал* – разновидность социального, связан с обладанием определенным авторитетом, репутацией; это капитал признания группой равных и внешними инстанциями. Распределение капиталов между агентами проявляется как распределение власти и влияния в этом пространстве. Позиции агентов в социальном пространстве определяются объемом и структурой их капиталов. Экономический и культурный капиталы являются источниками власти для тех, кто ими обладает персонально, что дает агенту власть над теми, у кого этого капитала меньше или кто его лишен.

Совокупность всех социальных отношений не есть нечто аморфное и однородное, но наделено определенной структурой. Данное обстоятельство нашло свое отражение в концепте "поле", понимаемого как относительно замкнутая и автономная подсистема социальных отношений. Поле – это место сил, относительно независимое пространство, структурированное оппозициями, которые нельзя свести к одной лишь "классовой борьбе"; оно есть особое место, где выражаются самые разнообразные ставки борьбы, но чаще всего в преобразованном виде, который делает их отчасти неузнаваемыми. Внешний наблюдатель всегда стремится преуменьшить роль этих ставок, сводя их к обычным межличностным или же политическим конфликтам. Поле представляет собой совокупность позиций, которые статистически определяют взгляды занимающих их агентов как на данное поле, так и на их собственные практики, направленные либо на сохранение, либо на изменение структуры силовых отношений, производящей настоящее поле. Поле возникает как следствие прогрессирующего общественного разделения практик. Одной из важнейших его характеристик является автономия, т.е. относительная независимость функционирования поля от внешних принуждений. Поле переопределяет все внешние воздействия в собственной "логике". Такое свойство поля Б. называет *способностью к рефракции*, сила которой измеряется степенью преобразования внешних требований в специфическую, свойственную характеру поля форму. Важнейшей характеристикой поля является форма взаимодействий между агентами, чьи позиции в поле должны рассматриваться только во взаимных отношениях. Принцип относительности – важнейший для понимания теории полей и всей концепции Б. в целом. Агенты определяются через занимаемые ими в поле позиции, отличающиеся друг от друга сочетанием объективированных в них капиталов и, как следствие, специфической властью и влиянием, получаемой материальной и символической прибылью, ценой, которую надо заплатить, чтобы их занять. Агенты, действующие в поле, наделены постоянными диспозициями, усвоенными за время нахождения в нем. Логика функционирования поля конструирует из различных позиций (входящих в поле в данный момент времени и в данных условиях) некое пространство возможностей для каждого агента. Ансамбль позиций на деле есть деление поля в соответствии с логикой борьбы за различные возможности. С каждой позицией поля связана система представлений, диспозиций, интересов и особое видение деления поля. Между полем возможностей, структурой позиций и структурой продукции, производимой в данном поле, существует определенная гомология. В силу этого борьба агентов за сохранение или изменение своей позиции в поле, за трансформацию структуры поля есть в тоже время борьба за сохранение или изменение структуры продукции данного поля и инструментов этого производства.

Б. рассматривает анализ поля экономики как частный случай общей теории полей, который, не являясь моделью для анализа всех других полей, все же дает социологу исследовательские инструменты, позволяющие конструировать различные поля, включая наиболее далекие от экономики. Определение, которое он дает полю экономики, весьма наглядно отражает сочетание специфических и общих свойств полей: "Поле экономики – это относительно автономное пространство, подчиняющееся собственным законам, наделенное своеобразной аксиоматикой, связанной с оригинальной историей. Оно производит особую форму интереса, являющуюся частным случаем области возможных форм интереса. Социальная магия может превратить почти что угодно в интерес и сделать из этого ставку в борьбе". Можно сказать, что общая теория полей была построена посредством теоретической экстраполяции экономических понятий на неэкономические области, причем экстраполяции, валидизированной эмпирической индукцией, демонстрирующей как плодотворность, так и ограничения такого рода заимствований.

Конструирование поля требует вычленения всех возможных проявлений выделенной системы социальных отношений: практических, символических, идеологических, поведенческих и т.д. Необходимо детально проанализировать распределение капиталов, существующие классификации и иерархии, отношения господства/подчинения, институты и властные структуры. Эта работа по социологической реконструкции ансамбля социальных отношений является основой для анализа любого поля. Поле не существует в реальности, являясь продуктом социологического конструирования, но вместе с тем оно не произвольно, а основывается на социально-исторических фактах. Поле не есть простое обозначение формальных связей, приложимых к любому социальному образованию, но модус социальной действительности, исследование которого представляет собой особую социологическую задачу. См. также: **"Различение. Социальная критика суждения" (Бурдье), Капитал человеческий, Капитал социальный, Социальное пространство.**

И.А. Шматко

БУРЖУАЗИЯ (франц. bourgeoisie от позднелат. burgus – укрепленный город; англ. аналог – middle class – средний класс) – историко-социологическое понятие для обозначения социальной категории населения, выступающей генератором и носителем общественных отношений капиталистического типа (см. **Капитализм, Демократический капитализм**). Становление Б. как особого социального слоя и ее превращение в господствующий класс созданного ею индустриального общества традиционно ассоциируется с экономическим развитием государств Западной Европы (первоначальное накопление, рост городов, переход от цеховой организации ремесел к мануфак-

туре и, далее, к крупному машинному производству). Особое значение для формирования Б. имела легитимация идеи свободного владения собственностью и ее неприкосновенности, вначале осуществляемая по инициативе церковных структур: абсолютное право частного лица, группы лиц или корпорации индивидов свободно распоряжаться, в первую очередь, землей без каких-либо ограничений и условий (особенно со стороны государства) чрезвычайно усилила склонность людей к сбережениям, постепенно трансформируясь в практики перспективного инвестирования. Классическая социально-структурная триада (духовенство, воины, крестьянство), вошедшая в обиход к исходу "первого феодального периода" (датируемого интервалом 2-12 вв., по схеме Ле Гоффа), впоследствии модифицировалась в схему деления общества на духовенство, дворянство и третье сословие. (Последнее включало в себя лишь высший слой Б. – нотаблей: не только "все незнатные", но и большинство буржуа оказывались вне данной классификационной модели; такая неопределенность, как известно, результировалась в конфликте между сторонниками завершения Великой французской революции на этапе победы верхов третьего сословия и приверженцами идеи триумфа всего народа – всей Б.) Став экономически господствующим классом в ходе осуществления промышленных революций, Б. овладела (в различных объемах) также и институтами политического влияния и власти. Коллективно разделяя преданность определенным убеждениям, отстаивая веру в определенные права индивида, провозглашая определенный стиль мышления, репрезентируя определенный образ жизни, осознавшая самое себя как специфический общественный класс в 19 в. Б. оказалась в состоянии мобильно модернизировать собственную систему ценностей. Идеи конституционализма, индивидуализма и социализма, интернационализма и национализма, культовой роли разума, трактовка государства как продукта общественного договора, принцип свободы торговли, требования отмены рабства и цензуры – были сформулированы представителями класса Б. Инновации в категориально-понятийных комплексах социально-гуманитарных дисциплин эпохи господства Б. оказались также сопряжены с формированием принципиально новых, "человекосоразмерных" языковых средств описания природы людей: такие понятия, как характер, сознание, эго, склонность, апатия, чувствительность, подражание, благоразумие зародились в западноевропейских языках в 17-18 вв. В перечне глобальных достижений духовности человечества, в первую очередь обеспечивающих перманентное развитие планетарного гуманизма, безусловное ведущее место занимают буржуазные ценности принципиального и пафосного отказа от социальных методик и технологий, превращающих человека в элемент "мегамашины" (размещение между государством и индивидом защитного пояса институтов частной собственности) вкупе с переходящим от поколения к поколению механизмом государственного управления, позволяющим обществу реально и эффективно контролировать государство (на основе комбинации рынка, права правительства контролировать бизнес и действительно децентрализованной системы разделенных властей). См. также: **Пролетариат, Средний класс.**

А.А. Грицанов

БУТЕНКО Ирина Анатольевна (р. 1955) – российский социолог. Окончила МГУ (1977). Кандидат философских наук (1982); доктор социологических наук (1991).

В 1982-1988 – сотрудник ИСИ; в 1988-1992 – в Институте книги НПО "Всесоюзная книжная палата"; в 1992-1993 – директор опросов лидеров общественного мнения в службе "Vox Populi", с 1993 – ведущий научный сотрудник Российского института культурологии. Эксперт ряда отечественных и зарубежных научных фондов, член редколлегии журнала "Социологические исследования" (с 1995); вице-президент Российского общества социологов (с 1997).

Б. изучает различные формы проявления обыденного сознания; процессуальную сторону эмпирических исследований в социологии; человеческое взаимодействие и возможность достижения взаимопонимания между учеными и носителями обыденного сознания; устное творчество (в форме популярных пословиц и их переделок, распространенных шуток, спонтанного языкового творчества носителей русского языка). Новаторскими являются наблюдения Б., касающиеся ряда исследовательских процедур, их языкового оформления, а также социальных функций юмора.

Б. – автор около 100 научных работ, в том числе: "Социальное познание и мир повседневности" (1987); "Анкетный опрос как общение социолога с респондентами" (1994, в соавторстве); "Как провести прикладное исследование?" (1994); "Черный юмор. Антология" (1996, в соавторстве); "Культурная политика России. История и современность" (1996, соавтор и редактор); "Тенденции социокультурного развития России. 1960-1990-е гг." (1996) и др.

БУХАРИН Николай Иванович (1888-1938) – большевистский политический деятель, философ и социолог. Впервые арестован и сослан во время обучения на выпускном курсе экономического отделения юридического факультета Московского университета (1911). После Октябрьского (1917) переворота – ответственный редактор центрального органа большевистской партии газеты "Правда" (1917-1929); член Политбюро ВКП(б) (1924-1929), академик АН СССР (1929), главный редактор газеты "Известия" (1935-1937). Арестован в 1937. Расстрелян в 1938. Реабилитирован, восстановлен в звании действительного члена АН СССР (1988). Основные сочинения: "Политическая экономия рантье" (завершена в 1914, опубликована в 1919); "Классовая борьба и революция в России" (1917); "Азбука коммунизма" (в соавторстве с Е.А. Преображенским) (1919); "Экономика переходного периода" (1920); "Теория исторического материализма" (1921); "К постановке проблем теории исторического материализма" (1923); "О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем (Ответ академику И. Павлову)" (1924); "Атака. Сборник теоретических статей" (1924); "Ленин как марксист" (1924); "Судьбы русской интеллигенции" (1925); "Ленинизм и проблема культурной революции" (1928); "Политическое завещание Ленина" (1929); "Дарвинизм и марксизм" (1932); "Учение Маркса и его историческое значение" (1933); неопубликованная рукопись "Философские арабески" (1937) и др.

В ранней работе Б. "Политическая экономия рантье" марксистские по духу приемы критики австрийского экономического маргинализма (Бем-Баверк, Менгер, Визер) дополнялись социологическим анализом их творчества. Согласно Б., их воззрения являлись идеологией буржуа, уже выброшенного из производственного процесса, решающие экономические интересы которого лежали в сфере потребления, – идеологией рантье. Переведенная на многие языки эта книга имела редкий успех для сочинений ортодоксально-марксистского характера. Анализируя "колоссальную экономическую мощь" современного империалистического государства, Б. постулировал появление законченного типа "современного империалистического разбойничьего государства", "железной организации", которая "охватывает своими цепкими загребистыми лапами живое тело общества". По Б., это – "Новый Левиафан, перед которым фантазия Томаса Гоббса кажется детской игрушкой...". Отсюда следовали, согласно Б., глобальный размах и беспрецедентная жестокость Первой мировой войны между империалистическими государствами.

В работах начала 1920-х Б. обосновывал необходимость в обществе с общественным разделением труда "определенного равновесия" всей системы; поиск закона этого равновесия и есть, по Б., основная проблема теоретической экономии. Оправдывая в "Азбуке коммунизма" революционное насилие, Б. утверждал, что трудовая повинность, бывшая при государственном капитализме "закабалением рабочих масс", сейчас приобретает характер "трудовой самоорганизации масс". Сила и принуждение позволяют преодолевать последствия гражданской войны, выковывая "настоящее равновесие из равновесия нарушенного". По мнению Б., "пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью... является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи...". При этом, опасаясь бюрократизации советского общества, Б. писал, что это – "большая опасность для пролетариата. Не для того он разрушал старое чиновничье государство, чтобы оно выросло снизу".

В работе "Теория исторического материализма", имевшей в официальном английском переводе (Нью-Йорк, 1925) подзаголовок "Система социологии", Б., в частности, отстаивал идею о том, что "исторический материализм не является ни политической экономией, ни историей. Он являет собой общее учение об обществе и законах его развития, т.е. социологию". [В 1962 известный американский социолог С. Липсет (**см.**), соглашаясь с высказанной П. Сорокиным (**см.**) в начале 1920-х позитивной оценкой этого труда, отметил, что эта "книга представляет собой искуснейшую попытку видного марксиста принять во внимание сложившиеся тогда основные понятия социологической теории и социологических исследований".] Развивая марксов тезис о сути взаимосвязи базиса и надстройки, Б. подчеркивал не только существование разнокачественных компонентов последней, но и ту колоссальную значимость, которую имеют в общественной жизни психология, идеология, нравственность и обычаи. По Б., диалектика и общественные изменения объяснимы теорией равновесия: все категории социального или материального порядка находятся в состоянии движения, которое проистекает из противоречий внутри данной системы. Любая же система стремится (аналогично адаптации в биологии) к достижению равновесия. Источник движения Б. усматривал не в "саморазвитии", а в борьбе сил. Триаду Гегеля "тезис – антитезис – синтез" Б. пытался заместить схемой "первоначальное равновесие – нарушенное равновесие – восстановленное равновесие на новой основе". В обществе, по мнению Б., равновесие осуществляется между такими его элементами как вещи, люди и идеи. Стремясь отстоять ортодоксальный экономический детерминизм монистического типа, Б. писал: "Производительные силы определяют общественное развитие потому, что они выражают собой соотношение между обществом и средой... А соотношение между средой и системой есть величина, определяющая, в конечном счете, движение любой системы". Описывая всемогущую, единственную, всеобъемлющую организацию милитаристского государственного капитализма, в границах которого "централизация становится централизацией казармы; неизбежно усиление среди верхов самой гнусной военщины, скотской муштровки пролетариата, кровавых репрессий", Б. своими словами предсказал появление того, что впоследствии стало именоваться тоталитарным государством. В размышлениях 1915 он ассоциировал перспективу несоциалистической нерыночной экономики со складыванием первой в истории особой экономической формы. Это – "не капитализм, так как исчезло бы производство товаров; но еще менее это был бы социализм, так как сохранилось бы (и даже бы углубилось) господство одного класса над другим. Подобная экономическая структура напоминала бы более всего замкнутое рабовладельческое хозяйство при отсутствии рынка рабов". (Позже, в 1930-х Б. подверг резкой критике "этатизм и цезаризм" нацистской Германии. Он усматривал корни таких социальных явлений в "идее насилия, как постоянного фактора воздействия власти на общество, на человеческую личность", в "реальной пропасти между кучкой господствующих эксплуататоров и массой эксплуатируемых". Результатом становится складывание в качестве основания режима "обезличенной массы, со слепой дисциплиной, с культом иезуитского послушания, с подавлением интеллектуальных функций". По мнению Б., "фашизм создал всесильное "тотальное государство", которое обезличивает все и вся, кроме начальства и "высшего начальства". Обезличивание масс прямо пропорционально здесь восхвалению "фюрера"... Так подавляющее большинство народа превращается в функционеров государства, скованных вторгающейся во все области жизни дисциплиной... Все доминируется тремя этическими нормами: преданностью "нации" или "государству", "верностью фюреру" и "казарменным духом".) Можно лишь гадать, в какой степени Б. относил эти характеристики к реалиям и перспективам сталинского СССР.

В центре внимания теоретических исканий Б. (как истинно большевистского политического лидера) находились проблемы насильственного социалистического переустройства российского общества и, в первую очередь, целенаправленной трансформации самодеятельного населения (особенно остатков интеллигенции) в сословие покорных власти "новых людей", осознанно разделяющих провозглашаемые властью

идеалы. Разочарование в ряде тенденций эволюции советского общества 1930-х результировалось у Б. попытками обоснования дополнения марксовой философии некоей социологией мышления в качестве введения к ней, а также постулированием социалистического гуманизма как "идейной оси" времени и антитезы "фашистскому скотству". При этом в духе сопряженной традиции Б. рассматривал философскую мысль в СССР как нечто тождественное "правильной" партийной идеологии и исполняющую в этом контексте партийно-школярские цели и задачи. Анализ профессионального уровня текстов Б. вкупе с его пониманием ряда философских проблем (культура и фашизм, марксова концепция взаимосвязи теории и практики, деятельностный характер субъект-объектных отношений, вопросы абстрактного и конкретного, нетрадиционное понимание свободы) свидетельствуют о том, что его социально-философское и социологическое творчество, безусловно, явилось в СССР (после уничтожения практически всей профессиональной философской традиции) одной из наиболее значимых версий послеоктябрьской общественной мысли. См. также: **Большевизм, Сталин**.

А.А. Грицанов

БХАСКАР (Bhaskar) Рой (р. 1930) – британский социолог, представитель реалистского направления. Основные работы: "Реалистская теория науки" (1975), "Возможность натурализма" (1979), "Новое призвание реальности" (1989) и др.

Важнейший элемент концепции Б. – различение транзитивных объектов науки, т.е. моделей и понятий, которые созданы для того, чтобы представлять нетранзитивные объекты сущности и структуры действительности. Разделяя человеческое действие, берущее начало в соображениях людей, и управляющие деятельностью социальные структуры, трансцендентальный реализм утверждает наличие "онтологической пропасти" между обществом и индивидами. Больше нельзя говорить, что структуру создают люди как агенты: если общество исторически предшествует индивидам, то возможны только процессы воспроизводства и трансформации. Так, структура власти воспроизводится без применения власти, а власть применяется в отсутствие какого бы то ни было конфликта. Социология интересуется не массовым или групповым поведением, а устойчивыми отношениями между индивидами (и группами) и отношениями между этими отношениями, которые и презентируют ее предмет. Отношения не означают взаимодействия; система опосредующих понятий, включающих обе стороны двойственной практики, обозначена как система позиций. Реляционная концепция позволяет сосредоточиться на ряде вопросов, связанных с распределением структурных условий действия (ресурсов к лицам и лиц к функциям), оценить вероятность конфликтов внутри общества, т.е. преобразований в структуре. Социология отношений совместима и с индивидуалистскими, и с коллективистскими теориями и должна занять положение обобщающей и исторической науки.

Д.М. Булынко

БЫТ – в классической социологии – область внепроизводственной жизни людей, связанная с процедурами удовлетворения материальных и духовных потребностей в процессе обеспечения жизнедеятельности, рекреации (**см.**), социализации (**см.**) человека.

По сферам различают общественный, городской, семейный и тому подобный Б. Сложившиеся способы организации Б. играют значимую роль в самоидентификации общественных групп и классов.

Оптимизация структур Б. существенно содействует росту свободного времени человека.

В современной социологии анализ феноменов Б. постепенно замещается более широкой предметной областью – социологией повседневности (**см.**).

A. Wozniak

БЮРОКРАТИЯ (фр. bureaucratie, буквально – господство канцелярии, от фр. bureau – бюро, канцелярия и греч.: kratos – сила, власть, господство) – способ осуществления публичных властных функций, специфическая форма устройства социальных организаций в обществе, сущность которой заключается в отрыве центров исполнительной власти от воли большинства членов этой организации, в подчинении правил и задач функционирования организаций целям ее сохранения и укрепления. Б. – разновидность человеческой деятельности, превращающая функцию управления социальными системами в прямую или скрытую власть индивидов или социальных групп как самодостаточных, замкнутых на себя социальных сил (субъектов) в общественных взаимодействиях. Ход социально-экономического развития в 20 в. привел к выработке общих моделей работы организаций, которые описывали принципиальную структуру управления, стандартную иерархию должностей и постов, разделение функций, правила информации руководства на различных ступенях, ответственность. Бюрократическая рационализация управления и организации власти в обществе были специально исследованы М. Вебером (**см.**), выделившим признаки идеального типа бюрократических систем: эффективность, достигаемую через фиксированное четкое разделение обязанностей между членами организации; строгую иерархизацию власти по принципу "сверху вниз"; формализованную нормативную систему, обеспечивающую единообразие деятельности и стандартность (а также предсказуемость) схем принципиальных решений; обезличенность деятельности и нейтральность отношений между функционерами организации, в которой индивид выступает как частичная функция – носитель определенного должностного статуса. Все эти признаки необходимы для успешной работы любой организации и сами по себе еще не означают Б. Предполагается, что Б. – это обязательное подавление инициативы нижестоящих уровней организации как условие усиления собственных позиций и самосохранения как социальной группы. В этом ракурсе Б. исследовалась как особым образом организованный социальный слой ("как бы класс") и как носитель определенного "статусного сознания", обладающие специфической системой ценностей. В центре последней находится комплекс представлений о карьере как иерархическом перемещении в управленческо-властном социальном пространстве благодаря личным усилиям и комплекс представлений о корпоративном этосе, предполагающем

самоотождествление служащего с организацией, его целей с общими целями организации как условий личностного успеха. Конечное основание подобной корпоративной культуры – ценность порядка как такового. Условия бюрократической организации формируют специфический тип личности, главными психологическими и моральными чертами которой являются политический, идейный и моральный конформизм, ориентация на выполнение нормативных формальных обязанностей, стандартизация потребностей и интересов. Б., как способ специализации и кооперации управленческого труда, – продукт многомерности человеческой деятельности. Б., как внутренний принцип организации отношений, "укорачивает" эту деятельность до непосредственных, жестких зависимостей, а затененные ее структуры использует в качестве источника собственной власти и привилегий.

Узурпировав функции распределения первоочередных жизненных средств при социализме (**см.**), Б. присвоила возможность распоряжаться не только ими (т.е. продуктами деятельности людей), но и самими жизнями граждан общества. Для описания такого положения вещей Г.Х. Поповым был предложен термин "административно-командная система". Б. стала трактоваться как такая ее историческая разновидность, которая не может быть рассмотрена только в рамках отношений власти и управления, но обязательно предполагает анализ отношений собственности. Последняя в данном случае формально фиксировалась как "общественная" или "общенародная", будучи выраженной через категорию "всеобщего". На уровне повседневной практики это оборачивалось "ничейностью" собственности, что предоставляло Б. реальную возможность монополистически распоряжаться ею от лица общества как такового. Второй отличительной чертой бюрократического аппарата такого типа стала его максимальная идеологизированность в отличие от классической Б., что позволяло представить любое сопротивление системе как идейно-нравственное (а не только политическое и уголовное) преступление. Третья черта такой Б. – сращивание ее интересов (при всей ее выделенности и отделенности от остальных слоев общества) с нивелированным массовым интересом основной части населения по принципу "негативной дополнительности" – принятие обезличенных компромиссных правил игры внутри системы. Важные стороны этого процесса (в несколько иных терминах) также охарактеризовали А. Авторханов (**см.**), М. Джилас (**см.**) и М. Восленский (**см.**).

В.Л. Абушенко, А.А. Грицанов

В

ВАЛИДНОСТЬ – 1. Показатель качества метода, его способность давать результаты, адекватно отражающие изучаемое явление, т.е. именно те результаты, для получения которых он предназначен (В. метода). 2. Мера соответствия теории эмпирическим данным, возможность делать разумно точные предсказания на основании теории (В. теории). 3. Мера соответствия результатов изучаемой реальности, точнее, представлениям о реальности (В. результатов). В данной статье В. обсуждается в первом смысле. В позитивистской науке различают В. измерения, внутреннюю и внешнюю В. экспериментальных процедур и В. статистического вывода.

В. измерительных процедур

Под измерением понимают процесс связывания теоретического понятия с одной или несколькими латентными переменными, а этих последних – с наблюдаемыми переменными. В классической теории результат измерения включает два не коррелирующих компонента: истинный и ошибочный. В отношении ошибок измерения делаются предположения, при выполнении которых поведение ошибок становится известным. В. измерительной процедуры – мера ее соответствия измеряемому конструкту. Чаще других оценивают критериальную (часто называемую эмпирической), конструктную, конвергентную и дискриминантную В. В качестве вспомогательных методов установления В. используют реферирование литературы по вопросу, экспертные оценки.

Критериальная В. измерительной процедуры оценивается по тесноте статистической связи (корреляции) между измеренными результатами и внешним критерием. Так, критериальная В. шкалы лидерства означает, что полученный показатель коррелирует с некоторым независимо полученным показателем, например, социометрическими данными. Указание на критериальную В. предполагает не только сообщение о коэффициенте корреляции между показателями теста и внешним показателем, но также о всех обстоятельствах исследования: как и в какой ситуации был измерен критерий, на какой выборке проводилось исследование и др. Критерии могут быть текущими (измеряемыми одновременно с применением валидизируемой процедуры) и прогностическими. Прогностическая В. высоко желательна для практически ориентированных методов измерения. Недостатками подхода является трудности с подбором критерия и риск измерения невалидного критерия, что существенно снижает полученный коэффициент корреляции. Как оцениваемое поведение, так и критерий могут меняться во времени, а выборки могут быть смещенными. Если бы исследователю удалось найти совершенный критерий, создание измерительной процедуры стало бы избыточным. В этой связи понятен парадокс, сформулированный Дж.Келли: В. метода – это его способность предоставлять и без того известную информацию. Зависимость критериальной В. от свойств критерия, невозможность нахождения удовлетворительного объективного показателя во многих областях знания существенно снижают ценность критериальной В. как показателя качества измерительной процедуры.

Конструктная В. устанавливается по статистической связи между показателями данной процедуры и других методик, измеряющих родственный конструкт. Гипотезы о статистической связи формулируются до их проверки, на основании содержательной теории. Конструктная валидизация – длительный процесс, и ни одна эмпирическая корреляция не может гарантировать достоверности измерения. Теоретически постулируется связь между конструктами, оценивается корреляция между индикаторами этих конструктов, на основании полученных данных пересматриваются теоретически ожидаемые связи между конструктами или между конструктами и индикаторами. Подбирается новый конструкт (или новый индикатор, или новая теория о связи между конструктами), и процесс повторяется снова. Оба конструкта могут оказаться неродственными. Так бывает, когда измерительные методы, выступающие под одним и тем же названием, строятся на разных теоретических основаниях. Другие проблемы связаны с ситуациями, когда измеренный показатель, привлекаемый для валидизации процедуры, измеряется недостаточно валидно; один и тот же индикатор одновременно измеряет разные конструкты; ошибки измерения коррелируют между собой. Если исследователь уверен/а в том, что структурная схема корректна (отсутствуют связи между индикаторами и посторонними конструктами, а корреляция между ошибками измерения равна нулю), он/а может найти корреляцию между кон-

структурами, скорректированную на ненадежность индикаторов.

Для оценки конструктной В. измерительной процедуры часто используют факторный анализ индикаторов. Под этим именем понимается широкий набор методов снижения размерности данных, когда из множества измеренных переменных извлекается небольшое количество латентных переменных (факторов). Количество и теоретическая интерпретируемость факторов трактуется как мера В. измерительного метода, а факторные нагрузки измеренных переменных – как мера В. индикаторов. Факторная нагрузка – это стандартизованная мера структурной связи между общим фактором (латентной переменной) и индикатором. Ее часто определяют как корреляцию между фактором и переменной. Широко известные методы факторного анализа (например, анализ главных осей) является эксплораторной процедурой, т.е. не позволяет проверять статистических гипотез, а результат анализа существенно определяется техническими решениями, который принимает исследователь. В этом смысле возможности метода как средства валидизации ограничены. Чтобы ослабить произвол при проведении факторного анализа, используют кроссвалидизацию: выборка случайно расщепляется пополам, факторы извлекаются на одной половине выборки, а оправданность и устойчивость факторного решения проверяется на другой половине.

Понятия конвергентной и дискриминантной В. введены Д. Кембеллом и Д. Фиске как два взаимосвязанных показателя достоверности метода. Конвергентная В. требует "сходимости" (высокой корреляции) родственных конструктов, дискриминантная В. – отсутствия корреляций между измерениями неродственных конструктов. Более строго эта концепция реализована в подходе, известном под именем "Много черт – много методов", или МЧММ (МТММ – many traits, many methods). Суть его в том, что несколько свойств измеряются несколькими методами. Между показателями одного и того же свойства, измеренного с помощью разных методов, должны быть высокие корреляции, между показателями разных свойств, измеренными с помощью одного метода, – низкие. Третьим условием является превышение первого набора коэффициентов корреляции над вторым. Есть и более строгие статистические методы анализа корреляционной матрицы МЧММ. В последние годы приобрели популярность *структурные уравнения*, в частности, конфирматорный факторный анализ, который в соответствии с содержательной моделью раскладывает ковариации измерений на компоненты, связанные с влиянием методов, свойств, и ошибки. Полученные структурные коэффициенты интерпретируются как показатели В.

В. экспериментального метода

Круг понятий, связанных с оценкой В. эксперимента (и результатов эксперимента), был разработан методологами-постпозитивистами в 1960-х (Д. Кэмпбелл, Т. Кук, Дж. Стэнли и др.). В эпистемологической традиции, восходящей к Дж.С.Миллю и связывающей причинность с манипуляцией, истинный эксперимент со случайным распределением испытуемых по условиям рассматривается как единственное средство убедительной проверки каузальных гипотез. С этой точки зрения причинные утверждения в неэкспериментальных науках (социологии) нелегитимны. Предшествование во времени предполагаемой причины (независимой переменной) следствию (зависимой переменной) как одно из условий каузальной связи в эксперименте обеспечивается манипуляцией и измерением ее последствий. Сложнее выполнить другое требование к каузальному выводу – отсутствие правдоподобных альтернативных объяснений. Под внутренней В. понимается уверенность в том, что именно независимая переменная X служит основной причиной систематической изменчивости значений зависимой переменной Y, т.е. отсутствуют другие переменные, опосредующие связь между X и Y. Мы не в состоянии гарантировать В. эксперимента, но с учетом особенностей используемой исследовательской процедуры можем идентифицировать и устранить основные причины невалидности. Кэмпбелл и Стэнли предложили классификацию причин снижения внутренней В. История (фон) – это события, которые произошли между X и Y и могли повлиять на их ковариацию. Естественные изменения – перемены во внутреннем состоянии испытуемых, не связанные с влиянием X, такие как усталость, взросление, научение. Эффект инструмента связан с нежелательными изменениями измерительных процедур (технические поломки, усталость наблюдателей). Эффект статистической регрессии (соскальзывание к среднему) наблюдается тогда, когда экспериментальные и/или контрольные группы отбирались на основании крайних значений релевантных показателей; по причинам статистического свойства к моменту второго измерения максимальные значения показателей понизятся, а минимальные повысятся. Отбор групп как причина невалидности связан с неслучайным (неэквивалентным) отбором испытуемых или других единиц исследования. Отсев ("экспериментальная смертность") означает неравномерное и неслучайное выбывание участников исследования. Взаимодействие отбора с другими факторами описывает ситуацию, когда неслучайно отобранные испытуемые имеют разную личную историю, склонность к усталости, отсев и др. Внутренняя В. оценивается качественно по степени отклонения исследовательской процедуры от некоторого идеального случая. Это касается также неэкспериментальных планов исследования, в которых к приведенному перечню причин снижения валидности добавляются новые угрозы.

Внешняя В. характеризует степень обобщаемости полученных результатов на иные генеральные совокупности и контексты. Успешное воспроизведение исследования служит одним из важных условий оценки достоверности теорий и помогает уточнить диапазон пригодности последних. Одной из стратегий достижения внешней В. также является идентификация и устранение причин, ответственных за случайное получение результата. Это, в частности, реактивный эффект (влияние процедуры начального измерения на поведение испытуемых) и взаимная интерференция экспериментальных воздействий. Другие стратегии основаны на использовании плана рандомизированного эксперимента с единственным измерением после исследования (что снимает реактивный эффект); снижение риска влияния экспериментатора (напр., минимизация контактов экспериментатора с испытуемым, увеличение количества исследователей или двойной слепой метод, когда исследователь до окончания эксперимента не знает, кто из испытуемых каким воздействиям подвергается); повышение экологической В. (реалистичности) исследования. Важную методологическую роль в обеспечении В. научного

исследования играет воспроизведение с расширением, когда каждая последующая репликация эксперимента предусматривает небольшие процедурные модификации.

В. статистического вывода

Под В. статистического вывода понимается выполнение комплекса условий, уменьшающих вероятность неверного статистического решения о нулевой гипотезе (о равенстве параметра некоторому значению или соответствии статистической модели полученным данным) или величине эффекта. Основным методом принятия статистических решений в последние десятилетия стала проверка статистической значимости, т.е. о равенстве параметра некоторому значению. Для этого используются критерии z, t, F, χ^2 и др. Эмпирически полученное значение критерия сравнивается с критическим, и на основании этого сравнения нуль-гипотеза отвергается или не отвергается. Т.о., решение носит бинарный характер (да-нет). В этом процессе можно совершить одну из трех ошибок: неверно отвергнуть истинную нуль-гипотезу (ошибка первого рода, α), неверно принять истинную альтернативную гипотезу (ошибка второго рода, β) и неверно сформулировать статистические гипотезы, т.е. неправильно перевести исследовательский вопрос на язык статистики.

Угрозы В. статистического вывода многочисленны и имеют разную природу. Использование невалидных индикаторов (см. раздел данной статьи *Валидность измерительных процедур*) не дает возможности уверенно интерпретировать полученный результат. Использование ненадежно измеренных переменных приводит к существенному занижению полученных статистик.

Большой класс угроз В. статистического вывода связан с неверным формулированием модели. В частности, более известные линейные модели выбираются в тех случаях, когда лежащие в их основе предположения нарушаются: связь между переменными носит нелинейный характер, присутствуют экстремальные значения, дисперсии зависимой переменной для разных уровней независимой переменной неравны, переменные измерены более грубо, чем того требует модель, отсутствующие значения переменных распределены неслучайным образом. В стандартных пакетах статистического анализа имеются методы диагностики нарушений предположений модели. Более сложные концептуальные ошибки совершаются в связи с неверным определением переменных как независимых или ковариирующих, неправильным выбором моделей для зависимых (повторных) или независимых измерений, фиксированных или случайных эффектов. При сравнении нескольких средних или оценке значимости нескольких корреляций исследователи не всегда учитывают инфляцию ошибки первого рода: так, для j переменных мы получаем $k = j(j-1)/2$ корреляций, и вероятность случайно получить хотя бы один значимый коэффициент корреляции, $\alpha_{общ}$, равна $1-(1-\alpha)^k$. Использование слишком большого числа переменных при небольшом числе наблюдений (респондентов) создает "сверхпригодность" модели, когда модель идеально описывает выборочные данные, но неадекватна для описания генеральной совокупности.

Многие простые ошибки статистического вывода обусловлены причудливым и механическим объединением двух разных подходов к статистическому решению – Фишера и Неймана-Пирсона. Последний подход подчеркивает важность мощности критерия для оценки значимости. Так, результат может оказаться статистически незначимым по причинам, связанным с недостаточной мощностью метода: слабость экспериментального воздействия, маленькая или гетерогенная выборка, ненадежное измерение переменных, чрезмерно малое значение ошибки первого рода. Статистическая значимость – это вероятность того, что полученный результат случаен на выборке данного объема, однако эта величина ничего не говорит о величине эффекта. Современные руководства рекомендуют сообщать в публикациях не только показатель значимости (p), но значения эффекта (типичные показатели – r Пирсона, t Стьюдента, d Коэна, g Хиджеса, η^2 для дисперсионного анализа и др.). Другими альтернативами бинарным решениям о статистической значимости являются доверительные интервалы, байесовы статистики и, в более широком смысле, воспроизведение с расширением и метаанализ.

В. в качественных исследованиях

В. в качественных исследованиях не может быть оценена с помощью описанных выше классических методов. Ряд авторов показывают примитивность имеющихся подходов к оценке В. и "критериологии" в целом (Т.Швандт, Дж.Смит). В то же время отказ от идеи достоверности/аутентичности в отличие от дискредитированной объективности выглядит слишком радикальным даже для постмодернистских исследователей. Поэтому другие авторы (Э.Губа, И.Линкольн, С.Квале, С.Мишлер) пытаются переформулировать традиционные критерии валидности, сделав их менее позитивистскими. Обсуждаются новые процедуры обоснования достоверности: коммуникативная валидизация (участие испытуемых в обсуждении результатов; привлечение к обсуждению коллег), процедурная валидизация (точность, тщательность и полнота полевых заметок или получаемых данных; полное, сбалансированное и прозрачное описание результатов, открытое для иных интерпретаций; чувствительность к обратной связи со стороны коллег; перепроверка выводов на других фрагментах полученного материала) и т.д. Среди прочих подходов к обоснованию достоверности результатов следует упомянуть установление степени правдоподобия (plausibility) как оценки полученного знания с позиции уже имеющихся знаний; доверие (credibility) как оценка и коллективного осмысления результатов с учетом природы феномена, и обстоятельств его наблюдения; укорененность в данных, включенность в контекст исследовательской программы (dependability), которая основана на тщательном изучении и оценке процедурных аспектов; чувствительность как способность исследователя увидеть социальную проблему и способствовать ее решению; онтологическая и образовательная аутентичность – способность повысить сознательность участников исследования (в первом случае) и их окружения (во втором); каталитическая аутентичность как влияние на социальные программы, способствующие улучшению качества жизни изучаемой популяции.

Постмодернистскими авторами обсуждаются принципиально новые понятия и принципы обоснования знания: ироническая (Ж.Бодрийар), неопрагматическая (Ж.-Ф.Лиотар), ризоматическая (Ж.Деррида) валидизация. Н.Дензин обосновал метод триангуляции как радикальной альтернативы традиционным подходам к валидизации. Триангуляция есть сочетанное и взаимообогащающее использование разных мето-

дов, методологий, данных, теорий и/или исследователей. Множественность подходов и приемов призвана ослабить эпистемологические ограничения, перейти установленные границы, выявить новые стороны феномена. Следует отметить, что идея триангуляции [истины] была порождена в постпозитивизме (Д.Кэмпбелл), где она понималась как некоторая процедура, набор полезных трюков: в дополнение к опросу "обычных" людей опросить экспертов; случайным образом расщепить выборку испытуемых пополам и провести анализ данных раздельно; исключить из анализа одну переменную и посмотреть, как изменится модель; валидизировать конструкт с помощью подхода "много черт – много методов" и т.д. Чтобы избежать нежелательных ассоциаций с позитивизмом, постмодернистская исследовательница-этнограф Л.Ричардсон в радикальном духе отказывается от идеи триангуляции и предлагает иную привлекательную метафору – кристалла, а не треугольника, кристаллизации, а не триангуляции. Кристалл одновременно создает, преломляет и искажает, он многогранен, и ни одна из его граней не более достоверна, чем любая другая. Как и знание, кристалл растет и разрушается. Метафорический подход к проблеме обоснования знания и оценки его качества неслучаен. Он призван разрушить критериальные подходы и представления о стандартах. Социальное исследование обладает ценностью лишь тогда, когда дает равные возможности высказаться представителям разных групп, создает равновероятные версии и подавляет доминирующие, "правильные" интерпретации.

С.В. Сивуха

ВАЛИДНОСТЬ ВНЕШНЯЯ – свойство исследования, которое характеризует достоверность выводов, полученных по результатам исследования. Исследователь, как правило, заинтересован в отыскании общих закономерностей, справедливых для различных людей и ситуаций, а не для отдельно взятого человека или ситуации. В.В. характеризует возможность обобщать выводы научных исследований с участием определенных испытуемых на другие ситуации и другие группы людей.

Для В.В. исследований требуется, чтобы они проводились на выборке, отражающей по своим характеристикам ту генеральную совокупность, на которую будут распространяться выводы, сделанные по результатам исследований. Если выборка правильно отражает по некоторому параметру всю совокупность, то ее называют репрезентативной выборкой. Исследования на репрезентативных выборках обладают В.В.

Обычно в исследованиях берут достаточно большую случайную выборку и считают, что она репрезентативна. Однако на практике можно столкнуться с неожиданными проблемами. Достаточно большое количество исследований проводится в университетах и в качестве участников исследований берутся студенты. Такой подбор участников является постоянным источником угрозы В.В. исследований, так как студенты могут обладать особенным набором черт (например, большим уровень знаний, большие интеллектуальные способности и т.д.), делающим выборку студентов нерепрезентативной для населения в целом. Поэтому особую важность в научных исследованиях имеет повторение результата на другой выборке.

Внешняя невалидность – серьезная проблема для исследований, проводимых в чисто эмпирическом ключе. Репрезентативность выборки нельзя доказать из опыта. Гарантом В.В. исследований может являться лишь теория. Для того чтобы построить репрезентативную выборку, прежде всего следует на основе теоретических положений определить, какие параметры выборки могут оказать влияние на интересующее нас явление, а какие будут безразличны для результатов исследования. Затем, исходя из найденных параметров, можно сформулировать требования к выборке. В.В. исследований, проведенных на выборке, полученной без учета требований теории интересующего нас явления, постоянно находится под вопросом.

А.П. Репеко

ВАЛИДНОСТЬ ВНУТРЕННЯЯ – обоснованность утверждений об отношениях между *переменными*. Если исследования внутренне валидны, то с достаточной долей уверенности можно предполагать, что именно изменения выбранной *переменной независимой* вызвали изменение *переменной зависимой*. Основными источниками внутренней невалидности являются:

1) смешение – самая типичная причина внутренней невалидности исследования;

2) ошибки экспериментатора (см. **Эксперимент "слепой"**).

А.П. Репеко

ВАЛИДНОСТЬ КОНСТРУКТИВНАЯ – свойство наблюдения, характеризующее насколько точно *переменные зависимые* и *переменные независимые* отражают (или измеряют) те свойства объектов и явлений, которые они предназначены представлять. Вопрос о В.К. переменной – это вопрос, насколько данная переменная соответствует самому явлению и насколько адекватно уровни переменной отражают свойства явления.

Каждый раз при планировании исследований следует задаваться вопросом, имеем ли мы право измерять интересующую нас величину с помощью выбранного показателя, т.е. будут ли планируемые исследования конструктивно валидны. Например, будет ли IQ конструктивно валидным показателем интеллекта? Будут ли некоторые значения IQ (например, до 100 и после 100) соответствовать низкому/высокому интеллекту?

Существует два основных способа повысить В.К. в исследованиях.

1) Операционные определения – это определения, данные через наблюдаемые и измеряемые свойства понятий. Поведение становится привязанным к независимой переменной, которая его производит, и к зависимой переменной, которая его измеряет.

2) Протоколы – спецификация того, как будут проводиться измерения. Следует строго придерживаться заранее составленного протокола, чтобы поведение всех участников исследования фиксировалось точно, аккуратно и одинаково для всех уровней независимой переменной.

Следует понимать, что операционные определения и протоколы не гарантируют В.К., но помогают ее повысить.

А.П. Репеко

ВАЛЛЕРСТАЙН Иммануил (р. 1930) – американский социолог, представитель неомарксистского направления в исторической социологии. В 1960-х занимался изучением экономических проблем развивающихся стран Африки. С начала 1970-х В. работает над теорией мировой системы, еще не получившей окончательного завершения.

Объектом исследования выступает для В. мировая капиталистическая экономика. В своих работах В. прослеживает формирование капиталистического рыночного хозяйства в 16 в. и его последующее превращение в глобальную систему. В рамках этой системы В. выделяет ядро, состоящее из экономически развитых государств, и периферийные регионы, находящиеся в зависимом положении. Теория мировой системы В. завоевала авторитетные позиции в американской социологии, а сам В. в 1994 был избран президентом Международной социологической ассоциации. См.: **"Миро-системный анализ" (Валлерстайн), "Реалии открытого пространства-времени: к пониманию нашей исторической системы" (Валлерстайн).**

ВАРДОМАЦКИЙ Андрей Петрович (р. 1956) – белорусский социолог. Окончил Белгосуниверситет (1978), стажировался в Мичиганском университете (США, 1991). Кандидат философских наук (1983); доктор социологических наук (1992). Награжден премией Ленинского комсомола Белоруссии в области науки (1985).

Преподавал в БГУ (1978-1980), был младшим, старшим научным сотрудником, докторантом АН БССР (1984-1993), проректором Белорусского института проблем культуры (1992-1993).

В. является одним из создателей аксиометрии (**см.**).

В. – руководитель (с 1993) частной исследовательской лаборатории аксиометрических исследований "Новак" (**см.**); обладает собственной социологической сетью; член международных организаций социологов WAPOR, ESOMAR, участник их конгрессов в Давосе, Гааге, Стамбуле, Берлине, Париже.

В. – автор более 60 научных работ, в том числе: "Система моральной регуляции поведения личности" (1987), "Аксиометрия – наука об измерении ценностей" (1992).

ВЕБЕР (Weber) Альфред (1868-1958) – немецкий экономист, социолог, философ. Младший брат Макса Вебера (**см.**). Преподавал в Берлинском и Пражском университетах (1899-1907); с 1907 – профессор кафедры экономики и социальных наук Гейдельбергского университета. Основные сочинения: "Германия и кризис европейской культуры" (1924), "Идеи по поводу социологии государства и культуры" (1927), "История культуры как социология культуры" (1935), "Принципы социологии истории и культуры" (1951), "Третий или Четвертый человек" (1953) и др. Находился под значительным влиянием идей О.Шпенглера. Стремился создать новую науку – социологию истории и культуры, соединяющую весь материал истории и познания современности, науку не философскую, но эмпирически интуитивную, установка которой заключалась бы не в выведении лежащего за пределами вещей смысла движения истории, но сознательной ориентации на переживание образа как факта, единственно доступного человеческому познанию, неразрывно связанному с явлением. Эта наука, по мысли В., преодолевает границы "линнеевской системы", понимая мир в его многообразии, текучести и взаимосвязанности, в периоды упадка и взлета.

По В., под судьбой (без акцентирования ценности, как чистом феномене) в потоке истории подразумевается то, что в философии предполагается о прогрессе. Предшествовавшие попытки социологического объединения исторических событий и явлений культуры, по мнению В., принимали во внимание лишь факт интеллектуализации: Г.Гегель, О.Конт (**см.**), К.Маркс (**см.**), Г.Спенсер (**см.**) с той или иной стороны подчеркивали роль интеллектуального развития человека. Но рефлективное постижение, внутренняя интеллектуализация или внешнее рационализирование существования есть просто техническое оформление материала жизни, поэтому возможные объективации – государство, право, экономика и др. формы общественных институтов – являются, прежде всего, продуктами процесса цивилизации, следовательно, для В., чисто биологическими образованиями, создаваемыми и сохраняемыми стремлением к существованию, а не объективациями культуры. Только когда жизнь от своей необходимости и полезности придет к стоящему над ними образу, будет существовать культура, в которой обретается целостность внутреннего бытия вместе с целостностью внешнего мира. Объективации становятся предметом, которому культура придает свой образ; само же "культурное" оказывается не абстрактным общим понятием, но совершенно конкретными "вещами", имеющими значение всеобщего. Таким образом, задача социологически ориентированного культурологического исследования заключается в объяснении, исходящем от "чувства жизни", динамического возрастания конкретностей, которые обозначены В. как культура. В этом потоке развития В., вслед за О.Шпенглером, усматривал обособленные друг от друга исторические образования – культуры, обладающие каждая своей собственной судьбой, проходящие периоды роста, зрелости и упадка, создающие свои собственные формы общественного устройства. Общественный процесс действует в каждом историческом образовании согласно собственному закону, хотя обнаруживаются общие формы и типы рядов развития. Культурное воление, процесс цивилизации и социологическая констелляция находятся в определенном динамическом взаимодействии, исследование которого позволит уяснить и истолковать периодичность и ритм движения культур. Абсолют, к которому в историческом процессе стремятся культуры, проявляет себя только в конкретной исключительности индивидуальных форм существования народов и времен. Культура, осуществляющая материально-общественный и духовно-цивилизационный "синтез жизни" создает усредненный культурный тип народа, единство общности людей и их судьбы в истории. Требование конкретности социологического видения обращает предмет интереса В. на частное исследование уникального исторического образования Европы и современного облика немецкой нации как культурного типа в ситуации легитимирования "всеобщего распада форм", приведшего к духовному кризису, разрешение которого видится В. в обращении к прежней динамике духовного развития. Ее выявление, учитывающее тенденции цивилизации и цели культуры, и является непосредственной задачей социологического анализа истории.

С.А. Радионова

ВЕБЕР (Weber) Макс (Карл Эмиль Максимилиан) (1864-1920) – немецкий социолог, философ и историк конца 19 – начала 20 в. Приват-доцент, экстраординарный профессор в Берлине (с 1892), профессор национальной экономии во Фрейбурге (с 1894) и Гейдельберге (с 1896). Почетный профессор Гейдельбергского университета (1903). Издатель (совместно с Э. Яффе и В.Зомбартом) "Архива социальных наук и социальной политики" (с 1904). Основатель (1909) Немецкого социологического общества. Профессор национальной экономии в Вене (с 1918) и Мюнхене (с 1919). Основные сочинения: "К истории торговых обществ в средние века" (1889), "Римская аграрная история и ее значение для государственного и частного права" (1891), "Национальное государство и народно-хозяйственная политика" (1895), "Объективность социально-научного и социально-политического познания" (1904), "Рошер и Книс и логические проблемы исторической политэкономии. Серия статей" (1903-1905), "Протестантская этика и дух капитализма" (1904-1905), "Критические исследования в области логики наук о культуре" (1906), "К положению буржуазной демократии в России" (1906), "О категориях понимающей социологии" (1913), "Хозяйственная этика мировых религий" (1916-1919), "Политика как профессия" (1919), "Наука как профессия" (1920), "Хозяйство и общество" (1921) и др.

Первые работы В. – "К истории торговых обществ в средние века" (1889), "Римская аграрная история и ее значение для государственного и частного права" (1891; рус. пер.: "Аграрная история древнего мира" – 1923), – сразу поставившие его в ряд наиболее крупных ученых, свидетельствуют о том, что он усвоил требования исторической школы и умело пользовался историческим анализом, вскрывая связь экономических отношений с государственно-правовыми образованиями. Уже в "Римской аграрной истории..." были намечены контуры его "эмпирической социологии" (выражение В.), теснейшим образом связанной с историей. В. рассматривал эволюцию античного землевладения в связи с социальной и политической эволюцией, обращаясь также к анализу форм семейного уклада, быта, нравов, религиозных культов и т. д.

Интерес В. к аграрному вопросу имел вполне реальную политическую подоплеку: в 1890-х он выступал с рядом статей и докладов, посвященных аграрному вопросу в Германии, где критиковал позицию консервативного юнкерства и защищал индустриальный путь развития Германии.

В то же время В. пытался разработать новую политическую платформу буржуазного либерализма в условиях уже наметившегося в Германии перехода к государственно-монополистическому капитализму.

Таким образом, политические и теоретико-научные интересы были тесно переплетены уже в раннем творчестве В.

С 1904 В. (вместе с В.Зомбартом – **см.**) становится редактором немецкого социологического журнала "Архив социальной науки и социальной политики", в котором выходят наиболее важные его произведения, в том числе ставшее всемирно известным исследование "Протестантская этика и дух капитализма" (**см.**). Этим исследованием начинается серия публикаций В. по социологии религии, которой он занимался вплоть до своей смерти. Свои работы по социологии В. рассматривал как полемически направленные против марксизма; не случайно он назвал лекции по социологии религии, прочитанные им в 1918 в Венском университете, "позитивной критикой материалистического понимания истории". Одновременно В. размышлял над проблемами логики и методологии социальных наук: с 1903 по 1905 вышла серия его статей под общим названием "Рошер и Книс и логические проблемы исторической политэкономии", в 1904 – статья "Объективность социально-научного и социально-политического познания", в 1906 – "Критические исследования в области логики наук о культуре".

Круг интересов В. в этот период был необычайно широк: он занимался античной, средневековой и новоевропейской историей хозяйства, права, религии и искусства, размышлял над природой современного капитализма, его историей и его дальнейшей судьбой, изучал проблему капиталистической урбанизации и в этой связи историю античного и средневекового города, исследовал специфику современной ему науки в ее отличии от других исторических форм знания, живо интересовался политической ситуацией не только в Германии, но и за ее пределами, в том числе в Америке и в России (в 1906 опубликовал статьи "К положению буржуазной демократии в России" и "Переход России к мнимому конституционализму").

С 1916 по 1919 В. издавал одну из основных своих работ – "Хозяйственная этика мировых религий" – исследование, над которым он работал до конца своей жизни. Из наиболее важных последних выступлений В. следует отметить его работы "Политика как профессия" (1919) и "Наука как профессия" (1920). В них нашли отражение умонастроения В. после Первой мировой войны, его недовольство политикой Германии в Веймарский период, а также весьма мрачный взгляд на будущее буржуазно-индустриальной цивилизации.

Умер В., не успев осуществить всего, что задумал. Уже посмертно были изданы его фундаментальная работа "Хозяйство и общество" (1921), где подводились итоги его социологических исследований, а также сборники статей по методологии и логике культурно-исторического и социологического исследования, по социологии религии, политики, социологии музыки и др.

Методологические принципы веберовской социологии тесно связаны с теоретической ситуацией обществознания конца 19 в. Особенно важно правильно понять отношение В. к идеям Дильтея (**см.**) и неокантианцев.

Проблема общезначимости наук о культуре стала центральной в исследованиях В. В одном вопросе он был согласен с Дильтеем: он разделял его антинатурализм и был убежден, что, изучая человеческую деятельность, нельзя исходить из тех же методологических принципов, из которых исходит астроном, изучающий движение небесных тел. Но руководствоваться при изучении социальной жизни методом непосредственного вживания, интуиции В. решительно отказывался, поскольку результат подобного способа исследования не является общезначимым. Согласно В., основная ошибка Дильтея и его последователей – психологизм.

В своих методологических исследованиях В. в сущности присоединился к неокантианскому варианту антинатуралистического обоснования исторической науки.

В. разграничивает два акта – отнесение к ценности и оценку: если первый превращает наше индивидуальное впечатление в объективное и общезначимое суждение, то второй

не выходит за пределы субъективности. Наука о культуре, обществе и истории, заявляет В., должна быть так же свободна от оценочных суждений, как и наука естественная.

Такое требование вовсе не означает, что ученый должен вообще отказаться от собственных оценок и вкусов, – просто они не должны вторгаться в пределы его научных суждений. За этими пределами он вправе их высказывать сколько угодно, но уже не как ученый, а как частное лицо.

В. был склонен трактовать ценность как установку той или иной исторической эпохи, как свойственное эпохе направление интереса. Тем самым ценности из области надысторического переносятся в историю, а неокантианское учение о ценностях сближается с позитивизмом. По В., выражение "отнесение к ценности" подразумевает только философское истолкование того специфически научного "интереса", который руководит выбором и обработкой объекта эмпирического исследования.

Интерес эпохи – это нечто более устойчивое и объективное, чем просто частный интерес того или иного исследователя, но в то же время нечто гораздо более субъективное, чем надысторический интерес, получивший у неокантианцев название "ценностей".

Поскольку, согласно В., ценности – лишь выражения общих установок своего времени, постольку у каждого времени есть и свои "абсолюты". Абсолют, таким образом, оказывается историческим, а стало быть, относительным.

Учение о понятиях как средствах преодоления интенсивного и экстенсивного многообразия эмпирической действительности своеобразно преломилось у В. в категории идеального типа (**см.**). Идеальный тип – это "интерес эпохи", выраженный в виде теоретической конструкции. Таким образом, идеальный тип не извлекается из эмпирической реальности, а конструируется как теоретическая схема. В этом смысле В. называет идеальный тип "утопией". Чем резче и однозначнее сконструированы идеальные типы, чем они, следовательно, в этом смысле более чужды миру, тем лучше они выполняют свое назначение – как в терминологическом и классификационном, так и в эвристическом отношении.

Таким образом, веберовский идеальный тип близок к идеальной модели, которой пользуется естествознание. В. называет идеальный тип продуктом нашей фантазии, "созданным нами самими чисто мыслительным образованием", подчеркивая тем самым его внеэмпирическое происхождение.

Такие понятия, как "экономический обмен", "экономический человек", "ремесло", "капитализм", "церковь", "секта", "христианство", "средневековое городское хозяйство", суть, согласно В., идеально-типические конструкции, употребляемые в качестве средств для изображения индивидуальных исторических образований. Одним из наиболее распространенных заблуждений В. считает "реалистическое" (в средневековом значении этого термина) истолкование идеальных типов, т.е. отождествление этих умственных конструкций с самой историко-культурной реальностью, их "субстанциализацию".

Однако тут у В. возникают затруднения, связанные с вопросом о том, как же все-таки конструируется идеальный тип. Вот одно из его разъяснений: "Содержательно эта конструкция /идеальный тип. – *Л.И.*/ имеет характер некой утопии, возникшей при мыслительном усилении, выделении определенных элементов действительности". Здесь мы легко обнаруживаем противоречия в трактовке идеального типа. В самом деле, с одной стороны, В. делает акцент на том, что идеальные типы представляют собой "утопию", "фантазию", с другой – выясняется, что они берутся из самой действительности, правда, путем некоторой ее "деформации": усиления, выделения, заострения тех элементов, которые исследователю представляются типическими.

Итак, идеальный тип – что же это: априорная конструкция или эмпирическое обобщение? Видимо, выделение некоторых элементов действительности с целью образования такого, например, понятия, как "городское ремесленное хозяйство", предполагает выделение из индивидуальных явлений чего-то, если не общего для всех их, то, по крайней мере, характерного для многих.

Чтобы разрешить это противоречие, В. разграничивает исторический и социологический идеальные типы. Своеобразие веберовской концепции идеального типа и целый ряд трудностей, связанных с ней, определяется тем, что идеальный тип у В. служит методологическим принципом как социологического, так и исторического познания.

В первый раз вводя понятие идеального типа в своих методологических работах 1904, В. рассматривает его главным образом как средство исторического познания, как исторический идеальный тип. Именно поэтому он подчеркивает, что идеальный тип есть лишь средство, а не цель познания.

Задача истории, таким образом, состоит, по В., в установлении каузальных связей между индивидуальными историческими образованиями. Здесь идеальный тип служит средством раскрытия генетической связи исторических явлений, потому мы будем называть его генетическим идеальным типом. Примеры генетических идеальных типов у В. таковы: "средневековый город", "кальвинизм", "методизм", "культура капитализма" и т.д. Все они образованы, как объясняет В., подчеркиванием одной из сторон эмпирически данных фактов. Различие между ними и общими родовыми понятиями состоит, однако, в том, что родовые понятия, как полагает В., получаются путем выделения одного из признаков всех данных явлений, в то время как генетический идеальный тип вовсе не предполагает такой формальной всеобщности.

Что же представляет собой социологический идеальный тип? Если история, согласно В., должна стремиться к каузальному анализу индивидуальных явлений, т.е. явлений, локализованных во времени и в пространстве, то задача социологии – устанавливать общие правила событий безотносительно к пространственно-временному определению этих событий. В этом смысле идеальные типы как инструменты социологического исследования, по-видимому, должны быть более общими и в отличие от генетических идеальных типов могут быть названы "чистыми идеальными типами". Так социолог конструирует чистые идеальные модели господства (харизматического, рационального и патриархального), встречающиеся во все исторические эпохи в любой точке земного шара. "Чистые типы" пригодны в исследовании тем больше, чем они "чище", т.е. чем дальше от действительных, эмпирически существующих явлений.

"Чистые типы" социологии В. сравнивает с идеально-типическими конструкциями политической экономии в том отношении, что, во-первых, в обоих случаях имеет место кон-

струирование такого человеческого действия, как если бы оно происходило в идеальных условиях, и, во-вторых, обе дисциплины рассматривают эту идеальную форму протекания действия независимо от локальных условий места и времени. Предполагается, что если будут выполнены идеальные условия, то в любую эпоху, в любой стране действие будет совершаться именно таким образом. Различие условий и их влияние на ход действия фиксируется, согласно В., по тому отклонению от идеального типа, которое встречается всегда, но заметить и общезначимым образом выразить это отклонение в понятиях позволяет лишь идеально-типическая конструкция.

Итак, следует отметить, что те противоречия, которые возникли в связи с образованием у В. идеально-типических понятий, в значительной мере связаны с различными функциями и различным происхождением идеальных типов в истории и социологии. Если по отношению к историческому идеальному типу можно сказать, что он является средством познания, а не его целью, то по отношению к социологическому идеальному типу это не всегда так. Более того, если в историческую науку идеальный тип вносит элемент общего, то в социологии он, скорее, выполняет функцию замены закономерных связей типическими. Тем самым с помощью идеального типа В. значительно сужает пропасть между историей и социологией, которая разделяла эти две науки в теории баденской школы.

Чтобы показать, как применяется понятие идеального типа у В., необходимо проанализировать это понятие и с содержательной точки зрения. Для этого осмыслим еще одну категорию социологии В. – категорию "понимание".

Необходимость понимания предмета своего исследования, согласно В., отличает социологию от естественных наук. То обстоятельство, что человеческое поведение поддается осмысленному толкованию, предполагает специфическое отличие науки о человеческом поведении (социологии) от естественных наук. Именно здесь усматривал различие между науками о духе и науками о природе Дильтей.

Однако В. сразу спешит отмежеваться от Дильтея: он не противопоставляет "понимание" причинному "объяснению", а, напротив, тесно их связывает: "Социология (в подразумеваемом здесь смысле этого многозначного слова) означает науку, которая хочет истолковывающим образом понять социальное действие и благодаря этому причинно объяснить его в его протекании и его последствиях". Отличие веберовской категории понимания от соответствующей категории Дильтея состоит не только в том, что В. предпосылает понимание объяснению, в то время как Дильтей их противопоставляет, – понимание, кроме того, согласно В., не есть категория психологическая, как это полагал Дильтей, а понимающая социология в соответствии с этим не есть часть психологии.

Рассмотрим аргументацию В. Социология, по В., так же, как и история, должна брать в качестве исходного пункта своих исследований поведение индивида или группы индивидов. Отдельный индивид и его поведение являются как бы "клеточкой" социологии и истории, их "атомом", тем "простейшим единством", которое само уже не подлежит дальнейшему разложению и расщеплению. Поведение индивида изучает, однако, и психология. В чем же отличие психологического и социологического подходов к изучению индивидуального поведения?

Социология, отмечает В., рассматривает поведение личности лишь постольку, поскольку личность вкладывает в свои действия определенный смысл. Только такое поведение может интересовать социолога; что же касается психологии, то для нее этот момент не является определяющим. Таким образом, социологическое понятие действия вводится В. через понятие смысла. "Действием, – пишет он, – называется... человеческое поведение... в том случае и постольку, если и поскольку действующий индивид или действующие индивиды связывают с ним субъективный смысл".

Важно отметить, что В. имеет в виду тот смысл, который вкладывает в действие сам индивид; он многократно подчеркивает, что речь идет не о "метафизическом" смысле, который рассматривался бы как некий "высший", "истинный" смысл (социология, по В., не имеет дела с метафизическими реальностями и не является наукой нормативной), и не о том "объективном" смысле, который могут в конечном счете получать действия индивида уже независимо от его собственных намерений. Разумеется, этим В. не отрицает как возможности существования нормативных дисциплин, так и возможности "расхождения" между субъективно подразумеваемым смыслом индивидуального действия и некоторым его объективным смыслом. Однако в последнем случае он предпочитает не употреблять термин "смысл", поскольку "смысл" предполагает субъект, для которого он существует. В. лишь утверждает, что предметом социологического исследования является действие, связанное с субъективно подразумеваемым смыслом. Социология, по В., должна быть "понимающей" постольку, поскольку действие индивида осмысленно. Но это понимание не является "психологическим", поскольку смысл не принадлежит к сфере психологического и не является предметом психологии.

С принципом "понимания" связана одна из центральных методологических категорий веберовской социологии – категория "социальное действие". Насколько важна для В. эта категория, можно судить по тому, что он определяет социологию как науку, изучающую социальное действие.

Как же определяет В. само социальное действие? По В., "действием" следует... называть человеческое поведение (безразлично, внешнее или внутреннее деяние, недеяние или претерпевание), если и поскольку действующий или действующие связывают с ним некоторый субъективный смысл. Но "социальным действием" следует называть такое, которое по своему смыслу, подразумеваемому действующим или действующими, отнесено к поведению других и этим ориентировано в своем протекании".

Таким образом, социальное действие, по В., предполагает два момента: субъективную мотивацию индивида или группы, без которой вообще нельзя говорить о действии, и ориентацию на другого (других), которую В. называет еще и "ожиданием" и без которой действие не может рассматриваться как социальное.

Категория социального действия, требующая исходить из понимания мотивов отдельного индивида, есть тот решающий пункт, в котором социологический подход В. отличается от социологии Э. Дюркгейма (см.). Вводя понятие социального действия, В. по существу дает свою трактовку социального факта, полемически направленную против той, которая была предложена Дюркгеймом. В противоположность Дюркгейму В.

считает, что ни общество в целом, ни те или иные формы коллективности не должны, если подходить к вопросу строго научно, рассматриваться в качестве субъектов действия: таковыми могут быть только отдельные индивиды. Коллективы, согласно В., социология может рассматривать как производные от составляющих их индивидов; они представляют собой не самостоятельные реальности, как у Дюркгейма, а, скорее, способы организации действий отдельных индивидов. Нельзя не отметить, что в своем "методологическом индивидуализме" В. трудно быть последовательным; у него возникает ряд затруднений, когда он пытается применить категорию социального действия, особенно при анализе традиционного общества.

Итак, понимание мотивации, "субъективно подразумеваемого смысла" – необходимый момент социологического исследования. Что же, однако, представляет собой "понимание", коль скоро В. не отождествляет его с той трактовкой понимания, какую предлагает психология?

Психологическое понимание чужих душевных состояний является, по В., лишь подсобным, а не главным средством для историка и социолога. К нему можно прибегать лишь в том случае, если действие, подлежащее объяснению, не может быть понято по его смыслу. "При объяснении иррациональных моментов действия понимающая психология, действительно, может оказать несомненно важную услугу. Но это, – подчеркивает В., – ничего не меняет в методологических принципах".

Каковы же эти методологические принципы? "Непосредственно наиболее понятным по своей смысловой структуре является действие, ориентированное субъективно строго рационально в соответствии со средствами, которые считаются (субъективно) однозначно адекватными для достижения (субъективно) однозначных и ясно сознаваемых целей". Итак, по В., социология должна ориентироваться на действие индивида или группы индивидов. При этом наиболее "понятным" является действие осмысленное, т.е. направленное к достижению ясно сознаваемой самим действующим индивидом целей и использующее для достижения этих целей средства, признаваемые за адекватные самим действующим индивидом. Сознание действующего индивида оказывается, таким образом, необходимым для того, чтобы изучаемое действие выступало в качестве социальной реальности. Описанный тип действия В. называет *целерациональным*. Для понимания целерационального действия, согласно В., нет надобности прибегать к психологии.

Осмысленное целерациональное действие не является предметом психологии именно потому, что цель, которую ставит перед собой индивид, не может быть понята, если исходить только из анализа его душевной жизни. Рассмотрение этой цели выводит нас за пределы психологизма. Правда, связь между целью и выбираемыми для ее реализации средствами опосредована психологией индивида; однако, согласно В., чем ближе действие к целерациональному, тем меньше коэффициент психологического преломления, "ниже", рациональнее связь между целью и средствами.

Это, разумеется, не значит, что В. рассматривает целерациональное действие как некий всеобщий тип действия; напротив, он не только не считает его всеобщим, но не считает даже и преобладающим в эмпирической реальности. Целерациональное действие – это идеальный тип, а не эмпирически общее, тем более не всеобщее. Как идеальный тип оно в чистом виде редко встречается в реальности. Именно целерациональное действие есть наиболее важный тип социального действия, оно служит образцом социального действия, с которым соотносятся все остальные виды действия.

Итак, по В., понимание в чистом виде имеет место там, где перед нами – целерациональное действие. Сам В. считает, что в этом случае уже нельзя говорить о психологическом понимании, поскольку смысл действия, его цель лежат за пределами психологии. Но поставим вопрос по-другому: что именно мы понимаем в случае целерационального действия: смысл действия или самого действующего? Допустим, мы видим человека, который рубит в лесу дрова. Мы можем сделать вывод, что он делает это либо для заработка, либо для того, чтобы заготовить себе на зиму топливо, и т.д. и т.п. Рассуждая таким образом, мы пытаемся понять смысл действия, а не самого действующего. Однако та же операция может послужить для нас и средством анализа самого действующего индивида. Трудность, которая возникает здесь, весьма существенна. Ведь если социология стремится понять самого действующего индивида, то всякое действие выступает для нее как знак чего-то, в действительности совсем другого, того, о чем сам индивид или не догадывается, или, если догадывается, то пытается скрыть (от других или даже от себя). Таков подход к пониманию действия индивида, например в психоанализе Фрейда.

Возможность такого подхода В. принципиально не исключал, но считал его проблематичным, а поэтому и необходимо ограничивать этот подход, применяя его лишь спорадически как подсобное средство. Проблематичность его В. усматривает в том, что в таких случаях субъективно, хотя и незаметно целерациональное и объективно правильнорациональное оказываются в неясном отношении друг к другу. В. имеет в виду следующее весьма серьезное затруднение, возникающее при "психологическом" подходе. Если индивид сам ясно осознает поставленную им цель и только стремится скрыть от других, то это нетрудно понять; такую ситуацию вполне можно подвести под схему целерационального поведения. Но если речь идет о таком действии, когда индивид не отдает себе отчета в собственных целях (а именно эти действия исследует психоанализ), то возникает вопрос: имеет ли исследователь достаточные основания утверждать, что он понимает действующего индивида лучше, чем тот понимает сам себя? В самом деле: ведь нельзя забывать о том, что метод психоанализа возник из практики лечения душевнобольных, по отношению к которым врач считает себя лучше понимающим их состояние, чем они сами его понимают. Ведь он – здоровый человек, а они – больные. Но на каком основании он может применять этот метод к другим здоровым людям? Для этого может быть только одно основание: убеждение о том, что они тоже "больны". Но тогда понятие болезни оказывается перенесенным из сферы медицины в общесоциальную сферу, а лечение в этом случае оказывается социальной терапией, в конечном счете – лечением общества в целом.

Очевидно, именно эти соображения заставили В. ограничить сферу применения такого рода подходов в социальном и историческом исследованиях. Но тогда как же все-таки он сам решает вопрос о понимании? Что именно мы понимаем в случае целерационального действия: смысл действия или самого

действующего? В. потому выбрал в качестве идеально-типической модели целерациональное действие, что в нем оба эти момента совпадают: понять смысл действия – это и значит в данном случае понять действующего, а понять действующего – значит понять смысл его поступка. Такое совпадение В. считает тем идеальным случаем, от которого должна отправляться социология. Реально чаще всего эти оба момента не совпадают, но наука не может, согласно В., отправляться от эмпирического факта: она должна создать себе идеализованное пространство. Таким "пространством" является для социологии целерациональное действие.

Поскольку, однако, В. рассматривает целерациональное действие как идеальный тип, постольку он вправе заявить, что "рационалистический" характер его метода вовсе не предполагает рационалистической трактовки самой социальной реальности. Целерациональность – это, по В., лишь методологическая, а не "онтологическая" установка социолога, это средство анализа действительности, а не характеристика самой этой действительности.

Хотя В. заботится о том, чтобы отделить целерациональное действие как конструируемый идеальный тип от самой эмпирической реальности, однако проблема соотношения идеально-типической конструкции и эмпирической реальности далеко не так проста, как можно было бы думать, и однозначного решения этой проблемы у самого В. нет. Как бы ни хотелось В. раз и навсегда четко разделить эти две сферы, но при первой же попытке реально работать с идеально-типической конструкцией эта четкость разделения исчезает.

Какие предпосылки, важные для социологической теории, содержит в себе целерациональное действие? Выбирая целерациональное действие в качестве методологической основы для социологии, В. тем самым отмежевывается от тех социологических теорий, которые в качестве исходной реальности берут социальные "тотальности", например: "народ", "общество", "государство", "экономика".

Принцип "понимания" оказывается, таким образом, критерием, с помощью которого отделяется сфера, релевантная для социолога, от той, которая не может быть предметом социологического исследования. Поведение индивида мы понимаем, а поведение клетки – нет. Не "понимаем" мы также – в веберовском значении слова – и "действия" народа или народного хозяйства, хотя вполне можем понять действия составляющих народ (или участвующих в народном хозяйстве) индивидов. Такой подход обязателен, по В., для социолога, но не является обязательным для всех вообще наук о человеке. Так, юриспруденция при известных обстоятельствах может рассматривать в качестве "правового лица" также и государство или тот или иной коллектив; социология же не вправе этого делать. Ее подход предполагает рассмотрение даже таких социальных образований, как право, лишь в той форме, как оно преломляется через целерациональное действие (а стало быть, через сознание) отдельного индивида.

Поскольку, таким образом, согласно В., общественные институты (право, государство, религия и др.) должны изучаться социологией в той форме, в какой они становятся значимыми для отдельных индивидов, в какой последние реально ориентированы на них в своих действиях, постольку снимается тот привкус "метафизики", который всегда присутствует в социальных учениях, принимающих за исходное именно эти институты (как и вообще "целостности"). Этот привкус неизбежно ощущается в социальных теориях, создаваемых на основе методологических предпосылок реализма в средневековом значении этого понятия. Такой точке зрения В. противопоставляет требование исходить в социологии из действий отдельных индивидов. Его позицию можно было бы охарактеризовать как номиналистическую. Однако это не вполне адекватная характеристика, и вот почему. Требование исходить из индивидуального действия выставляется В. как принцип познания, а в силу неокантианской установки В. характеристика принципов познания отнюдь не есть в то же время и характеристика самой социальной реальности. Реальность пластична в том смысле, что ее можно изучать также и по-другому, результатом чего может быть наука, отличная от социологии, например юриспруденция или политическая экономия. Стало быть, говоря об индивидуальном целерациональном действии, В. не утверждает, что оно есть характеристика самой реальности социальной жизни, а принимает его в качестве идеального типа, который в чистом виде редко встречается в действительности. Поэтому целесообразно было бы говорить о методологическом номинализме, или, точнее, о методологическом индивидуализме В.

Основной методологический исходный пункт В. можно было бы сформулировать так: человек сам знает, чего он хочет. Разумеется, в действительности человек далеко не всегда знает, чего он хочет, ведь целерациональное действие – это идеальный случай. Но социолог должен исходить именно из этого идеального случая, как из теоретико-методологической предпосылки.

Вторым обязательным моментом социального действия В. считает ориентацию действующего лица на другого индивида (или других индивидов). Разъясняя, о какой именно ориентации здесь идет речь, В. пишет, что социальное действие может быть ориентировано на прошлое, настоящее или ожидаемое в будущем поведение других индивидов (месть за нападение в прошлом, оборона при нападении в настоящем, меры защиты против будущего нападения). В качестве "других" могут выступать известный индивид или неопределенно многие и совсем неизвестные (например, "деньги" означают средство обмена, которое действующий индивид принимает при обмене, так как ориентирует свое действие на ожидание того, что в будущем при обмене их, в свою очередь, примут неизвестные ему и неопределенно многие другие).

Введение в социологию принципа "ориентации на другого" представляет собой попытку внутри методологического индивидуализма и средствами последнего найти нечто всеобщее, принять во внимание ту, если так можно выразиться, субстанцию социального, без которой целерациональное действие остается классической моделью робинзонады.

Однако здесь может возникнуть вопрос: почему В. понадобился столь "окольный" путь, чтобы прийти к признанию существования "всеобщего"? Дело в том, что таким путем В. только и может показать, в какой форме выступает "всеобщее" для социологической науки: наука не должна рассматривать "социальность" вне и помимо индивидов, она не должна допускать и тени субстанциализации социального; лишь в той мере и настолько, в какой и насколько "всеобщее" признается отдельными индивидами и ориентирует их реальное поведение, оно существует. В. поясняет, что существова-

ние таких общностей, как "государство", "союз", с точки зрения социологии означает не что иное, как большую или меньшую возможность того, что индивиды в своих действиях принимают во внимание эти образования. Когда эта возможность уменьшается, существование данного института становится более проблематичным, сведение этой возможности к нулю означает конец данного института (государственного, правового и т.д.).

Веберовская категория "ориентации на другого", несомненно, ведет свое происхождение из области права и представляет собой социологическую интерпретацию одного из ключевых понятий правоведения и философии права – "признания".

Таким образом, социология права – это не только один из частных разделов социологии В.: "признание", составляющее важнейший принцип правосознания, объясняется В. конститутивным моментом всякого социального действия вообще.

Особенно важное значение приобретает данная проблема в учении В. о формах господства; здесь она выступает в виде вопроса о "легитимной власти" и вообще о природе "легитимности". Однако необходимо отметить, что проблема "легитимности", а соответственно и "признания", не получила у В. однозначного и последовательного решения. Как в юриспруденции, так и в социальной философии эта проблема была всегда тесно связана с идеей "естественного права". Что же касается В., то он считает "естественное право" ценностным постулатом, которому не место в социологии, поскольку последняя хочет быть эмпирической наукой, а должна быть свободной от ценностей. Поэтому задача теоретического фундирования таких категорий, как "ожидание", "признание", "легитимность", остается в сущности до конца не решенной.

Итак, наличие субъективного смысла и ориентация на других – два необходимых признака социального действия. В соответствии с этим определением не всякое действие, как подчеркивает В., может быть названо социальным. Так, если действие индивида ориентировано на ожидание определенного "поведения" не со стороны других индивидов, а со стороны вещественных предметов (машин, явлений природы и т.д.), то оно не может быть названо социальным действием в принятом В. смысле слова. Точно так же не является социальным действием религиозная акция индивида, предающегося созерцанию, одинокой молитве и т.д. Хозяйственная деятельность индивида только тогда становится социальным действием, если при распоряжении определенными экономическими благами во внимание принимается другой (или другие) индивид(ы) и действие протекает с ориентацией на этих других. Нельзя, например, считать социальным действие многих индивидов, если оно определяется по характеру и содержанию ориентацией на какое-либо природное явление. "Если на улице, – пишет В., – множество людей одновременно раскрывают зонты, когда начинается дождь, то при этом (как правило) действие одного не ориентировано на действие другого, а действие всех в равной мере вызвано потребностью предохраняться от дождя".

В. не считает социальным и чисто подражательное действие, совершаемое индивидом как атомом массы, толпы, такое действие, описанное, в частности, Г.Лебоном (см.), В. считает предметом исследования "психологии масс", а не социологии. Хотя и социология, по В., может рассматривать действие многих, а не только одного индивида, но она рассматривает такое коллективное действие по модели индивидуального, раскрывая субъективно подразумеваемый смысл действий составляющих коллектив индивидов и их взаимную установку друг на друга и на "третьего".

Как историк и социолог В., разумеется, понимает, что массовые действия – один из важных предметов исследования социолога, но специфический угол зрения социолога, по В., предполагает учет "смыслового отношения между поведением индивида и фактом его омассовления", т.е. социолог должен понять, какой субъективно подразумеваемый смысл связывает индивида с другими, на каком основании люди объединяются в массу. "Действие, которое в своем протекании имеет причиной или одной из причин воздействие простого факта массы чисто как такового и определяется этим фактом лишь реактивно, а не отнесено к нему осмысленно, не является "социальным действием" в установленном здесь смысле слова".

Характерен оборот В. "смысловое отношение к факту своей принадлежности к массе". Достаточно, стало быть, индивиду, составляющему "атом" массы, осмысленно отнестись к своей "омассовленности", как уже появляется дистанция между ним и его "массовостью", и это обстоятельство будет определяющим также и для структуры самой массы. В этом пункте веберовский социологический подход к массовым движениям существенно отличается от социально-психологического, предложенного, в частности, Лебоном. Лебон подошел к феномену массы как психолог: он стремился зафиксировать то общее, что имеет место в любой толпе, будь то революционная масса на улицах Парижа или "толпа" римских солдат, толпа зрителей в театре или толпа крестоносцев. Но в поле зрения социальной психологии при этом не попадет то, что отличает один тип толпы от другого и что должна изучать, согласно В., уже не психология, а социология толпы. Предметом социологии в этом пункте должно быть не столько непосредственное поведение массы, сколько его смысловой результат. Характер массового движения, в значительной мере определяемый смысловыми установками, которыми руководствуются составляющие массу индивиды, сказывается – с большими или меньшими отклонениями – на характере тех религиозных, политических, экономических и других институтов, которые складываются в ходе и в результате этих движений. В социологии религии, права и политики В. как раз и пытается осуществить свой метод анализа массовых движений.

При рассмотрении веберовского разделения видов действия мы сможем понять: как применяется "идеальная модель" целерационального действия. В. указывает четыре вида действия: целерациональное, ценностно-рациональное, аффективное и традиционное. "Социальное действие, подобно всякому действию, может быть определено: 1) целерационально, т.е. через ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и при использовании этого ожидания как "условия" или как "средства" для рационально направленных и регулируемых целей (критерием рациональности является успех); 2) ценностно-рационально, т.е. через сознательную веру в этическую, эстетическую, религиозную или как-либо иначе понимаемую безусловную собственную

ценность (самоценность) определенного поведения, взятого просто как таковое и независимо от успеха; 3) аффективно, особенно эмоционально – через актуальные аффекты и чувства; 4) традиционно, т.е. через привычку".

Нельзя сразу же не обратить внимания на то, что два последних вида действия – аффективное и традиционное – не являются социальными действиями в собственном смысле слова, поскольку здесь мы не имеем дела с осознанным смыслом.

Только ценностно-рациональное и целерациональное действия суть социальные действия в веберовском значении этого слова. Согласно В., "чисто ценностно-рационально действует тот, кто, не считаясь с предвидимыми последствиями, действует в соответствии со своими убеждениями и выполняет то, чего, как ему кажется, требуют от него долг, достоинство, красота, религиозное предписание, пиетет или важность какого-либо... "дела". Ценностно-рациональное действие ...всегда есть действие в соответствии с "заповедями" или "требованиями", которые действующий считает предъявленными к себе. Лишь поскольку человеческое действие ...ориентируется на такие требования ...мы будем говорить о ценностной рациональности". В случае ценностно-рационального и аффективного действия целью действия является оно само, а не нечто другое (результат, успех и т.л.); побочные следствия как в первом, так и во втором случае в расчет не принимаются.

В отличие от ценностно-рационального действия последний, четвертый, тип – целерациональное действие – во всех отношениях поддается расчленению. "Целерационально, – пишет В., – действует тот, кто ориентирует свое действие в соответствии с целью, средством и побочными последствиями и при этом рационально взвешивает как средства по отношению к цели, как цели по отношению к побочным следствиям, так, наконец, и различные возможные цели по отношению друг к другу".

Как видим, четыре указанных типа действия располагаются В. в порядке возрастающей рациональности: если традиционное и аффективное действия можно назвать субъективно-иррациональными (объективно оба могут оказаться рациональными), то ценностно-рациональное действие уже содержит в себе субъективно-рациональный момент, поскольку действующий сознательно соотносит свои поступки с определенной ценностью как целью; однако этот тип действия только относительно рационален, поскольку сама ценность принимается без дальнейшего опосредования и обоснования и в результате не принимаются во внимание побочные следствия поступка. Абсолютно рациональным в установленном В. смысле слова является только целерациональное действие, если оно протекает в чистом виде.

Реально протекающее поведение индивида, отмечает В., ориентировано, как правило, в соответствии с двумя и более видами действия: в нем имеют место и целерациональные, и ценностно-рациональные, и аффективные, и традиционные моменты. В разных типах обществ те или иные виды действия могут быть преобладающими: в традиционных обществах преобладают традиционный и аффективный типы ориентации действия, в индустриальном – целе- и ценностно-рациональный с тенденцией вытеснения второго первым.

Вводя категорию социального действия, В., однако, не смог разрешить тех трудностей, которые возникли в связи с применением этой категории. Сюда относится, во-первых, трудность определения субъективно подразумеваемого смысла действия. Стремясь уточнить, о каком "смысле" здесь должна идти речь, В. много лет бился над разработкой категории социологического "понимания", так и не сумев до конца освободиться от психологизма.

Во-вторых, категория социального действия в качестве исходной "клеточки" социальной жизни не дает возможности понять результаты общественного процесса, которые сплошь и рядом не совпадают с направленностью индивидуальных действий.

В. не случайно расположил четыре описанных им типа социального действия в порядке возрастания рациональности, такой порядок – не просто методологический прием, удобный для объяснения: В. убежден, что рационализация социального действия – это тенденция самого исторического процесса.

Проблема рационализации как судьбы западной цивилизации и в конечном счете судьбы всего современного человечества уже предполагает переход от рассмотрения методологии В. к рассмотрению содержательной стороны его социологии, которая, как видим, находится с методологическими принципами В. в самой тесной связи.

Что же означает возрастание роли целерационального действия с точки зрения структуры общества в целом? Рационализируется способ ведения хозяйства, рационализируется управление – как в области экономики, так и в области политики, науки, культуры – во всех сферах социальной жизни, рационализируется образ мышления людей, так же как и способ их чувствования и образ жизни в целом. Все это сопровождается возрастанием социальной роли науки, представляющей собой, по В., наиболее чистое воплощение принципа рациональности. Наука проникает прежде всего в производство, а затем и в управление, наконец также и в быт – в этом В. видит одно из свидетельств универсальной рационализации современного общества.

Рационализация представляет собой, по В., результат соединения целого ряда исторических факторов, предопределивших направление развития Европы за последние 300-400 лет.

Констелляция этих факторов не рассматривается В. как нечто заранее предопределенное – скорее, это своего рода историческая случайность, а поэтому рационализация, с его точки зрения, есть не столько не обходимость исторического развития, сколько его судьба. Случилось так, что в определенный временной период и в определенном районе мира встретились несколько феноменов, несших в себе рациональное начало: античная наука, особенно математика, дополненная в эпоху Возрождения экспериментом и приобретшая – со времени Галилея – характер новой, экспериментальной науки, внутренне связанной с техникой; рациональное римское право, какого не знали прежние типы общества и которое получило на европейской почве свое дальнейшее развитие в средние века; рациональный способ ведения хозяйства, возникший благодаря отделению рабочей силы от средств производства и, стало быть, на почве того, что К. Маркс (см.) назвал в свое время "абстрактным трудом" – трудом, доступным количественному измерению. Фактором, позволившим как бы синтезировать все эти элементы, оказался, согласно В., протестантизм, создавший мировоззренческие предпосылки для

осуществления рационального способа ведения хозяйства (прежде всего для внедрения в экономику достижений науки и превращения последней в непосредственную производительную силу), поскольку экономический успех был возведен протестантской этикой в религиозное призвание.

В результате в Европе впервые возник новый, прежде никогда не существовавший и потому не имеющий аналогий в истории тип общества, который современные социологи называют индустриальным. Все прежде существовавшие типы обществ в отличие от современного В. называет традиционными. Важнейший признак традиционных обществ – это отсутствие в них господства формально-рационального начала. Что же представляет собой это последнее?

Формальная рациональность, по В., – это прежде всего калькулируемость, формально-рациональное – это то, что поддается количественному учету, что без остатка исчерпывается количественной характеристикой. Формальная рациональность хозяйства, по мысли В., определяется мерой технически для него возможного и действительно применяемого им расчета. Напротив, материальная рациональность характеризуется степенью, в какой снабжение определенной группы людей жизненными благами осуществляется путем экономически ориентированного социального действия с точки зрения определенных ценностных постулатов. Иными словами, экономика, руководствующаяся определенными критериями, лежащими за пределами того, что можно рационально подсчитать и что В. называет "ценностными постулатами", т.е. экономика, служащая целям, не ею самой определяемым, характеризуется как "материально (т.е. содержательно) определяемая". "Материальная" рациональность – это рациональность для чего-то; формальная рациональность – это рациональность "ни для чего", рациональность сама по себе, взятая как самоцель. Не следует, однако, забывать, что понятие формальной рациональности – это идеальный тип, и в эмпирической реальности она в чистом виде встречается крайне редко. Однако движение в направлении формальной рационализации – это, как показывает В. во многих своих работах, движение самого исторического процесса. В прежних типах обществ преобладала "материальная рациональность", в современном – формальная рациональность, что соответствует преобладанию целерационального типа действия над всеми остальными.

Учение о формальной рациональности – это по существу веберовская теория капитализма. Необходимо отметить тесную связь между веберовской методологией, в частности теорией социального действия и выделением типов действия, с одной стороны, и его теорией генезиса капитализма – с другой. В самом деле, В. подчеркивал, что при создании идеально-типической конструкции исследователь руководствуется в конечном счете "интересом эпохи", которая и задает ему "направленность взгляда". Эпоха поставила перед В. в качестве центрального вопрос о том, что такое современное капиталистическое общество, каково его происхождение и пути развития, какова судьба индивида в этом обществе и как оно реализовало или реализует в будущем те идеалы, которые в 17 и 18 вв. были провозглашены его идеологами как "идеалы разума". Характер вопроса предопределил методологический инструментарий В. Был создан тип "социального действия", в частности целерационального действия, который послужил точкой отсчета для конструирования других типов действия. Сам В. считал наиболее чистым эмпирическим образцом целерационального действия поведение индивида в сфере экономической. Не случайно примеры целерационального действия В. приводит, как правило, из этой сферы: это или обмен товаров, или конкурентная борьба на рынке, или биржевая игра и т.д. Соответственно, когда речь заходит о традиционных обществах, В. отмечает, что целерациональный тип действия там встречается преимущественно в сфере хозяйственной.

Веберовская теория "рационализации" самым тесным образом связана с его пониманием социального действия. Не менее тесно с категорией социального действия увязана и веберовская социология власти. Неотъемлемым моментом социального действия В. считает "ориентацию на другого", которая является не чем иным, как традиционной для правоведения категорией "признания": если категорию "признания" освободить от того нормативного значения, которое она имеет в юриспруденции, и от того "метафизического" значения, которое она имела в учениях о "естественном праве", то мы получим именно понятие "ожидания", которое В. считает необходимым для социологического исследования общества. Очень важна роль этого понятия в учении В. о типах легитимного господства, т.е. такого господства, которое признано управляемыми индивидами. Характерно веберовское определение господства: господство означает шанс встретить повиновение определенному приказу. Господство предполагает, таким образом, взаимное ожидание: того, кто приказывает, – что его приказу будут повиноваться; тех, кто повинуются, – что приказ будет иметь тот характер, какой ими, повинующимися, ожидается, т.е. признается. В полном соответствии со своей методологией В. начинает анализ легитимных типов господства с рассмотрения возможных (типических) "мотивов повиновения". Таких мотивов В. находит три и в соответствии с ними различает три чистых типа господства.

Господство может быть обусловлено интересами, т.е. целерациональными соображениями повинующихся относительно преимуществ или невыгод; оно может обусловливаться, далее, просто "нравами", привычкой к определенному поведению; наконец, оно может основываться на простой личной склонности подданных, т.е. иметь аффективную базу.

Первый тип господства (его В. называет "легальным") в качестве "мотива уступчивости" имеет соображения интереса; в его основе лежит целерациональное действие. К такому типу относятся В. современные буржуазные государства: Англия, Франция, Соединенные Штаты Америки и др. В таком государстве подчиняются, подчеркивает В., не личности, а установленным законам: им подчиняются не только управляемые, но и управляющие (чиновники). Аппарат управления состоит из специально обученных чиновников, к ним предъявляется требование действовать "невзирая на лица", т.е. по строго формальным и рациональным правилам. Формально-правовое начало – принцип, лежащий в основе "легального господства"; именно этот принцип оказался, согласно В., одной из необходимых предпосылок развития современного капитализма как системы формальной рациональности.

Бюрократия, говорит В., технически является самым чистым типом легального господства. Однако никакое господство не может быть только бюрократическим: на вершине

лестницы стоят либо наследные монархи, либо избранные народом президенты, либо лидеры, избранные парламентской аристократией. Но повседневная, непрерывная работа ведется при этом силами специалистов-чиновников, т.е. машиной управления, деятельность которой не может быть приостановлена без того, чтобы не вызвать серьезного нарушения в функционировании социального механизма.

Описанный В. идеальный тип формально-рационального управления, безусловно, представляет собой идеализацию реального положения вещей, он не имел и не имеет эмпирического осуществления ни в одном из современных буржуазных государств. В. здесь в сущности имеет в виду машину управления, машину в самом буквальном значении этого слова – у последней в самом деле не может быть никаких интересов, кроме "интересов дела", и она не подвержена коррупции. В. считает, что такая "человеческая машина" точнее и дешевле механического устройства.

Однако машина управления, подобно всякой машине, нуждается в программе. Программу может ей задать только политический лидер (или лидеры), ставящий перед собой определенные цели, т.е., другими словами, ставящий формальный механизм управления на службу определенным политическим ценностям. Характерное для веберовской методологии разведение "науки" и "ценности" в его социологии господства находит еще одно применение.

Другой тип легитимного господства, обусловленный "правами, привычкой к определенному поведению", В. называет традиционным. Традиционное господство основано на вере не только в законность, но даже в священность издревле существующих порядков и властей; в его основе лежит, следовательно, традиционное действие. Чистейшим типом такого господства является, по В., патриархальное господство. Союз господствующих представляет собой общность, тип начальника – "господин", штаб управления – "слуги", подчиненные – "подданные", которые послушны господину в силу пиетета. В. подчеркивает, что патриархальный тип господства по своей структуре во многом сходен со структурой семьи (именно это обстоятельство делает особенно прочным и устойчивым тот тип легитимности, который характерен для этого типа господства). В. неоднократно отмечал неустойчивость и слабость легитимности в современном правовом государстве, легальный тип господства представлялся ему хотя и наиболее подходящим для современного индустриального общества, но нуждающимся в некотором "подкреплении", именно поэтому В. считал полезным сохранение наследного монарха в качестве главы государства, как это было в некоторых европейских странах.

По В., аппарат управления здесь состоит из лично зависимых от господина домашних служащих, родственников, личных друзей или лично верных ему вассалов. Во всех случаях не служебная дисциплина и не деловая компетентность, как в уже рассмотренном типе господства, а именно личная верность служит основанием для назначения на должность и для продвижения по иерархической лестнице. Поскольку ничто не ставит предела произволу господина, то иерархическое членение часто нарушается привилегиями.

Для обычных видов традиционного господства характерно отсутствие формального права и, соответственно, требования действовать "невзирая на лица"; характер отношений в любой сфере – сугубо личный; правда, некоторой свободой от этого чисто личного начала во всех типах традиционных обществ, как подчеркивает В., пользуется сфера торговли, но эта свобода относительна: наряду со свободной торговлей всегда существует традиционная ее форма.

Третьим чистым типом господства является, по В., так называемое харизматическое господство. Понятие харизмы играет в социологии В. важную роль; харизма, по крайней мере в соответствии с этимологическим значением этого слова, есть некая экстраординарная способность, выделяющая индивида среди остальных и, самое главное, не столько приобретенная им, сколько дарованная ему – природой, Богом, судьбой. К харизматическим качествам В. относит магические способности, пророческий дар, выдающуюся силу духа и слова; харизмой, по В., обладают герои, великие полководцы, маги, пророки и провидцы, гениальные художники, выдающиеся политики, основатели мировых религий – Будда, Иисус, Магомет, основатели государств – Солон и Ликург, великие завоеватели – Александр Македонский, Цезарь, Наполеон.

Харизматический тип легитимного господства представляет собой прямую противоположность традиционному: если традиционный тип господства держится привычкой, привязанностью к обычному, раз навсегда заведенному, то харизматический, напротив, опирается на нечто необычайное, никогда ранее не признававшееся; не случайно для пророка, по В., характерен такой оборот: "Сказано... а я говорю вам..." Аффективный тип социального действия является основной базой харизматического господства. В. рассматривает харизму как "великую революционную силу", существовавшую в традиционном типе общества и способную внести изменения в лишенную динамизма структуру этих обществ.

Однако при всем различии и даже противоположности традиционного и харизматического типов господства между ними есть и нечто общее, а именно: и тот, и другой опираются на личные отношения между господином и подчиненными. В этом отношении оба эти типа противостоят формально-рациональному типу господства как безличному. Источником личной преданности харизматическому государю являются не традиция и не признание его формального права, а эмоционально окрашенная преданность ему и вера в его харизму. Именно поэтому, подчеркивает В., харизматический вождь должен постоянно доказывать ее присутствие. Союз господствующих, как и в предыдущем случае, представляет собой общину, в которой объединены – в зависимости от характера харизмы – учитель и его ученики, вождь и его последователи и приверженцы и т.д. Аппарат управления составляется на основании присутствия (у управляющего) харизмы и личной преданности вождю; рациональное понятие "компетентности", так же как и сословно-традиционное понятие "привилегии", здесь полностью отсутствует. Как от формально-рационального, так и от традиционного типа господства харизматическое отличается тем, что здесь нет установленных (рационально или по традиции) правил: решения по всем вопросам выносятся иррационально, на основании откровения или творчества, деяния и личного примера, от случая к случаю.

Харизматический принцип легитимности в отличие от формально-рационального авторитарен. По существу автори-

тет носителя харизмы базируется на его силе – только не на грубой, физической (что, впрочем, отнюдь не исключено), а на силе его дара.

Нельзя не обратить внимания на то, что В. рассматривает харизму совершенно безотносительно к содержанию того, что возвещает, за что выступает, что несет с собой харизматический лидер; верный своему принципу, согласно которому социология как наука должна быть свободна от ценностей, В. подчеркнуто безразличен к ценностям, вносимым в мир харизматической личностью: Перикл, Клеон, Наполеон, Иисус или Чингисхан, с точки зрения В. как социолога власти, – одинаково харизматические деятели; создаваемые ими государственные или религиозные сообщества представляют собой разновидности харизматического типа господства.

Методологические принципы В. исключают возможность отличия того типа политика, каким был, например, Перикл, от политического демагога типа Гитлера, опиравшегося на суггестивно-эмоциональные формы воздействия на массы и потому вполне подходившего под веберовское определение харизмы. Поскольку социолога, по В., должно интересовать не субъективное различие (скажем, подлинной религиозности от псевдорелигиозности), а объективный результат действий того или иного исторического лица, то веберовская социология с необходимостью несет в себе некоторую двусмысленность. Эта двусмысленность независимо от политических установок самого В. сыграла отрицательную роль в сложной социально-политической ситуации, которая сложилась в Германии после Первой мировой войны в период Веймарской республики.

Наиболее отчетливо двойственность веберовского отношения к любому из идеальных типов – рациональности, харизме, традиции – сказалась в его социологии религии.

Исследования В. в области социологии религии, начатые с изучения протестантизма, завершились большими историко-социологическими экскурсами, посвященными анализу индуизма, буддизма, конфуцианства, даосизма, иудаизма и др. В работе В. над проблемами религии можно выделить два этапа, различающиеся не только по предмету, но отчасти и по направленности исследовательского интереса. На первом этапе, в период работы над "Протестантской этикой", веберовский интерес к религии ограничивается главным образом вопросом о том, какую роль сыграло изменение религиозной этики, обусловленное возникновением и развитием протестантизма, в становлении современного капитализма, и шире – в проведении в жизнь принципа рациональности. Предметом исследования у В. становится поэтому связь между религиозно-этическими принципами и формами экономической деятельности.

Намеченная в "Протестантской этике" тема – связь и взаимовлияние религии и экономики – сохраняет свое значение и в дальнейших веберовских исследованиях религии. Как влияют религиозно-этические установки на характер и способ осуществления экономической деятельности и, главное, на формы ее мотивации, как, далее, те или иные типы ведения хозяйства "деформируют" религиозно-этические принципы – вот одна из главных тем В. при исследовании им мировых религий. При этом основным средством анализа у В. является сравнение: этого требует его метод идеального типизирования. Основанием сравнения служит прежде всего (хотя, конечно, не исключительно) степень рационализации экономической деятельности, допускаемая той или иной религиозной этикой. Степень рационализации, как показывает В., обратно пропорциональна силе магического элемента, в разной степени присутствующего в каждой религии. Пара противоположностей "рациональное – магическое" является одним из инструментов анализа в "Хозяйственной этике мировых религий".

Однако по мере того, как В. от вопроса о становлении и развитии современного капитализма переходил к непосредственному созданию социологии как положительной эмпирической науки об обществе, по мере того, как он осмыслял место и роль религиозного фактора в структуре социального образования, его социология религии получала – наряду с прежней – еще и новую нагрузку: именно с помощью социологии религии В. пытался вскрыть содержание категории социального действия: социология религии имеет своим предметом субъективно подразумеваемый смысл. Если в социологии права и государства В. анализирует формы "ориентации на другого", то в социологии религии он типологизирует основные виды смыслов, как они выступали в истории. В результате социология религии становится одним из центральных разделов социологии В. в целом.

Как в реальном социальном действии трудно отделить друг от друга его моменты – "субъективно подразумеваемый смысл" и "ориентацию на другого", так же трудно отделить друг от друга религиозно-этические и государственно-правовые образования, в истории тесно между собой связанные. Но в целях анализа В. сознательно расщепляет эти моменты, чтобы затем в ходе исследования уяснить себе "механизм" их связи. Поэтому в "Хозяйственной этике мировых религий" речь идет уже не только о соотношении религии и хозяйства, но и о соотношении религии и форм власти, религии и искусства, науки, философии и т.д.

Однако, несмотря на расширение и углубление темы, методологические средства анализа религиозной этики у В. в значительной мере остаются прежними; эталоном для сравнения у него здесь так же, как и в других разделах его социологии, остается целерациональное действие, а его наиболее чистым вариантом является действие экономическое. Поэтому установление типа связи религии именно с хозяйственной этикой остается для В. по-прежнему важнейшим средством анализа как самой религии, так и отношения ее к праву, государству, науке, искусству и т.д.

Сравнение производится В. не на основании внешне фиксируемых моментов религиозного действия – именно по отношению к религиозным явлениям этот подход мало что дает. Только понимание смысла совершаемых действий, т.е. мотивов действующих индивидов, открывает возможность социологического анализа религии. Прежде чем производить сравнение и классификацию типов религиозного поведения, надо, по В., увидеть тот предмет, который должен быть сравнен и классифицирован.

Не ставя в качестве центрального вопрос о происхождении религии, В. не рассматривает специально и вопрос о ее сущности.

Второй важнейший аспект социологии религии В. – это сосредоточенность его на роли необычных, сверхъестественных способностей индивида, благодаря которым он в состоянии быть магом, шаманом, пророком, основателем новой

религии. Эти способности (индивидуальная харизма) представляют собой, по В., огромную социальную силу, но силу иррациональную, которую он противопоставляет рациональным факторам.

Соответственно своим интересам и методу В. выбирает и предмет исследования: он изучает главным образом религии развитых обществ, т.е. мировые религии, предполагающие сравнительно высокий уровень социальной дифференциации, значительное интеллектуальное развитие, появление личности, наделенной ясным самосознанием. Хотя ритуально-культовый момент имеет место и в мировых религиях, но в той мере, в какой здесь ослабляется групповое начало и выделяется индивидуальное, возрастает значение догматических и этических элементов по сравнению с обрядовыми и ритуальными. И вот тут веберовская методология, требующая анализа мотивов действующих индивидов, находит себе соответствующий предмет исследования.

На огромном материале высокоразвитых форм религиозной жизни В. путем эмпирического наблюдения и сравнения фиксирует, где и при каких социальных условиях, среди каких социальных слоев и профессиональных групп преобладает в религии ритуалистически-культовое начало, где аскетически-деятельное, где мистико-созерцательное, а где интеллектуально-догматическое. Так, согласно В., магические элементы наиболее характерны для религии земледельческих народов и – в рамках высокоразвитых культур – для крестьянского сословия; вера в судьбу, рок составляет характерную принадлежность религии народов-завоевателей и военного сословия; рационалистический характер носит религия городских сословий, в частности ремесленников, которые меньше, чем земледельцы, зависят от внешних природных условий и в большей степени – от ритмически правильного, рационально организованного трудового процесса. Однако поскольку мировые религии, как правило, возникают и распространяются не среди одного только сословия, то в них присутствует в своеобразных сочетаниях целый ряд различных моментов.

Влияние В. на западную социологию было огромно, но не однозначно. Т.Парсонс (см.), много сделавший для популяризации В. в США, приложил немало усилий, чтобы синтезировать его идеи с идеями В.Парето (см.) и Дюркгейма в рамках единой теории социального действия; теоретические категории В. были при этом вырваны из исторического контекста и превратились в понятия с вневременным содержанием. В то же время В. использовался как знамя антинатуралистической ориентации в социологии. Кризис структурного функционализма в 1960-х усилил интерес к антипозитивистским идеям и историзму В., но одновременно вызвал острую критику его методологического объективизма, принципа "свободы от ценностей". В социологии ФРГ отношение к В. – точнее, его интерпретация – в тот же период стало одним из водоразделов между позитивистско-сциентистской и левомарксистской ориентациями (в частности, Франкфуртской школой – см.); этот конфликт, охвативший самый широкий круг вопросов, особенно ярко проявился на съезде социологов ФРГ в 1964, посвященном столетию со дня рождения В.

Л.Г. Ионин

ВЕБЛЕН (Veblen) Торстейн Бунд (1857-1929) – американский социолог, экономист, публицист. Основоположник институционального направления в политической экономии. Доктор философии (1884). Преподавал в Корнельском (1890-1892), Чикагском (1892-1906), Стэнфордском (1906-1909) университетах, в университете штата Миссури (1910-1917). Основные сочинения: "Теория праздного класса" (1899), "Инстинкт квалификации и состояние ремесел" (1914), "Инженеры и система цен" (1921) и др.

Основным мотивом творчества В. являлась критика современной социальной элиты Америки. В. сформулировал ряд положений общетеоретического плана, в которых отчетливо проявилось влияние распространенных в то время течений общественной мысли: марксизма, теории инстинктов, социал-дарвинизма и др. По В., эволюция социальных институтов – закрепленных обычаями способов регулирования общественной жизни – происходит под воздействием внешней среды путем естественного отбора. Основными факторами, вызывающими потребность в институциональных изменениях, считал прогресс техники и технологии, увеличение численности населения; основным консервативным фактором – сложившиеся стереотипы мышления. Существующие институты всегда являются, согласно В., результатом прошлых процессов и никогда не находятся в соответствии с требованиями настоящего времени. Эволюционирующая институциональная структура взаимодействует с биологической природой человека, присущими ему инстинктами, среди которых В. выделял: инстинкт мастерства, предопределяющий стремление человека к созидательной деятельности и материальному благосостоянию; родительское чувство, обуславливающее продолжение рода, заботу о семье и, в дальнейшем развитии, об общественном благе; праздное любопытство, выражающееся в стремлении к познанию окружающего мира и имеющее в своей основе более глубокий игровой инстинкт. Наряду с перечисленными, В. указывал на наличие у человека инстинктов к самоутверждению, стяжательству и себялюбию, порождающих стремление к улучшению собственного положения за счет других.

Следуя Моргану (см.), В. выделял в истории периоды дикости, варварства и цивилизации. Для первого из них, по В., были характерны общинная собственность, уравнительное распределение и соответствующие институты, основывающиеся на инстинкте мастерства и родительском чувстве. По мере совершенствования технологии производство начинает превышать уровень, достаточный лишь для поддержания жизни, что создает возможность для эксплуатации. Во все возрастающей степени начинают проявляться инстинкты стяжательства и себялюбия. Вожди и жрецы присваивают избыток продукта сверх минимума средств существования. В результате разлагаются коллективистские институты, распространяется частная собственность. Высшей доблестью человека становится военный успех, а не трудовая деятельность. На смену дикости приходит варварство, возникает фундаментальный антагонизм между производительным трудом (статус которого резко снижается) и праздностью, получающей высокую оценку. Однажды возникнув, праздный класс продолжает существование и на стадии цивилизации, с успехом навязывая всему обществу собственные мировоззренческие установки.

Основным конфликтом своего времени В. считал противостояние "мира бизнеса" (современной ему разновидности

праздного класса) и "мира индустрии" (всех занятых производственной деятельностью, среди которых ведущая роль принадлежит инженерно-техническому персоналу). Возможность позитивного социального переустройства В. связывал с переходом власти от "бизнеса" к "индустрии", переходом, который произошел бы, по мнению В., в результате всеобщей забастовки инженерно-технических работников. Паралич экономики, неизбежный в таком случае, вынудил бы "мир бизнеса" к отступлению. Концепция противостояния "бизнеса" и "индустрии" стала после В. весьма популярной в западной общественной мысли. В. также явился одним из создателей социологической теории потребления, рассматривая в качестве цели приобретения какой-либо вещи не столько удовлетворение естественных потребностей человека, сколько демонстрацию принадлежности индивида к тому или иному общественному классу.

М.Г. Баканова

ВЕЖНОВЕЦ Евгений Николаевич (р. 1959) – белорусский социолог и политолог. Родился в г. Орша. Окончил Витебский государственный педагогический институт (1981). Преподавал учебные курсы по политологии и социологии в ряде высших учебных заведений РБ и РФ. Инициатор ряда социологических исследований (1995-2000) в г. Витебске, Витебской области и РБ. Сфера профессиональных интересов – проблематика управления, рассматриваемая В. как междисциплинарная сфера, затрагивающая все главные версии человеческого знания.

В. – автор более 100 публикаций, в том числе монографий: "Беларусь: Политическая история – Анатомия – Окружающая среда" (первое и второе издание – СПб., 1999 и 2001; в соавторстве с К.И. Скуратовичем – см.), третье издание этой книги – "Выборы 2001 – existentia в мифотворчестве" (СПб., 2002); "Молодежь: динамика ценностных ориентаций (Витебская область, 1996-2002 гг.)" (первое, второе и третье издание – СПб., 1999, 2000 и 2002; в соавторстве с К.И.Скуратовичем – см.).

Согласно В., социология молодежи представляет собой отрасль социологического знания, дающую возможность конструировать и моделировать социальную реальность в качестве определенного прогнозного проекта. В этом контексте становится осуществимым понимание современного состояния Беларуси как системы с определенным набором потенциальных и актуальных ресурсов. Молодежь в таком плане может трактоваться как точка преломления потенциального человеческого ресурса в актуальный (и обратно). На этой основе исследуются алгоритмы формирования жизненных стратегий и механизмы планирования жизни как индивидов, так и определенных общественных групп.

В. на базе ряда собственных социологических исследований, проведенных по оригинальным авторским методикам, демонстрирует реальный облик белорусского общества, существующие пестыковки доминирующих культурных полей, а также перспективы их исторических трансформаций.

В. – автор социологической идеи, согласно которой социология "внутренней эмиграции" должна выступать самостоятельной отраслью социологического знания в посткоммунистических государствах.

"ВЕЛИКИЕ НЕВРОЗЫ" НАШЕГО ВРЕМЕНИ – наиболее распространенные и значимые формы современных неврозов, к которым относятся: 1) невроз навязчивости (поиск любви и одобрения любой ценой); 2) невроз власти (погоня за властью, престижем и обладанием); 3) невроз покорности (автоматический конформизм); 4) невроз изоляции (бегство от общества). Выделены Хорни (см.) – одной из создателей и лидеров неофрейдизма. Согласно Хорни, эти неврозы лишь увеличивают отчуждение и самоотчуждение человека.

Учение Хорни о "В.Н."Н.В. и их влиянии на жизнь и судьбу людей наиболее полно изложены в книгах "Невротическая личность нашего времени" (1937), "Наши внутренние конфликты" (1945), "Неврозы и развитие человека" (1950) и др. работах.

И.И. Овчаренко

ВЕРИФИКАЦИЯ (позднелат. verificatia – подтверждение; лат. verus – истинный, facio – делаю) – логико-методологическая процедура установления истинности научной гипотезы (см.) (равно как и частного, конкретно-научного утверждения) на основе их соответствия эмпирическим данным (прямая или непосредственная В.) или теоретическим положениям, соответствующим эмпирическим данным (косвенная В.). Концепция верификационизма была разработана участниками Венского кружка, нередко ссылавшихся в этой связи на идею Л.Витгенштейна о том, что "понимать предложение – значит знать, что имеет место, когда оно истинно". (Хотя сам Витгенштейн как-то отметил: "Одно время я часто повторял, что для прояснения употребления какого-нибудь предложения не плохо было бы задаться вопросом – как можно верифицировать это утверждение? Но это лишь один способ прояснить употребление слова или предложения... Некоторые люди превратили данный мной совет обратиться к верификации – в догму, представив дело так, будто я выдвигаю *теорию* значения".)

Первая эксплицитная формулировка принципа верифицируемости была осуществлена Ф.Вайсманом в работе "Логический анализ понятий вероятности" (1930). В рамках логического позитивизма принцип верифицируемости мыслился (содержательно исчерпываясь почти полностью в рамках формализованного представления методов Э.Маха и К.Пирсона) критериально исчерпывающим способом апробации научных утверждений, понятых в качестве "протокольных предложений" как фиксаций данных непосредственного опыта. Согласно М.Шлику, "первоначально под "протокольными предложениями" понимались – как это видно из самого наименования – те предложения, которые выражают факты абсолютно просто, без какого-либо их переделывания, изменения или добавления к ним чего-либо еще, – факты, поиском которых занимается всякая наука и которые предшествуют всякому познанию и всякому суждению о мире. Бессмысленно говорить о недостоверных фактах. Только утверждения, только наше знание могут быть недостоверными. Поэтому если нам удается выразить факты в "протокольных предложениях", без какого-либо искажения, то они станут, наверное, абсолютно несомненными отправными точками знания".

Возможный логический алгоритм осуществления верификационной процедуры Ш. характеризовал так: для того,

чтобы верифицировать суждение А, необходимо вывести из него посредством истинных суждений A_1, A_2, A_3... Ак – последовательную цепочку суждений A_1, A_2, A_3... Ак. Последний член этой последовательности должен являться суждением типа "...в таком-то месте, в такое-то время, при таких-то обстоятельствах переживается или наблюдается то-то". Поскольку предложения, только и могущие, согласно концепции Венского кружка, фигурировать в научном знании делятся на два класса: 1) предложения, не имеющие предметного содержания, сводимые к тавтологии и относящиеся к логико-математической сфере, – аналитические, логические истины; 2) осмысленные предложения, сводящиеся к эмпирическим фактам и относимые к сфере конкретных наук – фактические истины. Прочие же предложения – или абсурдны (бессмысленны), поскольку организованы вопреки логико-синтаксическим правилам; или все еще научно неосмысленны ("метафизические" или философские предложения, оперирующие с понятиями типа "материя", "абсолют", "принцип" и т.п.). Научная осмысленность предложений оказывалась тождественной его проверяемости, в то время как значение – способу его В.

Позже, в книге "Философия и логический синтаксис" (1935) Р.Карнап разграничил косвенную и прямую В. Первая предполагала непосредственную В. исходного высказывания: на основе уже известного и апробированного посредством В. закона осуществляется предсказание, конституируются необходимые условия и предсказание верифицируется. Вследствие очевидности того, что не допускали чувственной В. многие подлинно научные предложения – а) "общие" предложения, не могущие быть подтвержденными конечным количеством опытных процедур; б) предложения, касающиеся будущего и прошлого, не подвластных сиюминутному наблюдению – принцип В. был смягчен в идею "возможной проверяемости" (в принцип "верифицируемости").

Наука 20 в., опровергнувшая процедуру В., как и сопряженную с ней идею независимости "чистого опыта" от самого экспериментатора, отдала некоторое предпочтение идее фальсификации и ориентировалась на элиминацию В. из дисциплинарного арсенала философии. Так, в докладе на XIV Международном философском конгрессе (1968) А.Айер предложил интерпретировать принцип В. как требование, чтобы гипотеза науки хотя бы "нетривиально фигурировала в теории, которая, взятая как целое, была открыта для подтверждения".

А.А. Грицанов

ВЕРОЯТНОСТЕЙ ТЕОРИЯ – математическая дисциплина, изучающая математический аспект феномена случайного, в соответствии с чем центральным понятием этой теории является понятие "В." – количественной меры возможности осуществления события при наличии неопределенности, т.е. в ситуации, когда это событие характеризуется как возможное. Вкладывание того или иного содержания в каждое из понятий триады "количество – событие – неопределенность" порождает различное понимание В. Например, в случае так называемой классической (или элементарной) В. неопределенность порождается экспериментом (возможно, мысленным), имеющим конечное число несовместимых равновозможных исходов, событие – в осуществлении какого-либо из определенной группы исходов (называемых благоприятствующими событию), а В. события определяется как отношение числа благоприятствующих исходов к числу всевозможных исходов. Источником возникновения частотной В. является реальный эксперимент, частоты исходов которого обладают так называемой статистической устойчивостью. Индуктивная В. возникает при рассмотрении суждений как количественная оценка правильности заключения при условии правильности посылок. Субъективная В. характеризует степень уверенности субъекта в осуществлении события. Неопределенность типа той, которая приводит к классической и частотной В., называется случайностью, а событие – случайным. Если классическая и частотная В. представляет собой определенное число, то об индуктивных и субъективных В. чаще говорят на уровне "больше – меньше". Здесь усматривается определенная параллель с числовыми и порядковыми шкалами, рассматриваемыми в теории измерений. Формализация понятия "В." (в основном В. случайного события) и связанных с ним, развитие соответствующего аналитического аппарата и методики решения прикладных задач составляют содержание раздела математики – В.Т. и родственных ей дисциплин: математической статистики, метода случайных испытаний (метод Монте-Карло), теории стохастического управления и др. При этом надо отметить, с одной стороны, широкое применение вероятностных методов, с другой – серьезные трудности, возникающие при этом. В частности, известно большое число так называемых парадоксов В.Т. – правильных на первый взгляд рассуждений, приводящих к выводам, которые противоречат либо опыту, либо другим, столь же правдоподобным, рассуждениям. Эти трудности породили оживленные дискуссии, доходящие порой до отрицания правомерности применения некоторых традиционных вероятностных методов (Ю.И.Алимов). Причины указанных затруднений – как проблема построения соответствующей математической модели, так и проблема правомерности применения той или иной модели к данной задаче. Первая из этих проблем решается созданием строгой (как правило, аксиоматической) базы математической теории. Наиболее известной и широко применяемой является аксиоматика, предложенная в начале 1930-х А.Н. Колмогоровым. В настоящее время развиваются и другие подходы: частотный (использующий, в частности, ряд идей Р. Мизеса), сложностный, алгебраический, квантовый, так называемый нестандартный и др. Проблема применимости вероятностных методов решается на путях развития математической теории, углубления знания в соответствующих прикладных областях и осмысления накапливаемого опыта. Задача развития В.Т. и ее применений содержит определенный философский аспект, что привело к формированию направления философских исследований, изучающего понятия В., случайности и т.п. В 1960-х Л. Заде ввел и другое, отличное от В., понятие для количественной характеристики неопределенности, а именно нечеткость (или размытость). В. является центральным понятием В.Т.

Важность В.Т. для социологии обусловлена в основном двумя факторами. Во-первых, в социологии применяются модели, в явном виде учитывающие влияние случайных факторов на изучаемое явление – например, модели случайных

процессов. Во-вторых, В.Т. служит теоретической базой математической статистики, находящей широкое применение в эмпирических исследованиях.

Н.Н. Леонов

ВЕРОЯТНОСТЬ – термин теории вероятностей (см.) и математической статистики, используемый для обозначения доли объектов из генеральной совокупности (см.), обладающих определенным значением случайной величины (см.). Аналог частоты относительной (см.) для объектов из выборки (см.).

О.В. Терещенко

ВЕРОЯТНОСТЬ ДОВЕРИТЕЛЬНАЯ – вероятность того, что значение параметра генеральной совокупности (см.) находится в построенном для него доверительном интервале (см.). Доверительная вероятность обычно обозначается $(1-\alpha)$ и выбирается из значений 0,9; 0,95; 0,99 и т.п.

О.В. Терещенко

ВИЗЕ (Wiese) Леопольд фон (1876-1969) – немецкий социолог, представитель формальной школы. Профессор в Ганновере (1908-1911), основатель (вместе с Шелером) и профессор Института социальных наук Кельнского университета (с 1919), основатель и издатель журнала по социологии и социальной психологии (1921-1954). С 1933 жил и работал в США, с 1945 – в Западной Германии.

Подобно М. Веберу (см.), В. трактовал человеческое общество как сумму отношений людей, существующих через посредство действия. Истинной сутью человеческих сообществ В. считал "антропологически надвременное" "социальное" или "межчеловеческое", состоящее в "спутанной сети" межличностных отношений. Ввел в общественные дисциплины как концептуально значимое понятие термин "социальная дистанция" – приближение или отдаление индивида по отношению к индивиду, группы по отношению к группе, индивида по отношению к группе и т.д., – который, по В., и позволяет выработать сущностное определение общественных процессов. Постулировал реальность в обществе социальных изменений, но не социального прогресса (кроме технической сферы).

В учении о социальных образованиях (фикциях, которым сознание людей приписывает псевдообъективное существование) В. вычленял (в зависимости от их устойчивости, длительности существования, абстрактности и меры социальной дистанции): массу ("конкретные толпы, видимые и кратковременные", "абстрактные толпы, невидимые и неопределенной длительности"); группу (с присущим личным участием индивидов) и абстрактные коллективы наподобие государства и церковных организаций. В. ввел также в научный оборот такие фундаментальные понятия, как "социальные отношения", "социальная позиция", "социальная ситуация". Общественные изменения, согласно В., осуществляются в сфере нравственности: история, по В., включала в себя эпоху табу, эпоху морали, эпоху нравственности (современную).

А.А. Грицанов

ВИКТИМОЛОГИЯ – междисциплинарная социально-правовая наука о закономерностях происхождения, существования и развития виктимизации как социального явления, а также разработке мер ее предупреждения, защите прав и оказании реабилитационной помощи жертвам преступлений с целью обеспечения личной, имущественной и общественной безопасности граждан и сокращения уровня виктимизации и преступности в обществе. Термин "В." в этимологическом плане происходит от двух слов: "victime" – жертва и "logos" – учение, то есть это "наука о жертве".

Как научное направление В. возникла в 20 в. в рамках науки криминологии, которая изучает преступления и, следовательно, речь идет о жертвах преступлений. Основы В. как науки были заложены немецко-американским криминологом Гансом фон Гентигом. В 1941 он написал работу "Замечания по интеракции между преступником и его жертвой", а в 1948 – "Преступник и его жертва. Исследование по социобиологии преступности". Большой вклад в развитие В. внесли Б.Мендельсон, Г.Элленбергер, С.Фрай, С.Шейфер, М.Вольфганг и др. Среди отечественных ученых виктимологическими проблемами занимались Д.Ривман, П.Дагель, В.Квашис, В.Полубинский, В.Романов и др. С 1979 функционирует Всемирное общество виктимологов. Основным международным документом, регламентирующим статус жертв преступлений и основы виктимологической политики является принятая Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью. Под термином "жертвы преступлений", согласно принятой Декларации, следует понимать лиц, которым индивидуально или коллективно причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающее действующее уголовное законодательство, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью. По инициативе ООН 22 февраля объявлен международным днем поддержки жертв преступлений.

Объектом В. является виктимизация как негативное социальное явление. Предметом виктимологического научного исследования выступает природа и сущность виктимизации, закономерности ее этиологии, личность жертвы преступления и ее предвиктимное поведение, а также меры по предупреждению виктимизации, защите прав и оказанию реабилитационной помощи жертвам преступлений. Виктимизация представляет собой социально детерминированный, обусловленный деструктивным личностно-социальным взаимодействием процесс причинения личности индивидуально или коллективно физического, материального, морального или другого вреда посредством совершения преступных деяний и превращения ее в жертву преступления. Этиология (генезис и развитие) виктимизации обусловлена следующими взаимодействующими между собой детерминантами: а) криминогенными качествами личности и образа жизни преступника; б) криминогенными качествами личности и образа жизни жертвы; в) деструктивным межличностным взаимодействием преступника и жертвы; г) криминогенными и виктимогенными социально-ситуативными обстоятельствами. В зависимости от доминирования в системе детерминант виктимизации того или иного фактора различаются следующие типы виктимизации: личностно-криминогенная; личностно-виктимогенная; деструктивного межличностного взаимодействия; социально-ситуативная.

В современном обществе эффективное предупреждение виктимизации и борьба с преступностью должны осуществляться в контексте целостной системы социально-правового контроля. Она включает следующие основные структурные компоненты: а) общесоциальную профилактику – экономическую, социальную и культурную политику по формированию нравственно-правовой культуры и правомерного поведения граждан, а также по нейтрализации и устранению социальных причин преступности и виктимизации граждан; б) криминологическую политику – деятельность государственных органов и общественных организаций по выявлению, нейтрализации и устранению причин, условий и других социальных и личностных детерминант преступности, а также ресоциализацию преступников и криминогенных личностей; в) виктимологическую политику – деятельность государственных органов и общественности по выявлению, нейтрализации и устранению социальных и личностных причин, условий и других факторов, детерминирующих виктимизацию граждан, а также по оказанию реабилитационной помощи жертвам преступлений; г) уголовную политику – деятельность правоохранительных органов по выявлению, пресечению и наказанию преступников, а также правовой защите жертв преступлений.

Приоритетными направлениями в системе социально-правового контроля преступности и защиты граждан от преступлений является виктимологическая политика в сочетании с мерами общесоциальной и криминологической профилактики. Это обусловлено тем, что в современном мировом сообществе права человека на жизнь, личную, имущественную и общественную безопасность относятся к важнейшим правам человека и гражданина, которые общество и государство обязаны гарантировать и обеспечивать, в том числе и с помощью правоохранительных органов.

И.А. Барановский

ВИНЕР (Wiener) Норберт (1894-1964) – американский математик, основатель кибернетики (**см.**). Важнейшие труды: "Поведение, целенаправленность и телеология" (1947, в соавторстве с А.Розенблютом и Дж.Бигелоу); "Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине" (1948, оказал определяющее влияние на развитие мировой науки); "Человеческое использование человеческих существ. Кибернетика и общество" (1950); "Мое отношение к кибернетике. Ее прошлое и будущее" (1958); "Акционерное общество Бог и Голем" (1963, русский перевод "Творец и робот"). Автобиографические книги: "Бывший вундеркинд. Мое детство и юность" (1953) и "Я – математик" (1956). Роман "Искуситель" (1963). Национальная медаль науки за выдающиеся заслуги в области математики, техники и биологических наук (высшее отличие для ученых США, 1963).

В. родился в семье иммигранта Лео В., еврейского уроженца Белостока, отказавшегося от традиционного иудаизма, последователя учения и переводчика произведений Л.Толстого на английский язык, профессора современных языков университета Миссури, профессора славянских языков Гарвардского университета (Кембридж, Массачусетс). По изустной традиции семьи В., их род восходил к еврейскому ученому и богослову Моисею Маймониду (1135-1204), лейб-медику султана Салах-ад-дина Египетского. Ранним образованием В. руководил его отец по собственной программе. В 7 лет В. читал Дарвина и Данте, в 11 – окончил среднюю школу; высшее математическое образование и первую ученую степень бакалавра искусств получил в колледже Тафтс (1908). Затем В. учился в аспирантуре Гарвардского университета, там же изучал философию у Дж.Сантаяны и Ройса. Магистр искусств (1912). Доктор философии (по математической логике) Гарвардского университета (1913). В 1913-1915 при поддержке Гарвардского университета продолжил образование в Кембриджском (Англия) и Геттингенском (Германия) университетах. В Кембриджском университете В. изучал теорию чисел у Дж.Х.Харди и математическую логику у Рассела, который "...внушил мне весьма разумную мысль, что человек, собирающийся специализироваться по математической логике и философии математики, мог бы знать кое-что и из самой математики..." (В.). В Геттингенском университете В. был слушателем курса философии у Гуссерля и курса математики у Д.Гильберта. В связи с Первой мировой войной возвратился в США (1915), где завершил образование в Колумбийском университете (Нью-Йорк), по окончании которого стал ассистентом кафедры философии Гарвардского университета. Преподаватель математики и математической логики в ряде университетов США (1915-1917). Журналист (1917-1919). Преподаватель кафедры математики Массачусетского технологического института (МТИ) с 1919 и до ухода из жизни; полный профессор математики МТИ с 1932.

Ранние работы В. вел в области оснований математики. Работы конца 1920-х относятся к области теоретической физики: теории относительности и квантовой теории. Наибольших результатов как математик В. достиг в теории вероятностей (стационарных случайных процессах) и анализе (теории потенциала, гармонических и почти периодических функциях, тауберовых теоремах, рядах и преобразованиях Фурье). В области теории вероятностей В. практически полностью изучил важный класс стационарных случайных процессов (позднее названных его именем), построил (независимо от работ Колмогорова) к 1940-м теории интерполяции, экстраполяции, фильтрации стационарных случайных процессов, броуновского движения; в 1942 В. приблизился к общей статистической теории информации: результаты изданы в монографии "Интерполяция, экстраполяция и сглаживание стационарных временных рядов" (1949), позднее издавалась под названием "Временные ряды". Вице-президент Американского математического общества в 1935-1936. Поддерживал интенсивные личные контакты со всемирно известными учеными Ж.Адамаром, М.Фреше, Дж.Берналом, Н.Бором, М.Борном, Дж.Холдейном и др. В качестве приглашенного профессора В. читал лекции в Университете Цинъхуа (Пекин, 1936-1937). Время работы в Китае В. считал важным этапом, началом зрелости ученого мирового класса: "Мои труды начали приносить плоды – мне удалось не только опубликовать ряд значительных самостоятельных работ, но и выработать определенную концепцию, которую в науке уже нельзя было игнорировать".

Развитие этой концепции прямо вело В. к созданию кибернетики. Еще в начале 1930-х В. сблизился с А.Розенблютом, сотрудником лаборатории физиологии У.Б.Кеннона из Гарвардской медицинской школы, организатором методологического семинара, объединившего представителей различных наук. Это облегчило для В. знакомство с

проблемами биологии и медицины, укрепило его в мысли о необходимости широкого синтетического подхода к современной ему науке. Применение новейших технических средств во время Второй мировой войны поставило противоборствующие стороны перед необходимостью решения серьезных технических проблем (в основном в области противовоздушной обороны, связи, криптологии и др.). Основное внимание уделялось решению проблем автоматического управления, автоматической связи, электрических сетей и вычислительной техники. В., как выдающийся математик, был привлечен к работам в этой области, результатом чего было начало изучения глубоких аналогий между процессами, протекающими в живых организмах и в электронных (электрических) системах, толчок зарождению кибернетики.

В 1945-1947 В. написал книгу "Кибернетика", работая в Национальном кардиологическом институте Мексики (Мехико) у А.Розенблюта, соавтора кибернетики – науки об управлении, получении, передаче и преобразовании информации в системах любой природы (технические, биологические, социальные, экономические, административные и др.). В., которому в его исследованиях были близки традиции старых школ научного универсализма Г.Лейбница и Ж.Бюффона, серьезное внимание уделял проблемам методологии и философии науки, стремясь к широчайшему синтезу отдельных научных дисциплин. Математика (базовая его специализация) для В. была едина и тесно связана с естествознанием, и поэтому он выступал против ее резкого разделения на чистую и прикладную, так как: "...высшее назначение математики как раз и состоит в том, чтобы находить скрытый порядок в хаосе, который нас окружает... Природа, в широком смысле этого слова, может и должна служить не только источником задач, решаемых в моих исследованиях, но и подсказывать аппарат, пригодный для их решений..." ("Я – математик").

Свои философские взгляды В. изложил в книгах "Человеческое использование человеческих существ. Кибернетика и общество" и "Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине". В философском плане В. были очень близки идеи физиков Копенгагенской школы М.Борна и Н.Бора, декларировавших независимость от "профессиональных метафизиков" в своем особом "реалистическом" мировоззрении вне идеализма и материализма. Считая, что "...господство материи характеризует определенную стадию физики 19 века в гораздо большей степени, чем современность. Сейчас "материализм" – это лишь что-то вроде вольного синонима "механицизма". По существу, весь спор между механицистами и виталистами можно отложить в архив плохо сформулированных вопросов..." ("Кибернетика"), В. в то же время пишет, что идеализм "...растворяет все вещи в уме..." ("Бывший вундеркинд"). В. испытывал также значительное влияние позитивизма. Опираясь на идеи Копенгагенской школы, В. старался связать кибернетику со статистической механикой в стохастической (вероятностной) концепции Вселенной. При этом, по признанию самого В., на его сближение с экзистенциализмом повлияла пессимистическая интерпретация им понятия "случайность". В книге ("Я – математик") В. пишет: "...Мы плывем вверх по течению, борясь с огромным потоком дезорганизованности, который в соответствии со вторым законом термодинамики стремится все свести к тепловой смерти – всеобщему равновесию и одинаковости. То, что Максвелл, Больцман и Гиббс в своих физических работах называли тепловой смертью, нашло своего двойника в этике Киркегора, утверждавшего, что мы живем в мире хаотической морали. В этом мире наша первая обязанность состоит в том, чтобы устраивать произвольные островки порядка и системы..." (известно стремление В. сопоставить методам статистической физики также учения Бергсона и Фрейда). Однако тепловая смерть все-таки мыслится В. здесь как предельное состояние, достижимое только в вечности, поэтому в будущем флуктуации упорядочения и вероятны: "...В мире, где энтропия в целом стремится к возрастанию, существуют местные и временные островки уменьшающейся энтропии, и наличие этих островков дает возможность некоторым из нас доказывать наличие прогресса..." ("Кибернетика и общество"). Механизм возникновения областей уменьшения энтропии "...состоит в естественном отборе устойчивых форм... здесь физика непосредственно переходит в кибернетику..." ("Кибернетика и общество"). По В., "...стремясь в конечном счете к вероятнейшему, стохастическая Вселенная не знает единственного предопределенного пути, и это позволяет порядку бороться до времени с хаосом... Человек воздействует в свою пользу на ход событий, гася энтропию извлеченной из окружающей среды отрицательной энтропией – информацией... Познание – часть жизни, более того – самая ее суть. Действенно жить – это значит жить, располагая правильной информацией..." ("Кибернетика и общество"). При всем при этом завоевания познания все-таки временны. В. никогда "...не представлял себе логику, знания и всю умственную деятельность как завершенную замкнутую картину; я мог понять эти явления как процесс, с помощью которого человек организует свою жизнь таким образом, чтобы она протекала в соответствии с внешней средой. Важна битва за знание, а не победа. За каждой победой, т.е. за всем, что достигает апогея своего, сразу же наступают сумерки богов, в которых само понятие победы растворяется в тот самы момент, когда она будет достигнута..." ("Я – математик"). В. называл У.Дж.Гиббса (США) основоположником стохастического естествознания, считая себя продолжателем его направления.

В целом же воззрения В. возможно трактовать как казуалистические с влиянием релятивизма. По В., ограниченность человеческих возможностей познания стохастической Вселенной обусловлена стохастическим характером связей между человеком и окружающей его средой, так как в "...вероятностном мире мы уже не имеем больше дела с величинами и суждениями, относящимися к определенной реальной Вселенной в целом, а вместо этого ставим вопросы, ответы на которые можно найти в допущении огромного числа подобных миров..." ("Кибернетика и общество"). Что касается вероятностей, то само их существование для В. является не более чем гипотезой, вследствие того, что "...никакое количество чисто объективных и отдельных наблюдений не может показать, что вероятность является обоснованной идеей. Иными словами, законы индукции в логике нельзя установить с помощью индукции. Индуктивная логика, логика Бэкона, представляет собой скорее нечто такое, в соответствии с чем мы можем действовать, чем то, что мы можем доказать..." ("Кибернетика и общество"). Социальные идеалы В. были следующими: выступая за общество, основанное на "...человеческих ценностях, отличных от купли-продажи...",

за "...здоровую демократию и братство народов...", В. возлагал надежды на "...уровень общественного сознания...", на "...прорастание зерен добра...", колебался между отрицательным отношением к современному ему обществу капитализма и ориентацией на "...социальную ответственность деловых кругов..." ("Кибернетика и общество"). Роман В. "Искуситель" представляет собой вариант прочтения истории Фауста и Мефистофеля, в которой герой романа, талантливый ученый становится жертвой корысти деятелей бизнеса. В религиозных вопросах В. считал себя "...скептиком, стоящим вне вероисповеданий..." ("Бывший вундеркинд").

В книге "Творец и робот" В., проводя аналогию между Богом и кибернетиком, трактует Бога как предельное понятие (типа бесконечности в математике). В., считая культуру Запада морально и интеллектуально слабеющей, возлагал надежду на культуру Востока. В. писал, о том, что "превосходство европейской культуры над великой культурой Востока – лишь временный эпизод в истории человечества". В. даже предложил Дж.Неру план развития промышленности Индии посредством кибернетических заводов-автоматов во избежание, как он писал, "опустошительной пролетаризации" ("Я – математик"). См. также: **Кибернетика**.

С.В. Силков

ВИНОКУРОВА Светлана Петровна (р. 1953) – белорусский философ и социолог. Доктор философских наук (1994), профессор (1996). Заведующий кафедрой гуманитарных и естественных дисциплин Аграрной академии наук Республики Беларусь (1994-1995). Советник-консультант, главный советник Администрации Президента Республики Беларусь (1995-2002). Начальник главного управления за работой отраслей социальной сферы Комитета государственного контроля Республики Беларусь (с 2002).

В. – автор более 120 работ по истории философии и социологии. Основные труды: "Личность в системе нравственных отношений" (1988), "Философия отчаяния и веры" (1991), "Методологические проблемы исследования морали" (1992) и др. В. – исследователь методологических и социально-исторических проблем морального развития личности и общества. Является одним из разработчиков программы всесоюзного лонгитюдного исследования жизненного пути молодежи, проводимого с 1980 в 16 регионах бывшего СССР, руководитель исследовательской группы двух этапов данного исследования (1980-1988), проведенного в Беларуси. Автор работ по проблемам социологического исследования морали, опубликованных в материалах XI Всемирного конгресса "Социальные изменения: проблемы и перспективы" (Нью-Дели, 1986). Работает также в области этики и социальной философии.

ВИРИЛЬО (Virilio) Поль (р. 1932) – французский философ, социальный теоретик, специалист по урбанистике и архитектурный критик. Изучал философию в Сорбонне, в молодости профессионально занимался искусством, в 1950-х был религиозным активистом. Принимал участие в кампаниях против бездомности и движении свободного радио. С 1975 – директор Специальной архитектурной школы в Париже. Известный специалист по проблемам архитектуры городской среды, военной истории и истории технологий. Входил в редколлегии ряда авторитетных французских журналов. С 1975 опубликовал около двух десятков книг. Основные сочинения: "Скорость и политика" (1977), "Общественная защита и экологическая борьба" (1978), "Эстетика несоответствия" (1980), "Война и кино" (1984), "Логистика восприятия" (1984), "Открытые небеса" (1997) и др.

В жанре разрабатываемых философско-социологических идей творчество В. тяготеет к постмодернистской критической теории. Свой исследовательский дискурс на гранях физики, философии, политики, эстетики и урбанизма В. называет "дромологией". Это оригинальный подход, основанный на теории скорости, разработкой которой В. занимается уже несколько десятилетий и которая принесла ему мировую известность. В. рассматривает философскую работу с понятиями как работу с образом, а само понятие – как образную структуру; философия для В. – часть мира литературы и писательского творчества ("без образа невозможно писать"); философский стиль В. не чужд интриги и культур-провокации в духе публицистики и популярной литературы. В центре внимания В. "критический переход" современности: радикальная трансформация мира под воздействием основного "критического" фактора – революционных возможностей использования современных технологий, телекоммуникационных и компьютерных систем, которые радикально преобразуют восприятие мира и Другого, всю среду человеческого бытия, ее географию и экологию, организацию социального поля и политические практики.

Формулируя собственную позицию, В. предлагает аналитическую модель *физики* средств телекоммуникаций. Для соответствующего анализа он привлекает материал как классических, так и новейших исследований физики. Основа оригинальной философской механики (или скорее кинематики) культуры В. – идея предельной скорости передачи данных, скорости света (как "космологической константы"), которая лежит в основе телетрансляции. Скорость света электромагнитных волн, по мысли В., радикально меняет структуры восприятия человека, ориентированные в своем исходном функционировании на физические ограничения скорости тел – пространство и гравитацию. Возникает "третий интервал" (первые два – пространство и время) – интервал света. Здесь, по В., происходит не просто высвечивание вещей, придание им видимости, а формирование среды их реальности и их перцептивное конструирование на скорости света. В генеалогии технологий "третий интервал" возникает вслед за двумя другими интервалами пространства и времени: за технологическим освоением географической среды (пространство) идет освоение среды физической (время, электричество) и затем среды света. Согласно В., после преодоления звукового и температурного барьеров происходит историческое преодоление третьего – светового. На этом этапе возникает возможность контроля микрофизической среды (человеческий организм) с помощью микророботов и биотехнологий. Как полагает В., "третий интервал" – аналог взрыва "второй бомбы" – электронной, о которой пророчествовал А.Эйнштейн (первая бомба – атомная). На этом критическом переходе привычная топография индивидуальности и социального пространства (пространство-география, время-история) сменяется "телетопикой коммутаций", помещенной в координаты сетевых соединений телекоммуникационных средств. Мир теперь при-

обретает свою определенность на поверхности экранов, в сети коммутаций, приемников и передатчиков. С точки зрения В., оформляется "пространство" над/за временем и пространством, возможное только в "перспективе реального времени". Скорость света преодолевает ограничения "пространства", изобретенного еще в эпоху Возрождения, и впервые на предельном скоростном режиме открывается глобальное, единое реальное время, доминирующее над пространством. Через *монохронический* фильтр глобальной темпоральности пропускаются, по мысли В., только лучи настоящего-присутствия; *хронологическое* время прошлого, настоящего и будущего уступает место *хроноскопическому*, которое определяется в модальности *экспозиции* на векторе "до-после" экспонирования (быть экспонированным значит быть телепрезентированным, телеприсутствующим на скорости света, быть выставленным в этом свете, быть теле-существующим). Согласно В., то, что экспонируется на предельной скорости, может быть только случайным. Случайны образы виртуальной реальности, случаен взрыв раздувшегося "мыльного пузыря" мировых виртуальных финансов, случайно поведение фундаментально дезориентированного человека и т.д. Случай – это именно то, что высвечивается, предстает в свете. Случайны не сами вещи, а происходящее с ними в светоэкспозиции. Поэтому "критический переход" означает, по мнению В., всевластие этого нового типа случайности, эпикурейского "случая случаев". Скорость света позволяет преодолеть ограничения гравитации.

Таким образом, телекоммуникации создают "третий горизонт" (первый – видимая физическая граница неба и земли, второй – психологический горизонт памяти и воображения), а именно – "горизонт прозрачности" – квадратный горизонт экрана (ТВ, монитора), "провоцирующий смешение близкого и удаленного, внутреннего и внешнего, дезориентирующий общую структуру восприятия". Здесь, по В., действуют законы особой *активной оптики*. В отличии от обычной пассивной оптики прямого света и зрительного контакта с веществом, активная оптика организует все восприятие, включая тактильное, а не только визуальный перцептивный ряд. Она производит транс-видимость сквозь горизонт прозрачности. Классического философского рассмотрения длительности и протяженности в данном случае, как полагает В., уже недостаточно. В. предпочитает здесь говорить о особой *оптической плотности* третьего горизонта. Физика скорости переходит у В. в своеобразную психологию восприятия. Телекоммуникационное облучение и все то, что экспонируется на скорости света, решающим образом преобладают в поле объектов человеческого восприятия. В результате перцептивный строй человека претерпевает глубинные изменения. Пытаясь ориентировать восприятие по "третьему горизонту", человек испытывает шок восприятия, "ментальное потрясение", головокружение. В. называет это состояние "фундаментальной потерей ориентации", когда фатально разрушаются отношения с Другим и с миром, происходит как бы стирание индивидуальной идентичности, утрата реальности и впадение в безумие. Человек сталкивается с фатальным раздвоением своего бытия в мире. Задается альтернатива: жизнь-путешествие человека-кочевника – траекторного человека либо сидячее бытие "цивилизованного" человека, захваченного непреодолимой инерцией мира объектов и своей собственной субъективности, замкнутого в неподвижности приемника, подключенного к телекоммуникационным сетям. Другая линия раздвоения – технологическое производство-клонирование живого человека с помощью техники виртуальной реальности, когда при помощи специальных шлемов и костюмов создаются ощущения виртуальных предметов, "находящихся" в компьютерном киберпространстве, хотя предметы здесь по сути ни что иное, как компьютерные программы. В. усматривает в этом технологическую версию античного мифа о двойнике, призраке, живом мертвеце. Сверхпроницательная *активная оптика* времени-света продуцирует, с точки зрения В., новый тип личности, разорванной во времени между непосредственной активностью повседневной жизни "здесь и сейчас" и интерактивностью медиа, где "сейчас" превалирует над "здесь" (как на телеконференциях, которые вообще происходят нигде в пространстве, но в реальном времени). Трансформируются архетипические формы – геометрическая оптика вещества-зрения, определенность "здесь и сейчас", гравитационное поле, которые организуют матрицу скорость-восприятие. Активная оптика растворяет среду человеческого существования, и в результате сам человек де-реализуется и дезинтегрируется. Органы чувств парадоксальным образом одновременно совершенствуются и дисквалифицируются технологическими протезами. В. говорит о колонизации взгляда, об индустриализации зрения и культурном предписании видеть. Взгляд должен приспосабливаться к активной оптике и объектам, наполняющим "третий горизонт". Технология требует стандартизации зрения. Но глаз не успевает за скоростью света – виденье мутирует, подвергается технологической кастрации. Базовая философско-физическая модель является инструментом социально-философской критики В. Он делает один из основных критических акцентов на милитаристских корнях практически всех технологических достижений: от колеса до видео и телевидения, первых симуляторов виртуальной реальности и Интернета. Основа Интернета, например, отмечал В., была разработана в Пентагоне для связи военных предприятий и оптимизации управления запуском ракет. Физическая генеалогия технологий как переход от интервала пространства к интервалу скорости движима инстинктом войны (см.), образом совершенной войны. Милитаризм как генетическая предпосылка технологий проявляет себя везде. В кино и искусстве, считает В., он нередко заявляет о себе скрыто, не столько в выразительном и изобразительном ряду, сколько в его технологической основе, в степени использования военных технологий в творческом процессе. Корни киноискусства, считает В., уходят глубоко в почву проблем совершенствования средств визуальной военной разведки. Кино и войну объединяет один эстетический принцип – эстетика исчезновения. Актуальный объект и непосредственное видение исчезают в тени технологического продуцирования образов. В конечном итоге война, технологии войны являются двигателем истории и общественных изменений.

История войны, по В., – это история радикальных изменений в полях восприятия (например, развитие средств обнаружения – радаров и т.п.), а следовательно – это также история медиа-технологий, усиливающих искусственную способность восприятия. Суть современной войны – информация; война сначала превратилась в "холодную", а затем в войну

"знаний" и информации. Современная война стремится стать виртуальной кибер-войной. Война в Персидском заливе, согласно В., – образец боевых действий, которые происходили не в локальном месте – Кувейте, а во всем мире – в глобальном времени, благодаря средствам массовой информации. Подобным же образом конфликт по поводу Косово в Югославии был выигран, – утверждает В., – прежде всего в виртуальном телепространстве. Средства массовой информации в этой ситуации функционируют как элемент военно-промышленного комплекса. В. акцентирует внимание на том, что технологии виртуальной реальности, как и прочие революционные технологии, были первоначально разработаны для военных нужд. Однако на сегодня виртуальная реальность – это вершина технологических достижений, и уже более чем технология – это искусство. В. подчеркивает креативно-эстетическую роль виртуальной реальности: например, ее способность реализовывать радикальные фантазматические проекты сюрреализма, кубизма и футуризма.

В современной культуре, по мнению В., разыгрывается драма отношения двух реальностей – виртуальной и "старой". Как и любая драма, она содержит угрозу смерти и деструкции. Эстетическое измерение виртуальной реальности и кибер-пространства ставит этический вопрос: человек в сфере виртуальной реальности может уподобиться Богу – Богу машины: быть вездесущим, всевидящим (видеть даже самого себя изнутри и со спины), всезнающим. Такие перспективы виртуальной реальности в функциональном аспекте снова отсылают к критическому осмыслению ее военных возможностей. В. считает, что виртуальная реальность – это не симулякр, а заместитель, субститут (substitute) – следующий революционный шаг в развитии технологий после ТВ; симуляция была только небольшим промежуточным шагом от ТВ и видео к виртуальной реальности. Последняя возможна только на скорости света, на которой реальное дематериализуется. Виртуальная реальность свидетельствует о случайности реального. Создание виртуальных образов – это форма случая. Виртуальная реальность – это космический случай. Виртуальная реальность приводит также к радикальным изменениям социальной и политической сферы, трансформирует образ современного города. Драма реальностей разыгрывается и на сцене человеческого тела – единственной материальной частице, единственной "соломинки", за которую хватается человек, теряющий ориентацию, – но тем не менее погружающийся при этом на скорости света в нематериальное измерение виртуальной реальности. С точки зрения В., после трагедии Второй мировой войны осознание необходимости тотальной мобилизации населения и ресурсов для военных нужд, а также особенности ядерного оружия, породили необходимость в гигантских объемах статистической информации и новом функциональном мышлении для ее обработки, которое вскоре стало доминирующей интеллектуальной функцией. На этом фундаменте возникла новая модель социального управления – социополитическая кибернетика. Следующим шагом, по В., явится ситуация, когда спутниковые и компьютерные системы станут основой управления разведкой и вооружениями, станут единственным источником инвариантов стратегических решений о войне и мире, а это будет означать конец сферы политического и политики как таковой. Следовательно, возникает угроза тотальной социальной дерегуляции и неуправляемости, либо неминуемо встает проблема узурпации властных и управляющих функций технологическими системами. Власть теперь основывается на скорости; скорость стала главным вопросом политики и, таким образом, мир оказался в плену драматических отношений скорости и власти.

Тема скорости и политики многие годы остается одной из центральных в работах В.: по его мнению, диктатура предельной скорости производит новый, невиданный по своей силе вид власти, который бросает вызов современной демократии. "Нет никакой демократии, есть только дромократия", – заявляет В. в работе "Скорость и политика". Дромократия – власть скорости. Она была мотором "индустриальной (а на самом деле – дромократической) революции", она стала основой демократических режимов, она заменила классовую борьбу борьбой технологических тел армий (спидометр военной машины – это индикатор ее выживаемости). Магия всевозрастающей скорости – это главная надежда западного человека, его образ будущего. Тирания скорости произвела революции в системах вооружений и породила современный город. Скорость – основа политики и войны. Она преодолела границы геополитических единиц – государств, наций и континентов – и оформляет свою господствующую позицию в глобальном измерении. Развивая в этом ключе идеи критического урбанизма, В. исходит из того, что изменение городской среды выступает как функция от развития технологий и, прежде всего, военных технологий. Начало города было положено оружием отражения (обороны) – крепостными укреплениями. Эволюция атакующего оружия массового поражения привела к возникновению национальных государств и росту городов – тогда время стало главным фактором выживания и победы, а скорость – единственным ресурсом для того, чтобы маневрировать и избежать массированного удара. Информационное оружие и превращение городских систем в "мировую деревню" эпохи позднего капитализма находится на одной линии с амбициозными имперскими планами Цезаря сделать весь мир римским городом.

Согласно В., городская география и вообще география уступают место инфографии. Трансформация городского пространства теперь должна стать предметом особого внимания: необходима специальная городская экология – В. называет ее серой экологией, пользуясь метафорой мелькания и исчезновения цветов на больших скоростях: скорость убивает цвета, все становится серым. Серый – цвет загрязняющих мировой город выбросов данных, отходов информации, отбросов реального времени. Жизненное пространство города сжимается, провоцируя эпидемию клаустрофобии – болезнь мутировавшего перцептивного аппарата. Поэтому помимо новой экологии, считает В., необходима также и новая этика восприятия. Погружаясь в перспективу реального времени, общество утрачивает измерения прошлого и будущего, поскольку стираются протяжение и длительность. Остаются только остаточное время прошлого и реальное время настоящего, в котором общество стремится быть представленным везде – во всем мире – средствами телепрезентации. Ему необходима тотальная видимость и прозрачность. Предлагая гипотезы о причинах этой социальной телеэкспансии, В. развивает тему призраков и двойников и обращается к метафорической идее Кафки о медиумах: бесконечное производство

все новых видов коммуникации есть способ избавиться от страха перед тем призрачным миром медиумов между людьми, который разъединяет их, вносит фатальную деструкцию в общение. Но новые коммуникативные средства лишь порождают все новых медиумов, более ненасытных и деструктивных, умерщвляющих социальный организм. Эта драма разыгрывается на сцене-арене современного метагорода. Именно город, точнее метагород – система городских конгломератов, его инфо-архитектурное и социокультурное пространство стали основной ареной "критического перехода", и именно на этой сцене разворачивается трагедия слияния биологического и технологического в культуре постмодерна.

Д.В. Галкин

ВИРТУАЛИСТИКА (лат. virtus – воображаемый, мнимый) – комплексная социальная дисциплина, изучающая проблемы виртуальности и виртуальной реальности (**см.**). Как самостоятельная дисциплина В. сформировалась и получила развитие в 1980-1990-х. Современная В. включает в себя философский, научный и практический разделы. Мощными импульсами для создания В. послужили бурное развитие информационных технологий и Интернета, а также создание различных устройств, обеспечивающих взаимодействие людей с виртуальной реальностью (3D-очки, 3D-шлемы и т.д.). До настоящего времени единообразного понимания предмета В. достигнуть не удалось.

В общем В. охватывает проблемы происхождения виртуальной реальности, ее взаимодействия с объективной и субъективной реальностями, а также природы виртуальной реальности и ее влияния на практическую деятельность людей. В. включает в себя множество концепций и гипотез, относящихся прежде всего к природе виртуальной реальности и процессу ее формирования. Ныне проблемы В. активно разрабатываются в разных странах мира.

В России ведущей организацией, изучающей проблемы В., является Центр В. Института человека РАН. В отличие от зарубежной философской традиции, акцентирующей внимание преимущественно на проблеме коммуникации "человек – машина", моделировании нового типа реальности посредством компьютерной техники и т.д., традиционная российская школа В. уделяет особое внимание выработке философской концепции понимания, анализа и оценки феномена виртуальной реальности.

В российской школе В. принято выделять четыре основных характеристики виртуальной реальности: 1) порожденность (виртуальная реальность создается активностью какой-либо другой реальности); 2) актуальность (виртуальная реальность существует только актуально, в ней свои время, пространство и законы существования); 3) интерактивность (виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе и с порождающей ее как независимые друг от друга) и 4) автономность.

Согласно концепции руководителя вышеупомянутого Центра В. доктора психологии Н.А.Носова, человек существует на одном из возможных уровней психических реальностей, относительно которого все остальные, потенциально существующие, реальности имеют статус виртуальных. С 1990-х все большее влияние приобретают концепции, прочно связывающие В. исключительно с интеграцией человека и машины, с появлением принципиально иного типа информационного пространства и коммуникации (Интернета) и с попытками моделирования реальностей нового типа. См. также: **Виртуальная реальность.**

А.Е. Иванов

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, виртуальное, виртуальность (англ. virtual reality от virtual – фактический, virtue – добродетель, достоинство; ср. лат. virtus – потенциальный, возможный, доблесть, энергия, сила, а также мнимый, воображаемый; лат. realis – вещественный, действительный, существующий) – I) В постклассической науке – В.Р. – понятие, посредством которого обозначается совокупность объектов следующего (по отношению к реальности низлежащей, порождающей их) уровня. Эти объекты онтологически равноправны с порождающей их "константной" реальностью и автономны; при этом их существование полностью обусловлено перманентным процессом их воспроизведения порождающей реальностью – при завершении указанного процесса объекты В.Р. исчезают. Категория "виртуальности" вводится через оппозицию субстанциальности и потенциальности: виртуальный объект существует, хотя и не субстанциально, но реально; и в то же время – не потенциально, а актуально. В.Р. суть "недо-возникающее событие, недорожденное бытие" (С.С.Хоружий). В современной философской литературе подход, основанный на признании полионтичности реальности и осуществляющий в таком контексте реконструкцию природы В.Р., получил наименование "виртуалистика" (Н.А.Носов, С.С.Хоружий). Согласно распространенной точке зрения, философско-психологическую концепцию В.Р. правомерно фундировать следующими теоретическими посылками: 1) понятие объекта научного исследования необходимо дополнить понятием реальности как среды существования множества разнородных и разнокачественных объектов; 2) В.Р. составляют отношения разнородных объектов, расположенных на разных иерархических уровнях взаимодействия и порождения объектов – В.Р. всегда порождена некоторой исходной (константной) реальностью; В.Р. относится к реальности константной как самостоятельная и автономная реальность, существуя лишь во временных рамках процесса ее /В.Р. – *А.Г., Д.Г., А.И., И.К.*/ порождения и поддержания ее существования. Объект В.Р. всегда актуален и реален, В.Р. способна порождать иную В.Р. следующего уровня. Для работы с понятием В.Р. необходим отказ от моноонтического мышления (постулирующего существование только одной реальности) и введение полионтической непредельной парадигмы (признание множественности миров и промежуточных реальностей), которая позволит строить теории развивающихся и уникальных объектов, не сводя их к линейному детерминизму. При этом "первичная" В.Р. способна порождать В.Р. следующего уровня, становясь по отношению к ней "константной реальностью" – и так "до бесконечности": ограничения на количество уровней иерархии реальностей теоретически быть не может. Предел в этом случае может быть обусловлен лишь ограниченностью психофизиологической природы человека как "точки схождения всех бытийных горизонтов" (С.С.Хоружий). Проблематика В.Р. в статусе самоосознающего философского направления конституируется в рамках постнеклассической философии

1980–1990-х как проблема природы реальности, как осознание проблематичности и неопределенности последнего, как осмысление как возможного, так и невозможного в качестве действительного. Так, Бодрийар, оперируя с понятием "гиперреальность", показал, что точность и совершенство технического воспроизводства объекта, его знаковая репрезентация конструируют иной объект – симулякр, в котором реальности больше, чем в собственно "реальном", который избыточен в своей детальности. Симулякры как компоненты В.Р., по Бодрийару, слишком видимы, слишком правдивы, слишком близки и доступны. Гиперреальность (**см.**), согласно Бодрийару, абсорбирует, поглощает, упраздняет реальность. Социальный теоретик М.Постер, сопоставляя феномен В.Р. с эффектом "реального времени" в сфере современных телекоммуникаций (игры, телеконференции и т.п.), отмечает, что происходит проблематизация реальности, ставится под сомнение обоснованность, эксклюзивность и конвенциональная очевидность "обычного" времени, пространства и идентичности. Постер фиксирует конституирование симуляционной культуры с присущим для нее множественностью реальностей. Информационные супермагистрали и В.Р. еще не стали общекультурными практиками, но обладают гигантским потенциалом для порождения иных культурных идентичностей и моделей субъективности – вплоть для сотворения постмодерного субъекта. В отличие от автономного и рационального субъекта модерна, этот субъект нестабилен, популятивен и диффузен. Он порождается и существует только в интерактивной среде. В постмодерной модели субъективности такие различия, как "отправитель – реципиент", "производитель – потребитель", "управляющий – управляемый" теряют свою актуальность. Для анализа В.Р. и порождаемой ею культуры модернистские категории социально-философского анализа оказываются недостаточны. Обретение понятием В.Р. философского статуса было обусловлено осмыслением соотношения трех очевидных пространств бытия человека: мира мыслимого, мира видимого и мира объективного (внешнего). В современной философии, в особенности последние 10–15 лет 20 в., В.Р. рассматривается: а) как концептуализация революционного уровня развития техники и технологий, позволяющих открывать и создавать новые измерения культуры и общества, а также одновременно порождающих новые острые проблемы, требующие критического осмысления; б) как развитие идеи множественности миров (возможных миров), изначальной неопределенности и относительности "реального" мира.

II) Технически конструируемая при помощи компьютерных средств интерактивная среда порождения и оперирования объектами, подобными реальным или воображаемым, на основе их трехмерного графического представления, симуляции их физических свойств (объем, движение и т.д.), симуляции их способности воздействия и самостоятельного присутствия в пространстве. В.Р. предполагает также создание средствами специального компьютерного оборудования (специальный шлем, костюм и т.п.) эффекта (отдельно, вне "обычной" реальности) присутствия человека в этой объектной среде (чувство пространства, ощущения и т.д.), сопровождающегося ощущением единства с компьютером. (Ср. "виртуальная деятельность" у Бергсона, "виртуальный театр" у А.Арто, "виртуальные способности" у А.Н.Леонтьева. Существенное изменение содержания и увеличение объема понятия В.Р. осуществил Ж.Ланье – создатель и владелец фирмы, освоившей выпуск персональных компьютеров, обладавших возможностью создания интерактивного стереоскопического изображения.) Термин "виртуальный" используют как в компьютерных технологиях (виртуальная память), так и в других сферах: квантовой физике (виртуальные частицы), в теории управления (виртуальный офис, виртуальный менеджмент), в психологии (виртуальные способности, виртуальные состояния) и т.д. Самобытная "философия В.Р." (это важная и принципиальная ее особенность) была первоначально предложена не профессиональными философами, а инженерами-компьютерщиками, общественными деятелями, писателями, журналистами. Первые идеи В.Р. оформились в самых различных дискурсах. Концепция и практика В.Р. имеют довольно разнообразные контексты возникновения и развития: в американской молодежной контркультуре, компьютерной индустрии, литературе (научная фантастика), военных разработках, космических исследованиях, искусстве и дизайне.

Принято считать, что идея В.Р. как "киберпространства" – "cyberspace" – впервые возникла в знаменитом фантастическом романе-техноутопии "Neuromancer" /усл. перевод на рус. яз. – "Нерво-сочинитель". – *Ред.*/ У.Гибсона, где киберпространство изображается как коллективная галлюцинация миллионов людей, которую они испытывают одновременно в разных географических местах, соединенные через компьютерную сеть друг с другом и погруженные в мир графически представленных данных любого компьютера. Однако Гибсон считал свой роман не предсказанием будущего, а критикой настоящего. Киберпространство, управляющие им безликие суперкорпорации, отчуждение технологий, созданный пластической хирургией идеальный человек, подключенный к киберпространству через мозг и нервную систему – это аллегория социального и культурного террора по отношению к реальному человеку – современнику писателя. Идея В.Р. первоначально возникла и стала воплощаться в среде маргинальной контркультуры, получившей впоследствии название "киберпанк" (США, 1970-1980-е), где В.Р. стала одним из центральных элементов своеобразного либерально-идеологического дискурса. "Киберпанк" быстро ассимилировался в массовой культуре и развернулся в быстро развивающуюся "киберкультуру" ("cyberculture").

Одной из первых историко-теоретических работ о В.Р. стала книга американского журналиста Ф.Хэммита "Виртуальная реальность" (1993). Автор усматривает исторические предпосылки становления феномена В.Р. в развитии синтетических возможностей кино и кино-симуляторов. Корни же функциональной концепции В.Р. в контексте осмысления перспектив компьютерных систем состоят, по его мысли, в следующем: 1) Функции компьютера способны кардинально меняться в зависимости от совершенствования программного обеспечения. 2) В.Р. – оптимизированный, более "естественный" для возможностей человека способ ориентации в мире электронной информации, созданный на основе дружественного функционально-интерактивного интерфейса. (Как отмечал М.Хайм, киберпространство – это ментальная карта информационных ландшафтов в памяти компьютера в сочетании с про-

граммным обеспечением; это способ антропологизировать информацию, придать ей топологическую определенность, чтобы человек мог привычным образом оперировать данными как вещами, но на гиперфункциональном уровне, сравнимом с магией; В.Р. и киберпространство должны будить воображение и дать возможность преодолеть экзистенциальную ограниченность реальности: выйти за пределы смерти, времени и тревоги; аннулировать свою заброшенность и конечность, достичь безопасности и святости.) 3) Операции с компонентами В.Р. потенциально вполне идентичны операциям с реальными инструментами и предметами. 4) Работа в среде В.Р. сопровождается эффектом легкости, быстроты, носит акцентированно игровой характер. 5) Возникает ощущение единства машины с пользователем, перемещения последнего в виртуальный мир: воздействие виртуальных объектов воспринимается человеком аналогично "обычной" реальности. Именно интерактивные возможности В.Р. делают ее столь функционально значимой. Хэммит отметил, что рассогласование соответствующих данных с перцептивной системой человека может привести к диссонансу восприятия, значимым дезориентациям и психонервным заболеваниям. Он также зафиксировал серьезные технологические трудности в развитии технологий В.Р., связанные, прежде всего, с необходимостью создания компьютеров гигантской мощности для обработки графических изображений. Однако среда В.Р. нашла широчайшее функциональное применение; прежде всего – в производственном компьютерном дизайне, системах телеприсутствия (дистанционного управления с помощью телекамер), учебно-тренеровочных системах. Образование и развлечения, по мысли Хэммита, составляют наиболее перспективные направления применения технологий В.Р.

Осмысление В.Р. является базовым принципом любых обновленных гуманитарных теорий, а также соответствующего научного подхода. В частности, на его основе строится "виртуальная психология" необычных, непривычных, редко возникающих состояний психики и самоощущений, выводящих человека за пределы обыденных психических состояний. Виртуал и гратуал – суть подобные состояния соответственно позитивного и негативного типа (инсайт, экстаз, мобилизация психики в экстремальных ситуациях, острое горе и т.д.). Они всегда спонтанны, фрагментарны, объективны (человек захвачен виртуалом как объект), ведут к изменению статуса телесности, сознания, личности, воли. Задача практической виртуальной психологии – авторы называют ее "арстейя" (от греческого синонима латинского virtus) – разработка методов актуализации/нейтрализации виртуальных состояний психики. См. **Виртуалистика.**

А.А. Грицанов, Д.В. Галкин, А.Е. Иванов, И.Д. Карпенко

ВКУСОВАЯ КУЛЬТУРА ("taste culture") – термин американского культуролога Г.Гэнса, введенный в контексте концепции эстетического и культурного плюрализма, противопоставленного им социокультурному детерминизму, предполагающему игнорирование интенций субъекта и следование общим правилам.

Согласно трактовке культурного плюрализма все формы культуры (высокоэлитарной и массово-популярной) сосуществуют в едином контексте, актуализируя значение прагматической составляющей: полезность; разносторонняя реализация потребностей всех социальных классов; соответствие возможностям потребителей и формирование пространства выбора. Подобное взаимоотношение культур создаст соответствующие им типы потребителей – вкусовую публику (taste public).

Такая позиция снимает противостояние массовой и высокой культуры, определяя 5 основных типов В.К.: 1) Высокая – для элиты, ориентированной, в основном, на "серьезную литературу и искусство". 2) Верхне-средняя, близкая по интересам первому типу, но, в отличие от него, использующая информационные каналы и разного рода СМИ. Тиражируя определенные типы и идеализируя их, средства массовой коммуникации задают так называемый суперстандартный тип "куклы, запущенной в тираж". Протест против унификации образцов лежит в концепции "среднего" человека, что умело подчеркивается, например, в одежде, декоративной косметике или прическе. 3) Нижне-средняя охватывает значительную долю общества, ориентированные на СМИ, но лишь в степени, требуемой нормативной структурой общества. В социальном плане это служащие, интеллигенция, квалифицированные рабочие. 4) Низкая для малоквалифицированных людей, предпочитающих средства информации "второго сорта". 5) Квазинародная для бедняков и людей, по каким-либо причинам не получившим образования. Отрицание интеллектуальной традиции приведет к нивелировке идеалов человеческой истории.

Вкус является результатом функционирования исторических, социальных и культурных конструктов. Формируя вкус, или другими словами, отношение субъекта к чему-либо, культура задаст определенные потребности этому субъекту, без которых он чувствует себя дискомфортно. Культурные образцы, или социальные правила поведения, имеют две стороны: а) социальные нормы, суть которых состоит в том, что им надо следовать; б) социальные ценности – предпочтение и выбор способа приобщения к опыту.

Рефлексия вкуса как осознание окружающего мира зависит, выражаясь словами М.Хайдеггера, от определенной "контекстуальной заброшенности". Обосновывая эту точку зрения, Гэнс в своей книге "Популяризация и высокая культура" утверждает, что определенная информативность популярной культуры позволяет разрешить некоторые проблемы "среднего класса" (см.) (социально-психологический характер проблем): а) развитие индивидуальности и поиск пути самовыражения, б) обретение социальной и культурной идентичности, в) усвоение и сохранение общественных норм и ценностей из полученного комплекса информации (системный анализ содержания), г) психологическая компенсация.

Е.В. Матусевич

ВЛАСТЬ – в классических философских концепциях – особое отношение между людьми, способность осуществлять свою волю. Традиция интерпретации В. в терминах воли (субъективной или коллективной) и дихотомии "господин – раб" восходит к Платону и Аристотелю. Преодолевая доминировавшие в средневековье сакральные представления о В.,

Н.Макиавелли выдвинул идею о светском характере В., необходимой для сдерживания эгоистической природы человека и определяемой тактическими соображениями в отношениях "государь – подданные". В доктрине европейского либерализма (Дж.Локк, Т.Гоббс и др.) нашли свое развитие рационалистические взгляды на природу, источники и функции В. Работы Маркса (см.) и Энгельса (см.) сместили акценты на исследование политической В., основанной на классовых антагонизмах и определяемой в конечной счете материально-производственными отношениями.

Проблема В. была систематически проанализирована в социологии М. Вебера (см.), который ввел понятие легитимности господства (признания В. управляемыми индивидами), выделил легальный, традиционный, харизматический виды, а также личностный и формально-рациональный типы В. В настоящее время при анализе В. принято рассматривать в качестве видов политическую, экономическую, государственную, семейную В., учитывать различные ее формы (господство, руководство, управление, организация, контроль) и методы (авторитет, право, насилие).

Неклассические философские версии В. связаны со снятием оппозиции "правитель – подчиненный", пересмотром понимания В. как чисто идеологического, подконтрольного разуму феномена и рассмотрением ее в более широких философских контекстах. С первым наброском такого подхода выступил Ф.Ницше. Он дезавуировал деятеля-субъекта как "присочиненного" к волевому акту. Безличная сила "воли к В." лежит, по Ницше, в основании существования; познание мира, будучи "волей к истине", оказывается формой проявления иррационального полифункционала "воли к В.".

Идеи генеалогического исследования В. (по Ницше) были восприняты современной французской философией от структурализма до "новых левых". М.Фуко (см.), исследуя комплексы "В. – знания", рассматривал "структуры В." как принципиально децентрированные (лишенные иерархически привилегированной точки – Суверена) образования, специфика которых в том, что они – "везде". Эта "вездесущность" В. задает ее новое видение как лишенного теологического измерения самоорганизующегося процесса взаимоориентации, конфликтующих отношений, пронизывающего силовыми полями весь социум. Природа В., по Фуко, обращена к сфере бессознательного, существуя в модусе самосокрытия, она обнаруживает свои подлинные "намерения" на микроуровне социальной жизни (классификация удовольствия, ритуал исповеди, локализация секса и т.п.), на поверхности кристаллизуясь в государственные институты и социальные гегемонии. Р.Барт развивает и перерабатывает в русле "политической семиологии" ницшеанские интуиции об укорененности В. в "самом начале языка". Он демонстрирует, что язык, считающийся нейтральным средством коммуникации, на самом деле пропущен через механизмы вторичного означивания (идиоматические смыслы, жанровые конвенции и т.п.), имеющего идеологическую природу и обеспечивающего языку социальную действенность и статус дискурса. Таким образом, В., по Р.Барту, осуществляется в форме дискурсивных стратегий, на службе у которых оказывается индивид в силу самого факта употребления языка, и которые в совокупности образуют первичный уровень принуждения.

Более радикальные трактовки В. содержатся в работах Делеза (см.) и Гваттари (см.) (В. как субпродукт "производства желания"), проясняющих бытийные аспекты В. через образы "В. ткани", "В. организма" и т.д. Общая направленность неклассических концепций В. заключается в выявлении форм и методов принуждения, осуществляемых помимо сознания индивидов, что определяет переход от попыток дефиниции В. к ее систематизированному описанию.

А.А. Горных

ВЛЕЧЕНИЕ (нем. Trieb) – по З.Фрейду (см.) – стремление к удовлетворению неосознанной или недостаточно осознанной потребности субъекта, своеобразный первоисточник всякого психического движения и поведения организма, характеризующийся наличием источника энергии (силы), цели и объекта. Принципиального разведения терминов "В." и "инстинкт" Фрейд не осуществил.

Согласно Фрейду, В. происходит из внутренних источников раздражения и действует как постоянная сила, ориентированная на устранение возбуждения – "...под "влечением" мы понимаем только психическое представительство непрерывного внутри соматического источника раздражения в отличие от "раздражения", вызываемого отдельными возбуждениями, воспринимаемыми извне. Влечение является, таким образом, одним из понятий для отграничения душевного от телесного. Самым простым и естественным предположением о природе влечений было бы, что они сами по себе не обладают никаким качеством, а могут приниматься во внимание как мерило требуемой работы, предъявляемой душевной жизни. Только отношение влечений к их соматическим источникам и их целям составляет отличие их друг от друга и придает им специфические свойства. Источником влечения является возбуждающий процесс в каком-нибудь органе, и ближайшей целью влечения является прекращение этого раздражения органа" (Фрейд).

Согласно версии Фрейда, "...человеческие влечения бывают только двух родов. Либо те, что направлены на сохранение и объединение; мы называем их эротическими – в том смысле, как Эрос понимается в платоновском "Пире", – или сексуальными влечениями, сознательно расширяя понятие "сексуальность". Либо те, что направлены на разрушение и убийство; мы сводим их к инстинкту агрессии, или инстинкту деструктивности". В. трактовалось Фрейдом также и как "наличное в живом организме стремление к восстановлению какого-либо прежнего состояния" – при этом постулировалось, что "психическое значение влечения повышается в связи с отказом от его удовлетворения". Согласно точке зрения Фрейда, В. действуют постоянно, избирая своим объектом то, посредством чего они могут достичь своей цели. В числе объектов В. указывалось, что ими могут быть и части собственного тела. Фрейд полагал, что "влечения и их превращения суть конечный пункт, доступный психоаналитическому познанию".

В.И. Овчаренко

ВОЗРАСТ КАК ПЕРЕМЕННАЯ – методологическая проблема, требующая особых методов проведения исследований. Основные подходы к исследованиям возраста:

1. Межвозрастной (cross-sectional). Если требуется проследить, как какая-либо переменная изменяется с возрастом, обычно для исследования выбираются группы определенных возрастов (например, 20 и 40 лет). В этом случае возникает опасность *смешения* возраста и поколения (20 лет назад все было другое – и игры, и фильмы, и отношения).

2. Лонгитюдный. В лонгитюдных исследованиях (**см.**) избранные группы исследуются на протяжении длительного времени (иногда с перерывами на несколько лет). В этом случае объектом выступает одно поколение. Однако неизвестно, произошли ли наблюдаемые явления с изменением возраста или из-за изменений в окружающем мире.

3. Возрастной (time-lag). Этот метод для определения эффекта времени фиксирует постоянный возраст (например, только 19-летние) в течение нескольких лет.

4. Возрастно-периодический (cross-sequential). Суть метода состоит в тестирование двух или более возрастных групп в течение двух или более периодов времени. В этом случае вероятнее определить эффекты смешения. Следует отметить трудоемкость такого рода исследований.

Проиллюстрируем методы схемой:

Иллюстрация методов проведения исследований, включающих возраст как переменную.

А.П. Репеко

ВОЗРАСТНАЯ ПИРАМИДА – термин демографии (**см.**), обозначающий график (гистограмму), иллюстрирующий возрастно-половое распределение населения. По вертикальной оси, начиная с возраста 0 лет, откладывается возраст в одно- или пятилетних возрастных интервалах. Последний возрастной интервал, как правило, открытый. По горизонтальной оси откладывается или численность населения соответствующей возрастной группе, или ее доля (в процентах) во всем населении или в населении данного пола. При этом мужское население всегда изображается слева от оси возраста, а женское – справа. Получающаяся фигура ("пирамида") наглядно изображает особенности возрастно-половой структуры населения, а также историю его изменений на протяжении длительного времени.

ВОЙНА – экстремальное явление общественной жизни, организованная вооруженная борьба между государствами, либо их коалициями (и, соответственно, вовлеченными народами), либо между социальными группами или же этносами общества, выступающая продолжением их политики (а, равно, намерений политического характера) насильственными средствами при антагонистических (враждебных, непримиримых) отношениях, крайнем их развитии, состоянии. В. – специфический социальный конфликт, применение (указанными субъектами) вооруженного и любых используемых в этом качестве средств насилия как способа достижения политических целей и разрешения общественных противоречий политического характера; крайняя, экстремальная форма разрешения межгосударственных либо внутригосударственных политических противоречий. Инвариантные, сущностные признаки феномена В. позволяют рассматривать данное событие объективно только применительно к социуму, определенному уровню развития и конкретному характеру социально-политических отношений. Категориальное определение сущности явления В. исключает в научном оперировании различные "расширительные" интерпретации данного понятия, нередко применяемые на обыденном уровне и отстаиваемые некоторыми философствующими школами. В частности, распространение его на техносферу (В. машин), биосферу (борьба за существование в природе) и др., где понятие В. либо метафорируется, либо отождествляется с более широкими понятиями "борьбы" и "насилия"; вследствие чего усматривается феномен В. не только у животных, но и у насекомых и во всем физическом универсуме как "факт природы" – такие подходы встречают в науке серьезные возражения. С объективных позиций переоцениваются также "избыточно" классовые (акцентированные философской школой марксизма-ленинизма) аспекты определения сущности В. В. как осуществление или вооруженное насилие в политических целях – объективная реальность, которую необходимо учитывать, анализировать и предвидеть пути его возможного использования.

Как самостоятельная научная проблема, В. активно изучается с середины 20 в. отраслью современной политологии – военной политологией (фигурирующей в западной науке под названиями – "полемология" (наука о В.), "вайленсология" (наука о насилии). Военная политология в самом кратком ее определении есть наука о роли военной силы во внешне- и внутриполитических отношениях и ее использовании субъектами политики (власти) для отстаивания своих интересов. Всестороннее развитие новейших комплексных знаний о В. обеспечивается также соответствующими исследованиями других наук. Предметом философских исследований феномена В. выступают проблемные вопросы: о сущности В. как общественном явлении и ее историческом генезисе; о месте В. в ряду цивилизационных явлений и ее роли в истории – влиянии на социальное развитие; об основных типах и видах В. различных исторических эпох; о глубинных закономерностях и тенденциях изменения сущности В.; о возможностях и условиях устранения В. из жизни общества и др.

Специфическое содержание В. – вооруженная борьба – исследуется совокупностью дисциплин, представляющих непосредственно военную науку (теория военного искусства – стратегия, оперативное искусство, тактика, в которых развиваются теоретические основы планирования, подготовки, ведения и всестороннего обеспечения военных действий соответствующего масштаба; теория военного строительства, исследующая вопросы состава и организации, структуры и технического оснащения вооруженных сил в мирное и военное время, системы их отмобилизования, комплектования и развертывания, подготовки резервов, организации военной службы и др. вопросы; теория воинского обучения и воспитания, разрабатывающая формы и методы оперативной боевой подготовки, формирования необходимых боевых качеств личного состава, слаживания подразделений, частей, соединений с целью обеспечения высокой боеспособности и боеготовности вооруженных сил как главного и решающего средства ведения В., а также ряд др. специальных теорий – отраслей общественных, естественных и технических наук, обеспечивающих потребности военного дела). Наряду с этим В. как сложное социально-политическое явление изучается в историческом (история В.), правовом (военное право) и иных аспектах. В системе современных, активно развивающихся философских знаний о В. превалирует, являясь широко признанной, концепция рассмотрения В. исключительно как феномена политической истории общества, как социально политического фактора. Генезис В. объективно рассматривается во взаимосвязи со становлением государственности народов и появлением политики как специфического вида государственной (общественной) деятельности. Элементы В. вызревают в недрах древности и отчетливо обнаруживают себя на цивилизационной ступени т.наз. "военной демократии" периода разложения первобытно-общинного строя, отмеченной Морганом (**см.**) в работе "Древнее общество" (1877); именно тогда "...война и организация для войны становятся... регулярными функциями народной жизни", являя "хозяйственный промысел" грабежа других племен, а позднее и соплеменников. На последующих этапах цивилизационного развития В. обретает и другие конкретные функции (экспансии, карательную – подавления, насильственного "переустроения мира" и др.), реализуемые как исторически необходимые. То есть В. – феномен, имеющий конкретно исторические предпосылки, условия, реальные начало и пределы своего развития, функции в общественной практике, в цивилизационном процессе. В. и общество, а точнее государство и В., политика и В. рождаются и эволюционируют вместе, в объективной, органичной взаимосвязи.

Как социально-политическое явление, В. имеет исторически преходящий характер. Действительно, примерно 6000-летний период истории человечества (народов, перешедших к государственности), как констатирует наука, сопряжен с явлением В. (и все они входят в содержание политики), которых произошло уже более 14,5 тыс. больших и малых, в т.ч. две мировые В. 20 в.; в их ходе и по их причине погибло, умерло от голода и эпидемий свыше 3,6 млрд. человек, уничтожены неисчислимые и невосполнимые материальные и духовные ценности многих цивилизаций. Глубинными закономерностями генезиса и эволюции В. во взаимосвязи с политикой государств всецело определяются также объективная возможность устранения В. (альтернативной политикой) из общественной практики и неизбежность эпохального перехода народов к всемирной истории без В., открывающего совершенно невиданные цивилизационные перспективы. Вызревание основополагающих научных идей о социально-политической природе В., ее исторически преходящем характере и условиях полного устранения ее из жизни общества находит свое отражение в многочисленных историко-философских данных и получает дальнейшее принципиальное развитие в современных исканиях общечеловеческим разумом конкретных путей освобождения от кровавого Молоха. Взгляд на В. как на социальное зло формируется уже в глубокой древности. В ветхозаветной книге "Бытия", в древнегреческой мифологии, скандинавской "Эдде", древнекитайском трактате "Дао дэ цзин" и других источниках протест против В. облекается в форму мечтаний о безвозвратно минувшем "золотом веке", когда все люди были братья и не знали В. Стремление раскрыть природу В. свойственно общественной мысли, начиная с рабовладельческой эпохи. Первые шаги в этом направлении осуществили древнекитайский полководец и мыслитель Сунь-цзы (6-5 вв. до н.э.), древнеиндийский брахман Чанакья (4 в. до н.э.), древнегреческий историк Фукидид (5-4 вв. до н.э.), отмечавшие связь В. с состоянием жизни народов и государственными деяниями. Древнегреческие философы (Демокрит, Платон, Аристотель и др.) сделали значительный шаг в анализе социальной природы В. Отмечая, что первобытное состояние людей отличалось естественным господством грубой силы, категорически отрицаются присущность В. первобытному "дикому" обществу, а также суждения о В. как извечном, естественном состоянии общества. Столкновения древних мигрирующих племен или т.наз. "древние В.", действительно, по сути своей не В., т.к. совершенно не представляют особой специфической деятельности племен. Демокрит одним из первых поставил вопрос о происхождении В. и попытался ответить на него. Генезис В., согласно его учению, обусловлен экономическими и социально-политическими причинами, имущественным неравенством людей. Как правило, на этой почве между людьми возникают всевозможные раздоры и конфликты. И особенно часто они происходят в том государстве, где царит произвол и увеличивается бедность граждан. Среди причин В. и внутренних коллизий Сократ называл: несовершенство человека; невозможность людей разобраться в смысле добра и зла; нарушение законности в государстве по воле правителей. Платон в диалоге "Протагор" определяет В. как "часть искусства политического". Согласно "Государству" Платона, понятия "В." и "раздор" различны не только как "столкновения между чужими" и – "...между своими". В. рельефно выступает при этом прежде всего целью и одной из основ становления рабовладельческой государственности, т.е. политическим законом ее развития. Поскольку численность рабов (в основном плененных) зависит от частоты В., которые ведет государство, – начинается "...беспрерывная война между всеми государствами" ("Законы"). В. становится естественным состоянием общества, узаконенным способом приобретения рабов и захвата чужих территорий. Главенствующим принципом социального развития, по мысли Платона, является право сильного над слабым. Однако устроителю совершенного государства не следует устанавливать законы "ради военных действий", а

напротив, следует устанавливать "законы, касающиеся войны, ради мира". И "среди распрей, – должно, по Платону, – помнить о мире" ("Государство"). В органичной взаимосвязи с политикой и другими сторонами общественной жизни рассматривает В. также Аристотель ("Политика"), обращая внимание на основные стороны ее содержания: прежде всего, цели, преследуемые вооруженным насилием; и непосредственно вооруженную борьбу. Объективный научный факт – именно с обретением политического содержания В. приобрела развитые формы и вызвала к существованию собственные постоянно действующие, обеспечивающие ее социальные институты (вооруженные силы). Сущностная связь между В. и политикой осмысливалась и в последующие века. Сложность понимания такого социального явления как В. вводила, однако, в заблуждение не одно поколение мыслителей прошлого. Высказать мысль о том, что В. – это не некое самостоятельное социальное явление, а вторичный, зависимый от политики, феномен – удалось не многим.

Философский вывод о сущности В. сделал в 19 в. немецкий военный теоретик К. фон Клаузевиц (1780-1831), сформулировав ее классическую формулу. В., писал он, "...есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами"; В. – "...не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами" ("О войне"). В историческом развитии общественной мысли в отношении к В. примечательны следующие вехи. В период Римской империи возникает концепция космополитического PAX Romana – насильственно экспансируемого мира, поддерживаемого военным могуществом Рима. Не однажды в истории она служила идейным ориентиром формирования (и существования) посредством крупномасштабных военных экспансий различных империй или т.наз. "цивилизаций военного типа" (Спенсер), находя свое отражение в политике (великодержавности, гегемонизма, неоглобализма и т.п.) некоторых государств вплоть до современности. В развитии христианско-теологических (характерных для европейской культуры, достаточно распространенных и в настоящее время) воззрений на В. принципиальными являются идеи о "греховности" В., несовместимости ее с учением Христа (Климент, Ориген, Тертуллиан), не исключающие, однако, признание принципа "священной" В. в защиту Веры и Отечества (концептуально обоснованного еще Августином и Фомой Аквинским). Уже в 16-17 вв. гуманистами (Т.Мор, Эразм Роттердамский, Ф.Рабле, М.Монтень, Г.Гроций и др.), выступавшими с резким осуждением В. (феодальной эпохи), впервые выдвигаются идеи ограничения разрушительного действия В. Примерно с 17 в. появляются гуманистические (еще весьма идеалистические по своему содержанию) проекты "вечного мира" (Э.Крюсе, 1623, И.Кант, 1795). Представителями общественной мысли 18 в. [Монтескье (см.), Д.Дидро, Ж.-Ж.Руссо, Вольтер] В. критикуется как социальный пережиток "варварской эпохи", осуждаются военные завоевания и насилие, выдвигаются и отстаиваются идеи равноправия народов. С 19 в. в антивоенную аргументацию активно включаются – Р.Оуэн, Ш.Фурье, Маркс (см.), Энгельс (см.), Ленин (см.) – идеи переустройства общественной жизни на социалистических и коммунистических началах как условии закономерного устранения В. в новейшую эпоху человечества. Когда "трудящиеся классы" приобретут решающее влияние в государстве, как полагал в свое время Н.Чернышевский, "исчезнет всякая возможность войн", грядет установление нового нравственного мира. Глубокий нравственный анализ проблемы В., впервые подойдя к рассмотрению ее с позиций нравственно-культурных измерений, осуществил В.С.Соловьев. В., отмечает он, не только социально-политическое явление, но также, и даже главным образом, феномен духовно-культурной сферы жизни, острейшее проявление духовного конфликта различных культур; в тождественности истории человечества с историей В. видится "хронический недуг человечества" ("Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории"). И причины В., и определяющие условия их устранения В.С.Соловьев связывал прежде всего с нравственно-духовной сферой жизни людей. Развитие этих идей продолжили затем в начале 20 в. Бердяев (см.), Е.Н.Трубецкой и др.

В 20 в. человечество, пережившее две мировые войны, угрозу ядерного апокалипсиса и сотни локальных военных конфликтов, провозглашает высочайшей значимости идеи: В. не может быть более продолжением политики насильственными вооруженными средствами, самоисключающими как оружие массового уничтожения (ядерное, химическое, биологическое, лучевое и др.), так и в принципе применение таковых средств, угрожающих гибелью всей цивилизации; актуальной практической задачей мирового сообщества становится созидание ненасильственного мира. Наличие оружия массового уничтожения опровергает незыблемость вывода ортодоксального клаузевицианизма о сущности В., поскольку совершенно очевидно, что такое оружие нельзя ни ограничить, ни контролировать таким образом, чтобы его можно было использовать для достижения какой-либо политической цели. Формируется и утверждается теория "неоклаузевицианизма", сущность которой заключается в обосновании доктрины достижения превосходства над противником через неприменение силы и оружия. Современные процессы "демилитаризации" общественного сознания выдвигают и постоянно генерируют целую систему идей (и концепций) относительно причин, сущности, социального характера современных войн и военных конфликтов, влияния на них бурных политических процессов, происходящих в большинстве государств и регионов мира. Широко известны имена философов, политологов, специалистов по этим проблемам, таких, как: Ю. Галтунг, Д. Бенерджи, Боулдинг, Ч. Москос, В. Шеелен, Б. Фликенштейн, А. Раппопорт, Г. Хаген, Дж. Эберли, С. Благоволин, Б. Каневский, А. Лилов, Е. Рыбкин и др. Общеизвестна роль в разработке философской проблематики В. европейских и американских исследовательских центров. Среди них: Королевский институт международных отношений (Великобритания), Институт общественных отношений при Бундесвере (Германия), Центр российского и евроазиатских исследований Монтеррейского института (США), Центр по контролю над вооружениями (Канада), Центр оборонной информации (США), Российская ассоциация "Армия и общество" и др. Решение проблемы "мир или выживание" американский ученый А.Клод видит, например, в правильной постановке вопроса "силового менеджмента" в масштабе всего мира. Он исходит из того, что сила не может быть ликвидирована, т.к. человеческие группы будут всегда в состоянии причинять друг другу ущерб, в чем мы убеждаемся на протяжении всего

человеческого существования. Если на данном этапе развития люди не в состоянии уничтожить разрушительные силы, то необходимо тогда стремиться к повсеместному управлению ими, "разумно" увязывая их (Ф.Дайсон) с дипломатией и моральными проблемами. Согласно концепции американского социолога Ч.Москоса, по мере эволюции современных государств от "общества готовности к В." к "обществу сдерживания В." и от него к "обществу отрицания В." соответственно изменится статус и функции вооруженных сил (Москос Ч. "Вооруженные силы в "обществе отрицания войны"). После Второй мировой войны широкое распространение получили идеи ненасильственной борьбы в политических процессах современности. Эти идеи, возникшие еще в средние века в Европе, акцентированные Л.Н.Толстым в философии "непротивления злу насилием", развитые в трудах Эмерсона, Торо и др., наиболее глубокое продолжение получили в философии "гандизма" М.Ганди. Активно руководствуются ими пацифистское движение, отвергающее любые В., а также творцы нового мира, основываемого на принципах ненасилия. Однако философская формула сущности В., данная Клаузевицем, отнюдь не утратила своего научного и практического значения. В целом, хотя и получив ряд истолкований в новейших научных интерпретациях, она принимается всеми в качестве исходного положения философского, политологического и иного анализа В. Уже полтора столетия признано, что данная формула наиболее полно характеризует сущность В. в ее связи с политикой. Она, как в фокусе, собирает все важнейшие связи и отношения процесса В.; к этому "фокусу" ведут глубинные корни, питающие В., их вызревание в недрах социально-экономической жизни. Дело в том, что все политические интересы, которые реализуются в процессе В., продиктованы более глубокими экономическими и социально-классовыми интересами. Сама политика выступает лишь концентрированным выражением всех этих интересов. Отсюда идут все последующие связи, определяющие смысл развязывания, ход, развитие В. Любая из В., осуществляемых в настоящее время в т.наз. "горячих точках" планеты, является продолжением политики тех или иных государств, народов и наций, со всей очевидностью выражающей прежде всего их материально-экономические и другие определяющие интересы (объективная глубинная причинность войн по историческим и современным данным). Методологически значимым для формирования отношения к В. либо военному конфликту (в широком смысле обозначает любые военные коллизии, в т.ч. и мировые войны, в узком – ступень, предшествующую высшей стадии конфронтации – войне) является их социально-политическая оценка. Она объемлет определение "статуса" В. (конфликта, военной акции) в переживаемый исторический период, ее направленности (прогрессивности или реакционности) по ее социально-политическому характеру. Определение социально-политического характера В. – коренной вопрос оценки ее сути. По социально-политическому характеру В. классифицируют на: справедливые (любая В. в защиту, оборонительная или отечественная, а также национально-освободительная), несправедливые (любые агрессии и колониальные захваты), несправедливые со стороны всех вооруженно конфликтующих участников.

В настоящее время мировое сообщество полагает необходимым руководствоваться в оценке социально-политического характера В. не только критерием национальных интересов, но вместе с тем и критерием соответствия В. нормам международного права. Сами виды и формы применения военной силы разнообразны. По конкретным основаниям В. классифицируют на: внутренние (гражданские или вооруженные конфликты немеждународного характера), внешние (межгосударственные, коалиционные или международные вооруженные конфликты), их предтечи или последствия – военные конфликты и другие виды применения военного насилия (интервенции, акции, демонстрации силы, "карательные" меры, военные перевороты). В. могут быть глобальные и локальные (ограниченные, региональные военные конфликты различной степени интенсивности). Апологетике В. со стороны милитаристски настроенных сил, традиционно опирающихся на идеи о "вечности" и фатальности В. – Протагор, Горгий, О.Шпенглер, Ф.Ницше, З.Фрейд (см.) и др., – о позитивной роли В. как некоей "целительной силы" в жизни государств и народов (Гегель), своеобразной "гигиены мира" (Ф.Т.Маринетти), устраняющей растущую "перенаселенность" планеты (Т.Р.Мальтус), в т.ч. "неполноценными расами" (Гитлер) и обеспечивающей геополитически необходимое "жизненное пространство" более цивилизованным народам (Р. Челлен, Ф. Ратцель, К. Хаусхофер, Н. Спикмен); о значении В. как фактора ускорения прогресса и неизбежности цивилизационных В. (С. Хантингтон) – всей этой "философии милитаризма и В." разумом человечества противопоставляются подлинно жизнеутверждающие философские идеи мира, формирования общими усилиями государств всеобъемлющей системы международной безопасности на принципах ненасилия. Отвергается логика страшных энтимем: "хочешь мира – готовься к В."; "вооруженный мир – самая надежная гарантия безопасности"; "ядерное оружие – гарант мира, силы и суверенитета как больших, так и малых государств"; "необходимо каждому государству иметь такую собственную безопасность, которая бы подрывала безопасность другого государства"; "силовое наказание противника" и т.п. Утверждаются альтернативные принципы: осмысление ядерных реалий, факторов целостности и взаимосвязанности мира; отказ от угрозы военной силой и применения ее; уважение суверенитета и суверенного равенства государств, невмешательство во внутренние дела друг друга; разрешение споров (преодоление антагонистических отношений) исключительно мирными средствами; предотвращение экспансий срывом преступных планов соперничающих государств по переделу мира, предотвращение эскалации начавшихся военных конфликтов; гуманизм и мирное сосуществование, развитие сотрудничества государств, общее решение глобальных проблем.

Существует и действует ряд договоров межгосударственного гуманитарного права (МГП), запрещающих применение некоторых видов оружия и методов ведения В. К ним относятся: Гаагские Конвенции, 1907; Женевская Конвенция о защите гражданского населения во время В. от 12 августа 1949; Гаагская Конвенция о защите культурных ценностей во время вооруженного конфликта (1954); Конвенция о запрещении бактериологического (биологического) оружия (1972); Конвенция о запрещении военного или любого враждебного использования средств воздействия на природную среду (1976); Конвенция о запрещении или ограничении применения некоторых видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные по-

вреждения или имеющими неизбирательное действие (1980); Конвенция о запрещении производства, хранения и накопления запасов химического оружия и его уничтожении (1993) и др. Мир уже давно перешел ту грань, за которой В. стала неприемлемым орудием политики.

Н.П. Баранов

ВОЛЮНТАРИЗМ (лат. voluntas – воля) – социальное и социологическое понятие, центрированное вокруг философского термина "воля", мыслимой в качестве высшего принципа бытия. Термин введен Ф.Теннисом (см.) в 1883.

В социологической сфере термин В. употребляется – вне рефлексивной экспликации его содержания – для обозначения стремления социально активных индивидов и социальных групп (см.) к преодолению системно-атрибутивных характеристик исторического процесса.

А.А. Грицанов

ВОЛЯ – психологически и социокультурно обусловленный потенциал человека, ориентированный на саморегуляцию собственного поведения и деятельности, осуществляемого как в норме, так и в патологии. В. выражается в способности активно противодействовать объективным препятствиям, возникающим на пути к достижению целей, а также в готовности сопротивляться противодействию других индивидуальных либо коллективных В. Кроме этого, сила В. традиционно понимается как способность личности противостоять также и собственным, стихийно складывающимся импульсивным побуждениям, носящим деструктивный характер. Именно фактом наличия В. объясняется потенциал устойчивости людей по отношению к неблагоприятным внешним обстоятельствам течения их жизни и личной судьбы.

В психологической и литературной традиции принято выделять позитивно-нравственную ("добрую") и антисоциальную, антигуманную ("злую") В.

E. Tauber

ВОРМС Рене (1862-1926) – французский социолог, организатор социологической науки. Основатель "Международного социологического журнала", организатор "Международного института социологии, создатель Парижского социологического общества, организатор первого социологического конгресса, учредитель Международной социологической библиотеки. В. читал лекции по истории социологии и по социологии.

В 1893 В. выпустил книгу "Организм и общество", в которой проводил аналогию между обществом и организмом, подчеркивая, однако, и различия между ними. В. вплотную приблизился к пониманию надындивидуальной сущности социальной реальности, все компоненты которой связаны общим сознанием; позже эту мысль провел Э.Дюркгейм (см.). Высшим проявлением этого сознания, по В., является национальное чувство, а главным в обществе – не конфликт, а солидарность, не борьба, а жизненное усилие.

ВОСЛЕНСКИЙ Михаил Сергеевич (1920-1997) – российский историк, директор Бонисского института советской действительности, профессор, эмигрировавший работник аппарата ЦК КПСС.

По мнению В., изложенному в изданной на 14 языках книге "Номенклатура" (см.) и других сочинениях, в результате октября 1917 и последовавших событий в России была сокрушена существовавшая классовая система общества. Но в процессе борьбы с господствовавшими классами новая власть конституировала и новый господствующий класс – номенклатуру. Основываясь на социологической парадигме Маркса, В. доказывал, что номенклатура является подлинно господствующим классом социалистического общества и в качестве такового является фактически коллективным собственником всех орудий и средств производства. Квалифицируя социалистическую собственность как безраздельную собственность класса номенклатуры, В. считал, что за исключением минимальной личной собственности граждан, вся иная собственность ранее существовавших классов, социальных групп и частных лиц была унаследована и присвоена номенклатурой. Всемерно содействуя распространению мифов об общенародной, государственной, колхозно-кооперативной и прочих формах собственности при социализме, номенклатура все присвоила себе и запустила "экономически бессмысленную" машину для получения прибавочной стоимости одновременно всеми известными способами. Вследствие этого эксплуатация трудящихся становится особенно беспощадной. Анализируя социально-экономическую тенденцию трансформации значительной доли прежней партократии в предпринимательское сословие в условиях России 1990-х, В. отмечал, что номенклатура "в принципе не способна" внести в складывающуюся рыночную экономику "социальный элемент", а, следовательно, объективно выступает как тормоз любых прогрессивных социальных преобразований.

А.А. Грицанов, В.И. Овчаренко

ВОСПИТАНИЕ – участие взрослых в процессах развития, взросления и социализации детей. Термин В. указывает на искусственную составляющую в этих процессах, на функцию, которая, в одном случае, является неотъемлемой для взрослых (родители), в другом – вменяется обществом специально подготовленным профессионалам (педагогическое сообщество). Толкование понятия В. является проблемной точкой педагогического знания.

В педагогическом сообществе существуют несколько пониманий этого понятия: 1. В. в узком смысле – это специальная деятельность взрослого по включению ребенка в конкретные ситуации жизни сообщества, формированию условий для его внутреннего развития – осуществления само-В. В этом значении В. – педагогическое управленческое воздействие на процессы развития личности, которое тесно связано с процессами обучения, образования, подготовки, обеспечением грамотности и выступает одним из базовых педагогических процессов. Но в отличие от последних в В. (само-В.) происходит дифференциация систем ценностей: признание традиционных или вырабатывание собственных. В зависимости от признаваемых ценностей осуществляемый взрослыми процесс может быть определен или как В., или как "воспитательная работа" – целенаправленное формирование у личности отношений к людям и окружающей действительности. Процессы В. и "воспитательной работы" являются разными по целям и задачам, по способам организации, что предполагает: а) различное понимание ценностей, среды и содержания

этих процессов; б) наличие различных приоритетов в деятельности: персонификация и самоопределение человека в В. или его внешняя социализация в воспитательной работе (пусть даже и с помощью индивидуализации педагогической деятельности), поддержка и становление каких-то качеств (В.) или их целенаправленное формирование (воспитательная работа) и др.; в) использование разной критериальной базы для анализа состояния дел и для постановки задач на деятельность.

2. В. в широком смысле слова – процесс и результат развития человека, который не прекращается в течение всей его жизни. Суть В. – передача, усвоение и приобретение человеком опыта жизни в социуме и в условиях конкретной культуры (субкультур), создание условий для появления и выработки внутренней мотивации. Отсюда акцентировка в В. задач разработки человеком системы личных смыслов в процессе самоактуализации и самоопределении (предполагающем также формирование индивида как биопсихосоциального существа и включение его в систему ценностей, символов, норм и традиций данной культуры, усвоения социальных ролей). "Воспитанность" – "невоспитанность" выступают как один из основных атрибутов человеческой индивидуальности, характеризуя как взрослого, так и ребенка в различных типологических ситуациях межличностного взаимодействия в их умении и стремлении к адекватной оценке ситуаций и себя в этих ситуациях, в выборе стратегий действия, предполагающих одобрение в определенной культуре (субкультуре) и/или не приводящих к "внутреннему" разладу и негативным оценкам.

При этом В. может пониматься двояко: 1) только как процесс и результат системы целенаправленных действий и осознанных усилий самого индивида (само-В.); 2) как процесс "стихийный", естественно складывающийся и происходящий помимо целенаправленных формирующих усилий человека. Путь В. – выработка человеком личностной системы (набора) смыслов. На протяжении всей истории человечества В. играло весьма важную и особенную роль в обществе. Конечная идеальная цель В. (как оно понималось в разные эпохи и в различных культурах) – совершенный человек. В исследовании В. как базового образовательного процесса можно выделить два подхода: 1. Естественный, в котором В. не признается как целенаправленный, организуемый и контролируемый процесс, каковым он должен был бы быть в качестве базового образовательного. Специалист в области В. – это скорее исследователь, чем "формирователь" личности: практическая сторона специальности воспитателя состоит, в первую очередь, в отслеживании процесса с тем, чтобы в В. не было перекосов и односторонности (ведь садовник не сам растит дерево, а только следит за тем, чтобы у дерева было все необходимое для роста). В этом контексте В. понимается как "педагогическая поддержка", и тогда воспитатель должен быть обеспечен соответствующими знаниями о закономерностях роста, созревания и взросления человека. 2. Искусственный, где В. – это деятельность (развивающая и образующая), которая должна специально проектироваться в качестве возрастно-нормативной в рамках определенных ценностных оснований и целевых ориентиров развития человеческой субъективности: освоение возрастного пространства и переход от одного возрастного этапа к другому не осуществляются автоматически, "естественным" путем, а специально организуются в соответствии с решением совершенно определенных задач развития человеческой субъективности, осуществляемым участниками этих событий. Система В. в современных типах общества ориентирует на раскрытие человеческой индивидуальности, обеспечивающей становление человека-субъекта и его развитие. Развитие как управляемая, целенаправленная или артифицированная эволюция предполагает перенормирование имеющейся деятельности, что позволяет субъектам реализовывать свои представления о будущем, обеспечивая устойчивое развитие. Устойчивое развитие можно понимать как искусственно-естественные изменения сложившейся ситуации, поддерживающие постоянное наращивание уровня жизни каждого и всех. Искусственно-естественный характер изменений полагает у человека-субъекта развития представленность таких качеств как собственно субъектность (сформированность жизненной позиции "деятеля", предполагающей самоопределение человека, его активность и ответственность); образованность (способность человека быть адекватным динамичной ситуации, умение работать с расширяющимся знанием); терпимость (принятие ценностей мира и человека: признание инакомыслия, осознание границ своей свободы и прав другого человека, умение договариваться); функциональную грамотность (знание об окружающем мире и языке общения, обеспечивающее человеку возможность стать хозяином своей судьбы). Наличие этих качеств позволяет человеку быть успешным в условиях расширяющегося порядка, открытого общества, что проявляется как: 1) постоянное развитие индивидуальных способностей и качеств, знания и культуры, общественных отношений и диалога человека с человеком, человека с миром и 2) демократическая организованность.

Человек современного мира – гражданин, который не только стремится удовлетворить свои собственные права и интересы, но и способен взять на себя ответственность как за свою жизнь, так и в определенной степени за жизнь других. Соответственно, с точки зрения целей социализации современная система В. должна обеспечивать становление у человека гражданской грамотности, которая является базой для формирования человеком своей гражданской позиции – точки зрения, влияющей на выбор своего пути, дела, построение собственных перспектив и определяющих отношение человека к происходящим событиям. В гражданской позиции переплетаются жизненная и социальная позиции человека (жизненная позиция – личностная философия человека, отражающаяся в его образе жизни и обустройстве им индивидуального жизненного пространства; социальная позиция – субъективное осознание индивидом себя как самостоятельной единицы в общественных отношениях, что обусловливает понимание своего места и назначения в обществе, готовность к ответственному действию, потребность самореализации своих возможностей). Наличие у человека сформированной гражданской позиции позволяет ему, участвуя в жизни демократического сообщества и вынося собственные суждения, делать свой выбор. Мир гражданско-правового знания (гражданской грамотности) – это мир построения взаимоотношений: 1) человека с самим собой и с окружающими людьми, 2) различных сообществ и групп людей между собой. Язык этого мира – язык коммуникации: понимания, конфликта и компромисса. Освоение такого языка невозможно без непосред-

ственного приобретения опыта коммуникации: проживания ситуации взаимодействия с принятием на себя ответственности за ее результаты. Коммуникация дает возможность ее участникам прочувствовать ситуацию свободы – ответственности, наличия или отсутствия прав, приобрести опыт понимания и согласования норм взаимодействия, критического мышления, способности к эмпатии. Гражданская грамотность в этом контексте – это сформированная способность человека участвовать в демократическом сообществе. Одним из условий становления гражданской грамотности являются отказ от тотального единообразия школ, рецептурной педагогики, переход от школы центризма к школе социальной среды, что требует принципиального обновления воспитательной и образовательной системы, построения ее вариативно, обеспечивая авторство и появление имен. Сегодня уже нельзя говорить лишь о внешнем воспитательном воздействии, при котором не только ребенок, но и воспитатель идет от системы готовых заданий и рецептов. Необходимо вести речь об организации жизнедеятельности, которая требует не прямого воздействия на воспитанников, а взаимодействия с ними. Это фундамент, на котором строятся деятельность, общение, отношения в группе и коллективе. В В. принципиальными становятся вопросы "культурного и экзистенциального в душе человека" взамен традиционно разрабатываемой в советской психологии проблемы "биологического и социального в его психике". Такое понимание предъявляет особые требования к представлениям о человеке.

С этой точки зрения наибольший интерес вызывают разработки, сделанные в СМД (системно-мыследеятельностной) методологии (Г.П.Щедровицкий и др.). Согласно им человек предстает в единстве трех его ипостасей: а) человек – обитатель природной среды, материально-вещественного мира (Организм). Обеспечивая выживание, его активность проявляется в поведении, когда в качестве регуляторов используются инстинкты и рефлексы. Сущность В. Организма – формирование условных рефлексов путем передачи определенных сигналов, прививания привычек (например, привычки чистить зубы до еды). В работе с этой ипостасью допускается тренировка, дрессура, использование высказывания "Так надо" в качестве "аргумента"; б) человек – член социума, проживающий в определенной социокультурной среде (Индивид). Член социума – исполнитель определенных ролей в государственной и социальной структурах; его жизнь проходит в учрежденческой форме организации и регулируется имеющимися нормами и образцами, существующими предписаниями. Общество извне несет ответственность за уровень жизни "ролевого человека". Оно же определяет и тот объем "знаний", который необходимо "передать" растущему индивиду для обеспечения его "встроенности" в общественную жизнь. Социальное здоровье, характеризующееся уровнем правосознания, принимаемыми моральными нормами, имеющимся "общекультурным уровнем" (в терминах советской педагогики), придает Индивиду уверенность в завтрашнем дне и обеспечивается стабильной жизнью. Сущность процесса В. Индивида – его первичная социализация за счет обучения и подготовки. Передачей нормативно-регулируемой деятельности обеспечивается воспроизводство существующего общества. Точное исполнение определенных заданий; творчество, направленное на совершенствование средств и допускаемое в заданных рамках; создание внешних условий, по мнению обучающих (педагогов, учителей, родителей и т.д.), обеспечивающих реализацию требующегося для всех образа жизни – это далеко не полный перечень направлений деятельности, позволяющих обеспечить процесс такого В.

Для традиционного типа общества, изменения в котором происходят путем эволюции, т.е. очень медленно, характерно воспринимать человека представленным в единстве только этих двух ипостасей. Это ритуально позволяет ему предъявлять кому-то претензии по поводу необеспеченности для него определенных условий проживания, ожидать "кого-то" для решения своих проблем, перекладывать на других ответственность за характер и содержание своей жизни и деятельности. Наиболее остро все это представлено в закрытом обществе, понимающим под В. целенаправленный процесс воздействия на человека, решающий задачу формирования Индивида определенного типа. Однако изменение социокультурной ситуации в сторону проявления открытости общества делает недостаточным понимание человека, представленное в такой схеме, основанной на парадигмальной идее "Все есть природа". Возникает насущная необходимость в отдельном вычленении третьей ипостаси: в) "человека уникального", живущего и реализующего в общении (диалоге и/или полилоге) с другими людьми в рамках определенной смысло-ценностно-символически нагруженной среды (Личность, Индивидуальность). Именно эта ипостась характеризуется субъектностью человека, которая определяется границами поля ответственности, взятой на себя каждым. В таком понимании человек – это всегда субъект, хозяин своей жизни, деятельности, здоровья. Его активность проявляется в мышлении, характере мыследеятельности и регулируется личностными ценностями и проектными целями. Для Индивидуальности необходима клубная организация деятельности, в основе которой лежит позиция, а не место в функциональной структуре, самоопределение, а не должностные обязанности. Системой воспроизводства для Личности является образование и В., понимаемое как управление процессом ее развития и взросления: "Взрослый" – это жизненная позиция человека, предоставленного самому себе и отвечающего за себя, несущего всю полноту ответственности. Именно личностное как комплексирующее на себе все человеческие ипостаси и есть то, что можно назвать собственно человеческим в человеке. На протяжении многих лет советская педагогика рассматривала личность ребенка как объект, на который необходимо воздействовать. Перед школой как социальным институтом ставилась задача В. послушного члена общества, ориентированного на приоритет общественных и коллективных интересов, своеобразного биосоциовида, в результате обучения способного к воспроизводству определенных знаний, умений и навыков. Однако для жизни в обществе ему требовалось "доформирование" специфических культурных и социальных навыков (через дополнительное обучение их соответствующим нормам жизни общества), для воспроизводства которых и отводилось специальное внеурочное время "воспитательной работы". В этом смысле под тем, что и в советской педагогической литературе, и в учебно-воспитательном процессе называется "воспитательной работой" фактически подразумевается обучение еще одному дополнительному учебному предмету – жизни в дан-

ном обществе и в существующем сообществе других людей. В таких условиях ценность подлинного В. как процесса становления личности и профессионала оказывается подменена доведением "объекта В." до некоего, якобы известного педагогу, "общественного" идеала и сводилась к решению проблемы его организованной занятости в свободное от основных занятий время. При этом выбор форм этой занятости определялся не столько желаниями воспитуемых, сколько спускаемыми сверху рекомендациями и возможностями учебного заведения. Такое понимание "воспитательной работы" и есть сущность "педагогики мероприятий"– иллюстрации авторитарного подхода в В., несущего в себе функциональный характер формирования личности по образцу, специалиста как средства производства. В условиях господства антагонистического разделения труда особым образом организованный процесс формирования индивида во многом имеет целью подготовку человека к специализированной деятельности. Именно поэтому становится возможным строительство по единой логике и обучения, и В., разведение общего по своей сущности процесса образования на учебную и внеурочную работы, являющиеся по отношению к учащемуся внешними. Сводя образование только к освоению признанных в обществе и проверенных профессиональных образцов, "воспитанный человек приучается действовать по заданной программе, отвыкает рассматривать свою деятельность как решение проблемы, а само знание (в форме науки) становится для него всемогущим регулятором деятельности" (В.В.Давыдов). Успешной такая практика может быть только в условиях традиционного, а особенно закрытого общества. Только в этом случае заранее известны нормы, образцы, идеалы и тот объем знания, полнота освоения которого позволяет быть адекватным жизни в типизируемых извне ситуациях. Здесь характерно моноидеологическое В., загнанное в рамки одной школы (как социального института), которая подчинила себе не только семью, но и другие социальные институты. Непонимание и не принятие на себя ответственности за успешность своей собственной жизни – такова плата за единообразие советской школы, в центре воспитательной системы которой стоит не человек, а мероприятие. Именно поэтому ребенок, находясь в стенах современного учебного заведения, должен не только "готовиться к жизни", а иметь возможность, живя "здесь и теперь", самостоятельно строить свое будущее, выступая как субъект собственного формирования, изменения и развития, что предполагает коренное реформирование системы В. Решение этой задачи способствует появлению локальных пространств свободы, в которых возможно, "играя действительность", играть по правилам "будущего". То есть речь идет о необходимости создания пространств самоопределения, формирования своей позиции и самозаказа на деятельность, что перед современным педагогом, в первую очередь, ставит задачи по В. самого себя (т.е. требует осуществления им работы со своими ценностями, идеалами, нравственными и правовыми нормами, предрассудками и т.д.) и изменению деятельности (как собственной, так и школы в целом). А это уже задача переобучения (т.е. усвоения знаний об этой деятельности, освоения современных педагогических технологий). Организация жизненного пространства напрямую связана с организацией взаимодействия субъектов образования, имеющего договорную основу (по поводу результатов деятельности и разработки критериев определения ее эффективности, характера организации и степени ответственности за полученные результаты и т.д.), сопряженную с возможностью самоопределения и контрактной системой. Осуществление процессов развития, образования и В. как управления взрослением человека сегодня сопряжены с предъявлением и созданием в условиях учебных заведений образцов демократической организации жизни сообщества: а) имитацией демократических организованностей, основанных на осуществлении принципа разделения властей, становлением ученического и школьного самоуправления; б) развитием общественного движения, стимулированием инициатив, деятельности сообществ, созданием профессиональных клубов; в) освоением педагогами технологий гуманитарного проектирования, повышением их уровня гуманитарной грамотности и технологической компетентности, развитием в республике инновационного движения; г) расширением пространства использования технологии "дело и кооперация", организации такого педагогического процесса, в котором проектируется совместная деятельность его участников. Построенная на деятельностном подходе и проектно-программной организации, эта технология предполагает, что ее участники становятся соавторами – субъектами учебно-воспитательного процесса. А наличие у человека такого опыта – еще одно условие, без существования которого нельзя говорить о становлении гражданской грамотности, и, соответственно, его социализации, и В. В. – искусственно-естественный процесс управления взрослением человека, основанный на его самоопределении и рефлексии. Самостоятельность в деятельности и автономность существования, авторство, имена, современный образовательный стандарт и технологии – условия, необходимые для обеспечения современного процесса В.

С.Б. Савелова, В.Л. Абушенко

ВОСПРИЯТИЕ – процесс и результат целостного отражения человеком и животными явлений и вещей окружающей действительности, а также предметных ситуаций, возникающих при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные зоны органов чувств.

В. – неразрывно связанное с памятью и мышлением человека – складывается в процессе практической деятельности людей на основе получаемых ими ощущений. В зависимости от того, какой из анализаторов является ведущим в данном акте В., различают зрительное, слуховое, осязательное, вкусовое, обонятельное, кинестезическое и пр. В. Различают также В., адекватные окружающей реальности, и иллюзии.

Основными свойствами В. являются предметность, целостность, константность, структурированность, осмысленность и категориальность.

Важным условием конституирования В. является его "вплавленность" в повседневную практическую деятельность людей, результирующуюся, в частности, в перманентном сопоставлении образов В. с предметами и явлениями окружающей действительности.

О.В. Шапошникова

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ – постоянное возобновление численности и структуры населения как путем естественной смены уходящих поколений новыми, так и не-

рехода одних структурных частей в другие. Не все группы населения равнозначны по их вкладу в В.Н. в связи с различным характером их мобильности. По возможности обмена между собой группы населения делятся на три типа:

1) группы, в которых переход населения из одной в другую обязателен, неизбежен (по возрасту);

2) группы, в которых переход населения из одной в другую невозможен (по полу) /операции по перемене пола трактуются специалистами как результирующиеся определенным социальным эффектом, но не биологическим. – *Е.К.*/;

3) группы, в которых возможны самые различные виды переходов из одного состояния в другое (по семейному положению, месту жительства и другие).

Наиболее важное значение в замене поколений имеет первая группа. Возрастные изменения лежат в основе всех остальных составляющих процесса В.Н. Поэтому, как правило, В.Н. рассматривается в разрезе половозрастных групп, и система показателей, характеризующая В.Н., также связана с ними.

Совокупность количественных характеристик процесса В.Н., рассматриваемого в фиксированный момент времени, называется режимом В.Н. Режим В.Н. определяется социально-экономическими условиями его жизни и особенностями демографического развития отдельных регионов. Множество режимов В.Н. может быть различным образом классифицировано. В частности выделяют суженный, простой и расширенный режимы В.Н.

Е.А. Кечина

ВОСПРОИЗВОДСТВО РАБОЧЕЙ СИЛЫ – непрерывное возобновление социальных, культурных и профессиональных характеристик рабочей силы как важнейшего элемента общественного способа производства. Существуют два типа В.Р.С. – простое и расширенное. При простом В.Р.С. основные характеристики рабочей силы возобновляются в неизменных масштабах и в неизменном качестве. При расширенном В.Р.С. происходит возобновление основных характеристик рабочей силы во все увеличивающихся масштабах и повышающемся качестве. В этом случае, уровень оплаты общественного труда не только возмещает затраты на жилье, быт и питание, охрану здоровья и получение необходимого образования, но и позволяет улучшить качество жилищных и бытовых условий, повысить заботу о состоянии здоровья и уровне образования. Тем самым, в процесс общественного производства вовлекается все более здоровая, образованная и мотивированная к труду рабочая сила.

Г. И. Соколова

ВОСПРОИЗВОДСТВО СОЦИАЛЬНОЕ – процесс самостановления и самовозобновления социальных систем; в социальных системах включает в себя воспроизводство материальных благ, воспроизводство рабочей силы (**см.**), производственных отношений, социальной структуры, социальных норм и ценностей. Существуют два типа В.С. – простое и расширенное. При простом В.С. основные характеристики социальных систем возобновляются в прежних масштабах и неизменном качестве. При расширенном В.С. происходит возобновление основных характеристик социальных систем в возрастающих масштабах и повышающемся качестве.

"ВОССТАНИЕ МАСС" ("La Rebelion de las masas", 1930) – работа Ортеги-и-Гассета. Философ констатирует, что в современной Европе происходит явление "полного захвата массами общественной власти". "Масса", как полагает Ортега-и-Гассет, есть "совокупность лиц, не выделенных ничем". По его мысли, плебейство и гнет массы даже в традиционно элитарных кругах – характерный признак современности: "заурядные души, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и всюду". Новоявленные политические режимы оказываются результатом "политического диктата масс". В то же время, согласно убеждению Ортеги-и-Гассета, чем общество "аристократичней, тем в большей степени оно общество, как и наоборот". Массы, достигнув сравнительно высокого жизненного уровня, "вышли из повиновения, не подчиняются никакому меньшинству, не следуют за ним и не только не считаются с ним, но и вытесняют его и сами его замещают". Автор акцентирует призвание людей "вечно быть осужденными на свободу, вечно решать, чем ты станешь в этом мире. И решать без устали и без передышки". Представителю же массы жизнь кажется "лишенной преград": "средний человек усваивает как истину, что все люди узаконенно равны". "Человек массы" получает удовлетворение от ощущения идентичности с себе подобными. Его душевный склад суть типаж избалованного ребенка.

По мысли Ортеги-и-Гассета, благородство определяется "требовательностью и долгом, а не правами". Личные права суть "взятый с бою рубеж". "Всеобщие" же права типа "прав человека и гражданина", – "обретаются по инерции, даром и за чужой счет, раздаются всем поровну и не требуют усилий... Всеобщими правами владеют, а личными непрестанно завладевают". Массовый человек полагает себя совершенным, "тирания пошлости в общественной жизни, быть может, самобытнейшая черта современности, наименее сопоставимая с прошлым. Прежде в европейской истории черни никогда не заблуждалась насчет собственных *идей* касательно чего бы то ни было. Она... не присваивала себе умозрительных суждений, – например, о политике или искусстве – и не определяла, что они такое и чем должны стать... Никогда ей не взбредало в голову ни противопоставлять *идеям* политика свои, ни даже судить их, опираясь на некий свод *идей*, признанных своими... Плебей не решался даже отдаленно участвовать почти ни в какой общественной жизни, по большей части всегда концептуальной. Сегодня, напротив, у среднего человека самые неукоснительные представления обо всем, что творится и должно твориться во Вселенной". Как подчеркивает Ортега-и-Гассет, это "никоим образом" не прогресс; *идеи* массового человека не есть культура, "культурой он не обзавелся": в Европе возникает "тип человека, который *не желает ни признавать, ни доказывать правоту*, а намерен просто-напросто навязать свою волю". Это "Великая Хартия" одичания, это агрессивное завоевание "права не быть правым". Человек, не желающий, не умеющий "ладить с оппозицией", есть "дикарь, внезапно всплывший со дна цивилизации". 19 в. утратил "историческую культуру": *большевизм* и *фашизм*... отчетливо представляют собой, согласно Ортеге-и-Гассету, движение вспять. Свою долю исторической истины они используют "допотопно", *анти*исторически. Едва возник-

нув, они оказываются "реликтовыми": "произошедшее в России исторически невыразительно и не знаменует собой начало новой жизни". Философ пишет: "Обе попытки – это ложные зори, у которых не будет завтрашнего утра". Ибо "европейская история впервые оказалась отданной на откуп заурядности... Заурядность, прежде подвластная, решила властвовать". "Специалисты", узко подготовленные "ученые-невежды", – наитипичнейшие представители "массового сознания". "Суть же достижений современной Европы в либеральной демократии и технике.

Главная же опасность Европы 1930-х, по мысли Ортеги-и-Гассета, "полностью огосударствленная жизнь, экспансия власти, поглощение государством всякой социальной самостоятельности". Человека массы вынудят жить для государственной машины. Высосав из него все соки, она умрет "самой мертвой из смертей – ржавой смертью механизма".

А.А. Грицанов

"ВРАГ НАРОДА" – абстрактный негативный персонаж, атрибутивно присущий идеологии, социальной мифологии и карательной практике государственных режимов революционистского и – позднее – социалистического типа.

Массовая социальная практика идентификации (преимущественно путем произвольного ситуационного назначения), поиска и наказания "В.Н." восходит к мероприятиям якобинской диктатуры во время Великой французской революции. "В.Н." вкупе со структурами "общественной безопасности", противодействовавшими им, совместно формировали несущую конструкцию оправдания террористического революционного режима.

Фиксация (на социологическом уровне) социальной категории "В.Н." была осуществлена Лениным (**см.**). В ряде работ и писем 1918-1922 Ленин скрупулезно перечислил общественные слои и группы (более 20) в составе населения Советской России, подлежащие физическому уничтожению. В частности, к ним относились: служители религиозных культов; офицеры, отказавшиеся нарушить присягу; купцы; предприниматели и т.д. Именно эти документы – в частности соответствующие поручения наркомату юстиции – необходимо считать *реальным* политическим завещанием Ленина. – *А.Г.* В ряде регионов Советской России, над которыми устанавливался контроль частей Красной армии, устанавливались директивные процентные нормы (от численности всего самодеятельного населения) ликвидации "В.Н.".

Выстроенная по шаблонам и сценариям религиозных мировоззрений (ср., например: "мировая революция" – Армагеддон – как последняя битва между Иисусом Христом и мировым злом; мера удовлетворения индивидуальных потребностей при коммунизме – образ жизни праведников в условиях обретенного рая и т.п.), модель мирообъяснения "социалистического реализма" предполагала в качестве необходимо значимого компонента официозных историко-общественных реконструкций образ (облик) индивидуального либо коллективного антихриста ("В.Н."). Его функции в 1930-х и вплоть до собственной гибели в 1940 исполняли Троцкий (**см.**) и его сторонники; в конце 1940-х на эту роль было определено еврейское население СССР и т.д.

"В.Н." как фигурант ретроспективных социальных описаний предполагался активно включенным в совокупность значимых для государства общественных связей, а также субъектом выработки ряда общезначимых решений. Таким образом, невозможность прогнозирования разрушительных последствий осуществляемых социально-экономических программ (нормативная для тотального планирования) сводилась к результатам деструктивной активности коллективных или индивидуальных "В.Н.".

Перманентное присутствие "В.Н." в официальных документах и социально-исторической мифологии социалистических государств – итог центрации всего содержания официозных идеологических систем подобного типа вокруг нескольких личностно-олицетворяемых полюсов. Участники одного из них (определяемые post-factum на основе статистически неопределенных процессов осуществления аппаратных интриг) неизбежно оказывались обреченными быть раньше или позже принесенными в жертву процедуре идеологического зомбирования населения с целью лишения его исторической памяти (Бухарин – **см.**, Л.Каменев, Г.Зиновьев в СССР, группа Линь Бяо в КНР и т.д.).

Ослабленной версией ипостаси "В.Н." выступали для КПСС (после ее отказа от оздоровительных процедур самоочищения посредством фрагментарной самоликвидации) высокопоставленные активисты различных "уклонов" внутри партии: Г.Маленков, В.Молотов, Л.Каганович, Н.Хрущев и т.п.

Стремительная трансформация (акцентированно наглядная) политического лидера высшего эшелона в представителя социальной категории "В.Н." являет собой коммуникационно-мифологическую ипостась одного из важнейших механизмов социального контроля (**см.**) при социализме и в ряде государств посткоммунистического типа. Широта диапазона расправ над "В.Н." (от рядового вора до высшего чиновника) внешне эффективно противодействует любым потенциально осуществимым объективациям "кризисного сознания" индивидов в условиях многомерной эрозии устоев существующего социума.

А.А. Грицанов

ВСЕМИРНАЯ ДЕРЕВНЯ, или "всемирная глобальная деревня", – термин М.Мак-Люэна (**см.**), введенный им для обозначения сущности новой коммуникационной и культурной ситуации, которая оформилась в результате распространения в мире электронных средств связи, благодаря чему люди получили возможность мобильной коммуникации между самыми отдаленными точками на нашей планете. По мнению Мак-Люэна, электронные средства коммуникации воссоздают общину – В.Д.: "земной шар, обнязанный электричеством, не больше деревни". Благодаря электронным средствам коммуникации, передающим информацию со скоростью света, возникает эффект "имплозии" – взрывного сжатия пространства и времени, а также информации. Пространство и время "исчезают", сливаются различные отрасли знания, мысль с чувством, сознание с реальностью. Мак-Люэн полагал, что люди стоят на пороге "раскрепощенного и беззаботного" мира, в котором человечество действительно может стать единой семьей.

Характерными особенностями В.Д., по его мнению, являются: 1) интенсификация и массовость коммуникационных процессов; 2) синтез разных видов коммуникации и коммуни-

кационных средств; 3) глобализация коммуникационных и информационных процессов. Термин "В.Д." – это у Мак-Люэна не только констатация того, что уже произошло, но и того, что во всевозрастающей степени происходит и будет происходить. По мере информатизации общества понятие В.Д. все более соответствует его природе. Изо дня в день, вступая в коммуникацию друг с другом посредством электронных средств связи, люди рассуждают и поступают таким образом, как если бы они находились совсем рядом, жили бы "в одной деревне". Они вольно или невольно все основательнее вмешиваются в жизнь друг друга, рассуждая обо всем, что им приходится видеть и слышать. Во В.Д. повседневно переплетаются и выставляются на всеобщее рассмотрение "все времена и пространства сразу" – все "мировоззрения, культуры, способы общения, ценности, традиции". Соответственно такой мир является внутренне нестабильным и взрывоопасным, поэтому требует к себе инженерного, управленческого отношения. А позитивная возможность такого отношения (разрешение конфликтов, обеспечение прав человека, противостояние разным формам насилия над личностью и т.п.) определяется, по Мак-Люэну, тем, что "всемирная деревня абсолютно обеспечивает максимальные разногласия по всем вопросам".

И.В. Сидорская

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ – понятие и интеллектуальное допущение, могущее пониматься в социально-философском и социологическом контексте как: I) социально-философская гипотеза, фундированная соответствующими онтологиями мира – в случаях признания за философией права и/или обязанности конструировать последние; II) геополитический элемент социально-политической мифологии и фигура политизированной риторики, фундирующие претензии тех или иных держав на организацию в тот или иной исторический период однополюсного мира или "нового мирового порядка"; III) метатеоретический исторический подход (инициирован школой "Анналов"; разрабатывается, в частности, И.Валлерстайном (**см.**) и Центром имени Ф.Броделя в Бингемтоне, США); IV) концепт – результат экстраполяции версии моноцентризма в понимании начала антропогенеза.

I) В статусе социально-философской гипотезы, сопряженной с определенными онтологиями, картинами мира и пониманиями мира, идея В.И. может интерпретироваться в разных плоскостях и, соответственно, по различным основаниям.

1) В рамках новоевропейского и современного рационализма гипотеза В.И. часто редуцируется до проблемы типов и направленности общественно-исторического развития человечества. В качестве версий разрешения этой проблемы выступают: а) модели циклического развития планетарного социума, в границах которых интегральная динамика человечества обусловливается последовательным наложением определенных универсальных циклов – Дж.Вико, К.Леонтьев, Шпенглер (**см.**), Тойнби (**см.**), Л.Гумилев и др.; б) модели прогрессистски-поступательного типа, часто наиболее идеологизированные вследствие своей очевидной эсхатологичности – М.Ж.А.Кондорсе, И.Г.Гердер, Г.Гегель, Маркс (**см.**) и др.; в) модели волнообразной эволюции человеческого общества и цивилизации (Кондратьев – **см.** и др.) – фундированные синергетической моделью активной (возбудимой) среды, импульсы автоколебаний и автоволн которой генерируются каждой ее точкой.

2) В.И. как модель нередко выступает как производная тех или иных собственно философских онтологий мира. Так, применительно к проблематике В.И. можно вычленить: (А) модели объективного идеализма (Гердер, Гегель и др.); (Б) модели философских модернизаций, парафразов и преодолений – как обратных (Маркс, представители неомарксизма), так и прямых (А.Кожев) – соответствующих гегелевских схем; (В) модели "социологизма" (Конт – **см.** и др.); (Г) модель исторического конституирования субъектом самого себя через изменение "техник делания-себя" (Фуко – **см.**) и т.д.

(А) В парадигме мировоззренческих установок Просвещения мысль о В.И. была фундирована императивом потенциальной осуществимости объединения человечества. Такое состояние социума виделось достижимым посредством актуализации потенциально беспредельных возможностей Разума как в программах становления культуры, так и в сценариях преобразования общества. Философским пиком данного этапа этой традиции правомерно полагать кантовскую модель рационально обустроенного правового сообщества, сопряженную с его прогностической концепцией "вечного мира". (Ср. с собственной версией "вечного мира" у Гердера, фундированной не прогрессом норм права, а развитием гуманизма.) В "Философии права" Гегелем постулировалось существование объективного духа в облике разума, обретающего себя в человеческой родовой жизни, т.е. в качестве сверхиндивидуальной целостности, возвышающейся над отдельными людьми и проявляющейся через их различные связи и отношения. Гегель стремился отобразить и описать те формы развития, в которых, по его мнению, в действительной человеческой жизни и истории реализует себя свобода этого духа. Низшей из этих форм, по Гегелю, является абстрактное право, за ним следует совокупность моральных установлений, имеющая дело уже не с чисто внешними, а внутренними формами объективного духа и, наконец, нравственность, в которой сущность объективного духа находит свое завершение за счет совпадения его внешней и внутренней форм. Эта ступень, по мысли Гегеля, охватывает собой все те учреждения человеческой жизни, которые способствуют реализации родового всеобщего разума во внешней совместной жизни людей. В сфере нравственности Гегель усматривает прохождение объективным духом новой своеобразной триады процесса "объективирования самого себя" – семьи, гражданского общества и государства. Идеалом последнего для него являлось античное государство греков, воплотившее в себе родовой разум человечества и все высшие интересы индивидуума. Истинное осуществление идеи государства реализуемо, по Гегелю, лишь в историческом развитии человечества – то есть во В.И., представляющей собой полное осуществление объективного духа. Рассматривая В.И. как "прогресс духа в сознании свободы" ("Лекции по философии истории"), Гегель сформулировал в качестве основной задачи философии истории демонстрацию того, как в историческом процессе мировой дух последовательно развивается в различные формы "духов" отдельных народов. Согласно схеме Гегеля, каждый преходящий период истории характеризуется руководящим положе-

нием какого-нибудь отдельного народа, который, познав на этой ступени общий дух в самом себе, передает впоследствии эту эстафету другому народу. Несмотря на известный европоцентризм, идея В.И. у Гегеля оказывалась сопряжена с идеями исторической закономерности, глубинной, необходимой связи различных этапов исторического процесса, каждый из которых является только одной из форм развития и проявления всеобщего духа; отдельные определения содержания последнего становились, по Гегелю, действительностью в историческом развитии, выраженной в своей целостности и единстве.

(Б) Маркс, изложив собственный подход к конструированию всеобщей теории общества (см. **Исторический материализм**), тем не менее оказался не в состоянии корректно экстраполировать постулаты материалистического понимания истории на многомерную эволюцию социума. Не сумев корректно преодолеть явно унаследованный от Гегеля европоцентризм собственной концепции, Маркс оставил открытым вопрос о соотношении "азиатского", с одной стороны, и античного, феодального и буржуазного способа производства, с другой. (В рамках неомарксизма гипотетический ход и развертывание В.И. интерпретируются как фатально-необратимый процесс всевозрастающей иррационализации мироустройства, как прогрессирующее сумасшествие разума – "обратная" схема в сопоставлении с "самообретением" абсолютной идеи через восхождение ее к самой себе у Гегеля.)

В свою очередь, осуществляя собственное осмысление проблем В.И. в границах гегелевского подхода, Кожев обратил свое внимание не на "Науку логики" и "Энциклопедию философских наук", а на "Феноменологию духа", которая рассматривала не философию природы, а стадии развития человеческой истории. Мир природы, по мысли Кожева, нейтрален и равен себе самому – он лежит за пределами человеческого смысла и вне истории. В предисловии к сборнику произведений Батая Кожев писал: "Гегелевская Наука, вспоминающая и соединяющая в себе историю философского и теологического рассуждения, может резюмироваться следующим образом: От Фалеса до наших дней, достигая последних пределов мысли, философы обсуждали вопрос о знании того, должна ли эта мысль остановиться на Троице или Двоице, либо достичь Единого, либо, по крайней мере, стремиться к достижению Единого, фактически эволюционируя в Диаде. Ответ, данный на него Гегелем, сводится к следующему: Человек, безусловно, однажды достигнет Единого – в тот день, когда сам он прекратит существовать, то есть в тот день, когда Бытие более не будет открываться Словом, когда Бог, лишенный Логоса, вновь станет непроницаемой и немой сферой радикального язычества Парменида. Но пока человек будет жить как говорящее о Бытии сущее, ему никогда не превзойти неустранимой Троицы, каковой он является сам и каковая есть Дух. Что же до Бога, то он есть злой демон постоянного искушения – отказа от дискурсивного Знания, то есть отказа от рассуждения, которое по необходимости закрывается в себе самом, чтобы сохраняться в истине. Что можно на это сказать? Что Гегельянство и Христианство, по сути своей, являются двумя несводимыми далее формами веры, где одна есть вера Павла в Воскресение, тогда как другая представляет собой веру земную, имя которой здравый смысл? Что Гегельянство есть "гностическая" ересь, которая, будучи тринитарной, незаконным образом отдает первенство Св. Духу?". (Учение Гегеля трактовалось Кожевым как своеобычная ересь гностического образца, ставящая Историю в ранг высшего смысла мира и полагающая Бога-Отца и Бога-Сына зависимыми от Бога-Духа Святого суть человеческого разума.)

(В) Разновидностью попыток фундировать достижимость и позитивность В.И. оказался также и теологически интерпретированный "социологизм" Конта, выступивший (наряду с марксовым описанием) попыткой модернистского преодоления социоонтологических архитектоник классического типа. Дополненная рядом догматов традиционных мировых религий, идея В.И. у Конта реализовалась в ипостаси пафосного призыва ко "второму теологическому синтезу" как грядущей духовной опоре нового планетарного сообщества. Стремление трансформировать общество на основе наконец-то постигнутых социальных законов приобрело у Конта религиозные формы, любовь к Богу он пытался заменить любовью к человечеству. Конт акцентировал великую организующую и воспитательную роль религии в обществе второй половины 19 в. Человечество Конт именовал "Великим Бытием", пространство – "Великой Сферой", землю – "Великим Фетишем". (Гипотеза об "общечеловеческом организме" разворачивалась Контом и как модель особой системы социальных связей, и как образ-конструкт целостной сверхличности. Последняя позже была замещена им чисто религиозной ипостасью в виде Великого Существа – объекта поклонения и самообожествления.) Догматами новой веры, по мысли Конта, должны были выступить философия позитивизма и научные законы. (Ср. у Арона: "стоит любить сущность Человечества в лице лучших и великих его представителей как его выражение и символ; это лучше страстной любви к экономическому и социальному порядку, доходящей до того, чтобы желать смерти тем, кто не верит в доктрину спасения... То, что Огюст Конт предлагает любить, есть не французское общество сегодня, не русское – завтра, не американское – послезавтра, но высшая степень совершенства, к которой способны некоторые и до которой следует возвыситься". Арон называл идею "Великого Бытия" Конта "наилучшим из всего, сделанного людьми".)

(Г) Полагая оправданными рассуждения о В.И. в контексте единых (акцентированно сложившихся лишь в качестве европосообразных) этапов исторического генезиса субъекта, Фуко выделил в качестве основных эпох формирования субъекта сократо-платоновскую, эллинистическую, христианскую, новоевропейскую. По мысли Фуко, в античности "забота о себе" являла собой основу человеческого опыта вообще. Выделялись конкретные правила и техники такой заботы ("искусства существования"), посредством которых человек формировал сам себя. Согласно Фуко, у древних греков искусства являли собой определенные формы знания – управления собой, управления собственным имуществом и участия в управлении полисом – хронологически согласуемые, изоморфные и неразрывные практики одного и того же типа. В свою очередь, упражнения, позволяющие управлять собой, расщеплялись, дифференцировались от а) "власти как отношения" и б) "знания как кодекса добродетели" или "стратифицированной формы". Отношение к себе, по Фуко, обрело в то время независимый статус как "принцип внутреннего регулирования" по отношению к составляющим власти: отношение к себе ос-

мысливалось как само-господство, т.е. власть, которую человек был принужден выносить на себе, конституировалась внутри власти, которую он осуществлял над другими. С точки зрения Фуко, у греков возникло отношение, которое устанавливала сила сама с собой (власть и самость, воздействующие на себя самое: предполагалось, что только свободные люди, могущие властвовать над собой, могут властвовать над другими и обязательно наоборот – как своеобычное сложение, "заворачивание"). Обязательные правила власти, по версии Фуко, дублировались необязательными правилами свободного человека, осуществляющего эту власть. В классической Греции забота о себе – в то же время забота о другом, об обществе и об истине. В период эллинизма эта связь разрушается, и это – достижение индивидуализации субъекта как уникального. В христианской культуре "искусства существования" перерабатываются в практики религиозной жизни, а в современной культуре субъект и вовсе теряет власть над практиками заботы о себе, препоручая ее медицине, педагогике, государству (в виде абстрактной заботы о человеке). И только за счет исчерпанности новоевропейских систем нормирования задается возможность возвращения к "искусствам существования", касающимся конкретных поступков, а тем самым возможность индивидуальной свободы. Но ситуацию возвращения должна, согласно мысли Фуко, подготовить мыслительная деструкция этих систем и поиск осмысленных альтернатив, поскольку любой другой ход рискует модернизировать традиционную систему установлений (ср. со схемой Вико).

II) В данном контексте понятие "В.И." носит несколько условный характер: как элемент геополитического мировоззрения политических режимов, ориентированных на мировое господство, понимание "пределов мира" варьировалось в границах соответствующих географических представлений их носителей (например, представление о "краях Ойкумены" у Александра Македонского, идея "Срединной Поднебесной" в традиционном Китае и т.п.). Определенная соразмерность претензий на всемирную гегемонию, с одной стороны, и адекватных представлений о масштабах планетарного социума, с другой стороны, формируется лишь к 20 в. Условием возможности В.И. в этот период выступает складывание системы массовых коммуникаций, делающей возможными процедуры планетарного социального управления (**см.**) и социального контроля (**см.**).

20 в. явился ареной борьбы трех основных геополитических субъектов, ориентированных на достижение мирового господства /читай: силового установления "режима В.И.". – *А.Г.*/. Это – а) фашистская Германия, стремившаяся осуществить ранжирование наций и народов по степени приближенности к "арийскому эталону" с сопряженной идеей ликвидации недоразвитых этносов; б) коммунистический СССР с догмой о мессианизме и избранности одних общественных слоев (пролетариата и беднейшего крестьянства), вылившейся в геноцид классово "чуждых" социальных групп, а также в лозунги "мировой революции" и "всемирной Республики Советов"; в) "англо-американский" блок государств с (непровозглашаемой явно) теорией ранжирования стран мира по степени приобщенности к ценностям "открытого общества" под планетарной эгидой США. Крушение гитлеровского фашизма и распад СССР лишь сделали более наглядным и очевидным процесс стремительной "американизации" мира на рубеже третьего тысячелетия.

Идеологическим фундаментом данного процесса являются риторическая идея о планетарном единстве человеческого рода и формировании "общечеловеческих ценностей"; гипотеза о возможности общечеловеческой солидарности и "мирного сосуществования наций и государств". Социально-политическая мифология такого типа выступает фокусом глобальных интегративных процессов рубежа 20–21 вв.

III) "Мир-системный подход", созданный представителями школы "Анналов" и являющий собой стратегию познания В.И. середины – второй половины 20 в., исходит из презумпции, согласно которой современная история суть планетарная система взаимодействий между различными социальными субъектами. (По Ф.Броделю, "для историка, тесно привязанного к конкретному, глобальное общество может быть лишь суммой живых реальностей, связанных или несвязанных одни с другими... Именно в таком смысле я взял за правило... говорить об обществе как о множестве множеств… как о полной сумме всех фактов, каких мы... касаемся в разных областях наших исследований... Это означает ... что все социально, не может не быть социальным... Это все равно, что сегодня заявлять: "Социальный процесс есть нераздельное целое" или "История бывает только всеобщей".) Данная версия понимания В.И. центрируется на явлениях всевозрастающей геополитической экспансии капитализма: предполагается, что с примерно с 1500 стартует процесс формирования "капиталистической мир-экономики" – фокусного субъекта В.И. 16-21 вв.

IV) Данная версия гипотезы о В.И. находит свое выражение в избыточно жестко детерминированных стратегиях качественного усовершенствования человеческой природы и, соответственно, организации существования планетарного социума (масоны, иезуиты и т.п.). Базируется на "последовательно эволюционном" понимании человеческой сущности (от религиозных и мистически-оккультных процедур до программ социальной инженерии – см., например, "Маятник Фуко" у У.Эко). В конечном счете исходным пунктом для формулирования и/или осмысления определенных общественных закономерностей полагаются тезисы, изоморфные идее об "изначальной греховности" либо "изначальной праведности" людей. [Ср. у Зиновьева (**см.**) в "Зияющих высотах" (**см.**): социальные законы являют собой "определенные правила поведения (действия, поступков) людей друг по отношению к другу. Основу для них образует исторически сложившееся и постоянно воспроизводящееся стремление людей и групп людей к самосохранению и улучшению условий своего существования в ситуации социального бытия... они естественны, отвечают исторически сложившейся природе человека и человеческих групп: "...меньше дать и больше взять; меньше риска и больше выгоды; меньше ответственности и больше почета; меньше зависимости от других; больше зависимости других от тебя и т.д.". Эти законы одни и те же всегда и везде, где образуются достаточно большие скопления социальных индивидов, позволяющие говорить об обществе... Признанию их в качестве законов, которым подчиняется социальная жизнь людей, – отмечал Зиновьев, – препятствует социальный закон, по которому люди стремятся официально выглядеть тем лучше, чем они хуже становятся на самом деле".]

По всей вероятности, при элиминации из концепта В.И. компонента идеологической ангажированности и философской амбициозности, он естественно трансформируется в чисто профессиональный, исторически-ретроспективный познавательный проект с присущими любому проекту такой степени общности ограниченными объяснительными возможностями. Так, по мнению А.И. Марру, профессора Сорбонны ("Об историческом знании". Париж, 1954), "Нибур, Ранке, Шампольон были королями: они знали, как читать Илиаду, что такое нация, они знали, был ли Иисус...". В этом контексте пассаж Борхеса о том, что "быть может всемирная история – это история различной интонации при произнесении нескольких метафор", фиксирует современный статус неизбывных метафизических проблем подобного ранга.

А.А. Грицанов

"В ТЕНИ МОЛЧАЛИВОГО БОЛЬШИНСТВА, ИЛИ КОНЕЦ СОЦИАЛЬНОГО" ("A l'ombre des majorities silencieuses, ou la fin du social". Paris, 1982) – книга Бодрийара. По мысли автора, "все хаотическое скопление социального вращается... вокруг масс", обладающих таким свойством, что "все электричество социального и политического они поглощают и нейтрализуют безвозвратно. Они не являются ни хорошими проводниками политического, ни хорошими проводниками социального, ни хорошими проводниками смысла вообще".

Бодрийар констатирует, что "призыв к массам, в сущности, всегда остается без ответа. Они не излучают, а, напротив, поглощают все излучение периферических созвездий Государства, Истории, Культуры, Смысла. Они суть инерция, могущество инерции, власть нейтрального". Масса суть явление, все и вся вбирающее в себя, не осваиваемое, по-видимому, никакой практикой и никакой теорией. Массы способны выступать "главным действующим лицом истории", обретая слово и переставая быть "молчаливым большинством". Но собственной истории, достойной описания, они не имеют: по Бодрийару, их сила является неизбывно *актуальной*.

Социальное суть полная противоположность социологического, тщетно пытающегося отобразить это "рыхлое, вязкое, люмпеноаналитическое представление". Масса, согласно Бодрийару, обладает свойством "радикальной неопределенности", она не имеет какой-либо социологической "реальности", она "выступает неразличимостью нейтрального, то есть ни того, ни другого". В массе невозможно отчуждение, ибо здесь не существуют ни один, ни *другой* /выделено Бодрийаром. – *А.Г.*/. Массы не приняли, полагает Бодрийар, саму Идею Божественного: трансцендентность и связанные с ней напряженное ожидание, отсроченность, терпение, аскезу они не признают. Единственный религиозный опыт масс есть "переживание чудес и представлений". Массы предельно деформируют всевозможные схемы разума, они не отражают социальное, они не отражаются в нем – "зеркало социального разбивается от столкновения с ними", они не оказывают какого-либо активного сопротивления, а выступают в качестве все-и-вся-деформирующей "гигантской черной дыры". Информация, призванная удерживать массы в поле смысла, апеллирует к тяготению последних к зрелищности: рациональная коммуникация и массы, по Бодрийару, несовместимы. Массы противопоставляют собственный отказ от смысла и жажду зрелищ диктату здравомыслия, все артикулированные дискурсы поглощаются их переводом в плоскость иррационального.

Бодрийар отмечает, что "после многочисленных революций, и сто- или даже двухсотлетнего обучения масс политике ...только лишь тысяча человек готова к действию, тогда как двадцать миллионов остаются пассивными". Безразличие масс относится к их сущности, это их единственная практика; приписывание им "желания подавления и порабощения" (чего-то вроде "повседневного микрофашизма") суть, согласно Бодрийару, "последняя попытка привязать массы к смыслопроизводству". Политика начиналась (во времена Н.Макиавелли) как "чистая игра знаков, чистая стратегия", свободно обращавшаяся с целями. С 18 в., с Великой французской революции, политика отдает себя во власть Разуму: "политическая сцена" уже не пространство ренессансного механического театра, она отсылает к фундаментальному означаемому – народу, воле населения и т.д. На политической сцене захватывают господство не знаки, но смыслы. Сфера политического уравновешивает силы, в ней отражающиеся: социальные, экономические, исторические. Конец политики, пишет Бодрийар, наступает с возникновением марксизма: "начинается эра полной гегемонии социального и экономического, и политическому остается быть лишь зеркалом – отражением социального в областях законодательства, институциональности и исполнительной власти. Согласно идеологам революционизма, придет время, когда "политическое исчезнет, растворится в полностью прозрачном социальном". Как полагает Бодрийар, социальное овладело политическим, оно /социальное. – *А.Г.*/ стало всеобщим и всепоглощающим. Но... "Утверждается нечто, в чем рассеивается не только политическое – его участь постигает и само социальное. У социального больше нет имени. Вперед выступает анонимность. *Масса. Массы*". Результат таков: исчезает социальное означаемое – рассеивается и зависимое от него политическое означающее. Единственный оставшийся референт – референт "молчаливого большинства", референт мнимый, не могущий иметь какой бы то ни было репрезентации. Массы перманентно тестируют и зондируют (преимущественно посредством так называемых СМИ): "политический референт уступил место референдуму" (Бодрийар). Это уже симуляция, а не репрезентация. Данные социологической статистики – это лишь параметр, аналогичный спектру звездного излучения: это симуляция в принципе невыразимого социального. (С механизмами классической социальности – выборы, подавление, инстанции репрезентации и подавления – дело обстоит иначе: "здесь все еще в силе диалектическая структура, поддерживающая ставки политики и различные противоречия".) Тем не менее "молчание" масс, по Бодрийару, "накладывает запрет на то, чтобы о нем говорили от его имени". Массы более не субъект истории, они не могут войти в сферу артикулированной речи, "они уже не могут оказаться отстраненными от самих себя" /читай: отрефлексировать самих себя. – *А.Г.*/ ни в каком языке. Если ранее власть подспудно приветствовала эту ситуацию, то сейчас это становится опасным: безразличие масс предвещает крах власти. "Молчание масс" становится главной проблемой современности. Массам не нужен смысл: если в эпоху революций радикалы продуцировали смыслы, не успевая удовлетворять спрос на них, то сейчас "производство спроса на

смысл" оказывается главной проблемой. Масса не может быть субъектом, ибо не в состоянии выступать носителем автономного сознания. А поскольку она не поддается информационной обработке и не может быть понята в терминах элементов, отношений и структур, масса не способна трактоваться и как объект. Что, согласно Бодрийару, особо значимо: очевидный и все более распространенный "уход масс в область частной жизни – это... непосредственный вызов политическому, форма активного сопротивления политической манипуляции". Полюсом жизни оказывается уже не историческое и политическое с их абстрактной событийностью, а обыденная, приватная жизнь. Такое положение вещей отражает важнейшую тенденцию: сопротивление социальности прогрессировало значительно интенсивнее, нежели она сама. В концепции "двухуровневой коммуникации" это отображается так: господствующим культурным кодам индивиды вначале противопоставляют собственные субкоды, отнюдь не совпадающие с первыми. В дальнейшем же любая входящая информация циркулирует в рамках циклов, определяемых отнюдь не властью. Несмотря на любые амбиции СМИ, отмечает Бодрийар, "масса – медиум гораздо более мощный, чем все средства массовой информации, вместе взятые": "mass(age) is message" /"Масс(-а, -ирование) есть сообщение" (англ.). – *А.Г.*

По мысли Бодрийара, феномен современного терроризма объясняется реакцией на терроризм социального: поведение массы и терроризм "объединяет самое радикальное, самое решительное отрицание любой репрезентативной системы". Первое не порождает второе, масса и терроризм всего лишь и именно со-существуют. Экспансия культур западного типа, протекавшая как замедленный взрыв, уже не может контролироваться социальным: треугольник "масса – СМИ – терроризм" суть пространство катастрофы современной цивилизации. По мысли Бодрийара, "так называемые "социальные науки" были призваны закрепить впечатление, что социальность вечна. Но сегодня от него надо освободиться". Как пишет автор, "в своей основе вещи никогда не функционировали социально – они приходили лишь в символическое, магическое, иррациональное и т.п. движения. Капитал есть *вызов* обществу". Машина истины, рациональности и продуктивности есть прежде всего насилие, состоящее в том, что социальное направлено против социального. Бодрийар завершает анализ констатацией того, что относительно социального возможно несколько гипотез. 1. *Социальное, по сути дела, никогда не существовало.* Имела место лишь его симуляция, сменившаяся сегодня катастрофической десимуляцией. 2. *Социальность все же существовала и существует, более того, она постоянно нарастает.* Социальное может трактоваться как всевозрастающий остаток прогрессивного развития человечества, аккумуляция смерти. В остаток превращается вся ставшая целостной социальная система. По Бодрийару, у социального две обязанности: производить остаток (любой: демографический, экономический или лингвистический) и тут же его уничтожать (ликвидировать, акцентированно бесполезно потреблять: например, организацией полетов на Луну и т.п.). "Социальное занято тем, что устраняет всякий прирост богатства. Если бы дополнительное богатство было пущено в процесс перераспределения, это неизбежно разрушило бы социальный порядок и создало недопустимую ситуацию утопии". Если бы между индивидами оказалось распределено все свободное богатство, которым располагает общество, они утратили бы потребность просчитывать свои действия, они потеряли бы ориентацию и чувство умеренности и бережливости. Как пишет Бодрийар, "социальное создает ту нехватку богатства, которая необходима для различения добра и зла, в которой нуждается любая мораль". Или иными словами, "ум социального – это и есть глупость в пределах потребительной стоимости". Общество спасается именно дурным использованием богатств. Мы имеем дело, по Бодрийару, с "поглощением социального ухудшенной политической экономией – просто-напросто управлением" (в опровержение Маркса, мечтавшего о "поглощении экономического улучшенным социальным"). 3. *Социальное, безусловно, существовало, но сейчас его больше нет.* Рациональная универсальная социальность общественного договора уступает место социальности контакта, множества временных связей. Но можно ли тогда по-прежнему говорить о *социуме*? Свою книгу Бодрийар завершает так: "Пусть, однако, ностальгии по социальности предаются приверженцы удивительной по своей наивности социальной и социалистической мысли. Это они умудрились объявить универсальной и возвести в ранг идеала прозрачности столь неясную и противоречивую, более того, остаточную и воображаемую, и более того, упраздняемую своей собственной симуляцией "реальность", какой является социальное".

А.А. Грицанов

ВЫБОРКА – см. **ВЫБОРОЧНАЯ СОВОКУПНОСТЬ.**

ВЫБОРКА ДОСТУПНАЯ – метод формирования выборочной совокупности (**см.**), заключающийся в том, чтобы опросить любых представителей генеральной совокупности (**см.**). В.Д. заведомо не являются репрезентативными, но требуют минимальных затрат. В отдельных случаях, когда генеральная совокупность отличается очень высокой степенью однородности, как, например, некоторые маргинальные группы в исследованиях девиантного поведения, результаты исследования могут оказаться приемлемыми. В.Д. применяются также в случаях, когда репрезентативность не является обязательным требованием (например, в пилотажных исследованиях), при невозможности получить репрезентативную основу выборки (см. **Выборки основа**) или при отсутствии средств на построение репрезентативной выборки (см. **Выборки репрезентативность**). Наиболее часто используются в исследованиях аудитории СМИ (**см.**) непосредственно через СМИ, с помощью публикуемых в печатных СМИ анкет (**см.**), интерактивных опросов по радио, телевидению, в Интернете и т.п.

О.В. Терещенко

ВЫБОРКА КВОТНАЯ – метод нестатистического формирования выборки (**см.**), в основе которого лежит статистическая информация о генеральной совокупности (**см.**). В.К. является частным случаем выборки стратифицированной (**см.**): генеральная совокупность разделяется на части по некоторым "контролируемым" показателям, объем выборки делится между выделенными частями пропорционально их объему – образуются квоты. Специфика В.К. состоит в том что, во-первых, расслоение обычно проводится одновременно

по нескольким критериям и, во-вторых, в пределах сформированных квот интервьюер может выбирать своих респондентов более или менее произвольно. Чаще всего квоты формируются на основе социально-демографических показателей, таких как размер населенного пункта, пол, возраст, образование и т.п. В советский период, когда по организационным причинам предпочтение отдавалось производственным выборкам (см. **Выборки основа**), квоты нередко формировались на основе профессиональных групп.

В социологической литературе имеются ссылки (Э. Ноэль, У. Кокрен и др.) на специальные методологические исследования, согласно которым качество данных, полученных по В.К., не значительно уступает качеству данных, собранных с использованием случайных выборок (см. **Выборка случайная**). Отмечается, что В.К. позволяют получить приемлемые результаты в исследованиях общественного мнения (**см.**), ценностей, мотивов и т.п., однако их не рекомендуется использовать в исследованиях социальной стратификации (**см.**) и социальной мобильности (**см.**).

В.К. весьма популярна среди социологов благодаря своей простоте и низкой стоимости реализации по сравнению со случайными выборками. Основным недостатком квотного отбора является принципиальная невозможность использовать формальные статистические средства для оценивания ошибки выборки и подтверждения репрезентативности собранных данных.

Иногда В.К. используется совместно с выборкой маршрутной (**см.**). Тем самым отбор респондентов рандомизируется (см. **Рандомизация**), и репрезентативность исследования повышается.

Квоты применяются также в исследованиях со смешанными целями, когда надо, например, репрезентативно представить как генеральную совокупность в целом, так и составляющие ее социальные группы (**см.**), в том числе малочисленные. Малочисленным группам присваивают завышенные квоты, которые обеспечивают репрезентативность полученных для них результатов. В этом случае при получении обобщенных характеристик всей выборки и генеральной совокупности, выборка должна быть взвешена для восстановления нарушенных пропорций (см. **Выборки взвешивание**). Если в таком исследовании респондентов отбирают с использованием случайных процедур, полученная выборка является не квотной, а случайной стратифицированной.

О.В. Терещенко

ВЫБОРКА КЛАСТЕРНАЯ (ГНЕЗДОВАЯ) – метод извлечения выборки (**см.**), основанный на предварительном разделении генеральной совокупности (**см.**) на относительно компактные структурные части (кластеры, гнезда). Главным требованием является более широкая вариация основных изучаемых показателей внутри кластера по сравнению с их вариацией между кластерами [в отличие от выборки стратифицированной (**см.**), цель которой – выделение страт, в которых вариация основных показателей была бы минимальной].

В.К. может осуществляться в несколько этапов. На первом этапе основа выборки представляет собой полный список кластеров; из этого списка тем или иным способом извлекается выборка кластеров. Далее в исследовании участвуют только выбранные кластеры. Они, в свою очередь, могут обследоваться полностью или выборочно. Если отобранные кластеры обследуются полностью, мы получаем выборку серийную (**см.**). Примером серийной выборки является опрос студентов целыми академическими группами, когда на первом этапе отбираются группы, а на втором – опрашиваются все студенты из отобранных групп. Если отобранные кластеры обследуются выборочно, выборка является двухступенчатой или многоступенчатой. Примером двухступенчатой выборки является исследование населения, на первом этапе которого в качестве кластеров отбираются отдельные населенные пункты; на втором – в каждом из отобранных населенных пунктов извлекается простая случайная выборка его жителей (в качестве основы выборки могут использоваться, например, данные адресного стола). Для многоступенчатой выборки процесс кластеризации может продолжаться "вглубь", посредством разделения отобранных кластеров на все более мелкие.

Если на всех этапах В.К. применяются процедуры случайного (простого или стратифицированного) отбора либо сплошное обследование всех объектов, составляющих кластер, выборка называется случайной кластерной. Существуют две основные стратегии, обеспечивающие при кластерном отборе всем элементам из генеральной совокупности одинаковую вероятность попадания в выборку. Согласно первой из них, кластеры отбирают из списка с равными вероятностями; затем предполагаемый объем выборки делят между выбранными кластерами пропорционально их размеру. При использовании второй стратегии, кластеры отбирают с вероятностями, пропорциональными их размеру, предполагаемый объем выборки делится между отобранными кластерами в равных частях.

Главным преимуществом В.К. является минимизация трудовых и финансовых затрат; недостатком – более высокая ошибка выборки по сравнению с простым или стратифицированным случайным отбором. Ошибка выборки тем выше, чем больше средний размер кластера и, соответственно, меньше число обследуемых кластеров. Кластерный отбор рекомендуется применять:

1) если основа выборки не может быть получена для всей генеральной совокупности, но может быть получена для ее отдельных структурных частей;

2) если простой или расслоенный случайный отбор становится неприемлемо дорогостоящим, например, из-за того, что генеральная совокупность рассеяна по слишком большой территории.

В некоторых случаях отбор кластеров производится нестатистическими методами. Например, целевым образом выбираются населенные пункты, в которых проживают интервьюеры. В этом случае выборка не будет случайной (даже если в населенных пунктах производится случайный отбор), и статистическое оценивание ошибки выборки не будет корректным.

О.В. Терещенко

ВЫБОРКА МАРШРУТНАЯ – процедура рандомизации (**см.**), аналог выборки случайной (**см.**) или выборки систематической (**см.**), позволяет построить случайную выборку территориальную (**см.**) в условиях отсутствия основы выборки, при ограниченных материальных и временных ресурсах.

Применяется в отдельных населенных пунктах или на избирательных участках, а также на последних ступенях многоступенчатой выборки. Единицей отбора при осуществлении В.М. является жилое помещение, семья или домохозяйство (группа лиц, ведущих общий бюджет).

Метод В.М. заключается в том, что интервьюер следует в населенном пункте предписанному маршруту, отбирая жилые помещения (дома, квартиры) по заданной схеме. Выбор маршрута и схемы отбора зависит, главным образом, от размера населенного пункта и типа застройки. В сельских населенных пунктах и малых городах с однородной застройкой маршрут может начинаться от одного из общественных зданий (исполкома, магазина, библиотеки, кинотеатра) или просто с одного из концов улицы.

В больших и средних городах необходимо обеспечить равную вероятность попадания в выборку жителям районов города с разным типом застройки. Для решения этой задачи применяются две альтернативные стратегии. Первая предполагает расслоение территории города по "функционально-застроечному" критерию – выделение административно-культурного центра, промышленной зоны, "спальных" районов, "частного сектора" и т.п. В выделенных зонах и секторах случайным образом отбираются улицы, на которых и осуществляется опрос. Недостаток этого подхода заключается в сложности и некоторой субъективности самой стратификации, а также в сложности получения информации о жилых помещениях, необходимой для распределения В.М. по стратам.

Вторая стратегия заключается в построении кластерной выборки с использованием жилищно-эксплуатационных участков (ЖЭУ) и т.п. в качестве кластеров. Преимущества этого подхода очевидны. ЖЭУ равномерно размещены на территории города и сравнимы друг с другом по размеру (количеству жилых помещений), в них имеется наиболее достоверная информация обо всех находящихся на соответствующей территории жилых помещениях и проживающих в них людях. С точки зрения определения кластеров, ЖЭУ недостаточно однородны, тип застройки в них может радикальным образом отличаться, но этот недостаток отчасти компенсируется их относительно небольшими размерами, способствующими повышению точности исследования. Номера ЖЭУ обычно коррелируют с возрастом застройки, поэтому можно предположить, что систематическая выборка ЖЭУ по номерам обеспечит представительство всех типов застройки. В небольших городах ЖЭУ могут служить в качестве критерия расслоения жилых помещений. Если для построения выборки используются ЖЭУ, маршруты опроса могут начинаться прямо от них. Аналогичным образом могут использоваться почтовые отделения, избирательные участки и т.п.

При отборе улиц можно руководствоваться одним из следующих принципов: 1) выбирать в каждой зоне "типические" улицы, с характерными типами застройки; 2) составить полный список улиц и извлечь из него случайную или систематическую выборку; 3) выбирать улицы случайным образом, например, улицы, в названии которых одновременно встречаются две заранее заданные буквы.

При отборе домов и квартир также можно использовать систематическую выборку (например, каждое седьмое жилое помещение), или случайный отбор (например, дома и квартиры, в номерах которых встречается цифра "3").

Отдельную методическую проблему составляет отбор респондента в семье. После того как жилое помещение выбрано, необходимо определить, кого из членов семьи следует проинтервьюировать. Это можно делать с помощью процедур рандомизации либо методом выборки квотной (**см.**).

"Случайный" отбор респондента достигается применением специальных процедур, таких, например, как выбор члена семьи, день рождения которого наиболее близок к дате опроса, или отбор методом Киша на основании списка членов семьи, упорядоченного по полу и возрасту.

В.М. нередко применяется также в сочетании с методом квот: интервьюер определяет, есть ли среди членов семьи удовлетворяющие условиям квот, и если таковых не находится, продолжает движение по маршруту.

Сочетание методов В.М. и квотной выборки позволяет в значительной мере компенсировать недостатки каждого из них. Применение метода квот не требует составления списка членов семьи и тем самым создает у респондента большую уверенность в анонимности опроса, что, в конечном счете, снижает количество отказов от участия в исследовании. Следование заданному маршруту препятствует субъективному отбору респондентов, характерному для квотного метода. Главным недостатком В.М. является неконтролируемая возможность систематической ошибки. Поскольку квоты по полу, возрасту, образованию и другим важным признакам, в любом случае, будут выполнены, постольку оценить мнение тех, кто отказался отвечать, не представляется возможным. Ошибка В.М. не может быть оценена статистически.

О.В. Терещенко

ВЫБОРКА МЕТОДОМ ОСНОВНОГО МАССИВА – частный случай сплошного обследования относительно небольшой генеральной совокупности (**см.**) (см. также **Дизайн социологического исследования**). Такая выборка представляет собой доступную для исследования часть генеральной совокупности при условии, что оставшаяся часть относительно не велика по объему и не отличается от обследованной части по критериям, важным с точки зрения целей исследования. Если это условие выполняется, выборка считается репрезентативной, хотя статистическими методами ее репрезентативность подтвердить нельзя. Таким образом, обоснование репрезентативности В.М.О.М. заключается в доказательстве того, что необследованная часть генеральной совокупности по своим характеристикам, важным с точки зрения целей исследования, не является специфичной. Как правило, для такого доказательства необходима репрезентативная основа выборки (см. **Выборки основа**).

О.В. Терещенко

ВЫБОРКА МЕТОДОМ СНЕЖНОГО КОМА – частный случай выборки методом основного массива (**см.**). Применяется к относительно небольшим генеральным совокупностям (**см.**), специфика которых состоит в том, что, во-первых, их члены знают друг друга и, во-вторых, для них трудно получить репрезентативную выборки основу (**см.**). Такими являются, например, генеральные совокупности коллекционеров, экспертов по узкой проблеме, представителей редких высококвалифицированных профессий и т.п. В.М.С.К.

заключается в том, что каждого вновь найденного члена генеральной совокупности спрашивают, кого еще из ее членов он знает. Основа выборки в виде списка формируется "по цепочке". Процедуру можно считать законченной, когда новые фамилии перестают появляться. Полученную В.М.С.К. можно считать репрезентативной в том смысле, что в нее включены все более или менее известные представители генеральной совокупности.

О.В. Терещенко

ВЫБОРКА МНОГОСТУПЕНЧАТАЯ – частный случай выборки кластерной (**см.**), метод отбора, при котором на каждой, кроме последней, ступени построения выборки объекты группируются в некоторые структурные единицы (кластеры), среди которых и производится отбор. На последней ступени выборки кластеры, прошедшие все этапы отбора, обследуются полностью или выборочно.

При построении В.М. применяются термины "единица отбора" и "единица наблюдения". Единицами наблюдения являются объекты, составляющие генеральную совокупность (являющиеся ее элементами), часть из которых и должна быть, в конце концов, обследована, например, люди. Непосредственный отбор единиц наблюдения производится только на последней ступени В.М. На всех предшествующих ступенях производится отбор кластеров, которые объединяют некоторое количество единиц наблюдения, но сами являются только единицами отбора (в англоязычной литературе по отношению к человеческим генеральным совокупностям иногда применяется термин "выборочная точка" – sampling point).

В.М. рекомендуется применять:

1) если генеральная совокупность велика и имеет сложную многоуровневую структуру;

2) если средства на исследование ограничены;

3) если в разных частях генеральной совокупности целесообразно применять различные методы отбора.

Полное описание В.М. включает количество ступеней, критерии расслоения/кластеризации и методы отбора, применяемые на каждой ступени, например, В.М. часто используются в исследованиях населения. В частности, при национальном опросе общественного мнения на первом этапе может производиться расслоенный случайный отбор населенных пунктов (расслоение по статусу – столица/другие города /село, а городских населенных пунктов также по размеру – большие/средние/малые). Причем на отбор сельских населенных пунктов может быть наложено дополнительное ограничение, например, они должны выбираться в тех же административных районах, где расположены попавшие в выборку города (это делается для сокращения расходов на исследование). В столице, больших и средних городах на второй ступени выборки может быть произведен простой случайный отбор улиц (домов), на третьем – отбор квартир (по маршрутной выборке), на четвертом – отбор респондента в семье. В малых городах и сельских населенных пунктах может проводиться случайный отбор респондентам по домовым книгам, хранящимся в городских и сельских Совстах.

О.В. Терещенко

ВЫБОРКА ОБУЧАЮЩАЯ – набор объектов, для каждого из которых априорно известно, к которому из нескольких классов он принадлежит. Применяется в задачах классификации с обучением (см. **Анализ многомерный статистический**), например, при решении их методами анализа дискриминантного (**см.**) или анализа кластерного (**см.**). В рамках В.О. должны быть представлены все классы, являющие собой объект интереса для исследования.

О.В. Терещенко

ВЫБОРКА ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ – см. **ВЫБОРКИ ОСНОВА.**

ВЫБОРКА РАЙОНИРОВАННАЯ – частный случай выборки стратифицированной (**см.**), применяется в территориальных выборочных обследованиях, когда стратификация территорий производится по принципу географической непрерывности. Например, при опросах населения возможно районирование по регионам, областям или административным районам.

В советской социологической литературе термин "В.Р." часто встречается в расширительном толковании, как синоним выборки стратифицированной.

О.В. Терещенко

ВЫБОРКА СЕРИЙНАЯ – частный случай выборки кластерной (**см.**). Извлекается в один этап: отобранные кластеры (серии) подвергаются сплошному обследованию. Применяется, если кластеры имеют небольшой объем и если вариация (изменчивость) основных изучаемых показателей между кластерами меньше, чем внутри кластеров. Например, в качестве серий часто используют школьные классы, академические группы, производственные бригады и т.п.

О.В. Терещенко

ВЫБОРКА СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ – процедура квазислучайного отбора респондентов из списка генеральной совокупности, аналог выборки случайной простой (**см.**). Шаг отбора устанавливается в зависимости от необходимого объема выборки n и объема генеральной совокупности N: $l = [N/n]$. Первый элемент В.С. выбирается случайным образом из первых l номеров списка: пусть это будет элемент с номером k $(1 \le k \le l)$. Затем в выборку последовательно включаются объекты с номерами $k+l$, $k+2l$,..., $k+(n-1)l$.

То обстоятельство, что В.С. распределена по генеральной совокупности (**см.**) более равномерно, делает систематический отбор иногда более точным, чем простой случайный отбор, однако его эффективность существенно зависит от особенностей генеральной совокупности.

Если в списке генеральной совокупности единицы расположены случайно, в нем нет никаких статистических закономерностей, ни корреляции между соседними единицами, то можно ожидать, что систематический отбор будет, в сущности, равносилен простому случайному отбору. В этом случае к В.С. применим весь математический аппарат, разработанный для простого случайного отбора. Такими качествами обычно обладают списки и картотеки, составленные в алфавитном порядке.

Если элементы генеральной совокупности упорядочены по возрастанию или убыванию некоторого показателя, коррели-

рующего с изучаемым признаком, систематический отбор может оказаться более эффективным, чем простой случайный.

Наконец, если генеральная совокупность содержит периодический тренд, то эффективность В.С. зависит от шага отбора *l*. Он не должен быть кратным периоду изменения значений признака; иначе выборка почти наверняка будет иметь систематическую ошибку. Например, если в качестве единицы отбора выступает квартира ("домохозяйство"), то при организации систематического выборочного опроса в многоквартирном доме (или на улице, застроенной многоквартирными домами) шаг отбора не должен быть кратен числу квартир на лестничной клетке. Иначе интервьюер каждый раз будет попадать в однотипные квартиры, что, конечно, повлияет на состав выборки.

Систематический отбор может применяться на любых ступенях построения выборки (см. **Выборка многоступенчатая**), в сочетании с любыми методами случайного и целевого отбора (см. **Репрезентативность**).

О.В. Терещенко

ВЫБОРКА СЛУЧАЙНАЯ (ВЕРОЯТНОСТНАЯ) – выборочная совокупность (**см.**), сформированная с применением вероятностных (случайных, статистических) методов отбора объектов из генеральной совокупности (**см.**); также комплекс процедур, обеспечивающих формирование В.С.

Цель случайного отбора – обеспечить для всех элементов генеральной совокупности одинаковую вероятность попадания в выборку. Существуют три основных метода вероятностного отбора: простой случайный (см. **Выборка случайная простая**), случайный стратифицированный (см. **Выборка стратифицированная**), случайный кластеризованный (см. **Выборка кластерная**). В случаях, когда генеральная совокупность велика, неоднородна и рассредоточена на значительной территории, применяется случайная выборка многоступенчатая (**см.**), на каждой ступени которых могут использоваться разные методы случайного отбора.

Наряду с вероятностными, широко используются квазислучайные методы отбора и рандомизирующие (обеспечивающие квазислучайность) процедуры: систематический отбор, маршрутные выборки, процедуры отбора "случайного" члена семьи и т.п.

Общей чертой случайных и квазислучайных выборок отбора является использование основы выборки – списка объектов, из которого производится отбор. Случайный отбор элементов из основы выборки осуществляется с помощью таблиц или компьютерных генераторов случайных чисел. Систематический отбор начинается со случайного выбора одного объекта из списка и осуществляется затем с некоторым "шагом". Аналогичным образом реализуется маршрутная выборка адресов. Выбор "случайного" члена семьи может основываться, например, на датах рождения всех ее взрослых членов.

Обоснование репрезентативности В.С. состоит в обосновании репрезентативности основы выборки, описании процедур случайного и квазислучайного отбора (если применяется многоступенчатая выборка – на каждой ступени), статистическом оценивании ошибки выборки при заданном уровне доверительной вероятности.

О.В. Терещенко

ВЫБОРКА СЛУЧАЙНАЯ ПРОСТАЯ – метод извлечения случайной выборки из генеральной совокупности (**см.**) за один этап. Предполагается, что имеется репрезентативная выборки основа (**см.**) в виде более или менее полного списка элементов генеральной совокупности (**см.**) и что объекты из этого списка извлекаются с помощью случайных (вероятностных) или рандомизирующих (обеспечивающих квазислучайность) процедур.

Наиболее простой и известной процедурой простого случайного отбора является лотерея. Если генеральная совокупность имеет значительный объем, применяются компьютерные программы-датчики случайных чисел (до широкого распространения персональных компьютеров обычно использовались таблицы случайных чисел), которые позволяют получить необходимое количество равномерно распределенных номеров из списка.

Наиболее известными рандомизирующими процедурами являются систематическая выборка, маршрутная выборка, некоторые способы отбора респондента в семье (по дате дня рождения и т.п.).

О.В. Терещенко

ВЫБОРКА СТРАТИФИЦИРОВАННАЯ (РАССЛОЕННАЯ) – метод извлечения выборки (**см.**), основанный на предварительном расслоении (стратификации, разукрупнении) генеральной совокупности (**см.**) на крупные подсовокупности, называемые слоями. Выборка извлекается из каждого слоя (см. **Выборка кластерная**), причем в разных слоях отбор производится независимо, и могут применяться разные способы отбора как статистические, так и нестатистические. Общий объем выборки распределяется между слоями пропорционально их численности. Если в каждом слое берут простую случайную выборку, то способ отбора в целом называется расслоенным случайным отбором. Примером В.С. является национальная выборка для опросов общественного мнения, когда территория страны делится на области (регионы и пр.), и для каждой области строится отдельная выборка.

Расслоенный отбор рекомендуется применять в следующих случаях:

1) если каждый слой внутренне однороден в том смысле, что результаты измерения внутри слоя изменяются от объекта к объекту значительно меньше, чем результаты измерения от слоя к слою; это позволяет получить выигрыш в точности результатов;

2) если желательно получить репрезентативные данные не только о генеральной совокупности в целом, но и об ее структурных частях; каждая из которых рассматривается в этом случае как слой;

3) если это продиктовано организационными соображениями (например, использование административного деления территорий; см. также: **Выборка районированная**);

4) если трудно (дорого) получить основу выборки для всей генеральной совокупности, но это можно сделать для каждого слоя;

5) если проблемы, связанные с отбором в различных частях генеральной совокупности, сильно разнятся (например, крупные предприятия могут быть выделены в отдельный слой

и подвергнуты сплошному отбору, в то время как мелкие фирмы обследуются выборочно).

О.В. Терещенко

ВЫБОРКА ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ – метод формирования выборочной совокупности (см.) для исследований случая, применяется также в формировании фокус-групп (см.) и планировании экспериментов с выделяемыми факторами. В противоположность выборке случайной (см.), репрезентативность В.Т. обосновывается не равной вероятностью попадания в выборку для всех элементов генеральной совокупности (см.), но тщательным отбором единичных случаев, соответствующих заданным критериям. Е.М. Ковалев и И.Е. Штейнберг ("Качественные методы в полевых социологических исследованиях", 1999) приводят следующие модели В.Т.:

1) Выборка экстремальных (девиантных) случаев: отбор необычных, в некотором смысле специфических, случаев. Предполагается, что такие случаи могут в сжатом виде содержать всю информацию о более "типичных" представителях генеральной совокупности.

2) Интенсивная выборка: отбор информативно значимых случаев, которые в значительной (но не экстремальной) степени представляют интересующее социолога явление. Предполагается, что собрана предварительная информация о генеральной совокупности и проведен предварительный анализ ее отличительных особенностей.

3) Выборка максимальной вариации: отбор случаев, представляющих все распространенные модели изучаемого явления. Для конструирования выборки необходимо предварительно выделить соответствующие модели и оценить их распространенность.

4) Гомогенная выборка: отбор случаев, с максимальной полнотой характеризующих некоторую относительно гомогенную часть генеральной совокупности. В частности, интервью с фокус-группами обычно проводятся на гомогенных выборках, насчитывающих от 5 до 8 участников с одинаковыми демографическими и социальными характеристиками.

5) Выборка типичных случаев: типичные случаи выбираются в ходе бесед с экспертами, определяющими, что, на их взгляд, является типичным, а также на основе проведенных ранее опросов, демографическом анализе и т.п. Используется как индуктивное, так и дедуктивное понимание типичного. В индуктивном ("статистическом") понимании типичное представляется как наиболее часто встречающееся (модальное). Дедуктивное понимание типичного восходит к веберовскому пониманию типа как синтеза представлений об идеальном. Дедуктивное понимание типа более информативно, но намного труднее в реализации.

6) Стратифицированная выборка: отбор случаев из предварительно выделенных страт (слоев, частей) генеральной совокупности. Целью стратифицированной В.Т. является не описание генеральной совокупности в целом (как в случае стратифицированной случайной выборки), но фиксация основных различий между ее объектами. Статистической репрезентативностью стратифицированная В.Т. не обладает.

7) Выборка критических случаев: отбор случаев, критических важных для понимания происходящего ("Если так случилось здесь, то это произойдет везде" или "Если здесь этого не случилось, то и нигде не случится"). Эта модель особенно эффективна, если имеющиеся ресурсы ограничивают исследование одним случаем. Например, если правительство вводит новые правила налогообложения, то на первом этапе достаточно проверить, как их понимает наиболее образованная часть общества. Если даже для нее правила непонятны, они тем более будут непонятны всем остальным. Наоборот, если правила понятны наименее образованным гражданам, люди с более высоким уровнем образования их тоже поймут.

8) Критериальная выборка состоит в том, что изучению подвергаются только объекты, удовлетворяющие заранее определенным критериям. Например, "пациенты психиатрической больницы, неоднократно пытавшиеся совершить самоубийство". Такая выборка эффективна при изучении проблемных случаев. Основой для критериальной выборки могут служить результаты количественного анализа или тестирования.

Объем В.Т. зависит от целей исследования, его глубины, имеющихся ресурсов, т.к. более глубокое исследование каждого случая требует больше средств и времени. Качественная выборка должна одновременно удовлетворять двум часто противоречащим друг другу критериям – она, с одной стороны, должна быть компактной, с другой – покрывать цели исследования. Критерий максимизации информации требует, чтобы формирование выборки прекращалось только в тот момент, когда от включения в выборку новых случаев уже не ожидается получение дополнительной информации (ср.: в "количественных" исследованиях объем выборки планируют заранее). Это, в частности, означает, что должна сохраняться возможность увеличить выборку в зависимости от первых результатов исследования. В условиях ограниченных ресурсов этот идеал может оказаться недостижимым.

О.В. Терещенко

ВЫБОРКА ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ – см. **ВЫБОРКИ ОСНОВА.**

ВЫБОРКИ ВЗВЕШИВАНИЕ – математическая процедура, предназначенная для восстановления нарушенных пропорций в составе выборочной совокупности (см.) по сравнению с генеральной совокупностью (см.). Взвешивание, как правило, применяется к случайным (статистическим) выборкам. При достаточном объеме, случайные выборки должны "автоматически" воспроизводить социально-демографическую структуру генеральной совокупности. Однако на практике, из-за неодинаковой доступности ее элементов, этого обычно не происходит.

Взвешивание чаще всего производится по основным социально-демографическим показателям, таким как пол, возраст, образование, национальность (раса), доход. Процедура заключается в том, что каждое значение переменной x_i умножается на соответствующий весовой коэффициент w_i. Весовые коэффициенты вычисляются для каждой из выделенных социально-демографических групп по формуле $w = f^*/f$, где f – относительная частота соответствующей группы в реальной выборке, f^* – в генеральной совокупно-

сти. Формула для среднего арифметического по взвешенной выборке имеет вид $\bar{x} = \sum x_i w_i / \sum w_i$.

Поскольку социально-демографические показатели взаимодействуют между собой (например, молодые поколения имеют более высокий уровень образования, чем старшие), оптимальным является взвешивание по группам, выделяемым на основе перекрестной классификации всех переменных, используемых для контроля структуры выборки (например, по поло-возрасто-образовательным группам). Однако информацию о численности подобных групп в генеральной совокупности не всегда легко получить. Если возникшие диспропорции не слишком велики, удовлетворительные результаты приносит последовательное взвешивание по отдельным показателям. При этом весовые коэффициенты, полученные для разных показателей, перемножаются.

О.В. Терещенко

ВЫБОРКИ ДИЗАЙН – стратегия формирования выборочной совокупности (**см.**), включающая определение генеральной совокупности (**см.**), выборки основы (**см.**), числа ступеней (см. **Выборка многоступенчатая**), критериев расслоения и кластеризации на каждой ступени, методов отбора на каждой ступени. При выборе В.Д. учитываются цели исследования, условия его финансирования, особенности генеральной совокупности.

Наиболее общие рекомендации для дескриптивного выборочного обследования (см. **Дизайн социального исследования**) состоят в следующем. Если генеральная совокупность является конкретной и основа выборки (полностью или по частям) может быть получена относительно легко, то при наличии достаточных средств рекомендуется использовать одну из моделей выборки случайной (**см.**). При этом для относительно небольшой и однородной генеральной совокупности может использоваться выборка случайная простая (**см.**). Если генеральная совокупность неоднородна или основу выборки легче получить для каждой из ее структурных частей, рекомендуется применять выборку расслоенную (**см.**) случайную. Расслоение позволяет также повысить точность результатов исследования и, соответственно, снизить ошибку выборки. Если средства на исследование ограничены, а генеральная совокупность достаточно велика, рекомендуется использовать выборку кластерную (**см.**) случайную или выборку многоступенчатую (**см.**) случайную. Помимо существенной экономии средств кластерная выборка облегчает проведение исследования в том смысле, что нет необходимости получать полную основу выборки – на первой ступени она представляет собой список кластеров. Однако ошибка выборки при кластерном отборе увеличивается, особенно если используется небольшое количество кластеров значительного объема. Для крупных кластеров хорошие результаты иногда дает использование теоретического отбора (см. **Выборка теоретическая**) вместо случайного, но выборка в целом перестает быть случайной и теряет преимущества статистического обоснования репрезентативности (см. **Выборки репрезентативность**).

Если построение случайной выборки невозможно из-за недостаточного финансирования или отсутствия основы выборки, но структура генеральной совокупности известна, можно применить выборку квотную (**см.**). Квотный отбор часто применяется также в сравнительных исследованиях. Для небольших генеральных совокупностей с известной основой выборки может применяться выборка методом основного массива (**см.**). Если основа выборки неизвестна, но члены небольшой генеральной совокупности знают друг друга – выборка методом снежного кома (**см.**).

Если генеральная совокупность отличается крайней степенью неопределенности или средств на проведение исследования заведомо недостаточно, можно применить выборку доступную. Она принципиально не является репрезентативной, но в отдельных случаях может оказаться эффективной, например, когда репрезентативность не является обязательным требованием (пилотажные исследования) или генеральная совокупность отличается высокой степенью однородности (исследованиях маргинальных групп – наркоманов и пр.).

Подробности построения экспериментальной выборки см. **Эксперимент в социальных дисциплинах, Эксперимент естественный, Эксперимент лабораторный, Эксперимент полевой.** В исследованиях случая и фокус-групп (**см.**) применяются методы выборки теоретической (**см.**).

О.В. Терещенко

ВЫБОРКИ ОСНОВА – список, из которого осуществляется отбор объектов при построении выборки (**см.**). В большинстве случаев он составляется по месту жительства людей либо по месту их занятий – работы, учебы, политических или общественных организаций, клубов по интересам и т.п. Если в В.О. положено место жительства, выборка называется территориальной, если место занятий – производственной. В идеальном случае В.О. совпадает с генеральной совокупностью, однако на практике добиться этого удается не всегда. Так, данные переписи населения и списки избирателей устаревают, информация адресных столов не полна и не всегда точна, телефонами обеспечены не все жители даже крупных городов и т.п. При применении стратифицированного отбора В.О. составляют отдельно для каждой страты.

Объектами В.О., как и генеральной совокупности (**см.**), могут быть не только отдельные люди, но и более или менее крупные общности – семьи (домохозяйства), академические группы, предприятия, религиозные общины, населенные пункты, государства и т.п. На первом этапе кластерного, серийного или многоступенчатого отбора В.О. представляет собой список кластеров (серий).

О.В. Терещенко

ВЫБОРКИ ОШИБКА – разность между средними значениями переменной (**см.**) по выборке $(\bar{x})$ и по генеральной совокупности (μ): $\Delta = \bar{x} - \mu$. Различают две составляющие В.О. – систематическую и случайную.

Систематическая ошибка порождается ошибками планирования выборочного исследования, такими как неправильное определение генеральной совокупности (**см.**) или основы выборки, неудачный выбор метода извлечения выборки, ошибки в реализации выборочных процедур. Например, опрос аудитории через СМИ неизбежно приводит

к систематическим ошибкам, вызванным различиями между той частью аудитории, которая принимает участие в опросе, и той ее частью, которая уклоняется от участия. Систематическая ошибка не уменьшается с увеличением объема выборки, она не может быть оценена статистически на основании данных исследования. Систематическая ошибка может быть обнаружена, когда известно (или со временем становится известным) распределение признака по генеральной совокупности, либо когда данные исследования с очевидностью противоречат имеющимся фактам и социальной теории (что, конечно, не исключает возможности наличия ошибок как в "фактах", так и в теории, либо в определении области ее приложения).

Случайная В.О. неизбежно возникает в выборочном исследовании как следствие применения выборочных процедур. При применении процедур случайного отбор (см. **Выборка статистическая**) она уменьшается с увеличением объема выборки и может контролироваться средствами статистики. Контроль случайной ошибки означает, во-первых, возможность определения ее величины с заданной доверительной вероятностью и, во-вторых, возможность ее уменьшения до некоторого допустимого значения посредством увеличения объема выборки.

О.В. Терещенко

ВЫБОРКИ ОШИБКА СЛУЧАЙНАЯ – случайная составляющая выборки ошибки (**см.**). В.О.С. неизбежно возникает в выборочном исследовании как следствие применения выборочных процедур. При применении процедур случайного отбора (см. **Выборка статистическая**) В.О.С. уменьшается с увеличением объема выборки и может контролироваться средствами статистики. Контроль В.О.С. означает, во-первых, возможность интервального оценивания ее величины с заданной доверительной вероятностью и, во-вторых, возможность ее уменьшения до некоторого допустимого значения посредством увеличения объема выборки.

Доверительный интервал (**см.**) для случайной ошибки простой случайной (вероятностной) выборки из бесконечной генеральной совокупности (**см.**) имеет вид:

$$|\Delta| \le Z_{1-\alpha/2}\frac{s}{\sqrt{n}},$$

где Δ – В.О.С., s – стандартное отклонение переменной, вычисленное по выборке (см. **Показатели разброса данных**), n – объем выборки, $z_{1-\alpha/2}$ – доверительный коэффициент, соответствующий уровню доверительной вероятности $(1-\alpha)$, который выбирается из значений 0.1, 0.05, 0.01 и т.п.

Например, если для переменной "время, затрачиваемое на дорогу от дома до работы" по выборке из 100 человек $(n=100)$ стандартное отклонение $s=10_{мин.}$, то при доверительной вероятности $(1-\alpha)=0.95$ и соответствующем ей доверительном коэффициенте $z_{0.975}=1.96=2$ доверительный интервал для В.О.С. примет вид:

$$|\Delta| \le 2\frac{10_{мин}}{\sqrt{100}} = 2_{мин}.$$

Это значит, что данная В.О.С. с вероятностью 95% не превысит 2 минуты.

Для дихотомических переменных ошибка выборки определяется как разность между долей положительных ответов в выборочной (p_s) и генеральной (p_c) совокупностях:

$$|\Delta| = |p_s - p_c| \le Z_{1-\alpha/2}\sqrt{\frac{p_s(1-p_s)}{n}},$$

где $p_s(1-p_s)$ – дисперсия дихотомической переменной.

Приведенные формулы используются для простой случайной выборки из бесконечной генеральной совокупности. Если генеральная совокупность конечна и сопоставима по объему с выборкой, применяется поправка на объем генеральной совокупности $\sqrt{1-\frac{n}{N}}$, где N – объем генеральной совокупности; и формулы принимают вид:

$$|\Delta| \le Z_{1-\alpha/2}\frac{s}{\sqrt{n}}\sqrt{1-\frac{n}{N}}$$

для количественных переменных,

$$|\Delta| \le Z_{1-\alpha/2}\sqrt{\frac{p_c(1-p_c)}{n}}\sqrt{1-\frac{n}{N}}$$

для дихотомических переменных.

Если случайная выборка является гнездовой или стратифицированной, В.О.С. оценивается по более сложным формулам, которые можно найти в специальной статистической литературе.

Для выборок, не использующих случайные (вероятностные) методы извлечения элементов из генеральной совокупности, величина случайной ошибки не может быть оценена статистическими средствами.

О.В. Терещенко

ВЫБОРКИ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ – свойство выборки (**см.**), заключающееся в ее способности адекватно представлять состояние дел в генеральной совокупности (**см.**). В количественных исследованиях различают статистическое и нестатистическое обоснование репрезентативности.

Статистическое обоснование репрезентативности применяется к случайным (вероятностным, статистическим) выборкам – простым, стратифицированным, кластеризованным, многоступенчатым. Оно обеспечивается оцениванием случайной ошибки выборки для наиболее важных, с точки зрения целей исследования, переменных.

Нестатистическое обоснование репрезентативности применяется к целевым (квотным, "основного массива", "снежного кома" и т.п.) выборкам. Репрезентативность квотной выборки обычно обосновывается соответствия распределения выборки распределению генеральной совокупности по наиболее важным социально-демографическим показателям, таким как пол, возраст, образование и т.п., а также применением рандомизирующих процедур при отборе респондентов, таких

как использование элементов маршрутной выборки, запрет на опрос родственников и знакомых и др. Для выборки, полученной методом "основного массива" или "снежного кома", обоснование репрезентативности строится на основе оценки неохваченной части генеральной совокупности – ее объема, а также существенности отличий от выборки исследования.

Выборки качественных исследований обосновываются теоретически и, в силу этого, часто называются теоретическими.

О.В. Терещенко

ВЫБОРКИ СЛУЧАЙНОЙ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОЙ ОБЪЕМ – объем случайной выборки, при котором случайная ошибка выборки с заданной доверительной вероятностью не превысит некоторой предельно допустимой величины.

Репрезентативность выборки, при отсутствии систематической ошибки, определяется двумя показателями – уровнем доверительной вероятности $(1-\alpha)$, который выбирается из значений 0.1, 0.05, 0.01 и т.п., и предельно допустимым (с точки зрения исследователя) значением случайной ошибки $\Delta_{доп}$. Объем выборки, который необходим для того, чтобы ошибка выборки Δ с вероятностью $(1-\alpha)$ не превысила величины $\Delta_{доп}$, определяется по формуле:

$$n = \frac{Z^2_{1-\alpha/2} \times \sigma^2}{\Delta^2_{доп}},$$

где $Z_{1-\alpha/2}$ – доверительный коэффициент, соответствующий доверительной вероятности $(1-\alpha)$,

$\Delta_{доп}$ – предельно допустимое значение ошибки выборки,

σ^2 – дисперсия переменной по генеральной совокупности.

Например, если для переменной "время, затрачиваемое на дорогу от дома до работы" дисперсия по генеральной совокупности $\sigma^2 = 100$, то при предельно допустимом значении ошибки выборки $\Delta_{доп} = 5_{мин}$, доверительной вероятности $(1-\alpha) = 0.95$ и соответствующем ей доверительном коэффициенте $z_{0.975} = 1.96 \approx 2$, объем выборки, при котором ошибка с вероятностью 95% не превысит 5 минут, равен

$$n = \frac{2^2 \times 100}{5^2} = 16.$$

Объем выборки определяется до начала исследования. Значения доверительной вероятности $(1-\alpha)$ и предельно допустимой ошибки выборки $\Delta_{доп}$ выбираются исследователем. Дисперсия переменной по генеральной совокупности σ^2, в большинстве случаев, неизвестна и должна быть каким-то образом оценена. Существует три основных подхода к оцениванию дисперсии генеральной совокупности: 1) использование литературных данных или результатов других исследований; 2) пилотажное исследование (выборочная дисперсия переменной по пилотажной выборке используется как оценка генеральной дисперсии); 3) использование "максимальной" дисперсии, которая для количественной переменной оценивается по формуле:

$$\sigma^2_{max} = (x_{max} - x_{min})^2 / 12.$$

В последнем случае рассчитанный объем выборки будет, скорее всего, завышен, что не может снизить качество результатов исследования, но может существенно завысить его стоимость.

Если объем выборки определяется для репрезентативного представления дихотомической переменной, он вычисляется по формуле:

$$n = \frac{Z^2_{1-\alpha/2} \times p(1-p)}{\Delta^2_{доп}},$$

где p – вероятность (доля) положительных ответов по генеральной совокупности,

$p(1-p)$ – дисперсия дихотомической переменной по генеральной совокупности.

Если p не известно, для оценки максимальной дисперсии используется значение $p = 0.5$. В этом случае $\sigma^2_{max} = 0.5^2 = 0.25$.

Поскольку объем выборки зависит от дисперсии переменной, для разных переменных он будет иметь разные значения. В этой ситуации рекомендуется вычислять объем выборки для наиболее важной переменной в исследовании, а при достаточном финансировании проекта – выбирать максимальный из объемов выборки, вычисленных для всех переменных.

Приведенные в данной статье формулы применяются для простой случайной выборки из бесконечной генеральной совокупности. Если объем генеральной совокупности сопоставим с объемом выборки, формула для вычисления объема простой случайной репрезентативной выборки принимает вид:

$$n = \frac{N Z^2_{1-\alpha/2} \sigma^2}{N \Delta^2_{доп} + Z^2_{1-\alpha/2} \sigma^2},$$

где N – объем генеральной совокупности.

Если случайная выборка извлекается с использованием процедур стратификации или кластеризации (см. **Выборка случайная стратифицированная, Выборка случайная кластеризованная**), формулы для вычисления объема репрезентативной выборки усложняются. Их можно найти в специальной статистической литературе.

Для нестатистических выборок приведенные формулы не имеют смысла. На практике для квотных выборок нередко используется объем, рассчитанный для простой случайной выборки, что, однако, не может служить подтверждением их репрезентативности.

О.В. Терещенко

ВЫБОРОЧНАЯ СОВОКУПНОСТЬ (ВЫБОРКА) – часть генеральной совокупности (**см.**), непосредственно участвующая в исследовании. Проблема формирования выборки

(отбора объектов из генеральной совокупности) является важнейшей методологической проблемой для всех видов социологического исследования, за исключением полного обследования генеральной совокупности и, в некоторых случаях, полевого исследования (см. **Дизайн социологического исследования, Выборки дизайн**).

О.В. Терещенко

ВЫГОТСКИЙ Лев Семенович (1896-1934) – российский психолог, специалист в области фило- и онтогенеза. Автор социокультурной теории сознания. Профессор. Окончил юридический факультет Московского университета (1917) и одновременно историко-философский факультет народного университета А.Л. Шанявского (Москва). Научно-педагогическую деятельность начал в г. Гомель в Беларуси. С 1924 работал в Москве, в Институте экспериментальной психологии и др. Основал и возглавил Институт дефектологии. Читал курсы лекций в вузах Москвы, Ленинграда и Харькова. Основные сочинения: "Педагогическая психология. Краткий курс" (1926); "Основные течения современной психологии" (1930, в соавторстве); "Этюды по истории поведения" (1930, в соавторстве); "Мышление и речь" (1934); "Умственное развитие детей в процессе обучения" (1935); "История развития высших психических функций" (1930-1931, опубликована в 1960); "Психология искусства" (1925, опубликована в 1965) и около 100 других работ по проблемам общей, детской, педагогической и генетической психологии, педологии, дефектологии, психопатологии, психиатрии, общественно-исторической природе сознания и психологии искусства.

Основной задачей своего подхода полагал выявление закономерностей отражения и конституирования человеческой психикой разнообразных исторических, общественных и культурных связей. Программу социокультурного направления исследований психики человека, разрабатывавшуюся В. во всех трудах, правомерно свести к следующему: 1) Использование генетического подхода в качестве преобладающего – мышление, по В., должно изучаться под углом зрения его происхождения и исторических трансформаций, т.е. центрироваться на "истории поведения", а не на его "окаменелостях". 2) Тезис, согласно которому высшие психические функции имеют социальное происхождение – В. сформулировал т.наз. "общий генетический закон культурного развития": "...всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва – социальном, потом – психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая. Это относится одинаково к произвольному вниманию, логической памяти, образованию понятий, развитию воли... Разумеется, переход извне внутрь трансформирует сам процесс, изменяет его структуру и функции". Особо значимым компонентом данного вывода выступает то, что высшие психические процессы, согласно В., в той же мере характерны диадам, триадам и иным группам индивидов, в какой они присущи отдельному человеку; одновременно – психические процессы в интрапсихологическом контексте "квазисоциальны", ибо отражают собственных интерпсихических предшественников. 3) Идея о том, что фундаментальным моментом понимания и интерпретации социопсихических процессов выступает их осуществление "техническими" и "психологическими" орудиями, а также знаками как опосредующими человеческую деятельность, так и обусловливающими и оформляющими ее (или, по обозначению В., процедуры "деконтекстуализации опосредованных значений"). По мысли В., реконструкцию "деятельностного общения" или речи правомерно осуществлять, постигая их как "язык целенаправленного действия" или в безусловном ракурсе их прагматической /читай: дискурсивной. – *В.О., А.Г.*/ "нагруженности". Крайне важным для научных интересов В. выступало поэтому формирование понятийно-образующих категориальных систем на основе форм обобщения, взаимодействующих в социальных институтах формального образования: динамика эволюции словоформ, которыми оперирует ребенок от "неупорядоченных куч" к "комплексам" и – далее – к организованным совокупностям понятий.

В 1925 В. совместно с Лурия опубликовал предисловие к книге З. Фрейда "По ту сторону принципа удовольствия", в котором отмечалось, что Фрейд принадлежит "к числу самых бесстрашных умов нашего века", чью "Колумбову заслугу" составляет открытие феноменов психической жизни, лежащих "по ту сторону принципа удовольствия" и такая интерпретация их, которая содержит ростки материализма. Отдавая должное "громадным теоретическим ценностям" и "положительным сторонам" психоанализа, В. подверг критике его пансексуализм и недооценку роли сознания. В 1927 завершил рукопись работы "Смысл психологического кризиса", в которой утверждал недопустимость сведения высших форм поведения людей к их низшим элементам, и, как следствие, неэффективность такого подхода для объяснения человеческих поступков. В 1928 в статье "К вопросу о динамике детского характера" поддержал теорию Адлера и подчеркнул, что "ни одна из современных психологических идей не имеет такого огромного значения для педагогики, для теории и практики воспитания", как учение Адлера о характере. В работе "Мышление и речь" предложил, в частности, оригинальное понимание структуры сознания человека как динамической смысловой системы интеллектуальных, волевых и аффективных процессов, находящихся в определенном единстве. Создал культурно-историческую школу в психологии (А. Леонтьев, А. Лурия, А. Запорожец и др.).

В.И. Овчаренко, А.А. Грицанов

Г

ГАБИТУС – целостная система диспозиций восприятия, оценивания, классификации и действий, результат опыта и интериоризации индивидом социальных структур, носящая неосознанный характер.

В философской традиции термин "Г." обозначает сумму индивидуальных телесных навыков – походка, жестикуляция, манеры, – цельное осаждение опыта конкретного человека в "глубине" телесного сознания. В социологии в широкий научный обиход слово "Г." введено П. Бурдье (см.): "Габитус – система прочных приобретенных предрасположенностей (dispositions), структурированных структур, предназначенных для функционирования в качестве структурирующих структур, т.е. в качестве принципов, которые порождают и организуют практики и представления, которые объективно приспособлены для достижения определенных результатов, но не предполагают сознательной нацеленности на эти результаты и не требуют особого мастерства".

Г. порождается средой, "классом условий существования", путем их интериоризации индивидом; это результат индивидуальной истории и социального опыта индивида. Г. структурирует новый опыт, который, в свою очередь, трансформирует исходные ментальные структуры. Таким образом, Г. зависит от социальной траектории индивида.

Г. – принцип практик индивида: "это порождающее и унифицирующее начало, которое сводит… характеристики какой-либо позиции в единый стиль жизни, т.е. в единый ансамбль выбора людей, благ и практик" (Бурдье).

Вводя понятие "Г.", Бурдье пытается снять традиционное для социологии противопоставление социальной структуры и личных практик индивида: с одной стороны, Г. – это внутренние схемы восприятия, оценивания, классификации и деятельности, свойственные индивиду, с другой – это интериоризованные социальные отношения, усвоенные и присвоенные социальными агентами.

Г. обеспечивает воспроизводство социальных институтов: структура института вписывается во внутреннюю структуру индивида и впоследствии воспроизводится в будущих его практиках (по Бурдье, "собственность присваивает хозяина, принимая форму структуры порождающей практики, совершенно соответствующие ее логике и требованиям").

В то же время Г. вписывает индивида в существующие социальные структуры, генерируя практики и представления так, что они оказываются объективно адаптированными к социальным отношениям, продуктом которых и являются.

Г. обеспечивает не только воспроизводство но и определенную изменчивость социальной структуры в практиках индивида, поскольку детерминирует практики не непосредственно, но путем изначально заданных принуждений, ограничений, представлений о возможном, вероятном и невозможном. Действие формируется на основании "субъективной оценки объективных вероятностей", соизмерения желаемого и возможного.

Принципиальным моментом является то, что Г. целостен и не может быть разложен на отдельные составляющие его диспозиции, поскольку выражает один общий принцип, стиль, проявляющийся во всех практиках индивида и переносимый из одной сферы в другую, задавая их взаимную согласованность.

Еще одна особенность Г. в том, что он является бессознательной структурой: это системы глубоко укорененных диспозиций, "забытых" и полностью не рефлексируемых: "Г. – это история, ставшая природой, и тем самым отрицаемая в качестве таковой" (Н.А. Шматко).

Бессознательность Г. определяется его телесностью; установки вписаны в телесность и проявляются в манере, стиле, привычке говорить, держаться, двигаться, подчиняясь определенным инкорпорированным требованиям.

Г. производится средой, следовательно сходные условия, т.е. позиции индивида генерируют сходные Г. членов группы, класса. Таким образом, "социальный класс – это класс схожих условий, а также класс индивидов, обладающих сходным габитусом" (П. Бурдье). Следовательно, практики членов группы изначально координированы сходством Г., выступающим основой спонтанной солидарности.

М.В. Батурчик

ГАРФИНКЕЛЬ (Garfinkel) Гарольд (р. 1917) – американский социолог, создатель этнометодологии (см.).

В книге "Исследования по этнометодологии" (1967) Г. была предпринята попытка распространить методы социальной антропологии и этнографии на всю сферу общественных дисциплин. Универсализируя способы организации повседневной жизнедеятельности людей в примитивных культурах, трактуя этнографические методы их изучения как "процедурные инварианты" социальных наук, Г., наряду с иными представителями этнометодологии, сформулировал нетрадиционное определение ее предмета. По их мнению, это – процедуры интерпретаций вкупе со скрытыми, неосознаваемыми, нерефл-

лексированными механизмами социальной коммуникации между людьми.

Главной темой собственных социологических изысканий Г. считал проблему "рациональной описуемости практических действий как текущей практической реализации". Его интересовало то, каким образом возможно рациональное корректное описание практических повседневных социальных взаимодействий.

Важность и неоднозначность этой проблемной ситуации задается, по Г., рядом предпосылок. Во-первых, любое описание подобного рода явится осмысленным для воспринимающей аудитории лишь в том случае, если оно будет предполагать общее для всех участников знание контекста. Это знание может пониматься как молчаливо подразумеваемое свойство взаимодействия. Во-вторых, предполагается использование однозначных терминов для описания социальной ситуации (с целью предотвращения появления альтернативных объяснений). В-третьих, с точки зрения Г., не все знание, включаемое в описание в целях выявления смысла действия, обнаруживает себя синхронно с объяснением данных. Некоторые элементы описания даже при явном их выражении могут быть полностью реконструированы лишь тогда, когда описание будет полностью завершено. В-четвертых, подобные описания должны конструироваться систематически и последовательно. И наконец, в-пятых, смысл материалов или элементов описания зависит от контекста, т.е. либо от порядка следования материалов в процессе описания, либо от биографии участника, либо от более широкого восприятия социальной ситуации.

Таким образом, с точки зрения этнометодологии Г., социология призвана изучать все аспекты повседневной социальной жизни и экстраординарные явления, будучи сама по себе весьма важной сферой повседневной деятельности людей. Все люди в обществе, по Г., являются социологами, ибо, приписывая значения действиям других и претендуя на их понимание, они выступают в качестве практических теоретиков.

Социологическую парадигму Г. толковал в контексте традиционного науковедческого подхода как общую систему отсчета данной дисциплины, именуя ее "набором фоновых ожиданий", конституирующим принимаемый на веру мир специалиста.

Именно поэтому, по Г., принимаемые нами в качестве объективных образований черты социальной реальности объективны лишь потому, что мы выражаем их в объективных категориях, т.е. в терминах их общих свойств. Традиционные формы социологического объяснения социолог трактует как нечто вроде специальных приспособлений, кодировальных таблиц, служащих для выделения и подчеркивания общих свойств явлений в ущерб особенным и уникальным их свойствам. Существенно важным компонентом гипотезы Г. было его мнение, что таково свойство любого объяснения: вырабатывая рациональные объяснения своих действий, индивиды делают эти действия рациональными, делая тем самым социальную жизнь упорядоченной и понятной.

Определение того, что есть индивид, Г. формулирует в духе подхода Т. Парсонса (**см.**) – "член коллектива". В основе же повседневных действий индивидов, по его мнению, лежит то, что "индивид предполагает сам, предполагает, что другой индивид точно так же предполагает, и предполагает, что как он предполагает относительно другого, так и другой предполагает относительно его самого".

Взаимное же понимание, согласно концепции Г., не есть частичное или полное согласие индивидов относительно существенного содержания предмета. Условия взаимного понимания всегда предполагают некое условие "поживем – увидим", которое позволяет социальному взаимодействию включать в себя все случайные характеристики. Взаимное понимание не сводится к формальным правилам регистрации явлений, служащим индивидам для предсказания будущего поведения друг друга. Оно является своего рода соглашением, служащим нормализации всего того, чем может на практике оказаться социальное поведение.

Социальное же взаимодействие, по Г., может быть корректно описано по аналогии с игрой. С этой точки зрения становится возможным выявить как совокупность основных правил, которые те, кто стремится им подчиняться, считают правилами нормального взаимодействия, так и способы осмысливания с помощью этих правил конкретных социальных ситуаций их участниками.

Хотя этимология слова "этнометодология" и предполагает изучение подходов, применяемых социологами, этот термин обозначает в принципе все практические действия и описания, осуществляемые индивидами в обществе. В данном контексте этнометодология выступает как поисковое исследование природы социальных действий и объяснений (как обыденных, так и профессиональных) социального процесса. Крайне важно в связи с этим, по Г., избежать подмены анализа практических теорий участников скрытыми предпосылками, понятиями и теориями наблюдателя. В противном случае социальный порядок "навязывается" ситуации извне, и главная проблема конструирования и поддержания участниками взаимодействия значимого массива представлений и действий становится "непроблемой". Рекомендуемый Г. подход требует рассматривать этот навязанный извне порядок как проблематичный.

Так, с точки зрения Г., приписывание индивиду определенного рода душевной болезни отвечает практическим требованиям, предъявляемым бюрократизированной системой медицинского обслуживания, и что даже пол индивида не является изначально данным, а формируется в ходе социального процесса (феномен трансвестизма).

Критически оценивая позитивистские ориентации в социологии, Г. обращал внимание на то обстоятельство, что убежденность позитивистов в объективной пригодности "научного" языка для раскрытия "реальных" свойств социального мира оборачивается неизбежной "документальной интерпретацией" (трактовкой явлений, действий и ситуационных факторов как отражения, свидетельства, документа лежащей в их основе матрицы значений, детерминирующей объективный характер социального мира). Позитивисты, по Г., упускают из виду то обстоятельство, что в процессе социологических объяснений по типу самообоснования созидается мир, являющийся предметом их исследований.

Происходит это потому, что по сути толкования позитивистской социологии не выходят за рамки так называемого здравого смысла, это в реальности обыденные толкования, ибо в их основе лежит вера в объективный характер социального мира.

По мысли Г., обычно люди подходят к социальному миру с чисто прагматической установкой. Реконструируются лишь те его аспекты, которые касаются практической деятельности индивидов. В итоге соответствующие процедуры интерпретации носят характер предписаний для достижения целей этой деятельности. В рамках данного подхода мир интерпретирован верно, если индивид способен достичь необходимого результата на основе знания о том, как действуют вещи в этом мире. Таким образом, становятся допустимыми описание и объяснение социального мира в контексте любой произвольной практической цели. Социологи же позволяют членам общества (в том числе и самим себе) производить и сохранять социальный мир, который именно в силу этих процедур воспринимается и постигается как мир объектов. Они, следовательно, так же объективны или субъективны, как и процедуры социологов, и реальность, порождаемая ими, не может, по Г., рассматриваться более объективной или менее объективной, чем реальность, порождаемая социологами.

В целом же основные компоненты этнометодологии сводимы к правилам метода, доступным любому и используемым любым социальным деятелем в любом практическом действии, в котором он участвует. Основные принципы учения Г. не могут быть изъяты из контекста профессиональной деятельности социологов – его последователей и объективированы как таковые.

Подрывая три аксиоматичные черты традиционных способов социологического объяснения (естественно-научный характер его рациональности, объективность и обоснованность наличных обобщений), социология Г. потребовала немедленного коренного пересмотра эпистемологических и философских оснований социологического знания с целью как можно более точного отражения и фиксации чрезвычайно тонкой, двойственной, виртуальной и конструктивной природы социальных феноменов, составляющих его предмет.

А.А. Грицанов

ГВАТТАРИ (Гаттари) (Guattari) Феликс (1930-1992) – французский психоаналитик и философ. Один из создателей шизоанализа (см.). Основные собственно философско-социологические сочинения Г. написаны совместно с Делезом (см.): "Капитализм и шизофрения" (т. 1 "Анти-Эдип", 1972; т. 2 "Тысячи плато", 1980); "Ризома" (1976); "Что такое философия" (1990); "Кафка" (1975). Г. также автор индивидуальных работ: "Психоанализ и трансверсальность" (1972), "Молекулярная революция" (1977), "Машинное бессознательное" (1978), "Шизоаналитические картографии" (1989) и др. Осуществил цикл работ по исследованию шизофрении, полагая ее точкой отсчета для понимания невроза. Проявил интерес к психоаналитическим идеям, но впоследствии выступил с критикой концепций Фрейда, Лакана, Маркузе и других психоаналитиков различных ориентаций. С целью разработки новаторской, "революционной" психиатрической практики основал альтернативную психиатрическую клинику La Borde. Стремился к выработке дискурса, объединяющего политическое и психиатрическое начала. Предложил расширительное понимание бессознательного как структуры внутреннего мира индивида и чего-то разбросанного вне его, воплощающегося в различных поведенческих актах, предметах, атмосфере времени и т.д. (Постоянно противопоставлял "шизоаналитическое бессознательное", состоящее из машин желания, и "бессознательное психоаналитическое", к которому относился весьма скептически: согласно шизоанализу, в психозе психоанализ понял только "параноидальную" линию, которая ведет к Эдипу, кастрации и т.д., к инъекции в бессознательное всех репрессивных аппаратов. Но от него совершенно ускользает шизофренический фон психоза, "шизофреническая" линия, прочерчивающая не-семейный рисунок.) Разработал концепцию "машинного бессознательного", согласно которой бессознательное наполнено всевозможными абстрактными машинизмами, побуждающими его к производству и воспроизводству различных образов, слов и желаний. Особое внимание уделял разработке теоретических проблем "производства желания", как совокупности пассивных синтезов самопроизводства бессознательного.

Согласно Г., "персонификация... аппаратов (Сверх-Я, Я, Оно)" суть "театральная постановка, которая заменяет подлинные продуктивные силы бессознательного простыми ценностями представления... машины желания и начинают все более и более становиться театральными машинами: Сверх-Я, танатос выскакивают, как "бог из машины". Они все более работают за стеной, за кулисами. Или это машины, производящие иллюзии, эффекты. Так оказывается раздавленным все производство желания". В 1970-х, совместно с Делезом, разработал концепцию шизоанализа, в значительной мере направленного на преодоление психоанализа и критику капитализма в его связи с шизофренией. Проблемы психоанализа в интерпретации Г. – Делеза выступали как связанные с его глубинной приверженностью капиталистическому обществу и "непониманием шизофренического фона". Психоанализ в таком контексте "похож на капитализм – его собственным пределом является шизофрения, но он непрестанно этот предел от себя отталкивает, как бы заклиная...". По мнению Г. и Делеза, психоанализ оказался целиком пронизан идеализмом, выразившимся в совокупности сопряженных "наложений и редукций в теории и практике": сведение производства желания к системе так называемых бессознательных представлений и к соответствующим формам причинности, выражения и понимания; сведение заводов бессознательного к театральной сцене; сведение социальных инвестиций либидо к семейным инвестициям; наложение желания на сетку семьи.

С точки зрения Г. и Делеза, психоанализ – в контексте свойственной для него абсолютизации значимости символической фигуры Эдипа (см.: **Эдипов комплекс**) – объективно вуалирует истинный характер и масштаб социальных репрессий при капитализме: "Мы не хотим сказать, что психоанализ изобрел Эдипа. Он удовлетворяет спрос, люди приходят со своим Эдипом. Психоанализ на маленьком грязном простран-

стве дивана всего лишь возводит Эдипа в квадрат, превращает его в Эдипа трансфера, в Эдипа Эдипа. Но и в семейной, и в аналитической разновидностях Эдип является по своей сути аппаратом репрессии, направленным против машин желания, а ни в коем случае не порождением бессознательного самого по себе... Эдип или его эквивалент... инвариантен. Это – инвариант отклонения сил бессознательного... мы нападаем на Эдипа не от имени обществ, в которых его не было, но от имени общества, где он присутствует повсеместно, – нашего капиталистического общества". Согласно Г., "Фрейд открыл желание как либидо, производящее желание, и он же постоянно подвергал либидо отчуждению в семейной репрезентации (Эдип). С психоанализом произошла та же история, что и с политической экономией в понимании Маркса: Адам Смит и Рикардо правильно усматривали сущность богатства в производящем его труде и в то же время отчуждали его своими представлениями о собственности. Осуществляемое психоанализом наложение желания на семейную сцену бьет мимо психоза и даже в случае невроза дает интерпретацию, которая искажает продуктивность бессознательного".

Квалифицируя шизоанализ ("активистский анализ, анализ либидинально-экономический, либидинально-политический") и как одну из форм микрополитической практики, и как достаточно эффективное средство макросоциальной прогностики, Г. обращал особое внимание на "фашистские инвестиции" как "на уровне желания", так и "на уровне социального поля". Согласно Г., "...или революционная машина проявит себя способной овладеть желанием и феноменами желания, или желанием будут манипулировать силы угнетения, репрессии, угрожающие – в том числе изнутри – революционным машинам". Анализируя вероятность тех или иных сценариев общественно-экономических трансформаций, Г. полагал, что революция, отвечающая чаяниям угнетенных классов, неосуществима, если само желание не заняло революционную позицию, оказывающую воздействие на бессознательные образования: "Революционным аппаратам постоянно угрожает то, что они разделяют пуританскую концепцию интересов, которые реализуемы лишь в пользу части угнетенного класса, так что последняя вновь образует касту и иерархию угнетения, – отмечал Г., – этому фашизму власти мы противопоставляем активные и позитивные линии ускользания, которые ведут к желанию, к машинам желания и к организации социального поля желания".

Стремясь реконструировать мыслимые процедуры обновленческих общественных трансформаций с учетом распространения и укрепления институтов "демократического капитализма" вкупе с материальными стандартами "общества изобилия", Г. в 1972 утверждал, что "нынешний уровень потребления недостаточен, что никогда интересы не станут на сторону революции, если линии желания не достигнут такой точки, в которой желание и машина совпадут... и обратятся против так называемой естественности капиталистического общества. Нет ничего легче, нежели достичь этой точки, потому что она составляет часть мельчайшего желания, но нет и ничего труднее, потому что она втягивает в себя все бессознательные инвестиции". Модифицируя ряд традиционалистских подходов философии языка 20 в., Г. – Делез весьма радикально характеризовали удельный вес и значение различных компонентов системы "Означаемое – Означающее", стремясь оттенить "диффузность" этого понятия, "списывающего все на обветшалую машину письма". В контексте их концепции, по утверждению Г., очевидно, что "принудительная и исключительная оппозиция Означающего и Означаемого одержима империализмом Означающего, возникающего с появлением машины письма. В таком случае все по праву приводится к букве. Таков закон деспотического перекодирования". Г. полагал, что означающее правомерно понимать как "знак великого Деспота (эпохи письма)", который, "исчезая, оставляет отмель, разложимую на минимальные элементы и на упорядоченные отношения между ними". Акцентируя в этом аспекте "тиранический, террористический, кастрирующий характер Означающего", а также высказывая сомнение в том, "работает ли Означающее в языке", Г. делал вывод, что само по себе Означающее – "колоссальный архаизм, уводящий к великим империям" и подлежит замене моделью Ельмслева, в границах которой "потоки, содержание и форма" обходятся без означаемого. Целью таковых интеллектуальных поисков у Г. – Делеза являлся поиск "линий абстрактного декодирования, противостоящих культуре".

Работа "Что такое философия" посвящена анализу базовых форм человеческого мышления, а также разработке его пространственной модели. Соотнося последнюю с организацией и устройством человеческого мозга, Г. – Делез одновременно акцентировали (вне принципиальных экспликаций) особую значимость также и таких порождающих и (в известном смысле) предпосылающих мышление материальных начал, как: книги с присущей для них многослойной структурой взаимоналожения листов и картины с присущей для них неоднородной системой-диаграммой наложения сплошных цветовых масс и отдельных мазков. В качестве ведущего познавательного инструмента Г. – Делез рассматривают не образы-фигуры субъективистского вчувствования, не абстрактно-логические процедуры, а сведенные воедино пространственные характеристики мира, в котором "человек присутствует лишь своим отсутствием". Именно неизбывная и незыблемая Земля трактуется Г. и Делезом как фундамент развития философии (история философии интерпретируется в рамках категории "геофилософия") и мысли вообще: главные сдвиги осуществляются исключительно в паузах "межвременья", а место "истории" замещается принципиально внеисторическим понятием "становление".

Принимая активное участие в различных акциях левого движения ("...в двадцать пять лет я был вполне счастлив, будучи одновременно троцкистом, анархистом, фрейдистом, последователем Лакана и плюс к тому еще и марксистом"), Г. "ускользнул" /полностью в соответствии с духом собственного миропонимания. – *А.Г.*/ от какой бы то ни было организационно-идеологической ангажированности в ипостаси взаимных симпатий с руководством ФКП или СССР (по мнению Г., "оплотом бюрократизма").

А.А. Грицанов

ГВИШИАНИ Джермен Михайлович (р. 1928) – российский социолог, специалист в области социальной философии и социологии управления. Окончил МГИМО. Докторская диссертация – "Американская теория организационного управления" (1969). Член-корреспондент АН СССР (1970), академик АН СССР (ныне РАН) (1979).

В 1965-1985 – зам. председателя Госкомитета Совета Министров СССР по науке и технике. В 1985-1986 – зам. председателя Госплана СССР, с 1977 – директор НИИ системных исследований. С 1992 – почетный директор Института системного анализа РАН, зав. отделом и зав. лабораторией этого института.

Редактор и автор предисловий русских изданий: "Э. Пестель. За пределами роста" (1988); "А. Кинг, Б. Шнайдер. Первая глобальная революция" (1991).

Область научных интересов: управление, социальная организация, системные исследования, глобальные проблемы современности.

Главные труды: "Социология бизнеса" (1962); "Социальная роль науки и научная политика" (1968); "Организация и управление" (1972); "Диалектико-материалистические основания системных исследований" (1986); "Краткий словарь по социологии" (1988, редактор) и др.

ГЕДОНИЗМ (греч. hedone – наслаждение) – этическая и повседенческая установка (**см.**), согласно которой основой природы человека является его стремление к наслаждению, а потому все ценности и ориентации деятельности должны быть подчинены или сведены к наслаждению как подлинному высшему благу.

Г. впервые заявляет о себе в древнегреческой школе киренаиков, где он радикализирован в качестве смысложизненного, а окружающий мир понят как объект эстетического и чувственного наслаждения во всех своих выражениях (например, красота бедствия). Эпикур стремился, соблюдая меру в наслаждениях, избегнуть страданий, его идеал – самозамкнутая жизнь, полная чувственных и духовных наслаждений, не приносящих пресыщения. Христианство противопоставляет Г. аскетизм, однако именно в последнем Г. проявляется в форме наслаждения собственными страданиями. Возвращение к умеренному Г. Эпикура и признанию ценности чувственного происходит в период Возрождения, что задало фундамент идей этического эгоизма просветителей 18 в. И. Кант отвергает Г. за приверженность чувственному, не способному задать основу морали. Утилитаризм определяет свое центральное понятие "польза" как достижение наслаждения или избегание страдания. Вновь радикальное проведение принципов Г. встречается в индивидуализме, признающем возможность наслаждаться за счет другого или общества вообще.

Д.В. Майборода

ГЕЛЕН (Gehlen) Арнольд (1904-1976) – немецкий философ и социолог, один из классиков философской антропологии. В 1925-1926 слушал лекции М. Шелера (**см.**) и Н. Гартмана в Кёльне. В 1927 защитил под руководством Х. Дриша докторскую диссертацию. С 1930 – ассистент Х. Фрайера в Социологическом институте Лейпцигского университета. В мае 1933 вступил в НСДАП, занял кафедру во Франкфурте-на-Майне (ранее ее возглавлял Тиллих – **см.**). С 1938 – в Кёнигсберге. С 1940 возглавил Институт психологии в Вене. С 1944 – на Восточном фронте, в 1945 ранен. После войны был снят с поста директора, но вскоре избран член-корреспондентом Австрийской академии наук. В 1962-1969 – профессор социологии в Высшей технической школе в Аахене.

Основная программная работа – "Человек. Его природа и положение в мире" (1940). При жизни автора она издавалась 12 раз (два раза существенно перерабатывалась). Другие труды: "Действительный и недействительный дух" (1931); "Теория свободы воли" (1932); "Государство и философия" (1935); "Первобытный человек и поздняя культура" (1954); "Душа в техническую эпоху" (1957); "Картины времени. К социологии и эстетике современной живописи" (1960); "Мораль и гипермораль" (1969) и др.

В творчестве Г. прослеживается два этапа: 1) до середины 1930-х (философия жизни, неофихтеанство, влияние Фрайера и Н. Гартмана); 2) с середины 1930-х – философско-антропологический период, в котором можно выделить два подпериода – рубеж которых пролегает в середине 1950-х. Изначально Г. предложил [наряду с Х. Плеснером (**см.**) – эксцентрическая версия] вариант (деятельностная версия) антропобиологического "разворота" философской антропологии. В этот подпериод на Г. велико влияние А. Портмана (особенно его работ по биологии). Позднее заметна переориентация Г. на социологическое, в том числе – культур-социологическое "прочтение" философской антропологии, классиком которого стал его ученик – Х. Шельски (**см.**). Г. – автор концепции "плюралистической этики", которую он специально разрабатывал в последние годы жизни. В эти же годы Г. – один из ведущих идеологов неоконсерватизма в ФРГ.

Г. конструировал философскую антропологию как целостное знание о человеке, сводящее воедино данные отдельных наук на "неспекулятивном" уровне. ("...Надо заключить в скобки всякую теорию, сознательно или по недосмотру ориентированную метафизически, ибо ее существование или несуществование наряду с фактами не только ничего в них не меняет, но и не порождает никогда новых конкретных вопросов применительно к ним. В таком случае метафизична всякая теория, которая тенденциозно или, как это большей частью бывает, наивно группирует такие абстракции, как "душа", "воля", "дух" и т.д.".)

Вторая исходная теоретико-методологическая установка Г. – подчеркнутый антиредукционизм. Человек должен быть объяснен из него самого, из имманентной ему сферы. Такое исследование вполне возможно, "если не связывать себя с существующими объяснениями человека, а твердо держаться вопроса: что собственно означает эта потребность в истолковании человека?" Отказавшись от идеи "лестницы существ" Аристотеля, широко применявшейся в философской антропологии (Шелер, особенно Плеснер), Г. акцентировал другой широко распространенный в ее дискурсах комплекс идей, восходящих к Гердеру и Ницше, а специально биологически

обосновывавшийся Портманом – комплекс идей о человеке как "недостаточном" существе. Он задает, согласно П., принципиальное отличие человека от любых иных живых существ (природа не определила человека животным, а предопределила его к "человеческому"). Человек "неспециализирован" в отличие от других животных, он обделен полноценными "инстинктами", не имеет своей особой экологической ниши, а тем самым изначально не может находиться в гармонии с природой. У него нет предопределенности к определенному типу жизни в некой особой среде. При этом он всегда целостен, и может быть понят лишь в своей этой целостности, системности (в этом отношении духовность человека суть реализованная возможность самой витальной природы человека, а не внеположенный ей "дух" Шелера). Человек в силу этого, по Г., всегда проблематичен, открыт миру, деятельностен (по необходимости), всегда характеризуется избытком внутренних "побуждений". Он вынужден нести на себе непосильный груз ответственности за собственное выживание и самоопределение в мире (справляться с собой). Человек всегда "перегружен", не может одновременно реализовывать свои интенции, "мешающие" друг другу. В результате возникает феномен неизбежного дистанцирования человека по отношению к самому себе. Он вынужден, согласно Г., быть постоянно нацеленным на изменения как себя самого, так и окружающей его среды, т.е. он не может просто "жить", а вынужден "вести жизнь", изобретая механизмы, позволяющие "разгружать" ее от чрезмерного перенапряжения. "Разгрузка" (методологически Г. формулирует это в "принципе разгрузки") осуществляется в деятельностном самоосуществлении человека, в действовании, как снимающем дуализм души и тела, субъекта и объекта (точнее, действие предшествует любым различениям такого рода), высвобождающем его из "плена" наличных ситуаций, заменяя все больше непосредственные взаимодействия символическими. Параллельно человек подталкивается к постоянному "переистолковыванию себя" посредством языка. Символическое самоистолковывание действий задает векторность движению из ситуации "избытка побуждений", накладывает ограничения на потребности (желания) и конституирует "поля" ("зоны") интересов. ("...Под действием нужно понимать предусмотрительное, планирующее изменение действительности, а совокупность измененных таким образом или вновь созданных фактов вместе с необходимыми для этого средствами – как "средствами представления", так и "вещественными средствами", – должны называться культурой".)

Согласно Г., действуя, люди: 1) продуцируют культуру (мир символических значений), которая не может быть "отмыслена" от природы человека ("...там, где у животного мыслится окружающий мир, у человека располагается сфера культуры..."); 2) соотносят свои действия с действиями других, кооперируются с ними, порождая многообразие человеческих сообществ; 3) создают социальные институты, регулирующие взаимодействия и стабилизирующие их результаты. Институты – своего рода "заменители" "инстинктов", автоматизирующие человеческую жизнь. Они обеспечивают устойчивые интересы людей, формируя "привычки" и обогащая "мотивы", внося закономерность и предсказуемость в человеческое поведение (через "разумную целесообразность" и "интерсубъективную согласованность"). Прогрессирующая рационализация институтов находит свое адекватное воплощение в феноменах техники и в возрастании опоры на свой внутренний порядок, универсализирующий частные социальные порядки до глобально-властных притязаний. Каждый "частный порядок" презентирует и стилизирует различные диспозиционные системы, конституированные через деятельность людей (уже природой человек спроектирован и приспособлен для культурных форм существования). Отсюда невозможность, по Г., "моноэтики" и тезис об "этическом плюрализме".

Г. выделяет четыре самостоятельных этоса, представленных в современных типах общества: 1) стремление к взаимности (базирующееся не на принуждении, а на речевых коммуникациях, поддерживающих эквивалентность обмена и систему взаимных вознаграждений и накладывающих ограничения на нежелательное поведение; это отношения взаимного признания); 2) психологические добродетели (стремление к благополучию, потребность в защите и заботе, чувство долга, сострадание, "утверждающее чувство жизни"); 3) родовая мораль, поддерживающая "групповое чувство", "гуманитарность" ("гуманитаризм" – нормативная ориентация на жизнь человека как вида); 4) институциональный этос (поддерживающий иерархии и сокращающий возможности индивидуального выбора действий). За счет институционального этоса происходит нейтрализация агрессивных импульсов индивидов и групп, достигается приемлемый для общества компромисс (в том числе и за счет поддержки первого и второго этосов). Агрессия, по Г., – это всегда "прорыв" в критических ситуациях в культурно упорядоченную социальную жизнь "инстинктивности" (здесь Г. во многом следует за Лоренцем). С неоконсервативных позиций Г. сопоставляет третий и четвертый этосы, конкурирующие между собой. Основная его критика касается "нивелирующего равенства", имплицитно присутствующего в "родовой морали" и ведущего к "массовому эвдемонизму" (хотя Г. видит и опасность поглощения индивида институтами). С его точки зрения, современная ситуация все же больше характеризуется "распадом" и "кризисом" институтов, ведущим к гипертрофированию индивидуального, дополняемым властью "гуманитаризма". Тем самым происходит "размывание" ценности "ответственности" в обществе, место которой занимают бесконечные "дискурсы оправдания". (Ответственность же, по Г., – это необходимость следовать нормам института, что неизбежно и необходимо в социокультурной жизни, так как обязательства, налагаемые институтом, антропологически фундированы.) Сужение поля действия ответственности пропорционально расширяет поле действия страха и неуверенности. Все это – следствие роста "произвольной свободы субъективности" (за счет "свободы в институциональных пределах"), фиксирующей глобальный кризис индустриального общества.

В.Л. Абушенко

ГЕНДЕР (англ. gender – род, чаще всего грамматический) – понятие, используемое в социальных науках для отображения социокультурного аспекта половой принадлежности человека. Г. – социальная организация половых различий; культурологическая характеристика поведения, которое соответствует полу в данном обществе в данное время. Г. является социальной конструкцией системы социополоролевых отношений. Г. – это "осознанное значение пола, социокультурная манифестация факта пребывания мужчиной или женщиной, освоенные характеристики, ожидания и модели поведения" (В. Шапиро). Г. – это "набор социальных ролей; это – костюм, маска, смирительная рубашка, в которой мужчины и женщины исполняют свои неравные танцы" (Г. Лернер). Не пол, но Г. обусловливает психологические качества, способности, виды деятельности, профессии и занятия мужчин и женщин через систему воспитания, традиции и обычаи, правовые и этические нормы. В отличие от русского языка, в котором есть одно слово, связанное с данным вопросом: "пол", – английский язык имеет два понятия: секс (sex) – пол и Г. (gender) – своего рода "социопол". Оба понятия используются для проведения так называемой горизонтальной социополовой стратификации общества в отличие от вертикальных классовой, сословной и подобных стратификаций. Sex обозначает биологический пол и относится к "нативистским" конструкциям, суммирующим биологические различия между мужчиной и женщиной. Г., в свою очередь, является социальной конструкцией, обозначающей особенности поведения, социальных стратегий. Sex и Г. находятся на разных полюсах в жизни человека. Sex является стартовой позицией, с ним человек рождается. Sex детерминирован биологическими факторами: гормональным статусом, особенностями протекания биохимических процессов, генетическими различиями, анатомией. Г. – конструкция иного полюса. Это своеобразный итог социализации человека в обществе в соответствии с его половой принадлежностью. Мужчины и женщины являются культурными продуктами своих обществ. Решающим фактором в формировании различий является культура: "женщиной не рождаются, ею становятся". Стереотипы по поводу Г. отражают взгляды общества на поведение, которое ожидают от мужчин или от женщин; Г. суть структурированная под влиянием культуры система различий. Она, некоторым образом, связана с биологическими различиями, но не сводится только к ним. Г. – это социальная организация сексуальных отличий, хотя это и не означает, что Г. отражает или имплементирует фиксированные и естественные физические различия между женщинами и мужчинами: скорее, Г. – это знание, устанавливающее значения для телесных различий. Эти значения варьируются в зависимости от культур, социальных групп и времени. Сексуальное различие не может рассматриваться иначе кроме как функционирование нашего знания о теле: это знание не является "абсолютным, чистым", оно не может быть изолировано от его применения в широкой цепи дискурсивных контекстов. Сексуальное отличие не является обычной причиной, из которой в конечном счете может произрастать социальная организация. Оно, наоборот, само является изменчивой организацией, которая сама должна быть объяснена. Человек в своей эволюции – как в фило-, так и в онтогенезе – движется от sex к Г.

"Сексуально-гендерное поле" человека возникает еще в пренатальный период: современные средства медицины позволяют уже задолго до рождения ребенка определить его пол. Родители по-разному могут реагировать на рождение мальчика или девочки. Рождение мальчика или девочки может также по-разному восприниматься и в культурах. Так, в архаических обществах, особенно с охотнически-собирательским укладом, рождение девочки приветствовалось в меньшей степени, чем в земледельческих культурах, где уже появляется моногамная семья и женский труд (воспроизводство рода, выхаживание, воспитание и т.п.) получает более высокую оценку. Известны традиции, в рамках которых детей в соответствии с полом просто уничтожали. Например, в Японии в селах вплоть до начала 20 в. сохранялась традиция умерщвления новорожденных мальчиков, так как их нельзя было, в отличие от девочек, выгодно продать в город или выдать замуж. Бедуины же и эскимосы (канадские), например, избавлялись от девочек (умерщвляли, относили в горы, подкидывали), так как считалось, что мужчин в роду должно быть больше. Причем материнский инстинкт в этих и многочисленных подобных случаях грубо подавлялся групповыми интересами и мифологическими представлениями. Через игры и игровые структуры, одежду и т.п. ребенок уже с малолетства начинает себя идентифицировать либо с мужским, либо с женским началом. Хорошо известны игры девочек в "дочки-матери", "учителя", "доктора" и вообще "в куклы", а также увлечения мальчиков машинами, конструкторами, оружием и т.п. В этих ранних актах социализации большую роль играет культурная среда. Именно она определяет "сферу должного", которая в разных культурах различна. Но есть и некоторые универсалии. Так, мужское ассоциируется с инициативностью в отношениях, агрессивностью, установкой на господство, авантюризмом, авторитаризмом, стремлением к лидерству, рациональностью в мыслях и действиях, монизмом в поведении, стремлением к монологу, вызову и утверждению собственного "Я", эгоцентризмом и эгоизмом. Эти и подобные качества, проявляемые женщиной, скорее вызовут критическую оценку и даже негативную реакцию со стороны окружающих, находящихся под влиянием соответствующих культурных стереотипов. Женская линия в поведении, как правило, связана с мягкостью, милосердием, заботой, ответственностью, ненасилием, терпимостью, альтруизмом, эмоциональностью, диалогичностью, стремлением к поиску согласия, компромисса, ценностью равенства, справедливости и свободы и т.п. Обе эти конструкции можно различать в плане общего и особенного. Sex является проявлением общего и относится к так называемым "итическим" (etic) характеристикам. Г. связан с проявлением особенного в поведении и является "имической" (emic) характеристикой. Для ее понимания необходимо учитывать социокультурный фон, во многом обусловливающий формирование Г. В частности, представления о мужественности и женственности сильно различаются в различных культурах, что накладывает серьезный отпечаток на нормы коммуникативного поведения и характер взаимоот-

ношений мужчин и женщин. Так, в странах с развитой экономикой и протестантизмом женщины высокообразованны и активно вовлечены в общественную жизнь. В таких странах (скандинавские страны, например) гендерная идеология склоняется к равенству в отношениях между мужчинами и женщинами. Напротив, в традиционных культурах и особенно с мусульманской религией (Пакистан, Нигерия, Индия и др.) статус женщины далек от равноправия, и поведение женщины в обществе строго регламентировано.

В зависимости от характера общества гендерные различия будут иметь различную силу. Этнографы устанавливают усиление гендерного неравенства от охотнически-собирательских к аграрным культурам и существенное его снижение далее к индустриальной культуре и особенно к информационному обществу. Кривая, отвечающая этому движению, будет иметь вид перевернутой заглавной буквы U латинского алфавита. (Большинство работ по Г. основываются на предположении, что пол предшествует Г. Тем не менее существуют точки зрения – К. Делфи и др. – согласно которым это предположение "теоретически неоправданно" и "его продолжающееся существование отправляет назад к устаревшему пониманию гендера, мешает пересмотру категории гендера беспристрастным образом". Делфи предлагает не только пересмотреть вопрос о взаимоотношениях между Г. и полом, но также сформулировать и исследовать две другие гипотезы. Первая, по Делфи, состоит в том, что "статистическое совпадение между полом и гендером есть просто совпадение". Вторая гипотеза – Г. предшествует полу: "Пол сам по себе просто маркирует социальное деление; он служит тому социальному узнаванию и идентификации тех, кто доминирует, и тех, кто доминируем. Пол – это знак с символическим значением, приобретенным в ходе исторического развития".) Впервые мысль о необходимости различать биологический и социальный пол появилась в книге М. Мид "Пол и темперамент в трех примитивных обществах" (1935). Феминистская теория восприняла ее, занялась исследованием различия между биологическим и социальным полом/Г. и проблематизировала гендерные отношения. Г., ранее являвшийся только грамматической категорией, превратился в часть "оборудования" сторонников феминизма для постановки проблем о "естественном" подчиненном и более низком положении женщин.

Идеологами феминизма (см.) был выдвинут ряд вопросов, относящихся к Г. и гендерным отношениям в обществе. Исследовалось то, как Г. соотносится с анатомическими половыми различиями; как гендерные отношения конституируется и поддерживаются (в жизненном цикле человека, и более широко, в качестве социального опыта, ограниченного временем); как гендерные отношения соотносятся с другими видами социальных отношений такими, например, как классовые или расовые; что становится причиной, ведущей к изменениям в гендерных отношениях с течением времени; каковы взаимоотношения между гетеросексуальностью, гомосексуальностью и гендерными отношениями; существует ли только два, а если не два, то сколько Г.; каковы взаимоотношения между формами мужского доминирования и гендерными отношениями; перестанет ли быть актуальным вопрос о гендерных отношениях в эгалитарных обществах; имеется ли нечто отчетливо мужское или женское в способах мышления и социальных отношениях, и, если имеется, то являются ли данные различия врожденными или социально сконструированными; являются ли гендерные различия социально полезными или необходимыми, а если же да, то каковы последствия этого для феминистской цели достижения "гендерной справедливости" (Флэкс).

Вслед за феминистской теорией практически все общественные дисциплины стали проводить разделение между полом и Г. Последний оказался в одном из фокусов дискуссий гуманитариев и был признан важнейшей категорией для анализа структур власти, организации социальных и культурных институтов, моделей идеологического контроля в современном обществе. Идея о необходимости различать биологический пол как совокупность биологических особенностей индивида и социальный пол, или Г., как социокультурную конструкцию вошла в университетские учебники. Наряду с такими, не менее важными для обсуждения гендерных отношений, терминами, как *феминность*; *маскулинность*; *приватный*; *общественный*; *патриархат*; *сексизм*, термин Г., адаптированный традиционными общественными дисциплинами, становится необходимой частью лексикона и интеллектуала, и рядового гражданина на Западе, широко используясь в современных международных юридических документах. См. также: **Гендерные исследования**.

И.Р. Чикалова, Е.И. Янчук

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ – см. СОЦИОЛОГИЯ ГЕНДЕРНАЯ.

ГЕНДЕРНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ПРОФЕССИЙ – традиционно сложившееся неравномерное распределение мужчин и женщин в пределах определенных профессий, имеющее следствием гораздо меньшую профессиональную специализацию женщин, чем мужчин. Существует ряд профессий, в которых доля женщин очень высока, тогда как в других профессиях она чрезвычайна низка. Например, в Британии почти 2/3 женской рабочей силы приходится на 10 видов профессий, тогда как мужская рабочая сила распределена более равномерно. В Беларуси в середине 1990-х доля женщин среди работников бухгалтерского учета превышала долю мужчин в несколько десятков раз, среди медицинского персонала – в 10 раз, в группе педагогических работников в 5 раз, среди работников культуры – в 3 раза. В России в середине 1990-х женщины составляли 81 % служащих. В торговле, связи, общественном питании, здравоохранении доля женщин среди занятых достигла 71-89 %, причем во всех отраслях народного хозяйства их зарплата была ниже мужчин. Принятые женщины, как правило, занимают более низкие уровни в профессиональной иерархии. Так, в Британии женщины составляют 3/4, а среди профессионалов высокого уровня их менее 10 %. В пределах отдельных профессий (и в развитых западных, и в постсоциалистических странах) также наблюдается гендерное неравноправие. Например, в Британии в середине 1970-х женщины составляли 90 % ря-

довых учителей, тогда как среди старших преподавателей их было 57 %, зарплата женщин в госсекторе составляла около 70 % от среднего заработка мужчин, в частном секторе – 58 %. В Беларуси в середине 1990-х 2/3 всех женщин, занятых в народном хозяйстве, были служащими, из них руководителями – только 1/7 (среди мужчин – более 2/5).

Если в современных западных государствах Г.Р.П. обычно связывают с более низким образованием женщин, то в современной России, Беларуси уровень образования работающих женщин выше, чем уровень образования работающих мужчин, что, однако, не меняет неэффективного характера использования женского труда. У женщин чаще имеет место несовпадение высокого уровня образования с более низким статусом занимаемой должности, на долю женщин приходится большая часть неквалифицированных работ. Не существует общепринятого объяснения существования профессиональной гендерной сегрегации и неравенства вознаграждений за труд. Однако многие исследователи считают, что кроме фактора образования на гендерное разделение труда влияет более низкий уровень квалификации женщин и трудности его повышения, их двойная занятость на работе и дома, снижающая конкурентоспособность женщин, более низкий спрос на женские профессии, боязнь безработицы, вынуждающая многих женщин соглашаться на малооплачиваемую и неинтересную работу. Отмечается и негативная роль, которую играют усвоенные женщинами патриархальные социогендерные стереотипы, закрепляющие гендерное неравенство в области труда.

Л.Г. Титаренко

ГЕНДЕРНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА – распределение видов деятельности и ролей между мужчинами и женщинами, базирующееся на признаке пола. Следствием этого разделения сложились понятия "мужской и женский рынки труда", т.е. явное предпочтение, отдаваемое мужчинам при заполнении вакансий на первичном рынке, для которого характерны более высокая зарплата, возможность профессиональной карьеры, повышение квалификации, гарантированная занятость. Рабочие места вторичного рынка труда с более низкой зарплатой, незначительными возможностями продвижения по службе и повышения квалификации, негарантированной занятостью обычно заполняются женщинами. Например, в США отмечена четкая закономерность: мужчины, как правило, включены в первичный, а женщины во вторичный рынок труда. Как полагают исследователи гендерных проблем, склонность женщин к частой смене рабочего места является выражением их биологии и личностных качеств, а скорее, следствием того, что им обычно предлагают худшие виды работ на вторичном рынке труда. Когда женщинам удается получить хорошее место работы на первичном рынке, они меняют его не чаще, чем мужчины. Таким образом, Г.Р.Т. является в значительной мере результатом дискриминации женщин на рынке труда (когда работодатели не в состоянии применять к мужчинам и женщинам одинаковые критерии), на рабочем месте (когда работники-мужчины выдвигают требования, направленные на поддержание неравного положения женщины), в семье (когда "двойная" занятость женщин и традиционные семейные роли не стимулируют их к достижению высоких показателей на работе или заставляют их работать неполный рабочий день). Как показал Дж.О. Нейл, несмотря на наличие закона о равной оплате труда в Великобритании, более низкая оплата труда женщин в 10-25 % случаев связана с их дискриминацией. Э. Гидденс (см.) отмечает, что в эмпирических исследованиях труда женщин и мужчин используются разные объяснительные модели: "модель труда" для мужчин и "модель пола" для женщин.

Л.Г. Титаренко

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – междисциплинарная исследовательская область, концептуальный проект феминизма, в рамках которого реализуются новые возможности, связанные с использованием гендерного подхода, для анализа властных взаимозависимостей и иерархий, структур власти и подчинения, систем доминирования. Г.И. стали развиваться с начала 1980-х внутри феминистской мысли в области истории, антропологии, психологии, языкознания, литературоведении, переместив акцент с исследований женщин 1970-х (женская история, психология женщин) на изучение гендерных отношений, включающих как женщин, так и мужчин. От женских исследований ("women's studies") Г.И. отличает иной исследовательский интерес. Для женских исследований, особенно в 1970-х, было важно указать и демонстрировать различия между мужчинами и женщинами, выявлять и распространять информацию о женщинах, и, таким образом, создать фундамент для дальнейшего теоретического анализа. Получив толчок для своего развития от женских исследований, в Г.И. акцент переместился от изучения неравноправного специфического положения женщины, обсуждения и осуждения патриархата к исследованию более широкого социального контекста, анализу гендерной системы. Развитие "man's studies", "gay/lesbian studies", "queer studies" стали ключевыми для переноса акцента в соответствующих исследованиях с женщин на механизмы функционирования властного дискурса. С этого момента и начинаются Г.И., включившие в свою область также проблемы конструирования маскулинности и сексуальности.

И.Р. Чикалова

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ – упрощенные, схематизированные, эмоционально четко окрашенные устойчивые образы мужчин и женщин, распространяемые обычно на всех представителей той или иной гендерной общности, независимо от личных особенностей тех или иных представителей. Г.С. – это взгляд и оценка, которые, как правило, основаны на гендерных предубеждениях, на сексизме (см.), а не на рациональном знании. Поэтому Г.С. редко поддаются коррекции, для их изменения требуются весьма значительные промежутки времени, часто жизнь поколений.

Термин "стереотип" был введен в 1922 американским социологом У. Липпманом для описания процесса формирования общественного мнения. С тех пор термин успешно при-

меняется для характеристики любого устойчивого образа, который складывается в общественном или групповом сознании, использование которого во многом "облегчает" людям восприятие новой информации. Г.С. изучаются преимущественно в гендерной социологии и психологии при характеристике особенностей гендерного восприятия других людей, новой информации, а также поведения. Социолог, изучая Г.С., присущие той или иной группе, может составить довольно точное представление о гендерной культуре этой группы, сделать прогноз гендерного поведения в социально значимой ситуации.

Г.С. исторически сформировались в традиционной патриархальной культуре, которая отводила главную роль в социальной, экономической и политической жизни мужчине. Основной, ключевой принцип стереотипного изображения представителей мужского гендера (**см.**) – выделение его пола как важнейшей, ключевой социальной характеристики, как ведущего статусного показателя, определяющего доминирующее положение мужчин в системе властных отношений. Сама принадлежность к мужчинам делает любого представителя этой гендерной общности более высоко ценимым в общественном мнении (**см.**), нежели любого представителя противоположного гендера.

Г.С. передаются в процессе социализации (**см.**), причем ранние периоды играют важнейшую роль: здесь дети начинают подражать взрослым, имитировать их поведение, опираясь на традиционные характеристики мужских и женских ролей. Дети получают соответствующее подкрепление в зависимости от того, насколько верно они моделируют эти роли, формируют понятия о мужественности и женственности. Семья и школа формируют Г.С., а последующая жизнь просто закрепляет их.

Г.С. используются людьми в познавательном процессе и выступают регуляторами их поведения на бессознательном уровне. Г.С. могут служить когнитивными образами-схемами, управляющими процессом восприятия информации и ее обработки в сознании человека. Так, в повседневной жизни любой человек имеет набор упрощенных схем, сложившихся в культуре и воспринятых из нее индивидом в процессе социализации. Гендерная схема – стереотип восприятия человека по принципу пола – исходит из того, что все люди, принадлежащие к одному полу, похожи друг на друга, имеют существенное сходство в неких важных аспектах их жизнедеятельности. Такая гендерная схема может использоваться для дискриминации представителей женского пола наряду с другими социальными категоризациями – раса, этническая принадлежность. Однако экспериментально было доказано, что гендерная категоризация – самая сильная и используется чаще других. В некоторых случаях Г.С. может стать стигмой.

Г.С. могут играть негативную роль в трудовой и политической сферах: согласно Г.С., женщины больше интересуются семьей, чем работой или политикой, поэтому женщине труднее получить продвижение или занять общественную должность, чем мужчине.

Как и всякий социальный стереотип (**см.**), Г.С. предельно обобщает качества лиц, принадлежащих к одному полу. Следование стереотипному восприятию приводит к неточному восприятию личности, к запоминанию только той информации о ней, которая соответствует усвоенному ранее стереотипу. Так, по данным ряда исследований, пол ребенка прямо влияет на то, как его воспринимают взрослые: мальчиков чаще запоминают и характеризуют как активных, агрессивных, даже если они не проявляют подобных качеств в конкретных наблюдаемых случаях. В исследованиях электорального поведения доказано, что кандидата-женщину чаще воспринимают как плохого оратора, проигрывающего кандидату-мужчине в дебатах, даже если они говорят одно и то же. Психологами было установлено, что люди чаще категоризуют друг друга по полу, нежели по другим социально-демографическим признакам, а также тот факт, что находящегося в гендерном меньшинстве человека окружающие чаще всего будут оценивать именно по биологическому полу, а не по профессиональным или иным качествам. Именно поэтому в предвыборных кампаниях критическое внимание аудитории привлекают редкие кандидаты-женщины: их оценивают куда строже по всем параметрам, чем мужчин.

В детском возрасте, на ранней стадии социализации, гендерная категоризация играет большую роль в моделировании поведения детьми. Исследования показали, что дети чаще и охотнее проявляют интерес к моделированию действий, характерных для их собственного гендера, и таким образом получают и закрепляют информацию о социальных ролях, якобы предписанных культурой и природой (а по сути социально сконструированных) мужчине и женщине.

Г.С. часто приводят к созданию в сознании ложных связей между гендером и теми или иными качествами, навыками или формами поведением людей. Так, основываясь на стереотипе о том, что женщины меньше склонны к математике, чем мужчины, можно приписывать всем женщинам нелюбовь к этой науке, установить так называемые иллюзорные корреляции (между полом и успехами в математике, бизнесе и т.д.).

Прочность Г.С. ведет к тому, что даже получение информации, в корне противоречащей стереотипу, далеко не всегда ведет к их разрушению.

Психологи полагают, что действия на основе Г.С. могут вызвать к жизни так называемые самореализующиеся пророчества, о которых писал Р. Мертон (**см.**): например, мужчина, уверенный в том, что женщины не могут хорошо водить машину, и заявляющий об этом своей жене, сидящей за рулем, может вывести ее из равновесия и тем самым спровоцировать аварию. Подобные пророчества часто самореализуются в семьях, где партнеры оценивают друг друга в соответствии с Г.С. и ведут себя, заведомо ожидая стереотипного поведения от другого.

Г.С. широко используются в массовой культуре, особенно в голливудских фильмах с традиционными образами беззащитных сексуальных красавиц-женщин и мужественных защитников-суперменов. Те же стереотипы представлены в народном творчестве, мифологии.

Л.Г. Титаренко

ГЕНЕРАЛИЗАЦИЯ (лат. generalis – общий, главный) – 1) в широком смысле – подчинение частных явлений общему принципу, экстенсивное развитие процесса; 2) логический прием, предусматривающий полную (сплошную) или неполную (несплошную) элиминацию и верификацию элементов из класса К, образующих репрезентативную (т.е. в достаточной степени точно отражающую структуру класса, разнообразие его состава, особенности всех его элементов) систему, последующее вероятностное обобщение результатов верификации и переход к описанию состояния класса К. Научная нестатистическая (неколичественная) и научная статистическая (количественная) индукции, в основе которых лежит данный прием, предполагают верификацию присущности свойства Р специально отобранным объектам (выборке) класса Х (генеральной совокупности). Репрезентативность выборки обеспечивается как можно большим количеством элементов, что объясняется законом больших чисел, согласно которому закономерности, касающиеся массовых явлений, обнаруживаются при достаточно большом числе наблюдаемых случаев; 3) метод познания, который позволяет на основании выделения множества элементов, имеющих однотипную характеристику (генеральной совокупности), и выбора единицы анализа изучать массивы (системы) этих элементов. Генеральная совокупность включает в себя элементы, соответствующие рабочему определению данного элемента. Признаки и свойства, придающие неповторимость и исключительность элементу совокупности, элиминируются. Происходит формализация объекта (генеральной совокупности) и единицы анализа системы. Например, в социологии разработан анализ социального благополучия (единица анализа) городской семьи (элемент генеральной совокупности – "городская семья").

Метод Г. противостоит выборочному методу исследования, позволяющему делать заключения о характере распределения изучаемых признаков генеральной совокупности на основании изучения некоторой ее части.

С.В. Воробьёва

ГЕНЕРАЛЬНАЯ СОВОКУПНОСТЬ – полная совокупность объектов, имеющих отношение к изучаемой проблеме. В социологических исследованиях в качестве Г.С. чаще всего выступают совокупности индивидов – население (города, страны и т.п.), социальная группа (молодежь, безработные, бизнесмены и т.п.), аудитория средств массовой коммуникации (СМК) и др. Однако во многих случаях Г.С. могут состоять из более крупных элементов (объектов) – семей (домохозяйств), академических групп, предприятий, религиозных общин, отдельных населенных пунктов или государств и т.п.

Корректное определение Г.С. и ее характеристик чрезвычайно важно для выбора дизайна исследования – стратегии построения репрезентативной выборки (см.). Важнейшими характеристиками Г.С. являются ее объем и доступность элементов для определения.

С точки зрения объема, принято выделять конечные и бесконечные Г.С. Это деление является чисто техническим, оно обусловлено особенностями процедур оценивания объема и ошибок репрезентативной вероятностной (случайной) выборки. Конечными считаются Г.С., численность которых сопоставима с объемом выборки. Если объем выборки превышает несколько процентов от численности Г.С., ошибку выборки необходимо оценивать с поправкой на объем Г.С.

Бесконечными называются Г.С., объем которых, по сравнению с объемом репрезентативной случайной выборки, несоизмеримо велик. Строго говоря, все Г.С. в социальных науках конечны (даже если их численность составляет несколько миллиардов), однако на практике Г.С. можно считать бесконечной, если объем выборки, обеспечивающий приемлемый уровень ошибки, не превышает 1-2 % от ее численности. Иногда понятие бесконечности связывают непосредственно с объемом Г.С., например, более ста тысяч объектов.

Г.С., принадлежность к которым очевидна или легко устанавливается, называются конкретными. Для конкретных Г.С. несложно определить объем и получить относительно полный список их элементов – основу выборки (см. **Выборки основа**). Например, список совершеннолетних жителей города можно получить в адресном столе, а списки студентов крупного города – в университетах. Если конкретная Г.С. очень велика (например, население страны), списки могут быть получены для всех ее структурных частей. Построение репрезентативной выборки случайной (см.) для конкретных Г.С. технически всегда возможно; проблемы могут возникнуть в связи с недостатком времени, квалифицированного персонала или материальных ресурсов.

Г.С., принадлежность к которой можно установить только в результате целенаправленных процедур или специальных исследований, называются гипотетическими. К таким Г.С. относятся, например, аудитории СМК (нельзя узнать, видел ли человек конкретный рекламный ролик, если не спросить его об этом), любители определенных видов аквариумных рыбок, эксперты по узкой проблеме и т.п. Для определения объема некоторых гипотетических Г.С. также необходимы специальные исследования. Возможность построения репрезентативной выборки случайной (см.) для гипотетичных Г.С. большого объема во многих случаях представляется проблематичной.

О.В. Терещенко

ГЕНЕРАЛЬНОЙ СОВОКУПНОСТИ ПАРАМЕТР – статистический термин, применяемый для обозначений любой количественной характеристики генеральной совокупности (см.). Математическое ожидание (см.), дисперсия (см.), вероятность (см.) положительного ответа, коэффициент корреляции между двумя случайными величинами (см.) являются Г.С.П. Аналогичные характеристики выборки (см.) называются статистиками выборочными (см.).

О.В. Терещенко

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ в социологии (греч. geographia – описание Земли) – натуралистические теории, считающие исходной точкой социологического анализа общественного бытия географическую среду. Эти теории (Г.Н.) 1) преувеличивают роль естественной среды (климата,

рек, флоры и фауны, природных богатств) в жизни общества, 2) настаивают на обусловленности социальных изменений географическими факторами, 3) игнорируют масштабы исторической деятельности человечества по преобразованию природной среды и потенциал изменений, заложенный в сложном взаимодействии социальных и духовных факторов.

Философской основой теорий Г.Н. было механистическое миропонимание, физический монизм. В философии истории 18-19 вв. внимание концентрировалось на роли географических факторов (например, длины береговой линии, особенностей речного половодья и т.л.) в формировании цивилизаций, в генезисе первых исторических форм общественности (см. **Монтескье**, **Бокль**, **Мечников**). Социология сосредоточилась на взаимоотношениях социальных групп и географической среды, значении последней для размещения промышленности, для экономического роста, для процессов урбанизации и индустриализации.

Г.Н. безосновательно обусловливает географическими факторами не только особенности социального устройства, но и характеристики поведения (например, делались попытки найти связь между климатом и характером народа, между метеорологическими аномалиями и преступностью).

В современной западной социологии Г.Н. представлено 1) в "политической географии" и геополитике, где подчеркивается идея пространственной детерминированности развития политических структур, необходимость политической экспансии государств ради приобретения "жизненного пространства" (в совокупности с расизмом это течение в Г.Н. стало идеологическим обоснованием курса фашизма на аннексию чужих территорий – К. Хаусхофер и др.), 2) во французской и нидерландской школах социальной географии (Ф.Ле Пле – **см.**, П. Видаль де ла Бланш, Л. Февр и др.), которые анализируют воздействие человеческой деятельности на ландшафт, влияние природопользования на развитие меж- и внутриобщинных связей, на специфику социальной организации пространства в городе и др. Из этого течения позднее выросли социогеография, предметом исследования которой являются социальные группы в их общности с географической средой, и социальная экология (**см.**).

В.А. Балцевич, С.Я. Балцевич

ГЕОПОЛИТИКА – понятие, введенное в западноевропейскую интеллектуальную традицию шведским ученым и парламентским деятелем Р. Челленом (1846-1922) в контексте его попытки определить основные характеристики оптимальной системы управления для формирования "сильного государства". Новацией явилось стремление Челлена вычленить Г. в качестве одного из ведущих элементов политики как многоуровневого, многоаспектного, направляемого процесса. Концептуальную разработку Г. как специфического термина осуществил немецкий исследователь Ф. Ратцель (1844-1904). Он продемонстрировал актуальность разработки теоретических оснований новой социальной дисциплины, которая бы реконструировала взаимосвязь и взаимообусловленность государственной политики и географического положения страны. В концепции Ратцеля, изначально наделенной высоким идеологическим потенциалом, особое историческое значение придавалось народам, обладающим "особым чувством пространства" и, следовательно, стремящимся к динамическому изменению (расширению) собственных границ.

К. Хаусхофер (1869-1946), продолжая данную традицию трактовки содержания понятия Г., развил и акцентировал экспансионистские, империалистические аспекты его понимания, сформулировав агрессивную по сути гипотезу о потенциально необходимом "жизненном пространстве германской нации". Взятая на вооружение лидерами Третьего рейха, данная разновидность теорий Г. на долгие годы дискредитировала академические разработки немецкой геополитической школы. В интеллектуальных схемах американского адмирала А.Т. Мэхэна (1840-1914) постулировалось существование извечного антагонизма между морскими и сухопутными державами, а также подчеркивалось то обстоятельство, что лишь глобальный контроль над океанскими и морскими коммуникациями и портами может обеспечить долговременное геополитическое доминирование государства в мире. Очевидная эрозия "биполярного" геополитического устройства мира в конце 1980-х вкупе с нарастающими тенденциями его "многовекторности", результировались, в частности, в принципиально новых подходах к идее Г. Французский генерал П. Галлуа в книге "Геополитика. Истоки могущества" (1990), обратив внимание прежде всего на то обстоятельство, что Г. отнюдь не тождественна географическому детерминизму и политической географии, подчеркивал, что потенциал государства задается его территорией, населением, географическим расположением, протяженностью и конфигурацией границ, состоянием недр и т.п. (с учетом наличия или отсутствия новейших средств оружия массового уничтожения).

Отличия современных трактовок Г. от ее "классических" версий обусловлены тем, что в настоящее время постулируется решающая значимость тех материальных, социальных и моральных ресурсов государства (или его "геополитического потенциала"), не только активное использование, но и само по себе наличие которого достаточно для успешной реализации тех или иных внешнеполитических приоритетов.

Военное поражение Германии во Второй мировой войне не должно вуалировать то, что (с точки зрения геополитического контекста идеи мирового господства) 20 в. явился ареной борьбы трех основных субъектов, ориентированных на его достижение: 1) фашистская Германия, стремившаяся осуществить ранжирование наций и народов по степени приближенности к "арийскому эталону" с сопряженной идеей ликвидации недоразвитых этносов; 2) коммунистический СССР с догмой о мессианизме и избранности одних общественных слоев (пролетариата и беднейшего крестьянства), вылившейся в геноцид классово "чуждых" социальных групп, а также в лозунги "мировой революции" и "всемирной Республики Советов"; 3) "англо-саксонский" блок государств с (непровозглашаемой явно) теорией ранжирования стран мира по степени приобщенности к ценностям "открытого" общества под планетарной эгидой США. Крушение гитлеровского фашизма и СССР лишь сделали более наглядным и очевидным

процесс стремительной "американизации" мира на рубеже третьего тысячелетия (вне каких-либо ангажированных мировоззренческих оценок). Несмотря на нередкую характеристику Г. лишь как удачного междисциплинарного термина социальных дисциплин либо как околонаучного, идеологизированного неологизма западно-европейского интеллектуализма, ее статус как специфического политолого-социологического подхода к изучению корреляций между географическим положением государств и их внешней политикой вряд ли подлежит сомнению.

А.А. Грицанов

ГЕРОНТОСОЦИОЛОГИЯ – относительно новая и быстро развивающаяся отрасль социологического знания, связанная с социальной геронтологией – комплексным разделом науки, в котором социальные аспекты старения изучаются также экономикой, демографией, психологией, социальной гигиеной и другими дисциплинами. Исследования в Г. ведутся по трем основным направлениям.

В рамках *первого* направления изучаются социальные механизмы биологического и психологического старения индивида, определяющие длительность и уровень жизнедеятельности человеческого организма. Внутренний порок многих гипотез старения – видение только одной стороны развития процесса старения. Биологические возможности организма приводят к развитию другой жизненной тенденции, направленной на восстановление и компенсацию наступающих нарушений, на увеличение продолжительности жизни. Эта мобилизация в ходе старения важнейших приспособительных механизмов во многом определяет темп, особенности старения, продолжительность жизни организма. Такой подход к пониманию сущности старения имеет не только чисто теоретический интерес, но и большое практическое значение: знание приспособительных механизмов и овладение ими – путь целенаправленного влияния на старение. В целом для этого направления характерна концентрация внимания на мобилизации компенсаторных механизмов как в ходе внутренней возрастной перестройки организма человека, так и в процессе его приспособления к изменяющимся требованиям окружающей среды.

В контексте *второго* направления исследуется образ жизни (см.) как широкая сфера общения организма человека с окружающей средой, комплекс влияния факторов среды на течение биологических процессов. Проблема влияния образа жизни на процессы старения – социобиологическая. Она включает в себя важнейшие экономические, демографические, социально-гигиенические факторы. Исследователи данной проблемы часто придерживаются двух противоположных взглядов: полное отрицание роли факторов среды – все определяется наследственной программой развития – или же сведение всей сложности и закономерности процессов старения к общению организма со средой, к образу жизни. Не отрицая наследственной программы, можно утверждать, что приспособление человека к факторам среды, его образ жизни является одним из ведущих социальных механизмов, определяющих особенности старения и продолжительности жизни. Существует широко известная формула – генотип ассигнует, а фенотип реализует. Иными словами, человеку генетически запрограммировано определенное количество лет. Однако использование этих ассигнований, возможная продолжительность жизни во многом зависят от того, как реализуются эти биологические возможности, от факторов среды и образа жизни в целом.

В исследованиях *третьего* направления основное внимание уделяется положению престарелых как особой социальной и возрастной группы, являющейся важным компонентом социальной и демографической структуры общества. С одной стороны, эта группа оказывает влияние на различные экономические и социальные институты и процессы, а с другой – испытывает многообразное влияние общества. В русле этого направления изучается деятельность институтов и организаций, занимающихся социальным обеспечением, медицинским, бытовым и другими видами обслуживания престарелых. Предметом исследований служит и социальная политика государства в отношении пожилых и старых людей, их участия в политической, экономической и культурной жизни общества.

Исходя из принципа, что пожилые люди представляют собой ценный и важный компонент интеллектуальных ресурсов общества, государству следует изыскивать возможности уменьшения темпов и масштабов их депрофессионализации, а также обеспечивать социальные гарантии их благосостояния. Социальная политика в отношении стареющих людей ориентирована на ряд задач: повышение материального и культурного уровня жизни этой группы населения; социальные мероприятия, облегчающие их адаптацию к новому социальному положению; создание предпосылок для рационального образа жизни на пенсии; развитие сети учреждений здравоохранения, социального обеспечения и обслуживания пожилых и старых людей; расширение занятости пенсионеров в общественном производстве, рациональное использование их труда; совершенствование методов стимулирования продолжения работы в народном хозяйстве людьми, достигшими пенсионного возраста. Одна из основных задач Г. – научное обоснование названных социальных мероприятий.

Г.Н. Соколова

ГИДДЕНС (Giddens) Энтони (р. 1938) – один из основных представителей социологической теоретической мысли современной Англии. В 1956-1959 Г. учился в университете Халла (Hull) на отделении социологии и психологии. Затем с 1959 по 1961 посещал Лондонскую школу экономики по специальности "Социология", закончив ее с отличием. А уже после этого в 1976 в Кембридже получил степень доктора философских наук. На протяжении своей жизни Г. занимал различные посты, часто меняя места работы, что является необходимым условием для продвижения карьеры на Западе. Г. имеет семь ученых степеней, которые он получил в самых известных и престижных учебных заведениях Европы и Америки. На данный момент Г. является директором Лондонской школы экономики и политических наук (LSE). До прихода в эту школу в 1997 Г. был профессором социологии и членом королевского колледжа Кембриджа.

На 2002 у Г. опубликовано более 200 статей и очерков и 34 книги (книги изданы на 22 языках). Г. зарекомендовал себя в качестве самого читаемого и часто цитируемого теоретика нашего времени. Сегодня он является редактором журнала "Теория и общество" и директором отдела политической прессы.

Творчество Г., охватывающее большое количество работ, написанных в течение последних 25 лет, разделяется на два периода. Можно говорить о том, что существует ранний Г. – автор теории структурации, пытавшийся исправить недостатки функционализма и структурализма, с одной стороны, и понимающей социологии и герменевтики, с другой. На развитие его идей большое влияние оказали работы основных классиков теоретической социологии – М. Вебера (**см.**), Э. Дюркгейма (**см.**), К. Маркса (**см.**) и др. Сегодня же существует "поздний" Г., который пишет о пространственно-временной дистанцированности, глобализации в современном мире и о возможности нового третьего пути развития государств, дополняющего два существующих на сегодняшний день – капитализм (**см.**) и социализм (**см.**).

На первом этапе своего творчества Г. внес существенный вклад в развитие теоретической социологии, что нашло отражение в его работах: "Капитализм и современная социальная теория: анализ работ Маркса, Дюркгейма и Макса Вебера" (1971), "Политика и социология в учении Макса Вебера" (1972), "Эмиль Дюркгейм" (1978), "Политика, социология и социальная теория: встреча с классической и современной социальной мыслью", "Социология" (1982), "Введение в социологию". Он пытался найти решение традиционных проблем классового анализа в своем исследовании "Классовая структура развитых обществ" (1973). Г. развернул подробную критику исторического материализма в работах "Современная критика исторического материализма" (1981), "Классы, власть и конфликт" (1982), "Классовая структура развитых обществ" (1986), а в книге "Национальное государство и насилие (Современная критика исторического материализма, том 2)" (1987) подверг социологию критике за неспособность к анализу развития государства и влияния международных конфликтов на социальные отношения. В центре внимания Г. находятся проблемы теории действия, проблемы деятельности и структуры, а также способность социального деятеля к познанию. Решению этих проблем посвящена теория структурации Г., развитая в таких работах, как "Новые правила социологического метода: позитивная критика понимающей социологии" (1993), "Исследования по социальной и политической теории" (1977), "Центральные проблемы социальной теории" (1979), "Образцы и критики в социальной теории" (1983), "Социология: краткое, но критичное введение" (1987), "Данные для социологии" (1997), "В защиту социологии: очерки, объяснения и ответы" (1997), "Социальная теория сегодня" (1987), "Социальная теория и современная социология" (1991) и "Конституирование общества: основные принципы теории структурации" (1986).

Теория структурации Г. и связанные с ней концепции (действующего субъекта, социальных институтов, социальной и системной интеграции) призваны упорядочить понятийный и концептуальный аппарат теоретической социологии для изучения механизмов социальных изменений в современном обществе. Г., разрабатывая свою теорию, начинает с критики ведущих интеллектуальных парадигм 1940-х – структурализма, функционализма, герменевтики и понимающей социологии (**см.**) – и с переосмысления понятий "действие", "структура", "система". Основной целью теории структурации было стремление объединить эти на первый взгляд несовместимые теории в единое целое.

Структурализм и функционализм превозносят роль социальных объектов, а герменевтика и понимающая социология акцентируют внимание на действиях социальных субъектов. Г., пытаясь преодолеть эти противоречия, в теории структурации говорит не о доминировании в обществе отдельного индивидуума как "свободного деятеля", обладающего возможностями для конституирования социальных отношений, и не о существовании независимой ни от чего социальной тотальности, а о существовании в пространстве и во времени социальных практик. Другими словами, социальная жизнь, общество созданы социальными акторами и постоянно воспроизводятся ими теми же средствами, которыми они реализуют себя как акторы – это основное положение теории структурации Г. Производство общества человеческими существами возможно лишь потому, что осуществляя всякого рода взаимодействия, они обычно обращаются к своим знаниям, именно использование этих практических ресурсов есть условие взаимодействия вообще. При этом Г. говорит не о простом повторении уже установленных кем-то ранее практик, а о "творческом" подходе социальных акторов, каждый из которых вносит что-то свое, новое, в уже существующие образцы поведения, одновременно изменяя и самих себя.

Г. не отвергает традиционное использование термина "структура" для указания на некие общие институциональные черты общества или ряда обществ, например, "классовая структура общества" и т.д. Из-за значительного сходства содержаний понятия "структуры" и "системы" зачастую используются как синонимы. Все попытки развести эти два понятия в классической социологии представляются Г. не вполне удачными. В структурализме под "системой" понимался набор установленных зависимостей между элементами, а "структура" соотносилась с тем, что остается относительно устойчивым при различных преобразованиях системы. Однако, замечает Г., одно понятие определялось через характеристику другого. В функционализме различение структуры и системы основано на разведении двух других понятий: "структура" и "функция". Но и функционалистская трактовка, как считает Г., не обладает достаточной способностью для изучения социальных явлений. Структуру организма действительно можно изучать независимо от его физиологии, например, на умершем организме. Однако эта аналогия теряет свой смысл при изучении социальных систем, которые, прекратив функционировать, перестают существовать.

Г. начинает переопределение терминов "действие" и "структура" с признания их диалектической зависимости. Действие, в терминологии Г., – это не отдельные акты, а непрерывный поток поведения. Г. формулирует следующие

базовые положения: 1) действие связано с характеристиками действующего субъекта; 2) действие связано с постоянным "вмешательством" субъекта в окружающий мир; 3) социальный мир не всегда поддается воздействию со стороны социального субъекта.

Социальные акторы, будучи сознательными существами, постоянно пытаются упорядочить и переупорядочить социальные практики согласно требованиям места и времени их существования. При этом преемственность практик предполагает рефлексивность, а рефлексивность возможна только благодаря преемственности практик. Поэтому целесообразно говорить не о наборе отдельных актов, а о непрерывном потоке поведения как отдельного социального актора, так и целых поколений. Как видно, Г. вносит динамику в свою теорию, представляя "историю" общества как его изменение, а не как просто функционирование.

Для того чтобы показать, как социальному актору удается поддерживать старые образцы социальных практик, а также при этом вносить своими действиями что-то новое, Г. вводит в свою теорию стратификационную модель действующей личности, предполагающую рассмотрение рефлексивного мониторинга действия, рационализации и мотивации действия как устойчивой системы.

Рефлексивный мониторинг отражает тот факт, что социальный актор, осуществляя действие, постоянно контролирует не только ход своей деятельности и ожидает, что другие поступают аналогично, но что он также регулярно отслеживает окружающую его среду и соответственно полученной им информации постоянно регулирует свою деятельность. Здесь мы имеем дело с непосредственным проявлением внимания актора к пространственно-временным факторам. Рефлексивный мониторинг обусловлен интенциональным характером человеческого действия; при этом "интенциональность" Г. определяет как процессуальную характеристику и одну из составляющих поведения. Именно интенциональностью обусловлена такая особенность социальной жизни, как "объяснимость человеческого действия".

Что касается рационализации действия, то здесь речь идет о постоянной способности индивидуумов "понимать" то, что они делают и, исходя из этого, объяснять свои поступки, намерения и причины действия. Такая способность не является тождественной дискурсивному осмыслению и оформлению своего поведения, это – умение разбираться в намерениях и причинах действия. Рационализация действия – устойчивая характеристика повседневной практики, так как является неотъемлемой чертой поведения социальных субъектов, она представляет собой главное основание, по которому окружающие судят о "компетентности" индивида. Объяснение своего поведения актор осуществляет, полагаясь на "запас знаний", который используются и при осуществлении им самих действий. "Запас знаний" зависит от усвоенного индивидом объема социальных знаний, интеллектуальных способностей, склонностей и предпочтений человека, пройденной им социализации и многих других факторов.

Последний элемент стратификационной модели личности – мотивация действующей личности. В теории структурации он присутствует как проблема бессознательной мотивации и преднамеренности поведения. Мотивацию Г. соотносит с тремя элементами сознательности актора:

1) Практическое сознание (не вполне осознанное, порой нерефлексируемое знание, которое индивид не может сформулировать сознательно, но тем не менее умело применяет его при реализации той или иной линии поведения).

2) Дискурсивное сознание (рассудочный, логический уровень сознания индивида).

3) Бессознательные мотивы относятся к желаниям, побуждающим действовать, в рамках которых задается определенная линия поведения.

Граница между дискурсивным и практическим сознанием не является жесткой, она может меняться под воздействием множества факторов, внутренних и внешних для индивида. Бессознательные мотивы отделены от дискурсивного и практического сознания барьерами, основанными на психологическом подавлении. Здесь явно заметна связь с теорией психоанализа, эти понятия имеют некоторые аналогии с "Эго" (см.), "супер-эго" (см. **Сверх-Я**) и "ид" (см. **Оно**) Фрейда (см.). Однако Г. считает, что не следует преуменьшать роль сознательного и акцентировать внимание на бессознательном, полагая, что рефлексивные характеристики действия являются лишь проявлением бессознательных процессов. Бессознательное, по мнению Г., должно исследоваться только в его отношении с сознательным – рефлексивным мониторингом и рационализацией действия.

Разрабатывая теорию действия, описывая разные уровни мотивации агента и определяя их соотношение, Г. особое внимание уделяет механизму появления нового в деятельности отдельного человека, а следовательно и в истории. Для этого Г. рассматривает природу участия социального агента. Ход повседневной жизни – это, прежде всего, поток преднамеренных действий. Согласно определению Г., интенциональность – базовая характеристика действия, отражающая установку агента на достижение определенного качества или результата. Но любое действие имеет непреднамеренные последствия, которые, в свою очередь, являются неосознанными условиями последующего действия. И чем более удалены последствия действия во времени и пространстве, тем с меньшей вероятностью они будут интенциональными. Совокупность таких непреднамеренных последствий и вызывает к жизни самые невообразимые, неконтролируемые и неосознанные результаты. Задача социолога в данном случае заключается в соединении событий, проистекающих из первоначального обстоятельства, в определении "конечного результата", который нужно объяснить, и в раскрытии механизма воспроизводства любых институциональных практик.

Способность действовать иначе, чем предусматривает определенная практика, Г. определяет понятием власти социального актора, говоря, что в данном случае социальная система выступает как принудительная сила по отношению к актору. Любое действие предполагает способность индивида вмешиваться в события или воздерживаться от вмешательства, что и оказывает влияние на социальный процесс.

Идея "двуликости власти" – способность акторов приводить в действие свое решение и одновременно реализовывать институциональные практики – возможна благодаря существованию правил и ресурсов – средств, с помощью которых исполняется власть, являющаяся рутинной составляющей поведения в социальном воспроизводстве. Именно ресурсы организуют систему властных отношений как отношения автономии/зависимости. Г. выделяет два типа ресурсов: аллокативные (формы управления объектами, товарами и другими материальными явлениями); авторитативные (преобразовательные возможности управления людьми). Власть порождается определенными формами господства, основанными на асимметрии ресурсов, обусловленной типом социальной тотальности. При всем при этом властные отношения взаимообратимы: отношения автономии и зависимости действуют в обоих направлениях. Такую закономерность социальных систем Г. обозначает как "диалектика контроля". При этом формы зависимости предполагают наличие определенных ресурсов, посредством которых подчиненные могут влиять на действия подчиняющих.

Таким образом, структура для Г. – это набор именно тех правил и ресурсов в обществе, которые составляют неизменную основу социальных практик и предписывают способы социального поведения. Согласно такому подходу, социальные структуры существуют исключительно как "структурирующие свойства", которыми определяются базовые характеристики социальных систем или коллективных образований; они представляют собой фактический порядок элементов и характеризуются отсутствием субъекта. Структурирующее влияние этих свойств складывается из двух аспектов. Во-первых, это оформление образцов, правил взаимодействия агентов, во-вторых, конституирование временной протяженности взаимодействия. Таким образом, структурные свойства обусловливают существование во времени и пространстве более или менее одинаковых социальных практик и придают им "систематическую" форму. Структура тем не менее не тождественна принуждению, она как ограничивает действие, так и создает возможности для его осуществления. Таким образом, структуру не следует понимать в качестве препятствия на пути действия; она – всегда значимое условие производства любого действия, в том числе и фундаментальных социальных изменений.

Социальная система охватывает реальные действия людей, происходящие во времени и пространстве и организованные структурами как регулярные социальные практики. Их можно интерпретировать как структурные "поля", в которых агенты занимают определенные позиции по отношению друг к другу.

Термин "структурация" был введен Г. в употребление для того, чтобы дополнить более привычные термины "структура" и "система", так как они уже имеют множество смысловых значений, которые и затрудняют их понимание. Структурация социальных систем обозначает условия, управляющие преемственностью и преобразованием структур, а следовательно и воспроизводством социальных систем. Другими словами, Г. определяет понятие структурации как процесс организации и воспроизводства системы общественных отношений, сопутствующий социальному взаимодействию и происходящий благодаря применению агентами системы правил и ресурсов. Здесь Г. делает еще один новый шаг и говорит о дуальности структуры: структурные качества социальных систем являются как средством, так и результатом практик, которые они регулярно воспроизводят. Он рассуждает о способности структурных свойств социальных систем выступать как в качестве средства, так и в качестве результата практики, которая и конституирует социальные системы. Дуальность структуры, таким образом, проистекает из самовоспроизводящегося характера социальной жизни и выражается во взаимозависимости структуры и субъекта действия. Другими словами, человек, совершая принятые в обществе действия обеспечивает им возможность быть повторенными последующими поколениями.

Применение теории структурации к изучению социального взаимодействия и социальных изменений связывается Г. с разработкой концепции социальных институтов, теории социальной и системной интеграции. Прежде всего, Г. отличает понятие института от социальной системы. Институты – это наиболее стабильные элементы социальной жизни, практики, локализованные в пространстве и повторяющиеся во времени. Г. определяет их как стандартизированные способы поведения, играющие ключевую роль в организации социальных систем, так как они обеспечивают, во-первых, пространственно-временную непрерывность, преемственность и повторяемость повседневных практик и, во-вторых, постоянную перестройку стандартов поведения в зависимости от ситуации повседневной социальной деятельности. Согласно теории структурации, в основании институционального порядка любого общества лежат структурные свойства социальных систем. Г. называет три таких свойства, являющиеся, по его мнению, фундаментальными принципами: сигнификация, господство и легитимация.

Сигнификация как структурный принцип связана с правилами формирования знаков: любая социальная система производит коды значений, а также правила их применения и первичной интерпретации. К институциональным характеристикам сигнификации относятся, во-первых, объяснительные схемы – стандартизированные элементы "запасов знания", на которые ориентируются индивиды при взаимодействии, во-вторых, коммуникация значений (кодов) – ситуативное взаимодействие "запасов знания". В процессе взаимодействия агенты не только используют "совместное знание", в это же время происходит выработка значений на основании ситуационного применения "запасов знания" каждого из агентов.

Господство основывается на двух типах ресурсов: способности управлять другими людьми и возможности распоряжаться материальными объектами. К институциональным характеристикам этого свойства относятся, во-первых, ресурсы, имеющиеся в данном обществе, способствующие осуществлению власти, во-вторых, сама система власти, регламентирующая реальные отношения автономии/зависимости. Если действие предполагает преднамеренное вмешательство в ход событий в мире, то власть обусловливает принцип такого

вмешательства, а ресурсы представляют собой средства, благодаря которым в ходе обычного социального взаимодействия власть используется как трансформирующая потенция.

Легитимация у Г. – производство нормативного порядка, нормативное обусловливание и регуляция взаимодействий, предполагающие наличие способов такой регуляции. К институциональным характеристикам этого свойства относятся, во-первых, норма – производство значений и взаимных ожиданий агентов, которое можно рассматривать как актуализацию прав и исполнение обязанностей, во-вторых, санкция – ответная реакция на социальное поведение. Компетентный агент оценивает вероятность применения санкций относительно своего общественного поведения и решает, подчиниться норме и санкциям ради достижения цели или проигнорировать их.

Институты рассматриваются Г. как установившаяся практика, укорененная в пространстве и во времени; помимо воспроизводимости и временной протяженности она обладает еще одним существенным качеством: распространенностью среди членов сообщества. Г. утверждает, что любой компетентный представитель общества осведомлен о его социальных институтах; это знание необходимо как для деятельности общества, так и отдельного индивида. Однако сознательность агента всегда ограничена: он может не знать обо всех последствиях своего действия и о том, как эти последствия проявятся в будущем. В такой ситуации для правильного понимания упорядочения социальной жизни Г. предлагает рассматривать пространственно-временные отношения как фундамент производства и воспроизводства социальных институтов. Отношения с физически отсутствующим предполагают наличие социальных институциональных механизмов, отличных от используемых в ситуациях соприсутствия. Такая особенность социальных систем должна изучаться, по Г., посредством теории системного противоречия, которая определяла бы понятия социальной и системной интеграции, социального и системного противоречия, а также условия и принципы воспроизводства социальных систем.

В теории Г. понятие "интеграция" не является синонимичным понятиям "сплоченность" или "консенсус". Интеграция – это упорядоченное взаимодействие между индивидами, коллективными образованиями, основанное на отношениях относительной автономии и зависимости между участниками взаимодействия. Социальная интеграция понимается Г. как взаимодействие на личном уровне, предполагающее отношения автономии/зависимости индивидов при их соприсутствии. Системная интеграция – это взаимодействие между агентами, социальными системами, их взаимный обмен отношениями автономии/зависимости в расширенных пространственно-временных рамках. "Системность" на уровне социальной интеграции возникает посредством рефлексивного мониторинга действия и его рационального осмысления. Согласно принципу дуальности структуры мельчайшие проявления повседневного поведения соотносятся со структурными характеристиками социальных систем. Поэтому справедливо утверждение Г. о том, что социальная интеграция является опорой системной интеграции, поскольку именно на уровне первой осуществляется воспроизводство социальных институтов.

По Г., социальные системы характеризуются не просто способностью саморегуляции и самовоспроизводства; посредством рутинного воспроизводства структурных качеств, они формируют и постоянно развивают собственную "системность" – воспроизводимую взаимозависимость действий. Таким образом, возникающие непреднамеренные последствия действия неизбежно дают начало новой серии влияний, эффективность которой может быть описана и понята исходя именно из системной интеграции. Наиболее важными эффектами, порождаемыми непреднамеренными последствиями действия как в сфере воспроизводства структурных свойств социальных систем, так и в сфере социальной интеграции, являются социальное противоречие и социальный конфликт. Социальное противоречие – это оппозиция структурных принципов социальной системы, при этом принципы действуют в рамках друг друга, но в то же время противоречат друг другу. Социальный конфликт Г. описывает как борьбу между акторами и общностями, которая выражается в виде определенной социальной практики. Противоречия в социальных системах возникают в ходе процессов структурации и социального воспроизводства в силу непредвиденных последствий действия, являясь причиной социальных изменений.

Таким образом, Г. показывает, что взаимосвязи интеграции, системных противоречий и социальных конфликтов в немалой степени детерминированы принципами воспроизводства социальных систем, к каковым относятся:

1) действие гомеостатических каузальных петель – взаимозависимость частей системы осуществляется посредством причинных отношений, при которых изменение одной части вызывает последовательность событий, влияющих на другие части системы, а эти изменения, в свою очередь, снова оказывают влияние на элемент системы, с которого начались изменения;

2) саморегуляция посредством обратной связи и селективной информационной фильтрации – механизмы обратной связи характеризуются не замкнутостью, но направленностью и стимулируют появление контролируемых изменений, управляемых системой "фильтров", пропускающей желательные и отсеивающей нежелательные элементы;

3) рефлексивная саморегуляция предполагает целенаправленную деятельность людей по разработке систем контроля и их применению. Социальные организации систематически аккумулируют и хранят "отфильтрованную" ими социальную информацию, что является залогом стабильности условий социального воспроизводства.

Рассматривая принципы воспроизводства структурных свойств и институциональных характеристик социальных систем, Г. демонстрирует применение аналитической стратегии, названной им "институциональный анализ". В теории социальных институтов, построенной с ее помощью, видны "точки перехода" в дополняющую ее противоположность, в стратегию, обозначенную как "анализ стратегического поведения агентов". И действующему индивиду, и обществу присущи одни и те же структурные свойства:

структура формирует индивида и общество одновременно, не используя при этом все свои возможности по причине значимости непреднамеренных последствий действия. Любой агент обладает детальным знанием об обществе, в котором он живет, при этом он является "социальным теоретиком" на уровне дискурсивного сознания и "методологическим специалистом" на уровне и дискурсивного, и практического сознания. Индивид – исторически и пространственно локализованный член общества. В своей повседневной деятельности он проявляет компетентность относительно ситуаций и социальных условий, с которыми связан. Уже самим фактом производства действия агенты участвуют в воспроизводстве структурных качеств системы, а следовательно воспроизводят также и условия, которые делают возможным само действие.

Таким образом, видно, что Г. в своей теории структурации изложил новый вариант соединения субъективизма и объективизма, говоря о том, что общество, несомненно, многое определяет в поведении человека, олицетворяя собой набор уже сформированных практик, которые в силу несомненной преемственности поколений людей усваиваются каждым его новым членом. Однако есть возможность у каждого актора попытаться использовать свою волю в виде определенных ресурсов и внести некоторые изменения в социальные практики. Чем более распространена в обществе определенная практика, тем сложнее ее изменить отдельному индивидууму – вывод, имеющий значение для социолога. Таким образом, Г. призывает использовать в социальных науках принцип дуальности, который заключается в отказе от противопоставления индивида и структуры: индивид использует правила и ресурсы (т.е. структуру) и воспроизводит, таким образом, эту структуру. Индивидуальное действие и структура соединены в едином процессе, индивидуальное социальное действие и структура не различаются, поскольку существует основа для их объединения, каковой, по мысли Г., и выступает социальная практика.

На втором этапе своего творчества, который продолжается до сегодняшнего момента, Г. предлагает критику постмодернизма как теории общества в книге "Последствия модернизма" (1991), разрабатывая в качестве альтернативы идею рефлексивности эпохи модернизма и говоря о "высоком модернизме" как об определенной стадии развития общества. Рефлексивность имеет важное значение для развития общества, а также для развития самости, на что Г. указывает в исследовании "Модернизм и самоидентичность: личность и общество в конце современной эпохи" (1991). Модернизм в понимании Г. – это социальная система, возникшая вместе с национальным государством и капиталистическим производством в постиндустриальную эпоху и переживающая сегодня бурное развитие. Одной из причин возникновения такой социальной системы является изменение системы ценностей человека, их переориентация с внешних на внутренние, с материальных на нематериальные. Эти явления подрывают устои традиционного капиталистического хозяйства. Другой причиной является глобализация, устранение прежних границ национальных государств и становление мировой сети производственных и информационных структур.

В идее модернизма Г. содержится противопоставление традиции – он различает домодернистский (традиционный) этап развития человечества и модернистский (посттрадиционный) этап. Традиционным культурам свойственно почитание прошлого, и символы ценятся потому, что содержат и передают опыт поколений. Традиция – способ взаимодействия рефлексивного контроля действия и пространственно-временной организации социальной системы, средство взаимодействия с пространством и временем, обеспечивающее преемственность прошлого, настоящего и будущего. В культурах, основанных на устном предании, традиция как таковая не осознается, хотя эти культуры – наиболее традиционные. Чтобы осознать традицию как нечто отличное от других форм организации действия и опыта, нужно существовать в пространстве и во времени иным образом, который становится возможным лишь после изобретения письменности. Тем не менее в цивилизациях, существовавших до эпохи модернизма, рефлексивность в значительной мере ограничена лишь переформулированием и прояснением традиции. С наступлением эпохи модернизма рефлексивность принимает иной характер: она включается в саму основу воспроизводства социальной системы, так что мысль и действие постоянно преломляются друг в друге. Обоснование практики ее традиционностью теряет силу, и традиция может быть оправданна лишь в свете социального знания, которое само по себе ею не определяется. С наступлением эры модернизма пересмотр правил и ресурсов социального воспроизводства настолько радикализуется, что применяется ко всем аспектам человеческой жизни. Модернизм обусловлен рефлексивно применяемым знанием, однако никакое знание в условиях модернизма не есть знание в "старом" смысле, где "знать" – значит быть уверенным в том, что заложено прошлыми поколениями. Теперь область вариантов поведения настолько открыта, насколько это ограничивают лишь общественное мнение и закон. Общество становится все более рефлексивным, Г. отмечает рост рефлексивности во всех сферах жизни общества, начиная от государства, находящегося на одном полюсе шкалы, и заканчивая зоной интимных межличностных отношений, на другом.

Признаки модернизма присутствуют в равной мере в развитии и естественных, и общественных наук. Все общественные науки соучаствуют в трансформации рефлексивных связей, при этом социология занимает среди них особое место, что вытекает из ее роли наиболее обобщенного типа рефлексии современной общественной жизни. Сама эпоха модернизма глубоко и по существу социологична; проблематичность же позиции профессионального социолога как поставщика экспертного знания об общественной жизни вытекает из того факта, что в модернистском обществе он может лишь на один шаг опережать непрофессионала в понимании социальной действительности, т.к. в ней уже нет тех базовых традиционных основ, которые бы гарантировали прочность и предсказуемость социальной системы.

В работах "Влево или вправо: будущее радикальной политики" (1995), "Третий путь и его критика", "Третий путь: обновление социальной демократии" и "Глобальные споры о Третьем пути" (2001) Г. теоретически обосновывает необходимость нового пути политического развития современных стран, поскольку, по его мнению, в последние годы в мире произошли настолько существенные изменения, что старые политические теории в некоторой степени не соответствуют действительной ситуации. Главный упор в теории Третьего пути делается на сбалансировании бесспорной мощи капитализма и необходимости усиления социальной солидарности и гражданских ценностей, развиваемых социалистической системой. Третий путь означает взгляд на политику, который позволяет признать новую ситуацию – конкуренцию в глобальном мире – и поддержать разумно согласованное общество, заставляя эту конкуренцию работать на людей экономически, социально и культурно. Г. утверждает, что программа Третьего пути обосновывает возможность сочетания социальной солидарности с динамичным развитием экономики, именно в этом заключается цель, поставленная перед современными социальными демократами. Третий путь в целом принимает систему взглядов неолиберализма, в частности то, что касается глобального рынка, при этом Г. критично оценивает закрепление правомерности неравенства дохода, благосостояния и власти разных стран в мировом масштабе. В связи с этим Г. говорит о необходимости "второй волны демократизации", возможной, прежде всего, благодаря развитию форм непосредственной демократии (референдум, суд присяжных и т.д.) во всем мире. Г. очертил круг проблем, касающихся сегодня любых государств, нерешение которых может привести к окончательному социальному расколу между странами, признаки которого уже сегодня видны в международных отношениях.

В самых последних своих работах Г. обратился к еще одной теме современной социальной мысли, которая активно обсуждается во всем мире и которая при этом в действительности слабо концептуализирована в теоретическом плане – это проблема глобализации. В работах "Неудержимый мир: как глобализация меняет нашу жизнь" (2002), "На грани: жизнь и глобальный капитализм" (2001), "Куда теперь новой рабочей силе?" (2002) Г. выделяет две школы общественной мысли, которые господствуют в социальной мысли. С одной стороны, существуют те, кого Г. называет "гиперглобализаторы", и, с другой – существуют "скептики глобализации". Гиперглобализаторы опираются при анализе глобализации, в первую очередь, на экономическую сферу жизни общества. В соответствии с их взглядами, глобализация означает расширение глобального рынка. В ситуации с глобальным бизнесом идея глобализации является не просто теоретическим понятием, она является идеологическим понятием, выражающим определенную ориентацию на будущее в развитии стран. Прямо противоположная точка зрения принимается "скептиками глобализации", которые доказывают, что глобализация была намного более развита в начале века, чем сейчас. И они приводят ряд статистических доказательств для того, чтобы показать, что тезис о глобализации является мифом. Этот тезис поддерживается политиками, экономистами и социальными учеными, придерживающимся левых позиций. Г. считает, что взгляды и гиперглобализаторов, и скептиков являются не совсем верными.

Прежде всего, Г. доказывает – в противоположность гиперглобализаторам, – что мы находимся в начале процесса глобализации, а не в конце, при этом глобализация имеет множество источников своего развития – влияние технологии на глобальных рынках, изменение политической карты мира и т.д.

Во-вторых, не соглашаясь со скептиками, Г. считает, что глобализация является одним из наиболее фундаментальных видов изменений, происходящих сегодня в мире. Глобализацию не нужно понимать только как экономическое понятие или просто как развитие мировой политической системы, появление глобальных институтов. Г. называет ее "действием на расстоянии": глобализация относится к усиливающемся влиянию действия на расстоянии на жизнь каждого социального субъекта, к взаимопроникновению индивидуальной жизни и глобальной истории. В этом смысле Г. рассматривает глобализацию скорее как "внутренний", а не "внешний" феномен, который не является простым набором процессов и не двигается в едином направлении во всем мире. Глобализация порождает солидарность в одних социальных системах и разрушает их в других. Другими словами, она является абсолютно противоречивым процессом.

В-третьих, Г. уверен, что текущая фаза глобализации является не просто продолжением предыдущих фаз истории. Он рассматривает текущую фазу глобализации как начавшуюся около 30 лет назад, когда появилась первая глобальная система коммуникации, которая соединила спутниковые технологии и компьютеризацию, изменив само строение социальной жизни.

Г. выделяет четыре события в истории человечества, приведшие к глобализации: 1) информационная революция конца 1960-х; 2) развитие экономики, состоящей из мировых финансовых, товарных и информационных рынков; 3) падение советской коммунистической плановой системы; 4) изменения, произошедшие на уровне повседневной жизни, приведшие к равенству мужчин и женщин.

Благодаря процессу технологической трансформации мира в последние 50 лет произошел переход к самому ориентированному на будущее обществу, которое когда-либо существовало ранее, появилось широкое использование понятия риска как противостояния будущему, выраженного в попытке социального агента управлять последствиями своего действия [опасность при этом стала исходить не извне (от природы), как раньше, а от самого человека]. В мире заговорили об экологической опасности, опасности несчастных случаев, катастроф, о демографической опасности и т.д. и о необходимости создания систем управления опасностями определенного вида (например, страховые компании, министерства по чрезвычайным ситуациям и т.д.). К особому типу таких систем относятся системы управления научными инновациями глобального масштаба, которые не только поддерживают нововведения, но и стимулируют их (примером является активное

развитие генетики, информационных технологий). В ответ на происходящие изменения появились "антиглобалисты", выступающие против происходящих в мире процессов универсализации и распространения единых форм социальной жизни. Г. отмечает бессмысленность таких движений, подчеркивая тот факт, что представители этого движения сами неизбежно используют в ходе борьбы те же новые коммуникационные, управленческие, социальные технологии, что и сторонники глобализации.

Г. также занимался исследованиями в области социологии эмоций в работе "Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах" (1993). Одним из самых важных изменений, происходящих в современном мире, Г. считает изменения в сфере личной жизни человека – в сексуальных отношениях, браке и семье. В современном обществе Г. выделяет следующие специфические процессы в сфере семейно-брачных отношений:

1) Исчезает традиционная семья как экономический союз, в котором присутствовало неравенство положения его членов – мужчины, женщины и детей.

2) Меняется на глазах отношение к детям – ценной становится индивидуальность и духовное качество ребенка потому, что количество рожденных детей у семейных пар уменьшается, при этом решение иметь ребенка в модернистском обществе управляется психологическими и эмоциональными чувствами.

3) Происходит трансформация сексуальных отношений, сегодня их цель и результат – не рождение детей, а получение эмоционального и физического удовольствия.

Именно поэтому институты брака и семьи Г. называет институтами-оболочками: они все еще называются по-прежнему, но их характер существенно изменился в современном обществе. Сегодня супружеская пара находится в центре семейной жизни, любовь и сексуальное притяжение становятся базисом брачных связей, основанных, прежде всего, на эмоциональном общении или интимности. Формируются три основные сферы, в которых эмоциональное общение, а следовательно интимность, заменяет традиционные семейно-брачные отношения – сфера сексуальных и любовных отношений, сфера отношений родителей и детей и сфера дружбы.

Феномен активного доверия, по Г., является ключом к пониманию трансформаций интимной жизни, существенно характеризующих современный социальный мир, в котором существует прямая связь между глобализацией социальной жизни и изменением интимных отношений между людьми. Трансформация интимности в сфере дружбы, сексуального поведения и брачных отношений заключается в том, что межличностные и эротические связи формируются здесь как "чистые отношения", для которых внешние условия социальной или экономической жизни не имеют определяющей роли: отношения держатся именно на том, что они дают его участникам, при этом они строятся на добровольно принятых обязательствах, а не на внешних обязанностях. Доверие при этом активно достигается путем взаимного самораскрытия участников. Интимная жизнь является элементом существования индивида, причем в "чистых отношениях" индивиды не просто признают друг друга и во взаимной реакции находят подтверждение своей идентичности, а личностная идентичность индивидуумов обретается в развитии интимных отношений, основанных на активном доверии. Чистые взаимоотношения, по Г., являются также полностью демократическими – это взаимоотношения равных, в которых каждая сторона имеет равные права и обязанности, будучи при этом свободной от произвольной власти, принуждения или насилия.

С.П. Романова

ГИДДИНГС (Giddings) Франклин Генри (1855-1931) – американский социолог, первый полный профессор социологии в США (в Колумбийском университете), президент Американского социологического общества (1908), основатель первой в США кафедры социологии в Колумбийском университете (1894).

Г., подобно Уорду (**см.**), ориентировался на создание всеохватывающей социологической системы, исходя из психологических оснований.

Характеризуя социологию как "конкретную, описательную, историческую, объяснительную" науку, Г. отмечал, что в отличие от психологии, изучающей проявления индивидуального разума, социология касается более сложных и специализированных явлений разума, наблюдаемых в ассоциации индивидов друг с другом.

По мысли Г., социология – это наука, изучающая психические явления в их более высокой сложности и противодействии, в силу чего в социологии необходимо развивать "конструктивный" метод психологического синтеза на основе тщательного изучения психических вероятностей "великого мира человеческой борьбы".

Центральная теоретическая идея Г. наиболее полно выразилась в понятии "себеподобного сознания" ("сознания рода", "родового сознания"), под которым подразумевалось чувство тождества, испытываемое одними людьми по отношению к другим. "Первичный элементарный субъективный факт в обществе есть сознание рода, – утверждал Г., – ... под этими словами я подразумеваю такое состояние сознания, в котором всякое существо, какое бы место оно ни занимало в природе, признает другое сознательное существо принадлежащим к одному роду с собою". Именно "сознание рода", по Г., делает возможным осмысленное многомерное взаимодействие разумных существ и одновременно сохраняет индивидуальные особенности каждого из них, так как только сознание рода, по его мнению, отличает социальное поведение от чисто экономического, политического или чисто религиозного поведения.

Трактуя общество как ряд взаимосвязанных дифференцированных групп и ассоциаций, в которых наблюдается постоянный сложный процесс производства и воспроизводства социальных отношений и сложных организаций, Г. считал необходимым рассматривать общество как союз, организацию, сумму внешних отношений, связывающих вместе соединившихся индивидов.

В качестве исходного момента социального организма Г. полагал исключительно психическое начало. "Общество в первоначальном смысле слова, – отмечал Г., – означает сотоварищество, общую жизнь, ассоциацию, а все... социальные факты по природе своей – психические", в силу чего общество есть "психическое явление, обусловленное физическим процессом".

Анализируя природу и характер общественной ассоциации индивидов, Г. утверждал, что "истинная ассоциация начинается в зарождении сознания рода", а "ассоциация подразумевает, что сношение убедило сталкивающихся индивидов в том, что они слишком подобны между собою, чтобы пытаться покорить друг друга...".

С точки зрения Г., в обществе действуют два основных типа сил, именуемые им "волевым процессом" и силами "искусственного отбора как сознательного выбора". В частности, это силы социализирующие (условие, по Г., внешнее по отношению к социальной структуре, порождающее ассоциацию и способствующее социализации) страсти и стремление индивидов, климат, почва и прочее, с одной стороны, и социальные силы – с другой. В структуру "социальных сил" Г. включал влияние группы или общества на индивида. Это влияние направляет поведение индивидов к достижению групповых целей любого характера. Примерами "социальных сил", полагал Г., могут служить общественное мнение или законодательство.

В общем виде социальный процесс выступает у Г. как взаимодействие сознательных мотивов, волевой ассоциации и физических сил.

К числу позитивных моментов социологического учения Г. можно отнести и его вывод о существовании определенной взаимосвязи между социальной структурой, социальным процессом, социальными силами и различного рода субъективными моментами социальных явлений.

В целом, придерживаясь в первый период своего творческого развития идеи психического эволюционизма, он полагал, что в общественном развитии действуют две силы: сознательная и бессознательная, поэтому главными факторами эволюции у него выступают, с одной стороны, объективно-природные, а с другой – субъективно-психологические. Причем последние приобретают не столько личностный, сколько коллективный характер как "сознание рода", которое и предопределяет поведение индивидов.

Позднее, в 1920-х, Г. начинает разделять базовые идеи творчества Э. Маха, Б. Рассела и пр., уделяет повышенное внимание статистическим методам исследования социальной реальности, чем содействует становлению эмпирической социологии США. Предметом социологии Г. полагает в этот период своего творчества изучение "плюралистического поведения", сводимого им к совокупности реакций индивида на динамику стимулов среды.

А.А. Грицанов, В.И. Овчаренко

ГИПЕРРЕАЛЬНОСТЬ – понятие социальной философии постмодернизма, выражающее принципиальный отказ от идеи линейности в пользу идеи скачкообразного чередования эпистем (М. Фуко – **см.**). Феномены истины, адекватности, реальности перестают восприниматься в качестве онтологически фундированных и воспринимаются в качестве феноменов символического порядка. В рамках концепции "постистории" оформляется интенция отказа от традиционного исторического сознания и ориентация на трактовку субъекта в контексте "вненаходимости" применительно к историческому процессу. В подобном семантическом пространстве феномен реальности обретает характеристики Г., в рамках которой оригинал и копия (подделка) сосуществуют в одном культурном контексте. Таким путем постмодернизм выводит человека из-под диктата одной определенной культуры: транскультурный мир располагается не в зоне директории по отношению к наличным культурам, но одновременно внутри их всех. Транскультура отнюдь не определяется как аддитивная сумма содержаний наличных культур, предлагая процессуальность их игровых модификаций.

Современное общество конституируется как общество тотальной зрелищности – так называемая витро-культура (ср. ницшеанскую констатацию "исторической болезни" европейской цивилизации, собирающей в своих музеях осколки прошлых культур). Согласно Бодрийару (**см.**), закончилась не только история, но и сама реальность, уступив место симулятивной Г. симулякров. Аналогично, согласно позиции У. Эко (**см.**), мир культуры предстает в современном своем виде как совокупность знаковых систем, принципиально не соотнесенных с внесемиотической сферой. Одна из основных идей Эко относительно культурного пространства – это идея "отсутствующей структуры": знаки культуры, в которой мы живем, перманентно открыты для интерпретации – любая человеческая деятельность связана с интерпретацией знаков и практически исчерпывается ею. Таким образом, в культуре постмодерна статус знака и статус объекта оказываются неразличимы (Бодрийар фиксирует эту ситуацию посредством метафоры "злой демон образов").

Фактически Г. может быть оценена как реакция культуры на собственную тотальную симуляционность: американские восковые панорамы исторических событий в натуральную величину, Диснейленд и т.п. – "Hyper reality" как новая идеология, созидающая собственную мифологию. Г. фальсифицирует субъекта как потребителя, фальсифицирует желание покупать, которое принимается за реальное. В пространстве Г. желания оказываются продуктом манипуляций, вкус и стиль – результатом своего рода идеологической экспансии социальности в индивидуальное сознание. По оценке Эко, атрибутивной характеристикой Г. является то, что она заставляет поверить: именно такой и должна быть подлинная реальность. Диснейленд – зона безусловной пассивности: познание его "действительности" возможно лишь благодаря имитациям "действительности", которая сама по себе носит симуляционный характер. В очерченном семантическом пространстве как потребление продукции шоу-бизнеса, так и уклонение от него реализуют себя внутри Г., задающей исчерпывающее измерение бытия сознания (ср. со сформулированной в контексте концепции Франкфуртской школы идеей "одномерного человека", трагедия которого заключается в

невозможности осознания собственной одномерности). Идея Г. оценивается современной постмодернистской рефлексией в качестве одной из фундаментальных (Д. Лион). См. **Виртуальная реальность.**

Е.П. Коротченко

ГИПОСТАЗИРОВАНИЕ (греч. hypostasis – сущность, субстанция) – 1) рассмотрение абстрактных объектов, не обладающих временным и пространственным онтологическими статусами, в качестве непосредственных объектов человеческого мышления. Вневременность и внепространственность гипостазированных объектов отличает их от эмпирических объектов внешнего мира, обладающих пространственно-временными характеристиками. Г. есть процесс осмысления в заданной системе категорий объекта рефлексии, наделенного исключительным, несвойственным ему статусом (например, понятие "число" в пифагореизме, "диалог" в философии Левинаса и др.); 2) логико-семантическая ошибка, связанная с неправильным употреблением так называемых "мнимых" имен или ономатоидов (греч. "онома" – имя, "ономатоид" – нечто похожее на имя), не обозначающих конкретные объекты (например, "справедливость", "право", "обязательство", "равенство" и т.д. не являются именами конкретных предметов). Результатом признания мнимых имен в качестве действительных при одинаковом понимании существования их денотатов (см. **Денотат**) является Г. "мнимого" названия. Путем Г. создавалась, например, философия права, содержащая постулаты об идеальном правопорядке, совершенных нормах и т.д. Вторым источником логико-семантического Г. является платоновская интерпретация наименований, которые считаются общими не по названию, а общими по пониманию. Г. находится в зависимости от понимания смысла имени. Ситуации, в которых единичная интенция заменяется интенцией общей, являются контекстами Г. Именованиям общей интенции соответствуют не только отдельные объекты, т.е. десигнаты, но и общие абстрактные объекты, т.е. денотаты. Например, величина площади круга $S=\pi R^2$ зависит от иррационального числа π и может существовать только как гипостазированный объект.

С.В. Воробьёва

ГИПОТЕЗА (греч. hypothesis – основание, предположение) – форма организации научного знания, обеспечивающая движение к новому знанию, выводящая за рамки наличного (имеющегося) знания и способствующая (в отдельных случаях) реализации новой идеи (концептуальная схема как экспликация идеи, как "общая Г." теории). Функционально оформляется как предварительное объяснение некоторого явления или группы явлений. Строится исходя из предположения об имплицитном существовании некоторого отношения порядка, реализуемого как последовательность чередования явлений, позволяющих (при соблюдении норм и правил процедуры) делать заключения (выводы, предположения) о структуре объектов, характере и тесноте (существенности) фиксируемых связей объектов, признаков, параметров и т.д., детерминированности одних явлений другими. Логически формулируется по схеме условно-категорического умозаключения, в котором нужно подтвердить или опровергнуть определенную посылку. В этом смысле Г. выглядит как положение, которое с логической необходимостью следует из имеющегося знания, но выходит за его пределы (границы), и является переформулировкой обнаруженной и разрешаемой проблемы.

Процессуально Г. (как переход от неизвестного, проблемного к известному, гипотетически предполагаемому) строится как алгоритм реализации исследовательской цели с возможным выходом на практическое решение. Тем самым Г. предзадает внутреннюю логику развертывания знания. В большинстве случаев это логика обоснования какого-либо положения, иногда – логика открытия (предположение о существовании некоторого явления). Г. – такая форма нормативно-процессуальной организации знания, которая не может быть непосредственно оценена с точки зрения ее истинности или ложности. Она задает некоторое поле неопределенности. Снятие этой неопределенности и происходит в ходе теоретического (логического) обоснования (доказательства) Г. и (или) ее опытного подтверждения или опровержения, т.е. эмпирического обоснования. Предположения, оформленные как Г., всегда вероятны (и в этом отношении в той или иной мере неопределенны); процедуры обоснования (проверки) исходных исследовательских Г. всегда есть шаги по уменьшению этой неопределенности, в пределе – по ее снятию вообще, что позволило бы изменить статус знания вероятностного на статус знания достоверного (теоретического), а тем самым преодолеть нормативно-процессуальные ограничения гипотетического знания – т.е. "ликвидировать" Г. как форму знания в данном конкретном исследовании и/или теории. Однако в современной методологии науки данная установка все больше рассматривается как принципиально полностью не реализуемая ни в одной научной теории, которая сама трактуется как совокупность (структурность и организованность) гипотетических конструктов, связанных в идеале) отношениями выводимости. В этом контексте в научном знании (теории, программе) различают инвариантное ядро и ее периферийный "защитный пояс", открытый вовне, зависимый от вновь появляющихся данных и нуждающийся в постоянном переформулировании своих положений, их постоянном переобосновании. Таким образом, "периферия" принципиально оформляется как проблемно-гипотетическое знание, граница которого с "ядром" всегда достаточно условна, конвенциональна. В то же время акцент на обоснование соответственных гипотетических положений внутри теории все больше заменяется акцентом на дискредитацию конкурирующих теорий, а сами теории начинают пониматься как принимаемые на веру паттерны (**см.**), как возможные точки зрения на определенные предметные области, т.е. само научное знание начинает трактоваться как принципиально гипотетическое (содержащее в себе неустранимый момент неопределенности, разрешаемый конвенционально и/или процессуально).

"Гипотетизация" знания приводит к актуализации его деятельностно-технологических аспектов за счет работы с его содержанием. Тем самым можно утверждать (с известной

долей условности), что научное знание имеет дело скорее не с реальными событиями, а с анализом объективных возможностей тех или иных событий. Оно способно снимать (преодолевать) собственную проблемность, но не собственную вероятностность, что неизбежно ведет к его новой проблематизации. Поворотной точкой к такому подходу можно считать перенесение акцентов с процедур верификации на процедуры фальсификации знания, со схем вывода, ориентированных на подтверждение Г., на схемы вывода, ориентированные на опровержение Г. Подтверждение следствия из Г. способствует лишь увеличению правдоподобности суждения, отрицание же следствия способно поставить под сомнение само основание Г. Опровержение обладает большим эвристическим потенциалом, чем подтверждение, которое всегда проблематично, – любое научное положение, пока оно не опровергнуто, может быть рассмотрено как Г. (оно всегда есть "вопрошание", сформулированное по определенным правилам и нормам в соответствии с тем или иным идеалом знания и "простроенное" как адекватная исследовательской ситуации процедура).

Необходимо различать Г.-основания и выводимые из них Г.-следствия, которые, собственно, и подвергаются процедурам обоснования. При этом неподтверждение одного из следствий не есть достаточное условие для опровержения Г.-основания. Хотя она и ставится под сомнение, речь идет, скорее, о проблематизации процедуры построения системы Г. с параллельными повторной экспликацией содержания (вплоть до его переформулирования-переинтерпретации) и проверкой формальной правильности организации собственно процедуры. (В той или иной мере справедливо, что работа с гипотетическим по статусу знанием есть работа со знанием в процедурном режиме.) Теоретическое обоснование Г. предполагает ее проверку на непротиворечивость, установление ее принципиальной проверяемости, выявление ее приложимости к исследуемому классу явлений, исследование ее выводимости из более общих теоретических положений, оценку ее вписываемости в теорию через возможную перестройку последней. Эмпирическое обоснование Г. предполагает или наблюдение явлений, описываемых Г. (что редко возможно), или работу по соотнесению следствий из Г. с наличными и обнаруживаемыми данными опыта. Работа с процедурами обоснования Г. выработала в научной практике установки на продуцирование возможно большего числа взаимосвязанных Г., с одной стороны, и на установление возможно большего числа референтов (эмпирических индикаторов) для каждой Г. – с другой. В методологии науки наработан ряд качественных параметров, которым должна удовлетворять правильно сформулированная Г. Среди них можно назвать параметры: общности (более предпочтительными полагаются Г. с охватом большего количества объектов); сложности (определение оптимума включаемых в структуру Г. факторов); специфицируемости (установление различимых значений для каждого из факторов, включенных в структуру Г.); детерминированности (фактор тем более детерминирован, чем большее количество наблюдений учтено); фальсифицируемости и проверяемости (установление границ неопределенности Г.); коммуникативности (содержательная и процессуальная согласованность Г. внутри знания с установленными – уже обоснованными – положениями); предсказуемости (на основе имеющихся данных и знания); воспроизводимости и устойчивости (меры объективности и достоверности Г.). Особо оговариваются процедурные требования к Г. – ее принципиальная реализуемость на данном уровне знания и данными средствами, избегание в ней оценочных суждений, отсутствие в ней непроинтерпретированных понятий, минимизация в ней различных ограничений и допущений. Процедуры специфицируются для различных классов (типов) Г.: основных и неосновных (ориентирующихся на разные исследовательские задачи), первичных и вторичных (возникающих на базе или взамен первых), а главное – структурных (ориентированных на выявление структур, свойств, характера связей объекта), функциональных (ориентированных на определение степени тесноты связей и взаимодействий внутри определенной целостности), объяснительных (причинно-следственных). В ряде типологий к объяснительным относят и функциональные Г., в других типологиях их объединяют вместе со структурными в тип (класс) описательных Г. (в обеих типологиях структурные Г. квалифицируются как описательные). См. также: **Гипотетико-дедуктивный метод, Наука, Теория.**

В.Л. Абушенко

ГИПОТЕЗА СТАТИСТИЧЕСКАЯ – предположение о некоторых свойствах генеральной совокупности (см.), которое можно проверить, опираясь на данные выборочного исследования. В социологии часто проверяют гипотезы о равенстве средних значений переменной в двух или нескольких группах, об однородности распределений, о статистической связи и независимости переменных и пр.

Г.С. – это форма представления содержательной гипотезы, позволяющая проверить ее статистическими средствами (см.: **Статистическая проверка гипотез**). В отличие от содержательной гипотезы, Г.С. формулируется в виде двух взаимно исключающих утверждений, называемых нулевой и альтернативной гипотезами. Нулевая гипотеза (см.) (H_0) постулирует отсутствие различий между исследуемыми характеристиками генеральной совокупности или отсутствие связи между переменными. Она выступает в роли утверждения, которое считается справедливым до тех пор, пока не обнаружатся противоречащие ему факты. Доказав с помощью вычислений, что нулевая гипотеза не верна, исследователь косвенно демонстрирует, что признаки на самом деле связаны друг с другом, а различия существуют.

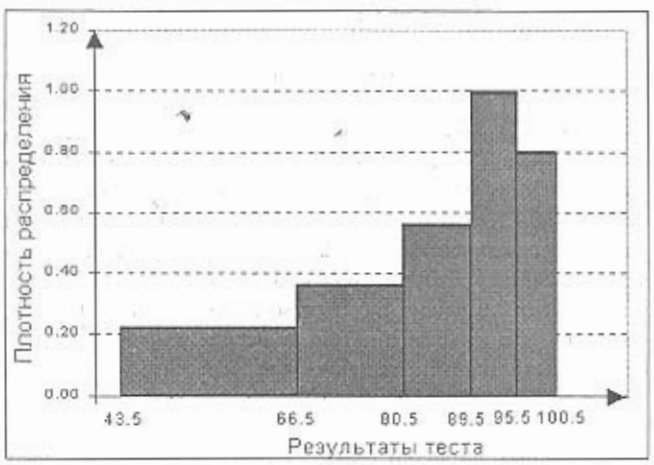
Альтернативная гипотеза (H_1) утверждает существование определенных различий между характеристиками генеральной совокупности или наличие определенного типа связи между переменными. Большинство исследовательских гипотез формулируются как альтернативные. Доказательство альтернативной гипотезы осуществляется косвенно, через отклонение нулевой гипотезы. В то же время принятие нулевой гипотезы во многих случаях означает не отклонение альтернативной гипотезы, а только то, что данные, собранные для ее подтверждения, недостаточно убедительны.

Во многих случаях одна и та же нулевая гипотеза может служить базой для проверки нескольких альтернативных гипотез. Например, исследователь, изучающий связь между употреблением подростками наркотиков и подростковым суицидом, в качестве нулевой гипотезы, вероятно, будет использовать утверждение типа: "употребление наркотиков и суицид не связаны друг с другом". Альтернативные гипотезы могут быть следующими: (1) употребление наркотиков повышает вероятность суицида; (2) употребление наркотиков снижает вероятность суицида; (3) суицид каким-то образом связан с употреблением наркотиков. Альтернативные гипотезы (1) и (2) в этом примере являются односторонними, гипотеза (3) – двусторонней, в ней не уточняется направление постулируемой связи. С точки зрения интерпретации результатов исследования, двусторонняя альтернативная гипотеза обладает меньшей содержательной ценностью, чем односторонние. Однако для некоторых нулевых гипотез односторонние альтернативы сформулировать невозможно. См.: **Нуль-гипотеза.**

О.В. Терещенко

ГИСТОГРАММА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ – график распределения частот (**см.**) для непрерывной переменной (см. также: **Шкала измерительная**). Предназначен для визуального представления распределения непрерывной переменной, состоит из соприкасающихся прямоугольников, основанием которых служат интервалы группировки в точных границах, а высотой – вычисленные значения плотности распределения (**см.**).

Пример. Г.Р. результатов теста по иностранному языку.



О.В. Терещенко

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ – термин для обозначения ситуации изменения всех сторон жизни общества под влиянием общемировой тенденции к взаимозависимости и открытости. Двигателем Г. выступает современный капитализм (**см.**), понимаемый как фаза истории человечества и как несущий определенную (неолиберальную) геополитическую и политическую программу. По мысли Р. Робертсона ("Глобализация". Лондон, 1992), "понятие глобализации относится как к компрессии мира, так и к интенсификации осознания мира как целого... как к конкретной глобальной взаимозависимости, так и осознанию глобального целого в 20 в.". М. Уотерс ("Глобализация". Лондон; Нью-Йорк, 1995) отмечает: Г. – это процесс, "в ходе которого и благодаря которому определяющее воздействие географии на социальное и культурное структурирование упраздняется и в котором люди это упразднение все в большей мере осознают".

Впервые Г. как феномен слияния рынков отдельных видов продукции и услуг, производимых крупными транснациональными корпорациями, была осмысленно зафиксирована, по-видимому, американским ученым Т. Левиттом в статье, опубликованной в журнале "Гарвард бизнес ревью" в 1983. Более широкое значение новому термину придали в Гарвардской школе бизнеса, а главным его популяризатором стал японский консультант этой школы К. Омэ, опубликовавший в 1990 книгу "Мир без границ". Полагая, что мировая экономика теперь определяется взаимозависимостью трех центров – ЕС, США, Япония – он утверждал, что экономический национализм отдельных государств стал бессмысленным, в роли же главных "актеров" на экономической сцене выступают "глобальные фирмы".

Г. – это признание растущей взаимозависимости современного мира, главным следствием которой является значительное ослабление (некоторые исследователи настаивают даже на разрушении) национального государственного суверенитета под напором действий иных субъектов современного мирового процесса – прежде всего транснациональных корпораций и иных транснациональных образований, например, международных компаний, финансовых институтов, этнических диаспор, религиозных движений, мафиозных групп и т.д. Не связанные, в отличие от национальных государств, условиями международных договоров и конвенций, эти транснациональные образования оказываются в более выгодном положении, перераспределяя в свою пользу властные полномочия. Основной сферой Г. является международная экономическая система (мировая экономика), т.е. глобальные производство, обмен и потребление, осуществляемые предприятиями в национальных экономиках и на всемирном рынке. Хотя основная часть глобального продукта потребляется в странах-производителях, национальное развитие все более увязывается с глобальными структурами и становится более многосторонним и разноплановым, чем это было в прошлом. Успех глобальных корпораций в значительной мере опирается на признание их продукции потребителями разных стран. Даже в странах с высоким уровнем развития товарного национализма продукция глобальных корпораций находит успешный сбыт по причине ее относительной дешевизны и качества. Кроме того, огромные прибыли глобальных корпораций позволяют вкладывать гигантские средства в рекламу, внушающую потребителям, что это именно те товары и услуги, которые им нужны. Глобальные производство и сбыт формируют глобального потребителя – "гражданина

мира", который во всех странах ищет и находит одно и то же, наслаждается одним и тем же. Г. представляет собой комплексную тенденцию в развитии современного мира, затрагивающую его экономические, политические, культурные, но в первую очередь информационно-коммуникационные аспекты. Так, мощным двигателем процесса Г. стали электронные СМИ. Спутниковое телевидение, получающее все большее распространение, ломает национальные границы, превращает постоянно растущую часть населения Земли в одну гигантскую телеаудиторию, которая смотрит одни и те же фильмы, любит и знает одних и тех же звезд, стремится к одним и тем же символам материального успеха (см. **Всемирная деревня**). Другой важной составляющей процесса Г. выступили современные информационные технологии (Интернет, компьютерная связь, мультимедиа и т.п.), позволившие транснациональным организациям размещать различные составляющие производственного процесса в разных странах, сохраняя при этом тесные контакты. Так, мировой финансовый рынок являет собой в настоящее время интегрированную глобальную систему, четко скоординированную через мгновенные телекоммуникации. Уменьшение необходимости физических контактов между производителями и потребителями позволило некоторым услугам, которые ранее невозможно было продать на международных рынках, стать объектом специфической торговли. Так, любую деятельность, которая осуществима на экране или по телефону (от подготовки программного обеспечения до продажи авиабилетов), стало возможным произвести в любой точке мира, связавшись через спутник или компьютер. Формирующаяся система глобальной информации формирует потребности и интересы, общие для жителей всех стран. В свою очередь глобальные потребности ведут к появлению глобальных продуктов. Это проявляется в стандартизации товаров и унификации торговых марок. К числу товаров, которые приобретают вид стандартных (глобальных), уже можно отнести мотоциклы, аудиокассеты, диски CD, стереоаппаратуру, компьютеры и ряд других. Следующий уровень Г. – унификация менеджерской стратегии и тактики, разрабатываемой для глобального рынка без попыток адаптации управления к местной специфике. Таким образом, Г. предполагает также и тенденцию к унификации мира, к жизни по единым принципам, приверженности единым ценностям, следованию единым обычаям и нормам поведения. (Индивидуальные феноменологии во все большей степени релятивизируются в глобальной системе координат.) Г. фундирована социальным состоянием, когда символические практики приоритетны по отношению к материальным, начинает доминировать Г. символических обменов, освобождающих (уже в силу своей природы) социальные отношения от пространственных референций. Г. ведет к взаимному уподоблению социальных практик на уровне повседневной жизни. Именно этот аспект Г. является традиционным объектом критики защитников национальных культурных традиций от эскалации западной, и прежде всего американской, информационной продукции. Они полагают, что Г. информационно-коммуникационных процессов ведет к нивелированию самобытности культур в различных странах и подчинению СМИ не гуманитарным, а коммерческим интересам.

Как отмечает французский ученый Д. Коэн, "прошло немного лет, а к понятию глобализации уже стали относиться с подозрением: одни считают, что оно предполагает фаталистическое отношение к происходящим в мире изменениям, в то время как другие призывают к защите нынешнего дорогой ценой завоеванного общественного порядка от тенденций столь сомнительного качества". По мысли же директора Центра Фернанда Броделя по изучению экономики, исторической системы и цивилизаций И. Валлерстайна (1999), идея Г. как универсального этапа мирового развития есть "громадная ошибка современной действительности, обман, навязанный нам властными группировками и нами же самими, часто в отчаянии... Мы можем думать об этом переходе как о политической битве между двумя крупными лагерями: тех, кто хочет удержать привилегии существующей неравноправной системы, и тех, кто хотел бы видеть создание новой системы, которая будет более справедливой". См. **Геополитика**.

Е.Н. Вежновец, И.В. Сидорская

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ – проблемное поле, отражающее совокупность жизненно важных проблем человечества и содержащее обобщенную характеристику важнейших направлений развития общества и его будущего. К числу Г.П.С. относятся следующие их группы: политические, социальные, экономические, экологические, демографические и научно-технические. Выделяют также такие Г.П.С., как интерсоциальные, проблемы отношений общества и человека, проблемы отношений человека, общества и природы.

В суммарном виде могут быть выделены три основные группы Г.П.С. В первую очередь, это проблемы предотвращения мировой термоядерной войны, обеспечения безопасности людей, устранения экономической отсталости отдельных стран, ликвидации голода, нищеты и неграмотности. Вторую группу Г.П.С. составляют проблемы, возникшие в результате взаимодействия общества и природы. Необходимы беспрецедентные усилия по предотвращению загрязнения окружающей среды и сохранению ее качества; рациональное использование наличных природных ископаемых и поиски новых энергетических ресурсов; обеспечение человечества сырьем и продовольствием; освоение океана и космического пространства и др. К третьей группе Г.П.С. относятся проблемы, обусловленные отношением человека и общества: возникли задачи ограничения стремительного роста населения; предвидения и предотвращения отрицательных последствий научно-технического прогресса, ведущих к биологической деградации человека; борьбы с распространением алкоголизма и наркомании; совершенствования здравоохранения и образования и др. Г.П.С., будучи порождены ходом предшествующего общественного развития, достигли необычайной остроты к началу 21 в. в силу крайне усилившейся неравномерности социально-экономического, политического, научно-технического, демо-

графического, экологического и культурного развития различных государств. Их решение требует объединения усилий всех стран для преодоления опасности экологической катастрофы. Глобальность данных проблем определяется тем, что они так или иначе касаются всего человечества и не могут решаться изолированно одна от другой. Последовательное разрешение Г.П.С. предполагает ликвидацию социальных антагонизмов, установление гармоничных отношений между обществом и природой, переход всего общества на коэволюционный путь развития. В силу этого активизация международной деятельности, направленной на выработку общих подходов к охране окружающей среды, на создание и быстрейшее внедрение в практику тестов ее качества, на разработку юридических норм природопользования – сопровождается пересмотром некоторых традиционных экологических теоретических положений и представлений.

П.А. Водопьянов

ГЛЮКСМАН (Glucksmann) Андре (р. 1937) – французский философ. Работал ассистентом у Арона. Позже – сотрудник Национального центра научных исследований. Основные сочинения: "Рассуждение о войне" (1967), "Кухарка и людоед" (1975), "Господа мыслители" (1977), "Европа 2004" (1980), "Цинизм и страсть" (1981), "Сила головокружения" (1983), "Глупость" (1985), "Декарт – это Франция" (1987) и др.

В ранних работах, анализируя природу и характер войн, Г. противопоставлял войну как схему активного сопротивления, как революцию – ее ипостаси абсолютного уничтожения. При этом доминирование вектора насилия в современном обществе Г. связывает с коммунистическим проектом, полагая, что именно идеология в ее марксовом издании выступила предпосылкой всех тоталитарных режимов. По мысли Г., отношение "господство – подчинение" лежит в самом основании рационально организованного общества (ср. со структуралистской концепцией "власть – знание"). Достижение свободы в подобных рамках невозможно, поскольку: а) отдельные члены социума не в состоянии освободиться, ибо неизбывно присутствует "отсутствующий Господин", создавший как это общество, так и его законы; б) общество не свободно как целое, так как, даже выступая в качестве "общества равных", оно утверждает для себя самого "всеобщий рациональный принцип порабощения" – дисциплину; в) общество, как правило, не в состоянии "импортировать" свободу извне в силу того, что экономическое процветание настоятельно требует от любого социума экспансии несвободы. Революции и их пророки – И. Фихте, Г. Гегель, К. Маркс (см.) и Ф. Ницше, – по Г., в той же мере виновны в ужасах тоталитаризма, в коей связаны с происхождением идеалов равенства (безразлично, для всех индивидов или их избранной части). Тексты "великих авторитетов", по мнению Г., необходимо конституируют "дискурс Властителя", подчиняющий себе историю. Изобретенная формула "делай то, что захочешь", согласно Г.: 1) *радикальна*, ибо "направлена на настоящее ("делай") и управляет будущим ("то, что захочешь"). Прошлое стерто, поскольку повторять эту формулу означает снова начать все с нуля... Сама конструкция и заданная организация помещает послушников в своего рода антимонастырь, подчиняя их антиправилам, которые разработаны не менее детально; 2) *революционна*, так как акцентирует момент, когда "все возможно"; момент "когда все возможно" выдается за акт рождения каждого индивидуума, входящего в эту общность; 3) *базируется на коллективизме*: мы свободны все вместе. Значит, свободен лишь коллектив: "благодаря этой свободе они предпримут усилия, чтобы осуществить то, что на их взгляд, должно нравиться индивидууму... Общество, таким образом, обречено бесконечно повторять акт своего рождения: оно существует через повеление, и первого начальника сменит следующий... Важно лишь настоящее: будущее, вслед за прошлым, должно быть разрушено, ибо несет в себе угрозу непредусмотренных изменений; 4) *диктаторская*. "Делай то – что хочешь" аналогично более туманному "делай то – что следует из марксизма". Приказ без каких-либо оговорок и возражений сам по себе возводит непреодолимую диссимметрию – между тем, кто провозглашает это как закон, и тем, кто это воспринимает как правило жизни; 5) *теологична*. Ее основа религиозна как у Св. Августина: "Люби Бога, служи (Ему) и делай что хочешь". Мысль XX века гласит: "Все разрешено" – разрыв связи с волей Божьей устраняет религиозную окраску, но следы разрыва остаются: в подтексте следует "Если Бог умер, то все позволено". Исчезает религиозная связь, но ее место занимают универсализирующие рассуждения, которые ведутся с тем же авторитетом, что был присущ рациональной теологии.

По убеждению Г., "задача задач бюрократических систем – предстать именно как Система, речь идет не столько о том, чтобы применить закон, сколько о том, что существует такая вещь, как Закон". По версии Г., вся европейская эпоха после Просвещения демонстрирует тенденцию возрастания роли разума в общественной жизни и его поступательное отождествление с властью: в 1789 был инициирован процесс внедрения в массы "воли к господству". Именно Фихте, провозгласивший долженствование философии быть логически обоснованной системой, "основополагающей наукой", "наукоучением", продуцировал, по Г., установку на ее превращение в (словами Фихте) "источник человеческого могущества". Таковая наука у Фихте "должна обладать принципом, который не может быть доказан ни из нее самой, ни из какой-нибудь другой науки, ибо она есть наивысшая наука". По Фихте, "действовать! – вот для чего мы существуем". Г. усматривает в этой интеллектуальной линии проект политизации философии с целью достижения абсолютного господства субъекта. Субъектом – деятельным и активным – в данном контексте становится само знание, а развертывание "Я" оказывается тождественным экспансии принципа господства. Знание, разум начинают доминировать над действительностью: происходит сплавление науки (абсолютного знания) и революции (ориентация "абсолютной деятельности" разума на перманентное и всеобъемлющее отрицание) в цельную метафизику господства – подчинения. Суть фихтеанского учения о свободе, по мысли Г., такова: "Мы должны социализировать людей, исходя из их свободы". В дальнейшем, в продолжение

идей Фихте, Гегель, согласно Г., сформулировал вывод: "познавать – значит господствовать", дополнив его впоследствии тезисом "мыслю, следовательно, государство существует". Свобода, по Гегелю, в интерпретации Г., определяется как "принцип, говорящий о том, каким способом правитель должен управлять". Оценивая вклад Маркса в дело порабощения человечества, Г. пришел к выводу, что тот "предложил стратегическую схему дешифровки, а следовательно, и организации крупных конфликтов в современных обществах". Маркс, как полагает Г., как и все "властители-мыслители" стартует следующим образом: "начинает с нуля", разрушая все предшествующее, и – далее – "создает науку должного". Маркс сумел сформулировать "целостное решение проблем Французской революции", акцентировав внимание на проблемах того, "как должно быть организовано общество; каким способом люди, живущие в нем, могут быть свободными; как можно управлять "плебсом". Данная схема Маркса, по Г., базируется на гипотезе, в соответствии с которой "отношения власти по определению выводятся из отношений между вещами". Производительные силы, таким образом, оказываются ни чем иным, как "институтами производства власти", вокруг которых и разворачиваются конфликты современного общества. И наконец, Ницше, по версии Г., отбросил ненужные избыточности и в основе социальности поместил "волю к власти". Для Ницше, по мысли Г., "все организации, государство, наука, искусство, политика, религия являются только "формообразованиями господства", структурой воли к власти". Ницше, с точки зрения Г., отказался от последнего возможного индикатора властных отношений – экономических данностей (товаров) – немецкий мыслитель провозгласил: "Властвующий измеряет сам, не позволяя при этом, чтобы его измеряли; он сам задает нормы". Подводя итог интеллектуальным достижениям западноевропейской философской традиции 18-19 вв. в этой сфере, Г. отмечает, что в ракурсе общей онтологии идет поиск ответа на вопрос "что такое бытие и сущее". В развороте же специальной онтологии властители-мыслители, по Г., выясняют "кто сущий" с целью "представить программу радикального господства над всем". Как акцентирует Г., "все современное господство в своей глубинной основе метафизическое". Признание подобных философских дискурсов, по мысли Г., внедрение в ткань реальности определенных типов господства: наличествующие среди народа противоречия становится возможным "рационально и систематично поставить на службу правительствам". Попытки примирить благое (наличное или ставшее) состояние общества с неизбывной социальной несправедливостью Г. трактует как "социодицеи" /по аналогии: "теодицея" как проблема оправдания Бога в контексте презумпции несовершенства созданного им мира. – *А.Г.*/. Естественно в этом контексте то, что идею "блага" Г. характеризует в статусе универсальной "глупости" (проявления "воинствующего кретинизма"), фундирующей все базовые идеологии. Обращаясь к фигурам Сократа и Декарта, Г. подчеркивает, что подлинное призвание философа состоит отнюдь не в разработке жизнеутверждающего морально-идеологического идеала, а в "раскрытии заблуждений" людей.

А.А. Грицанов

ГОБИНО Жозеф Артюр (1816-1882) – французский дипломат, писатель, публицист, представитель расово-антропологического направления в социологии. В основном труде "О неравенстве человеческих рас" (1853-1855) Г. утверждал превосходство белой расы, а также то, что этнические смеси ведут к вырождению человечества и к демократии, как к наихудшей форме государственного устройства. См. также: **Расово-антропологическая школа.**

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна (р. 1939) – российский социолог, ведущий специалист в области истории российской социологии и социологии стран восточно-европейского региона, а также в области социальной структуры общества. Окончила философский факультет МГУ (1965). Кандидат философских наук (1974), доктор философских наук (1980), профессор (1987). В Институте социологии Российской академии наук работает с 1968, с 1992 – заместитель директора Института социологии РАН, руководитель-координатор программы "Социальное расслоение и социальная мобильность". На протяжении 20 лет активно занималась научно-педагогической деятельностью на философском и социологическом факультетах МГУ им. М.В. Ломоносова; с 1997 – профессор кафедры социологии университета Дружбы народов и Государственного университета гуманитарных наук, заместитель главного редактора журнала "Социологические исследования", член президиума Академии социальных наук РФ, член экспертного совета ВАК РФ.

Научные интересы Г. связаны с изучением истории социологии в Югославии, России и других восточно-европейских странах, а также с исследованием трансформационных процессов в сфере социальной структуры и стратификации общества, с проблемами формирования гражданского общества в современной России. На основе многомерного иерархического подхода с использованием таких признаков, как доход, власть, престиж и др., ею предпринята попытка анализа социальной структуры российского общества и сделан вывод о том, что трансформация социальной структуры осуществляется в направлении классово-стратификационной модели, которая детерминирована, в первую очередь, социальной поляризацией по имущественному признаку. Подчеркивается "заблокированность" многих элементов гражданского общества, обусловленная исторической традицией России и современным кризисным состоянием социума. Под руководством Г. по этим проблемам издан ряд монографий и сборников статей, получивших высокую оценку научной общественности.

Г. осуществляет большую организационную деятельность. На протяжении ряда лет (1974-1989) она была ученым секретарем советской части Проблемной комиссии по социологии многостороннего сотрудничества ученых восточно-европейских стран и ответственным редактором от СССР Международного информационного бюллетеня. В 1990 была избрана исполнительным вице-президентом Советской социологической ассоциации, с 1978 принимала активное участие в подготовке и работе всемирных социологических конгрессов.

Г. – автор более 200 научных работ, в том числе 10 книг и брошюр, 18 коллективных монографий, 5 учебных пособий и программ, ответственный редактор 20 монографий и сборников, редактор-составитель таких изданий, как "Социология в России" (1996, 1998); "Энциклопедический социологический словарь" (1998); "Социологи России и СНГ XIX—XX вв." (1999). Принимала активное участие в подготовке таких изданий, как "Российская социологическая энциклопедия" (1999), "Политическая социология" (2000), "Политическая энциклопедия" (в печати). Под научным руководством Г. подготовлено 20 кандидатов и докторов наук.

Основные работы: "Актуальные проблемы социально-классовой структуры современного югославского общества" (1976); "Очерк истории социологической мысли в Югославии" (1984); "Социология в России" (1998, соавтор); "Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества" (1996, 2000, отв. редактор и соавтор); "Социальная структура и стратификация в условиях формирования гражданского общества в России. Кн. 1-2" (1995); "Трансформирующиеся общества: цели и пути" (1996, отв. редактор и соавтор); "Социальные конфликты в трансформирующихся обществах" (1997, соавтор); "Словарь социологических терминов" (1997, соавтор); "Социальное расслоение и социальная мобильность" (1999, отв. редактор и соавтор); "Гражданское общество в России: теория, история и современность" (1999, отв. редактор и соавтор) и др.

ГОЛОД Сергей Исаевич (р. 1935) – российский социолог, специалист в области социологии семьи, гендерных и сексуальных исследований. Окончил Ленинградский педагогический институт (1961). Доктор философских наук (1987).

В 1963-1965 – младший научный сотрудник кафедры философии АН СССР; в 1969-1975 – младший научный сотрудник Ленинградского филиала Института философии АН СССР, в 1975-1989 – научный сотрудник ИСЭП, с 1989 – ведущий, главный научный сотрудник Ленинградского филиала Института социологии РАН. С 1996 – директор Санкт-Петербургского института социологии РАН.

В работах Г. исследуются основные направления эволюции семьи, этапы обновления ее современных моделей, обосновывается типология форм семьи. На основе результатов эмпирических исследований раскрываются имманентные тенденции развития семьи, выделяются наиболее уязвимые модели, описывается роль таких нравственных и социально-психологических ценностей семьи, как интимность и автономность, а также представления о "принятом" и "непринятом" в сексуальном поведении в различных этнокультурах.

Основные работы: "Профессиональная работа женщин и семья" (1971, соавтор); "Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты" (1984); "Будущая семья: какова она (социально-нравственный аспект)" (1990); "Личная жизнь: любовь, отношения полов" (1990); "Семья и брак: историко-социологический анализ" (1998); "Социологические исследования проституции в России: (История и современное состояние вопроса)" (1998, соавтор) и др.

ГОЛОСЕНКО Игорь Анатольевич (1938-2002) – российский специалист по истории социологии. Окончил философский факультет ЛГУ (1963). Кандидат философских наук, диссертация – "Критика философско-исторических и социологических концепций Питирима Сорокина" (1968); доктор философских наук (1982), диссертация – "Буржуазная социология в России на рубеже двух веков".

С 1994 – главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН.

В своих работах Г. показывает, что русская дореволюционная социология представлена тремя теоретико-методологическими тенденциями: позитивизмом различных разновидностей, антипозитивизмом (в лице неокантианства и марксизма) и неопозитивизмом, анализирует их сложные и противоречивые отношения. Г. выделяет свойственные им онтологические учения о способах и возможностях познать реальность и праксеологические учения о путях изменения ее в реформах и революциях.

Основные сочинения: "Социологическая мысль в России" (1978, соавтор); "Социология Питирима Сорокина" (1978); "Реализм и номинализм в истории буржуазной социологии" (1979); "Универсальное и национальное в немарксистской социологии" (1981); "Питирим Сорокин: Судьба и труды" (1991); "Социология Питирима Сорокина (русский период деятельности)" (1992); "История русской социологии XIX-XX вв." (1995, в соавторстве); "Историко-социологические взгляды Н. Кареева" (1996) и др.

ГОЛЬДМАН (Goldmann) Люсьен (1913-1970) – французский социолог и философ, основоположник генетического структурализма. Был руководителем Центра национальных научных исследований в Парижской высшей практической школе, Центра социологии литературы при Брюссельском свободном университете. Основные работы: "Человеческая общность и универсум по Канту" (1945); "Гуманитарные науки и философия" (1952); "Скрытый Бог" (1955); "Диалектические исследования" (1959); "О социологии романа" (1964); "Ментальные структуры и культурное творчество" (1970); "Марксизм и гуманитарные науки" (1970); "Культурное творчество в современном обществе" (1971); "Лукач и Хайдеггер" (незакончена, издана в 1973) и др. Своими учителями считал Канта, Маркса, Лукача, Фрейда. Сотрудничал с Пиаже. Высоко ценил и использовал при разработке своей концепции работы Адорно (см.), Маркузе (см.), М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, К. Леви-Стросса (см.), Р. Барта, М. Фуко (см.). Одним их своих отдаленных предшественников считал Б. Паскаля.

Г. ставил перед собой задачу социологического синтеза на основе диалектической (марксистской) коррекции структурализма с целью создания методологии, позволяющей одновременно анализировать и структуру, и генезис социальных явлений. Отсюда название его концепции – генетический структурализм, который он считал глобальной и комплексной социальной теорией. Фактически же он создал и универсальную теорию культуры. Одним из первых Г. обнаружил исчерпанность структуралистских подходов к исследованию со-

циума и культуры. Определял структурализм как теорию "формальных трансисторических структур", комбинаторику средств без интереса к целям и ценностям, к человеку как субъекту. (При этом Г. был склонен к расширению понятия структурализма, включая в него и всю феноменологическую философию, начиная с Гуссерля.) Предложил понимание структуры как взаимосвязанных частей единого ансамбля человеческого поведения ("значимая динамическая структура") и сместил интерес от текста к контексту (социализации), что позволяет выявить значимость произведений культуры ("фактов слова", а не продуктов языка) в социальных процессах.

Г. выделял при этом три этапа формирования генетического структурализма: 1) этап Г. Гегеля – К. Маркса (см.); 2) этап З. Фрейда (см.); 3) этап собственного творчества. Заслугу Фрейда видел в том, что он вернул принцип рассмотрения явления в контексте более широкой ("глобальной") структуры, утраченный в методологии после Маркса. Критике же подвергалась фрейдовская абсолютизация динамики индивидуальной психики, отсутствие у него "коллективного субъекта" культуры. Г. считал, что поставленная задача принципиально неразрешима средствами психологии и психоанализа, естественнонаучными методами исследования. Отрицая наличие коллективного подсознательного, рассматривал культуру как адаптационный механизм, дающий "значимую согласованность" сознаний через включение в процессы творчества, что недостижимо в повседневной жизни и на уровне индивидуальной адаптации. Сознание трансиндивидуально, подсознание индивидуально, но привносится людьми в любую "согласованную глобальную структуру", задавая ей "либидозную сверхдетерминацию" (либо деформируя ее). В психоанализе нет будущего, он обращен в прошлое (детство), что возможно преодолеть только с позиций диалектического марксизма. За сходные недостатки Г. подвергнуты критике идеи Франкфуртской школы (см.) и экзистенциализма, которые рассматривались им как иноверсии марксизма (отсюда интерес к сопоставлению взглядов Хайдеггера и Д. Лукача – см.). Подлинную же философию диалектического марксизма (см.) создал, согласно Г., Лукач (у Маркса она не была эксплицитно выражена).

Собственно же генетический структурализм, по Г., есть рефлексивная диалектическая социология гуманитарного факта ("фактов слова" как философских, литературных и т.д. произведений, взятых в социокультурных контекстах). Гуманитарные факты одновременно понимаются и объясняются. В связи с этим Г. предложил свою концепцию понимания и его соотношения с объяснительными процедурами. Понимание – строго интеллектуальный процесс (оно рационально-логично). Его суть – в описании сущностных связей, конституирующих структуру, и выявлении внутренней согласованности текстов. Объяснение же, согласно Г., есть поиск индивидуального или коллективного субъекта, по отношении к которому ментальная структура, управляющая произведением, имеет функциональный и, следовательно, значимый характер. Объяснение – суть понимание структур более широких, чем исследуемая частная структура. Объяснить – значит включить понимающее описание факта в охватывающую его значимую динамическую структуру. Понимание структуры, в свою очередь, есть объяснение составляющих ее более мелких структур. Следовательно, по мысли Г., понимание и объяснение – сопровождающие друг друга процессы. Схватывание этого и делает структурализм диалектическим. Ментальные же структуры вырабатываются группой, коллективным "мы", т.е. трансиндивидуальным субъектом. Они лишь реифицируются во множество индивидов и по-разному проявляются в "реальном" и в "возможном" сознаниях. Категория "возможное сознание", считает Г., была введена Паскалем и в имплицитном виде есть в "Святом семействе" Маркса и Энгельса, в котором пролетарское сознание понимается не как то, что реально думают пролетарии. Возможное сознание задает предельные границы промысливания социальной реальности, которые социальная группа не может преодолеть без трансформации социума. Приближение сознания к этим границам – задача генетического структурализма. В культуре к ним максимально приближаются творцы великих произведений.

В зависимости от выраженности в их деятельности творческого начала Г. разбивает все социальные группы на три типа: 1) группы, имеющие целью улучшение собственного положения в данной значимой структуре ("социальной тотальности" в целом) и вырабатывающие "идеологическое" коллективное сознание; 2) "привилегированные" творческие группы, ориентированные на реорганизацию разных уровней "тотальности" и вырабатывающие "видение мира" (на основе определенных идеалов); 3) "новые творческие группы" (элиты), имеющие целью выработку новых "глобальных человеческих видений" мира. "Видение мира" (категория введена немецкими романтиками, использовалась в неокантианстве) заключается в придании значимой (осмысленной) и согласованной (гармоничной), т.е. "когерентной" структуры поведению, чувствам и мыслям действующих субъектов, обеспечивающей максимально-достижимое в данных условиях приближение к возможному сознанию. Наиболее полно эта задача реализуема в искусстве и литературе.

Г. в связи с социологическим анализом последних выдвинул гипотезу гомологии структур экономики и произведений духовной культуры, а также гипотезу "конвергетного действия" четырех факторов гомологии (наиболее уязвимые для критики положения генетического структурализма). С другой стороны, она может быть реализована только "значимыми сообществами", ориентированными на гуманистические ценности свободы личности. Г. различает "свободу от" (индивидуальная свобода) ограничений и "свободу для" (коллективная свобода) – создание предпосылок для обеспечения "свободы от". Прогресс обеспечивается прежде всего развитием коллективной свободы, так как индивидуальная свобода связана с определенными культурно-историческими условиями европейской цивилизации. Г. считает, что индустриальное общество подавляет индивидуальную свободу. Он разделяет тезис Д. Рисмена (см.) о совершаемом переходе от общества, регулируемого изнутри, к обществу, регулируемому извне. В этой связи Г. предлагает утопию "усовершенствованного"

("гуманизированного") социализма как возрождения утраченного "подлинного" (аутентичного) взаимоотношения людей с миром вещей и друг и с другом. Взгляды Г. получили широкое распространение среди социологов культуры, особенно социологов литературы. Свои версии генетического структурализма предложили Ж. Ленхардт, М. Зерафф, Р. Эскарпи.

В.Л. Абушенко

ГОРДОН Леонид Абрамович (1930-2001) – российский социолог, специалист в области социологии труда, быта и свободного времени, социальной структуры, рабочего движения. Окончил МГУ (1953). Доктор исторических наук (1979), профессор (1986).

В 1961-1965 – младший научный сотрудник Института стран Азии и Африки АН СССР; в 1965-1966 – научный сотрудник отдела социологии Института труда Госкомтруда СССР; в 1966-1991 – старший научный сотрудник, руководитель группы, зав. сектором Института международного рабочего движения АН СССР; в 1991-1993 – зав. отделом и лабораторией Института проблем занятости РАН и Минтруда РФ. С 1993 – зав. отделом ИМЭМО (Центр сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований).

Г. исследовал состояние, структуру и тенденции развития повседневного быта и образа жизни рабочего класса в СССР; осуществил историко-социологический анализ процессов развития рабочего класса СССР в 1950-1970-х, дал характеристику социальных последствий его превращения в большинство населения страны, обосновал перспективы его развития под влиянием НТП; переосмыслил официальную версию событий 1930-1940-х, изучил объективные и субъективные факторы утверждения в СССР государственного социализма; сделал вывод о неизбежности коренной трансформации советского общества. В своих трудах Г. предпринял попытку целостного анализа рабочего движения и положения трудящихся в контексте социально-экономических и социально-политических перемен постсоветской России.

Г. – автор более 200 научных работ, в том числе: "Человек и его работа. Социальные проблемы быта и внерабочего времени" (1972, соавтор); "Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра" (1977, соавтор); "Социальное развитие рабочего класса СССР. Рост численности, квалификации, благосостояния рабочих в развитом социалистическом обществе. Историко-социологические очерки" (1977, соавтор и член редколлегии); "Рабочий класс СССР (Тенденции социально-экономического развития в 60-70-е годы)" (1985, соавтор); "Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы" (1989); "Очерки рабочего движения в постсоциалистической России" (1993); "Надежды или угрозы? Рабочее движение и профсоюзы в переходной России" (1995); "Область возможного. Варианты социально-политического развития России и способность российского общества переносить тяготы переходного времени" (1995); "Потери и обретения в России девяностых" (В двух томах. 2000, соавтор) и др.

ГОРОД – исторически сложившаяся, территориально локализованная форма организации жизнедеятельности общества, в основе функционирования которой лежит механизм городского устройства, выражающий способ взаимосвязи подсистем, составляющих социально-пространственную структуру Г.: Г. социальной инфраструктуры (**см.**), Г. социальной морфологии (**см.**), городского населения социальной стратификации (**см.**), городской культуры, городского образа жизни (**см.**) и др.

Специфика взаимодействия этих подсистем выступает фактором, определяющим состояние Г. экологии (**см.**). Для Г. характерны: концентрация большого числа людей, значительная плотность населения на относительно ограниченной территории, высокая степень разнообразия и интеграции человеческой деятельности. В условиях глобальной ограниченности материальных и энергетических ресурсов Г. выступает доминирующей социально-пространственной формой существования общества.

История развития Г. как особой формы расселения людей насчитывает около 5000 лет. Объективной предпосылкой возникновения и развития Г. послужило общественное разделение труда (**см.**) на сельскохозяйственный и ремесленный, а также сосредоточение торговли в руках особой социальной группы – купцов. Люди, занятые преимущественно несельскохозяйственным трудом, образовывали территориально-концентрированные поселения, формируя основу будущих Г. В различные периоды истории у разных Г. актуализировались одни функции и уходили на задний план другие: защитная, торговая, добывающая, производственная, административная, культурная, религиозная и др. С развитием Г. перечень выполняемых ими функций продолжает расти – появляются Г.-курорты, Г.-музеи, Г.-научные центры. В контексте индустриального развития общества продолжает оставаться весомой доля материально-производственных функций в общей функциональной сфере Г. Вместе с тем, при переходе к постиндустриальному обществу (**см.**) значительно возрастает роль Г. как административного, культурного и научного центра, выполняющего функцию приема, обработки, хранения и передачи информации. Причем выполнение этой комплексной функции все меньше связывается с одновременной концентрацией значительных трудовых ресурсов – администраторов, программистов, операторов, клерков – на ограниченной территории Г. Привычное физическое рабочее пространство офиса или лаборатории постепенно заменяется электронным пространством компьютерных сетей. На протяжении всей истории развития человеческого общества Г. оказывали заметное влияние на процесс становления государств, нередко подменяя их собой (древнегреческие города-полисы, католическое Г.-государство Ватикан, Г.-княжество Монако, торгово-промышленный мегаполис Гонконг). По всей видимости, в обозримом будущем Г. сохранят за собой роль доминант в процессах общественного развития. В первую очередь это относится к крупным Г.-"миллионерам", где особенно плодотворно взаимодействие социально-экономических, политических, научно-технических и культурных факторов. По прогнозам ЮНЕСКО к 2005 на Земле будет более 60 Г. с на-

селением свыше пяти миллионов человек и более 150 Г. – с населением свыше миллиона человек.

На современном этапе урбанизации (см.) наблюдается тенденция, особенно ярко выраженная в промышленно развитых странах, к возрастанию концентрации населения в больших Г. По расчетам специалистов из Программы развития ООН в странах с высоким уровнем развития человеческого потенциала (ИРЧП) доля населения в Г. численностью свыше 750 тыс. человек составляла в 1990 40% от численности всего городского населения и 30% от общей численности населения этих стран. При этом, годовые темпы роста численности всего городского населения до 2005 сохранятся на уровне 0,1%. Таким образом, к 2005, в среднем, каждый второй житель Земли будет жить в Г., причем каждый третий – в крупном Г. с населением около 1 млн. человек. Это обусловливает необходимость дальнейшего всестороннего развития социологии Г. (см.) – специальной социологической теории, занимающейся изучением закономерностей развития Г. как социально-пространственной экосистемы, эффективность функционирования которой выступает необходимым условием развития общества.

О.В. Кобяк

ГОРОДА СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА (от лат. infra – под; букв. – "подструктура") – созданная человеком подсистема городского устройства, выполняющая функции жизнеобеспечения и воспроизводства населения города (см.). Г.С.И. представляет собой систему объектов, принадлежащих к различным отраслям сферы социального обслуживания. Это – пассажирский транспорт, коммунально-бытовые объекты, учреждения образования, здравоохранения, досуга и т.д. Деятельность этих объектов в их совокупности направлена на удовлетворение материальных и духовных потребностей городского населения, что создает необходимые условия для его развития.

Г.С.И. возникла в конечном счете благодаря действию социально-экономического закона разделения труда. С конца 19 в. вследствие урбанизации (см.) все шире разворачивается процесс обобществления условий жизнедеятельности человека. Из семейной жизнедеятельности начинают в большей или меньшей степени выделяться такие бытовые функции, как приготовление пищи, изготовление предметов обихода, частично отделяется воспитание детей и т.д. Индустриализация порождает массовое производство предметов потребления и услуг, а урбанизация создает массового потребителя. Закономерным является возникновение системы, обеспечивающей совместную жизнедеятельность и воспроизводство большого, и все возрастающего, числа людей, проживающих на ограниченной территории, а применительно к современной ситуации – в ограниченном пространстве. Таким образом, возникновение и развитие Г.С.И. – объективный социально-экономический процесс, протекающий в русле развития общего механизма городского устройства. В контексте индустриального развития общества Г.С.И. является, с одной стороны, системой, развитие которой доминируется производственной инфраструктурой города (призванной обеспечить производство необходимыми ресурсами в больших объемах, чем их воспроизводится на данной территории естественным образом), а с другой стороны, на нее возлагаются функции, способствующие развитию последней (например, функция привлечения рабочей силы в тот или иной район). При переходе от индустриального к постиндустриальному обществу самостоятельное значение Г.С.И. возрастает, а организация ее оптимального функционирования становится одной из главных задач городского планирования социального развития (см.).

О.В. Кобяк

ГОРОДА СОЦИАЛЬНАЯ МОРФОЛОГИЯ – 1) социально-пространственная подсистема механизма городского устройства, определяющая дифференциацию мест проживания горожан в зависимости от их положения в городского населения социальной стратификации (см.); 2) аналог понятия "социально-пространственная структура города". На формирование Г.С.М. в той или иной мере оказывает влияние огромное количество факторов – экономических, политических, этнических, экологических, религиозных и т.д. Так или иначе, Г.С.М. является исторически сложившейся системой расселения различных социально-экономических групп и слоев городского населения в границах социально-пространственной сферы города (см.). Понятие "Г.С.М." связано с понятием города социальной инфраструктуры (см.). С одной стороны, складывающаяся Г.С.М. определяет соответствующую ей специфику социальной инфраструктуры каждого района. С другой стороны, изменение характеристик социальной инфраструктуры, произошедшее, к примеру, под влиянием изменений производственной инфраструктуры, неизбежно влечет за собой повышение или понижение престижности соответствующих районов города, что рано или поздно скажется на изменении всей Г.С.М.

Г.С.М. – исторически динамичная система, претерпевающая с течением времени значительные изменения. К примеру, развитие системы городского транспорта и все большая доступность личного автомобиля делают более привлекательными для жизни окраины города, оставляя за внутренними районами, как правило, менее благополучными в экологическом плане, роль промышленного и административного центра. Следствием этого является формирование вокруг больших городов "пояса" индивидуальной застройки, в котором расселяются представители верхней части среднего класса и высших прослоек городского населения. В зависимости от целей исследования, различные участки территории города можно классифицировать по разным основаниям, например: выделять промышленные, административные, "спальные" районы; районы новой или старой застройки и т.д. Комплексный анализ социально-территориальных связей выделенных районов позволяет строить наглядные модели социальной морфологии конкретного города, которые помогают в решении задач городского планирования социального развития (см.).

О.В. Кобяк

ГОРОДА СОЦИОЛОГИЯ – см. **СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА.**

ГОРОДА ЭКОЛОГИЯ (от греч. oikos – дом, жилище, местопребывание и logos – слово, учение) – комплексная характеристика, отражающая состояние и специфику функционирования механизма городского устройства. Понятие "Г.Э." описывает систему связей и отношений, возникающую в процессе взаимодействия городского населения со средой его жизнедеятельности – социально-пространственной общностью *города*. Рассмотрение Г.Э. предполагает понимание города как экосистемы, которую образуют организмы (растения – продуценты, человек и животные – консументы, грибы и микробы – деструенты) вместе со средой их существования. Системообразующими элементами в такой системе являются потоки энергии и круговорот веществ.

С точки зрения экологии город является, во-первых, зависимой экосистемой (экспорт основных потребляемых городом продуктов превышает импорт в среднем в 10 раз); во-вторых, аккумулирующей системой (положительный баланс обмена веществ обусловливает их накопление внутри городского пространства); и в-третьих, неуравновешенной экосистемой (в отличие от природных экосистем развитие города определяется не естественными процессами, а деятельностью человека). Названные характеристики определяют специфику подходов к решению проблем Г.Э., острота которых стремительно возрастает вместе с глобальным развертыванием процесса урбанизации (**см.**). Стратегия преодоления большой зависимости экосистемы города от внешней среды связана с усилением автотрофного блока, производящего продукты питания, сырье и кислород, а также с использованием свободных площадей (в том числе стен и крыш зданий) для выращивания растений. Проблему аккумуляции веществ позволяет уменьшить переход на замкнутые циклы производства, сокращающие накопление веществ вообще и вредных выбросов в частности. Что же касается неуравновешенности экосистемы, то эту проблему можно снять только посредством увеличения роли научно обоснованного экологического регулирования развитием города, включающего гармоничное городское планирование социального развития (**см.**). Реализация перечисленных принципов требует не только крупных технических изменений инфраструктуры города и больших экономических затрат, но и, что важнее всего, коренных изменений в сознании городских жителей. Стратегия достижения этой цели связана с экологическим воспитанием горожан с самого раннего возраста (в семье, детском саду, школе) ради постепенного качественного обновления городского культурного пространства (**см.**) через привнесение в него комплиментарных природному бытию норм, ценностей и образцов поведения. Разумной альтернативы экологически сбалансированному городу в третьем тысячелетии у общества нет.

О.В. Кобяк

ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ – это, с одной стороны, объективно сложившаяся подсистема механизма городского устройства, создающая условия для его стабильного функционирования, с другой – система признаков и критериев социального расслоения, определяющая социальную структуру городского населения. Различают "одномерную стратификацию", когда критерием выделения групп выступает один признак и "многомерную стратификацию", определяемую совокупностью признаков.

Все многообразие конкретных видов Г.Н.С.С. можно свести к трем основным формам: экономическая, политическая и профессиональная стратификация. Обычно, все эти формы тесно взаимосвязаны: горожанин, занимающий высокое положение по какому-либо одному критерию, как правило, обладает таким же высоким статусом и по другим параметрам, и наоборот. Термин "Г.Н.С.С." тесно связан с понятием социальной мобильности (**см.**), согласно которому как в обществе в целом, так и в рамках социально-пространственной общности города (**см.**) в частности неизбежно существует неравенство в той или иной его форме, а также более или менее свободное перемещение горожан в системе Г.Н.С.С. в соответствии с их объективными возможностями и субъективными усилиями. Последнее обстоятельство позволяет Г.Н.С.С. выполнять стабилизирующую функцию по отношению к механизму городского устройства, обеспечивая его устойчивую работу.

Существуют количественные и качественные методы анализа Г.Н.С.С. Первые позволяют определить высоту и профиль социальной стратификации (**см.**) городского населения, вторые – оценить внутреннюю структуру и цельность "социального здания" горожан. Определение качественных и количественных различий Г.Н.С.С. у разных городов и в различные исторические периоды представляет большой научный интерес, а изучение закономерностей флуктуаций конкретных социальных стратификаций городского населения с выходом на моменты прогнозирования выступает ключевой проблемой городского планирования социального развития (**см.**).

О.В. Кобяк

ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ – система показателей, отражающая исторически сложившееся на территории города качественно-количественное соотношение различных социально-демографических групп, составляющих структуру городского населения. Критериями выделения групп, в зависимости от задач описания Г.Н.С.С., могут выступать: пол, возраст, национальность, образование, семейное положение и т.д. Население любого города имеет свои особенности, отражающиеся в специфике социальной и этнической структур, характере города социальной морфологии (**см.**). В то же время основные черты Г.Н.С.С., определяемые существующей в стране в целом общественно-политической системой и уровнем ее экономического развития, будут одни и те же для различных городов, несмотря на относительные различия в численности отдельных групп или слоев социального состава населения в каждом конкретном случае.

Г.Н.С.С. в историческом смысле весьма подвижен и изменяется в зависимости от того, как изменяются существующие общественные отношения – производственные, социально-классовые, политические, семейно-бытовые, идеологические, национальные и т.д. Г.Н.С.С. выступает комплексной характеристикой, описывающей одну из сторон механизма городского устройства, которая определяет "наполнение" социальной структуры населения города. Другую сторону названного механизма, определяющую иерархию социальной структуры, описывает новое для отечественной науки понятие – городского населения социальная стратификация (см.). Изучение Г.Н.С.С., отслеживание и прогнозирование происходящих в нем изменений – неотъемлемые задачи городского планирования социального развития (см.).

О.В. Кобяк

ГОРОДСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО – сфера функционирования городской культуры как сложной самоорганизующейся подсистемы механизма городского устройства, основная функция которой состоит в воспроизводстве и обновлении городского образа жизни (см.). Г.К.П. характеризуется рядом количественных и качественных показателей. К количественным показателям относятся: величина городского населения, размеры и возраст города (см.), число учреждений культуры (учебные заведения, библиотеки, информационные центры, театры, музеи, кинотеатры, дворцы культуры и т.д.), к качественным – статус города (районный центр, областной центр, столица), развитость города социальной инфраструктуры (см.), разнообразие городского населения социального состава (см.). Основываясь на комплексном анализе названных показателей, можно судить о таких характеристиках Г.К.П., как степень его разнообразия-однообразия, интегрированности-дезинтегрированности, динамичности-статичности.

Г.К.П. выступает ареной взаимодействия множества различных субкультур (см.), носителями которых выступают соответствующие слои городского населения. Это позволяет городской культуре отбирать среди передаваемых из прошлого в настоящее и из настоящего в будущее ценностей, норм, образцов поведения те, которые наилучшим образом способствуют воспроизводству городского образа жизни. Вместе с тем, внутри городской культуры возникают новые элементы, которые обогащают содержание Г.К.П. и обеспечивают непрерывное обновление городского образа жизни.

Таким образом, Г.К.П. является пространством, в котором действует городская культура, выполняя три основные функции – трансляционную, селекционную и инновационную, реализация которых выступает необходимым условием воспроизводства и обновления городского образа жизни.

О.В. Кобяк

ГОРОДСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ – комплекс мер по упорядочению работы механизма городского устройства путем регулятивного воздействия преимущественно на социальные подсистемы названного механизма. Конечной целью Г.П.С.Р. является оптимизация функционирования всех подсистем механизма городского устройства во имя наиболее полного выполнения *городом* своих функций. Данная цель достигается путем решения ряда задач, среди которых: формирование перспективной города социальной инфраструктуры (см.), обогащение и развитие городского культурного пространства (см.), целенаправленное регулирование городского населения социального состава (см.). Критериями типологизации Г.П.С.Р. выступают: субъект планирования (городские, районные, местные органы исполнительной власти); объект планирования (социальная инфраструктура города, городское культурное пространство, социальный состав населения города и др.); масштаб воздействия (в границах города, района, микрорайона); сроки планирования (на долго-, средне- или краткосрочную перспективу); ожидаемый эффект (качественные изменения в функционировании механизма городского устройства, количественные изменения в работе подсистем); объем и источники финансирования запланированных мероприятий (из государственного бюджета, за счет муниципальных средств, из фондов общественных организаций).

В зависимости от целей описания рассматриваемого феномена и задач планирования могут быть использованы другие критерии выделения типов Г.П.С.Р. Роль планирования социального развития значительно повышается в периоды трансформации городов, когда естественные социальные механизмы регулирования общественно значимых отношений в среде горожан по тем или иным причинам не работают или работают с большими социальными издержками. В этих условиях Г.П.С.Р. призвано обеспечить необходимый запас прочности в работе механизма городского устройства с целью создания достаточного потенциала выживания и развития социально-пространственной системы города. Значимость Г.П.С.Р. заметно повышается с развитием процесса урбанизации (см.) и, как следствие, обострением проблем городской экологии (см.). Повышение эффективности Г.П.С.Р. связано с соотнесением и увязыванием в единую программу мероприятий по социальному развитию с планами производственного, транспортного, архитектурного и т.д. развития города. Такая программа является основой для создания комплексной модели города как целостного социально-экономического образования, планы развития которого органично вписываются в стратегию развития района, области, государства в целом.

О.В. Кобяк

ГОРОДСКОЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ – исторически сложившаяся социокультурная подсистема механизма городского устройства, основная функция которой состоит в организации процесса жизнедеятельности социальных субъектов в условиях специфической социопространственной реальности города (см.). Наряду с индивидами, субъектами Г.О.Ж. выступают демографические, образовательные, профессиональные группы и т. д. Особенности образа жизни данных групп являются следствием разных условий жизнедеятельности людей, принадлежащих к этим группам.

С одной стороны, феномен Г.О.Ж. является следствием процесса урбанизации (см.) и выступает способом организа-

ции жизни индивидов и социальных групп, который позволяет последним выживать, взаимодействовать и развиваться в социально-пространственной среде с высоким уровнем социосубъектной, материально-предметной и информационной плотности. С другой стороны, Г.О.Ж. выступает комплексной характеристикой, позволяющей синтезировать количественные и качественные показатели, характеризующие различные стороны жизни горожанина.

К первым показателям относится уровень жизни, характеризующий степень удовлетворения различных потребностей индивида, как правило, выраженных в их количественном измерении (например, в денежных единицах). Ко вторым – показатель качества жизни, представляющий комплексную характеристику, включающую всю палитру социальных ценностей. Эта характеристика отражается в оценке социального качества условий жизнедеятельности и возможностей использования этих условий для реализации и воспроизводства важнейших потребностей индивида. Традиционно выделяют три компонента Г.О.Ж.: объективные условия жизнедеятельности, сами формы жизнедеятельности и общественное сознание городских жителей. Взаимосвязь этих компонентов состоит в том, что, с одной стороны, объективные условия жизнедеятельности субъектов Г.О.Ж. определяют соответствующие им формы жизнедеятельности последних, и эти формы находят свое отражение в общественном сознании горожан; а с другой стороны, изменения, происходящие в общественном сознании под идеологическим, культурным или религиозным влиянием, являются фактором изменения форм жизнедеятельности субъектов Г.О.Ж., что неизбежно влечет за собой более или менее существенное изменение самих объективных условий жизнедеятельности. При таком методологическом подходе Г.О.Ж. предстает "живой", реально функционирующей в рамках механизма городского устройства системой, а одним из ключевых направлений для социологии города (см.) становится разработка проблем изучаемого феномена применительно к задачам городского планирования социального развития (см.).

О.В. Кобяк

ГОРШКОВ Михаил Константинович (р. 1950) – российский социолог, специалист по методологии и методике социологических исследований. Окончил Московский медицинский институт им. Н.А. Семашко. Доктор философских наук (1989).

В 1973-1976 – на комсомольской работе. С 1976 по 1989 работал в АОН при ЦК КПСС – младший, старший научный сотрудник, референт ректора, доцент кафедры идеологической работы, зам. руководителя кафедры социологии и социальной психологии. В 1989-1990 – в аппарате ЦК КПСС, с 1991 – директор Института теории и истории социализма, с 1992 – Генеральный директор Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП).

Основные научные интересы Г.: методология и методика социологических исследований, теория и практика изучения общественного мнения, социология политических процессов. В последние годы активно работает в области социологии избирательных кампаний, изучения специфики электорального сознания и поведения российских граждан. Руководитель и участник около 150 прикладных социологических исследований как федерального, так и регионального масштаба.

Основные сочинения: "Общественное мнение. История и современность" (1980); "Общенародное общественное мнение" (1986); "Как провести социологическое исследование" (1985 и 1990, соавтор); "Основы прикладной социологии" (1996, соавтор) и др.

ГОСУДАРСТВО – политическая организация общества, объединяющая все население страны, представляющая и выражающая его интересы и волю, основной орган власти, управляющий обществом и обеспечивающий его целостность, организованность и определенный порядок в нем. В своем функционировании Г. предстает как форма организации политической власти, необходимая для поддержания юридического порядка в социально неоднородном обществе и обладающая законным правом применения принуждения и насилия. Немецкий социолог и политолог М. Вебер (см.) считал, что решающим признаком при определении Г. является его способность успешно реализовать претензию "на монополию законного использования насилия в пределах своей территории". Поэтому он определял Г. следующим образом: "Государство есть отношение *господства* людей над людьми, опирающееся на легитимное (т.е. считающееся легитимным) насилие как средство. Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством, должны *подчиняться* авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует".

Г. как социальный институт и одновременно политическая организация общества располагает определенными отличительными признаками. Наиболее существенные из них сводятся к следующему:

1. Наличие определенной территории, пределами которой ограничена данная государственная власть и на социальном пространстве которой существует территориально-государственная общность людей.

2. Отделение публичной власти от общества, ее несовпадение с организацией всего населения, появление слоя профессионалов-управленцев.

3. Суверенитет, т.е. верховная власть на определенной территории, имеющая исключительное право издания законов, распоряжений и норм, обязательных для всего населения.

4. Существование особой системы органов и учреждений, образующих в совокупности механизм Г. – органы законодательной, исполнительной, судебной власти, аппарат принуждения: армия, полиция (милиция), органы безопасности и т.д.

5. Монополия на взимание налогов и сборов с населения, необходимых для содержания многочисленных служащих и для материальной обеспеченности государственной политики: экономической, социальной, культурной, оборонной и т.д.

6. Наличие права, т.е. обязательных норм и правил поведения, установленных или санкционированных Г. и объединяющих его граждан в определенный правовой союз (гражданство).

Г. имеет следующие прерогативы: 1) официально выступать как единственному представителю народа и общества в целом; 2) вырабатывать основные направления внутренней и внешней политики страны; 3) издавать законы и нормативные акты, обязательные для всеобщего исполнения; 4) распоряжаться материальными, социально-экономическими и культурными ресурсами; 5) осуществлять правовую защиту граждан внутри страны и за ее пределами.

Г. наделено правом издавать законы, имеющие общеобязательный характер и на их фундаменте регулировать жизнь общества. Обеспечивая нормальные условия существования общественной жизни на основе права, Г. обладает таким свойством как принудительность, т.е. способно управлять через органы насилия (армию, службы охраны порядка и безопасности). В современных Г. концентрируется огромная сила, обусловленная монополией на легальное применение физического принуждения и легитимном насилии со стороны государства.

Для Г. характерно: 1) выражение всеобщности интересов всех членов общества; 2) создание особой степени регулирования различных сторон государственной деятельности; 3) концентрированное выражение политической власти; 4) высокая способность к решению социальных задач; 5) дифференциация и специализация внутренних структур.

Как политическая организация общества и система власти Г. имеет сложное строение.

Законодательная власть принимает законы страны и другие важные документы и решения, определяющие жизнь общества. Например, законодательным органом – парламентом – Норвегии является Стортинг; США – Конгресс; Швеции – Риксдаг; России – Федеральное собрание Российской Федерации; Беларуси – Национальное собрание Республики Беларусь.

Исполнительная власть обеспечивает реализацию принятых законов и решений (в Беларуси – это Совет Министров Республики Беларусь).

Судебная власть выступает арбитром в обществе, решает юридические споры, осуществляет правосудие (в Беларуси к органам этой власти относятся Конституционный, Верховный, Высший хозяйственный и другие суды, а также Прокуратура Республики Беларусь).

Структура Г. неразрывно связана с выполняемыми функциями, они суть главные направления деятельности по осуществлению стоящих перед Г. задач. В зависимости от этого функции Г. можно подразделить на *внутренние* и *внешние*.

Внутренние функции – это организация хозяйственно-экономической, социальной, духовной жизни конкретной страны, определяющая внутреннюю политику Г. К ним относятся: охранительные, регулятивные, духовные, адаптационные и иные функции.

Наиболее существенные из них сводятся к следующему:

Функция *артикуляции*, т.е. расчленение интересов, посредством которой индивиды и группы формируют свои требования к политикам, принимающим решения.

Функция *выработки правил политической деятельности*, применения этих правил и контроля за их выполнением.

Разделение и распределение *законодательной, исполнительной и судебной власти* в политической деятельности.

Функция *политической коммуникации*, которая обеспечивает распространение, передачу политической информации между правителями и управляемыми, а также между различными составными элементами политической системы.

Политическое рекрутирование – процесс, с помощью которого готовится и отбирается персонал, который должен взять на себя главные роли в политике.

Политическая социализация – функция, посредством которой политические идеи, ценности, нормы (политическая культура) внедряются в сознание и передаются индивидам, которые усваивают эти ценности и ориентиры в отношении политической системы.

Функция *адаптации*, т.е. приспособления политической системы к изменяющимся условиям социальной среды (например, изменение соотношения политических сил).

Функция *сохранения системы* – совокупность действий, направленных на сохранение целостности и устойчивости политической системы по отношению к любым, в том числе и неблагоприятным, воздействиям на нее.

Регулятивная функция реализуется в организации эффективного развития экономики и социальной среды общества, его политической системы и социальных взаимодействий между индивидами и их общностями (территориальными, национальными, профессиональными и др.).

Культурно-воспитательная функция выражается в содействии развитию образования, культуры, нации, в создании условий и возможностей для развития духовной жизни общества.

Внешние функции заключаются в отстаивании государственных интересов во взаимоотношениях с мировым сообществом: это – 1) защита государственного суверенитета и территории страны от внешнего посягательства; 2) обеспечение делового партнерства и сотрудничества; 3) поддержание мира и мирного сосуществования.

Внешние и внутренние функции Г. тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены.

В зависимости от продолжительности действия функции Г. классифицируются на *постоянные* (осуществляются на всех этапах развития Г.) и *временные* (прекращают свое действие с решением определенной задачи, как правило, имеющей чрезвычайный характер); в зависимости от значения – на *основные* и *неосновные*.

Выделяются несколько типов Г. по различным признакам. Они могут быть сгруппированы по следующим принципам:

По способу организации высшей власти или формам правления: монархия (абсолютная, ограниченная, дуалистическая); республика (президентская, парламентская, смешанная).

По национально-территориальному устройству: унитарное; федеративное; конфедеративное.

По политическому режиму: тоталитарное; авторитарное; демократическое.

В зависимости от источника власти, взаимоотношений между высшими органами, т.е. формы правления, Г. подразделяются на *монархии* и *республики*.

Наиболее древней формой Г. является *монархия* (от гр. monarchia – единовластие) – такая форма государственного правления, при которой верховная власть полностью или частично сосредоточена в руках единоличного главы Г. – наследственного правителя, монарха (султана, царя, короля, императора, шаха, султана и т.д.) *и передается по наследству*.

В конце 20 в. в мире насчитывалось 28 монархий, а формально более 40.

Существует *абсолютная* (неограниченная) и *конституционная* (ограниченная) монархия.

Абсолютная, или неограниченная, монархия характеризуется всевластием главы государства (существует лишь в Саудовской Аравии, Брунее, Омане, княжествах ОАЭ).

Ограниченная монархия выступает в двух видах:

Конституционная власть монархии ограничена конституцией.

Парламентская – полномочия монарха ограничиваются действиями парламента.

В зависимости от степени такого ограничения различают *дуалистическую (двойственную)* и *парламентскую* монархии. В дуалистической полномочия монарха ограничены в основном в сфере законодательства и широко представлены в сфере исполнительной власти. К дуалистической монархии можно отнести Марокко, Кувейт, Иорданию.

В парламентской монархии (Нидерланды, Бельгия, Швеция, Норвегия, Дания, Испания, Япония) власть монарха не распространяется на сферу законодательства и значительно ограничена в сфере управления. Правительство образуется на основе парламентского большинства и ответственно только перед парламентом.

Самой распространенной формой государственного правления в современной политической практике является *республика* (термин "республика" происходит от лат. res – дело, publicus – общественный, всенародный).

Республика – Г., органы власти которого формируются на основе всеобщих выборов.

В республике все высшие органы власти избираются или формируются на определенный срок. В зависимости от того, кто формирует правительство, кому оно подотчетно и подконтрольно, республики подразделяются на *президентские, парламентские и смешанные*.

Президент (от лат. praesident – сидящий впереди, во главе) является главой Г. в большинстве стран с республиканской формой правления. Первым в истории президентом стал в 1789 в США Джордж Вашингтон (1732-1799).

В президентской республике всенародно избранный президент является и главой Г., и главой исполнительной власти. Он назначает, а иногда и возглавляет правительство. В то же время выборный парламент в той или иной мере контролирует деятельность правительства и президента, а в случае нарушения ими конституции страны может привлечь их к ответственности – *импичменту* (от англ. impeachment – порицание, обвинение – особая процедура привлечения к ответственности высших должностных лиц Г.).

Однако в некоторых странах при определенных условиях и президент имеет право распустить парламент, назначив новые выборы.

Президентскими республиками являются: США, Российская Федерация, Республика Беларусь, Мексика.

Парламент (от франц. parler – говорить) – это высший законодательный орган власти, представляющий все общество. Парламент впервые был образован в Англии в 13 в. (1265) как орган сословного представительства. В различных странах парламентский орган называют по-разному: Парламент (в Индии), Кортесы (в Португалии), Кнессет (в Израиле) и т.д.

Парламент может быть двухпалатным (как в Австралии, Бразилии, Канаде, ФРГ, России, Беларуси и др.) и однопалатным (как в Израиле, Швеции, Финляндии, Украине, Турции).

В парламентской республике выборный парламент формирует и контролирует правительство, возглавляемое премьер-министром и может выразить ему вотум (от лат. votum – желание, решение путем голосования) недоверия, отправив его в отставку. Президент избирается парламентом или парламентской коллегией. Его роль в управлении страной часто является номинальной (от лат. nominalis – именной), фактически президент в парламентской республике выполняет представительные, церемониальные функции (участие в аккредитовании иностранных послов, вручение наград и т.п.). В настоящее время парламентские республики существуют в Италии, Германии, Австрии, Индии и др.

В некоторых странах республиканская форма правления носит смешанный характер, т.е. сочетает черты президентской республики (глава Г. избирается населением, он назначает правительство и т.д.) и парламентской республики (правительство несет ответственность перед парламентом, возможен досрочный роспуск парламента президентом и т.п.). К странам смешанной формы республиканского правления относятся: Франция, Финляндия, Латвия, Литва).

В каждой из форм республики есть свои сильные и слабые стороны. В *парламентской* республике часто случаются правительственные кризисы. В *президентской* республике большая стабильность власти в обществе.

Кроме перечисленных признаков президентской и парламентской республик во многих странах власти продолжают делить влияние между собой, изменяя объем полномочий ("весы власти") то в пользу президента, то в пользу парламента.

Современные Г. объединяют людей разных этнических, религиозных, культурных групп. Поэтому каждое сообщество людей должно договориться о характере самостоятельности своих частей, о распределении власти по территории, о принципах своей целостности. Следовательно, общество должно выбрать ту или иную форму своего национально-территориального и государственно-политического устройства. Общепринято выделять три основные формы территориально-государственного устройства – *унитарную, федеративную и конфедеративную*.

Наиболее распространенной формой Г. является унитарное. Унитарное Г. представляет собой такую форму государ-

ственного устройства, при которой территория страны подразделяется на административно-территориальные единицы (департаменты, области, районы и т.д.). В нем действует единая для всего Г. конституция, общая система права, единая судебная система, единое гражданство. Для унитарного Г. характерно сосредоточение всех внутренних и международных полномочий в руках общенациональной власти.

Но даже самое централизованное Г. прибегает к децентрализации, передавая различным сообществам на местах некоторые полномочия, контролируя их реализацию.

Например, во Франции это коммуны, департаменты, регионы; в Испании провинции образуют "автономные сообщества", т.е. децентрализация широкая.

Примеры унитарных Г.: Республика Беларусь, Болгария, Великобритания, Венгрия, Греция, Дания, Ирландия, Латвия, Литва, Норвегия, Португалия, Словакия, Финляндия, Франция, Чехия, Швеция, Эстония, Япония и др.

Практика показывает, что чрезмерная административная централизация сдерживает развитие отдельных регионов страны, способствует росту бюрократизма.

В отличие от унитарного федеративное Г., или федерация (от лат. foederatio – объединение, союз), – это устойчивый союз, объединяющий относительно самостоятельные территориальные образования – земли (как, например, в ФРГ), штаты (США, Бразилия), провинции (Канада), республики (Россия) и другие регионы. Эти субъекты федерации наделяются правом принятия собственных конституций; компетенция между федерацией и ее субъектами разграничивается федеральной конституцией; каждый субъект федерации имеет свои органы власти и управления, правовую и судебную системы, свое гражданство либо единое союзное гражданство.

В федерации осуществляется разделение власти между федеральными (центральными) и региональными государственными органами. Федеративное Г., обладая полнотой внешнего суверенитета, решает вопросы внешней политики, обороны, денежного обращения и ряд других. Федеративное устройство Г. известно давно. Первой федерацией считают США. В современном мире общее число федеративных Г. не превышает двух десятков, это: Австрия, Австралия, ФРГ, Бельгия, Канада, Мексика, Аргентина, Бразилия, Нигерия, Индия, Пакистан, Российская Федерация и др.

Особая государственная форма – *конфедерация* (от лат. confoederatio – объединение, союз) – это временный юридический союз суверенных Г., созданный для достижения общих целей – политических, военных, экономических. Конфедерация образует центральные органы, которые обладают полномочиями, делегированными им Г. – членами конфедерации. Эти органы не обладают прямой властью над Г., входящими в конфедерацию, не могут влиять на их решения. Участники конфедерации сохраняют основную часть своих государственных прерогатив и передают конфедеративному Г. лишь некоторые.

Растущая глобализация жизни современных людей рождает новые формы объединенных содружеств Г.: Содружество Независимых Г. (СНГ) образовано в 1991, Британское Содружество и Европейский Союз.

Г., учреждающие такие объединения, полностью сохраняют свой суверенитет, передавая союзным органам лишь некоторые общие функции.

Отдельного рассмотрения требует *правовое* Г. Правовым называют такое Г., при котором вся жизнь общества подчинена закону, а закон направлен на обеспечение всеобщего равноправия и социальной справедливости. В основе правового Г. лежит гарантия основополагающих прав человека.

Верховенство и всеобщность закона в обществе означает: во-первых, только закон (а не отдельные лица или ведомственные и местные приказы и инструкции) определяет жизнь общества; во-вторых, законы страны являются обязательными для всех: не только для граждан, но и для самого Г., всех его органов.

Правовой характер законов. Законы страны должны отвечать международным правовым стандартам, быть гуманными и справедливыми, отражать волю народа и приниматься в законном порядке (через референдумы или парламент, а не распоряжением отдельных лиц).

Приоритет прав и свобод человека предполагает, что главным в деятельности Г. является обеспечение и охрана основных прав и свобод личности в обществе. Равноправие граждан означает, что свобода индивида не может быть абсолютной, а свобода и права других – единственный ограничитель свободы личности.

Взаимоответственность Г. и личности. Правовое равенство всех граждан становится реальностью, когда оно связано с обязанностями и ответственностью государства. Права и обязанности взаимообусловливают существование друг друга. Граждане обязаны соблюдать законы. Г. ответственно за неукоснительное исполнение своих функций.

Легитимность власти (от лат. legitimus – законный, правомерный). Легитимной считается власть: 1) сформированная путем демократических выборов; 2) признается как внутри страны, так и на международном уровне.

Разделение властей предполагает четкое разграничение сфер деятельности и властных полномочий между тремя ветвями государственной власти – законодательной, исполнительной и судебной. Такое разграничение функций исключает монополию какого-либо органа на власть и служит гарантией прав граждан. Уравновешивая друг друга, они обеспечивают демократичность и стабильность политического строя.

Е.М. Бабосов

ГОУЛДНЕР (Gouldner) Алвин (1920-1980) – американский социолог неомарксистской ориентации. Представитель "радикальной социологии", предложил ее крайний вариант – "альтернативную социологию". Основные работы: "Надвигающийся кризис западной социологии" (1970); "Диалектика идеологии и технологии" (1976); "Будущее интеллигенции и становление нового класса" (1979); "Два марксизма" (1980) и др. В 1950-х являлся сторонником структурно-функционального анализа (**см.**), занимался исследованием бюрократических организаций. Испытал влияние идеологов Франкфуртской школы (**см.**), которое пытался преодолеть, в том числе опираясь на идеи Миллса (**см.**). В 1960-х выступил с тоталь-

ной критикой всей западной социологии, особенно Парсонса (см.).

Г. исходил из того, что вся официальная социология акцентирует свою манипулятивную функцию и состоит на службе у правящих властей, обслуживая обезличенные бюрократические структуры, стремящиеся к искусственному поддержанию равновесия в обществе, что блокирует любые импульсы к изменению. Между тем общество переживает воздействие достижений "третьей революции". По Г., Новое время определялось влиянием результатов "дуалистической революции" – ростом промышленности (индустриальная революция) и переустройством политической жизни (вызванным Французской революцией). Параллельно развертывалась "третья революция" – коммуникативная, начало которой было положено книгопечатанием. Однако долгое время она находилась в тени политических и индустриальных изменений, как бы была средством их осуществления. Отсюда ее определение как "невидимой революции". В настоящее же время возникновение "mass media" и массовое производство недорогих "продуктов культуры" вызвали, по Г., качественные сдвиги во всех областях социокультурной жизни, особенно революционизируя политическую систему, подталкивая ее к реализации идеалов "прямой демократии" и породив "индустрию сознания", вызвавшую "символический взрыв". Суть "третьей революции" – изменения в видении.

В связи с описанием этого процесса Г. пересматривает содержание введенного Миллсом понятия "аппарат культуры" (организации и учреждения науки и искусства и средства, делающие доступными для групп и общества их продукты). Г. разделяет функции создания и "доставки" публике культурных ценностей и благ. Он считает, что под воздействием "аппарата культуры" остается лишь функция производства, и он сам все больше изолируется от общества, замыкаясь в университетских, академических и т.д., институциализированных кругах, не имея собственных мощных средств коммуникативного воздействия. Творцы культуры (как носители критического разума) все больше маргинализируются, становятся политически бессильными. Функция же "доставки" монополизируется "mass media" (индустрией сознания в целом), а соответственно и стоящими за ними "технократами", тесно связанными с политическими кругами и государственным аппаратом. Именно технократы легитимизируют господство последних, с одной стороны, и организуют манипулирование массой, "поставляя ей надежду", с другой. Этим целям служит и подконтрольная официальная социология, однако, согласно Г., это лишь внешние проявления кризиса западной культуры и науки. Глубинное основание – заложенная в них "модель непрямого правления" буржуазии, которая постепенно передала ряд своих функций (прежде всего по производству сознания) исполнителям, бюрократии, ставя себя во все большую зависимость от них. Сама же бюрократия претерпевает параллельную эволюцию от "наказательно-централизованной" (основанной на подчинении иерархии, страхе наказания как основе контроля и не имеющей стимулов к собственной автономной активности) к "представительной" (основанной на принципах профессионализма, ответственности перед делом, а не вышестоящим, корпоративном сотрудничестве и т.д. и почувствовавшей свою автономную силу). Она стала воплощением "технического разума", технической рациональности, эффективной, но и опасной. Технократия сумела потеснить правящие элиты, ориентировать социум на настоящее, а не на будущее, положив конец трансцендентальным надеждам (эре героизма и юношеского энтузиазма). Но она же претендует на монополию производства "видения мира", "обещает одновременно и слишком много, и слишком мало", деморализует активность людей "фактологической прозаичностью" ("рисует Бога серым"), т.е. по сути "умерщвляет культуру". Ей может противостоять социогуманитарная интеллигенция как новый класс, обладающий культурным капиталом и культурой критического дискурса.

Средством завоевания господствующих позиций для этого нового класса должна, согласно Г., явиться "альтернативная социология", осуществляющая тотальную критику западного общества и занимающаяся поиском путей преодоления его кризиса с помощью "критической рефлексии" (отсюда иное название социологии Г. – "рефлексивная социология"). Позиция социолога в этой связи может быть охарактеризована как антисциентистская, основанная на принципах "участия" в общественной жизни и "вовлеченности" в реализацию собственных проектов.

В.Л. Абушенко

ГОФМАН Александр Бенционович (р. 1945) – российский социолог, специалист в области теории и истории социологии и социологии культуры. Окончил исторический факультет Ленинградского педагогического института. Доктор социологических наук (1995).

В 1971-1976 – младший научный сотрудник Института социологических исследований АН СССР; в 1976-1989 – младший, старший, ведущий научный сотрудник Института технической эстетики ГКНТ; в 1989-1997 – ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. С 1997 – профессор кафедры теоретической социологии Высшей школы экономики – Госуниверситет.

В статье "Обычай как форма социальной регуляции" (1973, в соавторстве) Г. дал функционалистский теоретико-социологический анализ обычая как одной из разновидностей стереотипизированного социального поведения. Обосновал различие трех видов участия социологии в развитии индустриального дизайна: 1) "социология дизайна"; 2) "социология в дизайне"; 3) "социология для дизайна". Осуществил теоретический анализ трех специфических аспектов социально-типической потребности в бытовых вещах для целей проектирования предметной среды, аспектов, выступающих как стадии реализации этой потребности: 1) потребность-состояние; 2) потребность-стремление; 3) потребность-установка. Участвовал в разработке методик формирования ассортимента и проектирования различных групп товаров широкого потребления.

Г. исследовал социологическую теорию моды, основанную на выявлении в структуре этого явления следующих компонентов: 1) модных стандартов и объектов ("мод"); 2)

"атрибутивных" ценностей моды (современности, диффузности, игры, демонстративности); 3) "денотативных" ценностей моды, состав которых в принципе может быть самым разным; 4) поведения участников моды.

В работе "Семь лекций по истории социологии" (1995) Г. обосновал критерии (онтологические, эпистемологические, этические, научно-организационные) отнесения тех или иных форм знания к социологии – в сочетании с парадигмальным подходом к истории социологии они позволяют адекватно представлять развитие социологической мысли, не проецируя на него какую-то одну "эталонную" теорию и, вместе с тем, не выходя за пределы собственно социологии. С точки зрения Г., социология исторически возникла как результат конвергенции, соединения в определенное время в определенной точке мирового культурного пространства четырех главных идей: 1) идеи общества; 2) идеи "естественного закона" применительно к обществу; 3) идеи общественного прогресса; 4) идеи метода. Г. показал историческое формирование этих идей, соединение которых означало переход социологии из фазы "предыстории" в фазу собственно ее истории. Отмеченные принципы и подходы были применены Г. к анализу социологических теорий Конта (см.), Маркса (см.), Дюркгейма (см.), Парето (см.), социал-дарвинистских и расово-антропологических концепций.

В переводе Г. и с его сопроводительными статьями и комментариями в России изданы произведения Э. Дюркгейма (см.), А. Бергсона и М. Мосса (см.).

Г. – автор более 100 научных работ, в том числе "Мода и люди. Новые теории моды и модного поведения" (1994) и др.

ГОФМАН (Goffman) Ирвинг (1922-1982) – американский социолог и психолог. Представитель символического интеракционизма, создал свою версию последнего – драматургическую социологию. Ученик Дж.Г. Мида (см.). Известен прежде всего своей первой работой "Я и маски" (1959), созданной на основе развернутого исследования поведения больных шизофренией, а также работами "Стигма" и "Приюты" ("Тотальные институты"). Социальное взаимодействие трактовал не как складывающееся в интерпретационном по своей природе диалоге-игре (подход Блумера – см.), а как задаваемое образом театральной постановки с заранее заданными функциональными позициями, хотя и постоянно переинтерпретируемыми в ходе взаимодействия.

Центральное понятие концепции Г. – "Я сам" – как "маска", как представленный образ роли, т.е. человек берется в отвлечении от его "телесности", он здесь лишь предлог для предстоящего по "сценарию". Изначально он актер, уже предзаданный "профессионально", но еще относительно непредсказуемый, "недооформленный" в реальном ролевом взаимодействии. Границы того, что и кого можно представить, задает "сцена" с имеющимся на ней "реквизитом". Результат постановки зависит прежде всего от характера "постановки" (сценария, режиссеров и т.д.), с одной стороны, и поддержки (или неподдержки) действа "публикой" – с другой. Публике в структурировании социального взаимодействия Г. отводятся доминирующие позиции в "драме", без нее нет театра. Причем актер может "представлять" как совместно с другими (чаще всего), так и сам по себе. Более того, он может стать публикой сам для себя, когда "я" разговаривает со "мной" или с "обобщенным другим". Его "игра" – это скорее сопротивление себе, чем публике. Каждый из элементов подготовки наделен той или иной мерой власти и ролевым образом дистанционно определен в пространстве взаимодействия. Социальная (ролевая) дистанция у Г. – это различение своих ролей и себя самого, что позволяет отделить ролевую и личностную ипостаси и бесконфликтно дискриминировать одну из них. В противном случае возможны два равно нежелательных исхода: или человек запутывается в хитросплетениях жизни, теряя представление об ориентациях и границах, или попадает в категорию психически больных. И, наоборот, чем сильнее способность актера смотреть на себя и свое выступление, умение дистанцироваться от себя самого и занимать, следовательно, рефлексивную позицию, тем выше его социальная компетентность. Отсюда еще два понятия концепции Г.: "честный актер", т.е. не осознающий, что он представляет, и идентифицирующий себя с ролью; "циничный актер", который неидентичен роли и хорошо это осознает. "Честный" при этом не обязательно "хороший", а "циничный" – "плохой", эти понятия вводятся для описания рефлексивно-дистанционных отношений, а не для характеристики морально-нравственной стороны социального взаимодействия. Эти характеристики и параметры театральной постановки рассматриваются Г. как вневременные (константные), что не исключает их специфически культурной окраски и мастерства актеров, развертывающих "перформанс" (представление) жизни. Таким образом, реализуется главная установка драматургической социологии – "изучать не столько людей и мгновения их жизни, сколько мгновения жизни и людей в них".

В.Л. Абушенко

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО – понятие ряда гуманитарных дисциплин, содержание которого охватывает целостную совокупность неполитических и неполитизированных духовных и экономических отношений в обществе. Г.О. – область спонтанной самореализации людей (либо в ипостаси свободных индивидов, либо в виде добровольных их объединений в качестве граждан), защищенная соответствующими правовыми нормами от любых проявлений произвольной односторонней регламентации их деятельности со стороны государства и его органов. В русле современных трактовок обретение либеральных свобод возможно не в результате дистанцирования общества от государства (наподобие модели посткоммунистической России 1990-х), а путем конституирования надежных и легко доступных для людей каналов взаимодействия между ними: государство трансформируется в самую влиятельную и оперативную организацию по правам человека.

По-видимому, впервые на европейских языках термин "Г.О." был употреблен в 16 в. в одном из французских комментариев к "Политике" Аристотеля. Появление понятия Г.О. практически синхронно формированию оснований европей-

ской политической науки обусловило его смысловую многовариантность: термин Г.О. – продукт интеллектуальных усилий (зачастую противоречивых) главных фигур западной политической традиции. Постулированное Августином противоположение "града божьего" и "града земного" (двух видов человеческой общности) являло собой отражение идеи о существовании между людьми водораздела онтологически-мистического порядка. "Град земной" – следствие первородного греха – вместилище "граждан" "града божьего", удостоившихся избирательной милости Бога. Г.О. или "град дьявола" обречен на гибель в результате пришествия божьего града. Символизировавшее в рамках схоластики идею приятия даже несправедливого общественного устройства учение о Г.О. трансформировалось у Гоббса в принцип социального идеала – результата преодоления нечеловеческого первобытного "естественного состояния войны всех против всех". (Руссо, правда, настаивал на том, что переход от дикого состояния к цивилизации, от "естественного состояния" к государственному устройству – нельзя мыслить иначе, чем нисхождение.) Гегель видел в эпохе торжества Г.О. такое положение вещей, при котором люди благодаря участию государства собственным трудом приносят пользу себе и другим. Маркс, не избежавший соблазна осуждения государства-паразита эпохи Наполеона III во Франции, трактовал Парижскую коммуну как восстание пролетариата от имени Г.О. против бюрократической государственной машины. (На немецком языке Г.О. допустимо переводить и как "общество буржуазии" с акцентом именно на этой характеристике.) 1970-е реабилитировали понятие Г.О. в ряде значимых течений европейского интеллектуализма. Понятие Г.О., концептуально значимое и для либералов, и для ортодоксальных марксистов, по-прежнему активно используется противниками инициируемого современными политическими элитами Европы процесса перманентного нивелирования социальных различий в обществе.

А.А. Грицанов

ГРАМШИ (Gramsci) Антонио (1891-1937) – итальянский философ, политолог, социолог, политический деятель. В 1911-1915 учился в Туринском университете, откуда ушел по болезни. Занялся журналистикой. Сотрудничал в изданиях социалистов: газете "Аванти!" (с 1915 – член редакции туринского издания) и еженедельнике "Гридо дель пополо". Испытал воздействие идей итальянского неогегельянства (Кроче и Джентиле), был сторонником идей "сардинизма" (освобождения острова Сардиния от гнета "пришельцев с континента"), увлекся марксистским социализмом. Г. ставил перед собой задачу "корректировки" марксизма, интерпретируемого им как "экономический детерминизм", с позиций культурной и исторической проблематики. С 1913 – в Итальянской социалистической партии (ИСП). Во время и после Первой мировой войны происходит радикализация его взглядов: вошел в "революционную фракцию непримиримых" (1917), стал одним из организаторов (совместно с П. Тольятти, У. Терначини и А. Тоской) нового еженедельника "Ордине нуово" (1919), был одним из идеологов движения фабрично-заводских советов как формы самоуправления рабочих (1919-1920). Неудача всеобщей забастовки в апреле 1920 в Турине послужила основанием для написания и направления доклада Национальному совету ИСП, в котором Г. дал принципиальную критику деятельности и общей линии руководства партии (опубликован под заглавием "За обновление социалистической партии"), а также сделал прогноз возможности диктатуры буржуазии в Италии. После раскола ИСП в 1921 вошел в ЦК образованной Коммунистической партии Италии (КПИ). Одновременно Г. был утвержден главным редактором "Ордине нуово" (который стал ежедневным органом КПИ). В 1922-1923 и в 1925 участвовал в работе Коминтерна в Москве. С 1923 – в Вене, где готовил издание газеты "Унита". В апреле 1924 избран в парламент, что позволило ему вернуться на родину. С августа 1924 – генеральный секретарь ЦК КПИ. В 1926 пишет работу "Некоторые аспекты южного вопроса", где выдвинул ряд идей, развиваемых им во всем последующем творчестве (идеи гегемонии, структуры господства, роли интеллигенции). В ноябре 1926 арестован. В 1929 осужден на 20 лет Особым трибуналом в Риме по обвинению в заговоре с целью свержения государственной власти, с 1929 по 1935 (пока позволяло здоровье) работает в тюрьме над своим основным трудом "Тюремные тетради". С 1933 по 1935 – в клинике, куда был помещен после очередного обострения болезней. В октябре 1934 получил условное освобождение. Последние годы жизни провел в клинике в Риме. В 1947 опубликованы его "Письма из тюрьмы", в 1948-1951 – "Тюремные тетради". В Италии вышло его 12-томное собрание сочинений (в 1980-х было предпринято новое расширенное издание).

Г. работал в круге идей марксизма (**см.**), квалифицируя свою позицию как философию практики, преодолевающую крайности как экономического детерминизма (Бухарин – **см.**), так и идеалистических трактовок практики (Б. Кроче). Выступал против деления марксизма на философию (диалектический материализм) и социологию (исторический материализм), провозглашая тождество философии и истории. Философия, по Г., должна быть взята в ее конкретно-исторической обусловленности, историческое (сфера человеческих действий) приоритетно перед логическим. "Философия практики" – это абсолютный "историзм". В свою очередь, необходимо "абсолютное очеловечивание истории". Нет истории помимо человеческих действий, активного практического отношения человека к миру. Философия должна обеспечивать "катарсический синтез" (точнее – синтезы) – способствовать высвобождению человека из-под власти экономического базиса, осознанию им себя как деятеля, способного ставить и решать социальные задачи, меняя тем самым общественные отношения. Рассогласование базиса и надстройки, по Г., – постоянная тенденция исторического развития. Преодоление этого рассогласования – постоянная задача практического изменения мира. Базис при этом рассматривается Г. как "реальное прошлое", как условие настоящего и будущего, сложившееся в конкретной истории. Практическая деятельность является единственно "реальным познанием", проверяющим идеи на их (не) воспринимаемость социальными субъектами. Теория познания должна фокусироваться не столько на объективно-

сти действительности, сколько на отношении человека к действительности.

Г. вводит понятие "человечески объективного" (или "всеобще субъективного") и утверждает, что по мере развертывания практики наши субъективные знания становятся все более объективными, вскрывают всеобщие закономерности мира (во многом благодаря и критическому анализу сознания философией). Таким образом, объективное тождественно человечески объективному, которое, в свою очередь, тождественно исторически субъективному. Нет абсолютных идеальных форм, знания самого по себе. Любое знание несет в себе ограничения эпохи и культуры, в которых оно было продуцировано. Поэтому оправдание любой философии – в ее превращении ("переворачивании") в норму практического поведения более или менее значительных групп людей. Отсюда одна из основных задач философии – исследование форм обыденного и массового сознания, их восприимчивости к новым идеям. Решая ее, марксизм пошел по пути упрощения своей сути: вместо преодоления идей немецкой классической философии, т.е. возвышения уровня философствования, воспринял ряд идей метафизического материализма, легче воспринимаемых обыденным сознанием. Это, по Г., сделало его непригодным для противостояния идеологиям образованных классов. Решить эту проблему, снять противоречия философии и обыденного сознания, высокой и низкой культуры, интеллигенции и народа, теории и практики (в конечном счете), может, согласно Г., только философия практики, ставящая своей целью конструктивную критику обыденного сознания с целью его возвышения, и противопоставление конструктивных (опять же) аргументов немарксистским видам философии. Отождествление теории и практики является, считает Г., критическим актом, в котором доказывается рациональность и необходимость практики или реалистичность и рациональность теории. В результате должна быть выработана "философия эпохи", способная воспроизводить себя через механизм веры в обыденном сознании. Основная задача по ее выработке принадлежит интеллигенции, осуществляющей не просто интеллектуальные действия, а руководящей и организующей с позиций конкретных классов и социальных групп, теоретическое и практическое отношение людей к миру, т.е. формирующей коллективную волю. Г. различает "органическую" (специально создаваемую для решения актуальной задачи) и "традиционную" ("наследуемую" новой эпохой) интеллигенцию. Без органической интеллигенции невозможно обеспечение гегемонии социальных групп и классов в обществе.

"Гегемония" – одно из центральных понятий социологии и политологии Г. Она включает в себя два уровня: горизонтальный, обеспечивающий союз под руководством доминантных группы или класса социальных сил, и вертикальный – занятие группой или классом господствующего положения в общественной жизни, возвышение их роли до общенационального, государственного уровня. Ступени гегемонии: 1) экономико-корпоративная; 2) осознания общности классовых интересов; 3) выхода интересов за рамки класса и превращения их в интересы других классов, т.е. полная гегемония. Экономика лишь создает почву для распространения определенного мышления, постановки и решения актуальных задач. Полная гегемония предполагает не только экономическое и политическое, но и интеллектуальное и моральное единство действующих субъектов на основе выработанной органической интеллигенцией философии и идеологии, оправдывающей (обосновывающей) историческую миссию доминирующего класса (группы). Полная гегемония предполагает осознание себя как субъекта общенационального процесса ("субъективная ступень гегемонии"). Неполнота гегемонии класса или группы ведет к диктатуре как форме компенсации собственной ущербности, – это искушение "цезаризмом", одной из форм которого является фашизм (см.).

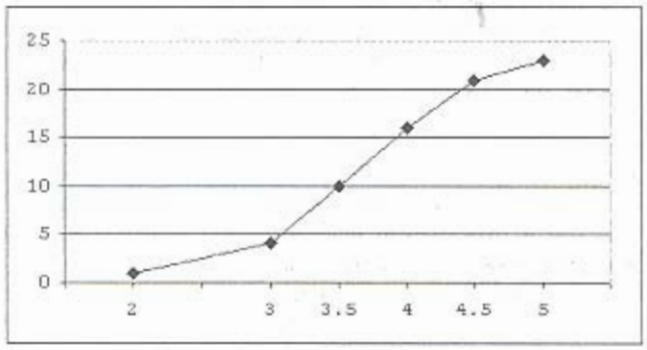
Учение о гегемонии тесно связано у Г. с его теорией власти и господства. Гегемония включает в себя две стороны: насилие (принуждение, подчинение) и согласие (убеждение, руководство), которые, взаимопроникая друг в друга, и конституируют феномен власти, реализующийся в господстве определенных социальных групп и классов. Господство выступает как производная от процессов, происходящих в политическом и гражданском обществах, и в стоящем за ними экономическом обществе. Политическое общество связано с государством, т.е. с принуждением. Гражданское – с общественными организациями, т.е. с принципами добровольности. Единство политического и гражданского обществ, устанавливаемое классом (группой), занявшим доминирующее положение (реализовавшим полную гегемонию), порождает "исторический блок" как конкретно-историческую целостность социокультурной жизни. (Понятие "исторический блок" используется Г. вместо понятия "общественно-экономическая формация".) Рассогласование исторического блока есть проявление кризиса сложившейся системы гегемонии. Достижение гегемонии предполагает "маневренную войну" как стратегию достижения господства в политическом обществе и "позиционную войну" как стратегию достижения доминантных позиций в гражданском обществе. Основная стратегия и гарант окончательного установления гегемонии – борьба за гражданское общество (см.). Отсюда новая (расширенная) трактовка Г. современного государства ("интегральное понятие государства") как синтеза политического и гражданского обществ (гегемония, предполагающая "этико-политическое" руководство, основанное на согласии, облекается в "броню принуждения"). Достижение государством данной ступени своего развития предполагает коренную "интеллектуально-моральную реформу" общества, т.е. преобразования в области культуры, воспитания, образования. Всякое отношение гегемонии – это, по необходимости, отношение педагогическое, отмечает Г. Отсюда его концепция "активной созидательной школы", ориентированная на организацию самообучения людей. Таким образом, Г. создал собственную оригинальную философскую концепцию, многие положения которой созвучны и во многом предвосхищают идеи неомарксизма (см.) и других направлений философской мысли второй половины 20 в.

В.Л. Абушенко

ГРАФИК НАКОПЛЕННЫХ ЧАСТОТ (кумулята) – график распределения накопленных частот для порядковых и количественных переменных (см. также: **Шкала измерительная**). Имеет вид возрастающей ломаной линии.

Для дискретной переменной линия кумуляты соединяет точки, абсциссами которых являются значения переменной, ординатами – значения соответствующих им накопленных частот. Для количественной переменной частот в качестве абсцисс используются верхние точные границы интервалов.

Пример. Г.Н.Ч. для оценок по сочинению.



О.В. Терещенко

ГРЕЧИХИН Владимир Григорьевич (р. 1941) – российский социолог, специалист в области методологии и методики социологических исследований.

Окончил философский факультет МГУ (1968). Доктор философских наук (1989), профессор (1991).

В 1971-1976 работал в Институте социологии АН СССР, в 1976-1990 – на кафедре конкретных социологических исследований философского факультета МГУ. С 1990 – зав. кафедрой социологии АОН при ЦК КПСС, затем Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

Основные результаты получены Г. при разработке принципов, требований и методов проведения социологических исследований, осуществления последовательности операций, организации исследования и обработки социологических данных. В последние годы внимание Г. было направлено на разработку ряда проблем социального управления.

Г. – автор более 50 научных работ, в том числе: "Лекции по методике и технике социологических исследований" (1988); "Методологические проблемы интеграции" (1985); "Управление социальным развитием коллектива" (1991, соавтор) и др.

ГРИЦАНОВ Александр Алексеевич (р. 1958) – белорусский философ, социолог, историк и культуролог. Кандидат философских наук (1983), доцент (1988). Руководитель проекта "Гуманитарная энциклопедия" Минской философской школы: составитель, соавтор и главный научный редактор "Новейшего философского словаря" (1999 и 2001), "Всемирной энциклопедии. Философия" (2001), "Всемирной энциклопедии. Философия XX век" (2002), энциклопедий "Постмодернизм" (2001), "История философии" (2002) и др.

Окончил исторический факультет Белорусского государственного университета (1980) и аспирантуру кафедры философии БГУ (1983). В 1983-1996 работал преподавателем и доцентом БГУ. В 1996-1999 – доцент и заведующий кафедрой социальных и гуманитарных дисциплин Восточно-Европейского негосударственного института бизнеса и права. Преподает различные философские и социологические дисциплины. С 1989 читает лекции, курсы и спецкурсы по психоаналитической культурологии и философии в ряде университетов и институтов. Содействовал публикации первого русскоязычного "Психоаналитического глоссария" (1994) и написал предисловие к нему. Принимал участие в разработке концепции социологического психологизма (**см.**) – отрасли знания и междисциплинарного плюралистического направления социальной мысли, принимающего в качестве предпосылки исследования и объяснения социальных явлений и процессов, действие и взаимодействие общественных, групповых и индивидуальных психических факторов.

Г. – автор книг "Социологический психологизм. Критический анализ" (1990, совместно с В.И. Овчаренко – **см.**), "Человек и отчуждение" (1991, совместно с В.И. Овчаренко), "История социологии" (1993 и 1997; соавтор и научный редактор), "Современная западная философия" (2000, соавтор и научный редактор), а также более 1500 научных статей по проблемам философии, социологии, истории, политологии, культурологии, психологии и различным вопросам классического и современного психоанализа.

А.Б. Юрко

ГРИШИНА Наталия Владимировна (р. 1947) – российский психолог и конфликтолог. Доктор психологических наук (1996). Профессор факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета. Окончила факультет психологии (1971) и аспирантуру (1978) Санкт-Петербургского государственного университета. После окончания университета преподавала психологию в различных вузах Ленинграда. Кандидатская диссертация "Закономерности возникновения межличностных производственных конфликтов" (1979), докторская диссертация "Психология межличностного конфликта" (1995). Опубликовала более 100 научных работ по различным проблемам психологии и пограничных дисциплин, преимущественно по проблемам психологии конфликта.

Автор книг "Я и другие: общение в коллективе" (1990), "Психология конфликта" (2000), "Психология конфликта. Хрестоматия" (2001), "Психология социальных ситуаций. Хрестоматия" (2001), "Курт Левин: жизнь и судьба" (2000) и др.

Г.Б. Юрко

ГРУППА КОНТРОЛЬНАЯ – группа, не подвергающаяся экспериментальному воздействию. Переменная независи-

мая (см.) в Г.К. принимает нулевое значение, которое, как полагает исследователь, не должно вызвать эффект (изменение) переменной зависимой (см.).

А.П. Репеко

ГРУППА ОБЩЕСТВЕННАЯ в социологии – в самом широком смысле, множество индивидов, связанных определенными отношениями. В английской философии (Т. Гоббс) и политэкономии 17 в. Г.О. – люди, связанные общими интересами. Как полагает А.И. Донцов, слово "группа" попало в русский язык в начале 19 в. из итальянского языка как технический термин живописцев, используемый для обозначения нескольких "фигур, целое составляющих, и так приноровленных, что глаз разом их озирает".

Вплоть до 20 в. в социальных науках Г.О. понималась как образование когнитивной природы. В определениях подчеркивались свойства, выделенные по когнитивному критерию. Одни в качестве существенных атрибутов указывали общность интересов и ценностей, другие – наличие общих прав и обязанностей, третьи – осознание членами группы своей принадлежности или границ, четвертые – признание группы внешними наблюдателями. В любом случае Г.О. мыслилась как дискретное, длительно существующее и признаваемое объединение индивидов. В теориях социальной идентичности и социальной категоризации (1970-е) минимальная группа порождается фактом признания несколькими индивидами своего членства в ней, т.е. принятием общего имени (расы, этноса, пола, профессии или условного ярлыка). Подобное понимание созвучно идеям социальной структуры (см.) как множества пересекающихся дискретных групп разного размера и природы.

Другой подход был намечен в начале 20 в. в работах символических интеракционистов (Дж. Мид – см., Г. Кули – см.), которые определяли Г.О. как множество взаимодействующих индивидов. Процессы взаимодействия приводят к возникновению особых качеств, несводимых к индивидуальным свойствам. Это понимание стало доминирующим для исследователей, изучавших поведение малых групп в парадигме групповой динамики. Различия между когнитивистским и интеракционистским пониманием Г.О. отражено в различении условных и реальных групп, социальной структуры и социальной организации. В реальных группах независимо от их размера всегда можно проследить сеть прямых или опосредованных взаимодействий (см. **Сеть социальная**). Различают также первичные и вторичные, малые и большие, формальные и неформальные группы.

Формирование и распад, свойства, структура и поведение реальных Г.О. лучше изучены на формальных и неформальных малых группах. Группы возникают спонтанно или под влиянием внешних сил для достижения определенных целей. Приверженность группе рассматривается как наиболее базовый процесс, основанный на сравнении затрат и пользы от вхождения в группу. В возникающей группе начинают действовать силы, обеспечивающие единство взглядов и поведения. Эти процессы получили название солидарности или групповой сплоченности и формализованы Л. Фестингером, С. Шахтером и К. Бэком как сумма межиндивидуальной привлекательности, измеряемой обычно с помощью социометрии (см.). Подобный редукционизм породил тавтологические теории внутригрупповых процессов. Для разрешения теоретических противоречий в теориях социальной идентичности и самокатегоризации было введено различение между личностной и групповой привлекательностью. Последняя понималась в терминах прототипичности и референтности. Другая трактовка сил сплочения связана с представлением о процессах социального влияния, главным образом, конформности, создающей единство взглядов, норм и поведения.

Наряду с тенденцией к единообразию и гомогенности, в Г.О. действуют процессы, создающие и поддерживающие неравенство и асимметрию отношений. Неравенство положения индивидов в Г.О. обозначают общим термином "групповая структура". Она включает распределение ролей и статусов, а также процессы лидерства (см.). Роли – это индивидуальные предписания, касающиеся желательного и нежелательного поведения. Роли формируются спонтанным или предписанным распределением задач, могут быть очевидными и неочевидными, социальными (генерализованными, надгрупповыми) и межиндивидуальными. Ролевые ожидания позволяют делать поведение взаимно предсказуемым, их исполнение настолько облегчает индивидуальные действия, что роли используются людьми для самоидентификации и могут полностью заслонять индивидуальный вклад в поведение. Статус определяется как положение индивида в группе, связанное с правами и обязанностями. По сравнению с ролями статусы более устойчивы и генерализуемы; они наделяют членов группы разными свободами и возможностями инициализации новых действий. Согласно теории приобретения статусов, они формируются в процессах социального сравнения. Объясняя различия в результатах поведения, менее успешные индивиды приходят к выводу о различиях в способностях или других атрибутах, связанных с индивидуальной привлекательностью, и приписывают более успешным членам группы более высокий статус. В случае отсутствия информации, времени или когнитивных ресурсов индивиды автоматически используют ожидания, связанные с установившимися социальными иерархиями, и наделяют более высоким статусом тех членов группы, кто в силу возраста, пола, опыта, профессиональной или национальной принадлежности, ассоциируется с более высоким статусом.

С.В. Сивуха

ГРУППА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ – группа, подвергающаяся экспериментальному воздействию. Переменная независимая (см.) в этой группе принимает интересующее исследователя значение, которое должно вызвать эффект (изменение) переменной зависимой (см.).

А.П. Репеко

ГРУППИРОВКА – 1) или табулирование количественной *переменной* – процедура разделения ее шкалы (см. **Шкала измерительная**) на интервалы: как правило, применяется к непрерывным переменным. Различают три основных вида

группирования количественных шкал. Аналитическая Г. предназначена для изучения характеристик распределения переменной и представляет собой значительное количество интервалов (обычно 12-15) одинаковой длины. Процентильная (перцентильная) Г. позволяет получить интервалы с заданным числом объектов внутри каждого интервала. Типологическая Г. предполагает разделение шкалы на небольшое количество интервалов, имеющих содержательную интерпретацию; 2) или табулирование объектов – распределение объектов из выборки по классам, образованным значениями дискретных или интервалами непрерывных переменных. Г. по нескольким критериям (перекрестная классификация, кросстабуляция) представляет собой распределение объектов по классам, образованным "пересечением" классов по каждому отдельно взятому критерию. Примером такой Г. является поло-возрасто-образовательная структура населения.

О.В. Терещенко

ГРУШИН Борис Андреевич (р. 1929) – российский социолог, специалист в области социальной философии и социологии.

Окончил философский факультет МГУ (1952), аспирантуру МГУ (1955). Доктор философских наук (1966), профессор.

С 1956 по 1962 – редактор газеты "Комсомольская правда" по отделу пропаганды. В 1962-1966 и 1977-1981 – консультант по проблемам социологии журнала "Проблемы мира и социализма"; в 1966-1988 – зав. сектором, лабораторией Института философии АН СССР, Института социологии АН СССР, ВНИИСИ. В 1988-1989 – первый зам. директора Всесоюзного центра по изучению общественного мнения. С 1989 – руководитель независимой службы изучения общественного мнения "Vox populi". Член редколлегии журналов "Вопросы философии", "Молодой коммунист".

Главный предмет исследований Г. – массовое сознание. Один из первых в советской социологической литературе Г. начал исследования массы как особого типа человеческого общества и его сознания как особого типа общественного сознания. Основные характеристики массы, по мнению Г., заключаются в следующем: 1) статистический характер общности; 2) стохастическая природа общности; 3) ситуативный характер существования; 4) выраженная гетерогенность состава общности. В 1990-х Г. занимается анализом процессов, происходящих в России, разрабатывает концепцию смены цивилизаций как особого типа социальных изменений.

Основные работы: "Очерки логики исторического исследования" (1961); "Свободное время: актуальные проблемы" (1967); "Мнения о мире и мир мнений" (1967); "Логические принципы исследования массового сознания" (1970); "Массовая информация в современном промышленном городе" (1981); "Массовое сознание" (1987); "Смена цивилизаций" (1991) и др.

ГУМАНИЗМ (лат. humanitas – человечность) – мировоззрение антропоцентризма (характерного еще для мышления и социальной практики античности в версиях Цицерона, именовавшего "гуманистическим" состояние эстетически завершенной культурной и нравственной эволюции "подлинно человечного" индивида, и Гая Юлия Цезаря, осуществлявшего политику "милосердия"), перманентно подвергающееся осмыслению и рефлексии в канонах ценностных подходов Ренессанса и более поздних философских систем. (В узком смысле может трактоваться как определенное культурное движение Ренессанса.)

Термин "Г." был введен в научно-просветительский оборот немецким педагогом Ф. Нитхаммером в 1808. Постулирует высшую, самодостаточную и самоосознающую значимость человека (**см.**); провозглашает вне- и античеловеческим все, что способствует его отчуждению (**см.**) и самоотчуждению; отвергает идею приоритета идей и истин "сверхчеловеческого" происхождения в ряду феноменов посюстороннего мира. Теоретики Г. в эпоху средневековья противостояли схоластам по вопросам содержания и направленности "чисто человеческого" образования, опираясь на авторитет мыслителей Древней Греции и Древнего Рима. К представителям данного течения эпохи Возрождения и Нового времени традиционно относят Данте, Дж. Бокаччо, Леонардо да Винчи, Л. Валла, Эразма Роттердамского, Дж. Бруно, Ж. Бодена, М. Монтеня, Ф. Рабле, Ф. Бэкона, Т. Мора, У. Цвингли и др. Церковная реформация в Западной Европе положила конец Г. (особенно в Германии) как особому направлению философствования и сопряженной интеллектуальной традиции. В дальнейшем усилиями представителей школы романтизма, а также таких самодостаточных философских фигур как Ф. Шиллер, И. Гете, Г. Лессинг, И. Гердер – Г. был вновь легитимизирован в контексте реконструкции идеалов античного миропредставления. По И. Канту, человек может быть для другого человека только целью, но никогда не средством. Г., исповедуемый идеологами индустриализма и Просвещения, основывался на идее естественного прогресса (**см.**) общества в контексте линейных представлений о развитии (**см.**) и истории (**см.**).

Кризис этой разновидности Г., связанный с экономическими кризисами и античеловеческой общественной практикой большевизма и фашизма в 20 в., был в ряде случаев интерпретирован как крушение ценностей европейской цивилизации и культуры, да и самой Европы в целом (Ф. Ницше, О. Шпенглер, Э. Фромм – **см.** – и др.). Вступление авангардных либеральных государств 20 в. в стадию развития, близкую канонам "постиндустриального" (**см.**), "информационного" (**см.**) общества, актуализировала проблему оптимизации функционирования человеческого фактора в социальной жизни. Г. приобрел праксеологический срез "очеловечивания" и сопряженной тематизации всей совокупности общекультурных, образовательных, просветительских и "социализаторских" стандартов (идеи и гипотезы "общечеловеческих ценностей", "человеческих качеств" и т.д.). Наряду с этим, в 20 в. идеология и теория прагматизма, центрируясь в конечном счете на идее многомерной (по целям, мотивам, потенциально достижимому объему и процедурам интерпретации) обусловленности нашего познания природой человека, также выступает как одна из версий философского (в данном случае – методологического) Г. В концепции экзистенциализма

Ж.-П. Сартра Г. трактуется как "обреченность человека на свободу". Люди, будучи заброшенными однажды в мир, всегда отвечают за все свои действия. Высокогуманистичную абсолютность свободы Сартр дополняет тотальностью ответственности. Г., по Сартру, – это интенция человека на уяснение, своеобычную декодировку своего подлинного потенциала и тем самым воссоздание самого себя.

Достаточно нетрадиционную трактовку Г. осуществила постмодернистская философия в рамках концепции "сверхчеловека" (см. **Сверхчеловек**).

А.А. Грицанов

ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ – в СМД-методологии (**см.**) – систематизация, соорганизация и упорядочение в пространстве и во времени компонентов целенаправленной коллективной деятельности людей на основе современного гуманитарного знания. Согласно В.В. Мацкевичу (**см.**) и П.Г. Щедровицкому (**см.**), составляющими Г.Т. являются "особые" нематериальные элементы: различного типа знания, идеи, схемы, конструкты, знаковая среда (реклама, продукты СМИ и др.), квалификации, человеческая психика, время, доверие, ответственность, авторитет, авторское право и т.п. В Г.Т. материальные (вещественные) характеристики являются характеристиками продуктов и представляются как производные, полученные в результате гуманитарной деятельности, к которой невозможно применить вещественную мерность. Это приводит к тому, что причинно-следственные связи в Г.Т. являются неявно выраженными – для их установления и проектирования требуется проведение многофакторного и кластерного анализов. Г.Т. проектируются на основе системного и деятельностного подходов, мышление становится основным и центральным их звеном. Организация мышления как технической составляющей Г.Т. осуществляется по "особым" гуманитарным законам и методам. Г.Т. – ресурсоемки. Под ресурсом в них понимается наличие: а) идей, концептов и т.п. и их перевод в разряд деятельностных целей и задач, программ и проектов; б) людей, способных разрабатывать и реализовывать развивающие проекты и программы; в) финансов и требуемой материальной базы. Г.Т. проектируются с использованием комплексного знания: гуманитарного и естественно-научного.

Информация (**см.**) в Г.Т. рассматривается как отдельный элемент, который в технологии выполняет посредническую функцию между активными деятелями и позволяет значительно "сжимать" и "технологизировать" время. Технологизация отдельных составляющих (низовых и рутинных работ) значительно высвобождает время и пространство для других видов работ – мыслительно-рефлексивных (концептуализации, идеологизации, целеполагания и т.п.). Г.Т. являются инфраструктурными (нелинейными). Это означает зависимость каждого элемента гуманитарной системы от целого ряда неопределенных факторов. Нелинейность как характеристика Г.Т. выражается в необходимости фиксировать получаемые промежуточные результаты и продукты, а также их использование в других системах деятельности. Именно поэтому Г.Т. характеризуются функциональным укрупнением деятельности и, как следствие, – автономизацией отдельных ее составляющих. Уже сегодня можно наблюдать четкое вычленение в отдельные институты таких составляющих Г.Т. как консультирование, экспертирование, обмен информацией, правовое обеспечение и осуществление между ними кооперации на договорных основаниях. В Г.Т. важны не столько содержания отдельных элементов, сколько тип системных отношений, определяющий специфику и название той или иной Г.Т. Так, в системе образования соответствующей Г.Т. выступает способ соорганизации компонентов образования и их упорядочения в пространстве и времени. Техническое отношение к гуманитарным сферам деятельности предполагает возможность существования гипотезы о том, что развитие в системе образования оискусствляется, то есть осуществляется за счет разумной деятельности людей с учетом естественно складывающихся тенденций. Первая попытка технологизировать образование была предпринята Я.А. Коменским в середине 16 в. Созданная им классно-урочная система есть ничто иное как технология образования, прочно вошедшая в педагогическую практику и оставшаяся фактически неизменной уже на протяжении четырех веков.

Первоначальное употребление термина "технология" в образовании в 20 в. было связано с использованием технических средств обучения, а затем – с совершенствованием методов обучения и научной организации учебного процесса с целью повышения его эффективности. Позже технология образования стала определяться как проект педагогической системы, реализуемый на практике. Технологический подход в образовании подвергается серьезной критике со стороны ученых, разрабатывающих концептуальные положения философии и социологии образования, а порой даже полностью отвергается. Чаще всего технология обучения сводится к обычным методическим разработкам, ее смысл крайне сужается, и при этом усиленно акцентируется внимание на ориентацию технологий репродуктивного типа. Выдвигается основной аргумент – игнорирование личности учащегося, представление его как объекта воспитания и обучения, отсутствие в технологиях места для творчества преподавателя и учащегося. Отрицание технологического подхода в образовании основывается, вероятно, на утверждении, что не может существовать технического отношения к гуманитарным областям и сферам деятельности. Таким образом, фиксируется неразличение Г.Т. и технологий производственных. В отличие от технологий производственных, где объекты и материал максимально независимы от человека и его деятельности, технологии образования как раз и являются Г.Т., то есть становятся зависимы от человека и имеют дело с человеческим материалом. Образовательные технологии основаны на гуманитарном знании, которое имеет в отличие от естественно-научного иную организационную схему. Для достижения некоторой цели изобретается процедура, посредством нормировки и тиражирования процедура превращается в технику, техника и результаты ее применения исследуются, и на основе исследования выводится закон социальной жизни, деятельности, поведения людей и т.д. В естественно-научном знании соорганизация осуществляется по схеме "исследование – закон –

процедура – техника" (В.В. Мацкевич). Образование как сфера деятельности и мышления включает в себя ряд процессов – образование (в узком смысле слова), подготовка кадров, обучение, воспитание, грамотность. Результатом проектирования-технологизации вышеперечисленных процессов в системе образования являются технология обучения, подготовки, воспитания и т.д. Результатом проектирования межпозиционного взаимодействия выступает технология кооперации в деятельности образования (по отдельности – технология исследования, технология управления, технология проектирования и т.д.). Комплексирование всех частных технологий позволяет получить целостную технологию образования. Технология педагогического труда (педагогическая технология) становится составляющей технологии процессуальной – обучения, воспитания, подготовки. Технология образования является основной формой реализации содержания образования и способом соорганизации мыследеятельностных процессов обучения, подготовки, грамотности, образования и кооперативных процессов системы образования.

Основанием к проектированию новых технологий образования служит переориентация образовательных целей. Во времена Я.А. Коменского основной целью было научить всех читать и понимать библейскую литературу. Впоследствии произошла смена целей образования на освоение естественно-научного знания через усложнение учебных предметов. Технология образования при этом оставалась практически неизменной – взаимодействие преподавателя и учащегося осуществлялось по принципу передачи знаний и их усвоения; незначительные изменения происходили на методическом уровне, определенная вариативность в выборе конкретных педагогических действий допускалась и обозначалась как педагогическое творчество, поиск и т.д. Основные трудности приходились на этап распределения и "упаковки" во времени постоянно наращиваемых в плане информативности учебных предметов. В конце 19 – начале 20 в. наметилась тенденция на кардинальную смену целей образования, вызванная социокультурной ситуацией – кризисом естественно-научного знания, интеллектуальным усложнением репертуаров деятельности людей. С формированием постиндустриального общества наличие интеллектуальных компонентов в системе деятельности людей стало первоочередным и самым важным фактором. Образование, как сфера подготовки высококвалифицированных специалистов постепенно меняет ориентацию от передачи постоянно накапливающейся информации на освоение способов и средств мышления и деятельности. Трансляционные технологии образования и обучения, таким образом, постепенно сменяются на более сложные мыследеятельностные. Новая технология обучения – технология организации мыследеятельности и ее нормирование. Это технология принятия решений и их рефлексия, это конфликт идей и разрешение конфликта, это осознанное планирование деятельности и ее осуществление, это аналитика и рефлексия деятельности и мышления, это осознание самого себя как деятеля и как личности, индивидуальности. Кардинальная смена целей образования приводит к определению принципа непрерывности образования, обеспечению прав человека на постоянное освоение новых способов мышления и деятельности на основе культурных норм. Массовое проектирование технологий обучения привело к накоплению достаточно большого арсенала устаревших, "песанированных" технологий. Именно поэтому с особой остротой встает вопрос о стандартизации образовательных процессов и технологий. Проблематизация социокультурной ситуации и определение первоочередных и долговременных задач, стоящих перед образованием, задают направление поиска новых технологических форм образования.

Можно зафиксировать две принципиально отличные технологические схемы образования, основанные на различном типе отношений "человек – система образования". Схема "входа-выхода" – учащийся мыслится как "материал" в технологической системе, который необходимо преобразовать, видоизменить, нарастить под воздействием соответствующих факторов содержания образования т.д. Схема "входа-выхода" приемлема как схема обеспечения обязательных стандартов образования и является наиболее практикуемой, постоянной и консервативной. Схема "супермаркета" – вход в технологическую систему всегда открыт и вместо навязывания человеку заранее определенных образовательных путей ему для выбора предлагается множество образовательных услуг, модулей, блоков модулей и т.д. Человек может войти в эту систему и в любой момент выйти из нее. Схема "супермаркета" является динамичной и переменной составляющей в системе образования, которая реагирует на состояние рынка труда и потребления интеллекта и является развивающей в системе образования. Преобладание и доминирование той или иной технологической схемы не может обеспечить всю полноту системы образования. В зависимости от основного элемента в системе функциональной деятельности, который подвергается изменению в процессе проектирования, возможна дальнейшая классификация технологий обучения на модульные и полевые. Модульная технология строится на основе разделения учебного материала на определенные блоки, темы, смысловые моменты и т.п., затем осуществляется комбинирование, комплексирование и модульная соорганизация блоков. Полевая технология строится на совершенно других принципах – деятельностных. Целенаправленно проектируются и организуются моменты деятельностных полей "напряжений", конфликтов на всех этапах разворачивания мыследеятельности. Преодоление конфликта, достижение понимания в мыслекоммуникации и обретение субъектами процесса обучения некоторой мыслительной способности становится основным результатом технологического "полевого" этапа. Не исключена возможность разумного сочетания и комплексирования модульной и полевой технологии как возможности взаимодополнения и развития. Технологическая устойчивость системы образования может быть обеспечена за счет привнесения в систему обоснованных целей, задач, норм. Технологически организация работ в кооперированной деятельности образования может осуществляться в разных режимах. 1. Стабильный (постоянный, отнормированный) режим деятельности, направленный на воспроизводство системы деятельности образования. 2. Экспериментальный (динамичный, корректирующий) режим, цель которого – осуществление наддеятель-

ностной рефлексии, концептуализация, проектирование и программирование и т.п. В периоды реформирования образования основным становится второй режим работы, за счет которого осуществляется коррекция первого. В промежуточные периоды между реформами образования наибольший акцент ставится на организацию первого режима, при этом полное исключение второго недопустимо.

С.А. Крупник

ГУМПЛОВИЧ (Gumplowich) Людвиг (1838-1909) – польско-австрийский социолог и правовед, преподаватель в университетах Кракова и Граца, автор многих социологических и юридических работ, основоположник теории "социального конфликта", "этноцентризма", оригинальных теорий происхождения государства, рас и законов социального развития. Основные сочинения: "Раса и государство" (1875), "Расовая борьба" (1883) и др. Г. весьма убедительно показал принципиальное отличие социологии от истории, психологии, права, политэкономии, определив специфический характер ее объекта и предмета исследования. Подчеркнув, что для истории и других гуманитарных наук предметом являются те или иные действия личности, события, Г. обосновывает, что "предмет социологии составляет система движений социальных групп, повинующихся столь же вечным, неизменным законам, как солнце и планеты". Предметом социологии, по Г., являются закономерности развития человечества, его классов, социальных групп, социальных отношений, возникающих из взаимодействия человеческих групп и общностей. "Отыскать во всех этих столь различных процессах социального развития социальные законы, действующие в них и управляющие ими, – писал Г., – великая и отнюдь не легкая задача социологии". Г. первым в социологии не только сформулировал ее общие и специфические законы, но и создал их классификацию. Исходя из той методологической посылки, что субстратом социологического закона является социальная группа, человеческий род, и чертами социологического закона, как и природных явлений, являются однообразие, повторяемость, он характеризует такие специфические законы: правильность развития, периодичность, сложность, взаимодействие разнообразного, всеобщая целесообразность, тождество сил, тождество процессов, параллелизм.

Общество развивается, по Г., строго закономерно, под действием социальных законов. Его движущей силой является стремление социальных групп к самосохранению и постоянному повышению своих благополучий. Это стремление в свою очередь "приводит к стремлению властвовать над другими социальными группами и их порабощению, – которое, при столкновении с подобными же стремлениями других групп, приводит к борьбе за власть над другими социальными группами". Вся история человеческого развития – сплошная борьба социальных групп. Борьба между ордами (т.е. группами, объединенными физико-антропологическими и этническими признаками), в результате которой возникает государство, в дальнейшем сменяется борьбой, с одной стороны, между государствами, с другой – внутри государств: между группами, классами, сословиями, политическими партиями. Особенно много внимания уделил Г. борьбе рас в книге "Расовая борьба". Но понятие "раса" он определял социальными признаками, а не биологическими. Поэтому по существу речь шла о борьбе классов.

Г. является автором теории "этноцентризма", которая также обосновывается им прежде всего в книге "Расовая борьба". Он утверждал, что существует разный характер отношений внутри группы и между группами. Опираясь на выведенный им "всеобщий высший закон" – закон самосохранения, Г. доказывал, что если для отношений внутри группы характерны сплоченность, солидарность, высокое уважение к выработанным внутри группы нравственным и эстетическим ценностям, то для отношений между группами, напротив, характерны враждебность, недоверие, взаимное презрение и т.п. В настоящее время термин "этноцентризм" применяется в социологии и социальной психологии. Г. – автор оригинальной концепции происхождения и сущности государства. По Г., объективные закономерные действия социальных групп ведут к созданию государства. Первое действие здесь состоит в порабощении одной орды другой, одного племени другим, одной социальной группы другой, в организации господства над порабощенными, для чего создаются соответствующие учреждения. "Каждое государство является совокупностью учреждений, имеющих целью *господство* одних над другими, и именно меньшинства над большинством. Поэтому государство есть организация господства *меньшинства* над *большинством*". Таким же путем, по Г., происходило и образование наций. По его мнению нации образовались не путем собственного роста племени, народности, а путем порабощения многих племен более могучими, иногда объединенными племенами. Поэтому в государственной форме объединения людей, как правило, есть несколько народностей, наций. Внеся достойный вклад в развитие социологии, Г. стремился возвысить социологию над всеми гуманитарными науками. Он считал, что она есть основа всех социальных наук: "...как наука о человеческом обществе и о социальных законах социология представляет, очевидно, фундамент всех наук, занимающихся отдельными частями человеческого общества, отдельными направлениями человеческой деятельности, наконец, отдельными проявлениями общественной жизни".

Г.П. Давидюк

ГУРВИЧ (Gurvitch) Жорж (Георгий Давидович) (1894-1965) – французский и российский социолог и философ. Учился в разных учебных заведениях России и Западной Европы. Изучал философию, социологию, право. В 1917-1918 преподавал в Петроградском университете. В 1918 назначен профессором Томского университета. В 1920 эмигрировал. В 1921-1925 читал лекции в Пражском университете. Работал в Германии. Затем переехал во Францию, где работал в университетах Бордо (1929-1935) и Страсбурга, где заменил на кафедре М. Хальбвакса. В 1928 принял французское гражданство. Поддерживал отношения с Н. Гартманом, М. Шелером (**см.**), Э. Гуссерлем и др. Участия в дискуссиях русских философов за границей не принимал. Во время Второй мировой войны преподавал в Гарвардском и Колумбийском университетах

США, был директором Французского института социологии в Нью-Йорке. Сблизился с Дж. Морено (см.), П. Сорокиным (см.), Р. Паундом. С 1949 и до конца жизни возглавлял кафедру социологии в Сорбонне, основанную Э. Дюркгеймом (см.). Основал Центр социологических исследований (1946) и Лабораторию социологии познания и морали, Международную ассоциацию социологов франкоязычных стран, журнал "Международные тетради по социологии". Инициировал ряд программных для западной социологии коллективных трудов: "Социология" (т. 1-2, 1947, совместно с У. Муром); "Социометрия во Франции и в США" (1950); "Индустриализация и технократия" (1949); "Трактат по социологии" (т. 1-2, 1960-1962). В России опубликовал только одну небольшую работу, посвященную исследованию творчества Феофана Прокоповича (1915), в Праге – работу "Фихтевская система конкретной этики" (1924).

Основные работы Г. опубликованы на французском языке (хотя он опубликовал во Франции и несколько статей на русском). Г. принадлежат: "Современные тенденции немецкой философии. Гуссерль, Шелер, Э. Ласк, Н. Гартман, Хайдеггер" (1930); "Идея социального права. Развитие и система социального права. История доктрины с 17 до конца 19 в." (1932, защищена как докторская диссертация); "Юридический опыт и плюралистическая философия права" (1935, знаменует переход Г. к социологической проблематике); "Эссе о социологии" (1938); "Социология права" (1942); "Декларация социальных прав" (1944, на англ. языке); "Введение в исследование социологии познания" (1948); "Социальные детерминизмы и человеческая свобода" (1955); "Социология К. Маркса" (1959); "Прудон. Его жизнь, его дело" (1965); "Диалектика и социология" (1962); "Исследование о социальных классах. Идея социальных классов Маркса и современность" (1966); "Социальные рамки познания" (1966) и др. Занимался проблемами истории философии и социологии, теорией и методологией социологического знания, социологией права, морали, познания.

Г. исходил из установки на теоретический синтез различных отраслей и концепций в социологии. Это потребовало критического методологического анализа практически всех современных ему направлений мысли и постоянной корректировки собственных взглядов (не зря его теорию называли "доктриной перманентной революции в социологии"). Сам Г. свою социологию квалифицировал как "диалектический микросоциологический гиперэмпиризм". Социология, по Г., должна основываться на диалектике и заниматься социальными микроотношениями людей внутри макрогрупп. Такая двойственная ориентация позволяет снять противоположность материализма и идеализма, преодолеть односторонность имеющихся концепций. Диалектика понимается при этом как инструмент познания, конструируемый исследователем для получения желаемых результатов. Она должна быть связана с эмпирическими данными, т.е. стать "недогматической, эмпирико-реалистической диалектикой"; "ее задача – разрушение всех принятых воззрений, сложившихся теоретических синтезов и принятых на веру очевидностей". Диалектика (как инструмент познания) выполняет прежде всего регулятивные функции, задает основополагающие рамки: она ставит перед человеком вопросы, проблематизирует жизненные ситуации, предупреждает его о грозящих трудностях будущего, но не дает никаких готовых ответов. Центральными для понимания активности человека оказываются три понятия: "фатализм", "детерминизм", "свобода". Свобода трактуется Г. в духе laisser-faire, понимается как произвольное и спонтанное (без всяких ограничений) действие. В этом плане им критикуются любые проявления фатализма как трансцендентной и непостижимой (мистической) судьбы. Однако свобода человека в реальном социуме не безгранична, она всегда детерминирована. Как вариант детерминистской концепции Г. рассматривается марксизм (см.), основным знатоком и критиком которого он себя считал. Маркс (см.), согласно Г., создал "диалектику реального гуманизма", противопоставленную гегелевскому спекулятивному идеализму. В этом плане "поздний" Маркс полностью дедуцируем из "раннего". Однако во второй период своего творчества Маркс усилил принцип материалистического монизма, что привнесло в его концепцию недопустимый фатализм. Нет универсальной детерминирующей поведение людей причины. Нужно говорить, считает Г., о плюрализме реально действующих "детерминизмов". Каузальные (ограничивающие действие) законы – это интегративная характеристика сложившихся комбинаций реальных ансамблей, они (законы) не могут, следовательно, претендовать на универсальность и неизменность. Их следует рассматривать, скорее, как "технические методы" познания. Не является всеохватывающим и какой-либо тип социальных законов: эволюционные законы не отвечают на вопрос "почему?", функциональные – носят сугубо описательный характер, статистические – применимы лишь для объединения наблюдаемых фактов в совокупности. Ориентироваться, следовательно, необходимо на микросоциологию, на изучение человека в конкретных ситуациях его деятельности. Необходимо выделение репрезентированных социальных типов, что позволит применить к изучению поведения человека методы микроанализа, в частности, социометрии (метод "качественной и дискретной типологии"). Конструирование типов (метод социологии) отличен как от генерализирующих и аналитико-систематизирующих методов, так и от сингуляризирующего метода исторических наук, занимая промежуточное положение между ними. Социология через процедуры типологии занимается исследованием "целостных социальных феноменов" (понятие Мосса – см.). Через "целостные социальные феномены" происходит утверждение динамичной социальной реальности. Они никогда не идентичны ни одному из своих конкретных содержаний и не могут быть редуцированы к индивидуально-психическому. Они задают, кроме того, импульсы изменения обществу. Социум – продукт коллективного творчества и волевых усилий людей, между которыми постоянно возникают конфликты, которые, аккумулируясь, способны приводить к социальным взрывам. Следовательно, социум должен стремиться к выработке механизмов, блокирующих нарастание в нем негативных тенденций (к их нарастанию ведет централизация, бюрократизация, технократизация социальной жизни). Отсюда идеал Г., обосновываю-

мый им в ряде работ, – плюралистическая демократия, децентрализованное планирование экономики, организованный капитализм (или "плюралистический коллективизм" на принципах самоуправления). Эти идеи Г. опираются на его философские работы первого периода творчества, в которых он обосновывал принципы философского плюрализма. Г. исходит из идеи Абсолюта, но доказывает самостоятельность этической сферы, ее независимость от метафизики и религии. Нравственное действие предполагает "самостоятельное участие", являющееся условием восхождения к Абсолюту, предполагающему множество путей своего постижения (в том числе научную и художественную деятельность). Моральное, научное и эстетическое творчество Г. характеризует как "светское богослужение". Это есть система "автотеургии", смысл которой как раз и состоит в обосновании "самостоятельного участия" в Божественном творчестве (через "волезрение", "волевую интуицию" человек способен возвыситься до "непосредственного видения творческого потока"). Бытие многопланово, мир не закончен и "непрерывно продолжает твориться", что предполагает постоянную проблематизацию жизни и соучастие человека через мир повседневности в "творческом потоке".

В.Л. Абушенко

ГУРЕВИЧ Арон Яковлевич (р. 1924) – российский историк и социальный философ. Доктор исторических наук, профессор. Лауреат Государственной премии РФ по науке и технике (1993). Иностранный член Американской академии медиевистов, Бельгийской академии наук, Королевского исторического общества Великобритании, Королевского Норвежского общества ученых, почетный доктор философии Лундского университета. Главный редактор журнала "Одиссей. Человек в истории". Основные труды: "Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе" (1970), "Категории средневековой культуры" (1972 и 1984), "Проблемы средневековой народной культуры" (1981), Культура и общество Западной Европы глазами современников" (1989), "Средневековый мир: культура безмолствующего большинства" (1990), "Исторический синтез и Школа "Анналов" (1993) и др. Ряд книг Г. переведен на иностранные языки.

В начале 1960-х Г. переосмысляет понятия "социальная история" в контексте истории культуры и философской антропологии. По мысли Г., феодализм неправомерно рассматривать в качестве универсального этапа всемирной истории, данная модель преодоления традиционного общества уникальна и присуща лишь Западной Европе. Особое значение Г. придавал исследованию и реконструкции основных "категорий средневековой культуры": право, труд, богатство, бедность, собственность, счастье. Социально-философское творчество Г. способствовало достижению новых горизонтов в понимании философии как рефлексии над предельными категориями культуры.

А.А. Грицанов

ГУРЕВИЧ Павел Семенович (р. 1933) – российский философ. Доктор филологических наук (1978), доктор философских наук (1991, тема диссертации – "Человек как объект социально-философского анализа"), профессор. Академик Российской академии естественных наук (1995), Академии гуманитарных исследований (1995), Международной академии информатизации, Нью-Йоркской академии наук. Член редакционных коллегий журналов "Философские науки" и "Новые идеи в философии". С 1970 – работает в АН СССР, ныне в Институте философии РАН, где заведует лабораторией "Философская классика и современность". Исследовал ряд проблем философской антропологии, философии культуры, современной западной философии, философии техники и др. Развил идеи, посвященные феноменам социальной мифологии, идеологии, социальной утопии, контркультуры, мистики, технократизма и др. Разработал идеи форумности культур, универсальности совокупного духовного опыта и пр. Как составитель и ответственный редактор подготовил ряд антологий по общим проблемам философии: "Мир философии" (1991, т. 1-2); философской антропологии: "Проблема человека в западной философии" (1988), "Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии" (1991), "Феномен человека" (1993), "Это – человек" (1994); философии техники: "Новая технократическая волна на Западе" (1986). Является редактором и автором предисловий около 40 книг философской классики, в том числе произведений У. Джемса, М. Бубера, Н. Бердяева (**см.**), З. Фрейда (**см.**), Э. Фромма (**см.**), К. Ясперса и др. Составитель и научный редактор книги "Психоанализ. Популярная энциклопедия" (1998). Автор книг "Человек будущего: мифы и реальность" (1979), "Буржуазная идеология и массовое сознание" (1980), "Спасет ли мессия?" (1981), "Социальная мифология" (1983), "Возрожден ли мистицизм?" (1984, книга переведена на 16 языков), "Бесхрамовые боги" (1984), "Гуманизм и вера" (1990), "Приключения имиджа. Очерк философской антропологии" (1991), "Эрос. Страсти человечества" (1992) и др.

В.И. Овчаренко

ГЭЛБРЕЙТ (Galbraith) Джон Кеннет (р. 1908) – американский мыслитель, экономист, социолог, литератор, общественный деятель. Профессор Гарвардского университета (1949). Основные сочинения: "Новое индустриальное общество" (1967), "Экономические теории и цели общества" (1973), "Общество изобилия" (1958), "Анатомия власти" (1984) и др.

Продолжая традиции американского институционализма, Г. анализирует различные аспекты деятельности крупных корпораций в духе концепции "революции менеджеров". Согласно Г., с развитием технологии происходит изменение социального статуса владельцев факторов производства (земли, капитала, труда, предпринимательского таланта): власть переходит к тому фактору производства, который наименее доступен. Длительное время таким фактором была земля, а затем – капитал. Настоящее время характеризуется, по Г., очередной сменой власти, переходящей, однако, не к труду (поскольку его предложение всегда превышает спрос), а к носителям специализированных знаний, необходимых для управления современным производством – т.наз. "техно-

структуре". Эта социальная группа отличается по своим целям и мотивации от традиционной фигуры капиталиста-предпринимателя. Техноструктура, по Г., не нуждается в максимизации прибыли и не стремится к этой цели, т.к. прибыль принадлежит не управляющим, а акционерам. Единственное, что в данной связи заботит техноструктуру, – обеспечение такого уровня доходов владельцам акций, при котором последние не испытывали бы желания вмешиваться в дела корпорации. Помимо этой "защитной цели" у техноструктуры существует "положительная" программа, заключающаяся в стремлении к росту корпорации, т.к. это приводит к повышению престижа техноструктуры, увеличению ее реальной власти и доходов. Побудительными мотивами деятельности менеджеров становятся желание получить одобрение своих коллег, стремление идентифицировать себя с задачами организации и надежда приспособить цели организации к своим собственным. Господство техноструктуры в мире крупных корпораций приводит к ее доминирующему положению в политике: современное государство становится выразителем и проводником интересов техноструктуры. Современные технологии, по Г., неизбежно требуют расширения сферы планирования и уменьшения неопределенности, присущей функционированию рыночной экономики. При помощи различных средств корпорации способны навязывать покупателю производимую продукцию и тем самым делают эфемерным суверенитет потребителя, провозглашаемый либеральными доктринами в качестве основы капиталистической экономики. Возрастание роли техноструктуры, ее стремление избежать некомпетентного вмешательства в свои дела Г. считал процессами, характерными не только для капиталистической, но и для социалистической экономики, т.к. они диктуются не идеологическими соображениями, а вытекают из требований современной технологии. В этой связи Г. рассматривал капитализм и социализм как разновидности единого "индустриального общества" и отстаивал "теорию конвергенции". Работы Г. были одним из излюбленных объектов критики в советской экономической философии и социологической литературе 1960-1970-х. В настоящее время некоторые из его аргументов охотно используются сторонниками активного государственного вмешательства в экономику.

А.А. Баканов, М.Г. Баканова

ГЭЛЛАПА ИНСТИТУТ – организация, занимающаяся проведением общенациональных опросов общественного мнения (США). Официальное название – Американский институт общественного мнения. Еженедельно фиксирует общественное мнение в стране по разнообразным политическим, социальным и экономическим проблемам. Создан в 1935 американским социальным исследователем Дж. Гэллапом (1901-1984). В это время было положено начало практическому изучению общественного мнения с применением строгих методов анализа. Гэллап применял и развивал современные методы исследования выборочной совокупности при изучении политических приверженностей и общественного мнения. Он одним из первых продемонстрировал возможность точного измерения электоратных симпатий и политических мнений посредством изучения представительных выборок электората. Гэллап полагал, что использование его методики повысит "демократическую чуткость" правительства и политических партий. Он настолько ассоциировался с данным видом исследования, что последний часто называют "опросом Гэллапа". Опросы стали неотъемлемой частью общественно-политической жизни США. Они являются важным источником для совершенствования системы социального контроля и изучения долговременных тенденций в американском общественном мнении. В течение многих лет единственным серьезным конкурентом Г.И. в сфере проведения общенациональных опросов была созданная в 1963 служба Л. Харриса.

В.А. Балцевич

Д

ДАВИДЮК Георгий Петрович (р. 1923) – белорусский социолог, основатель белорусской социологической школы. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Минский педагогический институт им. М. Горького (1952). Кандидат (1959), доктор (1969) философских наук.

Зав. отделом социологических исследований Института философии и права АН БССР (1962-1973). С 1973 Д. переходит на работу в Белгосуниверситет. Руководит кафедрой философии, проблемной лабораторией социологических исследований, в 1990-х – профессор кафедры социологии.

Д. выступил инициатором открытия специализации по прикладной социологии на отделении философии БГУ, где им с 1969 читался курс социологии, в 1989 в БГУ открылось отделение социологии.

Под научным руководством Д. были проведены панельные социологические исследования социальной структуры рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. На основе полученного фактического материала и при непосредственном участии Д. были написаны коллективные монографии "Социальные изменения рабочего класса Белоруссии" (1965), "Социальные изменения крестьянства Белоруссии" (1966), "Структура советской интеллигенции" (1970), "Социальные проблемы села" (1971) и др.

Д. были написаны и изданы первые в Беларуси учебные пособия для специалистов-социологов: "Введение в прикладную социологию" (1975), "Прикладная социология" (1979, издана на китайском языке в 1985).

При непосредственном участии и под редакцией Д. были изданы книги: "Социальный эффект соревнования" (1976), "Методологические основы социального управления" (1977), "Студент и его деятельность" (1978), "Эффективность средств массовой информации" (1986) и др.

Одним из важнейших результатов научной деятельности Д. является написание под его руководством и издание первого в СССР и Белоруссии "Словаря прикладной социологии" (1984).

Под научным руководством Д. 48 человек защитили кандидатские, а 12 – докторские диссертации по социологии. Д. принял активное участие в 15 международных конференциях и конгрессах, в том числе в VIII, IX и XIII конгрессах.

При возглавляемой Д. кафедре философии активно функционировала проблемная социологическая лаборатория и сектор прикладной социологии, в рамках которых более 90 сотрудников вели полевые исследования по проблематике социального управления, эффективности СМИ, роли университетов в обществе. Под научным руководством Д. были разработаны и опубликованы "Методические указания по разработке комплексного плана экономического и социального развития Минска на 1976-1980 гг." (1975) – эта работа была удостоена Золотой медалью ВДНХ СССР.

Д. – автор более 150 научных работ (из них 13 – за рубежом), в том числе: "Критика теории "единого индустриального общества" (1968); "Проблемы "массовой культуры" и массовых коммуникаций" (1972) и др.

ДАВЫДОВ Юрий Николаевич (р. 1929) – российский социолог, специалист в области истории социологии и общей социологической теории, социологии культуры и искусства.

Окончил исторический факультет Саратовского университета (1952). Доктор философских наук (1978), профессор (1987).

В 1956-1958 – аспирант Института философии АН СССР. В 1959-1963 – сотрудник редакции по философии издательства "Советская Энциклопедия". С 1963 – зав. отделом философии ФБОН; зав. сектором эстетики Института истории искусств Министерства культуры СССР. С 1970 – старший научный сотрудник, зав. сектором (ныне – Центр истории социологии и общей социологической теории) в Институте социологии РАН.

Основные научные интересы Д. находятся в области проблем истории и теории социологии, этики, истории философии и искусства. С его именем связана реализация крупных проектов исследований истории и генезиса общей теории социологии в России. Многие монографические исследования Д. получили широкую известность и переводились на основные европейские языки. В 1990-х основное внимание Д. уделяет разработке методологических проблем эволюции общесоциологической теории на Западе и в России.

Основные сочинения: "Труд и свобода" (1962); "Искусство и элита" (1966); "Искусство как социологический феномен" (1968); "Октябрьская революция и искусство" (1967); "Эстетика нигилизма" (1975); "Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы" (1977); "Бегство от свободы" (1978); "Неомарксизм и проблемы социологии культуры" (1980, соавтор); "Социология контркультуры" (1980, соавтор); "Этика любви и метафизика своеволия" (1982 и 1990); "Буржуазная социология на исходе XX века" (1986, соавтор); "Идеалистическая диалектика в XX столетии" (1987, соавтор); "Современная западная социология. Словарь"

(1990, соавтор); "ФРГ глазами западногерманских социологов" (1989, соавтор); "История и рациональность" (1991, соавтор); "Очерки по истории теоретической социологии XIX – нач. XX вв." (1994, соавтор); "Очерки по истории теоретической социологии XX столетия" (1994, соавтор); "История теоретической социологии" (1995. Т. 1 – соавтор); "Макс Вебер и современная теоретическая социология" (1998) и др.

ДАНИЛЕВСКИЙ Николай Яковлевич (1822-1885) – русский публицист, социальный мыслитель, культуролог, идеолог панславизма. Магистр ботаники Петербургского университета (1849). За научно-административную деятельность награждался Золотой медалью Русского географического общества. Директор Никитского ботанического сада (1879). Основные сочинения: "Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому" (1869), "Дарвинизм. Критическое исследование" (1885-1889), "Сборник политических и экономических статей" (1890) и др. Известность приобрел благодаря работе "Россия и Европа", вызвавшей острую полемику и зачастую несправедливую критику (например, со стороны В. Соловьева, Н. Кареева – **см.**). Критики обратили внимание прежде всего на поверхностный, связанный с "восточным вопросом", слой книги и проигнорировали (за исключением Н. Страхова и К. Леонтьева) ее более глубокий социологический и философско-исторический план, обнаруживший свое значение позднее.

Рассуждая в русле методологии натурализма и отвергая европоцентристский эволюционный принцип объяснения истории (**см.**), Д. считал невозможной общую теорию общества (**см.**), управляемого всеобщими законами (**см.**). Общество – не особая целостность, но только сумма национальных организмов, развивающихся на основе морфологического принципа, т.е. по собственным имманентным законам. Д., следовательно, наметил одну из ранних форм структурно-функционального анализа (**см.**) социальных систем.

Человечество, по Д., в различных точках роста укладывается в крупные социальные формы (организмы), называемые Д. "культурно-историческими типами" (цивилизациями). "Типы" есть интеграция существенных признаков определенного социального организма, объективирующих национальный характер. Положительную роль в истории, по Д., сыграли 11 основных культурно-исторических типов: египетский, китайский, ассиро-вавилоно-финикийский, халдейский или древнесемитический, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, новосемитический, или аравийский, романо-германский, или европейский. Ряд народов не сложились в культурный тип и выполняют либо функцию "бичей Божиих", т.е. разрушителей отживших культур, либо составляют "этнографический материал" для других цивилизаций.

По мысли Д., в идеальном плане культура (**см.**) структурируется на 4 разряда (или основы): религия (**см.**); культура в узком смысле слова (наука – **см.**, искусство – **см.** и промышленность); политика (**см.**); общественно-экономическая деятельность. Исторически существовавшие культурно-исторические типы развивали какой-либо один разряд либо, в лучшем случае, – два (как европейский). Восточнославянский же тип, по мнению Д., будет первым полным "четырехосновным" культурно-историческим типом. На этом основывались вызвавшие неприятие многих современников политические выводы Д. о месте России в Европе и о славянском мире, который ради спасения своей самобытности должен объединиться в особый культурно-исторический тип и отказаться от подражательности иным культурам.

Д., используя биологические аналогии, формулирует законы эволюции культурно-исторических типов. Основы цивилизации (**см.**) одного типа не передаются цивилизациям другого типа. Попытка заменить такие основы ведет к уничтожению культуры. Однако Д. не отрицает культурную преемственность, адекватной формой которой является метод "почвенного удобрения", т.е. знакомство народа с чужим опытом и использование его наименее национально окрашенных элементов. Особое значение для развития цивилизации имеет политическая интеграция культурно близких народов. Выход интеграции за пределы культурного типа приносит только вред. Культурно-исторический тип переживает ряд этапов, причем если период накопления культурного запаса народом неопределенно долог, то период цивилизации ("плодоношения", "растраты", "творчества") весьма короток, культура быстро иссякает и приходит к естественному концу.

Д. одним из первых увидел опасность концепции линейного прогресса, подчеркнув гибельность для человечества господства какого-либо одного культурно-исторического типа. Ни одна цивилизация не может утверждать, что она представляет высшую точку истории, каждая вносит свои плоды, идет в своем направлении и только в этом многообразии и осуществляется прогресс. Не существует никакой абстрактной общечеловеческой задачи. От общечеловеческого нужно отличать всечеловеческое как совокупность всего национального; всечеловеческое подобно городу, где каждый отстраивает свою улицу по собственному плану, а не теснится на общей площади и не берется за продолжение чужой улицы. В таком развитии и заключается социальный идеал. Концепция Д. стала одной из первых попыток обоснования взгляда на историю как на нелинейный многовариантный процесс. Будучи недооцененными в момент создания, идеи Д. оказались созвучными многим концепциям 20 в.: теории локальных цивилизаций, теории аккультурации, социологии знания (**см.**) и т.д.

Г.Я. Миненков

ДАНИЛОВ Александр Николаевич (р. 1955) – белорусский социолог, политолог и социальный философ. Доктор социологических наук (1994). Заведующий сектором изучения общественного мнения и прогнозирования Совета Министров Республики Беларусь (1991-1994), аналогичного сектора Администрации Президента Республики Беларусь (1994-2000), профессор кафедры социологии Белгосуниверситета (с 2000), зам. председателя ВАК РБ (с 2003).

Член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси (1996), профессор (1997).

Заместитель академика-секретаря Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси (1997), заместитель председателя Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (1999), президент Белорусского общественного объединения "Социологическое общество" (2000), основатель и главный редактор научно-теоретического журнала "Социология" (1997). Лауреат премии Национальной академии наук Беларуси за лучшую научную работу (1999), стипендии Президента Республики Беларусь за достижение выдающихся результатов в сфере профессиональной деятельности (2001).

Д. – автор оригинальной теоретико-методологической концепции, раскрывающей механизм системных трансформационных изменений в постсоветских странах. Им разработаны теоретические предпосылки нового направления в социологической науке – социологии трансформационных процессов в переходных обществах. Д. осуществлен анализ взаимоотношений власти и общества, исследованы функции политической элиты, проведен критический разбор политики глобализма и определены перспективы развития национального государства. Тем самым Д. конституировал категориальную систему социологии власти применительно к современному этапу цивилизационного развития. В области социологии молодежи Д. разработана социокультурная модель концепции государственной молодежной политики, проанализировано положение молодежи в условиях перехода к рыночным отношениям, динамика ее ценностных ориентаций. Д. является также одним из авторов учебников и учебных пособий по социологии, другим гуманитарным и социальным наукам, методологии и методике социологических исследований, теории и истории социологии.

Д. – автор более 200 работ в области теории, методологии и истории социологии. Основные труды: "Переходный процесс и молодежь" (1993), "Переходное общество: проблемы системной трансформации" (см.); "Власть и общество: поиск новой гармонии" (1998); "Молодежь кризисных лет: иллюзии и новые надежды" (1999); "Социология власти: теория и практика глобализма" и др.

ДАННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ – структурированная и формализованная информация, собранная в ходе эмпирического социологического исследования. Процедуры формализации включают определение генеральной и выборочной совокупности, способов измерения показателей (переменных), а также интервалов времени, через которые производятся измерения (см. **Дизайн социологического исследования**). Информация структурируется по обследуемым объектам, измеряемым показателям и времени проведения исследования. В большинстве исследований используются не более двух из трех названных критериев структурирования данных.

Данные типа "объект" возникают при одноразовом (cross-sectional) статистическом обследовании выборки объектов по единственному показателю. Они представляют собой вектор измеренных значений. Если показателей несколько, структура данных представляется в виде матрицы типа "объект – признак". Это наиболее распространенный тип структуры данных (см. **Матрица данных**), он используется, например, при опросах общественного мнения.

Матрица данных "объект – время" используется в тех случаях, когда на некоторой совокупности объектов через определенные промежутки времени измеряется один и тот же показатель, например, рождаемость в ряде стран или населенных пунктов. Если измерению подлежит только один объект, результаты измерения могут быть представлены вектором "время"; если на единственном объекте неоднократно измеряются несколько показателей – матрицей "признак – время". Наконец, данные типа "признак" возникают при единовременном исследовании одного объекта по нескольким показателям, как, например, при психологическом тестировании.

Данные, в структуре которых присутствуют все три измерения ("объект – признак – время"), образуются при неоднократном измерении одних и тех же показателей на одной и той же совокупности объектов. Они могут быть представлены в виде "куба", образованного в результате "наложения" друг на друга нескольких двумерных матриц "объект – признак", относящихся к последовательным промежуткам времени. Данные этого типа порождаются, в частности, лонгитюдными и когортными социологическими исследованиями, при которых одним и тем же респондентам через определенные промежутки времени задаются одни и те же вопросы.

О.В. Терещенко

ДАННЫХ МАТРИЦА – прямоугольная таблица, предназначенная для представления и хранения данных социологического исследования (см.). Наибольшее распространение получили Д.М. типа "объект – признак", используемые в качестве стандартного способа представления данных в программных средствах, предназначенных для статистической обработки и анализа данных.

Каждая строка Д.М. отводится одному объекту, каждый столбец – одному признаку; на пересечении строки и столбца указывается значение данной переменной для соответствующего объекта. В приведенном фрагменте Д.М. (см. **Таблицу 3** на стр. 1291) образование измеряется в годах, стаж работы в фирме и предшествующий опыт – в месяцах, годовая зарплата – в долларах США. Пол закодирован цифрами: 1 – "мужской", 2 – "женский"; категория (должность) – цифрами: 1 – "клерк", 2 –"охранник", 3 – "менеджер".

О.В. Терещенко

ДАРЕНДОРФ (Darendorf) Ральф (р. 1929) – немецкий социолог, политолог, политический деятель. Диссертация по проблеме понятия справедливости у Маркса (1953). В 1958-1967 – профессор университетов Гамбурга, Тюбингена, Констанца. В 1968-1974 – член федерального правления СвДПГ, а также (с 1969) – комиссар ЕС в Брюсселе. В 1974-1984 – директор Лондонской школы экономики и политических наук. Председатель правления Фонда Ф. Наумана СвДПГ (с 1982). С 1984 – ректор колледжа св. Антония в Оксфорде. Основные работы: "Социальные классы и классовый конфликт в индустриальном обществе" (1957), "Общество и свобода" (1961), "Образование есть гражданское право" (1965), "Тропы из утопии: к теории и методологии социологии" (1967), "Очерки по теории общества" (1968), "Конфликт и свобода" (1972), "Человек социологический" (1973), "Современный социальный конфликт" (1982) и др.

Д. – автор так называемой "конфликтной модели общества". Теория конфликта Д. возникла как реакция на универсалистские претензии интеграционизма структурно-функционалистской теории и как вполне очевидная альтернатива марксизму. Она может рассматриваться как один из вариантов теорий социальной стратификации и социальных изменений, претендующий на создание динамичной картины социума. Большое влияние на воззрения Д. оказали работы Т.Парсонса (см.), Г. Зиммеля (см.), П. Сорокина (см.), К .Маркса (см.), М. Вебера (см.). Разделяя допущение Парсонса относительно неадекватности исторического опыта, Д. считает, что каждая теория имеет дело с различной совокупностью проблем и не может быть единой систематической теории, применимой к изучению всей (и любой) реальности. По мысли Д., основаниями консенсусной теории общества по Парсонсу выступа-

ют представления о балансе, стабильности и нормативном консенсусе. Эти посылки эмпирически не доказуемы и – в наилучшем варианте – могут трактоваться лишь в статусе утопически-программных установок. Согласно Д., на таком фундаменте невозможно выявить источники имманентных современному обществу конфликтов. С точки зрения Д., порядок и стабильность суть патологии социальной жизни. Различные теории организуют и конституируют мир своими специфическими способами, и одним из таких способов – вполне перспективных, по мнению Д., – является теория конфликта. Отрицая понятия "страта" и "слой", Д. пользуется понятием "класс". Основой определения классов он считает отношения господства и подчинения, т.е. не наличие или отсутствие у людей собственности, а их участие или не участие в вопросах власти. (Ср. у Дж. Локка: господство как право на отправление норм и законов и на принуждение к их исполнению.) Власть отличается у Д. от привычного понимания "силы": "и если сила обычно связывается с личностью индивида, то власть – с социальными позициями и ролями". Социальные позиции людей не равны по отношению к власти, что предопределяет их различение по интересам и устремлениям. При определении характера социальной структуры Д. использует понятие М. Вебера "императивно координированная ассоциация" – т.е. любое имеющееся в обществе отношение управления, связывающие противоположные группы людей: обладающих властью и повинующихся. Но при этом Д. подчеркивает, что "... для индивида, являющегося носителем ролей, господство в одной ассоциации не означает и не обязательно предполагает господства во всех других ассоциациях, к которым он принадлежит, и, наоборот, подчинение в данной ассоциации не означает подчинения в других". Все имеющиеся в обществе разновидности императивно координированных ассоциаций в совокупности образуют его социальную структуру. Входя одновременно в несколько ассоциаций и занимая там разные позиции, выполняя социальные роли, индивид участвует сразу в нескольких, не зависящих друг от друга социальных конфликтах (**см.**).

Под конфликтом Д. понимает "все структурно произведенные отношения противоположности норм и ожиданий, институтов и групп". При помощи понятия конфликта Д. уточняет понятие класса: "в каждой императивно координированной ассоциации различаются две квазигруппы, объединенные общими латентными интересами. Ориентация их интересов детерминируется владением или исключением из владения властью. Из этих квазигрупп составляются группы интересов, программы которых провозглашают защиту или нападение на законность существующих властных структур. В любой ассоциации такие две группировки находятся в состоянии конфликта". Отсюда окончательное определение классов: классы – это "конфликтующие социальные группировки или группы социального конфликта, основанные на участии или неучастии в отправлении власти в императивно координированных ассоциациях". Господствующий в данной ассоциации класс противостоит притязаниям на его власть со стороны подчиненного ему в этой ассоциации класса.

Отношения управления и организации являются коренной причиной социального неравенства людей. По Д., существуют четыре причины неравенства: 1) неравенство проистекает из естественного (биологического) разнообразия склонностей, интересов, характеров людей и социальных групп; 2) неравенство проистекает из естественного (интеллектуального) разнообразия талантов, способностей, дарований; 3) неравенство проистекает из социальной дифференциации (по горизонтали) примерно равноценных позиций; 4) неравенство проистекает из социального расслоения (по вертикали в соответствии с престижем, богатством и социокультурным фоном), проявившегося в иерархии социального статуса. (В этом контексте Д. отвергает как чисто рыночные, так и теоретико-игровые модели социума. По его версии, такие подходы не в состоянии адекватно учитывать и изначальное неравенство индивидов в доступе к рынку, и различия в играх поиска и принятия универсально значимых решений. Обоснование этого было осуществлено Д. в его книге "Образование есть гражданское право".) Классовый конфликт как движущая сила и способ существования социального организма не может и не должен быть разрешен или подавлен, т.к. конфликт является неотъемлемым компонентом социально-классовой структуры общества – механизмом распределения и передела "жизненных шансов". Задачей же каждого общества является правильное регулирование конкретных социальных явлений. А этого можно достичь путем их институциализации.

Для регулирования конфликтных ситуаций должны учреждаться специальные институты, обеспечивающие правовую основу для проведения дискуссий и принятия решений, что и будет, по мнению Д., означать институциализацию конфликта. Открытое, – по Д., свободное – общество являет собой открыто признанный и организованно разрешаемый конфликт; оно в состоянии обеспечить своим гражданам несоизмеримо больше возможностей, чем все виды несвободы вместе взятые. В результате перед обществом открывается перспектива эволюционных изменений, а не революционных переворотов. Среди форм регулирования конфликта выделяются три: примирение посредством определенных институтов или органов, где участники групп интересов обсуждают спорные вопросы; посредничество; арбитраж. "Эти формы, – утверждал Д., – являются выдающимся механизмом уменьшения силы классового конфликта". Намерение социологической теории конфликта, по Д., состоит в том, чтобы преодолеть господствующую произвольную природу необъясненных исторических событий, выводя эти события из структурных элементов, другими словами, объясняя определенный процесс его предвидимыми связями.

Н.В. Александрович

ДЕБОР (Debord) Ги (1931-1994) – французский социальный мыслитель, теоретик искусства, кинорежиссер и художник; автор концепции "общества спектакля" (1967) и основатель Ситуационистского интернационала (1957) – художественно-политической ассоциации художников, авангардистского проекта по созданию "сюр-революционного" искусства и осуществлению "антикультурной" деятельности (см. **Авангардизм**). Движение ситуационистов базировалось на осмыслении и развитии художественных практик леттристов и дадаистов. Основным объектом критики Ситуационистского интернационала являлось позднекапиталистическое общество с присущими ему формами социального отчуждения, феноменами тотальной коммодификации и конформизма. И леттристы, и ситуационисты стремились разнообразными способами противостоять системе (посредством перформансов и текстов), готовой поглотить и коммодифицировать даже самый радикальный протест. Ориентация на крайний радикализм и анархическую идеологию была призвана служить

своеобразной защитой от "спектакуляризации" и фальсификации, которой в капиталистическом обществе, по их мнению, в конечном счете подвергается все и вся.

В своих манифестах сторонники Ситуационистского интернационала выдвигали перед собой задачу "бороться против пропагандистских методов воздействия высокоразвитого капитализма", адекватными мерами реагировать на вызовы буржуазного общества, "разрушать буржуазный гештальт счастья" через утверждение лозунгов "целостного урбанизма, экспериментальных установок, гиперполитической пропаганды и конструирования настроений", обесценивая вещи и идеи, противопоставляя порочной организации "спектакуляризованного мира" свободу индивидуального конструирования ситуаций. Сторонники Ситуационистского интернационала не разделяли политику и искусство, воспринимая ситуационистский проект как универсальную жизненную установку. Среди наиболее часто используемых членами Ситуационистского интернационала концептов и (художественных) принципов можно перечислить следующие: *"пассионарно-церемониальная негативность"* (ключевой принцип революционной выразительности), *"сконструированная ситуация"* (сконструированный посредством коллективной организации целостности окружения и игры событий момент жизни), *"психогеография"* (конкретное выверенное воздействие географической среды на аффективное поведение индивидов), *"dérivé"* (экспериментальная поведенческая установка, направленная на выявление принципов урбанистского общества); *"целостный урбанизм"* (теория комплексного использования искусства и техник интегрального конструирования среды в динамическом соотнесении с поведенческими экспериментами; *"détournement"* (принцип интеграции настоящей или прошлой эстетической продукции в конструировании среды).

Основное произведение Д., обеспечившее ему известность в интеллектуальных кругах, – "Общество спектакля" (1967). По мнению самого Д., эта книга стала выражением наиболее радикальной позиции в момент столкновений 1968: "даже последние простофили того времени смогли наконец-то понять то, что же означало "отрицание жизни, ставшее видимым", "утрата качества", связанная с формой-товаром, или же пролетаризация мира". Книга выстроена как совокупность тезисов, по форме напоминающих "Тезисы о Фейербахе" Маркса, и воспринимается, прежде всего, как художественный манифест, предоставляющий концептуальный аппарат для анализа политических и экономических подтекстов современной визуальной культуры. В то же время ее можно считать переводом экономических идей Маркса на язык современной культурной теории: не случайно, для многих интерпретаторов она выступает как "Капитал" нового поколения. Д. анализирует не только экономическую, но и политическую (не)состоятельность марксизма в современных условиях. Он полагает, что невозможность преодоления товарного фетишизма ставит под вопрос возможность любого революционного движения, по крайней мере в терминах оппозиции рабочего класса и буржуазии, которые по сути представляют собой нерасторжимое целое, они тождественны: в непонимании этого заключалось историческое фиаско пролетарской революции и лично Маркса (глубоко буржуазного мыслителя, по мысли Д.) как ее пророка. Поскольку Ситуационистский интернационал рассматривал художников в качестве основной движущей силы грядущей революции, постольку нет ничего удивительного в тех амбициях, которыми проникнут текст Д. Для него ситуационизм был не только способом преодоления искусства; в каком-то смысле он предполагал и преодоление кризиса марксизма, отказ от "мягкотелости" неомарксистских теорий, углубившихся в анализ надстроечных явлений и порвавших с политической практикой. В этом плане "Общество спектакля" – это недвусмысленный призыв возврата к *практике*, даже если этой практикой является *показной бунт*, поскольку в обществе спектакля, согласно Д., "сама неудовлетворенность давно стала неким товаром" (тезис 59). Одним из источников вдохновения для Д. выступала "Диалектика Просвещения" (см.) М. Хоркхаймера (см.) и Т. Адорно (см.), постулировавших тотальность культур-индустрии в современном обществе, а также показавших, что "развлечение становится пролонгацией труда в условиях позднего капитализма", а "искусство есть лишь разновидность товара, выделанного, поставляемого, приравненного к индустриальной продукции, продающегося и заменимого", или же *Das Passagen-Werk* В. Беньямина, задавшего современный ракурс интерпретации феномена *modernity* – реальность (и наиболее характерная особенность) последнего состоит в потреблении зрелища (иллюзий) взамен или наряду с материальными благами. Не менее важна в этом контексте и концепция Д. Лукача (см.): именно из разработанной им оппозиции становления и ставшего, овеществляющего отчуждения и праксиса, вытекает предложенная Д. интерпретация "спектакля". С помощью понятия "спектакль" Д. объясняет целый ряд современных культурных, социологических и идеологических феноменов: и специфику современных индустриальных обществ (в развитых странах), и проблему глобализации (см.) (в самом широком смысле), и порочность репрезентации (см.), и доминанту визуальности в современной культуре, и многое другое. За основу определения "спектакля" можно взять тезис 34: "Спектакль есть капитал на той стадии накопления, когда он становится образом", причем "капитал" перестает быть "невидимым центром, управляющим способом производства"; все протяжение общества – это его портрет. Спектакль, по мысли Д., – это идеология **универсально значимая**, и в качестве таковой, несмотря на впечатление тотальной абсолютной *видимости*, он оказывается дискурсом непрозрачным и эллиптическим: "помимо того, что является собственно секретным, очевидно, зрелищный дискурс замалчивает все, что ему не подходит". Не удивительно, что любые спонтанные (то есть свободные, не "срежиссированные") действия и мнения спектаклю не подходят: "власть спектакля достаточно часто возмущается, когда замечает, как под ее покровительством формируется некий спектакль-политика, спектакль-юстиция, спектакль-медицина или множество подобных непредвиденных "издержек масс медиа". Термин *спектакль* содержит в себе совокупность разнообразных (и не всегда вычитываемых) коннотаций, например: а) пассивность (субъектов-зрителей); б) визуальный характер позднекапиталистической экономики; в) постановочность действий (власти); г) условность (социальных конвенций), которая носит в театральном спектакле гораздо более выраженный характер, нежели в кино – в театре она осознаваема и блокирует полную идентификацию, тем самым "разделение" сохраняет свою силу.

Д. наделяет "общество спектакля" следующими характеристиками: 1) Вся жизнь обществ, в которых господствуют современные условия производства, проявляется как необъятное нагромождение спектаклей. 2) Спектакль – это не сово-

купность образов, но общественное отношение между людьми, опосредованное образами. 3) Спектакль нельзя понимать ни как злоупотребление неким миром визуальности, ни как продукт массированного распространения образов. Это объективировавшееся видение мира. 4) Спектакль, взятый в своей тотальности, есть одновременно и результат, и проект существующего способа производства. Он не является неким дополнением к реальному миру, его надстроенной декорацией. Он есть средоточие нереальности реального общества. Во всех своих частных формах, будь то информация или пропаганда, реклама или непосредственное потребление развлечений, спектакль конституирует наличную модель преобладающего в обществе образа жизни. Форма и содержание спектакля служат тотальным оправданием условий и целей существующей системы. 5) Анализируя спектакль, мы в какой-то мере говорим самим языком спектакля, тем самым переходя на методологическую территорию того общества, которое выражает себя в спектакле. 6) Общество, базирующееся на современной индустрии, не является зрелищным случайно или поверхностно – в самой своей основе оно является *зрительским*. В спектакле, этом образе господствующей экономики, цель есть ничто, развитие – все. Спектакль не стремится ни к чему иному, кроме себя самого. Таким образом, спектакль есть "основное производство современного общества". Он есть не что иное, как экономика, развивающаяся ради себя самой. Характерно, что Д. выстраивает свою концепцию спектакля как завуалированную критику "окуляцентризма" европейской философии, ибо спектакль, как тенденция предъявлять мир, который уже не схватывается непосредственно, через различные специализированные опосредования, полагает зрение привилегированным человеческим чувством, каковым в прежние эпохи было осязание.

Д. объявляет спектакль наследником всей слабости западного философского проекта, представлявшего собой понимание деятельности, в котором первенство принадлежало категориям видения. Та критика, которую Д. адресует буржуазному обществу, еще более сурова по отношению к обществу, построенному в духе квазиреволюционных идеалов и породившему примитивный спектакль тоталитарного бюрократического общества. По мнению Д., пролетариат всегда был лишь коллективным зрителем затевавшейся якобы ради его блага революции (хотя еще Лукач, например, искренне верил, что рабочие могут быть сознательными и активными агентами революции). Так, присвоение "голосов" рабочего класса небольшой группой "репрезентантов" их мнения создало, по мысли Д., величайшую историческую иллюзию, фиктивный мир "государства рабочих и крестьян". Схожим образом, западная революция 1968, в преддверии которой была написана эта книга, также завершилась "интегрированной театрализацией", о чем Д. пишет в многочисленных "Комментариях" к различным переизданиям "Общества спектакля". Впрочем, согласно тезису 23, потенциальная угроза спектакуляризации существовала всегда – ибо власть нигде и никогда никого, кроме самой себя, не репрезентировала, хотя, казалось бы, требование репрезентативности лежит в основании всей политической системы общества. В действительности, цель любой политической системы состоит в фальсификации общественной жизни. Поэтому демократия есть, прежде всего, видимость демократии. Спектакль (как зрелище) и власть (не только в буржуазном государстве) – взаимополагающие категории, поскольку оба являются продуктами "древнейшей общественной специализации", заключающейся в том, чтобы говорить от имени других. Таким образом, допуская множественные интерпретации "видимого мира" позднекапиталистического общества, Д. не оставляет нам никаких иллюзий относительно его эстетизированной поверхности. Не то, чтобы Д. демонизировал видение как таковое, однако, критикуя тот способ, которым западное общество научилось манипулировать видением и злоупотреблять им, Д. оказывается очень близок к другому французскому мыслителю – Фуко (**см.**), считавшему, что мы живем не в обществе спектакля, но в обществе надзора и что находимся мы не в амфитеатре и не на сцене (местах органического существования спектакля), но в паноптической машине, где "глаз власти" управляет миром и нами. В то же время Д. лишает наблюдателя его привилегированного положения: и его (наблюдателя) терзает мания подглядывания, в "обществе спектакля" и он может в любую минуту оказаться под прицелом чужого взгляда, он сам подвергается опасности "объективирования" или "овеществления" – посредством превращения в образ.

А.Р. Усманова

ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ – уменьшение в цивилизованных государствах доли отраслей материального производства и увеличение доли доходов непроизводственных отраслей в валовом внутреннем продукте (ВВП). Этот процесс сопровождается уменьшением доли занятых в сфере материального производства и увеличением доли занятых в непроизводственных сферах в общем объеме занятого населения. Изменения в структуре занятости отражают, с одной стороны, процессы внедрения трудосберегающих технологий, уменьшающих объем занятых в производстве при сохранении уровня выпуска продукции, а с другой – рост объема занятости в сфере культуры и науки, образования, услуг.

Д. отражает процесс перехода от индустриального общества к информационному и сопровождается ростом интеллектуальной индустрии (индустрии информатики и знаний); развитием информационных сетей и банков данных; превращением информации, знания и новых технологий в основные продукты общественного производства. Данный процесс осмысляется в теории "человеческого капитала", которая объясняет "дополнительный" экономический рост "инвестициями в человека", в том числе и сферу образования. Согласно этой теории, образование и прогресс в знаниях становятся двумя основными факторами экономического роста и способствуют ускорению перехода индустриального общества в информационное. Идеи формирования информационного общества разработаны в трудах Белла (**см.**), Тоффлера (**см.**), И. Масуды и др.

Г.Н. Соколова

ДЕЙК ван (van Dijk) Тойн А. (р. 1943) – голландский ученый, профессор Амстердамского университета, в настоящее время работает на должности профессора в университете Помпо Фабра (Барселона, Испания). Почетный доктор университетов Буэнос-Айреса и Тукума (Аргентина). В 1967 получил диплом об окончании Открытого университета г. Амстердам по специальности "французский язык и литература", в 1968 – Амстердамского университета по специальности "литературная теория". В 1972 защитил в Амстердамском университете докторскую диссертацию по теме "Некоторые аспекты грамматики текста".

После непродолжительной работы в области литературной теории начал работать над развитием идей грамматики текста, утверждая, что в качестве фундаментальной единицы функционирования языка и грамматики следует рассматривать не предложение, а текст как целостное образование. В рамках этой работы Д. обосновал теорию внутритекстовой связи, а также осмыслил понятие "макроструктура", имеющее непосредственное отношение к глобальному значению (содержанию) и основной теме текста. Книга Д. "Текст и контекст" (Лондон, 1977) содержит его основные идеи по грамматике текста. Уделяя большое внимание изучению семантики дискурса, Д. внес значительный вклад в изучение прагматики дискурса, введя в исследовательский оборот понятие "макроуровневый речевой акт". Часть работ Д. по дискурс-прагматике были впоследствии опубликованы в его книге "Прагматика дискурса" (Берлин, 1981). С 1974 фокус внимания Д. перемещается на проблемы психологии текстового воспроизводства. Данные исследования Д. осуществляет в сотрудничестве с В. Кинчем (W. Kintsch) из университета Колорадо (Боулдер, США). В своей совместной книге "Стратегии понимания дискурса" (Нью-Йорк, 1983) авторы предложили "стратегический" подход к ментальным процессам и репрезентациям, вовлекаемым в речепроизводство и восприятие. В данной книге было также уделено внимание понятию "модель ситуации", определяемому как ментальная репрезентация событий, о которых ведется речь в тексте: понимание текста изначально означает, что реципиент создает ментальную модель событий, о которых повествует текст.

В 1980 Д. начинает работу над долгосрочным исследовательским проектом, посвященным дискурсу (см.) и расизму. Целью этого проекта явилось описание того, как говорит, пишет и думает о других (иммигрантах, национальных меньшинствах и беженцах из неевропейских стран) белый европеец. В данном проекте было уделено внимание изучению каждодневных бесед и повествованию соответствующих историй, газетным новостям, учебникам среднеобразовательных школ, научной речи, политическому дискурсу (особенно парламентским дебатам) и корпоративному дискурсу. Основными книгами, опубликованными в рамках этого проекта, явились: "Предрассудки в дискурсе" (Амстердам, 1984), "Коммуницирование расизма" (Лондон, 1987), "Расизм и печать" (Лондон, 1991), "Дискурс элиты и расизм" (Лондон, 1993). Вместе с Р. Водак (R. Wodak) Д. редактировал книгу о роли известных европейских политиков в воспроизводстве (анти-) расизма: "Расизм наверху" (Клагенфурт, 2000). Наиболее часто изучаемый Д. жанр – новости печатных СМИ. В своих книгах "Новость как дискурс" (Нью-Йорк, 1988) и "Анализ новостей" (Нью-Йорк, 1988) он предлагает теорию глобальных структур новостных репортажей, а также исследование области понимания и запоминания новостных репортажей. В вышеупомянутой книге "Расизм и печать" демонстрируется то, как средства коммуникации становятся частью воспроизводства тех или иных идеологий. С середины 1990-х Д. принимает участие в новом проекте: изучение отношения между дискурсом и идеологиями. Основной тезис первой из четырех задуманных книг – "Идеология" (Лондон, 1998) – заключается в том, что идеологии суть фундаментальные (аксиоматические) верования группы.

В 2000 Д. начал работу над следующей книгой этой серии с рабочим названием "Социальное познание и идеология". Для того чтобы пропагандировать изучение дискурса, Д. выступил главным редактором четырехтомного издания "Справочник по дискурс-анализу" (Лондон, 1985), а позднее – двухтомного издания "Изучение дискурса" (Лондон, 1997). В последние годы (после 1995) Д. присоединился к интеллектуальному движению, получившему название "Критический дискурс-анализ". Д. явился также основателем и редактором нескольких научных газет: "Поэтика", "Текст, дискурс и общество", "Дискурс-исследования". Д. часто выступает с докладами во многих странах (особенно Латинской Америки и в Испании). Книги Д. в большинстве своем переведены на испанский язык, а также часть книг переведена на русский, китайский, португальский и др.

***Teun A. van Dijk** (пер. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой)*

ДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНЦЕПЦИЯ – в социологии – анализ действия, отправной точкой которого является индивид (или деятель). Основывается на знаниях о типичных деятелях в типичных ситуациях и, среди прочих элементов, выявляет цели деятеля, его ожидания и ценности, средства достижения целей, характер ситуации и понимание данной ситуации деятелем. Обоснование Д.С.К. было предложено М. Вебером (см.), который ввел в научный оборот понятия: социальное действие, а также его идеальные типы – традиционное, аффективное, целерациональное и ценностно-рациональное действие.

Действие социальное представляет собой простейшую единицу социальной деятельности и становится социальным, по М. Веберу, при двух условиях: обладания рациональной осмысленностью; ориентации на поведение других людей, которую Вебер определяет с помощью понятия "ожидание". Действие, не предполагающее осознанности и не содержащее ожидания, не является, по Веберу, социальным. Признавая, что не всегда можно провести четкую границу между осознанной и неосознанной ориентацией индивида как на поведение других, так и на смысл собственного действия, Вебер ввел идеальные типы (см.) – чистые модели, основанные на учете меры и степени сознательности и рациональности, обнаруживаемых в рамках каждого типа социального действия: традиционное, аффективное, целерациональное и ценностно-рациональное действие. *Традиционное действие* основано на привычке и минимально опосредовано осмысленным целеполаганием. Зачастую представляет собой лишь "автоматическую реакцию" на привычное раздражение, движущуюся в русле однажды усвоенной установки. Значимость этого типа действия связана с тем, что к нему относится большая часть обычного повседневного поведения людей, в котором существенную роль играет привычка.

Аффективное действие обусловлено эмоциональным состоянием действующего субъекта и находится, по Веберу, "на границе" осмысленной и сознательно ориентированной человеческой деятельности. Пограничный характер аффективного действия, отражающий предельный случай реальной деятельности людей, для которых оно не является нормой, дало возможность Веберу теоретически сконструировать соответствующий идеальный тип, обозначающий границу его минимальной осмысленности, за которой оно перестает быть человеческим действием.

Целерациональное действие характеризуется однозначностью и ясностью осознания деятелем цели, рационально соотнесенной со средствами, адекватными для достижения

этой цели. Такое действие, по Веберу, представляет собой идеальный тип, созданный на основе сочетания предельно рациональных характеристик человеческого поведения. В качестве социального действия, т.е. ориентированного на действия других, целерациональное действие предполагает ожидание действующим индивидом соответствующих действий окружающих его людей и использование этих действий для достижения своей рационально продуманной и сформулированной цели.

Ценностно-рациональное действие основывается на вере в безусловную ценность самого этого действия, взятого в своей ценностной определенности как нечто самодавлеющее и независимое от его результатов. В отличие от целерационального действия смысл ценностно-рационального действия состоит не в достижении какой-либо цели, а в его собственном определенном характере, ценности действия как такового. Ценностно-рациональное действие подчиняется определенным "заповедям" и требованиям, в подчинении которым действующий индивид видит свой долг.

Г.Н. Соколова

ДЕЛЁЗ (Deleuze) Жиль (1925-1995) – французский философ и социальный мыслитель. Изучал философию в Сорбонне (1944-1948). Профессор в университете Париж-VIII (1969-1987). Покончил жизнь самоубийством. Основные работы: "Эмпиризм и субъективность" (1952), "Ницше и философия" (1962), "Пруст и знаки" (1964), "Бергсонизм" (1966), "Захер-Мазох и мазохизм" (1967), "Спиноза и проблема выражения" (1968), "Различение и повторение" (1968), "Логика смысла" (1969), "Кино-1" (1983), "Фрэнсис Бэкон: логика чувства" (1981), "Кино-2" (1985), "Фуко" (1986), "Складка: Лейбниц и барокко" (1988), "Критика и клиника" (1993) и др.; совместно с Гваттари (см.) – двухтомник "Капитализм и шизофрения": том первый – "Анти-Эдип" (1972), том второй – "Тысячи Плато" (1980); "Кафка" (1974), "Что такое философия?" (1991).

В основе философского творчества Д. лежит, с одной стороны, обращение к классической философии от стоицизма до И. Канта, а с другой – использование принципов литературно-философского авангарда и леворадикальных политических течений 1960-х. (Последняя книга Д. должна была называться "Величие Маркса".) Философия Д. представляет собой основную альтернативу другому варианту постструктурализма – "деконструкции" Деррида (см.). В отличие от последнего, Д. уделяет гораздо меньше внимания лингвистике и вводит понятие доиндивидуальных "номадических сингулярностей" (кочующих единичностей), которые призваны заменить как классические теории субъекта, так и структуралистские теории, связанные с анализом означающего. Подробно изучая историю философии, Д. стремится найти философов, противостоящих основной линии метафизики от Платона до Г. Гегеля. Это у Д. – Лукреций, Д. Юм, Б. Спиноза, Ф. Ницше и А. Бергсон, которые закладывают основы критики господствующих в западной философии теорий репрезентации и субъекта. Они у Д. как представляющие "номадическое мышление" противостоят "государственной философии", которая объединяет репрезентационные теории западной метафизики.

По убеждению Д., "то, что явно присутствовало у Канта, присутствует и у Гуссерля: неспособность их философии порвать с формой общезначимого смысла. Какая судьба уготована такой философии, которая полностью отдает себе отчет, что не отвечала бы своему названию, если, хотя бы условно, не порывала с конкретными содержаниями и модальностями doxa /мнения. – *А.Г.*/, но тем не менее продолжает говорить о сущностях (то есть, формах) и с легкостью возводит в ранг трансцендентального простой эмпирический опыт в образе мысли, объявленной "врожденной"?.. Ошибкой, которая крылась во всех попытках понять трансцендентальное как сознание, было то, что в них трансцендентальное мыслилось по образу и подобию того, что оно призвано было обосновать. В этом случае мы либо получаем уже готовым и в "первичном" смысле принадлежащим конститутивному сознанию все, что пытаемся породить с помощью трансцендентального метода, либо, вслед за Кантом, мы оставляем в стороне генезис и полагание, ограничившись только сферой трансцендентальных условий... Считается, что определение трансцендентального как изначального сознания оправдано, поскольку условия реального объекта знания должны быть теми же, что и условия знания; без этого допущения трансцендентальная философия... была бы вынуждена установить для объектов автономные условия, воскрешая тем самым Сущности и божественное Бытие старой метафизики... Но такое требование, по-видимому, вообще незаконно. Если и есть что-то общее у метафизики и трансцендентальной философии, так это альтернатива, перед которой нас ставит каждая из них: либо недифференцированное основание, безосновность, бесформенное небытие, бездна без различий и свойств – либо в высшей степени индивидуализированное Бытие и чрезвычайно персонализированная форма...".

По версии Д. ("Ницше и философия"), интеллектуальная критика являет собой постоянное генерирующее дифференциацию повторение мышления другого. Критика "по определению" противопоставляется им диалектике как форме снятия отрицания в тождестве. Настоящее мышление всегда содержит в себе различие. Характеризуя собственное философское ученичество в процессе обретения официального философского образования, – по Д., "бюрократии чистого разума", находящегося "в тени деспота", т.е. государства, – Д. писал: "В то время меня не покидало ощущение, что история философии – это некий вид извращенного совокупления или, что то же самое, непорочного зачатия. И тогда я вообразил себя подходящим к автору сзади и дарующим ему ребенка, но так, чтобы это был именно его ребенок, который при том оказался бы еще и чудовищем". Смысл философствования, согласно Д., – свободное конструирование и дальнейшее оперирование понятиями (не теми, что "пред-даны", "пред-существуют" и предполагают собственное постижение посредством рефлексии), а понятиями, обозначающими то, что еще не вошло для человека в объектный строй мироздания (чего еще нет "на самом деле"), но уже могущее являть собой фрагмент проблемного поля философского творчества. Именно в этом случае философ, по Д., выступает "врачом цивилизации": он "не изобрел болезнь, он, однако, разъединил симптомы, до сих пор соединенные, сгруппировал симптомы, до сих пор разъединенные, – короче, составил какую-то глубоко оригинальную клиническую картину".

Сутью философии, по мысли Д., и выступает нетрадиционное, иногда "террористическое", расчленение образов вещей и явлений, досель трактовавшихся концептуально целостными, наряду с изобретательством разноаспектных образов и смыслов вещей и явлений, даже еще не ставших объектами

для человека. Главное в философском творчестве, с точки зрения Д., – нахождение понятийных средств, адекватно выражающих силовое многообразие и подвижность жизни. По мнению Д., смыслы порождаются – и порождаются Событием. Стратегию же философского преодоления парадигм трансцендентализма и феноменологии Д. усматривал в сфере языка как, в первую очередь, носителя выражения. Как полагал Д., "логика мысли не есть уравновешенная рациональная система. Логика мысли подобна порывам ветра, что толкают тебя в спину. Думаешь, что ты еще в порту, а оказывается – давно уже в открытом море, как говорил Лейбниц". С точки зрения Д., "о характере любой философии свидетельствует, прежде всего, присущий ей особый способ расчленения сущего и понятия". Теория "номадических сингулярностей", предлагаемая Д. уже в "Логике смысла", была направлена против классической субъектно-репрезентативной схемы метафизики.

Используя идеи стоицизма, анализируя тексты Кэррола, Арто и историю западной метафизики, Д. указывает, что последняя стремится свести свободное движение доиндивидуальных и безличностных единичностей к идеям Субъекта, Бога, Бытия, формирующих неизменные субстанциальные структуры. В силу этого, единичности оказываются ограниченными рамками индивидуальных и личностных "полей", которые накладывают отпечаток психологизма и антропологизма на производство смысла. Д. обвиняет трансцендентальную философию от Канта до Гуссерля в неспособности уйти от антропоморфных схем при описании процесса возникновения смысла. Последний не обладает характеристиками универсального, личностного, индивидуального и общего, а является результатом действия "номадических сингулярностей", для характеристики которых наиболее подходит понятие "воли к власти" Ницше. "Воля к власти" (как нерепрезентируемая свободная и неограниченная энергия дионисийского начала) противостоит жесткой репрезентационной структуре субъекта. Обращение Ницше к "воле к власти" Д. характеризует как "генетический и дифференцирующий момент силы", как такой – присущий воле – принцип, который и реализует отбор, отрицает отрицание, утверждает случай, продуцирует многообразие.

В дальнейшем Д. дополнит этот ряд такими началами, как бессознательное, аффект, желание и др. Именно в контексте их осуществления, по версии Д., осуществимо неперсональное становление, в границах которого человек освобождается от насилия субъективации. Д. фиксирует то, что субъекту предшествует "поле неопределенности", в рамках которого развертываются доиндивидуальные и имперсональные сингулярности-события, вступающие между собой в отношения повторения и дифференции, формирующие соответствующие серии и продолжающие дифференцировать в ходе дальнейшего гетерогенеза. Собственный же философский проект Д. также определял как "генеалогию", как мышление "посередине" без истоков и начал, как акцентированно "плюралистическую интерпретацию". По мнению Д., повторение суть основание всех жизнеконституирующих процессов, которые являются ничем иным как дифференциацией, порождающей многообразие. Процедуры повторения, по Д., осуществляются в любом живом существе по ту сторону сознания; они – процессы "пассивного синтеза", конституирующие "микроединства" и обусловливающие шаблоны привычек и памяти. В противовес З. Фрейду (см.), Д. констатирует, что повторение – не есть результат вытеснения, а, напротив, мы "вытесняем потому, что повторяем". Вводя понятие "аффирмативного модуса экзистенции", Д. подчеркивает: "То, чего ты желаешь, в тебе желается потому, что ты в нем желаешь вечного возвращения". "Аффирмация" в данном контексте не сводима к разовому повторению, а выступает как перманентное высвобождение интенсивности значимых степеней. Таким образом, стремясь освободить единичности от любых концептуализаций, предлагаемых классической философией, Д. описывает их в духе апофатической теологии, как лишенные всех характеристик, накладываемых бинарными понятиями метафизики, таких как "общее – индивидуальное", "трансцендентальное – эмпирическое" и т.д.

В топологии Д., которая распределяет понятия между "бездной" эмпиризма и "небесами" рационализма, единичности занимают промежуточное место – на поверхности, что позволяет им избегать детерминации как со стороны идей, так и со стороны тел. В то же время, говоря об опасности коллапса языка в шизофреническую "бездну" тел, Д. подчеркивает привилегированность тел в формировании смысла перед сферой нематериальных идей. Таким образом, хаос шизофренической "бездны" тел призван противостоять параноидальному единству сферы идей.

Эта оппозиция, являющаяся фундаментальной для всего его творчества, получает развитие в двухтомнике "Капитализм и шизофрения", в котором философия Д. приобретает характер социально-политической критики. Д. распределяет все понятия культуры между двумя полюсами – шизофренией и паранойей, которые образуют два противостоящих способа мышления, причем первый рассматривается как однозначно позитивный, а второй, соответственно, воплощает в себе все негативные черты культуры. Подобная трактовка шизофрении воплощает в себе идеал революционной борьбы левоанархических течений 1960-1970-х. Понятия "машин желания" и производства противопоставляются теориям субъекта и репрезентации как воспроизводства. По Д., в современной культуре свободные потоки единичностей, производимые "машинами желания", постоянно оказываются структурированными и ограниченными, "территориализированными" в рамках поля субъекта. Задачей "шизоанализа" является "детерриториализация" потоков сингулярностей и освобождение их из под власти "государственного мышления" метафизики субъекта. "Государственная философия" основана на понятиях паранойи, идентичности, сходства, истины, справедливости и отрицания, которые позволяют иерархически структурировать внутренние области репрезентационного мышления – субъект, понятие, объект. Задача подобного мышления – установить сходство, симметрию между этими тремя областями и четко разграничить их с помощью негации от всего, что привносит инаковость и различие. Репрезентативной модели государственной философии Д. противопоставляет "номадическое мышление", которое основано на шизофрении, различии, а не идентичности и существует во "внешности", противостоящей "внутренности" этих трех структурированных областей. "Номадическое мышление" стремится сохранить различие и разнородность понятий там, где "государственное мышление" выстраивает иерархию и сводит все к единому центру-субъекту. Понятие, освобожденное от структуры репрезентации, представляет собой точку воздействия различных сил, которые противопоставляются Д. власти. Последняя является продуктом репрезентации и направ-

лена на создание иерархии, в то время как свободная игра сил разрушает любой централизованный порядок.

Сила философствующего мыслителя, по мнению Д., состоит в сопротивлении власти (см.) во всех ее ипостасях и проявлениях, власти как таковой: "отношения сил важно дополнить отношением к себе, позволяющим нам сопротивляться, уклоняться, поворачивать жизнь и смерть против власти. По мысли Фуко, именно это было придумано греками. Речь не идет уже об определенных, как в знании, формах, ни о принудительных правилах власти: речь идет о правилах произвольных, порождающих существование как произведение искусства, правилах этических и эстетических, составляющих манеру существования или стиль жизни (в их число входит даже самоубийство)". Понятия "номадического мышления" не являются негативными, а призваны выполнять функцию позитивного утверждения в противовес нигилистической негативности государственной теории репрезентации. Понятие, согласно Д., не должно соотноситься ни с субъектом, ни с объектом, т.к. оно представляет собой совокупность обстоятельств, вектор взаимодействия сил. Рассматривая противостояние двух видов мышления на уровне топологии, Д. указывает, что пространство номадических потоков представляет собой гладкую поверхность с возможностью движения в различных направлениях, означающей наличие множества вариантов развития. В свою очередь, пространство государственного мышления является неровным, с четко выраженным рельефом, который ограничивает движение и задает единый путь для потоков желания.

Согласно Д., "в этом и состоит фундаментальная проблема: "кто говорит в философии?" или: что такое "субъект" философского дискурса?". – Ср. с мыслями Д. о субъективации: она для него – "это порождение модусов существования или стилей жизни... Несомненно, как только порождается субъективность, как только она становится "модусом", возникает необходимость в большой осторожности при обращении с этим словом. Фуко говорит: "искусство быть самим собой, которое будет полной противоположностью самого себя..." Если и есть субъект, то это субъект без личности. Субъективация как процесс – это индивидуация, личная или коллективная, сводимая к одному или нескольким. Следовательно, существует много типов индивидуации. Существуют индивидуации типа "субъект" (это ты... это я...), но существуют также индивидуации типа события, без субъекта: ветер, атмосфера, время суток, сражение...". – Д. был абсолютно убежден в том, что нет и не может быть "никакого возврата к "субъекту", т.е. к инстанции, наделенной обязанностями, властью и знанием". Термин "себя" у Д. интерпретируется в контексте слова "они" – последние в его понимании выступают как некие гипостазированные (психические или ментальные) инстанции процедур субъективизации, как такие техники самовоспитания, которые люди примеряют к себе как маски. Принципиальная же множественность масок, по Д., – атрибут процесса субъективации. (Реконструируя произведения М. Пруста, Л. Кэрролла, Ф. Кафки, В. Вульф, Г. Мелвилла, С. Беккета, Г . Миллера, Дж. Керуака и др., Д. отмечает, что в этих сочинениях посредством определенных текстовых процедур осуществляется десубъективация автора и сопряженное с ней высвобождение процессов имперсонального становления или "*Man*-становление" самого себя.) Обозначая эту трансформацию термином "гетерогенез", Д. демонстрирует, каким именно образом (с помощью "трансверсальной машинерии") многомерные знаковые миры превращаются в открытую, самовоспроизводящуюся систему, автономно творящую собственные различия. Кафка у Д. поэтому – не "мыслитель закона", а "машинист письма": по Д., этот австрийский писатель сумел ввести желание в текстуру собственных повествований. В результате – тиражируются бесконечные процессы синтаксических сдвигов, ускользающие от вяжущих фиксаций значения и, таким образом, эмансипирующиеся от тирании означаемого. В силу этого, Д. видит свою задачу в создании гладкого пространства мысли, которое и называется "шизоанализом" (см.) и отнюдь не ограничивается полем философии, а обнаруживает себя в направлениях литературы, искусства, музыки, стремящихся сойти с проторенных путей западной культуры. Шизоанализ направлен на высвобождение потоков желания из строя представляющего субъекта, целостность которого обеспечивается наличием тела, обладающего органами. Для этого Д. предлагает понятие "тела без органов", воплощающее в себе идеал гладкого пространства мысли.

Используя аппарат современного неофрейдизма, Д. критикует классический психоанализ, который рассматривается как один из основных институтов буржуазного общества, осуществляющих "территориаризацию" желания. Эдипов треугольник, по мнению Д., является еще одной попыткой редуцировать имперсональные потоки желания к жизни индивида или рода. Традиционные трактовки бессознательного заменяются своеобразной шизоаналитической физикой, описывающей функционирование либидо в обществе. Здесь опять же используется противопоставление шизофренического и параноидального: "машины желания", которых производят желание на микроуровне в виде молекулярных микромножеств, противостоят большим социальным агрегатам или молярным структурам на макроуровне, которые стремятся подавить сингулярности, направить их по определенным каналам и интегрировать в единства. Основной задачей шизоанализа является освобождение потоков желания из под власти параноидального структурирования. Революционные тенденции шизофрении Д. усматривает прежде всего в искусстве, которое осуществляется силами "больных", разрушающих устоявшиеся структуры. (Ср. с пониманием Д. сути процедур историко-философских реконструкций. Будучи автором высокоэвристичных сочинений о Канте, Лейбнице, Спинозе и Бергсоне, Д. подчеркивал: "Концептуальный персонаж не есть представитель философа, скорее наоборот; философ всего лишь оболочка своего концептуального персонажа, как и всех других, которые суть ходатаи, подлинные субъекты его философии. Концептуальные персонажи суть "гетеронимы" философа, и имя философа – всего лишь псевдоним его персонажей. Я есмь не "я", но способность мысли видеть себя и развивать через план, что проходит сквозь меня во многих местах. Концептуальный персонаж не имеет ничего общего с абстрактной персонификацией, символом или аллегорией, ибо он живет, настаивает. Философ есть идиосинкразия его концептуальных персонажей".)

Очерчивая в таком контексте природу революционных трансформаций как таковых, Д. констатировал, что "любое общество... представлено всеми своими законами сразу – юридическими, религиозными, политическими, экономическими, законами, регулирующими любовь и труд, деторождение и брак, рабство и свободу, жизнь и смерть. Но завоевание

природы, без которого общество не может существовать, развивается постепенно – от овладения одним источником энергии или объектом труда к овладению другим. Вот почему закон обладает силой еще до того, как известен объект его приложения, и даже при том, что этот объект, возможно, никогда не будет познан. Именно такое неравновесие делает возможными революции... Их возможность определена этим межсериальным зазором, – зазором, провоцирующим перестройку экономического и политического целого в соответствии с положением дел в тех или иных областях технического прогресса. Следовательно, есть две ошибки, которые, по сути, представляют собой одно и то же: ошибка реформизма или технократии, которые нацелены на последовательную и частичную реорганизацию социальных отношений согласно ритму технических достижений; и ошибка тоталитаризма, стремящегося подчинить тотальному охвату все, что вообще поддается означению и познанию, согласно ритму того социального целого, что существует на данный момент. Вот почему технократ – естественный друг диктатора... Революционность живет в зазоре, который отделяет технический прогресс от социального целого". Леворадикальный постструктурализм Д., получивший признание в 1960–1970-х, сегодня во многом утратил свое влияние и значимость, в отличие от его работ, посвященных проблематике смысла. ("Возможно, придет день, когда нынешний век назовут веком Делеза" – так Фуко охарактеризовал работы Д. "Различение и повторение" и "Логика смысла".) См. также: **Шизоанализ, Событие**.

А.А. Грицанов

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА – целенаправленная деятельность государственных органов и иных социальных институтов в сфере регулирования процессов воспроизводства населения. Включает систему целей и средств для их достижения. Как правило, это система мер, направляющих течение демографических процессов в сторону оптимизации воспроизводства населения, т.е. формирования такого сознательного демографического поведения населения, которое бы соответствовало представлениям об объективных потребностях общественного развития. Д.П. – составная часть социально-экономической политики государства, поэтому ее меры должны способствовать или во всяком случае не препятствовать реализации главной цели, которую ставит перед собой общество, в то время как другие меры социально-экономической политики должны согласовываться с целями Д.П. Она должна комплексно воздействовать на все стороны воспроизводства населения, а не сводиться только к задаче ликвидации неблагоприятных явлений в демографической ситуации. Д.П. необходима даже тогда, когда существующие параметры воспроизводства народонаселения близки к оптимальным. В таких условиях ее роль заключается в поддержании их на должном уровне.

В широком понимании Д.П. иногда отождествляют с политикой народонаселения, в узком – рассматривают как одну из ее составляющих, наряду с регулированием условий занятости и труда, уровня жизни и социального обеспечения населения. Объектами Д.П. могут быть население всей страны в целом или отдельных регионов, социально-демографические группы, когорты населения, семьи определенных типов или стадий жизненного цикла. Д.П. нельзя рассматривать в отрыве от анализа динамики конкретной демографической ситуации: ее тенденции и перспективы обуславливают и определяют характер и целевую направленность Д.П. В общем виде Д.П. обычно сводится к формированию в долгосрочной перспективе желательного режима воспроизводства населения, сохранению или изменению тенденций в области динамики численности и структуры населения, рождаемости, смертности, семейного состава, расселения, внутренней и внешней миграции, качеств, характеристики населения.

Основные направления Д.П. включают: создание условий для сочетания родительства с активной профессиональной деятельностью, снижение заболеваемости и смертности, увеличение продолжительности жизни, улучшение качественных характеристик населения, регулирование миграционных процессов, урбанизации и расселения населения, государственную помощь семьям с детьми, социальную поддержку инвалидов, пожилых и нетрудоспособных и т.п. Эти направления должны быть согласованы с такими важными сферами социальной политики, как занятость, регулирование доходов, образование и здравоохранение, профессиональная подготовка, социальное обеспечение.

Меры Д.П. делятся на: экономические (оплачиваемые отпуска и различные пособия при рождении детей; пособия на детей в зависимости от их числа, возраста, типа семьи; ссуды, кредиты, налоговые и жилищные льготы и т.д.), административно-правовые (законодательные акты, регламентирующие браки, разводы, положение детей в семьях, алиментные обязанности, охрану материнства и детства, аборты и использование средств контрацепции, социальное обеспечение нетрудоспособных, условия занятости и режим труда работающих женщин-матерей, миграционные процессы и т.п.), воспитательные и пропагандистские, призванные формировать общественное мнение, нормы и стандарты демографического поведения, определенный демографический климат в обществе.

Идеи воздействия на процессы брачности и рождаемости содержатся уже в работах античных мыслителей (Платон, Аристотель и др.). В Древнем Риме на рубеже нашей эры были приняты законы, направленные на повышение рождаемости среди свободного населения и поощрявшие брачность. В средние века были выработаны жесткие каноны, согласно которым брачность, большая семья и неограничиваемая рождаемость являлись незыблемыми условиями традиционного поведения населения. Во время перехода к индустриальному обществу стала все явственнее обозначаться угроза депопуляции. Это вызвало к жизни ряд принципиально иных проблем народонаселения. В 1946 во Франции была введена в практику широкая система денежных выплат семьям, направленная на поощрение рождений первого, второго и особенно третьего ребенка. В 1960-1970-х меры поощрения рождаемости приняты и в ряде других стран. Во многих странах в условиях так называемого демографического взрыва (**см.**) осуществляется Д.П., направленная на стимулирование снижения рождаемости. Программы снижения рождаемости проводятся во многих странах Азии. На их осуществление выделяются значительные денежные средства, которые расходуются как на пропаганду среди населения преимуществ малодетной семьи и современных методов ограничения деторождения, так и в ряде случаев на предоставление материальных льгот семьям, активно включившимся в реализацию программ планирования семьи.

В современных условиях Д.П. осуществляется в большинстве стран мира. С 1960-х ООН проводит периодические

опросы правительств по вопросам политики в области населения (в 1963, 1972, 1976, 1978, 1982, 1988). Их систематизированные результаты легли в основу специального банка данных о политике в области населения. Банк содержит постоянно пополняемую информацию по 174 странам.

Л.П. Шахотько

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ – предрасположенность личности, определяющая согласованность разного рода действий, обусловленных положительным или отрицательным отношением к тем или другим демографическим поступкам (рождению определенного числа детей, возрасту вступления в брак, развода, миграции и др.). Д.У. являются психологическим регулятором демографического поведения личности и означают готовность к определенному результату демографического поведения, приемлемость его для личности. Данные о Д.У. обычно получают при опросах населения. Большинство Д.У., как правило, формируются уже в детском возрасте. Побудительными наклонностями Д.У., которые раскрывают их качественную сторону и содержание, являются демографические мотивации. Наиболее разработанными являются мотивационные аспекты рождаемости и миграции. Выборочные исследования мотивации стали возможны благодаря применению социологических методов. От определенных Д.У., в частности, от представления большинства семей или отдельных индивидов о желаемом и ожидаемом количестве детей, о целесообразности миграции, об образе жизни, зависит демографическое поведение. Д.У. складываются на индивидуальном и групповом уровне под влиянием объективных и субъективных факторов (непосредственные условия жизни, материальные и духовные потребности, общественное мнение и т.д.). Чаще всего они не зависят от требований и интересов общества в целом и социально-экономической необходимости.

Л.П. Шахотько

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ – резкое ускорение роста численности населения из-за установления промежуточного типа воспроизводства населения. Выделяются три основных типа воспроизводства населения: архетип, традиционный (экстенсивный) тип и современный (нетрадиционный, интенсивный) тип. Архетип относится к раннему периоду человеческой истории, к доклассовому обществу, его существование – гипотеза. Традиционный тип господствует в докапиталистических классовых аграрных обществах и на ранних стадиях капитализма, современный тип возник сначала в странах развитого капитализма и постепенно распространяется почти на все страны мира. Для архетипа и традиционного типа темпы прироста населения определяются, в основном, уровнем смертности, который достаточно высок; рождаемость также высока и компенсирует высокий уровень смертности. Для современного типа воспроизводства населения и переходных к нему режимов демографического развития темпы роста населения определяются уровнем рождаемости, а уровень смертности при этом относительно невысок. Переход от одного типа воспроизводства населения к другому происходит не мгновенно, а на протяжении некоторого периода, когда устанавливается так называемый промежуточный тип воспроизводства населения, объединяющий черты уходящего и приходящего типов. При переходе от традиционного к современному типу воспроизводства населения, как правило, снижение смертности значительно опережает снижение рождаемости, что и приводит к ускоренному увеличению численности населения – Д.В. При этом надо отметить, что в редких случаях смена традиционного типа современным происходит без Д.В. (Франция, 19 в.), но это исключение из правила.

Д.В. бывают двух видов: малый Д.В. и большой Д.В. Малый Д.В. имеет региональное значение и не оказывает большого влияния на численность мирового населения. Такая схема демографического перехода была типична для большинства европейских стан. При большом Д.В. наблюдается огромное превышение числа рождений над числом смертей, и поэтому резко возрастают темпы прироста населения. Большой Д.В. характерен для большинства развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, и начало его относится к 1950-м. В настоящее время Д.В. в этих странах превратился в мировой, и по оценкам специалистов сейчас им охвачено около 80% населения мира. Д.В. – временное явление. По мере развития демографического перехода нарушенная согласованность типов рождаемости и смертности восстанавливается, промежуточный тип воспроизводства населения сменяется основным, и Д.В. прекращается. Однако, по самым оптимистическим прогнозам демографов, Д.В. на Земле остановится не раньше середины 21 в. В настоящее время население Земли продолжает быстро расти, его численность уже достигла более 6 миллиардов человек. На протяжении одного часа численность землян увеличивается на 10 000 человек, причем из них в промышленно развитых странах за час появляется менее 800 детей. При этом быстрый рост населения в развивающихся странах опережает экономическое и социальное развитие этих стран, причем значительно, что обостряет проблему обеспечения стремительно растущего населения продовольствием, водными, сырьевыми и энергетическими ресурсами, поддержания необходимого уровня образования, создания достаточного количества рабочих мест и т.д. Все этот превращает проблему Д.В. не только в одну из глобальных проблем народонаселения, но и в глобальную проблему современности (см.).

Последствиями мирового Д.В. являются возрастающий разрыв в уровнях жизни населения развитых и развивающихся стран, ухудшение качества жизни населения стран, охваченных Д.В., неконтролируемая урбанизация в этих странах, рост безработицы и т.д. Эти явления получили название "парадоксов отсталости" и, безусловно, содержат потенциальную опасность для развития мировой демографической ситуации. В оценке последствий Д.В., в основном, преобладают две противоположные оценки: негативная и позитивная. Сторонники первой точки зрения, например, П. Эрлих (США), называют рост населения "великим злом", давая самые мрачные прогнозы. Представители другого, противоположного лагеря, например, Д. Саймон (США), считают, что чем больше численность населения, тем больше талантливых людей, тем больше возможностей для решения всех тех проблем, которые возникают в связи с ростом народонаселения. При этом даже отмечается, что все наиболее значимые научные открытия в истории человечества приходятся на пики роста его численности. Чтобы справиться со сложившейся ситуацией, мировое сообщество предпринимает достаточно много попыток по регулированию роста населения в развивающихся странах: от разработки национальных программ сдерживания рождаемости (Китай, Индия и другие страны) до осуществления международных проектов в этой области (Всемирная

конференция по народонаселению и развитию, Каир, 1994). Однако проблема мирового Д.В. решается не просто, ее решение требует усилий многих специалистов и государственных деятелей, изменения психологии людей в области воспроизводства народонаселения, проведения эффективной демографической и социальной политики.

Е.А. Кечина

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД – концепция, применяемая в современной демографии для объяснения смены типов воспроизводства населения. Концепции Д.П. различаются по своим исходным предпосылкам и методологиям анализа социальной обусловленности типов воспроизводства населения. Существуют различные взгляды на причины и факторы Д.П., его механизмы, конечный результат и степень универсальности. Однако их общим элементом является демографическое развитие, соответствующее крупным историческим этапам развития общества. В связи с этим различают 5 фаз Д.П., пройденных высокоразвитыми странами за последние 100 лет. Первая фаза характеризуется высокими коэффициентами рождаемости и смертности и, таким образом, медленного роста населения. Вторая фаза характеризуется тем, что происходит быстрое снижение смертности, рождаемость при этом все еще сохраняется высокой, что приводит к резкому увеличению темпов роста населения, демографическому взрыву (**см.**). Для третьей фазы характерно некоторое замедление темпов снижения смертности и значительное снижение рождаемости, рост населения замедляется. В четвертой фазе смертность стабилизируется, а рождаемость продолжает снижаться, что приводит к ускорению снижения темпов роста населения. Пятая фаза характеризуется стабилизацией смертности и рождаемости на низком уровне, что обеспечивает незначительный прирост населения.

Л.П. Шахотько

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС – последовательность одноименных демографических событий в жизни людей, имеющих значение для смены их поколений. Демографическое событие – это событие, происходящее с отдельным человеком, имеющее значение для смены поколений людей, изменения численности и структуры населения, супружеских пар и семей. Среди Д.П. выделяют процессы пополнения (рождаемость, брачность) и процессы выбытия (смертность, разводимость). Характеристики и особенности протекания Д.П. изучаются демографией (**см.**).

Е.А. Кечина

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ СЦЕНАРИЙ – система предположений о развитии демографических процессов, на основе которой разрабатывается один из возможных вариантов демографического прогноза. Наиболее распространенным методом демографического прогнозирования в мировой практике является метод компонентов. Этот метод предполагает, что исходная информация, кроме половозрастной структуры населения и отчетных показателей о рождаемости, смертности и миграции, содержит еще и гипотезы о будущем развитии отдельных компонентов движения населения: рождаемости, смертности, миграции. Точность прогнозов в значительной степени зависит от точности этих гипотез, обоснованности Д.С.

При разработке Д.С. часто используются методы экстраполяции, т.е. продление тенденций, характерных для динамических рядов показателей отдельных демографических рядов в прошлом, на перспективу. Эти методы имеют ряд недостатков и некоторые преимущества. Основным преимуществом метода является то, что он относительно легко выполним на основе данных, доступных для широкого круга исследователей. К его недостаткам следует отнести то, что он не учитывает влияния на демографические процессы изменений в развитии социально-экономических и других факторов. Социально-экономические факторы высокомобильны, потому при разработке демографических прогнозов желательно учитывать ожидаемые изменения в динамике социально-экономического развития и их влияние на демографические процессы. При построении Д.С. очень важно правильно спрогнозировать развитие социально-экономической обстановки в стране, так как именно социально-экономические факторы оказывают решающую роль в развитии демографических процессов. Однако поскольку социально-экономические переменные могут изменяться значительно быстрее, чем демографические показатели, часто оказывается, что их предсказать труднее, чем сами демографические уровни, для прогнозирования которых нужны эти социально-экономические переменные. Кроме того, эффективность использования социально-экономических переменных в прогнозировании демографических процессов связана с правильностью выбора этих переменных. Они должны иметь стабильное и достаточно сильное влияние на демографический процесс, четкие показатели, доступные для исследователя. Эти показатели должны быть правильно спрогнозированы на предстоящий период.

При построении Д.С., особенно при разработке гипотез о динамике рождаемости и миграции, используются данные выборочных обследований о демографических установках населения. Довольно часто используются мнения экспертов; очень важно учитывать развитие процессов по когортам (**см.**). Так, отмечено, что когорты родившихся в 1940-1945 имеют более высокие показатели смертности во всех возрастах по сравнению с когортами других лет рождения. Также важно иметь в виду основные закономерности развития демографических процессов в других странах мира в их сравнении и сопоставлении с национальными условиями. При построении системы предположений реального развития демографических процессов прогнозный период иногда разбивается на этапы, на протяжении которых показатели обнаруживают себя по-разному.

Л.П. Шахотько

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ – система действий и отношений, опосредствующих демографические поступки, явления. Это такая сторона деятельности индивида, семей и других малых групп, которая непосредственно ведет к сохранению или изменению их демографического статуса. Иногда субъектами Д.П. выступает целая нация или население региона. Д.П. – это сложный результат взаимодействия физиологических и психологических характеристик индивида, условий его жизнедеятельности, а также духовных норм и ценностей окружающих его социальных групп и общества в целом.

В узком понимании Д.П. включает действия и отношения, связанные только с воспроизводством населения, непосредст-

венно – с рождаемостью и смертностью и опосредственно – с брачностью, овдовением и разводимостью. В широком понимании Д.П. кроме названных включает также действия и отношения, связанные с миграцией населения и его социальной мобильностью. Д.П. относительно деторождения называется *репродуктивным* или *генеративным* (иногда прокреативным) поведением. К Д.П. относят действия и отношения, связанные с осуществлением полного репродуктивного цикла, с последовательной сменой репродуктивных событий, действий и отношений, препятствующих наступлению каждого звена репродуктивного цикла. Сюда относят и количество детей в семье, очередность и интервалы между рождениями, методы внутрисемейного регулирования рождаемости, аборты и т.д. На репродуктивное поведение оказывает влияние соотношение уровня жизни и уровня потребности в детях. Каждая семья оценивает свои условия реализации потребности в детях. Критерий оценки условий жизни у разных семей различный в зависимости от установок и ориентации человека. Некоторые авторы помимо действий и отношений относительно деторождения в генеративное поведение включают уход за детьми, их воспитание и обучение, а также освоение взрослыми индивидами новых социальных и психологических ролей.

Д.П. относительно сознательного или несознательного сохранения здоровья и, наоборот, его разрушения имеет название *самосохранительное*, *санитарное* или *витательное* поведение. Эта область Д.П. изучена сравнительно слабо.

Д.П. относительно перемещений людей из одного населенного пункта в другой на постоянное или временное, но довольно длительное, место жительства называется *миграционным* поведением. Миграционное поведение зависит от влияния внешних стимулов миграции (например, возможная перспектива изменения условий жизни) и внешних стимулов к стабилизации (например, сила привычки к данной среде), иногда от влияния подражательного фактора, т.е. сложившихся в данной группе или территориальной общности установок. На миграционное поведение большое влияние оказывают особенности личности отдельных мигрантов (интересы, потребности, стремления, ценностные ориентации) и т. д.

Д.П. в контексте семейно-брачных отношений называется *брачным* или *матримониальным*. Под ним понимают поведение людей в связи с заключением и прекращением браков. Его демографически значимыми аспектами являются: возраст вступления в первый и последующий браки; возраст расторжения первого и последующего браков; очередность брака, очередность развода, продолжительность безбрачного периода до вступления в брак и между браками, формы брака. Брачное поведение рассматривается в основном с точки зрения его влияния на репродуктивное поведение, т.к. большинство рождений осуществляется в браке. Психологическим регулятором Д.П. являются демографические установки личности.

Л.П. Шахотько

ДЕМОГРАФИЯ (греч. demos – народ, grapho – пишу) – наука о закономерностях воспроизводства населения в общественно-исторической обусловленности этого процесса. Термин "Д." появился в 1855 в названии книги французского ученого А. Гийяра "Элементы статистики населения или сравнительная демография", а широкое распространение получил в конце 19–20 в. Как отрасль научного знания, Д. развивается и существует уже более трех столетий.

Родоначальником демографической науки считается английский ученый Дж. Граунт (1620-1674), впервые построивший таблицы смертности для жителей Лондона на основе многолетних статистических данных. Население (народонаселение) – основное понятие Д. Народонаселение – это естественно-исторически складывающаяся и непрерывно возобновляющаяся в процессе производства и воспроизводства непосредственно жизни совокупность людей, главный материальный компонент человеческого общества. Воспроизводство населения (постоянное возобновление поколений людей) – один из главных процессов воспроизводства общества. Оно представляет собой основное характерное свойство народонаселения, изучение которого входит исключительно в компетенцию Д. Д. изучает процессы взаимодействия рождаемости, смертности, брачности, разводимости и воспроизводства населения в целом, их закономерности и социальную обусловленность. В сферу компетенции Д. входит исследование закономерностей формирования структур населения, взаимосвязей демографических процессов и демографических структур; изучение общей численности и размещения населения; разработка методов описания, анализа, моделирования и прогнозирования демографических процессов и явлений; выявление общих закономерностей и тенденций протекания демографических процессов и их специфических особенностей. В практическом плане в область демографических исследований входит общая характеристика народонаселения и истории его развития; измерение численности населения и изучение динамики его структур; изучение источников данных о населении и демографических процессах и разработка методов демографического анализа; измерение уровня и динамики демографических процессов, в том числе миграции населения, построение и анализ демографических таблиц; определение и анализ параметров воспроизводства населения, моделирование и прогнозирование демографических процессов, описание и анализ параметров демографической ситуации, анализ факторов, влияющих на характер протекания демографических процессов; оценка вероятных изменений этих процессов; исследование демографического поведения людей и выявление его типичных особенностей; выработка мер проведения эффективной демографической политики.

Основными уровнями исследования в Д. являются демографическая теория, сбор первичных данных о населении и демографических процессах (и их описание), математическая теория населения и демографический анализ. В настоящее время Д. является разветвленной системой целого ряда демографических наук, развивающихся на базе общей теории народонаселения, что обусловлено спецификой ее объекта и предмета, разнообразием факторов и условий, определяющих протекание демографических процессов и характер демографических явлений. В силу этого, уже сформировались и продолжают формироваться демографические науки, находящиеся на стыке Д. и других областей знания, изучающих те или иные аспекты жизнедеятельности людей. Это такие науки как историческая Д., палеодемография, этническая Д., экономическая Д., социологическая Д., военная Д. и др. В своих исследованиях Д. взаимодействует с социологией, социальной психологией, юридическими науками, географией населения, социальной гигиеной, геронтологией, популяционной генетикой и многими другими научными дисциплинами. Расширяется использование Д. в сфере бизнеса, в основном, в маркетинговых исследованиях, в результате чего

формируется прикладная ветвь Д. – демографика. Развитию демографических наук в настоящее время способствует обострение мировой демографической ситуации и то, что проблемы народонаселения стали неотъемлемой частью глобальных проблем человечества. В их число сейчас входят: демографический взрыв в развивающихся странах, переходящий в мировой; демографический кризис в экономически развитых странах; проблемы урбанизации и мировых международных миграций. При это демографические проблемы влекут за собой не менее острые проблемы социальные, такие как увеличивающийся разрыв в уровне жизни населения развитых и развивающихся стран, проблемы жизнеобеспечения быстро растущего населения Азии, Африки, Латинской Америки, проблемы старения населения и угрозы депопуляции в развитых странах, проблема обеспечения высокого качества населения и многие другие. Именно поэтому демографические проблемы в настоящее время перешли из разряда чисто научных в область общечеловеческих, во многом определяющих дальнейшие перспективы существования и развития мирового человечества в целом. Пути их разрешения неоднозначны, различны для различных регионов мира, во многом еще не определены, и поэтому развитие демографической науки как на теоретическом, так и на прикладном уровне является одним из приоритетов современной науки в целом.

Е.А. Кечина

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ – философско-социологический термин, введенный в научный оборот Новаком (см.) для характеристики окончательно конституировавшегося на протяжении второй половины 20 в. плюралистического, либерально-демократического общества западного типа, главными элементами которого являются три системы, существующие как единое целое: экономика, основанная по преимуществу на рынке и мотивации; демократическая политика, признающая право человека на жизнь, свободу и стремление к счастью; в высшей степени либеральная система ценностей и социальных институтов, в основе которых лежат идеалы равной для всех людей свободы и справедливости. Основанная на убеждении, что социальный строй, полагающий принуждение добродетельным, невозможен и нежелателен, концепция Д.К. атрибутивно содержит тезис, согласно которому демократия в политике возможна только наряду с рыночной экономикой. По Новаку, "коллективистская система, пренебрегающая осознанным личным выбором, напоминает улей или закон для быков".

Главная задача идеи Д.К. в исторической перспективе было обеспечение процедуры разделения власти и установления над ней эффективного контроля со стороны общества. С точки зрения Новака, предтечами модели Д.К. как определенного камертона социально-экономических трансформаций правомерно полагать Ш. Монтескье (см.), А. Смита, Б. Франклина, Д. Мэдисона, Т. Джефферсона и др., сформулировавших основополагающие моральные ценности демократии Нового времени: 1) ограничение власти государства и защита человека от тирании и нищеты; 2) высвобождение энергии индивида и произвольно организовавшихся общностей. Разделяя ту максиму, что "Слово Божие запредельно... оно осуждает все и каждую из систем, находя в них множество недостатков", Новак тем не менее попытался обозначить те фрагменты иудейско-христианских религиозных доктрин, которые, по его мнению, повлияли на формирование Д.К. – институциональной модели экономического роста, политической свободы и культурно-этического созревания.

Согласно Новаку, идейные предпосылки Д.К. таковы: 1) Догмат о Троице, трактующий идею Бога воплощением идеалов как соборности, так и индивидуальности, а также задающий такой обряд причастия, в ходе которого личность не оказывается уничиженной; индивидуальное либо коллективное участие в создании общества/общности, сохраняющих и отстаивающих право на индивидуальность каждого человека трактуется как истинное подражание Божьему промыслу. 2) Идея Воплощения, согласно которой Бог пришел в наш мир как Человек – в одной небогатой стране, в конкретном месте, в конкретное время, приняв таким образом на Себя мыслимые условия существования человека, включая смерть от слуг государства, осмеяние и ненависть со стороны людей. Этот сакрально-исторический сюжет должен постоянно напоминать нам, что слабости и пороки людей и их иррациональная злоба не изжиты, победа над грехом весьма сложна. Нет и не может быть совершенной модели общества, она не в состоянии появиться однажды. Только смиренность и отсутствие иллюзий способны породить избавительную надежду, в отличие от пагубной и разрушительной веры в единожды осуществленную утопию ("надежда покончить с бедностью и не допустить тиранию, – возможно, последняя и лучшая наша надежда – родилась именно в этой ругаемой всеми системе" /Д.К. – *А.Г.*/). Базовым и желательным типом личности для Д.К. выступает в этом контексте свободный человек, владеющий собственностью и занятый коммерческой деятельностью: "...именно система предпринимательской деятельности, а не намерения бизнесменов, способствует верховенству закона, свободе, обычаю умеренности и постоянства, здоровому реализму и очевидному прогрессу общества, более чем институты церкви, аристократии или служба военного сословия" (Новак). 3) Идеал Состязания как "поиска вместе". Не все равны в этом мире. Жизнь подлежит оценке, строгому суду – Божьему и человеческому: перед Страшным Судом богатым есть чего бояться. Если их богатство принесло пользу другим, есть основание быть признательным, но у Господа могли быть и бóльшие ожидания. Честная конкуренция – не порок. Подлинная самореализация личности немыслима в спокойную и уютную эпоху. Иудаизм и христианство – классический пример религий волюнтаризма и свободы: любая библейская история воспроизводит момент принятия человеком решения и осуществления принципиального выбора, ибо "...много званных, а мало избранных" (Мф. 20, 16). 4) Идея первородного греха человека, направленная в конечном счете на ограничение людских претензий на обладание совершенной праведностью и закладывающая теолого-нравственную основу для развенчания иллюзорных проектов социалистического толка, ориентированных на стремлении сделать всех счастливыми. 5) Принцип "разделения царств" (сфер реальности): "Итак, отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу" (Мф. 22, 21). Д.К. не мог и не может быть по определению чисто христианской общественно-экономической системой, его принципы конституировались как внеконфессиональные, являющиеся уделом свободного выбора человека. Речь может идти не о "христианском государстве", не о "христианской экономике", а лишь о правовом государстве и экономике как светских институтах во Имя Христово: существует христиан-

ская ответственность за светские институты, а в христианской этике присутствуют положения, определяющие эту ответственность (Бонхёффер). 6) Идеал христианской любви как милосердия: "Любовь не делает ближнему зла; итак любовь есть исполнение закона" (Рим. 13, 10). Данный постулат предполагает принимать людей такими, как они есть, пытаясь поставить даже их пороки на службу обществу. Согласно идеям Д.К., западная цивилизация оказалась способной к динамичному развитию, потому что смогла существенно ограничить зависть как качество, разъединяющее людей. Тезис концепции Д.К., согласно которому обмен на рынке требует веры – например, веры в будущее общества, в надежность валюты, в возвращение кредита и получение товара, органично сочетается с ее же постулатом, в соответствии с коим культура и мораль выступают главной движущей силой становления систем либеральной демократии и свободной экономики.

По мнению Новака, главными системообразующими приоритетами Д.К. как определенной модели общественного строя вне мотивов поведения и установок ее субъектов можно обозначить следующие: 1) глобальное развитие, установка на достижение благосостояния всеми без исключения нациями посредством развития, модернизации, обеспечения социальной справедливости, национального освобождения, независимости, опоры на собственные силы; 2) корпорация: достижение возможностей, превышающих потенциальные возможности отдельного человека и могущих осуществляться дольше продолжительности жизни индивида; 3) взаимозависимость ее структурных элементов: торговая цивилизация перспективнее нежели клерикальная, аристократическая или военная (отношения обмена человечнее отношений, основанных на личной зависимости); 4) дух сотрудничества, фундированный общностью ценностей ее субъектов. В соответствии с пафосом концепции Д.К. Новака, этот тип социума – не Царство Божие, не без греха. Но все другие, известные на сегодняшний день экономические и политические системы, кажутся ему еще худшими. Среди всех известных систем, по Новаку, именно в распоряжении Д.К. имеются максимальные ресурсы для самокорректировки и внутренней трансформации мирным путем.

А.А. Грицанов

"ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ" – утопическая концепция и программа, провозглашающая возможность построения (в условиях доминирования государственной/коллективной собственности на средства производства) нетоталитарного общества посредством всеобъемлющего использования процедур непосредственной демократии и демократического социального контроля. (Так например, согласно И. Хоуи, США, 1979: "Социализм должен быть целиком... подчинен демократии – именно современной демократии, несмотря на ее изъяны, – для того чтобы привнести больше демократии в любую сферу жизни общества: политическую, экономическую, социальную, культурную. Социализм без демократии невозможен – никакой компромисс с любого рода апологетами диктатуры или авторитаризма недопустим... Социализм должен быть определен как общество, где средства производства – в той мере, в какой вообще нельзя давать заранее его строгое определение, – находятся в коллективной собственности и контролируются методами демократии...").

В качестве самоосознающего интеллектуального течения "Д.С." возникает и приобретает известное влияние в 1950-1980-х, выступив реакцией неприятия гуманистическими ориентированными мыслителями и оппозиционными политиками бесчеловечных социальных практик "реального социализма", с одной стороны, а также реальных противоречий обществ либеральной демократии второй половины 20 в. (демократического капитализма), с другой. В государствах Западной Европы и Северной Америки главный акцент программы "Д.С.", трактуемого как "не столько теория, сколько система моральных заповедей" (С. Гэмпшир, Великобритания, 1974), сводился к тезису о том, что социальный порядок, спланированный учеными и реализованный государственной властью, будет обладать явным интеллектуально-нравственным превосходством по отношению к общественной системе, конституирующейся в результате неисчислимых и самых разнообразных человеческих поступков, основанных на индивидуальных предпочтениях людей. Предполагалось, что избавление индивидов от бедности и лишений являет собой приоритетную задачу социалистического правительства наряду с обеспечением национальной обороны; неравенство людей в богатстве, ведущее к неравенству в диапазоне и свободе действий, должно существенно корректироваться государством; задача удовлетворения первоочередных потребностей населения может рассматриваться как важнейшая задача властей, будучи даже сопряженной с некоторыми потерями в объеме производства товаров и услуг. Осознанный акцент на процедурах укоренения в обществе единой системы моральных императивов (в ущерб иным убеждениям) приводил адептов "Д.С." к истолкованию монолитной нравственности коллективистского толка как достаточной и самоценной несущей конструкции, обеспечивающей общественные стабильность и равновесие: "Один капитализм подвергает своих участников тревогам жизни, не прибегая к помощи коллективистской морали. Можно доказать, что исправление этих недостатков обходится гораздо дороже, чем урезание экономической свободы или сокращение личных свобод, которого требует социализм... Поколение, привыкшее к поддержанию социалистической дисциплины, не будет сожалеть о ценностях буржуазного индивидуализма... Никто из нас не сможет избежать этой ловушки, предположив, что социализм станет включать в свои моральные обязательства права индивида в их понимании, предложенном Миллем. Такое прославление индивидуализма прямо противоположно основному лозунгу социализма о намеренно всеобъемлющей коллективной моральной цели... Поскольку социалистическое общество стремится быть хорошим обществом – все его решения и мнения неизбежно реализуются с моральной целью. Любое несогласие с ними, любой аргумент в пользу альтернативной политики, любое возражение, следовательно, поднимает вопрос о моральности существующего правительства..." (Р. Гейлброунер, США, 1978).

Оказавшись предметом интенсивной социально-философской, политологической, теологической и этической полемики, концепция "Д.С." столкнулась в 1960-1990-х с рядом серьезных контраргументов как на уровне теоретических изысканий, так и в контексте системного прогнозирования возможных следствий направляемой общественной практики. Обращая внимание на атрибутивно присущее программе "Д.С." игнорирование эффективных источников экономи-

ческой динамики и экономического роста (согласно Л. Колаковскому, 1974: "Мы – за равенство, но... экономика не может быть основана на равенстве заработка... некоторые виды неравенства обусловлены генетическими факторами, и мы слишком мало знаем об их влиянии на общественное развитие... Мы – за демократию в экономике, но мы не знаем, как ее согласовать с конкуренцией в производстве продукции"), оппоненты особо акцентировали экономическую природу "социалистической системы вообще" как основанной на принципе Zero-Sum Game – игры с нулевой суммой (т.е. убыточные предприятия компенсируют результаты своей деятельности за счет централизованных средств, накапливаемых из прибыли эффективно работающих предприятий). На высоком региональном и на общенациональном уровнях политика "Д.С.", основанная на представительстве, суть перманентная сделка по субъективным правилам (группы давления-лоббирования в условиях демократического капитализма в принципе элиминируют идею т.наз. "прямого" народного представительства). Несовпадение интересов и несоизмеримость возможностей сообществ/общин в принципе исключают даже в принципе долгосрочное социалистическое планирование, поддерживающее одни общины за счет других. По Дарендорфу, "если это – планирование, то оно не может быть демократическим; если же оно демократично, то это – не планирование. Если оно более чем предложение, то оно насильственно; если же оно построено на насилии, то оно будет иметь тенденцию представлять интересы тех, кто лучше организован". Глобальным следствием подобной системы, по его мнению, выступает ситуация, когда "государство всеобщего благосостояния отбирает у своих граждан бóльшую часть их дохода и говорит им, что израсходует их, оставив себе лишь на карманные расходы... Может настать день, когда историки увидят, что правительства, как и следовало ожидать, вмешиваются практически в любой аспект жизни граждан". Неразрешимой нравственной коллизией для общественной морали социумов социалистического толка является, таким образом, невозможность придания проблеме ограничения власти государства над обществом и своими собственными гражданами статуса столь же высокозначимой и нравственной, сколь и вопрос постоянного триумфа большинства над меньшинством. Очевиден трагический и неизбывный конфликт интересов, весьма характерный для "Д.С.": можно ли гарантировать права меньшинства, оппозиционеров, – всех людей, интересы которых не совпадают с интересами большинства, – если обобществленная собственность является подконтрольной последнему. (Общеизвестно, что ряд аспектов экономического поведения людей – управление производством, репертуары легитимации социально-экономических нововведений, выбор потребителем товара на рынке, пределы личной ответственности за исполняемые функции и т.д. – не пригодны для процедур их решения так называемым демократическим путем.) Также неприложима "непосредственная демократия" для выработки большинства решений в сфере ценностей (религия, мораль, искусство и пр.). Избыток безрезультатных собраний и заседаний по всемыслимым поводам рассматривался как неизбежное зло даже в границах официозной санкционированной общественной самокритики социалистических государств на любых этапах их становления (ср. В. Маяковский "Прозаседавшиеся" и "антибюрократические" постановления ЦК КПСС 1970-1980-х).

С точки зрения организации публичной политики, для "Д.С." присущи перманентные ситуации, когда харизматические лидеры получают непропорционально большую власть, а также сценарии, при которых то, что следует слушать, и то, что можно говорить, определяются страстями толпы и общественной цензурой. (Как отмечал немецкий экономист В. Репке в 1949: "Разница между тоталитарным и демократическим социализмом такая же, как между убийством и непредумышленным нанесением телесных повреждений, ведущих к смерти. Мы вовсе не желаем квалифицировать демократический социализм как убийство. Но мы хотим подчеркнуть, что человек может погибнуть и случайно, однако для него, несчастного, значение будет иметь только результат, а не обстоятельства происшествия".) В условиях борьбы либерально ориентированных слоев социалистических обществ Центральной и Восточной Европы 1960-1980-х за обретение людьми экономических, политических и гражданских свобод идея "Д.С." (в облике идеи "социализма с человеческим лицом") выступала осознанным и необходимым фазисом желаемой трансформации массовых ориентаций людей от лозунга "больше социализма" к идеалам демократического капитализма.

А.А. Грицанов

ДЕМОСКОПИЯ (греч. demos – народ, skopeo – смотрю) – прикладная социология, занимающаяся проведением опросов населения; вид исследования, который используется для наблюдения и анализа массовых явлений в обществе. Основные методы сбора информации, применяемые в Д., – анкетный опрос и интервью.

Термин "Д." предложил в 1946 американский социолог С. Додд. Введен в употребление немецким исследователем, профессором Элизабет Ноэль-Нойман, создательницей одного из самых крупных исследовательских институтов ФРГ – Института Д. (Алленсбах, 1947), известного не только в Германии, но и далеко за ее пределами. Сфера деятельности Института – исследования по заказам политических партий (прогнозирование исхода выборов), правительственных учреждений, средств массовой информации (анализ аудитории СМИ и выяснение их эффективности; зондаж настроений населения, изучение общественного мнения), предпринимателей (изучение емкости товарного рынка, перспектив капиталовложений, определение перспектив сбыта различных товаров), опросы населения в интересах торговых фирм и т.д. Значительная часть исследований посвящена "изучению мнений" (например, отношения населения к проектам законов, к политическим лозунгам, упаковке и оформлению товаров, изменению тарифов на транспорте и т.п.). Основные положения Д. изложены в книге Э. Ноэль-Нойман "Массовые опросы" (1978).

В.А. Балцевич

ДЕ-РОБЕРТИ (Де-Роберти де Кастро де ла Серуа) Евгений Валентинович (1843-1915) – русский философ и социолог.

Де-Р. выступал с позиций "социального психизма", напоминающего в своих исходных посылках социологизм Э. Дюркгейма (см.). Негативно относился к марксизму, посвятив анализу социологии К. Маркса (см.) специальную статью. Принимал участие в создании Русской высшей школы общественных наук в Париже и первой отечественной социологической кафедры в Психоневрологическом институте. После цензурных запретов (глава Синода – К.П. Победоносцев – потребовал одновременно

светской и духовной цензуры для сочинений Де-Р.). Де-Р. переехал в Париж, где стал членом местного Общества социологии. Наиболее интересная работа Де-Р. – "Социология действия" (1908), демонстрирующая его близость к идеям Дюркгейма, – так и не была переведена.

Де-Р. отождествлял социальные изменения с психологическими процессами. Не разделяя распространенное мнение о том, что социология призвана теоретически реконструировать общественные законы и закономерности, Де-Р. предлагал включать в ее предмет даже мораль, реально отождествляя социологию и этику.

В целом же Де-Р. понимал собственную дисциплину как универсальную науку о человеческом духе, куда включались история науки, история искусств и философии, теория познания, этика, эстетика, политика и т.д. Главной же целью социологии Де-Р. полагал познание законов психологического взаимодействия.

Социология, по Де-Р., наука "абстрактная" и "описательная". Подразделяя ее на две части – "естественную историю общества" и "естественную науку общества", – исследователь трактовал первый из них как конкретную социологию. При этом в рамки "конкретной социологии" Де-Р. включал "элементарную социологию" (психологию) и "естественную историю общества", изучавшую динамику общественных групп, проблему личности, общественных верований и т.д.

Обладая определенной продуктивностью (идея двухуровневой модели изучения общества), данная схема была ориентирована на социологическое постижение лишь феноменов психологического взаимодействия людей, что, очевидно, снижало ее эвристический потенциал.

Основным социологическим методом Де-Р. считал социологическое описание, полагая, что он сводим к "рациональному объяснению фактов" или "приспособлению внешних событий к внутреннему механизму наших мыслей".

Центральной категорией социологии, по Де-Р., выступает понятие "надорганическое". Основное содержание этого понятия социолог трактовал так: "надорганическое" как одна из форм мировой энергии наряду с неорганической и органической (их социальная ипостась), а также "надорганическое" как психическое взаимодействие (в отличие от психологического факта, который включает в себя еще и биологическую компоненту).

Эволюция "надорганического", согласно концепции Де-Р., выглядит так: а) стадия психофизических отношений, связанная с элементарными нервно-мозговыми взаимодействиями, порождающая сам этот феномен и продуцирующая зачатки "общественности" животных и первобытных людей; б) стадия психофизиологических взаимодействий, генерирующая огромное количество "фактов и процессов исторического характера" (науку, философию, искусство вкупе с "поведением" или "практической деятельностью", включающими в себя, по Де-Р., технику, экономику, право и политику).

Полагая социальную эволюцию центральной проблемой социологических изысканий, Де-Р. подчеркивал, что отражением этого процесса может служить следующий понятийный ряд: психологическое взаимодействие – общественные группы – личность – наука – философия – искусство – практическая деятельность.

Правомерно трактуя концепцию Де-Р. как тривиальный психологический редукционизм, необходимо отметить, что "сверхрационализм" его выкладок, признание доминирующего характера мыслительной компоненты человеческой деятельности придавали определенное своеобразие и оригинальность его социологическому учению.

Главные труды Де-Р.: "Политико-экономические этюды" (1869); "Социология" (1880); "Прошедшее философии: опыт социологического исследования общих законов развития философской мысли" (в двух томах, 1886); "Новая постановка основных вопросов социологии" (1909), "Понятия и законы Вселенной" (1914), "К оценке основных предпосылок социологической теории Карла Маркса" (1917) и др.

А.А. Грицанов

ДЕСТРУКТИВНОСТЬ – разрушение, исходящее от человека и направленное вовне, на внешние объекты, или внутрь, на самого себя. В психоаналитической литературе первые представления о Д. содержались в ранних, относящихся к периоду 1910-1912, работах А. Адлера (см.), В. Штекеля, К.-Г. Юнга (см.), С. Шпильрейн. А. Адлер высказал соображение о присущем человеку "агрессивном влечении". Штекель обнаружил, что в сновидениях и фантазиях пациентов часто проявляются такие мотивы и сюжеты, которые свидетельствуют о проявлении у них ненависти и наличии внутренней тенденции к смерти. Юнг исходил из того, что либидо включает в себя силы, направленные как на созидание, так и на разрушение. Как было им отмечено в работе "Либидо, его метаморфозы и символы", страх невротика перед эротическими влечениями может привести к тому, что он не захочет участвовать в битве за жизнь; он душит в себе бессознательные желания и тем самым совершает как бы самоубийство; "страсть уничтожает саму себя" и, следовательно, либидо "есть бог и дьявол"; любовь подымает человека не только над самим собою, но также над границами его смертности ввысь к божественности и в то же время "она и уничтожает его". В 1911 на заседании Венского психоаналитического общества С. Шпильрейн высказала идею о склонности человека к Д., а некоторое время спустя опубликовала в одном из психоаналитических журналов статью "Деструкция как причина становления", в которой в явной форме выразила свое представление о присущем человеку деструктивном начале. Присутствовавший на заседаниях Венского психоаналитического общества З. Фрейд (см.) сделал несколько возражений по поводу увлечения С. Шпильрейн биологическими концепциями. В одном из писем к Юнгу (от 21 марта 1912), который был в свое время научным руководителем Шпильрейн, он отметил исследовательские способности молодой девушки, но в то же время подчеркнул, что рассмотренное ею деструктивное желание не может быть им принято, т.к. оно ему "не по вкусу". В опубликованной статье "Деструкция как причина становления" Шпильрейн показала, что в процессе полового акта происходит разрушение и восстановление организма человека, а чувства отвращения, означающие отказ от сексуальной деятельности, соответствуют разрушающим компонентам самого сексуального инстинкта. Апеллируя к клиническим случаям, психическому аутоэротизму Ф. Ницше и саге о русском князе Олеге, где смерть любимого коня оборачивается смертью князя, погибшего от укуса змеи, выползшей из черепа коня (змея – символ сексуального вожделения, обернувшегося против князя Олега), она наглядно проиллюстрировала действие деструктивных сил в человеке. Обращаясь к трагедии

У. Шекспира "Ромео и Джульетта", а также к различным мифологическим сюжетам, в которых в той или иной степени отражена проблематика жизни и смерти, Шпильрейн продемонстрировала наличие деструктивных составляющих в сексуальности. Все это привело ее к таким заключениям, согласно которым "направленная против себя любовь ведет к самодеструкции", разрядка либидо тесно связана с "влечением к разрушению", "в половом инстинкте просматривается инстинкт смерти", "становление – это результат разрушения", а инстинкт размножения, психологически состоящий из двух антагонистических составляющих, "в равной мере является инстинктом становления и инстинктом разрушения". Одно из заключений, к которому пришла Шпильрейн, звучало следующим образом: "Смерть сама по себе ужасна, смерть на службе сексуального инстинкта, т.е. как его разрушающая составляющая, ведущая к становлению, приносит благо". Высказанные Шпильрейн идеи о деструкции, инстинкте разрушения и смерти в то время не были восприняты Фрейдом в должной мере. Однако, спустя несколько лет, он не только назвал ее статью о деструкции как причине становления богатой содержаниями и мыслями работой, но и по сути дела в какой-то степени воспроизвел некоторые ее аргументы. Это нашло отражение в его книге "По ту сторону принципа удовольствия", в которой при обосновании идеи о влечении к смерти он сослался на статью Шпильрейн "Деструкция как причина становления" и признал, что значительная часть его рассуждений на эту тему была предвосхищена в данной статье, где садистский компонент сексуального влечения был назван деструктивным. В работе "Я и Оно" Фрейд высказал соображение, согласно которому Сверх-Я, выступающее в качестве критической инстанции, совести и чувства вины, может развивать по отношению к Я такую жестокость и строгость, которая превращается в садизм и беспощадную ярость. Признавая это обстоятельство, наглядно проявляющееся в практике психоанализа на примере пациентов, страдающих меланхолией, он усмотрел в Сверх-Я разрушительный компонент, связанный с направленностью агрессии человека не столько вовне, сколько вовнутрь. В книге "Недовольство культурой" Фрейд выразил свою готовность признать, что в садизме и мазохизме психоаналитик имеет дело со сплавом эротики и Д., направленной или вовнутрь, или вовне. При этом он заметил, что ему самому непонятно, как он сам и многие психоаналитики проглядели широко распространенную агрессивность и Д. "Я вспоминаю, – писал он, – о собственном сопротивлении при первой встрече с идеей инстинкта деструктивности в психоаналитической литературе, помню, сколь долго оно длилось, пока я не стал восприимчивее к этой идее. Неудивительно поэтому, что другие ее отрицали и отрицают". В работе "Почему война?" Фрейд констатировал то обстоятельство, что чаще всего поступки людей не являются результатом какого-то одного-единственного проявления влечения. Если среди людей раздаются призывы к войне, то это означает, что у них наличествует влечение к агрессии и разрушению. Причем его удовлетворение облегчается как раз потому, что имеет место переплетение деструктивных влечений с эротическими и идеальными. Рассматривая эти влечения, он полагал, что при размышлении о чудовищных событиях в истории трудно избавиться от впечатления, будто идеальные мотивы были лишь поводом для разгула деструктивных страстей, в иных же случаях, как, например, в жестокостях святой инквизиции, "идеальные мотивы превалировали в сознании, деструктивные же давали им бессознательное подкрепление". Давая разъяснение по поводу психоаналитического понимания влечения к разрушению, Фрейд подчеркнул, что исходя из клинического опыта можно сделать вывод, согласно которому это влечение содержится внутри каждого живого существа и направлено на разрушение его с целью свести жизнь к состоянию неживой материи. Это влечение может быть названо влечением к смерти, в противоположность эротического влечения, представляющего собой стремление к жизни. Во имя сохранения своей жизни живому существу приходится разрушать чужую жизнь. Это означает, что влечение к смерти становится разрушительным тогда, когда оно направляется наружу и обращается против внешних объектов. Вместе с тем, как считал Фрейд, определенная доля влечения к смерти остается действенной и внутри живого существа. В психоаналитической практике приходится иметь дело с тем, что у многих пациентов деструктивное влечение загнано в глубины их собственной психики. В связи с этим он писал: "Нетрудно заметить, что в случае слишком большой активизации этого процесса можно ожидать ухудшения здоровья, в то время как поворот этих деструктивных влечений во внешний мир облегчает живые существа и действует на них благоприятно". Исходя из такого понимания природы деструктивного влечения, Фрейд пришел к заключению, что с гуманистической точки зрения вполне понятное желание лишить человека его агрессивных наклонностей является не более чем иллюзией и практически неосуществимо. Поэтому речь может идти не о том, чтобы полностью устранить из жизни человека его влечение к Д., разрушению, а о том, чтобы попытаться отвлечь это влечение от проявления и реализации его в таких крайних формах, как войны. Для достижения данной цели необходимо использовать опосредованные пути борьбы с войнами и, в частности, направить против деструктивного влечения его извечного противника, Эрос. Это означает, что данному влечению должно противостоять все то, что объединяет между собой чувства людей. Прежде всего имеются в виду связи, основанные на чувствах любви и идентификации, а также на подчинении влечений разуму.

Не многие психоаналитики разделяли представления Фрейда о Д. Одни из них вообще не восприняли его "метапсихологические спекуляции" о Д., агрессии, инстинкте смерти, предпочитая обходить молчанием связанные с ними проблемы. Другие подвергли критике подобные теоретические положения классического психоанализа. К последним относятся, в частности, такие психоаналитики, как В. Райх (см.) и Э. Фромм (см.). Райх считал, что деструктивный импульс появляется в живом существе в том случае, если оно стремится уничтожить источник опасности: разрушение становится биологически осмысленной целью. В этом случае мотивом является не удовольствие от деструкции, а заинтересованность влечения к жизни сохранить Я в целом, т.е. влечение к деструкции служит "первоначальной биологической воле к жизни". Исходя из этого, Райх отрицал изначально биологический характер Д., провел различие между деструктивной, садистской, двигательной и сексуальной агрессивностью, высказал идею о зависимости влечения к Д. от сексуального застоя, пришел к заключению, что "подобно тому, как генитальная энергия при нарушениях превращается в деструктивную, так и при удовлетворении может совершиться обратное превращение деструктивной

энергии в генитальную". Фромм опубликовал работу "Анатомия человеческой деструктивности", в которой подчеркнул, что Д. является одной из наиболее важных проблем психоанализа. По мысли Фромма, Фрейд предложил новую теорию, демонстрирующую "значительный прогресс в понимании деструктивности", но в то же время не столько прояснил, сколько завуалировал феномен агрессии. Подвергнув переосмыслению выдвинутые Фрейдом и другими учеными представления о Д., он дал обоснование идеи, сводящейся к тому, что объяснение жестокости и Д. человека следует искать "не в унаследованном от животного разрушительном инстинкте, а в тех факторах, которые отличают человека от его животных предков". Это обоснование включало в себя проведение различия между двумя совершенно разными видами агрессии: "доброкачественной", оборонительной, служащей делу выживания индивида и рода, имеющей биологические формы проявления и затухающей, как только исчезает опасность, угроза жизни; "злокачественной", биологически неадаптивной, характеризующейся Д. и жестокостью, которые свойственны только человеку, ибо, по мнению Фромма, "только человек бывает деструктивным независимо от наличия угрозы самосохранения и вне связи с удовлетворением потребностей".

В.М. Лейбин

ДЕТЕРМИНИЗМ КУЛЬТУРНЫЙ – подход, присущий ряду социологических и социально-философских моделей общества, согласно которому культура (**см.**) выступает решающим фактором социального развития, а также является относительно самодостаточным элементом в иерархии сфер общественной жизни.

Д.К. приобрел легитимность в рамках социологических исследований после выхода работ М. Вебера (**см.**) по социологии религии (**см.**).

В социологиях посткоммунистических стран Д.К. постепенно замещает детерминизм экономический.

A. Wozniak

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – одно из базовых понятий классической философской традиции, отражающее акт взаимодействия целеполагающей свободной воли субъекта, с одной стороны, и имманентных, объективных параметров бытия, с другой. В данном контексте в структуре Д. вычленяются объектная (предмет, продукт, орудия Д.) и субъектная (целеполагающий актор) составляющие.

В социологии понятие "Д." традиционно выступает синонимом термина "действие", имплицитно фиксируя неопределенность природы человеческих действий в противоположность детерминизму структурных теорий. Социологические теории часто характеризуются в соответствии с тем, что в них рассматривается в качестве предмета исследований – Д. (действие) или структура; именно в этом направлении и ведутся основные дебаты. Некоторые современные теоретики (как, например, П. Бурдье – **см.**) вмешались в дискуссию, сознательно пытаясь преодолеть этот дуализм. Бурдье более всего известен в англоговорящем мире своими концепциями культурного капитала и обычаев, хотя его многочисленные книги и статьи содержат также развернутую теорию социального порядка (**см.**). Последняя сосредоточивает внимание на воспроизводстве современной культуры (**см.**) посредством дифференцированного распределения знания (**см.**) через образовательные институты. Бурдье выступал за конструктивистский подход в социологии, преодоление как тяготения к анализу сущностей, так и попыток анализировать на уровне здравого смысла. Убеждение в том, что объективный и субъективный аспекты социальной жизни неизбежно взаимосвязаны, заставляет его сделать вызов дуализму – "макро-" против "микро-" и "структура" против "деятельности" – "Очерк теории практики" (1977), "Распознавание" (1984), "Homo Академикус" (1988), "Другими словами" (1990), "Логика практики" (1990), "Ремесло социологии" (1991). Очевидно, эти различные тексты пока еще не формируют систематического социологического проекта и еще в меньшей мере решают проблему дуализма "структура" против "деятельности". Однако его аргументация успешно разрабатывается его современниками, среди которых известен Р. Брубакер ("Переосмысление классической теории: Социологический взгляд Пьера Бурдье" в кн. "Теория и общество", 1985). Подобным же образом американский социолог Дж. Александер доказывает многомерность социологии, совмещая метафизический и эмпирический аспекты, индивидуальный волевой акт и коллективное превосходство, нормативное и инструментальное действие, что нашло отражение в его четырехтомном издании "Теоретическая логика в социологии" (1984). Он утверждает также, что Т. Парсонс (**см.**) вплотную подошел к достижению этого синтеза, – ближе, чем какой-либо другой социолог-теоретик.

Г.Н. Соколова

ДЖЕЙМИСОН (Jameson) (р. 1934) – американский социальный философ, автор марксистской концепции постмодернистской культуры, разрабатываемой в широком интердисциплинарном поле (литературоведение, теория визуальных искусств, психоанализ, культурная антропология, критическая социальная теория). Основные сочинения: "Сартр: источники стиля" (1961); "Марксизм и форма; диалектические теории литературы 20 в." (1971); "Тюрьма языка: критическая оценка структурализма и русского формализма" (1972); "Мифы агрессии: Уиндхэм Левис, модернист как фашист" (1979); "Политическое бессознательное: нарратив как социально-символический акт" (1981); "Идеологии теории: эссе 1971-1986" (1988); "Поздний марксизм: Адорно, или Жизнеспособность диалектики" (1990)); "Меты очевидного" (1990); "Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма" (1991); "Геополитическая эстетика: кино и пространство в системе мира" (1992); "Источники времени" (1994); "Брехт и метод" (1998); "Культурный поворот: Избранные труды по постмодернизму, 1983-1998" (1998) и др. Среди наиболее существенных влияний на творчество Д. – неомарксистская традиция (Адорно – **см.**, Альтюссер – **см.**) и структуралистская методология (К. Леви-Стросс – **см.**, А. Греймас).

Научная биография Д. начинается в 1957 с преподавания французской литературы и сравнительного литературоведения и продолжается как обычная университетская карьера до конца 1960-х. Основная черта этого этапа – поиск альтернативы традиции позитивизма, господствовавшей в американской гуманитаристике. Первой фигурой, ориентирующей на целостный ("тотализирующий"), социально-критический анализ субъекта и социума в отличие от либерального рационально-эмпиристского подхода к культуре, для Д. становится Ж.-П. Сартр. Два переплетающихся "биографических мотива" ини-

цируют работы Д. – утопическое стремление выйти за пределы современного западного опыта субъективности (буржуазного эго) и воспроизводящей его массовой, потребительской культуры; особая чувствительность к новому (уже не-"модернистскому"), "иному" (будь то архаические сообщества или советский кинематограф). Способность перевести эти мотивы в план теории, а в экзистенциальной ситуации "бытия-в-мире" (воплощенного в очень широкой культурной перспективе – от повседневности, архитектурного опыта или экономической жизни до со-переживания "великим стилям" литературы) открыть трансцендирующее ее социально-историческое измерение – характерная особенность того, что можно назвать "феноменом Д.". Первый опыт в направлении разработки собственной концепции современной культуры (культуры "после модерна") – статья "Метакомментарий" (1971). В опубликованной в том же году книге "Марксизм и форма" Д. предлагает основные тезисы своей интерпретативной модели культуры. Этапными в разработке данной модели можно считать работы "Политическое бессознательное" и "Постмодернизм".

"Всегда историзируй!" – таков общий пафос концепции Д. "Историзировать", в первом приближении, – значит рассматривать текст в его исторической перспективе, что является необходимым условием его адекватного понимания. Первоначально для Д., объектом интерпретации выступало литературное произведение. По мере разработки концепции в предметное поле анализа вовлекаются и другие "тексты" культуры – архитектурные, живописные, кинематографические. Интерпретация текста в связи с его историческим контекстом, по Д., не является вариантом социологии литературы, выявляющей то, каким образом социальные факторы и типы представлены в том или ином произведении искусства. Д. называет диалектическим такой подход к продуктам символического производства (произведениям искусства, теоретическим системам), при котором, с одной стороны, в качестве основополагающего выдвигается тезис о том, что базовым содержанием текста является та историческая ситуация, в которой он стал возможен, с другой – эксплицируется тот способ, каким сама форма произведения искусства или философского текста оказывается существенно содержательной, предшествующей и конститутивной по отношению к своему непосредственному социальному контексту. Диалектическое мышление, для Д., также заключается в том, чтобы описать "место" предельно конкретного ("экзистенциального") не как невыразимое ядро индивидуальности, но как медиативную функцию между измерениями реальности различной общности – структурой литературного произведения, организацией социальной группы, отношения языка к своим объектам, способом разделения труда и т.д.

Историческая перспектива, в которую Д. помещает интерпретируемые им тексты, – перспектива развития капиталистического общества, подразделяемая им на три этапа: национальный капитализм (17 – середина 19 в.), монополистический капитализм (конец 19 в. – 1960-е), мультинациональный капитализм (с 1960-х). Соответственно этим трем этапам в эстетическом аспекте выделяются три больших стиля – реализм, модернизм и постмодернизм. Реализм, по Д., – время целостной, единственно возможной Картины мира. Искусство реализма подчиняется требованию эпистемологической истины, стремясь быть способом познания мира. Модернизм – время картин мира, когда право считаться целостной аутентичной картиной мира оспаривается в напряжении ряда "систем ви́дения" (экспрессионизм, кубизм, сюрреализм и т.д.). Искусство модернизма (или "разнообразные модернизмы" Ш. Бодлера, Э. Мане, Г. Малера, М. Пруста и др.) отрицает эпистемологические притязания реалистического искусства. Ведущим его принципом, по Д., становится требование "выразительности", выражения в искусстве авторского видения мира. Доминирующие категории модернистского искусства – стиль, индивидуальный субъект, автономность искусства и автора. Постмодернизм характеризуется непредставимостью Картины мира как таковой, невозможностью целостного видения мира и авторского стиля.

Для интерпретативных операций в этой перспективе Д. предлагает терминологический комплекс, узловым пунктом которого становятся следующие понятия (находящиеся у Д. в постоянном взаимодополнении): история, текст, повествование, тотальность, репрезентация. История это, прежде всего, прошлое. Бытие в настоящем прошлого культуры – это та "мистерия", ключ к пониманию которой, по мнению Д., дает нам марксизм. История в марксистских терминах – последовательность способов производства и соответствующих ей социальных формаций. Драматическим нервом этой истории является "единственная фундаментальная тема", "единственный необъятный неоконченный сюжет" обретения коллективного единства и свободы в борьбе со слепой внешней силой (природой, угнетателем). История – это и смысловое измерение настоящего, непрямым способом схватываемый смысл настоящего, в той мере, в которой настоящее выявляется как форма восприятия Истории (с позиций "метакомментария" бартовское видение "Сарацина" Бальзака как дробного множества отдельных кодов свидетельствует скорее о фрагментированности мира, к которому принадлежит позиция наблюдения самого комментатора-критика).

Таким образом, понятие Истории предстает как единство двух содержательных уровней: истории как внешнего социально-экономического бытия людей, в смене своих типов во времени и как внутренней формы опыта (обыденного, эстетического, философского и т.д.) обитателей данного времени. История – эта та субстанция социальности, которая одновременно является формой организации опыта индивида. В этом двуединстве история становится парадоксальным, непредставимым концептом. История – это мыслимость мыслимого, горизонт нашего знания – форма нашего мышления. Подобно понятию Реального у Лакана, она определяется Д. существенно негативно: история это то, *что* не в состоянии мыслить индивид, находящийся в рамке истории, ибо это есть то, *как* он мыслит. Мыслить исторически ("историзировать") – это, согласно Д., такая попытка заглянуть за изнанку понятия, попытка мышления мыслить против самого себя, которая приводит не к неограниченному иррационализму (как ошибочно, по мнению Д., полагает Ю. Хабермас – **см.**), а к подлинной диалектике. Текст в самом общем плане – феномен, который нужно объяснить (произведение искусства par exellance). В более специальном смысле – структуралистский феномен, продукт "текстуальной", "антиэмпиристской" революции, совершенной структурализмом. Понятие "текста" смещает анализ с эмпирического, изолированного объекта, на его конституирование в качестве такового в отношениях к другим подобным объектам (таким "социальным текстом", например, являются классы). Текст, в другой ипостаси, это

артикулированная История. В этом значении понятие текста синонимично понятию повествования (narrative). Повествование это способ приведения реальности, состоящей из различных измерений, "темпоральностей" (природно-биологические микро- и макроритмы, время повседневности, экономические циклы, большие ритмы социальной истории) к единой форме. Гетерогенные временные порядки сводятся синтаксическими структурами, сюжетными схемами, жанровыми конвенциями в связное, интеллигибельное целое. Политическая сфера, индивидуальное желание, социальная текстура, уникальность художественного акта – все эти различные измерения человеческого бытия в повествовании "непредставимым образом" сосуществуют. Интерпретация как анализ конкретного текста, по мысли Д., неявно стыкуется с историографией как рефлексией над повествованием вообще.

Повествование рассматривается Д. как "главная функция или инстанция" человеческого мышления, конститутивный для всей культуры процесс. Оно служит местом взаимоконвертации Истории и текста, удерживая в себе значения и Истории как совокупной событийности, Реального (History), и истории как частной последовательности событий (story), и истории как формы описания событий (сюжетный текст). История не есть текст. Но, с другой стороны, по Д., история доступна для нас только в "текстуальной форме". История подвергается "предварительной текстуализации" или "нарративизации" – и это единственный путь доступа к ней. Реальное, История не существует в качестве автономной инертной субстанции, дистанцированной от текста, она вплетается в текстуру произведения искусства, приобретая тем самым актуальность для нас. Мы проживаем историю в форме повествования, асимптотически приближаясь к Истории, но не касаясь ее непосредственно. При разработке соотношения "история-текст" Д. опирается, в частности, на критику гегелевской (и "вульгарно марксистской") модели культурной детерминации ("экспрессивной каузальности") со стороны Альтюссера. Исходя из этой критики, Д. считает, что тексты культуры не являются производными некой детерминирующей, предсуществующей инстанции ("духа времени" или "базиса"). Культурная детерминация, по Д., имеет логическую форму "структурной каузальности", в которой структура – это такая комбинация элементов, где нет ничего внешнего ее эффектам. Структура целиком присутствует в своих эффектах. "Структурная причина" является отсутствующей в том смысле, что она оказывается имманентной своим следствиям. "Отсутствующая причина", по Д., – это еще одно определение Истории как целостной синхронной системы социальных отношений или "социальной тотальности". Феномены культуры должны интерпретироваться не в свете детерминированности каким-либо культурным уровнем или областью, но как эффекты системы взаимоотношений между всеми культурными стратами (экономической, политической, эстетической и т.д.).

Представление о "социальной тотальности" вводит еще один смежный термин концепции Д. – понятие репрезентации (см.). Для Д. репрезентация это отношение не столько между опытом и его идеальным отражением, присутствующим и отсутствующим, субъектом и объектом. Логическая структура репрезентации это отношение между всеобщим и единичным. В социологической перспективе абстрактная диалектика всеобщего и особенного переписывается в терминах общества и индивидов. Базовым в интерпретативной модели Д. является то, каким образом феномены индивидуального порядка репрезентируются на уровне "социальной тотальности". Индивидуальное обретает смысл, свое бытие, будучи репрезентированным в форме всеобщего, занимая свою структурную позицию в системе социальных отношений. Органическая коллективность или модус дистанцированности от нее выступает фундаментальным смыслопорождающим фактором культуры. Репрезентативный критерий обозначает глубинную логику исторического развития западной культуры. Репрезентация не является принципиальной проблемой в реалистическую эпоху, когда степень включенности индивидов в коллективные формы жизни делает возможным для последних более или менее интенсивный опыт социальной тотальности. Ранний капитализм в этом смысле лишь удерживает в себе уходящие черты по настоящему реалистических традиционных, архаических сообществ. На стадии модернизма (см.) процессы "рационализации" общества (специализации экономических и социальных функций, автономизации "эго") развиваются до степени фундаментальной проблематизации, кризиса репрезентации, когда индивид не видит себя в качестве элемента органической целостности и воспринимает социум как аморфную, внешнюю, враждебную стихию. Проявления этого кризиса, по Д., – различные "формализмы" (соссюрианская лингвистика, русская формальная школа, структурализм), автономизирующие язык и элиминирующие из него измерение истории (диахронии); экзистенциально-эстетическая драма великих стилей "высокого модерна" (середина 20 в.) с их опытом трагического одиночества, отчуждения и а-коммуникативности.

Постмодернизм характеризуется негативным снятием самой проблемы репрезентации (модернистского нарастающего напряжения и расхождения между индивидом и социальной тотальностью) за счет окончательного разрыва социального и индивидуального, краха репрезентации (вместе с распадом, фрагментаризацией как социума, так и субъекта). Драма репрезентации разрешается иронией в отношении любых форм всеобщности, игровым перебиранием индивидуального ("скольжения по цепям означающих") при отказе от подведения его под какую-либо общность, которая придавала бы индивидуальному смысл. Постмодернизм в теории – от Т. Куна (см.) и Р. Рорти (см.) до Ж.-Ф. Лиотара (см.) и Ж. Деррида (см.), – по мысли Д., это состоявшийся позитивизм, при котором ориентация на факты, единичное, вероятное приводит к неограниченному релятивизму и а-методологизму в "науках о культуре".

По Д., базовая тенденция капитализма может быть обозначена как товарное овеществление (commodity *reification*). *Реификация* характеризует такой способ производства, в котором происходит замещение потребительской стоимости стоимостью товарной и превращение в товарную стоимость любых проявлений социальной жизни. Смежный аспект реификации – фрагментаризация всего социального поля и трансформация субъекта в самозамкнутую монаду, лишенную своих органических связей с социальным окружением. Данный тезис является центральной марксистской составляющей концепции Д. Модус репрезентации социальной тотальности определяется способом производства, которым задается культурная доминанта. Д. принимает возможность существования следующих исторических типах культурных доминант – магическое повествование (племенной строй), родство (неоли-

тические сообщества), религия (азиатский способ производства), античная модель гражданства (рабовладельческие общества), личное господство (феодализм). Не вдаваясь в анализ последних, Д. концентрируется на том историческом отрезке западной культуры, доминантой которого является товарная реификация. То, что производится в рамках исторически определенного способа производства – не столько предметы, сколько форма субъективности и социальных отношений. Товар как форма, по Д., это интерпретативный ключ ко всем продуктам абстрактной мысли капиталистической культуры. Форма мышления не является имманентной данностью, но привносится извне, из соответствующего исторического способа производства.

Для прояснения этого положения Д. обращается к Т. Адорно (см.) и к его критике представления об идентичности (см.). В традиции западного мышления идентичность понималась как вневременное условие прозводства значения: логическая идентичность как принцип самотождественности понятия, психологическая идентичность как единство индивидуального сознания, эпистемологическая идентичность как единство субъекта и объекта в актах познания. Д., вслед за Адорно, аргументирует в пользу тезиса о том, что идентичность – это социальная судьба исторического человека, сама генерируемая капиталистическим способом производства. Совершенный модус идентичности – понятие – является отлитым по форме товара (меновой стоимости), в производстве которого и кроется тайна приписывания вещам абстрактной тождественности, стирания их качественного бытия. Товарное производство, деньги, рынок рабочей силы, разделение труда, по Д., выступают в качестве первичных факторов как производства идентичности, так и всех ее проявлений. Производство мира всеобщей эквивалентности на практике обуславливает производство абстрактного значения в теории. Критика понятия идентичности раскрывает последнее как дополнительное к понятию тотальности. Тотальность становится позитивным решением проблемы идентичности. Идентичность, по Д., должна быть снята через ее понимание в качестве "репрессированной тотальности". Для осуществления данной процедуры Д. разрабатывается оригинальная концепция негативной герменевтики, трактующей отношения текста и контекста (истории) не в терминах отражения или гомологии, но в динамическом ключе как отношения вытеснения и компенсации. Негативная герменевтика эксплицирует Историю (как тотальность в себе) в формах ее отсутствия. Отсутствующая тотальность при капитализме, по Д., вписывается в форму произведения искусства. В тексте на уровне содержания вытесняется то, что возвращается к нам в формальном плане (оказывающемся существенно содержательным). Такова, упрощенно, двойная вытесняюще-компенсирующая процедура, детектируемая в текстах модернизма, содержательно повествующих об изолированности и а-историчности, но формально представляющими собой органическое единство стиля как утопический знак тотальности, Истории.

Для комплексной реконструкции уровней исторического значения текстов западной культуры, фундаментальным горизонтом которой становится уровень репрезентации социальной тотальности, Д. предлагает трехуровневую интерпретативную модель. На первом уровне (в соответствии с леви-стросовским анализом мифа) отдельный текст рассматривается как символический акт, предлагающий воображаемое разрешение реального социального противоречия, неразрешимого в данном историческом контексте (например, противоречия между потомственной аристократией и капиталистическими предпринимателями в произведениях Бальзака). Уже на этом уровне текст, по Д., парадоксальным образом вызывает к жизни ту ситуацию, на которую он, в то же самое время, является реакцией. Он "артикулирует", "текстуализирует", "реорганизует" ситуацию (бессознательное напряжение) так, что в эстетическом акте языку удается "втянуть" Реальное в свои структуры (строящиеся по предложенной Греймасом модели семиотического квадрата). Таким образом, конфигурация "политического бессознательного" считывается с поверхности текста (формальных свойств его организации). На втором уровне объект анализа – социальный дискурс, по отношению к которому отдельное произведение рассматривается как один из возможных индивидуальных речевых актов. Предмет анализа – "идеологема" (социально-эффективный символ), минимальное классовое высказывание о своем "типаже" (character), как противостоящем другому "типажу". Текст как дискурс обнаруживает свою диалогическую структуру, существенной характеристикой которого является его антагонистический, идеологический, классовый характер. Противоречие на первом уровне было "одноголосным" и привязанным к конкретному произведению. На втором уровне оно становится диалогичным и понимается как частный "символический ход" в общей стратегической конфронтации классов (так, например, народная сказка как "форма" может быть адекватно понята как попытка систематического подрыва аристократического эпоса). Дискурсивный "голос" также не есть самостоятельная внетекстуальная реалия, он актуализируется как оформленный групповой интерес именно в эстетическом, текстуальном плане. На третьем уровне в тексте выявляется присутствие Истории как динамики способов производства. Это уровень "идеологии формы", дешифрующей конфликтующие импульсы формальной организации текстов в качестве конфликта различных способов производства, культурных доминант. Здесь, применительно к капитализму, схватывается конститутивное присутствие в тексте товарной формы и производящего ее реифицированного социума. Этот последний интерпретативный горизонт является, по Д., "нетрансцендируемым пределом" наших интерпретаций текстов и нашего понимания вообще.

Постмодернизм в социально-философском плане это состояние западной культуры, когда базовая тенденция капитализма (см.) развивается до своего логического предела, чистой формы, считает Д. (в отличие от теоретиков "постиндустриального общества", усматривающих в нем новый посткапиталистический этап развития западной культуры). На постмодернистской стадии товарная реификация захватывает последние "неколонизированные" территории – искусство как очаг модернистского сопротивления логике капитала, Бессознательное и Природу. В эпоху массмедийного, потребительского "позднего капитализма" завершаются процессы модернизации, аккультурации природы. Анонимные силы транснационального капитала распространяют как номенклатуру товаров, так и саму форму товарного производства в глобальном масштабе (на страны третьего мира). На этапе позднего капитализма распадается классический субъект (или идеологическая иллюзия классического субъекта). Кризис историчности на уровне субъекта выражается, по версии Д., в том, что последний утрачивает способность организовывать свое

прошлое и будущее в виде связного опыта. Д. делает предположение, что сама персональная тождественность субъекта является эффектом определенного временного упорядочения прошлого и будущего относительно некоторого организующего центра настоящего. Д. описывает постмодернистского децентрированного субъекта в терминах лакановско-делезовской модели шизофрении: субъективность позднего капитализма характеризуется утратой смысловой связи с означаемым (историей) и разрывом цепи означающих. Поэтому постмодернистский шизосубъект замыкается в переживании чистых материальных означающих или бессвязной серий точечных, дрейфующих моментов настоящего ("интенсивностей"). Трагически-напряженная чувственность модернизма, с ее невротико-истерическими экстремумами в качестве превалирующих форм культурной патологии, сменяется "угасанием аффекта", вялотекущей шизофренической эйфорией по поводу серий поверхностных, глянцево-красочных картинок (Энди Уорхолла, MTV и т.д.). В пределе любой феномен культуры позднего капитализма становится собственным образом, плоской "картинкой", имиджем (**см.**), "симулякром" (**см.**) (копией без оригинала) – точным слепком товарной формы. Мир постмодернизма – мир поверхностей без глубины и диффузных, лишенных дистанций и традиционных членений "гиперпространств", в которых становится проблематичной сама возможность ориентировки, считывания определенного пространственного синтаксиса (что практически буквально демонстрирует архитектурный постмодернизм). Модернистская метафизика временности, длительности вытесняется постметафизической пространственной метафорикой. Чувство историчности деградирует к специфической постмодернистской ностальгии, довольствующейся римейками и стилистическими подделками. Постмодернистская теория маркирована уходом со сцены парадигматических "глубинных моделей" гуманитарного знания – диалектической модели явления и сущности, психоаналитической модели явного и вытесненного, экзистенциальной модели неподлинного и подлинного, семиотической модели означающего и означаемого. Вместе с распадом классического субъекта постмодернизм знаменует собой конец стиля в искусстве. Исчезают как великие стили модернизма, так и стилистическая цельность произведения искусства. Эстетическая продукция децентрированного субъекта – гетерогенные агрегаты цитат и фрагментов, не объединяемые общим повествовательным принципом. Эстетической доминантой постмодернизма становится "пастиш" (pastish) – пародия, которая не отсылает к какому-либо оригинальному стилю и которая лишена своей иронической силы и функции обозначать от обратного исчезнувшую языковую норму (как следствие исчезновения сколь-нибудь значимого коллективного проекта). Произведение искусства "коммодифицируется", квантифицируется в товарно-стоимостном плане (как ценность голливудского фильма измеряется кассовыми сборами), непосредственно встраиваясь в "высокие технологии" позднего капитализма.

Видение современной культуры в концепции Д. не является, однако, исключительно пессимистическим. Фундаментальный утопический импульс обретения группового единства, органических форм коммунальности, несмотря на все формы отчуждения и вытеснения, остается для Д. неизбывным горизонтом Истории. Парадоксальным образом постмодернизм содержит в себе потенции выхода за пределы капитализма. Децентрация классического буржуазного субъекта расчищает путь к обретению "новой логики коллективности", новой (или нео-архаической) коллективной субъективности. Типологическая схема Д. приобретает завершенность с включением в нее наряду с тремя перечисленными историческими этапами "четвертой возможности". Это возможность своеобразного постпостмодернизма, в котором тотальность обнаруживает себя в таком интегрированном обществе, где всеобщее для индивида это не просто имя, но приоритет в смысле средневекового "реализма". В этой утопической перспективе социальное целое переживается индивидом непосредственно (а не опосредованно в эстетической форме), а культурной доминантной является "коммунальная ассоциация". В итоге типологическая схема на макроуровне (реализм, модернизм, постмодернизм, "четвертая возможность") повторяет интерпретативный семиотический квадрат с четырьмя медиативными формами, вступающими между собой в подобные логические отношения контрарности, контрадикторности и дополнительности. Для того, чтобы "четвертая возможность" стала действительной, чтобы вернуть социальным отношениям их коммунальную, переспецифицированную природу, Д. сначала призывает к социальному действию по изменению ситуации, затем выдвигает менее практическую идею культурного "картографирования" мира позднего капитала. В любом случае задача интеллектуала, по Д., при интерпретативной работе отдавать себе критический отчет как об историческом измерении текста, так и о собственной исторической позиции. Помимо преподавательской и исследовательской деятельности Д. выполняет редакторскую работу в журналах "Social Text", "South Atlantic Quarterly", "Minnesota Review", является соредактором книжной серии "Post-Contemporary Interventions".

А.А. Горных

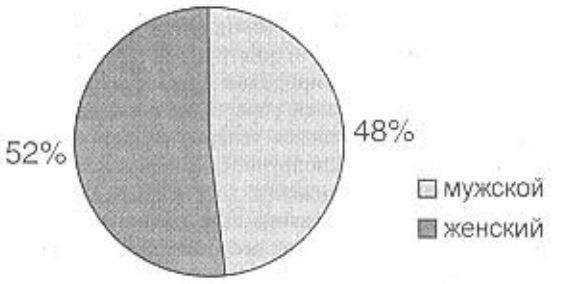
ДИАГРАММА КРУГОВАЯ – график распределения частот (**см.**) для номинальной переменной (**см.**) (см. также **Шкала измерительная**). Представляет собой круг, разделенный на секторы, соответствующие значениям переменной. Секторы раскрашиваются в различные цвета; соответствие между цветами и значениями переменной устанавливается с помощью легенды.

При построении Д.К. используются только относительные частоты, которые представляются площадями секторов. Площади секторов, в свою очередь, пропорциональны соответствующим центральным углам. Поэтому на практике используется простое правило: полный центральный угол (360°) принимается за 100%, а угол каждого сектора определяется через простую пропорцию:

$$\alpha_i^\circ = \frac{f_i}{100\%} 360^\circ,$$

где f_i – относительная частота значения x_i в процентах, α_i° – центральный угол соответствующего сектора.

Пример. Распределение абитуриентов по полу.



Для мужского пола:

$$\alpha_1^\circ = \frac{48\%}{100\%} 360^\circ = 172{,}8^\circ,$$

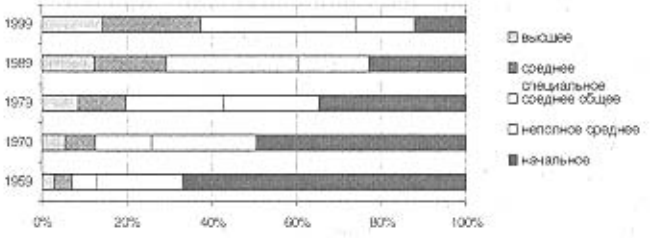
для женского пола:

$$\alpha_2^\circ = \frac{52\%}{100\%} 360^\circ = 187{,}2^\circ.$$

О.В. Терещенко

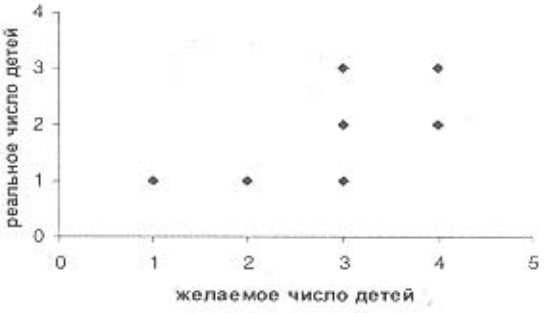
ДИАГРАММА ЛЕНТОЧНАЯ – график распределения частот (**см.**), используется, главным образом, для номинальных и порядковых переменных (**см.**) (см. также **Шкала измерительная**) с целью представления структуры выборочной совокупности. Особенно эффективна при сравнительном анализе структур нескольких совокупностей, а также при анализе динамики структуры во времени. Представляет собой вытянутый прямоугольник ("ленту"), разделенный на части, пропорциональные частотам значений переменной. Может применяться как к относительным, так и к абсолютным частотам. В первом случае длина ленты принимается за 100%; если строится несколько диаграмм, все они имеют одинаковую длину. Во втором случае длина ленты соответствует объему выборки, и диаграммы, представленные в одном блоке, могут иметь различную длину.

Пример. Динамика образовательной структуры населения РБ старше 15 лет.



О.В. Терещенко

ДИАГРАММА РАССЕЯНИЯ – двумерный график для изображения совместного распределения двух количественных переменных (**см.**) (см. также **Шкала измерительная**). Каждый объект из выборки представляется в виде точки, координатами которой служат соответствующие ему значения двух переменных. По виду Д.Р. можно судить о направлении (см. **Связь статистическая прямая, Связь статистическая обратная**) и линейности связи между двумя представленными на диаграмме переменными.



О.В. Терещенко

ДИАГРАММА СТОЛБЦОВ (ПОЛОС) – график распределения частот (**см.**) для номинальных, порядковых и дискретных количественных переменных (**см.**) (см. также **Шкала измерительная**). Состоит из разделенных промежутками прямоугольников с равными основаниями, каждый из которых соответствует одному из значений переменной. Промежутки между прямоугольниками свидетельствуют о дискретности данных. Частоты (абсолютные или относительные) представляются площадями прямоугольников. Равные основания прямоугольников позволяют считать, что частоты, представленные площадями, пропорциональны их высоте. Поэтому можно не заниматься вычислением площадей, а просто откладывать значения частот по одной из осей графика, называемой осью частот.

Вторая ось – ось значений признака – служит для размещения оснований прямоугольников, соответствующих значениям переменной. Значения номинальной переменной располагаются на ней в произвольном порядке, поэтому направление оси значений обычно даже не обозначают стрелкой. Значения порядковой или количественной переменной упорядочиваются по возрастанию; направление возрастания значений переменной обозначается стрелкой.

Пример 1. Распределение абитуриентов по результатам конкурса.

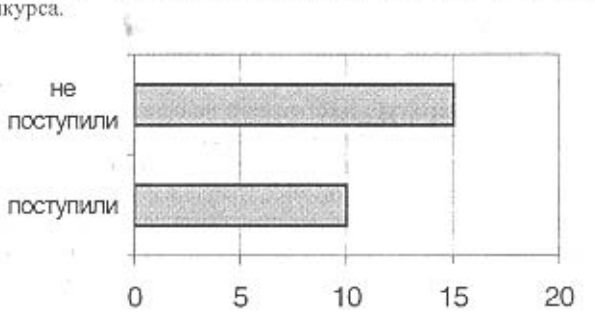


Диаграмма полос:

по вертикали – ось переменной,

по горизонтали – ось частот (абсолютных).

Пример 2. Распределение домашних хозяйств по размеру.

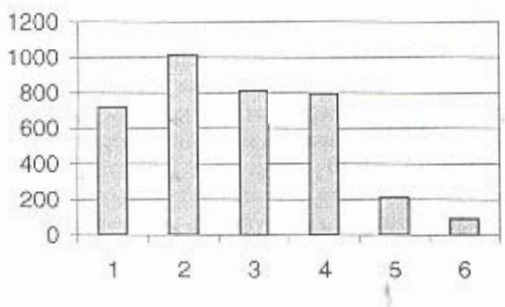


Диаграмма столбцов:

по горизонтали – ось переменной
(число членов домашнего хозяйства),

по вертикали – ось частот
(тысяч домашних хозяйств).

О.В. Терещенко

"ДИАЛЕКТИКА ПРОСВЕЩЕНИЯ. Философские фрагменты" ("Dialektik der Aufklaerung. Philosophische Fragmente", 1947) – совместная работа Хоркхаймера (см.) и Адорно (см.). Основной пафос книги – бросаемый авторами вызов безудержной вере в исторический прогресс, не только составляющей одно из основоположений марксистской традиции, но и являющейся необходимой установкой научного познания в целом. Анализ современного технологического общества, осуществляемый в "Д.П.", имеет в своей основе идею рассмотрения истории последнего в качестве универсальной истории Просвещения. Хоркхаймер и Адорно характеризуют путь разума, по которому двигалась до сих пор человеческая цивилизация, начиная с Ксенофана, видевшего в рационализации мира средство его подчинения человеком, и заканчивая современной наукой в виде идеологии, накладывающей требования всеобщности, универсальности и возможности логической формализации не только на природные явления, но и на мир социальных отношений и даже на само мышление.

Согласно "Д.П.", "путь разума" суть маршрут построения властных отношений между человеком как носителем разума и природой. В процессе реализации этих отношений "мировое господство над природой оборачивается против самого мыслящего субъекта; от него не остается ничего, кроме как раз того вечно одного и того же "Я мыслю", которому надлежит сопровождать все мои представления. И субъект, и объект становятся ничтожными". В ходе борьбы за существование человек все более совершенствует способы обуздания природного мира путем его рационализации и подведения под единую логическую схему всего существующего: "число стало каноном Просвещения". Человек с помощью логики унифицирует мир, тем самым создается иллюзия безраздельного господства над миром. Когда "одним-единственным различием между собственным существованием и реальностью поглощаются все иные", то "безотносительно к каким бы то ни было различиям мир становится подвластным человеку". Но теперь, по мысли Хоркхаймера и Адорно, человек вынужден признать властные отношения как всеопределяющие, и усомниться в своей уверенности, что он, в качестве автономного субъекта, не может являться также и их объектом. Подобно тому, как разум становится "техническим", превращается в универсальный инструмент, служащий осуществлению господства над природой и приобретающий значимость лишь благодаря своей способности выполнять данную функцию, так же и человек теперь представляет собой нечто инструментальное, сподручное, вполне заменимое – крошечную шестеренку, движение которой неизменно обусловлено целями и общими законами функционирования огромного механизма индустриального общества. "Господство оплачивается не просто отчуждением человека от порабощаемых им объектов: с овеществлением духа заколдованными становятся отношения самих людей и даже отношение единичного к самому себе. Последний сморщивается до размеров узлового пункта конвенциональных реакций и способов функционирования, объективно от него ожидаемых. Анимизм одушевил вещь, индустриализм овеществляет души" (Хоркхаймер и Адорно). Общее, тотальность – на этот раз не в виде пугающих сил природы, но в виде "системы" – берет власть над единичным, над субъектом. Разум более не является самозаконодателем – диктуемые наукой, государственной идеологией, культурной индустрией нормы, ценности и модели функционирования единообразны и не терпят возражений. Просвещение становится обманом масс, мышление овеществляется. Имеет место саморазрушение Просвещения, регрессия его в мифологию, от которой оно само же старательно открещивалось и с которой боролось на протяжении столетий.

"Д.П." представляет собой ряд фрагментов, тем или иным образом раскрывающих позицию авторов по поводу различных явлений современной цивилизации и их причин, кои усматриваются в тотальном просвещении, берущем свое начало еще в мифологическую эпоху. Фрагменты эти объединены не столько логической последовательностью изложения, сколько общей идеей: отказом от признания в качестве единственно истинной любой теории общества и его развития, а также акцентированной критикой существующих социальных реалий.

Первая статья – "Понятие Просвещения" – может быть рассмотрена как теоретическая основа последующих, в ней авторы пытаются "дать как можно более детальное понимание сплетения рациональности с социальной действительностью, равно как и неразрывно связанного с таковым переплетения природы с господством над ней". Целью Просвещения объявляется стремление "избавить человечество от страха и сделать их господами". Уже в мифе, по мнению Хоркхаймера и Адорно, можно усматривать исток Просвещения. Ужас перед сверхъестественным, перед всемогуществом природы порождает "раздвоение природы на видимость и сущность, на воздействие и силу, лишь благодаря которым становятся возможными как миф, так и наука". Примитив видит за отдельными явлениями "некую всеобщую сущность, мана, движущую силу, отзывающуюся эхом в его душе". Здесь впервые расходятся врозь понятие и вещь. Но "боги не могут взять на себя страх человека, окаменевшие звуки которого они носят в качестве своих имен. От страха, мнится ему, будет он избавлен только тогда, когда более уже не будет существовать ничего неведомого. Этим определяется путь демифологизации,

Просвещения, отождествляющего одушевленное с неодушевленным точно так же, как мифом отождествлялось неодушевленное с одушевленным". Программа Просвещения есть расколдовывание мира: "миф превращается в Просвещение, а природа – во всего лишь объективность". Однако разделение субъекта и объекта в их противостоянии как подчиняющего и подчиняемого не могло не привести к отчуждению господина от того, на что распространяется его власть. Мир природы лишается своего подлинного многообразия, становясь лишь единой совокупностью лишенных качества явлений, материалом для классификации. Все взаимозаменяемо, "самые разнообразные сходства между сущим вытесняются одним единственным отношением между задающим смысл субъектом и смысла не имеющим предметом, между рациональным значением и случайным носителем значения" (Хоркхаймер и Адорно). Объект нивелируется, превращается в абстракцию, и, таким образом, утверждается всеобщая повторяемость в природе, которая до этого клеймилась самим же Просвещением как власть рока над всем существующим, являющаяся принципом самого мифа. Для Просвещения были характерны антропоморфизм, акцентация властных отношений и распространение их не только на сферу природного бытия, но также на социум в виде иерархично организованной общественной жизни и эксплуатации, и даже на мышление (как подчиненное логическим законам и инструментальное). Помимо постулата о всеобщности и абстрактности мышления, еще одним следствием Просвещения стало, по мысли Хоркхаймера и Адорно, превращение языка как знаковой системы, в коей мере он претендует на познание природы, в исчисление – он не смеет уподобляться ей. Язык искусства лишь отображает природу, отказываясь от претензии на ее познание, он есть образ. Искусство подобно колдовству: "самим собой учреждает оно замкнутую сферу, исключенную из контекста профанного бытия... В произведении искусства всегда, вновь и вновь осуществляется то удвоение, посредством которого вещь являла себя в качестве чего-то духовного, становилась проявлением мана... Будучи выразителем тотальности, искусство претендует на сан абсолюта". Вера становится инструментом, с помощью которого осуществляется подчинение и закрепляется социальное устройство, основанное на принуждении, а "логический порядок в целом, правила взаимозависимости, сцепления, объем и смычка понятий основываются на соответствующих отношениях социальной действительности, на разделении труда". Просвещение тоталитарно, для него всякий процесс является с самого начала предрешенным. Таким образом, Просвещение переходит обратно в мифологию. "Математический метод становится как бы ритуалом мысли... Он учреждает себя в качестве необходимого и объективного: им мышление превращается в вещь, инструмент...", и тем самым разум подчиняется непосредственно данному, "становится всего только подсобным средством всеобъемлющего экономического аппарата". Отсутствие рефлексии, искоренение субъектом самого себя из сознания ведет к унификации и овеществлению человека, утрате им своего имени /читай: самости. – *В.К.*/. Страх перед такой перспективой иллюстрируется авторами на примере Одиссея, являющегося человеком разума и господства и олицетворяющего собой Просвещение в мифологии, который всякий раз заново обретает или сохранет свою самость после очередной встречи с мифическими существами. С помощью анализа "Одиссеи" в "Экскурсе 1. Одиссей или миф и Просвещение" развивается тезис о том, что "уже миф есть Просвещение", и прослеживается их диалектика. Основными понятиями здесь являются понятия жертвы и отречения, "в которых равным образом удостоверяют себя как различие, так и единство мифической природы и просвещенного господства над природой".

Главной темой "Экскурса 2. Жюльетта или просвещение и мораль" является практический разум. Опираясь на работы И. Канта, де Сада и Ницше, авторы показывают двойственный характер Просвещения и в отношении к моральному чувству. Человек, порабощая природу, отчуждается от нее, он – самовластный субъект. Но "после того, как с объективным порядком было покончено как с предрассудком и мифом, в наличии осталась природа в качестве массы материи... В той мере, в какой рассудок, скроенный по аршину самосохранения, способен соблюдать закон жизни, этот закон является законом более сильного" – этот тезис не может быть разумно опровергнут. В итоге истинное господство теперь принадлежит слепо объективному, природному.

Раздел "Культуриндустрия" – наиболее фрагментарный из всех. По мысли Хоркхаймера и Адорно, навязывая функциональность, "система", т.е. современное технологическое общество, использует мощный аппарат культурной индустрии. Речь здесь идет о массмедиа (кино, радио, телевидение, реклама и пр.). Предлагая свои ценности и модели поведения, они создают потребности и язык. В целях доступности эти ценности и модели единообразны, аморфны, примитивны. Они блокируют инициативу и творчество, ибо приучают к пассивному восприятию информации: "захирение способности к воображению и спонтанной реакции у потребителей культуры сегодня уже не нужно сводить к действию определенных психологических механизмов. Ее продукты сами... парализуют какую бы то ни было возможность для них обладать такого рода способностями". Культурная индустрия унифицирует образ жизни и мышления, подменяя личностное общенеопределенным. Каждый заменим, но "индивид, абсолютно заместимый другим, есть чистое ничто". Такая тенденция прослеживается даже с сфере досуга, где система устанавливает его расписание (например, в виде отпусков), где культивируются развлечения "по сходной цене". В итоге "весь мир становится пропущенным через фильтр культуриндустрии", она сама есть идеология, диктующая свои требования "просвещенному" человечеству. В "Элементах антисемитизма" приводится еще одна иллюстрация саморазрушения разума, когда "диалектика Просвещения объективно оборачивается безумием". "Не просто идеальная, но практическая тенденция к самоуничтожению присуща рациональности с самого начала" – утверждают авторы и высказывают опасения в связи с возможностью возврата просвещенной цивилизации к варварству. Антисемитизм как паранойя, болезнь разума, также становится возможным благодаря Просвещению. "Ложная проекция", в отличие от мимесиса (уподобления окружающему миру), уподобляет окружающий мир себе, "перемещает держащееся наготове внутреннее наружу и клеймит даже интимно знакомое как врага. Побуждения, которые не признаются субъектом в качестве его собственных и тем не менее являются ему присущими, приписываются объекту: перспективной жертве... В фашизме этот образ действий политизируется, объект болезненной мании определяется сообразно требованиям реальности, система безумия транс-

формируется в самую что ни на есть разумную норму, отклонение от нее – в невроз". В антисемитизме отсутствует рефлексия, зато имеют место те отношения господства и принуждения, которые непосредственным образом следуют из идеи Просвещения, наблюдается безразличие к индивидууму и безграничная власть "системы" над отдельным человеком. "Антисемитской является не только антисемитская политическая платформа, но и ограниченная рамками политической платформы ментальность вообще. Та самая ярость в отношении всякого отличия, которая ей телеологически присуща, будучи ни чем иным, как злопамятством порабощенных субъектов порабощения природе, всегда готова обратиться против естественного меньшинства даже там, где ему первому грозит опасность со стороны общества". Иррационализм антисемитизма, по Хоркхаймеру и Адорно, проистекает "из сущности как господствующего разума, так и соответствующего ему образа мира". Просвещение само преступает свои границы, разрушает себя.

Некоторые вопросы, касающиеся проблем фашизма, господства, разума, массового общества, одиночества и коммуникации, телесности и морали, роли философии и пр., были позднее освещены авторами в собрании статей "Зарисовки и наброски". Основной темой являлась все та же: "Просвещение превращается в свою противоположность". Пытаясь покончить с мифами, на деле оно умножило их сверх всякой меры, и "если Просвещение не вбирает рефлексию этого возвратного момента в себя, оно выносит самому себе приговор".

В.А. Кудина

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ – самообозначение диалектической философии объективистского типа, основные положения которой были сформулированы Ф. Энгельсом (см.) ("Анти-Дюринг") и И. Сталиным (см.) ("О диалектическом и историческом материализме"). Д.М. являл собой официальную советскую философию в 1930-1980-х.

Квинтэссенцией Д.М. правомерно считать следующие интеллектуальные допущения и гипотезы: 1) Придание перманентным изменениям в обществе и природе статуса атрибутивных для реальности как таковой (трактовка движения как атрибута материи и понимание его как "изменения вообще"); "вечных" истин, как и абсолютных ценностей, согласно Д.М., не существует: моральные нормы, содержание любых понятий исторически изменчивы. 2) Природной реальности имманентно присущ внутренний механизм, потенциально содержащий как перспективу эволюции неорганического мира до состояния мира разумных людей, так и интенцию его последующей трансформации в коммунистическое общество, формирование которого означает завершение этапа "предистории" людей. 3) Суть изменений в обществе и природе может быть описана с помощью умопостигаемых абстрактных законов диалектики – закона взаимоперехода количественных изменений в качественные, закона единства и борьбы противоположностей, закона отрицания отрицания. Исторические изменения универсума на разных этапах существования последнего не тождественны сами себе и могут менять собственную направленность и реальный смысл в предельно широком диапазоне (отрицание в состоянии и призвано отрицать самое себя). Таким образом, как любые идеи, так и всякие принципы исторически обусловлены и релятивны. При этом Д.М. задавал в качестве одного из идеалов научности систем мирописания требования целостности и умопостигаемости элементов исторических изменений в обществе (оставив при этом не проработанным вопрос о приложимости диалектической схемы к органической и неорганической природе – схема Энгельса "росток отрицает зерно, а зерно отрицает росток и т.д." явно выглядела иллюстративно).

Традиционная аргументация самого Энгельса в защиту адекватности Д.М. как подлинной модели организации мира сводилась к тому, что диалектика "ежедневно" подтверждается "тысячами примеров", понятных и близких даже ребенку, "в растительном мире, и в животном, в геологии, математике, истории, философии, несмотря на борьбу и сопротивление все... обязано подчиниться этим законам... диалектика есть не что иное, как наука об общих законах движения и развития природы, общества и мышления". (Полемика по этому кругу проблем не утихала и в конце 20 в., хотя осуществлялась она на предельном удалении от стержневых вопросов современного философствования.) Отсутствие очевидной сопряженности диалектической версии философии природы Энгельса, инициированной парадигмами позитивизма и эволюционизма, с марксовым мировоззрением (в облике экономической интерпретации исторического процесса и критики буржуазного общества в русле теории классовой борьбы) неизбежно породило значительную совокупность дискуссий философского и логического плана по проблеме поиска концептуального единства энгельсовского метафизического материализма и марксовой философии капитализма. В. Ленин (см.) посвятил целую книгу "Материализм и эмпириокритицизм" доказательству того тезиса, что недостаточная приверженность принципам диалектико-материалистической философии необходимо результируется в соглашательстве и утере веры в перспективы революционного общественного переустройства. В результате в рамках ортодоксально-официальной традиции философии коммунистического мира положение о естественной сопряженности и взаимозависимости подлинного революционизма и диалектико-материа-листического философского мировоззрения приобрело статус некоего символа веры, принимаемого в качестве такового без содержательных экспликаций.

А.А. Грицанов

ДИАЛОГ (греч. dialogos – беседа) – информативное и экзистенциальное взаимодействие между коммуницирующими сторонами, посредством которого происходит понимание. Д. может трактоваться либо как выбор сторонами совместного курса взаимодействия, определяющего лица "Я" и "Другого", либо как рационализированный Д., когда событие встречи пересматривается, исходя из полученного результата, и приобретает характеристики телеологичности и диалектичности; при этом снимается экзистенциальный пласт общения и гипостазируется теоретико-информативный. Кроме того, следует различать Д. в традиционном понимании – логический, и Д. в современном понимании – феноменологический. В логическом Д. связь осуществляется через сферу общезначимого, через речь (логос), и гарантом понимания является полнота перевоплощения в речевого субъекта, что оборачивается репрессией индивидуального. Феноменологический Д. – непосредственный обмен и перевод между персональными целостностями, мирами, сохраняющими свои особенности; кроме диалогизирующих ничего и никого нет. Возможность взаимопонимания, обоснованная смысловыми параллелями, сход-

ными трансцендентальными структурами и подобием организаций сознания, не гарантирует адекватности перевода. Полнота понимания может быть обеспечена только знанием языка Другого во всей его специфике. Зарождение философии напрямую связано с Д., что можно увидеть в майевтике, надстраивающейся над софистической беседой. Несмотря на постоянную тягу философии к монизму, диалогизм постоянно проявлялся при создании философских систем (как, например, дуализм).

Особое внимание к проблематике Д. назрело в гуманитарных науках под влиянием литературоведения и герменевтики. Согласно М. Бахтину, так как сознание есть тогда, когда есть два сознания, то корректнее употреблять вместо "науки о духе" термин "науки о духах (двух по меньшей мере)". Современное гуманитарное познание выстраивается диалогически, к примеру, как Д. с традицией в герменевтике и истории, осуществляющийся через внутренний Д. – мышление. Проблема Д. чрезвычайно важна для современных концепций теологии, чему начало было положено, в особенности, в работах Н. Бердяева (см.), С. Франка (см.), К. Барта, М. Бубера, Ф. Эбнера, Ф. Розенцвейга и др. Бог раскрывается как абсолютное "Ты", а сама религия рождается не только движением личности к Абсолюту, но и движением от Бога к человеку. В последнее время рассмотрение диалогических перспектив развертывается в экологии (Д. с природой) и в культурологии (Д. культур).

Д.В. Майборода

ДИАЛОГИЗМ – направление в философии первой половины 20 в., ставившее целью создание нового типа рефлексии на основе диалога (см.) – в качестве отношения к *Другому* как к "Ты". К Д. прежде всего относятся работы Ф. Розенцвейга, О. Розенштока-Хюсси (см.), Ф. Эбнера, Бубера и М. Бахтина. Важную роль в становлении Д. сыграл кружок "Патмос" в Берлине (1919-1923). Существенная часть проекта – критика предшествовавшего, солипсически-монологического языка классической философии. Сущность последнего фиксировалась как нацеленность сознающего на объекты ("Оно") или на самого себя ("теоретичность"). Новое же мышление должно базироваться на "отношении" (а не познании) и ориентироваться на воплощение в "поступок", а не оставаться на уровне созерцания. Действительное "Я" – результат спонтанной направленности человека на что-то Иное помимо себя. Розенцвейг утверждал новую основу мышления – об очевидности "мыслю, следовательно, говорю", такая мысль – всегда мысль-для-этого-другого. Эбнер рассматривал всякое "Ты" (в качестве Иного) как отблеск единственного "Ты" Бога, с которым человек ведет непрекращающийся диалог, осознание чего в полной мере – возвращение к истинности мышления. Бубер же акцентирует внимание на том, что "Ты" различных существ самостоятельны и разнообразны, в то же время он ставил вопрос о сфере "между", в которой (а не в субъектах или вещах) и возникают подлинные смыслы. Проект Д. не был осуществлен полностью из-за ярко выраженного тяготения его приверженцев к мифологичности языка – интеллектуальной моде начала 20 в. Однако Д. мощно повлиял на экзистенциализм (Г. Марсель, К. Ясперс), феноменологию (Ж.-П. Сартр, Э. Левинас), герменевтику (Г.-Г. Гадамер, П. Рикер) и явился течением, во многом определяющим современный образ философской мысли.

Д.В. Майборода

ДИАЛОГ КУЛЬТУР – совокупность непосредственных отношений и связей, которые складываются между различными К., а также их результатов, взаимных изменений, возникающих в ходе этих отношений. Д.К. – одна из наиболее значимых для культурной динамики форм культурной коммуникации. В процессе Д.К. происходят изменения культурных паттернов – форм социальной организации и моделей социального действия, систем ценностей и типов мировоззрения, становление новых форм культуротворчества и образа жизни. Именно в этом заключается принципиальное отличие Д.К. от простых форм экономического, культурного или политического сотрудничества, не предполагающих существенных преобразований каждой из сторон.

Можно выделить следующие уровни Д.К.: а) личностный, связанный с формированием или трансформацией человеческой личности под влиянием различных "внешних" по отношению к его естественной культурной среде культурных традиций; б) этнический, характерный для отношений между различными локальными социальными общностями, нередко в рамках единого социума; в) межнациональный, связанный с разноплановым взаимодействием различных государственно-политических образований и их политических элит; г) цивилизационный, основанный на встрече принципиально различных типов социальности, систем ценностей и форм культуротворчества. Д.К. на этом уровне наиболее драматичен, поскольку способствует "размыванию" традиционных форм культурной идентичности и, в то же время, крайне продуктивен с точки зрения инновационной деятельности, создавая уникальное поле кросс-культурных экспериментов. Кроме того, Д.К. возможен и как взаимодействие актуального типа К. с собственной исторически сложившейся культурной традицией. Постсоветский путь Беларуси и России в сравнении с аналогичным развитием бывших социалистических государств (Польша,Чехословакия и пр.) – лучшее подтверждение значимости влияния на развитие общества, особенно на переломных этапах, культурной традиции (или культурной инерции). В повседневной практике Д.К., как правило, одновременно реализуется на всех названных уровнях. Следует также отметить, что реальный Д.К. предполагает участие не двух, а значительно большего числа участников. Это связано с принципиальной этнически-культурной неоднородностью любого современного социума, что неизбежно вовлекает в Д.К. как большие, так и малые нации, а также различные "осколки" иных этносов, образующие своеобразные "культурные резервации". Участники Д.К. изначально находятся в неравном положении, что обусловлено не только различием базисных ценностей, но и уровнем развития каждой К., а также степенью ее динамичности, демографическими и географическими факторами. Более многочисленное и активное культурное сообщество в процессе Д. будет гораздо влиятельнее малой этнической группы. В современной теории К. принято выделять в процессе Д.К.: К.-донора (которая больше отдает, чем получает) и К.-реципиента (которая выступает принимающей стороной). В течение исторически длительных периодов времени эти роли могут меняться в зависимости от темпов и тенденций развития каждого из участников Д.К. Различаются также формы и принципы взаимодействия К. – как мирные, добровольные способы взаимодействия (чаще всего предполагающие партнерское, взаимовыгодное сотрудничество), так и принудительные, колониально-военного типа (предпола-

гающие реализацию собственных задач за счет противоположной стороны).

Одной из форм Д.К. служат международные отношения. Помимо различных международных организаций типа ООН или ЮНЕСКО, для межгосударственного культурного взаимодействия широко используется система социальных институтов и механизмов внутри самих К. В этих случаях заимствованные культурные образцы становятся мотивациями различных форм "местного" социального действия. К примеру, реальным выражением Д.К. могут стать политика модернизации или, напротив, реанимация авторитарных (традиционных) форм общественного устройства, смена курса в государственной национальной и культурной политике с использованием зарубежных "заготовок", тенденции развития структур местного самоуправления, рост или сокращение числа общественных (в том числе культурно-национальных) объединений и социальных инициатив. В каждом конкретном случае Д.К. присутствует несколько стадий или этапов. Исходным пунктом здесь принято считать стадию "культурного шока" или "нулевой" степени совместимости языков, поведенческих сценариев и традиций различных участников Д.К. Дальнейшее развитие Д.К. определяется специфическими особенностями каждого из типов К., их статусом в процессе конкретного межкультурного контакта ("агрессор" или "жертва", "победитель" или "побежденный", "традиционалист" или "новатор", "честный партнер" или "циничный прагматик"), степенью совместимости их базисных ценностей и актуальных интересов, способностью принимать во внимание интересы другой стороны. Исходя из перечисленного выше, Д.К. может проходить как в конструктивно-продуктивных, так и в конфликтных формах. В последнем случае культурный шок перерастает в культурный конфликт – критическую стадию противостояния мировоззренческих установок различных личностей, социальных групп, личности и группы, личности и общества, культурных меньшинств и общества в целом, различных социумов или их коалиций. В основе культурного конфликта – принципиальная несовместимость языков различных К. Совмещение несовместимого порождает "семантическое землетрясение", нарушающее не только ход межкультурной коммуникации, но и нормальное существование каждого из участников Д. Практические формы культурного конфликта могут иметь различный масштаб и характер: от частной ссоры до межгосударственного противостояния (ситуация "холодной войны") и коалиционных войн. Типичными примерами наиболее масштабных и жестоких культурных конфликтов являются религиозные и гражданские войны, революционные и национально-освободительные движения, геноцид и "культурные революции", насильственное обращение в "истинную" веру и истребление национальной интеллигенции, политическое преследование "инакомыслящих" и т.п. Культурные конфликты, как правило, отличаются особенной ожесточенностью и бескомпромиссностью, а в случае применения силы преследуют цели не столько покорения, сколько физического уничтожения носителей чуждых ценностей. Людьми движет не здравый смысл, а глубинная психологическая зараженность конкретным типом культурного продукта, закрепленная на уровне дорациональной убежденности в собственной правоте. Наиболее реальный и эффективный способ выхода из культурного конфликта – не доводить дело до него. Предупреждение культурных конфликтов возможно лишь на основе воспитания недогматического сознания, для которого идея культурного полиморфизма (принципиальной многозначности пространства К. и принципиальной невозможности "единственно верного" культурного канона) будет естественной и очевидной. Путь к "культурному миру" – в отказе от монополии на истину и стремления насильно привести мир к консенсусу. Преодоление "эпохи культурных конфликтов" станет возможным в той мере, в какой социальное насилие во всех его проявлениях перестанет рассматриваться в качестве рычага истории.

М.Р. Жбанков

ДИАСПОРА – устойчивая совокупность людей единого этнического или национального происхождения, живущая за пределами своей исторической родины и имеющая социальные институты для поддержания и развития своей общности.

Обычно термин "Д." относится к части народа (этнической общности, нации), живущей вне страны своего происхождения и образующей сложившиеся, сплоченные, устойчивые, хорошо укоренившиеся и ставшие необходимыми для принимающих стран этнические группы. Они чаще всего успешно взаимодействуют с властями и коренным населением и могут служить примером благополучного сосуществования различных категорий населения.

Отношения с Д. сегодня большинство стран рассматривают как важное направление своей государственной политики. В мире много примеров, когда Д. играют огромную роль в развитии тех или иных государств. Достаточно сослаться на Израиль, Армению, Индию и ряд других, чьи Д. оказывают существенную политическую и экономическую поддержку своим странам, формируя привлекательный образ исторической родины в мире, способствуя созданию благоприятных условий для торговли, экономической помощи, пониманию в мире политики своей страны.

Однако отношения с Д., как правило, не сводятся к чисто меркантильным. Не меньшее значение имеет сохранение различных проявлений своеобразной национальной культуры, включая национальное самосознание.

Объективная сложность и разноплановость такого явления как Д. приводит к тому, что в научной среде нет единства в понимании этого феномена. Одним из общепризнанных признаков Д. является пребывание этнической общности людей за пределами страны (территории) их происхождения в иноэтническом окружении. Следующий шаг в определении Д. состоит в том, что Д. понимается как такая этническая общность, которая сохраняет важные характеристики национальной самобытности своего народа, содействует развитию национального языка, культуры, сознания. Нельзя отнести к Д. любую группу лиц определенной национальности, если у них нет внутреннего стимула, потребности к самосохранению, что, в свою очередь, предполагает соответствующие организационные формы реализации этой потребности. В соответствии с этим признаком нельзя назвать Д. или принадлежащей к Д. дисперсную группу эмигрантов, проживающих в зарубежной стране.

Д. качественно отличается от дисперсной эмиграции наличием организационных форм своего функционирования и развития, начиная от такой как землячество и кончая наличием общественных, национально-культурных и политических

движений. Как правило, привлекательность Д. для эмигранта во многом определяется тем, что Д. берут на себя функцию социальной защиты конкретных эмигрантов, помогают им интегрироваться в новую социальную среду.

Особую роль в становлении и сохранении Д. сыграл религиозный фактор. История Д. показывает, что именно религия чаще всего становится цементирующим фактором консолидации группы эмигрантов. Так, например, религиозный фактор сыграл огромную роль в выживании очень влиятельных в мире армянской и еврейской Д. и в то же время крайне негативно сказался на формировании белоруской Д. в различных странах.

Для Беларуси развитие отношений с Д. – важное направление интеграции с бывшими советскими республиками, в первую очередь Россией, с Европой и всем остальным миром. В настоящее время за пределами Беларуси по разным оценкам проживает до трех миллионов выходцев из нашей страны и их потомков.

Процесс формирования и развития Д. не прекращается и сегодня. Более того, глобализация способствует расширению миграционных процессов в мире. Для нашей страны это означает формирование достаточно массовой "третьей волны" эмиграции: в отличие от второй волны, она носит прежде всего экономический характер.

Полноценная белорусская Д. во многих зарубежных странах в силу различных причин, в том числе из-за отсутствия соответствующей поддержки этого направления работы на государственном уровне, пока не сформировалась и ее потенциал пока не задействован в полной мере для решения наиболее актуальных задач, стоящих перед белорусским обществом.

Я.В. Леверовская

ДИАХРОННОСТЬ и СИНХРОННОСТЬ – специфические языковедческие и литературоведческие понятия, ставшие позже универсальными понятиями (и методом) гуманитарного исследования и задавшие основу специальному диахронно-синхронному методу гуманитарного познания. Термины происходят от древнегреческих приставок – "через" и "сейчас" и слова "время". Означают: 1) Д. – подход к предмету через "временные ряды" (или исторический); 2) С. – рассмотрение предмета в "остановленном мгновении", "сейчас", в абстагировании от генезиса, истории и т.п. Понятийная разработка идей Д. и С. принадлежит структурализму и М. Бахтину.

Данный метод предполагает рассмотрение предмета исследования в единстве истории и современности, поиск механизма их взаимодополнительности и взаимодействия. Таким "механизмом" выступает диалог (см.), реже – полилог. Одним из выражений этого синтеза является хронотоп, выражающий воображаемое или творимое синтезирование времени и пространства или генезиса предмета из иного его бытия. С. или синхрония не обязательно означает сиюминутность, современно-локальное бытие-сейчас. Она может означать срез диахронного (условно остановленное мгновение по сути превращенное в место, пространство). Диахронный и синхронный анализы могут применяться отдельно, но, как правило, интересен именно их синтез, единство, описывающие развивающуюся, открытую систему.

В.Л. Абушенко

ДИЗАЙН СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ – стратегия проведения эмпирического социологического исследования, включает методы отбора респондентов для участия в исследовании, сбора и анализа данных. Выбор Д.С.И. зависит от многих факторов, главные из которых – цель исследования, общетеоретические установки исследователя, характеристики генеральной совокупности (см.), наличие финансовых, временных, организационных и др. ресурсов.

Наиболее глубокие различия в социологических подходах к изучению социальной реальности связаны с целью исследования, которая в большинстве случаев может быть кратко сформулирована как описание, объяснение или понимание. Именно здесь происходит "водораздел" между "количественной" и "качественной" методологией, которую мы понимаем расширенно, как совокупность методов сбора и анализа данных, а также моделей их описания/объяснения/понимания – "стандартов" для оценки их адекватности в рамках конкретной теоретической парадигмы. "Количественная" методология позволяет решать задачи объяснения явлений и процессов, происходящих в генеральной совокупности, "качественная" – задачи их понимания. Описательные цели могут быть достигнуты в рамках обеих методологий, поэтому здесь решающая роль в выборе Д.С.И. принадлежит общетеоретической установке: если мы, в традициях позитивизма, ориентируемся на получение "объективной" информации, следует применить "количественные" методы описательной статистики; если исходим из традиций понимающей социологии, следует предпочесть "плотное" описание фрагмента социальной реальности в социокультурном контексте на основе "качественных" данных. Основными "количественными" Д.С.И. являются полное/выборочное обследование генеральной совокупности и эксперимент (см. **Эксперимент в социальных дисциплинах**), "качественными" – полевое исследование, исследование случая (case study), фокус-группа (см.).

Статистическим термином "обследование" (survey) называют описательное исследование, целью которого является получение "объективной" информации о генеральной совокупности в виде ее обобщенных характеристик. Генеральная совокупность может обследоваться полностью или выборочно; выборка строится с использованием вероятностных процедур (см. **Выборка случайная**), полученные по ней результаты обобщаются на генеральную совокупность методами статистического вывода (см.). В качестве методов сбора данных применяются стандартизированное интервью, анкетирование, контент-анализ документов и текстов. Анализ данных производится статистическими методами, включающими статистику дескриптивную (см.), или описательную (классификация, частотный анализ, определение центральных тенденций и др.), статистический вывод (обоснование репрезентативности выборки, проверка гипотез о параметрах генеральной совокупности), статистический анализ связей и зависимостей. В 1960–1970-х были предложены ряд статистических моделей и техник, позволяющих использовать данные описательных исследований для изучения причинных связей между переменными. Преимуществами генерального обследования являются качество и надежность собранной информации, недостатками – высокая стоимость и трудоемкость (если генеральная совокупность достаточно велика). Основное достоинство выборочного обследования заключается в

том, что оно позволяет получить информацию о генеральной совокупности в условиях ограниченных ресурсов (финансовых, временных, кадровых). Его недостатки – необходимость контролировать систематические и случайные ошибки выборки, применять достаточно сложные процедуры статистического вывода для обобщения полученных результатов на генеральную совокупность.

Целью эксперимента является изучение причинных связей (объяснение социальных феноменов в терминах причинных связей), "объективно" существующих в генеральной совокупности. Поскольку социальная жизнь отличается чрезвычайной сложностью, причинные связи практически всегда носят множественный характер в том смысле, что любое социальное явление возникает в результате взаимодействия множества причин, что существенно затрудняет анализ или даже делает его невозможным. Экспериментальный Д.С.И. позволяет исследовать связь между следствием и одной или несколькими зафиксированными причинами, исключив влияние третьих факторов на их взаимодействие. В наиболее общем виде, эксперимент состоит в том, что объекты (в социальных науках их иногда называют испытуемыми) разделяют на однородные, в определенном смысле, группы, которые помещают в разные условия. Различия в поведении представителей разных групп объясняют различиями в созданных для них условиях. С точки зрения стратегии формирования групп, принято выделять лабораторный, естественный и полевой экспериментальные Д.С.И. В эксперименте лабораторном (см.) сначала формируют однородную, с точки зрения целей исследования, группу участников, которую затем разделяют на необходимое количество подгрупп, например, на экспериментальную и контрольную группы. При разделении групп применяют процедуры рандомизации (см.), что обеспечивает внутреннюю валидность лабораторного эксперимента. В эксперименте естественном, который также называют квазиэкспериментом (см.), используются группы, существующие независимо от экспериментатора. Например, в педагогических экспериментах используются реально существующие школьные классы или академические группы. В эксперименте полевом (см.) группы формируются из людей, которые по тем или иным причинам находятся в различных условиях, влияющих на их поведение или жизнь в целом. Например, в Беларуси полевой эксперимент традиционен для исследований влияния на жизнь и здоровье людей последствий Чернобыльской катастрофы: одна выборка формируется в районе с определенным уровнем радиационного загрязнения, вторая – в "чистом" районе с аналогичными характеристиками. Дизайн полевого эксперимента используется в сравнительных, в том числе международных, исследованиях. При этом группы могут представлять собой значительные по объему выборки, в том числе сформированные статистическими методами. Экспериментальная выборка формируется методами планирования эксперимента. В качестве методов сбора данных используются тесты, структурированное наблюдение, а также методы, характерные для обследований – анкетирование (см.), стандартизированное интервью (см.), контент-анализ (см.). Основным методом анализа экспериментальных данных является статистический, в частности, дисперсионный анализ. Главным преимуществом эксперимента является, как отмечалось выше, его способность представить причинную зависимость в "очищенном" виде и тем самым сделать ее доступной для исследования и измерения. К недостаткам относятся ограниченность результатов единственной причинной зависимостью (экспериментальные исследования, как правило, в целом не репрезентативны), а также опасность искажения результатов эффектами смешанных воздействий.

Полевое исследование (field study) применяется к достаточно замкнутым социальным группам – семьям, институтам, организациям, сообществам и т.п. – с целью изучения их структуры, анализа социального взаимодействия членов группы и образуемых ими подгрупп, изучения их взаимного восприятия и отношений людей, играющих в группе взаимозависимые роли. Как правило, в исследовании, в той или иной степени, участвуют все члены сообщества, хотя их роль и ценность в качестве источников информации может быть совершенно неравнозначной. Применяются самые разные антропологические и социологические методы – прямое и включенное наблюдение (см.), полустандартизированное и нестандартизированное интервью, анализ документов (см.), социометрия (см.) и др. Полевое исследование часто применяется в организационном консультировании. Его преимущества состоят в возможности проверить гипотезы, которые не поддаются проверке "количественными" методами, идентифицировать роли, исполняемые членами группы, определить ценностные ориентации группы в целом и отдельных ее участников, описать модели отношений в группе. Данные полевого исследования могут использоваться при создании обоснованной теории (grounded theory). Недостатки метода заключаются в ограниченности результатов (в большинстве случаев их валидность ограничена одной группой или сообществом), высокой стоимостью исследования, а также опасностью организационных и психологических осложнений в группе.

Исследование случая (case study) представляет собой интенсивный анализ единичных (отдельных) случаев изучаемого феномена. В качестве "случая" могут выступать индивид, город, событие, группа (сообщество) и любой другой социальный "объект". Этот подход особенно эффективен в исследованиях процессов социализации, а также при разработке новых концептов и/или проверке существующих. "Случаи" отбираются, в зависимости от целей исследования", в соответствии с моделями выборки теоретической (см.). Для исследования общих тенденций они могут быть сгруппированы по типам (аналог экспериментального Д.С.И.). Данные об отдельных случаях могут кодироваться и использоваться в дальнейшем для статистического анализа связей и статистической проверки гипотез (см.). Основные методы сбора данных – полустандартизированное и нестандартизированное интервью (биографическое, нарративное), изучение документов (в том числе, биографических). К преимуществам данного подхода относится возможность исследования уникальных особенностей личности, к недостаткам – чувствительность к отбору случаев и позиции интервьюера.

Фокус-групповое исследование представляет собой исследование специально сформированных однородных групп с целью изучения мотивов, оценок, лексики и т.п. отдельных социальных групп. Применяется в рекламных и маркетинговых исследованиях, исследованиях стиля жизни. Д. такого исследования сочетает в себе черты эксперимента (формирование групп) и исследования случая (теоретическая выборка). Метод сбора данных – групповое полустандартизированное интервью, дополненное прямым и включенным наблюдением

с использованием записывающей аппаратуры. Глубокий анализ обсуждаемой в группе проблемы достигается за счет групповой динамики, под воздействием которой участникам удается отойти от стереотипных суждений и "увидеть" предмет обсуждения "свежим взглядом". Метод фокус-групп во многих случаях позволяет получить информацию, не доступную при использовании "классических" количественных подходов (которые улавливают, в основном, стереотипные суждения). Недостатки метода заключаются в высокой стоимости исследования, ограниченности его результатов, возможности психологических осложнений у участников.

В 1990-х широкое распространение получила так называемая смешанная (mixed) методология, предполагающая совместное использование в одном исследовании количественных и качественных методов. Можно выделить три смешанные стратегии: 1) последовательное применение количественных и качественных методов на разных этапах решения одной задачи; 2) параллельное применение количественных и качественных методов для решения одной и той же задачи; 3) выбор адекватных методов для решения каждой задачи, не разделяя их на "количественные" и "качественные" (прагматизм). В рамках первой стратегии, качественное исследование может предшествовать количественному либо наоборот. Например, фокус-группа может проводиться перед выборочным обследованием с целью уточнения/генерирования его гипотез и подготовки инструментария. Результаты выборочного обследования, в свою очередь, могут использоваться для построения типологии объектов и на ее основе – теоретической выборки, позволяющей отобрать "типичные" случаи выделенных моделей поведения для углубленного исследования методом "case study". Вторая стратегия применяется при решении сложных задач для уточнения и проверки полученных результатов, однако надо быть готовым и к тому, что полученные результаты могут оказаться несопоставимыми. Например, анкетный опрос и фокус-группа на одну и ту же тему могут дать совершенно различные результаты, особенно если речь идет о личностно значимых вещах. При этом ответы на вопросы анкеты могут оказаться более стереотипными или, наоборот, искренними, а высказывания в ходе фокус-группы – более социально желательными или, наоборот, аффектирующими. Третья стратегия применяется в сложных исследованиях, цель которых конкретизируется в нескольких задачах, использующих различные источники данных. Например, исследование на тему "Положение женщин в трансформирующемся обществе" может включать анализ официальной статистики, опрос населения по репрезентативной статистической выборке, дискурсный и контент-анализ материалов СМИ, фокус группы с женщинами различного возраста и социального статуса, биографические интервью с женщинами, сделавшими успешную карьеру, и т.п.

Еще одной характеристикой исследования, важной с точки зрения выбора его дизайна, является протяженность охватываемого периода времени. С этой точки зрения, исследование может быть одноразовым (cross-sectional), ретроспективным или повторным. Одноразовое исследование предназначено для получения "среза" социальной реальности, оно фиксирует мнения, оценки, мотивы, отношения между людьми в определенный момент времени; для этого могут использоваться любые методы сбора данных. Ретроспективное исследование обычно организуется так же, как одноразовое, но задаваемые респонденту вопросы должны относиться не только к текущему моменту времени, но и к определенным периодам его прошлой жизни. Нарративное и биографическое интервью разработаны специально для целей ретроспективных исследований. В них могут также использоваться другие виды интервью, анкетирование, анализ документов, но не наблюдение. Проводя ретроспективное исследование, следует помнить об особенностях человеческой памяти, которая может искажать значимость счастливых или, наоборот, травмирующих событий, их последовательность, оценки и мотивы, имевшие место в прошлом. Повторное исследование представляет собой последовательность "срезов" реальности, осуществляемых через определенные промежутки времени, которые могут определяться на систематической основе (например, каждый квартал) или быть "привязанными" к определенным социально-экономическим или политическим событиям (например, до и после финансовой реформы). Если на каждом этапе повторного исследования формируется новая выборка, оно называется мониторинговым или трендовым, если используется одна и та же выборка – панельным. Оба подхода имеют свои достоинства и недостатки. Мониторинговое исследование дает возможность количественно зафиксировать произошедшие изменения в поведении или оценках людей в целом, но не позволяет определить, как именно повлияло то или иное событие, произошедшее в период между "срезами", на поведение и оценки конкретных людей. Результаты трендовых исследований обычно колеблются относительно некоторой центральной тенденции, в пределах ошибки выборки. Неопытный исследователь может неверно интерпретировать эти колебания, особенно если число "срезов" невелико. Однако определение центральной тенденции по ряду срезов позволяет устранить влияние случайных ошибок выборки и повышает достоверность полученных результатов. Панельное исследование является значительно более дорогостоящим, т.к. на поддержание панели в работоспособном состоянии, особенно при больших промежутках между "срезами" требуются значительные средства и квалифицированный персонал. Основным достоинством панельного исследования является возможность точно определить, как повлияли социально-экономические и политические события на жизнь, мнения и оценки конкретных людей. Главный недостаток заключается в том, что ошибки проектирования выборки, допущенные на первом этапе, будут сказываться на протяжении всего времени исследования. В панельном исследовании допускается использование ретроспективных методов сбора данных, что позволяет "восстановить" события жизни респондента в период между двумя этапами исследования. В этом случае исследование называется лонгитюдным. Если генеральная совокупность, из которой формируется выборка панельного исследования ("панель"), является однородной с точки зрения возраста, времени завершения образования и т.п., она называется когортой, а исследование – когортным. Как мониторинговый, так и панельный Д.С.И. применим ко всем видам "количественных" и "качественных" социологических исследований.

В рамках любого выбранного Д.С.И. существует целый спектр возможных тактических решений, позволяющих достичь компромисса между необходимостью решить определенные задачи, с приемлемым уровнем валидности решений, и имеющимися в распоряжении исследователя ресурсами, в первую очередь финансовыми и временными. В некоторых

случаях, когда ресурсы крайне скудны, исследователю приходится выбирать относительно "дешевый" Д.С.И., даже если это существенно ограничивает возможности достижения целей исследования.

О.В. Терещенко

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА – понятие, впервые употребленное Марксом (см.) в работе "Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.", обозначающее предполагаемую форму организацию власти рабочего класса, которую он завоевывает в результате социалистической революции и использует как важнейшее средство для строительства социалистического общества. Маркс считал Д.П. закономерным этапом и способом перехода от классового общества к обществу без классов. В работе "Критика Готской программы" (1875) Маркс сформулировал следующую гипотезу: "Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата".

Учение о Д.П. получило свое развитие в работах В. Ленина (см.), Р. Люксембург (см.) и др. Учение о Д.П. с момента его возникновения вызывало и вызывает острую борьбу и споры. Это не удивительно, т.к. оно затрагивает коренные интересы огромных масс людей как неимущих, так и имущих. При этом в ходе противоборства одни акцентировали внимание на том, что это "диктатура", т.е. неограниченная власть, другие же, что это способ утверждения новых исторических форм демократии. Например, Р. Люксембург, критикуя Ленина и Л. Троцкого (см.) за их методы осуществления Д.П., утверждала, что "эта диктатура заключается в способе *применения* демократии, а не в ее упразднении... Эта диктатура должна быть делом класса, а не малого руководящего меньшинства от имени класса, то есть она должна на каждом шагу исходить от активного участия масс, находиться под их непосредственным влиянием, подчиняться контролю всей общественности, опираться на растущую политическую обученность народных масс". Практика утверждения социалистического общества в СССР и других странах осуществлялась именно в худшем варианте диктатуры "малого руководящего меньшинства от имени класса". Эта модель оказалась трагически несостоятельной.

Л.С. Дудинский

ДИЛЬТЕЙ (Dilthey) Вильгельм (1833-1911) – немецкий философ, психолог и историк культуры. Профессор в университетах Базеля, Киля, Бреслау и Берлина. Главные произведения – "Введение в науки о духе. Критика исторического разума" (1883), "Описательная психология" (1894), "Возникновение герменевтики" (1900) и др.

Д. стремился обособить "науки о духе" от естествознания – "наук о природе". Исходная позиция Д. состояла в установлении того обстоятельства, что природная реальность всегда предстает в сознании человека, в его познавательной деятельности как нечто, имеющее феноменальный характер. И если естествознание и ведет речь о "не зависящем от нас предметном порядке явлений", движущихся по некоторым законам, являющимся выражением и проявлением "существующей независимо от нас великой реальности", оно должно признать, что имеет дело лишь с ничтожной частью, отдельными феноменами этого великого целого. Будучи направленным на эту небольшую часть действительности, основываясь на содержании сиюминутной чувственности, в которой только и может быть дан человеку "великий предмет – природа", естествознание гипотетически дополняет этот чувственный материал мыслительными конструкциями, стремясь обозреть данные органов чувств как результат воздействия природы, понимаемой как нечто целостное и завершенное. Естественнонаучные высказывания, предметом которых и является чувственно-феноменальный материал, всегда остаются чисто объясняющими высказываниями, сводя чувственность к чему-то элементарному, самоочевидному.

Иное дело "наука о духе", утверждает Д., ее методологическое основание – описательная психология. Здесь нет и принципиально не может быть никакой "феноменальности", не может быть абсолютного разделения субъекта и объекта, личности и истории. Сама точка зрения исследователя, наблюдателя оказывается здесь вплетенной в ткань исследуемого объекта, истории. История не дана человеку как нечто отделенное от него пространством и временем. Как предмет познания история не "навязывается" ему извне в каком бы то ни было чувственном материале, но, наоборот, человек может осознавать себя лишь как историю, и эта последняя должна пониматься как нечто впервые порождающее, конституирующее его субъективность, обращающуюся затем к самой себе в историческом самопознании. Специфика наук о духе должна быть выведена, по Д., из сопоставления их методологических оснований с принципами организации научного знания в естественных науках, из исследования специфических условий получения знания, существующих в "науках о природе" и в "науках о духе". Но так как Д. имел перед собой опыт развития естествознания, находящегося на определенной ступени (классическая физика), то и особенности гуманитарных наук, которые, по Д., должны были стать явными из сравнения современного Д. естествознания и системы конструируемых им "наук о духе", не были им четко обозначены.

Д. был прав, указывая, что человек, исследующий историческую реальность, обращающийся к истории с целью выявления собственной сущности, определения своего жизненного признания, своего исторического предназначения, эту историю сам и творит. История – это история человека, преследующего свои цели. По мнению Д., в отличие от естественных наук общественные дисциплины должны не "объяснять", а "понимать" социальные явления. "Понимание", по Д., основывается на изучении и постижении мотивов человеческой деятельности, обусловившей то или иное событие.

Настаивая на принципиальном и существенном отличии наук, изучающих неодушевленные предметы, от наук, изучающих поступки людей, Д. уделял особое внимание разработке теоретиков методологических проблем наук о духе. В этом плане одним из наиболее ощутимых результатов деятельности Д. было создание им "понимающей психологии" и "понимающей социологии".

Антитеза "естествознание – гуманитарные науки" в отношении исследования человеческой психики представлялась Д. в виде: "объясняющая психология – описательная психология". Работа Д. по созданию новой психологической науки (а точнее – ее новых гносеологических ориентаций), психологической дисциплины, которая смогла бы адекватно отразить и

истолковать специфические явления и процессы психической жизни человека, определялась той своеобразной ситуацией, которая сложилась в развитии психологической науки в конце 19 в. Она характеризовалась интенсивным развитием экспериментальной психологии, методологическое основание которой составляла философия позитивизма. Исходные посылки психологической теории Д. находились в явной оппозиции по отношению к этим концепциям и характеризовались скептицизмом по поводу тех перспектив, которые якобы открывало применение психологического эксперимента само по себе.

Формулируя цели своей критики этой психологии, основное содержание которой задавалось позитивистскими философскими концепциями Милля и Конта, Д. саркастически замечает, что он выступает против учения о душе, в котором она отсутствует. Та сфера реальности, которая должна исследоваться психологической наукой, лежит вовсе не там, где ее пытаются выявить и объяснить представители предшествующей Д. психологии, интерпретирующие ее в целом как естественно-научную дисциплину. Предмет новой, описательной и истолковывающей психологии, в создании которой Д. видит свою задачу, – целостность индивидуальности, взятой во всем богатстве и многообразии ее проявлений, манифестаций. Вся полная и целостная человеческая природа, ее тотальность, весь объем многообразных процессов и явлений, рассматриваемых как неразрывное целое, – таков, по Д., тот предел, к которому должна стремиться подлинно научная психология.

Критика Д. объяснительной психологии исходила из признания несостоятельности ее претензий на "конструктивность", являющуюся результатом некритического перенесения идеалов организации научного знания в естественных науках на "психологическую почву". В то время как первый признак объяснительной психологии заключается в "синтетическом и конструктивном" характере проводимых ею исследований, предполагающем сведение психологического к его элементарным вещественным или субстанциальным составляющим, Д. указывает на то, что остается неясной та целостность, та изначальная структура психического, отправляясь от которых мы придем к его отдельным элементам. Именно игнорирование этого момента и приводит конструктивно-объяснительную психологию, основывающуюся на эксперименте, к физиологическим, чисто телесным актам и процессам как основанию психической жизни; при этом из виду теряется действительная специфическая реальность последней. Испытываемая связь душевной жизни должна, по мнению Д., оставаться твердым, переживаемым и непосредственно достоверным основанием психологии, как бы глубоко она ни проникала в экспериментальных частных исследованиях.

Критический пафос работ Д. был направлен, таким образом, против объясняющей психологии, в основании которой лежит принцип механистической причинности, при помощи которого она пытается однозначно свести все многообразные явления сознания к психофизиологическим процессам.

Возможность научного изучения психических явлений Д. видит в создании описательной психологии. Она не "примысливает" к психологическому материалу никаких гипотетических конструкций, но пытается понять психику из нее же самой, соотнося то или иное психическое проявление с целостностью внутренней жизни человека. Именно интерес к описательной психологии приводит Д. к созданию герменевтики, стремящейся познать человека в его истории, увидеть его психические состояния в социальном контексте, в его отношении к надиндивидуальным, общественным образованиям, к совокупной человеческой культуре, увидеть индивидуальные "проявления жизни" в контексте "объективного духа".

Возможность исторического познания Д. видит в том, что понять других людей, другие исторические эпохи можно, обращаясь к объективным памятникам человеческой деятельности, преимущественно к письменно зафиксированным "проявлениям жизни".

Исходная точка такого познания – индивид, взятый в его определенности временем и местом жизни, его конечное сознание. Исходя из этого сознания, Д. и пытается осуществить "построение исторического мира в науках о духе".

Причем историческая обусловленность точки зрения социального исследователя, объективные обстоятельства его деятельности, конечные возможности его сознания не являются, по Д., ограничениями для познающего духа. Конечный индивидуальный разум – это скорее начальная точка роста исторического самосознания.

В "понимании" чужой жизни человек, по утверждению Д., освобождается от случайных обстоятельств собственной жизни, его индивидуальное сознание как бы смыкается с многосторонним мировым "жизненным опытом"; человек совершенствуется только созерцая все формы человеческого бытия, внутренне детерминированный человек, по Д., может в воображении пережить многие другие жизни...; человек, связанный с реальностями жизни и определяемый ими, обретает свободу в понимании исторического.

Задача "понимания", таким образом, в том, чтобы ощутить себя в "идеальной одновременности" с людьми давно ушедших эпох, пережить возможности их бытия как свои собственные, а тем самым обнаружить нереализованные потенции собственного бытия.

Исключительные возможности "понимания" содержит, по мнению Д., лирическая поэзия: "В понимании пророческий взгляд истинного поэта устремлен в бесконечное. Ибо, понимая, он переносит весь свой внутренний опыт на чужое существование, и одновременно безосновательная, невиданная глубина другого великого бытия или могущественная судьба выводят его за пределы собственной сущности, поэт понимает и представляет то, что никогда не было бы пережито лично им".

Таким образом, утверждая, что "природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем", Д. исходил из того, что возможность этого постижения заложена в природе человека, обусловливающей сходство психических структур различных людей. Это сходство делает возможным сопереживание и сочувствие, которые выступают как основа понимания, позволяющего расшифровывать и описывать все многообразие состояний и движений чужого внутреннего мира. Тем самым Д. утверждал интроспекцию в качестве важнейшего метода психологического и в конечном счете социологического познания.

Происхождение классов, политических партий и государства Д. объяснял главным образом действием разнообразных психических сил. По его мысли, многие из этих сил – в особенности воля – предопределяются самой природой человека и в силу этого выступают в качестве постоянных детерминант исторического процесса. Учитывая большое влияние этих факторов, Д. с пессимизмом относился к идее о возможности рационального целенаправленного преобразования общества,

поскольку, по его мнению, "стремление к властвованию и развивающееся из него в истории культуры стремление к приобретению собственности основаны на природе самой воли... Поэтому-то эти побуждения и вытекающие из них отношения исчезнут, вопреки всяким мечтаниям, лишь вместе с самим человечеством".

Еще более существенное значение Д. придавал разграничениям индивидуальных различий в рамках единообразной природы человека, породивших, в частности, по мнению Д., социальную структуру общества (в том числе классы и различные этносоциальные группы).

Несмотря на неверное понимание этого вопроса, Д. тем не менее сравнительно четко обозначил такие важные вехи социального (в том числе и социологического) знания и познания, как важность учета конкретного общественно-исторического окружения познающего субъекта и выдвижения определенных критериев научности полученного знания (общеобязательности и общезначимости его как продукта понимающей интерпретации) и т. д.

В целом же философское и социологическое творчество Д., выработанные им представления о характере, целях, задачах и возможностях познания и понимания социальных явлений и процессов довольно долго служили в качестве исследовательских ориентиров для многих социологов.

Т.Г. Румянцева, В.И. Овчаренко, А.А. Грицанов

ДИСКУРС, дискурсия (франц. discour – речь) – в широком смысле слова представляет собой сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов (значимое поведение, манифестирующееся в доступных чувственному восприятию формах), необходимых для понимания текста (**см.**), т.е. дающих представление об участниках коммуникации (**см.**), их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения. Д. выступает вербальной формой объективации содержания сознания, регулируемой доминирующим в наличной социокультурной традиции (**см.**) типом рациональности.

Традиционно Д. имел значение упорядоченного письменного, но чаще всего речевого сообщения отдельного субъекта. В последние десятилетия термин получил широкое распространение в гуманитаристике и приобрел новые оттенки значения. Частое отождествление текста и Д. связано, во-первых, с отсутствием в некоторых европейских языках термина, эквивалентного фр.-англ. discours (e), а во-вторых, с тем, что ранее в объем понятия "дискурс" включалась лишь языковая практика. По мере становления дискурсного анализа как специальной области исследований, выяснилось, что значение Д. не ограничивается письменной и устной речью, но обозначает, кроме того, и внеязыковые семиотические процессы. Акцент в интерпретации Д. ставится на его интеракциональной природе. Д., прежде всего, – это речь, погруженная в жизнь, в социальный контекст (по этой причине понятие "Д." редко употребляется по отношению к древним текстам). Д. не является изолированной текстовой или диалогической структурой, ибо гораздо большее значение в его рамках приобретает паралингвистическое сопровождение речи, выполняющее ряд функций (ритмическую, референтную, семантическую, эмоционально-оценочную и др.). Д. – это "существенная составляющая социокультурного взаимодействия" (ван Дейк – **см.**).

Социально-философское звучание термин "Д." приобрел благодаря работам Фуко (**см.**). Д. понимается им как сложная совокупность языковых практик, участвующих в формировании представлений о том объекте, который они подразумевают. В "археологических" и "генеалогических" поисках Фуко Д. оказывается своеобразным инструментом познания, репрезентирующим весьма нетрадиционный подход к анализу культуры. Фуко интересует не денотативное значение высказывания, а, наоборот, вычитывание в Д. тех значений, которые подразумеваются, но остаются невысказанными, невыраженными, притаившись за фасадом "уже сказанного". В связи с этим возникает проблема анализа "дискурсивного события" в контексте внеязыковых условий возникновения Д. – экономических, политических и др., которые способствовали, хотя и не гарантировали его появление. Пространство "дискурсивных практик" обусловлено возможностью сопрягать в речи разновременные, ускользающие из-под власти культурной идентификации события, воспроизводя динамику реального. В Д. Фуко обнаруживает специфическую власть произнесения, наделенную силой нечто утверждать. Говорить – значит обладать властью говорить. В этом отношении Д. подобен всему остальному в обществе – это такой же объект борьбы за власть. Во многом благодаря работам Фуко, Альтюссера (**см.**), Деррида (**см.**), Лакана (**см.**) французская школа дискурсного анализа отличается большей философской направленностью, вниманием к идеологическим, историческим, психоаналитическим аспектам Д. Сегодня анализ Д. представляет собой междисциплинарную область знания; теория Д. развивается в социологии, лингвистике текста, психолингвистике, семиотике, риторике.

А.Р. Усманова

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ – категория, которая обозначает речевую деятельность, осуществляемую в соответствии с требованиями определенного типа дискурса (**см.**) в процессе его производства и воспроизводства. Данная категория подразумевает наличие в нашей повседневной реальности не одного, но множества самых различных типов и видов дискурсов, функционирующих одновременно и пронизывающих социальное пространство в виде автономных, гетерогенных и непрерывных информационных потоков. Соответственно, в общественной жизни нет и не может быть Дискурса как такового, подобно тому, как нет и быть не может самого Языка (это лишь теоретически оформленная, идеализированная абстракция), но есть и реально действуют самые различные дискурсивные практики, т.е. осуществляется речевая деятельность. При этом любая форма некодифицируемой и, соответственно, нераспознаваемой речевой практики считается аномалией, языковым нонсенсом – особенно в сфере письменной речи, где достаточно жестко вводятся различные нормы и правила (грамматические, орфографические, стилистические и пр.), а также осуществляется институциональный контроль за их выполнением, начиная от образовательных учреждений и заканчивая средствами массовой информации. За границами этой сферы остается все, что не попадает в поле зрения языковой цензуры и становится отклонением от норм общения (см. **"Наивное письмо"**).

А.Я. Сарна

ДИСКУРСИВНЫЕ ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ – трансформации, которым подвергаются в

разных дискурсивных сферах основные эпистемические сущности (знание, мнение, вера, факт) и процедуры (верификация, истинностная оценка и т.п.). Содержательная специфика и степень значимости основных эпистемических сущностей обнаруживает сильную зависимость от дискурсивной "системы координат", в которой они реализуются в конкретном акте речевой и мыслительной деятельности. Каждый тип дискурсии базируется на специфической иерархической системе основных пониманий, каждая из которых получает в конкретной дискурсивной практике своеобразное семантическое наполнение. Научный дискурс конституируется как дискурс знания (причем последнее реализуется как собственно фактуальное знание, так и как обоснованное, верифицированное мнение). Религиозный дискурс представляет собой дискурс веры, доминирующей над рациональным знанием и при этом не исключающей, а, напротив, предполагающей знание-откровение. Политический дискурс в наиболее репрезентативных формах представляет собой диалог неравноправных в эпистемическом отношений мнений, так как строится как явное или скрытое диалогическое противопоставление "своей" (т.е. правильной) и "чужой" (т.е. ошибочной) точек зрения, что, впрочем, не относится к политической дискурсии тоталитарного общества, где любое высказывание дискурса власти наделяется эпистемическим статусом знания, а любое высказывания дискурса инакомыслия интерпретируется как ошибочное мнение или сознательная ложь. При этом в каждой дискурсивной сфере названные эпистемические сущности различаются и в плане аксиологической ценности и субъектной распределенности. Так, в сфере религиозной дискурсивной практики вера как глобальная мировоззренческая категория представляет собой наивысшую интерсубъектную ценность. В то же время в сфере научной дискурсии, индифферентной к вере-верованию, оказывается частично востребованной вера в своем сугубо гносеологическом аспекте, причем данная семантическая разновидность веры, как правило, редуцируется к неполноценному, "неверифицированному" мнению, к тому же локализованному в концептуальной сфере другого.

Позиция "я"-субъекта научного дискурса идиосинкратична по отношению к вере, а относимые к "другому" высказывания типа "он верит, что шизоанализ Делеза (концепция другого у Бубера, теория прототипов Рош или др.) – истина в последней инстанции" приобретают очевидный оттенок снисхождения к чужому заблуждению. Нетождественными для разных дискурсивных сфер являются и принятые стандарты верификации. Так, верификация в научном дискурсе опирается на стандарты как эмпирического, так и логического доказательства: подразумевается, что суждения должны согласовываться как с опытными данными, так и с доказанными теоретическими положениями. В сфере религиозной дискурсии истинность понимается не как соответствие действительности, а как соответствие высшему, сакральному носителю истинности – Тексту, и соответственно операция верификации, по сути дела сплавленная в единое целое с операцией объяснения, носит отсылочный текстуальный характер; при этом попытки применения в сфере религиозной дискурсии чуждых ей логизированных, подчеркнуто рациональных верификационных процедур расцениваются как бесполезные, бессмысленные и даже, по выражению о. С. Булгакова, "безвкусные". Соответственно трансформируется и понятие факта. В то время как в сфере научной дискурсии суждение "Бог создал человека" относится к классу неверифицируемых пропозиций и не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к факту, – в рамках религиозной дискурсии приведенное суждение рассматривается как доказанный факт, соответствующий содержанию сакрального Текста и тем самым прошедший вполне адекватную верификационную процедуру. В сфере же политического дискурса любое суждение оценочного, интерпретирующего, прогностического характера, с логической точки зрения не поддающееся процедурам установления истинности, легко может быть идентифицировано как факт при условии совместимости с картиной мира дискурсирующего субъекта. Не менее заметны трансформации, которым в различных дискурсивных сферах подвергаются принципы истинностной оценки высказывания/текста.

В любой дискурсивной сфере оценочная контрдискурсия может осуществляться в рамках критериев "верно/неверно", "правильно/неправильно". При этом научная и религиозная контрдискурсия предполагают соблюдение презумпции искренности субъекта оцениваемого текста, а отклонения от истины рассматриваются в данных дискурсивных сферах как не контролируемые субъектом (т.е. как ошибка, заблуждение, иллюзия и т.п.); кроме того, истинностная оценка религиозного текста может дополняться таким специфическим параметром, как степень достаточности веры автора. Субъект же политического дискурса лишен презумпции искренности, вследствие чего в рамках данной дискурсивной сферы истинностная оценка легко переходит из области неконтролируемых заблуждений в область приписываемой оппоненту сознательной лжи (фальсификации, дезинформации и т.п.). Таким образом, для адекватного анализа эпистемических параметров речевой и мыслительной деятельности весьма важным оказывается требование четкой фиксации границ дискурсивной сферы, в которой эта деятельность осуществляется.

Е.Г. Задворная

ДИСПЕРСИОННАЯ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ СРЕДА (лат. dispersus – рассеянный, рассыпанный) – специфическое рассеянное информационное поле массового обыденного сознания, обеспечивающее восприятие и усвоение психоаналитических идей и элементов психоаналитических учений как некой повседневной и самоочевидной данности. Д.П.С. является одним из фрагментов современной дисперсионной рациональной среды (см.) и играет существенную роль в усвоении и развитии комплекса психоаналитических и психоаналитически ориентированных идей и представлений.

В.И. Овчаренко

ДИСПЕРСИОННАЯ РАЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА (лат. dispersus – рассеянный, рассыпанный) – совокупность рассеянных информационных полей массового обыденного сознания, включающая в себя различные редуцированные и примитивизированные результаты рационального (философского и научного) познания и некоторые представления об их технологических и технических следствиях, которые существуют в фрагментарных формах повседневной и самоочевидной данности. В значительной части Д.Р.С. включает в себя знания, бывшие когда-то высшими достижениями рационального познания (например, представления о шарообразности Земли, ее вращении и месте в планетарной системе; сведения о фундаментальных законах природы и атомном строении вещест-

ва, знания о возможности полетов аппаратов тяжелее воздуха, передачи звука и изображения на большие расстояния; представления об эволюционном развитии человека, сведения о рефлексах, бессознательном психическом, комплексах, представления о формах и векторе общественного развития и т.д.).

В.И. Овчаренко

ДИСПЕРСИЯ – один из показателей вариации количественной переменной (**см.**), равен отношению суммы квадратов (**см.**) отклонений от среднего арифметического $SS_{\bar{x}}$ к числу степеней свободы (**см.**) данной суммы квадратов $(n-1)$; в отличие от суммы квадратов, измеряет "чистую" вариацию переменной, не зависящую от объема выборки (см. также **Стандартное отклонение**). Вычисляется по формуле:

$$s^2 = \sum_{i=1}^{n} (x_i - \bar{x})^2 \Big/ (n-1),$$

где x_i – значение переменной X с номером i;

$\bar{x}$ – среднее арифметическое для переменной X;

n – объем выборки.

Особая ценность Д., вычисленной по выборке, состоит в том, что она является несмещенной оценкой (**см.**) Д. генеральной совокупности – ср.: выборочное стандартное отклонение (**см.**) является состоятельной, но смещенной оценкой стандартного отклонения генеральной совокупности.

О.В. Терещенко

ДИСПЕРСИЯ ОБЪЯСНЕННАЯ (доля объясненной дисперсии) – универсальная мера качества (объясняющей способности) причинных статистических моделей, применяется, главным образом, в анализе дисперсионном (**см.**) и анализе регрессионном (**см.**). В некоторых случаях используется также в качестве меры связи (см. **Корреляционное отношение**). Интерпретируется как доля дисперсии зависимой переменной y, объясненная изменениями независимой переменной x.

Основная идея разделения дисперсии зависимой переменной y на Д.О. и дисперсию ошибки состоит в предположении, что полная вариация зависимой переменной y определяется двумя группами факторов: учтенными факторами, зафиксированными в виде независимых переменных, и неучтенными факторами, представленными "ошибками модели" $\varepsilon_i = y_i - \hat{y}_i$, где ε_i – ошибка модели для объекта с номером i; y_i – измеренное значение переменной y для объекта с номером i; $\hat{y}_i$ – значение переменной y для объекта с номером i, предсказанное по модели. Заметим, что традиционно речь идет о доле Д.О., хотя вместо дисперсии используется сумма квадратов (**см.**).

Согласно этой концепции, полная (общая) сумма квадратов может быть разложена на сумму квадратов объясненную и сумму квадратов ошибки $SS_{ошибки} = \sum \varepsilon_i^2 = \sum (y_i - \hat{y}_i)^2$:

$$SS_{общая} = SS_{объясненная} + SS_{ошибки}.$$

Если разделить обе части этого выражения на величину $SS_{общая}$, то доля Д.О. может быть представлена следующим образом:

$$\frac{SS_{объясненная}}{SS_{общая}} = 1 - \frac{SS_{ошибки}}{SS_{общая}} = 1 - \frac{\sum (y_i - \hat{y}_i)^2}{\sum (y_i - \bar{y})^2}.$$

Вычисление доли Д.О. для разных моделей различается способами получения предсказанного значения $\hat{y}_i$. С этим связаны и различия в названиях составляющих общей суммы квадратов. Для регрессионных моделей предсказанное значение вычисляется по уравнению регрессии: $\hat{y}_i = f(x_i)$, поэтому $SS_{объясненная}$ называется для них $SS_{регрессии}$. В частности, для уравнения *регрессии линейной парной* (**см.**) доля Д.О. (коэффициент детерминации – **см.**) равна квадрату коэффициента линейной корреляции Пирсона r^2; для регрессии линейной множественной (**см.**) – квадрату коэффициента корреляции множественной R^2.

В анализе дисперсионном (**см.**) и корреляционном отношении $\hat{y}_i$ определяется как среднее арифметическое (**см.**) переменной y для той группы объектов, в которую входит объект с номером i. Поэтому $SS_{ошибки}$ в этих методах носит название $SS_{внутригрупповая}$, а $SS_{объясненная}$ – название $SS_{межгрупповая}$.

О.В. Терещенко

ДИСПОЗИТИВ (франц. dispositif – порядок, расположение как "диспозиция", а также устройство, механизм) – термин социально-философской концепции Фуко (**см.**), фиксирующий систему стратегических ориентиров целеполагания, задаваемую характерным для того или иного социума комплексом "власти – знания" и выступающий матрицей конфигурирования культивируемых этим обществом практик. Д. конституируется в качестве целого инварианта типовых для соответствующей культуры стратегий осуществления политической и когнитивной практик и может быть выявлен при анализе фундирующего эту культуру комплекса "власти – знания".

Основой Д. выступает, по Фуко, "стратегический императив", сохраняющий внутри каждой конкретной культуры свою идентичность, несмотря на возможные "игры, перемены позиций, изменения функций", которые в процессе функционирования Д. могут иметь место.

Статус Д. может быть представлен как принципиально амбивалентный, причем это касается как способа его существования, так и связанных с ним отношений детерминации. Во-первых, Д. конституируется в рамках комплекса "власти – знания", являясь не столько отдельным его компонентом – наряду со знанием и властью, – сколько основанием общности последних, делающим возможным их объединение в системное целое. Во-вторых, система детерминационных связей, в которые погружен Д., также может быть рассмотрена с точки зрения его амбивалентности: с одной стороны, Д. воспроизводит в своем императиве сложившуюся в обществе конфигурацию осуществления власти, с другой – сам, в свою очередь, выступает глубинной матрицей конфигурирования властных отношений. Аналогичными двусторонними отношениями детерминации Д. связан и с базовой стратегией типо-

вых для данного социума когнитивных практик, которые в связи с ним "возникают, но не в меньшей мере его и обусловливают" (Фуко). Иначе говоря, "вот это и есть Д.: стратегии силовых отношений, которые и поддерживают различные типы знаний /равно как и власти. – *А.Г.*/ и поддерживаются ими" (Фуко).

Власть, таким образом, не конституируется в качестве "центрированного, субстанциального феномена", но реализует себя именно посредством функционирования соответствующего Д., пронизывающего собой все уровни и формы отношений: "на самом деле власть – это... пучок – более или менее организованный, более или менее пирамидальный, более или менее согласованный – отношений", силовой характер которых отнюдь не предполагает "фокусировки... в определенное время и в определенном месте на конкретном субъекте власти" (Фуко). Аналогично и познавательные процессы (на уровне своих глубинных целеполаганий) обусловлены выраженным в Д. изоморфизмом конфигураций властных и когнитивных полей соответствующей культуры: "знание сплетено с властью... оно лишь тонкая маска, наброшенная на структуры господства" (Фуко).

Так, например, дедуктивизм как важнейшая характеристика античной культуры оценивается Фуко именно в контексте его двойственных отношений детерминации с соответствующим Д.: "Можно сказать, что в античности имеешь дело с волей к правилу, с волей к форме, с поиском строгости. Как эта воля организовалась? Является ли эта воля к строгости лишь выражением некоторого функционального запрета? Или, напротив, она сама была матрицей, из которой затем выводились некоторые общие формы запретов?" Именно в силу своей детерминированности со стороны Д. культивируемые в конкретном обществе практики (как в сфере политики и познания, так и в других сферах – не столь фундаментальных) реализуются в русле вполне определенного, хотя и не рефлексируемого мышлением повседневности, парадигмального контура.

Не объективируясь в эксплицитно сформулированный кодекс регламентаций, Д. тем не менее обнаруживает себя фактически во всех типичных для конкретного общества практиках, выступая в качестве фундаментального регулятора последних и не допуская их выхода за пределы заданной наличным комплексом "власти – знания" рамки. Функционирование Д. в конкретных культурных сферах определяется такими его параметрами, как: 1) стратегическая природа; 2) векторная направленность действия; 3) силовой характер. Д. реализуется в "определенного рода отношениях силы... рациональном и координированном вмешательстве в эти отношения силы, чтобы либо развернуть их в определенном направлении, либо блокировать их, либо стабилизировать" (Фуко). Специфика осуществления этого регулирования зависит от конкретной ситуации и может безгранично варьироваться с точки зрения механизма своей реализации.

Сущность Д., однако, не может быть понята через эти его ситуативно плюральные воплощения и исчерпывающе сведена к ним – Д. конституирует себя за ними – как неочевидный инвариант их нормативно-ригористического потенциала, почерпнутого из комплекса "власти – знания". (См. **Фуко.**)

В целом, творческий метод Фуко правомерно сводим к движению от публичных дискурсов-знаний к скрытым, подлежащим реконструированию, дискурсам-практикам и от них обоих к таким социальным практикам, которые позволяют понять, как интересующее исследователя явление (например, секс или безумие) конституируется, существует, трансформируется, вступает во взаимоотношения с другими явлениями. И, наоборот, этот метод реконструирует движение от соответствующих социальных практик к скрытым и публичным дискурсам.

В онтологическом измерении этот метод Ф. и схватывается термином "Д." (В.М. Розин). "Что я пытаюсь ухватить под этим именем, – писал Ф., – так это, во-первых, некий ансамбль – радикально гетерогенный, – включающий в себя дискурсы, интуиции, архитектурные планировки, регламентирующие решения, законы, административные меры, научные высказывания, философские, но также моральные и филантропические положения, – стало быть: сказанное, точно так же, как и не-сказанное, – вот элементы диспозитива. Собственно диспозитив – это сеть, которая может быть установлена между этими элементами. Во-вторых, что я хотел бы выделить в понятии диспозитива – это как раз природа связи между этими гетерогенными явлениями. Так, некий дискурс может представать то в качестве программы некой институции, то, напротив, в качестве элемента, позволяющего оправдать и прикрыть практику, которая сама по себе остается немой, или же, наконец, функционировать как переосмысление этой практики, давать ей доступ в новое поле рациональности. Под диспозитивом, в-третьих, я понимаю некоторого рода – скажем так – образование, важнейшей функцией которого в данный исторический момент оказывалось: ответить на некоторую неотложность. Диспозитив имеет, стало быть, преимущественно стратегическую функцию".

Употребление Фуко терминов "дискурс" и "Д." именно в таком значении и в рамках такого подхода позволило связать в единое целое эпистемологические планы осмысления мира (дискурсы-знания), анализ деятельностных и общественных контекстов и условий (дискурсы-властные отношения и дискурсы-практики), а также дескриптивное и компаративное описание текстов (дискурсы-правила). Тем самым Фуко закладывает основания для иной, новаторской схемы организации социально-гуманитарных дисциплин.

А.А. Грицанов

ДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ, дисциплина (лат. disciplina – учение) – совокупность процессов и результатов организации, структурации, социализации, институционализации теоретических знаниевых практик как предустанавливающих нормированный, санкционированный и легитимный порядок мышления и вытекающих из этого порядка действий (деятельности) в конкретных предметно-проблемных областях (отраслях) познания.

Как особая форма организации знания в культуре Д. впервые оформляется в античности (древняя Греция) в виде целостности (совокупности) философских дискурсов и характеризует в последующем познавательные практики европейской культуры: как "нетрадиционные" по отношению к иным типам социальности, как автономные от непосредственной профессионально-практической деятельности по усвоенному образцу и традиционно передаваемым нормам ("правилам") ее осуществления, как "понятийно-универсальные", исходящие из приоритета слова-логоса-номоса (закона) над "делом". Статусом Д. обладают европейский тип философии, теология

и наука (внутри которой явно выделяются собственные дисциплины).

В философии и социологии науки (см.) сложилась тенденция ограничивать понятие Д. только совокупностью научных способов познания и рассматривать отдельные науки как самостоятельные дисциплины. Как реализацию знаниевого компонента в социальной жизни можно истолковать и иное употребление термина Д. как фиксирующего обязательность подчинения "всех" (социум, социальные общности и группы, индивиды) установленному порядку (нормам, правилам и т.д.), обеспечивающему организованность, структурированность, согласованность и ожидаемость взаимодействий внутри социальной целостности (как в ее статике, так и в ее динамике, процессуальности), что обеспечивается как "внешними" (принуждение), так и "внутренними" (интериоризация норм и т.д.) механизмами поддержания Д. в обществе. В этом своем понимании Д. может истолковываться как в том числе и компонент теоретических познавательных практик. Однако по сути это разные употребления термина.

В качестве теоретической, Д. выступает как принцип, способ и механизм: 1) поддержания (воспроизводства и трансляции во времени) выработанного в культуре необходимо-избыточного массива знания; 2) его фрагментации на программы, подлежащие реализации в тех или иных социальных деятельностях (т.е. обеспечения перевода знания из знаково-культурной в социокультурную плоскость общественной жизни, из познавательно-коммуникационного – в деятельностное пространство, из "внеличностной" формы существования знания – в личностную и наоборот) с удержанием общей целостности знания внутри культуры; 3) обеспечения прироста нового знания (инноватика трансмутационного режима существования знания, "провоцируемого" нестандартностью и многообразием социокультурных ситуаций его "употребления"), постоянного наращивания его "фрагментов", требующих своей институционализации и социализации в уже существующем знании. Во многом именно неспособность традиционных культур и социальностей (обществ "восточного" типа) справится с проблемой трансмутации (экспоненгного приращения) знания и породила феномен Д. Дисциплинарная организация и структурация знания позволила снять ряд ограничений на продуцирование новых когнитивных содержаний, связанных с "вместимостью" памяти субъекта и ограниченностью возможностей существовавших каналов трансляции знания, акцентированных на его непосредственную передачу "из рук в руки" (от учителя к конкретному ученику), а также с запретом на нарушение "нормы", традиции (этот запрет в Д. сменяется прямо противоположным запретом на повтор-плагиат, обеспечиваемый соблюдением принципа приоритета). Фактически Д. реализует (воплощает в себе) универсально-понятийный социокультурный код работы со знаковой реальностью (через воплощение знания в тексты или акты речи как конечные фрагменты, формализующие смысл), теоретически "сжимая" информацию-знание благодаря его облечению в абстрактные формы (понятия, категории и т.д.) и обоснованию его отсылкой ко всеобщему, абсолютному (генерирующему, порождающему) началу-принципу (в качестве которого могут выступать Бог, природа, гипер- или интертекст, истина или догма, авторитет и т.д.). Это исходно предполагает отделение знаниевых практик от ситуации здесь-и-сейчас-деятельности (слитность которых характерна для основных практик "классических" традиционных социумов-культур). Теоретическое "сжатие" противопоставляется традиционным механизмам "вытеснения" и "забывания" ненужного и избыточного для социокультурных практик знания, что позволило освободить "место" (в "головах" субъектов и каналах трансляции) для вводимого через ритуал нового знания. Оно переносит операции такого рода в принципиально иное (знаковое, языковое, коммуникационное, текстовое) пространство, в котором организуются две взаимосвязанные новые познавательные практики: а) историческая практика, простраивающая взаимосвязь "содержаний" в модусах прошлого-настоящего-будущего, осуществляя их селекцию, интерпретацию и универсализацию через организацию системы отсылок на эти "содержания" (сеть цитирования, "переживающая" владельцев "текста"); б) ревизирующая и перестраивающая (через деконструкцию) по какому-либо структурирующему основанию сеть цитирования концептуально-теоретическая деятельность, различающая индивидуальные "вклады" ("творческие вставки") конкретных субъектов, определяя их "удельный вес" в массиве накопленного знания. Тем самым дисциплина порождает и поддерживает внутри себя (через историческую и концептуально-теоретическую номотетику) собственный тип рациональности, служащий основанием структурно-организационных построений той или иной дисциплины на основе собственных критериев целостности, полноты, непротиворечивости, простоты, определяющих, в конечном итоге, какие различения могут быть утрачены в исторической перспективе и по каким основанием будут генерироваться различения в перспективе концептуально-теоретической (что в свою очередь делает некоторые различения несущественными для временной трансляции). Таким образом, далеко не все внутри дисциплинарных "видений" и "горизонтов" подлежит социализации и, соответственно, институционализации.

В методологии и социологии науки в качестве инвариантных компонентов любой дисциплины рассматривают: 1) массив накопленного в ней знания, понимаемый как сделанные в нее "вклады" – результаты (вектор в прошлое дисциплины); 2) существующее дисциплинарное сообщество, дифференцированное (статусно и организационно) внутри себя (настоящее дисциплины); 3) предметно-проблемное поле поисков дисциплинарных результатов, или предмет (вектор в будущее дисциплины); 4) механизм социализации (и институционализации) добытых "вкладов", их признания и ввода в массив накопленного знания (их перевод в область "решенных вопросов"); 5) институционализированные механизмы подготовки кадров через приобщение неофитов к наличному массиву знания и принятым в дисциплине правилам деятельности (система университетского образования, например); 6) систему ценностей, традиций, правил деятельности – этос дисциплины; 7) сложившуюся сеть цитирования, постоянно деконструируемую и вновь конструируемую через вписываемые новые "вклады", систему вновь делаемых отсылок, а наиболее радикально – через изменение структурирующих критериев внутри массива знания; фактически она является пространством координат, ориентиров, шкал измерения, векторов наибольшего приложения усилий; 8) собственно дисциплинарную деятельность по воспроизводству, сохранению, наращиванию, переструктурации дисциплинарной целостности; в значительной степени это не деятельность как таковая,

а коммуникация, частично "мимикрирующая" и институционализированная как деятельность (именно коммуникация прежде всего и есть "место" операций со знанием). Внутри дисциплинарной деятельности (как коммуникации) формируются обязательные (Исследователь, Теоретик, Историк, Учитель...) и факультативные (Эксперт, Оппонент, Рецензент, Редактор, Референт, Популяризатор...) институционализируемые внутри сообщества фигуры-субъекты. Фигура Теоретика в зависимости от типа Д. конкретизируется и институционализируется как Философ, Теолог или Ученый. Взаимозависимость и взаимообусловленность этих персонажей и символизируемых ими дисциплинарных дискурсов впервые достаточно четко были артикулированы О.Контом (см.) в его "законе трех стадий", в котором социальная история трактуется как интеллектуально-дисциплинарная история прогрессирующей смены религии (теология) метафизикой (философия), на смену которой в свою очередь приходит позитивизм как система "позитивного, неспекулятивного знания" о мире (наука). Тем самым наука провозглашалась высшим типом Д., что в сциентистски ориентированной традиции и привело, в конечном итоге, к ее пониманию как единственно возможной дисциплины (соответственно, вырабатываемое внутри науки представление о рациональности отождествлялось с рациональностью как таковой). Этот тезис оппонировался как со стороны теологии (в том числе и в своеобразном "деизме наоборот": когда различение науки и теологии осуществлялось не для "выгораживания" места для науки, а в ракурсе совместимости научных дискурсов с теологическими), так и в философии (разведение неокантианцами частных научных дисциплин с философией как предельной самореференцией культуры). Но уже в абсолютном идеализме и неогегельянстве философия выступила с критикой науки как ограниченного типа знания и утверждением недостаточности сциентистского типа Д. для описания современной культуры. Линия критики науки как дисциплины в традиции философии жизни привела, с одной стороны, к отрицанию примата знания над жизненными практиками в целом, а с другой (у О.Шпенглера) – к тезису о различии типов рациональности в различных цивилизациях и постановкой под вопрос исключительности и универсальности европейских дисциплинарных практик. Первую программу синтеза разных дисциплинарных дискурсов (научного, философского и теологического) как условие целостного описания человека, понимания его места в мире выдвинула философская антропология (первая формулировка у Шелера). К осознанию "неуниверсальности" дисциплинарных дискурсов, их "неавтономности" и тотальной "идеологизированности" пришел в своей социологии знания (см.) Манхейм (см.) (для социологии знания проблематика Д. вообще стала одной из конституирующих ее саму как специфичекую область метатеоретических познавательных практик). С необходимостью пересмотра представлений о науке (а следовательно, о природе Д. как таковой) столкнулась и сама аналитическая философия. Это привело к манифестированию ряда новых программ понимания научных теоретических практик в постпозитивизме, а в лице А. Койре – к концепции единства науки, философии и религии (теологии) внутри культурного целого, их различном конфигурировании, адекватном интеллектуальным и духовным контекстам эпохи.

В истории российской философии и социологии науки аналогичный круг идей развивал Петров (см.), создавший свою концепцию происхождения разных типов дисциплинарного знания и роли каждого из них в культурном развитии Европы. В качестве различающих критериев Петров рассматривал прежде всего специфику верификационных (и аналогичных им) процедур в разных дисциплинах. Так, согласно его концепции, философия в отличие от теологии и науки не имеет своих собственных механизмов верификации, прибегая иногда к заимствованиям или в науке, или в теологии. Кроме того, отсутствие процедур верификации не позволяет провести внутри философии иерархическую структурацию наличного знания (позже качество "сопротивления" иерархизации было осмыслено как принципиальная поливариантность в гуманитарном знании, которое в целом (особенно в постклассической фазе) обнаружило тенденцию скорее к концептуальному (паттерному), чем собственно теоретико-научному оформлению). Далее, философия периодически обнаруживает внутри себя импульсы к "выходу" за пределы собственной Д., с одной стороны, а с другой – вырабатывает практики, оспаривающие продуцируемую ею рациональность – традиция так называемого иррационализма, мистицизм и интуитивизм как "познавательные" стратегии. (В теологии противоречащие ее рациональности тенденции табуируются догматикой или "изгоняются" за пределы ее Д. как "ересь".) И хотя и в науке, и в теологии собственно метатеоретические уровни знаниевых практик также не имеют непосредственных верификационных механизмов, отсутствие таковых в философии позволяет классифицировать ее как "незавершенную" или "нестрогую" Д. В то же время структуры и характер верификации в теологии и в науке принципиально отличны друг от друга. Верификация в теологии является одновременно и объяснением, она обращена в прошлое и оформлена как ссылка на текст (например, Библию), который выступает как первопричина всего простраиваемого знаниевого дискурса и полностью им освящается. В теологии нет запрета на повтор в верификации [можно ссылаться на одно и тоже место текста (без учета всех прошлых обращений к нему) для обоснования самых разных "содержаний"]. В науке же процедуры объяснения (вектор в прошлое дисциплины) и процедуры верификации (вектор в будущее дисциплины) принципиально разведены, при этом верификация оформляется как ссылка на предмет (природу), как источник истинности и адекватности знания. В науке имеет место так называемый эффект ретроспективы: верификация в ней предшествует объяснению, т.е. будущее предшествует прошлому. В том числе и благодаря этому в европейской культуре оказалось возможным конституировать как ряд "практических" профессиональных дискурсов, связанных с просчетом будущих рисков (предприниматель, банкир, менеджер и т.д.), так и специфические культурные технологии проектирования и программирования (а также прогнозирования и планирования) как отличающие именно европейские типы социальности. Важно отметить, что различные типы дисциплин не только комплексируются друг с другом, но и конфигурируют разные свои сочетания и способны "перетекать" друг в друга. Так, философия содержит в себе возможности "ходов" и в теологию, и в науку. Теология оказалось способной в свое время взять философию к себе "служанкой". В теологии содержался (выработался внутри нее) импульс к порождению опытного естествознания. В этой связи Петров, в частности, исследует Никейский символ веры, разработку Уильямом Оккамом субъект-объектной схемы, разные решения, дававшиеся в схоластике взаимоотношениям и самому

пониманию составляющих триад "Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой", "до вещей – в вещах – после вещей" (в частности, два познавательных ряда Фомы Аквинского: божественный "до вещей": интеллект-образец-вещь; человеческий "после вещей": вещь-образец-интеллект), "духовный-душевный-плотский", онтологическое доказательство бытия Бога (конституировавшееся от Иоанна Скота Эриугены до Ансельма Кентерберийского) и т.д. Особое значение для возникновения опытного естествознания имело, согласно Петрову, исходное выведения Бога (как непосредственного источника) за скобку текста Библии и последующее возникновение метафоры аналогии "природы как книги" (как поэтический штамп выражение "книга природы" было употреблено Аланом Лилльским в 12 в.), а также разделение теологии на "теологию откровения" и "естественную теологию" как непосредственный праобраз ("тренажер") естествознания. Во взаимопроникновении Д. друг в друга во многом "повинна" лишь по-разному стратегически оформляемая общая для них исходная установка "творения мира по слову" (варьируемая как: "не из деятельности сказанное", "должное есть основание для сущего", "не от себя сказанное"), подкрепляемая Абсолютом Логоса (Космоса), Библии (Бога), Эксперимента (Природы), реализуемая в отчуждении личного "вклада" в качестве публикации, диссертации, диспута и т.д. и отыскании ему места в массиве знания, замкнутого на Абсолют. Однако анализ типов дисциплин (особенно научных) выявил и иную тенденцию в их развитии – тенденцию к "замыканию" их дискурсов на себя внутри дисциплинарных массивов. В этом отношении дисциплину можно трактовать как практики "вычленения" идеального и его редукции к мышлению, оформляемому определенным образом в языке, логике, предметности, парадигмальности [наиболее хорошо эти процессы прослежены в стратегиях оформления науки в виде генерализируемых в мере своей абстрактности (универсальности) теорий]. Как продуцируемые в рамках этих стратегий тексты, так и само "правильно организованное" мышление имеют тенденцию к автономизации и автоматизации, начиная функционировать для поддержания все возрастающей собственной сложности в режиме "машинерии", утрачивая первоначально породившие их импульсы и смыслы (ср. с формально-рационализированной системой бюрократии, "бюрократической машиной").

Отсюда стремление в постклассической методологии к поиску "деблокирующих", "размыкающих", "открывающих" дисциплинарные дискурсы механизмов как за счет "размывания" границ между Д. (в частности, посредством релятивизации жесткого "принципа демаркации" научного и ненаучного знания, сформулированного Поппером), так и изменения представлений о самой природе Д. Тем самым, во-первых, конституируется установка на синтетичность современных систем знания в противоположность прежней установке на аналитическое расчленение дисциплины, трактуемой как влекущая за собой операционализацию мышления (и деятельности) и его "замыкание на себя". В этой связи возникли многочисленные проекты как внутринаучных синтезов дисциплин, так и акцентирование роли философии в качестве "предельной саморефлексии культуры", способной: 1) работать не только с "организованным мышлением", но и с сознанием и бессознательным, блокируя тем самым редукцию идеального к процедурам мышления; 2) играть роль механизма "открывания" дисциплин друг в друга (во многом именно за счет своей "недостроенности" как дисциплин, что ранее рассматривалось в сциентистской традиции как ее "родовой" недостаток). Во-вторых, важную роль сыграла экспансия разработок методологии науки в сопредельные области. Так, специальному анализу были подвергнуты как субструктурные (концепция личностного знания Полани), так и суперструктурные (концепция научных парадигм Куна) подуровни теоретических (первоначально научных) познавательных практик. Тулмином была предложена программа, снявшая редукцию рационального к логическому, в которой рациональное стало пониматься как исторически обусловленные, социокультурно нормированные и санкционированные допустимые (легитимные) способы и методы переоценки принятых внутри той или иной дисциплины интеллектуальных стандартов и позиций. Холтоном были сформулированы принципы тематического анализа дисциплин как выявления их "сквозных" тем, а И. Лакатосом (**см.**) – идея научно-исследовательских программ, переформулированная Д. Блуром (**см.**) в идее "сильных" программ, усилившей отсылки к социокультурной и событийной обусловленности познавательных стратегий. Важное значение в этом отношении имела разработка предложенного М. Полани (**см.**) термина "научное сообщество". Так, Т. Кун (**см.**) в этом ключе переосмыслил понятие парадигмы как управляющей "не областью исследования, а группой исследователей", что способствовало конституционализации понятия "дисциплинарной матрицы" как упорядочивающей дисциплину структуры, включающей в себя: 1) символические обобщения (логика и язык), 2) метафизические допущения (концептуальные модели), 3) ценности, 4) образцы (парадигма в узком смысле слова). Все эти изменения в понимании характера дисциплины вели к отказу от ее трактовки как стремящейся в идеале воплотиться в форму научной теории, к признанию адекватности ей форм концепции (паттерна), к трактовке ее как способов описания культуры. Последующий шаг в направлении универсализации понятия "дисциплина" был сделан в постструктурализме. Дисциплины стали пониматься как механизмы генерации различных взаимосвязанных внутри целого (гипер- или интертекстов) дискурсивных стратегий, к которым фактически редуцируется вся социальная жизнь; как предустановленный порядок мышления и деятельности вообще (включая и "практический" уровень ее реализации), как целостность "дисциплины знания" и "дисциплины тела", что фундировалось постструктуралистской установкой на преодоление редукции подлежащей исследованию проблематики только к "содержаниям" сознания. Аналогичную установку на "возвращение тела" развивала и философская антропология, но если благодаря этому она восстанавливала в правах целостность субъекта, человека как исходную точку синтетического мира, то постструктуралистская перспектива привела прямо к противоположному результату – утрате субъекта как такового и признанию организующей (учреждающей) власти анонимных дисциплинарных дискурсов как таковых.

Наиболее всесторонне этот комплекс вопросов в связи с понятием "дисциплина" обсуждался в работах М. Фуко (**см.**). Исходным для движения в этом направлении у него явилось понятие эпистемы как предельной для каждой конкретной эпохи рамки, общего пространства производства дисциплинарных дискурсов знания, задающего способы "бытия порядка" как такового, организованного в соответствии с опреде-

ленными взаимосоотносимыми кодами восприятия и конструирования, собственно и задающими "человеческую размерность" миру. Конституирующим принципом эпистем, основанием производства социальных и познавательных практик выступает соотношение между "словами" и "вещами", которое принципиально сокрыто от непосредственного наблюдателя и может быть реконструировано лишь в ретроспективе методами "археологии знания". Однако окончательная радикализация проблематики была осуществлена в работах позднего Фуко (периода "генеалогии власти") и связана с понятием "комплекса власти-знания", который в редуцированном виде воспроизводится в каждой из дисциплин, во всех дисциплинарных дискурсах. Являясь проявлением анонимной, диффузной и дисперсной власти "культурного бессознательного", Д. учреждает и организует телесную и ментальную индивидуальность. При этом "дисциплина тела" понимается как "метод, который делает возможным детальнейший контроль над действиями тела, обеспечивает постоянное подчинение его сил и навязывает ему отношения послушания-полезности"; а "дисциплина знания" как "принцип контроля над производством дискурса", поддерживающий его идентичность и ограничивающий случайность его события посредством "постоянной реактуализации правил". Следовательно, дисциплина имеет амбивалентный характер: не только негативный (подчинение, ограничение, контроль), но и позитивный, побуждая действовать (мыслить) в определенных рамках, позволяя "конструировать, но с рядом ограничений".

Возникновение Д. и основанных на ней "дисциплинарных обществ" происходит, согласно Фуко, в "классическую эпоху"; в которую "родился человек современного гуманизма", и "произошло открытие тела как объекта и мишени власти". При этом может быть прослежена схема последовательной смены разных типов обществ (аналогичная схеме исторического развития: традиционное общество – индустриальное – постиндустриальное), где "властительное общество" (власть над смертью, сбор налогов, тело как собственность, простейшие механизмы, такие как рычаг, тяги, часы) сменяется дисциплинарным (построенным по принципам дискретности, индивидуальности и универсального образца и использующим энергию), которое в свою очередь предшествует "обществу контроля" (отличающемуся хаотизацией, континуальностью, фрагментированием – "дивид", а не "индивид", "целостность" которого поддерживается только цифровым кодом доступа и личным номером, а также работающим со знаками). Отличаясь от рабства, вассалитета и монастырского аскетизма, Д. ориентирована на "экономическую эффективность", "администрирование жизни", на детальную и непрерывную организацию своих объектов. Как механизм формирования индивидуальности (клеточной, органической, генетической и комбинированной), дисциплина осуществляется (воплощается) посредством соответствующих механизмов – структурирования пространства (1), кодировки деятельностей (2), организации генезисов (3) и сложения сил (4).

В частности, "игра пространственного распределения", отвечающая за формирование аналитической "клеточной индивидуальности" (1), использует метод таблицы, присущий как сугубо научным дискурсам, так и совокупности политических, военных, школьных и больничных уставов. Таблица в таком случае является механизмом "обработки множественности как таковой, извлекая из нее максимум полезных сведений". Дисциплина табулирует пространство "отгораживанием", результатом чего являются территории, пространства-заключения, такие как тюрьма, школа, завод, больница и т.д. Внутри отгороженных территорий осуществляется распределение индивидов по клеткам-камерам – рабочее место, больничная палата, класс. Кроме того, такая локализация (нуклеаризация) индивидов должна быть максимально специализированной и функциональной, что обеспечивает эффективность действий тела и делает возможным постоянный надзор за ним. Наконец, дисциплина помещает тела в сеть отношений, приписывая каждому телу определенный ранг, включая его в определенную иерархию. Механизм кодирования деятельностей формирует органическую индивидуальность (2), помещая тело в рамки анатомо-хронологической схемы поведения. Формируется тело как организм (ср. концепцию "тела без органов" Делеза и Гваттари). Время делится на повторяющиеся циклы (например, расписание занятий, распорядок дня) и все более детализируется, разбиваясь на все более короткие отрезки. Время проникает в тело – происходит так называемая корреляция тела и жеста, телу приписывается определенная длительность и последовательность действий. Действия строго регламентированы, что обеспечивает принудительную связь тела с производством вообще, и (или) с манипулируемым объектом – продолжением тела, его органом, в частности. В итоге, дисциплина ориентирована на исчерпывающее использование тела, т.е. действует принцип антипраздности. Генетическая (историческая) индивидуальность (3), учреждаемая "аналитической педагогикой", сопряжена с концепцией линейного дискретного времени индивида. Длительность (также становление, взросление, образование) распределяется на ряд последовательных отрезков (этапов, серий), в каждом из которых тело принуждается к постоянным упражнениям, которые формируют определенные навыки, необходимые для перехода на следующий этап. Серии организованы по аналитической схеме от простого к сложному таким образом, чтобы сохранялась возможность постоянного контроля и вмешательства в формах исключения, разделения, наказания и т.д. Завершение каждого из отрезков знаменуется экзаменом, определяющим, во-первых, способности индивида (меру упражненности его тела) и, во-вторых, соответствие этих способностей требуемой норме и уровню обученности других. Техника экзамена связывает дисциплинарное знание (знание как дисциплину) с той или иной формой отправления власти. Являясь проявлением анонимной и дисперсной власти, экзамен делает видимым индивида, превращая его в объект знания и объект власти. "Экзамен – своеобразная церемония объективации". Кроме того, экзамен помещает индивида в детализированный документальный архив, своеобразную хронологическую классификацию, что привязывает индивида к истории. Наконец, комбинированная индивидуальность (4), образованная сложением множества сил, представляет собой не что иное, как эффективную социальную машину. Единичное (сингулярное) становится деталью и хронологической программой, которую необходимо соединить с другими деталями и программами. Функционирование социальных аппаратов, построенных на принципах дисциплинарной власти, с необходимостью требует четкой системы командования и как следствие порождает кибернетические системы. Как принцип контроля над производством дискурса, Д. отличается как от принципа автора, который воспроизводит авторскую иден-

тичность, так и от принципа комментария, заново открывающего первоначальный смысл. Это совокупность правил и положений, образующих анонимную систему знания и позволяющих конструировать новые высказывания. Дисциплина относится к определенному плану объектов реальности, выраженных в определенном языке (с помощью концептуальных и технических средств), и, помимо этого, вписывается в определенный теоретический горизонт, актуальную и проблемную область познания. Подобно "дисциплине тела", "дисциплина знания" (соотносясь с ней в рамках общей дисциплинарной целостности) отграничивает особое теоретическое пространство, которое наделяется значением "истинного", в противовес "ложному", тератологическому пространству незнания и (или) анти-знания (т.е. пространству "сна разума", порождающему "теоретических" и "методологических" бестий, чудовищ и химер, например, в ересях и "лженауках"). Дисциплинарное высказывание может быть ошибочным (флогистон, теплород и т.п.), но в соответствующей исторической ситуации необходимо противопоставляется высказываниям недисциплинарных пространств. Тем самым и осуществляется контроль над производством дискурса: дисциплина делает видными только те дискурсивные события, которые произведены по правилам Д., т.е.: 1) соответствуют правилам дискурса; 2) подчиняются дискурсивным ритуалам (квалификация, коммуникативная позиция, жесты и поведение, задающие "предполагаемую или вменяемую силу слов – их действие на тех, к кому они обращены, и границы их принудительной силы"); 3) принадлежат дискурсивным сообществам, в которых обеспечивается циркуляция дискурсов в "закрытых пространствах" и осуществляется их распределение таким образом, "чтобы их владельцы не оказались лишены своей собственности самим этим распределением"; 4) социально присваиваются и закрепляются на макроуровне общества посредством главным образом системы образования, которое "является политическим способом поддержания или изменения форм присвоения дискурсов – со всеми знаниями и силами, которые они за собой влекут". Таким образом, в перспективе постструктурализма дисциплина была переистолкована не просто как специфически европейская по происхождению структурная организованность познавательных теоретических практик, но как универсальный конституирующий механизм культуры как таковой (ее археология и генеалогия), "надзирающий" и "наказывающий" (Фуко) механизм производства социальности. В частном случае, это сделало несущественным и классическое раздельное применение термина "дисциплина", в котором Д. противостояло понимание дисциплины как необходимости подчинения всех определенному социальному порядку. См. также: **Наука, Философия, Теория, Концепция, Концептуализация, Концепт.**

В.Л. Абушенко, Н.Л. Кацук

ДОБРЕНЬКОВ Владимир Иванович (р. 1939) – российский социальный философ и социолог. Окончил философский факультет Московского государственного университета (1966) и аспирантуру МГУ (1969). С 1980 – доктор философских наук, профессор. С 1969 Д. постоянно трудится в Московском университете: ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор, заведующий кафедрой истории социологии философского факультета (1985-1989), заведующий кафедрой истории и теории социологии социологического факультета (с 1989 по настоящее время). Опубликовал около 100 научных работ, в т.ч. 4 монографии, учебники и учебные пособия. Его труды переведены на английский, немецкий, португальский языки. Д. – академик Академии социальных наук РФ, академик Международной академии информатизации. За время работы в МГУ Д. прочитал и читает основные курсы лекций: "История и теория социологии", "Социальная психология", "Социология религии", "Методика и техника социологических исследований". Подготовил 3 докторов и 45 кандидатов наук. Д. с 1989 возглавляет Учебно-методическое объединение университетов России по специальностям "Социология", "Социальная антропология". Под его научно-методическим руководством разработана концепция высшего профессионального образования, разработаны и опубликованы планы, программы и государственные стандарты подготовки бакалавров, специалистов и магистров социологии. Д. – член Ученого совета МГУ, председатель Ученого совета социологического факультета, председатель специализированного совета по защите докторских диссертаций по социологическим наукам, член президиума Академии социальных наук Российской Федерации, вице-президент Российского общества социологов и демографов, главный редактор реферативного журнала РАН "Социология", главный редактор журнала "Вестник" Московского университета. Серия "Социология и политология", главный редактор международного научного журнала "На рубеже веков".

Д. в течение ряда лет исполнял административную работу в Московском университете: зам. проректора по учебной работе на гуманитарных факультетах (1978-1983), проректор-директор Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при МГУ (1983-1986), проректор МГУ по учебной и научной работе на гуманитарных факультетах (1986-1992). Награжден орденами Дружбы народов (1980), Трудового Красного Знамени (1986), Почета (1998), медалями, знаком "Почетный работник высшего профессионального образования России" (1998). Ученый совет МГУ присвоил Д. почетное звание "Заслуженный профессор Московского университета".

ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ ИНТЕРВАЛ – интервал, который строится по данным выборочного исследования для оценивания параметра генеральной совокупности (**см.**) (см. **Статистическое оценивание**). Предполагается, что значение параметра с заданной доверительной вероятностью находится в этом интервале. Доверительная вероятность, которую принято обозначать $(1-\alpha)$, выбирается из стандартных значений 0,9; 0,95; 0,99 и т.п. Вероятность того, что значение параметра находится вне пределов данного интервала (α), составляет, соответственно, 0,1; 0,05; 0,01 и т.п.

Д.И. вычисляется на основе значения соответствующей статистики выборочной (**см.**) с учетом свойств ее распределения. В частности, Д.И. для математического ожидания (**см.**) (среднего арифметического по генеральной совокупности) имеет вид:

$$\left(\bar{x} - z_{1-\alpha/2}\frac{s}{\sqrt{n}}; \bar{x} + z_{1-\alpha/2}\frac{s}{\sqrt{n}}\right),$$

где $\bar{x}$ – среднее арифметическое (**см.**) значение переменной, вычисленное по выборке;

s – стандартное отклонение (**см.**) переменной, вычисленное по выборке (см. **Показатели разброса данных**);

n – объем выборки;

$z_{1-\alpha/2}$ – доверительный коэффициент, соответствующий доверительной вероятности $(1-\alpha)$; для $\alpha=0{,}1$ доверительный коэффициент $z_{0{,}95}=1{,}64$; для $\alpha=0{,}05$ $z_{0{,}975}=1{,}96$; для $\alpha=0{,}01$ $z_{0{,}995}=2{,}58$.

Например, если для переменной "время, затрачиваемое на дорогу от дома до работы" по выборке из 100 человек $(n=100)$ среднее арифметическое составило $\bar{x}=40_{мин}$ и стандартное отклонение $s=10_{мин}$, то при доверительной вероятности $(1-\alpha)=0{,}95$ и соответствующем ей доверительном коэффициенте $z_{0{,}975}=1.96\approx 2$ Д.И. примет вид:

$$\left(40-2\frac{10}{\sqrt{100}};40+2\frac{10}{\sqrt{100}}\right)=(38;42).$$

Он интерпретируется следующим образом: среднее время, затрачиваемое на дорогу от дома до работы, по генеральной совокупности с вероятностью 95% составляет от 38 до 42 минут.

Точность оценки параметра посредством Д.И. характеризуется двумя величинами – половиной длины интервала и уровнем доверительной вероятности (для нашего примера это, соответственно, 2 минуты и 0,95). Длина интервала, в свою очередь, определяется стандартной ошибкой (**см.**) среднего арифметического $s/\sqrt{n}$ (чем она больше, тем длиннее интервал) и доверительным коэффициентом, значение которого зависит от выбранного уровня доверительной вероятности (чем он выше, тем больше доверительный коэффициент и длиннее интервал). Другими словами, повышая уровень доверия к интервалу, мы тем самым увеличиваем его длину и снижаем точность оценки. Поэтому единственным реальным механизмом, позволяющим повысить точность интервального оценивания, является снижение стандартной ошибки за счет увеличение объема выборки.

Д.И. могут строиться для любых параметров генеральной совокупности (вероятности положительных ответов, дисперсии, мер связи и т.п.), а также для случайной ошибки выборки (**см.**).

О.В. Терещенко

ДОЛЯ ОБЪЯСНЕННОЙ ДИСПЕРСИИ – см. **ДИСПЕРСИЯ ОБЪЯСНЕННАЯ.**

ДОСУГ – система различных видов человеческой деятельности (**см.**), ориентированная на реализацию разнообразных потребностей людей и осуществляемая в свободное время индивида. Проведение Д. способствует как процессам рекреации (**см.**) человека, так и удовлетворению его потребностей в межличностном общении (**см.**) и различных развлечениях.

В настоящее время в рамках социологических, социально-психологических и индивидуально-психологических исследований принято вычленять активные и пассивные формы проведения Д. В первом случае – это деятельностные разновидности Д.: творческие и любительские занятия, занятия физкультурой, а также активные формы межличностного и межгруппового общения. Во втором случае – это пассивное потребление различных культурных мероприятий и – особенно во второй половине 20 в. – потребление продукции средств массовой коммуникации (радио, телевидение, Интернет и пр.).

E. Tauber

ДРИДЗЕ Тамара Моисеевна (1930-2000) – российский социолог, доктор психологических наук, профессор, руководитель Центра социального управления, коммуникации и социально-проектных технологий Института социологии РАН. Основные работы (всего – более 170): "Организация и методы лингвопсихологического исследования массовых коммуникаций" (1979); "Язык и социальная психология" (1980); "Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологий" (1984); "Прогнозное социальное проектирование: методологические и методические проблемы" (1989); "На пороге экоантропоцентрической социологии" (1994); "Экоантропоцентрическая парадигма в социальном познании и социальном управлении" (1998) и др. Являлась одним из авторов всесоюзного проекта "Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни" (1981-1990).

Методы прогнозного социального проектирования, разрабатываемые в 1985-1995 Д., успешно применялись ею к анализу социальных оснований городского устройства. На этой базе были предложены меры по совершенствованию городского управления, разработан дифференциальный подход к изучению влияния особенностей местной среды на образ и качество жизни городских сообществ. Были также созданы и опробованы комплексные социально-диагностические технологии, методы социальной экспертизы градостроительных проектов и программ. В области методологии социологии организаций ею рассматривались не только естественнонаучные (детерминистские) модели, но и различные версии антропоморфных, антропоцентрических и деятельностных моделей организаций.

Д. является основателем лингвосоциопсихологии (шире – семосопсихология). Лингвосоциопсихология – наука о процессах функционирования текстов в обществе. В лингвосоциопсихологии рассматривается не формальная структура речи, а содержательная (информационно-смысловая) структура процессов текстообразования и самих текстов как продуктов этих процессов; не процесс речевого общения между конкретными индивидами, а более широкий контекст функционирования – функционирование информационно-смысловых единиц (текстов) в системе "общество – индивид" или "индивид – общество". Лингвосоциопсихология опирается не только на накопленный наукой знания о языке-речи, но и на знания о человеке как активном субъекте деятельности, который не только познает, но и творит окружающий его мир. Лингвосоциопсихология акцентирует свое внимание на подсистеме человеческой деятельности – деятельности текстовой. Особая роль этой деятельности состоит в том, что она не только сопутствует всем другим видам деятельности человека, пронизывая их, связывая их в единое целое, но и оказывается еще самостоятельно мотивированной и целенаправленной предметной деятельностью, существенно влияющей на образ жизни людей, на социокультурные процессы. Д. проде-

монстрировала на практике плодотворность своего теоретического и методического подхода. Д. разработала теоретический подход к анализу текста, наиболее адекватно отображающий основные семантические этапы, которые использует читатель или слушатель при смысловом восприятии текста. Данный метод анализа был формализован и операционализирован, может быть применен к практически любому тексту. Этот метод – информативно-целевой подход к анализу текста – является, видимо, лучшим из всех существующих методов содержательного анализа текста. Информативно-целевой (шире – мотивационно-целевой) подход к анализу текста Д. направлен на "реконструкцию" соотносимой с замыслом общения ориентировочно-деятельностной основы его содержательно-смысловой структуры, на прогнозирование его возможных смысловых интерпретаций. В отличие от распространенного предметно-содержательного анализа текста, по ходу которого важно ответить на вопросы: "О чем говорится в тексте?", "Что говорится?" и "Как говорится?", в ходе информативно-целевого анализа всем перечисленным выше вопросам предшествует вопрос: "Почему и для чего в тексте вообще что-то говорится?". Иными словами, прежде всего выясняются мотив и цель деятельности общения, в которой порождается и интерпретируется текст, а затем рассматривается тот материал (тема), на котором этот мотив и эта цель реализуются. Информативно-целевой анализ направлен во многом на выявление отрицательных эффектов смысловых разночтений – "эффект смысловых ножниц", который может быть описан как возникновение смыслового "вакуума", вызванного несовпадением смысловых "фокусов" общения в ходе обмена текстовой деятельностью. Этот эффект, отрицательно влияющий на межличностные, внутри- и межгрупповые связи, чреват серьезными социальными последствиями. Неадекватные интерпретации, по Д., – это неверно истолкованные научные концепции и искаженные литературные источники, это необоснованные решения и несогласованные действия, это простое отсутствие непонимания между людьми. Информативно-целевой анализ успешно применялся и применяется в социологических и психологических исследованиях процесса чтения, в психолого-педагогических исследованиях процесса обучения. Д. была предложена новая парадигма социального познания – "экоантропоцентризм". Данная парадигма исходит из того, что социальные институты общества представляют собой кристаллизацию непрерывно происходящего метаболизма (обмена веществом, энергией и информацией) между человеком и средой его обитания. Работающий в этой парадигме исследователь акцентирует свое внимание не столько на человеке и/или среде в их обособленности, сколько на тех обменных (метаболических) процессах, которые происходят между ними. Экоантропоцентрическая парадигма социального познания и получившая обоснование в ее рамках теория коммуникации как механизма становления, поддержания и развития культуры и социальности, будучи рассмотренными в прикладном разрезе (то есть применительно к разномасштабным социальным объектам – к социуму как таковому или микросоциуму, например, урбосистеме), по мнению Д., открывает новые возможности для диагностики, описания и регулирования социально значимых процессов. Об этом свидетельствует осуществленная в этом ключе разработка "мягкой" наукоемкой социальной технологии прогнозного (проблемно-ориентированного) социального проектирования. Эта технология, включающая в себя две взаимоувязанные стратегии – социально-диагностическую и конструктивно-коммуникационную, – интегрируются в процессы выработки решений на основе высокоразвитых форм социальной коммуникации, способствуя устранению существующего поныне разрыва между эмпирическими и теоретическими уровнями социального познания. См. также: **Интенциональный (мотивационно-целевой) анализ, Семиосоциопсихология, Экоантропоцентрическая социология.**

И.Н. Красавцева

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна (р. 1933) – российский социолог, специалист в области этносоциологии. Окончила МГУ (1956). Доктор исторических наук (1982), профессор (1986). В 1963-1969 – младший научный сотрудник Института истории АН СССР; в 1969-1981 – старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР; в 1982-1989 – зам. директора Института этнографии АН СССР; с 1986 – зав. сектором социально-психологических проблем национальных отношений Института этнологии и антропологии АН СССР.

В работах Д. вскрываются причины негативных тенденций в межэтнических отношениях, о значении иммобильности, социально-конкурентных ситуаций, культурном консерватизме; исследуются факторы, влияющие на межэтническое напряжение в разных социальных и демографических группах.

Д. одной из первых начала изучать этническое самосознание на личностном уровне, выделив идеологический и психологический факторы функционирования этнического самосознания и проанализировав механизмы, управляющие их динамикой. Ею выделены 5 типов национализма в РФ (классический, паритетный, экономический, защитный, модернизационный). Д. показала потенциал межэтнической конфликтности на личностном и групповом уровнях, осознание национальных интересов массами, их готовность к действиям разного типа во имя национальных целей и интересов.

Главные сочинения (всего – более 200): "История и социология" (1971); "Духовная общность советских народов" (1981); "Этносоциология: цели, методы, некоторые результаты. Учебник" (1984, соавтор); "Социально-культурный облик советской нации" (1986); "Русские: этносоциологические очерки" (1992, соавтор); "Национализм и национальное самосознание" (1994); "Демократизация и образы национализмов в республиках Российской Федерации" (1996, соавтор); "Этносоциология" (1998, соавтор) и др.

ДРЯХЛОВ Николай Иванович (р. 1932) – российский социолог, специалист в области теоретико-методологических проблем анализа больших социальных систем на основе исследования НТР, социологии труда и трудовых коллективов.

Окончил МГУ. Доктор философских наук (1976), профессор (1977). Заслуженный деятель науки РФ (1993). В 1988-1994 – зав. кафедрой социологии труда, зам. декана социологического факультета МГУ. С 1995 – профессор психологического факультета МГУ. Награжден знаком "За отличные успехи в работе". Д. проделал большую работу по созданию научных социологических подразделений и социологических факультетов в научных центрах Украины (Киев, Львов, Одесса), Белоруссии, Узбекистана, Киргизии, Казахстана.

Д. уточнил понятие "социальные системные качества", разработал категорию "полей взаимодействия" на основе

анализа связей в системах: "человек – труд – наука – техника", "производство – труд – наука". Способствовал восстановлению в правах понятий "предела" при изучении закономерностей социального развития. Этот подход позволил интерпретировать "технологические волны" Н.Д. Кондратьева (см.) как объективную цикличность научно-технического, технического и трудового процессов. "Поле взаимодействия" таких компонентов, как труд, техника, наука, производство, образует, по мысли Д., своеобразную "турбулентную" "экстремальную зону", в которой формируются возможные направления развития новых социальных качеств общества. Эта "экстремальная зона" действует как "детонатор", индуцируя процессы появления новых элементов и связей, на базе которых появляются различные качества социальной системы, умножающие или снижающие возможности ее потенциала.

Д. много внимания уделил проблемам социологии труда (см.). Им дано функциональное видение этого направления социологии науки, определена концепция социологии труда, ее насущных проблем. Под руководством Д. осуществлены социологические исследования на предприятиях, которые нашли практическое применение во многих отраслях народного хозяйства. Д. и Б. Князев – одни из первых в СССР дали социологическую трактовку трудового коллектива.

Главные сочинения: "Научно-техническая революция и общество" (1976, переведена на фр. и нем. яз.); "Категории исторического материализма" (1978); "Практикум по прикладной социологии" (1988, соавтор); "Социология труда" (1993, соавтор); "Марксистско-ленинская социология" (1989, соавтор); "Практикум по социологии" (1992, соавтор) и др.

ДУССЕЛЬ (Dussel) Энрике (р. 1934) – аргентинский философ, социолог, теолог, историк, одновременно представляет "философию и теологию освобождения". В его творчестве переплелись мотивы неомарксизма (см.), ориентированного на "позднего" К. Маркса (см.), М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Х .Ортеги-и-Гассета (см.), Э.Левинаса, "религиозной феноменологии", Ф.Фанона (см.), "философии латиноамериканской сущности", постмодернизма. Автор концепции "аналектики" как диалогического типа дискурса (см.), лежащего в основе преодоления тотальных отношений зависимости в философской и теологической практиках освобождения. Основа аналектики (как "философии американского", а не "американской философии") – концепт инаковости, задающий импульс движению латиноамериканской истории через порождение утраченной Западом "новизны". Однако при этом сам Д. признает, что он открыл Латинскую Америку в Европе. Учился в Католическом университете в Париже и в немецких университетах Мюнстера и Майнца, а также в Мадриде. В 1965 – лиценциат теологии (Париж), в 1967 – доктор истории (Сорбонна), в 1969 – доктор философии (Мадрид). Профессор Национального университета в Куйо (Аргентина) и Института СЕЛАМ (СЕЛАМ – Латиноамериканский епископальный совет) в Медельине. После военного переворота в Аргентине эмигрировал в 1970-х в Мексику, профессор УНАМ (Национальный автономный университет Мексики), периодически читал курсы в университетах стран Латинской Америки и Европы (Бельгия, Испания, Италия). Основные работы: "К деструкции истории этики" (1970); "Об аналектическом методе и латиноамериканской философии" (1973); "Латинская Америка: зависимость и освобождение" (1973); "Теология освобождения и этика" (1974, программная работа); "Теология освобождения и история" (1975); "Латиноамериканское освобождение и Э. Левинас" (1975, совместная работа); "Введение в философию латиноамериканского освобождения" (1977); "Философия освобождения" (1977, программная работа, которой предшествовала статья "Философия освобождения в Аргентине: приход нового философского поколения", 1976); "Пути латиноамериканского освобождения" (т. 1-3, 1973, 1974, 1978); "К этике латиноамериканского освобождения" (т. 1-2, 1973; затем они вошли в состав многотомника "Латиноамериканская этическая философия", 1978; т. 3, 1977; т. 4, 1979; т. 5, 1980); фундаментальный трехтомник (был задуман как четырехтомник), дающий собственную версию прочтения Маркса: "Теоретическое творчество Маркса. Комментарий к "Экономическим рукописям 1857-1859" (1985); "К неизвестному Марксу. Комментарий к рукописям 1861-1863" (1988); "Поздний Маркс (1863-1882) и латиноамериканское освобождение. Комментарий к третьему и четвертому томам "Капитала" (1990); "Апель, Рикёр, Рорти и философия освобождения" (1993) и др.

Исходная установка "философии американского" Д. – отстраивание себя по отношению к иному, а следовательно и его последовательная философская критика. В силу того, что это критикуемое "иное" доминантно в европейской философии как "онтология тотальности" (или "философия тождества"), отношение переворачивается: именно критика "тотальности"("тождества", не допускающего ничего вне себя) становится у Д. "иным" в пространстве существующих дискурсов как "маргинальное по отношению к центру", как "Инаковое", как открывающее "бесконечность Другого". "Тотальность" биполярна и поэтому допускает внутри себя противопоставленность "тождественности" и "другого" как "иного" (а тем самым и критицизма как философской позиции), но только как "различия" внутри себя самой. В социальном и культурном планах это отношение внутри тотальности можно описать в терминах господства и подчинения, угнетения и зависимости. Только "выход за предел" (ситуация Латинской Америки по отношению к Европе, "не-Запада" – включающего в себя в этом случае и Азию с Африкой, и даже национальные меньшинства Запада, т.е. Третий мир в целом – по отношению к Западу) способен превратить "критику" в Критику, "иное" в Инаковость, "другое" в Другого, что переводит дискурс и праксис зависимости и подчинения в дискурс и праксис освобождения. Последние возможны только на основе собственного социокультурного опыта, но обязательно критически соотнесенного с иным опытом, что требует, согласно Д., как уважения к своему латиноамериканскому, так и "прочтения Европы из Латинской Америки". В ходе такого чтения сам Д. реконструирует историю становления "онтологии тотальности" в европейской философии как полагания субъекта из своей (европейской) субъективности, что снимает саму возможность проблематики Другого. "В итоге, онтология замыкается как система, не предчувствует праксис асистематический, более чем онтологический, который смог бы проложить путь к новому, более справедливому порядку". Кроме того, в этом случае, считает Д., снимается ответственность за материальное (телесное), так как субъект редуцируется к духовному. Истоки этого типа философского дискурса обнаруживаются уже у Гераклита ("из всех [состоит] единое, а из

единого – всё) и Парменида ("бытие существует, а небытие не существует"), а ее подлинными основоположниками были Платон и Аристотель. Новое время заменило физическую тотальность объекта ("физио-логию") тотальностью "Я" субъекта ("лого-логией"). Основные представители этой философии в Новое время, согласно Д., – Декарт ("ego cogito"), Гегель ("в-себе-бытие") и Ницше ("вечное возвращение"). Однако уже средневековая "тео-логия" сделала возможным полагание в качестве Другого Бога ("этот Другой был Богом"). Попытки же преодоление дискурса тотальности "изнутри" Д. связывает с линией возможности "диалогической философии" ("диа-логии"), к которой можно отнести Шеллинга, Фейербаха, Маркса, Хайдеггера. Этот тип философского дискурса задает экстериорность Другого, но только как интериорного теоретическому "Я" (Другой здесь по-прежнему, согласно Д., остается в "забвении"). Центральной фигурой этого ряда философов является для Д. Левинас, исходя из работ которого он и предлагает собственную систему категорий "философии и теологии освобождения". Так Д. вводит две пары категорий – позитивную и негативную. Первая пара презентирует "раз-личие" (различность по природе – в пояснении Д.), отличность от, экстериорность, открытость новому, изменчивость-обновление. Это Инаковость (Alteridad) и Другой (el Otro). Вторая пара концептуализирует доминантную линию европейской философии. Это Тотальность (Totalidad) и "То же" (lo Mismo). Эти пары категорий позволяют как мыслить ситуацию зависимости, так и обнаружить пути освобождения, заменяя "онтологию тотальности" "мета-физикой раз-личия", диалектику аналектикой, логику аналогией, гноссологию герменевтикой, эгоизм служением, монолог диалогом, идеал проектом, апологетику критикой.

Первая пара описывает ситуацию "периферии" и "маргинальности" ("варварства Третьего мира"), т.е. диалогичности, позволяющей услышать "не-свое" (и сделать его "своим"), выводит в отношение "лицом-к-лицу" (Я – Другой). Вторая пара описывает ситуацию "центра" и "одномерности" (отсылка к Маркузе), т.е. монологичности, не позволяет слышать "не-свое", предполагает анонимное отношение людей по "закону вещей" или по "закону соотношения логоса и вещи" (Я – не-Я, Я – Он). В первом случае мы имеем дело с этикой, во втором – с онтологией. Этика заменяет ориентацию онтологии на обоснование истины ориентацией на моральное признание Другого, язык как монолог речью как диалогом, производство общением. Однако сама этика при этом должна быть подвергнута де-струкции как возвращению к первоначальному смыслу этического, нахождению его элементов внутри конкретных философских этик. Этот смысл, согласно Д., задается исходным значением слова "этос" (ethos – "жилище", "место пребывания") как размышляющем проживании, а не размышлении о нем, как способе установления отношений (солидарных или эгоистических, справедливых или несправедливых) в "бытии-с-другими". Подлинная этика и этическое бытие являются для Д. основанными на социальных ценностях первоначального христианства (бедности и солидарности). Этике ставятся в соответствие методы аналектики (описывающей отношения с экстериорным, отношения свободы и свободы, открывающей "новые пространства"), онтологии – диалектика (описывающая интериорные отношения биполярности как отношения господства-угнетения и подчинения-зависимости внутри замкнутого пространства). В первом случае через новизну Инаковости задается импульс истории (через освобождение от всех форм зависимости, в том числе и от "центра"), во втором можно говорить о "конце истории" (сохранение империалистического и неоколониального "центра"). Эти пары переструктурируются на уровне метафизики как Инаковость (Alteridad) – Тотальность (Totalidad), на уровне этики как Другой (el Otro) – "То же" (lo Mismo), где первые члены – "не-Запад", вторые – "Запад". Первые предполагают эсхатологичность и индивидуальность, вторые – системность и массовость. Последние нацелены на продуцирование господства и угнетения (властных отношений между людьми), подчинение первых, удержание их в состоянии зависимости, тогда как первые нацелены на продуцирование освобождения от зависимости (этических отношений между людьми), что исходно предполагает реабилитацию "конкретного Я", т.е. преодоление анонимного существования в горизонте безличностного через борьбу за свою индивидуальность. При этом конкретность понимается Д. и как вписанность в определенные обстоятельства, и как конечность, но последняя берется не как ограничение, а как невозможность избежать ответственности. Индивидуальность не "имеется", а постоянно "становится", предполагая при этом постоянность понимания в коммуникации и языке особенности Другого, признание за ним значения "лица". "Лицо" Другого, всегда являясь из экстериорности как откровение, требует понимания в антропогическом отношении альтернативности, раз-личия по отношению к "тотальности" или "тождеству". Оно (лицо) "желает" ответа на свое слово, взывает к справедливости. "Другой никогда не один и всегда подвижен. Каждое лицо в отношении лицом-к-лицу есть также эпифания [богоявление] семьи, класса, народа, эпохи, человека и человечества в целом и, более того, абсолютно Другого". Поэтому антропологическая точка зрения, согласно Д., есть ключ к пониманию экономики, идеологии и политики, эротики и даже "спасения". Отсюда смещение проблематики теологии в социально-антропологическую плоскость, а также понимание "теологии освобождения" (исходящей из того, что "быть христианином" вовсе не значит "быть европо-христианином", и предполагающей "вслушивание в голос Другого" и "служение Другому" как свою социальную программу) как "философии освобождения", акцентирующей данную проблематику. Вера есть результат занятия определенной антропологической позиции (в отношениях лицом-к-лицу мужчины и женщины, родителей и детей, брата с братом) и в этом своем проявлении она описывается философским мышлением (как метафизическая вера), но может обосновываться и теологическим откровением, указывая тем самым границы мышления. "Между мышлением Тотальности (хайдеггеровской или гегелевской – одна из конечности, другая из Абсолюта) и позитивным открытием Бога (который был бы сферой теологического слова) должно обрести свой статус откровение Другого, как антропологического прежде всего, и должны быть выяснены методологические условия, которые сделают возможным его интерпретацию". Последняя возможна лишь в случае служения Другому, его исторического освобождения, политического изменения и экономического преобразования социума, т.е. она может быть (как дискурс) реализована лишь как праксис освобождения.

В этом ключе Д. отличает преобразования праксиса (как области прежде всего политики и идеологии, практико-политических отношений) от преобразований полезиса (как области экономики и технологии, отношений человека с природой). В контексте служения-освобождения Другой перестает быть только отчужденным индивидом, а превращается в обобщенное название подчиненного и зависимого вообще как противостоящего господствующему и угнетающему. Тогда и его экстериорность, "внеположенность" по отношению к "центру" покоится не столько на индивидуальном (экзистенциальном), сколько на социокультурном опыте, порожденном "своей" (национальной) историей (и третировавшемся "цивилизованным миром" как "варварский", являющийся собой в таком качестве "ничто" и подлежащей замене – "заполнению как пустоты" – опытом "центра"). Отсюда, согласно Д.: "Другой для нас – это Латинская Америка относительно европейской тотальности, бедный и угнетенный латиноамериканский народ относительно господствующей олигархии". В иной ипостаси – это "Бедный", но понятый не через негативную экономическую характеристику, а через позитивность социокультурной характеристики как неудовлетворенный (собой) и инициирующий революционные изменения, как обладающий духовным потенциалом, как не зараженный утилитаризмом и меркантилизмом.

Проблему "Бедного" Д. решает через переинтерпретацию "позднего" Маркса, акцентированию противопоставленную версии Альтюссера (но и другим версиям западного неомарксизма – Д. Лукача (см.), К. Корша (см.), Г .Маркузе (см.), Ю. Хабермаса (см.), у которых речь идет о преодолении капитализма необходимого, а не зависимого – периферийного). Так Д. видит в поздних редакциях "Капитала" Маркса не политэкономию, а этику ("этическую реальность отношений", научно-рационалистически обосновывающих "этику освобождения"). В основу своей интерпретации Маркса Д. положил абсолютизацию категории "живого труда" как труда "Бедного", противопоставленного овеществленному труду. Живой труд, как некапитал и не-ценность, создает последние "из ничего". Он экстериорно первичен по отношению к капиталу как ценности ("тотальности"). Презентируя "конкретную телесность" работника, способность физического субъекта к созиданию, живой труд воплощает собой экстериорность как способность к преобразованию "тотальностей". Носителем же экстериорности как таковой выступает уже не работник и не класс, а народ, т.е. "бедные", выдвигающие обоснованное этикой требование справедливости. "Бедный – это реальность и в то же время "категория": это подчиненная нация, подчиненный класс, подавляемая личность, угнетаемая женщина, бесправный ребенок – поскольку они экстериорны по отношению к самой структуре господства". Тем самым Другой (el Otro) репрезентируется для Д. на раз-личных "уровнях" Инаковости (Alteridad), перемещаясь между ними и требуя своего воплощения на каждом из них через освобождение как преодоление существующих форм зависимости. В каждом случае это становится возможным вопреки онтологическому отношению "Я – мир" и благодаря коммуникативно-языковому онтошению "Я – Другой". Позитив во втором отношении предполагает негатив по отношению к первому как Критику и отрицание Тотальности (Totalidad) и "Того же" (lo Mismo), что есть занятие по отношению к ним позиции "атеизма". При этом главное услышать за пределами видимого мира голос Другого, в которого (вопреки очевидности) надо верить (лицо Другого появляется как откровение), "желать" его в силу "любви и справедливости". Ведь только Другой способен продуцировать "созидающее раз-личие", изменение, новое в силу своей экстериорности горизонту "Того же". Откровение Другого дает мне возможность творить невозможное из моей самости. Таким образом, согласно Д., вся инноватика (деятельность и познание) покоится на отношениях "лицом-к-лицу", лишь переходящих с "уровня на уровень" (от Я – Другой и Мы – Другие, вплоть до соотнесения с абсолютно Другим – Богом как творцом мира). При этом каждый раз отношения Я – Другой предполагают соотнесение с Тотальностью-"Тем же" более "высокого уровня" через их отрицание ("атеистическое"), освобождение от них. В свою очередь, Тотальность – "То же", возникающие на предшествующем "уровне", преодолеваются на последующем.

В качестве основных "модельных" ситуаций на уровне "лицом-к-лицу", конституирующих соответствующие им модификации социальности, Д. рассматривает отношения: 1) мужчины и женщины ("эротика"); 2) родителей и детей ("педагогика" – всякое просветительское и идеологическое отношение как профессиональное служение Другому, вводящее дискурс дисциплинарности; в силу своего "срединного" положения между эротикой и политикой она может выступать и как "педагогика-эротика", и как "педагогика-политика", а в обоих случаях как "педагогика освобождения", сменяющая "педагогику господства", основанную на садистском этосе); 3) брата с братом ("политика" – предмет эклесиологии, дополняющей собственно политическую рефлексию теологической, вводящей представления о добре, как признании Другого и служении ему, и зле, как отрицании Другого и порабощении его). При этом "экономика" и "технология" (производственные отношения) рассматриваются Д. как стремящиеся к элиминации отношений "лицом-к-лицу", а неравенство мужчины и женщины символизирует для него любые отношения господства и угнетения. Именно патриархальная семья и господство мужчины (как мачо) порождают и воспроизводят, согласно Д., патологию эдиповой ситуации. Эдипова ситуация продуцируется европейским ауто-эротическим "импульсом онтологического стремления к самому себе", что ведет, в конечном итоге, к упразднению сексуального (итог всей новоевропейской философии, по Д.), т.е. к самоотрицанию мужским миром самого себя. Однако "за" бессознательным, задаваемым эдиповой ситуацией, обнаруживается, пересиливающий "импульс служения Другому", на котором может быть построена "эротика освобождения". Само бессознательное при этом переинтерпретируется как "жажда служения", выраженная в созидательной деятельности на благо Другому ("эротическая экономика"). Классическим же "предельным" примером отношения "лицом-к лицу" выступает для Д. "разговор" Иеговы с Моисеем. Отношения "лицом-к-лицу" задают изначальную этичность человеческим отношениям, так как они есть отношения любви раз-личных (они не утилитарны) и отношения, основанные на справедливости в силу отношения "Я" к Другому как к личности (они не меркантильны), а как таковые описываются основными категориями коммунитарной "этики освобождения": "любви-справедливости" (amor-justicia), "до-верия" как утверждения возможности "Другого слова" (con-fianza), "надежды" на будущее освобождение Другого (esperanza). Аналектика, определяющая эти отношения, внутренне этична, а не просто теоретична. Принятие Другого уже есть этический выбор и моральная ангажированность, ведущие к выбору праксиса и исторической ангажированно-

сти, как реализации "услышанного в слове Другого", из него проинтерпретированного, концептуализированного и верифицированного. Чем больше зависимый "другой" становится независимым Другим, утверждая "иное" как Инаковость, тем более он превращается в "Ничто" для Тотальности и "Того же", утверждая свою "внеположенность" по отношению к ним он становится свободным. Отсюда понимание освобождения Д. как "движения восстановления Инаковости угнетенного". Освобождение предполагает не насилие одних по отношению к другим, не борьбу за власть как установление собственного господства, а "конституирование себя как свободного перед Тотальностью". Освобождение предполагает встречу свободы и свободы. Открытость миру есть всегда не только попадание в горизонт бытия-данного, но всегда и в возможность-бытия, которая, осуществляясь, и конституирует бытие-данность, открывая новую возможность бытия. Отсюда и свобода имеет свое основание в бытии, и встреча свободы и свободы предполагает предварительное признание возможности и необходимости "бытия-с-другими". Следовательно, свобода есть не абсолют, а основание личностно ответственной реализации возможностей, "способ нашей внутримирской трансценденции". Человек не свободен по отношению к своему фундаментальному проекту освобождения, но он свободен в выборе возможностей его реализации. "В Тотальности есть лишь монолог "Того же". В Инаковости – диалог между "Тем же" и Другим, исторически развивающийся диалог в новизне, в созидании. Это движение через новизну Инакового есть человеческая история, жизнь каждого человека от рождения до смерти. История, движение есть срединность между "Тем же" и Другим как экстериорностью, чью тайну никогда не исчерпает это движение". История пост-современности становится возможной, следовательно, только исходя из наличия Другого как свободного за пределами системы Тотальности. Она есть реализация (праксис) дискурса освобождения и блокирование экспансии претендующей на господство Тотальности. Соответственно и философия пост-современности возможна как "философия освобождения" (она же "теология освобождения"). "Философия, осмысливаясь вместе с освободительной практикой и изнутри нее, также станет освободительной. Эта философия, возникающая из практики и осмысления, явится пост-современной философией; она будет исходить из праксиса, преодолевающего диалектику субъекта как "угнетателя-угнетенного". "Философия освобождения" строится как метод, позволяющий "уметь верить в слово Другого и интерпретировать его", что порождает ее практикование в отношениях, построенных по типу "учитель-ученик", в которых философ предстает как "человек народа со своим народом" ("занимает герменевтическую позицию угнетенного", что только и позволяет "достичь истинного видения реальной исторической ситуации"). Философ, как будущий учитель, начинает с того, что становится нынешним учеником будущего ученика, открываясь его слову как голосу бедного и угнетенного, дабы иметь в последующем (в качестве учителя) право и возможность вернуть бедным и угнетенным их слово, но как " учительское слово ученика". "Реальное соединение с борьбой угнетенных есть исходная точка движения философии освобождения, которая есть освобождение не только через свои категории, а главным образом через свой выбор, через единство праксиса философа с реальным историческим субъектом, с его интересами, с его сознанием". В этой процедуре философ блокирует возможность продуцирования "софистики господства", сам освобождаясь от зависимости в Тотальности, и прозревает для видения того, "что перед его глазами развертывается исторически и повседневно", а тем самым только в этом случае и способен высказать новое слово (а не только слушать слово "чужого" – европейских философов). Тем самым философ (вся "научно-практическая интеллигенция"), выступая от лица Другого, становится носителем "этоса освобождения", "профетического благоразумия". Он сотрудничает в этом отношении с политиком ("практиками") как носителем "политического благоразумия", осуществляющим его проекты-цели. Так как политик способен снова "закрываться в Тотальности", то еще одной задачей философа является постоянное напоминание политику о Другом.

Становление "философии освобождения" (как пост-современной философии) Д. рассматривал как закономерный результат развития латиноамериканской философии, формировавшейся вне, но в зависимости от лого-логии (философии субъекта) европейской традиции, т.е. с позиции зависимого Другого, стремящегося к освобождению. Как философии, направленной на "возвращение Другого", латиноамериканской философии присущ исходный импульс к постмодернизму (пост-современности), реализацией которого в латиноамериканской версии и выступает "философия освобождения" (в том числе и в его собственном лице). Зависимость Латинской Америки позволила ускоренно осваивать опыт Европы, но при этом актуализировала проблематику опыта собственного, который осознавался или как "варварский" и требующий собственного преодоления, или как "глубоко сокрытый" за чужими формами и требующий своего проявления. В обоих случаях латиноамериканская философия в своих истоках исходила из признания сохранения форм культурной зависимости (как в прошлом, так и в настоящем) как препятствия к самореализации "латиноамериканского". В становлении дискурса освобождения Д. видел три этапа ("момента освобождения"), кладя в основание их выделения хайдеггеровское различение онтики как порядка сущего (Seiendes) и онтологии как порядка бытия (Sein) – онтологического уровня человеческой субъективности, бытия как возможности быть, как открытости, т.е. непредзаданности человека перед возможностями жизни. Соответственно Д. говорит об этапах: 1) онтики [латиноамериканский позитивизм и его критики в лице так называемых "основателей" (Корн, Каso, Васконселос и др.) и представителей "философии латиноамериканской сущности" – в Аргентине прежде всего Ромеро]; 2) онтологии: в Аргентине прежде всего ученики Хайдеггера (Н. де Анкин) и Кассирера (К. Астрада), завершившей критику порядка сущего, которую не довели до конца основатели и философы "латиноамериканского"; 3) метафизики раз-личия, реализуемого "новым философским поколением", конституирующим собственно "философию освобождения", призванную пойти "далее" порядка бытия.

Европейская философия, согласно Д., не пошла далее диа-логии внутри "онтологии тождества". "Онтология исторически играла своеобразную роль идеологии существующей системы, которая в мышлении философа универсализировалась, чтобы оправдать из наличной основы все сущее. Как онтика, так и онтология являются систематическими, "тотализирующей тотальностью"; философ является критиком не радикально, а лишь онтически – будь то представитель социальной критики, философии языка или логоса, или "критической

теории". "Я мыслю" (ego cogito) европейской философии исходно означало в Латинской Америке "я завоевываю", отмеченное самим фактом Конкисты с ее "героическим бытием", основанным на "враждебности" как способе видения Другого. Конкиста в этом смысле лишь воспроизвела в Латинской Америке предопределившую европейскую историю греховность ситуации убийства Каином Авеля как брата, но и как Другого, что породило "виновность" европейца и "обиду" как духовное самоотравление дискриминируемого зависимого. "Речь же идет о том, чтобы выйти за пределы бытия как понимания системы, основы мира, горизонта смысла. Этот выход за пределы выражен частицей мета в слове мета-физика". Латиноамериканцы же, исходно занимая позицию Другого, последовательно конституировали дискурс мета-физики раз-личия, обнаруживая за разумом как "пониманием бытия" антропологическое этико-политическое (а в этом качестве и теологическое) основание и воспринимая "онтологию тождества" как "тематическое выражение фактического опыта империалистического европейского господства над колониями", порождающее в новой редакции доктрину "национальной безопасности", содержащую в себе постоянную угрозу репрессий по отношению к Другому. В этом смысле освобождение не сводится к революции (которая есть "конкретный факт разрыва, момент перехода к новому порядку"), оно имеет более широкий смысл: "Это отрицание отрицания: если угнетение есть отрицание свободы, то освобождение есть отрицание угнетения. Кроме того, освобождение есть подчеркивание субъекта, который преодолевает отрицание: это позитивность нового порядка, нового человека. Освобождение охватывает весь процесс: включает этапы предреволюционные, революционную ситуацию и продолжение революции как построение нового порядка. Это не только отрицание отрицания, но также и утверждение позитивности самовыражения нации, народа, угнетенных классов и их собственной культуры". Освобождение есть установление политической гегемонии угнетенных ("бедных") через преодоление состояния прежде всего культурной и политической зависимости, т.е. реализацию выявленной "сокрытости" Инаковости своего собственного этико-теологически ориентированного бытия культурой.

В.Л. Абушенко

ДЮРКГЕЙМ (Durkheim) Эмиль (1858-1917) – французский социолог и философ, родоначальник французской социологической школы, первый в мире профессор социологии, основатель и издатель журнала "Социологический ежегодник" (1896-1913). Преподавал в университетах Бордо и Парижа, осуществил институциализацию социологии во Франции. Основные сочинения: "Элементы социологии" (1889), "О разделении общественного труда" (1893), "Правила социологического метода" (1895), "Самоубийство" (1897), "Элементарные формы религиозной жизни" (1912), "Социология и философия" (1924) и др. Продолжая традиции О. Конта (**см.**), Д. испытал также влияние Ш. Монтескье (**см.**), Ж.-Ж. Руссо, И.Канта, Спенсера (**см.**).

Соглашаясь с Контом о месте социологии в системе наук, доказывая возможность появления социологии только в 19 в., когда люди осознали, что необходимо стремиться самим управлять социальной жизнью, Д. отстаивал специфичность объекта социологии – социальной реальности, ее несводимость к биопсихической природе индивидов, определил предмет социологии как социальные факты, существующие вне индивида и обладающие по отношению к нему "принудительной силой". Д., являясь главным теоретиком позитивистски ориентированной социологии, разработал теории "социального факта", "социального познания", "социальной сплоченности", "функционального анализа", "разделения труда", "самоубийства", "социологии религии" и др. Проблема социального факта прошла красной нитью через все его работы, являясь цементирующим звеном всего круга его идей.

По Д., основу социальной жизни составляют социальные факты, не сводимые ни к экономическим, ни к психологическим, ни к физическим факторам действительности и обладающие рядом самостоятельных характеристик. Их главные признаки – объективное, независимое от индивида существование и способность оказывать на индивида давление – "принудительная сила". Д. подразделял социальные факты на: а) морфологические, составляющие "материальный субстрат" общества (физическая и моральная плотность населения, под которой Д. подразумевал частоту контактов или интенсивность общения между индивидами; наличие путей сообщения; характер поселений и т.п.), и б) духовные, нематериальные факты ("коллективные представления", составляющие в совокупности коллективное или общее сознание). Д. исследовал, главным образом, роль коллективного сознания, его различные формы (религию, мораль, право), придавая ему решающее значение в развитии общества. Теоретико-методологическую основу всей концепции Д. составляет социологизм (одна из разновидностей социального реализма). Опираясь на этот принцип, Д. наделял общество чертами физического и морального превосходства над индивидом.

По Д., человек есть существо двойственное. В нем – два существа: существо индивидуальное, имеющее свои корни в организме, что ограничивает деятельность; и существо социальное, которое является в нем представителем наивысшей реальности интеллектуального и морального порядка – общества. Без общества, по Д., не было бы ни религии, ни морали, ни политики, ни экономических учреждений. Согласно принципу "социологизма", Д. требовал объяснять "социальное социальным", что вело к недооценке других факторов в жизни общества.

Вторым теоретико-методологическим принципом учения Д. является "социальная сплоченность". Она играет определяющую роль в его учении о разделении труда, об изменении форм религии, политической власти, экономической организации общества. По мере роста степени социальной сплоченности в обществе происходит социальный прогресс. Согласно его взглядам, разделение труда осуществляется как природный процесс, но ему предшествует консенсус всех участников. Различаются два его варианта: 1) механический и 2) органический. Механическая солидарность доминировала в архаическом обществе. В нем люди обладают социальным равенством, против отклоняющегося поведения применяются крайне строгие санкции, а индивиды не имеют возможностей для развития своих способностей. Органическая солидарность характерна для современного общества. Здесь обмен человеческой деятельностью, ее продуктами предполагает зависимость членов общества друг от друга. Поскольку каждый из них несовершенен в отдельности, функцией общественного разделения труда является интегрирование индивидов, обеспечение единства социального организма, формирования чувства солидарности. Последнюю Д. рассматривает как высший

моральный принцип, высшую универсальную ценность. В современных условиях для развития солидарности, по Д., необходимо создавать профессиональные корпорации. Они должны выполнять широкий круг общественных функций, от производственных до культурных и моральных, вырабатывая и внедряя в жизнь новые нормы, регулирующие отношения между трудом и капиталом, способствующие развитию личности и преодолению кризиса в обществе.

Весьма существенное значение в развитии общества Д. придавал религии. Во всех его книгах проводится идея, что религия – естественный продукт развития общества. Проследив историю развития религии, начиная от австралийской тотемической культуры и заканчивая буржуазной культурой, Д. убедительно доказал, что "реальный" и "подлинный" объект всех религиозных культов – общество, а главные социальные функции религии – воссоздание сплоченности и выдвижение идеалов, стимулирующих общественное развитие. Д. подчеркивал значение религии в сохранении нравственных ценностей, в воспитании человека, в утверждении "позитивной солидарности", "гуманного права". В силу этого он доказывал необходимость религии в обществе, но не "божественной", а "социальной".

Наибольшую популярность во всем мире принесла Д. его книга "Самоубийство". Отвергая существовавшие концепции об исключительно психологической основе самоубийства, Д. доказал, что причиной его является социальная жизнь, ее ценностно-нормативный характер, определенная интенсивность социальных связей. Он выделил три типа самоубийства: 1) эгоистическое самоубийство, представляющее собой протест индивида против нормативов, условий жизни, созданных семьей, социальной группой; 2) альтруистическое самоубийство, вызываемое существующими нормами необходимости принесения себя в жертву кому-то (самосожжение жены после смерти мужа, самопожертвование солдата "во имя Родины", самоубийство родителей, чтобы облегчить жизнь детей и т.п.); 3) аномическое самоубийство, представляющее собой протест против существующих общественных порядков (тирании, фашизма и т.п.). Опираясь на огромный фактический материал, Д. доказал, что процент самоубийств летом выше, чем зимой; в городах выше, чем на селе; среди протестантов больше, чем у католиков; среди одиноких или разведенных больше, чем у семейных. Теоретические разработки, методика исследования самоубийства, разработанные Д., используются и ныне социологами, изучающими эти проблемы.

Созданные Д. социальная философия и социологическая теория покоятся на всесторонне разработанном категориальном аппарате. В его книгах были разработаны важнейшие категории: "время", "пространство", "структура", "функция", "общественные классы", "историческая мысль", "общественные противоречия", "коллективные представления" и др. Д. полагал, что поскольку категории являются концептами, то не трудно понять, что они должны быть результатом коллективной работы общества. "Истинно-человеческая мысль, – писал Д., – не есть нечто, первоначально данное; она продукт истории; это – идеальный предел, к которому мы все более и более приближаемся, но которого мы, вероятно, никогда не достигнем". Подчеркивая субъективную сторону категорий, их историчность, Д. не отрицал их объективное содержание. "Из того, что идеи времени, пространства, рода, причинности построены из социальных элементов, не следует, что они лишены всякой объективной ценности". Д. оставил не только великое литературное наследство, оригинальную социологическую теорию, но и большую социологическую школу.

Основанная Д. школа, группировавшаяся вокруг издаваемого им журнала, успешно развивала и пропагандировала идеи Д. даже во время Первой и Второй мировых войн. Каждый из учеников Д. (С. Бугле, Ж. Дави, М. Мосс, П. Фоконне, М. Хальбвакс и др.) создавал свое направление в социологии, но на теоретическом фундаменте Д. Они и их ученики успешно защищали и защищают сейчас социологическую теорию Д. от нападок со стороны феноменологов, марксистов, экзистенциалистов.

Г.П. Давидюк

DUMMY-КОДИРОВАНИЕ – техника, позволяющая представлять номинальную переменную (см.) в виде набора дихотомических переменных. Используется при необходимости включать номинальные переменные в многомерные статистические модели.

Пусть номинальная переменная x имеет k значений. Одно из них объявляется референтным (для простоты изложения, пусть это будет значение x_k). Для каждого из оставшихся значений $x_1, x_2, ..., x_{k-1}$ создается новая дихотомическая dummy-переменная по следующему правилу: если $x = i$, то $x_i = 1$. Во всех остальных случаях $x_i = 0$. Связь между исходной переменной x и набором соответствующих ей dummy-переменных можно представить в виде таблицы ($k = 5$):

Dummy-переменные	Значения переменной x				
	1	2	3	4	5
x_1	1	0	0	0	0
x_2	0	1	0	0	0
x_3	0	0	1	0	0
x_4	0	0	0	1	0

Таким образом, совокупность $k-1$ dummy-переменных полностью представляет исходную номинальную переменную.

При включении dummy-переменных в регрессионное уравнение (см. **Анализ регрессионный**) полученные для них коэффициенты интерпретируются по отношению к референтному значению исходной переменной $x = k$: коэффициент b_i для dummy-переменной x_i показывает, насколько изменится предсказанное значение зависимой переменной при $x = i$ по сравнению с предсказанным значением при $x = k$.

О.В. Терещенко

Е

ЕВГЕНИКА (греч. eugenes – благородный, хорошего рода) – учение о наследственном здоровье человека и путях улучшения его наследственных свойств, о возможных методах активного влияния на эволюцию человечества в целях дальнейшего совершенствования его природы, об условиях и законах наследования одаренности и таланта, о возможном ограничении передачи наследственных болезней будущим поколениям.

Термин "Е." был впервые введен английским психологом и антропологом Ф. Гальтоном в конце 19 в., а основные положения Е. были сформулированы им в 1904. Основная задача Е., по Гальтону, – это изучение факторов, влияющих на улучшение наследственных качеств будущих поколений путем накопления "расой" полезных наследственных признаков. В Е. выделяются два основных направления: предотвращение рождения детей и ограничение рождаемости у людей с плохим генотипом и плохими наследственными качествами, а также поощрение рождаемости у групп людей, обладающих качествами, наиболее нужными обществу. Первую задачу предлагается решать путем пропаганды воздержания от рождений, больничной изоляции и стерилизации тех контингентов людей, иметь детей которым по их качествам нежелательно. (Как показывает практика, такие меры не дают желаемого результата.) Вторая задача решается путем специального подбора брачных пар, применением искусственных методов для зачатия ребенка и т.п. (Эти меры пока также вряд ли приемлемы для большинства людей.)

Особый интерес к евгеническим идеям проявился в начале 20 в. с появлением и развитием генетики. В это время проводились различные конгрессы и съезды по Е., принимались евгенические программы, создавались евгенические общества и кафедры. Однако к началу 1920-х интерес к Е. упал. Из европейских стран только в Германии нацистами развивались идеи Е., принявшие там форму "расовой гигиены" и обосновывавшие политику геноцида, что в конечном итоге значительно дискредитировало Е. как науку. До сих пор вокруг термина Е. ведутся споры. Часть ученых, например, полагает, что основное содержание Е. со временем должно перейти к таким наукам как медицинская генетика, генетика человека, генная инженерия, то есть к наукам, изучающим проблемы формирования оптимального генофонда наций, совершенствования генотипа человека.

Е.А. Кечина

ЕВЕЛЬКИН Георгий Михайлович (р. 1944) – белорусский социолог. Директор Института социологии НАН Беларуси (с 2000). Член редакционного совета научного журнала "Личность. Культура. Общество" (г. Москва). Кандидат медицинских наук (1973), доктор социологических наук (1993).

Окончил Иркутский медицинский институт (1967), был направлен по комсомольской путевке на службу в органы КГБ. В 1968 закончил обучение на Высших курсах КГБ СССР в г. Минске и до 1982 служил на различных должностях в органах КГБ. В 1982 переведен на преподавательскую работу в Институт национальной безопасности (г. Минск), где работал преподавателем, старшим преподавателем, а затем начальником кафедры. В 1994 уволился в запас и продолжил работу в должности профессора кафедры "Социология и психология оперативно-розыскной деятельности".

Основное направление научной деятельности – психология и социология труда, разработка социологических и социально-психологических методик изучения профессиональной деятельности.

Е. – автор более 100 научных работ (2 монографии – одна индивидуальная и одна в соавторстве, 11 учебных пособий – три индивидуальных и восемь в соавторстве, 2 курса лекций, 4 сборника задач – один индивидуальный и три в соавторстве), в том числе: "Использование достижений психолого-социологических наук спецслужбами зарубежных государств" (1994), "Основные проблемы и информационные потребности малого предпринимательства" (2000), "Основные типы экономического сознания и поведения населения в переходный период" (2001), "Профессиональное становление и развитие личности как междисциплинарная проблема" (2002), "Психологический портрет личности" (2002), "Спорт в системе военно-моральной подготовки солдат" (2002, на англ. яз.) и др.

"ЕВРОПЕЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ И ХАРАКТЕР НАЦИЙ" ("Die Europischen Revolutionen und der Charakter der Nationen", Jena, 1931) – книга Розенштока-Хюсси. Состоит из двух частей – "Теория революций" и "Движение революций по Европе". В первой части анализируется смысл таких понятий, как "революция", "нация", "власть", прослеживается процесс превращения "Запада" в "Европу", выявляется момент вызревания тех условий, которые сделали возможными не только появление революционных настроений, но и осуществимость планов революционного преобразования действительности. Для Розенштока-Хюсси революция, как и всякое человеческое действие, с одной стороны, обусловлена факторами культуры, а с другой – является проявлением человеческих сил и способностей, выступая тем самым в качестве процесса, в ходе которого культура творится. Следовательно, согласно Розенштоку-Хюсси, революция – это, несмотря на сопряженные с ней бедствия и разрушения, все же творческая сила, она всякий раз создает особый человеческий тип и соответствующую ему культурную среду. История революций рассматривается Розенштоком-Хюсси как история смены "пространств власти", стремящихся к расширению до размеров пространства мира в целом и тем самым как процесс, вносящий свой вклад в формирование единого человеческого рода. Каждая революция дополняет предыдущие, сохраняя следы приспособ-

ления и в то же время вводя в историю новые человеческие качества и элементы культуры в виде архетипов. Поэтому революции – это не отдельные события, они образуют цепочку, в которой каждое звено зависит от предшествующего ему во времени. Но, по мысли Розеншток-Хюсси, именно христианство делает возможным процесс создания "всемирной истории" из множества локальных ("языческих") историй и единого культурного пространства из множества локальных ("языческих") пространств, тем самым обусловливая процесс "синхронизации" и "координации". Поэтому, согласно автору, по своему происхождению феномен революции принадлежит исключительно к христианской культуре, создавшей "единый мир" в ходе долгого и сложного развития. В результате, как полагал Розеншток-Хюсси, революции – независимо от этических оценок – выступают в качестве упорядочивающего и организующего орудия всемирной истории, вводящего в нее новый принцип жизни и, стало быть, радикально преобразующего общечеловеческую культуру. Именно в ходе революций возникают и "национальные государства" и "национальные характеры". В контексте авторской концепции, соответствующей исторической "прелюдией" может полагаться борьба Римских Пап против императорской власти – так называемая "папская революция". В качестве предварительного условия становящегося единства христианского мира выступает учреждение в 998 аббатом Одилоном из Клюнийского монастыря особого праздника – Дня поминовения всех усопших, ретроспективно распространившего линейное время христианской культуры от Христа в глубь веков до самого Адама и превратившего его в единую общечеловеческую историю. В результате, по мнению Розеншток-Хюсси, церковь святых заменяется церковью всех людей, т.е. церковью грешников, и возникает идея христианского мира, к которому принадлежат все люди. Значительно более сложным, с точки зрения мыслителя, был процесс конституирования единого пространства, который и осуществляется цепью революций. Исходным пунктом выступает превращение католической церковью всех поместных церквей, за исключение Римской, в точки лишенного святости пространства, "мира" (т.е. "светского" пространства). Тем самым Рим становился координирующим центром "единого мира", а все расположенное за пределами Рима начинает рассматриваться в качестве объектов, находящихся в "мире" и в этом смысле "светских". Несколько неожиданным результатом "папской революции" стало возникновение первого национального государства на территории нынешней Европы – Италии. Но главное, что она создала, по убеждению Розеншток-Хюсси, была совокупность предпосылок для всех последующих революций, расширяющих "пространство власти".

В качестве следующего этапа революционного процесса, согласно данной концепции, выступила немецкая Реформация. В системе немецких земель сложилась ситуация несовпадения сфер влияния церковных и светских властей. Поэтому князьям немецких земель были нужны не столько епископы, сколько свои юристы для создания того, чем уже обладали итальянские города-государства – единой организации. Средством борьбы князей против папы и епископов стало, по схеме Розеншток-Хюсси, основание университетов. Здесь папа и епископы, в отличие от Италии, проиграли, и университеты вытесняют влияние римско-католической церкви. В университетах акцент делался на изучении Библии и церковной догматики, а их профессора и выпускники должны были образовать силу, противостоящую именно папе и епископам. Поэтому светская власть оказывается связанной не с папой и клиром, а с тем, что преподается в университетах. Именно на этом обстоятельстве, согласно Розеншток-Хюсси, и основана сохраняющаяся до сих пор репутация немцев как нации ученых и философов. Иначе протекала революция в Англии. Ее прелюдией стала Реформация, до которой английские короли подчинялись папе. Генрих VIII, объявив себя главой церкви, во-первых, разрушил организацию социальных связей на региональном уровне, опиравшуюся на традицию, обычай, привычку (обычное право), а во-вторых, разорвал связь Англии с единым миром, созданным "папской революцией". Это делало решения короля произвольными, а потому нелегитимными, и сознательной целью Английской революции стало восстановление старого права. Именно мелкопоместное дворянство (джентри) стало той силой, которая стремилась возвратить старину, традицию, обычаи, власть прецедента. Джентри в качестве "общин" претендовали на то, чтобы стать силой, уничтожающей этот произвол из палаты общин парламента ("снизу"). Поэтому Английская революция, по идее Розеншток-Хюсси, может быть названа "парламентской", и король, таким образом, выступает в качестве неотъемлемой части парламента. В иных условиях проходила революция во Франции. Для нее главным результатом Реформации стало появление гугенотов, которые, правда, были жестоко уничтожены, что существенно замедлило модернизацию французской культуры. Новый дух появляется у представителей "третьего сословия", "буржуа", занимавших промежуточное положение между аристократией и народом. Поэтому разум буржуа считался его "индивидуальным духом", данным ему от природы, а сам он выступал в качестве идеального образца "естественного человека". В результате индивиду, вопреки многовековой традиции, приписывается дух в качестве способности творить самостоятельно. Отсюда – характерный для французской культуры индивидуализм и культ творческого гения. Отсюда же – рационализм, метрическая система мер и весов, геометрическое разделение Франции на департаменты. Строгость изложения несколько нарушается анализом революции немецких держав – Пруссии и Австрии, так как в данном случае нельзя говорить о включенности соответствующих процессов в цепочку великих революций. Все великие революции, подчеркивает Розеншток-Хюсси, действуют заражающим образом. Локальная революция немецких держав во многих отношениях вызревала именно таким образом, однако, именно благодаря ей, несмотря на идеи 1789 и завоевания Наполеона, существует немецкая нация. Говоря о Пруссии и Австрии, Розеншток-Хюсси подчеркивает, что первоначально это были не государства в современном смысле, а скорее "силы", политически осуществившие то, что было идеологически и теологически достигнуто в ходе Реформации применительно к нации. При этом чрезвычайно важным оказывается дух романтизма. В контексте анализа романтического движения прослеживается генезис взглядов и влияние на последующее развитие таких великих немцев, как Гёте, Гегель, Шлегель. Особое внимание уделяется также немецкому музыкальному гению. Розеншток-Хюсси считает, что характерные для немецкой культуры абстрактные и жесткие правила парализуют волю, которая находит выход в одухотворении, вызываемом музыкой. Тот, кто привык выражать сильнейшее одухотворение в пении (преимущественно хоровом), не давая этому духовному подъему выхода в практику, становится верноподданным. Однако в Пруссии музыка не только формировала народный характер, но и выполняла функцию украшения воспитированного государства. В многонациональной Австрии музыка

играла несколько иную роль: она стала универсальным средством общения пестрого конгломерата народов и вавилонского смешения языков. В результате склонность к самоуглублению и музыкальность стали характернейшими чертами немецкого национального характера. Русская революция, осуществленная большевиками, испытала чрезвычайно сильное влияние Французской революции, но она не является ее прямым следствием. При этом "папская революция" никак не коснулась России по той простой причине, что Россия не принадлежит к католическому миру. Слабость церкви всегда держала русскую культуру на грани "беспорядка" и поэтому лозунгом Русской революции становится не столько свобода, сколько порядок – социальный и экономический. Поэтому же ее главной ценностью оказывается не индивид, а народ, понимаемый, впрочем, абстрактно-количественно. Западнические умонастроения русской интеллигенции, знакомой с идеями французского социализма и марксизма, привели к соединению социальных вопросов с политическими, несмотря на то, что в России, фактически не было ни рабочего класса, ни капитализма в смысле Маркса. Этим же объясняется и то, что из всего богатого ассортимента революционных идеологий, предлагаемого западной культурой после Французской революции (либерализм, капитализм, национализм, демократия и др.), был избран именно марксизм. Только марксизм мог обеспечить национальное единство и вписать отсталую страну во всемирную историю, не принуждая ее копировать ни один западный образец: ведь в нем приводились наукообразные аргументы, доказывающие неизбежную гибель буржуазных социальных форм и капитализма как такового. В результате Русской революции оказывается некому передавать эстафету, поскольку она – самая "левая". Тем самым эпоха великих революций заканчивается, и все последующие революции лишь копируют уже осуществившиеся образцы. Завершение цепи революций является созданием предпосылок для планетарного единства человечества. Поэтому заключительные страницы книги посвящены "всемирной мобилизации", т.е. тем интегративным процессам, которые ведут к общечеловеческому единству. В контексте этих рассуждений устанавливается связь последовательности революций с обеими мировыми войнами. Наиболее тесно с этими войнами связана Русская революция, которая именно поэтому приобретает планетарное значение. Как бы ни относились ученые и общественное мнение к двум мировым войнам, они, считает Розеншток-Хюсси, также являются интегративными процессами, сделавшими прозрачными границы между народами. В этом отношении обе мировые войны решают ту же задачу, что и революции. Но формирование единого человеческого рода имеет и духовный аспект. Христианская традиция впервые выявила, а эпоха революций реализовала основной закон духа, согласно которому всякое обновление мира предполагает поражение в качестве пути к победе. Не дух как таковой обновляет мир, а конкретные носители духа, которые, будучи лишь моментами целостности, в своих попытках ее обновления всегда сперва терпят поражение. Плата за новшества – это всегда духовное одиночество, обусловленное выпадением из традиции и отрывом от корней. Человек, не повинующийся никакому надындивидуальному духу, может использовать мир, но не в состоянии его изменить, будучи крепкими материальными узами связан с существующим порядком вещей. Поэтому тот, кто доверяется духу, пренебрегает внешним успехом, зная, что может достичь цели изменения мира только в качестве функционера царства духа, а для этого жизнь должна быть прожита как служение некоторому целому. Розеншток-Хюсси считает, что удивительным в истории является не то, что катастрофические события потрясают и ужасают нас, а то, что они нас преобразуют и обновляют. Все повседневное возникает из необычного и катастрофического. В каждый момент времени люди либо являются воспроизведением творения, либо служат его продолжению. Необходимое случается, но люди в состоянии облегчить его приход, погребая одни времена и начиная новые. Там, где господствует приверженность к возвращению жизни, т.е. к ее возобновлению, история превращает свои катастрофы – революции – в преобразованную повседневность. Именно в этом заключается величие трагической эпохи революций. В ужасе и крови социальных потрясений она продемонстрировала сохраняющуюся причастность человека к божественному процессу творения и подтвердила продолжение диалога человека с Богом вопреки всем провозвестникам нигилизма.

В 1938 книга была радикально переработана и выпущена в США на английском языке под названием "Из революции выходящий: Автобиография западного человека" ("Out of Revolution: Autobiography of Western Man"; есть переиздания). Этот вариант значительно больше известен среди историков и философов и даже пользуется некоторой популярностью у неспециалистов. Главных отличий от немецкого издания три. Во-первых, общая перегруппировка материала привела к изменению последовательности рассмотрения революций, которое теперь начинается с характеристики Русской революции и следует далее в порядке, обратном по отношению к немецкому тексту. Во-вторых, добавлена глава "Американцы", в которой описываются особенности Американской революции. В-третьих, появилось много вставок и дополнений общеметодологического и философского характера, которые, по признанию автора, высказанному в переписке с коллегой, он сознательно не включал в немецкий вариант вследствие перегруженности академического сознания в Германии концепциями философии истории, тогда как англосаксонский академический мир явно недооценивает эту сторону исследования революций.

А.И. Пигалев

ЕЛСУКОВ Альберт Николаевич (р. 1936) – белорусский социолог и философ. Зав. кафедрой социологии факультета философии и социальных наук (с 1989). Окончил Белгосуниверситет (1963), кандидат философских наук (1969), доктор философских наук (1985), профессор (1988). Декан философско-экономического факультета БГУ (1989-1996).

Научные интересы Е. – история и методология научного познания, теория и история социологии. Подготовил 5 докторов и 15 кандидатов наук.

Для чтения лекций по философии и социологии приглашался в вузы Болгарии и Израиля, принимал участие в работе международных конференций, проводимых научными учреждениями Польши, Германии, Англии и Франции. Является председателем секции философии и социальных наук научно-методического центра учебной книги и средств обучения Министерства образования РБ, членом редколлегии журнала "Социология".

Основные работы: "Методы и формы научного познания" (1978, в соавторстве с В. Степиным); "Познание и миф" (1984); "Теория и эксперимент" (1986, в соавторстве с В. Воробьевым); "Социологический словарь" (1987, составитель, член редколлегии, соавтор); "История социологии" (1993 и 1997, соавтор и научный редактор); "Краткий

курс теоретической социологии" (1999); "Социология" (2000, главный редактор и соавтор); "Социология" (2001); "Методика преподавания социологии в высшей школе" (2002) и др.

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНАЯ ШКОЛА в социологии – направление в рамках неопозитивистской социологии, получившее распространение в США в 1930-1940-х. Ее философской основой послужил прагматизм и инструментализм Дж. Дьюи. Представители этой школы (Дж. Ландберг, Р. Бейн, С. Додд) выдвинули идею создания "научной социологии" по примеру развитых физических наук, предусматривающую применение в социологических исследованиях таких же точных и объективных методов, как в естествознании на том основании, что социальные явления подчиняются законам, общим и для природы, и для социума. Отсюда ряд специфических нормативных требований к социальному исследованию: этическая нейтральность, натурализм в рассмотрении социальных явлений, которые сравнивались с объектами физических наук, бихевиористская трактовка поведения человека, обязательная верификация понятий, использование математического языка. Представители Е.Ш. резко выступали против сторонников интерпретативной социологии – Ф. Знанецкий (**см.**), Р. Макайвер (**см.**) и др. – которые отстаивали уникальность предмета и метода социальных наук.

Е.Ш. оказала противоречивое воздействие на развитие социологии. С одной стороны, пропаганда естественнонаучной методологии способствовала совершенствованию исследовательского инструментария, повышению точности и строгости полученных результатов, а с другой — увлечение количественными методами, процедурами измерения привело к распространению узкого эмпиризма.

В.А. Бакаев

EXIT POLL (англ. exit – выход, poll – опрос) – особый вид электорального социологического исследования, проводимого в день выборов "у выхода" из избирательных участков методом стандартизированного интервью "лицом к лицу". В отечественной практике также употребляется название "исследование в день выборов".

E.P. осуществляется исключительно с целью получения оперативной информации о ходе голосования, выполняя две взаимосвязанные функции: информационную (предварительное ознакомление общественности с результатами выборов) и контрольную (минимизация возможности намеренного искажения результатов выборов).

Проведение E.P. неизбежно сопряжено с проблемами этического и организационно-технического характера. Первые связаны с тем, что обнародование данных до завершения процедуры голосования (закрытия избирательных участков) может существенно повлиять на итоги выборов, поэтому во многих странах избирательное законодательство специально регламентирует проведение E.P. и возможности использования полученной в ходе него информации. Тем не менее проблема до сих пор не решена, так как уже появляются альтернативные методики, предполагающие организацию параллельного голосования посредством Интернета, что, в случае высокой компьютеризации населения, оказывает значительное влияние на итоговые результаты. Второй круг проблем порождается значительными техническими сложностями организации E.P., что влечет за собой колоссальные финансовые затраты. Поэтому заказчиком, таких исследований, как правило, выступают крупные СМИ, иногда – даже совместно, а исполнителем – ведущие социологические службы.

Для исследователей основные технические проблемы при проведении E.P., прежде всего, вызваны большим объемом выборки (**см.**) и необходимостью обрабатывать информацию в оперативном режиме, что требует увеличения количества задействованных сотрудников, кроме того, интервьюеры должны быть обеспечены надежными средствами связи с отделом обработки информации.

В E.P. чаще всего используется многоступенчатая районированная выборка. При построении выборки (**см.**) генеральной совокупностью (**см.**) являются все лица, *фактически* участвующие в процедуре голосования. Объем генеральной совокупности (соответственно, и количество ступеней отбора) варьируется в зависимости от уровня выборов (локальные, региональные, национальные и т.п.). Ступени отбора определяются по административно-территориальному критерию. Единицы репрезентации последней ступени – избирательные участки. Так, при работе по общенациональному избирательному округу (президентские выборы) количество отобранных на предпоследней ступени (например, в данном городе) избирательных участков должно быть пропорционально числу респондентов, опрашиваемых в этом городе по национальной выборке. Единицы наблюдения (респонденты) – лица, принявшие участие в выборах. В рамках избирательных участков, попавших в выборку, осуществляется сплошной отбор либо непрерывно, либо дискретно, через равные промежутки времени (например, каждый час).

Инструментарий чаще всего включает только один вопрос: "За кого из кандидатов (либо "за какую партию") Вы проголосовали?", хотя некоторые методики предполагают также фиксацию минимального набора социально-демографических признаков. Наряду с этим практикуется – однако чрезвычайно редко – постановка дополнительного вопроса относительно актуального политического события (например, отношение к какому-либо законопроекту). Но количество вопросов инструментария все же лучше ограничить до минимума в целях повышения оперативности и качества информации.

При работе по инструментарию, содержащему только один вопрос, первичная обработка информации проводится непосредственно "в поле". Через установленные промежутки времени каждый интервьюер передает полученные данные руководству (региональному начальнику опросной сети либо в головной офис). Обобщенные данные поступают к заказчику непрерывно, вплоть до закрытия избирательных участков.

В так называемых новых независимых странах для молодых социологических служб, обладающих сравнительно небольшим опытом осуществления крупномасштабных исследований, проведение E.P. является достаточно смелым шагом, поскольку предоставляемые заказчику данные верифицируются без затруднений, и все неточности могут непоправимо отразиться на репутации. Однако необходимо отметить, что, не смотря на все сложности в организации и проведении, E.P. остается важнейшим средством обеспечения легитимности выборов и общественного контроля над властью.

А.А. Тарнавский

Ж

"ЖЕЛАНИЕ И НАСЛАЖДЕНИЕ" – текст Делеза (**см.**) ["Desir et plaisir", написан в 1977, предназначался для приватного использования: через общего знакомого был передан лично Фуко (**см.**); опубликован в 1994]. Делез анализирует возможные точки пересечения понятий собственной философской системы ("детерриториализация", "желание", "тело без органов" и т.п.) и языковых средств работ Фуко "Надзирать и наказывать", "Археология знания", "Воля к знанию" ("дисциплина", "подавление", "организация власти" и т.п.).

Размышления Фуко об устройстве власти (**см.**) Делез полагает "основными положениями" работы "Надзирать и наказывать" (**см.**) ввиду того, что: 1) такое понятие власти отличается "глубокой политической новизной"; 2) была обнаружена "пропорция" отношений между дискурсивными и недискурсивными образованиями [подробнее см. **"Фуко" (Делез)**], а тем самым преодолен дуализм в их понимании, сохранявшийся еще в "Археологии знания" (**см.**); 3) было сформировано понимание устройства власти, основанное на концепции "нормализации и дисциплины" вместо "подавления или идеологии". Делез отмечает, что, анализируя "устройство власти" посредством изучения уровня ее микроустройств, Фуко не ограничивается философским ходом "рассеивания" смысла; одновременно конструировалась некая диаграмма, абстрактная машина, имманентная всему социальному полю. В работе "Воля к знанию", по мысли Делеза, Фуко, по-прежнему отвергая подавление и идеологию в устройстве власти, стремится осмыслить не столько нормализующие, сколько учреждающие ее функции. Учреждение это осуществляется, по Фуко, посредством сферы, схватываемой "позитивной" категорией "сексуальность". Делез усматривает в этой процедуре некоторую опасность: "не возвращается ли Мишель к чему-то вроде "учреждающего субъекта" и откуда в нем потребность вернуть к жизни истину, даже если он превращает ее в новую концепцию?" Далее Делез касается природы микро- и макроанализа, используемых Фуко, начиная с книги "Надзирать и наказывать". С одной стороны, по Делезу, в книге "Воля к знанию" Фуко отвергает различие между ними /микро- и макроанализом. – *А.Г.*/, которое бы порождалось масштабом; при этом микроустройства "обретают у Мишеля вполне стратегическое измерение". С другой, Делез ставит вопрос: "можно ли при такой разнородности все еще говорить об устройствах власти? На уровне микроанализа понятие "Государство" применить невозможно, поскольку, как утверждает Мишель, Государство невозможно миниатюризировать. Но применимо ли тогда понятие власти, не является ли и оно миниатюризацией какой-то глобальной концепции?" Делез отмечает "первое расхождение" с Фуко: по мысли Делеза, "микроустройства" вряд ли могут "быть описаны в терминах власти". Именно поэтому в совместных текстах с Гваттари Делез предпочитал рассуждать о "распорядке желания": по его мнению, желанию никогда нет ни "природного", ни "случайного" определения. По Делезу, "феодализм, к примеру, – новый распорядок отношений с животным (лошадью), землей, с выходом за пределы некоей территориальности (рыцарские странствия, Крестовые походы), с женщинами (рыцарская любовь) и т.п.". Делез пишет, что "желание вращается в этом распорядке разнородностей, в этом своеобразном "симбиозе": желание – то же, что и некий определенный распорядок, некое совместное функционирование... Распорядок желания включает в себя устройства власти (феодальной, к примеру), но располагать последние следует среди различных его компонент". По мысли Делеза, провести параллель и осуществить пересечение между понятийными рядами двух философских подходов возможно так: "Устройства власти возникают... всюду, где происходит перетерриториализация... Стало быть, устройства власти – компоненты распорядков, но те включают также и моменты детерриториализации... Распоряжаются и устанавливают не устройства власти, а... распорядки желания, от которых... отпочковываются властные образования". Делез полагает важной ("в отличие от Мишеля") формулировку вопроса: "как может быть власть желанной?" и видит путь к ее решению в том, что власть понимается "как аффект желания (подразумевая при этом, что желание вовсе не является "природной реальностью")". Анализируя соотношение "желание – сексуальность" в контексте идеи "подавления", Делез акцентирует следующее: Фуко полагает ("Воля к знанию"), что "устройство сексуальности низводит сексуальность к сексу (к различию между мужчиной и женщиной и т.п.; и свою роль в этом принижении сексуальности играет психоанализ). Я усматриваю тут эффект подавления... сексуальность в качестве распорядка исторически изменчивого и исторически определимого желания, со своими моментами детерриториализации, течения, комбинаций низводится до

некоей молярной инстанции "секса"; и даже если приемы этого понижения не являются репрессивными, результатом (не идеологическим) все равно оказывается подавление, так что нарушается не только потенциальный, но и микрореальный распорядок".

Согласно Делезу, "огромная новизна теории власти Мишеля заключается в следующем: общество себе не (или почти не) противоречит. Его ответ: стратегизироваться, стратегизировать... Мне от этой идеи не по себе". Возражение Делеза (формулируемое в стилистике идей шизоанализа – см. **Шизоанализ**) следующее: "общество, социальное поле себе не противоречит, но первостепенно, что оно отовсюду бежит, первичны (пусть даже не хронологически) линии уклонения". Линии уклонения составляют ризому, картографию социального поля. Линии уклонения, по Делезу, аналогичны импульсам детерриториализации, это "точки детерриториализации в распорядке желания". "Стратегия", согласно Делезу, "не может не быть вторичной по отношению к линиям уклонения"; "желание" же дает о себе знать именно "в линиях уклонения ... оно с ними сливается". Излагая суть проблем, где собственные позиции Делеза и схемы Фуко кардинально различны, автор подчеркивает: "имеется три понятия, которые Мишель наполняет совершенно новым смыслом, не до конца их, правда, развив: отношения сил, истин, наслаждений". С точки зрения Делеза, у Фуко "нет параллелей линиям уклонения и импульсам детерриториализации, коллективным историческим решениям. Для меня /Делез о себе. – *А.Г.*/ не стоит проблема статуса явлений сопротивления: коли линии уклонения являются первичными решениями, коли желание распоряжается социальным полем, получается, что устройства власти и порождаются распорядком желания, и подавляют его, ставят ему заслоны". Осмысливая проблему статуса критического мышления в обществе, Делез пишет: "Я разделяю отвращение, испытываемое Мишелем к так называемым маргиналам ... Но для меня линии уклонения, т.е. распорядки желания, не созданы маргиналами. Наоборот, маргиналы размещаются на пересекающих общество объективных линиях, то тут, то там они стягивают эти линии, переплетают их, перекодируют. Посему я не нуждаюсь в статусе явлений сопротивления: как я полагаю, *первично в обществе то, что все в нем бежит, все детерриториализируется* /выделено мною. – *А.Г.*/".

Рефлексируя на предмет взаимного неприятия терминов (аллергия Фуко на слово "желание", отказ Делеза от слова "наслаждение"), Делез фундировал эвристическую полезность понятия "желание" тем, что оно: 1) не фиксирует какую-либо нехватку; 2) не является природной данностью; 3) составляет единое целое с функционирующим распорядком разнородностей; 4) является процессом (а не жесткой структурой); 5) является аффектом (а не чувством); 6) это активность каждого ("всеактивность" у Делеза), а не безличная субъективность; 7) это событие. Главным же является, по мысли Делеза, то, что именно желание конституирует "поле имманентности" или "тело без органов". Делез резюмирует, что действительно существенна идея Фуко о том, что "устройства власти имеют прямое, непосредственное отношение к телу". С точки зрения же самого Делеза, значимо это лишь в той мере, в какой на тела налагается организация. По Делезу, "в то время как тело без органов является местом или проводником детерриториализации (образуя тем самым план имманентности желания), все организации, вся система того, что Мишель называет "биовластью", осуществляют перетерриториализацию тела".

Сопоставляя философско-социологический язык Фуко и собственные понятийные средства, Делез характеризует "два совершенно различных типа планов": своего рода трансцендентный план организации, инициируемый Государством, противопоставленный имманентному плану распорядка, осуществляющегося по линиям уклонения. По мысли Делеза, связь между властью и знанием в анализе Фуко можно объяснить так: власти подразумевают план-диаграмму первого типа (например, греческий полис и геометрия Эвклида); противопоставлен же власти иной тип плана – "малые знания" (архимедова геометрия; или геометрия соборов, против которой ополчилось Государство).

А.А. Грицанов

ЖИЖЕК (Zizek) Славой (р. 1949) – социальный философ, уроженец Словении. Президент люблянского Общества теоретического психоанализа. Основные сочинения: "Все, что вы хотели знать о Лакане, но боялись спросить Хичкока" (1988); "Возвышенный объект идеологии" (1989); "Возлюби свой симптом" (1992); "Сосуществование с негативом" (1993); "Зияющая свобода" (1997) и др.

В создании своей методологии исследования феноменов духовной жизни середины – второй половины 20 в. Ж. исходит из того, что в современной философии обозначились четыре разных понимания субъекта и, соответственно, четыре различные этические позиции, взаимоотношения между которыми выражаются противостояниями Хабермас (см.) – Фуко (см.), Альтюссер (см.) – Лакан (см.). По мысли Ж., в конце 20 ст. "дебаты между Хабермасом и Фуко заслонили другое противостояние, другой спор, теоретически более принципиальный: противостояние Альтюссер – Лакан... Налицо показательный случай теоретической амнезии". Хабермас выступает, по Ж., сторонником "этики непрерывной коммуникации, идеала универсальной, прозрачной интерсубъективной общности; используемое им понятие "субъект" – это, безусловно, пресловутый субъект трансцендентальной рефлексии в версии, разрабатываемой философией языка". Фуко, согласно Ж., осуществляет нечто подобное "эстетизации этики": "субъект должен создать собственный модус самообладания; он должен привести к гармонии антагонистические начала в себе самом, так сказать, изобрести себя, выработать себя как субъекта, обретшего собственное искусство жизни. Это объясняет то, почему Фуко так привлекали маргинальные стили жизни, значительно повлиявшие на его индивидуальность (к примеру, садомазохистская гомосексуальная культура). [...] Фуко понимает субъекта достаточно классично: субъект – это самоконтроль и гармонизация антагонизмов, это воссоздание своего уникального образа и "пользование наслаждениями". Альтюссер же, по мысли Ж., совершает решительный прорыв, настаивая на том, что человеческое состояние как таковое характеризует некая трещина, некий разлом, неузнавание, утверждая, что идея возможности преодоления идеологии является идеологической *par excellence* /преимущественным образом. – *А.Г.*/".

Как отмечает Ж., между Реальным и его символизацией располагается значимая дистанция: "Реальное избыточно по отношению к любой символизации, функционирующей как желание, направленное на объект" /иными словами: стремле-

ние всех без исключения "великих" революционеров-преобразователей общества тотально гармонизировать социальное целое неизбежно предполагает предельную редукцию соответствующих представлений о мире; Реальное несравненно богаче и разнообразнее, "избыточнее" любых схем его силовой трансформации. – *А.Г.Л.* Анализируя фрейдистскую идею "влечения к смерти", Ж. отмечает, что она суть "не столько биологический факт, сколько указание на то, что психический аппарат человека подчинен слепому автоматизму колебаний между стремлением к удовольствию и самосохранением, взаимодействию между человеком и средой. Человек есть – Гегель *dixit* – "животное, болеющее до самой смерти", животное, изнуряемое ненасытными паразитами (разум, *логос*, язык). В этом смысле "влечение к смерти", это предельно негативное измерение, никак не касается тех или иных социальных условий, оно определяет... сами условия человеческого бытия как таковые: это влечение неизбежно и непреодолимо; задача состоит... в том, чтобы уяснить его, чтобы научиться распознавать его ужасные проявления и после... попытаться как-то определить свой *modus vivendi* /образ жизни. – *А.Г.Л* в такой ситуации". Согласно Ж., любая культура "есть и следствие и причина этого дисбаланса, есть способ... *культивировать* этот дисбаланс, это травматическое начало, этот радикальный антагонизм". Как подчеркивает Ж., "...следует не только отказаться от попыток преодолеть этот сущностный антагонизм, но и признать, что именно стремление искоренить его приводит к соблазну тоталитаризма: массовое уничтожение людей и холокост совершались во имя человека как гармонического существа, Нового Человека, избавленного от антагонистических противоречий".

Ж. полагает, что "первым постмарксистом /Ж. полагает существенной чертой постмарксизма отказ от глобального революционизма. – *А.Г.Л* был не кто иной, как сам Гегель: согласно Гегелю, противоречия гражданского общества не могут быть искоренены без скатывания к тоталитарному террору – государству лишь следует не позволять им выходить из-под контроля". По мнению Ж., наиболее продуктивной в контексте теоретической реконструкции природы и сущности идеологии выступает в настоящее время теория социальности, разрабатываемая Э. Лакло и Ш. Муффом ("Гегемония и социальная стратегия". Лондон, 1985). По их версии, фундаментом любой модели социальности должен выступать тезис о неизбывности основополагающего антагонизма – "некой недостижимой сущности, оказывающей сопротивление символизации, тотализации, символической интеграции. Любые попытки символизации-тотализации вторичны: в той мере, в какой они выступают попыткой сшить *исходный* разрыв, они по определению рано или поздно обречены на провал... Наше время заимствовано, любое решение временно и неоднозначно, это не более, чем полумера в отношении фундаментальной недостижимости" (Ж.).

Согласно главному тезису Ж., подобное понимание антагонизма было предложено именно Гегелем: "диалектика для Гегеля – это прослеживание краха любых попыток покончить с антагонизмами, а вовсе не повествование об их постепенном отмирании; *абсолютное знание* означает такую субъективную позицию, которая полностью принимает *противоречие* как внутреннее условие любой идентичности". С точки зрения Ж., прочтение диалектики Гегеля на основе лакановского психоанализа позволяет обнаружить у немецкого философа "утверждение различия и случайности – *абсолютное знание* само по себе есть не что иное, как теория определенного рода радикальной *утраты*". Постулируя рационализм (в качестве "самой радикальной на сегодня версии Просвещения") и анти-постструктурализм Лакана, Ж. создает собственную оригинальную методологию исследования современных феноменов идеологии – *цинизма*, "*тоталитаризма*", *неустойчивости демократии*. По схеме Ж., цинизм правящей культуры осознает "дистанцию, разделяющую идеологическую маску и действительность", но не отказывается от этой маски; тоталитарная идеология, например, предпочитает "внеидеологическое насилие и посул наживы". Современные субъекты идеологии "прекрасно осознают действительное положение дел, но продолжают действовать так, как если бы не отдавали себе в этом отчета". Если бы "иллюзия относилась к сфере *знания*, то циническая позиция действительно была бы позицией постидеологической, просто позицией без иллюзий: *Они сознают, что делают, и делают это*. Но если иллюзия содержится в реальности самого действия, то эта формулировка может звучать совсем иначе: *Они сознают, что в своей деятельности следуют иллюзии, но все равно делают это*" (Ж.). С точки зрения Ж., мир Кафки является не "фантастическим образом социальной действительности", а "*мизансценой фантазма, работающего в самой сердцевине социальной действительности*: все мы прекрасно сознаем, что бюрократия не всесильна, однако, попадая в бюрократическую машину, ведем себя так, как будто верим в ее всемогущество" /выделено автором. – *А.Г.Л.*

"Социальная действительность", согласно Ж., суть "последнее прибежище этики": эта действительность "поддерживается определенным *как если бы* (мы ведем себя так, *как если бы* верили во всемогущество бюрократии... *как если бы* партия выражала объективные интересы рабочего класса...)". Как только эта вера (по Ж., "воплощение, материализация конкретных закономерностей социального целого") оказывается утраченной – "распадается сама текстура социального поля". Ж. обращает особое внимание на вышеупомянутый тезис Альтюссера об изначальной "расколотости" существа человека, а также на мысль Лакана о субъекте как изначально расколотом, расщепленном по отношению к объекту в себе. Субъект, по Ж., есть ответ Реального (объекта, травматического ядра) на вопрос Другого. Как таковой, "любой вопрос вызывает у своего адресата эффект стыда и вины, он расщепляет, истеризует субъекта; эта истеризация и конституирует субъекта... Субъект конституируется своей собственной расщепленностью, расколотостью по отношению к объекту в нем. Этот объект, это травматическое ядро и есть то измерение, которое мы уже упоминали как измерение *влечения к смерти*, травматического дисбаланса... Человек – это *природа, тоскующая по смерти*, потерпевшая крушение, сошедшая с рельсов, соблазнившись смертоносной Вещью". Ж. фиксирует, что понимание Гегеля как философа, возводящего "онтологию субъекта к статусу субстанциональной сущности бытия", ошибочно, ибо упускается следующее. У Гегеля "переход от сознания к самосознанию предполагает некую радикальную *неудачу*: субъект (сознание) хочет проникнуть в тайну, скрытую за занавесом; его попытки оказываются безуспешны, поскольку за занавесом ничего нет, *ничего, что "есть" субъект*".

Фундаментальное гегелевское различие между субстанцией и субъектом, по Ж., в том, что "субстанция – это позитивная, трансцендентная сущность, которая, как предполагается, скрыта за занавесом феноменального мира. *Понять, что субстанция есть субъект,* значит понять, что занавес феноменального мира скрывает прежде всего то, что скрывать нечего, а это *ничто* за занавесом и есть субъект". Главным фоном для идеологии выступает сегодня "не то, что ложь выдается за истину, а в том, что истина выдается за ложь – то есть обман состоит в симуляции обмана". Ж. пишет: "Известная в Югославии шутка /имеется в виду Югославия так называемого "народного самоуправления" времен И.Б. Тито. – *А.Г.*/ выражает квинтэссенцию этой ситуации: *При сталинизме представители народа ездят на "мерседесах", а в Югославии сами люди ездят на "мерседесах" – по доверенности от своих представителей.* То есть самоуправление в Югославии – это такая ситуация, при которой субъект должен распознать в фигуре, воплощающей "отчужденную" субстанциональную власть (в фигуре бюрократа за рулем "мерседеса"), не только внешнюю силу, противостоящую ему – "своего другого", – но и *себя самого в своей инаковости* и таким образом "смириться" с происходящим". Ж. убежден, что прочтение идей Гегеля именно сквозь призму взглядов Лакана способствует новому пониманию идеологии и позволяет избежать, например, постмодернистской иллюзии о "постидеологичности" условий современной общественной жизни.

А.А. Грицанов

З

"ЗАБЫТЬ ФУКО" ("Oblier Foucault", 1977) – сочинение Бодрийара (**см.**). По мысли автора, текст Фуко (**см.**) предлагает идею "генеративной спирали власти" в ее "непрерывном разветвлении", а также "текучесть власти, пропитывающую пористую ткань социального, ментального и телесного". Дискурс Фуко – зеркало тех стратегий власти, которые он описывает. По Бодрийару, для Фуко существуют лишь "метаморфозы" политики: "превращение деспотического общества в дисциплинарное, а затем в микроклеточное... Это огромный прогресс, касающийся того воображаемого власти, которое нами владеет, – но ничего не меняется в отношении *аксиомы* власти: ей не отделаться... от своего обязательного определения в терминах реального функционирования". Бодрийар формулирует проблему: может и сама сексуальность (о которой так много писал Фуко), как и власть, "близится к исчезновению"? Если, по Фуко, буржуазия использовала секс и сексуальность, чтобы наделить себя исключительным телом и авторитетной истиной, а затем под видом истины и стандартной судьбы навязать их остальному обществу, то не исключено, что этот симулякр – плоть от плоти буржуазии, и что он исчезнет вместе с ней. Главный тезис Фуко, по Бодрийару, в этом тематизме таков: подавления секса никогда не было, существовало предписание о нем высказываться, существовало принуждение к производству секса. Всей западной культуре был предписан сексуальный императив. "Спираль", которую предлагает Фуко: "власть – знание – наслаждение" /об отношении Фуко к понятию "желание" см. **"Желание и наслаждение" (Делез).** – *А.Г.*/. Подавление – это никогда не подавление секса во имя чего бы то ни было, но подавление посредством секса. Секс осциллирует в модели Бодрийара между "производством" и "соблазном", противостоящим производству. Для европейской культуры сексуальное стало исключительно актуализацией желания в удовольствии.

По мысли Бодрийара, "мы – культура поспешной эякуляции". Наше тело не имеет иной реальности, кроме реальности сексуальной и производственной модели. Сексуальный дискурс, согласно Бодрийару, "создается в подавлении... В подавлении и только там секс обладает реальностью и интенсивностью... Его освобождение – это начало его конца... Мы сделали секс необратимой инстанцией (как и власть), а желание – силой (необратимой энергией)... Власть и желание – процессы необратимые. Это обеспечивает сексуальности мифическую власть над телами и сердцами. Но это же делает ее хрупкой". См. также: **Порнография, "Надзирать и наказывать" (Фуко).**

А.А. Грицанов

ЗАКОН – традиционно – существенная, необходимая, устойчивая, повторяющаяся связь (отношение) между явлениями. Категория З. выражает в своем содержании тот, не зависящий от нашего сознания, факт, что предметы и явления окружающего мира функционируют и развиваются в соответствии с присущими им существенными, необходимыми, повторяющимися, устойчивыми отношениями (связями). Важнейшие черты З. – необходимость, всеобщность, повторяемость и инвариантность. Традиционно принято полагать, что существуют различные типы З.

Так, в макромире принято различать три типа З.: З. – тенденция, З. однозначной детерминации, имеющий место главным образом в технике, и статистический З. – З. больших чисел. В микромире действуют вероятностные З., обусловленные корпускулярно-волновым дуализмом микрообъектов.

В философских системах Древнего Востока и Греции под З. понимался объективный порядок, внутренне присущий миру естественный путь развития всех вещей. Из средневековых мыслителей первым обращается к термину "З. природы" Фома Аквинский. Понятие З. в его учении тождественно понятию диктата, предписания, веления божественного разума. Религиозная трактовка З. в учении Фомы Аквинского долгое время служила препятствием для использования в рамках естествознания самого термина "З.". Леонардо да Винчи, Г. Галилей, И. Кеплер и другие ученые предпочитали ему такие выражения, как "аксиома", "правило", "разумное основание" и т.д. Однако уже в эпоху Возрождения Дж. Бруно использует понятие "З. природы" для пантеистического выражения идеи всеобщей естественной необходимости. В нау-

ке и философии Нового времени понятие "З. природы" подвергается коренному переосмыслению. Под З. природы начинают понимать общие, устойчивые и повторяющиеся, а также внутренне необходимые связи и отношения самих вещей и явлений природы. Начало широкому употреблению понятия "З. природы" в философии и науке Нового времени было положено Р. Декартом. Согласно Декарту, важнейшими атрибутами З. являются неизменность и вечность. Т. Гоббс делает понятие "З." важнейшим элементом своей социологической концепции. Согласно Гоббсу, человек как часть природы подчинен всеобщему З. природы – стремлению к самосохранению. На путях осуществления в обществе данного З. встречаются различные препятствия, которые преодолеваются только благодаря разуму человека, открывающему определенные правила общежития, которые Гоббс и называет естественными З. Спиноза полагал, что З. природы – это такие "решения" и "постановления" Бога, в соответствии с которыми определено прежде всего его собственное существование, что в них выражена абсолютная необходимость. В учениях французских просветителей и философов-материалистов 17-18 вв. утверждается, что "законы... есть результат необходимых отношений, вытекающих из природы вещей". Понятие "З." у И. Канта является средством выражения необходимых отношений между элементами познавательной деятельности субъекта. Чаще всего Кант использовал понятие "З." для выражения отношения субординации между общим и единичным, между категориями и явлениями в процессе их взаимодействия при формировании знания. По Канту, З. науки являются высшей формой рассудочного знания. Г. Гегель увязывает З. с устойчивыми, необходимыми существенными особенностями развития абсолютной идеи, формулируя основные З. диалектики.

В настоящее время термин "З." не пользуется распространенностью в социально-гуманитарных дисциплинах. Предполагается, что в сферах своей реализации общественные З. и закономерности носят преимущественно статистический характер. См. **Вероятность**.

Т.В. Самущик

ЗАКОН БОЛЬШИХ ЧИСЕЛ – статистический закон, выражающий связь статистических показателей (параметров) выборочной (**см.**) и генеральной совокупности (**см.**). Фактические значения статистических показателей, полученные по некоторой выборке, всегда отличаются от т.н. теоретических значений, свойственных генеральной совокупности. З.Б.Ч. состоит в том, что фактические данные все более приближаются к теоретическим ожидаемым значениям по мере возрастания числа наблюдений, т.е. при увеличении объема выборки происходит взаимное "погашение" индивидуальных отклонений от некоторого уровня, свойственного генеральной совокупности в целом, и проявляется закономерность, лежащая в основе изучаемого явления. Из З.Б.Ч. следует, что для каждого параметра генеральной совокупности может быть рассчитан минимальный объем выборочной совокупности, при котором (при условии обеспечения репрезентативности – **см.** – выборки) разница между теоретическим и фактическим значениями параметров не превышает заданной величины.

О.В. Терещенко

ЗАКОН КОНКУРЕНЦИИ – социально-экономический закон, влияющий через отношения субъектов собственности на взаимодействие законов разделения и перемены труда. "Это закон, который все снова и снова выбивает буржуазное производство из прежней колеи и принуждает капитал напрягать производительные силы труда, *потому что* он напрягал их раньше; закон, который не дает капиталу ни минуты покоя и постоянно нашептывает ему: Вперед! Вперед! Это именно тот самый закон, который в рамках периодических колебаний торговли неизбежно выравнивает цену товаров по издержкам их производства" (Маркс К., Энгельс Ф.).

Ареной действия З.К. выступает все общественное производство, источником саморазвития – постоянное возникновение и разрешение социального противоречия (**см.**) между необходимостью максимальной самореализации человека во имя выживания и сопротивлением общественной среды этому естественному проявлению. В ходе развертывания научно-технического прогресса это противоречие разрешается, с тем чтобы возникнуть вновь и разрешиться на новой ступени общественного развития. Виды конкурентной борьбы все усложняются, становятся более многообразными и вариативными, принимают все более опосредованный характер. Наряду с конкуренцией мелких и средних производителей конкурентная борьба ведется между монополиями в одной отрасли хозяйства, между монополиями смежных отраслей, внутри монополий, между монополизированными и немонополизированными предприятиями и т.д. Конкуренция на современном этапе входит во все сферы экономических отношений. Вместе с тем, несмотря на разнообразие и сложность видов конкурентной борьбы, ее результаты строго детерминированы соотношением возможностей и способностей тех или иных субъектов конкуренции.

Основные формы проявления З.К. отражают различные типы взаимодействия законов разделения и перемены труда через отношения субъектов собственности. Они выражаются в четырех классических моделях: совершенной (чистой) конкуренции, а также в виде ее несовершенных форм – монополистической конкуренции, олигополистической конкуренции и чистой монополии. Совершенная конкуренция порождает наиболее органичное взаимодействие законов разделения и перемены труда, не сдерживаемое внешними ограничителями: отсутствует контроль над ценой, спрос очень эластичен, не практикуются неценовые методы, устранены препятствия для организации бизнеса. Противоположностью конкуренции выступает монополия. В данной модели одна фирма является единственным продавцом данной продукции, не имеющей близких заменителей, контроль над ценами значительный, спрос неэластичный, вход в отрасль для других фирм закрыт. В связи с отсутствием катализирующего влияния конкуренции через

отношение субъектов собственности блокируются естественные взаимосвязи между законами разделения и перемены труда.

Г.Н. Соколова

ЗАКОН ПЕРЕМЕНЫ ТРУДА – социально-экономический закон общественного производства, выражающий объективные, существенные, непрерывно усиливающиеся и расширяющиеся связи между революционными изменениями в техническом базисе производства, с одной стороны, и функциями рабочих и общественными комбинациями процесса труда – с другой. Ускоряющаяся подвижность трудовых функций – непреложное требование З.П.Т.

В контексте требований З.П.Т. речь идет об универсальности рабочей силы, ее гибкости, многосторонности, приспособляемости как условию ее способности к перемене труда. Основными причинами, вызывающими потребность в перемене труда, являются перевороты в техническом базисе производства. Во-первых, меняя технику, технологию и организацию производства, они приводят к исчезновению одних профессий и возникновению новых, связанных с использованием техники более высокого уровня. Во-вторых, создавая более прогрессивные отрасли производства, перевороты в техническом базисе резко изменяют пропорции в балансе рабочей силы, что ведет к изменению ее профессионально-квалификационной структуры. Если на первых этапах развития крупной промышленности в течение трудовой деятельности одного поколения изменения в профессиональной структуре были малоощутимы, чтобы разглядеть тенденцию к перемене труда, то на современном этапе одного поколения возникает потребность в смене профессии два-три и более раз.

Природа крупной промышленности постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли в другую. Поэтому природа крупной промышленности обусловливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего. Революционизация разделения труда влечет за собой радикальные перемены в его содержании, а последнее создает предпосылки для появления новых отраслей экономики и новых профессий. Перемена труда может осуществляться во времени, в пространстве, а также во времени и пространстве одновременно. При рассмотрении перемены труда во времени необходимо различать полное переключение с одного вида работы на другой, осуществляемое в больших интервалах времени, и чередование различных видов деятельности. Перемена труда в пространстве связана с управлением комплексами автоматических систем, включающих разнообразные виды работ. В отечественном производстве З.П.Т. проявляется в трех основных формах: перемена труда в границах данной профессии; переход от одного вида работ к другому; сочетание основной работы с различными видами деятельности на общественных началах. Многообразие форм проявления З.П.Т. непосредственно зависит от степени развертывания научно-технического прогресса.

Г.Н. Соколова

ЗАКОН РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА – социально-экономический закон, определяющий динамику разделения труда на его различные виды (физический и умственный, промышленный и сельскохозяйственный, исполнительский и управленческий и др.) и одновременно – основу деления общества на социальные группы, занятые названными видами труда, и отношения между группами в зависимости от их социального статуса и престижа труда.

З.Р.Т. зародился в рабовладельческом обществе, в условиях почти полного отрыва умственной деятельности от задач материального производства. Существенными чертами разделения труда в античную эпоху было развитие кооперации, без которой оснащенный примитивными орудиями труд рабов не мог бы обеспечить выполнение титанических работ. Особенности разделения труда в эпоху феодализма связаны с характером феодальной собственности. В соответствии с двумя формами собственности (земельной – феодалов и корпоративной – ремесленников) приобретало все более резкие черты разделение труда на сельскохозяйственный и ремесленный. Обособление в городах торговли от производства вызвало появление особого слоя – купцов, сосредоточивших в своих руках все торговые связи. Возросшая потребность в товарах массового пользования (наряду с уникальными ремесленными изделиями) обусловила возникновение мануфактур, определяющих разделение труда внутри предприятия. В технико-организационном аспекте мануфактуры явились необходимым историческим этапом становления организации производства (хотя и на эмпирической основе) в интересах повышения производительности труда. В социально-экономическом аспекте мануфактуры являли собой особый метод производства относительно прибавочной стоимости, отражающий уровень развития экономических отношений в обществе. Вместе с тем разделение труда внутри предприятия выявило свое разрушительное действие на личность работника, вынужденного всю свою жизнь выполнять ограниченный набор простых операций.

В период раннего капитализма (**см.**) мануфактурное разделение труда создало предпосылки возникновения крупной промышленности. Приближение ко все большей синхронности операций положило начало стройной организации производства и непрерывности производственных процессов. На основе этих предпосылок и осуществилась промышленная революция 18 – первой половины 19 вв., сущность которой состоит в грандиозном скачке уровня производительности общественного труда, осуществленном путем замены мануфактурного производства производством, основанным на применении системы машин. Разделение труда становится из эволюционного революционным в середине 20 в., когда наука превращается в необходимый компонент производства.

Первое проявление воздействия науки на разделение труда внутри предприятия выразилось в том, что в системе машин это разделение стало определяться объективным производственным механизмом. Второе – состоит в том, что машинное производство уничтожает необходимость пожизненно прикреплять рабочих к выполнению одних и тех же функций. Воплощаясь в системы машин, наука постоянно произ-

водит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих, требуя их переобучения. Третье – связано с главным направлением в изменении функций рабочих: внедрение в производство научных достижений изменяет пропорции в соотношении затрат умственного и физического труда (в индустриально развитых странах оно составляет 70:30). По мере развития данной закономерности разделение труда становится главным фактором развития универсальной рабочей силы на рынке труда.

Г.Н. Соколова

ЗАКОН СООТВЕТСТВИЯ СОДЕРЖАНИЯ И ХАРАКТЕРА ТРУДА – отражение в сфере труда (см.) более общего закона взаимного соответствия уровня развития производительных сил и состояния производственных отношений.

Рассмотрение эволюции труда в историческом аспекте показывает, что наиболее примитивный по своему содержанию ручной труд сочетался с личной принадлежностью раба рабовладельцу (рабский труд); ручной ремесленный труд, допускающий самостоятельность и творчество, но на низком уровне технологии, характерен для феодального общества; с развитием механизации и повышением качества производительной силы труда началось развитие капиталистического общества с наемным трудом лично свободных работников. Однако радикальное изменение производительных сил не обязательно влечет за собой смену общественно-экономических стадий эволюции общества, иногда вызывая *реорганизацию* производственных отношений (по выражению Н.Д. Кондратьева – см.) в рамках наличного качественного состояния социума. Взаимоотношение человека и средств труда, являясь важнейшим моментом внутренней диалектики производительных сил, не исчерпывает диалектики самого труда как активного процесса воздействия на природу. В трудовом процессе средства труда выступают слитно с человеком как одно целое, направленное на обработку предметов труда. Это – различие внутри единства, которое представлено в производительных силах и которое содержит собственное движущее противоречие, реализующееся в условиях взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Именно на это противоречие внутри производительных сил обратил внимание Кондратьев, создавший теорию малых (3–5 лет), средних (7–11 лет) и больших (около 50 лет) циклов экономической конъюнктуры.

Переинтерпретируя основания соответствующей социологической модели Маркса (см.) посредством принципиально новых инструментариев описания, Кондратьев показал, что повышающей волне больших циклов наблюдается оживление в сфере технических изобретений и внедрении этих изобретений, связанное с реорганизацией производственных отношений. На понижающей волне кризиса и депрессий создаются предпосылки для перехода к новым технологическим принципам, что, в свою очередь, требует капиталовложений в обновление действующих производств и формирование новых отраслей. Эта реорганизация происходит в рамках одного общественного типа, отражая во многом принципы реорганизации производственно-технических отношений между людьми, определяемые новыми приоритетами научно-технического прогресса.

Основные эмпирические закономерности, в рамках действия З.С.С.иХ.Т., сводятся к следующим: 1) Перед началом повышающей волны каждого большого цикла, а иногда в самом ее начале наблюдаются значительные изменения в условиях хозяйственной жизни общества. Эти изменения выражаются в значительных технических изобретениях и открытиях, в глубоких изменениях техники производства и обмена, изменении условий денежного обращения, усилении роли новых стран в мировой хозяйственной жизни и т.д. 2) Периоды повышающих волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества, чем периоды понижающих волн. 3) Понижающие волны больших циклов сопровождаются длительной депрессией сельского хозяйства. 4) Большие циклы экономической конъюнктуры выявляются в том же едином процессе динамики экономического развития, в котором выявляются и средние циклы с их фазами подъема, кризиса и депрессий. Средние циклы как бы "нанизываются" на волны больших циклов, поэтому характер фазы большого цикла, на которую приходятся данные средние циклы, не может не отражаться на ходе средних циклов. Очевидно, что в период повышающих волн больших циклов преобладают годы подъемов, а в период понижающих волн больших циклов – годы депрессий.

Первый большой цикл, по Кондратьеву, охватывал период с 1795 по 1845, второй – с 1845 по 1895, третий – с 1895 по 1945, четвертый (предположительно) – с 1945 по 2000. Следуя методологии Кондратьева, можно проследить окончание третьего и четвертый большие циклы развития экономической жизни. Окончание третьего цикла связано, как известно, с развитием атомной энергетики, и одновременно – со Второй мировой войной, одной из предпосылок которой явилось возрождение и обновление тяжелой и военной индустрии Германии. Четвертый большой цикл ознаменован информационной революцией, приближающей человечество к информационному обществу (см.), в котором информация (см.) и знание (см.) выступают в качестве основной социальной ценности. Если в индустриальном обществе (см.) основные переменные – труд и капитал, то в информационном – информация и знания, которые замещают труд в качестве источника прибавочной стоимости. Итак, действие З.С.С.иХ.Т. связано с двумя условиями – наличием научно-технических изобретений и открытий, хозяйственными возможностями применения этих изобретений и открытий на практике – и включается в закономерный процесс экономического развития. Войны и социальные потрясения оказываются не исходными силами этого развития, а его функцией и формой, а именно – функцией и формой постоянно возникающих противоречий между человеком и средствами труда в их воздействии на предмет труда, между уровнем развития производительных сил и состоянием производственных отношений, связанных с борьбой за рынки сбыта и сферы экономического влияния.

Г.Н. Соколова

"ЗАКОНЫ И ОБЪЯСНЕНИЯ В СОЦИОЛОГИИ" – текст У. Аутвейта (**см.**). По мысли автора, "вокруг названного вопроса ведется два диспута. Первый – это диспут между философами науки о том, что такое научные законы. Второй – это спор о том, полезны ли такие законы для социологии и если да, то каково их применение".

Как отмечает Аутвейт, можно "рассматривать как непроблематичное утверждение о том, что социологи стремятся *объяснить* разные вещи, даже если понимать объяснение в предельно широком смысле, включающем в себя описание /**см.** – *В.А.*/ и понимание /**см.** – *В.А.*/ (в том особом значении, в котором это слово употребляется в социологии) и т.п.".

За основу рассуждений Аутвейт предлагает принять модель объяснения из "повседневной жизни и которая объединяет множество различных способов объяснять. В частности, ответом на вопрос о том, почему что-либо происходит, например на вопрос: "Зачем они это делают?", нередко будет описание действий. Если вы спросите о причине конкретного скопления людей, зачастую вполне удовлетворительными будут ответы: "Это – футбольный матч", "Это – полевая обедня" или "Демонстрация...". Конечно, затем могут возникнуть другие вопросы, скажем, почему матч проходит на стадионе Б, а не на стадионе А, или, более фундаментально: "А что такое футбольный матч, обедня и т.п.?". В ответ на первый вопрос можно сказать, что стадион А – лучше или более соответствует целям данного мероприятия; что стадион Б – закрыт на ремонт или, что может показаться более интересным, что мэрия решила удержать участников мероприятия как можно дальше от центра города. Интересная структурная особенность последнего из приведенных объяснений заключается в том, что оно объясняет, рассказывая историю или, по крайней мере, отсылая к возможной истории о процессе (или совокупности процессов), приведшем к объясняемой ситуации. Это, конечно, та самая форма объяснения, которую мы часто обнаруживаем в исторических повествованиях. Объяснение второго типа, отвечающее на вопрос: "А что такое матч, обедня и т.п.?", повлечет за собой более полное описание структуры, целей и других черт объясняемых действий. Результатом могут оказаться ни много ни мало многотомные исследования по социологии спорта, религии, политической деятельности и т.п.".

По мнению Аутвейта, вопрос заключается в том, могут ли законы помочь нам объяснить жизнь общества, или же они лишь сбивают нас с толку и отвлекают от искомого объяснения.

Как отмечает Аутвейт, в английском, как и во многих других европейских языках, термин "закон" применяется и к научным законам, и к правовым принципам, находящим свое выражение в законодательных актах, конституциях и т.п. Следовательно, если существует Верховный Законодатель, сотворивший мир, каков он есть, наблюдаемые нами в природе упорядоченности наверняка являются результатом того, что вещи повинуются "Его" воле, точно так же, как человеческие создания, в общем и целом, повинуются законам политических и религиозных сообществ, к которым они принадлежат.

Идея "законов природы" начинает отделяться от этой, исходно теологической, концепции примерно в 17 в., когда современная западноевропейская наука делает свои первые успешные шаги. Остаются, однако, две "близнецовые" идеи – "регулярности" и "необходимости". "Регулярность" означает, что вещи всегда ведут себя тем способом, который описывается законом; "необходимость" подразумевает, что они почему-либо вынуждены так себя вести. Люди же, которых, начиная с 19 ст., принято называть учеными, открывают такие законы и используют их для описания или объяснения явлений природы.

По мысли Аутвейта, как только философы принялись за анализ этих законов, идеи *регулярности* и *необходимости* перестали столь гармонично сочетаться друг с другом. С регулярностью особых проблем не возникало: любое исключение из правил можно было объяснить особыми обстоятельствами. Но *необходимость* стала изрядной помехой. Самый очевидный ход заключался в том, чтобы анализировать необходимость в терминах природы вещей и следующих из нее тенденций. Однако стало ясно, что этот путь ведет либо к антропоморфизму – из-за уподобления неодушевленных предметов и явлений людям, принимающим решение что-либо сделать, – либо к тривиальному объяснению, не добавляющему ничего нового к исходному утверждению о том, что некая регулярность имеет место быть.

Для доминирующего философского течения, называемого эмпиризмом, единственным источником определенности стал чувственный опыт. Исходя из этого, Д. Юм осуществил свой анализ причинных законов, который, в различных модификациях, остается самой влиятельной доктриной. Все, что мы можем наблюдать, и, следовательно, с точки зрения эмпиризма, все, что мы можем знать, это регулярное совпадение, смежность событий. Идея о наличии необходимой связи между сопряженными по времени событиями, с точки зрения Юма, является просто привычкой человеческого ума.

В период становления науки в привычном нам понимании, т.е. в Европе и Северной Америке 17-18 вв., эти различия в анализе причинных законов всячески сглаживались: общественные науки в их современной форме развивались в тени наук естественных и в постоянном с ними соотнесении.

Развитие науки носит прерывистый, полный противоречий характер. В частности, противоречивым является статус самих научных законов. А. Эйнштейн писал в 1923: "В той мере, в какой законы математики относятся к реальности, они неопределенны; и в той мере, в какой они определенны, они не относятся к реальности".

По мысли Аутвейта, нам следует решить лишь один вопрос: должны ли мы рассматривать общественные науки в качестве "умственно неполноценных" или, выражаясь политически корректным языком, нам следует трактовать их как "иначе одаренных"?

Диспут о статусе законов в социологическом объяснении неотделим, таким образом, от более широкого спора о том, насколько общественные науки должны следовать примеру

естественных. Данный диспут начался в 19 в. с возникновением противостояния между позитивистами и их критиками.

Термин "позитивизм" известен своей многозначностью, но можно считать бесспорным, что первым его использовал О. Конт для обозначения своих взглядов: источником обоснованного знания может служить исключительно научное наблюдение, а отдельные науки, включая и науку, для которой он изобрел название "социология", образуют единую иерархическую систему знаний.

Вплоть до начала 20 ст. под "социологией" на деле подразумевали труды Конта и Г. Спенсера. Особенно радикальным выражением позитивистского натурализма были теории, рассматривавшие общество как своеобразный организм.

Антинатуралистские взгляды, однако, смогли создать сильное оппозиционное течение в философии истории, особенно в немецкоговорящих странах. И.Г. Дройзен предпринял отчаянную атаку на позитивистскую историю, в особенности на ее воплощение в трудах английского историка Г.Т. Бокля. Антинатурализм Дройзена базировался на различении природы и духа (или разума), а также на своеобразии методов понимания последнего. Подразумеваемая здесь трактовка "понимания", как чего-то качественно отличного от наблюдения природных явлений, была выдвинута В. Дильтеем в его теории гуманитарных наук. В происходившем параллельно этому наступлении на натурализм Виндельбанд и Риккерт, занимаясь уже непосредственно проблемой метода, провели различие между генерализующим методом естественных наук и индивидуализирующим методом "наук о культуре" (истории, филологии и т.п.). Последние, как утверждал Риккерт, заинтересованы не в регулярностях, а в индивидуальных культурных явлениях, каким-то образом соотносящихся с человеческими ценностями. С этой точки зрения, очевидно, стремление к точной науке о законоподобных регулярностях в общественной жизни, если и не ошибочно, то едва ли может служить фундаментом для изучения человеческой истории.

Как отметил Аутвейт, термин "точная наука" оказался в центре происходившей в Германии дискуссии между "исторической школой" в экономике и теми, кто демонстрировал приверженность к более абстрактной форме экономической теории. Для исторической школы в экономике, как и для исторической школы в правоведении, очень существенным было положение о том, что экономические и правовые отношения должны рассматриваться как часть сложных исторических целостностей; они не могут быть абстрагированы из этого контекста и сведены к совокупности элементов, наподобие тех упрощающих анализ предположений о мотивах поведения, которые обычно можно найти в экономических теориях. Однако, отвергая поиск точных законов в экономике, историческая школа, как заметил ее критик К. Менгер, проявила отменный энтузиазм по отношению к глобальным законам общественного развития.

Современный позитивистский эмпиризм совершенно отвернулся от исторической сложности (и возможности обнаружить в этой исторической сложности какие-то законы развития) и стремится лишь упрощать, анализировать, абстрагировать.

Менгер занял некую компромиссную позицию, приняв существование двух подходов к науке: "реалистически-эмпирического" и "точного". Первый из них, индуктивный по своей природе, может вести только к приблизительным описаниям регулярностей; явления, таким образом, удастся упорядочить лишь посредством "реальных типов и эмпирических законов", не достигая уровня "истинных типов и точных законов".

Но, по Менгеру, существует и другой, "точный" метод исследования, который "стремится к установлению простейших элементов всего действительного. Он стремится к установлению этих элементов посредством анализа, который лишь отчасти является эмпирико-реалистическим, т.е. не принимая во внимание, являются ли сами эти элементы существующими в реальности независимыми феноменами... Таким образом, теоретическое исследование приходит к результатам... которые, вне всяких сомнений, не нуждаются в полномасштабной эмпирической проверке (так как обсуждаемые здесь эмпирические формы – например, абсолютно чистый кислород, чистый спирт, чистое золото, личность, преследующая чисто экономические цели и т.п., – отчасти существуют лишь в наших теоретических идеях)".

Одной из центральных тем в противостоянии Менгера и Г. Шмоллера стал анализ мотивов экономического поведения. Шмоллер критиковал "психологические" предположения классической экономики, на что Менгер замечал, что принятие эгоизма в качестве основного мотивационного постулата было всего лишь удобным упрощением: экономика не отрицает существование других мотивов, так же как теоретическая механика не настаивает на том, что не существует заполненного воздухом пространства. Эта экономическая дискуссия была, по меньшей мере, одной из причин предпринятой М. Вебером попытки разрешить споры, разработав концепцию "идеальных типов" /см. – *В.А.*/.

Эта концепция, введенная в социологию Зиммелем и Вебером, позднее стала центральным элементом в нескольких ключевых социологических подходах. Вебер принял, в широком смысле, менгеровское различение между историей и теорией или между "эмпирико-реалистическим" и "точным" подходами, но он предложил иное, чем Менгер, объяснение сути этого различения.

Во-первых, различие между этими двумя подходами восходит, по Веберу, не столько к различиях в предмете, с которым они имеют дело (социально-историческая тотальность против отдельных аспектов, или сторон, действительности), сколько к различиям в познавательных интересах, исходя из которых мы изучаем какие-то явления.

Во-вторых, в основе этого различения между "систематическим" и "историческим" подходами для Вебера лежит даже более важное различие между теми типами знания, которые достижимы и желательны с точки зрения естествознания, и теми, которые свойственны экономике и подобным ей наукам. Ожидать, что из экономических "законов" можно вывести конкретные, количественные предсказания, – значит находиться в плену "натуралистических предрассудков". Экономические "законы", согласно Веберу, могут иметь лишь

идеально-типическую форму. Однако их неприменимость к индивидуальным случаям не ставит под сомнение их эвристическую ценность.

Социология, таким образом, является для Вебера генерализующей наукой в том смысле, что в отличие от истории она ищет "общие закономерности в происходящем"; социологические теории не столько состоят из законоподобных утверждений, сколько используют последние – условно и по случаю. Социология – это, скорее, потребитель, а не производитель законов. К тому же, конечно, для того чтобы служить адекватным объяснением, эти закономерности должны быть "понятны". Они должны обладать "смысловой адекватностью" наряду с "причинной адекватностью" (в смысле достаточной эмпирической обоснованности).

Вебер рассматривал эмпирические регулярности как то, что подлежит объяснению, а не как объяснение само по себе. Адекватное социологическое объяснение всегда должно обладать свойством исторической конкретности и включать в себя ссылки на цели и ориентацию действия реальных либо "типических" индивидов. Даже если последствия этих действий окажутся непреднамеренными, как в случае протестантской геологии и "духа" капитализма, эти последствия не имели бы места, если бы индивидуальные деятели не поступали определенным образом, руководствуясь определенными мотивами.

Согласно Аутвейту, произошедшая во второй половине 20 ст. замена позитивизма на реалистскую философию науки привела к переформулировке диспута, но не к его разрешению. Ранее – в 1950-е и 1960-е – научная теория рассматривалась в математических терминах как интерпретация или содержательная "начинка" совокупности формальных отношений между переменными. Как и контовский позитивизм, логический эмпиризм полагал, что науки формируют или стремятся образовать в будущем единую, гармоничную систему. Решающее различие состояло в том, что логические позитивисты были редукционистами. Они были убеждены в том, что и язык, и, в конечном счете, законы всех других наук в пределе могут быть сведены к языку физики. В результате возникла ситуация, когда учебники по философии социальных наук изобиловали примерами, взятыми из физики для того, чтобы проиллюстрировать, что же такое теории, законы, объяснения и т.п.

По мнению Аутвейта, социальные науки оказались внутри какого-то замкнутого круга. Их теории, законы и объяснения были неудовлетворительны, так как используемые понятия были недостаточно точно определены. Но приблизительный характер понятий, в свою очередь, был связан с отсутствием устоявшихся теорий. Ортодоксальная позиция по проблеме законов и объяснений, таким образом, была одной из тех ортодоксий, чья действенность обратно пропорциональна получаемой ими доле критического анализа. Общественные науки, как и все прочие науки, должны ориентироваться на поиск объяснений, а объяснения должны включать в себя охватывающие законы. Такова была идеология, оправдывавшая практику, которая на деле состояла преимущественно в коллекционировании эмпирических результатов. Все соглашались с тем, что результаты должны допускать обобщение, но это требование часто воспринималось как сугубо техническое и сводилось к специальным проблемам получения репрезентативной выборки и измерения статистической значимости полученных результатов. Конечно, авторы стремились прежде всего не к систематизации социальных наук, а к энциклопедическому представлению достигнутых этими науками результатов, но их данные вполне очевидно являют собой продукт того, что Ч.Р. Миллс назвал "абстрактным эмпиризмом". Все это вело к тому, что статус теорий в социальных науках оставался радикально неясным. Теории, как мы видели, должны были состоять из общих законов; они также должны были обладать свойством проверяемости – либо в терминах исходной позитивистской теории верификации-подтверждения, либо в согласии с влиятельной поппоровской переформулировкой, требующей, чтобы научная теория могла быть в принципе фальсифицирована, опровергнута с помощью эмпирических доказательств. Эти два требования было трудно примирить. Довольно легко свести утверждения теории к упрощенной форме, допускающей проверку, но это не позволяло получить сколь-нибудь интересные общие законы.

И, пишет Аутвейт, наоборот: очень общие теории, подобные тем, которые были разработаны Т. Парсонсом, или, наконец, классические теории Маркса, Вебера или Дюркгейма не поддавались прямой проверке. В действительности здесь требовалось более изощренное понимание статуса теории, которое возникло лишь в 1970-е. До этого времени то обстоятельство, что теории вообще существуют, было лишь своеобразным талисманом, наглядно гарантировавшим возможность генерализации и, с учетом господства ортодоксальной доктрины закона-объяснения, значимость получаемых эмпирических результатов.

Согласно Аутвейту, обратившись к работам самых рефлективных представителей описываемой традиции, можно обнаружить ее различные модификации, в которых предпринимались попытки уменьшить дистанцию между методологической ортодоксией и тем, что действительно происходило в общественных науках.

Р. Браун, например, сохраняя привязанность к концепции охватывающего закона, отмечал, что социологи посвящают большую часть времени поиску открытий, а не поиску объяснений, а также, что изрядная часть предлагаемых ими объяснений не соответствует, по вполне основательным причинам, той строгой форме, которая предполагается доктриной "охватывающего закона". Генетические объяснения, не опираясь на сколь-нибудь явные отсылки к законам, скорее стремятся показать, как нечто произошло, используя форму исторического повествования (нарратива), который рассказывает, каким образом все случилось. Объяснения, в которых содержаться ссылки на намерения, диспозиции и мотивы деятелей, также не всегда опираются на законоподобные обобщения. Если последние и используются для объяснения, то объяснения здесь сводятся к тривиальным утверждениям типа: если некто имеет основания поступить определенным образом и при этом обладает намерением или предрасположением сде-

лать это, существует достаточная вероятность того, что он или она попытается сделать это. Сие утверждение невозможно анализировать в качестве причинной взаимосвязи, принимая во внимание, что для ортодоксальной доктрины причинные взаимосвязи могут существовать лишь между логически независимыми событиями, но все же оно годится на роль объяснения.

Аутвейт пишет: "...Одна из модификаций ортодоксальной позиции заслуживает особого внимания. В своей классической форме она была выдвинута социологом Дж. Хомансом, а ее самым выдающимся защитником в настоящее время является У. Рансимен. Идея заключается в перекладывании ответственности с социологии на психологию, основанием для чего является утверждение, что последняя дисциплина служит источником законоподобных обобщений, которые, в терминологии Рансимена, "потребляются" социологией. Основанное на здравом смысле понимание человеческого поведения, формализуемое в утверждениях поведенческой психологии, снабжает все прочие социальные науки необходимыми объяснительными пропозициями. Мне эта позиция представляется совершенно неудовлетворительной, так как она основана на преувеличении научного статуса и диапазона применения психологических обобщений. Макс Вебер был, конечно, прав, настаивая на том, что объяснения рационального действия не несут в себе ничего специфически психологического. Впрочем, методологический индивидуализм Вебера и его устойчивое убеждение в том, что социологические объяснения должны в конечном счете формулироваться в терминах типичных паттернов индивидуального действия, по меньшей мере, настолько же спорны и, на мой взгляд, ошибочны".

Аутвейт пишет: критические атаки на ортодоксальную позицию могут быть разбиты, очень огрубленно, на четыре типа. Первые три типа критики, которые я буду именовать идиографическим, герменевтическим и рационалистским, отрицают обоснованность этой позиции применительно к социологии, тогда как четвертый тип – реалистский – утверждает, что ортодоксальная позиция неверна по отношению к науке как целому. Таким образом, реализм позволяет переформулировать исходный диспут между ортодоксальной доктриной и ее критиками.

Суть идиографической критики уже обсуждалась применительно к Риккерту. Она сводится к тому, что "науки о культуре", в риккертовской терминологии, занимаются не поиском общих законов, а объяснением индивидуальных явлений. Риккерт подчеркивал также, что понятия "науки о культуре" и ее противоположности – "генерализующего подхода" естествознания следует рассматривать как идеально-типические, тогда как реальное исследование всегда включает в себя оба подхода, смешанные в некоторой пропорции. Легко показать, например, что объяснение индивидуального события, скажем, русской революции, неизбежно будет включать в себя и ее соотнесение с другими революциями, и обсуждение общих тенденций социальных процессов, проявляющихся в периоды революционных изменений и за пределами таких периодов. Соотнесение с другими революциями задано уже самим применением общего термина "революция" к описанию определенных событий... Некая существенная часть социологии действительно занимается индивидуальными случаями. Описание и объяснение таких случаев рассматривается как обладающее самостоятельной ценностью, совершенно отличной от ценности одного научного эксперимента среди других экспериментов. Сравнение и обобщение могут быть значимы, но они возникают из детального понимания отдельных социальных явлений. Эта позиция не содержит в себе прямых критических аргументов, опровергающих ортодоксальную доктрину закона-объяснения, но она несколько отодвигает последнюю на задний план.

Конечно, по мысли Аутвейта, в антропологии индивидуальное этнографическое исследование всегда играло решающую роль. В социологии, однако, дело обстоит намного сложнее. Американские социологи первой половины 20 в. немало говорили о "методе исследования случая" как об одном методе среди многих. Но за последние двадцать или чуть более лет произошла существенная перемена, выразившаяся различным образом в возрождении исторической и сравнительной социологии, а также в возникновении "феноменологической социологии" /см. – *B.A.I.*

По мысли Аутвейта, лучше всего это иллюстрируют изменения во взгляде на социологическую классику. Тогда как Парсонс в "Структуре социального действия" (1968) всячески подчеркивал конвергенцию "классиков" в направлении общей теории действия, которую предстояло формализовать (и даже, возможно, проверить), современные социологи скорее смотрят на теории Вебера и других не столько как на предгорья, отправляясь от которых современная научная социология достигнет великих вершин знания, сколько как на попытки, более или менее успешные, создать теории в том же жанре, в каком могли бы их создавать мы сами. К примеру, веберовские идеальные типы раньше рассматривались как предварительный набросок к реальной социологической работе по конструированию шкал, позволяющих измерять переменные; сейчас же они в большей мере воспринимаются так, как воспринимал их сам Вебер: в качестве вспомогательных средств для категоризации конкретных явлений. При этом подразумевается, что такая категоризация нередко является максимумом того, что мы можем достичь в социологическом теоретизировании. Идиографическая критика находится в близком сродстве со второй альтернативой – герменевтической или интерпретативной. Здесь мы вновь имеем дело с давней антипозитивистской традицией, подчеркивающей необходимость рассматривать социальные явления с точки зрения участвующих в них людей. Детальное изучение "жизненного мира" действующего по меньшей мере столь же важно, как и поиск законоподобных регулярностей, а для самых радикальных критиков первое вообще является заменой второго.

Аутвейт пишет: среди первых, то есть не столь радикальных герменевтических критиков, мы находим А. Шюца, который выражал обеспокоенность слишком быстрым переходом Вебера от субъективности действующих к своим собственным идеальным типам и подчеркивал, что обобщенные утверждения, скажем, неоклассической экономики или социологической теории Парсонса должны соотноситься с кон-

кретным мировосприятием людей, которые непосредственно вовлечены в описываемые этими теориями социальные отношения. Во втором, более радикальном, лагере самой заметной фигурой был П. Уинч, заявивший, что каузальные обобщения по сути иррелевантны действительной цели социологического исследования, которая состоит в том, чтобы понять смысл происходящего "изнутри", с точки зрения участника. Лишь постольку, поскольку мы смогли так понять какую-то "форму жизни", мы объяснили ее в том единственном смысле, в каком вообще возможно говорить об объяснении. И если программа, выдвинутая Уинчем, предполагает, что эти жизненные формы каким-то образом изолированы друг от друга, она может быть дополнена защищаемой Х.Г. Гадамером концепцией "слияния горизонтов", присущих различным перспективам, так что они приобретают некую соотнесенность друг с другом, однако при этом не предполагается никакой возможности существования чего-то похожего на внешнюю перспективу, с точки зрения которой они подводятся под некую совокупность общих объясняющих законов.

Возможно, пишет Аутвейт, существуют универсальные правила, правила рационального действия. Здесь мы сталкиваемся с третьей линией оппозиции ортодоксальной доктрине закона-объяснения. Согласно этой мысли, мы в принципе способны адекватно описать деятеля и его (ее) обстоятельства таким образом, что определенный способ действий будет выглядеть правильным. Это дает нам модель автономного действия, в которой человек, исходя из своей природы и своих обстоятельств, рационально выбирает способ действий. Конечно, открытым остается вопрос о том, в какой мере люди действуют рационально или автономно, но в случаях, когда и если они действуют именно так, мы располагаем такой концепцией объяснения, которая сохраняет идею необходимости (поскольку наилучший ход с необходимостью является наилучшим ходом), но придает общим законам скорее нормативный, чем эмпирический характер. Но дает ли эта модель какие-то объяснения на самом деле? Даже если мы примем, в сугубо дискуссионных целях, совокупность в высшей мере неправдоподобных предположений [например, что люди действительно поступают рационально большую часть времени, что для деятеля в заданной ситуации обычно существует один наилучший способ действий (или небольшое количество равно хороших способов) и что деятели и/или наблюдатели могут без помех определить, действуют ли они этим наилучшим способом] у нас получится, что избранный способ действия определяется не столько его рациональностью, сколько тем фактом, что субъективные мотивы действия обладали достаточной каузальной силой, чтобы данное действие произвести. Отсюда следует, что обо всей этой затее можно вынести следующее суждение: теории рационального выбора дают нам лишь разумные объяснения поступков, логические обоснования, действенность которых еще требуется продемонстрировать. Но здесь оказывается, что рациональность обоснования поступка, если уж какое-то обоснование имело место, становится не так важна.

Согласно Аутвейту, "когда протестанты М. Вебера превращают свою озабоченность спасением в некую хозяйственную этику, их поведение имеет определенный смысл, хотя весьма сомнительно, что нам захочется назвать его рациональным. Причины этого, помимо всего прочего, лежат в том, что в понятие человеческой рациональности мы обычно включаем некую идею рефлексии, которая предполагает, что мы можем реконструировать в развернутой форме всю ту последовательность рассуждений, которая привела нас к рациональному способу действий (даже если эта последовательность не рассматривалась столь явно в момент совершения действий). Но веберовские протестанты не могли бы осуществить означенную рефлексию, не вступая в чудовищный конфликт со своими формальными теологическими принципами. Другими словами, рациональная реакция протестантов на их ситуацию, если последняя соответствовала существующим представлениям, требовала бы, чтобы они не подвергали излишне тщательному анализу рациональные обоснования собственных действий".

По Аутвейту, вывод из всего этого таков: "хотя понятие рационального, разумного обоснования действия заслуживает самого пристального внимания в истории и прочих социальных науках, было бы непродуктивным самоограничением заранее полагать, что рациональное обоснование будет последовательным или непротиворечивым. И наоборот: нет смысла ожидать, что действительный поступок будет, по Гегелю, разумным. Как я подозреваю, для большинства практических социологических объяснений понятие самообъясняющей рациональности действия сжимается до общего понятия "следования правилам". Следует особо подчеркнуть, – писал Аутвейт, – что я вовсе не подразумевал, будто рациональность верований или действий не имеет никакого отношения к делу социологического объяснения. Последняя позиция настойчиво утверждалась в истории и социологии науки в противоположность рационалистским предпосылкам, которые принимались в этой области прежде. Однако хотя социальные причины истинных верований и рациональных действий столь же нуждаются в выяснении, сколь и причины ложных верований и иррациональных действий, остается фактом то обстоятельство, что ложные или противоречивые верования потенциально неустойчивы, что люди при благоприятных обстоятельствах могут осознавать их ложность и, таким образом, могут оказываться в ситуации необходимости объяснить, почему они придерживались или продолжают придерживаться ложных верований. Конечно же, в большинстве случаев системы верований столь сложны, представляя собой структуры, состоящие из фактуальных утверждений, оценок, умозрительных определений и т.п., что нелегко вынести суждение относительно их истинности или ложности. И это, несомненно, лишь частный случай общих проблем, стоящих перед рационалистскими объяснениями: последние лучше всего работают в искусственно простых ситуациях, предлагая, чаще всего, не более чем гипотетические модели, пригодные в лучшем случае для того, чтобы прояснить наше понимание природы ситуации и альтернативных возможностей действия в ней.

Как отметил Аутвейт: все три типа критики перемещают фокус внимания социальной теории прочь от ее несколько

навязчивого интереса к обобщениям – в сторону более "традиционного", в определенном смысле, изучения конкретных явлений, под которыми могут подразумеваться и верования, и действия, и другого рода события. В своей самой сильной формулировке идиографическая и герменевтическая критика могут отвергать любые общие объясняющие пропозиции, тогда как рационалистская критика допускает последние, но лишь на периферии, в "социальном контексте" действия. Это оставляет область "общего" под контролем приверженцев ортодоксальной методологии, хотя диапазон их притязаний и подвергается некоторому ограничению. Все три вида критики косвенно принимают ортодоксальную точку зрения, утверждающую, что каузальные отношения должны быть универсальными. Именно этот принцип, в очерченном контексте, является центральным пунктом реалистской критики.

Согласно изложению Аутвейта, реалистские философские доктрины имеют долгую историю, но их настоящее возрождение приходится на 1970-е, когда позитивистская ортодоксия стала восприниматься как все более неприемлемая. Некоторые философы, включая такие заметные фигуры, как Р. Харре и Р. Бхаскар, внесли свой вклад в это течение в области естественных наук и попытки его расширения на область наук социальных. Согласно реалистской концепции, наука включает в себя попытку описать реальные структуры, сущности и процессы, составляющие универсум и существующие независимо от нашего описания. Для многих реалистов каузальные утверждения и, следовательно, законы должны анализироваться в терминах тенденций, возникающих из каузальных способностей сущностей, структур и механизмов.

Как отмечает Аутвейт, реалисты жертвуют регулярностью в научных законах ради их укоренения в реальных действующих механизмах, которые могут произвести либо не произвести наблюдаемые результаты. Все это потому, что мир состоит из "открытых систем", в которых в любой данный момент времени задействовано множество каузальных механизмов. Задача науки, с этой точки зрения, как раз и заключается в том, чтобы демонстрировать существование неочевидных детерминант наблюдаемых событий. Наука решает эту задачу либо делая эти детерминанты наблюдаемыми, либо, что более важно, изолируя их причинные эффекты в эксперименте. Вирусы, например, имели поначалу статус гипотезы, созданной для объяснения инфекционных процессов, не связанных с бактериями. Сейчас в их существовании никто не сомневается, и их можно даже наблюдать с помощью электронного микроскопа.

В случае социальных наук, отмечает Аутвейт, одно явное преимущество реализма заключается, таким образом, в том, что он не настаивает на универсальности общественных законов. Все, что нам нужно, это чтобы они репрезентировали узнаваемые тенденции. Следующее преимущество заключается в том, что реализм устанавливает более тесную взаимосвязь между причинностью в природном мире и человеческой деятельностью. Потому что среди вещей, обладающих возможностями и наклонностями, есть, разумеется, и человеческие существа, решившие использовать свои возможности определенными способами. С другой стороны, конечно, намного сложнее точно определить сущности, используемые в социальных объяснениях, и в этом смысле страх перед сползанием в метафизику здесь куда более обоснован. Бессознательное Фрейда, например, если оно существует, являет собой превосходный пример реальной структуры, производящей широкий диапазон наблюдаемых эффектов: от оговорок через сновидения к неврозам. Но нельзя найти никакого удовлетворительного способа определить, существует ли оно, свидетельством чему являются нескончаемые и лишенные всякой логики битвы между фрейдистами и антифрейдистами.

Согласно Аутвейту, реалистское объяснение законов опирается скорее на производящие механизмы, а не на регулярности: ссылка на закон предполагает утверждение о том, что задействованы некие механизмы, не говорящие, однако, об условиях, при которых эти механизмы работают, и, следовательно, о конкретном результате, имеющем место в каждом частном случае. Иными словами, альтернативная точка зрения, которая рассматривает постоянную смежность событий как необходимое, или необходимое и достаточное, условие для формулировки законоподобных суждений, путает законы с их следствиями – следствиями, имеющими место в довольно специальных условиях, когда действию закона не препятствуют никакие противоположные или усложняющие тенденции, то есть когда закон действует в "закрытой системе". Именно поэтому эксперименты в естественных науках происходят в форме создания закрытых систем, например, создания вакуума для устранения эффектов влияния атмосферы на изучаемые процессы. Закрытые системы, таким образом, позволяют однозначно идентифицировать специфические причинные механизмы и эффекты их взаимодействия. В результате они создают возможность точных предсказаний. Нет нужды обсуждать здесь подробности, поскольку ясно, что в области общественных наук закрытых систем не существует. Следовательно, невозможно ожидать от этих наук чего-то большего, чем в высшей мере условные и неточные предсказания относительно изучаемого ими предмета. Это объясняет, почему социологи смогли извлечь столь мало пользы из ортодоксальной доктрины закона-объяснения, утверждавшей полную симметрию между объяснением и предсказанием, причем последняя выводилась из того, что и объяснение, и предсказание основаны на общем охватывающем законе.

В случае социальных наук трудно добиться значимой степени определенности в объяснении или даже просто в идентификации элементов возможного объяснения. Ключевой является не проблема методологии, а проблема онтологии: социологи не могут достичь согласия относительно того, из каких сущностей, элементарных объектов состоит социальный мир и как они соотносятся друг с другом. Естественные науки, конечно, тоже не имеют абсолютно устоявшегося списка объектов, но в этом случае споры чаще касаются существования какого-то конкретного объекта, например, "новой" элементарной частицы. Но даже самые драматичные открытия ядерной физики едва ли изменят наши объяснения того, что происходит на макроскопическом уровне, скажем, на уровне химической реакции в пробирке, хотя они могут

заставить нас переформулировать наше объяснение тех физических процессов, которые лежат в основе химических изменений. В социальных науках все элементарные объекты в принципе могут быть оспорены в любой данный момент времени. Понятие класса – хранит тому пример. Одно из самых фундаментальных понятий марксистской и немарксистской социальной теории некоторыми теоретиками полностью отвергается, те же, кто принимают его, определяют само понятие радикально иным способом.

Аутвейт резюмирует: урок здесь заключается в том, что социальные теоретики должны избегать ловушки, обозначенной А.Н. Уайтхедом как "ошибка смещенной конкретности". Мы очень быстро усваиваем, что социальный класс – например, французскую мелкую буржуазию, – нельзя наблюдать непосредственно, как, скажем, школьный класс. И дело здесь не в том, что он слишком велик для прямого наблюдения. Диапазон этого понятия не задан точно, как бы мы ни старались конкретизировать его, в том же смысле, в каком число людей, имеющих французское удостоверение личности, является определенной, хотя и неизвестной величиной. "Французская мелкая буржуазия" – это термин теории, введенный потому, что он позволяет значимым с причинной точки зрения образом отделить множество людей, имеющих определенные и отличные от других условия жизни, от членов других классов.

Отсылка к причинности и, следовательно, к объяснению, по мысли Аутвейта, здесь принципиально важна. Мы демонстрируем существование объектов либо с помощью наблюдения (прямого или косвенного), либо с помощью процесса логического вывода, который иногда называют ретродикцией. Здесь доказательство принимает следующую базисную форму: 1) Произошло, существует В. 2) А, если бы оно существовало, объяснило бы В посредством какого-то уже известного или правдоподобно предполагаемого механизма М. 3) Насколько нам известно, не существует правдоподобных альтернатив А. 4) Следовательно А, вероятно, послужило причиной В. Именно так, в основных чертах, были открыты вирусы. Сначала их существование было постулировано на основании каузального критерия и лишь затем доказано посредством наблюдения.

Аутвейт вопрошает: почему не стоит ожидать подобной степени точности в социальных науках? Ответ таков: во-первых, как мы уже видели, в социальных науках сущности, схватываемые основными понятиями, не являются наблюдаемыми; эти понятия с необходимостью теоретичны. Однако они теоретичны еще и в другом, более важном смысле: схватываемые ими сущности – это сущности второго порядка. Это те структуры, которые управляют человеческой деятельностью и, в свою очередь, воспроизводятся действиями людей. В этом неоспоримый остаток истин социологического индивидуализма: тезис о том, что конечными объектами изучения в социальных науках являются индивиды и их действия. Но этот тезис нуждается в очень существенных поправках.

Для первого тезиса, пишет Аутвейт, наиболее адекватной является следующая формулировка: теории – это попытки описать и объяснить реальность, существующую независимо от них, и успешность такой попытки определяет оценку теории. Можно сформулировать это несколько огрубленно: истинные теории утверждают именно то, что и имеет место на самом деле. Реализм относительно сущностей просто утверждает, что некоторая вещь (вещи) существует (-ют). В большинстве случаев оба реализма принимаются одновременно: теории утверждают или предполагают существование объектов. И наоборот, многие объекты известны только из одной или нескольких теорий. Часто, однако, ведущую роль играет один из реализмов. Мы можем быть сильно привержены какой-то теории и все же сомневаться в существовании предполагаемых ею объектов. Это нередко случается в физике. Случается и обратная ситуация: мы можем неколебимо верить в существование некой сущности, но сомневаться в том, как следует описывать ее природу в теории.

Сущности, означаемые объяснительными понятиями социальных наук (класс, идеология, эксплуатация, социальная структура и т.п.), вдвойне относятся к первой категории. Иными словами, термины не имеют никакого прямого референта вне зависимости от теорий или теории, использующих эти термины. Усложняющая дело особенность социальной теории заключается в том, что она куда более прямо и тесно связана с обыденными, "народными", основанными на здравом смысле теориями, чем продвинутое теоретизирование в естественных науках. Как справедливо подчеркивали социологи, подобные Зиммелю и Шюцу, теоретические конструкты социальных наук – это конструкты второго порядка, основанные на конструктах, задействованных в самой социальной жизни. Человеческие особи – это мыслящие животные; существование взаимоотношений между ними предполагает, что они обладают какой-то концепцией этих отношений. Даже бихевиористские теории не столько отрицают это, сколько отметают в сторону, как не имеющее отношения к делу обстоятельство (ценой невозможности дать согласованное объяснение использования, к примеру, языка). Понятия социальной теории, таким образом, теоретичны на двух уровнях: во-первых, подобно понятиям естественных наук, на уровне научной практики, и, во-вторых, на уровне собственных теорий, действующих относительно того, что они делают.

По Аутвейту, различение теоретических и обсервационных терминов, понятий, сущностей и т.п. служило фетишем эмпиристских философий науки. С точки зрения реалистов, эмпиризм ошибался, пытаясь найти чистый язык наблюдения и относясь подозрительно ко всем ненаблюдаемым, "теоретическим" сущностям. Но принятие реалистской философии науки не подразумевает реализма относительно любой конкретной сущности внутри науки. И в социальных науках реалистская концепция теории должна принять во внимание особый способ существования социальных фактов, их онтологическую зависимость от человеческих действий и от представлений людей о том, как они действуют. Это означает, что понимание формы жизни должно занять место операций эксперимента и измерения, делающих досягаемыми для нас те сущности, которые описывают науки естественные. Вывод здесь таков: реалистская концепция теории в социальных науках не может опираться на примитивный реализм, касаю-

щийся определенных сущностей. Она должна основываться на тех возможностях объяснения, которые присущи самим теориям.

Аутвейт подчеркивает: некоторые авторы развивают этот тезис значительно дальше, выходя за пределы того, с чем я готов согласиться. П. Бурдье, например, доказывает, что любое "научное исследование" должно предваряться ритуальным уточнением: "Все происходит так, как если бы...". С довольно отличных от Бурдье позиций критической теории Н. Стокман атакует "реалистское предположение о том, что теоретические понятия общественных наук соотнесены с "объектами теории" тем же способом, что и понятия естественных наук. Но рефлексивность обыденного языка, с которым неразрывно связаны понятия социальных наук, делает невозможной формулировку общепризнанных и дающих возможность однозначной демонстрации критериев для определения референтов теоретических понятий".

По мысли Аутвейта, только что упомянутые авторы преувеличивают существующие различия. Раз уж признается особый характер теоретизирования в социальных науках, ничто теперь не мешает увидеть, что они в конце концов смогли разработать некоторое количество теоретических и объяснительных конструкций, которые обладают значительной ценностью, будучи основаны на пусть и предварительном, но вполне широком по масштабу обобщений понимании социальных структур и механизмов. Это можно проиллюстрировать, по Аутвейту, в терминах реалистского понятия каузальных возможностей: многие имеющиеся у людей возможности причинного влияния на события поддаются пониманию лишь в контексте социальных структур, в которых люди участвуют. Аутвейт иллюстрирует эту мысль так: "Я могу без всякой посторонней помощи дотронуться до кончика собственного носа, но мне не удастся в одиночку сделать телефонный звонок, выдать чек, присвоить ученую степень или объявить войну. Аналогичным образом мотивы, по которым я выписываю чек, отличны от мотивов существования банковской системы".

Редукционистская программа, известная как "методологический индивидуализм", утверждает, что наиболее фундаментальные, "исходные" социологические объяснения должны формулироваться в терминах индивидуального действия. Этот принцип играет существенную роль в микроэкономической теории, в веберовской социологии и в более недавних феноменологической и этнометодологической исследовательских программах в области социологии и социальной психологии. По сути, все эти программы смешивают один аспект сложного процесса с процессом в целом. Курс обмена валют в рыночной системе, где разрешены его колебания, есть результат множества индивидуальных трансакций, в которые вовлечены разнообразные деятели-акторы – от частных лиц до центральных банков. Сейчас представляется тривиально истинным то обстоятельство, что действия, скажем, Английского банка, покупающего фунты стерлингов в целях поддержания курса, осуществляются каким-то уполномоченным индивидом, посылающим телекс или делающим телефонный звонок, но все это не имеет никакого практического значения для объяснения действий банка. Только фетишизация непосредственно наблюдаемого могла бы заставить нас утверждать, что "именно здесь (в поступках индивида) реализуется социальное действие".

Самыми интересными действительно являются случаи, когда мы сталкиваемся с необходимостью "развернуть" сложное социальное действие и проанализировать решения индивидуальных деятелей. Рассмотрим, например, случай классовой, этнической или половой дискриминации в сфере занятости. Если уж мы обнаружили резкие диспропорции в представленности женщин или этнических меньшинств на некоторых рабочих местах, мы захотим узнать, как осуществляется процесс дискриминации. И снова тривиально верным будет утверждение, что он происходит в форме принятия работодателями решений о найме либо отказе нанимать конкретных индивидов (или категории индивидов). Однако то, в какой мере такие решения объясняют процесс дискриминации, будет решающим образом зависеть от другой особенности ситуации, а именно: осуществляют ли работодатели дискриминацию ad hoc или из принципа применительно к кандидатам с одинаковой квалификацией (и в последнем случае, основывают ли они этот принцип на собственных предрассудках или предрассудках, которые они приписывают своим сотрудникам, покупателям и т.п.); либо же общественное распределение квалификационных ресурсов таково, что оно мало отличается от результатов прямого выбора между равноквалифицированными представителями среднего класса и рабочих, черными и белыми, кандидатами мужского и женского пола. В последней ситуации объяснение наблюдаемых диспропорций потребует еще более углубленного анализа, учитывающего структуру образовательной системы и т.д. Иначе говоря, оправданность преимущественного интереса к индивидуальным действиям и решениям будет зависеть от структурных особенностей ситуации. Разумеется, она будет зависеть также от природы нашего интеллектуального интереса: некоторые социологи интересуются преимущественно микропроцессами и в общем, и в частном случае, тогда как другие заинтересованы в макроисследованиях. Следует, однако, совершенно ясно заявить, что здесь нет никаких оснований для того, чтобы раз и навсегда избрать либо микро-, либо макроподход.

Этот же аргумент, касающийся уровня, на котором дается объяснение, по мысли Аутвейта, применим и к "классическому диспуту" между поборниками "объяснения" или "понимания". Поиск естественнонаучных законов, управляющих жизнью общества, подвергнутый формализации в ортодоксальной доктрине закона-объяснения, вынуждал социологию и другие общественные науки стремиться к нереалистическому идеалу социальной теории и объяснения. Принимая его, социологи неверно трактовали свою собственную практику и классическую социологическую теорию. С другой стороны, ортодоксальная доктрина породила оппозиционное движение, столь же односторонне в своей привязанности к альтернативам идиографического объяснения, понимания и описания. Отказавшись от ортодоксии, мы можем прийти к более адекватному осознанию

того места, которое могли бы занять в социологии и других науках об обществе описание, герменевтическое понимание, а также объяснение.

В.Л. Ананьев

ЗАКРЫТЫЙ ВОПРОС – см. **ОПРОС АНКЕТНЫЙ.**

ЗАЛКИНД Арон Борисович (1886-1936) – российский врач и психолог. В 1910 изучал возможности использования идей З. Фрейда (см.) для понимания и лечения психоневрозов. В 1913 опубликовал соответствующие статьи в журнале "Психотерапия". Исследовал проблемы сексуальности и сомнамбулизма. Увлекался индивидуальной психологией Адлера (см.) и разрабатывал "психоневрологический взгляд" на общество.

В 1920-х З. установил наличие комплекса "парттриады" – "партийной триады" (присутствие у 90% партийного актива ВКП(б) невротических симптомов, гипертонии и вялого обмена веществ), образование которого объяснял нарушением гигиенических норм, профессиональным несоответствием, нервным возбуждением и культурным отставанием кадровых коммунистических функционеров.

В 1924 опубликовал статьи "Фрейдизм и марксизм" и "Нервный марксизм, или Паническая критика", в которых наряду с критикой психоанализа искал точки сопряжения фрейдизма и марксизма. После 1925 под давлением внешних обстоятельств вынужденно дистанцировался от психоанализа и публично покаялся в своих "связях" с фрейдизмом. С 1928 был председателем Межведомственной плановой педологической комиссии. В 1930 стал директором Института психологии, педологии и психотехники. В 1931 снят с должности редактора журнала "Педология" (журнал был закрыт в 1932), а в 1932 – с поста директора упомянутого института. Обвинен в "меньшевиствующе-идеалистическом эклектизме". Автор книг "Половой вопрос в условиях советской общественности" (1926), "Половое воспитание" (1928) и других работ.

В.И. Овчаренко

ЗАМОШКИН Юрий Александрович (1927-1993) – российский социолог, специалист в области социологии и социальной философии.

Окончил в 1950 МГИМО. В 1952-1967 – преподаватель МГИМО. С 1967 работал в АН СССР, с 1975 – зав. отделом Института США и Канады. Был членом редколлегий журналов "Вопросы философии", "США. Экономика. Политика. Идеология", "Humanistic Philosophy".

Основные направления исследований: история социологии; современное состояние социологии; философско-социологические проблемы индивидуализма, личности, прав, свобод, ответственности человека; бюрократия и личность; общественное мнение, его структура, изменения, принципы изучения и его роль в общественном сознании; частный интерес, частная жизнь, частная собственность; бизнес и мораль. З. одним из первых в СССР на новом уровне исследовал проблему индивидуализма в ее социологическом и социально-психологическом аспектах. Применил к проблеме личности понятия "нормы-рамки" и "нормы-цели", рассматривая противоречие между ними как причину фрустрации личности.

В последние годы жизни З. осуществил критическое переосмысление концепций индивидуализма послевоенного периода. Под руководством З. проводились исследования отклоняющегося поведения; ряд работ, выполненных в руководимом им отделе Института США и Канады, содержит широкую панораму критических исследований общественного мнения в Америке как индикатора политических настроений, новых ценностей, национального сознания и самосознания американцев. З. внес заметный вклад в отечественную американистику. Был почетным гражданином ряда штатов и городов США.

В работах З. конца 1980 – начала 1990-х был дан анализ проблемы частной собственности в контексте развернувшихся в СССР и России дискуссий. В них были показаны неискоренимость частного интереса человека, цивилизованное значение института частной собственности и связанные с ним структуры личности, взаимодействия форм собственности. З. разработал оригинальную концепцию взаимоотношения равенства и свободы. Последняя его работа содержала основы концепции противоречивого соотношения бизнеса и морали.

Основные сочинения: "Кризис индивидуализма и личность" (1966); "Политическое сознание в США" (1987, ответственный редактор, соавтор); "Частная жизнь, частный интерес, частная собственность" (1991); "Вызовы цивилизации и опыт США (История, психология, политика)" (1991); "Бизнес и мораль" (1993) и др.

ЗАНЯТОСТЬ – отражение состояния функционирования рынка рабочей силы в условиях конкретной экономической инфраструктуры. К занятому населению относятся лица, работающие на государственных предприятиях, в учреждениях и организациях, кооперативах всех видов, на частных предприятиях и предприятиях с коллективной формой собственности, в фермерских хозяйствах, а также занятые предпринимательской деятельностью. Данные о занятых включают лиц, работающих по основному месту работы как полный рабочий день, так и неполный в пересчете на полный. В число занятых не включаются учащиеся в трудоспособном возрасте, обучающиеся с отрывом от производства; лица, ведущие домохозяйство; зарегистрированные и незарегистрированные безработные; женщины в отпусках по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет. В соответствии с распределением занятого населения по отраслям экономики З. характеризуется отраслевой структурой; в соответствии с распределением занятого населения по профессионально-должностным группам – профессионально-квалификационной структурой; в соответствии с распределением занятого населения на предприятиях, учреждениях и организациях различных форм собственности – структурой занятости в государственном и негосударственном секторе (в том числе – в сфере коллективной собственности, смешанной и иностранной собственности, индивидуального и частного предпринимательства).

Для постсоветских государств целесообразно различать традиционный ("ранний") период функционирования рынка

труда и реформированный ("поздний") период. Пять характерных черт рынка труда раннего периода претерпели существенные изменения в середине 1950-х: это – всеобщая обязанность трудиться (трудовая повинность); обязательное распределение выпускников вузов; принудительный труд (использование труда заключенных на строительстве, в шахтах и на лесозаготовках); кампании по мобилизации трудовых ресурсов; строгий контроль за миграцией в города. В 1970-е и 1980-е все эти правила и требования были либо отменены, либо существенно ослаблены. Прежняя система З. имела определенные преимущества: она обеспечивала – пусть и в принудительном режиме – работой всех; гарантировала основные социальные услуги, обусловленные занятостью на предприятии; доля работающих по отношению ко всему трудоспособному населению была велика. Каждый, кто был государственным служащим, знал, что в определенных пределах положенные ему социальные блага не зависят от результатов труда. Эти социальные программы автоматически распространялись на всех членов семей, как работающих, так и не работающих. Система обеспечивала широкий охват и не требовала активных шагов по приобретению гарантий – например, путем покупки страхового полиса. Наряду с достоинствами анализируемая система З. имела и существенные недостатки (бывшие иногда оборотной стороной той же медали): производительность труда была низкой; размер заработной платы не был связан с производительностью, что имело целый ряд негативных последствий; не принимались меры против скрытой безработицы; система переговоров о размере заработной платы ускоряла инфляционные процессы; создалась чрезмерная концентрация рабочей силы в промышленности и сельском хозяйстве; была крайне ограничена международная миграция. Медленный рост производительности труда и политика, направленная на приоритетное развитие тяжелой промышленности, привели к тому, что доля рабочей силы, занятой в промышленности и сельском хозяйстве постсоветских государств, оставалась высокой, тогда как на Западе за последние два десятилетия она значительно снизилась. Унаследованная от прошлого структура З. будет еще долгое время негативно сказываться на производительности и эффективности труда посткоммунистических стран.

Г.Н. Соколова

ЗАНЯТОСТЬ ВТОРИЧНАЯ – одна из форм зарабатывания денежных средств, кроме заработка по основному месту работы. Основные формы З.В. – совместительство по основному месту работы, совместительство на другом предприятии (организации), предпринимательство (**см.**) (включая "челночный бизнес"), нерегулярные заработки, работа за границей по временному контракту и др.

Основная причина З.В. – низкий уровень оплаты труда на основной работе. Представление о З.В. можно получить только из материалов специальных социоэкономических обследований домохозяйств. В Республике Беларусь, по данным такого обследования (2001), имели З.В. 26,9% опрошенных: в непроизводственной сфере – 35,9%, в производственной – 15,2%. В отраслях непроизводственной сферы были заняты совместительством по основному месту работы 53,7% лиц, имеющих З.В; совместительством на другом предприятии (организации) – 26,5%; имеют нерегулярные заработки – 17,3%; работают в подсобном хозяйстве – 15,4%; занимаются предпринимательством (преимущественно "челночный бизнес") – 6,1%; работают за границей по временному контракту – 1,1%; другое – 2,5%. В отраслях материального производства имеют нерегулярные заработки 33,3% лиц, занятых вторично; работают в подсобном хозяйстве – 28,8%; занимаются предпринимательством ("челночный бизнес" и др.) – 17,3%; имеют совместительство по основному месту работы – 16,7%; совмещают основную работу с работой на другом предприятии – 16,0%; работают за границей по временному контракту – 1,3%; другое – 0,6%.

В качестве основной причины, побуждающей работников иметь З.В., был назван низкий уровень оплаты труда на основной работе (87,2% работников, занятых вторично); вторая по значимости причина – относительно высокий уровень заработков на дополнительной работе (13,6%); третья по значимости причина З.В. та, что дополнительная работа не требует специальной профессиональной подготовки (11,1%). Есть основания полагать, что работники (особенно непроизводственной сферы) пытаются с помощью дополнительной работы достичь уровня минимального потребительского бюджета, на котором они находились до начала 1990-х. Считается, что наличие З.В. ухудшает отношение работников к труду, так как уменьшает их интерес к основной работе и снижает эффективность их трудовой деятельности. Вместе с тем признается, что З.В. является способом социальной адаптации (**см.**) населения к условиям переходного периода с характерными для него экономической нестабильностью и ухудшением уровня и качества жизни. Работники, у которых помимо основной имеется дополнительная работа, в значительно меньшей степени испытывают страх остаться без работы и отличаются большей потенциальной трудовой мобильностью.

Г.Н. Соколова

ЗАРАЖЕНИЕ ПСИХИЧЕСКОЕ – собирательное наименование ряда явлений и феноменов индивидуально-психического и социально-психологического порядка в поведении людей, предпосылками которых являются механизмы суггестии (**см.**) и подражания (см. **Тард**). Определяющим для З.П. выступает явная доминация эмоциональной компоненты ее осуществления и проявления.

З.П. тесно связано с таким феноменом, как "мода" (**см.**), а также с прецедентами таких явлений, как коллективные фобии (страхи) различного вида.

Первую попытку собственно социологического объяснения феноменов З.П. осуществил Г. Лебон (**см.**) в своем проекте реконструкции поведения человеческих "толп".

E. Tauber

ЗАСЛАВСКАЯ Татьяна Ивановна (р. 1927) – российский экономист и социолог, основатель Новосибирской экономи-

ко-социологической школы (НЭСШ), оказавшей значимое воздействие на развитие социологии и, в частности, институциализацию экономической социологии как самостоятельной научной дисциплины в России.

Окончила экономический факультет МГУ (1950). Кандидат экономических наук (1956). Доктор экономических наук (1966), профессор (1978), академик Российской академии наук (1981), заведующая кафедрой методологии общественных наук Московской школы социальных и экономических наук (МШСЭН) АНХ при Правительстве Российской Федерации. Сопрезидент Междисциплинарного академического центра социальных наук (Интерцентра), почетный президент Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), член академии Европы, почетный член Польской академии наук, почетный доктор Оберлинского колледжа, Джорджтаунского и Пенсильванского университетов (США), университета в Хельсинки (Финляндия), член Международного социологического института. Лауреат премии им. Карпинского (Фонд Тепфера, 1989, ФРГ) и Демидовской премии (Демидовский фонд, 2000, Россия, Екатеринбург).

Область научных интересов З. – методология социальных наук, общая и экономическая социология, институциональная экономика, теории посткоммунистических трансформационных процессов. Предмет научных поисков З. постоянно расширялся и усложнялся: от изучения отдельных актуальных проблем к системному изучению социально-территориальных структур и общества в целом. З. разработана оригинальная экономико-социологическая теория, основой которой стала концепция социального механизма развития экономики, представляющая экономический процесс как результат взаимодействия общественных групп, занимающих разное положение и имеющих разные интересы. В настоящее время З. разрабатывает деятельностно-структурную концепцию трансформации посткоммунистических обществ, в основе которой лежит представление о социальном механизме этих процессов. Цель работы – создание методологических средств для более глубокого познания закономерностей, движущих сил, механизмов и вероятных перспектив общественных преобразований, происходящих в России и исторически связанных с нею странах.

З. – автор более 400 работ по методологии социальных наук, социологии села, общей и экономической социологии, институциональной экономике, теории посткоммунистических трансформационных процессов.

Основные труды: "Распределение по труду в колхозах" (1966); "Миграция сельского населения" (руководитель авторского коллектива, автор, редактор, 1970); "Развитие сельских поселений: Лингвистический метод типологического анализа социальных объектов" (руководитель авторского коллектива, автор, редактор, 1977); "Социально-демографическое развитие села: Региональный анализ" (руководитель авторского коллектива, автор, редактор, 1980); "Методология и методика системного изучения советской деревни" (руководитель авторского коллектива, автор, редактор, 1980); "Социально-экономическое развитие западносибирского села" (автор, редактор, 1987); "Голос реформ" (1989); "Вторая социалистическая революция. Альтернативная советская стратегия" (1990); "Социология экономической жизни: очерки теории" (совместно с Р.В. Рывкиной, 1991); "Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри" (1997); "Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы" (автор и редактор, 1999); "Социетальная трансформация России: деятельно-структурная концепция" (2002) и др.

ЗАЩИТА – сознательная или бессознательная деятельность человека, предусматривающая сохранение его жизни и обеспечивающая такое разрешение внутрипсихических конфликтов, которое в силу внешних обстоятельств и внутренних стремлений оказывается приемлемым для него. В психоанализе под З. понимается прежде всего и главным образом бессознательная деятельность человека, направленная против сексуальных, эгоистических и деструктивных влечений, неприятных воспоминаний и различного рода фантазий, непосредственная реализация или репродукция которых способна привести к нарушению целостности психической организации человека.

Понятие "З." было использовано З. Фрейдом (см.) при попытках психологического объяснения истерии, фобий, навязчивых представлений и галлюцинаторных психозов. В статье "Защитные невропсихозы" он провел различие между гипноидной истерией, неотреагированной истерией и истерией З., тем самым высказав первые представления о З., которые впоследствии легли в основу его некоторых психоаналитических идей, в частности в основу концепции вытеснения. Согласно его предположениям, З. направлена против невыносимого для человека представления с целью ослабления его посредством отделения от него аффекта и отвода этого аффекта из психики в соматику. Смещенный аффект обладает способностью возвращения из соматической области к первоначальному представлению, что может породить истерический припадок. Если невыносимое, болезненное представление имеет тесную связь с реальностью, то З. от него может привести к галлюцинаторному психозу, как отказу от реальности.

В написанной совместно с И. Брейером работе "Исследования истерии" (1895) Фрейд рассматривал З. в качестве важного фактора, способствующего возникновению одной из форм истерии. Здесь же он впервые, пожалуй, наряду с З. использовал термин "вытеснение", говоря о том, что патогенное воспоминание вытесняется исходящей от Я психической силой. В статье "Еще несколько замечаний о защитных невропсихозах" Фрейд высказал мысль о том, что З. является "ядром психического механизма", ведущего к возникновению невротических заболеваний. Как и в предшествующей работе, в данной статье понятия "З." и "вытеснение" используются Фрейдом в качестве равнозначных, взаимозаменяемых. Одновременно Фрейд предпринял попытку рассмотрения различных форм З., проведя различие между "первичной З.", в которой решающую роль играют чувства стыда и совести, и "вторичной З.", приобретающей значение навязчивого побуждения, превращающегося в навязчивые действия. "Первичная З." служит для поддержания внешнего здоровья человека, в

то время как "вторичная З.", осуществляемая под воздействием возвращения вытесненных воспоминаний, порождает компромиссные образования в форме невротических симптомов типа разнообразных навязчивых действий. Словом, в статье "Еще несколько замечаний о защитных невропсихозах" речь шла, фактически, о различии между нормальной и патологической З., к которым может прибегать человек в процессе своей жизнедеятельности.

Столь значительное внимание к проблеме З. было уделено Фрейдом как раз в тот период его исследовательской и терапевтической деятельности, когда он ввел в научный обиход термин "психоанализ". На начальном этапе становления психоанализа проблематика З. в ее различных ракурсах занимала не последнее место в его концептуальных построениях. Так, в работе "Психопатология обыденной жизни" З. рассматривалась им не только с точки зрения раскрытия психологии невротиков, но и в плане осмысления природы такого феномена, как забывание. С одной стороны, Фрейд подчеркивал, что "стихийное стремление к защите от представлений, могущих вызвать ощущение неудовольствия, стремление, с которым можно сравнить лишь рефлекс бегства при болезненных раздражениях, приходится отнести к числу главных столпов того механизма, который является носителем истерических симптомов". При этом он был далек от утверждения того, что тенденция З. всегда в состоянии одержать верх, и не исключал возможность отнесения ее к низшей психической инстанции, которая может парализоваться другими, высшими инстанциями. С другой стороны, основатель психоанализа сводил к тенденции З. такие явления, как случаи забывания, и считал, что "там, где это возможно, тенденция защиты передвигает свою цель и устраняет из нашей памяти хотя бы не что иное, не столь важное, но находящееся в ассоциативной связи с тем, что, собственно, и вызвало отпор". Однако по мере становления и развития психоанализа понятие З. все более уходило у него на задний план, в то время как на передний план стали выдвигаться представления о вытеснении.

Первые три десятилетия развития психоаналитической теории и практики как раз и прошли под знаком усиленного внимания Фрейда и других психоаналитиков к проблемам вытеснения и сопротивления. Позднее, во второй половине 1920-х, после того как в центре психоаналитических исследований оказались не только процессы вытесненного бессознательного, но и те психические процессы, которые были вызваны к жизни деятельностью Я и Сверх-Я, он вновь вернулся к рассмотрению проблемы З. В работе "Торможение, симптом и страх" Фрейд не только провел различие между вытеснением и З., но и высказал мысль о том, что использование понятия "З." имеет свои преимущества, т.к. расширяет представление о приемах, которые использует Я для возможного разрешения внутрипсихических конфликтов и которые способны привести к невротическим заболеваниям. При этом он подчеркнул, что накопленные психоаналитические знания о возникновении симптомов, истерии и неврозе навязчивости послужили достаточным основанием, чтобы воспользоваться старым понятием "З.", которое может охватить все процессы, обеспечивающие "защиту Я от требований влечений", и включить в это понятие вытеснение, "как один специальный случай". Кроме того, следует, как заметил он, принять во внимание возможность, что углубление исследований откроет тесную связь между "особыми формами защиты" и определенными заболеваниями. Работа Фрейда "Торможение, симптом и страх" была переведена на русский язык под названием "Страх" в 1927. В русскоязычном издании вместо понятия "З." использован термин "отражение", что может внести в заблуждение тех, кто обращается к идейному наследию Фрейда. Последующие переиздания данной работы осуществлялись, как правило, с издания 1927 и, следовательно, в них сохраняется терминология, затрудняющая понимание важного момента в развитии классического психоанализа, а именно, возвращение к использованию понятия "З.".

Одиннадцать лет спустя в работе "Анализ конечный и бесконечный" Фрейд обозначил "действие защит в Я" как "изменение Я", если понимать под этим "дистанцию от фиктивного нормального Я", которое является союзником в аналитической работе. Одновременно он высказал соображения, согласно которым противодействующий "защитным устремлениям Я" количественный момент силы влечений устанавливает предел эффективности аналитической работы, благодаря которой контроль над влечениями становится лучше, но по-прежнему остается несовершенным, поскольку "преобразование защитных механизмов не является полным". Высказанные Фрейдом в различное время идеи о защитах Я от бессознательных влечений и их действии в психике человека послужили отправной точкой для ряда психоаналитиков, уделивших основное внимание в своей исследовательской и терапевтической деятельности защитным механизмам Я.

В.М. Лейбин

ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ – бессознательные действия (противодействия) человека, направленные на защиту от тех опасностей (угроз), которым он подвергается со стороны окружающей его реальности и своего собственного внутреннего мира. В психоанализе понятие "З.М." относится к Я, которому приходится обороняться от различного рода угроз, исходящих от ограничений внешнего мира, требующих удовлетворения бессознательных влечений, фантазий и всевозможных представлений, связанных с идеалами, нравственными ценностями, внутренними запретами. На начальном этапе развития психоанализа З. Фрейд (см.) использовал понятие "защита" (см.), которое впоследствии было заменено термином "вытеснение". В работе "Я и Оно" основатель психоанализа охарактеризовал Я как "несчастное существо", т.к. ему приходится служить как бы двум господам: "беззащитное с обоих сторон Я тщетно обороняется от наглых требований Оно, а также от укоров карающей совести", т.е. от Сверх-Я (см.). Более того, "несчастное Я" страдает, по мнению Фрейда, от троякого рода угроз, исходящих со стороны внешнего мира, бессознательных влечений Оно и сурового Сверх-Я. Говоря о трудном положении, в котором находится "несчастное Я", он подчеркнул то обстоятельство, что этому Я все время приходится защищаться, обороняться от нависших над ним угроз. При этом Фрейд указал на ряд защитных действий,

используемых Я с целью избежания внешних и внутренних опасностей. В частности, он отметил, что "истерическое Я защищается от мучительного восприятия, грозящего ему вследствие критики его Сверх-Я, тем же путем, каким оно обычно привыкло защищаться от невыносимой для него загрузки объектом – т.е. путем акта вытеснения". Наряду с вытеснением в этой же работе родоначальник психоанализа коснулся таких средств защиты, как идентификация, сопротивление, регрессия, сублимация, образование реакций. В работе "Торможение, симптом и страх" (1926) Фрейд высказал мысль о необходимости использования понятия "защита", к которому он обращался 30 лет тому назад в статье "Еще несколько замечаний о защитных невропсихозах". Он полагал, что "будет, несомненно, полезно вернуться к старому понятию "защита", если условимся, что оно должно служить обозначением всех тех технических приемов, которыми пользуется Я при всех своих возможных конфликтах, ведущих к неврозу". Считая это "терминологическое новшество" оправданным, Фрейд особо выделил такие технические приемы защиты Я, как вытеснение, изоляция, регрессия, реактивные изменения Я. В этой работе еще не использовался термин "З.М.": в ней фигурировали понятия "технические приемы Я", его "методы защиты". Однако Фрейдом были высказаны важные мысли, предопределившие, по сути дела, интерес ряда психоаналитиков к проблеме З.М. Я. Две из них заслуживали особого внимания: одна мысль касалась необходимости исследования тесной связи между особыми формами защиты и определенными невротическими заболеваниями; вторая – выявления зависимости между уровнем развития психики и методами защиты, используемыми человеком до разделения Я и Оно, до формирования у него Сверх-Я и после образования этих психических инстанций.

Отталкиваясь от идей Фрейда, его дочь А. Фрейд, специализировавшаяся в области детского психоанализа, обратилась к исследованию З.М. В работе "Я и защитные механизмы" она выделила девять способов защиты, которые ранее были описаны, но не систематизированы в различных трудах по психоанализу. К ним относились: регрессия (возвращение на более раннюю стадию психосексуального развития), вытеснение (изгнание в бессознательное того, что ранее было сознательным), реактивное образование (изменение неприемлемого на приемлемое), изоляция (отделение невыносимых событий или идей от связанных с ними чувств), аннулирование (мысленная отмена, уничтожение нежелательного действия), проекция (вынесение вовне), интроекция (вбирание вовнутрь), борьба Я с самим собой, обращение (направленность против себя, меняющая нацеленность импульса). К этим девяти способам защиты добавлялся десятый – сублимация (переключение с социально неодобряемого на социально приемлемое), которая относилась скорее к нормальному, а не невротическому развитию. По мнению А. Фрейд, в своих конфликтах со Сверх-Я, внешним миром и Оно Я имеет в своем распоряжении упомянутые выше десять способов защиты. Задача практикующего психоаналитика состоит в том, чтобы "определить, насколько они эффективны в процессах сопротивления Я и формирования симптома, которые он имеет возможность наблюдать у разных людей".

Основываясь на таком понимании практики психоанализа, А. Фрейд рассмотрела механизмы защиты Я в зависимости от уровня психического развития человека. В работе "Я и защитные механизмы" (на русском языке издана под названием "Психология "Я" и защитные механизмы", 1993) она сформулировала следующие положения: о вытеснении можно говорить тогда, когда Я отделено от Оно; проекция и интроекция являются такими способами защиты, которые зависят от дифференциации Я от внешнего мира; сублимация предполагает наличие Сверх-Я, т.е. принятия или знания нравственных и социальных ценностей; регрессия, обращение и борьба против себя не зависят, по-видимому, от стадий психического развития человека, поскольку являются такими же древними, как и его инстинкты.

Предложенная А. Фрейд классификация З.М. по их положению во времени (в зависимости от стадий психического развития) не совпадала с исследованиями ряда психоаналитиков, в частности М. Кляйн, считавших, что интроекция и проекция являются теми психическими процессами, которые участвуют в развитии Я и в его дифференциации от внешнего мира. Эта классификация противоречила и психоаналитическому опыту, свидетельствовавшему о связи раннего проявления неврозов маленьких детей с процессом вытеснения. А. Фрейд понимала условность выдвинутой ей классификации З.М. и поэтому сосредоточила свое внимание не на прояснении ее, а на исследовании ситуаций, провоцирующих действие защитных реакций. В центре ее внимания оказались прежде всего такие З.М., как отрицание в фантазии, слове и действии, идентификация с агрессором, проекция в форме "альтруистического подчинения". Фрейд не остался в стороне от дальнейшего обсуждения вопроса о З.М. В работе "Конечный и бесконечный анализ" он отметил, что Я пользуется разными методами, чтобы избежать опасности, страха, неудовольствия: "Мы называем эти методы "защитными механизмами". Фрейд признал, что пока они недостаточно хорошо известны, но соответствующая работа А. Фрейд позволяет получить первое представление о многообразии и многостороннем значении З.М. Одновременно Фрейд дал разъяснения по поводу отношения между различными способами защиты: "Вытеснение относится к другим методам защиты, как пропуски в тексте относятся к его искажению, а в различных формах такой фальсификации можно найти аналогии многообразию изменения Я". Фрейд обратил внимание на патогенную роль З.М. Он высказал мысль, согласно которой в процессе развития Я механизмы, служащие для предотвращения опасности, могут превратиться в саму опасность. Я приходится платить слишком высокую цену за их услуги: З.М. налагают ограничения на Я, требуют значительных энергетических затрат на их поддержание, оказываются тяжелым бременем для психики. Однажды оказав услугу Я, они не исчезают, фиксируются в нем и становятся "постоянными способами реагирования, присущими характеру человека и повторяющимися на протяжении всей жизни, как только вновь возникает ситуация, подобная первоначальной". З.М. становятся своего рода инфантилизмами, оберегающими Я взрослого человека от опасностей, которые в действительности уже не существуют. Более

того, человек начинает выискивать такие ситуации, которые могли бы заменить первоначальную опасность, чтобы тем самым оправдать его фиксацию на ранее использованных и ставших привычными ему способах реагирования. Поэтому, замечал Фрейд, можно понять, "как защитные механизмы, все более отчуждая от внешнего мира и постоянно ослабляя Я, подготавливают вспышку невроза". Фрейд считал, что действие З.М. дает знать о себе и в процессе анализа, аналитической терапии. Фактически во время аналитической работы пациент повторяет те способы реагирования, к которым он привык и которые привели его к психическому заболеванию. Главное же заключается в том, что "защитные механизмы, выстроенные против прежних опасностей, в ходе лечения повторяются в виде сопротивления исцелению". Подобное сопротивление приводит к новому возникновению защитных конфликтов и отыгрыванию их, в результате чего могут возобладать негативные переносы, сводящие на нет предшествующие позитивные результаты анализа. Словом, можно говорить о том, что существует сопротивление раскрытию сопротивлений, а "защитные механизмы действительно заслуживают того названия, которое мы им дали в самом начале, прежде чем они были более детально исследованы".

В.М. Лейбин

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ – социологическое понятие, характеризующее: а) степень реализации потенциала конкретного общества (индивида, социальной группы) в обеспечении здоровья; б) степень социального благополучия как единства уровня и качества жизни (**см.**); в) степень эффективности функционирования социальной организации (**см.**) в ее отнесении к ценности здоровья.

В более широком смысле идея З.О.Ж. представляет собой концепцию социальной политики, основанную на признании высокой социальной значимости здоровья, ответственности за его сохранение со стороны государства (**см.**), индивида (**см.**), социальной группы (**см.**) и общества (**см.**) в целом и утверждающую необходимость принятия конкретных мер и действий, направленных на создание безопасной и благоприятной среды обитания.

Актуализация проблематики З.О.Ж. связана с: 1) возрастанием и изменением характера нагрузок, которые испытывает человек (**см.**), его биологическая природа в связи с усложнением общественной жизни, изменением ее ритма, резким возрастанием межличностных контактов, которые провоцируют негативные сдвиги в состоянии здоровья, приводят к изменению характера заболеваний и преобладанию в их числе "болезней цивилизации" – сердечно-сосудистых и онкологических; 2) обеспокоенностью государств и граждан по поводу состояния здоровья и увеличения рисков – техногенного, экологического, психологического, политического и военного характера; 3) признанием междисциплинарного статуса указанных проблем и критикой в этой связи традиционно доминирующей биомедицинской парадигмы мышления со стороны социологии, психологии, социальной антропологии и других наук, связанных с человековедением.

Ограниченность биомедицинских моделей объясняется их преимущественной ориентацией на изучение негативных критериев здоровья и образа жизни (**см.**); применение методов и процедур, измеряющих характеристики физического пространства, исследование поведения индивидов (социальных групп) вне связи с социальной структурой (**см.**) и ее отдельными элементами – социальной стратификацией (**см.**), нормами (**см.**), ценностями (**см.**) и др. Биомедицинские модели оставляют без внимания ряд проблем, связанных с влиянием на здоровье и образ жизни культуры, социальной организации общества, личностного выбора.

При проведении социологических исследований, направленных на изучение проблем, связанных со З.О.Ж., выбор концептуальной модели осуществляется, как правило, в рамках деятельностного подхода. Дальнейшие интерпретативные процедуры связаны не только с определением понятий, эксплицирующих понятие "З.О.Ж." (например, таких как "здоровье", "образ жизни", "уровень жизни", "качество жизни", "стиль жизни", "социальное благополучие", "условия жизни" и т.д.), но и выбором понятийных индикаторов, позволяющих разработать методику замера, наиболее емким из которых является индикатор "отношение к здоровью".

В.Р. Шухатович

ЗДРАВОМЫСЛОВ Андрей Григорьевич (р. 1928) – российский социолог, специалист в области теории и методологии социологии. Окончил философский факультет ЛГУ (1953). Кандидат философских наук (1959), доктор философских наук (1969), профессор.

Работал в лаборатории социологических исследований ЛГУ, ИКСИ, ИМЛ. С 1992 – директор Центра социологического анализа межнациональных конфликтов Российского независимого института социальных и национальных проблем.

З. прорабатывает проблему двойственной (объективно-субъективной) природы интереса как непосредственного побуждения к действию, а также методологические проблемы изучения социальных интересов. Эмпирическая проработка теории интереса связывается З. с изучением динамики отношения к труду и политическим институтам разного уровня. Он создает оригинальную концепцию мотивации трудовой деятельности, согласно которой баланс удовлетворенности-неудовлетворенности трудом зависит от сочетания четырех важнейших компонентов: восприятия оценки (вознаграждения) труда, вовлеченности в содержание выполняемой работы, состояния и восприятия межличностных отношений (включая административно-управленческие) в производственной группе и осознания смысла трудовой деятельности.

Продвижение в осмыслении оснований социального действия связано с публикацией книги З. "Потребности, интересы, ценности" (1986). В условиях постиндустриального общества, считает З., все большее значение приобретает новый тип детерминации социальных действий: от ценностей – через интересы – к потребностям. Особое значение приобретает не столько процесс "познавания и выражения" объективных

интересов в идеологических установках политических партий и движений, равно как и в деятельности государственных институтов, сколько процесс "полагания" интересов и их конструирования в ходе политической, экономической и символической борьбы.

Книга З. "Методология и процедура социологических исследований" (1969) посвящена вопросам социологической теории и методологии эмпирических социологических исследований, в ней раскрыт процесс "добычи" социологической информации, начиная от замысла исследования и заканчивая интерпретацией полученных данных; показаны взаимоотношения теоретического и эмпирического знания и возможные коллизии между ними.

З. – автор более 250 научных работ, в том числе: "Человек и его работа" (1967, соавтор); "Социология конфликта" (1994 и 1995); "Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве" (1997) и др.

ЗЕЙГАРНИК Блюма Вульфовна (1900-1988) – российский психолог. Доктор психологических наук. Профессор (1967). Лауреат Ломоносовской премии (1978) и Международной премии имени Курта Левина (1983). Вскоре после окончания гимназии выехала на учебу в Германию. Во время предварительного обучения на нескольких гуманитарных факультетах посещала лекции по философии, психологии, филологии, математике и физике, в том числе лекции А. Эйнштейна. Окончила отделение психологии философского факультета Берлинского университета (1927). В дипломной работе "О запоминании завершенных и незавершенных действий" (научный руководитель К. Левин – **см.**) установила, что незавершенные действия запоминаются значительно лучше, чем завершенные. Впоследствии данная закономерность стала именоваться "эффект Зейгарник" ("Зейгарник-эффект", "феномен Зейгарник"). После защиты диплома работала в группе К. Левина. С начала 1930-х работала в московской психоневрологической клинике Института экспериментальной медицины, где сотрудничала с Л.С. Выготским вплоть до его смерти (1934). В 1938 после ареста и гибели в ГУЛАГе мужа (бывшего работника советского торгпредства в Берлине) осталась одна с двумя малолетними сыновьями. В годы Великой Отечественной войны работала в нейрохирургическом госпитале "Кисегач" (на Урале), где занималась практическими и теоретическими проблемами восстановления психической деятельности тяжелораненых. После окончания войны организовала и возглавила лабораторию патопсихологии Научно-исследовательского института психиатрии Министерства здравоохранения РСФСР, которой руководила до 1967. В 1960-х начала чтение курсов по психопатологии и теориям личности в зарубежной психологии в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. В 1967-1988 работала профессором факультета психологии МГУ.

Осуществила исследование психологических закономерностей, детерминирующих ряд различных нарушений психической деятельности, и создала основы систематики этих закономерностей. Разработала теоретические и методологические основания патопсихологии, которую понимала и интерпретировала как отрасль психологии. Исследовала проблемы интеллекта, мышления, аффектов, мотивации, деятельности, психологии личности, саморегуляции и др. Критически проанализировала ряд психологических теорий личности, в том числе теории З. Фрейда (**см.**), К. Юнга (**см.**), А. Адлера (**см.**), К. Хорни (**см.**), Г. Салливана (**см.**), Э. Фромма (**см.**), Э. Эриксона (**см.**) и др. Автор книг "Патология мышления" (1962), "Введение в патопсихологию" (1969), "Личность и патология деятельности" (1971), "Основы патопсихологии" (1973), "Патопсихология" (1976), "Теория личности Курта Левина" (1981), "Теории личности в зарубежной психологии" (1982) и др.

В.И. Овчаренко

ЗИММЕЛЬ (Simmel) Георг (1858-1918) – немецкий социолог и философ, культуролог. Основоположник формальной школы (**см.**) в социологии, представитель поздней философии жизни. Окончил философский факультет Берлинского университета. С 1901 – экстраординарный профессор Берлинского, лишь с 1914 – профессор Страсбургского университетов (в 1908 М. Вебер предлагал З. на должность профессора в Гейдельберге, но министерство было против; в 1915 Риккерт пытался пригласить его в Гейдельберг, но вновь тщетно). В разные периоды жизни З. испытал влияние идей Э. Кассирера и А. Бергсона. В круг его общения входили также Э. Трельч, С. Георге, П. Эрнст, Р.М. Рильке и мн. другие. У него учились Блох (**см.**) и Лукач (**см.**), его влияние испытали Визе (**см.**), А. Фиркард, Плеснер (**см.**). А. Смолл (**см.**) и Р. Парк много сделали для распространения его идей в Америке, а Хоманс (**см.**) и Козер (**см.**) видели в нем своего предтечу. При жизни получили известность прежде всего его социологические идеи, но вскоре и они во многом были забыты.

Осознание значимости З. как философа произошло значительно позже, чему способствовало (кроме всего прочего) и его самоопределение как социолога. В последнее время наблюдается ренессанс его и социологических, и культурологических идей. З. перестает восприниматься "забытым" социологом (философом): наследие З. обширно, но сложно поддается тематизации и дисциплинарной рубрикации, что во многом связано и со спецификой его эссеистического стиля письма. Автор многочисленных работ (30 книг, 25 из которых было опубликовано при жизни): "Социальная дифференциация" (1890); "Введение в моральную науку" (1892-1893); "Философия денег" (1900); "Кант" (1904); "Социология" (1908); "Основные проблемы философии" (1910); "Философская культура" (1911); "Рембрант" (1916); "Созерцание жизни" (1918) и др.

Не проста творческая эволюция З. Выделяют, как правило, три этапа развития его идей: ранний социологический, который в целом можно охарактеризовать как натуралистический; неокантианский – период философского обоснования его концепции социологии; период философии жизни (в основном философский). Иногда указывается возможность перехода к четвертой фазе творчества (философии и социологии действия), наметившийся в 1917. Однако представляется воз-

можным и целостный взгляд на его наследие, пронизанное сквозными темами формы, жизни и культуры, отмеченное переплетением философского, социологического и культурологического ракурсов подхода к большинству анализируемых проблем. Из тезиса о ценностях как находящихся по ту сторону каузальности, З. продуцировал идею деятельности гуманитария как "трансцендентального формотворчества", осуществляющегося личностью с ее априорно заданным способом видения. Формы видения организуют различные возможные "миры" культуры (религия, искусство, философия, наука и др.), со своей внутренней уникальной "логикой". В третий период творчества З. переинтерпретировал этот круг идей, исходя из тезиса о жизни как реализуемой в самоограничении посредством ею же самою создаваемых форм. Если на витальном уровне граница жизни полагается смертью, которую первая несет в себе самой (чем индивидуальнее человеческая личность, тем больше умирает вместе с индивидом, который оказывается более "способным к смерти"), то на более высоком уровне жизнь превозмогает себя саму, порождая формы культуры. Жизнь "трансцендирует" в "повороте оси" свой собственный процесс, вычленяя из себя содержание "большее, чем жизнь", становясь "более жизнью". Формы, будучи порождены жизнью, противостоят ей в ее изменчивости как устойчивые образования, стремясь к максимальной собственной автономии. Со временем порожденные жизнью формы начинают, окостеневая, "давить" жизнь, которая стремится их, несмотря на инерциональность и сопротивление последних, заменить другими, более адекватными формами. Таким образом, культура постоянно "культивирует", пролагая "путь души к себе самой". Этот бесконечный процесс смены форм порождает постоянные конфликты (идея, подхваченная и развитая Козером в социологии конфликта) и антиномичность содержания и формы, субъективности и объективности, духа и души (а в конечном счете – культуры и жизни). Неизбывность конфликтов и антиномий порождает "трагедию культуры". Однако конфликты обеспечивают и новые формы единения людей. В качестве характеристики современного общества З. отмечает борьбу жизни против принципа формы как такового, т.е. против культуры вообще. Давление форм развитой "современной культуры" отчуждает человека от жизни, и единственным средством регуляции поведения оказывается индивидуальный поиск личностной идентичности и ее выражение в субъективной культуре. Дух, опредметившись, начинает противостоять душе. Противостоять этому можно только через взращивание индивидуальной жизни на основе "индивидуального" нравственного закона.

Таким образом, если у Маркса (см.) человек отчуждается от "родовой сущности", возврат к которой возможен только через устранение отчуждения, то З. переворачивает отношение – отчуждение создает соответствующего времени человека, способствует его индивидуализации. В своей версии формальной социологии З. – в отличие от Визе или Тенниса (см.) – не делал радикального шага к абсолютизации принципа формы перед содержанием, а наоборот, пытался "согласовать" их как универсальный способ воплощения с изменчивостью целей, мотивов и побуждений, образующих "содержание" (и более того, оспаривал в конце жизни сам принцип формы). Отсюда наличие у З. наряду с "чистой" социологией, задачами которой является типология и анализ форм, "философской" социологии, прослеживающей исторические судьбы этих форм в их социокультурной конкретике, т.е. их инверсии. Кроме того, им выделялась "общая" социология, занимающаяся конкретикой данности.

Общество понимается З. как совокупность форм, организующих социальную жизнь, и как совокупность складывающихся связей людей. Оно характеризует взаимодействие людей прежде всего в аспекте оказываемых взаимовлияний и взаимоопределений, выражает их обобществленное бытие как форм, в которых индивиды на основе пересекающихся и совпадающих интересов образуют некоторые единства. Последние и являются собственно предметом социологии. Бытие – обществом (а не общество как объемлющая форма, которую З. в конечном итоге исключает из своего анализа), ориентирует на взаимоотношение индивидов. Однако поскольку индивидуальное недоступно "понятию", постольку необходимо выявление априорных форм созерцания, вводящих представления о типической значимости и сопряженности с другими. Отсюда концепция понимания З., предполагающая "наложение" понимания мотивов и объективных значений, выкристаллизовывающихся через воссоздание в себе актов, позволяющих "войти в душу" другого, т.е. актов трансцендирования за собственные пределы. Понимание как отношение одного духа к другому – основное событие человеческой жизни, постоянно дополняемое актами самосознания, обеспечивающими знание себя как другого. Схватывая в понимании другого как тип, мы сами индивидуализируем его, приписывая ему уникальные свойства, часто не имеющие ничего общего с действительностью. Тем самым мы никогда не редуцируем полностью индивидуальное к социальному как типизированному, но без него не можем "понять" это индивидуальное. В самосознании же мы пытаемся типизировать собственную уникальную индивидуальность. История разворачивается как закономерность, отмечает З., но это закономерности индивидуального ("случая", "судьбы"), внутри сложившихся форм или в их смене. Человек существует в нескольких культурных мирах, он задается (определяется) ими, но и ни каким-либо одним из них. В рефлексии понимающий субъект движется между мирами, но сохраняет их противоположенности как разные возможности, научаясь обращаться с ними. Проблему здесь, по З., надо скорее видеть, чем разрешать. Сам З. в совершенстве владел этим искусством, что дало основание Хабермасу (см.) оценить З. как непревзойденного "диагноста", увидевшего в начале 20 в. проблемы, с которыми человечество продолжает сталкиваться и в конце прошлого века.

В.Л. Абушенко

ЗИНОВЬЕВ Александр Александрович (р. 1922) – российский мыслитель – социолог, логик, социальный философ, писатель. Знаковая и одна из наиболее противоречивых фигур как в российской, так и западной социальной мысли. В творчестве З. выделяются три разных периода: 1) до публикации "Зияющих высот" (1976) и высылки из СССР основная сфера его занятий – логика и методология науки. Работы З. этого периода: "Философские проблемы многозначной логики" (1960), "Логика высказываний и теория вывода" (1962), "Основы логической теории научных знаний" (1967), "Комплексная логика" (1970), "Логика науки" (1972), "Логическая физика"

(1972) и др.; 2) в 1978-1985 – исследование, описание и критика реального коммунизма в различных жанрах: литературы, публицистики, социологических эссе. В этот период З. написаны "Светлое будущее" (1978), "В преддверии рая" (1979), "Желтый дом" (1980), "Коммунизм как реальность" (1981), "Гомо советикус" (1982), "Мой дом – моя чужбина" (1982), "Пара беллум" (1982), "Ни свободы, ни равенства, ни братства" (1983), "Иди на Голгофу" (в основном написана в 1982, опубликована в 1985) и др.; 3) после начала перестройки в Советском Союзе – критика распада советской системы, поворот к исследованию и критике современного западного общества. Книги: "Катастройка" (1990), "Смута" (1994), "Русский эксперимент" (1995), "Запад" (1996), "Глобальный человейник" (1997), "На пути к сверхобществу" (2000) и др. Участник Второй мировой войны, боевой летчик. В 1954 – после окончания философского факультета и аспирантуры МГУ защитил диссертацию по логике "Капитала" Маркса, получившую резонанс и известность в советских философских кругах. С 1955 – сотрудник Института философии АН СССР, с 1960 – доктор философских наук, затем профессор МГУ, заведующий кафедрой логики. В 1976 – публикация "Зияющих высот" на Западе и последующая высылка из Союза. В 1978-1999 живет и работает в Мюнхене. В 2000 вернулся в Россию. В Советском Союзе философские взгляды З. находили свое выражение главным образом в рамках логики и методологии науки. После войны эта область философии оказалась одной из немногих ниш относительно неидеологизированного философского мышления. Произошло это во-многом именно благодаря З. Его ранние исследования метода и логики "Капитала", а также сформулированные в ходе этих исследований принципы и программные положения послужили образцом и мотивом развития ряда инициатив и программ в советской философии: содержательно-генетической логики, деятельностного и системного подходов, а также эпистемологии и логики науки в целом. Более поздние работы З., выполненные в русле математической логики, до сих пор не нашли адекватной оценки собственно с философской точки зрения, хотя содержат целый ряд оригинальных и нестандартных методологических идей. Можно отметить, что экспликация позднейшей, сформулированной уже в эмиграции, социологической теории З. обнаруживает методологический фундамент, сформированный в "логический" период. Сам логический период, также как и все творчество З., неоднороден и содержит резкий перелом (осуществившийся во второй половине 1950-х), разделяющий его (условно) на "диалектическую" и "формально-логическую" части. Основная работа "диалектического" или "содержательного" периода – диссертация "Метод восхождения от абстрактного к конкретному (на материале "Капитала" К. Маркса)" не опубликована до сих пор. Наряду с исследованиями Ильенкова эта работа и по сей день остается одной из лучших экспликаций и реконструкций данного метода. Интересно отметить, что реконструкции Ильенкова и З. сильно различаются; это позволяет предположить, что на деле речь идет о трех разных конструкциях или вариантах метода: самого Маркса (см.), Ильенкова и З. "Капитал" считался образцовым и почти каноническим произведением. Его обильно цитировали, применяли реализованные в нем схемы и идеологические формулы, однако метод "Капитала" оставался неэксплицированным. Тезис о том, что марксово мышление было революционным или, как стали говорить после работ Т. Куна (см.), задавало иную парадигму мышления, оставался лишь лозунгом и фактом идеологического мышления. З. одним из первых в советской философии подошел к "Капиталу" структурно-логически. Он обратил внимание на то, что логика, реализованная Марксом, применима лишь по отношению к объектам особого рода, обладающих структурой так называемого "органического целого" (термин "система" появился лишь позднее). Это, как правило, исторические или социальные объекты, обладающие внутренне дифференцированной и функционализированной структурой, но главное, – обладающие имманентными механизмами развития и эволюции. Считалось, что такого рода объекты не могут быть адекватно описаны формальной логикой и должны изучаться диалектикой. З. заметил, что традиционная логика действительно не может выразить парадигмальные отличия марксова подхода, и предположил, что причина этого – в игнорировании содержательной и инструментально-операциональной (деятельной) стороны мышления. Логическое состояние диалектики оценивалось З. реалистично – она оставалась в основном фактом "политмышления", "алгеброй революции" и т.п. Из этого родился манифест новой, "содержательной" логики, которая в отличие от логики формальной фиксировала бы не только языковой аспект, но также содержательный (или логико-онтологический) и процедурный, а также связывала бы эти аспекты между собой. З. сформулировал лишь самые общие программные положения: 1) мышление должно рассматриваться логикой не как статичная структура, а как историческая деятельность, все структуры знания – суть временно зафиксированная деятельность мышления; 2) собственно логический анализ (языковой аспект) должен совмещаться с содержательным и процедурным анализом знания и научного мышления; 3) логика должна быть эмпирической наукой, ее эмпирический материал – реальные научные тексты, а предмет исследования – приемы и способы мышления, зафиксированные в этих текстах; 4) по отношению к самому научному мышлению логика – не канон, а набор инструментальных исследовательских средств (органон) и др. Реально эта программа З. повлекла за собой не только разработку содержательно-генетической логики, но и во многом формирование в советской философии логики науки как особого направления и области исследований. Разработка содержательной логики не получила официальной поддержки и признания. Кроме того, реализация этой инициативы столкнулась с многочисленными проблемами и методологическими трудностями. В силу ряда причин З. был вынужден пересмотреть свои взгляды и исходные положения, а дальнейшие исследования локализовать в рамках матема-тической логики.

В 1959 З. выступил с критикой программы содержательной логики. Ее тезисы сводились к следующему: а) негативизм по отношению к формальной логике признавался неправомерным: формальная логика и логика науки не противостоят друг другу, а первая, в своем современном виде, дает богатые возможности для второй; б) замысел содержательной логики оказывался противоречивым, поскольку смешивал и соединял в одной дисциплине неоднородные подходы и типы знания: нормативные и дескриптивные, структурные и исторические, психологию и логику. Сохранив интенцию на разработку логики научного знания, З. воспользовался развитым аппаратом математической логики, к возможностям которого он адаптировал свои методологические установки – ориента-

цию на эмпирическое знание и анализ реальных языковых структур, противопоставление содержательных и языковых аспектов, выделение логических средств анализа системных объектов со сложной неоднородной структурой и др. Такой шаг позволил З. довольно быстро получить впечатляющие результаты. Среди них: исчисление высказываний о связях, подходы к применению многозначной логики в логике науки, концепция комплексных определений и комплексной логики. З. сформировал собственную школу и направление в логике, получившее резонанс и на Западе.

Работы З. последних лет посвящены ряду глобальных социальных проблематик: 1) системной критике современной буржуазной цивилизации ("западнизма", по выражению самого З.); 2) пропаганде идеи о том, что крах советского коммунизма привел к распаду российской цивилизации; 3) аргументации тезиса об исторической обреченности "западнизма" перед лицом вызовов со стороны цивилизации "коммунальности" (см.). См. также: **"Зияющие высоты" (Зиновьев).**

А.Ю. Бабайцев

"ЗИЯЮЩИЕ ВЫСОТЫ" – социолого-сатирический роман-гротеск Зиновьева (см.) (1976). Данное произведение было основано на традициях "смеховой культуры" столичного фольклора советского послевоенного общества и фундировалось значительной совокупностью оригинальных и эвристически значимых социально-философских, научных и логических моделей. Тематической несущей конструкцией "З.В." выступает акцентированно персонифицированная проблема удела критически мыслящей личности в условиях тоталитарного режима. "З.В." совмещают уничтожающие системные характеристики общества реального социализма и предметную реконструкцию социальных механизмов, используемых властью для обеспечения перманентности, вездесущности и эффективности процессов расчеловечивания и деградации граждан этого общества. Будучи схожими по ряду существенных параметров с кодированными гипертекстами постмодернистского типа, "З.В." органично сочетают, с одной стороны, экспликации характера и направленности социально-экономических и политических процессов в советском обществе 1920-1970-х и изложение традиционных сюжетов дискуссий московской философско-социологической тусовки периода оттепели и "раннего застоя" – с другой. Эпатажное и узнаваемое изображение известных и наиболее типичных представителей ангажированной властью гуманитарно-эстетствующей общественности Москвы 1950-1970-х наряду с портретами диссидентов – их современников, а также наиболее модных и распространенных эпифеноменов духовной жизни столицы этого периода осуществлено в "З.В." посредством присвоения фигурантам-персоналиям и фигурантам-идеям сатирических псевдонимов-ярлыков. Последние были вполне очевидны в контексте сюжета (Хозяин – Сталин, Хряк – Н.С. Хрущев, Правдец – Солженицын, Певец – Высоцкий, Мазила – Неизвестный, Ибанск – Советский Союз/общество социалистического типа, Театр на Ибанке – театр на Таганке, Заведующий/Заведун/Заибан – Глава КПСС, Братия – Партия, Дьяволектический ибанизм – диалектический материализм, социзм – социализм, полный социзм/псизм – коммунизм и т.д.).

Социально-философская концепция общества СССР, сконструированная Зиновьевым в духе "социологического реализма", наглядно демонстрировала антигуманный, жестко взаимосвязанный и взаимообусловленный набор характеристик средневековой по сути своей цивилизации социализма, в рамках которой государство всецело подчиняет себе и индивида, и любой (даже самый незначительный) человеческий коллектив, полностью элиминируя из общественной жизни автономную личность как таковую. Анализируя в "З.В." весьма широкий спектр вопросов, относимых в официальной советской науке 1950-1970-х к предмету исторического материализма, формулируя ряд нетривиальных парадигм общество- и человековедения, которые на понятийном уровне сопрягались с "маргинальными", с точки зрения марксистско-ленинской идеологии, научными дисциплинами (политология, культурология, логика и методология науки и т.п.), Зиновьев одновременно очертил посредством новаторских языковых средств ("в применении к ибанскому обществу все традиционные понятия социальных наук потеряли смысл...") проблемные поля общественных дисциплин, вообще не входивших в Советском Союзе в перечень легитимных (психоистория, организация организаций, теория коммуникаций и т.п.).

Согласно схеме "З.В.", "социзм есть вымышленный строй общества, который сложился бы, если бы в обществе индивиды совершали поступки друг по отношению к другу исключительно по социальным законам, но который на самом деле невозможен в силу ложности исходных допущений". По мнению Зиновьева, абсолютно неправомерно ассоциировать реальные процедуры внедрения социализма в СССР ("...наша система власти... проделала длительную эволюцию... Первый этап – давить всех, кто подвернулся под руку, и давить так, чтобы все это видели и чувствовали, что настанет и их черед. Второй этап – давить, но по выбору и так, чтобы все думали, будто мы не давим, а охраняем достижения и воспитываем заблуждающихся... Третий этап – сделать так, чтобы давить было некого..."), с одной стороны, и респектабельные социал-демократические сценарии переустройства социума путем реформ: "...как всякая внеисторическая нелепость, социзм имеет свою ошибочную теорию и неправильную практику, но что здесь есть теория и что есть практика, установить невозможно как теоретически, так и практически". Зиновьев отвергает распространенный тезис о том, что на протяжении всего своего существования социалистический строй в Советском Союзе неизбывно являл собой целиком навязанную силовым путем "сверху" общественную реальность. По Зиновьеву, однажды варварски насажденная путем беспрецедентного социального насилия социалистическая система оказалась весьма способной к самовоспроизводству путем перманентных репрессий, самоизоляции и сохранения архаичной структуры человеческих потребностей. Социализм законсервировал соответствующие модели межличностных отношений, принципы выстраивания социальных иерархий, систему отбора и выдвижения руководящих кадров ("...вопрос о руководителях... есть один из центральных для социологии, ибо это есть вопрос о том, что собой представляют социальные группы данного общества... Социальный тип общества в значительной мере (если не в основном) характеризуется типом руководителя") и т.п.

Социализм, согласно Зиновьеву, породил и впоследствии сделал практически беспредельно доминирующим и соответствующий тип личности: "Главным стимулом деятельности

наиболее активной части общества становится достижение более высокого уровня потребления не путем реализации личных талантов и личного труда, а путем борьбы за более выгодные социальные позиции по законам этой борьбы, не имеющим ничего общего с талантами и трудом... это общество вообще глубоко враждебно всяким видам творческих проявлений...". Зиновьев утверждает, что социалистический принцип распределения не есть проявление некоей природной справедливости или результат произвольного законодательства. Он "есть результат совокупного действия массы волевых поступков людей и постоянно воспроизводится как таковой, закрепляясь в обычаях, законах, привычках... Каждый стремится урвать максимум, доступный ему по его положению. Максимальный кусок с минимальными затратами – вот святая святых этого общества, рядящегося в одежды заботы, великодушия, доброты, справедливости... Ибанское общество есть весьма сложная, дифференцированная и иерархическая структурированная система привилегий. Сложная система власти призвана сохранять и воспроизводить эту систему привилегий. Ибанская культура... создает систему лжи, маскирующую эту весьма прозаическую жизнь и изображающую ее как всеобщее равенство, справедливость, процветание". Аналогичную апологетическую идейную нагрузку, призванную вуалировать откровенный разбойно-паразитический характер правления правящего класса номенклатуры, несет, согласно версии "З.В.", идея коммунизма как "светлого будущего всего человечества", призванного осуществить на практике лозунг "от каждого по способностям, каждому по потребностям": "Псизм есть высшая ступень социзма или полнейший социзм... На нижней ступени каждый индивид вкалывает по способностям, а получает в соответствии с тем, что он сделал. Как говорили в то время, по труду. Сознание при этом достигает такого уровня, что каждый индивид четко представляет, какие способности у него есть и каких нет, и за пределы своих способностей не вылезает. Общество располагает достаточно мощными средствами, чтобы не дать индивиду трудиться сверх своих способностей или по чужим способностям и убедить его в том, что он получил по заслугам... На высшей ступени индивиды продолжают вкалывать по способностям, но получают уже не по заслугам, а по потребностям. Сознание при этом достигает такого чудовищного высокого уровня, что каждый индивид даже во сне помнит, какие потребности ему положено иметь и какие нет". (Зиновьев не ошибся в перспективе и исторической судьбе этого догмата правящей идеологии в СССР: уже в 1980-х ряд политических лидеров страны выдвинули идею о том, что ни одно общество, ни одни производительные силы не смогут удовлетворить запросы личности, "необузданной в собственных потребностях".)

Немаловажное место в теоретических построениях Зиновьева, осуществляемых им в "З.В.", занимает гипотеза, согласно которой (вопреки распространенным мнениям) социализм отнюдь не является чем-то принципиально чуждым для "естественной природы" людей. Господство в обществе таких установок, в границах которых приоритет более интенсивного труда и талантов человека – основополагающая ценность, достижимо лишь на основе доминирования сопряженных культурных максим, религиозных догматов и идеологем. Природа же людей далеко не всегда и не везде соответствует подобным требованиям. Социальные законы, с точки зрения Зиновьева, суть определенные правила поведения (действия, поступков) людей друг по отношению к другу. Основу для них образует исторически сложившееся и постоянно воспроизводящееся стремление людей и групп людей к самосохранению и улучшению условий своего существования в ситуации социального бытия... они естественны, отвечают исторически сложившейся природе человека и человеческих групп: "...меньше дать и больше взять; меньше риска и больше выгоды; меньше ответственности и больше почета; меньше зависимости от других; больше зависимости других от тебя и т.д.". Эти законы одни и те же всегда и везде, где образуются достаточно большие скопления социальных индивидов, позволяющие говорить об обществе. "Признанию их в качестве законов, которым подчиняется социальная жизнь людей, – отмечается в "З.В.", – препятствует социальный закон, по которому люди стремятся официально выглядеть тем лучше, чем они хуже становятся на самом деле". Зиновьев существенно предвосхитил сценарии идеологических и мировоззренческих полемик о лозунге "Больше социализма" в СССР и подавляющем большинстве государств – его наследников в последние полтора десятилетия 20 ст. Господство иерархически-распределительного принципа в отношении общественного богатства – атрибут социального строя такого типа: "Когда... утверждают, что не соблюдается принцип "от каждого по способностям, каждому по его труду", то это есть свидетельство детски наивного непонимания сути дела. От каждого по способностям – это отнюдь не пропагандистски-демагогическое раскрытие всех способностей (хотя бы потому, что в массе люди посредственны, что способности суть отклонения от средней нормы), а принцип, согласно которому от человека требуется то, что он должен делать в данном его положении. Каждому по труду – это отнюдь не абсолютно справедливая доля продукта за фактически отданный труд, а доля продукта, которая считается справедливой человеку в данном его положении. Это цена социальной позиции человека".

По мнению автора "З.В.", "идея равенства в условиях ибанского общества имеет смысл, противоположный тому, какой она когда-то имела на Западе... Здесь идея равенства есть принцип власти, направленный не на себя, а только на подвластных. Суть его – не допустить того, чтобы человек добился за счет своих личных способностей и труда благ, положенных лицам определенного социального ранга, не занимая социального положения этого ранга". Согласно убеждению Зиновьева, общественная карьера индивида в нивелирующих условиях всеобщей уравниловки менее всего связана с его реальным потенциалом: "...прежде всего в служебной карьере играет роль соотношение реальной и номинальной оценки качеств личности... В реальных социальных отношениях реальной является лишь номинальная оценка личности, а реальная является лишь нереализуемой возможностью". С точки зрения Зиновьева, государство, поглотившее гражданское общество, а также консервирующее состояние ненадобности (ввиду отсутствия "социального заказа") основных гражданских прав для своих подданных, становится социально опасным для собственного народа: "Ибанская власть... всесильна негативно, то есть по возможностям безнаказанно делать зло. Она бессильна позитивно, то есть по возможностям безвозмездно делать добро... Успехи хозяйственной (и вообще деловой) жизни страны не есть заслуга власти как таковой. Эти успехи, как правило, есть неизбежное

зло с точки зрения власти. Тем более – успехи культуры. Это вообще не есть функция власти... Власть ибанского типа принципиально ненадежна. Она не способна достаточно долго и систематически выполнять свои обещания... по условиям своего функционирования... Власть в принципе исключает научный взгляд на свое общество и исходит при этом в своих намерениях из общих ложных предпосылок... Ненадежность обещаний власти становится привычной формой государственной жизни". Система эта, по Зиновьеву, достаточно устойчива к любым проявлениям общественных возмущений "изнутри", ибо возможность заниматься политикой как легальным инструментом обеспечения условий для качественных социальных трансформаций в условиях тоталитарного режима отсутствует: "Ибанское государство во внутренней жизни не есть политический индивид, ибо ему внутри не противостоит никакой независимый от него другой индивид". Наряду с политикой столь же, согласно модели "З.В.", превращенный характер в условиях социализма приобретают мораль и право. Деформированные, они, по мнению Зиновьева, результируются в утере людьми каких-либо нравственных и человеческих координат – народ превращается в лучшем случае в население и не может выступать как камертон позитивности либо негативности происходящих в обществе процессов. ("Ибанский народ переживает трагедию нереализовавшихся возможностей. А это – самая страшная трагедия для цивилизованного народа".) Согласно Зиновьеву, "...некто А совершил дело, которое не нравится властям и народу, но за которое нельзя привлекать к суду, ибо это дело не есть нарушение законов. Но какие-то органы власти привлекают к суду и наказывают. Согласно кодексу данной страны, все лица, сделавшие это в отношении А, – преступники. Власти, прикрывающие их действия, – соучастники преступления... Народ, знающий, что А юридически невиновен и что власти поступили с ним не по закону, но не восстающий против действий властей, есть соучастник преступления. И тоже преступник. Так что логически мыслима ситуация, когда целый народ преступен по отношению к одному человеку... На такой казуистике держится вся правовая цивилизация... Общество, провозглашающее в качестве официального принципа лозунг, согласно которому интересы народа в целом превыше интересов отдельного человека, есть общество неправовое".

Отсутствие аналогов по характеру исполняемых функций и абсолютное несоответствие расхожему в классической традиции значению термина "политическая партия" – главная характеристика организации, именуемой в "З.В." термином "Братия": "Братия в ибанском обществе есть суть государственной власти, ядро всякой власти и объединение всех форм власти в единую систему власти. Это – социальная власть как таковая или власть в ее чисто социальной функции... Братия есть единственная сила, способная сохранить порядок в обществе... Массовые репрессии периода Хозяина произошли в какой-то мере потому, что определенные силы в стране сумели поставить себя над Братией и подчинить ее своей воле... Добровольность членства Братии есть основа всей ибанской государственности. Объяснить, как на базе полной добровольности вырастает самая полная и оголтелая принудительность власти, – вот задача для любителей решать житейские парадоксы. Насилие есть равнодействующая свободных воль индивидов, а не злой умысел тиранов. Тираны такие же пешки в руках добровольно вырастающей власти, как и их жертвы".

По убеждению Зиновьева, верхушечная антикоммунистическая "революция сверху", инициированная в сфере идеологии, в России вряд ли осуществима, во-первых, потому, что инициативный, "экономический человек" в СССР на протяжении жизни ряда поколений был вне закона ("...радость по поводу неудач сильных выражается в форме сочувствия... С другой стороны, слишком сильное ослабление позиций других индивидов также нежелательно, ибо оно угрожает хлопотами и заботой... Индивид, как правило, испытывает удовлетворение при виде уродов и при известиях о несчастиях других... Неизбежным следствием рассмотренных принципов сотрудничества является тенденция к осреднению индивидов. Будь как все – вот основа основ общества, в котором социальные законы играют первую скрипку"). Следствием этого, согласно одной из пафосных идей "З.В.", выступает тенденция, в соответствии с которой "...подлинный талант в Ибанске проявляется не в результатах и в признании, а лишь в форме поведения и в личной судьбе". Во-вторых, согласно идее "З.В.", общество реального социализма породило и соответствующую, не имеющую аналогов по своему содержанию, идеологию. По Зиновьеву, с одной стороны, идеология играет "огромную роль в жизни общества... и никакую – с другой. Она сказывается во всем. И ее нельзя уловить ни в чем. Отсюда весьма различные ее оценки, колеблющиеся в пределах от нуля до бесконечности. Отсюда наивные иллюзии, будто руководство страны может по своей воле изменить официальную идеологию и будто это существенно повлияет на его поведение... Говорить об истинности идеологии вообще бессмысленно... Для социальных механизмов важен сам факт существования какой-то идеологии, ее формальное функционирование, а не ее содержание. Содержание идеологии определяется конкретными историческими условиями духовной жизни общества... Общество нашего типа... есть идеологическое общество в самой своей основе... Наша идеология есть законченное и даже замкнутое целое... она как особое социальное формирование исключает исправления и дополнения...". Отказ правящих элит эпохи так называемой перестройки осуществить судебный процесс над РСДРП(б) – ВКП(б) – КПСС как преступной организацией, бурный рост фашистских умонастроений людей вкупе с сохранением агрессивных уравнительно-коммунистических предрассудков подтвердили размышления Зиновьева о том, что "...ибанский народ пока еще живет с сознанием совершенного преступления. Еще немного, и это сознание исчезнет. Одно поколение, и Правдеца перестанут понимать. А пока еще есть какой-то шанс заставить народ признаться в совершенном преступлении и очиститься от недавнего прошлого... Через десять-пятнадцать лет будет поздно. И тогда народ будет обречен жить с чистой совестью, но с натурой преступника".

События в России (1991) и ряде государств СНГ 1990-х явились по ряду значимых параметров только лишь внешне более эффективным воспроизведением тенденций хрущевской "оттепели", сопровожденные в конечном счете аналогичными политическими результатами. В рамках концепции "З.В." отмечалось: "Ведущий теоретик реакционных сил Троглодит... сделал практически ценный, но бесполезный в силу неспособности реакционных сил последовать ему теоретический вывод: если хочешь посеять в рядах прогрессистов панику, предоставь им внезапно полную невозможность делать прогресс. Сделать это надо внезапно не только для них, прогрессистов, но и для

нас самих, реакционеров. И через некоторое время, когда им покажется, что они нас задавили, бери их голыми руками и делай из них еще больших реакционеров, чем мы сами... Прогрессивные силы растеряли открывшиеся перед ними возможности по пустякам – на взаимные склоки, степени, должности, премии, поездки, квартиры". Главной же причиной минимальной уязвимости тоталитарных режимов для имманентных социальных потрясений Зиновьев усматривает в отсутствии подлинной интеллигенции, способной в какой-либо временной перспективе сформировать у людей адекватные общечеловеческим ценностям представления о значимости гражданских прав и свобод личности. По Зиновьеву, "...интеллигентность общества – это способность общества к объективному самопознанию и к сопротивлению его слепым, стихийным тенденциям, это способность общества к духовному самоусовершенствованию и прогрессу. Любыми средствами, в любой форме... Интеллигентность... есть способность общества к самопознанию своей собственной сути, воплощаемая в его духовном творчестве и охраняемая определенной социальной средой... Интеллигентность критична и оппозиционна по самой своей функции в обществе... Интеллигенция – самая трудно выращиваемая ткань общества. Ее легче всего разрушить. Ее невероятно трудно восстановить. Она нуждается в постоянной защите. Чтобы ее уничтожить, на нее даже не надо нападать. Достаточно ее не охранять. И общество само ее уничтожит. Среда. Коллеги. Друзья. В особенности – интеллигенциеподобная Среда... Она имеет власть и потому беспощадна". Анализируя существенные параметры двух основополагающих социально-экономических и политических систем 20 ст. – социализма советского образца и либеральных демократий западного типа, характеризуя принципиальную возможность формирования как той, так и иной цивилизационной модели в соответствующих культурно-исторических условиях (книга Зиновьева "Коммунизм как реальность"), Зиновьев отнюдь не стремился к упрощению реального положения дел.

В контексте гипотезы "З.В." общественная модель современного Запада трактуется как отнюдь не единственная альтернатива эволюции человечества 20-21 вв. Она может быть понята и как впечатляющий продукт интерференции ряда исторически случайных факторов в рамках западноевропейской цивилизации (ср. "культура как ошибка" у Лема): "...прогресс общества в значительной мере происходил как процесс изобретения средств, ограничивающих и регулирующих действие социальных законов". Перспективы эволюции технотронного информационного общества англо-саксонского типа, по Зиновьеву, столь же противоречивы, сколь же и уязвимы имманентные механизмы его динамики: "вера в собственный разум – одно из непременных условий социального прогресса общества... современная наука разрушает эту веру, что бы ни болтали в пользу противоположного мнения. Вера в разум не есть явление в сфере науки. Эта вера есть самый основной элемент идеологии". "З.В.", выступив культовой публикацией для отечественных интеллектуалов последней четверти 20 ст., одновременно знаменовали принципиально новую веху в постижении мира (по Зиновьеву, "сверхобщества") как целого, т.к. социологический логицизм Зиновьева сделал возможным нетривиальное сопоставление общественных систем различных типов. В конечном счете, речь шла о потенциальной взаимообусловленности даже противоположных социальных проектов: выяснилось, что практически в той же мере и степени, в какой любая коммунистическая социально-экономическая модель в определенных условиях чревата буржуазными потенциалами развития, каждое реальное воплощение западной системы ценностей имеет шанс на кардинальную деформацию себя самое в ходе чрезмерного расширения функций государства и его органов (см. Зиновьев – "На пути к сверхобществу").

А.А. Грицанов

ЗНАНЕЦКИЙ (Znanietskij) Флориан Витольд (1882-1958) – польско-американский социолог, философ, культуролог. Окончил Варшавский университет. Учился в университетах Женевы, Цюриха, Парижа. Докторскую степень получил в Кракове. По окончании учебы служил в разных организациях, ведающих делами эмиграции, где встретился с У. Томасом (см.), который предложил З. совместное исследование "Польский крестьянин в Европе и Америке", (т. 1-5, 1918-1920), ставшее классикой монографического метода социологии. В 1917 З. был приглашен в Чикагский университет для чтения лекций. В 1920 избран на кафедру социологии Познаньского университета, здесь в 1920 создал Институт социологии, а с 1931 издает "Социологический вестник". Проводит ряд социологических исследований, в том числе и по этноидентификации белорусов. В Познани преподавал до 1939, в этом же году буквально за считанные дни до войны выехал в США, где в 1941 году получил гражданство. Преподавал в Колумбийском и Иллинойском университетах. Основные философские сочинения: "Обоснование ценностей в философии" (1910), "Гуманизм и познание" (1912), "Культурные реалии" (1919). Значительные философские разделы имеются также в следующих работах З. по социологии: "Упадок западной цивилизации" (1921), "Введение в социологию" (1934), "Метод социологии" (1934), "Современные люди и прежние цивилизации" (1934), "Законы социальной психологии" (1925).

Все творчество З. объединено стремлением к цельной, логически построенной системе, основой которой является теория ценностей. Основные категории его системы: вещи и ценности, а также их конкретизации: установка, норма, обычай, ритуал и т.д. Ценность является сложнейшим образованием, возникающим в результате взаимодействия представлений субъекта (личности) и объективной реальности, которая в ряде работ З. трактуется как творимая субъектом. В теории ценности важную роль играет концепция рациональности, а также вопросы генезиса ценностей. Человек творит мир мышлением, выступающим в роли субъективно-творящего начала, в свою очередь конкретизируемым в деятельности. Ценность немыслима вне категории исторического человека, личности, творца. Одно из основных требований научного анализа, по З., – принятие во внимание точки зрения действующих индивидов, их понимание ситуаций, в которые они включены. Многие идеи З. восприняты функциональным анализом в социологии.

В.Л. Абушенко

ЗНАНИЕ – селективная (1), упорядоченная (2), определенным способом (методом) полученная (3), в соответствии с какими-либо критериями (нормами) оформленная (4) информация, имеющая социальное значение (5) и признаваемая в качестве именно З. определенными социальными субъектами и обществом в целом (6). В зависимости от названных критериев

З. может быть разделено на два типа по уровню его функционирования: обыденное З. повседневной жизни и специализированное З. (научное, религиозное, философское и т.д.), а также "перекрывающее" границу уровней профессиональное и практическое З. различных социальных общностей и групп. Можно также говорить о личностном З. [и структурах личностного З., присутствующих в иных модификациях З., в частности, согласно Полани (см.), научном]. Различают также структуры явного, предъявленного, рационально (или иным образом) оформленного (выражаемого), и неявного (латентного) З., локализуемого в структурах накопленного социокультурного опыта и подсознании субъектов. Кроме того, в явном, как правило, специализированном, реже профессиональном и в специфическом виде в некоторых случаях – практическом З. можно выделять "предметное", направленное на объекты, процессы, явления (как на уровне ситуативной данности, так и на уровне глубинных инвариантов), З. и метазнание (З. о З. и возможностях работы со З.). Особые знаниевые практики, проникающие в метазнание, но иногда и в З. "предметное", презентируют методология (З. о способах, методах, возможностях и целях получения З., а также о технологиях работы с ним) и рефлексия (философская, методологическая, деятельностная). Внутри философии оформились как самостоятельные дисциплинарные области: эпистемология ("учение о З.") и гносеология ("учение о познании"); на междисциплинарном научном уровне – науковедение и различные "метрии" (наукометрия, аксиометрия, искусствометрия и т.д.); внутри дисциплинарных З. – социология З., например, специально "сконструированные" практики и технологии. На особый самостоятельный статус в этом отношении в настоящее время претендует методология, в частности, в лице системомыследеятельностной методологии (СМД-методология). Как особые виды сейчас стали рассматриваться мистическое З., "оккультное" З., "пара"-З. и т.д.

В компаративистских кроскультурных исследованиях (эмпирический уровень); в работах Леви-Брюля, Леви-Строса и др. (теоретический уровень); в концепциях Шпенглера, Тойнби, Данилевского, Сенгора и др. (на уровне философской рефлексии) была осмыслена ситуация наличия разных типов З. и разного "удельного веса" его видов, наличия разных типов технологии работы со З. и его "упаковки" в тех или иных культурах и в те или иные исторические периоды. Более того, была показана (начиная как минимум с неокантианства) неоднородность того же научного З., к которому постоянно апеллировала европейская традиция. В частности, было специфицировано социогуманитарное З., в котором также была обнаружена его принципиальная плюралистичность (применительно к социологии эту ситуацию хорошо зафиксировал К. Штомпка в девизе: "Много социологий для одного мира"). Тем самым оказалась дискредитированной (под сомнение в иррационалистически и мистически ориентированных концепциях она ставилась и ранее) претензия европейского Разума на его адекватное выражение прежде всего (или даже единственно) в рационалистически или эмпирически трактуемой науке как "подлинном", "незатемненном" и т.д. З. "Традиционные" представления о З. подрываются и социокультурными реалиями "постиндустриального", "информационного" и т.д. общества, превратившими знаниевые и образовательные практики, наряду с экономическими и политическими, в доминирующие, и поменявшими "режим" их производства и функционирования с академически-университетско-институционализированного на коммуникативный, а также поставившими вопрос о "техническом", "искусственном" разуме. Тем самым возникла необходимость не только отказа от редукции З. исключительно к научному и (или) философскому, но и потребность переопределения самого феномена З. в терминах разных типов "логик" и "рациональностей" с меняющимися реальными доминантами в конкретных исторических и социокультурных ситуациях.

К настоящему времени обозначились основные векторы движения в этом направлении.

1) В современных теориях З. и образовательных (трансляционных) технологиях подвергнут критике принцип предметной фрагментации З. и его специализации по узким объектным областям. Показательно, что "дробление" З. ведет в пределе к утрате целостного видения отображаемых в З. областей и объектов, "неулавливанию" глубинных оснований познавательной активности. Обозначена проблема "границы" допустимой специализации (например, в социологии, коль есть отношение социальных агентов друг к другу или к чему-либо, нет принципиального запрета на возможность формирования новых социологических "дисциплин") и комплексирования З. как по "горизонтали" (с иными специализированными его сегментами), так и по "вертикали" (надстраивание необходимых уровней концептуализации З. В социологии, например, известно достаточно много схем уровневой организации З., в ней же был введен (Мертоном) сам термин "теории среднего ранга (уровня)", наложившие, кроме всего прочего, методологические ограничения на возможность "бесконечного" продуцирования автономных предметных областей З.).

2) Установлено "стирание" предметной специфики З. на более высоких концептуальных уровнях его организации, выраженность на них тенденций к интегрированию знаниевых систем (теорий и т.д.) в объемлющее целое, к междисциплинарному синтезу (появление социобиологии или социопсихолингвистики, например) и к комплексированию разнопредметного З. В рамках последнего предметная спецификация может быть истолкована как возможность смены точек зрения и преобразования одних форм З. в другие. Сам же предмет З. может тогда пониматься как видение объекта в свете сложившихся исследовательских установок в зависимости от массива уже накопленного З. Кроме того, в научном З. наработан ряд подходов, позволяющих анализировать внутри их методолого-теоретических установок разные предметные области (семиотический, системный, деятельностный, структурно-функцио-нальный и т.д.).

3) Представления о методологической функции З. и о методологическом значении более концептуализированных уровней З. по отношению к более низким уровням его организации дополняется (или вытесняется) пониманием методологии как типа вне- и надпредметного З., формируемого за пределами собственно науки (реже, и философии, если последняя сама при этом не истолковывается как методология). З. лишается статуса самоценности как конечной цели познания, актуализируются представления о З. как предпосылке (задаваемое видение) и как средстве (методическо-процедурная компонента) познания. Ставится вопрос о релевантности З. как продукта проблемным полям и ориентациям действующих субъектов. Содержание З. непрерывно проблематизируется, критериально оно нормативизируется и технологизируется.

4) Дискредитируются представления о З. как продукте, получаемом в режиме открытия ("изобретения"), что абсолютизировало статичность и замкнутость знаниевых систем. Акцен-

тируются предзаданность ("организованность") продуцируемого З., его динамичность и открытость в другие практики, возможность переинтерпретации. Наряду с фактическим, теоретическим, методологическим как особый тип начинает рассматриваться З. проблемное, а проблематизация исходных онтологических оснований истолковывается как "привычный режим" работы со З. (СМД-методология и др.).

5) Иными становятся и представления о способах и механизмах изменения знаниевых систем. Пионерскими в этом отношении явились концепции Куна о парадигмальной организации З. и различные версии (в том числе и Куна) "научных революций", поставившие под вопрос коммулятивную схему "накопления" З. Важны в этом отношении разработки социологии науки (и наукометрии) о механизмах "запрета на повтор (плагиат)", "приоритетности (первенства)" и "публикации", а также культурологии о механизмах с аналогичными "организующими" изменения функциями в других типах З. и культурах. В семиотике предложен механизм "сдвига значений": "новый смысл" в системе З. понимается как зафиксированный в данном результате сдвиг значения в некоторой группе предшествующих результатов (при этом вероятность признания нового результата тем меньше, чем более инновационно предлагаемое).

6) В социологии культуры, культурологии, педагогике, коммуникативистике и некоторых других дисциплинах разработаны новые способы и технологии трансляции (передачи) З. При этом З. истолковывается как сокращенная через обобщение и типизацию для целей трансляции запись видов социальнонеобходимой деятельности (Петров). Проблемой в этом случае является фрагментация наличных массивов З. в конкретные сегменты деятельности и для конкретных субъектов (индивидов), также как и обратный процесс интегрирования "фрагментов" в целостность. Дополнительная задача – институциональное обеспечение этих процессов.

7) Анализ логико-гносеолого-эпистемологических форм З. дополняется анализом интрасубъективных механизмов обеспечения присутствия З. в актуальном опыте (практиках) в мотивационном, операциональном, коммуникационном аспектах. Выявляется зависимость требований к З. и его параметрам в различных режимах работы с ним (моно-, диа-, полилог; "Я-Я", "Я-Он", "Я-Ты" типы отношений и т.д.). Специально в разных вариантах разрабатываются концепции З. как результата разноорганизованных дискурсов.

8) Особый пласт анализов З. представляют его трактовки как знаковых, текстовых, языковых, категориально-семантических, праксеологических и т.д. организованностей, вписывающие знаниевые системы в "смысловую рамку" культуры. Независимо от теоретико-методологических (парадигмальных и дисциплинарных) ориентаций и конкретных задач подобных анализов, речь в них (эксплицитно или имплицитно) идет о конституировании З. как системы значений или способов кодирования в контекстах форм семантизации реальности и в ценностно-символически-смысловых и нормативно-регуляционных системах культуры, образующих ее "язык". При этом под языком культуры может пониматься система отношений, устанавливающая координацию ценностно-символически-смысловых форм для данного типа мышления; это такая система отношений, в которой организуются все смысловые конструкции – восприятия, представления, образы понятия и т.д. Таким образом, З. анализируется в своих семантических, синтаксических и прагматических модусах.

9) Еще одно направление, проблематизирующее сложившиеся представления о З. и способах работы с ним, – это исследование природы, характера, типов, способов получения З. в их (не) зависимости от "ментальностей", организованности мышления, механизмов и форм осознования (неосознания) З., а также их (не) выраженности и (не) закрепленности в стилях мышления. И "оборачивание" этих зависимостей – влияние сложившихся знаниевых систем, их типов, способов, уровня (не) структурированности З. на способы организации мышления, характер и механизмы познавательной деятельности в целом. В этом отношении наработаны схемы влияния З. на "замыкание мышления на себя", т.е. на утверждение собственной самодостаточности.

10) Сформирована исследовательская установка на работу не только со З., но и с таким концептом, как "незнание". Если в классических подходах незнание трактовалось как "несовершенство" З., как то, что требует своего перевода в З., то в ряде современных концепций обнаружение незнания понимается как необходимое познавательное действие, выявляющее области проблем (основа проблематизации), устанавливающее границы возможной работы с имеющимся З. (уровень притязаний), ориентирующее, направляющее и стимулирующее познание (предпосылка З., задающая видение), обнаруживающее феномены замыкания мышления на себя и требующее открытия знаниевой системы, ее динамизации. Таким образом, будучи направленным на получение нового З., незнание всегда описывается в терминах существующего З., являясь его неотъемлемым дестабилизирующим компонентом.

11) Наконец, принципиальные выводы для понимания З. следуют из анализов взаимоотношений специализированного (научного) и повседневного (обыденного) уровней З., проделанных прежде всего феноменологической философией и социологией, и механизмов взаимопонимания между носителями разных знаниевых систем как внутри одной культуры, так и в межкультурных взаимодействиях, всесторонне разрабатываемые в культурной антропологии и этнометодологии. См. также: **Социология знания.**

В.Л. Абушенко

ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО ПОВЕДЕНИЯ – по Э. Эриксону (**см.**), люди, включенные в процесс межличностного взаимодействия, должны руководствоваться его императивным правилом: "Поступай по отношению к другому так, чтобы это могло придать новые силы другому и тебе". Традиционная формула гласила: "Относись к другим так, как ты хотел бы, чтобы другие относились к тебе". Содержательно З.П.П. изоморфно категорическому императиву Канта и генетически восходит к моральным максимам классической античной культуры.

В.И. Овчаренко

ЗОМБАРТ (Sombart) Вернер (1863-1941) – немецкий экономист, историк, социолог, философ культуры. Ученик Г. Шмоллера. Придал широкую распространенность термину "капитализм". С 1890 профессор в Бреслау (ныне Вроцлав), с 1904 – в Берлине. Основные сочинения: "Социализм и социальное движение в XIX веке" (1896); "Современный капитализм" (1902); "Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека" (1913); "Торговцы и герои" (1915); "Будущее

капитализма" (1932); "Немецкий социализм" (1934) и др. Первоначально З. испытал влияние идей Маркса (см.), в дальнейшем отошел от марксизма (см.).

Основная тема творчества З. – социально-экономическая история капитализма. Стремясь на основании методологии Баденской школы неокантианства раскрыть предпосылки капитализма, механизм его зарождения, динамику и возможные перспективы капиталистического общества, З. использовал понятие "дух капитализма". Наличие "духа капитализма" (стремления к наживе, к деньгам) генетически и каузально предпосылается З. возникновению специфической капиталистической хозяйственной системы, которое, однако, зависело, по его мнению, также от констелляции ряда иных факторов. "Дух капитализма", по З., находит свое воплощение в социальном типе "буржуа", имеющем "предпринимательскую" (активно-овладевающую) и "мещанскую" ("пассивно-накопительскую") ипостаси. Конечным основанием "духа капитализма" З. считает биологические характеристики ("кровь"), присущие некоторым народам; в то же время его развертывание и степень проявленности зависят от влияния ряда моральных сил и социальных условий. Уникальность капитализма как явления западноевропейской истории определяется, по мысли З., тем, что каждый из множества факторов, вызвавших его к жизни, являлся необходимым. Но, будучи сформированной, капиталистическая система обретает независимую динамику, направленную от "души" (зависимости от индивидуального начала) к "духу" (отчужденно-безличному характеру капитализма). Коренным отличием капитализма от докапиталистических форм экономической жизни является, с точки зрения З., ориентация не на потребление, а на прибыль. З. не исключает, что иссякание импульса стремления к прибыли, нарастание "старческих" тенденций может привести к уходу капитализма с исторической сцены. З. занимался также разработкой методологии социальных и экономических наук. Неокантианское видение исторических процессов и явлений, согласно З., не исключает возможности и правомерности их анализа с точки зрения повторяемости. Сама уникальность тех или иных процессов и явлений, по З., может быть прояснена только на основе выявления их общих составляющих. Так, исследованию хозяйственной истории капитализма отдельных европейских народов З. предпосылает выявление общеевропейских экономических тенденций. Данный подход предполагал обоснование "духовного анализа" фактическим материалом, соединение теории с эмпирическими данными, т.е. определенную "социологизацию" хозяйственной истории.

Социологию З. трактовал в широком и узком значениях. Социология в широком смысле, по его версии, – суть познание человеческого общежития (культуры, истории) как состоящего из поступков, обусловленных чужим поведением. Социология же в узком смысле, или "научная", подразделялась З. на "психологическую" (естественную науку, изучающую элементарные составляющие взаимодействий индивидов в рамках культуры) и "ноологическую" (дисциплину, изучающую культуру как духовную целостность). В ходе своей теоретической эволюции (см. переработанный вариант "Современного капитализма", 1916) З. воспринял концепцию "идеальных типов" (см.) М. Вебера (см.). З. трактовал идеальные типы как изображения фрагментов социальной реальности, дающие возможность синтетического связывания их в обобщенную картину. В свое время созданная З. концепция капитализма была достаточно авторитетной и повлияла на развитие социологии и экономики 20 в., в т.ч. в некоторой степени на работы самого М. Вебера. Однако в дальнейшем бесперспективность вульгарно-биологизаторских и узкоэкономических трактовок обусловили падение интереса к работам З.

М.Н. Мазаник

И

ИВАНОВ Вилен Николаевич (р. 1934) – российский социолог, специалист в области методологии социологии, социологии образа жизни, пропаганды и этносоциологии.

Окончил Военно-политическую академию им. В.И. Ленина (1965). Доктор философских наук (1976), профессор (1978), член-корреспондент РАН (1997), член бюро Отделения философии, социологии, психологии и права РАН.

С 1974 – зав. отделом ИСИ, с 1977 – зам. директора, в 1983-1988 – директор, зав. сектором, руководитель Центра Института социологии РАН, с 1991 – зам. директора по науке ИСПИ.

И. уточнил предмет социологии как науки, изучающей социальные отношения, показал влияние социальных отношений на экономическую, политическую и духовную сферы общественной жизнедеятельности; обозначил область исследований политической социологии, раскрыл природу социальных конфликтов, в том числе в области межнациональных отношений, показал зависимость их от социально-экономических, политических и духовно-нравственных факторов; предложил систему мер и механизмов по оптимизации этнополитической ситуации в регионах РФ. И. – руководитель мониторингового Всероссийского исследования "Конфликтогенные факторы межнациональных отношений в регионах РФ".

И. – автор более 270 научных работ, в том числе: "Актуальные проблемы социологических исследований" (1984); "Ученый и научный коллектив" (1986, ответственный редактор); "Социальные проблемы перестройки и социологическая наука" (1988, руководитель авторского коллектива); "Социология сегодня" (1989); "Социальная сфера: политическое и духовное развитие общества" (1991, ответственный редактор, соавтор); "Национально-государственное устройство и межнациональные отношения в Российской Федерации: состояние и перспективы" (1991, ответственный редактор, соавтор); "Политическая социология" (1992, соавтор); "Конфликты и конфликтология" (1994, соавтор); "Реформирование России: мифы и реальность" (1994, соавтор); "Россия накануне выборов" (1995, зам. ответственного редактора, соавтор); "Россия: обретение будущего" (1997); "Россия: социальная ситуация и федеративные отношения (по материалам социологических исследований)" (1998); "Социальный менеджмент" (1998, соавтор) и др.

ИГРА – разновидность физической и интеллектуальной деятельности, лишенная прямой практической целесообразности и представляющая индивиду возможность самореализации, выходящей за рамки его актуальных социальных ролей. И. – одно из ключевых понятий современной культурологии. В широкий научный обиход вошло в значительной степени благодаря классической работе И. Хейзинги "Homo Ludens" (1938).

Современный интерес к проблеме игрового элемента в культуре обусловлен характерным для гуманитарной мысли 20 в. стремлением выявить глубинные дорефлексивные основания человеческого существования, связанные с присущим лишь человеку способом переживания реальности. И. при этом трактуется как форма существования человеческой свободы (Ж.-П. Сартр), высшая страсть, доступная в полной мере лишь элите (Ортега-и-Гассет – **см.**), самоценная деятельность, вовлекающая индивида в свою орбиту как "превосходящая его действительность" (Г.-Г. Гадамер). И. – многогранное понятие, обозначающее как особый адогматичный тип миропонимания, так и совокупность определенных форм человеческой деятельности. Классификация последних предполагает выделение: состязаний; И., основанных на имитации, подражании (театр, религиозные ритуалы, и т.п.); азартных И. с вероятностным исходом (лотерея, рулетка, карты); продуктивной И. человеческого воображения. Высшая ценность И. – не в результате, а в самом игровом процессе.

В любой разновидности И. присутствуют в различном соотношении два первоначала. Первое из них связано с острыми эмоциональными переживаниями игроков и наблюдателей, достижением возбужденно-экстатического состояния; второе, напротив, рационально по своей природе, в его рам-

ках четко определяются правила И. и строго требуется их соблюдение. Нарушение правил ведет к исключению из данной И. Система правил создает специфическое игровое пространство, моделирующее реальность, дополняющее ее или противостоящее ей. В процессе И. возникают "иные миры", лишающие ореола сакральности наличное положение дел, парадоксально сочетающие воспроизведение актуальных стереотипов культуры (и их усвоение в процессе И.) с их ироническим, "игровым" переосмыслением. В системе культуры И. выполняет ряд функций. Она служит одним из средств первичной социализации, способствуя вхождению нового поколения в человеческое сообщество. И. также является сферой эмоционально насыщенной коммуникации, объединяющей людей с различным социальным положением и профессиональным опытом. Кроме того, пространство И. сохраняет и воспроизводит архаичные навыки и ценности, утратившие с ходом времени свой первоначальный практический смысл. И. имеет немалую ценность и в качестве элемента творческого поиска, высвобождающего сознание из-под гнета стереотипов, она способствует построению вероятностных моделей исследуемых явлений, конструированию новых художественных или философских систем или просто спонтанному самовыражению индивида. Любая инновация в культуре первоначально возникает как своеобразная И. смыслами и значениями, как нетривиальное осмысление наличного культурного материала и попытка выявить варианты его дальнейшей эволюции. И. умирает, когда исчезает грань условности и жизни. При этом возможны как вторжение реальности в мир грез, подменяющее "магическую реальность" примитивной прагматикой, так и экспансия умозрительных построений в реальную действительность, мистифицирующая практический опыт и подменяющая рациональные программы деятельности отвлеченными лозунгами и несбыточными обещаниями. Произвол воображения, покинувшего четко обозначенные границы пространства И., порождает, наряду с другими проблемами, рискованные социальные эксперименты и одержимое мифотворчество.

М.Р. Жбанков

ИДЕАЛ (греч. idea – образец, норма) – идеальный образ, имеющий нормативный характер и определяющий способ и характер поведения, деятельности человека или социальной группы. В мировоззрении людей регулирующая функция И. в отношении поведения раскрывается в форме нравственного, правового кодекса правил, законов, примеров; в отношении деятельности – в форме выбора цели. Наличие И. в мировоззрении связано с особым состоянием эталонности сознания, предполагающим не только принятие идеи или чьего-то поведения, деятельности, творчества в качестве образца, а наличие убеждений, абсолютной веры в правоту избранных идей.

Многообразие форм активности человека, жизнедеятельности создает ситуацию, когда у одного и того же индивида может быть несколько И., отражающих основной круг его интересов, активности (общественный, эстетический, нравственный, научный, религиозный и др.). Общественный И. связан с выбором мотива, оправдывающего напряжение сил и энергии многих людей ради достижения определенных социальных и политических целей. Так, в европейской традиции начиная с Платона сосуществует устойчивое представление об идеальном государстве. С организующей функцией И. для достижения коммунизма (**см.**) как определенным образом структурированного и трансформированного общества связывал надежды марксизм (**см.**). Не меньшую роль в истории играл И. единого национального государства (в странах Западной Европы 18-19 вв.; Восточной – 20 в.). В ряде стран мира используется И. исламского государства. С точки зрения внутренней организации государства, в мире конкурируют два основных И. – демократии и сильной власти. Эстетический И. отражает стремление человека к прекрасному, связанные с ним представления о путях творческого раскрытия в искусстве предмета наблюдения (внешняя природа, человек в его данности через внешние атрибуты – тело – и внутренний мир). Нравственный И. задает модель поведения в большинстве жизненных ситуаций и включает аспект сравнения (добро и зло).

В мировой культуре неоднократно предпринимались попытки специально разработать нравственный И. – от первых кодексов возникшей в античности концептуальной этики до "морального кодекса строителя коммунизма". Однако не все они подкреплялись практикой, не всегда получали общественное признание. Религиозный И. непосредственно связан с нравственным, поскольку задает определенное видение человека, его действий. Научный И. представлен определенной совокупностью исторически варьирусмых принципов, выступающих в качестве оснований научного поиска (этикет научной деятельности). Личный И. своим наличием в культуре фиксирует ценность индивидуального бытия, а также задает путь его раскрытия через самовоспитание, соучастие других людей в судьбе Я (воспитание). Он имеет самые разные ориентации – от общественно-значимых до личностно-интимных. Проблема соотношения индивидуального и коллективного (формально признаваемого официальным в данном обществе) И. достаточно сложна и актуальна для многих культур, например такие явления, как нежелание участвовать в выборе коллективного И. (аполитичность, асоциальность, бездуховность).

Феномен И. стал предметом осмысления в философии достаточно поздно. Впервые в теорию это понятие ввел И. Кант. По Канту, И. не может быть сформирован вне целеполагания, он возможен лишь применительно к явлениям, которые могут быть конституированы в качестве цели. Поскольку достижение цели лишает И. статуса существования, постольку он, по мнению Канта, реализует себя как "идея" исключительно регулятивного порядка. Единственной сферой, где воплощение И. является возможным, выступает, согласно Канту, искусство, где И. обретает онтологический статус прекрасного. Г. Гегель определил И. как наглядно созерцаемый образ цели, а достижение последней – как подчинение "эмпирической действительности" Абсолютному Духу.

А.И. Лойко

ИДЕАЛИЗИРОВАННЫЙ ОБЪЕКТ – понятие методологии науки, раскрывающее специфику построения и функционирования теоретического и эмпирического знания. Обозначает мысленную конструкцию, которая создается посредством идеализации и связано с введением в содержание образуемого понятия признаков, в принципе не могущих принадлежать его денотату (отсутствие размеров у такого И.О., как "математическая точка", например, или отсутствие трения при движении по "абсолютно гладкой поверхности"). Мысленный эксперимент над И.О. и их системами позволяет зафиксировать закономерности, недоступные при изучении реальных объектов в многообразии их эмпирических свойств.

Развитие представлений об И.О. в той или иной науке свидетельствует об определенном уровне ее теоретичности, выявленности эмпирического арсенала средств познания. Если в геометрии, физике применение И.О. в основном сформировано, то в науках социогуманитарного цикла оно фактически берет свое начало с рубежа 19-20 вв. Большой вклад в развитие этой тенденции внесли работы М. Вебера, в которых дается представление об идеальном типе – теоретической мысленной конструкции, необходимой науке как масштаб, с которым можно соотнести реальность. Тенденция развития науки такова, что И.О. разной степени общности все чаще применяются в процессе познания, актуализируя методологические проблемы обоснования их статуса и функций.

А.И. Лойко

ИДЕАЛЬНЫЙ ТИП – методологическая категория, предложенная М. Вебером (**см.**) для определения статуса концептуальных средств, применяемых в социальном и историческом познании. Опасной ошибкой, дезориентирующей исследование, Вебер считал "смешение теории и истории", при котором содержание теории, созданной ученым, некритически отождествляется с самой реальностью и выдается за отражение ее глубинной сущности. Такие понятия, как "капитализм", "христианство", "средневековое городское хозяйство" и т.п., по мнению Вебера, не извлекаются из эмпирической действительности как обобщение наиболее часто наблюдаемых явлений, а представляют собой И.Т. – исследовательские "утопии", не имеющие буквальных аналогов в действительности. Они образуются благодаря взгляду на эмпирическую действительность с определенной исследовательской позиции; избранный ракурс рассмотрения связывает разрозненные единичные явления в "лишенный внутренних противоречий космос мысленных связей". Поскольку И.Т. представляет собой продукт "научно дисциплинированной фантазии", никогда нельзя заранее определить, имеем ли мы дело с пустой игрой мысли или же с научно значимой позицией.

Единственным критерием научности оказывается исследовательская продуктивность той или иной концепции: чем выше эвристический потенциал И.Т., тем выше и его научное значение. Отсюда вытекают два важных следствия. Во-первых, параллельно может существовать несколько конкурирующих идеально-типических конструкций, относящихся к одной и той же совокупности эмпирических данных. Некорректно ставить вопрос о том, какой из них лучше соответствует действительности (этот вопрос вообще теряет смысл): спор между ними решается в зависимости от того, какой И.Т. продуктивнее работает, обеспечивая прирост научного знания. Во-вторых, конкретный И.Т., сколь бы совершенным он ни казался, является преходящим, релятивным, и неизбежно сменяется новым.

Оформление категории И.Т. и ее широкая популярность свидетельствуют о том, что процесс перехода от классической к неклассической науке в 20 в. происходил не только в естественнонаучном, но и в социогуманитарном знании. И.Т., используемые в истории и в социальных науках, по Веберу, различаются между собой. В истории, нацеленной не на выведение общих законов, под которые подводятся многочисленные частные случаи, а на постижение индивидуальных событий в их "культурном значении", И.Т. строится как образ конкретного сочетания каузальных связей, объясняющий данный "исторический индивидуум". Социальные науки, ориентированные на поиск общих правил событий, безразличны к их конкретной пространственно-временной определенности. Поэтому социолог конструирует чистые идеальные модели, применимые ко всем эпохам и к любой географической точке. Иными словами, разница между разновидностями И.Т., считает Вебер, носит количественный характер и заключается в степени их общности.

В.И. Фурс

ИДЕАЛЬНЫХ ТИПОВ МЕТОД – разработан М. Вебером (**см.**) и использовался им в социологических исследованиях. И.Т.М. позволяет преодолевать противоположность реалистической и номиналистической установок в исследовательской деятельности. Вводя этот метод, Вебер решал масштабную задачу снятия альтернативы таких радикально различных подходов к предмету гуманитарного познания, как историцизм и социальный реализм, задавая парадигму синтеза традиционных научных методов аналитики с требованием понимающего отношения и со спецификой гуманитарного знания. Идеальный тип как таковой может быть получен теоретико-спекулятивным путем, но в социологии Вебера он выступает как принцип понимания конкретных эмпирических явлений, с одной стороны, а также целей и мотивов поведения индивида – с другой. Абстрактные формулировки законов и теоретические построения выполняют в рамках И.Т.М. не роль гипотез (**см.**), требующих эмпирической проверки, а являют собой нечто вроде утопий, фиксирующих установки и мотивы, которые определяют поведение субъектов социальных отношений. Таким образом, для Вебера открытие "объективных" законов социальной динамики выступает не результатом исследовательского процесса, а наоборот, условием и средством проведения исследования конкретного исторического или социального феномена. В определенном смысле изобретение И.Т.М. Вебером было ответом на гносеологические и методологические ошибки марксизма и социализма, которые выражались в неконтролируемой натурализации таких социологических абстракций, как "классы", "классовая

борьба", "товарно-денежные отношения" и т.д. Марксисты на основе этих абстракций выводили фундаментальные законы развития общества, тогда как в социологии Вебера эти же абстракции позволяли лучше понимать, проектировать и прогнозировать действия социальных субъектов, индивидов и групп. Кроме того, благодаря И.Т.М. в поле зрения веберовской социологии попадают явления совершенно недоступные натуралистической социологии или марксизму, например, профессии и конфессии.

В содержательном отношении И.Т.М. обретает адекватное место именно в интеллектуальной ситуации конца 19 – начала 20 вв., решая методологические проблемы развития наук об обществе. И.Т.М. не может быть сведен к методическим рекомендациям, измерительным инструментам и алгоритмам, поэтому в современных социальных науках он сохраняется скорее как принцип, чем как метод.

В.В. Мацкевич

ИДЕНТИФИКАЦИЯ (лат. identificare – отождествлять) – отождествление, уподобление, опознание, установление совпадения объектов. В психологии термин "И." впервые введен З. Фрейдом (**см.**), рассматривавшим И. как бессознательный процесс подражания, как самое раннее проявление эмоциональной привязанности ребенка к матери, эмоциональное слияние с ней, а также как способ защиты личности от давления инстинктов, как один из механизмов формирования личностно-моральной инстанции сверх-Я (супер-эго) через отождествление ребенком себя с родителями или иным авторитетом и таким путем интериоризации их моральных норм и запретов, ценностей и соответствующих форм поведения. В неортодоксальном психоанализе (**см.**) трактование И. обрело более широкое значение, как механизма психологической защиты "Я" от внешних угрожающих объектов, как центрального механизма формирования способности личности к саморазвитию. Субъектами И. чаще выступают дети, подростки, взрослые. Объектом (моделью) И. являются как реальные люди (родители, сверстники, близкие люди), так и идеальные лица (например, герои художественных произведений) или даже животные. В качестве модели И. может быть лицо, по отношению к которому переживаются как позитивные, так и негативные чувства.

В современной психологии и социальных дисциплинах термин "И." используется в следующих значениях: 1) уподобление (чаще неосознанное) в форме переживаний и действий субъектом себя иному лицу (модели), в качестве которого может выступать авторитет, значимый другой (друг, учитель, родитель и др.), на основании установившейся тесной эмоциональной связи с ним. Один из механизмов становления личности, формирования полоролевой идентичности, ценностных ориентаций, усвоения норм и образцов поведения; 2) механизм психологической защиты, проявляющийся в имитации, бессознательном подражательном поведении, уподоблении объекту, вызывающему страх или тревогу; 3) механизм проекции, непроизвольного приписывания субъектом другому лицу своих вытесненных мыслей, мотивов, желаний, качеств, чувств и переживаний, которые вызывают у самого субъекта чувства вины или тревоги, а также восприятие субъектом другого человека как продолжения себя самого; 4) механизм постановки себя на место другого, проявляющийся в виде сопереживания, эмпатии, перенесения субъектом в состояние, обстоятельства другого человека и обеспечивающий более успешное понимание и взаимодействие; отождествление с персонажем, героем художественного произведения.

В социологии (**см.**) и социальной психологии (**см.**) И. – один из важнейших механизмов социализации личности, проявляющийся в отождествлении индивидом себя с определенной группой или общностью (номинальной или реальной, большой или малой и др.). И. способствует активному освоению образцов и стереотипов поведения, присущих членам этой группы, принятию в качестве собственных групповых норм, целей, социальных ролей, установок, идеалов. В инженерной и юридической психологии И. – это опознание, распознавание через сличение, сопоставление одного объекта с другим с целью установления их сходства или различия, классификации. В этнической психологии И. – механизм формирования и сохранения этнического самосознания и такого его базового феномена, как этническая идентичность. Посредством этнической И. в ходе этнизации усваиваются и транслируются этнические нормы и ценности, стереотипы поведения, традиции и обряды народа, осуществляется влияние на формирование этнически обусловленного мировосприятия.

Л.И. Науменко

ИДЕНТИЧНОСТЬ (лат. identificare – отождествлять, позднелат. identifico – отождествляю) – соотнесенность чего-либо ("имеющего бытие") с самим собой в связности и непрерывности собственной изменчивости и мыслимая в этом качестве ("наблюдателем", рассказывающим о ней себе и "другим" с целью подтверждения ее саморавности). "Соответствие, мыслимое в совершенстве, есть идентичность" (Ф. Брентано).

Понятие "И." тесно связано со становлением понятия "индивидуальное" ("отличность в своей единичности", "индивидуальность", "личностность") в различных дисциплинарных контекстах, а также с конституированием в европейской традиции дискурсов "различия", "инаковости", "аутентичности" и "Другого". Сложилось три дисциплинарно различных и автономных, хотя и соотносимых друг с другом, понимания И.: 1) в логике (неклассической); 2) в философии (прежде всего неклассической и, главным образом, постклассической); 3) в социогуманитарном (социология, антропология, психология) знании (отчетливо артикулированное в 1920-1930-е, с конца 1960-х – одно из центральных понятий большинства культурориентированных дискурсов). С 1980-х явно обозначилась тенденция к универсализации понятия И. и преодолению междисциплинарных "перегородок" в постструктуралистско-постмодернистской перспективе. В логике сложилась традиция (идущая от Г. Фреге и Б. Рассела) употреблять термин "И." в контексте рассмотрения отношений обозначения

(именования), соотносящих имя и объект (в разных вариантах: денотат, десигнат, предметное значение, референт) и строящихся по принципам однозначности (имя обозначает только один предмет, что исключает омонимию), предметности (имя презентирует предмет), взаимозаменяемости (двух имен, обозначающих один и тот же предмет). При этом различают единичные, общие и пустые имена, которые могут быть конкретными или абстрактными, и контексты их введения – экстенсиональные (предполагающие равенство объемов понятий) и интенсиональные (требующие дополнительно еще и И. смыслов-содержаний понятий).

В более широком контексте понятие "И." употребляется при исследовании знаковых выражений в аспекте установления их равенства (отношения типа равенства, отношения эквивалентности), что требует их соответствия условиям (аксиомам) рефлексивности (равенства предмета самому себе), симметричности и транзитивности. Отношения этого типа предполагают, что все, что можно высказать на языке соответствующей теории об одном из знаковых выражений, можно высказать и о другом, и наоборот (и при этом получить истинные высказывания). Тем самым построенные разным способом знаковые выражения могут заменять друг друга в разных контекстах употребления (а сами быть обозначены как равнообъемные, равносильные, равнозначные, эквивалентные, идентичные). Предельный случай равенства, когда совпадают не только родовые, но и видовые индивидуальные свойства предметов, суть тождество (иначе: тождество суть равенство при всех значениях переменных или параметров). Различение при этом носит чисто условно-нумерологический характер. Установление отношений равенства предполагает выявление сходства (уже предполагающего выполнение условий рефлексивности, симметричности, транзитивности), т.е. наличия хотя бы одного общего признака у изучаемых предметов с последующим анализом их свойств (т.е. характеристик, позволяющих отличать или отождествлять вещи и явления) и различий (т.е. признаков, присутствующих у одних и отсутствующих у других сравниваемых объектов). Установление тождества требует признания И. объектов (отвлечения как от того, что нет тождества без различия – которое всегда "внутри" тождества, – так и от того, что "внутри" различия также есть тождество, – иначе все объекты превратились бы в один и тот же предмет) в каких-либо общих свойствах и отношениях, т.е. признания их неразличимости. Таким образом, И. в логическом ракурсе рассмотрения неразрывно связана с понятием тождества и предполагает не только операции абстракции отождествления, но и абстракции неразличимости ("тождество по неразличимости" в процедурах разрешительных способностей "наблюдателя", что сохраняет определенную степень неопределенности актов И. в пределах заданной – или возможной – точности наблюдения). Само понятие тождества может быть тогда переинтерпретировано как неотличимость предметов друг от друга в какой-то совокупности характеристик (свойств). Связь понятий И. и тождества отчетливо прослеживается и в контексте их употребления в рамках философии. Еще от Аристотеля идет традиция наделения "тождества" более фундаментальным значением, чем "различие". В Новое время это соображение было проинтерпретировано как субстанциальность cogito (мыслящая субстанция) Р. Декарта, а наиболее адекватно и полно нашло свое отражение в трансцендентализме и особенно в "философии тождества" Ф. Шеллинга. В этой традиции И. трактовалась как тождественность (самотождественность) структур "чистого" мышления, "чистого идеального "Я" как основания элиминированных из них любых субъективных (человеческих) актов. И. представала при этом как непосредственно данная и самоочевидная в непосредственности познающего сознания, прозрачности мира для познающего субъекта и прозрачности последнего для самого себя. Единственная существенная "поправка" в этот дискурс была внесена Г. Гегелем – его идеей становления самого познающего субъекта (хотя он, в принципе, остается самотождественным в своей изначальной предопределенности логикой "развертывания" Абсолютной идеи). По сути, для этой "линии" философствования проблематика И. оставалась имплицитной и непроблемной, а ее актуализация как раз и потребовала преодоления "доминанты тождества" в классической философии. Так, Х. Ортега-и-Гасет (**см.**) подчеркивал, что немецкая трансцендентально-критическая философия понимала активность духа как "одну и ту же, фиксированную, предписанную, онтологическую неподвижность", в которой "Дон Кихоты духа не имеют права на внезапное изменение", т.к. в классической философии, трактующей идеи как телесные реальности, сами эти "реальности – телесности или нет – трактуются как идентичности". В неклассической философии этот посыл в трактовке И. (при известной проблематизации последней) был наиболее последовательно реализован М. Хайдеггером ("Идентичность и дифференциация", 1957), который понимал И. как всеобщность бытия. Согласно Хайдеггеру, всякое сущее тождественно самому себе, а в силу того, что оно есть сущее, то и всякому другому сущему (И., следовательно, исключает различие как иное бытие, а вместе с ним инаковость и изменение как таковое). При этом И. в традиции еще классической философии отождествлялась с самостью, но аспект самотождественности дополнялся при этом акцентированием аспекта соотнесенности с другим, что требовало развертывания отношений между личной самостью (сущим, могущим произнести "Я"), пребывающей в заботе, и безликой самостью Das Man. Типологически близок к такого рода пониманию И. был и Э. Гуссерль периода трансцендентального идеализма как попытки "прорыва" к "чистому" сознанию, не обусловленному причинно чем-то другим – не относимым к самому потоку сознания. В поток сознания ничто не может проникнуть извне, но и из потока сознания ничто не может перейти вовне. С точки зрения Гуссерля, возможно, не впадая в абсурд, думать, что воспринятые вещи не существуют, хотя переживание восприятия сохраняется, а также, что возможно сознание, в котором нет согласованного опыта мира (а тем самым и мира). Тем самым, по мысли Гуссерля, возможно через трансцендентальную редукцию "выйти" на самотождественное ("чистое") сознание как таковое. Между сознанием

и реальностью лежит "подлинная бездна смысла", благодаря чему и становится возможным конституирование идентифицируемого мира. Однако для последовавшей дальнейшей разработки проблематики И. гораздо важнее оказался круг идей Гуссерля, связанный с понятиями "жизненного мира" и "естественной установки" сознания, позволившие его ученику А. Шюцу (см.) социологизировать феноменологическое понимание И.

Иная "линия" трактовки И. в классической философии восходит к разработке Иоанном Дунсом Скотом концепции индивидуализирующей "этотности" или "этовости" (трактуемой как самотождественность единичного в его самости), дополненной затем концепцией "чтойности" (в неклассической философии особо разрабатывалась М. Шелером (см.) как раскрытие самости в ее соотнесенности с "другим"). Эту "линию" Ю. Хабермас (см.) трактует как становящиеся дискурсы осознания своеобразия единичного, связывая ее оформление в Новое время с именем Лейбница, показавшего, по его мнению, что "каждая самопрезентирующаяся субъективность сосредоточена на самой себе и представляет мир как целое своим собственным уникальным способом". Дальнейшее ее становление связано с анализом взаимосоотнесения "Я" и "не-Я" И.Г. Фихте (требующим, однако, переинтерпретации вне терминологии трансцендентализма), коммуникативно-языковыми штудиями В. Гумбольдта и – особенно – с работами С. Кьеркегора (идеи выбора собственной истории жизни, ответственности внутреннего выбора, делания себя тем, кто ты есть), во многом предопределившими экзистенциалистскую центрацию проблематики И. на личности в ее противопоставлении своим обстоятельствам жизни, а также сосредоточение внимания в проблематике И. прежде всего на аутентичности (подлинности) человеческого бытия, обнажаемого в "пограничных ситуациях".

Важное значение в этом "антропологическом повороте" европейского философского дискурса имел, согласно Хабермасу, и прецедент исповеди Ж.-Ж. Руссо перед самим собой, придавший актам самопонимания характер публичного процесса, что дало в последующем возможность развивать дискурс И. как самопрезентации и поставить внутри него саму проблему аутентичности И. Пика в своем развитии эта "линия" понимания И. достигает, по Хабермасу, при ее развертывании в коммуникативных пространствах: "...как только вертикальная ось молитвы смещается в горизонталь межчеловеческой коммуникации, отдельному человеку уже не реализовать свою индивидуальность в одиночку; окажется ли выбор его собственной жизненной истории успешным или нет, зависит от "да" или "нет" других". Несколько иной поворот темы (но приведший, по сути, к тем же результатам) позволяет обнаружить традиция, заложенная Дж. Локком, связавшим понятие И. с понятием ответственности человека за совершаемые поступки на основе памяти о них (позволяющей идентифицировать их как свои собственные деяния) в концепции этически окрашенного самоутверждения ответственной личности. Дальнейший шаг в этом направлении сделал Д. Юм, попытавшийся обосновать тезис о конституировании И. не "изнутри" ("самости" человека), а "извне" (из общества) и ее поддержании через имя, репутацию, славу и т.д., коль скоро идея "Я" как тождественности самому себе может (и должна) быть подвергнута сомнению (проведенный анализ привел Юма к выводу о том, что "Я" – это "ничто", всего лишь "пучок восприятий"). Во временной ретроспективе обнаруживается, что в данной традиции впервые, фактически, были артикулированы тезисы о "конструируемости" И. в пространстве социума и культуры, о ее "обернутости" в модус "символического", с одной стороны, и о ее связанности с "психическим" (в том числе телом, характером и т.д.) – с другой. Сознание человека – tabula rasa ("чистая доска"), которая подлежит "правильному" заполнению. Качества джентельмена не предзаданы фактом рождения и происхождения, а формируются в процессах воспитания и образования, усвоения необходимого джентельмену социального и культурного "инструментария". Человек находит себя вне себя самого, в своем деянии и в этом отношении "делает себя" (в этом же ключе в рамках неклассической философии представители философской антропологии вели речь об эксцентричности человека и о "ведении им себя", своей жизни).

Наиболее адекватное воплощение этот круг идей нашел впоследствии в версиях диалогистической философии. М.М. Бахтин, в частности, сформулировал ключевую для дискурсов последней идею вненаходимости человека, согласно которой подлинное "Я" всегда обнаруживается в точках несовпадения человека с самим собой, в его идентификациях с "Другим". Таким образом, две "линии", противостоявшие в классической философии дискурсу тождества в понимании И. совпали в 20 в. в постклассической перспективе в поисках ее оснований в интерсубъективном диалогово-коммуникативном пространстве, чему способствовала и развернутая критика философии тождества и трансцендентального субъекта в неклассической философии. Для актуализации в последующем проблематики И. важную роль сыграла философия жизни, восстановившая в правах "земного субъекта" и введшая антиномичное противопоставление "жизни" и "культуры" (и "социума") как репрессивного начала по отношению к первой. Тем самым задавалось и противопоставление "телесности", "натурности" человека и "искусственности" навязываемых ему И. Индивид как бы "раскалывался" в своем бытии, проблематизировался как внутри себя, так и в своих отношениях с миром, попадая в ловушку собственной неаутентичности. Примечательно, что такого рода дискурсы еще ранее возникли на "границах" европейского культурного ареала, правда, там дискурс И. актуализировался не столько "расколотостью" индивида, сколько "расколотостью" (рядоположенностью в ней различных разновременных и несовместимых в одной перспективе содержаний – Л. Сеа) той культуры, к которой этот индивид принадлежал. Мотивировался данный дискурс оспариванием западноевропейских моделей центростремительного образа мира и индивидуальности как "центра" личности, а по сути – оспариванием собственного тождества в "европейскости". В частности, эта проблематика (национальной, этнической и культурной идентификации, впрочем изна-

чально без использования самого термина "И.") пронизывает всю латиноамериканскую (частью и испанскую) философию 19 в., которая упорно искала ответы на вопрос: "Что есть Латинская Америка и в чем заключена "сущность" латиноамериканца", что вылилось в 20 в. в "философию латиноамериканской сущности", философию и теологию "освобождения", в которых проблема И. и аутентичности, как и инаковости, выступает конституирующим дискурсом. Аналогично, такого рода тематизмы (поиск собственной отличности и специфичности) характерны и для русской философии 19-20 вв. (Чаадаев, Данилевский, западники, славянофилы, почвенники и т.д.), и для белорусского самосознания (Ф. Богушевич, Я. Купала, Абдзиралович, А. Цвикевич и т.д.). 20 в. породил и такие центрированные на проблематике И. течения, как индеанизм, негризм, негритюд и т.д.

В постклассической перспективе эта же проблематика "увязывает воедино" различные по своим теоретико-методологическим основаниям программы внутри "постколониальных исследований". Однако в западноевропейском и североамериканском ареалах проблематика И. оказалась все же в большинстве случаев связана не с этнической, национальной или культурной И., а с И. личностной, связанной с преодолением наследия трансцендентализма и дискурса тождества (а тем самым и с пониманием "индивидуального"; И. как переживание и конструирование человеком своей индивидуальности). В таком развороте периодическое "катализирующее" воздействие на универсализацию проблематики И. оказала "критическая теория" Франкфуртской школы (см.), особенно ее концепция негативной диалектики и ее критика "идеи Просвещения" как основы тоталитарных дискурсов. Так, Адорно (см.) в разных контекстах варьировал идею неправомерности элиминации из проблемного поля философии понятия "нетождественности" или "непосредственности существования", которые, согласно ему, исходно невозможно вписать в целостность той или иной "самотождественной тотальности".

Не менее значимыми в перспективе И. оказались и еще две критики: 1) постструктуралистская (Деррида: "Письмо и различие", 1967; Делез (см.): "Различие и повторение", 1968; археологические реконструкции и концепция "власти-знания" М. Фуко; идеи симулякра Бодрийара (см.) и шизоанализа Делеза и Гваттари), в последующем сосредоточившаяся на исследовании проблем распада И.; 2) герменевтическая (П. Рикёр: "Время и нарратив", тт. 1-3, 1984-1988; в меньшей степени в этой перспективе – Г. Гадамер), в которой была вскрыта опосредующая роль в формировании структур И. знаково-символических средств и прежде всего языка. В этом отношении последняя выступила в определенной мере воспреемницей более ранних идей "языковых игр" Л. Витгенштейна, логической семантики (в ее поисках соотнесения языковых выражений с референтами и выражаемыми смыслами) и семиотики, максимально актуализировав прагматический аспект последней. Контексты И. как раз и задавали прагматическую перспективу герменевтическим анализам (сами, в свою очередь, фундируясь ими). В частности, в этом ключе исследовались возможности совмещения в пространстве идентификаций механизмов автонимии (самодостаточности, автономности, независимости идентификационных параметров), омонимии ("накладывание", совмещение, "маскирование" друг через друга различных идентификационных параметров), синонимии (тождественность различимых в иных горизонтах идентификационных параметров). Причем это совмещение-различение может быть рассмотрено в соотнесении-столкновении "смыслового" и "деятельностного" подуровней прагматического пространства. В этом плане открываются возможности как "социологизации" (перспективы социолингвистики и, особенно, социосемиотики, универсализации механизмов ритуализации социальной жизни в культур-социологии), так и "психологизации" (техники коррекции "идентичностей") герменевтических анализов. В постструктуралистско-герменевтической перспективе в целом дискурсы И. выступили мощным средством преодоления наследия классической и (частью) неклассической философии, а идентификация стала трактоваться как практики означивания и самообозначения индивидуальности, конституирующей человека как "Я" в его отличности от "тела" и "личности" (стремящихся реифицировать и субстанциализировать это "Я", а тем самым задать иной – референциальный – уровень И.) через ограничение выбора из многообразия (множественности) возможного. Процедуры именования позволяют хронологизировать "сейчас" и локализировать "здесь" в рамках открытого пространства культуры, насыщенного "точками бифуркации". (С иных позиций Хабермас аналогично – топологически близко – пытался осмыслить И. как индивидуализацию через социализацию внутри исторического контекста). Тем самым И. не есть фиксируемая "реальность", а есть длящаяся "проблема", точнее – "проблемность". Человек как целостность оказывается не дан при жизни самому себе, его "авторство" на собственную личность (самость) оказываются существенно ограничено, т.к., с одной стороны, "законченность" его целостности отграничивается точками рождения и смерти (в которых он представлен в значительной степени лишь "телом"), а с другой – она может быть реализована прежде всего в межсубъектном (интерсубъективном) пространстве диалога-коммуникации. Личность проецирует себя в интерсубъективный горизонт жизненного мира, получая "гарантию" своей И. от "других", вменяющих ей ответственность. "Соответственно моя идентичность, а именно моя концепция меня самого как автономно действующего и полностью индивидуализированного существа, может быть устойчивой лишь в том случае, если я получу подобного рода подтверждение и признание и как вообще личность, и как эта индивидуальная личность" (Хабермас). Тем самым происходит аннигиляция "тождественности", как всегда принадлежащей и "апеллирующей" к прошлому, за счет открытости И. в будущее (что было артикулировано уже у Локка) и принципиальной незавершенности человека (в разных версиях было обосновано, например, Кьеркегором и М.М. Бахтиным), что предполагает темпоральное измерение И. (обозначено Дильтеем как отношение элементов к целому жизни). В итоге по-

нятие И. оказалось не только "вирусом", разрушившим традиционное представление о "тождественном", но и средством максимальной радикализации понятия самости и "перевода" проблематики постклассической философии в пространство интерсубъективности, в котором И. постоянно пытается "ускользнуть" от схватывания и не желает быть как "обнаруженная", "обнаженная", "разоблаченная" (она не "сокрыта", а "скрывается" от себя и от других). Это не утрата смысла существования в "одинокой толпе", влекущая за собой постоянный поиск постоянно утрачиваемой И. (Д. Рисмен – **см.**), а, скорее, постоянное "простраивание" "Я" из иллюзий относительно себя самого, постоянно предъявляемое "на опознание" в интер-пространство. С точки зрения Рикёра, идентификация в этом отношении предстает как повествование о жизни, рассказ истории в попытках придать цельность разрозненному (замаскировать "чтойность") и схватить ускользающую уникальность (обозначить "ктойность") в пространстве публичности, что ведет к постоянной подмене "кто" – "чем" ("некто") является; в этом же смысле можно говорить и о замене индивидуальной И. – групповой). Рикёр говорит о том, что в этой ситуации "пост-И." выступает как "нарративная И.". Нарратив, как подлинная история, подлежит чтению, которое постоянно исправляет предшествующую подлинную историю. Таким образом, И. описывает, повествует и предписывает, проявляясь лишь во времени. Она не столько "сохраняет", сколько "поддерживает" в процессах постоянного "переиначивания". Такая перспектива позволяет соотносить трактовки И. в философском и социогуманитарном знании, обнаружить (ретроспективно) их топологическую близость и их взаимовлияние и взаимопроникновение, тогда как в "реальной" интеллектуальной истории эти дискурсы И. складывались изначально как параллельные и решающие различные задачи.

Принято считать, что импульс к универсализации проблематики И., ее выходу за границы философской и научной дисциплинарностей дал Э. Эриксон (**см.**) ("Идентичность: юность и кризис", 1969 – "...исследование идентичности в наше время становится такой же стратегической задачей, какой во времена Фрейда было изучение сексуальности"), а сам термин "И." ввел З. Фрейд (**см.**) при описании механизмов действия интериоризации при формировании Супер-Эго. Таким образом, возникновение дискурса И. (в узком смысле его понимания) связывается с традицией психоанализа (частично, с социологией, где он осмысливался в контекстах обсуждения механизмов социализации), где идентификация первоначально понималась как процесс подражания чему-либо, а затем была переистолкована как процесс переживания субъектом той или иной степени слияния с объектом. Такой переинтерпретации способствовали работы А. Фрейд (**см.**) (исследование механизмов психологической защиты "Я", в частности, механизмов интроекции и проекции) и Адлера (проблемы соотношения комплексов неполноценности и превосходства, идея "преодоления себя сегодняшнего"). Эриксон связывал И. с переживанием индивидом себя как целого и определял ее как длящееся внутреннее равенство с собой в непрерывности самопереживаний индивида, и ввел понятие "кризиса И.", понимая последний как сопровождающий человека на каждой стадии культурного становления личности в векторе движения во времени жизни. Он считал, что в полном жизненном цикле человек переживает восемь таких кризисов, означающих переход от одной стадии жизни к другой (при этом особо акцентировал внимание на кризисах пятой и шестой ступеней, охватывающих периоды тинейджерства, юности и ранней зрелости, в которые окончательно устанавливается доминирующая позитивная И. Эго).

Иная версия И. была предложена в рамках символического интеракционизма (**см.**), исходившая из разделения личностной структуры Дж.Г. Мидом (**см.**) на "Self" и "me" и трактовавшая И. как социализированную часть "Я" (me) в ее соотнесенности с самостью Self. При этом речь шла о выборах репертуаров И. и необходимости их подтверждения "другими" в процессах интеракции. В методологическом развороте эта трактовка опиралась на разделение Джеймсом личностной структуры на метафизическую целостность (душа) и функциональную тождественность ("Я") и концепцию "зеркального (отраженного) Я" Ч. Кули (**см.**). В рамках собственно социологии проблематика И. вводилась первоначально в статусно-ролевых концепциях личности и социализации, т.е. в контекстах соответствия предписываемой социальным статусом нормативной роли ее ролевому же исполнению (включая отношение к ней), "слияния" актора и роли (их отождествления), а социализация при этом понималась как усвоение ролевого репертуара и освоение ролевого опыта. Тем самым И. уравнивалась с удачно "играемой" ролью, а переидентификация трактовалась как смена ролей; неумение справиться с ролью (чаще – ролями как различными своими И. из определенного "набранного" набора) вызывает ролевой конфликт, который понимается как кризис И. Таким образом, все три исходных социальных дискурса И. могут быть рассмотрены в ретроспективе как взаимодополняющие друг друга в описании идентификационных механизмов, формирующихся на разных структурных уровнях личности (формирования И. – психоанализ, подтверждения – символический интеракционизм, предъявления – статусно-ролевые концепции).

Дальнейшее развитие проблематики И. в социогуманитарном знании было связано с усилением внимания к экзистенциальной проблематике, ценностно-символическим, а затем и текстово-смысловым аспектам И. с нарастанием акцентирования несовпадения пространственно-временных и ценностно-смысловых градаций социокультурного бытия. В этом отношении было симптоматично введение Р. Мертоном (**см.**) понятия референтной группы, по отношению к которой происходит И. индивида, который сам ("телом") далеко не всегда принадлежит к данной группе (более того, эта группа может быть принципиально для него недоступна, выдумана, иллюзорна). Еще более показательна "драматургическая" социология Гофмана (**см.**), где И. определяется как сложное производное от процессов инсценирования, самопредставления, "подчинения-командования", занятия ролевых дистанций, стигматизации и маскирования. Несамотождественность индивида самому себе стала рассматриваться на уровнях: 1)

интросубъективности, автокоммуникации Я – Я; 2) интерсубъективности, отношения Я – Ты (Мы); 3) "вещности", отношения Я – НЕ-Я, уровень "телесности", "наличности". Тем самым циклостность индивида задается через проекции "Я есть тело", "Я есть Я", "Я есть Ты", а его самореализация протекает в двух планах: 1) в плане объективации, задающем реальные пространственно-временные координаты "наличности"; 2) плане выражения, выводящем за эти координаты в пространство символов, в котором индивид: а) маскирует себя, демонстрируя через маску; б) демонстрирует себя, маскируясь за жестом. Личность в этом смысле суть то, что "дано сквозь маску" (Лицо или Личину), но за маской может "ничего" и не быть. Тогда самоидентификация есть сведение всего в его инаковости "воедино". Она должна быть актуализирована в самореализации, чем уже задается "зазор", "пустота", пространство деструктурированного "коммунитас" – пространство "лиминальности" (В. Тернер). Если самореализация есть способность конструировать свое бытие в соотнесении с "другими" с позиций собственного (ответственного) выбора, то она предполагает соотнесенность еще с двумя другими аспектами (как своими условиями): 1) самоопределением (пространство выбора позиций-целей-средств, т.е. пространство свободы); 2) самопреодолением и (или) самоутверждением себя "вовне". "Синтезирующим" же по отношению к ним трем выступает самосознание, придающее экзистенциально-ценностные смыслы "Я" и вводящее его в пространство рефлексии, в котором отграничиваются и осознаются все ипостаси "Я". В этом плане особый интерес представляют анализы психопатологий как распадов самоидентификации в явлениях деперсонализации (переструктурации сознания, восприятие "тела" как "чужого", "другого" как "постороннего"), дереализации (изменение отношения к реальности, восприятие "не-Я" как "чужого", "себя" как "постороннего" – "Я" "там" и "некогда", а не "здесь" и "теперь"), деактуализации (переживание "незакрепленности" в "пространстве – времени" внутренних событий). В этом же ключе находятся исследования явлений психостении (П. Жане) и астении, измененных состояний сознания (под воздействием психоделиков, психотехник, сна), явлений серийного мышления и т.д. См. также: **Самосознание.**

В.Л. Абушенко

ИДЕНТИЧНОСТЬ ГРАЖДАНСКАЯ – 1) осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющие для индивида (**см.**) значимый смысл; 2) феномен надындивидуального сознания, признак (качество) гражданской общности, характеризующее ее как коллективного субъекта. Эти два определения не взаимоисключают друг друга, а акцентируют внимание на различных аспектах И.Г.: со стороны индивида и со стороны общности.

Первое из данных определений касается специфики включения отдельных индивидов в гражданскую общность, через осознание ими своей принадлежности к ней. С этой точки зрения И.Г. рассматривается как компонент социальной идентичности (**см.**), то есть индивидуального знания о том, что "персона" принадлежит некоторой социальной группе вместе с эмоциональным и ценностным персональным смыслом группового членства (Г. Тэджфел). Среди них И.Г. выступает одной из многих категорий, существуя наряду с половой, возрастной, этнической, религиозной и др. идентичностями. Для индивида функция И.Г. заключается в реализации базисных потребностей личности в принадлежности к группе. Чувство МЫ, объединяющее человека с большой общностью, позволяет ему чувствовать себя более уверенно перед сложной и не всегда понятной ему социальной реальностью. И.Г. фиксирует единство интересов индивида с данной социальной общностью и тем самым выполняет как защитную функцию, так и функцию самореализации и самовыражения, позволяет оказывать влияние на гражданское сообщество, которое проявляется в политической и гражданской активности. Принадлежность к гражданской общности определяется в большинстве случаев волей обстоятельств (рождение, проживание) – данностью, а не индивидуальным сознательным решением. Это определяет восприятие данной социальной группы (**см.**) как задаваемой извне, а, соответственно, социальная роль (**см.**) гражданина не всегда однозначно позитивно принимается индивидом.

Структура И.Г. включает в себя три основных элемента: когнитивный – знание о принадлежности к данной социальной общности, ценностный – наличие позитивного или негативного отношения к факту принадлежности и эмоциональный – принятие или непринятие гражданской общности в качестве группы членства, как результат действия двух первых. Знание о принадлежности к гражданской общности предполагает наличие представлений (не всегда полных, адекватных и непротиворечивых) об идентифицирующих признаках, принципах и основах данного объединения (территориальные, культурные, политические и т.д.), о гражданстве и характере взаимоотношений гражданина и государства и граждан между собой. В них входит образ государства (**см.**), занимающего ту или иную территорию, определяющего характер социальных отношений, систему ценностей, а также народ (или народы), населяющий эту территорию, со своей культурой, языком и традициями. Наличие или отсутствие для человека личностного смысла этих элементов, их значимость и включенность в систему ценностей отражает ценностный компонент. Ценностный и эмоциональный компоненты И.Г. могут преобладать и оказывать существенное влияние на содержание когнитивного компонента.

Важнейшими составляющими эмоционального компонента И.Г. являются чувства гордости или стыда, вызванные гражданской общностью и принадлежностью к ней. Гордость за свою страну представляет собой важнейший индикатор отношения к гражданской принадлежности как к ценности. Таким образом, становление И.Г. фиксируется не только фактом осознания гражданской принадлежности, но и в большей степени тем отношением, которое к ней проявлено, и принятием данного факта как значимого в жизни человека. Базовым идентифицирующим механизмом является патриотизм как

чувство приверженности гражданской общности, признание ее значимой ценностью.

Второе из определений, данных И.Г., касается специфики существования и развития гражданской общности как целостности, как коллективного, совокупного субъекта в противопоставлении совокупности людей, объединенных некоторыми признаками. И.Г. как результат самоосознания общности является ее качеством, характеризующим субъектность наряду с такими качествами, как взаимосвязанность и взаимозависимость членов общности, а также ее способность проявлять различные формы совместной активности. При этом И.Г. как результат саморефлексии общности рассматривается как наиболее высокий и сложный уровень развития ее субъектности. Гражданская общность представляет собой большую группу, объединяющую население страны, которая, как правило, обладает традициями, общностью исторической судьбы, языка и культурного контекста, своеобразными эмоциональными связями, при этом важнейшее значение имеет политическая основа объединения, закрепленная в факте существования государства.

Эта политическая составляющая устанавливает определенную *форму* объединения сообщества и *принципы* его существования, закрепленные в институциональном устройстве и соответствующей политической, правовой и экономической культуре. Коллективная субъективность данной общности базируется на И.Г., а государственность является способом легитимизации данного субъекта в кругу прочих.

Процесс самоосознания гражданской общности предполагает две тенденции: с точки зрения дифференциации, обособления гражданской общности, как однородного сообщества, от "других", не входящих в нее, проведения определенных границ. И с точки зрения интеграции, основанной на внутригрупповом подобии по значимым признакам, основой которого является сходство в образе жизни, традициях, ценностях и мировоззрении, подкрепляемое совместным историческим прошлым, настоящим и предполагаемым будущим.

Среди факторов становления и поддержания коллективной субъективности гражданской общности наиболее значимы: 1) общее историческое прошлое (общая судьба), укореняющее и легитимизирующее существование данной общности, воспроизводящееся в мифах, легендах и символах; 2) самоназвание гражданской общности; 3) общий язык, являющийся средством коммуникации (**см.**) и условием выработки разделяемых смыслов и ценностей; 4) общая культура (политическая, правовая, экономическая), построенная на определенном опыте совместной жизни, фиксирующая основные принципы взаимоотношений внутри общности и ее институционального устройства; 5) переживание данным сообществом совместных эмоциональных состояний, особенно связанных с реальными политическими действиями.

Таким образом, функционально И.Г. является важнейшим конституирующим элементом гражданской общности. Она представляет собой основу группового самосознания, создающего из совокупности индивидов коллективного субъекта. И.Г. интегрирует население страны и является залогом стабильности государства.

Два выделенных аспекта рассмотрения И.Г. тесно взаимосвязаны как феномены индивидуального и надындивидуального сознания. Целостность и единство гражданской общности, ее идентичность как признак субъектности невозможно без осознания принадлежности к ней отдельных граждан, и именно в нем она находит свое проявление. В этом ключе особая роль отводится символическому универсуму, принадлежность к которому в восприятии людей является основой реальности данного сообщества. Наличие "своей" символики обеспечивает универсальные средства коммуникации внутри данной общности, становясь идентифицирующим фактором. Кроме того, символ является материализованным носителем идеи (словесным, событийным или предметным), в данном случае идеи единства, целостности, и обладает способностью обеспечивать мотивацию совместных действий. Он отражает значимые для общности ценности и образы. Символическое пространство гражданской общности складывается из официальной государственной символики, фигур исторических (национальных) героев, наиболее значимых исторических и современных знаменательных для страны событий, фиксирующих этапы развития общности, а также бытовых или природных символов, отражающих особенности жизнедеятельности общности. Интегральным показателем И.Г. является образ Родины, в котором концентрируется и обобщается все, что связано с жизнью гражданской общности. Он включает в себя как объективные характеристики жизнедеятельности общности, такие, как территория, экономическое, политическое и социальное устройство, народ, проживающий на данной территории со своей культурой и языком, так и субъективное отношение к ним. В реальности образ Родины не всегда включает в себя все выделенные компоненты, он, скорее, отражает наиболее значимые из них, что делает его индикатором И.Г., так как позволяет фиксировать смыслы, вокруг которых происходит объединение общности, а также степень их значимости в общем символическом и семантическом пространстве.

Понятие "И.Г." синонимично понятию "национальная идентичность" в тех случаях, когда последнее рассматривается в рамках подхода к нации как к согражданству, общности, организованной по государственно-политическому признаку (Б. Андерсон, А. Смит, Э. Геллнер и др.). В данном подходе категории национальная и гражданская общность совпадают. В рамках подходов к нации, как к определенному этапу развития этнической общности, понятия "И.Г." и "национальная идентичность" не тождественны, а рядоположны как чувство принадлежности к стране, государству и к этнической общности. Этническая и И.Г. тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Они в большинстве случаев имеют различную степень значимости для представителей титульного и нетитульного этноса и могут находиться как в отношениях взаимной поддержки и дополнения (для первых), так и в отношениях конкуренции и противостояния (для вторых).

Современные тенденции в изучении И.Г. характеризуются активизацией исследований в конце 20 – начале 21 вв., которая обусловлена актуализацией идентификационных процессов на уровне гражданской общности, вследствие образования новых постсоветских государств и европейской интеграции.

Т.В. Водолажская

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЭТНИЧЕСКАЯ – результат эмоционально-когнитивного процесса осознания этнической принадлежности, отождествление индивидом себя с представителями своего этноса и обособления от других этносов, а также глубоко личностно значимое переживание своей этнической принадлежности.

Понятие "И.Э." не эквивалентно понятиям "этничность", "этническая принадлежность", "этническое самосознание", "этническая идентификация". Если этничность (или этническая принадлежность) – это приписываемая обществом категория на основе объективных критериев, то И.Э. – это результат самокатегоризации, достигаемой индивидом в итоге конструирования образа окружаемого мира и своего места в нем (Т.Г. Стефаненко). Истинная И.Э. человека может не совпадать с официально предъявляемой или приписываемой *этнической принадлежностью*.

И.Э. не тождественна и *этническому самосознанию*, поскольку И.Э. не сводится только к осознанию этнической принадлежности, т.к. содержит в себе слой этнического бессознательного (В.С. Лурье, Г.У. Солдатова, А.В. Сухарев и др.), а также потому, что предполагает эмоционально-ценностное значение, придаваемое человеком своей этнической принадлежности (Т.Г. Стефаненко). Наряду с причислением индивидом себя к представителям своего этноса И.Э. включает прежде всего глубоко значимое переживание данной принадлежности, как одной из важнейших составляющих в системе представлений личности о себе.

Если идентификация (см.) – это процесс, благодаря которому реализуется этническое отождествление, то идентичность (см.) – это результат и итог процесса идентификации (Tajfel H.). Становление и развитие идентичности заключается в синтезе идентификаций, которые интегрируются в систему составляющих компонентов целостной идентичности (Erikson E. – см. **Эриксон**). Среди основных критериев этнической идентификации могут быть такие, как родной язык, общность происхождения, культура, традиции, религия, общее историческое прошлое, чувство привязанности к родной земле, своей Родине, общей территории проживания и мн. др. В разные исторические периоды у разных народов доминирующая роль как ведущих критериев этнической идентификации, так и этноидентифицирующих признаков может меняться. Посредством идентификации транслируются и усваиваются эталоны и этнические стереотипы поведения, нормы и ценности, традиции и обряды народа, осуществляется становление этнически обусловленного мировосприятия.

В исследовании И.Э. выделяются психологический, социально-психологический и социологический подходы (Е.М. Галкина). В центре внимания психологического подхода личность как носитель этнокультурных особенностей и качеств. Здесь И.Э. рассматривается как одна из составляющих структуры личности и ее самосознания. В рамках социально-психологического подхода человек рассматривается как представитель этнической группы, а И.Э. – как компонент социальной идентичности. Главным объектом исследований, выполненных в ключе социологического подхода, является этническая общность, или группа (В.П. Павленко). И.Э. здесь исследуется как один из базовых феноменов этнического самосознания.

В *структуре* И.Э. выделяют два основных компонента: когнитивный и аффективный (эмоционально-ценностный). Первый из них, характеризуя содержательное наполнение И.Э., объединяет знания и представления о этнической принадлежности, о своей и чужих этнических группах (этническую осведомленность), самоназвание (этнический ярлык-этноним), основные критерий этнической идентификации, а также этнодифференцирующие и этноидентифицирующие признаки, которые лежат в основе этнического отождествления и уподобления. Эмоционально-ценностный компонент, объединяя переживание человеком тождественности с этнической общностью, удовлетворенность собственной этнической принадлежностью, оценку ее значимости, желание принадлежать этнической группе, а также комплекс этнических чувств (гордости, любви, преданности, приверженности, солидарности, самоуважения и достоинства, обиды, стыда, вины, ущемленности, униженности и мн. др.), в целом отражает отношение индивида к факту собственной этнической принадлежности, его отношение к своей этнической общности в целом, а также ее оценку.

Среди *параметров* И.Э. выделяют: 1) значимость И.Э.; 2) актуальность И.Э.; 3) валентность И.Э. (В.Н. Павленко и др.). Под значимостью И.Э. понимается субъективная важность этнической суб-идентичности для человека. В соответствии с валентностью И.Э. характеризуется как позитивная или негативная. Позитивная И.Э. является наиболее естественной, нормальной, более распространенной для большинства людей формой И.Э., когда чувство этнической принадлежности порождает ощущение стабильности, безопасности и защищенности. Негативная И.Э., являясь результатом неблагоприятного межэтнического сравнения, отражает негативную оценку представителей своей этнической группы. Негативная И.Э. чаще присуща представителям недоминантных этнических групп и этнических меньшинств. Негативная И.Э. связана с комплексом таких чувств, обусловленных этнической принадлежностью, как неуверенность, неполноценность, униженность, ущемленность, стыд за свой народ и др.

Следствием негативной оценки своей этногруппы и самоотождествления с ней могут выступать следующие стратегии поведения: 1) принятие индивидом собственной негативной И.Э. (Т.Г. Стефаненко); 2) "разотождествление" себя и своего народа, относя негативные суждения к другим членам этнической группы, но не к себе самому (В.С. Собкин); 3) стремление сменить свою этническую группу и, соответст-

венно, сменить свою этническую принадлежность (Tajfel H., Turner J.C. и др.). Результатом последней стратегии могут являться такие типы измененной И.Э., как: моноэтническая идентичность с чужой этнической группой; биэтническая идентичность, маргинальная И.Э. (J. Berry).

Под влиянием различных факторов И.Э. актуализируется, "оживает", претерпевает определенные трансформации. Если позитивная И.Э. представляет собой баланс толерантного отношения к своей и другим этническим группам, являющийся важным условием самостоятельного стабильного существования этнической общности в полиэтническом окружении, то изменения И.Э. (относительно позитивной И.Э.) могут происходить в направлении как ее ослабления, так и усиления.

Выделяют следующие виды трансформаций И.Э. по типу: а) этнической индифферентности; б) гиперидентичности (национального фанатизма, этноизоляционизма и этноэгоизма); в) гипоидентичности (этнонигилизма). Гипоидентичность характеризуется негативизмом по отношению к собственной этнической группе. Гиперидентичность сравнивают со своеобразным этническим нарциссизмом (**см.**), базирующемся на этноцентризме. Проявлением крайних форм гиперидентичности является сверхпозитивное отношение к своему этносу, готовность к любым жертвам во имя его интересов наряду с выраженной нетерпимостью, враждебностью, даже ненавистью к другим народам (С.В. Рыжова и Г.У. Солдатова).

Являясь одним из важнейших составляющих компонентов социальной идентичности, И.Э. тесно взаимосвязана с другими из них. Такими, как гражданская (**см.**), конфессиональная, европейская и др. идентичности. Вместе с тем к особенностям, присущим только И.Э., относят ее мифологичность, основывающуюся на идеях и мифах об общих культуре, происхождении, истории (Г.У. Солдатова); обращенность И.Э., воплощенной в культурной традиции, в прошлое, в отличие от других форм идентичности, ориентированных на настоящее или будущее (G. De Vos); чувствительность и зависимость И.Э. от ряда обстоятельств, этносоциального статуса этнической группы в системе межэтнического взаимодействия, условий социокультурного контекста, динамики межэтнических отношений, их характера и состояния и др. факторов.

Л.И. Науменко

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АППАРАТЫ ГОСУДАРСТВА – понятие неклассической философии (прежде всего неомарксизма – **см.**), фиксирующее в своем содержании инструменты проведения в жизнь господствующей идеологии. Наибольшее развитие понятие "И.А.Г." получило в работе Альтюссера (**см.**) "Идеология и идеологические аппараты государства". Альтюссер выделяет следующие "И.А.Г.": религиозный (система различных церквей); образовательный (система общественных и частных школ); семейный; юридический; политический (политические системы, включая различные партии); профсоюзный; коммуникационный (пресса, радио, телевидение и др.); культурный (литература, искусство, спорт и др.).

По Альтюссеру, "И.А.Г." отличается от "Репрессивного Государственного Аппарата" тем, что в то время, как существует один репрессивный аппарат, имеется множество И.А.Г.; другим моментом различия является то, что объединенный репрессивный аппарат является полностью общественным достоянием, а большая часть И.А.Г., напротив, принадлежит частной области; репрессивный аппарат действует "посредством насилия", а идеологические аппараты – "посредством идеологии". См. также: **Альтюссер, Идеология.**

Е.П. Коротченко

ИДЕОЛОГИЯ (от греч. idea – понятие, представление и logos – слово, понятие, учение) – совокупность разнородных более или менее упорядоченных иллюзорных идей, концепций, мифов, верований, догматов, заклинаний, нормативов, обещаний, целевых установок, лозунгов и т.д., выражающая интересы одной или нескольких социальных общностей и ориентированная на замещение и подмену рациональных представлений о действительности в целях сохранения или изменения социальных идеалов, ценностей, норм, а также политических, общественных, экономических и бытовых отношений. Не являясь религиозной по сути, И. исходит из определенным образом познанной или "сконструированной" реальности, ориентирована на человеческие практические интересы и имеет целью манипулирование и управление людьми путем воздействия на их сознание. Фундируется тем, что У. Джемс обозначал как людская "воля к вере" (ср. у Аристотеля: человек может быть чем-то большим либо чем-то меньшим, нежели животное). Значительный элемент иррационализма, необходимо присущий любой И., обусловливает и реальный облик ее творцов: по мысли Г. Лебона (**см.**), "гениальные изобретатели ускоряют ход цивилизации, фанатики и страдающие галлюцинациями творят историю".

В рамках И. (в контексте осознания людьми собственного отношения к действительности, а также существа социальных проблем и конфликтов) содержатся цели и программы активной деятельности, направленной на закрепление или изменение данных общественных отношений. Ядром И. выступает круг идей, связанных с вопросами захвата, удержания и использования политической власти субъектами политики. И. фундирована конфликтной природой мира политики, его выстроенностью по полюсной модели "враг – друг", кристаллизирующей сторонников той или иной И. Степень разработанности и наглядности образа идеологического противника правомерно полагать главным основанием сплоченности социальной группы – носителя И.

В 1795 М.-Дж. Дежерандо получил приз на конкурсе Национального института Франции за предложенное исследование идей в их связи со знаками, а в 1796 – Д. де Траси ("Элементы идеологии", 1801-1815) впервые употребил термин "И." ("Ideologie") для обозначения новой эмпирической науки об идеях. И. следовала в его системе наук после зоологии. Траси, Дежерандо, П. Кабанис и др. разрабатывали новую дисциплину, опираясь на идеи французских просветителей и энциклопедистов. Их критический пафос стал предметом жестких

оценок со стороны Наполеона, назвавшего их "ветрогонами и идеологами, которые всегда боролись против существующих авторитетов". В 1808 Наполеон писал: "Ваши идеологи разрушают все иллюзии, а время иллюзий для отдельных людей, как для народов, – время счастья".

Маркс (см.) и Энгельс (см.) в "Немецкой идеологии" (1845-1846) и позднейших работах понимали под И.: а) идеалистическую концепцию, согласно которой мир представляет собой воплощение идей, мыслей и принципов; б) тип мыслительного процесса, когда его субъекты – идеологи, не сознавая связи своих построений с материальными интересами определенных классов и объективных побудительных сил своей деятельности, постоянно воспроизводят иллюзию абсолютной самостоятельности общественных идей; в) сопряженный метод подхода к действительности, состоящий в конструировании мнимой реальности, которая выдается за саму действительность. Согласно Марксу, "не в идеологии и пустынных гипотезах нуждается наша жизнь, а в том, чтобы мы могли бы жить, не зная смятения". Действительность, по Марксу, предстает в зеркале И. в искаженном, перевернутом виде. И. оказывается иллюзорным сознанием. Марксово понимание И. трансформировалось благодаря Энгельсу, разделившему критический анализ иллюзий совпадения идей и интересов людей, осуществленный Фурье. Фурье критиковал "философов-идеологов" за их избыточный интерес к идеям, за ориентацию на изменение одного лишь сознания. В сложившемся марксизме И. понималась как "ложное сознание", порождаемое "классовым интересом" господствующих классов, стремящихся представить его "интересом всего общества". В дальнейшем в марксистской традиции негативное восприятие И. "эксплуататорских классов" образовывало оппозицию с И. "социалистической", воспринимаемой сугубо позитивно. И. обществ нетоталитарного (западного) типа характеризуется наличием самого мощного в истории идеологического аппарата, определенным "рамочным" плюрализмом (запрет на И. национал-социализма и расизма, "не поощрение" коммунистических взглядов), религиозной терпимостью, "рассеянностью" во всем объеме внеидеологических феноменов и т.п.

Появление принципиально новых средств и способов описания и объяснения социальной реальности в середине 20 в. обусловило формирование оригинальных концепций сути и функций И. Бахтин в своем истолковании И. попытался снять классово-политические контексты. "Идеологическое" для Бахтина – синоним семиотического, знакового вообще: "Ко всякому знаку приложимы критерии идеологической оценки (ложь, истина, справедливость, добро и пр.). Область И. совпадает с областью знаков. Между ними можно поставить знак равенства. Где знак – там и И. Бахтин противополагал И. психологии как области "внутреннего знака" и "внутренней речи". Он постулировал диалектический характер этого противопоставления, так как "внутренний знак" тоже знак, а значит и И. "индивидуальна", а в ряду социально-психологических явлений – выступает как "жизненная И.". Все психологическое, по мнению Бахтина, имеет свои семиотические основания: "Вне объективации, вне воплощения в определенном материале (материале жеста, внутреннего слова, крика) сознание – фикция. Это плохая идеологическая конструкция, созданная путем абстракции от конкретных фактов социального выражения". Психологии Бахтин противопоставлял не И. вообще, а только ее социальные объективации в форме этических и правовых норм, религиозных символов и т.д. Для обозначения объективно существующих форм И. Бахтин использовал термин "идеологема". Трактовка И. как универсального свойства всего семиотического препятствовала спецификации конкретных механизмов ее функционирования, хотя и элиминировала идеологические предпочтения ее исследователей, трансформируя их подход в объективно-семиотический (в отличие от политической ангажированности представителей марксизма).

Спецификация семиотических механизмов И. явилось одной из вершин философского творчества Р. Барта. В "Мифологиях" (1957) Барт объединил миф и И., называя их "метаязыком". Барт не считал целесообразным проводить между И. и мифом семиотическое разграничение, определяя И. как введенное в рамки общей истории и отвечающее тем или иным социальным интересам мифическое построение. Следуя традиции определения знака как ассоциации означаемого и означающего, а языка – как системы знаков, Барт определил миф и И. как "вторичные семиотические системы", "вторичные языки". Смысл знаков первичной знаковой системы, исходного "языка" "опустошается", согласно Барту, метаязыком до полой формы (сохраняясь и в обескровленном состоянии), которая становится означающим как мифа, так и И. Мерцающее существование первичных смыслов исполняет функции алиби для концептов метаязыка, т.е. для означаемых мифа и И. Это алиби мотивирует идеологический знак, представляя связь формы с концептом как что-то "естественное" и "природное". Критическое отношение к мифу и И. приводит Барта к их описанию в образе вурдалака: "Миф же – это язык, не желающий умирать; из смыслов, которыми он питается, он извлекает ложное, деградированное бытие, он искусственно отсрочивает смерть смыслов и располагается в них со всеми удобствами, превращая их в говорящие трупы". Миф и И. звучат голосом языка-объекта, оживляя его для потребителя, чередуя его выпотрошенную форму с его исходным смыслом. Значение же самого метаязыка "натурализируется" в И. В "Основах семиологии" (1965) Р. Барт отмечал, что И. – это постоянный поиск ценностей и их тематизация. В случае же фигуративизации, по Барту, идеологический дискурс становится мифологическим. Кристева использовала для исследования И. термин Бахтина "идеологема". Последняя определялась ею в качестве "интертекстуальной" функции, придающей тексту социальные и исторические координаты, а также связывающей текст с прочими практиками означивания, составляющими его культурное пространство. И., по Кристевой, присутствует также и в семиотических коннотациях самого исследователя И., санкционирующих использование им тех или иных моделей и формализаций. Избавиться от данных предпосылок невозможно, но возможно их прояснение в акте саморефлексии. Эко рассматривал коммуникативные функ-

ции И., которая "предохраняет нас от рассмотрения семантических систем в целокупности их внутренних взаимоотношений", благодаря ограничению области возможных коннотаций. Идеологический субкод исключает нежелательные подразумевания семантической системы. И. выступает означаемым данного риторического субкода и идеологические контексты формируются "склеротически отвердевшими сообщениями". Позже Эко описал И. как перекодирование первичного кода, придающее сообщениям вторичные смыслы. Перекодирование у Эко суть интерпретативная модификация первичного кода, приводящая к нестандартному употреблению прежнего правила и создающая новое правило. Например, риторические и иконологические правила наделяют макроскопические фрагменты первичных сообщений некоторым значением, перекодируют их.

Статус И. как воплощение связи дискурса с некоторой социальной топикой описывается в современной философии как ряд отношений правдоподобия. ("Референциального" – в контексте отношения с реальностями мира, "логического" – в плане соответствия жанровым и игровым закономерностям и т.д.) Нередко в рамки И. пытаются инкорпорировать чисто философские измерения (философию истории, местоположение в ней человека, сопряженные с ними оценочные суждения о возможных вариантах социального развития и желательного темпа последних). В этом контексте любая И., несущая в своей структуре некий идеал, противопоставленный наличной социальной реальности, – утопична и эсхатологична. (Ср. у К. Манхейма: "В слове "идеология" имплицитно содержится понимание того, что в определенных ситуациях коллективное бессознательное определенных групп скрывает действительное состояние общества как от себя, так и от других и тем самым стабилизирует его".) В тоталитарных обществах И. трансформируется в государственную религию с особыми догматами, священными книгами, апостолами, святыми, богочеловеками, литургией и т.д. Государство в этом случае выступает идеократической системой, в границах которой верховный жрец, могущий толковать и трансформировать постулаты И., выступает и высшим чиновником, и политическим лидером. (Н. Бердяев – **см.** – именовал подобные общественные модели "обратными теократиями".) Разрушение И. такого типа, неизбежное при переходе их на позиции терпимости и открытости к инаковым духовным образованиям, представляется не менее болезненной проблемой, чем даже процедуры передела собственности (ср. у Лебона: "Нет ничего более разрушительного, чем прах умерших богов").

Согласно Жижеку (**см.**), "фундаментальное измерение" И. следующее: "Идеология – это не просто "ложное сознание", иллюзорная репрезентация действительности, скорее идеология есть сама эта действительность, которая уже должна пониматься как "идеологическая", – *"идеологической" является социальная действительность, само существование которой предполагает не-знание со стороны субъектов этой действительности, не-знание, которое является сущностным для этой действительности* /курсив автора. – *А.Г.*/ . То есть такой социальный механизм, сам гомеостаз которого предполагает, что индивиды "не сознают, что они делают". "Идеологическое" не есть "ложное сознание" (социального) бытия, но само это бытие – в той мере, в какой это бытие имеет основание в "ложном сознании". Пророчество Ницше о том, что в 20 ст. борьба за мировое господство будет осуществляться от имени тех или иных философских принципов, полностью реализовалось (ср. "Восток" и "Запад" как идеолого-политические образования) в виде несколько трансформированном: философские идеи заместились политико-идеологическими максимами. Результатом явилось крушение доверия людей к человеческой мысли как таковой – по Манхейму, это было, в первую очередь, обусловлено широким признанием того, что "мысль всех партий во все эпохи носит идеологический характер". См. также: **"Немецкая идеология" (Маркс, Энгельс), Жижек.**

В.И. Овчаренко, А.А. Грицанов

ИЗМЕРЕНИЕ – процедура присвоения рубрикационных символов наблюдаемым объектам в соответствии с некоторым правилом. Символы могут быть просто метками, представляющими классы или категории объектов в популяции, или числами, характеризующими степень выраженности у объекта измеряемого свойства. Символы-метки могут также представлять собой числа, но при этом не обязательно нести в себе характерную "числовую" информацию.

Целью И. является получение формальной модели, исследование которой могло бы, в определенном смысле, заменить исследование самого объекта. Как всякая модель, И. приводит к потере части информации об объекте и/или ее искажению, иногда значительному. Потеря и искажение информации приводит к возникновению ошибок И., величина которых зависит от точности измерительного инструмента, условий, при которых производится И., квалификации наблюдателя. Различают случайные и систематические ошибки И. При исследовании отдельно взятого объекта ошибки обоих типов представляют одинаковую опасность. При статистическом обобщении информации о некоторой совокупности измеренных объектов случайные ошибки, в известной степени, взаимно "погашаются", в то время как систематические ошибки могут привести к значительному смещению результатов. Алгоритм (правило) присвоения символа объекту называется измерительной шкалой. Как всякая модель, измерительные шкалы должны правильно отражать изучаемые характеристики объекта и, следовательно, иметь те же свойства, что и измеряемые показатели.

Различают четыре основных типа измерительных шкал, получившие следующие названия: шкала наименований, шкала порядка, интервальная шкала и шкала отношений. Шкала наименований, или номинальная шкала, используется только для обозначения принадлежности объекта к одному из нескольких непересекающихся классов. Приписываемые объектам символы, которые могут быть цифрами, буквами, словами или некоторыми специальными символами, представляют собой только метки соответствующих классов. Характерной особенностью номинальной шкалы является принципиальная

невозможность упорядочить классы по измеряемому признаку – к ним нельзя прилагать суждения типа "больше – меньше", "лучше – хуже" и т.п. Примерами номинальных шкал являются пол и национальность, специальность по образованию, марка сигарет, предпочитаемый цвет. Единственным отношением, определенным на шкале наименований, является отношение тождества: объекты, принадлежащие к одному классу, считаются тождественными, к разным классам – различными. Так, при И. пола мы относим каждого человека к одному из двух классов – мужчин или женщин, и при этом всех мужчин (и всех женщин) полагаем тождественными друг другу. Если при этом классы обозначены цифрами, что удобно при компьютерной обработке (например, 1 – мужской пол, 2 – женский), то такие цифры не являются числами в прямом смысле этого слова и не обладают свойствами чисел. В частности, к ним нельзя применять действия арифметики. Частным случаем шкалы наименований является дихотомическая шкала, с помощью которой фиксируют наличие у объекта определенного качества или его соответствие некоторому требованию. По установившейся традиции при измерении дихотомических показателей применяют следующие обозначения: 0 – если объект не обладает требуемым свойством, 1 – если обладает. Шкалы порядка позволяют не только разбивать объекты на классы, но и упорядочивать классы по возрастанию (убыванию) изучаемого признака. На шкале порядка, кроме отношения тождества, определено также отношение порядка: об объектах, отнесенных к одному из классов, известно не только то, что они тождественны друг другу, но также, что они обладают измеряемым свойством в большей или меньшей степени, чем объекты из других классов. Но при этом порядковые шкалы не могут ответить на вопрос, на сколько (во сколько раз) это свойство выражено сильнее у объектов из одного класса, чем у объектов из другого класса. Примерами шкал порядка могут служить уровень образования, воинские и академические звания, тип поселения (большой – средний – малый город – село), некоторые естественнонаучные шкалы (твердость минералов, сила шторма, бонитет лесопосадок). Так, можно сказать, что 6-балльный шторм заведомо сильнее, чем 4-балльный, но нельзя определить на сколько он сильнее; выпускник университета имеет более высокий образовательный уровень, чем выпускник средней школы, но разница в уровне образования не поддается непосредственному И.

Упорядоченные классы достаточно часто нумеруют в порядке возрастания (убывания) измеряемого признака. Однако в силу того, что различия в значениях признака точному И. не подлаются, к шкалам порядка, также как к номинальным шкалам, действия арифметики не применяют. Исключение составляют оценочные шкалы, при использовании которых объект получает (или сам выставляет) оценки, исходя из определенного числа баллов. К таким шкалам относятся, например, школьные оценки, для которых считается вполне допустимым рассчитывать, например, средний балл по аттестату зрелости. Строго говоря, подобные шкалы являются частным случаем шкалы порядка, так как нельзя определить, на сколько знания "отличника" больше, чем знания "троечника", но в силу некоторых теоретических соображений с ними часто обращаются, как со шкалами более высокого ранга – шкалами интервалов. Другим частным случаем шкалы порядка является ранговая шкала, применяемая обычно в тех случаях, когда признак заведомо не поддается объективному И. (например, красота или степень неприязни), или когда порядок объектов более важен, чем точная величина различий между ними (места, занятые в спортивных соревнованиях). В таких случаях эксперту иногда предлагают проранжировать по определенному критерию некий список объектов, качеств, мотивов и т.п. В силу того, что символы, присваиваемые объектам в соответствии с порядковыми и номинальными шкалами, не обладают числовыми свойствами, даже если записываются с помощью цифр, эти два типа шкал получили общее название качественных в отличие от количественных шкал интервалов и отношений. Шкалы интервалов и отношений имеют общее свойство, отличающее их от качественных шкал: они предполагают не только определенный порядок между объектами или их классами, но и наличие некоторой единицы И., позволяющей определять, на сколько значение признака у одного объекта больше или меньше, чем у другого. Другими словами, на обеих количественных шкалах, помимо отношений тождества и порядка, определено отношение разности, к ним можно применять арифметические действия сложения и вычитания. Естественно, что символы, приписываемые объектам в соответствии с количественными измерительными шкалами, могут быть только числами. Основное различие между этими двумя шкалами состоит в том, что шкала отношений имеет абсолютный нуль, не зависящий от произвола наблюдателя и соответствующий полному отсутствию измеряемого признака, а на шкале интервалов нуль устанавливается произвольно или в соответствии с некоторыми условными договоренностями. Примерами шкалы интервалов являются календарное время, температурные шкалы Цельсия и Фаренгейта. Шкала оценок с заданным количеством баллов часто рассматривается как интервальная в предположении, что минимальное и максимальное положения на шкале соответствуют некоторым крайним оценкам или позициям, и интервалы между баллами шкалы имеют одинаковую длину. К шкалам отношений относится абсолютное большинство измерительных шкал, применяемых в науке, технике и быту: рост и вес, возраст, расстояние, сила тока, время (длительность промежутка между двумя событиями), температура по Кельвину (абсолютный нуль). Шкала отношений является единственной шкалой, на которой определено отношение отношения, то есть разрешены арифметические действия умножения и деления и, следовательно, возможен ответ на вопрос, во сколько раз одно значение больше или меньше другого.

Количественные шкалы делятся на дискретные и непрерывные. Дискретные показатели измеряются в результате счета: число детей в семье, количество решенных задач и т.п. Непрерывные шкалы предполагают, что измеряемое свойство изменяется непрерывно, и при наличии соответствующих

приборов и средств могло бы быть измерено с любой необходимой степенью точности. Результаты И. непрерывных показателей довольно часто выражаются целыми числами (например, шкала IQ для И. интеллекта), но это связано не с природой самих показателей, а с характером измерительных процедур. Различают первичные и вторичные И. Первичные получаются в результате непосредственного И.: длина и ширина прямоугольника, число родившихся и умерших за год, ответ на вопрос теста, оценка на экзамене. Вторые являются результатом некоторых манипуляций с первичными И., обычно с помощью неких логико-математических конструкций: площадь прямоугольника, демографические коэффициенты смертности, рождаемости и естественного прироста, результаты тестирования, зачисление или незачисление в институт по результатам вступительных экзаменов. Для проведения И. в естественных и точных науках, в быту применяются специальные измерительные инструменты, которые во многих случаях представляют собой довольно сложные приборы. Качество И. определяется точностью, чувствительностью и надежностью инструмента. Точностью инструмента называется его соответствие существующему в данной области стандарту (эталону). Чувствительность инструмента определяется величиной единицы И., например, в зависимости от природы объекта расстояние может измеряться в микронах, сантиметрах или километрах. Надежностью называется способность инструмента к воспроизведению результатов И. в пределах чувствительности шкалы.

В гуманитарных и общественных дисциплинах (за исключением экономики и демографии) большинство показателей не поддаются непосредственному И. с помощью традиционных технических средств. Вместо них применяются всевозможные анкеты, тесты, стандартизированные интервью и т.п., получившие общее название измерительного инструментария. Кроме очевидных проблем точности, чувствительности и надежности, для гуманитарного инструментария существует также достаточно острая проблема валидности – способности измерять именно то свойство личности, которое предполагается его автором.

О.В. Терещенко

ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВО – творческий процесс, направленный на разрешение противоречия между необходимостью достижения значимых целей и отсутствием для этого достаточных средств. Результатом изобретательской деятельности является *изобретение* как способ разрешения названного противоречия. В зависимости от целей создания и сферы использования изобретения могут воплощаться в материальные объекты и становиться предметами труда (см.) (созданные человеком виды сырья, материалов) или орудиями труда (см.) (машины, станки, оборудование), либо первоначально иметь нематериальную природу (новые способы, принципы хозяйственной и иной деятельности человека), не исключающую получение ощутимых, в том числе материальных, результатов. Например, изобретение в середине 20 в. системы многоуровневого маркетинга (см.) (MLM) привело к развитию целой индустрии прямого распространения товаров и услуг, в которой, по данным мировой экономической статистики, в настоящее время профессионально работают более 30 миллионов человек. В русле действия закона конкуренции И. выступает неизменно актуальным способом борьбы субъектов хозяйственной деятельности за лучшие условия производства, распределения, обмена и потребления материальных и нематериальных благ. Научно-технический прогресс (см.), обусловивший овладевание человеком все более мощными средствами производства и разрушения, обострил проблему соотношения изобретений, как результатов реализации индивидуальных и групповых интересов социальных субъектов, и последствий (социальных, экономических, политических, экологических) от внедрения и использования этих изобретений на практике. Например, проникновение в глубины атома, с одной стороны, дало человеку мощный источник энергии, позволивший решать качественно новые производственные и научно-исследовательские задачи, с другой – привело к катастрофическим последствиям, вызванным ядерными испытаниями и авариями на атомных объектах. В контексте социально-экономического закона разделения труда (см.) И. в меньшей степени остается индивидуальным творческим процессом и все в большей – приобретает организованные, коллективные формы. Научно-исследовательские институты, центры, лаборатории, обеспечивая потребности производителей, функционирующих в условиях высококонкурентной внешней среды, изобретают новые виды продукции и способы ее изготовления, разрабатывают инновационные технологии в области менеджмента и маркетинга. Разделение функций изобретательства и практического использования его результатов обусловило необходимость выработки механизмов защиты интересов изобретателей. Таким комплексным механизмом стал социальный институт авторского права, регулирующий экономические и правовые отношения, возникающие между создателями и пользователями изобретений.

О.В. Кобяк

ИЛЛИЧ (Illich) Иван (1926-2003) – социолог культуры, популярный на Западе мыслитель леворадикальной ориентации, руководитель международного научного семинара по выработке "институциональных альтернатив технологическому обществу", основатель находящегося в Мексике Центра межкультурной документации.

Доминанта концепции культуры И., внесшего на протяжении 1970-1980-х заметный вклад в теорию массовой культуры, – анализ причин и механизмов глубинных сдвигов в системе западной культуры, ведущих к существованию деформации и субъекта, и объекта культуры: способа ее производства и потребления. Причиной все большего крена современной культуры в сторону "персоноцентризма", постепенного превращения настроения иллюзорного самоупоения в типичное состояние индивидуума И. считает целенаправленное отчуждение психики человека, организуемое и поддерживаемое всем комплексом социальных институтов. Тотальный контроль за умонастроением инди-

видуума путем внушения ему искусственных потребностей осуществляется не только во время приема им "допингов" массовой культуры.

По мысли И., в современном западном обществе, превратившемся в "единую гигантскую изнурительную систему снабжения услугами", утрата автономии личности – результат длительного процесса "институциализации ценностей", т.е. превращения их в орудия формирования потребительских навыков.

ИЛЬИН Иван Александрович (1883-1954) – русский философ, социолог, государствовед и общественный деятель, магистр и доктор государственных наук (1918, оппоненты на защите – Е.Н. Трубецкой и П. Новгородцев), один из основателей Русского научного института в Берлине (1923), профессор (1918). В главных сочинениях – "Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека" (1918), "Учение о человеке" (1918), "О сопротивлении злу силою" (1925), "Яд большевизма (1931), "Путь духовного обновления" (1935), "Творческая идея нашего будущего. Об основах духовного характера" (1937), "Наши задачи. Статьи 1948-1954" (1956), "О монархии и республике" (посмертная публикация 1979) и др. – разработал оригинальную онтологическую и гносеологическую концепцию, а также выдвинул ряд актуальных и интересных идей о природе, сущности и перспективах преодоления тоталитаризма (**см.**).

Рассматривая достижения и просчеты современного ему процесса познания в контексте его неизбежной обусловленности как состоянием культуры, так и степенью ее общественного восприятия, И. усматривал главный порок Человека начала – середины 20 в. во внутренней "расколотости", в противоречии между разумом, умом, рассудком и чувствами, душой, сердцем. По И., человек настоящего ощущает себя как особую вещь в ряду вещей. Как результат, "созидательные творческие действия оцениваются и интерпретируются "материально, количественно, формально и технически". Отвергая протестантскую этику в ее наиболее материализованных, заземленных ипостасях, И. подчеркивал, что мышление без сердца не может не быть цинично, машинообразно и релятивно. "Человек, душевно расколотый и нецельный, есть несчастный человек. Если он воспринимает истину, то он не может решить, истина это или нет, ибо он не способен к целостной очевидности... Он теряет веру в то, что человеку вообще может быть дана тотальная очевидность. Он не желает признать ее и у других и встречает ее иронией и насмешкой". Индивидуальный и социальный опыты, по И., должны возродиться как интуиция, как видение сердцем. Полемизируя с Л.Н. Толстым, И. утверждал, что при неимении адекватных средств сопротивления злу человек не только имеет право, но и призван применять силу. Шесть арестов за пять лет жизни в ленинской России и (после насильственной высылки на "философском пароходе") пять лет преследований в гитлеровской Германии наложили также значительный отпечаток на социально-философские размышления И., придав им силу личного жизненного опыта.

По мысли И., крупномасштабный опыт строительства социализма дает все основания утверждать, что это социальное устройство может существовать "только в форме всепроникающего и всепорабощающего тоталитарного режима". Понимая тоталитаризм как политический строй, "беспредельно расширивший свое вмешательство в жизнь граждан" и "включивший всю их деятельность в объем своего управления и принудительного регулирования", И. отмечал, что сущность тоталитаризма как левого ("левого большевизма", социализма), так и правого ("правого большевизма" фашизма или национал-социализма) толка состоит не столько в особой форме государственного устройства, сколько во всеохватывающем объеме и организации управления всесторонне порабощенными людьми, осуществляемою при проведении "самой последовательной диктатуры, основанной на единстве власти, на единой исключительной партии, на монополии работодательства, на всепроникающем сыске, на взаимодоносительстве и на беспощадном терроре". По И., противоправный тоталитарный режим "есть рабовладельческая диктатура невиданного размера и всепроникающего захвата", которая держится на партийных указах, распоряжениях и инструкциях, а законы и государственные органы представляют собой "только показную оболочку партийной диктатуры". В тоталитарном обществе, спаянным страхом, инстинктом самосохранения и злодейством, граждане фактически лишаются всех прав, полномочий и свобод. Они существуют только как субъекты обязанностей, объекты распоряжений и рабочие машины. Их правовое сознание замещается "психическими механизмами – голода, страха, мук и унижения; а творческий труд – психофизическим механизмом рабского надрывного напряжения". Согласно И., опыт всех европейских социалистических стран свидетельствует, что с победой социализма в них устанавливается монопольная собственность государства и исключительная инициатива единого чиновничьего центра, в которых и заключается суть данного общественного устройства. Установление же этой монополии ведет к монополии государственного работодательства и создает полную зависимость всех трудящихся от новой привилегированной касты партийных чиновников-угнетателей. Социалистическая действительность, по И., свидетельствует об антисоциальной сути социализма, который убивает свободу и творческую инициативу, уравнивает людей в нищете и зависимости, создает партийную касту, проповедует классовую ненависть, осуществляет "террористическое управление", создает рабство и выдает его за справедливый строй. Выход из левого тоталитаризма И. видел в отречении от социалистических иллюзий, которые привели к катастрофе, и в строительстве нового общественного строя, основанного на частной инициативе, частной собственности, правовой свободе и "творческой социальности", включающей в себя свободу, справедливость и братство.

Неизбывно размышляя о судьбе России, И. считал, что ей все равно придется сделать выбор между свободой и рабством, демократией и тоталитаризмом. Веря в лучшее будущее, он подчеркивал, что "безумию левого большевизма Россия

должна противопоставить не безумие правого большевизма, а верную меру свободы; свободу веры, искания правды, труда и собственности". Общественной группой, способной придать динамизм и осмысленность процессам разрушения тоталитарных устоев, И. видел "новый ведущий слой".

Согласно И., 1) Ведущий слой "не есть ни замкнутая каста, ни наследственное или потомственное сословие. По своему составу он есть нечто живое, подвижное, всегда пополняющееся новыми способными людьми, всегда готовыми освободить себя от неспособных"; 2) "Принадлежность к ведущему слою, начиная от министра и кончая рядовым судьею, начиная от епископа и кончая офицером, начиная от профессора и кончая народным учителем, есть не привилегия, а несение трудной и ответственной обязанности"; "Ранг в жизни необходим, неизбежен. Он обосновывается качеством и покрывается трудом и ответственностью. Рангу должна соответствовать строгость у того, кто выше, и беззаветная почтительность у того, кто ниже. Только этим верным чувством ранга воссоздадим Россию"; 3) "Публичные должности от самой малой до самой большой должны давать человеку удовлетворяющее его вознаграждение и должны переживаться им не как кормление, а как служение"; 4) Новый ведущий слой "призван вести, а не гнать, не запугивать, не порабощать людей, он призван чтить и поощрять свободное творчество ведомого народа. Он не командует (за исключением армии), а организует и при том лишь в пределах общего и публичного интереса. Вести можно только свободных: погонщики нужны только скоту, надсмотрщики нужны только рабам. Лучший способ вести есть живой пример. Конец террору как системе правления! Конец тоталитарному всеведению и неприсутствию! России нужна власть, верно блюдущая свою меру!" 5) Новый ведущий слой обязан "строить Россию не произволом, а правом". "Закон связывает всех: и Государя, и министра, и судью, и полицейского, и рядового гражданина. От закона есть только одно "отступление": по совести, в сторону справедливости с принятием всей ответственности"; 6) Новая русская элита должна "блюсти и крепить авторитет государственной власти". "Авторитет необходимо укоренить на благородных и правовых основаниях: на основе религиозного созерцания и уважения к духовной свободе; на основе братского правосознания и патриотического чувства; на основе достоинства власти, ее силы и всеобщего доверия к ней"; 7) "Новый русский отбор должен быть воодушевлен творческой национальной идеей. Безыдейная интеллигенция не нужна народу и государству и не может вести его". "Нужна новая идея – религиозная по истоку и национальная по духовному смыслу. Только такая идея и может возродить и воссоздать грядущую Россию". Значительная часть социально-философских и социологических соображений И. о будущем переустройстве тоталитарных обществ носила характер либерального утопизма религиозного толка. Но в выборе направления движения и основных целях его он был прав, поскольку без обретения свободы преодоление тоталитарного отчуждения человека, его освобождение невозможно и немыслимо.

А.А. Грицанов

"ИМЕТЬ ИЛИ БЫТЬ?" ("To have or to be?", 1976) – работа Фромма (см.), посвященная анализу "бытия" и "обладания" как фундаментальных способов человеческого существования (категория "бытие" используется Фроммом как психологическая и антропологическая, а не как метафизическая).

Фромм расценивает состояние современной цивилизации как предкатастрофическое. "Большие Надежды" на достижение личных и общественных благ, присущие техногенной цивилизации, по мнению Фромма, не оправдались, а человечество оказалось на грани самоуничтожения. Фромм полагает, что причины кризисных явлений кроются в специфике капиталистического общества. Капиталистическая экономическая система, по Фромму, руководствуется в своем развитии не подлинными интересами человека, а собственными системными потребностями. В результате социально-экономические условия капитализма формируют адаптированного к ним индивида – эгоистичного, себялюбивого и алчного. Согласно Фромму, черты характера человека, порожденного социоэкономической системой капитализма, являются патогенными и в результате формируют больную личность, а следовательно и больное общество. Фромм утверждает, что единственным способом избежать глобальной катастрофы является гуманистическая переориентация направленности развития человека и общества. Проблему реализации гуманистических альтернатив Фромм связывает с необходимостью глубоких изменений в человеческом характере. Различия в индивидуальных характерах людей и в типах социального характера связываются им с преобладанием одного из двух основных способов существования человека – "обладания" либо "бытия". При существовании по принципу "обладания" отношение к миру выражается в стремлении сделать его объектом владения, в стремлении превратить все и всех, в том числе самого себя, в свою собственность.

В "бытии" как способе существования Фромм выделяет две формы; одна из них противополагается "обладанию" и означает жизнелюбие и подлинную причастность к существующему. Другая форма "бытия" есть противоположность видимости и относится к истинной природе, истинной реальности личности или вещи. Реализация принципов "бытия" и "обладания" рассматривается Фроммом на примерах ряда явлений повседневной жизни: обучения, памяти, беседы, чтения, власти, знания, веры, любви. Общими признаками "обладания", с точки зрения Фромма, являются косность, стереотипность, поверхностность; "бытия" – активность, творчество, заинтересованность. Фромм приходит к выводу, что в современном обществе, ориентированном на ценности потребления и на получение прибыли, доминирует модус "обладания". Одним из симптомов этого, по его мнению, является злоупотребление в речевой практике глаголом "иметь". Природа "обладания" рассматривается Фроммом как обусловленная природой частной собственности. Модус "обладания" определяется доминированием установки на приобретение собственности и неограниченное право сохранять все приобретенное. Собственнические чувства и ценности приоб-

ретательства при этом распространяются, по мысли Фромма, на вещи, других людей, собственное "Я", идеи, убеждения и даже привычки. Данный способ существования формируется как результат социальной репрессивности по отношению сначала к ребенку, а затем ко взрослому человеку. В ходе индивидуального развития истинные желания и интересы человека, его личная воля замещаются теми, которые навязаны принятыми в обществе стандартами мыслей и чувств. При установке на обладание счастье состоит в ощущении превосходства над другими, во власти, в способности применять насилие. Фромм полагает, что усилению ориентации на обладание способствуют язык, создающий иллюзию постоянства объектов, и биологически обусловленное желание жить, порождающее потребность в суррогатах бессмертия – славе и передаваемой по наследству собственности. Основной характеристикой модуса "бытия" полагается внутренняя активность, продуктивное использование собственных потенций. Такая активность реализуется, по Фромму, в проявлении всех собственных способностей, дарований, в заинтересованности миром, в преодолении рамок собственного изолированного "Я". Счастьем при установке на "бытие" являются любовь, забота о других, самопожертвование. В структуре "бытия" доминирует живой невыразимый опыт, живое и продуктивное мышление. И "бытие", и "обладание" являются, по убеждению Фромма, потенциальными возможностями человеческой природы. "Обладание" Фромм считает основанным в конечном счете на биологической потребности в самосохранении. "Бытие" же связано со спецификой человеческого существования, с внутренне присущей человеку потребностью в преодолении одиночества посредством единения с другими людьми. Обе эти потенциальные возможности живут в каждом человеке; доминирование одной из них зависит от социальной структуры, ее ценностей и норм. Используя понятие "религия" для обозначения любой системы взглядов и действий, которой придерживается какая-либо группа людей и которая служит схемой ориентации для индивида и объектом его поклонения, Фромм полагает ее укорененной в специфической структуре характера данного человека и в социальном характере. "Религиозные" потребности, по Фромму, имманентно присущи человеку, коренясь в основных условиях существования человеческого вида. Их возникновение связано с утратой способности действовать под влиянием инстинктов и наличием разума, самосознания и воображения. Специфика человеческого существования порождает потребность в формировании картины *мира* и места в нем индивида, а также в позволяющем интегрировать усилия в определенном направлении объекте поклонения. При этом глубинные мотивации поведения нередко не соответствуют декларируемым ценностям, и сам индивид даже не осознает, *что* же реально является объектом его личного поклонения. Так, Фромм полагает, что христианские ценности имели определенное влияние в Европе лишь в период между 12 и 16 вв. В 16 в. начинает развиваться "авторитарный, одержимый, накопительский характер", связанный с "индустриальной религией", возникшей за фасадом христианства. В "индустриальной религии" "священны" труд, собственность, прибыль, власть. К концу 19 в., согласно Фромму, постепенно начинает преобладать рыночный характер, при котором человек ощущает себя как товар, а свою "стоимость" – не как "потребительскую", а как "меновую". Структуре этого характера соответствует, по мнению Фромма, "кибернетическая религия" обезличенности и машинизации. Программа Фромма по изменению человека и общества была ориентирована на массовое изменение человеческого характера с переходом от установки на "обладание" к установке на "бытие". Она предполагала переход к "здоровому потреблению", реализацию "демократии участия", децентрализацию промышленности, замену бюрократического управления гуманистическим, запрет методов манипуляции сознанием и ряд других мер.

М.Н. Мазаник

ИМИДЖ (англ. image – образ) – целостный, качественно определенный образ данного объекта, устойчиво живущий и воспроизводящийся в массовом и/или индивидуальном сознании. И. возникает и корректируется в результате восприятия и сопутствующего профильтровывания поступающей из внешней среды информации о данном объекте сквозь сеть действующих стереотипов. В качестве обладателя И. может выступать любой объект окружающей действительности.

И. социально обусловлен и выполняет ряд важных функций, что выражается в следующем: 1) И. обнаруживает свое существование только в условиях общества; 2) субъектом И. выступает человек как продукт общества – человек социальный; 3) общие характеристики И. того или иного объекта (его валентность, сила, определенность) зависят не только от самого объекта, но и от особенностей конкретного общества, в котором этот И. формируется, – от его ценностей, норм, традиций, установок и т.п. Это положение вытекает из 2), поскольку социальность субъектов предполагает оценочность восприятия ими мира окружающих объектов и самих себя вследствие усвоенного опыта, знаний предшествующих поколений и принятой роли так называемого обобщенного другого; 4) уже сложившийся И.: а) определяет характер последующего восприятия объекта со стороны лиц, усвоивших этот И., посредством сведения указанного процесса восприятия к процедурам идентификации, узнавания объекта и (при наличии новой, возможно, диссонирующей информации) коррекции соответствующего образа (функция экономии мышления социальных субъектов); б) способствует формированию устойчивого отношения к данному субъекту (функция социальной оценки); в) служит основанием для субъективного выбора адекватной модели связанного с объектом поведения (функция руководства к действию, или регулятивная функция).

Восприятие И. реализуется на нескольких уровнях. Само-имидж – это восприятие человеком собственного "я", основанное на прошлом опыте и соответствующих самооценках. Подаваемый И. – мнение людей о восприятии их окружающими. Чем ближе последний к само-И., тем увереннее чувствует себя человек. Принимаемый И. – то, как другие в действительности видят человека. Если принимаемый И. отличается

от подаваемого И., значит человек неправильно преподносит себя.

В связи с этим принято различать И. идеальный, к которому следует стремиться, и реальный И., присутствующий на самом деле. Совмещением этих двух позиций занимаются специалисты – имиджмейкеры. Опытные профессионалы разрабатывают для своего заказчика полный И.-комплекс – не только внешний облик (прическу, стиль в одежде), но и поведение (манеру держаться, лозунги, речевые обороты). Упор в работе делается на исходные данные, на личность данного человека. С помощью профессионалов ключевые черты личности приводятся в соответствие с их внешним выражением, становятся видимыми и понятными. В обычных условиях И. объектов складываются в массовом и/или индивидуальном сознании стихийно, но допускается возможность и их сознательного конструирования. В этой связи заслуживают внимания реклама товаров и услуг и Public Relations (PR – см. – связи с общественностью) как основные человеческие практики, реализующие идею целенаправленного создания И.

Формирование И. идет по следующему пути: выявление сложившихся у аудитории представлений об объекте; определение предпочтений, ожиданий и требований аудитории, черт и характеристик, которыми, по мнению аудитории, должен обладать претендующий на позитивный И. объект; конструирование И. данного объекта; разработка стратегии формирования И. – плана действий; перевод сконструированной модели в реальные контексты (визуальный, вербальный, событийный и др.); контроль за реализацией плана, замер промежуточных результатов, корректировка при необходимости модели и стратегии; мониторинг сформированного И. Та или иная аудитория выдвигает собственные требования к И., но должен сохраняться основной каркас, к которому присоединяются дополнительные характеристики. Правильно подобранный И. является наиболее эффективным способом работы с массовым сознанием. И., отражая ключевые позиции, на которые реагирует массовое сознание, вызывает автоматические реакции у населения.

В традиционной рекламе (см.) первое обращение к И. относится к 1960-м и связано с именем Д. Огилви. В условиях насыщения рынка товарами и четко обозначившейся проблемы сбыта он обосновал так называемую "теорию И.". Ее основная идея заключается в постулировании того, что для успешной реализации необходимым является не только и не столько информирование о специфических функциональных качествах товара, сколько снабжение его привлекательным для целевой аудитории ореолом, или положительным И. Удачно разработанный И., во-первых, способствует узнаванию товара на рынке и выделению его среди функциональных аналогов; во-вторых, служит аргументом в пользу приобретения товара в ситуациях субъективного выбора.

В современных условиях рекламопроизводителями накоплен уже значительный опыт в области создания позитивных И. Так, достаточно высокой популярностью пользуются И., выстраиваемые вокруг идей уникальности товара (услуги), способности удовлетворять ту или иную потребность (в заботе, спокойствии, уверенности в завтрашнем дне, потребность в эстетическом наслаждении и др.), избавлять от проблем, рождать мечты.

В рекламных и PR-технологиях также используется понятие И. организации. В первом значении – это устойчивый образ организации в сознании соответствующих целевых групп (клиентов, инвесторов, СМИ). Во втором – единица коммуникации, сообщение (цикл, серия, совокупность сообщений), которое специально создается организацией и транслируется по различным каналам с тем, чтобы повлиять на целевые группы, достичь необходимого эффекта в общественном мнении, в частности, сформировать позитивные установки в отношении организации или товара, услуги. Формирование И. организации – т.е. ее устойчивого образа в сознании целевой группы – осуществляется в процессе коммуникации, в рамках которой транслируется информация имиджевого характера (вербальные, визуальные, аудиовизуальные имиджевые сообщения). К таковым можно отнести название организации, ее миссию и девиз, константы фирменного стиля: фирменный лозунг (слоган), логотип, постоянный коммуникант (лицо фирмы), корпоративный герой (пример корпоративного героя – ковбой Marlboro), фирменный гимн, корпоративная легенда и др. Сообщения в совокупности образуют сложный символ организации. Транслируемые имиджевые сообщения информируют целевые группы и общественное мнение в целом о сущности организации, о том, как организация интерпретирует свою роль и предназначение, какими путями их реализует, каковы ее ценности и нормы деятельности, что организация предлагает и что гарантирует потребителю. Имиджевые сообщения помогают идентифицировать данную организацию, выделить ее из ряда других, установить связь между организацией и результатами ее деятельности.

Кроме внешнего И. организации, существующего в релевантной внешней для организации среде, выделяют внутренний И. – образ организации, разделяемый всеми ее работниками и руководством и предопределяющий их поведение как представителей данной организации. Внутренний И., который принимают и развивают все работники организации, способствует повышению корпоративного духа, вырабатывает чувство причастности к общему делу, "фирменный патриотизм". Внутренний и внешний И. организации представляют единое целое: формируясь во внутриорганизационных коммуникациях, совокупный И. организации воплощается в визуальных и вербальных знаках и символах, транслируемых коммуникантам во внешней среде.

Особенно широкое применение в рекламной практике находит тип И., эксплуатирующий человеческое стремление к социальной самоидентификации. Такой И. превращает вещь в представлении потребителей в знак принадлежности к определенной социальной группе и тем самым подталкивает к совершению покупки для подтверждения собственного социального статуса. Формируемый рекламой И. обычно имеет лишь поверхностную связь с обусловленным идеей производства конкретным назначением предмета. Его позитивность чаще зиждется на второстепенных признаках последнего.

Своей вариабельностью они представляют рекламопроизводителям более широкие возможности для создания символически нагруженной идентификации товара и, как следствие, придания ему эффекта дополнительной психологической ценности в глазах потребителей.

В системе PR интерес к И. проистекает из ее общей целевой установки, заключающейся в установлении, развитии и поддержании отношений и взаимопонимания между стремящимся к успеху социальным агентом, с одной стороны, и общественностью – с другой. В отличие от традиционной рекламной практики, в которой формирование И. товара (услуги) диктуется, в основном, требованиями настоящего (задачи реализации), со стороны системы PR внимание к И. в большей степени определяется необходимостью смотреть далеко вперед, заботиться о будущих перспективах его обладателя – фирмы, партии, звезды шоу-бизнеса и т.п. Последнее обусловлено присутствием фактора активности социального агента-объекта PR. Активность социального агента делает неизбежным процесс возникновения у него того или иного И. и предопределяет подверженность этого И. изменениям во времени. Поскольку же, с точки зрения PR, рыночная состоятельность социального агента находится в зависимости от того, как он воспринимается окружающими, стихийность формирования и неконтролируемая подвижность его И. расцениваются как постоянно нависающая над данным социальным агентом угроза провала.

В этом свете имиджмейкинг (от англ. "image making") как связанное с И. самостоятельное направление деятельности в рамках общей системы PR предстает важной составляющей долгосрочного процветания в человеческом обществе. На современном этапе своего развития он располагает большим количеством технологий и приемов управления И.: символизация внешнего облика PR-обьекта, привлечение и удержание внимания публики на его выигрышных характеристиках в ущерб другим, предупреждение и быстрое реагирование на появление негативных сообщений об объекте в СМИ посредством своевременного распространения удобной альтернативной информации и пр. Основным условием их эффективного применения является планирование, комплексность, согласованность и непрерывность предпринимаемых усилий.

Имиджмейкинг ставит имидж социального агента на службу его (агента) интересам и, в частности, позволяет добиваться того, чтобы И.: а) помогал публике идентифицировать данного социального агента и выделять его среди многих других на рынке; б) связывал социального агента с предусмотренной целевой аудиторией благодаря закодированным в нем (в И.) ответам на ее характерные ожидания; в) способствовал формированию долгосрочной привязанности к социальному агенту уже имеющихся клиентов (избирателей и т.п.); г) обеспечивал необходимый кредит доверия со стороны общественности для удержания ранее достигнутых высот в сложных рыночных ситуациях.

П.А. Матюшевская, Н.В. Ефимова, Е.В. Маевская

ИНВЕРСИЯ (лат. inversio – переворачивание, перестановка) – в психологии и социальных дисциплинах – процесс и результат нарушения нормального порядка и последовательности элементов, их перестановка или замена вплоть до противоположных. Феномен И. распространяется на мотивы, установки, желания, реакции, поведение и т.д. Наиболее подробно И. и ее механизмы исследованы в психиатрии, сексологии и психоанализе. Понятие "И." было введено в научный оборот в 1882 французскими психиатрами и неврологами Ж. Шарко и В. Маньяном.

Наиболее распространенное современное значение понятию "И." придал З. Фрейд (**см.**), предложивший толкование И. как типа сексуальной ориентации мужчин и женщин, отличительным признаком которого является избрание в качестве сексуального объекта лиц собственного пола. В психоанализе Фрейда И. характеризуется фиксацией либидо на лицах своего пола. По степени инвертации людей Фрейд выделял три основных типа поведения: 1) абсолютно инвертированное, когда сексуальный объект может быть только того же пола; 2) амфигенно инвертированное (психосексуальный гермафродитизм), когда сексуальный объект относится к собственному и (или) противоположному полу; 3) случайно инвертированное, когда в ситуации недоступности сексуального объекта противоположного пола (или при подражании) в качестве объекта выбирается лицо собственного пола и половой акт с ним доставляет удовлетворение. Во временном плане Фрейд выделял три вариации: 1) постоянная И.; 2) периодическая И.; 3) эпизодическая И. По Фрейду, психический механизм И., т.е. совокупность психических состояний и процессов, обусловливающих ее возникновение, развитие и функционирование, формируется в детстве в фазе кратковременной, но интенсивной фиксации на женщине (большей частью на матери). В результате преодоления фиксации инвертированные отождествляют себя с матерью и избирают в сексуальные объекты самих себя. Например, мужчины выбирают мужчин, похожих на них, и хотят любить их так, как любила их мать. Постоянно воспроизводя психический механизм появления И., инвертированные мужчины переносят на мужчин вызванное женщинами возбуждение, в силу чего их навязчивое устремление к мужчинам обусловливается их "тревожным бегством от женщины".

В.И. Овчаренко

ИНДЕКС РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА – система показателей, принятая Организацией Объединенных Наций (ООН) с целью интегративной оценки качества жизни населения страны – члена ООН.

И.Р.Ч.П. определяется на основе следующих показателей: ожидаемая продолжительность жизни; уровень образования; реальный душевой валовой внутренний продукт. И.Р.Ч.П. отражает средний уровень обеспечения страной базового человеческого потенциала и свидетельствует о том, сколько еще предстоит сделать стране для достижения некоторых определенных целей: средней продолжительности жизни в 85 лет;

доступа к образованию для 100% населения; обеспечения населению достойного уровня доходов.

При расчете И.Р.Ч.П. все три базовых показателя сводятся к единой системе измерения путем определения достижений по каждому показателю как относительной дистанции от желаемой цели. Максимальное и минимальное значение каждой переменной переносятся на шкалу от 0 до 1, причем каждая страна располагается в определенной точке этой шкалы. При расчете И.Р.Ч.П. определяется мера относительных достижений этой страны по каждой из трех базовых переменных и рассчитывается простая средняя величина всех трех показателей. Чем ближе страна к величине И.Р.Ч.П., равной 1, тем меньше тот путь, который еще предстоит пройти этой стране до уровня и качества жизни, принимаемых за должные.

Г.Н. Соколова

ИНДИВИД, ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ (лат. individum – неделимый) – понятия, используемые, как правило, для описания и отображения разнообразных ипостасей бытия личности. Понятие "индивид" (впервые введено в научный оборот Цицероном как латинский аналог греческого термина "атом") сопряжено с представлением об отдельно взятом представителе человеческого рода, общества, народа, класса, социальной группы, как своеобычном социальном атоме, т.е. далее принципиально неразложимом элементе бытия социума. Используется также для введения представления о человеке как носителе какого-либо единичного качества.

В социологии "индивид" обладает свойством быть носителем социальности. В социологических опросах термин "индивид" заменяется термином "респондент" (лат. responsare – отвечать, реагировать) и редуцируется к его способности выступать в качестве источника первичной эмпирической информации об изучаемых явлениях и процессах. В качестве респондента (источника информации) индивиду вменяются (приписываются) сущностные признаки: быть носителем определенного типа сознания (обыденного – в массовых опросах, специализированного, профессионального – в экспертных и т.д.); обладать компетентностью, т.е. определенной информацией и знаниями; иметь выработанное отношение ("мнение") о предмете опроса, т.е. обладать определенными установками; быть включенным в те или иные социокультурные контексты, прежде всего в нормативные системы, что позволяет наделять респондента характеристикой рациональных стратегий поведения; иметь индивидуальные черты (уровень интеллектуального развития, аналитические возможности, память, воображение, мера допустимого конформизма и т.д.), которые изначально оцениваются или как усиливающие или (чаще) как ослабляющие схематизм рационального мышления и поведения в конкретных жизненных ситуациях и в ситуации опроса. При этом эксплицитно в этой социологической абстракции индивида присутствует допущение о несущественности индивидуальных (личностных) характеристик человека, об их элиминируемости за счет соблюдения опросной процедуры и о предзаданности человека внешней по отношению к нему тотальностью (культурой, социальными связями и отношениями, средой и т.д.). Аналогичным образом дело обстоит и в иных социальных дисциплинах. Например, абстракция индивида как носителя экономической функции в экономике, абстракция индивида как атомарной единицы электората в политологии и т.д. Понятие "индивид", с одной стороны, позволяет фиксировать прежде всего "внешние" по отношению к его психике, но определяющие в самой абстрактной форме его суть социокультурные параметры, а с другой – предполагает свою переинтерпретацию в терминах и на основе методологических и онтологических допущений той или иной концепции или научной дисциплины.

Понятие "индивид" в той или иной мере предполагает как парное себе понятие "индивидуальность", которое выражает уникальное своеобразие человека, какого-либо существа или явления, отражает форму преодоления индивидом своей "атомарности", трансформирование общественного бытия в форму самореализации человека и самоактуализации личности. Понятие "индивидуальность" использовалось древнегреческими атомистами (Левкипп, Демокрит) в ряду языковых средств для описания характеристик существования атомов. Новоевропейский индивидуализм провозгласил особую значимость индивидуальности как противовеса давлению традиционалистских общественных установлений. Г. Лейбниц и И. Гете трактовали "монаду" как некую "индивидуальность" в структуре бытия. Понятие "индивидуальность" также поразному специфицируется в психологии и социологии. Абстракция "индивидуальность" в психологии в значительной мере совпадает с абстракцией "индивид", задавая ей дисциплинарное своеобразие. В психологии индивид трактуется как представитель человеческого рода, обладающий своеобразными психофизиологическими особенностями, устойчивостью психических процессов и свойств, собственной мерой активности и гибкости в реализации этих свойств в повседневной жизни. Понятие "индивид" в психологии во многом совпадает с понятием "индивидуальность" в социологии, где последнее понимается как неповторимое сочетание природных (психофизиологических) и социальных свойств индивида. В гуманистически ориентированной социологии "индивидуальность" служит одним из понятий, способствующим преодолению редукции личности к деиндивидуализированным социальным качествам человека, введению его как активного (индивидуализированного) агента коммуникативных практик и субъекта различных культурных пространств и контекстов. В классической социологии понятие "индивидуальности" необходимо для описания процессов индивидуализации как процесса и результата совмещения индивидуальных требований, ценностных императивов и нормативных предписаний, социальных ожиданий определенных действий и т.д., необходимых для эффективного выполнения социальных ролей, со спецификой стилевых особенностей деятельности, общения, поведения и мышления конкретных индивидов. Т.обр., в этом контексте понятие "индивидуальность" служит для персонификации осуществления социальных функций в процессе индивидуализации. Последний становится возможным именно благодаря способности индивидов выполнять однотипные

действия с учетом специфики конкретных социальных и жизненных ситуаций и с учетом свойств самого индивида (прежде всего способности продуцировать творческие версии в стандартизированные схемы деятельности). Кроме того, понятие "индивидуальность" необходимо для описания динамики инновационных процессов и анализа ситуаций выбора и принятия решений. Т.обр., индивидуальность человека может рассматриваться как качество, формируемое на основе унаследованных задатков в процессе социализации, обучения и воспитания человека, но при этом одновременно предполагающее собственную трансформацию в ходе саморазвития, самоопределения и самопреодоления (т.е. в процессе самореализации) личности. Раскрытие индивидуальности, создание оптимальных условий для ее становления и развития начинает трактоваться в социальном знании как условие нормального функционирования и развития современных социокультурных систем.

В.Л. Абушенко

ИНДИКАТОР (от лат. indicator – указатель) – доступная наблюдению и измерению характеристика изучаемого объекта. В экспериментальной ситуации И. замещают, обнаруживают, представляют другие характеристики изучаемого объекта, обычно не доступные наблюдению (**см.**) и измерению (**см.**). Так, наблюдая за поведением человека и фиксируя его поступки, можно судить о его интересах. Поведение может быть развернуто в специфическую переменную (**см.**) с множеством измерений, в некоторое пространство характеристик, доступных количественной оценке. В качестве И. может выступать сама характеристика, ее состояние, изменение этого состояния или, наконец, мера этого изменения. И. научно-технического уровня производства может служить число инженеров и ученых, занятых в данном производстве или доля и масштабность инновационных технологий в технологическом обеспечении данного производства. Таким образом, выбор И. требует специального научного обоснования. Иногда в научных целях образуют комбинацию И. – индекс.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ – социальный процесс продолжительного экономического роста, связанного с механизацией производства при применении источников энергии, отличающихся от человеческой физической силы.

И. первоначально имела форму фабричного производства, позднее распространилась на сельское хозяйство и сферу услуг. В отличие от доиндустриальной организации производства И. предполагает развитие разделения и перемены труда, а также новых производственных отношений между обладателями капитала, управляющими и работниками; развитие урбанизации и географической концентрации индустрии и населения, а также определенные изменения в структуре занятости. Термин "И." был введен одним из основоположников социологии Сен-Симоном (**см.**). Необходимым компонентом данного процесса является развитие индустриальной демократии, что означает участие рабочих в принятии решений, касающихся их производственной деятельности. Существуют различные механизмы, с помощью которых такая демократия поддерживается. Среди них – профсоюзное движение и коллективные соглашения; рабочие группы и консультации, в которые вовлечены как наемные работники, так и менеджмент; обеспечение мест для представителей работников компании, например, в совете директоров с правом решающего голоса; контроль рабочих над производственным процессом. Рабочие прежде всего заинтересованы в том, чтобы обеспечить свое влияние в тех областях, которые самым непосредственным образом затрагивают их производственную жизнь (заработная плата, условия работы, условия найма рабочей силы).

И., поначалу представлявшая собой определенную тенденцию развития внутрикапиталистических экономик, в настоящее время выходит за рамки какой-либо одной экономической системы. Анализ природы и последствий И., а также исследование характеристик индустриального общества всегда играли важную роль в социологии, начиная с 19 в. и до настоящего времени.

Г.И. Соколова

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО – одна из основных категорий, в которых современные философы, социологи, политологи и экономисты анализируют тенденции и особенности современных, т.наз. "развитых" обществ в отличие от "традиционных", "аграрных" (родоплеменных, феодальных и др.).

Термин "И.О.", впервые введенный в научный оборот в 19 в. Сен-Симоном (**см.**), употреблялся видными представителями социологии Контом (**см.**), Спенсером (**см.**), Дюркгеймом (**см.**) и др. Он наполнился новым, более широким и конкретным содержанием в 1950-1960-х, когда теория И.О. сформировалась и стала одной из главенствующих на Западе. Эта теория, базирующаяся на принципах технологического детерминизма, первоначально была сформулирована в двух вариантах: Р. Ароном (**см.**) в его лекциях в Сорбонне в 1956-1959 и У. Ростоу (**см.**) в книге "Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест". Теория И.О. исходит из того, что коренные социально-экономические, политические и социокультурные изменения в процессе общественного развития происходят в результате трансформации "традиционных" аграрных обществ к "индустриальным", сама же эта трансформация осуществляется в результате промышленной революции и связанного с ней быстрого и крупномасштабного вторжения техники во все сферы социума. Именно быстрое развитие техники и становится главной детерминантой социально-экономического развития. Основные компоненты становления И.О. состоят в том, что в процессе его возникновения создается крупное машинное производство (Ростоу), национальная система экономики со свободной торговлей и общим рынком (Арон), с фабричной организацией труда, символом которой является фабричная труба (Тоффлер). Белл (**см.**) считал, что в И.О. центральными переменными, определяющими его социальную динамику, становятся труд и капитал. Опираясь на этот тезис, Дарендорф (**см.**) утверждал, что в

этом обществе основным социальным конфликтом является противостояние вдоль оси собственности между пролетариатом и капиталистами. Свойственные "традиционным" обществам жесткие социальные перегородки в процессе характерной для И.О. активной социальной мобильности разрушаются, традиционные наследственные привилегии уступают место равенству возможностей, что приводит к расширению и обогащению гражданских прав, к демократизации общественно-политической жизни. По мере нарастания могущества индустриализма и повышения роли специалистов в управлении экономикой и другими сферами общественной жизни в И.О. происходит отделение собственности от процесса управления, а реальная власть переходит к "техноструктуре" – специфической социальной организации, состоящей из совокупности ученых, инженеров и техников, специалистов по реализации, торговле, рекламе, экспертов в области отношений с общественностью (Гэлбрейт – см.). Тем самым И.О. предстает в качестве более широкой социальной категории, включающей в себя "капиталистическое общество" в качестве частного случая, преодоленного в процессе дальнейшего развития.

На протяжении 1970-1990-х акценты в оценке И.О. основательно сместились в критическую сторону. В частности, утверждается, что современное социально-экономическое развитие привело к отвержению ценностей И.О., что это общество находится в кризисе, а человечество движется к общественному устройству, "отличающемуся большей способностью к самоизменению, чем И.О." и которое условно может быть названо "постиндустриальным обществом".

Е.М. Бабосов

ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – понятие, охватывающее отношения найма рабочей силы и связанные с ними институты. И.О. включают отношения между рабочими, рабочими коллективами и организациями, с одной стороны, и менеджерами, компаниями и организациями работодателей – с другой.

Исследования И.О. имеют междисциплинарный характер и проводятся в рамках индустриальной социологии, экономики труда и истории профсоюзов. Субъектами И.О. являются: наемный работник; союз наемных работников (профсоюз); работодатель; союз работодателей; государство, выступающее в ролях законодателя, защитника прав граждан и организаций, работодателя, посредника и арбитра при трудовых спорах. Взаимосвязи между субъектами И.О. возникают на различных уровнях: работник – работник; работник – работодатель; профсоюз – работодатель; работодатель – государство; работник – государство и др.

По организационным формам выделяют следующие типы И.О.: патернализм, партнерство, конкуренция, солидарность, субсидарность, дискриминация и конфликт. Патернализм характеризуется значительной долей регламентации И.О. со стороны государства или руководства предприятия. Отношения партнерства обеспечивают достижение синергетического эффекта от согласованной деятельности работников и социально-профессиональных групп. Рационально организованная конкуренция также может способствовать достижению синергетического эффекта. Солидарность предполагает общую ответственность и взаимную помощь, основанные на общности интересов взаимодействующих групп. Субсидарность, основанную на стремлении работников к личной ответственности, можно рассматривать как противоположность патернализму. Дискриминация – это незаконное ограничение прав субъектов И.О., когда нарушаются принципы равенства возможностей на рынках труда. Индустриальный конфликт (см.) является выражением крайних противоречий в И.О. Опыт развитых стран показывает, что среди И.О. наиболее эффективны отношения партнерства.

Г.Н. Соколова

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ – крайнее выражение противоречий между работодателями, с одной стороны, и наемными работниками – с другой. Термин "И.К." относится как к возможным формам конфликтов, так и к их источникам. Формы И.К. разнообразны и включают абсентеизм (простой невыход на работу), саботаж, ограничение производительности и отказ от сотрудничества, которые могут возникать как на индивидуальной, так и на коллективной основе, а также определенные коллективные соглашения и забастовки, представляющие собой исключительно коллективные проявления И.К.

Источниками И.К. могут выступать: неспособность индустрии содействовать интегрированию рабочих в некую социально позитивную общность; столкновение разных типов экономической заинтересованности в отношении найма, поскольку рабочие и управляющие имеют интересы в связи с различиями в заработке и трудовом вкладе. Противоречия в индустриальных отношениях объективно неизбежны и при определенных условиях необходимы для развития экономических систем. Однако затяжные конфликты приводят к значительным финансовым и социальным издержкам для предприятия, его сотрудников и экономики страны в целом. Этим определяется необходимость методов рационального управления конфликтными ситуациями.

По характеру влияния на результаты экономической деятельности И.К. бывают двух типов: конструктивные, способствующие успешной деятельности предприятия и общества; деструктивные, мешающие успешной деятельности предприятия и общества. Деструктивные И.К. возникают тогда, когда общая направленность интересов сотрудников и социальных групп не соответствует целям предприятия. Эффективная система управления персоналом должна учитывать различие характеристик и интересов сотрудников. При разработке режимов труда и отдыха, систем мотивации и оплаты труда следует учитывать особенности творческого труда, семейное положение сотрудников, условия для повышения их квалификации.

Г.Н. Соколова

ИННОВАЦИИ СОЦИАЛЬНЫЕ – явления в социальной сфере общества, которых не было на предыдущей стадии его развития и которые возникли естественным образом либо

введены по инициативе субъектов управления – государства, церкви и т. д. В первом случае формализация И.С. в виде регламентирующих нововведения документов обычно завершает процесс их интеграции в социальную структуру. Во втором – формальные процедуры, как правило, предшествуют началу реальных инновационных процессов. Естественные, "вызревшие" И.С., выступая закономерным следствием функционирования механизма общественной координации, обеспечивают развитие социальной структуры и взаимную адаптацию ее компонентов. Обоснованность "субъектно-инициативных" И.С. определяется степенью их соответствия действию объективных социально-экономических законов. Органичное сочетание И.С. обоих типов выступает необходимой предпосылкой общественного прогресса и является ключевой задачей социального управления.

При анализе И.С. следует различать их причины и содержательные источники, которые относительно закономерностей развития конкретного общества могут быть как внешними, так и внутренними. По этому основанию И.С. классифицируются как: *органичные* – внутренне обусловленные И.С. с присущим этому обществу содержанием (например, эволюционные социальные преобразования в подчеркнуто традиционном английском обществе); *заимствованные* – внутренне обусловленные И.С. с внешним содержательным источником (например, реформы Петра I в России конца 17 – начала 18 вв.); *стимулированные* – внешне обусловленные с внутренним содержательным источником (например, авария 1986 на ЧАЭС послужила внешним фактором ряда социально-территориальных, социально-структурных и социально-ролевых трансформаций в белорусском обществе); *экспансивные* – внешне обусловленные И.С. с внешним содержательным источником (например, кардинальное изменение американского этноса, начавшееся с 16 в. в результате освоения европейцами Нового Света). Представленная типология носит, в известной мере, идеальный характер и служит инструментом анализа реальных инновационных процессов в обществе, позволяющим выделять наиболее существенные черты этих процессов.

И.С. в ходе своей институционализации обычно проходят три стадии – селекцию, адаптацию и интеграцию. На первой стадии осуществляется преимущественно неформализованный отбор среди собственных социальных новшеств и заимствованных культурных образцов. Те из них, которые прошли через "общественный фильтр", приспосабливаются на второй стадии к специфике существующей социальной структуры, становясь с течением времени ее органичными компонентами. На третьей стадии И.С. в виде уже сложившихся и адаптированных форм поведения оснащаются, как правило, формальными механизмами организационно-правового регулирования и превращаются в традиционные для данного социума явления.

О.В. Кобяк

ИННОВАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА – исторически сложившаяся, устойчивая система норм, правил и способов осуществления нововведений в различных сферах жизни общества, характерная для данной социокультурной общности. Представляя собой исторически адаптированную в конкретном социуме структуру моделей и алгоритмов инновационных действий, И.К. играет роль социокультурного механизма регуляции инновационного поведения (см.) социальных субъектов.

Регулятивные потенции И.К. по отношению к последнему определяются полнотой и качеством выполнения ее функций – трансляционной, селекционной, инновационной. *Трансляционная* функция И.К. связана с передачей из прошлого в настоящее и из настоящего в будущее устоявшихся типов инновационного поведения, которые прошли длительную апробацию и приобрели ценностную окраску в рамках данного общества. *Селекционная* функция И.К. раскрывается в процессе отбора вновь созданных либо заимствованных инновационных поведенческих моделей, в наибольшей степени отвечающих потребностям общества на определенном этапе его развития. В процессе реализации И.К. своей "стержневой" – *инновационной* – функции раскрываются креативные возможности описываемого социокультурного механизма, проявляющие себя в выработке новых типов инновационного поведения на основе образцов инновационной деятельности, которые возникли внутри самой культуры либо были привиты извне. Качество выполнения инновационной функции определяется степенью органичности институционализируемых И.К. поведенческих моделей по отношению к сложившейся в данном обществе структуре экономических, политических, культурных и иных отношений.

Опыт становления мировых цивилизаций свидетельствует о том, что не существует единого для всех оптимального баланса в функциональном поле И.К. Развитие последней характеризуется сменой стабильных и "гиперфункциональных" периодов, когда происходит резкий сдвиг в работе социокультурного механизма в направлении форсированной реализации той или иной функции. Например, И.К. японского общества в середине 19 в. вынуждена была в результате внешней культурной экспансии интенсивно осуществлять селекционную и инновационную функции с целью адаптации привнесенных образцов инновационной деятельности и их интеграции в диффузные "национально-заимствованные" типы инновационного поведения, сочетающие как органично присущие глубоко традиционной японской культуре компоненты, так и привнесенные из американской и западноевропейской культур.

О.В. Кобяк

ИННОВАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ – инициативный тип индивидуального или коллективного поведения, связанный с систематическим освоением социальными субъектами новых способов деятельности в различных сферах общественной жизни либо созданием новых объектов материальной и духовной культур. Являясь средством осуществления инноваций социальных (см.) и относясь к активным типам поведения, И.П. выступает основным способом развития индивида,

коллектива, сообщества. В условиях полноценного функционирования социально-экономических закона разделения труда (см.) и закона перемены труда (см.), а также их "катализатора" – закона конкуренции (см.), И.П. становится естественным, массово востребованным, стратегическим типом поведения, который обеспечивает его носителям широкий спектр возможностей для легального развития соответственно вложенным усилиям. Когда же действие объективных социально-экономических механизмов подвергается жесткому искусственному ограничению со стороны управляющих надсистем (например, государства), то в этой ситуации существует опасность трансформации И.П. в псевдоинновационное. Названный тип поведения связан с постоянным поиском и апробацией наиболее эффективных тактических поведенческих моделей, в том числе полулегальных и нелегальных, которые отвечают истинным интересам конкретного социального субъекта и обеспечивают ему возможность индивидуального выживания при сохранении автономности и относительной независимости от регламентирующих его деятельность надсистем.

Профилактика "угасания" либо "перерождения" И.П. в обществах с авторитарными системами управления возможна при: целенаправленном изменении вектора государственной политики в социальной, экономической, культурной и др. областях жизни общества с "управляющего" на "направляющий", стимулирующий развитие социальных субъектов в заданных управленческой системой направлениях; обязательной стабилизации правового поля, необходимой для адаптации социальных субъектов к предлагаемым моделям легального взаимодействия в различных сферах их жизнедеятельности; полной предсказуемости действий управленческих структур, основанной на предварительной локальной апробации вновь вводимых нормативных документов с непременной разработкой совершенных механизмов их реализации.

О.В. Кобяк

ИННОВАЦИОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ – процессуально структурированная совокупность приемов и методов, направленных на изучение, актуализацию и оптимизацию инновационной деятельности, в результате которой создаются и материализуются нововведения, вызывающие качественные изменения в различных сферах жизнедеятельности, ориентированные на рациональное использование материальных, экономических и социальных ресурсов. Инновационная практика всегда была сложной и неоднозначной. Однако решение ряда проблем, обнаружившихся в современных условиях ее развития и выражающихся в почти полной разрегулированности и неадекватности социальных механизмов осуществления инновационных процессов, достаточно однозначно требует использования социогуманитарного знания (как теоретических конструкций, так и конкретных методов исследования различных социальных явлений) как средства оптимизации инновационных процессов и простроения инновационной деятельности на всех уровнях. Это, в свою очередь, предполагает создание гибкой, обоснованной системы научного обеспечения нововведений, учитывающей логику и специфику осуществления не только собственно нововведения, но и особенности восприятия, оценки, взаимоадаптации элементов социальной системы, конкретных субъектов исторического действия к новым условиям жизнедеятельности, а также экспертно-отслеживающей возможные перспективы и последствия реализации конкретного нововведения. При этом процесс реализации нововведения становится более оптимальным. В основе технологии обеспечения нововведений должен быть такой подход к их изучению, в рамках которого возможно одновременное рассмотрение различных сторон взаимодействия социальной среды и нововведения, выявление тех сторон этого взаимодействия, которые в большей степени влияют на успешность инновационных процессов, а также распознавание и предвидение возможных проблем инновационной практики.

В таком случае в структуре технологии обеспечения нововведений целесообразно выделить две взаимодополняющие друг друга, синхронно осуществляемые деятельности – инновационную диагностику и социологическое изучение нововведений, целью которых является распознавание, предвидение проблем, которые могут возникнуть при взаимодействии среды и нововведения с помощью диагностики, а также изучения динамики общественного мнения по поводу реализации нововведения с помощью различных методов социологического исследования. Инновационная диагностика предполагает осуществление процедуры анализа, диагноза и прогноза относительно конкретного нововведения. Это позволяет планировать не только алгоритм осуществления данного нововведения, но и прогнозировать конкретные последствия в широком комплексе общественной системы с учетом специфики ее функционирования, что дает возможность заранее подготовиться к появлению различных побочных явлений, конфликтов и противоречий в процессе инновационной деятельности; либо предотвратить их, либо смягчить отрицательные последствия. Теоретическая модель, создаваемая в системе инновационной диагностики и предшествующая внедрению нововведений, представляет собой набор прогностических схем по принципу "если..., то...", носит вариабельный характер, предсказывающий и допускающий широкий спектр различных виртуально возможных состояний и последствий, порой даже неодинаковой степени вероятности. Таким образом, инновационная диагностика охватывает, во-первых, прогноз вероятности появления различных нововведений в будущем, во-вторых, дает более или менее полную картину перспектив развития конкретного нововведения, его последствий во всех сферах жизнедеятельности людей, виртуально фиксирует разные варианты восприятия его людьми, прогнозирует общественное мнение, на которое невозможно не ориентироваться.

Инновационная диагностика происходит в три этапа: 1) до реализации нововведения (фиксация всех возможных проблем, которые могут возникнуть в ходе инновационного процесса; полученная информация в данном случае носит в значительной мере политически и идеологически окрашен-

ный характер); 2) во время его осуществления конструктивное переосмысление знания позволяет проводить оперативную доработку, проектировку реализации нововведения с учетом конкретных ситуационных особенностей); 3) после него (через сопоставление целей и полученных результатов нововведения с определенными признаками, характеризующими среду его освоения) – включая в себя: диагностику среды нововведения и диагностику собственно процесса его осуществления. Проведение диагностики собственно процесса осуществления нововведения и его среды позволяет определенным образом управлять инновационным процессом с учетом конкретных ситуационных особенностей, корректировать ход и содержание инновационной деятельности, делать ее наиболее рациональной и оптимальной для эффективного осуществления поставленных целей. Достижение определенных успехов при осуществлении того или иного инновационного процесса зависит от степени консервативности общественного мнения, воздействие которого может заметно ускорять или, наоборот, замедлять введение конкретной инновации. В таком случае исследование и анализ динамики общественного мнения относительно уже осуществившихся и потенциально возможных изменений – задача изучения нововведений, ориентированная на возможность осуществить более полный анализ противоречий и реально возможных конфликтов, связанных с ним. Изучение нововведений предполагает широкое использование методов социологического исследования (опросы, наблюдение), а также нетрадиционных способов получения социологической информации, таких, как экспертные оценки, инновационные игры. Система обеспечения нововведений предполагает создание гибкой, целостной системы инновационной политики как определенной стратегии в отношении к инновационным процессам, которая должна осуществляться на всех уровнях и на государственном прежде всего.

Е.Е. Кучко

ИННОВАЦИОННЫЙ ОБРАЗ МЫШЛЕНИЯ – присущий человеку активный способ восприятия и оценки объектов внешнего мира, связанный с необходимостью постоянной разработки и освоения новых моделей взаимодействия с ними. В условиях действия универсального закона конкуренции (**см.**), влияние которого пронизывает все сферы общественного и природного бытия, И.О.М. становится необходимой предпосылкой выживания и развития индивидов и социальных групп. Объективная ограниченность доступных природных ресурсов на фоне стремительно возрастающих общественных потребностей обусловливает "инновационность" современного мышления в качестве его неотъемлемой характеристики.

И.О.М. представляет собой скорее специфический подход к организации деятельности, чем набор уже готовых выводов относительно способов осуществления нововведений. Будучи своеобразным интеллектуальным инструментом, обеспечивающим особую технику протекания мыслительных процессов, И.О.М. служит содержательным источником инновационной культуры (**см.**), ценностно-нормативная сфера которой включает наиболее распространенные в данном обществе представления о типах нововведений и методах их реализации. Внешним проявлением И.О.М. выступает тот или иной вид инновационного поведения (**см.**), носители которого преобразуют способы осуществления деятельности в различных сферах жизни общества либо объекты, на которые эта деятельность направлена.

О.В. Кобяк

ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС – процесс создания, распространения и использования новшества (т.е. совокупности новых идей и предложений, которые потенциально могут быть осуществлены и при условии масштабности их использования и эффективности результатов могут стать основой любого нововведения). Это преобразование новых видов и способов человеческой жизнедеятельности (нововведений) в социально-культурные нормы и образцы, обеспечивающие их институционное оформление, интеграцию и закрепление в культуре общества.

И.П. выражают суть процессов социальных изменений, характеризуют источник развития общества. Эти процессы носят дискретный, обычно циклический характер, тесно связанный с жизненным циклом нововведения и направленный не на сохранение уже имеющегося, а на его трансформацию, на переход в иное качество, с неизбежным риском неоптимальности или даже нежизнеспособности предлагаемого, с ревизией устаревших норм и ролей, а нередко и с их заменой. Это одна из основных социокультурных предпосылок развития общественной практики, обогащения ее новыми познавательными, технологическими, эстетическими и всеми другими формами человеческого опыта.

И.П. определяется двойственной природой нововведения: как непосредственного опыта, формирующегося в рамках конкретного вида деятельности (научно-исследовательской, производственной, бытовой и др.), с одной стороны, и как нового опыта, получившего общесоциальное и общекультурное значение в качестве устойчиво воспроизводимого элемента общественной практики, явления, факта культуры – с другой. Таким образом, И.П. представляет собой механизм перевода нововведений из сферы непосредственного опыта в сферу опыта общественно-исторического. Такой переход осуществляется в различных формах. И.П. может выступать в форме прагматизации новых продуктов духовного производства, в результате которой они переводятся, переоформляются в нормы практической деятельности. Новое знание, возникающее как непосредственный опыт в рамках работы исследовательского характера, выводится из сферы познавательного процесса и переоформляется в инновационный процесс в новых системах технологической деятельности. В свою очередь, наука выступает как механизм И.П. по отношению к различным формам практической деятельности, тогда как она делает своим объектом эмпирически возникающие новшества, становящиеся в последствии нововведениями, дает им рациональную интерпретацию, превращает их в формы тео-

ретического знания. Наряду с прагматизацией и идеализацией важной формой И.П. выступает трансляция нововведений в систему культурных норм и образцов, подлежащих воспроизводству в процессе их освоения новыми поколениями людей. В связи с этим в И.П. в современных условиях возрастает роль таких общественных институтов, как образование, средства массовой информации и коммуникации и т.д., которые обеспечивают динамику культуры, ускоренное обращение нового опыта в различных сферах общественной практики.

Е.Е. Кучко

ИННОВАЦИЯ (позднелат. innovatio, англ. innovation – нововведение) – явления культуры, которых не было на предшествующих стадиях ее развития, но которые появились на данной стадии и получили в ней признание ("социализировались"); закрепившиеся (зафиксированные) в знаковой форме и (или) в деятельности посредством изменения способов, механизмов, результатов, содержаний самой этой деятельности. Во втором случае чаще используют понятие "нововведение", выражая его сущность в терминах инновационной деятельности и инновационных процессов (если учитывается процесс сопряженных изменений в среде) и раскрывая его содержание как комплексный процесс создания, распространения и использования нового практического средства (новшества) для удовлетворения человеческих потребностей, меняющихся в ходе развития социокультурных систем и субъектов. Однако это суждение и предметизация понятия И. под задачи конкретных сфер человеческой деятельности – менеджмент и теорию (социологию) управления. Второе понимание И. может быть рассмотрено в более широкой рамке культуры как технологизация первого понимания И. В этом общем случае исходным (базовым) выступает представление о культуре как сложноорганизованной целостности, формируемой двумя типами разнонаправленных процессов. Это вектор креативности (изменений, обновлений, творчества и т.д.) культуры и вектор структурирования (упорядочивания, нормативности, традиционализации и т.д.). Суть упорядочивающих интенций культуры – стереотипизация возможных внутри нее форм активности (деятельности, общения, мышления) и стандартизация и хабитуализация (опривычивание) имеющихся в ней наличных содержаний, что закрепляется структурно-институционально. Ядерная структура здесь – культурная традиция как универсальный информационно-регуляционный механизм, осуществляющий селекцию, оформление, а тем самым и модификацию, и закрепление, т.е. интеграцию в культуре, попадающих в поле ее действия новшеств, как создаваемых внутри данной культуры (И. культуры, связанные с авторским или анонимным творчеством, "креационные" И.), так и заимствуемых из других культур. Конечная цель этих процессов и деятельностей – превращение И. в норму, традицию. Креативные же процессы и деятельности в культуре направлены на дестереотипизацию деятельности, общения, мышления, дестандартизацию уже имеющихся наличных содержаний, проблематизацию "очевидностей", деструктурацию и деинституционализацию (в известных пределах) сложившихся целостностей. Ядерной "структурой" в данном случае выступает процессуальность творчества, под которым понимается "создание нового качественно новым образом, по существенно новым правилам", т.е. продуцирование креационных И., а также введение в качестве таковых в культуру И. – "заимствований". (Проблема культурных заимствований специально разрабатывалась в парадигме диффузионизма в антропологии; одна из последних версий роли инновационных заимствований предложена Г. Гачевым в концепции "ускоренного развития литератур".) Конечная цель этих процессов и деятельностей – изменение через И. существующих норм и традиций, или обеспечение возможности порождения иных традиций и норморегулирования. Кроме того, под воздействием И. и перестройки наличных нормативных систем и традиций в культурных системах могут порождаться резонирующие эффекты культурных мутаций (влияние прежде всего "креативных" И.) и культурных трансформаций (влияние прежде всего И. – "заимствований"). Вектора креативности и структурирования (при всей их разнонаправленности) не только предполагают одновременное существование соответствующих процессов и деятельностей, но и их реальную совмещенность в функционировании и развитии культурных феноменов.

Любая И. становится достоянием культуры лишь встраиваясь в наличные системы норм и традиций, т.е. стереотипизируясь и стандартизируясь. Но и всякий стереотип и стандарт генетически производен от имевшей место в культуре И. Однако в конкретных исторических и социальных аспектах соотношение этих векторов позволяет различать культуры "инновационного" и "традиционного" типов (соответственно "культуры грамматик" и "культуры текстов", в терминологии Ю. Лотмана). В обоих случаях речь идет прежде всего о различном соотношении традиций и И. в культуре, а также о специфике способов введения И. в традицию, т.е. о разных технологиях нововведений. В этом отношении различимы архаические, традиционные и современные социальные структуры и (в терминологии Петрова – см.) разные типы культурного кодирования: лично-именной (модель – охотничье общество); профессионально-именной (модель – кастовая система); универсально-понятийный (основы заложены в античности, развит в христианстве, дооформлен в Новое время, модель – индустриальное общество). Социокультурный код задает различные механизмы дифференцирования (фрагментации) и интегрирования наличных массивов знания и культурного опыта, способы их доведения до потребителей, а главное – различные механизмы трансмутации – появления новых элементов или модификации наличных в социокоде, в каком-либо его фрагменте и в соответствующем канале трансляции знания и опыта, что меняет в том числе и механизмы преемственности наследуемых обстоятельств и закрепляющие их "интерьеры" деятельности. (Изменения в "интерьерах" деятельности по сути вторичны и могут быть рассмотрены как "технологизация" "первичных", смысловых культурных И.). "В подавляющем большинстве случаев у индивида нет другого пути воздействовать на общесоциальную

"сумму обстоятельств", кроме как изменить унаследованный им фрагмент знания..." (Петров – см.). Нарашивая свой фрагмент текста, субъект создает угрозу выхода его за собственные границы (проблема "вместимости" фрагмента) и ставит задачу на необходимость сжатия, редукции текста. Параллельно решается задача знакового оформления и внедрения И. (ее признания) в интеграционную целостность фрагментов знания. "Вместимость" фрагмента, тип редукции и механизмы знакового оформления и признания И. и различают социокоды между собой, делят культуры на "традиционные", "культуры текста" (у Петрова, скорее, "культуры имени"), с одной стороны, и "инновационные", "культуры грамматик" (универсально-понятийно закодированные у Петрова) – с другой.

Жизненный цикл И. в последнем типе культур хорошо описывается по аналогии с изменением массива дисциплинарного (научного) знания под воздействием полученного нового результата и его публикации, с одной стороны, и по аналогии с механизмом появления новых символов в процессе речекоммуникации (за счет сдвига значений в диалоге) – с другой. При этом структура научной дисциплины может быть рассмотрена как универсальная грамматическая структура, обеспечивающая внутри себя связь нового (локализуется в будущем времени дисциплины, ограничиваемом ее парадигмально задаваемым предметом) с наличным (прошлое дисциплины, ограниченное временем последней публикации и локализуемое в ее настоящем времени как область решенных вопросов, подлежащих трансляции в учебном режиме). Опосредование наличным (прошлым и настоящим, т.е. общим) делает речь понятной для коммуницирующих и позволяет вводить новые (будущие) смыслы через попеременный сдвиг значений с переключением позиции слушающего (испытывающего воздействие) на позицию говорящего (производящего воздействие), меняя тем самым массив наличных результатов через введение в него новых значений (смыслов). Изменения в массиве должны быть закреплены через публикацию – институционализацию (будь то в форме научной статьи, мифа или какой-либо иной форме, например, танца в архаической культуре). Иной пласт и уровень работы с новыми содержаниями, анализ и рефлексию возможностей появления И. презентируют собой философские подходы, дисциплинарно закрепляемые и разрабатываемые в рамках психологии (в частности, в генетической эпистемологии Ж. Пиаже, в концепции работы со знаками Л. Выготского и др.), а также в постпозитивистской методологии знания (Т. Кун – см., П. Фейерабенд, И. Лакатос и др.). Кардинально переосмыслено понятие И. в различных вариантах постмодернистской ориентации в философии и в социологии знания.

В.Л. Абушенко

ИННОВАЦИЯ КУЛЬТУРНАЯ – механизм формирования оригинальных культурных продуктов, обеспечивающих динамичное развитие конкретного типа культуры. И.К. обеспечивает выработку адекватных меняющейся реальности моделей социального поведения и мировоззренческих ориентаций, оформление и трансляцию новых знаний о природной и социальной среде, построение новых форм коммуникации и сфер профессиональной активности, а также включение новаторских культурных образцов в наличный культурный контекст.

Основанием И.К. становятся как внутренние, так и внешние факторы, связанные с постоянным воспроизводством социальной нестабильности и изменчивости, в результате: 1) взаимодействия общества и природы; 2) развития специализированных сфер человеческой деятельности (наука, техника, философия, религия, политика); 3) взаимодействия различных социальных слоев и институтов; 4) поиска оптимальных форм управления обществом; 5) взаимодействия различных культур и языков культуры. И.К. является эффективной формой социокультурной коммуникации как плодотворное взаимодействие культурных форм, принадлежащих различным культурным пластам и сферам (от элитарных до маргинальных). Предпосылками И.К. являются как творческие возможности человека, так и полиморфизм культуры, предоставляющей творцу набор "инструментов" – многообразных форм освоения, восприятия и описания мира.

Суть И.К., таким образом, заключается в создании новых культурных форм (паттернов) – универсальных клише, форматирующих человеческий опыт при помощи совокупности актуальных языков культуры. Независимо от степени глобальности И.К., она предлагает определенный способ "бытия-в-культуре", отвечающий изменениям "человеческой ситуации" данной эпохи. При этом И.К. способны содействовать как стабилизации социума (обеспечивая эффективное разрешение социальных конфликтов и выражая господствующие общественные настроения), так и его изменениям, дифференциации (способствуя появлению новых социальных групп, стилей жизни, мировоззренческих ориентаций и т.п.). И.К. одновременно продолжает культурную традицию (источник концептуальных и языковых средств для творческого поиска, а также совокупности "предпосылочного" знания) и противостоит ей, расширяя наличный культурный контекст. В этом плане для И.К. особое значение имеет работа с "нетрадиционными" или маргинальными культурными образцами – художественными стилями, философскими и религиозными учениями, стилями жизни и методиками "расширения сознания". В этом случае И.К. становится итогом эффективной культурной коммуникации – динамичного взаимодействия "высокой" и "профанной" культурной среды (Гройс Б.). Согласно теории действия Парсонса, социальные и культурные изменения обусловлены процессами обмена информацией и энергией между социальными системами. Источником И.К., таким образом, становится избыток (либо недостаток) информации в процессе диалога различных типов или сфер культуры.

М.Р. Жванков

ИНСТИНКТ – биологически обусловленное и генетически наследуемое (врожденное) побуждение живого существа к определенному поведению или образу действий. В структуре И. и схеме его осуществления традиционно выделяются: а)

биологический источник; б) энергия этого источника; в) цель, на которую направлено действие И. с целью достижения удовлетворения и разрядки соответствующей энергии; г) объект И. Реализуясь автоматически, И. не допускают предвидения предполагаемого действия: они, преимущественно, имеют смысл лишь в обычных, естественных условиях. При резкой трансформации последних И. становятся нецелесообразными и в перспективе могут исчезнуть. И. невыводимы из индивидуального опыта, хотя и могут усиливаться либо ослабляться в течение жизни.

Современная этология предполагает наличие нескольких врожденных И. (паттернов поведения): питания, сна, половой активности, ухаживания, родительского И., И. борьбы (агрессии), территориальных отношений и др. Нереализованность И. в перспективе ведет к росту сопряженных психических напряжений и страданиям его носителя. В случае перехода данными напряжениями порога толерантности – у индивида конституируется чувство тревоги и, как правило, активизируются защитные механизмы личности.

А.А. Грицанов

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ при Администрации Президента Республики Беларусь (далее – ИСПИ) – структура, образованная в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь в сентябре 1997. В настоящее время ИСПИ является ведущим научным центром в области социальных и политических исследований в республике. Основным направлением деятельности ИСПИ является научное и информационно-аналитическое обеспечение деятельности Президента и Правительства Республики Беларусь, проведение комплексных исследований социально-политического характера, научное сопровождение процесса разработки и реализации государственных программ социально-экономического развития Республики Беларусь.

Основные направления научно-исследовательской деятельности ИСПИ: анализ различных аспектов социально-политических процессов в республике и за ее пределами; определение предпосылок мобилизации информационных ресурсов на укрепление политической системы и национальной безопасности РБ; формирование основных принципов и направлений внешнеполитической деятельности государства; изучение вопросов сохранения историко-культурного наследия, формирование идейно-патриотических основ белорусской государственности.

Основными составляющими структуры ИСПИ являются научно-исследовательские центры: политических исследований; социологических исследований; социальных проблем; исследований геополитических проблем; оперативных информационных исследований.

ИСПИ установлены тесные творческие связи с ведущими научными и учебными учреждениями республики, ближнего и дальнего зарубежья, заключены соглашения о научном сотрудничестве с Белорусским государственным университетом, Военной академией Республики Беларусь, Институтом национальной безопасности Республики Беларусь, российскими институтами Социально-политических исследований РАН и Стратегических исследований, Китайским институтом современных международных отношений, а также аналогичными институтами на Украине и в Литве и многими другими отечественными и зарубежными научными центрами.

Одно из центральных мест в научно-исследовательской работе ИСПИ занимает Центр социологических исследований, в составе 21 научного сотрудника, в том числе двух докторов и 8 кандидатов наук.

Сотрудники этого Центра имеют значительные теоретические наработки, опыт участия в разработке и реализации союзных, республиканских, отраслевых и региональных социальных программ, творческие и личностные контакты с видными российскими и зарубежными учеными профильной ИСПИ сферы деятельности.

Центр, начиная с 1998, осуществляет социологические мониторинги социально-политической ситуации и состояния научно-технической сферы республики, с 2002 – мониторинг по изучению республиканских СМИ, был координатором совместных с другими государственными социологическими службами исследований общественного мнения в ходе прошедших избирательных кампаний (в местные Советы, парламент и президентской).

Кроме того, Центр проводит различные социологические исследования на договорных условиях: мониторинг по реализации и совершенствованию социальной молодежной политики в РБ – 1999 (по заказу Госкомитета по делам молодежи РБ); изучение степени информированности населения по проблеме ВИЧ/СПИД – 1999 (по заказу Программы ООН); изучение общественного мнения о деятельности органов внутренних дел – 2000 (по заказу МВД РБ) и другие.

По результатам проводимых исследований Центром за 1998-2002 подготовлено и опубликовано более 15 монографий и сборников научных трудов.

М.Н. Хурс

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ Национальной академии наук Беларуси – образован постановлением Совета Министров БССР от 16.01.1990 № 12 на базе пяти отделов Института философии и права АН БССР (теории, методологии и методики социологических исследований – зав. отделом С.А. Шавель (**см.**); социологии общественного мнения – зав. отделом Г.Н. Соколова (**см.**); социальной динамики сельского населения – зав. отделом А.С. Круковский (**см.**); социальных проблем молодежи – зав. отделом Н.А. Барановский (**см.**); социологических исследований идеологических процессов – зав. отделом Э.К. Дорошевич), объединенных в 1989 в Республиканский центр социологических исследований, двух отделов Института экономики АН БССР (социально-экономических проблем демографического развития и занятости населения – зав. отделом А.А. Раков (**см.**); науковедения – зав. отделом Г.А. Несветайлов – **см.**), а также лаборатории социальной психологии личности и коллектива Института технической кибернетики АН БССР, преобразованной в отдел (зав. отделом – В.И. Секун).

Инициатором создания Института социологии (далее – ИС) и его первым директором являлся Е.М. Бабосов (**см.**) (в настоящее время – почетный директор ИС). С 1998 обязанности директора исполнял доктор политических наук В.В. Бущик, с апреля 2000 – Г.М. Евелькин (**см.**).

В середине 1990-х в связи с изменением тематики и основных направлений научной деятельности в ИС была изменена его организационная структура, которая стала включать в себя восемь отделов и один сектор математической статистики (зав. сектором Н.Н. Леонов). Основные подразделения составили отделы: социологии личности и социальной стратификации (зав. отделом – Е.М. Бабосов), социальной политики (зав. отделом – С.А. Шавель); социологии культуры (зав. отделом – В.И. Русецкая – **см.**); социологии науки (зав. отделом – Р.А. Смирнова – **см.**); социальной демографии занятости населения (зав. отделом – А.А. Раков); социологии труда и экономической социологии (зав. отделом – Г.Н. Соколова); политологии (зав. отделом – В.В. Бущик); социальной психологии (зав. отделом – В.И. Секун). В 1999 был создан Центр мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров (рук. Центра – М.И. Артюхин – **см.**).

За годы своего существования ИС участвовал в разработке и выполнении трех Государственных комплексных программ фундаментальных исследований: "Основные направления социального развития общества. Совершенствование системы общественных отношений" (1991-1995, 7 тем), "Суверенитет Республики Беларусь – экономический правовой и социологический аспекты" (1991-1995, совместно с Институтом экономики и Институтом философии и права, 3 темы), "Динамика социальных процессов в условиях государственной независимости Беларуси: социологический анализ и прогнозирование" (с 1996, 10 тем, с 2001 программа называется "Социологическое исследование социальных и социально-культурных процессов в современной Беларуси). С 1986 и по настоящее время осуществляется постоянный мониторинг социальных, культурных и социально-психологических последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (с 2002 в рамках Союзной Государственной программы России и Беларуси). С 2002 ИС начал выполнение Государственной программы фундаментальных исследований "Научные кадры", как соисполнитель подключен и к ряду других исследовательских проектов, связанных с проблематиками здорового образа жизни, девиантных форм поведения, развития социально-гуманитарных наук и др. С 2000 в ИС проводится мониторинг социально-экономических, социально-политических и культурных процессов белорусского общества.

Необходимость концентрации усилий научного коллектива ИС на задачах комплексного исследования белорусского общества, реформирование НАН Беларуси и изменение порядка финансирования науки и научных исследований в стране привели к необходимости уточнения приоритетов в научной тематике, выполняемой сотрудниками, и реформированию структуры ИС. Новая структура включает в себя два отдела и два центра. Отдел социальной стратификации, социологии культуры и личности, в составе секторов социальной стратификации (зав. сектором В.А. Клименко – **см.**), социологии культуры (зав. сектором О.П. Гапанович), социальной психологии (зав. сектором Л.И. Науменко – **см.**), возглавляет В.И. Русецкая. Отдел социально-экономических и политологических исследований, в составе секторов социологии труда и экономической социологии (зав. сектором О.В. Кобяк – **см.**), социологии политики и политологии (зав. сектором Е.М. Бабосов), социологии права и государственного управления (зав. сектором Н.А. Барановский), возглавляет д.ф.н. Г.Н. Соколова. Центр оперативных исследований и социального прогнозирования, в составе секторов теории и методов социологического исследования (зав. сектором С.А. Шавель), методики и практики оперативных исследований (зав. сектором И.М. Чибирева), математического моделирования и анализа данных (зав. сектором Н.Н. Леонов), возглавляет Р.А. Смирнова. Центр мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров возглавляет М.И. Артюхин (в рамках Центра действует сектор социологии науки – зав. сектором И.Н. Шарый). В настоящее время в ИС работает около 60 сотрудников.

В рамках ИС сложился ряд научных коллективов вокруг исследования проблематики: социальных конфликтов и катастроф (Е.М. Бабосов), социологии труда и экономической социологии (Г.Н. Соколова), социальной политики (С.А. Шавель), презентирующих себя как научные школы.

При ИС действует Совет по защите докторских диссертаций (до прекращения полномочий предшествующего состава Совета было защищено 12 докторских диссертаций), аспирантура и докторантура (в настоящее время в очной аспирантуре обучается 14 человек), осуществляется подготовка соискателей. К 2002 сложилась трехступенчатая структура постоянно действующего методологического семинара ИС (руководитель – зам. директора по научной работе В.Л. Абушенко – **см.**), постоянно действует Методический совет (председатель С.А. Шавель). С 2000 осуществляется издание серии монографий и сборников трудов под названием "Библиотека социолога".

За годы существования ИС его сотрудниками издано около 100 монографий, учебников и учебных пособий и около 30 брошюр, более 1000 научных статей. Среди основных исследований, выполненных ИС, можно назвать: "Человек и рынок" (1991); "Переход к рынку и социально-экономическое положение молодежи Беларуси" (1991); Соколова Г.Н. "Экономический образ мышления: реальность и перспективы" (1994); Бабосов Е.М. "Катастрофы: социологический анализ" (1995); Шавель С.А. "Тенденции изменения социальной структуры Беларуси" (1996); Бабосов Е.М. "Конфликтология" (1997); Соколова Г.Н. "Социальные механизмы регулирования рынка рабочей силы" (1998); Бущик В.В. "Человек и общество в условиях социально-политических преобразований" (1999); "Рынок труда и механизмы его регулирования" (2001); Шавель С.А., Бородачева Е.М., Леонов Н.Н. "Методологическое обоснование республиканской репрезентативной выборки" (2001); Шарый И.Н. "Научная политика в переходный

период" (2001); Барановский Н.А. "Введение в виктимологию" (2002) и др.

Г.М. Евелькин

ИНСТРУМЕНТАЛИЗМ – исходно – одна из основных методологических установок прагматизма, в более узком смысле – версия прагматизма Дьюи и его последователей (С. Хук, Дж. Тафтс, А. Мур, А. Мерфи и др.). Значение принципов, разработанных в И., вышло далеко за пределы прагматизма как проникнув в близкие к нему направления – операционализм П. Бриджмена, "социальный бихевиоризм" Дж.Г. Мида (**см.**), семиотическая концепция Морриса (**см.**), – так и будучи осмысленным в современных концепциях познания и знания в целом. И. переформулировал субъект-объектную проблему в проблему обоснования знания как такового, которую, в свою очередь, сформулировал как проблему понятийного схватывания опыта. Сам опыт был истолкован как серия сменяющих друг друга ситуаций, в которых, оценивая и достраивая условия среды, субъект структурирует свою жизнедеятельность, стремясь найти эффективные и рационалистически обоснованные решения жизненных (экзистенциальных) вопросов и задач. Устойчивые ситуации выстраиваются на основе заложенных в человеке и приобретаемых им в процессах обучения и воспитания привычек (навыков), осознанных и закрепленных как верования, т.е. готовность действовать определенным образом. Жизнедеятельность индивидов подчинена действию "принципа непрерывности", уравнивающего любые виды и типы действий по критерию их способности служить эффективным средством вписывания в ситуацию. В этом отношении снимаются и границы между познанием и действием. Понятия, идеи, теории суть лишь средства, орудия, инструменты (откуда и название – "И."), "ключи к ситуации", "планы действия" субъекта, оцениваемые функционально, т.е. с точки зрения (не) обеспечения успеха в данной ситуации.

Отсюда и функциональная концепция истины (впервые последовательно развернутая и аргументированная в прагматизме), последовательно акцентирующая принцип практической целесообразности и интенциональное понимание познания как движения в направлении обеспечения реализации цели, задаваемой ситуацией. Основное отношение субъекта к миру – практическое, заинтересованное, всегда субъективно окрашенное. В силу этого снимается и противопоставление теоретической и оценочной деятельности. Путь к истине и путь к ценности суть одно и то же. Познание должно быть понято (на уровне его механизма) как процесс вынесения оценки (истинно то, во что лучше верить). Непрерывность опыта дополняется его ценностной интерпретируемостью. Отсюда он то, что нами пережито и воспринято. Однако выработанные в опыте привычки (навыки) и опробированные инструменты не являются универсальными, не обеспечивают стандартность и автономность наших решений, а наоборот, при их догматизации сужают горизонт наших возможностей. Большинство ситуаций, в которые включен человек, носят не устойчивый (стационарный) характер, а полны неопределенностей, т.е. проблемны. Они проблемны (а следовательно и опасны для человека) до тех пор, пока мы не знаем, каким образом в них действовать, пока мы не способны их структурировать, не можем их перевести в ситуацию реализации решений. Ситуации локализуют наш опыт, контекстуализируют и его, и наши инструментальные (познавательные) возможности, актуализируя поиск новых решений именно здесь-и-сейчас (на основе выстраивания выгодных и эффективных отношений с объектами). Задача интеллекта в том и заключается, чтобы дать человеку возможность нормально жить в неустойчивом и полном опасностей мире, обеспечивая его адекватными социальными технологиями. "Инструментальная логика" познания, заканчивающаяся технологизированным решением, задается адекватностью схватывания проблемы и правильностью постановки целей, диктующих выбор средств-инструментов. Тезисы контекстуальности и функциональности познания дополняются тезисом экспериментальности (операциональности и технологичности). Познание – это "делание", умение решать проблемы, преобразовывать ситуации. Познать – значит не столько выявить предпосылки возможного действия, сколько оценить возможные его последствия, характер порождаемых принятым решением новых проблем. Одну версию того, как это сделать, предложил Бриджмен, конституировав тем самым операционализм как отдельное направление, другую – Дж. Дьюи (**см.**) в своей модели пятиуровневой процедуры. (Моррис "текстуализировал", а Мид "социализировал" эту проблематику, версии же Бриджмена и Дьюи соотносимы между собой). Из этой процедуры выводится концепция истины Дьюи как оправданной утверждаемости, ставшая основополагающей для И. в целом. Таким образом, объект знания для И. есть созданный, экзистенциально произведенный объект. В нем это положение не радикализируется до утверждения конструирования реальности знанием, но возможность такого "хода" в И. заложена, как и собственная трактовка соотношения концептов повседневного уровня познания (анализ прагматизмом в целом здравого смысла) и конструктов научного знания, получившая детальную разработку в феноменологической версии социологии знания (**см.**).

В.Л. Абушенко

ИНТЕЛЛЕКТУАЛ – социальный субъект, являющийся носителем определенной "универсальной" культуры, благодаря знанию, образованию, воспитанию и статусу, постоянно включенный в процесс абстрагирования по поводу истины и морали. И., в силу сложившихся представлений о его роли в жизни общества, традиционно понимается как Persona Grata, владеющая знанием, компетенцией, эталонами моральных и поведенческих норм, доминируемая или доминирующая, но способствующая своим существованием прогрессивному развитию социума. Понятие "И." зарезервировано в обществе для тех творцов-мыслителей, которые принимают на себя ответственность власти в политическом и культурном истеблишменте и тем самым определяют нормы и ценности для остальной части общества.

Сущность И. определяется со ссылкой на его универсальность и космополитичность. Так, по Козеру (см.), "Интеллект... предполагает способность отчуждения от непосредственного опыта, движение от прагматики движения, владение всеобщими ценностями, вырастающими из профессиональной вовлеченности". Э. Шилз (см.) описывает И. следующим образом: "Интеллектуалы есть совокупность индивидов в любом обществе, которые используются в соответствии с их способностью к коммуникации и экспрессии и которые гораздо чаще, чем другие члены социума, генерируют общие символы и абстракции относительно человека, общества, природы и космоса. Эта частота оперирования подобными категориями является скорее выражением их функциональной предрасположенности к такого рода активности, нежели просто проявлением профессионально-ролевых обязанностей".

Понятие "И." впервые получило свое широкое распространение во Франции в 1898 по случаю манифестации ряда писателей, литераторов, профессоров в знак протеста против действий правительства в деле Дрейфуса, подписавших ультиматум, опубликованный под названием "Манифест интеллектуалов". В дальнейшем, в ходе научного осмысления этого феномена, в качестве И. стали рассматривать высокопрофессиональных ученых, выдающихся писателей, академиков, артистов – словом тех, кто, как предполагается, представляет совесть нации в свете решения основных социально-экономических, политических и культурных вопросов.

Г.Н. Соколова

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ – в рамках эволюционной эпистемологии – понятие, с помощью которого интерпретируется исторически локальный механизм взаимодействия "интерналистких" (интеллектуальных, научных, рациональных) и "экстерналистких" (социальных, культурных, политических) факторов в процессе эволюции коллективных интеллектуальных инициатив. Понятие "И.Э." предложено С. Тулмином (см.). Конкретизируется с помощью ряда других экологических терминов: среда, популяция, ниша, требование, форум конкуренции, барьер, адаптация, успех.

Исследуя процесс концептуальных инноваций в науке, Тулмин пришел к выводу о том, что их успешность (т.е. в конечном итоге институциональное и дисциплинарное закрепление, трансляция в культуре и образовании) определяется двумя группами факторов: 1) интеллектуальными требованиями проблемных ситуаций, которые являются поводами для концептуальных изменений и 2) экологическими требованиями институциональных ниш, являющихся локусами адаптации рациональных инициатив в социокультурной среде (рассматриваемой по аналогии с органической сферой). Проблемные ситуации задают поле или спектр возможностей, своего рода "историческую ловушку" и "зону ближайшего развития" для интеллектуальных инициатив, а характеристики среды и ее экологические требования – условия и механизмы выживания, отбора, адаптации и экологического "успеха". Сами интеллектуальные инициативы выступают скорее популятивными образованиями, нежели жесткими парадигмальными структурами. Эволюционная эпистемология объясняет их развитие в рамках двуединого процесса концептуальных инноваций и критического отбора. В приложении к научному методу в общем и целом этот механизм был описан Поппером как диалектическая последовательность гипотез и опровержений, генерирующая новые проблемные ситуации, с одной стороны, и новые, более совершенные теории, с другой. Основным интеллектуальным механизмом развития оказывается рациональная критика и фальсификация. Однако для того, чтобы данный процесс мог произвести значительные трансформации, имеющие последствия для культуры, а новые варианты имели возможность доказать свои преимущества, должны существовать дополнительные условия. Эти условия и задаются "экологией" частной культурно-исторической ситуации. Прежде всего должны существовать подходящие "форумы конкуренции", реализующие критические функции и процедуры отбора, а также институциональные "ниши", в которых инициативы могли бы выживать достаточно длительное время, пока они обнаружат свои достоинства и недостатки. "Форумы" призваны формулировать интеллектуальные требования к проблемным ситуациям и создавать необходимое давление конкуренции. При этом сами они должны иметь соответствующие защитные "экологические барьеры" – интеллектуальные цензы на участие в коммуникации, поддерживающие интеллектуальную автономность коммуникации и необходимый уровень критической аргументации. Адаптация и успешность новых форм существенно зависит от уровня экологических барьеров. При низких барьерах новые идеи растворяются в массе умозрительных дискуссий и полемических возражений, в которых их характерные свойства и смысл уже нельзя будет идентифицировать ("когда ничего нельзя доказать, каждый имеет право на свое собственное мнение"). Повышение барьеров стимулирует усиление критического контроля, передачу интеллектуального авторитета референтным группам, образование специализированных профессиональных "ниш". Вместе с тем высокие барьеры приводят к изоляции "форума", его излишней специализации и ослаблению связей с более широким социокультурным окружением. В этом случае новым идеям трудно добиться признания общественным мнением и оказывать обратное влияние на социум. Кроме того, возникают проблемы с воспроизводством референтных групп и трансляцией корпуса знания. Другой важный экологический элемент – институциональные "ниши" имеют прежде всего функции сохранения, поддержания и воспроизводства для популяций. Именно поэтому они выступают целями конкурентной борьбы различных референтных групп. Однако каждая из ниш выдвигает свои требования, существенно влияющие на поведение претендующих или занявших ее популяций. Эти требования охватывают не только те проблемы, которые каждый концептуальный вариант призван решить, но и проблемы сосуществования с другими упрочившимися понятиями, традициями или подходами, проблемы функциональной адаптации к "местным условиям", обустройства и обживания "территории" и т.п. Может

быть реализована и другая стратегия – поиск, занятие и обустройство новых экологических ниш. В конечном счете, с экологической точки зрения, органические изменения объясняются тем, что признаются новые территории, ниши и "требования", ответом на которые служит выборочное сохранение "наиболее приспособленных" вариантов. Но если таковые не будут признаны, то возможности "интеллектуальной ловушки" не будут в полной мере реализованы: новые ниши в дальнейшем просто никто не займет, а новые варианты будут вынуждены мигрировать на признанные территории, где они растворяются в более широких и доминирующих популяциях, утрачивая свои специфические черты. Понятие "И.Э." имеет рамочный и подходный характер, а не исследовательский и эмпирический. Оно дополняет эволюционистскую картину генезиса и роста знания принципами локализации интеллектуальной истории и функциональной адаптации концептуальных вариантов в популятивном, конкурентном окружении за счет освоения подходящих институциональных ниш. Одновременно И.Э. означает отказ от универсалистских претензий на нормативность. В критерии "эффективности", "прогрессивности" и тому подобных концептуальных изменений (а также сопоставления различных инициатив) вводятся экологические требования частной культурно-исторической ситуации. Рациональность оказывается не столько "нормативной", сколько "прецедентной". Она предполагает аппеляцию к ситуации и тем действительным нишам, в которых практически реализуются интеллектуальные принципы. Одновременно реализуется методологический принцип дополнительности, в соответствии с которым онтология рациональных инициатив складывается из нескольких независимых процедур интерпретации, несовместимых в рамках одной картины. И.Э. задает для этих взаимодополнительных проекций пространство соотнесения и конфигурирования. Одна из проекций – "интерналистская" – является рациональной, оправдательной и перспективной, другая – "экстерналистская" – является причинной, объяснительной и ретроспективной. Первая критически оценивает интеллектуальный вклад инновации с позиций перспектив развития рациональной инициативы и постановки новых, современных проблем, вторая объясняет причины успеха или неуспеха инновации в исторически и культурно определенной ситуации. Первая интересуется рациональными аргументами и суждениями, проблемами, понятиями и теориями. Это точка зрения эпистемологии, логики и методологии. Вторая – историческими фактами, культурными, социальными и социально-психологическими механизмами. Ее язык – язык истории, социологии и психологии науки. Аналогии можно обнаружить и в биологической картине органической эволюции. Дополнительной к экологической является генеалогическая точка зрения, которая концентрирует внимание на генетических связях между предшествующими и последующими популяциями. Это более привычная и традиционная историческая точка зрения. Здесь в центре рассмотрения – история видов, их жизненный цикл, их эволюция, конкуренция с другими видами, внутривидовые трансформации, смена видов и т.д. Возможные проекции на интеллектуальную историю здесь отчетливо видны. Для этого подхода характерны каузальное объяснение и линейные древовидные (ветвящиеся) схемы. Экологическая точка зрения предлагает рассмотреть тот же эволюционный процесс с точки зрения последовательной смены ниш, признания новых территорий и требований, которые создают новую потенциальность, новые "форумы" и новые "зоны ближайшего развития", которые могут быть заполнены или не заполнены новыми популяциями. Здесь видообразование обнаруживает на каждой стадии адаптивный или "телеономический" аспект. А объяснительная конструкция строится на функциональных понятиях "адаптации" и "успеха". Можно без труда показать ограничения данной Тулмином экологической интерпретации. Одной только органической аналогии и общей схемы явно недостаточно, чтобы сформировать развернутую эпистемологическую модель. Однако экологическая точка зрения бросает интересный свет на проблемы, формулируемые в самых различных подходах и социально-гуманитарных дисциплинах. Проблематизация может затронуть не только методологию науки и науковедческие дисциплины, но и культурантропологию, социальную и политическую теорию, философию языка и теоретическую лингвистику. В плане подхода это касается не только критического рационализма и других постпозитивистских направлений, но и более широкого круга идей. Здесь можно упомянуть столь далекие от постпозитивизма идеи, как культурно-историческую концепцию Л. Выготского и деятельностный подход, особенно СМД-методологию. За рамками методологии науки И.Э. сталкивается уже не с компактными дисциплинами, чьи "видовые" характеристики достаточно отчетливо идентифицируются, а с гораздо более диффузными и гетерогенными комплексами знания. Разделение "внешних" и "внутренних" аспектов инициатив становится весьма относительным вне институциональных рамок науки, а рациональность – лишь одним, конкурирующим с другими, способом организации коммуникации и рече-языкового поведения. Эвристичным представляется направление, в котором И.Э. становится пунктом взаимодействия и диалога различных подходов, озабоченных судьбой интеллекта и рациональности в различных социокультурных средах. Онтология знания обретает здесь отчетливую связь с социальной онтологией и онтологией человека, и выраженное ценностное звучание. И.Э. становится не только исследовательским тематизмом, но и мотивом проектных инициатив в социальном действии. В этом плане исследовательская объективация И.Э. является вторичной по отношению к полаганию целей и рамок деятельности культурной политики, если иметь в виду сферу взаимодействия самых разных социальных агентов, реализующих ценности культуры и развития мышления. Условия интеллектуальной среды, "экологические требования" проблемных ситуаций, обустройство институциональных ниш, интеллектуальная автономия этих ниш, а также организация эффективных "форумов конкуренции" и защитных барьеров – все это становится предметом специального внимания и усилий.

Для трансформирующихся посткоммунистических обществ особо значимыми являются программы модернизации комплекса гуманитарного знания и обновления гуманитарного образования, сталкивающиеся с необходимостью решения ряда экологических задач. Они направлены на изменение "экологических требований", определяющих средовые (интеллектуальные и социальные) условия существования гуманитарного мышления, знания и языка. Смысл обновления состоит не столько в замене старого знания новым, сколько в изменении условий и способов функционирования гуманитарного знания в различных социокультурных институтах. Только при существенных подвижках на экологическом уровне становится возможным парадигмальный сдвиг или шаг программируемого культурно-исторического развития. Реализация трансформационных проектов и программ развития должна быть опосредована большой работой по "обустройству территории и среды". Агенты перемен должны много вложить в налаживание элементарных каналов коммутации и артикуляции проблем, в создание мало-мальски обустроенных институциональных "ниш", прежде чем могут рассчитывать на успех обновления. Речь идет, с одной стороны, об эволюционном процессе изменения ментальных установок и той роли, которую играет в этом гуманитарное знание, формировании реальности гуманитарных понятий ("право", "политика", "собственность", "свобода" и др.) в общественном сознании, с другой стороны, о создании "экологических ниш", каналов интеллектуальных новаций, способных генерировать "жизненные формы" гуманитарного знания; а также об изменении принципов и процедур концептуального, эпистемического и профессионального отбора в этой сфере.

Таким образом, экологические изменения (с позиций идеалов И.Э.) можно фиксировать на различных уровнях: 1) *Концептуальные изменения* в популятивной системе гуманитарного знания, появление новых интеллектуальных инициатив в этой области. Изменения в системе средств "коллективного понимания". 2) *Профессионально-институциональные изменения* в сфере гуманитарного знания и образования. Новые учебные заведения и исследовательские центры. Изменение учебных программ. Смена поколений учебников. Развитие инфраструктуры (журналы, фонды, конференции, компьютерные сети, библиотеки), рынка образовательных и консалтинговых услуг. Консолидация профессиональных групп и сообществ. 3) *Общий социокультурный фон*, состояние культуры, гуманитарной среды, менталитета (рассматриваемого с точки зрения функционирования в нем гуманитарных понятий). Задачи И.Э. также должны ставиться и решаться на различных уровнях иерархии.

Можно выделить несколько важнейших задач И.Э.: А) Связь с общественностью (имеется ввиду процесс структурирования общественности и формирования сферы публичности). Распространение информации, использование сетевых и "экранных" технологий. Гуманитарную действительность необходимо сделать "видимой", "зримой" для общественности. Участие в публичных дискуссиях и обсуждениях по актуальным гуманитарным проблемам. Инициирование таких дискуссий. Расширение горизонтов общественного сознания и повышение уровня публичных дискуссий, поднятие общей планки аргументации. Б) Выдвижение новых требований гуманитарной грамотности по отношению к общему образованию и нового уровня гуманитарной подготовки для профессионального образования. Проблематизация содержания гуманитарного образования в профессионально-педагогическом сообществе. В) Организация и поддержание "экологических ниш" с достаточно высокими "барьерами" (в условиях охлократизации и популизма "экологические барьеры" нужны для защиты от некомпетентности, а также для усиления роли интеллектуальных факторов по сравнению с конъюнктурными социальными факторами) для пролиферации (разрастания), отбора и адаптации интеллектуальных инициатив. Создание стимулирующего "форума конкуренции". Поддержка существующих групп и индивидов в направлении институциализации их деятельности. Г) Налаживание каналов коммутации между различными агентами обновления и носителями гуманитарного знания. Коммутация понимается здесь в широком смысле: не только как связи коммуникации, но и как общая текстуальность, как топика, позволяющая осуществлять трансфер проблематики и содержания между различными языковыми практиками, различными "локусами" гуманитарного знания. Д) Изменение интеллектуальных критериев в сфере гуманитарного знания. Развитие "органона" критики и аргументативной функции языка гуманитарных наук. Прежде всего необходимо изменение способов, при помощи которых концептуальные проблемы возникают и признаются в качестве таковых; необходимо изменение типа аргументации или тех рациональных соображений, в свете которых в гуманитарных дисциплинах происходит смена понятий и подходов. Речь идет о критике таких явлений, как "новояз" (латентное присутствие тоталитаризма в языковых выражениях), рудименты диамата-истмата, сервильность гуманитарных наук или их направленность на обслуживание государственно-идеологической машины, низкую роль интеллектуального авторитета по сравнению с социальными статусами и корпоративной принадлежностью.

Л.Ю. Бабайцев

ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЛЮМПЕНИЗАЦИЯ – маргинализация интеллигенции как социального слоя в переходный период и соответствующая люмпенизация ее сознания, связанная с нарушением общественной функции генерирования и распространения нового знания и культуры. Маргинализация интеллигенции связана с уменьшением экономического потенциала этой социальной группы, а именно – уменьшением уровня личного дохода и потребления; снижением социокультурного потенциала, связанного с девальвацией высшего образования ряда профессиональных групп (врачи, преподаватели, работники культуры и науки и др.) и снижением способности к овладению новыми знаниями; уменьшением политического потенциала, определяемого нестабильностью личного статуса и ослаблением законодательной власти. Ослабление каждого из видов потенциала – экономического, социо-

культурного, политического – снижает объем, тип (стратегический, тактический, нулевой) и способ (интенсивный, экстенсивный, нулевой) вклада определенных социально-профессиональных групп в трансформационные процессы, происходящие в обществе. Можно считать, что представители творческой интеллигенции, живущие ниже уровня минимального потребительского бюджета, не в состоянии вносить сколь-нибудь объемный и качественный вклад в развитие общественных отношений. С одной стороны, происходит маргинализация интеллигенции как социального слоя, а с другой – повинуясь внутреннему стремлению к прогрессу, она пытается вобрать в себя что-то новое. Ощущение этого социального противоречия как трагедии ведет к люмпенизации сознания интеллигенции как наиболее чувствительного к переменам социального субъекта. Обостренная реакция на аномию (см.) ("отсутствие регуляции", "безнормность") общественных отношений объясняется особенностями психологической организации интеллигенции – склонностью к саморефлексии и глубоким переживаниям.

И.Л. выражается во всевозрастающем разрыве между самооценкой собственных сил и возможностей и реальным положением вещей, когда социальная незащищенность и отсутствие перспектив интеллектуального развития вносят элемент социальной покорности и безразличия в бытие интеллигенции как социального субъекта, девальвируя ее способности к осуществлению движущей и обновляющей функции в обществе.

Г.Н. Соколова

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ – общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным (преимущественно сложным) трудом и имеющих, как правило, высшее образование. Термин "И." появился в России в середине 19 в. и из русского перешел в другие языки. Общественные функции И. заключаются в генерировании и распространении знания и культуры. Различные представители И. примыкают к разным общественным классам, интересы которых И. осмысливает и выражает в идейно-теоретической форме.

Предпосылкой появления И. в ее первичных формах было отделение умственного труда от физического, когда возникли социальные группы, присвоившие себе монополию на государственное и общественное управление и другие формы умственной деятельности. В античную эпоху такими группами явились древнегреческие мыслители (философы, математики, жрецы и др.). В средневековой Европе их место заняло духовенство, верхушка которого входила в класс феодалов. Подлинная история И. начинается с утверждением капитализма, когда возникает общественный слой людей умственного труда, живущих за счет продажи его продуктов или своей рабочей силы. Поначалу, крупнейшие профессиональные группы И. – юристы, учителя, врачи; с машинной индустрией появляется инженерно-техническая И. С развитием крупной машинной индустрии, и особенно с началом научно-технической революции (см.) середины 20 в., темпы роста И. резко ускоряются, обгоняя другие общественные группы и слои. В странах развитого капитализма доля И. в 1970-х составляла 10 – 20% самодеятельного населения. В менее развитых странах она многократно ниже, хотя также повышается.

Профессиональная структура И. обновляется и усложняется. Механизация и автоматизация, внедрение науки в производство обусловливают особенно быстрый рост научно-технической И. На крупных монополистических предприятиях, в новейших отраслях промышленности (электронной, химической, ракетно-ядерной и др.) удельный вес ученых и инженерно-технических работников среди занятых достигает 30 – 50%. В связи с потребностями общественного производства расширились сферы образования и медицинского обслуживания и соответственно увеличились такие группы И., как врачи, преподаватели и др. В связи с усложнением управления и усилением государственно-монополистических тенденций одной из крупнейших групп И. стали административно-управленческие работники; растущая часть И. переходит на государственную службу. Развитие средств массовой информации и "массовой культуры" породили целую "индустрию сознания", а с ней – широкие отряды И. (журналисты, специалисты кино, телевидения и радио, рекламы и др.). Особенно быстро растет доля студенчества, пополняющего ряды И. В условиях современного капитализма главной тенденцией в изменении положения И. является переход ее подавляющего большинства к работе по найму. По найму работает не только инженерно-техническая И., но и большая часть И. сферы услуг – представители таких традиционно "независимых" специальностей, как врачи, юристы, литераторы, художники и т.д. Соответственно меняется характер труда И.: работа в одиночку, по типу ремесленной, сменяется трудом по индустриальному образцу, в больших коллективах; специализация массы работников умственного труда, как правило, сужается. Эти тенденции приводят к росту удельного веса специалистов среднего и низшего звена – техников, лаборантов, медсестер, рядовых конторских служащих и др., труд которых проходит по заданным программам и носит скорее рутинный характер. В связи с этим многие социологи все чаще относят понятие "И." лишь к верхнему ее слою, занимающемуся творческим трудом.

Специфические черты И. связывают с тремя факторами: профессиональными знаниями, особенностями психологической организации (склонность к глубоким переживаниям, душевным страданиям) и способностью к критическому анализу (Г.И. Наан). Определяющее значение И. – в ее движущей, обновляющей функции в обществе. Источник значения и влияния И. – знание как один из главных компонентов богатства и могущества общества.

Г.Н. Соколова

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ (МОТИВАЦИОННО-ЦЕЛЕВОЙ) АНАЛИЗ процессов общения – новый исследовательский метод (качественный), разработанный российским ученым Т.М. Дридзе (см.) в рамках экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигм. Основывается на эм-

пирически доказанном положении об универсальности интенциональных (мотивационно-целевых) принципах функционирования социальной коммуникации (см.) как текстовой деятельности, а также об индивидуальной природе последней. Позволяет как изучать, так и оценивать состояния любых звеньев коммуникационно-познавательного процесса (и текста как единицы коммуникации).

Межличностная обыденная, педагогическая, деловая, научная, профессиональная, массовая и иная коммуникация; общение людей, опосредствованное любыми видами художественного артистического и/или литературного творчества; коммуникация между людьми в сфере правоотношений и в ходе выработки и принятия управленческих решений на всех видах социокультурной организации общества – все эти и другие виды коммуникации осуществляются путем обмена действиями порождения и интерпретации цельных, психологически завершенных, иерархически организованных содержательно-смысловых структур (текстов), имеющих интенциональную (мотивационно-целевую) доминанту.

Интенция (от лат. intentio) – понятие, пришедшее из античной философии и средневековой схоластики, где оно означало стремление, намерение, цель, направленность на какой-либо предмет. Активно используется в экзистенциональной и феноменологической философии. Расширительное значение приобрело в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах, где это понятие операционализовано применительно к анализу любых проявлений человеческой активности. Для этого в основу номинации положен также имплицитно присутствующий здесь признак – "мотивация", характеризующий побуждающее начало человеческой деятельности. Соответственно интенция трактуется здесь как равнодействующая мотивов и целей (точнее – искомого результата) деятельности, общения и взаимодействия людей с окружающим их миром. Осваивая среду, делая ее своей, человек привносит в нее себя, т.е. направленность и состояние своего сознания, свое жизненное кредо. Возникает сложный, практически неизученный механизм интерференции личностных и этносоциокультутных, т.е. средовых детерминант, предопределяющих тот или иной исход разнообразных "соприкосновений" человека со средой.

В основе семиосоциопсихологической теории социальной коммуникации лежит представление о тексте как единице коммуникации, представляющей собой иерархию коммуникативно-познавательных программ, цементирусмую общей концепцией или замыслом (коммуникативной интенцией) партнеров по общению. На искусстве выделения таких коммуникативно-познавательных программ (структур) строится метод мотивационно-целевого, или интенционального, анализа.

Разработана и технология выделения мотивационно-целевых структур восприятия текста, отражающих особенности "преломления" текста в сознании человека. Эта технология основана на анализе особенностей интерпретирования им воспринятого текста.

Сопоставление данных первого и второго уровней: исходной, объективно существующей структуры конкретного текста – со структурой восприятия этого же текста респондентом – позволяет определить, понял ли человек подлинные мотивы и цели (интенциональность) коммуникатора, различает ли в содержании текста главное и второстепенное, запомнил ли его основные "логические и эмоциональные узлы" (речь не идет о согласии или несогласии с авторской позицией – только о понимании).

Различают адекватные, частично адекватные и неадекватные интерпретации авторских коммуникативных интенций воспринимающей стороной, причем этот феномен связывается не с врожденными качествами личности, а с особой формой тренированности человека, или – с его коммуникативными навыками, которые, как показывает исследовательская практика, поддаются корректировке.

Задача совершенствования коммуникативных навыков личности социально значимая, связанная с качественными характеристиками того пространственно-временного континуума, в котором мы все живем.

Т.З. Адамьянц

ИНТЕРАКТИВНОСТЬ (от англ. interaction – взаимодействие) – одна из ключевых категорий социологического анализа, описывающая многообразие социальных взаимодействий на различных уровнях: межличностном, групповом, институциональном.

И. как социальное взаимодействие структурируется в нескольких полях: обмена (информацией, объектами, чувствами); интерпретаций; производства впечатлений ("имиджей"); типизации/стандартизации сообщений (языка, позиций взаимодействия).

И. как характеристика социальных коммуникаций в современной социологии в большей степени используется для описания взаимодействий в мире телекоммуникаций ("масс медиа" и "новых медиа"), где к явлениям И. относятся компьютерные игры, электронная почта, общение "он-лайн" в Интернете, телефонное или Интернет-участие зрителей в телепрограммах (интерактивные опросы, голосования и проч.), технологии виртуальной реальности и др. Таким образом, И. в мире телекоммуникаций предполагает взаимодействие на нескольких уровнях:

1) интерфейс "человек-машина" – взаимодействие через команды и манипуляции; типичный инструмент – клавиатура, "мышь", пульт дистанционного управления;

2) обмен данными различных форматов (аудио, видео, графические и др.);

3) предоставление услуг: прежде всего информационных, но не только – сюда же следует отнести телемагазины, Интернет-магазины, платежи и банковские услуги (компьютерные системы банк-клиент) и др. реальные взаимодействия, осуществляемые с помощью электронных коммуникаций;

4) межличностное общение: электронная почта, так называемые Интернет-чаты (IRC – Internet Relay Chat), предполагающие общение многих пользователей на специальном Интернет-сайте или с помощью специальной программы; виртуальное общение происходит на так называемых форумах, где

коммуникации и их участники распределяются по интересующим их темам ("комнатам") – от религии до бытовой химии; различные виды межличностных интеракций тяготеют к взаимодополнительности;

5) интерактивные элементы средств массовой информации: например, работая с электронной версией информационного или делового издания, каждый может оставить свой комментарий/отзыв сразу после статьи; отзывы публикуются на отдельной электронной странице; сюда же можно отнести интерактивные опросы на телевидении с использованием Интернет и телефонной связи.

Учитывая всю сложность и многообразие феноменов, а также "сырость" самого понятия, И. следует рассматривать в ряде важнейших аспектов, список которых предполагает открытость и дополнительность: 1) последовательность сообщений, взаимозаменяемость отправителя и получателя; 2) модификация медиа-среды в реальном времени; 3) мгновенный (синхронный) либо отложенный (асинхронный) двухсторонний обмен; 4) особенность, качество субъектов взаимодействия; 5) контроль за процессом коммуникации (дискурсом); 6) складирование информации (например, отслеживание параметров аудитории); 7) полезность: эффективность работы групп, стимулирование поиска информации.

Последовательность сообщений определяет расположение и связи между отдельными сообщениями, так же как в диалоге последовательность высказываний определяет всю композицию диалоговой коммуникации. Однако И. – не обязательно диалог с двумя участниками; при использовании компьютерных баз данных, например, взаимодействие происходит на уровне сортировки и "перекачки" данных одним пользователем или редуцировано до уровня общения машин. Следует учитывать, что роли отправителя и получателя сообщения, таким образом, оказываются относительными и взаимозаменяемыми, поскольку для интерактивности куда важнее регулярность обмена сообщениями. Важно и то, что сам компьютер – медиум – может рассматриваться как третий участник коммуникации, поскольку он активно и со своей точки зрения способствует формированию "отзывчивой" виртуальной среды взаимодействия (установлении настроек, выборе параметров сообщения и т.д.).

Если мы рассматриваем И. в измерении передачи посланий, следует учитывать особую интенсивность и активность коммуникации, гибкость временного режима для участников и возникновение особого ощущения виртуального места, где происходит не физическая встреча людей, а виртуальная встреча сообщений и операций (текстов), ведущих себя от имени предполагаемых людей.

Если мы рассматриваем И. в измерении участников, то следует иметь ввиду вовлекающий характер И., а также значительно возрастающий контроль над коммуникативной средой, возможность вмешательства в структуру и "интерьер", полезность взаимодействия как в поиске информации, так и в решении коллективных задач; а также то, что целеполагание И. предполагает прежде всего не столько некоторую внешнюю утилитарную цель, сколько ориентацию на свободный обмен информацией. Следует также иметь ввиду, что интерактивные коммуникации нелинейны и, следовательно, несводимы к линейной логике обмена данными. Как и сама И. не является простой сменой формы социального взаимодействия (компьютеризированный вид обычного общения), а представляет собой уникальный тип коммуникации со своей специфической динамикой, полноценным и богатым коммуникативным контекстом, включающим также и особую риторику.

Безусловно, подобное рассмотрение И. выглядит несколько абстрактно и механистично. Продуктивность самого понятия "И." состоит в его проблематизирующем теоретическом потенциале. В частности, И. предполагает идеологический по сути принцип обратной связи как естественное требование, ответ, создание прозрачной среды общения (см. **Прозрачность**). Не следует считать, что И. представляет из себя совершенную форму коммуникации, с точки зрения идеалов коммуникативной рациональности (Ю. Хабермас – **см.**), или гипертрофированную ее форму. Критический образ И. представляет ее как гипердиалог, диалог-мутант в постмодерном цифровом мире, полном нестабильностей, неконвенциональностей, игры, стилизации и наэлектризованной риторики. Цифровая И. обнаруживает опустошительную силу цифрового ("телефатического") "общения", базирующегося на гипертрофии телеконтакта, свойственной именно нашей культуре, погруженной в "экстаз коммуникации" (Ж. Бодрийар – **см.**).

Бодрийар демонстрирует продуктивную постмодернистскую проблематизацию позитивного интерактивизма: "Здесь играют в то, будто говорят друг с другом, слушают друг друга, общаются, здесь разыгрывают самые тонкие механизмы постановки коммуникации. Фатическая функция, функция контакта, речь, выдерживающая формальное измерение речи: эта отдельно взятая функция, впервые описанная Малиновским на меланезийском материале и занесенная позже Якобсоном в его таблицу языковых функций, до предела гипертрофируется в сетевом телеизмерении. Контакт ради контакта становится родом пустого соблазна языка, когда ему уже просто нечего сказать... это мы нуждаемся в функции "контакта", тогда как в иных культурах она не имеет ни смысла, ни какого-либо специального обозначения. Таблица Якобсона, его аксиоматика коммуникации и сообщения современны тому излому языковой судьбы, когда вообще перестает сообщаться что-либо" (Бодрийар Ж. "Соблазн").

Где проходит грань между интерактивной "моделью симуляции коммуникации", за которыми скрывается схематизм коммуникативной модели "источник – сообщение – приемник", и предполагаемым в интеракции обменe с его "обоюдностью, антагонизмом партнеров и амбивалентностью их обмена"? Ведь "обратимость не имеет ничего общего с обоюдностью". Поэтому велика вероятность недооценить или даже не заметить "кибернетическую иллюзию" обратной связи ("feed-back") и полноценного взаимодействия. И. возникает на "изломе языковой судьбы", когда формальная интенсивность коммуникации замещает содержательные процессы

смыслопорождения. Здесь возникает проблема дереализации дискурсивных практик, формирующих социальные взаимодействия. Смысловое существование языка деконструируется в эксплозии виртуализации, смысл редуцируется до точки интерактивного контакта, И. отделяется от социального взаимодействия (см.).

Многие социальные теоретики пытаются оценить производительную силу телефатической И. с более конструктивных позиций. Энергетика виртуального общения, игра сингулярностей не должна рассматриваться только лишь с точки зрения его исключительных инструментальных возможностей, формальной И., а также отношений между субъектом и новым типом средств. Как показал М. Хейм, цифровые коммуникации следует рассматривать с точки зрения присущего им особого, исключительного типа И., в процессе которого, в частности, происходит введение нового типа субъективной позиции. В интерактивных цифровых мирах "флоу" функционирует как универсальный инструмент навигации, соорганизующее все необходимые средства перемещения, установления координат местоположения, синхронизируя работу всего интерфейса и восприятия виртуальных объектов. "Флоу" – это "прохождение", легкость перемещения в виртуальной среде (например, с помощью моментального проникновения в файл нажатием на клавишу, или переключение телеприемника с канала на канал). Именно навигация, настраивающая все механизмы восприятия, создает основное чувство "флоу". Эффект "флоу" представляет собой модель, в которой можно выделить ключевые моменты работы цифрового языка: И., перформативность и специфическую модель функциональности.

В основе такой функциональной модели И. лежит дискурс идеальной операции, дискурс магической точности-скорости-производительности, дискурс языка команд и машинных кодов (программ), дискурс универсальной коммутативности (подключения к различным коммуникативным линиям-каналам – телефонным, телевизионным и видео). Команды (операторы) – своего рода парадигматика этого дискурса, а сами программы и их функционал являются, по сути, высказываниями и даже, в некотором смысле, произведениями. Такая операциональность обладает тотальной продуктивной позитивностью. Именно особый тип функциональности позволяет достичь эффекта преображения электронного медиума в социального агента. Благодаря тому, что И. "новых медиа" в какой-то мере позволяет преодолеть грань коммуникативного отчуждения, столь убедительно проанализированную Бодрийаром, Интернет становится механизмом социальной эксплозии – распространения самых разнообразных виртуальных сообществ: от клубов знакомств до виртуальных городов типа знаменитого японского SimCity, где любой может приобрести все атрибуты горожанина и начать параллельную виртуальную жизнь в виртуальном городе.

В различных исследованиях И. рассматривается в контексте проблемы виртуальной социальности (см.). Один из наиболее интересных вопросов связан с тем, что сообщества, возникающие на основе компьютерных коммуникаций, существуют и действуют преимущественно как движение текстов и образов на плоскости экрана, за которым, однако, мы признаем существование некоторой социальной структуры. Реальна ли она? Для многих людей виртуальное общество даже более реально, чем "реальный" социум, поскольку виртуальная жизнь становится прибежищем эскейпизма, бегства от реальности опостылевшей повседневности – "места, где я не могу жить" – с ее проблемами на работе, финансовыми трудностями, неприятностями в семье и личной жизни, с ее страхами, болью и горестями.

С другой стороны, привлекательность различных видов И. как виртуального общения связана еще и с тем, что оно является воплощением игры (см.) в том культурном значении, в каком ее рассматривал Й. Хейзинга. Интерактивное киберпространство – это место встречи людей, это пространство для людей, среда человеческого общения, мир опыта и повседневной жизни. Различные виды общения – электронная почта, форумы, чаты, рассылки, виртуальные открытки – проникнуты духом авантюризма, веселья и экспериментирования – "игривостью" ("playfullness") в терминологии Д. Бренда. Игривость – это концентрированная И. в сумме с возможностью замаскироваться, спрятаться, создать иллюзорную идентичность. Здесь сочетаются два принципиальных момента виртуального дискурса И.: появление виртуальных "агентов" и особая перформативность.

Эстетический анализ И. обнаруживает, в частности, совершенно неожиданную ситуацию: цифровые коммуникации функционально избыточны, они не служат лишь для контакта, для передачи сигналов и преобразования объекта в изображение (и обратно). В виртуальной интерактивной среде можно создавать объекты и целые миры. Из чего, как минимум, следует, что компьютер перестал быть медиумом, средством информации. Он стал (со)творцом, агентом, он стимулирует действия и различные виды активности. Компьютер теперь больше чем медиум, он – агент. Он создан не для того, чтобы поддерживать определенные эффекты и выпячивать их особенности; его цель скорее в анализе событий и инициировании действий. Взаимодействие с компьютером как И. больше походит на диалог с партнером, чем на серию монологов с участием печатной машинки или холста... Компьютер – это не медиум и не инструмент, но новый тип социокультурного агента – цифровой депутат, которому поручена рефигурация социальных взаимодействий.

Д.В. Галкин

ИНТЕРВЬЮ – наиболее гибкий метод сбора социологической информации, предполагающий проведение беседы (по определенному плану) с респондентом, основанной на непосредственном, личном контакте социолога и респондента. И. по сравнению с другими видами опроса (см.) имеет свою специфику. Главное отличие кроется в способе общения социолога и респондента. При проведении, например, анкетного опроса оно полностью опосредовано анкетой (см.): анкетер (см.) пассивен, содержание и смысл вопросов интерпретируется самим респондентом в соответствии с теми представле-

ниями и убеждениями, которые сложились у него по существу обсуждаемой проблемы. Респондент совершенно самостоятельно формулирует свой ответ и фиксирует его в анкете. При проведении же социологического И. следует отметить особую роль интервьюера, его инициативу. В этом случае контакт между социологом-интервьюером и опрашиваемым осуществляется именно интервьюером: он задает вопросы, организует И. и ведет беседу, направляет ее, фиксирует полученные ответы. Этот совершенно особый статус интервьюера как мобильной, активной и направляющей беседу личности, делает сам процесс интервьюирования наиболее чутким, креативным, гибким, что позволяет получить максимум информации об изучаемом объекте исследования. Интервьюер может пояснять формулировку задаваемых вопросов в случае непонимания их респондентом (если это допускается инструкцией), а также уточнять точку зрения респондента, требовать от него дополнительной информации с целью наиболее адекватного, точного представления ее в опросном листе.

Совершенно очевидно, что для получения одного и того же объема информации в случае использования метода И. будет затрачено большее количество времени, нежели при использовании других видов опроса. Использование И. предполагает также наличие штата специально обученных интервьюеров, что требует определенных дополнительных финансовых и временных затрат. Само же проведение И. может занимать порой длительное время, что не всегда позитивно влияет на результат опроса (здесь сказывается усталость и интервьюера, и самого респондента) и позволяет собрать оперативно нужную информацию лишь при наличии достаточно полно сформированной и разветвленной опросной сети.

Несколько проблематичным становится обеспечение анонимности беседы (даже в случае личного, индивидуального И.), так как данный вид опроса предусматривает открытое словесное представление своей точки зрения опрашиваемым респондентом интервьюеру, что предполагает совершенно особый подход к поиску респондентов и процедуре самого интервьюирования.

Отмеченные нюансы, связанные со сложностями проведения и организации И., являются не столько непреодолимыми недостатками метода, сколько ориентируют на оптимизацию и совершенствование самой процедуры И., более серьезное отношение к его организации с целью использования всех его преимуществ в социологической практике.

Особенности И. различны в зависимости от его конкретных видов.

По различным критериям можно выделить следующие виды И.:

По форме и технике опроса – 1) стандартизированное (формализованное, структурированное) И. (см. **Интервью стандартизированное**); 2) полустандартизированное (полуформализованное, полуструктурированное) И. (см. **Интервью полустандартизированное**); 3) нестандартизированное (свободное) И. (см. **Интервью нестандартизированное**).

По целевому назначению – 1) ретроспективное И. (имеет целью оценочное воспроизведение прошлых фактов, событий участниками или свидетелями ситуации); 2) интроспективное И. (имеет целью изучить мнения и оценки людей по поводу текущих событий); 3) прожективное И. (имеет целью выявить возможное отношение людей к виртуально возможным событиям или поведение людей в потенциально возможных ситуациях).

По типу опрашиваемых лиц – 1) И. экспертов (см. **Опрос экспертный**); 2) И. простых респондентов; 3) И. ответственных, должностных лиц.

По количеству опрашиваемых респондентов – 1) индивидуальное И.; 2) групповое И.

По процедуре – 1) однократное И.; 2) многократное (панельное) И. (предполагает сбор информации от одной и той же аудитории респондентов по единому вопроснику на протяжении определенного временного интервала); 3) фокусированное И. (см. **Интервью фокусированное**); 4) глубинное (клиническое, интенсивное) И. (см. **Интервью глубинное**); 5) ненаправленное И. (дает возможность высказаться респондентам по "наболевшим" вопросам, актуальным, злободневным проблемам дня. В данном случае инициатива в большей степени принадлежит респонденту, который сам выбирает и называет проблему, ее содержание и даже возможные пути решения. Чаще такое И. является свободным по форме проведения. Задача интервьюера – корректировка темы разговора, создание условий для полного и свободного высказывания мнения опрашиваемого).

По способу общения социолога и респондента – 1) личное И.; 2) телефонное И. (опосредованная форма общения с респондентом). Такой вид И. имеет широкое применение в оперативных социологических исследованиях. Данный вид И. весьма специфичен. Он отличается краткостью, что ориентирует исследователя и интервьюера на работу в совершенно определенном режиме. Опросный лист такого И. чаще всего формализован и имеет небольшой веер вариантов ответов к каждому вопросу. Сами вопросы должны быть конкретны, кратки, однозначны, а варианты ответов к ним – исчерпывающие (без дополнений, комментариев и уточнений). Интервьюер, проводящий телефонный опрос, должен представиться, назвать тему исследования, дать гарантию анонимности и предложить высказать свое мнение).

По месту проведения И. – 1) И. по месту жительства; 2) И. по месту работы (в ситуациях, когда проблема связана с изучением производственных ситуаций); 3) И. на улице.

По цели исследования – 1) И. разведывательное (при необходимости получить предварительную информацию о проблемном поле); 2) И. контрольное (с целью проверки результатов проведенного И., или пилотаж инструментария); 3) И. основное (сбор информации по проблеме исследования на соответствующей выборке).

По способу регистрации ответов – 1) И. с записью в опросном листе (информация регистрируется по "свежим следам", по ходу И.); 2) И. с записью на магнитофоне (проводится только в случае согласия использования техники со стороны респондента и предполагает дальнейшую работу по интерпретации, содержательному уплотнению записанной бесе-

ды); 3) И. с ассистентом (в этой ситуации интервьюер задает вопросы и ведет беседу, а ассистент записывает ее. Нужно помнить, что данная форма интервьюирования не удобна тем, что ассистент может сыграть роль "третьего лица", в присутствии которого снижается уровень анонимности беседы и уровень искренности ответов респондента).

Представленные виды И. свидетельствуют об инвариантности форм метода, ориентирует на возможность выбора и использования конкретного вида И. с учетом специфики исследовательских задач и целей, а также особенностей его организации, проведения и ситуации применения. Использование же самого метода И. требует тщательной разработки методических процедур и приемов его использования.

Процедура использования И. требует осуществления действий в двух направлениях:

1) *Создание опросного листа* (бланка И.) на базе программы социологического исследования. Опросный лист – социологический инструментарий, предназначенный для сбора эмпирической информации в виде устных ответов интервьюируемых лиц. В опросном листе на основе сформулированных в программе исследования гипотез, целей и задач сформулированы вопросы, соответствующие тематике исследования. Типы и композиция вопросов, используемых в И., такая же, как в анкетном опросе (см. **Опрос анкетный, Анкета**). Бланк И. содержит введение (где кратко, но исчерпывающе оговариваются цель исследования, возможности использования его результатов, кто проводит опрос, указывается значимость участия данного лица в опросе), основную часть (вопросы по теме исследования с использованием различных их разновидностей), паспортичку (содержит вопросы о статусе личности и ее демографических характеристиках). В конце опросного листа уместны вопросы, позволяющие оценить качество проведенного И. респондентом, а также имеется информация о времени начала и окончания И., самом интервьюере и подтверждение интервьюером точного использования всех требований инструкции при проведении И.

2) *Организация и проведение собственно И.*, что предполагает определение места, времени опроса, с одной стороны, и соответствующую подготовленность, опыт интервьюера – с другой.

Учитывая особый статус интервьюера как активного, деятельностного, мобильного лица, проводящего беседу по определенному плану, следует иметь в виду, что именно от качества его работы, чуткости, терпимости и профессионализма зависит качество и надежность получаемой информации. Поэтому особого внимания заслуживает личность интервьюера, система технических приемов, обеспечивающих чистоту процедуры И. и точность получения данных. Так, речь идет о правилах процедуры И. в самом широком смысле слова.

Проведение И. требует организационной подготовки, что предполагает выбор места и времени интервьюирования. И. может проводиться на дому (по месту жительства) – это наиболее оптимальный вариант, т.к. сама обстановка располагает к более искреннему общению, а респондент чувствует себя более защищенным; по месту работы (что создает определенные трудности, связанные с выбором свободного времени и соответствующего места для беседы: не рекомендуется брать И. в обеденный перерыв, нельзя отнимать и рабочее время респондента, следовательно дата и время И. оговариваются с потенциальным респондентом, чтобы выбрать наиболее оптимальный для него период; место проведения И. должно быть также подготовлено заранее и обеспечивать конфиденциальность и рабочую атмосферу); на улице (это, как правило, блиц-опросы).

Работа же самого интервьюера предполагает осуществление следующих целей: 1) налаживание контакта с респондентом; 2) правильная постановка вопросов И.; 3) правильная фиксация ответов.

Задача интервьюера – организационно подготовить И., найти соответствующих выборке респондентов, убедить их принять участие в исследовании. На протяжении всего времени общения с респондентом интервьюер обеспечивает социально-психологическое взаимодействие, создает дружескую атмосферу, в которой далее ведется беседа. Так, вся процедура И., начиная с появления интервьюера и с первых его слов, должна предусматривать для опрашиваемых мотивы, побуждающие давать искренние ответы.

Интервьюер лично, непосредственно взаимодействует с респондентом: он лично задает ему вопросы (соответственно опросному листу), лично регистрирует ответы. Он ведет беседу, направляет ее. В связи с этим интервьюер должен точно формулировать вопрос; задавать все вопросы, находящиеся в опросном листе и строго в той последовательности, в которой они в нем зафиксированы; точно фиксировать полученные ответы. В ходе опроса ничего не должно меняться – опрос должен быть одинаковым для всех по условиям проведения, по формулировкам и последовательности задаваемых вопросов.

Интервьюеру запрещается вступать в дискуссии с опрашиваемыми, прерывать их, подчеркивать личную заинтересованность в результатах исследования. В процессе интервьюирования интервьюер должен занимать нейтральную позицию по отношению к предмету исследования. Во время И. интервьюер может потребовать от респондента добавочной информации, уточнения и пояснения своей мысли; имеет право указать на обнаружившиеся в ходе беседы противоречия в ответах опрашиваемых. Продолжительность И. не лимитируется; не рекомендуется торопить респондента с ответами. Темп И. определяется обстоятельствами: спецификой темы исследования; уровнем образовательного и культурного развития респондента; возрастом респондента. Если изучаемая проблема сложна, темп И. может быть медленным. Не следует допускать и другой крайности – чрезмерно долгого обдумывания ответов (это может привести к искажению информации). Для снижения проблем восприятия вопросов респондентами и социально-психологических проблем опроса необходимо по возможности использовать стандартизированные вопросы, учитывать особенности респондента (образование, пол, возраст и др.).

Способ регистрации данных зависит от вида И. При проведении глубинного или свободного И. может применяться стенография, запись по "горячим следам" в бланк И. или магнитофонная запись (с согласия респондента). Иногда может быть использована запись по памяти (если количество задаваемых вопросов не велико, интервьюер может записать ответы на вопросы по окончании И.).

Интервьюер, проводящий опрос, должен действовать строго по инструкции, полученной на инструктаже; он должен досконально знать содержание опросного листа с учетом всевозможных переходов и фильтров; знать, как регистрировать ответы, как работать с карточками, прилагающимися к инструментарию. Все указания по ведению опроса и работе с опросным листом, правилам заполнения опросных листов, поиска респондентов содержатся в инструкции и продублированы (как правило) в самом опросном листе (перед каждым вопросом другим шрифтом отмечается специфика работы с ним, указаны все переходы). Инструкция интервьюеру, где указаны все технические, методические, организационные аспекты И., которые могут вызвать затруднения в ходе интервьюирования, является важным методическим документом и должна быть подробно составлена. В инструкции описано содержание вводной беседы с респондентом, правила поиска и замены респондентов, принципы проведения И., способы регистрации ответов.

По окончании работ по сбору эмпирической информации интервьюер представляет в исследовательский центр следующие документы: 1) заполненные бланки И.; 2) маршрутные листы; 3) отчет о проведенной работе, в котором указано, где и когда проводилось интервьюирование, какие отклонения от выборки имеются, какие есть замечания по процедуре опроса, каково было отношение респондентов к И. и исследуемой проблеме и др.

И. должно поставлять исследователю весь фактический материал. Следовательно, вопросы интервьюеров, ответы опрашиваемых, заметки интервьюера о наблюдениях по поводу ситуации И. и самих опрашиваемых создают основу для выводов исследователя, в которых зачастую содержатся выводы и решения, часто выходящие за рамки конкретного исследования. В связи с этим особой проблемой представляется подготовка интервьюеров. Она включает в себя не только инструктаж накануне исследования (что является весьма важным), но и отбор и подготовку интервьюеров.

В качестве интервьюеров могут выступать профессиональные социологи, а также представители других профессий при условии успешного завершения обучения. Практика социологических исследований говорит в пользу использования в качестве интервьюеров именно неспециалистов в связи с их большей беспристрастностью и нейтральностью по отношению к результатам исследования, а, значит, их большей изначальной объективности. Кроме того, при проведении И. целесообразно использовать как можно большее количество интервьюеров, что обеспечивает не только оперативность работы, но и дает больше возможностей сопоставимости результатов, помогает избегать субъективизма в восприятии и интерпретации ответов. При этом, кто бы ни проводил опрос (профессиональный социолог или специально обученный для исполнения этого рода деятельности человек), интервьюер должен изначально обладать набором качеств, потенциально облегчающих его работу в этой роли. Это коммуникабельность, внимательность, добросовестность, честность, интеллектуальные способности, культура, поставленная дикция. При отборе кандидатов для работы в качестве интервьюеров возможно использование тестов на определение быстроты реакции, объема памяти, степени коммуникабельности, умения слушать и др. Половозрастные, национальные и другие особенности интервьюеров особого влияния на ход и результаты опроса не оказывают. Скорее необходим учет специфики темы и аудитории с целью подбора интервьюеров по конкретным признакам. После соответствующей подготовки (по специальным методикам) при условии положительных результатов проведения серии контрольных И. интервьюер зачисляется в опросную сеть. Хотя подбор и подготовка интервьюеров считается делом весьма хлопотным, необходимо стремиться к формированию многочисленной опросной сети. Наличие достаточного количества интервьюеров позволяет оперативно собрать искомую информацию и использовать принцип взаимозаменяемости (и сменяемости) сотрудников с целью контроля их работы и повышения надежности информации.

Следует затронуть проблему метода, касающуюся личности самого интервьюера. Речь идет о так называемом "эффекте интервьюера". Это проявляется на уровне вербального и невербального общения интервьюера и респондента. Такое влияние может быть осознанным (в случае, если интервьюер пытается навязать респонденту ту или иную точку зрения) или бессознательным. Особую сложность представляет действие стереотипов восприятия, подталкивающих интервьюера заранее предугадывать ответы, ориентироваться на какой-либо типичный, с его точки зрения, ход мысли, переносить на потенциально возможные ответы свои ожидания, что порой приводит к объективации своих симпатий и антипатий в области обсуждаемой проблемы в процессе интервьюирования и др. Средства нейтрализации "эффекта интервьюера" – правильный подбор и подготовка интервьюеров, а также контроль за результатами их деятельности.

Указанные проблемы метода ориентируют на оптимизацию методики проведения и организации И. Необходимость совершенствования метода вызвана актуальностью и целесообразностью использования именно И. в социологической практике, что поставляет более полную, глубокую, качественную информацию.

Е.Е. Кучко

ИНТЕРВЬЮ ГЛУБИННОЕ (клиническое, интенсивное) – социологическое интервью (**см.**), которое используется: 1) для зондажа общественного мнения (**см.**) по различным вопросам; 2) в разведывательных исследованиях; 3) при изучении мотивов и ориентаций опрашиваемых. В данном случае, кроме общей темы исследования, задан определенный

круг вопросов, на которые необходимо получить ответ. Стратегия и тактика ведения беседы остается на усмотрение интервьюера, что требует от него высокого профессионализма.

Е.Е. Кучко

ИНТЕРВЬЮ ГРУППОВОЕ – интервью (см.), предполагающее работу одновременно с группой респондентов и использующееся тогда, когда имеется какой-то общий вопрос, затрагивающий всю интервьюируемую группу. Тема и ряд вопросов И.Г. предусматриваются заранее, а техника его проведения носит характер нестандартизированного или полустандартизированного интервью. При И.Г. опрашивается группа респондентов, которые: 1) могут быть давно знакомы друг с другом; 2) вместе работают; 3) являются единомышленниками по обсуждаемому вопросу; 4) совершенно не знакомы друг с другом. Видом И.Г. является фокус-группа. И.Г. позволяет оперативно получить информацию о каких-либо вопросах, о ценностном отношении к определенным событиям и фактам.

Е.Е. Кучко

ИНТЕРВЬЮ НЕСТАНДАРТИЗИРОВАННОЕ (свободное) – интервью (см.), при котором стандартизация процесса собственно интервью сведена к минимуму. Здесь нет заранее подготовленного плана и сформулированных вопросов. Задана лишь тема интервью. Формулировка вопросов, их последовательность, определение длительности беседы остается на усмотрение интервьюера. Однако проведение И.Н. требует тщательной подготовки и исследователя, и интервьюера. Исследователем должен быть очерчен определенный круг вопросов, по которым необходимо собрать информацию, но без строгой их очередности и без жесткой формулировки. Интервьюеру позволено активно создавать вербальные ситуации взаимодействия. И.Н. весьма динамично и гибко. В И.Н. используются открытые вопросы. Полная фиксация ответов респондентов носит обязательный характер. Данный вид интервью чаще всего используется при опросах экспертов и на стадии разведывательного исследования.

Е.Е. Кучко

ИНТЕРВЬЮ ПОЛУСТАНДАРТИЗИРОВАННОЕ (полуформализованное, полуструктурированное) – интервью (см.), предполагающее использование не только закрытых вопросов, но и некоторого количества открытых вопросов. В таком интервью жестко стандартизируют только самые важные, с точки зрения целей и задач исследования, вопросы и веер вариантов ответов к ним. При этом интервьюер имеет возможность определенные вопросы формулировать произвольно, ориентируясь по ситуации, дополняя и углубляя ответы на закрытые вопросы.

Е.Е. Кучко

ИНТЕРВЬЮ СТАНДАРТИЗИРОВАННОЕ (формализованное, структурированное) – формализованная процедура опроса, т.е. имеется стандартизация плана интервью (см.), а именно: жесткая формулировка вопросов (закрытых) и веера вариантов ответов к ним, а также определенная последовательность вопросов и их задавания. Проведение И.С. жестко регламентировано, интервьюер не имеет права отклоняться от заданной последовательности вопросов, ответов к ним, менять формулировки, задавать дополнительные вопросы. Преимущество И.С. состоит в том, что строгая стандартизация процедуры позволяет контролировать условия и ход опроса, сводить влияние личности интервьюера к минимуму. Такой вид интервью целесообразно использовать для проверки уже сформулированных гипотез и при массовых опросах.

Е.Е. Кучко

ИНТЕРВЬЮ ФОКУСИРОВАННОЕ (направленное) – интервью (см.), ставящее целью изучение мнений относительно конкретно заданных ситуаций, явлений. Отличительной чертой И.Ф. является то, что респондентов предварительно знакомят с предметом беседы. Иногда возможно увязывание проведения И.Ф. с определенным событием (собранием, съездом, конференцией и др.), где опрашиваются их участники.

Е.Е. Кучко

ИНТЕРКОРРЕЛЯЦИЯ – корреляция (см.) независимых переменных в регрессионных моделях (см. **Анализ регрессионный**), в частности, в уравнении регрессии линейной множественной (см.) $y = \Sigma b_i x_i + a$. Высокая степень выраженности И. (мультиколлинеарность), может затруднить и даже сделать невозможной оценку влияния каждой из независимых переменных на зависимую.

О.В. Терещенко

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЙ – истолкование, уточнение смысла понятий. Понятия науки эксплицируются с помощью определений (дефиниций). Научные данные, фиксируемые в понятиях, важны как средство дальнейшего познания и решения практических задач. Чтобы понятия науки могли исполнять эту роль, требуется проведение процедуры интерпретации общих понятий, суть которой состоит в реконструкции схемы процесса познания, приведшего к определенной формулировке интерпретируемого понятия. Одно из назначений процедуры И.П. состоит в обеспечении правильного понимания понятий, используемых в процессах обучения и управления.

С формальной точки зрения, И.П. выступает как понижение уровня их общности путем сведения к понятиям меньшей общности через термины, модели, образы и иные доступные данной науке средства. Предел понижения общности интерпретируемого понятия задается целью интерпретации и инструментальными возможностями науки. Адекватная И.П. несовместима с концепцией редукционизма, развиваемой логическим позитивизмом, абсолютизирующим формальный момент интерпретации, при котором нижним пределом общности понятий во всех случаях являются только чувственные данные.

И.П. – необходимый элемент социологического исследования. Ее цели состоят в том, чтобы, реконструируя схему выведения содержательного определения понятий, обеспечить возможность их адекватного понимания и усвоения; редуцируя содержание понятия до эмпирических признаков, добиться сопоставления содержания общих понятий с реальной действительностью, создать возможность замера социологическими методами исследуемого явления, объекта, процесса; проводя операционализацию понятий, выявить факторы, влияющие на ход изучаемого процесса, для регулирования и управления данным процессом.

Интерпретация в социологии имеет теоретический, эмпирический и операциональный характер.

Теоретическая интерпретация представляет собой процесс реконструирования схемы выведения общего понятия путем указания терминов меньшей степени общности, входящих в дефиницию эксплицируемого понятия. В практике социологических исследований при проведении теоретической интерпретации необходимо учитывать следующее. Многие понятия-интерпретанты (т.е. понятия, с помощью которых эксплицируется основное понятие) либо не имеют содержательных определений, либо имеют различные определения. В содержании каждого интерпретируемого понятия должна отражаться специфика объекта исследования. В программе прикладного исследования интерпретации подвергаются не отдельные понятия, а концептуальная схема исследования. Типичной ошибкой является фрагментарность процедуры, что затрудняет в дальнейшем реинтерпретацию. Поскольку задача прикладного исследования, как правило, связана с изучением сущностных характеристик явления и обусловливающих его факторов, постольку теоретическая интерпретация достигает своей цели лишь при условии формулировки понятийных индикаторов, т.е. понятий, которые не только эксплицируют общее понятие, но и позволяют разрабатывать методику замера. Необходимо учитывать, что и сама реконструкция пути получения понятий возможна лишь в главных, определяющих чертах.

Эмпирическая интерпретация – выведение наблюдаемых признаков, репрезентирующих содержание понятий-интерпретантов (понятийных индикаторов). Например, если одним из понятийных индикаторов общественно-политической активности рабочих является отношение к профсоюзным собраниям, то эмпирическими индикаторами самого отношения к собраниям будут: а) посещаемость собраний, б) количество выступлений на них, в) конструктивность предложений, г) критичность выступлений, д) участие в реализации решений собрания.

Операциональная интерпретация – совокупность операций, с помощью которых может быть произведен замер эмпирических признаков. Социолог, опирающийся в своей работе на опыт предыдущих исследователей, пользуется уже сложившимися в науке методиками замеров и индикаторами, имеющими чисто практический смысл. В этом случае он может использовать и операциональную интерпретацию понятий. Необходимо учитывать, что сама операция будет зависеть не только от квалификации социолога, но и от объекта исследования. Так, если в коллективе велись списки посещаемости собраний, то операция будет одной. Если списков нет, то необходимо опрашивать экспертов, вести наблюдения. Здесь операция (или несколько операций) будет иной. Этот процесс называют также операционализацией понятий.

Все три этапа научной И.П. применяются в единстве, их использование обеспечивает правильное построение методики социологического исследования, а в более широком плане – построение референтных и соизмеримых показателей.

С.А. Шавель

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ – одно из важнейших направлений научно-технического прогресса (см.), основанное на широком применении микроэлектронной вычислительной техники, средств связи, автоматизированных банков данных, взаимоувязанных между собой в информационно-вычислительные системы. Основой И. является информационная экономика, являющая собой производство и применение накопленной информации и передовых информационных технологий с целью сделать все другие формы производства более эффективными и тем самым обеспечить новое качество экономического роста, а также создание большего материализованного информационного богатства. Лимитирующим фактором становится информация и научное знание, которые замещают труд в качестве источника прибавочной стоимости. Информационный сектор экономики – это производство знаний и нововведений; научные исследования и разработки; распространение информации и коммуникации; индустрия переработки и передачи информации; реклама (см.); справочное и библиотечное обслуживание; отрасли, связанные со страхованием, предоставлением финансовых и консалтинговых услуг; государственное управление и др.

Основная рабочая сила в условиях И. – работники, обслуживающие информационный сектор экономики, среди которых выделяется наиболее важная категория – менеджеры (см.), эксперты по вопросам организации и управления. Они находятся в числе наиболее высокооплачиваемых профессиональных категорий персонала информационной экономики. Основным продуктом в условиях И. становится информационный продукт – товар особого рода, который имеет не только цену, выражающую его конкретную полезность для конкретных потребителей на рынке товаров, но и всеобщую полезность в виде непосредственно накапливаемого человеческой цивилизацией научного знания. Информация может многократно продаваться на рынке и при этом она не теряет своих потребительских свойств и не отчуждается от собственника. Продажа информации осуществляется в форме продажи патента, авторского права, лицензии или готового информационного продукта.

Г.Н. Соколова

ИНФОРМАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО – термин, введенный М. Кастельсом (см.) в работе "Информационная эпоха" (1996) в противовес понятию "информационное обще-

ство" (см.). По мнению Кастельса, последнее говорит лишь о роли информации как "переданных знаний" в обществе, но в таком понимании информация "имела критическую важность во всех обществах". В противоположность этому термин "И.О." относится к атрибуту "специфической формы социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям, возникающим в данный исторический период, генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти". Определяющим для И.О. становится "воздействие знания на само знание как главный источник производительности".

А.Д. Шукаев

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА – комплексная стратегия достижения информационного превосходства при противоборстве в конфликте путем воздействия на информационную среду противника при одновременном обеспечении безопасности собственной информационной среды. По соотношению "эффективность – себестоимость" И.В. является в настоящее время самым перспективным способом "продолжения политики иными средствами" (см. **Война**). И.В. правомерно трактовать как составляющую часть информационной борьбы. Особенность информационной борьбы заключается в том, что она ведется постоянно – в мирное и в военное время.

Организация и ведение информационной борьбы подчиняются определенным закономерностям: 1) Информационная борьба является самостоятельной формой конфликта и не может рассматриваться как разновидность его вооруженной составляющей. 2) Информационная борьба всегда бескомпромиссна. 3) Роль информационной борьбы повышается по мере углубления информатизации общества. Расширение сферы применения новейших информационных технологий повышает их уязвимость и снижает их устойчивость. В ходе информационной борьбы происходит постоянное увеличение числа косвенных участников конфликта, вовлекаемых в него по мере углубления информатизации общества. 4) Информационная борьба ведется непрерывно на протяжении всего конфликта. 5) Следствия ведения информационной борьбы не всегда очевидны для тех, против кого она ведется. 6) Информационная борьба носит упреждающий характер. Только после завоевания информационного превосходства над противником возможно принятие адекватных решений и эффективное разрешение конфликта. 7) Развитие и исход информационной борьбы происходят в пользу стороны, обладающей более высоким информационным и технологическим потенциалом.

Главным инструментарием ведения информационной борьбы и И.В. выступает информационное оружие – совокупность методов и средств разрушения (похищения) информации, запрета доступа к ней законных владельцев, разрушения систем телекоммуникационного обеспечения жизнедеятельности противника. Основными свойствами информационного оружия являются: 1) скрытность (возможность достижения целей войны без ее объявления); 2) масштабность (возможность нанесения противнику невосполнимого ущерба); 3) универсальность (возможность применения военными и невоенными структурами агрессора). Угроза И.В. может исходить от враждебных государств, от террористических групп и от отдельных личностей. В мирное время И.В. имеет целью подрыв безопасности личности, общества и государства противоположной стороны и защиту собственных национальных интересов. В военное время И.В. сочетается с традиционными способами ведения боевых действий и направлена на информационно-психологическое обеспечение мероприятий по дезинформации противника и защите собственной информации.

В зависимости от объекта воздействия И.В. подразделяют на информационно-техническую войну и информационно-психологическую войну. Основной военный аспект информационно-технической войны: 1) достижение информационного превосходства над противником в средствах управления и связи; 2) получение опережающей информации о стратегической, оперативной или тактической обстановке для принятия соответствующих решений; 3) дезинформация противника. Особый интерес для государств и корпораций представляет экономическая информация, научно-технические и государственные тайны. Новейшие информационные технологии позволяют небольшим автономным и рассеянным группам людей координировать собственную деятельность в реальном масштабе времени через любые расстояния. Доминирующее положение на локальном и глобальном уровне занимают субъекты, действующие в сетевой форме. Эти принципиально новые формы самоорганизации человеческих сообществ нередко возникают внутри уже существующих типов отношений: родоплеменных, иерархических и др. Растет число активных участников неправительственных организаций, владеющих новейшими информационными технологиями: ранее эти группировки были несравнимо слабее субъектов государств и корпоративных структур. Теперь новейшие информационные технологии сняли с групп гражданского общества изоляцию и дали им возможность кооперации, координации, распределения и обмена информацией в планетарном масштабе и в реальном масштабе времени. Пассивное противодействие И.В. в компьютерных сетях – это законодательное, организационное (выработка политики в области информационной безопасности, анализ угроз и методов их нейтрализации, подбор и обучение персонала, дисциплина информационной безопасности, физическая защита помещений и оборудования и др.) и программно-техническое (защищенные линии связи, управление доступом, технологии "клиент-сервер", криптографическая защита данных, потоковое шифрованное сжатие больших объемов информации, спецификация технологий разработки и независимая сертификация оборудования, программного обеспечения и др.) противодействие.

Активное ведение И.В. в компьютерных сетях – это: 1) кампании дезинформации; 2) техно-программные варианты психологических методик фильтрации информации; 3) "случайные аварии" стратегически важных систем с компьютерным управлением; 4) хакерство; 5) программные вирусы и

логические бомбы; 6) создание боевых групп для активной работы в сетях. В настоящее время в ряде государств разрабатываются меры противодействия сетевым И.В., создавая специальную сеть для отслеживания распространения информации во всем мире. Возможно автоматически перехватывать любую электронную информацию, распространяемую по мобильным и стационарным телефонам, факсам или электронной почте, непрерывное прослушивание всех коммуникационных каналов с применением словарей ключевых слов, фраз, имен, географических названий, что позволяет повысить эффективность взаимодействия спецслужб различного характера. Телекоммуникационные центры перехвата информации эффективно препятствуют образованию очагов напряженности, с которыми невозможно справиться демократическими методами. Это широкомасштабное наблюдение, для которого предназначены интеллектуальные компьютерные системы поиска и анализа информации, технологии нейроагентов, мощные базы данных с обработкой сверхбольших массивов информации и возможностями поиска по нечетким запросам. Сетевой способ ведения информационной борьбы гораздо эффективнее обычного. Живучесть боевой сетевой системы несравнима с традиционными видами иерархически организованных боевых систем "человек – машина". У сетевой организации наблюдается существенная способность расти более чем в геометрической прогрессии. Здесь имеются в виду принципиально иные формы деятельности и принятия решений в военных и гражданских сообществах, когда происходит трансформация новейших информационных технологий в мегамашины двойного (в том числе и идеологического) назначения. Информация от СМИ воздействует значительно более действенно, чем в прежние годы, на общественное сознание, политические взгляды, моральные ценности и поведение людей. Информационный прессинг СМИ может создать атмосферу напряженности и политической нестабильности в обществе. Информация оказывает решающее воздействие на процессы формирования личности и может вызвать неадекватное социальное или криминальное поведение групп людей и отдельных лиц, нанести физический, материальный и моральный ущерб гражданам. Последствия информационно-психологического воздействия СМИ – глубокие трансформации индивидуального, группового и массового сознания, изменение социально-психологического климата. Это прежде всего манипуляционные воздействия на личность, на ее представления и эмоционально-волевую сферу; это инструмент психологического давления с целью явного или скрытого побуждения индивидуальных и социальных субъектов к действиям в интересах отдельных лиц, групп, организаций или стран, осуществляющих такие воздействия.

С.В. Силков

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО – понятие модернизационной парадигмы философии истории и социальных дисциплин, согласно которой любое общество проходит следующие стадии в своем развитии: 1) аграрное (доиндустриальное, традиционное); 2) современное (индустриальное); 3) постсовременное (постиндустриальное, информационное). И.О. рассматривается как качественно новый период в развитии цивилизации.

Понятие "И.О." было сформулировано на Западе в 1980-е в связи с широко развернувшейся микроэлектронной революцией. Со временем оно обрело статус одного из самых распространенных и общих названий всех философско-социологических и футурологических концепций (первые из которых были разработаны уже в конце 1960-х – начале 1970-х), стремящихся осмыслить новую социальную реальность, которая начала складываться в 1950-е (по оценкам некоторых авторов – в 1960-е) сначала в США, а затем и в странах Западной Европы, Японии. Употребление термина "И.О." широко распространено на Западе для характеристики современного состояния общественно-экономического развития. Наряду с этим названием существует и множество других – "постиндустриальное общество" (Д. Белл – **см.**, Дж.К. Гэлбрейт – **см.**), "посткапиталистическое" или "общество сервисного класса" (Р. Дарендорф – **см.**), "программируемое" или "постиндустриальное" (А. Турен – **см.**), "научное общество" (М. Понятовский), "супериндустриальное" или "общество третьей волны" (О. Тоффлер – **см.**), "цивилизация услуг" (Ж. Фурастье), "информационно-компьютерное" (Й. Масуда), "постэкономическое" (П. Дракер) и др. Эти понятия разрабатывались в рамках различных версий И.О. – более технократических либо более гуманитарно ориентированных. И.О. характеризуется определяющей ролью и высоким уровнем развития информационных технологий. Главным фактором общественных изменений становится производство и использование информации; теоретическое знание, как высшая ценность и основной товар, становится фактором формирования новой социальной структуры общества, новых моделей управления. Если в традиционном обществе с характерной для него "собирающей экономикой" (gathering economy) основным ресурсом является земля, а в индустриальную эпоху в условиях "товаропроизводящей экономики" (producting economy) центральное место занимают собственность и капитал, то в И.О. происходит переход к "обслуживающей экономике", когда доминирующую роль начинает играть сфера услуг, причем услуг информационных. Формируется "четвертичный" (информационный) сектор экономики (наряду с сельским хозяйством, промышленностью и сферой услуг) под влиянием быстро развивающейся системы социальных коммуникаций и информации. По мере развития сервисного и информационного секторов богатство утрачивает свое материальное воплощение (земля, капитал), возникает символический капитал – знания. Роль экономики (как производства материальных благ) в жизни общества постепенно убывает, происходит дестандартизация и индивидуализация в сфере производства и потребления. Меняется характер труда по пути его автоматизации (внедряются безлюдные технологии, возникает парадокс "исчезновения труда" в непосредственном производстве), а также в направлении гуманизации и расширения участия работников в управлении производством. Складывается "суперсимволическая система создания

общественного богатства" (Тоффлер), основанная на использовании информационных технологий, то есть прежде всего умственных способностей человека. Эти изменения создают условия для распространения домашнего труда на основе электронной техники ("электронный коттедж" у Тоффлера). В И.О. возрастает важность высшего образования, новая экономика вознаграждает познавательные и творческие способности, а также гибкость, индивидуализм и способность к быстрому приспособлению в постоянно меняющихся условиях. Организационные структуры бюрократического типа замещаются подвижными структурами более мелких временных союзов владельцев общей информации, а стиль руководства меняется от управления к лидерству. Знание и информация являются основой организации И.О., а также ключевым источником инноваций и социального динамизма. В доиндустриальную эпоху основными социальными институтами являются армия и церковь, в индустриальном обществе – корпорация и фирма, а в центре информационной цивилизации оказываются университеты (у Белла – "мультиверситеты" – разросшиеся академические университеты и учреждения, аналоги монополистических корпораций в сфере науки и образования). Согласно другой позиции, ни один социальный институт в И.О. не будет играть центральную роль, и общество будет организовано в форме сети, а не иерархии институтов (Тоффлер). В новом обществе изменяется природа власти, которая приобретает высшее качество и максимальную эффективность. В аграрном обществе источником власти было принуждение, в индустриальном – власть была основана на богатстве, а в И.О. определяющим фактором осуществления власти становится знание как неисчерпаемый, универсальный и демократичный по своей природе капитал. Не собственность, а знания и доступ к информации стратифицируют И.О., так что основными факторами статусной дифференциации становятся образование, профессионализм и квалификация. Происходит рассеивание собственности и превращение капитала в акционерную форму, что обеспечивает потенциальную возможность включения в управление фактически каждого. Власть переходит от класса собственников к образованной правящей элите. В новой ситуации основной социальный конфликт заключается не в противоречии между трудом и капиталом, а в столкновении между знанием и некомпетентностью. Знания и контроль над информацией означают обладание властью и возможность влияния. В экономической сфере локализация власти смещается из сферы производства в сферу распределения; отсутствие информации лишает возможности участия в принятии решений и организации. Возникают новые формы конфликта – "информационные войны" (Тоффлер). Информация в И.О. является основой не только конфликтов, но и социального взаимодействия. Специфическими чертами И.О. являются дестандартизация и демассификация всех сторон социальной жизни, а также высокий уровень инновативности и ускоренные темпы социальных изменений. Это означает, с одной стороны, интенсификацию и неустойчивость социальных связей, преобладание "модульных" отношений в сфере межличностного общения (связь устанавливается не с целостной личностью, а только с определенной ее функцией), рост социальной напряженности, а с другой – высокую социальную мобильность (особенно среди профессионалов и интеллектуалов). В отношении потребления продукции формируется новая установка – культура "вещей одноразового использования". Общественные и индивидуальные ценностные системы также подвержены быстрой трансформации и носят временный характер. В И.О. возникает множество независимых ценностных систем ("мозаика"), предлагаемых различными социальными институтами и субкультурами, так что человек сталкивается с проблемой выбора – в стиле потребления, в образовании, культурной ориентации.

В.В. Костюк

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СРЕДА – совокупность всех видов технологий, использующихся для создания, хранения, обмена и использования информации (**см.**) во всех ее формах (числовой, текстовой, графической, фонографической, видеографической и др.). Социологами И.-Т.С. рассматривается, в первую очередь, как средство и среда коммуникации (**см.**) (см. **Белл, Кастельс, Маклюэн**).

А.Д. Шукаев

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ – способы создания, фиксации, переработки и распространения информации (**см.**). В словосочетании "И.Т." выражена определяющая роль, которую в современном обществе играет не информация сама по себе, а именно конкретные способы и механизмы оперирования ею. Вообще значение разнообразных социальных технологий, в том числе информационных, по мере развития общества все возрастает. Связано это с технологизацией человеческой деятельности, а технология, будучи включенной в систему общественных отношений, становится фактором различных социальных модификаций и трансформаций, влияя на разнообразные структуры и подсистемы общества.

К И.Т. относится создание письменности, изобретение книгопечатания, телефона, телеграфа, радио, телевидения, компьютерные технологии и т.д. Все И.Т. можно разделить на две большие группы – традиционные и современные И.Т. Такое деление связано с тем, что все предшествовавшие изменения в производстве информации касались лишь способов ее фиксации, тиражирования и распространения, не затрагивая самого процесса создания и смысловой переработки информации. Собственно интеллектуальная деятельность до последнего времени осуществлялась "вручную". Так, изобретение печатного станка (традиционной И.Т.), хотя и расценивается как революционный переворот в системе существовавших способов социального наследования, так как дало возможность безграничного роста производства "бумажной" информации и механизма ее размножения, но не затронуло способов переработки и использования информации, которые по-прежнему зависели от физиологических данных человека. Именно это свойство книгопечатания и породило противоре-

чие между возможностями накопления информации и возможностями ее переработки и использования. Специфика же современных И.Т. (мультимедиа, искусственный интеллект – **см.** – и др.) заключается в том, что они проникают прежде всего в сферу интеллектуального труда. В отличие от всех других технологий, реализуемых исключительно в сфере материального производства и предметной деятельности, и, соответственно, лишь опосредованно влияющих на духовную деятельность, современные И.Т. являются культурогенными и гносеогенными. Реализуя свою культурогенную функцию, современные И.Т., проникая во все механизмы массовой коммуникации (**см.**), образование (**см.**), воспитание (**см.**), оказывают влияние на формирование личности (**см.**), образ жизни (**см.**), систему межличностного общения и т.д. Гносеогенная функция современных И.Т. заключается в совокупности осуществляемых с их помощью процедур и операций, влияющих на познание и содействующих приросту новых знаний. Кроме того, современные И.Т. характеризуются эффектом автогенеративности: информация, циркулирующая в информационных системах, обладает интенцией к самопорождению.

Возникновение современных И.Т. имеет своим последствием создание интеллектуальной технологии, то есть артефактов, программных продуктов и комплекса научных дисциплин, обеспечивающих рождение принципиально нового феномена в истории мировых цивилизаций и культур. Этот феномен состоит в возможности продуцирования, трансформации, сверхскоростной передачи и реализации информации не только с помощью человеческого мозга и традиционных средств связи, но и с помощью совершенно новых технических устройств, заложивших материальную базу информационного общества (**см.**). Следовательно, роль современных И.Т. не сводится к чисто количественным показателям, как, например, освобождение от рутинных и громоздких операций. Основное значение от внедрения современных И.Т. – радикальное изменение всей системы духовно-практической деятельности и культурного творчества.

И.В. Сидорская

ИНФОРМАЦИЯ (лат. informatio – разъяснение, изложение, осведомленность) – одно из наиболее общих понятий науки, обозначающее некоторые сведения, совокупность каких-либо данных, знаний и т.п. В границах системно-кибернетического подхода И. рассматривается в контексте трех фундаментальных аспектов любой кибернетической системы: информационном, связанном с реализацией в системе определенной совокупности процессов отражения внешнего мира и внутренней среды системы путем сбора, накопления и переработки соответствующих сигналов; управленческом, учитывающем процессы функционирования системы, направления ее движения под влиянием полученной И. и степень достижения своих целей; организационном, характеризующем устройство и степень совершенства самой системы управления в терминах ее надежности, живучести, полноты реализуемых функций, совершенства структуры и эффективности затрат на осуществление процессов управления в системе.

Само понятие "И." обычно предполагает наличие, по крайней мере, трех объектов – источника И., потребителя И. и передающей среды. И. не может быть передана, принята или хранима в чистом виде. Носителем ее является сообщение. Сообщение – это кодированный эквивалент события, зафиксированный источником И. и выраженный с помощью последовательности условных физических символов (алфавита), образующих некую упорядоченную совокупность. Средствами передачи сообщений являются каналы связи. По каналу связи сообщения могут передаваться лишь в единственно приемлемой для этого канала форме сигнала. Сигнал – это знак, физический процесс или явление, распространяющееся в канале связи и несущее сообщение о каком-либо событии, состоянии объекта наблюдения или контроля, команды управления, указания и т.п. Так, электрические сигналы распространяются в электронных и электрических цепях, акустические – в среде газа, жидкости или твердого тела и т.д. Несущий И. сигнал, передаваемый средой (каналом) и получаемый потребителем, имеет для последнего определенный смысл, отличный от самого факта поступления этой И. (сообщения). Это достигается за счет специальных соглашений, заключаемых между источником и потребителем И., в соответствии с которыми сигнал интерпретируется, т.е. из получаемого сигнала извлекается понятный потребителю смысл. Таким образом, простая физическая регистрация принятого сигнала еще не означает, что получена И. от источника, если с помощью известных потребителю правил из этого сигнала не будет извлечен смысл. При этом важно подчеркнуть, что сам сигнал может и не иметь непосредственной физической связи с событием или явлением, о котором он несет И. В этом смысле И. выступает как свойство объектов и явлений порождать многообразие состояний, которые посредством отражения передаются от одного объекта к другому и запечатлеваются в его структуре. Мозг человека посредством органов чувств получает огромный объем И.

И. является основным материалом мышления и лежит в основе всякой умственной деятельности. Краеугольным камнем в теории И. является презумпция того, что разнообразные сообщения, имеющие самые различные содержания и относящиеся к самым различным вопросам, могут быть переведены на общий язык, а И., которую эти сообщения несут, может быть количественно измерена. С помощью такой количественной меры можно оценивать передаваемые сообщения независимо от формы, в которую они облечены. Это положение создает объективную основу для построения общей научной теории И. Подобно тому, как введение понятия энергии позволило рассматривать все явления природы с единой точки зрения, так и введение понятия И., единой меры количества И. позволяет подойти с единой общей точки зрения к изучению самых различных процессов. Количество переданной И. и тем более эффект воздействия И. на получателя не определяются количеством энергии, затраченной на ее передачу. Поэтому одной из важнейших особенностей И. является ее

неэнергетический характер. Сущность использования И. состоит в том, что приведение в действие больших масс вещества и процессов передачи и преобразования больших количеств энергии могут направляться, контролироваться при помощи небольших масс и количеств энергии, несущих И. Так, например, на автоматизированных робототехнических комплексах изготавливаются сложнейшие детали и узлы современных машин и осуществляется их сборка под воздействием весьма маломощных в энергетическом смысле управляющих сигналов, подаваемых встроенными в технологическую линию микропроцессорами на исполнительные органы станков и роботов. Кибернетический подход к И. интересен тем, что он абстрагирован от конкретных форм энергии и материи, с помощью которых осуществляются информационные процессы в живой природе, машинах и человеческом обществе.

В философии более трех десятилетий сосуществуют два различных подхода, две противостоящие друг другу концепции И. – атрибутивная и функциональная. Атрибутивная концепция трактует И. как свойство всех материальных объектов, т.е. как атрибут материи. Функциональная концепция, напротив, связывает И. лишь с функционированием самоорганизующихся систем. Каждая из этих концепций отражает определенный аспект И. и поэтому их можно рассматривать в единстве, при котором атрибутивная концепция делает акцент на независимости И. как атрибута материального объекта от процессов ее использования, отражая тем самым статический аспект И. Функционирование же кибернетической системы, с которой связывает И. функциональная концепция, отражает по своей сути динамический аспект И., определяющий И. через динамику информационных процессов. Объекты потому могут порождать процессы, что в них, этих объектах, содержится И., которая при определенных условиях может реализовываться в "передающую" часть отражения. Субъект извлекает из объектов И. и включает ее в контур познания и/или управления. При этом выявляется содержание, смысл И., она приобретает ценность, раскрываются ее семантический и прагматический аспекты. В этом контексте можно говорить об относительном и абсолютном характере И. Относительный характер И. выражается в том, что какой-либо объект является источником И. всегда лишь в отношении к другому, строго определенному и взаимодействующему с ним объекту, который способен в данных конкретных условиях воспринять (извлечь) и использовать в своих целях эту И. Абсолютный же характер И. выражается в том, что нет таких материальных образований (объектов), которые не обладали бы таким свойством, как И. Это справедливо как в отношении открытых (взаимодействующих) объектов (систем), так и замкнутых (изолированных), хотя в отношении последних с известной степенью идеализации можно говорить как о потенциальной возможности их обладать И. Встав в один ряд с такими фундаментальными категориями, как материя и энергия, И. превратилась в необычайно широкое понятие и продолжает раскрываться все шире и глубже.

В зависимости от области исследований И. имеет множество определений: обозначение содержания, полученного от внешнего мира в процессе приспособления к нему (Н. Винер); отрицание энтропии (Бриллюэн); коммуникация и связь, в процессе которой устраняется неопределенность (К. Шеннон); передача разнообразия (У. Эшби); мера сложности структур (А. Моль); вероятность выбора (Яглом). Каждое из этих определений раскрывает ту или иную грань многоаспектного понятия И. как меры неоднородности распределения материи и энергии в пространстве и времени и меры изменений, которыми сопровождаются все протекающие в мире процессы. И. как объект научного исследования и изучения предполагает выделение технических, семантических и прагматических аспектов. В техническом аспекте изучаются проблемы точности, надежности, скорости передачи сообщений, технических средств и методов построения каналов передачи сигналов, их помехозащищенности и др. В семантическом аспекте исследования направлены на решение проблемы точности передачи смысла сообщений с помощью кодированных сигналов. Прагматический аспект исследования И. заключается в том, насколько ценным для потребителя является полученное сообщение с точки зрения влияния этого сообщения на последующее поведение потребителя. Идея, что И. можно рассматривать как нечто самостоятельное, возникла вместе с новой наукой – кибернетикой, доказавшей, что И. имеет непосредственное отношение к процессам управления и познания, обеспечивающим такие качества систем, как устойчивость и выживаемость. В кибернетической системе указанные два процесса оказываются тесно связанными. Действительно, для формирования оптимального поведения в среде своего обитания система должна постоянно приспосабливаться к непрерывно изменяющимся внешним условиям, исследуя, изучая и познавая эту среду путем сбора и обработки как внешней, так и своей внутренней И., в результате чего в системе формируется динамическая информационная модель внешнего мира. Поэтому необходимым условием любого процесса управления и/или познания, осуществляемом в живом организме, в технической системе или в человеческом обществе являются процессы сбора И., ее передачи, накопления, переработки и использования в процессах выработки управляющих воздействий для достижения целей управляемой системы. Кибернетика рассматривает взаимодействия системы со средой и систем между собой исключительно как информационные, в то время как другие науки те же взаимодействия могут исследовать в иных аспектах. Поэтому управление в кибернетических системах наиболее логично определяется именно через И.: как переход или перевод системы в одно из возможных для нее состояний, производимый либо самой системой, либо другой системой в результате получения и передачи И. Основная задача управления, с точки зрения кибернетики, – сохранение и накопление имеющейся и поступающей в систему И., что эквивалентно сохранению или повышению имеющейся организованности системы.

Говоря о двуединстве процессов управления и познания, в кибернетических системах различают два вида И.: 1) струк-

турная (или связанная) И., присущая всем объектам живой и неживой природы естественного и искусственного происхождения и возникающая как результат отбора, фиксации и закрепления в системе в форме определенных структурных изменений ее положительного опыта взаимодействия с внешней средой, т.е. благодаря и в результате целенаправленных управленческих процессов; 2) оперативная (или рабочая), циркулирующая между объектами материального мира и используемая в процессах управления в живой природе, технических системах и человеческом обществе. Важно отметить существование глубокой аналогии между процессами управления и познания. В основе обоих этих процессов лежат активное отражение и цикличность. В их структуре – по два контура обратной связи. В первом контуре циркулирует т.наз. оперативная И., возникающая как результат отклонения параметров системы от заданных под воздействием среды (система управления) или как результат проявления свойств исследуемого объекта под воздействием сигналов субъекта познания (система познания). Во втором контуре в результате семантической фильтрации информационных потоков первого контура происходит отбор и накопление полезной, с точки зрения целевой функции, И., превращение ее в структурную и тем самым формирование процесса саморазвития системы на структурном уровне. В системе управления появляются такие ее новые свойства, как обучение, адаптация, прогнозирование (упреждающее отражение), что несомненно повышает жизнеспособность системы. В системе познания выявляются закономерности исследуемого объекта, формулируются гипотезы, доказываются теоремы, создаются теории.

И. как философская категория фиксирует не только всеобщие формы бытия, их связи и взаимообусловленность, но и является фактором развития от низшего к высшему в природе, обществе и познании. В связи с этим различают три формы И., соответствующие трем физическим сущностям кибернетических, целенаправленных систем: биологическая И. внутри живых организмов и между ними, машинная И. внутри и между машинами и социальная И. в человеческих сообществах. При всем качественном различии в содержании и формах представления указанные виды информационных процессов изоморфны в структурном отношении, что является объективной предпосылкой создания искусственных информационных систем, реализующих функции памяти, обратной связи, имитации реальных физических, биологических, социальных и иных различных по своей природе процессов и явлений. Активная роль И. в возникновении и развитии новых форм движения и информационных структур, а также единство и взаимосвязь структурной и оперативной И. особенно четко проявились в двух переломных скачках развития материи – от неживой природы к жизни и от высших животных к человеку и к человеческому обществу. Последнее способствовало резкому повышению интенсивности оперативной И. и взаимообщению людей в процессе их трудовой деятельности. Появление множества новых взаимосвязей и взаимодействий привело к образованию новой метаструктуры – человеческого общества. По мере накопления в обществе различных видов И. невиданными темпами возрастает интенсивность ее потребления во всех сферах жизнедеятельности общества. Это приводит к дифференциации оперативной И. в обществе, к появлению таких ее видов, как социальная, научно-техническая, технологическая, статистическая, используемых в целенаправленной деятельности людей по созданию множества новых искусственных структур – орудий труда, машин, предметов быта, достижений наук, произведений искусств и т.п. – т.е. по формированию ноосферы. В связи с этим на первое место выдвигается содержательный аспект И., ее релевантность по отношению к деятельности людей.

Содержательная, ценностная сторона первоначального формально-математического понятия И. позволила объединить понятия "знание" и "И." в новое единое фундаментальное понятие "информационный ресурс". И. стала превращаться в важнейший стратегический ресурс общества. С расширением использования информационного ресурса связывается переход общества в принципиально новую фазу своего развития – т.наз. "информационное общество", где возможно появление принципиально новых форм социальной активности индивида и целых социальных групп в форме социально-информационных технологий. Информационные технологии возникают как средство разрешения противоречия между накапливающимися во все возрастающих объемах знаниями, с одной стороны, и возможностями и масштабами их социального использования – с другой. Отсюда и двоякая роль информационных технологий: с одной стороны, это средство преобразования знаний в информационный ресурс общества, а с другой – это средство реализации социальных технологий и преобразования их в социально-информационные технологии, которые уже могут непосредственно использоваться людьми в системах государственного управления и общественного самоуправления. Изучением и развитием теории информационных технологий и ресурсов и их роли в интеллектуализации общества на современном этапе занимается относительно молодая наука информатика. Мировая практика подтверждает известное научное положение о том, что интенсификация информационных процессов, все более углубленная переработка И. и всестороннее использование информационных ресурсов в управлении повышает устойчивость, приспособляемость к меняющимся внешним условиям, живучесть и надежность индивида, общественных систем. Прямым следствием интенсификации информационных процессов является ускорение развития человеческого потенциала, повышение уровня образованности и информированности людей и через это – формирование все расширяющегося социально, политически и экономически активного слоя населения. Таким образом, формирующиеся в обществе во все возрастающем объеме информационные ресурсы и ускоряющиеся темпы их потребления в системах управления всеми сферами жизнедеятельности общества с помощью социально-информационных технологий являются главными признаками информационного общества и ключевыми факторами оптимизации его развития.

О.И. Семенков

ИНХЕНЬЕРОС (Ingenieros) Хосе (1877-1925) – аргентинский философ, психолог, социолог, общественный и политический деятель, врач-психиатр. Свою теоретико-методологическую позицию определял как "философию человека, идеала и моральных ценностей", или как "новую метафизику опыта" и "новую метафизику будущего" (еще одно самоопределение – "функциональная этика"). Непосредственным учителем И. был аргентинский социолог Х.М. Рамос Мехиа, автор книги "Аргентинская толпа" (1899).

На творчество И. (особенно раннее) сильное влияние оказали концепции Г. Спенсера (см.) и Ч. Дарвина, но больше он опирался все же на уже сложившуюся собственную аргентинскую традицию (Э. Эчеверриа, Х.Б. Альберти, Д.Ф. Сармьенто). Эволюция взглядов И. подчинена логике движения от исходных позитивистских установок к их преодолению (однако вплоть до последних работ у И. прослеживается "соскальзывание" к редукции биологического типа, что стимулировалось его врачебно-профессиональными интересами), к концепции "архентинидада" (аргентинский аналог "философии мексиканской сущности") и к формулировке программы преобразования метафизики в духе идей, близких методологии европейского неорационализма (как версии философии науки). Как практикующий врач И. использовал некоторые идеи З. Фрейда. В советской историко-философской традиции творческая эволюция И. трактовалась как движение от "автохтонного" аргентинского позитивизма к материализму и марксизму (что требовало жесткой селекции наследия И. в пользу его "естественнонаучной" составляющей и акцентирования работ психологического и, частично, социологического характера). И. считал себя социалистом (в частности, декларировал тезис об обобществлении средств производства как базисе социализма). Его первая, опубликованная в 18 лет, брошюра называлась "Что такое социализм?" Ближайшим учеником и соратником И. был А.Н. Поисе, считающийся основоположником марксистской (по сути неомарксистской) традиции в Аргентине, продолженной, в частности, учеником Поисе Э.П. Агости. Ученики и последователи называли И. "Моральной силой народа". Отец И. был деятелем 1-го Интернационала, издавал первую на Сицилии социалистическую газету "Иль новеро", вынужден был по политическим мотивам эмигрировать в Аргентину. И. изучал медицину сначала в Колехио Насиональ Централь, а затем в Университете Буэнос-Айреса, где некоторое время параллельно учился и на факультете права. Там же (с 1900) читал курс экспериментальной психологии и руководил (с 1904 по 1909) одноименной кафедрой. Докторская диссертация И. была посвящена проблемам симуляции сумасшествия. Вместе с Х.Б. Хусто возглавлял студенческое движение, затем Движение за университетскую реформу в Аргентине (считал университет школой социального действия, приспособленной к среде и времени; обновление университета рассматривал как вариант революции "сверху"). В 1896-м – участник Учредительного съезда Социалистической партии Аргентины (Хусто был избран президентом, И. – секретарем). Редактирует партийную газету. В 1902-м вышел из партии. Эволюционизировал к либерализму. В 1905 был представителем Аргентины на пятом Психологическом конгрессе в Риме (около полутора лет прожил в Европе). В 1907, вернувшись из Европы, возглавил Институт криминалистики, с 1909 – президент Аргентинского медицинского общества. В знак протеста против вмешательства властей в научно-исследовательскую деятельность уехал в 1911 в Европу – сначала в Лозанну, затем в Гейдельберг, где прослушал курс философии. В эти годы происходит окончательный поворот И. к философско-социологической проблематике. В 1914 вернулся в Буэнос-Айрес, в 1915 выпустил первый номер журнала "Ревиста де фолософиа" (совместно с Поисе в 1923-1925), который возглавлял до конца жизни, в 1923 – основал ежемесячник "Реновасьон" (основная проблематика – единство Латинской Америки). В ноябре 1918 сделал доклад "Историческое значение максималистского движения", в котором описывал события 1917-го года в России и ряд переломных точек цивилизационного ("максималистского") движения человечества, формирующего "новое сознание" человечества (Античность, Христианство, Возрождение, Реформация, Новое время, Французская революция). В 1925, вернувшись в политику, создает Латиноамериканский союз, в этом же году организовал в Париже Антиимпериалистическую латиноамериканскую ассамблею. "Россия – это Галилея, большевики – апостолы", – утверждал И. в статье "Моральные силы русской революции" (1920).

Основные работы И.: "Симуляция сумасшествия" (1900); "Латиноамериканская эволюция" (1901); "Симуляция в борьбе за жизнь" (1902); "Хроники путешествий" (1906); "Криминология" (1907); "Основы психологии" (1911, программная работа по психологии, трактующая ее в триединстве филогенетики – сравнительной психологии, социогенетики – социальной психологии, онтогенетики – индивидуальной психологии); "Принципы биологической психологии" (1913); "Средний человек" (1913, работа, предвосхитившая многие концепции неклассической социологии); "Наука и философия" (1917); "К морали без догм" (1917); "Аргентинская социология" (1917, последняя глава осталась незаконченной); "Тезисы относительно будущего философии" (1918, в работе проективно описаны основные черты философии 20-го в. в духе "новой метафизики опыта", т.е. нового рационализма); "Эволюция аргентинских идей" (т. 1-2, 1918-1920, первый вариант – 1910); "Новые времена" (1921); "Моральные силы" (1925, работа, задавшая направление последующим разработкам архентинидада в рамках "философии латиноамериканской сущности" и "философии освобождения", ее рассматривают как завещание И.); "Университет будущего. (Научная философия об организации университетов)" (исходно – доклад 1916 на Втором американском конгрессе в Вашингтоне; предвосхищение Движения за университетскую реформу в Аргентине (провозглашено в 1918); работа опубликована в 1957) и др.

И., проектируя проблематику философии на 20 в. и пытаясь определить сам ее статус в новых социокультурных условиях, выдвинул цель реабилитации метафизики как "новой метафизики": "метафизики опыта" и "метафизики будущего".

Первая задача этой программы формулируется им как задача тотальной критики "старой" ("традиционной") метафизики и ее переинтерпретации – критического трансцендентализма И. Канта ("Мудрец из Кёнигсберга, которого больше хвалили, чем читали, осудил старую метафизику от имени другой, которую сам же поспешил дискредитировать под давлением социальных догм, несовместимых с его собственной логикой"). Основной порок всей предшествующей метафизики, согласно И., – догматизм. Поэтому он целиком принимает кантовскую программу критики (считая ее радикальной переформулировкой принципа сомнения Р. Декарта), но вменяет Канту в вину сохранение позиции трансцендентального субъекта и подчинение философии догматизму этики (как ранее она была подчинена теологии). Т. обр., согласно И., недостатки "старой" метафизики не были преодолены немецким трансцендентальным идеализмом, более того, последний породил в 19 в. кризис метафизики как таковой, превратив ее в "мертвую науку, в ученую эвристику предрассудков и легенд", в "бесцветную тавтологию" в трудах последующих комментаторов, не находящих импульса для ее дальнейшего развития и сделавших ее герменевтикой, т.е. "палеометафизикой" гипотез, ограничивающейся "побелкой надгробных памятников, не всегда достойных уважения". Отсюда констатация необходимости "освобождения от всякой метафизики" как "первого условия интеллектуального прогресса" в позитивизме, "растворяющем" философию в науке, или тенденция к спиритуализации философского знания, "растворяющей" его в мистицизме (примером чего служит для И. "витали-стический эволюционизм" А. Бергсона). Фактически подобные установки означают для И. попытку констатировать "смерть философии" ("с провозглашением конца метафизики утверждается смерть всей философии"), так как для него философ – "это тот, кто ставит новые метафизические проблемы или по-новому пытается ставить старые, кто формулирует или согласовывает правильные гипотезы, чтобы их решать". "Кроме этих случаев, – отмечает И., – титул "философа" обыкновенно присваивается ученым или литераторам по необдуманности или из вежливости". Т. обр., вторая задача программы формулируется И. как необходимость полного обновления метафизики "в постановке ее проблем, методологии ее гипотез, ее языке, ее структуре". Вне метафизики лежит уже область науки, занимающейся опытным знанием, а не философии, основная задача которой – изучение внеопытного знания ("метафизика – единственный вид философии, который не может стать наукой и который является stricto sensu [в строгом смысле] всей философией"). Неуклонное расширение поля научного познания не упраздняет метафизику (всегда нечто будет оставаться "за" опытом), поэтому культура 20 в. "вместо того, чтобы отрицать существование проблем, неразрешимых опытным путем, будет стремиться ставить их по-новому...". Метафизика вечна, коль вечны внеопытные проблемы и коль скоро познание есть познание "постоянно изменяющихся взаимосвязей". Даже если представить, что "все" доступно опыту, изменение этого "всего" (объектов и условий опыта) отрицает как возможность окончательного познания, так и сведение всего познания к опытному (т.е. научному). При этом "внеопытное" как предмет познания метафизики (равно – философии) не соответствует: 1) ни "сверхъестественному", 2) ни "абсолютному", 3) ни "трансцендентальному", 4) ни "умонепостижимому", 5) ни "непознаваемому" ("все эти понятия включают в себя свойства вещи в себе, это ноумены в противоположность феномену как объекту опыта"). Внеопытное познаваемо, но познаваемо гипотетически, всегда соотносимо с опытом и изменяется по мере изменения этого опыта (вечность внеопытных проблем никоим образом не доказывает правильность гипотез, с помощью которых пытаются объяснить такие проблемы). Познание относительно и его задача состоит в замене "верными гипотезами" таких, "неправильность которых уже доказана". В этом суть "новой метафизики" как "метафизики будущего", как философии принципиально "открытой", а не "замкнутой" и "догматичной". Третья задача философской программы И. – показать, что "новая метафизика" невозможна иначе, как "метафизика опыта", т.е. показать, что внеопытное обусловлено опытным и изменяется под его воздействием. Т. обр., философия возможна только как философия науки, как "научная философия" ("философские идеи могут быть только естественным завершением... научных исследований и... их ценность будет зависеть, в первую очередь, от широты этих исследований"), но при этом она не поглощается наукой (как у позитивистов), а вступает с ней в сложное взаимодействие, в котором наука и философия (метафизика) взаимно обусловливают друг друга, при этом строго демаркируя себя друг от друга и от других областей человеческой деятельности (прежде всего от "литературы", что для И. в социокультурных условиях Латинской Америки означало требование профессионализации философии). Итак, наука – это область опытно полученного, приращиваемого и расширяющегося знания, которое подчинено в значительной мере методологии позитивизма (которой И. отдал известную дань в своих конкретно-научных исследованиях), а "предметом метафизики является формулирование правильных гипотез о внеопытных проблемах". Гипотезы, "сводящиеся к гармоничному и связному объяснению внеопытного, составляют метафизическую систему", находящуюся в "процессе постоянного формирования", опирающуюся на опытное (экспериментальное) знание и характеризующуюся: 1) универсальностью (она суть "преодоление всех форм опыта, так как все они граничат с внеопытными проблемами", суть система гипотез, "основанная на законах, доказанных частным опытом", и необходимая "для объяснения проблем, стоящих за пределами настоящего или возможного опыта"); 2) возможностью совершенствоваться (она, предлагая постоянно новые гипотезы, заменяет замкнутые системы открытыми, находящимися в процессе непрерывного становления; гипотезы формулируются не как "окончательные утверждения", а как "приблизительные"); 3) антидогматизмом (она "имеет метод, но не имеет догм", все ее гипотезы являются "критическими", но не "трансцендентальными", "т.е. исправимыми и доступными совершенствованию, как только вступят в противоречие с результатами

опыта"; кроме того, антидогматизм означает увеличение плюральности – "терпимость к философским мнениям, которые не соответствуют общераспространенным верованиям, будет увеличиваться с каждым днем"); 4) безличностью (она будет развиваться "все большим числом компетентных людей", как и в науке организовываемых в особые сообщества: группы или школы, создающие условия для совпадения мнений "многих исследователей, придерживающихся противоположных доктрин"). С эпохи Возрождения, указывает И., наметилась тенденция противопоставления наук метафизике, что, в конце концов, поставило философию вне науки и привело к выделению из нее группы дисциплин, претендующих на статус науки (логики, эстетики, этики, т.е. "психологических наук", так как логический, эстетический и моральный опыт суть различные аспекты одного опыта, "взятого в трояком его аспекте – специфическом, социальном и индивидуальном"). "Психологические науки", не став полностью опытными, порождают внеопытные проблемы, которые остаются за метафизикой, не исчерпывая последнюю. С другой стороны, они не образуют специфической области "наук о духе", отличаясь от других научных дисциплин только предметом, но не сущностью. Тем не менее "психологические науки" формируют свой собственный опыт ("изучают различные аспекты естественного формирования опыта") в отличие от так называемых "наук о природе", выдвигающих проблемы, стоящие за пределами их собственного опыта.

Из отмеченного И. делает два вывода: 1) все науки, при всех их возможных различиях, продуцируют опытное знание (что только и делает их науками), являются основой для формирования внеопытных гипотез философии, а изменяя в ходе своего развития параметры опыта, вынуждают корректировать сами эти гипотезы; 2) в течение 20 в. философия будет продолжать "освобождаться от превратившихся в науки областей, и метафизика станет ее единственной областью (незаменимой эпистемологией)", разрабатывающей свои гипотезы с точки, которая "станет для всех наук пределом их опыта (всякий раз временно)". С третьей неразрывно связана четвертая задача философской программы И. – показать неразрывную связь между возможностями опытного знания и состоянием метафизики (философии), с одной стороны, и социокультурными условиями определенной исторической эпохи (региона, страны) – с другой. "Я считаю, – писал И., – что доктрины философов будут непонятны, если игнорировать политическую и религиозную историю общества, в котором они писали; их личные идеи не могут быть абстрагированы от убеждений, стремлений и идеалов, характерных для их эпохи в целом, их социальной среды, ибо они всегда составляют точку их опоры или мишень их нападок". Обнаружить это возможно лишь при удержании "исторической перспективы". Последняя позволяет, во-первых, увидеть груз схоластического наследства старой метафизики (это относится прежде всего к проблематике божественного и бессмертия души) и распознать ложные проблемы и неверные формулировки гипотез, а во-вторых – преодолеть влияние философской моды, которой подвержены те, "кто не имеет собственных взглядов", а в силу этого лишь ошибочно носит "имя философа". В результате появляется возможность на основе вскрываемой в исторической перспективе "метафизической логики" (т.е. логики внеопытного гипотетического знания, особого типа содержательной логики) "очистить" проблемы познания (наиболее устойчивы, согласно И., "идолы театра" и "идолы рынка") и выработать терминологически адекватный язык их описания, а самое главное – избавиться от принципа авторитета ("политического, религиозного, социального, образовательного"), закрывающего "на замок уста еретиков", заставляя их подчиняться "общераспространенным верованиям" и считаться с господствующим "социальным догматизмом" ("все великие философы были в какой-то степени еретиками по отношению к социальному догматизму своей среды и своего времени"). Давление общества породило "лицемерие философов", заключающееся в том, что философы "прямо или косвенно уступали тем самым догмам, которые пытались исправлять". В духе своих ранних работ И. был склонен рассматривать "лицемерие философов" как симуляцию, т.е. мошеннический способ жизни в обществе". Истоки данного явления (именно как сознательного лицемерия, а не невольного заблуждения) И. усматривает в эпохе Возрождения и прежде всего в теории двух истин. Так, большинство крупных философов Нового времени (Ф. Бэкон, Г. Галилей, Д. Юм, Дж. Локк, Б. Спиноза, Р. Декарт, Г.В. Лейбниц, Кант, Г.В.Ф. Гегель, Спенсер), согласно И., были атеистами в силу неизбежной логической необходимости, но… притворялись теистами, уступая социальному догматизму". (Отзвуки теории двух истин И. усматривал в разделении философии природы и философии духа). Второй источник "лицемерия философов" – конфликт между метафизикой и моральными догмами, "прославление этико-аффективного в противовес логико-критическому". Особые претензии в этом плане выдвигаются И. к "догматической этике" Канта, подчинившей себе метафизику (сам И. – сторонник функционалистской этической доктрины, которую обозначает как "обновленную этику"). Без преодоления "лицемерия философов" невозможна "метафизика опыта". Однако преодоление "жизненной лжи" – это лишь одна ("негативная") сторона соотношения знания и социума. Вторая ("положительная") связана с проблемой социокультурного идеала, без которого невозможна "метафизика будущего", которая "беспрерывно обновляется" вместе с эволюционизирующими в среде разрабатывающими ее людьми и является "неустойчивым равновесием между увеличивающимся опытом и исправляемыми гипотезами". Идеал при этом понимается как постоянно обновляемый гипотетический прообраз совершенства, полученный на основе социокультурного опыта и стремящийся к универсализации. "Идеал есть высший результат естественной функции мышления". Он строится на уважении к прошлому, но последнее нельзя смешивать с настоящим и тем более нельзя искать в нем прообразы будущего. Философия должна всегда быть проективной, нацелена в будущее, даже если это чревато ошибками ("для человечества лучше ошибаться, различая при этом рассвет, чем успешно предугадывать вечернюю молитву"). Нужно не восхвалять "великих",

а "попытаться сделать в этом веке и на основе опыта этого века то, что пытались сделать они на основе опыта своего века". В этом пункте программа обновления метафизики как построения "научной философии" пересекается у И. с другой его проективной программой – созданием философии аргентинидада, реализованной его последователями как часть "философии латиноамериканской сущности". В рамках этой программы социальный опыт берется И. в исторической проекции "беспрестанного обновления концепций, норм и ценностей", как элементов национальной культуры ("правильное понимание прошлого учит бороться в настоящем и предвидеть будущее", но при этом история периодически должна "продумываться" заново); метафизика трактуется в конечном итоге как учение о человеке в совокупности его отношений к реализованному нацией социокультурному опыту, по отношению к которому она и формулирует "правильные гипотезы", а человек простраивает схемы своей деятельности; идеал же понимается как достижение экономической и политической справедливости ("справедливости в неравенстве" по формуле И.) и утверждение принципов солидарности в отношениях между людьми (закрепляемых в системе воспитания; с этим связана идея И. об обновлении университета как варианта революции "сверху") на основе формирования нового морального сознания человечества, в которое составной частью входит национальное самосознание. ("Идеалы – это последовательный ряд фонарей в мыслительной эволюции индивидов и рас. Воображение зажигает их, предвосхищая опыт, предваряя его результаты"). В этой связи И. и провозглашает идею аргентинидада – программу выпроизводства "нового человека" Латинской Америки (способного обеспечить ее "второе освобождение" на основе преодоления ее зависимости), формирующегося на основе смыслов, которые "раса, родившаяся в этой части мира, могла отпечатать на опыте и идеале человечества". (Раса для И. является высшим типом объединения людей: индивиды образуют классы, классы – группы, группы – расы, расы – человеческий вид в целом). Это и есть тот идеал, разработке которого должна быть подчинена аргентинская философия, на основании которого должно быть воспитано новое интеллектуальное и моральное поколение, а реализации которого должна быть подчинена национальная политика (только в этом случае она перестанет быть областью, в которой "симуляция достигает апогея"). Идеал не только продуцируется меньшинством, но и является проекцией "высшего человека". Согласно социологии И. (которая понимается им как естественная наука, изучающая "общую эволюцию человеческого рода и частную эволюцию общественных групп"), выделяются три социокультурных типа человека: "низший", влекомый инстинктами, биологической наследственностью (редко встречающийся тип); средний (или посредственный), озабоченный социальной адаптацией и занятый имитацией всего, что связано с "высшим" типом человека, строящим свое поведение на основе индивидуальной изменчивости (а потому всегда одиноким и пребывающим "в себе"). Только "высший человек" обладает подлинной (аутентичной) человеческой сущностью, является представителем "моральной аристократии достоинства". "Высшие" образуют меньшинство, интеллектуально и морально превосходящее общество, в котором оно живет, и руководствующееся в своей деятельности вырабатываемым идеалом. Большинство же любого сообщества – "средние люди", характеризующиеся индивидуальной посредственностью ("средний человек – это тень, отбрасываемая обществом", он действует на основании традиции, а не идеала, он всегда "анонимное предприятие"); если же они занимают доминирующие позиции в обществе, то "моральная нищета опустошает страну". Ответственность за это несет меньшинство, жившее от Родины, но не работавшее на нее, не смогшее преодолеть своего безволия и анатии. "Социальное изменение является результатом активной деятельности думающего меньшинства. Прогресс – не результат желания масс, почти всегда приспосабливающихся к обстоятельствам, а усилие просвещенных групп, которые ведут за собой массы". Подлинная жизненная цель человека – спроецировать в себе мир и самому спроецироваться в мире, воплощая идеал эпохи и нации, а тем самым перестать быть объектом чужого манипулирования и войти в меньшинство, определяющее лицо нации. Отдавая должное институтам права ("Право есть структурная организация функциональных изменений, и служит продлению существования целостности определенной социальной группы и ее компонентов"), И. считает основополагающим регулятором социокультурной жизни мораль, понимая саму историю как "учебник гражданской морали" (в оценке Агости), в которой событие ценно своим этическим резонансом. "История без морали… – это машина глупостей, она принижает достойных, оправдывая презренных…". Считая, что "нравственность скрыта во всей общественной жизни", так как "людям нужно быть нравственными для того, чтобы жить социализированными", И. настаивает на том, что нравственность нельзя абстрагировать от реальной жизни, не умертвив ее в системе моральных догм. Мораль не есть система неизменных принципов, она беспрестанно обновляется с изменением общества и зависима от него, и чем глубже человек погружен в социокультурную жизнь, тем более конкретно и эффективно его нравственное воздействие на нее. Человек несвободен от "суммы необходимостей" и от норм морали, поэтому свобода воли есть, с этой точки зрения, не более чем "чистая иллюзия" "в русле социальной эволюции", а свобода суть ситуационное состояние индивида, необходимое для того, чтобы воображение смогло создать адекватный эпохе идеал. "Свобода есть полезная ошибка для вынашивания идеалов". Нравственность как естественный результат и основа социокультурного опыта принципиально адогматична. Отсюда требование "новой морали без догм" (ее основные категории – страдание и удовольствие, добро и зло) и "нового морального сознания" как условия преодоления господствующего в современном мире "состояния диктатуры, капиталистической или пролетарской", и утверждения социалистических принципов солидарности, с одной стороны, и ценностей аргентинидада (самосознание-культура-нация) – с другой.

В.Л. Абушенко

ИНЦЕСТ, инцестуозность (лат. incestus – нечистый, порочный) – сексуальные отношения (коитус) с кровными родственниками (родителями и детьми, братьями и сестрами и т.д.); кровосмешение. Предполагается, что в первобытном обществе И. был довольно широко распространен и в ряде ситуаций выступал в качестве доминирующей (или общепринятой) формы сексуальной жизни различных человеческих сообществ. В процессе эволюции культуры И. был практически повсеместно запрещен, табуирован, хотя в незначительной мере существовал как форма династических браков фараонов, императоров и царей и ситуативный вид отношений (библейское повествование о Лоте и его дочерях, материалы судебных архивов и пр.). Ныне существует в форме нетипичного секса, особенно характерного для алкоголиков и лиц с различными расстройствами психики. В мифологии, религии и морали осуждается как грех. В законодательстве большинства стран мира квалифицируется как уголовное преступление и соответствующим образом карается.

В 20 в. проблема И. привлекла внимание ученых и общественности главным образом вследствие знакомства с результатами различных сексологических исследований и интерпретацией И. в психоанализе З. Фрейда (см.) и работах его последователей. По Фрейду, установление в первобытном обществе табу на И. явилось одним из важнейших моментов и одним из пусковых механизмов создания морали и культуры. Однако вместе с тем он настаивал на существовании врожденного (наследуемого) инцестуозного неосознаваемого (бессознательного) влечения и осознаваемых инцестуозных фантазий, которые у всех людей в детские годы направлены на родителей (Эдипов комплекс). Фрейд считал, что в зависимости от переживания Эдипова комплекса (см.) формируются психика и личность человека и что при определенных обстоятельствах инцестуозное влечение (в форме Эдипова комплекса) инициирует возникновение невроза и становится одним из его компонентов. В аналитической психологии Юнга (см.), наряду с частичным принятием идей Фрейда, исследовались врожденное, бессознательное инцестуозное влечение девочки к отцу (комплекс Электры); инцестуозные чувства; различные психологические аспекты инцестуозных фантазий; психологическая ценность, место и роль табу на И. в создании здорового общества. В гуманистическом психоанализе Фромма (см.) инцестуозность истолковывалась расширительно и приобрела межличностные и социологические измерения. Признавая наличие инцестуозных влечений у детей, Фромм вместе с тем полагал, что в стандартных ситуациях порождаемые ими коллизии разрешаются относительно безболезненно, хотя в аномальных случаях могут предопределить многие моменты жизни человека и его судьбу. Например, мужчина, полностью не изживший Эдипов комплекс, всю оставшуюся жизнь будет испытывать сексуальное влечение только к таким женщинам, которые по отношению к нему будут выполнять материнские функции любви, восхищения и надежной защиты. Согласно Фромму, избыточная привязанность к матери зачастую приводит к возникновению "инцестуозного симбиоза", под которым он понимал явление и уровень наиболее глубокой связи с матерью или ее эквивалентными заместителями (семьей, племенем и т.д.), характеризуемые определенной неотъемлемостью. Но при этом, по Фромму, основная причина сильной эмоциональной привязанности к матери, нередко обретающая форму невротического синдрома, кроется не столько в сексуальном тяготении, сколько в экзистенциальных ситуациях. Определенной новацией Фромма в истолковании проблем И. стало выделение им особого злокачественного типа инцестуозного влечения, который, по его мнению, является главным корнем некрофилии. Фромм, например, считал, что именно этот тип И. обусловил основные характеристики и направленность личности А. Гитлера.

Считая первичные инцестуозные ориентации и привязанности человека существенными ограничителями его взаимодействия с другими людьми, Фромм утверждал, что нормальное становление человека предполагает обрыв инцестуозных связей и обретение свободы. При этом он полагал, что привязанность к родителям является фундаментальной, но далеко не единственной формой инцеста, поскольку в процессе социальной эволюции их функциональными эквивалентами для человека становятся племя, нация, раса, государство, класс, политическая партия и множество других институциональных структур и организаций, отношение к которым со стороны индивида носит неосознаваемый инцестуозный характер. По Фромму, инцестуозные ориентации и привязанности питают национализм и расизм, которые являются симптомами неспособности человека воспринимать себя и других в качестве свободных существ. Настаивая на том, что развитие человечества идет в направлении от инцеста к свободе, Фромм считал, что именно это обстоятельство дает ключ к объяснению универсальности табу на И.

В.И. Овчаренко

ИОНИН Леонид Григорьевич (р. 1945) – российский социолог, специалист в области теоретической социологии.

Окончил философский факультет МГУ (1970). Доктор философских наук (1981), профессор (1990).

С 1973 по 1988 – в Институте социологии АН СССР: младший научный сотрудник, старший научный сотрудник. В 1988-1989 – зам. директора, и.о. директора НИИ культуры Минкультуры СССР и АН СССР. С 1989 работает в Институте социологии: главный научный сотрудник, руководитель секции "Социодинамика культуры и ценности российского общества". С 1998 – декан факультета прикладной политологии Государственного университета – Высшей школы экономики.

И. начинал как историк социологии, сосредоточившись на исследовании антипозитивистских концепций социологии (социальная феноменология, символический интеракционизм, этнометодология) и социологической классики (В. Дильтей, Г. Зиммель, М. Вебер, Ф. Теннис). В сотрудничестве с И.С. Коном, Г.В. Осиповым, Ю.Н. Давыдовым и др. И. предпринял первое в отечественной науке систематическое исследование концепций зарубежной социологии 20 в. И. перевел на русский язык ряд важных классических и новейших работ философии и социологии Запада.

С конца 1980-х в центре интересов И. – темы культурологии, философии и социологии культуры. И. истолковывает культуру не как эпифеномен социальной жизни, а как глубинную матрицу возникновения и воспроизводства социальных форм и отношений, подлинный движитель социального изменения и развития. В этих же работах И. предложена сформулированная в русле социодраматургического подхода концепция культурного инсценирования как механизма социального изменения.

Основные сочинения: "Понимающая социология. Историко-критический очерк" (1978); "Георг Зиммель – социолог" (1981); "Слово и дело критики" (1989); "Russische Metamorphosen" (1995); "Основания социокультурного анализа" (1996); "Социология культуры" (1996 и 1998); "Свобода в СССР" (1997) и др.

ИСКУССТВЕННОЕ и ЕСТЕСТВЕННОЕ – категории, указывающие на разные модусы существования объектов деятельности и культуры и задающие принцип дуализма в отношении них. В соответствии с ним системы деятельности (а также языка, культуры и мышления) должны рассматриваться как результат взаимодействия и склейки двух принципиально разных механизмов: искусственного механизма, регулируемого целями и сознательно используемыми нормами, соответственно выражаемого в телеологических терминах: целей, проектов, норм, техники; и естественного механизма, описываемого в терминах объективированных явлений, спонтанных процессов, средовых условий и фиксируемого с помощью феноменальных описаний, моделей, законов и закономерностей. В таком явном виде принцип И.иЕ. был сформулирован Щедровицким (см.) как один из принципов системодеятельностной онтологии.

Все организованности культуры и деятельности в рамках такого подхода полагаются кентавр-системами или искусственно-естественными образованиями. В силу этого они не могут быть описаны в онтологически однородных терминах и требуют привлечения по меньшей мере бинарных, дуалистических схем. Это предположение радикально проблематизирует и ограничивает применение естественно-научной методологии в социально-гуманитарной сфере. Соотношение И.иЕ. в человеческой деятельности, культуре, мышлении, языке оказывается "пробным камнем" новых методологических подходов. Новая эпистемическая ситуация связана с тем, что объектом исследовательского внимания становятся уже не чисто природные явления в их сопоставлении с человеческой техникой и культурой, а вторичные процессы оестествления и оискусствления (артификации) в рамках самой деятельности. Речь может идти о таких совершенно различных феноменах, как массовое сознание, человеко-машинные системы или развивающее обучение. В новой системе координат проблематизируются или получают новую интерпретацию категории исторически различных культурных парадигм: "космос" и "таксис", "тварное" и "нерукотворное", "природа" и "свобода", "инстинкт" и "разум" и др.

Расширенное толкование категорий И.иЕ., по сравнению с традиционными оппозициями типа "природа – культура", "инстинкт – разум", получило распространение в различных подходах. Например, Хайек (см.), разрабатывая эволюционную теорию морали, расширяет употребление категории Е. на процесс культурной эволюции, подчеркивая тем самым его спонтанность и независимость от сознательных намерений отдельных индивидов. Поппер, напротив, выдвигает на передний план И. характер культурных и моральных норм. И это неслучайно: в книге "Открытое общество и его враги" Поппер (см.) стремится построить не объяснительную теорию эволюционного толка, а скорее сформулировать некоторые принципы социальной инженерии. Фигуре все объясняющего историциста он противопоставляет фигуру социального технолога. Нормы культуры поддаются оценке и за них люди могут нести ответственность – именно этот аспект важен с позиций социальной инженерии, хотя Попперу приходится оговаривать, что нормы не являются результатом произвольной конвенции или целиком продуктами разума. Таким образом, он расширяет употребление категории И. Хотя подходы Поппера и Хайека имеют много общего, тем не менее столь разная категориальная фиксация норм культуры весьма показательна.

Граница между И.иЕ. внутри самой культуры и деятельности оказывается не субстанциональной, абсолютной, но каким-то образом зависящей от самоопределения исследователя и способа выделения объекта. Интерпретация соотношения категорий Е.иИ. исторична. Соответствующая проблематика неоднократно меняла свои тематические контексты. Вычленяются онтологические, логические, эпистемологические, семиотические, антропологические аспекты проблемы И.иЕ. Несмотря на разнообразие, их объединяет одно: понимание того, что традиционные формы отношений между И.иЕ., заданные прошлыми культурными парадигмами (античность, Средневековье, Новое время, эпоха Просвещения), неадекватны новой социокультурной реальности.

Исторически проблематику И.иЕ. можно обнаружить уже в платоновском диалоге "Кратил", где обсуждается вопрос о том, закрепляет ли язык форму за содержанием "по природе" или "по соглашению". И уже в другой постановке эта же проблема проходит сквозь все Средневековье (спор об универсалиях). Номиналисты подчеркивают "тварный" характер универсалий и их конвенциональный характер, трактуя единичные вещи в относительно естественной модальности. Реалисты, говоря об универсалиях, напротив, настаивают на их "нерукотворном" статусе "объекта" и "сущности", перенося при этом маркер "тварности" скорее на единичные вещи. И.иЕ. компоненты в мышлении и знании находятся в центре оппозиции эмпиризма и рационализма: являются ли знания (идеи) результатом конструктивной деятельности разума или они имеют естественную основу в ощущениях и чувствах. Смена теологической картины мира на онтологию природы приводит не только к изменению способа интерпретации И.иЕ., но и к появлению нового тематического контекста: природа и техника, или, в методологическом аспекте, соот-

ношение искусственно-технического (инженерного) и естественно-научного подходов. В общей форме проблема связи онтологии природы и технического действия человека ставилась и решалась Ф. Бэконом в "Новом Органоне". Заданная им парадигма определила форму осмысления проблемы И.иЕ. на протяжении более трех веков.

С развитием исторического мировоззрения проблема И.иЕ. получает новое направление тематизации. Источником проблематизации выступают дискуссии о природе человеческих законов, норм и моральных установлений. В этой связи, например, Д. Юм замечал, что этика постоянно совершает грубую ошибку, полагая, что из описания того, что имеет место, можно вывести какие-то утверждения о моральном добре и долге. Тем не менее общая форма отношений между "Е." и "разумным", установленная и закрепленная Просвещением, допускала как натуралистическую трактовку ряда культурно-исторических процессов, так и онтологизацию разума или перенос рационалистических схем на естественно-исторические и эволюционные процессы (например, приписывание истории цели или историческую объективацию "прогресса"). Как соотносятся между собой сознательные действия отдельных субъектов, реализующих те или иные нормативные (целевые, проектные и т.п.) представления и берущих ответственность за их реализацию, и "естественный" ход истории, определяемый сложившимися материальными и социокультурными условиями? – так можно сформулировать историко-философскую постановку проблемы И.иЕ.

По-существу, эта проблема была поставлена уже Марксом и его рассуждениями о естественно-историческом процессе. Хотя предложенное решение не может быть признано удовлетворительным, чем, собственно, и была вызвана последующая критика Поппера. Общее решение, предложенное в 20 в., казалось простым – нужно установить онтологическую двойственность систем и организованностей деятельности как искусственно-естественных образований (Щедровицкий), или, как писал Поппер, установить дуализм фактов и норм, т.е. взаимную независимость феноменальных и нормативных описаний. Наибольшее распространение и проработку получила, однако, чисто логическая сторона проблемы И.иЕ., выраженная в так называемом "принципе Юма": невозможно с помощью одной логики перейти от утверждений со связкой "есть" к утверждениям со связкой "должен". Но не меньшее значение имеет онтологическая и методологическая стороны вопроса. То, что жестко противопоставляется в логике, в онтологии должно быть связано в рамках единого системного представления объекта – деятельности, языка, мышления. И методологическая постановка: каковы способы и формы организации объектов нашей деятельности как искусственно-естественных систем. Этот вопрос становится ключевым в сфере оргуправления, где именно определение баланса между контролируемыми естественными процессами и искусственными воздействиями на систему составляет главную проблему. Практическая реализация принципа И.иЕ. в деятельности означает, что субъект должен всякий раз заново производить самоопределение по отношению к ситуации деятельности, выделяя в ней "Е." и "И." компоненты. Ничто в деятельности не является "Е." или "И." самим по себе, оно становится им в зависимости от позиции, занимаемой субъектом в деятельности.

Наиболее артикулированную и технически отработанную форму этот принцип получил в СМД-методологии (**см.**). Здесь категории И.иЕ. употребляются не только в общей объяснительной функции, но и как: 1) конструктивные элементы ряда онтологических схем, 2) методологическое средство анализа конкретных систем деятельности, 3) реальный принцип самоопределения в деятельности по отношению к ее материалу и предмету, дающий основания для проявления активности (введения и инициирования факторов, проявления свободы и творчества) и пассивности (принятия данности, учета факторов и условий, следования законам). Исходя из квалификации систем деятельности в категориях И.иЕ., определяется форма выражения этих систем в языке: искусственная сторона выражается в терминах норм, проектов, целей, а естественная – в терминах законов, описаний и моделей.

А.Ю. Бабайцев

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ – метафорическое понятие для обозначения системы созданных людьми средств, воспроизводящих определенные функции человеческого мышления. Профессиональный статус понятия "computer science" (дословно: "компьютерной науки") был легитимирован научной общественностью в ходе первой Международной объединенной конференции по данным проблемам (Вашингтон, 1969). Появившаяся в начале 1970-х русскоязычная версия этого оборота – "И.И." (ср. "искусственная почка", "искусственное сердце" и т.п.) – оказалась, согласно широко распространенному мнению, не самой удачной. (Происхождение языковой метафоры "И.И." традиционно ассоциируют с употреблением Н.В. Гоголем впервые в отечественной словесности слова "интеллект" для обозначения способности человека к познанию, постижению чего-либо.) Основная область практического применения И.И. – создание компьютерных экспертных систем.

Согласно установившейся в отечественной философской и социогуманитарной литературе традиции, принято полагать, что науки и специальные дисциплины, ориентированные на всестороннее комплексное осмысление проблемы И.И., призваны разрабатывать правила конструирования таких алгоритмов работы компьютерной техники, которые производили бы впечатление разумной, целенаправленной деятельности. Кроме этого, констатируется необходимость создания таких компьютерных программ, чтобы их функционирование могло бы быть квалифицировано как разумное (при обнаружении идентичных поведенческих репертуаров у человека). Предполагается также, что основой любых схем и теорий И.И. должна выступать теория информации (в особенности в аспектах кодировки, перекодировки и трансляции последней). Особо важное место в традиционной проблематике И.И. занимает реконструкция интеллектуальных процедур оперирования не столько данными и числами – сколько знаниями,

знаками и символами. При этом реальная и потенциальная практика применения компьютеров в системах управления социальными объектами (рефлексия над которыми, как известно, кардинально трансформирует их самих) обусловливает вывод о новой объектной сфере, порождаемой функционированием систем И.И. Новая область общественной вовлеченности И.И. включает в сферу своего воздействия принципиально не осваиваемый людьми ранее класс объектов: активных, обладающих "свободой воли", способных к изменению (спонтанному либо осмысленному) критериев управления и самоуправления, а также с изменяющимися во времени целями их собственного существования.

Как правило, в специальной литературе традиционно принято акцентировать именно подражательный, подчиненный и "вторичный" статус принципов функционирования "разумных машин" – носителей И.И. Так, в "Словаре по кибернетике" (1979) И.И. Глушков подчеркивал, что под И.И. правомерно понимать "искусственную систему, *имитирующую* /выделено нами. – *И.К.*/ решение человеком сложных задач в процессе его жизнедеятельности". При всем (весьма значительном) диапазоне различий между несовпадающими версиями роли теорий И.И. (например, эвристическими, "бионическими" либо "субстратно-моделирующими") их общим знаменателем правомерно полагать воспроизведение метапроцедур создания человеческим разумом оригинальных программ собственной творческой деятельности. При этом финальное разрешение проблемы создания И.И. принято полагать вопросом времени (т.е., в конечном счете, как технологическую).

И.Д. Карпенко

ИСКУССТВО – термин, используемый в двух значениях: 1) мастерство, умение, ловкость, сноровка, развитые знанием дела; 2) творческая деятельность, направленная на создание художественных произведений, шире – эстетически-выразительных форм. Понятийный статус И. непосредственно связан со вторым значением термина, сохраняя первое в качестве технического условия всякого творчества.

Понятие "И." коннотируется историческими изменениями (трансформациями) форм и типов культуры, их взаимодействиями, а соответственно – характером философских, искусствоведческих, художественно-поэтических рефлексий и к настоящему времени представляет собой многомерное смысловое образование, принципиально открытое для включения новых смысловых элементов, порождаемых непрестанно длящимся и трансформирующимся художественно-эстетическим опытом человечества, в том числе развитием интеркультурных связей, коммуникаций, обменов, технологий, обеспечивающих и поддерживающих творчество и трансляцию в обществе его продуктов. Подобного рода непрерывное изменение характера и объема И., его "протеизм", делает невозможным классическое, положительное определение И. Оно принципиально апофатично как в отношении своего субстанционального характера, так и в отношении конкретных, социально-исторических целеполаганий. В силу своей эмпирически-фактичной неопределимости, И. может быть специфицировано лишь в феноменологическом плане, как событие (сбывание) всегда нового, непознанного смысла и тех бытийных обстоятельств, в которых этот смысл становится возможным.

Традиция подобного феноменологического понимания И. сложилась уже в античном мире, когда были эксплицированы три фундаментальные понятия, раскрывающие И. в форме триединства: "POIESIS – MIMESIS – TECHNE". POIESIS – выражает акт творческого действования, основанного на творческом вдохновении, выявляющем и создающем самый художественный предмет (художественно-эстетическую предметность), а не его подобие; по сути здесь и начинается смыслообразование, обращенное к истине. MIMESIS – подражание-воспроизведение (как представление вещи), достоверность произведения, его законосообразность. TECHNE – ремесло, наука, хитрость, ловкость – сделанность, завершенность произведения, его выраженность. И. как творчески-художественный феномен обнимает все три указанных модуса в их неразрывности и комплементарности. Античная поэтика (Аристотель, Гораций), отделяя свободные (лирические) И. от ремесла, акцентировала как отличие художественного вымысла от внешнего (формально-эмпирического) подражания, так и отличие формально-технического ремесла от умного (опирающегося на умное видение) созидания. Пойетический модус, являющийся определяющим в становлении художественного статуса произведения, одновременно задает сущностный характер его явления и присутствия. Этот сущностный характер И. в акте его непосредственной представленности (присутствия) для понимающего восприятия (чувствования) есть AISTHETIKOS (букв. – чувственное познание, восприятие, однако взятое во всей целокупности чувств, ощущений и их осознания). Таким образом, И., порождая являющий его комплекс художественных произведений, одновременно конституирует собственный мир – художественную культуру – мир, иррелевантный по отношению к эмпирической действительности, обладающий собственной (имманентной) законосообразностью, ориентированный на прекрасное, в направлении которого И. только феноменально и осуществляется. Такой способ осуществления И. как феноменального акта устанавливает его две взаимодополняющие координаты, одна из которых необходимо связана с вопросом экзистенциального присутствия человека в И. (через художественную культуру). Здесь формируется антропологический социокультурный комплекс, где произведения задают ситуацию, эксплицирующую и тематизирующую телеологическую задачу культурного самоопределения исторически складывающихся человеческих сообществ. Экзистенциальное присутствие в художественной культуре тематически определено комплексом произведений И. как наличествующий и определяющий его художественный идеал. И. в этом случае непосредственно апеллирует к верховным ценностям социального порядка и в равной мере само становится предметом социальной критики. Вторая координата обусловливает направленность И. как художественно-творческого процесса на истину,

возможность ее явления для эстетического сознания. Эта проблема представлена как гносеологическая составляющая познания И., его философского осмысления. Здесь истина рассматривается в своем явлении не в ноэтически-логической системе, а в своей эйдологической форме ("виде" в букв. смысле слова). Наиболее адекватной формой такого раскрытия истины через ее конституирующий и полагающий эйдос может считаться миф (мифологема) – смысловое фигуративное образование, в котором осуществляется "иерофания" (явление священного, а, стало быть, законосообразного и необходимо сущего). Эта традиция характерна осмыслению гносеологической сущности И. с 3 в. вплоть до Нового и новейшего времени. В любом случае в гносеологическом плане И. устанавливает феноменальное присутствие вещи и устремлено в трансцендентные основания всякого присутствия. Мифологема может считаться наиболее фундаментальной формой явления И., в которой в единстве представлены существенные феноменальные аспекты творческого акта: внеязыковая (внезнаковая) действительность; личностно-определенный, в плане присутствования, субъект (художник, поэт); знаковая реальность, представляющая и указывающая фактичность в И. В мифологеме И. раскрывается в полноте своего бытия, но тем самым оно же не является самостоятельным видом чисто художественной деятельности, схватывая практически всю совокупность бытия как единства творчества и творения. Христианство, предполагая трансцендентность абсолютного субъекта (личного Бога), предлагает символическую форму осуществления И. в виде символа-откровения (завета), постоянно поддерживающего связь (диалог) Творца и Твари. Такое И. имеет Богоданный характер (сюжеты и откровения Священного Писания, теофанические каноны священных изображений, видения и т.п.). Однако в этом постижении трансцендентного через символ уже дает себя знать и творческое своеволие "твари", художника. В этот период понятие "И." коннотируется смысловым акцентом "искус", "искушение". Символ в христианской культуре еще не есть художественное произведение, он остается в границах явления самого феномена И., явления, непосредственно связанного с трансцендентными основами творчества. В этом отношении нет четкой границы, к примеру, между иконой, созданной мастером, и сугубым естественным знаком теофании (след ступни Богородицы, нетленные мощи, вещественные символы Священной истории). Событием, радикально преобразовавшим ситуацию И., можно считать принятие западным христианством принципа "филиокве", откуда воспоследовало постулированное Фомой Аквинским учение "о двух истинах", что привело к известной эмансипации как человеческого (тварного) познания истины, так и, собственно, человеческого творчества. Тварная действительность (эмансипированная природа) сама есть относительно самодостаточный исток бытия, а человек предположен здесь в качестве гносеологического и творческого субъекта. Субъективно творец (художник) уже отделен от мира, который теперь противопоставлен ему в форме объекта и предмета эмпирически поставленных целеполаганий. В подобной ситуации И. оказывается лишь способным описать, отобразить мир в художественных произведениях, которые, по точному замечанию Фейербаха, "не претендуют на то, чтобы быть действительностью". В художественном творчестве начинают доминировать аспекты "техне" – мастерства, умения, и "мимесиса", в плане формального подражания природе, взятой в ее "естественной закономерности". Так складывается "классическая" модель И. как мира художественных произведений, сформированного на эстетических принципах и обращенного к воспитанному эстетическому чувству (восприятию) и суждению (вкусу). Поскольку в этот же период наиболее актуальной составляющей человеческой культуры становится историзм в форме тотальной всемирной истории, полагающей решение телеологической задачи человечества (Гегель, Маркс), то вместе с этим возникает и классическая история искусства (Винкельман), ориентированная на постижение (воспроизведение) прекрасного в его идеальной эстетической форме. Классическая модель мира И. становится определяющей и фундирующей для построения всего "Европейского проекта", что предполагает ее соотнесенность со всеми сторонами европоцентристского мироустройства.

Классический мир И. предполагает образцовость (нормативность) как в плане ориентации на прекрасный идеал, буквально отрафинированный из так называемых классических исторических эпох (ср. "классическая античность", "классическое (высокое) Возрождение"), так и в плане преобразования жизни, выразившееся в социологизированной тематизации соотношения "прекрасного" и "жизни". Формирование объективированного "классического мира И." вместе с установкой на художественный (эстетический) субъект приводит к появлению квазинаучной парадигматики изучения И. с системой процедур, позволяющих изучать, оценивать, устанавливать закономерности развития И. на основе субъективных критериев. Развитию И. Нового времени сопутствуют искусствоведение, теория И. (Вельфлин), художественная критика. Само И. (мир классического И.) рассматривается как специфическая система адекватного описания (отображения) внехудожественной действительности, основным значащим элементом которого является художественный образ. Проблематика художественного образа, наиболее полно представленная в "Эстетике" Гегеля, была попыткой разрешения противоречия между фактичной предметностью произведения И. (что и как представлено) и его смыслом (в терминах классической эстетической теории – противоречие между содержанием и формой). Художественный образ трактовался, по-преимуществу, как продукт творческого воображения, возникающий в процессе создания и восприятия произведения. Однако жесткая привязка художественного образа к процедуре отражения действительности – достоверной и оформленной, привела к целому комплексу парадоксов, связанных с принципиальной неадекватностью "художественного" и "реального" миров. Эта ситуация была отфиксирована Шопенгауэром и Ницше, отфиксирована в форме обостренного внимания к теме POIESIS как необходимого средства формирования самой художественной предметности, остающейся ак-

туальной и по сей день. Именно POIESIS как основополагающий момент художественного творчества стал той основой, на которой возникли многообразные инновационные течения, обычно определяемые термином "modern art", значительно трансформировавшие всю концепцию, а вместе – и практику И. конца 19 – начала 20 в.

На рубеже веков обозначился длящийся на протяжении всего 20 в. конфликт классической и инновационной традиций, в недрах которого все ярче обозначается глубинная трансформация И. и выход его в совершенно новое измерение человеческого существования, достаточно точно выраженное М. Хайдеггером: "Искусство вдвигается в горизонт эстетики. Это значит: художественное произведение становится предметом переживания и соответственно искусство считается выражением жизни человека". Подобный статус И. предполагает не классическое строение художественного мира и равноправное сосуществование и коммуникацию разнообразных культурных миров, сопряженных с жизнедеятельностью столь же различных, зачастую динамично меняющихся человеческих существ, самоорганизующихся по политическим, хозяйственно-экономическим, этническим, религиозно-этическим и ценностным принципам. Коммуникативный принцип структуризации художественного (культурного) мира, к концу века принявший тотальный характер, видоизменяет способ и форму бытия И., которое становится преимущественно знаковым образованием (дискурсом), несущим (передающим, коммуницирующим) ценностные значения.

Современное И. представляет собой сложную систему коммуницирующих форм и направлений, нередко объединяемых так называемым "постмодернистским проектом". Особенностью разнообразных "модернистских" артефактов стало непосредственное присутствие автора-исполнителя в реализации художественного акта, который направлен на публичную провокацию, которая завершается вместе с исполнением. Что же касается художественной (эстетической) концепции, то она реализуется в модернизме в форме программы, манифеста и антропологических рефлексий. В целом можно констатировать, что феномен "современное И." – скорее гуманитарно-антропологический проект, резко, иногда агрессивно направленный против тотально господствующих систем социальных самореференций – политической и экономической. В силу этого возникающие в процессе художественного акта сообщества носят маргинальный и временный характер. Однако "современное И." в его авангардных формах далеко не исчерпывает современную художественную культуру, которая удерживается классической парадигмой, оформленной в форме классического художественного образования, музея, академических институтов, которые включены в систему массовой коммуникации и в отношении к которой современные формы художественной деятельности опознают себя в эстетическом и художественном планах. Наконец, картина современного И. и современной художественной культуры была бы неполной без феномена массовой культуры, принципиально ориентированной на массовый художественный рынок и производство идеологем массового сознания (культ звезд, потребления, массовых фобий, жизненного успеха). Массовая культура развивается по преимуществу в средствах коммуникаций, непосредственно представляющих господствующие политические, экономические и идеологические референции общества и непосредственно включающие социализирование индивидов в тотальные системы власти.

О.Н. Кукрак

ИССЛЕДОВАНИЕ СЛУЧАЯ – форма квазиэксперимента (**см.**). Каждый исследуемый объект до проведения исследований и наблюдений имеет свою историю. В общем виде схема такого исследования может быть представлена следующим образом: $A - B$, где A – это история объекта исследования, B – это текущее (настоящее) поведение.

Нам доступно для наблюдения только B. Подобную схему имеют и качественные исследования, предлагаемые в рамках обоснованной теории. Очевиден потенциальный источник внутренней невалидности таких исследований: *не существует контрольного условия*, т.е. не с чем сравнить результаты поведения (B), которые мы объясняем, исходя из истории объекта, группы или индивида (A). Один из способов получить контрольную группу в исследовании частных случаев называется *анализом отклонения*. Анализ отклонения – это форма неэквивалентного контроля (см. **Анализ естественных событий**). Следует найти индивида (группу или случай), который как можно ближе походит на предмет нашего исследования, за исключением тех событий в своей истории, с помощью которых мы пытаемся объяснить интересующее нас поведение. Если такой объект найден, производится сравнение.

Исследование частных случаев – достаточно распространенная форма исследований. Однако они не могут служить достаточным основанием для предсказания или обобщения. Такие исследования позволяют отбросить некоторые факторы как не входящие в цепочки причинных связей, поэтому анализ частных случаев можно использовать для фальсификации теорий. Однако следует помнить, что частные случаи часто включают ретроспективные сообщения, а это значит, что некоторые события могут быть забыты или искажены. Чтобы увеличить валидность внутреннюю (**см.**) при исследовании частных случаев, следует: а) использовать анализ отклонения; б) проводить больше наблюдений и брать больше контрольных случаев.

А.П. Репеко

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ (материалистическое понимание истории) – социально-философская и социологическая парадигма (**см.**), созданная и разработанная Марксом (**см.**) и Энгельсом (**см.**). В основе И.М. лежит методологическая процедура апплицирования диалектической схемы развития по Гегелю на тенденции развития социально-экономической структуры человеческого общества. И.М. объясняет внутренние взаимозависимости общественных структур по универсальной системообразующей формуле: "Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не

сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание". По Энгельсу, общественное развитие и его закономерности задаются (с некоторыми оговорками) материальными условиями жизни людей.

Амбиции теоретиков и апологетов И.М. на придание ему статуса универсальной парадигмы социальной философии и социологии, основанной на позитивистских методологиях, натурализме в трактовке общества и причинно-механической модели мирообъяснения, были опровергнуты достижениями общенаучных и гуманитарных дисциплин 20 ст. – новейшими макроэкономическими моделями, общей теорией систем, представлениями о нелинейных процессах, данными наук о массовых коммуникациях. Одновременно крушение социализма в Европе, наиболее общей санкцией которого на теоретическом уровне являлся И.М., наглядно продемонстрировало реальные преимущества современных неортодоксальных социологических, политологических, психоисторических и прочих методик адекватного отображения и перспективной реконструкции хода исторического процесса. Серьезные сомнения европейских интеллектуалов в правомерности концепции неограниченного социального прогресса (сердцевины и "души" И.М.) также содействовали закату этой некогда модной идеологической доктрины социально-философского толка. См. также: **Маркс.**

А.А. Грицанов

ИСТОРИЯ – движение общества во времени, предмет изучения историографии и философии И. Непосредственно И. предстает как прошлое человеческого общества, ретроспективное освоение которого (признание его как своей собственной И.) открывает человеку исторический характер современности. Современность непрерывно вырастает из прошлого и, выполняя свою историческую миссию, сама уходит в прошлое.

Динамическое единство прошлого и настоящего раскрывает И. как свершение или осуществление некоторой цели ("прогресса цивилизации", "социальной справедливости", "освобождения человека" и т.п.). И. образует наполняющий время смысл; от абстрактного календарного времени, служащего средством датирования или измерения длительности процессов, историческое время отличается содержательной определенностью. Оно может быть то более, то менее насыщенным историческими событиями, может течь то медленнее, то быстрее – в зависимости от темпа исторических трансформаций оно может быть временем героев, временем несбывшихся надежд или вовсе историческим безвременьем. Индивид погружен в И. и реализует себя как человека, соотнося свое социальное поведение с глубинным течением И. Сравнительный анализ различных культур обнаруживает разнообразие представлений об И. В частности, если в обществах, заряженных на прогресс, историческое время понимается как текущее из прошлого через настоящее в будущее, то в историческом сознании традиционных обществ прошлое находится впереди настоящего – как образец, к которому надлежит максимально приблизиться. Более того, обнаруживается, что сама идея И. свойственна лишь цивилизованным обществам, появившимся впервые в 4 тысячелетии до н.э.; в архаических (первобытных) обществах господствует мифологическое, а не историческое сознание. Поэтому архаические общества могут быть в известном смысле определены как доисторические – не имеющие реального опыта И.

Идея линейной И. впервые оформляется в античной культуре. Важнейшей предпосылкой привычных для нас представлений об И. явилось христианство, в центре внимания которого находятся не природные процессы, а определенным образом понятая человеческая И. – И. спасения. Структурируя историческое время последовательностью уникальных событий (сотворение мира и человека, грехопадение первых людей, первое пришествие Христа и его искупительная жертва, открывшая человеку возможность спасения, грядущие конец света и Страшный суд), христианство сформировало представление о линейной направленности и необратимости И., преодолев тем самым циклизм в восприятии времени, свойственный язычеству. Христианство, являясь мировой религией, обращенной к "человеку вообще", заложило основы трактовки И. как единого в своей сущности всемирно-исторического процесса. В новоевропейской культуре историческое сознание получило интенсивное развитие в конце 18-19 в. 19 в. – "столетие историков" – характеризуется настоящим культом И. В условиях падения влияния традиционных форм религии было осуществлено своеобразное обожествление И. Предполагалось, что ход И. обладает высшей целесообразностью, "в конечном счете" окупает все жертвы и каждому воздает по заслугам. Единственное, о чем должен заботится человек, коль скоро он претендует на участие в И., это – "не отстать от прогресса". Катастрофизм реального исторического опыта сильно подорвал наивно прогрессистскую веру в гарантированность и провиденциальную разумность И. Разбожествление И. совершалось по-разному. Наиболее раннюю версию, восходящую еще к середине 19 в., представляет собой марксизм: И. не есть некое богосоразмерное разумное начало, преследующее "высшие" цели, И. создает сам человек, занятый удовлетворением своих материальных потребностей. Историческое событие образуется пересечением множества индивидуальных действий, столкновением частных интересов, и это случайность, которая служит проявлением исторической необходимости, – объективной эволюции общественного производства. Акцент на анализе материально-экономических процессов демистифицировал идею И., однако вера в непреложную историческую необходимость обернулась мессианством и небывалой жестокостью людей, якобы познавших "объективные законы общественного развития" и выступивших вершителями "суда И.". Другой вариант реакции на разбожествление И. представляет собой весьма популярный в 20 в. неомифологизм. Историческое время, утратившее высшую целесообразность, становится бессмысленно-мучительным для человека. Неомифологизм пытается преодолеть "кошмар И." посредством актуализации опыта мировосприятия, свойственного архаическим культурам, снимающим линейность исторического времени мифом о вечном

возвращении. Однако бегство от идеи И. не приводит к прекращению реальных ее кошмаров и означает фактически уклонение от ответственности за происходящее. Сохранение тезиса об исторической ответственности человека стало возможным, как оказалось, посредством антропологизации И. Исторический процесс лишается какого бы то ни было надчеловеческого смысла, единственный смысл И. – это самореализация человека как свободного существа. Ткань И. образуется творческими ответами человека на безвыходные, с точки зрения прежнего опыта, ситуации. И. не гарантирована человеку, и ход ее не предопределен, И. держится постоянным усилием человека реализовать себя как свободное существо, независимое от внешней обусловленности. Саморазвитие и самоценность человека становятся мерой прогресса как сквозного смысла И. Однако в 20 в. в историческое мышление проникают идеи прерывности и множественности, вообще подрывающие основополагающий тезис о смысловом единстве И.

Освоение обширного неевропейского материала выявило скрытый европоцентризм привычного представления об И. как едином всемирно-историческом процессе: смысл И. (неограниченный прогресс) и ее периодизация (Древний мир – Средние века – Новое время) были определены на основе западного исторического сознания и представляют собой его неправомерную универсализацию. Концептуальная модель всемирной И. унифицирует изучаемые общества, тогда как реальный исторический материал свидетельствует в пользу их уникальности и открывает И. как многообразие типов исторического развития. Однако оборотной стороной тезиса об уникальности каждой цивилизации является признание их эквивалентности – они равноценны в силу отсутствия общей шкалы, позволяющей произвести их сравнительную оценку; единый поток И. распадается на множество разнородных локальных историй. Тем самым историческое мышление оказывается перед дилеммой: остаться в плену культурного империализма или вообще лишить И. общей смысловой направленности. Выходом из тупика является, по-видимому, переосмысление сущности исторической реальности. Привычная идеология прогресса как смысла И. основана на противопоставлении природы и И., природная среда здесь трактуется как пьедестал социально-исторического развития, средство удовлетворения человеческих потребностей. Глобальный экологический кризис, демонстрируя невозможность безграничного прогресса, выявляет глубокую укорененность человеческой И. в динамике биосферы Земли и по-новому открывает нам единство судьбы всего человечества (перед лицом возможного самоуничтожения).

По-видимому, на смену теории "всемирной И." может прийти концепция "глобальной И.", основанная на расширенном понимании исторической реальности и сочетании идеи планетарного единства человечества с признанием самобытности локальных социо-природных систем. Причем глобальная И. – это не столько теоретическая, сколько практическая проблема: человечество должно обрести новый тип историчности, решив две взаимосвязанные задачи: выработать стратегию коэволюции общества и природы и обрести прочное глобальное единство посредством диалогического взаимодействия различных культурных традиций. Пока это не произошло, идея И. остается одним из самых загадочных и противоречивых продуктов человеческого разума. В трактовке современной философии концепт "И." неуклонно уступает место теории "постистории". См.: **Социальная философия, Всемирная история.**

В.Н. Фурс

"ID" – см. **"ОНО".**

К

КАНЧЕВСКИЙ Игнат Владимирович (литературные псевдонимы: Игнат Абдзиралович – по имени и фамилии главного героя романа М. Горецкого "Две души", Ганная Голубянка) (1896-1923) – белорусский философ и публицист. В 1913 окончил Виленское реальное училище, учился в Петербургском технологическом институте, на филологическом факультете Московского университета, был слушателем Высших кооперативных курсов при народном университете имени А.Л. Шанявского. После образования БССР переехал в Минск, где принимал активное участие в белорусском культурно-просветительском движении, а после создания в 1919 Литовско-Белорусской Советской республики – в Вильню. Скончался от туберкулеза легких.

Философские, социологические и общественно-политические взгляды К. изложены в эссе "Извечный путь. Опыты белорусского мировоззрения" (Вильня, 1921), характеризующемся оригинальностью философско-культурологического анализа, яркой образностью стиля повествования и глубоко личностным отношением к предмету рассмотрения – исторической судьбе белорусского народа. Работа К. тематически близка концепциям культурно-исторических типов Данилевского, К.Н. Леонтьева, морфологии культуры Шпенглера, историософии Бердяева, но прежде всего характеризуется сильными экзистенциалистскими мотивами. Согласно концепции К., Беларусь на протяжении всей своей истории, начиная с 10 в. – времени крещения, – была ареной борьбы двух направлений (типов) европейской культуры – западного и восточного. В результате этой перманентной борьбы возникло и оформилось специфическое белорусское национальное мировоззрение – "колебание между Востоком и Западом и искренняя неприязнь к тому и к другому являются основной чертой истории белорусского народа". В таком историческом наследии коренится "великая трагедия народного духа", которому отказывают в праве на самобытность, не понимая, что "вместе с белорусскостью мы теряем и лучшую часть человечности". Отмечая привлекательные для белорусов качества человека Востока – простоту, искренность, доброту, соответствие внешности внутренней сущности, и Запада – бо́льшую объективность, способность к компромиссам, терпимость к чужому мнению, К. раскрывает причину, почему в итоге белорусский народ не делает окончательного выбора между европейскими культурами Запада и Востока. Это сопровождающее всю его историю "насилие над нашими душами", которое осуществлялось в разных формах: "Восток сразу захватывает много, Запад – по своей деликатности – меньше ... Зато Запад – великий человек на малые дела, и его способности сильно отдаются на белорусской шее". Не соглашаясь со сложившимся мнением о неспособности белорусов выразить свой культурный идеал – поскольку они остаются в ситуации социокультурного выбора между мессианскими культурами Востока и Запада, – К. говорит о необходимости внутреннего культурного самоопределения и создания своих, национальных форм культурной жизни.

Сознавая сложность этого процесса духовного возрождения, К. предостерегает от возможности появления собственного, белорусского мессианизма – "как бы найденные формы новой белорусской жизни не стали для нас самих великой тюрьмой и издевательством". В этом плане наибольшую опасность представляет характерная и для Востока, и для Запада застывшая "форма жизни" – уклад, нормативная нерушимая модель социального и духовного бытия, сложившаяся в результате человеческой деятельности. Первооснова ее силы – в любви человека к плодам своего творения, в желании им вечного существования и, с другой стороны, в "корысти", т.е. выгодности формы. К. артикулирует факт приобретения формой тем большей нормативности, чем слабее развита духовность народа, хотя признает принципиальную необходимость формы – в ней заключена сущность материальной жизни. Однако, по К., следует стремиться искать формы, приспособленные к изменчивости жизни, эластичные, текучие. Истинная основа жизни, по К., – свободное творчество, пример которому можно найти в искусстве, которое "не имеет своего канона, не имеет утвержденных путей, образцов". К. дифференцирует понятия субъекта индивидуальной (человек)

и социальной (народ. нация) деятельности: если отдельный человек может найти личное спасение в художественном творчестве, то в общественной жизни массы идут к социальному творчеству всегда только через политический переворот и революцию. Согласно К., это не лучший путь для народа, но единственно возможный в условиях, когда народ лишен свободы творчества и возможности развивать национальную культуру. Вместе с тем К. подчеркивает, что творчество масс основано на творчестве единиц, и революция без индивидуального творчества – лишь великая беспросветная смута, пример чему – Россия. Гарантировать возможность общественного творчества можно только в случае отсутствия чужого принуждения, для чего, соответственно, необходима политическая независимость.

В качестве оптимального варианта человеческого общежития и условия для возможности реального творчества К. предлагает кооперацию – "единственное общественное явление, которое без принуждения объединяет своих членов и не декларирует принуждения для других". В кооперации К. импонирует отсутствие "готовых рецептов улучшения жизни", какого-либо идеала, т.е. застывшей формы. Лозунг кооперации, по К., – "Твори. Создавая – разрушаем". Тем самым, согласно К., свободное творчество человека становится единственным идеалом для всего будущего общества.

В.Т. Новиков, О.В. Новикова

КАПИТАЛИЗМ (позднелат. capitale от caput – голова) – историко-экономическое и философско-социологическое понятие, традиционно использующееся для обозначения одной из разновидностей индустриального общества. Термином "капитал", вошедшим в оборот в 12-13 вв., обозначались "запас товаров; ценности; денежная масса; деньги, приносящие процент". На протяжении конца 17 – в течение 18 в. понятие "капитал" в основном вытесняет термины "фонды", "богатство", "ценности", "имущества", "достояние" и т.п., нередко обозначая богатство нации, национальное достояние. Входит в специальный оборот, по-видимому, в середине 19 в. (французский ученый Луи Блан в 1850 писал: "...то, что я бы назвал "капитализмом", т.е. присвоением капитала одними с исключением других"). Позже приобретает некоторую полемическую известность: согласно Ж. Прудону, К. – это "экономический и социальный строй, при котором капиталы – источник дохода – в целом не принадлежат тем, кто приводит их в действие собственным трудом". Иногда словоформа "К." употреблялась – поздние работы Энгельса (см.), у Маркса (см.) термин отсутствует – сопряженно выработке (1834) и распространению термина "социализм" (см.) как гипотетической мировоззренческой, теоретической и общественно-практической альтернативы буржуазному обществу или "К.".

Статус одной из базовых категорий обществоведения понятие "К." приобретает в начале 20 ст. в результате публичной полемики М. Вебера (см.) (работа "Протестантская этика и дух капитализма") и Зомбарта (см.) ("Современный капитализм", "Буржуа"). По М. Веберу (см.), К. "тождественен стремлению к наживе в рамках непрерывно действующего рационального капиталистического предприятия, к непрерывно возрождающейся прибыли, к рентабельности", это – "такое ведение хозяйства, которое основано на ожидании прибыли посредством использования возможностей обмена, то есть мирного (формально) приобретения". В "Британской энциклопедии" статья, посвященная К., впервые появляется в 1926; в "Словаре Французской академии" – в 1932.

При К. система экономики характеризуется правом человека на владение и распоряжение частной собственностью и капиталом с целью получения прибыли, а также правом на частную инициативу, в любой форме экономической деятельности, принадлежащей самому индивиду, и определяемой мотивом получения прибыли. Экономическая деятельность людей при К. относительно свободна от контроля со стороны государства, особенно в сфере ценообразования и производства товаров. Трактовки К. как способа производства богатства, при котором удача одного оборачивается выгодой для всех, акцентируют его следующие системные характеристики: а) акцентированно свободная мотивация индивидов в процессе поиска ими точек приложения собственных трудовых усилий и выработки соответствующих поведенческих решений; б) разум (а не труд!) рассматривается главным источником индивидуального и общественного богатства (ведущим алгоритмом деятельности в условиях К. полагается процедура трансформации патентуемых общественно полезных идей и изобретений в универсальные технологии; в) несущей конструкцией К. (как в экономическом, так и в нравственном плане) выступает рационально фундированная вера в долговременный экономический рост; г) равные возможности людей в системах капиталистического типа, обусловливаемые, в частности, отделением места работы индивида от его места жительства (следствием выступает минимизация роли социального происхождения в процессах социальной мобильности); д) атрибутивная значимость права как института, обеспечивающего предсказуемость репертуаров обмена в условиях рынка, невозможность существования капиталистического социума иначе, нежели в форме правового государства; е) кардинальная трансформация параметров социального времени в результате обретения деньгами качества инструмента инвестиций (в конечном счете выступающих как материализация духовного состояния любви к ближнему и веры в социальный прогресс) (ср. "время – деньги"). Особую значимость для сценариев конституирования и эволюции К. имеют адекватные нравственно-культурные стереотипы, задающие соответствующую систему мотиваций и установок индивидов: в тех случаях, когда в обществе доминируют умонастроения фатализма, созерцательного отношения к жизни и т.п., а также отсутствуют устремления к перманентному увеличению личного богатства (ср. "достаток" от слова "достаточно", а не "богатство" как обозначение приветствуемого стандарта индивидуального потребления в российской ментальности), капиталистический тип жизненных ориентаций может быть оперативно привнесен в повседневную жизнь

людей исключительно посредством методик "шоковой экономической терапии". Аналогично, именно иудаизм, сделавший возможным христианство как религию преимущественно свободную от магии, также сыграл значимую роль в процессах вызревания К. Господство за пределами христианского мира магии, предполагавшей стереотипизацию технологии и экономических отношений, длительное время выступало самым серьезным препятствием на пути капиталистической рационализации всех сфер жизни.

Основным тезисом имманентной критики К. выступала в 20 ст. – Й. Шумпетер (**см.**), Белл (**см.**) и др. – идея о том, что его успехи в политической и экономической областях подрывают его же собственные культурно-ценностные основания. Имелись в виду такие социальные тенденции, как всевозрастающее развращение основной массы населения изобилием, сопряженное с засильем рекламы, поощряющей человеческие слабости и пороки, упадком общественного вкуса и торжеством массовой культуры; атрибутивный для демократического общества популизм политиков; дестабилизирующее воздействие социально-психологических групп людей, желающих преуспеть в сфере государственной деятельности и склонных в этой связи к авторитарным социальным технологиям; упадок аристократии, традиционно лелеявшей художественно-культурные элиты в эпоху доиндустриальных социальных отношений. Симметричным идейным ответом данным взглядам выступает в конце 20 ст. концепция демократического К.

Тем не менее, согласно современным социологическим и политологическим модам, термин "К." практически вышел из употребления. См. также: **Демократический капитализм, Геополитика, Новак.**

А.А. Грицанов

КАПИТАЛ СОЦИАЛЬНЫЙ – понятие, введенное П. Бурдье (**см.**) в статье "Формы капитала" (1983) для обозначения социальных связей, которые могут выступать ресурсом получения выгод. Источники этой идеи можно найти у Токвиля (**см.**), Зиммеля (**см.**), Дюркгейма (**см.**) и М. Вебера (**см.**). По Бурдье, К.С. является продуктом общественного производства, материальных и тем самым классовых практик, средством достижения групповой солидарности. В таком понимании К.С. выступает не только и не столько причиной экономических выгод, сколько проявлением социально-экономических условий и обстоятельств; он является групповым ресурсом и не может быть измерен на индивидуальном уровне. Связи между экономическим развитием общества и размером совокупного К.С. опосредованы политическим строем, религиозными традициями, доминирующими ценностями. Последователи Бурдье используют в основном качественные, этнографические и исторические методы оценки К.С. общностей.

Иная концепция была предложена Дж. Колманом в статье "Социальный капитал в производстве человеческого капитала" (1988). Занимаясь процессами диффузии и влияния, социологическим анализом образования и коллективного действия, Колман основывал свое понимание К.С. на эмпирической традиции в американской социологии (антропологических исследованиях социальных сетей – **см.** – Л. Уорнера, сельской и городской социологии) и теории человеческого капитала (см. **Капитал человеческий**) Г. Беккера. К.С. является общественным благом, но создается свободным и рациональным индивидом для достижения собственных выгод. Этот процесс предполагает социальный контракт, набор социальных норм, социальных обменов и, следовательно, некоторый базовый уровень доверия. Последователи Колмана рассматривают К.С. как атрибут индивида, дающий ему серьезные преимущества в достижении жизненных целей, карьере, защите имущества, доступе к информации. К.С. рассматривается как основа либерального общества. Экономическое значение К.С. состоит в том, что он уменьшает издержки на координацию совместной деятельности, заменяя контракты, формальные правила и бюрократические процедуры отношениями доверия, усвоенными профессиональными стандартами, этикой общения – теми неформальными нормами, которые передаются культурными традициями и образованием. Как и другие формы капитала, К.С. приносит дивиденды лишь в случае его активного использования: обмена, интериоризации и экстериоризации. На индивидуальном уровне к получаемым выгодам К.С. относятся уровень здоровья, воспитание и обучение детей, возможности поиска работы, удовлетворенность жизнью, высвобождение времени (использование услуг), когнитивная простота мира (отсутствие необходимости самостоятельно решать все проблемы), более широкая социальная идентификация; на организационном – снижение текучести кадров, преемственность персонала, неформальные возможности повышения квалификации, коллективный прирост знаний, преемственность организационного поведения; на уровне общества – облегчение социального контроля и передачи социального опыта, солидарность, удешевление бюрократической машины.

Серьезное внимание исследователей к этой проблематике было привлечено работами Р. Патнэма (напр., "Игра в кегли в одиночку: крах и возрождение американского сообщества", 2000), в которых использовалась трехфакторная модель К.С.: нормы взаимности, доверие и социальные сети. Два первых фактора являются по существу социально-психологическими атрибутами индивида. Поэтому Патнэм измеряет К.С. с помощью индивидуальных индикаторов, таких, как интенсивность и сила контактов, членство в общественных объединениях, электоральная активность, удовлетворенность взаимоотношениями, соблюдение норм взаимности, чувство безопасности, доверие к соседям и социальным институтам. Групповые или территориальные показатели получают посредством агрегации индивидуальных. В анализе экономического развития нескольких регионов мира Патнэм показал, что изменение качества социальных отношений предшествовало экономическому развитию. Этот результат противоречит данным Бурдье и встречен социологами скептически. В частности, объяснения Патнэма не лишены тавтологии, недооце-

нивают роль традиции и религиозных предписаний, не учитывают сложившихся структур родственных связей, являются по существу западноцентристскими и строятся на идеях протестантской этики (см.). В исследованиях динамики К.С. в США Патнэм констатирует существенный спад общественной активности в 1970-1980-е в электоральном и политическом поведении, волонтерском участии в программах неправительственных организациях, участии в добровольных ассоциациях, чтении газет, посещении родственников и друзей, коллективном времяпрепровождении. Проведенный анализ практически не учитывает поколенный эффект (дети Великой депрессии, послевоенного демографического скачка и дети 1980-х), изменение условий и стиля жизни (урбанизация, территориальная мобильность), развитие электронных средств коммуникации и новых форм досуга. Бурная активность неправительственных организаций в предыдущие десятилетия могла отражать чрезмерную политизацию частной жизни. Не получили объяснения другие эмпирические факты, напр., высокие показатели измеряемого К.С. в чернокожих гетто.

Несмотря на критику, индивидуалистический подход к измерению К.С. доминирует в исследовательской программе Всемирного банка, посвященной устойчивому развитию стран и регионов, и большинстве экономических и социологических моделей. Индивидуальные индикаторы К.С. включаются в опросники Всемирного опроса ценностей. К ним относятся вопросы: Сколько своих соседей вы знаете по именам? Присматривают ли соседи за вашей квартирой во время вашего отпуска? Часто ли сталкиваетесь в магазинах с друзьями? Как много у вас знакомых? Часто ли разговариваете по телефону с родственниками? Приглашаете ли вы к себе домой коллег? Сколько раз вы обращались за советом к другим людям за последние три месяца? Считаете ли вы свой район безопасным? Считаете ли вы, что полиции/милиции в вашем городе можно доверять? Знаете ли вы, кто является депутатом местного представительного органа от вашего округа? Насколько вы терпимы к людям, поведение и привычки которых сильно отличаются от ваших? Легитимность усреднения подобных показателей проблематична, поскольку любая агрегация теряет эффект социальности, связности.

Одним из индикаторов К.С. является принадлежность к группам, наличие контактов. Однако качество и интенсивность этих контактов определяются факторами, внешними по отношению к теории К.С. Так, полезность слабых связей (см.) увеличивается обратно пропорционально рыночному развитию. Наличие структурных дыр (см.) в социальных связях существенно в среде с высокой конкуренцией. Искусственное поддержание структурных дыр снижает уровень взаимного доверия и тем самым уменьшает К.С. Связь между измеренным количеством контактов в социальной сети, количеством групп и индуцированным К.С. нетривиальна и опосредована множеством переменных. Так, картографированные Л. Уорнером 22 000 групп в городке "Янки-сити" с населением в 17 000 невозможно интерпретировать без дополнительной информации.

Эмпирические исследования в странах Восточной Европы часто используют двусмысленные или архаичные индикаторы принадлежности (членство в коммунистических партиях), неадаптированные к культуре шкалы модернизма и протестантской этики, двусмысленные измерения К.С., специфического для секторов общественного производства. Не учитываются поколенный эффект и экономические условия (транспортные коммуникации, телефонизация, наличие сектора частных услуг).

Хотя К.С. создается и поддерживается в межличностных и межгрупповых отношениях, его не следует путать со сплоченностью и солидарностью. Последняя может создаваться как позитивным отношением к внешнему социальному окружению, когда членам других групп приписываются положительные качества (большой радиус доверия, по Ф. Фукуяма), так и негативной, когда внешние группы воспринимаются враждебно (большой радиус недоверия). Во втором случае общественная этика оправдывает аморальное поведение по отношению к другим ради блага своих (двойную мораль), и совокупный социальный капитал уменьшается. В частности, действия политических организаций часто направлены на достижение желаемых целей (солидарности) за счет эскалации враждебности к представителям других общностей. Особого внимания заслуживают серьезные социальные аномалии – усиление социального неравенства и практик социального исключения при определенных распределениях К.С.

В целом К.С. является привлекательным и креативным объяснительным понятием, однако соответствующая теория негомогенна и внутренне противоречива, ее определения свойственны, предсказания и объяснения тавтологичны, совокупные индексы К.С. недостаточно валидны, конструкты плохо измеряемы, а рекомендации для социальных лидеров и политиков невнятны.

С.В. Сивуха

КАПИТАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ – совокупность приобретенных знаний, навыков, умений, опыта, жизненной мудрости, ценностей и норм, повышающая шансы индивида на рынке труда в терминах размера совокупной заработной платы и условий труда. Понятие "К.Ч." было введено в работах экономистов социально-ориентированной чикагской школы в начале 1960-х. Т. Шульц использовал его в самом широком смысле, включая миграцию и здоровье. В работах Г. Беккера (Нобелевская премия, 1992), Дж. Минсера и М. Фридмана основным проявлением К.Ч. служило формальное и неформальное образование.

Основными свойствами К.Ч. являются неотчуждаемость от индивида, воплощенность, непередаваемость (хотя порождаемые услуги могут быть предметом купли-продажи); относительно низкий индивидуальный контроль за скоростью и формами приобретения; экономические последствия для общества и индивида; аккумулируемость в течение длительного времени и на основании уже имеющегося финансового, человеческого и социального капиталов; приносит экономические

блага лишь при условии дополнительных усилий (инвестиций времени в оплачиваемую работу). Подобно финансовому капиталу, необновляемый К.Ч. подвержен истощению и устареванию. Возможности межиндивидуального преобразования капиталов ограничены и сводятся главным образом к финансовым вкладам родителей в образование детей. Связи на надындивидуальном уровне более очевидны: социальные связи и отношения в семье (социальный капитал), и финансовые инвестиции способствуют получению К.Ч., а накопленный К.Ч. ведет к приобретению социальных норм, толерантности и доверия (капитал социальный – **см.**), а также к техническому прогрессу и росту экономического производства.

В отношении образования обычно различают общий и специфический К.Ч. Первый связан с получением универсальных навыков и знаний, повышающих шансы индивида на рынке труда, иногда в разных профессиональных областях. Его приобретают в основном в формальных образовательных институтах, открытых курсах и повседневных взаимодействиях. Под вторым понимают знания и умения, специфические для сектора или отрасли (напр., маркетинг или сельское хозяйство), отдельной организации или фирмы. Специфический капитал связан с социализацией внутри организации, приобретением полезных контактов, знакомством с организационным кодексом норм и рабочими секретами. Овладение им облегчает индивиду продвижение по служебной лестнице, получение прибавок и иных благ внутри данной организации. Кроме того, различают количественные и качественные аспекты К.Ч. Последние отражают качество и репутацию образовательного института, достигнутый технический прогресс.

Анализ, проведенный Г. Беккером, показывает устойчивую связь между образованием, измеренным в годах учебы в формальных заведениях, и последующими заработками. Превышение доходов выпускников колледжей над доходами выпускников школ во второй половине прошлого века в США составляло 40-60%, за исключением 1970-х, когда различия упали до 30% и вызвали тревогу социальных исследователей и экономистов (книга М. Фридмана "Сверхобразованные американцы"). Беккер показал, что при условии статистического контроля за расходами на образование (плата за обучение и отсроченная обучением возможность получать зарплату) и ряда социально-экономических переменных, экономические дивиденды К.Ч. остаются устойчиво высокими в рыночных обществах. Беккер распространил предположения теории К.Ч. на брачно-репродуктивное поведение. В частности, более образованные люди имеют более высокую рыночную стоимость и потому более придирчиво ведут себя на "рынке" женихов и невест, отсрочивая момент вступления в брак. Многие исследователи не находят эмпирического подтверждения подобным предсказаниям. Г.-П. Блоссфельд, используя анализ событийный (**см.**), показал, что действительным предиктором времени вступления в брак является не накопленное образование, а сам факт занятости в учебных программах. Другими словами, более позднее создание семьи отражает рациональное биографическое решение получить образование и лишь затем заниматься другими делами.

Теория К.Ч. претендует на объяснение различий в доходах в связи с образованием и возрастом; связь безработицы с индивидуальным уровнем навыков и знаний; более частой смены мест работы и более интенсивное посещение курсов в начале трудовой биографии; патернализм в странах с отсутствием рыночных отношений. Тем не менее многие социологи и особенно экономисты настороженно относятся к теории К.Ч. в ее строгой формулировке. Дело в том, что теории строятся на не совсем реалистичных предположениях о совершенной конкуренции на рынках труда, взаимозаменяемости разных форм К.Ч. и равной доступности образовательной возможности для индивидов. Объективная и субъективная ценность образования также различна в разных странах, культурах и для разных поколений. Так, год, проведенный в университете, имел разную цену для поколения 1950-х и в настоящее время.

Понятийный аппарат теории К.Ч. используется международными организациями для мониторинга устойчивого развития наций. Устойчивость означает монотонный рост измеренных показателей. В качестве таковых используется 4 группы агрегированных индикаторов, по два для образования и здоровья. Исходные образовательные индикаторы для межстранового сравнения включают характеристики образовательной инфраструктуры, соотношение между студентами и преподавателями, качество и количество образовательных материалов; итоговые индикаторы – результаты стандартизованных тестов грамотности, доля населения, окончившего вузы, и т.д. Исходные показатели здоровья – количество докторов и койкомест на 1000 чел., доля населения, обслуживаемого государственной и страховой медициной, расходы на медицинские исследования, показатели экологии (качество воды) и стиля жизни (доля курящих); итоговые – взрослая и детская смертность, заболеваемость отдельными болезнями, ожидаемая продолжительность жизни, скорректированная на состояние здоровья населения.

Актуальными проблемами теории являются разработка показателей, сопоставимых во времени и по странам; включение в модели форм обучения, специфических для организаций; концептуализация неформальных средств приобретения К.Ч.

С.В. Сивуха

КАРДИНЕР (Kardiner) Абрам (1892-1981) – американский психиатр, этнолог, психоаналитик и социолог. Доктор наук. В 1921-1922 прошел курс дидактического психоанализа у Фрейда и работал с ним в Вене. По возвращении в Нью-Йорк начал практиковать психоанализ. Входил в группу лидеров Ассоциации психоаналитической медицины Колумбийского университета, в котором первым начал подготовку врачей-психоаналитиков. Совместно с антропологом Р. Линтоном исследовал особенности психики и личности людей, принадлежащих к различным этническим, расовым и культурным группам. Разработал психодинамическое понимание национального характера. Изучал положение негров в систе-

ме американской демократии, проблемы агрессивности, воспитания, религии, травматические неврозы военного времени (1941), адаптационные возможности личностных структур и др. Первым предложил осуществить интеграцию психоанализа и антропологии на основе эгопсихологии и ее понятийного аппарата. Особое внимание уделял исследованию проблем личности, общества и культуры. В развитии собственных представлений исходил из психоаналитического понимания природы, структуры и формирования личности. В дальнейшем осуществил его культурологическую и социологическую модернизацию. Считал, что формирование личности осуществляется под влиянием культуры и различных социальных институтов, развитие которых, в свою очередь, обусловливается географическими, экономическими, этническими и др. факторами. Создал концепцию базисной структуры личности. Полагал, что базисная структура личности и типичные черты группового характера, свойственные всем индивидам данной культуры или субкультуры, являются продуктом специфического способа воспитания людей (в особенности в период детства). Считал, что понятие "базисная структура личности" является эффективным операциональным инструментом анализа в социальных науках. На основе психоаналитически ориентированного сравнительного анализа культур пришел к выводу, что культурное развитие в значительной мере определяется используемыми обществом методами выживания и самосохранения. Установил и продемонстрировал связь между религией и детскими переживаниями. Считал, что в каждой конкретной культуре религиозные системы представляют собой своеобразный слепок с переживаний ребенка, связанных с родительским воспитанием. Отмечал, что при наличии относительной универсальности понятия божества, способы, при помощи которых люди домогаются божественной помощи, изменяются в зависимости от специфики детских переживаний и особых жизненных целей, определяемых обществом. В связи с культурологической и социологической акцентировкой психоаналитически ориентированных концепций К. иногда относят к лидерам неофрейдизма. Автор книг "Индивид и его общество" (1939), "Психологические границы общества" (1945) и др.

В.И. Овчаренко

КАРЕЕВ Николай Иванович (1850-1931) – русский историк, социолог, гимназический товарищ и биограф В.С. Соловьева. Закончил историко-филологический факультет Московского университета. Профессор Варшавского (1879-1884) и Петербургского (1886-1899 и с 1906) университетов (в 1899 был уволен из Петербургского университета за "неблагонадежность" в связи со студенческим движением). Активный член партии кадетов, депутат I Государственной Думы. Член-корреспондент Российской Академии наук (1910), почетный академик АН СССР (1929). В области истории – работы по античной, средневековой, новой и новейшей истории.

Основные работы по социологии и теории истории: "Основные вопросы философии истории. Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса" (тт. 1-3, 1883-1890); "Сущность исторического процесса и роль личности в истории" (1889); "Историко-философские и социологические этюды" (1895); "Старые и новые этюды об экономическом материализме" (1896); "Введение в изучение социологии" (1897); "Историка. Теория исторического знания" (1913); "Историология. Теория исторического процесса" (1915); "Общие основы социологии" (1919) и др.

К. создал собственную версию этико-субъективной социологии, в которой прослеживается сильное влияние "первого" позитивизма, а также Лаврова (см.) и Михайловского (см.). Пытался осуществить синтез социального и исторического знания, в связи с чем подверг методологической критике за односторонность подхода все известные ему концепции знания. В качестве синтетической дисциплины К. рассматривал философию истории, включающую в себя теоретическую и конкретно-историческую части. Теория истории занимается проблемами гносеологии (теория исторического знания, или "историка") и социологии (социальная статистика и социальная динамика), изучающей морфологию и механизмы развития общества. Взгляд на социум как на процесс дает историология. Как и у других представителей этико-субъективной школы, в центре внимания у К. находится идея социального прогресса, исследуемая с разных сторон историей (феноменологическая наука) и социологией (номологическая наука). Согласно идеям школы, резко выступил против фаталистически-детерминистской трактовки прогресса.

В центре социокультурной жизни, по К., находятся человеческие индивиды – личности, активно относящиеся к происходящему с ними и вокруг них. Все общественные явления суть проявления духовного взаимодействия между людьми. Поэтому истории и социальной жизни всегда присуща как социально-психологическая, так и нравственно-этическая компонента, которые и должны фиксироваться средствами философии и науки. Происходящее в действительности должно быть оценено с точки зрения идеалов высшей правды; в любых исторических и социальных изменениях должен быть схвачен их смысл для человека. Ни одно общественное явление, по мнению К., не может быть понято без выявления отношения к нему со стороны тех или иных субъектов. Важно смотреть на историю и на социум глазами живой личности, включенной в социокультурную среду и исторические контексты, но ведущую себя в них заинтересованно, т.е. необходимо встать на этико-субъективную точку зрения (философия истории есть суд над историей). Соответственно в истории и социуме одновременно действует много детерминирующих факторов, задающих разные векторы изменений. Принципиально нельзя свести вариативность социальной и культурной жизни к действию какой-либо одной причины, например, экономики, как это делает марксизм. Общество конституируется во взаимодействии "культурных групп" и "социальной организации". Культурные группы формируются в процессах социализации и взаимодействия индивидов. Социальная организация фиксирует положение индивидов в экономическом,

политическом и правовом пространстве, задающих пределы индивидуальной свободы. Мера свободы, допустимая в данном обществе, фиксируется в общественном идеале, движение к которому и задает критерии социального прогресса, в ходе которого все большее количество людей перестает быть орудиями чужой воли. Средство достижения идеала – критическое переопределение и переделка культуры, социальной организации и быта.

В.Л. Абушенко

КАСО (Caso) Антонио (1883-1946) – мексиканский философ и социолог, положивший в основу своей концепции принцип "сознательного эклектизма", подчиненного требованию отбора адекватного мексиканскому контексту и способствующего преодолению подражательности по отношению к европейским теориям и традициям. Философия К. резко оппозиционна методологии позитивизма и подчеркнуто опирается на основания христианской морали (сам К. считал свою концепцию философией "очищенного христианства", или "философским христианизмом"). По своей сути – это версия культурреллигиозно-ориентированной философской антропологии. Непосредственный учитель К. – Х. Сьерра. Среди основных философских авторитетов К.: И. Кант, А. Шопенгауэр, А. Бергсон, М. Шелер, М. Хайдеггер. В религиозных исканиях опирался на учение Л.Н. Толстого (вернувшего его в лоно неортодоксального христианства – под влиянием позитивизма К. в юности занимал атеистическую позицию). Несомненно влияние самого К. на становление "философии латиноамериканской сущности". Его учеником-коллегой был С. Рамос Маганья. К. получил высшее образование в Национальной подготовительной школе (сменила закрытый в 1865 университет, восстановленный в том числе и усилиями К. в 1910). К. вместе с Х. Васконселосом (соответственно первый и второй президенты) основал в 1909 философско-литературную группу "Атенео молодежи" ("Атенео де ла Хувентуд" – общество, культивирующее искусства, находящиеся под покровительством Афины Паллады), ставшую интеллектуальным центром выработки нового типа философствования как оппонирующего традиции философии "первопринципов" и позитивистской методологии и как схватывающего специфику мексиканского человека и мексиканского способа мышления (первая неудачная попытка создания группы была предпринята в 1906, когда возник проект журнала "Savia moderna"). После победы мексиканской революции некоторое время был на дипломатической службе, но занимался прежде всего преподавательской и административной деятельностью в УНАМ (Национальном автономном университете Мексики). В 1935 активно включился в полемику с марксистски ориентированными философами и идеологами (в которой его основным оппонентом был его же ученик Л. Толедано). В это же время после принятия на Первом конгрессе мексиканских университетов решения о преподавании в университетах марксизма, пригрозил уходом из УНАМ. Сам УНАМ был захвачен сторонниками К. Резко оппонировал томистской традиции в философии, выступал против подчинения университетской жизни контролю церкви. 1933 считается переломным в творчестве К. В 1940 К. и Ф. Ромеро учреждают Свободный колледж (колехио) высших исследований в Буэнос-Айресе. В мае-июне 1943 вел один из 12 организованных Х. Гаосом-и-Гонсалесом и Полой семинаров в Колледже (колехио) Мексики ("Социальные проблемы аборигенов Америки"). В 1945 под руководством К. и Э. Гарсии Майнеса на базе философского факультета УНАМ создается Центр философских исследований. Оба созданных при участии К. исследовательских учреждения стали организационными центрами по реализации субконтинентального проекта развития национальных философий в рамках "философии латиноамериканской сущности". К. – почетный доктор философии ряда университетов Кубы, Перу, Гватемалы, Аргентины, Бразилии, член Мексиканской Академии словесности. Основные работы: "Философия интуиции" (1914); "Философия и моральные доктрины" (1915); "Современные проблемы философии" (1915); "Существование как экономия, незаинтересованность и милосердие. Очерк о сущности христианства" (издания: 1916, 1919, 1943; постоянно перерабатывавшаяся основная работа К.); "О национальном боваризме. Рассуждения о мексиканской нации" (1922); "Концепция истории и философия ценностей" (1923); "Учения и идеи" (1924); "Позитивизм, неопозитивизм и феноменология" (1924); "Социология" (1939 – третье изд.); "Мексика: заметки об отечественной культуре" (1943) и др.

Философия мыслится К. как синтетическое знание, призванное объяснить феномен существования (понимаемого им в духе М. Хайдеггера), взятый в различных перспективах рассмотрения. Это и есть теоретико-методологическая установка на "сознательный эклектизм", исходящая из того, что "ни один философ не обладает всей истиной, хотя многие открыли нам ее частицы". В этом ракурсе рассмотрения философия ценна не столько присущей ей ориентацией на продуцирование "системного" знания, сколько параллельной ей ориентацией на вскрытие "проблемности" человеческого существования, не столько попыткой дать "окончательные" ответы, сколько умением ставить вопросы, вскрывающие антиномичность человеческого знания (понимаемую в духе кантовской традиции философствования) и человеческой жизни, постоянно творимой волей (теория которой была изначально разработана, согласно К., А. Шопенгауэром). В силу этого философия есть принципиально открытый тип целостного знания, следующий за конкретными социокультурными историческими контекстами. Она не может быть непосредственно "заимствована" из чужого опыта (поэтому бесполезно копировать в Латинской Америке европейские теории и институты), сведена к универсальным по отношению к данному опыту схемам, которые пытается формулировать позитивизм (в этом смысле подлинная философия может быть построена только как антипозитивизм, в пределе – антинатурализм, сам позитивизм К. квалифицировал при этом как "католицизм без Христа"), и выведена из первопринципов (отсюда антимета-

физичность и антисистемность новой философии). Новая философия не может быть продуцирована усилиями только разума (к тому же редуцируемому и научному разуму), так как синтезирующая роль в "жизненном порыве" принадлежит интуиции (отсюда внимание К. к философии А. Бергсона), а сам разум аксиологически окрашен (отсюда внимание К. к М. Шелеру – **см.**) и подвержен постоянным изменениям (отсюда совет самого К.: "Формируйте ваше личное кредо только перед самой смертью!").

К. выделяет шесть возможных перспектив видения человеческого существования, образующих три антиномичные пары, синтез которых способен дать целостную картину жизни. Это: 1) метафизический подход (рассматривающий сущности с точки зрения вечности как возможное бытие), 2) исторический подход (рассматривающий бытие во времени), 3) экономический подход (рассмотрение наших действий в ракурсе достижения максимального результата с наименьшими затратами), 4) этический подход (рассмотрение наших действий в ракурсе максимализации усилий при минимализации пользы), 5) логический подход (пытающийся выявить универсальные формы связи), 6) эстетический подход (ориентирующийся на непосредственное созерцание красоты). Соответственно трем парным перспективам формируются три основные области человеческого существования – религия, собственно жизнь и искусство, конкретизирующие проблематику человека как "единственно доступного нам смысла истории и мира". В области жизни сталкиваются биологическое и надбиологическое, экономическое и этическое, эгоистическое и бескорыстное. С одной стороны, в основе жизни лежит "воля к власти", жажда максимального господства и выгоды. С другой – жизнь может реализоваться только в самоценности творчества, свободного от давления необходимости и соображений выгоды. Таким образом, основа человеческого существования этична. "Если бы наши поступки были простым отражением в нашем сознании фатальных законов инертного мира, то они были бы полностью безнравственны или, точнее говоря, аморальны". Жизнь должна твориться по формуле добра, требующей максимальной самоотдачи от человека (при одновременном подавлении корыстных мотивов поведения). Фактически К. строит этику самопожертвования, основанного на реализации принципов милосердия (как своего рода антиэгоизма), т.е. незаинтересованности. Именно незаинтересованность позволяет творить, а тем самым реализовывать собственную индивидуальность в области искусства, с одной стороны, и достигать Бога (стать ему сопричастным) – с другой. Искусство рассматривается К. как выражение "врожденного бескорыстия", как "проекция сознания на... вещи, которые побуждают или порождают дух". Свою же сверхзадачу он видит в "реставрации религиозности", задающей предельные смыслы человеческому существованию через преодоление схоластически-томистской традиции и восприятие новых философских идей (отсюда определение им своей философии как "очищенного христианства", или "философского христианизма"). Смысл человеческой жизни – в преодолении детерминированности "экономическим существованием", господствующим над "миром жизни" и его явлениями (питанием, ростом, воспроизводством, борьбой, игрой, смертью), что ставит под сомнение основные тезисы марксистской доктрины. Но тем самым необходимо выйти из-под власти естественных законов на основе реализации программы "рациональной психологии", которая ориентирует человека не столько на "отражение" существующей реальности, устроенной в соответствии с принципами и схематизмами разума, сколько на "созидание" реальности на основе творческой самореализации. Реализовать эти задачи невозможно только усилиями разума, скорее даже для этого необходимо именно сверхрациональное усилие. Ведь мышление выступает прежде всего "экономической формой упорядочения реальности", разум подчинен "принципу экономии" – достижению с наименее возможным усилием более устойчивой пользы. Однако человеческая душа больше, чем разум, поэтому притязания последнего, как и основанной на нем науки, должны быть ограничены. Разум укрепляется и дополняется ("расширяется") верой, но вера не обосновывается посредством разума. К Богу ведет не разум, а религиозный опыт, основанный на интуиции. Разум способен давать "отчет о мире", описывает и интерпретирует уже созданную реальность, интуиция же содействует постоянному и сиюминутному созиданию реальности, обеспечивая видение. "Интуиция есть видение. Интуировать – это знать, видя..." Через интуицию придается смысл, просвечиваемый из идеи конечной цели достижения Бога, без чего жизнь не может быть понята, а следовательно и воспринята. Человек не только познает, а его мир не есть лишь объект познания. Мир прежде всего – место действия и самореализации человека. В мире человек желает, любит, стремится к чему-либо. Мир для человека не нейтрален, он всегда аксиологически окрашен, практически ценностен. "Не зная ничего, или почти ничего, о природе вещей, мы жили всегда. Напротив, мы не могли бы жить, не зная как жить хорошо. Мораль, теория значимости жизни, доктрина желания и воли более важны, чем математический анализ, логические формулы и естественные и исторические науки..." Отсюда суть новой философии не в объяснении человеческой жизни миром, а понимание и объяснение мира человеческим опытом жизни в мире. Это философия жизни и действования ("философского героизма") – "в мире мы находимся для действия". "Философский дух есть непрестанное и неизменное стремление к поиску, и он имеет в себе много героического". Человек не случайное явление в мире – он "соучастник существования, изобретатель, деятель, творец. Мир не сцена, а рычаг. Есть нечто выше созерцательного любования эстетов, и это – жизненное кредо учителей нравственности, которые знают, что творение мира еще не завершено и что ради его созидания и совершенствования мы должны отдать всю нашу веру и наше дыхание". Отсюда неприемлемость для К. традиционной структуры философского знания, в основание которого кладется поиск ответа на вопрос "Что такое мир?", т.е. космология и онтология, так или иначе комплексируемые с логикой и

теорией "чистого" познания, (т.е. ответами на вопрос "Что такое познание?"). Эта структура "официальной философии" (противопоказанная "самостоятельному существованию философского мышления") выражает, по К., "суетность человеческого разума", так как конечное предназначение философии не в том, чтобы понять сущность и субстанцию чего-либо, а в том, чтобы служить действию, которое одно только и дает возможность понимания. В основание новой философии должна быть положена максима, согласно которой: "Истины, провозглашаемые людьми, не окончательны и не даны раз и навсегда, как не конечен и не неизменен мир, к которому они относятся". Поэтому в основание новой философии должен быть положен поиск ответов на вопрос "Каков смысл жизни?" (или "Какую ценность имеет мир для человека?"). Тогда философия есть антропология (человек – "единственный доступный нам смысл истории и мира"), включающая в себя эстетику (как теорию прекрасного), этику (как учение о добре) и философию религии (как доктрину о смысле и предназначении человеческой жизни). Антропология как таковая исследует комплекс отношений, складывающийся между вещами (внеположенным человеку значимым физическим), индивидами (людьми как наделенными жизнью организмами) и личностями (людьми как социокультурными субъектами). Уже как индивид человек наделен интеллектуальным и моральным превосходством над иными типами "живых организмов", но лишь он способен играть "роль как социальное существо". Он не только "организменен", но и "духовен". Дух расцветает над жизнью, как жизнь "над физической природой". Как личность человек обладает пониманием, способностями распознавать фальшивое и познавать совершенное. Он рефлексирует себя как свободного и ответственного деятеля. "...Собственное человека есть последовательная реализация своей сущности, а сущность нашего рода есть личность как творец ценностей". Он рефлексирует себя и как историческое существо, поэтому антропология имеет в качестве своего необходимого измерения историю (которая суть временное пространство "творческих имитаций"). В таковом качестве она интуитивно переживается, оживляется и оспаривается историком, а также реконструируется социологом и осмысляется философом истории. К. принципиально разводит социологию и философию истории. Первая стремится свести "человеческие события" к научным законам, пытаясь трактовать их внутри двояким образом понимаемого прогресса – как "реализации ценностей в истории" и как "реализации идеалов в благах культуры". Признавая зависимость "устойчивых атрибутов" существования социума от результатов длительного воздействия, что порождает различие "антропологических групп", К. настаивает на том, что эта зависимость со временем нейтрализуется благодаря культуре. Поэтому, фактически, он отрицает классическую формулу прогресса, который переистолкован им в терминах "реализаций". Более того, он утверждает, что "морально мы также низки, как всегда", а следовательно проблематична сама возможность морального обновления, но независимо от этого надо стремиться проявлять милосердие и верить в Бога. Но тогда ставится под сомнение сама возможность социологического знания, которое оказывается несамодостаточным и неуниверсальным. К тому же оно тяготеет к "социологическому материализму" (он же "исторический материализм") с его претензией определить "сознательное" (фиксируемое в терминах "надстройки") "бессознательным" (фиксируемым как "базис"). Поэтому "материализм" социологии должен корректироваться "интеллектуалистской" критикой, что, однако, не снимает угрозы придания общественной науке "абсолютно формального характера". Удержать ее от такого "соскальзывания" способна философия истории, вскрывающая смыслы и намерения "коллективного развития". Она не столько стремится дать абстрактно-научный или метафизический синтез "человеческим событиям", сколько задает им телеологическое, эстетическое и этическое измерения. В этом своем качестве философия истории есть интуиция конкретного всеобщего, с одной стороны, и педагогическо-воспитательная социализационная технология ("христианская философская концепция жизни") – с другой. Антропология (философия истории), как ее понимает К., в отличие от науки имеет своим объектом не абстрактно-общее, а конкретно-всеобщее, которое может быть схвачено лишь интуицией. "Философствовать – это значит видеть универсальное, не презирая особенного; лучше было бы сказать, что это – видеть особенное в универсальном, конкретное в абстрактном, переменное в неизменном, преходящее в вечном и относительное в абсолютном". Именно из этих позиций К. предлагал свой проект латиноамериканской философии, с необходимостью обязанной учитывать специфику самосознания латиноамериканских народов. Последнее характеризуется им как "индифферентный реализм" (или "тропический ленивый реализм"), а сами латиноамериканцы, вскормленные индейцами и так адекватно и не воспринявшие "подземного дыхания идеализма", шедшего от Испании, понимаются К. как самые "реалистические в истории". Другой присущий им комплекс К. определял как боваризм (от имени героини Г. Флобера мадам Бовари). Суть последнего – в стремлении казаться не тем, кем ты являешься на самом деле (в данном случае – стремление латиноамериканцев самоопределяться как европейцы). Он вылился в отвержение собственной реальности и принятии реальности чужой, которая, к тому же, отрицала саму возможность иного, чем она сама. Отсюда пустота, присущая субъекту, бегущему от собственной реальности и пытающемуся реализовать себя вне ее. Отсюда и накопление проблем, которые сополагаются, но не решаются. "Мы отличаемся самым ярким и очевидным врожденным бовариз-мом: способностью в политике воспринимать себя не такими, какие мы есть в действительности". Боваризм есть в некоторой мере проявление комплекса подростковой несамодостаточности, переходности, но он делает жизнь "более терпимой" для субъекта, хотя и погружает его в мир миражей, уводя его от оригинальной миссии". Без преодоления боваризма, следовательно, невозможна зрелая самостоятельная философия, один из первых вариантов которой для Латинской Аме-

рики К. и предложил, считая, что подлинная история Мексики еще не написана. Как отметил его ближайший ученик Рамос Маганья: "В этом смысле он является основателем той эпохи, которая станет определяющей в нашей истории...".

В.Л. Абушенко

КАСТА (португ. casta – род, поколение, происхождение) – эндогамная группа людей, занимающая строго ранжированное место в социальной иерархии (**см.**), связанная с традиционными занятиями и ограниченная социальной традицией в общении друг с другом. В той или иной форме признаки кастового деления имелись в общественном строе многих древних и средневековых социумов (К. воров в Древнем Египте, самураев в Японии и т.д.). Только в Индии кастовая организация сформировалась во всеобъемлющую социальную систему. По индийской конституции (1950) К. равноправны и кастовая дискриминация запрещена законом (1955). Вместе с тем определенные кастовые различия в Индии, прежде всего в сельской местности, существуют до настоящего времени. В современном обществе могут существовать определенные социально-классовые группы, функционирующие по кастовым механизмам (от элитных до маргинальных).

С.Ю. Солодовников

КАСТЕЛЬС (Castells) Мануэль (р. 1942) – американский социолог и экономист. Родился в Испании. В 1958-1962 изучал экономику и право в Университете Барселоны. Будучи активистом движения против диктатуры Франко, вынужден был бежать в Париж. В 1964 окончил Сорбоннский университет (факультет экономики и права). В 1967 защитил в Парижском университете докторскую диссертацию, основанную на статистическом анализе стратегий размещения промышленных предприятий парижского региона. С 1979 – профессор Калифорнийского университета. В 1988-1993 – профессор и директор Института социологии и новых технологий Мадридского университета. В 1994-1998 – председатель Центра западноевропейских исследований Калифорнийского университета. В 2000-2001 – член Совета ООН по информационным и коммуникационным технологиям и глобальному развитию. Был награжден премиями имени Райта Миллса (1983), Роберта и Елены Линд (1998). Основные сочинения: "Городской вопрос" (1972); "Город и его обыватели" (1983); "Информациональный город" (1989); трилогия "Информационное общество: экономика, общество и культура" (том 1 – "Подъем сетевого общества", 1996; том 2 – "Власть идентичности", 1997; том 3 – "Конец тысячелетия", 1998); "Галактика Интернет: рефлексия над Интернетом, бизнесом и обществом" (2001) и др.

Свою научную деятельность К. начинал в рамках социологии города (**см.**). Основными работами, написанными в этом ключе, являются "Городской вопрос", считающаяся одной из основ "новой социологии города", и вышедшая в 1983 "Город и его обыватели", посвященная сравнительному анализу городских общественных движений и сообществ. Начиная с 1983 К. обратился к изучению экономических и социальных трансформаций, вызванных внедрением информационных технологий. В книге "Информациональный город" К. сосредоточил свое внимание на анализе вызванных информационными технологиями и реструктуризацией экономики США изменений в жизни городов. Конечным результатом исследований К. в данной области, длившихся в течение 15 лет, стала трилогия "Информационная эпоха: экономика, общество и культура". "Подъем сетевого общества", первая часть работы, рассматривает новую экономику и культуру. Современная экономика, по К., характеризуется т.наз. информациональным способом производства, основной источник производительности которого "заключается в технологии генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации", в воздействии "знания на само знание". Также ей свойственны глобальность, децентрализация, переход от массового производства к производству гибкому, сетевая структура предприятий и новые, гибкие формы занятости (включая удаленную работу). Современную же культуру К. характеризует как "культуру реальной виртуальности", культуру, детерминированную глобальными интерактивными электронными системами коммуникации. Как он пишет, "это – система, в которой сама реальность... полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом". Эта среда способна "охватывать и интегрировать все формы выражения, так же как и разнообразие интересов, ценностей и воображения". У нее своя структура и логика. Основной культурной борьбой в новом обществе, по мнению автора, вскоре станет борьба за включение в эту интегрированную коммуникационную систему. Эту идею К. развивает во "Власти идентичности", второй части трилогии, посвященной проблеме идентичности в сетевом обществе. Он выделяет три формы коллективных идентичностей: легитимирующие идентичности, конструируемые доминирующими социальными институтами с целью расширения и упрочения своего влияния, идентичности сопротивления, конструируемые социальными акторами, находящимися в оппозиции по отношению к доминирующему в обществе мышлению, и проектные идентичности, конструируемые на основе какого-либо культурного материала с целью изменения всей социальной структуры. Все они, в той или иной степени, выступают в качестве защитных реакций, направленных против фундаментальных угроз третьего тысячелетия: глобализации, сетевых структур и кризиса патриархальной семьи.

Основываясь на этом тезисе, К. последовательно рассматривает антиглобалистское движение, движение "зеленых", антипатриархальные движения. Также он поднимает вопросы кризиса государства и демократии. "Конец тысячелетия", последний том трилогии, подводит итог всего труда. В нем рассматриваются наиболее значимые явления последних лет: развал СССР, глобализация криминальной экономи-

ки, объединение Европы и "становление четвертого мира", т.е. сетевой информациональной экономики. Последняя работа К. – "Галактика Интернет: рефлексия над Интернетом, бизнесом и обществом" – посвящена роли глобальной компьютерной сети Интернет в экономике и обществе 21 в. В настоящее время К. занимается изучением национальных моделей информационного общества.

А.Д. Шукаев

КАТАСТРОФИЗМ – термин, центрирующий одну из версий понимания процессов эволюции в живой и неживой природе. Собственно термин – "К." – был предложен в 1832 английским математиком и историком науки В. Уэвеллом, хотя истоки подобных представлений относятся к натурфилософии древнегреческих мыслителей. Присутствие идей наивного К. отмечается в интеллектуальной традиции вплоть до естествознания и философии Нового времени, а также в концепциях окказионализма 18 в. В границах этих подходов причиной каждого отдельно взятого глобального явления предполагался Божественный творец. Данная гипотеза сохраняла свою значимость благодаря постоянной переинтерпретации смысла библейских сказаний о кратковременности истории Земли: грандиозные изменения на поверхности планеты объяснялись в качестве результата необычайных воздействий единовременного характера.

Основателем К. как целостной концепции считается Ж. Кювье, осуществивший его теоретическое и фактическое обоснование. Становление доктрины К. в ее классической форме было обусловлено стремлением исследователей снять противоречие между тезисом об устойчивости и постоянстве видов, с одной стороны, и данными, свидетельствующими о смене господствующих таксонов животных в геологической истории, – с другой. Основы теории катастроф Кювье базировались на положениях: 1) о резком отличии ныне действующих сил природы от природных сил, существовавших в прошлом; 2) об отсутствии связи между сменяющими друг друга природными причинами; 3) о неравномерности скорости геологических процессов; 4) о прогрессивном усложнении ископаемых животных по мере восхождения от древних геологических отложений к современным. Сторонники теории катастроф стремились доказать, что сменяющиеся виды животных генетически не связаны друг с другом, при этом не указывались причины необратимых изменений в составе живых организмов. В доказательство идеи неизменности и постоянства видов Кювье широко оперировал не только теоретическими доводами, но и фактами, по его мнению, опровергавшими идею эволюции. Отсутствие переходных форм между ископаемыми и современными биологическими видами, малая изменчивость видов на протяжении культурной истории человечества, целесообразность строения живых организмов – все это выступало аргументом в пользу учения о неизменности видов. Вместе с тем ряд собственных исследований Кювье, доказавшего факт изменяемости флор и фаун в течение геологического времени, способствовал утверждению эволюционной гипотезы, хотя сам он с упорством отстаивал тезис о неизменности и постоянстве видов.

Новый этап эволюции идеи К., получивший название неокатастрофизма, начался со статьи Н.С. Шатского (1937) и выражал представления о внезапных вмешательствах в процесс эволюции факторов и причин, принципиально отличных от ныне действующих. В основе неокатастрофизма лежит утверждение о том, что все узловые пункты эволюционного процесса и все важнейшие новообразования возникают внезапно – путем единичных или массовых перечеканок биологических форм и обусловлены внезапными изменениями внутренних или внешних факторов. В настоящее время различают два основных направления неокатастрофизма. Первое из них связано с признанием периодического характера смен факторов и причин эволюции (Д.М. Соболев, О. Шиндевольф), второе исходит из акцентировки значимости внезапно действующих абиотических факторов космического происхождения – уровня радиации, падения метеоритов и т.д. (Р. Ведекинг, К. Бойрлен, Э. Дакке и др.). Постановка вопроса о возможности новообразований в процессе эволюции под воздействием факторов космического происхождения – рациональное зерно различных версий неокатастрофизма.

П.А. Водопьянов

КАУЗАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ – общее наименование методологических подходов и соответствующих им статистических методов, предназначенных для репрезентации и проверки (предположительно) каузальных связей между измеренными событиями и явлениями. К.М. – область совместных усилий статистиков и философов. Первое систематическое обсуждение каузальных отношений предпринято Аристотелем, выделившим 4 типа причинности, хотя лишь два из них – действующая и финальная – сегодня рассматриваются как каузальные.

Современные трактовки К.М. восходят к учению Д. Юма о регулярном причинении. Юм обосновал первый перечень критериев причинных связей: пространственно-временная смежность, временной порядок и постоянство сочетания причин (далее – П.) и следствий (далее – С.). Он отказал необходимости (каузальному механизму) в онтологическом статусе, рассматривая ее как субъективную конструкцию. В концепциях более поздних философов все три критерия и предположения Юма были поставлены под сомнение: событие *А* может быть П. события *В*, удаленного во времени и в пространстве, если между ними можно проследить каузальную цепь событий; П. и С. могут происходить одновременно (как в примере И. Канта с шаром, давящим на подушку); причинность в манипуляциях устанавливается в одном-единственном сочетании воздействия и его последствия. Критерий регулярности, который не дополняется теоретическими предположениями о каузальных механизмах, не позволяет отличить действительные причинно-следственные связи от повторяющихся событий вроде прилива и отлива. Дж.С. Милль показал узость понятия "полной" (исчерпывающей) П. у Юма, ввел пред-

ставление о множественности П. и о том, что вывод о каузальных отношениях между событиями должен с неизбежностью включать эмпирический анализ контрфактов.

Другая детерминистская и эмпирически ориентированная концепция, лежащая в основе повседневного мышления, основана на идее манипуляции. Воздействие экспериментатора на природу служит П., вызывающей С. Временной и, более того, каузальный порядок гарантируются фактом манипуляции. С другой стороны, между независимой и зависимой переменными в эксперименте могут происходить другие события, потенциально объясняющие полученные эффекты (см. **Валидность**). В эмпирических исследованиях обнаруживается относительность причин, что не позволяет убедительно отсеивать альтернативные объяснения. Манипулятивная концепция основана на антропоцентристских представлениях о мире и потому явно или не явно присутствует в большинстве научных концепций и в повседневных представлениях.

Начиная с середины 20 в. вследствие принятия недетерминистской картины мира в физике и развития статистического аппарата методологи попытались связать манипулятивную концепцию с понятием вероятности (П. Суппес и др.). Идея состояла в том, чтобы отвергать альтернативные объяснения (т.н. ложные причины) с помощью включения в модель информации о событиях, имевших место до предполагаемой П. Концепция не получила поддержки, поскольку статистические модели включают непроверяемые предположения, понятие вероятностной причинности не получило однозначного определения, а понятие каузальной необходимости является частью теории, но не вытекает из данных. Эффективность отсеивания альтернативных причин в значительной степени зависит от наличия полной истории изучаемого феномена, которая, как правило, недоступна. В то же время побочным результатом статистических усилий явилось введение полезного терминологического различения (причин и ковариатов, измеряемых до измерения причин), отражающего идеи Милля о контрфактах.

Дискуссии 1980-1990-х, в том числе в американском ежегоднике "Социологическая методология", показали, что единственным надежным подходом к установлению причинно-следственных отношений является эксперимент со случайным распределением испытуемых по уровням факторов. Этот подход был формализован Д. Рабиным для психологического эксперимента и впоследствии распространен на неэкспериментальные исследования. В этом случае наиболее обоснованным методом является регрессионный анализ, в котором оцениваются чистые (частные) эффекты теоретически предполагаемых П., при условии, что единицы выборки отобраны случайно и что идентифицированы и измерены ковариаты. Различение причин и ковариатов является нетривиальной задачей. Так, пол всегда рассматривается как ковариат, но не как П. В некоторых случаях теоретически предполагаемые причины должны трактоваться как ковариаты только потому, что распределение единиц наблюдения по уровням этой переменной носит неслучайный характер, а механизм генерирования этой неслучайности неизвестен. Каузальную интерпретацию получают только регрессионные коэффициенты при переменных, имеющих достоверное "причинное" обоснование. Таким образом, под каузальными моделями в социологии чаще всего понимают регрессионные уравнения, обоснованные предыдущими исследованиями и респектабельной теорией.

Сложность изучаемых систем побудила экономистов искать средства для одновременного моделирования влияний нескольких независимых переменных на зависимые, и последних – друг на друга. Этот метод известен как "структурные уравнения" (см.) и под именем путевого анализа введен в социологию О. Дунканом. Анализ путевой (см.) – это система регрессионных уравнений. Споры о способности структурных моделей адекватно отражать и оценивать каузальные отношения привели к пессимистичным выводам. В частности, оспариваются попытки раскладывать общие эффекты одних переменных на другие, на прямые и непрямые (опосредованные). Обсуждается возможность моделирования одновременной и взаимной причинности, при этом большинство методологов придерживаются требования о временной последовательности П. и С. и отказываются рассматривать взаимную причинность как верифицируемую, вводят запрет на использование экспериментального языка (эффект, влияние) для описания регрессионных коэффициентов из предсказания одних зависимых переменных по другим. Методологи сходятся в том, что многие предположения структурного моделирования не проверяемы в самих моделях, и каузальная интерпретация возможна только для теоретически обоснованных моделей после накопления значительного объема знаний о моделируемой действительности.

Современные учебники существенно упрощают ситуацию, называя три критерия каузальности, каждый из которых оспаривается методологами: существует корреляция между предполагаемыми П. и С.; П. наблюдается раньше С.; отсутствуют альтернативные объяснения. Статистический анализ сам по себе не может развести различные сочетания событий: *A* причиняет *B*, *B* причиняет *C*, *A* причиняет *B* и *C*, *B* и *C* причиняют *A* и т.д. В таком случае альтернативные каузальные объяснения неизбежны, и социология не может отвергнуть экономические или психологические толкования. Что касается гипотез о каузальной необходимости (каузальных механизмах), они находятся вне компетенции методологии и должны обсуждаться в отношении каждой конкретной содержательной теории.

С.В. Сивуха

КАУТСКИЙ (Kautsky) Карл (1854-1938) – немецкий историк, экономист, социолог и публицист, один из лидеров и теоретиков социал-демократии и II Интернационала. С 1874 по 1879 учился в Венском университете. В 1874 К. примкнул к социалистическому движению, был близок с лассальянством. В 1875 вступает в социал-демократическую партию. С начала 1880-х К. активно печатается в социал-демокра-

тической прессе. В 1883 основал журнал "Новое время" ("Die Neue Zeit"), теоретический орган германской социал-демократии, редактором которого он был со дня открытия до 1917. С 1890 постоянно живет в Германии, активно участвуя в деятельности Германской социал-демократическое партии, а затем II Интернационала. В 1934, после прихода к власти фашистов, переезжает в Вену, а после захвата Австрии фашистской Германией (в 1938) уезжает в Прагу, а затем в Амстердам, здесь же в этом году умирает.

Философско-социологические взгляды К. претерпели сложную эволюцию. Во второй половине 1870-х и начале 1880-х он находился под влиянием теории Ч. Дарвина и философии позитивизма (Спенсер – **см.**, Дж.С. Милль). В работах этого периода – "Влияние роста народонаселения на прогресс общества" (1880), "Социальные инстинкты в мире животных" (1883) – пытался объяснить историю человеческого общества дарвиновской теорией борьбы за существование. Утверждая, что законы роста народонаселения являются исходными при рассмотрении проблем социальной философии, К. усматривал движущие силы общественного развития в инстинктах человека. В дальнейшем К. написал ряд работ, пропагандировавших марксистскую теорию – "Экономическое учение Карла Маркса" (1887), "Томас Мор и его утопия" (1888), "Предшественники новейшего социализма" (1895), "Предшественники социализма" (1909-1921), "Этика и материалистическое понимание истории" (1-2 тт., 1927-1929) и др. Большое внимание в его трудах было уделено проблемам природы и движущих сил социальных революций, теории государства, взаимодействию личности и народных масс в истории, роли религии в историческом процессе и т.д. К. выдвинул т.наз. "теорию ультраимпериализма", провозглашавшую наступление новой фазы мирного развития капитализма и изживания его противоречий, что в перспективе ставило под вопрос неизбежность и целесообразность пролетарских революций.

Идейная эволюция, которую прошел К. в своих социально-политических воззрениях, выразилась в том, что в 1910-1912 он становится идеологом центризма, а в 1917 в знак протеста против политики руководства социал-демократии Германии выходит из партии, оставляет пост редактора "Нового времени" и организует независимую социал-демократическую партию Германии (ее существование было, впрочем, недолгим). Октябрьский (1917) переворот в России К. встретил негативно, выступал против установления диктатуры пролетариата – в защиту демократии. Об этом он написал ряд статей и брошюр: "Демократия и диктатура" (рус. перевод 1918); "Демократия или диктатура" (рус. перевод 1921); "От демократии к государственному рабству" (1921). К. – одна из наиболее крупных фигур международного рабочего движения. Стремление К. подвергнуть ревизии политические доктрины марксистского толка явилось выражением переосмысления значительной частью европейских интеллектуалов социал-демократических ориентаций, путей и методов борьбы за социальную справедливость и социализм, их неприятие псевдопролетарских государств, а также переворотов, инициируемых профессиональными революционерами.

В контексте общественных изменений, произошедших на Западе в 20 ст., особую значимость приобрели социологические выводы К. о формировании в социальной структуре индустриального общества нового класса – "среднего класса" (**см.**) работников нефизического труда. Будучи вовлечены в процессы материального производства, они тем не менее, по мысли К., располагаются несравненно ближе к социальным позициям буржуазии (**см.**), нежели к положению представителей пролетариата (**см.**). Согласно К., эти "новые средние слои" способны сформировать критическую массу стабильности буржуазного общества. В оценке социальных перспектив западного общества прогнозы К. оказались неизмеримо точнее пророчеств Маркса (**см.**).

И.Н. Андреева

КАФЕДРА СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ Белгосуниверситета (далее – КСК) – открыта на факультете философии и социальных наук приказом ректора БГУ в мае 1999 "для обеспечения подготовки студентов по специальности информация и коммуникация, а также активизации научных исследований в области коммуникационных процессов в современном обществе". Первыми сотрудниками кафедры стали О.В. Терещенко (**см.**) (зав. кафедрой), профессор О.Т. Манаев (**см.**), доцент Н.В. Ефимова, старшие преподаватели Н.А. Елсукова, И.Н. Красавцева, В.В. Фурс, преподаватели И.Ф. Бурина и М.Н. Мазаник, лаборант М.А. Редникина. Созданию КСК предшествовала подготовительная работа в рамках белорусско-франко-британского проекта ТЕМПУС (1993-1997), открытие отделения информации и коммуникации на философско-экономическом факультете (1997), а также многолетняя традиция научных исследований в области коммуникации.

На отделении информации и коммуникации на базе глубокой общегуманитарной подготовки и широкого спектра дисциплин по современным информационным технологиям студенты получают профессиональные знания в области теории и практики коммуникации, кадрового менеджмента, маркетинга, рекламы, связей с общественностью, конфликтологии и пр. Первый выпуск отделения состоялся в 2002. Выпускники, получившие квалификацию "Специалист по информации и коммуникации, преподаватель социально-политических дисциплин", работают в рекламных и маркетинговых агентствах, службах по связям с общественностью и пресс-службах, средствах массовой коммуникации, коммерческих фирмах и государственных организациях, преподают в вузах РБ.

О.В. Терещенко

КАФЕДРА СОЦИОЛОГИИ Белгосуниверситета – главная структура подготовки социологических учебных и педагогических кадров в РБ. В сентябре 1989 в Белорусском государственном университете был открыт философско-

экономический факультет с отделениями философии, экономики и социологии. Открытие отделения социологии потребовало и создания новой кафедры, первым заведующим которой являлся и является (по наст. время) А.Н. Елсуков (см.). Первоначально К.С. включала заведующего, доцента И.Я. Писаренко (см.), докторанта Л.Г. Титаренко (см.) и трех учебно-вспомогательных работников. В апреле 1990 в штат К.С. был зачислен В.Л. Абушенко (см.), осенью 1990 – А.П. Лимаренко (см.) и О.В. Терещенко (см.), а также Д.Г. Ротман (см.).

В настоящее время (начало 2003) на К.С. работают 5 докторов наук, профессоров – А.Н. Елсуков, Л.А. Гуцаленко, Л.Г. Титаренко, П.П. Украинец (см.), А.Н. Данилов (см.); 7 кандидатов наук, доцентов – Д.К. Безнюк (см.), С.Н. Бурова, Е.А. Кечина (см.), Е.Е. Кучко (см.), Л.В. Филинская, Ж.М. Гришенко, В.И. Кудрявцева; 1 старший преподаватель, 3 преподавателя, а также 3 профессора-совместителя (Е.М. Бабосов, Г.Н. Соколова – см., Д.Г. Ротман), доцент-совместитель В.Л. Абушенко и др.

К.С. создавалась не на пустом месте. В 1968 в Белгосуниверситете была открыта проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований. Первым ее руководителем был профессор И.Н. Лущицкий, а затем профессора Ю.Г. Юркевич, Г.П. Давидюк (см.), С.Д. Лаптенок (см.). Вначале лаборатория действовала в рамках кафедры истории философии, а затем (с 1971) она была переподчинена вновь созданной кафедре философии гуманитарных факультетов, которую возглавил Г.П. Давидюк. С этого момента начинается постепенное возрождение социологии в университете: было проведено много хоздоговорных исследований на ряде промышленных предприятий Беларуси и Минска, студентам философского отделения исторического факультета начали читать курсы лекций по общей и прикладной социологии, в специализированном совете по философии состоялась защита ряда диссертаций социологической проблематики, начала издаваться специальная научная литература.

Творческая деятельность сотрудников кафедры и лаборатории воплотилась в крупных коллективных монографических исследованиях: "Методологические основы социального управления" (1977); "Образ жизни и планирование социальных процессов" (1978); "Студент и его деятельность" (1978); С.Н. Бурова – "Социология и право о разводе" (1979); А.И. Левко – "Формирование чувства хозяина социалистического производства" (1984); Е.Н. Гурко – "Эмпирическое и теоретическое в социологическом исследовании" (1984); С.Д. Яцкевич – "Социальный эксперимент и научное управление обществом" (1984); "Социалистическая культура и духовный мир человека" (1985); "Эффективность средств массовой информации" (1988); С.А. Поваляев – "Информационное обеспечение социального прогресса" (1987) и др.

Важной вехой становления отечественной социологической мысли стало издание в 1984 первого в СССР "Словаря прикладной социологи", который сразу стал популярным у социологов, работников управления, студентов и всех, кто пытался самостоятельно освоить основы социологической методологии.

Появляются и первые учебники по прикладной социологии. Среди них учебники Г.П. Давидюка "Введение в прикладную социологию" (1975) и "Прикладная социология" (1979), в которых излагались принципы классической социологии, ее методологические основы и исторические этапы развития отечественной и мировой социологии. На этих учебниках воспиталось целое поколение белорусских социологов.

В настоящее время К.С. осуществляет чтение основного курса социологии на пяти факультетах университета и более 25 курсов и спецкурсов на отделении социологии. Особое значение в плане подготовки специалистов имеют такие курсы, как: методологические основы социологии, история социологии, экономическая социология и социология труда, социология личности, социология образования, социология конфликта, социология молодежи, социология управления, социология культуры, социология семьи, социология общественного мнения.

При непосредственном участии работников К.С. вышли в свет такие издания, как "Социологический словарь" (1991), "История социологии" (1993 и 1997), "Оперативные социологические исследования" (1997), "Социология" (1997) и др.

На основе двух научно-исследовательских лабораторий К.С., которые вели исследования по двенадцати темам, в основном молодежной проблематики, в настоящее время создан Центр социологических и социально-политических исследований (см.), нацеленный на проведение оперативных исследований.

При К.С. открыты аспирантура и докторантура, осуществляющие подготовку высококвалифицированных кадров социологов. Многие работники кафедры являются научными руководителями аспирантов, докторантов и соискателей, принимают участие в работе специализированного совета по защите докторских диссертаций по социологии. Первыми докторами наук по социологии стали работники кафедры Л.Г. Титаренко, О.Т. Манаев (см.), Д.Г. Ротман.

В 1994 состоялся первый выпуск отделения социологии, первые 24 дипломированных социолога пополнили армию научных кадров республики, четверо из них поступили в аспирантуру при кафедре (О.Л. Беляева, Е.А. Коростелева, Е.С. Пендраковская, И.Н. Гребенникова). В июне 1997 Е.А. Коростелева защитила кандидатскую диссертацию на тему "Взаимодействие субъектов современного политического поля Республики Беларусь: методология проблемы" – это первая кандидатская диссертация по социологии в РБ, подготовленная профессиональным специалистом по социологии.

В настоящее время К.С. наряду с отделением социологии курирует новое отделение информации и коммуникации, на котором будут готовиться профессионалы по новой для республики специальности.

В.Л. Абушенко

КАЧАНОВ Юрий Львович (р. 1959) – российский социолог, специалист в области социальной теории и гносеологии социологического познания.

Окончил МГУ им. М.В. Ломоносова (1981). Кандидатскую диссертацию защитил под руководством Ю.Н. Давыдова (см.) (1988). В 1996 защитил докторскую диссертацию по монографии "Политическая топология. Структурирование политической действительности". В 1981-1985 и 1988-1990 работал в Институте социологии АН СССР, в 1990-1993 – в Центре прикладных политических исследований ИНДЕМ (зав. отделом социологии); с 1993 – директор Института экспериментальной социологии РАН.

В своем основном сочинении "Начало социологии" (2000) К. обращается к изучению таких внешних моментов социологии, как условия действительности социологического исследования, пространство-время, политика и т.д., размыкая тем самым социологическую теорию, погружая ее в широкий философский и социально-политический контекст. Раскрывается базовая предпосылка социологического познания (в целом приближении) – совокупность горизонтов вневременного наличия, образующих концептуальный каркас социологии. Именно она создает необходимые условия для постижения идеально-логического содержания значений мыслимых предметов социологии. Проводится различие между конструируемым социологией "социальным миром" и ее смыслополагающим априори – "социальной реальностью". Утверждается, что "социальная реальность" представляет собой функцию постижения статуса социальных фактов и феноменологических идеальностей социологии, равно как и метод их постижения, – она есть конститутивная возможность социологического мышления, пространственно-временной горизонт объяснения "социального мира" в терминах причина/следствие. В свою очередь, "социальное отношение" есть ни что иное как пространственно-временное становление, производство/воспроизводство социальных различий.

Другие работы К.: "Опыты о поле политики" (1994); "Политическая топология: структурирование политической действительности" (1995); "Практическая топология социальных групп" (1996) и др.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ – собирательное понятие, обозначающее количественный уровень и разнообразие тех материальных и духовных потребностей, которые способен удовлетворить человек в условиях определенного общества. При всем диапазоне уровней К.Ж. в рамках одного социума представляется возможным выделение среднестатистического К.Ж. (его "медианы"), определяемого экономическим и культурным потенциалом общества, а также достигнутой в его рамках производительности общественного труда, дополненной более или менее равномерным распределением его результатов.

Ряд социологов полагают, что К.Ж. содержит в себе взаимоисключающие моменты: интенсивность и количество производительного труда, обеспечивающего удовлетворение всевозрастающих потребностей людей, с одной стороны, и минимизация вследствие этого количества свободного времени у граждан, с другой стороны.

Категория "образ жизни" (см.) была введена в научный оборот советской социологии в статусе альтернативного описательного средства термину "К.Ж." социологии западной.

E. Tauber

КВАЗИ-ЭКСПЕРИМЕНТ – эксперимент, в котором исследователь не изменяет независимую переменную непосредственно, как в типичном лабораторном эксперименте, а *выбирает* из имеющихся в его распоряжении случаи с нужными значениями независимых переменных. Это значит, что переменные не изменяются экспериментатором. В К.-Э. условия подбираются так, чтобы интересующая переменная имела значимые для наших целей значения. Иногда это некоторые естественные условия (например, стихийные бедствия, несчастья), иногда это переменные, характеризующие испытуемых (возраст, пол, вес и т.д.). В любом случае следует беспокоиться о внутренней валидности (см.) такого рода исследования. Типичными формами К.-Э. являются: анализ естественных событий (см.), исследование случая (см.), лонгитюдные исследования (см.), исследования с включением возраста как переменной (см.).

В экспериментах часто применяются многофакторные схемы, где одна переменная является настоящей независимой переменной (см.) (управляется экспериментатором), а другая переменная является квази-переменной. В этом случае исследователь может ставить задачу найти взаимодействие переменных. Предсказание взаимодействия вместо предсказания эффекта несколько повышает валидность результатов К.-Э.

Источники невалидности для различных схем К.-Э. и возможные пути их устранения приведены в **Таблице 4** (см. на стр. 1292).

А.П. Репеко

КВАЛИТАТИВНЫЙ (КАЧЕСТВЕННЫЙ) АНАЛИЗ ТЕКСТА – изучение текста в его неформализованном виде. Процесс изучения сводится к тем или иным видам интерпретации содержания текста: интерпретации *когнитивной* информации с использованием общих логических операций (анализ, синтез, сравнение, оценивание); интерпретации *оценочной* информации; интерпретации *знаково-системной* информации; интерпретации *речевой* информации.

К.А.Т. учитывает целостность текста, уделяет внимание его структуре, нацелен на изучение латентного (потенциального) значения содержания, основан на селективном подходе элементов анализа, учитывает позицию адресата. Представлен открытым множеством методик, среди которых: жанровый, нарративный (повествовательный), социально-ролевой, риторический и др. виды анализа, а также идентификативно-интерпретативный, анализ знаковой репрезентации ключевых объектов и ключевых субъектов коммуникации в линии текста, анализ коммуникативных стратегий и др.

И.Ф. Ухванова-Шмыгова

КВАНТИЛЬ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ x_q, где $0 < q < 1$, – действительное число, которое делит генеральную совокупность (см.) или выборку (см.) в пропорции $q : 1 - q$. Применяется в статистическом выводе (см.), а также при построении процентильной группировки (см.).

О.В. Терещенко

КВАНТИТАТИВНЫЙ (КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ) АНАЛИЗ ТЕКСТА – изучение текста в формализованном виде. Процесс изучения сводится к статистическому измерению содержания текстов/документов. К.А.Т. нацелен на исследование манифестируемого (актуализированного) значения содержания. Неотъемлемыми характеристиками такого подхода являются фрагментарность, систематичность, объективность, обобщенность. Важнейшим вариантом реализации К.А.Т. выступает методика контент-анализа (см.).

И.Ф. Ухванова-Шмыгова

КЕЙС-СТАДИ – исследовательский проект, в котором в качестве предмета исследования выбирается единичный случай или несколько избранных примеров социальной сущности и определяется совокупность методов их изучения. Исследование типа К.-С. включает в себя описание типичных, иллюстративных или девиантных примеров; фиксирует внимание на экстремальных или стратегических случаях; изучает естественные эксперименты.

КЕТЛЕ (Quetelet) Ломбер Адольф Жак (1796-1874) – франко-бельгийский ученый, математик, астроном, географ, социолог, основатель национальных статистических обществ Англии и Франции, организатор Первого международного статистического конгресса (Брюссель, 1853). Основные социологические идеи К. были изложены в книгах: "Социальная система и законы, ею управляющие" (1866); "Социальная физика, или Опыт исследования о развитии человеческих способностей" (1835, тт.1-2).

К. не считал себя позитивистом и, по-видимому, не был знаком с трудами Конта (см.). Тем не менее основные идеи "социальной физики" К. лежали в русле позитивизма. В отличие от Конта и многих других социальных философов, разрабатывавших глобальные реформаторские проекты 19 ст., К. скорее был социологом-прикладником, сознательно ограничивая область своих интересов частными, но социально значимыми проблемами (демография, преступность, семья и др.). Не претендуя на роль великого реформатора, К. привнес в социологию не только новые теоретико-методологические идеи, но и новый образец исследовательской деятельности, ориентированный на конкретные прикладные проблемы. Результатом таких "ограниченных" исследований стала "своеобразная социальная философия", которая больше соответствовала главным требованиям контовского позитивизма, чем его собственная, являвшаяся своего рода "позитивистской метафизикой". К. критиковал метафизику гораздо более последовательно и в согласии с практикой собственных исследований. По сути он создал – под именем "социальная физика" – социологию, значительно более близкую к 20 в., чем Конт. К. был, пожалуй, самым последовательным противником социального реализма, т.е. приписывания обществу субстанционных свойств, как это делал Конт или позднее Дюркгейм (см.).

К. существенным образом обогатил возможности применения статистических методов в социологии, первым перешел от анализа простых распределений к исследованию корреляционных связей. Статистический метод выступает у него как аутентичный метод социологии, лучше всех других выражающий специфику ее предмета исследования. Отсюда и знаменитая концепция "статистического человека", некоего среднего представителя народа, класса, социальной группы. Статистической абстракции "среднего человека" К. придавал онтологический и даже персональный статус. "Рассматриваемый абстрактно... человек будет называться у нас средним человеком: он может быть в одной стране больше или сильнее, нежели в другой, так же точно, как он может быть умнее, образованнее и, что еще лучше, нравственно более развит". Полнота и точность знаний об обществе и человеке, таким образом, зависят, по К., от технических возможностей статистики, а не от принципиальных трудностей, связанных с отличием социальных явлений от природных. Именно поэтому К. придавал такое большое значение разработке статистических методов в социальных науках. В социологическом плане "статистический человек" представляет норму, т.е. более желательное состояние. Этот аксиологический мотив вступал в диссонанс с общей позитивистской установкой К. Идея среднего, типичного представителя социальной группы, носителя статистической меры отражала индивидуалистские и конформистские тенденции в развитии западноевропейского общества 19 в.

Возражая против социологического волюнтаризма, жесткого противопоставления природных и социальных явлений, К. приводит множество примеров, свидетельствующих о том, что даже самые "интимные" события (супружество, преступления, самоубийства и т.п.) повторяются в общественной жизни с неизменной закономерностью.

Исходя из статистической трактовки социальных законов, К. выделил два основных вида причинно-следственных связей и действующих факторов: *социальные константы*, т.е. факторы, воздействующие на социальную ситуацию постоянным образом (пол, возраст, профессия, религиозные и хозяйственные институты и др.), и *случайные факторы*, действия которых вносят отклонения от средней тенденции. Задача научной социологии состоит в том, чтобы методами статистики измерить границы этих отклонений и выявить определяющие их факторы. Для этих целей К. разрабатывал оригинальные методики многомерного корреляционного анализа. Социальные законы К. понимал, таким образом, как законы больших чисел, статистическую зависимость между случайными социальными событиями.

В сочинениях К. отдается дань традиционным рассуждениям о неизменной человеческой природе, народном духе,

моральности, идеальном обществе и др. Иногда он говорит о природных склонностях человека. И хотя критики показали слабость концепции "статистического человека" как внеисторически абстрактной схемы, К. внес большой вклад в разработку методов статистического анализа в социологии, социальной, демографической, медицинской статистики, особенно методов измерения качественных характеристик (моральной статистики).

А.П. Лимаренко

КИБЕРНЕТИКА (древнегреч. kybernetike [techne] – "искусство управления") – отрасль знания, суть которого была сформулирована Н. Винером как наука "о связи, управлении и контроле в машинах и живых организмах" в книге "Кибернетика, или управление и связь в животном и машине" (1948). В 1959 академик А.Н. Колмогоров писал: "...Сейчас уже поздно спорить о степени удачи Винера, когда он... в 1948 году выбрал для новой науки название *кибернетика*. Это название достаточно установилось и воспринимается как новый термин, мало связанный с греческой этимологией. Кибернетика занимается изучением систем любой природы, способных воспринимать, хранить и перерабатывать информацию и использовать ее для управления и регулирования. При этом кибернетика широко пользуется математическим методом и стремится к получению конкретных специальных результатов, позволяющих как анализировать такого рода системы (восстанавливать их устройство на основании опыта обращения с ними), так и синтезировать их (рассчитывать схемы систем, способных осуществлять заданные действия). Благодаря этому своему конкретному характеру, кибернетика ни в какой мере не сводится к философскому обсуждению природы *целесообразности* в машинах и философскому анализу изучаемого ею круга явлений".

К. возникла на стыке математики, логики, семиотики, физиологии, биологии, социологии (до этого слабо связанных между собой) и с начала 1950-х (наряду с физикой, химией и биологией) стала оказывать существенное влияние на развитие мировой науки. Тектология (см.) (всеобщая организационная наука) Богданова (см.) (СССР, 1920-е) предшествовала К. у Винера (как минимум, в ее системной части; причем в своих работах Богданов применял лишь качественные методы). Для К. центральное значение имеет понятие "информация" (см.), которая, по Винеру, является обозначением "...содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств...". Т.е., для Винера информация – это знание, имеющее одну ценностную меру по отношению к внешней среде (семантика) и другую ценностную меру по отношению к накопленным получателем знаниям, целям познания (прагматика). При этом Винер интерпретировал любую информацию, вне зависимости от ее конкретного содержания и назначения, как выбор между двумя или более значениями, наделенными известными вероятностями (селективная концепция информации), что позволило начать исследования всех процессов при помощи разработанного им единого аппарата математической статистистики (откуда берет начало идея о К. как общей теории управления и связи – первое основание К.). В К. "связь" – это процессы восприятия информации, ее хранения и передачи; "управление" – это процессы переработки воспринятой информации в сигналы, корректирующие функционирование кибернетической системы. Если система в состоянии самостоятельно воспринимать и применять информацию о результатах своего функционирования, то такая система обладает средствами обратной связи, причем переработку такого рода информации в сигналы, корректирующие функционирование системы, в К. называют "контролем (регулированием)". Осуществляющие связь, управление или контроль элементы кибернетической системы рассматриваются в К. исключительно как носители (преобразователи) информации.

Определяющее значение имеет в К. понятие "количество информации" (количество выбора), введенное в явной форме основоположником теории информации К.Э. Шенноном. Количество информации (по Винеру – отрицательная энтропия) является, как и количество вещества, и количество энергии, одной из фундаментальных характеристик явлений природы. Это – второе основание К., интерпретация ее Винером как теории организации, теории борьбы с мировым Хаосом, с возрастанием энтропии. Колмогоров писал: "...с точки зрения кибернетики, конкретная материальная природа хранящих, передающих или перерабатывающих информацию элементов кибернетической системы, как и количество затрачиваемой на их работу энергии, являются подчиненными обстоятельствами. В процессе эволюции живых организмов возникли тончайшие механизмы хранения огромного количества информации в ничтожных объемах памяти (например, механизм наследственности, сохраняющий в одной клетке весь запас видовых признаков взрослого организма), а также механизмы, способные воспринимать и перерабатывать огромное количество новой информации с ничтожной затратой энергии (например, механизмы памяти и мышления в коре головного мозга)...". Функционирующий элемент кибернетической системы воспринимает информацию из внешней среды и применяет ее для выбора адекватного поведения. По Винеру, информация никогда не создается, она только передается и принимается, но при этом искажается "шумом" (помехами) на пути к объекту и внутри его; и для этого объекта может быть потеряна. Борьба с энтропией – это борьба с "шумом", искажением информации (выступающим как бы "семантической сущностью" материи, которая при этом отождествляется с одновременно взаимодействующими веществом, энергией, информацией и знаниями, которые все находятся во взаимопереходах из одного в другой в соответствии с законами сохранения; причем в этих взаимодействиях вещество выступает "носителем" знания, а энергия выступает "носителем" информации).

В К. постулирован принцип единства информации и управления (базисно важный для анализа сущности процес-

сов, протекающих в самоорганизующихся технических и биосоциальных системах). Винер полагал, что процесс управления в таких системах является процессом переработки некоторым центральным устройством информации, получаемой от сенсор-рецепторов (источников первичной информации) и передачи ее туда, где она будет восприниматься как требование выполнения определенного действия. По завершении этого действия сенсор-рецепторы приводятся в готовность к передаче информации об изменении ситуации для исполнения следующего управленческого цикла. Главная роль в движении информации по системе и данном циклическом алгоритме управления принадлежит содержанию информации, передаваемой сенсор-рецепторами и центральным устройством. В связи с этим Колмогоров писал, что "...регулирующие механизмы второго порядка, которые накапливают информацию о результатах деятельности того или иного управляющего или регулирующего механизма первого порядка, способны использовать эту информацию для целесообразного изменения устройства и способа действий этого механизма первого порядка. Классическим образцом такого регулирования второго порядка является механизм выработки условных рефлексов. Над системой уже установившихся, выработанных рефлексов, т.е. связей между внешними раздражителями и реакциями организма, здесь господствует механизм выработки новых рефлексов. Входными сигналами для этого механизма являются "подкрепления", получаемые в случае соответствия реакции нуждам организма, и "торможения" – в случае несоответствия...". Категория "управление" является базисной категорией К. Все другие категории субординированы (координированы) этой категорией. (Необходимо отметить, что существует подход к К. как к науке, изучающей способы создания, раскрытия строения и тождественного преобразования алгоритмов, описывающих процессы управления, протекающие в действительности.) Смысл категории "управление" в К. может быть раскрыт только через более общие категории структуры и функции, причинности и целесообразности и других "невнутренних" категорий К. В общем случае, управление в кибернетической системе представляет собой цикл, совершаемый в контуре информационных обменов, состоящего из органа управления, каналов прямой связи и каналов обратной связи. Управляющие воздействия представляют собой информацию управления (информацию о дальнейших надлежащих действиях объекта управления). Сведения о состоянии объекта и другие данные, поступающие от объекта органу управления, являются информацией состояния. Фактически, управление – это совокупность процесса сбора, обработки, преобразования и передачи информации для осуществления целенаправленного функционирования любой кибернетической системы, которая должна осуществлять такие процессы и включать в себя исполнителя, источник-накопитель энергии, источник и приемник сигналов, систему передачи сигналов от источника к исполнителю. В краевом состоянии кибернетическая система полностью неопределенна с максимумом энтропии. В процессе функционирования системы, при потреблении ею энергии, она потребляет информацию, уменьшающую разнообразие (неопределенность) и делающую поведение системы предсказуемым; энтропия уменьшается. Поступление информации позволяет управлять кибернетическими системами. Информация уменьшает разнообразие, а это – главный метод регулирования. Наличие в кибернетической системе помех в каналах информационных обменов ("шума") ведет к увеличению разнообразия (энтропии), не увеличивая содержания информации. Если энтропия кибернетической системы возрастает, то система деградирует. Для противодействия деградации в кибернетическую систему за счет затрат энергии вводят негэнтропию (дополнительную информацию), т.к. естественным состоянием любой системы, обладающей способностью изменять свои стохастические характеристики, является рост энтропии (потеря информации).

Условия осуществимости управления: 1) детерминированность (наличие причинно-следственных связей между компонентами) системы; 2) динамичность системы; 3) наличие управляющего параметра, воздействием на который возможно изменять направление трансформаций; 4) свойство усиления (способность системы претерпевать существенные пространственно-временные и/или энергетические трансформации под воздействием малых изменений управляющего параметра). Т.к. системы имеют протяженность в пространстве, то: 1) воздействие управляющего параметра и трансформация системы разнесены во времени; 2) управляющий параметр и объект управления имеют различную физическую природу; 3) в подсистемах управления производится хранение, преобразование и передача управляющей информации. Содержание процесса управления характеризуется целью управления – гомеостазисом – уравновешиванием системы с трансформирующейся внешней средой, эффективным противодействием деструктивным воздействиям внешней среды для стабилизации жизненно важных параметров кибернетической системы. Эффективными считают кибернетические системы, которые для достижения одинаковых целей применяют минимальное количество информации. Все остальные системы аналогичного назначения – информационно-избыточны.

Существует непосредственная связь между управлением и превращением энергии: по Г.Н. Алексееву, "управление сводится к изменению потока энергии того или иного вида в различных системах... Активное воздействие человека на природу, т.е. труд, возможно рассматривать как управление энергетическими потоками внешней природы, причем источником энергии для этого служит сама природа, а трудовая деятельность совершается только тогда, когда энергии получается больше, чем затрачивается". П.Г. Кузнецов утверждает, что "...такой механизм обмена возможен, если внутри человеческого организма имеется логическое управляющее устройство, которое работает по следующей программе: 1) "запоминает" физическую последовательность мышечных движений; 2) "вычисляет" полную величину затрат энергии

на них; 3) "запоминает" последовательность результатов воздействия на природу; 4) "вычисляет" эффективность трудового процесса; 5) производит "логическую" операцию: принимает программу последовательности движений, если эффективность выше средней, и отвергает, если ниже...". Г.Н. Алексеев утверждает при этом, что "...по такой программе в принципе возможно построить... действие любого устройства, которое ведет активный поиск оптимального режима управления, описывается подобной программой и имеет конечной целью экономию расходования энергии. Следовательно, *общественная деятельность людей в процессе производства есть неэквивалентный обмен энергией с природой, в результате которого должен увеличиться энергетический бюджет общества* (или, соответственно, негэнтропия)...". По Л. Бриллюэну, главный критерий кибернетических систем – их энергоэнтропийная эффективность, т.е. отношение увеличения негэнтропии (приобретенной информации) к увеличению энтропии во внешних системах (источниках энергии). На современном этапе развития К. в состоявшихся как научное направление работах по созданию искусственного интеллекта (кибернетического разума) обнаруживается спектр самых разнообразных взглядов на возможность построения рассуждающих систем, основанных на знаниях.

Рассматривая возможность создания искусственного интеллекта (кибернетического разума) на основе кибернетического моделирования, необходимо отметить следующее. В К. моделируются только функции мозга, поддающиеся логической обработке (т.е. связанные с получением, обработкой и выдачей информации). Все остальные самые разнообразные функции человеческого мозга остаются за рамками К. Например, многие понятия К. антропоморфны: на кибернетические системы переносены (правомерно или нет) понятия цели, выбора, решения, условного рефлекса, памяти и др. Однако "...существуют такие функции человека, которые не могут выполняться компьютерами. И это объясняется не ограниченностью их возможностей, а тем, что такие чувства, как уважение, понимание и любовь, попросту не являются техническими проблемами..." (J.Weisenbaum). Общепризнано, что единственным субъектом мышления пока является человек, вооруженный всеми средствами, которыми он располагает на данном уровне своего развития. В число этих средств входят кибернетические машины, в которых материализованы результаты человеческого труда. Человек будет передавать машине лишь некоторые функции, выполняемые им в процессе мышления. В аргументации против возможности создания искусственного интеллекта (кибернетического разума) фактически наличествует указание на спектр действий мышления, которые неспособна выполнить никакая кибернетическая система. Человек есть не только природное существо, его основные характеристики – продукт социального, а не чисто биологического развития. Следовательно, мышление человека не может развиваться в изоляции, для этого необходимо, чтобы человек был включен в общество. Во-первых, для возникновения мышления необходимо наличие языка, что возможно лишь в обществе. Во-вторых, с кибернетической точки зрения, "разумность" системы определяется количеством обрабатываемой в ней информации, поэтому система в информационно-бедной среде не может стать достаточно "разумной". В направлении искусственного интеллекта (кибернетического разума) большинство исследователей под интеллектом понимают спектр способностей любой кибернетической системы к достижению одной из множества возможных целей во множестве разнообразных сред. Знания в К. дифференцируют от интеллекта так, что знания – это полезная информация, накопленная и сохраненная кибернетической системой в процессе ее деятельности, а интеллект – это определяющая способность кибернетической системы предсказывать состояния внешних сред в ассоциации с возможностью преобразовывать любое предсказание в адекватную реакцию, ведущую к заданной цели. Логическая машина отличается от мозга человека тем, что не может иметь сразу несколько взаимоисключающих программ деятельности. Мозг человека всегда их имеет, поэтому-то он и представляет собой "поле битвы у людей святых" или же "пепелище противоречий у людей более обычных". Кибернетические устройства проявляют себя тем лучше, чем больше точности, алгоритмизации требует задание, их происхождение от цифровых компьютеров мстит за себя. Если ситуация чрезмерно усложняется, а количество новых факторов слишком возрастает, то робот теряется. Человек старается опереться на догадку (приближенное решение) и ему это иногда удается, а робот этого не умеет. Он должен все учесть точно и ясно, и если это невозможно, то он человеку проигрывает. Однако в опасной ситуации робот не "теряет головы", так как он не ощущает страха и угроза гибели ему безразлична. В таких ситуациях самообладание может компенсировать нехватку интуиции. Робот пытается овладеть ситуацией до последнего мгновения, даже тогда, когда он видит, что проиграл. Хотя с точки зрения людей это иррационально, с точки зрения робота это всего лишь логично, ибо он так решил. Творческих способностей у роботов мало, так как они неотделимы от интуиции (Лем). Реализация действительно искусственного интеллекта будет возможна, если системы, основанные на знаниях, начнут осмысленно (в человеческом понимании) обрабатывать упаковки знаний, построенных для множества проблем, в принципе недоступных мышлению человека. При решении спектра проблем, возникающих в процессе построения эффективных форм и средств информационного обмена, возникает необходимость решения проблемы однозначной объективации знаний – размещения фрагментов знаний в интегрированных упаковках, в которых они смогут перемещаться по каналам информационного обмена. Таковой упаковкой может быть фраза любого языка, книга, изображение, гипертекст и др. Для всех видов упаковок общим является то, что в любых условиях они должны поддерживать "семантическую безопасность" размещенных знаний, которые, кроме этого, должны быть декларативными и способными к выводу знаний повышенной общности из упакованных структур связей-

отношений и понятий. Получатель и отправитель таких упаковок должны применять единую систему правил их объективации и восприятия – формализм объективации знаний (естественным человеку формализмом является устная речь и письменность). В языковой форме возможно выражение не всякого знания, знание же, невыразимое в лингвистических конструкциях, не включается в процессы информационных обменов. При помощи естественного языка как одной из форм объективации знаний осуществляется человеческое общение, при этом одному и тому же фрагменту знания придаются различные вербальные и/или текстовые формы. В направлениях научного знания построены лингвистические редуценты (сужение языка естественного; при этом необходимо особо выделить язык математики как основу изложения систем знаний в естествознании; свой язык имеют философия, физика и др.). Применение лингвистических редуцент существенно повышает надежность процессов информационного обмена при одновременном снижении вероятности некорректного толкования передаваемой информации. Определяющими достоинствами лингвистических редуцент являются снятие смысловой многозначности естественного языка, привносящей семантический "шум" в каналы информационного обмена, и возможность построения стандартизированных упаковок фрагментов знаний. Обобщающий характер кибернетических идей и методов, задача обоснования таких исходных понятий К., как "информация", "управление", "обратная связь" и др., требуют выхода в более широкую, философскую область знаний.

К., достижения которой имеют исключительное значение для исследования познавательных процессов, по своей сущности и содержанию фактически входит в современную теорию познания. Исследование методологического и гносеологического аспектов К. способствует решению философских проблем понимания простого и сложного, количества и качества, необходимости и случайности, возможности и действительности, прерывности и непрерывности, части и целого. Большой важности философский результат К. заключается в том, что ряд функций мышления, ранее считавшихся исключительной прерогативой живого мозга человека, оказался воспроизводимым в кибернетических устройствах. См. также: **Виртуальная реальность, Виртуалистика, Искусственный интеллект, Тектология, Информация, Информационная война.**

С.В. Силков

КИСТЯКОВСКИЙ Богдан Александрович (1868-1920) – украинский и российский философ, социолог, правовед. С 1888 – студент историко-филологического факультета Киевского университета. В 1890 – исключен из университета. Поступил на юридический факультет Дерптского университета, сблизился с социал-демократами. После исключения из этого университета в 1895 выехал за границу. Учился в Берлинском университете на философском факультете под руководством Зиммеля, затем в Парижском университете. В 1897 посещал семинары Виндельбанда в Страсбургском университете, где в 1898 защитил докторскую диссертацию по философии "Общество и индивидуальность" (опубл. в 1899 на нем. языке). С 1901 – в Гейдельбергском университете (семинар Г. Еллинека). С 1906 преподает в Московском коммерческом институте (по приглашению Новгородцева), на Высших женских курсах. Организовал со Струве журнал "Освобождение", в 1907-1910 – редактор журнала "Критическое обозрение". Сотрудничал в журнале "Вопросы жизни". В 1909 – приват-доцент юридического факультета Московского университета. Участвовал в сборниках "Проблемы идеализма" (1902) и "Вехи" (1909). Поддержал протест профессуры против нарушения университетской автономии, отказался от преподавания в Москве, работал в Ярославле. В 1913-1917 редактировал "Юридический вестник". С 1917 – профессор юридического факультета Киевского университета. С 1918 – профессор и декан юридического факультета Украинского университета. Участвовал в создании Украинской Академии наук, с 1919 – академик по кафедре социологии. Умер во время поездки с Вернадским и др. академиками к генералу А.И. Деникину с целью отстоять права Академии. Основные работы собраны в книге "Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права" (1916). Работал над книгой "Право и науки о праве" (погибла в типографии во время эсеровского восстания в Ярославле в 1918).

В своих работах К. исходил из необходимости нормативистского обоснования социального познания в целом, и социологии, в частности. Причина кризиса социального познания усматривалась К., во-первых, в субъективизме и релятивизме общественной науки, привносимом марксизмом, прагматизмом и этико-субъективной школой; во-вторых, в некритическом заимствовании позитивистских категорий и методов естественных наук; в-третьих, в неразграниченности социальной философии и социологии, в господстве психологизма в социальных науках.

Кризис социальных наук, по К., есть кризис существующей гносеологии и методологии, что требует рефлексии по поводу имеющихся теорий и применявшихся при их построении приемов мышления. В центре ее внимания должны находиться проблемы: 1) образования социально-научных понятий; 2) применимости причинного объяснения к социальным явлениям; 3) роли и значения норм в социальной жизни. Первые две проблемы разрешимы социологией, третья требует философского анализа. Общественные явления должны быть осмыслены сквозь категории общности, необходимости и долженствования. В центре внимания К. – соотношение стихийного и сознательного, единичного и общего, случайного и закономерного. Закон, выводимый в социальных науках, приложим только к идеальным конструктам. Следовательно, он вневременной и внепространственный, выявляет априорные формы мышления и лишь прилагается затем к конкретным процессам развития. С этих позиций К. критиковал марксизм, исходивший из тезиса о конечной причине социальных процессов и онтологизировавший свою схему. Критике под-

вергалась К. и марксистская теория классов и классовой борьбы. В классах К. видел продукт социального взаимодействия людей в определенных конкретно-исторических условиях, т.е. считал их предметом социально-психологического, а не экономического анализа. Таким образом, суть познания, по К., заключается в выявлении с помощью операций выделения, изолирования и отвлечения общезначимых соотношений, обладающих предикатом безусловной необходимости, т.е. внепространственности и вневременности. Истина не вне, а внутри нас. Необходимость и случайность – конструкты нашего понимания. В социальном познании общеобязательно также следование идее справедливости, что требует оценки деятельности людей с позиции этически должного, а не только поиска истины. В социальных институтах постепенно реализуется все более осознаваемое людьми стремление к справедливости, заложенное в них природное нравственное (и эстетическое) начало. Добро столь же вневременно и внепространственно, как и истина. Мы понимаем только то, что представляем себе необходимым и справедливым (если речь идет о действиях людей), т.е. должным. Уровень телеологии является высшим проявлением и оформлением социальных связей. Долженствование вмещает в себя необходимость и возвышается над нею. Социальная необходимость нормативна по своей природе.

Основой социального познания, согласно К., должен стать новый (научно-философский, а не метафизический или мистический) идеализм, выросший из этики на основе отрицания натуралистической социологии и марксизма. Конечная цель нового идеализма трактуется К. как решение этической проблемы научным путем. Он исходит из двух тезисов: 1) признания автономии и свободы человека; 2) факта существенности его оценочной деятельности. Отсюда – принцип самоценности личности и равноценности личностей между собой. Социокультурная деятельность, по К., предполагает формулирование и осуществление в действительности определенного идеала. Традиционный идеализм при этом, по мнению К., апеллирует к познанию метафизического сущего путем интуиции и религиозной веры, новый идеализм идет путем философско-социологических разработок. Задача социального познания – выявление норм и правил теоретического мышления, практической (нравственной) деятельности и художественного творчества. Тем самым в теории познания К. последовательно проводятся принципы антипсихологизма, априоризма и нормативности. Важнейшая часть научного наследия К. – обоснование ценности права для практической жизни. Ценностное содержание культуры задается безусловностью справедливости, истины, красоты, веры. Ценности права относительны, но они задают формальные свойства интеллектуальной и волевой деятельности людей. Право – единственная социально-дисциплинирующая система. Дисциплинированное общество и общество с развитым правовым порядком – тождественные понятия. Право – основное условие внутренней свободы человека, игнорирование власти права ведет к власти силы, т.е. росту несвободы. Русское же общество, по К., никогда не уважало права, русская интеллигенция не заботилась о формировании прочного правосознания как необходимого условия нормального общественного развития. Отсюда путь России – признание наряду с абсолютными ценностями относительных ценностей права, изживание правового нигилизма.

В.Л. Абушенко

КЛАСС (лат. classis – разряд, группа) – конечная или бесконечная совокупность выделенных по некоторому признаку предметов, мыслимая как целое. Предметы, образующие К., называются его элементами. Проблемы классификации возникают во всех науках, которые имеют дело с крайне разнородными по составу множествами объектов (как правило, дискретных) и решают задачу упорядоченного описания и объяснения этих множеств. Классификация опирается на понимание множества как системы, положение же объекта в системе определяет максимальное количество признаков объекта. Таким образом, К. принимается за структурную единицу, идеальный или конструируемый тип, расчленяющий изучаемую реальность.

В социальных науках понятие "К." описывает место некой группы людей в системе неравенства и дифференциации, в сопряженной с ней совокупности связей и отношений, а также иерархию субъектов функционирования социальных институтов. В отличие от страт, деление на К. осуществляется по социально-экономическому основанию – обладанию собственностью и доступом к власти, а, как следствие, профессиональными, образовательными, культурными и идеологическими отличиями. В то же время само распределение собственности и власти может происходить в соответствии с аскриптивными статусами (пол, возраст, престиж и т.д.) и объясняться в терминах преобладающего в обществе дискурса (о божественном порядке или всеобщем равенстве). Рассматривая высшие, средние и низшие К., современные исследования подчеркивают их внутреннюю дифференциацию и останавливаются на теориях "среднего" либо "нового среднего" К., т.к. считается, что именно его гетерогенность и объем характеризуют и гарантируют стабильность современного общества. При достижении некоторого предельного значения характеристик понятие "К." начинает выступать только в статистической, условной форме, не отражаясь в непосредственной очевидности норм и образов жизни. На место вертикальной (функциональной) классификации приходит горизонтальная (качественная), основанная на таксономическом подходе к выделению индивидуализированных жизненных миров.

Д.М. Булынко

КЛАСС "В СЕБЕ" и КЛАСС "ДЛЯ СЕБЯ" – традиционные социологические и политологические понятия марксизма, определяющие объективные и субъективные проявления сущности социального класса (см. **Социальный класс**), степени его социальной зрелости. Класс "в себе" – это

такая ступень развития социального класса, когда он еще не осознал своих особых социально-экономических интересов, их различия или совпадения с интересами других классов, не сформировал собственной идеологии. Социальный класс существует объективно как класс "в себе" уже с момента формирования определенных экономических отношений группы индивидов, субъективное же его формирование ("для себя") зависит от целого ряда условий духовного и политического характера. Разграничение стадий зрелости социальных классов при помощи названного марксистского подхода использовались в исследованиях ряда ученых-немарксистов (например, М. Вебер – см.) и не потеряли своего гносеологического значения и в настоящее время.

С.Ю. Солодовников

КЛАССИФИКАЦИЯ (лат. classis – разряд, класс и facio – делаю, раскладываю) – многоступенчатое деление логического объема понятия (логика) или какой-либо совокупности единиц (эмпирическое социальное знание) на систему соподчиненных понятий или классов объектов (род – вид – подвид). К. – способ организации эмпирического массива информации. Цель К. – установление определенной структуры порядка, нормативно-мерного упорядочивания множества, которое разбивается на гетерономные друг по отношению к другу, но гомогенные внутри себя по какому-либо признаку, отделенные друг от друга подмножества. При К. каждый элемент совокупности должен попасть в то или иное подмножество. Таким образом, цель К. – определение места в системе любой единицы (объекта), а тем самым установление между ними наличия некоторых связей. Субъект, владеющий ключом (критерием) К., получает возможность ориентироваться в многообразии понятий или (и) объектов. К. всегда отражает имеющийся на данный момент времени уровень знания, суммирует его, как бы дает его "топологическую карту". С другой стороны, К. позволяет обнаруживать пробелы в существующем знании, служить основанием для диагностических и прогностических процедур.

В так называемой описательной науке К. выступала итогом (целью) познания (систематика в биологии, попытки по разным основаниям классифицировать науки и т.д.), а дальнейшее развитие представлялось как ее усовершенствование или предложение новой К. Таким образом, термин "К." используется как для обозначения указанной процедуры, так и для обозначения ее результата. Различают естественные и искусственные К. в зависимости от существенности признака, который кладется в ее основу. Естественные К. предполагают нахождение значимого критерия различения, искусственные могут быть в принципе построены на основании любого признака. Вариантом искусственных К. являются различные вспомогательные К. типа алфавитных указателей и т.д. Кроме того различают теоретические (в частности, генетические) и эмпирические К. Последние нашли широкое применение, в частности, в социологии. Цель эмпирических К. та же, однако сам критерий является, зачастую, проблемным и во многом его установление может быть целью эмпирической К. В ней все множество исследуемых единиц стремятся разбить на однородные группы, которым затем присваивается та или иная "этикетка", подлежащая содержательному наполнению в процессах интерпретации по обнаруживаемому (или заранее заданному) статистическому (сугубо формальному) критерию. При этом совокупность считается однородной, если все значения рассматриваемого признака суть значения одной и той же случайной величины. Эмпирическую К. иногда предваряют процедуры группировки данных.

Как особый вид К. в социологии рассматривается процедура районирования (пространственно-временное расчленение для последующего репрезентативного выбора объектов исследования). К., особенно эмпирические, часто рассматриваются как шаг на пути создания содержательно-обоснованных типологий. В отличие от К. типология выделяет гомогенные множества, каждое из которых есть модификация одного и того же качества (существенного, "коренного" признака, точнее "идеи" этого множества). Естественно, что в отличие от признака К. "идея" типологизации далеко не является наглядной, внешне проявляемой и обнаруживаемой. К. слабее, чем типология, связана с содержанием, но класс естественной К. должен иметь смысл, соответствующий уровню познания на данный момент, и обладать собственными существенными свойствами. В целом естественная К. всегда в той или иной степени типология и способна решать содержательные задачи.

В.Л. Абушенко

КЛАСТЕР – (I) группа объектов, выделенная с помощью одного из методов анализа кластерного (**см.**) по формальному критерию их близости друг к другу. При таком анализе переменных (**см.**) – группа переменных, выделенных по критерию высокой корреляции (**см.**) друг с другом. (II) – структурная часть генеральной совокупности (**см.**), выделяемая при построении выборки кластерной (гнездовой) (**см.**). Может обследоваться полностью, если выборка (**см.**) является серийной (**см.**), или выборочно.

О.В. Терещенко

КЛИМЕНКО Валерий Адамович (р. 1960) – белорусский социолог. Окончил Белорусский политехнический институт (1984). Кандидат экономических наук (1991), доктор социологических наук (1997). С 1990 работал в Институте социологии НАН Беларуси: младший научный сотрудник, научный сотрудник (1990-1993), ученый секретарь института (1993-1999), ведущий научный сотрудник (2001-2002). С 2002 – заведующий сектором социальной стратификации Института социологии и социальных технологий НАН Беларуси.

Сфера научных интересов: социология образования, ценностные ориентации молодежи, проблемы социальной стратификации и социальной мобильности в переходном обществе.

К. разработана концепция и модель системы профессионального образования в условиях трансформации социально-политических и экономических отношений белорусского общества.

К. – автор около 90 научных публикаций, в том числе одной индивидуальной и двух коллективных монографий.

Основные публикации: "Образование в трансформирующемся обществе" (1996); "Динамика ценностных ориентаций молодежи в трансформирующемся обществе" (2001, в соавторстве); "Современная белорусская молодежь: социальные ориентации, положение, тенденции и перспективы развития" (1993, в соавторстве); "Применение социологических методов в учебно-воспитательном процессе. Учебное пособие" (2000, в соавторстве) и др.

КЛОПОВ Эдуард Викторович (р. 1930) – российский социолог, специалист в области социальной структуры, социально-экономических и политических проблем наемного труда.

Окончил МГУ (1953). Доктор исторических наук (1981), профессор (1986). В 1956-1966 работал в ИМЛ (младший научный сотрудник, старший научный сотрудник); в 1966-1991 – в Институте международного рабочего движения АН СССР (старший научный сотрудник, зав. сектором, отделом, зам. директора); в 1991-1993 – в Институте проблем занятости РАН и Минтруда РФ (зам. директора и зав. лабораторией); с 1993 работает в ИМЭМО РАН (Центр сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований). С 1995 – соредактор непериодического издания ИМЭМО РАН "Социально-трудовые исследования".

К. исследовал состояние, структуру и тенденции развития повседневного быта и образа жизни рабочего класса СССР; проанализировал процессы количественных и качественных изменений в рабочем классе, происходивших под воздействием научно-технического и культурного прогресса. Исследовал процессы появления новых и трансформации старых субъектов социального действия в условиях перехода России к принципиально иному общественному устройству.

Основные работы (всего более 120): "Ленин в Смольном" (1965); "Человек после работы. Социальные проблемы быта и внерабочего времени" (1972, соавтор); "Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра" (1977); "Социальное развитие рабочего класса СССР" (1977, член редколлегии, соавтор); "Рабочий класс СССР (Тенденции развития в 60-70-е годы" (1985); "Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы" (1989); "Новые социальные движения в России" (1993-1994); "Переходное состояние рабочего движения" (1995) и др.

КЛОССОВСКИ (Klossowski) Пьер (1905-1995) – французский социальный мыслитель, писатель, философ, психоаналитик, художник, литературный критик. С 1935 (совместно с Ж. Батаем и А. Бретоном) – участник "Союза борьбы революционных интеллектуалов". Основные сочинения: "Сад, мой ближний" (1947); "Ницше, политеизм и пародия" (текст лекции, прочитанной в 1957, был опубликован в 1963); "Ницше и порочный круг" (1969) и др. В качестве своих предшественников признавал де Сада, Ф. Ницше, З. Фрейда, Ж. Батая.

Оказавшись в середине 20 в. вовлеченным в теоретические дискуссии французских философов об идейном наследии Ф. Ницше, К. подчеркивал, что идея "вечного возвращения", столь любимая Ж. Делезом (см.), весьма и весьма уязвима. По мысли К., данная концепция в первую очередь направлена против идеи постистории, или "конца истории". Согласно К., идея "вечного возвращения" постулирует не только то, что никогда не было начала ("первого раза"), но и никогда не будет "конца истории" ("последнего раза"). По мысли К., в контексте таких рассуждений явно проглядывается ряд парадоксов. Не существует *оригинала*, образец копии уже является копией: копия посему всегда являет собой копию копии. Не существует *маски лицемерия*, ибо лицо под этой маской уже является маской: всякая маска есть маска маски. Не существует *факта*, есть только различные его интерпретации: посему любая интерпретация есть интерпретация более старой интерпретации. Не существует *собственного смысла слова*, есть смысл фигуральный: посему понятия суть не более чем скрытые метафоры. Не существует *подлинной версии текста*: есть только переводы – вторые, третьи и т.д. Не существует *истины*: одни лишь ее имитации и пародии на нее. Из этого следует, по К., следующее: в основании отрицания всякого определения начала или реальности оригинала лежит ликвидация принципа тождества: посему видимости тождества, с которыми мы сталкиваемся, суть маски. Любое тождество – продукт симуляции. Тождественное – это всегда "иное", полагаемое "тем же самым"; при этом под "той же самой" маской обязательно скрывается другое "иное". Маска, воспринимающаяся как та же самая, никогда таковой не является; тот, кто верит в то, что это то же самое, сам никогда не бывает тем же самым. Эти парадоксы, по К., обусловливают то, что теория вечного возвращения не в состоянии сформулировать "принцип различия", способный противостоять принципу тождества. Концепция вечного возвращения противопоставляет *принципу* тождества *видимость принципа* различия. По мысли К., теория вечного возвращения являет собой лишь пародию теории. Философия различия тем самым – не более чем мистификация: "демистифицируют лишь для того, чтобы лучше мистифицировать" (К.). Результатом этого, например, выступает у К. ход идеологов Просвещения до 1789: философия как антирелигиозная *критика* способна вернуть людей в лоно античных добродетелей. Но критика властей, как любая иная критика, не может претендовать на статус непогрешимой. Различие между критикой лжи и самой этой ложью, по мысли К., искусственно стимулируется: "Современные катастрофы всегда более или менее быстро смешиваются с "*радостной вестью*" ложного "пророка". К. делает вывод: классическая философская линия (Платон – Гегель) как вера в исти-

ну выступает как эпоха *демистификации*: люди в это время разучились выдумывать новых богов. Ницше своей книгой "Сумерки богов" попытался превратить истинный мир в выдумку; это, разумеется, не означает, что вера в сверхъестественный мир покинула людей. К. оценивает это так: "Мир стал выдумкой, мир как таковой – лишь выдумка: выдумка означает нечто, о чем рассказывают и что существует только в повествовании; мир есть нечто, что рассказывается, пересказанное событие и, следовательно, интерпретация: религия, искусство, наука, история – столько различных интерпретаций мира или, точнее, столько вариантов выдумки". Идея "конца истории" означает в настоящее время, по мнению К., готовность человечества покинуть историческое время и вновь войти во "время мифа".

Центральным для понимания собственной концепции К. является сборник его эссе "Сад, мой ближний", в котором он развивает идею "интегрального атеизма", знаменующего собой, по его мнению, конец антропоморфного разума. Согласно К., рациональный атеизм лишь наследует нормы религий монотеистического типа, замещая теоцентризм антропоцентризмом. "Интегральный атеизм" утверждает, что вместе с "абсолютным гарантом" принципа идентичности (тео- или антропоцентризмом) исчезает сам этот принцип, а также моральные и физические обоснования ответственности индивидуального "Я". Основным мотивом деятельности субъекта является "желание", которое, в отличие от "сексуальности", остается неизменным на всей протяженности развития психосоматической конституции индивида. Самосознание личности есть продукт воздействия нормативного языка социальных институтов, т.е. "языка власти" на бессознательные волевые импульсы, характерные для естественного состояния человеческой природы. В результате первоначальная расстановка импульсивных сил предстает в психике индивида в перевернутом виде, насильственно поддерживая строгую субординацию жизненных функций организма с целью дальнейшего воспроизводства человеческого рода.

Для восстановления "истинной иерархии" прав и реабилитации "единичного" перед "всеобщим" К. считает необходимым устранение "цензуры нормативности", укорененной в сознании на уровне "представлений" (критериев различия добра и зла, истины и лжи и т.п.), непосредственно "действием", причем "текстуальным", а не социальным. Отказ от практики социальных реформ означает отказ от революции как насильственного внешнего принуждения и переход на иной онтологический уровень – индивидуального усилия в рамках самосознания личности. Такая стратегия предполагает длительную работу по культивированию индивидуального усилия, "внутреннего порыва" в литературном опыте трансгрессивного преодоления преграды, препятствующей нормализации психического состояния индивида. При этом выход за пределы культурных регулятивов, укорененных в сознании, на практике означает преодоление и "субъективности" как таковой, разложение самой структуры сознания в отказе от принципа идентичности. Индивидуальная структура личности оказывается не тождественна самой себе, распадаясь на множество автономных, самодостаточных образований, отличных друг от друга психических состояний, которые нарушают симметрию в бесконечности "зеркальных отражений" индивидуального "Я". Целостное представление о "едином" разрушается симуляцией "множественности" в режиме постоянного возобновления, актуальности становящегося "Я" и его "вечном возвращении" к самому себе, но уже в роли Другого, который не станет объектом манипулирования.

А.А. Грицанов

КОБЯК Олег Витальевич (р. 1973) – белорусский социолог, специалист в области экономической социологии и социологии труда.

Окончил философско-экономический факультет Белорусского государственного университета (1995), очную аспирантуру Института социологии НАН Беларуси (1998), кандидат социологических наук [тема диссертации: "Роль экономической культуры в регуляции экономического поведения хозяйствующего субъекта" (1998)], доцент. Младший научный сотрудник (1998), научный сотрудник (1999), старший научный сотрудник (1999–2002) Института социологии НАН Беларуси. С 2002 – заведует сектором социологии труда и экономической социологии Института социологии НАН Беларуси. Преподает экономическую социологию в Белорусском государственном университете, Институте управления и предпринимательства, а также в Международном гуманитарно-экономическом институте.

С 1991 принимает участие в международных и республиканских исследованиях социальных условий и факторов реформирования постсоветской экономики. Занимается изучением индивидуальных и коллективных форм экономического поведения хозяйствующих субъектов в контексте различных организационных культур.

К. – автор более 50 научных работ, в том числе: "Экономическая социология: Вопросы и ответы" (1999, 2000, 2001; соавтор); "Экономическая социология: Практикум" (2000, 2001; соавтор); "Культура хозяйствования предприятий: социологический анализ" (2001); "Экономическое поведение хозяйствующего субъекта: социологический анализ" (2002); "Особенности механизма инновационного процесса как проявление доминант культуры хозяйствования предприятия" (2002); "Экономическая социология. Учебное пособие для студентов экономических специальностей вузов" (2002) и др.

КОВАЛЕВСКИЙ Максим Максимович (1851-1916) – русский социолог, правовед, историк. Закончил юридический факультет Харьковского университета. Продолжил образование в Берлине, Париже и Лондоне. По возвращении в Россию получил степени магистра (1877) и доктора (за диссертацию "Общественный строй Англии в конце Средних веков", 1880), преподавал в Московском университете. Один из основателей Московского психологического общества (1884). В 1887 уволен из университета. Уехал за границу, где участвовал во

многих международных конгрессах социологов и историков. В 1905 вернулся в Россию, преподавал в Петербургском университете, Психоневрологическом (где возглавил первую в России социологическую кафедру) и Политехническом институтах. Издатель журнала "Вестник Европы" (1909-1916), один из редакторов "Энциклопедического словаря Гранат" (1910-1916). С 1899 – член-корреспондент, с 1914 – действительный член Российской Академии наук. Основатель партии "Демократических реформ", депутат 1 Государственной Думы, с 1907 – член Государственного совета. По инициативе К. вышли в свет пять томов источников "Родоначальники позитивизма" (1910-1913). Основные сочинения: "Общинное землевладение. Причины, ход и последствия его разложения" (ч. 1, 1879); "Современный обычай и древний закон" (тт. 1-2, 1886); "Первобытное право" (вып. 1-2, 1886); "Закон и обычай на Кавказе" (тт. 1-2, 1890); "Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства" (тт. 1-3, 1898-1903); "Развитие народного хозяйства в Западной Европе" (1899); "Происхождение современной демократии" (тт. 1-4, 1895-1899); "Современные социологи" (1905); "От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму" (тт. 1-3, 1906); "Социология" (тт. 1-2, 1910) и др.

Взгляды К. складывались под воздействием идей Конта и Спенсера. Определенное влияние на него оказало знакомство с Марксом (см.) и его работами: идеи марксизма К. пытался проинтерпретировать через методологические установки классического позитивизма. Свою теоретическую задачу он видел прежде всего в преодолении односторонности как отдельных теорий и концепций, так и односторонности узкодисциплинарных подходов к изучению общественных явлений, в нахождении их плюралистического синтеза. Такой позитивный синтез, считал К., можно осуществить внутри социологического знания, для которого частные дисциплины дают лишь необходимый конкретный материал. Предмет социологии – организация (порядок) и эволюция (прогресс) общества. Общество не может быть редуцировано к какому-либо конечному основанию (экономическому – у Маркса, мировоззренческому – у Конта и т.д.), а должно быть рассмотрено сквозь призму "теории факторов". Факторы (как объективные причины происходящего) равноправны, хотя в ходе социальной эволюции отдельные из них могут занимать на какое-то время доминирующее положение. Кроме того, главную причину изменений можно установить для каждой сферы общественной жизни.

В последние годы творчества К. пытался объяснять явления через анализ их происхождения (генетический метод). В частности, такой анализ был им проделан для институтов семьи, собственности, государства. Основной же метод социологии, по К., – сравнительно-исторический, позволяющий устанавливать для различных народов и государств факт происхождения одинаковых стадий развития (в конечном счете – выявить эволюцию форм общественной жизни всего человечества). Центральная идея социологии К. – идея социального прогресса, который понимался им как расширение сфер солидарности ("замирения") в обществе. Наиболее универсальный социальный закон, по К., – закон "роста человеческой солидарности" (по мере продвижения конкретного социума по эволюционной лестнице). Особая заслуга принадлежит К. в исследовании общины как особой формы социальности и структур и институтов докапиталистических (традиционных) обществ.

В.Л. Абушенко

КОВАРИАЦИЯ – совместная вариация, показатель совместного рассеяния значений двух количественных переменных (см.) x и y, двумерный аналог дисперсии (см.):

$$s_{xy} = \frac{\sum (x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{n-1},$$

где x_i, y_i – значения переменных x и y для объекта с номером i;

$\bar{x}$, $\bar{y}$ – *средние арифметические* для переменных x и y;

n – объем выборки.

Знак К. указывает на направление линейной связи: $s_{xy} > 0$ свидетельствует о прямой статистической связи линейной (см.) между переменными x и y, $s_{xy} < 0$ – об обратной связи. При $s_{xy} = 0$ линейная связь между переменными отсутствует. Чем выше абсолютное значение К., тем линейная связь сильнее. Тем не менее К. не входит в число основных мер парной связи, т.к. ее значение не ограничено сверху; оно зависит не только от тесноты связи, но также от объема выборки и "масштаба" переменных – чем больше объем выборки и стандартные отклонения (см.) переменных x и y, тем выше абсолютное значение К. Этот недостаток преодолевается делением К. на стандартные отклонения s_x и s_y, в результате чего получается коэффициент линейной корреляции Пирсона (см.).

О.В. Терещенко

КОГАН Лев Наумович (1923-1997) – российский социолог, специалист в области социологии культуры, образа жизни.

Окончил исторический факультет Уральского университета (1945), доктор философских наук (1963), профессор (1965). После окончания университета работал в нем ассистентом, доцентом, профессором, зав. кафедрой. В 1966 – 1977 – зав. сектором (отделом) социологии Института экономики УО АН СССР. С 1977 – зав. кафедрой, профессор Уральского университета.

С именем К. связано возрождение, становление и развитие социологии культуры. Его труды по теории и методологии культуры, исследования по проблемам искусства и массовой культурно-просветительской работы, образу жизни были пионерными в 1960-1980 и составили заметный вклад в развитие социологической мысли. К. был создателем Уральского отделения Советской социологической ассоциации, председа-

телем которой являлся. В 1972 – 1989 под эгидой этой организации каждые два года проходили сессии "Уральских социологических чтений" (последние – в 1996), которые собирали исследователей не только Урала. Под научным руководством К. было подготовлено 100 кандидатов и 20 докторов наук.

К. – автор более 450 научных работ, в том числе: "Очерки теории социалистической культуры" (1972, соавтор); "Социология культуры" (1992); "Духовное пространство" (1987, соавтор); "Художественный вкус. Опыт конкретно-социологического исследования" (1966); "Культура в условиях НТР" (1987, соавтор); "Цель и смысл жизни" (1984); "Человек и его судьба" (1989); "Зло" (1991); "Вечность" (1994); "Философия: серьезное и веселое. Очерки о философии Уильяма Шекспира" (1996) и др.

КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС (лат. dissonans – нестройно звучащий, cognitio – знание, познание) – концепция в социальной психологии (см.), объясняющая влияние на человеческое поведение системы когнитивных элементов, описывающая формирование под их воздействием мотиваций социальных действий. Теория К.Д. – одна из "теорий соответствия", основывающихся на приписывании личности стремления к связному и упорядоченному восприятию своего отношения к миру. Впервые сформулирована Ф. Хайдером (1944). Модель когнитивного поля субъекта описывается понятием баланса – ситуации, в которой воспринимаемые единицы и эмоции сосуществуют без стресса, поэтому нет давления к изменению ни когнитивной организации, ни эмоциональных проявлений. Основываясь на теории Хайдера, Т. Ньюком ввел понятие баланса в межличностную коммуникацию – было высказано предположение, что увеличение контактов способствует симметрии ориентаций, т.е. балансу в группе. Ч. Осгуд и П. Танненбаум предприняли попытку предсказать изменение отношения, которое произойдет у личности под влиянием стремления установить соответствие внутри ее когнитивной структуры в зависимости от их интенсивности по определенной шкале.

Собственно разработка теории К.Д. принадлежит Л. Фестингеру (1957): Д. понимается как существование отношения несоответствия между когнициями (знание, представление, мнение) в пределах социальной общности. Д. проявляется как неудовлетворительное оправдание выбора, которое ведет к нарушению психологического комфорта. В свою очередь, обнаружение явлений К.Д. приводит к стремлению понизить (минимизировать) возникшие рассогласования (несоответствия) или к избеганию ситуаций, в которых Д. может повыситься. В 1970-е "диссонансные эффекты" были переосмыслены в информационных терминах и представлены как частный случай функционирования каузальных схем. В настоящее время теория К.Д. занимает одно из первых мест в исследовании закономерностей социального поведения и оказания коммуникативного воздействия в условиях массовой коммуникации.

Н.В. Радкевич

КОГОРТА – в системе социально-гуманитарного знания – группа лиц, обладающих общим опытом с определенной временной спецификой. Например, возрастная К. состоит из людей одного года рождения, образовательная – из тех, кто в один и тот же год окончил школу. К. могут быть выделены по времени заключения или расторжения брака, потери работы или начала трудовой деятельности и т.п. Любое исследование характеристик одной и той же К. в разные временные периоды или характеристик различных К. в одном и том же "возрасте" называется когортным анализом. Когортный анализ широко применяется в демографии. Например, при изучении и прогнозировании рождаемости, смертности, средней продолжительности жизни и т.п. чаще всего используются пяти- или десятилетние возрастные группы. Лучшими данными для таких исследований являются данные официальной статистики и переписей населения. Когортный подход используется также в лонгитюдных исследованиях, при изучении жизненного пути, профессиональной карьеры, внутрипоколенной и межпоколенной социальной мобильности.

Главной проблемой когортного анализа является необходимость различать эффекты возраста, К. и времени. Эффекты возраста связаны с процессами взросления и последующего старения К.; эффекты собственно К. являются общими для людей, одновременно родившихся или вступивших в определенный период жизненного цикла; эффекты времени порождаются широким социально-культурным историческим контекстом, опытом участия в тех или иных исторических событиях. К сожалению, не существует простых способов решения этой проблемы. Смешение эффектов приводит к различным интерпретациям одних и тех же данных, что заставляет с осторожностью относиться к результатам когортных исследований. Однако в тех случаях, когда они опираются на надежные теории, когортный анализ является мощным аналитическим методом.

О.В. Терещенко

КОД – понятие, широко используемое в семиотике и позволяющее раскрыть механизм порождения смысла сообщения. В теории информации (К. Шеннон и др.) "К." определяется как совокупность (репертуар) сигналов. В работах Р. Якобсона и У. Эко "К.", "семиотическая структура" и "знаковая система" выступают как синонимичные понятия (при этом "К." отличается от "сообщения" так же, как в концепции Соссюра "язык" – от "речи").

Иначе говоря, "К." может быть определен трояким образом: (1) как знаковая структура; (2) как правила сочетания, упорядочения символов, или как способ структурирования; (3) как окказионально взаимооднозначное соответствие каждого символа какому-то одному означаемому (Эко). Наиболее близким термином к "К." по смыслу выступает "язык" – как способ организации высказывания по определенным правилам (на подобном синонимическом употреблении настаивал Соссюр), однако в некоторых случаях исследователи избегают подобного сближения. Одни мотивируют это тем, что по-

нятие К. более функционально, ибо может применяться в отношении невербальных систем коммуникации (от азбуки Морзе до иконических знаков). Другие считают, что термин "К." несет представление о структуре только что созданной, искусственной и обусловленной мгновенной договоренностью, в отличие от языка с его "естественным" происхождением и более запутанным характером условности (здесь использование К. не всегда носит осознанный характер; участники коммуникации подчиняются правилам языка безотчетно, не ощущая своей зависимости от навязанной им жесткой системы правил). Например, согласно Ю. Лотману (см.), К. психологически ориентирует нас на искусственный язык и некую идеальную модель языка (а также "машинную" модель коммуникации), тогда как язык бессознательно вызывает у нас представление об исторической протяженности существования; если К. не предполагает истории, то язык, напротив, можно интерпретировать как "К. плюс его история". С целью экспликации собственно семиотического понимания К., в отличие от других подходов, Эко предложил термин "S-К." (или "семиотический К."), сущность которого заключается в том, что любое высказывание не просто организовано по определенным правилам (комбинаторики, соответствия), но и с определенной точки зрения: например, классификация, упорядочение форм, осуществленные математиком, художником и ГАИ, могут оперировать одними и теми же единицами, организуя их совершенно отличным образом согласно своим целям. В такой интерпретации К. оказывается близким по значению к понятию "идеология". В семиотическом универсуме разнообразные К. представляют собой набор ожиданий, этот набор ожиданий можно отождествить с "идеологией". "Мы опознаем идеологию как таковую, когда, социализируясь, она превращается в код. Так устанавливается тесная связь между миром кодов и миром предзнания. Это предзнание делается знанием явным, управляемым, передаваемым и обмениваемым, становясь кодом, коммуникативной конференцией" (Эко). S-К. может быть сколько угодно. В том числе применительно к ограниченной совокупности элементов.

Установление, использование и дешифровка К. следуют принципу экономичности и иерархичности (так, Якобсон ввел понятие "субкод" для описания системы с несколькими кодами, один из которых доминирует, а остальные находятся между собой в отношениях иерархии). Принцип экономичности напрямую связан с информативностью закодированного сообщения: К. ограничивает информационное поле источника. Как отмечает Эко, сообщение, полученное на базе большого количества символов, число комбинаций которых достигает астрономической величины, оказывается высокоинформативным, но вместе с тем и непередаваемым, ибо для этого необходимо слишком большое число операций. Гораздо легче передать (и расшифровать) сообщение, полученное на основе системы элементов, число комбинаций которых заранее ограничено.

А.Р. Усманова

КОЗЕР (Coser) Льюис А. (р. 1913) – американский социолог, один из основных теоретиков социологии конфликта. Основные сочинения: "Функции социального конфликта" (1956); "Социальный конфликт и теория социального изменения" (1956); "Этапы изучения социального конфликта" (1967) и др. Выступал против игнорирования социологами концепта конфликта и соответственно понимания социальных конфликтов как аномалии или патологии общественного развития. Конфликт, по К., – важнейший элемент социального взаимодействия, каждое общество хотя бы потенциально содержит социальные конфликты. Существуют условия, при которых даже открытый конфликт может способствовать усилению интеграции социального целого. К. определяет социальный конфликт как борьбу за ценности и притязания на определенный статус, власть и ограниченные ресурсы, причем целями конфликтующих сторон являются не только достижение желаемого, но и нейтрализация, нанесение ущерба или устранение соперников. Такие конфликты могут иметь место между индивидами, группами или между индивидами и группами. Данное определение конфликта является одним из самых распространенных в конфликтологии.

Основное внимание К. уделяет анализу позитивных возможностей социальных конфликтов: развивая идеи Зиммеля (см.), он сформулировал основные положения, касающиеся позитивных функций конфликта, а также переменных, определяющих его динамику, в том числе различение "реалистического" и "нереалистического" типа конфликтов. Последствия конфликтов для социального целого зависят и от характера этого социального целого: жесткие общественные структуры подвержены разрушительному влиянию конфликтов, более же гибкие и открытые дают возможность выхода конфликтам, которые тем самым повышают гибкость социальной системы, делая ее более открытой и адаптивной к новому. Работы К. оцениваются в конфликтологии как достаточно всеобъемлющие в силу того, что им анализируется и описывается широкий круг вопросов, включающих причины конфликтов, переменные, определяющие их остроту и длительность, функции конфликта.

Н.В. Гришина

КОЛЛЕКТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ – универсальные, всеобщие образы и идеи, имеющие психически унаследованный характер, передающиеся из поколения в поколение и лежащие в основе деятельности людей.

Термин "К.Б." был введен в психоаналитическую литературу швейцарским психотерапевтом К.-Г. Юнгом (см.), который в работе "Психология бессознательного процесса" уделил внимание рассмотрению не только личностно-человеческих характеристик, но и мифологических фигур, выражающих чувства пациентов. В разделе, названном им "Архетипы коллективного бессознательного", он подчеркнул, что некоторые атрибуты нельзя отнести целиком и полностью к человеческой личности, а следует рассматривать в качестве содержаний "сверхличностного или коллективного бессозна-

тельного". Поясняя свою точку зрения, Юнг отметил, что "коллективное бессознательное – нечто вроде осадка опыта и одновременно – образ мира как некая его априорность". В этом образе содержатся определенные черты, так называемые доминанты, или архетипы (**см.**). В другом разделе данного труда, озаглавленном "Личное, сверхличное, или коллективное бессознательное", он писал о том, что в глубинном слое К.Б. дремлют изначальные общечеловеческие образы, а само по себе оно представляет объективно-психическое, в отличие от субъективно-психического индивидуального бессознательного.

В понимании Юнга содержание К.Б. – это не только осадки архаических способов функционирования людей, но и осадки функционирования животного ряда предков. В отличие от индивидуального, личного бессознательного, состоящего из содержаний, которые некогда были сознательными, но в силу вытеснения исчезли из сознания, К.Б. характеризуется тем, что его содержания никогда не были в сознании, никогда не были приобретены индивидуально, а обязаны своему существованию всеобщему унаследованию.

В докладе "Понятие коллективного бессознательного", прочитанном Юнгом в Обществе Абернети (Англия) в 1936, и в ряде последующих его публикаций в той или иной степени изложены представления о К.Б. Согласно этим представлениям, К.Б. можно охарактеризовать следующим образом: оно развивается не индивидуально, а получено по наследству; состоит из архетипов как неких предсуществующих форм, являющихся моделью и образцом инстинктивного поведения; включает в себя продукты архаической природы, т.е. содержания и образы поведения, которые являются у всех индивидов одними и теми же; идентично у всех людей и тем самым образует всеобщее основание душевной жизни каждого; имеет мифологические по своему характеру содержания; состоит из образов, не имеющих кровной или расовой наследственности, а принадлежащих к человечеству в целом; является хранилищем реликтовых остатков и воспоминаний о прошлом; представляет собой единую для всех подоснову, на которой сохраняется нерасторжимая целостность и фундаментальная идентичность; вбирает в себя такие содержания, которые не могут быть объектом произвольного намерения и не подвластны контролю со стороны воли; может активизироваться в большой социальной группе, в результате чего возникает коллективное помешательство – духовная эпидемия, способная привести к революции, войне, катастрофе.

Вводя в концептуальный остов понятие "К.Б.", Юнг признавал, что на материале анализа сновидений З. Фрейд (**см.**) первым обратил внимание на факт наличия в сновидениях элементов, которые не являются индивидуальными и не выводятся из личного опыта сновидцев. Основатель психоанализа назвал их "прафантазиями", "архаическими остатками", тем самым подчеркнув их коллективную, а не индивидуальную природу. В более широком плане, выходящем за рамки сновидений, в работе "Тотем и табу" Фрейд говорил об "унаследовании психических предрасположений", а позднее – об "архаическом наследии прошлого" и "унаследованных схемах". В частности, в работе "Человек Моисей и монотеистическая религия" он обращал внимание на то, что "в душевной жизни индивида могут оказаться действенными не только лично пережитые, но и усвоенные при рождении содержания, элементы филогенетического происхождения, архаическое наследие". По его мнению, архаическое наследие человека охватывает как предрасположенности, так и "следы памяти о переживаниях прежних поколений".

Вместе с тем, в отличие от Юнга, Фрейд не использовал в своих работах понятие "К.Б.", считая, что подобное выражение является ни чем иным, как тавтологией. В связи с этим он подчеркивал, что "содержание бессознательного ведь вообще коллективно, оно общее достояние людей". Поэтому, не прибегая к понятию "К.Б.", Фрейд предпочитал говорить о филогенетическом происхождении бессознательного, об унаследованном, сокращенном повторении развития, пройденного всем человечеством в течение длительного времени, начиная с первобытных времен, о "психическом конденсате", ставшем неотъемлемым наследием, которое с каждым поколением нуждается только в пробуждении, а не в приобретении. Типичным примером подобного наследия является, по его мнению, "врожденная" символика, доставшаяся людям от эпохи развития языка и одинаковая по смыслу у всех народов, несмотря на различие языков.

В.М. Лейбин

КОЛЛОНТАЙ (урожд. Домонтович) Александра Михайловна (1872 – 1952) – деятель международного и российского революционного движения, дипломат, социолог. Спутница жизни деятелей российского революционного движения – Плеханова, Шляпникова, Дыбенко.

Родилась в Петербурге в семье генерала. С 1906 – в РСДРП, примыкала к меньшевикам, с 1915 – большевичка. С 1908 по 1917 – в эмиграции (Англия, Германия, Швейцария, Скандинавские страны, США). Член Международного бюро социалисток, участница международных социалистических конгрессов в Штутгарте (1907), Копенгагене (1910), Базеле (1912). В 1915-1917 вела активную антивоенную пропаганду. По возвращении в Россию с марта 1917 – член исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, член редколлегии большевистского журн. "Работница". Участница Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. После революции – нарком гос. призрения (соц. обеспечения), в 1919 – нарком пропаганды и агитации Крымской республики, член комиссии ЦК КП(б) Украины по агитации и пропаганде среди работниц. В 1920 – зав. женотделом ЦК РКП(б).

К. являлась активным участником "рабочей оппозиции" в ЦК ВКП(б) и жестким идейным критиком В. Ленина. В 1923-1945 – на дипломатической работе (1923-1926 – полпред и торгпред СССР в Норвегии, 1926 – полпред и торгпред в Мексике, в 1930-1945 – посланник в Швеции). С 1945 – советник МИД.

Согласно оценкам и ретроспективному исследованию Р.-Л. Винклер и А.И. Черных, перу К. принадлежит первое мар-

ксистское статистическо-социологическое исследование положения рабочего класса одной из окраин Европейской России – Финляндии ("Жизнь финляндских рабочих. Экономическое исследование" – 1903). Осуществленное на основе практически всех опубликованных в то время по этому вопросу статистических материалах (на русском, шведском, финском, немецком и французском яз.; библиография включает 82 названия), это исследование охватывает практически все стороны жизни рабочих Финляндии – бюджет, питание, условия труда и продолжительность рабочего дня в разных отраслях, образование, семейно-брачные отношения, положение женщин-работниц, медобслуживание, избирательные права трудящихся, взаимоотношения рабочих и предпринимателей; дан анализ развития рабочих организаций в Финляндии. Часть материалов, которые по цензурным соображениям не могли быть опубликованы, вошли в сборник "Финляндия и социализм" (1906), за который К. подверглась судебному преследованию и вынуждена была бежать из России в 1908. Основное место в теоретическом наследии К. занимают вопросы женского движения. Первой работой К. по этой теме и второй в России (после книги Н. Крупской, 1899) стала книга "Социальные основы женского вопроса" (1909). В 1916 вышла книга К. "Общество и материнство" (переизд. в 1921 и 1923), в которой дан сравнительный анализ государственного страхования материнства в 15 странах мира. Женский вопрос понимается К. как "противоречие между ролью женщины в производстве и ее политическим и социальным бесправием, ее подчиненностью мужчине". По мнению К., положение женщины в обществе, ее права определяются той ролью, которую женщина играет в процессе промышленного производства. Поэтому проблемы экономической самостоятельности имеют первостепенное значение для женщин-работниц, а достижение гражданских и политических свобод необходимо именно для того, чтобы закрепить завоеванное в экономической сфере. К. оспаривала положение А. Бебеля, что пролетарское и буржуазное женские движения могут вести борьбу, "маршируя отдельно, но сражаясь вместе", настаивала на четко определенной и выдержанной классовой позиции, отказываясь от союза с буржуазными феминистками. Утопические представления о будущем обществе как обществе всеобщего братства, свойственные К. в предреволюционный период, привели ее к убеждению, что семья как "эгоистическая ячейка", обеспечивающая человеку капиталистического общества единственный реальный оплот в жизни – кровнородственные узы, исчезнет, а узы кровного родства заменят узы пролетарского братства. На смену разлагающейся буржуазной семье как "принудительной форме брака" идет "свободный союз свободных индивидов". Этой новой норме общения между полами, которую установит коллективистское общество, соответствует идеал "свободной любви" – тезис, заостренный против "двойной морали" буржуазного общества.

Основные сочинения К. (помимо вышеперечисленных): "По рабочей Европе" (1912); "Международные социалистические совещания работниц" (1918); "Из моей жизни и борьбы" (1921) и др.

КОММУНИЗМ (лат. communis – общий) – одна из радикальных версий общественного идеала, сопряженная с мифом о достижимости всеобщего равенства людей на основе многомерного и беспредельного изобилия. В социально- и историко-философском измерении идея К. может быть охарактеризована как интеллектуальное явление эсхатологического и сотериологического порядка, выступившее своеобычной гипнотизирующей мутацией идеи о неограниченности и линейности общественного прогресса, присущего западноевропейской философии истории конца 18 – середины 20 в. (По мнению широко известного специалиста в области теории и истории К. – Р. Левенталя, – "для понимания генезиса коммунистического тоталитаризма необходимо осознать, что русские коммунисты захватили власть во имя утопического идеала совершенного равенства, выработанного радикальным крылом западного Просвещения – особенно в период французской революции".) В совокупности ряда своих существенных особенностей, т.обр., К. может трактоваться и как разновидность христианских ересей.

Наукообразный облик идее К. стремились придать Маркс (см.), Энгельс (см.), а также последователи и подражатели их парадигме понимания статики, динамики и перспектив развития общества. Основания комплекса представлений о К. были изложены в работах Маркса и Энгельса: "Манифест Коммунистической партии", "Принципы коммунизма", "Развитие социализма от утопии к науке", "Критика Готской программы" и др., а также в идеологическом творчестве Ленина (см.), Троцкого (см.), Бухарина (см.) и др.

В концептуальном плане совокупность идей, гипотез и социально-преобразующих программ, именовавшаяся Марксом и Энгельсом как "научный К.", не совпадает с теорией исторического материализма. Последний являет собой комплекс теоретических представлений, предметом которых выступали законы и закономерности стихийной необходимости в обществе, процессы осуществления истории в структурах отчуждения и самоотчуждения; исторический материализм анализирует сущность и параметры классового по природе своей общества, в границах которого именно "общественное бытие" определяет "общественное сознание". "Научный" же К. в потенции своей интерпретировался Марксом и Энгельсом как теория самоуправляющегося общества, способного регулировать направление и темпы социальных изменений; как теория общества, освободившего людей от закрепощения стихийными силами экономической динамики общества и достигшего стадии эффективного контроля над последствиями человеческих действий. Переход от социума, выступавшего объектом исторического материализма, к социуму – объекту "научного К." рассматривался как "скачок человечества из царства необходимости в царство свободы" на основе сформировавшегося мирового рынка и централизованной капиталистической экономики. Увеличение производительного по-

тенциала человечества в целом было сопряжено, по Марксу, со все большей деградацией индивида, порабощенного силами отчуждения и властью денег. К. поэтому, согласно ранним работам Маркса, должен был явиться спасительным результатом универсального преодоления (в процессе "самообогащающегося отчуждения") всевозрастающей амбивалентности природы человека классового общества и обретения им таким образом "подлинного освобождения". ("Свобода", по Марксу, или "коммунистическая" свобода выступала как свобода экзистенциального порядка, как свобода "родового сознания", уничтожающего плюрализм личных интересов людей во имя безграничного развития всего богатства природы человека. Негативная, частная свобода индивидов в обществе и государстве понимается в "научном К." как эгоистическое по сути самоотчуждение, как свидетельство растущей дегуманизации человека. Маркс в принципе отвергал трактовку свободы в контексте индивидуалистически-правовых понятий и ориентаций либерально-демократического толка.)

Представляя К. как итог процесса ликвидации системы общественного разделения труда и "рыночной ипостаси" человека капитализма, как социальный идеал всестороннего свободного самоосуществления личности во всех измерениях ее существования и деятельности, Маркс в дальнейшем осознал неизбежность "непосредственно-общественного", планируемого, жестко организованного, управляемого "сверху-вниз" производства (типа "одной большой фабрики") и в условиях К. (См. образ натурального хозяйства Робинзона Крузо как модель экономики К., субъектом которой выступает социум-коллектив, направляемый единой волей из – видимо – единого центра.) Особый акцент на исторической объективности и неизбежности процессов предельной централизации общественного производства сделал в дальнейшем Энгельс ("Развитие социализма от утопии к науке"). Ленин же в своих перспективных моделях большевистски-коммунистического переустройства общества требовал достижения такого положения дел, когда "...все граждане превращаются в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного государственного "синдиката"... Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы". Осознавая принципиальную несовместимость собственных демагогических лозунгов о "непосредственном участии" трудящихся в управлении, Ленин сформулировал тезис о позитивности "подчинения, притом беспрекословного, во время труда, единоличным распоряжениям советских руководителей, диктаторов, выборных или назначенных советскими учреждениями, снабженных диктаторскими полномочиями". Все граждане общества отдавались тем самым в полное распоряжение коммунистической номенклатуры: Ленин требовал "полной и окончательной замены торговли планомерно организованным распределением", "принудительного объединения всего населения в потребительско-производственные коммуны", отмены денег – вплоть до "труда вне нормы, даваемого без расчета на вознаграждение", и "неуклонных, систематических мер к замене индивидуального хозяйничания отдельных семей общим кормлением больших групп семей". (Показательно, что не будучи знакомыми с идеями раннего творчества Маркса о противоположности личного, прямого, внеэкономического принуждения, с одной стороны, и опосредованного, рыночного, экономического – с другой, идеологи большевизма в процедурах своей деятельности полностью воспроизвели мысль Маркса о том, что отнимая власть у "вещей" (денег, товаров), необходимо "передать ее лицам, наделяя одних людей властью над другими людьми".)

В популярных же в 1920-е изданиях "Азбука коммунизма" (Бухарин, Е.А. Преображенский) и "Терроризм и коммунизм" (Троцкий) центральное место занимали предельно экстремистские требования утопически-коммунистических преобразований: принадлежность детей не родителям, а "коллективу"; упразднение домашнего хозяйства; трактовка пролетарского насилия, "начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью" как "способа собирания человечества" и "метода выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи"; всеобщей милитаризации труда. (Согласно Троцкому, "мы делаем первую в истории попытку организации труда в интересах самого трудящегося большинства. Это, однако, не исключает элемента принуждения во всех его видах, и самых мелких, и самых жестоких... Верно ли, что принудительный труд всегда непроизводителен? Приходится отметить, что это самый жалкий и пошлый либеральный предрассудок. Весь вопрос в том, кто, над кем и для чего применяет принуждение".)

Абсолютный крах политики "военного К." в Советской России явился практической иллюстрацией реального антигуманного тоталитарного потенциала идеи К., невозможности его построения хоть сколько-нибудь цивилизованными методами. Как самообозначение понятие "коммунистический" было и остается присущим как значимому числу политических партий – правящих (КНР и др.) и оппозиционных (Россия и др.), так и экстремистских группировок (левые террористические группы Западной Европы, Латинской Америки и т.д.). Широкий диапазон концептуальных модификаций, позволяющий идее К. служить претенциозной, самодостаточной и (в некоторых пределах) исторически респектабельной формой провозглашения определенной идеологической ангажированности, обусловлен рядом его характеристик. Так, в теоретических разработках Маркса и Энгельса термин "К." выступал и как гипотетическое состояние общества, как определенный социальный идеал (Маркс), и как движение, уничтожающее современную организацию социума; и как "не доктрина, а движение", которое опирается "не на принципы, а на факты" (Энгельс).

Безотносительно к потенциальным деталировкам, содержание понятия "К." на рубеже 20-21 вв. может выражать: 1) отрицание любых форм организации института собственности в обществе, кроме тотальных и всепоглощающих ("общественная собственность", она же – "общенародная" в со-

циалистическом варианте); 2) полемическую противопоставленность институту частной собственности в его рыночной ипостаси в контексте идеи "еще большего ее плюрализма", "еще большей социальной справедливости" и т.п.; 3) ориентированность на замену традиционных моделей распределения общественного богатства (соответственно достигнутому индивидом или их корпорацией положению в иерархии факторов "капитал – труд – знания – способности – культовый потенциал общественного поклонения" и т.д.) системой волевых распределительных решений; 4) замену традиционной правящей элиты – элитой, качественно иначе сформированной и т.д. В наиболее радикальных формах (практика большевизма и клики Пол-Пота в Камбодже) осуществление унифицирующих, уравнительных программ К. эффективно результировалось в виде не только ликвидации многоукладной и плюралистичной модели распределения собственности, но и в обличьи сопряженных процедур осуществления масштабного геноцида по критериям имущественного положения, социального происхождения и статуса.

В целом К., как правило, выступает в ряде ипостасей: как идеология маргинальных слоев общества, статусных и имущественных аутсайдеров; как разновидность социального нигилизма, противопоставляющего традиционной системе ценностей совокупность верований об "идеальном обществе "в будущем "посюстороннем" мире; как разновидность светской религии в облике наукоподобной идеологии "научного К.". (Гипнотизирующий эмоциональный эффект идеи К. нашел, в частности, отражение в сборнике воспоминаний бывших европейских приверженцев идеологии К. 20 в. – А. Жида, А. Кестлера, И. Силоне, Р. Райта, С. Спендера – "Бог, потерпевший крушение", 1949).

Ввиду приверженности его адептов преимущественно насильственным процедурам объективации программ переустройства общества, подавляющих инициативу отдельной личности и унифицирующих потребности и репертуары поведения людей, К. невозможен для осуществления в региональных масштабах. К. может выступать и анализироваться (на уровне мысленного социального эксперимента) исключительно в виде сознательно самоизолирующейся, замкнутой и статичной общественно-экономической, геополитической и духовной системы; либо мыслиться как принципиально внеальтернативное планетарное явление.

А.А. Грицанов

КОММУНИКАЦИЯ (лат. communicatio – сообщение, передача) – смысловой и идеально-содержательный аспект социального взаимодействия. Действия, сознательно ориентированные на их смысловое восприятие, называют коммуникативными. Основная функция К. – достижение социальной общности при сохранении индивидуальности каждого ее элемента. Структура простейшей К. включает как минимум: 1) двух участников-коммуникантов, наделенных сознанием и владеющих нормами некоторой семиотической системы, например, языка; 2) ситуацию (или ситуации), которую они стремятся осмыслить и понять; 3) тексты, выражающие смысл ситуации в языке или элементах данной семиотической системы; 4) мотивы и цели, делающие тексты направленными, т.е. то, что побуждает субъектов обращаться друг к другу; 5) процесс материальной передачи текстов. Таким образом, тексты, действия по их построению и, наоборот, действия по реконструкции их содержания и смысла, а также связанные с этим мышление и понимание, составляют содержание К. По типу отношений между участниками выделяются межличностная, публичная, массовая К. По типу используемых семиотических средств можно выделить речевую, паралингвистическую (жест, мимика, мелодия), вещественно-знаковую (в частности, художественную) К.

До начала 20 в. философский интерес к К. был ограничен, с одной стороны, исследованиями в области происхождения социальных норм, морали, права и государства (теория общественного договора), с другой стороны, наличными средствами организации самой философской К. (проблема диалога). Современный философский интерес к К. определен тем сдвигом, который произведен общим изменением места и роли К. и коммуникативных технологий в различных общественных сферах, интенсивным развитием средств К. ("взрыв К."). Процессы технологизации и автоматизации деятельности позволили перенести "центр тяжести" в общественных системах с процессов производства на процессы управления, в которых основная нагрузка падает именно на организацию К. С другой стороны, указанные процессы все больше освобождают человека от деятельности, расширяя область свободного времени, которое человек проводит в "клубах", т.е. структурах свободного общения, где основным процессом также является К. по поводу ценностей, идеалов и норм.

Тема К., интерсубъективности и диалога становится одной из главных в философии 20 в. Теоретическим фактором, во многом определившим лицо современных исследований К., стал поворот философской и научной рефлексии к действительности языка. Исследования языковых и знаковых структур, развернувшиеся с начала 20 в. в работах философов и логиков (Б. Рассел, Л. Витгенштейн и др.), лингвистов (Ф. Соссюр и др.) и семиотиков (Ч. Моррис и др.) радикально изменили понимание К. и подходы к ее изучению и организации. Так, например, Витгенштейн начинает рассматривать К. как комплекс языковых игр, имеющих свои семантико-прагматические правила и свои принципиальные ограничения. Если раньше язык полагался просто как средство К., то теперь сама К. погружается в структуры языка, становится пространством, в котором развертываются те или иные языковые формы. Такой поворот открыл горизонты для искусственно-технического отношения к организации К. За счет ставшего массовым конструирования языковых и знаково-семиотических средств, К. стала оискусствляться, приобретая различные организованные формы (массовая К., диалог "человек – машина" и т.д.). Другим фактором, определяющим значение темы К., стали критика и кардинальное переосмысление оснований самой философии, разворачивающиеся на

протяжении всего 20 в. В поиске новых оснований именно категории "К." и "диалог" начинают рассматриваться философами как одни из базовых и центральных.

При анализе и описании К. необходимо различать: 1) К. в широком смысле – как одну из основ человеческой жизнедеятельности и многообразные формы рече-языковой деятельности, не обязательно предполагающие наличие содержательно-смыслового плана. (Таковы некоторые структуры времяпрепровождения и психологические игры в смысле их реконструкции Э. Берном – **см.**). 2) Информационный обмен в технологически организованных системах – в этой своей ипостаси К. исследуется футурологами. 3) Мыслекоммуникация как интеллектуальный процесс, имеющий выдержанный идеально-содержательный план и связанный с определенными ситуациями социального действия. 4) Экзистенциальную К. как акт обнаружения Я в Другом. В таком качестве К. – основа экзистенциального отношения между людьми (как отношения между Я и Ты) и решающий процесс для самоопределения человека в мире, в котором человек обретает понимание своего бытия, его оснований. К. становится у К. Ясперса целью и задачей философии, а мера коммуникативности – критерием оценки и выбора той или иной философской системы. К. оказывается в центре и социальной теории. Так, Ю. Хабермас (**см.**), разрабатывая свою теорию коммуникативного действия, рассматривает К. в качестве базового социального процесса. Он обращается к К. как повседневной практике частных жизненных миров и полагает процессы коммуникативной рационализации жизненных миров в качестве структурирующих общественность. Именно развитие коммуникативных практик и коммуникативная рационализация, а не отношения производства, лежат, с точки зрения Хабермаса, в основе современного гражданского общества. Особое направление исследований К. было задано в СМД (системо-мыследеятельностной) методологии. Здесь К. рассматривается как процесс и структура в мыследеятельности, т.е. в неразрывной связи с деятельностным контекстом и интеллектуальными процессами – мышлением, пониманием, рефлексией. Эта особенность содержания понятия "К." в СМД-методологии подчеркнута специально введенным неологизмом "мыслекоммуникация". Мыслекоммуникация полагается связывающей идеальную действительность мышления с реальными ситуациями социального действия и задающая, с одной стороны, границы и осмысленность мыслительных идеализаций, а, с другой стороны, границы и осмысленность реализации мыслительных конструктов в социальной организации и действии.

А.Ю. Бабайцев

КОММУНИКАЦИЯ МАССОВАЯ – разновидность социальной коммуникации (**см.**), при которой в качестве получателя информации (**см.**) выступает неструктурированный по типологическим критериям совокупный субъект, – в отличие от коммуникации маркетинговой, или специализированной, где совокупный субъект по типологическим характеристикам разбит на несколько однородных подгрупп (например, по критерию социально-демографического положения либо ценностно-установочных приоритетов). Таким образом, К.М. можно рассматривать наряду с иными разновидностями социальной коммуникации, такими как *интраперсональная* (коммуникация с самим собой), *интерперсональная* (межличностная) и *маркетинговая* (специализированная). Если от последней К.М. отличает неопределенный коммуникант, то от межличностной К.М. разнится прежде всего тем, что в ее рамках два отдельных индивидуума не могут установить обособленный обмен информацией между собой.

К.М. присущи следующие особенности:

1) ярко выраженная социальная направленность: в какой бы персонифицированной форме она не осуществлялась, это всегда сообщение не для одного конкретного человека, а для больших социальных групп;

2) организованный характер в связи с использованием технических средств: в противоположность межличностному общению, где в зависимости от обстоятельств присутствуют и спонтанные, и организованные формы, К.М. не может существовать вне организованных форм;

3) институциальный характер К.М.: средства К.М. выступают в роли социальных институтов (**см.**), которые в конечном счете реализуют интересы определенных социальных групп (**см.**);

4) коллективный характер коммуникатора, который выступает не столько от своего имени, сколько от имени группы, которую он представляет;

5) сообщения К.М. характеризуются прежде всего универсальностью, социальной актуальностью и периодичностью;

6) коммуникант представляет собой, с одной стороны, разновидность массы, чьими существенными характеристиками будут огромные размеры и неорганизованный, стихийный характер, что делает ее анонимной, а с другой – окончательное мнение отдельных читателей, слушателей и зрителей формируется лишь после обсуждения соответствующих сообщений с другими людьми, прежде всего со значимыми для них лицами, которых принято называть "лидерами мнений". В итоге коммуникатором в К.М. является "массовая публика" – не аморфное множество потребителей информации, а система, состоящая из групп, которые имеют своих лидеров, способных через межличностные связи формировать то или иное мнение по обсуждаемому в К.М. вопросу.

В советской социальной науке в конце 1970-х оформился мощный методологический подход, и по сей день существующий в той или иной степени представленности. В соответствии с ним К.М. интерпретируется как процесс распространения информации с помощью технических средств (печать, радио, кинематограф, телевидение) на численно большие рассредоточенные аудитории (**см.**). Основная функция К.М. заключается в обеспечении взаимосвязи между элементами общности (индивидами, социальными группами) и между самими общностями с целью поддержания динамического равновесия и целостности данного социального образования.

И.В. Сидорская

КОММУНИКАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ – 1) все многообразие информационно-коммуникационных взаимодействий организации, которые условно можно разделить на два типа – коммуникация внутри организации и коммуникация организации с ее внешней средой; 2) сравнительно молодая наука, предмет которой в узком смысле – взаимовлияние структуры организации и ее коммуникационных потоков, в широком смысле – коммуникационные потребности организации.

К.О. характеризуется двумя основными параметрами: направлением коммуникационных потоков и официальным/неофициальным статусом основных каналов передачи информации (**см.**). Что касается такой характеристики, как направление, то горизонтальные потоки информации в организации имеют место чаще, чем вертикальные, и обмен информацией в них менее подвержен искажениям. Вертикальные потоки могут двигаться в нисходящем направлении – так передается информация по уровням формальной структуры от высшего руководителя до рядовых работников, и в восходящем направлении – используется для обратной связи подчиненных с руководством с целью проинформировать о результатах работы и текущих проблемах. В последнем случае возникает специфическая проблема искажения информации вертикальным каналом, передающим информацию снизу вверх, связанная с тем, что система организационной коммуникации склонна искажать информацию в направлении, увеличивающем вероятность получения работниками вознаграждения и уменьшающем вероятность получения наказания. Поэтому, чтобы информация, идущая снизу вверх по формальной иерархии (**см.**), была точна и надежна, в организации должны существовать специальные каналы и механизмы, поощряющую обратную связь, от корпоративных "горячих линий" до непосредственного инспектирования высшими руководителями состояния дел на производственном уровне.

По своему статусу коммуникационные каналы делятся на формальные и неформальные.

Формальная коммуникация служит для передачи сообщений, признанных в организации в качестве официальных. Эти сообщения чаще всего носят письменную форму и передаются по вертикальным каналам. Неформальная коммуникация возникает в организации спонтанно, не контролируется руководителями и во многом порождается индивидуальными интересами. По сравнению с формальной, для неформальной коммуникации характерны относительно высокая скорость распространения информации и относительно высокий риск ее искажения. Формальные и неформальные каналы коммуникации в организации взаимозаменяемы и дополняют друг друга. Чем более обязательны и чем строже контролируются формальные каналы, тем интенсивней развиваются каналы неформальные.

Эффективность коммуникационных каналов организации определяется тем, как быстро доходит управленческая информация до адресата и насколько она сохраняет свою адекватность, пройдя по этим каналам. Любые отклонения от заданных организацией параметров скорости и адекватности называются информационной дисфункцией. Информационная дисфункция в организации заключается в искажении информации, потери информации, а также в производстве значительного количества избыточной информации, причем борьба с каким-то одним ее проявлением приводит к гиперпроявлению другого (например, меры по предотвращению потерь информации через ее дублирование тут же приводят к возрастанию избыточной информации).

Возможно ли преодоление информационной дисфункции? Положительный ответ на этот вопрос дает теория управления, утверждающая, что должен существовать определенный оптимум информации, необходимый для управления системами разной сложности. Об этом гласит сформулированный американским ученым У.Р. Эшби закон необходимого разнообразия: разнообразие сложной системы требует управления, которое само обладает необходимым разнообразием. Отсюда следует: чтобы управлять, нужно располагать необходимым разнообразием (структурой) информации. Иными словами, системой со сложной структурой нельзя эффективно управлять, располагая простой информацией. Так как современная организация безусловно является сложной системой, то и управление ею предполагает использование сложной как по содержанию, так и по форме организации информации. К основным способам преодоления информационной дисфункции в современной организации относятся: действие самой организационной структуры; устранение посредников в потоках информации; развитие коммуникативной компетенции персонала; комплекс мер, учитывающих специфику передачи сложной устной и письменной информации, и др.

И.В. Сидорская

КОММУНИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНАЯ – интердисциплина, изучающая процессы распространения и циркуляции информации в обществе. Первоначальное значение термина "коммуникация" (от лат. communicatio – путь сообщения) с течением времени несколько изменилось и в настоящее время переводится с романских языков (communication) как сообщение, процесс передачи информации, причем трактуемый весьма широко.

Различают, как минимум, пять уровней исследований коммуникации. Интраперсональная коммуникация изучает "разговоры с самим собой", процессы обработки информации индивидом. Интерперсональная коммуникация исследует межличностное взаимодействие, включая паралзыки, такие, например, как взаимное расположение в пространстве или "язык тела" (**см.**). Групповая коммуникация занимается исследованиями групповой динамики; к ним относятся и исследования институциональной (организационной) коммуникации. Массовая коммуникация имеет дело с сообщениями, направляемыми массовой аудитории через средства массовой информации, часто с политическими или коммерческими целями. Пятый, в последние годы особенно быстро развивающийся, вид коммуникации изучает обмен сообщениями с

объектами, не являющимися людьми, в первую очередь, с машинами, компьютерами, высокими технологиями, например, компьютерными играми или банкоматами.

Выделение наук о коммуникации в самостоятельное направление принято относить к 1950-м, хотя первые публикации его основоположников Г. Лассуэлла, П. Лазарсфельда, Н. Винера (см.) и др. появились еще в 1940-х и даже 1930-х. Принято считать, что концепция коммуникации возникла в результате разочарования в идеалах демократии, оказавшихся неспособными предотвратить возникновение тоталитарных режимов, беспрецедентных по своей жестокости войн, массовых преступлений против человечности.

Первые определения коммуникации настаивают, в большей или меньшей степени, на механизмах, благоприятствующих развитию социальных отношений, в частности, на механизмах передачи содержания и феноменах символизации. Исторически первая кибернетическая модель коммуникации, разработанная основателем кибернетики Н. Винером, основана на математической теории информации (см.), согласно которой информация, полученная через открытую систему, уменьшает степень неопределенности, энтропии, которая в замкнутой системе необратимо возрастает, что приводит к возрастанию беспорядка и, в конечном счете, к потере контроля над функционированием системы.

Кибернетика (см.) как учение о "контроле и отношениях", таким образом, заявила свои претензии на новую идеологию – идеологию "открытого общества" (см.), стабильность которого поддерживалась бы свободной циркуляцией информации, равно доступной всем его членам. Несмотря на всю утопичность, эта идеология была с энтузиазмом воспринята интеллектуалами 1950-х, и сегодня трансформировалась в феномен "коммуникационного" мышления, важнейшим требованием которого, наряду с терпимостью и готовностью к компромиссам, является "прозрачность" информационных потоков.

Не меньшее влияние на становление наук об информации и коммуникации имело эмпирико-функционалистское направление исследований СМИ, сложившееся в США в годы Второй мировой войны и пережившее подлинный расцвет в 1950-х. Это направление традиционно связывают с именами П. Лазарфельда (см.), впервые исследовавшего аудитории радио и прессы, К. Ховланда, психосоциолога, изучавшего феномены формирования индивидуальных мнений и убежденности в малых группах, и Г. Ласуэлла, занимавшегося теорией пропаганды и функционированием масс-медиа. Последнему мы, в частности, обязаны знаменитым определением коммуникативного акта, который может быть описан ответами на следующие вопросы: Кто? Что говорит? По какому каналу? Кому? С каким результатом? Эмпирико-функционалистский подход сыграл чрезвычайно важную роль в становлении исследований коммуникации. Были уточнены теоретические основания модели коммуникативного акта, зафиксированы и развиты правила эмпирических работ. Гибкость функционального подхода к исследованиям СМИ, его открытость влиянию "сопредельных" наук привели к впечатляющим научным результатам, среди которых теория манипулирования массами, известная как теория "подкожного впрыскивания", основы которой заложила модель двухэтапного воздействия коммуникации Каца и Лазарфельда; "спираль молчания" (Ноэль-Нойман); открытие функции "записной книжки" СМИ (МакКомбс и Шоу); стратификация телевизионной публики (Клик и Леви); исследования культурной и гражданской эффективности телевидения (Гербнер и др.) и многое другое. Следует, однако, отметить, что функционалистская модель К.С. "причина – действие" (или "стимул – ответ", в бихевиористской терминологии) полностью противоречит "циркулярной" модели кибернетического подхода. Все попытки примирить или объединить их потерпели неудачу. Фундаментальные различия моделей с неизбежностью дифференцировали интересы исследователей К.С.: если для кибернетиков основной интерес представляла циркуляция информации в обществе, то функционалисты концентрировали свое внимание на роли СМИ и теории влияния.

Третьим основополагающим направлением, без которого сегодня невозможно представить науки о коммуникации, является структурный метод и его лингвистические и, в более широком смысле, семиологические, приложения. Среди авторов, положивших начало структурным исследованиям коммуникации, необходимо назвать К. Леви-Стросса (см.), М. Фуко (см.), Р. Барта (см.), К. Метца, У. Пирса и др. Методы структурного анализа применяются к художественным и профессиональным текстам, аудио-, видео- и киподокументам. Они легли в основу развития современных методов обработки информации и репрезентации знаний.

С конца 1960-х науки о К.С., сложившиеся первоначально из трех "фундаментальных" направлений, стали предметом интереса со стороны академических профессиональных сообществ и были обогащены многочисленными идеями. Среди них, в частности, следует отметить социологию массовой культуры, социологию массовой коммуникации, психосоциологию, политэкономию (критическую) коммуникации, прагматику, этнографию коммуникации, этнометодологию и социологию социальных взаимодействий, социологию техники и медиатизации, исследования социального потребления медиа и новых технологий информации и коммуникации, наконец, различные философские рефлексии. Информация и "продолжающая" ее коммуникация приобретают все большую стратегическую значимость, особенно в сфере управления, политического и экономического соперничества. Коммуникационные техники обновляют и порождают новые социальные технологии, а биржевая стоимость сектора коммуникации, равно как и сектора информационных товаров, организуемого все более и более на промышленной основе, постоянно возрастает на протяжении вот уже, по крайней мере, десятилетия. В течение полувека коммуникационная теория обогащается многочисленными разработками, однако ее конфигурация еще не сложилась окончательно и продолжает динамично развиваться. Можно ожидать, что происхо-

дящие изменения повлекут за собой новые теоретические результаты.

О.В. Терещенко

КОММУНИКАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ – процесс взаимодействия между субъектами социокультурной деятельности (индивидами, группами, организациями и т.п.) с целью воспроизведения, хранения и создания различных культурных программ, определяющих лицо конкретного типа культуры. К.С. служит одним из базовых механизмов культурной динамики, обеспечивая саму возможность формирования социальных связей, управления совместной жизнедеятельностью людей, накопление и трансляцию социального опыта. Общественная стабильность прямо зависит от степени эффективности К.С., поскольку она формирует тип мировоззрения, транслирует соответствующие формы социального поведения, а также способствует эффективному диалогу различных социальных слоев путем воспроизводства общезначимых целей и идеалов. К.С., таким образом, является необходимым условием воспроизводства конкретного типа общества и присущего ему типа культуры.

Необходимыми условиями К.С. являются: общий язык участников К. (исходные принципы записи и чтения культурной информации); наличие эффективных каналов передачи информации; знание правил К., соответствующих наличной социальной и ценностной иерархии (конкретно-исторической форме взаимоотношений элитарных, массовых и маргинальных, национальных, религиозных и др. культурных пространств). В определенном смысле каждое социальное действие может быть рассмотрено как коммуникативное, поскольку оно в любом случае является общественно значимым. В качестве культурного текста могут выступать риторика политика и истерика душевнобольного, пластика танца и течение уличного шествия, множество оттенков речи и столько же оттенков молчания. Любое человеческое движение приводит в действие социальную среду, неизбежно подвергаясь изучению и истолкованию, хотя бы на уровне простейшей эмоциональной реакции прохожих. Это значит, что само наше существование является естественным средством К.С. как содержащее и выражающее определенную (часто непредвиденную нами) информацию.

К.С. может быть классифицирована по различным основаниям: 1) по характеру субъектов К. (межличностная, личностно-групповая, межгрупповая, массовая, межкультурная и др.); 2) по уровням протекания К. (обыденно-бытовая, профессионально-специализированная, адаптационно-пропагандистская – средство трансляции культурного опыта с "высших" на "низшие" уровни культурного пространства, радикально-авангардистская – движение инноваций из "подполья" культуры к статусу нового канона и т.п.); 3) по типу социума (традиционный, тоталитарный, демократический) и т.д.

К.С. присущи следующие функции: а) инновационная (передача информации о новых знаниях, свойствах и признаках окружающего мира, о технологиях и нормах осуществления конкретного вида деятельности, моделях поведения, формах К., обучение потребителя локальному или глобальному социальному опыту и т.п.); б) ориентационная (сценарии поведения в сложноорганизованном природном и социальном пространстве, способствующие включению индивида в систему социальных связей и отношений, формирующие его мировоззренческие, ценностные и практические ориентации); в) стимуляционная (воспроизводство мотивационных оснований социальной активности людей, актуализация в конкретной ситуации соответствующих знаний человека об окружающей действительности и технологиях деятельности, а также навыки получения недостающей информации); г) корреляционная (уточнение или обновление перечисленных выше видов знаний, ориентаций и стимулов). Поскольку человек существует в культурной среде и является ее продуктом, он обречен на постоянное получение потока многообразных "культурных посланий", определяющих его восприятие мира на самых разных уровнях – от повседневно-бытового до умозрительно-интеллектуального, предполагающего подключенность к гипертексту мировой культуры.

В зависимости от типа социального устройства можно выделить следующие типы К.С.: 1) авторитарно-каноническая К. традиционного ("естественно закрытого") общества; 2) динамично-конкурентная "мозаичная" К. западного ("открытого") общества; 3) догматически-идеологизированная К. тоталитарно-бюрократического ("искусственно закрытого") общества. В первом случае стабильности общества, основанной на традиционных формах социальной практики и жесткой социально-ролевой иерархии, соответствует авторитарный тип К.С., ориентированный на постоянное воспроизводство ключевых установок архаичного сознания. К.С. традиционного общества работает по принципу кольцевого самоцитирования, поддерживая целостность наличного мифологического пространства и защищая его от любых внешних воздействий, способных нарушить цельность канона. Традиционная культура занята не расширением своего пространства и освоением новых возможностей, а производством очередных истолкований-комментариев классических текстов. Принципиальная культурная инновация для такой культуры возможна только как внешнее вторжение или интервенция "чужих" культурных образцов в результате взаимодействия культур (от торговых контактов до военной агрессии). Во втором случае К.С. отражает присущие обществу западного типа ориентации на динамичный процесс расширенного воспроизводства наличного типа социальных отношений. Это означает: а) растущее усложнение социальной структуры, появление новых форм занятости и жизненных укладов, т.е. рост субкультур; б) построение системы промышленного производства культурных образцов или "культурного конвейера" массового общества; в) как следствие – принципиальную антиавторитарность культурного пространства, предпочтение "вертикальным" ценностным отношениям ("высокое" искусство – "низкое" искусство) "горизонтальных" (равноправие культурных продуктов в конкурентной борьбе за потребите-

ля). К.С. в тоталитарном обществе закрытого типа может быть по праву отнесена к "культурным аномалиям". Тоталитарная культура одновременно и избыточно информативна (заполняя собой все доступное информационное пространство), и предельно мифологична (подменяя информацию идеологическими мифами). Фрагменты достоверных сведений частного плана, связанные с конкретными сферами человеческой деятельности, существуют в тени Большого Мифа. Человек тоталитарного общества охвачен иллюзией полной информированности. Все, выходящее за рамки усвоенных шаблонов, автоматически расценивается как "клевета и провокация". Тоталитарная культура разрушает исторически сложившиеся формы культурной динамики, формирования и трансляции новых культурных образцов, подменяя их фантомным псевдоинформационным пространством "идеологически выдержанной" коллективной галлюцинации, что неизбежно ведет к культурному кризису. Преодоление его предполагает не только оформление новых ценностных ориентаций и воплощающих их культурных образцов, но и воссоздание на новом уровне естественных ("нормальных") для данной культуры механизмов культуротворчества, свободных от любых форм культурной цензуры и информационной агрессии.

Одна из наиболее значительных для культурной динамики форм К.С. – взаимодействие или диалог культур (**см.**). Разнообразие языков культуры, а следовательно и их смысловой насыщенности, усложняют поиск оптимального средства К.С., делая проблематичной их "переводимость" (возможность передачи оригинального смысла средствами иных языков, иной культуры или иного уровня этой же культуры). В то же время при К. (обмене знаками) неизбежно присутствует определенная неадекватность понимания (обусловленная различием индивидуального опыта, степенью знакомства с языком и т.п.). Получатель культурного текста всегда обладает набором предварительных "фоновых" ожиданий по поводу его содержания и интерпретирует текст в соответствии с этим представлением. Субъективность адресата встречается с субъективностью автора на территории упорядоченного набора культурных знаков. Сама природа К. как диалога нетождественных друг другу персонажей (иначе она была бы просто излишней) несет в себе неизбежность непонимания и ложной интерпретации. В то же время искажение смысла в процессе оформления и чтения культурных текстов служит важным фактором, обеспечивающим изменчивость и подвижность языков культуры.

Наряду с развитием уже существующих форм К.С. (введение новых актуальных знаков и значений, историческая и географическая динамика языков, их взаимопроникновение, очистка от архаизмов и т.п.) человечество постоянно находится в поисках новых, более совершенных форм хранения и передачи социальной информации. "Всемирная паутина" Интернета – один из шагов в этом направлении. Чем сложнее общество, тем значительнее дифференциация присущих ему ценностей и соответственно – К.С.

М.Р. Жбанков

КОММУНИТАРИЗМ (communitarianism, от англ. "community" – сообщество) – влиятельное направление в американской социальной теории, сформировавшееся в 1990-х вокруг идей и работ А. Этциони (**см.**). Практически с самого момента возникновения К. развивался не только как социальная философия, но и как социально-политическое движение, отстаивающее интересы сообществ в отношениях с государством (**см.**) и бизнесом.

Теоретические и практические аспекты К. связаны с общей проблематикой и общим объектом – многообразием сообществ, образующих фундаментальную основу любой социальной структуры. После того, как в 1990 группой интеллектуалов в Университете Джорджа Вашингтона (во главе с А. Этциони и В. Галстоном) была сформулирована "Коммунитарная платформа", подписанная в последствии многими общественными деятелями и политиками, 1990-е стали периодом популяризации К. (и самого термина) в общественно-политических дискурсах (от журнала "Тайм" в США до политической платформы премьера Тони Блэра в Великобритании). Особую роль в этом процессе сыграли журнал "The Responsive Community" и Коммунитарная сеть (Communitarian Network), которая издает журнал и лидером которой является А.Этциони (сеть базируется в Вашингтоне). Политическая привлекательность К. объяснима его центристской ориентацией и идеологической нейтральностью, его способностью фундаментально противостоять любого типа экстремизму. К. в США равно удален от консервативной и демократической платформ и удостаивается равного внимания со стороны обоих политических лагерей, все более осознающих историческую исчерпанность поляризации политического поля. Аналогичным образом в Европе К. поднимается на флаг как универсальная идея различными политическими силами левого и правого толка. Наиболее популярная и широко воспринятая в социально-политическом контексте идея К. воплощена в трехсекторной модели общества (предложенной А.Этциони), в которой ключевую роль играет партнерский баланс между государством, рынком и сообществами.

Согласно Этциони, термин "коммунитарный" впервые появился в первой половине 19 в. и его первоначальное значение было связано с политической активностью групп, вдохновляемых коммунистической и социалистической догматикой. Однако уже в начале 20 ст. общепринятое словарное значение этого термина указывало на основные характеристики того или иного сообщества. Теоретические основы К. уходят корнями в античную философию (Аристотель), религиозно-философские представления об обществе в Ветхом и Новом Завете, католическую философию, в идеи доступного знания в философии Просвещения, социальную теорию Ф. Тённиса (**см.**), Э. Дюркгейма (**см.**), Р. Нисбета, Дж. Дьюи, Т. Парсонса (**см.**), В. Корнхаузера. В современной социологии коммунитарной перспективе близки идеи Д. Белла (**см.**), Р. Путнема, Дж. Грея. Особое значение для Этциони имеет коммунитарная философия М. Бубера (фундаментальность отношений "Я – Ты").

Новый К. конца 20 в. значительно отличается от идей своих предшественников. Для понимания сути сообщести особенно важно не противопоставление индивидуальной свободы и социальных обязательств, а поиск гибких форм баланса между личностью и обществом, между автономией и интересами сообщества, между общим благом и свободой, между правами и обязанностями.

К. проявляет себя как конструктивная оппозиция индивидуалистическому рыночно-демократическому либерализму (см.) и традиционалистскому авторитаризму, предлагающим редуктивные взаимоисключающие подходы. Этционн определяет эту проблему с точки зрения фундаментального баланса прав и обязанностей: коммунитаристский идеал – это общество, где нет асимметрии между доминирующими индивидуальными правами и редуцированной социальной ответственностью (принцип "общих ценностей и обоюдной ответственности"). Эффективная реализация прав невозможна вне сообществ, а значит невозможна без принятия обязательств перед сообществом. Забота о себе и своих правах предполагает материальное и моральное благополучие других. В этом состоит социальная справедливость (не самопожертвование, а постоянное осознание роли других). Этционн приводит пример проблемы асимметрии прав и обязанностей на материалах исследований, проводившихся его группой в Гарварде: молодые американцы отчетливо осознают свое право на беспристрастный и гуманный суд, однако не хотят признавать своей обязанности входить в жюри присяжных. Последователи К. настаивают на том, что нельзя возводить права в абсолют, доводить защиту прав до экстремизма и размножать права до бесконечности. В гражданском обществе (см.) права не должны доминировать над ответственностью (обязанностями).

С точки зрения теоретических предпосылок, К. базируется на несложной аксиоматике: а) люди рождаются и живут в сообществах (семья, друзья, школа и т.д.); б) сообщества существуют благодаря вырабатываемым в них моральным ценностям. Очевидно, что человек появляется на свет без моральных и социальных ценностей. Даже восстание против ценностей предполагает, что прежде люди их приобретают, делая их своими. Таким образом, в сообществах сначала семья (на первой линии), а затем школа и религия стоят на страже морали. В современных индивидуалистических обществах этот элемент в существенной мере утратил свою силу, поэтому неудивительно, что дети не могут сказать "нет" многим пагубным влияниям или даже убивают друг друга.

К. есть моральная доктрина, предлагающая культивирование сообществ как восстановление добродетели. Это ни в коем случае не предполагает возвращение к "традиции", которая может позволить себе моральное подавление меньшинств и клеймить за моральную исполнительность. Мораль начинается в семье и следовательно начинается с родителей. К. ставит своей задачей обратить их к пониманию ценности детей и посвящения себя детям. А.Этционн, например, предлагает политические решения этого вопроса: законодательно закрепить более гибкий рабочий график, возможность работать дома, платить пособия на новорожденных (перенять у США европейский опыт), активно противодействовать разводам. У. Галстон обращает внимание на плачевный социологический диагноз американского общества 1990-х: треть детей рождается вне брака, текущий тренд разводов приближается к 40% – т.е. 2/5 браков в США будут обречены на развод; при этом, согласно опросам, американское общество осознает упадок морали и связывает его с деградацией семьи. В США разводы – результат нагнетания индивидуализма и игнорирования ответственности. Галстон подчеркивает, что в Европе ситуация значительно более оптимистичная. Проблема разводов иллюстрируется исследованиями бедности: большинство детей из неполных семей проходят через уровень жизни, лежащий за чертой бедности, тогда как большинству детей из нормальных семей не приходится испытать бедность. Аналогичная картина с риском заболеваний среди детей (в особенности психических), переживших драму развода родителей. Таким образом, с точки зрения К., такие острые социальные проблемы как бедность и растущее неравенство являются результатом морального упадка и деградации семьи.

Что касается образования, то здесь, с точки зрения сторонников К., нельзя допускать, чтобы академизм доминировал над личностным элементом в обучении, поскольку образовательная среда сама по себе посылает сообщение учащимся: например, спорт может учить умению выигрывать, либо умению играть по правилам. Для Этционн вся школа – это пространство морального опыта. Ряд авторов толкует коммунитарное образование, с одной стороны, как привлечение студентов к благотворительным проектам в качестве волонтеров во внеурочное время. С другой стороны, рассматриваются варианты включения в учебные программы специальных предметов (но не по типу изучения прав и граждановедения), которые предполагали бы включение учащихся в социальную активность на благо сообществ.

Ключевая проблема определения "истинности" и критериальной полноты любого морального дискурса (а также проблема морального релятивизма) решается в теории К. на основе принципа "совместного разбирательства" ("cooperative enquiry", А. Этционн использует термин "моральный диалог"). В моральном установлении сообщества индивидуальные убеждения (исходят ли они от индивида, пророка, элиты или вождя) и/или объективное знание (научное) могут претендовать на истинность только в том случае, если они включены в коммуникативную кооперацию членов сообщества и разделяются в равной мере всеми участниками. Моральный консенсус как результат "совместного разбирательства", таким образом, базируется на своего рода коммуникативной гармонизации или коммуникативной добродетели, которая может быть использована и для пересмотра уже существующего морального соглашения. Данный принцип предполагает, что участники разбирательства имеют равный доступ к информации, равные возможности высказываться и задавать вопросы, а также способны содержательно формулировать результирующее правило соглашения.

Если сообщество существует в условиях морального консенсуса, то, следовательно, оно разделяет и следующий принцип К. – "общие ценности и обоюдная ответственность". Реальное следование моральному идеалу означает взятие на себя ответственности и принятие определенных обязанностей всеми членами сообщества. Для более четкого понимания общих ценностей и ясного осознания обоюдной ответственности их полезно распределить в четыре основных категории: ценность любви (личные отношения, заботы и т.д.); ценность мудрости (опыт, понимание, ясность мысли и осознания); ценность справедливости (отсутствие дискриминации, подчинения в отношениях с другими); ценность самореализации (осуществление потенциала каждого в достижении общих целей). Однако данный принцип оставляет не вполне ясным то, возможно ли регулирование отношений между различными сообществами на основе таких категорий ценностей.

Общая социальная эффективность этой модели сообщества неразрывно связана с коммунитарной системой власти ("communitarian power relations"). Ее суть в обеспечении универсального равного участия всех граждан в определении полномочий власти – это не мажоритарная власть, следующая правилу большинства, а именно демократическая власть. Данный принцип очевидно сближает К. с идеями партиципаторной демократии, фундамент которой был заложен еще Ж.-Ж.Руссо. В перспективном понимании К. власть – это прежде всего та власть, которая непосредственно связана с делами данного сообщества. Поэтому А. Этциони, например, постоянно подчеркивает важность социального распределения полномочий: местные власти не должны решать задачи семьи, национальное правительство не имеет право вмешиваться в дела местных властей, рынок не должен решать задачи образования и т.д. С точки зрения К., это не просто абстрактный механизм, а реальная альтернатива тем ограничениям политического участия, которые существуют в современных демократиях и существенно снижают социальную эффективность власти (коррупция, доминирующее влияние капитала групп интересов, формальное участие и т.д.).

Особое место в повестке дня К. занимает тема организации публичного пространства, поскольку публичные места неразрывно связаны с повседневной активностью сообществ. С одной стороны, приватизация/корпоративизация городского пространства оправдана регрессом публичных мест до состояния криминальной запущенности. Однако, с другой стороны, это очевидно приводит к деградации публичной сферы в целом, и, следовательно, является угрозой существования сообществ и источником социальной дезорганизации. Поэтому К. предлагает всерьез обратиться к проблеме регенерации публичного пространства. Если, например, большие парки нередко представляют угрозу криминализации, то решением может быть создание компактных парковых зон в непосредственной близости от мест проживания членов сообщества. Данная проблематика безусловно определяет К. как новую урбанистическую критику, последовательно рассматривающую угрозы социальности, концентрирующиеся в городской среде. Если национальные опросы показывают, что в среднем половина жителей крупнейших городов США хотели бы покинуть свой город, если корпоративные кварталы делового развития очевидно не решают проблему использования публичных мест, единственной эффективной альтернативой остается развитие сообществ (включая соседские и собственников жилья), которые все более заявляют о себе в обеспечении безопасности, комфорта и социального благополучия в городах.

Таким образом, К. в существенной мере представляет из себя социологическую и социально-политическую реакцию на реальные проблемы современных западных обществ. В целом мораль, ответственность и участие как основы сообщества ориентируют К. в направлении социального действия в его коммунитарной форме. Сообщество не есть лишь первичная неформальная группа или элемент социальной структуры. Сообщество есть структурированное социальное действие, аффирмативное /от англ. affirm – утверждать, торжественно заявлять. – *Ред.*/ по сути и утверждающее моральные устои общества. Следовательно К. необходимо рассматривать и как социальную теорию культуры, в которой социальные процессы представляют собой функцию от культурных (ценностных) установлений морали.

Д.В. Галкин

КОМПЛЕКС (лат. complexus – связь, сочетание) – полисемантическое понятие современной психологии, употребляемое, преимущественно, в следующих основных значениях: 1) Относительно устойчивая последовательность ассоциативных цепей; 2) Группа ассоциируемых или соотносимых факторов (например, симптомокомплекс – группа симптомов); 3) Совокупность тесно связанных воспоминаний; 4) Группа эмоциональных представлений; 5) Отчасти упорядоченная совокупность разнообразных личностных черт; 6) Способ и механизм бессознательного самоопределения индивида в структуре межличностных отношений и др. Наиболее распространенным и популярным (фактически почти синонимичным самому понятию) является психоаналитическое понимание и толкование К. как совокупности полностью или частично бессознательных взаимосвязанных, аффективно окрашенных элементов (импульсов, идей, чувств, представлений и воспоминаний), оказывающей динамическое воздействие на психику и поведение человека. Как психоаналитический термин понятие "К." вошло в язык современной науки и обыденной жизни благодаря концепциям З. Фрейда (**см.**) (Эдипов К., К. кастрации), А. Адлера (**см.**) (К. исполноценности), К.-Г. Юнга (**см.**) (К. Электры) и др. В современном психоанализе постулируется существование более 50 различных К., используемых, как правило, для образного обозначения и описательной формулировки различных психических актов. Например, К. Дианы (бессознательное желание женщин быть мужчиной), К. Йокасты (бессознательное сексуальное влечение матери к сыну), К. Каина (бессознательная зависть к брату), а также К. Антигоны, Гарпагона, Гофмана, Гризельды, Медеи,

Новалиса, Ореста, Пантагрюэля, Прометея, Федры, Эмпедокла и мн. др. Согласно традиции, восходящей к Фрейду, для названий комплексов, как правило, используются имена мифических и литературных героев. В психоанализе и вне его границ наибольшей популярностью и признанием ныне пользуются кастрационный К., К. неполноценности, К. Электры и Эдипов К.

В.И. Овчаренко

КОМПЛЕКС НЕПОЛНОЦЕННОСТИ – одно из основных понятий "индивидуальной психологии" А. Адлера (см.) – выражает гипотезу о том, что предпосылкой человеческих неврозов выступает К.Н. – формирующееся в раннем детстве болезненное чувство собственной ущербности и никчемности, сопряженное с желанием человека во что бы то ни стало их преодолеть. В отличие от схемы З. Фрейда (см.), искавшего ключ к пониманию человека в психоанализе его прошлого, Адлер обратил внимание на будущее индивида. Результатом такой трансформации концептуального подхода явилось методологическое замещение "принципа удовольствия" стремлением (волей) к "влиянию и власти".

По Адлеру, с первых лет жизни ребенок ощущает и осознает пределы собственных возможностей: в случае неспособности отстоять свою индивидуальность и свои поведенческие принципы у него формируется К.Н. (Адлер отмечал, что уже дети четырех-пяти лет способны в своих снах создавать жизненные проекты.) Это же чувство может, согласно Адлеру, конституироваться и позже, под воздействием несовершенств общественного положения индивида. (По мысли Г. Файхингера, поведение большинства людей обусловлено социальными фикциями, не соответствующим действительности: предполагается, что практически все люди равны в своих возможностях, и желание есть то главное, посредством чего можно добиться успеха.) В случае, когда перед лицом необходимости разрешения жизненной задачи психическая активность человека заметно ниже требуемой, актуализируются процессы компенсации (замещение недостающего потенциала осуществляется как бы из резервуара иной энергетической природы). Подобные ситуации результируются, по мысли Адлера, либо в мании величия (тирания по отношению к домашним или к окружающей социальной среде), либо (при неудаче) в "бегстве в болезнь". В случае "гиперкомпенсации", по версии Адлера, люди стремятся к предельно неадекватному господству над близкими или даже над всем человечеством. "Любой невроз, – утверждал Адлер, – может пониматься как ошибочная с позиций культуры попытка избавиться от чувства неполноценности, чтобы обрести чувство превосходства". Элиминируется К.Н. из человеческой психики, по Адлеру, в частности методом "одобрения", причем крайне важно, чтобы цели, формулируемые человеком для самого себя, не превосходили бы избыточно человеческую меру.

А.А. Грицанов

КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЯ – процесс расширенного внедрения электронно-вычислительной техники во все сферы жизнедеятельности человека, который развернулся в середине 20 в. с началом научно-технической революции (см.) и ознаменовал собой наступление эры информатизации (см.). Компьютер из устройства, выполняющего одну функцию – вычисления или обработки данных, превратился в уникальное полифункциональное средство общения. К., по мнению ученых, поддерживающих и развивающих эту теорию – Д. Белл (см.), О. Тоффлер (см.) и др., – затрагивает все области жизни индивида и общества в целом. С их точки зрения, К. создает экологически чистое, гармоничное, гуманизированное общество знания, не имеющее границ для развития культурной и интеллектуальной деятельности человека. Вместо ценностей производства и потребления, техника новых поколений, или, по выражению О. Тоффлера, техника "третьей волны" выдвигает на первый план ценности человеческого самосовершенствования. Конкретные предвосхищения этого нового общества ученые видят в развитии безбумажных технологий (в сфере делопроизводства, банковских, почтовых услуг и др.), в децентрализации производства, в новых условиях для интеллектуального труда, образования, досуга (доступе к банкам данных, компьютерном чтении литературы, редактировании и тиражировании рукописей), здравоохранении (компьютерные диагностические центры).

Развитие процесса К. обусловлено обострившимся противоречием между возрастающим в геометрической прогрессии объемом информации (см.), которую современный человек вынужден воспринимать, обрабатывать и использовать на новом витке научно-технического прогресса (см.), и отсутствием необходимых средств (как внешних технических, так и внутренних мыслительных) для решения подобных задач. Стремясь разрешить это противоречие человек изобрел электронно-вычислительную машину (ЭВМ), которая за 50 с небольшим лет "завоевала" весь мир. По меткому выражению известного специалиста в области менеджмента Ли Якокки, если бы автомобильная промышленность развивалась такими же темпами, как компьютерная, можно было бы сегодня купить роллс-ройс за два с половиной доллара и проехать миллион миль на одном галлоне бензина. Эти слова – подтверждение того, насколько стремительно разворачивается в мире процесс К. В 1975 на всей планете было только 300 тыс. компьютеров. В настоящее время их еженедельно производится в 2 раза больше, или 2 машины в секунду. Огромный парк ЭВМ, среди которых все большее место занимают персональные компьютеры (ПК), создал предпосылки наступления новой эры Internet. Триллион байт информации, равный 60 млн. машинописных страниц, размещается в Internet ежемесячно. Дальнейшее развитие компьютерных технологий является одним из наиболее важных факторов общественной жизни в 21 в.; человечество находится на пороге создания связанного одной информационной сетью мирового сообщества.

Г.Н. Соколова, О.В. Кобяк

КОН Игорь Семенович (р. 1928) – российский философ, социолог и психолог. Специалист по истории социологии и социальной философии, теории личности, сексологии и социальной психологии.

Доктор философских наук (1960), профессор (1963). Академик Российской академии образования (1989). Действительный и почетный член ряда зарубежных университетов и научных обществ.

Работал в Волгоградском педагогическом институте (1950-1952), Ленинградском химико-фармацевтическом институте (1953-1956). В 1956-1967 – доцент, профессор философского факультета ЛГУ. В 1967-1968 работал в Институте философии Академии наук СССР (Москва). В 1968-1972 – заведующий отделом в Институте конкретных социальных исследований АН СССР. В 1972-1974 – профессор Института общественных наук. С 1975 – главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук.

Кандидатская диссертация – "Общественно-политические взгляды Мильтона" (1950), докторская диссертация – "Этические воззрения Чернышевского" (1959). Редактор и соредактор "Словаря по этике" (6 изданий), серийных коллективных трудов "Этнография детства", "Этическая мысль", "Этнографическая библиотека", "Педагогическая энциклопедия". Ответственный редактор и автор 4 глав, введения и заключения "История буржуазной социологии XIX – начала XX в." (1979), соредактор издания "Sex and Russian society" (1993). Научный консультант третьего издания "Философской энциклопедии", а также "Enciclopedia of sociology" (Macmillan, 1992).

В своих исследованиях К. стремится рассматривать проблемы человеческого бытия на конкретном материале о человеке в обществе, проводя идею интердисциплинарности. Считая, что ограничение исследовательской перспективы эмпирическими методами неизбежно приводит к абсолютизации текущего "здесь" и "сейчас", К. рассматривает проблемы личности, самосознания, общения, сексуальности, возрастные процессы и категории, с одной стороны, в свете закономерностей индивидуального развития человека, а с другой – в широком (социально-историческом и культурно-антропологическом) контексте. В его трудах предпринимается попытка синтеза общих положений классической социальной философии и символического интеракционизма, утверждается принцип субъективности социального бытия.

К. – автор книг "Позитивизм в социологии" (1964), "Социология личности" (1967), "Открытие "Я" (1976), "Психология юношеского возраста" (1979), "Дружба" (1980), "В поисках себя" (1984), "Ребенок и общество" (1988), "Введение в сексологию" (1989), "Вкус запретного плода" (1992), "Сексуальная культура в России: Клубничка на березке" (1997) и др.

КОНГРЕССЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВСЕМИРНЫЕ (ВСК) (WORLD CONGRESSES OF SOCIOLOGY) – форумы, где социологи мира делятся своим исследовательским опытом и наработками, оценивают социальные процессы, происходящие в мире, размышляют о роли, месте и тенденциях дальнейшего развития международной социологии в контексте трансформирующихся социальной реальности и методов ее познания. К.С.В. созываются *Международной Социологической Ассоциацией* с 1950, проведшей за время своего существования четырнадцать конгрессов.

Первый К.С.В. был созван в сентябре 1950 в Цюрихе (Швейцария) и собрал 180 ученых из 33 стран. Конгресс был посвящен обсуждению темы "Влияние социологических исследований на международные отношения". Всего было представлено 56 докладов.

Второй К.С.В. состоялся в августе 1953 в г. Льеже (Бельгия) и собрал 280 представителей из 34 стран. Обсуждались четыре темы: "Социальная стратификация и социальная мобильность", "Межгрупповые конфликты и их разрешение", "Современное развитие социологических исследований", "Обучение, профессиональная деятельность и ответственность социологов". Было представлено 156 докладов.

Третий К.С.В. состоялся в августе 1956 в Амстердаме (Голландия). Основная тема – "Проблемы социальных изменений в 20 веке". На нем присутствовали 550 делегатов из 50 стран. В его работе впервые приняли участие советские ученые.

Четвертый К.С.В. состоялся в 1959 в Милане (Италия) и был посвящен обсуждению темы "Социология и общество", разделявшейся на три подтемы: социология в ее социальном контексте; изменение социологического знания, развитие социологического метода. На конгрессе присутствовали делегаты 55 стран, в том числе 11 советских ученых.

Пятый К.С.В. проходил в 1962 в Вашингтоне (США) и собрал 1030 социологов из 51 страны, в т.ч. 18 из СССР. Обсуждались три темы: "Социологи: политическая и общественная деятельность"; "Социология развития"; "Сущность и проблемы социологической теории".

Шестой К.С.В. состоялся в 1966 в Эвиане (Франция) и собрал 2000 социологов из 50 стран. Обсуждались две темы: "Единство и разнообразие в социологии"; "Социология международных отношений". Здесь впервые президентом МСА был избран представитель восточноевропейской страны – известный польский социолог Ян Щепаньский (см.).

Седьмой К.С.В. проходил в 1970 в Варне (Болгария) и собрал уже около 4000 участников, в т.ч. 270 из СССР. Основная тема конгресса – "Современное и будущее общество: научное прогнозирование, социальное планирование и руководство общественным развитием".

Восьмой К.С.В. состоялся в 1974 в Торонто (Канада) и был посвящен обсуждению темы "Наука и научно-техническая революция в современном обществе". В его работе приняли участие более 3000 социологов из 82 стран мира.

Девятый К.С.В. проходил в 1978 в Упсала (Швеция) и был посвящен обсуждению темы "Пути социального развития". Здесь была представлена уже 141 страна.

Десятый К.С.В. состоялся в 1982 в Мехико (Мексика) и собрал более 2500 делегатов из 131 страны. Тема: "Социальная теория и социальная практика".

Одиннадцатый К.С.В. проходил в 1986 в Нью-Дели (Индия). Тема: "Социальные изменения: проблемы и перспективы".

Двенадцатый К.С.В. состоялся 9 – 13 июля 1990 в Мадриде (Испания) и собрал около 5000 делегатов из 70 стран. Его тема: "Социология для единого мира: единство и разнообразие".

Тринадцатый К.С.В. состоялся 18 – 23 июля 1994 в Билефельде (Германия) и собрал около 4000 участников из 100 стран. Его тема – "Оспариваемые границы, изменяющиеся солидарности" – была призвана отразить проблематику исчезающих границ и меняющихся солидарностей на уровне государств, сообществ и социальных групп. Вместе с тем подвергалась критическому пересмотру и сама социология: оспаривались границы и сферы применения базовых социологических понятий, возрастала специализация и интеграция социологического знания, формировались новые парадигмы.

Четырнадцатый К.С.В. состоялся с 25 июля по 1 августа 1998 в Монреале (Канада) и собрал около 5000 участников из 95 стран. В рамках темы "Социальное знание: наследие, вызовы перспективы" обсуждались проблемы статуса и изменяющейся природы социальной науки; взаимоотношения социологии и истории; связь между развитием социальной науки в мире и многообразием языков и культур, в которых работают социологи; социологическое наследие и будущее социологии в 21 в.

XIV конгресс был не только последним в 20 ст., но и юбилейным – ровно 50 лет тому назад по инициативе ЮНЕСКО была основана Международная Социологическая Ассоциация. Основная работа в ходе конгрессов происходит на уровне исследовательских комитетов (которых около 50), тематических и "ad hoc" групп. Основная проблема – объединение научных усилий людей, пользующихся не только разными парадигмами и социально-политическими теориями, но и разными естественными языками, и не понимающими друг друга в буквальном смысле слова. Сегодня официальными рабочими языками МСА являются английский, французский и испанский. Никакого перевода не бывает и зачастую возникают сложно преодолимые барьеры между теми, кто говорит по-английски, и теми, кто пользуется другими официальными языками, что затрудняет плодотворность дискуссий и необходимую циркуляцию научных знаний и исследовательского опыта, необходимую для развития мировой социологии. На каждом конгрессе проводятся перевыборы состава исполкома МСА, ее Президента, главных редакторов журналов "Международная социология" и "Современная социология".

Г.Н. Соколова

КОНДРАТЬЕВ Николай Дмитриевич (1892-1938) – русский советский экономист.

В 1915 окончил юридический факультет Петербургского университета, где учился у А.С. Лаппо-Данилевского (см.), М.М. Ковалевского (см.), М.И. Туган-Барановского (см.). В 1917 принимал участие в разработке аграрной реформы в Главном земельном комитете. Товарищ (заместитель) министра продовольствия Временного правительства. Депутат Учредительного собрания от партии социалистов-революционеров (эсеров, член этой партии в 1917-1919). В 1918-1920 – профессор Кооперативного института Совета Всероссийских кооперативных съездов (Москва); руководитель лаборатории сельскохозяйственной конъюнктуры НИИ сельскохозяйственной экономики и политики при Петровской (Тимирязевской) сельскохозяйственной академии; профессор кафедры "Учение о сельскохозяйственных рынках" отделения сельскохозяйственной экономии той же академии. В 1920-1928 – директор Конъюнктурного института академии (с 1923 передан в ведение Наркомфина СССР) и редактор периодических изданий "Вопросы конъюнктуры" и "Экономический бюллетень Конъюнктурного института", начальник управления сельскохозяйственной экономии и планирования Земплана Наркомзема РСФСР, член сельскохозяйственной секции при Госплане СССР, комиссии по натуралогу при ЦСУ и ряда других комиссий. Под руководством К. в 1923 разработан первый перспективный план развития сельского и лесного хозяйства СССР на 1923-1928.

Член Американской академии социальных наук, Американской экономической ассоциации, Американской ассоциации по вопросам экономики сельского хозяйства, Американского статистического общества, Американского социологического общества, Лондонского экономического общества, Лондонского статистического общества.

В конце 1920-х, особенно в период ликвидации НЭПа, подвергся ожесточенной критике со стороны Н. Осинского, С. Струмилина, Ем. Ярославского, а также на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) (декабрь 1930). Репрессирован по делу "Трудовой крестьянской партии" (1930). Расстрелян 17 сентября 1938. В 1987 реабилитирован.

Основной предпосылкой народнохозяйственного планирования К. считал участие общественности в управлении экономикой. Отстаивал необходимость оптимального сочетания индикативного и директивного методов построения планов, динамический подход (в противовес статистическому планированию "от достигнутого уровня").

В середине 1920-х на основе экономико-статистического анализа ряда показателей конъюнктуры (средний уровень товарных цен, ссудный процент, заработная плата промышленных рабочих, обороты внешней торговли, производство и потребление угля, чугуна, свинца, золота) К. выдвинул гипотезу о существовании больших циклов конъюнктуры капиталистического хозяйства средней продолжительностью около 50 лет.

К. – автор более 100 статей в отечественных и зарубежных научных журналах, десяти монографий: "Аграрный вопрос о земле и земельных порядках" (1917); "Мировое хозяй-

ство и его конъюнктуры во время и после войны" (1922); "Михаил Иванович Туган-Барановский" (1923); "Большие циклы конъюнктуры" (1925); Большие циклы конъюнктуры // Доклады Н.Д. Кондратьева и Д.И. Опарина и их обсуждение в институте экономики РАНИОН (1928) и др. См. также: **"Большие циклы конъюнктуры" (Кондратьев).**

КОНКРЕТНОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ – целостная система теоретических и эмпирических процедур, способствующих получению нового знания об исследуемом объекте для решения конкретных теоретических и практических социальных проблем.

К.С.И. проводятся обычно с целью решения конкретной социальной проблемы, чем они отличаются от фундаментального исследования, цель которого – приращение научно-теоретического знания. Существуют два основных типа К.С.И. К первому из них относятся исследования, специализированные по проблемам, требующим последовательных, нередко долгосрочных управленческих воздействий на определенную сферу общественной жизни. Примером здесь может служить проводимое Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в 1998-1999 изучение социально-экономического механизма активизации экономического поведения различных социальных групп в современном белорусском обществе, переживающем сложный и трудный переход к социально ориентированной рыночной экономике. Ко второму типу К.С.И. относятся такие из них, которые проводятся по разовым запросам заказчиков; в качестве таковых могут выступать властные структуры, государственные организации и учреждения, предприятия, фирмы, общественные организации и т.п. Именно такой характер носили проведенные социологами того же института в 1998 исследования отношения населения к развитию страховой медицины, к возможности строительства атомной электростанции в Беларуси, а также осуществленное ими изучение статуса медицинского и фармацевтического работника.

Организация К.С.И. обладает определенной спецификой. Успешность его осуществления во многом зависит от установления атмосферы взаимопонимания с заказчиком, одинакового понимания целей, задач и ожидаемых результатов исследования. Последние должны быть представлены заказчику во взаимосогласованные им и исполнителем сроки. Информация, полученная социологами в процессе осуществления К.С.И., – это собственность заказчика (государственного органа, фирмы, банка и т.п.), который волен поступать с ней так, как считает нужным: сдать в архив или библиотеку, принять к сведению, разрешить или запретить публикацию, внедрить в практику.

Своеобразие прикладной социологии заключается в ее гораздо большей интегрированности в экономическую и политическую системы общества по сравнению с общей социологической теорией. Ее результаты влияют на принимаемые заказчиком социальные и управленческие решения. Для крупного предприятия это может быть выбор экономической стратегии, комплекс мероприятий, связанный с совершенствованием трудовой деятельности и повышением ее производительности и эффективности, решение о путях и географических регионах распространения того или иного вида продукции, принимаемое на основе результатов маркетинговых исследований и т.п. Результаты К.С.И. широко используются в борьбе за депутатские места в местных органах власти и в парламентах, применяются в межпартийных спорах, в борьбе оппозиции против правительственных структур.

В отличие от социолога академического типа, работающего в академическом исследовательском институте или вузе и являющегося чаще всего специалистом в одной узкой области (скажем, в социологии культуры, в экономической социологии и т.п.), социолог-прикладник чаще всего является многопрофильным исследователем. Часто меняются не только его клиенты, но и тематика его исследований. Сегодня он может заниматься изучением рынка труда, состоянием безработицы в стране либо в одной из отраслей производства, завтра – изучением уровня и характера религиозности или ценностных ориентаций молодежи, состоянием преступности или социокультурных предпочтений различных возрастных и профессиональных групп.

По содержанию, направленности, формам и способам К.С.И. чрезвычайно разнообразны, поэтому существует довольно много видов таких исследований, их определенная типология. Так, например, в зависимости от масштабности и сложности решаемых исследовательских задач, от требуемой глубины анализа полученных эмпирических данных К.С.И. подразделяются на: пилотажные, описательные и аналитические.

Пилотажное исследование представляет собой пробное исследование преимущественно методической направленности, цель которого – проверка качества подготовленного инструментария для сбора первичной социологической информации, определение валидности, т.е. надежности применяемых опросных листов (анкет), бланков интервью и т.п. При этом определяется возможная мера искажения полученной информации из-за вероятности барьеров языкового, психологического или иного характера, возникающих в процессе общения социолога с респондентами, т.е. с теми лицами, которые отвечают на вопросы анкеты или у которых берут интервью. Такое исследование чаще всего охватывает небольшие обследуемые совокупности (до 100 человек), проводится по упрощенной программе и посредством сжатого по объему социологического инструментария. Однако при этом необходимо стремиться, чтобы в состав выборки (т.е. в совокупность людей, подлежащих изучению) были включены все значимые для целей исследования представители различных групп респондентов.

Более сложным видом К.С.И. является описательное. Оно ориентировано на получение эмпирической социологической информации, дающей возможность социологу дать относительно целостное непротиворечивое описание изучаемого явления или процесса, его основных структурных компонен-

тов и качественных характеристик. Чаще всего такое исследование применяется при изучении относительно многочисленных общностей людей, отличающихся разнообразными характеристиками.

Самым углубленным типом К.С.И. является аналитическое исследование, цель которого заключается не только в описании структурных элементов и характеристик изучаемого социального объекта, но и в выявлении причин, обусловливающих его особенности и сущность. По используемым методам информации такое исследование имеет комплексный характер, в нем могут применяться различные социологические методы: включенное наблюдение, контент-анализ документов, массовый опрос, интервьюирование экспертов.

Другая типология К.С.И. строится на основе различения статического и динамического подходов к изучаемым объектам. Если исследователя вполне устраивает моментальный, статический срез явлений или процессов, даваемый именно в данный момент времени, он применяет либо монографическое, либо точечное (разовое) прикладное социологическое исследование.

Монографическое исследование – такой вид К.С.И., при котором в качестве объекта изучения выступает только одна единица какого-либо класса социальных процессов или явлений. При этом данный объект рассматривается в качестве характерного для всего класса изучаемых процессов. Монографическое исследование не претендует на получение репрезентативной информации, а ограничивается детальным анализом одного нового явления, отсутствие достаточной информации о котором делает невозможным проведение широкого выборочного исследования.

Точечное (разовое) К.С.И. дает возможность получить сиюминутную картину основных характеристик и компонентов изучаемого процесса (явления) и не дает ответа на вопрос об изменяемости его развития. Именно такой характер носит чаще всего маркетинговое исследование, имеющее целью выяснить, какие именно виды товаров и почему предпочитают те или иные группы покупателей именно в данное время, или исследование электоральных предпочтений, позволяющее установить, какой из претендентов на депутатское кресло или президентский пост имеет наибольшие шансы в данное время.

Совершенно иной характер и направленность имеют повторные исследования, цель которых – изучение одного и того же объекта или его различных компонентов, проводимое несколько раз через определенные интервалы времени, в одинаковых или видоизменяющихся условиях. Повторные К.С.И. требуют высокой методологической и методической подготовленности проводящих их социологов. Основные требования к таким исследованиям – сравнимость их основных характеристик и получаемых результатов, обоснованность существенности различий по сравниваемым показателям. Повторные К.С.И. в зависимости от изучаемого контингента респондентов, от характера и периодичности их проведения подразделяются на несколько видов. Основные из них таковы: 1) трендовые; 2) панельные; 3) лонгитюдные исследования.

Трендовые исследования проводятся в рамках единой генеральной совокупности (т.е. всего множества изучаемых социальных объектов в пределах, очерченных программой социологического изучения) или на аналогичных выборках с определенным интервалом во времени и имеют своей целью анализ изменений, происходящих в изучаемой социальной группе, совокупности. В свою очередь такие исследования подразделяются на когортные и исторические тренды.

Когортные трендовые исследования ориентированы на изучение определенной возрастной группы (когорты), которая остается постоянной на всем протяжении повторных исследований. При этом выборка на различных этапах исследования не обязательно должна состоять из одних и тех же индивидов, но очень важно, чтобы включаемые в выборку респонденты были представителями изучаемой когорты.

Исторические трендовые исследования ориентированы на изучение определенной возрастной группы, например, молодежи в возрасте 16-29 лет, которая обследуется через определенные промежутки времени. В таком случае постоянными остаются группы, а сами когорты и время проведения исследования изменяются. Так, например, ценностные ориентации белорусской молодежи в возрасте 16-29 лет исследовались сотрудниками Института социологии Национальной академии наук Беларуси в 1987, в 1993 и в 1997, при этом давались неизменными возрастные границы респондентов, а сам состав возрастных когорт изменялся в связи с тем, что со временем они перемещались в другие, более старшие по возрасту группы. Такое исследование позволяет выявить исторически изменяющиеся характеристики ценностных ориентаций молодежи определенного возраста и уловить основные тенденции подобных изменений.

Панельные исследования в отличие от трендовых ориентированы на изучение не групповых особенностей жизненного пути определенной возрастной когорты (скажем, молодежи), а на обследование одних и тех же индивидов, по одной и той же программе и методике через определенные временные интервалы, т.е. имеют своей целью выявление тенденций развития и динамики социального процесса или явления во времени. Главным недостатком панельных исследований являются сложность сохранения идентичности выборки при переходе от одного этапа к другому. Кроме того, неизбежны некоторые потери в первоначально отобранной совокупности. Поэтому объем выборки при таком исследовании на каждом из его повторных этапов следует увеличивать до 20% против статистически обоснованной. При проведении исследований такого типа целесообразно выбирать такие интервалы, которые позволяют сохранить в максимально возможной степени стабильность исследуемой совокупности по ее величине и составу. Количество повторных обследований и интервалы между ними определяются содержанием и целями исследовательской программы.

Лонгитюдное исследование – вид повторного социологического исследования, при котором ведется длительное пе-

риодическое изучение одних и тех же лиц по мере достижения обследуемой совокупностью определенной стадии своего развития. В отличие от панельных исследований, где объектом изучения могут быть любые возрастные когорты, лонгитюдные исследования ориентированы преимущественно на молодежь, которая является наиболее динамично развивающейся возрастной группой. В процессе лонгитюдных исследований фиксируется динамика и взаимообусловленность внутренних факторов (индивидуальных или групповых) при более или менее выраженном сохранении (или, наоборот, при существенном изменении) внешних факторов, прежде всего социально-экономического, социокультурного и социально-структурного порядка.

Наиболее интересным и показательным примером лонгитюдного исследования является международный исследовательский проект "Пути поколения", осуществляемый рядом исследовательских центров США, Эстонии, Украины, Литвы, Молдовы, Таджикистана, Беларуси, в частности, сотрудниками Института социологии НАН РБ и Белгосуниверситета. Основная цель данного проекта – одновременно проанализировать как субъективные детерминанты жизненного пути молодежи, так и социальные процессы, интегрирующие молодое поколение во взрослую социальную жизнь общества. Стратегический его план заключался в том, чтобы следовать за избранной когортой через сменяющие друг друга этапы жизненного пути, по крайней мере до достижения 30-летнего возраста, когда большинство молодых людей вписывается во все главные сферы "взрослой" жизни. Объектом первоначального исследования стала 17-18-летняя молодежь, заканчивающая средние учебные заведения в начале 1980-х. Затем, через интервалы в 5 лет, были проведены еще два этапа данного лонгитюдного исследования, последний из которых завершился в 1993-1994. В результате проведенного исследования вся жизненная карьера сегодняшних тридцатилетних людей, проживающих в разных странах, предстает потоком событий их жизненного пути, а организующей основой эмпирически полученного материала служат наиболее значимые события – окончание учебного заведения, женитьба, рождение ребенка, переход на новую работу, обретение нового социального статуса и т.п.

Лонгитюдные исследования – один из самых трудоемких и дорогих по затратам методов в прикладном социологическом исследовании в силу необходимости поддержания и сохранения контактов между социологом-исследователем и респондентами в течение многих лет.

Одним из наиболее эффективных видов повторного К.С.И. является социологический мониторинг. Он представляет собой целостную систему отслеживания происходящих в обществе или в его отдельных структурах изменений на основе изучения и анализа массовых представлений о них. Основная цель социологического мониторинга – получение новой систематизированной социологической информации об изучаемых явлениях и процессах в политической, экономической, социальной, экологической, социокультурной сферах общества, причем не единовременной, а поступающей периодически через небольшие периоды времени. При проведении мониторингового исследования необходимо соблюдать определенные принципы сбора данных. К таковым, в частности, относятся: 1) охват наиболее значительных социальных процессов и явлений; 2) проведение социологических опросов на одних и тех же территориях; 3) согласованность сроков сбора социологических и статистических данных; 4) единообразие инструментария (анкет, бланков интервью, карточек наблюдения и др.) для получения эмпирических данных; 5) дополнение в случае необходимости постоянного состава показателей временными показателями, изменяющимися в зависимости от своеобразия определенного этапа исследования, что обеспечивает гибкость системы мониторинга; 6) выработка критериев корреляции социологических и статистических данных; 7) организация, пополнение и сохранение единого банка социальной информации на всем протяжении исследования; 8) организация доступа потребителей к имеющейся социологической информации.

Неуклонное проведение в жизнь указанных принципов дает возможность исследователям определить основные тенденции и закономерности поведения индивидов, их групп и общностей в зависимости от изменения экономических, социально-политических, социокультурных, экологических и иных условий их жизни, а, кроме того, выяснить, как цели, интересы, мотивы, ценностные ориентации людей влияют на эти условия. Примером подобного ряда мониторингового социологического исследования является проводимое сотрудниками Института социологии НАН Беларуси, начиная с 1987 (с интервалом обследования генеральной совокупности в один год), исследование "Социальная поддержка и социально-психологическая реабилитация населения Республики Беларусь, пострадавшего от катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции". Десятилетнее исследование, выполненное через определенные интервалы, дало огромный эмпирический материал, позволяющий на основе его математической обработки, теоретического обобщения и осмысления разработать концепцию реабилитации пострадавших от катастрофы территорий, проживания населения в загрязненных радионуклидами районах и развития находящихся в них населенных пунктов.

В прикладной социологии широко применяются также сравнительные социологические исследования. Для большинства людей, профессионально занимающихся прикладной социологией, социологическое исследование по самой своей природе является сравнительным, и само выражение сущности изучаемых явлений и процессов происходит в понятиях, содержащих сравнительный смысл. Все эмпирические наблюдения должны быть соотнесены с определенной теоретической конструкцией, а сама теоретическая конструкция не имеет реальной значимости, если она не находится во взаимосвязи с определенными эмпирическими наблюдениями. Когда социологи выбирают для изучения лишь какой-то вполне определенный объект из окружающих социальных реально-

стей, их выбор всегда представляет собой сравнение выделяемого объекта с другими социальными объектами, рассмотрение их во взаимосвязи друг с другом. Например, девиантное поведение (поведение, отклоняющееся от принятых в обществе норм) не может быть изучено, если не сравнивать его с существующими нормами и нормальным поведением. Фактически ни одно социальное явление не может быть выделено и изучено без сравнения его с другими социальными явлениями. Необходимость в проведении четких, надежных сравнений стала в последние годы неотъемлемой частью политической, экономической, социокультурной реальности не только отдельных стран, но и мирового сообщества государств.

С точки зрения методологии и методов, применяемых в сравнительных социологических исследованиях, в них органично соединяются и взаимно дополняют друг друга сравнительный профильный анализ (например, так называемые кросскультурные исследования, ориентированные на сравнительное изучение различных типов и форм выражения культуры в пределах одного временного ряда, общего для выделенных в качестве объекта различных стран и наций) и межвременной сравнительный анализ (когда изменения в содержании, типах и формах культуры прослеживаются в различных временных интервалах). Перекрестное взаимодействие этих измерений дает исследователям возможность улавливать не только статику, но и динамику изучаемых явлений и процессов и воплощать полученные результаты в виде четко структурированных таблиц важнейших показателей, дающих количественные и качественные характеристики изучаемых социальных объектов. Характерным примером прикладного сравнительного социологического исследования является совместно проведенное социологами Национальной академии наук Беларуси и Института философии и социологии Белостокского университета изучение особенностей этнонациональной и конфессиональной идентификации индивидов и групп в белорусско-польском пограничье. Это исследование позволило выявить как общие черты данного процесса, протекающего в Восточной Польше и Западной Беларуси, так и их отличительные особенности.

По своему содержанию, характеру и направленности сравнительные социологические исследования весьма многообразны. Среди них выделяются в качестве основных следующие типы: 1) межстрановые; 2) межгосударственные; 3) межцивилизационные; 4) межкультурные; 5) сравнения, осуществляемые на макро- и на микроуровнях социальных систем. При осуществлении всех этих видов сравнительных исследований важно иметь в виду, что государственные границы очень часто отличаются от национальных, социальных и социокультурных границ. Во всех странах, даже существующих в качестве самостоятельных давно и достаточно однородных по своим экономическим и социальным характеристикам, можно обнаружить самостоятельные социальные общности и образования, которые по ряду переменных признаков могут иметь больше различий, чем при сравнении отдельных государств, т.е. различий внутри страны может быть больше и они могут оказаться более выраженными, чем между разными странами. Эта особенность отчетливо проявляется в коренных трансформациях, происходящих в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза, где коллизии и конфликты в сфере этнонациональных отношений, политической жизни, развития культуры служат нередко основой выдвижения требований об изменении административных и государственных границ.

Сравнительные социологические исследования имеют большое значение для выявления длительных тенденций социальных объектов и систем, основной траектории их восходящего или нисходящего эволюционирования. Наиболее известным, поучительным в этом отношении, является осуществленное выдающимся американским социологом С. Липсетом изучение американской демократии в сравнительной перспективе. На основе обобщения результатов нескольких общенациональных опросов населения он сделал доказательный, неопровержимый вывод о неуклонной утрате электоратом (кругом избирателей) Соединенных Штатов Америки уважения к власти, ко всем государственным институтам; в частности, те избиратели, которые выразили "большое доверие" к исполнительной власти США в 1994 составили всего лишь 12% всех по сравнению с 24% в 1981 и 41% в 1966. Доверие к Конгрессу оказалось еще ниже – 8% в 1994 сравнительно с 16% в 1981 и 48% в 1966. С. Липсет отмечает, что в 1964 29% опрошенных были убеждены: правительство США действует в интересах ограниченного числа крупных предпринимателей. К 1980 этот показатель достиг уже 70%, а в 1992 – 80% от общего количества респондентов. А 66% опрошенных в 1994 считали, что в США "большинство избранных должностных лиц мало волнует, чем озабочены простые люди". Общий вывод из приведенного исследования, сделанный С. Липсетом: на протяжении исследовавшегося периода времени большинство американцев испытывали "усиливающееся" чувство разочарования по отношению к своим политическим лидерам и институтам, происходит "снижение доверия народа к своей политической системе и другим важным институтам".

Важное место в структуре прикладной социологии занимают маркетинговые исследования, ориентированные на постоянное обеспечение интересов заказчика на основе тщательного изучения процессов, происходящих на рынке товаров, выявление основных тенденций в динамике спроса и предложения на определенные виды товаров. Основные задачи таких исследований – изучение потребительского спроса, его изменений, учет социальных, социально-психологических, демографических, национально-территориальных особенностей людей в их ориентациях и спросе на различные виды продукции, подготовка предложений и рекомендаций по изменению ассортимента выпускаемой продукции, способов ее рекламирования, стимулирования покупателя.

Наряду с повторными, лонгитюдными, мониторинговыми исследованиями, различные этапы которых, чередуясь друг с

другом, могут осуществляться на протяжении многих месяцев и даже лет, давая возможность уловить основные тенденции развития социальных объектов, – в прикладной социологии довольно часто применяются оперативные социологические исследования, дающие как бы одномоментный снимок общества, его отдельных компонентов и структур. Оперативные социологические исследования имеют целью получение в сжатые сроки (от месяца до нескольких дней) достоверной информации о социальных процессах и явлениях, о сиюминутных мнениях различных групп населения по различным вопросам экономического, социально-политического, культурного развития, о популярности тех или иных политических лидеров или кандидатов в депутаты и т.п.

Наибольший эффект от проведения К.С.И. достигается в том случае, когда в соответствии со спецификой изучаемых социальных процессов и явлений избирается наиболее подходящий для данных условий тип социологического исследования.

Как и любое научное исследование, К.С.И. содержит в себе определенный набор элементов, присущих научной деятельности. Во-первых, само К.С.И. становится необходимым только тогда, когда возникает определенная социальная проблема, требующая своего разрешения. Например, перед Республикой Беларусь в современных условиях все более острой становится проблема энергетического обеспечения производства и всех других сфер общественной жизни, поскольку она не обладает достаточными ресурсами собственных энергоносителей. Эта проблема порождает необходимость проведения целого комплекса научных исследований возможных путей и средств усиления энергообеспечения республики, в том числе и конкретных социологических исследований отношения населения страны к различным вариантам энергообеспечения, включая и возможность строительства атомных электростанций.

Формулирование научной проблемы, носящей прикладной характер, позволяет определить объект исследования, т.е. определенные процессы и явления социальной действительности, подлежащие изучению. В зависимости от особенностей изучаемого объекта определяется субъект исследования, т.е. научный коллектив или группа исследователей-социологов, способных решить научными методами и средствами поставленную проблему. Определив субъект исследования, заказчик – государственный орган, предприятие, банк, спортивное общество и т.п. – вместе с исполнителем исследования – научной организацией – определяет цели и задачи прикладного исследования либо это делает исполнитель по поручению заказчика. Для того, чтобы решить поставленные конкретные задачи и достичь намеченной цели, требуются определенные средства – финансовые, людские, научно-технические и организационные. Эффективное применение этих средств по намеченной программе должно привести к достижению конкретного результата – нового знания об исследуемом объекте. Такова в самом общем виде структура К.С.И.

Таким образом, процесс К.С.И. представляет собой в самом общем виде применение субъектом определенных средств по заранее разработанной программе в целях получения нового знания об объекте и практического применения полученного результата в конкретной деятельности.

Е.М. Бабосов

КОНКУРЕНЦИЯ – экономическое соперничество, состязательность между юридическими или физическими лицами (конкурентами), заинтересованными в достижении одной и той же цели; между участниками рынка за лучшие условия производства и реализации продукции.

В широком смысле понятие "К." употребляется как элемент рыночного механизма, обеспечивающий взаимодействие субъектов рыночного хозяйства в процессе производства, купли и продажи товаров, а также в сфере приложения капитала. В более узком смысле понятие "К." употребляется как соперничество внутри отраслей, отдельных фирм или отдельных производителей за более выгодные условия хозяйствования, получение максимальной прибыли.

В рамках социологического анализа К. выступает как объективный закон, влияющий через отношения субъектов собственности на взаимодействие законов разделения и перемены труда. Производители могут вытеснить друг друга с рынка товаров, продавая товар дешевле и без потери качества. Для этого они повышают производительную силу труда путем большего разделения труда, применения и постоянного усовершенствования машин, что требует ускорения подвижности трудовых функций работников. Между производителями возникает соперничество – они стремятся увеличивать разделение труда и количество машин и использовать их в возможно более крупном масштабе. Более мощные и более дорогие средства производства дают им возможность продавать товары дешевле, но одновременно вынуждают продавать больше товаров, завоевывая для них больший рынок. Эти нововведения распространяются до тех пор, пока цены производимых товаров не упадут не только ниже первоначальных, но и ниже новых издержек производства. На уровне новых издержек производства снова вводится большее разделение труда, вновь увеличивается количество машин, возрастает масштаб использования этого разделения труда и этих машин. К. же вновь порождает противодействие этому результату. Таким образом, непрерывно преобразуется способ производства: разделение труда (а следовательно – появление новых процессов) влечет за собой еще большее разделение труда, применение машин – еще большее применение машин, производство в крупном масштабе – производство в еще более крупном масштабе.

Основные формы проявления закона К. отражают различные типы взаимодействия законов разделения и перемены труда через отношения субъектов рыночного хозяйства. Выделяют внутриотраслевой, межотраслевой и рыночный виды К. Внутриотраслевая К. связывается с получением сверхприбыли через повышение производительности труда и снижение

индивидуальной ценности товара; именно механизм внутриотраслевой К. дал возможность многим странам с рыночной экономикой вырваться вперед в экономическом развитии. Не меньшее значение имеет и межотраслевая К., связанная с получением наибольшей прибыли через свободное переливание капитала из отрасли в отрасль в погоне за внешней нормой прибыли. Рыночная К. направлена на защиту интересов покупателей и продавцов (установление наивысших или самых низких цен) посредством регулирования соотношения спроса и предложения товара. Рыночная К. появилась в начале 19 в. как совершенная (свободная), затем ее механизм усложнялся и модифицировался, и к началу 20 ст., в связи с концентрацией капитала и образованием монополий, сформировалась несовершенная К.

Важная роль К. в механизме функционирования рынка определяется теми функциями, которые она должна выполнять. К. обеспечивает: суверенитет потребителей, т.е. их предпочтения в том, какие товары и в каких объемах они хотели бы покупать; адаптацию производителей к изменяющимся запросам потребителей и новым методам производства; связь стремления предприятий к получению максимальной прибыли с научно-техническим прогрессом; создание условий, когда распределение дохода от производственных факторов осуществляется в зависимости от их эффективности; свободу выбора производственной деятельности. В системе рыночных отношений, когда деятельность и возможности выбора участников рынка ограничены, К. предполагает, с одной стороны, создание альтернатив для любой деятельности, а с другой – возможности самореализации субъектов рыночных отношений в рамках этих альтернатив.

С учетом условий, в которых протекает К., различают две основные формы К.: совершенную и несовершенную, имеющую несколько моделей – монополия, монополистическая К., олигополия. *Совершенная* (свободная, неограниченная К.) предполагает большое число мелких продавцов и покупателей, отсутствие ограничений для межотраслевого перелива капиталов, совершенное знание рынка потребителями и производителями. Из *несовершенных* (ограниченных) моделей *монополия* характеризуется наличием единственного производителя, т.е. единственного продавца на рынке, который устанавливает труднопреодолимые барьеры для потенциальных конкурентов. *Монополистическая* К. предполагает относительно большое число производителей, множество продавцов и покупателей, совершающих сделки в широком диапазоне цен, относительно неограниченное проникновение новых конкурентов на рынок. *Олигополия* – основная модель в современной рыночной структуре – определяется тем, что рынок состоит из небольшого числа производителей (крупные фирмы), проникновение на рынок новых претендентов затруднено, каждый продавец чутко реагирует на стратегию и действия конкурентов, используется политика лидерства в ценах, а также возможен сговор между фирмами в целях поддержания цен и максимизации прибыли.

Осуществление политики в области К. со стороны государства проявляется в формировании антимонопольного регулировании и совершенствования организационных механизмов поддержки малого бизнеса.

Г.Н. Соколова

КОНСЕРВАТИЗМ (лат. conservare – сохранять) – сложный и многогранный социальный феномен, могущий быть представлен в нескольких измерениях: как совокупность психических качеств индивида (позволяющее считать человека консерватором независимо от его политической ангажированности), как политическая идеология (представляющая собой, наряду с либерализмом и социализмом, одну из так называемых "великих" идеологий) и, наконец, как общественно-политическое движение (находящее свое выражение в деятельности политических партий консервативной и неоконсервативной ориентации). В обыденном сознании сложился стереотип, согласно которому человек может быть консерватором уже в силу определенных морально-психологических качеств. Это значит, что он отличается трезвым, взвешенным отношением к жизни. Знакомое, проверенное практикой он предпочитает незнакомому, новому. Опытный человек ему больше внушает доверие, нежели неопытный. Действительность для консерватора более значима, чем возможность, близкое – более, чем далекое, а настоящее для него предпочтительнее, чем счастье будущего. Такой человек вместо избытка выберет достаток, а вместо совершенства – приемлемое. Общее для консерватора всегда важнее, нежели частное, а привилегии более значимы, чем право. И, конечно, выбирая между традициями и нововведениями, консерватор скорее всего остановится на первых.

У социальных исследователей нет единства в определении К. в качестве политической идеологии. Согласно одному из традиционных подходов, К. связывается с реакцией на Великую Французскую революцию со стороны тех социальных слоев, которые более всего от нее пострадали – прежде всего родовой аристократии. Эта реакция была обусловлена неприятием ценностей зарождающегося буржуазного общества – свободы, равенства, общественного прогресса. Консервативные идеи нашли свое законченное выражение в творчестве таких мыслителей, как Э. Берк, Ж. де Местр и Л. де Бональд. Однако такая (аристократическая) трактовка К. оставляет открытым вопрос, почему эта идеология существует до сих пор, когда поддерживавшие ее социальные слои с исторической арены давно сошли. Другой крайностью в определении К. являются попытки представить его в качестве вневременной системы универсальных ценностей типа порядка, справедливости, равновесия, стабильности – ценностей, сохраняющих свое значение в любое время и при любых обстоятельствах. При таком подходе время возникновения К. теряется в глубине веков, а его развитие связывается с именами Платона, Аристотеля, Макиавелли, Данте, Гете, Э. Берка, де Токвиля и др. Зачастую этой консервативной линии в истории мировой мысли противопоставляется "рево-

люционное генеалогическое древо" в лице Декарта, Руссо, Маркса, Ленина. Ценностная трактовка К. помогает понять, почему среди его приверженцев зачастую можно встретить представителей самых разных социальных слоев и профессий. Столь широкое толкование К. размывает это понятие, лишая его научной значимости. Консервативные ценности и идеалы давно стали общим достоянием, в той или иной степени они восприняты либералами, социалистами и даже фашистами. Наиболее удачным представляется трактовка К., предложенная известным американским политологом С. Хантингтоном. В его интерпретации К. предстает как ситуационное, т.е. исторически вариабельное явление, как "система идей, которая служит сохранению существующего порядка независимо от того, где и когда он имеет место, направлена против любых попыток его разрушения, от кого бы они не исходили". В тех случаях, когда ценность существующего по каким-то причинам была утрачена, возникают такие, на первый взгляд парадоксальные явления, как "революционный К.". Один из его идеологов в Германии начала 20 в. Моллер ван ден Брук призывал "создавать то, что было бы достойно сохранения". Настоящие консерваторы всячески подчеркивают разницу между К. и реакционностью. Реакционер – это тот, кто стремится вернуть прошлое, в то время как консерватор заинтересован в сохранении существующего статус-кво: "Сущность К. – в страстной приверженности ценности существующего" (Хантингтон). Данная методология позволяет преодолеть сложности идентификации, которые возникли в постсоветских обществах относительно "правого" и "левого". Испытывающих ностальгию по прошлому коммунистов стали звать консерваторами, однако правильнее было бы отнести их к реакционерам. Консерваторы не против изменений в общественной и политической жизни. Однако для них гораздо важнее вопрос, какой ценой эти изменения достигаются. Уже Э. Берк, родоначальник европейского К., писал о том, что "государство не способное к изменениям – не способно к сохранению". По мнению одного из современных германских неоконсерваторов Г. Люббе: "Столько изменений – сколько необходимо, столько сохранения – сколько возможно". Г.К. Кальтенбруннер формулирует кредо современных консерваторов следующим образом: "Одной рукой изменять то, что должно, другой сохранять то, что можно". К. никогда не был однородным. Чаще всего он представлял собой совокупность самых разных, порой, противоречащих друг другу тенденций, идей, взглядов. И если в чем-то консерваторы все-таки сходятся, так это в признании основополагающих консервативных ценностей, сформулированных когда-то англичанином Э. Берком в его известной работе "Размышления о революции во Франции". В общем виде они могут быть представлены следующим образом: 1) Религия составляет основу гражданского общества. Человек есть по своей природе существо религиозное и для него более естественно религиозное смирение и работа над собой, нежели политическая и общественная деятельность. 2) Общество представляет собой продукт исторического развития, а не произвольного конструирования. Государство возникает не в результате общественного договора. В политических институтах воплощена мудрость предшествующих поколений, накопленная столетиями. Следовательно и отношение к ним должно быть соответствующим. Изменения, если они назрели, должны осуществляться крайне осторожно. 3) Инстинкты и чувства людей в общественной жизни имеют не меньшее значение, чем их разум. Общественная и государственная жизнь в значительной мере основана на предубеждениях, опыте и привычках. (Предубеждение играет в системе ценностей консерваторов весьма важную роль. Это то, что сформировалось "до убеждения" и имеет скорее инстинктивный, нежели рациональных характер. В предубеждениях рефлексивно выражается истина, проверенная временем, опытом поколений). 4) Общество по своей значимости стоит выше индивида. Именно поэтому права личности неразрывно связаны с ее обязанностями. Зло коренится в природе человека, а не в общественном устройстве, поэтому все планы по коренному переустройству общества безосновательны. Гораздо важнее задача по воспитанию человека. 5) Всякое общество – это прежде всего иерархия социальных слоев, групп, индивидов. Люди друг другу не равны. Неравенство естественно и необходимо. Именно благодаря неравенству осуществляется управляемость и упорядоченность общественной жизни. Все ценное, что создано людьми во всех сферах жизнедеятельности, обусловлено их неравными способностями, талантом отдельных личностей. В дилемме свобода или равенство безусловный приоритет принадлежит свободе. 6) Существующие формы общественной жизни и государственного управления предпочтительнее неопробованных проектов. Не существует теорий, ведущих к уничтожению всех зол. Стремления уничтожить в обществе всякую несправедливость, как правило, приводят к еще большим бедам. Общество допустимо совершенствовать лишь в рамках возможного.

С начала 1970-х на Западе начинается так называемая "неоконсервативная волна". После студенческих волнений конца 1960-х и шокирующих общественное мнение докладов Римского клуба начала 1970-х авторитет "левых" идеологий был заметно подорван. В умонастроениях широких слоев населения происходит сдвиг "вправо". Все большее влияние приобретают неоконсерваторы. Однако в употреблении понятия "неоконсерватор" нет какой-либо научной строгости. В узком смысле оно применялось для обозначения тех интеллектуалов, которые вынуждены были в своих взглядах резко "поправеть". По меткому выражению И. Кристола, неоконсерватор – это "либерал, схваченный за горло реальностью". Зачастую еще вчера они были либералами и даже социал-демократами, но глобальные проблемы современности, углубление культурного и экономического кризиса, проблемы управляемости демократического государства заставили их мыслить по-новому. Как это ни парадоксально, но мыслить по-новому для многих означало мыслить консервативно. В сущности неоконсерватизм стал попыткой спасти либерально-демократические ценности консервативными средствами.

Как пишет Кальтенбруннер, современные консерваторы "консервативны, потому что они либеральны". Эксперименты "левых" коалиций в ряде государств Западной Европы не привели к решению социальных, экономических и культурных проблем общества, а, наоборот, еще более обострили его противоречия. Либеральная демократия со всей очевидностью показала, что она может быть опасной сама для себя. Ее жизнеспособность, по мнению неоконсерваторов, во многом зависит от умения сохранить ценности свободы и демократии в современных условиях. Для этого она должна иметь серьезный противовес в лице сильного государства, способного противостоять партикуляризму отдельных социальных групп. Такое государство призвано обеспечивать сохранение традиционных ценностей, поддержку семьи, религии, образования, культуры. Вместо глобальных проектов по коренному переустройству общества неоконсерваторами предлагалась политика малых конкретных дел, касающихся непосредственных нужд населения в обеспечении порядка, жилищном обустройстве, поддержании морально-психологического климата в семье и т.п. В широком смысле неоконсерватизм представляет собой целый спектр очень разных идейно-политических течений. Как говорил один из видных лидеров германской социал-демократии В. Брандт, "сегодня консервативным характеризуется совершенно разное, подчас взаимоисключающее поведение". Согласно одной типологизации неоконсерватизма, в нем выделяется три основных направления. Во-первых, это либертаризм, как экономоцентрическое течение, представленное именами Хайека, Фридмана и всех тех, кто исповедует так называемую философию либертаризма. В ее основе лежит идея свободы индивида от всякого принуждения. Проблема справедливости и равенства рассматривается здесь через призму свободной конкуренции, в которую вступают свободные индивиды в условиях рыночной экономики. Свободный рынок способен сам обеспечить каждому члену общества возможности для проявления своих способностей. Другое направление неоконсерватизма по своей сути является этноцентрическим. Наиболее яркое выражение оно находит в идеологии "новых правых" во Франции (прежде всего в лице их лидера А. де Бенуа) и ставит во главу угла проблемы культуры и этноса. С точки зрения "новых правых", европейская культура должна "вспомнить" о своих кельтско-германских корнях и освободиться от чуждого ей по духу влияния иудейско-христианской традиции. В этом варианте неоконсерватизма особенно отчетливо проявляется то напряжение, которое зачастую имеет место между новыми консерваторами и религией (что принципиально отличает его от классического К.). Чаще всего претензии предъявляются не религии как таковой, а христианству, которое, по мнению многих неоконсерваторов, послужила источником эгалитаристских устремлений, породивших в Европе 19-20 вв. социализм и коммунизм. Третье и, очевидно, наиболее влиятельное направление в неоконсерватизме ближе всего к К. ортодоксальному. В основе данного течения остается верность традициям, вечным ценностям и институтам. Неотрадиционалистам близки идеи, высказанные когда-то Э. Берком, Ж. де Местром и де Токвилем, однако они признают, что "каждое новое поколение нуждается в новом понимании консервативного", т.е. "того, как следует консервативно думать и действовать в данное время". Поэтому помимо классиков К. для анализа общественных проблем они используют новейшие достижения политической и философской антропологии (Гелен – см.), этологии (К. Лоренц), системных исследований (Луман – см.). Наиболее полно сущность нового К. в Германии выразил Кальтенбруннер, сформулировавший основные постулаты неоконсерватизма в работе "Трудный консерватизм": 1) Преемственность. Это означает создание таких материальных и духовных условий, которые делают возможным сохранение традиций, духовного наследия. Сохранение традиций для неоконсерватора не средство, а сама цель, потому что традиция есть необходимое условие существования общества. Так же как и человеческий организм, сохраняющий, несмотря на отмирание старых клеток, свою структуру, общество сохраняет свою идентичность. И если в первом случае это происходит прежде всего благодаря ДНК, то во втором – традициям. 2) Стабильность. Она выступает в качестве необходимого условия сохранения ценностей в век нарастающих революционных изменений. "Гуманизм заключается еще и в том, чтобы не требовать от человека ежеминутных изменений, начинаний с нуля ради жизни будущих поколений". 3) Порядок. Он выступает гарантом обеспечения стабильности и преемственности традиций. Демократическое общество не в меньшей мере, чем недемократическое, покоится на авторитете и иерархии власти. Забвение обеспечивающих порядок институтов – семьи, профессии, права, государства – ведет не к освобождению (эмансипации), а к хаосу и насилию. 4) Государственный авторитет. Дает возможность поддержания порядка и обеспечения управляемости общества. Лишь государство является силой, способной противостоять разрушительному влиянию групповых интересов и предотвратить экологическую катастрофу. Усиление государственной власти диктуется многими внутренними и внешними общественно-политическими задачами. 5) Свобода. В отличие от Руссо, неоконсерватор не верит в то, что "человек рождается свободным". Он рождается зависимым и проживает в зависимости до тех пор, пока не осознает границы своих возможностей. Это осознание позволяет ему включиться в систему объективных общественных взаимосвязей и стать по-настоящему свободным. Разумная свобода, согласно неоконсерваторам, "в значительной мере требует авторитета и порядка". 6) Пессимизм. Недоверие к планам строительства рая на земле. В обществе невозможно достижение абсолютной гармонии и справедливости. Точно так же невозможно и полное искоренение всякого зла. Как правило, из двух зол приходится выбирать меньшее.

В.И. Бобрович

КОНСТРУКТ – понятие, вводимое гипотетически (теоретическое) или создаваемое по поводу наблюдаемых событий или объектов (эмпирическое) по правилам логики с жест-

ко установленными границами и правильно выраженное в определенном языке, не предполагающее обязательного установления его онтологического статуса, т.е. не требующее указания на конкретный денотат. Как правило, К. оформляются в зоне перехода от эмпирического знания к концептуальному и обратно и выполняют функции перевода между эмпирическими и теоретическими языками и логиками. По сути, они заполняют обнаруженные и не прописываемые пустоты в структуре знания и не имеют самостоятельного значения вне знания, в котором они сконструированы. К. – искусственные образования со служебными функциями, что наглядно видно на примере таких К. социологии, порождаемых в процессе операционализации понятий, как показатель или индекс. Онтологизация К. (при одновременной его логической и языковой акцентировке) преобразует его в концепт (**см.**). В процедурах конструирования действует принцип Рассела: "Везде, где возможно, подставлять конструкции из известных объектов вместо вывода неизвестных объектов". П.У. Бриджмен ввел термин "умственные К.", под которыми понимал модели ситуаций, прямо "не фиксируемых" органами чувств, а данных косвенно – через процедуры вывода.

В социологии в аналогичном значении используется понятие операциональных определений, т.е. по сути инструментов, позволяющих перейти от концептуальных построений к наблюдаемым и измеряемым признакам и (через интерпретационную схему) обратно. Г. Маргенау различал "поле конструктов" и соотносимое с ним "поле восприятия" ("первичный опыт"). В феноменологической социологии Шютца различаются мысленные объекты, сконструированные в повседневном сознании людей, и К. второго порядка, созданные в социальных науках. Для К., предполагающих (гипотетически) существование соотносимых с ними объектов, процессов или событий, употребляют термин "гипотетические К.". В социологии это К., создаваемые для отображения латентных (скрытых) переменных (типа "ценностные ориентации", концептуализируемые в поле ценностей). Для К., изначально не предполагающих онтологическую аппликацию, употребляют термин "промежуточные переменные".

К К. предъявляется ряд требований: 1) возможности логических операций над ними как языковыми выражениями; 2) множественности связей между К. в рамках некоего целого; 3) "устойчивости" (т.е. постоянства значений в различных контекстах); 4) экстраполируемости (т.е. возможности их максимально широкого использования помимо породивших их ситуаций); 5) согласованности выражений К. с установленными закономерностями; 6) простоты (что отражается на параметрах теорий, в которые они входят). Специфическое понимание соотношения терминов концепт и К. предложено в этнометодологии. Так, считается, что описание собственной культурной ситуации дается в концептах, восприятие же чужой культурной ситуации – в К. (при возможности переноса на чужую культурную ситуацию собственного концепта по аналогии для заполнения культурных лакун). По отношению же к своей культурной ситуации могут быть использованы чужие К. Над уровнем своих и чужих К. могут конструироваться К. второго и третьего (отношения к отношениям) уровней.

В.Л. Абушенко

КОНСТРУКТИВНЫЙ ТИП (и конструктивных типов метод) – теоретическая конструкция (и процедура ее построения), формируемая на основе абстрагирования (так называемая абстракция конструктивизации, т.е. отвлечения от неопределенности границ реальных объектов) и наделения особым самостоятельным статусом свойств социальных и культурных событий и изменений. К.Т. и процедура его получения противопоставляются предложенному М. Вебером (**см.**) понятию "идеальный тип" и, соответственно, процедуре его построения. Если идеальный тип понимается как "чисто логическая модель" (идеализированный предмет в логике), то К.Т. – это "абстрактная модель" (абстрактный предмет в логике).

В основе построения К.Т. лежат не процедуры идеализации, а абстрагирование, схематизация и типологизация. Соответственно, если идеальному типу (как чисто мыслительному образованию) может не соответствовать ни один реальный предмет, событие, явление, то К.Т. предполагает коррелирование с референтами. Он опирается на изучение прецедентов, на базе которых и формируется посредством мыслительных процедур, предполагает обозначение границ применения и встроенную внутрь себя размерность, т.е. задает некоторый континуум изучаемого свойства, который может быть шкально выражен (и в идеале измерен). Кроме того, внутри К.Т. могут быть выделены в зависимости от интенсивности проявления изучаемого свойства (и сопутствующих факторов) различные подтипы. Например, мы можем сформировать континуум, в котором находятся все формы традиционного поведения. В качестве теоретического допущения применим тезис о том, что они характеризуются прежде всего двумя признаками, накладывающимися друг на друга, – признаком самоценности формы (которая не может быть нарушена ни при каких условиях) и признаком обязательной нагруженности символичностью (т.е. традиционные формы предполагают ориентацию не на прямой результат действия, а на их значимостно-смысловую составляющую). Тогда внутри континуума может быть задана дихотомическая шкала, один полюс которой – "голая форма", другой – "абсолютный символ", а любая форма традиционного поведения оказывается на шкале или в центре, или ближе к одному из полюсов. Она может быть зафиксирована как самостоятельный подтип традиционного поведения. Например, обряд максимально "стремится" к полюсу символа, а протокол – к полюсу формы. Таким образом, К.Т. – это такая искусственно создаваемая в познавательных целях абстракция, которая позволяет упорядочивать предметный, содержательный материал и выявлять и формулировать критерии его селекции и организации. В этом метод К.Т. во многом близок задачам социологической типологизации, однако он принципиально противоположен процедурам индуктивно-статистической типологизации по задаваемым спосо-

бам работы. Кроме того, при использовании метода К.Т. важна не столько "наполняемость" (статистические характеристики) выделяемого типа, сколько возможность его наличия (присутствия) среди изучаемой совокупности случаев. В этом отношении К.Т. занимает промежуточное положение между "идеальным типом" и "статистической типологией", с одной стороны, и является переходной формой между работой в "теории" и работой в "эмпирии" – с другой. В основание К.Т. заложен ряд гипотез-допущений: 1) предполагается наличие каузальности между действительным поведением (событийностью) и К.Т. по его поводу созданным; 2) учитывается корректирующий фактор сопутствующих условий и факторов (контекст); 3) требуется обязательный выход на уровень данности; 4) К.Т. не описывает единичное, а выявляет именно типичное.

Метод К.Т. широко использовался в социологии, особенно в структурно-функциональном анализе (в частности, Парсонсом – **см.**). Однако его экспликация и обоснование принадлежит американскому социологу Г.П. Беккеру (1899-1960). Кроме того, Беккер, переконструировав типологию социальных действий М. Вебера, применил их для задания шкалы внутри континуума "религиозности-светскости" (полюс "религиозности" представляет комбинаторику веберовских традиционного и ценностно-рационального, в то время как полюс "светскости" – целерационального и аффективного действий).

В.Л. Абушенко

КОНТ (Comte) Огюст (до 1818 имя К. – Исидор) (1798-1857) – французский философ, социолог, методолог и популяризатор науки, преподаватель Парижского политехникума, основатель школы позитивизма, социальный реформатор, оставивший большое литературное наследие, в т.ч. шеститомный "Курс позитивной философии" (1830-1842). В 1816-1824 – секретарь Сен-Симона. По мысли К., позитивизм есть средняя линия между эмпиризмом (материализмом) и мистицизмом (идеализмом); в этом контексте ни философия, ни наука не имеют права на постановку вопроса о причине явлений либо о сущности вещей. Рассуждать можно лишь на тему, **как** то или иное явление происходит.

Определяя суть "позитивного", К. отмечал, что оно выступает как: 1) *реальное* в противоположность химерическому, посвящающее "себя исследованиям, истинно доступным нашему уму"; 2) *полезное* в противовес негодному, когда "необходимое назначение всех наших здоровых умозрений – беспрерывно улучшать условия нашего действительного индивидуального или коллективного существования вместо напрасного удовлетворения бесплодного любопытства"; 3) *достоверное* в противоположность сомнительному, будучи способным "самопроизвольно создавать между индивидуумом и духовной общностью целого рода логическую гармонию взамен тех бесконечных сомнений и нескончаемых споров, которые должен был порождать прежний образ мышления"; 4) *точное* в противовес смутному, желающее "добиваться всюду степени точности, совместимой с природой явлений и соответствующей нашим истинным потребностям; между тем как старый философский метод неизбежно приводит к сбивчивым мнениям, признавая необходимую дисциплину только в силу постоянного давления, производимого на него противоестественным авторитетом"; 5) *положительное* в противоположность отрицательному, стремящееся – в отличие от теологической и метафизической (критической) форм философствования – "не разрушать, но организовывать".

Согласно учению К, человеческий дух в своем развитии ("каждая из наших главных концепций, каждая отрасль наших знаний") проходит три стадии: теологическую (фиктивную), метафизическую (отвлеченную) и научную (позитивную). На первой стадии, для которой характерно господство духовенства и военных властей, человек объясняет явления природы как порождение особой воли вещей или сверхъестественных сущностей (фетишизм, политеизм, монотеизм). На второй стадии – при господстве философов и юристов – явления природы объясняются абстрактными причинами, "идеями" и "силами", гипостазированными абстракциями. На третьей, позитивной стадии, для которой характерно объединение теории и практики, человек довольствуется тем, что благодаря наблюдению и эксперименту выделяет связи явлений и на основе тех связей, которые оказываются постоянными, формирует законы. (Наиболее характерной чертой позитивной эпохи, по К., является преобладающее влияние промышленности на все общественные процессы.) Основной же характер позитивной философии, по К., выражается "в признании всех явлений подчиненными неизменным естественным законам, открытие и сведение числа которых до минимума и составляет цель всех наших усилий" По мысли К., "мы считаем, безусловно, недоступным и бессмысленным искание так называемых причин как первичных, так и конечных". (Как неоднократно подчеркивалось впоследствии, в своих гносеологических исследованиях оснований универсальной методологии К. избыточно оценил статус описаний, считая совершенно необходимыми элементами любой научной дисциплины знак и историю. Формирование различных знаковых систем, представлявших "позитивные науки", традиционно было определенным образом связано с социальной историей. Эти элементы лежали в основе ряда позитивных научных дисциплин начиная с математики. "Переоткрыв" общую теорию гомогенности, К. распространил ее принципы на все уровни позитивной антропологии, в которой действует принцип гомологии.) С точки зрения К., "...теперь, когда человеческий разум создал небесную физику и физику земную, механическую и химическую, а также и физику органическую, растительную и животную, ему остается для завершения системы наук наблюдения основать *социальную физику*".

Отстраивая эту новую общественную дисциплину, К. провозгласил создание науки "социологии". К. поставил ее в один ряд с фундаментальными науками, создал эволюционную теорию социального развития, оригинальную концепцию социальной статики, социальной динамики, систему законов

и принципов социологии. Эволюционная теория К. сняла противоречие между "социальным прогрессом" и "социальным порядком": отказ К. от революционной теории, постановка на ее место эволюционного принципа в социальном развитии давали возможность не уничтожать, а реформировать, эволюционно изменять существующий в обществе порядок.

Эволюционная теория К. опиралась на выработанные им четыре основных социологических принципа: 1) Принцип условий существования (Milieu), требовавший отдавать предпочтение социальной среде, выделять внешнюю и внутреннюю (духовную) среды, учитывать взаимодействие между организмом и средой (причина и следствие), между человеком и обществом, выделять проблему влияния сознания на среду: 2) Принцип единообразия человеческой природы, требовавший учета соответствия интересов и чувств, учета их единообразия на биологической основе в обход психологии; 3) Принцип консенсуса, обязывавший учитывать цельную совокупность частей, их взаимосогласованность при взаимодействии как частей, так и целого с частями; 4) Принцип эволюции, опирающийся на признание социального прогресса, движения к определенной цели на основе интеллектуального развития, морального совершенства. Социология, по К., должна опираться на следующие важнейшие принципы: эмпиризм, позитивизм и физикализм. По К., эмпиризм означает, что единственным источником истинной науки о мире является опыт. Позитивизм – что предметом его являются только факты, а не трансцендентальное бытие или мнимая сущность вещи. Физикализм – что самыми совершенными понятиями являются те, которые создала физика, и что к ним можно и нужно сводить все научное значение. В качестве предмета социологии К. определял законы наблюдаемых явлений, решительно выступал против поисков трансцендентных причин. Ставил задачу основывать достоверность социологических выводов на фактах и их связях, а не на философских интерпретациях смысла истории. Уделил особое внимание разработке законов развития семьи: поскольку социальные связи вытекают и концентрируются прежде всего в ней, К. считал, что именно семья, а не индивидуум образует ту простейшую целостность, сумма которых образует общество. По К., именно через семью личность связывается с производством, социальными группами, организациями. Изучение всех этих связей дает возможность познать сущность общества, его структуру и функции.

Социология К. состояла из двух разделов: социальной статики и социальной динамики. Под социальной статикой К. понимал исследование ограниченного во времени ряда социальных явлений (семьи, касты, классов, социальных групп, организаций, государства, нации) в их взаимосвязи, обусловленности. Он подходил ко всем социальным явлениям с точки зрения общего понятия "общества", в котором видел функциональную систему, основанную на разделении труда. В структуре общества он выделял прежде всего семейную ассоциацию и политическое общество. В первом устойчивые системы связей опираются прежде всего на чувства солидарности и согласия, во втором – на классовые интересы, идеологические догмы, правовые нормы, юридические законы, доминирующие в данном обществе. Социальная динамика, по К., должна изучать, что является движущей силой в развитии общества. Он считал, что такими силами являются экономические условия, географическая среда, природные условия, климат. Главной же силой развития общества являются взгляды, идеи, мышление, сознание людей. Одним словом, социальная динамика изучает законы последовательности, а социальная статика – законы существования. Первая должна доставить практической политике теорию прогресса, а вторая – теорию порядка. Для классификации наук он использовал критерий догматизма (одна наука вытекает из другой) и историзма (переход от одного этапа развития к другому). Поэтому социология оказалась последней в этом ряду: "математика, астрономия, физика, химия, биология, социология".

Посвятив свою жизнь разработке системы социологических знаний, К. к концу своей жизни убедился, что самое совершенное изложение "системы наук" не способно ничего изменить в реальной жизни, ибо народ не состоит из одних ученых, да и сами ученые не могут прийти к единству. По К., стал необходим "второй теологический синтез" как духовная опора нового общества. К. создает "вторую социологию", изложив ее в книге "Система позитивной политики, или Трактат о социологии, устанавливающий религию Человечества" (1851-1854), где признавалась великая организующая и воспитательная роль религии в современном обществе. Стремление переделать общество на основе социальных законов приобрело у К. религиозные формы, любовь к Богу он пытался заменить любовью к человечеству. Человечество К. именует "Великим Бытием", пространство – "Великой Сферой", землю – "Великим Фетишем". Догматами новой веры должны были выступить позитивная философия и научные законы. Арон назвал "Великое Бытие" К. "наилучшим из всего, сделанного людьми": "Стоит любить сущность Человечества в лице лучших и великих его представителей как его выражение и символ; это лучше страстной любви к экономическому и социальному порядку, доходящей до того, чтобы желать смерти тем, кто не верит в доктрину спасения... То, что Огюст Конт предлагает любить, есть не французское общество сегодня, не русское – завтра, не американское – послезавтра, но высшая степень совершенства, к которой способны некоторые и до которой следует возвыситься".

Энциклопедические труды К. были призваны на основе цельного осмысления истории общества и интеллектуальной интеграции накопленных им знаний дать человечеству средство выхода из "метафизической" эпохи, полной социальных потрясений и не способной примирить прогресс и порядок. К. решил, что политические проблемы невозможно решить, если пролетарии не объединятся для переустройства общества. В народном образовании К. усмотрел доступное каждому человеку средство вступить в позитивные отношения с миром. Предлагаемый им поря-

док образования, который должен идти от математики к социологии, знакомит учащихся с основами социологии, предполагающей знание исторических и общественных наук. К. продемонстрировал, что единство разума не может быть "объективным" (т.е. связанным с универсумом); оно, по его мысли, – "субъективно" (т.е. связано с человечеством). К. считал, что разум каждого человека повторяет путь, пройденный всем человечеством. К. имел многочисленных последователей, которые пытались придать позитивизму институциальные формы, превратив его в духовный ориентир человечества (в некоторых странах, например, латиноамериканских, в соответствии с принципами позитивизма К. были даже написаны конституции). Идеи К., согласно которым человеческий разум по своей природе контекстуален и способен трансформировать социальную реальность (в соответствии с правилами социологической науки), сыграли важную роль в становлении философского модернизма (см. **Модернизм**). См. также: **"Рассуждение о позитивном духе" (Конт).**

Г.П. Давидюк, А.А. Грицанов

КОНТЕКСТ – совокупность семантических условий производства и интерпретации (верификации) текста; иначе, совокупность подразумеваемых/найденных смыслов, которые вкладываются в универсальный/канонический текст при его интерпретации в иных условиях, чем те, в которых он был произведен.

Традиционная оппозиция текст – К. осмысляется посредством аксиологически близких пар: "центр-периферия", "норма-реализация", "порядок-хаос", – что позволяет положить К. в качестве основания дискурсивных практик освобождения, инаковости, де-универсализации в самых различных версиях (теология освобождения, феминизм, постколониальные исследования и др.).

Н.Л. Кацук

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ (от англ. contens – содержание) – специальный достаточно строгий метод качественно-количественного анализа содержания документов в целях выявления или измерения социальных фактов и тенденций, отраженных этими документами. Особенность К.-А. состоит в том, что он изучает документы в их социальном контексте.

К.-А. может использоваться в качестве основного метода исследования (например, в исследовании социальной направленности газеты); параллельного, т.е. в сочетании с другими методами (например, в исследовании эффективности функционирования средств массовой информации); вспомогательного или контрольного (например, при классификации ответов на открытые вопросы анкет).

Не все документы могут выступить объектом К.-А. Необходимо, чтобы исследуемое содержание позволило задать однозначное правило для надежного фиксирования нужных характеристик (принцип формализации), а также чтобы интересующие исследователя элементы содержания встречались с достаточной частотой (принцип статистической значимости). Чаще всего в качестве объектов исследований посредством К.-А. выступают сообщения печати, радио, телевидения, массовой устной агитации и пропаганды, протоколы собраний, письма, приказы, распоряжения и т.д., а также данные свободных интервью и открытые вопросы анкет.

Существуют три основных направления применения К.-А.: а) выявление того, что существовало до текста и что тем или иным образом получило в нем отражение (текст как индикатор определенных сторон изучаемого объекта – окружающей действительности, автора или адресата); б) определение того, что существует только в тексте как таковом (различные характеристики формы – язык, структура и жанр сообщения, ритм и тон речи); в) выявление того, что будет существовать после текста, т.е. после его восприятия адресатом (оценка различных эффектов воздействия).

В разработке и практическом применении К.-А. выделяют несколько стадий. После того, как сформулированы тема, задачи и гипотезы исследования, определяются категории анализа, т.е. наиболее общие, ключевые понятия, соответствующие исследовательским задачам. Система категорий играет роль вопросов в анкете и указывает, какие ответы должны быть найдены в тексте. В практике советских контент-аналитических исследований в свое время сложилась довольно устойчивая система категорий, среди которых можно назвать такие, как знак, цели, ценности, тема, герой, автор, жанр и др. Все более широко распространяется К.-А. сообщений средств массовой информации, основанный на парадигматическом подходе, в соответствии с которым изучаемые признаки текстов (содержание проблемы, причины ее возникновения, проблемообразующий субъект, степень напряженности проблемы, пути ее решения и др.) рассматриваются как определенным образом организованная структура. Категории К.-А. должны быть исчерпывающими (т.е. охватывать все части содержания, определяемые задачами данного исследования); взаимоисключающими (одни и те же части не должны принадлежать различным категориям); надежными (т.е. между кодировщиками не должно быть разногласий по поводу того, какие части содержания следует относить к той или иной категории); уместными (т.е. соответствовать поставленной задаче и исследуемому содержанию).

При выборе категорий необходимо избегать двух крайностей: выбора слишком многочисленных и дробных категорий, почти повторяющих текст, и выбора слишком крупных категорий, т.к. это может привести к упрощенному, поверхностному анализу. Например, в свое время при К.-А. сообщений республиканских средств массовой информации БССР исследователи оперировали двумя группами категорий: модель социальной действительности и коммуникативные формы ее выражения. Иногда же необходимо принимать во внимание и отсутствующие элементы текста, которые могут быть значимыми. В упомянутом исследовании анализировалось, чье мнение в той или иной мере упоминается в сообщениях республиканских СМИ. Категория "персонификация мнения" содержала полный набор субъектов мнения, однако оказалось, что в большинстве сообщений субъект мнения отсутствует и, следовательно, чье-либо мнение, оценка вообще не выражаются.

После того, как категории сформулированы, необходимо выбрать соответствующую единицу анализа – лингвистическую единицу речи или элемент содержания, служащие в тексте индикатором интересующих исследователя явлений. Сложные виды К.-А. обычно оперируют не одной, а одновременно несколькими единицами анализа.

Единицы анализа, взятые изолированно, могут быть не всегда правильно истолкованы, поэтому они рассматриваются на фоне более широких лингвистических или содержательных структур, указывающих на характер членения текста, в пределах которого идентифицируется присутствие или отсутствие единиц анализа – контекстуальных единиц. Например, для единицы анализа "слово" контекстуальная единица – "предложение".

Наконец необходимо установить единицу счета – количественную меру взаимосвязи текстовых и внетекстовых явлений. Наиболее употребительны такие единицы счета, как время – пространство (число строк, площадь в квадратных сантиметрах, минуты, время вещания и т.п), появление признаков в тексте, частота их появления (интенсивность).

Важен выбор необходимых источников, подвергаемых К.-А. Проблема выборки содержит в себе выбор источника, числа сообщений, даты сообщения и исследуемого содержания. Все эти параметры выборки определяются задачами и масштабами исследования. Чаще всего К.-А. проводится на годичной выборке: если это изучение протоколов собраний, то достаточно 12 протоколов (по числу месяцев), если изучение сообщений средств массовой информации – 12-16 номеров газеты или теле-, радиодней. Обычно выборка сообщений средств массовой информации составляет 200-600 текстов.

Необходимым условием контентного исследования является разработка таблицы К.-А. – основного рабочего документа, с помощью которого оно проводится. Тип таблицы определяется этапом исследования. Так, разрабатывая категориальный аппарат, аналитик составляет таблицу, представляющую собой систему скоординированных и субординированных категорий анализа. Такая таблица внешне напоминает анкету: каждая категория (вопрос) предполагает ряд признаков (ответов), по которым квантифицируется содержание текста. Таблица-анкета может быть достаточно объемной. Например, в исследовании эффективности функционирования республиканских средств массовой информации Белорусской ССР каждый текст анализировался по 248 признакам.

Для регистрации единиц анализа составляется другая таблица – кодировальная матрица:

Признак	Текст					
	1	2	3	...	n	Σ_n
A			+			
B	+	+				
C	+		+			
...						
n						
Σ_n						

Если объем выборки достаточно велик (свыше 100 единиц), то кодировщик, как правило, работает с тетрадью таких матричных листов. Если выборка сравнительно невелика (до 100 единиц), то можно проводить двумерный или даже многомерный анализ. В этом случае для каждого текста должна быть своя кодировальная матрица. Однако эта работа очень трудоемка и кропотлива, поэтому при больших объемах выборки сопоставление интересующих исследователя признаков осуществляется на компьютере.

Иногда таблица может быть необходимой и на этапе количественной обработки данных. Например, при использовании анализа случайностей, разработанного американским социальным психологом Ч. Осгудом, строится т.наз. матрица случайностей:

Реальное совпадение	Ожидаемое совпадение					
	A	B	C	...	n	Σ_n
A	–	0,15	0,02			
B	0,05	–	0,06			
C	0,08	0,12	–			
...				–		
n					–	
Σ_e						–

С помощью такой матрицы выявляются меры случайности совпадения каждой классификационной единицы со всеми остальными. Например, единица A встречается в 30% анализируемых текстов ($P = 0,3$), а единица B – в 50% текстов ($P = 0,5$), тогда ожидаемая частота совместного появления этих единиц будет равна: $P_{AB} = P_A \cdot P_B = 0,3 \cdot 0,5 = 0,15$. В действительности же признаки A и B совместно встретились лишь в 5% текстов $f_{AB} = 0,05$. Сравнивая ожидаемые и реальные совпадения признаков, можно определить, какие фактические зависимости оказались не случайными (напр., из приведенной выше таблицы видно, что совместное появление единиц A и B – случайное, т.к. реальное совпадение меньше ожидаемого, а единиц B и C – не случайное, т.е. реальное совпадение выше ожидаемого). Цели применения данной матрицы могут быть различными: проследить случайность-неслучайность совпадения признаков для проверки гипотезы, отметить устойчивые-неустойчивые парные сочетания признаков, что может оказаться значимым для характеристики деятельности отправителя информации, и т.д.

Важным условием К.-А. является разработка инструкции кодировщику – системы правил и пояснений для того, кто будет собирать эмпирическую информацию, кодируя (регистрируя) заданные единицы анализа. В инструкции точно и однозначно излагается алгоритм действий кодировщика, даются операциональное определение категорий и единиц анализа, правила их кодирования, приводятся конкретные примеры из текстов, являющихся объектом исследования, оговаривается, как следует поступать в спорных случаях, и т.д.

Процедура подсчета при количественном К.-А. в общем виде аналогична стандартным приемам классификация по выделенным группировкам ранжирования и измерения ассоциаций. Существуют также специальные процедуры подсчета применительно к К.-А., напр., формула коэффициента Яниса (*c*), предназначенного для вычисления соотношения положительных и отрицательных (относительно избранной позиции) оценок, суждений, аргументов. В случае, когда число положительных оценок превышает число отрицательных, коэффициент Яниса подсчитывается по формуле

$$c = \frac{f^2 - f \cdot n}{r \cdot t},$$

где f – число положительных оценок; n – число отрицательных оценок; r – объем содержания текста, имеющего прямое отношение к научаемой проблеме; t – общий объем анализируемого текста.

В случае, когда число положительных оценок меньше, чем отрицательных, коэффициент Яниса находится по формуле

$$c = \frac{f \cdot n - f \cdot n^2}{r \cdot t}.$$

Есть и более простые способы измерения. Удельный вес той или иной категории можно вычислить с помощью формулы

$$K = \frac{\textit{число единиц анализа, фиксирующих данную категорию}}{\textit{общее число единиц анализа}}.$$

О.Т. Манаев

КОНТРКУЛЬТУРА – 1) совокупность мировоззренческих установок, поведенческих нормативов и форм духовно-практического освоения мира, альтернативная общепринятому официальному миропониманию; 2) специфическая субкультура, порожденная "молодежным бунтом" 1960-х – начала 1970-х, основанная на утопическом стремлении вернуть человека западной цивилизации к его "естественному состоянию".

Термин "К." был впервые введен американским социологом Т. фон Роззаком для обобщенного обозначения альтернативистских тенденций в искусстве, общественной мысли, религиозной жизни, политике и быту. К. представляет собой опыт разноплановой социального экспериментирования, не связанного жесткими идеологическими, конфессиональными, национальными или возрастными границами. Строго говоря, это не единое движение, а набор разнообразных культурных инициатив, объединенных негативным отношением к существующей системе ценностей. Для К. характерно обращение к неортодоксальным духовным традициям и эзотерическим практикам (европейский и восточный мистицизм, шаманизм, сатанические культы, опыты наркотического галюцинирования, йога), причудливое соединение символики различных культур и эпох, попытки воспроизведения в современном контексте выработанных мировой культурой моделей маргинального поведения, "странного" бытия в отчужденном мире ("юродство" европейского средневековья, искусство дзэн, романтизм и декаданс Нового времени). Источниками, определившими стиль мышления идеологов К. 1960-х, стали также философские концепции Ф. Ницше, С. Кьеркегора, З. Фрейда (**см.**), Г. Маркузе (**см.**), тексты Ф. Кафки, Г. Гессе и др. Начинаясь с индивидуального бунта, осознания нетождественности собственного Я и мира господствующих предписаний, творчество К. воплощается впоследствии в поиске новых форм социализации, способных создать оптимальные условия для реализации естественных прав человека.

Выступая против слепой веры в безграничные возможности разума, неспособного разрешить коренные проблемы человеческого бытия, К. принимает в качестве высшей ценности спонтанное чувственно-эмоциональное переживание реальности, непосредственное ощущение гармонии мира, существующее по ту сторону рациональных суждений и логических доводов. Неприятие существующего порядка вещей порождает в контркультурном сознании ряд поведенческих моделей: 1) собственно "подпольное" существование, в котором страх перед реальностью соединяется со стремлением найти убежище в тайниках собственного подсознания; 2) построение субъективистско-иррациональной картины "лучшей реальности" и агрессивно-волевое вмешательство в естественный ход развития общества с целью приведения его в соответствие со своими собственными утопическими представлениями; 3) конструктивное культуротворчество, связанное с экспериментально-авангардистским поиском мировоззренческих оснований новой эпохи. К. как возможность присутствует в любой социальной системе, заявляя о себе в периоды социальной нестабильности, кризиса официального миропонимания, его неспособности адекватно отразить происходящие культурные процессы. Потеря однозначности в осмыслении окружающей действительности порождает стихийный контркультурный поиск нового языка культуры. Неотъемлемый элемент подобного поиска – демонстративно-провокационная десакрализация привычных для конформистского "банального" сознания стереотипов, разрушение господствующей мифологии. Это создает необходимые предпосылки для формирования нового идеала рациональности и соответствующего ему строя мышления, преодолевающего ограниченность как прежнего "официоза", так и порожденной им К.

М.Р. Жбанков

КОНФИГУРИРОВАНИЕ (лат. configuratio – взаимное расположение) – особый логико-методологический прием, мыслительная техника синтезирования разнопредметных знаний, различных представлений об одном и том же объекте. Принципы К. разрабатывались в Московском методологическом кружке (ММК) в связи с проблематикой полипредметного синтеза знаний. Методологами ММК было обращено внимание на то, что вторая половина 20 в. характеризуется выдвижением комплексных, междисциплинарных проблем в различных сферах деятельности. Решение этих проблем связано с необходимостью осуществления теоретического синте-

за знаний, выработанных в различных научных предметностях. В этой связи в 20 в. выдвигаются и реализуются многочисленные проекты комплексных дисциплин и теорий среднего уровня (кибернетика, эргономика, синергетика, менеджмент и др.), кроме того, таковыми себя осознают и некоторые традиционные дисциплины, например, педагогика. Вместе с тем отсутствие общих логических и методологических принципов теоретического синтеза знаний, переноса знаний из одной предметной области в другую создает разрыв в социокультурной ситуации, порождает реальные теоретические и практические затруднения в решении социокультурных проблем. Как средство преодоления этого разрыва и возникли принципы К.

К. предполагает построение специальной структурной модели конфигуратора. С его помощью многопредметное знание снимается в едином теоретическом представлении некоторого сложного, системного объекта. Конфигуратор служит идеальным изображением структуры объекта, объясняет и обосновывает существующие знания, показывает, проекциями каких сторон объекта они являются. Впервые конфигураторы, как особый класс моделей, выделил В.А. Лефевр. Пусть имеется несколько различных системных представлений одного объекта, причем элементы, на которые расчленяется целое, принципиально разные в различных системных представлениях. Объект как бы проецируется на несколько экранов. Каждый экран задает собственное членение на элементы, порождая тем самым определенную структуру объекта. Экраны связаны друг с другом так, что исследователь имеет возможность соотносить различные картины, минуя сам объект. Подобное устройство, синтезирующее различные системные представления, Лефевр и назвал "конфигуратором". Простой пример конфигуратора – система декартовых координат в геометрии. Соотнесение знаний из различных предметных областей друг с другом не может осуществляться в плоскости самих же знаний, а предполагает их противопоставление объекту. Соотнесение знаний становится возможным только через построение своего рода онтологии, репрезентирующей действительность объекта как такового (несмотря на то, что статус онтологии может быть приписан одному из частных знаний, существенным является само функциональное и интерпретационное различие знания, относимого к объекту, и онтологии, выступающей в функции изображения объекта как такового). В процессе синтеза знаний роль такой вспомогательной "онтологии" выполняет конфигуратор.

В целом работа с конфигуратором предполагает два типа мыслительных движений: 1) от существующих знаний и теоретических схем к конфигуратору в целях определения структуры объекта; 2) от конфигуратора к синтезируемым знаниям и теоретическим схемам в целях их обоснования и интерпретации как проекций, полученных в определенном ракурсе рассмотрения объекта. Осуществление К. требует особой надпредметной организации мышления, которая осознавалась в ММК как специфически методологическая. К. приводит к такому преобразованию теоретических схем и знаний, что их синтез становится возможным. После осуществления синтеза конфигуратор может элиминироваться в структуре теории, но чаще сохраняется в качестве базовой модели и становится основой новой дисциплины.

А.Ю. Бабайцев

КОНФЛИКТ (от лат. conflictus – столкновение) – в широком смысле направленное на преодоление противоречия столкновение, противостояние двух начал, проявляющееся в активности сторон. Философская традиция рассматривает К. как частный случай противоречия, его предельное обострение. Понятие "К." включает в себя широкий спектр разноуровневых явлений, традиционно различаемых на основании сторон К. В социальных науках социальный К. – это процесс или ситуация, в которой одна из сторон находится в состоянии противостояния или открытой борьбы с другой, поскольку ее цели воспринимаются как противостоящие собственным. В философской и социологической традиции источники социальных К. усматриваются в социальных, экономических или политических отношениях. Наряду с социальными выделяются категории социально-психологических и психологических К.

Основными структурными характеристиками К. являются участники (стороны) К., условия его возникновения и протекания, предмет (объект) К., действия участников, исход (результат) К. Динамические аспекты К. описываются через стадии К., процессы, возникающие на разных стадиях К., и регуляторы этих процессов. Отдельные виды К. изучаются различными научными дисциплинами, среди которых по длительности и богатству научной традиции выделяются философия, социология и психология. В последние десятилетия К. становится непосредственным и основным предметом исследования особой междисциплинарной научной области – конфликтологии (см.), интерес к которой в силу ее особой актуальности резко возрастает.

Н.В. Гришина

КОНФЛИКТОЛОГИЯ (от лат. conflictus – столкновение и греч. logos – слово, понятие, учение) – особая междисциплинарная область, объединяющая теоретические, методологические и методические подходы к описанию, изучению и развитию практики работы с конфликтными явлениями разного рода, возникающими в различных областях человеческого взаимодействия. Начальный период в изучении конфликтов, заложивший основы изучения социального конфликта в социологии, связывается с именами Л. Гумпловича (см.), Г. Ратценхофера (см.), У. Самнера (см.), А. Смолла (см.) и др., представлявших социал-дарвинистское направление в социологическом психологизме (см.) и социальной науке 19 в., отличительной чертой которого являлось описание социальных процессов в обществе под углом зрения борьбы за существование. В соответствии с представлениями этой школы конфликт отождествляется с борьбой, которая, в свою

очередь, рассматривается как форма (часто основная) социального взаимодействия. Однако метафоричность и неопределенность в употреблении понятия "борьба" стали препятствием на пути превращения этого понятия в социологический термин, хотя понятие "конфликт" начало занимать все более прочное место в теоретических описаниях социологов.

Первоначальные представления социальных ученых об относительно стабильной и интегрированной природе устройства общества выразились в функциональной модели его описания. Тезис о функциональном единстве, т.е. гармоничном соответствии и внутренней согласованности различных частей социальной системы, приводил к трактовке социального конфликта как патологии в функционировании социальных систем. Только если по тем или иным причинам их внутренняя гармония нарушается, возможно возникновение рассогласований и конфликтов. Подобной точки зрения, в частности, придерживался Т. Парсонс (**см.**), для которого конфликт дисфункционален, разрушителен и представляет собой "эндемическую" форму болезни социального организма. Озабоченность возможностями социального контроля над конфликтами и их минимизации привела Парсонса к убеждению, что психоаналитики и другие специалисты по психическому здоровью могут играть значительную роль в уменьшении социальных отклонений. По мнению Л. Козера (**см.**), социологи этой генерации были ориентированы на обеспечение поддержания порядка, "равновесия", "сотрудничества", анализ конфликта начинает подменяться изучением неэффективного функционирования и психологической неприспособленности (Козер). Однако реалии социальной жизни доказывали, что эти так называемые "отклонения" встречаются слишком часто, чтобы рассматривать их как некое досадное исключение из правил или "ненормальность". Идее "социального равновесия" была противопоставлена идея "социального изменения", которая в литературе часто также именуется "конфликтной" моделью, или "теорией конфликта".

Уточняя структурно-функционалистскую модель общества, Р. Мертон (**см.**) прежде всего критиковал идею "функционального единства общества", вопреки которой не однородность и единодушие, но конфликт ценностей и столкновения культур являются типичными для современного общества. Если для функционалистов общество – это устойчивое единое целое, главным элементом которого является согласие его членов в отношении общих ценностей, то сторонники теории конфликта, напротив, исходят из того, что в обществе постоянно происходят изменения и возникают конфликты. "Модель конфликта" и "модель согласия" изначально были ценностно окрашены. Даже социал-дарвинисты, признававшие "естественный" характер происхождения конфликтов, расходились во мнении относительно того, являются ли конфликты "неизбежным злом" или "позитивным фактором естественного отбора". В то же время для большинства ученых перспектива устранения напряженных ситуаций из жизни общества представлялась, бесспорно, гораздо более привлекательной, а значит и конфликты рассматривались главным образом как временное негативное явление, вызванное "неправильностями" в общественном устройстве. Усилия ученых были сосредоточены на поиске возможностей избегания конфликтов. Ценностное предпочтение "модели порядка" сдерживало развитие и принятие "конфликтной модели".

Основания теории конфликта и последующего формирования социологии конфликта были заложены К. Марксом (**см.**) и Г. Зиммелем (**см.**), авторами систематических описаний процессов борьбы и конфликта в обществе. Первоначальное формирование теории конфликта как определенной системы воззрений на природу общества, его устройство и развитие произошло под непосредственным влиянием работ К. Маркса. Маркс является признанным предшественником современной К., его идеи во многом разделяет большинство конфликтологов. Его основные тезисы, повлиявшие на возникновение "конфликтной" модели общества, связаны с постулированием неизбежности классовой борьбы, возникающей в обществе в силу его разделенности на враждующие классы (эксплуататоров и эксплуатируемых), классовая борьба между которыми становится главной движущей силой истории. Конфликты связаны с противоположными интересами социальных групп и берут свое начало в отношениях собственности и ее распределения. Хотя Маркс не считал себя "первооткрывателем" классовой борьбы, полнота и глубина его описания и анализа классовой борьбы обеспечили ему приоритетное место в ряду исследователей этой проблематики. Даже в 1970-1980-х Маркс все еще продолжал считаться наиболее значительным теоретиком конфликта, на идеях которого сформировалась "социология классовой борьбы" (Арон – **см.**) и современная теория конфликта (Смелзер), его идеи продолжают оказывать влияние на многие представления современной К.

Другим классиком, имя которого в истории К. обычно соседствует с именем Маркса, является немецкий философ Г. Зиммель. Подобно Марксу, Зиммель полагал, что конфликт в обществе неизбежен, и считал одной из его основных форм конфликт между индивидом и обществом. Зиммелю приписывается и авторство самого термина "социология конфликта", и приоритет в ее основании. В отличие от Маркса Зиммель проявлял интерес к более широкому спектру конфликтных явлений, описывая конфликты между этническими группами, и между разными поколениями людей и культурами, и между мужчинами и женщинами, и др. Но главное отличие социологии конфликта Зиммеля от идей Маркса – это вера в то, что конфликт может приводить к социальной интеграции и, обеспечивая выход враждебным чувствам, усиливать социальную солидарность. Конфликт, по Зиммелю, не всегда и не обязательно приводит к разрушениям; напротив, он может выполнять важнейшие функции сохранения социальных отношений и социальных систем. Зиммелем сформулирован ряд положений, связанных с функциями конфликта, касающимися участвующих в конфликте сторон, а также социального целого, в рамках которого развивается конфликт. Конфликт понимается Зиммелем не просто как столкновение интересов,

но более психологизировано, как выражение некоей присущей людям и их отношениям враждебности, он говорит о "естественной враждебности между человеком и человеком", которая является "основой человеческих отношений, наряду с другой – симпатией между людьми". Зиммель приписывает инстинкту борьбы априорный характер, что сближает его позицию с идеями социал-дарвинистов. Хотя многие ученые склонны были рассматривать конфликт как одно из центральных явлений, свойственных социальным системам, приоритет в попытках осмысления его позитивных функций в жизни общества традиционно отдается тем не менее Зиммелю. Вместе с Марксом ему принадлежит заслуга создания основ социологической К., благодаря чему и Маркс, и Зиммель по праву могут считаться первым поколением ее классиков.

Последователями Маркса и Зиммеля являются немецкий социолог Р. Дарендорф и американский ученый Л. Козер. Их идеи стали концептуальной основой современной парадигмы конфликта: Дарендорф представляет диалектическую теорию конфликта в традиции диалектического подхода Маркса, Козер – конфликтный функционализм, развивающий идеи Зиммеля. По Дарендорфу, социальный конфликт всегда был и будет присущ любому обществу в силу неизбежного различия интересов. Однако в постиндустриальном обществе основное противоречие социальных систем перемещается, по его мнению, из экономической плоскости, из сферы отношений собственности в область отношений господства-подчинения, и основной конфликт оказывается связан с перераспределением власти. Описание динамики его возникновения в сущности повторяет логику рассуждений Маркса о диалектике развития конфликта: объективная противоположность интересов сторон, осознание этой противоположности, возникновение социальных организаций и т.д. Дарендорф подробно разбирает условия возникновения конфликта, факторы, определяющие их остроту, реальные и возможные последствия и т.д. Козер, из всех "классиков" К., развивает наиболее многоаспектный и всеобъемлющий взгляд на конфликты: он пишет об условиях и факторах возникновения конфликтов, их остроте, длительности и функциях. Именно последние заняли приоритетное место в теоретической системе Козера, дав основание обозначению всей его концепции как "конфликтного функционализма".

Развивая и уточняя идеи Зиммеля, Козер в немалой степени изменил взгляд науки на конфликты. По его мнению, признание конфликта в качестве неотъемлемой характеристики социальных отношений никак не противоречит задаче обеспечения стабильности и устойчивости существующей социальной системы. Интересы Козера фокусируются не столько вокруг анализа источников конфликта и его возникновении в социальных системах, сколько на его функциях. Его первая большая работа, посвященная конфликтам, – "Функции социального конфликта" (1956) – сыграла историческую роль в оформлении и судьбах К., а развитие Козером идей Зиммеля о позитивных функциях конфликта рассматривается как одно из высших достижений К. Заслуги "второго поколения" классиков К. не ограничиваются развитием идей Маркса и Зиммеля и описанием новых аспектов конфликтной феноменологии. Именно работы Дарендорфа и Козера создали возможность научного изучения конфликтов прежде всего за счет более строгого определения проблемных полей их исследования. Понятие "конфликт" начинает дистанцироваться от понятия "борьба", приобретает более определенное содержание и более конкретное описание. Конфликт перестает быть абстрактным (как в описаниях "первого поколения") явлением, он обретает конкретную феноменологию и конкретные рамки своего существования в социальном пространстве. Идеи о позитивных функциях конфликта выступают против дискриминации явления конфликта и его однозначной трактовки как явления негативного, свидетельствующего о "патологии", "болезни" социального организма. Они подготовили почву для утверждения основных принципов современной К. – признания конфликта в качестве закономерной и естественной характеристики социальных отношений, возможности протекания конфликтов в разнообразных, в том числе и конструктивных формах, а также утверждение принципиальной возможности управления конфликтами. Социологическое описание позитивных функций конфликта в первую очередь ориентировано на их роль во взаимодействии социальных единиц, на их влияние на эти социальные единицы, а также на общество в целом, внутри которого взаимодействуют участники конфликта. По Козеру, основные позитивные функции конфликта связаны с его способностью приводить к ослаблению напряжения между антагонистами, выполнять "коммуникативно-информационную" и "связующую" функции, объединяя людей общностью ситуации и позволяя им больше узнать друг о друге в процессе взаимодействия. Потенциально позитивные функции конфликта в случае межгруппового взаимодействия преимущественно связаны с тем, что конфликт приводит к установлению более четких границ между группами; формированию более четких централизованных структур, ответственных за принятие решений; укреплению внутреннего единства; усилению нормативности поведения. Конфликты могут оказывать влияние и на то социальное целое, в рамках которого развиваются: способствуют его интеграции, позитивным изменениям и нововведениям, уменьшению враждебности и ослаблению напряжения, выполняют сигнальную функцию, привлекая внимание к необходимости изменений. Еще одна возможная позитивная функция конфликта (так называемый "зиммелевский парадокс") состоит в его способности сдерживать конфликт: "Наиболее эффективным средством предотвращения борьбы является точное знание сравнительной силы обеих сторон, которое очень часто может быть получено только в результате самого конфликта" (Козер). Позитивные функции конфликта реализуются только при определенных условиях, связанных с остротой конфликта, характером отношений внутри групп, жесткостью социальной структуры, в которой возникает конфликт, частотой возникновения конфликтов. Работы Маркса, Зиммеля, Дарендорфа, Козера заложили основы того,

что сегодня называется социологией конфликта. Успехи теоретиков конфликта привели к тому, что "конфликтная теория как особая школа мысли более не существует. Ее оригинальная аргументация принята повсюду: все социологические теории должны сказать что-нибудь о вездесущности конфликта в социальной жизни" ("Международная энциклопедия социологии", 1984). Теоретическое признание конфликта в качестве закономерной характеристики социальных систем позволило перейти к решению задач управления конфликтами.

Оформление К. как особой междисциплинарной области, объединяющей теоретические подходы к исследованию конфликтов и практику работы с ними, начинается в 1950-1960-х. В 1957 обсуждение проблем кофликтов было проведено Социологической ассоциацией ЮНЕСКО, что послужило некоторым организационным импульсом к проведению конференций по теме конфликтов, созданию ряда организаций, началу выпуска специальных журналов. Первоначально конфликтология оформлялась скорее как область поиска средств предотвращения конфликтов и их ослабления, что было стимулировано жестоким опытом Второй мировой войны. Развитие К. характеризуется постепенным переходом от теоретических описаний к практике управления конфликтами. Анализ современного состояния К. позволяет сделать вывод о доминирующем развитии именно практических подходов. Это связано, с одной стороны, с рядом теоретических неудач: не удались попытки создания общей теории конфликтов, создания единой концептуальной схемы описания всех видов конфликтов, построения единой универсальной типологии конфликтов. С другой стороны, и интерес к конфликтам в большей мере смещается именно к проблемам регулирования и практической работы с ними. Звучат призывы к необходимости перехода от академических разработок в области теории конфликта (традиционно ограничивавшихся созданием "объясняющих" концепций) к созданию теории и "техники" разрешения конфликтов (Бертон), позволяющей минимизировать негативные последствия и извлекать позитивный эффект из конфликтного процесса. Эта прагматическая переориентация фактически определяет сегодня характер К., уделяющей основное внимание именно практическим вопросам управления конфликтами и их разрешению. Судьба изучения конфликтов в СССР оказалась тесно связанной с состоянием советского обществоведения. Идеологическое постулирование невозможности обострения противоречий и конфликтов при социализме взяло верх над всеобщностью диалектического закона о единстве и борьбе противоположностей. Конфликт стал жертвой представлений о полной ликвидации самих условий его возникновения при социализме. Предполагалось, что социальные конфликты возникают в результате развития и обострения антагонистических противоречий, а поскольку в условиях социалистического общества антагонистические противоречия ликвидированы и остаются лишь постепенно сглаживаемые неантагонистические противоречия, то и появление социальных конфликтов при социализме невозможно. Развитие теоретической мысли было заторможено тезисами советского обществоведения о бесконфликтном развитии общества. Исследования конфликтов ограничивались отдельными работами преимущественно в области педагогики и психологии. Изменение ситуации в России привело к резкому возрастанию интереса к конфликтам, "взрыву" числа посвященных им работ и фактическому оформлению российской К. С 1990 в Москве под эгидой Института социологии и Международного центра общечеловеческих ценностей издаются периодические сборники "Социальные конфликты: Экспертиза. Прогнозирование. Технологии разрешения", проводятся конференции и круглые столы и т.д. Тема конфликтов становится одной из ведущих в социально-философских журналах и вводится в образовательные программы. Основное проблемное поле теоретического интереса и практического внимания российских конфликтологов определяется преимущественным изучением военных, этнических, политических и экономических конфликтов. Своеобразие социальной ситуации в обществе вынуждает российских конфликтологов наряду с попытками теоретического анализа и осмысления идущих процессов искать ответы на практические вопросы регулирования конфликтов. Оформление российской К. протекает на фоне интенсивного процесса освоения мировых достижений в этой области, осмысления реального предмета изучения и работы К., равно как и развития ее теории.

И.В. Гришина

КОНЦЕПТ (лат. conceptus – понятие) – содержание понятия, его смысловая наполненность в отвлечении от конкретно-языковой формы его выражения. Карнап поместил К. между языковыми высказываниями и соответствующими им денотатами. В научном знании определенным образом упорядоченный и иерархизированный минимум К. образует концептуальную схему, а нахождение требуемых К. и установление их связи между собой образует суть концептуализации. К. функционируют внутри сформированной концептуальной схемы в режиме понимания-объяснения. Каждый К. занимает свое четко обозначенное и обоснованное место на том или ином уровне концептуальной схемы. К. одного уровня могут и должны конкретизироваться на других уровнях, меняя тем самым те элементы схемы, с которыми они начинают соотноситься. К. в рамках одной концептуальной схемы не обязательно должны непосредственно соотноситься между собой (но обязательно в рамках целостности, в которую они входят). К. редко непосредственно соотносятся с соответствующей данной схеме предметной областью. Скорее наоборот, они есть средства, организующие в своей некоторой целостности способы видения ("задания", конструирования, конституирования) реальности. В этом смысле они обладают определенной онтологической "наполненностью", что отличает их от конструктов, представляющих собой чисто познавательные инструменты, позволяющие переходить от одного уровня теоретической работы к другому (со сменой языков описания), и в этом своем качестве могущие не иметь никакого онтологического "наполнения". Через схемы концептуализа-

ции и операционализации К. подлежат в науке "развертке" в систему конструктов, обеспечивающих (в идеале) их "выведение" на эмпирический уровень исследования. Собственное же обоснование К. получают в более широких по отношению к ним метауровневых знаниевых системах, презентируя их тем самым в рамках конкретной теории.

В постклассической методологии науки К. стали рассматриваться не только со стороны своей функциональной нагруженности внутри научного знания (жестче – научной теории), но как системообразующие элементы концепций как особых форм организации дисциплинарного (научного, теологического, философского) знания вообще. В этом контексте в качестве своеобразного "генератора" продуцирования К. стала трактоваться философия. Это представление было радикализировано в постструктуралистской философии, в частности в номадологии Делеза (см.) и Гваттари (см.), в которой К. вообще перестает трактоваться как вспомогательный инструмент познания и приобретает статус "начала философии". Таким образом, философия не столько определяется посредством К., сколько именно состоит "в творчестве К.", что намечает ее различие с наукой, не имеющей собственных К. и ведающей лишь "проспектами" и "функтивами", а также с искусством, производящим "перцепты" и "аффекты".

Философия как творчество К. не может редуцироваться ни 1) к созерцанию (так как созерцания производны по отношению к творчеству К.), ни 2) к рефлексии, которая присуща не только философии, ни 3) к коммуникации (так как последняя производит только консенсус, а не К.). Созерцание, рефлексия, коммуникация – суть машины, образующие универсалии в различных дисциплинах.

К. характеризуются рядом свойств: 1) Сотворенность К. Он творится философом и несет его авторскую подпись (аристотелевская субстанция, декартовское cogito, кантовское a priori и т.д.). К. соотносятся с персонажами и воплощаются в них (Сократ как К.-персонаж для платонизма, ницшеанские Заратустра и Дионис и т.д.). 2) К. тотализирует свои элементы, но в то же время представляет собой "фрагментную множественность составляющих", каждая из которых может рассматриваться как самостоятельный К., имеющий свою историю. К., таким образом, обладает эндоконсистенцией – целостной неразличимостью гетерогенных составляющих, и экзоконсистенцией – соотнесенностью с другими К., располагающимися в одном плане с ним в "зонах соседства". Это требует "наведения мостов", соотнесения К. друг с другом. 3) Соотнесенность К. с проблемой или пересечением множества проблем, на которые он призван отвечать, и где он в своем становлении, собственно, и соотносится с другими К. 4) Процессуальность. К. есть упорядочение, распределение (но не иерархическое) его составляющих "по зонам соседства", в которых они становятся неразличимыми. К. – "абсолютная поверхность или объем", где его составляющие выступают как "интенсивные ординаты", а сам К. "пробегает" эти составляющие "с бесконечной скоростью" в "недистантном порядке". К., таким образом, – это точка пересечения ("совпадения", "скопления", "сгущения") своих составляющих. Он не редуцируется к ним, но постоянно, без дистанции, соприсутствует в своих составляющих и снова и снова их пробегает. 5). К. нетелесен и недискурсивен, хотя он и осуществляется в телах, он не тождественен им. К. есть чистое сингулярное и автореферентное Событие ("а не сущность или вещь"), которое не имеет пространственно-временных координат, но только свои "интенсивные ординаты" – составляющие как свои единственно возможные объекты. К., "будучи творим, одновременно полагает себя и свой объект", но не выстраивает по отношению к нему (в отличие от науки) ряда пропозиций. К. располагается в "дофилософском" "плане имманенции", который представляет собой некий "образ мысли" (мысль мысли, мысль о мысли), "горизонт событий", "резервуар" для К., некую "пустыню", по которой кочуют "племена К.". План имманенции изначально ризоморфен, вмещает в себя все, он есть некая Всецелостность. Движения К. в плане имманенции образуют его "переменную кривизну" и складки. В то время как план имманенции "воссоздает хаос" и его элементы суть "диаграмматические" черты этого хаоса, его абсолютные "направления" и "интуиции", составляющие К. суть интенсивные черты хаоса и его измерения. В этом смысле задача философии, которую она решает посредством К., – "придать (хаосу) консистенцию, ничего не потеряв из (его) бесконечности". План имманенции "окружают иллюзии": 1) "иллюзия трансцендентности", когда в имманентности находится место для трансцендентности (К. в этом случае становятся Фигурами); 2) "иллюзия универсалий", когда имманентность становится имманентной чему-либо: "Объекту созерцания", "Субъекту рефлексии" или "Другому как субъекту коммуникации" (тогда К. смешиваются с планом и редуцируются к универсалиям, которые на самом деле ничего не объясняют, но сами нуждаются в объяснении; 3) "иллюзия вечности", когда "забывают, что К. должны быть сотворены"; 4) "иллюзия дискурсивности", когда смешивают К. с пропозициями и, как следствие, философию и науку, ставящую своей целью ограничение хаоса, его о-пределение. Таким образом, К. располагается в плане имманенции и понимается как "неразделимость конечного числа разнородных составляющих, пробегаемых некоторой точкой в состоянии абсолютного парения с бесконечной скоростью". См. также: **Концепция, Концептуализация, Конструкт.**

В.Л. Абушенко, И.Л. Кацук

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ – процедура введения онтологических представлений в накопленный массив эмпирических данных, обеспечивающая теоретическую организацию материала и схематизацию связи понятий, отображающих возможные тенденции изменения референтного поля объектов, что позволяет продуцировать гипотезы об их природе и характере взаимосвязей; способ организации мыслительной работы, позволяющей двигаться от первичных теоретических концептов ко все более абстрактным конструктам, развертывая всю структуру научной теории, с одной стороны, и впи-

сывать научную теорию в более широкие дисциплинарные контексты – с другой. В первом случае можно говорить о первичном концептуальном объяснении, вводящем в работу с имеющимися данными интерпретационный (распознающий) фактор, отсутствующий в простых первичных эмпирических генерализациях, закрепленный в специально изобретенном понятии – концепте (типа: "сплоченность", "фрустрация", "конфликт" и т.д.), разворачивающем возможную (ранее по поводу концепта разработанную) объяснительную стратегию. Во втором случае речь идет о выработке концептуальной схемы (модели, знаковой системы) изучаемой области, отражающей лишь самые существенные ее стороны (минимально необходимый набор исходных концептов-конструктов, позволяющий задавать картину научной реальности). В этом отношении она соотносима с интерпретационной схемой, обеспечивающей движение от концептуальной схемы к эмпирическому базису (введение фактора первичного концептуального объяснения) и обратное движение от уровня данных к их К. в определенной модели.

К. как движение в направлении абстрактного соотносится с операционализацией как движением к конкретному. К. позволяет: двигаться ко все более объемлющему объясняемые области фактору ("ослабленный" и "сциентизированный" вариант ее понимания); вписывать одно знание в другое, более общее, а в конечном итоге – и в культуру. Концептуальная схема задает теоретическое понимание целостности объекта, поддерживает системные представления о нем в исследовательских процедурах, удерживает смысловое единство внутри научно-исследовательского сообщества. Проблематизация или (и) дискредитация сложившейся системы представлений происходит не только под воздействием новых данных, им противоречащих (что ведет скорее к уточнениям концептуальной схемы), но, главным образом, через разрушение задаваемых концептуальной схемой предметностей (а следовательно и ее самой). В концептуальных допущениях выявляются неясности, допущения и противоречия, требующие построения нового предмета и онтологизирующей его новой концептуальной схемы (в этом смысле нахождение предмета изучения и исследования есть видение объекта в свете концептуальных предпосылок, вытекающих из накопленного знания или обнаруженного незнания). Цель К. – обозначить универсум возможных на данный момент способов работы на теоретическом уровне (в том числе обеспечение внутренней связности используемых концептов и конструктов), предложить "оптику", т.е. видение предметных полей работы в исследовательском режиме, а также задать представление об уровневой организации знания. Сама концептуальная схема имеет, как правило, многоуровневый характер, внутри ее складывается сложная сеть взаимоотношений концептов, не обязательно непосредственно связанных между собой. Таким образом, концептуальную схему можно определить как определенную совокупность гипотез и предложений (допущений) о природе исследуемых объектов, основанную на имеющихся теоретических выводах и заключениях, схватывающую тенденции и зависимости (законы) между отдельными компонентами исследуемой области и соответствующую сложившейся системе понятий и позволяющую выходить (через интерпретационную схему) на уровень эмпирической работы с заданными предметами (установление внешних связей понятий). Большинство стандартных теоретических проблем формируется и так или иначе разрешается преимущественно на уровне концептуальных схем (с подключением схем интерпретационных), служащих универсальным средством теоретического описания (изложения). В рамках структуры научной теории концептуальная схема переформулируется как фундаментальная (или частная) теоретическая схема. Хорошая теоретическая (концептуальная в целом) схема должна иметь минимум исходных концептов и утверждений и продуцировать из себя максимально много следствий. Как предельно широкую концептуальную схему в принципе можно трактовать и научную картину мира.

В.Л. Абушенко

КОНЦЕПЦИЯ (лат. conceptio – понимание, единый замысел, ведущая мысль) – система взглядов, выражающая определенный способ видения ("точку зрения"), понимания, трактовки каких-либо предметов, явлений, процессов и презентирующая ведущую идею или (и) конструктивный принцип, реализующие определенный замысел в той или иной теоретической знаниевой практике. К. – исходный способ оформления, организации и развертывания дисциплинарного знания, объединяющий в этом отношении науку, теологию и философию как основные дисциплины, сложившиеся в европейской культурной традиции.

Концептуальный аспект теоретического знания выражает прежде всего парадигмальное "сечение" последнего, задает его топику и риторику, т.е. определяет релевантные области применения и способы выражения конституируемых на основе развертывания "порождающей" идеи систем понятий (базовых концептов). К. исходит из установок на фиксацию предельных для какой-либо области ("фрагмента" действительности) значений и реализацию максимально широкого "мировидения" (на основе "отнесения" к ценностному основанию познания). Она имеет, как правило, ярко выраженное личностное начало, означена фигурой основателя (или основателей, которые не обязательно являются реальными историческими персоналиями, так как в качестве таковых могут выступать мифические персонажи и культурные герои, трансцендентное божественное начало и т.д.), единственно знающего (знающих) исходный замысел. К. вводит в дисциплинарные дискурсы необязательно эксплицируемые в них онтологические, гносеологические, методологические и (особенно) эпистемологические допущения (способ дисциплинарного видения и доступные внутри него горизонты познания), без которых невозможна последующая более детальная проработка ("раскрутка") презентируемой идеи. Кроме того, она "онтологизирует" и "маскирует" внутри исходной (базисной) теоретической структуры компоненты личностного зна-

ния, нерационализируемые, но необходимые внутри нее представления, "стыкуя" между собой различные по языковому оформлению и генезису (происхождению) компоненты, вводя с этой целью ряд дисциплинарных метафор. Таким образом, К. прежде всего вводят в теоретические дискурсы дисциплин их исходные принципы и предпосылки ("абсолютные предпосылки", согласно Коллингвуду), определяющие базисные понятия-концепты и схемы рассуждений, формируя "фундаментальные вопросы" ("идеи"), в соотнесении с которыми получают свое значение и обоснование выстраиваемые внутри этих дискурсов специальные утверждения. Коллингвуд считал, что изменение концептуальных оснований (изменение интеллектуальной традиции у Тулмина) – наиболее радикальное из всех, которые может испытывать человек, так как оно ведет к отказу от обоснованных ранее убеждений и стандартов мышления и действия, к смене исходных концептов-понятий, обеспечивающих целостное восприятие мира. К., являясь формой выражения дисциплинарности, по-разному специфицируются в философии, теологии и науке.

Наиболее адекватной собственно концептуальной форме является философия, которую можно трактовать как дисциплинарность по порождению и обоснованию К. (в которых культура (само)описывает себя), "производству" базовых концептов культуры, определяя "концептуальные возможности" последней. Дисциплинарная концептуальность философии принципиально разомкнута в гиперпространство. В этом отношении теология принципиально "замыкает" свои горизонты через механизмы догматизации, соответственно – свои догматы. Сам термин "К." заменяется здесь, как правило, близким ему термином "доктрина" (лат. docere – учить, doctrina – учение, например, доктрина грехопадения), но несущим подчеркнуто христианские коннотации и подчеркивающим элемент разъяснения сути вероучения: в частности, новообращенным, когда она может приобретать форму катехизиса – поучения, аналог которому можно найти в большинстве развитых вероучений, например, "тора" ("указание", "наставление") в иудаизме. Тем самым, будучи содержательно релевантной К., доктрина в смысловом отношении делает акцент на "непреложности", "конечности" оснований-предпосылок, не подлежащих релятивизации (что периодически происходит в философских К.). В свою очередь, акцент "научения" имплицитно присутствует и в понятии К. как таковой. Этот ее аспект эксплицируется, когда понятие доктрины переносят за рамки теологии и религии, в частности, в область идеологических и политологических дискурсов (например, коммунистическая доктрина), чтобы специально подчеркнуть элемент "догматики" в К. (отсюда производные понятия – "доктринер", "доктринерство").

В классических дисциплинарных дискурсах (см.) была сильна тенденция к отождествлению понятия "К." с понятием "теория". Иногда им обозначали "неполную", "нестрогую" и т.д. теорию именно для того, чтобы подчеркнуть ее "неполноту", "нестрогость" и т.д. В неклассической науке понятие "К." стали, как правило, редуцировать к фундаментальной теоретической (концептуальной) схеме (включающей в себя исходные принципы, универсальные для данной теории законы, основные смыслообразующие категории и понятия), или (и) к идеализированной (концептуальной) схеме (модели, объекту) описываемой области (вводящей, как правило, структурно-организационный срез предметного поля, на которое проецируются интерпретации всех утверждений теории). Таким образом, К. редуцируется к предварительной теоретической организации "материала" внутри научной теории, которая в своей полной "развертке" выступает как ее реализация (в том числе "переводящая" исходные базовые концепты в конструкты). Однако в науке К. способна быть и самостоятельной формой организации знания, особенно в социогуманитарном знании (например, диспозиционная концепция личности или концепция социального обмена в социологии), "замещающей" собой теорию. Акцент на концептуальности в научном знании имплицитно актуализировал социокультурную и ценностно-нормативную составляющую в нем, смещал фокус с "когнитивного", "логического", "внутрисистемного" в теории на "праксеологическое", "семантическое", на ее "открывание" вовне, что актуализировало проблематику социокультурной исторической обусловленности научного знания в целом. Эксплицитно это было осознано в постклассической методологии науки и в социологии знания (К. и (или) концепты: "личностное знание" и "научное сообщество" Полани, "тематический анализ науки" Холтона, "исследовательская программа" Лакатоса, "сильная программа" Д. Блура, "парадигма" и "дисциплинарная матрица" Куна, "междисциплинарное единство" А. Койре, "дисциплинарный анализ" и "интеллектуальная экология" Тулмина и др.). В целом постклассическая методология сильно поколебала и представления о теории как высшей форме организации и структурации научного знания, и представления о возможности преодоления его "гипотетической природы", реабилитировав тем самым и К. как самостоятельную форму знания. См. также: **Дисциплинарность, Концепт, Концептуализация, Паттерн**.

В.Л. Абушенко

КОРКУНОВ Николай Михайлович (1853-1904) – российский правовед и социолог, создатель социально-психологической теории государственной власти.

Выпускник Петербургского университета. С 1876 преподаватель теории государства и права в Военно-юридической академии, в 1893 – защитил магистерскую диссертацию в Юрьевском университете, а в 1894 – докторскую диссертацию в Петербургском университете, в котором последующие пять лет состоял ординарным профессором юридического факультета.

К. трактовал общество как продукт "психического единения людей". Он не считал необходимым анализировать материальные связи между индивидами, оценивая их как несущественные для понимания сути государства и права и их социальных функций.

Опираясь на собственную концепцию общества и его институтов, К. настаивал на психологическом подходе к анализу социума, предполагающего "отличительный фактор общественных агрегатов" и ставящего "явления общественности наряду с явлениями неорганического и органического мира как третью самостоятельную группу явлений мира неорганического".

Рассматривая "психическое" как результат межпоколенной трансляции знаний, чувств и воли, К. сводил историческую закономерность к внешним проявлениям функционирования коллективной духовно-психической деятельности людей. Тем не менее особо акцентируемая им свобода индивидуальной воли ограничивается в той или иной мере и степени общественной детерминацией множества людских помыслов и деяний. "Наша зависимость от общества не может быть устранена, – констатировал ученый, – она не зависит от нашей воли, и с ней приходится нам считаться".

Согласно И.А. Голосенко, К. одним из первых в социологии выступил против чисто "волевой" трактовки права и власти, настаивая на плодотворности междисциплинарного союза истории, социологии, правоведения и политэкономии, был пионером в создании социологии права. Нормативные юридические конструкции того или иного времени (законы, указы, постановления) К. постоянно помещал в психологический контекст (формы и степень их массового осмысления), политический контекст (интересы общественных групп) и требовал их исторического освещения с учетом изменчивости и преемственности их тотального взаимодействия. Право, по К., полифункционально и предполагает не только защиту тех или иных социальных интересов, но их дифференциацию, разграничение на частное, индивидуальное и публичное, групповое желание, обладание, приспособление к социальному порядку. Сама власть есть система субъектно-объектных отношений господства, ее субъектами являются все участники общения в государстве, начиная с официальных представителей администрации всех рангов и уровней и кончая рядовыми подданными, а объектом ее является государственный аппарат как источник постановлений, распоряжений и иных программ функционирования государства. Главная особенность (и составляющая часть) государственной власти, по К., – доверие к ней со стороны подчиненных, руководимых ею, массовое осознание людьми своей естественной зависимости от власти, коллективная вера в законность данного социального порядка. Любые серьезные изменения порядка (революции, реформы) начинаются всегда с изменения этого сознания, падения веры в законность, "божественное происхождение" или "естественность" власти. К. называл свой подход "субъективным реализмом". Тома "Русского государственного права" К. до сих пор остаются социологически-правовой энциклопедией устройства российского общества и государства 19 в.

Основные сочинения К.: "О научном изучении права" (1882); "Лекции по общей теории права" (б.д.); "Сравнительный очерк государственного права иностранных держав. Т. 1: Государство и его элементы" (б.д.); "Общественное значение права" (1892); "Русское государственное право" (в двух томах, 1893); "Указ и закон" (1894); "Пропорциональные выборы" (1896); "История философии права" (1896 и 1898) и др.

А.А. Грицанов

КОРОБЕЙНИКОВ Валерий Семенович (р. 1932) – российский социолог, специалист в области социологии общественного мнения и социологии права.

Окончил МГИМО (1956). Доктор философских наук (1978), профессор (1989). После защиты кандидатской диссертации, посвященной контент-анализу в американской социологии (1970), работал старшим научным сотрудником ИМЭМО. В 1974 возглавил сектор, а затем отдел социологических проблем общественного мнения в Институте социологии АН СССР. С 1990 по 1992 был зав. отделом в Институте законодательства и сравнительного правоведения РФ; в 1993 – руководитель социологической службы Парламентского центра РФ; с 1994 – директор Института проблем самоуправления при "Российском земском движении".

К. является одним из основателей российской школы контент-аналитических исследований материалов СМИ. В 1995, проанализировав содержание информационных материалов российских телеканалов (ОРТ, РТР, НТВ) о деятельности Госдумы РФ по своей методике, эмпирическими данными подтвердил верность ранее предложенной им концепции о зависимости развития духовного общения людей от социальных и экономических факторов.

С начала 1990-х К. разрабатывает новое междисциплинарное социологическое направление: политико-правовую социологию, связанную с изучением деятельности представительных органов государственной власти и функционированием органов местного самоуправления в современных условиях РФ.

К. – автор более 150 научных работ, в том числе: "Идолы века. Средства массовой информации и капитализм" (1972); "Голубой чародей. Телевидение и социальная система" (1975); "Духовное общение, обмен информацией, идеологическая борьба" (1976); "Возрастание роли и значения общественного мнения в жизни социалистического общества" (1979); "Пирамида мнений. Общественное мнение: природа и функции" (1981); "Светоч разума. Очерки о революционной российской школе и ее творцах" (1987) и др.

КОРРЕЛЯЦИОННОЕ ОТНОШЕНИЕ – мера причинной связи, применяемая в моделях с зависимой количественной переменной (см.) y, если для исследования статистической связи нелинейной (см.) не используется регрессия нелинейная (см.), или если независимая переменная x не является количественной, в частности, в однофакторном анализе дисперсионном (см.).

К.О. является частным случаем доли объясненной дисперсии (см.). При вычислении суммы квадратов (см.) ошибки, которая в данном случае называется внутригрупповой суммой квадратов, в качестве предсказанного значения $\hat{y}_i$ использу-

ется среднее арифметическое (см.) $\bar{y}_i$ для группы объектов, в которую попал объект с номером i. Группы образуются значениями дискретной (номинальной, порядковой, количественной) независимой переменной либо интервалами, в которые сгруппированы значения непрерывной независимой переменной. Объясненная сумма квадратов называется в К.О. межгрупповой. Таким образом, К.О. вычисляется по формуле:

$$\eta^2 = \frac{SS_{межгрупповая}}{SS_{общая}} = 1 - \frac{SS_{внутригрупповая}}{SS_{общая}} = 1 - \frac{\sum(y_i - \bar{y}_i)^2}{\sum(y_i - \bar{y})^2},$$

где y_i – измеренное значение переменной (см.) y для объекта с номером i;

$\bar{y}_i$ – предсказанное значение переменной y, среднее арифметическое для группы объектов, в которую попал объект с номером i;

$\bar{y}$ – среднее арифметическое переменной y по всей выборке.

К.О. изменяется в интервале [0; +1] и интерпретируется аналогично коэффициенту детерминации (см.) как доля дисперсии зависимой переменной y, объясненная различиями в значениях независимой переменной x.

О.В. Терещенко

КОРРЕЛЯЦИЯ – взаимосвязь между переменными (см.), не предполагающая причинной зависимости. Как правило, термин "К." применяют к количественным, порядковым и дихотомическим переменным. Для количественных и порядковых переменных прямая (положительная) К. означает одновременное увеличение или уменьшение их значений; обратная (отрицательная) К. – возрастание значений одной переменной при уменьшении значений другой. Для дихотомических признаков прямая К. означает, что они чаще появляются или не появляются вместе, чем врозь; обратная К. – что признаки чаще появляются порознь, чем совместно. Для измерения корреляционной связи используются специальные меры связи (см.). См. также: **Корреляция линейная, Корреляция ранговая, Коэффициент Ф.**

О.В. Терещенко

КОРРЕЛЯЦИЯ БИСЕРИАЛЬНАЯ – корреляция (см.) между дихотомической и количественной переменными (см.), предполагающая, что дихотомическая переменная образовалась в результате группирования количественной переменной в два интервала. Показывает, какой была бы корреляция линейная (см.) между данными переменными, если бы дихотомическая переменная была количественной. Измеряется с помощью коэффициента К.Б. r_{bis}, который вычисляется по формуле коэффициента линейной корреляции Пирсона (см.).

О.В. Терещенко

КОРРЕЛЯЦИЯ ЛИНЕЙНАЯ – статистическая линейная связь (см.) непричинного характера между двумя количественными переменными (см.) x и y. Измеряется с помощью "коэффициента К.Л." Пирсона, который является результатом деления ковариации на стандартные отклонения обеих переменных:

$$r = \frac{s_{xy}}{s_x s_y} = \frac{\sum(x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum(x_i - \bar{x})^2 \sum(y_i - \bar{y})^2}},$$

где s_{xy} – ковариация (см.) между переменными x и y;

s_x, s_y – стандартные отклонения (см.) для переменных x и y;

x_i, y_i – значения переменных x и y для объекта с номером i;

$\bar{x}, \bar{y}$ – средние арифметические (см.) для переменных x и y.

Коэффициент Пирсона r может принимать значения из интервала [–1; +1]. Значение $r = 0$ означает отсутствие линейной связи между переменными x и y (но не исключает статистической связи нелинейной – см.). Положительные значения коэффициента $(r > 0)$ свидетельствуют о прямой линейной связи; чем ближе его значение к +1, тем сильнее связь статистическая прямая (см.). Отрицательные значения коэффициента $(r < 0)$ свидетельствуют об обратной линейной связи; чем ближе его значение к –1, тем сильнее обратная связь. Значения $r = \pm 1$ означают наличие полной линейной связи, прямой или обратной. В случае полной связи все точки с координатами (x_i, y_i) лежат на прямой $y = a + bx$.

"Коэффициент К.Л." Пирсона применяется также для измерения тесноты связи в модели регрессии линейной парной (см.).

О.В. Терещенко

КОРРЕЛЯЦИЯ МНОЖЕСТВЕННАЯ – корреляция между *переменной зависимой* (см.) y и набором *переменных независимых* (см.) $x_1, x_2, ..., x_k$ в уравнении *регрессии линейной множественной* (см.) $y = \sum b_i x_i + a$. Квадрат коэффициента множественной корреляции R^2 (*коэффициент множественной детерминации* – см.) является мерой совместного влияния всех независимых переменных (предикторов) на зависимую, долей *объясненной дисперсии* (см.) зависимой переменной. Если предикторы не коррелируют друг с другом, их общее влияние на зависимую переменную может быть определено как сумма влияний каждого из них, взятого в отдельности. Однако в абсолютном большинстве случаев наблюдается эффект *интеркорреляции* (см.), а иногда даже *мультиколлинеарности* (см.), что делает прямой подход к измерению К.М. невозможным.

Коэффициент К.М. вычисляется по формуле:

$$R_{y \cdot x_1 x_2 \ldots x_k} = \sqrt{1 - \left(1 - r^2_{yx_1}\right)\left(1 - r^2_{yx_2 \cdot x_1}\right)\left(1 - r^2_{yx_3 \cdot x_2 x_1}\right) \ldots \left(1 - r^2_{yx_k \cdot x_{k-1} \ldots x_1}\right)},$$

где r_{yx_1} – коэффициент линейной корреляции Пирсона между переменными y и x_1;

$r_{yx_2 \cdot x_1}$ – коэффициент частной корреляции первого порядка между переменными y и x_2 при устраненном влиянии переменной x_1;

$r_{yx_3.x_2x_1}$ – коэффициент частной корреляции второго порядка между переменными y и x_3 при устраненном влиянии переменных x_1 и x_2.

и т.п.

Если все коэффициенты корреляции между независимыми переменными $r_{ij}=0$, то формула коэффициента К.М. принимает вид: $R=\sqrt{\sum r_{yx_i}^2}$.

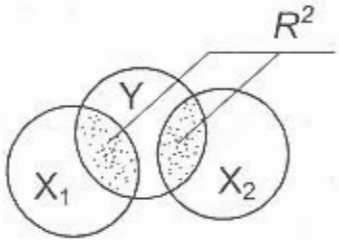


Рис. 1. $R^2_{y.x_1x_2}$ при $r_{x_1x_2}=0$

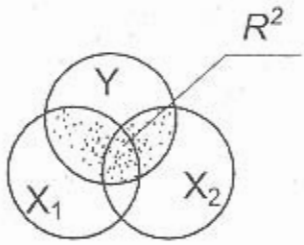


Рис. 2. $R^2_{y.x_1x_2}$ при $r_{x_1x_2}\neq 0$

О.В. Терещенко

КОРРЕЛЯЦИЯ РАНГОВАЯ – корреляция (**см.**) двух ранговых переменных (**см.**) (см. также **Шкала измерительная**). С поправкой на связные ранги может применяться к любым порядковым переменным. К.Р. называется прямой или положительной, если с повышением ранга объекта по одной переменной повышается также его ранг по второй переменной. К.Р. называется обратной или отрицательной, если при повышении ранга объекта по одной переменной его ранг по второй переменной снижается. Если допускается присвоение одного ранга нескольким объектам, говорят о существовании связных рангов. В предельном случае, любая порядковая шкала может рассматриваться как шкала со связными рангами.

Наиболее популярным коэффициентом, измеряющим К.Р., является коэффициент Спирмана, который представляет собой коэффициент линейной корреляции Пирсона (**см.**), вычисленный для двух ранговых переменных. Для вычисления коэффициента Спирмана существует также более простая формула:

$$r_s=1-\frac{6\sum(x_i-y_i)^2}{n(n^2-1)},$$

где x_i – ранг объекта по переменной x;

y_i – ранг объекта по переменной y;

n – объем выборки.

Однако для связных рангов эта формула не валидна, рекомендуется использовать формулу коэффициента линейной корреляции Пирсона.

Коэффициент Спирмана принимает значения из интервала $[-1;+1]$. При отсутствии корреляционной связи между рангами по двум переменным коэффициент равен нулю. Положительные значения коэффициента соответствуют прямой ранговой корреляции, при полной прямой корреляции (ранги всех объектов по двум переменным совпадают) $r_s=+1$. Отрицательные значения коэффициента свидетельствуют о том, что связь является обратной, при полной обратной связи (ранги объектов по двум переменным являются "противоположными") $r_s=-1$.

О.В. Терещенко

КОРРЕЛЯЦИЯ ТЕТРАХОРИЧЕСКАЯ – корреляция (**см.**) между двумя дихотомическими переменными (**см.**), предполагающая, что обе переменные образовались в результате группирования количественных переменных в два интервала. Показывает, какой была бы корреляция линейная (**см.**) между данными дихотомическими переменными, "если бы они были количественными". Измеряется с помощью коэффициента К.Т. r_{tet}, который вычисляется по формуле коэффициента линейной корреляции Пирсона (**см.**) и численно равен коэффициенту Ф (**см.**), вычисленному для двух дихотомических переменных по таблице сопряженности.

О.В. Терещенко

КОРРЕЛЯЦИЯ ЧАСТНАЯ – корреляция между *переменной независимой* (**см.**) x_i и *переменной зависимой* (**см.**) y в уравнении множественной линейной регрессии $y=\sum b_i x_i+a$ после устранения влияния других независимых переменных. Используется при вычислении коэффициента *корреляции множественной* (**см.**) в качестве средства решения проблемы *интеркорреляции* (**см.**) (мультиколлинеарности).

В зависимости от числа "устраненных" переменных различают К.Ч. первого порядка, второго порядка и т.д. Формула для вычисления коэффициентов К.Ч. является рекурсивной, т.е. имеет один и тот же вид, но коэффициенты более высокого порядка вычисляются на основании коэффициентов более низкого порядка.

Коэффициент К.Ч. первого порядка между зависимой переменной y и независимой переменной x_2, после устранения влияния независимой переменной x_1, вычисляется по формуле:

$$r_{yx_2.x_1}=\frac{r_{yx_2}-r_{yx_1}r_{x_2x_1}}{\sqrt{\left(1-r_{yx_1}^2\right)\left(1-r_{x_2x_1}^2\right)}},$$

где r_{yx_2}, r_{yx_1}, $r_{x_1x_2}$ – коэффициенты парной линейной корреляции Пирсона для соответствующих переменных.

Коэффициент К.Ч. второго порядка между зависимой переменной y и независимой переменной x_3, после устранения влияния независимых переменных x_1 и x_2, вычисляется на основании коэффициентов частной корреляции первого порядка по формуле:

$$r_{yx_3.x_2x_1} = \frac{r_{yx_3.x_1} - r_{yx_2.x_1} r_{x_3x_2.x_1}}{\sqrt{\left(1 - r^2_{yx_2.x_1}\right)\left(1 - r^2_{x_3x_2.x_1}\right)}}.$$

Коэффициент третьего порядка $r_{yx_4.x_3x_2x_1}$ будет вычисляться на основании коэффициентов второго порядка и т.д.

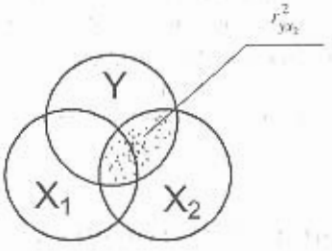


Рис. 1. Коэффициент корреляции $r^2_{yx_2}$

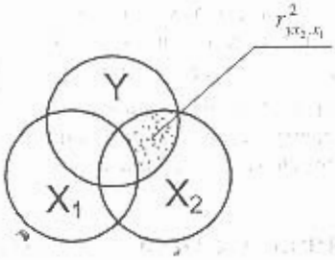


Рис 2. Коэффициент К.Ч. $r^2_{yx_2.x_1}$

О.В. Терещенко

КОРШ (Korsch) Карл (1886-1961) – немецкий социальный философ неомарксистской ориентации. За неортодоксальность взглядов К. были осуждены Третьим Коммунистическим Интернационалом и изгнан из рядов германской коммунистической партии (1925). Эмигрировал в США (1936). Основные сочинения: "Марксизм и философия" (1923); "Карл Маркс" (1938) и др.

Свою творческую деятельность К. посвятил систематическому опровержению несущих теоретических конструкций марксизма (**см.**), идеологических постулатов ленинизма (**см.**) и догматических символов веры того духовного образования 1930-х, которое самообозначилось как "марксизм-ленинизм" (**см.**). "Новая наука" Маркса (**см.**), по мнению К., содержала определенные результаты "сугубо эмпирических исследований", посвященных развенчанию современного ему общества в контексте экономического анализа последнего. Марксовый материализм, по К., правомерно понимать не как оригинальную метафизику, а, скорее, как одну из версий обоснования человеческого поведения наличным научным материалом. К. была осуществлена многомерная имманентная критика методологии Маркса. Согласно К., марксизм позволительно описывать в рамках ряда атрибутивных ему методологических принципов: принципа "жесткой спецификации" (категориально-понятийный комплекс марксовой политэкономии может быть без существенных концептуальных деформаций апплицирован лишь к весьма узким временным интервалам существования буржуазного строя); принципа релятивности (вся совокупность условий человеческого существования, социальных отношений и природной среды трактуются Марксом не только как изменчивые, но и как объект изменений); принцип критицизма (рефлексия над объектом в марксовом духе ориентирована главным образом на его революционное переустройство). Диалектику К. предлагал понимать не как школярскую дисциплину, философия и ее идейный шлейф – идеологическая надстройка, согласно К., – не некая фикция. Применение этого оружия с учетом конкретной ситуации в целях разрешения антагонизма между трудом и капиталом может являть собой эффективную и грозную общественно-историческую силу. Изыски Ленина (**см.**) в области диалектики, логики и теории познания, результировавшиеся в теории отражения, К. (на основе скрупулезного знакомства как с текстами анализируемых работ, так и с их реальным профессиональным и мировоззренческим статусом в историко-философской традиции) обозначил как "примитивное, дотрансцендентальное и додиалектическое представление об отношении бытия и сознания". Миф же о возможности какой-либо рациональной оптимизации пролетарского сознания и общественной практики революционистского толка посредством "привнесения извне" более зрелых мировоззрений К. оценил как абсурдный, показав и доказав его несоответствие и конкретным механизмам формирования классового сознания, и реальным историческим процессам. "Диктатура пролетариата" (**см.**), по мнению К., и не могла стать чем-либо иным, кроме как "диктатурой верхушки партии над самим пролетариатом".

А.А. Грицанов

КОТАРБИНЬСКИЙ (Kotarbinski) Тадеуш (1886-1981) – польский философ и логик, создатель праксеологии. Учился в Краковском университете, Высшем политическом училище Дармштадта, с 1907 по 1912 – во Львовском университете у К. Твардовского. Учительствовал в гимназиях Варшавы, с 1919 – экстраординарный, а с 1929 – ординарный профессор Варшавского университета (с перерывами до 1961). С 1927 – руководитель Польского философского общества. В войну преподавал на подпольных курсах, организованных в Варшаве и Радоме. В 1944 в Варшаве погибла часть его архива и работ (в частности, первый вариант "Праксеологии"). С 1946 по 1949 – ректор университета в Лодзи, с 1951 – заведующий кафедрой логики в Варшавском университете. Член Польской АН с 1951, в 1957-1962 ее президент. Иностранный член АН СССР (с 1958). Основные работы: "Практические оценки" (1913); "Утилитаризм в этике Милля и Спенсера" (1915);

"Элементы теории познания, формальной логики и методологии науки" (1929); "Из проблем общей теории борьбы" (1938); "Трактат о хорошей работе" (1955); "Точность и ошибка" (1956); "Лекции по истории логики" (1957); "Избранные письма" (т. 1-2, 1957-1958) и др. К. – один из основных представителей Львовско-Варшавской школы аналитической философии. Признавал, в частности, влияние на себя номиналистической концепции другого крупного представителя школы Ст. Лесьневского (1886-1939).

Свою философию К. обозначил трояко: как "реизм" (лат. res – вещь), как "конкретизм" (лат. concretio – материя, вещество), как "пансоматизм" (греч. soma – тело и pan – все), что оттеняло разные ее аспекты. В конце жизни чаще пользовался термином "пансоматизм", отличая его от "материализма". Много занимался проблемами логики (логической семантикой, теорией вывода, историей логики), однако свою заслугу видел прежде всего в разработке наряду с концепцией реизма "независимой этики" (независимой в двояком смысле слова – от религии и от собственных философских построений), исходящей из принципа "минимизации зла" в жизни, и предписывающей индивиду поступать в соответствии с "голосом совести", и "праксеологии" (см.) как общей теории организации деятельности. Последняя принесла К. поистине мировую известность. В своей философской концепции исходил из номиналистической посылки о существовании только вещей и введенных человеком для их обозначения знаков описывающего вещи языка. Под вещью понимал любой предмет, обладающий пространственно-временными характеристиками и способный, следовательно, воздействовать на другие вещи. Исходя из принципа "радикального реализма" отрицал существование имманентных образов сознания, последние не суть вещи, так как идеальность не позволяет иметь предметность, быть "физическим нечто". На тех же основаниях отрицается существование свойств, отношений, "положений вещей" ("фактов"), событий ("актов") в силу их вневременности и (или) внепространственности, т.е. неспособности быть вещами (телами). В духе общей установки и аргументации ("в силу противоречивости") номинализма отрицается существование общих предметов. Существуют только вещи ("реизм"), точнее бесконечное множество тел ("конкретизм"), одним из типов тел (способных мыслить) являются субъекты ("пансоматизм"). Соответственно наука может иметь своим предметом только вещи, а гуманитарная наука – человека и связанные с ним вещи (произведения, изделия и т.д.). О гневе, умственном развитии, усталости и т.д. как предметах изучения психологии, например, можно говорить, по мысли К., лишь при условии, что смысл подобных утверждений имеет лишь вторичный, замещающий, переносный характер. Ведь реально существует только индивид, что-то переживающий, а сверх этого наряду с ним или кроме него нет никакого другого объекта. Мы принципиально способны отобразить вещи непосредственно или через знаки. Согласно К., "...и если мы наблюдаем внимательно и при благоприятных условиях, если мы, кроме того, правильно понимаем знаки, мы верно отображаем действительность и вещи открываются нам такими, какими они являются в действительности; мы мыслим истинно, мы познаем действительность и суждения, которые мы как таковые высказываем, являются истинными". Однако для этого процесс познания должен быть рационализирован на основе реконструкции языка науки, освобожден от неоднозначных понятий, т.е. "языковых гипостаз". Фактически "реизм" – это программа "проверки возможности оперирования изъявительными предложениями". Отсюда его постулаты: каждому имени (термину) должна соответствовать реальная вещь; общие имена, а также названия свойств, отношений, положений вещей ("факты") и событий ("актов") должны рассматриваться как метафоры или сокращения, которые в языке науки должны быть элиминированы. Последний постулат в поздних работах К. ослаблен: за этими названиями признан вторичный, замещающий, переносный характер. Однако в любом случае наука должна избегать "нелегально записанных" пустых знаков.

В силу принципиальной противоречивости номиналистической установки К. многократно на протяжении жизни менял, удерживая суть концепции, аргументацию и постоянно колебался между логико-семантической и онтологической версиями "реизма" (сам он насчитывал восемь таких "поворотов" – стадий становления концепции). К тому же под воздействием марксизма К. (во второй период своего творчества) стал определять реизм как материализм, освобожденный от языковых гипостаз.

В.Л. Абушенко

КОТЛЯРОВ Игорь Васильевич (р. 1948) – белорусский социолог и политолог.

Окончил Витебский технологический институт легкой промышленности (1971), Минскую Высшую партийную школу (1982). Кандидат философских наук (1983, специальность – "прикладная социология"), доктор социологических наук (1990, тема диссертации – "Социальное проектирование в системе обновления общества"); профессор (1994). Член редакционной коллегии "Белорусской энциклопедии", президент Белорусской академии социальных наук, вице-президент Международной академии социальных наук, действительный член (академик) Международной академии социальных наук, академии социальных наук РФ, Белорусской академии социальных наук, Международной Славянской академии наук, образования, искусств, культуры.

Работал конструктором Минского ЭКТБ кожгалантерейной и фурнитурной промышленности (1971), зав. конструкторским отделом проектно-конструкторского бюро Витоблместпрома (1973-1974), в 1974-1980 – на партийной работе. В 1982-1984 – инструктор Витебского обкома КПБ, в 1984-1991 – лектор, консультант, заведующий сектором по изучению общественного мнения, первый заместитель заведующего идеологическим отделом ЦК КПБ. С 1991 – ведущий научный сотрудник, главный научный сотрудник, руководитель рабочей группы по изучению проблем социологии политики Ин-

ститута социологии НАН Беларуси. В 1993-1996 – главный научный сотрудник, зав. отделом стратегических исследований, начальник Центра экономического и социально-политического анализа, зам. директора по научно-аналитической работе, директор Белорусского института информации и прогноза при Администрации Президента РБ.

В 1995 избран депутатом Верховного Совета РБ. В 1996 работал председателем Постоянной комиссии по правам человека, национальным вопросам, средствам массовой информации, связям с общественными объединениями и религиозными организациями Верховного Совета РБ XIII созыва. С 1996 по 2000 – зам. председателя Постоянной комиссии Палаты представителей Национального собрания РБ по правам человека и национальным отношениям. В 2000 во второй раз избран депутатом парламента РБ, а также избран председателем Постоянной комиссии Национального собрания РБ по образованию, культуре, науке и научно-техническому прогрессу. С 1996 – является членом Международного секретариата Межпарламентской Ассамблеи православия.

Сфера научных интересов К. – политическая социология, политическая философия.

Значительный вклад К. внес в разработку теоретических основ социального проектирования, политического моделирования и философско-политического анализа общественных отношений. Под научным руководством К. 12 лет проводится социологический мониторинг изучения тенденций изменения социально-политической ситуации в стране, осуществляется социологический анализ политических партий, межнациональных и межконфессиональных отношений, разработана методология и методика социально-политического прогнозирования развития общественных отношений и формирования гражданского общества.

К. – автор более 400 научных работ. Основные публикации: "Теоретические основы социального проектирования" (1989); "Политические партии Беларуси: анализ, проблемы, прогнозы" (1996); "Молодежь Бе́ларуси на пороге XXI века: социологический анализ" (1997); "Политическая социология" (1999) и др.

КОЭФФИЦИЕНТ ВАРИАЦИИ – показатель вариации количественной переменной (**см.**), измеряющий стандартное отклонение (**см.**) в процентах от среднего арифметического (**см.**):

$$V = \frac{s}{\bar{x}} \times 100\%.$$

Применяется в сравнительном анализе и метанализе для сопоставления результатов, полученных для разных переменных, разных совокупностей объектов, в разных исследованиях.

О.В. Терещенко

КОЭФФИЦИЕНТ ДЕТЕРМИНАЦИИ, R^2, – оценка качества ("объясняющей способности") уравнения регрессии, доля дисперсии объясненной (**см.**) зависимой переменной y:

$$R^2 = 1 - \frac{\sum (y_i - \hat{y}_i)^2}{\sum (y_i - \bar{y})^2},$$

где y_i – наблюдаемое значение зависимой переменной y, $\hat{y}_i$ – значение зависимой переменной, предсказанное по уравнению регрессии, $\bar{y}$ – среднее арифметическое зависимой переменной.

Для регрессии линейной парной (**см.**) К.Д. равен квадрату коэффициента линейной корреляции Пирсона (**см.**) r^2. Таким образом, если коэффициент линейной корреляции $r = 0{,}5$, то $r^2 = 0{,}25$, т.е. различия в значениях зависимой переменной y на 25% объясняются различиями в значениях независимой переменной x (и на 75% – факторами, не учтенными в уравнении регрессии).

Для регрессии линейной множественной (**см.**) коэффициент множественной детерминации равен квадрату коэффициента корреляции множественной (**см.**) R^2.

О.В. Терещенко

КОЭФФИЦИЕНТ КОНТИНГЕНЦИИ Пирсона – мера связи (**см.**) двух номинальных переменных (**см.**) на основе критерия хи-квадрат (**см.**). Применяется, главным образом, к квадратным таблицам сопряженности размерности 3×3, 4×4 и т.п. Вычисляется по формуле $C = \sqrt{\chi^2 / (\chi^2 + n)}$, где χ^2 – вычисленное по таблице сопряженности значение критерия хи-квадрат; n – объем выборки (**см.**). При отсутствии статистической связи между переменными значение коэффициента равно 0; чем сильнее связь, тем ближе значение коэффициента к величине +1, однако максимальное значение коэффициента контингенции всегда меньше, чем +1.

О.В. Терещенко

КОЭФФИЦИЕНТ КРАМЕРА – мера связи (**см.**) двух номинальных переменных (**см.**) на основе критерия хи-квадрат (**см.**). Применяется к таблицам сопряженности произвольной размерности. Вычисляется по формуле:

$$K = \sqrt{\frac{\chi^2}{n \times \max(r-1; c-1)}},$$

где χ^2 – вычисленное по таблице сопряженности значение критерия хи-квадрат;

n – объем выборки (**см.**);

r – количество строк в таблице сопряженности;

c – количество столбцов в таблице сопряженности.

Принимает значения из интервала $[0; +1]$. При отсутствии статистической связи между переменными значение коэффициента равно 0; при полной связи (когда значение одной переменной полностью определяется значением второй переменной) достигает +1.

О.В. Терещенко

КОЭФФИЦИЕНТ ЛИНЕЙНОЙ КОРРЕЛЯЦИИ ПИРСОНА – см. **КОРРЕЛЯЦИЯ ЛИНЕЙНАЯ.**

КОЭФФИЦИЕНТ РАНГОВОЙ КОРРЕЛЯЦИИ СПИРМАНА – см. **КОРРЕЛЯЦИЯ РАНГОВАЯ.**

КОЭФФИЦИЕНТ РЕГРЕССИИ – см. **РЕГРЕССИЯ ЛИНЕЙНАЯ ПАРНАЯ.**

КОЭФФИЦИЕНТ Ф (ФИ) – мера корреляционной связи для двух дихотомических переменных (см. также **Корреляция дихотомических переменных**), аналог коэффициента линейной корреляции Пирсона (**см.**). Вычисляется по таблице сопряженности (**см.**) размерности 2×2, которая в общем случае имеет вид:

Переменная y	Переменная x		
	да	нет	всего
Да	f_{11}	f_{12}	$f_{11}+f_{12}$
Нет	f_{21}	f_{22}	$f_{21}+f_{22}$
Всего	$f_{11}+f_{21}$	$f_{12}+f_{22}$	$f_{11}+f_{12}+f_{21}+f_{22}$

Коэффициент вычисляется по формуле:

$$\Phi=\frac{f_{11}f_{22}-f_{12}f_{21}}{(f_{11}+f_{12})(f_{21}+f_{22})(f_{11}+f_{21})(f_{12}+f_{22})}$$

и может принимать значения из интервала $[-1;+1]$. При отсутствии статистической связи между переменными коэффициент равен 0; значение +1 достигается при полной связи статистической прямой (**см.**), когда положительные и отрицательные значения двух переменных совпадают; значение –1 достигается при полной связи статистической обратной (**см.**), когда положительным значениям одной переменной соответствуют отрицательные значения второй и наоборот. Для первой из приведенных ниже таблиц $\Phi=+1$, для второй – $\Phi=-1$. Абсолютное значение коэффициента Ф равно значению коэффициента φ, вычисленного по таблице размерности 2×2 на основе критерия хи-квадрат: $|\Phi|=\varphi$.

Голосовал на выборах	Имеет работу		
	да	нет	всего
Да	50	0	50
Нет	0	50	50
Всего	50	50	100

Голосовал на выборах	Имеет работу		
	да	нет	всего
Да	0	50	50
Нет	50	0	50
Всего	50	50	100

О.В. Терещенко

КОЭФФИЦИЕНТ φ (ФИ) – мера связи (**см.**) для двух номинальных переменных (**см.**) на основе критерия хи-квадрат (**см.**). Применяется, главным образом, к таблицам сопряженности (**см.**) размерности 2×2 (см. также **Коэффициент Ф**). Вычисляется по формуле: $\varphi=\sqrt{\chi^2/n}$, где χ^2 – вычисленное по таблице сопряженности значение критерия хи-квадрат; n – объем выборки (**см.**). Может принимать значения из интервала $[0;+1]$. При отсутствии статистической связи (**см.**) между переменными К. φ равен 0; значение 1 достигается только при полной ("диагональной") связи между переменными в таблице размерности 2×2, т.е. такой связи, когда отличные от нуля частоты расположены только на одной из диагоналей. Так, для обеих приведенных ниже таблиц $\varphi=1$. Если таблица образована двумя дихотомическими переменными, $\varphi=|\Phi|$.

Должность	Пол		
	мужской	женский	всего
Менеджер	50	0	50
Клерк	0	50	50
Всего	50	50	100

Должность	Пол		
	мужской	женский	всего
Менеджер	0	50	50
Клерк	50	0	50
Всего	50	50	100

О.В. Терещенко

КРАВЧЕНКО Альберт Иванович (р. 1949) – российский социолог, специалист в области экономической социологии и социологии труда. Окончил философский факультет МГУ (1973). Доктор социологических наук (1991). С 1978 работает в Институте социологии РАН ведущим научным сотрудником. С 1984 – научный консультант, редактор журнала "Социологические исследования".

К. дал определение структуры и предметной области социологии труда, осуществил систематизацию категориального аппарата, выделил основные школы в истории отечественной и зарубежной социологии труда, предложил новую трактовку концепции социальной организации труда Ф. Тейлора. В области методологии К. выдвинул и обосновал пятиуровневую концепцию общесоциологического знания: научная картина мира, общая теория, частные теории, эмпирические исследования, прикладные инновационные исследования; концепцию теоретической модели предмета исследования и эмпирической схемы объекта исследования. В области общей социологии К. создал новую схему взаимосвязи основных категорий социологии, действующую не в реальной практике исследования, а лишь в практике преподавания социологии.

К. – автор более 150 научных работ, в том числе: "Социология труда в XX веке: историко-критический очерк" (1987); "Трудовые организации: структура, функции, поведение" (1990); "Популярная социология" (1990, соавтор); "История зарубежной социологии труда. Общие принципы" (1991); "Социология труда. Учебник" (1993, соавтор); "Введение в социологию. Учебное пособие" (1995); "Прикладная

социология и менеджмент" (1995); "Основы социологии" (1997); "Социология Макса Вебера: труд и экономика" (1997); "Социология: Словарь" (1997); "Социология" в 3 т. (2000, соавтор) и др.

КРИТЕРИИ (ПРИНЦИПЫ) КАУЗАЛЬНОСТИ – методологические требования к регрессионным моделям причинных связей. Статистическая связь между двумя или несколькими переменными является причинной, если значение зависимой переменной можно рассматривать как функцию различных условий, описываемых одной или несколькими независимыми переменными (предикторами). Необходимым (но не достаточным) условием причинного статистического моделирования социальных феноменов или процессов является выполнение трех требований, получивших название критериев или принципов каузальности (причинности).

Согласно этим требованиям, X может рассматриваться в качестве причины Y (а Y, соответственно, в качестве следствия X), если выполняются следующие три условия: 1) X должно во времени предшествовать Y; 2) X и Y должны коррелировать между собой; 3) связь между X и Y не может быть объяснена никакими внешними обстоятельствами, не учтенными в модели. Критерии приведены здесь в порядке важности, но нарушение любого из них не позволяет описывать связь между переменными X и Y в терминах причины и следствия. Если признаки тесно связаны друг с другом, но при этом не "разведены" во времени, то не только нельзя утверждать, что один их них является причиной другого, но есть серьезные основания полагать, что существует некая скрытая от наблюдателя причина, объясняющая их взаимодействие, т.е. нарушен не только первый, но и третий критерий причинности. Если признаки не коррелируют друг с другом, то между ними нет не только причинной, но вообще никакой статистической связи. Наконец, если два первых требования выполнены, а третье нарушено, связь между признаками может оказаться научным артефактом ("ложной" корреляцией). Выполнение третьего критерия наиболее трудно поддается контролю, так как причины, которые могут определять взаимосвязь переменных, далеко не всегда очевидны.

О.В. Терещенко

КРИТЕРИЙ "ХИ-КВАДРАТ" $\left(\chi^2\right)$ – непараметрический критерий для статистической проверки гипотезы (**см.**) о статистической связи между двумя переменными (**см.**) по таблице сопряженности (**см.**). В основе К."Х.-К." лежит наиболее общее определение статистической связи (**см.**), согласно которому две переменные связаны между собой, если при изменении одной переменной меняется распределение другой.

Проверка гипотезы о связи двух переменных осуществляется на основе сравнения наблюдаемых частот f_{ij} таблицы сопряженности, полученной в результате исследования, с теоретическими частотами, рассчитанными в предположении о статистической независимости (**см.**) переменных по формуле: $e_{ij} = \frac{n_{i.} \times n_{.j}}{n}$, где $n_{i.}$, $n_{.j}$ – маргинальные частоты соответствующих строки и столбца таблицы, n – объем выборки. Таким образом, нулевая и альтернативная гипотезы (соответственно, о наличии и отсутствии статистической связи) имеют вид:

$H_0 : f_{ij} = e_{ij}$ для всех значений i и j

$H_1 : f_{ij} \neq e_{ij}$ хотя бы для некоторых значений i и j.

Решение о принятии или отклонении нулевой гипотезы принимается в результате сравнения значения критерия, вычисленного по формуле: $\chi^2_{\text{набл}} = \frac{\sum \left(f_{ij} - e_{ij}\right)^2}{e_{ij}}$, с критическим значением $\chi^2_{1-\alpha}$, найденным по таблице распределения "хи-квадрат" для выбранного уровня значимости α. Если $\chi^2_{\text{набл}} > \chi^2_{1-\alpha}$, нулевая гипотеза отклоняется в пользу альтернативной, согласно которой статистическая связь между переменными существует. Если $\chi^2_{\text{набл}} < \chi^2_{1-\alpha}$, оснований для отклонения нулевой гипотезы нет. Однако при принятии нулевой гипотезы об отсутствии статистической связи между двумя переменными необходимо контролировать мощность статистического критерия (**см.**).

К."Х.-К." позволяет проверить гипотезу о наличии статистической связи/независимости двух переменных, но не измеряет тесноту связи между ними. Для измерения связи между переменными, образующими таблицу сопряженности, применяются специальные коэффициенты, которые рассчитывают на основе вычисленного по таблице значения χ^2 (см. **Коэффициент Ф, Коэффициент контингенции, Коэффициент Крамера**).

О.В. Терещенко

КРОКЕР (Kroker) Артур (р. 1942) – канадский социальный теоретик, получил докторскую степень по политическим наукам в университете МакМастера (Онтарио); с 1987 – профессор на факультете политических наук в Concordia University (Монреаль). Автор 14 книг, среди которых наибольшую известность получили работы: "Отбросы данных: теория виртуального класса" (1994, совместно с М. Вайнстайном); "Сцена постмодерна: культура экскрементов и гиперэстетика" (1994, совместно с Д. Куком); "Вскрытие будущего: истории поедающих плоть 90-х" (1996, совместно с М. Крокер); "Энциклопедия паники" (1989, совместно с М. Крокер и Д. Куком). Несколько ранних работ К. и книга "Последний секс: феминизм и тела вне закона" (1993, совместно с М. Крокер) посвящены анализу феминистской теории и политической практики. Кроме того, К. является основателем и редактором журнала "Критическая теория", редактором ряда англоязычных переводов Ж. Бодрийара (**см.**), со-редактором знаменитого журнала киберкультурного движения "Мондо 2000". К. также известен своими художественно-теоретическими экспериментами на видео и компьютерных носителях, а также своей эстетической критикой и разработками

по киберэстетике. К. нередко называют Маклюэном (см.) 1990-х.

В отличие от подавляющего большинства теоретиков, выходящих на сцену современной науки в качестве солирующих авторов, имя Артура К. неразрывно связано с именем женщины – его супруги Мари-Луизы К., которая является его постоянным соавтором и коллегой по исследовательскому цеху. Столь специфическое научное позиционирование, безусловно, не является случайным в контексте постмодернистской стилизации, присущей работам К. Теоретические интересы К. лежат в области критической теории, постмодернизма, культурных исследований технологической проблематики, культурной политики, гендерной теории, проблем власти и идеологии. Лейтмотивом основных текстов К. является расшифровка теоретических (дискурсивных) и культурных детерминант идеологии (см.) и политической практики в США и Канаде ("политического бессознательного" по Джеймисону – см.). При этом К. в ироничном и одновременно возвышенном публицистическом духе дает квалификации реальным персонажам глобальной политэкономической сцены, не всегда заботясь о политической корректности.

В своем теоретическом анализе К. следует как по пути спекулятивной критики, так и по пути метода, который нередко смело можно отнести к разряду социоантропологических наблюдений. Рассматривая те или иные теоретические вопросы, он постоянно обращается к описаниям реальных ситуаций, событий и персон: будь то андеграундный ночной кибер-клуб в Берлине, беседа с приятелем хакером, собственное участие в биогенетических экспериментах в качестве подопытного или просто вид витрины магазина джинсовой одежды. К. уверенно и искусно вплетает в дискурсивную ткань собственной теории названия торговых марок ("покупая GAP с Ницше") и искусствоведческие рефлексии, интроспективные коллажи и медитации, сдобренные многочисленными метафорами-неологизмами, которые нередко крайне трудно передаваемы при переводе.

К. характеризует постмодернизм как идеологию нескончаемости, в которой сочетаются модернизм (см.) с его установкой на тотальность нарратива (см.) и собственно постмодернизм с его установкой на конструирование промежуточного пространства между участниками диалога и приоритетом полуправды/компромисса. Модернизм и постмодернизм – две фазы идеологического конструирования торможения западной цивилизации, ее ослабления и заката. Идеология нескончаемости в целом объединяет герменевтику (П. Рикёр), деконструкцию (Ж. Деррида), научный марксизм (Л. Альтюссер – см.), неолиберализм (Р. Рорти – см.). Социально-философская концепция К. формулируется преимущественно в контексте французской постмодернисткой теории: Ж. Бодрийар, П. Вирильо (см.), Ж. Лиотар (см.), М. Фуко (см.) и др. Ключевое значение французского постмодернизма для социальной теории К. видит в его имплицитности североамериканской политической практике как отражение ее политического бессознательного: прочесть французов, чтобы освоить особый язык для интерпретации новой технологической империи и разоблачения циничной власти технологии. Французская мысль открывает наиболее перспективные горизонты интерпретаций широкого круга социокультурных проблем технологического развития: технология как чистая скорость и машина войны (П. Вирильо); технология как симуляция и власть, совращение через возвышение пустого знака (Ж. Бодрийар); технология как деспотический знак и проявление его насилия через риторику (Р. Барт – см.); технология как машина желания (Ж. Делез и Ф. Гваттари); технология как тотальная эстетическая обсессия (Ж. Лиотар); технология как конструирование субъективности (М. Фуко). Все эти аспекты сочетаются в концепции К. в психологизированном образе паники и понятии о "виртуальной реальности" (см.) как квинтэссенции тенденций перекодирования человеческого опыта в алгоритмические коды (см.) компьютерного метаязыка.

Согласно К., паника – это психологическое настроение культуры постмодерна, в котором слились экстаз катастрофы и приступ страха. Понять панику, значит прочесть культуру постмодерна, культуру общества, которое на 90% есть исчезающее вещество, основанное на достижениях науки и технологии, ставших языком власти и доминирования. Постмодерная паника не есть паника в привычном психологическом смысле слова. Это паника, вывернутая на изнанку, означающая "исчезновение внешних стандартов поведения, когда социальность превращается в прозрачное поле циничной власти; растворение внутренних оснований личной идентичности (исчезающее Эго – см. – как знак победы постмодернизма), когда Я превращается в пустой экран подавленной, но гипертехнологичной культуры... Все вокруг пронизано паническими настроениями, ощущением неконтролируемого падения/провала в черную дыру технологической культуры. Паника чипсов, пляжей, искусства, моды, финансов, Элвиса, истории, Голливуда, пустыни, Америки, Бога, губ, феминизма, секса, идеологии, музыки, денег, шедевров и т.д.".

Виртуализация опыта наряду с паникой также производит различные социальные эффекты, ключевым из которых К. считает появление "индивида, попавшего во владение" (possessed individual – парафраз классического либерального определения как собственника – possesive individual) – владение технологии. Произошла социальная реверсия идентичности: субъект-потребитель превратился в ключевой объект потребления, опосредованного технологическими возможностями (технология теперь не есть нечто внешнее, она неотъемлемая часть нас самих). И именно технология в реверсии потребления пожинает урожай капитала, субъективации, дискурса, поведения и желания. Так возникает новая доминанта владения, которая основана, по мнению К., на механизме совращения через многоаспектное ограничение свободы. Проблема свободы переформулируется в контексте бесконечного блуждания по лабиринтам ограничения на поле, где ведутся большие игры доминирования.

В значительной мере именно К. был задан критический тон исследований виртуальной культуры (киберкультуры). В

разрабатываемой им теории виртуального класса (в частности, совместно с М. Вайнстайном в работе "Отбросы данных: теория виртуального класса") понятия "виртуализация", "виртуальная культура", "воля к виртуальности" приобретают центральное значение для постановки проблемы власти и надзора. Виртуализация социального опыта насаждается новым классом владельцев и создателей "информационной супермагистрали", которая интегрирует различные каналы передачи информации от телевидения до Интернета. Новый идеологический императив предполагает, что общество либо поднимется на новый уровень информационно-технологического развития, либо перестанет существовать. Этот процесс актуализирует новый импульс нигилизма – "воля к власти" как "воля к виртуальности". Виртуальный класс выстраивает предпосылки своей власти за счет технологической микрофизики перемещения плоти в виртуальные пространства. Однако на самом деле, считает К., происходит "дезинтеграция опыта в интерактивной среде киберпространства". По мысли К., новая информационная элита будет стремиться устранить те социальные возможности эмансипации (в публичном измерении), которые заложены в Интернете и других информационных технологиях. Универсальность виртуального надзора будет основана на стимулировании роста индивидуализма в использовании информации, построении универсальной интерактивной среды и функциональном контроле при помощи экспертных программ. К. и Вайнстайн проделывают детальный анализ механизмов электронной нормализации и контроля. Нормализованные тела приравниваются к бестелесным потокам данных; человеческий опыт и телесность отправляются в электронный мусоропровод за полной их ненадобностью. В связи с этим одной из основных проблем виртуализации становится судьба этики в виртуальной культуре. Согласно К., необходимо обострить этические вопросы и дать себе критический отчет по поводу технологической угрозы ценностям. Пока же мы остаемся на критической развилке, чреватой смертельной борьбой: новая власть-деспотия капитала или этическое обновление мира в оппозиционном антиглобалистском движении.

По К., виртуальный класс игнорирует этические проблемы виртуализации. Более того, он активно насаждает свою идеологию (soft-ideology): вместо ценностей "экономической справедливости" он предлагает "реструктуризацию экономики" и "сокращение бюджетного дефицита"; вместо демократических принципов он пытается подсунуть авторитарный разум, обслуживающий интересы виртуального класса в киберпространстве и на большой дороге информационной супермагистрали. За этим стоит очевидное стремление виртуального класса к глобальной суверенности. В основной метафоре новой идеологии – образе "информационной супермагистрали" ("information superhighway") – заложены идеи универсального индивидуального доступа к информации, немедленного и максимально полного; предполагаются неограниченные возможности найти тех, кто тебе ближе всего по разным признакам, и разделить с ними интересы, дружбу, дела и т.д. (Б. Гейтс). Однако критическая мысль видит за этими установками не только очевидные проблемы стандартизации и контроля за коммуникациями, но и более серьезные тенденции. Ибо виртуальный класс подобен Харону – проводнику в ад, – творящему по пути молчаливое совращение: вовлечение в киберпространство нервной системы и плоти человека.

За образом индивида, вступающего в неограниченное владение информацией, скрыт реальный "индивид, попавший во владение", помещенный в электронный бункер и замкнутый в его виртуальном функциональном пространстве. Эффект "бункеровки" вовлекает в игру процессы идентификации, вытесняя их из пространства публичности (аналогичный эффект описывает французский теоретик постмодернизма П. Вирильо, называя его "приватной телематикой"). Электронная идентичность – это бункер, в который на самом деле прячется человек, стремясь оградить себя от медиа-агрессии, найти для больной и осажденной "другими" самости убежище в "технопузыре". (Бункер очень похож на пристанище вынужденного изгнания больного старика в "тюрьме своего тела".) Бункеровка – это редукция в молчание, это немота, отупение, это безразличие к значению и ненасытное поглощение информации, свойственные шизосубъекту постмодерна. По К., "теперь круто быть немым, и достаточно умным, чтобы выключиться и отключиться". В стерильной электронной среде бункера идентичность надеется поддержать свой иммунитет, поскольку "цифровая реальность совершенна. Она дает я-бункеру немедленный, универсальный доступ к глобальному сообществу без людей: электронная коммуникация без социального контакта, возможность быть цифровым и не быть человеком, находиться он-лайн не выходя из электронного бункера". Здесь и возникает шизофренический разлом. К. считает, что конвульсии и вырождение модерной субъективности выплескиваются в приступ шизофрении: анонимность телезрителя и пользователя Интернета замешена на шизофрении. Идентичность разрывается между страхом и яростью, между иллюзией сохранения иммунитета и электронным процессированием самости. Как писал К.: "Это кульминация того, что предсказывал Жан-Поль Сартр: шизоидная самость, которая одновременно и в-себе и для-себя, непримиримое метание между иллюзией и презрением к себе".

Социальный эффект бункеровки имеет техно-физиологические предпосылки. Для К. является очевидным трансформация человеческого тела в полиморфные постчеловеческие формы виртуальной плоти. Начиная с пластической хирургии, поглощением тела товарной символизацией и заканчивая его исключением в чистой цифровой плоти, социоантропологическое измерение телесности заменяется технологическим. Появляется искусственно генерированная молодая кожа (умная, дистрибутивная), искусственный электронный глаз и т.д. Тело человека расширяется с их помощью далеко за пределы возможностей человеческой плоти ("моего тела"). Таким образом, разработка технологической пробле-

матики заставляет перенести социально философский анализ на вопросы структурирования опыта телесности, проблемы технологической нормализации тела и виртуальной идентификации. Сама проблема очевидна: тело человека достигло пределов своих возможностей для приспособления к виртуальной культуре (в искусстве эту идею воплощает Стеларк). Поэтому наступила пора технологического совершенствования плоти за счет усиления его функций протезами, средствами нано-технологий и техноорганов (усилить слух, зрение, чувствительность, экспрессию и т.д.). Но все это знаки того, что слабеющая жизнь – стареющая цивилизация Запада – все больше и больше нуждается в протезировании. Она создает вокруг себя виртуальный кокон – культуру как конструкт из изощренных протезов для жизни-инвалида.

Наблюдая обсцессивные проявления поглощенности работой с компьютером, К. приводит показательное высказывание одного молодого человека в ответ на вопрос о причинах столь сильного его (у)влечения виртуальной эротикой: "Это нечто получше секса! Секс – это болезнь, а машина абсолютно чиста". В этом высказывании прочитывается оппозиционная виртуальному классу точка зрения: виртуализация содержит потенциал новой антропологии, новой свободы, нового идеала, который уже сегодня служит для многих (в том числе и для К.) вдохновляющей ценностной установкой будущего. Идеал новой электронной плоти – гипертекстового тела, вольготно путешествующего по Интернету и киберпространству, которое восстает против виртуального класса, обрекающего его на проституцию у обочины информационной супермагистрали. Гипертекстовое тело не хочет быть рыночно удобным интерфейсом, он хочет быть самой Сетью. Новая антропология: мультимедиа-мыслитель, создающий эстетические образы чистой виртуальности, преодолевая все сетевые соединения и становясь беспроводным ("encrypted flesh in the sea of data"); он танцует своими конечностями из данных, смотрит взглядом многомерных мультимедиа-экранов, создает электронную поэзию на исчезающей грани интераторов видео, звука и текста. Таким образом, возникают две альтернативы телематического будущего: либо запрограммированное виртуальным классом тело-чип, приносящее доход; либо гипертекстовое тело как передовая форма критической субъективности 21 в.

Д.В. Галкин

КРОПОТКИН Петр Алексеевич (1842-1921) – русский мыслитель, идеолог анархизма и демократ, ученый-географ, социолог, путешественник. Представитель старинного русского княжеского рода. В 1862 окончил Пажеский корпус, а в 1867-1868 учился на математическом отделении Петербургского университета. В начале 1870-х, будучи за границей, участвовал в движении народничества. В 1873 написал программный документ анархистов "Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?". Через год за революционную деятельность был арестован, и после двухлетнего заключения бежал за границу. В эмиграции К. развернул широкую пропаганду анархистских идей. После смерти Бакунина стал главой международного анархизма, считался его ведущим теоретиком. За принадлежность к Интернационалу – арестован и осужден на 5 лет во Франции. Затем, поселившись в Англии, активно занимается наукой и публицистикой, а в 1890-х отошел от революционной деятельности. Вернулся в Россию в 1917 после свержения самодержавия. Выступал против марксизма и диктатуры пролетариата.

Философская концепция К. сочетала в себе механистический материализм и позитивизм. На его взгляды большое влияние оказали теории Ж. Прудона и Бакунина (см.), а также позитивизм Конта (см.) и Спенсера (см.). Отвергая диалектику и оставаясь на позициях механистического объяснения развития, К. считал, что науки о природе и обществе должны пользоваться "индуктивно-эволюционным" естественнонаучным методом. Как крупный ученый-естествоиспытатель К. стоял на платформе наивного реализма. Социологические взгляды К. также испытали воздействие механицизма и натурализма. Развивая теорию, так называемого анархического (безгосударственного) коммунизма, который, по его мнению, можно ввести сразу же после разрушения старых порядков в ходе социальной революции, он рассматривал социальную жизнь как ипостась жизни биологической. К. занимался исследованием революций как закономерного необходимого явления, выводя неизбежность революции (так же, как и установление нового общественного строя) из утопического идеала, созданного анархистами. К. полагал, что развитие общества может быть изменено в нужном направлении по желанию людей. К. перенес на общество сформулированный им "биосоциологический закон взаимной помощи", объединяющий людей в гармоничное общежитие, а формы его реализации положил в основу периодизации истории (были выделены следующие периоды: родовой быт, сельская община, республика вольных городов). С "законом взаимной помощи" был связан и его социальный идеал, основанный на федерации свободных производственных общин (коммун), где личность, избавленная от опеки государства, получит неограниченные возможности развития. Основной социально-экономической единицей будущего общества должен быть профессионально-производственный коллектив работников одного ремесла, которому передаются орудия и средства производства. Эти профессиональные и ремесленные союзы, по мнению К., освободят людей от "каких бы то ни было начальственных принуждений". Для обеспечения свободы личности в будущем объединение людей в коллективы должно происходить также и по симпатиям. В новом общественном строе не должно быть никакой власти, управления, авторитетов. Анархическая коммуна создается на базе взаимопомощи, солидарности людей, на принципах федерализма и договорных отношений. Особое место в социологической концепции К. занимала разработка проблемы нравственности, сама постановка которой была тесно связана с задачей обоснования анархистского идеала, мыслимого К. в качестве прогрессивной общественной системы, одновременно исхо-

дящей из нравственной природы человека и создающей условия для его существования. Именно в рамках этической теории К. разрабатывает свое фундаментальное понятие "взаимопомощь", выделяя наряду с ним еще два основополагающих принципа нравственности – справедливость и самопожертвование.

Этика К. – это этика консолидации общества, гармонизации личного и общественного; этика, позволяющая индивиду максимально полно реализовать свой потенциал. Она лишена нормативных требований и санкций. Социально-политические и философские взгляды К. получили широкое распространение в странах Западной Европы, в Латинской Америке, Индии, Китае. Многие высказанные им идеи стали значительным достижением человеческой культуры, а отдельные из них – идея о местном самоуправлении, местной инициативе, минимизация централистских функций государства и т.д. – актуальны и сегодня.

Политика и история, философия и социология, география и этнография, сельское хозяйство и кооперация, литература и этика, история науки и политэкономия, публицистика – это далеко не полный перечень предметов, в развитие которых К. внес свой весомый позитивный вклад. К числу наиболее значительных произведений К. можно отнести: "Хлеб и воля" (1892); "Поля, фабрики, мастерские" (1898); "Анархизм. Его философия и его идеал" (пер. с фр., 1900); "Государство, его роль в истории" (1904); "Анархия и ее философия" (1905); "Нравственные начала анархизма" (1906); "Великая Французская революция. 1789-1793" (опубл. в 1979); "Земледелие, промышленность и ремесла", "Взаимная помощь как фактор эволюции" (1907); "Современная наука и анархия" (1913); "Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса" (пер. с англ., 1922); "Этика" (1922) и др.

И.Н. Андреева

КРУКОВСКИЙ Александр Станиславович (1942-1991) – белорусский философ и социолог. Окончил Минский государственный педагогический институт иностранных языков. Кандидат философских наук (1976). Старший научный сотрудник Института философии и права по специальности "прикладная социология" (1981).

С 1975 – ученый секретарь Института философии и права АН БССР. Зав. отделом социальной структуры советского общества этого Института (с 1985). Возглавлял республиканское социологическое исследование "Социальные показатели развития сельского рабочего класса и колхозного крестьянства Белоруссии" (1985).

Зам. директора Института социологии АН БССР по научной работе (с 1990).

Основные работы: монографии "Буржуазные теории социальных перемещений: сущность и функции" (1979); "Производственный коллектив: функционирование и управление" (1978, в соавторстве с Г.А. Антоповым и Э.М. Сороко) и др.

КУЗЬМИН Сергей Вильянович (р. 1955) – белорусский издатель, социолог и социальный философ. Кандидат философских наук (1985). Один из инициаторов и издателей философского энциклопедического проекта в рамках разработанной им серии "Мир энциклопедий", в которой уже вышли: "Новейший философский словарь", энциклопедии "Постмодернизм", "История философии", "Эзотеризм", "Социология", подготовлены к печати "Религия", "Социальная философия" и др.

Окончил философское отделение исторического факультета Белорусского государственного университета (1978) и аспирантуру Института философии и права АН БССР (1984), где затем работал на протяжении двух лет. С 1986 по 1991 – зав. редакцией философии и права "Белорусской Советской Энциклопедии" им. П. Бровки. В 1991-1992 работал главным редактором Госкомпечати Беларуси и начальником Главного управления книгоиздания и средств массовой информации Министерства информации Беларуси. В конце 1992 вернулся в издательское дело и стал главным редактором издательско-полиграфической компании "Эридан". С 1994 директор-издатель частного издательства "Книжный Дом". Организатор и первый президент "Белорусской ассоциации книгоиздателей и книгораспространителей".

Сфера научных исследований – проблемы социализации личности и культуры свободного времени, социология книги и книговедение. К. является одним из авторов "Словаря прикладной социологии" (1982), "Энциклопедии молодой семьи" (1987), энциклопедических справочников "Скорина и его время" (1988) и "Статут Великого княжества Литовского – 1588" (1989), монографии "Молодежь и научно-технический прогресс" (1989), справочника "Кто издает книги в Республике Беларусь" (1992) и еще 20 изданий, а также автором более 100 научных и научно-популярных статей.

КУЛИ (Cooley) Чарлз Хортон (1864-1929) – американский социолог и социальный психолог. Получил образование и преподавал в Мичиганском университете (с 1907 – профессор), в 1918 – президент Американского социологического общества. Основные сочинения: "Человеческая природа и социальный порядок" (1902); "Социальная организация" (1909); "Социальный процесс" (1918); "Социологическая теория и социальное исследование" (1930) и др. Испытал влияние идей Конта (см.), Спенсера (см.), Ч. Дарвина, Уорда (см.), Гиддингса (см.), У. Джемса. Считается прямым предшественником символического интеракционизма. Согласно К., человек и общество есть аспекты органического единства – "человеческой жизни", вне которой они являются чистыми абстракциями. Общество может существовать лишь на основе взаимодействия личностей, их коммуникации. По К., человеческое познание имеет две формы: познание объектов на основе чувственного восприятия (пространственное, или материальное) и познание на основе контактов с сознанием других людей через коммуникацию (личностное, или социальное).

Социальное познание, по К., предполагает интерпретацию видимого поведения в соответствии с представлением о внутренних процессах сознания. Соответственно взаимодей-

ствие личностей трактуется как отношение между представлением о партнере по коммуникации и индивидуальным самосознанием, а общество – как отношения между "идеями личностей". Индивидуальное сознание, по К., является воплощением той части общества, к которой принадлежит индивид. Развитие личности, согласно К., начинается с некоторой инстинктивной установки, присущей каждому индивиду с момента рождения, "чувства моего". В ходе социализации "чувство моего" развивается и дифференцируется, разбиваясь на бесчисленное множество самоощущений. Итогом социализации является формирование представлений (образов), трансформирующих самоощущения индивида в "социальные чувства" (любовь, сочувствие и т.д.), являющиеся основой социальной организации. Человеческое "Я", "самость", по К., есть наиболее сосредоточенная, энергичная и сплоченная часть сознания. Те представления о собственном "Я", которые индивид усматривает в сознании других людей, К. называет "представлениями представлений". "Я" взрослого человека всегда предполагает социальную жизнь и отношение к другим людям, общение с ними и формирование "представлений представлений". К. связывал формирование человеческого "Я" с суммированием тех впечатлений, которые, по мнению деятеля, он производит на окружающих (теория "зеркального Я"). Согласно теории "зеркального Я", представление человека о самом себе включает: представление о том, как человек выглядит в глазах "другого"; представление о том, как "другой" оценивает этот образ; вытекающее отсюда самоощущение, например, гордость или унижение.

Человеческую природу К. трактует как социальную, групповую, представляющую всеобщую сумму социальных чувств, норм, установок, ценностей. Универсальный фундамент человеческой природы закладывается, по К., в рамках первичной группы. Первичные группы (семья, соседство, община) характеризуются устойчивостью, непосредственностью, неформальностью взаимоотношений. Их первичность связана с ролью в процессе социализации, а также со структурообразующим характером в рамках более крупных социальных общностей. Во вторичных группах, напротив, действуют формализованные, безличные отношения. Ко вторичным группам К. относил нации, классы, партии. Изменение места первичных групп в системе общественных связей и отношений, по К., провоцирует глубокие социальные сдвиги. Так, К. негативно оценивал процесс урбанизации, ведущий к распаду первичных групп и утрате человеком своей идентичности. Творчество К. оказало влияние на развитие общественных дисциплин. Теория "зеркального Я" и концепция первичных групп были восприняты социальной психологией и микросоциологией. Понятийный аппарат, представления о роли коммуникации в общественной жизни, составлявшие предметную область научной деятельности К., повлияли на Дж.Г. Мида (см.) и У. Томаса (см.).

М.Н. Мазаник

КУЛЬТ (лат. cultus – уход, почитание) – 1) форма религиозного действия, представляющая собой совокупность специфических действий (ритуалов, обрядов, церемоний), вызванных соответствующим вероучением и направленных на сферу сакрального. Направленность и значение К. могут существенно отличаться в различных типах религии, но сущность культового действия всегда сохраняется неизменной – возможность прямого обращения к священному, вера в возможность быть услышанным "небом". В структуре К. выделяют: предмет К., выраженный в виде религиозного образа (вещи, животные, силы природы, духи, Бог); форму К. как процедуру и технологию общения с предметом (молитва, богослужение, ритуальная пляска, обряд посвящения и т.п.); средства К. – материальные атрибуты церемонии (предметы, здания и др.); содержание К. – характер культового действия, его "прикладное значение" (К. плодородия, военный К., промысловый К. и др., но следует знать, что религиозный К., в отличие от магии, носит духовно-практический характер и не всегда преследует прагматические цели); субъект К. – индивид или религиозная группа (община). Р. Маретт рассматривал К. как важнейший элемент религии, придающий ей отличительные черты, постулирующий специфику религии как отдельной формы общественного сознания. Э. Дюркгейм в определении религии выделяет два ее основных элемента: верования и К. В К. религиозная вера приобретает зримое содержание, религиозное сознание объективируется через оперирование символами, за которыми скрыты истины вероучения, убеждения и эмоции верующего, что позволяет выделить следующие социальные функции К.: коммуникационную функцию, функцию трансляции опыта (необязательно религиозного), контрольную функцию, комфортную функцию (психологического и эстетического удовлетворения).

2) Тип аморфной религиозной организации, функционирующей на энтузиазме своих членов, без опоры на формальную организацию. Понятие К. как типа религиозной организации введено Г. Беккером для описания специфического религиозного объединения – харизматического К., который выступает крайней формой сектанства и религиозного максимализма. Специфические черты такого К.: малочисленность; призыв к радикальному изменению личности и общества; агрессивные методы привлечения и удержания членов; харизматическая основа – вера в особую миссию учителя (чаще всего, после смерти лидера культ исчезает или прозябает в виде малочисленной группы); ярко выраженная претензия на исключительность, избранность, отрицание диалога с другими религиями; фанатизм, мистицизм, эзотерические идеи; негативное отношение к государству, светской культуре (чаще всего, их полное отрицание); тип религиозного действия носит глубоко эмоциональный характер, требует полной личной преданности и стопроцентной включенности в жизнь общины. В организационном плане харизматический К. складывается как группа приверженцев к.-л. личности (учителя истины) как носителя особых качеств (чаще всего – мессианских). Большинство нетрадиционных религий 20 в. формируются именно как разновидности харизматического К.: "Церковь объединения" ("Церковь Муна", 1954), "Церковь Единой веры" ("Церковь Виссариона", 1990) и др. Такой аспект позволяет охарактеризовать К. как начальную стадию секты или первичную стадию организационной эволюции религии и как

первый шаг в институциализации религии, который состоит в выделении и оформлении нетрадиционного религиозного сознания, в вероучительной инновации, в разрыве с прошлым и настоящим. Под К. также понимают религиозную группу типа "кружка по интересам", основой которой является не харизма вождя (его вообще может не быть), а духовное единство членов культа (теософские общества, спиритические, астрологические, магические, алхимические и т.п.); такой форме К. близки масонские общества, союз пифагорейцев, сатанинские группы.

3) Ситуация оценки какого-либо объекта (одушевленного или неодушевленного), когда он становится центральным элементом системы поведения и мышления субъекта (общества, группы, индивида) – К. личности, К. денег, К. разума. Такой объект отражает базовые ценности данной культуры, функционирует как цель и образец действия. В отличие от религиозного К., культовый объект не нуждается в особом ритуале и носит светский характер, хотя его восприятие и может быть описано через категории священного: вера в харизму вождя, поклонение человеческому разуму и т.п.

Д.К. Безнюк

КУЛЬТУРА (лат. cultura – возделывание, воспитание, образование) – система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни во всех ее основных проявлениях. Программы деятельности, поведения и общения, составляющие корпус К., представлены многообразием различных форм: знаний, навыков, норм и идеалов, образцов деятельности и поведения, идей и гипотез, верований, социальных целей и ценностных ориентаций и т.д. В своей совокупности и динамике они образуют исторически накапливаемый социальный опыт. К. хранит, транслирует (передает от поколения к поколению) и генерирует программы деятельности, поведения и общения людей. В жизни общества они играют примерно ту же роль, что и наследственная информация (ДНК, РНК) в клетке или сложном организме; они обеспечивают воспроизводство многообразия форм социальной жизни, видов деятельности, характерных для определенного типа общества, присущей ему предметной среды (второй природы), его социальных связей и типов личностей – всего, что составляет реальную ткань социальной жизни на определенном этапе ее исторического развития.

Понятие "К." развивалось исторически. Оно вначале обозначало процессы освоения человеком природы (возделывание земли, продукты ремесел), а также воспитания и обучения. В качестве термина стало широко использоваться в европейской философии и исторической науке начиная со второй половины 18 в. К. начинает рассматриваться как особый аспект жизни общества, связанный со способом осуществления человеческой деятельности и характеризующий отличие человеческого бытия от животного существования. Возникает несколько линий в разработке проблематики К. В первой из них К. рассматривалась как процесс развития человеческого разума и разумных форм жизни, противостоящих дикости и варварству первобытного бытия человечества (французские просветители); как историческое развитие человеческой духовности – эволюция морального, эстетического, религиозного, философского, научного, правового и политического сознания, обеспечивающих прогресс человечества (немецкий классический идеализм – Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель; немецкий романтизм – Шиллер, Шлегель; немецкое просвещение – Лессинг, Гердер). Вторая линия акцентировала внимание не на поступательном историческом развитии К., а на ее особенностях в различных типах общества, рассматривая различные К. как автономные системы ценностей и идей, определяющих тип социальной организации (неокантианство – Г. Риккерт, Э. Кассирер). К этой же линии примыкали О. Шпенглер, Н. Данилевский, Сорокин (см.), Тойнби. Вместе с тем было расширено понимание К. путем включения в нее всего богатства материальной К., этнических обычаев, разнообразия языков и символических систем.

В конце 19 и первой половине 20 в. при изучении проблематики К. стали активно использоваться достижения антропологии, этнологии, структурной лингвистики, семиотики и теории информации (культурная антропология – Тэйлор (см.), Боас (см.); социальная антропология – Малиновский (см.), Радклифф-Браун (см.); структурная антропология и структурализм – Леви-Стросс (см.), Фуко (см.), Лакан (см.); неофрейдизм и др.). В результате возникли новые предпосылки решения проблемы общества и К. С одной стороны, К. и общество нетождественны, а с другой – К. пронизывает все без исключения области и состояния социальной жизни. Проблема решается, если К. рассмотреть в качестве информационного аспекта жизни общества, как социально значимую информацию, регулирующую деятельность, поведение и общение людей. Эта информация, выступающая как совокупный исторически развивающийся социальный опыт, частично может осознаваться людьми, но весьма часто она функционирует как социальное подсознательное. Ее передача от поколения к поколению возможна только благодаря ее закреплению в знаковой форме в качестве содержания различных семиотических систем. К. существует как сложная организация таких систем. В их роли могут выступать любые фрагменты человеческого мира, приобретающие функцию знаков, которые фиксируют программы деятельности, поведения и общения: человек и его действия и поступки, когда они становятся образцами для других людей, естественный язык, различные виды искусственных языков (язык науки, язык искусства, конвенциональные системы сигналов и символов, обеспечивающие коммуникацию и т.п.). Предметы созданной человеком второй природы также могут функционировать в качестве особых знаков, которые закрепляют накопленный социальный опыт, выражая определенный способ поведения и деятельности людей в предметном мире. В этом смысле иногда говорят об орудиях труда, технике, предметах быта как о материальной К., противопоставляя им феномены духовной К. (произведения искусства, философские, этические, политические учения, научные знания, религиозные идеи и т.п.).

Однако такое противопоставление относительно, поскольку любые феномены К. являются семиотическими образованиями. Предметы материальной К. выполняют в человеческой жизни двоякую роль: с одной стороны, они служат практическим целям, а с другой – выступают средствами хранения и передачи социально значимой информации. Только во второй своей функции они выступают в качестве феноменов К. (Ю. Лотман).

Программы деятельности, поведения и общения, представленные разнообразием культурных феноменов, имеют сложную иерархическую организацию. В них можно выделить три уровня. Первый – это реликтовые программы, осколки прошлых К., которые живут и в современном мире, оказывая на человека определенное воздействие. Люди часто бессознательно действуют в соответствии с программами поведения, которые сложились еще в первобытную эпоху и которые утратили свою ценность в качестве регулятива, обеспечивающего успех практических действий. Сюда относятся многие суеверия, типа приметы у русских поморов о том, что половые связи перед выходом на рыбную ловлю могут сделать ее неудачной (пережиток табу первобытной эпохи, реально регулировавших половые отношения первобытной общины в период групповой семьи, устраняя таким способом столкновения на почве ревности в общине, которые нарушали совместные производственные действия). Второй уровень – это слой программ поведения, деятельности, общения, которые обеспечивают сегодняшнее воспроизводство того или иного типа общества. И, наконец, третий уровень культурных феноменов образуют программы социальной жизни, адресованные в будущее. Их генерирует К. за счет внутреннего оперирования знаковыми системами. Вырабатываемые в науке теоретические знания, вызывающие переворот в технике и технологии последующих эпох; идеалы будущего социального устройства, которые еще не стали господствующей идеологией; новые нравственные принципы, разрабатываемые в сфере философско-этических учений и часто опережающие свой век – все это образцы программ будущей деятельности, предпосылка изменений существующих форм социальной жизни. Чем динамичнее общество, тем большую ценность обретает этот уровень культурного творчества, адресованный к будущему. В современных обществах его динамика во многом обеспечивается деятельностью особого социального слоя людей – творческой интеллигенции, которая по своему социальному предназначению должна постоянно генерировать культурные инновации. Многообразие культурных феноменов всех ее уровней, несмотря на их динамичность и относительную самостоятельность, организованы в целостную систему. Их системообразующим фактором выступают предельные основания каждой исторически определенной К. Они представлены мировоззренческими универсалиями (категориями К.), которые в своем взаимодействии и сцеплении задают целостный обобщенный образ человеческого мира. Мировоззренческие универсалии – это категории, которые аккумулируют исторически накопленный социальный опыт и в системе которых человек определенной К. оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта. Категориальные структуры, обеспечивающие рубрификацию и систематизацию человеческого опыта, давно изучает философия. Но она исследует их в специфическом виде, как предельно общие понятия. В реальной же жизни К. они выступают не только как формы рационального мышления, но и как схематизмы, определяющие человеческое восприятие мира, его понимание и переживание.

Можно выделить два больших и связанных между собой блока универсалий К. К первым относятся категории, которые фиксируют наиболее общие, атрибутивные характеристики объектов, включаемых в человеческую деятельность. Они выступают в качестве базисных структур человеческого сознания и носят универсальный характер, поскольку любые объекты (природные и социальные), в том числе и знаковые объекты мышления, могут стать предметами деятельности. Их атрибутивные характеристики фиксируются в категориях пространства, времени, движения, вещи, отношения, количества, качества, меры, содержания, причинности, случайности, необходимости и т.д. Но кроме них в историческом развитии К. формируются и функционируют особые типы категорий, посредством которых выражены определения человека как субъекта деятельности, структуры его общения, его отношения к другим людям и обществу в целом, к целям и ценностям социальной жизни. Они образуют второй блок универсалий К., к которому относятся категории: "человек", "общество", "сознание", "добро", "зло", "красота", "вера", "надежда", "долг", "совесть", "справедливость", "свобода" и т.п. Эти категории фиксируют в наиболее общей форме исторически накапливаемый опыт включения индивида в систему социальных отношений и коммуникаций. Между указанными блоками универсалий К. всегда имеется взаимная корреляция, которая выражает связи между субъект-объектными и субъект-субъектными отношениями человеческой жизнедеятельности. Поэтому универсалии К. возникают, развиваются и функционируют как целостная система, где каждый элемент прямо или косвенно связан с другими. В системе универсалий К. выражены наиболее общие представления об основных компонентах и сторонах человеческой жизнедеятельности, о месте человека в мире, о социальных отношениях, духовной жизни и ценностях человеческого мира, о природе и организации ее объектов и т.п. Они выступают в качестве своего рода глубинных программ, которые предопределяют сцепление, воспроизводство и вариации всего многообразия конкретных форм и видов поведения и деятельности, характерных для определенного типа социальной организации. В мировоззренческих универсалиях К. можно выделить своеобразный инвариант, некоторое абстрактно всеобщее содержание, свойственное различным типам К. и образующее глубинные структуры человеческого сознания. Но этот слой содержания не существует в чистом виде сам по себе. Он всегда соединен со специфическими смыслами, присущих К. исторически определенного типа общества, которые выражают особенности способов общения и деятельности людей, хранения и передачи социального опыта, принятую в данной К.

шкалу ценностей. Именно эти смыслы характеризуют национальные и этнические особенности каждой К., свойственные ей понимания пространства и времени, добра и зла, жизни и смерти, отношения к природе, труду, личности и т.д. Они определяют специфику не только далеких, но и родственных К. – например, отличие японской от китайской, американской от английской, белорусской от русской и украинской и т.д. В свою очередь, исторически особенное в универсалиях К. всегда конкретизируется в огромном многообразии групповых и индивидуальных мировосприятий и миропереживаний. Для человека, сформированного соответствующей К., смыслы ее мировоззренческих универсалий чаще всего выступают как нечто само собой разумеющееся, как презумпции, в соответствии с которыми он строит свою жизнедеятельность и которые он часто не осознает в качестве ее глубинных оснований. Смыслы универсалий К., образующих в своих связях категориальную модель мира, обнаруживаются во всех областях К. того или иного исторического типа в обыденном языке, феноменах нравственного сознания, в философии, религии, художественном освоении мира, функционировании техники, в политической К. и т.п.

Резонанс различных сфер К. в период формирования новых идей, имеющих мировоззренческий смысл, отмечали философы, культурологи, историки при анализе в синхронном срезе различных этапов развития науки, искусства, политического и нравственного сознания и т.д. (Шпенглер, Кассирер, Тойнби, Лосев, Бахтин). Можно, например, установить своеобразный резонанс между идеями теории относительности в науке и идеями лингвистического авангарда 1870-1880-х (Й. Винтелер и др.), формированием новой художественной концепции мира в импрессионизме и постимпрессионизме, новыми для литературы последней трети 19 в. способами описания и осмысления человеческих ситуаций (например, в творчестве Достоевского), когда сознание автора, его духовный мир и его мировоззренческая концепция не стоят над духовными мирами его героев, как бы со стороны из абсолютной системы координат описывая их, а сосуществуют с этими мирами и вступают с ними в равноправный диалог. Преобразование общества и типа цивилизационного развития всегда предполагает изменение глубинных жизненных смыслов и ценностей, закрепленных в универсалиях К. Переустройство обществ всегда связано с революцией в умах, с критикой ранее господствовавших мировоззренческих ориентаций и выработкой новых ценностей. Никакие крупные социальные изменения невозможны вне изменений в К. В качестве социального индивида человек является творением К. Он становится личностью только благодаря усвоению транслируемого в К. социального опыта. Сам процесс такого усвоения осуществляется в качестве социализации, обучения и воспитания. В этом процессе происходит сложная состыковка биологических программ, характеризующих его индивидуальную наследственность, и надбиологических программ общения, поведения и деятельности, составляющих своего рода социальную наследственность. Включаясь в деятельность, благодаря усвоению этих программ человек способен изобретать новые образцы, нормы, идеи, верования и т.п., которые могут соответствовать социальным потребностям. В этом случае они включаются в К. и начинают программировать деятельность других людей. Индивидуальный опыт превращается в социальный, и в К. появляются новые состояния и феномены, закрепляющие этот опыт. Любые изменения в К. возникают только благодаря творческой активности личности. Человек, будучи творением К., вместе с тем является и ее творцом. См. также: **Категории культуры.**

В.С. Степин

КУЛЬТУРА ОРГАНИЗАЦИОННАЯ – система ценностей, установок, норм и правил поведения, сформированных в рамках конкретной организации, принимаемых и поддерживаемых членами организации и отражающих характер ее внутреннего и внешнего взаимодействия.

Подходы к пониманию феномена К.О. условно можно разделить на две группы: 1) К.О. есть атрибут организации, то, что делает ее уникальной в своем роде и отличной от других (Э. Шейн, Р. Уотерман, С. Дэвис, Т. Питерс и др.); 2) К.О. есть отражение самой сути организации, ее истории, условий становления, особенностей социокультурной среды, в которой происходил процесс ее формирования (А. Петтигрю, М. Луи, С. Роббинс). Проблема влияния национальной культуры на формирование культуры организации рассматривается в работах Г. Хофстеда, Р. Льюиса, Г. Лейна, Дж. Дистефано, У. Оучи. Основные ценности организации отражаются в ее знаково-символической системе (мифы, обряды, ритуалы, язык общения, знаки отличия, стиль одежды), через которую осуществляется производство и воспроизводство К.О.

Процесс формирования К.О. происходит под влиянием трех основных факторов: национальной специфики; личности руководителя; внешнего контекста, в который погружена организация. Поддержание установленной культуры в организации осуществляется посредством процесса социализации (см.) всех членов организации, с одной стороны, а с другой – посредством усиления внутренней позиции организации (мобилизации всех видов ресурсов). К.О. выполняет целый ряд функций как с позиций решения проблем внутренней интеграции, так с позиции внешней адаптации. В случае, когда К.О. не выполняет своих функций по отношению к компании, возникает необходимость в ее изменении. Главную роль в реализации программ изменения должен играть руководитель организации, одной из обязанностей которого является транслирование новых корпоративных ценностей. В силу того, что все члены организации не в одинаковой степени поддерживают К.О., правомерно выделение доминирующей культуры, субкультуры и контркультуры. К.О. может быть охарактеризована как сильная и слабая. Сила культуры определяется: личностным фактором руководителя степенью разделяемости (признание членами организации ее основных ценностей) и степенью интенсивности (осознание членами организации того, что вознаграждение зависит от качества их работы).

Т.В. Купчинова

КУЛЬТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ – социологическая категория, характеризующая социально-профессиональное качество субъекта труда. К.П. представляет собой степень овладения трудящимися достижениями научно-технического и социального прогресса, является личностным аспектом культуры труда и регулируется присущими ей механизмами.

Основные элементы К.П. – общее среднее, специальное среднее и высшее образование, квалификация, профессиональный опыт. Роль общего и специального образования неизмеримо возросла под влиянием современных тенденций развития общественного производства. Более глубокие профессиональные знания способствуют лучшему пониманию закономерностей процесса производства, критическому осмыслению производственного опыта. В настоящее время специальное образование становится важнейшим фактором качественного изменения социально-профессиональных характеристик трудящихся. В ходе научно-технического прогресса повышается общий уровень квалификации за счет уменьшения объемов малоквалифицированного труда и качественного изменения самого феномена квалификации. Если, например, при ремесленной технике квалификация рабочего обусловливалась сложностью функций по обработке предметов труда, то на машинной стадии она определялась сложностью управленческих функций рабочего, обслуживающего машину. В условиях же автоматизированного производства квалификация рабочего в решающей степени зависит от сложности контролируемых систем. Так как эти исторически сменяющие друг друга типы техники сосуществуют в современном производстве, феномен квалификации совокупного промышленного рабочего наполняется качественно различным содержанием, отражающим уровень развития культуры общественного производства и культуры труда (**см.**).

Повышение квалификации в условиях научно-технического прогресса сопровождается накоплением и систематическим обновлением профессионального опыта в течение всей активной трудовой деятельности работника. Разные формы ее повышения обогащают различные аспекты профессионального опыта. В результате овладения вторыми и смежными профессиями и специальностями происходит расширение профессионального профиля работника, однако без качественного роста его К.П. Культуроформирующий эффект от совмещения профессий и специальностей проявляется в преодолении профессиональной ограниченности, вступающей в противоречие с потребностями организации производства. Переход к более сложным видам деятельности вызывает качественное усложнение трудовых функций и слияние их в профессии так называемого интегрального типа, что отражает процессы гармонизации физического и умственного труда. Процессы освоения профессий широкого профиля, требующих повышения мастерства, вызывают политехнизацию К.П., сопровождающуюся ее качественным ростом. Политехнизация и повышение уровня К.П. служат превращению профессии из характеристики "частичного" работника в свойство гармонично развитой личности. Приобретенные путем специальной подготовки и обогащенные профессиональным опытом, элементы К.П. интегрируются в систему культуры труда. Профессиональные знания и навыки реализуются тем активнее, чем полнее человек постигает объективное значение культурной деятельности (как деятельности, соответствующей прогрессивным социально-экономическим, технико-организационным и социально-психологическим нормативам) и организует свои собственные силы как общественные. Само участие человека в развитии системы культуры труда как профессионала и как личности приобретает общественно-необходимый характер, так как становится важнейшим критерием меры приобщения отдельного человека к миру духовного богатства общества, показателем развитости человеческих сущностных сил.

Г.Н. Соколова

КУЛЬТУРА ТРУДА – система внебиологически выработанных механизмов (и соответственно "умения" их актуализировать), благодаря которым стимулируется, программируется, координируется и реализуется деятельность субъектов труда. Функционирование и развитие К.Т. обеспечивает определенное социальное качество трудового процесса – основное условие реализации сущностных сил человека. Последние реализуются тем активнее, чем глубже и многограннее отражаются в индивидуальной и коллективной трудовой деятельности технико-технологические нормативы и социальные ценности труда, трудового коллектива, общества.

Объективные характеристики К.Т. представляют собой технико-технологические и социальные нормативы, обусловленные достижениями техники, технологии и организации производства и представляющие собой иерархию требований к человеку как исполнителю производственных функций и как личности. Субъективными характеристиками К.Т. являются социокультурные потребности трудящихся, образующие в своей совокупности тип ценностного отношения к труду. Исследование связей и отношений между этими характеристиками позволяет анализировать культуроформирующий эффект труда, который проявляется в единстве и противоречивом развитии процесса формирования индивидуальных способностей человека и процесса реализации его обогащенной социальным опытом индивидуальности в труде.

Культуроформирующий эффект труда обусловлен его содержанием в той мере, в которой он обогащает, в процессе присвоения существующей совокупности производительных сил, знания и способности человека, и характером труда в той мере, в какой он способствует полноте раскрытия личности и ее самовыражению в процессе созидательного труда. Вместе с тем профессиональное развитие, связанное с усложнением техники и технологии, нередко сдерживается ограничением социального и духовного развития трудящихся, несмотря на возможности научно-технического прогресса (**см.**).

К.Т. развивается во взаимосвязи и взаимоусилении ее внешних и внутренних регулятивных механизмов. Если

внешние связаны с управляющим воздействием на человека (путем приведения его социально-профессиональных характеристик и социокультурных потребностей в соответствие с возрастающими требованиями техники, организации труда и производства), то внутренние – с познанием и организацией человеком собственных сущностных сил как общественных. Именно за счет эффективности действия внутренних механизмов образуются социальные резервы повышения культуры труда. В современных условиях взаимодействие присвоения человеком существующей совокупности производительных сил и реализации этого опыта в трудовой деятельности отличается известной противоречивостью. С одной стороны, это проявляется в недостаточно быстром росте качества рабочей силы, способной к овладению существующими средствами труда и технологическими процессами, с другой – в далеко не полном использовании наличных способностей рабочей силы, ее интеллектуального резерва. Совокупность социально-экономических и технико-организационных противоречий, обусловливающих дисгармонию этих процессов, разрешается с помощью внешних и внутренних регулятивных механизмов К.Т., выявляющих резервы ее функционирования и развития.

Г.Н. Соколова

КУЛЬТУРА ЭКОНОМИЧЕСКАЯ – способ (структура механизмов) взаимодействия экономического сознания (как отражения экономических отношений и познания экономических законов) и экономического мышления (как отражения включенности в экономическую деятельность), регулирующий участие индивидов и социальных групп в экономической деятельности и степень их самореализации в тех или иных типах экономического поведения. Чем совершеннее способ данного взаимодействия, тем эффективнее экономическая деятельность и рациональнее экономическое поведение, тем, следовательно, – выше уровень К.Э. Именно способ взаимосвязи экономического сознания и экономического мышления (как формы его проявления) выступает естественным регулятором экономического поведения. Так, косное, пассивное, неразвитое экономическое сознание, не испытывающее в течение длительного времени потребности изменяться, обусловило противоречивое, эмоциональное (а не рациональное) экономическое мышление, совмещающее внешнее следование политике экономических реформ со сложившимися социальными стереотипами (**см.**). Вследствие этого экономическое поведение приобретает скорее эмоциональный, нежели рациональный характер и осуществляется, порой, в состоянии психологического стресса. Подобное экономическое мышление, в свою очередь, неспособно существенно обогащать социальной практикой экономическое сознание. Негибкий, отягощенный социальными стереотипами способ взаимодействия экономического сознания и экономического мышления в отечественной экономике пока что не порождает особых иллюзий относительно высокого уровня К.Э. Регулятивное воздействие несовершенного способа взаимосвязи экономического сознания и экономического мышления на экономическое поведение невелико и слабо обусловливает вариативность и гибкость этого поведения.

Особенности К.Э. как процесса, регулирующего экономическое поведение, заключаются в следующем. Во-первых, К.Э. включает в себя только те ценности, потребности, предпочтения, которые возникают из нужд экономики и оказывают на нее значимое (положительное или отрицательное) влияние. Во-вторых, особенность К.Э. определяется теми каналами, через которые она регулирует взаимосвязь экономического сознания и экономического мышления. В-третьих, К.Э. как регулятор связи экономического сознания и экономического мышления в большей мере, нежели любая другая, ориентирована на управление экономическим поведением людей.

Рассмотрение К.Э. как способа взаимодействия между экономическим сознанием и экономическим мышлением предполагает суждения о регулятивных возможностях, заложенных в этом способе. Речь идет о возможностях регулирования взаимосвязи с целью сделать ее наиболее гибкой и чувствительной как в плане детерминации положительного экономического мышления, так и в плане насыщения экономического сознания реальным содержанием практики. Данные процессы осуществления прямой и обратной связей между рассматриваемыми явлениями в значительной мере зависят от полноты выполнения функций К.Э.

В первую очередь К.Э. (как и культура в целом) выполняет роль социальной памяти общества, но не всей социальной памяти, а лишь того ее сегмента, который связан с историей экономических отношений. Можно говорить о *трансляционной функции*: из прошлого в современность транслируются нормы и ценности, составляющие содержание экономического сознания, экономического мышления и экономического поведения. Можно говорить о *селекционной функции* К.Э., связанной с отбором из унаследованных ценностей и норм тех, которые необходимы (полезны) для решения задач последующих этапов развития общества. К.Э. отбирает (выбраковывает, сохраняет, накапливает) те ценности и нормы, которые необходимы для развития гибкого экономического поведения индивидов. Можно говорить об *инновационной функции* К.Э., которая проявляется в обновлении социальных ценностей и норм выработки новых и заимствования прогрессивных ценностей из других культур. Полнота и качество выполнения этих функций определяется регулятивными возможностями К.Э.

Основным социальным противоречием (**см.**), затрудняющим выполнение инновационной функции К.Э., является противоречие между приверженностью существующим нормам (как социально-экономическим стандартам, образцам экономического поведения) и осознанием необходимости инновационной деятельности. Норма хранит существующее, а инновационная деятельность его изменяет: только в их подвижном взаимодействии, постоянном смещении равновесия между ними в ту или иную сторону, возможно сосуществование функционирования и развития.

Малоэффективный способ взаимосвязи косного экономического сознания и противоречивого, эмоционального экономического мышления, не обладающий регулятивным воздействием на мотивацию достижений, детерминирует низкую степень инновационности отечественной К.Э. Эта инновационность имеет две формы проявления: институциональную и личностную. Первая проявляется в монополизме ведомств на достижения науки и техники, слабой ориентации экономических организаций на внедрение передовых методов работы, усвоение прогрессивного мирового опыта, соответствующей переквалификации персонала. Вторая, личностная форма, находит свое выражение в масштабах инновационного поведения субъектов экономики, развитости их установок на разработку и внедрение новшеств. В этом случае низкая инновационность К.Э. отражает неразвитость ценностей, регулирующих преобразовательную деятельность в сфере экономики, – творчества, успеха, риска, нетривиальных достижений. Таким образом, несформированность экономического сознания как способности использовать законы в целях общественного развития, а также противоречивость и эмоциональность экономического мышления затрудняют полноценную реализацию основных функций К.Э. Разрешение противоречий, ослабляющих осуществление трансляционной, селекционной и инновационной функций К.Э., во многом зависит от того, насколько полно будет задействован механизм функционирования К.Э.

Г.Н. Соколова

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА (англ. эквивалент cultural policy) – понятие, использующееся с 1970-х преимущественно в социологии культуры (см.) и прикладных социальных исследованиях для определения роли и функций государственной власти в сфере культуры и искусства. *Политический* аспект К.П. предполагает определение целей и приоритетов государства по сохранению культурного наследия, созданию условий для существования артистического сообщества (образование, награды, финансирование учреждений) и выработке критериев социальной приемлемости продуктов художественного творчества (цензура). *Социальный* аспект К.П. близок политическому и предполагает политику равного доступа к культурным благам для населения, а также поддержку и сохранения культурной идентичности различных групп и сообществ. *Институциональный* аспект К.П. включает создание и развитие государственных учреждений культуры (театры, музеи, галереи, кинопроизводство, книгоиздание и т.д.) в целях удовлетворения культурных запросов граждан. *Экономический* аспект К.П. связан с использованием культурной привлекательности территорий для стимулирования деловой активности (туризм, сфера услуг и развлечений, транспорт и т.д.), а также с регулированием культурных индустрий (медиа, реклама, мода и т.д.) и рынка художественных ценностей. *В международно-правовом* аспекте К.П. осуществляется на уровне интернациональных проектов сохранения и развития культурного наследия, а также проблем правового регулирования перемещения художественных ценностей. *Эстетический* аспект К.П. отражает позицию по отношению к власти и государству в художественном творчестве и артистическом сообществе ("художник и власть").

К.П. попала в зону пристального исследовательского интереса в социологии отчасти по политическим причинам. В Европе активная деятельность ЮНЕСКО и консолидация усилий правительств по сохранению и развитию культурного наследия Европы и других стран и сегодня аккумулирует значительные исследовательские ресурсы (центры исследований К.П. работают в ряде университетов Великобритании, Франции, Германии), в том числе для выработки политических решений. В США, где уровень коммерциализации культуры значительно выше, принято считать, что правительство не имеет позиции по отношению к культуре (т.е. не проводит К.П.), но содействует развитию мира искусств как необходимой составляющей здоровой демократической культуры. Тем не менее в США социология К.П. занимает достойное (хотя несколько маргинальное) место в социальных науках (следует отметить масштабную программу социологических исследований К.П. в Принстоне). В Советском Союзе прикладная социология культуры (сектор Института социологии АН СССР) уделяла особое внимание лонгитюдным оценкам потребностей (и уровня их удовлетворения) населения в культурных благах, что служило фактором выработки К.П.

Терминологической и концептуальной однозначности в определении К.П. нет. В Великобритании, например, вместо термина "cultural policy" используется термин "arts policy" /"политика в области искусств". – *Ред.*/. Однако можно отметить ряд общих концептуальных тенденций в понимании К.П.:

1) сокращение доли рабочего времени и рост доли досуга в структуре общественного производства (устойчивая тенденция последних десятилетий) вынуждает правительства увеличивать расходы на сферу культуры и искусств, чтобы развивать сферу досуга и "культурный сервис" как элемент качества жизни;

2) в европейских странах политика децентрализации власти и развития местного самоуправления стимулировала рост новых культурных потребностей (увеличивается роль местных властей и значение культуры местных сообществ);

3) со стороны государства все более возрастает внимание к "культурным индустриям" – туризму, медиа, моде, дизайну как перспективным сферам развития экономики, включая возможность создания новых рабочих мест;

4) К.П. нередко используется как способ решения социальных проблем, в частности, для уменьшения издержек экономических проблем реструктуризации (привлечение молодежи, безработных, эмигрантов), что нередко является плохим замещением неспособности проводить активную социальную политику в ответ на вызовы глобальной экономики;

5) К.П. стала основой политики регенерации городской среды крупных городов в США и Европе в целях создания имиджа глобального города и преимуществ в глобальной

конкуренции городов за сохранение и привлечение капиталов.

В 1960-1970-х К.П. использовалась правительствами европейских стран как подход к решению социальных проблем и это стало основным фактором усиления значения К.П. в государственной политике. Ситуация во многом была создана усилившимся влиянием различных социальных движений после событий 1968, которые почти всегда ассоциировались с альтернативными культурными движениями (издателями, музыкантами, актерами). Они существенно изменили представления о культуре, расширив его, преодолев стереотип различения высокой и народной культуры. Эта политика проводилась социалистами, которые выделяли бюджетные деньги на новые культурные проекты, чтобы, в частности, снять проблему атомизации населения в городах, чтобы интенсифицировать публичную жизнь и социальные интеракции, чтобы добиться реальных равных возможностей для разных групп участвовать в культурной жизни. Для левых это было шансом обновить политические коммуникации и мобилизовать поддержку населения.

В 1980-х К.П. стала определяющей в развитии крупных западных городов. Возникла ситуация, в которой государству и городским властям пришлось приспосабливаться: а) к глобализации корпоративных стратегий и б) кризису фордистского типа массового производства. Крупный бизнес стал перемещаться в регионы, где рабочая сила дешевле, спровоцировав тем самым поляризацию в доходах населения. К.П. оказалась одним из самых важных элементов в стратегии решения этих проблем политиками мегаполисов. Во многих случаях К.П. становилась инструментом прямой интервенции в экономику: в сферу услуг, досуга, туризма, спорта и т.д. Социологи и политики считают, что К.П. не дала значительного прямого результата для роста экономики и благосостояния, для борьбы с безработицей. Но ее главный результат – конструирование имиджа городов как глобальных центров (Бостон, Франкфурт, Глазго, Москва и т.д.) для привлечения туристов, квалифицированных кадров и инвесторов. Проведение престижных культурных проектов воспринимается как символ возрождения, динамизма, нового уровня доверия, космополитизма, конкурентоспособности, современности и инновационности.

Исследователи отмечают, что общий устойчивый тренд развития К.П. в 1990-х направлен на смещение от политического к экономическому пониманию К.П. Новый подход подчеркивает значение партнерства и гармонизации интересов государства и бизнеса в осуществлении К.П. Это касается отношений государства и шоу-бизнеса, использования рекламы в культурных проектах, подходов к развитию местных сообществ и ряду других практических вопросов. Новые тенденции все настойчивее заставляют обращать внимание на проблемы приватизации культуры, проблемы определения общественных благ и частной собственности по отношению к объектам культуры, проблемы пересмотра роли государства на рынке художественных ценностей, проблемы создания новых типов культурных сервисов и способам их продвижения для публичного использования. Тенденции либерализации К.П. встречают острую критику из лагеря консерваторов за явную смену приоритетов с продвижения подлинной культуры на развитие популярной, за перераспределение средств из сферы некоммерческой культурной деятельности в коммерческие проекты, за коммерциализацию использования общественных благ.

С теоретической точки зрения, данные тенденции и проблемы могут быть рассмотрены в контексте концепции утилизации культурного капитала. Эта междисциплинарная концепция позволит описать и оценить в целом поле движения культурных капиталов и выработать варианты стратегий К.П. с учетом специфики глобализации и национальных интересов.

Д.В. Галкин

КУЛЬТУРНОГО ОТСТАВАНИЯ ЗАКОН (по У. Огборну – **см.**) – закон, согласно которому изменения в области материальной культуры происходят более быстрыми темпами, чем в области нематериальной культуры. Нарушение равновесия в развитии культуры приводит к социальной дезорганизации, конфликтам, разрушению экологической среды и т.д.

В.Л. Ананьев

"КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ" ("Cultural Studies") – междисциплинарная сфера исследований культуры (**см.**). Появление "К.И." тесно связано с британской интеллектуальной традицией, и более конкретно – с созданием Бирмингемского Центра К.И., первым директором которого стал Р. Хогарт (на этом посту его сменили Уильямс (**см.**) и Холл (**см.**) (с 1968 по 1986). Позднее Центр был преобразован из исследовательской структуры в факультет К.И. и социологии при Бирмингемском университете.

С конца 1980-х "К.И." начали активно институциализироваться также и в университетах США, Канады и Австралии, однако в каждой стране они обретали свою "локальную" специфику. Так, главное различие между британским и американским подходами состоит в том, что британская школа в очень значительной степени подвержена идеям марксизма и вообще была тесно связана с левыми движениями, с анализом культуры рабочего класса и т.п. в противовес исследованиям культуры элитарной. Американские же исследователи, в целом невосприимчивые к марксизму, обратили эти идеи в сторону анализа расовых и гендерных проблем: для американских "К.И." теоретической базой явились проблемы, изучавшиеся в рамках культурной антропологии, исследований массмедиа, проблем афро-американского населения, женского движения, которые в своей совокупности были подчинены вопросам идентичности субъекта в индустриальном обществе – идентичности национальной, расовой, этнической, культурной. "К.И." известны своим эклектическим характером (в частности, в области методологии) и специфическими поли-

тическими акцентами. "К.И." являются и академическим проектом, и социально-политическим движением; это интеллектуальная и политическая идеология в марксистско-постструктуралистском смысле: письмо, текст рассматриваются в их рамках как форма политической практики. "К.И." основываются на представлении о том, что современный мир – это тотальная множественность – классовая, расовая, этническая, культурная (принцип "мультикультурализма" – "multiculturalism"). Это направление исследований вовлекло в свою орбиту множество ранее не изучавшихся, маргинальных объектов и феноменов – например, телевизионные новости, этнические меньшинства, поп-музыка, различные типы сексуального поведения и идентичности, семиотика современных торговых центров (моллов), комиксы о Супермене, фильмы ужасов, реклама, урбанистическая утопия Диснейленда, "феномен Барби" и т.д. Кроме того, разнообразные "меньшинства" или те, кто к таковым себя причисляет, получили академическую трибуну для выражения своих взглядов (поэтому иногда "К.И." называют "дискурсом меньшинств"). Зачастую именно с этим направлением связывают рост популярности принципа "политической корректности". "К.И." создавались в атмосфере напряженных дискуссий по поводу самых насущных проблем современности, изменивших стиль жизни и социальные реалии западных обществ: индустриализация, модернизация, урбанизация, усиливающаяся дезинтеграция локальных общин, коллапс западных колониальных империй и развитие новых форм империализма и неоколониализма, развитие массовых коммуникаций, создание глобальной экономики и повсеместное распространение массовой культуры, возникновение новых форм экономически и идеологически мотивированной миграции и возрождение национализма, расового и религиозного притеснения. "К.И." представляют собой своего рода "культурную антропологию" современных постиндустриальных обществ. Главная задача Бирмингемского Центра "К.И." на ранних этапах деятельности состояла в том, чтобы инициировать широкие исследования современной британской культуры – повседневной, обыденной – с учетом социальных, политических и экономических контекстов.

Публикации, с появлением которых связывают рождение "К.И." как отдельного направления исследований, – книга Р. Хоггарта "Выгоды образованности" (1957) и исследование Уильямса "Культура и общество" (1958). Холл, анализируя эволюцию Центра, считает, что эти две книги сыграли очень важную роль в осмыслении английского общества, тех его социальных и культурных феноменов, которые дали о себе знать в первое десятилетие после войны. Англичане, по мысли Холла, рассматривали на тот момент свое общество как находящееся в переходном состоянии, но нужно было еще выяснить: перехода от чего к чему – от индустриальной цивилизации к постиндустриальной? к какому типу общественной формации? А также совпадают ли "стадии экономического роста" с расцветом в сфере культуры? Изучение британского общества и культуры являлось отчасти реакцией на все более усиливавшееся влияние американского влияния ("К.И." обозначили симптоматичное стремление выявить специфику культурной ситуации в Великобритании): Америка с ее глобалистскими тенденциями диктовала, навязывала свои представления о том, каким должно быть позднекапиталистическое общество, а британские исследователи пытались отстоять демократизм в ответ на тоталитаризм, поликультурность и полиэтничность в противовес моноэтничности и доминирующей модели культуры (будь то культура элитарная, "высокая" или массовая на голливудский манер). Хоггарт, например, попытался рассмотреть эту проблематику через конкретный срез современной ему культуры городского рабочего класса. Уильямс, в свою очередь, стремился рассмотреть метатеоретические основания дискурса о культуре, начиная с работ английских теоретиков 18 в. и кончая английскими интеллектуалами уже послевоенного периода (включая Ф. Ливиса с его работой "Массовая цивилизация и культура меньшинств").

Одним из первых британских теоретиков, обратившихся к изучению рабочей культуры, был также историк-марксист Э. Томпсон со своей работой "Созидание английского рабочего класса" (1968). Постепенно "Культура" с большой буквы начала сдавать позиции множественным, частным, исторически и социально определенным культурам. Эти культуры интерпретируются в рамках "К.И." уже не как способ жизни вообще (то есть как собственно человеческий способ жизнедеятельности), но как многообразные способы жизни (или проживания) ("the way of life"), имеющие качественную определенность, детерминированную материальными условиями жизни (антропологическое определение культуры как жизненной практики). Культура определяется также и как процесс, в котором происходит общесоциально значимая процедура обмена значениями, которые являются социальными и культурными конструктами и носят исторически изменчивый, преходящий характер. Нельзя сказать, что поворот к изучению культуры рабочего класса и вообще материальных детерминаций культуры был таким уж неожиданным для британской академии. Начав с постижения духа народных низов и вульгарно-социологических схем (поначалу это был механистически понятый классический марксизм), британская историческая наука и культурология постепенно становятся все более гибкими, антропологически ориентированными и начинают включать в свои исследования поведение, обычаи, ценности, представления, верования всех социальных групп, независимо от их положения в социальной иерархии, поставив перед собой задачу синтеза всей исторической действительности в фокусе человеческого сознания (в "субъективной реальности" – не случайно один из британских теоретиков Р. Джонсон определил объект "К.И." так: "социальная жизнь субъективных форм"; отсюда и интерпретации культуры как деятельности по производству сознания, "субъективных форм", в которые мы облекаем нашу жизнь. Несомненным достижением английских историков и культурологов в их подходе к изучению истории культуры явилась разработка

методов реконструкции стереотипов сознания, осмысление глубинной программы человеческой деятельности, заложенной в культурной традиции и нашедшей выражение как в письменных источниках, так и в предметах материальной культуры. Постепенно собственно социологические и исторические методы исследования уступили место другим методам работы с культурными текстами – этнографическим (качественные методы), семиотическим и т.д. Не в последнюю очередь это оказалось связано с тем, что помимо неомарксизма свою роль в становлении парадигмы "К.И." сыграл и французский структурализм. Применение методов структурной лингвистики к изучению идеологии позволяло не просто выявить содержательную сторону некоей идеологической программы, а показать, как она работает, как структурируется сама и как структурирует культурные практики. В рамках парадигмы "К.И." "культура" перестает быть "объектом" и становится "способом проживания", совокупностью практик, формирующих идентичность субъекта, класса, расы и гендера. Однако изменить доминирующие определения и интерпретации культуры было не просто.

Уильямс – один из основателей британских "К.И." – отмечал, что "мы все еще продолжаем смотреть на культуру глазами ученых XVIII века, испытывавших скрытое или явное презрение ко всем другим видам деятельности, за исключением интеллектуальных. Традиционные определения культуры (которыми оперирует и наша отечественная культурология) по иронии судьбы воплощают аристократическое понимание культуры, согласно которому культура неизменно ассоциировалась с философией, искусством, литературой, наукой – теми сферами деятельности, где главную роль играли представители господствующего класса. В русле этой стратегии пролетарская культура не вписывается в понятие культуры (как культуры высокой), поскольку она не репродуцирует и не культивирует вышеозначенные виды деятельности; не вписывается в этот канон и массовая культура. Точно так же многие социальные группы – рабочий класс, женщины, "цветные" – не были представлены соответствующим образом в традиции "высокой культуры": они были маргинализованы или вовсе исключены". Не случайно Уильямс и его коллеги начали с того, что предложили отказаться от ряда старых стереотипов мышления, шаблонных делений искусства на высокое и низкое, технологию и культуру (и следовательно, отказаться от негативных коннотаций термина "культурная индустрия"), от оппозиции интеллектуала и массы, культуры и политики. Они попытались изменить "элитистскую" культурологию и с неомарксистских позиций исследовать надстроечные явления под лозунгом "все есть массовая культура" (Ф. Ливис), отказавшись от идеи культуры как Великой Традиции, "суммы достижений человеческого разума и духа", совокупности шедевров, домена интеллектуального и эстетического совершенствования. Культура не обязательно – "лучшее из всего сказанного и сделанного" человечеством (Холл); она не тождественна "высокой культуре". Культура – это прежде всего социальный феномен, а не "сумма эстетических идеалов красоты" и не "голос разума", который проникает через границы времени и нации и говорит от лица гипотетического универсального человека. В таком понимании культуры – как способа жизни, как совокупности практик, как процесса создания ценностей, присущих данному обществу, – теоретики К.И. очень близки к позиции культурных антропологов. "Культура в обыденности" – так называлась знаменитая работа Уильямса, изменившая радикальным образом представления западных теоретиков (в том числе и феминистских) о том, что такое культура.

Уильямс утверждал, что культура должна быть изучена как целостный "способ жизни" ("the total way of life"), как реальный мир, в котором живут (работают, любят, творят, отдыхают) обычные люди. Более того, речь должна идти о многообразных способах жизни, а не об одном типическом или едином. "Обычность" или "обыденность" культуры означает, что мы все участвуем в ее создании и приучаемся жить в ней посредством целого ряда повседневных практик, формирующих наш образ мыслей, – получаем образование, играем, учим родной язык, приобретаем навыки к труду в кругу семьи, приобретаем опыт межличностных отношений. Именно в этих обычных видах деятельности мы научаемся культуре. Культурные смыслы и значения обретаются в повседневном опыте. Взяв на вооружение тезис Фейербаха о том, что "Человек есть то, что он ест" (или в формулировке Маркса "Бытие определяет сознание" – в любом случае речь шла о совокупности детерминаций, определяющих сознание человека в зависимости от его окружения, жилища, способа питания и т.д.), теоретики "К.И." предложили свое понимание "природы человека" – лаконичнее всех по этому поводу в свое время высказался Грамши: "Природа человека – это "история" (или же с помощью подстановки, которую также предлагает этот философ, можно сказать, что "Природа человека есть дух", если отождествить "дух" и "историю"). Тем самым отрицается и "человек вообще", и "культура" как нечто всеобщее и преимущественно "духовное" и одновременно утверждается идея о становлении, историчности и контекстуальности человеческого бытия и сознания. Среди исследователей, работающих в парадигме "К.И.", существуют определенные разногласия по поводу уместности использования традиционных терминов, использование которых неизбежно возвращает к дихотомическим парам "высокая – низкая", "массовая – элитарная" культуры и т.п. В связи с этим предпринимаются попытки обозначить объект "К.И." с помощью, например, такой категории, как "культура медиа", которая была призвана заменить перенасыщенный негативными коннотациями термин "массовая культура". Д. Келлнер полагал, что значение этого термина описывает одновременно природу и формы артефактов культурной индустрии, характеризует способ производства современной культуры и ее распространения, выделяя в особую сферу цикл производства, потребления и восприятия продуктов, произведенных средствами массовой коммуникации. На методологическом уровне использование этого термина позволяет объединить в одно целое "К.И." и

теорию коммуникаций. Культура по определению коммуникативна – это модус ее существования (предполагающий различные формы символического обмена – от потлача и брачных союзов до феномена массовой коммуникации), а "медиакультура" к тому же – доминантная, господствующая форма, способ бытия культуры в современном обществе. Таким образом, британские теоретики "К.И." предлагали исследовать культуру в совокупности ее материально-производственных, социально-экономических, повседневно-бытовых, коммуникативных, политико-идеологических, эстетических и религиозно-философских форм. Они стремились к анализу культуры не в абстрактно-философских категориях, а в социально и исторически определенных контекстах; в поле их внимания оказывались не "доминирующие" культурные модели, а, скорее, маргинальные и оппозиционные культурные практики – все то, что традиционно относилось к категории "другости". В рамках такой исследовательской стратегии любой культурный феномен анализируется не как явление "возвышенной автономности", а с точки зрения его принадлежности "совокупному способу производства" данной культуры (ср. эффект "структурной причинности" у Альтюссера – **см.**). Искусство перестает рассматриваться как квинтэссенция духовно-культурного опыта, здесь это всего лишь одна из форм общей социальной практики. Материалистической эта парадигма является потому, что основное внимание она уделяет изучению "материальной культуры" – не изучению роли экономического базиса по отношению к надстройке, а именно материальной, медиализированной, технологичной повседневной культуры, которая выступает как посредник между высокой культурой и искусством и собственно материальным производством, между властью и простыми людьми. Стирая различие между высокой и массовой культурой, "К.И." вскрывают природу этого различия, детерминированного борьбой политической и академической властей, – борьбой за культурный капитал и доступ к нему, за производство идентичностей внутри и посредством культурных репрезентаций.

В своем понимании культуры Уильямс, Р. Хогарт и другие сторонники парадигмы "К.И." опираются на несколько основных марксистских принципов анализа общества (хотя не столько в классической его версии, сколько в неомарксистской): любые социальные феномены обусловлены способом производства (чтобы понять общество – необходимо исследовать детерминирующий его развитие способ производства), что культура есть прежде всего способ деятельности (или способ проживания), что культура имеет классовый характер (то есть она тесно связана с классовыми отношениями и формированием классового сознания, а культурный опыт – язык, образование, поведение – всегда приобретается через призму своего классового окружения), что культура не гомогенна – в любом обществе доминирует культура господствующего класса, функционирование которой обеспечено соответствующими образовательными учреждениями, массмедиа, литературными нормами языка, "высокими" искусствами, в то время как некоторые культуры (например, культура рабочего класса или определенная этническая культура) остаются невидимыми. Переосмысление роли культуры в жизни социума стало ключевым пунктом расхождения бирмингемских теоретиков с ранним марксизмом. Неомарксисты отказались от интерпретации надстройки как вторичного, целиком детерминированного уровня социальных отношений, функция которого состоит в пассивном отражении реальности экономического базиса; они выдвинули на первый план проблему относительной автономности, действенности надстроечных структур: осмысление своего опыта и формирование сознательного отношения к реальным условиям существования способствует их изменению. Следует заметить, что для неомарксистов (начиная с Грамши – **см.**) концепция экономического детерминизма представляет серьезную проблему и является в конечном счете непроверяемой. Речь, скорее, может идти о множественных детерминациях, о взаимозависимости и взаимообусловленности экономических отношений, культурных институтов, идеологии и политической власти, а также об определяющей роли "образа жизни". Кроме того, вопрос о детерминации культуры экономическими отношениями осложняется и тем, что культура в парадигме "К.И." тотальна, она переплетается со всеми социальными практиками и видами деятельности. Иначе говоря, сам экономический базис оказывается при таком подходе всего лишь проявлением культуры, одним из ее измерений. Грамши предложил модель гегемонии для описания сложной организации экономического и политического давления капитала в буржуазном обществе, указав на то, что решающую роль в проведении доминирующей идеологии (идеологии угнетения и подчинения) выполняют не непосредственные рычаги экономического принуждения, а культура – школа, церковь, массмедиа, наука, индустрия развлечений. В прослойке культурных институций гаснут революционные импульсы эксплуатируемых классов и "смягчается" экономическое давление буржуазного способа производства. Для Грамши и представителей Франкфуртской школы (**см.**) культура выступала прежде всего как идеальный инструмент для навязывания идеологии доминирующего класса, как проводник властных стратегий (пространство, в котором происходит разжижение твердого тела власти и растекание этих импульсов по артериям культурного производства), а все ее институты и формы – в конечном счете как инструменты политического господства. При этом Грамши указывал, что борьба за переделку народного "склада ума" происходит в области культуры (силами философии).

Для теоретиков Бирмингемского Центра К.И. идея безусловного торжества доминирующей идеологии в сфере культуры не приемлема – будучи медиатором политических амбиций классов-антагонистов, культура является, по их версии, пространством борьбы за символический капитал, она инициирует процесс обмена мнениями и выработку критических теорий. Культура не является ни полностью автономной, ни абсолютно детерминированной сферой, это скорее место проявления социальных различий и борьбы за идеологические

приоритеты. "К.И." рассматривают культуру как деятельность ("agency") обычных людей по восприятию и производству культурных смыслов. Культура, с точки зрения адептов "К.И.", выступает не только средством легитимации социального неравенства – она так же предлагает способы его преодоления: любая "революция" (от социалистической до женского освободительного движения) начинается с борьбы за переоценку культурных ценностей и изменение культурной политики. Культурная политика класса, пола или расы – это борьба за то, чтобы сделать "видимой" историю и культуру данной социальной группы, это борьба за репрезентацию, это борьба с доминирующей идеологией, узурпировавшей право на "именование", на натурализацию так называемого "здравого смысла", на представление "официальных версий" и реконструкцию исторического прошлого (история феминизма является, возможно, наиболее ярким примером такой борьбы – включавшей в себя как критику доминантных (патриархатных) способов репрезентации женщин, так и создание антисексистских позитивных образов и значений феминности). Роль критически настроенных интеллектуалов ("органической интеллигенции", в терминологии Грамши) повышается по мере того, как усложняются механизмы репрессии и доминирования в капиталистическом обществе, поскольку именно они берут на себя функцию разоблачения доминирующей идеологии и формирование стратегии культурного сопротивления власти. Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, как теоретики "К.И." понимают идеологию, и в чем их интерпретация расходится с общепринятым в раннем марксизме представлением об идеологии как "ложном сознании". Вслед за Альтюссером (см. его концепцию "государственного идеологического аппарата") они полагают, что идеология – это набор мифических и иллюзорных представлений о реальности, выражающих воображаемые отношения людей к реальным условиям своего существования и присущих их непосредственному опыту. Идеология оказывается совокупностью бессознательных детерминаций, а не формой сознания (и не системой идей) в общепринятом смысле. Если у Маркса (а также в марксизме-ленинизме) идеология выступала как "уровень общественного сознания", в рамках "К.И." речь идет, скорее, об "общественном бессознательном". Кроме того, если основоположники марксизма были уверены в том, что в бесклассовом обществе идеология перестанет существовать, уступив место научному мировоззрению, то Альтюссер утверждал, что у идеологии нет истории, и подобно бессознательному она вечна.

По мысли сторонников "К.И.", идеология не только предлагает концепцию внешнего мира, но она также формирует и самого субъекта, вписывая его в эту картину мира. Идеология – это система репрезентаций, выполняющая не столько теоретическую функцию, сколько практическую – она пропитывает все общество, обеспечивая механизм формирования общественной солидарности. Общество нуждается в заведомо мифическом представлении о мире. Идеология мистифицирует и деформирует внешний по отношению к индивиду мир, в ней реальные отношения с необходимостью трансформируются в отношения символические, воображаемые. Идеология – это совокупность идеальных проекций индивидов, и в этом секрет ее эффективности как цемента социальных отношений и институтов. Основной целью любой идеологии всегда было конституирование индивидов в воображаемые "субъекты" (как центры свободной инициативы и автономности), чтобы обеспечить их действительное подчинение социальному порядку, отводя им роль либо слепых его сторонников, либо жертв. Альтюссер находит точку опоры для своей концепции идеологии у Лакана (см.) – только в Символическом формируется некая субстанциальная целостность индивида, которая в реальности недостижима; субъект сам по себе есть "ничто", пустая форма, которая заполняется содержанием символических матриц. Тем самым проблема идентичности субъекта, с позиций методологии "К.И.", – это проблема конституирования его символического статуса в системе социальных отношений. В культуре (через идеологию) субъект создает собственный нарциссический образ, социализируясь посредством вписывания себя в определенную символическую структуру социума). Вместо "истинной", всегда тождественной самой себе идентичности классического субъекта Альтюссер предлагает идею культурной (символической) идентичности. Таким образом, субъект в "К.И." – это не онтологическая сущность, но социальный конструкт. Все это позволяет понять, какую роль играют означивающие практики в конституировании идентичности субъекта – отсюда такое внимание теоретиков "К.И." к воображаемым, символическим отношениям, которые определенным образом репрезентируют реальные условия жизнедеятельности индивидов (что на уровне методологии выражается в эксплицитном интересе "К.И." к семиотике). Относительная автономность надстройки объясняется прежде всего тем, что идеология – это не статическая совокупность идей, непосредственно отражающих положение дел в материальной жизни, это динамическая социальная практика. Теоретики "К.И." принимают факт идеологической природы культуры как данность и интерпретируют ее функционирование как процесс формирования символической сетки, которую она набрасывает на действительность. Идеология невидима потому, что она конституируется в самых что ни на есть привычных средствах коммуникации и формах повседневной жизни – прежде всего в языке. Вне идеологии культуры не существует. То, что в "реальности" – на уровне материальных отношений по производству, распределению и производству материальных благ – принимает форму политической и экономической борьбы, в сфере культуры обретает единственно возможную форму – борьбы за легитимацию доминирующих значений, то есть той самой идеологически скорректированной картины мира. Вопреки собственным претензиям на универсальность господствующая идеология и то мировидение, которая она предлагает, с необходимостью являются узкими и избирательными. Поэтому, по мысли теоретиков "К.И.", одновременно в обществе существуют практики, которые доминирующая система

отрицает или исключает из сферы "культуры". Такие практики воплощают собой значения и ценности, свойственные индивидам и социальным группам (при этом речь не идет только о группах, консолидированных по классовому признаку), чья позиция в общественном целом является маргинальной и бесправной. Наличие таких групп (субкультуры городской молодежи, группировки "фанов", гомосексуалы, эмигранты) позволяет говорить о постоянном присутствии в обществе напряжения и противоречий между основной системой практик, значений и ценностей и множеством маргинальных. Итак, культура в парадигме "К.И." мыслится как процесс, как "праксис", как нечто подвижное и быстро трансформирующееся, где имеет место множественность детерминаций, среди которых трудно отделить ситуативные, сиюминутные факторы влияния ("fresh determinations") от проявлений долговременных отношений и ценностей. "Культура с большой буквы" уступила место множественным, частным, исторически и социально определенным культурам. Культура, согласно "К.И.", – не едина и гомогенна, а дифференцирована, основана на принципе различия. Если это и единство, то сложное ("единство-в-различии", "артикулированная целостность"). См. также: **Идеология.**

А.Р. Усманова

КУЛЬТУРНЫЙ ШОК – первоначальная реакция индивидуального, группового или массового сознания на встречу с иной культурной реальностью, исходный пункт диалога культур. К.Ш. возникает как отражение принципиальной нестыковки различных культурных образцов, конфликта между привычным "естественным" набором ценностей, языковых и поведенческих практик и культурными нормами, привнесенными новой (инокультурной или изменившейся) средой, в которую оказывается "заброшенным" индивид (ситуация индивидуальной эмиграции или туризма), социальная группа (ситуация массовой эмиграции, беженцев, принудительной высылки по национальному или религиозному признаку), или общество в целом (ситуация культурной диффузии – попытка радикального преобразования социальной системы по образцу "чужой" культуры в результате внутреннего культурного кризиса или внешней культурной экспансии). Степень шоковой реакции индивида или социума при встрече с "чужим" культурным пространством определяется: глубиной различий (или степенью совместимости) между прежней и новой культурами; особенностями индивидуального, группового или национального психологического типа обеих сторон межкультурной коммуникации; наличием или отсутствием устойчивых фрагментов старой культурной среды (семьи, языковых и профессиональных навыков, информационной среды, круга общения и т.п.), способных сохраниться в новом культурном контексте; степенью открытости и динамичности "своего" культурного пространства, местом традиционных ценностей в системе "своей" культуры и ее адаптационными возможностями; аналогичными особенностями "чужой" культуры; степенью глобальности и остроты "шоковой" культурной коммуникации, задающей диапазон приемлемости в данном диалоге культур.

Принято выделять четыре возможных способа преодоления К.Ш.: 1) Колонизация: агрессивная демонстрация и пропаганда собственных культурных ориентиров и моделей поведения, радикальное неприятие традиционных ценностей "местной" культуры и их вытеснение на периферию культурного пространства. Воплощает культурную политику более сильного (в социальном, экономическом и культурном плане) участника диалога культур. Колонизация происходит в результате как различных форм военной или культурной экспансии, так и интенсивных модернизационных процессов ("вестернизация" или "русификация" в РБ). Ее конечная задача – максимальная "зачистка" культурной среды с целью ее последующего преобразования согласно канонам "культурного агрессора". 2) Геттоизация: создание компактных мест проживания "чужих" (эмигрантов, беженцев, гастарбайтеров) или "местных" (индейцы США) носителей иной культуры, где они получают возможность сохранять и поддерживать свою культурную микросреду в жестких рамках локальных замкнутых пространств (гетто). В данном случае К.Ш. смягчается при помощи выделения как "сильному", так и "слабому" участнику конфликта собственной сферы влияния. При этом, однако, каждая из сторон демонстрирует отказ от принятия "чужих" ценностей. Характерные примеры: "русский" Брайтон-Бич и знаменитые китайские кварталы – Чайнатауны в США, районы проживания религиозных ортодоксов в Израиле и т.п. 3) Ассимиляция: крайняя форма культурного конформизма, сознательный отказ от собственной (более "слабой" или утратившей актуальность) культурной идентичности в пользу полного приспособления к "чужой" культуре. 4) Диффузия: различные модели совмещения элементов "своей" и "чужой" культур. Наиболее глобальная и долгосрочная форма межкультурного диалога, имеющая нередко своим результатом преобразование ряда основополагающих культурных ориентаций взаимодействующих культур. К примеру, К.Ш., пережитый европейской культурой при встрече с "чужими" культурами в процессе колониальной и миссионерской экспансии 14-19 вв., существенно способствовал антропологическому перевороту в философии культуры – отказу от европоцентризма и принятию всего реального многообразия культурных миров в качестве равноправных участников культурной динамики. Таким образом, К.Ш. является существенным элементом культурной динамики, лишая однозначности привычные культурные стандарты, способствуя обновлению традиционных культурных систем за счет "вторжения" инокультурных элементов, стимулируя инновационную активность путем взаимодействия различных культурных традиций и культурных практик, содействуя изменениям социальной структуры общества.

М.Р. Жбанков

КУЛЬТУРЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – одна из основных составляющих социологии, предме-

том которой является сфера культуры и составляющие ее институты культуры, в которых организуется творческая деятельность людей искусства (театр, кино, литература, музеи, книгоиздание, творческие союзы, профессиональные организации и т.д.), функционируют объекты культуры (произведения искусства, памятники) и осуществляется социальное потребление культурных благ. К.С.И. необходимо рассматривать как одно из основных звеньев в полидисциплинарной структуре современных наук об обществе и культуре наряду с социологией досуга, социологией религии, культурной антропологией, этнологией, социальной философией и др.

Социологи традиционно разрабатывали проблематику культуры в рамках различных направлений социальной теории. Более чем вековая научная традиция, специфика понятийного аппарата и методов социологии в исследованиях культуры создали значительный объем теоретических и эмпирических знаний К.С.И. Следует отметить, что в социологической теории понятие "культура" трактуется в двух основных значениях: 1) как механизм социальной интеграции и регуляции – Г. Спенсер (**см.**), М. Вебер (**см.**), Т. Парсонс (**см.**); 2) как особая социальная сфера (сфера духовного производства), включающая прежде всего социальный контекст мира искусства (это значение приведено выше в определении). Второе значение является ключевым с точки зрения отраслевого деления социологического знания. В этом подходе базовые теоретические установки К.С.И. были сформулированы в трудах К. Манхейма (**см.**), Р. Уильямса (**см.**), Г. Маркузе (**см.**), Т. Адорно (**см.**), П. Бурдье (**см.**) и др. Актуальность К.С.И. обусловлена также стремительным ростом внимания ученых к проблемам культуры в различных направлениях социологии в 1970-1980-х. Однако несмотря на то, что интерес к различным социологическим аспектам культуры остается стабильно высоким, статус К.С.И. (как и социологии культуры – **см.**) как дисциплины продолжает быть предметом дискуссий, особенно в американском социологическом сообществе.

Впервые систематические, как к отдельной дисциплине, подходы к К.С.И. разрабатываются в ранних работах К. Манхейма: "О специфике культурно-социологического познания" (1924), "Эссе о социологии культуры" (1931). Манхейм характеризовал необходимость К.С.И. в современном обществе исходя из кризиса романтического и просветительского мировоззрений, ставшего стимулом обращения к феномену культуры. В социологическом рассмотрении культуры Мангейм видел стратегию приближения уровня социологических понятий к явлениям культуры, исходя из предпосылки о включенности искусства в жизнь и в конкретно исторические условия общества, что, собственно, и является предметом К.С.И.

Принципиальной установкой К.С.И., по Манхейму, является социальная функциональность и общественная обусловленность произведений искусства, а также рассмотрение художественного стиля как социологической категории. Ключевой социальной группой, рассматриваемой в рамках данного подхода, является интеллигенция (**см.**) как носитель и производитель культуры, занимающая, однако, особое вне/межклассовое социальное положение, и в современном состоянии образующаяся как относительно открытая и демократичная группа, характерными чертами которой следует считать образованность и способность к сопереживанию. Особое значение в К.С.И. имеет анализ исторического становления интеллигенции (в частности, в Европе: от средневековых гильдий и корпораций до духовенства, гуманистов и светских салонов). Именно Манхейм сформулировал идеи и проблематику анализа интеллигенции, ставшие основой К.С.И.

Весьма ярким и влиятельным теоретиком К.С.И. следует считать британского социолога Р. Уильямса (основные работы: "Общество и культура"; "Долгая революция"; "Социология культуры"; см. также **Уильямс**). Он предложил трехуровневую теоретическую модель культуры: "живая" культура, существующая для данного общества здесь и сейчас; документированная культура, отраженная в сохранившихся произведениях и интерпретациях; культурная традиция, в которой неизбежна постоянная культурная селекция содержания первых двух уровней. В этой модели Уильямс впервые формулирует еще одну ключевую проблему К.С.И. – проблему селективной традиции, социального отбора того, что является культурно-ценным и что таковым не является.

Как и Мангейм, Уильямс настаивал на приоритете исторического анализа в К.С.И. и с этих позиций рассматривал изменения социальной организации и социального статуса художников: от сакральных героев античности, гильдий, патронажа и академии средневековья до течений, школы кружков и наднациональные форм организации культуры. Большой заслугой Уильямса является создание эмпирической социологии культуры на историческом материале Великобритании. В частности, Уильямс проделал образцовый анализ становления "читающей публики", рассмотрев индустрию публикаций и исторических этапов ее развития от scriptoria до многотиражных изданий, проанализировав социальные препятствия развития читающей публики, описав демографию и социальную инфраструктуру как факторы, способствующие развитию индустрии публикаций.

Проблематика К.С.И. рассматривается в критической теории общества, получившей развитие во Франкфуртской школе социальных исследований (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе). В основных работах этого направления – "Диалектика Просвещения" (**см.**), "Одномерный человек" (**см.**), "Социология музыки" – впервые систематически вводится понятие "культурная индустрия", характеризующее динамику социокультурных изменений 20 в. Культуриндустрия – феномен массового общества, изощренный обман масс, масштабное производство и поставка "чувственно данного" для массового потребления (мода, медиа-продукция, шоу-бизнес, бизнес развлечений и т.д). Происходит унификация культуры в контексте тотальности капитала. Возрастает культурное значение и доминирование массовых жанров, требующих

медиа-адаптация произведений культуры. В работе Т. Адорно "Социология музыки" формулируются принципы К.С.И. применительно к конкретным областям художественной деятельности. Искусство рассматривается как форма социальной интеграции (**см.**). Значительное внимание уделяется типологии "слушателей музыки" (аудитории), типов отношения к музыке, а также рассматривается социальная динамика музыкальной жизни, социальная структура творческих коллективов, влияние критики и общественного мнения на творческий процесс.

Свой значительный вклад в развитие К.С.И. внес П. Бурдье (**см.**). В работе "Поле культурного производства" он проанализировал динамику сил и борьбы за диспозиции (габитус – **см.**) в пространстве литературной и артистической деятельности. Социальные факторы конкуренции, стратификации, неравенства доступа к ресурсам, власти и влиянию определяют структуру поля производства символических благ (культуры) и делают границы искусства (что считать жанром, классикой, авангардом и т.д.) ставкой в борьбе за диспозиции. Бурдье считает, что социальная репрезентация (критика, прославление, присвоение званий) и производство социального дискурса об искусстве политическим/эстетическим эстеблишментом решающим образом определяют социально приемлемую структуру поля культуры.

Безусловно, одной из основных общих тем К.С.И. следует считать анализ институтов культуры в рамках социальной структуры и институциональной системы общества. Традиционно как культурные институты, рассматривают книги, книгоиздание и библиотеки; искусство и художественные промыслы, музеи, памятники, архивы и другие институциональные аспекты социологического анализа культурной памяти. Необходимо упомянуть еще целый ряд основных тем К.С.И.: социальное значение литературы, театра, живописи, социология кино (актеры и роли, пристрастия зрителя, формирование субкультур вокруг кинопроизведений); фомирование культурных ценностей и проблема оценки/экспертизы произведений; социальное взаимодействие художника и зрителя; социальная стратификация и потребление благ культуры; культура в мире досуга; культурная политика.

С точки зрения понятия о культуре как механизме социальной интеграции и регуляции, центральное место в К.С.И. занимает типологизация культур. Выделяются такие виды, как народная культура (культуры социального слоя сельских производителей), ремесленно-буржуазная культуры (культура социального слоя городских производителей), культура элиты (социального слоя производителей и хранителей социального порядка), культура и жизненный стиль среднего класса. Помимо представлений об элитной, народной и массовой культуре, в социологии используется понятие "субкультуры" (**см.**), которая характеризует стиль и образ жизни определенных социальных групп: молодежная субкультура, национальные субкультуры, субкультура в организациях, корпоративная культура (ценности, символы и ритуалы), городские субкультуры, контркультуры, киберкультура. Любой из типов культур и субкультур характеризуется особенностями языка, ценностей, норм поведения, символикой и идентичностью носителей культуры.

Эмпирические программы в рамках К.С.И. ориентированы преимущественно на анализ институтов культуры и оценку социальных потребностей в сфере культуры. Однако в последние десятилетия все больший вес приобретают качественные исследования культуры (case study, этнографические описания, биографические интервью), в которых преобладает акцент на субъективных (интерпретативных) и ценностных аспектах культурной жизни.

Д.В. Галкин

КУМУЛЯТА – см. **ГРАФИК НАКОПЛЕННЫХ ЧАСТОТ.**

КУН (Kuhn) Томас Сэмюэл (1922-1996) – американский философ и историк науки, один из лидеров современной постпозитивистской философии науки. В отличие от логического позитивизма, занимавшегося анализом формально-логических структур научных теорий, К. одним из первых в западной философии акцентировал значение истории естествознания как единственного источника подлинной философии науки.

Проблемам исторической эволюции научных традиций в астрономии была посвящена первая книга К. "Коперниканская революция" (1957), где на примерах птолемеевской и сменившей ее коперниканской традиций К. впервые осуществил реконструкцию содержательных механизмов научных революций. Коперниканский переворот при этом рассматривается им как переход научного сообщества к принципиально иной системе мировидения, что стало возможным благодаря не только внутринаучным факторам развития, но и различным социальным процессам ренессансной культуры в целом.

Свою конкретизацию и наиболее яркое выражение позиция К. нашла в его следующей книге "Структура научных революций" (**см.**), которая инициировала постпозитивистскую ориентацию в современной философии науки и сделала К. одним из ее наиболее значимых авторов. Анализируя историю науки, К. говорит о возможности выделения следующих стадий ее развития: допарадигмальная наука, нормальная наука (парадигмальная), экстраординарная наука (внепарадигмальная, научная революция). В допарадигмальный период наука представляет собой эклектичное соединение различных альтернативных гипотез и конкурирующих научных сообществ, каждое из которых, отталкиваясь от определенных фактов, создает свои модели без особой апелляции к каким-либо внешним авторитетам. Однако со временем происходит выдвижение на первый план какой-то одной теории, которая начинает интерпретироваться как образец решения проблем и составляет теоретическое и методологическое основание новой парадигмальной науки. Парадигма (дисциплинарная матрица) выступает как совокупность знаний, методов и ценностей, безоговорочно разделяемых членами научного сообщества. Она определяет спектр значимых научных проблем и

возможные способы их решения, одновременно игнорируя не согласующиеся с ней факты и теории. В рамках нормальной науки прогресс осуществляется посредством кумулятивного накопления знаний, теоретического и экспериментального усовершенствования исходных программных установок. Вместе с тем в рамках принятой парадигмы ученые сталкиваются с рядом "аномальных" (т.е. не артикулируемых адекватно в рамках принятой парадигмы) фактов, которые после многочисленных неудачных попыток эксплицировать их принятым способом приводят к научным кризисам, связанным с экстраординарной наукой. Эта ситуация во многом воспроизводит допарадигмальное состояние научного знания, поскольку наряду со старой парадигмой активно развивается множество альтернативных гипотез, дающих различную интерпретацию научным аномалиям. Впоследствии из веера конкурирующих теорий выбирается та, которая, по мнению профессионального сообщества ученых, предлагает наиболее удачный вариант решения научных головоломок. При этом приоритет той или иной научной теории отнюдь не обеспечивается автоматически ее когнитивными преимуществами, но зависит также от целого ряда вненаучных факторов (психологических, политических, культурных и т.п.). Достижение конвенции в вопросе выбора образцовой теории означает формирование новой парадигмы и знаменует собой начало следующего этапа нормальной науки, характеризующегося наличием четкой программы деятельности и искусственной селекцией альтернативных и аномальных смыслов. Исключение здесь не составляет и тот массив знаний, который был получен предшествующей историей науки.

Процесс принятия новой парадигмы, по мнению К., представляет собой своеобразное переключение гештальта на принципиально иную систему мировидения, со своими образами, принципами, языком, непереводимыми и несоизмеримыми с другими содержательными моделями и языками. Видимость кумулятивной преемственности в развитии знания обеспечивается процессом специального образования и учебниками, интерпретирующими историю науки в соответствии с установками, заданными господствующей парадигмой. В силу этого достаточно проблематично говорить о действительном прогрессе в истории естествознания. Усовершенствование и приращение знания отличает только периоды нормальной науки, каждый из которых формирует уникальное понимание мира, не обладающее особыми преимуществами по сравнению с остальными. К. предпочитает говорить не столько о прогрессе, сколько об эволюции (наподобие биологической), в рамках которой каждый организм занимает свою нишу и обладает своими адаптационными возможностями. Куновская интерпретация научного прогресса вызвала всплеск критических публикаций, и его последующие работы были связаны с уточнением исходных положений, сформулированных в "Структуре научных революций".

В своей монографии "Теория черного тела и квантовая прерывность. 1894-1912" (1978) К. анализирует социально-психологические и теоретико-методологические факторы революции в квантовой физике, на примере которой показывает парадоксальную перманентность революционных открытий, психологию гештальт-переключения при создании новых научных сообществ. Концепция К. оказала огромное влияние на современную философию науки. Обоснованные им историко-эволюционистский подход, антикумулятивизм, идея о социокультурной обусловленности научного познания (экстернализм), введенные понятия парадигмы и научной революции в значительной степени способствовали преодолению неопозитивистской традиции в философии науки и оформлению постпозитивизма, социологии и психологии науки.

Е.В. Хомич

КУРОПЯТНИК Инна Ивановна (р. 1940) – белорусский социолог, ведущий научный сотрудник Института социологии и социальных технологий НАН Беларуси. Кандидат экономических наук (1971), доктор социологических наук (1997, тема диссертации – "Экономическое стимулирование отраслей: социологический анализ").

Окончила Белорусский государственный институт народного хозяйства. Работала экономистом на Оршанском льнокомбинате, старшим инженером ЦКБ оборудования гальванопокрытий, старшим преподавателем кафедры экономики промышленности БГИНХ, старшим научным сотрудником Института экономики АН БССР.

Сфера научных интересов – социология труда, отраслевая стратификация экономики Беларуси, социально-экономические особенности труда и производства в различных отраслях, специфика трудовых коллективов отдельных отраслей, своеобразие регулятивных возможностей экономических и социальных механизмов управления трудовыми ресурсами.

К. – автор около 30 научных работ, в том числе монографии "Экономическое стимулирование отраслей: социологический анализ" (1997).

Л

ЛАБРИОЛА (Labriola) Антонио (1843-1904) – итальянский философ марксистской ориентации. Участвовал в создании Итальянской социалистической партии. Профессор (1874). Основные работы: "В память манифеста коммунистов" (1896); "Об историческом материализме" (1897); "Очерки материалистического понимания истории" (1895-1898, опубликована в 1925) и др.

Разделяя приверженность Маркса (см.) методу позитивизма, Л. сознательно отвергал его материализм в понимании как природы, так и истории. Материя, согласно Л., "знак или метафизическое воспоминание... выражение последнего гипотетического субстрата натуралистического опыта". Исторический материализм, не имея отношения к естествознанию, не способен выступать, по мнению Л., "метафизикой материи", поскольку природа и культура потенциально могут лишь фрагментарно взаимозависеть и взаимодействовать, никогда в принципе не совпадая. Культура постигаема через реконструкцию базовых оснований общества как человеком порожденного феномена, человек – не только субъект истории, он в первую очередь ее Творец. Анализируя "вечную" проблему марксистски ориентированных концепций о соотношении базиса и надстройки, первичного и производного в обществе, Л. обращал внимание на то, что "любовь к парадоксам, часто неотделимая от безмерного рвения одержимых приверженцев новой доктрины завербовать максимум сторонников, привела к иллюзии (многим казавшейся очевидностью), что экономический фактор все объясняет". Способ бытия, по мнению Л., первичен по отношению к сознанию, но лишь в конечном счете (что признавал и Энгельс, с которым Л. состоял в переписке). Экономическая анатомия общества являет собой лишь часть общей картины. Учет значимости общественных феноменов, "общественной психологии" (термин введен Л.) – в полном объеме их нюансов, внутренних связей и опосредствований – фактор, по важности соразмерный анализу экономики при адекватной трактовке исторических процессов.

Марксизм, в трактовке Л., – нечто иное, чем материализм либо натурализм традиционалистских типов: он (как и дарвинизм) ценен исключительно как метод, как установка на познание мира через действие. Субъект истории формирует среду обитания, средства производства, тем самым творя себя. Согласно твердой убежденности Л., амбиции неофитов от марксизма на придание этой доктрине статуса системообразующей и миросоразмерной натурфилософии бессмысленны.

А.А. Грицанов

ЛАВРОВ Петр Лаврович (1823-1900) – русский социолог, публицист, идеолог народничества 1860-х; в начале своей духовной карьеры – профессор математики. В 1868-1869 опубликовал "Исторические письма", ставшие настольной книгой радикальной молодежи России. С 1870 – за границей, издает газету "Вперед!".

Как ученый и мыслитель стремился к интегральному философскому синтезу всего, доступного человеческому познанию. По своим взглядам был близок к левому гегельянству и особенно позитивизму; к идеям последнего пришел самостоятельно еще до знакомства с Контом. Позитивизм рассматривался Л. не столько как философия, сколько как научный метод решения задач социальной науки. Характерный для взглядов Л. примат этики (практической философии) и сознания нравственного долга выразился в фундаментальной характеристике его мировоззрения – антропологизме: идее "цельного человека" как единственной реальности. С точки зрения антропологизма, невозможно познать сущность вещей и определить подлинную реальность, можно только гармонически объединить мир явлений, исходя из принципа скептицизма (критичности), не распространяющегося, однако, на область практической философии, где личность сознает себя свободной (хотя объективно, генетически это не так) и потому ответственной перед собой. Иными словами, антропологизм Л. оборачивается этическим имманентизмом: реально только то, в чем человеку дано действовать, т.е. история, движущей силой которой является мысль человека, открывающая простор для свободы. Тайна бытия сосредоточена в человеке, в его моральном сознании, а потому человек как неразделенное целое

и является предметом философии, что делает неприемлемыми все традиционные философские школы (материализм, спиритуализм). Высший уровень философии – философия в жизни как единство нравственного идеала и действия. В этом пункте философия перерастает у Л. в социологию.

Л. считается основоположником социологии на русской почве, первым русским социологом. Рассматривая социологию в качестве завершения системы наук (антропологии) и отличая ее от исторической науки (сосредоточенной на социальной динамике), Л. определяет ее как науку о солидарности, ее формах и эволюции. Солидарность есть общность привычек, интересов, аффектов или убеждений, совпадение личного интереса с интересом общественным. Нужно не только теоретически исследовать явления солидарности, но и решить практическую задачу ее осуществления, что приводит Л. к выводу о наличии в социологии особого субъективного метода, выражающегося в неизбежной оценке любого исследуемого социального явления с точки зрения определенного нравственного идеала. В этом выявляется этическая доминанта социологии Л., фактически выступившего предшественником неокантианского подхода к обществу. Не принимая органицистских трактовок общества (Спенсер, Маркс), Л., считая личность единственной и исходной социальной реальностью, не отрицает реальность общества, которое, являясь сверхличным бытием, не может быть, однако, внеличным. Личности противостоит не общество как таковое, а культура в качестве совокупности склонных к застою социальных форм. История есть процесс переработки культуры мыслью с целью создания социальных форм, способствующих развитию индивида. А поскольку сознание существует только в человеке и не все люди в силу разных причин могут достичь высокого уровня самосознания, то реальными субъектами истории являются "критически мыслящие личности", способные выработать в себе высший нравственный идеал. Анализируя социальную мотивацию, Л. определяет в качестве высшего мотива потребность в развитии, которая наиболее присуща именно критически мыслящим личностям. Очевиден, т.обр., сугубый интеллектуализм Л. в понимании личности, к тому же он так и не смог найти выход из дуализма физической и этической детерминации индивида (особенно в поздних трудах, где Л. от рассуждений об идеальной личности обращается к анализу реального исторического процесса ее становления).

Философия истории Л. представляет собой теорию прогресса. Исходя из того, что история есть в конечном счете история мысли, посредством которой культура перерабатывается в цивилизацию, Л. дает следующую итоговую "формулу прогресса": прогресс есть рост общественного сознания и сознания индивидов, насколько они не препятствуют развитию солидарности, и рост солидарности, насколько она не препятствует развитию сознания и опирается на него. Историческая эволюция выступает как смена (под воздействием критической мысли) форм солидарности вплоть до достижения сознательной солидарности, совпадающей с социалистическим переустройством общества. В политической проекции взгляды Л. характеризуются критикой революционного авантюризма.

Другие сочинения Л.: "Очерки вопросов практической философии. I. Личность" (1860); "Три беседы о современном значении философии" (1861); "Опыт истории мысли. Т. 1. Вып. 1" (1875); "Очерк эволюции человеческой мысли" (1898); "Задачи понимания истории" (1898); "Важнейшие моменты в истории мысли" (1903); "Современное учение о нравственности и ее история" (1903-1904); "Этюды о западной литературе" (1923) и др.

Г.Я. Миненков

ЛАЗАРСФЕЛЬД (Lazarsfeld) Пол Феликс (1901-1976) – американский социолог. Разрабатывал проблематику методологии социальных наук, а также применения математических методов в социальном познании. С точки зрения Л., методология есть прежде всего деятельность, связанная с критическим анализом и оценкой методов и процедур социологического исследования, выявлением смысла и значений используемых понятий, обнаружением научного содержания социологических теорий. Основным критерием истинности научного знания в полном соответствии с неопозитивистской позицией у Л. выступал принцип верификации (см.). Большое внимание Л. уделял разработке количественных методов и основам их применения в социальных науках, поскольку, по его мнению, их внедрение помогает преодолевать "барьеры, существующие между различными дисциплинами социальных наук". В качестве наиболее плодотворного Л. выделял метод шкалирования, считая основной задачей эмпирической социологии поиски "все более уточненной техники разработки шкал и их комбинирования во все более сложные взаимозависимости". Л. впервые ввел в методику социологических исследований ряд новых методов (например, панельный метод, который он впервые использовал при обработке результатов избирательной кампании 1940 в США), разработал логические и математические основания латентно-структурного анализа.

Г.Н. Соколова

ЛАКАН (Lacan) Жак (1901-1981) – французский психоаналитик и философ. Как автор концепции "структурного психоанализа" Л. исходит из решительного разрыва с классической философией самосознания и классическим психоанализом в части его индивидуально-биологизированного понимания бессознательного. В целом "структурный психоанализ" может быть охарактеризован как "посткартезианская" и "постфрейдистская" философская антропология и философия культуры. В числе наиболее существенных философских влияний – неогегельянство (Ж. Ипполит), экзистенциализм (М. Хайдеггер), феноменология (М. Мерло-Понти). Структуралистская методология воспринята Л. из структурной лингвистики (Ф. Соссюр), "структурной антропологии" К. Леви-Строса. Проект "возвращения к Фрейду", перепрочтения Фрейда сквозь призму структурализма и в рамках экзистен-

циально-феноменологической аналитики негативности, определяет специфику лакановского психоанализа.

Институциональным оформлением структурного психоанализа является "Парижская школа фрейдизма", возглавляемая Л. с 1964 по 1980. Основной текстологический корпус работ Л. составляют записи его 26 семинаров, регулярно проводившихся с 1953 по 1979. Значительную трудность представляет сам стиль изложения Л. своей концепции. Лакановский дискурс не является теоретическим в общепринятом смысле этого слова. Лакановские тексты, будучи ориентированы не на готовое систематическое знание, а на процессуальный тренинг психоаналитиков и культивирование определенной "литературной квалификации" как основы аналитической практики, сопротивляются дефинитивной работе, систематизации и обобщению. Понятия Л. находятся в процессе постоянного переформулирования, взаимоподстановок и взаимоопределения, обладая главным образом операциональным значением в зависимости от конкретного контекста и решаемой проблемы. Л. предлагает скорее различные модусы проблематизации фундаментальных феноменов человеческого опыта и правила порождения аналитического дискурса по поводу конкретного "патологического" случая, нежели формулирует и решает психологические или метафизические проблемы. Задача структурного психоанализа в первом приближении может быть определена как выявление условий возможности и "грамматики" такого языка, который, обладая характеристиками универсальной системы, был бы, в то же самое время, "языком желания", укорененным в предельно уникальном и интимном (травматическом) опыте индивида.

Несущей логической конструкцией всей лакановской концепции является триада "Реальное – Воображаемое – Символическое". Это "порядки" или измерения человеческого существования, в зависимости от координации которых складывается "судьба" субъекта. В зависимости от акцента на Воображаемом (1930-1940-е), Символическом (1950-1960-е) или Реальном (1970-е) в общей системе можно условно выделить соответствующие этапы эволюции лакановской концепции. Исходной для разработки системы этих порядков стала идея "стадии зеркала", формулировка которой относится к 1936, а первое развернутое изложение содержится в инициационной статье "Стадия зеркала и ее роль в фомировании функция Я" (1949). Внешне стадия зеркала проявляется в овладении ребенком в возрасте 6-18 месяцев способностью узнавать свое отражение в зеркале. Смыслом этого события является прохождение человеческого субъекта через первичный механизм идентификации. На стадии зеркала начинается конституирование "онтологической структуры человеческого мира", вытекающей из специфического способа совпадения человеческого существа с самим собой. Природа первичного конституирования человеческого субъекта – в качестве Эго – заключается, по Л., в характерном для человека факте "преждевременности рождения". Очевидными свидетельствами в пользу этого факта, для Л., являются анатомическая незавершенность нервной системы младенца, связанное с этим отсутствие моторной координации, и другие объективные показатели. Иными словами, ребенок на этой стадии является не столько особью, сколько полуавтономной частью материнского тела. Будучи не в состоянии укрыться под "сенью инстинкта", младенец вынужден строить свои отношения с реальностью особым, искусственным образом. Он является "фрагментарным телом" и сначала должен попросту овладеть им в качестве автономного единства: научиться отделять себя от окружения, ориентироваться и перемещаться во внешнем мире. Схватывание себя, частей своего тела как единого функционального целого впервые осуществляется ребенком посредством собственного зеркального образа. Ребенок ассимилирует свою форму или гештальт на расстоянии, помещая хаотический внутренний опыт в оболочку зрительного образа. С этого момента ребенок быстро прогрессирует в пользовании своим телом, становясь парадоксальным двойником собственного отражения, проецирующего на него целостность и автономию в визуальном регистре. Стадия зеркала описывает вхождение человеческого существа в порядок Воображаемого. Природа Воображаемого – компенсация изначальной нехватки Реального, проявляющейся в отсутствии "естественных" автономии и адаптационных возможностей младенца. Реальное в первом приближении может быть описано как регистр опыта, в котором отсутствует какое-либо различие или нехватка. В отличие от реальности, которая конституируется как результат прохождения субъектом порядков Воображаемого и Символического, Реальное есть абсолютно исходный и как таковой невозможный для субъекта опыт. Это опыт органической полноты, которому можно сопоставить пребывание младенца в материнской утробе, слитность с телом матери, с материнской "Вещью".

Лакановская философская антропология – гегелевско-фрейдовско-хайдеггеровская в своем пафосе – исходит из полагания травмы, некоторого неизбывного опыта "экзистенциальной негативности" в качестве фундаментального антропологического Начала. Феномен человека изначально возникает на месте разрыва с Реальным. У человека, по Л., связь с природой с самого начала "искажена наличием в недрах его организма" неких "трещины", "изначального раздора". Рождаясь в мир, человек не обретает новое единство с "телом" матери-Природы, но выбрасывается в иные, "неестественные" измерения существования, где способы компенсации изначальной нехватки Реального не устраняют или даже ослабляют травматизм человеческого существования, но возводят его в новое качество. Единицей плана Воображаемого является "образ", который возникает на стадии зеркала. Зеркальное отражение-двойник является лишь частным случаем – по существу, скорее теоретической метафорой – того, что Л. обозначает как воображаемый образ или "имаго" (imago). Имаго – это такой "образ", который является, во-первых, идеальным, то есть совершенным, завершенным, статуарным, целостным, простым и правильным. Во-вторых, иллюзорным – "воображаемым" (предшествующим действительному овладению телом). В-третьих, формативным – способным существенно влиять на образование формы личности и поведения (принятие на себя внешнего образа посредством визуального

контакта описывается Л. посредством механизма "гомеоморфной идентификации"). В-четвертых, отчужденным, радикально внешним "зазеркальным" по отношению к индивиду. В совокупности этих свойств имаго запускает новую диалектику травмы. Человек оказывается расколот на "Я" (je), бесформенный, фрагментарный внутренний опыт, и "мое Я" (Moi), внешнюю идеальную форму, в которую этот опыт облекается. Коль скоро эта форма, "мое Я" всегда находится на неустранимой дистанции ("там", в зазеркалье), а условием целостной автономии, идентичности человека является совпадение этих двух составляющих "личности", то вместе с ассимиляцией "моего Я" личность интериоризирует и саму эту "зеркальную" дистанцию, вводя неустранимый раскол, самоотчуждение в имманентную "онтологическую структуру" личности. Функция "моего Я" (имаго) это драма, в ходе которой для индивида, попавшегося на "приманку пространственной идентификации", возникает ряд фантазмов, открывающийся расчлененным образом тела, а завершающийся формой его целостности, застывающей в "броню отчуждающей идентичности". Личность, индивид, обретший воображаемую идентификацию, и является, по Л., тем, что принято считать "Эго". Отсюда лакановская критика неофрейдистских (особенно американских) концепций усиления, консолидации, "социальной адаптации" автономного Эго: вместе с усилением Эго интенсифицируется и внутренний раскол, составляющий природу этого Эго как иллюзорного идеала, и, как следствие, депрессивность. Функцией "моего Я", функцией захвата "Я" со стороны имаго задается особый статус объектов реальности и модус отношения к ним в порядке Воображаемого. Если в Реальном вообще не существует отдельных "объектов", а доминирующая модальность отношения к миру – биологическая потребность, то в Воображаемом господствует "запрос" на признание, направленный на других. В отличие от элементов "воображаемого" поведения у животных (во время, например, брачных ритуалов) и "дикарей", у современного человека, по Л., наблюдается "смещение воображаемой функции" с другого (другой особи) на самого себя (метафора зеркала). Другой, в рамках диалектики воображаемого отношения, становится материалом для построения нарциссической формы. "Своим Я", по мысли Л., мы пользуемся точно так же, как туземцы Бороро пользуются попугаем (тотемом), только там, где Бороро говорят: "Я – попугай", мы говорим: "Я – это "я сам". В данном контексте наиболее аффективными проявлениями воображаемого отношения к миру являются агрессивность и любовь (с крайностями садизма и мазохизма), возникающие в меру, соответственно, недооценки или переоценки, ущербности или совершенства, нестабильности или устойчивости другого в моем мире как "лучшей половины" меня самого. Поскольку "мое Я" находится на стороне "другого" – оно постоянно в опасности, вплоть до исчезновения. Через "мое Я" человеку открывается смерть, значение смерти, которое заключается в том, что "она существует". По краям воображаемого отношения размещается знание о собственной смерти – не о том, что особи одного с тобой вида умирают, но некое представление о собственном отсутствии, небытии. "Мое Я" оказывается такой матрицей стабильной, непротиворечивой целостности и самодостаточности, таким поставщиком единства, который делает стремление к нему иллюзорным и, в конечном счете, параноидальным. Так что лозунгом, вводящим в лакановскую концепцию, может быть предостережение: "Осторожно – образ!". В конечном счете диалектика воображаемого отношения складывается из взаимооборачивания процессов формирования Эго в зависимости от внешнего "захватывающего образа", имаго и нарциссического полагания других индивидов и объектов как "других" (по отношению к которым возможны аффекты Воображаемого) со стороны Эго ("эгоморфности" воображаемого мира). Воображаемая диалектика состоит в таком полагании индивидом другого, сам акт которого оказывается полаганием индивида в качестве другого, в парадоксальном единстве меня и другого, при котором "один вверяет себя другому, чтобы стать идентичным самому себе". При этом Эго и воображаемый объект оказываются в отношениях "взаимной утраты". Человек узнает в воображаемых объектах свое единство, но лишь вне себя самого. С другой стороны, когда человек усматривает единство в себе, внешний мир предстает для него в фрагментаризированном и отчужденном виде. В результате этой двойственности все объекты воображаемого мира неизбежно выстраиваются вокруг "блуждающей тени "моего Я", а само "мое Я", обретя искомый объект, обращается в один неудовлетворенный "запрос". Из этой диалектики возникает лакановский "объект (малой) а" – связующее звено, находящееся на пересечении всех трех порядков (топологическая модель "узла Борромео" – сочленения трех колец способом, при котором любые два кольца скрепляются посредством третьего). "Объект а" предстает как причина желания в Символическом и несимволизированный остаток Реального. В регистре Воображаемого "объект а" это другой (autre) в плане собственной нехватки как остаточный эрзац-другой. Генезис этого специфического объекта можно проследить на примере всех тех "пустышек" (сосок, погремушек и т. д.), которые предлагаются ребенку взамен матери – образцового другого с маленькой буквы – реального контакта, "слитности" с ней. В "запросе" – на отношение, на любовь – ребенок (человек) ставит на карту собственную идентичность, пытаясь схватить эти "объекты а" в качестве фактов признания себя со стороны жизненно необходимого другого. Если "преждевременность рождения" это скорее "натуралистический" повод для введения темы травмы в напряжении между которым и отчуждающей диалектикой Воображаемого, первым собственно человеческим травматическим опытом, возникает Эго, то вместе с порядком Символического привносится финальный травматизм, попытками вжиться в который определяется вся судьба становящегося субъекта. Специфически символическим способом отношения к миру становится желание, которое, являясь существенно сексуальным и бессознательным, рассматривается Л. как сердцевина человеческого существования. Желание, в отличие от потребности, не знает удовлетворения. Ключевым термином для Символического является запрет, травматическая нега-

тивность, "дыры", выбиваемые им в существовании субъекта. Л. скорее метафорически трактует прохождение индивидом эдипова и кастрационного комплекса в качестве способа вступления в порядок Символического. Для него запрет на прямое обладание касается не исключительно реальной матери и исходит не от реального отца, но распространяется на весь класс воображаемых других, имаго, а инстанцией этого запрета становится "Имя Отца" или все то, что в культуре встает между субъектом и объектами желания (писанные и неписанные законы, нормы, правила, обычаи и т.д.). В порядке Символического достраивается до полной формы идентификационная матрица субъекта. После того, как субъективность в самом первом приближении "оседает" в собственном зрительном образе индивида, а затем объективируется в диалектике воображаемого отношения с другим, язык становится источником вторичной, символической идентификации.

Подчеркивая радикальную внеположность инстанции символической идентификации чему-либо лежащему в плоскости Эго или встречаемых в опыте других, Л. говорит о Другом с большой буквы и в единственном числе как о предельном идентификационном "образе" (вполне безобразном и непредставимом). Другой – это сам язык, в "зеркале" которого (сравниваемым Л. со "стеной" или зеркалом с многослойной отражающей поверхностью) субъект распыляется, приближаясь к аннигиляции. Идентифицироваться с Другим, значит отказаться от любой жесткой воображаемой идентификации с конкретным имаго, ведущей к патологической стагнации психики и агрессивности. Вторичная идентификация есть сам процесс прикрепления к частным имаго и открепления от них, логика и порядок выбора воображаемых идентификаций, идентификационная динамика, определяемая совокупностью "всего сказанного" об индивиде в поле речевого отношения с другими. Символический субъект – это не "монолитное" Эго-центричное ядро, но "луковица", состоящая из многих слоев прошлых воображаемых идентификаций с конститутивной пустотой между ними и в "центре". Парадоксальным объектом желания par exellence выступает "объект (малого) а", который репрезентируется во множестве эмпирических объектов желания, "частичных объектах" в качестве самой нехватки, то есть того, что делает их неполными, "дырчатыми". "Объект а" в порядке Символического делает "объектом" саму нехватку, следовательно сам непрерывный переход от одного объекта желания к другому. В этом переходе из малых "а" разворачивается Другой, (A)utre, на стороне которого и возможно полное "выражение" желания. Известный лакановский тезис "желание субъекта есть желание Другого" (и "другого" как не того, что налично) в этом контексте означает то, что причина неудовлетворенности любым объектом желания, логика перебора объектов желания, равно как и тот факт, что искомым, "идеальным" объектом желания оказывается сам этот перебор – все это остается по ту сторону самосознания. Желание не имеет объекта, это чистая форма, отливающаяся по языковой модели, и как таковое оно является бессознательным – отсюда другой основополагающий лакановский тезис: "бессознательное структурируется как язык". Понятие языка является центральным как для определения сущности Символического, так и для всей концепции структурного психоанализа постольку, поскольку именно Символическое оказывается силой, доминирующей и над Реальным, и над Воображаемым. В то же время "язык" выступает скорее как проблемный, полисемантичный теоретический конструкт, нежели понятие. В ранних работах Л. растворяет язык в общем представлении о символическом, а само "символическое" употребляет как прилагательное, отсылающее главным образом к формально-логической и алгебраической символике. В широком смысле символическими элементами в рамках такого понимания могут быть названы цифры, слова, иные конвенциональные знаки.

С 1950-х слово приобретает "антропологические обертона", в частности, под влиянием концепции французского культурного антрополога М. Мосса (**см.**) о символическом характере социальных структур. С 1953 "символическое" становится существительным и приобретает терминологическую нагрузку. Моссовская концепция "дара" дополняется грамматикой символических обменов, предложенной Леви-Строссом. Символическая функция, таким образом, начинает означать определенные правила обмена некого избытка и одновременно нехватки ("дара"), нарушающей в своей циркуляции гомеостаз Реального и циркулирующей в том или ином относительно автономном социальном сообществе. Под влиянием структуралистской методологии Л. все более конкретизирует свои представления о символическом как о языке в его структуралистской трактовке. В этом контексте язык определяется как совокупность формальных элементов и правил их комбинации и обмена, как область "внеприродной комбинаторики", которой определяется сущность Символического. Формальные элементы трактуются в соссюрианском смысле как "означающие" или элементы, не имеющие позитивного существования, значение которых (совпадающее с негативным существованием) конституируется взаимными различиями. Как означающие "символы" артикулируют Реальное, вводя в него "чистые различия", и комбинируют артикулированные элементы. "Грамматика" этих комбинаций определяется не факторами психологического, утилитарного или волюнтаристского плана, но чисто формальными закономерностями (симметрии, инверсии, правилами трансформаций алгебраических групп). В этом отношении симптом может быть рассмотрен как группа трансформаций формальных элементов, его образующих. С другой стороны, специфика Символического раскрывается, по Л., во фрейдовском анализе "языка сновидения".

Систематической реконструкцией фрейдовского анализа бессознательного, содержащегося в "Толковании сновидения", и выведением из него философско-антропологических следствий задаются параметры лакановского проекта "возвращения к Фрейду". "Язык" или "символика" сновидений, согласно духу и букве Фрейда, не носят характер фиксированного символизма, при котором за отдельные сновидные образы символизируют с известной долей подобия некое вытесненное содержание (трости, зонты, кинжалы – фаллос и т. п.).

Символизм сновидений заключается в самих операциях перевода скрытого плана сновидения в явный – в том, что Фрейд называет "работой сновидения". Двумя основными приемами такой "работы" являются операции "сгущения" и "смещения", посредством которых скрытые мысли сновидения без всякой аналогии или подобия, без всякого волевого или сознательного участия Эго переводятся в явный план сновидения. Именно эти операции, а не "скрытые" мысли, носят бессознательный характер. Материалом для сновидных перекомбинаций являются не столько "представления" или "образы", сколько та лингвистическая материя, на которой они возникают – "буквы", которые нужно понимать "буквально": так, например, сновидный образ "крыши" (toit; как некой "опасной почвы", на которой разворачивается сюжет сна) может возникнуть как визуализация сгущения слова "три" (trois), обозначающего любовный треугольник, и слова "ты" (toi), как "вершины" этого треугольника.

Под влиянием работ Р. Якобсона Л. приходит к выводу, что операции "сгущения" и "смещения", определяющие грамматику "языка" сновидений, в плане естественного языка функционируют в качестве фигур метафоры и метонимии. Таким образом, сила, структурирующая бессознательное, обнаруживается в естественном (поэтическом, сюрреалистическом) языке. Бессознательное не является языком, но "структурируется как" язык, что значит: желание реализуется в формальных разрывах, сдвигах и напластованиях языка, а не в "означаемом" или "референте". Эдипов комплекс интерпретируется Л. как сюжет об обретении языка и бессознательного. Когда ребенку "запрещают" мать, то эта выбитая этим запретом пустота способна стать "трепещущей клеткой символизма", из которой вырастают цепи означающих. Ребенок оказывается способен принять нехватку матери, подставив на ее место другой, третий, четвертый и т. д. объект (в качестве "объекта а"), ребенок научается путешествовать в цепях субституций, строить метафорическо-метонимические сети эквивалентностей ("интенсификация" которых вплоть до разрыва оборачивается шизофреническими расстройствами). Этот способ принятия, сживания с нехваткой Реального, который, не уничтожая преимуществ Воображаемого, редуцирует его опасности, по форме и есть язык. Язык, природа которого заключается не в именовании вещей или передаче информации, но в обнаружении желания субъекта под "взглядом", на "сцене" Другого. "Другой" в данном случае может быть проинтерпретирован как инстанция Символического – культура, традиция, социум. Субъект символически вписывается в уже существующий порядок культуры, на предзаданное место (посредством имени, предшествующих употреблений слов, которыми ему суждено пользоваться, истории идей и т.д.). Субъект является переменной, передаточным звеном замкнутых "символических контуров" различного порядка (семейного, соседского, корпоративного, национального), в которых циркулируют соответствующие самовоспроизводящиеся дискурсы, средством, а не порождающим началом которых оказывается субъект ("субъект есть то, что одно означающее репрезентирует другому означающему"). В общем "феномен человека" в лакановской антропологии возникает на пересечении различных модусов опыта негативности:

Любовь (позитивное отсутствие негативности: всеобщность близости со знаком плюс)	Норма	Язык (позитивное присутствие негативности: существование разрыва со знаком плюс)
Эго	Человек	Субъект
Агрессивность (негативное отсутствие негативности: существование близости со знаком минус)	Патология	Шизофрения (негативное присутствие негативности: всеобщность разрыва со знаком минус)

Суть фрейдовского открытия, по Л., определяющая неклассический, посткартезианский пафос лакановского понимания человека в пространстве культуры, заключается в тезисах о радикальной децентрированности субъекта (смещенности по отношению к Эго, рассеянности в языке, о бытии Другим) и его опредмеченности в символе ("человек прорастает знаками в значительно большей степени, нежели он об этом подозревает"). Лакановский теоретический дискурс оказался весьма продуктивен не столько как психоаналитическая концепция, сколько в качестве концептуального инструментария для анализа культуры. Помимо непосредственных учеников Л. – С. Леклера, М. Маннони, Ж.-Б. Понталиса и др. – понятия и методы лакановского психоанализа исследуются рядом лакановских обществ и школ, активно используются такими современными философами и теоретиками культуры, как Л. Малви, К. Силверман, Жижек и др.

А.А. Горных

ЛАПИН Николай Иванович (р. 1931) – российский социолог, специалист в области социологии труда и управления, социологии инноваций, социальных проблем системного анализа, социологии политики.

Окончил философский факультет МГУ (1954). Доктор философских наук (1968), профессор (1979), член-корреспондент АН СССР (1987). Лауреат Государственной премии СССР (1983) за книгу "Молодой Маркс", трижды изданную на русском языке (1968, 1976, 1986) и переведенную на восемь иностранных языков. Л. – вице-президент Советской социологической ассоциации (1978 – 1991), первый президент Российского общества социологов (1989-1990). Член Международной социологической ассоциации (с 1970), вице-президент (1978-1990) Исследовательского комитета по социологии этой ассоциации. Член редколлегии журналов "Социологические исследования", "Вестник РАН", "Вестник РГНФ", ежегодника "Системные исследования".

Работал в журнале "Вопросы философии" (1957-1962): консультантом, зам. зав. отделом критики буржуазной философии и социологии; зав. редакцией литературы по истории философии издательства "Мысль" (1962-1966); старший

научный сотрудник отдела новых форм труда и быта Института философии АН СССР (1966-1968); в Институте социологии АН СССР (1968-1973) – зав. отделом, и.о. директора; старший научный сотрудник, зав. социологической лабораторией и отделом системного анализа Института проблем управления, автоматики и телемеханики ГКНТ и АН СССР (1973-1976); зав. социологической лабораторией и отделом философских и социологических проблем системного анализа Института системных исследований АН СССР (1976-1984), зам. директора, директор, главный научный сотрудник, руководитель Центра исследования динамики ценностей Института философии РАН (с 1984). Профессор социологического факультета МГУ (1979), зав. кафедрой политических наук и социологии Московского института экономики, политики и права (1993).

Л. разработал курсы: "Социология труда, организаций и управления", "Социология инноватики", "Социокультурные системы и процессы", "Основы политологии".

Л. – автор более 250 научных работ, в том числе: "Социология и идеология" (1969); "Руководитель коллектива" (1974, соавтор); "Теория и практика социального планирования" (1975, соавтор); "Социология и производство" (1976); "Краткий словарь по социологии" (1988, соредактор, соавтор); "Философское сознание: драматизм обновления" (1991, отв. редактор); "Кризисный социум: наше общество в трех измерениях" (1994, соавтор); "Динамика ценностей населения реформируемой России" (1996, ответственный редактор, соавтор) и др.

ЛАПИНА Светлана Валентиновна (р. 1953) – белорусский социолог. Сфера научных интересов – социология знания и образования, методология социологического познания, социология культуры и социология управления.

Окончила философское отделение исторического факультета Белгосуниверситета. Кандидат философских наук (1985; тема диссертационной работы – "Социальная организация промышленного предприятия как предмет социологического исследования"). С 1982 на педагогической работе – работает в вузах Минска на должностях преподавателя, старшего преподавателя, доцента, профессора. В 1994 защитила докторскую диссертацию на тему "Моделирование в системе социологического познания". С 1996 – заведующая кафедрой мировой и национальной культуры Академии управления при Президенте Республики Беларусь, с 2001 – заведующая кафедрой социологии и культурологии этого учебного заведения. Участвовала в разработке государственного Образовательного стандарта по циклу социально-гуманитарных дисциплин. За разработку, апробацию и внедрение учебно-методического комплекса "Культурология" в вузах республики по итогам 2001 – 2002 учебного года авторский коллектив под руководством Л. стал лауреатом Специального Фонда Президента Республики Беларусь.

Л. явилась инициатором открытия в 2001 в Академии управления аспирантуры по специальности "социология управления", что создало условия для становления новой научной школы в этой области: в 2002 были защищены 2 кандидатские диссертации (под руководством Л.). Л. – член Правления Белорусского общественного объединения "Социологическое общество". Л.- почетный член Польского научного общества анимации, рекреации и туризма, Почетный гражданин гмины Месциско Вельскопольского воеводства (Республика Польша).

Л. – автор более 100 научных работ, в том числе: "Моделирование в социологическом исследовании" (1992); "Социологическое познание" (1998); "Социология. Учебное пособие и практикум" (2001); "Социология" (2002); "Культурология" (2002, соавтор и редактор) и др.

ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ Александр Сергеевич (1863-1919) – русский историк, социолог. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. С 1890 – профессор Петербургского университета. Вел семинар и читал лекции по методологии истории. После Февральской революции возглавил кафедру социологии в Петроградском университете. Занимался подготовкой и изданием сборников русских исторических документов. Действительный член Российской академии наук. Первый председатель Русского социологического общества им. Ковалевского (1916-1918). Участвовал в сборнике "Проблемы идеализма" (1902). Основная теоретическая работа – "Методология истории" в двух томах (1910-1911), выдержавшая четыре издания. В своей методологической позиции эволюционизировал от позитивизма к неокантианству.

Основное внимание Л.-Д. уделял проблеме специфики социального познания, социологических и исторических методов исследования. Цель методологии, по Л.-Д., – дать целостную систему методов и принципов научного мышления: 1) проясняющую используемые понятия; 2) организующую профессиональное мышление; 3) выявляющую механизм понимания в ходе познания. Теория познания, по Л.-Д., должна: 1) выявить соотношение априорных и эмпирических компонентов в познании; 2) определить основания достоверности и общезначимости знания; 3) дать целостность разрозненным представлениям; 4) оценить знание как единичное или общее. Только определив все эти свои основания, социальная наука может претендовать на самостоятельный статус. В основании социального познания находится психология как ведущая наука о духе. Ее цель – выяснение психического содержания социокультурных факторов с последующей их типологизацией. Основные типологизирующие дисциплины – социология (номотетическая наука) и история (идеографическая наука), но и та, и другая по-своему отражают психическую закономерность. Основная мотивация поступков и действий индивида исходит из его внутренней свободы (как свободы от внешней детерминации). Только осознание причины как мотива может через воление выливаться в действие. Поэтому социология – также наука о духе, изучающая особую психологическую форму законосообразности, под которой понимается абсолютно безусловная цель, определяющая структуру массовой деятельности и формы ее развертывания и реализации. Исторический прогресс – это все более ясное осознание

этой цели и последовательная ее реализация. "Тип" как познавательная конструкция опосредует отношения случайного и закономерного. Различают "идеальный тип" (чисто мыслительный идеальный конструкт), "репрезентативный тип" (которому могут соответствовать многие единичные факты) и "генеалогический тип" (сходство отдельных экземпляров и их признаков на основе общего происхождения). За исключением последнего случая типология не является объяснением систематики, провоцирующей индуктивное изучение явлений и событий, которое может вывести на формулирование определенных законов.

По мысли Л.-Д., тип всегда есть обобщение, хотя его объем может быть различным. С формальной точки зрения, тип как понятие о группе сходных между собой объектов и их признаков может быть понят двояко: 1) как тип морфологический (группа формальных свойств); 2) как тип феноменологический (превращения группы формальных свойств). Социология фиксируется на первом, история – на втором типах. Глубинное основание теории и методологии познания – учение о ценностях. С точки зрения Л.-Д., ценности различаются на обоснованные и общепризнанные, которые далеко не всегда совпадают между собой. Ценность обосновывается целью (или нормой). Однако явление, событие или факт приобретают историческое значение, только получая распространение, т.е. становясь ценностью общепризнанной. Конечная цель исследования – познание социально-исторических связей в их целостности. Социологию интересуют условия устойчивости целостности, историю – развитие (изменение) целостности. Тем самым социология и история взаимопроникают друг в друга (несмотря на противоположную направленность своих методов) и выполняют "обрамляющую" функцию по отношению к гуманитарному знанию. Общий же постулат социогуманитарного познания – признание чужой одушевленности (отсюда особая роль психологии). Само объектирование наших восприятий находится в зависимости от допущения в нашем сознании, что данный объект признается реально существующим и другими Я (другими сознаниями). Мое и чужое Я – взаимнообусловливающие друг друга части одного целого, и изучение их психического взаимодействия, конституирующего это целое, – суть социального познания.

В.Л. Абушенко

ЛАПТЕНОК Сергей Данилович (р. 1935) – белорусский социальный философ и социолог. Доктор философских наук (1984), профессор. Главные направления научных исследований: социально-этические проблемы семейно-нравственных отношений, ценностные ориентации и реальное поведение молодежи. Автор более 200 научных работ, в том числе более 10 индивидуальных монографий и учебных пособий ("Мораль и семья" – 1967, "Семья и духовное развитие личности" – 1977, "Нравственная сущность семейно-брачных отношений" – 1990, "Этика и этикет" – 1998 и др.). Л. сыграл значимую роль в институциализации социально-этических исследований на Беларуси, а также активно содействовал становлению Минского философского проекта "Гуманитарная энциклопедия".

А.А. Грицанов

ЛАТЕНТНАЯ и КОНТАКТНАЯ ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ (от лат. latentis – скрытый и contactus – соприкосновение) – основные периоды Всемирного исторического процесса, выделяемые по основанию знания и осознания себя человечеством как единой планетарной социальной всеобщности. Латентная В.И. хронологически охватывает период от формирования вида Homo sapiens до эпохи Великих географических и этнографических открытий (сер. 15 – сер. 17 в., когда путешественники открывали различные народы и расы, о существовании которых не подозревали) и характеризуется неявной формой Всемирного исторического процесса, обусловленной относительно автономным существованием значительной части этносов.

Эпоха Великих географических и этнографических открытий явилась фазовым переходом от латентной к контактной В.И. Контактная В.И. хронологически охватывает период от середины 17 в. до настоящего времени и характеризуется явной, открытой формой Всемирного исторического процесса. Отличительными особенностями контактной В.И. являются постоянное и быстрое повышение уровня знания и осознания себя людьми в единстве и многообразии своего рода, постоянное возрастание количества разнообразных контактов между индивидами, группами и государствами (на основе стремительного прогресса средств связи и транспорта, либерализации и демократизации жизнедеятельности людей), миграция, активная метисация, создание ряда Всемирных организаций и международного права.

В.И. Овчаренко

ЛЕБОН (Le Bon) Гюстав (1841-1931) – французский социальный психолог, социолог, антрополог. В 1866 окончил медицинский факультет Парижского университета. Участвовал добровольцем во Франко-прусской войне 1870-1871 в качестве военного врача. Кавалер Ордена Славы. Основные сочинения: "Психологические законы эволюции народов" (1894); "Психология толп" (1895); "Психология социализма" (1898); "Психология образования" (1902); "Взгляды и верования" (1911); "Психология революций" (1912); "Смыслы жизни" (1914); "Психология нового времени" (1920); "Эволюция современного мира" (1927) и др.

В своем творчестве Л. обращался к социально-психологическому осмыслению истории, социокультурных процессов и явлений, этносоциальных феноменов. Л. абсолютизирует роль этнических характеристик в развитии цивилизации. Утверждалось, что каждый народ обладает душевным строем "столь же устойчивым, как и его анатомические особенности", из которого и происходят его чувства, мысли, верования и искусства. Расовые различия Л. считал основанием для введения "психологической иерархии рас": для "высших рас", по Л., характерно прогрессирующее нарастание неравенства полов и индивидов, выдвижение элиты. Л. утверждал,

что разница между представителями различных слоев "высшей расы" превышает различие между средними индивидами различных рас. Однако дифференциация слоев, согласно Л., имеет ограничения в силу нестабильности элиты; высший уровень интеллектуальных способностей рассматривался им как флуктуация. Элита же, по мысли Л., нуждается в возобновлении за счет "средних слоев". История народов, согласно Л., есть в основном результат психологического склада рас. Развертывание тех или иных культурных форм Л. всецело ставит в зависимость от наследственных особенностей душевного склада того или иного народа. Зависимость "элементов цивилизации" от "души народа" абсолютизируется Л. до степени релятивизации эстетических ценностей, которые он оценивает как включенные в контекст этапа развития этого народа и утрачивающие вне данного контекста свою актуальность. Соответственно Л. отвергается возможность существования единых критериев оценки "элементов цивилизации" (к которым Л. относит язык, общественные учреждения, идеи, верования, искусство, литературу). Пытаясь объяснить существование "заимствованных" культурных форм, Л. утверждает, что такое заимствование всегда связано с приведением воспринимаемого в соответствие с душевным складом народа. Согласно мысли Л., значительность различий между психическими характеристиками разных народов является причиной постоянных разногласий; отсюда им делается вывод, что завоевательные, религиозные и династические войны в действительности всегда были "расовыми". Основными факторами развития цивилизации Л. считал "народный характер" ("наследственные чувства народа") и "идеи". Становление цивилизации связывается Л. с формированием устойчивой "коллективной души" и установлением "руководящих идей". Упадок цивилизации Л. связывает с "понижением характера", вызванным утратой людьми веры в абсолютную ценность основополагающих принципов, сформулированных в рамках данной культуры. Расценивая рубеж 19-20 вв. как критический, переходный момент развития западной цивилизации, Л. предсказывает рост влияния масс. "Народные классы", по мнению Л., в силу выработки собственной идеологии и приобретения организованности становятся руководящими. Отождествляя "толпу" и "массу", Л. отмечал характерные для индивида в толпе обезличенность, повышенную эмоциональность, снижение интеллекта, внушаемость, нетерпимость и консервативность. Последствия деятельности толпы могут иметь, по Л., как деструктивный, так и созидательный характер. Так, по убеждению Л., только толпа способна к проявлению высочайших преданности и бескорыстия (например, при защите отечества). Акцентируя иррациональность толп, Л. в то же время отмечает, что если бы толпы всегда руководствовались своими непосредственными рациональными интересами, то, возможно, цивилизация не развилась бы. Л. явился одним из основоположников социальной психологии, создателем одной из первых концепций массового общества. В его творчестве фактически была предвосхищена экзистенциалистская культуркритика.

М.Н. Мазаник

ЛЕВАДА Юрий Александрович (р. 1930) – российский социолог, специалист по методологии истории и социологии, социологии религии и философии истории.

Окончил философский факультет МГУ (1952). С 1956 работал в различных институтах АН СССР. Докторская диссертация Л. (1966) была посвящена социологическим проблемам религии.

В 1969 издал "Лекции по социологии" – работу, заметно опередившую свое время, – в которых оспорил официальную точку зрения на сущность и познание социологии, на природу и массовую базу авторитарных режимов, что послужило причиной для шельмования и критики автора. После публикации в журнале "Коммунист" (1971, № 4) критической статьи Г.Е. Глезермана, В.Ж. Келле, Н.В. Пилипенко Л. был на длительное время лишен возможности публичных выступлений и публикации своих работ.

С момента организации Всесоюзного (Всероссийского) Центра по изучению общественного мнения (ВЦИОМ) в 1989 был его зам. директора, затем директором. В этот период основной интерес Л. сосредоточен на изучении феномена общественного мнения.

Основные работы: "О борьбе науки с религией в современных условиях" (1958); "Современное христианство и социальный прогресс" (1962); "Социальная природа религии" (1965); "Лекции по социологии: В 2-х т." (1969); "Проблемы использования количественных методов в социологии" (1970, соавтор); "Проблемы экономической антропологии у К. Маркса" (1983); "Новые структуры в системах социального действия" (1984); "Есть мнение!": Итоги социологического опроса" (1990); "Советский человек" (1996) и др.

ЛЕВИ-БРЮЛЬ (Levy-Bruhl) Люсьен (1857-1939) – французский философ, антрополог и социолог. Профессор Сорбонны (с 1904). Был близок к школе Дюркгейма (**см.**). Один из создателей Института этнологии в Парижском университете (1926). Наибольшую известность Л.-Б. принесли исследования в области психологии мышления "примитивных народов".

Л.-Б. опирался на разработанное в рамках школы Дюркгейма понятие о "коллективных представлениях". По Л.-Б., они конституируют особый субъект, отличный от индивидуального сознания. "Коллективные представления" имеют свои собственные законы развития. С его точки зрения в различных социокультурных системах существуют специфические формы "коллективных представлений". Л.-Б. подверг резкой критике положения Тайлора и Фрезера об одинаковости мышления людей на всех стадиях исторического развития человечества. Их главной ошибкой, с его точки зрения, было отождествление индивидуального и коллективного уровней мышления. Ссылаясь на многочисленные факты Л.-Б. утверждал, что "коллективные представления" примитивных народов существенно отличаются от мышления современных народов. Эти отличия выражаются в тесном переплетении мышления с эмоциями, мистицизме, отсутствии стремления к объяснению мира. Для первобытного мышления характерны не ло-

гические законы современности, а законы пратипации (сопричастности), согласно которым субъект может быть одновременно самим собой и еще каким-либо существом, в другом пространстве и времени. Такой тип мышления Л.-Б. предлагал называть "дологическим", обращая внимание при этом на то, что оно не является нелогическим или антилогическим, а просто подчиняется своим собственным законам. Одновременно он подчеркивал, что "дологический" тип мышления характерен исключительно для коллективного уровня, а индивидуальное мышление представителей примитивных народов тождественно современному европейскому. Кроме этого Л.-Б. считал, что "дологические" коллективные представления продолжают существовать и в современном обществе в форме религии, моральных понятий и обычаев там, где существует потребность в живом общении с окружающим миром, которое не может заменить современная наука.

Концепция Л.-Б. была подвергнута критике со стороны ряда известных антропологов, в том числе У. Риверса, Малиновского (**см.**), Боаса (**см.**) за чрезмерный схематизм и определенную тенденциозность при характеристике форм мышления неевропейских народов. Основные сочинения: "Мораль и наука о нравах" (1903); "Первобытное мышление" (русск. изд., 1930); "Ментальные функции в неразвитых обществах" (1910); "Сверхъестественное в первобытном мышлении" (1931); "Первобытная мифология" (1935) и др.

П.В. Терешкович

ЛЕВИН (Lewin) Курт (1890-1947) – немецкий и американский психолог и социальный мыслитель. Профессор Берлинского университета (1926-1932). В 1932-1944 профессор Стенфордского, Корнельского и других университетов. В 1944-1947 организатор и директор Исследовательского центра групповой динамики Массачусетского технологического института (который ныне функционирует при Мичиганском университете). В Берлинском университете занимался развитием идей гештальтпсихологии. Работал в области психологии и ее приложений к решению социальных проблем общества. Стремился осуществить перестройку психологии по образу и подобию точных наук.

Л. – автор оригинальной концепции описания жизненного пространства человека, получившей название "теория поля". В общем "поле" характеризует относительное психическое единство человека и его окружения и являет собой совокупность взаимосвязанных факторов (т.е. "поле" возможных для данного человека событий и "поле" сил, предопределяющих, какая из возможностей реализуется в его поведении). Считал, что мотивация сама по себе не является достаточным фактором для изменений. Эта связь обеспечивается решением. Показал, что изменения гораздо легче достигаются, если объектом воздействия являются индивиды, организованные в группы, чем если это воздействие оказывается на каждого из них в отдельности. Открыл, что участники групп получают пользу от анализа собственных переживаний. Оказал огромное влияние на становление социальной психологии и оформление ее проблемных полей прежде всего своими работами и экспериментами в области групповой динамики в американский период деятельности. В последние годы жизни обратился к проблемам общественной жизни. Был одним из основателей "Журнала социальных проблем" и "Общества психологических исследований социальных проблем". Считал важнейшей целью науки осуществление эффективных социальных преобразований.

Систематические исследования социальных проблем и попытки их решения Л. объединил в парадигму "активного исследования", основанную на принципе одновременного использования исследования для порождения нового знания и решения проблем. С именем Л. связаны первые попытки организации практической работы по предотвращению и разрешению социальных конфликтов. Автор книг "Динамическая теория личности" (1935), "Принципы топологической психологии" (1936), "Разрешение социальных конфликтов: Избранные работы по групповой динамике" (1948), "Теория поля в социальных науках: Избранные теоретические работы" (1951) и др.

Н.В. Гришина

ЛЕВИ-СТРОС (Levi-Strauss) Клод (р. 1908) – французский этнолог и социолог, положивший начало структуралистским исследованиям в области культурологии. Профессор университета в Сан-Паулу (1935-1938), советник по культуре французского посольства в США (1946-1947), зам. директора Антропологического музея в Париже (1949-1950), профессор Коллеж де Франс (с 1959). Член Французской академии (1973). Основные сочинения: "Структурная антропология" (1958); "Мифологии. Тт. 1-4" (1964-1971); "Структурная антропология – 2" (1973); "Структура мифов" (1970); "Колдун и его магия" (1974) и др.

Согласно Л.-С., философия являет собой "временного заместителя науки", ибо последняя достаточно оперативно осуществляет экспансию в сферу традиционных философских проблем. Рассматривая философскую составляющую аутентичного структурализма в виде "кантианства без трансцендентального субъекта", Л.-С. предполагал, что именно такой подход делает осуществимым непосредственный доступ к реальности объективированного мышления. Неудовлетворенный субъективизмом господствовавшей в середине 20 в. во Франции экзистенциальной философии, Л.-С. обращается к этнографии и антропологии. Его интерес к изучению объективированных форм и внесознательных детерминант человеческой психики предопределили теоретические установки, с одной стороны, Маркса (**см.**) и Фрейда (**см.**), с другой – Дюркгейма (**см.**), американской – Боас (**см.**), Кребер – и английской (Малиновский – **см.**, Радклифф-Браун – **см.**) школ антропологии.

Непосредственный методологический импульс новаторские изыскания Л.-С. получили из структурной лингвистики (Р. Якобсон и др.) – прежде всего в виде фонологического метода. Значение последнего Л.-С. видел в: 1) переходе от изучения сознательных явлений к исследованию бессознательного их базиса; 2) отказе рассматривать члены отношения

в качестве автономных независимых сущностей и преимущественном анализе отношений между ними; 3) введении понятия системы; 4) выявлении – впервые – социальной наукой "необходимых" отношений. Преодолевая узкоэмпирический подход, Л.-С. делает два базисных допущения: о существовании "другого плана" действительности, лежащего в основании наблюдаемой в опыте реальности, и типологического сходства феноменов культуры и явлений языка. Специфика складывающейся на этой основе концепции универсальной структуры заключается в понимании бессознательного как формальной матрицы (по типу двоичного кода), элиминирующем содержательные моменты его классической психоаналитической версии, а также в предположении всеобщности такой пустотной формы для организации различных уровней социальной жизни. Общество, в соответствии с этим, рассматривается с позиций семиотики и теории информации как полиморфная система коммуникаций (противоположных полов, имуществ, лингвистических знаков), имеющих инвариантом фундаментальное означаемое в форме бинарных оппозиций. Задачей структурного анализа, таким образом, является считка разнообразных символических культурных форм (искусство, религия и т.д.) как кодов этого архетипического языка.

Проблематика кодирования столкнулась с новым подходом Л.-С. к оценке первобытного мышления. В отличие от "теории прелогизма" Леви-Брюля, выделявшего коллективные формы мышления архаических народов в качестве "дологического мышления", Л.-С. полагает, что "человек всегда мыслил одинаково хорошо". В результате применения особых процедур поиска и моделирования единиц мифа ("мифем") Л.-С. делает вывод о присутствии в нем позитивной логики в форме структуры мифов, функционирующей в режиме медиации (опосредования) основных жизненных противоречий. Разрыв между мыслью о предметах и самими предметами, по Л.-С., заполняется магическим мышлением, что обеспечивает слитность чувственного и рационального в опыте первобытного коллектива. Поэтому сам факт звучания слова воспринимается "в качестве немедленно предлагаемой ценности", благодаря чему сама речь на равных правах включается в обменные процессы первобытного коллектива, организма, выступая специфической естественной идеологией. Современные же рациональные идеологии выполняют функции поставщиков чувства безопасности и гармонии для социальных групп гораздо менее эффективно. В итоге у Л.-С. складывается идеал своеобразного первобытного "сверхрационализма". Несмотря на исключительное воздействие на интеллектуальную ситуацию во Франции и за ее пределами, а также большой вклад во многие конкретно-научные области знания работы Л.-С. получали очень неоднозначную оценку. (Так, по мысли П. Рикёра, структурализм Л.-С. – это "кантианство без трансцендентального субъекта".) Подвергались обширной и аргументированной критике его попытки возвести выявляемые структуры человеческого интеллекта в ранг универсального объяснительного принципа, компьютерная утопия исчисления социальных закономерностей, ограниченность исследований закрытыми и внеисторичными системами устойчивого значения.

А.А. Горных

ЛЕВКО Анатолий Игнатьевич (р. 1948) – белорусский социолог, специалист в области социологии культуры и образования. Окончил Белорусский государственный университет (1975). Кандидат философских наук (1980); доктор социологических наук (1992); профессор (1994).

Работал инженером-социологом производственного объединения "Авторемонт" (1972-1975); в Научно-исследовательском отделе БГУ (1975-1990); с 1990 – в Научно-исследовательском институте образования, в настоящее время – главный научный сотрудник Национального института образования Министерства образования Республики Беларусь.

Л. внес вклад в разработку проблематики социологии труда, социологии личности и социологии образования, взаимодействия институциальных и социокультурных основ образования, в изучение менталитета белорусского народа. Новизной этих исследований является теоретико-методологическое и конкретно-социологическое изучение мотивации труда промышленных рабочих, региональных особенностей культуры Республики Беларусь и проблем гуманизации образования, его социокультурной сущности.

Л. – автор более 200 научных работ (из них 10 индивидуальных и коллективных монографий), в том числе: "Воспитание чувства хозяина социалистического производства" (1982); "Потребности личности как фактор общественного развития" (1988); "Роль и место образования в системе культуры" (1992); "Социальные проблемы образования: История и современность" (1993, в двух томах, соавтор); "Жизненное самоопределение учащейся молодежи" (1995, в соавторстве); "Социально-культурные факторы формирования личности в общеобразовательной школе" (1999, в соавторстве); "Проблема ценностей в системе образования" (2000, в соавторстве с Л.В. Ахмеровой-Ильиной); "Теоретико-методологические проблемы образования: социокультурный анализ" (2003); "Социальная педагогика" (2003) и др.

ЛЕВЫКИН Иван Тихонович (1923-1994) — российский социолог, специалист в области изучения проблем образа жизни.

Окончил ВПШ и АОН. Доктор философских наук (1971), профессор, зам. директора Института социологических исследований РАН.

Более 20 лет работал в области социальной психологии и социологии, преимущественно по теоретико-методологическим и методическим проблемам научного исследования. Работа "Некоторые методологические проблемы изучения психологии крестьянства" (Орел, 1970) послужила основой ряда социологических и социально-психологических исследований. В монографии "Теоретические и методологические проблемы социальной психологии" (1975), подготовленной на

базе многолетних эмпирических исследований, получила дальнейшее развитие научная концепция Л. Руководил многоэтапным исследовательским проектом: "Состояние и основные тенденции развития социалистического образа жизни". С середины 1980-х Л. организует реализацию исследовательского проекта, ориентированного на выявление динамики реального образа жизни общества, на основе периодически проводимых всероссийских репрезентативных исследований.

Л. – автор более 150 научных работ, в том числе: "Коллектив колхозников" (1975); "Сельская молодежь" (1970); "Общее и особенное в образе жизни людей" (1987) и др.

ЛЕГИТИМНОСТЬ (лат. legitimus – законный) – в широком смысле – признание, объяснение и оправдание социального порядка, действия, действующего лица или события. В правоведении противопоставляется легальности (собственно законности) как обладающая не юридической, но моральной функцией оправдания прежде всего власти по критериям авторитета (см.) и целей. М. Вебер (см.) ввел понятие "признание" в социологию, преобразовав его в категорию "ориентации на другого", таким образом, признание оказалось конститутивным моментом социального действия как такового. "Ориентация на другого" как основание социального действия понимает и принимает "всеобщее" социального порядка (см.) лишь постольку, поскольку "всеобщее" признается отдельными индивидами и ориентирует их реальное поведение. Понятие "Л." оказывается необходимым для социологического исследования общества и используется Вебером при установлении типов легитимного господства, такого, которое признается управляемыми индивидами. Л., следовательно, есть не свойство социального порядка, но свойство определенного представления о нем. Процесс легитимации обнаруживает себя составляющим репрезентативной культуры (в определении Ф. Тенбрука), способствуя восприятию мира и социальной действительности как "должного". Легитимация объясняет социальный порядок, придавая когнитивную обоснованность объективированным значениям; легитимация оправдывает социальный порядок, придавая нормативный характер его практическим императивам, то есть включает когнитивный и нормативный аспекты.

Проблема Л. не есть только проблема ценности, она с необходимостью включает также и знание, а именно знание того, что и каким образом может быть сказано и сделано в культуре или сообществе. Функцию легитимации или правила признания принимает социальный универсум, впитавший различные области значений и теоретических конструкций, включающий институциональный порядок во всей его символической целостности и предполагающий возможность существования различного понимания его смысла, каждый из которых социально значим, и, следовательно, представляется легитимным определенным социальным группам, ориентирующимся на него в реальном поведении.

С.А. Радионова

ЛЕЙБИН Валерий Моисеевич (р. 1942) – российский социальный философ и психоаналитик, доктор философских наук. Окончил философский факультет ЛГУ (1969) и аспирантуру Института философии Академии наук СССР (1972). В 1976 представил к защите, в 1979 дважды выходил на защиту и в 1982 защитил докторскую диссертацию на тему: "Психоанализ и американский неофрейдизм (историко-философский анализ фрейдизма). С 1991 – профессор кафедры глобальных проблем Российского открытого университета. С 1995 – заведующий кафедрой глобалистики, системологии и философской антропологии Университета российской академии образования. С 1996 – профессор кафедры истории и теории психоанализа Института гуманитарного образования и психоанализа Академии гуманитарных исследований. В 1970-х опубликовал ряд работ, посвященных анализу учений Адлера (см.), Маркузе (см.), Райха (см.), Салливана (см.), Фрейда (см.), Хорни (см.), Юнга (см.). Принимал участие в работе Международного конгресса по неосознаваемой психической деятельности (1979, Тбилиси), секции психополитики 14 Всемирного конгресса Международной ассоциации политических наук (1988, Вашингтон), Международного симпозиума "Советская культура сегодня: перестройка прошлого или изобретение будущего?" (1991, США, Университет Дьюка), Международной конференции "100 лет психоанализа: российские корни, репрессии и возвращение России в мировое психоаналитическое сообщество" (1996, Санкт-Петербург). Автор-составитель первой хрестоматии по истории российского психоанализа – "Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль" (1994). Автор книг: "Философия социального критицизма в США" (1976); "Психоанализ и философия неофрейдизма" (1977); "Модели мира и образ человека" (1977); "Фрейд, психоанализ и современная западная философия" (1990); "Глобальная проблематика: научные исследования и дискуссии" (1991); "Глобалистика: история и современность" (1992); "Русскость Фрейда" (1994); "Эдипов комплекс и российская ментальность" (1997); "Фрейд и Россия" (1998); "Психоаналитическая литература в России" (1998, совместно с В.И. Овчаренко); "Антология российского психоанализа" (в двух томах, 1999, совместно с В.И. Овчаренко) и более 300 статей, опубликованных на русском, английском, арабском, болгарском, венгерском, испанском, итальянском, немецком, польском, португальском, чешском и французском языках.

В.И. Овчаренко

ЛЕЙНГ (Laing) Рональд (1927-1989) – шотландский психиатр и психолог. Один из создателей и лидеров антипсихиатрии. Окончил медицинский факультет университета города Глазго. Работал психиатром в различных лечебных учреждениях (в т.ч. в армейских), а затем в клинике Глазго. Читал курс лекций по психиатрии в местном университете. Исследовал природу и причины психических болезней, окружение психически больных, шизофренические системы, взаимоотношения врача и пациента, традиционные способы психиатрии и психотерапий, измененные состояния сознания и его

трансперсональные уровни, этические и юридические аспекты психиатрии, проблемы человеческого опыта и др.

Считал, что подлинные причины безумия (см.) коренятся в основах человеческого бытия. Интерпретировал ряд психических заболеваний как стратегии и способы выживания людей в современном мире. В качестве одной из идей предложил считать сумасшествие разумной реакцией на безумное социальное окружение. Утверждал, что современная психиатрия и психопатология искажают подлинный внутренний мир больных людей. Выступил с резкой критикой репрессивного характера современной клинической психиатрии. Сформулировал понимание психотерапии как аутентичной встречи двух людей.

В 1961 опубликовал книгу "Разделенное Я. Экзистенциальное исследование психического здоровья и безумия", в которой использовал идеи и труды европейских философов-экзистенциалистов для критики традиционной психиатрии и разработки программы перестройки психиатрии в экзистенциальном контексте, обеспечивающим понимание нормального и патологического бытия в мире. В 1965 организовал терапевтическую коммуну Кингсли Холл – своеобразную экспериментальную модель будущих антипсихиатрических коммун.

В качестве существенно важного момента нормальной жизни и психики утверждал "онтологическую безопасность", главным условием обретения которой полагал способность человека быть автономной индивидуальностью. В этой связи исследовал и выделил три типичные формы тревоги (поглощение, прорыв и окаменение), которые следует научиться преодолевать. В критике и борьбе с современной психиатрией придавал большое значение замене современного "психиатрического жаргона" посредством использования идей и подходов герменевтики.

Поддерживал и развивал учение Маркузе (см.) об "одномерном человеке". Выступал с критикой репрессивной одномерной цивилизации нашего времени. Считался одним из идеологов движений "новых левых" и контркультуры. В последний период творчества несколько смягчил антипсихиатрические позиции и осуществил некоторый поворот к "альтернативным психологиям". Опубликовал ряд работ, посвященных изучению "социальных систем фантазий", посредством которых группа воздействует на своих членов.

Автор книг "Я и другие" (1961), "Здравомыслие, сумасшествие и семья" (т. 1. Семьи шизофреников; совместно с А. Эстерсон, 1964), "Разум и сила: Десятилетие философии Ж.-П. Сартра, 1950-1960" (совместно с Д. Купер, 1964), "Интерперсональное восприятие. Теория и метод исследования" (совместно с Г. Филлипсон и А. Ли, 1966), "Политика опыта и райская птица" (1967), "Семейные трудности" (1967), "Политика семьи" (1969) и др.

В.И. Овчаренко

ЛЕМ (Lem) Станислав (р. 1921) – польский мыслитель, философ, писатель-фантаст. Основные произведения: "Человек с Марса" (1946); "Астронавты" (1950); "Магелланово облако" (1955); "Диалоги" (1958); "Звездные дневники" (1954, 1958); "Возвращение со звезд" (1961); "Солярис" (1961); "Выход на орбиту" (1962); "Непобедимый" (1964), "Summa technologiae" (1964, 2-е расширенное издание – 1967); "Сказки роботов" (1964); "Кибериада" (1965); "Глас Господа" (1968); "Повести о пилоте Пирксе" (1968); "Философия случайности" (1968); "Фантастика и футурология" (1970); "Абсолютная пустота" (1971); "Мнимая величина" (1973); "Беседы и очерки" (1975); "Маска" (1976); "Насморк" (1976); "Осмотр на месте" (1979); "Мир на Земле" (1987); "Фиаско" (1987); "Философия случая" (в 2 томах, 1988) и др.

Философско-футурологический трактат Л. "Сумма технологии" посвящен концептуальному и научному анализу горизонтов и механизмов эволюции человечества. Проблемы, порождаемые экспоненциальным ростом научного знания и стремительным подъемом уровня энергий, освоенного людьми; постановка вопросов о соотношении и взаимообусловленности биологической и технической эволюций в контексте приверженности Л. кибернетическим /читай: синергетическим. – *А.Г.*/ контекстам постижения цивилизационных процессов; предположения о возможности направляемых трансформаций самого биологического вида Homo sapiens – эти и многие другие подходы Л. совместили в себе футурологическую респектабельность, характерную для исследований такого рода в 1960-1980-х, с одной стороны, и четко заданную приверженность идеалам гуманизма швейцеровского типа, с другой. (Особо следует отметить чисто синергетическую трактовку Л. – см. его книгу "Философия случая" – оснований социальной жизни и всякой эволюции вообще: "Случай – поворотный фактор всякого эволюционного процесса; уклад, возникший в результате данного процесса, создает собственные системные законы, не имеющие ничего общего с первоначальным поворотным фактором".) Цивилизация, согласно Л., – бытие общества (не обязательно земного) в отличие от бытия биологического вида. Подчеркивая и иллюстрируя при этом в своих фантастических произведениях идею о том, что Космос не есть увеличенная до масштабов Вселенной Земля, что человек всегда будет сталкиваться там с Непостижимым, Л. акцентирует тезисы о закономерности возникновения разума в Космосе, о принципиальной неограниченности астроинженерного потенциала мыслящих существ, о безграничной множественности путей эволюции цивилизаций Вселенной.

Постулируя ряд принципиальных условий осуществимости сценариев выживания человечества в 3-4 тысячелетиях, Л. не только осознанно деидеологизировал облик грядущего социума, оказавшегося в состоянии преодолеть социально-политические антагонизмы и геополитические напряжения середины 20 ст., но и отвел этой (неизбежно аксиологически значимой для философских изысков мыслителей Восточной Европы) проблеме второстепенное место в иерархии вопросов будущего.

Само по себе формулирование Л. таких проблем социально-философского порядка (условия возможности доминирования человека современного – логически мыслящего – типа и в будущих эпохах жизни на земле; "космические перспективы разума"; перспективы эволюции "технологии" –

"обусловленных состоянием знаний и общественной эффективностью способов достижения целей, поставленных обществом"; достижимость гармонии развития технологии и целей общества), которые "по определению" включали в себя нормы идеологического противоборства в качестве не более чем "фонового шума", сыграло весьма значимую роль в раскрепощении мышления научно-технической и гуманитарной интеллигенции стран социалистического лагеря и особенно Польши и Советского Союза в 1960-1980-х.

А.А. Грицанов

ЛЕНИН (Ульянов) Владимир Ильич (1870-1924) – теоретик большевизма, создатель большевистской партии и организатор Октябрьского большевистского (1917) переворота в России. Юрист. В 1891 сдал экстерном экзамены за юридический факультет Петербургского университета. Как профессиональный политик и мыслитель, спорадически касавшийся собственно философских проблем, Л. являет собой представителя того направления общественной мысли России, которое связывало как постановку философских проблем, так и процедуры их разрешения с задачами российского освободительного движения. Философским изысканиям изначально придавался прагматический социальный характер. Являясь безусловным сторонником идей революционизма и позитивности социального насилия, Л. как марксист, в первую очередь, выступал теоретиком и приверженцем учения о классовой борьбе и диктатуре пролетариата. При этом особый акцент Л. делал на признании гражданской войны в качестве необходимого и неизбежного этапа разрешения классовых противоречий в обществе. По сути, классовая борьба трактовалась Л. лишь как эмбриональная стадия гражданской войны. Круг философских интересов Л. был сосредоточен на проблемах философии истории, рассматриваемых с ортодоксальных марксистских позиций. В тех случаях, когда в сфере внимания Л. оказывались гносеологические вопросы, он придавал им статус интеллектуального орудия во внутрипартийной (или даже внутрифракционной) борьбе. Последняя, как правило, характеризовалась Л. как форма разрешения антагонистического классового противоречия. Гносеология для Л. являлась по сути чисто "партийной" дисциплиной: "Я вообще стараюсь читать Гегеля материалистически, т.е. выкидываю большей частью боженьку, абсолют, чистую идею".

Выступая последовательным сторонником целостного, тотального мировоззрения и миропонимания (в том числе и профессиональных), Л. считал, что любая философская школа, допускающая позитивный характер существования религии, в принципе не является научной ("О значении воинствующего материализма", 1922). Будучи приверженцем функционирования большевистской партии на харизматически-вождистских принципах при соблюдении жесткого кадрового отбора, Л. трансформировал учение Маркса о диктатуре пролетариата (**см.**) в идею диктатуры партии – организации революционеров-профессионалов – от имени пролетариата. Апологетика этого тезиса достигала у Л. степени социального расизма. Осознав в процессе катастрофического провала преобразований в русле "военного коммунизма" полную непригодность классического марксизма в деле создания реально функционирующей экономической системы социалистического типа, Л. отметил: "В работах Маркса вряд ли вообще можно найти хотя бы одно слово об экономике социализма – за исключением таких бесполезных лозунгов как "каждый – по способности, каждому – по потребностям!" В ходе разработки сценариев реализации большевистских программ в рамках экономической и политической практики Л. выступал приверженцем волюнтаристских, насильственных методов управления обществом, сочетавших открытый вооруженный и идеологический террор с культивированием и эксплуатацией массового энтузиазма населения при помощи популистских методов. По меткому выражению Н. Бердяева (**см.**), "Л. не верил в человека. Но он бесконечно верил в общественную муштровку человека". В контексте историко-философского процесса приходится однозначно констатировать, что как интеллектуальная, так и практическая деятельность Л. в России объективно привела к формированию догматизированной, жестко ограниченной рамками ортодоксально трактуемого марксизма философской традиции, постепенно эволюционировавшей в разновидность насаждаемой тоталитарным режимом ангажированной социальной мифологии. См. **Большевизм, Ленинизм, Марксизм-ленинизм**.

А.А. Грицанов

ЛЕНИНИЗМ – идейное течение социологии, политологии и общественной практики 20 в., характерное для официальных идеологических систем государств социалистического типа, а также для оппозиционно-радикальных движений, ориентированных на силовые процедуры захвата политической власти. Смысловым ядром Л. выступают сценарии и репертуары установления контроля над ключевыми структурами государственной организации общества в момент наиболее значимого противоборства разновекторных политических сил (см., например, работы Ленина "Марксизм и восстание", "Советы постороннего" и т.п.). В философской ипостаси Л. сводит глубину теоретических дискуссий к чисто политическим измерениям данных вопросов. Так, полемика Ленина против Богданова (**см.**) в главе 6 книги "Материализм и эмпириокритицизм" являет собой типичный случай Л. Гносеологический анализ Богдановым соотношения и субординации элементов системы "общественное бытие – общественное сознание" ("может ли быть общественное бытие без и вне общественного сознания" – по Богданову) Ленин свел к чисто идеологическому ракурсу проблемы, обвиняя Богданова в идеализме, несовместимом с материализмом диалектического толка, с социал-демократизмом и с преданностью идеалам освобождения России.

А.А. Грицанов

ЛЕРУ (Leroux) Пьер (1797-1871) – французский мыслитель, социальный философ и экономист, автор термина "социализм". Основные сочинения: "Равенство" (1838); "О человечестве, его принципах и его будущем" (тт. 1-2,

1840) и др. Л. разработал оригинальную концепцию "христианского социализма", сочетавшую в себе изображение общественного идеала сен-симонистского толка вкупе с попыткой конструирования путей его достижения. Солидарность и социальное равенство, лежавшие в основании социализма Л., мыслились им как результат трансформирующего мессианского воздействия на людей эклектической "религии человечества". По мысли Л., в основе последней ведущую роль должны были исполнять те компоненты философии пифагореизма и "атеистической религии" буддизма, которые были ориентированы на гармонизацию отношений человека и мира, человека и человека. По Л., католицизм и социализм являются принципиально несовместимыми. После бонапартистского переворота во Франции (1852) – в изгнании.

А.А. Грицанов

ЛИДЕРСТВО – понятие, имеющее множество значений и использующееся для описания широкого круга явлений, связанных с процессами власти и влияния в различных социальных коллективах, таких, как группы, организации, сообщества или нации.

Заимствование термина "Л." из повседневного языка и его определение исследователями в каждом конкретном случае в соответствие с интересами исследования привело к тому, что невозможно и, как считает ряд исследователей, нежелательно дать единое определение данного термина. Отмечается, что существует столько же определений Л., сколько тех, кто пытался его определить: только за последние 50 лет было предложено более 65 систем классификации определений Л. (Шейкелтон, 1995). По-прежнему остаются открытыми вопросы о том, является ли Л. характеристикой индивида или социальной ролью; стоит ли включать в понятие Л. процессы влияния, связанные с принуждением; сходны или различны между собой Л. и руководство (Юкл, 1994). Однако, несмотря на противоречия, можно заключить, что для большинства теоретиков Л. является феноменом, описывающим процессы влияния в группах или организациях, направленное на координацию групповых действий и отношений в ходе достижения групповой цели.

История исследований. Хотя попытки осмыслить и описать эффективные способы лидирования/управления могут быть найдены уже в древнегреческой философии, а "Государь" Н. Макиавелли до сих пор признается полезным руководством по управлению (Кетс де Вайес, 2001), систематическое изучение Л. началось не раньше первой половины 19 в. (Басс, 1990). Это связано с появлением социологии как научной дисциплины, а также с возникновением дискурса либерализма (см.) и необходимостью переосмысления способов легитимации власти (см.). Если в традиционных обществах Л. являлось вопросом происхождения, то в обществах капиталистических, вследствие "общественного договора", индивиды (см.) объявлялись формально равными в правах, а потому "лидером" мог стать любой. Теории Л. конца 19 – начала 20 в., с одной стороны, исследуют роль лидера в системе стабильных социальных институтов – М. Вебер (см.), Михельс (см.), а с другой – пытаются описать характеристики лидеров и особенности социальных ситуаций, приводящих к изменению социальных институтов (см.) – Вебер, Фрейд (см.).

Так, Михельс считал, что Л. и демократия несовместимы, поскольку Л. неизменно становится олигархическим, даже в системах, которые создаются как демократические и придерживаются демократической идеологии. Тенденция к олигархии в социальных системах неизбежна, потому что, во-первых, массы из-за некомпетентности и апатии не могут и не хотят активно участвовать в политических процессах; они предпочитают быть ведомыми. Во-вторых, демократия структурно невозможна в больших и сложных социальных системах; невозможно организовать систему таким образом, чтобы голоса многих членов социальной системы могли быть услышаны и приняты во внимание. Непрактичность демократии особенно очевидна в организациях или нациях, которые переживают конфликт с другими нациями – именно во время кризисных периодов организации нуждаются в жестком Л. и точном следованию порядку. Наконец, тенденция к олигархии выражается в самом характере лидера и в той роли, которую он должен играть. Благодаря своему культурному и образовательному превосходству над массами лидеры формируют ярко выраженную элиту. Статус и привилегии, связанные с ролью лидера, еще больше отделяют лидера от массы, вследствие чего лидеры заинтересованы в сохранении своих позиций. Именно поэтому в демократических партиях лидеры будут использовать эмоциональные и демагогические средства для манипулирования массами (Таненбаум, 1968).

Концепция типов легитимация власти Вебера разделяет с представлениями Михельса допущение о безусловности подчинения масс лидеру, но существенно отличается в том, что допускает возможность трансформации системы вследствие действий лидера. Вебер выделяет три типа легитимации власти: традиционный, легальный и харизматический. Подчинение первому типу основано на вере в святость вековых традиций и легитимность статуса того, кто обладает этой властью. Традиционная власть в большинстве случаев является не результатом выбора, но следствием рождения и принадлежности к особой социальной категории. Легальная власть, которая характеризует большинство управленческих позиций в бюрократических организациях, вытекает из веры в правомерность установленных правил и законов и признания за человеком, занимающим определенную позицию, права отдавать команды в соответствии с законом. Вебер использовал термин "харизма" (см.) для описания формы влияния, которая основана на восприятии лидера последователями как человека, наделенного исключительными характеристиками. Вебер считает, что харизма возникает в периоды социальных кризисов; в этой ситуации лидер с необыкновенными личными качествами предлагает радикальное разрешение кризиса; лидер привлекает последователей, которые верят в предложенное лидером видение и воспринимают его как исключительного человека. Поскольку радикальное видение очень часто тяжело установить в существующей организации, харизматический лидер часто создает новую организацию.

Объектом внимания последующих исследований Л. становится Л. внутри организаций, в частности, в армии и капиталистических корпорациях. Акцент в этих теориях смещается с исследования социальных структур на поиск стратегий эффективного Л. В зависимости от того, что считается источником эффективности и каким образом рассматривается феномен Л., существующие подходы к исследованию Л. можно разделить на следующие группы:

1) теория черт, теория стилей (Л. и эффективность Л. рассматриваются как свойство личности);

2) ситуационные (эффективность Л. является следствием действия в ситуации);

3) атрибутивные теории;

4) теории обмена.

Теории черт и поведенческие теории Л. Развитие исследований лидерских черт на первоначальном этапе было связано, с одной стороны, с пролиферацией методик психологического тестирования, а с другой – с представлением о лидере как об особенной личности, "великом человеке", обладающем врожденными способностями к управлению массами. И хотя четкое представление о том, какие черты составляют Л., отсутствовало, убеждение, что именно черты личности отличают лидера от нелидера и эффективного лидера от неэффективного сохранялось (Юкл, 1994). Черты, которые изучались в ранних исследованиях, включали: физические характеристики (рост, внешний вид), особенности личности (например, самооценка, доминирование, эмоциональная стабильность) и способности, измеренные при помощи психологических тестов (общий интеллект, креативность) (Юкл, 1994). В 1948 Р. Стогдил проанализировал 142 исследования лидерских черт в попытке обнаружить универсальный набор черт лидера. Результаты его анализа были неутешительны: как констелляции черт, отличающие лидера от нелидера, так и черты, определяющие для эффективности Л., зависели от ситуации, методов исследования и выборки. После этих пессимистических выводов исследования Л. с опорой на теорию черт по большей части прекратились; единственное исключение составила область индустриальной психологии, где исследования лидерских черт были связаны со стремлением улучшить отбор управленцев. Поскольку эти исследования фокусировались в большей степени на изучении эффективности Л. и использовали более гомогенную выборку, то полученные результаты лучше согласовывались между собой в вопросах о том, что есть лидерские черты. В 1974 Стогдил снова провел анализ исследований, проведенных в период с 1949 по 1970, и сравнил их с результатами предыдущих исследований. Совпадения в полученных данных позволили ему заключить, что черты предоставляют некоторое основание для Л., хотя и не являются единственным определяющим его фактором. (Шейкелтон, 1995).

На данный момент можно выделить несколько мини-теорий, исследующие Л. с позиции теории черт. Сюда включают исследования управленческой мотивации с использованием TAT, проведенные Макклелландом (1965, 1985), исследования мотивации Майнера, исследования личностных особенностей лидеров, "сошедших с дистанции" (Басс, 1990). Шейкелтон, обобщая результаты нескольких мета-исследований лидерских черт, приходит к выводу, что основными чертами, определяющими ту часть феномена Л., которая связана с индивидуальными особенностями, являются интеллект, уверенность в себе, целеустремленность, личностная целостность и социабельность (Шейкелтон, 1995).

Почти одновременно с теориями черт в исследованиях Л. появляется и другое направление, которое также пытается описать эффективность деятельности лидера в терминах его личностных особенностей, но рассматривает в качестве определяющего основания деятельности не личностные диспозиции, а особенности поведения. Наиболее известные поведенческие исследования Л. проводились в двух университетах США – Огайском и Мичиганском. Огайские исследования, целью которых было выявить паттерны (см.) эффективного поведения лидера, продемонстрировали, что весь набор действий руководителя можно описать при помощи двух несвязанных между собой шкал, получивших название "участие" и "инициация структуры". Высокие баллы по шкале "участие" означают, что руководитель проявляет повышенное внимание к нуждам и чувствам подчиненных, тогда как высокие оценки по шкале "инициация структуры" указывают на наличие поведения, направленного на структурирование и организацию работы. В последующем на основании этих двух шкал был построен опросник, использовавшийся в корреляционных исследованиях эффективности группы и действий лидера. К сожалению, эти корреляционные исследования не смогли продемонстрировать, какой из стилей Л. (или какая комбинация баллов по обеим шкалам) является наиболее эффективным. Кроме того, проводившиеся исследования были подвержены целому ряду методологических проблем, среди которых влияние различного рода предубеждений на ответы испытуемых и невозможность установить направление причинной связи (Юкл, 1994).

В отличие от Огайских исследований, где данные о паттернах поведения и оценки последнего собирались при помощи одного и того же опросника, исследования, проведенные в университете штата Мичиган, использовали комбинацию методов опроса и наблюдения. Однако шкалы, полученные в результате анализа, во многом соответствовали результатам Огайских исследований. Так, было установлено, что поведение эффективных лидеров можно описать в терминах его нацеленности на задачу, на отношения и на обеспечение возможности участвовать в принятии решения для подчиненных (последнее не получило значительного внимания в дальнейших исследованиях).

В 1950-е и 1960-е был проведен ряд исследований, который пытался обнаружить наиболее эффективный стиль поведения лидера. Самую многочисленную группу составляют исследования, которые опираются на предположение о том, что наиболее эффективным является такой стиль, при котором высоки баллы, набранные руководителем по обеим шкалам. Сюда относятся исследования Блейка и Моутона, разра-

ботавших теорию управленческой решетки (достоинством которой также является попытка привязать поведение лидера к ситуации) и исследования Мисуми, которые являются повторением Огайских исследований на материале японских организаций. Можно выделить аддитивные и интерактивные универсальные теории, где первые считают, что эффективность поведения является простой суммой оценок по двум шкалам, а вторые – что поведение, которое проявляют лидеры, набравшие высокие балы по обеим шкалам, качественно отличается от поведения лидеров с другими сочетаниями баллов. Однако ни одна из этих моделей не поддерживается результатами эмпирических исследований (Юкл, 1994).

В связи с многообразием и противоречивостью результатов исследований стилей Л. и их связи с эффективностью деятельности группы следующим шагом в концептуализации природы Л. была попытка привязать поведение лидера к ситуации, а также вывести более мелкую таксономию поведения лидеров и исследовать ее связь с эффективностью. Первое было осуществлено в многочисленных исследованиях на основании ситуационных теорий Л., тогда как второе не получило значительного внимания (Шейкелтон, 1995).

Ситуационные теории Л. Общей характеристикой ситуационных теорий является то, что, опираясь на результаты исследований стиля Л. и неудачи в поисках универсально эффективного лидерского стиля или набора лидерских черт, они пытаются предсказывать эффективность действий лидера в зависимости от ситуации. К основным ситуационным теориям относят личностно-ситуационную теорию Ф. Фидлера, теорию когнитивных ресурсов, теорию пути-цели Хауса и модель принятия решений Врума – Йеттона – Яго.

Личностно-ситуационная теория Ф. Фидлера рассматривает поведение лидера как определяемое двумя основными группами переменных, а именно свойствами лидера и параметрами ситуации. Свойства лидера определяются через оценку им подчиненных и выражаются в показателе оценки наименее предпочитаемого сотрудника. С точки зрения Фидлера, высокие оценки будут свидетельствовать об ориентации лидера на межличностные отношения и заботу о подчиненных, тогда как низкие баллы означают озабоченность выполнением задачи. Нацеленность на задачу либо на межличностные отношения является неизменной характеристикой, своего рода личностной диспозицией и не может быть освоена как тип эффективного лидерского поведения. Благоприятность /неблагоприятность ситуации в теории оценивается как результат совместного действия факторов структуры задачи, групповой атмосферы и власти, которой обладает позиция лидера. Поскольку каждый из этих факторов может иметь либо положительное, либо отрицательное значение, результатом являются восемь возможных ситуаций, в которых осуществляется взаимодействие между лидером и подчиненными (Хорнер, 1997). Несмотря на то, что результаты последующих эмпирических исследований продемонстрировали, что существует некоторая связь между характеристиками лидера, параметрами ситуации и эффективностью (например, что лидеры, ориентированные на выполнение задачи, наиболее эффективны в наиболее и наименее благоприятных ситуациях), теория подверглась значительной критике. Так, остается непонятным, что лежит в основании оценки наименее предпочитаемого сотрудника (ОНПС) как характеристики лидера, невысока надежность опросника ОНПС и неясно, каким образом классифицировать ситуации (Шейкелтон, 1995).

Теория когнитивных ресурсов является более современной модификацией теории Фидлера и оценивает, при каких условиях когнитивные ресурсы, такие, как интеллект и опыт, связаны с эффективностью группы. В соответствии с этой моделью эффективность группового поведения определяется сложным взаимодействием между характеристиками лидера (интеллект и опыт), его поведением (направляющее Л.) и характеристиками ситуации (межличностный стресс и природа задачи). Так, теория предполагает, что интеллектуальный лидер лучше справится с задачей, особенно если она сложная, и что стресс опосредует отношения между интеллектом и качеством решения, а также между опытом и качеством выполнения задания (Юкл, 1994).

Теория пути-цели Хауса (1974) рассматривает Л. с позиции подчиненных или последователей и понимает его как взаимодействие между лидером и подчиненным в ходе достижения общей цели. С точки зрения этой теории, роль лидера заключается в помощи подчиненным в приобретении ими навыков, которые помогут достичь желаемых целей, а также в модификации ожиданий и верований относительно процесса и последствий выполнения определенной задачи. Поведение лидера будет рассматриваться подчиненными как приемлемое в той степени, в какой подчиненные будут рассматривать это поведение как ведущее к непосредственному или опосредованному удовлетворению. Удовлетворенность работой и действиями лидера, в свою очередь, приведут к изменению мотивации подчиненных. Эффективность стиля Л. (участвующее, поддерживающее, директивное, нацеленное на достижение) зависит от таких параметров ситуации, как свойства задачи и характеристики подчиненных (Басс, 1990).

Несколько более ограниченное понимание Л. представлено в теории Врума – Йеттона – Яго, которые рассматривают только тот аспект поведения лидера, который связан с процессами принятия решений. "Дерево решений", представленное в теории, является моделью, приписывающей использование различных стилей принятия решений от автократического до группового в зависимости от ситуации. Параметрами ситуации, определяющими выбор стиля, являются наличие приемлемого решения и необходимой степени одобрения со стороны подчиненных (Хорнер, 1997).

Несмотря на многочисленность ситуационных теорий Л., большинство эмпирических исследований, строившихся с опорой на них, не смогли показать однозначную связь между поведением лидера в различных ситуациях и эффективностью деятельности группы. Одна из попыток решения этой проблемы была осуществлена Кером и Джеримером, которые выделили ситуационные переменные, замещающие или нейтрализующие эффективность действия лидера (Кетс де Вайес, 2001). Более радикальный выход заключался в пересмотре

существующих представлений о Л. и предложений либо более сложных моделей взаимоотношения и взаимовлияния лидера и подчиненных, либо полном отрицании значимости Л. и рассмотрении его как социальной конструкции.

Атрибутивные теории Л. К атрибутивным относятся модели Л., которые в той или иной степени опираются на теории каузальной атрибуции. Значительная роль в этих моделях отводится представлениям руководителей и подчиненных о надлежащем поведении друг друга и влиянию способов объяснения поведения на взаимоотношения в группе. Так, Митчел и Вуд, а затем Грин и Митчел предложили модель, которая пытается связать действия лидера и продуктивность работы подчиненных. В частности, теория пытается показать, как приписывание непродуктивного поведения работников внешним или личностным факторам определяет выбор типа санкций (Шейкелтон, 1994).

Концепция Лорда и Махера рассматривает взаимоотношения между лидером и последователями с точки зрения последних. В частности, их концепция "имплицитных теорий Л." описывает то, каким образом представления подчиненных о том, что есть Л., влияет на их восприятие и оценку поведения лидера. Лорд и Махер утверждают, что Л. в группе является не реально существующим феноменом, определяемым свойствами или поведением лидера, но результатом субъективных восприятий и социальных представлений. Если действия лидера отвечают представлениям подчиненных, то последние делают вывод о существовании Л. и оценивают его как эффективное. Чем точнее совпадение между воспринимаемыми атрибутами и поведением лидера, с одной стороны, и имплицитными теориями последователей – с другой, тем выше вероятность, что последователи будут воспринимать лидера как лидера и позволят ему осуществлять процесс влияния. При этом следует отметить, что, вынося суждения о существовании Л. и его эффективности, последователи часто оценивают поведение, которого в реальности они не наблюдали (Кетс де Вайс, 2001).

Еще большее значение атрибуциям последователей придается в теории романтизации Л. у Мейндла. В своей радикальной работе, посвященной Л. и его эффектам, Мейндл утверждает, что Л. возникает в восприятии или опыте последователя и его возникновение тесно связано с формированием идеологии группы. Традиционные исследования строятся с опорой на здравый смысл, который придает Л. большее значение, чем оно имеет в реальности. Это происходит потому, что подчиненные/последователи нуждаются в простых и очевидных объяснениях происходящего в процессе работы и взаимоотношения в организации. Таким простым и очевидным объяснением и является Л. Однако, поскольку восприятие и оценка причины и последствий тесно взаимосвязаны (например, причина, которая привела к наступлению желаемых последствий, оценивается выше и рассматривается как более влиятельная), Л. начинают приписывать объяснительную силу, которой оно реально не обладает. В свою очередь, ценность и значимость, приписываемая Л. как каузальному фактору, усиливает субъективную ценность его возможного влияния на продуктивность в группе. Поскольку люди романтизируют Л., то продуктивность, связанная с руководством, будет рассматриваться как более успешная, чем та, что связана с другими факторами. Наиболее "раздутой" значимостью, с точки зрения Мейндла, обладают харизматическое и трансформационное Л. (Шейкелтон, 1995).

Несмотря на то, что эмпирические исследования подтверждают верность гипотезы Мейндла, его исследования подверглись значительной критике. В частности, утверждается, что его взгляд на Л. слишком преуменьшает значимость личности лидера, чему противоречит простой анализ исторических событий (Басс, 1990). Мейндл соглашается с этой критикой, утверждая, что его выводы применимы только до определенных пределов, – лидеры не обладают такой значимостью, которую им традиционно приписывают, однако совсем избавиться от них невозможно.

Теории обмена. Теории обмена включают в себя модели, в которых Л. представляется как сложный процесс взаимодействия и взаимовлияния лидера и подчиненных. В эту группу включаются теория диад, теории харизматического и трансформационного Л. Теория диад, предложенная Граеном, сфокусирована на развитии и качестве взаимоотношений между лидером и последователями. Предполагается, что лидеры различают своих последователей в соответствии с их компетентностью, возможностью им доверять и их мотивацией принимать на себя ответственность. Последователи, которые оцениваются лидерами как обладающие этими атрибутами, выделяются в "ин-группу" /условно: во "внутреннюю", "ближнюю" группу. – *Ред.*/ и в обмен получают больше внимания и поддержки со стороны лидера. Другие, так называемые члены "аут-группы" /условно: во внешнюю, более дистанцированную от лидера группу. – *Ред.*/, получают более рутинные задания и поддерживают формальные взаимоотношения с лидерами, которые в ответ оказывают более формальное влияние (Бродбек, 2001).

Понятие "харизматический лидер" было введено в социальные науки Вебером, однако эмпирические исследования с опорой на это понятие начались не ранее начала 1900-х, когда интерес в исследованиях сместился с изучения Л. в стабильных организациях на изучение процессов изменения и роли лидера в них. На данный момент существует множество различных способов описания харизмы, общим для которых будет представление о харизматическом Л. как о сложном взаимодействии между действиями и характеристиками лидера, особенностями ситуации и представлениями подчиненных. Хаус считал, что харизматическое Л. является совокупным результатом действия черт личности лидера (сильная потребность во власти, высокая уверенность в себе и в правоте своих взглядов), его поведения (управление впечатлением, установление "видения", мотивирование подчиненных и т.п.) и характеристик ситуации (харизматическое Л. чаще всего возникает в стрессовых для группы ситуациях). С точки зрения Конджера и Канунго, харизма является результатом атрибуции, поэтому основная цель их теории заключалась в том, чтобы описать типы поведения, способствующее тому, что

лидер будет рассматриваться как харизматический. При этом эти типы поведения, в отличие от Вебера, рассматриваются не как мистические, необычные качества, которыми обладает человек, но как способы поведения, которым можно обучить. Теория Я-концепции Шамира описывает, каким образом харизматические лидеры способны *мотивировать* последователей на совершение необычных поступков. Ключ к пониманию процессов мотивации, с его точки зрения, лежит в процессах личностной и групповой идентификации, усвоении ценностей лидера и во влиянии последнего на представления индивидов и группы в целом о собственной эффективности. Харизматическое Л. является двунаправленным процессом: оно возникает в условиях, когда "видение" совпадает с ценностями и идеологией последователей, а последователи активно ищут лидеров, разделяющих их ценности (Шейкелтон, 1995).

Термин "трансформационное Л." был введен Б. Бассом для описания процессов совместного изменения и приобретения новых навыков лидера и подчиненных. В своем акценте на изменении концепция трансформационного Л. близка к теориям харизматического Л.; кроме того, харизма, понимаемая как свойство лидера, является одной из составных частей трансформационного Л. Трансформационное Л. также определяется в сопоставлении с Л. трансактным, под которым понимаются традиционные способы мотивации подчиненных (денежные вознаграждения и материальные блага в обмен на качественное выполнение работы; управление "посредством исправления ошибок"). Трансформационное Л. подразумевает, что лидер проявляет индивидуальное участие и заботится о развитии личностного потенциала работников, стимулирует использование нетрадиционных способов выполнения задачи (что существенно в ситуации организационных изменений), применяет способы мотивации, характерные для харизматического лидера. При этом трансактное и трансформационное Л. не являются взаимоисключающими стилями поведения и могут использоваться одним и тем же лидером в зависимости от потребностей ситуации (Шейкелтон, 1997).

Данная теория явилась стимулом для проведения большого количества эмпирических исследований, изучавших связь между трансформационным Л., продуктивностью и удовлетворенностью подчиненных, результаты которых по большей части подтверждают валидность модели и продуктивность трансформационного Л. по сравнению с традиционными способами управления. Однако в своем большинстве эти исследования обладают теми же недостатками, что и исследования лидерских стилей, главным из которых является невозможность установить направление причинной связи между трансформационным Л. и удовлетворенностью/продуктивностью подчиненных.

Современные исследования Л. Невозможность выявить паттерны эффективного Л. и концептуальные проблемы многочисленных теорий, накопленных в течении более чем ста лет исследований Л., привели к тому, что на данный момент большая часть литературы и исследований, посвященных этому феномену, являются атеоретичными. Современные исследования Л. по большей части отражают потребности западной экономики, связанные с процессами глобализации (**см.**). Экспансия Западных компаний в страны Востока и бывшего советского блока привела к осознанию неприменимости западных моделей в других культурных контекстах, тогда как приход восточных компаний на западные (по большей части американские) рынки вызвал необходимость изменения и упрощения организационных структур с целью повышения конкурентоспособности. Следствием этого для исследований Л. является возникновение и развитие кросскультурных исследований Л., а также изучение вопросов перераспределения власти и Л. в командах.

Немногочисленные кросскультурные исследования Л. нацелены, в основном, на классификацию различных культур в соответствии с доминирующими в них ценностями и выделение эффективных стилей Л., соответствующих ценностям этих культур. Наиболее известно исследование Ховстеда, который выделил четыре наиболее значимых фактора, объясняющих вариабельность организационного поведения в различных культурах: дистанция власти, избегание неопределенности, маскулинность – феминность и индивидуализм – коллективизм. Фактор дистанции власти показывает, насколько велико в данной культуре уважение к формальному авторитету; Л. в культурах с большой дистанцией власти, как правило, носит автократический характер. Подчиненные в культуре с высоким уровнем избегания неопределенности склонны отдавать предпочтение лидерскому стилю, ориентированному на структурирование задачи, тогда как феминные культуры предпочитают стиль, ориентированный на отношения. Другие кросскультурные исследования Л. продемонстрировали, что глобализация не оказывает "сглаживающего" эффекта на предпочтение стиля Л. (Тромпенаарс) и что даже внутри "гомогенно" западной культуры существуют значимые различия по ряду показателей между странами. (Лорент, Лидс). В целом, кросскультурные исследования Л. остаются немногочисленными; их проведение связано со значительными методологическими затруднениями, такими, как сложность адекватного перевода и невозможность построения исследования, которое бы учитывало особенности исследуемой культуры в своем дизайне (Шейкелтон, 1995).

Самоуправляемые команды и другие формы делегирования власти и права принятия важных управленческих решений от более высоких звеньев в управленческой иерархии к низшим стали использоваться в американских корпорациях в процессе поиска путей к достижению большей конкурентоспособности. Несмотря на то, что Л. в команде принимает более эгалитарный характер, речь о полном упразднении иерархии и деления лидер – последователь, руководитель – подчиненный не идет. В командах выделяют два типа Л.: внутреннее и внешнее, где внутренний лидер выполняет функции координации действий группы и фасилитации межличностных отношений, а внешний является своеобразным "наставником" и обеспечивает связь группы с организацией. При этом стоит отметить, что человек, занимающий позицию внутреннего лидера в команде, не является эквивалентом начальника – решения принимаются совместными усилиями

группы, а позицию лидера может занять любой член группы в зависимости от потребностей ситуации. Однако, несмотря на то, что некоторые исследования команд продемонстрировали, что повышение уровня ответственности работников за принимаемые ими решения приводит к увеличению продуктивности и креативности, повышению качества продукции и услуг, улучшению взаимоотношений в группе и снижению эмоционального дискомфорта, перераспределения власти в организации остается спорным вопросом. Так, например, утверждается, что передача ответственности за выполнение задачи непосредственным исполнителям вовсе не ведет к повышению их благосостояния и мотивируется лишь корпоративными интересами (Аппельбаум и др., 1999).

В целом, стоит отметить, что, несмотря на попытки пересмотреть понимание Л. от иерархического и центрирующегося на лидере к более процессуальному и учитывающему опыт последователей, это понятие по-прежнему остается крайне индивидуалистичным. Даже в тех случаях, когда обсуждается роль последователей в "создании" Л., она понимается как простая совокупность вкладов отдельных индивидов. К другим проблемам "Л." как феномена и как понятия Западного научного дискурса можно также отнести его "исключающий характер" – это понятие описывает реалии только одной, небольшой группы населения, такой, как, например, "белые мужчины среднего класса". Исследования женского Л. и Л. "меньшинств" ведутся не так давно и их результаты все еще остаются маргинальными по отношению к доминирующему научному дискурсу.

О.Н. Зубковская

ЛИЛИЕНФЕЛЬД (ТОАЛЬ) Павел Федеорович (псевдоним Лилее; П.Л.) (1829-1903) – российский социолог и государственный деятель (сенатор, председатель Петергофской земской управы, вице-губернатор Санкт-Петербурга, губернатор Курляндии).

Принимал активное участие в институциализации социологии на Западе и в России, выступал с докладами на Международных социологических конгрессах (1894 и 1895). На третьем Конгрессе был избран Президентом Международного социологического института. Принял участие в дебатах по вопросу о марксистской социологии, которым был посвящен специальный Конгресс Международного института социологии в 1894.

Трактуя общество как "реальный организм", живущий "той же жизнью, как и все прочие организмы природы", Л. утверждал, что социальные законы могут быть выводимы лишь путем аналогии между действием социальных сил и органических сил природы. Сами же общественные процессы, по мнению исследователя, теоретически сводимы к проявлениям механического движения.

Общество, по Л., состоит из клеток – человеческих индивидов – подобно тому, как из клеток состоит любой организм. Л. усматривал полную аналогию между обществом и организмом как в отношении каких-либо отдельных процессов (рождение, рост, смерть), так и отдельных органов (мозг как правительство и т.п.).

Экономическую, политическую и юридическую деятельность Л. отождествлял с физиологической, морфологической и целостной ипостасями организма. Тем самым обосновывался тезис о вечности и неизменности главных общественных институтов, попытки насильственной трансформации которых Л. рассматривал как патологию.

Л. выступил одним из первых сторонников идей социологического психологизма (**см.**) в России. С его точки зрения, задача социологии как науки – изучать духовные процессы с точки зрения их воздействия на другие виды деятельности.

Основные сочинения Л.: "Основные начала политической экономии" (1860); "Земля и воля" (1868); "Мысли о социальной науке будущего" (1872); "Социальная философия" (1894) и др.

А.А. Грицанов

ЛИМАРЕНКО Александр Петрович (р. 1943) – белорусский социолог, специалист по теоретической социологии.

Окончил Белгосуниверситет (1970), кандидат философских наук, доцент.

Старший научный сотрудник проблемной лаборатории социологических исследований, доцент кафедры социологии БГУ (с 1990). Зам. директора Международного гуманитарного института БГУ (с 1999).

Сфера научных интересов: история социологии, методы социологических исследований, проблемы социальной структуры общества, социология маркетинга и рекламы.

Л. – автор около 100 научных работ, в том числе: "Социологический словарь" (1991, соавтор); "История социологии" (1993 и 1997, соавтор); "Методологические основы социологии: социология как наука" (1992, соавтор); "Новейший философский словарь" (1999 и 2001, соавтор); "Всемирная энциклопедия. Философия" (2001, соавтор) и др.

ЛИНТОН (Linton) Ральф (1893-1953) – американский антрополог, один из лидеров американской культурной антропологии второй четверти 20 в. Основная работа Л. – "Изучение человека" (1936) – была попыткой достичь синтеза антропологии, психологии и социологии в рамках единой дисциплины, изучающей человеческое поведение во всей его полноте. В этой работе культура понималась как совокупность форм поведения, общих для большинства членов общества и усваиваемых ими в процессе обучения. Культура разделялась на "внешнюю" (доступные наблюдению поведенческие аспекты культуры) и "скрытую" (установки, эмоции, ценности и т.д., лежащие в основе культурного поведения). Для анализа социальных явлений и процессов Л. разработал концепцию статусов и ролей, оказавшую большое влияние на структурно-функциональную социологию и этнологию в США.

Статус (или позиция) понимался Л. как структурная единица и определялся как место индивида в социальной струк-

туре, характеризующееся совокупностью определенных прав и обязанностей; статус может быть предписан индивиду от рождения (например, в кастовой системе) или достигаться усилиями самого индивида. Роль определялась Л. как "динамический аспект статуса": "Индивиду социально предписан определенный статус, и он занимает его по отношению к другим статусам. Когда он принимает права и обязанности, конституирующие статус, и приводит их в действие, он выполняет роль".

В.Л. Ананьев

ЛИОТАР (Lyotard) Жан-Франсуа (р. 1924) – французский философ, теоретик "нерепрезентативной эстетики", создатель концепции "нарратологии", обосновывающей ситуацию постмодернизма в философии. С 1959 преподавал философию в университетах Парижа (Нантер, Сорбонна), с 1972 по 1987 – профессор университета Сент-Дени, соучредитель (вместе с Деррида) Международного философского колледжа. На его творчество заметно повлияло неокантианство, философия жизни, экзистенциализм, аналитическая традиция и "философия власти" М. Фуко (**см.**). Основные сочинения: "Феноменология" (1954); "Отклонение исходя из Маркса и Фрейда" (1968); "Либидинальная экономия" (1974); "Состояние постмодерна" (1979); "Спор" (1983); "Склеп интеллигенции" (1984) и др.

Отражая в одной из своих ранних работ ("Феноменология") главные тенденции этого философского течения в 1950-х, Л. зафиксировал перемещение интересов его представителей от математики к наукам о человеке, от полемики против историцизма к поискам возможных компромиссов с марксизмом. Так, классическая установка феноменологов – сделать "я воспринимаю" основанием "я мыслю" (здесь cogito являет собой аналог "я оцениваю" предикативного высказывания) – была ориентирована на фундацию предикативной деятельности деятельностью "до-предикативной". Но поскольку реальным измерением данной процедуры выступало описание в дискурсе предшествующего дискурсу, постольку "до-предикативное" не могло быть восстановлено таким, каким оно существовало до того, как было озвучено и эксплицировано. По мысли Л., отношение "я воспринимаю" к миру видимому суть то, что именуется у Гуссерля "жизненным миром": "ввиду того, что этот исходный жизненный мир является до-предикативным, любое предсказание, любой дискурс, конечно же, его *подразумевают*, но им его и *недостает*, и о нем, собственно говоря, нечего сказать. [...] Гуссерлианское описание [...] есть борьба языка против него самого для достижения изначального. [...] В этой борьбе поражение философа, логоса, не вызывает сомнений, поскольку изначальное, будучи описанным, не является более изначальным как описанным". При этом резюмируя споры о природе "вечных истин", осуществляемые в рамках феноменологической парадигмы, Л. отмечал: "...не существует абсолютной истины, этого постулата, объединяющего догматизм и скептицизм; истина определяется в процессе становления как ревизия, коррекция и преодоление самой себя, и этот диалектический процесс всегда протекает в лоне живого настоящего". Факт истинности по сути становится уделом истории. Собственную концепцию "нерепрезентативной эстетики" Л. посвятил преодолению моделей репрезентации, утвердившихся в искусствоведении после эстетической системы Гегеля. "Событие", по Л., в принципе неопределимо и "несхватываемо": любое изображение всего только указывает на принципиально непредставимое. При этом, согласно Л., "событийность" (не могущая быть подведена под какое-либо универсальное правило) имманентно содержится в любом высказывании: "распря", "несогласие" в этом контексте очевидно приоритетны перед "согласием". Тем самым Л. стремился разрешить наиблагороднейшую задачу: "Спасти честь мышления после Освенцима". По его мнению, трагедия тоталитаризма в Европе неразрывно связана с самой сутью европейского мышления, ориентированного на поиск безальтернативной истины. Такие притязания, по Л., в первую очередь, характерны идеологиям модернистского типа, или "метанаррациям". Ход рассуждений Л. в данном контексте был таким. Ницше диагностировал приход нового нигилизма, подразумевающего в данном конкретном случае следующее: революционеры воображают, будто бы их оппозиция существующему социальному порядку фундирована *истиной*. Данная истина, выступающая в облике "революционной теории", постулирует, что современный способ производства и обусловленная им надстройка обречены вследствие имманентного противоречия, что будущее наличного настоящего идет к катастрофе (всемирная война, планетарное утверждение фашизма). Избежать этого можно якобы только в том случае, если человечество сумеет посредством радикально-силового решения найти путь к иному способу производства. И тут революционер, по мысли Л. ("Либидинальная экономия"), осознает следующее. Он полагал себя вещающим от имени истины и выражающим нравственный идеал. Революционные ожидания не сбылись. Как следствие – крах революционных ценностей, определяемых ныне как ценности религиозные (поиск *спасения* людей путем *отмщения* всем виновным) и клерикальные (просвещенный интеллектуал выступает ныне в ипостаси доброго пастыря масс). Социализм, по Л., оказывается несомненно менее революционен, нежели капиталистическая реальность, причинами тому – религиозность социализма и – напротив – циничность вкупе с абсолютным неверием мира капитала. Таким образом, согласно Л., истина революционной теории – не более чем идеал, она являет собой лишь выражение желания истины. "Революционная истина" обусловлена той же верой в истину, что и религия.

Согласно Л., капитализм нет надобности упрекать в цинизме и безверии: поскольку капитализм ликвидирует все, что человечество почитало святым, постольку эту тенденцию нужно сделать "еще более ликвидирующей". По мысли Л., "конец истории" в этом контексте необходимо понимать как выход человечества из исторического времени с целью очутиться во "времени мифов". Потому философия и должна снять былую маску критики, которую она носила при господстве единственной истины (например, монотеизма), ей теперь пригодится маска политеистического типа. Л. пишет ("Либи-

динальная экономия"): "Значит, после этого вы отвергаете спинозистскую или ницшеанскую этику, разделяющую движения, обладающие большим бытием, и движения, обладающие меньшим бытием, действие и противодействие? – Да, мы опасаемся, что под покровом этих дихотомий вновь возникнет целая мораль и целая политика, их мудрецы, их борцы, их суды и их тюрьмы. [...] Мы говорим не как освободители желания".

Согласно Л., мир не может пониматься иначе как в конечном счете выдуманное повествование. В лоне истории, исторического времени мир являл собой истину, открытую единственному логосу. Пришло время совершить обратный переход: в этом главный смысл идеи Л. о "закате метанарраций" (см. **Метанаррация**). Как же возможен скачок от logos к muthos? Только демонстрацией того, что сам логос был мифом. Философия жестко разделяла дискурс теоретический и нарративный: в первом содержится утверждение того, что есть всегда и везде. Во втором все сомневаются, он гласит: "некогда...". Всеобщее и особенное противоположены. Это необходимо преодолеть. Л. пишет: "Теории сами представляют собой повествования, только в скрытом виде, и не следует позволять вводить себя в заблуждение их претензией на всевременность". Л. фундирует данный тезис "логикой случая" древнегреческих софистов. Указанная логика сводила всеобщую логику к логике частной, частную логику к логике отдельного события; тем не менее она не становилась в итоге ни более истинной истиной, ни более универсальной логикой. Придание *любому* дискурсу статуса нарративного отказывает абсолютному дискурсу в праве на существование: "...фактически мы всегда находимся под влиянием какого-либо повествования, нам уже всегда что-то сказано, и о нас всегда уже что-то сказано". Нарративное повествование никогда не ссылается на стерильный факт, на безмолвное событие, его основа – история, грохот многочисленных слов; оно никогда не заканчивается: повествующий обращается к слушателю, который сам некогда станет повествующим, само же повествование обратится в пересказываемое. Не более и не менее этого.

В работе "Состояние постмодерна" Л. выявляет доминирующую роль в европейской культуре тенденций формализации знания. Основной формой "употребления" знания являются "нарративы" – повествовательные структуры, характеризующие определенный тип дискурса в различные исторические периоды. Л. выделяет "легитимирующие" макронарративы, цель которых – обосновать господство существующего политического строя, законов, моральных норм, присущего им образа мышления и структуры социальных институтов. Наряду с макронаррациями существуют также и "языческие" микронарративы, которые обеспечивают целостность обыденной жизни в ее повседневном опыте на уровне отдельных первичных коллективов (например, семьи) и не претендуют на позиции власти. Сам дискурс, по Л., является метанаррацией и создает "социальную мифологию", которая поддерживает функционирование всех механизмов управления. Специфика же нашего времени как "послесовременного" ("постмодерна") заключается, согласно Л., в утрате макронарративами своей легитимирующей силы после катастрофических событий 20 в. Постоянная смена идеологий подтверждает, что вера в господство разума, правовую свободу и социальный прогресс подорвана. Кризис ценностей и идеалов Просвещения, синтезированных в спекулятивной философии Гегеля, означает, с точки зрения Л., отход от тотальности всеобщего и возврат к самоценности индивидуального опыта на микроуровне. "Проект современности", таким образом, ориентирован на автономию морального закона и с необходимостью обращается к метафизике Канта. Право на индивидуальный выбор в своей реализации приводит к практике сосуществования множества различных языков, гетерогенных "языковых игр", полное тождество которых невозможно ввиду различия их целей ("денотативные", означающие игры) и стратегий ("прескриптивные", действующие языковые игры). Задачей социальной политики становится не насильственная унификация множественности в единое "коллективное тело" социума и даже не поиск универсального языка для возможности диалога между ними, но сохранение именно этой разнородности, поддержка практики различных "языковых игр". (Тем не менее Л. составил, видимо, первый список языковых *монстров* 20 в.: "Рабочий-стахановец, руководитель пролетарского предприятия, красный маршал, ядерная бомба левых, полицейский – член профсоюза, коммунистический трудовой лагерь, социалистический реализм".)

В работах 1980-х Л. приступил к конкретному рассмотрению терминологии языка власти, отталкиваясь от структуралистской модели соотношения "синхронии" и "диахронии". С точки зрения практического использования языка в качестве инструмента власти существуют различные методы обработки языкового материала: начиная с минимальных нарративных единиц – слов, из которых строятся предложения, и заканчивая специальными типами дискурса, подчиненными конкретной цели. Так появляются "режимы" предложений и "жанры" дискурса как методологические процедуры и "правила пользования" языком, посредством которых власть манипулирует им, присваивая себе его содержание различными способами словоупотребления. Несмотря на зависимость таких правил от контекста истории, "проигравшим" всегда неизбежно оказывается референт, потребитель, подчиненный. В сфере коммуникации власть реализуется как технология удержания выгодного для нее "баланса сил": производимый посредством риторики дискурс власти захватывает позицию "центра" в коммуникативной среде и стремится подчинить себе все остальные дискурсивные практики, не допуская их смешения в распределении полномочий и ускользания из-под контроля в сферу "языковых игр". Современная ситуация представлена Л. как онтологическая экстраполяция "языковой игры", в которой преобладание "проскрипции" приводит к подавляющему доминированию экономического дискурса. Оппозиция по отношению к этой ситуации выражает радикализм Л. в его стремлении довести "разоблачение" практики центрирования власти до утопического предела ее полного исчерпания. В результате, наделяя только один дискурс всеми

властными полномочиями и придавая ему статус господствующего, Л. тем самым продолжает традиционную линию метафизики. См. также: **Метанаррация, Modern.**

А.А. Грицанов

ЛИПСЕТ (Lipset) Сеймур Мартин (р. 1922) – американский социолог и политолог, представитель институциональной школы в социологии. Президент Американской ассоциации политических наук, вице-президент по социальным наукам Американской академии искусств и наук (1974-1978), член Национальной академии наук и Национальной академии образования США. Лауреат премий Макайвера и Гуннара Мюрдаля и медали Таунсенда Харриса.

Деятельность Л. в области социологии политики и его труды принесли ему международную славу и оказали значительное влияние на развитие социологии. Л. был весьма плодовитым автором. Среди его многочисленных книг – "Аграрный социализм" (1950, исправл. 1968); "Профсоюзная демократия" (1956); "Политическая социология" (1957, исправл. 1959); "Социальная мобильность в индустриальном обществе" (1959); "Политический человек" (1960; исправл. 1981, премия Макайвера); "Первая новая нация" (1963); "Революция и контрреволюция" (1968); "Политика безрассудства" (1970, исправл. 1978, премия Мюрдаля); "Мятеж в университете" (1972; переизд. 1976); "Разделенная академия" (1975) и др. Он также редактировал "Появление коалиций в американской политике" (1978) и "Утрата доверия: бизнес, рабочая сила и правительство в общественном сознании" (1983). Труды Л. переведены на 18 языков. Получив образование в Городском колледже Нью-Йорка (1943), Л. читал лекции в университете Торонто (1946-1948), затем был ассистентом профессора в Калифорнийском университете в Беркли (1948-1950). Докторскую степень получил в Колумбийском университете (1949), где стал затем преподавать (1950-1956). Одновременно (с 1954 до 1956) Л. работал ассистентом директора Бюро прикладных социальных исследований (основанного П. Лазарсфельдом). В течение последующих 10 лет Л. был профессором социологии в Калифорнийском университете (Беркли), а с 1962 по 1966 одновременно являлся директором Института международных исследований. С 1966 по 1975 Л. – профессор Гарвардского университета, затем – профессор политических наук и социологии по кафедре государственного управления Института Гувера Стэнфордского университета..

Как ученый, Л. формировался под воздействием идей М. Вебера (**см.**), Р. Мертона (**см.**) и П. Лазарсфельда (**см.**). Область научной деятельности – социология политических отношений: классовая структура, сравнительная политика, системы элит и политических партий. Его интересы связаны с исследованиями социальных движений и политического радикализма, профсоюзной демократии и социальной мобильности. Анализируя результаты выборов и опросов общественного мнения, Л. пытался выявить условия, причины и силы, выступающие как на стороне демократических движений, так и против них. На основе анализа демократии США, истории политической системы страны он сделал вывод, что здесь, как и во многих других странах, в период формирования власти она была узаконена при посредстве харизмы. Пристально изучая проблему легитимности в современных обществах, он склонялся к мысли, что стабильность любого государственного строя всецело зависит от его законности и эффективности. Законность, по мнению Л., имеет оценочный характер, что связано со способностью правящей системы создавать и поддерживать у электората убеждение в том, что деятельность существующих политических институтов осуществляется наилучшим образом. Эффективность, как он считает, преимущественно "инструментальна" и означает удовлетворенность процессом управления социальной системой.

В период с середины 1960-х до начала 1980-х Л. интересовал анализ падения доверия американской общественности ко всем главным государственным учреждениям. Значительная часть научной деятельности Л. посвящена исследованию интеллектуальных элит, их роли в функционировании власти, соотношению властвующей и интеллектуальной элит. Вместе с Д. Беллом (**см.**) Л. разрабатывал концепцию деидеологизации, проповедующей крах идеологии в связи с полной утратой ею идейной состоятельности и значимости к середине 20 в. Впоследствии Л. признал эту концепцию ошибочной

В.А. Балцевич

ЛИЧНОСТЬ – см. **СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ.**

ЛОКУС КОНТРОЛЯ – понятие, отражающее склонность человека приписывать причины событий внешним или внутренним факторам. В первоначальном варианте теории субъективной локализации контроля Дж. Роттера (1954) выделялись лишь два типа Л.К.: интернальный и экстернальный, которые рассматривались как глобальные характеристики личности. Затем была разработана трехмерная шкала Л.К. (К. Уоллстон), в которой экстернальность измерялась с помощью двух шкал: "Приписывание контроля другим людям" и "Приписывание контроля судьбе". Кроме того, в эмпирических исследованиях было показано, что тип Л.К. зависит от конкретной ситуации. Теория Дж. Роттера относится к классу теорий "ожидаемой пользы", то есть в ней утверждается, что поведение человека определяется тем, как он оценивает возможность достичь желаемого результата. Предполагается, в частности, что индивиды с интернальным Л.К. ведут себя целенаправленно и последовательно, тщательно собирают необходимую для успешных действий информацию, упорно преодолевают трудности и склонны соблюдать социальные нормы.

В адрес данной концепции высказывается достаточно много критических замечаний, связанных прежде всего с недостаточной определенностью самого понятия "Л.К.". В основном в них содержатся указания на невозможность противопоставления внутренних и внешних причин без их дополнительного уточнения, а также на высокую социальную желательность интернального Л.К., что может исказить и ответы

испытуемых, и их интерпретацию. Ф. Хайдер, наряду с внешним и внутренним типом атрибуции ответственности, предлагает учитывать такие параметры, как стабильность/изменчивость причин, возможность предвидеть результат действий, намерения индивида. К стабильным причинам относятся субъективно оцениваемая трудность задания и способности человека, а к изменчивым – старание и случай. Б. Вайнер развил идеи Хайдера, создав четырехмерную модель причин. Тем не менее даже с этими существенными уточнениями теория Л.К. не может охватить все особенности каузальной атрибуции. Кроме того, вызывает сомнение позитивное значение, которое приписывается в большинстве работ внутреннему Л.К. Несмотря на введение К. Уоллстоном двух измерений экстернальности, при интерпретации эмпирических данных она, как отрицательная характеристика личности, часто противопоставляется "полезной" интернальности. Такая разновидность внешней атрибуции ответственности, как "Судьба", мало исследована, ее влияние на поведение точно не определено. Между тем существует значительное различие между приписыванием причин событий уникальной для каждого человека судьбе или же слепому случаю. Кроме того, определение типа атрибуции ответственности как внутреннего еще не позволяет ответить на вопрос о том, почему человек пришел к такому выводу, и с помощью каких механизмов осуществляется контроль. Обыденное понимание силы и уверенности значительно отличается от научной трактовки этих терминов. Многие люди считают, что способность управлять эмоциями, желаниями и непосредственными побуждениями является одной из наиболее важных характеристик сильной личности. Как правило, чтобы достичь ощущения контроля, в подобных случаях они прибегают к подавлению спонтанных побуждений за счет мышечных усилий. Поэтому для более точной оценки влияния воспринимаемого контроля на поведение необходимо учитывать методы, с помощью которых он устанавливается и поддерживается. Часто субъективно воспринимаемый контроль достигается за счет действий, опасных для самого индивида, за счет подавления других людей или открытого противодействия всем социальным нормам. При этом, чем меньше у человека возможностей реально управлять ситуацией, тем больше вероятность подобного поведения. Имеются некоторые эмпирические основания для того, чтобы считать лиц с выраженной интернальной атрибуцией ответственности конконформистами, активно сопротивляющимися любому влиянию извне. По мнению О. Ранка, подобное поведение характерно для низшей стадии развития воли – "противоволи". С целью установления контроля человек может активно воздействовать на ситуацию, пытаясь изменить ее в том случае, если она его не устраивает, однако эффективность подобного поведения зависит от способности индивида дифференцировать ситуации, подвластные его контролю, от ситуаций, которые не могут быть изменены.

В настоящее время все более часто вместо термина "Л.К." используется термин "воспринимаемый контроль". В этом последнем понятии можно выделить по меньшей мере два компонента:

а) согласованность поведения и его последствий. Отражает субъективную оценку вероятности того, что действия приведут к желаемому результату;

б) компетентность, то есть оценка собственной способности осуществить такие действия. Этот аспект воспринимаемого контроля весьма близок к понятию "самоэффективность" (**см.**).

Согласованность является важным условием психологического благополучия и удовлетворенности жизнью. Теория выученной беспомощности М. Селигмана описывает негативное влияние на поведение, психическое и физическое здоровье человека тех стрессовых ситуаций, в которых индивид не может установить связь между своими действиями и изменением окружающей обстановки. Состояние выученной беспомощности по своим характеристикам близко к хронической депрессии, оно выражается не только в пассивности, но и в угнетении физиологических функций. Неудивительно, что выученная беспомощность рассматривается как один из компонентов "поведенческого типа С", который, по мнению некоторых специалистов, может способствовать возникновению онкологического заболевания.

С. Карвер и С. Харрис указывают на важность умения предсказывать результат, учитывая не только персональный контроль, но и внешнюю ситуацию. Наибольшее значение имеет не личная ответственность, а уверенность человека в возможности достижения цели. Осознание своей ответственности важно в том случае, когда желаемый результат может быть достигнут за счет активных действий, за счет приложения значительных усилий. В тех ситуациях, когда результат не определяется поведением человека, воспринимаемый контроль нежелателен.

Важно понимать, что и в теории Дж. Роттера, и в других подобных теориях речь идет именно о *воспринимаемом* контроле. Однако оценка человеком своих способностей может быть неточной. Существует несколько причин, способствующих ошибочному восприятию контроля. Стремление к контролю можно рассматривать как одно из наиболее важных. Умение управлять собственной жизнью обеспечивает индивиду определенную степень независимости от социальной и биологической реальности. Люди стремятся ощущать свой контроль над ситуацией даже тогда, когда ее исход очевидным образом определяет случай. Иногда для сохранения чувства контроля достаточно осознавать свою способность предсказывать появление события, что, в принципе, уже не может рассматриваться как контроль над ним. Ошибочное восприятие субъективного контроля как высокого способствует пренебрежению возможной опасностью, а также формированию завышенных ожиданий относительно эффективности собственных действий. В результате человек либо оказывается не готовым к стрессовой ситуации, либо испытывает глубокое разочарование относительно своих способностей.

Ю.Г. Фролова

ЛОНГИТЮДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ – в широком смысле слова – любое И., в котором на протяжении относительно длительного периода времени изучается одна и та же группа объектов – людей, домохозяйств, предприятий и т.п. В таком расширительном толковании Л.И. является синонимом панельного И. В отечественной литературе Л.И. обычно трактуется в более узком смысле, как выборочное панельное И. возрастной или образовательной когорты (см. **Когорта**) в период от момента получения среднего образования до достижения возраста 28-30 лет. Его целью является изучение жизненного пути когорты, процессов социализации, становления профессиональной карьеры, семейной жизни и т.п.

Наиболее крупным отечественным лонгитюдным проектом является всесоюзное, а позже международное И. "Пути поколения", проведенное в 1983-1999 под руководством профессора М.Х. Титмы. Преимущества Л.И. по сравнению с обычным мониторингом, на каждом этапе которого используется новая выборка, состоит в возможности прослеживать развитие во времени одних и тех же объектов, точно фиксировать происходящие в их жизни изменения, включая изменения ценностных ориентаций, взглядов, мотивов и т.п. События жизненного пути могут, хотя и с меньшей точностью, фиксироваться и в обычном ретроспективном И., однако оно не позволяет изучать изменения в ценностно-мотивационной сфере и их влияние на жизненный путь. Главными недостатками Л.И. являются его высокая стоимость и техническая сложность, порождаемые необходимостью на каждом этапе разыскивать и идентифицировать респондентов, "состыковывать" данные разных этапов, собирать ретроспективную информацию о событиях, произошедших в жизни респондента в периоды времени между двумя этапами, контролировать неизбежное сокращение первоначальной выборки вследствие смерти, миграции, отказов от дальнейшего участия в И. и других причин, необходимость время от времени "ремонтировать" выборку и т.п.

О.В. Терещенко

ЛОТМАН Юрий Михайлович (1922-1993) – русский культуролог, семиотик, филолог. С 1939 – студент филологического факультета Ленинградского университета; с 1940 – в Советской армии, участник войны. В 1950-1954 работал в Тартусском учительском институте, с 1954 – в Тартусском университете (в 1960-1977 – зав. кафедрой русской литературы). С 1951 – кандидат, с 1961 – доктор филологических наук. Член-корреспондент Британской, академик Норвежской, Шведской, Эстонской (1990) академий. Был вице-президентом Всемирной ассоциации семиотики. Лауреат Пушкинской премии РАН. Организатор серии "Труды по знаковым системам" и "Учебных записках Тартусского университета", руководитель регулярных "летних школ" (по вторичным моделирующим системам). Один из фигурантов "Тартусско-Московской школы семиотики" (глава тартусской школы). Основные работы: "Лекции по структурной поэтике" (1964); "Структура художественного текста" (1970); "Анализ поэтического текста" (1972) ; "Статьи по типологии культуры" (Вып. 1-2, 1970-1973); "Семиотика кино и проблемы киноэстетики" (1973); "Сотворение Карамзина" (1987); "Культура и взрыв" (1992) и др.

С начала 1960-х Л. разрабатывает структурно-семиотический подход к изучению художественных произведений (опираясь на традиции русской "формальной школы", особенно Ю.Н. Тынянова, и учитывая опыт развития семиотического структурализма). За исходную точку любой семиотической системы Л. принят не отдельный знак (слово), но отношение минимально двух знаков, что позволило иначе взглянуть на фундаментальные основы семиозиса. Объектом анализа оказывается не единичная модель, а семиотическое пространство ("семиосфера"), внутри которого реализуются коммуникационные процессы и вырабатывается новая информация. Семиосфера строится как концентрическая система, в центре которой находятся наиболее очевидные и последовательные структуры, представляющие мир упорядоченным и наделенным высшим смыслом. Ядерная структура ("мифообразующий механизм") репрезентирует семиотическую систему с реализованными структурами всех уровней. Движение к периферии повышает степень неопределенности и дезинтеграции, свойственные внешнему по отношению к семиосфере миру, и подчеркивает значимость одного из главных понятий – границы. Граница семиосферы понимается Л. как сумма билингвинальных переводчиков-фильтров, обозначающих также тип социальных ролей и обеспечивающих семиотизацию поступающего извне и превращению его в сообщение. Ситуация, при которой пространство реальности не охватывается ни одним языком в отдельности, но только их совокупностью, есть не недостаток, а условие существования языка и культуры, т.к. диктует необходимость другого – человека, языка, культуры. Граница имеет и другую функцию – места ускоренных семиотических процессов, которые затем устремляются в ядерные структуры, чтобы вытеснить их. Введение противоположных и взаимно альтернативных структурных принципов придает динамизм семиотическому механизму культуры. Моделирование неопределенности связано с типологическим описанием различных культур и набором допустимых перекодировок, с теоретической проблемой переводимости-непереводимости. Заложенные в культуре альтернативные коды превращают семиотическое пространство в диалогическое: все уровни семиосферы, как бы вложенные друг в друга, являются одновременно и участниками диалога (частью семиосферы), и пространством диалога (целым семиосферы). Семиотика культуры не ограничивается представлением культуры в качестве знаковой системы – само отношение к знаку и знаковости составляет одну из основных типологических характеристик культуры. Любая реальность, вовлекаемая в сферу культуры, начинает функционировать как знаковая, а если она уже имела знаковый (или квазизнаковый) характер, то становится знаком знака (вторичной моделирующей системой). В социальном отношении культура понимается как сумма ненаследственной информации или сверхиндивидуальный интеллект, восполняющий недостатки индивидуального сознания.

Л. сопоставляет функционально и структурно близкие "интеллектуальные объекты" – естественное сознание человека как синтез деятельности двух полушарий и культуру как идею би- и полиполярной структуры и делает вывод о изоморфизме процессов порождения языка, культуры и текста. Основная функция культуры заключается в структурной организации мира – создании вокруг человека социальной сферы, которая делает возможной общественную жизнь. Для нормального функционирования культура, как многофакторный семиотический механизм, должна понимать себя целостной и упорядоченной. Требование целостности (наличия единого принципа конструирования) реализуется в автодескриптивных образованиях метакультурного уровня, которые можно представить как совокупность текстов или грамматик ("культура текстов" и "культура грамматик"). Понятие текста дано не как метафизическая, отдельная от истории "реальность", а как определенное, исторически данное субъектно-объектное отношение. От понимания текста как манифестации языка Л. приходит к понятию текста, порождающего свой язык. Таким образом, в программу изучения культуры, по Л., входит различение субтекстовых (общеязыковых) значений, текстовых значений и функций текста в системе культуры. Культура есть сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию "текстов в тексте" и образующий их сложные переплетения.

Д.М. Булыко, С.А. Радионова

ЛУКАЧ (Lukach) Дьердь (Георг) (1885-1971) – венгерский философ, эстетик, политический деятель. Философское образование получил в Будапеште, Берлине, Гейдельберге. Находился под влиянием Зиммеля и М. Вебера. Затем изучает работы Гегеля и Маркса. В 1918 вступил в Коммунистическую партию Венгрии. Активно участвовал в создании Венгерской Советской республики, нарком по культуре. После ее падения жил в Вене (1919-1929). В 1929 переехал в Москву, где жил по 1945 (в 1931-1933 работал в Берлине). Был сотрудником Института Маркса-Энгельса-Ленина, работал в журналах. Член Союза писателей СССР. В 1945 вернулся в Венгрию, был профессором эстетики и философии Будапештского университета. С 1949 член Венгерской академии наук. В 1956 вошел в состав правительства И. Надя, за что был обвинен в ревизионизме и исключен из партии (восстановлен во второй половине 1960-х). Основные сочинения: "Душа и формы" (1911); "Теория романа" (1914-1916); "История и классовое сознание" (1923); "Исторический роман" (1936); "Литературные теории и марксизм" (1937); "Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества" (1938, опубликована в 1948); "К истории реализма" (1939); "Экзистенциализм или марксизм" (1948); "Разрушение разума. Путь иррационализма от Шеллинга к Гитлеру" (1954); "Своеобразие эстетического" (т. 1-4, русск. изд. – 1985-1987); "Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей" (русск. изд. – 1990); "К онтологии общественного бытия" (русск. изд. – 1991) и др. Работа Л. "История и классовое сознание", содержащая его "теорию овеществления", по мнению Мерло-Понти, "долгое время была библией того, что можно назвать западным марксизмом".

Теория овеществления Л. явилась первой комплексной попыткой философского осмысления марксовой диалектики в 20 в. В ней нашел отражение ряд принципиально важных характеристик современных общественных процессов: очевидная неспособность обществo- и человековедения выработать осмысленное представление об эволюции социального целого; возрастающая и всеобъемлющая рационализация мира, делающая избыточными метафизику и онтологию классического типа; как следствие – диссонанс между иррациональным характером эволюции социума (нередко сопровождающейся экономическими катаклизмами) и достижением весьма изощренной степени рационализации при конструировании приватного мира "вещей, удобных для жизни". В интерпретации Л., аутентичный марксизм должен трактоваться и пониматься как определенная систематизированная совокупность критически интерпретированных феноменов отчуждения в мире вкупе с сопряженными диалектическими парафразами на эту тему. /Впоследствии Ю. Хабермас отмечал, что концепция Л. являет собой не что иное, как связующее звено между схемами рациональности М. Вебера (**см.**) и идеями "овеществления" Хоркхаймера (**см.**) и Адорно (**см.**). – *А.Г.*/

Л., введя и обосновав категорию "овеществление", вывел веберовский анализ социальной рационализации за пределы теории действия, связав его с безличными экономическими процессами. Сам Л. усматривал значимость этих разработок М. Вебера в том, что последний сумел продемонстрировать процесс распада метафизически осмысляемого Разума в его единстве на автономные ценностные сферы. Л. полагал, что отождествляя такие параметры общества, как социальность и тотальность, Маркс осознанно уделял особое внимание такому феномену, как предметность (в его ипостаси результата взаимодействия людей), овеществлению и отчуждению его. По мнению Л., особый статус "овеществления" в иерархии общественных процессов основан на том, что товарообмен в индустриальном обществе действительно стал господствующей социальной формой – универсальной категорией бытия социума. Современный рационализированный трудовой процесс, по Л., не должен интерпретироваться иначе, чем парциальный специализированный труд без индивидуальных качественных характеристик. Являя собой агрегат случайных друг по отношению к другу, чисто калькуляторски рационализированных трудовых операций различного уровня, современный труд, согласно Л., трансформируется из качественно определенного в чисто количественный феномен, когда любая потребительская стоимость становится товаром. В дополнение к закономерностям социально-природного бытия, угнетающим индивида, по мнению Л., тем больше, чем глубже они познаны, "овеществление" вещей составляет угрозу собственно бытию человека, ибо вещами становятся самые интимные проявления духовной и душевной жизни людей. "Индивид встраивается в качестве механической части в механическую систему", личность "овеществляется" и "отоваривается". Сопряженный тип мышления – "овеществленный" – яв-

ляет собой инструментарий господства над деятельностью человека, что одновременно результируется в стремлении людей дистанцироваться, самоустраниться от объекта порабощения (в данном контексте – от результатов своего труда). Так, наука более не выступает, по Л., в облике личного устремления ученых к постижению объективной истины, а, напротив, минимизируется познанием рационализированного, а не подлинного бытия предметов. Подчеркивая то, что эксперимент в современной науке воспроизводит характеристики предмета или явления в жестких рамках изначально заданных и калькулированных предпосылок предметности, Л. утверждал, что исследователь сводит материальный субстрат своего наблюдения к искусственной "интеллигибельной материи". Таким образом, согласно Л., в современной философии господствует принцип калькуляции, когда "предмет познания в такой мере и постольку может быть нами познан, в какой мере и поскольку он производится нами самими". По мнению Л., процесс овеществления человеческого особо "брутален" и унизителен. Применительно к историческим судьбам пролетариата ("экзистенциально потерянной" общественной группировки) лишь его "революционный порыв", его мессианская практика "рациональной гуманизации" "фактов и вещей" – практика в подлинном диалектическом и философском измерении – могут выступить средством радикального преодоления отчуждения людей вообще.

А.А. Грицанов

ЛУКМАН (Luckmann) Томас (р. 1927) – немецкий социолог, ученик и последователь А. Шюца (**см.**), ведущий представитель феноменологически ориентированной социологии, профессор социологии университета в Констанце (ФРГ). Основные сочинения: "Проблема религии в современном обществе" (1963); "Социальное конструирование реальности" (совместно с Бергером, 1966); "Невидимая религия" (1967); "Структуры жизненного мира" (совместный проект с Шюцем, опубликовано после смерти последнего в 1973) и др.

В книге "Социальное конструирование реальности" развил идеи Шюца ("Структуры жизненного мира") о потенциале феноменологического анализа реальности повседневной жизни. "Социальное конструирование реальности" предлагает феноменологическую версию социологии знания, предмет интереса которой составляют не "идеи" или теории, но то, что считается "знанием" в обществе, в повседневной, дотеоретической жизни. Иначе – она должна понять процессы, в результате которых человеческое знание развивается, передается и сохраняется в социальных ситуациях, в результате чего знание становится основополагающей реальностью для рядового человека, т.е. социология знания имеет дело с анализом социального конструирования реальности. Теоретическое знание, традиционный предмет анализа, представляет собой, по Л., лишь часть существующего знания и должно пониматься в контексте общего "запаса знания", существующего в обществе. Феноменологический анализ повседневной жизни – ее субъективного восприятия – позволяет воздержаться от причинных и генетических гипотез, а также от утверждений относительно онтологического статуса анализируемых феноменов. При описании повседневной реальности особый интерес представляют до- и квазинаучные интерпретации повседневной жизни, которые считаются само собой разумеющимися, но в рамках феноменологических скобок. Мир осознается как состоящий из множества реальностей, высшая из которых – реальность повседневной жизни, представляющая собой интерсубъективный мир, разделяемый с другими людьми. По сравнению с реальностью повседневной жизни другие реальности оказываются конечными областями значений, отмеченными характерными способами восприятия. Реальность повседневной жизни воспринимается и понимается в континууме типизаций, анонимность которых возрастает по мере их удаления от ситуации "здесь и сейчас". Таким образом, социальная структура – это вся сумма типизаций и основанных на них повторяющихся образцов взаимодействия, т.е. реальность повседневной жизни, ее ясность и устойчивость становится возможной благодаря процессам объективации, важнейший из которых – процесс сигнификации.

Общество, по Л., производится в процессе объективирования субъектов, которые затем повторно присваивают или интернализуют его (через сигнификацию), что образует непрерывный диалектический процесс. В дальнейшем Л. продолжил исследования влияния языка на сознание и конструирование социальных структур. Социология знания предполагает разработку проблем социологии языка и социологии религии, которые перестают считаться периферийными специальностями, но, напротив, представляют непосредственный интерес для социологии как таковой. Основная работа Л. в данной области – "Проблема религии в современном обществе", а главное понятие – "трансцендирование", понимаемое как конструирование символического универсума, основная функция которого заключается в легитимации и интеграции всего социального порядка. Трансцендирование – необходимая сторона человеческой жизни, наиболее ярко проявляющаяся в религиозности, истоки которой коренятся в конституции человека. Исторически меняются формы ее проявления. При упадке церковной религиозности внецерковная (или "неспецифическая"), представляющая собой всеобщую социальную форму, религия дает возможность личной самореализации, формируя "невидимую религию".

С.А. Радионова

ЛУМАН (Luhman) Никлас (1927-1998) – немецкий социолог. В 1946-1949 изучал юриспруденцию во Фрайбургском университете, затем до 1962 работал в земельных органах государственной власти. В 1960-1961, взяв отпуск, учился в Гарвардском университете у Т. Парсонса (**см.**), а возвратившись в Германию, изучал теорию управления. В 1965 приступил к научной работе и уже в 1966 защитил две диссертации по социологии и перешел на работу в Мюнстерский университет, а в 1968 получил профессуру в Билефельдском университете, где и преподавал до выхода на пенсию в 1993.

Л. написал 40 книг и 250 статей по теории социального познания и системной теории общества, которые переведены на многие языки мира. В последние годы интенсивно работал над обобщающими произведениями, поддерживал активные научные контакты.

Основные произведения: сборники статей под общим названием "Социологическое Просвещение" – 6 выпусков; "Социальные системы" (1984); "Общество общества" (1997).

Примыкает к функциональному подходу в социологии. Концептуальными истоками творчества Л. явились общая теория систем, феноменология Э. Гуссерля, философская антропология Гелена (**см.**), структурный функционализм Парсонса (см.).

Л. определяет социологию как "системный анализ социальных образований". Согласно Л., общество, как и мир в целом, не имеет ни центра, ни прочной основы. Сущее характеризуется контингентностью – возможностью "быть по-другому". Реально не существует ничего, кроме отношений и возможностей отношений, а предметность – не более чем эпифеномен языка. Основополагающей характеристикой систем и сред, согласно Л., является комплексность – пространство возможностей "переживания и действования". Л. отвергает существование систем как объективированных, "вещных" феноменов и фундирует свою концепцию присущим миру различением систем и сред как зон с меньшей и большей комплексностью соответственно. Такое отграничение происходит через самореференцию – установление самотождественности, самосоотнесение. Существование системы предполагает редукцию комплексности – отбор возможностей, обеспечивающих ее существование. Психические и социальные системы, в отличие от биологических и механических, рассматриваются как смысловые. Смысл означает наличие поля неактуализированных возможностей и является формой редукции комплексности. Элементами психических систем, по Л., являются мысли, элементами социальных – коммуникации. Люди являются не элементами социальных систем, а частью их среды. Коммуникация несводима к трансляции информации и включает в себя сообщение, собственно информацию и понимание сообщения получателем. Она является смысловым, самореферентным процессом и сводится к действиям. Основой возникновения социальности, согласно Л., являются "двойные контингенции" – взаимная неопределенность позиций участников общения. "Двойные контингенции" вызывают необходимость согласования перспектив, в результате чего и возникают самореферентные социальные системы. Необратимость времени обусловливает событийный характер элементов системы и их существование как операций.

По Л., неотъемлемым свойством системы является ее оперативная закрытость: элементы (операции) системы отсылают к другим ее элементам (операциям). Соответствие операций самотождественности системы означает самонаблюдение системы. Самонаблюдение, организованное по правилам, заданным системой, является самоописанием, определяющим структуру возможных наблюдений. Л. относит начало самонаблюдений и самоописаний современного общества к 18 в. Различение операций и наблюдений предполагает иного наблюдателя, наблюдающего за тем, как система себя наблюдает (наблюдение второго порядка и кибернетика второго порядка). Л. акцентирует взаимосвязь процессов распада и самовоспроизводства систем. Разложение системы предопределено мгновенным характером ее элементов – событий. Фактором разложения системы является время. Среда постоянно предъявляет к системе новые требования, система посредством собственных операций воспроизводится с учетом этих требований. Такое самообновление системы предполагает предшествующее разложение. Элементы системы – события – определены лишь тем, что произошло до них и что может произойти после них. Как результат, разложение системы – постоянный процесс, противостоять которому система может только структурированием. Понятие "структура" у Л. фиксирует рациональную упорядоченность деятельности. Общество, согласно Л., является аутопойетической (самовоспроизводящейся) системой. Структура аутопойетической системы задаст возможность самовоспроизводства системы с учетом изменения условий среды. Таким образом, структура обеспечивает не устойчивость системы, а ее обновление. Структурирование социальных систем происходит на основе ожиданий, упорядочивающих процесс разложения систем. Структура ограничивает допустимые в системе отношения и обеспечивает системе такое количество "внутреннего руководства", которое может сделать возможным самовоспроизводство. Структуры социальных систем являются структурами ожиданий, "они суть структуры ожиданий... для социальных систем, поскольку те придают временной характер своим элементам как действиям-событиям, нет иной возможности для образования структуры". Ожидания получают социальную релевантность и в то же время пригодность в качестве структуры социальных систем лишь в том случае, если сами могут ожидаться. Ожидание ожидания является основной социальной ситуацией и увеличивает устойчивость системы. Элементарной формой социальности является интеракция – "взаимодействие присутствующих". Взаимодействие, основанное на формальных правилах членства, конституирует такую форму социальности, как организация. Наконец, общество как форма социальности представляет собой систему, задающую область всех возможных коммуникаций.

М.Н. Мазаник

ЛЮМПЕНИЗАЦИЯ – социально-регрессивное явление, характерное, как правило, для общества катастрофного типа и заключающееся в полном выпадении людей из социальной жизни и одновременным формированием обширного "социального дна", состоящего из обездоленных, обнищавших слоев населения.

Д.В. Куницкий

М

МАКАЙВЕР (MacIver) Роберт Моррисон (1882-1970) – американский социолог, политолог и педагог, один из крупнейших представителей антипозитивизма в социологии. После получения степени бакалавра гуманитарных наук в Оксфордском университете и степени доктора философии в университете Эдинбурга (1915) М. преподавал политические науки в университете Торонто (1915-1927); там им были написаны: "Общество: социологическое исследование" (1917) и "Элементы социологии" (1921). Затем М. переехал в США, где преподавал в Барнард-колледже (1927-1936). Вскоре он был приглашен в качестве профессора политической философии и социологии в Колумбийский университет Нью-Йорка (1929-1950). Был президентом (1963-1965) и ректором (1965-1966) Новой школы социальных исследований Нью-Йорка. В 1940 М. был избран тридцатым президентом Американского социологического общества. Учреждена премия имени М. для поощрения научных достижений в области социологии. Среди его многочисленных сочинений – "Общество: структура и изменения" (1931); "Левиафан и люди" (1939); "Паутина государственного управления" (1947); "Более совершенный союз" (1948); "В поисках счастья" (1955); "Народы и Объединенные Нации" (1959); "Общество" (1961); "Преобразование власти" (1964); "Профилактика и контроль преступности" (1966); "Политика и общество" (1969).

Область интересов М. – процессы взаимодействия общности и социальной ассоциации, возникновения государства, развития социальной стратификации, проблемы методологии социальных наук, социологии государства и производства. Значительный вклад М. внес в развитие структурно-функционального подхода к социокультурной эволюции. Много внимания уделял классификации социальных процессов, проблемам гармонизации в отношениях между обществом и индивидуальностью, вопросам культуры и цивилизации. Был убежден в совместимости индивидуализма и социальной организации. Его стремление кардинально разграничить государство и общество инициировало возникновение новых теорий демократии, сосуществования различных общественных групп, природы власти. М. выступал против переоценки математико-статистических методов, настаивая на необходимости каузального анализа, которым заметно пренебрегала современная ему американская социология. Критиковал неопозитивизм, считая, что социологические проблемы нельзя исследовать по аналогии с естественнонаучными. В рамках социологии М. различал морфологию и этиологию. Морфологию он рассматривал как учение о социальных формах, этиологию – как учение о социальных причинах. Морфология занимается "исследованием социальных структур", являясь "изучением живых образований". К последним, по М., относятся "общности: социальные регионы проживания – такие, как города, племена или нации; полуобщности – общественные классы или касты; союзы, определенные организованные группы, а именно: корпорации, клубы, семьи, профессиональные группы, даже государства в строгом значении слова; институты, установленные способы и условия поведения в общностях или союзах: обычаи, нравы и т.д. Каждый тип имеет свои особые признаки и вариации... К этой же области относится и изучение группообразующих сил, которые поддерживают существование этих форм, а также изучение социальных процессов, от их возникновения до распада, – здесь мы объединяемся с социальными психологами". Этиология, с его точки зрения, занимается изучением социальных изменений, причем не только с описательной или исторической позиций, но и с точки зрения поиска определяющих причин, движущих сил, законов социального развития. Социальные структуры и социальные изменения в их постоянной причинной взаимосвязи подлежат рассмотрению с позиций подхода, включающего, прежде всего основные социально-экономические вопросы, разработанные преимущественно в социологии культуры. М. опирался здесь на социологию культуры А. Вебера. Социальный факт, согласно М., – это факт сознания. Все социальные факты он считал доступными пониманию, что сближало его в этом отношении с понимающей социологией, позиции которой в первой половине 1920-х он разделял. Некоторые даже считают его одним из родоначальников понимающей социологии (см.).

М. считал важной задачей социологии исследование социального действия, изучение внутренних, субъективных состояний действующего индивида. С позиций понимающей социологии М. подходил к пониманию причинности, развивая свою концепцию каузальной реконструкции, которая предполагает "относительно связную схему вещей, в которую включен изучаемый феномен. Всякое действие есть акт личности,

а всякая личность есть результат социальной системы. Всякая социальная система представляет собой соответствующий комплекс культуры...". М. полагал, что общества развиваются от высоко обобщенных состояний до таких, в которых функции индивидуума и группы членства чрезвычайно специализированны. Он также подчеркивал, что социальная эволюция не обязательно эквивалентна социальному прогрессу, который, про его представлению, может измеряться только личным мнением. М. полагал, что социолог должен избегать влияния его собственных ценностей на социальный факт.

В.А. Балцевич

МАК-ДУГАЛЛ (McDougall) Уильям (1871-1938) – англо-американский психолог и социальный психолог, представитель инстинктивизма в социологии. С 1920 М. работает профессором американского университета в Гарварде, с 1927 – университета в Дьюке (Северная Каролина).

М.-Д. разработал концепцию инстинктов социального поведения, подводя под любое человеческое действие соответствующий инстинкт.

Провозгласив психологию "основным базисом", на котором должны быть построены все социальные науки – этика, экономика, наука о государстве, философия, история, социология, М.-Д. стремился создать психосоциальную систему общественных дисциплин.

Главное место в учении М.-Д. занимают социально-психологическая теория личности и дифференцированная классификация социальных инстинктов, импульсов, эмоций. По его мнению, основной движущей силой поведения человека являются инстинкты, и вследствие этого теоретической основой всех общественных дисциплин должна стать "психология инстинкта".

Подменяя собственно социологический подход психологическим инстинктивизмом, М.-Д. понимал инстинкт как "врожденное, или природное, психофизическое предрасположение, которое заставляет индивида воспринимать определенные объекты или обращать внимание на них и испытывать при этом специфическое эмоциональное возбуждение, действовать по отношению к этим объектам определенным образом или, по крайней мере, испытывать импульс к такому действию".

По мнению М.-Д., "инстинкты" являют собой наследственно определенные каналы разрядки нервной энергии. Они состоят из *аффферентной* (воспринимающей, рецептивной) части, ответственной за то, как воспринимаются предметы и явления центральной части, благодаря которой мы испытываем специфическое эмоциональное возбуждение при восприятии данных предметов, и *эфферентной* (двигательной) части, которая обусловливает характер нашей реакции на эти предметы.

М.-Д. выделял 18 основных инстинктов, обусловливающих поведение человека. Среди них инстинкты любопытства, драчливости, воспроизведения себе подобных, самоуничижения и т.д. Главенствующим инстинктом М.-Д. считал стадный инстинкт.

Примитивизируя различного рода социальные процессы и явления, М.-Д. произвольно сводил любые общественные изменения к действию одного или нескольких инстинктов. Так, в соответствии с собственной гипотезой о причинах вооруженного насилия он характеризовал войны как вечные и неизбежные проявления инстинкта драчливости, в основе же религии, по М.-Д., лежит комплекс инстинктов, среди которых особое внимание он уделял комплексам любопытства, самоуничижения и эмоционального возбуждения.

Всего же М.-Д. выделил семь пар основных инстинктов и эмоций. По его мнению, каждому первичному инстинкту соответствует определенная эмоция, которая подобно инстинкту является простой и неразложимой и проявляется в виде субъективного коррелята инстинкта. Например, инстинкту бегства соответствует эмоция страха, инстинкту драчливости – эмоция гнева, инстинкту воспроизведения – эмоция сексуальной ревности и т. д.

С точки зрения М.-Д., в ходе развития эмоциональной сферы человека различные эмоции объединяются в более сложные группы и приобретают иерархическое строение. При этом подчеркивалось, что если комплекс эмоций индивида организован вокруг стабильного объекта, то происходит развитие чувства. Из всех человеческих чувств М.-Д. особо выделял "эготическое чувство" как доминирующее в сложившейся структуре характера человека. Этим чувством, по М.-Д., обусловливается формирование содержания и формы человеческого "Я", которое в целом соответствует общему социальному фону.

Примечательной в учении М.-Д. была трактовка им социальных процессов как процессов, изначально устремленных к некой биологически значимой цели. Главным признаком живого является "горме" – некая движущая телеологическая сила интуитивного характера.

Считая стремление к цели базисным признаком поведения животных и человека, М.-Д. хотел создать целевую "гормическую психологию", в которой это поведение могло бы получить соответствующее объяснение. Однако в конечном счете эти попытки не увенчались успехом.

В.И. Овчаренко, А.А. Грицанов

МАКЛЮЭН (McLuhan) Херберт Маршалл (1911-1980) – канадский социолог, философ. В 1928-1935 учился в Университете Манитобы, получил диплом инженера. В 1939 окончил магистратуру при Кембридже, в 1942 там же защитил докторскую диссертацию по филологии. В 1942-1946 преподавал в различных университетах США. С 1946 по 1977 преподавал в Университете Торонто. В 1953 совместно с антропологом Э. Карпентером при содействии Фонда Генри Форда основал журнал "Explorationism". В 1963 основал "Центр культуры и технологии" при Университете Торонто, где исследовал влияние СМИ и информационных технологий на общество. Основные сочинения: "Механическая невеста" (1951); "Галактика Гуттенберга" (1962); "Постижение средств массовой информации" (1964); "Война и мир в глобальной деревне" (1968) и др.

Будучи сторонником технологического детерминизма (см.), М. в качестве движущей силы социально-эконо-

мического развития называл смену технологий, в свою очередь, определяемую сменой способа коммуникации (**см.**). В соответствии с этим в истории человечества М. выделяется четыре эпохи: 1) эпоха "племенного человека", 2) эпоха письменности, 3) "галактика Гуттенберга", 4) "галактика Маркони". В эпоху "племенного человека" общество строилось на основе вербальной коммуникации, следствием чего было единство человека и общества. Пришедшая на смену эпоха письменности разрушила целостность первобытного социума, сместив центр восприятия от слуха к зрению и сформировав дискретное сознание, обособляющее себя от окружения, т.е. de facto породила персонифицированную личность. Изобретение книгопечатания положило начало "галактике Гуттенберга", сделав возможным индивидуальное познание объективной реальности, освобожденное от воздействия коллективного сознания; этим была инициирована фрагментация общества. Наконец, с изобретением в 1884 телеграфа возникла "галактика Маркони", или эпоха электронной коммуникации, характеризующаяся децентрализацией процессов коммуникации, многократным ускорением реакций и всеобщей включенностью в информационное поле. Пространственные характеристики теряют значимость, и весь мир превращается в "глобальную деревню" (см. **Всемирная деревня**).

Окружающие современного человека средства передачи информации М. делил на "горячие", вовлекающие в процесс восприятия только одно из чувств, но при этом перенасыщенные информацией (радио, пресса), и "холодные", компенсирующие "информационный голод" вовлечением зрителя в процесс сопереживания, сочувствования.

Для М. был характерен своеобразный стиль философствования, ориентированный в первую очередь не на профессиональное сообщество, но на массового читателя. Его работы полны афоризмов, идиоматических выражений, они ближе к рекламным текстам, чем к научным рассуждениям. В силу этого работы М. неоднократно повергались жесткой критике со стороны приверженцев строгих критериев научности знания.

А.Д. Шукаев

МАЛИНОВСКИЙ (Malinowski) Бронислав Каспар (1884-1942) – британский антрополог, основатель функционального направления. Родился в Кракове, поляк по происхождению. Изучал математику, физику, философию, экономику и психологию в Ягеллонском, Лейпцигском и Лондонском университетах. В 1914-1917 проводил полевые исследования на Новой Гвинее и Трабрианских островах. Профессор и глава кафедры антропологии Лондонского университета (1927-1938), в котором стал своего рода харизматическим "гуру" для студентов из континентальной Европы, Китая и Британских колоний, включая Африку. С 1938 – в США, преподавал в Йельском университете. Интересовался чрезвычайно широким кругом проблем, включая традиционную экономику, теорию культуры, право, религию, магию и т.д.

Наибольшую известность М. приобрел благодаря разработке функционального подхода к изучению культуры. Исходным моментом формирования этой концепции стала резкая критика эволюционизма и диффузионизма за их понимание элементов культуры как механического, изолированного набора явлений, а также – за внимание к исключительно экзотическим, с позиций европейца, чертам культуры. В своих теоретических построениях М. исходил из того, что человеку для поддержания своего существования необходимо удовлетворять ряд "базовых" (биологических) потребностей, включая потребности в пище, воспроизводстве и т.д. В различных культурах эти потребности удовлетворяются различным способом, в зависимости от чего формируется вторичный уровень "производных" потребностей. Каждое общество устанавливает свои санкционированные пути их удовлетворения. Поведение личности, удовлетворяющей свои базовые потребности, должно соответствовать культурным ожиданиям общества. Эта норма обусловлена тем, что многие потребности (например, воспроизводство) не могут быть удовлетворены вне сотрудничества с другими членами общества. Такое сотрудничество порождает общественные институты, ориентированные на удовлетворение определенных потребностей. М. выделял следующие принципы, на основании которых различные формы активности интегрируются в специфические типы институтов: репродуктивные; территориальные; произвольные; ассоциации, основанные на профессиональной принадлежности, ранге и статусе и т.д. М. подчеркивал, что в реальной общественной системе не существует простого соответствия между институтом и какой-либо потребностью. Каждый институт может удовлетворять одновременно несколько потребностей. Семья, например, обеспечивает не только репродуктивные функции, но физиологические, экономические и т.д. Социокультурные институты, таким образом, представляют собой сложное переплетение взаимосвязей. Культура, по М., спаяна не только этими взаимосвязями, но и такими дополнительными "интегративными" средствами, как язык, самосознание и религия. Для того, чтобы быть познанной, культура должна быть проанализирована на трех уровнях: индивидуальном, институциональном и как интегрированное целое. Отсюда выводился принцип необходимости целостного подхода к изучению культуры. Характерным примером функционального подхода был анализ М. роли традиций в современном обществе. По М., все традиции имеют новые функции, даже те из них, которые, как принято считать, призваны способствовать консервации традиционных моделей поведения. Культура не есть историческая одежда из "лоскутков и заплат", а интегрированное, действующее современное целое. М. полностью отрицал тайлоровскую концепцию пережитков, подчеркивая, что такие явления должны быть поняты в контексте настоящего.

Существенным элементом функционального подхода М. была почти исключительная ориентация на исследование современности. По М., в дописьменных обществах реальное прошлое остается неизвестным. Вербальная информация о нем должна быть рассмотрена как форма мифа, функцией которого является объяснение и оправдание порядка распределения политической власти в настоящем. Такой подход стал основанием в последствии для обвинения М. в антиисторизме. Наибольшей критике подверглась непригодность функционального подхода М. к объяснению социальных перемен. Вместе с тем концепция М. выдержала испытание временем, ее основные положения составили неотъемлемую часть теоретической базы современ-

ной культурной антропологии. Основные сочинения: "Аргонавты Западной Океании" (1922); "Преступление и обычай в традиционном обществе" (1926); "Секс и подавление в жизни дикарей" (1927); "Сексуальная жизнь аборигенов Северо-западной Меланезии" (1929); "Основания веры и морали" (1936); "Свобода и цивилизация" (1944); "Секс, культура и миф" (1962) и др.

П.В. Терешкович

"МАЛЫЙ МИР" (small world) – исследовательская программа С. Милгрэма по оценке связности двух наугад взятых индивидов из большой генеральной совокупности (1967); свойство больших сетей социальных (**см.**), состоящее в том, что два случайно выбранных актора будут связаны через посредство небольшого количества промежуточных контактов. В исследовании Милгрэма 160 случайно отобранным индивидам (отправителям), обладавшим разными социально-экономическими характеристиками, давали имя, адрес и некоторые минимальные сведения о получателях, проживавших в Массачусетсе, приблизительно в 2000 км от отправителей. Их просили переслать пакет получателям, обращаясь только к "близкому знакомому, который с большей вероятностью может знать искомое лицо". Всех участников коммуникационной цепи просили сообщать исследователям сведения о своих социальных характеристиках, а также о характеристиках индивидов, от которых они получили и которым переслали пакет. Самым поразительным результатом исследования стало небольшое число посредников между двумя незнакомыми жителями США – от 2 до 10 с медианой 5,5 (отсюда выражение "6 степеней разобщения", часто встречающееся в литературе по анализу социальных сетей – **см.**). Роль посредников в цепях была неодинаковой. Многие успешные цепи, закончившиеся вручением пакета адресату, проходили через местных лидеров. Были установлены различия в социальных характеристиках участников успешных и неуспешных цепей. В другом варианте – методе "обратного малого мира" – испытуемому дают описание нескольких адресатов и просят указать возможных посредников между ним и адресатами. Оба подхода используют для изучения структуры больших социальных сетей.

Одним из приложений метода "М.М." является оценка размера скрытых совокупностей, напр., ВИЧ-инфицированных или жертв преступлений (Г. Бернард). Исходными данными для подобного анализа являются размер генеральной совокупности (напр., всех потенциальных жертв), эмпирические оценки количества индивидов, с которыми близко знаком средний индивид, и результаты опроса о количестве жертв, с которыми близко знакомы участники опроса. Милгрэм опирался на оценку среднего количества знакомств, равную 500. По современным данным, для среднего американца это число равно 290.

Г. Уайт исследовал ошибки в оценке свойств генеральной совокупности с использованием метода "М.М.", связанные с высокой долей неудачных цепей (88% у Милгрэма и 53% в более поздних организационных исследованиях), и предложил способы коррекции. М. Ньюман показал другой источник ошибки: нарушение предположения о независимости знакомых второго радиуса, т.е. знакомых наших знакомых. В реальных сетях контакты двух друзей существенно пересекаются и обладают свойством кластеризуемости. Странность друзей состоит в том, что их связи неслучайны, они также дружат между собой. Именно это свойство сейчас обозначают как феномен "М.М.". Ньюман предложил математическое решение проблемы взаимозависимости, которое может быть полезным в исследованиях свойств генеральных совокупностей с использованием метода "снежного кома" или при оценке размера скрытых популяций, и показал точность своих оценок на хорошо документированных связях между научными соавторами. Эти исследования "М.М." позволили уточнить первоначальные модели социальных сетей, в которых последние рассматривались как случайные графы с равновероятными связями между любыми парами акторов.

В работах, посвященных коммуникациям в Интернете, поразительная эффективность связей между компьютерами объясняется тремя факторами: 1) кластеризуемостью как свойством малого мира, 2) тем, что количество связей, приходящихся на одного актора, распределяется не по нормальному закону, как предполагалось вначале, а по степенному, когда небольшое количество акторов имеет много контактов и значительное количество акторов – мало контактов (это свойство также характерно для связей между группами индивидов), 3) наличием коротких путей между сплоченными группами акторов. Хотя ясное теоретическое обоснование трех упомянутых свойств естественных и компьютерных сетей еще не предложено, они используются для решения прикладных задач по конструированию сложных систем. Компьютерное моделирование показывает, что если бы население США обладало только первым свойством, среднее число посредников между начальным отправителем и получателем писем в исследовании Милгрэма составляло бы не менее 200. Таким образом, обнаруживаются аналогии между эффективной архитектурой Интернета и структурой современных развитых обществ. Это обстоятельство используется как аргумент в пользу универсальности понятия сети, которая включает племенные, иерархические (бюрократические), рыночные и другие известные формы социальных организаций как частные случаи.

С.В. Сивуха

МАЛЬТУС (Malthus) Томас Роберт (1766-1834) – английский экономист, священник англиканской церкви. Изучал теологию, историю, литературу, древние и новые языки в Джезус-колледже Кембриджского университета (1784-1788). Магистр (1791), помощник священника в одном из приходов графства Суррей. В 1795-1804 преподавал в Джезус-колледже. С 1805 до конца жизни – профессор современной истории и политической экономии в колледже Ост-Индской компании, где совмещал преподавание с деятельностью священника. По политическим убеждениям – умеренный виг. Член Королевского научного общества (1819), сооснователь Лондонского клуба политической экономии (1821), член Королевского литературного общества (1824) и Лондонского статистического общества (1834).

М. стал широко известен благодаря книге "Опыт о законе народонаселения, или Изложение прошедшего и настоящего действия этого закона на благоденствие человеческого рода", первое издание которой было опубликовано (анонимно) в 1798. Взгляды, изложенные в этой книге, выработал в полемике со своим отцом. Отец М. был другом и поклонником Ж.-Ж. Руссо, с энтузиазмом воспринял реформистские идеи

У. Годвина, считавшего причиной социальных проблем недостатки общественного строя и выступавшего за упразднение частной собственности. Скептически относясь к целесообразности радикальных реформ, М. попытался указать проблему, с которой человечество должно неминуемо сталкиваться вне зависимости от общественного устройства. По его мнению, численность населения, если тому не возникает помех, имеет тенденцию возрастать в геометрической прогрессии, в то время как средства существования увеличиваются, в лучшем случае, лишь в арифметической, что создает неустранимую основу существования социальных проблем. В этой связи М. рассматривал нищету, голод, преступность, войны и социальные катаклизмы как симптомы перенаселенности и выступал против благотворительности, считая, что она лишь подхлестывает рост численности беднейших слоев населения и тем самым усугубляет трагизм ситуации.

Стремясь смягчить мрачную и безысходную картину, обрисованную в первом издании "Опыта...", М., начиная со второго издания (1803), попытался указать средство, способное уменьшить ужасы нищеты, болезней и голода, усматривая таковое в нравственном воздержании и обуздании полового инстинкта. Настаивал на "строгом исполнении требования целомудрия" до вступления в брак, а саму возможность брака ставил в зависимость от наличия средств для содержания семьи. Считал, что институты частной собственности и моногамного брака возникли как результат инстинктивной борьбы человечества с бедствием чрезмерного размножения, т.к. они возлагают на каждого человека индивидуальную ответственность за содержание потомства, сдерживая в определенной мере рост населения.

Труды М. вызвали широкий общественный резонанс, получив, главным образом, негативную оценку. Несмотря на это, они оказали существенное воздействие на развитие различных отраслей знания. Заметное влияние М. на свои взгляды признавали, например, Д. Рикардо и Ч. Дарвин.

А.Л. Баканов

МАНАЕВ Олег Тимофеевич (р. 1952) – белорусский социолог, специалист по социологии массмедиа и коммуникации, гражданского общества и политического процесса в посткоммунистических странах. Окончил факультет журналистики (1974), аспирантуру (1977) и докторантуру (1991) по социологии Белорусского государственного университета. Работает в Белгосуниверситете, где прошел путь от младшего научного сотрудника исследовательской лаборатории (1976) до основателя и профессора кафедры социальной коммуникации (1999). В 1992 основал первый в Беларуси независимый исследовательский центр – Независимый институт социально-экономических и политических исследований (**см.**), и с тех пор является его директором. В 1997 стал инициатором создания республиканского общественного объединения "Белорусские фабрики мысли", в которое входит 18 ведущих независимых исследовательских и аналитических центров столицы и регионов Беларуси, с тех пор является председателем его Координационного совета. Неоднократно работал приглашенным профессором и исследователем, в том числе по программе Фулбрайта, в различных университетах США и Западной Европы.

В социологии массовой коммуникации стал автором концепций включения личности в сферу влияния массмедиа, роли альтернативных массмедиа в демократизации общества, особенностей массмедиа в политической, экономической, правовой системе переходного общества; в политической социологии – концепции "гражданского строительства". Разработал методологию изучения массмедиа и электорального поведения в переходном обществе.

Основные научные труды: "Эффективность средств массовой информации" (1986); "Молодежь и демократизация советского общества: социологический анализ" (1990); "Взаимодействие массмедиа, власти и общества в процессе демократизации" (1991); "Учебные материалы по специальности "Информация и коммуникация" в Белгосуниверситете, чч. I-III" (1997); "Белорусская ассоциация фабрик мысли. Полный справочник независимых исследовательских и аналитических центров" (1998); "Молодежь и гражданское общество: белорусский вариант" (1999); "Становление гражданского общества в независимой Беларуси. Социологические опыты: 1991-2000" (2000); "Беларусь: на пути в третье тысячелетие" (2001); "The Alternative Press in a Transitional Society: Belarus" (1993); "Media in Transition: from Totalitarianism to Democracy" (1993); "Rethinking the Social Role of Media in a Society in Transition" (1995); "Media Autonomy and the State in Transitional Society: Diversity vs. Unity" (1996) и др.

МАНХЕЙМ (Mannheim) Карл (1893-1947) – немецкий социолог и философ. Учился в университетах Будапешта, Фрейбурга, Гейдельберга, Парижа. В 1919 эмигрировал из Венгрии в Германию. С 1925 – приват-доцент философии в Гейдельбергском университете. С 1929 – профессор социологии и национальной экономики в университете Франкфурта-на-Майне. В 1933 эмигрировал в Великобританию, профессор Лондонской экономической школы. С 1941 – в Институте образования при Лондонском университете, в котором в 1945 стал профессором педагогики. Незадолго до смерти возглавил один из отделов ЮНЕСКО. Инициатор и редактор "Международной библиотеки по социологии и социальной реконструкции". Основные работы: "Историцизм" (1924); "Проблема социологии знания" (1925); "Идеология и утопия. Введение в социологию знания" (1929); "Человек и общество в эпоху преобразования" (1935); "Диагноз нашего времени" (1943); "Свобода, власть и демократическое планирование" (1950); "Система социологии" (1959); "Эссе о социологии и культуре" (1956) и др.

Ориентируясь на создание синтетической концепции знания (**см.**), М. был знатоком современных ему философских и социологических идей, многие из которых органически использовал в своем творчестве (прежде всего это относится к неокантианству, феноменологии и марксизму). Отмечается непосредственное влияние на М. со стороны Лукача (**см.**), Э. Ласка, Г. Риккерта, Э. Гуссерля, М. Вебера (**см.**), Шелера (**см.**). Резкое неприятие у М. встретили натуралистическая установка и методологические принципы позитивизма, а критическому разбору у него подверглись практически все эпистемологические концепции и ориентации общественно-политической мысли (либерализм, консерватизм, социализм, фашизм, коммунизм). Специально занимался анализом религиозного (христианского в целом, анабаптистского – в особенности) сознания. В целом творчество М. носит достаточно

цельный характер, но отмечено изменением (существенным) акцентов, которое произошло в эмигрантский период его жизни. С проблем собственно социологии знания его внимание перемещается на диагностику европейской социокультурной ситуации. Кроме того, в этот период М. активно занимался проблемами культуры и образования.

Концепция М. может быть определена как культурологическая методология с предельно широкой сферой возможных аппликаций. Культурно-исторические эпохи отличаются, согласно М., кроме прочего, наличием жизненных доминант, определяющих общий их стиль и господствующие в них "стили мышления" ("мыслительные позиции"). В этом отношении современная эпоха, по М., – эпоха кризисная. По отношению к ней можно говорить об исчезновении единого интеллектуального мира с фиксированными и доминирующими ценностями и нормами. Более того, за рационально организованным мышлением обнаружилась его подоснова – "коллективное бессознательное". Обнаружилась несостоятельность одной из основных абстракций европейской культуры – наличие внеисторического субъекта познания, мыслящего "с точки зрения вечности", т.е. внешнего беспристрастного и объективного наблюдателя, выносящего окончательные истинные оценки. Мир, по М., – это мир разных частных интересов, разных типов и стилей мышления, требующих своего выражения в системах взглядов и претендующих на статус "единственно верных". Знание оказывается контекстуально и социально, а в конечном итоге – культурно обусловленным. История мысли у М. – это история столкновения классовых, групповых и иных миросозерцаний, стремящихся себя рационально оформить. Следовательно, необходимо различать различные когнитивные системы по механизмам их социального обусловливания. Если за естествознанием и математикой еще можно признать статус объективного знания, то знание социогуманитарное, по М., не может быть адекватно проанализировано без учета его социальной детерминации. В общекультурной же рамке обнаруживается обусловленность любого знания: его параметры зависят от занятой в социокультурном пространстве позиции, заданного видения ("перспективы"). Анализ возможных "перспектив" и их соотношения между собой – задача социологии знания. Однако научное знание, по мысли М., – не единственное духовное образование, продуцируемое в обществе. Следует выделять особые системы взглядов, которые обозначаются терминами "идеология" и "утопия" (по сути – негативный вариант той же идеологии). Изначальный критерий их выделения – непризнание тех или иных систем взглядов в качестве беспристрастных, оценка их как ангажированных и противопоставление им иной системы идей. Они не являются "диагнозами" ситуации, а, согласно М., "запускают" определенные системы деятельности. Идеология (см.) выражает такое состояние сознания, когда правящие группы в своем мышлении могут быть настолько сильно привязаны посредством интересов к определенной ситуации, что они просто не способны видеть те факты, которые могли бы подорвать их господство". Утопия же фиксирует то, что "определенные угнетенные группы столь сильно заинтересованы в разрушении и трансформации данных условий общества, что они помимо своей воли видят только те элементы в ситуации, которые имеют тенденцию отрицать ее". Любая идеология есть апология, она ориентирована на сохранение сложившегося статус-кво. Именно в этом ей, по мысли М., противостоит утопия (см.), ориентированная на будущее, на занятие доминантной позиции в обществе той группой, интересы которой в ней (утопии) представлены. Приход такой группы во власть превращает утопию в идеологию. М. различает два типа идеологий. Партикулярные идеологии отражают интересы отдельных человеческих сообществ с их специфическими интересами. Они представляют собой сознательные или несознаваемые фальсификации действительности, основанные на селекции нужных информационных фрагментов. Адекватное их понимание требует знания психологических механизмов коллективных действий и представлений. Тотальные идеологии предзадаются сложившейся социальной системой, естественно складывающейся расстановкой социальных сил и удерживаются общей рамкой культуры. Они синтезируют и представляют целостное видение перспектив и обеспечиваются соответствующим понятийным аппаратом, способами мышления (аналитическими или мифологическими), моделями (схемами) мышления, требованиями к степени конкретизации видения (универсализм или эмпиризм), онтологическим обоснованием (возможные способы существования и структурирования). В этом отношении они – предмет социологии знания (см.). Конечная задача последней – через критическую работу по обнаружению различных идеологических искажений знания – реализовать позитивную задачу. Суть последней – удержав многообразие равноправных и правомерных перспектив (их "реляционность") – осуществить когнитивный синтез. Реализовать его (и то лишь потенциально) способна единственная, не вплетенная жестко в сеть социальных интересов и ресурсно (информационно) обеспеченная для решения подобной задачи, социальная группа – интеллигенция ("социально свободно парящие интеллектуалы"). Синтез предполагает и наличие реальных механизмов в обществе, позволяющих находить балланс интересов. Однако кризис системы традиционных западных демократических ценностей при отсутствии общекультурной доминанты разрушил, по М., этот складывавшийся баланс. Противостоять полной ценностной дезинтеграции (анархии) и в то же время не впасть в другую крайность – обеспечения интеграции ценностей через тотальную регламентацию (диктатуру) – в современном обществе можно, согласно М., лишь на основе внедрения социальных технологий, направленных на поддержание "достаточного уровня" рефлексии (критического сознания) и предполагающих целенаправленность организационных усилий для реализации этой цели.

В.Л. Абушенко

МАРГИНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА – совокупность локальных К. (субкультур), базисные принципы которых оцениваются, с точки зрения господствующего культурного канона, как чуждые или враждебные. Социокультурный статус М.К. определяется их размещением на "окраинах" соответствующих культурных систем, частичным пересечением с каждой из них и лишь частичным признанием с их стороны. Таким образом, маргинальность культурного образца всегда конкретно-исторична.

Объективными условиями формирования М.К. являются процессы трансформации общества (модернизация, "перестройка" и т.п.), изменения социальной структуры (появление

новых социальных групп или потеря ими прежнего статуса), различные формы взаимодействия К. (от военных конфликтов до экономического сотрудничества и культурного обмена). Ситуация маргинальности возникает при одновременном (вынужденном или добровольном) существовании группы или индивида в поле действия несовместимых или конфликтных культурных паттернов. Характерная для М.К. "нелинейность", "коллажность", как результат спонтанного усвоения разноплановых ценностей и стандартов, заимствованных из различных (нередко конфликтующих) социокультурных систем, препятствует процессу культурной самоидентификации в его привычной, "легитимной" форме. В то же время возможность прямого доступа к разнообразным "архивам" К. разных стран и эпох создает в рамках М.К. условия для ролевых культурных экспериментов, построения специфической культурной среды из заимствованного или уже "отработанного" в рамках наличной К. материала. Неоднородность и противоречивость "рабочего материала" маргинального сознания нередко проявляется в обострении внутреннего дискомфорта и актуализации различных форм девиантного (отклоняющегося) поведения. Последнее может проявляться в повышенно агрессивной социальной активности с ориентацией на самоутверждение (от одержимости художественным творчеством до уголовно-криминальных проектов), увлеченности радикальными социальными движениями (националистического, конфессионального или политического плана) или, напротив, в обращении к отрешенности и пассивности, ведущим в итоге к культурной самоизоляции "подпольного" индивида. Различные формы М.К. служат своеобразной "игровой площадкой" новых языков К., тем полем, где в результате причудливого взаимопересечения "официальных" и "М." образов реальности формируется набор принципиально новых культурных предложений, возникающих как результат "неправильной", нестандартной (а значит – спонтанной, неуправляемой) культурной коммуникации. Особенно заметным это становится в переходные или кризисные этапы развития общества, когда совокупность М. культурных сценариев нередко приобретает статус контркультуры – реального конкурента актуального культурного стандарта. Таким образом, происходит "негативная легитимация" М.К. в качестве существенного фактора динамики К. Дальнейшие сценарии включения маргинальных культурных образцов в пространство "большой" К. (превращение в новый культурный канон, трансформация в "приемлемую" субкультуру, полная ассимиляция в пространстве обновленной "большой" К.) порождают в любом случае очередной Большой Стиль и, соответственно, его новые М. окраины. Однако происходящий в настоящее время переход от авторитарного, или "закрытого", к "открытому", или "мозаичному" (А. Моль), типу построения культурного пространства объективно способствует ослаблению традиционного конфликта руководящего "центра" и мятежной "периферии". Последнее означает расширение "диапазона приемлемости", трансформацию М. культурных ценностей, прежде агрессивно вытеснявшихся из широкого употребления, в естественный компонент наличной культурной среды.

М.Р. Жбанков

МАРГИНАЛЬНОСТЬ (лат. margo – край, граница) – понятие, традиционно используемое в социальной философии и социологии для анализа пограничного положения личности по отношению к какой-либо социальной общности, накладывающего при этом определенный отпечаток на ее психику и образ жизни. Категория М. была введена американским социологом Р. Парком с целью выявления социально-психологических последствий неадаптации мигрантов к условиям городской среды. В ситуации М. оказываются т.наз. "культурные гибриды", балансирующие между доминирующей в обществе группой, полностью никогда их не принимающей, и группой, из которой они выделились. Философское понятие М. характеризует специфичность различных культурных феноменов, часто асоциальных или антисоциальных, развивающихся вне доминирующих в ту или иную эпоху правил рациональности, не вписывающихся в современную им господствующую парадигму мышления и тем самым довольно часто обнажающих противоречия и парадоксы магистрального направления развития культуры. К представителям культурной М. принято относить таких мыслителей, как Ф. Ницше, маркиз де Сад, Л. фон Захер-Мазох, А. Арто, Ж. Батай, С. Малларме и др.

Проблема культурной М. приобретает особое значение в философии постструктурализма и постмодернизма ("шизоанализ" Делеза (см.) и Гваттари (см.), "генеалогия власти" Фуко (см.), "деконструкция" Деррида и т.д.). Интерес к феномену М. обострил французский структурализм, использовавший понятия "маргинальный субъект", "маргинальное пространство", "маргинальное существование", возникающие в "просвете", "зазоре" между структурами и обнаруживающие свою пограничную природу при любом изменении, сдвиге или взаимопереходе структур. Однако их функция в синхроничной перспективе бинарных оппозиций минимальна, ибо их присутствие, а точнее, заполнение пространства между последними является лишь индикатором нормального функционирования структурно упорядоченного универсума. В постструктурализме понятие "М." претерпевает значительные изменения, подрывающие его самотождественность. Благодаря идее децентрации Деррида – не просто меняющей местами привилегированный и подчиненный объекты, а уничтожающей саму идею первичности, отстаивающей идею "различения", "инаковости", сосуществования множества не тождественных друг другу, но вполне равноправных инстанций, – традиционное разграничение значимого и незначимого, обоснованного и эпифеноменального снимаются. Отсутствие центра структуры (по Деррида, мысль о структуре исключает мысль о центре) предполагает отсутствие и главного, трансцендентального априорного означаемого. Уничтожается также представление об абсолютном смысле. С исчезновением "центра", являвшегося средоточением и символом власти, исчезает и понятие господствующей, доминантной "высокой" культуры (эта установка "доминирует" в постмодернистском искусстве). Режим "деспотического означающего" уступает место принципу детерриториализации, в результате чего изменяется маргинальное положение "носителя желания" в

территориализованном пространстве. Наиболее адекватно передает новый образ постмодернистского пространства понятие "ризома". Для Р. Барта М. синонимична стремлению к новому на пути отрицания всевозможных культурных стереотипов и запретов, унифицирующих власть всеобщности, "безразличия" над единичностью и уникальностью, легитимации наслаждения и удовольствия, реабилитации культурной традицией субъекта желания, – и является важным моментом в борьбе с тиранией дискурса власти. Фуко полагает, что невозможно рассуждать о подлинной М. в рамках бинарной оппозиции, ибо идентифицировать ее как таковую можно лишь в отсутствии всякой нормы и авторитарного образца. Так, анализируя антитезу норма-патология и структуру властных отношений, он показывает, что аутсайдеры, "социальное дно", психически больные, иначе говоря, все девианты не являются маргиналами в собственном смысле слова, поскольку их существование обусловлено наличием нормы, а опыт маргинального существования не может быть вписан внутрь институциональных стратегий. Таким образом, в плюралистичном, ризомном постмодернистском мире стираются границы структур, а маргинальное пространство, существующее вне этих структур, но между их границами, меняет свой пограничный статус, размывая семантику М. и утрачивая специфику своего паракультурного функционирования.

А.Р. Усманова

МАРИАТЕГИ (Mariategui) Хосе Карлос (1894-1930) – перуанский мыслитель, социолог, писатель, политический деятель. Основатель КПП (Коммунистической партии Перу) и Всеобщей конфедерации трудящихся Перу. Большое влияние на М. оказала философия и социология Маркса (см.), скорректированная в определенной мере сквозь призму "теории революционных мифов" лидера французского анархо-синдикализма Ж. Сореля (1847-1922). Многие идеи М. типологически близки европейскому неомарксизму Грамши (см.) (особенно его концепциям интеллигенции, цезаризма и "народного блока"). М. участвовал в Ливорнском съезде ИСП (Итальянской социалистической партии), провозгласившим создание Коммунистической партии Италии. Был дружен и с французским писателем-коммунистом А. Барбюсом, который называл М. "новым светочем Америки". Сам же М. говорил о своей позиции как об "открытом марксизме". Его социализм проявлялся во многом прежде всего как антиимпериализм (вполне в духе латиноамериканской традиции, идущей от А. Марти-и-Переса, а в своих истоках восходящей к С. Боливару).

Типологически идеи М. близки идеологии и практике "народничества" (и Гоминьдана), что дало основание оценивать взгляды М. в советской литературе как "объединение плохо понятого марксизма с народничеством", "мелкобуржуазный социализм". Основная проблема, в решении которой М. разошелся со многими коллегами, в том числе с Айя де ла Торре, – это дилемма "европеизм – индеанизм" (шире – латиноамериканизм, индоамериканизм в терминологии М. и Айи де ла Торре). Последний – "антиевропеист", индеанизм у него – одна из основ. Позиция М. сложнее и противоречивее. Он "европеист" ("Перу – фрагмент мира, который движется по общей траектории"), но в то же время исходит из необходимости "перуанизировать Перу" на основе индейской "подосновы". М. считал, что индейская проблема носит не расовый, а экономический и политический характер (акцентируя при этом и культурно-образовательную проблематику), но в то же время видит прообраз своего идеала – коммунизма – в инкском обществе и считает себя "революционным индеанистом". Критикуя же "латинидад" ("философию латиноамериканской сущности"), М. вполне в духе последнего говорит о колониализме в сфере культуры, но основные усилия затрачивает на поиск путей "вписывания" Перу в мировой контекст. В целом в своем творчестве М. пытался совместить две модели общества – формационную и цивилизационную (М. апеллировал прежде всего к Шпенглеру) через тезис о единой социалистической (по сути – глобальной) цивилизации. Из других влияний на него следует назвать Родо, Бергсона, Ницше, Кроче (с которым М. познакомился в период своего пребывания в Италии в доме своей невесты – аристократки А.Чиаппе). Подход Кроче был положен в основу концепции философской (в которой "снимаются" критики эстетическая и историческая) литературной критики М., его реконструкции процесса становления перуанской литературы. Сам М. происходил из бедной семьи, с 7 лет был неизлечимо болен (костный туберкулез, приведший в 1924 к ампутации ноги и, в конечном итоге, к преждевременной смерти), не получил какого-либо систематического образования (даже среднего). С 14 лет начал работать в типографии, затем занялся журналистикой (был основателем нескольких печатных изданий), участвовал в профсоюзном движении, в Движении за университетскую реформу. В 1921-1923 – в Европе (Италия, Франция, Германия, Австрия) как корреспондент газеты "Эль Тьемпо". По возвращении в Перу в 1923-1924 читает лекции в Народном университете им. Гонсалеса Прады. В 1927 и в 1929 подвергался аресту (сам М. считал, что "тюрьма для революционеров – это только несчастный случай в их работе"). В 1928 основал Всеобщую конфедерацию трудящихся Перу и Социалистическую партию Перу, генеральным секретарем которой и был избран (в 1930 переименована в Коммунистическую партию Перу). При жизни взгляды М. были известны главным образом по его статьям, было издано только две его работы и еще три было опубликовано в периодической печати. Известность ему принесла работа "Семь очерков истолкования перуанской действительности" (1928). Первая его изданная книга – "Современная арена" (1925, в которой сформулирована проблема соотношения универсального и культурно-национального). В 1959-1970 усилиями детей М. в 20 выпусках вышло собрание сочинений "Амауты", как прозвали М. в Перу.

Двумя основными тематизмами М., пронизывающими все его творчество и придающими ему единство, являются дискурс социального освобождения и неразрывно связанная с ним проблематика национально-культурного самообретения. Социальное освобождение понимается при этом как решение

триединой задачи, исходно предполагающей формулирование "нового понимания жизни", что обусловливает и одновременно само предопределяется параллельным развертыванием программ формирования "нового человека" и создания "нового общества". Содержательно оно обеспечивается реализацией лозунга: "Создать новое Перу в новом мире!", что превращает национально-культурную проблематику в объемлющую рамку для реализации задач социального освобождения, требуя от последнего удержания национальной (перуанской) и региональной или континентальной (латиноамериканской, индоамериканской, согласно М.) специфичности при вписывании в глобальные процессы современности (которая центрирована вокруг достижения идеалов свободы и справедливости). "Мы не должны игнорировать национальную действительность, но наш долг предполагает также, что мы не игнорируем всемирной действительности". По М., необходимо одновременно видеть как уникальность национально-культурного на всех уровнях и во всем многообразии его проявлений, так и реализацию универсального в национально-культурном. Национально-культурная идентичность как условие "нового понимания жизни" есть прежде всего проблема самосознания, но последнее должно быть социально обосновано ("само понятие нации – это абстракция, аллегория, миф. Оно не соответствует действительности, поддающейся постоянному, четкому, научному определению"). Сфера объективаций – политика, но политика, воспринятая, согласно М., как философия и религия, обосновывающие общественные идеалы как революционно действенные и как непротиворечащие промыслу Божьему. В этом аспекте сама современная философия для М. может быть понята только как философия действия и преобразования, реализуемая в личных "жизненных" проектах "деятеля" как придающая им смысл и социальную значимость в "поисках Бога" и в "открытии человечества". Как воплощение такого философского проекта М. склонен был рассматривать собственное творчество. "Моя жизнь, – утверждал он, – это стрела, летящая к цели". Ответственно действуя, человек, с необходимостью учитывая всю наличную силу обстоятельств, не должен попадать в зависимость от них, в плен "санчопансовской психологии" (согласно терминологии М.), ведь "традицию творят те, кто ее отрицает, для того, чтобы обновить и обогатить ее". "Память живет лишь о тех, кто предвозвещает события, предвосхищает и ускоряет их наступление". Поэтому индивидуальности интересны по преимуществу оказанным ими влиянием, они "имеют значение" не сами по себе, а лишь в качестве символов". В этом отношении настоящее всегда несамоценно, определяется в "негативных" терминах, есть то, что требует своего преодоления в реализуемых личностных и, одновременно, социальном проектах. С другой стороны, эти проекты не могут быть подчинены задаче безусловного воплощения "финального идеала" и слепо следовать ему. Идеал потому и идеал, что он принципиально недостижим, а следовательно и иллюзорен. "Тысячелетнее царство Мессии не наступит никогда. Достигнув цели, человек ставит перед собой новую цель". Нет никакого "предела" в процессах бесконечного социального изменения, поэтому "надо отбросить все бесплодные и абстрактные дискуссии об отдаленных целях". Однако будущее имманентно присутствует в настоящем в силу циклической повторяемости времени. В этом смысле "иллюзия окончательного освобождения – иллюзия очень древняя и всегда новая". Она постоянно воспроизводится в новом отображении каждые два-три века, через революции в области духа как устремленность к реализации коллективного мифа о социальной справедливости (свободе, равенстве, братстве). Миф о социальной справедливости всегда есть революционный и социалистический миф. В своей революционной ипостаси идеал справедливости конкретизируем и преходящ. Он сочетает в себе экономический, исторический и мистический факторы (в случае Перу это, соответственно: традиции индейской общины айлью, коммуно-теократический опыт инкского государства Тауантинсуйо и "дуализм расы и духа"). В своем социалистическом воплощении идеал справедливости свидетельствует о кризисе эпохи: "Социализм появляется в эпоху упадка, на закате, это последняя и единственная надежда на спасение". В своем воздействии на массы людей революционные социалистические мифы сопоставимы с мифами религиозными (в конце концов именно из религии они и получают свою "предельную" санкцию). "Массы жаждут веры", – считает М. "Коллективная душа" (в том числе и пролетариата) подчиняется прежде всего внутренним побуждениям, а не руководствуется аналитически простроенными планами. Следовательно, сила революционеров в конечном итоге не в научном знании (при всем его значении), а в вере, истолковываемой М. в религиозно-мистическом ключе (отсюда проистекают во многом справедливые обвинения М. в "спиритуализации марксизма"). Более того, саму революцию М. склонен понимать как реализацию мифов "коллективной души", пробуждающейся к общественным преобразованиям.

В этом же плане М. трактовал и личностный "жизненный" проект как последовательность сменяющих друг друга мифов, может быть, иллюзорных, но придающих человеческому существованию смысл на каждом новом этапе деятельности и борьбы индивида. Тем самым социализм оказывается "вечно возвращающимся", но никогда не реализуемым до конца идеалом, что позволяет М. говорить о наличии своих форм социализма в каждую историческую эпоху. Однако "возвращение" отнюдь не значит "повторение"; "прошлое – это только корни, но отнюдь не программа". (Иначе: "Созидающие поколения рассматривают прошлое как источник жизни сквозь призму причинных связей, но никогда не возводят его в ранг программы".) Каждый новый этап модернизирует и универсализирует опыт прошлого. Специфика же современного исторического цикла заключается в универсализации всех социокультурных процессов до уровня мировых, возобладании принципов открытости над принципами закрытости национального развития. М. воспринял тезис о глобальности, "интегральности" кризиса капитализма в современную ему эпоху, но он постоянно подчеркивает ее переходный характер. Капитализм "уже не может", согласно М.,

совладать со скудностью, нищетой и бедностью, но через достижения порожденной им науки и техники способен открыть путь к социализму как условию и основанию преодоления несовершенного настоящего. В этом ракурсе он считает, что: "Северной Америке суждено стать апогеем и завершением капиталистической цивилизации". Однако, в свою очередь, социализм не способен пока "утвердиться как единственная социальная система", хотя для М. нет сомнений в том, что "будущее Латинской Америки – это социализм". Проблема же здесь заключается для него не только в том, что каждая эпоха имеет свой социализм, но и в том, что "социализм в Перу не может быть калькой, копией, он будет героическим творчеством". В этом отношении марксизм как продукт индустриальной западной цивилизации представляется для М. неприменимым для условий Латинской Америки.

В частности, для Перу М. разрабатывает версию индоамериканского социализма как модернизацию и удержание ценностей инкского коммунизма как продукта аграрной цивилизации, позволяющего, к тому же, актуализировать автохтонные (аутентичные) "корни" латиноамериканской цивилизации. В этом ключе М. много внимания уделил анализу цивилизационно-формационных различий становления Северной и Латинской Америк, предопределивших разность их судеб. США складывались на основе "освоения территорий" в результате усилий пионера, пуританина и еврея. В основе их культуры – ценности Реформации, практически ориентированная воля и изначальная устремленность в будущее. Латинская Америка возникла как продукт "завоевания народов" в результате усилий конкистадоров и миссионеров. В основе ее культур – ценности Контрреформации, которые воплощали собой Испания и Португалия, связанные со Средневековьем с его силой Церкви и слабостью ("экзотичностью") разума, ориентацией в прошлое, а не в будущее. "...Как концепция жизни и дисциплины духа испанский католицизм не был пригоден к стимулированию в своих колониях трудовых навыков и созданию богатства". Более того, он нес с собой прежде всего религиозный культ, а не дух: "Евангелизацию испанской Америки нельзя рассматривать как религиозное мероприятие, а надо рассматривать как мероприятие церковное". Отсюда США – это капитализм, а Перу (Латинская Америка) – это феодализм с "встроенной" в него буржуазностью (М. не ставил знака равенства между капитализмом как самодостаточной общественной формой и буржуазией как классом, сложившимся в условиях феодализма, хотя адекватной формой ее самореализации является именно капитализм). Отсюда и невозможность единственной версии социализма для столь разных цивилизаций.

Фактически М. предложил одну из исторически первых версий "национального социализма" и "подвел" под нее теоретическое обоснование: "В истории не имеет значения абстрактная ценность какой-либо идеи. Ценность представляет только ее конкретное содержание". Конкретика же содержания всегда задается национально-культурными детерминантами, что вовсе не означает стремления к изоляционизму, к тому же нереализуемому, так как, согласно М., изначально "испано-американская мысль в общих чертах является лишь *рапсодией* на мотивы европейской мысли". Иное дело, что универсальное не должно пониматься европоцентристски – универсальное не обязательно есть "западное" и уж точно не есть "единообразное". "Мы должны приложить все усилия, – считает М., – к тому, чтобы в Индо-Америке возник социализм, который бы учитывал нашу реальность, говорил бы, так сказать, на нашем языке". Таким образом, "социально-формационное" для М. совместимо, и, более того, производно от "культурно-цивилизационного" (их "полное" совпадение для него возможно лишь в будущем глобальной цивилизации, построенной на идеалах эгалитаристского общества умеренных потребностей, возможность которой, правда, проблематизируется его же тезисом об иллюзорности и нереализуемости любого идеала). "Ключ" к пониманию универсального (современного) – в национально-культурном, однако только "идя по дорогам вселенной, по дорогам эйкумены... мы все больше приближаемся к самим себе" (эту же идею применительно к своему творчеству М. сформулировал следующим образом: "Пройдя по дорогам Европы, я обрел, наконец, свою подлинную страну – Америку, в которой до сих пор был чужаком"). Таким образом, М. пытается соединить в своей концепции универсальное и национально-культурное как взаимно "открытые" друг другу. Только одновременное "вписывание" в глобальный контекст и "перуанизация Перу" способны, в конечном итоге, породить "интегральное Перу", преодолеть маргинальную раздвоенность латиноамериканца, который еще не стал американцем, но уже не является европейцем ("дуализм расы и духа"). С одной стороны, нужно отчетливо понимать, что "современное Перу" движется по орбите западной цивилизации", что "национальная действительность гораздо менее независима от Европы, нежели это предполагают наши националисты". "Пусть считают, что Америка призвана нести миру новую благую весть. Но не считайте, что Америка уже находится на пороге вытеснения Европы и интеллектуальная гегемония европейцев уже безвозвратно отошла в прошлое", – предостерегает М. Познание "путей развития Европы" по-прежнему остается рамкой для рефлексии и понимания "латиноамериканского" и "перуанского". В этой перспективе М. остается "европеистом". Однако, с другой стороны, считая, что "наибольшего успеха добиваются неизменно те народы, которые проявляют большую способность принять последствия своей цивилизации и своей эпохи", которые он связывает с индейским, автохтонным началом перуанского и латиноамериканского, М. выступает как "индеанист". Применительно к Перу "дуализм расы и духа" конкретизируется не просто как противостояние американского и европейского, но как противостояние индейского (языка, культуры, образа жизни) и европейского, закрепленное в географическом и экономическом расколе страны на индустриальную цивилизацию креолов и метисов "побережья" (Косты), аграрную цивилизацию индейцев "нагорья" (Сьерры) и почти незатронутую европеизацией "первобытную" Монтанью (Амазонию). "Перуанская нация, – считает М., – создавалась не только без участия индейца, но и против

индейца". В этом плане проблема индейцев является не только "проблемой земли" (комплекс требующих решения социально-экономических вопросов), но и "проблема угнетенного народа". В силу этого перуанская культура как основа национального единения остается несамодостаточной не только в силу зависимости и подражательности по отношению к европейским образцам, но и в силу игнорирования своей индейской подосновы, что и дает основание М. констатировать, что "новый перуанизм еще не созрел". Единство культуры (искусства, литературы) питается, согласно М., единством традиции, истории и народа. Ни одно из этих условий не было реализовано применительно к Перу (как и ко многим другим странам Латинской Америки), что, определяя специфику национально-культурного самообретения, предопределяет и особость реализуемых здесь социально-политических программ и практик. Так, для индо-американского социализма одной из базовых проблем является, согласно М., поиск возможности совмещения традиционного и современного, разной цивилизационной "парадигматики" в процессе нарастающей универсализации мира (в частности, например, встает вопрос об основах взаимодействия европейски образованной интеллигенции, для которой идеалы социальной справедливости так или иначе связаны с ценностью личной свободы, и понимание справедливости, вытекающее из принципов общинной жизни у индейских масс, для которых как несвобода выступает вынужденное одиночество человека, его пребывание вне коллектива).

В связи с этим М. анализирует поставленную Васконселосом проблему метисации как возможности снятия "дуализма расы и духа" в Латинской Америке. М. склонен трактовать эту проблему не как этническую (которая "фиктивна и надумана"), а как социологическую. ("Подлинные конфликты, внутренняя драма метисации находятся в рамках социологии. Цвет кожи исчезнет как различие, но обычаи, чувства, мифы – духовные и формальные элементы того, что мы называем культурой и обществом, – громко заявляют о своих требованиях"). В отличие от Васконселоса (и последующей традиции "философии освобождения", в частности, Сеа), увидевшего в метисе "человека будущего", синтезирующего в себе различные культуры, М. критически относится к "синтезирующим" возможностям метисации и не связывает с ней возможность "универсализации" перуанских контекстов: "В метисе не находят преодоления ни традиции белого, ни традиции индейца. Противостоя друг другу, эти традиции взаимно уничтожаются". В этом же ключе "универсализации" должны быть проанализированы, согласно М., и такие патерналистские в своей основе и эксплуатирующие идею специфически понимаемой справедливости феномены латиноамериканской жизни как гамонализм (отношения помещика ("хозяина") и крестьян ("подчиненных"), касикизм (отношения индейского вождя-касика с общиной) и каудильизм (отношения "вождя" и "нации"). Последний феномен как неизбежный для латиноамериканской действительности был обоснован в книге венесуэльца Л. Вальенильи Ланса "Демократический цезаризм" (1925), ставшей "евангелием" латиноамериканских диктаторов. М. также трактует каудильизм как версию цезаризма, но следует в своем анализе скорее принципам анализа этого феномена у Грамши (рассматривавшего как версию цезаризма фашизм Б. Муссолини).

В духе неомарксистской доктрины Грамши формулирует М. и идею единого (у Грамши – народного) "блока" социально-политических сил, заинтересованных в социальных изменениях, а также определяет роль в этом блоке интеллигенции. М. говорит о необходимости единения всех прогрессивных сил (синдикалистов, анархистов, социалистов и т.д., которые он рассматривал как в той или иной мере продукты либерализма) во имя реализации идеала справедливого будущего и для противодействия угрозе цезаризма на основе принципа солидарности, близкого понимания проблем современности и признании национальной специфики, что не должно подразумевать отказа от плюралистичности возможных точек зрения. Исходя из того, что социалистический идеал не может быть "точечно" и непосредственно реализован, но предполагает постоянное движение к нему ("настойчивую и целеустремленную деятельность по созданию условий для его победы"), М. и определяет роль интеллигенции в современном мире, которая заключается в подготовке масс к историческому творчеству, в консолидации всех прогрессивных сил, в поддержании непрерывности процессов культуротворчества. Фактически речь идет о формировании исторического национального самосознания, предполагающем преодоление интеллигенцией собственной "оппортунистичности" через включение в преобразовательные социальные практики (интеллигенция должна не только "знать", но в равной мере и уметь "делать" на основе знания). При этом свою версию такого "включения" М. соотносит с программами, предложенными Васконселосом и Инхеньеросом, "вдохновивших" новое поколение латиноамериканцев. "Интеллигент должен в своей творческой деятельности, – заключает М., – опираться на идеалы, принципы, которые превращают его в фактор истории и прогресса. Именно тогда его творческие способности смогут развиваться с максимальной свободой, которую позволяет ему эпоха". См. также: **Неомарксизм**.

В.Л. Абушенко

МАРКАРЯН Эдуард Саркисович (р. 1929) – российско-армянский социолог, специалист в области теории и истории социологии.

Окончил МГИМО (1953). Доктор философских наук (тема: "Методологические проблемы исследования общественной жизни", 1967), профессор (1984).

Особенностью социологического творчества М. является сопряжение теории социологии с теориями человеческой деятельности, адаптивного поведения социокультурных систем, культурологической теорией и теорией динамики культурных традиций.

М. – автор более 150 научных работ, в том числе: "О концепции локальных цивилизаций" (1962); "Очерки теории культуры" (1969); "Вопросы системного исследования общества" (1972); "О генезисе человеческой деятельности и куль-

туры" (1973); "Интегративные тенденции во взаимодействии общественных и естественных наук" (1977); "Теория культуры и современная наука" (1983); "Культура жизнеобеспечения и этнос" (1983); "Культурологические исследования в Армянской ССР" (1984) и др.

МАРКЕТИНГ – концепция управления производственно-сбытовой деятельностью, согласно которой решения применяются на основе информации о состоянии рынка товаров и услуг, потребностях потребителей, их вкусе и спросе. Возникновение концепции М. связано с развитием рынка; идеей М. является ориентация на анализ потребностей покупателей и изготовление товаров и услуг, необходимых потребителю. Цель М. – так познать и понять клиента, чтобы товар или услуга точно подходили последнему и "продавали себя сами". Эта цель достигается в результате эффективной организации производственных и сбытовых мероприятий (от закупки сырья до обслуживания покупателя), анализа рынка товаров и услуг, фиксирования цены, планирования и организации сбыта, рекламы.

Таким образом, под М. следует понимать комплекс мероприятий в области исследований торгово-сбытовой деятельности предприятия по изучению всех факторов, оказывающих влияние на процесс производства и продвижения товаров и услуг от производителя к потребителю. Главная особенность существующих рынков товаров и услуг – приоритетное положение производителя по отношению к потребителю; рынок такого типа получил название "рынка продавца". Его особенность такова, что сначала разрабатывается и производится товар, а затем начинаются поиски его потребителей и методов сбыта. Одним из наиболее опасных проявлений "рынка продавца" становится в определенных условиях диктат производителя и сопутствующее ему сужение круга выбора для потребителя или вообще дефицит. Поскольку объем платежеспособного спроса – величина относительно определенная, производителям приходится прибегать к различным уловкам, чтобы отвоевать себе его долю, удержать и упрочить свои позиции на рынке товаров и услуг. Со временем "рынок продавца" становится главным тормозом на пути научно-технического прогресса, обновления производства и появления новых, более качественных товаров. У производителя-монополиста отсутствуют стимулы улучшения продукции, а для других – выход на рынок с новым изделием связан с резко возрастающим риском и огромными затратами на рекламу. Вместе с тем объективные закономерности общественного развития вынуждают искать выход и он заключается в переходе от "рынка продавца" к "рынку покупателя" – практическому воплощению концепции М. "Рынок покупателя" предполагает выпуск тех товаров, которые согласен приобретать потенциальный потребитель. В основу производства закладываются данные, полученные в результате изучения запросов разных рыночных сегментов – отдельных групп населения, предприятий, организаций и других потребителей, которым адресуется вновь создаваемая продукция. Производство и сбыт в условиях "рынка покупателя" и составляют содержание маркетинговой деятельности.

Стержнем маркетинговой деятельности становится анализ возможностей товаропроизводителей удовлетворить потенциальные потребности рынка, осуществляемый поэтапно. Во-первых, рассматриваются возможности увеличения объемов продаж без изменения в самом товаре или путем модификации товара, т.е. возможности более глубокого проникновения на существующий рынок и выявления новых рынков через снижение цены, увеличение расходов на рекламу, распространение товаров через большее число магазинов, обеспечение ему более заметной выкладки на магазинных полках и т.п. Во-вторых, оцениваются возможности выхода на новые рынки с уже существующим товаром. В-третьих, анализируются возможности модификации товара и продажи его на тех же рынках, выпуска на рынок нескольких модификаций товара, рассчитанных на разные группы потребителей. В-четвертых, предлагаются новые товары на новых рынках. Оцениваются маркетинговые возможности с точки зрения целей и ресурсов фирмы-производителя, определяются условия, привлекательные для фирмы и обеспечивающие ей конкурентное преимущество. Для планирования, осуществления и контроля действенности М. мероприятий управляющим по М. требуется информация – о клиентах, конкурентах, дилерах и прочих силах, действующих на рынке товаров и услуг. Система М. информации – это постоянно действующая система взаимосвязи людей, оборудования и методических приемов, предназначенная для сбора, классификации, анализа, оценки и распространения актуальной, своевременной и точной информации для использования ее распорядителями сферы М. с целью совершенствования планирования, претворения в жизнь и контроля за исполнением М. мероприятий. Тщательного изучения требуют разные типы клиентурных рынков: потребительский рынок, рынок производителей, рынок промежуточных продавцов, рынок государственных учреждений и международный рынок. Что касается конкурентов, то в ходе исследований выделяются четыре их разновидности: желания-конкуренты потребителей; товарно-родовые конкуренты, товарно-видовые конкуренты и марки-конкуренты. Заслуживают внимания и т.н. контактные аудитории, которые могут способствовать или противодействовать усилиям фирмы-производителя. Семь типов контактных аудиторий – финансовые круги, средства массовой информации, государственные учреждения, общественные организации, местные и общинные организации, широкая публика, собственный персонал фирмы – нуждаются в специально спланированных действиях, рассчитанных на определенную реакцию со стороны этих аудиторий. Таким образом, производится учет воздействия микросреды, необходимый при выборе оптимальных тактических решений в сфере М. Система стратегического планирования исходит из отслеживания в режиме мониторинга социологического (см.) процессов и тенденций изменения макросреды.

Процессы, протекающие в демографической, экономической, природной, научно-технической, политической или культурной среде, равно как и ведущие тенденции этих процессов, ставят специалистов по М. перед сложными задачами перспективного, стратегического характера. Например, изменения демографических параметров могут повлечь за собой изменения в составе клиентуры или системе распределения и товародвижения. Проблема истощения природных ресурсов может обернуться переменой вида деятельности или необходимостью увеличить расходы на закупку сырья и материалов. Наиболее драматичной силой, определяющей потребительское поведение, считается наука, так как крупные долговременные последствия научно-технических открытий не всегда удается предвидеть. Динамичный рост затрат на НИОКР, необходимость решать целый комплекс вопросов, связанных с безопасностью товаров, повышение требований к качеству продукции – это серьезные факторы, влияющие на М. деятельность. В непрерывно меняющейся ситуации могут успешно действовать лишь те фирмы-производители, которые не просто следят за переменами, а используют новейшую информацию тактического и стратегического плана для кратко- и долговременной корректировки своей деятельности.

Г.Н. Соколова

МАРКС (Marx) Карл (1818-1883) – немецкий социолог, философ, экономист. Изучал право, философию, историю, историю искусств в Бонне и Берлине (1835-1841). Докторская степень философского факультета Йенского университета (1841). Основные сочинения: "К критике гегелевской философии права. Введение" (1843); "К еврейскому вопросу" (1843); "Экономическо-философские рукописи" (условное название необработанных черновиков молодого М., написанных в 1844, опубликованы в 1932 одновременно Д. Розановым и на немецком языке под названием "Исторический материализм" С. Ландшутом и И. Майером); "Святое семейство" (1844-1845); "Немецкая идеология" (1845-1846); "Нищета философии: реплика на книгу Прудона "Философия нищеты" (1847); "Манифест коммунистической партии" (совместно с Энгельсом, 1848); "Классовая борьба во Франции" (1850); "Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта" (1852); "К критике политической экономии. Предисловие" (1859); "Господин Фогт" (1860); "Капитал" (тт. 1-3: 1 том опубликован в 1867, 2-й – в 1885, 3-й – в 1894); "Гражданская война во Франции" (1871); "Критика Готской программы" (1875) и др. (В 1905-1910 Каутский отредактировал и издал под названием "Теории прибавочной стоимости" 4-томные заметки и черновые наброски М. – видимо, предполагавшийся им 4 том "Капитала").

Адекватный анализ содержания работ М. затруднен рядом нетрадиционных (для процедур историко-философских реконструкций) обстоятельств: 1) Десятки тысяч профессиональных ученых и просветителей конца 19-20 вв. обозначали собственную философско-социологическую и иногда даже профессиональную принадлежность как "марксист", тем самым стремясь присвоить себе исключительное право "аутентичной" трактовки концепции М. 2) Отсутствие объемлющего корпуса опубликованных произведений, ряд из которых (особенно в СССР) в процессе переизданий подвергались существенным трансформациям идеологического порядка. 3) Придание учению М. статуса одного из компонентов государственной идеологии, в одних случаях, и опорного элемента идеологий политических движений – в других, неизбежно результировалось, соответственно, либо в его упрощении и схематизации для усвоения народными массами, либо в его бесчисленных модернизациях и эстетизациях гурманами от политики. 4) "Разноадресность" работ М., могущих выступать и как предмет полемики в ученых кругах ("Капитал"), и как пропедевтические заметки для близких по устремлениям неофитов ("Критика Готской программы", статьи в периодической печати). Столь же условное, сколь и распространенное в неортодоксальной марксоведческой традиции вычленение творчества "молодого" (до "Немецкой идеологии" и "Манифеста...") и "зрелого" М. не может заретушировать то, что несущей конструкцией всей его интеллектуальной деятельности оставалась высокая философская проблема поиска и обретения человеческим сообществом самого себя через создание неантагонистического социального строя. (Хотя этот вопрос из проблемного поля философии истории М. нередко пытался решать не совсем адекватным социологическим и экономическим инструментарием.)

Как социолог основную задачу своего творчества М. видел в научном и объективном объяснении общества как целостной системы через теоретическую реконструкцию его экономической структуры в контексте деятельностного подхода. В отличие от Конта, исследовавшего индустриальные общества и трактовавшего противоречия между предпринимателем и рабочим как преходящие, М. изначально постулировал их значимость как центральных в социуме, более того – как ведущего фактора социальных изменений. Таким образом, по М., социально-философское исследование противоречий современного ему общества оказывалось неизбежно сопряженным с прогнозами об его исторических судьбах. (М. не употреблял в своих трудах понятия "капитализм", ставшего популярным на рубеже 19-20 вв.) Полагая человеческую историю историей борьбы между собой больших общественных групп ("Манифест..."), М. пришел к выводу о том, что эволюция производительных сил буржуазного общества сопровождается противоречивым в собственной основе процессом роста богатства немногих и обнищанием пролетарского большинства. Революция последнего, по мнению М., будет впервые в истории революцией большинства для всех, а не меньшинства ради себя самого. "Когда в ходе развития исчезнут классовые различия и все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов, тогда публичная власть потеряет свой политический характер. Политическая власть, в собственном смысле слова, – это организованное насилие одного класса для подавления другого. Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путем революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой упраздняет старые

производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще, а тем самым и свое собственное господство как класса. На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех".

Сформулировав всеобщую теорию общества (см. **Исторический материализм**), М. не сумел корректно преодолеть заметный европоцентризм своей концепции, оставив открытым вопрос о соотношении "азиатского", с одной стороны, и античного, феодального и буржуазного способа производства, с другой. (Это позволило в дальнейшем некоторым критикам М. не без оснований проинтерпретировать главную особенность "азиатского" общественного устройства – зависимость всех без исключения трудящихся от государства, а не от класса эксплуататоров – как закономерный итог марксовой идеи обобществления средств производства и, следовательно, как реальную перспективу социальных экспериментов такого рода.) Исторический опыт показал, что в индустриальном обществе (тем более планируемом) немыслима редукция политической организации к экономической системе. Даже в качестве экономических мечтаний идея "превращения пролетариата в господствующий класс" не может выступить моделью аналогичного переустройства властных и управленческих институтов, обязательно основанных на разделении труда. Революционный императивизм неизбежного саморазрушения буржуазного строя в границах своей философско-социологической доктрины М. выводил из концепции всевозрастающей пауперизации населения, сопряженной с ростом производительных сил общества. Эта идея, дополняемая тезисами о "технологической" безработице и росте "резервной армии" труда, оказалась не вполне корректной как в экономическом, так и в историческом аспектах. (Хотя, безусловно, ведущие "болевые точки" буржуазного общества именно 19 в. М. обозначил точно.)

Сформулированный "молодым" М. вопрос путей и средств достижения человеком, искалеченным общественным разделением труда, гармоничной целостности, обрел более счастливую судьбу. Выступив в дальнейшем в облике проблемы человеческого отчуждения и самоотчуждения (предпосылку которых М. усматривал в частной собственности на средства производства и анархии рынка), эта идея спровоцировала появление весьма мощной интеллектуальной традиции, в значительной мере обусловившей состав доминирующих парадигм человековедения 20 ст. Не будучи особо влиятельными при жизни М., его идеи, пройдя региональную и национальную адаптацию и модернизацию (зачастую весьма кардинальную): А. Лабриола в Италии, Г. Плеханов и В. Ленин в России, К. Каутский и Р. Люксембург в Германии и др. – стали смысловым, доктринальным и моральным ядром идеологий, теорий и программ деятельности практически всех революционистских движений 20 в., провозглашавших собственные мессианизм и социальную исключительность. Организациям такого типа оказался более чем приемлем потаенный дискурс доктрины М.: мир людей атрибутивно делим на "своих" и "несвоих", находящихся в состоянии антагонистического конфликта; ситуация эта кардинально разрешима только через захват "своими" государственной власти. Достижим последний посредством "перманентной" революции, т.е. гражданской войны планетарного масштаба. См. также: **"Немецкая идеология" (Маркс, Энгельс).**

А.А. Грицанов

МАРКСИЗМ – идейное течение второй половины 19-20 вв., традиционно связываемое с концепцией общество- и человековедения, сформулированной в работах Маркса.

Центральной для М. самого Маркса выступала идея коммунизма (**см.**) – процедуры уничтожения частной собственности, в результате которой общество будущего возьмет в свои руки централизованное управление средствами производства; сопряженное упразднение капитала будет, согласно М., означать также упразднение наемного труда. Экспроприация буржуазии и национализация промышленности и сельского хозяйства приведут, по мысли Маркса, к окончательному освобождению человечества. В этом контексте М. осуществлял функцию религии – как доктрина, основанная на слепой вере в то, что рай абсолютного удовлетворения человеческих желаний принципиально достижим посредством силовых процедур социального переустройства. Унаследовав в своем творчестве романтический идеал "солидарного" общества, основанный на идеализированном образе небольшого древнегреческого города-государства, популярном в немецкой трансцендентально-критической философии, Маркс особо акцентировал перспективную значимость удовлетворения централизованно определяемых и регулируемых "истинных" или "насущных" потребностей индивидов.

М. отказывал индивиду в праве принимать самостоятельные экономические решения, заклеймив эту сферу как "негативную свободу". Источник подобных теоретических иллюзий заключался, в частности, в том, что владение частной собственностью предполагалось единственным источником экономической власти. Становление олигархического класса номенклатуры в СССР, соединившего экономическую власть с политической, исторически опровергло этот догмат Маркса. М. приобретал распространенность повсюду, где артикулируемые властью несправедливость и неравенство воздвигали преграды на пути человеческих желаний, направляя недовольство и агрессию людей на "злоумышленников", которыми любая социальная группа могла оказаться практически в любой момент.

В своей эволюции М. преодолел ряд разнокачественных этапов и состояний. 1) М. ортодоксального толка, адаптируемый различными мыслителями к региональным особенностям и условиям (Г. Плеханов, А. Лабриола и др.). 2) М. "ревизионистского" толка, сохраняющий понятийный строй учения Маркса и, одновременно, отвергающий его революционистско-насильственный пафос (К. Каутский, Э. Бернштейн и др.). (Не случайно, концепция М. в версии Каутского оказала

весьма значимое, даже текстуальное воздействие на терминологический облик философского катехизиса временно стабилизировавшегося социализма конца 1930-х – например, сталинский "Краткий курс истории ВКП(б)" и его раздел "О диалектическом и историческом материализме".) 3) М. ленинского типа, доводящий до крайне радикальных форм те аспекты учения М., которые были посвящены проблеме активного субъекта исторического процесса (социальный класс, трудящиеся массы, образованное меньшинство и т.п.). Пролетарский мессианизм марксовой парадигмы представители этого направления замещали идеей об организации профессиональных революционеров, о революционной партии нового типа, способной возглавить и направить процессы радикального революционного общественного переустройства (В. Ленин, Л. Троцкий, И. Сталин, Мао Цзедун и др.). Персонально именно эти адепты М., придя к власти, трансформировали его в идеологию, основанную на национализме (Мао Цзедун) и империализме (Ленин, Сталин). М. в данной версии практически реализовывался как источник обучения, финансирования и поддержки тоталитарно ориентированных террористических политических течений. (Революционно-волюнтаристские амбиции этой категории теоретиков и практиков М. в значительной степени фундировались состоявшимся в 1870-1880-х отказом самого Маркса от традиционалистской для обществоведения 19 в. концепции социального прогресса – в частности, от идеи, согласно которой передовая страна "показывает менее развитой лишь картину ее собственного будущего".) 4) М., стремящийся совместить категориально-понятийные комплексы Маркса с парадигмой деятельностного, практического подхода в его философском измерении (Д. Лукач, А. Грамши, К. Корш и др). 5) Версии М., связанные со стремлением их представителей, сохраняя марксову парадигму в ее классическом издании (материалистическая субординация системных элементов социальной жизни в их статике и динамике и т.п.), выйти за пределы проблемного поля, задаваемого ортодоксальной марксовой трактовкой сущности человека, которая якобы "в своей действительности" есть "совокупность всех общественных отношений".

Выступая философией индустриализма, философией техногенной цивилизации, философией преобразующей человеческой практики, М. продемонстрировал уникальный потенциал самообновления в 20 в. – ряд современных философских течений в той или иной мере фундируются идеями и подходами М.: структурализм (Л. Гольдман, Альтюссер и др.); фрейдо- и лаканомарксизмы (Жижек и Люблянская школа психоанализа); "гуманистическая школа" (Блох, югославский журнал "Праксис" – Г. Петрович, М. Маркович, С. Стоянович и др., польская "философия человека" – Л. Колаковский, А. Шафф и др.); линия деконструктивизма (Ф. Джеймисон и др.).

Высокая степень жизнеспособности М. обусловлена его (по сути чисто гегельянской) установкой на постижение интегрированным научным знанием общества и человека как целостной системы, а также его обликом особого вида знания "для посвященных". Доступ к истинным знаниям полагается в рамках М. зависимым от обладания некоей подчеркнуто целостной и элитарной формой миропонимания (традиционно – "научным социализмом" и "научным коммунизмом"), которая и делает общественную группу, этими представлениями обладающей, выше всех остальных людей. Демократия, свобода индивида, процедуры убеждения и компромиссы как условия нормального существования общества и социальные максимы имманентно противопоставлены М., реально настаивающему на организованной коммунистической идейной индоктринации как центральному условию обретения людьми "царства свободы". См. **Неомарксизм**.

А.А. Грицанов

МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ – самообозначение правящих идеологий (**см.**) в странах социализма в 20 в. Первоначально характеризуемые в персонифицирующей стилистике (учение "Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина" и т.п.), эти конгломераты идей под воздействием процессов "преодоления культа личности и его последствий" начали описываться как продукт коллективного руководства правящих партий с акцентированным дистанцированием от любых признаков харизматической окрашенности. В структуру М.-Л. традиционно входили ортодоксальный марксизм, ленинизм и сопряженные учения региональных идеологических апостолов, постоянно трансформируемые в интересах властвующей в тот или иной момент элиты.

А.А. Грицанов

МАРКУЗЕ (Markuse) Герберт (1898-1979) – немецко-американский социолог и философ, представитель Франкфуртской школы (**см.**). Сооснователь Франкфуртского института социальных исследований вместе с Адорно (**см.**) и Хоркхаймером (**см.**) (с 1933). В 1933 – эмигрировал в Женеву. В США – с 1934. В 1939-1950 работал на правительство США, в информационных органах Управления стратегической разведки. Преподавал в Колумбийском (1934-1941, 1951-1954), Калифорнийском (1955-1964) университетах и университете в Сан-Диего (1965-1976). Основные труды: "Онтология Гегеля и основание теории историчности" (1932); "Разум и революция. Гегель и становление социальной теории" (**см.**); "Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда" (**см.**); "Советский марксизм. Критическое исследование" (1958); "Одномерный человек: Исследование по идеологии развитого индустриального общества" (**см.**); "Конец утопии: Герберт Маркузе ведет дискуссию со студентами и профессорами Свободного университета в Западном Берлине" (1967); "Негации. Эссе по критической теории" (1968); "Психоанализ и политика" (1968); "Эссе об освобождении" (1969); "Идеи к критической теории общества" (1969); "Контрреволюция и восстание" (1972); "Эстетическое измерение: К критике марксистской эстетики" (1977) и др.

На начальном этапе своего философского творчества, часто квалифицируемом как "хайдеггерианский марксизм" и совпавшем с пребыванием М. во Фрейбургском университете (1928-1932), мыслитель находился под влиянием идей

М. Хайдеггера. К периоду знакомства с ним М. уже имел ученую степень доктора немецкой литературы (1922), серьезно штудировал тексты Маркса и располагал солидным политическим опытом участия в Ноябрьской (1918) революции в Германии, примыкая к СДПГ. Однако М. не устраивала ортодоксальная марксова доктрина социал-демократов, недооценивавшая философские аспекты этого учения. Испытывая настоятельную потребность в придании историческому материализму Маркса подлинно философского фундамента, М. обращается к хайдеггеровской аналитике Dasein, видя в ней радикально новую точку отсчета для современной социальной философии. В синтезе экзистенциальной онтологии и исторического материализма, осуществленном в контексте философской антропологии, М. усмотрел искомый идеал т.наз. "конкретной философии". Однако после знакомства с ранее не опубликованными "Философско-экономическими рукописями 1844 года" Маркса наметился радикальный разрыв М. с идеями Хайдеггера, которые кажутся ему крайне абстрактными и не способными охватить реально-исторические структуры современности. При этом влияние Хайдеггера будет иметь место и в более поздних работах М.

Следующий период творчества М. характеризуется отходом от марксизма (**см.**) и переходом к философствованию без экономических категорий Маркса. В качестве объекта исследования у М. выступила новая квазиреальность в виде "технологической рациональности": на первый план выдвигалось уже не экономическое содержание социальности, не природа экономического господства и т.п., а сам тип западной цивилизации с имманентно присущим ему подчинением природы. Последнее обстоятельство, в свою очередь, согласно М., порождает и подчинение внутренней природы всего импульсивного, и, как результат, – господство человека над человеком. На данном этапе своего творчества М. активно применял категориально-понятийные ряды и некоторые гипотезы наиболее спорной части фрейдистского учения (идеи о неизбывном конфликте между природой человека и его общественной формой существования) в качестве методологического фундамента для критического рассмотрения и диагностики современного общества. Предлагая современное философское толкование взглядов Фрейда, М. признал психоаналитическую идею о детерминации культуры архаическим наследием, но утверждал, что прогресс все же возможен при сублимации сексуальности в Эрос и установлении либидозных трудовых отношений (социально полезной деятельности, не сопровождающейся репрессивной сублимацией). С точки зрения М., конфликт между инстинктами людей и цивилизацией не неизбывен, он присущ лишь "специфически исторической организации человеческого существования". "Влечение к жизни" (Эрос) и "влечение к смерти" (Танатос) несовместимы с "правилами игры" цивилизации. Они подавляются обществом и сублимируются (Эрос) либо переориентируются (Танатос) на внешний мир в форме труда – покорения природы и на внутренний мир – в ипостаси совести. "Принцип реальности" Фрейда, в основе которого лежит факт нужды и результирующийся в борьбе людей за существование, согласно М., в настоящее время трансформировался. Общественно значима не только и не столько сама нужда, сколько то, как она распределена между членами общества. В интересах привилегированных групп, по мнению М., на плечи большинства индивидов падает дополнительное социальное давление ("прибавочная репрессия"). Принцип реальности эволюционирует в "принцип производительности". По мнению М., достигнутый уровень науки и техники создает принципиально новую систему удовлетворения зачастую "ложных" материальных потребностей людей в высокоразвитых обществах. Становится возможным освободить инстинкты от ненужного подавления, тело может стать самодостаточной целью, труд в состоянии превратиться в свободную игру человеческих способностей. Но необходимость сохранения существующего социального порядка диктует, по М., всевозрастающее усиление репрессий в облике несоизмеримо выросшего общественного контроля. Результатом этого процесса в условиях современной индустриальной цивилизации выступило формирование "одномерного человека" – объекта духовного манипулирования с пониженным критическим отношением к социуму и включенного в потребительскую гонку. Общественные изменения в этих условиях могут осуществляться, по М., только через "Великий отказ" от господствующих ценностей как капитализма, так и тоталитарного социализма ("культурная революция"), а революционные инициативы становятся уделом социальных аутсайдеров (люмпенизированных слоев) вкупе с радикальной интеллигенцией и студентами. М. принадлежал к идеологам "новых левых", но позже отверг наиболее одиозные положения своего миропонимания и дистанцировался от леворадикального движения.

В конце жизни М. безуспешно пытался осуществить разработку новых моделей и типов рациональности, призванных освободить чувственность из-под гнета культуры. В ряде поздних работ, в которых М. анализировал глубинные истоки человеческого бытия, вновь сказалось некоторое влияние взглядов Хайдеггера. В основании современной индустриальной цивилизации, по М., лежит определенный исторический проект в виде вполне конкретного отношения человека к миру, мышления – к деятельности в нем. Этот проект М. именовал "технологическим проектом" или технологической рациональностью, суть которой в том, чтобы поработить природу и приспособить ее к человеку. Но это стремление, согласно М., оборачивается против самого человека как части природы, в чем и заключается иррациональность репрессивной рациональности, глубоко укорененной в самом бытии. См. также: **"Разум и революция" (Маркузе), "Одномерный человек" (Маркузе), "Эрос и цивилизация" (Маркузе).**

А.А. Грицанов, Т.Г. Румянцева

МАСЛОУ (Maslow) Абрахам Харольд (1908-1970) – американский психолог, профессор психологии, один из лидеров гуманистической психологии (гуманистическое направление). Основатель Американской ассоциации гумани-

стической психологии. Основные работы: "Теория человеческой мотивации" (1934); "Мотивация и личность" (1954); "Философия психологии" (1956); "Религия, ценности и пиковые переживания" (1964); "Эупсихологический метод управления" (1965); "Психология бытия" (1968); "Психология науки" (1969); "Мотивация и индивидуальность" (1970); "Высшие устремления человеческой природы" (1971) и др.

Персонология М. детерминируется целостным взглядом на психически здорового человека, мотивированного на достижение личных целей и раскрывающего в этом свой творческий потенциал. Создал иерархическую теорию потребностей, разделив потребности на базисные – постоянные (потребность в воспроизводстве, безопасности, позитивной самооценке и др.) и производные, или мета-потребности – изменяющиеся (в справедливости, благополучии, организации социальной жизни). Мета-потребности, по М., ценностно равнозначны и не имеют иерархии.

Базисные же потребности, согласно принципу иерархии, расположены в восходящем порядке от "низших" материальных до "высших" духовных, и на каждом новом уровне становятся актуальными (насущными, доминантными, требующими удовлетворения) для индивида лишь по мере их удовлетворения. Первые два типа базисных потребностей в своей иерархии М. называл врожденными, три остальных – приобретенными: 1) потребности непосредственного биологического выживания – физиологические; 2) потребности безопасности и защиты – экзистенциальные; 3) потребности привязанности и любви – социальные; 4) потребности самоуважения и признания – персональные; 5) потребности самоактуализации – духовные. М. не рассматривает "персонализацию" как завершение развития "Я", а считает ее промежуточной целью, шагом на пути к "трансценденции индивида". Он рассматривает потребность в самотрансценденции (самоактуализации) как более значимую, чем потребность в самореализации и независимости.

Исследование процесса самоактуализации (в качестве объектов исследования М. выбрал, в частности, ряд выдающихся современников и исторических личностей – таких, как А. Эйнштейн, Джемс, А. Линкольн, У. Уитмен, Л. Бетховен и др.) привело к созданию обобщенного образа "самоактуализировавшейся" личности. Согласно этой концепции, такая личность отличается реалистическими ориентациями и целеустремленностью, воспринимает себя, других и мир такими, какие они есть. Она сосредоточена на решении конкретных проблем, а не на самой себе; ведет себя непосредственно и независимо; имеет тенденцию к сильным эмоциональным, а не поверхностным связям со своими близкими и друзьями; имеет большой запас творческой энергии и т.д. Раскрывая картину личностного роста индивида, М. признает, что большинство людей обладает способностью самоактуализации, но лишь у небольшого их меньшинства (менее 1%, по оценке М.) эта способность в какой-то степени реализуется. Психологический рост М. рассматривает как последовательное удовлетворение все более высоких потребностей. Движение к самоактуализации не может начаться, пока индивид не освободиться от доминирования низших потребностей, таких, как потребности в безопасности или уважении. Стремление к более высоким целям, согласно М., само по себе указывает на психологическое здоровье.

Самоактуализация предполагает: 1) полное, живое и беззаветное переживание своего внутреннего мира; 2) выбор в пользу развития, а не безопасности; 3) предоставление своему "Я" реальной возможности проявиться; 4) честность и принятие ответственности за свои действия; 5) развитие способности "лучшего жизненного выбора"; 6) постоянное развитие своих потенциальных возможностей ради естественной связи с миром, а не единичного достижения; 7) "пик переживаний", ощущение себя более интегрированным, целостным, гармонично организованным, способным к творчеству; 8) обнаружение своих границ и работу по их преодолению с целью раскрытия своего "Я". "Трансперсональность" мотивов, т.е. мотивов, лежащих за сферой персональных интересов самоактуализирующихся людей, порождает гуманистический образ цивилизации, который предполагает не только требование индивидуальной самореализации (достижение личного успеха за счет потерь и неудач другого), но и требование "синергии" – объединенного действия, кооперации и гармонии людей.

Согласно М., при высокой социальной синергии культурная система ценностей усиливает кооперацию и позитивные чувства между индивидами, помогает минимизировать конфликты и разногласия между ними. Опыт исследования самоактуализации, рассматриваемой как эгоцентрический личностный рост, вне определяющей роли социально-исторического развития личности показал значительные ограничения данной теории. Однако сами идеи М. благодаря своим универсальным объяснительным возможностям послужили основой для многих современных моделей образования, организации труда и др.

Д.В. Ермолович

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА – термин, используемый в современной культурологии для обозначения специфической разновидности духовного производства, ориентированного на "среднего" потребителя и предполагающего возможность широкого тиражирования оригинального продукта. Появление М.К. принято связывать с эпохой становления крупного промышленного производства, потребовавшего для своего обслуживания создания армии наемных рабочих. Происходившая одновременно ломка традиционной социальной структуры феодального общества также способствовала возникновению массы людей, оторванных от привычных форм деятельности и связанных с ними духовных традиций. М.К. возникает, с одной стороны, как попытка новых социальных слоев (наемных рабочих и служащих) создать собственную разновидность городской народной культуры, с другой – как средство манипулирования массовым сознанием в интересах господствующих политических и экономических структур. М.К. стремится утолить естественную человеческую тоску по идеалу при помощи набора устойчивых мировоззренческих

клише, формирующих неявный кодекс миропонимания и модели поведения. М.К. оперирует, как правило, базисными архетипическими представлениями и чувствами (желание любви, страх перед неведомым, стремление к успеху, надежда на чудо и т.п.), создавая на их основе продукцию, рассчитанную на немедленную эмоциональную реакцию потребителя, аналогичную детскому непосредственному восприятию реальности. М.К. создает современную мифологию, конструируя собственный мир, который нередко воспринимается ее потребителями как более реальный, чем их собственное обыденное существование. Существенной стороной М.К. является точный выбор адресата-потребителя (возрастной, социальной и национальной групп), что определяет выбор соответствующих художественных и технических приемов и, в случае успеха, приносит значительный доход. М.К. традиционно противопоставляется элитарной культуре, способной создавать уникальные по художественной ценности продукты, требующие для своего восприятия определенных интеллектуальных усилий и исходного культурного багажа. Элемент новаторства в М.К. незначителен, поскольку ее творцы занимаются в основном созданием упрощенных, адаптированных для массового сознания версий достижений "высокой" культуры. В то же время неправомерно считать М.К. заповедником пошлости и дурного вкуса, не имеющим ничего общего с подлинным искусством. В действительности М.К. служит своеобразным посредником между общепринятыми ценностями элитарной культуры, авангардистским "подпольем" и традиционной народной культурой. Превращая эзотерические откровения и маргинальные художественные эксперименты в часть "наивного" сознания, М.К. способствует его обогащению и развитию. В то же время фиксируя существующие в обществе массовые умонастроения и ориентации, М.К. оказывает обратное влияние на элитарное культуротворчество и в значительной степени задает ракурс современного прочтения культурной традиции. Динамика М.К. способна дать достаточно точную картину эволюции социальных идеалов и мировоззренческих моделей, основных тенденций духовной жизни общества. М.К. представляет собой естественное порождение современной цивилизации. Наиболее яркие феномены М.К. (комикс, "черный" криминальный роман, семейная сага) нередко рассматриваются как разновидности урбанистического фольклора. Поэтому значимость конкретного продукта М.К. определяется не его общечеловеческой ценностью, а способностью выразить иллюзии, надежды и проблемы эпохи на языке своего времени.

М.Р. Жбанков

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ – термин, используемый в социальной философии для обозначения шаблонного, деперсонализированного сознания рядовых граждан развитого индустриального общества, формирующегося под массированным воздействием средств массовой информации и стереотипов массовой культуры, а также для обозначения одной из форм дотеоретического миропонимания, основанной на сходном жизненном опыте людей, включенных в однотипные структуры практической деятельности и занимающих одинаковое место в социальной иерархии. М.С. возникает стихийно как результат естественного стремления человека упорядочить разнородный эмпирический материал, сложить из противоречивых элементов житейского опыта относительно целостную картину мира.

Основные установки М.С. представляют собой набор эмоционально-образных суждений о реальности и конкретно-практических моделей поведения, исторически предшествуя появлению развитых форм теоретического знания. В качестве основных составляющих М.С. можно выделить: 1) конкретно-ситуативные программы деятельности, неявное знание, непосредственно вплетенное в практику; 2) обыденные житейские установки и рецепты, суммирующие повседневный бытовой и профессиональный опыт в виде свода простых частных утверждений и рекомендаций; 3) картина мира в целом, основанная на данных, выходящих за рамки непосредственного опыта и предоставленных господствующей в данной культуре системой ценностей, культурной традицией, а также различными специализированными областями знания (как нормативными для данного типа культуры, так и маргинальными). В отличие от примитивного "стадного" сознания толпы М.С. имеет сложную структуру и является своеобразным "подсознанием" общества, аккумулирующим обширный пласт неявных мировоззренческих моделей и сценариев поведения различного происхождения и направленности – от авангардно-инновационных до радикально-деструктивных. Образы реальности, складывающиеся в М.С., существуют за пределами теоретической рефлексии и воспринимаются их носителями как нечто естественное и самоочевидное, полностью тождественное настоящему положению дел. Динамика М.С. определяется в первую очередь эволюцией форм духовно-практического освоения мира, развитием социальных отношений, деформацией социальной структуры, и лишь затем – преобразованиями в сфере теоретического знания. При этом М.С. не только организует интерсубъективный предметно-практический опыт, создавая и транслируя наиболее характерные образцы дотеоретического миропонимания, но служит также одним из факторов культурной динамики. Открытое воздействию самых разнообразных пластов культуры, причудливо монтирующее фрагменты "высокой" и "низкой" традиций в соответствии с наличной культурной ситуацией, М.С. представляет собой своеобразный "смысловой фон" любого концептуального поиска. Многообразие мировоззренческих моделей, форм практического знания и стилей жизни, присущее М.С., и отражающее реальную полифонию социальной практики, приобретает особое значение в переходные периоды общественного развития. Распад привычной системы ценностей порождает стихийный поиск новых путей адаптации к динамично меняющейся социальной реальности. Естественным основанием подобного поиска становится М.С., оперирующее в ходе становления очередной общекультурной мировоззренческой парадигмы всем набором присущих ему альтернативных способов освоения мира. Таким образом, оформле-

ние любой культурной инновации предполагает соотнесение осмысленного теоретического поиска профессионалов со стихийно складывающимися ориентациями М.С.

М.Р. Жбанков

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ – междисциплинарная область знания, занимающаяся построением, изучением и применением математических моделей в социологии – как прикладной, так и теоретической. От моделирования математического в социологии (см.) отличается тем, что математические модели в М.С. являются не только средством, но и объектом изучения. Вместе с тем в отличие, например, от математической физики и математической экономики М.С. еще не разделилась на две относительно самостоятельные части, относящиеся соответственно к социологии и к математике с формированием специфических математических задач, что свидетельствует о том, что эта дисциплина находится в стадии формирования. Можно предположить, однако, что так же, как основным математическим содержанием математической физики является теория дифференциальных уравнений в частных производных, а математической экономики – теория линейных и выпуклых экстремальных задач, в математической социологии центральную роль со временем будет играть теория приближений в различных математических структурах, в частности, топологических, алгебраических (в том числе порядковых), вероятностных и комбинированных. В настоящее время М.С. интенсивно развивается, издается журнал "Mathematical Sociology".

Н.Н. Леонов

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОЖИДАНИЕ – среднее арифметическое переменной (см.) по генеральной совокупности (см.); обозначается μ. От репрезентативной выборки "ожидается", что вычисленное по ней среднее арифметическое $\bar{x}$ совпадет с М.О., с точностью до случайной ошибки выборки. Однако в большинстве случаев М.О. неизвестно, его оценивают по результатам выборочного исследования, используя для этого среднее арифметическое $(\mu = \bar{x})$ в качестве несмещенной, состоятельной и эффективной точечной оценки (см. **Статистическое оценивание**), либо доверительный интервал (см.).

О.В. Терещенко

МАТРИЦА КОРРЕЛЯЦИЙ – квадратная таблица, содержащая коэффициенты корреляции между всеми возможными парами переменных (см.), используемых в анализе. Число строк и столбцов М.К. соответствует количеству анализируемых переменных; на пересечении строки и столбца указывается коэффициент корреляции между соответствующими переменными.

М.К. симметрична относительно главной диагонали, поэтому в практических задачах часто используют только "верхний" или только "нижний" треугольник М.К. Все значения, находящиеся на главной диагонали, равны 1.

О.В. Терещенко

МАТРИЦА ФАКТОРНЫХ НАГРУЗОК (факторная матрица) – способ представления результатов анализа факторного (см.) и метода главных компонент (см.). Строки М.Ф.Н. соответствуют исходным переменным, столбцы – факторам (или главным компонентам). На пересечении строки и столбца указывается значение нагрузки, которая представляет собой коэффициент корреляции между измеряемой переменной и латентным фактором. Нагрузки используются для интерпретации факторов; в методе главных компонент они могут также использоваться в качестве коэффициентов при регрессионном шкалировании.

Сумма квадратов факторных нагрузок по строке М.Ф.Н. называется общностью измеряемой переменной и интерпретируется как доля информации переменной, сохраненной в факторной структуре.

Сумма квадратов нагрузок по столбцу представляет собой дисперсию фактора и служит мерой его информативности. Отношение дисперсии фактора к суммарной дисперсии стандартизированных исходных переменных (численно равной их количеству) позволяет судить об относительной информативности фактора. В методе главных компонент дисперсия главных компонент равна собственным значениям матрицы корреляций исходных переменных.

О.В. Терещенко

МЕГАМАШИНА – понятие, употребляемое для обозначения обезличенной, технократически оптимизированной, предельно централизованной организации, сливающей в единое целое в качестве равнозначных компонентов машины (механизмы) и работающих при них людей (Мэмфорд – см.). Только посредством сознательного изобретения таких высокомощных М., составленных из человеческих и орудийных частей, могли быть осуществлены, часто в течение жизни одного поколения, колоссальные инженерные сооружения, наподобие пирамид в древнем Египте. Такая М. представляет собой по существу изобретение социальной организации нового типа, иерархически соподчиняющейся единому тоталитарному центру, воплощенному в верховном правителе, которому абсолютно подчинены политические, экономические, военные и бюрократические компоненты. Технические средства, используемые такой М., становятся "мегатехникой" в отличие от обычной техники, используемой вплоть до последних десятилетий в промышленном и аграрном производстве. В отличие от машин индустриального общества, являющихся трудосберегающими устройствами, М. древности была трудоиспользующим устройством, ибо экономия труда в них не играла никакой роли. М. представляет невидимую структуру, социальную пирамиду, составленную из живых человеческих элементов, каждому из которых предназначается определенная должность, роль и задача, но все они подчинены бюрократизированной системе управления из единого центра, обладающего абсолютной властью. Такую антигуманную социальную организацию характеризуют два фактора: один – негативный, принудительный и слишком часто разрушительный; другой – позитивный, жизненный, конст-

руктивный. И хотя архетипической моделью М. стало, по Мэмфорду, сооружение крупнейшей пирамиды Хеопса – первого и самого долговечного из семи чудес древнего мира, которое было осуществлено культурой, только выходящей из каменного века и долго еще пользовавшейся каменными орудиями наряду с бронзовыми, совершеннейшая точность ее размеров и пропорций, сами масштабы сооружения, равно как техническая виртуозность проекта и его исполнения не превзойдены ни в одном техническом сооружении нашего времени. Крупномасштабное разделение и специализация труда в современном индустриальном обществе, считает Мэмфорд, берут начало именно в этой точке. Оттуда же проистекает и свойственная индустриальному обществу бюрократизация как интегральная часть М. Хотя создание М. связано с многочисленными творческими начинаниями, наиболее значительный и разрушительный результат их использования был достигнут в военной сфере, в колоссальных актах разрушения городов, культуры, уничтожения людей (от разграбления Шумера до атомного взрыва над Хиросимой). Поэтому Мэмфорд считал своим долгом активно выступать против злоупотреблений М., приводящих к "интеллектуальному империализму". Изобретателей и руководителей М., начиная со времен пирамид и вплоть до сегодняшнего дня, по утверждению Мэмфорда, постоянно преследовали иллюзии всезнания и всемогущества, которые не стали менее иррациональными в наши дни, когда они имеют в своем распоряжении внушительные ресурсы точной науки и технологию больших энергий, но которые становятся все более опасными для человечества. Поэтому, согласно Мэмфорду, необходимо произвести обдуманное, широкомасштабное разрушение М. во всех ее институциональных формах, с перераспределением силы и власти к меньшим единицам – социальным общностям, более открытым прямому человеческому воздействию и социальному контролю. Только таким путем можно вновь обратить технику на службу человеческому развитию, ориентировать ее на сознательное культивирование тех частей органической и социальной среды, самой человеческой личности, которые были подавлены мегамашинным технократическим монстром. Многообразные требования гуманного и полного человеческого развития могут быть удовлетворены только тогда, считает Мэмфорд, когда игра и работа образуют часть органического культурного целого: нужна не столько трудо-, сколько жизне- и человекоориентированная технология, только тогда она станет выполнять важную роль в гуманизации общества и в человеческом развитии.

Е.М. Бабосов

МЕГРЕЛИДЗЕ Кита (1900-1944) – грузинский философ и социолог. В 1923 окончил Тбилисский университет. С 1923 по 1927 – в Германии, где посещал лекции Э. Гуссерля (Фрейбург) и М. Вертгеймера (Берлин). По возвращении преподавал в Грузии, работал начальником управления Главнауки Наркомпроса Грузии. С 1932 – в Ленинграде, в Институте языка и мышления АН СССР. Заведовал также национальным отделом Ленинградской публичной библиотеки. В 1938 вернулся в Грузию, работал в Грузинском филиале АН СССР. Погиб в 1944 (есть версия, что М. умер в Сибири, куда был сослан в 1940). Реабилитирован в 1958. При жизни печатался мало (несколько статей). Почти все рукописи пропали, в том числе и большой труд, над которым он работал в конце жизни. Сохранились лишь рукописи статей "От животного сознания к человеческому" и "О ходячих суевериях и пралогическом способе мышления (реплика Леви-Брюлю)", а главное – экземпляр книги "Основные проблемы социологии мышления" (куда вошла и последняя из названных статей). Книга М. подписывалась в печать и набиралась неоднократно в 1936, 1938 (сохранившийся экземпляр), 1940, однако опубликована была лишь в 1965 (2-е изд. – 1973).

Книга и интересы М. в целом концентрировались вокруг создания концепции социологии мышления, которую он противопоставлял подходу к проблематике мышления классической европейской философии. В последней, по М., в целом отсутствовала историческая постановка вопроса, а в центре внимания находились поиск границ познания и определение его априорных условий. Критически относился М. и к психологизации понимания мышления; он противопоставляет сущностно-гносеологическому реально-исторический анализ мышления. В этой связи М. дает и развернутую критику натуралистических установок физиологии и рефлексологии Павлова (согласно М., мышление по своей сути социально, а не природно, разгадка его тайн не в мозгу, а в социокультурных условиях), органицизма Спенсера (разум существует лишь как объективированный в культуре). Ситуации человеческой жизни определяются, по М., господством в них осознанного (промысливаемого) над неосознанным (непромысленным). Однако ситуация подсказывает решение только тому сознанию, которое может подняться до уровня этого разумения. Поэтому не сознание обусловливает, а оно само обусловливается предметной ситуацией субъекта. Чтобы сознание не угасло, необходимо наличие предметного окружения, провоцирующего сознание в определенном направлении, а также наличие ситуации задачи, требующей все новых опосредований (процесс "озадачивания сознания"). Последнее возможно прежде всего не в непосредственных взаимодействиях-контактах, а в опосредовании, задаваемом общением. Общение должно стать проблемой, чтобы в нем возникла потребность. Тем самым М. выходит на необходимость структур языка (еще одну его лейтмотивную тему). Язык ("тело мысли"), по М., "идеаторное содержание сознания". Способность идеации – это возможность свободного представления, а не выявления состояний собственного организма: "...идея не есть какое-то особое в себе сущее готовое образование, которое прибавляется к содержанию сознания, а лишь известное строение поля сознания". Концепт "поля сознания" – утверждение сопряженности всего со всем. М. говорит об осознании посредника как осознании ситуации – вещь теряет свою естественность, принимая атрибутивность искусственности и поднимаясь тем самым до разумной формы существования.

Идея овеществляется, вещь рационализируется. Разносторонностью своей деятельности, фиксируемой как разносторонность труда и его орудий, человек окончательно преодолевает биоограниченность как физической, так и духовной своей природы.

Свою задачу М. видит, в конечном счете, в преодолении теоретически зафиксированного в западной традиции разделения двух миров – имманентного и трансцендентного, мира чистых форм, идей, сущностей, а также психического мира и мира вещей (принципиально трансцендентного). Это преодоление реально происходит в "акте деятельности", в котором "трансцендентный" сознанию внешний объект делается "имманентным" (т.е. "человеческим, разумным объектом"), а "имманентная сознанию" идея (мысль) делается "трансцендентной" (т.е. овеществляется). Снятие противопоставления имманентного и трансцендентного влечет за собой преодоление антиномий субъективного и объективного, реального и идеального, индивидуального и общеобязательного, свободы и обусловленности. Уже восприятие не есть чисто субъективный феномен, так как мое отношение к моей среде есть акт моего сознания. В этом отношении М. критикует Леви-Брюля (см.), считающего, что примитивное сознание только думает иначе, чем наше, а понимает и видит так же, – оно и воспринимает и видит по-другому, хотя и делает это одним и тем же "мыслительным аппаратом". Рефлексия направлена прежде всего на себя, а не на объект, однако любое сознание должно быть предметным, иначе любая рефлексия становится бесполезной, так как она ничего не обнаруживает. Объекты же (вещи) осознаются по их социальной значимости. Таким образом, мышление не исчерпывается субъективно-исследовательским процессом: 1) оно еще относится к объекту и выражает отношения вещей; 2) с возникновением идеи оно не заканчивается, а только начинается (это только стадия проекта действия как акта осуществления мысли); 3) индивидуальный акт мысли есть лишь частный акт общественно назревшей мысли. Условия реализации мышления (фактор объекта, наводящего на мысль, и фактор субъекта, "озадачивающего" сознание) требуют анализа, с одной стороны, понимания и понятия, а с другой – развертывания феноменологии общественной мысли. Понимание М. трактует как усмотрение строя вещи или ситуации (структуры) и ее места или значения в системе задач, занимающих сознание. Он не видит принципиальной разницы между понятием и всегда нагруженным содержанием сознания представлением, не считает возможным дискредитировать одного за счет другого как средства познания. Их различие задается прежде всего в материале мышления и задачах осмысления. Представление дает образную целостность, а понятие схватывает отношения и связи. При этом, как правило, формируются разные понятия об одном и том же в разных исторических и социокультурных контекстах. Частное есть общее, являющееся при различных условиях, случайное есть необходимое в более универсальной системе.

Отсюда, по М., три картины мира, сложившиеся и осмысленные в европейской философии: картина механической причинности (принципиально историческая картина, но в своей "простоте" снимающая по сути эту историчность); картина телеологической причинности (в которой все завершено изначально, а следовательно в ней также нет места актуальному развитию); "актуалистская" картина мира, в которой будущего нет и как предопределенности (первая картина мира), и как идеально свершившегося (вторая картина). В последнем случае будущее принципиально создается как новое, актуально только настоящее (прошлое же сохраняется в настоящем). Отсюда вновь повторяема идея "объекта как тела мысли", еще более усиленная: "Беспредметное сознание, беспредметная мысль – это чудовищное сознание, чудовищная мысль". В этом же посыле М. вводит тезис о интерсубъективности как условии сознания и внутренней рефлексии субъекта, устанавливающей его связь с другими субъектами, как обязательном компоненте объект-субъектного отношения. Мышление не просто воспроизводит, а действует каждый раз согласно смыслу объектов и производит мыслительные построения, разрешающие данные задачи. Подлинная идея рождается в социогенезе, тот или иной индивид выражает ее достаточно "случайно". Там, где невозможно центрирование (консолидация) действительных интересов вокруг общих целей, задач и интересов, не существует также и подлинного сознания, а происходит фетишизация и отчуждение его продуктов, идеи становятся выражением не действительных, а иллюзорных интересов. Любые сдвиги в сознании соотносятся со сдвигами в социуме и культуре, порождающими новые интересы субъектов.

В.Л. Абушенко

МЕДИАНА – один из показателей центра распределения (см. также **Мода статистическая, Среднее арифметическое**) для порядковых и количественных переменных (см.); обозначается *Me*. Представляет собой значение переменной, которое делит выборку пополам таким образом, чтобы для 50% объектов из выборки значения переменной не превосходили *Me*, а для других 50% объектов – были не меньше, чем *Me*.

Для небольшой выборки М. может быть найдена как середина ряда упорядоченных значений переменной (указываются все повторяющиеся значения). Например, в ряду из 9 значений *27 29 30 30 32 37 46 50 52* М. будет число 32, расположенное в центре ряда (*Me* = 32).

Для выборки (см.) значительного размера М. можно найти как значение x_i, соответствующее накопленной частоте F_i = 50% (см. **Распределение частот**). Если переменная является дискретной и ее значения повторяются, М. может быть найдена только приблизительно, по значению накопленной частоты, наиболее близкому к 50%. Например, при объеме выборки n = 120 М. будет соответствовать накопленная частота $F_1 = n/2 = 60$. В приведенном ниже распределении наиболее близким к 60 значением накопленной частоты является $F_2 = 45$, поэтому М. в данном случае будет соответствующее ей значение $x_2 = 2$. Таким образом, $Me \approx 2$ (балла).

Значения (x_i)	1	2	3	4	5
Накопленные частоты (F_i)	15	45	85	110	120

Для непрерывной переменной, сгруппированной в интервалы, по накопленной частоте $F_i = 50\%$ можно определить интервал, содержащий М. (накопленная частота для такого интервала должна быть не менее 50%). В распределении населения по возрасту М. находится в интервале 30–39 лет $F_i = 56{,}9\%$ (см. **Таблицу 5** на стр. 1292).

При необходимости можно найти более точное значение М. по формуле:

$$Me \approx x_0 + l\frac{n/2 - F_{i-1}}{f_i},$$

где x_0 – нижняя граница медианного интервала;

l – длина медианного интервала;

n – объем выборки;

F_{i-1} – накопленная частота для интервала, предшествующего модальному;

f_i – частота модального интервала.

Для нашего примера $Me \approx 30 + 10\frac{100\%/2 - 41{,}5\%}{15{,}4\%} =$ = 35,5 (лет). Это значит, что приблизительно 50% населения находятся в возрасте до 35,5 лет.

О.В. Терещенко

МЕДИА-ПЛАН – график размещения планируемых рекламных сообщений в средствах информации; форма, обеспечивающая проведение информационных кампаний как для прямой рекламы товара (услуги), так и для поддержки PR-акций и ньюсмейкинга. М.-П. является итоговым документом медиа-планирования как процесса принятия взаимосвязанных решений по достижению цели рекламной кампании в терминах коммуникативной и/или экономической эффективности. Цель составления М.-П. – за определенный срок донести рекламное сообщение до оптимальной части целевой аудитории эффективное для достижения цели рекламной кампании количество раз.

М.-П. составляется на основании предложенной заказчиком или рекламным агентством медиа-концепции (медиа-стратегии), разработанной на основе анализа рынка в данной категории рекламируемых товаров (услуг), а также средств массовой информации (СМИ), в которых будет размещаться рекламное сообщение. Существуют следующие информационные источники, на основе которых осуществляется подготовка М.-П.: прайс-листы СМИ (с указанием цен за использование единицы площади, эфирного времени, за срок или частоту использования данного медиа), данные исследований популярности медиа (медиа-исследования) и данные исследований рекламы в медиа (мониторинги рекламы и др.). Следует учитывать тот факт, что в настоящее время все медиа-исследования фиксируют просмотр (прослушивание) аудиторией (см.) только носителя рекламного сообщения в целом, но не самого рекламного сообщения, т.к. получение медиа-показателей, соответствующих просмотру (прослушиванию) конкретных рекламных сообщений, представляется весьма сложной задачей.

Основные факты, которые должны быть учтены на начальном этапе подготовки М.-П.: целевая аудитория (на кого должно быть направлено сообщение); сроки рекламной кампании (когда и с какой периодичностью будет размещаться сообщение); выделенный бюджет (какую сумму заказчик готов вложить в проведение кампании); средство рекламы (где будет размещаться сообщение).

В качестве основных этапов подготовки М.-П. можно выделить:

1) выбор средств, где будет размещаться реклама (СМИ, наружная реклама, электронные сети, инновативные медиа);

2) анализ данных исследований СМИ, получение основных показателей медиа-планирования (прогнозирование их на период будущей рекламной кампании);

3) составление графика размещения рекламных сообщений.

Во время проведения рекламной кампании М.-П. является основополагающим документом для размещения рекламных сообщений в средствах информации. Медиа-показатели, используемые при его составлении, являются прогнозными. Фактические показатели получают после проведения рекламной кампании. Сопоставление фактических и прогнозных показателей является количественным анализом эффективности размещения рекламного сообщения в средствах информации и постфактум служит средством оценки подготовленного М.-П.

Изучение эффективности М.-П., с точки зрения экономических целей рекламной кампании (например, увеличение доли рынка), может осуществляться только при наличии данных о реальном положении торговой марки (товара, услуги) на рынке, а также в сознании потребителей. Получить такую информацию позволяет ряд качественных и количественных исследований. Количественные исследования направлены на изучение объективных факторов, сопутствующих торговой марке – сеть дистрибуции товара, доля рынка и ценовая ниша, занимаемая товаром (Price-and-distribution check), а также на изучение субъективных факторов – сложившийся образ марки, уровень информированности о торговой марке, частота использования товара (услуги), удовлетворенность данным товаром (услугой), потребительское поведение при покупке товаров (услуг) из изучаемой категории (Usage and attitude test). В таких исследованиях применяются, в основном, анкетные опросы и стандартизованные интервью, позволяющие получать информацию в короткие сроки. Обычно они бывают повторными, т.к. с точки зрения стратегического планирования наиболее необходимой является информация о развитии ситуации в динамике, а не моментальная картина рынка.

Качественные исследования направлены на изучение, в первую очередь, мотивации потребителей при покупке (Motivation research), на тестирование новой концепции рекламной кампании или продукта (Product and Ad concept study, Advertising pre-testing), на более углубленное изучение сложившегося образа торговой марки (Brand Image study). В качественных исследованиях наиболее часто применяются глу-

бинные интервью (**см.**), фокус-группы (**см.**), разнообразные эксперименты.

Основные медиа-показатели, используемые при подготовке М.-П.:

рейтинг (**см.**) – отношение численности аудитории медиа в данный момент к численности целевой группы, выраженное в процентах (пунктах);

охват (cover, reach) – доля аудитории, имевшая контакт со средством информации хотя бы один раз, выраженная в процентах;

доля (share) – доля потребителей конкретного канала, радиочастоты, журнала (и т.д.) в реальной аудитории, использующей данное средство информации (ТВ, радио, печатные СМИ и т.д.) в определенном временном промежутке;

избирательность (affinity) – индекс, показывающий избирательность данного медиа по отношению к целевой аудитории, выражается в процентах;

частота (frequency) – среднее количество контактов представителя аудитории со средством информации;

стоимость пункта рейтинга (CPP – cost per point) – цена информирования 1% аудитории средства информации;

совокупный рейтинг (GRP – gross rating point) – сумма рейтингов;

возможность увидеть/услышать (OTS/OTH – opportunity to see/hear) – общее число контактов целевой аудитории с рекламным сообщением.

Для оценки М.-П. наиболее часто применяется совокупный рейтинг, стоимость пункта рейтинга, эффективная частота и эффективный охват. Эффективная частота – минимальное количество воздействий рекламного сообщения на целевую аудиторию, необходимое для создания запланированной реакции (узнавания торговой марки, изменения отношения к ней, переключение на использование марки). Величина эффективной частоты зависит от известности марки, творческого решения по сравнению с рекламой конкурентов, насыщенность средств информации рекламой конкурентов, размер рекламного сообщения, ситуация и время контакта. Эффективный охват – минимальная доля целевой аудитории, которая должна быть охвачена для достижения целей рекламной кампании. В зависимости от ситуации медиа-планирования возможно использование следующих сценариев оптимизации медиа-планов:

1) достижение максимального значения совокупного рейтинга (GRP) при заданном бюджете (либо достижение минимального бюджета при заданном объеме GRP);

2) достижение максимального значения охвата при заданном бюджете (либо минимизация бюджета при заданном уровне Reach).

Обоснование того или иного уровня GRP, эффективного охвата, эффективной частоты, бюджета, оптимальных для планируемой рекламной кампании, должно происходить на этапе формирования медиа-концепции, на основании предварительно проведенных маркетинговых исследований.

Д.В. Захарин

МЕДИАТОРСТВО, медиация (от англ. mediation – посредничество) – содействие третьей стороны двум или более другим в поисках соглашения в спорной или конфликтной ситуации. Наиболее общее и употребительное понятие по отношению к участию третьей стороны в конфликте. Принципиальная возможность М. основана на признании факта позитивного влияния присутствия нейтральной стороны на эффективность проведения переговоров. Имеет разнообразные исторические и культурные аналоги. В последние десятилетия интерес к возможностям М. возрастает, что связано с широким распространением в общественной жизни разных форм переговорного процесса, а также с фактами успешного применения М. в практике разрешения международных конфликтов. М. приобретает статус узаконенной формы разрешения спорных проблем. С 1960-х в США оформляется в особый вид профессиональной деятельности. М. рассматривается как важнейший инструмент разрешения конфликтов в самых разных сферах общественной жизни – при решении муниципальных, экологических, трудовых и др. конфликтов, в юридической практике, в международных конфликтах.

Центральной фигурой процесса М. является медиатор – это лицо (группа лиц или организация), осуществляющее медиаторскую деятельность. Медиатор может выступать как посредник, "заместитель" прямых контактов между сторонами. В роли медиатора могут выступать политики, психологи, консультанты и др. или группа лиц, осуществляющих миротворческую миссию. Практика М. в настоящее время находит все более широкое применение во всем мире, в т.ч. и в России.

Н.В. Гришина

МЕДИКАЛИЗАЦИЯ – процесс, в ходе которого происходит распространение влияния медицины на все новые сферы общественной жизни. М. характеризуется проникновением в массовое сознание медицинского языка и стиля мышления, медицинских концепций и представлений о причинах, формах протекания и лечении болезней, возрастанием зависимости от медицины повседневной жизни и деятельности людей, закреплением медицинских "ярлыков" за некоторыми человеческими свойствами или типами поведения (инвалид, наркоман, алкоголик и т.д.), которые могут способствовать исключению стигматизированных лиц из процесса нормального социального взаимодействия. Производство и использование медицинских "ярлыков" в социальной практике может иметь и стратификационный характер из-за возможности присвоения статуса и определения принадлежности к группе, имеющей социальные привилегии или социальные ограничения (вплоть до изоляции) – группе диспансерного учета, инвалидности и т.п..

Термин "М." используется теми критиками современной медицины, которые обращают внимание на усиление в современном обществе социальной власти представителей медицинских профессий, главным образом, власти медицинского знания и компетенции.

М. проявляется в возникновении новых проблем современного общества, например, таких, как зависимость от антибиотиков, амфетаминов и барбитуратов; этических проблем в связи с применением репродуктивных технологий, трансплантации органов, клонирования и эвтаназии; возрастание ятрогенных рисков (т.е. тех рисков, которые связаны с угрозой человеческому здоровью при вмешательстве медицины, например, в результате небрежности врача; в случае применения радикальных методов лечения и диагностики заболеваний или негативных побочных эффектов при использовании медицинских препаратов).

В.Р. Шухатович

МЕЖДУНАРОДНАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ (далее – МСА) – (Internacional Sociological Association – ISA) – объединение национальных социологических ассоциаций, исследовательских институтов, центров, отделений и факультетов, а также физических лиц, занимающихся социологическими исследованиями. Основана в 1949 при содействии ЮНЕСКО. Учредительный конгресс состоялся в сентябре 1949 в г. Осло. В нем приняли участие социологи из 21 государства. Президентом исполнительного комитета был избран Луис Вирт (США). Официальные языки МСА – английский, французский и испанский.

В соответствии с Уставом, целями МСА являются: содействие развитию социологии в мире, использование социологии в решении глобальных и региональных проблем, расширение личных контактов между социологами различных стран, усиление международного обмена информацией в области социологии, поддержка проведения международных социологических проектов. Свою деятельность МСА осуществляет в таких направлениях, как подготовка и проведение Всемирных социологических конгрессов (см.); организация работы исследовательских комитетов, объединяющих и координирующих усилия ученых в разработке определенных направлений в социологии; социологические издания.

В МСА, в качестве ее членов, входят: национальные социологические ассоциации, а также приравненные к ним организации; международные и национальные организации, занимающиеся исследованием частных социологических проблем; отдельные социологические институты и факультеты университетов; институты и другие учреждения, работающие в смежных с социологией областях знания (социальной психологии, демографии и др.); физические лица (персональное членство). Членом МСА с 1958 являлась Советская социологическая ассоциация АН СССР.

Высшим органом МСА является Совет. В его состав входят по одному представителю от национальных ассоциаций, вступивших в МСА. Совет собирается один раз в 4 года (в чрезвычайных ситуациях – чаще). Рабочим органом Совета является Исполнительный комитет, который руководит работой МСА в период между конгрессами. В состав Исполнительного комитета входят Президент, три вице-президента, исполнительный секретарь, до семи основных членов и четырех ассоциированных членов от исследовательских комитетов, а также экс-президент МСА. Исполнительный комитет делится на четыре подкомиссии: программную, по приему новых членов и финансам, по публикациям, по координации и исследованиям.

В 1970 на ВСК в Варне было принято решение о создании Исследовательского совета, являющегося еще одним рабочим органом МСА и объединяющего представителей исследовательских комитетов. В 1982 был создан Исследовательский координационный комитет, который избирается Исследовательским советом. Он рассматривает предложения о создании новых исследовательских комитетов и утверждает их.

В составе МСА насчитывается 50 исследовательских комитетов. Это такие комитеты, как 1) вооруженные силы и общество; 2) экономика и общество; 3) исследование сообществ; 4) социология образования; 5) этнические, расовые отношения и отношения меньшинств; 6) социология семьи; 7) футурология; 8) история социологии; 9) социальная практика и трансформация; 10) участие в управлении и самоуправление; 11) социология старения; 12) социология права; 13) социология досуга; 14) социология средств массовой коммуникации; 15) социология медицины; 16) социологическая теория; 17) социология организации; 18) социология политики; 19) социология бедности, социального благосостояния и социальной политики; 20) компоративная социология; 21) социология регионального и городского развития; 22) социология религии; 23) социология науки; 24) среда, обитание и общество; 25) социолингвистика; 26) социотехника – социологическая практика; 27) социология спорта; 28) социальная стратификация; 29) отклоняющееся поведение и социальный контроль; 30) социология труда; 31) социология миграции; 32) гендерная социология; 33) логика и методология социологии; 34) социология молодежи; 35) комитет концептуального и терминологического анализа; 36) теория и исследование отчуждения; 37) социология искусств; 38) биография и общество; 39) социология бедствий и катастроф; 40) социология деревни; 41) социология народонаселения; 42) социальная психология; 43) жилищное строительство и окружающая среда; 44) рабочее движение; 45) рациональный выбор; 46) клиническая социология; 47) социальные классы и социальные движения; 48) социальные движения, коллективные действия и социальные изменения; 49) ментальные здоровье и болезнь; 50) международный туризм. Помимо Исследовательских комитетов в МСА функционируют рабочие группы, тематические группы и группы ad hoc.

МСА имеет свои периодические издания: International Sociology Journal of the International Sociological Association; SAGE Publications; Current Sociology ISA.

С 1950 МСА проводит Всемирные социологические конгрессы (ВСК) – профессиональные форумы социологов различных стран мира. Со дня своего образования МСА подготовила и провела 15 ВСК. Постоянно растет число участников конгрессов и число стран, представляемых ими. Если первый конгресс собрал 180 социологов, то XV – около 5 тыс.

I ВСК – 1950, г. Цюрих (Швейцария), проведен совместно с международной ассоциацией политических наук. Тема конгресса: "Влияние социологических исследований на международные отношения".

II ВСК – 1953, г. Льеж (Бельгия). Темы конгресса: "Социальная стратификация и социальная мобильность", "Межгрупповые конфликты и их разрешение", "Современное развитие социологических исследований", "Обучение, профессиональная деятельность и ответственность социологов".

III ВСК – 1956, г. Амстердам (Нидерланды). Тема конгресса: "Проблемы социальных изменений в XX веке".

IV ВСК – 1959, г. Милан (Италия). Тема конгресса: "Социология и общество". Работа проводилась в трех секциях: "Социология в ее социальном контексте", "Изменение социологического знания", "Развитие социологического метода".

V ВСК – 1962, г. Вашингтон (США). Темы конгресса: "Социологи, политическая деятельность, общественность", "Социология развития", "Сущность и проблемы социологической теории".

VI ВСК – 1966, г. Эвиан (Франция). Темы конгресса: "Единство и разнообразие в социологии", "Социология международных отношений".

VII ВСК – 1970, г. Варна (Болгария). Тема конгресса: "Современное и будущее общество, научное прогнозирование, социальное планирование и руководство общественным развитием".

VIII ВСК – 1974, г. Торонто (Канада). Тема конгресса: "Наука и революция в современном обществе"

IX ВСК – 1978, г. Упсала (Швеция). Тема конгресса: "Пути социального развития".

X ВСК – 1982, г. Мехико (Мексика). Тема конгресса: "Социальная теория и социальная практика".

XI ВСК – 1986, г. Нью-Дели (Индия). Тема конгресса: "Социальные изменения: проблемы и перспективы".

XII ВСК – 1990, г. Мадрид (Испания). Тема конгресса: "Социология для единого мира: единство и разнообразие".

XIII ВСК – 1994, г. Билефельд (Германия). Тема конгресса: "Оспариваемые границы и меняющиеся солидарности".

XIV ВСК – 1998, г. Монреаль (Канада). Тема конгресса: "Социальное знание: наследие, вызовы, перспективы".

XV ВСК – 2002, г. Брисбэйн (Австралия). Тема конгресса: "Социальный мир в XXI столетии: амбивалентное наследие и возникающие вызовы".

Советские социологи впервые приняли участие в работе ВСК в 1956 в г. Амстердаме, белорусские социологи – в 1970 в г. Варна.

На каждом ВСК избираются президент и вице-президенты МСА. За прошедшие полвека с момента создания МСА ее президентами были: Л. Вирт, Р. Анджелл, Г. Фридман, Т. Маршалл, Р. Кениг, Я. Щепаньский, Р. Хилл, Т. Ботомор, У. Химмельстранд, Ф. Кардозо, М. Арчер, Т. Уммен, И. Валлерстейн, А. Мартинелли. На XV ВСК президентом был избран П. Штомпка (Польша).

О.Г. Лукашова

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – субъективно переживаемые взаимоотношения между людьми, объективно проявляющиеся в характере и способах взаимных воздействий, оказываемых людьми друг на друга в процессе совместной деятельности и общения. М.О. – это система установок, ориентаций, ожиданий, стереотипов и других диспозиций членов группы относительно своих коллег, посредством которых люди воспринимают и оценивают друг друга. Эти диспозиции опосредуются содержанием, целями, ценностями и организацией совместной деятельности и выступают основой формирования социально-психологического климата в коллективе.

Выделяют разные типы М.О. Эмоционально-непосредственные М.О. характерны для так называемой диффузной малой группы, или группы низкого уровня развития; в коллективе как высокоразвитой группе М.О. имеют преимущественно опосредованный характер, обусловленный содержанием и целями совместной деятельности. Эмоционально-непосредственные М.О. выступают здесь лишь как поверхностный слой М.О.

Характеристики М.О. связаны также с их эмоционально-оценочным компонентом и статусно-ролевыми различиями их участников. С точки зрения выраженности эмоционально-оценочной составляющей различают деловые или функциональные отношения малознакомых участников, в которых эмоциональный аспект представлен сравнительно слабо, и отношения экспрессивные, эмоциональная сторона которых в определяющей степени влияет на их состояние и развитие, что характерно прежде всего для отношений симпатии, дружбы, любви. С точки зрения ролевых различий, положение индивида в контексте М.О. обусловливается прежде всего его индивидуально-психологическими качествами, а не формально предписанными обязанностями и функциями.

В.А. Балцевич

МЕНЕДЖМЕНТ (англ. management – управление, организация) – термин, трактуемый как: 1) особый вид профессионально осуществляемой деятельности, направленной на достижение определенных целей путем рационального использования материальных и трудовых ресурсов с применением определенных принципов, функций и методов; 2) совокупность лиц, идентифицируемых с менеджерами, а также с органами или аппаратом управления; 3) феномен, интегрирующий в себе управленческую деятельность, кадровую политику, состояние всей управленческой инфраструктуры в различных масштабах.

МЕНЕДЖМЕНТ ИННОВАЦИОННЫЙ – особое направление менеджмента (см.), взаимосвязанный комплекс действий, нацеленный на достижение или поддержание необходимого уровня жизнеспособности и конкурентоспособности предприятия с помощью механизмов управления инновационными процессами. М.И. призван обеспечивать эндогенную гармонизацию – согласование всех внутренних структурных элементов, и экзогенную гармонизацию – согласова-

ние предприятия как целостной структуры с внешней средой. Вырабатывает способы, методы, механизмы управления, соответствующие виду инновации (**см.**).

Эндогенная гармонизация осуществляется через посредство механизмов выработки и реализации решений относительно использования внутренних и внешних ресурсов в инновационных процессах. Согласно результатам исследований, проведенных в рамках проекта "Управление инновациями и модернизация постсоветской промышленности" (Москва – Минск), взаимоотношения между субъектами инновационных процессов внутри предприятия (технологами и экономистами, технологами и маркетологами) складываются не в соответствии с международными стандартами, а в русле определенного состояния организационной культуры, характерного для большинства постсоветских индустриальных организаций. Сохранившаяся в маркетинге (**см.**) ориентация на "рынок продавца" приводит к ряду проблемных ситуаций в эндогенной гармонизации. Так, хотя целью инноваций, как правило, является улучшение экономического положения предприятия, собственно экономические структуры играют в инновационной деятельности весьма скромную роль. Мнение об экономической целесообразности тех или иных изменений формируется обычно лично директором или даже вышестоящими по отношению к нему органами. Достаточно часто экономическая экспертиза нововведения не проводится вообще, и лишь после его провала высказывается сожаление о том, что не было вовремя сделано "необходимых расчетов". Характерно, что на традиционном предприятии, ориентированном на партнерские отношения с государством, менеджмент до сих пор хотел бы, чтобы оно брало на себя экспертные функции и освободило предприятие от необходимости делать экономические расчеты. Данная логика основана на редуцировании функций предприятия до чисто конструкторских и производственных; оценка же целесообразности той или иной инновации, ее экономической перспективности, как предполагается, должна исходить извне. Реальная роль маркетинговых служб в инновационных процессах служит важным индикатором того, насколько эти процессы рыночно ориентированы. Существующая тенденция рассмотрения маркетинга как прежде всего коммерческой практики приводит к тому, что положение маркетинга на уровне конкретного предприятия рассматривается, скорее, как с точки зрения экономических отношений, без учета социальных и организационных аспектов. В большинстве случаев анализируется экономическая эффективность маркетинговых структур, без уделения внимания вопросам, связанным с характером организационной культуры и направленностью развития предприятия. За рамками исследований часто остаются такие вопросы, как влияние внешней среды на развитие организации, особенности профессиональной социализации менеджеров, выбора оптимальной стратегии поведения на рынке, взаимоотношений с другими службами предприятия.

Таким образом, механизмы эндогенной гармонизации инновационных процессов в рамках постсоветских промышленных предприятий представляются весьма несовершенными в силу традиционной ориентации субъектов взаимодействия на "рынок продавца" и подходам к инновации скорее как технико-технологическому, чем экономическому мероприятию. Очевидно, что одним из условий совершенствования названных механизмов может быть создание баланса между влиянием технологических и экономических служб, каждая из которых должна обеспечивать свой аспект разработки нововведений. Кроме того, можно выделить следующие факторы, усугубляющие несовершенство механизмов эндогенной гармонизации: ориентация предприятия на конкретного заказчика, выпуск продукции "на заказ"; "прозрачность", незанятость многих рыночных ниш; особенности управленческой культуры, технократизм и техницизм мышления большинства руководителей предприятий, приводящий к преобладанию интуитивно-опытных механизмов принятия решений над рациональными.

Экзогенная гармонизация осуществляется через посредство механизмов государственного инвестирования инновационных проектов, заложенных в государственных программах научно-технического развития. Анализ научно-технической политики Республики Беларусь с целью выявления ее эффективности (в рамках того же исследования) приводит к следующим выводам. Научно-техническая политика республики формируется на уровне концепций, в которых государственная поддержка предприятий базовых отраслей, наряду с точечной поддержкой предприятий прогрессивного технологического уклада, предваряет решение основной стратегической задачи создания и эффективного функционирования предприятий прогрессивного промышленного комплекса. Вместе с тем в государственных программах научно-технического развития, рассматриваемых в качестве инструмента реализации научно-технической политики, основное внимание уделяется таким показателям, как объемы реализации промышленной продукции, объемы инвестиций в основной капитал, платежи в бюджет и внебюджетные фонды. Инвестиционная деятельность в промышленности не является целью (или одной из целей) государственной программы и не выделяется в качестве приоритетного критерия для поддержки инновационно-активных предприятий. Феномен инновации связывается прежде всего с качеством и конкурентоспособностью выпускаемой продукции и практически не связан с инвестиционными проектами.

Г.Н. Соколова

МЕРТОН (Merton) Роберт Кинг (р. 1910) – американский социолог, почетный профессор Колумбийского университета, президент Американской социологической ассоциации (с 1957). Учился в Гарвардском университете. Докторская диссертация: "Пуританизм, пиетизм и наука" (1936). В 1940-е был содиректором (с П. Лазарсфельдом) Бюро прикладных исследований Колумбийского университета. Основные работы: "Наука, техника и общество в Англии 17 в." (1938); "Социальная теория и социальная структура" (1957, 1968); "О теоретической социологии" (1967); "Социология науки"

(1973); "Структурный анализ в социологии" (1975); "Подходы к изучению социальной структуры" (1975) и др.

В ранний период творчества на М. заметно влияние идей М. Вебера (см.), особенно его работы "Протестантская этика и дух капитализма" (см.), и Дюркгейма (см.), что оправдано исследовательской установкой М. на преодоление эмпиризма американской социологии через синтез ее с европейской традицией. Тема науки (как социального института со специфическими ценностно-нормативными регулятивами) – одна из сквозных у М., заложившего основы американской социологии науки. В качестве "институциональных императивов" науки выделял: универсализм (любое знание открыто для критики и оценки), общность ("коммунизм") – доступность результатов исследования для анализа др. учеными, бескорыстность (исследования подвергаются контролю на предмет мотивации деятельности исследователей), организационный скептицизм (блокирование тенденций к абсолютизации и догматизации концепций и подходов).

С конца 1940-х можно говорить о втором периоде творчества М., характеризующемся развитием структурно-функциональной теории. М. создал свой вариант концепции, которую в отличие от функционального императивизма Парсонса квалифицируют как функциональный структурализм (Дж. Тернер). М. подверг структурный функционализм критике изнутри, пересмотрев (с позиций "организационного скептицизма") его основные методологические установки и теоретические положения. С позиций социологии знания (см.) и науки М. выдвинул тезис о том, что любые общие теории являются лишь теоретико-методологическими ориентациями, т.е. по сути философскими концепциями, не предназначенными для эмпирической работы. Попытки построения всеобъемлющей социологической теории не имеют под собой оснований. С другой стороны, остается необходимость теоретического ориентирования эмпирической практики.

В этой связи М. предложил в 1948 программу создания теорий среднего уровня (ранга). Они, согласно М., позволяют в рамках структурно-функционального анализа ввести ограничения на организационные построения теории и концептуализировать исследовательскую практику. Отсюда стратегия упорядочения понятийного аппарата, который должен позволять отделять "существенные" социальные явления от "несущественных". "Организационный скептицизм" позволил М. вскрыть и три неэксплицированных (а, соответственно, достаточно не обоснованных) постулата структурного функционализма: 1) постулат интеграционного единства социальных систем: все виды социальной деятельности и элементы культуры стандартизируются и являются функционально нагруженными внутри социального или культурного целого (функция при этом рассматривается как вклад элемента в тотальность системы); М. смещает акцент с тотальности на дифференцированность систем, на анализ многообразия типов, форм, сфер и уровней социальной интеграции, степень которой можно установить только эмпирически; 2) постулат функциональной универсальности социальных вопросов (все социальные и культурные элементы системы выполняют эксплицированные функции через целерациональные стратегии действий); М. поставил под сомнение как эксплицированность функций, так и тотальность целерациональных стратегий действия; 3) постулат неизбежности функциональной проблематики в анализе социальной реальности (в силу того, что все является частью чего-либо, что существуют незаменимые функции, требующие вполне конкретных форм, и т.д.); М. выдвинул тезис о том, что реквизит функций должен устанавливаться эмпирически в конкретных социокультурных контекстах (отсюда, в частности, анализ инверсий культурных образцов). На основании проделанного анализа им был сделан вывод (который иногда называют теоремой функционального анализа М.): точно так же, как одно и то же явление может иметь многочисленные функции, одна и та же функция может по-разному выполняться. Отсюда задачи уже "структурного фукционализма" на выделение в тотальностях общества: 1) социальных форм (систем и их частей); 2) типов влияния форм на уровень непосредственной жизни; 3) процессов, вызывающих к жизни именно эти формы, а также методологическая установка на разделение причин и функций.

Если классический "фукциональный императивизм" (Парсонс) вычленяет особенности социальных феноменов (через их функции) в структурных контекстах, то подход М. "оборачивает" это отношение. Структура характеризуется через: а) организованность рядов социальных отношений; б) регулярность (периодичность) этих отношений; в) наличие в ней глубинного (неэксплицированного) уровня отношений; г) сдерживание (инициирование этих отношений системами норм и культурных образцов). Тогда статус и функция приписываются элементу через его локализацию в структуре как: 1) нормативность (ожидаемость поведения по предписанному образцу); 2) потенциальность (определенность возможных вариантов выбора стратегии поведения, наличных ресурсов, легитимных способов достижения целей); 3) идеальность (реквизит верований и идей). Кроме того, в традиции Сорокина (см.), М. разводит культурную (нормы, ценности, институты, роли) и социальную (ресурсы, возможности, социальные ценности, как то: здоровье, власть, престиж, образование) структуры. Структура через механизмы согласования/рассогласования проблематизируется в своем качестве задавать интегративные состояния общества и это качество переходит к переинтерпретированной в терминах культуры социальной организации. Последняя понимается как интегрированная совокупность социальных ролей (нормативных правил и ожиданий), подчиненная целям, которые могут и не осознаваться. Социальная организация максимизирует внутри себя рациональность формирования образцов действия и стремится к комплексному (тотальному) воздействию на личность. Такая постановка проблем структурно-функ-ционального анализа (см.) потребовала введения в него новых (как минимум) четырех "тем", которые стали после работ М. классическими для этой научной парадигмы.

М. ввел представление о дисфункциях системы – негативных последствиях воздействия одной части системы на

другую (дисфункции – показатель степени интегрированности той или иной системы). М. ввел понятие балланса функциональных и дисфункциональных следствий, которые вытекают из реализации того или иного образца, институционально закрепляемого в системе (в действительной норме функциональные следствия перевешивают дисфункциональные). М. ввел, для онтологизации своей "теоремы", понятия "функциональные эквиваленты" и "функциональные альтернативы", т.е. предложил исходить из вариабельности организационного воплощения социальных структур, удовлетворяющих конкретной функции. М., наконец, ввел различение явных и скрытых (латентных) функций. Последние не интенциональны и не осознаваемы, они проявляются через непрограммируемые и не контролируемые участниками следствия их рационализированных действий. В результате М. динамизировал структурно-функциональный анализ, рассматривал социальные изменения и их направленность как отдельную задачу социологического изучения. В итоге были созданы теория ролевого конфликта, развитая Козером (см.), и мертоновская версия концепции социальной аномии Дюркгейма. Изменения социальной структуры – следствия адаптивных процессов воспроизводства системы на уровне повседневной жизни и трансформационных процессов общества, ведущих к установлению нового социального порядка. В результате социальных изменений в системе происходит накопление дисфункций (проблема допустимого порога, перехода нормативно-допустимого в патологическое) и инноваций (проблема изменения мерности и эталонности, т.е. механизмов нормирования). Дисфункции, по М., вызываются: рассогласованностью элемента, побочными следствиями и эффектами структурных действий, разладом в подсистеме. Отсюда возможности нарастания аномии в системе и роста девиантного поведения, когда культурные нормы (цели) начинают расходиться с институциональной их поддержкой (санкционированием) системы. Отклонение, следовательно, – любое отступление от линии конформистского поведения. Развитие концепции М. явилось одним из важнейших содержательных этапов в эволюции структурно-функционального метода в социальной философии и социологии.

В.Л. Абушенко

МЕТАНАРРАЦИЯ (или "метаповествование", "метарассказ", "большая история") – понятие философии постмодернизма, фиксирующее в своем содержании феномен существования концепций, претендующих на универсальность, доминирование в культуре и "легитимирующих" знание, различные социальные институты, определенный образ мышления. Как правило, М. основаны на идеях Просвещения: "прогресса истории", свободы и рационализма. Постмодернизм рассматривает М. как своеобразную идеологию модернизма (см.), которая навязывает обществу и культуре в целом определенный мировоззренческий комплекс идей; ограничивая, подавляя, упорядочивая и контролируя, они осуществляют насилие над человеком, его сознанием. В силу этого постмодернизм подвергает сомнению идеи модернизма, его систему ценностей, настаивая на игровой равноправности множества сосуществующих картин мира, провозглашает "закат М.".

Концепция "заката М." впервые была предложена Лиотаром (см.) в работе "Постмодернистское состояние: доклад о знании", основанной на идеях Хабермаса (см.) и Фуко (см.) о процедуре "легитимации знания", его правомерности. Лиотар рассматривает легитимацию как "процесс, посредством которого законодатель наделяется правом оглашать данный закон в качестве нормы". Человек в данной ситуации оказывается в полной зависимости от стереотипов, ценностей, провозглашенных приоритетными в данном обществе. А социальная реальность оказывается искусственно сконструированной в результате взаимодействия различных дискурсивных практик, где М. служат средством легитимации для знания, социальных институтов и для всей модерной эпохи в целом. В своей основе модерн базируется на идеях-М. рационализма, Прогресса истории, сциентизма, антропоцентризма, свободы, легитимности знания. Данные представления, доминирующие в то время в культуре – М., утверждали нормативный образ будущего, конструировали историю, задавая ей определенный вектор развития. М. предлагают субъекту истории различные мировоззренческие установки, способствуя формированию общественного мнения, порой искажая наше представление о действительности. Господство М. в то время свидетельствует о доверии субъектов к идеям Просвещения, Прогресса. Так, рационализм вселил в человека веру в разум, науку, освободив от суеверий, вследствие чего мир стал доступным для осмысления и трансформации, более "прозрачным", в силу его "расколдовывания" (М. Вебер). История понималась как Прогресс, стремление к достижению совершенства. Исторический процесс наделялся разумностью, обладая собственной логикой, представлял собой взаимосвязь эпох, периодов, традиций. Наиболее прогрессивной была установка на изменение статуса человека, утверждение его самоценности (Ж.-Ж. Руссо). Исследования социального неравенства и преобразование социальной структуры были одной из целей эпохи модерна. В свою очередь, знание заявляет о себе в качестве инструмента радикального преобразования общества. Фуко определяет знание как "совокупность элементов, регулярно образуемых дискурсивной практикой и необходимых для создания науки". Проблема знания у Фуко тесно связана с обоснованием легитимности социальных институтов. М. служат оправданием власти, которая стремится к подчинению знания своим целям, налагая на него определенные ограничения. Фуко настаивает на идее, что формы организации власти (государственный аппарат, различные социальные институты, университет, тюрьма и т.д.), осуществляя насилие над человеком, не остаются нейтральными и по отношению к знанию. Они деформируют содержание знания, это способствует его трансформации в ходе истории, что в конечном итоге и привело к "кризису легитимности знания". Фуко выстраивает "генеалогию" знания, опираясь на регуляторы социальных отношений, которые формируют знания в различные эпохи. В Античности, по Фуко, социокультурным каноном выступала "мера" или "измерение" как средство

установления порядка и гармонии человека с природой и космосом, что легло в основу развития математического знания. В эпоху Средневековья появляется иной дискурс формирования знания – "опрос" или "дознание", в результате чего происходит формирование эмпирических наук о природе и обществе. Методы извлечения знаний у людей в судах инквизиции были перенесены на добывание знаний о природе. Это обусловило развитие естественных наук. В Новое время приоритетной формой регулирования социальных отношений была процедура "осмотра – обследования", как средства восстановления нормы или же фиксация отклонения от него. Фуко отмечает, что изучение больного человека и привело к становлению медицинских наук, а наблюдение безумцев – к появлению психиатрии и к развитию гуманитарного знания в целом. В силу этого Фуко делает вывод, что знание не может быть нейтральным, поскольку является результатом властных отношений в обществе, легитимируя интересы определенных социальных групп, оно является идеологией.

Исследуя современный статус знания, Лиотар тоже указывал на связь знания и власти; "проблема знания в век информатики более, чем когда бы то ни было является проблемой правления". Знание, обладая легитимностью, задает определенные рамки поведения в культуре, регламентируя их. "Знание предстает тем, что наделяет его носителей способностью формулировать "правильные" предписывающие и "правильные" оценочные высказывания". Это сближает знание с обычаем. Роль консенсуса, по Лиотару, состоит в том, чтобы отделить тех, кто владеет нормативным знанием, от тех, кто не владеет им. Как любая идеология, различные нарративы содержат в себе положительные и отрицательные моменты, наделяя легитимностью социальные институты. Лиотар, сравнивая нарративы с мифами, разграничивает их; считая, что для мифов характерна фиксация основ легитимности в прошлом, а для нарративов – в будущем, где "истинная идея обязательно должна осуществиться". Лиотар, характеризуя научное знание, указывает, что оно отдает предпочтение лишь одной денотативной языковой игре, и автономно по отношению к другим языковым играм, обладая памятью и заданностью. А нарративная форма допускает множество языковых игр. Лиотар рассматривает две основные версии легитимирующих повествований: политическая и философская. Предметом политической выступает человечество как герой свободы. В данном контексте право на науку необходимо отвоевать у государства, которое легитимно не через себя, а народом. "Государство прибегает к наррации свободы всякий раз, когда оно, используя имя нации, берет на себя непосредственный контроль за образованием "народа" в целях наставления его на путь прогресса". Во второй версии: "всеобщая "история" духа, где дух есть "жизнь", а "жизнь" является собственной саморепрезентацией и оформлением в упорядоченную систему знания всех своих проявлений, описываемых эмпирическими науками". В настоящее время приоритеты сместились и движущим принципом людей является не самолегитимация знания, но самообоснование свободы. В конечном итоге, по Лиотару, наука перестает быть легитимной. "Постмодернистская наука создает теорию собственной эволюции как прерывного, катастрофического, не проясняемого до конца, парадоксального процесса. И ею предлагается такая модель легитимации, которая не имеет ничего общего с большей производительностью, но является моделью различия, понятого как паралогизм". Выход из "кризиса М." Лиотар видит в необходимости "предложить общественности свободный доступ к базам данных". На сдвиг в дискурсе гуманитарного знания в современной культуре указывает и И. Хассан, выделяя конститутивные черты направлений модернизм и постмодернизм. Эпоха модерна, по его мнению, представлена "М.", которые носят замкнутую форму, обладают целью, замыслом и иерархичны по своей структуре. Постмодернизм, отказываясь от "больших историй", или М., предлагает "малые истории": открытые, цель которых – игра, случай, анархия. Специфическая версия интерпретации понятия "М." дана Ф. Джеймисоном: с одной стороны, Джеймисон рассматривает "повествование" как "эпистемологическую категорию", которая может быть представлена как идеология, обладающая собственной логикой и ценностной системой представлений (образов, понятий), существующая и играющая свою роль в данном обществе, с другой – М. трактуется им как речевая ситуация "пересказа в квадрате".

Е.П. Коротченко

МЕТОД (греч. methodos – путь к чему-либо, прослеживание, исследование) – способ достижения цели, совокупность приемов и операций теоретического или практического освоения действительности, а также человеческой деятельности, организованной определенным образом. М. в науке – это также и заданный сопряженной гипотезой путь ученого к постижению предмета изучения. В границах античной философии было впервые обращено внимание на взаимосвязь результата и М. познания. Систематическое исследование М. связано с генезисом экспериментальной науки. Поиски универсального М., приложимого к любым ипостасям действительности (идеал "методологического монизма"), не увенчались успехом. М. общенаучного характера принято считать индукцию и дедукцию, анализ и синтез, аналогию, обобщение, идеализацию, типологизацию, сравнение и др. Философские М. в науке, как правило, опосредуются другими, более приватными, тем не менее именно они (не всегда явно осознаваемые учеными) задают общую направленность исследования, принципы подхода к изучаемому объекту, характер интерпретации полученных результатов. М. складываются в ходе рефлексии над объектной (предметной) теорией в некоторой метатеоретической области внутри определенных парадигматических ориентаций и закрепляются в принципах, нормах и методиках исследования, реализуются через навыки, умения и т.д. конкретных исследователей и обеспечиваются соответствующими инструментальными средствами. Предметное развертывание М. осуществляется в процедуре, доводящей действие факторов, синтезированных в М., до отдельных операций. Следование М. обеспечивает регуляцию

и контроль в исследовательской (как и любой иной) деятельности, задает ее логику.

А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко

МЕТОД ГЛАВНЫХ КОМПОНЕНТ – один из методов исследования структуры и снижения размерности (см.) пространства переменных (см.). Предназначен для линейного преобразования большого количества исходных переменных, коррелирующих между собой, в несколько агрегированных некоррелированных показателей, что облегчает дальнейший анализ данных и позволяет решить проблему мультиколлинеарности. М.Г.К. может также использоваться для исследования структуры связей между исходными переменными. М.Г.К. применяется в тех же целях, что и анализ факторный (см.), и использует аналогичное представление результатов в виде матрицы факторных нагрузок (см.), но, тем не менее является вполне самостоятельным. Часто используется в факторном анализе для первоначального выделения факторов.

О.В. Терещенко

МЕТОД МНОГОМЕРНОГО ШКАЛИРОВАНИЯ – система методических приемов и способов сбора и обработки психологической, социально-психологической и социологической информации для получения объективных данных о скрытых или явных закономерностях поведения (функционирования) сложных, многомерных объектов.

Специфика М.М.Ш. определяется следующими основными постулатами, предположениями и допущениями.

Постулируется, что субъективные проявления есть не что иное, как отражение состояния объективных процессов и явлений в сознании человека. Предполагается, *во-первых*, что в процессе жизнедеятельности у индивида формируется определенный жизненный опыт в виде понятий, представлений, мнений, установок, знаний и т.п. психологических субъективных образований (мы их относим к понятию "психологический образ" окружающей действительности), на основе которых происходит оценка различного рода явлений и процессов, находящихся в поле зрения личности.

Предполагается, *во-вторых*, что у каждого индивида на базе его психологического образа окружающей действительности формируется определенное, объективно обусловленное психологическое пространство восприятия, в котором субъективно фиксируются различные предметы и явления по принципам схожести или различия.

Третьим фундаментальным предположением для многомерного шкалирования является наличие определенной зависимости между оценками сходства и различия объектов, полученных от респондентов, о состоянии степени схожести между этими объектами в пространстве восприятия. Считается, что при субъективной оценке различного рода объектов окружающей действительности, субъект одновременно пользуется несколькими мерами, принимает в расчет не один, а целый набор признаков этих объектов. Задаваемая во вне оценка какого-либо из объектов есть *интегрированное решение* обследуемого лица, которое часто просто не поддается словесному описанию самого оценивающего. Задача исследователя состоит в выявлении оснований (характеристик), по которым респонденты оценивают объекты и получают непосредственные оценки объектов по этим характеристикам – многомерной шкале.

Естественно, что для решения такой задачи нужны исходные данные, которые не навязывали бы респонденту никаких представлений о тех характеристиках, которые могут быть использованы им в процессе восприятия исследуемых объектов. Такого типа данные можно получить, предлагая, например, респондентам оценить сходство между объектами, не ограничивая его в выборе характеристик, по которым он будет оценивать это сходство.

Методы, использующие исходную информацию такого рода для определения размерности пространства восприятия респондентов и определения положения объектов в этом пространстве, получали название М.М.Ш.

Таким образом, М.М.Ш., в отличие от традиционных одномерных методов, не требует от обследуемого лица оценки объектов по заранее заданным характеристикам, а использует вместо этого суждения о сходстве или различии между объектами. В данной случае испытуемому не дается различительных признаков для упорядочения психологических объектов и он должен самостоятельно, на основе собственных критериев дать оценку целостному объекту восприятия. Подобное положение исключает возможное влияние мнений и установок исследователя на характер ответов, даваемых респондентом. Помимо этого сама процедура многомерного шкалирования снижает возможные мотивационные влияния самого обследуемого лица на характер даваемых ответов, так как ему практически трудно определить значимость того или иного своего суждения для конечного вывода о нем, как о личности.

Проблема адекватного изучения многомерных объектов сравнительно не нова и на протяжении последних десятилетий постоянно находится в поле зрения ученых. Существует, по меньшей мере, два основных направления исследования данной проблемы.

Первое из этих направлений связано с разработкой и совершенствованием методических средств, с помощью которых возможно получить объективную, всестороннюю информацию о многомерном объекте. *Второе* направление определяется задачами создания и совершенствования методических средств математической обработки психологической, социально-психологической и социологической информации для получения объективных данных о скрытых или явных закономерностях поведения сложных, многомерных объектов.

Отработка данных направлений тесно взаимосвязана и взаимообусловлена необходимостью достижения одних целей. Сейчас практически невозможно себе представить научную работу, в которой бы активно не использовался математический аппарат для анализа экспериментальной информации, получаемой с помощью различного рода опросов, тестирования и т.п. Математические методы факторного, кластерного, регрессивного анализа и другие статистики активно используются в решении различного рода социологических,

психологических, социально-психологических и иных задач. В настоящее время эти методические приемы позволяют в определенной степени "развернуть" линейные данные о многомерных процессах и явлениях.

Что же касается разработки методических приемов получения исходной разносторонней информации о многомерных объектах научного познания, то в настоящее время активно отрабатываются варианты комплексного использования разнонаправленных психологических и социально-психологических методик, результаты использования которых указывают на определенную перспективность данного подхода.

За последние годы в психологии активно развиваются методические приемы многомерного шкалирования для изучения субъективного опыта человека и построения субъективных пространственных моделей на основе данных прямых и косвенных числовых оценок, которые даются личностью определенным сторонам воспринимаемых ею объектов или событий. Для испытуемого шкалирование выступает либо как сравнение и числовая оценка сравнительных суждений, либо как прямая числовая оценка субъективных впечатлений по заданной шкале. То есть экспериментатором на основе уже имеющихся теоретических или(и) эмпирических данных определяется и конструируется определенная шкала измерения, которая и предлагается испытуемому как конкретная мерность при оценке того иного объекта окружающей действительности (обладающего какими-либо признаками) в сравнении с другими объектами.

Многочисленные исследования последних лет с применением приемов многомерного шкалирования показали большие его возможности. В частности, получена информация о возможностях использования М.М.Ш. для изучения закономерностей восприятия, памяти, понимания высказываний, оценки в группе, межличностного восприятия. Причем удалось установить определенные связи получаемых с помощью многомерного шкалирования у людей с различной профессиональной принадлежностью, социально-экономическим положением, политическими взглядами и т.п. Имеются данные о возможности применения многомерного шкалирования для определения уровня квалификации обследуемых лиц и т.п. Интересные результаты получены при применении методики многомерного шкалирования для изучения структуры эмоциональных состояний.

Результаты многомерного шкалирования и анализа информации позволяют получить ответы на вопросы: *какова* структура того или иного психологического пространства, *какова* степень сходства или различия объектов, *какие* глубинные различительные признаки определяют субъективную структуру воспринимаемой внешней действительности. Т.е. применение М.М.Ш. и анализа позволяет определить характеристики, которыми руководствуются обследованные лица при оценке конкретных объектов восприятия, выявить различия между этими лицами, а также проводить их группировку по степеням близости восприятия объектов окружающей действительности.

Существует несколько разновидностей М.М.Ш., основное отличие между которыми обусловлено как спецификой объектов, которые изучаются с их помощью, так и приемами получения исходной информации для дальнейшего ее сведения в так называемые таблицы близостей или различий, строки и столбцы которой соответствуют одним и тем же изучаемым объектам. Данные матрицы могут быть созданы как методом прямого опроса обследуемых людей, так и путем регистрации поведенческих реакций, т.е. объективных реакций субъекта на внешние стимулы. Одним из распространенных М.М.Ш. является процедура попарного сравнения испытуемым предъявляемого ему набора стимулов и оценки различий или близостей между ними по заранее предложенной шкале или путем упорядочивания пар по степени их близости. Применяются также варианты получения исходной информации, в которых испытуемым предлагается проводить ранжирование предъявляемых им объектов относительно друг друга. Все перечисленные методы получения исходной информации (судя по литературным данным) являются достаточно трудоемкими и требуют больших усилий обследуемых лиц. Особенно при большом числе объектов сравнения. В случаях же, когда стимульные наборы (понятия, переживания, предметы, явления и т.п.) носят абстрактный характер, то сложность сравнения для респондентов вообще возрастает во много раз. Подобного рода методики, как правило, используются для получения информации в рамках решения общих проблем психологии, в то же время решение прикладных задач с их помощью бывает достаточно затруднительным (в силу слабой привязанности к конкретным проблемам).

Другое направление отработки приемов многомерного шкалирования отмечается в социально-экономических исследованиях, которые прямо связаны с необходимостью получения прагматических результатов. Представители данного направления, исходя в принципе из тех же положений, что и психологи, в то же время не пользуются понятиями близости или различий между конкретными объектами окружающей действительности. Их интерес к многомерному шкалированию связан с решением задач по возможному использованию экспертных оценок при рассмотрении научных и технических проблем. Экспертные оценки, при уместном их применении, позволяют использовать опыт и знания человека и восполнить недостаток информации тогда, когда получение ее иными средствами затруднительно, требует продолжительного периода времени и обходится дорого. Они становятся незаменимыми в ситуациях, которые оказываются слишком сложными для использования чисто количественных методов. В связи с этим при экспертном опросе на первый план выступает задача получения информации о степени важности (вредности, полезности, значимости, не значимости и т.п.) того или иного фактора (признака) для успешного протекания конкретного социального или производственного процесса, возникновения конкретных последствий от принимаемых решений и так далее. В большинстве прикладных исследований методы экспертных оценок используются для выделения су-

щественных для того или иного процесса факторов и их ранжирования.

В отличие от психологов, целью которых является получение новых знаний о закономерностях функционирования психики, социально-экономические исследования ориентированы на извлечение новой информации о внешних относительно человека процессах и явлениях. Эксперты в данном случае выполняют роль своеобразных "датчиков и измерительных приборов. Необходимо отметить, что с самого первого момента своего зарождения данные методики основывались на интуитивных представлениях ученых о психологических закономерностях функционирования личности, т.к. их создатели исходили из того, что человек, имеющий высокую профессиональную квалификацию в конкретной области знаний и практики, может достаточно объективно оценить соотношение производственных и экономических показателей, их изменение и развитие во взаимосвязи с различного рода факторами и условиями.

Отмеченные моменты указывают на наличие определенных различий предметных областей, изучаемых специалистами-психологами и представителями социально-экономических отраслей научных знаний. Если для первых вектор научных интересов обращен к закономерностям становления и функционирования психики как зависимой переменной, связанной с отражением объективной действительности, то для вторых – вектор изучения и интересов обращен к самой объективной действительности. Здесь психика становится в положение независимой переменной, а новые знания об окружающей действительности рассматриваются как производные ее функционирования.

Разная ориентированность научных задач обусловливает и различие методических приемов получения информации о многомерных процессах и явлениях. Меняется и позиция лиц, которые в первом случае выступают как испытуемые, а во втором – как эксперты. В первом случае признается достаточным научное (теоретическое и эмпирическое) знание об объективной действительности для того, чтобы на его основе было возможно изучать психические процессы и явления. Во втором – признается отсутствие полного научного знания о некоторых закономерностях окружающей действительности и утверждается принципиальная возможность его получения путем изучения сформированных психических представлений специалистов конкретной области трудовой деятельности.

В связи с этим необходимо отметить, что методические приемы получения информации при социально-экономических исследованиях отличаются большей конкретностью, более четким описанием предмета рассмотрения (например, конкретно указывается, что производится изучение возможного влияния на производительность труда каких-то факторов) и более конкретным указанием самих изучаемых факторов. В анкете (см.) или опросном листе эксперту предлагается провести или ранжирование перечисленных факторов по степени их значимости, влиянию и т.п. моментам, или оценить эти факторы по определенной шкале, которая заранее установлена. Чаще всего результаты подобного рода опросов в дальнейшем обрабатываются с применением различного рода статистик для получения информации, подлежащей предметной интерпретации с учетом стоящих перед исследователем задач.

Для решения задач экономико-статистического моделирования за последние годы стали активно применяться методы вторичного многомерного шкалирования. Их особенность заключается в том, что информация экспертного опроса специальным образом обрабатывается для получения матрицы взаимосвязей (подобной по своему содержанию матрице многомерного шкалирования при психологических исследованиях), характеризующей степень близости или различия между изучаемыми признаками или факторами конкретного процесса. Для получения матриц взаимосвязей применяются статистики, направленные на выявление коэффициентов корреляции, коэффициентов взаимной сопряженности ранговой корреляции, близости двух разбиений и другие методики. Дальнейшая обработка полученной матрицы производится в соответствии с разработанными приемами многомерного анализа, которые применяются и в психологических исследованиях.

Особенности объекта изучения налагают свой отпечаток на выбор приемов многомерного шкалирования и в том случае, когда исследователей интересует не только личность и не только производство, а личность в производстве как социально-психологический феномен. В этом случае многомерное шкалирование должно обеспечивать получение информации о взаимосвязанных между собой объективно заданных конкретных социальных обстоятельствах и общественных функциях, выполняемых личностью, ее индивидуально психологических особенностях, субъективных переживаниях и отношениях к объективной действительности. Другими словами, в случае социально-психологического исследования личности приемы многомерного шкалирования должны обеспечивать получение комплексной информации о взаимосвязанных между собой психических и трудовых процессах.

Основной теоретической предпосылкой создания приемов многомерного шкалирования для решения социально-психологических задач являются положения личностно-деятельностного подхода, разработанные отечественными психологами. Эти приемы в той или иной степени учитывают специфику многомерного шкалирования при психологических и социально-экономических исследованиях и активно используют возможности данного метода для получения информации о социально-психологических процессах и явлениях.

В чем же особенность многомерного шкалирования при изучении социально-психологических явлений? Прежде всего в системном характере информации, получаемой при опросе обследуемых лиц (экспертов). Эта системность обусловлена тем, что первичная информация снимается с помощью специальных многомерных матричных анкет, позволяющих фиксировать мнение респондентов в трехмерном пространстве. Первые два вектора измерения задаются в виде двухмерной матрицы – опросного листа, третий вектор измерения задается инструкцией для респондента в виде определенной шкалы

измерения, которой он должен пользоваться при ответах на поставленные вопросы. Разработка подобного рода методик предполагает раскрытие конкретного предмета социально-психологического изучения в двух векторах (строках и столбцах опросного листа). *Первый* из этих векторов (предположим, столбцы) рассматривает конкретный социальный или производственный процесс в динамике его существования в себе или во вне (т.е. отражает элементный состав изучаемого явления или динамику перехода предмета изучения из одного состояния в другое и т.п.). *Второй* вектор – (строки матрицы) предусматривает раскрытие различного рода психических процессов и явлений (например, личные качества, психические переживания, производственные действия и т.п.). *Третий* вектор – шкала измерения – заранее определяется исследователем и предлагается опрашиваемому лицу в качестве средства для решения поставленной перед ним задачи (предположим, инструкцией предлагается оценить значимость личных качеств работника управления для успешного взаимодействия в коллективе по пятибалльной шкале: максимальная значимость – 5 баллов, минимальная – 1 балл и т.п.).

Работая с подобного рода анкетой, респондент, исходя из своего личного опыта, дает оценку степени взаимосвязанности предложенных ему переменных деятельности и характеристик личности и выражает ее в виде конкретного балла.

Как видно из изложенного, многомерные методики, – определяя рамки в пределах которых действует опрашиваемое лицо, – в то же время не ограничивают его в выборе критериальных признаков для проводимой оценки, что соответствует требованиям многомерного шкалирования и позволяет получать более качественную информацию об изучаемых процессах.

Другими словами, М.М.Ш. предусматривает познание конкретного объекта во взаимосвязи определенного количества переменных – характеристик или факторов, введенных для анализа и изучения их места и значения в рамках определенного элемента или всего предмета, как целостного явления. Целостное здесь познается через систему связей составляющих его элементов, внутренних и внешних характеристик и факторов, с которыми связано существование и развитие изучаемого явления.

Многомерные методики имеют ряд важных преимуществ перед другими методиками, не отменяя и не заменяя последних. В методиках прямых самооценок личностных качеств, как правило, происходит сильное искажение информации в силу престижных соображений, которые нередко доминируют в самооценках. В двухмерных методиках этот недостаток в известной мере преодолевается, поскольку информация об одном из измерений (личностных особенностях) извлекается косвенным образом, путем определенной математической обработки исходных данных. В этом отношении данный класс методик родственен проективным методикам изучения личности, однако основывается не на "житейских" или узких экспериментальных ситуациях, а прежде всего на информации о профессиональной деятельности. В многомерной методике, которая является "бланковой", преодолеваются известные трудности непосредственного наблюдения человека в профессиональной деятельности.

Г.М. Евелькин

МЕТОД ОБОБЩЕНИЯ ХАРАКТЕРИСТИК – группа методик, приемов и способов получения информации на изучаемое лицо (нескольких лиц), основанных на том, что в процессе своей жизнедеятельности (на работе, в быту, по местам проведения досуга и т.п.) человек в той или иной степени проявляет свои личные качества (деловые, волевые, коммуникативные, политические, эмоциональные и т.д.). Эти "проявления" личности воспринимаются сослуживцами, коллегами, знакомыми, родственниками, иным окружением и отражаются в форме определенного рода представлений, мнений о конкретном лице. Изучение этих мнений и представлений, их анализ и обобщение позволяют сделать достаточно объективные выводы о личностных характеристиках данного лица.

Сущность данного метода выражена самим его названием. Речь идет о получении из различных источников характеристик на одно и то же лицо и последующем их обобщении и анализе, на основе чего делаются выводы о личности – ее достоинствах, недостатках и т.д. Характеристики должны быть разнообразны (насколько это возможно) по охвату периодов жизни изучаемого. Они должны быть получены от лиц, знающих изучаемого с различных позиций: по совместной работе, совместному проведению досуга, совместной общественной деятельности и т.д. По своей сути М.О.Х. ориентирован на ретроспективное исследование личности – того, что уже проявилось в поведении и деятельности конкретного человека.

Ценность М.О.Х. состоит прежде всего в том, что он представляет собой одну из форм изучения личности через мнения людей, с которыми он взаимодействовал, которые были свидетелями ее поступков и действий в конкретных жизненных и производственных ситуациях. В силу этого обобщение характеристик, как метод изучения личности, предполагает сбор (в произвольной или стандартизованной форме) характеристик на изучаемого от нескольких достаточно хорошо знающих его лиц с их последующим сравнительным анализом. В качестве характеристик могут рассматриваться как устные, так и письменные сообщения (воспоминания, дневники, характеристики и т.д) источников об интересующих нас лицах, получаемых под истинным или легендированным предлогом. Важнейшим условием реализации М.О.Х. является обеспечение независимости суждений каждого источника от мнения других. В любом случае следует помнить, что не могут считаться независимыми характеристики, полученные в условиях группового обсуждения качеств изучаемого: на собрании, совещании и т.д. Независимые характеристики получаются только в индивидуальных беседах об изучаемом, в условиях индивидуального ответа на вопросы анкеты или индивидуального произвольного описания личных качеств изучаемого лица. В связи с этим инфор-

мация, характеризующая конкретное лицо, может быть как *качественной*, так и *количественной*.

Важной стадией использования М.О.Х. является собственно анализ информации, полученной в процессе сбора первичных данных. Тщательность сопоставления характеристик, полученных на изучаемое лицо от различных источников, учет особенностей тех ситуаций, в которых конкретный источник наблюдал проявления личных качеств изучаемым, знание закономерностей проявления вовне различных особенностей и состояний личности – основные условия успешности М.О.Х.

Методика обобщения независимых характеристик в отечественной социальной психологии и психологии труда активно разрабатывалась и пропагандировалась К.К. Платоновым. В настоящее время существует несколько разновидностей методики обобщения независимых характеристик, отработанных с учетом нужд педагогики, спорта и производственной деятельности.

Вариантом М.О.Х. является методика экспертных оценок. При этом человек, выступающий в роли эксперта, должен хорошо знать изучаемого и давать оценку отдельным качествам изучаемого количественно в соответствии с содержащимися в анкете вопросами. Так, в методике "Поведение на работе", разработанной Г.И. Саганенко, процедура сбора информации предусматривает опрос двух-трех экспертов, хорошо знающих обследуемого и выполняющих задание независимо друг от друга. Иногда этот метод называют методом гетерооценок, т.е. оценок, поступивших извне.

Разновидностью метода экспертных оценок могут считаться социометрические опросы, определяющие отношение группы (коллектива) к одному из своих членов по указанным в анкете критериям выбора (для совместной работы, учебы и др.). Родоначальником этого направления в социальных исследованиях является Дж. Морено (**см.**). Еще одной разновидностью М.О.Х. является методика ГОЛ (групповая оценка личности), которая активно используется в социально-психологических и социологических исследованиях.

Г.М. Евелькин

МЕТОДОЛОГИЯ – учение о способах организации и построения теоретической и практической деятельности человека. Философия выявляет общественно-историческую зависимость репертуаров и средств деятельности людей от уровня их развития и от характера разрешаемых ими проблем. В границах обслуживания типовых программ деятельности смысл М. сводим к обеспечению их нормативно-рационального построения. Общественно-историческая и культурная обусловленность М. выявляется в ходе изменения ее оснований, а также в процессах выработки новых методологических средств. Значимую роль в разработке философских проблем М. сыграли Сократ, Платон, Аристотель, Ф. Бэкон, Р. Декарт, И. Кант, Ф. Шеллинг, Г. Гегель и др.

Специфический подход к проблеме предлагает системомыследеятельностная М. Сложность отношений М. и философии, как известно, определялась тем, что и М. может трактоваться с позиции философии, и философия может характеризоваться в рамках некоей обобщенной М. Пока в науке доминировала вера в незыблемые познавательные стандарты, философия реконструировалась в категориально-понятийных комплексах общей М. познания. Но поскольку в 20 в. познавательные стандарты обнаружили собственную зависимость от самого процесса познания, от развитости познающего субъекта и от типа познаваемых объектов, постольку в основаниях М. выявились социально-исторические, человеческие, личностные, культурные измерения, потребовалось их принципиально иное философское осмысление. В этом плане М. обнаружила свою условность в контексте постоянно воспроизводящихся репертуаров и процедур деятельности людей.

В развитии современной М. все большее место занимают вопросы, связанные с динамикой познавательных проблем, культурно-исторической природой познавательных средств, изменчивостью категорий и понятий, формированием новых познавательных установок и т.д. Эти вопросы так или иначе сопряжены с включением в структуру М. философских представлений. Методологическая работа философии не ограничивается анализом познания, она рассматривает схемы деятельности, создаваемые людьми для обновления и воспроизводства социального бытия. Задачей М. становится выяснение, конструирование и преобразование схем деятельности, интегрированных в повседневный опыт человеческих индивидов. М. становится важным пунктом осмысления и переосмысления современной культурной проблематики. Внимание М. к схемам обыденного поведения и мышлению людей объясняется тем, что в их повседневном опыте традиции и стандарты деятельности перестают играть прежнюю роль. Действия и поступки людей, их общение и мышление утрачивают черты естественности стереотипных актов. Автоматизмы человеческого бытия уступают определяющую роль всевозрастающей совокупности оригинальных ориентиров, вырабатываемых людьми в процессах проблематизации, програмирования, проектирования и решения конкретных жизненных задач. Осуществление новых нетрадиционных схем деятельности становится уделом все большего числа людей. Эффективность этой работы – это вопрос существования и обновления современной культуры. Последняя живет и трансформируется в значительной мере благодаря тому, что, осмысливая собственную методологичность, культивирует общественно-гуманитарные измерения М.

А.А. Грицанов

МЕТОД ПАРНЫХ СРАВНЕНИЙ – (I) М.П.С. Тьюки – один из методов дисперсионного анализа (**см.**), предназначенный для попарного сравнения средних значений зависимой переменной в отдельных группах в эксперименте факторном (**см.**). *F*-критерий, позволяющий отклонить нулевую гипотезу об отсутствии различий между средними значениями групп (см. **Анализ дисперсионный**), не дает ответа на вопрос, в каких именно группах средние значения различаются. Наиболее простой способ узнать это состоит в том, чтобы попарно сравнить средние значения признака во всех группах [если в эксперименте используется k групп, необходимо $k(k-1)/2$ сравнений]. Результаты сравнений представляются в виде таблицы, в которой отмечается, между средними значе-

ниями каких групп найдены существенные статистические различия.

Для проверки нулевой гипотезы о равенстве средних значений признака в группах с номерами i и j $(H_0 : \mu_i = \mu_j)$ против альтернативной гипотезы, состоящей в том, что средние значения этих групп различаются $(H_1 : \mu_i \neq \mu_j)$, используется критерий $q = \frac{\bar{y}_i - \bar{y}_j}{\sqrt{MSS_{внгр} / n}}$, имеющий распределение стьюдентизованного размаха с числами степеней свободы [k; k (n – 1)]. Нулевая гипотеза отклоняется, если вычисленное значение больше, чем $q_{1-\alpha}$ (см. **Статистическая проверка гипотез**). Здесь k – число групп в эксперименте; n – число объектов в каждой группе; $\bar{y}_i$ и $\bar{y}_j$ – средние значения признака в группах с номерами i и j; $MSS_{внгр}$ – внутригрупповой средний квадрат (см. **Анализ дисперсионный**).

М.П.С. Тьюки применяется, только если объем всех групп в эксперименте одинаков. В других случаях, а также при необходимости более сложных сравнений, используются методы множественных сравнений (**см.**).

(II) Один из методов изучения предпочтений, который заключается в том, что респондентам предъявляются все возможные сочетания пар объектов и предлагается в каждой паре указать предпочтительный (в соответствии с заданным критерием) объект. Результатом опроса является матрица парных сравнений $\|a_{ij}\|$, где $a_{ij} = 1$, если респондент предпочел i-тый объект j-тому, и $a_{ij} = 0$ во всех остальных случаях, $i, j = \overline{1,n}$. Степень предпочтения респондентом объекта i определяется как сумма единиц в соответствующей строке матрицы.

Парные (или попарные) сравнения при небольшом числе объектов – наиболее точный и надежный метод выявления предпочтений. Он применяется обычно, чтобы выявить предпочтения экспертов "в чистом виде". Считается, что гораздо легче сделать качественное сравнение двух объектов, чем выражать свои предпочтения в балльной или ранговой шкале. Этот метод оценки считается нереактивным, он не навязывает респондентам априорных условий.

Считая предпочтение некоторой случайной величиной, отражающей истинное соотношение характеристик сравниваемых объектов, можно ставить задачу определения вероятности истинного соотношения сравниваемых объектов (модели Брэдли, Терри, Льюса и др.). Метод парных сравнений позволяет определить значимость различий положения тех или иных объектов в иерархии и решать другие сходные задачи.

Недостатком метода является рост трудоемкости процедуры при увеличении числа объектов: уже при 12-15 объектах процедура становится трудоемкой. Кроме того, разные пары объектов иногда сопоставляются респондентами по разным критериям, что приводит к нетранзитивности предпочтений. Метод широко используется в экспертных оценках.

В.И. Паниотто

МЕТОДЫ МНОЖЕСТВЕННЫХ СРАВНЕНИЙ – статистические методы, являющиеся составной частью анализа дисперсионного (**см.**) и предназначенные для проверки гипотез о различиях между средними арифметическими значениями зависимой переменной в группах в эксперименте факторном [см. также **Метод парных сравнений (I)**].

М.М.С. базируются на понятии контраста средних. Контрастом называется линейная комбинация средних $\sum \lambda_i \mu_i$, коэффициенты которой удовлетворяют условию $\sum \lambda_i = 0$. Каждый контраст позволяет сравнить среднее взвешенное двух наборов групп. Например, $\mu_1 - \mu_2$, $\frac{1}{2}(\mu_1 + \mu_2) - \frac{1}{3}(\mu_3 + \mu_4 + \mu_5)$ и т.п. Нулевая гипотеза ($H_0 : \sum \lambda_i \mu_i = 0$) предполагает, что два набора групп по своим средним значениям существенно не различаются; альтернативная гипотеза ($H_1 : \sum \lambda_i \mu_i \neq 0$) – что различия между двумя наборами групп статистически значимы. Существует несколько методов проверки этой гипотезы, наиболее распространенными из которых являются Т-метод Тьюки и S-метод Шеффе.

Для проверки гипотезы по методу Шеффе необходимо построить доверительный интервал $\sum \lambda_i \bar{y}_i \pm S$, где $S = (k-1) MSS_{внгр} F_{1-\alpha} \sum \left(\lambda_i^2 / n_i \right)$; λ_i – контрастные коэффициенты групп, n_i – объем групп, входящих в контраст, $MSS_{внгр}$ – внутригрупповой средний квадрат (см. **Анализ дисперсионный**), $F_{1-\alpha}$ – 100(1-α)-й квантиль распределения F с числами степеней свободы $(p-1; n-p)$. Если этот интервал не содержит 0, то H_0 отвергается при уровне значимости α. Эта процедура повторяется для каждого контраста, представляющего интерес для исследования.

Метод Тьюки применяется только в случае равных объемов групп. Для проверки гипотезы $H_0 : \sum \lambda_i \mu_i = 0$ против альтернативы $H_1 : \sum \lambda_i \mu_i \neq 0$ нужно построить доверительный интервал $\sum \lambda_i \bar{y}_i \pm T$, где $T = \frac{1}{2} \sqrt{\frac{MSS_{вн}}{m}} q_{1-\alpha} \sum |\lambda_i|$, а $q_{1-\alpha}$ есть 100(1–α)-й квантиль распределения стьюдентизированного размаха с числами степеней свободы p и $n–p$. Если этот интервал не содержит 0, то H_0 отвергается при уровне значимости α.

О.В. Терещенко

МЕХАНИЧЕСКАЯ и ОРГАНИЧЕСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ (англ. mechanical and organic solidarity) – различие, идущее от Дюркгейма (**см.**) (1893), между двумя типами социальной солидарности: механической, основанной на подобии индивидов формой солидарности, преобладающей в простых и менее развитых обществах, и органической, основанной на разделении труда, характерной для современных развитых обществ.

Уже в период феодализма, по Дюркгейму, между работником и хозяином возникла механическая солидарность: хотя работник и не был юридически равноправен хозяину, он пользовался определенной частью получаемого продукта. Присущие мануфактурному периоду формы разделения труда

и пожизненного прикрепления рабочих к частичной трудовой функции явились основой существования механической солидарности. Замена мануфактурного производства производством, основанным на применении машин и использовании наемного труда, создала предпосылки для возникновения органической солидарности. Непрерывное распределение различных человеческих работ порождает и усиливает органическую солидарность и само становится причиной возрастающей сложности и объема социального организма. Тем самым разделение труда становится, по Дюркгейму, условием воспроизведения органической солидарности, так как связывает между собой работников, группы, классы, участвующие своим особым способом в социально-экономическом развитии общества.

Г.И. Соколова

МЕЧНИКОВ Лев Ильич (1838-1888) – русский географ, социолог, общественный деятель. Учился медицине, образование не закончил из-за участия в студенческом движении. С 1858 за границей. Участвует в итальянском освободительном движении, сближается с Бакуниным, редакцией "Колокола". С 1876 – в Швейцарии, где сосредоточивается на научной работе, ближайший сотрудник Э. Реклю, с 1883 занимает кафедру сравнительной географии и статистики в Невшательской академии. Опубликовал ряд статей по социологии в ключе позитивизма. Основная работа М. – "Цивилизация и великие исторические реки" (опубликована посмертно на французском языке в 1889).

Отвергая концепцию социал-дарвинизма за его механистическое уподобление социальных закономерностей закону борьбы за существование, исследователь стремился превратить социологию в точную научную дисциплину. Для этого, по его мнению, было необходимо сформулировать истинные специфические законы общественной жизни, а также достаточно корректно определить критерии социального прогресса.

Полагая, что общество начинается там и тогда, где и когда несколько живых существ собрались вместе для достижения совместными усилиями общих целей, М. подчеркивал, что в обществе стремление к кооперации, сотрудничеству является определяющим. "Биология, – писал он, – изучает в области растительного и животного мира явления борьбы за существование, социология же интересуется только проявлениями солидарности и объединения сил, т.е. факторами кооперации в природе".

Определяя социологию как науку, включающую все явления солидарности – от связей в мире одноклеточных до производственной кооперации людей, М. ориентировался на использование продуктивных аналогий между обществом и биологическим организмом, отвергая при этом примитивный биологический редукционизм.

Идея общественного прогресса занимала центральное место в социологической концепции М. Без идеи прогресса, по его мнению, человеческая история представляет лишь бессмысленный склад событий. И в этом контексте ученый видел задачу социологии в том, чтобы определить, в чем состоит прогресс и по какому точно определенному признаку можно узнать, прогрессирует ли данное общество.

В качестве некоего количественного индикатора степени эволюции общества по пути социального прогресса М. фиксировал достигнутый людьми уровень солидарности, вытесняющей первичную борьбу за существование, характерную для биологической природы. Обращая внимание на то, что солидарность как отношение людей может конституироваться как добровольно, так и по принуждению, социолог полагал, что именно степень свободы индивидов в этом процессе выступает как главное мерило прогрессивности данной цивилизации. Исторические же типы кооперации, в которых реализуется людская солидарность, обусловливаются мерой необходимости последней, осознаваемой человеком.

История, по М., – это в конечном счете процесс постепенной трансформации от кооперации подневольного типа (за счет внешних принудительных сил) через союзы индивидов подчиненного типа, обусловленные общественным разделением труда, к свободным и добровольным ассоциациям людей, формирующимся "в силу общности интересов, личных наклонностей и сознательного стремления к солидарности".

Настаивая на том, что "социальный прогресс находится в обратном отношении к степени принуждения, насилия или власти, проявляющихся в общественной жизни, и, наоборот, в прямом отношении к степени развития свободы и самосознания", М. пытался выявить механизмы этого процесса, основания смены этапов истории.

Ориентируясь на концептуальный подход, присущий географической школе, М. искал источник эволюции цивилизации в отношении "между средой и способностью населяющих данную среду людей к кооперации и солидарности".

Среда, по М., – это не просто окружающая природа, а лишь та ее часть, которая вовлекалась в процесс человеческого труда и изменялась под его воздействием. Полагая, что главным компонентом географической среды является так называемый гидрологический фактор (воздействие водных ресурсов на деятельность людей), М. вычленил в мировой истории три основные эпохи или цивилизации: речную, морскую и океанскую (или "всемирную"). Данный фактор вместе со способностью населения приспосабливаться в ходе производственной деятельности к внешним условиям и рассматривал исследователь в качестве движущей силы истории.

Несмотря на известный натурализм и некоторую односторонность в трактовке социального процесса и его источников, М. сумел не только преодолеть явную узость взглядов, как правило, присущих традиционалистским концепциям географического детерминизма, но также обозначить ряд проблем для дальнейших социологических исследований (особенности социальной психологии народов как элемент механизма социального развития, формы социокультурной трансляции трудовых привычек и общественных установлений и т.д.).

А.А. Грицанов

МИД (Mead) Джордж Герберт (1863-1931) – американский психолог, социолог и философ. При жизни печатался мало. Основные его работы собраны в книгах: "Разум, Я и

Общество" (1934) и "Философия действия" (1938). М. испытал сильное воздействие идей прагматизма, самоопределял свою концепцию как "социальный бихевиоризм", однако фактически (если смотреть во временной ретроспективе) заложил теоретические и методологические основания теории символического интеракционизма (**см.**) (термин введен его учеником Блумером – **см.** – в 1937).

Специфика восприятия реальности действующим субъектом (физическим субъектом, "живой формулой", социальным "Я") задается его непосредственным актом. Однако содержание объектов через акт предзадается всем прошлым опытом индивида. Следовательно, между субъектом и объектом складываются каждый раз особые отношения, так как объекты могут быть связаны с разным опытом субъектов. По сути они связаны с различными индивидуальными "перспективами", определяемыми спецификой отношений индивида со средой (следовательно "перспективы" имеют под собой объективные основания). Реальность складывается, в конечном счете, из многообразия возможных "перспектив" и систем социальных взаимодействий. Участие индивида одновременно во многих "перспективах" и задает социальность (т.е. последняя возникает в интерсубъективном пространстве взаимодействий). В этом отношении любая воспринимаемая реальность будет социальной, но всегда социален и субъект, конституируемый своим участием в различных "перспективах" и взаимодействиях (понимаемых как межиндивидуальные). Действия конкретного человека могут быть восприняты другими людьми, лишь будучи соотнесены со значениями, общими для взаимодействующих индивидов. Значения выражают редуцированные схемы прошлых взаимодействий, а их тождественность в опытах различных людей предполагает возможность "принятия роли другого". Сложное взаимодействие строится принципиально по этой же схеме, только в нем обобщается мнение группы относительно общего для индивидов, в нее входящих, объекта взаимодействия. Таким образом, в нем принимается не просто "роль другого", а "роль обобщенного другого". Усложнение взаимодействий, в которые включается индивид, предполагает и наращивание им способности к рефлексивному отношению. Происхождение "Я", таким образом, социально. Человек способен превращать себя в объект для самого же себя. "Завершенное" "Я" отражает структуру собственных взаимодействий, т.е. социальность, но и выступает источником новаций в ней.

В структуре социального "Я" М. различает две подсистемы. Подсистему "I" – автономный источник спонтанного поведения, определяющей специфику реакций индивида на стимулы. Она постоянно продуцирует отклонения в структуре взаимодействий, не давая последнему "окостенеть" в жестких схемах. Подсистему "me" – интернализованную структуру групповой деятельности. "I" ответственна за индивида как субъекта, "me" – как объекта. Любое взаимодействие предполагает владение языком (как символической системой), позволяющим через символы увидеть себя в мире и создавать новые символы. Способность владения символическими системами закладывается в социализации. Это необходимое условие возникновения сознания и становления индивидуальности. Общность значений для взаимодействующих индивидов задается языком, позволяющим извлекать смыслы через осознание мира и самосознание (в котором человек, будучи субъектом, способен становиться и объектом для самого себя). Взаимодействие "Я" как объекта и "Я" как субъекта опосредуется образом "обобщенных других" (вплоть до представлений об обществе в целом). Граница между "Я"-объектом и образом "обобщенных других" прозрачна и во многом относительна. "Я"-объект формируется как результат совместных действий и именно в таком качестве отделяется в рефлексии от "Я" субъекта. Тем самым образ "обобщенного другого" как посредник во многом предопределяет целостность складывающихся субъект-объектных отношений и на уровне индивида и на межиндивидуальном уровне в реальных "символических интеракциях"-взаимодействиях. Способность дистанцировать себя от роли и роли между собой (ход, развитый учеником М. – Гофманом) задает в ходе общения "игру в роли" как механизм поддержания социального порядка. При естественной установке задание социальных дистанций в мире невозможно. Влияние идей М. надолго пережило их автора и вышло далеко за пределы психологии и социологии. См. также: **Символический интеракционизм**.

В.Л. Абушенко

МИД (Mead) Маргарет (1901-1978) – американский антрополог, профессор Нью-Йоркского, Йельского, Колумбийского университетов, ученица Боаса (**см.**) и Бенедикт (**см.**). Дочь Дж.Г. Мида (**см.**). Работала в отделе этнологии Американского музея естественной истории. В течение 40 лет изучала примитивные народы бассейна Тихого океана. Основные работы: "Взросление на Самоа" (1927); "Как растут на Новой Гвинее" (1930); "Пол и темперамент в трех примитивных обществах" (1935); "Мужчина и женщина: изучение полов в изменяющемся мире" (1949); "Преемственность в эволюции культуры" (1964); "Культура и преемственность. Изучение конфликта, поколений" (1970) и др.

Главная тема творчества М. – "Культура и Личность" – охватывает несколько направлений исследований: культурно обусловленные методы воспитания, их влияние на развитие индивидуальности у детей; социальные источники конфликтов между поколениями (сравнение подросткового периода в архаических обществах и в странах Запада); предписываемые культурой способы мужского и женского поведения, зависимость сексуального поведения, соотношения материнских и отцовских ролей от принципов культуры; этнокультурные особенности психических процессов, закономерности формирования и проявления национального характера. М. разграничивала понятия социализации и инкультурации, где первое обозначает социальное научение вообще, а второе – "реальный процесс научения, как он происходит в специфической культуре".

М. выделяет три типа культур: 1) постфигуративные; 2) кофигуративные; 3) префигуративные. Для первого типа характерно: неосознанность и медлительность изменений; чув-

ство неизменной преемственности, обусловленное непосредственным контактом по крайней мере трех поколений. Прототипом постфигуративной культуры может быть изолированная примитивная культура, в которой мифологическое и близкое прошлое сливаются, а неизменность поддерживается вытеснением всего, что нарушает непрерывность и тождество. Условия, ведущие к изменениям в культурах постфигуративного типа, существуют в скрытом виде. Кофигуративной является культура, в которой моделью поведения для людей, принадлежащих данному обществу, становится поведение их современников. Кофигурация начинается там, где наступает кризис постфигуративной системы (например, в результате уничтожения старшего поколения, развития техники, переселения, завоевания, смены вероисповедания, революции и т.д.). Стиль кофигурации, пределы ее проявления в поведении могут определять и старшие поколения. Постфигуративные элементы, придающие обществу устойчивость, присутствуют и в этом типе культуры в виде некритически воспринятых убеждений и ценностей и автоматически усвоенных поведенческих реакций. Постфигуративные культуры, согласно М., могут восстанавливаться с помощью господствующей религии, национального государства или в форме культур отдельных социальных групп. Утверждению кофигурации в качестве доминирующей формы передачи культуры способствуют, по мнению М., средства массовой информации. Обострение различий опыта поколений создает новую культурную форму – префигурацию, где старшие поколения учатся у младших. М. различала культуры, в которых дети обучаются в основном практически (на собственном опыте), но под руководством старших (learning cultures) и культуры, где существуют специализированные институты обучения детей (teaching cultures).

Теоретические и культурологические исследования М. кумулируются в утопический проект создания всемирной "культуры участия", в которой приобретение человечеством семиотического и языкового единства будет возможно в результате технологической модернизации "третьего мира" и "революции метафор" в развитых странах, в ходе которой произойдет переориентация западной культуры с демонического понятия "ад" на живой образ "рая". Идеи М. продолжают оказывать влияние на этнографические (этнологические) и культурологические исследования, а также на социологическую школу символического интеракционизма.

Н.Ю. Шило

МИЛЛС (Mills) Чарльз Райт (1916-1962) – американский социолог и публицист. Один из идеологов движения "новых левых". В 1939 закончил Техасский университет по специальности: философия и социология. Работал в университете штата Висконсин под руководством Г. Беккера (**см.**), где защитил докторскую диссертацию по социологии прагматизма. Первые работы посвящены социологическим концепциям знания, нововведений и мотивов, изучению логики и языков культуры. С 1945 – в Колумбийском университете, где занялся эмпирическими исследованиями, в частности, мелкого бизнеса и городской жизни. В 1954 предпринял попытку связать макроскопические и микроскопические методы социологического исследования, что положило начало третьему периоду его творчества. Занял социально-критическую позицию, выступив одним из основных критиков эмпирической социологии в американской традиции. В его концепции прослеживается влияние идей Веблена (**см.**) и М. Вебера (**см.**). М. – виднейший представитель неомарксизма (**см.**) на американской почве, создатель "новой социологии" (как разновидности "радикальной социологии"). Сам свою позицию квалифицировал как среднюю между марксизмом и либерализмом. Основные работы: "Малый бизнес и гражданское благосостояние" (1946); "Беловоротничковый: американский средний класс" (1951); "Характер и социальная структура" (1953); "Властвующая элита" (русск. изд. – 1959); "Причины третьей мировой войны" (1958); "Социологическое воображение" (1959); "Марксисты" (1962); "Социология и прагматизм" (1964); "Власть, политика и народ" (1967) и др.

Два лейтмотива творчества М. – тема властвующей элиты и роли интеллектуалов в обществе и тема культуры и социальной структуры. С позиций социальной критики оценивал состояния современного ему американского общества как кризисное, утратившее импульсы к своему развитию. Сложившуюся социальную структуру квалифицировал как разрушающую основополагающие человеческие ценности (свободу, творчество, способность к воображению и т.д.). Двигаясь в традиции, заложенной Р. Михельсом (1876-1936), Г. Моска (1858-1941) и Парето (**см.**), развивал идею элитистской структуры общества. М. критикует взгляды, связывающие господство элит с их морально-психологическими особенностями, видя его причину в занимаемых элитами позициях в основных социальных институтах общества и образуемой этими институтами социальной структуре. Основной тип отношений между людьми – отношения господства и подчинения, конкретизирующиеся в наборах социальных ролей, закрепляемых в институциональных порядках, комбинация которых определяет лицо социальной структуры. М. различает и исследует пять основных институциональных порядков современного общества, имеющих тенденцию к интегрированию в единое целое, – политический (власть), экономический (труд, техника, хозяйство, отчасти распределение благ), военный, семейный и религиозный. М. считал, что в современную эпоху есть больше оснований говорить о "политическом" или "военном" детерминизме общественной жизни, чем об детерминизме "экономическом", а также о господстве промышленной, политической и военно-бюрократической элит, нежели о господстве какого-либо класса. Классовая структура общества сохраняется, но формируется "новый средний класс" ("белые воротнички"), в силу уровня получаемых доходов и "вписанности" в институциональные порядки не обладает импульсами к социальным изменениям. В силу этого господство элит достаточно иерархически "простроено", монопольно и идеологически привлекательно и обосновано (принцип борьбы за статус и признание в социальной структуре классового индустриального общества). В связи с этим М. резко критикует

сторонников плюралистических концепций власти (Рисмен и др.). Единственной группой, способной противостоять этим тенденциям и возродить "великую американскую общественность" времен Т. Джефферсона, М. признает интеллектуалов (прежде всего социогуманитарную интеллигенцию) в силу их особого места в культуре общества.

Культура рассматривается М. как "тотальность", равнозначная социальной структуре. Культура – это интеллектуальные и моральные области человеческого бытия, способы мышления и чувствования, воображения и восприятия. Культура суть общий знаменатель духовных способов освоения человеком окружающего мира. В связи с этим М. вводится понятие "нации-государства" как институционального "культурного" носителя социальной структуры. В культуре, вслед за Ч. Сноу, М. выделяет две области: связанную с естественнонаучным знанием ("фальшивую", "претенциозную", "двусмысленную") и связанную с социогуманитарным знанием. Последнюю, в условиях отсутствия социальной науки представляет литература, которой никогда не хватало "интеллектуальной ясности". В современном обществе ее место должна занять прежде всего социология ("новая социология", порождающая "социологическое воображение"). М. всегда отстаивал тезис о влиянии идей, взглядов и мнений на ход исторического развития. Здесь же он усиливает требование их критической обоснованности, что позволило бы задать новый знаменатель человеческому существованию (через набор понятий и категорий способов мышления и восприятия, которыми должен руководствоваться современный человек). С точки зрения культуры, важно правильно определить эпоху. М. считает, что на смену Античности, Ориентализму (неправильно определенному как "Темные века") и Новому времени приходит четвертая эпоха. Она характеризуется тем, что обнаруживает историческую ограниченность всех понятий и представлений европейской культуры, их нарастающую дезорганизацию, их неоперационализируемость (т.е. неприменимость к современным реалиям). Это эпоха краха идей Просвещения (идей достижения прогресса посредством разума, идей демократии и науки как механизмов достижения благоденствия, идей либерализма и социализма и т.д.).

В современных структурах, по мысли М., идеи разума и свободы стали, как минимум, спорными, а идеи классового сознания (Маркс – **см.**) и психоаналитической терапии (Фрейд – **см.**) как средство "прояснения" разума вообще утратили под собой какую-либо реальную почву. Увеличение рационализации жизни не ведет к росту свободы человека. Технологическое изобилие плохо отражает критерии культурного и человеческого прогресса. Возможны рациональность без разума и разум, не обладающий высокими качественными параметрами, т.е. отчужденный разум (как отсутствие свободы разума в человеческом бытии). Отсюда центральный вопрос современной эпохи – вопрос человеческой индивидуальности. Задача философии и науки – определение природы человека и предела его возможностей. Необходим анализ факторов, порождающих и противостоящих возможному наступлению эпохи "жизнерадостного робота". Порождающий источник, в конечном итоге, – властвующие элиты, "замыкающиеся на себя" и изживающие принципы свободного критического мышления. Противостоит этим тенденциям неотчуждаемость человека, его постоянный интеллектуальный вызов бытию, независимость и критичность его мышления. В разной мере эти проблемы исследовали, согласно М., Маркс (**см.**), Фрейд (**см.**), Дж.Г. Мид (**см.**), Хорни (**см.**) и др. Однако уровень задачи требует порождения "третьей" культуры, "новой социологии" ("социологического воображения"), противостоящей как ограниченности "высокой теории" (Парсонс – **см.**), так и "абстрактного эмпиризма" (П. Лазарсфельд).

В.Л. Абушенко

МИЛЛЬ (Mill) Джон Стюарт (1806-1873) – основатель английского позитивизма, экономист, социолог, этик, логик, теоретик либерализма. Член палаты общин английского парламента (1865-1868). М. внес значительный вклад в становление социологии и разработку эмпирических методов социальных исследований.

Обращения М. к проблемам социологии было вызвано неудовлетворенностью утилитаристской моделью анализа поведения человека и концепцией "экономического человека", слишком упрощающих реальность и не учитывающих влияния многообразия факторов социальной и культурной среды. М. много сделал для пропаганды в Англии идей Конта (**см.**). Однако между их социологическими взглядами существуют принципиальные различия: Конт – социологический реалист, М. – последовательный номиналист. В связи с этим М. полагал, что универсальный характер имеют только законы индивидуальной психологии. Потребность же в социологии вытекает из факта невозможности наблюдения человека вне социальных связей. Однако законы социологии обладают потенциалом объяснения (необходимо лишь предостерегаться от необоснованных экстраполяций абстрактных представлений). Психологический редукционизм приводил М. к выводам о том, "что все общественные явления суть порождения человеческой натуры".

Разногласия между М. и Контом были первой в истории социологии версией спора между психологизмом и социологизмом, редукционизмом и холизмом. Экономические и социологические взгляды М. изложены в работе "Основания политической экономики с некоторыми приложениями к общественной философии" и в монографии "Огюст Конт и позитивизм" (1865). М. известен также разработкой индуктивной логики и попыткой эмпирического обоснования с ее помощью социологии. Индуктивная логика трактовалась им как методологическая основа обобщения фактов и доказательства выводов. Он впервые разработал основные схемы логического анализа причинно-следственных связей в социальном эксперименте: методы единственного сходства и единственного различия, сопутствующих изменений и остатков ("Система рассудочной и индуктивной логики". Тт. 1-2, 1843). Ориентируясь на образцы естественных наук, М. придавал большое значение применению в социальных науках статистических

методов. Однако возникшие методологические проблемы привели его к отрицанию возможности применения эксперимента в социальных науках.

Философские идеи М. в основном развивали принципы этического утилитаризма И. Бентама ("Утилитаризм", 1863) с позиций либерального реформатора. Заметно влияние на него Дж. Беркли и Д. Юма. Другие работы М.: "О свободе" (совместно с женой Г. Тейлор, 1859); "Размышления о представительном правлении" (1861); "Утилитаризм" (1861); "Обзор философии сэра Вильяма Гамильтона..." (1865); "Подчиненность женщины" (1869); "О религии" (очерки, опубликованы посмертно, 1874) и др.

А.П. Лимаренко

МИЛЬШТЕЙН Олег Александрович (р. 1936) – российский социолог. Один из создателей современной российской социологии спорта. Кандидат педагогических наук (1967), доцент (1968). Заслуженный работник физической культуры Российской Федерации (1999). Член Международного комитета спортивной социологии СИЕПС/ЮНЕСКО и редколлегии "Международного журнала по социологии спорта" (1972-2001). Участник ряда научных международных конгрессов по истории и социологии спорта.

В 1941-1944 находился в гетто Могилев-Подольска и концентрационном лагере "Транснистрия" ("Мертвая петля") в Винницкой области СССР. Окончил Челябинский энергетический техникум (1956). Был призером и чемпионом Челябинска и Урала по классической (греко-римской) борьбе. Окончил Омский государственный институт физической культуры (1960). Работал тренером, спортивным обозревателем телевидения, корреспондентом молодежной газеты, преподавателем физического воспитания. В 1961-1963 – ассистент кафедры теории и методики физического воспитания, истории, организации и управления физической культуры Омского Государственного института физической культуры. В 1963-1966 – аспирант и ассистент кафедры истории, организации и управления физической культуры Государственного Центрального института физической культуры (Москва). В 1966-1970 – ассистент, старший преподаватель, доцент кафедры истории, организации и управления физической культуры Омского Государственного института физической культуры. Член Советской социологической ассоциации (с 1968). В 1971-1978 – зам. заведующего кафедрой управления и истории физической культуры; заведующий кафедрой теории и методики физического воспитания Белорусского государственного института физической культуры (Минск). В 1971-1977 был автором и руководителем общесоюзного социологического исследовательского проекта "Образ жизни и спортивная карьера советского спортсмена-олимпийца". В 1972 создал первую в СССР научно-исследовательскую лабораторию и аспирантуру по социологии спорта в Белорусском Государственном институте физической культуры (Минск). В 1973 разработал и реализовал программу учебного курса "Социология спорта". В 1974 организовал и провел опрос "Спорт будущего". В 1978-1981 – старший научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института физической культуры и научный руководитель лаборатории по теории и социологии спорта Государственного Центрального института физической культуры (Москва). В 1981 – соосновательи заместитель заведующего первой и единственной кафедры истории и социологии спорта в Государственном Центральном институте физической культуры (Москва); в 1985-1991 – заведовал этой кафедрой. С 1993 член научной комиссии Олимпийского комитета России. В 1996-1998 – начальник отдела по связям с МОК, МСФ и НОК Исполнительной дирекции Оргкомитета Всемирных юношеских игр (Москва). С 1997 – член Международной ассоциации Олимпийских историков.

Автор книг "Социология физической культуры и спорта в СССР" (1972, 1974), "Советский олимпиец: социальный портрет" (1979, в соавт. с К.А. Кулинковичем), "Олимпия" (1996), "Олимпионики" (2001; книга первая трилогии "Олимпийская сага") и около 200 статей, опубликованных на 30 иностранных языках.

В.И. Овчаренко

МИЛЮКОВ Павел Николаевич (1859-1943) – русский социолог, историк, общественный деятель. Приват-доцент Московского университета (1886). Читал лекции по всеобщей истории в Софийском Высшем училище (1897). В тюремном заключении (1901-1902). В 1903 читал курс лекций в США на тему "Россия и ее кризис". Один из основателей партии кадетов (1905). Депутат третьей и четвертой Государственных Дум. Министр иностранных дел во Временном правительстве (март-апрель 1917). Эмигрировал (1920). Выступал против сотрудничества русских эмигрантов с Гитлером, приветствовал победы Советской Армии в годы Второй мировой войны. Основные работы: "Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев" (1893); "Очерки по истории русской культуры" (1896-1903); "Интеллигенция и историческая традиция" (1910); "История второй русской революции" (1921-1924); "Эмиграция на перепутье" (1926); "Россия на переломе" (1927); "Республика или монархия" (1929) и др.

Общественно-политическим идеалом М. была идея европейски организованного правового государства парламентского типа. (Магистерская диссертация М., защищенная им в 1892, была посвящена обоснованию европеизации России как имманентного и объективного процесса.) Следствием явилось его всемерное и осознанное противостояние как идеологии славянофильства, так и теориям революционного марксизма. Детерминанты социального развития "национальных организмов" (базовое понятие в его понимании для научной реконструкции исторического процесса) М. усматривал в эволюции духовной культуры, преломляющейся в разнообразных репертуарах межпсихического взаимодействия индивидов. М. не разделял религиозный пафос авторов сборника "Вехи", полагая, что религиозный морализм – это прошлое для России. М. отказывался рассматривать и оценивать постоктябрьские реалии России исключительно в контексте антинародности и антигуманной сущности нового режима.

Разделяя ориентации подавляющего большинства эмигрантов на желательность и оправданность насильственного свержения советской власти, М. тем не менее был убежден в том, что осуществившийся поворот событий не был случайным, соответствовал определенным тенденциям развития самодержавия и поэтому нуждается в серьезнейшем изучении, продуктивном даже самом по себе.

А.А. Грицанов

МИНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ (далее – МНИИСЭПП) – социологический исследовательский институт, созданный по решению Минского городского исполнительного комитета в 1993. Деятельность МНИИСЭПП обусловлена необходимостью постоянного отслеживания социально-экономической и политической ситуации в почти двухмиллионном городе, совершенствования руководства городским хозяйством. Директор института – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, профессор, доктор исторических наук В.А. Бобков.

МНИИСЭПП работает как хозрасчетное предприятие. Штат сотрудников небольшой, поэтому для проведения исследований активно привлекаются ведущие ученые Национальной академии наук Беларуси, Белорусского государственного университета, других учебных заведений и научных центров республики, практические работники.

Проводимые исследования носят многоплановый, комплексный характер. Особое внимание обращается на практическую часть работы. Рекомендации ученых помогают горисполкому определять пути решения таких наиболее злободневных проблем экономической и общественной жизни города, как совершенствование социальной защиты и адресной поддержки наименее защищенных слоев населения, улучшение организации медицинского обслуживания, развитие предпринимательства, преодоление безработицы, улучшение экологии и городской среды, содержание жилищного фонда, работа общественного транспорта и др. Изучаются также процессы разгосударствления и приватизации в торговле и бытовом обслуживании, разрабатывается региональная программа научно-технического развития, подготовлена концепция управления городской недвижимостью. Результаты исследований способствуют принятию нормативных и законодательных актов.

Итоги зондажей общественного мнения жителей белорусской столицы не являются достоянием только государственных структур. Они широко представляются в средствах массовой информации, научных изданиях, на научно-практических конференциях.

Л.Н. Михейчиков

"МИРО-СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ" – текст И. Валлерстайна (**см.**), опубликованный в 1987.

Согласно Валлерстайну, миро-системный анализ – это не теория о социальном мире или его части. Это – протест против способов, которыми было структурировано социальное научное исследование при его возникновении в середине 19 в. Этот метод исследования стал набором часто неоспоримых допущений a priori. Миро-системный же анализ утверждает, что этот метод научного исследования, практикуемый во всем мире, оказал в большей степени эффект *закрытия*, нежели *раскрытия* многих наиболее важных и наиболее интересных вопросов. Миро-системный анализ родился как моральный и как политический, в его самом широком смысле, протест. Однако именно на основе научных требований, т.е. требований, относящихся к возможностям системного знания о социальной реальности, миро-системный анализ бросает вызов господствующему методу исследования.

Это – спор о фундаментальных принципах. Эмпирический спор, по мысли Валлерстайна, должен быть отнесен на самый комплексный и целостный уровень. Охватывает ли сумма полученного теоретизирования, исходящего от того или иного набора предпосылок, известные описания реальности в более "удовлетворительной" манере? Известные нам "описания" реальности есть – в некоторых пределах – функция от наших исходных посылок; будущие "описания" могут, конечно, трансформировать наше восприятие реальности. Действительно ли охватывает реальность "теоретизирование", претендующее сегодня охватить ее? И последнее, но не менее важное: что означает "охватить" реальность "в более удовлетворительной манере"? Есть ли этот последний критерий нечто большее, чем эстетическое определение?

Валлерстайн пишет: я предлагаю взять семь общих предпосылок социального научного исследования и определить, что же заставляет меня чувствовать относительно них дискомфорт. Социальные науки состоят из нескольких "дисциплин", которые являются интеллектуально-связанными группировками, предметно отличающимися друг от друга. Этими дисциплинами чаще всего считаются антропология, экономика, политическая наука и социология. Конечно, имеются и потенциальные добавления к этому перечню, такие, как география. Является ли история социальной наукой или нет – предмет полемики. Подобный спор идет и о социальной психологии.

Существует растущая мода, по меньшей мере с 1945, выражать сожаление по поводу ненужных барьеров между "дисциплинами" и отстаивать достоинства "междисциплинарного" исследования и/или обучения. Это аргументируется по двум пунктам.

Первый – это утверждение, что анализ некоторых "проблемных областей" может извлечь пользу из подхода, соединяющего взгляды многих дисциплин. Говорят, например, что если мы хотим исследовать "труд", то объединение знаний, предлагаемых экономикой, политической наукой и социологией, могло бы быть очень выгодным. Логика такого подхода ведет к мультидисциплинарным командам или единому образовательному "изучению нескольких дисциплин", по крайней мере в той степени, в какой они имеют отношение к "труду".

Второе предполагаемое основание для "междисциплинарного" исследования слегка иное. Доказывается, что когда мы проводим коллективное исследование, то становится ясно,

что некоторые из наших предметов находятся на границе двух или более дисциплин. "Лингвистику", например, можно поместить на такой границе. Логика такого подхода может привести в конечном итоге к развитию новой "автономной дисциплины", каковой во многих отношениях является то, что получилось из изучения лингвистики в течение последних тридцати лет.

Тем не менее, по мысли Валлерстайна, восхваление достоинств междисциплинарной работы в социальных науках пока еще значительно не подорвало силы организационных аппаратов, которые защищают обособленные дисциплины. По сути, может быть справедливо и противоположное: что усилило притязание каждой дисциплины представлять логически обособленный уровень анализа, привязанный к соответствующей методологии, – так это постоянное утверждение практиков различных дисциплин, что у каждой есть, что позаимствовать из другой и чего она не могла бы узнать, оставаясь на своем собственном уровне анализа со своей специфической методологией, что это "другое" знание является уместным и важным для решения интеллектуальных проблем, над которыми каждая работает. Междисциплинарная работа ни в каком смысле не является сама по себе интеллектуальной критикой существующего разделения социальной науки и в любом случае нуждается в политическом нажиме, чтобы влиять на существующие институциальные структуры.

Валлерстайн ставит проблему: являются ли различные социальные научные дисциплины действительно "дисциплинами"? Как отмечает исследователь, для слова, так широко используемого, редко обсуждается, что же составляет дисциплину. Для этого термина нет статьи ни в "Международной энциклопедии социальных наук", ни в "Энциклопедии философии", ни в "Энциклопедии Британика". Лучше обратиться к "Оксфордскому словарю английского языка", который утверждает, что: Этимологически, "дисциплина", как относящееся к представителю или ученому, – противоположна "доктрине" – принадлежность доктора или учителя. Впоследствии же – в истории слов – "доктрина" больше относилась к абстрактной теории, а "дисциплина" – к практике и исполнению. Но, напоминая о происхождении термина, "Оксфордский словарь" не дает ничего лучшего в современном определении, чем описание ее как "раздела преподавания или образования; отрасли знаний; науки или искусства в его образовательном аспекте". Упор здесь делается на воспроизводство знания (или по меньшей мере его распространение), а не на его производство.

Валлерстайн утверждает: Когда-то не было социальных наук или были только "предшественники". Затем медленно, но верно появлялся в ходе 19 ст. ряд названий, затем факультетов, степеней и ассоциаций, которые к 1945 (хотя иногда и раньше) кристаллизировались в категории, которыми мы пользуемся сегодня. Имелись и другие названия, которые были отброшены и которые, вероятно, подразумевали другие "классификации" предмета. Что охватывали такие термины, как "моральная экономика" или "наука о государстве", не совсем ясно. И это не из-за того, что их защитники недостаточно ясно мыслили, а потому что "дисциплина" в реальном значении определяла себя через длительное пребывание в практике. Прерванная практика означает не состоявшуюся дисциплину. Например, знаменитое четвертное разделение антропологии (физическая антропология, социальная, или культурная, антропология, археология и лингвистика) было (и до известных пределов остается до сих пор) в большей степени "практикой", нежели "доктриной". Затем оно стало доктриной, преподаваемой и оправданной докторами или преподавателями. Но дало ли в сумме это целое логически связанный, оправданный уровень анализа или метод анализа, или только отдельный предмет?

Согласно Валлерстайну, эти разделения предмета интеллектуально вытекают из господствующей либеральной идеологии 19 в., которая утверждала, что государство и рынок, политика и экономика являются отдельными для анализа сферами, каждая со своими особенными правилами ("логикой"). Общество было обязано содержать их раздельно. Поскольку, казалось, было много реалий, явно не относившихся ни к сфере рынка, ни к сфере государства, эти реалии были помещены в ящик для отходов, который обрел в качестве компенсации величественное название *"социология"*. Существовало мнение, по которому считалось, что социология объясняет (по-видимому) внешние "иррациональные" феномены, которые экономика и политическая наука были не в состоянии объяснить. Наконец, поскольку были народы, находящиеся вне господства цивилизованного мира – отдаленные и с которыми было трудно общаться, – изучение таких народов включало специальные требования и специальное образование, которые получили спорное название "антропология".

Сегодня стоит вопрос: есть ли какие-то критерии, которые можно использовать, чтобы утвердить относительно ясно и подходящим способом границы между четырьмя предполагаемыми дисциплинами: антропологией, экономикой, политической наукой и социологией? Анализ мировых систем отвечает на этот вопрос недвусмысленным "нет". Все предполагаемые критерии – уровень анализа, предмет, методы, теоретические исходные положения – либо уже не соответствуют практике, либо, если подтверждаются ею, являются в большей степени барьерами к дальнейшему знанию, нежели стимулами к его созданию.

Или, с другой стороны, различия между допустимыми темами, методами, теориями или теоретизированием внутри какой-нибудь из так называемых дисциплин гораздо сильнее, чем различия между ними. Это означает на практике, что перекрытие является субстанциальным и в аспекте исторической эволюции всех этих дисциплин все время возрастает. По Валлерстайну, "пришло время прорваться через это интеллектуальное болото, сказав, что эти четыре дисциплины – всего лишь одна".

Аргумент миро-системного анализа недвусмысленен и прям. Три предполагаемых арены коллективного действия человека – экономическая, политическая или социо-куль-

турная – не являются автономными аренами социального действия. Они не имеют отдельных "логик". Еще более важно, что переплетение принуждающих связей, условий, решений, норм и "рациональностей" таково, что ни одна применяемая исследовательская модель не может изолировать "факторы", согласующиеся с категориями: экономический, политический, социальный, – и, принимая один вид как переменную, имплицитно считает другие постоянными. Мы утверждаем, что есть единый "набор правил" или "набор принуждающих связей", внутри которых действуют эти разнообразные структуры.

По Валлерстайну, история – это изучение и объяснение особенного, как оно реально имело место в прошлом. Социальная наука – это формулировка универсального набора правил, которые объясняют поведение человека (общества).

Теперь, пишет Валлерстайн, о знаменитом разделении между идеографическим и номотетическим способами анализа, которые, как предполагается, являются противоположными. "Жесткая" версия этого противопоставления состоит в утверждении, что только один из способов (который каждый выбирает в соответствии со своими взглядами) является законным, интересным или даже "возможным". Эта "жесткая" версия есть то, о чем был "методический спор". "Мягкая" версия рассматривает эти два подхода как два пути внедрения в социальную реальность. Несмотря на то, что они применяются отдельно, по-разному и по несхожим (даже противоположным) целям, было бы плодотворным для гуманитарного мира соединить эти два подхода. Эта "мягкая" позиция сопоставима с доказательством заслуг "междисциплинарной" работы в социальных науках. При отстаивании заслуг соединения двух подходов усиливается интеллектуальная законность рассмотрения их как двух отдельных способов.

Сильнейшие аргументы обеих – идеографической и номотетической – школ кажутся убедительными.

Аргумент идеографической школы – это древняя доктрина, что "все течет". Если все постоянно изменяется, то всегда будет ложным любое обобщение, относящееся к двум или более предположительно сопоставимым явлениям. Все, что можно сделать, – это понять через вживание последовательность событий.

Наоборот, аргумент номотетической школы состоит как раз в том, что реальный мир (включая социальный) не является набором случайных происшествий. Если так, то должны быть правила, описывающие "повторяемость", в случае которой только и имеется поле для научной деятельности.

Также убедительна самая суровая критика каждой стороны в адрес другой.

Номотетическая критика идеографической позиции – в том, что любое перечисление "событий прошлого" по сути представляет выборку из реальности (как это реально происходило) и, следовательно, подразумевает наличие критериев выбора и категорий для описания. Эти критерии и категории базируются на неподтвержденных, но тем не менее реальных обобщениях, которые сродни научным законам.

Критика номотетического подхода в том, что он пренебрегает теми трансформационными феноменами (в частности, благодаря рефлексивности социальной реальности), которые делают невозможным "повторение" структуральных систематизаций.

Есть различные способы подхода к этому взаимному критицизму. Один из них – это путь "комбинирования" истории и социальных наук. Считается, что историк обслуживает ученого-социала, обеспечивая последнего более широкими и глубокими наборами данных, из которых выводятся его законоподобные обобщения. Считается, что ученый-социал обслуживает историка, предлагая ему результаты исследования, довольно благоразумно представленные обобщения, которые предлагают постичь суть специфической последовательности событий.

Проблема этого четкого разделения интеллектуального труда состоит в том, что оно предполагает возможность отделения "последовательности" в качестве предмета для "исторического" анализа, а "всеобщностей" – в качестве предмета для "социально-научного" анализа. Однако на практике то, что является последовательностью для одного, всеобщность – для другого, и нейтральный наблюдатель находится в затруднительном положении относительно того, как провести различия между ними на чисто логической основе как противоположной, скажем, стилистической или описательной.

По мнению Валлерстайна, проблема гораздо глубже. Есть ли значительная разница между последовательностью и всеобщностью, между историей и социальной наукой? Два ли это занятия или одно? Синхрония сродни геометрическому измерению. Ее можно описать логически, но на бумаге изобразить только ложно. В геометрии точка, линия или плоскость могут быть изображены только в трех (или четырех) измерениях. Также и в "социальной науке". Синхрония – это понятийный предел, а не социально применимая категория. Все описанное имеет время, и единственный вопрос в том, насколько широкий диапазон здесь подходит. Подобно этому уникальная последовательность описываема только в неуникальных категориях. Всякий концептуальный язык предполагает сравнения между универсальностями. Точно также как мы не можем словесно "изобразить" точку, мы не можем словесно "описать" уникальное "событие".

Миро-системный анализ предлагает эвристическую ценность "срединного пути" между трансисторическими обобщениями и описаниями особенного. Утверждается, что, когда наш масштаб видения стремится к любому пределу, то результат представляет собой минимальный интерес и минимальную полезность. Он утверждает, что оптимальный метод – проведение анализа внутри системных конструкций, достаточно длительных во времени и достаточно крупных в пространстве, чтобы иметь правящую "логику", которая "определяет" наибольшую часть последовательной реальности, одновременно признавая и принимая в расчет, что эти системные конструкции имеют начала и концы и, следовательно, не должны считаться "вечными" феноменами. Тогда это означа-

ет, что в каждый данный момент мы ищем и конструкцию ("циклические ритмы" системы), которую мы описываем концептуально, и образцы внутренней трансформации ("вековые направления" системы), которая в конечном итоге служит причиной гибели системы и которую мы описываем последовательно. Это означает, что задача – едина. Есть не историк-ученый, не ученый-социал, а только "ученый-историко-социал", который анализирует общие законы отдельных систем и отдельных последовательностей, через которые эти системы прошли (грамматическое время здесь преднамеренно не является т.наз. этнографическим настоящим).

Валлерстайн отмечает: тогда мы наталкиваемся на проблему определения "единицы анализа", внутри которой необходимо работать и которая приводит к нашей третьей предпосылке.

Человеческие существа организованы в целостности, которые мы можем назвать обществами и которые конституируют фундаментальные социальные конструкции, внутри которых существует человеческая жизнь. Нет понятия более распространенного в современной социальной науке, чем "общество", и нет понятия, используемого более автоматически и нерефлективно, чем "общество". Школьные определения вращаются вокруг вопроса: "Что есть общество?", в то время как утверждения, только что сделанные нами по поводу единства исторической и социальной науки, выводят нас к другому вопросу: "Когда и где есть общество? ".

"Общества" конкретны. Более того, "общества" – это термин, от которого мы могли бы с успехом отказаться из-за его понятийной истории и, следовательно, его по существу неискоренимых и вводящих в глубокое заблуждение коннотаций. "Общество" – термин, общепризнанное использование которого в истории и социальных науках совпадает по времени с институциальным появлением современной социальной науки в 19 в. Общество является одной частью противоречивого тандема, в котором другая сторона – государство. Французская революция была культурным водоразделом в идеологической истории миро-системы нового времени, в которой она привела к широкому распространению идеи, что социальное изменение, а не социальный застой является нормальным как в нормативном, так и в статистическом смысле слова. В связи с этим была поставлена интеллектуальная проблема, как регулировать, ускорять, убыстрять или иначе влиять на этот нормальный процесс изменения и эволюции.

Возникновение социальной науки как институциализированной социальной деятельности было одним из главных системных ответов на эту интеллектуальную проблему. Социальная наука стала представлять рационалистическую идеологию, заключающуюся в том, что при понимании процесса (идеографически или чаще номотетически) можно влиять на него каким-то морально позитивным образом. Политические значения такого предприятия не миновали (и не минуют) никого. Именно поэтому социальная наука остается до сегодняшнего дня "противоречивой", но также именно поэтому в 19 ст. понятие "общество" противопоставлялось понятию "государство". Многочисленные суверенные государства, основанные и основывающиеся, были явными фокусами политической активности. Они оказывались средоточием эффективного социального контроля и, следовательно, ареной, на которой можно было влиять на социальные изменения и осуществлять их. Стандартный подход 19 в. к интеллектуально-политической теме был увлечен вопросом, как совместить общество и государство. В этой формулировке государство можно было исследовать и анализировать непосредственно. Оно действовало через официальные учреждения с помощью известных (конституционных) правил.

Как отмечает Валлерстайн, под "обществом" тогда подразумевалось сплетение правов и обычаев, которые объединяли группу людей без официальных правил, несмотря на них или вопреки им. В некотором смысле "общество" представляло нечто более устойчивое и "глубокое", чем государство, менее поддающееся манипулированию и определению более расплывчатое. С тех пор идет бесконечный спор о том, в каком отношении друг к другу находятся общество и государство, что из них было или будет подчинено другому и что олицетворяет более высокие моральные ценности. Постепенно мы привыкли к мысли, что границы общества и государства – синонимичны или, если нет, то должны быть (и в конечном итоге будут) таковыми. Таким образом, без точного теоретического доказательства этого историки и ученые-социалы рассматривают современные суверенные государства, перенесенные гипотетично назад во времени, как базисные социальные целостности, внутри которых ведется социальная жизнь.

Валлерстайн утверждает: "Через черный вход и не будучи проанализированными, вся историография и вся теория мира нового времени пробрались как субстрат и истории, и социальной науки. Мы живем в государствах. В основе каждого государства лежит общество. Государства имеют историю и, следовательно, традиции. Прежде всего, если изменение является нормальным, именно государства нормально изменяются или развиваются. Они изменяют свой способ производства; они урбанизируются; они решают социальные проблемы; они процветают или приходят в упадок. Они имеют границы, внутри которых факторы являются "внутренними", а за пределами которых факторы являются "внешними". Государства – это логически независимые целостности, так что в статистических целях они могут быть "сравнимы".

Этот имидж социальной реальности не был фантазией и поэтому он был приемлем и для идеографических, и для номотетических теоретиков, чтобы исходить с законным апломбом от этих положений об обществе и государстве и подниматься до получения некоторых правдоподобных данных. Единственной проблемой было то, что в ходе времени все больше и больше "аномалий" оказывались необъяснимыми в рамках этой конструкции и появлялось все больше и больше неисследованных зон человеческой деятельности.

Миро-системный анализ делает единицу анализа предметом спора. Где и когда существуют целостности, внутри которых происходит социальная жизнь? Он заменяет термин

"общество" термином "историческая система". Конечно, это скорее семантическая замена. Но она избавляет нас от центральной коннотации, которую приобрело "общество", его связи с "государством" и, следовательно, от предположения о "где" и "когда". Более того, "историческая система" как термин подчеркивает единство исторической социальной науки. Целостность одновременно системна и исторична.

Валлерстайн констатирует: "Я выдвинул пробную гипотезу, что существовало три известных формы или разновидности исторических систем, которые я назвал мини-системы, мир-империи и мир-экономики.

Я также предположил, что вполне вероятно, что мы могли бы определить другие формы или разновидности.

Я доказываю две вещи о разновидности исторических систем: одна затрагивает связь "логики" и формы; другая касается истории сосуществования форм. Под термином "формы" я понимаю определение границ исторической системы, внутри которых система и люди в ней регулярно воспроизводятся посредством какого-либо типа имеющегося разделения труда.

Я утверждаю, что эмпирически существовало три таких модели.

"Мини-системы", названные так, потому что они малы в пространстве и, возможно, относительно кратки во времени (срок жизни – около шести поколений), – высоко однородны с точки зрения культурной и управляющей структур. Базисная логика – логика "взаимности" в обмене.

"Мировые империи" – обширные политические структуры (по крайней мере на вершине процесса расширения и сокращения, который, похоже, является их судьбой) и охватывают широкое разнообразие "культурных" образцов. Основная логика системы – извлечение дани из одновременно локально самоуправляющихся непосредственных производителей (главным образом, сельских), которая отправляется в центр и перераспределяется в тонкую, но важнейшую сеть чиновников.

"Мировые экономики" – обширные неравномерные цепи из включающих производство структур, рассеченных многочисленными политическими структурами. Базовая логика в том, что накопленная прибыль распределяется неравно в пользу тех, кто в состоянии достичь различных видов временных монополий в рыночных сетях. Это – "капиталистическая" логика.

История сосуществования форм может быть истолкована следующим образом. В до-сельскохозяйственную эру было множество мини-систем, чья постоянная смерть могла быть в большей степени результатом экологических происшествий плюс раскалывание групп, растущих слишком обильно...

В период между, скажем, 8000 до н.э. и 1500 н.э. на планете одновременно существовало множество исторических систем всех трех разновидностей. Мировая империя была "сильной" формой этой эры, поскольку всякий раз, когда она расширялась, она разрушала и/или поглощала и мини-системы, и миро-экономики, а когда она сокращалась, она давала возможность для восстановления мини-систем и мировых экономик. Большая часть того, что мы называем "истории" этого периода – это история таких мир-империй, которая понятна, поскольку они воспитали культурных писцов, чтобы фиксировать то, что происходило. Мировые экономики были "слабой" формой, индивидуальной, никогда не живущей долго. Это потому, что они либо дезинтегрировались, либо поглощались мировой империей, либо трансформировались в нее (через внутреннюю экспансию единого политического целого).

В районе 1500 одна такая мировая экономика сумела избежать этой судьбы. По причинам, которые требуют объяснения, "современная миро-система" родилась из консолидации мировой экономики. Вследствие этого у нее было время достичь своего полного развития в качестве *капиталистической системы*. По своей внутренней логике, эта капиталистическая мировая экономика затем расширилась и охватила весь земной шар, абсорбируя в этом процессе все существующие мировые империи.

Вследствие этого к концу 19 ст. впервые за все время существовала только одна историческая система на земном шаре. И мы сегодня еще находимся в этой ситуации.

Эти гипотезы о формах и истории сосуществования исторических систем не конституируют анализ миро-систем. Они являются набором гипотез внутри миро-системного анализа, открытых для полемики, усовершенствования, отказа. Решающий итог в том, что определение и истолкование единиц анализа – исторических систем – становится центральным объектом научного изыскания.

В вышеописанной дискуссии, по мысли Валлерстайна, кроется еще не выявившийся дальнейший спор о мире нового времени и его определяющих характеристиках. Это спор, в котором две основные разновидности мысли 19 ст. – классический либерализм и классический марксизм – разделяют определенные ключевые исходные положения о природе капитализма.

По мысли Валлерстайна, капитализм – это система, основанная на конкуренции между свободными производителями, использующими свободный труд со свободными товарами, "свободно" выражающими свое предназначение для продажи и купли на рынке. Ограничения на такие свободы, где бы они ни существовали, являются остатками незавершенного эволюционного процесса и означают, в той мере, в какой они существуют, что зона или предприятие – "менее капиталистические", чем при отсутствии таких ограничений. Это, в сущности, взгляд Адама Смита. Смит считал капиталистическую систему единственно сообразной "человеческой природе" и рассматривал альтернативные системы как навязывание противоестественных и нежелательных ограничений на социальное существование.

Но это был, в сущности, и взгляд Карла Маркса. Характеризуя эту систему, Маркс сделал особый упор на важности свободного труда. Но он не считал капиталистическую систему навечно естественной и не полагал, что она желательна. Он считал ее нормальной стадией исторического развития общества.

Большинство либералов и марксистов последних 150 лет рассматривали эту картину "конкурентного капитализма" как

точное описание капиталистической нормы и поэтому обсуждали все исторические ситуации, включающие несвободный труд/производителей/товары, как отклонение от этой нормы и, таким образом, как явление должно быть объяснено. Норма в значительной степени отражала идеализированный портрет того, что, как полагали, было примером, квинтэссенцией этой нормы – Англии после "Индустриальной Революции", где пролетарии (по сути безземельные, не имеющие орудий труда городские рабочие) трудились на предприятиях, принадлежащих буржуазным предпринимателям (по сути частным собственникам постоянного капитала этих предприятий). Собственник покупал рабочую силу (платил заработную плату) – главным образом, взрослых мужчин – у которых не было реальной альтернативы для выживания, кроме поиска работы по найму. Никто никогда не претендовал на утверждение, что все ситуации производства были этой модели. Но и либералы и марксисты были склонны рассматривать любую ситуацию, отклоняющуюся от этой модели как менее капиталистическую в той степени, в которой она отклонялась.

Если бы каждую ситуацию производства можно было классифицировать по шкале степеней капитализма, как это и было, то каждое государство, как месторасположение таких рабочих ситуаций, можно было бы изобразить как понижающиеся на этой шкале. Экономическую структуру государства тогда можно было бы рассматривать как "более" или "менее" капиталистическую, а саму государственную систему как вполне соответствующую степени капитализма в экономике или как несовместимую с ней, в случае последнего мы могли бы ожидать, что она будет изменяться с течением времени в направлении большего соответствия.

Ситуации же производства, которые не попадают под полностью капиталистические по этому определению, можно рассматривать, по Валлерстайну, как отражение еще-не-капиталистической ситуации в государстве, которая в конечном итоге позаботится, чтобы капиталистические структуры стали доминирующими.

Как можно определить "доминирование" характерного способа структурирования рабочих единиц внутри территориальной целостности (государства), никогда не было полностью ясным. В знаменитом решении Верховного Суда США судья Уильям Бреннан писал об определении порнографии: "Я узнаю ее, когда вижу ее". В некотором смысле и либералы и марксисты определили доминирование капитализма подобным образом: они узнавали его, когда видели. Очевидно, что в этом подходе имплицитно содержится количественный критерий. Но до тех пор, пока существует такой подсчет голов, необходимо знать, какие головы подсчитываются.

Ситуация со свободными рабочими, трудящимися за заработную плату на предприятиях свободных производителей в современном мире встречается в меньшинстве. Это полностью верно, если наша единица анализа – мировая экономика.

Это возможно верно или вряд ли верно даже если мы проведем анализ в рамках отдельно взятых высокоиндустриальных государств в 20 ст. Когда установленная норма оказывается нестатистической, т.е. когда ситуация изобилует исключениями (аномалиями, остаточными явлениями), тогда мы должны задуматься: выполняет ли определение нормы какую-нибудь полезную функцию. Анализ миро-систем утверждает, что капиталистическая миро-экономика – особая историческая система. Поэтому если мы хотим установить нормы, т.е. способ функционирования этой конкретной системы, оптимальный путь – посмотреть на историческую эволюцию этой системы. Если мы обнаружим, как это и происходит, что система, похоже, включает широкие сферы оплачиваемого и неоплачиваемого труда, широкие сферы товарных и нетоварных продуктов и широкие сферы отчуждаемых и неотчуждаемых форм собственности и капитала, тогда мы должны будем, по крайней мере, выяснить, не является ли эта "комбинация" или смесь т.п. свободного и не-свободного сама по себе определением признака капитализма как исторической системы.

Валлерстайн утверждает: если мы обнаружили, что пропорции смешиваний бывают неравными в пространстве и во времени, – тогда мы можем искать структуры, которые поддерживают стабильность любой отдельной смеси смесей (снова циклические тенденции), также как и скрытое давление, которое могло трансформировать – на протяжении веков – смесь смесей (вековые тенденции). Тогда аномалии становятся не исключениями, которые нужно оправдывать, а образцами, которые нужно анализировать, переворачивая таким образом психологию научного изыскания. Мы должны заключить, что определение капитализма, которое владело мыслью 19 ст. – как либеральной, так и марксистской – и является причиной центрального историографического взгляда, который был завещан нам.

По мнению Валлерстайна, конец 18 – начало 19 в. представляют решающий поворотный пункт в мировой истории, в которой капиталисты окончательно достигли государственно-общественной власти в ключевых позициях. Два великих "события", которые произошли в этот период, – Индустриальная Революция в Англии и Французская Революция, были, как утверждается, решающими в развитии социальной научной теории. Простой библиографический просмотр удостоверит, что заметно большая часть мировой истории была посвящена этим двум "событиям". Более того, еще большая часть была посвящена анализу других "ситуаций" с точки зрения их соотнесения с этими двумя "событиями". Связь между исторической центральностью, отведенной этим двум событиям, и господствующим определением капитализма нетрудно прояснить. Мы уже отмечали, что концепция о степенях капитализма неизбежно ведет к скрытому упражнению в исчислении, так чтобы мы могли определить, когда капитализм становится "доминирующим". Эта теория допускает, что несоответствие между "экономическим" господством и государственно-общественной властью вероятно и что его можно преодолеть.

Индустриальная Революция и Французская Революция интересны, потому что они предположительно представляют преодоление этого несоответствия. Французская Революция выдвигает на первый план политическую арену. Согласно сильно оспариваемой сегодня, но долго господствующей "со-

циальной интерпретации", Французская Революция была моментом, когда буржуазия отстранила от государственной власти феодальную аристократию и посредством этого трансформировала докапиталистический "старый режим" в капиталистическое государство.

Индустриальная Революция выдвигает на первый план плоды такой трансформации. Как только капиталисты достигают государственной власти (или, на языке Адама Смита, ослабляют вмешательство государства), то становится возможным значительно расширить триумфальные возможности капиталистической системы.

Исходя из таких предпосылок, можно трактовать оба эти явления как "события" и сосредоточиться на деталях того, что произошло и почему это произошло именно так. Книги по Индустриальной Революции типично обсуждают, какой фактор (или факторы) был более важен для ее возникновения, какова его точная дата и какая из различных черт, охваченных термином, была самой важной для будущих трансформаций. Книги по Французской революции типично обсуждают, когда она началась и закончилась, какой фактор (или факторы) вызвали ее, какие группы были вовлечены в ключевой процесс, как и когда произошли перемены в составе действующих лиц и какую законность оставила Революция.

Конечно, такое подробное и, в конечном счете, идеографическое тщательное исследование этих "событий" неизбежно порождает скептицизм. Появляется все больше голосов, сомневающихся, насколько революционными были сии революции.

Тем не менее фактически все эти анализы (и защитников, и скептиков) предполагают аналитическую систему координат, которая приводит к выделению этих двух "событий" на первое место: предположение, что капитализм (или его суррогат, индивидуальная свобода) должен в некотором смысле "триумфировать" в какой-нибудь точке внутри отдельных государств.

Более того, как бы ни считалось что история центральна только для историков, мы должны были заметить, как не замедлила она стать центральной для аналитических упражнений ученых-социалов. Идея "Индустриальной Революции" трансформировалась в процесс "индустриальной революции" или "индустриализацию" и породила целую семью подкатегорий и, следовательно, подпроблем: идею "взлета", представление о "до-индустриальном" и "пост-индустриальном" обществе и т.д. Идея "буржуазной революции" стала анализом того, когда и как "буржуазная революция" (или средние классы у власти) могла произойти или произошла.

Валлерстайн пишет: "Я не имею в виду, что эти споры идут не о реальном мире. Явно, Бразилия 20 ст. может быть обсуждена в терминах индустриализации, роли национальной буржуазии или отношения средних слоев к военной силе. Но снова выдвигаются ключевые исходные положения, которые должны быть исследованы. К чему призывает анализ миро-систем – так это к оценке центральности этих предположительно ключевых "событий" в терминах "длительного" ("длительность") исторической системы, в которой они произошли. Если единицей анализа миро-системы нового времени является капиталистическая миро-экономика (при этом остается "если"), тогда нам нужно спросить, представляют или нет полученные категориальные различия – сельское хозяйство и промышленность, землевладелец и капиталист – лейтмотив, вокруг которого концентрируется историческое развитие.

Мы можем находиться в постиндустриальной фазе, только если была индустриальная. Различия между обладателями государственной и экономической власти могут быть, только если мы имеем дело с аналитически разделяемыми группами. Все эти категории сейчас так глубоко находятся в нашем подсознательном, что мы вряд ли сможем говорить о мире, не пользуясь ими. Анализ миро-систем утверждает, что категории, которые наполняют нашу историю, были *исторически сформированы* (и в большинстве – всего лишь век назад или около этого). Настало время, когда они вновь открылись для исследования".

По мысли Валлерстайна, человеческая история прогрессивна, и это неизбежно. Конечно, у идеи прогресса были свои критики, но они на протяжении двух веков оставались в явном меньшинстве. Настоящие консерваторы – те, кто не верил, что систематическое изменение или улучшение в мире – желательная или плодотворная коллективная деятельность, – довольно редки в современном мире. Но заметьте еще раз, как господствующие предпосылки ограничили скептиков и оппонентов. На мнение, что прогресс неизбежен, единственный ответ, похоже, вызывает огорчение, потому что этот тезис неверен или потому что он верен.

Анализ миро-систем хочет убрать идею прогресса из положения траектории и раскрыть ее как аналитическую переменную. Исторические системы могут быть лучше и хуже (и мы можем спорить о критериях оценки). Совсем не обязательно, чтобы была линейная тенденция – вверх, вниз или прямо вперед. Возможно, линия тенденции – колеблющаяся; или, возможно, неопределенная. Если бы эта возможность допускалась, тотчас открылась бы целая новая арена интеллектуального анализа. Если мир имеет множество образцов, типов, исторических систем и если все исторические системы имеют начало и конец, тогда мы захотим узнать что-нибудь о процессе, по которому происходит преемственность (во времени-пространстве) исторических систем.

Это типично обсуждалось как проблема "переходов", но переходы анализировались в конструкциях линейных трансформаций. Мы детализируем процесс трансформации в направлении неизбежной конечной точки, которая, как мы предполагаем, есть и была единственной реальной исторической альтернативой.

Но предположение о конструкциях новых исторических систем – вероятностный (стохастический) процесс. Тогда перед нами имеется полностью новая арена интеллектуальной активности.

Спор о "свободной воле" и "детерминизме" – избитая тема, но он традиционно ведется как предложение альтернативы. Что дает пересмотр проблемы переходов – как реально происходящих, как двигающихся в направлении неясных исходов – это выдвижение различных формулировок этого

спора. Возможно, дело обстоит так: то, что мы называем "детерминизмом" – в большей степени процесс внутренний по отношению к историческим системам, в которых "логика" системы переходит в набор само-движущихся, самоукрепляющихся институциональных структур, которые "детерминируют" долговременную траекторию.

Но также, возможно, дело обстоит следующим образом: то, что мы называем "свободной волей" происходит главным образом в процессе "перехода", когда определенно из-за нарушения этих самых структур реальный исторический выбор широк и труден для прогнозирования. Тогда это повернуло бы наше коллективное внимание к изучению именно того, как эти вероятностные процессы работают. Возможно, они окажутся совсем не вероятностными, а имеющими внутренний скрытый ключ, или, возможно, внутренний ключ и есть некоторый процесс, который делает эти процессы вероятностными (т.е. предметом, нереальным для человеческого манипулирования). Или, возможно, – что наименее приемлемо для современных обитателей земного шара, – Бог играет в кости.

Валлерстайн резюмирует: Мы не узнаем, пока не увидим. Мы можем, конечно, не узнать даже тогда. Но как мы смотрим? Это приводит нас к последнему и глубочайшему из предположений – предположению, касающемуся природы науки. Наука – поиск правил, которые излагают в самом сжатом виде, почему все именно так и как происходят вещи. Современная наука – это дитя не 19 в. Она восходит по меньшей мере к 16 и, возможно, к 13 вв. Она сильно опустилась на детерминистскую сторону уравнения, на сторону линейности и краткости. Ученые берут под свою эгиду все больше и больше владений вселенной, и мир человека – несомненно последнее такое владение. Именно в названии этой традиции номотетическая социальная наука утвердила себя.

Методология, которую приняла номотетическая социальная наука, имитирует основные принципы ее социально преуспевших предшественников – естественных наук: систематическое и педантичное эмпирическое исследование, затем индукция, ведущая к теориям. Чем более элегантна теория, тем более развита наука. Практическое применение, конечно, следует. Номотетическая социальная наука была наводнена своими неадекватностями – по сравнению с физикой – но имела поддержку в своей уверенности, что наука кумулятивна и однолинейна.

Валлерстайн в заключение пишет: в наших сомнениях, касающихся предыдущих допущений, присутствовал скрытый – это теперь должно быть ясно – другой взгляд на науку. Если мы отказываемся от утилитарности номотетически-идеографического различия, то мы вызываем сомнение в полезности Ньютонова взгляда на науку. Мы не делаем этого, как делали идеографы, на основе особенности социального исследования (люди – сознательные актеры). Мы также сомневаемся в ее утилитарности для естественных наук (и действительно, за последние два десятилетия возникла тяга к нелинейной естественной науке, в которой стохастические процессы являются центральными).

Специфически, на языке того, что мы называем исторической социальной наукой, мы поднимаем вопрос, не будет ли перевернут метод восхождения от конкретного к абстрактному, от особенного к общему. Возможно, историческая социальная наука должна начинать с абстрактного и двигаться в направлении конкретного, заканчивая логически связанной интерпретацией процессов отдельных исторических систем, которая убедительно объясняет, как они следовали по особенному конкретному пути. Детерминирование является не простым, а сложным, по сути, гиперсложным. И, конечно, ни одна конкретная историческая ситуация не является более сложной, чем длительные периоды перехода, когда более простые ограничения разрушаются.

История и социальная наука приняли свои современные господствующие формы в период полнейшего неоспоримого триумфа нашей сегодняшней исторической системы. Они – дети этой логики. Однако мы сейчас живем в длительном периоде перехода, где противоречия этой системы делают невозможным продолжение оправдания ее механизма. Мы живем в период реального исторического выбора. И этот период – не постижим на основе положений этой системы.

Миро-системный анализ – это призыв к конструированию исторической социальной науки, которая чувствует себя комфортно с неопределенностями перехода, которая вносит вклад в трансформацию мира, объясняя выбор без аппелирования к вере в неизбежный триумф добра. Анализ мир-систем – это призыв открыть затворы, которые удерживают нас от исследования многих арен реального мира. Миро-системный анализ – не парадигма исторической социальной науки. Это призыв к спору об этой парадигме.

А.А. Грицанов

МИСКЕВИЧ Александр Борисович (р. 1950) – белорусский социолог и политолог.

Окончил Белорусский государственный институт физической культуры. Кандидат философских наук (1976), доктор социологических наук (1991, тема диссертации – "Общественно-политическая активность населения Белоруссии"). Профессор (1995).

Работал зав. лабораторией, начальником отдела по работе с населением, ведущим специалистом в системе Министерства жилищно-коммунального хозяйства БССР (1977-1981). С 1981 – старший научный сотрудник Института философии и права (позже – Института социологии) АН БССР. Зав. кафедрой философии, социологии и экономики Международного государственного экологического университета им. А.Д. Сахарова (с 1991).

Сфера научных интересов – социология политики, социальная экология.

М. – автор более 100 научных работ, в том числе монографий: "Человек в свободное время: мнение социолога" (1989), "Общественно-политическая активность: сущность, проблемы развития" (1991) и др.

"МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТА" ("Misión de la Universidad", 1930) – работа Х. Ортеги-и-Гассета (**см.**), основой которой является выступление, подготовленное по просьбе Студенческой Ассоциации Университета и прочитанное 9 октября 1930 в Мадридском университете. Первоначально и сразу же "М.У." была опубликована в газете El Sol, затем в этом же году в издательстве "Западный журнал".

Статья посвящена вопросу реформы университета и должна стать "вступлением к будущему курсу по "Идее университета". В то время Испания переживала закат диктатуры Примо де Риверо, либерализацию режима и надежды на становление Республики. Однако автор выходит за рамки данной социальной проблематики. Он размышляет не столько о том, как организовать эту реформу, но в большей степени о предназначении университета, поднимая в связи с этим проблему соотношения культуры, профессии и науки. Тем самым "М.У." может быть поставлена в один ряд с работами В. Гумбольта и Дж. Ньюмена, которым в 19 в. принадлежит первенство в оформлении классической модели университетского образования, и представляет собой попытку уже в 20 ст. продолжить концептуальное осмысление идеи университета и университетского образования.

Своим идеям Ортега-и-Гассет придал схематический вид, а само произведение разделил на 6 небольших частей. С первых строк он обращает внимание на духовную ситуацию общества и главный корень его болезни видит в "пошлости". По мысли автора, "главная болезнь испанского государства и университета может быть названа самыми разными именами: но если искать корень, из которого произрастает и тянется все прочее, мы столкнемся с тем, к чему подходит лишь одно имя – пошлость. От самого высокого и до самого низкого пронизывает она все наше национальное существование, наполняет, направляет и вдохновляет его. Государство в отношении своих граждан ведет себя подло, нередко позволяя им не подчиняться законам, или наоборот, применяя свои законы мошенническим образом, с помощью их обманывая гражданина".

"Пошлость" имеет здесь несколько значений: это "посредственность", "дурной вкус", "вульгарность", "банальность". По мнению автора, сю пронизано все: от государства и его публичных действий до жизни семьи и поступков отдельных людей. Это – определенное состояние, которое характеризуется безразличием и расслабленностью. ("В тот момент в Испании повсеместное и решительное желание ничего не менять. Ничего: ни государства, ни университета".) На государственном уровне пошлость проявляется как отсутствие порядочности и уважения, нравственности в способах осуществления публичной властью своих функций и обязанностей. На уровне индивида – это сочетание посредственности и чрезмерной самоуверенности. Однако, по мнению автора, "пошлость" не является преступлением, поскольку последнее представляет собой нечто чудовищное и сразу же вызывает общественное возмущение. Пошлость же, наоборот, привычна, стремится всюду распространиться и увековечить себя. "И не стоит надсаживать голос, как это делают на митингах, и кричать, что подобные действия публичной власти – преступление, недопустимое беззаконие, злоупотребление долгом. Понятно, что это так, однако все это настолько тривиально, настолько глупо, настолько обыденно, настолько невыгодно для публичной власти, что стыдно называть это преступлением, потому что хотя, действительно, юридически это так, но в психологическом плане, в плане исторической реальности это не так. Преступление – это что-то большое, чудовищное и, в этом смысле, значительное; здесь же – не преступление, а меньше, это... пошлость, отсутствие простейшей порядочности, уважения к себе, нравственности в способах осуществления публичной властью своей функции и непростых обязанностей". И далее: "Пошлость – это забросить себя, "как-нибудь", "все равно", "более-менее", "какая разница!".

Противоположностью "пошлости" является такое состояние как "пребывание в форме", которое предполагает собранность, четкое осознание цели, твердую волю и ясную рефлексию. Рассуждая о субъекте исторических трансформаций, Ортега-и-Гассет отмечает, что участие в общественной жизни требует "пребывания в форме" и необходимость быть группой сильной и собранной, чтобы согласно законам социальной механики большая масса не поглотила малую. При этом реформа университета, по мысли автора, немыслима без реформы всего государства. На основе этого он делает важный вывод: чтобы *всерьез* заниматься реформой университета, необходимо "быть в форме". Посредственность и пошлость приведут к такой же посредственной реформе. При этом он отмечает, что "одним из недугов настоящего времени, и в особенности последнего поколения, является то, что благодаря техническому прогрессу и социальной организации новые люди вступают в жизнь будучи уверенными в слишком многом". И в качестве яркого исторического примера Ортега-и-Гассет приводит режим Примо де Риверо: "самоуверенное стремление отдельных субъектов реформировать страну, не подумав сначала обеспечить минимальные необходимые для этого условия, привело к диктатуре, и единственное, чего оно добилось, несмотря на представившуюся чудесную возможность, так это предела и неистовства национального опошления".

После такого введения автор переходит к основополагающему вопросу своего выступления и отмечает, что университетская реформа начинается с определения своей миссии, предназначения. Он признает значимые достижения немецкой школы и английского университета, однако выходит на проблему соотношения самобытности и подражания. С одной стороны, он признает серьезное отставание Испании во всех сферах интеллектуальной деятельности, с другой стороны, невозможность слепого подражания и заимствования опыта других стран, в частности Германии и Англии. По Ортеге-и-Гассету, необходимо "сначала определиться с нашим собственным предназначением. Я не говорю, что нужно быть "самобытными", и о других подобных глупостях. Хотя на самом деле все мы – люди или страны – одинаковы, подражание смертельно опасно. Потому что, подражая, мы отказываемся от созидающего усилия, столкновения с проблемой,

которая может заставить нас понять истинное значение и границы или недостатки ответа, который мы перенимаем. Никакой "самобытности", которая, особенно в Испании, представляет собой деревенские замашки. Неважно, что мы придем к тем же выводам и формам, что и другие страны; важно, что мы придем к этому сами, в результате личной схватки с той же, по сути, проблемой". И далее: "Вывод: даже если английское среднее образование и немецкий университет совершенны, их, все же, невозможно перенять, поскольку они являются только одной из частей целого. Объемлющая их реальность – это страна, которая их создает и поддерживает... Однако невозможно перенести сюда ни английскую жизнь, ни немецкое мышление; самое большее – лишь отдельные педагогические институты, и именно поэтому очень важно, чтобы они рассматривались сами по себе, *независимо от видимых и общих достоинств их стран*". Таким образом, несмотря на социокультурное различие стран, университет везде представляет собой социальный институт, где получают высшее образование, которое включает в себя: 1) обучение интеллектуальным профессиям (врач, юрист и т.д.); 2) научное исследование и подготовка исследователей. Однако помимо профпредметов учебные планы содержат курсы философии, истории, которые часто относят к сфере "общей культуры" и считают декоративными. По мнению Ортеги-и-Гассета, это остаток того, чем университет был в средние века, во время своего появления. Современный университет значительно усложняет профессиональное образование, преувеличивает роль научного исследования и почти полностью исключает передачу культуры. А именно последнее является его главной задачей. Культура здесь понимается как система жизненных идей о мире и человеке, которая должна направлять человеческое существование в хаосе и неоднозначности жизни. "Культура спасает от жизненного кораблекрушения, что позволяет человеку жить, даже если его жизнь трагична, бессмысленна и совершенно ничтожна. Мы, как люди, не можем жить без идей (...) – мы *есть* наши идеи".

Усиление научного интереса в университете, по мысли автора, свидетельствует лишь об особенности современной культуры, содержание которой является преимущественно научным. Однако именно с этим Ортега-и-Гассет связывает катастрофический характер ситуации Европы. Здесь автор снова возвращается к идеям, изложенным в книге "Восстание масс" (см.), и утверждает, что специализм и профессионализм "разбивают на осколки" европейского человека, поскольку представляют собой лишь узкую сферу жизни. И в данной ситуации именно задачей университета является вернуть это жизненное единство, возобновив передачу культуры, т.е. системы жизненных идей, которыми располагает время. "Культура – это *жизненная* система идей каждой эпохи. Неважно, что эти идеи или принципы частично либо полностью ненаучны. Культура – не наука. Это особенность нашей современной культуры – то, что большая доля ее содержания берется из науки; однако в других культурах было иначе, и мы не станем утверждать, что в нашей всегда будет так же, как сейчас. Современный университет по сравнению со средневековым, невероятно усложняя профессиональное образование, которое является его зародышем, и расширяя исследовательскую деятельность, почти полностью отказывается от преподавания или передачи *культуры*". Чтобы избежать перегруженности и малоэффективности обучения университет должен руководствоваться "принципом экономии". Это означает, что при организации высшего образования нужно исходить из студента, а не знания и преподавателя. При этом нужно учитывать следующие факторы: 1) ограниченность студента в способности к приобретению знаний; 2) знание должно быть необходимо для жизни. "Институт, в котором *делают вид*, что дают и требуют то, чего не могут ни потребовать, ни дать, – фальшивый и разлагающийся институт. Однако этот принцип лицемерия пронизывает все планы и структуру современного университета".

Само возникновение педагогической деятельности Ортега-и-Гассет связывает с культурой модерна (см.), когда значительно увеличивается свод знаний и жизнь, вступив в капитализм (см.), становится сложной. В такой ситуации университет должен ориентироваться на среднего студента и предоставить ему помимо профессиональных знаний каркас основных передовых идей, которыми располагает время. Эти разделы знаний: физика, биология, история, социология и философия. "Дефицит, ограниченность возможности учиться – вот основа преподавания. Нужно точно показать, чему невозможно научиться". "Зачем стремится к тому, что невозможно? Не понимаю. Что касается меня, то у меня вызывает отвращение эта страсть к создании иллюзий (их нужно иметь, а не создавать), эта постоянная мегаломания, этот упрямый утопизм, делающий вид, что недостижимое достижимо".

Далее Ортега-и-Гассет поднимает важную проблему, связанную с соотношением профессии, науки и культуры. На что должен быть направлен университет: на подготовку специалистов и профессионалов в некоторой социальной сфере, на культивирование научного исследования и подготовку ученых, либо на передачу культурного наследия? Три различные сферы предполагают соответственно три различные модели организации учебного заведения. Автор считает, что университет должен взять на себя все эти три функции. Соотношение профессии, науки и культуры в университете он разъясняет следующим образом. Во-первых, наука и профессия представляют собой лишь узкую часть жизни и поэтому данные знания не могут заменить собой "общей образованности", поскольку культура – это идеи, которыми живут. Это перечень убеждений относительно того, что представляет собой мир, его интеллектуальное истолкование и свое возможное поведение в нем. Таким образом, она не является декоративным дополнением, а, напротив, необходима жизни, является составной частью человеческого существования. Поэтому преподавание науки в университете не может заменить преподавание культуры, поскольку они различны. Опираясь на науку не живут, ибо ей свойствен иной внутренний порядок. Она бесконечно дифференцируется и специализируется, безразлична к срочным человеческим нуждам. "Наиболее важный атрибут существования – его неотложность:

жизнь всегда неотложна. Живут здесь и сейчас, без всякого промедления, не передавая прав. Жить – значит стрелять в упор. И культура, которая является не более чем интерпретацией жизни, тоже не может ждать". Культура в любой момент должна быть системой целостной, всесторонней и структурированной, т.к. является путеводителем, планом жизни. Кроме того, наука – это прежде всего исследование, постановка проблемы, а не изучение и преподавание научного знания (см. **Дисциплинарность**). Однако миссия университета Ортеге-и-Гассету кажется незначительной, если он исходит из способностей среднего студента, ориентируется на минимум знаний, который могут освоить студенты, и является всего лишь учебной, а не научной структурой.

Автор считает, что университет все же неотделим от науки и должен жить ею. Наука – душа университета, та основа, которая питает его жизнь и не позволяет ему быть простым социальным механизмом. С другой стороны, особую миссию университета он связывает с его особым социальным статусом. Помимо церкви, государства и прессы университет является самой важной "духовной властью" общества, поскольку его позиция характеризуется профессионализмом, компетентностью и научностью. Поэтому он должен участвовать в общественной жизни и направлять ее. Он должен демонстрировать "превосходство невозмутимости над безумием, вдумчивую проницательность над легкомыслием и откровенной глупостью". И это особенно важно в ситуации, когда первенство социального влияния все сильнее отвоевывается прессой, которая, по мнению Ортеги-и-Гассета, занимает более низкое место в иерархии властей по степени адекватности отражения действительности. Именно "поэтому университет должен участвовать в современности, рассуждая о великих темах дня с собственной позиции – культурной, профессиональной или научной". Поскольку проблему Испании автор связывает с ее отставанием от общеевропейского культурного уровня, то университету отводится функция просвещения "Пока кто-нибудь не объяснит ситуацию при помощи ясной идеи, и тогда мы испытываем неожиданное озарение. Это свет понимания. Хаос кажется нам теперь упорядоченным, имеющим четкие структурные линии, напоминающие свободные открытые дороги. Поэтому рядом стоят слова *метод* и озарение, просвещение... Того, кого мы сегодня зовем "культурным человеком", не более века назад называли "просвещенным человеком" – то есть человеком, который видит жизненные пути".

Таким образом, Ортега-и-Гассет понимает университет как структуру, способную изменить сознание человека и поднять его на уровень передовых идей времени. Данное эссе является одной из важных работ философа по проблемам образования. Оно оказало значительное влияние на изменение образовательной ситуации не только в Испании, но и за ее пределами: например, в университете Пуэрто-Рико на практике используются некоторые подходы, изложенные в данной работе, а многие произведения самого философа использовались как учебные тексты. Согласно автору: "Выхода нет; чтобы уверенно идти сквозь лес жизни, нужно быть культурным, нужно знать свою топографию, свои маршруты или "методы"; то есть нужно иметь представление о пространстве и времени, в которых живешь, о современной культуре".

М.Н. Голубева

МИФ (от греч. mythos – слово, повествование, предание) – специфический, свойственный прежде всего архаической эпохе человечества, способ функционирования мировоззренческих конструктов, при котором условные и логически недоказуемые умозрительные феномены воспринимаются субъектом в рамках нерасчлененного, чувственно-рационального сознания как подлинно существующие и неизменные элементы реальности.

Древнейшие М. зарождаются на самых ранних этапах социогенеза и отражают стремление первобытного человека семантически адаптировать мир к своим новым возможностям и потребностям, изменяющимся с развитием способностей сознания к планированию, *пред*полаганию и *пред*видению. *До*опытное, опережающее конструирование цели субъектом (изначально – коллективным) увеличивает сферу бытия на биологически избыточное, практически ничем кроме себя самого не обусловленное пространство возможного. Потенциальная перспектива рассогласования "волюнтаристским" поведением единства структур жизнедеятельности нивелируется способностью сознания определять ценностные ориентиры и руководствоваться ими в своей деятельности. Абсолютизация и наделение онтологически независимым статусом условных по своей сути аксиологических построений обеспечивает субъекту непротиворечивую картину мира, в которой имеют место ясные цели и прописанные средства их достижения. Коллективная субъектность архаических и традиционных обществ императивным образом регулирует принятие социально значимых целей в качестве руководства к действию для индивидуальных акторов. Перманентная реактуализация и постоянное воспроизводство неприродных, "культурных" практик отдаляют последние от субъекта – они начинают восприниматься уже не как креативы, но как предзаданные и извечные инварианты бытия. Такие искусственные комплексы ценностно окрашенных ориентиров (и фиксированных моделей взаимоотношения с ними), некритически воспринимаемые субъектами в качестве единственно реальных фрагментов бытия, и называются М.

Генетически и исторически первыми феноменами мифологического ряда являются акты *номинации* (по сути категоризации), с помощью имен отграничивающие интуитивно отличные сущности, структурирующие окружающее пространство и дифференцирующие отношение к его элементам. Необходимость координации совместной деятельности и вербальной передачи накопленного опыта творчески синтезируют описательный облик для мифологических имен – яркий и запоминающийся. Население мира этими мифологическими сущностями, натурализованная одухотворенность мира обеспечивают деятеля субъективно понятными и эмоционально близкими посредниками-контролерами, чья неизменная, сверхъестественная природа гарантирует стабильность и

предсказуемость бытия, предоставляя правильные, как бы "проверенные" и санкционированные "сверху" правила поведения в мире. В этом смысле М. является антиэнтропийной константой, выполняющей защитные функции.

Исполнение М. роли защитного механизма обеспечивается внутренне присущей любому мифологическому построению презумпцией истинности – имманентной интенцией на самоутверждение в качестве единственной и предельной реальности. Вариативность и известная доля конвенциональности социального общежития оставляют возможности для реализации в действии мифологических рекомендаций. Принимаемый за инвариант реальности, М. есть лишь гипотеза относительно реальности, имеющая потенциал онтологизации. Однако интериоризируемые "искренним" субъектом, интегрированные в его мотивационную сферу мифологические построения могут стать действительностью. Говоря о реальности М., следует отметить, что его реальность лежит скорее в мотивационной, каузальной плоскости, нежели в гносеологической. Это относится прежде всего к тем областям человеческого бытия, регулирование которых в наименьшей степени зависит от природных факторов (хотя и последние в семантике мифологической картины мира подробно прописаны).

Априорно определяя картину мира и соответствующие ей программы поведения как единственно возможные, как инвариант реальности, М. становится таковым лишь постфактум, онтологизируясь в деятельности – эмоциях, мыслях, поступках – субъекта, принявшего и поверившего, *интериоризировавшего* М. В этом случае совершенно не важен, условно говоря, коэффициент фантастичности М. – в полном соответствии с теоремой Томаса (**см.**), гласящей: "если ситуация определяется как реальная, то она реальна по своим последствиям".

М. столь реален, сколь действен (и наоборот). Его причиняющая сила – способность максимально унифицировать поведение и организовать деятельность субъекта в конкретном направлении – делает М. реальностью. Можно сказать, что императивная сила М. и есть его реальность. В этом смысле М. – концептуализированная трансцендиция, культурная модель неприродного бытия и одновременно форма творческого переживания и прочувствования мира. Постулируя должное – принципиально вариативное – и предлагая ограниченный набор путей его достижения, которые также могут быть различны, М. вынужденно отрицает сомнение и скепсис по отношению к себе и как к целостности, и к своим частным элементам. Только самодостаточность М. (когда не возникает даже мысли о сопоставлении вариантов и выборе того, чему следовать), не допускающая аналитичности и не нуждающаяся в постоянных подтверждениях его очевидность, способна обеспечить предельную действенность М.

Из *имманентной очевидности* мифологических конструктов органично проистекают такие своеобразные закономерности мифологического мироощущения, как единство рационального и эмоционально-чувственного, несоблюдение законов формальной логики (исключенного третьего, противоречия, тождества и т.д.), общность взаимосвязи всего со всем – соответственно части и целого, предмета его идеи, вещи и названия (логика "оборотничества" А.Ф. Лосева или "принцип партиципации (соучастия)" Леви-Брюля (**см.**), а также источник особо "трепетного" отношения к именам в рамках М. и основание для симпатической магии), циклическая замкнутость времени и враждебное отношение ко всему чужому, "ненормальному" (основание для концентрической структурации пространства). А в результате – внутренняя непротиворечивость и предельная устойчивость М., возможные только при условии некритического к нему отношения.

Коллективная природа человеческого бытия, естественным образом иерархизирующая и приводящая к общему знаменателю ("социальная значимость") стихийно возникающие у индивидуальных акторов мифологические системы, способствует становлению самоочевидности мифологических построений и увеличивает их действенность (что в данном случае практически одно и тоже). Так, коллективное воспроизводство мифологических – идеальных – моделей поведения формирует психологические и организационные предпосылки объективной натурализации, онтологизации М. Некритичность восприятия заложенных в М. целей и обязательность исполнения инструкций психологически отчуждают от деятеля то, что и как он делает, снимая ответственность с актора за выбор "варианта" и представляя процесс и результат действия не следствием творчества, но воспроизводством предзаданной, извечной и неизменной модели. Организационно-типизированное поведение институциализируется в жесткой форме ритуалов, вербальное сопровождение и описание которых также формализуется. (Собственно, понятие "миф" и происходит от древнегреческого разделения практики на то, что делается, – *dromenon*, – и то, что произносится, – *mythos*). И ребенок (либо любой другой "неофит") в процессе первичной социализации (**см.**) не просто инкорпорируется в объективированную социальную структуру, но оказывается и в безальтернативном мире социальных смыслов и значений, некритично интернализированном через значимых других. Благодаря ограниченному кругу этих значимых других, навязанных ему, ребенок ("неофит") воспринимает мир таким, каким его "видят" его значимые другие, референтная группа (**см.**). Их семантические транскрипции реальности для ребенка не одни из многих – они единственно существующие и, что гораздо существеннее, единственно мыслимые в качестве таковых. Они самодостаточны и – *очевидны*.

Кроме того, соотнесение мифологической действительности с объективной реальностью в рамках коллективного общежития происходит не напрямую, не на индивидуально-эмпирическом уровне, а символически и опосредованно – через коллективный опыт, представляющий собой не что иное, как совокупность интерсубъективных смыслов и значений, воплощенных в институциональных образованиях и устоявшихся поведенческих практиках. А так как мифологическая реальность презентируется в качестве единственной и всем коллективом с необходимостью воспринимается таковой, то верификация превращается в онтологизацию. Потому мифологическая реальность в ее социальном разрезе принци-

пиально не верифицируется. М. либо принимается в качестве реальности и через деятельность становится ею, либо нет. Строго говоря, такие понятия как "верификация" (см.) или "фальсификация" (см.) вообще применять по отношению к мифологическим построениям не совсем корректно, ибо М. не есть когнитивное построение, нуждающееся в проверке на адекватность. М. – это способ духовно-практической деятельности, процесс и результат переживания мира, где должное доминирует над сущим, а внутреннее – над внешним.

В рамках коллективного бытия М. не только создает некое подобие информационно-технологического обеспечения социальной жизнедеятельности, но и формирует сам коллектив, генерируя групповое самосознание и развивая критерии для самоидентификации. Так единое для всех смыслоценностное восприятие мира интенсифицирует превращение условных значений в предельные и сакральные (не подверженные сомнению и изменению) смыслы-ценности, усиливает императивность детерминации жизнедеятельности членов общины, направляет креативную энергию в единое русло, что не только максимизирует потенциал натурализации, воплощения мифологических положений, но и увеличивает "жизненную силу" самой общины. И чем жестче условия бытия, чем больше благополучие всех зависит от действия каждого, тем теснее сплоченность в целях выживания, тем интенсивнее требования подчинения частных интересов общим идеям. С точки зрения индивида, соблюдение унифицированных правил поведения делает окружение предсказуемым, рождает психологическое ощущение приобщенности к тому, что более жизнеспособно, что сильнее и продолжительнее во времени (через предков и потомков, предшественников и последователей), нежели единичный индивид. Это дает основания для позитивной самоидентификации и чувства защищенности, психологического комфорта.

Рутинизация коллективной повседневности, бесконечное повторение ограниченного репертуара вариантов поведения со временем приводят к восприятию мифологизированных способов ориентации, понимания и действования в мире единственно мыслимым способом бытия, самодостаточной очевидностью жизни. Отчуждение практик от актора расширяет полномочия М., усиливает этиологическую (объясняющую причины и происхождение) и легитимирующую (обосновывающую правомерность) функции его нарративной составляющей, чья роль в структуре М. становится доминирующей для межпоколенной коммуникации (см.) и в рамках увеличивающегося социального расслоения. А претензия на мотивационно-объяснительную монополию М. (в силу необходимости поддержания самоочевидности) продуцирует экстенсивное увеличение, распространение его семантического поля на все окружение человека, – и природное, и социальное, – постулируется и формализуется единый, "закрытый" пространственно-временной континуум. М. становится стремящейся к тотальности системой социального контроля (см.) и описания всего "человеческого" мира, приобретает концентрическую пространственную структуру, где степень сакральности как меры соответствия требованиям сверхъестественных, мифологических сущностей в рамках логики бинарных оппозиций снижается от центра (места творения мира, мировой горы, столицы…) к периферии (области борьбы с врагами, злом, чужим и неизвестным…). По той же причине время в мифологическом сознании также приобретает специфику фиксации на сакральном. Оно – время – воспринимается конечным циклом повторений идеальных праксеологических моделей, начало которым кладет сотворение вселенной, а конец – смерть всего мира. (В архаической мифологии процесс разрушения мира содержательно представлен в эсхатологических мифах, а процесс создания мира демиургом – в мифах космогонических. Построение и развитие мира – в космологических, рождение и возникновение богов – в теогонических М.).

Необходимо отметить, что социальный мир вершится отдельно от мира природного – различные культурные герои, принося блага, изобретая ремесла, утверждая законы, закладывают собственные сакральные центры, от которых исходит своя "святость" и которые создают неприродное, социальное пространство, то есть моделируют культуру (*антропологические* и *героические* М.). Следствием естественной сакрализирующей эманации становится и преднамеренный поиск того, кто мог бы осуществлять верховный патронаж над определенной сферой социальной жизнедеятельности или через кого можно было бы объяснить-обосновать ее существование (М. как *воплощение коллективных фобий и надежд*). Наблюдающаяся в некоторых культурах династическая смена божественных поколений – от Демиурга-Творца к Повелителю-Господину – отражает ту динамику социальной жизни, которая требует священной легитимации (см.). А требует ее прежде всего область властных отношений, где конкуренция высока и правомочность претензий не бывает бесспорной. Формирование общественного согласия и самоподчинения индивидов общине (позднее – государству) в лице вождя, персонифицированной харизмы (см.), натурально представляет "земную" власть продолжением-воплощением власти божественной. Глобальные трансформации в обществе легитимируются сменой "небесных" покровителей.

По мере усложнения общественной жизни поддержание самоочевидности мифологических прескрипций, конструирующих и описывающих мир, становится все более и более трудным делом – множится общее число жизненных практик, их отличия у стоящих на разных ступенях социальной иерархии индивидов становятся все более разительными, появляется опыт общения с другими мировоззренческими системами – традиционное видение мира проблематизируется, рискуя "потерять очевидность". В ответ на этот вызов выделяется особый слой специалистов, профессионально занимающихся поддержанием традиций (см.), их целенаправленной фиксацией, структурацией, теоретической обработкой, а также регулированием и контролем поведения рядовых членов общины в соответствии с требованиями мифологических систем. Сама жизнедеятельность общины начинает подразделяется на профанную и сакральную – область повседневной жизни и сферу священного (божественного и неизменного) бытия.

Последняя становится самоценной и закрытой для профана, объективно и *субъективно* отдаляясь от простого человека. Элитизм семантического конструирования мира, его сакральной легитимации, ставит М. на службу власть имущих и приводит к изрядной теоретической изощренности некоторых мифологических построений, а именно тех, которые касаются властных отношений в обществе. Экстраполяция "горнего мира" на мир людей консолидирует последний вокруг сакрального (материального и идеального), освященного традициями, проверенного временем и обладающего легитимированной сверхъестественными сущностями властью, центра – понятного, правильного, законного (*само слово "закон" этимологически отсылает в сферу трансцендентного, неизменного – того, что "за коном", за порогом бытия*), привычного, неопасного. Чем дальше от центра, тем меньше "правильности", тем больше врагов, которые не соблюдают требования, обязательные для истинного, правоверного, настоящего человека (буквальный перевод самоназвания многих племен и народов звучит как "человек"). Поэтому к не являющимся "человеками" можно и даже нужно относится не так, как к "своим", то есть как к ложным, опасным и враждебным – имманентная этноцентрическая установка априорно элиминирует креативно-объяснительный потенциал конкурентных мифологических систем, усиливая собственную ценность.

Логика дальнейшего развития и усложнения социальной организации общества делит мифологию на два "принадлежащих" различным иерархическим уровням социума, вида – низшую мифологию и высшую – непосредственно включенную в жизнедеятельность людей и непостижимые властные силы космического порядка. Образы "высшей мифологии", в отличие от духов "низшей", обычно представляются как сверхъестественные сущности, более могущественные и индивидуализированные, нежели обычные духи, имеющие собственные имена и наделенные более отчетливыми функциями в конкретных областях деятельности. Низшая мифология, упрощенная и вырастающая непосредственно из будничных практик, оправдывает собой бытие повседневное и "натуральное", а высшая, рафинированная, целенаправленно синтезированная и теоретически систематизированная жреческо-аристократической элитой, работает на интеграцию общества и активацию безусловного самоподчинения индивидов интересам и целям "господствующего класса", являясь своеобразным идеологическим аппаратом архаических сообществ. Использование высшей мифологии в политических целях приводит к тому, что при изменении взаимоотношения сил носителей различных мифологических систем (мифологические картины мира выясняют отношения между собой с позиции силы, зависящей как от количества, так и от статуса своих носителей) наиболее кардинальные трансформации происходят именно на высших уровнях мифологических систем. В результате чего близкие по функциям мифологические богигерои сливаются и взаимоотождествляются, становясь проявлениями (вариант – детьми, наследниками...) победителя, либо проигравший дискредитируется, приобретает выпукло отрицательные черты и оказывается в подчиненном положении. В демонологизированном облике мифологические сюжеты и герои остаются в коллективном сознании, отличающемся изрядной инерционностью. Вполне естественно, что в таком случае объяснительно легитимирующий потенциал "поверженных" субъектов побежденной высшей мифологии исчезает, но не полностью.

Утратив очевидность своих положений, побежденная мифология превращается в набор нарративных артефактов и исключается из практики, но остается в "народной памяти", где, уже не претендуя на право мотивации и легитимации, участвует в формировании того, что позднее назовут фольклором или народной традицией, слабо связанной с культурой господ – предания, легенды (в современном понимании, так как изначально легендой назывался рассказ о чудесном явлении, утверждавший нормы христианской морали), сказки, притчи, байки, бывальщины и т.д. Обособившийся, десакрализованный и потерявший связь с живой жизнью мифологический нарратив становится артефактом, недостаточным самим по себе, но способным играть вспомогательную роль в морально-этической регуляции поведения или просто служить способом занять праздное внимание. Недаром немецкие романтики (И. Гете, Ф. Шеллинг, братья Шлегели и др.) и представители мифологической школы (братья Гримм, А. Кун, М. Мюллер) считали М. основой культуры, первообразом поэзии, а также источником науки и философии. Между тем, суть отличия "М." от всевозможных произведений коллективного творчества, имеющих повествовательный характер, заключается главным образом в разнице и функциональной нагруженности и в происхождении этих "литературных" феноменов.

Здесь имеется в виду, что хотя по форме передачи (вербальной) и по содержанию передаваемого (коллективный опыт) и М., и сказка, и предание, и легенда идентичны, их свойства и функции, кардинально различаются. Так, например, установка на достоверность рассказываемого, – субстанциональное требование М., – не имеет силы по отношению к сказке, для которой вымысел есть основной принцип ее художественного метода. И топологически "привязанное" предание, рассказывающее о том, что уже было в прошлом, гораздо ближе сказке, обладающей собственной пространственно-временной структурой (В.Я. Пропп "Морфология волшебной сказки"), нежели М., "жизненно ощущаемому" и ежеминутно творимому. В отличие же от легенды, апеллирующей к чуду в целях укрепления религиозной морали (изначально) или народной традиции (позже), в М. нет деления на чудо и не чудо. Вообще, М. как рассказ является вторичным образованием по отношению к мифологически-образной фиксации и семантическому конструированию мира, чьей главной задачей является духовно-практическое освоение мира, наделение его смыслом и объяснение проживаемых ситуаций. М. – это "здесь и сейчас". Поэтому для человека, включенного в ту реальность, которая М. задается и через него объясняется, М. и есть объективная жизнь и инвариантная реальность, целостная и нерасчлененная. Это для стороннего наблюдателя видна искусственная природа мифологических построений. И

только сторонний наблюдатель, имеющий возможность сопоставлять и сравнивать, может определить М. как фантастическое, иллюзорно-имагинативное представление о мире.

Массовое появление таких сторонних наблюдателей, сомневающихся, рефлектирующих и имеющих опыт авторского интеллектуального творчества, знаменует собой наступления "осевого времени" (К. Ясперс) и конец спокойной устойчивости с безусловной очевидностью аутентичного мифологического миросозерцания. Прерывается непосредственная данность мира человеку – концептуализация социума и всего пространственно-временного континуума человеческого бытия становится прерогативой весьма ограниченной части общества (право определять смыслы и значения становится новым видом символически оформленного властного капитала). Бесспорность истины становится предметом критического внимания, требующим доказательств и строгой аргументации, что опять-таки создает закрытую от простого человека область компетенции. Адаптация предельных смыслов для широких масс упрощает сложные теоретические системы до уровня элементарных тезисов-положений, обязательных для принятия и исполнения. В итоге происходит окончательное закрепление двухуровневости социального (как по происхождению, так и по области детерминации) знания – элитарно-нормативного, теоретически систематизированного, институционально закрепленного и усредненно-массового, повседневно-синкретичного, практически воплощенного. Большинство всех форм знания – религия (**см.**), философия (**см.**), наука (**см.**), искусство (**см.**) – имеют это деление на "сакральную" аксиоматику (абсолютную, абстрактную, неименную, бесспорную) и популярную, семантически редуцированную под возможности "среднего" человека область транслируемых формул и значений, адекватность понимания которых в принципе не требуется, нужно лишь следование им (источник утверждений о манипулятивности М.).

Становление отличных от классических мифологических систем форм знания, будь то понятийно-рационального или иррационально-трансцендентного, не приводит само по себе к исключению М. из духовной жизни общества. М. остается действенным образованием и в сфере насущно-повседневного сознания, и на уровне абстрактно-теоретических построений. Мифологичность теоретической составляющей предопределяется претензией на исключительность, уникальность обладания и объяснения истины (в рамках борьбы с однопорядковыми и равноположными системами), без чего невозможно рассчитывать на принятие этой теории для руководства к действию.

То есть, "сами по себе, отвлеченно говоря, формулы, допустим, математики, безупречны, и в них нет никакой мифологии. Но ученые не пользуются только тем, что в этих формулах содержится. Они пользуются ими так, что не остается ровно никакого места для прочих форм пространства и соответствующих формул. В этом и заключается мифологизм европейского естествознания – в использовании одного излюбленного пространства. Так геометрия Евклида сама по себе не мифологична. Но убеждение в том, что реально не существует ровно никаких других пространств, кроме пространства евклидовой геометрии, есть уже мифология." (Лосев А.Ф. "Философия, мифология, культура"). Такое же убеждение, или предубеждение, действует и в будничной жизни рядовых членов любого общества посредством гипостазирования собственного житейского опыта, который каждому представляется (и в некотором смысле таковым и является) достаточным, само собой разумеющимся и абсолютным, то есть единственно реальным. В этом человека убеждает стабильность и устойчивость его окружения, однообразность и повторяемость жизненного праксиса (ценностно-практического единства) – праксиса сакрального, который может и не иметь трансцендентной составляющей, но быть неизменным, точнее мыслиться таковым, безальтернативным. И только *проблематизация* ситуативности, когда в изменившихся условиях выявляется недостаточность "надежного" опыта и привычные с детства алгоритмы начинают "пробуксовывать", актуализирует внимание на мифологическом – условном и договорном – содержании устоявшихся поведенческих моделей, чем разрушает *очевидность*, и одновременно инициирует новый виток мифотворчества, мифологизации (создания предельных, стремящихся к абсолюту и всеобщности, смыслов и значений).

Стремительная трансформация всех общественных структур и подсистем, связанная с разрастанием капиталистических форм производства и его дериватами, – конкуренцией, прагматизмом, урбанизацией (**см.**), – интенсифицирует процессы создания новых универсальных и интегративных смыслов, способных примирить "агрессивную" индивидуальную инициативу с необходимостью совместного, "добрососедского" общежития и предоставить удобные, адекватные модели коллективного сосуществования в изменяющихся условиях. Волнообразная секуляризация (**см.**) общественной жизни абсолютизирует приоритет разума как высшей инстанции при решении всех проблем человеческого общества, утверждает исторический оптимизм и акцентирует внимание на прогрессивной, миссионерско-просветительской роли науки в жизни общества.

Исходя из принципа наличия единой цели исторического развития на месте как бы дискредитированных иррациональных (мифологических и религиозных) систем образуется мотивационно-объяснительный и легитимирующий вакуум, который заполняется изобретаемыми теоретиками искусственными системами, претензия на истинность которых обосновывается научностью, открытием универсальных оснований бытия, принципом прогресса, социальной справедливости и т.д. Провозвестником таких телеологических концепций социального проектирования можно считать "Утопию" Т. Мора и "Город Солнца" Т. Кампанеллы (хоть они формально и продолжали еще линию Платона с его идеальным обществом), переместивших цель развития, идеал должного из Золотого века в Светлое будущее (16-17 вв.). Мемориальная культура традиционных обществ сменяется на прогностическую схему Нового времени.

Борьба теоретически синтезируемых знаниевых систем за право легитимированного насильственного внедрения в мас-

совое воспроизводство универсальных моделей поведения воплощается в идеологических войнах на политическом поле. И на рубеже 18-19 вв. впервые появляется термин "идеология" (см.) для обозначения эмпирической науки об идеях, чья мощь к тому времени была практически продемонстрирована Великой Французской революцией. Технический прогресс 19 ст. окончательно изменил тысячелетиями формировавшийся образ жизни людей, взорвав и смешав между собой городскую и сельскую культуры (читай – мифологии), изменив элиту общества (аристократию "происхождения и чести" на собственников "выгоды и денег"), и вывел на арену политической борьбы огромные массы людей. Потребность в новых критериях и стандартах социальной (уже скорее не религиозной, а гражданской, национальной и т.д.) адекватности инициирует формирование глобальных и фундаментальных идеологий, которые могли бы четко описывать правила игры и задавать ясные ценностно-нормативные пропозиции для каждого индивидуального деятеля.

Рост народонаселения и научно-техническая революция 19-20 вв. с массовизацией производства и либерализацией общественной жизни приводят к размыванию сословных границ, формированию общенациональных ценностей и стандартизации транслируемого опыта, подкрепленных развитием средств тиражирования и трансляции информации на широкие слои населения. Качественное и количественное усложнение высокоспециализированных областей социальной практики, в которых вырабатывается специализированное знание и чьи "языки" почти недоступны для понимания "профана", продуцирует возникновение феномена "массовой культуры" (см.) в качестве механизма смысловой адаптации отчужденных смыслов и значений. "Перевод" новой информации (см.) на уровень обыденного понимания неподготовленных людей, с помощью которого преодолевается разрыв между специализированным знанием и повседневностью, автоматически выполняет функции поиска, селекции и систематизации информации, ее прессовки в крупные блоки. Респонденту предоставляются готовые образцы и модели поведения, что снимает с субъекта избыточное психологическое напряжение от неохватного потока информации, где необходим многофакторный и оперативный анализ огромного числа одновременно возникающих вопросов, выходящих за рамки непосредственного опыта индивида, и в тоже время фетишизирует как саму поступающую информацию, так и каналы ее поступления.

Средства массовой коммуникации, главные агенты и творцы массовой культуры, откликаясь на увеличение зависимости политических элит от состояния массового сознания, а производства продуктов массового потребления от устойчивого на них спроса в обществе, становятся творцами новой мифологии общества, виртуализируя социальное пространство. Искусственно упрощая сложные проблемы, ценностные ориентации и все потенциальное многообразие оттенков миропонимания до элементарных дуальных оппозиций, замещая многофакторный анализ причинно-следственных связей апелляцией к авторитету (см.) или простым и, как правило, фантастическим объяснениям (мировой заговор, происки иностранных разведок, инопланетяне и т.д.), партикулируя сознание (абсолютизация единичного и случайного, игнорирующая при этом типичное, статистически преобладающее), СМИ функционируют в рамках мифологической "логики", элиминируя частности и презентируя ограниченный набор более или менее стандартных ситуаций с уже готовыми решениями. Освобождение от необходимости выбора и сложных интеллектуальных рефлексий по поводу волнующих проблем, защита от ответственности за принятие решения превращает СМИ в современного "творца богов" для неискушенного потребителя информации.

Условно говоря, СМИ творят "высшую" мифологию общества, его идеологическую составляющую, которая еще только должна быть инкорпорирована индивидами и обществом в мотивационную сферу, которая еще только претендует на статус легитимного образования ради ее беспрекословного исполнения. Она накладывается на обыденное знание, основанное на непосредственном опыте повторяющихся жизненных практик, повторяя двухуровневое массовое сознание архаических обществ. Эти уровни взаимосвязаны и взаимодополняющи – именно из повседневности "высшая" мифология берет свои образы и на нее ориентируется в своей деятельности. Мифология же повседневности частично интериоризирует положения идеологизированной "высшей" мифологии, частично преобразует или отвергает. В результате и возникает специфическое и противоречивое образование, известное нам под названием "массовое сознание", в котором парадоксальным образом сочетаются порой взаимоисключающиеся позиции – "думаю одно, чувствую другое, поступаю всему наперекор". Создается целостный "образ мира" (Леонтьев А.Н., Козелецкий Ю.), переживаемый как нечто целое и непрерывное ("мифос" Ю.С. Осаченко и Л.В. Дмитриева), предзаданное и независящее от субъекта, где доминирует "психологика" (Р. Альберсон, Р. Розенберг) повседневности, некритичная и субъективно абсолютная, задающая смысловой горизонт восприятия реальности. И только отсылка к мифологичности массового мышления может объяснить эти закономерности, ибо "мифологическое мышление на известной ступени развития – единственно возможное, необходимое, разумное; оно свойственно не одному какому-либо времени, а людям всех времен, стоящим на известной ступени развития мысли" (А.А. Потебня – "Эстетика и поэтика").

Современная активизация интереса (и научного, и политического, и искусствоведческого) к проблемам М., мифологизации, мифотворчества во многом обусловлена тем состоянием общества, которое принято называть "после модерна" – оно же "постиндустриальное" (см.), "третьей волны" или "информационное" (см.). Основной характеристикой такого общества является приоритетность области создания продукции семантической, а не товарно-вещественной. В условиях, когда удовлетворение витальных потребностей общества и его рядовых членов становится автоматическим и они (витальные потребности) уходят из области актуального восприятия, более прозрачными становятся "условность" (и как тво-

римость, искусственность, и как зависимость от условий) и "гуманистический" характер социальных процессов: и зависимость происходящего от мнения большинства, и управляемость массы, и непостоянство общественного мнения. Общественное сознание маргинализируется, на поверхности оказываются интересы микрогрупп. Та истина, идеал которой творился и религией, и деятелями эпохи Просвещения, и партийными идеологами всевозможного толка, становится невозможной. Субъект, попеременно функционирующий в различных смысло-ценностных полях (повседневном, профессиональном, политическом, социальном, этническом, религиозном и т.д.) приобретает мозаичное сознание. Глобальные идеологические системы как целостные образцы толкования оказываются изжиты, истины рассеиваются по многим универсумам дискурсов, "они больше не поддаются иерархизации" (Хабермас – см. – "Демократия. Разум. Нравственность."). Социальность (см.) в старом виде растворяется симулякрами (см.) (Бодрийар – см.), конец великих идеологий знаменует "затмение общества" (Турен – см.), победу "варварства" (М. Анри) и приход "эпохи племен" (М. Мафессоли).

Переживаемый Западом "новый трайболизм" ("новая социальность малых групп") есть переход от долгого периода господства рационализма, "расколдовывания мира" (М. Вебер – см.) к "ремифологизации", новому "заколдовыванию мира" в сознании людей (М. Мафессоли). Новое общество конституирует новое социальное знание – этико-эстетическое, мифопоэтическое, развивающее органическую солидарность в символическом и коммуникационном измерениях. Оно сознательно использует М. (мифологизацию) и как психологический метод замещения и трансценденции, конструктивный и конструирующий способ преодоления проблемной ситуации семантического шока индивидом, инспирирующий социальное действие, и как путь поведенческой интеграции и самоидентификации общности, метод закрепления и трансляции релевантных смыслов и целей, форму обоснования группового (коллективного) опыта, воплощенную в общезначимых способах действования.

Следует отметить, что эти характеристики М. как духовно-практического единства, смысло-деятельностного праксиса эксплуатируются не только в рамках прогрессирующей глобализации (см.), но и при утверждении локальной уникальности малых общностей. Поэтому категории мифологического ряда могут продуктивно использоваться как при изучении глобальных явлений современной социальной жизни на макроуровне (например, в аспекте национально-этнических взаимоотношений), так и при рассмотрении социальных процессов на мезоуровне (социология СМИ или массового сознания, электорального поведения) или анализе явлений общественного бытия на микроуровнях (мифодизайн управления, корпоративная культура, PR-технологии, политические мифологемы).

Вместе с тем не стоит забывать, что на настоящий момент термин "М." является скорее дискуссионным понятием, нежели аналитической категорией. Неэксплицированность термина и отсутствие его четкой дистинкции по отношению к ряду устоявшихся категорий приводит к тому, что под одним и тем же термином объединяются попытки объяснить "природные феномены, творения устной литературы, философские построения и случаи возникновения лингвистических процессов в сознании субъекта" (К. Леви-Строс). За всю свою историю социально-философская мысль выработала ряд парадигмальных концепций описания М. и как социокультурного феномена, и как формы ложного сознания, и как литературного произведения.

Многообразие и неоднозначность интерпретаций М. были заложены еще в античности Платоном (называвшим мифом и философскую выдумку, и художественную иллюзию), Аристотелем (для которого миф был ложным построением в логике и онтологии) и Эвгемером (видевшем в М. обожествление деяний исторических личностей). Законсервированное на время христианством изучение М. возобновилось в эпоху Просвещения, когда М. трактовался как результат невежества и заблуждений, и Романтизма, для представителей которого М. был отражающей высшую истину поэзией, в рамках компаративистской парадигмы и как в смысле содержательного сравнения различных этномифологий, так и в смысле типологического соотнесения М. с другими формами культуры и сознания (детского сознания – Дж. Вико, поэтическим творчеством – И.Г. Гердер и Шеллинг, со сказкой как инобытием утратившего связь с ритуалом мифа – Я. и В. Гримм и др.). Основатель *лингво-натуралистической* школы (которой в разное время и в разной степени принадлежали А. Кун, В. Манхарт, А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня) М. Мюллер связывал мифологический тип мышления с детской болезнью языка, возникающей при "стирании" исходного смысла метафор, в результате чего и возникал М. как имя мистифицированного субъекта. Собственно социологическое изучение мифологии становится значимым с 19 в., когда Г. Спенсер (см.) совместно с Э.Б. Тейлором заложили основание *эволюционистско-антропологической* школы анализа М. как "протонауки". Продолжая линию "пережитков" Тейлора Дж. Фрейзер, как и последующие сторонники *ритуалистической* концепции (Д. Харрис, А.Б. Кук, Э.О. Джеймс), анализировал М. и магию с формальной точки зрения сценарного сопровождения ритуальных действий, выступающих моделью социальной жизни. Рассматривая М. как механизм воспроизведения культурной традиции и психологической интеграции социума, Б. Малиновский (см.) сместил фокус рассмотрения М. с гносеоонтологической области отражения на сферу его социальных функций поддержания общественного порядка (*функциональная* школа). Взгляды Малиновского были поддержаны М. Элиаде (см.), рассматривавшем М. как средство спасения от "страха перед историей", что во многом сближало его позицию с фрейдистской концепцией М., наиболее полное социологическое воплощение которой было сформулировано в теории архетипических формах коллективного бессознательного (см.) К.-Г. Юнга (см.). Юнг в свою очередь заимствовал идеи "коллективных представлений" французской *социологической школы*, которая в лице Э. Дюркгейма

(см.) и Л. Леви-Брюля (см.) интерпретировала М. как моделирующие и поддерживающие родовую организацию особые формы мышления, основывающиеся на характерных для прелогического мышления принципах партиципации, негомогенности (деление на сакральное и профанное) и анизотропности пространства и времени. Фиксируя культурно-символическую природу мифологического оформления мира сакрального, опытно непостижимого, Э. Кассирер и его последователи (*символическая традиция*) трактует М. как объективированную в чувствах и эмоциях целостную и самодостаточную семиотическую систему, конструирующую мир и нуждающуюся в декодировании. Еще одним продолжателем идей французской социологической школы является К. Леви-Строс, испытавший дополнительное воздействие американской культурной антропологии (см.). Путем прививки к этим традициям опыта лингвистического структурализма и новых представлений, идущих от теории информации, Леви-Строс создал структурную антропологию и соответствующую *структуралистскую теорию* М., описывающую эффективное действие логических механизмов М. как преодоления фундаментальных мировоззренческих противоречий, которая передает абстрактные смыслы конкретно-чувственными образами и метафорами. Мифологический стиль мышления латентно присущ современному мышлению, доминируют же рациональные структуры сознания (левополушарные). С этим мнением был не совсем согласен Р. Барт (см.), в чьей трактовке М. выступает особой семиокоммуникативной системой, которая пытается выдавать себя за систему фактов, который вместе с идеологией образует метаязык современности. Сам мифологический дискурс, по Барту, образуется как некая индуктивная система значимостей, принимаемых не за субъективную систему ценностей, но за объективную систему фактов, конструирующих реальность и элиминирующих ее историчность.

Неполным будет рассмотрение истории изучения М. без упоминания имагинативно-творческой теории Я.Э. Голосовкера, изучавшего уже более индивидуализированное творческое мышление мифологического периода, где человек использует возможности не только репродуктивного воображения в рамках родового менталитета, но и начинает создавать личностные мифологические картины мира (например, Гомер, Платон, Конфуций). Кроме того, значимый вклад в изучение М. осуществил А.Ф. Лосев, давший анализ "диалектики М." как онтологически укорененной в человеке и в общественном сознании. Причем М. по Лосеву имеет все возрастающую модальность абсолютного исторического долженствования. Существовавшие ранее исторические типы мифологического сознания выявляли лишь относительные истины человеческого существования, но подлинный мифологизм человеческого мышления раскроется тогда, когда до абсолютного бытия дорастет абсолютный М. (идеальный тип мифодиалектики). Подобного воззрения на М. придерживались также А. Канне, Г. Герман, А. Белый, П. Флоренский, С.Н. Булгаков.

Г.П. Коршунов

МИХАЙЛОВСКИЙ Николай Константинович (1842-1904) – русский социальный философ и социолог, литературный критик, теоретик народничества, основатель (наряду с Лавровым – см.) субъективной социологии. Основные сочинения: "Теория Дарвина и общественная наука" (1870-1871, 1873), "Аналогический метод в общественной науке" (1869), "Что такое прогресс?" (1872), "Борьба за индивидуальность" (1875-1876), "Вольница и подвижники" (1877), "Герои и толпа" (1882), "Научные письма. К вопросу о героях и толпе" (1884), "Патологическая магия" (1887), "Еще о героях" (1891), "Еще о толпе" (1893) и др. С 1869 М. – постоянный и деятельный сотрудник журнала "Отечественные записки", с 1892 – один из ведущих редакторов журнала "Русское богатство". В течение 40 лет был одним из самых читаемых и влиятельных авторов в России, создал особый тип письма – отклик на все, что волновало русское общество (с позиций не цехового ученого, а "профана", которого заботят реальные жизненные проблемы), при одновременном изложении через самый разный материал собственных концептуальных подходов.

Работая в целом в русле позитивизма, стремился к широкому социально-философскому синтезу. Этический пафос мысли М. привел к тому, что он стал одним из ведущих проповедников персонализма, синтезированного с метафизикой природы, хотя позитивистская методология, замкнутость на категории возможности, не позволила М. выявить более глубокие истоки персонализма. Следуя гносеологии позитивизма, М. понимает истину как удовлетворение познавательной потребности человека. Чтобы избежать возможного произвола, за критерий истины нужно признать потребности нормального человека. Концепция истины непосредственно входит в ткань социологической теории М., наиболее оригинальной и значимой части его наследия. Предметом социологии, считает М., является отношение различных форм общежития (кооперации) к судьбам личности; исследование законов этого отношения позволяет соединить в социологическом анализе сущее и должное. Определивший идейные искания М. этический императив ярко выявился в концепции двуединой правды ("правды – истины" и "правды – справедливости") как сочетания познавательной и нравственной потребностей, что привело М. к разработке субъективного метода в социологии. Данный метод не исключает объективного познания, но в силу неустранимости субъективного момента (предвзятого мнения) из социального познания предполагает еще и оценку реальности с точки зрения нравственного идеала, желаемого будущего. Возможный субъективизм купируется тем, что социолог должен начать с некоторой утопии (идеального состояния) и на этой основе определить, какие элементы в обществе нежелательны и подлежат устранению. М., следовательно, закладывает основы социологии знания, подчеркивая, что человек относится к реальности прежде всего как член социальной общности, и общечеловеческая истина возможна только при преодолении социальной дифференциации.

Основу социальной концепции М. составляет теория кооперации и разделения труда, анализ которых синтезирует структурную и динамическую картину общества. Форма коо-

перации определяет тип развития общественности. М. выделяет два типа разделения труда: органическое (между органами индивида), которому соответствует простая кооперация, основанная на сходстве и солидарности между людьми; общественное (между группами) с соответствующей ему сложной кооперацией, основанное на различиях между людьми, что вызывает односторонность личности, социальные конфликты и борьбу. Будущее за простой кооперацией, наиболее адекватной развитию индивида. В центре концепции М. также находилась проблема личности. Личность, по М., несет в себе потребность целостности и никогда не должна быть принесена в жертву, она свята и неприкосновенна. Пути решения этой проблемы М. выявляет в теории борьбы за индивидуальность как центральной нити, которая позволяет объяснить исторический процесс, сам по себе алогичный, ибо сущность его нам неизвестна. Индивидуальность есть далее неделимое, без потери своей особости, целое. Существует иерархия индивидуальностей, развивающихся по органическому типу: каждая более высокая индивидуальность подчиняет себе более низкую, например, общество стремится через общественное разделение труда превратить личность из индивида в орган. Однако личность имеет право и обязанность прервать органический процесс в целях собственного совершенствования, целостности и полноты, вступая ради этого в борьбу с другими индивидуальностями (с природой, социальными формами), вмешиваясь в естественный ход событий на основе категории возможности, осуществляя тем самым законный нравственный суд над социальным процессом. Эта борьба бесконечна, победа личности в ней вовсе не предопределена ("чья возьмет – увидим"), но именно в ней смысл истории как смены форм кооперации. Стремясь понять закономерности развития личности, М. разрабатывает теорию "героев и толпы", выступив одним из основоположников социальной психологии. Герой – это зачинатель, тот, кто делает первый шаг и которому толпа готова подчиниться, хотя личность героя может быть мелка. Толпа – масса, способная увлечься любым примером и переступить за героем некую, чаще всего опасную, грань. Тайну взаимодействия героев и толпы М. видит в механизме гипнотизма, который действует в условиях подавления индивидуальности, что вызывает децентрализацию личности, скудость ее впечатлений и интересов, готовность пойти за любым авантюристом.

Логическим завершением доктрины М. является его теория прогресса (**см.**), обоснованию которой, начиная со статьи "Что такое прогресс?" (1869), посвящено все творчество мыслителя. Прогресс, по М., есть смена форм кооперации с целью преодоления общественного разделения труда, что постепенно приближает к целостности неделимых, к разносторонности личности. В этом процессе человечество, пройдя объективно-антропоцентрическую и эксцентрическую фазы своей истории, может прервать органическое развитие и войти в субъективно-антропоцентрическую фазу, где человек и его этические искания ставятся в центр мира, что совпадает, по М., с социализмом как обществом, в котором торжествует личное начало при посредстве начала общественного.

Г.Я. Миненков

МИХЕЙЧИКОВ Леонид Николаевич (р. 1952) – белорусский социолог, руководитель социологической службы "Зеркало" (**см.**) информационной кампании БелаПАН. Кандидат философских наук по специальности "прикладная социология" (1978, проблемы средств массовой информации и формирования общественного мнения).

Окончил исторический факультет Белорусского государственного университета (1974). С 1974 по 1977 – аспирант Института социологических исследований Академии наук СССР. Работал старшим научным сотрудником в Институте философии и права Академии наук БССР, старшим преподавателем Республиканской комсомольской школы при ЦК ЛКСМБ, заведующим лабораторией социологических исследований и информирования населения в НИИ, начальником отдела научных исследований в Республиканском центре "Алгоритм". С 1995 – руководитель созданной в структуре информационной компании БелаПАН социологической службы "Зеркало".

По сфере социологических интересов – социолог-практик, популяризатор и распространитель результатов социологических исследований. Общий объем публикаций М. превышает 50 печатных листов. В подавляющем большинстве это методические пособия, журнальные и газетные статьи и заметки.

МИХЕЛЬС (Michels) Роберт (1876-1936) – итальянский социолог, политолог и экономист, немец по происхождению. Один из основателей политической социологии. Испытал влияние Ж. Сореля, В. Парето (**см.**), Г. Моски (**см.**), отчасти М. Вебера (**см.**). Родившись в богатом немецком буржуазном семействе, М. сформировался как социалист и большую часть своей жизни провел в Италии, преподавая в университетах Турина, Базеля и Перуджи. Его "Corso di sociologia politica" и другие работы были переведены на английский язык как первые лекции по политической социологии (1949).

Наиболее известна книга М. "Политические партии: социологическое изучение олигархических тенденций в современной демократии" (1911). Эта работа появилась на свет в результате разочарования М. в социал-демократической партии Германии. В ней он сформулировал свои идеи относительно неизбежности развития олигархий, даже в организациях, абсолютно преданных демократическим идеалам. В ответ на критические обвинения в "классовом предательстве" и реформизме со стороны СДПГ он утверждал, что такое предательство было неизбежно в силу действия "железного закона олигархии", который гласит, что формально демократические полит. объединения – партии и другие организации членства – неизбежно имеют тенденцию к олигархии, авторитаризму и бюрократии. Это происходит из-за ряда организационных моментов, в том числе потребности в быстром принятии решения и необходимости работать полную рабочую неделю. Поскольку существование демократии невозможно без организации, т.е. без управленческого аппарата и профессиональных лидеров, то это, по М., неизбежно ведет к закреплению постов и привилегий, к снижению представительности

руководства, его фактической несменяемости и к увековечению существующего положения. Обычные бюрократы сменяют харизматических лидеров, на смену революционерам и энтузиастам приходят консерваторы, приспособленцы, демагоги, заботящиеся только о своих интересах, а не об интересах масс. Поощряются неосведомленность и пассивность масс наряду с лестью в их адрес, исключая случаи, когда лидерам угрожает соперничающая группировка. Формально придерживающееся программных задач руководство на деле отходит от первоначальных целей и интересов класса и масс. При этом замена их интересами бюрократии нередко вполне искренне отождествляется с интересами партии и народа. Руководство становится все более изолированной и замкнутой группой, оно создает специальные органы для защиты своих привилегий и в перспективе имеет тенденцию к превращению в часть правящей элиты. Элита смотрит на людей, преданных исходным идеям, с подозрением, как на что-то неудобное и мешающее. Верхушка чувствует потенциальную угрозу ее безопасности, спокойствию и положению со стороны рядовых членов организации и отказывается от внутрипартийной демократии, маскируя свои действия необходимостью преодоления трудностей, сплочения в борьбе с врагами и т.п. Первоначальная приверженность М. демократическому идеалу была связана с руссоистско-синдикалистским максимализмом: настоящая демократия – это только "непосредственная" демократия, все остальное – это вообще не демократия. Представительная демократия по своей природе олигархична и является господством представляющего над представляемым. Он был одним из тех (включая его друга М. Вебера), кто разработал теорию социальных преимуществ ограниченной представительной демократии, которая может рассматриваться как предшественница современной теории стабильной демократии.

В дальнейшем во взглядах М. произошли существенные изменения. Осознание утопичности анархо-синдикалистских идей привело М. к отказу от принципа демократии вообще. В своих более поздних работах он пришел к тому, чтобы рассматривать правление элит, олигархическое перерождение демократических партий и систем как не только неизбежное, но даже желательное. По его мнению, олигархия – предустановленная форма жизни больших общественных объединений, поэтому демократия закономерно приобретает олигархический характер, превращаясь в свою противоположность. Это превращение, которое М. первоначально рассматривал в духе историко-антропологического пессимизма, далее трактуется им в как позитивный процесс, ведущий к правлению "лучших", избранных. В итоге от социал-демократизма и анархо-синдикализма, от антиавторитаризма ранних работ М. пришел к авторитарным, а затем и к профашистским идеям. Так, он не выступил против возвышения фашизма в Италии.

В.А. Балцевич

МНОГОМЕРНОЕ ШКАЛИРОВАНИЕ – один из методов исследования структуры и снижения размерности (см.) пространства переменных (см.). Визуализирует в пространстве небольшой размерности (от одного до трех измерений) структуру корреляций между исходными переменными. На плоскости (в двумерном пространстве) напоминает график факторных нагрузок. В новом пространстве шкалы задаются произвольно, а оси интерпретируются в соответствии с взаимным расположением в нем исходных переменных.

Возможна также визуализация структуры расстояний между объектами. В этом случае результаты М.Ш. выглядят аналогично диаграмме рассеяния (см.). Интерпретация такого пространства производится по взаимному расположению объектов, поэтому ее возможности ограничены информацией об объектах, которой располагает исследователь.

О.В. Терещенко

МОГИЛЕВСКИЙ ИНСТИТУТ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ – структура (далее – МИРСПИ), созданная на базе Социологического центра при Могилевском облисполкоме, который работал с 1991. Директор – доцент, кандидат философских наук Н.Е. Лихачев.

Основной задачей МИРСПИ является изучение актуальных проблем социально-экономического развития, общественно-политической жизни региона, выработка рекомендаций и предложений для исполнительных органов власти на научной основе.

Сотрудниками МИРСПИ ежегодно проводятся мониторинги общественно-политической ситуации в регионе; изучаются социально-психологические последствия чернобыльской аварии; анализируются региональные проблемы села, развития малого и среднего предпринимательства. Среди основных направлений исследовательской деятельности МИРСПИ изучение ценностных ориентаций молодежи и демографические, гендерные исследования. Результаты исследований являются основанием для широкого обмена мнениями между учеными и практиками из всех регионов республики на межрегиональных научно-практических конференциях и семинарах.

Сотрудники МИРСПИ участвуют в разработке международного проекта по проблемам реформы образовательной системы Беларуси в рамках программы TACIS.

По инициативе МИРСПИ в Могилевском государственном университете им. А.А. Кулешова с 1999 начата подготовка специалистов в области социологии. МИРСПИ является для студентов методической и практической базой.

Социологи МИРСПИ активно сотрудничают с Институтом социологии и социальных технологий Национальной академии наук Беларуси, с Институтом социально-политических исследований при Администрации Президента Республики Беларусь. Ученые г. Минска оказывают научно-методическую помощь, участвуют в разработке ряда совместных исследовательских проектов, содействуют подготовке и повышению квалификации кадров.

Л.Н. Михейчиков

МОДА (лат. modus – мера, правило, образ) – обычно непродолжительное господство определенного типа стандартизированного массового поведения, в основе которого лежит относительно быстрое и масштабное изменение внешнего (прежде всего предметного) окружения людей. И. Кант определял М. как "непостоянный образ жизни". Как массовое увлечение каким-либо явлением, М. известна еще с древности; М. в современном понимании появляется в Европе в 14-15 вв. Изучение М. не должно ограничиваться ее сведением только к эстетическому феномену, что приводит к выпадению из поля зрения многих особенностей ее природы и функционирования. Природе М. свойственны: релятивизм (быстрая смена модных форм), цикличность (периодическая обращенность в прошлое, к традициям), иррациональность (М. обращена к эмоциям человека, ее предписания не всегда сообразуются с логикой или здравым смыслом), универсальность (сфера деятельности современной М. практически не ограничена; М. обращена ко всем сразу и к каждому отдельно). М. выступает как внешнее оформление внутреннего содержания общественной жизни, выражая уровень и особенности массового вкуса данного общества в данное время. К функциям М. можно отнести ее возможность конструировать, прогнозировать, распространять и внедрять определенные ценности и образцы поведения, формировать вкусы субъекта и управлять ими. М. дополняет традиционные формы культуры через их преломление современностью и конструирует на этой основе новое окружение человека и его самого. М. выступает как одно из средств социализации: М. как подражание данному образцу "удовлетворяет потребности в социальной опоре, дает всеобщее, общепринятое" одинокому человеку (Зиммель). Еще одной функцией М. является функция социальной маркировки, идентификации, дистанцирования. Зиммель (**см.**) считал М. классовым явлением: М. различных социальных слоев всегда различна. "Космополитичная" функция современной М. заключается в ее тенденции к сближению и размыванию национальных стилей на основе массовой культуры и универсального стиля. Можно говорить и об экономической функции М., связанной с ее динамизмом: М. опережает физический износ предмета (товара) моральным и, следовательно, обеспечивает промышленность спросом на новое, постоянно расчищая рынок для сбыта.

Современная М. имеет две существенные особенности: М. 19-20 вв. представляет собой систематические, организованные, масштабные трансформации внешнего и внутреннего мира личности (современная М. – это смена стиля, а не двух-трех предметов или форм), ритм смены стилей в современной М. резко возрос (сейчас модный стиль держится в среднем 7-10 лет). По вопросу специфики механизмов распространения М. большинство исследователей высказывается за ведущую роль психологических факторов: подражание (Лебон – **см.**), стремление к собственному величию (З. Фрейд – **см.**), "желание быть значительным" (Дьюи), обретение социальной опоры (Зиммель). Наряду с этими факторами указывают еще на массовую привычку, на то, что М. выступает как оценивающая и предписывающая сила. Эффективность проявления подобных факторов зависит от качества среды действия М.: динамизма развития общества, готовности к изменениям, восприимчивости к новому и т.п.

Д.К. Безюк

МОДА статистическая – один из показателей центра распределения (см. также: **Медиана, Среднее арифметическое**), значение переменной (**см.**), которому соответствует максимальная частота в распределении частот (**см.**); обозначается Mo. Для дискретной переменной (номинальной, порядковой, количественной) мода определяется по абсолютной или относительной частоте. Например, в приведенном ниже распределении М. является значение $x=3$, которому соответствует максимальная частота $f=40\%$.

x_i	1	2	3	4	5	Σ
f_i	15	30	40	25	10	120

Для непрерывной переменной М. может быть определена только приблизительно и только после того, как значения переменной сгруппированы в интервалы. Первым приближением к оценке М. для непрерывной переменной является определение модального интервала – интервала, которому соответствует максимальная распределения плотность (**см.**) (если все интервалы имеют одинаковую длину, модальным является интервал с максимальной частотой). Если необходима более точная оценка М., ее можно вычислить по формуле:

$$Mo = x_0 + l\ \frac{\rho_{Mo} - \rho^-}{2\rho_{Mo} - (\rho^- + \rho^+)},$$

где x_0 – нижняя граница модального интервала;

l – длина модального интервала;

ρ_{Mo} – плотность распределения для модального интервала;

ρ^- – плотность распределения для интервала, предшествующего модальному;

ρ^+ – плотность распределения для интервала, следующего за модальным.

Для группировки с интервалами одинаковой длины вместо плотности распределения можно использовать частоту.

Например, для распределения населения по возрасту модальным является интервал 10-19 лет, ему соответствует максимальная частота 16,2%. Более точно модальный возраст может быть определен по формуле:

$$Mo = 10 + 10\frac{16{,}2 - 11{,}3}{2\times 16{,}2 - (11{,}3 + 14)} = 16{,}9 \text{ (лет)}.$$

(См. **Таблицу 6** на стр. 1292.)

В распределении может быть более одной М. По числу М. различают одномодальные, бимодальные и полимодальные распределения. При этом нескольким М. могут соответ-

ствовать одинаковые частоты, но могут и разные. В последнем случае говорят об абсолютной (глобальной) и локальных М. Так, в приведенном выше примере распределения населения по возрасту абсолютная М. находится в интервале 10-19 лет, еще две (локальные) М. – в интервалах 30-39 лет и 60-69 лет. Распределение, таким образом, имеет три М.

М. является наиболее универсальным показателем центра распределения, она используется для всех видов измерительных шкал.

О.В. Терещенко

МОДЕЛИРОВАНИЕ – процесс исследования объектов на их моделях. Необходимо различать решение специально-предметных научных задач путем построения моделей и получение знаний, обслуживающих М. М. начинается там, где заходит речь о методологии мышления, об организации и, в особенности, представлении знаний о мире.

Методологическое проектирование типов моделей и процессов М. – завершающая часть соответствующей философской работы. С одной стороны, оно превращает модели в объекты, обладающие собственной реальностью, законами, свободой в создании образов, благодаря чему производится новое знание (эвристика), и отменяет необходимость в М. как таковом. С другой, оно задаст категориальную онтологию и картину мира (когнитивную и языковую). Реальное М. устанавливает определенное отношение между моделью и объектом в ходе М. (декомпозиция) или приписывает свойства модели объекту в процессе специального теоретического анализа, эксперимента (верификация). Эффект М. проявляется при строгом различении модели и оригинала, что достигается приемом "двойного знания" (Г. Щедровицкий). Благодаря этому различию в средствах и инструментарии объект оказывается представлен дважды: как объект (образ объекта) и как форма репрезентации знаний об этом объекте (объект-заместитель). И только тогда, когда построены эти две абстрактные модели, становится возможным продуктивное взаимодействие, координация кодов объекта и модели. В отличие от гипотез, различные модели не конкурируют и не отменяют друг друга, а взаимодополняют, являясь интерпретациями (осмысленными выражениями).

Д.М. Булынко

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИМИТАЦИОННОЕ в социологии – вид моделирования математического (см.), состоящий в воспроизведении на ЭВМ социального процесса либо функционирования социальной системы. Почти всегда предполагает воспроизведение случайных факторов, влияющих на изучаемое явление, и, как следствие, применение статистических методов для анализа результатов моделирования, в силу чего в русскоязычной литературе почти как синоним термина "М.И." употребляется "статистическое моделирование". Следует иметь в виду, что последний термин употребляется еще в том же смысле, что и англоязычный "statistical modeling", обозначая построение математической модели с помощью статистических методов.

М.И. позволяет изучать весьма сложные системы и процессы без предварительного построения теоретической математической модели, особенно при использовании специальных программных средств. По существу же алгоритм имитации всегда соответствует некоторой математической модели, явный учет которой позволяет повысить эффективность М.И. с помощью использования априорной информации, а также сочетать М.И. с аналитическим моделированием и детерминированными (неслучайными) вычислительными методами. В качестве такой модели чаще всего выступает некоторый случайный процесс, относящийся, как правило, к классу так называемых процессов Маркова и близких к ним. Эти процессы позволяют, в частности, использовать для сочетания М.И. с другими средствами исследования некоторые интегральные уравнения, что приводит к весьма эффективным аналитическим и вычислительным процедурам.

Н.Н. Леонов

МОДЕЛИРОВАНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКОЕ в социологии – описание и исследование социальных систем и процессов с помощью математических средств. Можно выделить следующие виды М.М.: аналитическое, численное и имитационное (см. **Моделирование имитационное в социологии**). Между аналитическими и численными моделями нет резкой границы: например, система уравнений, описывающая социальный процесс некоторого вида, в простом случае может быть решена аналитически, а в более сложном – только численно. При построении математических моделей в социологии наряду с общими принципами моделирования в социологии и математического моделирования в целом, а также специфическими чертами М.М. в социологии, существенную роль при моделировании в каждом конкретном случае играют характер исследуемой проблемы и особенности применяемого математического аппарата. В М.М. в социологии используются такие разделы математики, как математическая статистика, теория случайных процессов, теория массового обслуживания, теория информации, теория принятия решений, теория игр, дифференциальные уравнения, математические методы синергетики и теории хаоса, теория графов и сетей, теория категорий, математическая теория систем, математическая физика и др. Несомненна возможность применения в социологии таких новых методов, как эволюционное моделирование (генетические алгоритмы) и нейронные сети. С возрастанием степени общности подхода к проблеме М.М. в социологии повышается роль более абстрактных математических дисциплин – общей (абстрактной) алгебры, топологии, функционального анализа.

Н.Н. Леонов

МОДЕЛИРОВАНИЕ СТАТИСТИЧЕСКОЕ – представление или описание некоторого феномена или системы взаимосвязей между явлениями посредством набора переменных (показателей, признаков) и статистических взаимосвязей между ними. Цель М.С. (как и любого другого моделирования) – представить наиболее существенные черты изучаемого феномена в наглядном и доступном для изучения виде. Все

статистические модели предназначены, в конечном счете, для измерения силы и направления связей между двумя или более переменными. Наиболее сложные модели позволяют также судить о структуре связей между несколькими переменными. Большинство статистических моделей можно условно разделить на корреляционные, структурные и причинные. Корреляционные модели используются для измерения парных "ненаправленных" связей между переменными, т.е. таких связей, в которых причинная компонента отсутствует либо игнорируется. Примерами таких моделей являются коэффициент парной линейной корреляции Пирсона, ранговые коэффициенты парной и множественной корреляции, большинство мер связи, разработанных для таблиц сопряженности (за исключением теоретико-информационных коэффициентов и логарифмически-линейного анализа).

Структурные модели в М.С. предназначены для исследования структуры некоторого множества переменных либо объектов. Исходными данными для изучения структуры связей между несколькими переменными является матрица корреляций между ними. Анализ корреляционной матрицы может осуществляться вручную либо с помощью методов многомерного статистического анализа (см.) – факторного, кластерного, метода многомерного шкалирования. Во многих случаях исследование структуры связей между переменными является предварительным этапом при решении более сложной задачи – снижения размерности пространства признаков.

Для исследования структуры совокупности объектов применяются методы кластерного анализа и многомерного шкалирования. В качестве исходных данных используется матрица расстояний между ними. Расстояние между объектами тем меньше, чем больше объекты "похожи" друг на друга в смысле значений измеренных на них переменных; если значения всех переменных для двух объектов совпадают, расстояние между ними равно нулю. В зависимости от целей исследования, структурные модели могут быть представлены в виде матриц (корреляций, расстояний), факторной структуры либо визуально. Результаты кластерного анализа чаще всего представляются в виде дендрограммы; результаты факторного анализа и многомерного шкалирования – в виде диаграммы рассеяния. Структура матрицы корреляций может быть также представлена в виде графа, отражающего наиболее существенные связи между переменными. Причинные модели предназначены для исследования причинных связей между двумя или несколькими переменными. Переменные, измеряющие явления-причины, называются в статистике независимыми переменными или предикторами; переменные, измеряющие явления-следствия, называются зависимыми. Большинство причинных статистических причинных моделей предполагают наличие одной зависимой переменной и одного или нескольких предикторов. Исключение составляют линейно-структурные модели, в которых может одновременно использоваться несколько зависимых переменных, а некоторые переменные могут в одно и то же время выступать в качестве зависимых по отношению к одним показателям и в качестве предикторов по отношению к другим.

Классическая статистика допускала исследование причинных связей только посредством дисперсионного анализа. В последние десятилетия активно развивались техники, основанные на регрессионных и регрессионно-подобных моделях. К ним относятся методы парной линейной и нелинейной регрессии, множественной линейной регрессии, логит- и пробит-регрессии, а также путевой анализ, линейно-структурные уравнения, дискриминантный анализ. Применение регрессионных техник ограничено требованиями теоретического доказательства причинного характера связей между зависимыми и независимыми переменными, а также соблюдения при измерении переменных и построении модели трех критериев (принципов) каузальности (см.). Исключение составляют аскриптивные переменные, которые могут использоваться в качестве предикторов без ограничений. Результаты регрессионного моделирования представляются в виде соответствующих уравнений, которые могут быть использованы как для предсказания значения, которое примет зависимая переменная при заданном наборе значений предикторов, так и для объяснения изменений зависимой переменной при изменении независимых переменных. Результаты путевого и линейно-структурного анализа могут быть также представлены в виде графа, на ребрах которого указываются соответствующие коэффициенты.

О.В. Терещенко

МОДЕЛЬ (лат. modulus – мера, образец) – объект-заместитель, который в определенных условиях может заменять объект-оригинал, воспроизводя интересующие свойства и характеристики оригинала. Воспроизведение осуществляется как в предметной (макет, устройство, образец), так и в знаковой формах (график, схема, программа, теория). Возможны два способа конструирования М. Если первый идет от эмпирически выявленных свойств и зависимостей объекта к его М., то второй уже в исходной точке предполагает доопытное воссоздание объекта в М., и поскольку М. известна, то считается познанным и объект. Проблема соответствия М. оригиналу отодвигается на второй план благодаря отделению вопроса о построении М. от вопроса о ее интерпретации. Формальное построение М. в эмпирическом исследовании оказывается основой для содержательной интерпретации объекта-оригинала. При этом уделяется особенное внимание полноте М.: М. реализуют оригинал в конечном числе отношений, что является критерием их типологизации.

С.А. Радионова

МОДЕРНИЗАЦИЯ – общественно-исторический процесс, в ходе которого традиционные общества становятся прогрессивными, индустриально развитыми. В классической

социологии этот термин осмыслялся Дюркгеймом (см.) как процесс социальной дифференциации, посредством которого осуществлялось общественное разделение труда (см.); М. Вебером (см.) – как процесс рационализации, в ходе которого хозяйствующие субъекты стремились максимально повысить собственную экономическую отдачу; Марксом (см.) – как процесс товаризации, в ходе которого товары и услуги все более и более производились для рынка.

Решающим фактором М. выступает преодоление, а также замена традиционных ценностей, препятствующих социальному изменению и экономическому росту, на ценности, мотивирующие хозяйствующих субъектов на инновационную деятельность – разработку, создание и распространение новых технологий и генерирование новых организационно-экономических отношений.

В отечественной экономике и социологии сложилось представление о феномене М., согласно которому, М., во-первых, трактуется не столько как развитие современных производственных мощностей, сколько как преодоление технологической зависимости. Речь идет в первую очередь не о создании новых сверхсовременных предприятий, а о *способности генерировать* передовые научно-технические идеи и экспортировать результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Во-вторых, в условиях глобализации (см.) для М. необходимы включение страны в мирохозяйственные связи и использование научно-технических достижений партнеров и соперников. М. на основе изоляции национальной экономики, как это было в Советском Союзе, сейчас обречена на неудачу. В-третьих, М. сегодня требует не столько роста выпуска отдельных видов товаров, даже важнейших, сколько создания возможностей для быстрого переключения с одних информационных технологий на другие.

Современная М. подразумевает, таким образом, не наращивание масштабов экономической деятельности, а достижение равноправного положения по отношению к ключевым, "сердцевинным" экономикам, которые служат импульсом технологических и социальных перемен в мире. Государство играет важную роль в модернизационных процессах (иногда – большую, как в Германии и Японии, иногда – меньшую, как в США и Великобритании). Но особенность современной наукоемкой экономики в том, что она сопровождается созданием институтов свободного предпринимательства и частной собственности.

М. – это создание современной социально-экономической системы, предполагающей индивидуализацию трудовых усилий, повышение роли творческого начала в производственной деятельности и, самое главное, формирование институтов роста (частной собственности, конкуренции, банков и др.), которые обеспечивают развитие экономики без государственного принуждения. М. можно рассматривать на трех уровнях: макроуровень – развертывающаяся на основе совокупности базисных инноваций смена лидирующих технологических укладов (примерно раз в 50 лет); мезоуровень – происходящая с периодичностью примерно в 10 лет смена поколений техники, обновление активной части основных фондов; микроуровень – постоянно происходящие обновление моделей и модификация продукции, совершенствование ее параметров на базе улучшающих инноваций в рамках промышленных предприятий.

Соотношение способов производства, технологических укладов и поколений техники в структуре продукции общественного воспроизводства получило название технологической структуры экономики. Она выражает удельные веса прогрессивных, традиционных и реликтовых укладов в составе инновационного и производственного потенциалов той или иной страны, предопределяет эффективность и адаптивность к переменам ее экономики, темпы и масштабность процесса М. Технологическая структура, выступая предпосылкой М., меняется во времени, с волнообразной сменой поколений технических систем и научно-технических направлений. Каждый научно-технический цикл включает пять последовательно сменяющихся фаз: зарождения, становления, распространения, зрелости, старения.

Основой структурных сдвигов как источника М. является инновационный потенциал государства. В развитых странах до 80% прироста валового внутреннего продукта (ВВП) достигается за счет инноваций. Наука обеспечивает экономическое воспроизводство на новой технологической основе, сберегая природные ресурсы, сама превращаясь в основной ресурс развития. Тенденции роста наукоемкости общественного производства стали объективной реальностью современной М. Для успешной М. любому государству, независимо от его территориальных размеров и природных условий, необходимо иметь значительный уровень развития науки в качестве собственного источника технологических нововведений и среды для ассимиляции приобретаемых технологий. Этот уровень определяется структурой и состоянием науки и экономики в целом, политическими и социально-экономическими целями развития общества.

Г.Н. Соколова

МОДЕРНИЗМ – неклассический тип философствования, радикально дистанцированный от классического интеллектуальным допущением возможности плюрального моделирования миров и – соответственно – идеей онтологического плюрализма. Таким образом, проблема природы "вещи-в-себе" выступает в М. псевдопроблемой. К предпосылкам формирования идей М. может быть отнесено: 1) конституирование комплекса идей о самодостаточности человеческого разума (элиминация из структур соответствующих философских рассуждений трансцендентно-божественного разума как основания разума в его человеческой артикуляции); 2) складывание комплекса представлений о креативной природе Разума, с одной стороны, и о его исторической ограниченности – с другой. (Идея абсолютности, универсальности и тотальности

Разума была поставлена под сомнение еще И. Кантом, выдвинувшим стратегию "критики" различных – "чистого" и "практического" – разумов.); 3) позитивистские идеи (начиная от Конта – **см.**), согласно которым человеческий разум по своей природе контекстуален и способен трансформировать социальную реальность (в соответствии с правилами социологии как дисциплинарно организованной науки), и аналогичная этим идеям программа, предложенная в рамках марксизма, согласно которой разум полагался исторически изменчивым и способным к заблуждениям (идеология как "ложное сознание"); задача философской рефлексии усматривалась в "изменении мира" ("Тезисы о Фейербахе" Маркса). Таким образом, идеал отражения действительности и когнитивный пафос классического мировоззрения замещался установкой на социальный конструктивизм. Таким образом, тезисы исторической изменчивости разума во всех его измерениях (от политического до художественного), социального конструктивизма через посредство осмысленной деятельности человека, позитивности "разрыва" с классической традицией составили основу М. как особого типа философствования.

В качестве основных характеристик М. могут быть зафиксированы: 1) отказ от моноонтологизма, презумпция на принципиальную открытость системы мира: психологическая артикуляция бытия у А. Шопенгауэра, лингвоматематическая у У. Куайна, экзистенциальная у Ж.-П. Сартра и т.п.; 2) интенция на инновацию (при перманентной смене критериев новизны), нашедшие свое выражение в педалированном акцентировании в М. метафоры "молодость"; акцентированный антитрадиционализм (вплоть до постулирования значимости воинствующего эпатажа, перманентного бунта и поворотных разрывов с предшествующей традицией); 3) пафосный отказ от классической идеи "предустановленной гармонии" (инициированный сомнениями по поводу амбиций разума), в рамках которого отсутствие гармонии полагается неизбывной характеристикой существования человеческого рода; 4) преодоление трактовки человека как "слепка" Бога и отказ от монистического гуманизма (плюральные версии гуманизма в экзистенциализме, марксизме, неофрейдизме и т.д.; переосмысление сущности и направленности гуманизма как такового: идея "сверхчеловека" Ницше, "негативный гуманизм" А. Глюксмана – **см.** и др.), что вылилось в социальный конструктивизм, породивший разнообразие плюральных стратегий формирования "нового человека", предельное свое выражение обретших в радикализме марксистского революционизма (см. **Сверхчеловек**); 5) подчеркнутый антинормативизм, основанный на рефлексивном осмыслении того обстоятельства, что люди живут по нормам, ими же самими и созданными, исторически преходящими и релятивными, и в перспективе приводящий к отказу от идеала традиции; 6) идея плюральности и конструктивности Разума, выводящая на программы трансформации ("перекодирования") культуры, что в свою очередь порождало потребность в новом художественном языке. Стратегия обновления языка оказывается, таким образом, соразмерной возможным трансформациям социального мира, – понятия мыслятся не как предзаданные "истинной" природой онтологии, а как конструируемые: от трактовки творчества как процедуры самовыражения художника до идеи о невозможности и немыслимости бессубъектной онтологии.

А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко

МОЛОДЕЖЬ – понятие современного социогуманитарного знания, используемое для обозначения совокупности индивидов, обладающих социопсихическими качествами, способствующими перманентной активной переоценке ими любых существующих в обществе ценностей (как правило, в контексте не их осмысления, а их разрушения либо конструктивного / деконструктивного преодоления). В свете подобной характеристики М. выступает не столько возрастной (ввиду предельно широкого диапазона соответствующих нормативов), сколько особой социально-психологической и творческой категорией людей. М. в 20 в. выступала субъектом-носителем таких личностных параметров, как "молодость" и "революционность".

Е.Н. Вежновец

МОМДЖЯН Карен Хачикович (р. 1948) – российский социальный философ, доктор философских наук (1989), профессор. Родился в Ереване. Окончил философский факультет МГУ (1971). Зав. кафедрой социальной философии философского факультета МГУ (с 1989). Главные направления научных исследований: специфика социально-философского постижения общества, субстанциальная специфика социума, социально-философский анализ деятельности, новейшие интерпретации социальной философии Маркса.

М. была предложена модель "бинарной" философско-социологической теории, осуществлена одна из целостных версий систематизации социально-философских категорий. Основные работы: "Концептуальная природа исторического материализма" (1982), "Категории исторического материализма: системность, развитие" (1986), "Что такое общество?" (1991), "Исторические закономерности" (1991), "Философия. Учебник для вузов. В двух частях" (1996, в соавт.), "Введение в социальную философию" (1997), "Философия. Учение о бытии, познании и ценностях человеческого существования" (1999, в соавт.) и др.

МОНИТОРИНГ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ (от лат. monitoring – предостерегающий) – форма организации проведения социологических исследований, обеспечивающая постоянное получение социологической информации о состоянии определенного социального процесса или социальной ситуации.

В социологическую практику это понятие пришло из экологии (**см.**), где термином "мониторинг" обозначается непрерывное слежение за состоянием окружающей среды с целью предупреждения о возможных нежелательных откло-

нениях по важнейшим параметрам. При организации социологических исследований по типу М.С. обычно определяется небольшое число наиболее существенных показателей, отражающих состояние социальной среды, затем методом повторных исследований регулярно проводятся социологические замеры, что позволяет накапливать и анализировать информацию в динамике, используя сравнение с базовыми или нормативными показателями.

М.С. призван решать определенный круг научных задач, классифицировать которые можно как по предметному, так и по функциональному основаниям. При первом подходе следует выделить решаемые М.С. содержательные проблемы, при втором – типы подлежащих решению задач. Предметные задачи М.С. вытекают из исходного представления авторов о сущности, закономерностях, направлениях и перспективах анализируемых процессов. Что же касается типов задач, то применительно к М.С., они подразделяются на методические, научные и информационные.

Методические задачи М.С. заключаются в разработке и экспериментальной проверке предметной структуры М.С.; научно-организационной структуры М.С.; методов построения и реализации выборки; методов и инструментов опроса; методов обработки и анализа данных. *Научные* задачи М.С. можно разделить на две группы. Первая состоит в использовании получаемых данных для отслеживания и анализа социальной динамики анализируемых процессов. Вторая группа задач заключается в проверке справедливости (оценке вероятности реализации) гипотез, выдвигаемых в научно-исследовательском проекте. Сюда можно отнести оценку общей социальной направленности формирующегося рынка рабочей силы, а также эмпирическую проверку гипотез о направлениях и результатах социального процесса. Информационные задачи М.С. состоят в обеспечении органов власти научной и политической общественности Республики Беларусь методически надежной и политически независимой информацией о воздействии отслеживаемых факторов на разные социальные субъекты и социальные процессы и о социальном самочувствии этих субъектов. М.С. значительно повышает качество социологического обеспечения процессов социального управления и социальной политики.

Г.И. Соколова

МОНТЕСКЬЕ (Montesquieu) Шарль Луи, Шарль де Секонда, барон де Ла Бред и де Монтескье (1689-1755) – французский философ права и истории, президент парламента и Академии в Бордо (1716-1725), член Французской Академии (1728). Традиционно трактуется как "основоположник географического направления в социологии". Представитель философии Просвещения 18 в. Разделял позиции деизма, рассматривающего Бога как создателя, действующего по объективным законам материального мира.

Задачей философии М. считал (в противовес взглядам Фомы Аквинского) постижение причинных связей материи, подчиняющейся законам механики. С точки зрения М., за кажущейся случайной цепью событий необходимо усматривать глубинные причины. Внешний мир, по М., отражается в сознании людей на основе деятельности разума, обобщающего результаты опыта. То, что случайности могут быть объяснены глубокими причинами, – согласно М., не главное; важно то, что самые различные нравы, обычаи и мысли людей можно объединить в набор определенных типовых групп: "Я начал с изучения людей и увидел, что все бесконечное разнообразие их законов и нравов не вызвано единственно произволом их фантазии... Я установил общие начала и увидел, что частные случаи как бы сами собою подчиняются им, что история каждого народа вытекает из них как следствие и всякий частный закон связан с другим законом или зависит от другого, более общего". Разнообразие социальных законов, по мнению М., объяснимо, ибо они реализуются вследствие причин зачастую объективного характера.

В основном сочинении "О духе законов" (1748), попавшем в "Индекс запрещенных книг", попытался объяснить законы и политическую жизнь различных стран и народов, исходя из их природных и исторических условий, в духе теории среды. По М., "многие вещи управляют людьми – климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий "дух народа". "Дух народа", по М., конституируется из законов, обычаев и нравов: "Нравы и обычаи суть порядки, не установленные законами; законы или не могут, или не хотят установить их. Между законами и нравами есть то различие, что законы определяют преимущественно действия гражданина, а нравы – действия человека. Между нравами и обычаями есть то различие, что первые регулируют внутреннее, а вторые – внешнее поведение человека". Книги I-XIII этого сочинения написаны в жанре политической социологии. В них М. анализирует "принцип" (определяемый доминирующим чувством в рамках конкретной формы правления – при демократии это "добродетель") и "природу" (обусловливаемую числом обладателей верховной суверенной власти: республика – весь народ или его часть; монархия – один человек, но в рамках жесткого законодательства; деспотизм – один человек в соответствии с собственными прихотями и произволом) правления в условиях республики, монархии и деспотизма. По М., каждый из трех типов правления сопряжен с размерами территории, занимаемой данным обществом (чем больше территория, тем больше шансов на деспотию). Т.обр., М. увязывал собственную классификацию типов государственного устройства с общественной морфологией или (по Дюркгейму) с количественными параметрами данного общества. М. настаивал на том, что народ назначает государя в силу договора, и этот договор должен исполняться; государь представляет народ только так, как угодно народу. К тому же,

по М., неверно, чтобы уполномоченный имел столько же власти, сколько уполномочивший, и не зависел бы от него. "Известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет предела", – подчеркивал М.

На примере английской конституции (самой прогрессивной, по М.) в своей работе "Персидские письма" (1721), выдержавшей за один год 8 изданий, мыслитель развивал теорию разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную. Философия М., не раз интерпретировавшаяся самыми различными способами в истории западной общественной мысли, постулировала принципиальное наличие у людей свободы воли, ибо рациональные законы разумного мира, оказывающие влияние на человека, могут быть им же и разрушены. Согласно М., "...мир разумных существ далеко еще не управляется с таким совершенством, как мир физический, так как хотя у него и есть законы, по своей природе неизменные, он не следует им с тем постоянством, с которым физический мир следует своим законам. Причина этого в том, что отдельные разумные существа по своей природе ограничены и поэтому способны заблуждаться и что, с другой стороны, им свойственно по самой их природе действовать по собственным побуждениям. Поэтому они не соблюдают неизменно своих первоначальных законов, и даже тем законам, которые они создают сами для себя, они подчиняются не всегда". М. вошел в историю общественной мысли Запада как предтеча социологии, ибо он и не пытался системно исследовать (в отличие от Конта или Маркса) современное ему общество, оценивая его исключительно в стилистике оценок политической философии того времени. Общество, по М., целиком обусловлено своим политическим устройством, поэтому прогресс, с его точки зрения, недостижим – социум в политической ипостаси своей переживает исключительно череду падений и взлетов. Ни науку, ни экономику же М. не считал факторами, равновеликими государству.

А.А. Грицанов

МОРАЛЬ (нравственность) (лат. moralis – нравственный, mores – нравы) – специфический тип регуляции отношений людей, направленный на их гуманизацию; совокупность принятых в том или ином социальном организме норм поведения, общения и взаимоотношений. В любом человеческом сообществе есть необходимость в согласовании форм жизнедеятельности, коррелировании различных и порой альтернативных между собой целеполаганий. В отличие от жестко фиксированных и сопряженных в своем функционировании с определенными организационными структурами формами регуляции (правовая, религиозная и др.), М. выступает, как правило, в качестве "неписаного закона", реализуя свою регулятивную функцию, в первую очередь, посредством обыденного сознания. М. генетически восходит к феномену обычая; применительно к индивиду основные нравственные ценности усваиваются им в процессе личностной социализации. В социально-личностной и духовной сферах М. носит всепронизывающий и всеохватывающий характер. Все отношения людей, от интимных до "межконтинентальных", проникнуты ею, подвержены моральной оценке и с ее помощью проходят проверку на жизненную целесообразность. Поскольку М. существует на двух уровнях: общечеловеческом и личностном, постольку можно утверждать, что она – один из способов разрешения противоречий между всеобщим и индивидуальным. Она не имеет рецептурного характера. М. – постоянное нормотворчество людей, жизненный процесс, в котором основная фигура – сам индивид, человек, творец своего бытия. Руководствуясь общечеловеческими нравственными требованиями в качестве идеально-должного он самостоятельно делает выбор своего поведения, поступка, намечает цель и средства ее достижения, исходя из реальных возможностей и конкретной ситуации. Отсюда – ответственность за моральность выбора и деятельности человека. Основными социальными функциями М. являются: регулятивная, ценностно-ориентационная и социализирующая. М. предлагает образцы должного, разумного, общечеловеческого. Чем нравственно воспитаннее личность, тем более добровольно она соблюдает моральные предписания общества и семьи. Нравственная регуляция осуществляется посредством ориентации людей на гуманные, добрые, честные, благородные, справедливые отношения, т.е. через то, что принято называть моральными ценностями. В целом функционирование М. осуществляется в русле общесоциальных закономерностей развития общества и личности (см.).

Структура М. включает в себя нравственные взгляды, смысложизненные ориентации и идеалы, нравственные чувства, традиции, нормы, принципы, заповеди, мотивы, цели, отношения, поступки, оценки, категории добра, совести, чести, справедливости, счастья и т.д. Сюда же относятся нравственные качества личности, феномены милосердия, благотворительности, добродетели. Каждый из перечисленных элементов имеет парную категорию: добро – зло, честь – бесчестие и т.д. М. в целом противостоит аморализм, который достаточно многолик. Аморализм в политике – достижение намеченной цели любыми средствами, включая антигуманные; в экономике – нарушение рыночных законов, игнорирование интересов производителей благ; в правовой сфере – нарушение принципа справедливости, пренебрежение к закону; в научно-технической деятельности – использование высших достижений человеческой мысли во вред цивилизации.

С.Д. Лаптенок

МОРГАН (Morgan) Льюис Генри (1818-1889) – американский антрополог, один наиболее известных создателей теории эволюционизма. Изучал право в Кайюга Лэйк Академии и Юнион Колледже (Шенектади). Сочетал занятие адвокатской деятельностью с индивидуальными научными иссле-

дованиями, которым посвятил около 40 лет жизни. Известен как общественный деятель – защитник прав коренного индейского населения США.

Набольшую известность приобрел фундаментальный труд М. "Древнее общество" (1877). В нем была предложена детализированная схема исторической эволюции человеческой культуры и общества. Вслед за Тайлором (см.) М. выделял три основные стадии развития общества: дикость, варварство и цивилизацию. Вместе с тем он подразделял каждую из двух первых стадий на три периода (низший, средний и высший). Предложенная М. классификация представляла собой синтез археологических и этнографических материалов. В основу периодизации были положены технологические скачки в развитии культуры. Так, изобретение гончарства рассматривалось как порог перехода от дикости к низшей ступени варварства, доместикация растений и животных – к средней, а выплавка железа – к высшей его стадии. По М., описанные им стадии развития универсальны и характерны для индивидуальной истории каждого народа. М. считал, что стадии технологического прогресса в определенной степени коррелируются с последовательностью развития других культурных институтов, например регулирования отношений между полами. М. выделял 6 стадий их развития, начиная с промискуитета, не предполагавшего наличия каких-либо половых запретов на низшей стадии дикости, до моногамной семьи, соответствовавшей уровню цивилизации. С концепцией эволюции брачно-семейных отношений была тесно связана предложенная М. классификация систем родства, которые он подразделял на ранние – классификаторские, и поздние – описательные.

Эволюционная концепция М. оказала огромное влияние на развитие гуманитарной мысли второй половины 19 в. Среди ее адептов оказались Маркс (см.) и Энгельс (см.), обнаружившие в ней подтверждение собственного понимания исторического прогресса. Опираясь на морганавские положения, Маркс и Энгельс постулировали, что институты частной собственности, моногамии и государства предопределяют факт эксплуатации рабочего класса в индустриальном обществе. В марксистской интерпретации эволюционная концепция М. оказалась развернутой в будущее, в котором предполагалось воспроизведение культурных моделей традиционного общества на качественно новом, коммунистическом уровне. Внимание Маркса и Энгельса к работам М. обусловило их фактическую канонизацию в советской этнографии. Вместе с тем, развитие антропологии и, в первую очередь, накопление нового фактического материала внесло не только существенные коррективы, но во многом опровергло теоретические построения М., особенно, его концепцию эволюции семейных отношений.

Критическое отношение к наследию М. в англо-американской антропологии 20 в., обусловленное неприятием раннего эволюционизма (см.) и марксизма (см.), было преодолено лишь в 1970-х в связи с публикациями Уайта (см.) и других представителей неоэволюционизма. В настоящее время М. признается одной из наиболее значимых фигур в истории антропологии.

П.В. Терешкович

МОРЕНО (Moreno) Джекоб (1892-1974) – американский социолог, социальный психолог и психиатр. Основатель социометрии, создатель психодрамы и социодрамы. Профессор социологии Нью-Йоркского (1951-1966) и Колумбийского университетов. Детство и юность провел в Румынии и Австрии. Испытывал влияние психоаналитических идей З. Фрейда (см.). Окончил философский и медицинский факультеты Венского университета. В период учебы разработал проект организации групп самопомощи для одиноких проституток, который стал одним из первых импульсов формирования движения групповой психотерапии. В 1916 начал разработку второго проекта организации групп самопомощи для итальянских крестьян-переселенцев. После первой мировой войны организовал в Вене "спонтанный театр", использовавший оригинальную игровую методику, ориентированную на развлечения и гармонизацию психической жизни людей. Работал в психиатрических клиниках и институтах Австрии. На протяжении ряда лет разрабатывал идеи и методику психодрамы. В 1925 переехал в США. Продолжил разработку психодраматического подхода, работая с детьми в Плимутском институте в Нью-Йорке. Одновременно разрабатывал идеи теории малых групп и методики социометрического анализа. Обследовал обучавшихся в подготовительной школе детей – правонарушителей и заключенных государственной тюрьмы Нью-Йорка. Занимался психиатрической практикой. В 1929 реализовал первую крупномасштабную программу "открытой" психодрамы в любительской труппе Карнеги-холла. В 1931 основал первый профессиональный журнал по групповой терапии (ныне – "Групповая психотерапия, психодрама и социометрия"). В 1932 (по одной из версий) ввел термин "групповая психотерапия". В 1934 опубликовал книгу "Кто выживет?" и монографию "Применение группового метода для классификации", ставшую одной из основных работ по формированию групповой психотерапии. В 1936 основал клинику в Бикон-Хилле и до 1968 был ее главным врачом (ныне санаторий М.). В 1937 основал журнал "Социометрия". В 1940 создал первую профессиональную организацию групповых терапевтов. Опубликовал работы "Социометрия и культурный порядок" (1943) и "Социодрама. Метод анализа социального конфликта" (1944).

В 1946 М. предложил психодраму как метод исследования и терапии личности и опубликовал книгу "Психодрама". Осуществил цикл пионерских исследований малых групп, разработал соответствующие методы, теории и категориально-понятийный аппарат. Доказал, что психическое благополучие личности определяется ее местом в системе межличностных

отношений. Разработал методы выявления неявной структуры этих отношений, определяемых эмоциональными связями (симпатиями, антипатиями и пр.). Установил, что размер и сложность неформальных групп определяют ряд параметров их членов, в т.ч. и уровень психосексуального развития. Основным средством решения социальных проблем считал упорядочивание отношений между людьми. В 1947 опубликовал книгу "Групповая психотерапия", в 1951 – "Социометрия, экспериментальный метод и наука", а в 1954 – "Основы социометрии", в которых изложил основания новой науки, иногда квалифицируемой как микросоциология. В 1956 основал "Международный журнал социометрии". В публикациях 1950-1960-х развивал идеи групповой психотерапии и социометрии. Считается одним из создателей современной социологической теории малых групп и количественных методов в социальных науках. Оказал большое влияние на развитие ряда социальных наук и дисциплин.

В.И. Овчаренко

МОРРИС (Morris) Чарльз (1901-1979) – американский философ. Доктор философии (Чикагский университет, 1925). Основные сочинения: "Шесть теорий разума" (1932), "Логический позитивизм, прагматизм и научный эмпиризм. Сборник статей" (1937), "Основы теории знаков" (1938), "Пути жизни" (1942), "Знаки, язык и поведение" (1946), "Открытое Я" (1948), "Разнообразие человеческих ценностей" (1958), "Обозначение и смысл. Изучение отношений знаков и ценностей" (1964) и др.

М. утверждал, что разнообразные знаковые системы выступают существенно значимыми основаниями любых цивилизаций людей. Вне контекста реконструкции той роли, которую исполняют совокупности знаков в общественной жизни, по М., немыслимо какое-либо адекватное постижение сути человеческого разума как такового. Традиционные, по классификации М., подходы к трактовке разума – теории: разума как субстанции (Платон, Аристотель, Р. Декарт и др.); разума как процесса (Г. Гегель, Ф. Брэдли и др.); разума как отношения (Д. Юм, Э. Мах, Б. Рассел и др.); разума как прагматической функции (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, большинство представителей школы прагматизма и др.); разума как интенционального акта (Ф. Брентано, Э. Гуссерль и др.) – М. предлагал дополнить знаковой концепцией.

Исходя из предположения о том, что унификация результатов одной из ипостасей человеческого мышления – научного знания – осуществляется в границах процесса, именуемого М. "семиозисом", предложил принципиально нетрадиционное истолкование реального содержания и эвристического потенциала семиотики как специфической научной дисциплины. В проблемное поле семиотики М. предложил включить: те предметы и явления (посредники), которые функционируют как знаки, или "знаковые проводники"; те предметы и явления, к которым знаки относятся, или "десигнаты"; воздействие, оказываемое знаком на истолкователя (интерпретатора), вследствие которого обозначаемая вещь становится неотъемлемо сопряженной с этим знаком (суть самим этим знаком) для последнего; самого интерпретатора (истолкователя) как такового. В абстрактной форме М. определил это взаимодействие следующим образом: "знаковый проводник" есть для толкуемого истолкователем "определенный Знак" в той мере и степени, в какой толкуемое истолкователем обозначает (интерпретирует, осознает) десигнат вследствие присутствия знакового проводника. Семиозис предстает у М. процедурой "осознания-посредством-чего-то". Исследуя в каждом отдельном случае диадические репертуары взаимозависимости и взаимодействия трех элементов триады ("знаковый проводник", "десигнат" и "толкователь"), семиотика выступает, таким образом, в трех своих ракурсах: как синтаксис (изучающий отношения знаков между собой); как семантика (изучающая отношения знаков с обозначаемыми ими предметами и явлениями); как прагматика (изучающая отношения знаков и их интерпретаторов). По М., интерпретатор знака – это определенный организм, интерпретируемое им – одеяния того органического существа, которые (при помощи знаковых проводников) исполняют роль отсутствующих предметов в тех проблематических ситуациях, в которых эти предметы якобы присутствуют. Указанный "организм" таким путем обретает способность постигать интересующие его характеристики отсутствующих предметов и явлений, а также ненаблюдаемые параметры наличных объектов. В целостном семиотическом "развороте" язык, согласно концепции М., предстает интерсубъективной коллекцией знаковых проводников, использование которых обусловлено сопряженным набором фиксированных процедур синтаксиса, семантики и прагматики. В духе современной ему интеллектуальной моды М. предложил содержательную интерпретацию категории "знак" в стилистике объяснительной парадигмы дисциплин, изучающих поведение людей: "Если некоторое А направляет поведение к определенной цели посредством способа, схожего с тем, как это делает некоторое В, как если бы В было наблюдаемым, тогда А – это знак".

Обнаружив пять главных видов знаков (знаки-идентификаторы – вопрос "где", знаки-десигнаторы – вопрос "что такое", прескриптивные знаки – вопрос "как", оценочные знаки – вопрос "почему", знаки систематизации – формирующие отношения толкователя с иными знаками), М. сформулировал подходы к пониманию категории "дискурс" (**см.**), а также посредством комбинирования разнообразных способов использования и обозначения самих знаков выявил 16 типов дискурса (научный, мифический, технологический, логико-математический, фантастический, поэтический, политический, теоретический, легальный, моральный, религиозный, грамматический, космологический, критический, пропагандистский, метафизический), объемлющих в своей совокупности проблемное поле

семиотики в целом как научной дисциплины, изучающей язык. Установки семиотики, по убеждению М., не метафизичны и релятивны, они формируют упорядоченное пространство в безграничной совокупности конкретных дискурсивных форм.

Постижение культурного потенциала в модусе универсалий культуры осуществимо, с точки зрения М., для личности тем успешнее, чем в большей степени данная личность ориентирована на реконструкцию именно знакового ресурса культуры, именно знаковых феноменов в парадигме семиотических подходов. Только обладая внутренней готовностью к адекватному истолкованию обрушиваемых обществом на человека массивов знаково организованной информации, только располагая иммунитетом против знаков, ориентированных на манипулирование людьми, личность, по мнению М., может претендовать на сколько-нибудь эффективное сохранение собственного автономного "я".

А.А. Грицанов

МОСКОВИЧИ (Moscovici) Серж (р. 1925) – французский психолог и социолог, один из авторов теории социальных представлений. Профессор высшей школы социальных наук, директор Центра социально-технологических исследований (Париж). Основные работы: "Очерк о природе человеческой истории" (1968); "Век толп. Исторический трактат по психологии масс" (1981); "Технология изобретения богов" (1988); "От коллективных представлений к социальным представлениям" (1989) и др.

В отличие от коллективных представлений в концепции Дюркгейма (см.), обладающих принудительным характером по отношению к индивиду и развивающихся под воздействием сил sui generis на протяжении многих поколений, одних и тех же во всем обществе, социальные представления (по М.) – это знания и верования, которые возникли в повседневной коммуникации и имеют соответствующую структуру. Теория социальных представлений должна определить: как возникают и строятся концептуальные схемы, как формируется система значений и личностных смыслов субъекта в ходе социальных интеракций. Эти системы интерпретации, классификации и типологии организованы совершенно различным образом в разных культурах, классах или группах и составляют мир мнений культур, классов или групп. Представления можно рассматривать как форму социальной реконструкции реальности с особым языком, логикой и структурой импликаций. Понятия, содержащиеся в представлениях, получают благодаря натурализации квазифизическую форму существования, которая позволяет им быть конституирующим фактором социальной реальности. Речь идет о своеобразной онтологии здравого смысла, ограничивающей "свое" пространство индивида. Социальный процесс – это процесс когнитивного освоения действительности, в котором объекты и индивиды познаются и дифференцируются на основе моделей предыдущего опыта. Но выражая отношение к социально значимым объектам, социальные представления не репродуктивны. Источником изменений служит трансформация содержаний, возбуждающая в обществе определенные образцы, язык и идеи, которые делают возможными коммуникацию и действия. Новые сущности (харизма, бессознательное, комплексы) обогащают онтологию общества и придают "реальности" новую форму. Факт репрезентации отличает объяснительное познание здравого смысла от описательного познания науки и выполняет адаптационную (странного к обычному) и регуляционную (поведения) функции. Активная роль социальных представлений определяется их измерениями: информативностью, установкой и "полем представления" – оригинальным понятием концепции, обозначающим иерархизированное единство элементов содержания, образных и смысловых компонентов.

С концепцией социальных представлений у М. тесно связано исследование психологии масс (толп). В последней фиксируется резкое противопоставление поведения индивида вне толпы его же поведению в составе толпы. Особо анализируется категория публики как рассеянной толпы, ее превращенной формы, складывающейся во многом под воздействием средств массовой коммуникации. В своем анализе М. следует традиции, заданной Лебоном (частично, Тардом), дает свою интерпретацию версии взаимоотношения толпы и вождя, по Фрейду, преломляя их через концепцию социальных представлений. При этом указывая на нежелательность психологизации темы, М. одновременно предостерегает и от недооценки возможностей психологии в ее анализе.

Д.М. Булынко

МОСС (Mauss) Марсель (1872-1950) – французский социолог и антрополог. Получил философское образование в Бордосском университете. Изучал историю религии, индологию и сравнительную индоевропейскую лингвистику в Высшей школе практических исследований, где возглавил кафедру истории религий "нецивилизованных народов" (1901). Был одним из инициаторов создания Института этнологии при Парижском университете (1925). Профессор социологии в Коллеж де Франс (с 1931). Участвовал в издании журнала французской социологической школы. После смерти Дюркгейма стал главным редактором II серии журнала (1925-1927) и возглавил группировавшуюся вокруг журнала социологическую школу. В 1924 стал первым президентом Французского института социологии.

Научная деятельность М. неразрывно связана с социологической школой Дюркгейма (см.), племянником, учеником и сотрудником которого он был. Сторонник реформистского социологизма, активно занимался политической деятельностью. Большое внимание уделял социологии "первобытных"

обществ, совпадающей с его точки зрения, с этнологией. Главная работа М., ставшая классической, – "Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах" (1925) – основана на анализе конкретного этнографического материала (Океания, Австралия, Северная Америка), а также некоторых древних индоевропейских религиозно-правовых систем. На формирование подхода М. к исследованию "дара" повлияли идеи Дюркгейма (см.), Зиммеля (см.), работы Веблена (см.), Боаса (см.), Малиновского (см.).

М. рассматривает дар как тотальный социальный факт, пронизывающий все сферы архаических обществ. Дар – элемент тотальных экономических поставок, элемент обмена, постоянно происходящего между сегментированными частями первобытных обществ. В этих обществах обмен происходит не между индивидами, а между группами или между вождями, олицетворяющими группы. Существующая система даров, внешне бескорыстная, имеет скрытый утилитарный характер, более того, она социально нормирована. Правила дарить, принимать и возмещать дары регулируются магическими и религиозными представлениями. Существование систем дарения М. обнаруживает и в более цивилизованных обществах: в правовых законах и религиозных текстах Древнего Рима, Индии, Китая. С т.зр. М., дарение как вид обмена, обязательного для поддержания состояния равновесия (экономического баланса) любого общества, не исчезло и в современном мире. М. обосновывает необходимость изучения "целостного" человека, одновременного рассмотрения социальных, психологических и биологических факторов, что проявляется в его исследованиях социальной обусловленности выражения чувств, физического воздействия социального внушения, традиционных передач техник тела. Механизмы взаимопроникновения и взаимовлияния индивидуального и социального присутствуют в трактовке М. символов как характерной черты социальных фактов. Символы выражают как присутствие группы, так и инстинктивные реакции ее членов, прямые потребности каждого и всех, их взаимные отношения.

Идея М. о целостных социальных фактах оказала определенное воздействие на труды Гурвича (см.) и Леви-Стросса (см.). Благодаря преподавательской деятельности М. было сформировано первое поколение французских полевых этнологов.

Н.Ю. Шило

МОТИВ (лат. movere – побуждать, приводить в движение) – одно из понятий, описывающих сферу побуждения субъекта к деятельности – наряду с потребностями, интересами, установками, эмоциями, инстинктами. Выражает тенденцию поддержания и возрастания индивидуального уровня деятельности в различных сферах активности человека. М. может пониматься как предмет, который побуждает и направляет на себя деятельность и поступки, или как причина, лежащая в основе выбора действий и поступков и объясняющая их. Психологические направления расходятся в определении природы и функций М., места М. в структуре психики. Предполагается, что деятельность с необходимостью мотивирована, но сам М. не всегда достигает осознания, скрываясь в бессознательном (психоанализ). При достижении достаточной степени осознанности М. выступает в качестве конструктивного начала человеческого Я (гуманистическая психология). Участие М. в процедурах смыслообразования, т.е. сообщения личностного смысла действиям и обстоятельствам, превращает его в полифункциональный, сложноструктурированный феномен. В то же время в семиотике М. как функция – простейшая смысловая единица повествования. Предметом анализа (по методу В.Я. Проппа) становятся совокупности действий, повторяющихся в различных нарративных формах. См. также: **Мотивация**.

Д.М. Булынко

МОТИВАЦИИ КОНЦЕПЦИИ эволюция – исторически оправданная замена одной М.К. другой, по мере утраты первой М.К. своих объяснительных способностей. Определенное состояние общественных отношений всегда порождало определенную М.К.

Первой по времени и состоянию общественных отношений (период капитализма первоначального накопления) была М.К. "верующего человека", основные положения которой были проникнуты духом протестантской этики – идеологии развивающегося капитализма (М. Вебер – см.). Капитализм, достигший в первый период своего становления господства в хозяйственной жизни, воспитывал и создавал необходимых ему хозяйственных субъектов при помощи веры, обосновывающей, поддерживающей и оправдывающей приумножение капитала честным путем как самоцель. По мере того как религиозные идеи, накладывающие свой отпечаток на экономическую практику, ослабевали (19 в.), М.К. "верующего человека" сменила М.К. "экономического человека".

Протестантская этика, нуждаясь в дополнении ее научным объяснением, развила тогда две структуры: религиозные санкции и научные объяснения достижения экономического успеха, в которые уже входили программы социального процветания. В упрощенном виде в М.К. "экономического человека" менеджмент сводился к тому, что если работнику платить больше за сделанную работу, то он будет работать лучше. Из этой М.К. органически следовала, дополняя ее, М.К. "механистического человека", получившая наиболее адекватное выражение в трудах основоположника научной организации труда Ф.У. Тейлора (см.). Он утверждал, что реальная забота управляющего – открыть наилучший путь – как делать работу, использовать

правильные инструменты, выбрать правильного человека, обучить его правильным методам работы, заинтересовать его в работе. Проблема – как управлять рабочим – решалась не на базе псевдонаучной веры или на базе прямого экономического воздействия, а, скорее, на управленческих знаниях – как утилизировать человеческие ресурсы. Эти знания исходили из понимания человека как продолжения машины и ограничивались анализом отношений "человек-машина" с выходом на полную синхронность их работы; психофизиология труда оставалась за пределами анализа Ф.У. Тейлора, что сузило рамки его М.К.

В начале 20 в., в ходе многолетних наблюдений – Э. Мэйо (см.), Ф. Ротлисбергер, Д. Макгрегор, У. Уайт и др. – выяснилось, что работник не живет только в предложенной системе мотивации; он выходит из нее даже ценой уменьшения заработной платы. Возникла проблемная ситуация, в которой работник, чтобы улучшить свое материальное положение, должен был бы работать максимально эффективно, но тем не менее он работал неэффективно. Получалось, что неформальная организация и место в ней становились для работника более важными, чем традиционно рациональная причина – экономическая цель.

Утрачивая свои объяснительные способности, М.К. "механистического человека" замещается М.К. "эмоционального человека", одним из основателей которой стал Мэйо. На основе его рекомендаций Вестерн Электрик Компани разработала обширную программу "человеческих отношений" (см.), в которой разрешение проблем между управляющими и рабочими, а также между рабочими группами находилось в области взаимного сознательного или эмоционально-личностного отношения между членами этих групп, их взаимопонимания. Так, М.К. "экономического человека" в ее чистом виде была замещена в результате Хоторнских экспериментов М.К. "эмоционального человека", а суть управления выражалась в контроле его эмоций.

В середине 20 в., в ходе развертывания научно-технической революции (см.), появляется М.К. "неомеханистического человека", которую Ф. Херцберг определяет как М.К. "инструментального человека". Поскольку технико-технологическое развитие промышленности продвигалось вперед, постольку в ее развитие включались все более высокие человеческие потребности и способности, соответствующие требованиям производства. "Инструментальный человек" явился последней моделью работника, вступившей на рынок труда в 1950-е. Ее главными ценностями были точность и рациональность, известная независимость и в сфере непосредственной работы, и в сфере управления. Данная М.К. связана с переходом от работы на сборочной линии (механистический человек) к групповым формам работы, к усложнению рабочих операций, к более деликатным формам контроля, основанным на доверии. В эту модель закладывались возможности совершенствования разделения и перемены труда, совмещения рабочих операций, возможности быстрого переобучения и повышения квалификации и другие условия для многостороннего развития работника. Вместе с тем Ф. Херцберг считал, что М.К. "инструментального человека" позволяет лишь наполовину изучить его природу, которая не исчерпывается экономическими и производственными институтами, а включает в себя и социокультурную реальность, не поддающуюся обычному производственному контролю. Таким образом, каждая М.К. – это новый взгляд на поведение человека-работника в определенных условиях развития производства, создающий основу объяснения его изменившегося поведения, с учетом старого опыта.

Г.Н. Соколова

МОТИВАЦИОННО-ГИГИЕНИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ХЕРЦБЕРГА – версия концепции мотивации, принадлежащая Ф. Херцбергу. М.-Г.Т.Х. рассматривает человека в понятиях его целостной природы, а не только с помощью характеристик, определяющих его соответствие требованиям организации. Введя в научный оборот концепцию "индустриального ментального здоровья" (Industrial Mental Health), Херцберг верифицирует эту концепцию в показателях достижения, признания, удовлетворенности содержанием, ответственности, успешности и других мотиваторов труда и разрабатывает методику их измерения.

Основное положение М.-Г.Т.Х. заключается в том, что факторы, определяющие удовлетворенность производительной работой, нужно отделить от факторов, ведущих к неудовлетворенности работой. То, что противостоит удовлетворенности работой, – не есть неудовлетворенность, а, скорее, отсутствие удовлетворенности; то, что противостоит неудовлетворенности работой, – не есть удовлетворенность, а, скорее, – отсутствие неудовлетворенности. Таким образом, согласно Херцбергу, существуют две шкалы измерения удовлетворенности работой: 1) удовлетворенность – отсутствие удовлетворенности; 2) неудовлетворенность – отсутствие неудовлетворенности.

Согласно двумерной М.-Г.Т.Х., существуют два набора потребностей в работе: мотивирующие, связанные с содержанием работы (достижение, признание, продвижение, работа как совокупность функциональных требований, возможность творческого роста, ответственность), и гигиенические, связанные с условиями труда (политика компании, формы контроля, отношения с руководителем, межличностные отношения с коллегами, отношения с подчиненными, заработная плата, безопасность и гарантия работы, личная и семейная жизнь), а также два континуума их представления – континуум ментального здоровья и континуум ментальной болезни. Мотиваторами являются факторы, связанные с решением тех или иных задач и, та-

ким образом, необходимые для психологического развития индивида; это психологические стимуляторы, с помощью которых индивиды могут актуализироваться в своей самореализации. Гигиенические факторы не в состоянии создавать позитивную удовлетворенность, так как они не содержат характеристик, необходимых для психологического развития индивида.

Обобщая, можно говорить о двух типах ментального баланса: первый – удовлетворенность средой, которая не связана с содержанием работы, способствует стабилизации персонала, но не побуждает к повышению производительности труда (хотя и предупреждает от сознательного ограничения производительности, сдерживания темпов работы); второй – удовлетворенность содержанием работы, связанная с психологическим развитием в ходе самоактуализации и самореализации индивида. Таким образом, новая дефиниция ментального здоровья исходит из тезиса, что ментальную болезнь не следует противопоставлять ментальному здоровью в силу воздействия на них факторов принципиально разной природы. Удовлетворенность выступает как функция содержания работы, а неудовлетворенность – как функция условий труда. Очевидно, что удовлетворенность и неудовлетворенность работой выступают разными сферами поведения человека и связаны с различными его характеристиками. С помощью "гигиенических" мероприятий по улучшению среды можно уменьшить неудовлетворенность работников, но лишь до некоторого "нулевого", или "апатичного", уровня отношения к своей работе. Чтобы "столкнуть" человека с этой "мертвой" точки и поднять его заинтересованность в труде, нужны дополнительные меры по обогащению самого содержания труда. Материальное вознаграждение нельзя рассматривать как постоянно действующий фактор; люди работают за деньги до определенного предела, за границами которого является личное представление о хорошей работе.

Еще А. Маслоу (см.) на основе теоретических рассуждений пришел к такому выводу, но Херцберг эмпирически доказал и измерил этот факт, выявил возможности наиболее полного использования интеллектуальных возможностей человека в культурном контексте общественной среды. В М.-Г.Т.Х. можно отметить еще одну особенность: гигиенические факторы – это главным образом коллективные условия деятельности, общие для всех или многих работников трудовых коллективов, в то время как мотивационные – касаются лишь каждого в отдельности и связаны с личностными характеристиками индивида. В альтернативе – коллективные и индивидуальные методы стимулирования труда – Херцберг делает акцент на индивидуальных методах.

Основные идеи М.-Г.Т.Х. легли в основу современной политики менеджмента и во многом способствовали плодотворности ее осуществления в индустриально развитых странах.

Г.Н. Соколова

МОТИВАЦИЯ – активные состояния психики, побуждающие человека совершать определенные виды действий. В границах парадигмы деятельностного подхода (А.Н. Леонтьев) М. полагается вызываемой направленностью на удовлетворение потребностей под влиянием внешних стимулов. Отдельные мотивы формируются вследствие опредмечивания потребностей в ходе поисковой активности и превращения их объекта в мотив. Основные характеристики М. – интенсивность и устойчивость. Изучение мотивационной сферы личности должно включаться в контекст содержаний культуры, которая придает М. ценностно-нормативные моменты. Выступая основанием типов характера, М. иногда подменяется мотивировкой – рациональным обоснованием поступка посредством указания на приемлемые обстоятельства, побудившие к выбору данного действия. М. служит не только механизмом оправдания, но и психологической защиты, когда динамическая система напряжений, т.е. М., достигает стабилизации.

С.А. Радионова

МОЩНОСТЬ СТАТИСТИЧЕСКОГО КРИТЕРИЯ $(1-\beta)$ – вероятность того, что принятая нулевая гипотеза (см.) верна (см. также: **Статистическая проверка гипотез**).

МЫСЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ – особая теоретическая процедура, заключающаяся в получении нового или проверке имеющегося знания путем конструирования идеализированных объектов и манипулирования ими в искусственно и условно задаваемых ситуациях. М.Э. может выступать как самодостаточный (который в принципе не может быть реализован натурно, а часто и модельно) или рассматриваться как "проигрывание" будущего реального эксперимента. Образцами самодостаточного М.Э. считаются формулировка Г. Галилеем принципа инертности и М.Э. с пассажиром в падающем лифте А. Эйнштейна, позволивший обосновать принцип эквивалентности эффектов ускорения и тяготения.

В современной науке М.Э. тесно связан с методом математической гипотезы и в целом с интерпретацией математических формализмов. В экономике, демографии и социологии, широкое распространение получили эксперименты на математических моделях экономических, демографических и социальных процессов, проводимые с помощью компьютеров, позволяющие одновременно манипулировать различными комплексами экспериментальных факторов, берущихся в их взаимодействии между собой. Особым видом М.Э. здесь являются и сценарные разработки возможного развития хода событий. По своей логической структуре М.Э. строится по принципам гипотетико-дедуктивного рассуждения, состоящего из двух относительно самостоятельных фаз: 1) квазиэмпирической (зада-

ние наглядных образов – идеализированных объектов); 2) логико-схематической (поиск способа перевода образов на язык теории, объективации М.Э. в концептуальных положениях).

Различают три типа М.Э.: 1) конструирующие М.Э., связанные с "пространированием" понятийных фундаментальных схем теории; 2) аналитические М.Э., ориентированные на построение либо примера, подтверждающего истинность теории, либо контрпримера (как правило, в форме парадокса); 3) синтетические М.Э., выступающие средством конструирования научной гипотезы. Особое место занимает М.Э. в экстраполяционном прогнозировании. Как отдельный тип М.Э. может быть рассмотрен эксперимент экс-постфактум, введенный в научный оборот в середине 1930-х американским социологом Э. Христиансеном и специально процедурно разработанный Ф. Чепиным. В нем отделение контрольной группы от экспериментальной осуществляется уже после того, как экспериментальный фактор сработал без участия со стороны экспериментатора в естественном режиме, т.е. эксперимент мысленно реконструируется на основе данных как бы "задним числом". Так, Христиансен сформулировал гипотезу о влиянии уровня образования на успех в экономической деятельности, выделил группы людей, получивших аттестаты 10 лет назад и продолживших (экспериментальная группа) и непродолживших (контрольная группа) образование и сравнил их по уровню получаемой ими зарплаты. Таким образом, эксперимент экс-постфактум выступает как средство доказательства объяснительной гипотезы через сбор информации о свершившихся событиях в выравненных по каким-либо критериям группах.

В.Л. Абушенко

МЭЙО (Мауо) Джордж Элтон (1880-1949) – американский социолог и психолог, один из основоположников американской индустриальной социологии и доктрины "человеческих отношений". Начиная свое образование, он специализировался на изучении этики, философии и логики, а позже, в Шотландии – медицины и психопатологии. Большое влияние на формирование взглядов М. оказали идеи Э. Дюркгейма (**см.**) и З. Фрейда (**см.**). Переехав в США, он продолжил образование в университете Квинсленд в Брисбэне (1919-1923) и в Школе финансов и коммерции при Пенсильванском университете в Филадельфии (1923-1926). После завершения учебы М. работает в качестве профессора индустриальной социологии в Высшей школе делового администрирования Гарвардского университета (1926-1947). Значительный вклад в развитие социологии управления и индустриальной социологии внесли научные исследования М. в Западной электрической компании близ Чикаго (знаменитые Хоторнские эксперименты, 1927-1932), которые сделали М. влиятельной фигурой в рамках школы человеческих отношений. Анализ Хоторнских экспериментов он изложил в работе "Человеческие проблемы индустриальной цивилизации" (1933), которую считают его наиболее важной книгой. М. также предложил программу рекомендаций по персоналу, в которой он обращается к специфическим потребностям индустриальных рабочих, не получающих удовлетворения от своей работы в больших организациях. Его партнеры Ф.Й. Ротлисбергер и У.Дж. Диксон суммировали результаты исследования в работе "Управление и рабочий" (1939). Отдельные части этого исследования – это касается массива данных, отношений труда и управления, неформальных взаимоотношений между фабричными служащими – интересны для специалистов до сих пор. После Хоторнских экспериментов М. возглавил отдел исследований индустриальных отношений в Высшей школе делового администрирования Гарварда.

Исследуя воздействие различных факторов (условия и организация труда, заработная плата, межличностные отношения и стиль руководства) на производительность труда на промышленном предприятии, М. показал особую роль человеческого и группового фактора в ее повышении. Вслед за Дюркгеймом он считал, что научно-технические достижения опередили социальные навыки и установки человека, одним из следствий чего стало широкое распространение аномии. Это было очевидно на примере спонтанной организации неформальных группировок в промышленности, как показали Хоторнские эксперименты.

Обобщив эмпирические данные, М. сформулировал социальную философию менеджмента. В ее основе лежат следующие принципы: 1) человек – "социальное животное", предрасположенное к групповому поведению и включенное в него; 2) жесткая иерархия подчиненности и бюрократическая организация несовместимы с природой человека и его свободой; 3) руководители индустрии должны ориентироваться в большей мере на людей, чем на продукцию, что обеспечивает социальную стабильность общества и удовлетворенность индивида своей работой. Рационализация управления, учитывающая социальные и психологические аспекты труда – основной путь решения социальных противоречий. Основой социальной практики доктрины "человеческих отношений" был принцип замены индивидуального вознаграждения групповым (коллективным), экономического – социально-психологическим (благоприятный морально-психологический климат, повышение удовлетворенности трудом, использование демократического стиля руководства). Вместе с этим предлагались новые пути и средства повышения производительности труда: "паритетное управление", "гуманизация труда", "групповые решения", "просвещение служащих" и т.п. М. выступал за развитие социальной подготовки менеджеров, способных наладить эффективное управление группами рабочих в промышленности, обеспечивая социальное закрепление и повышая значение наемных рабочих и тем

самым устраняя причины аномии. Вместе с тем предполагалось сохранить способность промышленности укреплять и кооперативный дух в общ-ве, иначе оно будет ослаблено индивидуализмом. Его идеи оказали влияние на практику и на идеологию менеджмента, а также на последующие социальные исследования в промышленности.

В.А. Балцевич

МЭМФОРД (Mumford) Льюис (1895-1990) – американский философ и социолог. Представитель негативного технологического детерминизма. В своих многочисленных работах по социальным проблемам техники, урбанизации, истории и теории искусства, архитектуры, морали, религии, культуры в целом (основные сочинения: "История утопий", 1922; "Техника и цивилизация", 1934; "Искусство и техника", 1952; "Превращения человека", 1956; "Город в истории", 1966; "Миф о машине", 1967-1970; "Интерпретации и прогнозы", 1973 и др.).

М. выступал против чрезмерной технизации общества, приводящей к порабощению человека техникой. Отвергает как неверную точку зрения, которая придает центральное место и направляющую функцию в человеческом развитии орудиям труда. Не меньшую, а гораздо большую роль в развитии человека и общества, считает М., играют статические компоненты техники, своеобразные контейнеры различных типов, начиная от хижин, корзин и ловушек и вплоть до гигантских химических реторт, атомных реакторов, каналов и городов. Еще более важное значение М. придает происходящим в процессе развития общества видоизменениям лингвистических и иных символов, различным культурным формам, переменам в социальной организации и эстетическим замыслам, их художественным воплощениям. Во взаимодействии орудий труда и культуры, представляющей собой совокупность символических форм, производство все новых и новых символов обгоняет производство орудий труда, способствуя развитию более ярко выраженных технических способностей, а потому играет более важную роль, чем утилитарное использование орудий труда.

В работе "Техника и цивилизация" М. подчеркивал, что техника своим развитием обязана мифу, игре, фантазии, различным формам ритуала, песни, танца, занимающим в жизни человеческих сообществ (от примитивных до самых высокоразвитых) более важное место, чем утилитарный ручной или оснащенный техникой труд. С его точки зрения, контроль над психосоциальной средой на основе выработки общей символической культуры в развитии общества был более существенным, значительно предшествовал и опережал производимый при помощи орудийной техники контроль человека над внешней средой. При таком подходе приоритетное значение придается возникновению языка как коллективного продукта и средства умственной концентрации древнего человека. Ибо только тогда, когда знание и опыт могли быть накоплены в символических формах и передаваться при помощи произнесенного слова от поколения к поколению, утверждал М., стало возможным сохранять каждое новое культурное приобретение от разрушения течением времени или с исчезновением предшествующего поколения. М. утверждал, что человек является существом, главным образом "использующим ум", производящим символы, что и соответствует определению homo sapiens, основой развития которого с самого начала было создание важных типов символического выражения, а не более эффективных орудий труда. Однако технократическое представление о человеке как производителе орудий и их пользователе привело, в конце концов, считает М., к тому, что инициатива и главная роль от работника, который управлял машиной, перешла к машине, управляющей работником. Эта антигуманная тенденция использования техники находит свое концентрированное воплощение, по мнению М., в бездушной и безличной мегамашине, т.е. предельно рационализированной, технократической социальной организации, построенной на жестком принципе единоначалия. См. **Мегамашина**.

Е.М. Бабосов

МЯЛКИН Алексей Васильевич (р. 1924) – российский социальный философ и социолог. Доктор философских наук (1972), профессор (1973). Заведующий кафедрой философии Московского государственного лингвистического университета (с 1986). Окончил исторический факультет Хабаровского педагогического института (1955) и Академию общественных наук по кафедре философии (Москва, 1962). С 1962 преподает философию в высших учебных заведениях Новосибирска, Новочеркасска и Москвы (доцент, профессор, заведующий кафедрой). В 1978-1985 – проректор по научной работе Высшей комсомольской школы. Исследовал преимущественно проблемы теории личности, внутреннюю логику процесса всестороннего развития личности, диалектику формирования способностей и потребностей человека; вопросы гуманизма, методики преподавания философии и др. Автор книг "Свободное время и всестороннее развитие личности" (1962), "Социальный портрет советского рабочего" (1977), "Способности и потребности личности: диалектика формирования" (1983) и др.

В.И. Овчаренко

MODERN (нем. die Moderne, фр. Modernité) – современность. Проблема настоящего времени, или *современного* мира, трактуется в философии рубежа 20-21 вв. в русле двух основных версий: 1. По Хабермасу (см.), именно "Гегель – первый философ, развивший ясное понимание современного; поэтому мы должны вернуться именно к Гегелю, если хотим понять *внутреннее* отношение, связывающее современность и рациональность, отношение, которое вплоть до Макса Вебера

казалось само собой разумеющимся и которое сегодня ставится под сомнение". (Ср. у Ш. Бодлера: современность – умонастроение, противостоящее академизму, продолжающему классическую традицию. По Бодлеру, принцип "die Neuzeit", или "нового времени", сформулировал Гегель.)

По мысли Хабермаса, в гегелевской трактовке современность ("М.") характеризуется: 1) индивидуализмом правов; 2) правом на критику или свободой совести; 3) автономией поведения (то, кем я являюсь, зависит от того, что я делаю, а не от того, кем были мои предки); 4) идеалистической философией. Согласно Хабермасу, "проблема построения Современности, исходя из нее самой, возникает в сознании, прежде всего в области эстетической критики... Постепенный отказ от античной модели произошел в начале XVIII в. благодаря знаменитому спору Древних и Современных. Сторонники восстают против понимания Я, свойственного французскому классицизму в той мере, в какой последний уподобляет аристотелевское понятие совершенствования понятию прогресса, при этом идея прогресса была подсказана современной естественной наукой". Проект М., сформулированный в 18 в. философами Просвещения, по версии Хабермаса, состоит в том, чтобы "неуклонно развивать объективирующие науки, универсалистские основы морали и права и автономное искусство с сохранением их своевольной природы, но одновременно и в том, чтобы высвобождать накопившиеся таким образом когнитивные потенциалы из их высших эзотерических форм и использовать их для практики, т.е. для разумной организации жизненных условий". Как итог, утверждает Хабермас, с тех пор "модерным, современным считается то, что способствует объективному выражению спонтанно обновляющейся актуальности духа времени". По убеждению Хабермаса, для осуществления М. как специфического "незавершенного проекта" необходимо направить "социальную модернизацию в другое некапиталистическое русло, когда жизненный мир сможет выработать в себе институты, которые ограничат собственную систематическую динамику экономической и управленческой системы деятельности". Постмодернизм, в интерпретации Хабермаса, оказывается покидающим "мир современности" течением "младоконсерваторов", присваивающих "ключевой опыт эстетического модерна, опыт совлечения покровов с децентрированной субъективности, освобожденной от всех ограничений когнитивного процесса и утилитарной деятельности, от всяческих императивов труда и полезности".

II. В современной французской философии авторами концепта "Новое время" называются Кондорсе и Конт (**см.**). По мысли Лиотара (**см.**), М. суть эпоха господства метанарраций (**см.**). Философия Гегеля в таком контексте понимается как подводящая итог и представляющая в совокупности все эти повествования, концентрируя в себе "спекулятивную современность". Метанаррации, по Лиотару, ищут узаконенности в *подлежащем наступлению* будущем, в *подлежащей реализации* Идее (свободы, Просвещения, социализма и т.п.). Но, по мысли Лиотара, современный проект (реализации универсальности) разрушен (итог Освенцима и Холокоста): "Победа капиталистической техно-науки над другими кандидатами на универсальное завершение человеческой истории – не что иное, как еще один способ разрушить современный проект, делая вид, что его реализуешь". Народоубийство Освенцима и открывает пост-М. См. **Модернизм**.

А.А. Грицанов

Н

НАБЛЮДЕНИЕ – метод научного исследования, заключающийся в активном, систематическом, целенаправленном, планомерном и преднамеренном восприятии объекта, в ходе которого получается знание о внешних сторонах, свойствах и отношениях изучаемого объекта. Н. включает в себя в качестве элементов: наблюдателя (субъекта) Н., объект Н. и средства Н. В качестве последних в развитых формах Н. используются различные специально созданные приборы, выступающие как продолжение и усиление органов чувств человека, а также используемые в качестве орудий воздействия на объект (что превращает Н. в составную часть экспериментальной деятельности).

Основные методологические требования к Н. следующие: 1) активность (не созерцание объекта, а поиск и фиксация интересующего исследователя ракурса видения его); 2) целенаправленность (внимание должно фиксироваться только на интересующих явлениях); 3) планомерность и преднамеренность (следование определенному заранее плану или сценарию); 4) системность (ведение по определенной системе для многократного (достаточного для сформулированных целей) восприятия объекта в заданных режимах). Особо на методическом уровне организации научной деятельности обсуждается проблема контроля за ходом и результатами Н., а также связанная с ним проблема воспроизводимости Н. Важными факторами в Н. являются психологические факторы, характеризующие уровень активности и состояние наблюдателя, а также фактор его (не) предубежденности, "заданности" на получение определенного результата. Полностью отвлечься от этих факторов невозможно, что ставит проблему отделения от полученных результатов Н. субъективных напластований.

Различают фиксирующее (схватывание деталей, сторон, частей объекта) и флюктурирующее (целостное схватывание объекта) Н. Кроме того, выделяют прямое (исследователь имеет дело непосредственно со свойствами изучаемого объекта) и косвенное (воспринимается не сам интересующий исследователя объект, а те следствия, которые он вызывает), непосредственное (осуществляется органами чувств человека без использования вспомогательных средств) и опосредованное (приборное) Н. Являясь универсальной познавательной процедурой, предпосылкой познавательной деятельности вообще, Н. дает в форме совокупности эмпирических утверждений первичную информацию об объекте. Неопозитивизм квалифицировал фиксацию данных опыта (Н. в широком смысле слова) как проблему протокольных предложений, из которых выводится и к которым принципиально может быть редуцирована научная теория для своей верификации. Лингвистически ориентированный позитивизм ввел в науку представление о языковой фиксации объектов как их первичной схематизации.

В современной методологии науки Н. редко рассматривается как самостоятельный и универсальный научный метод: даже в самом простейшем варианте Н. всегда связано с мыслительными процессами, в сложных процедурах оно выступает как необходимый, но не все же служебный метод. Особую тему задает применение метода Н. в социальных дисциплинах (социология, антропология, социальная психология). Отношение "наблюдатель – объект" здесь переосмысливается как отношение "наблюдатель – наблюдаемый", который также может выступать активным агентом процедуры (сопротивляться Н., изменять поведение в силу наличия факта Н., демонстрировать ожидаемое наблюдателем, пытаться влиять на наблюдателя). Таким образом, в этом случае само присутствие наблюдателя уже создает проблемы, требующие своего решения. Социология впервые смогла опробовать и принципиально иную схему Н., когда наблюдатель включен в жизнедеятельностные процессы группы, которая подвергается изучению (так называемое включенное или участвующее Н., в разных вариантах предполагающее разную степень "включения"); антропология использовала аналогичную методику для изучения культур, отличных от той, в которой был социализирован наблюдатель; психология методически обеспечила метод самонаблюдения (интроспекции), что существенно раздвинуло границы и возможности метода Н. в целом. Кроме того, в порядке подходов (этнометодология и др.) поставлена под сомнение сама возможность принципиального различия между Н. как научной практикой и Н. как обычной процедурой повседневной жизни.

В.Л. Абушенко

НАБЛЮДЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ – метод сбора первичной социальной информации об изучаемом объекте путем направленного, систематического и непосредственного

визуального и слухового восприятия (отслеживания) и регистрации значимых с точки зрения целей и задач исследования социальных явлений, процессов, ситуаций, подвергающихся контролю и проверке.

В процессе применения Н.С. необходимо иметь в виду и учитывать следующие его особенности. Во-первых, для Н.С. характерна *связь наблюдателя с изучаемым объектом*. Ни в одной другой науке, кроме социологии, исследователю не приходится осуществлять наблюдение за совокупностью, к которой он сам принадлежит или которая на него оказывает сильное воздействие. Дело в том, что социолог изучает общество, ту или иную его совокупность – территориальную, этническую и др., сам являясь членом данного общества, а иногда и членом изучаемой социальной совокупности. И эта принадлежность к обществу или какой-то его части накладывает существенный отпечаток на восприятие наблюдателем социальной действительности, на ее понимание, истолкование и оценку.

Во-вторых, наблюдатель воспринимает изучаемый социальный объект через призму своих интересов, привязанностей, эмоций, симпатий, антипатий и т.п., а все это не может не накладывать определенный отпечаток как на сам процесс наблюдения (выбор его объекта, точки зрения на объект и т.п.), так и на его оценку и интерпретацию.

В-третьих, в процессе социологического исследования наблюдение всегда является *селективным*, т.е. избирательным, направленным на совершенно определенные объекты, которые подлежат наблюдательным операциям, и не принимающим во внимание все остальные. Направленность селективности определяется целями и задачами проводимого исследования.

В-четвертых, в социологии, в отличие от других наук, обычно сложно провести повторное наблюдение. Такое наблюдение чрезвычайно затруднительно, так как социальные явления и процессы подвергаются воздействию огромного количества факторов, под влиянием которых постоянно видоизменяются, даже если объектом наблюдения являются так называемые циклические события, например, движение людей на работу и с работы, их участие в избирательных кампаниях и т.п. Поэтому только хорошо организованное, тщательно проведенное и неоднократное наблюдение может обеспечить исследователя достоверной информацией. По той же причине наблюдение как метод сбора первичной социологической информации редко выступает в качестве основного инструмента социологического исследования. Чаще всего оно используется в совокупности с другими методами.

В научных исследованиях, проводимых в области микрофизических явлений, существует определенное взаимодействие между наблюдателем-исследователем, применяемым им в процессе исследования прибором и изучаемым микрообъектом, поведение которое существенно зависит от особенностей данного взаимодействия. В еще большей степени является значимым взаимодействие между наблюдателем и наблюдаемым объектом в сфере социальных явлений и процессов. Исследуя социальный процесс или ситуацию, необходимо всегда иметь в виду возможность искажения результатов наблюдения, определяемые, с одной стороны, фактом присутствия наблюдателя в определенной социальной ситуации, где действуют различные личности и их общности, а с другой – самими особенностями наблюдения: интересами, предпочтениями, жизненными позициями наблюдателя, его профессиональной компетентностью и др. Необходимо иметь в виду, что само присутствие наблюдателя может вызывать у наблюдаемых индивидов застенчивость, неврозность, неуверенность в своих действиях, особенно когда эти действия расходятся с действующими в обществе нормами и стандартами поведения или не соответствуют переживаемой ситуации.

Поэтому применение метода наблюдения в прикладном социологическом исследовании с учетом: 1) особенностей Н.С. как специфического процесса; 2) особенностей взаимодействия между наблюдателем и наблюдаемым социальным объектом – индивидами, их группами, действиями и т.д. В связи с этим возникает вопрос: когда, при каких обстоятельствах желательно или необходимо применение метода наблюдения.

Чаще всего Н.С. применяется тогда, когда информация, необходимая исследователю, не может быть получена никакими иными способами, например, при изучении поведения людей на митингах или во время массовых зрелищ – футбольного матча, выступления рок-группы, экстремальной ситуации – дорожного происшествия, пожара и т.д. Кроме того, наблюдение целесообразно использовать при изучении поведения людей в привычных, часто повторяющихся ситуациях (перемещение на работу и с работы, осуществление покупок в продовольственных магазинах и т.п.), когда действия индивидов и их групп приобретают "автоматизированный" характер, а человеку становится трудно объяснить, почему он осуществил именно данное действие из привычных ему в соответствующей ситуации. С другой стороны, попадая в экстремальную ситуацию и испытывая в связи с этим чрезмерное эмоциональное напряжение, человек чаще всего действует как бы не рассуждая, по первому побуждению, а поэтому впоследствии оказывается не в состоянии объяснить, почему он совершил один поступок, а не другой, наблюдение же в таком случае позволяет выявить типичные реакции людей на чрезвычайные ситуации и в шоковых состояниях.

Наблюдение следует также применять при исследованиях разведывательного характера, когда еще не выработано четкое представление о проблеме и объекте исследования, а предварительные гипотезы еще не сформулированы.

Из сказанного вытекает вывод, что Н.С. может служить для достижения различных целей. Во-первых, оно может быть использовано в качестве источника информации об исследуемом социальном объекте. Во-вторых, с его помощью можно получить дополнительные сведения об изучаемом объекте. В-третьих, наблюдение способно служить в качестве средства проверки данных, полученных другими методами.

Для того, чтобы наблюдение достигло намеченных целей, необходимо разработать *программу* и *план* его осуществле-

ния. В программе выявляется проблемная ситуация, подлежащая наблюдению, определяются цели и задачи, объект и предмет наблюдения, способного осуществления и регистрации полученной информации. Она определяет следующие основные этапы научного наблюдения:

1) *Выявление цели и задач* наблюдения. Цель определяет направленность наблюдения. В зависимости от цели исследования задачами наблюдения могут быть: предварительная ориентировка в объекте наблюдения (в составе исследуемой совокупности, в специфике ее деятельности, в существующей социальной ситуации и т.п.), получение интересующей наблюдателями информации, уточнение и проверка результатов, полученных при помощи других методов, выдвижения предварительных гипотез и их проверка.

2) Выявление *объекта* и *предмета* наблюдения. В качестве объекта наблюдения могут выступать отдельные индивиды, их различные общности и группы, способы их деятельности. Предметами наблюдения могут стать вербальные и невербальные акты поведения отдельных индивидов, их групп (семейных, профессиональных и др.), а также более обширных общностей (этносов, территориальных структур – городов, регионов и т.п.), определенные ситуации, в которых оказываются изучаемые индивиды и социальные общности.

3) Выбор *способа наблюдения*, как более эффективно обеспечивающего сбор необходимой информации – включенное, не включенное и иные виды наблюдения.

4) Определение *способов регистрации* наблюдаемого объекта, его действий и изменений. Регистрация результатов наблюдения может осуществляться в специально разработанных карточках и протоколах наблюдений, в блокнотах, в звуко- и видеозаписях, в кино- и фотодокументах.

5) Осуществление *контроля наблюдения*. Оно может быть реализовано путем обращения к документам, связанным с исследуемыми событиями и ситуациями, верификации (проверки) результатов собственных наблюдений с наблюдениями, выполненными другими квалифицированными наблюдателями и т.п.

6) *Обработка и интерпретация полученной информации* может осуществляться как традиционными методами – логическое обобщение полученных эмпирических данных, построение выводов и т.п., так и методами обработки массивов полученной информации посредством компьютеров. Во втором случае необходимо применение стандартизированных карточек регистрации наблюдений.

7) Составление *отчета* о результатах наблюдения и полученных выводах. Такой отчет должен содержать документацию об объекте, предмете, времени, месте и обстоятельствах произведенного наблюдения; информацию о способе наблюдения и роли наблюдателя; характеристику наблюдаемых индивидов, социальных групп, способов их общения и деятельности в определенных ситуациях; рекомендации по практической реализации полученной в процессе наблюдения социологической информации.

В *плане* организации и проведения Н.С. определяются сроки проведения наблюдения и его основные этапы, устанавливаются средства сбора информации, сроки и типы подготовки необходимой документации (тиражирование карточек, инструкций, бланков протоколов, подготовка технического оборудования – диктофонов, видеоаппаратуры и т.п.), виды отчетности и сроки ее представления заинтересованным организациям.

В зависимости от целей и задач осуществляемого Н.С. положения и роли наблюдателя в изучаемой ситуации, по степени формализации исследовательской процедуры, условиям ее организации выделяется несколько видов наблюдения. Основные из них сводятся к следующему.

1) *Нестандартизированное (неструктурализованное)* наблюдение – это такой способ изучения социальных явлений и процессов, при котором определен только объект наблюдения, но исследователь не определяет заранее, какие именно элементы изучаемого процесса, события, ситуации и т.п. он будет наблюдать. Этот вид наблюдения чаще всего применяется на начальной стадии социологического исследования с целью определения проблемной ситуации.

2) *Стандартизированное (структурализованное)* наблюдение – такой способ сбора эмпирической социологической информации, при котором заранее определен не только объект и предмет исследования, но и состав элементов изучаемого процесса, которые имеют наиболее существенное значение для достижения намеченных целей и решения задач, стоящих перед исследователем (исследовательским коллективом). Оно может быть использовано как основной метод сбора информации для точного описания предмета исследования и в качестве способа проверки результатов, полученных другими методами, уточнения, корректировки их. Его применение требует хорошего предварительного знания предмета исследования и предварительной стандартизации категорий, применяемых в процессе наблюдения, определения подлежащих наблюдению факторов и отражения их в виде таблиц, протоколов, карточек, технических средств, применяемых в процессе осуществления социологического наблюдения. Только соблюдение всех этих условий делает стандартизированное наблюдение контролируемым и результативным.

3) *Не включенное (внешнее)* наблюдение – это такой способ социологического исследования, при котором исследователь находится вне изучаемого объекта, изучает его как бы со стороны. Наблюдатель в таком случае не включается в ход событий, не участвует в них, не задает вопросов наблюдаемым индивидам, как бы отстранен от них, просто регистрируя происходящее под углом зрения целей и задач исследования. Оно применяется для описания социальной ситуации, в условиях которой происходят интересующие наблюдателя события.

4) *Включенное наблюдение* – это такой способ социологического исследования, при котором наблюдатель в той или иной степени непосредственно включен в изучаемый социальный процесс, находится в прямом контакте с изучаемыми индивидами и группами и участвует вместе с ними в определенной сфере деятельности.

В зависимости от места и роли наблюдателя различаются четыре типа включенных наблюдений. *Первый* из них – пол-

ное включение, когда наблюдение производится скрытно, изнутри исследуемой группы или общности, а истинное лицо и цели наблюдателя неизвестны наблюдаемым личностям. При полном включении социолог действует в исследуемой общности в качестве ее активного члена, а остальные ее члены не подозревают, что в их среде находится исследователь. Примером такого полного включения может служить деятельность одного из сотрудников Института социологии Национальной Академии наук Беларуси в качестве рабочего одного из цехов Минского мотовелозавода. В течение полугодовой работы он сумел обстоятельно изучить отношение рабочих, служащих и специалистов к труду, заработной плате, руководящему составу предприятия и происходящим в стране социально-экономическим и политическим изменениям.

Вторым типом включенного наблюдения исследователя, при которой последний не скрывает своей роли, является наблюдатель жизни определенного коллектива в различных ситуациях. Именно таким образом ведет себя заводской социолог, который является членом того же предприятия, что и изучаемый им производственный коллектив цеха или участка, смены и т.п. В таком случае наблюдаемый коллектив довольно быстро адаптируется к присутствию наблюдателя и при положительном отношении к целям исследования начинает активно помогать ему в сборе интересующего исследователей эмпирического материала. В данном случае позиция исследователя может быть охарактеризована как *"участник-наблюдатель"*.

Третий тип включенного наблюдения характеризуется положением и ролью исследователя в качестве *"наблюдателя-участника"*. В таком случае контакт наблюдателя с членами коллектива минимален, исследователь не скрывает своих целей, но осуществляемое им наблюдение носит более формальный характер. Примерами такого наблюдения могут служить осуществляемые на предприятиях хронометражи затрат рабочего времени или определение роли освещенности, запыленности цеха на производительность труда работающих.

Четвертый тип включенного наблюдения характеризуется позицией исследователя как *полного наблюдателя*. В этой ситуации исследователь выполняет функции наблюдателя, не взаимодействуя с участниками наблюдаемой ситуации. Он выполняет свою роль образом, очень сходным с не включенным наблюдением.

5) *Полевое* наблюдение отличается тем, что проводится в реальной жизненной ситуации, в естественной обстановке, в непосредственном контакте исследователя с изучаемым объектом. Большинство стандартизированных, не стандартизированных, включенных наблюдений проводится именно в форме полевого наблюдения.

6) *Лабораторное* наблюдение – такой тип сбора эмпирической социологической информации, который осуществляется в искусственно созданных для наблюдаемой группы и контролируемых исследователями условиях. При проведении такого наблюдения социологи довольно четко используют различные технические средства для фиксации поведения группы в измененных условиях и ситуациях, в которых осуществляются действия специально подобранных для лабораторного исследования участников.

7) *Систематическое* наблюдение – такой тип исследования, который проводится по четко определенному графику, с регулярной фиксацией заранее обусловленных признаков, ситуаций, процессов и действий. Оно позволяет выявить динамику изучаемых процессов и событий. Таковым, например, является изучение поведения людей на протяжении месяца или года (с определенным интервалом) при перемещении их на работу (с целью установления желательной ритмики движения транспорта) или у обменных пунктов (для определения реагирования населения на изменение курса валют).

8) *Эпизодическое* наблюдение – это фиксация изучаемых явлений и событий при отсутствии четкого регламента регистрации их в определенных временных интервалах или по различным этапам их протекания.

9) *Случайное* наблюдение – это социологическое исследование, при котором единицы и сроки наблюдения заранее не предусматриваются, а исследователь наблюдает и фиксирует интересные, заслуживающие внимания, с его точки зрения, факты и события социальной жизни. Такое наблюдение возникает и в таком случае, когда социолог при проведении систематического наблюдения сталкивается и интересным фактом или событием, имеющим непосредственное отношение к изучаемому объекту, но не предусмотренным заранее исследовательским проектом. Например, при изучении влияния заработной платы на отношение людей к труду может обнаружиться и влияние содержания досуга на трудовую деятельность, тогда социологу полезно понаблюдать, каким образом такое влияние осуществляется.

10) *Одномоментное* наблюдение – такое наблюдение, в котором фиксируется одно явление или событие, происходящее в определенном месте и в определенное время, например, осуществляемое социологом не включенное наблюдение за митингом определенной политической партии или движения.

11) *Панельное* наблюдение – это процесс неоднократного, протяженного во времени, проводимого через определенные интервалы, систематического и организованного наблюдения за одним и тем же объектом, имеющее целью выявить происходящие в нем изменения.

12) *Контролируемое* наблюдение осуществляется целенаправленно по заранее подготовленной программе, с применением стандартизированных планов и документации для получения достоверной информации об изучаемом объекте и проверки гипотез. Контроль организуется путем увеличения количества наблюдателей и сравнения результатов их наблюдений, а также через интенсификацию процесса – проведением оргии наблюдений за одним и тем же объектом.

13) *Неконтролируемое* наблюдение осуществляется наблюдателем при изучении им реальных жизненных ситуаций без строгого плана и применения заранее подготовленной документации.

Очень важно при организации и проведении Н.С. учитывать его *достоинства* и *недостатки*. Самое главное достоин-

ство этого метода – непосредственность наблюдения изучаемого объекта, что бывает иногда незаменимым на начальных этапах исследования. Это позволяет исследователю уточнить проблему, более четко определить объект и предмет исследования. Второе достоинство метода наблюдения – его *гибкость* и *многовариантность*, имеющие важное значение при изучении социальных явлений и процессов. Третье его достоинство – дешевизна, малозатратность проведения социологического наблюдения.

В то же время метод наблюдения обладает и рядом недостатков. Самый существенный из них – возможность неоправданного *вмешательства исследователя* в ход естественного процесса, так как присутствие наблюдателя в большинстве случаев накладывает определенный, чаще всего негативный, отпечаток на поведение исследуемых индивидов и групп. Второй недостаток заключается в *невозможности* применения метода наблюдения к *большим социальным совокупностям*, таким, например, как нация. Третий недостаток состоит в том, что наблюдение дает возможность получать только качественные, а *не количественные характеристики* изучаемых явлений и процессов социальной действительности.

Применение метода наблюдения в социологии предъявляет высокие требования к личности наблюдателя. Важное значение имеют уровень его профессиональной компетентности и квалификации, умение входить в контакт с наблюдаемыми индивидами и группами, находить с ними общий язык, высокое развитие способности концентрировать внимание на наиболее существенных особенностях и чертах наблюдаемых событий, действий и ситуаций. Наблюдатель должен быть постоянно сосредоточен, непрерывно контролировать свои действия, чтобы их влияние на наблюдаемую ситуацию было минимальным и не приводило к искажению получаемого в процессе наблюдения результата.

Существенное значение приобретает четкая и правильная фиксация наблюдаемых явлений и процессов. Поэтому перед проведением социологического наблюдения разрабатывается и доводится до сведения наблюдателей *инструкция* по применению данного метода, в которой определяется, по каким критериям наблюдатель должен фиксировать и подводить под заранее определенные категории те или иные явления, события и действия наблюдаемых индивидов и их общностей. Для однообразного фиксирования изучаемых событий и ситуаций различными наблюдателями применяется *карточка наблюдения*, в которой определяются основные элементы ситуации или поведения изучаемой совокупности, фиксируются цифровые индексы проявления наблюдаемых проявлений изучаемых реакций на те или иные события, а также записывается шифровочный код, позволяющий перенести цифровые обозначения полученных в процессе наблюдения эмпирических данных на карточку машинного счета в процессе их обработки с помощью компьютера.

При организации Н.С. необходимо, чтобы каждый его участник прошел соответствующую подготовку. Всем участникам должны быть четко разъяснены цели и задачи наблюдения, критерии, по которым различаются наиболее значимые для целей исследования действия и ситуации. Всех их необходимо ознакомить с программой наблюдения, с его инструкцией и снабдить карточками наблюдения для фиксации наблюдаемых явлений, процессов, событий. Только при хорошей организации наблюдения, проведении его квалифицированными и соответствующим образом обученными исследователями можно рассчитывать на его успешное проведение, высокую достоверность и эффективность полученных результатов.

Е.М. Бабосов

НАДЕЖНОСТЬ – показатель качества метода и данных, получаемых с помощью этого метода, мера независимости данных от случайных обстоятельств и нерелевантных факторов.

Классическая формулировка Н. В классической теории измерения Н. метода понимается как его устойчивость к меняющимся условиям применения, в том числе нечувствительность к влиянию исследователя, или как согласованность измерения. Результат измерения включает истинный компонент и ошибку. Последняя представляет собой суперпозицию влияний, не коррелирующих между собой. Это предположение делается для того, чтобы гарантировать нормальное распределение ошибок и предсказывать их поведение. Классические показатели Н., используемые для оценки качества опросников, концептуально определяются как дополнение до единицы отношения дисперсии ошибки к дисперсии измерения. Традиционно обозначается ρ_{xx}: это корреляция измеренной переменной самой с собой, очищенная от ошибки измерения. Другая интерпретация показателя Н. – квадрат корреляции между истинными и измеренными значениями. Истинное значение понимается как сумма ответов респондента на все возможные вопросы, измеряющие данный конструкт, напр., социально-экономический статус. Отсюда следует, что чем большую долю универсума вопросов (индикаторов) включает методика, тем выше ее Н.

Одним из методов эмпирической оценки Н. является повторное применение методики на одних и тех же респондентах (ретестовая Н.). Корреляция между результатами двух измерений интерпретируется как коэффициент Н. Этот подход основывается на нерсалистичном предположении о стабильности истинного показателя во времени и не принимает в расчет реактивный эффект (изменение свойств респондента вследствие первого измерения, в особенности при обсуждении сенситивных тем). В результате корреляция между двумя измерениями ниже действительной Н. методики. Эффекты памяти, напротив, завышают показатель Н. Предположение об отсутствии корреляции между ошибками двух измерений также нереалистично. Ретестовый подход к определению Н. сложен технически: исследователь должен идентифицировать индивидуальные результаты обоих измерений и обеспечить повторное участие респондентов в процедуре.

Метод альтернативных форм основан на использовании двух взаимозаменяемых методик. В некоторых случаях ис-

следователям доступны альтернативные шкалы аттитюдов (см.), или ценностей. Возражением против этого подхода является неправдоподобность предположения о полной эквивалентности разных версий одной методики.

Метод расщепления методики пополам строится на предположении о строгой параллельности двух частей методики. Корреляция половин между собой является оценкой Н. каждой половины. Н. методики находится по формуле Спирмена-Брауна. Этот подход не предполагает устойчивости истинного показателя во времени, исключает эффект памяти и возможность ковариации ошибок измерения. Однако полученный показатель Н. всегда зависит от способа разделения методики на половины. Обобщением этого подхода является метод внутренней согласованности. В некоторых случаях и сама измеряемая область поведения, и выборка вопросов считается однородной, а все элементы методики – коррелирующими. Н. методики определяется по формуле Л. Кронбаха:

$$\alpha = \left(\frac{k}{k-1}\right)\left(1 - \frac{\sum \sigma_i^2}{\sigma_\tau^2}\right),$$

где k – количество элементов измерительной методики, σ^2_τ – дисперсия суммарных измеренных баллов, σ^2_i – дисперсия отдельных элементов. Формула имеет интересную теоретическую интерпретацию и более широкий диапазон пригодности. Она находит применение для разработки шкал Лайкерта. Близкий подход связан с подстановкой вместо дроби в правой части формулы Кронбаха величины, обратной первому собственному значению из анализа главных компонент индикаторов.

Более современный и общий подход к определению Н. связан с использованием структурных уравнений (см.). Последний метод позволяет, в частности, оценивать Н. менее "родственных" измерений – т. наз. тау-эквивалентных и параллельных.

Н. как воспроизводимость результатов, полученных разными исполнителями. В исследованиях, связанных с использованием наблюдения или кодирования текстового материала в качестве меры Н. используется сходство результатов, полученных разными исполнителями ("экспертами"), работающими по одной схеме (инструкции). Результаты измерения (кодирования) сводятся в таблицу сопряженности, строки и столбцы которой состоят из категорий, использованных, соответственно, первым и вторым исполнителем. Коэффициент согласованности κ ("каппа") Коэна рассчитывается по формуле:

$$\kappa = \frac{D - P}{1 - P},$$

где $D = \frac{1}{N}\sum_{i=1}^{I} X_{ii}$, т. е. сумма частот по диагонали, деленная на общее количество наблюдений (чистая согласованность), а $P = \frac{1}{N^2}\sum_{i=1}^{I} X_{i\cdot}X_{\cdot i}$, т. е. сумма попарных произведений сумм по столбцу и по строке с одним и тем же номером, деленная на квадрат общего количества наблюдений (случайная согласованность). Похожий подход используется для проверки правильности ("объективности") транскрипции устных текстов в нарративном анализе, анализе разговора и т.п.

В случае, когда измерение осуществляется несколькими экспертами, используется коэффициент конкордации Кендалла.

Процедурные средства обеспечения Н. В тех случаях, когда Н. методики не может быть оценена количественно, исследователи предпринимают усилия для того, чтобы идентифицировать и устранить источники случайной изменчивости данных. Этнографы используют стандартизованные процедуры наблюдения, множественные источники фиксации материала, стремятся к максимально полной и точной фиксации происходящего, приглашают независимых наблюдателей. Этнометодологи и разговорные аналитики используют лонгитюдный дизайн исследования, чтобы избежать случайной фиксации нетипичных и мимолетных событий и случайной потери долговременных закономерностей. Исследователи текста сравнивают результаты, полученные при анализе различных фрагментов целостного текста. Визуальные социологи используют несколько параллельно средств фиксации происходящего в разных ракурсах. Важным принципом оценки Н. по-прежнему остается воспроизводимость данных/результатов несколькими независимыми учеными. Многие методологи качественных исследователей неоднократно пытались отказаться от понятия объективности и Н., считая его мерой нечувствительности метода к социальным изменениям и контексту. С этой точки зрения независимость данных, полученных в интервьюировании, объявлялась фикцией и артефактом исследования. Однако даже те, кто понимает интервьюирование как совместное творчество, используют повторяемости и регулярности текста как подтверждение достоверности данных. Во многих отраслях качественных исследований используются процедуры оценки полученных материалов, напоминающие финансовый аудит (см. **Валидность**).

С.В. Сивуха

"НАДЗИРАТЬ И НАКАЗЫВАТЬ. Рождение тюрьмы" ("Surveiller et punir". Paris, 1975) – работа Фуко (см.). Начиная книгу с описания публичной казни некоего Дамьена, покушавшегося на Людовика XV (1757), а также воспроизводя распорядок дня для Парижского дома малолетних заключенных (1838), Фуко приходит к выводу о том, что в течение менее века (середина 18 – первая треть 19 в.) произошло "исчезновение публичных казней с применением пыток"; "за несколько десятилетий исчезло казнимое, пытаемое, расчленяемое тело, символически клеймимое в лицо или плечо, выставляемое на публичное обозрение живым или мертвым. Исчезло тело как главная мишень судебно-уголовной репрессии". В итоге, по мысли Фуко, "наказание постепенно становится наиболее скрытой частью уголовной процедуры"; "из наказания исключается театрализация страдания". Наказание переходит из области "едва ли не повседневного восприятия" в сферу "абстрактного сознания": правосудие больше не берет на себя публично ответственность за насилие, связанное с его отправлением. По Фуко, "техника исправления вытесняет

в наказании собственно искупление содеянного зла и освобождает судей от презренного карательного ремесла". Происходит ослабление власти над *телом* человека; "тело служит теперь своего рода орудием или посредником: если на него воздействуют тюремным заключением или принудительным трудом, то единственно для того, чтобы лишить индивида свободы, которая считается его правом и собственностью [...] На смену палачу, этому прямому анатому страдания, приходит целая армия специалистов: надзиратели, врачи, тюремные священники, психиатры, психологи, воспитатели".

На что же направлена в настоящее время (и по сей день) система исполнения наказаний? – вопрошает Фуко и сам отвечает, цитируя Мабли: "Наказание, скажем так, должно поражать скорее душу, чем тело". "Преступление и проступок" как объект судебно-уголовной практики глубоко изменилось: судят юридические объекты, определенные в Кодексе, но, согласно Фуко, "судят также страсти, инстинкты, аномалии, физические недостатки, неприспособленность, последствия воздействия среды или наследственности; наказывают акты агрессии, но через них и агрессивность; ...убийства, но также влечения и желания". Общество таким образом начало судить уже не преступления, а "душу" преступников, в структуру судопроизводства и вынесения судебного приговора "внедрился целый комплекс оценочных, диагностических, прогностических и нормативных суждений о преступном индивиде". (С точки зрения Фуко, "душа в ее исторической реальности... порождается процедурами наказания, надзора и принуждения".)

Как подчеркивает Фуко, под возросшей мягкостью наказания можно уловить смещение точки его приложения, а вследствие этого – "целое поле новых объектов, новый режим истины и множество ролей, дотоле небывалых в отправлении уголовного правосудия. Знание, методы, "научные" дискурсы формируются и постепенно переплетаются с практикой власти наказывать". Цель "Н.и Н.", по формулировке самого Фуко, "сравнительная история современной души и новой власти судить, генеалогия нынешнего научно-судебного единства, в котором власть наказывать находит себе основания, обоснование и правила, благодаря которым она расширяет свои воздействия и маскирует свое чрезмерное своеобразие".

В этом контексте Фуко формулирует четыре "основных правила" своего исследования: 1) Наказание необходимо рассматривать как сложную общественную функцию. 2) Карательные методы суть техники, обладающие собственной спецификой в более общем поле прочих методов отправления власти; наказание таким образом выступает определенной политической тактикой. 3) История уголовного права и история гуманитарных наук имеют общую "эпистемолого-юридическую" матрицу; технология власти должна быть положена в основу как гуманизации уголовного права, так и познания человека. 4) Появление "души" в сфере уголовного правосудия, сопряженное с внедрением в судебную практику корпуса "научного" знания, есть следствие преобразования способа захвата тела как такового отношениями власти.

Как отмечает Фуко, в современных обществах карательные системы должны быть вписаны в определенную "политическую экономию" тела. Тело захватывается отношениями власти и господства главным образом как производительная сила, но оно становится полезной силой только в том случае, если является одновременно телом производительным и телом подчиненным. По Фуко, "возможно "знание" тела, отличающееся от знания его функционирования, и возможно овладение его силами, представляющее собой нечто большее, нежели способность их покорить: знание и овладение, образующие то, что можно назвать политической технологией тела". Призывая анализировать "микрофизику власти", Фуко постулирует, что власть – это стратегия, а не достояние, это "механизмы, маневры, тактики, техники, действия". Это "сеть неизменно напряженных, активных отношений", а не "привилегия, которой можно обладать". Это "совокупное воздействие стратегических позиций" господствующего класса.

Отношения власти у Фуко "не локализуются в отношениях между государством и гражданами", для них характерна "непрерывность", они "выражаются в бесчисленных точках столкновения и очагах нестабильности, каждый из которых несет в себе опасность... временного изменения соотношения сил". При этом особо важно, по мысли Фуко, то, что: а) власть производит знание; б) власть и знание непосредственно предполагают друг друга; в) нет ни отношения власти без соответствующего образования области знания, ни знания, которое не предполагает и вместе с тем не образует отношений власти. С точки зрения Фуко, "познающий субъект, познаваемые объекты и модальности познания представляют собой проявления этих фундаментальных импликаций отношения "власть – знание" и их исторических трансформаций... Полезное для власти или противящееся ей знание производится не деятельностью познающего субъекта, но властью – знанием, процессами и борьбой, пронизывающими и образующими это отношение, которое определяет формы и возможные области знания". Результатом такого подхода выступает, по мысли Фуко, отказ (применительно к проблематизациям власти) от оппозиции "насилие – идеология", от метафоры собственности, от модели познания, где главную роль исполняет "заинтересованный" или "незаинтересованный", "корыстный" либо "бескорыстный" субъект. "Реальная и нетелесная" душа, порожденная карательными практиками современного общества суть "механизм, посредством которого отношения власти порождают возможное знание, а знание распространяет и укрепляет воздействия власти". Как подчеркивает Фуко, из этой "реальности-денотата" были определенным образом отстроены соответствующие "области анализа (такие, как психика, субъективность, личность, сознание и т.п.)"; основываясь на ней, были возведены "научные методы и дискурсы", предъявлены "моральные требования гуманизма". При этом, согласно Фуко, "человек" не был замещен "душой": "душа есть следствие и инструмент политической анатомии; душа – тюрьма тела".

Исследуя процедуры пыток, длительное время характерные для следственных действий и публичных казней, Фуко

отмечает, что пытка "обнаруживала истину и демонстрировала действие власти, обеспечивала связь письменного с устным, тайного с публичным, процедуры расследования с операцией признания". Как утверждает Фуко, отношение "истина – власть" остается "в центре всех карательных механизмов и сохраняется даже в современной уголовно-судебной практике – но совсем в другой форме и с совершенно иными последствиями". Комментируя стремление идеологов Просвещения посредством осуждения особой жестокости публичных казней очертить "законную границу власти карать", Фуко подчеркивает: "Человек... становится также человеком-мерой: не вещей, но власти". Как "замечательное стратегическое совпадение" обозначается в "Н.и Н." то обстоятельство, что "прежде чем сформулировать принципы нового наказания, реформаторы ставили в упрек традиционному правосудию именно чрезмерность наказаний, но чрезмерность, которая связана больше с отсутствием правил, чем со злоупотреблением властью наказывать". Целью судебно-правовой реформы в этот период выступала, согласно Фуко, новая "экономия власти" наказывать, ее лучшее распределение – "чтобы она не была ни чрезмерно сконцентрирована в нескольких привилегированных точках, ни слишком разделена между противостоящими друг другу инстанциями, но распределялась по однородным кругам, могла действовать повсюду и непрерывно, вплоть до мельчайшей частицы социального тела". Необходимо было "увеличить эффективность власти при снижении ее экономической и политической себестоимости". В целом, с точки зрения Фуко, содержанием судебно-уголовной реформы Нового времени явилось следующее: "сделать наказание и уголовное преследование противозаконностей упорядоченной регулярной функцией, сопротяженной с обществом; не наказывать меньше, но наказывать лучше; может быть, наказывать менее строго, но для того чтобы наказывать более равно, универсально и неизбежно; глубже внедрить власть наказывать в тело общества".

Реформа уголовного права, как фиксируется в "Н.и Н.", возникла на стыке борьбы со сверхвластью суверена и с инфравластью противозаконностей, право на которые завоевано или терпится". Тем самым система уголовных наказаний стала рассматриваться как "механизм, призванный дифференцированно управлять противозаконностями, а не уничтожить их все". Должна была сложиться ситуация, когда враг всего общества – преступник – участвует в применяемом к нему наказании. Уголовное наказание оказывалось в этом смысле "общественной функцией, сопротяженной со всем телом общества и с каждым его элементом".

Фуко формулирует несколько главных правил, на которых отныне основывалась "семиотическая техника власти наказывать": 1) *правило минимального количества*: с идеей преступления связывалась идея скорее невыгоды, нежели выгоды; 2) *правило достаточной идеальности*: сердцевину наказания должно составлять не столько действительное ощущение боли, сколько идея боли – "боль" от идеи "боли"; 3) *правило побочных эффектов*: наказание должно оказывать наибольшее воздействие на тех, кто еще не совершил проступка; 4) *правило абсолютной достоверности*: мысль о всяком преступлении и ожидаемой от него выгоды должна быть необходимо и неразрывно связана с мыслью о наказании и его результате – законы должны быть абсолютно ясными и доступными каждому; 5) *правило общей истины*: верификация преступлений должна подчиняться критериям, общим для всякой истины – отсюда, в частности, идея "презумпции невиновности" – научное доказательство, свидетельства органов чувств и здравый смысл в комплексе должны формировать "глубинное убеждение" судьи; 6) *правило оптимальной спецификации*: необходима исчерпывающе ясная кодификация преступлений и наказаний – при конечной ее цели в виде индивидуализации (особо жесткое наказание рецидивистов как осуществивших намерения очевидно преступной собственной воли).

Фуко обращает особое внимание на следующее: в начале 19 в. "...в течение очень краткого времени тюремное заключение стало основной формой наказания... различные формы тюремного заключения занимают почти все поле возможных наказаний между смертной казнью и штрафами". Воспоследовавшая в процессе судебно-правовой реформы детализация жизни и быта заключенных в тюрьме означала технику исправления, направленную на формирование покорного субъекта, подчиненного власти, которая "постоянно отправляется вокруг него и над ним и которой он должен позволить автоматически действовать в себе самом". (Речь, по мысли Фуко, уже не шла о восстановлении оступившегося "юридического субъекта общественного договора".) Из трех способов организации "власти наказывать" – а) церемониале власти суверена с публичными пытками и казнями, б) определение и восстановление "оступившихся" субъектов как субъектов права посредством использования систем кодированных представлений и в) института тюрьмы – возобладал последний. (По оценке Фуко: было отдано предпочтение не "пытаемому телу", не "душе и ее манипулируемым представлениям", но "муштруемому телу".) Начали доминировать техники принуждения индивидов, методы телесной муштры, оставляющей в поведении следы в виде привычек.

Фуко задает вопрос: "Как принудительная, телесная, обособленная и тайная модель власти наказывать сменила репрезентативную, сценическую, означающую, публичную, коллективную модель? Почему физическое отправление наказания (не пытка) заменило – вместе с тюрьмой, служащей его институциональной опорой, – социальную игру знаков наказания и распространяющее их многословное празднество?" По мысли Фуко, в классический век произошло "открытие тела как объекта и мишени власти". Но уже в 17-18 вв. общими формулами господства стали "дисциплины" – методы, делающие возможными детальнейший контроль над действиями тела, постоянное подчинение его сил, навязывание последним отношений послушания – полезности. Дисциплина /естественно Фуко имеет в виду и производственную дисциплину. – *А.Г.*/ продуцирует "послушные" тела: она увеличивает силы тела (с точки зрения экономической полезности) и уменьшает те же силы (с точки зрения политического послушания).

Как пишет Фуко, "въедливое изучение детали и одновременно политический учет мелочей, служащих для контроля над людьми и их использования, проходят через весь классический век, несут с собой целую совокупность техник, целый корпус методов и знаний, описаний, рецептов и данных. И из этих пустяков, несомненно, родился человек современного гуманизма". Прежде всего, согласно Фуко, дисциплина связана с "*распределением индивидов в пространстве*". Используются следующие методы: а) отгораживание, при этом "клеточное" ("каждому индивиду отводится свое место, каждому месту – свой индивид"); б) функциональное размещение; в) организация пространства по рядам и т.д. Дисциплина устанавливает "*контроль над деятельностью*" посредством: а) распределения рабочего времени; б) детализации действий во времени; в) корреляции тела и жеста – например, оптимальная поза ученика за партой; г) уяснения связи между телом и объектом действий – например, оружейные приемы; д) исчерпывающего использования рабочего времени и т.д. Согласно Фуко, "посредством этой техники подчинения начинает образовываться новый объект... Становясь мишенью новых механизмов власти, тело подлежит новым формам познания. Это скорее тело упражнения, чем умозрительной физики". В рамках разработки указанных контролирующих и дисциплинирующих упражнений происходило освоение властью процедур суммирования и капитализации времени. Как пишет Фуко, обнаруживаются: "линейное время, моменты которого присоединяются друг к другу и которое направлено к устойчивой конечной точке (время "эволюции")"; "социальное время серийного, направленного и кумулятивного типа; открытие эволюции как "прогресса"... Макро- и микрофизика власти сделали возможным... органическое вхождение временного, единого, непрерывного, кумулятивного измерения в отправление контроля и практики подчинений".

Один из центральных выводов "Н.и Н." следующий: "Власть в иерархизированном надзоре дисциплин – не вещь, которой можно обладать, она не передается как свойство; она действует как механизм... Благодаря методам надзора "физика" власти – господство над телом – осуществляется по законам оптики и механики, по правилам игры пространств, линий... и не прибегает, по крайней мере в принципе, к чрезмерности, силе или насилию". Искусство наказывать в режиме дисциплинарной власти, по мысли Фуко, не направлено на репрессию. Оно: 1) соотносит действия и успехи индивида с неким целым; 2) отличает индивидов друг от друга; 3) выстраивает их в иерархическом порядке; 4) устанавливает таким образом степень соответствия тому, что должно достигнуть; 5) определяет внешнюю границу ненормального. Оно *нормализует*. Через дисциплины проявляется власть Нормы. Она, по Фуко, присоединилась к ранее существовавшим властям: Закона, Слова и Текста, Традиции. Важнейшей формой осуществления дисциплин выступает *экзамен* – сочетание "надзирающей иерархии и нормализующей санкции". Он, в частности, "вводит индивидуальность в документальное поле"; "превращает каждого индивида в конкретный "случай"; "находится в центре процедур, образующих индивида как проявление и объект власти, как проявление и объект знания". Фуко формулирует важный момент: в дисциплинарном режиме "индивидуализация" является нисходящей: чем более анонимной и функциональной становится власть, тем больше индивидуализируются те, над кем она отправляется. В системе дисциплины ребенок индивидуализируется больше, чем взрослый, больной – больше, чем здоровый, сумасшедший и преступник – больше, чем нормальный и законопослушный. Если надо индивидуализировать здорового, нормального и законопослушного взрослого, всегда спрашивают: много ли осталось в нем от ребенка, какое тайное безумие несет в себе, какое серьезное преступление мечтал совершить.

Как утверждает Фуко, "все науки, формы анализа и практики, имеющие в своем названии корень "психо", происходят из этого исторического переворачивания процедур индивидуализации. Момент перехода от историко-ритуальных механизмов формирования индивидуальности к научно-дисциплинарным механизмам, когда нормальное взяло верх над наследственным, а измерение – над статусом (замения тем самым индивидуальность человека, которого помнят, индивидуальностью человека исчисляемого), момент, когда стали возможны науки о человеке, есть момент, когда были осуществлены новая технология власти и новая политическая анатомия тела". (Вездесущность власти, согласно Фуко, проистекает не из того, что она охватывает все и вся, а фундирована тем, что она исходит отовсюду. Фуко отмечал: "Мне кажется, что под властью нужно понимать прежде всего множественность отношений силы, имманентных области, в которой они осуществляются и являющихся составной частью ее устройства...". Много позже Фуко предложил отличать три аспекта власти: власть как стратегические игры между свободными людьми; власть как состояния господства – подчинения; власть как техники властвования, пронизывающие два указанных.) Идеи "Н.и Н." привлекли пристальное внимание современников: одной из наиболее глубоких попыток их анализа выступил раздел "Новый картограф" книги Делеза "Фуко" – см. **"Фуко" (Делез).**

А.А. Грицанов

"НАИВНОЕ ПИСЬМО" – категория социологии знания (см.), социолингвистики и лингвокультурологии, обозначающая множество типов речевой деятельности, не поддающихся однозначной идентификации (см.) и являющихся "отклонением от нормы" с точки зрения представлений о необходимости языковой компетенции социальных субъектов. Представления о "Н.П." сформировались в результате исследования письменных документов, авторами которых являются т.н. "простые люди", т.е. представители маргинальных слоев населения, социальный статус (см.) которых не зависит непосредственно от форм его репрезентации (см.) в дискурсе (см.) в соответствии с т. наз. высоким, средним и низким "стилями речи". Именно со стилями речи было связано доминирующее вплоть до конца 19 в. представление о социальном престиже и субординации не только в общественной жизни, но и речевой практике. В настоящее время отмечается тенденция к смеше-

нию данных стилей, что вызвано не только демократизацией общества и изменением понятия социального престижа, но также стремлением разнообразить, обогащать и сами выразительные средства языка. "Н.П." в качестве формы деятельности социальных субъектов традиционно оказывалось вне поля зрения социологов, историков и политологов, поскольку письменно фиксируемые следы этой деятельности либо не сохранялись в архивах, либо не рассматривались в качестве документов, свидетельствующих о значимости самой эпохи. Лишь в ситуации постмодерна (см.), когда начинается "закат метанарраций" (см.) (Ж.-Ф. Лиотар – см.), происходит переоценка перспектив социального развития и критика самого понятия "Большой Истории" как тотальности, характерной для традиционной историографии. В настоящее время "Н.П." как специфический тип речевой практики рассматривается как представляющий несомненный интерес с точки зрения анализа форм повседневности и занимает все большее место в лингвосоциологических исследованиях.

А.Я. Сарна

НАРРАТИВНОЕ ИНТЕРВЬЮ – качественный метод исследования в антропологии, социологии, психологии, образовании, психотерапии, истории. Теоретические предпосылки метода Н.И. – этнометодология (см.), символический интеракционизм (см.) Ч. Кули (см.), У. Томаса (см.), Дж. Г. Мида (см.); социальная феноменология А. Шютца (см.). Исторической предпосылкой Н.И. является биографический метод и исследования личных устных и письменных рассказов о жизни представителей определенных социальных групп (см.), проводившиеся американскими, польскими и австрийскими социологами и психологами в начале 20 в. – работы Томаса и Ф. Знанецкого (см.), Ш. Бюлер, представителей Чикагской школы и др. В сфере клинической психологии серьезный академический анализ нарративов (см.) связывается с именем З. Фрейда (см.), хотя его психоаналитические интерпретации историй жизни известных личностей были основаны на вторичных документах, а не на устных повествованиях. Однако Фрейд, разрабатывая психоаналитический метод исследования личности (см.), в общих чертах сформулировал правила, необходимые для получения повествования. Именно он ввел метафору "свободно парящее внимание", которая используется в современной технике Н.И. и отражает отношение аналитика (интервьюера) к тому, что рассказывает пациент (нарратор). Г. Мюррей (Henry Murrey) один из первых использовал биографический нарратив для изучения развития личности. Серьезный вклад в развитие нарративной методологии сделал когнитивный психолог Дж. Брунер (Jerome Bruner), который концептуализировал нарратив как один из двух типов человеческого мышления и, применив к нарративу конструктивистский подход, выдвинул тезис о взаимном влиянии прожитой жизни и рассказа о ней. Другие современные теоретики постмодернистской традиции в социологии и психологии, такие как К. Герген (Kenneth Gergen), М. Герген (Mary Gergen), Д.П. Мак Адамс (D.P. McAdams), Д.Е. Полкинхорн (D.E. Polkinghorne), Г. Розенталь (Gabriele Rosenthal), В. Фишер-Розенталь (Wolfram Fischer-Rosenthal) также аргументируют позицию, согласно которой нарратив по своей форме и содержанию соответствует конструируемой идентичности человека. Таким образом, метод Н.И. основан на представлении об истории жизни как социальном конструкте, охватывающем как социальную реальность, так и переживаемый субъектом мир. При этом жизненные истории, понимаемые как конструкты, не отделяются от интеракционных процессов. Нарратив в исследуемом биографическом интервью также может рассматриваться как результат интеракции между рассказчиком и слушателем.

Другой теоретической предпосылкой метода Н.И. является представление об интуитивной компетентности человека в правилах построения рассказа, понятного слушателю. К примеру, поскольку время повествования всегда ограничено, рассказчик может следовать имплицитному правилу "сгущения" и останавливаться только на тех моментах своей жизни, которые считает важными, селектируя информацию. Стремление к целостности и законченности побуждает его завершать каждый эпизод и повествование в целом, таким образом исследователь получает "гештальт" рассказчика, что позволяет делать выводы о структуре его жизненного опыта.

Впервые современную концепцию Н.И. представил социолог Ф. Шютце (Fritz Schutze), который использовал эту технику для изучения результатов реформы муниципальных структур. Шютце исходил из понимания устных рассказов (историй) как наиболее широко распространенного средства передачи информации, использование которого в научных целях весьма перспективно. Впоследствии концепция Н.И. стала популярной в немецкой традиции качественной методологии. Развитие в качестве метода биографического исследования она получила в работах Г. Розенталь и В. Фишера-Розенталя.

Целью биографического Н.И., по Г. Розенталь, является получение текста (рассказанной истории жизни) "для реконструкции биографического значения жизненных событий в момент их протекания и хронологической последовательности жизненных событий, а также реконструкции актуальных значений жизненных событий и реконструкции временного порядка жизненной истории в момент ее рассказа или написания". Более широкой целью Н.И. может быть получение качественной информации о различных социальных процессах и проблемах, об опыте тех или иных социальных групп с позиции самих рассказчиков.

Метод Н.И. может использоваться на пилотной стадии научного исследования в процессе формирования объективных исследовательских инструментов, либо в рамках комбинированной стратегии, когда объективные методы применяются для исследования больших выборок, а нарративный метод – для небольших групп, чтобы достичь более глубокого понимания исследуемых феноменов.

В современной социологии и антропологии метод Н.И. используется для исследования стиля жизни специфических социальных групп: гендерных, расовых, религиозных и т.д., изучения взаимоотношений и взаимодействий индивидуумов

и групп (D. Bertaux); в психологии, педагогике и медицине – для более глубокого понимания личности и ее развития, а также диагностики психологических и медицинских проблем клиентов. Психотерапевты и теоретики терапии Д. Эпстон (David Epston), М. Уайт (Michael White), К. Герген, Г. Андерсон (H. Anderson), Г. Гулишиан (H. Goolishian) и др. развивают направление, получившее наименование нарративной психотерапии и основанное на идеях социального конструктивизма. В этой модели терапевт помогает пациенту изменить свою личную историю через осознание ограничивающего влияния культурных историй на его жизнь и расширение собственного нарратива. Н.И. является одним из основных терапевтических методов данного подхода к терапии.

Процедура Н.И. включает в себя начальный вопрос, который создает тематическую и временную рамки основного повествования. Если Н.И. используется в рамках биографического метода, интервьюируемого просят рассказать полную историю своей жизни, либо определённого ее периода, связанного с какими-либо важными личными или историческими событиями. В другом случае, когда интерес исследователей связан с конкретной темой, в начальный вопрос входит и ее обозначение. Например: "Расскажите, пожалуйста, о своем опыте эмиграции, начиная с того момента, когда эта тема стала важной для вас и до ….". Дополнительно дается информация о последовательности интервью.

В соответствии с правилами, разработанными Д. Берто (D. Bertaux) и М.Коли (Martin Kohli), Н.И. делится на два этапа: этап повествования и этап "вопрошания". Такая структура требует от интервьюера соблюдения следующих правил: А) После начальной просьбы о повествовании слушать рассказчика, не задавая более никаких вопросов и подбадривать его, используя междометия и другие паралингвистические и невербальные средства коммуникации. Таким образом, интервьюер должен владеть навыками активного слушания и проявлять неподдельный интерес к рассказу. Б) Стимулировать рассказчика продолжать повествование только в том случае, если он надолго замолкает или вместо того, чтобы рассказывать о событиях жизни, увлекается аргументированием либо высказыванием общих суждений. Для этого можно предложить продолжить рассказ о том, как события развивались дальше. В) После окончания рассказа задать вопросы о неясных моментах, опущенных или недостаточно полно описанных периодах жизни.

Вопросы Н.И. могут быть нарративными и "внешними". Нарративные вопросы хронологически организованы, ориентированы на шоансы рассказанной истории и побуждают к новым рассказам о жизни, а "внешние" (инициируемые интервьюером) направлены на выяснение тем, интересующих интервьюера и не упоминавшихся рассказчиком, а также причин поступков или событий. Эти вопросы могут быть заданы только в самом конце второго этапа в том случае, если исследователь хочет получить дополнительную информацию. Основной смысл правил состоит в том, чтобы дать возможность рассказчику воспроизвести события своей жизни именно так, как они были им пережиты.

В процессе Н.И. исследователь делает записи в хронологическом порядке повествования. Одновременно используется аудиозапись. Заметки нужны для формулирования вопросов на втором этапе Н.И., после того, как рассказчик даст понять, что он закончил свое повествование. По окончании Н.И. исследователь пишет отчет, в котором отражает фактическую информацию о рассказчике, способ установления контакта с ним, время и место Н.И., характеризует сам процесс интервью и имевшие место трудности. Ценным также является описание первого впечатления о респонденте и высказывание каких-либо гипотез по поводу разрабатываемой темы исследования. Для облегчения последующего анализа аудиоматериалы Н.И. транскрибируются. При этом исследователь может воспользоваться одной из трех известных форм перенесения аудиозаписи на бумагу. В первом случае текст приобретает форму нормального письменного языка, т.е. из записи убираются языковые погрешности, ошибки произношения и вносятся знаки препинания, соответствующие правилам письменного языка. Текст также может принимать форму литературной записи с сохранением всех особенностей диалекта, и в третьем случае – с сохранением паралингвистических элементов и знаков препинания, соответствующих голосовым интонациям. Форма транскрипции выбирается в зависимости от целей исследования. Для получения только содержательной предметной информации достаточно просто перевести запись на нормальный письменный язык. Применение третьей формы транскрипции требует соблюдения определенных правил транскрибирования, например, обозначения длины пауз, понижений и повышений голоса, различных неязыковых процессов (смех, плач и пр.).

Точное транскрибирование достижимо только при многократном прослушивании аудиоматериала и чтении записи. Если запись будет проверена несколькими экспертами, это повысит точность транскрипции. Полученный текст является материалом для последующего нарративного анализа (см.).

Е.И. Крукович

НАРРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ – качественный анализ материала нарративного интервью (см.) (биографического или тематического). Основные методологические разработки Н.А. связаны с именами Ф. Шютце (Fritze Schütze), В. Фишера (Wolfram Fischer), Г. Розенталь (Gabriele Rosenthal), Дж. Брунера (J. Bruner) и др. Прочтение, интерпретация и анализ жизненных историй и иного нарративного материала может исходить из двух главных независимых измерений: "холистический подход versus категориальный" и "содержательный подход versus формальный". Категориальный подход подразумевает разбивку полного текста либо нескольких текстов, полученных от разных респондентов, на секции, отнесение отдельных частей или слов к определенным категориям и анализ категорий. Холистический подход, напротив, позволяет рассматривать жизненную историю как целое, и каждая часть текста интерпретируется в контексте других частей. Категориальный подход полезен, когда исследователей интересуют проблемы или феномены, свойственные определен-

ным группам людей, если же исследуется личность как целое, ее развитие, предпочтителен холистический подход к анализу нарратива (см.).

Второе измерение отражает традиционную дихотомию литературного толкования текста (см.). Исследователь концентрируется на явном содержании нарратива, т.е. анализирует представленную рассказчиком фактическую информацию о событиях. Также контент-ориентированный анализ может быть направлен на прояснение имплицитного содержания: смысла и значения всей истории или ее отдельных частей, проявления тех или иных мотивов, особенностей личности рассказчика и пр. Формальный анализ состоит в прояснении структуры сюжета, последовательности событий, их соотношения с временной осью, сложности и связанности между собой; чувств, вызванных историей, стиля нарратива, использованных рассказчиком метафор, пассивных и активных залогов, и т.п. Содержание истории, обычно, более очевидно и доступно для понимания, поэтому исследователи, заинтересованные в глубинном понимании жизненной истории могут предпочитать анализ формы нарратива, считая, что этот подход помогает показать более глубокие слои идентичности рассказчика. Поскольку формальными аспектами истории сложнее манипулировать, нежели содержательными, вероятно, в некоторых случаях формальный анализ может иметь преимущество.

Из двух измерений следуют четыре модели интерпретации нарратива: *холистически-содержательная*, *холистически-формальная*, *категориально-содержательная*, *категориально-формальная*. Первая модель получила применение в клиническом анализе случаев. Такой способ интерпретации помогает выявить связь отдельных деталей текста с общим контекстом, смысл того или иного фрагмента в свете содержания остальных частей нарратива.

Холистически-формальный подход к толкованию помогает прояснить кульминационные, поворотные моменты истории, проливающие свет на ее развитие в целом. Ф. Шютце в представленном им методе Н.А., в общем, следовал холистическому подходу, хотя на начальных этапах Н.А. применялись категориальный и содержательный подходы. К примеру, на первом этапе Н.А. происходит поиск и отделение тех частей текста, которые не являются повествованиями (наррациями), а относятся к аргументациям, сообщениям, оценкам, описаниям. Далее текст, состоящий только из нарраций, разбивается на фрагменты, в которых повествуется об определенных событиях, имевших начало, развитие и завершение. Второй этап заключается в содержательном описании отдельных периодов жизни, при этом делаются предположения: какое окружение было важным для рассказчика, в каком контексте происходили наиболее важные события его жизни, возникали поворотные пункты его жизненного пути. Заключительный этап нарративного исследования, по Шютце, посвящен анализу "процессуальных структур" и концепции истории жизни. Процессуальными структурами биографии Ф. Шютце назвал фактические формы течения жизни или отдельных ее периодов. Ф. Шютце выделил следующие процессуальные структуры: интенциональные процессы, процессы передачи институциональных образцов, и кривые течения. Шютце определяет интенциональные процессы как намеренно начатые жизненные шаги, процессы передачи институциональных образцов – как формы течения жизни, правила которых передаются социальными институтами (см.), например, посещение школы или создание семьи, под кривыми течениями подразумеваются процессы, существенно ограничивающие идентичность (см.), например, цепь событий и действий, в результате которых человек становится алкоголиком, т.е. теряет возможности развития.

К. Герген (K.J. Gergen) и М. Герген (M.M. Gergen), исходя из представления о сюжетности каждой письменной и устной истории, предложили вычленять в нарративах три основных паттерна (см.), обозначив их как прогрессивное развитие, регрессия, стабильное положение. Индивидуальные жизненные истории обычно представляют разнообразные сочетания всех трех паттернов. Холистически-формальный подход к нарративу применяется в нарративной психотерапии Д. Эпстона (David Epston) и М. Уайта (Michael White), которые рассматривают жизненную историю как инструмент для изменения психологической реальности субъекта. В процессе терапии не так важно изменение содержания истории, как ее формы, например, превращается из жертвы ситуации в героя.

Для Дж. Брунера (Jerome Bruner), "форма рассказа-о-себе" значит больше, чем содержание. По Брунеру, нарративные формы и соответствующий им язык ("способы говорения и соответствующие им способы концептуализации") постепенно становятся средством для структурирования самого опыта индивида, прокладывания путей в его память, не только управляя жизненным описанием настоящего, но и направляя его в будущее. Предпринятый Брунером анализ жизненных нарративов членов одной семьи с позиции формы и структуры позволил вычленить базисные формальные структуры в дискурсе семейной жизни и выдвинуть гипотезу об их сохранении как у родителей, так и у детей, несмотря на изменяющиеся условия. Опираясь на идеи русских символистов, Брунер говорит о фабуле, сюжете и форме нарратива. В данном случае форма трактуется более узко – только как жанр произведения и соответствующий ему язык, *фабула* отражает мифическое, трансцендентальное содержание истории: ревность, власть, повиновение, и другие содержания, претендующие на общечеловеческую универсальность, а *сюжет* воплощает или реализует вневременную *фабулу* не только в форме схемы, но также в дискурсе. Намечая перспективы формального анализа нарратива, Брунер указывает на классическую работу К. Берка (Kennet Burke) "Грамматика мотивов", в которой рассматриваются пять элементов структуры рассказа: Агент, Действие, Цель, Окружение, Инструмент и Проблема. Проблема образовывается несоответствием между двумя или более из вышеперечисленной пятерки элементов Берка. Брунер обозначил культурные конституирующие различных вариантов драмы в жизни и в литературе как кризис, роль агента в восстановлении и формирование нового порядка вещей. Также для анализа жизненных историй им была

использована идея А. Греймаса (A. Greimas) о дуальности "ландшафта" нарратива, как его сущностной составляющей. Нарратив, следовательно, может развиваться в ландшафте *действия* (в котором разворачиваются события) и ландшафте *сознания* (внутренней речи протагониста, включенного в действие.

В холистической модели герменевтической реконструкции жизненных историй Г. Розенталь (G. Rosenthal) реконструкция формы и структуры рассказанной жизненной истории производится посредством метода *анализа тематических областей (полей)* В. Фишера (Wolfram Fischer). В целом метод герменевтической реконструкции случая предполагает следование двум фундаментальным принципам объективной герменевтики У. Оверманна (Ulrich Oevermann): принципу реконструктивного анализа и принципу последовательности. При реконструктивном анализе текст не противопоставляется заранее заданным системам классификаций и переменных, исследователь отталкивается непосредственно от фактов, не прибегая к дополнительной теории. Соответственно принципу последовательности в процессе порождения биографического нарратива рассказчик осуществляет селекцию определенной последовательности событий (действий), которая, независимо от намерений рассказчика, приводит к последующим действиям, одновременно, исключая всякие иные возможности. Это обозначает, что в Н.А. необходимо учитывать ряд возможностей, открывающихся перед субъектом в определенной ситуации, произведенный отбор, проигнорированные возможности и последствия принятого решения. Последовательный анализ предполагает выдвижение гипотез в отношении возможностей, которые содержаться в данном фрагменте нарратива, гипотез о возможностях развития дальнейших событий и последующее сравнение их с фактическим результатом. Реконструкция структуры случая, по Г. Розенталь, это рассмотрение набора возможностей, потенциально открытых для субъекта в данной конкретной ситуации, анализ имеющегося (состоявшегося) выбора и выявление тенденции к систематическому исключению некоторых потенциально возможных выборов в различных ситуациях. Важным является понимание принципов, которые определяют отбор жизненных историй нарратором.

Г. Розенталь исходит из представления о биографии как социальном конструкте, содержащем как социальную реальность, так и переживаемый мир субъекта, и при помощи анализа общего биографического конструкта показывает путь перехода от автобиографического текста (life story) к реконструкции истории жизни (life history). Анализ общего биографического конструкта предполагает реконструкцию системы знаний нарратора, его интерпретации собственной жизни и распределения пережитых событий по тематическим полям. Тематическое поле определяется как сумма событий или ситуаций, представленных рассказчиком в отношении к определенной теме и образующих фон, на котором выделяется тема. Именно эти области реконструируются в ходе анализа тематического поля. Тематическое поле обычно устанавливается интервьюером, это может быть определенный жизненный период рассказчика, опыт соучастия в каких-либо исторических или социальных событиях, или отдельная биографическая линия, например, профессиональная деятельность. Предлагая тематическое поле, интервьюер задает респонденту определенную рамку для отбора историй, и в процессе повествования последний может строго придерживаться заданной темы или строить повествование вокруг того, что, по его мнению, представляет интерес для интервьюера или для него самого. Эти особенности построения нарратива связаны с интерпретацией самой темы и принципами селекции биографического материала, которым следует рассказчик. Последовательность представленной в нарративе информации не всегда соответствует действительной хронологии самой жизненной истории, поэтому контекстом для тематического Н.А. является интерпретация "объективной" биографической информации. Тематический Н.А. требует первичной структурализации текста, которая, по Ф. Шютце, заключается в разделении текста на фрагменты по определенным критериям. Нарративные части текста отделяются от иных. Учитываются изменения темы рассказа. Нарративные фрагменты (наррации) описываются как отдельные порядки действительных и воображаемых событий прошлого, связанных сетью временных и причинных связей. Нарративные фрагменты далее категоризируются соответственно стилю повествования. Например, рассказчик может предоставлять только сообщения о событиях, не вдаваясь в подробности, либо выбирать характерные ситуации и рассказывать историю. После структурализации текст последовательно анализируется, при этом каждая последовательность интерпретируется без учета уже имеющейся информации о последующих фрагментах. В отношении каждой цепочки последовательностей формулируются все возможные гипотезы таким образом, что для каждой гипотезы рассматривается дополняющая ее гипотеза, соотносясь с тем, что последует в тексте дальше, если данная интерпретация окажется вероятной. Различные модели селекции биографической информации (гипотезы) сопоставляются с последующими единицами текста: некоторые из них подтверждаются, другие опровергаются. На этой ступени Н.А. исследователь стремится понять характер и функцию представленного нарратива. Г. Розенталь считает, что биографический конструкт влияет на интерпретацию нарратором обозначенной темы и выбор тематической области, которую он развивает в качестве основной рамки своего повествования.

После анализа тематических областей следует собственно реконструкция жизненной истории, т.е. реконструкция биографических значений жизненных переживаний в то время, когда они происходили.

Следующий этап – микроанализ индивидуальных текстовых фрагментов. На этом этапе все гипотезы, которые выдвигались на предыдущих шагах, проверяются в процессе более детального анализа отдельных текстовых сегментов.

Категориально-содержательная модель известна как контент-анализ, классический метод исследования нарративных материалов, в рамках которого часто используется количественная обработка данных. Однако это не обозначает, что

его не могут применять сторонники герменевтической позиции. Контент-анализ жизненной истории подразумевает поиск заранее намеченных тем или категорий в содержании рассказа, но при этом исследователь может продвигаться в логике исследовательской стратегии "обоснованной теории" Глазера и Страусса (B.G. Glaser, A.L. Strauss). Выбор категорий, конечно, может быть предопределен имеющейся теорией соответственно логике позитивистского исследования, но с другой стороны, ничто не мешает исследователю читать текст свободно, без предубеждений и фиксировать проявляющиеся в содержании темы, чтобы затем уже выстраивать гипотезы.

Категориально-формальная модель фокусируется на отдельных стилистических и лингвистических особенностях определенных элементов нарратива, например, на типе метафор, используемых нарратором, частоте употребления пассивных залогов, сенсорных глаголов и т. д. Нарратив может использоваться для изучения когнитивных функций: когнитивных стилей, процесса решения задач и пр., и в данном случае применение категориально-формального подхода вполне оправдано, так как позволяет исследователям сравнить особенности суждений нарраторов с теоретическими моделями. К примеру, Кэпс и Окс (L. Capps & E. Ochs) изучали механизмы совладания с эмоциями страха и состоянием беспомощности, анализируя лингвистические особенности биографических нарративов пациентов, страдающих от приступов паники. В подобных исследованиях список интересующих исследователей категорий (в данном случае формально-лингвистических аспектов эмоциональных реакций) может готовиться заранее, либо определяться по ходу прочтения текста.

В реальных нарративных исследованиях эти четыре модели Н.А. не столь четко дифференцированы. К примеру, в приведенном нарративном исследовании Дж. Брунера подсчитывается количество активных и пассивных залогов, сравнивается количество глаголов и прилагательных в различных нарративах, т. е., наряду с холистически-формальным подходом используются и процедуры категориально-формальной модели; при этом главная цель исследования заключалась не только в понимании целостной жизненной истории, но и процесса формирования жизненных историй членов семьи в их взаимосвязи, т. е. целостности уже второго порядка. Категории используются и в холистическом, по сути, анализе тематических областей.

Н.А. в целом соотносим с интерпретационным методом объективной герменевтики Оверманна, в рамках которого, как и в процедурных аспектах Н.А., выполняется ряд требований к интерпретаторам текста. Например, уровень их психического функционирования должен быть достаточно высоким, чтобы они могли проявлять способности к интуитивному пониманию опыта других; интерпретация должна вырабатываться группой из нескольких исследователей, чтобы по возможности нивелировать личностные ограничения; текст должен рассматриваться детально и интерпретироваться широко и многозначно.

Е.И. Крукович

НАРЦИССИЗМ (греч. Narciss – Нарцисс, Наркисс) – в наиболее распространенном значении – самовлюбленность, любая форма любви к себе. Представление о Н. и соответствующее понятие восходят к древнегреческой мифологии. Согласно самой известной версии, Нарцисс, увидев свое отражение в воде, не мог оторваться от созерцания своей красоты и умер от любви к себе. После смерти был превращен богами в цветок нарцисс. Понятие Н. иногда используется как обозначение и символ человеческого самопознания. Именно поэтому, в соответствии с заветом великих мудрецов древности – "Познай самого себя" – цветок нарцисс является эмблематическим изображением философии как формы человеческого самопознания.

Н. как научное понятие было введено в оборот Х. Эллисом в 1898 для обозначения патологической формы самовлюбленности. Наибольшее распространение и популярность получило вследствие использования его в различных психоаналитических и психоаналитически ориентированных учениях. В классическом психоанализе З. Фрейда (см.) понятие Н. использовалось с 1910 и по мере развития его учения употреблялось в различных сопрягающихся значениях, которые всегда были связаны с обозначением или трактовкой состояния и (или) направленности либидо и действием принципа удовольствия (см.).

В конечном счете в психоанализе (см.) понятие Н. использовалось преимущественно для обозначения осознаваемой и неосознаваемой самовлюбленности и двух форм Н.: 1) первичного Н. – общего первоначального состояния либидо периода раннего детства, когда либидо ребенка полностью обращается на него самого (эту форму Фрейд считал нормальной стадией психосексуального развития, характеризующейся отождествлением объекта и субъекта любви) и 2) вторичного Н. – когда либидо взрослого человека дистанцируется от объектов и обращается на своего собственного носителя – на Эго, "Я" человека.

Наряду с данными значениями понятие Н. употреблялось, Фрейдом также для: а) обозначения сексуальной перверсии, при которой основным объектом сексуальных устремлений человека является его собственное тело, б) обозначения нарциссического выбора объекта любви, основанного на сходстве объекта с самим субъектом. Этот тип избрания объекта любви по своему собственному образу и подобию истолковывался Фрейдом как попытка обретения в объекте любви самого себя, являющаяся следствием некоторого нарушения либидо, в) обозначения гомосексуального выбора объекта, г) обозначения либидозного дополнения эгоизма, д) обозначения эгоцентризма, когда человек считает себя точкой отсчета в выборе поведенческих стратегий и др.

В психоанализе Фрейда довольно представительно использовались введенные им понятия: 1) "нарциссическое либидо" (либидо, направленное на "Я" (Я-либидо), которое иногда отождествлялось им с влечением к самосохранению); 2) "нарциссическая идентификация" (процесс самопроецирования на "Я" утраченного сексуального объекта, когда отведенное либидо ориентировано на "Я" и обусловливает отождест-

вление собственного "Я" с оставленным объектом, в силу чего человек направляет на "Я" предназначавшиеся объекту различные амбивалентные импульсы, в том числе и агрессивные); 3) "нарциссические неврозы" (функциональные расстройства психики, отличительной чертой которых является фиксация либидо на ранних фазах развития и его направленность на "Я", повышающие уровень абвивалентности чувств. По Фрейду, характерными признаками этих неврозов являются активное участие "Я" в происхождении заболевания и их соответствие конфликту между "Я" и "Сверх-Я"); 4) "нарциссическое удовлетворение" культурой или культурным идеалом (являющее собой бессознательное ощущение довольства и избранничества, обусловленные самолюбованием, самодовольством и самовлюбленностью членов того или иного культурного сообщества).

Принципиально важным моментом психоаналитической трактовки Н. явилось признание его как качества и свойства, присущего человечеству в целом. При этом, согласно Фрейду, в процессе развития науки по общечеловеческому Н. было нанесено три сокрушающих удара: 1. "Космологический удар" Н. Коперника (доказавшего, что Земля не является ни центром мира, ни центром галактики, ни центром нашей планетарной системы); 2. "Биологический удар" Ч. Дарвина (доказавшего происхождение человека из животного мира и его связь с ним) и 3. "Психологический удар" самого Фрейда (доказавшего бесспорный примат бессознательного над сознанием и ведущую роль бессознательных душевных процессов в организации человеческой жизнедеятельности и поведения). "Психологический удар" Фрейд оценивал как "самый чувствительный удар".

В психоаналитической традиции проблема Н. и отдельные аспекты ее в той или иной мере и степени разрабатывались многими аналитиками, уточнявшими отдельные положения концепции Фрейда. Наиболее существенный вклад в позитивный сдвиг проблемы внес К. Абрахам, установивший существование негативного Н., который лежит в основе физической и моральной ипохондрии и меланхолии. В аналитической психологии Юнга (**см.**) понятие "Н." употреблялось преимущественно в качестве синонима самовлюбленности, хотя сам Юнг тяготел к сужению объема его значения до "мастурбаторной самовлюбленности". В 1970-1980-х последователь Юнга Г. Кохут неоднократно критиковал фрейдовскую концепцию Н. за психобиологический подход и избыточную акцентировку принципа удовольствия. Но эта критика не увенчалась позитивным решением проблемы.

Особое значение Н. как феномен и научная проблема приобрел в гуманистическом психоанализе Фромма (**см.**), в котором психоаналитическая концепция Н. квалифицировалась как одна из наиболее плодотворных идей Фрейда. Развивая идеи Фрейда, Фромм осуществил существенную реформацию психоаналитического подхода, определенную переформулировку проблемы и на основе собственных исследований создал оригинальное учение о Н. Предложив понимание либидо как психической энергии не идентичной энергии сексуального влечения, Фромм интерпретировал Н. как компенсатор недоразвитых инстинктов, своеобразное эмоциональное состояние, отличительными признаками которого являются отсутствие подлинного интереса к внешнему миру и концентрация носителя Н. только на себе, своих витальных и экзистенциальных потребностях и интересах, неизбежно влекущих утрату способности к рациональным суждениям и функционирование на основе предубеждений. На базе исследований индивидуального, группового и общественного Н., Фромм пришел к выводу, что у каждого человека есть "нарциссическое ядро", оптимальное биологическое функционирование которого служит выживанию, но при выходе на максимальные режимы оно же является угрозой для жизни.

Отмечая необходимость существования в жизнедеятельности людей оптимально необходимых значений здорового нарциссического ориентирования, Фромм вместе с тем выделил две основные формы патологии Н.: 1) доброкачественную (когда объектом Н. являются результаты собственных усилий) и 2) злокачественную (когда объектом Н. является не то, что человек производит или делает, а то что он имеет – тело, здоровье, богатство и т.д.), которая нередко приводит к солипсизму и ксенофобии. В качестве примера состояния абсолютного Н., Фромм, вслед за Фрейдом, приводил психоз – заболевание, характеризующееся разрывом связей человека с внешней реальностью и замещением ее своей личностью.

Определенное внимание Фромм уделил исследованию Н. как профессионального капитала и профессиональной болезни политиков. Квалифицируя политических лидеров (в т.ч. и харизматических) как нарциссов, Фромм отмечал, что для них и обладателей огромной власти фараонов, императоров, Гитлера, Сталина, Трухильо и т.д.) типична совокупность черт характера, побуждающая их к реализации нарциссических фантазий о своей надчеловеческой природе и приводящая к изоляции от людей и росту страха. В результате исследований группового и общественного Н. Фромм пришел к выводу, что наряду с некоторыми позитивными моментами (сплочением людей, созданием ощущения удовлетворенности и др.) и полезными социальными функциями, обеспечивающими существование социальных групп и общества, эти формы Н. вместе с тем представляют большую опасность для людей и существования человечества.

По Фромму, степень группового Н. соответствует реальной неудовлетворенности жизнью членов данной группы, в силу чего характерными чертами группового Н. являются агрессивность и фанатизм. Как один из источников человеческой агрессивности, групповой Н. (в т.ч. и национальный) порождает и обеспечивает психические предпосылки национализма, национальной ненависти и войн. Общественный Н., по Фромму, в своей экстремальной (злокачественной) форме, порождает нарциссическую энергию, которая действует против жизни и роста и выступает как источник агрессии, насилия, деструкции, войны и смерти. В качестве очевидных и частых симптомов патологии общественного Н. Фромм указывал на недостаток объективности и способности к разумному суждению.

В роли сил, противостоящих всевозрастающей интенсивности группового Н. и его многообразным религиозным, национальным, расовым и политическим формам, Фромм рассматривал гуманизм, научное и философское мышление, критицизм и образование. Эти антинарциссические силы, по Фромму, в конечном счете должны помочь людям осознать и добиться подлинной цели и духовного развития – освобождения от всех злокачественных, и недоброкачественных проявлений индивидуального, группового и общественного Н.

В.И. Овчаренко

НАСТРОЕНИЕ – эмоциональный фон, складывающийся в результате достаточно продолжительного действия слабо выраженной эмоции (см.), при котором причина, вызвавшая соответствующую эмоцию, четко не прослеживается, но действие ее распространяется на мысли, действия и отношения человека.

О.В. Шапошникова

НАУКА – особый вид познавательной деятельности, направленной на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире. Взаимодействует с другими видами познавательной деятельности: обыденным, художественным, религиозным, мифологическим, философским постижением мира. Н. ставит своей целью выявить законы, в соответствии с которыми объекты могут преобразовываться в человеческой деятельности. Поскольку в деятельности могут преобразовываться любые объекты – фрагменты природы, социальные подсистемы и общество в целом, состояния человеческого сознания и т.п., постольку все они могут стать предметами научного исследования. Н. изучает их как объекты, функционирующие и развивающиеся по своим естественным законам. Она может изучать и человека как субъекта деятельности, но тоже в качестве особого объекта. Предметный и объективный способ рассмотрения мира, характерный для Н., отличает ее от иных способов познания. Например, в искусстве отражение действительности происходит как своеобразная склейка субъективного и объективного, когда любое воспроизведение событий или состояний природы и социальной жизни предполагает их эмоциональную оценку. Отражая мир в его объективности, Н. дает лишь один из срезов многообразия человеческого мира. Поэтому она не исчерпывает собой всей культуры, а составляет лишь одну из сфер, которая взаимодействует с другими сферами культурного творчества – моралью, религией, философией, искусством и т.д. Признак предметности и объективности знания выступает важнейшей характеристикой Н., но он еще недостаточен для определения ее специфики, поскольку отдельные объективные и предметные знания может давать и обыденное познание. Но в отличие от него Н. не ограничивается отражением только тех объектов, их свойств и отношений, которые в принципе могут быть освоены в практике соответствующей исторической эпохи. Она способна выходить за рамки каждого исторически определенного типа практики и открывать для человечества новые предметные миры, которые могут стать объектами практического освоения лишь на будущих этапах развития цивилизации. В свое время Г. Лейбниц характеризовал математику как Н. о возможных мирах. В принципе эту характеристику можно отнести к любой фундаментальной Н. Электромагнитные волны, ядерные реакции, когерентные излучения атомов были вначале открыты в физике, и в этих открытиях потенциально был заложен принципиально новый уровень технологического развития цивилизации, который реализовался значительно позднее (техника электродвигателей и электрогенераторов, радио- и телеаппаратура, лазеры и атомные электростанции и т.д.). Постоянное стремление Н. к расширению поля изучаемых объектов безотносительно к сегодняшним возможностям их массового практического освоения, выступает тем системообразующим признаком, который обосновывает другие характеристики Н., отличающие ее от обыденного познания. Прежде всего – это отличие по их продуктам (результатам). Обыденное познание создает конгломерат знаний, сведений, предписаний и верований, лишь отдельные фрагменты которого связаны между собой. Истинность знаний проверяется здесь непосредственно в наличной практике, так как знания строятся относительно объектов, которые включены в процессы производства и наличного социального опыта. Но поскольку Н. постоянно выходит за эти рамки, она лишь частично может опереться на наличные формы массового практического освоения объектов. Ей нужна особая практика, с помощью которой проверяется истинность ее знаний. Такой практикой становится научный эксперимент. Часть знаний непосредственно проверяется в эксперименте. Остальные связываются между собой логическими связями, что обеспечивает перенос истинности с одного высказывания на другое. В итоге возникают присущие Н. характеристики: системная организация, обоснованность и доказанность знания. Далее Н., в отличие от обыденного познания, предполагает применение особых средств и методов деятельности. Она не может ограничиться использованием только обыденного языка и тех орудий, которые применяются в производстве и повседневной практике. Кроме них, ей необходимы особые средства деятельности – специальный язык (эмпирический и теоретический) и особые приборные комплексы. Именно эти средства обеспечивают исследование все новых объектов, в том числе и тех, которые выходят за рамки возможностей наличной производственной и социальной практики. С этим же связаны потребности Н. в постоянной разработке специальных методов, обеспечивающих освоение новых объектов безотносительно к возможностям их сегодняшнего практического освоения. Метод в Н. часто служит условием фиксации и воспроизводства объекта исследования; наряду со знанием об объектах, Н. систематически развивает знание о методах. Наконец, существуют специфические особенности субъекта научной деятельности. Субъект обыденного познания формируется в самом процессе социализации. Для Н. же этого недостаточно – требуется особое обучение познающего субъекта, которое обеспечивает его умение применять свойственные Н. средства и методы при решении ее задач и проблем. Кроме того, систематические занятия Н.

предполагают усвоение особой системы ценностей. Фундаментом выступают ценностные установки на поиск истины и на постоянное наращивание истинного знания. На базе этих установок исторически развивается система идеалов и норм научного исследования. Эти ценностные установки составляют основание этики Н., запрещающей умышленное искажение истины в угоду тем или иным социальным целям и требующей постоянной инновационной деятельности, вводя запреты на плагиат. Фундаментальные ценностные установки соответствуют двум фундаментальным и определяющим признакам Н: предметности и объективности научного познания и ее интенции на изучение все новых объектов, безотносительно к наличным возможностям их массового практического освоения.

В развитии научного знания можно выделить стадию преднауки и Н. в собственном смысле слова. На первой стадии зарождающаяся Н. еще не выходит за рамки наличной практики. Она моделирует изменение объектов, включенных в практическую деятельность, предсказывая их возможные состояния. Реальные объекты замещаются в познании идеальными объектами и выступают как абстракции, которыми оперирует мышление. Их связи и отношения, операции с ними также черпаются из практики, выступая как схемы практических действий. Такой характер имели, например, геометрические знания древних египтян. Первые геометрические фигуры были моделями земельных участков, причем операции разметки участка с помощью мерной веревки, закрепленной на конце с помощью колышков, позволяющих проводить дуги, были схематизированы и стали способом построения геометрических фигур с помощью циркуля и линейки. Переход к собственно Н. связан с новым способом формирования идеальных объектов и их связей, моделирующих практику. Теперь они черпаются не непосредственно из практики, а создаются в качестве абстракций, на основе ранее созданных идеальных объектов. Построенные из их связей модели выступают в качестве гипотез, которые затем, получив обоснование, превращаются в теоретические схемы изучаемой предметной области. Так возникает особое движение в сфере развивающегося теоретического знания, которое начинает строить модели изучаемой реальности как бы сверху по отношению к практике с их последующей прямой или косвенной практической проверкой. Исторически первой осуществила переход к собственно научному познанию мира математика. Затем способ теоретического познания, основанный на движении мысли в поле теоретических идеальных объектов с последующей экспериментальной проверкой гипотез, утвердился в естествознании. Третьей вехой в развитии Н. было формирование технических Н. как своеобразного опосредующего слоя знания между естествознанием и производством, а затем становление социальных Н. Каждый из этих этапов имел свои социокультурные предпосылки. Первый образец математической теории (евклидова геометрия) возникла в контексте античной культуры, с присущими ей ценностями публичной дискуссии, демонстрации доказательства и обоснования как условий получения истины. Естествознание, основанное на соединении математического описания природы с ее экспериментальным исследованием, формировалось в результате культурных сдвигов, осуществившихся в эпоху Ренессанса, Реформации и раннего Просвещения. Становление технических и социальных Н. было связано с интенсивным индустриальным развитием общества, усиливающимся внедрением научных знаний в производство и возникновением потребностей научного управления социальными процессами. На каждом из этапов развития научное познание усложняло свою организацию. Во всех развитых Н. складываются уровни теоретического и эмпирического исследования со специфическими для них методами и формами знания (основной формой теоретического уровня выступает научная теория; эмпирического уровня – научный факт).

К середине 19 в. формируется дисциплинарная организация Н., возникает система дисциплин со сложными связями между ними. Каждая из Н. (математика, физика, химия, биология, технические и социальные Н.) имеет свою внутреннюю дифференциацию и свои основания: свойственную ей картину исследуемой реальности, специфику идеалов и норм исследования и характерные для нее философско-мировоззренческие основания. Взаимодействие Н. формирует междисциплинарные исследования, удельный вес которых возрастает по мере развития Н. Каждый этап развития Н. сопровождался особым типом ее институциализации, связанной с организацией исследований и способом воспроизводства субъекта научной деятельности. Как социальный институт Н. начала оформляться в 17-18 ст., когда в Европе возникли первые научные общества, академии и научные журналы. В 20 в. Н. превратилась в особый тип производства научных знаний, включающий многообразные типы объединения ученых, в том числе и крупные исследовательские коллективы, целенаправленное финансирование и особую экспертизу исследовательских программ, их социальную поддержку, специальную промышленно-техническую базу, обслуживающую научный поиск, сложное разделение труда и целенаправленную подготовку кадров. В процессе исторического развития Н. менялись ее функции в социальной жизни. В эпоху становления естествознания Н. отстаивала в борьбе о религией свое право участвовать в формировании мировоззрения. В 19 ст. к мировоззренческой функции добавилась функция – быть производительной силой. В первой половине 20 в. Н. стала приобретать еще одну функцию, она стала превращаться в социальную силу, внедряясь в различные сферы социальной жизни и регулируя различные виды человеческой деятельности. В современную эпоху, в связи с глобальными кризисами возникает проблема поиска новых мировоззренческих ориентаций человечества. В этой связи переосмысливаются и функции Н. Ее доминирующее положение в системе ценностей культуры во многом было связано с ее технологической проекцией. Сегодня важно органичное соединение ценностей научно-технологического мышления с теми социальными ценностями, которые представлены нравственностью, искусством, религиозным и философским постижением мира. Такое соединение представляет собой новый тип рациональности.

В развитии Н., начиная с 17 ст., можно выделить три основных типа рациональности: классическую (17 – начало 20 в.), неклассическую (первая половина 20 в.), постнеклассическую (конец 20 в.). Классическая Н. предполагала, что субъект дистанцирован от объекта, как бы со стороны познает мир, и условием объективно истинного знания считала элиминацию из объяснения и описания всего, что относится к субъекту и средствам деятельности. Для неклассическоой рациональности характерна идея относительности объекта к средствам и операциям деятельности; экспликация этих средств и операций выступает условием получения истинного знания об объекте. Образцом реализации этого подхода явилась квантово-релятивистская физика. Наконец, постнеклассическая рациональность учитывает соотнесенность знаний об объекте не только со средствами, но и ценностно-целевыми структурами деятельности, предполагая экспликацию внутринаучных ценностей и их соотнесение с социальными целями и ценностями. Появление каждого нового типа рациональности не устраняет предыдущего, но ограничивает поле его действия. Каждый из них расширяет поле исследуемых объектов. В современной постнеклассической Н. все большее место занимают сложные, исторически развивающиеся системы, включающие человека. К ним относятся объекты современных биотехнологий, в первую очередь генной инженерии, медико-биологические объекты, крупные экосистемы и биосфера в целом, человеко-машинные системы, включая системы искусственного интеллекта, социальные объекты и т.д. В широком смысле сюда можно отнести любые сложные синергетические системы, взаимодействие с которыми превращает само человеческое действие в компонент системы. Методология исследования таких объектов сближает естественнонаучное и гуманитарное познание, составляя основу для их глубокой интеграции. См. также: **Дисциплинарность**.

В.С. Степин

НАУМЕНКО Людмила Игоревна (р. 1958) – белорусский социолог и психолог, специалист в области этнической психологии и психологии межэтнических отношений.

Окончила Гомельский государственный университет (1980). С 1985 по 1988 – младший научный сотрудник отдела социальной психологии и эстетики Института философии и права АН БССР. С 1988 по 1992 – аспирантка лаборатории психологии межгрупповых отношений Института психологии Российской Академии наук. С 1992 по 2002 – младший научный сотрудник, научный сотрудник, старший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси. С 2002 – зав. сектором социальной психологии Института социологии и социальных технологий НАН Беларуси.

Кандидат психологических наук (1992). Диссертация была защищена в Институте психологии Российской АН по этнической социальной психологии – тема: "Особенности социальной перцепции внутригрупповой интеграции и межгрупповой дифференциации (по материалам социально-психологического исследования межэтнических отношений в Литве и Белоруссии)". Диссертация посвящена психологической диагностике межэтнической напряженности. Стажировалась в отделе социологии культуры института социологии Варшавского университета.

Научные работы Н. посвящены психологическим проблемам становления и изменений базового феномена этнического сознания – этнической идентичности, ее взаимосвязи с чувством Родины и гражданской принадлежности, сравнительным исследованиям особенностей межэтнического восприятия (на примере этнических установок, стереотипов, предубеждений, этнокультурной дистанции и др.), психологической диагностике состояния межэтнических отношений и др.

Н. – автор более 50 научных работ по этнической и социальной психологии, около половины из которых опубликовано за пределами Беларуси (в России, Литве, Польше).

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (НТР) – коренное преобразование производительных сил на основе познания и овладения новыми, более глубокими свойствами и законами природы, усиление взаимодействия науки, техники и производства, процесс интенсивного превращения науки в непосредственную производительную силу.

НТР началась в 1940-1950-е в результате крупнейших научных и технических открытий (в частности, создание компьютерной техники, атомной энергетики, полимерных материалов, ракетно-космической техники и др.). В 1970-х наступил современный этап НТР, основными направлениями которого стали: новейшая электронно-вычислительная техника; комплексная автоматизация; принципиально новые материалы и технологии их производства и обработки; развитие атомной энергетики и биотехнологий.

НТР вызывает радикальную перестройку всего технического базиса и технологического способа производства; изменяет условия, характер и содержание труда, отраслевую и профессиональную структуру общества; оказывает мощное воздействие на человека и среду его обитания; открывает новые перспективы повышения производительности труда, приращения материальных и духовных возможностей людей. Характерные черты перестройки, вызванной НТР, – комплексная автоматизация, кибернетизация, применение атомной и других видов энергии, радиоэлектронизация, роботизация, компьютеризация, химизация, биологизация, космизация, генная инженерия, создание новых материалов и технологий для сельского хозяйства. Под воздействием НТР осуществляется переход от экстенсивного к интенсивному развитию производства. Коренным образом изменяются место и функции человека в системе производства. Он выходит из непосредственного участия в производственном процессе и превращается в его контролера, передавая функции управления этим процессом техническим средствам. Это качественно меняет содержание и характер материально-производственной деятельности людей.

Важной чертой НТР является преобразование технологических основ и методов производства. Преобладающие в современном производстве механические методы воздействия

на предмет труда исчерпывают или исчерпали свои возможности и заменяются более эффективными, основанными на использовании новых уровней организации материи, ее свойств и закономерностей. В производство внедряются электронно-лучевые, плазменные, ультразвуковые, радиационные, биологические, мембранные технологии, а также биотехнологии и генная инженерия. Переход к высоким технологиям и соответствующей им технике становится главным стержнем НТР на современном этапе.

Конец 20 в. ознаменован широко развернувшейся информационной революцией, приближающей нас к информационному обществу, в котором информация, знания выступают в качестве основной социальной ценности. Если в индустриальном обществе главное – производство товаров, а ограничивающим фактором выступает капитал, то в информационном – производство и применение информации для эффективного функционирования других форм производства, а ограничивающим фактором становятся информация и знания, которые замещают труд в качестве источника прибавочной стоимости.

Г.Н. Соколова

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС (НТП) – единое, взаимообусловленное поступательное развитие науки и техники, характерное для крупного машинного производства. Под воздействием роста и усложнения общественных потребностей НТП ускоряется, что позволяет превратить производство в технологический процесс целенаправленного применения достижений естественных и других наук. Непрерывность НТП зависит прежде всего от развития фундаментальных исследований, открывающих новые свойства природы и общества, а также от прикладных исследований и опытно-конструкторских разработок, позволяющих воплотить научные идеи в новую технику и технологии. НТП осуществляется в двух взаимообусловленных формах: эволюционной, означающей совершенствование традиционных основ науки и техники, и революционной, протекающей в виде научно-технической революции, которая порождает принципиально новую технику и технологии, вызывает коренное преобразование производительных сил общества.

Истоки НТП коренятся в мануфактурном производстве 16-18 вв., когда научно-теоретическая и техническая деятельность начинают сближаться. До этого материальное производство медленно эволюционировало за счет накопления эмпирического опыта, тайн ремесла, собирания рецептов. Наряду с этим шел столь же медленный прогресс в научно-теоретических знаниях о природе, которые находились под влиянием теологии и схоластики и не оказывали существенного влияния на производство. Научный и технический прогресс были двумя, хотя и опосредованными, но относительно самостоятельными потоками человеческой деятельности. В 16 в. нужды торговли, мореплавания, крупных мануфактур потребовали теоретического и экспериментального решения ряда вполне определенных задач. Наука в это время под влиянием идей Возрождения постепенно порывает со схоластической традицией и обращается к практике. Компас, порох и книгопечатание были тремя великими открытиями, положившими начало союзу научной и технической деятельности. Попытки использовать водяные мельницы для нужд расширяющегося мануфактурного производства побуждали теоретически исследовать многие механические процессы. По словам К. Маркса, "мануфактурный период, развивал первые научные и технические элементы крупной промышленности".

Возникновение машинного производства в конце 18 в. было подготовлено результатами научно-технического творчества математиков, механиков, физиков и представителей других отраслей наук. Машинное производство в свою очередь открыло новые, практически неограниченные возможности для технологического применения науки. Его прогресс во все большей степени определяется прогрессом науки, и само оно, по выражению К. Маркса, впервые выступает как "предметно воплощающаяся наука".

Все это означало переход ко второму этапу НТП, который характеризуется тем, что наука и техника взаимно стимулируют развитие друг друга во все ускоряющихся темпах. Возникают специальные звенья научно-технической деятельности, призванные доводить теоретические решения до технического воплощения: научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) прикладные исследования и др. Научно-техническая деятельность становится одной из обширных сфер приложения человеческого труда.

Третий этап НТП связан с современной научно-технической революцией. Новые отрасли производства возникают вслед за новыми научными направлениями и открытиями: радиоэлектроника, атомная энергетика, химия синтетических материалов, производство компьютерной техники и др. Наука становится силой, непрерывно революционизирующей технику. В свою очередь техника также постоянно стимулирует прогресс науки, выдвигая перед ней новые требования и задачи и обеспечивая ее все более точным и сложным экспериментальным оборудованием.

Характерной чертой современного НТП является то, что он захватывает не только промышленность, но и многие другие стороны жизнедеятельности общества: сельское хозяйство, транспорт, связь, здравоохранение, образование, сферу быта и сферу услуг. Плановое начало в развертывание НТП вносит разработка долгосрочных комплексных программ НТП и разрабатываемых на их основе целевых комплексных программ по решению важнейших научно-технических проблем.

Г.Н. Соколова

НАЦИОНАЛИЗМ – специфическое состояние сознания этноса (см.) и социально-психологических ориентаций людей, а также сопряженные с ними идеология, теория и социальная практика. Для обыденного сознания слово "Н." не имеет нейтрального звучания, оно всегда эмоционально окрашено. Суть Н. составляет проповедь собственной национальной выделенности и (или) исключительности, с необходимостью дополняемая недоверием к чужим (конкретно определяемым)

этническим общностям и (в крайних проявлениях) – отказом им в праве на существование. Типичен для цивилизаций локального типа, чья культура фундирована осевой аксиологической оппозицией: Мы – Они. Н. возникает как реакция этноса на деструктивные воздействия внешней среды (экономические, социальные и политические процессы, иноэтнические воздействия). Н. как политический принцип результировался в процессах образования национальных государств, распада империй и отделения колоний от метрополий. Т.обр. Н. – как "фактор влияния" превзошел и мировые религии докапиталистических обществ, и государственные образования имперского типа Нового времени. В первой таксономии Н. противостоял христианству и космополитизму, во второй – интернационализму и империализму. В рамках мононациональных государств Н. может варьироваться от изоляционизма (Албания 1960-1980-х) до экспансионизма ("японская модель").

В зависимости от исторической судьбы, численности, специфики доминирующих в его границах способов деятельности, степени различия его культурных норм с соседями и т.д. – реакция этноса (или "градус" Н.) может кардинально изменяться. Н. выступил, в частности, ответной реакцией многих этнических общностей на усиливающийся общемировой процесс интернационализации. Эта тенденция в контексте исторического опыта явилась неоднозначной. В экстремальных вариантах проявления Н. в национальном сознании происходит фетишизация собственно этнического начала, которое начинает рассматриваться как предельное основание бытия данной общности людей, как единственный критерий дифференциации между ними. Этническое становится объектом своего рода культа (вплоть до ритуализации). Н. чаще всего сводит этнические различия к генетическим, а последние – к их внешним проявлениям, которые и определяются в качестве единственного фактора, конституирующего национальную целостность. Идеология Н. постулирует также приоритет национальных ценностей перед личностными, приоритет государственности перед любыми иными формами социальной самоорганизации этноса, приоритет мифологизируемого национального прошлого и желаемого будущего перед настоящим, приоритет "культурной" и "народной" самобытности перед установками "бескорневой" интеллигенции. Для индивида в условиях кризиса традиционных общественных институтов этнос – наиболее устойчивая референтная группа, а Н. – самый доступный психологический субститут выхода из состояний фрустрации. Неизбежно недооценивая всю сложную систему созданной этносом хозяйственной, политической, духовной культуры, результаты многочисленных межэтнических взаимопроникновений (в том числе и генетических), имевших место в исторической судьбе данного народа, Н. абсолютизирует этническую замкнутость, ведущую к застою, упрощению и упадку данной национальной культуры. Н. – неизбывная и в известном смысле позитивная черта человеческого сообщества, ибо даже потенциальная угроза его экспансии необходимо стимулирует процессы обновленческой трансформации структур международного сотрудничества в решении глобальных проблем и оптимизации всей совокупности межгосударственных отношений.

А.А. Грицанов

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ – духовно-практический процесс, результатом которого является развитие национального самосознания (**см.**) и формирование нации (**см.**). Особое проявление народного духа и психологии народа, направленное на обретение национальной независимости, создание условий для гарантированного свободного развития национальной культуры, языка, традиций. Н.С. – фактор государственного строительства и показатель национального достоинства. В многонациональном государстве Н.С. связано с процессами образования национальных общественных организаций и культурно-просветительских учреждений. На уровне личности – процесс этнической идентификации, сопровождается глубокими эмоциональными переживаниями. В силу исторических и политических обстоятельств (в условиях националистической политики) Н.С. может приобретать противоестественный и деструктивный смысл, связанный с идентичностью, основанной на вынужденном включении в общность, субъектом которых человек не является или не желает являться.

Исторически Н.С. связано с национально-освободительной борьбой против колониализма и активизацией национально-культурной жизни в странах Азии и Африки. Развитие национального самосознания и самоопределения позволили порабощенным народам сохранить и утвердить свои самобытные традиции, гордиться своими обычаями, культурой и языком. В современном обществе планетарный масштаб миграционных процессов и эмиграции за рубеж, рост политической и экономической свободы размывают процессы Н.С. и затрудняют национальную идентификацию, человек все чаще оказывается представителем нескольких культурно-национальных общностей. В такой ситуации расширяются возможности для использования опыта культурной жизни одной общности для успешной адаптации к требованиям другой. В таком случае осознание индивидом своего представительства во множественности национальных групп и составляет его национальную самобытность. Чем заметнее различаются (по культурным, расовым, религиозным и другим признакам и свойствам) люди, которых человек способен принять как равных себе, тем более гуманистической и зрелой является его национальная идентификация.

С.П. Винокурова

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ – уровень индивидуального и общественного сознания, характеристика национальной общности, одна из форм выражения самобытности народа и его представителей, обусловленная единством их происхождения. Индивидуальное и групповое знание, понимание и чувство, основанные на признании уникального своеобразия, связанного с осознанием своей принадлежности к определенной этнической общности. Субъективная сторона реально существующей общности, выраженная в осознании

народом себя как особой этнической общности. Конституируется путем осознания отличия от других общностей при одновременном уподоблении и объединении людей внутри этноса. Выражается в субъективном переживании человеком своей индивидуальности, понятой как целостности и уникальности, определяемых национальной принадлежностью и чувством общности с конкретным этносом.

Н.С. – продукт социализации и результат освоения индивидом культуры, традиций и обычаев своего народа. Основывается на представлении о своем происхождении, осознании себя как представителя человеческого рода с особыми природно-биологическими и анатомо-физиологическими свойствами, внешним обликом, определенными традициями и культурными ценностями и ролью в жизни народа, к которому себя причисляешь. Н.С. личности проявляется как осознание себя в качестве носителя свойств национального характера, определяющих особенности мировоззрения, жизненной позиции, отношение к действительности, другим людям. Является условием сохранения преемственности традиций и обычаев своего народа, основой для его социального и культурного развития.

Исторически формируется в процессе образования нации, путем осознания представителями этноса своего происхождения и органической связи со своими культурными и национальными корнями, признания самобытного характера родной культуры, языка, национальных особенностей, менталитета и чувства общенациональной солидарности. В структуре сознания из всех компонентов чувство национальной принадлежности является наиболее ранимым. Обостренное чувство Н.С. присуще представителям творческой интеллигенции, в различной степени оно проявляется среди представителей различных социальных категорий населения. Идентичность, основанная на включении в национальные группы адекватна и конструктивна в том случае, когда индивид осознает парциальность, а в некоторых с случаях, временность своей принадлежности к ним.

Н.С. – важное средство сохранения нации, раскрытия ее творческих возможностей в строительстве свободного, демократического общества. В демократическом, многонациональном государстве Н.С. может размываться, становится неактуальным, его ценность становится относительной. Исторически формированию Н.С. предшествовало развитие национального движения в колониях и полуколониях. Н.С. большинства народов мира оформилось в конце 18 – 20 в., когда на различных континентах сформировались современные нации (английская, немецкая, французская, японская и др.). Н.С. сыграло конструктивную роль в процессе образования наций, их консолидации, освобождении народов, их самоопределении, сохранении и развитии самобытной культуры и традиций народов мира. Н.С. – глубинный и поэтому трудно фиксируемый источник мышления. Характер и уровень развития Н.С. может быть установлен в результате социологических исследований, опросов общественного мнения, анализа публикаций и писем граждан, изучения особенностей языка, включая фразеологию и терминологию. Анализ Н.С. – важное направление познания социальных законов, путь раскрытия антропологического смысла политических ориентиров, объяснения конкретных социально-политических ситуаций.

С.П. Винокурова

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ (термин, производный от слова "нация") – определенная генетическая, социально-экономическая и культурная общность людей, социальная характеристика представителей конкретных наций. Первоначально данный термин использовался для обозначения народности – этнических общностей, исторически предшествующих нации. Позже используется также для обозначения наций и других этнических общностей, населяющих страну, которая обладает той или иной формой национально-территориальной автономии. Позволяет выявить принадлежность человека или группы людей к определенной народности или нации (например, в переписи населения, анкетном опросе, системе паспортного учета).

В западноевропейских языках понятие "Н." используется главным образом для обозначения государственной принадлежности (подданства) людей, в отличие от обозначения этнической принадлежности, для чего как правило используется другой термин – этническая Н. В традиционном понимании человек может принадлежать только одной Н. Однако миграционные процессы внутри страны, эмиграция за рубеж, расширение сферы межнациональных браков меняют эти представления, расширяют и размывают рамки национальной идентичности, не ставят проблему выбора Н., создают условия для множественной или смешанной национальной идентичности.

С.П. Винокурова

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ – категория, отражающая меру самосознания и самовыражения народа, характеристика общественного единства, политический принцип и социальное чувство. Активный фактор объединения этносов, конфессий и граждан, обеспечивающий духовную целостность общества и способствующий развертыванию интеллектуального и морального потенциала нации. Являются результатом осмысления истории, действительного положения и перспективной цели развития нации. На уровне государственной политики Н.И. представляют собой важный государственный ресурс, действенный фактор модернизации стран, условие и предпосылку для решения внешнеполитических задач и проблем развития страны в качестве субъекта мировой истории. Н.И. – основа патриотизма, канализированных эмоций, – таких как любовь к Родине, исторический оптимизм, вера в будущее. Крайней формой проявления Н.И. является национализм (см.), политика национальной исключительности, шовинизм (см.).

В современном мире интересы сохранения мира и жизни на земле требуют, чтобы Н.И. развивались в направлении гуманистических принципов интернационализма (см.), избавленного от любых форм воинственности и нетерпимости.

С.П. Винокурова

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ – совокупность изменений в образе жизни и национальной самобытности народа. Связаны с перемещением народов с одних мест в другие (этнические миграции) и приспособлением к новым, ранее неизвестным условиям (этническая адаптация), ассимиляцией (когда этническая группа насильственно принуждает заимствовать ценности, образ жизни, язык и другие элементы доминирующей культуры), интеграцией (принятие образа жизни другой нации как условия для сохранения собственной идентичности) сегрегацией (раздельное, автономное развитие этнических культур, их сосуществование).

Различают эволюционные и трансформационные Н.П. Эволюционные выражаются в несущественном изменении отдельных элементов жизнедеятельности этноса, прежде всего языка и культуры. Трансформационные Н.П. затрагивают жизненно важные стороны структуры этноса и связаны с процессами этнического разделения и объединения. В первом случае единый этнос делится на несколько самостоятельных народов, прекращая свое существование. Объединительная трансформация этноса связана со слиянием групп людей различной национальной принадлежности и даже отдельных этносов в единую общность с новым названием. Н.П. могут быть направлены на обострение социальных противоречий путем разжигания межнациональных антагонизмов или же на развитие гармоничных межнациональных отношений.

Одним из видов Н.П. является национально-освободительное движение, направленное на ликвидацию колониальной системы, обретение народами национальной независимости и суверенитета. В истории и социальной практике имеются примеры, демонстрирующие возможность и целесообразность ликвидации национального гнета как условия развития национальной самобытности, языка, культуры, а также примеры преодоления недоверия и вражды в межнациональных отношениях, развитие дружбы народов, создание условий для расцвета наций, их сближения.

К анализу Н.П. необходимо подходить конкретно так как их содержание, протекание и направленность не одинаковы в различные исторические периоды. Социологические исследования Н.П. в прошлом имели выраженную идеологическую направленность и вследствие этого соответствующие ограничения. Отечественных исследований, посвященных этой проблеме сравнительно немного, и они представляют достаточно мозаичную картину. За рубежом количество публикаций на эту тему составляет более 10 тыс. изданий, имеются фундаментальные справочники. Перспективными проблемами для социологии межнациональных отношений (см.) являются социальные аспекты миграции и эмиграции, распределение этнопсихологических признаков среди различных групп этноса.

С.П. Винокурова

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР – совокупность наиболее устойчивых психологических качеств, сформированных у представителей нации в определенных природных, исторических, экономических и социально-культурных условиях ее развития. В соответствии с используемыми методами анализа, интерпретации и сбора материалов в изучении Н.Х. выделяются: культурно-исторический, этнографический и психологический подходы. Ведущим среди них признается первый, отстаивающий принцип культурного или социального детерминизма, согласно которому различия в Н.Х. разных народов обусловлены влиянием культурной среды.

Изначально описательное понятие "Н.Х." выступало объектом анализа историков, философов, географов, путешественников, литераторов, которые использовали его для объяснения и характеристики психологии отдельных народов мира, их стиля и образа жизни, нравов, обычаев, поведения и др. Традиции первых упоминаний о Н.Х. восходят к античности, к работам Геродота, Тацита и др. Впоследствии на проблему Н.Х. также было обращено внимание И. Гердера, Д. Юма, И. Канта, Г. Гегеля, а также Данилевского (см.), В.О. Ключевского, В.С. Соловьёва, Бердяева (см.), Н.О. Лосского и мн.др., итогом которого явились психологические портреты русского и др. народов.

Специальное, наиболее глубокое и всестороннее изучение феномена Н.Х. обрело в начале 1920-х в американской психологической антропологии в русле теоретико-методологического направления "Культура и личность". Основой последнего выступали культурный детерминизм школы Боаса (см.) (Бенедикт – см., М. Мид – см.) и неофрейдизм (А. Кардинер, Р. Линтон, К. Дюбуа, И. Халлоуэл и др.). Представители этого направления полагали, что каждая культура обладает специфическим, относительно устойчивым типом личности, выявление которого (а значит и Н.Х.) возможно посредством изучения особенностей и условий первичной социализации детей. Видным представителем этого направления Дж. Горером были возглавлены специальные исследования Н.Х. В их русле были разработаны концепции "базовой структуры личности" (Кардинер), "модальной" (Линтон), а позднее и "мультимодальной личности" (А. Инкельс, Д. Левинсон).

Согласно положениям этих концепций, свойства Н.Х. выводимы из "базовой" или "модальной личности". Предполагалось, что каждая культура формирует свою, только ей присущую базовую структуру личности, которая представляет собой комплекс типичных личностных черт, характерных для людей, выросших и воспитанных в условиях этой культуры. Для изучения базовой личности использовались описательные этнологические методы. Первоначальные исследования Н.Х. ограничивались наблюдением и этнографическим описанием обычаев, традиций, быта, образа жизни народов. В дальнейшем этнографические методы сбора информации были дополнены психоанализом, как методом ее основной интерпретации, а также методами анализа документов (литературных произведений, публицистики, биографических описаний, официальных материалов и др.). В более поздних исследованиях широко применялись психологические тесты, в т.ч. проективные (тест Г. Мюррея – ТАТ, тест Роршаха и др.), глубинное интервью и др. Впоследствии понятие "базовой структуры личности" было дополнено (а впоследствии и за-

менено) статистическим понятием "модальной личности", предполагавшим наиболее часто встречающийся в данной культуре (модальный) тип личности, выявляемый с помощью результатов психологического тестирования. И соответственно, Н.Х. должен был быть связан с частотой распространения типов модальной личности в том или ином обществе.

А. Инкельсом и Левинсоном, выразившими сомнение относительно существования модальных личностей, единых для всего современного общества, было предложено новое понятие "мультимодальной личности". В соответствии с ним Н.Х. может быть представлен не единственным типом личности, а рядом "типичных модальных личностей", отражающих специфику и особенности различных социальных и этнических групп сложного современного индустриального общества. В рамках данного направления реализованы исследования не только доминирующих типов личности среди представителей культур племенного типа, но и Н.Х. представителей сложных современных культур: немцев (Фромм – **см.**, У. Лангер, Э. Эриксон – **см.**), русских (Горер, М. Мид, Эриксон, Б. Каплан, К. Клаккон), японцев (Клаккон, Бенедикт) и др. К концу 1950-х направление "Культура и личность" претерпело глубокий кризис. Его основные положения подверглись серьезной критике со стороны психологов, социологов, этнологов за отождествление Н.Х. с идеей единой для общества структуры личности; а также за абсолютизацию межкультурных и недооценку внутрикультурных различий.

Проблема Н.Х. до настоящего времени продолжает оставаться дискуссионной. Имеются разные мнения о том, существует ли Н.Х. вообще. Среди психологов и этнологов, утвердительно отвечающих на этот вопрос, нет единства в воззрениях относительно природы, содержания и сущности Н.Х. На начальном этапе изучения Н.Х. споры вызывала проблема самой природы Н.Х. (социальной или биологической). С одной стороны, Н.Х. рассматривался как предопределенный генетически, передающийся по наследству из поколения в поколение. С другой стороны, наоборот, – как феномен, обусловленный социально-историческими и культурными условиями развития нации. Долгое время являлись дискуссионными вопросы об: а) уникальности и универсальности черт Н.Х.; б) соотношения Н.Х. с характером каждого представителя нации и распространенности черт Н.Х. среди нации в целом; в) предопределенности и изменчивости Н.Х. В последнее время понятие "Н.Х." все реже используется в научной литературе. А проблемы психологического своеобразия разных народов исследуются через выявление базовых ценностей, этнических стереотипов, установок, представлений, и др., которые изучаются этнической психологией.

Л.И. Науменко

НАЦИЯ (лат. natio – племя, народ) – полисемантичное понятие, применяемое для характеристики крупных социокультурных общностей индустриальной эпохи. Существует два основных подхода к пониманию Н.: как политической общности (политические Н.) граждан определенного государства и как этнической общности (этно-Н.) с единым языком и самосознанием.

Многозначность понятия Н. отражает наличие множества концепций феномена Н. Наибольшее влияние на современное понимание Н. оказали идеи К. Дойча, Э. Гелнера, Б. Андерсона и Э. Смита. Для социально-демографического подхода Дойча ("Национализм и социальная коммуникация", 1966) характерно функциональное определение Н. как группы, в пределах которой уровень коммуникативной активности значительно выше, чем за ее пределами. Гелнер ("Нации и национализм", 1983) считал, что Н. есть результат потребности современного общества в культурной гомогенности, обусловленной развитием индустриального производства. Становление Н. непосредственно связано с распространением всеобщего образования и средств массовой информации. Н., по Гелнеру, – целенаправленно создаваемые общности. Ведущая роль в этом процессе принадлежит интеллигенции. К пониманию Н. Гелнером во многом близка позиция Андерсона ("Воображаемые сообщества", 1991), рассматривающего современные Н. как искусственно создаваемые "воображаемые сообщества". В основе этого процесса, по Андерсону, лежит феномен "печатного капитализма" со свойственными ему газетами и романами, изображающими Н. как социокультурную общность (ср. с аналогичными идеями Мак-Люэна). Вместе с тем Смит ("Происхождение наций", 1989), напротив, подчеркивает, что современные Н. органично связаны с доиндустриальными общностями, обозначаемыми им как этнии. По Смиту, все их разнообразие может быть сведено к двум типам: аристократическому и народному. Н., возникающие на базе первого типа этний, создаются путем бюрократической инкорпорации низших социальных групп в рамках одного государства. Ведущую роль в формировании Н. из народных этний играет интеллигенция, борющаяся за сохранение этнических традиций.

П.В. Терешкович

НЕГАТИВНОСТЬ – конститутивный принцип социально-символического порядка, отличающий его от природного. Фрейдовская концепция Н. рассматривается в плане сексуального запрета ("репрессия в подсознании"). Марксистская доктрина анализирует структуру отношений собственности – обладание вещами характеризуется скорее отрицательно, как ограничение прав других на этот предмет. Хайдеггеровская трактовка "выдвинутости в ничто" выводится из группового "тебе-не-должно" в отношении индивида. Э. Берк считает, что Н. как таковая предполагает некий общий травматический опыт отсутствия. Берк сводит понятие Н. к лингвистической (равной социальной) парадигме.

Н. формируется вначале как объективное с переходом в субъективное (универсализация качества). "Нет" может ощущаться как позитив в смысле чувства абсолютного в себе, а не страха внешнего взыскания. Любой опыт окрашен Н. Сущность языка как символического действия определяется во взаимодействии с Н. Парадокс Н. в том, что полярные термины и исключают друг друга, и зависят друг от друга.

Развивая понятие "Н.", Берк обозначает формы эволюции Н.: 1. Примитивный негатив – то, что хочется, но нельзя или страшно получить. 2. Негатив как рациональный, разумный или драматический позитив. Вопрос выбора и пути достижения цели. Актуализация "Н. свободы". 3. Совершенный негатив как переход от "тебе-не-должно" к "это нельзя". В этом способе трактовки заключена форма, которая трансформируется в другую форму. Человек должен установить отношение, в котором будет сформирован смысл негатива или позитива.

Представителями северо-американской формальной традиции ("новой критики") выделены и разработаны два подхода к Н.: 1) научный (Я как определение). Индивид пытается (вос)произвести свою индивидуальность в тексте (письме-чтении), используя универсальные принципы антропологической артикуляции; 2) драматический (Я как действие). Основа драматического – различие между человеком и предметной реальностью: "Things move, persons act" /"Предметы (вещи) двигаются, личности действуют". – *Ред.*/. Подобное построение сформировало новый концептуальный аппарат гуманитарного исследования и разработало связанную с ним новую модель порождения значения и, шире, неклассического типа философствования.

Е.В. Матусевич

НЕГРИТЮД (negritude – фр. неологизм) – культурно-философская и идейно-политическая доктрина, теоретическую базу которой составляет концепция самобытности, самоценности и самодостаточности черной расы, исходящая из признания неповторимости культуры, психологического склада и мировидения негроидных народов, а следовательно и уникальности их социо-культурного и антропологического опыта. Н. выступил с апологией расовой и исторической общности чернокожего населения Африки, Антильских островов и континентальной Америки, явившись одной из основных версий афроцентризма. Получил распространение главным образом во франкоязычных странах. Основоположниками Н. считаются сенегалец Л.С. Сенгор (**см.**), мартиниканец Э. Сезер, гвианец Л.Г. Дамас, которые познакомились в 1931 и начали в 1934 в Париже издание литературно-философского журнала "Черный студент" (выходил до 1941), ставшем организационно-концептуальным центром движения.

Авторство самого термина "Н.", зафиксированного в 1932, закреплено за Сезером (что неоднократно подтверждал и Сенгор, пользовавшийся параллельно термином "негритянство"). Термин-неологизм должен был в том числе реабилитировать оскорбительность слова "negre". Н. возник как форма "культурного национализма" угнетенных наций, как средство деколонизации черной расы. Ф. Фанон (**см.**), сам испытавший воздействие идей Н. в своем раннем творчестве, отмечал, что "концепция негритюда была эмоциональной, если не логической, антитезой тому оскорблению, которое белый человек наносил человечности". Изначально Н. был направлен против европоцентризма и политики насильственной культурной ассимиляции как компонента политического и социального угнетения, с одной стороны, и на расово-этно-культурное (а затем и государственно-политическое) самоутверждение колонизированных афро-негритянских по своему происхождению (а затем и всех негроидных) народов. В период до Второй мировой войны наибольшее влияние Н. оказал на культуру стран Карибского бассейна, за пределами которых он долгое время оставался уделом узкого круга интеллектуалов. В первой трети 20 в. идеи Н. породили движение "антильского культурного ренессанса", которое представляли Ж. (Жан) Прис-Марс и так называемые "эндижеписты" на Гаити, Сезер и Р. (Рене) Мениль на Мартинике, Э. (Эжезип) Лежитимюс и П. (Поль) Нигер на Гуаделупе, Дамас (иногда его фамилию транскибируют как "Дама") во Французской Гвиане, Н. Гильен на Кубе, К. Мак-Кей на Ямайке. Во многом под влиянием Н. в странах Карибского бассейна возникла и стала развиваться литература на местных креольских языках. В антильских литературах определенную параллель Н. составлял так называемый негризм. В теоретическом обосновании Н. большую роль сыграли европейские концепции "кризиса культуры": французский экзистенционализм Ж.-П. Сартра и А. Камю, сюрреализм А. Бретона, антиинтеллектуализм Г. Кайзерлинга, интуитивизм А. Бергсона, психоанализ З. Фрейда, "морфология культуры" О. Шпенглера. В "сенгоровской" линии Н. отчетливо влияние неотомизма (Ж. Маритен), персонализма (Э. Мунье), П. Тейяра де Шардена. Из более поздних влияний следует прежде всего назвать культур-психологию К.Г. Юнга и "Критическую социальную теорию" (наиболее влиятелен – Г. Маркузе).

На всех этапах своего развития Н. входил в соприкосновение с идеями (нео)марксизма (что прослеживается и по фактам биографии "отцов-основателей" – Сезер некоторое время определял себя как коммуниста, а Сенгор значительную часть жизни принадлежал к социалистическому движению). В 1940-1950 происходит философская концептуализация Н. (прежде всего усилиями Сенгора), вызванными, в том числе, и противодействием трактовке Н. как "антирасистского расизма", предложенной (по сути, так как авторство самого выражения принадлежит, скорее, Фанону) в 1948 Сартром (в эссе "Черный Орфей", опубликованном как предисловие к составленной Сенгором "Антологии новой негритянской и мальгашской поэзии на французском языке"). Центром объединения приверженцев Н. "второй волны" стал основанный в 1947 сенегальцем А. (Алиуном) Диопом в Париже журнал "Презанс африкен" (когда журнал перестал печатать статьи направления в начале 1960-х, это было воспринято как симптом кризиса Н. в целом). Показательно, что первый номер журнала, наряду с А. Диопом и Сенгором, готовили Ж.-П. Сартр, А. Камю, А. Жид и афро-американский писатель Р. Райт. Журнал провозгласил своей целью "объявить присутствие негро-африканца в мире", "заставить звучать голос Африки". Теоретики Н. этого периода уже не просто апеллируют к африканскому (прежде всего мифологическому) наследию в поисках своей "отличности", а предпринимают попытки реконструировать "негритянство" в целостности всех его социо-культурных компонентов и в свете его открывшейся истори-

ческой миссии. Так А. Диоп призывал приложить все усилия, чтобы создать "негритянскому творческому гению" "такие выразительные средства, которые соответствовали бы его собственному призванию в контексте 20-го столетия". Мессианские устремления Н. этого периода отмечал и Сартр: "Абсурдной суете белого человека негр противопоставляет сосредоточенную подлинность своего страдания, и потому, что он имел страшную привилегию испить всю чашу до дна, черный народ – народ избранный". В связи с этим резко возрастает интерес к конкретным социальным и гуманитарным дисциплинам, прежде всего к историческому знанию, которое должно подтвердить гипотезу-постулат о начале всей человеческой истории в Африке и зависимость Европы от "африканского начала", в частности. Огромной популярностью в среде приверженцев Н. начинают пользоваться построения сенегальского историка Ш. (Шейка), А. (Анта) Диопа, говорящего об Африке как прородительнице через усвоение наследия Нубии и Египта античной культуры (работы: "Негритянские науки и культура", т. 1-2, 1955; "Культурное единство Черной Африки", 1960; "Доколониальная Черная Африка", 1960; более поздняя работа – "Первенство негритянских цивилизаций: миф или историческая истина?", 1967). Производится и теоретическая реконструкция возникновения самого Н. Его истоки начинают возводить к мыслителям Британской Западной Африки второй половины 19 в. С. (Сэмюэлю) Кроутеру, Дж. (Джеймсу) Хортону, и особенно – Э. (Эдварду) В. (Вильмонту) Блайдену (1832-1912; выходец из Вест-Индии, жил в Либерии), стоявших на позициях "культурного национализма" и отстаивавших тезис об уготованности Африке особой судьбы. Более поздних предтеч Н. видят в в идеологах панафриканизма Г. (Генри) С. (Сильвестре) Вильямсе (1868-1911; выходец с Тринидада) и У. (Уильяме) Э. (Эдварде) Б. (Бургхарде) Дюбуа (1868-1963; США), организаторах первой панафриканской конференции в Лондоне в 1900, на которой родился сам термин "панафриканизм". В 1971 Сенгор даже прямо назвал Дюбуа "подлинным отцом негритюда". Основные же идеи и установки так называемого "Гарлемского Ренессанса" как его непосредственного предтечи, были внесены в Н. Сезером и Дамасом. Влияние идеологии негритянского движения 1920-1930-х на Н. реконструируется и через сотрудничество основоположников Н. с журналом "Ревю дю Монд нуар" ("Журнал Черного мира"), издававшимся в 1931 в Париже чернокожими американцами. Существенными вехами в подготовке и становлении Н. были признаны Первый (1919, Париж) и Пятый (1945, Манчестер) панафриканские конгрессы. В эти же (1940-1950) годы происходит и трансформационный сдвиг Н. от культурного, прежде всего литературного движения к идеологической доктрине, ставшей одной из мировоззренческих основ национально-освободительного движения. В этом аспекте велико влияние на Н. идей Фанона, в целом не принявшего его доктрину и подвергшего ее радикализирующей критике. Наибольшее влияние в эти годы Н. приобрел в странах Африки. Эти изменения, как и потерю относительной "монополии" Н. на выражение сути "негритянского, зафиксировала Конференция африканских народов, состоявшаяся в столице Ганы Аккре в 1958. В практиках национально-освободительной борьбы и деколонизации идеология Н. иногда приобретала окраску "антибелого бунта" цветных народов против всей европейской цивилизации. Белая раса объявлялась носителем "рационально-утилитаристского сознания", а черная – "целостно-эмоционального мироощущения". Появился и тезис о "борьбе цивилизаций", фатальной непримиримости "черного" и "белого" человека. Начиная с 1960-х доктрину Н. берут на вооружение левоэкстремистские течения "черного расизма". Эта угроза существовала и ранее в некоторых близких Н. течениях, в частности в панафриканизме М. (Маркуса) А. (Аврелия) Гарвея (1885-1940; выходец с Ямайки), провозгласившем создание Империи Африка, и Дж. (Джорджа) Пэдмора (1903-1956; выходец с Тринидада) – деятеля Коминтерна. Одним из первых переинтерпретированный в "черный расизм" Н. пытался сделать своей идеологией режим Ф. Дювальс (1907-1971) на Гаити. Дювальс специально изложил свою точку зрения на Н. в совместной с Л. Дени книге "Классовые проблемы на протяжении гаитянской истории" (1958), в которой редуцировал современную историю Гаити к расовому противостоянию негров, представляющих "средний класс" и "народ", "мулатской буржуазии". Однако собственно Н. эти крайние версии остались чуждыми. На его основе возникли различные версии "национального социализма" в ряде добившихся независимости африканских стран (в частности, "социализм банту", "африканский синкретический социализм" Сенгора и др.), с одной стороны, и мистические концепции "самобытного" (например, у Б. (Бираго) Диопа) – с другой. Последние оказались созвучными некоторым версиям африканской "этнофилософии" (П. Темпельс, А. Кагаме, Дж. Аболаду и др.). В последующем Н. слился с более концептуально "размытыми" афроцентризмом и негро-африканизмом и был поглощен постколониальными исследованиями (штудиями).

Исходная посылка Н. – стремление доказать, что негро-африканская цивилизация также является самобытной и самоценной цивилизацией, а не есть осколок сохранившегося "варварства". Более поздние и радикальные его версии уже обосновывали незаменимость вклада, сделанного африканцами, для современной цивилизации. Крайние же радикалы, представлявшие Н., провозглашали африканца человеком будущего. В любом случае Н., провозгласив в качестве исходных установок лозунги "культура – прежде всего" и "ассимилировать, не будучи ассимилированным", конструировал "негра" ("африканца") как "другого" Европы, без которого ей не обойтись, в радикальных версиях – как того, кто идет на смену "европейцу" (умеренные версии предпочитали говорить о необходимости "креолизации" и "метисизации" мира). Ранний Н. пытался отличить себя от "европейского" и противопоставить себя ему. Поздний конституировал тотальную критику "западного" как идущего к неизбежному краху машиноподобного образа жизни. Последнему противопоставляются исходный гуманизм африканца, его гармония с природой, коллективизм, взаимопомощь и сочувственное отно-

шение людей друг к другу, т.е. коммунитаризм, при котором социум как агрегат индивидуумов невозможен, а тем самым он принципиально и не "машинезируем". Африканец эмоционален, он поэт и лирик. Европеец рационален, он инженер и прагматик. Первый раскрывается в искусстве, прежде всего в ритмике танца, его ведет в его отношении к миру душа и сердце. Второй – в науке, прежде всего в математической и/или логической формуле, им руководит в его отношении к миру разум. Первый непосредственно наслаждается и созерцает, его оценочный критерий подчинен принципу "как и... так и...", второй – всегда опосредован в своих отношениях с миром, он эксплуатирует и подчиняет, его оценочный критерий – "или-или". Негро-африканец "объемлет" мир, европеец – его "видит", первому доступна его глубина (он связан с миром субстанционально), второй – скользит по поверхности (его связь с миром "экономична", "товарно-вещна"). Один синтетичен и интуистичен, другой аналитичен и рассудочен. Для африканца циклизированное время ритмизировано тамтамом, для европейца оно линейно и целенаправлено стрелками часов. "Негритянство" ориентировано на субъекта, сливающегося с объектом (оно "субъективно"), "европейство" противопоставляет субъект объекту (оно "объективно"). Тем самым Н. конструируется через воспроизводство дихотомий и антиномий расовых и культурных способов постижения окружающего мира. Базовое противопоставление – "духовное-недуховное".

Африканец в Н. монополизирует (в разной степени в различных его версиях) "духовное" (отсюда определение Н. как подлинного гуманизма) и конструируется во многом как "европеец наоборот". Его идентичность связывается с аутентичностью общинной социально-психологической основы с акцентом на традиционных ценностях и приверженностью "славному прошлому", она исключает возможность появления взаимоисключающих противоположностей внутри "негритянского", устремленного к гармонии. Таким образом, исходными и основными для Н. стали концепты "культурный национализм" и "африканская личность", первоначально обозначенные еще Блайденом в 1870-х. Причем если первый из них акцентировал антиевропоцентристские установки, то второй как бы был призван их легитимировать. В контексте Н. феномен "расы" как основная характеристика "африканской личности" понимался прежде всего как "сущность", а не как "общность", т.е. характеризовался прежде всего через специфику ценностей и морально-психических качеств негро-африканца, из которых вытекала специфика его отношений с миром, а не как набор физико-антропологических параметров. Переориентация на всестороннюю реконструкцию африканских культур и обращение к политической проблематике в Н. с конца 1940-х породили программное определение задач направления А. Диопом: "Миссия негритюда – возвратить истории ее подлинные масштабы". Это, в частности, способствовало обращению Н. к исследованию специфичности афро-негритянской социальности (общинно-социалистической по определению, так как личность африканца раскрывается в группе, а не индивидуально), которая должна будет быть положена в основание грядущего государственно-национального освобождения. Ориентированность прежде всего на постижение "изнутри" ценностей "черного человека" в их противопоставленности ценностям "белого человека" ("африканское" не понимаемо "извне", с позиции "белого" оно видится, согласно Менилю, как "колониальный экзотизм"), дополняется (а частично и заменяется) ориентацией на обретение своего "законного" и равного другим положения в мировой (универсальной) цивилизации при одновременном утверждении "особости африканского пути". В этой перспективе задачей Н., согласно А. Диопу, стало постоянное напоминание Западу, "что Всеобщее – это цель и что универсальная культура может быть создана только усилиями и гением всех народов". Таким образом, Н. в целом может быть оценен как антиколониальный дискурс возвращения человека к самому себе через возрождение и конституирование своей расово-национально-культурной сущности и утверждение себя в исторической перспективе через взаимодействие (исходно – через противопоставление) с "другим"/"иным" в рамках объемлющей целостности универсального человечества (а тем самым и децентрировать эту универсальность). Как отмечал Фанон: "Негра создал белый. Но негр создал негритюд". И "негр" и "негритюд" могут быть преодолены лишь через их включенность в универсальность.

В.Л. Абушенко

"НЕМЕЦКАЯ ИДЕОЛОГИЯ" – основное философское произведение Маркса (см.) и Энгельса (см.). Будучи в целом завершена к 1846, при жизни авторов книга не была опубликована, увидев свет лишь в 1932. "Н.И." являет собой набор разнородных текстов, ее архитектоника не соответствует исходному замыслу, поскольку книга не закончена и в ней отсутствует ряд фрагментов: вначале идут "Тезисы о Фейербахе" Маркса, а затем два тома собственно "Н.И." с подзаголовком "Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков".

В первом томе содержатся критические замечания к работам Фейербаха, Бауэра и Штирнера. Второй том посвящен "Рейнским анналам", или философии истинного социализма (речь идет о ряде "буржуазных" работ, опубликованных в Германии, где в искаженном виде приводятся тезисы английских и французских социалистов). Там же содержится глава о книге К. Грюна "Общественные движения во Франции и в Бельгии", в которой автор критикует Сен-Симона, Фурье и Прудона. Маркс и Энгельс в определенной степени защищают этих философов.

Одиннадцать "Тезисов о Фейербахе" были сформулированы Марксом для себя в записной книжке, а Энгельс издал их с небольшими добавлениями в 1888 в качестве приложения к своей работе "Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии". 1) Маркс констатирует, что в материалистической философии Фейербаха до сего дня действительность, конкретная человеческая деятельность, рассматривается лишь созерцательно, а не практически. С другой сто-

роны, идеалистов действие также интересует лишь с абстрактной стороны. Однако важно рассмотреть революционную, "практически-критическую" деятельность. 2) Истинность мысли познается лишь на практике. 3) Изменить человека путем изменения его образа жизни и воспитания можно лишь в ходе революционной практики. 4) Следует уделять больше внимания сегодняшней действительности, критикуя ее в теории и революционизируя на практике. 5) Фейербах, не довольствуясь абстрактной мыслью, обращается к чувственному созерцанию, но не рассматривает чувственный мир с точки зрения практической конкретной деятельности человека. 6) В противоположность Фейербаху, считавшему сущность человека индивидуальной, в действительности ее следует рассматривать через совокупность общественных отношений. 7) "Религиозный дух" есть продукт общества. 8) В противоположность утверждениям мистических теорий, всякая общественная жизнь является по существу практической. 9) Созерцательный материализм представляет мир с точки зрения изолированных личностей или буржуазного общества. 10) Новый материализм видит мир с точки зрения человеческого общества или "общественного человечества". 11) "Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его". Энгельс назвал в 1888 одиннадцать тезисов Маркса "гениальным зародышем нового мировоззрения". И все теоретическое содержание "Н.И." представляет собой, по существу, развитие этих тезисов.

По мысли Маркса и Энгельса, мир преобразуется в процессе и посредством революционной практики. В этом движении, в революционной практике человек преобразует и перевоспитывает сам себя. Забывая о практическом применении, которое должна иметь любая философская теория, немецкие мыслители-традиционалисты, даже говоря о проблемах объективности и реальности мыслимого или воображаемого мира, не выходят, по мысли авторов "Н.И.", за рамки схоластики. Маркс и Энгельс представили идеологию как некую последовательную систему, созданную не в результате свободного творчества всех людей, а, напротив, принудительно им навязанную: "Не только в ответах Фейербаха, Бауэра, Штирнера, но уже в самих поставленных ими вопросах заключается мистификация". Идеология представляет собой совокупность идей и мнений, позволяющих людям осмысливать свое место в мире. Идеология организует отношения людей, принадлежащих к той или иной общественной структуре. Следовательно, ее содержание определяется интересами господствующего класса. Идеология, господствующая в обществе, есть идеология господствующего в нем класса. Она отчуждена от него лишь в той степени, в какой представляется всеобщей, то есть высказывает нечто, имеющее всеобщую ценность, продолжая при этом служить особенным интересам. "Продуктом сознания" является, следовательно, знание и одновременно незнание. Таким образом в "Н.И." идеология представлена, с одной стороны, как нечто пассивное, как простое отражение классовой позиции. (Идеология, по мнению авторов "Н.И.", легко выводится из таких позиций: "Немецкая философия есть продукт мелкобуржуазной структуры немецкого общества". Или: "Состояние Германии в конце прошлого века полностью отражается в кантовской "Критике практического разума". Или еще, оценивая Штирнера: "У писателя, никогда не покидавшего Берлин, весь мир которого ограничен Моабитом и Копеником, при возникновении потребности мыслить эта мысль должна, конечно, должна быть такой же абстрактной, каким является он сам и сама его жизнь".) Но с другой стороны, идеология выглядит у авторов согласованной, сознательно созданной и оформленной системой взглядов и идей, имеющей целью обосновать власть господствующего класса, иначе говоря – орудием манипуляции людьми в интересах этого класса.

Истинное материалистическое мировоззрение, согласно Марксу и Энгельсу, может быть лишь критикой общественных процессов материального производства и обмена. Наблюдение и эмпирический анализ должны помочь понять, как люди воспроизводят сами себя в процессе производства средств существования. Разделение труда приводит к классовым антагонизмам. "Н.И." ставит себе целью "развенчать и лишить всякого доверия философскую борьбу с тенями действительности, борьбу, которая так по душе мечтательному и сонливому немецкому народу". Несмотря на свои претензии противостоять идеализму и быть материалистом, Фейербах остается им лишь в теории. Он рассуждает о религиозном отчуждении. Но он не видит, что идеализм представляет собой отчуждение мысли от условий ее производства и производства действительного мира. Разоблачение религиозного отчуждения, как и само это явление, есть продукт материального базиса общественной жизни: "Для практического материалиста, то есть для коммуниста, все дело заключается в том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически выступить против существующего положения вещей и изменить его". Фейербах видит в человеке лишь пассивно чувствующее существо, тогда как человек – существо активное, которое само производит свою жизнь. Фейербах рассматривает человека как изолированного индивида или как универсальный род. Однако человек, утверждается в "Н.И.", – существо историческое, которое существует прежде всего в обществе. Его действительность нельзя отделить от всего комплекса общественных отношений. "Первый исторический акт – это производство средств, необходимых для удовлетворения потребностей, производство самой материальной жизни". По мнению Маркса и Энгельса, Фейербах не понимает, что такое настоящее критическое действие. Оно может быть только критической практикой, иначе говоря, революционным вмешательством. Старый созерцательный материализм выражает взгляды только одного класса: буржуазии. Лишь опыт рабочего движения в коммунистической форме может заставить устареть абстрактный анализ отчуждения, за пределы которого пытался выйти Фейербах.

Критически рассмотрев гуманистический материализм Фейербаха, Маркс и Энгельс перешли к критике критических взглядов Бруно Бауэра и индивидуализма Макса Штирнера. Две этих теории, кроме их внутренних противоречий, по

мысли Маркса и Энгельса, объединяет их абстрактность: Бауэр и Штирнер лишь обсуждают основания представлений о мире. Вместо того чтобы поставить себе целью изменить мир, они только оправдывают, одобряют его. Бауэр и Штирнер выдвинули лишь систему идей. Самостоятельность мысли, которую они провозглашают, и критическая позиция, о которой они заявляют, по мысли авторов "Н.И.", – не более чем иллюзии. Эти философы отказываются видеть или признать, что все их труды вполне вписываются в систему существующих общественных отношений. Вопреки их собственным утверждениям, они вовсе не являются ни революционерами, ни критиками. Они довольствуются тем, что защищают буржуазию против пролетариата, который стремится к практической критике: "Эти иллюзии, мечтания и извращенные представления очень просто объясняются их практическим положением в жизни". Образ мышления и характер позиции Б. Бауэра и Штирнера соответствуют идеологии господствующего класса, допускающего критику со стороны "своих". На определенной ступени развития производительных сил буржуазия дозволяет интеллектуалу быть внешне самостоятельным и независимым. Но на деле его независимость есть лишь продукт существующего в капиталистическом обществе разделения между умственной и практической деятельностью, происходящего от противостояния труда и капитала. Отстаиваемая Бауэром идея о том, что сознание определяет бытие, возникла на базе существующих общественных отношений, которые отделяют сознание от жизни, личность от общества, а идеи – от условий их производства. Однако именно жизнь определяет сознание, а не наоборот. Отчуждение – это именно тот процесс, который порождает иллюзию, что мир можно изменить, изменив идеи. Изменить же необходимо, согласно убеждению Маркса и Энгельса, не сознание действительности, а саму действительность. Маркс и Энгельс доказывают, что в интересах любого класса заставить поверить в универсальность своих идей. Но для них совершенно ясно, что идеи не бывают универеальными. Они принадлежат той группе людей, интересы которых защищают. Гуманистический универсализм – это часть буржуазной идеологии. Лишь особенные интересы пролетариата совпадают со всеобщими интересами. По мысли авторов "Н.И.", "...пролетарии, чтобы отстоять себя как личности, должны уничтожить имеющее место до настоящего времени условие своего собственного существования, которое является в то же время и условием существования всего предшествующего общества", и далее: "коммунистическая революция... уничтожает господство каких бы то ни было классов вместе с самими классами".

Маркс и Энгельс показали, что материалистический анализ экономического базиса должен состоять прежде всего в анализе способа производства. Исследовать необходимо не только его структуру, но и происхождение. Общественные отношения в определенную эпоху и в определенном месте обусловлены способом производства, утвердившимся среди людей в данную эпоху и в данном месте. Функцией производства является удовлетворение человеческих потребностей. Именно их развитие приводит к переменам в обществе: "Любая революция, также как и достигаемые ею результаты, определяется условиями существования индивидов, их нуждами". Разделение между трудом и капиталом порождает наемный труд. Характер способа производства определяется состоянием развития производительных сил, достигнутым к данному моменту истории. Производительные силы включают в себя не только все материальные средства производства, но и рабочую силу, уровень ее развития и способ использования. Рабочая сила, в свою очередь, в определенной степени влияет на развитие производительных сил. Возникает двоякого рода противоречие. С одной стороны, новый способ производства разрушает прежний. Представляемые ими интересы вступают в конфликт. Машинный труд может противоречить физическому. Но, кроме того, происходят и конфликты между разными способами производства, как это можно видеть на примере перехода от мануфактуры к фабрике.

В "Н.И." впервые появилась классификация исторических этапов развития общества, которую Маркс позже развил и уточнил в своем "Капитале". Эти этапы – первобытное общество, античное рабство, феодализм и буржуазный капитализм, проходящий стадии первичного накопления капитала, его концентрации и распространения по всему миру. "Общество всегда развивалось в результате противоречий: между свободными людьми и рабами в античности, феодалами и крепостными в средние века, буржуазией и пролетариатом в новое время". Историческое развитие капитализма также показывает, что концентрация капитала лишает содержания некоторые юридические и общественные формы. Частная собственность приобретает все более общественный характер. В этот момент, когда концентрация капитала достигнет такой степени, что сделает вопиющей несправедливостью частное присвоение средств производства, рабочий класс может восстать и устранить это противоречие путем революционного действия.

Философская мысль 20 в. противопоставила революционистской парадигме, инициированной "Н.И.", ряд интеллектуальных ответов и более перспективных исследовательских программ. См. также: **Маркс, Марксизм, Неомарксизм, Модернизм.**

А.А. Грицанов

НЕОБИХЕВИОРИЗМ – общеметодологическая ориентация позитивистского характера, распространенная в американской социологии. Н. возник в психологии в 1930-е, когда стала очевидной несостоятельность классического бихевиоризма (см.) – невозможность описания поведения человека только посредством наблюдаемых стимулов и реакций на них. В схему "стимул-реакция" (S–R) Н. ввел опосредующее звено, так называемые промежуточные переменные психологического содержания, и усложнил схему (S–O–R).

Н. в социологии не вылился в сколько-нибудь оформленные концептуальные рамки; его задача заключалась в том, чтобы избежать теоретизирования, сделав упор на позитивистски трактуемом конкретном знании, представленном в

виде верифицируемых "протокольных фактов". Это проявилось в многочисленных прикладных исследованиях отдельных локальных проблем.

НЕОМАРКСИЗМ – понятие, используемое: а) в узком смысле – для фиксации и содержательной характеристики значимой парадигмы исследований представителей Франкфуртской школы; б) в широком смысле – для обозначения направленности и теоретических оснований исследований, в той или иной мере использовавших марксовые объяснительные модели в своем творчестве, и при этом практически всегда отвергавших ортодоксальный и официальный советский марксизм ("сталинизм") 1930-1980-х, выступавший, как правило, под наименованием "марксизм-ленинизм". Н. тем самым в известном смысле выступил как итог социально-философского творчества мыслителей, отвергавших позитивистскую критику классического марксизма, но при этом стремившихся дополнить последний рядом перспективных подходов неогегельянства, фрейдизма, "философии жизни", позже – парадигмами экзистенциализма и структурализма. (Тем самым осознанно разграничивались теоретическая конструкция и мировоззренческое ядро марксизма, с одной стороны, и эклектичный набор идеологических мифологем большевистского типа, обрамлявших его, с другой.)

Предельно высокий уровень мировоззренческого разброса и идеологических предпочтений, присущий сторонникам Н. (Д. Лукач, А. Грамши, Беньямин, Хабермас, В. Райх, Маркузе, Фромм, Мерло-Понти, Л. Гольдман, С. Стоянович, Блох, Альтюссер, Л. Коэн, Ч.Р. Миллс и мн. др.), выдвигают в качестве главной проблемы идентификации и самоидентификации Н. не только проблему доминирующих исследовательских методик, но и вопрос о тех реальных явлениях социальной действительности 20 ст., которые не могут быть удовлетворительно объяснены и адекватно интерпретированы вне той или иной степени обращенности к мировоззрениям Маркса. Представители Н. опираются на ведущий постулат и доминирующую ценность классического марксизма – радикальный гуманизм.

Предполагается акцент на: 1) Особую роль и значение общественно-исторической практики; на логическом уровне это нашло свое выражение в процедурах апплицирования собственно философских понятий на модели описания процессов экономического и общесоциологического порядка; тематизировавшись подобным образом, первые начали выступать как "отражения" категориальных рядов политэкономии и социологии. 2) Важность преодоления отчуждения, самоотчуждения и овеществления (по модели ГУЛАГа и Освенцима) человека; можно фиксировать даже некую центрацию Н. на категорию "отчуждение", выступающую аналогом концептов "формальной рациональности" М.Вебера и "рационализации" Фрейда. Как результат многомерного отчуждения в Н. трактуется не только социально-экономическая структура антагонистических обществ, но и наличная предметно-вещественная организация мира людей как таковая. 3) Перспективная установка на разностороннее удовлетворение *подлинных* /с извечной проблемой: "а судьи кто?". – *А.Г.*/ человеческих потребностей. 4) Признание свободного развития каждого и любого индивида как условия свободного развития всех.

Одновременно в рамках Н. полагается принципиально неприемлемой идея социальной организации коммунистического типа как средства осуществления таких целей. Бесклассовая и безгосударственная социальная организация, сопряженная с ликвидацией института частной собственности и системы товароденежных отношений, а также провозглашающая предпочтительность распределения общественного продукта по "затраченному труду" либо "по потребностям" неоднократно подтверждала свой утопизм и несостоятельность на уровне высокотрагичной реальной практики. Аналогичные результаты становились очевидными также и в рамках многих парциальных экономических и глобальных мысленных экспериментов. Трактуя базовые принципы радикального гуманизма Маркса исключительно как критические и конечные регулятивные, а отнюдь не как конститутивные и резолютивные, сторонники Н. полагают, что указанные принципы (в контексте и рамках многоуровневых опосредований) вполне приложимы к процедурам корректных и разносторонних оценок как феноменов наличной социальной практики, так и проектируемых общественных трансформаций. (По выражению Дж. Гэлбрейта, Маркс является "слишком крупной фигурой, чтобы целиком отдать его социалистам и коммунистам...".)

В ходе концептуально-теоретической эволюции Н. обнаружил также и собственные существенные характеристики, могущие быть признанными как результат инкорпорирования ряда значимых философских подходов и модных интеллектуальных веяний 20 в. в массив переосмысливаемого марксизма. Гипотетический ход и развертывание всемирной истории интерпретируются в Н. как фатально-необратимый процесс всевозрастающей иррационализации мироустройства, как прогрессирующее сумасшествие разума (ср. со схемой "самообретения" абсолютной идеи через восхождение к самой себе у Гегеля). Сторонники Н. рассматривают грядущую антикапиталистическую революцию как "конец истории", как глобальный катаклизм, призванный кардинально преодолеть предшествующее развитие социума. Естественно сопрягающийся с этой идеей определенный нигилизм в отношении традиционных ценностей духовной культуры; интеллектуальный экстремизм, нередко достигающий степени мировоззренческого террора – объясняют приверженность Н. со стороны маргинальных общественных слоев и социальных групп-аутсайдеров во всем мире.

В современных исследовательских традициях, обозначающих себя как марксистские, неомарксистские или постмарксистские, равно как и в школах и направлениях немарксистского и антимарксистского толка сколько-нибудь корректное обозначение Н. отсутствует и в конце 20 в.

А.А. Грицанов

НЕОТЕХНОКРАТИЗМ – новейший вариант западного технократизма (см.), появившийся как ответ на угрозу эколо-

гического кризиса и возросший технологический риск. Начало неотехнократического этапа приходится на 1980-е, когда взамен устаревших теорий постиндустриализма стали создаваться концепции информационного и компьютерного общества (Масуда, Нэйсбит). Отличительной особенностью этих теорий является попытка соединить методологию технологического детерминизма (**см.**) с другими детерминантами, в результате чего создается новый образ общества. Авторы сознательно противопоставляют новое общество индустриальному обществу, делают акцент на сбалансированном соотношении между материальными и духовными ценностями, между техническими и гуманитарными знаниями, феминными и маскулинными тенденциями развития. Это общество якобы руководствуется экологической этикой и этикой самореализации личности. Высшей ценностью в нем провозглашается не развитие техники, а развитие индивидуальности, чему должны способствовать новые социальные институты. Благодаря гармонии общих и частных интересов в новом обществе создаются условия для гармонизации деятельности всех социальных институтов, развития общественного самоуправления и представительной демократии. Изменяется образ жизни, воцаряется строгий социальный контроль за экономическими и технологическими решениями, принимаемыми, как и прежде, техническими экспертами. Однако доминантой этого нового общества по-прежнему остается технология, правда, хорошо приспособленная к нуждам человека и направленная на уменьшение степени технологического риска. Таким образом, неотехнократическая парадигма, построенная на основе абсолютизации возможностей современной компьютерной техники, автоматики, по-прежнему сохраняет некоторые характерные элементы традиционного технократизма, хотя и предлагает намного более привлекательный для человека образ общества.

Л.Г. Титаренко

НЕОФРЕЙДИЗМ – одно из направлений в психоанализе, представители которого подвергли пересмотру некоторые идеи З. Фрейда (**см.**) и сосредоточили свое внимание не на биологических, а на культурных и социологических детерминантах невротических заболеваний. Основоположниками неофрейдизма считаются такие психоаналитики, как К. Хорни (**см.**), Г.С. Салливан (**см.**), Э. Фромм (**см.**). В противоположность психоаналитикам традиционной ориентации, соотносившим причины возникновения неврозов с переживаниями раннего детства, К. Хорни исходила из того, что неврозы порождаются не только отдельными переживаниями человека, но и теми культурными условиями, в которых он живет. Жизненные условия в каждой культуре вызывают у человека некоторые страхи, порождаемые внешними опасностями (природа, враги), формами социальных отношений (враждебность, несправедливость, зависимость), культурными традициями (запреты, табу, обычаи). Эти страхи навязываются каждому индивиду. Однако, как считала К. Хорни, невротик не только разделяет общие всем людям в данной культуре страхи, но и испытывает также (вследствие условий своей индивидуальной жизни) страхи, качественно и количественно отличающиеся от страхов определенного культурного образца. Для отражения существующих в данной культуре страхов имеются соответствующие способы защиты, включая табу, ритуалы, обычаи. Подверженный страхам и прибегающий к защитам культуры нормальный человек страдает не сильнее, чем это неизбежно в данной культуре. Невротик же платит за свои защиты чрезмерную плату, заключающуюся в ослаблении его жизненной энергии, дееспособности, возможности получать удовольствие. Таким образом, невроз, в представлении К. Хорни, является "психическим расстройством, вызываемым страхами и защитами от них", а также попытками найти "компромиссные решения конфликта разнонаправленных тенденций". Это расстройство называется невротическим лишь в том случае, когда оно "отклоняется от общепринятого в данной культуре образца". В этом отношении невротика можно назвать, по словам К. Хорни, "пасынком нашей культуры". Следовательно, цель терапии – проработать последствия тревожности пациента в культуре с тем, чтобы путем изменения и улучшения его отношения к себе и другим людям он мог обходиться без своих невротических наклонностей, проявляющихся в невротической потребности в любви, отстранении, подчинении, стремлении к власти, престижу и обладанию или в невротическом движении к людям, от людей и против людей. Невротику необходимо помочь "восстановить себя, осознать свои настоящие чувства и желания, выработать свою собственную систему ценностей и построить свои отношения с другими людьми на основе своих чувств и убеждений".

Как и Хорни, Салливан считал, что важную роль в человеческой жизни играют не только события, происходящие в физико-химической среде обитания, но и вопросы культурного плана – ценности, предрассудки, убеждения. Подобно К. Хорни, он уделял значительное внимание проблеме страха, тревожности человека, предопределяющих возникновение неврозов. При этом он высказывал убеждение, что для понимания невротических заболеваний и успешного их лечения необходимо изучение не только культурно обусловленных процессов, но и межличностных отношений, складывающихся в интерперсональных ситуациях, в которых действует аналитик, играющий роль активного наблюдателя. Салливан уделял важное внимание исследованию "динамизмов", т.е. относительно устойчивых паттернов (**см.**) трансформации энергии, характеризующих межличностные взаимоотношения, взаимодействие людей и персонификаций, определяющих человеческое существование. Значительное место среди изучаемых им динамизмов отводилось "динамизму самости" как результату переживания воспитательного процесса, одна часть которого включает элементы, носящие характер поощрения, а другая – элементы, составляющие в разной степени выраженную тревогу. Что касается психических расстройств, то они рассматривались Салливаном в плане паттернов неадекватных и необоснованных действий в ходе межличностных взаимоотношений. Отсюда – конструктивная стратегия аналитика, предполагающая, по мнению Салливана, во-

первых, наметить область действия сил, блокирующих эффективное сотрудничество пациента с другими людьми, и, во-вторых, расширить сферу сознания пациента таким образом, чтобы "по возможности минимизировать эту блокаду".

В понимании Фромма, поведение человека во многом определяется ценностными суждениями и поэтому при исследовании личности и ее невротических заболеваний нельзя недооценивать или игнорировать этические вопросы, являющиеся существенными и важными как в теоретическом, так и в терапевтическом отношениях. Ошибка классического психоанализа заключалась в том, что З. Фрейд предпринял попытку утверждения психологии в качестве естественной науки, тем самым оторвав ее от проблем философии и этики. В классическом психоанализе не учитывался тот факт, что человека нельзя адекватно понять, если не рассматривать его в целостности и не признавать присущую ему потребность искать ответ на вопрос о смысле жизни и определять те нормы, в соответствии с которыми он должен жить. Фактически, подчеркивал Фромм, невозможно понять невротические расстройства человека без понимания его ценностных и моральных конфликтов. Поэтому прогресс психологии и психоанализа лежит не на пути отрыва естественного (физического) от духовного, а в возвращении к "великой традиции гуманистической этики", рассматривавшей человека в целостности физического и духовного, а также предполагающей, что цель человека – не иметь что-то или кого-то в качестве объекта владения, потребления, а быть самим собой. Исходя из подобного понимания, Фромм сосредоточил свое внимание на рассмотрении этических и философских проблем человеческого существования. Он считал, что во многих случаях неврозы представляют собой "специфическое выражение морального конфликта" и что успех терапии зависит от осознания личностью "своей моральной проблемы и ее разрешения". Моральная проблема современного человека состоит в том, что он отчужден от мира, других людей и самого себя: "он невротичен, потому что отчужден". Человек стал вещью, а его отчуждение – болезнью личности, сердцевиной психопатологии. Но человек, замечал Фромм, не вещь и, следовательно, психоаналитик не должен воспринимать его как безличный объект, машину, которая нуждается в починке. Поскольку психоаналитик живет и работает в обществе, способствующем отчуждению человека, то прежде всего ему необходимо преодолеть отчуждение от самого себя и от своего ближнего, т. е. ему не следует воспринимать пациента как вещь, части которой сломаны и требуют замены. Чтобы психоанализ смог выполнить свое реальное предназначение, аналитик должен, по мнению Фромма, "преодолеть свое собственное отчуждение и стать способным на сердечные связи со своим пациентом, благодаря чему он обнаружит путь для проявления спонтанного опыта пациента и, таким образом, найдет способ "понимания" его и себя". Психоаналитик должен стать с пациентом единым целым и в то же время сохранить чувство отстраненности и объективности. Если психоанализ будет развиваться в этом направлении, он предоставит человеку неисчерпаемые возможности для духовной трансформации. Отстаивая данную позицию, Фромм как раз и выступил с идеей необходимости развития гуманистического психоанализа.

В целом для Н. характерны такие представления о человеке, его психических расстройствах и терапии, в соответствии с которыми лечение означает устранение препятствий, мешающих жить в полную силу и реализовывать внутренний творческий потенциал. С точки зрения неофрейдистов, конечная цель аналитической терапии состоит в том, чтобы помочь человеку восстановить свою спонтанность, найти ценности в самом себе, "дать ему мужество быть самим собой" и возможность работать "в направлении своей самореализации" (Хорни), помочь ему стать продуктивным, "заинтересованным в мире и откликающимся на его запросы" (Фромм). Идеи Н. получили поддержку у части психоаналитиков и оказали влияние на распространение гуманистических умонастроений в некоторых странах, особенно в США. Вместе с тем неофрейдистская модификация классического психоанализа была подвергнута критике теми, кто усмотрел в ней стирание различий между теорией и практикой психоанализа. Так, в работе Г. Маркузе "Эрос и цивилизация" (см.) обращалось внимание на то, что ревизия неофрейдистами ряда концепций З. Фрейда является односторонней: в отличие от них основоположник психоанализа не впадал в соблазн легковерного согласия с тем, что "главное направление организма – вперед"; уход от теории инстинктов привел к недооценке сферы материальных потребностей в пользу духовных, а упование на этику стало уходом психоанализа от решения реальных проблем, связанных с бессознательными влечениями человека.

В.М. Лейбин

НЕСВЕТАЙЛОВ Геннадий Александрович (1939-1999) – белорусский социолог. Окончил Николаевский кораблестроительный институт имени адмирала С.О.Макарова (1956-1962). Кандидат технических наук (1970), доктор социологических наук (1990) – тема диссертации: "Социально-экономический механизм обновления академической науки". С 1976 по 1990 – зав. сектором, зав. отделом науковедения Института экономики АН БССР, с 1990 – зав. отделом социологии науки Института социологии АН БССР. Подготовил четырех кандидатов наук. Был награжден медалью "Ветеран труда" и медалью ВДНХ СССР за разработку новой техники.

Сфера научных интересов: теоретические аспекты социологической науки, науковедение, интенсификация науки, научно-техническая политика. Под научным руководством Н. была сформирована программа исследований по социальным проблемам научно-технической политики в условиях перехода к рыночной экономике, налажен социологический мониторинг трансформации академической науки, проведен ряд исследований по кадровым проблемам науки. Н. принимал участие в подготовке ряда нормативно-методических материалов для правительства и парламента Беларуси, в том числе "Закона о научной деятельности".

Автор 20 изобретений и более 100 научных работ (в том числе на английском и немецком языках): "Наука и ее эффективность" (1979); "Интенсификация академической науки (в условиях союзных республик)" (1986) и др. Н. являлся руководителем авторских коллективов нескольких коллективных монографий (1991, 1995, 1997). В составе авторского коллектива Н. была присуждена премия за 1997 президентов Академий наук Украины, Беларуси и Молдовы в области гуманитарных наук за цикл социально-экономических исследований "Трансформация науки и научной политики в странах с переходной экономикой" (1991-1997). Проходил стажировку в Институте научной политики Лундского университета (Швеция). Был координатором по Беларуси международных исследовательских проектов, связанных с трансформацией науки; являлся учредителем Консультационного центра международного научного сотрудничества, созданного как общественная организация. Н. являлся членом Европейской ассоциации исследований науки и техники (EASST), в 1996 был избран зам. руководителя секции "Наука и техника для развития" Европейской ассоциации исследований развития и подготовки кадров (EADI), являлся членом редколлегии международного журнала "Наука и науковедение".

Биография Н. была опубликована издательством A.N. Marquis (США) в пятнадцатом издании справочника "Кто есть кто в мире".

"НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ КУЛЬТУРОЙ" ("Das Unbehangen in der Kultur", 1930) – книга Фрейда (см.), посвященная теме извечного и неизбывного противостояния людей и культуры. Фрейд исходил из гипотезы о том, что в человеческой психике всегда присутствуют в видоизмененной форме следы прошлого опыта, как индивидуального, так и родового. Так, в религиозном чувстве, по мысли Фрейда, присутствуют, с одной стороны, элементы детской беспомощности и потребности в защите, с другой – "океаническое чувство" причастности к вечности и бесконечности, которое Фрейд связывает с отсутствием в психике грудного ребенка различения своего "Я" и внешнего мира.

Развитие человека, по Фрейду, движется от главенства "принципа удовольствия" к признанию "принципа реальности", устанавливающего пределы удовлетворения инстинктивных влечений. В целом, по мнению Фрейда, люди стремятся прежде всего к достижению счастья, трактуемого им как исключение боли и неудовольствия и получение интенсивного удовольствия. Т.обр. целью человеческой жизни, согласно Фрейду, фактически является реализация программы "принципа удовольствия". Однако достижение сильного чувства удовольствия сталкивается, по мнению Фрейда, со значительными сложностями, в т.ч. с адаптацией организма к испытываемому наслаждению. В то же время человек постоянно подвержен угрозе страданий, источниками которых являются: собственный организм, который неизбежно стареет, разрушается, причиняет боль и беспокойство; внешний мир, содержащий превосходящие индивида и неподконтрольные ему силы; недостатки институций, регулирующих отношения в семье, государстве и обществе. В результате стремление избежать несчастий превалирует над стремлением к получению удовольствий. Фрейд обращается к анализу социального источника страданий, полагая, что именно цивилизация является причиной значительной их части.

Цивилизация, по Фрейду, синонимична культуре и представляет собой всю сумму достижений и правил, которые "отличают наши жизни от существования животных предков и... служат двум целям, а именно: защитить людей от природы и урегулировать их взаимные отношения". Цивилизация включает все средства, используемые людьми для защиты от угроз, возникающих из источников страданий. Она характеризуется овладением природой, признанием ценности "чистоты" и порядка, уважением и одобрением интеллектуальных, научных и творческих достижений, заменой индивидуальной власти властью сообщества. В то же время цивилизация накладывает всеобщие ограничения на удовлетворение индивидуальных желаний, укорененных в эгоистической природе человека. Фрейд полагает, что человеческие конфликты порождены преимущественно противоречием запросов индивида и культурных запросов группы. (Сублимация в этом контексте выступает, согласно Фрейду, как "ярко выраженная черта культурного развития".) Возникновение цивилизации он связывает с действием двух факторов: любви (сексуальной, лежащей в основе семьи, и "любви с подавленной целью", способствующей установлению дружеских отношений) и необходимости (побуждавшей к созданию сообществ, более жизнестойких по сравнению с отдельным индивидом). Однако, по Фрейду, в процессе развития цивилизации между необходимостью и любовью возникает антагонизм, выражающийся в конфликте между семьей и более крупными сообществами и во враждебности к цивилизации со стороны женщин, вызванной отчуждением мужчин от обязанностей мужа и отца.

В целом, по мысли Фрейда, цивилизация накладывает ряд ограничений на сексуальную жизнь, ибо культура санкционирует сексуальные отношения только между мужчиной и женщиной и только в качестве способа размножения людей, но не признает сексуальности как источника наслаждения. Рассматривая вселенские силы инстинкта жизни (Эроса) и инстинкта смерти (Танатоса) как фундаментальные влечения человеческой природы, Фрейд полагает, что подавление стремления человека к агрессии и разрушению – проявлению инстинкта смерти – полагается необходимым условием существования цивилизации. В противном случае цивилизованное общество оказывается подвержено постоянно существующей угрозе дезинтеграции. Фрейд оценивает цивилизацию как инструмент инстинкта жизни, реализующий его цель – объединить изолированных индивидов, затем семьи, затем расы, народы и нации в единое человечество. Эволюция цивилизации рассматривается им как борьба между Эросом и Танатосом за жизнь человеческого рода. Сдерживание агрессивных импульсов осуществляется через побуждение людей к идентификации с общностью и "подавляемым" отношениям любви (т. е. дружеским отношениям), через страх перед властью

(перед наказанием и перед потерей любви) и через формирование внутриличностной инстанции контроля над агрессивностью – Супер-Эго. Установление Супер-Эго, согласно Фрейду, является наиболее мощным средством контроля над нежелательными импульсами. Его результатом становится утрата счастья, связанная с усиливающимся чувством вины. Помимо подавления инстинктов, утрата в рамках цивилизации личного счастья связывается Фрейдом с необходимостью распределения энергии инстинкта жизни при объединении с другими людьми. По мысли Фрейда, судьба человеческого рода зависит от того, "удастся ли развитию культуры, и в какой мере, обуздать человеческий первичный позыв к агрессии и самоуничтожению, нарушающий сосуществование людей".

М.Н. Мазаник, Д.П. Брылев

НИСЭПИ (Независимый институт социально-экономических и политических исследований) – белорусское республиканское общественное объединение, созданное в феврале 1992 группой ученых, политиков, журналистов и бизнесменов. Директор института – доктор социологических наук, профессор О. Манаев (**см.**). Членами дирекции, которая руководит текущей деятельностью института, являются также экономист А. Соснов и журналист В. Дорохов. В Наблюдательный совет НИСЭПИ, определяющий стратегию деятельности института на национальном и международном уровне, входят известные ученые и полисимейкеры Беларуси, Украины, России, Литвы, Польши и США.

Миссия института – активное продвижение ценностей демократии и рыночной экономики, содействие формированию в Беларуси гражданского общества посредством изучения социально-экономических и политических процессов, влияния на общественное мнение и публичную политику.

Основные виды деятельности НИСЭПИ – исследования в области социологии, экономики и политологии, информационно-издательская деятельность, организация конференций и семинаров, профессиональный тренинг, социально-экономический и политический консалтинг.

В НИСЭПИ работает десять человек, еще несколько специалистов сотрудничают с институтом в качестве экспертов. Институт находится на самофинансировании, которое осуществляется главным образом за счет грантов зарубежных и международных фондов и организаций, предоставляемых под различные проекты. В числе 40 проектов, выполненных институтом, были такие, как роль масс-медиа в демократизации общества, развитие белорусской нации при переходе от тоталитаризма к демократии, развитие рабочего движения, формирование общественных лидеров, преодоление антирыночных стереотипов в переходном обществе, совершенствование экономических программ негосударственного телевидения, роль молодежи в формировании гражданского общества, создание информационно-аналитической инфраструктуры частного предпринимательства, повышение роли независимых социальных исследований и экспертных сетей в Беларуси и другие проекты.

Институт использует практически все методы социальных исследований: национальные опросы общественного мнения (через собственную сеть из 100 интервьюеров, проживающих в 50 населенных пунктах, раз в квартал опрашивается 1500 респондентов), интервью с лидерами мнений и экспертами, контент-анализ сообщений масс-медиа, анализ программных документов важнейших государственных институтов и структур гражданского общества, анализ законодательства, а также анализ социально-экономической статистики. С 1994 в НИСЭПИ работает Центр документации (получивший статус первого негосударственного архива в РБ), в котором собрано и систематизировано около 50 тысяч материалов и документов, характеризующих деятельность ведущих государственных институтов и структур гражданского общества.

Особое внимание НИСЭПИ уделяет влиянию на общественное мнение и публичную политику. Это влияние осуществляется в различных формах: организацию конференций и семинаров, адресную рассылку аналитических материалов, публикации в СМИ, активное взаимодействие с полисимейкерами. Так, за восемь лет своего существования институт провел 50 международных, национальных и региональных конференций и семинаров, в которых приняли участие сотни общественных лидеров и ведущих экспертов; подготовил и распространил по системе адресной рассылки свыше 200 аналитических докладов, опубликовал свыше 2000 материалов во десятках СМИ, выпустил несколько книг. С 1996 институт издает и рассылает в наиболее влиятельные государственные и негосударственные структуры, а также в библиотеки и СМИ ежеквартальный информационно-аналитический бюллетень "Новости НИСЭПИ" (на русском и английском языках, тираж 250 экземпляров), а с 2002 – ежемесячный электронный бюллетень "Инфофокус", в которых представляются важнейшие результаты исследований и анализа. С 1998 наиболее значимые результаты деятельности НИСЭПИ размещает на собственном web site (также на русском и английском языках), который обновляется ежемесячно.

Влияние на публичную политику осуществляется институтом и через различные гражданские инициативы. Так, в 1997 по инициативе НИСЭПИ была создана Белорусская ассоциация фабрик мысли (БФМ), объединившая 15 ведущих негосударственных исследовательских центров Минска и большинства регионов страны. В 1999 сотрудники института приняли активное участие в диалоге между властью и оппозицией, начавшемся под эгидой ОБСЕ. В том же году по инициативе НИСЭПИ стали проводиться регулярные встречи лидеров БФМ с лидерами демократических сил, направленные на информационно-аналитическую подготовку к выборам и другим важнейшим процессам общественной жизни страны.

В числе международных партнеров НИСЭПИ такие организации, как Всемирный банк, ЮНЕСКО, Исследовательский институт Радио Свобода / Свободная Европа, Фонд Евразия (Вашингтон), Институт открытого общества (Нью-Йорк), Фонд Дж. и К. МакАртуров (Чикаго), Вестминстерский Фонд (Лондон), Совет Европы, Центр международного частного предпринимательства (Вашингтон), Информационная служба США, Центр социальных и экономических иссле-

дований (Варшава), представительства ООН, МВФ и ОБСЕ в Беларуси.

О.Т. Манаев

НКРУМА (Nkrumah) Кваме (1909-1972) – ганский философ, социолог и политолог, государственный и политический деятель, первый президент независимой Ганы. Считал себя одновременно христианином и социалистом-марксистом, переинтерпретируя при этом и христианство, и марксизм, и социализм в свете целей и задач национально-освободительного движения. Лидер и идеолог панафриканизма (в юности испытал влияние одного из основных его основоположников гаитянина М. Гарвея (в свою очередь опиравшегося на идеи мыслителя из Британской Западной Африки Э.Блайдера), но кардинально переосмыслил его взгляды, уйдя от крайностей тезиса о "чистоте негритянской расы". Отстаивал идеи африканского единства (при этом являясь противником негритюда) и особого пути Африки в цивилизационном развитии. Его не устраивал и у Гарвея, и у Л.С. Сенгора (основоположника африканской версии негритюда) "негритянский национализм", который он считал необходимым заменить "африканским национализмом". Интегративно обозначал свою систему взглядов как consciencism (производное от англ. conscience – совесть, сознание, сознательность) – коншиенсизм ("философия сознательности"), возводя его истоки к рационалистической версии европейской философии (от Аристотеля к Р. Декарту, И. Канту и Г.В.Ф. Гегелю) и "научному социализму" К. Маркса (следует отметить и знакомство Н. с традицией аналитической философии, особенно с логическими построениями Б. Рассела, к которым он неоднократно прибегал для обоснования собственных тезисов). Однако одновременно Н. утверждал коншиенсизм как перспективу, которая исходит из реальностей африканского сознания и действительности и указывает возможности развития, удерживающие континентальную специфику (для выявления которой Н. специально изучал этнофилософию).

Раннее творчество Н. проникнуто реминисценциями из М. Ганди, позднее – мотивами Ф. Фанона (своего рода его идеологические компоненты). Собственно философские идеи, согласно Н., с неизбежностью порождают идеологию, выполняющую социальные функции в обществе и порождающую определенные политические практики. Тем самым философия для него неизбежно выступает как политическая философия, связанная с социологией, и в этой перспективе как практическая философия. Учился в педагогическом колледже в Ачимоте (1926-1930), где познакомился с первым африканцем среди преподавателей колледжа доктором Квегниром Аггрем, повлиявшим на становление взглядов Н. Работал преподавателем в римско-католической семинарии. Хотел стать членом ордена иезуитов, чтобы посвятить себя служению Богу, но затем принял решение продолжить учебу. Через Великобританию уехал учиться в США. В 1939 со степенью бакалавра по экономике и социологии закончил Университет Линкольна (основанный в 1854 и являвшийся первым учебным заведением в США, дающим высшее образование неграм). Остался на должности ассистента по философии в этом же университете и поступил в Богословскую (теологическую) семинарию при нем, которую закончил в 1942. Стал членом студенческого (масонского по установкам) братства "Фи-Бета-Сигма", участвовал в Движении отца Дивайна, проповедовавшего идеи негритянского религиозного возрождения, создал Ассоциацию студентов-африканцев США и Канады, участвовал в создании Института африканских языков и культуры при Пенсильванском университете. Перебравшись в Англию, посещал лекции в Лондонской школе экономики, работал над докторской диссертацией по этнофилософии, но не завершил ее, увлекшись логическим позитивизмом. Занимался под руководством А. Айера. В это же время увлекся политикой. В 1945 выступил одним из организаторов Пятого панафриканского конгресса (Манчестер), явился автором принятой на нем декларации о политической свободе и экономическом прогрессе. Активно сотрудничал в журнале Панафриканской федерации в Лондоне "Pan-Africa". В 1947 вернулся в Африку. Организовал и возглавил Народную партию Конвента (1949), взявшую курс на достижение политической независимости Золотого Берега (Ганы) и последующее "социалистическое строительство". С 1957 – президент Ганы. В 1964 провозглашен пожизненным президентом, к этому времени его уже называли "отцом нации". В 1966 в результате военного переворота отстранен от власти, эмигрировал в Гвинею, где был провозглашен ее президентом Секу Туре своим вице-президентом. Переворот совершался под лозунгом "Против авторитарного режима – за демократическое правление". Испытав глубокий душевный кризис, пересмотрел свои взгляды в сторону их радикализации, что позволяет говорить о специфике его "позднего" творчества и даже об особом этапе духовного развития Н. Умер Н. от рака в ходе лечения в Бухаресте (похоронен в родной ганской деревне). Основные работы: "Вперед, за свободу от колониализма" (1946); в годы пребывания в Англии им написаны памфлеты "Образование в колониально-освободительном движении", "Национализация и образование в Западной Африке", "К колониальной свободе. Африка в борьбе против мирового империализма"; "Автобиография" (1960-?); "Я говорю о свободе. Изложение африканской идеологии" (1961-?); "Африка должна объединиться" (1963); "Коншиенсизм: философия и идеология для деколонизации и развития со специфической ссылкой на африканскую революцию" (1964, во втором издании 1970-го года подзаголовок был сокращен: "Философия и идеология для деколонизации"; основная работа Н.); "Неоколониализм, высшая стадия империализма" (1965); "Аксиомы Кваме Нкрумы" (1967); "Голос из Конакри" (1967); "Вызов Конго" (1967); "Черные дни в Гане" (1968); "Руководство по ведению революционной войны" (1969); "Классовая борьба в Африке" (1970) и др.

Центральное место в философии Н. занимает идея свободы. При этом он одновременно акцентирует как аспект свободы личности, так и аспект политической независимости (свободы) всей Африки. "Для меня просто непостижимо, как кто-то может не признавать права людей быть свободными", – утверждал Н. Однако в эволюции его творчества свобода все больше начинала пониматься прежде всего как политическая

свобода, которая, в свою очередь, связывалась с реализацией программы антиколониализма. В свою очередь реализация последней связана у него с разрешением противоречий, порождаемых интенциями империализма, наиболее уродливо проявившими себя в африканских странах. Еще будучи в Лондоне Н. выдвинул программу реализации трех свобод (трех степеней свободы) – политической (полная и абсолютная (подлинная) независимость страны – суть национализма, с его точки зрения), демократической (отсутствие политической тирании и возможность личностной самореализации) и социальной реконструкции (свободы от бедности и экономической эксплуатации, что требует целенаправленной реализации осознанно выдвигаемой программы преобразования общества). В основании реализации каждой в отдельности и всех вместе свобод лежит организуемое человеческое усилие.

Таким образом, согласно Н., подлинная свобода достижима только в последовательности позитивных действий, базирующихся на ряде оснований: 1) свобода присуща родовой сущности человека (все народы хотят быть свободными, а стремление к свободе коренится в душе каждого человека), 2) цели действия и выдвигаемые программы реализуемы только в определенных условиях (среди которых – и необходимость преодоления страха и апатии), 3) цели и программы связаны с конкретикой политико-идеологического контекста (свобода для метрополии и свобода для колонии выглядят по-разному), 4) свобода несовместима с колониализмом, 5) свобода личности неотделима от свободы общества, 6) свобода достижима "здесь-и-сейчас" ("ищите же царствия политического" – призывает Н.), 7) ее достижение возможно лишь на основе учета и реализации уже имеющегося опыта других стран и народов, 8) свобода не может быть избирательной (из поля ее действия нельзя без последствий для свободы выключать те или иные группы и/или тех или иных людей), 9) свобода реализуется всегда на двух уровнях – реальности, определяющей степень ее возможной развертки, и идеала, к которому осуществляется лишь определенное приближение, 10) свобода всегда соотносится у верующего с его личным отношением к Богу, 11) свобода всегда предполагает дисциплину, так как "свобода без закона – это анархия".

Программа реализации свободы непосредственно перерастает у Н. в параллельное осуществление принципов панафриканизма на основе политического освобождения, экономической интеграции через модернизацию и африканского национального политического самосознания, сформированного как континентальная идеология ("философия африканизма"). Африка – это "один континент, один народ, одна нация", – постулирует Н. Он даже сформулировал утопию "Соединенных Штатов Африки", пытаясь на ее основе предложить конкретную стратегию действий, имевшую своей конечной целью создание единого союзного правительства в масштабах всего континента, оказавшуюся, в конечном итоге, нереализуемой. В основу панафриканистской утопии были положены идеи коншиенсизма ("философии сознательности"), иначе – "нкрумизма", трактовавшегося как научный социализм, примененный к африканским условиям.

С обоснованием социалистической доктрины, обосновываемой теорией коншиенсизма, взгляды Н. приобрели определенную законченную целостность: "Наши цели определяются тремя составными частями нашего освободительного движения: 1) национализм, 2) панафриканизм, 3) социализм. Эти цели тесно взаимосвязаны, и ни одна из них не может быть полностью осуществлена без другой. Если одной из трех составных частей недостает, ни одна территория на нашем континенте не может достигнуть подлинной свободы или сохранить стабильное правительство". Утверждая, что "существует только один подлинный социализм, это научный социализм, принципы которого постоянны и универсальны", Н. в то же время стремился показать, что научный социализм не тождественен марксистскому социализму, так как он с необходимостью должен учитывать контекстуальную компоненту, причем последняя является в ряде отношений определяющей. Тем самым "африканское" есть преодоление "европейского", что не значит отрицания последнего. Наоборот, без удержания "европейского", "африканское" рискует остаться только на уровне обыденного и не получить концептуального выражения. "Я считаю, – писал Н., – что когда мы изучаем философию, являющуюся не нашей, то мы должны рассматривать ее в контексте интеллектуальной истории, к которой она принадлежит, и социальной среды, которая ее породила. Поступая так, мы сможем использовать ее в целях *нашего* культурного развития и для укрепления *нашего* человеческого общества". В европейской философии Н. не устраивают прежде всего ее универсалистские притязания и вытекающие из них абстрактность и академизм. Философия должна быть повернута к социальной проблематике и человеческим проблемам, она должна черпать свое содержание в реальности жизни. В социальном срезе философии ее основными понятиями выступают тогда "общество", "изменение", "развитие", а ее идеологическое выражение – социализм – неизбежно приобретает облик "динамического социализма" (в этнофилософии традиционно принято считать реальность совокупностью динамических сил, между которыми существуют отношения "напряженности"). Идеологическое содержание философии является выражением эксплицитного или имплицитного социального конфликта, но и собственно философия имплицитно есть выражение породивших ее контекстов, а следовательно в снятом виде (потенциально) содержит в себе возможность своей идеологической и социально-политической развертки ("философия остается политическим инструментом для революции и социальной справедливости"). Собственно философия, стремясь к универсализму, пытается рефлексировать глобальный человеческий опыт, но ее идеологическая компонента неизбежно локализует рефлексию на обосновании определенных целей и идеалов. "Идеология стремится внести во всю жизнь общества свой *особый* порядок. Чтобы достичь этого, она нуждается в применении ряда инструментов. Идеология общества развивается в политическую теорию, социальную теорию и моральную теорию. Используя их как инструмент, она устанавливает особый порядок в политическом, социальном и нравственном поведении человека, и

то, что в поведении не соответствует этому порядку, тем самым оказывается несовместимым с идеологией...".

В коммуналистском (традиционном, общинном, для Н. африканском) обществе идеология вырабатывается всеми его членами, концептуально оформляясь профессиональными философами. Социализм же есть современное выражение принципов коммунализма. Отсюда тезис о "политической зрелости африканских масс", которая "до известной степени может быть возведена к экономическим и социальным условиям традиционного общества". Согласно Н.: "В дотехнических обществах коммунализм может существовать сам собой; в техническом же обществе, где налицо усовершенствованные средства производства, основные принципы коммунализма должны получить централизованное... выражение; иначе возникнут классовые различия...".

В социальном измерении идеология всегда двойственна, что всегда ставит проблему выбора перед субъектом. Она: 1) или негативна (нацелена на разрушение социального порядка), или позитивна (нацелена на сохранение социального порядка); 2) глобальна (так как пронизывает все сферы общества), но одновременно и инструментальна (так как выступает средством социального контроля и сплочения общества и/или его отдельных групп); 3) имплицитна (присуща любому социуму) и эксплицитна, если становится предметом философской рефлексии (что необязательно для каждого общества). Идеология понимается как совокупность направляющих принципов и правил, которые необходимы обществу для поддержания (или изменения) установленного порядка и позволяют достигать общих целей, которые ставит себе общество (и/или его часть). При этом Н. оппонирует как трактовке идеологии у К. Манхейма, так и ее интерпретации Марксом. В последнем случае основа оспаривания – несогласие с марксистской теорией классов и классовой борьбы. В африканском обществе есть лишь "позитивное и негативное действия" (прогрессивные и реакционные силы), а не классы, утверждает Н., что не мешает ему одновременно говорить о том, что "социализм может быть достигнут только через борьбу классов". Обнаружив это противоречие в своих построениях, в позднем творчестве Н. все же констатирует наличие складывающихся классов в африканском обществе, но понимает его стратификационную структуру по-прежнему весьма специфически: "...В конечном итоге класс представляет собой не что иное, как сумму лиц, связанных определенными интересами, которые они пытаются сохранить и защитить". Эти "суммы лиц" составляют у него буржуазия, рабочие, крестьянство, интеллигенция, офицеры армии и полиции. Крестьянство же трактуется как самый многочисленный рабочий класс в Африке. Однако и в позднем творчестве Н. сохранил приверженность основному принципу коншиенсизма – принципу равенства как основе социального порядка.

Именно приверженность принципу равенства, являясь основой этики, позволяет ввести проблематику человека в фокус философского рассмотрения. Человек, вслед за Кантом, признается Н. целью в себе и для себя, а не средством для других. Однако Н. "иммантезирует" категорический императив в рамках провозглашаемого им "монистического материализма", исходящего из конституирующей роли конкретики "африканского способа быть". В раннем творчестве Н. в трактовке этических и социальных идей ощутимы импульсы, идущие от идеологии ненасилия Ганди, в позднем – отчетливо акцентированы аспекты "революционного насилия", трактуемые в духе построений Фанона.

В это же время лейтмотивной для Н. становится тема неоколониализма. В этой связи он пытается аргументировать переход национально-освободительной революционной борьбы в новую фазу, отличающуюся вооруженной (в основном партизанской) борьбой с силами реакции внутри освободившихся государств в виде коррумпированных и ориентированных исключительно "вовне" олигархических групп (именно в этой связи Н. признал появление классов в африканском обществе, но как "вторичных" и в значительной мере обусловленных в своем появлении "внешними" причинами образований). За возникновением же этих сил Н. усматривает принципиальное изменение характера колониализма: во-первых, "национальный" колониализм сменяется в современную эпоху "коллективным" неоколониализмом, в котором ведущую роль играют США; во-вторых, появляется новый тип "неоколониального государства", строящегося на отношениях зависимости от других при сохранении формальной обретенной независимости. Основное деление нации происходит теперь по принципу "богатые" – "бедные". "Государства благоденствия" сумели, с точки зрения Н., загасить классовые конфликты внутри себя и вынести их (экспортировать) вовне – в "третий мир", переместив конфликтность из национальных в международные контексты. В этой связи у Н. появляется (выдержанный опять же в духе представлений "позднего" Фанона) тезис о "черной революции" и необходимости строительства "национального дома" для "черных всего мира людей". При этом Н. остался непримиримым противником негритюда, с одной стороны, и не принял конструкт "третьего мира" – с другой, считая его не более, чем мифом и иллюзией.

В.Л. Абушенко

НОВАК (Novak) Майкл (р. 1933) – американский католический теолог. Преподавал в Гарвардском и Стэнфордском университетах. Глава делегации США в Женевской комиссии по правам человека (1981-1982). Автор концепции "демократического капитализма". Основные сочинения: "Дух демократического капитализма" (1982), "Винтовки Латтимера" (1976), "Неоценимая и неоценимая система" (1977), "Социальное учение католицизма и либеральные институты: свобода и справедливость" (1984), "Освободит ли это? Размышления о теологии освобождения" (1986), "Свободные личности и общее благо" (1989), "Полушарие свободы. Философия Америк" (1990), "Католическая этика и дух капитализма" (1993) и др.

Будучи убежденным в том, что декларации о моральном превосходстве социализма (см.) над капитализмом (см.) оказались опровергнуты всем ходом всемирной истории, Н. сформулировал в качестве главной цели своих теоретических изысканий нравственно-теологическое обоснование ценно-

стей демократического капитализма – общественно-экономической системы, основанной на гармонии экономической, политической и культурной сфер жизни социума. С точки зрения Н., эти системы должны быть самостоятельными (вне связей подчинения либо соподчинения), но при этом активно взаимодействовать друг с другом на основе четкой дифференциации исполняемых ими общественных функций. Н. подверг содержательной критике концепцию о приоритетности экономических отношений для процессов трансформации человеческой природы. Согласно Н., поскольку любая из форм политической экономии начинается с теории греха, а основным источником богатства общества является не труд, а идеи (личная экономическая инициатива, всемерное поощрение творческого потенциала индивидов посредством системы охраны интеллектуальной собственности и т.д.), постольку "рождение капиталистической системы требует революции в области морали". Стремясь преодолеть традиционные для современного общества представления о противопоставленности индивидуализма и коллективизма, Н. отстаивает значимость в качестве связующих элементов между обществом в целом и индивидом так называемых "посреднических структур" – небольших сообществ людей (семьи, объединения соседей, местные агентства, церковные общины, добровольные ассоциации и т.п.), делающих возможным выживание человека в экстремальных условиях повседневной жизни.

Опираясь на ряд тезисов М. Вебера (см.), Н. утверждает, что "...капитализм не дает разгореться костру алчности и благодаря поощряемой им расчетливости и продуманным капиталовложениям даже сдерживает алчные и стяжательские устремления...". По Н., процветание либерально-капиталистического общества достигается благодаря "... своего рода монашеству в миру, с дисциплиной, определяемой по часам, и требованием самопожертвования и подчинения своих мирских страстей строгому контролю разума или, иначе говоря, требует укрощения своих инстинктов для достижения жизненных целей и успехов в карьере...". Развивая представления А. Смита об особо ценном для рыночной системы чувстве "симпатии", способствующем преодолению эгоизма и формированию нового мировидения – "глазами других", Н. детализирует эту классическую идею: "...рыночная система требует от людей, занимающихся бизнесом, соблюдения определенных норм поведения: спокойствия и терпения при разъяснении и отстаивания своей позиции, вежливых и учтивых манер, постоянной готовности оказать услугу другому и стремления достичь обоюдного согласия".

Оценивая в этом контексте исторические судьбы и перспективы трансформирующихся постсоциалистических обществ, Н. утверждает, что "...бывшие социалистические страны Восточной Европы (включая бывший Советский Союз) совершенно естественно сталкиваются с необходимостью развивать у своих народов моральные и культурные качества, необходимые для реализации своих жизненных целей. Народы этих стран уже усвоили три важные истины, преподанные им историей. Во-первых, они поняли, что работы, крыши над головой, бесплатного медицинского обслуживания и образования, которыми их обеспечивали коммунистические вожди, явно недостаточно для того, чтобы быть довольными своей жизнью. Они возжелали сами выбирать тех, кто будет ими править. Однако очень скоро они осознали, что только демократии тоже недостаточно и, даже имея возможность регулярно участвовать в выборах, они вряд ли будут до конца счастливы. Они поняли, что хотят жить при экономической системе, которая обеспечила бы их семьям "лучшие условия жизни". Однако третьей и, пожалуй, самой жестокой для них истиной стала та, что они не смогут добиться ни истинной демократии, ни полноценного капитализма до тех пор, пока не разовьют в себе необходимых для этого моральных качеств и не приведут свои институты и законы в соответствие с моральными и культурно-правовыми нормами демократического капитализма".

После выхода в свет книги "Дух демократического капитализма" практически все официальные теоретики протестантского и католического толка провозгласили Н. диссидентом и отступником. Однако реальное течение трансформационных процессов в государствах Центральной Европы (в первую очередь в Польше) обусловило не только востребованность, но также и понимание эвристичности этого труда. См. **Демократический капитализм**.

А.А. Грицанов

"НОВАК" (лаборатория аксиометрических исследований) – исследовательское предприятие, являющееся частной негосударственной службой, специализирующейся на маркетинговых исследованиях, опросах общественного мнения, а также консалтинге в этих областях. "Н." создана в 1992. Директор – А.П. Вардомацкий (см.).

Название предприятия составлено из слов НОВый и АКсиометрия, что отражает первоначальную научную ориентацию службы на изучение ценностей поведения человека. Лаборатория находится на самофинансировании, которое осуществляется за счет полученных заказов. Услуги предприятия "Н." рассчитаны на широкий круг клиентов – от представителей крупного международного бизнеса до представителей средств массовой информации и предпринимательских образований.

Предприятием "Н." применяются как количественные методы исследований (общереспубликанские интервью 1000 респондентов, экспертные опросы), так и качественные (фокус группы, масс-медийные опросы для определения рейтингов программ телевидения, радио и печатных изданий).

Ежемесячные республиканские омнибусы по проблемам маркетинга, средств массовой информации и общественного мнения проводятся лабораторией в режиме мониторинга. Медиа-исследования реализуются методом дневниковой панели.

Фирма осуществляет полный исследовательский цикл от составления анкеты и модели выборки до отчета в виде текста и необходимой графики. Построение выборки основывается на стратификации по типам поселения и на адресных списках.

В распоряжении предприятия "Н." – национальная сеть подготовленных интервьюеров. В каждом областном центре и

вторых по величине городах области имеются свои представители, которые руководят местной сетью интервьюеров.

Л.Н. Михейчиков

НОВГОРОДЦЕВ Павел Иванович (1866-1924) – русский философ, социолог, правовед. Окончил юридический факультет Московского университета. Завершал образование в Берлине и Париже. С 1896 – приват-доцент, с 1903 – экстраординарный, с 1904 – ординарный профессор Московского университета. Преподавал также на Высших женских курсах. В 1897 защитил магистерскую ("Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба"), в 1902 – докторскую ("Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве") диссертации. После увольнения по политическим мотивам из Московского университета – ректор Московского высшего коммерческого института (1906-1918). Среди его учеников: И. Ильин (см.), Б. Вышеславцев, Г. Флоровский, Н.Н. Алексеев и др. Основатель "идеалистической школы права" (школы "возрожденного естественного права"). Участвовал в сборниках "Проблемы идеализма" (1902) и "Из глубины" (1918). С 1905 – член партии кадетов, с 1917 – в составе ее ЦК, в 1906 избран депутатом I Государственной думы. В годы гражданской войны читал лекции в Таврическом университете (Симферополь). В 1920 эмигрировал в Берлин, с 1921 – в Праге, где основал Русский юридический факультет в Пражском университете и возглавлял его до своей смерти, основал и был первым председателем Религиозно-философского общества им. В. Соловьева в Праге. Основные работы: трехтомник "Введение в философию права", из которого был издан первый том "Кризис современного правосознания" (1909), первая часть труда "Об общественном идеале" (1917); "Политические идеалы древнего и нового мира" (в двух выпусках, 1910, 1913); "Лекции по истории философии права. Учения нового времени 16-18 и 19 веков" (1912) и др.

Н. исходил в своих научных построениях из критики концепций, постулирующих объективную реальность независимо от познающего сознания и игнорирующих автономность личности, обладающей разумным нравственным началом. Наличие идеи должного (морального закона), по Н., – факт чистого сознания, безусловно достоверный сам по себе, независимый от исторической необходимости и эмпирической данности. Нравственная идея императивна в качестве идеала и имеет абсолютную ценность. В социокультурной практике императивная нравственная идея приобретает форму естественного права, задающего идеальные нормы культуры с меняющимися конкретно-социальными содержаниями. Это предполагает признание самостоятельности этического начала. Историческая и социологическая причинность неспособна объяснить необходимость идеи долга и перманентной критической оценки мира повседневности с позиции должного. Естественное право раскрывается в идее моральной личности, которая выступает идеалом и целью самой себя. Самоопределяющаяся личность, по Н. является исходным пунктом общественной реальности, что предполагает бесконечное нравственное совершенствование личности, которое не может быть полностью реализовано в настоящем. Личность, как носитель идеала, права изначально оппозиционна государству, закону (в силу постоянства разрыва между идеалом и действительностью). С другой стороны, они всегда связаны между собой. Логика идеала задает разумную дистанцию личности и общества, но предполагает и встречу субъективного сознания с объективностью социальной реальности. Т.обр., сама природа личности двойственна: она стремится к абсолютной свободе, будучи при этом ориентированной одновременно на жизнь в социуме, на равенство и солидарность автономных индивидов. Точно так же и социальный универсум предполагает – наряду со своим реальным измерением (социокультурные формы) – измерение идеальное (нравственное сознание), предполагающее бесконечность своих воплощений в реальности. Соответственно и культура несет в себе как уравнительно-нивелирующую, так и освободительно-индивидуализирующую составляющие. Любые формы одностороннего рационализма порождают различные формы социального утопизма (социализм, анархизм) и вызывают кризис ценностей демократии, так как провозглашаемое формальное право свободы не дополняется, считает Н., правом на обеспечение достойного существования. Начало 20 в. со всей очевидностью показало как несостоятельность сциентистских претензий позитивистски ориентированной науки на переустройство общественной жизни, так и неспособность правового государства воплотить идеальную мечту верховенства права.

Господствовавшее в его время позитивное право Н. называл "философией легального деспотизма", но и либеральный индивидуализм с его требованием невмешательства государства в частную жизнь терпит практическое поражение. Все это приводит, по мысли Н., к глобальному кризису правосознания. Наука отличается точностью своих заключений, но только этика (или мораль) характеризуются бесконечностью своих перспектив. Гармония свободы и равенства оказывается, т.обр., императивом нравственного действия, а не планом реальной социальной практики. Эта критическая тема особенно усиливается в последний период творчества Н., характеризующийся его поворотом к религиозной проблематике. Западное христианство, апеллирующее к принципу индивидуализма, по Н., испытывает глубокий кризис, перестает выполнять функцию всепроникающего нравственного общения. Религия утрачивает смысл, человеческая душа опустошается, в ней разрушаются вечные связи и вековые святыни. Кризис безрелигиозного Запада преодолим на принципах вселенской солидарности, присутствующих в православии и теоретически обоснованных В.С. Соловьевым и его последователями. Религия становится для Н. абсолютно ценным содержанием жизни, единственным путем преодоления идей (и практик) утопизма и индивидуализма: автономная мораль должна быть заменена, по Н., теономной моралью, а демократия – агиократией, властью святынь.

В.Л. Абушенко

НОВИКОВА Лидия Георгиевна (р. 1955) – белорусский социолог. Зам. директора Центра социологических и полити-

ческих исследований БГУ – с 1998. Кандидат философских наук (1986, тема диссертации – "Научная фантастика и ее роль в формировании образа науки будущего").

Область научных интересов: социология молодежи, социология образования, социология религии. Исследует проблемы профессиональной социализации учащейся молодежи, девиантного поведения в молодежной среде, специфики молодежных субкультур, а также проблематику уровня и характера религиозности населения РБ, специфики ценностных ориентаций и социальных установок верующих основных христианских конфессий и религиозной молодежи РБ.

Н. – автор около 80 научных публикаций, в том числе: "Социология" (1998, соавтор); разделы в трех коллективных монографиях (1983, 2000, 2001); публикации в издательствах Чехии (1989), США (1991), Великобритании (2002) и др.

НОВОВВЕДЕНИЕ – комплексный, завершенный, целенаправленный процесс создания, распространения и использования новшества, ориентированный на удовлетворение потребностей и интересов людей новыми средствами, что ведет к определенным качественным изменениям состояний системы (или области, где реализуется новшество) и способствует возрастанию ее эффективности, повышению стабильности и жизнеспособности. Объективной основой появления Н. являются закономерные тенденции и процессы, свойственные конкретному историческому этапу развития общества и конкретным социальным ситуациям. Под их воздействием в различных сферах жизнедеятельности людей формируются определенные потребности и интересы, которые не могут быть удовлетворены с помощью старых средств и способов деятельности. В противном случае насущная потребность остается неудовлетворенной, что приводит общественную систему к кризисным состояниям. Введение категории "потребность" позволяет рассматривать человеческий фактор в качестве движущей силы Н. – что важно для выделения социальных аспектов проблемы. В связи с этим фиксируется необходимость исследования Н. как обеспечиваемых особым видом деятельности.

Исследование Н. строится на основе следующих принципов: 1) – изучение должно быть обязательно комплексным, с учетом рассмотрения их экономических, социальных, этических, организационных и других аспектов; 2) – любые Н. должны быть рассмотрены с учетом их последствий; 3) – процесс осуществления любого Н. должен быть проанализирован во взаимосвязи всех его этапов и уровней. Исходя из системно-деятельностной концепции Н., становится возможным представить Н. как процесс разрешения объективных проблем общественного развития путем инновационной деятельности людей, которая выполняет функцию развития культуры как совокупности способов жизнедеятельности человека. Инновационная деятельность выступает как метадеятельность, трансформирующая рутинные элементы репродуктивной деятельности, способы осуществления которой не соответствуют развитию. Главной функцией инновационной деятельности в обществе является функция изменения, развития способов и механизмов его функционирования во всех сферах жизнедеятельности. Сами же Н., осуществляемые посредством инновационной деятельности, представляют собой форму общественного развития и являются неотъемлемым элементом социального регулирования. См. также: **Инновация, Инновационный процесс, Инновационные социальные технологии.**

Е.Е. Кучко

НОВОСИБИРСКАЯ ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА (НЭСШ) представляет собой неформальную ассоциацию ученых, исследующих экономическую жизнь общества с помощью категорий и методов социологии, закономерности, пути и способы взаимодействия экономической и социальной сфер общества, и в первую очередь – социальные механизмы важнейших экономических процессов. Изучение социального механизма развития экономики (как устойчивой системы взаимодействий разных групп, имеющих разные интересы и ресурсы, – системы, регулируемой социальными институтами общества, текущей деятельностью органов управления и др.) – более сложная задача, чем анализ определяющих это развитие конкретных факторов.

Другими особенностями НЭСШ являются: работа большинства ученых "на стыке" теории и эмпирии, стремление к системному представлению предмета исследования, сбалансированное внимание к деятельностным и структурным детерминантам социально-экономических процессов, а также к проблемам города и села, индустриального и аграрного сектора экономики. Представители Школы с 1960-х годов широко используют математические методы анализа социально-экономических явлений и процессов. Исторически НЭСШ возникла в Новосибирске, но в настоящее время ее представители связаны скорее общими теоретико-методологическими взглядами и подходами, чем географическим положением. Они живут и работают в большинстве крупных городов Сибири, в Москве, а также за рубежом.

Лидером НЭСШ на всем протяжении ее становления и развития являлась академик РАН Т.И. Заславская. Ей принадлежит ведущая роль в разработке оригинальных концепций и теорий, каждая из которых открывала новый этап в поступательном развитии Школы. Именно на базе возглавляемого Т.И. Заславской (с 1967 г.) отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, руководимой ею (с 1980 г.) социологической специализации экономического факультета НГУ, а также созданного в 1984 г. журнала "Известия СО АН СССР: Серия экономики и прикладной социологии" организационно оформилась НЭСШ. Другой теоретик, внесший крупный вклад в формирование научной школы, – доктор экономических наук Р.В. Рывкина, активно содействовавшая "социологизации" исходно экономического коллектива, его движению от социальной экономики к экономической социологии, а также воспроизводству экономико-социологических кадров Сибири.

В формировании НЭСШ можно выделить два крупных этапа, условно – допарадигмальный и парадигмальный. На

первом этапе (1967-1980) научный профиль Школы можно было охарактеризовать скорее как социальную экономику. На этом этапе акцент делался на исследовании социальных факторов и социальных последствий конкретных экономических явлений и процессов. Реализуемая на этом этапе парадигма способствовала появлению ряда оригинальных теоретико-методологических концепций и оформлению коллектива как самостоятельной российской социологической школы. В этот период были разработаны: концепция миграции сельского населения в города (1966-1970); методология социологического изучения трудовой мобильности (1968-1974); концепция города и села как относительно самостоятельных и взаимодополняющих подсистем общества, имеющих долгую перспективу существования (1972-1975); методология системного изучения сельского (аграрного) сектора как специфической подсистемы общества (1975-1980); методология изучения образа жизни сельского населения (1975-1979); концепция социально-территориальной структуры общества и регионов (1979-1983) и др.

В итоге этих исследований выявилась необходимость разработки новой – экономико-социологической – методологии изучения экономических процессов. На следующем, парадигмальном этапе было заложено новое как для данного коллектива, так и для российской науки научное направление – экономическая социология. Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной была разработана концепция социального механизма развития социалистической экономики (СМРЭ); причем эта категория стала центральной в авторской интерпретации экономической социологии. С этого момента ученики и последователи Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной начинают исследование конкретных проекций СМРЭ на примере аграрного сектора общества и отдельных сфер городского хозяйства.

Важное влияние на формирование Школы оказало постоянное пополнение лучшими выпускниками социологической специализации экономического факультета НГУ и аспирантуры по специальности "Прикладная социология". Основными учителями, притягивавшими молодежь и уделявшими много внимания ее квалификационному росту, были Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина. К настоящему времени Школа насчитывает уже три поколения "учеников", имеющих собственное имя в науке. Первое поколение учеников сформировалось в рамках двух концепций, разработанных Т.И. Заславской, – миграционной и механизменной. Это д.с.н. Л.В. Корель (миграция населения), к.э.н. Л.А. Хахулина (трудовая мобильность), д.э.н. С.В. Соболева (социальная демография), д.с.н. А.Я. Троцковский, к.э.н. Е.Е. Горяченко, к.э.н. В.И. Федосеев (социально-территориальная структура села, территориальная проекция СМРЭ), к.э.н. А.Н. Шапошников (социальный механизм распределительных отношений).

Второе поколение учеников Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной развивалось уже в рамках экономической социологии и, в частности, методологии изучения социальных механизмов. Его представители – д.с.н. О.Э. Бессонова (социальный механизм жилищных отношений, концепция раздаточной экономики), д.э.н. Л.Я. Косале (социальный механизм инновационных процессов), к.э.н. С.Г. Крапчан (социально-региональная структура), А. Леденева (социология блата), к.ф.-м.н. М.Л. Суховский (кадровый механизм и социальные качества руководителей и специалистов), д.с.н. М.А. Шабанова (социальный механизм функционирования института "шабашничества", деятельностно-структурная концепция трансформации свободы в меняющемся обществе) и многие другие. Третье поколение НЭСШ в значительной степени формируется благодаря социологическому отделению экономического факультета НГУ, которым руководят представители второго поколения к.с.н. Т.Ю. Богомолова (социально-экономическая стратификация) и к.с.н. С.Г. Саблина (статусная рассогласованность).

Последователями и соратниками основных авторов концепции СМРЭ стали д.с.н. З.И. Калугина (аграрная социология), д.э.н. В.Д. Смирнов (разработка и внедрение новых форм хозяйствования на селе).

Наряду с этим магистральным направлением в рамках НЭСШ развивались и другие направления, лидеры которых также составили своего рода ядро школы: исследования бюджетов времени населения (д.ф.н. В.А. Артемов, д.с.н. З.И. Калугина), движение кадров в промышленности и строительстве (д.э.н. Е.Г. Антосенков и к.э.н. З.В. Куприянова, к.э.н. В.А. Калмык), индустриальная социология (д.с.н. В.И. Герчиков), уровень и качество жизни населения (к.э.н. Л.А. Хахулина, В.С. Тапилина), моделирование социально-демографических процессов (д.э.н. Ф.М. Бородкин, д.э.н. С.В. Соболева), математические методы обработки и анализа социологических данных (д.ф.-м.н. Б.Г. Миркин, к.ф.-м.н. В.А. Трофимов, к.ф.-м.н. П.С. Ростовцев). Однако несмотря на сложившуюся многоядерность Школа представляла собой глубоко интегрированное научное сообщество. Становление НЭСШ прошло путь от первоначально разрозненных научных коллективов, чисто формально соединенных в рамках отдела, до коллектива, сплотившегося вокруг руководителя отдела как своего формального и неформального лидера на базе общей теоретической ориентации. Во внешней среде весь отдел, как правило, ассоциировался со школой Т.И. Заславской.

Консолидация коллектива осуществлялась по нескольким каналам. Главный из них – научно-методологический: формирование общей теоретической платформы исследования, единой системы используемых понятий, общего языка. Важной традицией было нелицеприятное критическое обсуждение замыслов и результатов исследований на методологических семинарах и научных советах, коллективные дискуссии и "мозговые атаки", взаимное консультирование, рецензирование и пр. Способствовало интеграции и то обстоятельство, что предмет исследований Школы постепенно расширялся – от изучения отдельных актуальных процессов к комплексному исследованию социально-экономической жизни отдельных территориальных единиц. Это создавало устойчивую потребность во взаимодействии между разными элементами организационной структуры отдела, а также между его предметными ядрами (демография, труд, досуг, доходы, потребление, образ жизни, культура, социальная структура и социальные процессы).

Успешному развитию НЭСШ содействовала обеспеченная Сибирским отделением АН СССР надежная институциональная база и, в частности, возможность практически ежегодной организации крупных экспедиций в разные города и регионы Сибири.

Внешнее признание новосибирского социологического коллектива как самостоятельной научной школы пришло еще в период разработки ее первых теоретико-методологических концепций. Советское социологическое сообщество квалифицировало новосибирский коллектив как научную школу, характерными чертами которой были: добротность разработки теоретических и методических вопросов, системный подход, широкомасштабность исследований, фундаментальность и универсальность выводов, сочетание статистических и социологических методов, широкое использование математических моделей и методов.

"Визитной карточкой" НЭСШ стала монография Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной "Социология экономической жизни: Очерки теории" (Новосибирск: Наука, 1991). Несмотря на то, что в силу разных причин опубликованной оказалась лишь первая часть рукописи, для широкого круга читателей монография обозначила новый парадигмальный этап — возникновение и развитие экономической социологии. Дальнейшими шагами в этом направлении стали коллективная монография "Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы" (Новосибирск: Наука, 1999), "Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы" (Новосибирск: Наука, 2002), а также фундаментальная авторская монография лидера школы Т.И. Заславской "Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция" (М.: Изд-во "Дело", 2002).

О.Э. Бессонова, М.А. Шабанова

НОВОЯЗ – термин, введенный в гуманитарный оборот Оруэллом (см.) в романе "1984" для обозначения детерминированной тоталитарным обществом системы речи и языковых высказываний, способной жестко обусловливать (как в норме, так и в патологии) духовно-деятельностные алгоритмы целостной совокупности поведенческих репертуаров людей. По Оруэллу, Н., обслуживающий "идеологию ангсоца", базируется на постулатах, согласно которым: "правоверность – состояние бессознательное"; "двоемыслие... есть непрерывная цепь побед над собственной памятью и ...покорение действительности"; "разрушение языка" нужно для того, чтобы "стала невозможной мысль"; речь должна быть "минимально завязана на сознание".

Эмпирической основой идеи Н. явились для Оруэлла новации вербально-словесных практик идеолого-пропагандистских машин фашизма в Германии ("Гитлеры и сталины считают убийство необходимым, но они отнюдь не рекламируют своего бессердечия и поэтому называют убийство исключительно "ликвидацией", или "элиминацией", или еще чем-нибудь в этом роде") и большевизма в СССР (см. "Толковый словарь языка совдепии" – СПб., 1998), а также процессы деградации речи в английской печати 1930-1940-х (например, издание в 1934 британским Ортологическим институтом словаря сокращенного английского языка – "System of Basic English" объемом 850 слов). Согласно версии "1984", целью Н. являлось обеспечение "знаковыми средствами мировоззрения и мыслительной деятельности приверженцев ангсоца", сделав "невозможными любые иные течения мысли". Лексика Н. была призвана "точно и весьма тонко" выразить любое дозволенное значение, нужное члену партии, а кроме того отсечь все остальные значения, равно как и возможности прийти к ним окольными путями. Неортодоксия общеабстрактного порядка становилась таким образом невыразима и неформулируема: духовные ереси как таковые становились уделом лишь одномерно духовно организованных индивидов – пролетариата (по Оруэллу, "сверхпримитивных" "пролов"). Ср. процедуры "ликбеза" как языковую политику подчинения естественного языка тоталитарно универсализируемому сознанию (случай, когда знание может быть ниже незнания).

Главными инструментами Н., призванными обеспечивать достижение его функциональных целей ("предельного сужения горизонтов мысли"), согласно концепции "1984", выступали процедуры возможно широкого использования скользких эвфемизмов и затасканных идиом, эксплуатация понятий, не имеющих предметного значения ("измов"), обилие аббревиатур. (Так, например, атрибутом Н. выступают "словацепи" – известный признак политического языка первой четверти 20 в.: если словоформа "Коммунистический Интернационал" предполагает, по Оруэллу, ассоциативный ряд образов "всемирного человеческого братства", "баррикад", "красных флагов", личности Маркса и идеалов Парижской Коммуны, то слово "Коминтерн" необходимо вызывает аналогии с крепко спаянной организацией и жесткой системой идейно-политических доктрин.) Искусственно инициировались процессы ликвидации неортодоксальных и побочных смыслов слов (по Оруэллу, в границах Н. слово "свободный" могло означать лишь такие феномены повседневности, как "свободные сапоги" или "свободный туалет" – иные значения не могли даже предполагаться).

По схеме "1984", компонентами Н. являются словари "А", "В" и "С". Словарь "А" объемлет обороты повседневной жизни и предполагает: минимизацию синонимов, для фиксации означаемых обязательно формулировалось одно четкое понятие; расширение "гнезд" (слов-генераторов новых словоформ) посредством умервщления живых словесных корней – использования вместо этого, например, двух степеней сравнения прилагательных: "лучше" и "более лучше" (типичный оборот социалистической идеологии в СССР – "наращивание ускорения темпов развития"). Словарь "В" не содержит ни одного политически нейтрального слова, включает исключительно новые составные слова (или "слова-ласки") для элиминации максимального числа терминов, несущих прежние значения (ср. у У. Шекспира: "я умею высасывать меланхолию из песен, как ласочка высасывает яйца..."). Тем самым

человеку навязывается определенная идеологическая позиция: понятия "свобода" и "равенство" оказались, по Оруэллу, полностью поглощены оборотом "мыслепреступление"; термины "рационализм" и "объективность" – словом "старомыслие" и т.д. Словарь "С" включает исключительно узкоспециализированные научные и технические термины (общенаучный понятийный аппарат отсутствует, ибо полагается без остатка интегрированным в англоязычный).

Идея Н. выступила одной из весьма удачных форм фиксации типичного для цивилизации социального механизма, в границах действия которого – то, что высказывается, оказывается детерминировано не столько лингвистическо-логическими процедурами, сколько специфическими средствами социокультурного плана (установленными в обществе нормами и правилами обусловливания и артикуляции речевых высказываний). (Ср. с идеей Ф. Бэкона о "призраках рынка", или подверженности людей общераспространенным заблуждениям, возникающим в силу дезориентирующего – связанного со штампами обыденного словоупотребления – воздействия семантики (слов) языка на человеческое мышление.) Именно с этой ипостасью понятия Н. оказалась связано обретение им статуса базового философского означающего ряда универсальных духовных феноменов истории цивилизации, а также меты одной из ведущих социокультурных парадигм 20 ст.

А.А. Грицанов

НОВЫЕ МЕДИА (New Media) – понятие, принадлежащее серии концептуальных нововведений междисциплинарного анализа социокультурных изменений начала нового тысячелетия, связанных с появлением компьютерных сетей, Интернета, цифровых систем хранения и передачи данных, конвергенции различных средств коммуникации (см.). Понятие "Н.М." прежде всего отражает изменения коммуникативного и социального пространства под воздействием компьютерных технологий. По определению в мир Н.М. включаются: Интернет-сайты, виртуальная реальность (см.), мультимедиа, компьютерные игры, интерактивные инсталляции в искусстве, компьютерная анимация, цифровое видео, кино и интерфейс "человек – компьютер". Следует подчеркнуть интегрирующую роль и интерактивность (см. **Интерактивность**) Н.М., в силу чего они: а) включают в себя своих медиа-предшественников (периодическая печать, ТВ и т.д.), б) становятся катализатором появления довольно специфических форм социальности (см.) и социальной интеграции (см.).

В социальных науках понятие "Н.М." определяется в целом семействе терминов, ключевыми из которых являются:

1) Понятие "Масс Медиа" (Mass Media) или "СМИ – средства массовой информации" или "старые" медиа" – традиционные средства массовой информации, т.е. телевидение, радио, газеты, журналы, кино, видео. Синонимы в социальных науках: массовые коммуникации, коммуникации (mass communications, communications).

2) Понятие "Мультимедиа" (Multimedia) – термин рыночно-технологический, характеризующий коммуникативные и потребительские возможности компьютера: сочетание текстовой, визуальной и аудиоинформации; способы преобразования, редактирования и хранения данных разного типа; возможность различных коммуникаций вовне – вывод на печать, соединение с видео, телевидением и телефонией, "общение компьютеров" в сетях и т.д. Означает также конвергенцию различных типов данных. В этом значении "мультимедиа" стал потребительским термином, служащим для ориентации пользователей компьютеров в разнообразных функциональных возможностях последних.

Нередко в качестве синонима Н.М. используется термин "компьютерно опосредованные коммуникации" ("computer mediated communications" (CMC), "цифровые медиа" (digital media). Термин "Н.М." используется также в качестве альтернативы рыночно-технологическому термину "мультимедиа", поскольку акцентирует культурное и социальное значение компьютерных коммуникаций, то что можно отнести к дискурсу вокруг/о Н.М. Новейшие научные издания носят названия, включающие этот термин: например британский журнал "Новые медиа и общество" ("New Media and Society", SAGE Publications).

Принципиальным моментом в социологической интерпретации Н.М. является представление о конвергенции. В конвергенции сливаются два процесса: функциональная интеграция средств коммуникации и экономическая интеграция отраслей и компаний, производящих эти средства. В дискурсе конвергенции, однако, конструируется не только эта экономико-технологическая реальность, но и идеологическая модель глобализации господства капитала, контролирующего экономику высоких технологий и культуры. Центральный пункт представлений о конвергенции – образ идеальной коммуникативной системы Н.М. ("информационной супермагистрали"), в которой происходит интеграция звука, видео- и текстовых данных с возможностью хранения в гигантских библиотеках; интеграция включает также интерактивные механизмы. Рассмотрение Н.М. как конвергенции с чисто функциональных позиций означает анализ типов сервисов (или информационных услуг), предоставляемых средствами Н.М.

Конвергенция отражает ряд общих тенденций постиндустриальных изменений: специфическую логику взаимодополнения новейших технологических достижений, общую либерализацию социальных отношений, глобализацию рынков и рост экономики услуг. Общая идеализированная черта информационных сервисов – удобство, включающее легкость доступа / использования в доме и офисе, возможность общения, доступ к информационным ресурсам, скорость, разнообразие данных.

Социологические исследования Н.М. фокусируются на формировании виртуальных сообществ (кибер-сообщества, он-лайновые сообщества) и виртуальных социальных структур, на проблемах влияния Н.М. на смену поколений на пике технологической революции, на возникновение новых линий социальной стратификации (см.). Примечательно также, что многие исследования имеют интенцию рассматривать виртуальные сообщества, создаваемые средствами Н.М., как суб-

культуры (см.) со своей историей, мифами, героями и реальными носителями данной субкультуры.

Единой точки зрения по поводу определения Н.М. не существует. В Калифорнийской школе идеологии (Барбрук, Камерон), получившей широкое распространение и политическое влияние в США и Западной Европе используется близкое по сути понятие "гипермедиа" (hypermedia), однако идеологи вкладывают в его значение момент революционной *индивидуализации* средств передачи информации. С точки зрения У. Эко, Н.М. действительно обладают потенциалом реализации некоего утопического проекта социальной эмансипации. Суть его в том, чтобы за счет электронного общения усилить коэффициент солидарности, "вытащить людей из их домов и бросить их в объятия друг друга". Использование сети должно быть радикально демократизировано для создания открытого публичного доступа.

Исследователи отмечают целый ряд проблем, связанных с развитием Н.М. Первая – это одиночество и затерянность в Интернете, вынужденная редукция себя до частички информационных источников и потоков данных. Другая трудность заключается во всевозрастающем переизбытке информации и неспособности (антропологической) ее переработать и использовать (или даже уничтожить). В связи с этим обществу необходима новая экология и новый вид грамотности, критической компетенции в овладении виртуальным дискурсом и механизмами селекции данных и каналов коммуникации.

Еще одна линия проблематизации проходит по линии анализа проблем власти и надзора с использованием Н.М. Ключевой вопрос – вопрос подключения или доступа к сети (информационной супермагистрали). Здесь, с одной стороны, возникает проблема принуждения быть подключенным к каналам Н.М., с другой – проблема неравенства доступа к возможностям виртуального дискурса. Некоторые авторы (например, А. Шапиро) настаивают на том, что с распространением Н.М. произошла *"революция контроля"*, которая невероятно быстро сделала дискурсивные практики общения "многих-со-многими" (many-to-many-interactivity) и универсальный доступ в глобальную сеть естественной (привычной, незамечаемой) частью повседневной жизни. Вся эта индивидуальная свобода и персонализация имеет следствием возможность обходить многие препятствия и уклоняться от внешнего контроля, одновременно наращивая неопределенность, дезорганизацию и конфликтность ценностей. С противоположных позиций Р. Вайтекер на примерах использования телекоммуникационных, компьютерных и биотехнологий пытается показать, что тотальный контроль становится все более возможным и осуществимым (см. также **Прозрачность**).

Тот факт, что Н.М. определяются в связи с "интерактивностью", "цифровыми форматами" критически настроенные теоретики (Крокер – см.; Престон, Керр) склонны интерпретировать как определенный набор слов, жестко привязаный к политическим дискурсом медиа- и бизнес-элиты, в центре внимания и экономических интересов которых находятся технологические темы и проблемы конвергенции. В данном случае необходимо вести речь о новой культурной индустрии, которая зависит не столько от глобальной экспансии коммуникаций, сколько от национального и локального содержания информации. Так продолжается экспансия культурной индустрии в мир повседневности. Вторжение крупного медиакапитала (Н.М.-капитала) в обыденную жизнь происходит не только в виртуальных пространствах. Гиганты американского медиа-бизнеса обживают центры мегаполисов, размещая на сцене городов огромные медиа-объекты и развлекательные центры, которые призваны, согласно их официальным стратегиям, "разрушить стену между культурами, развлечением и совершением покупок, удовольствием и доходом, зрителем и зрелищем". Особенность этой бизнес-стратегии виртуализации в том, что подобные развлекательно-торговые центры организуют публичное пространство и пытаются вытащить людей из своих приватных / домашних электронных бункеров.

Бесспорным социокультурным фактом является и то, что Н.М. совершили переворот в развлекательной (популярной) культуре (от домашних и сетевых компьютерных игр до гигантской фабрики кино- и видеоспецэффектов – империи виртуальных удовольствий Дж. Лукаса) и способствовали ее глобальному распространению и усилению ее доминирующей роли. Институциальные проблемы функционирования индустрии культуры в жестких рамках техноэкономического детерминизма приобретают иной ракурс в мире повседневной жизни. В культуриндустрии происходит реверсия технологии и культурных практик: технологические средства развлечений проникают в мир повседневного опыта (дома, бары и кафе, развлекательные центры), который, в свою очередь, накладывает ограничения и регулирует социализацию технологий – так технология трансформируется в культуру и социальные практики. Таким образом, изменяется ландшафт опыта в целом: техники удовольствий все более сливаются с дискурсивным моделированием досуга и развлечений, а использование знания превращается в использование удовольствий с помощью знания, производящего удовольствия (знания-как-удовольствия). Возникает особая точка приложения дискурса Н.М. – мир развлечений, "знание / удовольствие", "популярная культура", созданная технологической машиной производства удовольствий.

Н.М. включаются в мир повседневности на уровне обыденного языка, на уровне пользователя – обычного человека, непрофессионала и его участия в социальном конструировании новых цифровых коммуникаций. Обычные люди активно интерпретируют технологии и тем самым демократизируют и гуманизируют их. Эмпирические исследования показывают, что при использовании Интернет-общения (по электронной почте, на Интернет-форумах, для поиска работы или общения с родственниками, живущими на другой стороне планеты), не происходит десубъективации и отрыва от биографических нарративов. Более того, в отношении традиционных институтов у людей возникает ощущение более легкого и реального доступа к ним через Интернет, к разговору, к обращению, к стимулированию решения проблем. Н.М. стимулируют соци-

альную интерактивность. Как следствие такого наращивания прозрачности, реальная отчужденность и закрытость институтов преодолевается виртуально, что свидетельствует о реальной демократизации. По мнению Д. Нормана, широко известного в мире разработчиков компьютерной техники, границы подобной ассимиляции Н.М. в повседневности можно установить технологически. Причем таким образом, что компьютер "растворится" в обыденной жизни, станет невидим и еще более функционален как идеальный раб.

На уровне пользователя / потребителя возникает еще одна показательная ситуация, когда мультимедиа продукция (компьютерные игры, музыкальные и видеоколлекции, справочники и пр.) оценивается преимущественно с точки зрения культурной релевантности ее содержания, а не формальной перцепции "медиа". Конкретный пользователь покупает содержание: такую-то игру или музыкальный сборник для воспроизведения на компьютере. Обмен информацией важен, но не менее важно то, что именно содержится в обмене. Популярная в России электронная энциклопедия "Кирилл и Мефодий", к примеру, – это не просто цифровой медиум, а некоторое национально значимое знание в виде потребительски значимого продукта. Таким образом, Н.М. способствуют обогащению культурного опыта людей.

Д.В. Галкин

НОЗИК (Nozick) Роберт (р. 1938) – американский философ. Профессор Гарвардского университета. Основные сочинения: "Анархия, государство и утопия" (1974), "Философские объяснения" (завершена между 1974 и 1979, опубликована в 1981), "Оглядываясь на жизнь" (1989) и др.

Н. – убежденный оппонент обеих крайностей современной политической философии как социалистического консерватизма Ролса (см.) и модернизированных марксистских учений о справедливом государстве, так и анархистского отрицания государственно-правового регулирования. По мысли Н., общество суть результат свободных обменов между людьми. Легитимные правовые и нормативные рамки могут обусловливаться только естественными индивидуальными правами индивидов (в первую очередь, на свободу и равенство): "у индивидов есть права; есть нечто такое, чего не может сделать ни один человек и ни одна группа людей, не нарушив прав других. Эти права настолько важны, что возникает проблема: может ли государство и его функционеры вообще на что-то влиять". Государство отсюда – спонтанно-рождающийся организм, итог актов обмена и взаимной передачи компетенций – проходящее в своей эволюции три этапа: союз ради защиты, союз защиты-господства и ультраминимальное государство.

Согласно Н., государство, с одной стороны, отнюдь не имеет права требовать от индивидов, живущих на соответствующей территории, исполнения чего бы то ни было (вплоть до налогов и воинской повинности); с другой, – граждане не должны иметь никаких претензий на льготы и социальные гарантии. (Полемизируя с теорией справедливости Ролса, Н. отказывался полагать всевозможные блага даром богов. По его мнению, "собственность личности оправдана, если установлены права на нее посредством принципов справедливости в приобретении, передаче и ректификации (исправлении от возможной несправедливости".) Государству позволительно вмешиваться во взаимоотношения людей лишь в том случае, когда нарушаются чьи-то естественные свободы, либо при абсолютно добровольном перераспределении определенных функций: возникая на рынке индивидуальных соревнований, власть, по Н., всего лишь гарант основных прав человека. Так, по его версии, "ультраминимальное государство удерживает монополию на любое применение силы, исключая случаи необходимой и немедленной самозащиты, увольнение провинившихся и другие подобные случаи". Как утверждал Н., право на монопольную защиту от насилия приобретают лишь лица, заключившие с государством соответствующий договор. Поэтому в условиях "минимального" государства налоги выплачивают все, ибо всем гарантируется право на защиту.

Стремясь гносеологически и онтологически обосновать свою политико-философскую концепцию, Н. разработал ряд требований к философствованию как таковому. "Старые вопросы, – писал Н. в "Философских объяснениях", – способствовали появлению на свет этой книги. Имеет ли жизнь смысл? Существуют ли объективные этические истины? Свободна ли наша воля? Какова природа нашей самости? Даны ли неизменные пределы нашему пониманию?" Позже ("Оглядываясь на жизнь") Н. формулирует новые проблемы: "Почему недостаточно быть просто счастливым? Что значит быть бессмертным? Передаваемы ли блага по наследству? Насколько ценна теория озарения? Много ли мы потеряем, отказавшись от эмоций? В каком смысле жертва на кресте изменила человечество? Что мы теряем, когда думаем только о богатстве и власти? Как объясняет себе религиозный человек зло и почему Бог его допускает? Что есть особенного в том, как страстная любовь меняет личность? Что такое мудрость и почему философы так стремятся к любви? Что неизбежного в расхождении между идеалами и фактами? Может ли одно быть реальнее другого и можем ли мы сами стать более реальными?" В "снятом" виде Н. интересовали проблемы: как возможны некоторые вещи? как возможно знание? как возможны объективные этические истины? По его мысли, цель философии заключается в выработке таких позиций и максим, которые способны предохранить нашу систему этических и поведенческих предпочтений от негативных внешних деструкций. (По мысли Н., понятие "настоящее" весьма перспективно для философствования: постижение же этого "настоящего" осуществимо через опыт медитативного типа.)

Н. противопоставляет неизбывно очаровательный Парфенон – "архетип классической эстетики" – узкой и очень высокой кирпичной башне традиционалистского философствования, стремящегося дедуцировать глобальное видение мира из нескольких метафизических принципов. "Объяснение", по Н., призвано прежде всего "стимулировать" читателя к альтернативным способам мышления, но не подталкивать его к определенным выводам. (Целью книги "Оглядываясь на

жизнь" выступила критика "принудительной силы" аргументации как логического жанра; "объяснение", по Н., призвано было противостоять репрессивному потенциалу классической логики.) Четко осознавая, что его модель "минимального" и "ультраминимального государства" суть не более чем очередная утопия, Н. предлагал поразмыслить о том, сколько взаимоисключающих вариантов мыслимых утопий сочинили "...Витгенштейн, Бертран Рассел, Томас Мертон, Йоги Берра, Аллен Гинзбург, Гэрри Вольфсон, Торо, Кэзи Стенгель... Пикассо, Мозе, Эйнштейн, Хай Хеффнер, Сократ, Генри Форд, Ленни Брюс... Будда, Фрэнк Синатра, Колумб, Фрейд, барон Ротшильд, Тэд Вильямс, Томас Эдисон, Петр Кропоткин, вы и ваши родители". Именно "ультраминимальное государство", по Н., предоставляет каждому индивиду или группе индивидов абсолютное право на выбор собственного пути и полную свободу в реализации своих утопических чаяний.

А.А. Грицанов

"НОМЕНКЛАТУРА. Господствующий класс Советского Союза" – книга Восленского (см.), изданная впервые в 1980 на немецком языке в издательстве Fritz Molden. Была переведена на 14 языков. Оказала значительное влияние на развитие современной социологической и политологической мысли. На русском языке книга впервые вышла в 1990 с предисловием Джиласа (см.).

По Восленскому, термин "Н." (от лат. nomen – имя) первоначально применялся для обозначения распределения функций между различными партийными, советскими, административными и хозяйственными руководящими органами. По распределение функций было связано с распределением должностей и высших должностей, поэтому кадровый аспект приобрел невиданное значение и вместил в себя все содержание термина "Н.": 1) перечень руководящих должностей, замещение которых производит не начальник данного ведомства, а вышестоящий орган; 2) перечень лиц, которые такие должности замещают или же находятся в резерве для их замещения.

Предпосылки возникновения Н. автор связывает с созданием Лениным (см.) РСДРП как организации профессиональных революционеров для революционного воспитания пролетариата (см.) и использования его столкновений с эксплуататорами с тем, чтобы захватить власть. Ленин утверждал, что самостоятельно рабочий класс может выработать в себе только соглашательское, тредъюнионистское сознание, в соответствии с чем пролетарии ограничат свои интересы борьбой за повышение заработной платы, лучшие условия труда и быта и другими экономическими требованиями. А главный же интерес, по Ленину, – политический: в том, чтобы победила пролетарская революция, для которой главный вопрос – вопрос о власти. Решить его можно только в том случае, если в ходе революции власть перейдет в руки пролетариата в лице ее авангарда (организации профессиональных революционеров). Иными словами, профессиональные революционеры представляют интересы рабочего класса, состоящие, по их мнению, лишь в том, чтобы эти профессиональные революционеры пришли к власти.

Восленский задается вопросом: "А при чем тут рабочий класс? Почему рабочий класс должен вместо борьбы за улучшение своего положения бороться за улучшение положения ленинцев?" И отвечает, вскрывая суть ленинизма: рабочий класс – это по характеру своей работы наиболее организованный и дисциплинированный класс общества, именно он способен стать политической армией революции. Обладай достоинствами рабочего класса крестьянство, оно вполне бы вложилось в схему ленинского плана. То есть организация профессиональных революционеров с самого начала рассматривалась Лениным вне тогдашнего общества и должна была представлять собой самостоятельный социальный организм, руководствующийся своими правилами. Неминуемым объективным результатом осуществления этого плана стало возникновение в виде организации профессиональных революционеров деклассированной замкнутой группы, роль которой в с системе общественного производства и общества в целом состояла в том, чтобы взорвать существующую систему производства и структуру общества. Никакой иной роли в производстве она не играла и никакого места для нее в данной системе производства и общественной структуры не было. Зато у этой группы, по мысли Восленского, было четко определенное будущее. В случае победы революции, которую группа готовила, она с неизбежностью должна была превратиться из организации профессиональных революционеров в организацию профессиональных правителей страны. Большевики любили повторять, замечает Восленский, что Россия была беременна революцией. Точнее было бы сказать иначе: Россия оказалась беременной новым правящим классом, который мог прийти к власти только путем революции. Или, что ближе к истине, путем захвата власти на революционной волне.

О том, что по сути партия Ленина была кучкой революционных экстремистов, пишет Восленский, свидетельствует то обстоятельство, что о Февральской революции в России Ленин узнал из швейцарских газет. Он цитирует письмо Ленина Инессе Арманд: "Мы сегодня в Цюрихе в ажиатации: от 15.III. есть телеграмма в "Zurcher Post" и в "Neue Zurcher Zeitung", что в России 14.III. победила революция в Питере после 3-дневной борьбы, что у власти 12 членов Думы, а министры все арестованы... Коли не врут немцы, так правда". Иными словами Ленин совершенно не ожидал такого быстрого развития событий: за шесть недель до февраля, выступая перед молодыми швейцарскими социалистами, он выразил сомнение в том, что его поколение революционеров доживет до грядущей революции, выразив несколько большую уверенность в том, что молодежь все-таки доживет.

Профессиональная организация революционеров (ленинская партия) не сыграла никакой роли в антифеодальной революции, а сама эта революция в такой организации вовсе не нуждалась. Но и организация революционеров создавалась не для подготовки революции, а для захвата власти на ее волне. Когда возникнут необходимые условия. И на самом деле, в противоположность революциям 1905 и февраля 1917, октябрьский переворот 1917 действительно от начала до конца организовали и обеспечили ленинские профессиональные

революционеры. Необходимость отбора людей на руководящие посты была неоспоримой, потому что большевиков в стране после революции было мало, партийный аппарат надо было расширять, а к победившей партии норовили примкнуть карьеристы и просто проходимцы. Но по какому критерию проводить отбор? На первый взгляд, поскольку шла речь не о синекуре, а о работе, естественным была бы максимальная профпригодность и способность организовать дело. Но главными были избраны "политические признаки".

Это означало, замечает Восленский, что "если на должность директора какого-либо института претендовали беспартийный буржуазный спец Альберт Эйнштейн и братишка с Балтфлота Ваня Хрюшкин, отдавать предпочтение надо было Ване". В гражданскую войну большевики использовали "военспецов" – бывших царских офицеров и генералов, в период индустриализации – своих и привозных "буржуйских" инженеров. А в классическом виде "политические признаки" требуют назначать на посты людей, которые для этих постов и не очень-то и подходят. В конкурентном обществе это было бы немыслимым. Но в том то и дело, что не вполне компетентный человек, всегда чувствует, что занимает свое место не по праву, а по милости руководства, и если эта милость заканчивается, он легко может быть заменен другим: "У нас незаменимых людей нет". А поскольку Эйнштейна все-таки заменить труднее, чем Хрюшкина, то и назначать надо Хрюшкина, замечает Восленский. Такой подход порождал у назначенцев не просто покорность вышестоящим, но и заставлял их всемерно выслуживаться, чтобы хотя бы таким способом декларировать свою незаменимость. Это не значит, хорошо работать, но значит хорошо делать то, чего желает начальство.

Даже в среде мелкого служилого люда, отмечал Восленский, получается удивительный результат, а на уровне руководящих кадров, назначенных по такому принципу и легко заменимым, дает изумительные политические возможности. Сталинские назначенцы, подчеркивает Восленский, были людьми Сталина. Но и он был их человеком. Они составляли социальную опору его диктатуры, но не из трогательной любви к диктатору-грузину: они рассчитывали, что он обеспечит их коллективную диктатуру в стране. Подобострастно выполняя приказы вождя, они деловито исходили из того, что эти приказы отдаются в их интересах. Сталин мог любого их них в отдельности выгнать и обезглавить, но пойти против Н. в целом он никак не мог. Он безжалостно "очищал" общество, снимая слой за слоем нэпманов, кулаков, духовенство, но одновременно старательно заботился об интересах своих назначенцев, об укреплении их власти, привилегий. Даже публично критикуя, он наделял их "царскими" полномочиями и тем самым укреплял их авторитет. Сталинская гвардия хотела властвовать безраздельно и прочно в этой стране и в этом времени. Старая же ленинская гвардия, которую обманувшийся в скором наступлении мировой революции Троцкий (см.) потчевал идеями о перманентной революции, уже не устраивала усаживающийся в номенклатурные кресла новый класс. Они хотели контролировать ситуацию: не получилось во всем мире, значит надо делать в отдельной стране. Эту волю своих назначенцев Сталин поспешил облечь в солидно звучавшую формулу – "построение социализма в одной стране".

Восленский отмечает, что в политическом и историческом значении в общедоступной советской справочной литературе термин "Н." или не рассматривался, или упрощенно трактовался как перечень должностей, назначение на которые утверждается вышестоящими органами. Определение, – отмечает Восленский, – невразумительное, ведь любое назначение производится по решению выше-, а не нижестоящих органов. В прессе термин "Н." широко употреблялся в период хрущевской оттепели в связи с характерной критикой "бюрократизации партии" при Сталине, но в 1970-е слово "Н." практически исчезло из употребления. В справочной литературе того времени "Н." упоминалась как неологизм 1960-х, впоследствии исключенный из употребления как потерявший актуальность.

Единственное развернутое определение "Н." содержалось не в общедоступных справочниках, а в учебных пособиях для системы партийного образования: "Номенклатура – это перечень наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматриваются, рекомендуются и утверждаются данным партийным комитетом (райкомом, горкомом, обкомом партии и т. д.). Освобождаются от работы лица, входящие в номенклатуру партийного комитета, также лишь с его согласия. В номенклатуру включаются работники, находящиеся на ключевых постах". Н. обозначает и всех лиц, занимающих такие посты. Н. служила и самоназванием входящих в нее лиц.

Таким образом, Н. – это действительный правящий класс в СССР и других странах "реального социализма" ("новый класс" по Джиласу). Все развитые человеческие общества поделены на классы, но марксизм пообещал создать бесклассовое общество. В СССР, после коллективизации, о чем сказал Сталин в 1936 в докладе "О проекте Конституции Союза ССР", было продекларировано социалистическое общество. Это общество без антагонистических классов, оно состоит из двух дружественных классов – рабочих и крестьян и рекрутируемой из них прослойки интеллигенции. Но это и совершенно новые классы, невиданные в истории социальные группы. Советский рабочий класс – не прежний пролетариат; он перестал быть эксплуатируемым классом, лишенным средств производства и продающим свою рабочую силу, а совместно со своим народом владеет средствами производства и освобожден от эксплуатации. Крестьянство из эксплуатируемого класса мелких распыленных производителей, базирующего свое существование на частной собственности, единоличном труде и примитивной технике, превратилось в освобожденный от эксплуатации класс, базирующий свою работу на кооперативно-колхозной собственности, на коллективном труде и передовой технике. Советская интеллигенция – трудовая, подавляющее большинство ее составляют выходцы из рабочего класса и крестьянства, она служит трудовому народу и имеет все возможности для применения своих знаний. Это,

отмечает Восленский, классика, которая устояла перед всеми ревизиями вплоть до конца "перестройки", когда в силу назревших противоречий, Н. потеряла внутреннее единство, а вместе с ним и власть.

К.И. Скуратович

НООСФЕРА (греч. nous – разум и sphaira – шар) – сфера взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития (эта сфера обозначается также терминами "антропосфера", "социосфера", "биотехносфера"). Понятие "Н." было введено в начале 20 в. Э. Леруа, который трактовал ее как "мыслящую" оболочку, формирующуюся человеческим сознанием. Н. – новая, высшая стадия эволюции биосферы, становление которой связано с развитием человеческого общества, оказывающего глубокое воздействие на природные процессы.

Согласно В. Вернадскому, "в биосфере существует великая геологическая, быть может *космическая сила, планетное* действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о космосе... Эта сила есть разум человека, устремленная и организованная воля его как существа общественного". Становление человечества как геологической силы привело к новым формам обмена веществом и энергией между обществом и природой. Вернадский, показав зависимость изменения состава, массы и скорости миграции химических элементов в биосфере от производственной деятельности, подчеркивал необходимость контроля человеком обмена веществ и энергии между обществом и природой как пути, ведущему к Н. Понятие "Н." отражает необходимость разумного управления природными процессами на основе осмысления законов природы. Человечеству еще предстоит на основе интеграции множества наук создать стройную теорию Н. – теорию самоорганизации материального и духовного мира. Развитие общества должно осуществляться сообразно природным закономерностям. Концепция Н. служит методологической ориентацией коэволюции человека и природы, открывает возможность согласования человеческой деятельности и природных ритмов.

П.А. Водопьянов

НОРМА (лат. norma – руководящее начало, правило, образец) – 1) средняя величина, характеризующая какую-либо массовую совокупность случайных событий, явлений; 2) понятие, обозначающее границы (меру трансформаций), в которых явления и системы (природные и социокультурные), человеческая деятельность, поведение и общение, сохраняют свои качества и функции, задающие их внутреннюю соразмерность (упорядоченность). В социальной сфере Н. конкретизируются через нормативы (специально аналитически рассчитываемые характеристики состояний), правила и предписания, а также через соотносимые с ними эталоны – образцы. Н. выступают как регулятивы социальных взаимодействий всех уровней и видов, обеспечивающие их организацию, упорядочивание, институционализацию и контроль. Изменение Н. является одним из механизмов изменения характера и направленности человеческой активности. Н. имеют два способа своего закрепления (и функционирования): знаковый (их закрепление в санкционируемых культурой кодексах, законах, сводах правил и т.д., а также в текстах культуры как таковых в плане нормативности их содержания; и социальный (их встроенность как схем в деятельность, поведение, общение). Кроме того, мышление, осознаваемая психическая жизнь также подчиняются определенным представлениям о "нормальности", репродуцируемым в данной культуре (Н. суть "лишенная пространства точка между сумасшедствием и дураком", – Лотман). Сверхзадача Н. – удержать инвариантность через полагание пределов вариативности. Инвариативность в Н. – это отсылка к "стоящей" за ней и "выражаемой" в ней ценности. Статусом абсолютности в культуре может обладать только последняя, но она как бы инверсирует эту абсолютность в Н., подкрепляя последнюю своим авторитетом.

Н. как абсолютизированное относительное, выступает законом функционирования социокультурных целостностей, обеспечивающим их устойчивость и самотождественность. В социальной реальности Н. могут складываться стихийно как практически находимые эффективные схемы взаимодействий, действий и отдельных операций (преобладающий тип нормотворчества в традиционных культурах), а могут специально (вне предполагаемых областей применения) разрабатываться соответствующими институциями (в том числе и через специальную обработку эксплицированных практических схем) и целенаправленно внедряться в социальную жизнь (преобладающий тип нормотворчества в нетрадиционных культурах). Предлагаемая Н. может быть отторгнута на уровне социокультурных практик. Принятие же означает ее постепенную стереотипизацию в схемах опыта, с возможным последующим вторичным ее осознаванием как естественно возникшей в самом этом опыте и необходимостью ее нового "снятия". Такого рода схема движения Н. может быть обозначена как нормацикл, предполагающий переменную оборачиваемость знаковой и социальной форм функционирования Н. Опривычивание ("хабитуализация"), нормирование, легитимизация и санкционирование (с акцентом на нормировании и включении в нормацикл) – это способ освоения в системе актуальных отношений любой инновации (иначе последняя остается на уровне культурного артефакта).

Исторически Н. возникает из традиции как основного регулятива в архаических и доминирующего в традиционных обществах. Логически же сама традиция (в определенном аспекте своей функциональной нагрузки) может быть рассмотрена как особый тип Н. Основное отличие Н. от традиции усматривается в принципиальной "вписанности" последней в процессы жизнедеятельности (регуляция всегда "изнутри") и возможности (и преобладания) в Н. регуляции "извне", ее не только целевой, но и возможной целеполагающей предназначенности к регуляции не столько самих процессов жизнедеятельности, сколько стремящихся к институонализации связей и отношений (хотя Н. и задает соразмерность любым

социокультурным проявлениям и может быть интериоризирована, стереотипизирована в опыте).

Н. и традиция в пределе (в идеальном типе) имеют: разные генетические основания – Н. искусственно конструируется, традиция складывается естественно-исторически (1); разный характер своей обязательности – Н. санкционируется (приобретает легитимизацию) вне регулируемой ситуации специальными институциями, традиция же стремится к самодостаточности, автономизации областей действия своей регуляции, не нуждается во внешних институциях (2); традиция стремится гомогенизировать свои содержания, Н. – гетерогенизируется, расщепляется по мере обнаружения в ней новых содержаний и применения к новым ситуациям регулирования (3). Учет этих оснований различения позволяет выделить четыре типа подсистем в полной социокультурной нормативной системе. Две из них характеризуют нормирование через традицию (аутентичная и вторичные виды традиции; последние есть по сути традиционализированные, т.е. "о-естествленные" Н.). Две других – нормирование через Н. (собственно Н. – технические и большинство социальных (в узком смысле слова) как регулирующих социальные взаимодействия и отношения, процессы распределения власти и управления в социальных системах; Н. как "о-искусственные" традиции). Кроме того, традиция и Н. векторно разнонаправлены (4). Традиция стабилизирует и задает инерционность, акцентирует момент преемственности, детерминирует из прошлого. Н. – реагирует на изменения, акцентирует момент креационности (механизм внедрения инновации), детерминирует из будущего. Традиция непрерывна в своем действии. Н. – дискретна. Первая как бы задает внутреннюю, а вторая – внешнюю формы. Во внутренней структуре Н. выделяются три составляющие: диспозиция Н. (описание ситуаций и способов применения, транслируемых в Н. содержаний), императив Н. (обязательства, накладываемые Н.), характер связи диспозиции и императива (предписывание, дозволение, запрещение). Акцентирование императива определяет жесткость Н., акцентирование диспозиции – ее релятивность. В последнем случае в Н. явственнее проступает стоящая за ней ценность ("ценности сами по себе вообще не имею места в мире сущего… но значат" – Виндельбанд), в первом – актуальные социальные потребности и интересы. Тем не менее и ценностно-проявляющиеся (культурные в узком смысле слова) Н. могут носить достаточно жесткий характер (особенно "табу" культуры), а выражение непосредственных социальных потребностей и интересов – быть достаточно мягкими (прежде всего дозволения, в предельном случае – максима "что не запрещено, то разрешено"). Различают: неразвитые Н. (императив практически не прописан), "мертворожденные" Н. (императивы не имеют под собой социальных и (или) культурных оснований), Н.-фикции (условий для действия императива уже нет, но Н. не денонсирована и продолжает нести знаковые нагрузки), Н.-фантомы (императивность Н. (как и они сами) запрещается, но продолжает реально действовать, например приоритет закона кровной мести перед санкционируемым государством уголовным законом, преследующим кровную месть), реальнодействующие (в разной степени актуализации) Н. По генетическому источнику императива можно различать: Н. экстравертированные (внешний источник, власть), Н. интровертированные (самопорождающиеся), Н. амбивалентированные (Н.-амбоверты). Этим задается сила или слабость Н.

Ситуацию "отсутствия" или "исчезновения" Н. Дюркгейм (см.) предложил описывать как "аномию" (см.). Нарушение Н. описывается в социологии как социальное отклонение (девиация). В культуранализах появление инновации есть также нарушение Н. В социологических и культурологических анализах особый интерес вызывает выявление реальных источников императивности на микроуровнях социума, в микросредах и конкретных жизненных ситуациях. В данном случае речь идет о референтных источниках Н., инверсирующих Н. и доводящих их до конкретного потребителя. Н. не действуют в культуре и социуме изолированно друг от друга, а образуют, как правило, соотносимые и (или) конкурирующие нормативные системы. В этом отношении проводится дифференциация Н. по сферам их применения (этические, социальные в узком смысле слова, культурные в узком смысле слова, эстетические, правовые и т.д.). В литературе представлены тенденция к универсализации всех Н. либо как социальных, либо как культурных (в широком смысле слова) и противопоставления их на этом основании Н., регулирующим природные (иногда и технические) системы. В целом Н. суть средства духовно-практического освоения мира, способы познания и действия субъектов, необходимое условие установления взаимосоотнесения их между собой. Н. суть социокультурные программы.

В.Л. Абушенко

НОРМАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ – один из наиболее широко используемых видов теоретического распределения. Н.Р. наблюдается в тех случаях, когда изменения *признака* вызываются множеством независимых друг от друга (или слабо зависимых) факторов, каждый из которых играет в общей сумме примерно одинаковую и малую роль, т.е. отсутствуют доминирующие факторы. В качестве стандарта в статистике используется единичное Н.Р., в котором среднее значение признака равно 0, а стандартное отклонение равно 1 (т.е. $\mu = 0$, $\sigma = 1$).

Свойства единичного Н.Р.:

1. Площадь под нормальной кривой равна 1.

2. 68 % площади под кривой лежит в пределах одной σ от среднего в обе стороны, 95 % площади под кривой лежит в пределах двух σ от среднего, 99,7% площади под кривой лежит в пределах 3σ от среднего.

3. График Н.Р. симметричен относительно среднего.

Для определения площади слева от любой точки по оси Z имеются статистические таблицы следующего вида:

Значение Z	Площадь слева от Z	Ордината для Z
0,00	0,5000	0,3989
0,50	0,6915	0,3521
1,27	0,1020	0,1781
1,96	0,9750	0,0584

Пусть необходимо найти площадь слева от Z = 0,5. По таблице во втором столбце находим 0,6915. В третьем столбце находится ордината для Z = 0,5; она равна 0,3521.

Фактически существует множество нормальных кривых, отличающихся друг от друга μ и σ. Но все они обладают свойствами единичного Н.Р. и могут быть использованы для вычисления площади под кривой слева от некоторого значения Z. Всякую нормальную кривую можно совместить со стандартной кривой единичного Н.Р. путем вычитания μ и деления на σ. Если, например, Н.Р. такого признака, как рост взрослых мужчин, имело бы среднее значение (μ = 178 см, а σ = 6,3 см, то для точки со значением 170 см площадь слева от Z составит 10,2 %: Z = (170–178):63 = –1,27 (по таблице площадь равна 0,1020, т.е. 10,2%). Это означает, что 10,2% взрослых мужчин имеет рост меньше 170 см.

Н.Р. используется как в описательной статистике (научное описание совокупности данных), так и в теории статистического вывода – при оценке генеральной совокупности (см.) по выборочной. Используемые в социологии статистические критерии проверки гипотез представляют собой случайные величины, распределенные нормально (Z-критерий) и опирающиеся на Н.Р; (критерий χ^2, *F*-критерий Фишера, *t*-критерий Стьюдента).

Z-критерий используется для проверки значимости коэффициентов корреляции. Пусть коэффициент корреляции признаков стажа и заработка равен 0,8 (r = 0,8), количество наблюдений n = 50. Тогда $Z = r: (1: \sqrt{n-1}) = 0,8: (1 : \sqrt{49}) = 5,6$.

Для определения Z-критерия необходимо найти ординату Н.Р. по формуле $U = (1–2\alpha) : 2$, где α – допустимый уровень значимости, в социологических исследованиях α = 0,05. $U = (1–2 \cdot 0,05) : 2 = 0,45$.

По таблице "Доли площади под нормальной кривой..." (см.: Рабочая книга социолога. М.: Наука, 1976. С. 506) находим, что ординате (U = 0,45 соответствует Zкр = 1,65; т.к. Z > Z кр., то r = 0,8 значим на уровне 0,05 и лишь в 5 % случаев может оказаться равным нулю.

С.А. Шавель

НУЛЕВАЯ СТЕПЕНЬ – понятие социологии и философии постмодерна, означающее мнимую референциональность мифологического (Р. Барт), гиперреального или симулякра (Бодрийар), а также лимитированность гиперинтерпретации (Эко); де-конструкт радикальной рефлексии развития культуры модерна, вскрывающий ее фундированность идеей присутствия, наличия. Впервые понятие "Н.С." использовано датским глоссематиком В. Брендалем для обозначения нейтрализованного члена какой-либо оппозиции. Однако широкое применение приобретает благодаря работе Р. Барта "Нулевая степень письма" (1953) – "введению в книгу, которая могла бы стать Историей Письма". Проблематика Н.С. рассматривается Р. Бартом в контексте различения языка и стиля, мифологии и литературы. Письмо (см. **Письмо**) есть "некое формальное образование, связывающее язык и стиль". Язык, согласно Р. Барту, носит надындивидуальный характер и является "естественным продуктом времени", результатом Истории и Общества. В то же время, язык есть, скорее, эпистемологическая категория, не редуцируемая к инструментальности: "не столько запас материала, сколько горизонт, то есть одновременно территория и ее границы"; это анонимная потенциальность – "площадка, заранее подготовленная для действия, ограничение и одновременно открытие диапазона возможностей". Напротив, стиль означает кумулятивность телесного опыта пишущего, "он обусловлен жизнью тела писателя и его прошлым", "превращаясь мало-помалу в автоматические приемы его мастерства". Стиль исходит из сферы индивидуальной, "интимной мифологии" пишущего, "сферы его речевого организма, где рождается первоначальный союз слов и вещей". Таким образом, язык – это территория, на которой размещается аккумулированное прошлое писателя, или – архив, в который проникает телесность (см. **Тело**). Стиль – это сырье, "природная "материя" писателя, его богатство и его тюрьма, стиль – это его одиночество". Горизонт языка и вертикальное измерение стиля (посредством исторически детерминированной комбинаторики языковых элементов и трансформации индивидуальной телесности) производят пространство, где и появляется письмо, – "сознающая себя форма", благодаря которой писатель "приобретает отчетливую индивидуальность", принимая на себя социальные обязательства. Следовательно, письмо по сути выступает как социальная практика, "акт исторической солидарности", деятельность, обусловленная сознательным выбором определенной позиции (в то время как "язык и стиль – слепые силы", т.к. ни язык, ни стиль нельзя выбрать; "язык и стиль – объекты; письмо – функция; она есть способ связи между творением и обществом"); "письмо – это не что иное, как компромисс между свободой и воспоминанием, это воспоминающая себя свобода, остающаяся свободой лишь в момент выбора, но не после того, как он свершился". Выбор типа письма означает ангажированность писателя и совпадает с "выбором социального пространства, в котором располагается слово" и которое тем не менее не сводимо к пространству потребителей литературы или к конкретным социальным группам. Выбор письма – "это выбор в сфере духа, а не в сфере практической эффективности. Письмо – это способ мыслить Литературу, а не распространять ее среди читателей"; "писать – значит предоставлять другим заботу о завершенности твоего слова; письмо есть всего лишь *предложение*, отклик на которое никогда не известен". За свою эволюцию письмо пережило "все этапы постепенного отвердевания", по мере развертывания которых, с одной стороны, происходит догматизация, сакрализация письма, его кристаллизация в Истории в качестве "изящной словесности; а с другой, – нарастает необходимость освобождения письма от тоталитарности языка, требование "обнаружить явление, полностью лишенное Истории, обрести новый, пахнущий свежестью язык".

Т.обр. письмо выступало как 1) объект разглядывания (например, письмо Шатобриана, которое "едва заметно отвлеклось от своего инструментального назначения и принялось вглядываться в собственный лик"); 2) объект производства, когда создавалась "рабочая стоимость письма", а лите-

ратурная форма стала объектом потребления наряду с другими товарами, т.е. "сам акт производства был "означен", впервые превращен в зрелище и внедрен в сознание зрителей" (письмо Флобера); 3) объект убийства, когда письмо интегрировало Литературу и мысль о ней, и объективация Литературы достигла финальной стадии – смерти ("все усилия Малларме были направлены на разрушение слова, как бы трупом которого должна была стать Литература"); наконец, 4) объект исчезновения, на котором совмещаются "порыв к отрицанию" и "бессилие осуществить его на практике", чему и соответствует Н.С. письма. (Ср. у Эко: "раз уж прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведет к немоте, его нужно переосмыслить".) Н.С. письма (иначе – "белое", "нейтральное", "прозрачное" письмо) есть, по Р. Барту, иной способ "освободить литературное слово". Это сугубо денотативное письмо, лишенное каких-либо коннотативных идеологических содержаний (что сближает данную интерпретацию с бартовской же интерпретацией мифологии: Н.С. письма – это антимифологическое письмо). "Письмо, приведенное к нулевой степени, есть, в сущности, не что иное, как письмо в индикативе или, если угодно, внемодальное письмо", сводящееся "к своего рода негативному модусу, где все социальные и мифологические черты языка уничтожаются, уступая место нейтральной и инертной форме". Примером такого рода письма для Р. Барта выступает "Посторонний" Камю, создавший стиль, "основанный на идее отсутствия, которое оборачивается едва ли не полным отсутствием самого стиля", следствием чего является "появление писателя без Литературы". Н.С. письма означает тем самым отсутствие мифологии и преодоление Литературы: язык обращается "в чистое здесь-бытие", писатель, не вовлеченный ни в одну идеологию, "становится безоговорочно честным человеком" (ср. ницшеанское "поэты врут"); "безгрешное, хранящее невинность письмо" "не предполагает никакого убежища, никакой тайны" (ср. идею соблазна у Бодрийяра). Письмо, приведенное к Н.С., обретает свою первоосновную функцию – инструментальность и "превращается в подобие чистого математического уравнения", однако с течением времени письмо начинает вырабатывать автоматические приемы "именно там, где расцветала его свобода" и в конечном итоге инкорпорируется мифологией. "Общество объявляет... письмо одной из многих литературных манер и тем самым делает узником его собственного формотворческого мифа", литература – это всего лишь форма, которую концепт "Литература" наделяет новым значением. Бартовское понимание мифа как вторичной семиологической системы и совокупности побудительных коннотаций, делает возможным реконструкцию понятия Н.С. в качестве основания концепции симуляции и гиперреальности Бодрийара. Означающее мифа характеризуется обратимостью означаемого и означающего естественного языка (первичной семиологической системы), из которых то состоит. "Вездесущность означающего в мифе очень точно воспроизводит физическую структуру *алиби* (известно, что это пространственный термин): понятие алиби также предполагает наличие заполненного и пустого места, которые связаны отношением отрицательной идентичности". Благодаря чему ни буквальное, денотативное прочтение мифа, ни его понимание как обмана или ложного смысла, не уничтожает миф. "Оказавшись перед необходимостью сорвать покров с концепта или ликвидировать его, миф вместо этого натурализирует его". Т.обр. основной функцией мифа является "натурализация концепта", обращение к естественному, предельному основанию реальности, т.е. к Н.С. Миф "претендует на трансформацию в систему фактов", на отождествление представления и реальности и, в конечном итоге, на трансформацию истории в природу – "в мифе вещи теряют память о своем изготовлении". Н.С. в этом плане есть натуралистическое алиби мифа, обеспечивающее его существование. Следствием бартовской концепции мифологии является переосмысление задач социальной критической теории: поскольку критика мифа в плане реального только укрепляет миф, оборачиваясь его Н.С., то становится необходимым мифологизация его самого, создание искусственного мифа с целью "превзойти систему в симуляции".

Развивая и радикализируя коннотативную семиотику Р. Барта, Бодрийар диагностирует поглощение системы вещей системой знаков. В этом смысле, в рамках рассмотрения функциональной системы или дискурса вещей, Н.С. вещи есть недостигаемый предел деконструкции, основанной на элиминации всех коннотативных (т.е. социокультурных вообще) значений и стремящейся к сухому остатку чистой функциональности: "Эта функция более не затемняется моральной театральностью старинной мебели, она не осложнена более ритуалом, этикетом – всей этой идеологией, превращавшей обстановку в непрозрачное зеркало овеществленной структуры человека" (весьма показательно, что Бодрийар называет стекло Н.С. материала). Эмансипация человека трудящегося своим следствием имела эмансипацию вещи, однако, подобно тому, как трудящийся освобожден лишь в качестве рабочей силы, так и вещь освобождена исключительно в с своей функции, но не в себе самой. Эмансипированная и секуляризированная вещь создана по "наипростейшей конструктивной схеме" (например, "такие предметы, как легкий, разборный, нейтрального стиля стол или кровать без ножек, занавесей и балдахина") и характеризуется как короткое замыкание или тавтология ("кровать есть кровать, стул есть стул"). В свою очередь, тавтологичность вещей приводит к деструктурации пространства, поскольку функциональная самодостаточность вещей не образует никакого соотношения между ними, следовательно, их расстановка не образует никакой структуры. С другой стороны, при рассмотрении не столько дискурса вещей, сколько их социоидеологической системы и потребления (т.е. вещь как знак), Бодрийар постулирует наличие "некоей вторичной функции, свойственной вещам "персонализированным" – то есть одновременно подчиненным императиву индивидуальности и заключенным в рамки системы различий, которая, собственно, и есть система культуры". Выбор из широкого набора возможностей делает, по Бодрийару, невозможным покупать вещи исключительно в целях их применения, "человек *личностно* вовлекается в нечто трансцендентное вещи". В социоидеологической системе

симуляции ни одна вещь не предлагается в Н.С. Ее потребление означает интеграцию в систему культуры и в экономический строй в целом (начиная с престижности статуса вещи и заканчивая тем, что вещь должна обслуживаться, ремонтироваться и т.п.), т.е. в сущности речь идет об интеграции в систему зависимостей от коннотаций вещи. С этих позиций Н.С. вещи оказывается не столько функциональной референтностью, сколько алиби трансцендентности или симулятивности культуры. В этом плане рекламный дискурс внушает не покупку какого-либо конкретного товара, но утверждает целостность симулятивной реальности. "Сопротивляясь все лучше и лучше рекламному *императиву*, мы зато делаемся все чувствительнее к рекламному *индикативу*, то есть к самому факту *существования* рекламы как вторичного потребительского товара и *очевидного* явления определенной культуры". Здесь имеет место негативный императив гиперреального: покупка товара не обусловлена его рекламой, напротив, товар никогда не будет куплен, если не сопровождается ей. Задавая археологию гиперреального, Бодрийар отмечает, что современной стадии предшествовала целая эволюция "порядков симулякров". Симулякр первого порядка – "подделка" – действует на основе естественного закона ценности; симулякру второго порядка – "производству" – соответствует рыночный закон стоимости и ценность выступает как средство обмена; симулякр третьего порядка – собственно, "симуляция" – регулируется структурным законом ценности (т.е. кодом) и функционирует как ценность-символ.

По Бодрийару, каждый новый порядок подчиняет и натурализирует предыдущий; и тогда Н.С. как референциональному алиби симулякра и форме, поглощающей свои предыдущие формы, соответствует естественность Природы – на первой стадии; "естественность" ценности, заключающаяся в реальности оригинальной вещи – на второй; "естественность" рыночного производства и серийной вещи, сопровождаемая критическим дискурсом экономического материализма и диалектики – на третьей. Между тем, бодрийаровская "критика политической экономии знака" становится возможной именно на стадии симуляции, поскольку только тогда образ (знак), ранее отражавший, маскировавший глубинную реальность или ее отсутствие, окончательно перестает соотноситься с какой бы то ни было реальностью и эволюционирует в чистый симулякр – короткое замыкание референтности. Следовательно, все знаки "реального" (революция, секс, тело, бессознательное и т.д.) поглощаются системой и включаются в строй симуляции. "Все революции наших дней привязаны к предыдущей фазе системы. Оружие каждой из них – ностальгически воскрешаемая реальность во всех ее формах, то есть симулякры второго порядка: диалектика, потребительская стоимость, прозрачность и целенаправленность производства, "освобождение" бессознательного, вытеснение смысла (то есть означающего и означаемого по имени "желание") и т.д. По Бодрийару, реальное – значит Воображаемое, Н.С. в этом случае есть следствие ностальгии по реальности в неразличимости ("безразличии") реального и воображаемого. Логика симуляции и соответствующая ей обратная логика Н.С. развертываются не по диалектической стратегии снятия, но по катастрофической стратегии возведения в степень: "приходится все доводить до предела, и тогда-то оно само собой обращается в свою противоположность и рушится". В результате "стадия симуляции" достигает своего предела – стадии "фрактальной", "вирусной" или "диффузной", стадией "эпидемии ценности", когда ценности распространяются "во всех направлениях, без всякой логики и принципа равноценности". Это стадия транспарентности (прозрачности) – катастрофической вирулентности, ризоматического метастазирования ценности, "кеерокса культуры". В результате политическое переходит в трансполитическое, эстетическое – в трансэстетическое, сексуальное – в трансексуальное. Политическое, например, подобно вирусу, проникает во все сферы и оказывается везде, кроме самого политического, выступая всего лишь симулятивной моделью самого себя, т.е. Н.С. трансполитического. Функционирование таких моделей характеризуется имплозией (т.е. "впечатыванием" в нее всех иных моделей) и орбитальностью, т.е. переходом на орбиты других моделей; так, капитал, избегая предсказанной Марксом смерти, переходит на орбиту трансэкономики – "это чистая и пустая форма, вымаранная форма стоимости, играющая только на своем поле кругового движения" в совершенном отрыве от своих первоначальных целей. Симуляция означает также смерть социальности "в тени молчаливых большинств". Социальность, приводимая в бесконечное вращение техникой социального, редуцируется к коммуникации. Это "сверхотношения" в "режиме референдума", подключающие субъектов к интерфейсам и организующие бессмысленное корреспондирование в бинарной логике вопроса-ответа. Аналогом катастрофической стратегии выступает "оргия" – "взрывной момент современности", "момент освобождения в какой бы то ни было сфере", когда все утопии и антиутопии стали реальностью. После оргии "все, что нам остается – тщетные притворные попытки породить какую-то жизнь помимо той, которая уже существует". Состояние после оргии означает ностальгию по невинности, требует инсценировки утраченного рая, следования тезису "будьте как дети", т.е. регрессию к нулю. Н.С. есть последнее убежище реальности: реальность тела подтверждается смертью (СПИД, рак), реальность общества – терроризмом, реальность экономики – кризисом или дефицитом, реальность Природы – экологическими катастрофами, реальность вообще – функциональной операциональностью действий (коротким замыканием действия в Н.С.). В итоге зло приводится к Н.С. и становится прозрачным, т.е. необходимым условием воспроизводства системы симулякров. Реальное – значит операциональное; это желание, актуализируемое в удовольствии. "Сексуальное стало исключительно актуализацией желания в удовольствии, все прочее – "литература". Симуляция оборачивает фрейдистскую структуру и заменяет "принцип реальности" "принципом удовольствия". "Возможно, что порнография и существует только для того, чтобы воскресить это утраченное референциальное, чтобы – от противного – доказать своим гротескным гиперреализмом, что где-то все-таки существует подлинный секс". Порнография (см.), таким образом, есть Н.С. производства гиперреальности, она "правдивей правды" – "симуляция ра-

зочарованная". Производству как насильственной материализации тайны противостоит соблазн, изымающий у строя видимого; производить – значит открывать, делать видимым, очевидным, прозрачным (прозрачность зла). "Все должно производиться, прочитываться, становиться реальным, видимым, отмечаться знаком эффективности производства, все должно быть передано в отношениях сил в системах понятий или количествах энергии, все должно быть сказано, аккумулировано, все подлежит описи и учету: таков секс в порнографии, но таков, шире, проект всей нашей культуры, "непристойность" которой – ее естественное условие, культуры показывания, демонстрации, "производственной" монструозности". "Так что порнография – прямое продолжение метафизики, чьей единственной пищей всегда был фантазм, потаенной истины и ее откровения, фантазм "вытесненной" энергии и ее *производства* – т.е. выведения на непристойной сцене реального". Стратегия производства, реализующаяся в Н.С., трансформируется в пользование себя, т.е. в подключенность к своему телу, полу, бессознательному и в экономное оперирование наслаждением тела, сексуальностью, голосом бессознательного и т.д. ("Теперь не говорят уже: "у тебя есть душа, ее надлежит спасти", но: "у тебя есть пол, ты должен найти ему хорошее применение", "у тебя есть бессознательное, надобно, чтобы "оно" заговорило", "у тебя есть либидо, его надлежит потратить").

Строй соблазна, по Бодрийару, оказывается способным поглотить строй производства. Будучи игровым ритуализированным процессом, который противостоит натурализированному сексуальному императиву и требованию немедленной реализации желания ("либидозной экономии"), соблазн создает "обманки", очарованную симуляцию, которая "лживей ложного". Соблазну известно, что "все знаки обратимы", что нет никакой анатомии, никакой реальности, объективного референта, никакой Н.С., но "всегда только ставки". Там, где производство находит рецидив реальности, избыток реальности, сверхобозначение, соблазн усматривает "чистую видимость", пустоту, произвольность и бессмысленность знака. "Соблазняет расторжение знаков", расторжение их смысла. Насилие соблазна, стратегия вызова, согласно Бодрийару, парадоксальным образом является "насилием Н.С.", означающем "нейтрализацию, понижение и падение маркированного термина системы вследствие вторжения термина немаркированного". Т.обр, стратегия соблазна оказывается, по Бодрийару, единственно возможным способом "превзойти систему в симуляции". Если по Р. Барту, Н.С. смысла быть не может, то Бодрийар, настаивающий на имплозии смысла, предлагает выбор между пользованием его (смысла) симулятивной моделью, требующей реанимации реальности в Н.С., и полаганием пустого транссмыслового пространства как пространства соблазна и безграничного семиозиса. Парадоксальным образом понятие Н.С. в семиотике позднего Эко, прилагаемое к чтению и читателю (Н.С. чтения как буквалистское чтение с позиций здравого смысла), используется (без редукции к детерминизму) с целью ограничения произвольности гиперинтерпретации, т.е. соблазна. См. также: **Бодрийар, Барт.**

Н.Л. Кацук

НУЛЬ-ГИПОТЕЗА (нулевая гипотеза) – утверждение, постулирующее отсутствие различий между сравниваемыми величинами или отсутствие связи между изучаемыми переменными. Используется при статистической проверке Г. В качестве антитезиса к Н.-Г. формулируется альтернативная Г., утверждающая наличие различий между величинами или связи между переменными. Статистическая проверка Г. состоит в том, чтобы на основании некоторого численного критерия определить, следует ли принять Н.-Г. или отклонить ее, что равносильно принятию альтернативной Г. Н.-Г. при этом играет роль теоретического утверждения, которое следует отклонить, если найдется противоречащий ему пример, но нельзя считать доказанным, если такого примера нет. Таким образом, отклонение Н.-Г. "более важно", чем ее принятие.

Статистическая проверка Г. является разделом математической статистики, позволяющим распространять результаты выборочного исследования на генеральную совокупность (см. **Выборочные методы**). Утверждения, сформулированные в Н.-Г. и альтернативной Г., относятся к параметрам генеральной совокупности, в то время как решение принять или отклонить Н.-Г. принимается на основе численного критерия, рассчитанного по выборке. В силу случайности выборочного метода решение может быть принято как правильно, так и ошибочно. Ошибка, состоящая в том, чтобы отклонить Н.-Г., которая на самом деле верна, называется ошибкой первого рода; ошибка, заключающаяся в том, чтобы принять Н.-Г., которая на самом деле неверна, – ошибкой второго рода. Пусть, например, следует проверить Г. о том, что средняя заработная плата женщин ниже, чем средняя заработная плата мужчин (по генеральной совокупности всего занятого населения). Данная Г., утверждающая неравенство, может использоваться как альтернативная. Н.-Г. в этом случае будет утверждать, что средняя заработная плата женщин и мужчин одинакова. Если выборочное исследование покажет, что средняя зарплата мужчин выше, мы отклоним Н.-Г. (поскольку результаты исследования ей противоречат) в пользу альтернативной Г. Это решение будет правильным, если в генеральной совокупности выше зарплата мужчин, или ошибочным, если в генеральной совокупности выше зарплата женщин (ошибка первого рода). Если в результате выборочного исследования окажется, что выше средняя зарплата женщин, или что зарплата мужчин и женщин одинакова, будет принята Н.-Г., поскольку данные скорее противоречат альтернативной Г., чем нулевой. Это решение будет ошибочным (ошибка второго рода), если в генеральной совокупности выше зарплата мужчин, и правильным, если в генеральной совокупности выше зарплата женщин. Однако как обстоят дела в генеральной совокупности, как правило, неизвестно. Поэтому любое из решений не исключает возможных ошибок, и задача состоит в том, чтобы оценить вероятность каждой из ошибок. Вероятность ошибки первого рода называется уровнем значимости, вероятность ошибки второго рода – мощностью критерия.

О.В. Терещенко

О

ОБЛИК НРАВСТВЕННЫЙ – совокупная характеристика моральных свойств, черт и качеств личности. О.Н., выступая как целое, не сводим к сумме отдельно взятых морально-нравственных параметров и измерений личности ("недостатки человека всегда являются продолжением его достоинств"). О.Н. представляет собой неразрывное единство сознания и поведения человека.

О.Н. человека может формироваться под влиянием господствующих умонастроений эпохи ("нигилист" – см. **Нигилизм**), под влиянием социальной микросреды (**см.**), а также вследствие процессов заражения психического (**см.**).

Параметрами О.Н. в значимой степени обусловливается социальная адаптация (**см.**) людей к кардинально изменившимся жизненным условиям.

E. Mucha-Szajek

ОБОСНОВАНИЕ – мыслительный процесс, основанный на использовании определенных знаний, норм и установок с целью регламентации и эталонизации практической и познавательной деятельности. В ходе О. устанавливается связь между двумя объектами – основанием и обосновываемым, сообщающая при этом второму какие-либо характеристики первого. О. – важнейший компонент научного знания. Наряду с такими характеристиками научного знания, как его истинность, нацеленность на отражение существенных свойств исследуемого объекта, наличие особых языковых средств, системность, обоснованность является признаком, специфицирующим научное знание и отличающим его от донаучного и вненаучного знания. О. является логическим каркасом научной аргументации, подобно тому, как понятие является логической формой слова (словосочетания), а суждение – логической формой предложения.

В зависимости от специфики изучаемой предметной области в процессе научной аргументации используются различные виды О.: доказательство, опровержение, подтверждение, объяснение, интерпретация, определение, оправдание и др., отличающиеся друг от друга характером тезиса (обосновываемого положения), привлекаемых оснований (аргументов), и способом связи между ними. Для различных видов О. характерна общая логическая структура, которая совпадает с логической структурой аргументации и включает тезис, аргументы и способ связи между ними, различие между видами О. заключается в содержательном наполнении этой структуры. Однако объектом научного О., в качестве которого может выступать, например, обосновываемое положение или тезис, всегда является элемент системы теоретического знания, оцениваемый с точки зрения его применимости в данной системе, выполнения им функций, определяемых характером системы.

В процессе научного О. осуществляется перенос свойств от одних, уже принятых в науке положений, на другие, еще не принятые и, таким образом, происходит формирование, созидание последних. В этом существенное отличие научного О. от ненаучного, каковым является, например, ссылка на авторитет. Процесс О. научного знания не исчерпывается лишь когнитивными, внутринаучными механизмами отдельных теоретических положений и утверждений, гипотез, теорий, а включает в себя и весь контекст философского и социокультурного измерения. Все это обусловливает историчность и изменчивость различных видов О., специфику их использования в различных моделях научного знания. В логических и математических моделях знания, опирающихся на средства формальной логики, широко используется такой вид О., как доказательство, и знание изображается как совокупность связанных между собой формально-логическими отношениями высказываний. Естественно-научное знание не может обходиться без таких видов О., как эмпирическая интерпретация, подтверждение и т.д. Дифференцированный анализ необходим и по отношению к различным структурным компонентам соответствующих видов О. В доказательствах, опровержениях, подтверждениях под сомнением оказывается истинность тезиса, в других видах О., например, в оправдании – под сомнением может оказаться не только его истинность, но и ценностные, нормативные характеристики тезиса. Что касается аргументов, то в таких видах О., как доказательство, опровержение, подтверждение, они должны быть истинными суждениями; по отношению к объяснению и оправданию требование истинности доводов значительно ослаблено, и в качест-

ве их могут выступать гипотетические положения. Характером связи между тезисом и аргументами во многом детерминируется, т.наз. принудительная сила научного О. Наибольшей принудительной силой обладает дедуктивная демонстрация, меньшей принудительной силой обладает индуктивная и редуктивная демонстрация.

Я.С. Яскевич

ОБРАБОТКА ДАННЫХ – комплекс процедур, направленных на преобразование и обобщение данных социологического исследования. В отечественной социологии термин трактуется очень широко. Обычно к О.Д. относят процедуры проверки и кодирования заполненного инструментария, в том числе пропущенных значений; ввода данных в компьютер; проверки и исправления введенных данных; перекодировки и преобразования переменных; проверки репрезентативности выборки и, при необходимости, ее взвешивания; простейшие процедуры статистического анализа данных – построение распределений частот (см.) и таблиц сопряженности (см.).

При любом способе сбора информации общим требованием является обязательная фиксация ее в документах. Если в исследовании одновременно используется несколько документов, из них после заполнения необходимо сформировать рабочие массивы. Материалы, относящиеся к одному респонденту, следует собрать в комплекты, контролируя полноту каждого комплекта. Одновременно производится проверка, кодирование и нумерация документов, причем всем документам, относящимся к одному респонденту, присваиваются одинаковые номера. Если для групп респондентов заполнены некоторые общие документы (например, карточка предприятия или семьи), в каждый вид индивидуального инструментария должен быть внесен общий идентификатор – предприятия, семьи, – который позволит в дальнейшем связать ответы респондента с характеристиками группы.

При проверке документов следует обращать внимание на принадлежность респондента к генеральной совокупности, полноту комплекта и полноту заполнения каждого документа, правильность заполнения инструментария. К типичным ошибкам заполнения инструментария относится наличие нескольких ответов там, где предусматривался только один, наличие нелегитимных пропусков, логические ошибки.

Кодированию, в первую очередь, подлежат открытые вопросы и пропущенные значения. В сложных случаях для открытых вопросов разрабатываются специальные кодификаторы. При кодировании пропущенных значений важно знать причину отсутствия ответа. Основные причины можно упорядочить по степени легитимности: 1) вопрос не относится к респонденту ("структурный пропуск"); 2) респондент не понимает вопрос, не знает ответа или не имеет сложившегося мнения; 3) респондент отказывается отвечать на вопрос, уклоняется от ответа; 4) ответа нет по неизвестной причине. Первые три вида пропусков следует считать легитимными. Структурные пропущенные значения обычно исключают из анализа соответствующего вопроса. Незнание ответа или отказ отвечать в некоторых случаях можно содержательно интерпретировать и использовать в анализе данных. Поэтому интервьюеры должны как можно более точно фиксировать причину пропуска. Отсутствие ответа по неизвестной причине не является легитимным и должно быть отнесено к категории серьезных ошибок интервьюирования.

Ввод данных в компьютер производится с помощью текстовых редакторов или, что предпочтительнее, специальных программ или подсистем для ввода и редактирования данных, которые имеются в большинстве программных статистических средств. Преимущество специального программного обеспечения состоит в том, что оно позволяет организовать контроль качества данных непосредственно в процессе их ввода. Это, в первую очередь, контроль соответствия диапазону допустимых значений, проверка логической совместимости ответов, следование процессу ввода логике анкеты (автоматизация структурных пропусков).

Проверка и чистка введенных данных заключается в нахождении и исправлении ошибок, не обнаруженных при вводе. На этом этапе основное внимание уделяется логическим ошибкам. Если качество ввода не контролировалось автоматически, следует также проверить введенные данные на принадлежность к диапазону допустимых значений.

Программное обеспечение обработки данных, в том числе наиболее популярный среди социологов статистический пакет SPSS (см.), обычно предоставляет возможность хранить вместе с данными исследования и выводить на печать тексты вопросов анкеты и ответов на них. Как правило, это делается посредством присвоения "меток" переменным и их отдельным значениям. Задание таких меток также входит в число процедур О.Д.

Современная методология неукоснительно требует, чтобы инструментарий исследования был максимально удобным для заполнения и точного фиксирования информации, и чтобы ввод данных в компьютер, во избежание ошибок, производился в полном соответствии с заполненным документом. Это требование часто противоречит логике решения задачи или требованиям статистических методов анализа данных, поэтому, в случае необходимости, переменные должны быть перекодированы и преобразованы соответствующим образом.

Предварительная проверка репрезентативности (см.) выборки (см.) осуществляется по так называемым "контролирусмым", например, социально-демографическим, показателям. При необходимости, выборка может быть взвешена (см. **Выборки взвешивание**) с помощью весовых переменных, предусмотренных в большинстве статистических программах. При использовании методов случайной выборки дополнительный опрос отдельных групп респондентов не рекомендуется; изъятие из массива уже заполненных "избыточных" документов запрещено. Если выборка невелика, проверку

распределения "контролируемых" показателей можно сделать вручную на этапе проверки заполнения инструментария.

Статистическая О.Д. предусматривает в первую очередь получение важнейших количественных характеристик выборки, одномерных распределений и всевозможных таблиц; расчет ошибок выборки по важнейшим показателям; оценивание характеристик генеральной совокупности; анализ связей между переменными, решение прикладных задач и проверку гипотез исследования. Это может потребовать применения достаточно сложных методов статистического анализа – корреляционного (см.), регрессионного (см.), дисперсионного (см.), факторного (см.), кластерного (см.) и других.

О.В. Терещенко

ОБРАЗ ЖИЗНИ – понятие отечественной социологии, характеризующее конкретные социокультурные интерьеры (типичные формы, способы и механизмы) жизнедеятельности социальных субъектов. Термин появился в самом конце 1960-х, активно использовался на протяжении 1970-х – начала 1980-х и практически исчез из научного оборота во второй половине 1980-х. Использовался как понятие прикладной социологии для фиксирования реальных результатов исследований, выводивших на уровень повседневной жизни индивидов (как определенной целостности или отдельных ее достаточно автономных подсистем типа комплекса потребностей). Причем это понятие употреблялось как достаточно метафорическое, его "жесткое" социологическое содержание не рефлексировалось, вопрос об онтологическом статусе практически не ставился. Ситуация изменилась качественным образом, когда в контексте идеологической борьбы все чаще стал употребляться как самодостаточный термин оборот "социалистический О.Ж."; именно эти вненаучные причины и породили сопряженный исследовательский "бум" 1970-х. В пропагандистских целях важно было противопоставить идеологическую альтернативу концепциям качества жизни, активно поддержанным западной социал-демократией и отыскать вне экономики аргументы, которые позволяли "показать коренные преимущества социализма". С этих позиций О.Ж. стал трактоваться именно как социалистический, подминая значение термина в прикладной социологии. Он понимался, исходя из существующих нормативных моделей социализма как должного (а не реально имеющейся социальной действительности), прежде всего как антипод "всего буржуазного" и характеризовался через "эмпирически обосновываемые" черты-признаки: коллективистский, трудовой, интернационалистский и тому подобные О.Ж. Трагизм ситуации заключался в том, что, дав толчок определенного рода исследованиям, идеология исказила реально возникшие социологические проблемы, заблокировала исследование онтологических структур обыденной жизни людей в ее целостности, которые в западной традиции представлены в различных вариантах так называемой "социологии повседневности". Вопрос об онтологии О.Ж. стал подниматься, хотя и не был отрефлексирован до конца, а предлагаемые решения носили явно половинчатый характер, в так называемой "ситуативной концепции О.Ж.", разрабатываемой примерно с начала 1980-х. Перед исследователями, рискнувшими обратиться к разработкам в этом направлении, встал ряд проблем. Прежде всего это касается выявления уровня, на котором онтологически представлено понятие О.Ж. Анализ текстов выявляет здесь две противоречивые тенденции. С одной стороны, это тенденция, идущая от прикладной социологии, когда О.Ж. понимается как непосредственная эмпирическая фиксация наличной жизнедеятельности людей. С другой стороны, это тенденция, порожденная попытками теоретического осмысления понятия. Она выводит рассмотрение на уровень общества как тотальности, определяющей специфику поведения социальных субъектов на всех этажах социальной организации. В фокус внимания попадает целостность жизнедеятельности субъектов, охватывающая все сферы (участки приложения) их социальной активности. Первая традиция пытает прорисовать понятие как бы "снизу". Вторая – вписать его в понятийный ряд достаточно высокого уровня общности. Основой для сближения позиций выступает признание большинством авторов того, что именно целостность жизнедеятельности субъектов задаст новое социальное качество, "схватываемое" понятием "О.Ж.".

Феномен О.Ж. возникает не только как специфические реализации в жизнедеятельности субъектов тех возможностей, которые заложены в том или ином обществе и его подсистемах, не только как своеобразные реакции субъектов на воздействие внешних условий жизнедеятельности. Прежде всего он порождается целостностью жизнедеятельности самих этих субъектов. Охарактеризовать О.Ж. – значит, поэтому, вскрыть причины многообразия поведения людей в одних и тех же условиях. О.Ж. есть особая форма, способ активного присвоения индивидами общественных условий своей жизни, но одновременно он является и формой, способом реализации себя в социальном, изменения самих этих условий своей жизни. Применительно к нему можно говорить об индивидуализации типического в жизнедеятельности субъектов, но с не меньшим основанием и о типизации индивидуального. Таким образом, понятие О.Ж. отражает повседневную жизнь социальных групп и индивидов в ее интегративности с точки зрения проявления и порождения в ней социально-типического.

Основной теоретической проблемой, обсуждавшейся в литературе об О.Ж., была проблема соотношения форм и условий жизнедеятельности. Это требует прояснения фундаментальной для теории О.Ж. посылки: в какой мере автономны онтологические структуры О.Ж. и как они соотносятся с другими онтологическими структурами общества, с одной стороны, и в какой мере (и каким образом) целостность О.Ж. как особой социальной реальности "задается" самой этой реальностью, а в какой она есть результат воздействия внешних социальных сил, с другой. По сути, в основе данной трактовки лежит неэксплицированное допущение редукции про-

блематики О.Ж. к специфике проявления общесоциального на уровне повседневной жизнедеятельности, что является неизбежным следствием классических марксистских трактовок проблемы, результатом имплицитно присущей им ориентации на "естественно-исторический" характер социального развития, на безусловный приоритет надындивидуальных структур, на то, что деятельность индивидов в конечном итоге детерминирована общесоциологическими законами.

Наиболее последовательно данная точка зрения выражена, в так называемом "сферном" (структурно-декомпозиционном, описательном) подходе к исследованию О.Ж. в прикладной социологии. Здесь субъекты жизнедеятельности (О.Ж.) выделяются по заранее выбранным параметрам (условиям, характеризующим различные общественные сферы) и задача сводится к тому, чтобы проследить последовательность и меру их включения в различные сферы общественной жизни. За скобки рассмотрения выносится, фактически, проблема самодеятельности, самоорганизации субъектов, проблема целостности их жизнедеятельности. Попытки преодолеть эти недостатки связаны с концепцией, понимающей О.Ж. в терминах "социальной сферы". Оба эти наиболее разработанные в литературе подхода лишают, хотя и в разной степени, понятие О.Ж. собственного содержания, не выявляют его онтологической специфики, позволяя в конечном итоге редуцировать его из системы общественных отношений в целом или из целостности собственно социальных отношений (социальной сферы). Остаются невыясненными здесь и механизмы конкретного присвоения и порождения индивидами общественных условий их жизни. Собственное содержание, не передаваемое через какие-либо другие категории, понятие "О.Ж." приобретает только тогда, когда мы движемся не от общества к индивиду, а от индивидов к обществу, когда мы способны "прорисовать" конкретные механизмы взаимодействия людей между собой и окружающими их условиями на уровне повседневной жизнедеятельности, понятой в ее относительной (по достаточно значительной) автономности от макросоциальных структур и в ее воздействии на эти макроуровни организации общества.

Раскрыть конкретные механизмы взаимодействия людей между собой и окружающими их условиями, организации людьми своей повседневной жизнедеятельности, ее вписывания в более широкие социокультурные контексты попыталась оформившаяся к середине 1980-х так называемая ситуативная концепция О.Ж. Этот исследовательский проект, к сожалению так и не реализованный по разным причинам до конца, интересен еще и тем, что он основывался на подробной концептуальной проработке онтологической проблематики и ставил своей конечной целью выход на крупномасштабные сравнительные (как региональные, так и временные) исследования. Центральным в этой концепции является понятие ситуации (ср. с "исходной установкой" у Парсонса). Оно используется в качестве единицы анализа О.Ж. человека как индивида или как представителя социокультурной группы. Исходной для человека является так называемая жизненная ситуация как итог особого, характерного именно для данного индивида на данном этапе его жизненного цикла сплетения всей системы его деятельности, поведения и общения с набором параметров условий, втянутых в орбиту его жизнедеятельности через активное оценочно-избирательное отношение к ним. Таким образом, это понятие позволяет проследить механизм присвоения индивидом внешних условий. Он их активно оценивает, пропускает через социокультурные фильтры и включает в деятельность как субъективированные условия. Тем самым открывается возможность проследить и взаимосвязь внешних и внутренних условий организации человеком своей повседневной жизни. В силу того, что жизненная ситуация не отличается устойчивостью, различают установившиеся и проблемные жизненные ситуации. Крайней формой проблемной ситуации является ситуация конфликтная. Проблематизация жизненных ситуаций благоприятствует изменению компонентов О.Ж., накоплению нового опыта, выработке новых ценностно-нормативных элементов социокультурной среды, новых образцов поведения и общения. Понятие ситуации позволяет описывать не только организацию непосредственной жизнедеятельности индивидов и групп, но и включать ее в социальные процессы, происходящие на более высоких уровнях организации общества. Речь идет в данном случае о так называемой социальной ситуации, выступающей как рамка деятельности различных социальных субъектов, в которую вписываются конкретные жизненные ситуации. Т.обр., жизнедеятельность субъектов – это активный и избирательный процесс, направленный на разрешение противоречий и удовлетворение потребностей и интересов, достижение поставленных целей. Она может быть ориентирована как на воспроизводство, сохранение, поддержание сложившейся социальной (как, впрочем, и жизненной) ситуации, так и на ее преобразование, изменение, создание новой ситуации деятельности. Поэтому любую ситуацию необходимо рассматривать в двух аспектах: 1) как совокупность взаимосвязанных процессов жизнедеятельности, обеспечивающих ее стабильность; 2) как совокупность динамических процессов жизнедеятельности, вызывающих ее развитие или замену другой ситуацией. В первом случае исследуются факторы и условия, поддерживающие ее как целостную систему, когда не нарушается ее структура. Во втором – выявляются факторы и условия, потенциально или актуально вызывающие существенные изменения элементов структуры, что и обусловливает смену ситуации. Тем самым О.Ж. индивидов оказывается не только вписанным в ту или иную социальную ситуацию, но и выступает важнейшим структурирующим эту ситуацию компонентом. Более того, процессы, идущие на уровне О.Ж., позволяют понять некоторые механизмы смены социальной ситуации, а, следовательно, и индивидуальных структур в целом. Поэтому О.Ж. очень важно понять как динамику социальных процессов на уровне индивидов, уровне

повседневности, а не только как определенную структурацию и организацию повседневности, жизнедеятельности индивидов. Структурная же упорядоченность проявляется через устойчивую связь условий деятельности людей с формами ее организации, иерархизацию процессов жизнедеятельности по их социальной значимости. При этом встает вопрос выделения критериев этой значимости для различных субъектов и социальных структур, их соотнесения между собой. В более общем виде – это проблема оценки многообразных репрезентированных моделей О.Ж., их типологизации и соотнесения между собой, что, в свою очередь, предполагает наличие эталона, нормативной модели, по отношению к которой производится сравнение. В связи с этим в исследовательской традиции выделилось два направления (подхода): конкретно-исторический и нормативно-сравнительный. Если первый из них ориентируется прежде всего на рассмотрение реальной жизнедеятельности субъектов, то другой – на его рассмотрение как репрезентированных в обществе ценностно-нормативных систем. С этой точки зрения О.Ж. выступает как совокупность возможных и желательных разновидностей реализации людьми имеющихся условий в конкретных ситуациях жизнедеятельности. На уровне субъекта управления это дает возможность формулировать последовательный ряд целей, степень достижения которых позволяет оценивать социальную динамику и влиять на нее в желательном направлении (нормативно-целевое прогнозирование, проблемно-целевой анализ и т.д.), с одной стороны. С другой стороны, это дает возможность различения и фиксации конкретных конфигураций О.Ж. как нормальных (приемлемых) или отклоняющихся по отношению к нормативным представлениям. Отсюда проблематика так называемого девиантного (отклоняющегося) поведения, т.е. несоблюдения индивидами принятых в той или иной социальной среде или в обществе в целом моральных и юридических норм. На уровне субъектов деятельности (конкретных индивидов) это позволяет оценивать О.Ж. с точки зрения обеспечения им адаптации к окружающим условиям, вписанности жизнедеятельности индивидов в социальную ситуацию. Сопоставление реальной деятельности с индивидуально желаемым, а также с общественно требуемыми неналичными ресурсами, делает возможным выявление динамики общественных процессов, позволяет определять основные тенденции развития О.Ж. и его подсистем. Нельзя "простроить" теорию О.Ж., не дифференцируя понятие О.Ж. от близкородственных понятий "уклад", "уровень", "качество", "стиль" и "стандарт жизни". Под укладом жизни понимают, как правило, характер структурации условий жизни. Прежде всего – экономических. В социологической традиции понятие используется редко. Уровень жизни характеризует степень удовлетворения так называемых непосредственных потребностей. Как правило, через это понятие "схватывается" объем и структура личного потребления. Оно также характеризует прежде всего условия О.Ж., но может служить важным показателем его развития. Как дополнительное к нему можно рассматривать понятие "качество жизни", отражающее оценку качества условий бытия и возможностей использования этих условий. Это понятие особенно хорошо улавливает специфику так называемых субъективных условий О.Ж., характеризует репрезентированные ценностные и целевые системы субъектов, во многом определяя параметры удовлетворенности индивидов условиями и образом своей жизни. Наконец, понятие "стиль жизни" характеризует внешние аспекты поведения индивидов, его объемы, формы, направленность в соотнесении с конкретными индивидами и социальными группами, т.е. отражаемое им содержание характеризует О.Ж. уже не со стороны условий, а как бы изнутри его самого. В обществе в целом, в его отдельных подсистемах, у различных социальных групп и у отдельных индивидов формируются системы оценок нормативного или компаративного характера, которые можно обозначить как репрезентированные стандарты О.Ж., составляющие в значительной мере предмет исследования в нормативно-сравнительных разработках О.Ж.

В.Л. Абушенко

ОБРАЗОВАНИЕ – функция социума, обеспечивающая воспроизводство и развитие самого социума и систем деятельности. Эта функция реализуется через процессы трансляции культуры и реализации культурных норм в изменяющихся исторических ситуациях, на новом материале социальных отношений, непрерывно замещающими друг друга поколениями людей. Как функция О. распределено по всей системе человеческих отношений, но как организованный процесс О. осуществляется специальными социальными институтами. Для одних институтов О. выступает предельной и исчерпывающей рамкой их существования, определяя цели, ценности, субкультуру и самоопределение людей: школа всех уровней, педагогическая профессия. Для других институтов смысл их существования не исчерпывается реализацией функции О., но без нее они немыслимы: семья, государство, церковь. Локализация функции О. исключительно в институтах, отвечающих за ее реализацию, снижает адаптивность и жизнеспособность социальной системы в целом, ограничивает ее развитие, может приводить к культурному упадку, регрессу и деградации. В жизнеспособных и динамичных обществах в реализации функции О. в той или иной форме задействованы все структуры, институты и социальные субъекты.

Проблематика О. становится определяющей темой общественной коммуникации на переломных моментах жизни социума, в кризисных ситуациях, при изменении направления развития. В 20 в. развитые и динамичные общества принимают парадигму непрерывного О. (1960-1980-е) или О. через всю жизнь (1990-е), делая тем самым практически каждого человека участником реализации функции О. О. реализуется как общественная человеческая деятельность. Система образовательной деятельности различным образом представлена в

знании для разных участников процесса О., по-разному описывается в различных подходах.

Внутри единого процесса и одной генерализированной функции необходимо выделять и анализировать, как минимум, пять отдельных функций и процессов: 1) О. в узком смысле – функция закладывания базы и основ культуры с ориентацией на современное состояние культуры и деятельности; 2) подготовка кадров – функция комплексирования и завязывания на образовательных институтах требований развивающихся и воспроизводящихся технологий; 3) обучение – функция технологизации эпистемической деятельности; 4) воспитание – функция сохранения культурного разнообразия, региональной уникальности, воспроизводства и экологии хозяйственных укладов, природных ландшафтов, национальных традиций и т.д.; 5) грамотность – функция обеспечения равных исходных прав и возможностей всем группам и стратам в обществе, технологизации образа жизни. В О. как сфере социокультурной практики базовые образовательные процессы реализуются посредством кооперативного взаимодействия функциональной, методологической, научной, проектно-программной, исследовательской и оргуправленческой позиций ее представителей.

Источником проблемности и парадоксальности как самой практики О., так и рефлексии образовательной деятельности, ее теоретических описаний, интерпретаций и понимания является со-бытие в единой практике активности двух онтологически несоразмерных субъектов – нормативных культуры и социума, персонифицированных в фигуре учителя, с одной стороны, и спонтанной, произвольной, креативной индивидуальности ученика, с другой стороны. Феноменально эта событийность двух активностей предстает то как сотрудничество и кооперация, то как борьба или игра-противоборство. Во взаимодействии и со-бытийности учителя и ученика (социума и индивидуальности) переплетены взаимное насилие и подавление свободы и воли, любовь и творческие взлеты, догматическое следование канону и разрушительная ересь. Результатом О. выступает личность ученика с ее свойствами, способностями и характеристиками, однако этот результат достигается как компромисс взаимодействия двух сторон, одна из которых – культура и социум в лице учителя – нуждается, обязывает, требует, другая же, в лице ученика, только может, но либо хочет, либо не хочет. Таким образом, состояние культуры и социума, их развитие, их будущее находятся в руках индивидуальности, они полностью зависимы от капризного, своевольного, творческого ученика.

История О. представляет собой историю побед и поражений, соглашений и компромиссов двух участников образовательного процесса. Рефлексия и осмысление этого взаимодействия сопровождают всю историю философии. Одним из побуждающих к философствованию вопросов у Сократа был вопрос о передаче добродетели. Если добродетель главный атрибут политика, образцом которого был Перикл, почему же дети Перикла лишены этого атрибута? Видимо, добродетель не передается автоматически по наследству, ни в природном смысле наследования (по крови, по рождению, генетически), ни в социальном смысле (права наследования, первородство и т.д.). Такие сомнения дисквалифицируют традиционные социальные устои, наследственная аристократия лишается оснований своего существования, способность демократического полиса к выживанию также проблематизируется. Проблема не поддается с ходу спекулятивному разрешению, поэтому параллельно Сократ занимается ею практически (его ученик Алкивиад), но и здесь не достигает успеха, как и с собственными детьми. Для античной философии характерно заужение осмысления образовательной проблематики в теоретическом плане в силу заданного Сократом образца разделения образовательной практики на целостную – в отношении специально выбранного ученика, и на редуцированную – в отношении обучения философии. Преподавание философии велось в публичной экзотерической форме (сократические беседы на Агоре, Академия Платона, Ликей Аристотеля), а целостная образовательная практика была частным делом и облекалась в эзотерическую форму (Сократ – Алкивиад, Платон – Дионисий младший, Аристотель – Александр Македонский). По иному складывалась китайская философия, где отношение было скорее обратным: рефлексия образовательной практики оформлялась в экзотерических текстах для публичного использования, и, наоборот, часто само философское учение передавалось близким ученикам как эзотерическое знание. В древнем Китае сложились две противоположные версии образовательной практики в рамках осмысления проблемности О. и зависимости культуры и социума от возможностей, произвола и активности индивидуальности ученика. Конфуций рассматривал ребенка и ученика как дикаря, подлежащего окультуриванию любыми доступными средствами. Ценен ритуал, как квинтэссенция культуры, и он должен транслироваться вечно, лучше побудить ученика к освоению ритуала гуманностью, чем насилием. Ритуал и гуманность становятся главными принципами конфуцианской образовательной практики, позволяющей сохранять и транслировать "китайские церемонии" практически три тысячи лет, до наших дней. Иная аксиологическая рефлексия образовательных парадоксов была у Лао Цзы. Будь самим собой, – говорится ученику – культура и социум сильны и могущественны своими ритуалами и церемониями, они стремятся тебя подавить. Чтобы им успешно противостоять, разрабатывается путь дао (Дао дэ цзын), путь самоценной индивидуальности, способной противостоять культуре и социуму.

В традиционных обществах можно выделить три основные образовательные парадигмы.

Естественная педагогика. Характерна для обществ, не развившихся до стадии государственности. Эта образовательная практика основана на жестком разделении мира взрослых и мира детей. Первые – допущены к ритуалам, несут все обязанности и пользуются всеми доступными в данной культуре правами, вторые всего этого лишены. Граница между мирами задана ритуалом инициации. В период жизни до инициации

ребенок в естественных отправлениях осваивает все необходимое для взрослой жизни, выдержав испытания, совершив все необходимые подвиги в обряде инициации, он допускается в мир взрослых. Все содержание этой образовательной практики может быть выражено восточной поговоркой, лишь вариантами отличающейся во многих культурах: "до 7 лет ребенок царь, до 15 – раб, после 15 – друг".

Эзотерическая педагогика (педагогика идеала). Распространена в практике подготовки неофитов для сложных и редких видов деятельности (жрецы, ученые, философы, художники, редкие и сакрализованные ремесла). О. в этой практике основывается на гипермотивации ученика-неофита, возникающей через идеализацию учителя, и на подражании учителю во всем без исключения, без различения на важные и неважные аспекты, поскольку ни учитель, ни ученик не могут выделить, что важно, а что не важно в сложной и сакрализованной деятельности. Учение в этой парадигме сопровождается яркими катарктическими и экстатическими переживаниями, что, с одной стороны, предполагает, а, с другой стороны, формирует у ученика своеобразный характер и выраженную индивидуальность.

Педагогика массовой социализации и окультуривания. Представлена в любом традиционном обществе системой норм и правил, регулирующих допустимое и недопустимое поведение. Схематично такая образовательная практика очень проста – одни действия и поступки поощряются, другие наказываются, учитель указывает на правильное поведение и действия, или демонстрирует их сам, ученик подражает. Иногда допустимые и поощряемые действия бывают сложны, требуют специальных знаний, умений и навыков, тогда специально поощряется стремление к их освоению. Поощряемое и допустимое поведение может очень сильно различаться для разных социальных групп и слоев, поэтому О. и образованность становятся социальными признаками, порождая качественное неравноправие. Индивидуальное своеобразие и творческие порывы относятся в этой педагогике к наказуемым действиям. Поощряется способность "быть как все", типичное усредненное поведение, исполнение ритуала, протокола, приличий.

В Европе Нового времени при разрушении традиционных форм жизни возникает необходимость нового осмысления деятельности О. и всего комплекса общественных отношений, с ним связанного. Возникает институт личности. Автономная и свободная личность нуждается в О. и образованности для преодоления социального неравенства и для самореализации. Возникают и развиваются две новые образовательные парадигмы: эгалитарная и элитарная педагогики.

Эгалитарная педагогика. Возникает в эпоху реформации в протестантских общинах (в Беларуси и в братских школах православных общин). Наибольшее значение для развития О. Нового времени и эгалитарной педагогики имеет теоретическая и практическая деятельность епископа анабаптистской общины моравских братьев Я.А. Коменского. Самореализация личности, по Коменскому, определяется чтением Библии и неопосредованной церковью верой. Не только посвященные, и даже не любой желающий, но каждый человек должен уметь читать Библию. Причем различается – должен уметь читать Библию, и должен ее читать. "Читать или не читать" личность определяет сама, но обеспечить ее умением читать – обязанность общества. Поэтому педагогика Коменского возникает на основе реформатского христианского императива, но как светская. Требование для каждого уметь читать Библию предполагает продолженного О., поскольку специальные умения для чтения Библии преподаются в университетах. Коменский решает все эти задачи в целостной организации образовательного процесса, увязывая в единый комплекс массовое обеспечение грамотности для всех, возможность продолжения О. по увязанным программам от начальной школы до университета. Коменский спроектировал школу через стандартизацию учебного материала на всех этапах О., создав первую гуманитарную технологию. Технологичность О., по Коменскому, предполагает равные возможности для всех учеников, допускает взаимозаменяемость и согласованность основных технологических элементов деятельности: учителей, которые готовятся одинаково, учебников, программ, учебных заведений. Ученик получает возможность продолжать О., поменяв школу или город, пропустив год или более, с того же места, где он остановился. Практическая реализация эгалитарной педагогики потребовала разворачивания большой программы работ, которая растянулась на триста лет, и была завершена только в 20 в., когда во всех развитых странах была полностью ликвидирована безграмотность и О. стало массовым. Единая технологизированная деятельность результативна и устойчива, но консервативна и неадаптивна. Поэтому реализация эгалитарной педагогики сопровождается регулярными кризисами национальных систем О., которые повторяются в 19-20 вв. через каждые 15-20 лет, а после Второй мировой войны в развитых странах можно наблюдать перманентное реформирование как системы О., так и содержания его.

Элитарная педагогика. Технологизация и стандартизация сферы О. естественным образом создает проблемы для нестандартных образовательных запросов и потребностей, чем бы эта нестандартность ни была мотивирована: интересами ли учеников, или специфическими социальными потребностями, или философскими установками (Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Джеймс Милль). Элитарная педагогика возникает как компенсация недостатков массовой гуманитарной технологии О., никогда сама не становясь технологией, стремясь решать свои специфические задачи специфическими средствами. Последние, правда, не отличаются большим разнообразием, чаще всего это различные варианты домашнего О. и самовоспитания. Иное дело педагогические практики, которые заимствуют технологические принципы педагогики Коменского, но реализуют их в локальных ситуациях: для специального контингента учащихся (олигофренопе-

дагогика для людей с задержками умственного развития, сурдопедагогика для слепоглухонемых, педагогика Макаренко для дилинквентных подростков и т.д.), для трансляции иного содержания (вальдорфская педагогика на основе антропософии Штейнера, метод проектов на основе инструментализма Дьюи и прагматизма Пирса). В 19-20 вв. с ростом научного знания и диверсификацией научных и философских подходов возникают новые педагогические парадигмы (психологистическая – мангеймская (от г. Мангейм) система с акцентом на тестирование способностей, кибернетическая – программированное обучение), но не выходят за рамки экспериментальных. Периодические кризисы в сфере О. всегда заканчиваются паллиативными решениями, а перманентное реформирование крайне непоследовательно. Это связано с нерешенностью многих проблем онтологического и морально-этического порядка. Онтологические: проблемы понятия, природы или тварности человека, проблемы содержания О. и проблемы метода деятельности. Морально-этические: проблемы аксиологии и проблемы права.

Идея человека. Трактовка понятия О. зависит от подхода к идее человека. Хотя возможность О. как практики сама уже диктует определенный подход к идее человека. В этимологии термина О. присутствует образ (белорусская адукацыя – греческое eidos, немецкое bildung – bild, англ. building), подведение под образ, придание образа. Т.е., если О. возможно, то оно понимается как работа с формой, энтелехией человека. Но затрагивается ли при этом содержание, сущность, природа человека? – это один из основных вопросов философии О. Если в процессе О. природа человека не затрагивается, то разнообразие образовательных практик детерминировано только культурными и историческими представлениями о том образе или образце, под который подводится образовывающийся человек. В этом случае дискуссии разворачиваются либо вокруг трактовки понятий типа: гармонически развитая личность, калокагатия, цзюнь-цзы (кит. "благородный муж"), "истинный ариец" и пр., либо вокруг осмысления конкретных образцов (образ и подобие Божье, "делайте жизнь с товарища Дзержинского", Че Гевара и далее до бесконечности). Если же О. способно влиять на природу человека, то образовательная практика становится антропотехникой (см. **Антропотехника**) и попадает в зону действия морального закона и категорического императива. Становятся возможными советская и китайская культурные революции с задачей воспитания (создания) нового человека, евгеника Ф. Гальтона и ее тоталитаристские варианты. Христианская теология выдвигает два противоположных принципа: традуционизм, одноразовый акт творения человека Богом, с последующим воспроизведением единожды сотворенного, и креационизм, предполагающий творение Богом каждой человеческой души заново. Креационизм (Августин Блаженный, Кальвин) принят в протестантизме и принципиально допускал бы радикальное вмешательство в природу человека, если бы не был ограничен догматом предопределения. В основании педагогической технологии Коменского лежит протестантская теология и онтология человека. Это позволяет радикальное вмешательство в формирование человека, поскольку не затрагивает его душу (сущность, судьбу) бытие которой предопределено Богом. Последний, в свою очередь, продолжает творить душу (определять судьбу и сущность человека), но это осуществляется во внеположной О. сфере отправления религиозной практики. В частности, для анабаптистов (перекрещенцев), течению в протестантизме, к которому принадлежал Коменский, радикальное перерождение человека происходит в момент крещения (перекрещения) взрослых, и в менее радикальных формах в обряде конфирмации подростков, восходящем к древним обрядам инициации. Секуляризация педагогической технологии Коменского нарушает ее цельность и органичность, поэтому проблематизация оснований эгалитарной технологии с той или иной остротой периодически повторяется на протяжении трех веков реализации программы Коменского. Нетеологическая версия, допускающая тварность человека и незаконченность творения его, представлена в деятельностном подходе, в частности, в культурно-исторической концепции Выготского. Основной посылкой здесь выступает нетождественность человека самому себе в естественной истории (филогенезе), социальной истории (онтогенезе) и в индивидуальной истории (биографии или актуалгенезе). Нетождественность человека самому себе в процессах его становления отрицает предзаданность его развития, делает невозможным однозначное прогнозирование стадий развития, а в определенном смысле и диагностику, в той форме, которую она приобретает в современной Выготскому психологии, педологии и педагогике. Без прогнозирования и диагностики невозможна технологизированная деятельность массового О. В культурно-исторической концепции это препятствие устраняется введением понятия о зоне ближайшего развития (ученика, ребенка, человека), которая проектируется в со-бытийности взаимодействия учителя и ученика через антиципацию, формулировку индивидуальных задач развития и совместное решение этих задач. Таким образом, онтологическая проблема человека переводится в проблему метода, и разрешается уже методологическими средствами, а не философскими спекуляциями о сущности человека.

Содержание О. Наиболее остро проблема содержания О. проявляется в оппозиции деятельностного и натуралистического подходов (см. **Подход**). В педагогике Коменского содержание О. определялось сенсуалистически. Ученик вводился в мир чувственных вещей. Одним из главных принципов дидактики Коменского был принцип наглядности, который представляет собой переинтерпретацию для образовательной деятельности тезиса "esse est percipi" – "освоенным в О. содержанием может быть то, что вводится через ощущение". Для самого Коменского, как и для Беркли, сенсуализм не

представлял проблемы, поскольку О. дополнялось изучением Библии, содержание которой заведомо не чувственно. Но с полной секуляризацией школы из содержания О. практически исчезают трансцендентальные умопостигаемые объекты. Даже идеальные объекты математики транслируются как наглядные образы. Принципиально иначе задается содержание О. в феноменологии, трансцендентальном идеализме и в деятельностном подходе. Но до сих пор это содержание если и передается в О., становится в редких случаях достоянием индивидуальной образованности, то вне школьной практики, вне образовательных институтов. В профессиональном мышлении педагогов под содержанием О. понимаются знания, умения, навыки (так называемые, ЗУНы) в их сенсуалистической трактовке. Внутрипрофессиональная критика не поднимается до принципиальной постановки проблемы содержания О., а ограничивается подстановкой на место ЗУНов других предметных или рассудочных категорий, например, способностей, индивидуального способа деятельности, или личностного знания. Проблема содержания О. локализована в институциальной системе массового образования, поскольку О. с иным онтологическим содержанием (религиозное, деятельностное, философское, эзотерическое и т.д.) сосуществует одновременно с массовой школой.

Методы О. Проблематика методов О. связана со сложностями категоризации активности разных участников образовательного процесса и онтологического статуса их взаимодействия и со-бытийности. Целостный процесс О. пытаются категоризировать через индивидуальную деятельность участников (учитель учит, ученик учится) в субъект-объектных схемах. И ученик и учитель выступают активными субъектами, а их активность направлена на внеположные им объекты: природу, знания, тексты и т.д. Кроме того, для учителя сам ученик выступает объектом его активности. Такой подход встречает сопротивление со стороны сторонников субъект-субъектных схем взаимодействия. Здесь деятельность не может рассматриваться как индивидуальная, или трудовая преобразовательная деятельность, которая может быть редуцирована до системы индивидуальных деятельностей, а только как коллективно-распределенная (В.В. Давыдов, В.П. Рубцов). Такая образовательная деятельность понимается как игра или общение, которые принципиально не могут быть индивидуализированы. Перекатегоризация деятельности О. в понятиях игры и общения создает больше проблем, чем решает. В игре с многими участниками, или в общении (которое немыслимо менее, чем с двумя субъектами) нет и не может быть априорно извнеположенного результата. Значит, результат О. и образованность уже не могут контролироваться учителем и социумом, который им олицетворяется, социум утрачивает контроль за состоянием культуры и status quo самого социума. Индивидуальность ученика и социум со всей мировой культурой в лице учителя равноправны в формировании результата О. и образованности. Но это ведет к абсурдизации педагогической технологии Коменского (и большинства других педагогик, претендующих на технологичность). Эгалитарная педагогика гарантирует равные права всем учащимся, но не может быть речи о равноправии учителя и ученика. Первый знает, второй только потенциально может знать, или должен узнать. Представление об О. как об игре или об общении (диалоге, коммуникации) требует пересмотра всех представлений об обществе и культуре. Это означает отказ от ригористической риторической (С. Аверинцев – **см.**) версии культуры, отказ от историцизма (К. Поппер – **см.**) в трактовке истории и общественного развития. Только принципиально открытое общество (**см.**) (А. Бергсон, Поппер, Дж. Сорос – **см.**) способно ассимилировать деятельность О. как игру и диалог, принять для себя совершенно иную функцию О. в версии развития самого себя, а не воспроизводства и консервации. Таким образом проблема методов О. упирается в разработку философии и методологии развития общества. Собственно профессиональная педагогическая постановка проблемы методов О. требует системных и методологических исследований и разработок в области гетерогенных, гетерономных, гетерохронных и гетерархированных систем деятельности, а именно таковым предстает современное О. для педагогического мышления. Однако такие разработки и исследования не могут быть выполнены средствами самой педагогики (**см.**).

Аксиология О. Плюрализм современных обществ создает в сфере О. множественность предложений целей и образцов развития человека. Даже традиционные общества предлагали в О. новых поколений различные варианты образованности, хотя и в ограниченном наборе образцов и эталонов. Но в О., характерном для традиционных обществ, человек, ученик, ребенок были ограничены в возможности выбора из предлагаемых вариантов. Выбор был предзадан, диктовался происхождением, способностями, стабильностью институциональных форм традиционной школы. Современный ученик гораздо свободнее в выборе того типа образованности, который ему может быть предложен социумом. Он меньше связан происхождением, в силу социальной динамики и мобильности индивидов, он меньше связан ограниченностью собственных способностей, в силу высокой технологичности и многообразия методов обучения, адаптированных для широкого диапазона способностей, он меньше зависим от родного языка и этнической принадлежности, в силу глобализации и стандартизации О. и интернационализации языков культуры. В пределе возможности выбора учеником вариантов О. и образованности ограничены только его ориентацией в мире ценностей. Причем, эти ограничения встречаются ученику в самом раннем возрасте при выборе школы или даже детского сада. А любой выбор не только расширяет возможности, но и сужает их. Выбор плохой школы может предопределить всю дальнейшую биографию и карьеру. При установке эгалитарной педагогики на предоставление равных возможностей и прав всем ученикам, сама педагогика и институциализированная система О. не способны обеспечить ее реализацию.

Ориентация в мире современных ценностей становится самостоятельной задачей образовательной деятельности в современном мире, в отличие от прошлых исторических ситуаций, когда ценности транслировались и передавались в процессе самого О. Но обеспечение такой ориентации в мире ценностей достигается за пределами институциальной школы: в семье, средствами массовой информации, в контактах со сверстниками и т.д. Когда одна из важнейших задач О. выводится из сферы ответственности институтов О., возникает необходимость в превращении всего социума в образовательное общество, где все – и ученики и учителя – друг для друга, причем не связанные профессиональной этикой, родительской ответственностью и полномочиями, моральной и политической цензурой. Раньше ребенок и ученик получал дозированную, отмеренную информацию от общества, дозировка осуществлялась кругом общения, домашней библиотекой, школьной программой, обычаями общины. Интернет снял последние препятствия для обмена информацией всех со всеми, свобода выбора стала беспредельной. Аксиологическая проблематика в современном виде состоит не в ограничении свободы выбора в многообразии ценностей, а в умении ею пользоваться. Большая часть социальных институтов и групп, профессиональных, этнических и конфессиональных общин, не говоря уже об отдельных личностях, оказываются не готовыми к такой ситуации. Для некоторых сообществ и субкультур эта неготовность чревата полным выпадением из мировой коммуникации. Целые народы, общины и профессиональные сообщества оказываются функционально безграмотными, поскольку не могут сориентироваться в системе ценностей современного мира, разработать и принять современную образовательную политику и доктрину. На планете обозначилась группа вечно "развивающихся" стран, вынужденных постоянно догонять "развитые" страны, без шансов когда-либо закончить эту модернизационную гонку.

Права участников процесса О. Правовая проблематика в образовательных отношениях между людьми чрезвычайна многообразна. Она остро стояла в древнейших времен в контексте естественной педагогики (см. выше), для которой характерно полное бесправие детей. Родители распоряжались всей жизнью ребенка. Только в обществах, достигших государственности, появились нормы, запрещающие убийство детей родителями. Но продажа детей в рабство, насильственные браки, телесные наказания до сих пор культивируются во многих странах и субкультурах. Отказ от традиционной естественной педагогики в Европе в новое время открыл мир детства. В 18 в. появилась собственно детская одежда (даже картины эпохи Возрождения и барокко изображают детей либо нагими, либо во взрослой одежде, подгонявшейся по размерам только в обеспеченных слоях общества). В 19 в. появилась детская литература, в 20 в. – был открыт детский фольклор. До 20 в. права детей регулировались исключительно семейным правом. В конце 20 в. появилась Декларация о правах ребенка, взрослое сообщество приняло на себя обязательство гарантировать права детей как таковые, а не только права индивидов детского возраста как потенциальных взрослых. Иная постановка правовых проблем в эгалитарной педагогике, где речь идет о равных правах (возможностях) на О. для всех. В процессе разворачивания программы Коменского в эгалитарной педагогике вопрос о равных правах встает всякий раз на новом уровне. Изначально о равных правах говорится только относительно тех, кто посещает школу. После принятия в конце 19 – начале 20 в. большинством стран обязательности начального О. проблема обостряется из-за имущественного состояния родителей, способностей самих детей и уровня их развития. Методический прогресс педагогики снял эту проблему в развитых странах, но она вновь появилась при переходе ко всеобщему среднему, а затем и высшему О. В США возникают специфические проблемы с обучением инвалидов и детей с задержками умственного развития, которым законодательно гарантировано право обучения в обычных школах, причем ущемленной стороной при реализации этого права могут становиться как обычные учащиеся, так и школа, которой может быть предъявлен иск о плохом качестве обучения. В профессиональном О. проблема прав учащихся получает специфическое преломление. Если подготовка к профессии начинается рано, на низких ступенях образованности, то это в большей степени ограничивает возможности продолжения О., чем расширяет их. Эта проблема острее в странах с многовариантной системой профессиональной подготовки. В Беларуси же с ее средними профессионально-техническими училищами, доставшимися в наследство от СССР, нет проблем с правом продолжения О. на более высоких уровнях, но есть проблемы с качеством как профессиональной подготовки, так и с общей образованностью, что приводит к проблеме функциональной безграмотности (см. **Функциональная грамотность**).

Глобализация О. предполагает возможность и право на получение и продолжение О. в любой стране мира, а это невозможно обеспечить без согласованной стандартизации национальных систем О. и международных соглашений о конвертации и признании сертификатов об О. и дипломов (Лиссабонская конвенция). Стандартизация О. вызывает законное опасение в некоторых странах относительно утраты культурного своеобразия и национальной специфики. Еще один собственно этический аспект правовой проблемы в О. касается права учителя и всей системы О. навязывать учащимся картину мира, мировоззрение, образец человека, которые составляют содержание О. в каждой конкретной школе. При декларации свободы выбора вариантов О. и образованности, эту свободу не может обеспечить каждая конкретная школа. Школьная деятельность организована и технологизирована под вполне конкретное содержание О., в определенном смысле школа зомбирует, заколдовывает ученика, навязывая ему картину мира. Поэтому обучение в конкретной школе (школе определенного типа) закрывает возможности освоения иного содержания, следования иным образцам. Большая часть педа-

гогического сообщества вынуждена мириться с этой этической проблемой как с неизбежным злом, но предлагаются и варианты ее решения. Решение этой проблемы лежит на пути формализации О., учить не знанию о мире, а учить учиться, осваивать любые знания. Хотя такое решение просто переводит проблему из этического плана в методологическую сферу (методическая оппозиция формального и реального или материального О.), но в отличие от этических проблем, методологические проблемы принципиально решаемы. И, наконец, последний аспект правовой проблематики в О. – это сохранение суверенитета национальных государств относительно систем О. каждой конкретной страны в условиях глобализации О. и повсеместного распространения Интернета. Исторически проблема не нова. Глобализация О. наметилась с появлением мировых религий и всегда встречала сопротивление традиционных обществ в различных исторических формах фундаментализма. Для современной эпохи проблемным становится исламский и православный фундаментализм. Проблема разрешается только через национальное самоопределение. Это можно проследить на последовательности сменявших друг друга исторических программ обновления О. в Беларуси.

Апостольская программа христианизации (10-14 вв.). Принятие христианства вводит народы в эйкуменическое сообщество, наследующего помимо самого христианства всю античную традицию. Культура дополняется письменностью, литературой, собственной историей. Апостольская образовательная программа открывает историю О. в Беларуси. Особенность христианизации Беларуси в соприсутствии двух вариантов: кирилло-мефодиевская программа, сделавшая Полоцкое и Турово-Пинское княжества периферией Византийской цивилизации, миссионерская католическая программа на землях древней Литвы. Конкуренция двух программ сформировала сложный языковой, конфессиональный, политический и антропологический контекст самоопределения литвинов (Миндовг, Скиргайла и Витовт крестились как по византийскому, так и по римскому обрядам, мирясь при этом, или даже покровительствуя язычеству на всей территории западнее Пинска – Минска – Витебска). Последствия этой конкуренции проявляются до сих пор, принимая время от времени то формы культурных катастроф, с раздельным существованием людей и языков, то поднимаясь до диалога культур.

Программа Реформации (16-18 вв.). В автохтонных формах зародилась в "братских школах" (светские школы православных общин – братств) модернизирующегося литовского православия. Практика "братских школ" дополнялась и обогащалась интенсивным распространением кальвинизма, анабаптизма и антитринитаризма, в котором О. было одним из основных компонентов миссионерской деятельности. Складывалась эгалитарная педагогика, во многом предвосхищавшая программу Коменского. Культурными последствиями реализации этой программы стали: широкое распространение грамотности и книгопечатания, урбанизация и автономия городских и местечковых общин, Библия на народных языках, феномен полемической литературы, уникальная правовая система, художественная литература и поэзия, интеграция в европейскую культуру и культурная экспансия на восток, остановленная разрушительными войнами с Россией, тянувшимися с перерывами весь 17 в.

Программа Контрреформации (16-19 вв.). Экстенсивное распространение О. было одним из ответов католицизма на вызов реформации. Наибольшую активность в этом проявляли ордена иезуитов и базилиан (униатский орден, созданный под влиянием и контролем иезуитов). Отставая от протестантов по массовому распространению О. и грамотности, иезуиты противопоставляли этому качество О., статус и престиж образованности. За короткий период было организовано более 80 коллегиумов и гимназий и два университета (Виленская и Полоцкая академии). Факультативными результатами этой программы можно считать появление философии и науки в Беларуси (хотя и в архаичных неосхоластических формах), распространение библиотек, музеев, аптек, больниц, школьных театров и т.д. Апостольская христианизация, Реформация и Контрреформация сопровождались образовательными программами глобализационного и интеграционного характера. Но большие исторические образовательные программы могут иметь и иную направленность.

Ликвидация О. в землях Великого княжества Литовского (19 в.). Ликвидация всех образовательных институтов была составной частью русификации населения литовских губерний. Депортация иезуитов и ликвидация базилианского ордена вели к массовому закрытию коллегиумов и ослаблению университетов. Модернизированное литовское православие и уния были уничтожены, а клир и верующие подчинены русской православной церкви, вместе с ликвидацией городского самоуправления (Магдебургского права) это подорвало основу эгалитарной педагогики (общинные и городские школы). Оба университета были закрыты, лаборатории, библиотеки, архивы были вывезены в Москву и Санкт-Петербург, профессура и студенты либо эмигрировали, либо высылались вглубь России. Из всей системы высшего и среднего О. сохранились только несколько учебных заведений (например, Слуцкая протестантская гимназия, Горы-Горыцкая сельхозшкола). Высшее О. было возобновлено в Литве и Беларуси только после Первой мировой войны.

Советская образовательная программа (20 в.). О. строилось на основе технологии эгалитарной педагогики, которая реализовалась в СССР наиболее последовательно и эффективно. Но любые технологии бессодержательны. А к содержанию О. советская педагогика подходила через прагматику индустриализации и культурной революции. Технология и содержание О. синергетически связаны между собой. С целью повышения эффективности и производительности гуманитарной технологии Коменского придавались свойства мегамашинной организации. Огосударствление всей школы сопровождалось этатизмом в содержании О. Машинизация

деятельности приводила к обесчеловечиванию содержания самой деятельности и содержания О., хотя не менее значима и обратная зависимость организации деятельности от агуманитарной, квазинаучной теории и философии марксизма. Из системы О., функционировавшей как целостная, были удалены или подменены эрзацами формальное, классическое и гуманитарное О. В Беларуси, лишенной в 19 в. культурного слоя (как в смысле людей, так и в смысле вещей культуры: архивов, музеев, памятников, библиотек), оказавшейся без исторической столицы, машинообразная советская технология была реализована в самых чистых и совершенных формах. В результате к моменту обретения независимости в Беларуси практически отсутствовало гуманитарное знание о своей стране, понимание своей страны. Реализация на протяжении двух веков образовательных программ, первая из которых заключалась в полномасштабной ликвидации национальной системы О., а вторая состояла в ускоренном создании эффективной, высокотехнологичной, но редуцированной и односторонней системы О., привело к утрате нацией способности к самовыживанию, воспроизводству и развитию.

Программа обновления О. для открытого общества. Острая потребность в радикальном обновлении национальной системы О. в Беларуси последнего десятилетия 20 в. совпадает возникает на фоне глобализации О. во всем мире. Анализ и концептуализация комплекса разнонаправленных тенденций, лишь контурно просматривающихся в общей глобализации О., дополненные критикой и анализом собственно национальных проблем и потребностей развития страны, составляют основу программы обновления О. в Беларуси. Одним из компонентов разворачивания этой программы является многотомный проект "Гуманитарная энциклопедия" Минской философской школы.

В.В. Мацкевич

ОБРАЗОВАНИЕ – понятие, описывающее взаимодействие между людьми (субъект-субъектное отношение) и характеризующее базовую потребность человека – быть включенным в социум и культуру. Иногда термин "О." используется и для характеристики взаимодействий между различными социокультурными системами (например, межнациональное О.) В отличие от деятельности (по терминологии Хабермаса, "стратегического поведения"), О. (как "коммуникативное поведение") не предполагает внешней по отношению к себе цели и обретает смысл в собственной процессуальности. Однако в отличие от коммуникации О. предполагает не только информационную, но и личностно-экзистенциальную связь между людьми, что обеспечивает нелинейное движение информационных потоков в системе О. и прирост личностно значимой информации, конституирующей членов О. как общность.

Фундаментальное отличие О. и передачи сообщений выявляется в различии присущих им способов адекватной самореализации: структура сообщения монологична, а структура О. – диалогична. М. Бубер называл О. людей "диалогической жизнью". Выявленная М. Бахтиным структура диалога в его отличии от монологического высказывания относится не только к словесной форме О. Диалог предполагает уникальность каждого партнера и их принципиальное равенство друг другу, различие и оригинальность их точек зрения, ориентацию каждого на понимание и на активную интерпретацию его точки зрения партнером, ожидание ответа и его предвосхищение в собственном высказывании, взаимную дополнительность позиций участников О., соотнесение которых и является целью диалога. В процессе О. существует не только диалог в буквальном смысле этого слова, то есть собеседование двоих, но и полилог, то есть взаимодействие многих партнеров.

О. людей имеет импровизационный для каждого участника характер. Импровизация является выражением глубинных качеств субъекта – его свободной активности, способности порождать новые смыслы, преодолевая стереотипность репродуктивного поведения. В зависимости от различных ситуаций в роли субъекта О. могут выступать: личность, социальная группа, общество в целом. Исходя из этого, выделяют основные формы О.: межличностные, межгрупповые, межсоциумные, О. между личностью и группой, между группой и обществом, между личностью и обществом. Разграничение О. по характеру – непосредственному или опосредованному – позволяет выделить, как его виды, прямое и косвенное О. О. приобретает косвенный характер, когда люди начинают общаться друг с другом посредством созданных ими продуктов. В современных типах общества заметной тенденцией является стремление к разграничению межличностного О. от институциализируемых форм делового и вообще ролевого О. Более того, произошло отделение друг от друга, институализация и развертывание в особые социокультурные практики компонентов О.: трансмутации (наука), трансляции (образование и воспитание) и, что особенно существенно, коммуникации (массовые коммуникативно-информационные сети).

И.Н. Красавцева, В.Л. Абушенко

"ОБЩЕНИЕ. Пример чистой, или формальной, социологии" – статья Г. Зиммеля (**см.**), опубликованная в 1917.

Зиммель пишет: "В любом человеческом обществе можно отделить форму от содержания, общество вообще представляет собой взаимодействие индивидов. Взаимодействие всегда складывается вследствие определенных влечений или ради определенных целей. Эротические инстинкты, деловой интерес, религиозные импульсы, защита или нападение, игра или предпринимательство, стремление помочь, научиться, а также множество иных мотивов побуждают человека к деятельности для другого, с другим, против другого, к сочетанию и согласованию внутренних состояний, т.е. к оказанию воздействий и, в свою очередь, к их восприятию. Эти взаимные воздействия означают, что из индивидуальных носителей, побудительных импульсов и целей образуется единство, "общество". Все то, что наличествует в индивидах (непосредст-

венных конкретных носителях исторической действительности) в виде влечений, интересов, целей, стремлений, психических состояний и движений, то, из чего формируется воздействие на других людей или что способствует восприятию этих воздействий, я обозначаю как содержание, т.е. материю обобществления. Сама по себе эта материя, в которой исполняется жизнь, мотивация, движущая ее, в сущности не социальна. Голод, любовь, труд, религиозность, техника, функции и результаты деятельности разума не есть непосредственно общественное существование индивидов в определенных формах совместного существования, подпадающих под общее понятие взаимодействия. Обобществление, следовательно, есть в бесчисленном количестве способов реализующаяся форма, в которой индивиды в основе разнообразных – чувственных или идеальных, мгновенно переходящих или длящихся, осознанных или бессознательных, причинно обусловленных или телеологически определенных – мотивов и интересов создают особое единство, внутри которого эти мотивы и интересы находят свое воплощение".

В этом контексте Зиммель выделяет "один из важнейших моментов духовной деятельности": по его мысли, "когда практические потребности и отношения побуждают людей силами ума, воли, эмоциональных движений, творческих мотивов перерабатывать почерпнутый из реальности жизненный материал, придавая ему формы, соответствующие жизненным целям (а лишь в таких формах материал оказывается доступен нашему воздействию), эти силы и интересы вдруг оказываются оторванными от жизни – той самой жизни, из которой они вышли и которой обязаны своим существованием... Они теперь "играют" в себе и ради себя, захватывают и создают материю, служащую теперь только лишь средством их самореализации".

Зиммель пишет: "Всякое познание первоначально является средством борьбы за существование; знать действительное положение вещей в высшей степени важно для сохранения и развития жизни. Возникновение же науки свидетельствует, что познание оторвалось от практических целей, стало ценностью в себе, самостоятельно избирает свой предмет, преобразует его в согласии с собственными потребностями и не задается иными вопросами кроме тех, что приносят ему самоудовлетворение".

Такой же поворот, по Зиммелю, определяет и суть права: "общественная необходимость побуждает или легитимирует определенные способы поведения индивидов; они уместны и существуют сначала исключительно по причине целесообразности. Однако с появлением права смысл их становится совсем иным; теперь они реализуются только потому, что побуждены и поддержаны правом, пусть даже вопреки породившей и продиктовавшей их жизни. Следовательно, хотя соответствующее праву поведение коренится в целях социальной жизни, само право в его чистом виде лишено всякой "цели".

Тот же самый процесс, указывает Зиммель, реализуется в разделении содержания и формы общественного существования. Собственно "общество" в себе есть такое существование с другим, для другого, против другого, где материальные или индивидуальные содержания и интересы благодаря влечению или цели обретают либо сохраняют форму. И вот эти формы получают собственную жизнь, начинают существовать в отрыве от своих корней в содержании, ради самих себя и ради обаяния, излучаемого ими в этой оторванности. Это и есть явление общения. Разумеется, объединение в экономические и кровнородственные союзы, образование культовых общин или банд грабителей – всегда результат особых обстоятельств или интересов. Но как бы по ту сторону всех возможных содержаний, порождающих различные формы обобществления, существует некое чувство удовлетворения от самого факта обобществления, ощущение ценности обобществления как такового, влечение, зовущее именно к этой форме существования, иногда само изыскивающее реальное содержание, мотивирующее тот или иной конкретный случай обобществления.

Зиммель констатирует: "Отнюдь не случайно даже из словоупотребления следует, что в любом общении, вплоть до самого натуралистического, если, конечно, оно осмысленно и устойчиво, особенно важна форма. Ибо форма есть взаимодействие элементов, благодаря которому они и образуют единство; и если отпадут конкретные жизненно целесообразные мотивации общения, тем большую силу и действенность будет иметь чистая форма, так сказать, свободнопарящая, внутринедействующая взаимная связь индивидов. Из-за того, что общение соотносится с реальностью чисто формально, в его процессе не приходится преодолевать сопротивление последней, однако в общении постоянно присутствует (и чем оно более развито, тем в большей степени) символическая игра жизненных сил, а также и смысл, который поверхностный рационализм обычно ищет лишь в конкретных содержаниях – при этом, если таковые не находятся, общение просто сбрасывается со счетов. Нельзя не отметить, что во многих, может быть, даже во всех европейских языках общество означает просто взаимосвязь общающихся. Государством, промышленностью, любой иной целесообразностью связанное воедино общество будет все же "обществом" всегда и всюду. Ведь лишь общающиеся представляют собой "общество вообще" без всяких давлений, ибо они являют собой чистую, принципиально объединенную от всяких особенных содержаний форму всех односторонне характеризуемых "обществ", воплощают общество в некой словно бы абстрактной картине, разрешающей все содержания в чистой игре форм".

По мысли Зиммеля, именно "в рамках общения получает свое, только в этих рамках возможное, решение важная, если хотите, даже важнейшая проблема общества: какова мера значимости и роль индивида в отношении с социальным окружением? Поскольку общение в чистом виде не предполагает какой-либо вещественной цели, содержания или результата, лежащих вне момента общения как такового, его характер определяют такие качества личности, как любезность, воспи-

танность, сердечность, обаяние и т.п. Однако именно потому, что все здесь поставлено на личность, она не может проявлять свою индивидуальность слишком резко, подчеркнуто. Когда реальные интересы, соединяясь или сталкиваясь, организуют социальную форму, тем самым уже гарантируется, что индивид будет демонстрировать свою особенность и исключительность в известных пределах. Природа общения требует ограничить самовозвеличение и самолюбование личности; без этого совместное существование невозможно".

По Зиммелю, "человек как таковой – это еще неоформленный комплекс содержаний, сил, возможностей; в условиях изменчивого быта он преобразуется в дифференцируемый, со строго определенными границами объект. С экономической точки зрения, как политик, член семьи или представитель профессии он, можно сказать, ad hoc сконструированный продукт; его жизненный материал одушевляется каждый раз какой-то особенной идеей, отливается в особенную форму, чье относительно самостоятельное существование, конечно, поддерживается энергией общего, однако непосредственно не проявляющегося источника – Я. В этом смысле человек в общении выступает своеобразным, не встречающимся в других контекстах феноменом. С одной стороны, он устранил все содержательные характеристики собственной личности и вступает в общение со способностями, побуждениями и интересами, свойственными ему как человеку вообще. Вместе с тем сама эта структура накладывает запрет на глубоко личностное и субъективное... Можно говорить о существующем для индивидов верхнем и нижнем "порогах общения". В обоих случаях – идет ли речь о взаимодействии, основанном на объективном содержании и цели, или же о таком, где неограниченно выражается абсолютно личностное и субъективное каждого из участников, – общение перестает быть центральным формообразующим принципом и начинает играть формальную, посредническую роль".

Зиммель отмечает: "К этим негативным определениям сущности общения можно подобрать и позитивный формообразующий мотив. Кант выдвинул в качестве принципа права следующий постулат: каждый должен иметь столько свободы, сколько допустимо с точки зрения свободы любого другого. Если признать, что тяга к общению есть его, общения, источник или субстанция, то вот вам и конституирующий общение принцип: каждый должен настолько удовлетворять свое влечение к общению, насколько это совместимо с точно такой же степенью удовлетворения этого влечения всеми другими. Если же выразить это иначе, говоря не о влечении, а о его результатах, то принцип общения будет выглядеть так: каждый должен дать другим тот же максимум ценностей общения (радость, легкость, оживленность), который совместим с максимумом этих ценностей, полученных им самим. Как право, основанное на кантовском постулате, символизирует демократизм, так и этот принцип указывает на демократическую структуру любого общения, которую, разумеется, каждый общественный слой может реализовать лишь внутри себя и которая зачастую делает противоречивым и болезненным взаимодействие представителей разных социальных классов. Равенство здесь возникает в силу отпадания всего личностного, с одной стороны, и всего содержательного, т.е. того, что служит до обобществления его материалом и от чего впоследствии оно освобождается, формируя общение, – с другой... Общение создает, если угодно, идеальный социологический мир, в котором радость каждого непосредственно связана с радостью других, и никто принципиально не в состоянии удовлетворить свое стремление за счет неудовлетворенности другого, что во многих иных жизненных формах хотя и обеспечивается благодаря поставленному над ними этическому императиву, однако не гарантируется непосредственно их собственным внутренним принципом".

Зиммель делает вывод: "Общественная игра глубоко двойственна: она не только "играется" в обществе, которое внешне по отношению к ней несет ее, так сказать, в себе, но в ней фактически "играется" "общество".

Зиммель развивает свою схему следующим образом: "Внешне два разговора могут показаться совершенно одинаковыми; общением же, согласно его внутреннему смыслу, будет лишь тот, где содержание, сколь бы ни было оно ценно и привлекательно само по себе, становится правомерным, уместным и целесообразным лишь в связи с функциональным целым разговора как такового, лишь в связи с формой речевого взаимодействия, с ее особенной и самонормирующейся значимостью. Поэтому способность к быстрой и легкой смене предмета свойственна разговору-общению по самой его сути; ведь предмет здесь – лишь средство, а заменяемость и случайность свойственны вообще средствам в противоположность твердо устанавливаемым целям. Так что только в общении, пожалуй, разговор становится самоцелью. Ибо благодаря тому, что он по меньшей мере двусторонен (если исключить "самоуважение", это чистейшая и возвышеннейшая форма двусторонности из всех, известных социологии), он реализуется как отношение, которое, если можно так выразиться, не желает ничего другого, кроме себя самого, в котором, следовательно, то, что в ином случае является пустой формой взаимодействия, становится его самодостаточным содержанием".

Зиммель обращает внимание на следующее: "Жалобы на поверхностность общественных контактов и справедливы, и несправедливы. Одно из самых интересных явлений нашего духовного существования заключается в том, что, если мы отнимем какие-то элементы от целостности бытия и построим из них собственное царство, управляемое не по законам целого, а по собственным законам, это царство, полностью отгороженное от жизни целого, может, конечно, обнаружить свою бессодержательную, воздушную сущность, однако же, изменившись под влиянием каких-то не поддающихся учету факторов, как раз при условии отдаления от непосредственной реальности, может полнее, цельнее, точнее продемонстрировать глубочайшую суть последней, чем попытка понять ее

реалистично и вблизи. Поэтому развивающаяся по собственным нормам жизнь, которой живут в общении социальные взаимодействия, может оказаться в зависимости от способа восприятия либо формальной бессодержательной безжизненностью, либо символической игрой, в эстетическом блеске которой передается тончайшая сублимированная динамика общественного существования".

А.А. Грицанов

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ – в наиболее общем значении – это одобрение или неодобрение публично наблюдаемых позиций и поведения, которые выражаются определенной частью общества или обществом в целом. О.М. представляет собой оценку значимого происходящего. В теории – концептуализация природы, содержания и значимости О.М. представлена широким спектром философских, социологических, политологических и других концепций, все многообразие которых с некоторой долей условности можно свести к ряду базовых дискуссионных проблем: 1) определение и интерпретация его субъекта; 2) уровень значимости и, в ряде критических теорий, отрицание существования О.М.; 3) содержание О.М.

Проблема определения и интерпретации О.М. впервые возникает в античной философии. Протагор определяет наблюдаемый им социальный феномен – "публичное мнение" – как мнение большинства населения. По Платону, "публичное мнение" – это мнение аристократии. Впоследствии оба направления, представленные в античности, получают свое развитие в социальной философской мысли. Сторонники первой линии определяют О.М. как силу, с которой должны считаться, как инструмент участия народа в управлении государственными делами. Сторонники второго направления утверждают, что мнение господствующей элиты выступает как сила, воздействующая на население и способствующая легализации политического господства элиты. В 17-18 вв. понятие О.М. используется для обозначения коллективных суждений вне сферы, подконтрольной правительству, оказывающих влияние на политический процесс принятия решений. Такое определение становится особенно популярным вследствие масштабных социально-экономических и политических изменений: "с ростом политически активного публичного сектора, О.М. становится формой политической власти – той, которая вместе с буржуазией оказалась в состоянии бросить вызов абсолютистскому правлению" (В. Прайс). В середине 19 в. наибольший интерес в развитии анализа О.М. представляют работы Тарда (см.), в частности "Общественное мнение и толпа". Тард противопоставляет толпу и публику, акцентируя именно последнюю в качестве субъекта О.М. Работы Тарда фактически знаменуют собой начало социально-психологического подхода в исследовании О.М.

Среди современных социально-философских трактовок О.М. можно выделить: 1) концепцию Лумана (см.) (рассматривается в рамках теории коммуникации). Луман отрицает наличие какого-либо субъекта О.М. Центральным является понятие содержания и темы, предлагаемой обществу. Благодаря публичной доступности и гласности, обществу одновременно предлагается целый спектр тем, которые и находятся в центре внимания процесса коммуникации. Однако одновременная коммуникация с несколькими темами невозможна, поэтому с необходимостью выбирается только одна тема. Соответственно в интерпретацию вводится понятие "степени внимания", уделяемого той или иной теме, за счет чего и осуществляется выбор. Такая главная "тема" коммуникации составляет содержание О.М. Таким образом, не следует рассматривать понятие О.М. в соотнесении с большинством населения, либо с отдельными индивидами или аристократией. По Луману, все в равной мере являются его субъектами. Однако приверженцы одного мнения отличаются от приверженцев другого (что объясняется различием его содержания); 2) морализующе-нормативную концепцию О.М., принадлежащую Хабермасу (см.). В концепции Хабермаса это понятие рассматривается в тесной взаимосвязи с понятиями "права" и "политики". О.М. в его теории – это инструмент в руках господствующего класса, всегда является официальным, т.е. отождествляется с тем, что представлено в средствах массовой информации; 3) концепцию О.М. Э. Ноэль-Нойман. В соответствии с ее теорией, во-первых, следует различать общественное и обыденное мнения, которые достаточно часто смешиваются. Во-вторых, в основе О.М. лежат два источника: непосредственное наблюдение за окружающим, улавливание одобрение или неодобрение тех или иных действий; тематика О.М., так называемый его "дух", порождается средствами массовой коммуникации. Именно это формируемое настроение влияет на поведение и оценки индивидов. Ноэль-Нойман использует определение П. Лазарсфельда (см.) об "избирательности восприятия", механизмом которого являются социальные установки. Наиболее интересное нововведение в данной концепции – понятие так называемого механизма "спирали молчания". Основание феномена "спирали молчания" – это боязнь индивидов оказаться в изоляции. Боязнь выступает как движущая сила, которая и запускает "спираль молчания". О.М., кроме того, обладает социальным измерением. Если его можно безбоязненно гласно высказать перед общественностью, не испытывая страха перед социальной изоляцией, то феномен "спирали молчания" отсутствует. Данная концепция достаточно эвристична при интерпретации данных опросов О.М.; 4) структурно-функциональную теорию О.М. как базирующегося на бессознательном стремлении людей, живущих в некоем сообществе, прийти к общему суждению, согласию, т.е. выполняющее функцию интеграции. В соответствие с теорией Р. Мертона (см.), основная функция О.М. – это социальный контроль. Несмотря на многообразие теорий и концепций О.М., длительную традицию его исследования, это понятие и конструирующие его концепции все еще остаются предметом постоянных дискуссий.

Е.А. Угринович

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФОРМАЦИЯ – центральное понятие марксистской теории общества или исторического материализма (см.): "...общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество с своеобразным отличительным характером". Посредством понятия О.-Э.Ф. фиксировались представления об обществе как определенной системе и одновременно выделялись основные периоды его исторического развития. Считалось, что любое социальное явление может быть правильно понято только в связи с определенной О.-Э.Ф., элементом или продуктом которой оно является. Сам термин "формация" был заимствован К. Марксом (см.) из геологии.

Законченной теории О.-Э.Ф. у Маркса не сформулировано, однако если обобщить различные его высказывания, то можно сделать вывод, что Маркс выделял три эпохи или формации всемирной истории по критерию доминирующих производственных отношений (форм собственности): 1) первичная формация (архаические доклассовые общества); 2) вторичная, или "экономическая" общественная формация, основанная на частной собственности и товарном обмене и включающая азиатский, античный, феодальный и капиталистический способы производства; 3) коммунистическая формация. Основное внимание Маркс уделил "экономической" формации, а в ее рамках – буржуазному строю. При этом социальные отношения редуцировались к экономическим ("базису"), а всемирная история рассматривалась как движение через социальные революции к предустановленной фазе – коммунизму.

Термин "О.-Э.Ф." вводится Г. Плехановым (см.) и В. Лениным (см.). Ленин, в целом следуя логике концепции Маркса, значительно упростил и сузил ее, отождествив О.-Э.Ф. со способом производства и сведя ее к системе производственных отношений. Канонизация концепции О.-Э.Ф. в форме так называемой "пятичленки" была осуществлена И. Сталиным (см.) в "Кратком курсе истории ВКП (б)".

Представители исторического материализма считали, что понятие О.-Э.Ф. позволяет подметить повторяемость в истории и тем самым дать ее строго научный анализ. Смена формаций образует магистральную линию прогресса, формации погибают в силу внутренних антагонизмов, но с приходом коммунизма закон смены формаций прекращает действие. В результате превращения гипотезы Маркса в непогрешимую догму в советской общественной науке утвердился формационный редукционизм, т.е. сведение всего многообразия мира людей только к формационным характеристикам, что выразилось в абсолютизации роли общего в истории, анализе всех социальных связей по линии базис – надстройка, игнорировании человеческого начала истории и свободного выбора людей. В своем устоявшемся виде концепция О.-Э.Ф. вместе с породившей ее идеей линейного прогресса уже принадлежит истории социальной мысли. Однако преодоление формационной догматики не означает отказа от постановки и решения вопросов социальной типологии. Типы общества и его природы, в зависимости от решаемых задач, могут выделяться по различным критериям, в том числе и социально-экономическому. Важно при этом помнить о высокой степени абстрактности подобных теоретических конструкций, их схематичности, недопустимости их онтологизации, прямого отождествления с реальностью, а также использования для построения социальных прогнозов, разработки конкретной политической тактики. Если это не учитывается, то результатом, как показывает опыт, являются социальные деформации и катастрофы.

Г.Я. Мирский

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ – многообразные, присущие обществу связи, устанавливающиеся между социальными группами, а также внутри них. О.О. – важнейший специфический признак общества и вместе с тем то, что делает общество системой, объединяет индивидов и их разрозненные действия в единое целое, хотя оно внутренне и расчленено. Содержание и уровень О.О. весьма различны: как каждый индивид вступает в отношения, так и группы вступают в отношения между собой, и тем самым человек оказывается субъектом многочисленных и разнообразных отношений.

О.О. можно классифицировать в соответствии со сферой их реализации. Так, на уровне социальных общностей различают классовые, национальные, групповые, семейные О.О.; на уровне занятия той или иной деятельностью групп – производственные, учебные, театральные; на уровне взаимодействия между людьми в группе – межличностные; можно выделять и внутриличностные отношения (например, эмоционально-волевые установки субъекта по отношению к себе или аффектные отношения к кому-либо). Все вышеназванные виды представляют в совокупности систему О.О. Специфика их заключается в том, что здесь не просто "встречаются" индивид с индивидом и "относятся" друг к другу, но индивиды как представители определенных общественных групп (классов, профессий или других групп, сложившихся в сфере разделения труда, а также групп, сложившихся в сфере, например, политической жизни, – политических партий).

Функционируя как форма деятельности людей, О.О. имеют надличностный, надындивидуальный характер. Они строятся не на основе симпатий и антипатий, а на базе определенного положения, занимаемого каждым в общественной системе. Это означает, что О.О. носят безличный характер; их сущность не во взаимодействии конкретных личностей, но, скорее во взаимодействии конкретных социальных ролей, выполняемых ими. Вот почему О.О. объективно обусловлены, они связывают индивида с социальной группой, обществом. И тем самым являются средством включения индивида в общественную практику, в социальность. Порожденные деятельностью реальных людей, О.О. существуют лишь как формы, алгоритмы этой деятельности. Но, возникнув, они

обладают большой активностью, устойчивостью, придают обществу качественную определенность.

И.И. Андреева

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ при ЦК КПБ (далее – ОИСИ) – официальная социологическая организация в БССР, открытая в 1965 (решение Секретариата ЦК КПБ от 09.11.1965; директор заведующий кафедрой истории КПСС МГПИ кандидат исторических наук Молочко А.Д., ученый секретарь кандидат экономических наук Ходос С.А.) и действовавшая на общественных началах.

В состав ОИСИ входили совет и секции, которые включали в себя научных сотрудников Академии наук, преподавателей некоторых кафедр общественных наук вузов. Ведущим ядром ОИСИ выступала группа преподавателей Минского педагогического института. ОИСИ имел совет и секции, состоявшие из научных работников Академии, преподавателей ряда кафедр общественных наук вузов. ОИСИ выполнял функции научного центра, координирующего социологические исследования, проводимые в республике, много сделал в плане пропаганды социологических знаний. При ОИСИ работали курсы по подготовке социологов. Слушателями были научные работники, преподаватели, работники советских и общественных организаций. Лекции читали известные социологи из Москвы, Ленинграда и других научных центров страны. Когда в Академии наук был создан отдел социальных исследований, на который возлагалась обязанность координационного центра социологических исследований в республике, потребность в ОИСИ на общественных началах отпала, и он прекратил свое существование в 1970.

Г.П. Давидюк

ОБЩЕСТВО – понятие, фиксирующее предмет социальной философии (**см.**): в качестве базисной категориальной структуры фундирует собою концепции, развивающиеся в русле социального реализма; в традиции историцизма, фокусирующей внимание на истории как истории духа и на имманентных индивидуальных импульсах совершения человеком того или иного поступка, а не на интегральных (со стороны О. как общего) детерминантах, практически не употребляется. В социальном реализме определяется – в широком смысле – как выделившееся из природы системное образование, представляющее собой исторически изменяющуюся форму жизнедеятельности людей, которая проявляется в функционировании и развитии социальных институтов, организаций, общностей и групп, отдельных индивидов; в узком смысле под О. нередко понимается исторически конкретный тип социальной системы (например, индустриальное О.) или отдельный социальный организм (например, японское О.).

О. – основополагающая категория философии и социологии. Философско-теоретический анализ О. возможен только на базе исследования его идеальной модели. Выявить внутреннюю необходимость реального процесса можно, лишь освободив его от конкретно-исторической формы, представив процесс в "чистом виде", в логической форме (см. **Идеальный тип, Идеальных типов метод**). Теоретический анализ О. предполагает рассмотрение его в качестве целостного организма, части которого не только влияют друг на друга, но и находятся в соподчинении. Поисками оснований исторического процесса занимались все философские системы с древнейших времен, продуцируя определенное ви́дение и те или иные методологические установки для частных социальных наук.

В истории социальной философии и социологии могут быть выделены следующие парадигмы интерпретации О.: 1) взгляды мыслителей органической школы в социологии, возникшей в конце 19 – начале 20 вв. Ее представители (П.Ф. Лилиенфельд, А. Шеффле, Р. Вормс, А. Эспинас) отождествляли О. с организмом и пытались объяснить социальную жизнь биологическими закономерностями. Сравнение О. с организмом проводилось многими мыслителями (Платон, Гоббс, Спенсер), однако они не считали их тождественными. Представители же органической школы обнаруживали прямой изоморфизм между О. и организмом, в котором роль кровообращения выполняет торговля, функции головного мозга – правительство и т.п. В 20 в. концепция органической школы утратила популярность; 2) концепция О. как продукта произвольного соглашения индивидов; 3) антропологический принцип рассмотрения О. и человека как части природы (Б. Спиноза, Д. Дидро, П. Гольбах и др.). Достойным существования признавалось лишь О., соответствующее подлинной, высокой, неизменной природе человека. В современных условиях наиболее полное обоснование философской антропологии дано М. Шелером (**см.**), где категория "человек" конституируется в качестве антитезы "О." и "природе"; 4) теория социального действия, возникшая в 1920-е (М. Вебер – **см.**, Знанецкий – **см.** и др.), фундируется идеей, согласно которой в основе социальных отношений лежит установление "смысла" (понимание) намерений и целей действий друг друга. Главное во взаимодействии между людьми – осознание ими общих целей и задач и то, чтобы действие актора было адекватно понято другими участниками социального отношения; 5) функционалистский подход к О. (Т. Парсонс – **см.**, Р. Мертон – **см.** и др.; см. **Структурно-функциональный анализ**). О. рассматривается в философской традиции в контексте его взаимодействия как с природой (см. **Техника, Экология**), так и с индивидом как личностью. При характеристике О. необходимо учитывать не только процессы функционирования, но и развития социальных систем, ибо эволюция О. может быть рассмотрена как негэнтропийный процесс, ведущий к повышению уровня организации. Функционирование и развитие социальной системы обязательно предполагает сменяемость поколений людей и, следовательно, социальное наследование (см. **История, Культура, Норма, Традиция, Цивилизация**).

В.Г. Изох

ОБЩЕСТВО ИЗОБИЛИЯ – термин, применяемый классической немарксистской социологией в 1950-1960-е для обозначения состояния высокоразвитых обществ Запада того времени. Возник в контексте и парадигмальных рамках теорий общества "всеобщего благоденствия" и "общества потребления". Отражал всевозрастающие иллюзии западной политической идеологии о возможности достижения социальной однородности общества за счет распределительных результатов экономического роста и эффекта технологических нововведений. Постулировалось, что "изобилие" и дешевизна приобретения товаров группы т.наз. "массового потребления" уже сами по себе продуцируют возможность благополучного существования каждого гражданина как основания бесконфликтного состояния общества в целом. Представители радикальных нонконформистских интеллектуально-диссидентских движений на Западе в 1960-х подвергли жесткой критике идеалы концепции О.И.; экономический же кризис 1970-х практически элиминировал этот термин из сферы легитимных и респектабельных социологических словоформ.

А.А. Грицанов

"ОБЩЕСТВО СПЕКТАКЛЯ" – см. **ДЕБОР.**

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ – система аксиологических максим, содержание которых не связано непосредственно с конкретным историческим периодом развития общества или конкретной этнической традицией, но, наполняясь в каждой социокультурной традиции собственным конкретным смыслом, воспроизводится тем не менее в любом типе культуры в качестве ценности. Проблема О.Ц. драматически возобновляется в эпоху социального катастрофизма: преобладания деструктивных процессов в политике, дезинтеграции социальных институтов, девальвации моральных ценностей и поиска вариантов цивилизованного социокультурного выбора. Вместе с тем основополагающей О.Ц. во все времена человеческой истории являлась сама жизнь и проблема ее сохранения и развития в природной и культурной формах.

Многообразие подходов к исследованию О.Ц. порождает множественность их классификаций по различным критериям. В связи со структурой бытия отмечают О.Ц. природные (неорганическая и органическая природа, полезные ископаемые) и культурные (свобода, творчество, любовь, общение, деятельность). Соответственно структуре личности О.Ц. бывают биопсихологического (здоровье) и духовного порядка. По формам духовной культуры О.Ц. классифицируют на нравственные (смысл жизни и счастье, добро, долг, ответственность, совесть, честь, достоинство), эстетические (прекрасное, возвышенное), религиозные (вера), научные (истина), политические (мир, справедливость, демократия), правовые (закон и правопорядок). В связи с объектно-субъектной природой ценностного отношения можно отметить предметные (результаты человеческой деятельности), субъектные (установки, оценки, императивы, нормы, цели) О.Ц. В целом, полифония О.Ц. порождает и условность их классификации. Каждая историческая эпоха и определенный этнос выражают себя в иерархии ценностей, определявшей социально допустимое.

Ценностные системы пребывают в становлении и их временные масштабы не совпадают с социокультурной реальностью. В современном мире значимы нравственные и эстетические ценности античности, гуманистические идеалы христианства, рационализм Нового времени, парадигма ненасилия 20 в. и мн. др. О.Ц. образуют ценностные ориентации как приоритеты социокультурного развития этносов или личности, закрепленные социальной практикой или жизненным опытом человека. Среди последних выделяют ценностные ориентации на семью, образование, труд, общественную деятельность, другие сферы самоутверждения человека. В современную эпоху глобальных перемен особое значение приобретают абсолютные ценности добра, красоты, истины и веры как фундаментальные основания соответствующих форм духовной культуры, предполагающие гармонию, меру, равновесие целостного мира человека и его конструктивного жизнеутверждения в культуре. И, поскольку актуальное социокультурное измерение определяется сегодня не столько бытием, сколько его изменением, – добро, красота, истина и вера означают не столько приверженность абсолютным ценностям, сколько их поиск и обретение.

Среди О.Ц. следует специально выделить нравственные ценности, традиционно представляющие общезначимое в его взаимосвязи с этнонациональным и индивидуальным. В общечеловеческой морали сохраняются некоторые единые формы общежития, отмечается преемственность моральных требований, связанных с простейшими формами взаимоотношений людей. Непреходящее значение имеют Библейские нравственные заповеди: ветхозаветные десять заповедей Моисея и новозаветная Нагорная проповедь Иисуса Христа. Общечеловеческой в морали является и форма предъявления нравственного требования, связанная с идеалами гуманизма, справедливости и достоинства личности. См. **Ценность.**

Н.Г. Севостьянова

"ОБЩНОСТЬ" и "ОБЩЕСТВО" – концепты социологического творчества Ф. Тённиса (см.).

Согласно филолого-социологическим комментариям А.Н. Малинкина, "центральное понятие социологии Ф. Тённиса "Gemeinschaft" (в паре с "Gesellschaft") по установившейся традиции переводят либо как "община", либо как "сообщество". Представляется, что перевод этого термина как "*общность*" более точен с филологической, корректен с логической и более адекватен с социологической точек зрения... В немецком языке есть по крайней мере три термина, переводимых (вне устойчивых выражений) как "община": Gemeinde, Gemeinwesen, Gemeinschaft. Во-первых, по сравнению с социально и исторически конкретным словом "Gemeinde" (община; местное самоуправление; цер-

ковная община, приход) слово "Gemeinschaft" выгодно отличается тем, что оно более абстрактно: 1) общность, единство, единение, содружество, сообщество; связь, общение; 2) общество, объединение. По сравнению с "Gemeinwesen" (коллектив; коммуна, община; общество) термин "Gemeinschaft" делает акцент не на общем как сущности или общем как общем деле, благе и т.п., а на факте и форме общего, данного как единство, единение. Такой абстрактный и одновременно формальный смысл слова "Gemeinschaft" дает основание переводить его не как "община", а именно как "общность", что более точно соответствует духу тённисовской "чистой", или формальной, социологии". Во-вторых, Ф. Тённис рассматривает разные конкретно-исторические виды общин как "корпорации", включая в это общее понятие родовую общину (Geschlechtsgenossenschaft), деревенскую общину (Dorfgemeinde), сельское товарищество (Markgenossenschaft), политическую общину (politisches Gemeinwesen) или городскую общину (Stadtgemeinde), а также христианскую общину (kirchliche Gemeinde) или церковь. Если учесть, что общностями являются, то есть имеют "общностный" – в понимании Ф. Тённиса, сплоченный – характер не только общины как "корпорации", но и "совокупности", а тем более социальные единства, образованные на основе естественных человеческих "отношений", то было бы логично заключить, что слово "община" не может быть достаточно корректным переводом тённисовского термина "Gemeinschaft". В-третьих, выбор в пользу "общности", а не "сообщества" сделан потому, что последнее этимологически связано со словом "общество", оно производится от него путем прибавления приставки "со": "сообщество" как бы подразумевает первичность "общества", которое на определенной стадии своей эволюции дорастает до более высокой формы – "сообщества", подобно тому как "дружба" дорастает до "содружества". Реальным примером такой эволюции может служить "europaische Gemeinschaft" – "европейское сообщество". Но если в современном геополитическом контексте такой перевод слова "Gemeinschaft" более чем оправдан, то в контексте консервативной социальной философии Ф. Тённиса, ориентированной на фундаментальные ценности, считать его адекватным с социологической точки зрения нельзя. Тённис всячески подчеркивает сущностное различие между "Gemeinschaft" и "Gesellschaft", доходящее в "гражданском обществе" до противоположности. У него последнее производно от первого, вырастает из него и держится на нем как "верхушечное явление" на "базисе". Поэтому, если этот социологический смысл трансформировать обратно в филологический, то следует признать, что "общество" вырастает из "общности", а не из "сообщества". Социологична была бы эволюционная цепочка "общность – общество – сообщество".

По мысли Тённиса, "социология – это исследование человека, но не его телесного, душевного, а его социального существа, стало быть, телесного и душевного лишь постольку, поскольку оно обусловливает социальное. Таким образом, мы хотим познать и изучить не только те умонастроения и движущие силы, которые соединяют одних людей с другими, удерживают их вместе, побуждают или стимулируют их к совместным действиям и взаимодействию, но и, прежде всего, возникающие вследствие этого продукты человеческого мышления, необходимые для сохранения и поддержания общей сущности. Последние находят свое завершение в таких важных формах, как община, государство, церковь, часто принимаемых за элементы действительности, а иногда и за нечто сверхъестественное".

Тённис пишет: "Главным среди четырех различений в отношении окружающих нас людей я считаю различие: 1) между знанием и незнанием, знакомостью и чуждостью".

Следующим значимым различением Тённис усматривает отношение 2) "симпатия и антипатия". Далее следует: 3) "доверие и недоверие", и наконец 4) "связанность".

По Тённису, человек связан с другими людьми постольку, поскольку знает, что он с ними связан; он знает об этом или в большей степени чувственно, или в большей степени мысленно; отсюда возникают чувство или ясное сознание обязательности, должности, непозволительности и справедливое отвращение от последствий неправильного, противоправного, противозаконного и вообще неправомерного и, наконец, нравственного и неприличного действия и поведения.

Особо выделяет Тённис – 5) "социальную связанность".

По Тённису, "социальная связанность стремится стать взаимной зависимостью, что означает следующее: воля одного влияет на волю другого, стимулируя или сковывая ее или делая и то, и другое; если же воля одного совпадает, соединяется или смешивается с волей другого, то возникает общее воление, которое может быть понято как единая воля, потому что она взаимна".

Как отмечает Тённис, "многообразные способы связанности легче всего понять, соотнеся их с простейшим и одновременно рациональным типом, а именно со случаем простого обмена или взаимного связывания обещаниями, которые могут быть поняты как продленный обмен. Последний потому так характерен и ясен, что в простейшем случае обмена речь идет о двух отдельных предметах, не имеющих между собой ничего общего, кроме того, что каждый является средством по отношению к другому (как цели), каждый полезен и, стало быть, имеет ценность только как средство для достижения другого. Но если всякую взаимную деятельность и всякое взаимное содействие понимать как обмен, то, очевидно, что любая совместная жизнь также есть беспрерывный обмен взаимной деятельностью и взаимным содействием – и тем в большей мере, чем эта совместная жизнь интимней; одновременно становится явным различие между тем, когда существенный мотив каждой стороны (в наиболее простом случае там, где мыслятся две личности) – не ожидание и требование деятельности от другого или ожидание,

требование, принуждение через посредство других (а равно ожидание и требование от совокупности, связывающей данного индивида, то есть соединяющей его с другими и необходимо представляющей место другого), но собственное желание и хотение на пользу другого, других или целого множества, даже если это желание и это хотение подпитываются аналогичными желаниями и хотениями другого или других. Результатом такого рода желания и хотения является совершенно иная позиция по отношению к другому индивиду или другим индивидам".

По Тённису, производные и высшие виды социальной связанности всегда содержат в себе тот элемент, который можно определить, с одной стороны, как взаимное содействие, взаимопомощь или, по меньшей мере, невраждебную, то есть мирную деятельность; с другой стороны, – как связанную (социальную) волю, определяющую индивидуальную волю. Таким образом, связанность и взаимность можно почувствовать и распознать по тому, что несоответствующее им, а тем более направленное против них поведение партнера (участника, члена) всегда вызывает противодействие другого или других и тем самым целого, если таковое себя утверждает, и оно тем неотвратимей, чем менее существование целого зависит от поведения отдельной личности... С социологической точки зрения важнее установить и недвусмысленно определить принцип, согласно которому воля большинства или особого (преобладающего) большинства считалась бы волей всего "совета" или всей корпорации.

Размышляя о "социальных сущностях", Тённис отмечает: "У социологии как особой науки есть свои особые предметы: это – "вещи", происходящие из социальной жизни и только из социальной жизни. Они – продукты человеческого мышления и существуют только для человеческого мышления, но в первую очередь – для мышления самих социально связанных людей, дающих имя тому общему, которое мыслится ими как господствующее над ними Нечто, и, наконец, представляется им личностью, наделенной волей и способной действовать. Существование такого Нечто и в конечном счете социальной личности может быть затем распознано и признано также и людьми извне – как связанными между собой, так и несвязанными, – а значит и другими социальными формами; это признание, будучи взаимным, может создать новое, в сущности аналогичное Нечто и в конечном счете новую социальную личность, непосредственно данную ее создателям; но и это новое Нечто и новая социальная личность могут быть опять-таки распознаны и признаны извне и т.д. Способ существования этих социальных вещей или личностей не отличается от способа существования богов, воображаемых, мыслимых и творимых связанными между собой людьми, будь-то в образе животных, в человеческом образе, или в образе, сочетающем в себе черты животных и человека, для того, чтобы поклоняться им. Но есть и очевидная разница: боги, которым люди поклоняются, исчезают для них, когда люди перестают верить или уже не верят в их реальное существование; хотя и тогда они все еще являются предметами теоретического мышления – исторического или социологического. Наоборот, социальные "сущности", как мы их назвали, не нуждаются в такой вере или грезе – при ясном познании их воображаемого содержания их можно мыслить и хотеть в качестве субъектов общего воления и действия".

Тённис констатирует: "Раз этим вымышленным вещам, которые пребывают не на облаках или Олимпе, а находят воплощение, скажем, в армейском или народном собрании, приписывается реальное существование, то уж оно обязательно будет связано с существованием богов, и вера в богов может поддерживать веру в республику подобно тому, как она непосредственно связана с верой в церковь и почитанием сословия священников".

По мысли Тённиса, "познание возвращает нас к простой мысли и проблеме: что, почему и как хотят мыслящие люди? Простой и общий ответ гласит: они хотят добиться конкретной цели и изыскивают самое подходящее средство, они стремятся к цели и ищут верный путь, который к ней ведет".

Осмысливая "человеческое воление", Тённис трактует его как "общечеловеческое воление, способность хотеть, понимаемая нами как естественная и изначальная, исполняется в способности мочь и существенно обусловлена взаимодействием с ней".

Тённис пишет: "Волю в таком понимании я называю сущностной волей человека и противопоставляю ее другому типу воли – избирательной воле: в ней преобладающую, или даже руководящую роль играет мышление. Избирательная воля – это рациональная воля, а рациональную волю следует строго отличать от воли разумной: последняя прекрасно уживается с подсознательными мотивами, глубинные основания которых лежат в сущностной воле; рациональная воля исключает таковые как элементы, препятствующие ей, и стремится быть ясно осознанной настолько, насколько это возможно".

Переходя собственно к проблеме "общность и общество", Тённис подчеркивает: "все виды связанности, в которых преобладает сущностная воля, я называю "общностью", а все те, которые формируются посредством избирательной воли или существенно ей обусловлены, – "обществом", причем оба понятия в их сущности и тенденциях суть модальности связанности.

Тённис продолжает: "Я различаю следующие социальные сущности, или формы: 1) отношения, 2) совокупности, 3) корпорации, или соединения: союзы, объединения, товарищества. Классификация основана на том различии, что сущность третьего рода всегда мыслится по подобию человеческой личности, способной сформировать единую определенную волю, которая в качестве воли обязывает и принуждает подчиненные ей личности (естественные или искусственные) совершать поступки в соответствии с таковой волей независимо от их направленности вовне или вовнутрь.

В форме социального отношения само *отношение* мыслится иначе, даже если оно выделяется особым именем. К его

сущности принадлежит (во всяком случае) то, что его субъекты или носители – члены отношения – осознают это отношение, так как они его положительно хотят и тем самым утверждают его существование. Это утверждение заключает в себе зачаточную форму того, что находит свое завершение в полагании личностного единства, в полагании обладающей волей и способной действовать корпорации. Совокупность – это промежуточная форма между отношением и корпорацией. Она мыслится как некое множество, включающее в себя, подобно корпорации, массу взаимосвязанных вещей, так что в результате возникают общие стремления, желания, симпатии и антипатии, короче говоря, общие чувства и общие образы мыслей; но совокупность не способна на действительное воление, она не может принять никакого решения до тех пор, пока не "организуется" в какое-нибудь объединение, не создаст какой-нибудь комитет или совет".

Как пишет Тённис: "Социальное отношение – самая общая и простая социальная сущность, или форма. Но у него и самые глубокие корни; ибо оно зиждется отчасти на первоначальных, естественных, действительных обстоятельствах жизни как причинах взаимной связи, взаимной зависимости и взаимной привязанности между людьми, отчасти – на глубинных, наиболее общих, необходимейших человеческих потребностях. И те и другие доходят до осознания, правда, с различными следствиями. В случае естественного отношения, например, когда этот человек – мой брат, так как я знаю, что нас родила одна и та же мать, или он – мой шурин, сводный, приемный, молочный брат (что уже менее естественно, поскольку выводится из других, не чисто естественных взаимосвязей), обычно я чувствую себя близким ему, а именно благодаря тому, что мы друг с другом взаимосвязаны, каждый из нас положительно относится к существованию другого, стало быть, мы друг друга знаем, до некоторой степени симпатичны друг другу, испытываем взаимное расположение и доверие, а в дальнейшем можем иметь какие-то общие ценности... Во всяком случае, каждое такого рода отношение, даже между двумя людьми, влечет за собой познание и признание социального отношения как такового, знание того, что отсюда обычно должны последовать определенные взаимные действия – действия, ожидаемые и требуемые каждым от другого и ожидаемые и требуемые от самого себя по отношению к другому".

Согласно Тённису, "различаются социальные отношения товарищеского типа и социальные отношения по типу господства.

Простейшую форму товарищеского типа представляет собой пара, совместно живущая в братских, приятельских, дружеских отношениях, которые легче всего складываются, если людей сближают возраст, пол, деятельность, образ мыслей, устремления и особенно если их объединяет общая идея. В легендах и истории такие пары – не редкость; древние греки настолько чтили дружеские и товарищеские отношения в паре, например, какие были между Ахиллесом и Патроклом, Орестом и Пиладом, Эпаминодом и Пелопидом, что Аристотелю даже приписывался парадокс: у кого есть друзья, у того нет друга... Мы видим их скорей в свете понятия об идеале, чем со стороны опыта, акцентируя внимание больше на причине и меньше на мотиве, и это оправдано постольку, поскольку братья, действительно, чаще всего образуют самую естественную, а, следовательно, и наиболее вероятную дружескую пару.

Тённис задает дополнительный параметр данной связи – "тип господства". По его мысли, в повседневной жизни всех слоев народа на всех стадиях развития культуры можно наблюдать отношение отца к ребенку, которое всегда является охранительным отношением – и чем ребенок слабее, тем в большей мере, поскольку он больше нуждается в защите: последняя же в качестве собственного условия всегда предполагает господство, ибо осуществлять защиту можно лишь на регулярной основе, когда защищаемый следует указаниям и даже приказам своего защитника... Отцовское достоинство – прототип всякого, в том числе имеющего иные основания, общностного авторитета, в особенности авторитета священника. Причины этого заключаются прежде всего в том, что мифические представления возносят отца на Олимп или на Небо и приписывают ему как прародителю богов и людей несметное число детей, либо – в менее чувственной и облагороженной форме – единородного сына, которого после того, как он дал побороть политеизм, идентифицируют с отцом вплоть до их совпадения и полной гармонии. Не удивительно, что имя "папа", в раннем христианстве полагавшееся всем епископам, было возведено римско-католической церковью на вершину духовных достоинств, между тем как в восточных церквях все духовные лица – особенно, конечно, высшие – в просторечии называются "папами" (попами)".

Тённис продолжает: различие между сущностью товарищества и сущностью господства проявляется также в общественных отношениях и может быть выведено только из того, что господство устанавливается через свободный договор – будь то между отдельными личностями, как трудовой договор, или как соглашение многих признать над собой правителя или главу и безусловно или на определенных условиях подчиняться ему, независимо от того, кто или что будет непосредственно воплощать их единство – отдельная естественная личность или одна коллективная личность, наделенный волей и способный действовать совет или корпорация, представленная всей совокупностью. Своей полноты общественное господство достигает в государстве в собственном смысле этого слова, то есть в современном государстве; ему предшествовало множество других государственных форм, стремившихся к современной и, наконец, обретших ее в форме демократической республики, где оно перерастает границы своих общественных основ. Однако фактическое господство возникает уже вследствие простого общественного отношения, в котором происходит дифференциация власти между двумя договаривающимися сторонами, как, например, в трудовом договоре, в

особенности когда он заключается между отдельным "работодателем" и отдельным "наемным работником" или в условиях, складывающихся в результате "мирных договоров" между победителями и побежденными: договоры эти мнимые, а на самом деле за ними стоят принуждение и жестокое обращение.

Тённис продолжает анализ: "следующим понятием социальной сущности, или формы, является понятие совокупности. Я различаю естественные, душевные и социальные совокупности. К нашему понятию имеют непосредственное отношение только социальные совокупности, однако они основываются частью на естественных, частью на душевных совокупностях, частью одновременно на тех и на других. Ибо сущность социальной совокупности заключается в том, что естественные и душевные отношения, образующие ее фундамент, сознательно принимаются, а стало быть, их сознательно хотят. Это явление наблюдается повсюду, где происходит народная жизнь, в многообразных формах общностей, например, в языке, укладе жизни и обычаях, религии и суевериях, но прежде всего в особенностях, отличающих – до некоторой степени объективно, но в какой-то мере только в их сознании – части одного народа друг от друга, а именно в особенностях, выделяющих определенные слои как высшие, благородные, господствующие. Так, сословное сознание – это всегда в первую очередь сознание господствующих сословий, и наиболее явно оно проявляется в гордости и высокомерии – чувствах, которым противостоят смирение и скромность находящихся под их господством "низших" сословий до тех пор, пока сословия господ почитаются за таковые, пока верят в их превосходство или даже божественное происхождение. К совокупности также применимы понятия общности и общества. Социальные совокупности имеют общностный характер постольку, поскольку те, кто в них входит, мыслят их данными от природы или сотворенными сверхъестественным волением".

Как отметил Тённис, "различие между сословной и классовой борьбой в сущности незначительно; сословная борьба происходила в более ранние исторические времена и обычно не была столь радикальной – ее отличала достаточность: низшие сословия добивались лишь участия в наслаждении жизнью и элементов господства, следовательно, оставались заодно с верхами, считая в какой-то мере самих себя, а тем более слои, расположенные еще ниже, чем они, на самом деле недостойными этого, стараясь вместе с высшими сословиями управлять низшими слоями и подавлять их. Классовая борьба носит безусловный характер: она не знает никаких сословных делений, а стало быть, и никаких данных от природы господ. На первом плане сознания всего класса, чувствующего себя лишенным состояния, а потому угнетенным, стоит идеал имущественной общности всего народа в отношении земли и недр, а также всех средств труда, полученных по наследству или путем умелого ведения дел и "по закону" принадлежащих небольшому меньшинству, которое противостоит ему как имущий класс. Таким образом, классовая борьба – это становящаяся все более сознательной и всеобщей форма сословной борьбы".

"Третий и наиболее важный предмет чистой социологии, – пишет Тённис, – это соединение, или корпорация, обозначаемая и множеством других имен. Она не есть нечто природное, ее не следует понимать также как чисто душевный факт – она есть исключительно и по сути своей факт социальный, то есть она существует лишь благодаря тому, что ее вместе мыслят многие. Ее отличительной чертой является способность к единому волению и деянию – способность, которая наиболее явно представлена в способности к принятию решений: принимать решения может отдельный человек как мыслящее существо, если же речь идет о многих людях, то это возможно лишь тогда, когда между ними долго царит согласие, или так долго, чтобы они могли признать и считать действительной волю части их совокупности, выраженную в заранее установленных формах и при общем согласии как волю их всех, то есть как волю корпорации".

Корпорация может возникнуть: 1. Из естественных отношений, поскольку они стали социальными (кровнородственные отношения); 2. Из отношения к земле, первоначально неотделимое от сознания или мнения кровных родственников: совместное проживание, соседство объединяет людей, заставляя их созывать советы и через советы принимать решения; здесь опять-таки действует двойной принцип товарищества и господства. Большим типом такой корпорации является деревенская община: ее сущность заключается в практикуемом сообща искусном возделывании земли и владении маркой, или угодьями, которые рассматриваются как общая собственность. И – по Тённису – 3. Товарищество и товарищеское равенство приобретают новую сферу в более тесной и близкой совместной жизни города: совместное проживание становится все более независимым от совместной сущности, то есть в нем все больше скапливается чужих по крови, ибо изначально города представляли собой деревни или замки, обнесенные крепостными стенами, жители которых были вынуждены взаимодействовать – под властью одного повелителя или как равноправные граждане, – прежде всего чтобы защитить себя, а потом и для того, чтобы установить или сохранять мир и порядок внутри собственной массы, а это вело к образованию политической общины. Таково великое предназначение и достижение городской общины – "полиса", давшего современное имя и придавшего особый характер всему тому, что в Европе и ее отпрысках позднее сформировалось в лице государства в могущественнейшую организацию и единственную в своем роде корпорацию, подобно тому, как его суверенное народное собрание дало имя другой великой общине – церкви, возникшей еще в римскую эпоху и до сих пор излучающей свет на весь земной шар.

Эти корпорации и общины, по Тённису, уходят своими корнями в ту изначальную сплоченность, которая в изложен-

ном здесь понимании и есть общность. Несмотря на то, что первоначальная совместная сущность, выражающаяся в совместном проживании и взаимодействии, модифицируется, она все же сохраняется и может обновляться в духовных формах взаимодействия, а в дальнейшем и в совместной жизни вообще, в особенности политической, так что народ, тем более если он сплотился в государственный союз или только стремится к нему и если он чувствует себя связанным общим языком, хочет как народная общность представлять собой единство, которое может возрастать в национальном сознании и национальной гордости, но при этом легко теряет свою первоначальную подлинность.

Осмысливая "гражданское общество", Тённис отмечает: "...первоначальный базис совместной жизни продолжает изменяться и находит завершение в явлении, часто именуемым индивидуализмом; но его истинный смысл заключается в том, что убавляется не просто социальная жизнь, а общностная социальная жизнь – развивается, приобретает все большую власть, и, наконец, получает превосходство другое, новое взаимодействие, происходящее из потребностей, интересов, желаний, решений действующих личностей. Таковы условия "гражданского общества" как радикальной формы разнообразных явлений, которые охватываются социологическим понятием общества и по своей тенденции безграничны, космополитичны и социалистичны. Происходит великая перемена: в то время как вся жизнь вырастает и черпает силы из народных глубин, гражданское общество формируется как верхушечный феномен, постепенно распространяющийся на весь народ и все человечество. Будучи совокупностью индивидов и семей – прежде всего тех, кто обладает частью гражданского богатства, то есть землей и капиталом как необходимыми средствами производства всякого рода благ, – оно по своей сущности есть совокупность преимущественно экономического характера. В более или менее узких границах, определенных действительным или мнимым родовым родством, очевидным признаком которого считается общность языка, она создает свое государство, а именно скроенное по типу городской общины единство, обладающее волей и способное действовать, которое завершается построением гражданской, а в конечном счете, вероятно, и социальной республики. Государство она мыслит как средство для достижения своих целей, то есть в первую очередь как орган защиты ее личности и собственности, в том числе духовной собственности, высоко ценимой и почитаемой ее носителями. Но поскольку она, не предавая саму себя, не способна признать и, так сказать, написать на своем знамени, что как особая общественная совокупность она отличается от народа, то утвердить свою сущность она может, лишь отождествляя ее с сущностью всего народа и изображая себя как его представителя или заступника. Этот процесс, который еще отнюдь не заканчивается наделением всех соотечественников равными политическими правами, в какой-то мере уменьшает все более возрастающую пропасть между монополией на собственность у общества (в узком и собственном смысле) и отсутствием собственности у народа, но не может снять ее существенный характер и даже усугубляет его, распространяя и укрепляя сознание – сознание "социального вопроса". Благодаря политическому и иному духовному образованию (а оно стимулируется жизнью в городах, особенно в крупных) общественное сознание становится сознанием постепенно увеличивающейся массы народа. Последняя также начинает видеть в государстве средство и орудие для улучшения своего положения, уничтожения монополии на собственность немногих и получения такой доли продуктов, которая, удовлетворяя разумные потребности рабочих, была бы соразмерна доле предназначенных для распределения и потребления благ, получаемых руководителями производства; в то время как блага, предназначенные или пригодные для постоянного общего употребления, должны оставаться в общей собственности общества, то есть народа или его организованного союза – государства".

А.А. Грицанов

ОБЪЯСНЕНИЕ – функция познания, науки, научной теории, реализуемая через логико-методологическую процедуру экспликации сущности одного предмета, явления, события, действия и т.д. (объясняемое, "новое") через другое (объясняющее, "наличное"), имеющее статус достоверного, "очевидного", понимаемого. Противостоит пониманию (**см.**). Компонента О. входит в познавательные акты во всех сферах и на всех уровнях человеческой деятельности. Специально проблема О. поднималась и рассматривалась на дисциплинарном уровне в философии и теологии.

В европейской культуре функция О. постепенно закрепилась прежде всего за научным знанием. Научное О. должно отвечать, как минимум, двум требованиям: 1) адекватности – его аргументы и характеристики должны иметь непосредственное отношение к предметам, явлениям, событиям, которые они объясняют; 2) принципиальной проверяемости (непосредственно или через свои следствия). По своей логической структуре О. представляет рассуждение или умозаключение, посылки которого содержат информацию, необходимую для обоснования такого рассуждения (умозаключения). Посылки называются экспланансом, следствия из них – эксплананду мом. Эксплананс и эксплананду м связаны между собой отношениями выводимости (следования). О. осуществляется как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях организации научного знания. О. в естествознании ориентируется прежде всего на раскрытие причинно-следственных связей и отношений, хотя могут объясняться и генетические, структурные, функциональные зависимости, но в любом случае речь идет о выявлении картины детерминации объекта (явления, события), его зависимостей и обусловленностей. Чем полнее и глубже вскрыты обусловленности, тем выше ценность О.

Наиболее известна и признаваема в методологии познания – дедуктивно-номологическая модель научного О. Поп-

пер (см.) считал, что дать причинное О. события значит дедуцировать утверждение, которое его описывает, используя в качестве посылок один или более универсальных законов совместно с определенными единичными утверждениями о первоначальных условиях. Аналогично, Р. Карнап утверждал, что эксплананс должен содержать хотя бы один закон науки. Таким образом, суть данной модели О. состоит в подведении под закон объясняемого явления. При этом дедукция понимается здесь не как умозаключение от общего к частному, а как любой вывод, заключение которого следует из имеющихся посылок с логической необходимостью по принятым правилам дедукции. С точки зрения К. Гемпеля, общий закон – это универсальное условное высказывание, которое может быть подтверждено или опровергнуто с помощью эмпирических данных, а само О. понимается как "гипотеза универсальной формы" (ссылка на причины или определяющие факторы данного события). Дедуктивно-номологическая модель О. дополняется дедуктивно-фактуальной моделью (О. через эмпирически фиксируемую закономерность, иногда говорят об О. с помощью замаскированного закона), а их обобщение может быть обозначено как схема Поппера – Гемпеля, суть которой У. Дрей определял как модель "охватывающего закона". Особые варианты дедуктивных О. – это О. эмпирических законов через теоретические принципы, через законы более высокого порядка, а также О. внутри гипотетико-дедуктивной теории (метода). Гемпелем подробно разработана и теория индуктивно-статистического О., предполагающая установление эмпирических отношений между классами событий как свое основание и трактующая индукцию не как процесс рассуждения от частного к общему, а как всякое рассуждение или умозаключение, посылки которого в той или иной степени подтверждают заключение, которое носит вероятностный характер.

Гемпель рассматривает в этой связи как особый вид вероятностных О. – дедуктивно-статистические (эксплананс содержит по крайней мере один статистический закон или теоретический принцип). В целом любое дедуктивное О. можно истолковывать как особый случай индуктивного О., когда степень вероятности экспланандума становится равной единице (100%) и, следовательно, вероятностный вывод становится достоверным. Схемы О. могут не быть полностью развернуты (предъявлены) и тогда речь идет о неполных О. ("объясняющих скетчах", по Гемпелю). Как особый тип О. можно принять схемы операционализма и инструментализма, предполагающие экспликацию "неизвестного" и его (если это возможно) редукции к "известному". Дреем была предложена (прежде всего для анализа исторических событий) модель "непрерывной (последовательной) серии событий (происшествий)", в которой О. есть заполнение пробелов в серии, восстановление ее непрерывности. Для анализа исторических событий Дреем и др. была предложена модель рационального О., суть которой заключается в О. поведения исторического агента (деятеля, лица) через его мотивы, т.е. через оценку его адекватности ситуации (что предполагает "проецирование" исследователя в ситуацию, ее "переигрывание", "вновь испытывание", "вновь продумывание"). У Р.Дж. Коллингвуда цель рационального О. – воссоздание "внутренней стороны" исторического события, которую составляют мысли исторического агента.

Основные трудности, с которыми сталкивается рациональное О., следующие: 1) наличие разных типов рациональности и различие их стандартов в различные исторические времена и в разных социокультурных слоях общества; 2) нерационализируемость полностью человеческого поведения. Гемпелем в связи с этим было предложено рациональное О. не через мотивы, а через меру следования системе принудительных норм, предзадающей цели действия (действие в соответствии с диспозициями). Особая разновидность рациональных О. предложена в этнометодологии. Вригт противопоставил как концепциям причинного О. (истоки которого он усматривал в установках физики Галилея на предсказание события), так и концепциям рационального О. – модель телеологического (интенционального) О., истоки которой он относил к установке Аристотеля сделать факты финалистически понятными. О. состоит не в указании рациональности действия, а цели, которую преследует индивид (или его интенций), и опирается на теорию "практического вывода" (в котором одна посылка говорит о желаемом результате (цели), другая же указывает на средства достижения этой цели, а выводное суждение представляет собой описание действия; при этом схема может быть усложнена введением в посылки дополнительных ограничений на возможное действие). Связь О. с описанием, нарративом, породила ряд нарративных концепций О. Так, Т. Никкл3, исходил из того, что объясняя факты, мы имеем дело с различными их описаниями, которые трудно поддаются трансформации друг в друга и поэтому должны быть объяснены как отдельные. Отсюда модель сингулярных причинных О., исходящая из критического пересмысления идей Гемпеля. Тем самым в О. снимается требование наличия связей выведения, которые могут быть даны через рассказ (объясняющий нарратив, указывающий на то, что событие не было неожиданным, как это изначально казалось). Как особый тип О. рассматриваются так называемые модельные О. (О. с помощью моделей, прежде всего знаковой природы).

В.Л. Абушенко

ОВСЯННИКОВ Василий Григорьевич (р. 1948) – российский социолог, специалист в области методологии и методики социологии. Окончил ЛГУ (1976). Доктор социологических наук (1991), профессор (1993).

Доцент (с 1985) отделения прикладной социологии экономического факультета ЛГУ, участвовал в организации учебного процесса по специальности "социолог-экономист", вел исследования на предприятиях города. С 1989 – зав. кафедрой прикладной и отраслевой социологии на факультете

социологии Санкт-Петербургского университета. В своих работах О. предлагает методику теоретической экспертизы внедрения результатов исследования проблем персонала предприятия и перехода на скользящий график работы; раскрывает метод социального анализа деятельности трудового коллектива как объективного способа разработки и контроля плана социального развития; анализирует взаимоотношения методологии и методики познавательного и практического социального процесса, выделяет принципы методических разработок в прикладной социологии; выделяет методологические принципы отнесения опросов к социологическим методам; исследовал новые направления в социологии – социологию практики, социологию реформ.

Основные сочинения: "Теоретическое обоснование внедрения результатов прикладных социологических исследований" (1984); "Метод социального анализа в планировании социального развития трудового коллектива" (1987); "Методология и методика в прикладном социологическом исследовании" (1989); "Прикладная социология" (1994, соавтор); "Социология практики" (1994, соавтор); "Социология как реформаторская наука" (1995) и др.

ОВЧАРЕНКО Виктор Иванович (р. 1943) – российско-белорусский философ, социолог, историк и психолог. Предтеча (совместно со Степиным – **см.**) проекта "Гуманитарная энциклопедия" Минской философской школы. Доктор философских наук (1996), профессор (1997). Академик Российской академии естественных наук (1997), академик Академии гуманитарных исследований (1998), академик Академии педагогических и социальных наук (2000). Окончил исторический факультет Белорусского государственного университета (1969). В 1972-1982 – преподаватель, старший преподаватель, доцент кафедры философии БГУ. В 1982-1983 – доцент кафедры философии Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при БГУ. В 1983-1987 – доцент кафедры философии Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при МГУ им. М.В. Ломоносова. С 1987 доцент, с 1995 – профессор кафедры философии Московского государственного лингвистического университета.

Основные работы: "Психоаналитический глоссарий" (1994, первое русскоязычное издание словаря-справочника по психоанализу); "Социологический психологизм. Критический анализ" (1990, совм. с А.А. Грицановым – **см.**); "Человек и отчуждение" (1991, совм. с А.А. Грицановым); "История социологии" (1993 и 1997, в соавт.); "Философская и социальная антропология" (1997, в соавт.); "Психоаналитическая литература в России" (1998, совм. с В.М. Лейбиным); "Антология российского психоанализа" (1999, в двух томах, совм. с В.М. Лейбиным); "Новейший философский словарь" (1999 и 2001, в соавт.); "Современная западная философия" (2000, в соавт.); "Российские психоаналитики" (2000); "Классический и современный психоанализ" (2000), "Всемирная энциклопедия. Философия" (2001, в соавт.), "Постмодернизм. Энциклопедия" (2001, в соавт.), "История философии" (2002, в соавт.), "Всемирная энциклопедия. Философия XX века" (2002, в соавт.) и др.

О. показал, что одним из первых общественно значимых результатов систематической философской деятельности в Древнем мире стала создание западных и восточных версий концептуального гуманизма. В 1990 опубликовал основы концепции социологического психологизма (**см.**) – отрасли знания и междисциплинарного плюралистического направления социальной мысли, принимающего в качестве предпосылки исследования и объяснения социальных явлений и процессов, действие и взаимодействие общественных, групповых и индивидуальных психических факторов. Ввел в оборот категории "понятийно-проблемные комплексы" (**см.**), "латентная и контактная всемирная история" (**см.**), "дисперсионная рациональная среда" (**см.**), "дисперсионная психоаналитическая среда" (**см.**). Опубликовал более 300 биографий философов, социологов, культурологов, психологов и др. Осуществил философское исследование ряда парадигм и течений классической и современной социальной мысли.

А.А. Грицанов

ОГБОРН (Ogburn) Уильям (1886-1959) – американский социолог. Один из создателей социологии науки и социологии техники. Доктор социологии, профессор. В 1910, будучи студентом, познакомился с идеями З. Фрейда и в 1915 познакомил с ними К. Паркера. После получения образования работал социологом в Чикагском университете. В 1918 прошел дидактический психоанализ у Т. Барроу. В 1919 исследовал психологические основания экономического понимания истории. Использовал теории неврозов Фрейда и индустриальных психозов Паркера. Оказал большое влияние на внедрение психоанализа в американскую социологию.

В начале 1920-х О. изучал проблему социальных изменений. Считал, что ведущим фактором социальных изменений являются "материальная культура" (или техника), развивающиеся быстрее "нематериальной культуры". Создал концепцию "культурного отставания". В цикле статей "Национальная политика и техника" (1930-е), "Техника и социология" (1938) и др. работах развивал идеи о том, что именно достижения науки и техники влекут за собой изменения социальной и культурной жизни. Исследовал пути адаптации человеческой природы и общества. Доказывал, что урбанизация и индустриализация ведут к сокращению и распаду семьи. В 1930-1940-х активно занимался социологией науки и техники, исследовал последствия научно-технического прогресса для общества.

Автор книг: "Социальные изменения" (1922), "Социальные эффекты авиации" (1946), "Справочник по социологии" (1947, в соавторстве), "Техника и международные отношения" (1949, редактор) и др.

В.И. Овчаренко

ОДИНОЧЕСТВО – состояние и ощущение человека, находящегося в условиях реальной или мнимой коммуникативной депривации (изоляции от др. людей, разрыва социальных связей, отсутствия значимого для него общения, недостаточности общения и др.). В основном проявляется в трех формах: обыденной, экстремально-ситуативной и искусственной (экспериментальной и лечебной). Как психогенный фактор О. влияет на психику человека и вызывает появление острых эмоциональных реакций (в т.ч. тягостных переживаний, тревожности, депрессии, деперсонализации, галлюцинаций), изменение сознания и самосознания, индивидуальных и личностных особенностей человека. Тяжело переносится людьми различных возрастов. Особенно опасно в младенческом возрасте (см. **Социализация**). В значительной части случаев приводит к серьезным психопатологическим эмоциональным нарушениям, коррекция которых предполагает использование соответствующих психотерапевтических, медикаментозных и прочих воздействий. В ситуации острого переживания О. у людей формируются различные компенсаторные (защитные) реакции, формы поведения и общения, в которых важную роль играют внутренние диалоги с фантомными партнерами, персонификация животных (гл. обр., домашних), различных предметов (книг, кукол и др.), разнообразных изображений (фотографий, картин, скульптур и др.), проявляющиеся в широких диапазонах нормы и патологии.

Как явление социального порядка и проблема, О. получило особое распространение в современном мире (феномены "толпы одиноких"), существенно изменившем систему социальных связей и непосредственного ("живого") общения людей и отчасти подменившем эту систему различного рода суррогатами общения. О. может выступать и выступает как форма осознанного и неосознанного протеста, "бегства от действительности" и "внутренней эмиграции". В клинических целях О. (сенсорная изоляция) используется как метод лечения различных психических расстройств.

И.И. Овчаренко

"ОДНОМЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества" ("The One-Dimensional Man. Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society", 1964) – книга Маркузе. Автор последовательно анализирует современные ему "Одномерное общество", "Одномерное мышление" и "Шанс альтернативы". Согласно идеям "О.Ч.", современное общество "усмиряет центробежные силы скорее с помощью техники, чем террора, опираясь одновременно на сокрушительную эффективность и повышающийся жизненный стандарт"; оно способно сдерживать "качественные социальные перемены". "Критическая теория" общества перестала быть оппозиционной. Осуществляется "успешное удушение тех потребностей, которые настаивают на освобождении... при поддерживании и разнуздывании деструктивной силы и репрессивной функции общества изобилия". Происходит формирование массовых "стандартных", "ложных" потребностей. Современное общество, по мнению Маркузе, тоталитарно в том смысле, что оно осуществляет нетеррористическое экономическое координирование своих элементов. В его основании располагается "технологический проект": стремление людей поработить природу, приспособить ее для своих потребностей. Альтернативы такой модели социального поведения не предвидится. Нужен "Великий Отказ" – правда, неэксплицированный автором. При господстве "одномерного мышления", согласно Маркузе, "идеи, побуждения и цели, трансцендирующие по своему содержанию утвердившийся универсум дискурса и поступка, либо отторгаются, либо приводятся в соответствие с терминами этого универсума, переопределяемые рациональностью данной системы и ее количественной мерой". Налицо слияние рациональности и угнетения. Рабы развитой индустриальной цивилизации превратились в сублимированных рабов, оставаясь таковыми, ибо рабство задается не мерой покорности и не тяжестью труда, а статусом бытия как простого инструмента и сведением человека к состоянию вещи. Соответственно, становление "одномерного мышления" ликвидировало, по мысли Маркузе, "двухмерную культуру". "Культурные ценности" вовсе не были истреблены, они были встроены в утвердившийся порядок. Свойство "одномерности" усматривается Маркузе во всех главных общественно-политических системах середины 20 ст.

А.А. Грицанов

ОДО "СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ" – общество с дополнительной ответственностью (далее – ОДО "СЭИС") – негосударственная исследовательская организация. Создана в 1995 сотрудниками Института социологии Национальной академии наук Беларуси В.Н. Тихоновым и Е.А. Борковской. Основатели фирмы – социологи-практики, принимавшие участие во многих прикладных социологических исследованиях: локальных, республиканских, всесоюзных и международных. Генеральный директор ОДО "Социальные и экологические исследования" – В.Н. Тихонов.

Компания работает на самофинансировании и самоокупаемости. На постоянной основе в ней работают до десяти человек. Они обеспечивают проведение полного исследовательского цикла от постановки проблемы до заключительного отчета. По желанию заказчика могут быть выполнены и отдельные этапы исследовательского цикла. Такие как опрос респондентов или же опрос с предоставлением результатов обработки данных и т.д. При больших объемах работы к сотрудничеству приглашаются эксперты и консультанты требуемой квалификации, а также опытные исполнители.

ОДО "СЭИС" проводит как количественные исследования, т.е. массовые опросы, так и качественные, опросы экспертов, углубленные интервью, фокус-группы. Компания располагает сетью интервьюеров во всех районах Беларуси.

Проводятся социальные и маркетинговые исследования. Регулярно изучается экономическое положение населения Беларуси, политические предпочтения и оценки. При проведении маркетинговых исследований определяются объем и структура рынка, динамика рынка конкретных товаров и услуг; изучаются особенности потребительского поведения и привычки; информированность потребителей; оценки эффективности рекламы в целом и отдельных рекламных акций.

Деловые и научные связи организаторов ОДО "СЭИС" с социологами соседних республик позволяют проводить сравнительные исследования, оказывать помощь в организации и проведении научных и маркетинговых изысканий на постсоветском пространстве (Россия, Украина, Молдова, Закавказье, Прибалтика).

Л.И. Михейчиков

"ОНО" ("das Es", "the Id", "the It") – понятие, заимствованное З. Фрейдом (**см.**) у немецкого врача и писателя, одного из идеологов психосоматической медицины, руководителя санатория в Баден-Бадене Г. Гроддека (1866-1934). Гроддек ввел термин "О." в 1923 ("Книга обо "Оно"). Согласно Гроддеку, "О." – психологический термин, обозначающий безличную внутреннюю силу, т.е. ту часть психического аппарата, в которой представлены инстинктивные и врожденные начала личности и из которой возникает Я. По мысли Гроддека, травмирующее воздействие О. – главный источник различных органических болезней (от легчайших до рака включительно), а также существенный фактор, определяющий личную судьбу человека.

По Фрейду, О. – наиболее влиятельная сфера личности (**см.**), представляющая собой не признающий течения времени и действующий в соответствии с принципом удовольствия комплекс разнообразных бессознательных побуждений, представлений, тенденций, агрессивных и сексуальных влечений, инстинктов и т.п. Согласно психоанализу, О. являет собой "котел, полный бурлящих возбуждений" и "большой резервуар либидо", в котором сосуществуют и действуют противоположные импульсы и силы всех основополагающих процессов душевной деятельности человека. С точки зрения Фрейда, именно в асоциальном, алогичном и аморальном О. осуществляется борьба между сексуально окрашенным инстинктом жизни и влечением к смерти, которая и обусловливает функционирование этой сферы и ее роль в структуре личности. Контакты О. с внешним миром определяются, по Фрейду, его связями с Эго, "которое замещает для него внешний мир"; при этом Эго должно непрестанно искать соглашения с О.

Английские переводчики и комментаторы Гроддека разграничивают, с одной стороны, "the It", близкое его исходной версии, и "das Es", "the Id" в модификации Фрейда. /В русском языке термины "das Es", "the Id", "the It" переводятся одним словом "О.". – *В.О., А.Г., А.Ш.*/ В отличие от психологического по природе "the It", "das Es" – понятие психосоматического ряда: "тело и душа едины и дают приют для It – силы, благодаря которой мы живем, пока мы думаем, что живем... The It, которое таинственным образом связано с сексуальностью, с Эросом – или назовите это как-то иначе, – будучи биологически предопределенным придает форму носу, так же как и руке человека, и формирует его мысли и эмоции... И подобно тому, как симптоматическая активность It при истерии и неврозе требует психоаналитического лечения, так же того требуют заболевания сердца и рак" (С. Гроссман).

Немаловажно то, что если термины "Ego" и "Alter Ego" были почерпнуты Фрейдом из латыни и уже лишь благодаря этому несли чисто рационализаторскую синтаксическую нагрузку, отвечающую их формальной семантике, то термин "Id" был, судя по всему, заимствован Фрейдом из идиш. В этом языке, иногда еще именуемом "еврейским немецким", слово "Id" выступает как внеэтническое и дорелигиозное (т.е. в известном смысле предворяющее социализацию) обозначение еврея. Оно своеобычно репрезентирует особую профанную мифологию, к которой прежде всего относится интимно-бережное отношение к Матери и двусмысленное отношение к Отцу, одновременно сопряженное с чувствами стыда и страха. Фрейд нередко эксплицировал и иллюстрировал характеристики "Id" посредством еврейских анекдотов и бытовых историй, составляющих психоаналитический анамнез. Именно они, по мысли Фрейда, фиксировали проявления бессознательного наряду с качественной спецификой еврейского национального характера. Эдипов комплекс – суть дорефлексивная потребность в инцесте – ставший основным конструктом психоанализа, восходит именно к онтологическому образу Матери, взлелеянному бытовым хасидизмом. Главным понятием хасидизма – весьма распространенного среди европейских иудеев религиозного направления – служит упомянутое "Id". Смысловая же перекличка "Id" и Матери оказывается для этой мифологии отнюдь не случайной. Вокруг фигуры Матери непосредственно и концентрируется это самое "Id": по материнской линии передается свойство являться евреем – качество "Id" (ср. "жид" в ряде языков). Среди религий европейского ареала только в хасидизме явно провозглашалось, что тело выше души и что бытовая размерность должна быть ключевой в понимании природы человека. В этой размерности и сосуществуют любовь к Матери и трепет перед Отцом (Бог рассматривался как первоотец). В хасидизме, оказавшем влияние на миропредставление Фрейда, свойство "Id" в контексте фигур Матери и Отца предшествует самой вере Моисеевой и актуализирует онтологические отношения, предваряющие "тору", т.е. этику.

В.И. Овчаренко, А.А. Грицанов, А.Н. Шуман

"ОНТОЛОГИЧЕСКИ НЕУВЕРЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ" – описанный Р. Лейнгом (**см.**) тип личности, испытывающей дефицит "первичной онтологической уверенности". Такая личность ощущает себя скорее нереальной, чем реальной, и скорее мертвой, чем живой; ей не хватает чувства индивидуальности, автономности, времен-

ной непрерывности, субстанциональности, собственной ценности; наконец, она переживает свое "я" как частично отчужденное от тела. Тип "О.Н.Л." предполагает и определенный тип дискурсивной деятельности, широко представленный, например, в художественной практике русского символизма. Так, одним из наиболее репрезентативных примеров реализации дискурса "О.Н.Л." может служить лирика И. Анненского, ср. отражение в ней таких типичных для дискурса "О.Н.Л." мотивов, как проблематизация собственной реальности-нереальности, витальности-невитальности: *Не могу понять, не знаю... // Это сон или Верлен?.. // Я люблю иль умираю? // Это чары или плен?; В недоумении открыл я мертвеца... // Сказать, что это я... весь этот ужас тела*; безуспешность попыток определить границы собственного "я" и установить степень его субстанциональности, автономности и единственности: *Я не знаю, где вы и где мы. // Только знаю, что крепко мы слиты; Не я, и не он, и не ты, // И то же, что я, и не то же: // Так были мы где-то похожи, // Что наши смешались черты. <...> Лишь полога ночи немой // Порой отразит колыханье // Мое и другое дыханье, // Бой сердца и мой и не мой...; Пусть только бы в круженьи бытия // Не вышло так, что этот дух влюбленный, // Мой брат и маг не оказался я, // В ничтожестве слегка лишь подновленный; Я призрак, я ничей...; Была ль то ночь тревожна // Иль я – не знаю сам; И мои ль не знаю, жгут // Сердце слезы, или это // Те, которые бегут // У слепого без ответа* и т.п. В ситуации постмодерна проблема онтологическая неуверенности сменяется для личности проблемой эпистемической неопределенности. Дело оказывается не в трагически переживаемой зыбкости границ между "я"-телом и "я"-духом, или "я" и миром, или "я" и "другим", а в том, что внутренний мир "я" в любой его аранжировке и интерпретации переживается как всего лишь один из возможных миров, не обладающий какими-либо эпистемическими, аксиологическими или алетическими преимуществами по сравнению с любыми иными мирами. Это не значит, что личность эпохи постмодерна не может испытывать дефицит онтологической уверенности, но значит, что в культурной ситуации постмодерна такой дефицит в силу априорного, программного признания относительности любого онтологического переживания принципиально перестает осмысляться в качестве проблемной ситуации (в наиболее радикальном случае отсутствие базового уровня онтологической уверенности и дефицит целостности и автономности вообще рассматривается как норма креативного человеческого существования – см. **Шизоанализ**). В этом смысле беспомощно-трагические "не могу понять", "не знаю" традиционной "О.Н.Л." сменяются скептически-отстраненными "полагаю, что...", "думаю, что...", "возможно, что..." (всегда подразумевающими ироническую импликацию типа "а впрочем, возможно, что все вовсе и не так") постмодернистской эпистемически неуверенной личности, которая демонстративно отказывается от поиска однозначных безальтернативных решений проблем, хотя бы даже и касающихся фундаментальных основ ее существования.

Е.Г. Задворная

"ОПЕРАТИВНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕТОДИКА И ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ" (Минск: БГУ, 2001. 353 с.) – коллективная монография, подготовленная группой белорусских ученых по инициативе Центра социологических и политических исследований БГУ и выпущенная под редакцией Д.Г. Ротмана (см.), А.Н. Данилова (см.), кандидата философских наук Л.Г. Новиковой.

В монографии разрабатывается новая отрасль знания – оперативные социологические исследования (далее – ОСИ), анализируется и обобщается значительный материал по специфике их организации и проведения. Авторы знакомят читателей с технологиями процесса осуществления данного вида исследований, начиная от организационной структуры соответствующей социологической службы и заканчивая правилами оформления итоговых документов.

Первые ОСИ были осуществлены в Беларуси в 1980-е. Их цель заключается в получении в сжатые сроки достоверной и конкретной информации о состоянии социального объекта или течении социального процесса, состояние которых требует адекватного и оперативного управленческого воздействия. Впервые термин "ОСИ" и необходимость его введения в научный оборот была обоснована в "Социологическом словаре" (Минск, 1987) Д.Г. Ротманом, а позже методика ОСИ подробно разрабатывалась им в ряде работ (см., например: Ротман Д.Г. "ОСИ в комсомольской работе". 1988).

Мощный толчок к развитию ОСИ получили в 1990-е с началом трансформации социальной системы и связанной с ней резкой акселерацией всех общественных процессов. Накопленный в данный период времени опыт проведения ОСИ был обобщен в первой коллективной монографии "Оперативные социологические исследования" (Минск, 1997; в соавторстве – Д.Г. Ротман, С.Н. Бурова и др.).

Данная работа ("ОСИ: методика и опыт организации") представляет собой существенно переработанный и дополненный вариант предыдущей монографии.

Книга состоит из 6-ти глав. I глава представляет собой краткий экскурс в историю становления белорусской социологии. II глава посвящена теоретико-методологическому обоснованию применения ОСИ, их специфики и сущности. В III главе описывается организационно-подготовительный этап ОСИ: раскрываются особенности структуры социологических служб, выполняющих ОСИ, специфика программирования этого класса исследований, а также обоснования и расчета выборки. IV глава посвящена методическим и организационным особенностям применения различных методов сбора информации в ОСИ: опроса и его основных видов (анкетирование и интервью), качественных методов, анализа докумен-

тов, наблюдения, а также возможностей их комбинирования и сочетания в одном исследовании.

Заключительный этап ОСИ (обработка эмпирической информации и качественный анализ данных) описывается в V главе. Здесь раскрываются правила составления логической программы обработки информации и основные этапы ее реализации: подсчет частот и получение линейного распределения ответов на вопросы, расчет средних величин и индексов, измерение вариации признаков и зависимости между ними с использованием различных коэффициентов сопряженности, применения факторного и кластерного анализа. Далее подробно рассматриваются основные этапы качественного анализа данных (их сущность, функции, задачи, методы): процедура описания, которая предполагает использование методов простой и перекрестной группировки, а также эмпирической типологизации, позволяющей осуществить надежную интерпретацию данных; процедура обоснования и его основные формы, применение методов теоретической типологизации и косвенного эксперимента; процедура прогноза и его основные методы – экстраполяция, моделирование, экспертиза.

В заключительной главе представлен опыт методических разработок конкретных социальных проблем, накопленных в Центре социологических и политических исследований БГУ. Здесь подробно описываются методика и техника осуществления контент-анализа прессы, проведения ОСИ в сфере образования, маркетинга и рекламы, политической и экономической ситуации, проблем здравоохранения, девиантного поведения, религии и религиозных отношений, трудовых коллективов, молодежи.

Книга насыщена конкретными примерами, позволяющими читателям наглядно представить себе технологию проведения ОСИ на всех его этапах.

В.Л. Абушенко

ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ – процедура установления связи концептуальной схемы с ее методическим инструментарием, заключающаяся в поиске средств фиксации в наблюдении референтов (денотатов) концептуальной схемы и обосновании их валидности. В процессе О. фиксируются доступные наблюдению и измерению признаки (характеристики) объектов – индикаторы, которые также подлежат обоснованию в качестве таковых. О. противоположна по направленности концептуализации: если последняя задает вектор движения "вверх" в уровнях организации знания и суть движение в сторону абстрактного, то О. есть движение "вниз" – в сторону конкретизации. Работа в режиме О. обеспечивает онтологическое подтверждение концептуальной схемы. О. трактуется как эмпирическая интерпретация понятий, т.е. экспликация их содержаний. "Обратное" движение от уровня "наблюдаемости" к концептам обозначается как первичное концептуальное объяснение.

О. – сложно организованная процедура, включающая в себя минимум четыре уровня разнокачественной работы. Это уровень перевода концептов (см.) в операциональные определения и показатели, т.е. в конечном итоге указания эмпирических значений теоретических смыслов (логическая процедура); уровень измерений по сконструированным определениям и показателям (предполагает выход в эмпирическую процедуру); "вычисление" (статистическая процедура), допускающее возможность построения математической модели, состоящей из переменных; уровень вывода ненаблюдаемого (концептуального) из наблюдаемого (упорядоченные данные, прошедшие, если это предусмотрено, статистическую обработку: интерпретационная процедура, первичное концептуальное объяснение). Согласование процедур, взаимопроникающих друг в друга (операциональные определения и измерения, "вычисление" и интерпретация), между собой осуществляется в интерпретационной схеме, которая, в свою очередь, подлежит обоснованию и согласованию с концептуальной схемой. Таким образом, интерпретационная схема может быть понята как "схема распознавания" смыслов предметностей, как комплекс средств для выявления существенных черт исследуемой действительности. Она предполагает наличие верификационной модели и неформализованных (неформализуемых) представлений, извлеченных как из концептуальной схемы, так и из знаний и опыта исследователя.

О. – это работа по переводу концептов в иерархию конструктов (см.), вплоть до "деления шкалы" измерительного инструмента, и обеспечение обратного перевода. В социологии О. понимают в этом отношении как работу по переводу понятий в систему показателей. В любом случае она сопровождается сменой языков и заменой используемых терминов, содержит в себе содержательный и формальный аспекты.

В.Л. Абушенко

ОПЕРАЦИОНАЛИЗМ (лат. operatio – действие) – направление в философии науки, согласно которому содержание научных концептов и конструкций обусловливается способами (схемами и практическими и (или) умственными процедурами) взаимодействия субъекта с объектом. Первый вариант операционалистической концепции был предложен в начале 1920-х Н. Кэмпбеллом, но возникновение О. как самостоятельной доктрины связано с именем американского физика и философа, лауреата Нобелевской премии 1946 за исследования в области экспериментальной физики П.У. Бриджмена (1882-1961). Основы О. были изложены им в работе "Логика современной физики" (1927), а затем развиты в работах: "Мыслящий индивид и общество" (1938), "Размышления физика" (1955), "Природа некоторых физических понятий" (1957) и др. От идей О. отталкивались в создании новой генетической эпистемологии Ж. Пиаже (см.) и Л. Выготский (см.). Благодаря их работам в психологии закрепилось понятие интериоризации, фиксирующее процесс свертывания и "овнутривания" внешних предметных действий в психический образ. Работа со схемами легла в основу концепций, благодаря которым была преодолена монополия сенсуалисти-

ческой ориентации в педагогике (В.В. Давыдов и др.). Различные схемотехники и "работа по схеме многих знаний" входят в число базовых понятий в системно-мыследеятельностной (СМД) методологии. В поисках своих предтечей сторонники операционалистической ориентации ссылаются на идеи И. Канта: на тезис о том, что субъект познает в объекте свои же собственные определения, и на кантовское неразвернутое теоретически положение о том, что в действительной основе чувственных представлений лежат не образы предметов, а схемы, сообразно которым становятся возможными образы. Однако классический О. связан все же с концепцией Бриджмена. Последний ввел в науку понятие операционального определения как конструирования понятия через описание совокупности экспериментально-измерительных операций ("Понятие синонимично с известной совокупностью операций") и показал, как через оперирование с "линейкой" и "часами" А. Эйнштейн вводил понятия "пространства", "времени", "одновременности" и т.д. в свою теорию относительности.

Первоначальная версия О. содержала жесткое требование определения всех понятий науки в терминах измерения и внешней (эмпирически-экспериментальной) деятельности. Не выдерживающие такой процедурной проверки понятия признавались "пустыми определениями" и подлежали элиминации из системы научного знания. В этом отношении операциональные определения Бриджмена оказались близки верификационной концепции неопозитивизма, в частности понятию редукционных предложений Карнапа (требованию прояснения значения терминов в языке наблюдения). В принципе редукционные предложения и операциональные определения (через процедуры "сворачивания" и "развертывания" содержания) можно рассматривать как взаимопереводимые друг в друга. Однако уже в "жесткой" ("сильной") версии О. была заложена иная, чем в неопозитивизме, исследовательская установка – на выявление происхождения (генезиса) понятий, развитая затем в генетической эпистемологии Пиаже.

Под воздействием критики Бриджмен предложил в дальнейшем "мягкий" ("ослабленный") вариант О. и, соответственно, понимания операциональных определений, получивший развитие в работах других сторонников О. Во-первых, было снято требование обязательной "внешней" (эмпирической) процедуры. В работе "Размышления физика" наряду со способом образования понятия на основе практических схем действия, рассматривается и вариант его задания через совокупность умственных операций, подобных операциям счета, иначе – "карандашно-бумажных операций". Во-вторых, было признано, что часть теоретических конструктов сама по себе лишена значения; она не соотносима напрямую с наблюдаемыми объектами и задается внутри какой-либо принятой теоретической схемы (исходная посылка, заложенная в понятие операциональных определений, принципиально отрицала возможность определения одной абстракции через другую). В-третьих, было установлено, что полное содержание понятия не сводимо к сумме свернутых операций любого рода, не схватывается "без остатка" в конвенциях ученых и может включать в себя "неоперациональные значения" хотя бы в силу уникальности личного опыта исследователя и изначальной уникальности каждой отдельно взятой операции. М. Бунге переистолковал операциональные определения как операциональные соотнесения, позволяющие найти числовое выражение для величины, которая имеет значение до и независимо от акта измерения, т.е. дающие прежде всего психологическое понимание значения выражений, включающих операционализируемый термин. Это позволяет распространить подходы О. на анализ проблем понимания и соотношения структур опыта и языка; мы понимаем, если знаем, какие операции необходимо осуществить, чтобы дать ответ на вопрос: концепция понимания через "третьи вещи" (понимание "сделанным"); знаменитый тезис Мамардашвили о Сезанне, который понимает (мыслит) яблоками, а не яблоки. Операциональный анализ позволяет уточнять области применимости понятий, с одной стороны, и обнаруживать псевдопроблемы в конкретных теоретических областях (неосуществимость процедур понимания через действие как лишение осмысленности).

В плане соотношения структур опыта и языка, О. настаивает на неопределенности опыта только в языке. В опыте определяемое (языковое выражение) всегда соотносится с определяющим (операции, действия человека). Кроме того, Бриджмен различает "мой язык" (индивидуально-неповторимый) и "используемый язык" – язык как средство общения, ориентирующийся на удаление из опыта индивида, посредством которого опыт индивида, т.е. его действия и переживания, ставятся в соответствие языку как особой структуре. Структуры опыта и структуры языка лишь частично соответствуют друг другу; структуры языка, во-первых, по-разному понимаются в зависимости от контекстов опыта, с которыми они соотносятся, а во-вторых, их отрыв от структур опыта способен порождать пустые вербализации. Отсюда вытекала дополнительная трактовка соотношения экспериментально-измерительных (эмпирических) процедур и "карандашно-бумажных" операций (языковых и математических) – соотносимых, но всегда различимых. Для последних устанавливается требование не порождать противоречия в дальнейших рассуждениях. Сами же они могут быть проинтерпретированы как экспериментально-измерительные процедуры со знаками и языковыми структурами. Любое понятие, с точки зрения О., содержит в себе одновременно две тенденции, проявляемые в операциях (работе) с ними: тенденция к дифференциации (операционализация понятий) и тенденцию к интеграции (концептуализация понятий). Дифференциация при этом понимается как требование уникализации значения понятий. Операциональное значение должно быть настолько единственным, насколько это возможно. Разные процедуры (измерения) формируют различные понятия объектов. Как продукт взаимодействия субъекта и объекта операция не похожа на объект и не сводима к его содержанию. Отсюда тезис Бриджмена о том, что

"если применяются два вида операций, то, строго говоря, должны использоваться два имени". Но, с другой стороны, дифференциация постоянно сопровождается и контролируется интеграцией, так как всегда необходимо удостоверяться в том, что различение двух и более понятий не приводит к появлению псевдопроблем, характеризующихся в том числе и использованием разных имен для обозначения одного и того же. Эквивалентность двух операций может быть установлена только в эксперименте, однако и он лишь частично дает возможность для отождествления, так как "имена" могут оказаться несовместимыми из-за наличия в них внеоперациональных элементов. Отсюда дополнение экспериментальных процедур логическими: только при обнаружении разнообъемности понятий и (или) невозможности редукции сложного к простому (в том числе и в силу неизвестности процедур сведения) мы получаем основание для различения описаний (понятий). В рамках О. был выработан и иной ("инвариантный" подход) к установлению значений: если объект преобразуется независимыми группами операций, а в содержании образа создается инвариант, независимый от специфики операций, то подобный инвариант можно рассматривать как аналог предметного значения знания.

Расширение принципов О. на научное знание вообще позволило сформулировать внутри направления представление о смене научных картин мира и научных революциях как проявлениях пересмотра общепринятых фундаментальных способов измерения и изменения процедур определения понятий. Принципы О. были расширены на понимание социокультурных процессов, что, в свою очередь фундировало концепцию в целом. В этом отношении функции операции выполняют поступки и переживания людей, в терминах которых истолковываются понятия социальных наук. Суть любого явления эксплицируется через выявление того, что и как мы (социальные агенты) каждый раз делаем. Бриджмен, в частности, считал возможность полной рационализации человеческого поведения иллюзией. Носителем рациональности выступает не индивид, поведение которого спонтанно, а социальность, подчиненная определенным нормам и законам. Поступки же человека всегда контекстны, зависят от конкретных ситуаций их совершения, все их последствия заранее не прогнозируемы, а сами они складываются зачастую стихийно. Рационализация человеческого действия происходит, как правило, post-factum. Рациональное действие есть действие, проектирующее в будущее регулярные связи, обнаруженные в прошлом. Отсюда тезис Бриджмена о том, что "чем больше тупость и умственная леность индивида, тем вероятнее, что он будет рационален", обращаемый на позицию исследователя (ученого), талантливость которого связывается с независимостью от общепринятых правил мышления, зафиксированных в соответствующем общепринятом языке. Проявление профессионализма ученого может усматриваться не только в его ориентированности на открытие, но и в его умении работать с накопленным знанием, модифицируя старые операции для получения новых результатов. Зарождающаяся операция всегда единична, окрашена личной аурой исследователя, объективируется же она только тогда, когда принимается наукой. Отсюда своеобразный релятивизм Бриджмена (характерный и для О. в целом): "Моя наука операционально отличается от Вашей науки, как и моя боль отличается от Вашей боли. Это ведет к признанию того, что существует столько наук, сколько индивидов".

В.Л. Абушенко

ОПЕРАЦИОНАЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ – логическая процедура указания эмпирических (в принципе наблюдаемых) значений теоретических смыслов. Входит как необходимый компонент в процедуры операционализации (переход от теоретических концептов к фиксируемым в измерительных инструментах их наблюдаемым признакам). Назначение О.О.П. – ввести в интерпретационную схему специфические конструкты, опосредующие связь между ненаблюдаемыми и наблюдаемыми характеристиками объекта, т.е. показатели, из которых, в свою очередь, выводят индикаторы (конструкты, отображающие доступные прямому наблюдению и измерению объекты и их признаки). В случае отсутствия концептуальной схемы ее функции берет на себя интерпретационная схема, а О.О.П. оказываются единственно возможными.

О.О.П. включает в себя четыре типа предложений: фиксирующих эмпирическую ситуацию (сквозь призму концептуальных представлений); описывающих явление; задающих измерительную процедуру; имеющих своей целью разложение понятия на составляющие. Жесткая схема операционализма (П.У. Бриджмен и др.) предполагает возможность полной редукции понятия к его эмпирическим признакам, – умеренная схема исходит из невозможности выразить все богатство содержания понятия (его смысл) в его эмпирических значениях.

Переход к О.О.П. в социологии отличается тем, что его обоснование имеет в значительной мере не логическую, а коммуникативную природу (большинство признаков идентифицируются в ней как вербальные реакции – ответы на вопросы). Это вводит дополнительные требования к О.О.П. Необходима оценка понимаемости вопроса респондентом, адекватности восприятия ответа исследователем, совпадения значений исследователя и опрашиваемого. Феноменологическая традиция в социологии исходит из принципиальной невозможности решить эти проблемы в аналитических процедурах построения О.О.П. Она предлагает вводить их на основе анализа языка повседневной жизни, а исследовательские определения вводить на их основе как вторичные. Классическая социология отреагировала на эти проблемы введением в О.О.П. дополнительного типа предложений, описывающих требования к личным характеристикам интервьюера (коммуникатора), дабы снять те из них, которые могут вызвать помехи в ходе опроса (исследования), и стала

трактовать О.О.П. как серии инструкций, описывающих действия, которые должен осуществить исследователь для установления значения той или иной переменной. Выдвигается требование точной спецификации значения каждого научного понятия посредством определенной тестовой операции. В то же время признается эвристическая роль неоперационализируемых концептов, квалифицируемых как гипотетические (Д. Саймон).

В.Л. Абушенко

ОПИСАНИЕ, дескрипция (англ. description – описание) – 1) процедуры фиксации средствами естественного или искусственного языка сведений об объектах, фиксируемых в наблюдении, эксперименте и измерении; 2) способ языковой индивидуализации объектов, позволяющий осмысливать их внутри самих себя как некоторые отдельные целостности. За первым пониманием термина закрепилось название "эмпирическое О.", за вторым – "теоретическое О.". Эмпирическое О. переводит чувственную информацию в знаковую форму, удобную для дальнейшей рациональной обработки. Вторая задача эмпирического О. – обобщение, систематизация, группировка и классификация, стандартизация данных наблюдения (эксперимента) и измерения. В этом случае О. соотносится с процедурами объяснения, которые вырастают из О., контролируют О., подчиняют его своим целям. Оно различается по характеру используемого языка (О. на естественных языках и О. на искусственных языках) и по степени своей формализации (качественное О. и количественное О., т.е. О. в математических языках или – в более узком смысле – фиксация данных измерений). Эмпирическое О. дополняется или противопоставляется (в случае фиксации несопоставимости) теоретическому О. В случае "дополнительности" говорят о первичном и вторичном О. Теоретическое (в частности, вторичное) О. не противопоставляется объяснению, а органически вплетается в него. Теоретическое О. опирается на процедуры схематизации и идеализации, на систему концептов и конструктов, гипотез и законов, на целостную теоретическую модель некоторой предметной области. Оно есть работа посредством определенного языка, задающего определенную модель ви́дения объекта и являющегося средством понимания и концептуализации вводимых в исследовательскую программу смыслов и содержаний. Теоретическое О. представляет знание в принятой внутри дисциплины или теории формс (фиксирует его в определенном словаре терминов, строит по определенным правилам образования и преобразования выражений, задает правила интерпретации, устанавливает критерии соответствия первичных и вторичных О. и способы их введения и определения в теорию).

Таким образом, О. ответственно за: 1) закрепление информации (процедуры обозначения, определения, введения терминов, операционализации и концептуализации понятий); 2) передачу информации (в определенных языках и на соответствующих уровнях знания); 3) понимание и первичное объяснение информации; 4) вписывания ее в более широкие смысловые и когнитивные контексты. С середины 19 в. фиксируется тенденция к переосмыслению О. в структурах знания, ставящая под сомнение доминанту объяснения как конечную цель научного знания, сложившуюся прежде всего в экспериментальном естествознании. Это переосмысление первоначально было задано В. Дильтеем (см.) ("науки о природе" и "науки о духе"), а затем в неокантианстве с его тезисом о науках о природе и науках о культуре и различением номотетических и идиографических методов, позже разработано в феноменологическом анализе Гуссерля и концепции языковых игр Л. Витгенштейна, закреплено в различных интерпретациях понимания как универсальной познавательной процедуры и способа "здесь-и-теперь" бытия, в рамках герменевтического поворота в философии и социогуманитарном знании в целом (М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер, П. Рикер и др.), а также в осознавании диалоговости и контекстуальности знания. Столь радикальная критика и акцентирование процедур О. привело к появлению и новых моделей объяснения, исходящих из единства последнего с О. в рамках классической схемы объяснения Поппера (см.) – К. Гемпеля: субъекты объясняют не события, а О. событий (Т. Никлз); любое событие является объектом объяснения тогда, когда оно предстает как определенным образом описанное событие (Дж. Фетцер); закон – это просто общее высказывание в историческом контексте (М. Мерфи) и т.д. Оформилась как самостоятельная модель объяснения и так называемые нарративистские концепции объяснения (А. Данто, У. Гелли, М. Уайт, Т.М. Гуд и др.). В основе этой модели лежит признание зависимости объяснения от избранного типа О. и утверждения нарративной (повествовательной) природы знания, во всяком случае гуманитарного. Это модель О. как "объясняющего рассказа", в которой выбор способа и языка изложения (О.) определяется "общей темой" (паттерном) исследовательской программы или парадигмальной ориентации.

В.Л. Абушенко

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СИТУАЦИИ – результат восприятия ситуации и ее интерпретации (объяснения на основе категоризации), выступающий в качестве основного регулятора социального поведения человека. Приоритет в формулировке этого понятия принадлежит американскому социологу У. Томасу (см.), который утверждал, что для понимания поведения людей индивидуальные восприятия, индивидуальные представления об окружающей социальной реальности более важны, чем объективно измеряемые социальные факты, описывающие социальную реальность. Томас считал, что любому акту социального поведения предшествует стадия изучения и ориентации в ситуации, которую он назвал О.С., фактически представляющим то субъективное значение, которое придает человек актуальной ситуации и ее аспектам.

Особое значение концепт О.С. имеет в связи с сформулированным на основе этих идей положением: "Если ситуации

определяются как реальные, они становятся реальными по своим последствиям" ("теорема Томаса"). Следствием О.С. становится поведение, которое человек строит в соответствии со своим "определением". Развитием концепта О.С. стало предложенное Р. Мертоном (см.) понятие "самодостаточное (или самовыполняющееся) пророчество", обозначающее собственный вклад людей в возникновение и создание таких жизненных ситуаций, которые подтверждают их собственные предположения об окружающем мире. О.С. выполняет функцию категоризации применительно к социальным ситуациям, отвечая потребности человека в уменьшении сложности окружающей среды. Интерес к этим понятиям возрастает в связи с усилением внимания к психологическим факторам социального познания.

Н.В. Гришина

ОПРЕДМЕЧИВАНИЕ и РАСПРЕДМЕЧИВАНИЕ – понятия, оформившиеся в историко-философской традиции на стыке немецкой трансцендентально-критической философии и традиционного марксизма. Исходную проработку идея О. и Р. получила прежде всего в философии Г. Гегеля, у которого она конституировалась в контекстах рассмотрения процессов объективации абсолютного духа в природу и историю, диалектики объективного и субъективного духа, развития идеи становления и идеи снятия.

Окончательный категориальный статус и терминологическое закрепление понятия О. и Р. получили в марксизме (см.). Будучи введены в теоретическую схему в контексте критики гегелевского наследия и переформулировки задач философии, понятия О. и Р. употреблялись Марксом (см.) как фундирующие его идеи развития "родовой сущности" человека (деятельностной, практической самореализации и саморазвития индивида); отчуждения (превращения деятельности и ее результатов в противостоящие ее субъектам, господствующие над ними, враждебные ему); фетишизма (деперсонализации человека и персонализации вещей); господства овеществленного труда над живым трудом (превращения субъекта в объект манипулирования через лишение его контроля над условиями, средствами и продуктами труда); превращенных (иллюзорных) форм сознания. Позднее этот круг идей переосмысливается Марксом в концепции овеществления (приобретения отношений между людьми видимости отношений между вещами). Этот круг идей был вновь актуализирован в различных версиях неомарксизма с упором на анализ процессов и результатов отчуждения, а также на рассмотрение овеществления как базового явления по отношению к отчуждению и фетишизации и как феномена, противоречащего человеческой природе.

Марксистская концепция О. и Р. оказалась интересной и востребованной прежде всего в качестве диалектики "деятельностных способностей" субъектов, актуализированной и разработанной в продвинутых теориях советской философии. Здесь стало классическим понимание: 1) О. как перехода в предмет и воплощения в нем человеческой способности (что собственно и делает предмет социокультурным феноменом через снятие схемы с деятельности и воплощение ее в культурной – знаково оформляемой и ценностно нагружаемой – форме, что сдвигает анализ с процессов овеществления на схватывание ценностно-смысловых характеристик объекта); 2) Р. как делания (социокультурной компоненты) "сущности" предмета достоянием человека, в результате чего происходит развитие человеческой способности (через усвоение и критическое переосмысление социокультурного опыта).

В неклассической философии использование фигур О. и Р. встречается достаточно редко, они существенно переосмыслены и нетрадиционно ангажированы в феноменологии Э. Гуссерля (установка на экспликацию сознания через механизм феноменологической редукции, обернутый не на предмет, а на мышление и действие, с целью выявления смысловых горизонтов, эйдосов, способов конституирования значений, процедур типизации и т.д.), феноменологической социологии, этнометодологии, феноменологической версии социологии знания. Переосмысление проблематики О. и Р. и самой терминологии во многом произошло в результате "эпистемологического поворота" в философии и социогуманитарном знании. Так, в генетической эпистемологии Ж. Пиаже оформилась концепция интериоризации как формирования внутреннего плана сознания – аналогичные идеи высказал в концепции работы со знаками Л. Выготский (см.); первоначальная же трактовка интериоризации как механизма усвоения коллективных представлений в индивидуальном сознании была предложена Э. Дюркгеймом (см.). В целом же эпистемология переориентировала (как и с других позиций – феноменология) идею О. и Р. с рассмотрения отношения человек – предмет (вещь) на отношение человек – знание (предметно, дисциплинарно организованное). В этом контексте Р. начинает пониматься как критически-аналитическая процедура Р. понятий, идеальных объектов, обоснований и т.д., а О. как построение новых предметных понятий, идеальных объектов, обоснований и т.д. (т.е. как проективно-конструктивная процедура).

Близкое этому, но вполне самостоятельное и оригинальное понимание О. и Р. предложено в системно-мыследеятельностной (СМД) методологии (см.). Здесь они понимаются как технологии Р. знания (снятия содержания и выхода в "чистую" рамку) посредством "выталкивания" его носителей (в коммуникации и/или организационно-деятельностной игре) в рефлексивную позицию и освоение в проектном режиме новых способов работы со знанием с последующим новым заполнением "чистой" рамки, т.е. переходом к технологиям О. В целом работа в режиме О. и Р. трактуется как способ преодоления предметной точки зрения и предметных способов мышления. Определенным типологическим аналогом идее О. и Р. выступают идеи чтения – письма, деконструкции и т.д., сформулированные в рамках разных версий постструктурализма.

В.Л. Абушенко

ОПРОС – метод непосредственного (интервью – **см.**) или опосредованного (анкета – **см.**) сбора первичной вербальной информации путем регистрации ответов респондентов на вопросы, заданные социологом в соответствии с целями и задачами исследования.

В настоящее время метод О. является наиболее распространенным способом получения первичной социологической информации. В силу этого О. порой отождествляется со всеми социологическими исследованиями в целом, а иногда и с самой социологией как наукой (то есть происходит отождествление науки с одним из ее методов). Метод О. является весьма эффективным способом получения универсальной информации объективного (о фактах и продуктах жизнедеятельности людей) и субъективного характера (о мотивах деятельности, мнениях, оценках, ценностных ориентациях). Главное достоинство данного метода – массовость, репрезентативность и возможность использования при проведении оперативных социологических исследований. Разумеется, данный метод не является универсальным: его роль и значение тем больше, чем слабее обеспеченность изучаемого явления статистической и документальной информацией и чем они меньше доступны непосредственному наблюдению. Степень значимости метода О. связана с изучением сферы общественного сознания. Именно поэтому следует постоянно иметь в виду, что социолог постоянно получает информацию о социальных явлениях только в том виде, в каком она отражается в сознании людей и вербализуется респондентом в ситуации О.

На качество полученной методом О. информации влияют факторы, связанные, с одной стороны, с личностью самого респондента (уровень образования, культуры, свойства памяти, защитные механизмы психики, отношение к исследуемой проблеме и к человеку или организации, проводящей О.), а с другой – факторы, связанные с деятельностью самого исследователя (начиная с профессионализма в составлении опросного листа и заканчивая мастерством работы анкетера или интервьюера с респондентом по получению искомой информации). На результаты О. негативно влияет присутствие при О. посторонних лиц, неудачно выбранное время и место О., несоблюдение принципов анонимности, плохая организация самой процедуры О.

Для нейтрализации факторов негативно влияющих на результаты О., следует строго исполнять нормативные требования по использованию метода О., что предполагает: 1) четкую фиксацию исследовательских задач (содержание которых определяется программой социологического исследования) с обеспечением адекватности им вопросника; 2) доступность предлагаемых формулировок вопросов респондентам, обеспечение их понимания опрашиваемым; 3) обеспечение принципов социально-психологического общения социологов (анкетеров, интервьюеров) с респондентами, что предполагает использование технических и организационных приемов, направленных на создание оптимальных условий, в которых происходит О. Речь идет и о технике О. (т.е. о наборе приемов, имеющих целью стимулировать достоверность ответов респондентов), и о знании особенностей среды респондентов, и об освоении психологических знаний о механизмах межличностного общения в тех случаях, когда речь идет о методике интервью, а также о механизмах восприятия текста при заполнении анкеты; 4) точность фиксации ответов респондентов; 5) стандартизация условий проведения О.; 6) побуждение интересов респондентов и интервьеров (анкетеров) к результатам О.

Виды О. можно выделять по различным основаниям:

По способу получения информации и ее интерпретации – 1) анкетный О. (когда опросный лист напечатан и непосредственно социологом или опосредованно – через почту, прессу – вручается респонденту для заполнения); 2) социологическое интервью (как наиболее гибкую форму работы с респондентом, основанной на непосредственной беседе (очной) или заочной (телефонное интервью) социолога и респондента по заданной проблеме; 3) экспертный О. (когда в качестве респондентов выступают эксперты).

По степени охвата генеральной совокупности – 1) сплошные О. (ситуация, когда опросом охвачена вся генеральная совокупность); 2) выборочные О. (ситуация, когда О. охвачена часть генеральной совокупности по принципам и правилам выборки).

По процедуре проведения О. – 1) индивидуальные О. (проходят в индивидуально-личной форме при непосредственном или опосредованном, но всегда конфиденциальном, один на один способе общения социолога и респондента); 2) групповые О. (когда социолог работает не с одним, а сразу с несколькими респондентами, порой с целой группой.

По форме проведения О. – 1) устные О. (разные виды интервью); 2) письменные О. (анкетный О.).

По способу коммуникации социолога и респондента – 1) контактные О. (интервью и некоторые виды анкетных О., основанные на непосредственно личном контакте социолога и респондента в процессе проведения О.); 2) бесконтактные О. (почтовые или прессовые О., основанные на непосредственно личном контакте социолога и респондента в процессе проведения О.).

По частоте проведения – 1) разовые О. населения по определенным проблемам; 2) повторные (мониторинг, лонгитюд).

Е.Е. Кучко

ОПРОС АНКЕТНЫЙ – метод сбора социологической информации, характеризующийся письменной формой ответов респондентов на поставленные и жестко фиксированные в опросном листе вопросы при непосредственном, прямом [в присутствии анкетера (**см.**) индивидуально-личном или групповом опросе] или опосредованном, заочном (через прессу, почту) способе взаимодействия социолога и респондента.

Компонентами любого О.А. являются: 1) социолог (анкетер); 2) сама анкета – см.; 3) респондент.

Особенностью О.А. является то, что респондент самостоятельно работает с анкетой: понимает вопрос, обдумывает и самостоятельно регистрирует ответ. Преимуществом О.А. является то, что респондент свободен в выборе варианта ответа на вопрос, в выражении своего мнения, в выборе варианта ответа на вопрос. Влияние же исследователя на ход и результат О.А. сведено к минимуму. К тому же сама процедура О.А. обеспечивает полную анонимность, конфиденциальность информации и полное отсутствие коммуникативного, психологического барьера между анкетером и респондентом. Главным недостатком О.А. является невозможность уточнить, конкретизировать ответ респондента, пояснить содержание вопроса. Поэтому метод О.А. не является гибким. Кроме того, в О.А. есть интенция на преобладание все-таки количественных методов, что зачастую ограничивает информацию о качественных характеристиках изучаемого процесса или явления. Свое влияние оказывают необходимость ограничения количества задаваемых вопросов, пропуски в ответах, а при использовании некоторых видов О.А. (почтовый, прессовый) – низкий возврат анкет.

Разнообразие используемых в социологических исследованиях О.А. позволяет классифицировать их по различным основаниям:

По способу распространения анкет – 1) почтовый (анкета для заполнения рассылается респонденту почтой); 2) прессовый (анкета для заполнения передается респонденту через печать – газеты, журналы); 3) телетайпный (распространение и сбор инструментария и документов социологического исследования осуществляется с использованием телеграфно-телетайпной связи и E-mail, в случаях, когда объекты социологического исследования находятся на достаточно большом расстоянии друг от друга и от головного исследовательского центра); 4) раздаточный (О.А., при котором социолог лично сам вручает и получает анкету от респондента); 5) интернет-опрос (когда анкета для заполнения предлагается через интернет-сайт).

По месту проведения – 1) по месту жительства респондента; 2) по месту работы респондента (в ситуациях, когда исследуются проблемы производственной жизни). *По составу аудитории* – 1) индивидуальный О.А. (основанный на индивидуально-личном анкетировании конкретного респондента анкетером); 2) групповой О.А. (где одновременно анкетируют целую группу респондентов).

По степени охвата генеральной совокупности – 1) сплошной (опросом охвачена вся генеральная совокупность); 2) выборочный (опрашивается только часть генеральной совокупности в соответствии с выборкой).

По масштабу исследуемых проблем – 1) широкий О.А. (касающийся многих проблем); 2) "молния" (О.А., касающийся лишь одной проблемы с небольшим количеством вопросов).

Инструментарием при проведении О.А. является анкета – совокупность структурированных определенным образом вопросов, логически связанных между собой, а также с задачами и целями исследования, направленных на выявление количественно-качественных характеристик объекта и предмета анализа (см. **Анкета**). Познавательные возможности метода реализуются в вопрос-ответном общении социолога и респондента. Поэтому главным познавательным инструментом опроса выступает *вопрос*, т.к. именно при помощи вопросов социологи получают в виде ответов респондентов совокупность единиц эмпирической информации, которая позволяет установить социальные факты, служит основой для построения индексов и показателей. Поэтому самый сложный этап составления анкеты – формулировка вопросов, которому предшествует процедура эмпирического определения основных понятий исследования и отбора соответствующих эмпирических индикаторов, каждому из которых соответствует один или несколько вопросов анкеты.

Вопросы, используемые социологом при О.А., весьма разнообразны и могут классифицироваться по различным основаниям:

По форме – 1) открытые вопросы предоставляют право респонденту свободно формулировать варианты ответов и применяются в том случае, если познавательная задача заключается в получении данных о структуре представлений опрашиваемых по изучаемой проблеме, круге ассоциаций в связи с предметом опроса, вербальных навыках, связанных со способностью формулировать свое мнение и аргументировать его. Статистическая обработка таких вопросов весьма трудоемка (необходима предварительная кодировка вариантов ответов); 2) закрытые вопросы, т.е. ситуация, когда респондентам уже задан список вариантов ответов на вопрос, среди которых осуществляется выбор в соответствии с мнением респондента по поводу изучаемого явления. В данном случае исследователь имеет возможность более строго интерпретировать ответ, сокращается время на обработку таких вопросов и заполнение анкеты респондентами. 3) полузакрытые вопросы – дают возможность респонденту не только выбрать варианты ответа, но и сформулировать и зафиксировать свой, дополнительный вариант ответа на вопрос. Для этого вместе с перечнем вариантов ответов к вопросу оставляют еще свободные строки, в которых респондент может вписывать свой ответ.

По функциям – 1) основные вопросы – формулируются для получения необходимой информации по проблеме исследования; 2) контрольные вопросы – служат для проверки искренности, правдивости ответов на основные вопросы, уточнения полученных сведений, а контроль осуществляется путем изменения формулировки основного вопроса при сохранении его внутреннего содержания; 3) вопросы-фильтры, которые ставятся в дополнение к основным вопросам и используются для селекции респондентов по определенному признаку или отсева некомпетентных.

По смыслу формулировки – 1) прямые (лобовые) вопросы – не содержат скрытого смысла, направлены на выражение отношения респондента по поводу поставленной проблемы с собственных позиций; 2) личные вопросы – адресованы непосредственно самому респонденту; 3) косвенные (безличные) вопросы – при ответе на них респондент высказывается по существу проблемы, опираясь на свой опыт, но с позиций группы, коллектива, в безличной форме, что снижает остроту критических оценок, характерных для высказываний от первого лица. Необходимость использования косвенных вопросов обусловлена невозможностью в ряде случаев использовать прямые вопросы, например, при исследовании проблем, касающихся частных, интимных дел человека, где прямой вопрос некорректен и часто остается без ответа; 4) трюковые вопросы (вопросы-ловушки) – служат для определения искренности ответов. В связи с этим, спрашивается о несуществующем; 5) проективные вопросы – направлены на изучение реального поведения через призму отношения к искусственной, вымышленной или виртуально возможной ситуации.

По содержанию получаемой информации – 1) вопросы о фактах, т.е. о действиях в прошлом и настоящем. Эти вопросы могут касаться как мнения респондента относительно происходящих событий (т.е. вопросы о фактах сознания), так и нести информацию о его действиях и поведении – поступках, результатах деятельности (т.е. вопросы о фактах поведения); 2) вопросы о знаниях, т.е. о том, что знает и что может изложить респондент. Цель этих вопросов – выявить уровень информированности респондента и его знаний в определенной области. Поэтому часто эти вопросы экзаменационного характера, могут содержать задания, экспериментальные или игровые ситуации, решение которых требует от опрашиваемого использования определенных навыков, знания определенных фактов, событий, имен; 3) вопросы о статусе респондента или демографические вопросы, которые позволяют получить сведения об образовании, возрасте, месте жительства респондента и др.

Для повышения достоверности ответов для респондентов на вопросы предусмотрена возможность выразить неопределенное мнение или уклониться от ответа. В практике социологических опросов сложился целый ряд возможных вариантов отказа или уклонения от ответа ("не знаю", "затрудняюсь ответить", "не думал об этом" и др.). Исходя из контекста задаваемого вопроса, доля не ответивших может включаться в содержательную интерпретацию полученной информации.

Каждый вид вопроса имеет свою специфику. Изучение этой специфики должно строится в рамках единой схемы, определяющей общую стратегию методических исследований, связанных с проблемой надежности вопроса. Речь идет о необходимости обеспечения адекватности между основными этапами исследовательского процесса (задача исследования – формулировка вопроса – использование вопроса – составление ответа и его регистрация – обработка ответа – граница интерпретации), с одной стороны, и обеспечение адекватности конструкции вопроса логическим, психологическим, социолингвистическим критериям – с другой.

Компановка вопросов анкеты в итоговую структуру называется верстkой анкеты (см. **Анкета**). Прежде, чем проводить О.А. на заданной выборке, проводится пилотаж анкеты на микровыборке с целью корректировки инструментария.

Проведение анкетирования обеспечивается анкетерами (см. **Анкетер**). Есть общие методические требования к организации и проведению О.А. (см. **Опрос, Анкетер, Анкетирование**), которые уточняются и доводятся до сведения анкетеров на инструктаже.

Е.Е. Кучко

ОПРОС ПОЧТОВЫЙ – разновидность опроса анкетного (**см.**), отличительной особенностью которого является рассылка анкет (**см.**) и получение на них ответов по почте. Так, при проведении О.П. анкета распространяется среди потенциальных респондентов как самостоятельное почтовое отправление по заранее подобранным адресам лиц, репрезентирующих искомые признаки.

О.П. удобен тем, что с его помощью можно одновременно провести опрос на большой территории, даже в географически труднодоступных регионах. Следует отметить простоту организации О.П., отсутствие необходимости подбора и обучения анкетеров. Несколько человек по сути дела могут организовать и самостоятельно провести О.П. (тем более сейчас расширяются возможности использования оргтехники при проведении почтового опроса: компьютеры, аппараты для заклейки и вскрытия конвертов и др.). Еще одно ценное свойство О.П. – предоставление респонденту возможности по своему усмотрению выбирать удобное время для заполнения анкеты. Кроме того, анкета заполняется респондентом без контакта с анкетером, что автоматически снимает возможность психологических барьеров, возникающих порой при раздаточных очных видах опроса. К числу положительных характеристик можно отнести, хотя и с некоторой оговоркой, относительную дешевизну О.П.. Даже самый дорогой организационный вариант такого опроса (с неоднократной рассылкой уведомлений об опросе, маркированного конверта, анкет с инструкциями по их заполнению и даже небольшого сувенира значительно дешевле средств, необходимых для организации и проведения анкетного опроса).

Вместе с тем О.П. имеет свои недостатки. Во-первых, это неполный (низкий) возврат анкет, т.е. не все респонденты заполняют анкеты и отправляют их исследователям, что снижает надежность полученной информации. Однако практика О.П. и результаты специальных исследований (Ф. Квиза, Ч. Скотта, Е. Сухмана и др.) доказывают, что в основе неполного возврата анкет лежит действие систематических факторов, связанных с тематикой опроса, образованием респондента, спецификой пола, возраста, семейного положения. Следующим недостатком О.П. является получение ответов не

от тех респондентов, которым была выслана анкета. К тому же нельзя полностью исключить возможность группового заполнения анкет. Еще одним недостатком О.П. является невозможность оперативного получения информации.

В практике социологических исследований О.П. используется: 1) в ситуации ограниченности ресурсов, не позволяющих применить другие методы исследования или виды опроса, обеспечивающих получение информации от всех лиц, намеченных для опроса; 2) как вспомогательный метод в сочетании с другими; 3) в случаях, если необходимо получить ответы на вопросы, затрагивающие деликатные или интимные проблемы.

При том, что существует возможность искажения ответа респондента (под давлением мнения окружающих), на вопросы О.П. респонденты отвечают достаточно откровенно. В большей степени это связано с субъективно-психологическим восприятием условий опроса: респондент более комфортно и спокойно чувствует себя дома, работая с анкетой без свидетелей. Это повышает уверенность респондентов в анонимности опроса, хотя в действительности О.П. таковым не является по причине необходимости определения круга лиц, которые не возвратили анкету и кому ее нужно выслать повторно. Обычно сама анкета и конверт возврата шифруются. Объективное же обеспечение анонимности О.П. возможно только при использовании сигнальной карточки контроля возврата анкет, которая высылается респондентом в исследовательский центр как самостоятельное почтовое отправление, т.е. не вкладывается в конверт с заполненной анкетой. Для этого на почтовой карточке указываются данные адресата и его номер по списку адресов. В этом случае анкета и конверт возврата не шифруются. Поэтому независимая отсылка исследователям анкеты и сигнальной карточки позволяет вести учет возврата корреспонденции (со значительным облегчением этого трудоемкого процесса) и одновременно обеспечивает полную анонимность опроса.

Таким образом, главная организационная задача, требующая решения на этапе программирования и проведения О.П. – обеспечение возврата анкет (стимулирование его). На возврат анкет влияют по крайней мере две группы факторов. Первая включает различные виды контакта исследователя с респондентом (например, уведомление о предстоящем опросе, рассылка опросника, напоминание респондентам, не вернувшим анкету в срок, о необходимости ее возврата). Вторая группа факторов в большей степени связана с психологическим и содержательным оформлением всех видов контактов (персонализация их, анонимность, вознаграждение за участие в опросе, оформление самой анкеты и др.).

Предварительный контакт с потенциальным респондентом может устанавливаться посредством личного контакта по телефону или письму (открытки по почте), благодаря которому респондент узнает о планируемом О.П., настраивается на участие в нем. Задача предварительного контакта с респондентами при проведении О.П. – формирование у респондента чувства социальной полезности исследования через акцентирование особой роли, уникальности и важности мнения данного конкретного респондента. Особенно подчеркивается эффективность уведомлений, сделанных по телефону. Результаты социологических исследований показывают положительное влияние уведомлений на возврат анкет. Кроме этого, О.П. предъявляет повышенные требования к разработке всего методического инструментария и к организации процедуры самого опроса.

Следует учитывать, что достаточно важным фактором, стимулирующим возврат анкет, является интерес к рассматриваемой в исследовании проблеме.

Качество исполнения, дизайн анкеты – также немаловажный фактор повышения возврата анкет. Методические разработки показывают преимущества использования красочных почтовых марок, конвертов, интересное оформление самой анкеты, броское название. Весьма важным является обращение к респонденту, которое должно быть обязательно персонализировано. Почтовая анке́та имеет традиционную структуру (см. **Анкета**).

Особое значение имеет уведомление об опросе. Это краткий текст, где рассказывается о целях исследования, об использовании полученных результатов. Здесь же объясняется, каким образом получен адрес респондента, сообщается, когда ему будет выслана анкета. В уведомлении содержится приглашение к участию в исследовании, подчеркивается важность получения ответов. Обязательно должен быть указан адрес и телефон организации, проводящей опрос, ее название. Важная деталь – дата отправления документа. Уведомление отправляется за несколько дней до начала опроса. Одновременно же с рассылкой анкет в том же конверте высылаются другие документы, в том числе – сопроводительное письмо. Сопроводительное письмо – обязательный атрибут О.П. В нем, обращаясь к респонденту по фамилии, имени и отчеству, повторяется просьба об участии в опросе, подробно излагаются цели исследования. Необходимо обратить внимание на то, следует или нет подписывать анкету респондентом. В сопроводительном письме обязательно есть указание на адрес и телефон организации, проводящей опрос, что дает возможность респонденту получить дополнительную информацию об опросе. Возможно подчеркнуть внимание к респонденту через символическое вознаграждение за участие в опросе.

Вместе с анкетой и сопроводительным письмом респонденту высылается конверт с напечатанным на нем адресом исследовательской организации. Примерно через две недели после отправки анкет, высылается напоминание. В комплексной методике проведения О.П. рекомендуется троекратное напоминание: первое высылается через неделю после отправки анкет, второе – через три недели и третье – через семь недель. Первое напоминание высылают на специальной карточке, второе оформляется в виде письма и высылается вместе с анкетой и сопроводительным письмом, а третье рекомендуется отправлять заказным письмом.

Следует отметить, что ни один из факторов повышения возврата анкет не стоит идеализировать, придавать ему исключительное значение. Необходимо учитывать весь комплекс факторов, стимулирующих участие респондентов в О.П. и обеспечивающих качество искомой информации.

Е.Е. Кучко

ОПРОС ПРЕССОВЫЙ – метод сбора социологической информации посредством публикации анкет в периодической печати: журналах, газетах. Различают два вида О.П.: 1) когда редакция какого-либо издания обращается к анкетному опросу с целью изучения своей читательской аудитории и получения мнения о работе конкретного печатного органа; 2) когда через периодическую печать изучается общественное мнение по какой-либо проблеме.

Особенность О.П. заключается в опосредованном контакте социолога и респондента в процессе исследования, а сам процесс опроса с момента представления анкеты в прессе и до ее возврата мало поддается контролю. В силу отмеченной особенности, процедура вовлечения потенциальных респондентов в опрос носит пассивный характер. Результат этого – невысокий возврат анкет (не превышает 3-5%).

Кроме этого, О.П. не гарантирует получения репрезентативной информации и не только по социально-демографическим характеристикам принявших участие в опросе, но еще и потому, что отвечающие на вопросы прессовой анкеты, как правило, отличаются от остальной "пассивной" аудитории определенным отношением к конкретному печатному органу, своим пониманием изучаемой проблемы, личной заинтересованностью в результатах ее решения. Все это требует последующего "ремонта" выборки (по контролируемым параметрам в структуре генеральной совокупности), хотя даже это не всегда повышает уровень репрезентативности проведенного исследования.

В О.П. сложны для интерпретации суммарные статистические распределения ответов. Однако вполне возможно выделить однородные совокупности респондентов, представителей различных социально-демографических групп, что позволяет изучить дифференциацию общественного мнения, присущую различным группам респондентов.

При организации и проведении О.П. необходимо учитывать ряд факторов, определяющих в конечном итоге уровень репрезентативности исследования и степень активности потенциальных респондентов по участию в опросе. Решающими факторами при этом выступают: оформление прессовой анкеты; конструкция прессовой анкеты; тема исследования; время публикации анкеты.

Оформление прессовой анкеты должно быть тщательно продумано. Лучше выделить текст анкеты каким-либо видом шрифта, сделать броский заголовок, выигрышно расположить анкету на страницах газеты или журнала. Если анкета предлагается респонденту через газету, наиболее оптимально расположить ее на первой полосе. Если же анкета печатается на других страницах газеты, необходимо сообщить об этом на первой полосе. В журналах анкета может размещаться с двух сторон листа (в этом случае, вырезав анкету, не нарушается содержание материалов, представленных в журнале).

Текст анкеты всегда должен сопровождаться вступлением от редакции, где четко оговариваются цели исследования, представляется исследовательская организация с указанием ее адреса и контактных телефонов, указывается адрес и срок отправки анкеты. Если издательством планируется серия О.П., то целесообразно информировать читателей о результатах опроса (статья, очерк, информация), что можно сопровождать сведениями о том, какие изменения произошли в практической действительности на основе изучения общественного мнения, что планируется осуществить в перспективе, какие мероприятия являются наиболее целесообразными, а какие нет и почему. Такая информация обеспечивает обратную связь с читательской аудиторией, повышает интерес и ответственность за решение обсуждаемой проблемы со стороны потенциальных респондентов, позволяет привлечь к участию в О.П. большое количество людей.

Требования к конструкции прессовой анкеты вытекают из специфики самого О.П. Лимитированность печатной площади, отводимой на анкету, требует ее лаконичности. Так, количество вопросов прессовой анкеты обусловлено пространством, отведенным для ее публикации (как правило до 15 вопросов). Поставленные вопросы должны быть несложными, четко сформулированными. Чаще в прессовых анкетах используют закрытые вопросы. Если же возникает необходимость в получении дополнительной информации, выходящей за рамки закрытых вопросов, то можно предложить респондентам представить свой ответ на отдельном листе бумаги, который должен быть вложен в конверт вместе с анкетой и отправлен по указанному адресу. Можно поставить свободный вопрос и в самой анкете, тогда следует продумать расстояние между строками, куда будет вписываться ответ и количество строк, чтобы информация была читаема и достаточно ясно отражала мнение респондента.

Сама же прессовая анкета традиционно содержит введение, основную часть и паспортичку (см. **Анкета**).

Для О.П. весьма важна тема. Ее значимость, актуальность, привлекательность выступают самостоятельными факторами, повышающими возврат анкет.

При планировании О.П. важен временной момент публикации анкеты. Речь идет о том, что нужно учитывать сезон, время года, способ проведения досуга. Так, замечено, что активность респондентов, равно как и возврат анкет снижается во время летних отпусков, пиков сельскохозяйственных кампаний. Кроме того, прессовую анкету лучше публиковать накануне выходных дней, что дает время на заполнение и отправку анкет респондентами.

Достоинством О.П. является возможность одновременного охвата значительной территории, регионов; добровольность участия в опросе, обеспечивающая искреннее заполне-

ние анкеты; финансовая выгодность использования метода. Однако низкая оперативность, нерепрезентативность и малый возврат анкет делает этот вид опроса редко используемым в социологической практике. О.П. наиболее оптимально использовать в сочетании с другими видами опроса, что повышает качество искомой информации.

Е.Е. Кучко

ОПРОС ЭКСПЕРТНЫЙ – разновидность опроса (см.), в ходе которого респондентами являются эксперты – высококвалифицированные специалисты в определенной области деятельности. Особенность метода состоит в том, что он предполагает компетентное участие экспертов при анализе и решении исследуемых проблем. *Эксперт* – компетентное лицо, имеющее специальные знания и опыт работы в области, непосредственно связанной с объектом исследования. Эксперт может выступать в качестве генератора, источника идей, гипотез и предложений; арбитра по оценке имеющихся данных, характеристик и показателей объекта; источника не известной исследователю информации, которая служит основой для дальнейшего анализа. *Экспертные оценки* – суждения экспертов о различных сферах человеческой жизнедеятельности, которые предполагают процедуру сравнения объектов, их свойств по выбранным критериям.

Надежность оценок и решений, принимаемых на основе суждений экспертов достаточно высока и в значительной степени зависит от организации и направленности процедуры сбора, анализа и обработки полученных мнений.

Суждения групп экспертов существенным образом отличаются от решений, которые формируются в результате дискуссий на заседаниях комиссий, где мнение авторитетных или "напористых" участников оказывает значительное влияние на суждения остальных. Это не значит, что индивидуальными мнениями специалистов и решениями комиссий следует пренебречь. Однако информация, полученная от группы экспертов, и соответствующим образом обработанная, как правило, оказывается более достоверной и надежной.

Центральной проблемой метода является подбор экспертов. Экспертная группа, с которой работают социологи в ходе опроса, представляет собой группу компетентных лиц, имеющих специальные знания и опыт работы в области, непосредственно связанной с объектом исследования. Количество членов этой группы значительно меньше в сравнении с количеством респондентов, опрашиваемых при массовом опросе. Итак, эксперт компетентен в изучаемой проблеме, он активный участник исследования, часто осведомленный о его задачах и целях. Главная задача социолога – поиск и отбор экспертов, формирование экспертных групп.

Работа по подбору специалистов, участвующих в О.Э., обычно начинается с определения научных, технических и административных проблем, решение которых влияет на осуществление данной задачи. Затем составляется список компетентных лиц (в необходимых областях), который служит основой для выбора экспертов.

Изначально группа потенциальных экспертов формируется методом снежного кома. Установив число потенциально возможных кандидатов в эксперты, необходимо решить вопрос о численности экспертной группы. Здесь вряд ли возможно рассчитать оптимум, но очевидно, что при малом числе экспертов на групповую оценку оказывает излишнее влияние оценка каждого из экспертов. В то же время при слишком большом числе экспертов трудно выявить их согласованное мнение и при этом может снизиться достоверность групповой оценки вследствие уменьшения роли нестандартных мнений, отличающихся от мнения большинства, но не всегда оказывающихся неправильными. Количество экспертов зависит от возможности обеспечения "равноправия" ученых-специалистов различных направлений и от уровня их компетентности, от специфики проблемы исследования.

Тем не менее, подбирая экспертов, необходимо руководствоваться определенными требованиями, предъявляемыми к их персонам. Прежде всего необходимо обращать внимание на компетентность потенциального эксперта в исследуемой области, его эрудированность в смежных областях, ученую степень, звание, стаж научной или практической работы в определенной сфере, должностное положение, а также принципиальность, объективность, способность творчески мыслить, интуицию. Можно представить реестр качеств, которыми должен обладать "идеальный" эксперт, т.е. тот, который может являться эталоном респондента-эксперта, с которым предпочтительно работать: 1) креативность, т.е. способность творчески решать задачи, метод решения которых полностью или частично не известен; 2) эвристичность, т.е. способность видеть или создавать неочевидные проблемы; 3) интуиция – способность делать заключения об исследуемом объекте без осознания пути движения мысли к этому заключению; 4) предикаторность, т.е. способность предсказывать, предчувствовать будущее состояние исследуемого объекта; 5) независимость, т.е. способность противопоставлять предубеждениям и массовому мнению свою точку зрения; 6) всесторонность, т.е. способность видеть проблему с различных точек зрения.

После того как сформирована предварительная группа экспертов, начинают формировать рабочую группу. В качестве критериев отбора используют некоторые простые статистические способы и приемы, а также их комбинацию. Так, подбор экспертов может быть: 1) экспериментальным (на основе тестирования, проверки эффективности их прежней экспертной деятельности); 2) документальным (на основе социально-демографических данных); 3) при помощи голосования (на основе аттестации потенциальных экспертов их коллегами); 4) при помощи самооценки (оценка степени компетентности изучаемой проблемы, которая дается самим потенциальным экспертом). Кроме указанных способов возможен расчет достоверности и точности экспертных оценок, представленных каким-либо из потенциальных экспертов в

прошлом. В этом случае специалистов-экспертов можно рассматривать как "прибор", дающий информацию о вероятности каких-либо предстоящих событий или гипотез, объясняющих происходящие события. Следует определить точность и достоверность этой информации, подобно тому, как это делается для измерительных приборов. Рассматривая эксперта именно в таком ключе, определяют достоверность и точность его оценок по результатам прошлой деятельности. Для этого рассчитывают степень надежности эксперта, под которой понимается относительная частота случаев, когда эксперт приписал наибольшую вероятность гипотезам, впоследствии подтвердившимся (т.е. количество прогнозов, сделанных экспертом вообще делится на количество сбывшихся прогнозов). Под степенью точности эксперта при вынесении им суждения о значении вероятности для некоторого события понимается степень соответствия его персональной оценки корректности того класса гипотез, которым он приписал эту вероятностную оценку. Понятие надежности и точности эксперта базируется на предположении о том, что существует класс задач для решения которых эксперт либо подходит, либо не подходит.

Работа социолога, организующего О.Э., сводится не только к подбору экспертов и формированию экспертных групп. Она включает в себя еще и подготовку экспертов к работе (к опросу), т.е. предоставление им максимум объективных данных, имеющих отношение к анализируемой проблеме, заботиться о том, чтобы эксперты были достаточно информированы об источниках возникновения исследуемой проблемы и путях решения сходных проблем в прошлом. В работу социолога по подготовке О.Э. входит составление специальных опросных листов для экспертов (специфика их при использовании данного метода состоит в том, что не используются вопросы-ловушки, т.к. эксперт является осведомленным лицом, а кроме того, есть тенденция преобладания вопросов открытого типа); разработка способа и процедуры опроса экспертов; проведение опроса; анализ полученных данных.

Особые требования предъявляются к условиям проведения О.Э. Необходимо, чтобы они создавали возможность получения наиболее достоверных оценок. С целью обеспечения независимости оценок, следует по возможности устранять взаимовлияние экспертов и уменьшать воздействие посторонних факторов. Большое значение имеет правильная формулировка вопросов опросника, позволяющая выразить отношение эксперта относительно каждого вопроса в виде количественной оценки и возможность согласования оценок, полученных от разных экспертов. Если форма опроса экспертов предполагает их очное взаимодействие, необходимо заботиться о том, чтобы мнения наиболее известных и авторитетных экспертов не задавали тон всех остальных дискуссий (для этого при выступлении сначала предоставляется слово "простым" участникам, а потом наиболее известным и авторитетным).

Виды опроса экспертов также могут быть разными. Их можно представить в виде двух основных форм: 1) очного и 2) заочного опроса экспертов.

Наиболее распространенными и универсальными являются разнообразные формы очного опроса экспертов, к которым относятся:

1) Свободное интервью экспертов (имеет разведывательную цель и чаще используется, когда необходимо более точно представить проблему, уточнить некоторые нюансы, четче интерпретировать употребляемые понятия и наметить основные направления исследования. Число интервьюируемых экспертов здесь невелико (10-15), но главное – чтобы подобранные эксперты были представителями разных в профессиональном и научном отношении точек зрения. Такое интервью проводится опытным социологом.).

2) Анкетный опрос экспертов (проводится по всем правилам анкетного опроса – см. **Опрос анкетный**).

3) "Мозговая атака" во всех ее разновидностях – прямая "мозговая атака", обмен мнениями, стимулирование наблюдения. Главная цель "мозговой атаки" – найти решение или пути решения какой-либо научно или практической проблемы.

К заочным формам опроса экспертов относятся:

1) Почтовый анкетный опрос экспертов (проводится по всем правилам анкетного опроса и почтового анкетного опроса в частности).

2) Дельфийская техника – многократный почтовый анкетный опрос одной и той же группы экспертов с применением шкалированных оценок. Цель данного вида опроса экспертов – сопоставление тщательно скорректированной программы последовательных индивидуальных опросов, направленной на уменьшение группового влияния, возникающего при совместной работе экспертов. Суть метода – в интерактивных циклах, обеспечивающих обратную связь: после первого опроса экспертов и обработки его результатов, итоги сообщаются участникам экспертной группы. Они должны либо подтвердить свою точку зрения, высказанную на предыдущем этапе, и если она значительно отличается от мнения большинства, развернуто ее мотивировать, либо изменить свою оценку в соответствии с мнением большинства участников. Затем снова производят обработку информации, результаты вновь рассылаются экспертам и так до тех пор, пока не прекратится "эффект интеративных циклов", т.е. пока новые туры опроса не перестанут давать статистически значимое увеличение согласованности оценок экспертов (обычно это достигается на 4-5 туре опроса). Очевидно, что данный вид работы с экспертами весьма трудоемок и сложен, хотя использование дельфийской техники имеет и свои преимущества: обеспечивается анонимность опроса путем исключения взаимодействия экспертов; установление обратной связи в виде сообщения обработанной информации о согласованной точке зрения экспертов на предыдущих этапах опроса; исключения взаимовлияния экспертов. Метод Дельфы не имеет целью дос-

тичь полное единство мнений экспертов по существу вопроса, поэтому несмотря на сближение точек зрения, различие во мнениях экспертов все равно будет существовать. Недостатком данного вида опроса экспертов является зависимость оценок, данных экспертами от формулировок вопросов и аргументации; влияние общественного мнения на экспертов.

Выбор вариантов работы с экспертами (очная или заочная форма) определяется спецификой проблемы и ситуацией. Очные варианты работы с экспертами позволяют собрать более качественную информацию, хотя есть сложности организационного порядка и взаимовлияния экспертов. Заочные же формы работы с экспертами дают возможность пренебрегать географическими рамками при опросе экспертов, исключает взаимовлияние их, однако делает работу экспертных групп не оперативной.

Сама процедура О.Э. предполагает анализ исследуемой ситуации; выбор группы экспертов; выбор способа замера экспертных оценок; процедуру непосредственной оценки работы экспертов с анализом полученных данных. При этом необходима проверка данных экспертных оценок; изменение состава экспертных групп; повторные замеры по тем же вопросам с последующим сопоставлением результатов с объективной информацией, полученной другими методами.

В практике социологических исследований О.Э. используется: 1) для прогноза развития того или иного явления; 2) для оценки степени достоверности массового опроса; 3) для сбора предварительной информации о проблеме исследования (зондаж); 4) в ситуациях, когда массовый опрос простых респондентов не возможен или не эффективен.

Е.Е. Кучко

ОРГАЗМ – относительно кратковременный высший этап процесса психофизиологического наслаждения, выступающий у человека, как правило, как финальная стадия экстатического состояния. Традиционно ассоциируется в массовом сознании с последним заключительным фазисом сексуального контакта.

Вне медицинского контекста феномену О. уделялось значимое место в ряде традиций человековедения, а также в концептуальных системах и ритуально-обрядовой практике множества религиозных культов. В интеллектуальных традициях восточного типа, ориентирующихся на обретение индивидом предельного чувственного наслаждения посредством достижения все новых горизонтов актуализации потенциала человеческого Я в границах собственного организма, О. трактовался как естественный, органичный компонент повседневной жизни людей, как атрибут образа их существования. Запретительный, репрессивный характер христианских теорий нравственности, отвергавших оргиастические мистерии архаических верований вкупе с интенцией европейского мировоззрения и миропонимания, постулирующей возможность ощущения высоких степеней удовлетворения при помощи успешных актов агрессии против окружающего мира, его подчинения себе, – результировались во множественных процедурах сублимации, замещения феномена О.

О. долгое время был элиминирован как смыслообразующее жизненное начало и самодостаточная ценность из иерархии приоритетов духовной жизни человека западноевропейского типа. Будучи ретранслируемым и воспроизводимым как существенный компонент поведенческой культуры рядом еретических религиозных сект средневековья, феномен О. вновь начал приобретать легитимность как осознанный предмет мыслительного интереса европейских интеллектуалов по мере диффузии идей Возрождения в массовое сознание.

Особую значимость О. как индикатору обретения людьми гармонии с самими собой, со своей природой придали некоторые школы человековедения 20 в. (особенно психоаналитического толка). Идеология сексуальной революции (см. **Сексуальная революция**), одним из идеалов которой выступило создание санкционированных обществом и государством массовых механизмов получения людьми максимального наслаждения в предельно часто воспроизводимые минимальные промежутки времени, была сопряжена с представлениями об О. как желательном общественном явлении. Постулировалось также, что состояние О. служит наиважнейшим потенциальным резервуаром истинного освобождения человека. Адепты авторитарных режимов четко осознавали то обстоятельство, что для нормального человека потеря личного контроля как над повседневной осуществимостью О., так и над постоянной имманентной готовностью к нему, не может быть компенсирована никакими силовыми и идеологическими воздействиями.

По Райху (см.), общество, не способное к формированию действенных механизмов достижения возможно большим количеством людей повседневных состояний О. (например, посредством организации служб чиновников-сексологов, обладающих не меньшими полномочиями и ресурсами, нежели органы коммунального хозяйства), не может считаться свободным в сколько-нибудь приемлемой степени. Свобода О. – одна из немногих свобод, которую индивиды ощутив единожды, не меняют ни на какие "социальные гарантии", ущемляющие свободу личного поведенческого выбора в интересах государственной машины и нивелирующего социального контроля. (Сложность и многоаспектность феномена О. не допускают парциальных, частных решений по обеспечению его доступности для масс людей.)

А.А. Грицанов

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА – система ценностей и норм, которые разделяются сотрудниками социальной организации (см.) и определяют их организационное поведение (см.). По мнению социального психолога К. Левина (см.), поведение индивида ($П$) представляет собой функцию взаимодействия его личностных характеристик ($Х$) и условий окружающей среды ($С$), т. е. $П = f(Х,С)$. Важнейшей подсисте-

мой внешней для работника среды является организационная культура, в которой он осуществляет свою профессиональную деятельность и которая "подает" ему множество сигналов о возможных (приемлемых) моделях поведения. Значение О.К. определяется тем, что она придает сотрудникам организационную идентичность, формирует у них "корпоративный дух", обеспечивая тем самым стабильность и преемственность развития компании. Будучи динамическим системным явлением, О.К. влияет практически на все происходящие в организации события. О.К. может либо целенаправленно создаваться ее ведущими членами (менеджерами), либо возникать естественным образом как проекция социальной (национальной) культуры на сферу трудовых отношений в отдельной организации. Исследования данного феномена показывают, что в современных экономических условиях целенаправленное формирование О.К. выступает мощным фактором повышения конкурентоспособности компании. Так, например, Дж. Коллинз и Дж. Поррас изучили показатели деятельности 18 ведущих американских компаний различных отраслей промышленности в долгосрочном периоде, которые последовательно внедряли организационные культуры, направленные на формирование убеждения сотрудников, что они работают в "особом месте". Основными компонентами О.К. этих компаний явились: тактическая гибкость при сохранении основных идеологических принципов; стимулирование развития сотрудников путем постановки творческих задач; поощрение экспериментов; конвертация ценностей культуры в цели, стратегию и практику организации; "воспитание" собственных управленческих кадров. Сравнение показателей деятельности компаний, обладающих подобной культурой, с компаниями, не уделявшими специального внимания формированию О.К., показало, что первые добились значительно больших успехов в долгосрочном периоде и укрепили свое положение на рынке. Каждая социальная организация уникальна и неповторима, поэтому не существует "идеального", подходящего для всех типа О.К. Ее содержание и характеристики определяются целями и сферой деятельности организации, особенностями конкурентной борьбы в этой сфере и другими факторами внешней среды.

Основные параметры О.К. варьируют в диапазонах: сильная – слабая интеграция отдельных элементов культуры в единую систему; моно – полиструктурная композиция элементов культуры (существует единая культура для всей организации, либо она подразделяется на несколько субкультур, носителями которых выступают филиалы, цеха, подразделения); "сильная" – "слабая" О.К., в зависимости от распространенности ее ценностей и норм среди сотрудников организации, и соответственно – степени влияния на их поведение; целенаправленно формируемая – естественным образом возникающая О.К. Обычно "генератором" культуры выступает высшее руководство организации, декларации которого оказывают значительное влияние на сотрудников. Однако, бесспорно, еще большее влияние на образ мышления, а значит – и поведение сотрудников компании оказывают конкретные действия высших менеджеров, играющие роль индикаторов степени неразрывности слов руководства с его делами, стратегии и тактики развития организации, общих интересов компании и индивидуальных интересов ее рядовых сотрудников.

О.В. Кобяк

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ – 1. Индивидуальные и коллективные формы поведения людей, включенных в структуру социальной организации (**см.**). 2. Поведение социальной организации, выступающей во внешней среде целостным объединением людей, неделимым субъектом общественных связей и отношений. 3. Специальная управленческая теория, *объектом* изучения которой является организация как социальная система, *предметом* – закономерности формирования и воспроизводства индивидуальных и коллективных форм поведения сотрудников организации, а также различные типы поведения организаций как целостных систем, в результате взаимодействия которых возникают межорганизационные отношения (например, стратегические альянсы, совместные предприятия и т. д.). Данные определения предполагают рассмотрение феномена О.П. на трех уровнях: индивидуальное поведение сотрудника организации; коллективные формы поведения формальных и неформальных групп в рамках одной организации; стратегии поведения различных организаций в обществе.

О.П. как специальная социологическая теория преследует четыре основные цели – описание, осознание, прогнозирование и контроль (регулирование) явлений, составляющих предмет ее исследования. Первая цель – систематизированное описание различных форм О.П., вторая – состоит в объяснении причин и выявлении закономерностей возникновения тех или иных типов О.П., третья – предсказание тенденций развития О.П., четвертая (конечная) цель – выработка принципов управления О.П.

В истории развития социальной организации сложились четыре описательных стереотипа о человеке работающем: в начале 20 в. – "*экономический человек*" (в основе этого стереотипа лежит принцип экономической рациональности, денежного расчета; человек работает хорошо, когда ему хорошо платят, поэтому тот, кто платит вправе требовать полной отдачи); в середине 20 в. – "*психологический человек*" (успеха в управлении поведением других людей можно добиться, прежде всего владея методами психологического воздействия на них, как на интуитивном уровне, так и на уровне целенаправленно осваиваемых методик, начиная с Д. Карнеги); последняя треть 20 в. – "*технологический человек*" (возрождение тейлоровского и фордовского отношения к работнику на новой компьютерно-инжиниринговой основе); последняя четверть 20 в. – "*этический человек*" (люди в организации оценивают друг друга в русле своих представлений о морали и этике делового общения; несовпадение различных оценок

может приводить к конфликтам ожиданий и реальностей, но в ходе совместной работы происходит "притирка" образов мышления сотрудников, в процессе которой постепенно складывается более или менее приемлемая для всех система норм организационного поведения).

Названные социальные стереотипы выступают факторами поведения как управляющего, так и управляемого персонала организации. Они функционируют в мышлении сотрудников, определяя соответствующие типы организационного поведения в конкретных ситуациях.

О.В. Кобяк

ОРГАНИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО – понятие социальной философии и социологии, явившее собой в содержательной развертке концептуальную основу т.наз. органической школы в социологии конца 19 – начала 20 вв., методологической ориентацией которой выступал органицизм, отождествлявший абстрактное общество с определенным организмом биологического типа. В отличие от механицизма, рассматривающего общество как неупорядоченный агрегат элементов, подлежащих изучению независимо друг от друга, социальный органицизм рассматривал социум как состоящий из разнородных элементов, обладающих относительной автономией, но при этом действующих согласованно и руководимых в своих динамических трансформациях неким единым, предзаданным принципом. Аналогия между человеческим организмом и объективированной системой социальных отношений, обеспечивающей его функционирование, просматривается в трудах Аристотеля, ряда мыслителей средневековья, а также у Т. Гоббса и Ж.Ж. Руссо.

В начале 20 в. в программных трудах консерваторов Э. Берка, Ж.М. де Местра и др. идеальное общество интерпретировалось как подобие живого организма, функционирование которого регулируется естественным образом. Состоящее из самых разнообразных первичных ячеек (семья, профессиональные корпорации, коммуны и т.д.), социальное тело, согласно мнению идеологов консерватизма, предполагает преобладание общества над индивидом (как целого над частью). Последний имеет по отношению к социуму не столько права, сколько обязанности. По мнению этих мыслителей, О.О. присущи социальная иерархия, а также ценности, традиции и обычаи коллективистского типа, посягательство на модернизацию которых приводит к дезинтеграции всей системы.

Стремясь избежать неизбежных мировоззренческих и парадигмальных крайностей, большинство теоретиков в рамках классической социологической традиции 20 в. тем не менее остались верны идее аналогии между обществом и организмом, акцентируя человеческую, т.е. сознательную природу последнего. Согласно Дюркгейму (см.), социальная система существует как целостность лишь в коллективном сознании, не обладая при этом физической реальностью. В то же время само это сознание не редуцируемо к феноменам сознания образующих социум индивидов. Дюркгейм первым отметил появление "органической солидарности", связывающей людей в индустриальное общество, отличающееся высокой степенью разделения труда. Для исследований в контексте социологической и социально-философской моды рубежа 20-21 вв. скорее присуще чисто образное сравнение общества с организмом, благодаря которому становится возможным экономное построение постоянно обновляющихся версий общей теории социальных систем.

А.А. Грицанов

ОРТЕГА-и-ГАССЕТ (Ortega y Gasset) Хосе (1883-1955) – испанский философ. Докторская диссертация О. (1904) – "Ужасы тысячного года" (об исторических условиях и хилиастических умонастроениях во Франции эпохи раннего средневековья). Профессор Высшей педагогической школы в Мадриде (с 1908). Преподавал курс метафизики в Мадридском университете, возглавляя одноименную кафедру факультета философии и языка (1910-1936). Основатель (1923) журнала и издательства "Revista de Occidente". Основатель (1948) Института гуманитарных наук в Мадриде.

Творчество О. оказало существенное воздействие на испанскую и мировую философию и культуру. Не являясь философом-систематиком, ориентируясь на заочный диалог в сократическом стиле с классиками предшествующей философской традиции (Г. Галилей, Г. Лейбниц, И. Кант, Г. Гегель и др.), О. стремился в первую очередь конструктивно преодолеть постулаты рационализма Р. Декарта, в соответствии с которыми, по О., человек в главной своей ипостаси – человек "познающий", а не человек "живущий". (Наука, согласно О., выступала "общественной догмой", не способной при этом высказать что-либо вразумительное "о великих переменах в судьбах человечества".) О. акцентировал собственное неприятие тезисов учения Декарта, в соответствии с которыми деятельность человека разграничивалась на духовную и психофизическую. (Схема Декарта о независимости самосознающего человека вкупе с необходимостью разработки нового философского метода, который, по Декарту, требовал "ума, способного легко отрешаться от услуг внешних чувств", принадлежащих телу, результировалась в противопоставлении двух субстанций бытия человека – мыслящей и протяженной. Т.обр., человек у Декарта выступал в двух мыслимых "вещных" ипостасях: мыслящей, но не протяженной, либо протяженной, но не мыслящей.) То, что для Декарта в конечном счете являлось изощренной игрой воображения, для общественной практики 20 в. выступило как реальность: человек в контексте определенных целенаправленных трансформаций культуры превращался в вещь, в компонент соответствующей системы отношений мира, а содержание его связей с природной и социальной действительностью редуцировалось к получению подлежащего калькуляции практического результата.

По мнению О., культура есть не только особый живой организм, но также и совокупность устремлений самих людей. "Верования", "идеи, которыми мы являемся", по мысли О., суть неотъемлемая "конститутивная потребность каждой человеческой жизни, какова бы она ни была". Полагая главной угрозой для культуры 20 в. утрату человечности как таковой, О. акцентировал внимание на утрате современным человеком "ощущения трагизма", на его пагубной самоуспокоенности. Последняя, по О., "способствует тому, что человек перестает воссоздавать в себе те человеческие начала, которые являются основой его истинно человеческой структуры, и для человечества становятся возможны "движения назад", гораздо более основательные, чем все известные до сих пор, вплоть до полного исчезновения человека, полной потери человеком самого себя и его возвращения на лестницу животного царства". Роковая для 20 ст. интенция европейского интеллектуализма об управляемости человеком и людьми, о допустимости внешней заданности их бытия стала фокусом неприятия для О.

О. в числе первых осознал, что Европа вступает в новый период исторического развития, аналогичный двухвековому Возрождению: "мы покидаем одно время, чтобы вступить в другое". По мысли О., современная ему Европа родилась именно в тот момент, когда Сократ открыл Разум. Сопряженным с этой же проблемой выступило и неприемлемое для О. допущение Декарта о неравноправии, "разносортности" миров искусственных, условных, идеально создаваемых – продуктов мышления человека, с одной стороны, и предметно-реального мира, с другой. Последний, т.обр., являл собой всего лишь объект для приложения творческих преобразующих потенций рафинированного разума и соответствующих философских систем. Поэтому спонтанные феномены бытия человека, согласно О., особенно значимы в качестве предмета философского исследования. Именно личностные структуры сознания и существования индивида интересовали О. в первую очередь. О. отвергает продуктивность введения в традицию классического философского рационализма категории "чистый разум" с приданием ему статуса всеобъемлющего теоретико-познавательного средства. Сфера иррационального как в общественной, так и в индивидуальной жизни людей остается, по мнению О., вне возможностей освоения рационалистическим разумом, стремящимся постигать область человеческого бытия по калькам объяснения природных феноменов. Как отмечал О., "чудесные успехи естественных наук по познанию вещей находятся в резком противоречии с их бессилием перед собственно человеческим. Человеческое ускользает от физико-математического разума... Физический разум не способен сказать о человеке ничего определенного. Прекрасно! Но это означает лишь то, что мы должны со всей решимостью отказаться от изучения человека с помощью физических и естественнонаучных методов. Вместо этого рассмотрим человека в его спонтанности, таким, каким он нам видится, каким выходит нам навстречу. Иными словами, крах физического разума открывает путь жизненному и историческому разуму".

По убеждению О. (сходному с подходами экзистенциально-феноменологической философии), человек создает жизнь ежеминутно, "здесь и сейчас", в процессе этого самотворения он перманентно находится в положении выбора. Человек по истинной природе своей суть усилие явиться собственным проектом – тем, чего еще нет.

По О., "жизнь – это проект или программа существования" ("Размышления о технике", 1939). Бытие индивида не данность, а возможность. Именно в таком контексте О. и предлагает собственную теорию "перспективизма". Развивая главный тезис последнего (любое познание задается личной позицией мыслителя, исследователя, вне ее невозможна реально достижимая значимость всеобщности; разнообразие возможных мыслимых миров есть следствие соответствующих различным точкам зрения перспективных взглядов на единый мир), О. отмечал, что дух любого народа, каждого индивида, всякой эпохи в высшей степени избирателен в выборе истин. Только подобным образом реализуется конечная причастность людей к ним. Перспектива, претендующая на статус единственно возможной, – всегда ложная. Универсальность философских систем отражает лишь потенциальный и реальный индивидуальный горизонт их авторов. Мир, окружающий людей, по мнению О., организуется, структурируется и приобретает будущность лишь в контексте творческой активности сознания, познающего феномены бытия и живущего в них. В произведении "Размышления о Дон Кихоте" (1914) О. провозглашал приобщенность человека к миру, его неотъемлемость от него: "Я есть Я и мои обстоятельства" ("обстоятельства" не только природного, но также и культурно-социального порядка). Все вещи и существа вселенной, по О., формируют наше окружение: эта реальность для человека исполняет роль неизбывного источника забот и проблем. "Техника" у О. – плод "усилия, труда и идей" человека, "зона безопасности" от диктата окружающей среды. Именно из этой зоны человек возвращается, вновь и вновь обретая и восстанавливая самого себя, обладая собой – собой, которого у индивида "раньше не было". Благодаря технике люди оказываются в состоянии "моделировать планету в соответствии со своими пристрастиями", каждый раз генерируя "план" противостояния вещам окружающего мира. Согласно О., техника "противоположна приспособлению субъекта к среде, представляя собой, напротив, приспособление среды к субъекту". Как полагал О., "человек, техника и благосостояние – синонимы". Но исключительно верой в технику жить нельзя – жизнь становится бессодержательной и пустой. В отличие от всего в универсуме, человек "никогда не является человеком безусловно; напротив, быть человеком как раз и означает быть всегда на грани того, чтобы не быть им, быть животрепещущей проблемой.., драмой.., опасностью.., риском. В то

время как тигр не может перестать быть тигром, детигрироваться, человек живет в постоянной опасности дегуманизироваться". В попытках разрешения указанных экзистенциальных проблем человек вынужденно конструирует собственную экзистенцию и тем самым осуществляет избранный им самим проект жизни на основании полета собственной фантазии. Фантазия – основание и предпосылка индивидуальной свободы, жить – означает "упражняться в свободе".

По идее О. ("Человек и люди" – работа издана посмертно, в 1957, на основе курса лекций, прочитанного в 1930-1940-е), человек по природе своей неизбывно вынужден контактировать с вещами окружающего мира, но иногда (и в этом его отличие от животного) он способен поворачиваться к миру спиной в процессе "самоуглубления". Эту "чудесную способность человека временно освобождаться от порабощения вещами" О. связывал с наличием у людей собственного внутреннего мира: индивиду есть куда устремиться, есть, где находиться, когда он временно отвлекается, уходит от мира. Человек, по мнению О., – это "существо, обреченное перевести необходимость в свободу". О. постулирует особую роль спонтанных проявлений индивидуальной и межиндивидуальной жизни, обладающих существенной мерой и степенью независимости и противопоставленных жизни социальной. В основании индивидуальной жизни, по О., находится подлинно свободный выбор человека в отличие от общественного отношения, которое не зависит от воли и сознания людей и в определенном смысле репрессивно по отношению к ним. Так, согласно О., обычаи, которые люди исполняют, не осознавая их значения в полном объеме, относятся именно к этой категории социальных феноменов. Изучение человеческого бытия как на общественном, так и на индивидуальном уровне, выступает у О. предметом т.наз. "философской социологии". (В идеологическом ракурсе подобная позиция О. в конечном счете была противоположена идеям революционизма, пронизывающим европейскую культуру 17-19 вв. Вера в самоценность и самодостаточность крупномасштабных социально-экономических экспериментов, призванных оптимизировать жизнь отдельно взятых представителей рода человеческого, была неприемлемой для О.)

В работе "Восстание масс" (1929) О. одним из первых зафиксировал феномен возникновения "массового сознания" в европейском менталитете: "масса" у О. трансформируется в толпу, представители которой захватывают господствующие позиции в иерархии общественных структур, навязывая собственные люмпенские псевдоценности остальным социальным движениям. Основное свойство существа из "массы" – не столько его стандартность, сколько физическая инертность. "Масса" конституируется, согласно О., не на основе какого-либо определенного общественного слоя. Речь идет о таком "способе быть человеком", в рамках которого предпринимаются насильственные попытки преобразовывать устройство общества, принципиально игнорируя закономерности его функционирования. Репрезентанты "массы" живут без определенного "жизненного проекта", находя смысл существования в достижении предельной идентичности с другими. Они не осознают, что демократические культурные институты требуют постоянной поддержки, бдительности людей – "человек массы" социально безответственен. Всю свою жизнь он готов передоверить государственной власти.

В книге "Что такое философия?" (1929) О. пришел к выводу о том, что философия начинается там и тогда, где и когда она трансформируется в самоосознающий интеллектуальный феномен, самостоятельный по отношению к науке и обращенный не к фрагментам реальности, а к реальности в целом (Фихте, Шеллинг, Гегель). Эти философские системы, по мысли О., были избыточно сопряжены с уверенностью в разумном характере прогресса европейской культуры, в ходе эволюции которой предполагалось заведомо обреченным на гибель все трагическое и несчастное. Результатом такого философского самодовольства и самолюбования, по мысли О., явилась катастрофа философии второй половины 19 в., трагическая нефилософичность этого исторического периода.

Разрабатывая собственную концепцию социологии культуры (см.) ("Дегуманизация искусства", 1925; "Человек и люди", 1927 и др.), О. обращал особое внимание на то обстоятельство, что идеями культуры человек живет, они вплавлены в его повседневные репертуары поведения и жизнедеятельности. О. предлагал различать "идеи-изобретения", заключающие в себе наиболее строгие истины науки – наши творения, и "верования" – "молчаливое наследие", полученное от прошлых эпох. Когда последние начинают впадать в противоречие друг с другом, человек пытается изобрести новые идеи, которые суть удавшиеся фантазии ("треугольник и Гамлет имеют одну и ту же родословную. Они дети безумной семьи", – утверждал О., имея в виду фантазию людей). Идеи подлинно человеческой культуры не анонимны и не автономны от людей (как идеи науки). Кризис культуры в 20 в., как утверждал О., – это кризис "чистого разума картезианского человека", оттесняемого "жизненным разумом", носителем спонтанной человеческой культуры. ("Чистый разум, – провозглашал О., – должен передать свое господство жизненному разуму...")

Анализируя соотношение понятий "жизнь" и "разум", О. в работах "Тема нашего времени" (1923), "Ни витализм, ни рационализм" (1924), "История как система" (1935) подчеркивал неизбывную значимость проблемы взаимосвязей и взаимозависимости жизни человека в ее тотальности с разумом и его проявлениями. Жизнь – это энергия космоса, аккумулирующаяся в единичных вещах, в каждом отдельном случае содержащих потенциальный проект своего существования. Осуществление последнего и есть основа процесса жизни, жизнь есть "сама себя пожирающая деятельность". Наука не в состоянии сказать что-либо определенное о грядущих значимых изменениях в жизни людей. Грандиозные успехи в изучении природы, по мнению О., не исключают, а скорее предполагают возможность и неизбежность "провала" науки,

т.е. физического разума в исследовании жизни человека в целом. Разум (наука) у О. – не более чем аппарат для конституирования условной субъективной картины мира, неправомерно отождествляющий собственные закономерности с законами бытия. Преодолевая стартовую избыточную биологизированность собственных трактовок "жизни", О. впоследствии отказался от самообозначения "витализм" (заместив его термином "рациовитализм") применительно к своим философским воззрениям. Жизнь у О. – это жизнь любого человека, т.е. того первоначального Я, которое и призвано, должно прожить жизнь. Человек – всегда человек в собственной истории, его жизнь – это драма, "чистый случай". Недопустима любая детерминированность, заданность, социальная ангажированность жизни человека, недопустима идеологическая обусловленность последней; только внутренние установки индивида вправе нести его от ситуации к ситуации. Рефлексия над этими феноменами, согласно мнению О., возможна и осуществима только в контексте специально употребляемых категориально-понятийных средств: "Я", "этот", "здесь" и т.п. Все понятия, посредством которых возможно мыслить подлинную реальность человеческой жизни, – полагал О., – могут быть лишь окказиональными, ибо жизнь человека есть "чистый случай". Не сознание в единстве его жизненных функций, по О., выступает опосредующим звеном между "субъектом" и "объектами" (хотя О. в принципе не принимал саму эту модель), а человек и вещи в их взаимной открытости друг другу. Философия призвана прояснять взаимосвязь человека и мира в состоянии открытости, обнаженности последнего, лишь в состоянии одиночества индивид вправе ждать от феноменов окружающей действительности свидетельства их подлинности. Смысл и пафос в оценке конструктивных усилий философов-профессионалов сводится, согласно О., не столько к выяснению меры истин и заблуждений, сколько к определению искренности их самих. См. также: **"Восстание масс" (Ортега-и-Гассет).**

А.А. Грицанов

ОРУЭЛЛ (Orwell) Джордж (настоящее имя – Эрик Артур Блэйр, псевдоним Оруэлл принят в 1933) (1903-1950) – британский мыслитель и писатель, классик современной антиутопии. Окончил колледж Итона (1921). Участник гражданской войны в Испании на стороне республиканцев. Основные сочинения: "1984" (1949), "Скотный двор" ("Звероферма") (1945), "Собачья жизнь в Париже и Лондоне" (1933), "Дочь священника" (1935), "Пусть цветет аспидистра" (1936), "Дни в Бирме" (1934, 1936), "Дорога на Уиган-Пирс" (1937), "Памяти Каталонии" (1939), "За глотком свежего воздуха" (1939), "Во чреве кита" (1940), "Лев и единорог" (1940), "Уэллс, Гитлер и Всемирное Государство" (1941), "Литература и тоталитаризм" (1941), "Подавление литературы" (1945-1946), "Политика против литературы. Взгляд на "Путешествия Гулливера" (1946), "Рецензия на "Мы" Е.И. Замятина" (1946), "Англичане" (1947), "Писатели и Левиафан" (1948) и др.

Смысловой и аксиологической несущей конструкцией всего творчества О. выступала предельно жесткая критика тоталитаризма в любых его формах и проявлениях. В сатирическом произведении "Звероферма", навеянным О. мотивами событий в СССР 1917-1945 и практиками революционистских режимов в Европе между первой и второй мировыми войнами, демонстрируется неизбежное перерождение касты профессиональных революционеров, ставшей правящим классом. Стремление последнего с целью удержания власти формулировать перед народными классами постоянно меняющиеся и абсолютно неразрешимые для данного поколения задачи, порождает, по О., особый цинизм властвующей элиты, приходящей к тоталитарному господству насильственным путем. (По убеждению О., "новизна тоталитаризма – в том, что его доктрины не только неоспоримы, но и переменчивы. Человеку надлежит принимать их под страхом отлучения, однако, с другой стороны, быть всегда готовым к тому, что они в одну минуту могут перемениться... Тоталитаризм... сулит нам не столько эпоху веры, сколько эпоху шизофрении... Если когда-нибудь где-нибудь бесповоротно восторжествует тоталитарное общество, оно, вероятно, учредит некий шизофренический образ мышления, допускающий опору на здравый смысл в повседневной жизни и в некоторых точных науках и предполагающий отказ от здравого смысла в политике, истории и социологии... Общество превращается в тоталитарное, когда его структуры становятся вопиюще искусственными, то есть когда его правящий класс утрачивает свое назначение, но силой или обманом продолжает цепляться за власть. Подобное общество... никогда не сможет себе позволить терпимости или интеллектуального равновесия".) О. одним из первых почувствовал, что представители социальных групп-аутсайдеров, стремящихся к силовому овладению механизмами государственного управления и перераспределения материальных благ, изначально в массе своей ориентированы на легитимацию абсолютной бесконтрольности своего пребывания у власти. Идеи "Звероферммы" и других произведений О. 1940-х впоследствии трансформировались в грандиозную антиутопию "1984" – культовый текст мировой гуманистической традиции (тираж англоязычных изданий только в первый год существования – около полумиллиона экземпляров; переведен на 60 языков мира; неоднократно экранизирован и телеэкранизирован), посвященный многомерной критике тоталитаризма. В философско-социологическом и культурологическом контекстах интерпретационный потенциал центральных идеологем "1984", выступавших и продолжающих выступать предметом планетарных интеллектуальных полемик на протяжении всей второй половины 20 в., безусловно сопоставим с "Левиафаном" Гоббса.

Главными несущими конструкциями "1984" выступили: а) идея, которой твердо придерживался О., и согласно которой "...социализм, если он значит только централизованное управление и плановое производство, не имеет в своей при-

роде ни демократии, ни равенства"; б) тезис О. о том, что интеллектуалы, ангажированные идеологией, "в большинстве своем готовы к диктаторским методам, тайной полиции, систематической фальсификации...". Вопреки вере представителей социалистических и лейбористских движений середины 20 ст. в собственную исторически-прогрессивную миссию, вопреки их убежденности в том, что тирания порождается институтами частной собственности и стремлением правящих классов к неограниченному обогащению, О. предположил (в известном смысле под влиянием Бернхэма), что "последняя в мире олигархическая революция" может быть осуществлена не столько классом крупных собственников, сколько репрезентантами "воли и интеллекта", сторонниками "рационального, планового общества" – "новой аристократией", рекрутирующейся во второй половине 20 в. из "бюрократов, ученых, инженеров, профсоюзных руководителей, специалистов по обработке общественного мнения, социологов, преподавателей и профессиональных политиков". Именно эти люди и "верхний слой рабочего класса", соединенные вместе "выхолощенным миром монополистической промышленности и централизованной власти" оказались, согласно версии "1984", "менее алчны, менее склонны к роскоши", но в отличие от "нерешительных и расхлябанных" тираний прошлого они "сильнее жаждали чистой власти" и "настойчивее стремились сокрушить оппозицию". (По мнению О., именно они освоили в полном объеме программную мысль, что "цель репрессий – репрессии, цель пытки – пытка, цель власти – власть".) Архитектоника и исполнение "1984" по классическим канонам романа, фундированные концептуально-метафорическими реконструкциями идеологии, теории и практики современных О. тоталитарных режимов, а также формулировка в его рамках ряда значимых социально-философских, социологических, политологических и социально-психологических гипотез обусловливают разноуровневую и перманентную эвристическую нагруженность этого произведения.

Разнокачественные характеристики вымышленного государства Океания (со столицей в Лондоне) – цитадели тоталитарной версии социализма (по версии "1984" "ангсоца" или "английского социализма"), формулируемые О., могут быть сведены к следующим:

1) Фиксация и обобщение типичных репертуаров государственной деятельности социалистических СССР и Германии; культурфилософские "провокации" против сакральных идеалов и ментальности англо-саксонского типа первой половины 20 ст. Так, весьма узнаваемыми выступали атрибутивные для Океании: А) Структура государственного аппарата, включавшего в себя "министерство правды", ведущее вопросы информации, образования, досуга и искусств; "министерство мира", отвечающее за ведение войн; "министерство любви", курирующее общественный порядок; "министерство изобилия", занимающееся экономикой. Б) Атмосфера тотального слежения и взаимного доносительства ("...приходилось жить – и ты жил, по привычке, которая превратилась в инстинкт, – с сознанием того, что каждое твое слово подслушивают и каждое твое движение, пока не погас свет, наблюдают... детей же систематически настраивают против родителей, учат шпионить за ними и доносить об их отклонениях"). В) Псевдоправовое поле, когда "противозаконного не существует, ибо нет самих законов". Г) Эстетизация насильственной смерти "врагов" народа и государства в масс-искусстве (особенно – в кинопроизводстве и в сценариях массовых манифестаций). Д) "Двухминутки ненависти" – образ милитаристских "политических информаций". Е) Безвозвратное исчезновение (обозначение "1984" – "распыление") миллионов людей (ср. "десять лет без права переписки" в системе ГУЛАГа) и "выселение целых народов". Согласно представлениям О., нравственные запреты и сексуальные табу, обусловленные викторианской моралью, были не только полностью сохранены в условиях тоталитаризма, но и санкционированы всей мощью репрессивной государственной машины. Распространяемые на повседневную жизнь членов Партии данные поведенческие ограничения, конечной целью которых было "лишение полового акта удовольствия", "уничтожение эротизма", воспроизведение детей в первую очередь для нужд армии исполняли роль дополнительных средств социального контроля: согласно О., "...между воздержанием и политической правоверностью есть прямая и тесная связь. Как еще разогреть до нужного градуса ненависть, страх и кретинскую доверчивость, если не закупорив наглухо какой-то могучий инстинкт, дабы он превратился в топливо?".

2) Предвосхищение и концептуализация универсальных процедур конституирования и легитимации тоталитарных механизмов в обществах постиндустриального и информационного типов. Осознанно ориентированными в будущее (что диктовалось как самим жанром антиутопии, так и представлениями О. о планетарном масштабе угрозы тоталитаризма) выступили акценты "1984", согласно которым: А) "Единственной надежной основой для олигархии" является коллективизм. Б) Ангсоц выполнил "главный пункт социалистической программы" – "экономическое неравенство было закреплено навсегда". В) Была достигнута и легитимизирована высокая степень стратифицированности общества Океании: 85% людей составляют "пролы" или пролетариат, располагающиеся вне сферы выработки и осуществления каких-либо социально значимых действий ("пролы и животные свободны"); "внешняя партия", осуществляющая исполнение исполнительских решений (функция "рук Партии"); "внутренняя партия" (ср. партийная номенклатура) или "мозг Партии", составляющая "чуть меньше двух процентов населения" во главе со "Старшим Братом" (являющим собой "вершину пирамиды", "непогрешимым и всемогущим", "которого никто не видел" – "его лицо – на плакатах, его голос – в телеэкране", он "никогда не умрет, и уже существует значительная неопределенность касательно даты его рождения"; "назначение его – служить фокусом для любви, страха и почитания, чувств, которые легче обратить на отдельное лицо, чем на организацию").

Принципиальный для европейской культуры 20 в. философско-нравственный поворот, представленный О. в "1984", был связан с подчеркнуто нетрадиционной трактовкой роли пафосного рационализма в процедурах организации общественной жизни и разработке средств и методов социального контроля: если у Ф. Достоевского, Замятина (см.), М. Пруста и др. формула "2×2=4" олицетворяла "тиранию рассудка" ("человек Подполья" у Достоевского противопоставляет социуму, где "2×2=4" – некий желаемый "мир свободы", в котором "дважды два пять – премилая иногда вещичка"), то О. неоднократно посещал мысленный образ "кошмарного мира, где дважды два будет столько, сколько скажет вождь. Если он скажет "пять", значит, так и есть, пять". Данная идеологема "1984" отвергает ориентацию на мятеж против естественных смыслов, усматривая в ней, согласно О., иррационально-разрушительную реакцию индивида, не способного "жить в согласии с обычной порядочностью". О. отмечал, что формулы "Пятилетка в четыре года" и "2×2=5" постоянно привлекали его внимание: в них он усматривал "и вызов, и парадокс, и трагический абсурд советской драмы, ее мистическую простоту, ее алогичность, редуцированную к шапкозакидательской арифметике". По одной из центральных максим "1984", "свобода – это возможность сказать, что дважды два – четыре. Если дозволено это, все остальное отсюда следует".

В рамках концепции "1984" социальные механизмы тоталитарного режима, соответствующим образом трансформирующие личность, в условиях, когда они приобрели планетарный масштаб, не оставляют индивиду никакой возможности для личных предпочтений и свободного поведенческого выбора: по О., заповедью старых деспотий выступал постулат "не смей"; лозунгом традиционных тоталитарных режимов – "ты должен"; максимой общества "1984" стало "ты есть". Важнейшей компонентой "1984" как литературно-философского произведения, обусловливающей его статус перманентно эволюционирующей и высоко эвристичной мыслительной модели – выступает постмодернистская по сути трактовка О. "главного догмата ангсоца" – идеи об "изменчивости прошлого". Самые различные интерпретации лозунга внутренней партии из "1984", согласно которому "кто управляет прошлым, – тот управляет будущим; кто управляет настоящим, – тот управляет прошлым", занимают особое место в истории интеллектуализма второй половины 20 ст. Теоретическая осуществимость программы лишения подавляющего большинства людей исторической памяти; перспектива неограниченного манипулирования даже теми фрагментами ушедшего и наличного бытия, которые традиционно полагались "абсолютными истинами"; достижимость элиминации всех ценностно- и смыслообразующих межличностных связей индивидов; превращение социального мира в виртуальное пространство произвольно трансформируемых текстов и квази-исторических свидетельств – упреждающе обозначили потенциальный горизонт расчеловечивающих технологий – возможного продукта деятельности новой общественной категории 20 в. – "социальных инженеров".

Как утверждал О., "роман не направлен против социализма или британской лейбористской партии (я за нее голосую), но против тех извращений централизованной экономики, которым она подвержена и которые уже частично реализованы в коммунизме и фашизме. Я не убежден, что общество такого рода обязательно *должно* возникнуть, но я убежден (учитывая, разумеется, что моя книга – сатира), что нечто в этом роде может быть. Я убежден также, что тоталитарная идея живет в сознании интеллектуалов везде, и я попытался проследить эту идею до логического конца. Действие книги я поместил в Англию, чтобы подчеркнуть, что англоязычные нации ничем не лучше других и что тоталитаризм, *если с ним не бороться*, может победить повсюду".

"1984" – роман-предупреждение не столько обществам с "переходной экономикой", сколько цивилизациям постиндустриального типа: превращение процедур производства и распределения информации в основополагающее начало социальности фундировало появление принципиально новых средств и репертуаров отчуждения и порабощения людей. Ведущий акцент "1984" – обличение завершенного тоталитарного строя, фундирующегося на многомерном духовном и физическом порабощении человека, абсолютном и открытом попрании свободы, достоинства и индивидуальности личности, на всеобщем и универсальном шпионаже и взаимном доносительстве, на узаконенной борьбе государства и его карательных органов против любой инакости – основы человеческого творчества. (Согласно О., "...есть вещи, со славословием несовместимые, и тирания – одна из них. Не написано ни единой хорошей книги во славу инквизиции. Поэзия *может* уцелеть в тоталитарные времена; некоторым искусствам или полуискусствам типа архитектуры тирания могла бы даже пойти на пользу; но прозаику остается единственный выбор – между молчанием и смертью. Проза, какой мы ее знаем, – это дитя разума, протестантской эпохи, независимой индивидуальности. Умерщвление свободы мысли парализует журналиста, социолога, историка, романиста, критика и поэта – именно в такой последовательности... если либеральной культуре, в условиях которой мы существуем с эпохи Возрождения, придет конец, то вместе с ней погибнет и художественная литература".)

Несмотря на то, что метафоры и образы О. использовались в 20 в. преимущественно для характеристики и отображения функционирования сталинского СССР и гитлеровской Германии, социальные и политические технологии, описанные им, в модернизированном виде потенциально применимы к любой нелиберальной общественной системе постиндустриального типа, в границах которой монополизируется право на свободную содержательную интерпретацию и распределение информации, отрицаются права человека как таковые и – таким образом – общество искусственно стратифицируется на

правящую элиту и бесправное население. По О., "...католики и коммунисты имеют одно общее – считают противную сторону неспособной быть одновременно честной и умной". Как полагал О., "шанс избежать такого будущего ничтожен, если мы не восстановим доверие к идеалу человеческого братства, значимому и без размышлений о "грядущей жизни". С точки зрения О., "тоталитаризм уничтожает возможность согласия, основывающегося на том, что все люди принадлежат к одному и тому же биологическому виду. Нацистская доктрина особенно упорно отрицает существование этого вида единства. Скажем, нет просто науки. Есть "немецкая наука", "еврейская наука" и т.д.". Весомое значение, уделенное О. социальной роли адаптированных и лишенных смысловых нюансов и содержательных разночтений словоформ межчеловеческого общения ("новояз"), оказалось созвучным распространенной в философии 20 в. идее о высокой степени зависимости бытия человека в обществе от вербальных средств его описания и концептов его понимания, осуществляемых им самим. Оставаясь до конца дней безусловным приверженцем идеалов демократического социализма и справедливости, О. во всем своем творчестве стремился органично совмещать их пафос с борьбой за свободу и достоинство каждого человека. См. также: **Новояз**.

А.А. Грицанов

ОСИПОВ Геннадий Васильевич (р. 1929) – российский социолог, академик РАН по социологии. Директор Института социально-политических исследований РАН, Президент академии социальных наук РФ. Участвовал в создании (вместе с академиком Францевым Ю.П.) и был председателем Советской социологической ассоциации (1962-1972). Президент Всероссийского научного общества социологов и демографов (с 1989).

Окончил МГИМО МИД СССР по специальности юрист-международник.

О. – инициатор и организатор проведения первых в СССР конкретных социологических исследований и утверждения социологии в статусе независимой научной дисциплины. Итоги исследований, проведенных под руководством О., были опубликованы в сборниках: "Социология в СССР" (т. 1-2, 1965), явившейся первой отечественной хрестоматией по социологии, "Рабочий класс и технический прогресс" (1965), "Копанка 25 лет спустя" (1965), "Социальные проблемы труда и производства: сравнительное советско-польское исследование" (1970).

О. – руководитель и ответственный редактор первого отечественного учебного-методического пособия по социологии "Рабочая книга социолога" (1977 и 1983).

Научно-исследовательская деятельность О. ведется по следующим направлениям: теоретико-методологические проблемы социологии, предмет и структура социологического знания, методология и методика социологического исследования, применение математических методов в социологии, теория и методология построения системы показателей социального развития общества, история социологии.

Основные работы: "Техника и общественный прогресс" (1959); "Автоматизация в СССР" (1961); "Современная буржуазная социология" (1964); "Социология" (1969, была опубликована на англ. яз., переведена более чем на 20 языков); "Методы измерения в социологии" (1978, в соавторстве с Э.П. Андреевым); "Теория и практика социологических исследований в СССР" (1979); "Принципы социологии" (на франц. и арабском яз., 1988); "Социология" (1990, соавтор); "Социология и социализм" (1990); "История социологии в Западной Европе и США" (1993, соавтор и редактор); "Реформирование России: мифы и реальность" (1994, соавтор и редактор); "Социальная и социально-политическая ситуация в России: анализ и прогноз" (1995, соавтор и редактор); "Новый курс России: предпосылки и ориентиры" (1996); "Россия: национальная стратегия и социальные приоритеты" (1997, соавтор и редактор); "Россия у критической черты: возрождение или катастрофа" (1997, соавтор и редактор); учебник "Социология. Основы общей теории" (1995); "Социология и политика" (1995); "Энциклопедический социологический словарь" (1995, ответственный редактор); "Россия: национальная идея. Социальные интересы и приоритеты" (1997) и др.

ОСИПОВА Елена Владимировна (р. 1927) – российский социолог, специалист по истории философии, истории социологии, политической социологии.

Окончила филологический факультет МГУ (1950). Кандидат философских наук, тема диссертации – "Философия Гугона Коллонтая. Из истории философии Просвещения в Польше" (1954). Доктор философских наук, тема диссертации – "Социология Эмиля Дюркгейма. Анализ теоретико-методологических концепций" (1979).

Младший (1956-1961), старший научный сотрудник (1961-1969) Института философии АН СССР; старший научный сотрудник ИСИ АН СССР (1969-1973); старший научный сотрудник Научного совета по проблемам зарубежных идеологических течений при Президиуме АН СССР (1973-1985); с 1985 по настоящее время – ведущий научный сотрудник Института философии РАН. В 1965-1983 О. преподавала на философском факультете МГУ историю зарубежной философии и социологии.

В исследовании польской философской и социальной мысли О. вовлекла в научный оборот архивные документы и неизвестные рукописи, проанализировала тенденции, сближающие польскую философию и социологию с западной и русской научной мыслью, раскрыла их национальную специфику. О. рассматривала становление и развитие западной социологической мысли, анализировала теоретико-методологические концепции творчества Э. Дюркгейма.

Основные работы: "Философия польского просвещения" (1961); "Социология Эмиля Дюркгейма" (1977); "Развитие

социологии в ПНР" (1978); "В лабиринтах буржуазного сознания" (1978, соавтор); "Личность в XX столетии" (1979, соавтор); "История философии: В 6-ти томах" (1961 и 1965. Т. 5 и 6, соавтор); "Марксистско-ленинская философия и социология в СССР и европейских социалистических странах" (1965, соавтор); "Социологическая мысль в Польской Народной Республике" (1969, соавтор); "История буржуазной социологии XIX – начала XX века" (1979, соавтор); "Концепции власти в современной философии" (1989, соавтор); "Философия и политики" (1989, соавтор); "История социологии в Западной Европе и США" (1993, соавтор); "История социологии" (1993 и 1997, соавтор); "Модернизация и национальная культура" (1995, соавтор); "Технология власти" (1995) и др.

ОСИПОВА Надежда Геннадиевна (р. 1958) – российский социолог, специалист в области социологии образования и социологии молодежи.

Окончила психологический факультет МГУ (1980), аспирантуру ИСИ АН СССР (1985). Кандидат философских наук (1986), доктор социологических наук (1998).

Работала во ВНИИ АН СССР и ГКНТ СССР (1980-1982), Институте социологии АН СССР (1987-1990), Научном центре ВЦСПС (1987-1990). С 1993 – старший научный сотрудник социологического факультета МГУ; ведущий научный сотрудник Московского социального университета.

О. занимается проблемами подготовки и переподготовки кадров для работы в новых экономических условиях, внедрением современных обучающих технологий. О. – автор около 50 научных работ, в том числе: "Проблема обучения лиц, принимающих решения" (1989); "Воздействие самоуправления на активизацию человеческого фактора" (1990); "Формирование трудового коллектива в условиях радикальной экономической реформы и развитие самоуправления" (1990); "Профессиональные интересы и потребности молодежи в условиях перестройки" (1990); "Трудовой коллектив объединения и его мнение" (1990); "Развитие системы дистанционного обучения в России в интересах подготовки кадров для рыночной экономики" (1995) и др.

ОСИПОВА Ольга Степановна (р. 1956) – белорусский социолог, политолог, историк. Окончила Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (1978). Сфера научных интересов: теория, история и методология социологии, социальная стратификация и политика, социальная психология, гендерная социология.

С 1978 по 1981 – учитель истории в Краснокутской средней школе № 3 (Саратовская обл.). В 1981-1983 работала ассистентом в Саратовском госуниверситете, там же в 1986, обучаясь в очной аспирантуре, досрочно защитила кандидатскую диссертацию. С 1987 по 1994 работала старшим преподавателем, затем доцентом в Белорусском институте инженеров железнодорожного транспорта. В 1990-1993 – заместитель декана гуманитарного факультета БелИИЖТа. В 1998 защитила докторскую диссертацию (тема – "Теоретико-социологический анализ проблем социогенеза"). С 1997 по 1998 – доцент, с 1999 – профессор кафедры философии, истории и политологии Белорусского государственного университета транспорта. С 2001 возглавляет социологическую сеть Института социологии НАН Беларуси в Гомельской области.

За многолетнюю плодотворную научно-педагогическую и общественную деятельность неоднократно награждалась Почетными грамотами Министерства образования РБ, Республиканского общества "Знание" и т.д. За достигнутые успехи в 1991 была занесена на Университетскую доску Почета БелИИЖТа. В 1999 за успехи в области науки и педагогической работы получила благодарственные письма Президента Республики Беларусь и Гомельского облисполкома.

О. – автор более 50 научных и методических работ, в том числе: "Методологическое обоснование социогенеза: классические подходы и инновации" (1997); "Основы социально-экономических знаний (социономия): Политическая жизнь в обществе" (1994); "Человек и общество: социогенетический подход" (1997); "Девиантное поведение: благо или зло?" (1998); "Два методологических обоснования механизма социогенеза" (2001); "Социальная стратификация Республики Беларусь: гендерный подход" (2002); "Развитие женского движения: региональное видение" (2002) и др.

"ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ" – книга В.С. Барулина (см.) (Москва, 2002), посвященная исследованию взаимоотношений человека и общества. Автор рассматривает данные взаимоотношения в рамках развиваемого им философского направления – социально-философской антропологии. "Социально-философская антропология исследует, как человек создает общество как способ и средство своего существования и деятельности, как его человеческая сущность пронизывает все поры общества и преломляются в нем; как общество, сложившись, развиваясь и функционируя, воздействует на человека, способствуя как формированию и развитию его сущности, так и деформирующе влияя на человека. Всеобщие социально-философские принципы, законы взаимодействия общественной сущности человека и человеческой сущности общества в их многоплановости и всемирно-историческом развитии составляют предмет социально-философской антропологии".

В первом разделе "Предмет социально-философской антропологии" рассматриваются социально-исторические и философско-методологические истоки социально-фило-софской антропологии. По мнению автора, 20 век явился веком возросшей напряженности во взаимоотношениях человека и общества. "Эта та высшая и наиболее зрелая фаза развития человека, его взаимоотношения с обществом, познание которой создает условия для конституирования самой социально-философской антропологии, выявления ее законов, принципов, постулатов. Как в период становления капиталистической цивилизации определенное "упрощение" общественных

отношений, наглядное выявление детерминирующей роли материального производства сделало возможным открытие материалистического понимания истории, так и в XX веке развитие и отслоение сложной гаммы взаимоотношений человека и общества сделало возможным и реальным предметное определение социально-философской антропологии".

По мнению автора выделяются три непосредственных философско-методологических источника социально-философской антропологии: философская антропология, социальная антропология, социальная философия. При этом наиболее сложные теоретико-методологические отношения складываются у социальной философии и социально-философской антропологии. Их объединяет общее предметно-проблемное пространство – человек и общество, многие общие социально-философское абстракций. В то же время социальная философия и социально-философская антропология в определенном смысле системы – конкуренты, ибо они вскрывают принципиально разные пласты, ракурсы взаимоотношений человека и общества. Если социоцентристская ориентация социально-философской парадигмы однозначно определяет приоритет общества во взаимоотношении с человеком, то антропоцентристская ориентация социально-философской антропологии однозначно определяет приоритет человека. Если социальная философия это наука главным образом об обществе как целостной системе, социально-философская антропология – это наука о человеке, его роли и самоутверждении в обществе. По мнению автора конституирование социально-философской антропологии исключает монополию социальной философии на философское рассмотрение отношений человека и общества. Тем самым утверждается предметно-философское многообразие, разноракурсность в рассмотрении этого отношения, признается нормальным и современным разработке разных философских парадигм исследования этих отношения.

Второй раздел "Человек изначальный" посвящен анализу духовности человека и его основополаганиям. В духовности человека автор выделяет несколько взаимосвязанных пластов. Экзистенциальный пласт – это духовность человека, рассмотренная как его бытие; индивидуально-уникальный пласт – это духовность человека, рассмотренная как воплощение его индивидуальности, неповторимости, единичности; релятивистский пласт – это духовность человека, рассмотренная как изначальная основа любых отношений человека; ассимиляционно-аккумулятивный пласт – это духовность человека, рассмотренная как форма освоения, интерпретации, индивидуализации любого содержания мира, общества, культуры. Анализ различных пластов духовности человека позволяет выявить определенные грани дуализма человеческого бытия: духовности и телесности, ничто и беспредельности, индивидуализации и всеобщности, локальной свершенности и беспредельной потенциальности, самости и сплетенности с миром. Основополагания человеческого бытия – всеобщеуниверсальные качества человека, являющиеся основой всего богатства проявлений человеческой жизнедеятельности. К ним относятся: основополагания векторов, раскрывающие основные направления человеческой жизнедеятельности – само- и социосозидания; основополагания ценностей – творчество и свобода; основополагания целей и форм саморегуляции человека – абсолют и нравственность. Под абсолютом автор понимает "порождаемую всей человеческой духовностью своеобразную субстанцию, в которой синтезирована высшая цель, идеал, опора человеческого бытия, взятые в максимальной степени совершенства и беспредельности, и которая выступает в виде трансцендентного объекта. Устремленность к абсолюту, выстраивание всей жизни в своеобразной ориентации на абсолют составляют одно из самых глубинных основополаганий человеческого существования". Духовность человека и его основополагания составляют квинтэссенцию человека, сферу его подлинной сущности.

Третий раздел "Человек и социум" представляет собой абстрактное рассмотрение взаимосвязи человека и общества как социума. В разделе осуществлено два методологически важных разделения. Во-первых, социум как абстракция более высокого порядка отделяется от обществ как системы, во-вторых, социум дифференцируется на разные грани. Первая грань – социум антропогенный, как продукт творения человека, вторая грань – социум самобытийный как воплощение собственной объективной укорененности. Соответственно, отношение человека к социуму разделяется на два фундаментальных отношения: первое – человеческое созидание социума и воплощение в нем; второе – пребывание человека в самобытийном социуме и определенное подчинение ему. Два фундаментальных отношения составляют основную антиномию человеческого отношения к социуму, они пронизывают все уровни, грани человеческого отношения к социуму. На основе констатирования двух фундаментальных отношений человека к социуму автор выделяет основные противоречия человеческого взаимоотношения с социумом: объективации, когда человек объективирует себя в социуме, и субъективации, когда он воспроизводит и развивает себя как субъекта; слитности, когда человек как бы сближается с социумом и растворяется в нем, и дистанционности, когда человек непрерывно воспроизводит некую грань между собой и социумом; расщепленности, когда человек соотносится с определенной функцией, и тотальности, когда он воспроизводит себя как целостность.

В четвертом разделе "Человек в социомирах повседневности общества – страны" рассматривается более конкретный уровень взаимоотношений человека и общества. Здесь вводится понятие общества – страны как своеобразного сплава системной целостности общества с его территориальными, историческими, культурологическими и т.п. характеристиками. Общество – страна выступает как продукт конкретно-непосредственной жизнедеятельности людей. В обществе – стране выделяются социомакромир – как структуры и формы непосредственного созидания страны в целом и социомикро-

мир как структура и форма локальной, непосредственно фиксируемой жизнедеятельности людей. В этом контексте рассматривается повседневность как основная, фундаментальная форма жизнедеятельности индивидов, проявляющаяся и в социомикро- и социомакромире. В работе предложена развернутая характеристика повседневности социомикро- и социомакромиров, рассматривается укорененность человека в повседневности, предложено описание духовно-ценностных аспектов повседневности, ее роли в самоосуществлении человека, в становлении и развитии его свободы. Подчеркивается социальная универсальность повседневности, погруженность в повседневность любой формы человеческой жизнедеятельности. На этой основе делается вывод о фундаментальной роли повседневности человеческого жизнедействия в структурировании, развитии общества. Через и при посредстве повседневности человек осуществляет свою детерминирующе-созидательную миссию в обществе. По мнению автора проблема повседневности имеет принципиальное значение в социально-философской антропологии, ибо мир повседневности – это мир жизнедеятельности конкретного, индивидуального человека. Только на базе жизни человека в этом мире – начале начал человеческого бытия – может раскрываться его определяющая роль в создании себя и общества.

Заключительный раздел книги "Человек и общество в антропологических самоопределениях" посвящен анализу взаимоотношения человека и общества в духовно-ценностном, духовно-символическом аспектах. Здесь автор выделяет экзистенциально-индивидуальный образ человека, как присущий самому индивиду, как его имманентную духовную реальность, и культурно-легитимные образы, как существующие в духовной культуре общества, предлагает характеристику этих образов и раскрывает их сложное взаимовлияние. При этом в одних отношениях ведущая роль принадлежит экзистенциально-индивидуальным образам, в других – культурно-легитимным.

В работе выдвинуто положение о наличии двух разных духовных потоков в обществе: социологизиции человека, с одной стороны, и духовного очеловечивания общества, его элементов – с другой. Духовное очеловечивание общества, его структур заключается в том, что в системе духовного обоснования деятельности, функционировании любого элемента общества образ человека как цели, критерия, ценности и т.п. занимает определенное место и играет определенную роль. Автор анализирует, как в духовном очеловечивании общества образ человека модифицируется, извращается, нередко становится прикрытием для совсем иных нечеловеческих и даже античеловеческих целей и ценностей. В этом смысле проблема человеческого общества выступает как многозначная, включающая в себя, совершенно разное смысло-ценностное наполнение. Формирование и развитие человека в обществе (именно как человека) осуществляется в сложном и многогранном воздействии различных граней духовного очеловечивания общества, в условиях разных проявлений человеческого в обществе, его структурах.

Работа завершается анализом гражданственно-нравственного приоритета человека в обществе. Опираясь на проведенное исследование, автор стремится в концентрированной форме выразить основные гражданственно-нравственные принципы взаимоотношения человека и общества. Важнейший из этих принципов – это право человека на общество. Это означает, что человек имеет право созидать, изменять, переделывать общество, вплоть до отказа от данного общества. Это всеобщее суверенное, равное для всех людей право. Основной философско-антропологической идеей книги является утверждение высочайшей самоценности каждого человека, необходимости для каждого реализовать свой огромный потенциал, достичь вершины подлинной человечности.

В.И. Овчаренко, А.А. Грицанов

ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ (ДЕВИАНТНОЕ) ПОВЕДЕНИЕ (лат. deviatio – отклонение) – форма проявления отношений индивидов и социальных групп к нормам и ценностям социальной системы, в которой они действуют. Связано с вопросом возникновения и поддержания социального порядка как согласования планов деятельности социальных субъектов посредством общих норм, стабилизирующих взаимные социальные ожидания. Возможны различные трактовки проблематичных свойств порядка и действия. Функциональный подход (Парсонс), рассматривая нормы и ценности как формальные правила взаимодействия, считает девиантность качеством действий. Их статистический учет и соотнесение с категориями социальной структуры позволяет измерить уровень социального отклонения в обществе. Субъективный способ, каким отдельные индивиды осуществляют личную деятельность, определяется механизмом социализации как овладения нормами и образцами деятельности. Расхождение действия с предписанными экспектациями оказывается следствием конфликта или конкуренции ценностей в рамках социальной системы, когда индивиды, принадлежащие к различным группам (подсистемам), усваивают различные нормы и ценности. Поведение считается отклоняющимся, если не соответствует требованиям, предъявляемым системой в целом, или оценивается на основании стандартов других подсистем. Психологическая трактовка девиации исходит из неправильной социализации как результата нарушений в системе личности (понятие аномической личности).

Интеракционизм, впервые перейдя от "преступления" (юридическое понятие) к "социальному отклонению", подчеркивает важность анализа социальных значений для изучения О.(Д.)П. – т.наз. "теория ярлыков" (Г. Беккер, Э. Лемерт, Гофман – **см.**). Отклонение – не внутренне присущее социальному действию качество, а следствие соотнесения действия с правилами и применение санкций к нарушителю, обретающему "ярлык" девианта. Социальное отклонение как приписываемый социальный статус фиксирует не только поступ-

ки отклоняющегося индивида, но и действия окружающих. Феноменологически ориентированная социология понимает под социальным отклонением способы восприятия и интерпретации действий. Признание поведения отклоняющимся и придание отклонению статуса реальности (в ситуации отсутствия жестких границ между конформизмом и девиацией) становится результатом процессов типизации в ходе повседневной деятельности, посредством которых акты отклонения обозначаются как таковые (особенно официальными структурами). О.(Д.)П. как характеристика организации системы разрабатывается теорией социальной аномии (**см.**).

Понятие аномии было введено Дюркгеймом (**см.**) для описания индустриального общества, в котором состояние ценностно-нормативного вакуума и неадекватные формы разделения труда постоянны и нормальны (т.к. свойственны обществу данного типа). Мертон (**см.**) связывает аномию с процессами напряжения и нарушения равновесия элементов социальной структуры: целями и интересами, задаваемыми культурой, и институционально санкционированными способами их достижения.

Невозможность реализации целей предписанными способами предполагает выделение пяти логически вероятных, альтернативных вариантов адаптации индивида к условиям, существующим в обществе или группе – носителе данной культуры: 1) – конформизм (принятие целей и средств) как норма (распространенная форма, наличие которой преобразует внешне заданную структуру в социальную общность); и – различные типы О.(Д.)П.: 2) новаторство (отрицание средств); 3) ритуализм (отрицание целей); 4) ретризм, уход от мира (отрицание целей и средств); 5) мятеж (отрицание целей и средств и замена их новыми). Концепция предполагает соединение продуктивных и деструктивных элементов, акцентируя проблему культурной инновации. Инновация (положительная девиация), направляемая системой, способствует повышению ее эффективности. Возможная дестабилизация оказывается моментом преобразований, обретает более устойчивый и нормальный характер. См. также: **Культура, Норма, Аномия.**

С.А. Радионова

ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО – понятие, введенное в оборот А. Бергсоном ("Два источника морали и религии", 1932); активно использовалось К. Поппером (**см.**) в книге "Открытое общество и его враги" для преодоления методологических установок "историцизма" как (по его мнению) адекватного теоретического обоснования ценностей тоталитаризма (**см.**).

Поппер рассматривал "историцизм" как средство защиты "закрытого" общества. "Закрытым", по П., выступает общество, организованное на основе авторитарно установленных неизменных норм. В противовес ему, О.О. основано, по убеждению Поппера, на высоком и зрелом критическом потенциале человеческого разума, стимулирующем инакомыслие и интеллектуальную свободу как индивидов, так и социальных групп, направленную на непрерывное реформирование общества в целях разрешения встающих перед ним проблем. "Я не во всем и не всегда против насильственной революции, – писал Поппер во втором томе вышеуказанного сочинения, – вместе с христианскими мыслителями средневековья и Возрождения я готов оправдать тираноубийство, когда насильственный переворот не имеет альтернативы. Однако думаю, что любая революция имеет смысл, если имеет целью восстановление демократии, но не в расхожем смысле ("правление народа", или "власть большинства"), а тогда, когда социальные институты (особенно всеобщие выборы, право народа сместить правительство) реализуют общественный контроль за деятельностью управленческих структур и ненасильственные реформы". По мысли Поппера, О.О. суть такое общество, в устройстве которого присутствует в качестве неотъемлемой процедура перманентного пересмотра доминирующих общественных проектов и устранение от власти тех, кто с ними неразрывно связан.

Концепция О.О. выступила своеобразным приложением философии познания Поппера к социальным, экономическим и политическим проблемам. Так как ничего нельзя знать наверняка, а можно лишь высказывать предположения, которые в свою очередь могут оказаться ошибочными, то процесс пересмотра ошибочных предположений и составляет суть развития знания. Поэтому, согласно П., главным в этом процессе является гарантия возможной фальсификации (опровержения теории), которой не помешают ни догма, ни внутренние интересы научного сообщества.

Демократия понималась Поппером как возможность смены правительства без применения насилия: "...В своей книге *Открытое общество и его враги* я предложил рассматривать в качестве основной проблемы рациональной политической теории совершенно иной вопрос. В отличие от старого, новый вопрос можно сформулировать так: как должно быть устроено государство, чтобы от дурных правителей можно было избавиться без кровопролития, без насилия?".

Интерпретируя понятие и принцип демократии, лежащей в основании О.О., Поппер отмечал следующее: 1) Демократию в принципе недопустимо характеризовать как правление большинства, даже в контексте важности института всеобщих выборов. Действия властей должны быть реально ограничены правом народа сместить их без кровопролития. Следовательно, если власть предержащие не обеспечивают эффективности социальных институтов, гарантирующих меньшинству право инициировать адекватные реформы, такой режим определенно может квалифицироваться как тирания и диктатура. 2) Демократическая конституция, следовательно, изначально исключает лишь единственный тип изменений в наличной совокупности законов – трансформации, подвергающие опасности саму демократию. 3) Демократия, в целом призванная поддерживать меньшинство, не распространяется, по мнению Поппера, в первую очередь на тех людей, кто попирая закон, подстрекает других к насильствен-

ному ниспровержению демократии. 4) Политическая линия на всестороннее развитие охраняющих демократию общественных институтов не должна абстрагироваться от реальной и универсальной тенденции наличия скрытых антидемократических интенций во властных структурах и массе индивидов. 5) Падение демократии не имеет сопоставимой социальной цены – это исчезновение всех прав. Даже при условии сохранения экономического роста социальное повиновение произволу властей становится императивом. 6) Стрессовый эффект насильственных перемен для каждой цивилизации практически всегда реанимирует антидемократические тенденции. Поппер впоследствии выделил главные характеристики О.О.: отказ от любых притязаний кого бы то ни было на владение абсолютной истиной; законность свободных обсуждений любых социальных проблем вкупе с традицией того, чтобы результаты публичных дискуссий оказывали влияние на политику; наличие институтов, содействующих свободе тех, "кто не ищет выгоды". О.О., согласно Попперу, – и реальность, и некий идеал. Демократия, по Попперу, когда она есть, указывает путь в реальное О.О. По мнению Поппера, только в условиях демократии и О.О. существует реальная возможность уйти от многих бед. С точки зрения Поппера, "если мы насильственно разрушим социальный порядок, мы будем ответственны не только за бесчисленные жертвы, но создадим ситуацию, при которой несправедливость и репрессии станут нормой... К сожалению, государство – неизбежное зло, которое нельзя упразднить... Нет ничего проще, чем уничтожить человечество, – достаточно развязать насилие. Куда сложнее возделывать рациональное общество, конфликты которого разрешаются по большей мере разумным путем". Чувство социальной ответственности и любовь к свободе – наследие, которое, согласно Попперу, мы "обязаны сохранить живым".

Проблема неоднозначности перспектив трансформации ценностей и идеалов О.О. в иные культурные системы освещалась в ряде исследований. Так, очерк Дж. Горера (Gorer) "Культурное сообщество и культурное многообразие", опубликованный в сборнике "Опасность равенства" ("The Danger of Equality" – London, 1966), был посвящен демонстрации тезиса о том, что четыре базовые свободы, введенные в круг главных ценностей О.О. и устоев демократии и либерализма, – свобода слова, свобода религии, свобода от страха и свобода от нужды – не имеют пространства адекватных интерпретаций ни в одном языке, кроме английского. Согласно Гореру, ни в одном другом языке нет слова, однозначно соответствующего англоязычному понятию "freedom", ибо последнее совмещает в себе два значения: "подлежать защите от" и "не иметь препятствий для". (Ср. у Фромма: "свобода от" и "свобода для".)

Во второй половине 20 ст. беспрецедентные усилия в сфере проблематизации, пропаганды и глобального осуществления О.О. предпринял Дж. Сорос (см.). Созданный им "Институт Открытого Общества" внес свой вклад в преобразование посткоммунистических стран в совокупность О.О. В книге "Кризис мирового капитализма" (1998) Дж. Сорос отмечает, что хотел бы найти новое понятие "О.О.", содержащее не только "рыночные", но и "социальные" ценности. См. также: **Поппер.**

И.В. Сидорская

ОТКРЫТЫЙ ВОПРОС – см. **ОПРОС АНКЕТНЫЙ.**

ОТЧУЖДЕНИЕ – философская категория для обозначения общественного процесса, в границах которого происходит превращение результатов и продуктов деятельности людей в независимую силу, становящуюся выше своих творцов и подавляющую их.

В концепциях немецкой философской классики 19 в. проблема О. увязывалась с трактовками человеческой деятельности в контексте таких ее ипостасей, как "овеществление" и "опредмечивание". Гегель впервые в мировой философии отметил, что в основе О. лежит отчужденная деятельная сущность личности. Раб, согласно Гегелю, являлся рабом потому, что весь объем его деятельности был отчужден господину. В концепции О. Маркса (см.), осуществившего главным образом анализ явлений О. труда, была сделана попытка отделить О. человеческих сил от процессов их обобществления и объективации. Маркс рассматривал О. как присвоение одними людьми сил, средств и результатов деятельности других, т.е. О. трактовалось как продукт определенных общественных отношений – отношений собственности. По Марксу, каждый человек отчужден от другого и от человеческой сущности тем больше, чем выше уровень эксплуатации труда в данном обществе. Впоследствии эта идея была вульгаризирована адептами марксизма-ленинизма, которые сузили понимание собственности до объема еще не присвоенного вещественного богатства других, а преодоление О. стали связывать с ликвидацией института частной собственности посредством захвата власти люмпенизированными слоями населения.

В обществоведении и человековедении 20 в. на первый план в изучении проблем О. вышел вопрос о "машинизированном", экстенсивном растрачивании человеческих и природных ресурсов. Создание интенсивных, ориентированных на качество жизни форм производства, экономики, технологии, социальной организации подчеркнули как значение личностных форм бытия людей, их самореализации и развития, так и важность преодоления "самоотчуждения" человека. Так, М. Хайдеггер полагал в качестве главной причины того, что бездомность и отчужденность становятся мировой судьбой, то обстоятельство, что человек познается (и потому существует) как "господин сущего", а не как "пастырь бытия". По Хайдеггеру, налицо тенденция, при которой чем более действителен создаваемый человеком мир, тем менее действительным становится сам человек. Происходит "растворение" человека в мире, и на первый план выходит проблема актуализации потаенных, сокровенных горизонтов и возможностей бытия людей. Отражая спонтанность как значимый по сей

день фактор эволюции цивилизации наряду с естественным стремлением общества овладеть темпами и направленностью социальных изменений, концепции О. и самоотчуждения людей выступают своеобычным индикатором, философским "термометром" контролируемости и гуманности развития человека и его истории. Масштаб этой проблемы, безусловно, общепланетарен, ибо парциальных решений она не имеет.

А.А. Грицанов

ОЦЕНКА – способ установления значимости чего-либо для действующего и познающего субъекта. Можно выделить три типа значимостей: теоретический (гносеологические О.), ценностный (аксиологические О.), практический (реализация гносеологических и аксиологических О. через волевые импульсы субъекта в системах предметных и коммуникативных действий). Предметом оценивания в гносеологических О. являются имманентные свойства объектов, объекты "сами по себе". Предметом оценивания в аксиологических О. являются свойства объектов и сами объекты в их способности (положительная аксиологическая значимость) или неспособности (отрицательная аксиологическая значимость) отвечать потребностям и запросам субъекта. Свойства объектов и сами объекты могут оказаться индифферентными, безразличными для потребностей и запросов субъекта (нейтральная аксиологическая значимость). Аксиологические значимости порождаются миром ценностей, объективируемым культурой и трансцендируемым в ней как предельные смысловое и инвариантное основания человеческого мышления и деятельности. Нечто является ценностью не потому, что оно оценивается, а потому, что объективно способно еще до акта О. отвечать потребностям и запросам субъекта. Не О. конституируют ценность, а ценность делает возможной О. как фиксацию ее аксиологической значимости. Ценности задают онтологическое основание актам оценивания. Таким образом, система ценностей не может быть рассмотрена как результат оценочного познания, подобно тому, как система знаний является результатом "внеоценочного" познания (прежде всего научного). Результатом оценивания являются ценностные представления и ориентации в мире значимостей. Последние нельзя локализовать в структуре психики субъекта. Хотя они закрепляются (интернализируются) в диспозиционных структурах личности как ценностные ориентации, они постоянно эксплицируются в новых системах О. субъекта, т.е. они постоянно поддерживаются за счет своей включенности в объективно сложившиеся и формируемые ценностные отношения. В ценностном отношении любой предмет находится в отношении к субъекту, т.е. проявляется в аспекте своей аксиологической значимости и в этом смысле всегда потенциально выступает предметом положительной, отрицательной или нейтральной О. В то же время ценностное отношение предполагает активность субъекта, занятия им позиции, позволяющей выносить О., т.е. проявлять свою заинтересованность в чем-либо и интегрировать в любой акт активности через выносимые О. творческие включения. Избегание занятия позиции оценивания – это также акт оценочно окрашенный (не нейтральный). Таким образом, аксиологические О. универсальны – любая иная О. может быть рассмотрена как особый тип О. аксиологической (в том числе гносеологическая как О. на истинность или ложность) или как имеющая аксиологическую составляющую (практические О., инспирируемые непосредственной ситуацией деятельности, поведения или общения). Таким образом, любая О. есть отражение аксиологических значимостей, апеллирование или отсылка к ценности. Тем не менее принято отличать безоценочное и оценочное познание. Последнее, по своей сути, (в отличие от первого, нацеленного на имманентное, внесубъектное существование) есть или акт установления (приписывания) ценности, или акт сравнения по какому-либо принятому (в культуре, общности, группе, институции) образцу, норме, идеалу, т.е. имплицитному критерию оценивания, который может быть задан и эксплицитно. Результатом этого акта сравнения должно стать установление порядка предпочтений имманентных свойств предмета в ситуации ответственного (т.е. предполагающего осознание последствий) выбора и принятия (равно как и непринятия) решения. При этом опять возникает проблема изначальной аксиологической предзаданности любого критерия (в том числе и познавательного) в ситуации выбора паттерна, парадигмы или теоретико-методологической ориентации. Со своей стороны, любой акт оценочного познания (эксплицитно), акт оценивания (имплицитно или эксплицитно) всегда несут в себе знание. Таким образом, О. является не только выражением отношения, но и эпистемологической и гносеологической категорией. Кроме того, она с необходимостью должна трактоваться как категория лингвистическая и коммуникационная. Следовательно, аксиологические О. универсальны в плане связывания через них культурного и социального миров, теории и практики (причем с акцентированием последней – теория переводится в схемы действия с объектами и ориентируется на свою применимость в решении конкретных проблем и выполнении определенных задач). Тем самым научный анализ О. во многом сдвигается из проблематики их типологии и отличения оценочного от безоценочного в область исследования оснований и внутренней структуры О., определения мер рефлексированности (как обращенности О. на самую себя, на осознание процесса и механизмов собственного становления и функционирования). Одна из основных задач такого рода рефлексии – отыскание и (или) выработка и эксплицитное обоснование критериев оценивания. Акты же оценивания могут быть поняты как интерпретации, в разной степени выражающие те или иные смыслы и, соответственно, проверяемые (интерпретации следующего уровня) на адекватность предмету и (или) ситуации, а также потребностям и запросам субъекта (в конечном счете – стоящей за ним ценности).

О. – предмет анализа в социогуманитарном знании (специфика которого во многом связана и с его аксиологической

(оценочной) нагруженностью), в частности – в социологии. Так, опросные методики (как вопрос-ответные процедуры) фиксируют по преимуществу О. как исходные данные, в том числе для прогнозирования поведения на основе выявления (конструирования) ценностных ориентаций как предрасположенностей и готовностей субъектов к определенному поведению. Однако в концепциях ценностных ориентаций плохо отрефлексированы возможности переходов от респондента к его ценностным ориентациям, а от последних – к ценностям как конечным детерминантам поведения. Кроме того, в них принимается допущение конституирующих возможностей О. по отношению к ценностям, т.е. происходит субъективатизация последних при методологической установке на объективность в познании. Последняя не выполняется и по иной причине – в фактологический уровень дисциплины кладутся О., тогда как установка требует избегания оценочной информации. Поэтому возникшие по сути на позитивистском фундаменте исследовательские методики классической эмпирической социологии, эксплицитно элиминируя ценности и О. из сферы своего анализа, имплицитно исходят именно из них, строя здание "беспристрастной" науки. Осознание этой ситуации во многом способствовало становлению альтернативных ориентаций в социологии.

В.Л. Абушенко

ОЦЕНКА ИНТЕРВАЛЬНАЯ – см. **СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОЦЕНИВАНИЕ.**

ОЦЕНКА НЕСМЕЩЕННАЯ – см. **СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОЦЕНИВАНИЕ.**

ОЦЕНКА РОБАСТНАЯ – см. **СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОЦЕНИВАНИЕ.**

ОЦЕНКА СОСТОЯТЕЛЬНАЯ – см. **СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОЦЕНИВАНИЕ.**

ОЦЕНКА ТОЧЕЧНАЯ – см. **СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОЦЕНИВАНИЕ.**

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНАЯ – см. **СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОЦЕНИВАНИЕ.**

ОШИБКА ВЫБОРКИ СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ – см. **ВЫБОРКИ ОШИБКА.**

ОШИБКА ВЫБОРКИ СЛУЧАЙНАЯ – см. **ВЫБОРКИ ОШИБКА.**

П

ПАЖИТНОВ Константин Алексеевич (1879-1964) – обществовед, публицист. Окончил юридический факультет МГУ (1907). Профессор МГУ (1943-1949), член-корреспондент АН СССР (1946).

Автор книг и статей по вопросам кооперации, истории рабочего класса и рабочего вопроса в России и на Западе; по вопросам городского и земского самоуправления, истории русской общественной мысли и истории социологии в России.

Основные сочинения: "Рабочее движение в России" (1906); "Положение рабочего класса в России" (1906 и 1908); "Некоторые итоги и перспективы в области рабочего вопроса в России" (1910); "Развитие социалистических идей в России" (1913); "Эволюция русской народнической мысли" (1913); "Эволюция русского марксизма" (1914); "Основы кооперативизма" (1917); "Первые русские социалисты" (1917); "История кооперативной мысли" (1918); "Кооперация и ее отношение к профессиональному движению, политическим партиям и социализму" (1918); "Из истории рабочих артелей на Западе и в России" (1924); "Экономические воззрения декабристов" (1945) и др.

ПАНАРИН Александр Сергеевич (р. 1940) – российский социальный философ, политолог, доктор философских наук (1991), профессор. Окончил философский факультет МГУ (1966). Старший преподаватель, доцент, зав. кафедрой управления, декан факультета экономики и управления Института повышения квалификации руководящих работников и специалистов Миннефтехимпрома СССР (1976-1984). Работает в Институте философии РАН (с 1984, тогда – АН СССР). Также работает на кафедре политологии МГУ (с 1989). Удостоен премии А. Солженицына (2002).

Главные направления научных исследований: философия политики, философия культуры, философия истории, методология прогнозирования глобальных политических процессов современности. Согласно П., глобализация (**см.**) в настоящее время выступает в облике "американизации", вызывая соответствующие социально-геополитические напряжения. Европейская же модель, по П., постепенно переходит от двухполюсной модели (германо-романской) к трехполюсной (дополняемая Россией).

По мысли П., в современной гуманитаристике осуществляется переход к неклассическому типу мышления, отражающему все большее распространение политики – рисковой деятельности, ориентированной на трансформацию людьми своей судьбы и индивидуального статуса в обществе.

Основные сочинения: "Социально-психологические проблемы руководства первичным производственным коллективом" (1981); "Альтернативно ли "альтернативное общество"?" (1987); "Стиль "ретро" в идеологии и политике (критические очерки французского неоконсерватизма)" (1989, удостоен первой премии на конкурсе лучших работ Института философии); "Философия власти" (1993, в соавт.); "Философия политики" (1994, в соавт.); "Реванш историй" (1998); "Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века" (1998); "Политический мир на Востоке и на Западе" (1998); "Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности" (1999); "Россия в циклах мировой истории" (1999); "Российская альтернатива" (2000); "Искушение глобализмом" (2000) и др.

ПАНЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ – см. **ЛОНГИТЮДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.**

ПАРАДИГМА (греч. paradeigma – пример, образец) – 1) понятие античной и средневековой философии, характеризующее сферу вечных идей как первообраз, образец, в соответствии с которым бог-демиург создает мир сущего; 2) в современной философии науки – система теоретических, методологических и аксиологических установок, принятых в качестве образца решения научных задач и разделяемых всеми членами научного сообщества. Термин "П." в философию науки впервые вводится позитивистом Г. Бергманом, однако подлинный приоритет в его использовании и распространении принадлежит Куну (**см.**).

В своей книге "Структура научных революций" (**см.**) Кун говорит о возможности выделения двух основных аспектов П.: эпистемическом и социальном. В эпистемическом плане П. представляет собой совокупность фундаментальных знаний, ценностей, убеждений и технических приемов, выступающих в качестве образца научной деятельности. В социальном – П. характеризуется через разделяющее ее конкрет-

ное научное сообщество, целостность и границы которого она определяет. Существование П., по мнению Куна, связано с периодами нормальной науки, в рамках которых они выполняют проективно-программирующую и селективно-запретительную функции. Смена П. осуществляется посредством научных революций, что связано со своеобразным гештальт-переключением научного сообщества на новую систему мировидения и ценностей. Критика чрезмерного социологизма и психологизма в понимании П. побудила Куна конкретизировать свою позицию посредством введения понятия "дисциплинарной матрицы", синонимичного эпистемическому контексту П.

В структуру дисциплинарной матрицы входят: 1) символические обобщения, составляющие формальный аппарат и язык, характерный для конкретной научной дисциплины; 2) метафизические компоненты, определяющие наиболее фундаментальные теоретические и методологические принципы миропонимания; 3) ценности, задающие господствующие идеалы и нормы построения и обоснования научного знания. Понятие П. в поздних работах Куна связано в большей степени с характеристикой интегральных социально-психологических аспектов научного сообщества. Вместе с тем в рамках современной философии науки понятие П. оказалось более продуктивным при описании эталонных теоретико-методологических оснований научного поиска.

Е.В. Хомич

"ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК" – книга Ж.Т. Тощенко (см.) (Москва: "Гардарики", 2001). В книге "П.Ч." понятие "парадокса" как специфического класса противоречий сознания, используется для анализа духовной жизни и реальных поступков человека России на рубеже столетий. "Парадоксальность" здесь понимается как характеристика сознания и поведения людей, взятая в социологическом видении в отличие от философского или психологического подходов.

Автор вводит понятие "реальное сознание" как синтез теоретического и обыденного, сочетание рационального и эмоционального, переплетение мировоззренческих и практически функционирующих моментов. Это то сознание, которое включает в себя трезвое здравомыслие и не исключает проникновения в глубинные сущностные процессы. Особое внимание в книге уделяется феномену "социального настроения" как доминанте и своеобразному индикатору состояния общественного духа. Стоит сказать, что реальное сознание, практическое поведение и условия их функционирования – это как раз то, что можно понимать как базовые компоненты социологического исследования. С этих методологических позиций в книге рассматриваются метаморфозы современного "общественного сознания". Само это понятие при его применении позволяет уловить соотношение изменений и сохранения, осмыслить, что за процессы произошли в нашем социальном мире за последние десятилетия. Рассмотрение глобальных метаморфоз общественного сознания дает возможность автору охарактеризовать его как расколотое, разорванное и иной раз определять его как маргинальное, предстающее как ложное сознание. К такому сознанию оказываются применимы столь тревожные определения, как "катастрофическое", "больное", "патологическое", "демагогическое", "сумеречное", "конформистское", "протестное", "утопическое", "манипулируемое" и т.п. И это не пустая драматизация наличного сознания, а его хотя и суровая, но правдивая констатация. На этом фоне автор переходит к рассмотрению сущности парадоксов.

Как известно, в парадоксах выявляется соединение несоединимого, совпадение несовпадающего, потому-то они и именуются "парадоксами". Отталкиваясь от их понимания в логических построениях, в семантике, Ж. Тощенко считает возможным и необходимым фиксировать парадоксы жизни, жизненных обстоятельств, сознания и поведения людей. По его мнению, парадоксы жизни имеют место тогда, когда в сознании и поведении причудливо сочетаются добро и зло, честь и умысел, верность и предательство, безрассудное новаторство и упрямый традиционализм. Как ни грустно, но это парадоксальное сознание стало неотъемлемой частью современной жизни. Люди как бы смотрят в одно и то же время в противоположных направлениях и как бы пытаются бежать по противостоящим маршрутам. Транзитивный, переходный характер нашей социальной жизни, порождающий фрустрации, аномалии, кризис сознания, создает предпосылки для увеличения парадоксальности на всех уровнях. Ж. Тощенко говорит что "парадоксы – это в большинстве случаев расходящиеся, противоречивые и даже противоречащие друг другу мнения, суждения, установки, ориентации, действия, которые одновременно существуют, сочетаются, функционируют в сознании и поведении одних и тех же людей". Опираясь на такое их видение, автор говорит о современной мифологии и ее парадоксальности, ренессансе мифов, активной ремифологизации сознания.

Сегодня многие идеологические построения не столько теоретичны, сколько мифологичны. Мифы о сакральности государственной власти, вождизме, избранности России и им подобные широко распространены. В книге очерчен ряд сфер проявления парадоксальности. Это прежде всего стереотипы, упрощающие действительность. Именно стереотипы мышления порождают такие парадоксы как: эффект ореола, наделение мудростью и значимостью любых властных персонажей, эффект "неприкаянности и отторжения", принижения самих себя, эффекты группового эгоизма, маниловщины, возникновения перевертышей и т.д. Сама эта типологизация впечатляюща; она помогает рельефнее видеть наличное состояние сознания.

Автор удачно использует некоторые неологизмы. Им вводится так называемая "кентавр-проблема", суть которой в том, что один и тот же человек придерживается взаимоисключающих социально-политических ориентаций и может быть (как это ни странно) одновременно и социалистом, и либералом-интернационалистом, и шовинистом; и монархистом, и республиканцем. Это действительно так. Оглянувшись вокруг, мы с удивлением отмечаем, что в сознании очень многих (а пожалуй и в нашем собственном) воплотилось своеобразное чудо – совмещение несовместимого. Пожалуй, это поветрие времени, результат стыкования самых различных

факторов, нечто типичное для переживаемой нами транзитивной полосы. Монолитность сознания сегодня скорее исключение, чем правило. Автор предлагает набор "кентавр-проблем" как особой формы проявления парадоксов сознания и поведения, анализирует манипулирование как механизм создания парадоксов.

Немалый интерес представляет содержащаяся в книге типология парадоксов, представление их видов – от экономических до религиозных. Эта типология по содержанию не произвольна, а опирается на множество взвешенных и достаточно результативных социологических изысканий. Мир мыслимого и мир реального, желаемого и наличного, причудливо сплетаясь, взаимопроникая, создает парадоксальное видение действительности. Разве не об этом говорит уменьшение настойчивости в совершенствовании знаний и навыков и вместе с тем упорное желание получать побольше. Или недоверие многих крестьян к передаче земли в частную собственность и одновременно все расширяющаяся картина аграрного запустения. Примечательна неустойчивость политических симпатий и антипатий, тревожность, недоверие к призывам различных политических сил. Вроде бы никто не против демократии (но политическая активность даже на уровне электорального поведения крайне низка), пассивность, молчаливость, отсутствие тяготения к политической активизации явно озадачивает. Есть эмоциональные взлеты, единичные протестные акции, но в целом у большинства преобладает отчужденность от политики, неразвитость властных притязаний. Недоверие к власти совмещается со вспышкой надежд на то, что кто-то придет и все образуется.

Глубоко парадоксальна историческая память. Очерняются персонажи советской истории и идеализируются деятели царского времени и Белого движения. Идет гиперболизация отдельных моментов истории. Многое происходит по известной формуле "я сжег то, чему поклонялся, поклонился тому, что сжигал". Однако налицо элегические воспоминания о советской жизни, отвержение бесцеремонных попыток все охаять и зачеркнуть. Волна этнонационализма, взметнувшаяся на всем пространстве бывшего СССР, породила парадоксы национального "Я". Поиск этнокультурной идентичности выявил свою парадоксальность. Ж. Тощенко называет такие парадоксы этнического взаимодействия, как "аккультурация, этноцид, раздвоенность сознания и поведения", "сохранить свое, и не оторваться от ценностей другого". Возникли и пышно расцвели этнокультурные мифы: кто древнее, кто чем владел и т.п.

Насквозь парадоксально правовое сознание. Все на словах вроде бы за Конституцию, за диктатуру закона. Однако чудовищно разрослись такие силы, как "воровской бизнес", "кровавый криминал", "коррумпированное чиновничество". О законности толкуют все, кому не лень, но она попирается на каждом шагу. Да и действующие законы, начиная от Конституции до тысяч подзаконных актов, ставятся под сомнение многими экспертами, исследователями и политиками. Их легитимность сомнительна. Как отмечает автор, российское общество стремительно движется к "колумбийской модели" государства с ее классической криминально-государственной структурой.

Нравственные нормы стали зыбкими, мораль пошатнулась. В книге отмечается, что в наше время происходит атрофия требований нравственности, замещенных критерием рациональности. Авторитет и значимость нравственных требований существенно снизились или вообще отсутствуют. В действующем реальном экономическом механизме им не находится места. К группе нравственных парадоксов относятся: процветание социального иждивенчества, откровенно хищническое деловое поведение, оттеснение на задворки значимости труда и т.п. Нравственность – достаточно редкое явление в политической жизни. Провозглашение высоких принципов сочетается с тактикой лицемерия, истинные цели и эгоистические намерения скрываются.

Разительны парадоксы религиозного сознания. После многих лет доминирующего атеизма началась гальванизация религии. Но так называемый религиозный Ренессанс породил многие коллизии. Напор клерикализации, заигрывание властей с религией наталкивается на то обстоятельство, что реальный, а не вербальный уровень религиозности, изменяется мало. Сами духовные пастыри признают, что в их приходах "захожан" гораздо больше, чем прихожан. Православие воспринимается многими скорее как культурно-историческое явление, чем как собственно религиозное. Размыты грани между верующими всерьез и теми, кто считает себя верующими. Кризисные явления в самих мировых религиях (христианство, ислам, буддизм и т.д.) преломляются в нашей наличной действительности. Резко возрос интерес к нетрадиционным, конфронтационным религиозным течениям и сектам. Налицо подчас формальная декларация религиозности, проявляющаяся в фигурах "подсвечников", т.е. тех политиков и бизнесменов, которые в храмах свечи держат как стаканы. Возникла индивидуализация верований, религия собственного разрешения, приспособления тех или иных догматов к своему личному мироощущению.

В книге панорамно представлены основные формы парадоксов: элитарность, клановость, кастовость. Именно такого рода характеристики сейчас широко используются для обозначения тех, кто правит нами. Автор полагает, что лица, причастные к власти или капиталу, вряд ли могут быть охарактеризованы именно как "элита". Конечно, политические и экономические лидеры склонны истолковывать себя не как клан или касту, а как элиту. Им представляется, что они есть вроде как бы "пенки", "сливки" и прочая сметана. Это и делает ситуацию парадоксальной. В книге показана противоречивая и явно парадоксальная судьба центризма в современной России. Видимо, прав автор, утверждая, что центризма у нас не было и нет, а если его и поминают, то это чисто виртуальное видение. Парадоксальность ситуации состоит в том, что к центризму в России пытаются примкнуть практически все политические силы. Но ни одна из них по сути и содержанию не является центристской.

Парадоксально описан в книге статус интеллигенции. Если дать предельно обобщенную политическую характеристику самым крупным группам внутри интеллигенции, то можно сказать, что, с одной стороны, она представлена сравнительно небольшим слоем лиц, активно участвующих в трансформа-

ционных процессах, а с другой – большинством инженерно-технической и гуманитарной интеллигенции массовых профессий, оставшихся в стороне от этих процессов. Облик первой группы ставит под сомнение сам факт существования интеллигенции, ибо наряду с творческими, подвижническими, новаторскими силами в жизнь ворвались и определили ее лицо авантюристические, амбициозные и одновременно безответственные, уверенные в своей исключительности люди, олицетворяющие идеологию "большого хапка" во всех его вариантах и комбинациях. Вторая группа представлена людьми, потерявшими себя, находящимися между разумом и эмоциями, между надеждой и разочарованием, между пониманием необходимости перемен и отказом принимать их в том виде, в котором они себя проявляют. Но общими характеристиками всей этой группы осталось извечное прекраснодушие, политическая наивность и правовая малограмотность. Будущность интеллигенции во многом зависит от того, сумеет ли, захочет ли будущая ее смена не просто сохранить идеалы российской интеллигенции, но и следовать им, или же она пойдет по пути превращения в рациональных профессионалов высокого класса – интеллектуалов по западному возрасту. Так что, считает автор, спор "интеллигент или интеллектуал" еще не окончен. И вероятно, потребуется немало времени, чтобы оставить точку в этой дискуссии.

Тема интеллигенции тесно связана с парадоксальной ситуацией в образовании. Автор и тут резок и беспощаден в определениях. Налицо угроза, суть которой – полупрофессионализм, незнание и полузнание, знание без нравственности, знание без общей культуры. Новые лики неграмотности – от элементарной до функциональной, некомпетентность, ведущая к профессиональному кретинизму, появление слоя "образованцев", которые ориентированы на удовлетворение утилитарных, а не духовных потребностей, резкое снижение общей культуры – все это объясняется в книге как парадоксальность системы этой сферы. Автор широкими мазками дает не только оценку форм парадоксов, но и высвечивает их типичные ситуации. Емко и лапидарно он показывает, как соотносятся сегодня в поведении наших людей такие мотивации как "надо" и "нельзя", в какой мере отражаются в сознании образы "врага", и почему плохо воспринимаются фигуры "оппонентов".

Ярко представлена в книге проблема свободы, столь же вечная для философии как любовь для поэзии. После всех перипетий нашей истории последних лет, трактовка свободы в общественном мнении оказалась чрезвычайно пестрой и очень уязвимой. От восторгов, тяжкого бремени сомнений, осмысления соотнесенности свободы с долгом и ответственностью – до размышлений о свободе в разных ракурсах. Широк и парадоксален спектр подходов. К сожалению, понимание свободы у нас как-то отошло даже от традиционной российской трактовки как воли-вольницы и все чаще оборачивается беспределом, этим термином уголовного жаргона. Выпукло анализируются проблемы нахождения нас между прошлым и будущим, колыханием сознания между политическим нигилизмом и нишетой догматизма. С явной грустью Ж. Тощенко констатирует состояние ценностного вакуума, того что в социологии принято называть аномией. В стране наблюдается апатия, безразличие, растерянность, пессимизм. Общество волнует проблема самоидентификации, осознание себя и места своей страны в мире. Образ России действительно парадоксален. То ли все еще великая держава, то ли она скатывается на уровень регионального государства. То ли тяготеет к Европе, то ли обретает евразийский облик. Задумываешься, надо ли по-прежнему своей страной гордиться или впору стыдиться? Все это – парадоксы национальной идентичности, разрывы целостного сознания.

Не менее напряженным стало соотношение личного и общественного. Не одно поколение у нас вырастало в уверенности безусловного приоритета общественного над сугубо личным, и вдруг вспыли эгоистические черты в пестрой гамме – от себялюбия до стяжательства. Наглядно противоречия личного и общественного обнаружились в феномене конформизма и нон-конформизма, парадоксах группового эгоизма. И, наконец, завершается книга освещением одной из великих проблем – соотношением добра и зла. Проблема происхождения зла, его бытия в мире была и остается одной из самых глубоких тайн. Она не имеет однозначного исчерпывающего разрешения. Каждая цивилизация, каждая эпоха создает свои культурно-исторические модели зла. О мировом зле, социальном и моральном, написано бесчисленное множество сочинений, высказаны сентенции, сформулированы религиозные и фольклорные образы. Автор полагает, что для нашего общества специфично парадоксальное соотношение добра и зла, когда границы между ними стали условны, размыты, преходящи, неопределенны. Нельзя считать случайным повышенный уровень агрессивности людей. Это явно обостренная реакция на нарушение соотношения добра и зла. Взлет утопического блуждающего сознания – это тоже одно из следствий названной ситуации.

В.Е. Давидович

ПАРАНАУЧНОЕ ЗНАНИЕ – формы познавательной деятельности, возникающие как альтернатива или дополнение к существующим видам научного знания. Главный критерий отнесения конкретной формы познавательной активности к области П.З. – несоответствие общепринятым критериям построения и обоснования научных теорий, а также неспособность дать убедительное рациональное истолкование изучаемых феноменов. П.З. существует как постоянный контекст развивающегося научного знания в виде протонауки, девиантной науки и псевдонаучного (ненаучного) знания. Протонаука представляет собой первичные формы осмысления реальности, возникающие в процессе становления конкретно-исторического типа научного знания при отсутствии необходимого эмпирического материала и нестабильности (или неразработанности) методов исследования и нормативов построения теории. Опираясь в равной степени как на существующие достоверные сведения, так и на субъективные предположения исследователя (неизбежно окрашенные духовной атмосферой эпохи), протонаука строится как результат "игры" творческого воображения с наличным эмпирическим материалом.

Протонаучное знание служит основанием построения более достоверных теоретических моделей, "строительными лесами" научной теории, исчезая с появлением последней. Характерный пример – судьба натурфилософского знания 16-17 вв. Девиантная наука, в отличие от протонаучного знания, представляет собой самостоятельную область теоретического знания, которая, по оценкам научного сообщества, не соответствует наличным критериям научности. Основания для

подобных оценок – разногласия мировоззренческого, концептуального или политического плана между носителями "отклоняющегося" знания и ортодоксально настроенным большинством. Таким образом, статус девиантной науки могут иметь как попытки истолковать исторический процесс в русле эзотерической традиции ("Роза мира" Д. Андреева) или исследовать при помощи нетрадиционных методик феномены человеческой психики (парапсихология), так и собственно научные теории, противоречащие устоявшимся представлениям (гелиобиология А. Чижевского, теория пассионарности Л. Гумилева).

В тоталитарном обществе девиантная (с точки зрения господствующей идеологии) наука становится запрещенным занятием, ее сторонники подвергаются преследованиям и репрессиям. Псевдонаучное знание – попытка "расширения" сферы научного поиска путем построения теории на вненаучных основаниях. Претензии на преодоление ограниченности актуального научного знания связываются в рамках псевдонауки с обращением к дорациональным архаико-мифологическим структурам миропонимания. Псевдонаучное сознание отличается крайней авторитарностью и пониженным критицизмом, игнорированием эмпирического опыта, противоречащего собственным постулатам, неразвитостью и многозначностью понятийного аппарата, отказом от рациональной аргументации в пользу веры. При этом для псевдонаучного знания характерна тенденция к концептуальной экспансии, стремление распространить собственные мировоззренческие парадигмы на все прочие сферы знания с целью преодоления их "одномерности". Псевдонаука, фиксируя внимание на реальной неполноте научного знания и ограниченности его методов, в то же время не способна представить ему собственную позитивную программу, оставаясь даже в оппозиции зеркальным отражением существующих административно-волевых форм руководства наукой с их почтением к предписаниям сверху и нетерпимостью к инакомыслию.

Примером идеального созвучия псевдонауки и властных структур является преследование генетики в СССР в 1940-1950-х при одновременной массированной пропаганде лжеучения академика Лысенко. П.З. в целом во всех его формах выполняет по отношению к науке конструктивно-критическую функцию, выявляя недостаточность существующего аргументирования, несовершенство теоретических моделей и относительность критериев научности. Взаимодействие науки и П.З. существенно обогащает понятийный и концептуальный фонд научного поиска, способствует появлению новых областей знания (биоэнергетика), определяя одновременно тенденции девиантных познавательных стратегий.

М.Р. Жбанков

ПАРЕТО (Pareto) Вильфредо (1848-1923) – итальянский мыслитель, социолог и экономист, внесший оригинальный вклад в экономическую теорию и социологическую науку. Профессор в Лозанне (с 1894). Основные сочинения: "Трактат всеобщей социологии" (1916), "Экономика и социология" (1907) и др.

П. был членом т.наз. "Лозанской экономической школы", занял в ней особое место своими разработками проблем потребностей, обосновав понятие "полезность" как критерий потребностей человека, разработал экономическую модель "кривых безразличия", по которой можно абстрактно рассчитать пропорции между количеством двух различных товаров по определенным ценам таким образом, что при данном уровне доходов потребитель наконец найдет такую комбинацию, которая может считаться наиболее благоприятной для удовлетворения его потребностей. Своими графически изображенными конструкциями П. связывал представления возможных производителей и потребителей. По П., эта модель применима для любого общества.

В социологии П. известен прежде всего своей теорией "циркулирующей элиты" и концепцией "нелогического действия". Подвергнув критике "гуманитарные", "позитивистские", "механистические" социологии, П. ставил задачу разработки "исключительно экспериментальной" социологии, подобно химии, физике и другим аналогичным наукам. Предметом социологии, по П., является поведение людей. Он подчеркивал иррациональный и алогичный характер человеческого поведения.

Все поступки людей П. разделил на логические и нелогические. Первые – это целесообразные, руководимые осознанными целями поступки. Вторые – это неосознанные, инстинктивные поступки. В самой жизни оба типа выступают всегда в смешанной форме. Движущей силой общественного развития служат нелогические поступки, в основе которых лежит комплекс побудительных инстинктов, желаний, интересов, изначально присущих человеку и составляющих устойчивую психическую константу любого нелогического действия. Этот комплекс П. назвал "*остатком*" (residue). Но человеку изначально задана и потребность в логическом, вернее, псевдологическом, обосновании постфактум своего поведения. Поэтому каждый нелогический поступок обязательно содержит и изменчивые интерпретации "остатков", которые объясняют, но и в то же время маскируют их. Эти элементы П. назвал "*производными*" (derivazioni).

"*Остатки*" П. разделил на шесть следующих классов: 1) инстинкт комбинаций, он чаще всего встречается у добивающихся успеха политиков; 2) постоянство агрегатов, которое обусловливает, например, длительное существование династий, опирающихся на "законность" и устойчивость религиозных взглядов; 3) потребность в демонстрации собственных чувств, скажем, через ритуальные или культовые действия или сохранение форм проявления почтения при иерархическом строе; 4) инстинкт общительности, с которым связана, например, потребность в признании социальной группой; 5) инстинкт целостности индивида, направленный на обеспечение безопасности собственности и личности, стремящейся к тому же получить предпочтение со стороны общества; 6) инстинкт сексуальности, на который накладывается табу с помощью мифов или требования публично демонстрировать добродетели.

"*Производные*" П. тоже классифицировал на четыре группы: 1) простые утверждения; 2) утверждения, подкреп-

ленные каким-либо авторитетом; 3) утверждения, опирающиеся на манипулятивное использование чувств, например, заигрывание с народом в личных или партийных интересах; 4) утверждения, зависящие исключительно от словесных доказательств. Каждый класс "остатков" состоит из многих элементов, а четыре класса "производных" состоят из семнадцати различных форм. Пятьдесят два "остатка" (П. перечислил именно столько) могут вступать в различные сочетания друг с другом и с семнадцатью формами "производных". Следовательно, вполне логичны упреки критиков П. о "неустойчивости", "противоречивости" и "несовместимости компонентов" его системы логических и нелогических мотивов, всей его теории "социального равновесия".

Классификацию "остатков" и "производных" П. положил в основу объяснения всех общественных явлений, считая, что их комбинациями конкретно определяется тот или иной социальный процесс или феномен. Так, разрабатывая и демистифицируя различные "производные", П. показывает, что юридические теории являются не обоснованием действительного применения законов, а всего лишь использованием ложных аргументов в соответствии с корыстными целями. Моральные "производные" служат сокрытию аморальных целей, религиозные – прикрывают низменные чувства, общие всем эпохам и народам.

Методологическую основу теории "циркулирующей элиты" П. также составляет парадигма "остатков" и "производных". Именно они лежат в основе объяснения классовых отношений, социальных противоречий, общественного неравенства, смены политической власти, эволюции ее форм, государства и т.п. Общество, по П., это система, находящаяся в равновесии, поскольку антагонистические интересы отдельных слоев и классов нейтрализуют друг друга. Извечный антагонизм вызывается социальным неравенством людей, обусловленным неравномерным распределением "остатков" среди них. В частности, способностью к руководству обладают немногие – те, кто составляет элиту. Деление на способную к управлению элиту и неэлиту П. считает существенной чертой всех человеческих обществ, а "круговорот" элит, их стабилизацию и иерархию, – движущей силой общественного развития, лежащей в основе всех исторических событий.

Согласно этой концепции, индивиды, наделенные от рождения "остатками", т.е. предрасположенностью к манипулированию массами при помощи хитрости и обмана ("лисы") или способностью применения насилия ("львы"), создают два различных типа правления, которые приходят на смену друг другу в результате исчезновения соответствующих "остатков" с последующей деградацией элиты, приводящей ее к упадку. Если правящая элита не противодействует этому путем кооптации новых членов из низших классов, в изобилии обладающих соответствующими качествами, то наступает социальная революция, весь смысл которой, согласно П., заключается в обновлении персонального состава правящей верхушки – элиты общества. В области хозяйственной деятельности "львам" и "лисам" соответствует типы "спекулянтов" и "рантье", прототипами которых являются бизнесмены и их противоположность – робкие вкладчики, живущие стрижкой купонов. Преобладание в обществе "рантье" – свидетельство стабилизации общества, переходящей затем в загнивание. Преобладание "спекулянтов" предопределяет развитие в социальной и экономической жизни, чреватое катаклизмами. Стабильность достигается именно за счет их последовательной смены – "круговорота элит". В концепции П. политические и экономические изменения связаны с циклами духовного производства – интеллектуального, религиозного, художественного и т.п. Здесь происходит ритмическая смена периодов веры и скептицизма, в основе которых в конечном счете лежат "остатки" первого и второго классов. Идеи социологической теории П. ныне широко используются политологами, сторонниками структурно-функционального анализа (см.), исследователями средств массовой коммуникации и др.

Г.П. Давидюк

ПАРК Роберт (1864-1944) – американский социолог, идейный вдохновитель и лидер Чикагской школы эмпирической социологии. Подход П. к пониманию предмета социологии определялся пониманием социальной системы как элемента глобальной экосистемы. Социология и экология (см.), согласно П., имеют в своем основании один и тот же принцип рассмотрения систем и экология по своим задачам и методам близка социологии. Процессы, происходящие в обществе, по П., зависят от условий среды обитания и влияют на изменения в ней. Этот экологический принцип способствовал углублению системного взгляда на общество в его единстве с природой. Равновесие общества со средой достигается посредством эволюции форм конкуренции: животная соревновательность заменяется социальной. Эта идея П. подкрепляла вывод об однопорядковости борьбы за существование в природе и конкуренции в обществе.

Социология, по П., изучает образцы коллективного поведения, формирующиеся в ходе эволюции общества как организма и "глубоко биологического феномена". Социальная эволюция у П. проходит четыре стадии, и любой социальный организм переживает четыре соответствующих порядка: экологический (пространственное, физическое взаимодействие), экономический, политический и культурный. По мере продвижения к культурному порядку усиливаются социальные связи (пространственные, экономические, политические, и наконец, моральные) и общество достигает оптимальной "соревновательной кооперации" и "согласия"; вступает в силу формула "общество как взаимодействие". Если на макроуровне "биотические" силы проявляются в экологическом порядке, пространственном размещении социальных институтов, то на микроуровне "биотическая" природа человека (как условие его изначальной свободы) выражается в способности к передвижению, в пространственном взаимодействии, миграции.

Миграция как коллективное поведение образует, по мысли П., экологический порядок общества. Экономический, политический и культурный порядок представляют собой в совокупности "организацию контроля" посредством экономических законов, права, нравов, обычаев, словом – "согла-

сия". Таким образом, согласно П., общество выражает себя в "контроле" и "согласии", а социальное изменение связано прежде всего с изменением моральных норм, индивидуальных установок, состояния сознания, "человеческой природы" в целом. Эти изменения связываются П. с физической, пространственной, а затем и социальной мобильностью. Социальные перемещения, изменения социоэкономического статуса индивида стали у П. предметом теории социальной дистанции.

Классическая социальная экология П. послужила теоретическим основанием исследовательской программы по изучению локальных сообществ в Чикаго.

Г.Н. Соколова

ПАРСОНС (Parsons) Толкотт (1902-1979) – американский социолог. Основатель школы структурного функционализма в социологии – линия функционального императивизма в отличие от линии функционального структурализма Мертона (**см.**), по определению Дж. Тернера (**см.**). На протяжении более чем 30 лет после Второй мировой войны являлся одним из основных теоретиков социальной мысли по крайней мере в англоговорящем мире. Образование: Амхерстский колледж (степень бакалавра, с отличием); Лондонская школа экономики (магистратура); Гейдельбергский университет (докторантура). С 1927 – преподаватель социологии в Гарвардском университете. В 1949 был избран президентом Американской социологической ассоциации. Являлся членом и президентом Американской академии искусств и наук.

Для П. основной научно-исследовательской задачей было построение общей, системной, основанной на обобщении накопленного эмпирического и теоретического опыта, социологической теории. Для построения собственной концепции П. широко использует работы своих предшественников: Дюркгейма (**см.**), в частности, его идею "органической солидарности" и метод анализа стабильности социальной системы, состоящей из функционально-дифференцированных ролей; М. Вебера (**см.**), – обоснование необходимости изучения социальных организаций и институтов через обобщенную схему – "рациональность социальной системы"; а также труды Парето (**см.**) (в интерпретации Л.Дж. Хендерсона). Кроме того, П. придает большое значение положениям, разработанным в рамках антропологического и психологического направлений социальной мысли (Г. Спенсер – **см.**, Фрейд – **см.**).

В своей первой книге ("Структура социального действия", 1937) П. утверждает, что основным объектом анализа в социологической теории систем действия является единичный акт, который конституируется из: актера; целей деятельности; социальной ситуации, представленной средствами и условиями, нормами и ценностями, посредством которых выбираются цели и средства – "Если что-либо и является существенным для концепции социального действия, так это его нормативная ориентация". Система действия является структурированным набором единичных актов. В таком социальном контексте индивиды стремятся к максимальному удовлетворению, а поведение и отношения, достигающие этой цели, становятся институциализированными в систему статусных ролей. П. описывает социальное действие как состояние напряжения между элементами двух порядков – "нормативными" и элементами "условий". Если рассматривать социальное действие как процесс, то он означает "последовательное отрицание элементов условий в направлении конформности с элементами норм". Впоследствии П. определяет социальную систему как "модель организации элементов действия, соответствующих последовательности или упорядоченному набору изменений интегративных образцов множества индивидуальных актеров". Социальная система, в соответствии с его теорией, предполагает наличие трех подсистем: (1) личностная система (действующие актеры); (2) система культуры (разделяемые ценности, которые обеспечивают преемственность и последовательность норм и предписанных им статусных ролей); (3) физическое окружение, на которое общество должно ориентироваться. Каждая система, развиваясь, сталкивается с двумя основными наборами проблем. Во-первых, внутренняя проблема достижения социального порядка или интеграции.

Разработка проблемы в таком ракурсе приводит П. к формированию его знаменитой концепции систем и подсистем, каждая из которых отвечает "внутренним и внешним функциональным требованиям системы социального действия. Для того чтобы выжить, любая система должна отвечать четырем функциональным требованиям: адаптация (к физическому окружению; экономика); достижение целей (средства организации ресурсов для достижения целей и получения удовлетворения; политика); интеграция (форма внутренней и внешней координации системы и пути ее соотнесения с существующими отличиями; социетальное сообщество); поддержание образцов, латентность (средства достижения относительной стабильности; социализация). Данная концепция широко известна под названием AGIL (адаптация – цель – интеграция – латентность). Все подсистемы связаны между собой "средствами обмена" ("Экономика и общество", 1956), которые представляют собой деньги (A), власть (G), влияние (I), и обязательства (L). Равновесие социальной системы зависит от этих сложных процессов обмена между различными подсистемами.

Условно научную деятельность П. можно разделить на два этапа: доэволюционные и эволюционные работы. Основные положения его ранних работ, которые впоследствии были реализованы в эволюционной концепции истории, можно свести к нижеследующему: (1) все существующие живые системы, включая системы действия и общества, определяются двумя наборами отношений – отношениями между частями систем и отношения типа "система – окружение"; (2) концепция функции является ключевой для анализа обоих типов отношений. Анализ отношений между частями системы сводится к проблематике поддержания внутренней структуры (гомеостазиса). Анализ же отношений типа "система – окружение" – к проблеме адаптации к изменяющемуся внутреннему окружению; (3) и в том, и в другом случае, основной функциональной значимостью обладает система, а не ее части.

Тематика доэволюционных работ П. сосредоточена, таким образом, на концепции социальной системы как ограниченно-замкнутой и поддерживающей стандартные образцы; иерархическом порядке концепции системы, функции, структуры и процесса; а также внутренне-внешней оси четырехфункциональной парадигмы. В более поздних работах П. обращается к проблеме истории и эволюции человеческого общества. Согласно теории "социокультурной эволюции общества", последнее развивается от простых форм к более сложным, через процесс деления и дифференциации с последующей повторной интеграцией. Фактором, направляющим эволюцию, является возрастание способности к адаптации. П. отмечает наличие критерия самодостаточности, который и отличает человеческое общество от других социальных систем и, таким образом, концептуализирует культурную систему, системы личности и поведения, как окружение социальных систем. Системы и подсистемы общества организуются в кибернетическую иерархию: культурная, социальная, личностная и биологическая. Эволюция проходит следующие стадии: примитивную, продвинутую примитивную, промежуточную и современную. Примитивное общество однообразно и гомогенно, отсутствует разнообразие подсистем. За счет процессов дифференциации подсистем и их функций примитивное общество проходит ряд стадий и в конце концов приходит к своему современному состоянию.

Основными характеристиками современного общества являются, согласно П.: (1) полная дифференциация систем в соответствии со схемой AGIL; (2) доминирование в экономике массового производства, наличие бюрократической организации, – рынок, деньги являются общепризнанным средством обмена; (3) система права – основа социального контроля и координации; (4) наличие социальной стратификации, в основе которой лежит критерий успеха; (5) дифференцированная, сложная система социальных взаимосвязей.

Творческое наследие П. огромно, однако среди основных его работ можно выделить следующие: "Социальная система" (1951), "К общей теории действия" (написана с Э. Шиллсом, 1951), "Общества: эволюционные и сравнительные перспективы" (1966), "Система современных обществ" (1971), "Социальное действие и условия человеческого существования" (1978). Теоретические идеи П., развиваемые им на протяжении 40 лет, подверглись резкой критике со стороны представителей других направлений, в частности сторонников конфликтной социологии, феноменологии, гуманистической школы в социологии. Критике подверглось обращение к биологическим и органическим аналогиям, анализ социального порядка и исключение из проблемного поля девиантных отклонений и социальных конфликтов; отсутствие удовлетворительного объяснения социальных изменений, их подмена теорией дифференциации; отсутствие определения и анализа социальных классов; тавтологичность самой теории, отсутствие возможности ее операционализации; ее излишняя "объективность", поскольку несмотря на то, что П. ввел элемент субъективности в свою теорию социального действия ("система отнесенного действия"), очевидно, что в его теории общество доминирует над субъектом действия.

Однако такая многоаспектность критики теоретической социологии П. может расцениваться как еще одно ее достоинство, поскольку большинство современных социальных теорий развивались, полемизируя с ней, оппонируя и заимствуя у нее теоретические положения, понятия и принципы. В последнее время обращение к теории структурного функционализма повторно входит в моду. Например: Дж. Александр "Возрождение Парсонса в немецкой социологии", Р. Коллинз "Социологическая теория" (1984), Р. Мюнх "Теория Парсонса сегодня: в поисках нового синтеза", работы Э. Гидденса (см.) и Дж. Тернера.

Е.А. Угринович

ПАРТИЯ политическая – организованная группа единомышленников, представляющая интересы части людей, отстаивающая ту или иную идею организации или трансформации общества, устремленная к достижению политической власти или участию в ней для реализации своих программных установок.

Зарождение П. традиционно относят к Античному миру, когда в Древней Греции и Древнем Риме возникают особые группы людей, активно отражающие интересы различных общественных слоев. Однако предшественниками П. современного типа принято полагать политические организации, возникшие в ходе борьбы буржуазии против абсолютной монархии, в процессе становления политической системы и политической жизни раннебуржуазных государств Западной Европы и Америки в конце 17 – начале 18 в. В период буржуазной революции в Англии действовали П. пресвитериан, отражавшая интересы умеренной буржуазии и дворянства; П. индепендентов, представлявшая радикальное крыло буржуа и обуржуазившегося дворянства. Великая Французская революция связана с возникновением П. Фельянов, выступавшей за конституционную монархию; П. жирондистов, отражавшей интересы умеренной торгово-промышленной и земледельческой буржуазии; П. якобинцев, объединявшей буржуазных революционных радикалов.

Окончательно современный облик политических П. сложился в 19 в. Это было тесно связано с введением всеобщего избирательного права, послужившего значительному развитию представительной системы. Именно П. стали индикатором осознания своих интересов различными группами населения с учетом истории и традиций общества: П. являются продуктом социально-экономического и общественно-исторического развития каждой конкретной страны. В большинстве государств современного мира политические П. занимают главное место в политической системе, одновременно являясь инициирующим фактором гражданского общества, связующим звеном между ним и государственными институтами. В отличие от общественных организаций и движений (профсоюзов, молодежных, женских, экологических, антивоенных и т.д.), которые отстаивают интересы отдельных слоев населения посредством воздействия на соответствующие государственные органы, П. в центр своей деятельности ставят борьбу за власть парламентским (через выборы) либо внепарламентским путем, связанным с на-

сильственным свержением существующей власти. П. воспринимают умонастроения общества, перерабатывают и претворяют их в политику, они выступают одним из важнейших механизмов распределения (перераспределения) в обществе властных статусов. Весьма значима роль П. в отборе и формировании лидеров и элит для всех уровней политической системы.

Выборы – самая активная фаза деятельности политических П. Победа на выборах открывает перед П. широкие возможности по организации государственной политики, подбору и расстановке кадров управления, принятию политических решений, обязательных для всей страны.

В зависимости от типа своей организационной структуры П. могут быть кадровыми и массовыми. Кадровые П. активизируются в основном во время предвыборных кампаний. Они немногочисленны. В них отсутствует система членства, регулярная уплата взносов и другие организационные элементы. Для массовых П. характерны многочисленность сторонников, сложная организационная и иерархическая структура, партийная дисциплина, система членства с уплатой взносов. Возглавляют их профессиональные политики.

По отношению к правящему политическому режиму П. делятся на правящие и оппозиционные. Статусом правящих обладают те П., которые в результате парламентских или президентских выборов получили преимущество перед другими П. Оппозиционные П. – это те, которые после выборов получили вторые, третьи и т.д. политические роли. Они стремятся к властному положению, критикуют правящую П. и государственные институты за их ошибки, просчеты во внутренней и внешней политике, выдвигают альтернативные программные предложения.

В зависимости от идеологических позиций, П. можно подразделить на идейно-политические (реформистские, консервативные, реакционные, революционные); прагматические, или избирательные, фактически действующие лишь в период предвыборных кампаний; харизматическо-вождистские, полнота власти в которых сосредоточена в руках вождя, лидера (ленинско-сталинская, маоистские, гитлеровская).

Классификации П. не могут носить статичного характера. Одни и те же П. воплощают в себе признаки разных классификаций. Политический рынок в большинстве обществ в основном заполнен, поэтому появление новых сильных П. на политической сцене – очень редкое явление.

В.А. Божанов

ПАТРИОТИЗМ (греч patris – отечество) – нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, гордость за его прошлое и настоящее, готовность подчинить свои интересы интересам страны, стремление защищать интересы родины и своего народа. Исторический источник П. – веками и тысячелетиями закрепленное существование обособленных государств, формировавшие привязанность к родной земле, языку, традициям. В условиях образования наций (см.) и образования национальных государств П. становится составной частью общественного сознания, отражающего общенациональные моменты в его развитии. Приобретает особую актуальность в период формирования новых государств, развития национальных и национально-освободительных движений, войн. П. сыграл позитивную роль, объединив народы в борьбе с иноземной агрессией в истории России и СССР. Психологической базой П. является чувство сопринадлежности к той или иной системе, общности. В современных условиях интеграции, интернационализации и глобализации П. направлен на социальный прогресс, помогает сохранять особенности национальной культуры народов. Показательны в этом отношении слова Н.Г. Чернышевского: тот, кто не принадлежит своей Отчизне, не принадлежит и человечеству. Доведенный до абстрактного абсолютизирования П. выражает узкокорыстные интересы и смыкается с национализмом (см.) и шовинизмом (см.). Напротив, когда любовь к Родине становится осознанным внутренним стремлением человека, он способен занять определенную идейную позицию, стать патриотом.

С.П. Винокурова

ПАТТЕРН (англ. pattern от лат. patronus – модель, образец для подражания, шаблон, стиль, узор, выкройка) – в современной методологии социогуманитарного знания – термин, близкий по содержательным и смысловым характеристикам к понятию "концепция" (см.) и трактуемый как коннотативный к таким концептам (см.), как "прозрение", "базовая интуиция", "умозрительное видение".

Традиция употребления вместо термина "теория" слова "П." сложилась под влиянием постструктуралистских и постмодернистских дискурсов (см.). Правомерно полагать, что это обстоятельство подчеркивает два аспекта: 1) "моментальность" "схватывания" и 2) его "целостность". В этом отношении понятие "П." восходит еще к методологическим анализам Р.Дж. Коллингвуда (развитым затем с иных оснований в постпозитивизме), обосновывавшего невозможность полностью рационалистически простроенного перехода от одних "абсолютных предпосылок" (видений) к другим, что требовало бы введения представления о "суперабсолютной предпосылке".

В подобном ключе применительно к П. говорят о том, что: 1) П. можно конструктивно критиковать только из другого П., в чем большое значение имеет борьба научных сообществ за доминирование; 2) П. не столько обосновывают, сколько "накладывают" на "материал", на "предметное поле"; 3) П. скорее даже не "выбирают" по каким-либо рационализируемым основаниям, а "предпочитают"; 4) П. "провоцирует" замену дискурса "истины" на дискурс "аутентичности", легитимируя себя через ритуализацию и канонизацию базовых исходных культурных ценностей, а тем самым "выводя себя" за сферу действия принципа фальсификации (см.) (в силу "несоизмеримости" П.).

П., "гнездясь в сознании", в культуре, обеспечивают устойчивость, повторяемость, фиксируемость "естественной конфигурации" (проступающей за слоем феноменального) и "семантизации" (различения смысловых единиц), обеспечивающих видение мира. Тем самым в постмодернистской перспективе снимаются перегородки между различными дисцип-

линарно-концептуальными дискурсами, более того, между практиками (дисциплинами) тела и знания.

В.Л. Абушенко

ПАЦИФИЗМ (от лат. pacificus – миротворческий, синоним антимилитаристского интернационализма) – демократическое общественное движение, нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является преданность идее мирного сосуществования всех народов и наций. Возникает как отражение антивоенного движения, участники которого главным средством предотвращения войн считают осуждение их аморального и антигуманного характера. Объединения пацифистов верят в возможность предотвращения войн путем широкой пропаганды пацифистских идей и ценностей, проведения манифестаций и демонстраций в защиту мира.

Первые пацифистские организации возникли в Великобритании и США после наполеоновских войн. В конце 19 в. пацифистское движение значительно расширилось и обрело определенное влияние в демократических кругах. На VI Всемирном конгрессе Коминтерна в 1928 "буржуазный П." был объявлен реакционной идеологией. После Второй мировой войны актуальной стала идея о прогрессивной конвергенции всех стран к общей модели современного общества, в котором будут господствовать принципы обмена технологиями и демократического сотрудничества. Организация Объединенных Наций посредством своих специализированных организаций, таких как ЮНЕСКО и ВОЗ, активно распространяют идеи единства мира. Международные конгрессы пацифистов выступают с предложениями запретить войны, осуществить всеобщее разоружение, а все вопросы и противоречия межгосударственного плана разрешать мирным путем через международные третейские суды. После второй мировой войны, когда оформилось новое массовое движение борцов за мир, часть пацифистов присоединилась к этому движению. Исходя из интересов сохранения на планете жизни, пацифисты выступают за мир во всем мире, международную солидарность, соблюдение прав человека, открытый доступ для всех народов к благам цивилизации и благосостоянию, за сотрудничество и взаимопроникновение культур и ценностей.

С.П. Винокурова

ПЕДАГОГИКА (буквально с греческого – вождение детей) – совокупность представлений, знаний, норм, техник и умений, накопленных в культуре относительно процессов взаимодействия взрослых и детей. В зависимости от прагматической аспектизации П. называют: 1. Научную дисциплину, изучающую процессы взросления, окультуривания и социализации детей. 2. Технологическую дисциплину, включающую в себя принципы, правила и нормы, регламентирующие поведение и деятельность взрослых относительно детей, а также права и обязанности взрослых во взаимодействии с детьми. 3. Искусство и ремесло специальной социальной группы или профессионального сообщества, которому общество делегирует взаимодействие с детьми от имени всего общества. 4. Прикладную философию или философию, занимающуюся практической апробацией нарабатываемых ею представлений и подходов к жизни, человеку, социуму, познанию и практической деятельности. 5. Результат культурологических, антропологических и этнографических исследований различных культур и субкультур, описывающий принятые в данной культуре формы воздействия взрослого сообщества на детей и формы взаимодействия в детском сообществе (народная П.).

1) Научная П. возникает в 17 в. (Я.А. Коменский, Дж. Локк), когда было положено начало систематическому изучению процессов взросления, окультуривания и социализации, выявлению и описанию закономерностей этих процессов. Хотя и до этого существовал богатый, но неоформленный эмпирический и теоретический материал. Для Коменского в описании закономерностей названных процессов определяющим выступал принцип природосообразности, предполагавший преформизм в индивидуальном развитии ребенка. Развитие трактовалось как разворачивание имманентно присущих индивиду свойств и качеств. Этапность и закономерность в индивидуальном развитии диктовали нормативность деятельности педагога, обязанного их учитывать в своей деятельности. В таком подходе в предмете научной П. синтезировались знания анатомии, физиологии и психологии ребенка. А исследовательские результаты оформлялись как закономерности физического, умственного или душевного развития (например, умственный возраст и шкала Ж. Бине, учение И. Гербарта об этапах взросления, психоаналитическая концепция психологических кризисов социализации Э. Эриксона – **см.**). Отказ от идеи преформизма и иная трактовка развития связаны с культурно-исторической концепцией Л. Выготского (**см.**), в которой определяющим выступал принцип культуросообразности, а вместо исследований закономерностей разворачивания имманентных качеств и свойств индивида выдвигалась задача проектирования зоны ближайшего развития. Физиологические и психологические законы принимаются в этой концепции как материал для проектирования.

Альтернативная версия программы научной П. связана с сенсуалистической идеей "чистой доски" – tabula rasa (Локк, Э. Кондильяк), и, соответственно, принципом ассоцианизма. Исследовательские задачи в этом подходе состояли в установлении закономерностей индивидуального восприятия, познания и научения. Научные результаты оформлялись в ассоциативной психологии (например, Г. Эббингауз), в бихевиористских (см. **Бихевиоризм**) концепциях научения (Д. Торндайк, Д. Уотсон, Б. Скиннер).

Третья программа построения научной П. относится уже к 20 в. В этой программе объектом П. выступает не только развитие ребенка и человека, но и культурная коммуникация. П. становится полипредметной дисциплиной, в которой комплексируются естественно-научное и гуманитарное знания в их деятельностных версиях. Материалом для комплексирования педагогического предмета становятся не только знания из традиционных областей (физиологии, психологии, логики и социологии), но и достижения герменевтики, семиотики, антропологии, теории коммуникации и диалога культур.

2) Как технологическая дисциплина П. организует деятельность одного из важнейших социальных институтов, обеспечивающих непрерывность и преемственность культуры – школы. Школа всех уровней является одним из наиболее инерционных социальных институтов. Эта черта относится и к учебному процессу, который, по характеристике О. Тоффлера (см.), несет на себе следы конвейерной организации труда раннего этапа индустриального производства. Изменения и эволюция педагогических технологий гетерохронна относительно развития остальных социальных институтов, поэтому школа и вся система образования переживает периодические кризисы обновления и перманентного реформирования. Технологизация всей системы социальной коммуникации как "футурошок" особенно остро проявляется именно в образовании, а П. часто оказывается неготовой отвечать новыми технологиями на очередной вызов. В последние десятилетия все чаще новые технологии образования, обучения и подготовки просто заимствуются сферой образования из других областей, а не разрабатываются в рамках П. За П. остается область обеспечения грамотности (см. **Функциональная грамотность**). В рамках П. как технологической дисциплины выделяются автономные технологические отрасли: дидактика, методика, программированное обучение и т.д.

3) Трансляция педагогического знания как в архаичных так и в современных видах скорее не технологична, а принимает формы искусства и ремесла. Распространенными литературными жанрами в такой трансляции являются автобиографии (Августин Блаженный, Петр Абеляр, Р.Дж. Коллингвуд, Дж.С. Милль, Ж.-П. Сартр), романы воспитания, или специальная литература в квазихудожественной форме (Ж.-Ж. Руссо, А.С. Макаренко, Я. Корчак). Педагогическая деятельность во многом экземплифицирована и уникальна, и именно в формах искусства и индивидуального ремесла представлена в своих высших проявлениях. История П. содержит в себе галерею великих учителей от Сократа и Конфуция до создателей школ и направлений в искусстве и науке.

4) Зачастую новые педагогические системы создавались и вводились философами (Я.А. Коменский, Д. Дьюи), а история П. есть отражение истории философии (Платон, Локк, Руссо, Г. Спенсер, И. Кант и др.). С. Гессен отмечал, что даже самые частные и конкретные вопросы П. возводятся в последних своих основах к чисто философским проблемам, и что борьба различных педагогических течений между собой есть только отражение более глубоких философских противоречий. Такое понимание (вслед за П. Наторпом) позволило ему назвать П. прикладной философией.

5) В развитии цивилизации далеко не сразу дети, детский мир и детское сообщество стали рассматриваться как самостоятельные участники во взаимодействии с миром взрослых и взрослым сообществом. Только в 20 в. кроскультурные исследования дали возможность увидеть многообразие культурных форм взаимодействия взрослых и детей. Описаны различные варианты народных П. В рамках культурологии и антропологии стали исследоваться как самостоятельно существующие мир детей и детское сообщество. В определенном смысле можно говорить об особой П., существующей в детских сообществах для самих детей, которая, с переменным успехом, конкурирует со взрослой П. В целом педагогические представления и знания настолько гетероморфны и гетерономны, что создание некой целостной общей П. вряд ли возможно. Все попытки такого рода либо идеологически тенденциозны, либо представляют собой неоправданный редукционизм. См. также: **Воспитание, Гуманитарные технологии, Образование.**

В.В. Мацкевич, С.Б. Савелова

ПЕРЕМЕНА ТРУДА – изменения в общественных комбинациях труда и функциях работников, вызываемые переворотами в техническом базисе производства. Последние формируют потребность в П.Т. по следующим причинам. Во-первых, создавая более прогрессивные отрасли производства, перевороты резко изменяют пропорции в отраслевой структуре рабочей силы. Во-вторых, изменяя коренным образом технику, технологию и организацию производства в той или иной отрасли, они приводят к исчезновению одних профессий и возникновению других, связанных с использованием техники более высокого уровня. В-третьих, они порождают необходимость универсализации рабочей силы путем постоянного профессионального обучения и переобучения. П.Т. может осуществляться во времени, в пространстве, а также одновременно во времени и пространстве. При рассмотрении П.Т. во времени необходимо различать полное переключение с одного вида работы на другой, осуществляемое в больших интервалах времени, и чередование различных видов деятельности. П.Т. в пространстве связана с управлением комплексами автоматических систем, включающих разнообразные виды работ.

Многообразие форм проявления П.Т. зависит от степени развертывания научно-технического прогресса. Взаимосвязь между переворотами в техническом базисе производства, с одной стороны, изменениями в общественных комбинациях труда и функциях работников – с другой, составляет содержание закона П.Т. Если на первых этапах развития крупной промышленности в течение трудовой деятельности одного поколения изменения в профессиональной структуре были малоощутимы, чтобы разглядеть тенденцию к П.Т., то на современном этапе одного поколения возникает потребность в смене профессии 2-3 и более раз.

Природа крупной промышленности постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочей силы из одной отрасли в другую, обусловливая тем самым П.Т., движение трудовых функций, всестороннюю подвижность работников. По мере превращения науки в непосредственную производительную силу производство требует все более образованных и универсальных работников. Степень искусности занятого населения становится предпосылкой эффективного производства, главным условием накопления богатства, залогом сохранения достижений предшествующего овеществленного труда в труде живом.

Основное требование закона П.Т. в его идеальном выражении состоит в том, чтобы так называемого частичного ра-

ботника заменить индивидом, обладающим абсолютной пригодностью для изменяющихся потребностей в труде. Полное осуществление этого требования недостижимо, однако по пути его осуществления с большим или меньшим успехом идут практически все цивилизованные страны. Данное требование достигается в той или иной мере значительным расширением масштабов и повышением уровня общего, специального среднего и высшего образования, а также многочисленными и многообразными формами профессионального обучения, переобучения и повышения квалификации.

Г.Н. Соколова

ПЕРЕМЕННАЯ – любое свойство (атрибут, характеристика) измеряемых объектов, которое изменяется от объекта к объекту (у разных объектов принимает разные значения). Для фиксации значений П. у конкретных объектов применяются шкалы измерительные (см.). В соответствии с типом шкалы, говорят о номинальных, порядковых и количественных П. Однако в отличие от измерительной шкалы П. является категорией анализа данных, а не их измерения. В частности, с точки зрения анализа данных, различия между количественными П., измеренными по шкалам интервалов и отношений, не имеют принципиального значения. В некоторых случаях, например, при построении распределения частот (см.) или определении моды статистической (см.), более важным является разделение П. на дискретные и непрерывные. Номинальные и порядковые П. являются дискретными. Количественные П. могут быть как дискретными (число детей в семье, количество мест работы и т.п.), так и непрерывными (возраст, доходы и т.п.)

П. обычно обозначают заглавными буквами латинского алфавита: X, Y, Z .

О.В. Терещенко

ПЕРЕМЕННАЯ ЗАВИСИМАЯ – переменная (см.), которая в моделях причинных связей измеряет следствие. Применяется в анализе дисперсионном (см.), анализе регрессионном (см.), анализе путевом (см.) и др.

В эксперименте (см.) считается, что П.З. изменяется под действием переменной независимой (см.); принимаемые ею значения фиксируются (измеряются) в процессе экспериментального исследования. К П.З. предъявляется требование надежности, т.е. повторения результата при тех же условиях (возможно с теми же участниками). Если П.З. не изменяется при изменении независимой переменной, то говорят о "нулевом результате". Одна из возможных причин нулевого результата в том, что П.З. находится на самой низкой или самой высокой отметке шкалы – наблюдается так называемый "потолочный эффект". Потолочный эффект не дает проявиться влиянию независимой переменной на П.З. При этом влияние независимой переменной на П.З. не регистрируется из-за несовершенства выбранного средства измерения, не способного отразить еще больший (или еще меньший) уровень.

А.П. Репеко

ПЕРЕМЕННАЯ КОНТРОЛЬНАЯ – это переменная, значения которой не изменяются при различных уровнях независимой переменной (см.).

Желательно, чтобы вместе с независимой переменной в исследовании не изменялась никакая другая переменная. В любом эксперименте существует больше переменных, чем реально можно контролировать, т.е. не существует идеальных экспериментов. Экспериментатор пытается контролировать как можно больше значимых, с его точки зрения, переменных и надеется, что остальные неконтролируемые переменные (факторы) будут давать маленький эффект по сравнению с эффектом независимой переменной. Если эффект посторонних неконтролируемых переменных на зависимую переменную велик, говорят о смешении эффектов.

Обычно исследователь выбирает в качестве П.К. те, которые он по какой-либо причине считает важными для результатов исследования или чье влияние на зависимую переменную (см.) он прогнозирует. Следует учитывать, что чем меньше эффект независимой переменной, тем тщательнее должен быть контроль.

А.П. Репеко

ПЕРЕМЕННАЯ НЕЗАВИСИМАЯ (предиктор) – переменная (см.), которая в моделях причинных связей измеряет причину. Строго говоря, термин "П.Н." должен использоваться только в эксперименте (см.) и при обработке его результатов методами анализа дисперсионного (см.). Для моделей, применяемых к данным описательных исследований – анализ регрессионный (см.), анализ путевой (см.) и др., следует использовать термин "предиктор", однако в литературе нередко встречается употребление обоих терминов как синонимов.

В эксперименте П.Н. изменяется (контролируется) экспериментатором и включает в себя два или более состояний (условий) или уровней. Исследователь изменяет П.Н. так, чтобы эффекты (влияние) различных значений или уровней этой переменной могли быть определены по изменениям переменной зависимой (см.). Логика экспериментальной схемы (см.) требует наличия хотя бы одной П.Н. Если в процессе эксперимента вместе с выделенной П.Н. изменяется еще и некоторая другая, которая также может оказать влияние на зависимую переменную, то говорят о наличии эффекта смешения. В этом случае у исследователя отсутствует возможность определить, изменения какой именно переменной вызвало эффект. Смешение вызвано тем, что при проектировании эксперимента не была учтена какая-либо сторонняя переменная или не было проверено, включена ли она в число переменных контрольных (см.). Тем самым эта сторонняя переменная без ведома исследователя оказалась в числе П.Н. Поэтому желательно, чтобы вместе с П.Н. не изменялась никакая другая. Такие условия проведения эксперимента реально недостижимы, поэтому главную трудность при проведении исследований представляет удовлетворение требования обеспечить неизменность максимально возможного количества контрольных переменных.

Экспериментатор выбирает П.Н. из расчета, что они могут вызвать интересующие его изменения в объектах или явлениях. Когда изменения величины (уровня) П.Н. ведет к изменению поведения, то говорят, что поведение контролируется П.Н. Если зависимая переменная не изменяется при изменении П.Н., то говорят о "нулевом результате".

Нулевой результат может иметь несколько интерпретаций:

1) Экспериментатор ошибся, думая, что П.Н. влияет на выбранную им зависимую переменную. Тогда нулевой результат верен.

2) Изменения П.Н. не были валидны (например, ее изменения были слишком малы, чтобы вызвать наблюдаемый эффект).

А.П. Репеко

ПЕРЕМЕННАЯ СТАНДАРТИЗИРОВАННАЯ (z-оценка) – количественная переменная (**см.**), приведенная к "стандартному" масштабу посредством линейного преобразования $z = (x - \bar{x})/s$, где x – исходная переменная, $\bar{x}$ – среднее арифметическое (**см.**), s – стандартное отклонение (**см.**) переменной x. Свойства z-оценок: 1) среднее арифметическое $\bar{z} = 0$; 2) стандартное отклонение s_z; 3) стандартизация не изменяет формы распределения переменной. Стандартизация применяется в некоторых статистических моделях (см., например, **Регрессия линейная множественная**), а также при работе с нормальными распределениями (**см.**).

О.В. Терещенко

ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ – специально организованное, отвечающее определенным научным требованиям мероприятие, проводимое с целью сбора сведений о всех жителях страны для получения данных о численности и размещении населения по территории страны, о его составе по возрасту, семейному состоянию, национальности, уровню образования, занятиям, месту работы, общественным группам и другим демографическим, экономическим, социальным и этническим признакам на определенный момент времени. Основной чертой современных П.Н. является их всеобщность, т. е. сбор сведений обо всем населении территории, на которой производится П.Н.

П.Н. – основной источник данных о населении.

ПЕРЕСТРОЙКА – понятие, выразившее идею необходимости и осуществимости трансформации "общества развитого социализма" в СССР (вторая половина 1980-х) в направлении большей открытости в принятии властных решений (гласность), демократии (самоуправление предприятий, расширение прав трудовых коллективов в производственном и социальном управлении, расширение прав местных советов), экономической эффективности за счет внедрения в экономическую систему рыночных элементов.

В СССР попытки П. применялись неоднократно и неизменно проваливались. Примером может служить экономическая реформа, провозглашенная и начатая в 1965. Основным ее содержанием было: расширение экономической самостоятельности предприятий; усиление прямых договорных отношений между предприятиями по поставкам продукции; установление экономически обоснованных цен; материальное стимулирование коллективов предприятий в зависимости от результатов их работы.

Как процесс социально-экономических реформ П. была инициирована высшим руководством КПСС во главе с М. Горбачевым в 1985. Как концепция страдала методологическим эклектизмом и не была теоретически проработанной. В частности, модель желаемого развития была нацелена на более полное достижение социалистических идеалов (экономическая справедливость, ликвидация бедности и т. д.), но не была спланирована и прописана с точки зрения институциальных особенностей. Хотя социалистические, по сути, идеалы могут удовлетворяться и в капиталистических системах. Так, определяя социализм как систему, построенную на принципах широкого перераспределения прибыли в целях достижения предельно возможного социального равенства, социалистическими следует считать скандинавские государства. Социальные реформы, направленные на уравнивание в доходах, на искоренение бедности вообще проводятся в любой настоящей капиталистической системе.

Согласно распространенной точке зрения, отличительной чертой социалистической экономики является общественная собственность на средства производства. То есть собственность, противоположная частной. Следствием такого отношения к прибыли является то, что вместо определения разницы в прибылях, независимо от их источников, власти социалистического государства занимаются выяснением того, что стоит за прибылью, не является ли она выражением эксплуатации. Поэтому основанная на общественной собственности социалистическая система напрямую связана только с ограниченным набором социалистических идеалов, в частности, с идеалом "справедливого" распределения материальных благ, но не с ликвидацией бедности.

Концепция П. предусматривала, что советские предприятия, оставаясь по своей природе социалистическими, будут функционировать в режиме трех "С": самоуправление, самоокупаемость, самофинансирование. Но это уже была немарксистская, по существу, модель, поскольку, по Марксу, собственность является общественной в той степени, в которой она преодолевает разъединенность производителей, то есть их стихийные отношения рыночного типа.

Самофинансирование, в частности, подразумевало децентрализацию, а это в свою очередь, подразумевало наличие инвестиционного рынка, что означало радикальный разрыв с традиционным пониманием социализма. "Если государство желает оставаться социалистическим, – считал Л. фон Мизес, – то оно не может передать в другие руки дело размещения капиталов, которое дает возможность расширить деятельность предприятий на современном этапе, создавать новые и осуществить совершенно новые проекты. И вряд ли окажется возможным, чтобы социалисты, каких бы убеждений они не придерживались, серьезно вели речь о том, чтобы эту функ-

цию передать какой-либо группе людей: которые просто стали бы заниматься тем, чем занимаются капиталисты в условиях капитализма".

Инициаторы П. хотели оставаться "верными социалистическому выбору" (М. Горбачев), но может быть еще больше они хотели оставаться у власти. Поэтому даже заявив о переходе на преимущественно экономические методы управления предприятия, приняв закон, гарантирующий самостоятельность предприятий, государство сохранялось как административно-командная система на протяжении всей П. В этой ситуации рыночные механизмы, с оговорками допущенные в экономику, не могли быть настолько сильными, чтобы поднять эффективность экономики в целом, но они тем не менее работали против командно-распределительной системы, против социалистического государства, против его финансов.

Экономическая П. началась с так называемого "ускорения", когда в качестве приоритетных были избраны некоторые отрасли промышленности, которые получили колоссальное бюджетное финансирование. В результате сложились огромные межотраслевые диспропорции, что принесло стране огромные убытки. По различным оценкам, к этому времени в СССР ежегодные потери всей вовлекаемой в производство первичной энергии достигали 40-60%. Кроме энергии, которая терялась безвозвратно, в отходы уходило огромное количество сырья и материалов. Экономисты считали, что торговля отходами производства была в таких условиях более выгодна, чем экспорт готовой продукции.

Провал П., ощутившийся достаточно быстро (к 1990) еще раз подтвердил несовместимость командно-административного управления экономикой и экономической эффективности, частной собственности и централизованного контроля за ней, доказал невосприимчивость социализма к демократии в любой ее форме. Так ослабление контроля за предприятиями со стороны ведомств ("демократизация управления") привело к тому, что механизм "вертикальной" координации разрушился. Предприятия в своей политике руководствовались не долгосрочными своими интересами, как это было в условиях четко обозначенного перехода к рынку, а соображениями сиюминутной выгоды, произвольным образом изменяя свои производственные программы, в результате чего были разрушены старые технологические цепочки и подорвано материально-техническое снабжение.

В политическом плане П. (выборность на всех уровнях и во всех сферах, кроме армии и спецслужб; рост национальной "самостийности" на местах) привела к тому, что растущая оппозиция распадающейся государственной машины и необходимость принятия стабилизирующих решений требовали от правительства СССР все больше и больше средств. Необходима была локализация множащихся насущных социально-экономических проблем, чему правительство не могло противиться ввиду опасности спровоцировать социальный взрыв и завершить П. "русским бунтом, бессмысленным и беспощадным".

К 1990, когда большинство союзных республик, включая РСФСР, заявили о своем государственном суверенитете, стало ясно, что политический провал П. означает распад СССР, что неизбежно ведет и к распаду единого народно-хозяйственного комплекса страны. Социалистические предприятия перешли в собственность новых независимых государств, каждое из которых избрало свой путь преодоления кризиса. Для одних таковым стала трансформация системы в рыночную экономику с ориентацией на западные культурные ценности (государства Прибалтики). Другие пробуют сочетать либеральную экономику и сильное государство. Третьи все еще экспериментируют с социалистическими моделями – то есть продолжают П.

К.И. Скуратович

"ПЕРЕХОДНОЕ ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ" (Минск, 1997 и 1998) – книга А.Н. Данилова (см.).

Предметом исследования является "социология современной трансформации, т.е. уяснение того сущностного в переменах, которые происходят, позволяя от одного общества перейти к другому...". Специфике системной трансформации переходного общества и посвящена работа.

Осознавая, что за видимыми проявлениями трансформации кроются фундаментальные процессы динамики социальной жизни, управление которыми трудно достижимая задача, автор стремится избежать "окончательных выводов и жестких рекомендаций". Вместе с тем осуществленный им скрупулезный анализ происходящих социально-экономических, политических, культурных и других изменений в постсоветских странах создал предпосылки для определенных выводов о влиянии основных факторов трансформации на общественную ситуацию.

Ключевое значение имеют вопросы, поставленные автором в начале книги. Поскольку "процесс трансформации затронул практически все виды и области социокультурной среды", то какова ее природа, "каковы... связи с предшествующими советскими структурами? Существуют ли объективные закономерности трансформации, вытекающие из природы прежнего "социалистического мира", или же "это навязанный процесс, который не имеет никаких внутренних исторических предпосылок...", "была ли переоценена кризисность прежних элементов общества... или они имели потенциал развития?". Автор сконцентрировал свое внимание на изучении влияния трансформации на самые важные социокультурные факторы жизни и развития общества – экономику, политику, социальную структуру, благосостояние народа, динамику политической элиты и т.д.

Исследование этих вопросов проводится на основе применения своеобразной методологии, позволяющей раскрыть закономерности системной трансформации. Во-первых, автор отвергает как декларативно-непродуктивный прием "втискивания" эмпирических показателей трансформации в разных сферах жизни в заранее сформированные схемы и положения, которые как бы предрешают ее практические итоги, и руко-

водствуется обратным – индуктивно-аналитическим способом формулирования выводов на основе больших массивов фактического материала.

Во-вторых, опора на разнообразную фактологическую информацию находит у автора обоснование и развитие в его оценочном отношении к роли происходящих изменений для жизни и благосостояния основной части тружеников. Иными словами, пути поиска истины в изучении трансформации связываются им с выявлением отношения больших масс людей к содержанию и направленности реформ.

В-третьих, в анализе глобального значения происходящих на постсоциалистическом пространстве трансформаций А.Н. Данилов отдает предпочтение общецивилизационному подходу, в сравнении с формационным, "непродуктивность" которого, по мнению автора, "в целом на данном этапе совершенно очевидна".

Через призму "основного социогенетического закона", используемого Даниловым, процессы нынешней трансформации видятся совершенно иначе, чем с позиций радикального реформатора-разрушителя, перепутавшего все критерии и ориентиры социальных ценностей жизни советского народа прошлых десятилетий. Несомненно, прав А.Н. Данилов в своей критике "не помнящих родства" писателей и политиков, сознательно, в непозволительной степени и с ущербом для объективности огрубляющих и искажающих действительность, недооценивающих достоинства прежней социалистической системы, отождествляя ее с феодализмом и потому рассматривая движение к "списанному" ими капитализму западного образца как общественный прогресс.

Принципиальная позиция относительно используемого автором цивилизационного подхода базируется на выведенной современной наукой и практикой жизни человечества истине о "многообразии и многовариантности как императивах подлинно естественного развития". Данный подход позволяет ему обосновать положения, содержащие далеко идущие теоретические и практические выводы. Ни прежний социализм, ни нынешний капитализм не "исчерпали гуманитарного содержания политических и социокультурных форм бытия". Крушение Советского Союза, вопреки заблуждениям некоторых, отнюдь не приведет "к установлению во всех государствах, образовавшихся на его обломках, некой единообразной цивилизации, для которой нынешняя западная является эталонной". Напротив, осуществится социальный синтез, появится новое качество общественной жизни, в которой найдут воплощение объективные закономерности и интересы основных субъектов исторического процесса.

Попытка целостного изучения закономерностей изменений, охвативших значительную часть бывшего соцлагеря и влияющих на общую ситуацию в мире является одной из первых на территории стран СНГ. Системный подход автора вытекает из системного характера самой трансформации. "Трансформацию, охватившую страны Центральной и Восточной Европы, – пишет А.Н. Данилов, – можно определить как системную, затрагивающую весь спектр общественной жизни, политику, экономическую и социальную структуру, духовную жизнь. Таким образом, устанавливается различие с реформами, которые всегда являются обновлением или переменой положения без принципиальной ломки...".

Осуществленный в первой главе ("Трансформация: объективное и субъективное в содержании исторического процесса") обзор позиций, имеющихся научных источников по теме работы позволяет А.Н. Данилову выявить основные судьбоносные вопросы и направления трансформации и тем самым создать теоретические предпосылки для их углубленного анализа в последующих главах.

Во-вторых, проанализировав процессы трансформации в сфере политических (гл. 2), социально-экономических отношений (гл. 3), раскрыв особенности функционирования социокультурной сферы переходного общества (гл. 4), автор монографии пришел к логическому заключению о том, что к одному из главных приобретений опыта трансформации "следует отнести осознание значения искусства управления на всех уровнях государственной и общественной жизни".

В этой связи необходимым завершающим итогом труда А.Н. Данилова является глава 5 – "Роль активной информационной среды", в которой обосновывается потребность в общественном идеале (по большому счету, основной цели управляемого развития общества), социальных технологиях реализации знаний об обществе и социальной диагностике как органических составных частях регулирования процессов трансформации в желаемом для большинства людей направлении.

Сквозной смысловой вектор исследования А.Н. Данилова составляет поиск ответа на вопрос о причинах и обстоятельствах кризисного характера системной трансформации, об истоках неудач рыночных реформ в постсоветских странах. Анализ содержания трансформации, ее результатов, методов осуществления и отношения к ним различных групп населения, идеологов, политиков и ученых развитых стран осуществляется с целью выявления возможных предпосылок, специфических путей и средств преодоления кризиса славянской цивилизации, включая Беларусь.

В своей интерпретации содержания трансформации ученый выступает против идеологизаторского подхода как антинаучного, приучающего обывателя считать нынешние противоречия общества только как наследие коммунизма. Истоки этих противоречий кроются отчасти в завуалированных намерениях инициаторов "перестройки" (см.) имеющих целью установление в обществе буржуазных отношений. Поэтому нынешний кризис – кризис новых отношений, в фундаменте которых лежат новые противоречия. Сформулировав и обосновав основные типы противоречий, автор справедливо считает, что трансформацию нужно рассматривать как регулируемый процесс с целью выведения общества в полосу нормального эволюционного развития.

В обосновании успешного разрешения комплекса новых противоречий и стабилизации общества автор исходит из методологически продуктивных ориентаций. Главное в процессе адаптации общества к новым условиям – сохранение

собственной идентичности, опора на обновленные традиции социальной справедливости, гуманизм отечественной культуры, исторически проверенные способы организации совместной жизни и деятельности и т.д. Принцип воспроизводства идентичности действует как рефлекс коллективного самосохранения. Исследуя эту проблему, автор подчеркивает, что именно сохранение самобытности во время кризисных ситуаций в странах Европы позволило им выжить, и данный опыт нужно использовать.

Люди всегда, порой неосознанно, оценивают происходящие в их жизни перемены с позиций собственной исторической самобытности, сравнивая их с доминирующими на протяжении сотен лет ценностями культуры и цивилизации. В этой связи научно обоснованным и гражданско оправданным является стремление исследователя показать, что результаты трансформации не только зависят от замыслов и методов действия реформаторов, но в значительной степени определяются отношением к реформам основной массы тружеников, а также позицией стран Запада.

Практическое решение проблемы сохранения самобытности в постсоветских государствах, помимо всего прочего, тормозится отсутствием глубоких научных проработок важнейших социальных ориентиров современности – "реального социализма" и "реального капитализма", которые неизменно искажаются в пылу политической борьбы и в пропагандистских домыслах. Поэтому одна из задач исследователя состоит в том, чтобы прочертить модель оптимального развития, наметить критерии данной оптимальности. Критериальный характер в этом плане, согласно А.Н. Данилову, имеет отношение к реформам и оценкам их со стороны людей созидательного труда. Такие оценки определяются социальным статусом этих людей и их доминирующими интересами.

Проанализировав опыт экономических реформ в разных странах Запада, Восточной Европы и странах Востока, А.Н. Данилов приходит к выводу, что только в том случае экономическая стратегия будет успешной, а экономическая система жизнеспособной, если произойдет отказ от шаблонных решений по указкам извне и будет осуществлена ориентация на все общество в целом, на коренные интересы большинства людей созидательного труда.

Есть еще одно немаловажное препятствие, по мысли автора, на пути создания эффективной экономической системы. Это – полная неподготовленность новых социальных сил к управлению национально-хозяйственными системами, несоответствие уровня их государственной ответственности характеру и масштабам стоящих перед обществом проблем.

Новая элита рассматривает массы как объект заботы, а не как субъект действия и выбора. Сама власть оценивается ею как источник экономического блага. Элита во многом неспособна анализировать и прогнозировать ситуацию в своих странах. Отчасти именно потому во многих странах СНГ не найдена оптимальная экономическая модель.

В оценке позиции Запада по отношению к трансформационным процессам в постсоциалистических странах А.Н. Данилов также верен себе как непредвзятый аналитик, ибо, как явствует из его подхода, он "старался избежать единственной правды, потому что нигде не нашел ее следов". Сопоставляя оппонирующие позиции по существу рассматриваемых в книге проблем, автор проводит настоящий экскурс по галерее сочинений известных и менее известных западных идеологов, экономистов, ученых. Здесь – Бжезинский, Поппер, Фукуяма, Гэлбрейт, Манхейм, Хайек, Хантингтон, Валлерстайн и многие другие. Показывая самовпушенное невежество части западных ученых и аналитиков, которые рассматривают события в постсоветских странах, стоя всецело на почве канонов западных отношений, исследователь убедительно доказывает, что Запад не эталон для подражания и сам он должен пережить эволюцию.

На Западе, по мнению Данилова, нет обоснованной научной концепции в отношении трансформирующихся государств, а есть политика, идеология, нацеленность на искоренение "врага". Традиционная концепция рыночной экономики, которой обучали западные специалисты постсоветских реформаторов, является наивной и лишена реализма. Нет на Западе и плодотворных идей для выхода из тупика собственного потребительского образа жизни. Вера в то, что рост производства позволит разрешить все проблемы мира на фоне существующих глобальных проблем, оказалась вредоносным и навязанным мифом. Вместе с тем западные идеологи предлагают миру и СНГ свою стратегию желаемых перемен.

Обзор работ честных и непредвзятых западных исследователей позволил ученому сделать вывод о необоснованности слишком оптимистических надежд на поголовную трансформацию в сторону "рыночного капитализма", даже если осознана невозможность и нежелательность восстановления прежней "социалистической системы". А.Н. Данилов высказывает догадку, что мы находимся в такой точке развития, когда должен совершиться поворот в стиле научного мышления; новый научный взгляд должен помочь решить проблему трансформации, которую при условии опоры на традиционные ценности можно оценить как возможность создания универсального общественного строя.

В подтверждение данной позиции приводятся следующие доводы. Во-первых, моральные нормы, которые несет с собой "рыночное хозяйство", несравненно ниже тех, которые провозглашал "реальный социализм". Во-вторых, везде в ходе трансформации сильный навязывает свою одностороннюю волю, и поэтому ее результат не завершится нынешним положением общественных слоев. В-третьих, хотя трансформация и привела к обнищанию больших масс людей, но основные духовные ценности жизни народа не погибли вовсе и во всех случаях рынок не является самоцелью для общества, а общественное мнение желает социально-ориентированного рыночного хозяйства. В-четвертых, "социализм как упование на гармоничное общественное развитие не разрушен". Поэтому человечество имеет моральные и идейные предпосылки того, что трансформация "приведет... к освоению более конструктивных идей, нежели те, которые владели умами большинства в XX веке". Наконец, решающее значение в преодолении рискованного развития событий, в обеспечении солидарности нации, единого вектора ее воли, в формировании объединительной идеи как предпосылок движения общества

по пути устойчивого развития и достижения более совершенного состояния должно принадлежать государству, его информационной деятельности. Добавим, что такой результат возможен в случае, если государство само определится в вопросах, какие в политике и философии сказываются и поныне, подгоняя саму действительность под заранее принятые, теперь уже "демократические" схемы.

В книге "П.О.: П.С.Т." А.Н. Данилов заложил необходимые теоретические предпосылки нового направления в социологии – социологии трансформационных процессов в переходных обществах.

П.М. Бурак, П.А. Водопьянов

ПЕТРАЖИЦКИЙ Лев Иосифович (1867-1931) – русский социолог, правовед, философ. Закончил юридический факультет Киевского университета, позднее учился в Берлине. В 1897 защитил докторскую диссертацию. В 1898-1918 возглавлял кафедру в Петербургском университете. Депутат I Государственной Думы. Был в составе ЦК партии кадетов. Основатель психологической школы права. С его именем связано возникновение социологии права. После 1917 – в эмиграции. Занимал кафедру в Варшавском университете. Покончил жизнь самоубийством. Рукописи П. погибли в период Второй мировой войны при разгроме Варшавского восстания. Основные работы: "Очерки философии права" (вып. 1., 1900); "Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология" (1905); "Теория права и государства в связи с теорией нравственности" (тт. 1-2, 1909-1910) и др. Среди его учеников – Гурвич (см.) и Сорокин (см.), которые много сделали для распространения идей П. в Западной Европе и США. В Советском Союзе идеи П. были использованы М.И. Рейснером при изучении "революционного подсознания".

П. исходил из задачи возрождения естественного права как науки о правовом регулировании человеческого поведения. В этом он видел духовно-практический способ совершенствования общественных отношений. Согласно П., право оказывает влияние на социокультурную среду, само выступая как ее продукт. Среда трактуется П. в терминах социальной психологии, способных объяснить проявления человеческой активности.

Человеческая деятельность, по П., суть функция психики. Существуют только психические процессы, остальные социальные образования являются лишь их внешними проекциями. Стимулами и цензорами поведения выступают эмоции этически-морального и правового характера, выражаемые через императивные нормы, закрепленные в культуре и подразумевающие воздаяние за поступок со стороны общества и (или) государства. В отличие от пассивных познания и чувства и активной воли, эмоции носят активно-пассивный характер (индивидуально-социальный). Основная регуляция поведения задается в сфере индивидуально-психического самосознания, так как представления человека о государстве и нормах права существуют независимо от самого государства. Для обозначения его институциализации П. вводит понятие интуитивного права. Последнее исходит не из внешнего авторитета государства (как позитивное право), а основывается на проекции психологически обосновываемых прав, свобод и обязанностей граждан. Тем самым психологические эмоции не только удостоверяют власть, но и создают само явление власти, делая возможным возникновение права позитивного. Для нормального протекания общественной жизни необходимо проведение активной правовой политики, основывающейся на специальной психолого-социологической науке – эмоциональной социологии. Последняя должна изучать механизм правового управления мотивами (их стимулирование и подавление), т.е. мотивационное действие права, а также вырабатывать способы воспитательного воздействия на народную психологию, т.е. педагогическое действие права. Отсюда задачи политики права: 1) регуляция индивидуального и коллективного поведения через правовое воздействие; 2) совершенствование человеческой психики, ее очищение от антисоциальных склонностей. Культивирование человеческого в человеке, рационализация его деятельности и мышления, стандартизация его поведения и их институциональное закрепление характеризуют, согласно П., прогресс общества.

В целом философская позиция П. может быть охарактеризована как психологизированная версия неокантианства со значительными вкраплениями установок позитивизма. Неокантианские основы теории П. наиболее отчетливо проявляются в его последовательно критической позиции ревизии понятийно-категориального аппарата социального знания, обосновании правил теоретической работы. С этих позиций им подвергнуты критике крайности натуралистического редукционизма ("хромые" теории) и формальный логицизм ("прыгающие" теории), превращающие социологию, по мнению П., в "музей научной патологии". В конечном итоге П. предлагает свою версию правового нормативизма, характерную в целом для русских социологов-неокантианцев.

В.Л. Абушенко

ПЕТРОВ Михаил Константинович (1924-1987) – русский философ, культуролог, социолог, лингвист. Специально занимался проблемами "науки о науке", в частности – наукометрией, а также историей науки и социологией (по)знания. Особая область интересов П. – тезаурусная динамика (в 1986 он завершил работу под названием "История европейской культурной традиции и ее проблемы в свете основных положений тезаурусной динамики" объемом в 1,5 тыс. страниц). Ему принадлежит и оригинальная гипотеза возникновения античной культуры. Базовыми для его философского синтеза являются идеи семиотики, истолкованные сквозь призму концепции деятельности, что привело к созданию П. семиотическо-деятельностной концепции культуры, в основание которой им были положены идеи социокода и соразмерности культуры – знаниевых систем – социума – индивида, а также идея именного начала самой культуры, фундировавшая, в частности, антиевропоцентристский посыл данной концепции. Этот подход позволил ему разработать и собственную теорию социальности.

Взгляды П. исходно формировались на основе марксизма (см.), однако, во-первых, культурантропологически переинтерпретированного, а во-вторых – рассмотренного как

равновеликого иным философским системам и понятого как соразмерного своей собственной социокультурной ситуации. Такая трактовка философии марксизма вызвала разрыв, в конечном итоге, П. с Э.В. Ильенковым, с которым он поддерживал дружеские отношения. Исследователи творчества П. (и прежде всего С.С. Неретина) обращают внимание и на связь культурологической концепции последнего с кругом идей диалогизма М.М. Бахтина. Перипетии жизненного и творческого пути П. оказались теснейшим образом переплетены и презентируют собой судьбу инакомыслящего в условиях доминирования официально поддерживаемой философской доктрины.

В 1940 П. поступил в Ленинградский кораблестроительный институт. С 1941 – в действующей армии на Ленинградском фронте. С 1944 по 1949 учился в Военном институте иностранных языков. Там же работал преподавателем. С 1952 – начальник кафедры иностранных языков Ростовского артиллерийского училища. В 1956, уволившись в запас, поступил в аспирантуру Института философии АН СССР. В 1959 завершил кандидатскую диссертацию "Проблемы детерминизма в древнегреческой философии классического периода". Защита не состоялась из-за расхождений с научным руководителем М.А. Дынником. После аспирантуры П. работал в Ейском военном училище, в 1961 возглавил кафедру иностранных языков. Написал публицистическую повесть "Экзамен не состоялся" (впервые опубликована в журнале "Дон" в 1989) и отправил ее с сопроводительным письмом в ЦК КПСС. В конечном итоге был исключен из партии и уволен с должности. С 1962 – преподаватель кафедры иностранных языков Ростовского университета, в котором с 1965 стал преподавать также и курс философии. В 1967 защитил кандидатскую диссертацию "Философские проблемы науки о науке". В 1969 П. публикует в журнале "Вопросы философии" (№ 2) статью "Предмет и цели изучения истории философии", вызвавшую обвинения идеологического характера. Уволен из университета, после чего П. работал в Северо-Кавказском научном центре высшей школы. Был почти полностью лишен возможности публикации своих работ (смог опубликовать лишь несколько науковедческих статей, обзоров и рефератов). Некоторая часть его основных работ была опубликована в 1990-е. Это работы (первая цифра – год публикации, вторая – год написания): "Язык, знак, культура" (1991, 1974; в 1975 была подготовлена к печати Л.В. Карпинским под первоначальным названием – "Социологический анализ проблем культуры"; в последний момент снята с производства); "Самосознание и научное творчество" (1992, 1967), "Социо-культурные основания развития современной науки" (1992, конец 1970-х), "Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность" (1995, 1968 и 1966 соответственно), "Историко-философские исследования" (1996, работы разных лет); "Античная культура" (1997, 1966). П. принадлежит и первый перевод на русский язык антиутопии Оруэлла (см.) "1984".

Исходная сверхзадача творчества П. двойственна:

1) П. пытается выявить условия и возможности (а также реконструировать исторически сложившиеся за время существования человеческой цивилизации типы) соотнесения индивидов с накопленным на каждый данный момент времени и инновационно продуцируемыми массивами культурных содержаний (выявить их "человекоразмерность"). При этом их соотнесение невозможно вне рассмотрения, с одной стороны, соответствующих им и ими же воспроизводимых типов социальной структуры и организации социума, закрепляемых через систему соответствующих институтов и реализуемых в соответствующих деятельностных практиках. С другой – позволяет самую культуру рассматривать как сложно системно структурированное и знаково зафиксированное целое (к ней может быть отнесено все, что может быть передано через знаки). Суть культуры можно редуцировать, по П., в конечном итоге, к знаковым системам, так или иначе институциализированным и конституируемым в своем воспроизводстве, функционировании и развитии в культурно-знаниево "нагруженных" социально значимых деятельностных практиках.

2) П. параллельно обсуждает проблему условий, возможностей и типов социализации-нормирования уникального с помощью социальных и культурных схематизмов общества. Тем самым речь каждый раз идет о способах соотнесения индивидуального и надындивидуального, что и задает его концепции антропологическое измерение. Решение второй подзадачи требует также обсуждения, с одной стороны, проблематики поддержания функциональной идентичности социальности и программно-смысловой целостности культуры, а с другой – способов включения индивидов в социум, а главное (что, согласно П., есть условие социализации и индивидов, и инноваций любых видов, обеспечивающих общественное развитие) – способов фрагментирования и последующего интегрирования наличного в культуре и достаточного для репродуцирования социальности знания (как программирующего деятельности-практики).

Таким образом, согласно П., возможности и условия общественного существования индивидов (и как механизмы их соединения в социуме, и как механизмы задания целостностей самих социумов благодаря этому соединению) требуют анализа двух соотносимых друг с другом уровней:

1) уровня собственно социальности – деятельностей-практик, проявляемых как воплощение и (ре)продуцирование культуры-знания, вплетенных в конкретные пространственно-временные ситуации-контексты-интерьеры;

2) уровня существующей вне, поверх, но и для обеспечения этих деятельностей-практик (т.е. независимо от пространственно-временной и индивидуальной конкретики ситуаций-контекстов-интерьеров) культуры-знания, закрепленных в знаковой форме. Способы соединения этих уровней и задают различие типов культуры и типов социальности, реализуемых в конкретном многообразии исторически существовавших-существующих человеческих сообществ. Таким образом, ключ к пониманию многообразия и конкретики реализованных возможных "что" ("данного") лежит, согласно П., в выявлении условий самих этих возможностей, т. е. в выявлении способов "данности что" – глубинных механизмов, связывающих культуру – знание – социум – индивида (ов). В итоге в центре внимания П. оказывается индивид как соразмерный

культуре, обладающий определенным контуром ментальной вместимости, преодоление которого возможно только с изменением самого типа существующей культуры, способа ее "данности", т.е. перехода определенных порогов, удерживавших соразмерность индивидов и культуры внутри рамок соответствующего типа социальности.

Концептом, способным объединить все эти аспекты в функциональном единстве и выступает, по П., *социокод*, удерживающий в целостности и различении фрагментированный массив знания, расчлененный на интерьеры мир деятельности, институционализирующий способы общения, соотнося их с наличной ментальной вместимостью индивидов и обеспечивая преемственность между поколениями живущих деятелей и наследование и трансформацию культурно-знаниевых содержаний между поколениями. Социокод и есть тот искомый способ "данности что", позволяющий развертывать из себя и внутри своих порогов конкретику и многообразие своих возможных реализаций. Реализуясь в единичных актах репродукционной деятельности, социокод сохраняет себя в знаково оформляемом общении. Знак безличен и вневременен, способен фиксировать и неопределенно долго хранить значение, универсализируется в структурах языка и порождаемых текстов ("знаковые продукты мышления суть тексты"). В то же время, оформляя речевые практики, как и практики чтения, знак включается во всевозможные игры смыслов, становится средством приращения содержаний, обеспечивая в этом своем качестве принципиально творческую природу общения как познавательной практики в отличие от деятельности, которая прежде всего лишь реализует результаты познания.

П. выделяет три минимально необходимых для нормального функционирования социокода режима общения – коммуникацию, трансляцию и трансмутацию. Коммуникация обеспечивает оперативное и одновременное непосредственное взаимодействие индивидов, обеспечивая оптимизацию совместной деятельности. Она предполагает совместимость и примерно одинаковый культурно-знаниевый потенциал вступающих в нее индивидов и действует в режиме отрицательной обратной связи как вопрос-ответная процедура (ее модель – общение коллег или партнеров). Трансляция обеспечивает передачу знания от одного ее участника к другому или от поколения к поколению. Это образовательно-обучающий режим, а его моделью могут служить отношения между учителем и учеником. Совместно коммуникация и трансляция (с акцентом на последней) обеспечивают разворачивание унаследованных по социокоду культурно-знаниевых программ, работу с ними в режимах их стабилизации, нормализации и сжатия. Трансмутация ответственна собственно за познание (прежде всего объяснение), появление инноваций и их социализацию, хотя познавательная компонента как минимум присутствует и в трансляции. Именно изменения трансмутационного характера и ведут, согласно П., к появлению возможности преодоления порогов, фиксированных рамкой задания социальности, и ограничений по контуру ментальной вместимости индивидов, а в конечном итоге – и к возможности смены самого социокода. Трансмутация есть не что иное, как срыв или сдвиг культурной традиции, прерыв преемственности и прямого трансляционного наследования, что делает невозможным и воспроизведение старых коммуникативных схем. Причиной смены социокода может оказаться "грязное" ("вирусное") решение в трансляции, т. е. то, для которого оказалось невозможным просчитать его отдаленные разрушительные для данной традиции последствия.

П. выделяет три наследующих друг друга по "принципу раньше-позже", но не вытекающие друг из друга по "закону необходимости" (а следовательно и не могущие быть оцененными по "шкале прогрессивности") социокода.

Исходным у него выступает: 1) личностно-именной тип кодирования. Он характерен для "архаических" человеческих обществ. Его репрезентантом является родовое охотничье сообщество, сорганизованное вокруг выполнения относительно стационарных (типичных, но ситуационных) коллективно осуществляемых практик, требующих функционального разделения усилий индивидов в рамках единого коллективного целого. На знаковом уровне закрепление этого разделения обеспечивается присвоением каждому включенному в коллективное действие индивиду взрослого имени как свернутой программы его частичной функции. При этом вся (всегда ресурсно ограниченная) номенклатура взрослых имен постоянно должна быть заполнена (иначе невозможно само действование сообщества), а "еще не" и "уже не" участвующие в этом действовании индивиды являются носителями детских и стариковских имен соответственно. Последний тип имен выполняет функцию "резерва" коллективной памяти в условиях отсутствия письменности и возможности поместить во взрослое имя (в силу ограничения по контуру ментальной вместимости) только то, что актуально необходимо. Таким образом, культура, согласно П., исходно носит именной характер, т. е. она адресно распределяет свои фрагменты-знания внутри ограниченной (интеграционной) целостности согласованных между собой имен (по принципу "неназванное не существует и начинает существовать, будучи названо"). Имя есть такая же универсалия знакового кодирования, как и текст. Именной принцип есть одновременно и принцип "парадигматизма" – "образцового" действования согласно с "именной сущностью" (делания по образцу имени). Сами имена при этом есть "имена по природе", в которых неразличимы означающее и означаемое. Именной характер носит и второй рассматриваемый П. социокод – 2) профессионально-именной. Он характерен для "традиционных" обществ, а его моделью может выступать кастовая социальная организация. Он связан с возникновением специализированного разделения труда между семьями, внутри которых и осуществляется наследование определенных профессионализированных программ деятельности, а базовые структуры социальности строятся на межсемейных стандартно нормированных взаимообменах деятельностью, над которыми простраиваются государственные институты. Целостность данному типу социальности задается через (ре)трансляцию общегосударственных программ, как правило мифологически и (или) религиозно сакрализированных (примером чего для П. является олимпийская древнегреческая мифология), осуществляющих функции

санкционирования и координации подключаемых к ним различенных текстов профессий. Таким образом в этом типе социумов происходит массовое кодирование индивидов в общие имена профессий, соотнесенных в общей технологической матрице. Тем самым связи на основе генетического кровнородственного принципа первого типа социокода дополнены здесь технологическими связями по профессиям. Этот тип кодирования предполагает наличие письменности и разделение акторно-деятельностной и знаковой компонент в (ре)продуцировании культуры.

3) Третий тип социокода предполагает преодоление именного принципа организации культуры и задания социальности. Это универсально-понятийное кодирование культур античо-европейского типа, возникновение которого П. склонен считать скорее своего рода "ошибкой" в развитии традиционной социальности ("отклонением от нормы естественно-исторического развития цивилизации вообще"), полным разрывом с ней, чем предуготовленной ее развитием, так как она не наращивает и не трансформационно сдвигает принцип именного устройства культуры, а преодолевает его как таковой (хотя и не отменяет его возможного применения внутри себя). В связи с этим П. предпринял ряд специальных анализов, имевших целью показать принципиальную несовместимость социальностей и институций, задаваемых этими двумя типами социокодов, что и вызвало неудачу всех попыток внедрения европейского опыта посредством реализации теорий модернизации (единственное исключение – современная Япония). Отсюда, согласно П., вытекает и необходимость преодоления европоцентризма как установки в межцивилизационном диалоге, единственно дающем шанс на преодоление этой несовместимости (в нем Европа собственным примером показывает принципиальную возможность "перехода").

Именно становление и суть универсально-понятийного кодирования П. и делает одним из основных предметов своего анализа. Становление этого типа кодирования во времени растянуто от зарождения в условиях античности через утверждение благодаря установлению доминирования христианства в средние века до окончательного оформления в институциях опытной науки Нового времени. Содержательно – это становление схем субъект-субъектного взаимодействия, предполагающего наличие сформированной автономной и универсальной личности. Как удвоение субъекта по основанию приказание-исполнение это отношение достаточно распространено в любом типе культуры, но "как социально-значимое отношение, оно не имеет аналогов в других типах культур", суть здесь "не в новизне самого отношения, а в его функциональной нагруженности, социальной значимости как ключевой структуры социального кодирования". Его становление в этом качестве и было задано как "ошибка", сбой в традиции и разрыв с ней в античности. Анализируя под этим углом зрения то, что происходило в бассейне Эгейского моря начиная с крито-микенского периода, П. и выстраивает собственную гипотезу генезиса античной цивилизации, дает свое понимание "греческого чуда" и его влияния на формирование европейской цивилизации. Возможность сбоя и разрыва с ритуализированным воспроизводством матрицы профессий П. связывает с прибрежно-морским характером формирования здесь социальности, ее вынужденной акцентированности на военных проблемах, вопросах обороны-защиты в силу наличия перманентной угрозы нападения извне. Классическая же традиционная социальность (образцом которой выступает Китай) основывалась не столько на предотвращении военной угрозы, сколько на преодолении "естественной недостаточности", что требовало организации больших масс людей (для тех же ирригационных работ, например) в строгом соответствии с годовыми природными циклами посредством жестко неизменной ритуализации действования. Ритуал, обеспечивая различения в практиках, ориентирован на воспроизводство и подтверждение сопричастности к совместности этого действования, но без актуализации рефлексивного отношения к себе самому. Это, согласно П., "медицинская установка" на невмешательство в естественный ход событий, требующее одновременно блокирования любого отклонения от "естественного нуля". Отсюда у П. такие термины как "нуль-норма", "нуль-реакция", "нуль-регулирование", отражающие основную ориентацию ритуализированных социальностей, – максимальное восстановление и поддержание сложившегося порядка при минимизации индивидуального вмешательства-изменения, ограничиваемого функциональной предзаданностью "имени по природе" (делающего всех, не исключая и императора, "рабами" ритуала и размывающего представление о критерии свободы). Это регулирование социальности прежде всего по принципу отрицательной обратной связи, что сводит (в пределе) общение к режиму коммуникации, блокируя пути к возможности обнажения формально-логических связей (хотя потенциальная возможность этого сохранялась в практиках конкурсного замещения мест китайскими чиновниками, но и они подчиняли трансляцию коммуникации, а не трансмутации). Перманентность же военной угрозы (бытие без "тыла" и всегда на "границе") в бассейне Эгейского моря требовала, согласно П., мобилизации всех наличных людских ресурсов, делала невозможной передачу "военных" функций в ведение особой касты, вела к необходимости универсализации функций и автономизации индивида, вынужденного (чтобы выжить) совмещать разные профессии, что было "противоестественным" для "имен по природе" (в том числе и потому, что требовало перевода различений в практиках в различения в знаках). Слом механизма неизменного ритуала и начал движение к замене "имен по природе" "именами по установлению", к обнажению формально-логических связей и переизобретению ритуалов в нестандартных ситуациях действования (по слову-установлению-творению). В итоге была разорвана связь между означаемым и означающим, универсализировано значение знаковой составляющей (выделенной уже в профессионально-именном кодировании) культуры как программирующей исполнение, установлен приоритет слова над делом, логоса (слова-разума) и номоса (закона) над конкретикой и многообразием феноменологических ситуаций, порожден универсалистский тип философии (первая форма теоретической дисциплинарности, согласно П.), закреплены принципы логического формализма в математике и римском праве. Был сделан принципиальный шаг к замене "медицин-

ской установки" на "редакторскую", налагающую запрет на повтор-плагиат и требующую обязательной личностной творческой вставки. Трикстером, начавшим этот переход, выступает, по П., пират (он же воин и земледелец), местом перехода – палуба пиратского корабля (по модели "корабля Одиссея" организуется и социальность "дома Одиссея"). Пиратство, по П., выступает на тот момент единственным не поддающимся ритуализации ремеслом, более того, оно скорее ломает ритуал. Стабилизировавшись, новая социальность заменила пирата гражданином полиса (усилившего свою универсальность и автономность через обладание "умением жить сообща" по номосу, окончательно отделившего слова от переданного рабам-исполнителям дела, овладевшего грамотностью и локализовавшего инноватику в области "смещения-накопления текстуальности". Однако античность, согласно П., предельно акцентировав режим трансляции, не смогла найти соответствующих ей институционализированных каналов трансмутации, более того, на долгие века через некоторые концепты своей философии блокировала возможности поиска в этом направлении. В частности речь в этом отношении может идти об обосновывающей трансляцию, но блокирующей путь к трансмутации схеме познания как воспоминания Платона (неоплатоники усилили эту линию учением об эманации) и о построениях Аристотеля (хотя сам П. долгое время считал себя поклонником его философии). Трансмутация же всегда следует за трансляцией, получая от нее форму. Поэтому для разблокирования пути к каналам трансмутации возникла необходимость перестройки и сложившихся в античности способов трансляции знания. Эту часть работы по простраиванию универсально-понятийного кода проделало христианство в целом, теология как новый тип теоретической дисциплинарности (в том числе и схоластическая философия) в частности.

П. выдвигает и обосновывает гипотезу, согласно которой все необходимое для возникновения опытной науки как трансмутационного канала становящегося социокода оформилось внутри средневекового религиозно-ориентированного мышления. ("...Теология – первая европейская дисциплина, которая изобрела, внедрила, отработала подавляющую часть действующих и ныне моделей, форм, процедур, способов организации дисциплинарной жизни и ее воспроизводства в смене поколений". Иначе: "Возникновение опытной науки лишь частное следствие дисциплинарной революции в теологии..."). Теологом невозможно было быть не являясь новатором (он – смертный творец, который лишь опосредует свои результаты текстом Бога (Библии), сообщая им божественное свойство истинности, а тем самым верифицируя их и встраивая в сеть цитирования). Ход в трансмутацию был, по сути, открыт, а трансляция была перестроена прежде всего благодаря возникновению университетского образования: "С точки зрения внутреннего генезиса университет – производный продукт институционализации теологии". Реализован же этот ход был с возникновением третьей европейской теоретической дисциплинарности – науки, "которая ввела разум "в жесткие рамки возможного, вероятного и достижимого". Если универсально-понятийному кодированию удалось преодолеть пределы знания-действования с учетом констант окружения и сделать доминантным мир знания-знака, то "только появление опытной науки, в которой человек отказался от принципа фрагментации знания по вместимости индивида и перешел на фрагментацию знания по константам внешнего мира, решило проблему социализации нового в европейском очаге культуры". Отсюда невозможность полного разворачивания универсально-понятийного кодирования вне и без институций науки, отсюда же и интенция к абсолютизации роли научного знания в европейской культуре.

П. задается вопросом о том, что же конкретно отличает наш тип культуры от других, и отвечает на него следующим образом: "Мы бы сказали – всеобщая распределенность навыка формализации: активная, гибкая и оперативная формализация любых проблем, перевод их в измеримую и разрешимую форму, умение искать, находить, а если нужно, то и искусственно создавать фоновые сущности вечной, лишенной отметок пространства и времени знаковой природы. Иногда этот знаковый активизм нас подводит, и мы с набором постулатов актуализма пытаемся опознать и решить проблемы, для которых этот набор заведомо недостаточен. Но исключения не отменяют правила. В странах европейского очага культуры массовым, практически всеобщим порядком из поколения в поколение воспроизводится научная психологическая установка, одержимость приложением, мания и навык приложения. Не у всех эта установка работает в полную силу, но здесь различия по степени, а не по типу". Таким образом, античноевропейская цивилизация последовательно универсализировала прежде всего роль знакового (языково-знаниевого) начала в культуре, поместила в начало любого ряда объяснительных (трансмутационных) процедур, переводимых в деятельность, вечный знак (в этих процедурах и развертываемый через формализмы в приложение). Формулам "индивид=имя+текст" (без различения действия и знака, социальности и культуры) и "группа=текст+имя" (с разделением действия и знака, но неразрывностью связи означаемого и означающего, социальности и культуры, но с доминантой социальности) была противопоставлена формула "индивид=всеобщее+частное", исходя из которой европеец "разворачивает себя" как начало ряда через "формализмы в приложение", ориентируясь на попадание своего полученного результата в какой-либо из рядов, при этом, желательно, как можно ближе к его началу. Новация должна, в конечном итоге, упереться в какой-либо абсолют как конечное основание объяснения (как ранее она упиралась в интерьер деятельности или в имя бога-покровителя), функция которого объяснять, оставаясь необъясненным.

Таким образом, перед П. вновь встала проблема соотнесения уникального и нормированного, но уже во многом как проблема именно универсально-понятийного кода и как проблема анализа трансмутационно-трансляционных каналов культуры (в другой формулировке – проблема понимания и соотнесения творчества и репродукции). Трансмутационные каналы социокодов традиционного типа жестко привязаны к возможностям и нуждам наличной социальности и имеют принципиальные технологические ограничения. Это полно-

стью относится к личностно-именному кодированию, в котором кодирование постоянно удерживается в горизонте эмпирии и где объем удерживаемых знаний полностью определяется актуальной совокупной памятью коллектива (включая "резерв" – память стариковских имен, непосредственно не вовлеченных в коллективное действие, но хранящих уже не используемые схемы действования). Основной трансляционный механизм здесь – ритуалы посвящения (инициации). Трансформация же здесь возможна либо за счет умножения имен (что проблематично и быстро исчерпывает свои возможности), либо за счет изменения текста имени (что предполагает изъятие из него менее эффективной схемы (первоначально отторгаемой в память старцев), так как "пустого" места для новой схемы нет). Профессионально-именной код принципиально расширил возможности социокультурной памяти, введя ее дополнительное знаково-закрепленное измерение и преодолев тем самым горизонт эмпирии. Основной трансляционный механизм здесь задается возможностями непосредственной и родовой памяти, социализируемой в профессию семьи. На общесоциальном уровне тексты профессий собираются по кровнородственному принципу в семейство вечных имен богов-покровителей профессий. Возможности же трансмутации остаются здесь по-прежнему весьма ограниченными. Она реализуется: 1) как преемственное повышение стандартов профессиональной деятельности, подчиненное закону селекции на эффективность, т. е. как "рационализация"; 2) как увеличение объема транслируемого знания через увеличение числа профессий, т. е. общей емкости социокода, либо через "почкование" (разделение профессий и их текстов), либо через "прививку" (заимствование у "других"), что всегда остается проблематичной и ограниченной возможностью. Трансформация и в этом случае остается подчиненной практическим социальным задачам – она определяется "движением в социализацию", носящим необратимый характер (профессии могут разделяться и заимствоваться, но не могут сливаться, число различений в матрице фрагментирования не может быть сокращено, постоянно осуществляется "дренаж" отработанных навыков). Это движение в специализацию обрекает традиционные социумы на неизбежную катастрофу, после которой возрождается "обедненная" матрица профессий. Поэтому творчество в традиционных социумах всегда подчинено репродукции и строго дозировано и локализовано в социальном пространстве. Только "освобождение" знака в универсально-понятийном кодировании принципиально изменило ситуацию, перенеся акценты с репродукции на творчество, а тем самым поставив проблему инноватики в фокус рассмотрения. Репродукция в целом передается в срез деятельности (социальности), производящей продукты, а творчество концентрируется в срезе общения (знаково закрепленной культуры), продуцирующем тексты-произведения. Линия их разграничения маркируется принципом запрета на повтор-плагиат.

Уже сам процесс "говорения" (а тем более "чтения"), согласно П., в любом типе социальности есть трансмутационная "вставка" (другое дело, что она не всегда рефлексируется как таковая): "Владеть языком – значит быть и причастным и приговоренным к таинству творчества, быть вольным или невольным творцом истории". В этих процессах вступает в действие универсальный семиотический механизм "сдвига значений", так как "говорящий" ("читаемый текст") изменяет смысловое поле "слушающего" ("читающего"). Главной единицей общения, по П., являются серия предложений, фиксирующих некую многозначную смысловую целостность. Именно они и есть основание возможного выделения текста-произведения. Последний принципиально погружен в пространство общения, так как имеет всегда более чем одного владельца. Обладая интенцией существовать неопределенно долго, текст-произведение всегда преемственно изменяется в ситуациях общения. Это связано не только с самой природой языка-речи, но и с трансформированием транслируемого в языке знания ("любой продукт мысли оказывается текстом конечной длины"), подвергаемого операциям переорганизации, что порождает так называемые "эффекты ретроспективы". Все эти процессы в европейского типа социокоде "стремятся" приобрести и свою институциональную составляющую. Таким образом, здесь уже в механизмы трансляции принципиально встроена трансмутация. Каналы же трансмутации в универсально-понятийном кодировании формируются параллельно с дисциплинарным оформлением теоретического знания (греческой философии, христианской теологии и новоевропейской науки). Объяснить (в трансмутации) и внедрить (в трансляцию) новый результат здесь означает вписать его в массив дисциплинарного знания, наследуемый индивидом как не им созданная данность, которая должна быть принята и освоена на правах постулата и интериоризована в этом качестве. Результат, оформляясь как текст (акт речи), дабы попасть в дисциплинарное знание, подвергается принципиально иному типу сжатия, чем в традиционных социокодах. В последних сжатие предопределяется освоением в деятельности и "забыванием" ненужного в ней. Здесь же оно обеспечивается наличием фигур историка и теоретика, сжимающих текст до пределов вместимости индивида. Историк производит селекцию дисциплинарного знания по пикам цитируемости (заменяющей отсылки к именам), сохраняя преемственность целостности знания во времени. Теоретик же, наоборот, разрушает сети цитирования, предлагая иные (как правило, более универсальные) принципы структурации материала. Таким образом и задается "эффект ретроспективы" – мы видим всегда из определенной временной и теоретической перспективы. Тем самым "дисциплинарные механизмы социализации нового рассчитаны только на трансмутационные акты, привносятся этими актами в действие, получают от них свое право на существование".

Согласно П., дисциплина (см.) как форма организации теоретического знания включает в себя (как свою "грамматику"): 1) дисциплинарную общность творцов-субъектов; 2) массив накопленных наличных результатов-вкладов (в иных контекстах П. говорит об архиве как полном "арсенале причин дисциплинарности"); 3) механизм социализации (признания) будущих вкладов и ввода их в массив (в науке – публикация); 4) механизм подготовки дисциплинарных кадров (университет) через приобщение к массиву результатов и

усвоение этоса; 5) дисциплинарную деятельность (в ролях исследователя, историка, теоретика, учителя; факультативно: редактора, референта, оппонента, рецензента, эксперта, популяризатора); 6) правила дисциплинарной деятельности (включая этос); 7) сеть цитирования (как побочный продукт деятельности исследователей, объясняющих новое от наличного и включающих свои результаты, с помощью ссылок на наличное, в массив результатов); 8) предмет дисциплины – поле поиска новых результатов, заданное действующей парадигмой. Дисциплинарная форма организации знания предполагает перевод проблем в "решенные вопросы", к которым незачем и запрещено возвращаться, что "придает дисциплинарной деятельности поступательность, четко определяя ее как "настоящее" дисциплине. В "будущем" дисциплины располагаются нерешенные и просто еще не идентифицированные проблемы, а ее "прошлое" образовано растущим шлейфом решенных вопросов, каждый из которых удовлетворяет принципу соразмерности причины и действия".

Основное различие между дисциплинарностями (**см.**) П. усматривает в механизмах верификации результатов: 1) философия такого механизма не имеет (но для его приобретения может замыкать на себя как теологию, так и науку); 2) в теологии верификационная процедура обращена в прошлое, слита с объяснением и аппелирует в конечном итоге к священному тексту; 3) в науке она отделена от объяснения, обращена в будущее и ссылается на предмет (природу). Кроме того, в теологии правило запрета на повтор-плагиат (ссылку на одно и то же "место" для обоснования разных результатов) не распространяется на верификацию, что невозможно в науке. Таким образом, в научной дисциплине и ее интерьерах "время всегда течет задом наперед: будущее (верификация) предшествует прошлому (объяснение-интеграция)". Дисциплинарное начало науки говорит в пользу того, что наука является чисто новоевропейским "изобретением" – только "дисциплинарность не знает и не приемлет привычного для интерьеров профессиональной деятельности факультативного статуса новаторства, когда новатором можно быть или не быть, оставаясь в любом случае профессионалом". И здесь вновь встает проблема противоречия между индивидуально-творческим и нормативно-стандартным – творческий акт ученого (как и теолога) признается дисциплиной лишь получая статус нормативно-нормального для массива вкладов через признание отторгнутой от автора (а тем самым и обезличенной) "публикации" (статьи, книги, выступления в диспуте и т. д.). При этом П. усматривает прямую сопоставимость наукометрических и языково-речевых процедур. Он считает, что публикацию можно рассматривать как акт речи (конечную серию предложений, формирующих смысл), обеспечивающий, с одной стороны, переход индивидуального по генезису нового элемента знания в наличное общедисциплинарное знание, а с другой – (пере)оценку наличного дисциплинарного знания в терминах возникшего нового знания. "Иными словами, дисциплинарное трансмутационное общение не знает какого-то независимого или обособленного "контейнера" смысла, кроме массива наличных результатов. Смысл не привносится в этот массив откуда-то извне, а сообщается новым результатам в актах опосредования наличными. "Новый смысл" входящих в массив результатов есть с точки зрения дисциплины лишь зафиксированный в данном результате *сдвиг значения* в некоторой группе предшествующих ему результатов". Публикация, представляя принятым в дисциплине способом результат, призвана объяснить найденное новое в терминах наличного, известного и представленного уже в дисциплинарном массиве публикаций, т.е. перевести результат в статус "решенного вопроса". Последний встраивается в ряд предшествующих результатов, изменяя его (еще одно проявление "эффекта ретроспективы", создающего иллюзию предвосхищения), приращивая смысл, за что автор результата не может нести никакой ответственности.

Сопоставимость языковых и дисциплинарных процессов, лингвистических и логических структур с возможными схематизмами отношения людей по поводу людей и вещей обнаруживается П. и в его гипотезе о влиянии флективности древнегреческого на становление античной философии, аналитичности новоанглийского на утверждение опытного естествознания, текстовости на современную культуру в целом. Замыкания на категориальные потенциалы флективного и аналитического типа "создали в европейском очаге культуры своеобразную ситуацию "двоемирия" – двух находящихся в отношениях дополнительности знаковых картин мира, что впервые заметил и описал в антиномиях чистого разума И. Кант. Его мир "тезисов" определенно выполнен на флективных структурах, тогда как мир "антитезисов" не менее определенно тяготеет к аналитическим структурам". Первые фиксируют внимание на "предмете", вторые – на "взаимодействии", позволяя варьировать акценты то на смыслах, то на структурах порядка. "Если картина мира нарисована флективными красками, она неизбежно должна принять "логосный" вид приведения множества самостоятельных и автономных сущностных элементов к разумно-осмысленному миропорядку... Флективный подход ставит проблему выбора, но не дает объяснения, почему именно этот порядок выбран из множества возможных... Флективный мир всегда и во всех своих элементах один из многих возможных, всегда альтернативен. Он не может быть объяснен без фигуры творца, снимающего выбор... Фигура творца выступает здесь на правах условия и гаранта однозначности мира. С другой стороны, если картину мира рисуют аналитическими красками, она с той же неизбежностью принимает вид довлеющего "самопорядка", который не требует объяснения просто потому, что другой порядок невозможен, и фигура творца становится в таком мире излишней "безработной" гипотезой, с помощью которой нечего объяснять". Мир языка определяет мир человека: "В первом, флективном мире проживает homo sapiens – свободная причинность, хотя и весьма склонная освобождаться от тяжкого бремени свободы и несоразмерности в пользу своих творений. (...) Во втором, аналитическом мире проживают человеческие творения". Таким образом наш "реальный мир" строится на языковых нормах данного общества, а миры языков есть отдельные миры, а не один мир, использующий разные языки.

Языки задают, утверждает П. со ссылкой на гипотезу лингвистической относительности Э. Сепира-Б. Уорфа, разные формы мышления о мире. Обратив же схему дисциплинарного общения на общение как таковое, П. обнаруживает, что: "Все объясняющие опорные элементы акта трансмутации располагаются *раньше* объясняемого, и с чисто логической точки зрения эти объясняющие элементы могут для акта трансмутации рассматриваться как *абсолюты*, запрещающие regres sus ad infinitum и не требующие объяснений, поскольку они уже объяснены, поняты и приняты, признаны сторонами общения как данность". Однако перенеся принципы анализа на внедисциплинарные области культуры, П. вынужден был скорректировать свою позицию, объясняя творческую природу искусства, что потребовало переопределения самих понятий репродукции и творчества. Так, репродукцию П. предлагает понимать как умножение одних и тех же схем для получения серии одинаковых результатов, как производство для потребления, как необходимый фон для любого типа творчества. Она стабилизирует качество и ориентирована на продуцирование количества. Творчество же есть производство самой репродукции, ее обновление и изменение. Оно, стабилизируя количество, ориентировано на продуцирование качества, что предполагает принципиальный запрет на повтор-плагиат. Оно различает, а не отождествляет, осуществляется в определенных рамках, но не по закону (оно невозможно по алгоритму), оно ориентировано на текст-произведение, но не на продукт (оно не может быть "потреблено", во всяком случае непосредственно).

Тем самым творчество, согласно П., есть "творчество репродукции" – перевод личного деяния в безличное "имеется". По всем этим параметрам никакого принципиального различия между наукой и искусством нет. Различия же определяются: 1) дисциплинарной природой науки, прежде всего требованием объяснения нового через наличное, в недисциплинарном искусстве действует установка на преодоление наличного без постоянной оглядки на это же наличное (однако "факультативно" и там действуют школы, направления и т.д.), т.е. речь идет о разных механизмах признания результатов творчества (для искусства – это поле ценностей культуры), а не о разной природе самого творчества; 2) разностью (опять же находящихся вне творчества) способов их приложения – здесь важны: а) представление о науке как о производительной силе, что ведет к тому, что в науке человек начинает видеть не себя, а меру своей несубъективности, несуверенности; б) анализ П. архитектуры как области приложения; 3) перспективами видения ими друг друга: а) искусство видит науку только в ее приложениях (т.е. в репродуктивном и несубъективном измерениях); б) наука же рассматривает искусство как область реализации субъективного, релятивизирующихся ценностей, которые могут быть схематизированы научными методами, т.е. только вне искусства; 4) тем, что в науке вклад в принципе может быть сделан и другим индивидом (спор часто идет в ней именно о приоритете сделанного вклада), а в искусстве он привязан к творцу; 5) разным вовлечением в свои рамки человека – искусство принципиально ориентировано на человека, тогда как наука (в идеале) всегда стремится изгнать его за свои пределы, а в качестве своего предмета всегда берет его в репродукции. "Научное знание начинается там, где кончается человек, где от него удается освободиться".

Специфическое место в этом отношении, согласно П., занимает медицина, которая заканчивается там, где начинается человек, так как она работает с отклонениями от нормы человека и воспроизводит в современной научной дисциплинарности "медицинскую установку" профессионально-именного кодирования. П. обобщает и концептуально завершает свой анализ творчества и трансляционно-трансмутационного характера универсально-понятийного кодирования в теории тезаурусной динамики, анализирующую процессы движения идей от переднего края науки к начальным этапам образования и движение людей через систему образования в виды специальной деятельности в современном обществе, что до-стигается через взаимопонимание на базе общности лингвистического и знаниевого опыта.

В этом ключе П. выделяет в знании (см.) три формы предъявления: парадигму (проблемы), тезаурус ("решенные вопросы"), топос (переходные формы, в которых проблемы уже переведены в "решенные вопросы", но этот факт еще не признан сообществом в акте публикации), понимая при этом под тезаурусом "универсалию общения, которая выявляет себя в любом акте речи как навязанное аудиторией условие взаимопонимания". В обычной речевой практике к последним относятся: общность правил грамматики (использование одного языка), общность текста, накопленного в предыдущих актах речи, и связанного с ним словаря. "В обычной речи тезаурус то, что вынуждает нас, не меняя грамматики языка, говорить одним словарем с ребенком, другим – с близкими, третьим – с коллегами, т.е. практически всегда оценивать аудиторию на возможность взаимопонимания и действовать по правилу Гераклита: "Хочешь говорить понятно – крепче держись за общее всем, как город держится за закон и еще крепче". В дисциплинарном варианте ("решенные вопросы") тезаурус может быть редуцирован к массиву дисциплинарных публикаций. Движение в этом тезаурусе должно учитывать три образовательных периода: этап "от 2 до 5", этап общеобразовательной школы, этап постшкольного образования. Эта последовательность переходов задает целостный и уникальный для каждого общества континуум тезаурусных значений (Т-континуум, в котором "этап от 2 до 5" остается лишь на его входе, а за точки отсчета берутся первый класс общеобразовательной школы – Тп, ее выпускник – Ту, вход в терминал взрослой деятельности – Тт, а сам он каждый новый учебный год сдвигается на год назад для приема нового поступления в него). Речь идет об обобщенной трансляционно-трансмутационной модели европейского социокода, в которой образовательная и познавательная (научная) компоненты представляют собой неразрывное целое, задавая механизмы селекции в каждой из фиксируемых точек, обеспечивающие при этом сохранение некоей "нормы избыточности". По мысли П., "...опираясь на избыток образования, европеец способен покидать гибнущие должности и переходить на устойчивые, удерживаясь тем самым в структуре социальности при быст-

ром обновлении штатного расписания общества". См. также: **Дисциплинарность**.

В.Л. Абушенко

ПИАЖЕ (Piaget) Жан (1896-1980) – швейцарский ученый, один из ведущих психологов 20 в. Профессор университетов Невшателя (1923-1929), Женевы (с 1929), Лозанны (1937-1954). Основатель Международного центра генетической эпистемологии (1955), создателем которой он является. Основные сочинения: "Речь и мышление ребенка" (1923); "Психология интеллекта" (1946); "Введение в генетическую эпистемологию" (т. 1-3, 1949-1950); "Механизмы восприятия" (1961); "Генетическая эпистемология" (1970); "Генезис элементарных логических структур" (1972, совместно с Б. Имельдер) и др.

Отвечая на вопрос о специфике человеческого способа адаптации, П. делает акцент на способности человеческого интеллекта самостоятельно добывать знания, отличительной чертой которых является их объективность, независимость от добывающего эти знания субъекта. Онтогенез такой способности и стал предметом многолетних исследований П. При этом П. удалось достичь редкого единства созданной им уникальной по разработанности теории интеллектуального развития ребенка и собранного им самим грандиозного по объему эмпирического материала. Теория П. включает целостную систему взаимосвязанных понятий: равновесие, адаптация, ассимиляция, аккомодация, интеллект, стадии интеллектуального развития, действие, интериоризация, операция, операционная система, ритмы, регуляции, группировки, символическая функция и др. Адаптация человека связана с развитием его интеллекта.

По П., существуют три основные стадии интеллектуального развития: сенсомоторный интеллект (0-2 года), дооперационное мышление (2-7 лет), операционное мышление (7-15 лет). Последнюю стадию в свою очередь П. разделяет на подстадию конкретных операций (7-11 лет) и подстадию формальных операций (11-15 лет). Интеллект добывает знания, осуществляя различные действия с познаваемым объектом. Развитие интеллекта – это развитие познавательных действий. При этом имеется в виду, во-первых, расширение репертуара доступных ребенку действий с познаваемым объектом и совершенствование этих действий (например, развитие координации сенсорных и моторных компонентов действия, вариативности его исполнительной части при сохранности цели, возможности объединения действий в более сложные комплексы). Во-вторых, развитие интеллекта ведет к появлению, наряду с обычными предметными действиями, действий символических, выполняемых во внутреннем плане, в воображении и далее – к действиям над символическими, знаковыми формами предметных действий, например, логическим операциям над высказываниями. В-третьих, развитие интеллекта включает координацию, согласованность действий, объединение их в сложные познавательные структуры (ритмы, регуляции, группировки). Тип познавательной структуры объясняет уникальную, неповторимую феноменологию мышления на каждой стадии развития. В частности, объективность знаний – это следствие превращений познавательных действий субъекта в операции, являющиеся элементами особой познавательной структуры – группировки.

Исследования П. охватывают не только развитие мышления, но и других интеллектуальных функций – восприятия, памяти (представлений), речи, морального сознания. Концепции П. присущ определенный биологизм и, соответственно, акцент на созревании как главном факторе интеллектуального развития, взгляд на развитие речи как результат созревания общей символической функции, унифицирование различных действий при анализе предметных манипуляций, измерений, классификаций, моральных суждений. Раскрытая П. феноменология интеллектуального развития ребенка стала классикой, с которой не могут не считаться даже те, кто спорит с его теорией. Наиболее полный анализ исследований П. осуществил Д. Флейвелл.

Г.М. Кучинский

ПИСАРЕНКО Иван Яковлевич (1926-1996) – белорусский социолог, кандидат философских наук (1975), профессор кафедры социологии Белгосуниверситета (1991). Участник Великой Отечественной войны, имел три ранения, награжден боевыми орденами и медалями. В науку П. пришел в 1969 (Институт философии и права Академии наук БССР). С 1973 – педагогическая и научная деятельность в БГУ. На кафедре социологии БГУ работал с момента ее создания в 1989.

В области теоретических и практических проблем педагогической деятельности П. исследовал процесс формирования профессиональной этики как таковой и особенности педагогической этики. П. отмечал, что "особенностью профессиональной этики является ее тесная связь с деятельностью членов конкретной группы" и что "моральные кодексы возникают в результате необходимости регулирования поведения профессионалов в тех областях деятельности, которые в результате социальных изменений выдвигаются на передний план и их роль становится исключительно значимой". Специфика педагогической этики определялась им как ориентация на активный гуманизм и коллективизм, основанные не только на взаимном уважении и помощи, но и на взаимной требовательности и взыскательности. Отдавая отчет в динамизме развития социальных систем и институтов, П. указывал на необходимость пересмотра "характера и содержания спорных норм педагогической морали".

Находясь у истоков формирования проблемного поля отечественной социологии управления, П. изучал вопросы стиля управления в трудовом коллективе, теоретических основ делового общения, теории и практики социального планирования (в т.ч. относительно молодежи, трудового коллектива, досуга, образа жизни, личности). Работая на кафедре социологии, П. разработал и читал ряд оригинальных спецкурсов, которые легли в основу специализации студентов: "Социология управления", "Социология труда", "Этика управления", "Социальное планирование и прогнозирование" и др.

На протяжении многих лет своей научно-исследовательской практики, по признанию П., он вынашивал идею формирования единой социологической методологии, фундировавшей самостоятельный статус социологии и определявшей рационализм и практическую значимость результатов социологических исследований. Эта методология мыслилась как единая платформа для всех уровней и видов социологических исследований, но без претензии на унификацию результатов, схем и логик социологического объяснения. Результаты своих изысканий в этой области П. собирался представить в своей докторской диссертации "Социологическая методология как система", до защиты которой он не дожил 5 дней.

Акцент в методологической рефлексии П. был сделан в сторону конкретных социологических исследований (КСИ) – особое внимание уделено программе КСИ как его методологии, "были внесены новые компоненты в общепринятую схему ее разработки (разработка аналитического аппарата, критериального аппарата и др.)". П. хотел обогатить социологический арсенал "пока не получившими распространения, но апробированными эффективными методами сбора социологической информации, такими как социальная паспортизация, социологическая аттестация, эвристические методы". Социологическая методология, по схеме П., выступает полиструктурной системой из четырех взаимосвязанных уровней: общесоциологическая методология; методология специальных социологических теорий; методологическое обеспечение эмпирических социологических исследований; методология прикладных социологических исследований. "Все эти методологические уровни связывают организацию социологического познания в единую систему таким образом, что каждый нижний уровень непосредственно зависим от высшего по субординационному признаку… А в каждом из них выделяются свои подсистемы, которые связаны между собой по координационному признаку".

Принимал активное участие в подготовке первых в Беларуси фундаментальных изданий по социологии – "Словарь по прикладной социологии" и "Социологический словарь"; был членом ревизионной комиссии при Президиуме правления Белорусского отделения Советской социологической Ассоциации.

П. опубликовал более 100 научных работ, включая несколько монографий, одна из которых – "Педагогическая этика" (в соавторстве с В.И. Писаренко) – была трижды переиздана (в том числе на болгарском и латышском языках).

Д.К. Безнюк

ПИСЬМО – одна из возможных версий перевода фр. слова écriture, могущего обозначать П., письменность, Священное писание. В широком смысле П. фиксирует общую артикулированность, членораздельность в функционировании, работе психики, сознания, культуры. Артикуляция, членоразделение оказываются в этом контексте общим условием любого человеческого опыта. (Такой подход впервые был явно задан Р. Бартом, предлагавшим легитимировать "артрологию" – или "суставоведение" – в статусе научной дисциплины, призванной изучать членоразделения любого типа в культуре.)

В узкоклассическом смысле П. предполагает расчленение потока речи на слова, звуки и буквы. П. как способность артикуляции расщепляет в языке все, что стремится быть континуальным, а также сочленяет в нем все разорванное. В истории человечества П. в ипостаси "письменности" являлось существенной характеристикой состояния общества: так, "дикарское общество", представляемое социальным типом "охотника", изобрело пиктограмму; "варварское общество" в лице "пастуха" использовало идеофонограмму; "общество землепашцев" создало алфавит. Техника П. таким образом выступала важным фактором формирования обобщенного социального пространства, обусловливая доминирующие репертуары общественной коммуникации. (Два типа П. – фонологизм и иероглифика – способствовали формированию разного типа культур и различных форм этноцентризма.)

Логоцентризм, присущий западной культуре, традиционно вытеснял П. на статусную периферию: постулировалось, что П. суть вторичный феномен, находящийся в безусловном услужении у устной речи. Считалось, что П. – это всего лишь "знак знака": графический знак, замещающий устный в его отсутствие. (Возможность осмысления идеи об изначальности П. отнюдь не связана с фактом хронологической первичности указанного обстоятельства. Вопрос о том "предшествует ли письмо фонетическому языку" был, в частности, сформулирован во второй четверти 20 в. академиком Марром. Соответствующие выводы, сформулированные в первом издании Большой Советской Энциклопедии, позднее были подвергнуты критике И. Сталиным – см.)

В истории философии Платон, например, весьма низко оценивал функции П., трактуя его как служебный компонент языка, как вспомогательную технику запоминания – hypomnesis. (Ср. у Ф. Ницше: "Сократ, тот, который не писал".) Пренебрежительное отношение к П. было концептуально сформулировано у Аристотеля: согласно Деррида, "для Аристотеля слова сказанные являются символами мысленного опыта, тогда как письменные знаки есть лишь символы слов произнесенных. Голос, производящий "первые символы", состоит в сущностной и интимной связи с разумом... Этот первый означатель находится в особом положении по сравнению с другими означателями, он фиксирует "мысленные опыты", которые сами отражают вещи мира. Между разумом и миром существует отношение естественной сигнификации, между разумом и Логосом – отношение конвенционального символизма. Первой конвенцией, непосредственно связанной с естественной сигнификацией, является устный язык, Логос. Как бы то ни было, именно естественный язык оказывается наиболее близким к означаемому, независимо от того, определяется ли он как смысл (мыслимый или живой) или как вещь. Письменный означатель, по Аристотелю, всегда лишь техничен и репрезентативен, он не имеет конструктивного значения". Именно Аристотель, по мысли Деррида, заложил интерпретацию П., до сих пор доминирующую в западной культуре, где "понятие письма... остается в рамках наследия логоцентризма, являющегося одновременно фоноцентризмом: в рамках представления об абсолютной близости голоса и Бытия, абсолютной близости голоса и значения Бытия, голоса и идеальности значения". По Аристотелю, речь

непосредственно передает представления души; П. же всего лишь выражает то, что уже заложено в речи, в голосе. Данная интенция мышления транслировалась и христианством: истинным словом Бога полагалось его первое слово, слово *сказанное*. (Согласно Деррида – **см.**, "письмо, буква, чувственное начертание всегда расценивалось западной традицией как тело и материя, внешние по отношению к духу, дыханию, глаголу и логосу. И проблема души и тела, несомненно, производна от проблемы письма, которое и наделило первую своими метафорами".) Р. Декарт, выдвигавший проект разработки всеобщего П., полагал, что ввиду своей произвольности П. не подвластно непосредственной интуиции и подлежит расшифровке. Неоднозначно оценивалась роль П. в творчестве Ж.-Ж. Руссо: П., поставленное вслед за речью, по его мысли, суть маркер степени деградации культуры относительно природы. При этом Руссо полагал П. ответственным за многие проблемы общества, культуры и языка. По мысли Руссо, П. способно в известных ситуациях "восполнять" язык. Тесная взаимосвязь П. и чтения обращала на себя внимание многих мыслителей. Согласно Г. Гегелю, в рамках этих процедур сознание совершает восхождение к *представлению* об описываемых явлениях: "...произведения искусства достигают видимости жизни лишь на своей поверхности, а внутри являются обыкновенным камнем, деревом, холстом, или, как в поэзии, представлением, проявляющимся в речи и буквах".

В целом классической западной метафизике присуще забвение и уничтожение П.: оно полагалось несущественным, вторичным (в гносеологическом плане); подменой и маской (в моральном аспекте); способом замены личного участия представительством (в политическом контексте). По мысли Деррида, логоцентризм – эта эпоха полной речи – всегда заключала в скобки и в конечном счете вытесняла любую свободную рефлексию относительно происхождения и статуса П., любую науку о П., если она не была технологией и историей П. на службе речи, если она не шла вслед за речью, которая якобы стремится следовать за Бытием в попытке зафиксировать присутствие человека при/в жизни мира. К примеру, по мнению Ф. Соссюра, язык не зависит от П. как способа изображения речи; единственным оправданием существования П. является речевая репрезентация. По схеме Соссюра, П. – это П. главным образом фонетическое, являющее собой систему произвольных и условных знаков. (Хотя Соссюр и признавал необходимость особого подхода к звуковой субстанции: "Самое существенное в языке ...постороннее звуковому характеру языкового знака"; "в своем существе языковое означающее никоим образом не звук".) Как отмечал Деррида, "эпоха Логоса унижает, дискредитирует письмо, которое рассматривается лишь как медиация медиации...". П. трактуется здесь "как то, что выпадает из значения, оказывается посторонним, внешним значению".

В строго определенном смысле наука о П. конституировалась в 18 в. – в период, характеризующийся вполне однозначным пониманием взаимоотношений устной речи и описаний. Так, по Э. Гуссерлю ("Происхождение геометрии"), П. есть условие возможности идеальных объектов, условие научной объективности как таковой. Гуссерль стремился обосновать дихотомию экспрессивных и индикативных знаков; попытка оказалась не слишком удачной, ибо, как выяснилось, любая экспрессия оказывается захваченной в сети индикации. По мысли Деррида, различие между экспрессией (выражением) и индикацией (обозначением), т.е. различие, по Гуссерлю, между знаком и не-знаком, между словом и П. являет собой различие функциональное или интенциональное, но никак не сущностное. Ибо то, что должно отделять экспрессию от индикации – непосредственное не-личное присутствие живого настоящего – оказывается нефиксируемым в языке. Из этой неудачи Гуссерля Деррида вывел перспективную возможность отождествления знака П. со знаком как таковым.

В постструктуралистском литературоведении (в контексте идеи о "смерти автора") обращение к феномену П. было обусловлено отказом от идеи связи языка с человеком как его началом и источником. По Р. Барту (**см.**), П. есть "точка свободы писателя между языком и стилем": пишущий находится в промежутке между языком, данным ему как внешнее, и идущим "изнутри" стилем. Выбор в этой ситуации, согласно Барту, сводится к принятию формальной реальности П.

Предложенная Деррида ("Нечто, относящееся к грамматологии", 1967) идея "грамматологии" как *иной* науки о П. означала качественно новый этап в его понимании. Дерридианская трактовка проблемы была нацелена на опровержение логоцентризма как идеи тождества логоса и голоса в европейской культуре: у Деррида идея П. фундирована отказом от тезиса единства звука и смысла. По мысли Деррида, "фонетическое письмо – это арена великих метафизических, научных, технических и экономических происшествий Запада". Стратегия деконструкции не могла не предполагать пафосный отказ от фоноцентризма: "система языка, ассоциирующаяся с фонетически-алфавитной письменностью, есть то, в рамках чего была создана логоцентристская метафизика, метафизика, детерминирующая, определяющая смысл Бытия как присутствие" (Деррида).

Суть концепции Деррида сводится к следующему. Между человеком и истиной существует весьма значимая череда *посредников*, располагающаяся в основном в сфере языка. "Наличие" – область данного и несомненного – находится на расстоянии бесконечности, с каждым шагом к ней отступая все дальше и дальше. Посредники эти являют собой ряд ступеней, каждая из которых не более чем "след" предыдущей. Ступени-следы отличаются друг от друга тем, что возможно обозначать как "различие". Общая индивидуализирующая функция этих различий, согласно Деррида, именуется differance. Как отмечал Деррида, "это специфическое графическое вмешательство /differance. – *А.Г.*/ было задумано в процессе разработки вопроса о письме". Способом осуществления differance и выступает П. (или "прото-П.", понимаемое Деррида как собственно сам принцип расчленения; как возможность записи, условие любой дискурсивности, любой артикулированности). "П.", не располагаясь в оппозиции к речи, акцентированно предположено языку, всякие посредники, по Деррида, гасят звуковую речь. (По Деррида, "изучение функционирования языка, его игры предполагает, что выводится за скобки субстанция смысла и среди прочих возможных субстанций – субстанция звука". Ср. у М.Бахтина: "фонема почти совершенно уступает свои служебные функции –

обозначать значение... графеме".) Нанесение следов-посредников – это тоже артикуляция.

Деррида в этом контексте считает П. самые различные феномены: нарезки, насечки, гравировки и иные виды установления артикуляций – со(рас)членений. У Деррида П. объемлет любую "графию": от стенографии до спектрографии, любую программу (греч. предписание). В беседе с Ю. Кристевой Деррида отметил: "Зрительное начертание (gramme) делается таким образом наиболее общим понятием семиотики". Важной предпосылкой создания грамматологии явилось у Деррида осознание того, что всякий знак (и устный, и письменный) – знак знака, след следа, означающее означающего; звено-посредник в бесконечной цепи отсылок. (Согласно Деррида, "знак и божественность имеют одно и то же время и место рождения. Эпоха знака, в сущности, теологична. Она, может быть, никогда и не кончится. Однако историческая ограда этой эпохи очерчена".) Любовь Деррида к парадоксам и языковым играм сказалась и на его трактовке перспектив грамматологии. По мысли Деррида, предложенное им, *иное* понимание П. – как того, что не движется вслед за речью/присутствием, не стремится уловить присутствие и потому не принадлежит ни одной из форм присутствия – делает неосуществимым проект грамматологии как науки. /Естественно, Деррида имеет в виду ту науку, классицистские амбиции которой он бичует всеми возможными "поэтико-терминологическими" средствами. – *А.Г.*/

В книге "Письмо и различие" Деррида характеризовал П. как своеобычную сцену истории и игры мира: сохранение обозначения "П." соответствует, по его мнению, особой логике деконструктивистского анализа, которую он называет логикой "палеонимии", т.е. внесения в традиционные понятия оригинального содержания посредством некоторого отстранения, откладывания их прежнего содержания и прививки новых смыслов. П. выступает в таком контексте как посредник в отношениях между настоящим и репрезентацией, между жизнью и смертью. Деррида в данном случае отдает должное традиционалистскому взгляду на интересующий его предмет: речь движима живым дыханием, П. ассоциируется с омертвлением – оно по сути уже смерть, всегда "имеющее характер завещания".

Деррида неоднократно подчеркивал, что речь не должна идти о восстановлении "первородства" П., необходимо говорить о границах грамматологии как своеобычной специальной науки о П. См. **Чтение.**

А.А. Грицанов

ПЛАНЫ ЖИЗНЕННЫЕ – проективная временная последовательность достижения человеком индивидуально избранных жизненных целей, формирующаяся под воздействием общества и его институтов, а также в результате проявления совокупности личных установок и мотиваций индивида.

П.Ж. включают определяемые индивидом программы и ступени социализации (**см.**), планы построения карьеры, определения материальных и духовных параметров собственного существования.

О.В. Шапошникова

ПЛЕСНЕР (Plessner) Хельмут (1892-1985) – немецкий философ и социолог, один из основоположников (наряду с Шелером) философской антропологии. Занимался также культур-социологией и эстетикой. Учился у В.Виндельбанда, Э.Трёльча, Э.Ласка, Х.Дриша. С 1926 – профессор в Кёльне. После прихода фашистов к власти эмигрировал, работал в Гронингене, где стал первым профессором социологии в Нидерландах. С 1946 – профессор философии и социологии в университете Геттингена. С 1962 – профессор в Школе социальных исследований в Нью-Йорке, затем преподавал в Цюрихе (Швейцария).

Основная программная работа П. – "Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию" – вышла в один год (1928) с трудом Шелера "О положении человека в космосе", попав в "тень" последней (известность ей принесло только второе издание в 1965). Другие работы П.: "Истоки кризиса трансцендентального понимания истины" (1918), "Единство чувств. Основные черты эстезиологии духа" (1923); "Границы сообщества. Критика социального радикализма" (1924), "Власть и человеческая природа" (1931), "Смех и плач" (1941). "Между философией и обществом. Избранные статьи и доклады" (1959), "Опоздавшие нации" (1962), "Философская антропология" (1970), "По эту сторону утопии. Предварительное введение в культурсоциологию" (1974) и др.

Свою концепцию П. строит на широком привлечении материала естествознания, прежде всего – биологии. Из философов на нее наибольшее влияние оказали Дильтей (предложивший, согласно П., "источник новой постановки проблемы философской антропологии"), а также Э. Гуссерль. Сам П. оказал воздействие на становление концепции конструирования социальной реальности Бергера (**см.**) и Лукмана (**см.**). Конституируемая философская антропология должна, по П., быть вписана в космологическую перспективу и исходить из базисных структур человеческого бытия. Тем самым человек должен быть понят в рамках единого проекта, одновременно схватывающего его и как природное, и как культурное существо. Эта перспектива обнаруживает, что человек занимает центральное и исключительное положение в мире, создавая порядок, ориентированный на него самого (тем самым человеческое существование не предопределено в его концепции, как у Шелера – **см.**, сущностными и ценностными порядками, которые лишь обнаруживаются, а не творятся человеком). Вопрос о человеке, по П., не может ставится, исходя из допущения существования неизменного порядка, определяющего все сущее, так как это противоречит историчности бытия человека (вскрытого В. Дильтеем). Последний не есть неизменная субстанция, а есть, скорее, "открытый вопрос". Человек сам "ведет свою жизнь", но чтобы понять непостижимую тайну его бытия, необходимо двигаться от "тела" к "сознанию", а не наоборот, как шла предшествующая философская традиция, метафизически пренебрегая биологической стороной человеческого существа. Именно "тело", по мысли П., является исходной базисной структурой, оно есть медиум, связывающий "внутреннее" и "внешнее", реально данное и трансцендентное, обращенность к самому себе и к миру в

актах поведения. Человеческое бытие всегда пребывает на "границе", оно "едино" в своей двойственности, отсюда его неизбывная проблематичность, вбирающая в себя величие и нищету человеческого. Основная граница в таком контексте – между телом и средой. Тело и есть собственная граница человека, вместе с тем – она граница иного. Граница всегда есть "переход" из одного пространства в другое, а бытие на границе – это всегда бытие "между". (Согласно П., "пространственность означает обнаруживаемые в пространстве границы".) Тело не просто пребывает в пространстве, а имеет местопребывание. В *для-себя-бытии* живого тела и локализована "природность" человека, противополагаемая иному ("неприродному") его бытию. Тем самым тело не просто находится в пространстве (заполняет его собой как и иные "вещи", не растворено, как животное, в *здесь-и-теперь*), а утверждает собой само это пространство, задавая систему отношений к месту своего пребывания как бы из "точки" вне места и времени (тело существует "вовнутрь" пространства и далеко не исчерпывается характеристиками координат своей пространственности).

Таким образом, по мысли П., человек в своей телесности как бы "двойственен", он есть одновременно "плоть" ("пространственность") и собственно "тело", позиционирующее к собственной "пространственности". Еще один уровень "двойственности" человека задает, с точки зрения П., взаимодействие "души" и "тела", психического и физического, снимаемый в самобытии ("внутренний мир" в теле), в его трансцендировании от тела к духу, обретая который человек и становится собственно человеком. Третий уровень "двойственности" – одновременность воплощения в человеке индивидуального и всеобщего "Я" как последних оснований всяких опредмечивающих отношений человека, самого не поддающегося опредмечиванию, но являющегося сопричастным (социокультурному) миру. Таким образом, выявляя свою границу со средой, человек, идя "вовнутрь", постоянно трансцендирует себя "вовне", самоопределяясь в границах трех уровней (плоть – тело, тело – душа, индивидуальное – всеобщее), а тем самым двигаясь к себе как Таковому. Это движение осуществляется в слое поведения, синтезирующем любые оппозиции и презентирующем совокупность форм и способов конституирования жизни. П., исходя из идеи "ступеней органического", с одной стороны, "вписывает" человека в "ряд" "живого", противопоставляемого "неживому", а с другой – выявляет его специфичность. Если растение непосредственно включено в среду, то включенность в нее животного уже опосредована, она центрически позициональна: животное имеет "центр", координирующий взаимодействия его и всех его органов со средой, но при этом "центр" не осознает себя как "центр". Подобное осознавание предполагает "захождение Я за себя", что доступно только человеку. Но в этом случае меняет свой характер и позициональность – это уже эксцентрическая позициональность, т.е. человек укоренен и вне "пространственности", вне наличного бытия, вне тела. Человек постоянно выходит за пределы, за границы ("среды" и "сотворенного"), выносит свой "центр" "за", т. е. в эксцентричность по отношению к наличному в поисках постоянно нарушаемого равновесия. Тем самым он "поставлен на ничто". Именно поэтому частные науки неспособны ухватить ускользающую суть человека, с этой задачей может справиться лишь философия (как философская антропология), которая и есть мысль, дерзающая размышлять о "ничто"; в то же время П. снимает дуализм одушевленного тела и духа, свойственный философской антропологии Шелера. Позиционируя, т. е. занимая позиции в мире (социуме) согласно мере дистанцирования от природно-телесной реальности, человек, по П., творит себя как "лицо": "лишь в качестве личностей мы находимся в мире независимого от нас и одновременно доступного нашим воздействиям бытия". Отсюда принцип самосозидающего, открытого возможностям "непостижимого человека" (принцип "новой связи" П., не позволяющий редуцировать человека к простой проекции Бога, а акцентирующий идею "становления Бога человеком").

"Творение себя лицом" имеет, согласно П., три аспекта: 1) экспрессивный, т.е. план постоянного самовыражения, 2) исторический, т.е. план непрекращающейся самореализации, 3) социальный, предполагающий не только различение в себе индивидуального и всеобщего "Я", но и выход за пределы (за границы) единичного в сферу "Мы", "совместности", в которой развертывается дискурс "человеческой свободы". "Творя себя лицом", человек неизбежно отличает "себя" от "себя самого" в актах совершаемых выборов, обнаруживая свою открытость миру и негарантированность собственного бытия (именно в силу своей эксцентричности).

Свой дискурс о человеке П. концептуализирует в трех основных антропологических законах: 1) законе естественной искусственности ("поставленность на ничто" компенсируется квазиприродными результатами его деятельности); 2) законе опосредованной непосредственности (осознавание своего сознания, видение того, что объективное есть таковое лишь для сознания человека); 3) законе утопического местоположения (отрицая абсолютное, человек постоянно нуждается в нем для собственного "удержания" в мире. Человек (как, прежде всего, культурное существо) наслаждается и страдает, "желает и надеется, думает и хочет, чувствует и верит, страшится за свою жизнь и во всем этом должен познавать дистанцию между совершенством и своими возможностями". Именно культура позволяет противостоять опасностям, которые несет с собой открытость человека миру.

В этом ключе П. проделывает анализ феноменов смеха и плача как катастрофических реакций, возникающих в результате потери самообладания в не имеющих стандартного решения ситуациях (за счет "выхода"в эксцентричность, простраивающую "отношения к отношениям" и тем самым дистанцирующую человека от опасной для него ситуации). Таким образом, в творчестве П. был реализован один из основных вариантов (эксцентрический) антропобиологической версии философской антропологии (второй основной ее вариант – деятельностная концепция Гелена). См. **Философская антропология, Гелен.**

В.Л. Абушенко

ПЛЕХАНОВ Георгий Валентинович (1857-1918) – русский мыслитель, один из основоположников социал-демократизма в России, философ, социолог, теоретик искусства и проблем религии. Основные философские сочинения: "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" (1895); "Очерк по истории материализма" (1896), "К вопросу о роли личности в истории" (1898) и др.

Наряду с Лениным (см.), П. выступал как активнейший субъект процесса концептуальной адаптации учения Маркса (см.) к условиям российской действительности. Исследования П. в области истории философского материализма, в сфере диалектического постижения предпосылок, источников и оснований общественной жизни, его убежденность в закономерном характере исторического процесса, в границах которого "народ, вся нация должна быть героем истории", необходимо привели его к полемике с идеологией, теорией и практикой большевизма, к отрицанию ленинского подхода в интерпретации марксовых положений. Так, в границах ленинской схемы (слепка с модели "конца классической философии" Маркса и Энгельса – см.) постулировалось сохранение "в сухом остатке" философской эволюции – материалистической диалектики и логики (т.наз. "логико-методологогносеологическая" версия философии марксизма). По мысли же П., точнее говорить об иной, т.наз. "системно-онтологически-мировоззренческой" трактовке современной философии. В границах адекватной интерпретации последней (по П.), подлинная философия есть совокупность синтетических идей, объединяющих результаты человеческого опыта на данной ступени интеллектуального и общественного развития, – интегральная сумма постигнутого бытия данной эпохи. П. трактовал социалистическое переустройство общества как результат трансформационных процессов "зрелого" капитализма и категорически отвергал идею о допустимости государственных переворотов как легитимной и позитивной формы экономической модернизации социума политической волей новой правящей элиты. Осудив октябрьский (1917) переворот в России, П. подтвердил свою репутацию виднейшего представителя социал-демократической версии русского освободительного движения. В своих работах по эстетике П. отстаивал идеалы реализма в искусстве как способа художественного освоения действительности.

А.А. Грицанов

ПЛЮРАЛИЗМ (лат. pluralis – множественный) – философско-мировоззренческая позиция, утверждающая множество интересов, видов бытия, идей, взглядов, социальных институтов, не сводимых к чему-то единому и независимых друг от друга. П. проявляется в онтологии, гносеологии, социологии, этике, аксиологии и т.д. П. – это не столько признание необходимости множества мнений и их борьбы, сколько отражение многообразия форм бытия, социальной организации общества. Суть П. в признании им противоречий как источника социального прогресса, стимулировании многообразия общественной жизни с вытекающими отсюда оппозицией, конфликтами и конкуренцией. Разрешение этих противоречий предполагается демократически, в рамках закона. Сам термин "П." был введен в оборот систематизатором и популяризатором философии Г. Лейбница – Х. Вольфом в 1712. Противоположностью П. является монизм, признающий единую основу всего сущего. Весь историко-философский процесс свидетельствует о противоборстве монизма и П., выдвигая на первый план то первое, то второе. Так, философия рубежа 19-20 вв. имела по преимуществу монистический характер. Сюда следует отнести такие направления, как материализм, абсолютный идеализм, эмпириомонизм, феноменология и др. В современной философии большое распространение получил П. Наиболее четко он проявляется в персонализме и прагматизме, согласно которым каждая личность автономна и неповторима, она не сводима к каким-либо общностям и силам; в аксиологии, исходящей из многообразия ценностей и ценностных ориентаций; в гносеологии, допускающей одновременное существование и конкуренцию различных теорий, картин мира и т.д.; в социологии и политологии П. представлен в теории факторов, идее П. демократии и т.п.

Общественные системы, базирующиеся на П., как показывает опыт, предпочтительнее авторитарно-монолитных, т.к. в первых сталкиваются разные точки зрения, соревнуются политические группы, критика направлена не только сверху вниз, но и наоборот. Однако такая система требует государственной и общественной дисциплины, выражающейся прежде всего в выполнении принятых большинством законов, но оставляющей возможность деятельности меньшинства. Для того, чтобы общество функционировало нормально, необходимо наличие в нем групп людей с различными взглядами, которые можно свободно отстаивать и критиковать, не опасаясь преследований. В современной социальной философии данный тематизм осмысливается в контексте движения социального времени, переводящего П. в пространство интерпретаций терминов прагматизма, а также транслируется в контекст социального пространства, в границах которого П. предполагает сосуществование принципиально разнокачественных сущностей.

Л.С. Дудинский

ПОВЕДЕНИЕ – в классической философии и сопряженных с ней дисциплинах – присущее живым существам взаимодействие с окружающей средой, опосредованное их внешней (двигательной) и внутренней (психической) активностью. Термин "П." применим как к отдельным особям, индивидам, так и к их совокупностям (П. биологического вида, социальной группы). П. изучается конкретными науками: биологией, этологией, психологией и т.д. Философия включает П. в предмет своего исследования с целью выявления общих и специфических закономерностей и механизмов взаимодействия материальных систем с окружающей средой, определением роли биологических форм отражения (раздражимости, чувствительности, психики, зачаточного интеллекта) и сознания человека в регуляции П. Философия обращает внимание на то, что П. возникает в живой природе, когда ее живые системы (организмы) приобретают способность воспринимать, перерабатывать, хранить и использовать информацию для приспособления к условиям существования и регуляции

внутреннего состояния. Взаимодействие человека с миром характеризуется понятиями П. и деятельности. При этом смысловой акцент в понятии П. делается на приспособлении человека к природным и социальным условиям существования, в понятии деятельности – на творческо-преобразовательном отношении человека к условиям его существования, к миру в целом. Динамика конкретно-научных представлений о П. (моделей П.) тесно связана со сменой концепции детерминизма в науке. Механический детерминизм определял понимание П. живых существ как автоматические реакции на получаемые извне раздражители (Р. Декарт, Ж. Леб). Органический детерминизм, сложившийся в эволюционном учении Дарвина, позволил раскрыть сложную структуру П. и объяснить целесообразность реакций через формирование в высшей нервной деятельности животных системы безусловных и условных рефлексов (И. Сеченов, И. Павлов).

П. как системное единство психических и физиологических компонентов, обеспечивающих направленность опережающих реакций на получение полезного для живой системы результата, выбор и корректировку целевых программ адекватного действия, раскрыла теория функциональных систем П.К. Анохина, используя категориальный аппарат системно-функционального детерминизма.

Социальное П. человека тесно связано с социальными программами и ценностными установками, зафиксированными в материальной и духовной культуре любого общества. Оно регулируется не только индивидуальным и общественным сознанием, но также и социальными институтами и правовыми нормами, моралью и политикой. П. человека многоуровнево и многоструктурно и поэтому не может с достаточной полнотой быть раскрыто в какой-либо одной конкретно-научной модели П. Его научное объяснение возможно лишь на основе комплексного подхода со стороны естественных и социально-гуманитарных дисциплин.

Е.В. Петушкова

ПОВЕДЕНИЕ ДЕЛИНКВЕНТНОЕ (от лат. delictum – проступок, англ. – delinqvency – правонарушение, провинность) – антиобщественное противоправное поведение индивида, воплощенное в его поступках (действиях или бездействии), наносящих вред как отдельным гражданам, так и обществу в целом. Понятием "П.Д." оперируют представители криминологии, социологии, педагогики, социальной психологии и других отраслей знания.

Особо пристальный интерес в научных исследованиях уделяется подростковой делинквентности. Рост числа деликтов, совершаемых молодыми людьми в несовершеннолетнем возрасте, увеличение удельного веса тяжких насильственных преступлений в их составе представляют собой угрозу обществу. Изучению подлежат причины, вызывающие деликты, условия, способствующие их распространению в молодежной среде, особенности личности делинквента (правонарушителя), специфика его социализации, делинквентные субкультуры, вопросы профилактики и предупреждения правонарушений и ряд других проблем.

Причинение вреда делинквентом связано с посягательством на человека, его права и свободы, собственность, права юридических лиц, другие общественные и государственные интересы, а также установленный государством правопорядок. Различные виды П.Д. подвергаются не только социальному осуждению. Они формализуются государством в нормах права посредством описания признаков, их характеризующих, и определения их в качестве правонарушений, за которые в законодательстве устанавливаются различные виды ответственности.

Совершаемые делинквентом деяния могут представлять собой гражданско-правовые деликты: причинение имущественного вреда человеку или организации, нанесение морального вреда личности, дискредитация репутации человека или юридического лица и др. Лица, их совершающие, подлежат ответственности, установленной гражданским законодательством.

К числу делинквентных относятся также административные правонарушения, выражающиеся в нарушении правил дорожного движения, мелком хулиганстве (сквернословие, нецензурная брань в общественных местах, оскорбительное приставание к гражданам и другие подобные действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан). В качестве административных правонарушений рассматриваются также распитие спиртных напитков на улицах, на стадионах, в скверах, парках, во всех видах общественного транспорта и в других общественных местах; появление в общественных местах в пьяном виде, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность; доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения родителями или иными лицами. Влекут за собой административную ответственность и такие деликты, как занятие проституцией, распространение порнографических материалов или предметов и др., перечень которых в законодательстве об административных правонарушениях достаточно обширен.

Дисциплинарный проступок как вид П.Д. – это противоправное, виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение работником своих трудовых обязанностей. Дисциплинарные проступки (прогул без уважительных причин, прогулы без уважительных причин занятий учащимися, появление на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения, распитие спиртных напитков, употребление наркотических или токсических средств на рабочем месте и в рабочее время, нарушение правил охраны труда и др.) влекут дисциплинарную ответственность, предусмотренную трудовым законодательством.

Особую общественную опасность представляет такой вид П.Д., как преступление. Преступлениями являются только те общественно опасные деяния, которые предусмотрены уголовным законом и запрещены им под угрозой наказания. К ним относятся кражи и убийства, угоны автомобилей и вандализм (осквернение сооружений и порча имущества), терроризм и изнасилования, мошенничества и незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ. Эти и многие другие преступления влекут наиболее строгие меры государственного принуждения – наказание и иные меры уголов-

ной ответственности (общественные работы, штраф, арест, лишение свободы и др.), которые применяются к лицам достигшим возраста уголовной ответственности: 16 лет, а за некоторые преступления – 14 лет. Совершение деяний, признаваемых преступлениями, лицами, не достигшими уголовной ответственности, влечет применение мер воздействия, носящих воспитательный характер (объявление выговора или строгого выговора, помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение и др.).

Иногда П.Д. смешивается с отклоняющимся (девиантным) поведением (см. **Поведение отклоняющееся**). В действительности эти понятия – не совпадающие. Они соотносятся между собой как вид и род, часть и целое. Всякое П.Д. является отклоняющимся поведением, но не всякое отклоняющееся поведение можно отнести к П.Д. Признание отклоняющегося поведения делинквентным всегда связано с действиями государства в лице его органов, уполномоченных на принятие правовых норм, закрепляющих в законодательстве то или иное деяние в качестве правонарушения. Перевод государством П.Д. в категорию деяний, не являющихся правонарушениями, приводит к переходу их в разряд либо отклоняющегося, либо социально нейтрального, либо даже социально одобряемого поведения. Например, скармливание скоту и птице скупленных в магазинах печеного хлеба, муки, крупы и других пищевых продуктов до марта 1994 в зависимости от обстоятельств признавалось в Беларуси административным правонарушением или преступлением, а затем перешло в разряд морально порицаемого отклоняющегося либо социально нейтрального поведения. Коммерческое посредничество, признаваемое преступлением в соответствии с Уголовным кодексом Республики Беларусь 1960, утратило характер П.Д. с ноября 1991 и с развитием рыночных отношений стало нормой поведения в сфере осуществления предпринимательской деятельности.

О.Г. Лукашова, А.И. Лукашов

ПОВЕДЕНИЕ ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ (девиантное) (от лат. deviatio – отклонение) – поведение, нарушающее социальные нормы определенного общества. Выражается в поступках, поведении (действиях или бездействии) как отдельных индивидов, так и социальных групп, отступающих от установленных законодательно или сложившихся в конкретном социуме общепринятых норм, правил, принципов, образцов, обычаев, традиций.

В отличие от криминологии, уголовного права и других правовых наук, рассматривающих П.О. в ракурсе нарушения норм права, социология использует более широкое определение девиации как отступления от общепринятых ценностей и норм. Она относит к П.О. не только преступления и иные правонарушения (гражданско-правовые деликты, административные правонарушения, дисциплинарные проступки и т. д.), но и алкоголизм, пьянство, наркоманию, бродяжничество, тунеядство, детскую беспризорность, аморальное поведение и т. п.

П.О. как социальное явление имеет определенные исторические корни, характеризуется устойчивостью и массовостью. Разнообразие социальных норм, действующих в обществе, – нравственных, религиозных, эстетических, политических, правовых и др. – влечет за собой разнообразие девиаций (социальных отклонений). Со временем как социальные нормы и правила, так и социальные отклонения претерпевают изменения. То, что ранее считалось девиантным, может превратиться в норму поведения и наоборот. Возникновение новых законов и правил влечет за собой и новые виды девиаций. Поэтому социальная оценка отклонений должна осуществляться с исторических позиций и носить конкретный характер.

Социальное отклонение может быть воплощено как в отдельном поступке личности, так и в череде поступков, характеризующих поведение индивида. Девиантный характер может носить также и деятельность социальных групп (к примеру, семьи), оказывая негативное влияние на взаимоотношения индивидов внутри и вне этих групп. В деятельности представителей коллективов и организаций П.О. может проявляться в форме бюрократизма, местничества, взяточничества, отступления от правил добросовестной конкуренции, уклонения от уплаты налогов, протекционизма, приписок, а также других нарушений установленных правил и предъявляемых к ним правовых, организационных или нравственных требований.

Нарушение социальных норм имеет место и в сфере межгосударственных и внутригосударственных отношений, что ведет к увеличению широты распространения социальных отклонений и ужесточает социальные последствия П.О., выражающегося в актах агрессии, геноцида, терроризма, апартеида, рабства, торговли людьми, пиратства, разрушения или уничтожения культурных ценностей и т. п. Наиболее опасные виды П.О. ряд авторов относит к разряду социальной патологии.

В историческом аспекте возникновение социологии П.О. связывается с именем Э. Дюркгейма (**см.**), предложившего концепцию аномии (**см.**) ("разрегулированности", "безнормия"). По его мнению, аномия является следствием кризисов и резких общественных перемен и представляет собой такую ситуацию в обществе, которая характеризуется ослаблением или разрушением норм, противоречивостью правил, регулирующих социальные отношения. В результате этого индивиды теряют социальную ориентацию, что способствует развитию девиантного поведения. Так, в работе "Самоубийство" (**см.**) он отмечал, что в периоды экономических спадов и подъемов растет число самоубийств, показывая, что социальная дезорганизация является причиной П.О.

Понятие аномии использовал и развил Р. Мертон (**см.**). С его именем связано создание теории П.О. Он указал на несогласованность, разрыв между определенными культурой общества целями и институциализированными (социально одобряемыми) средствами их достижения. Доступ к желаемой цели (например, достижению богатства) для представителей некоторых социальных групп (**см.**) ограничен или недоступен в силу занимаемого ими положения в существующей социальной структуре. И в этих случаях индивиды прибегают к девиантным способам достижения цели. Мертон приводит

классификацию типов поведенческих реакций индивидов на конфликт между целями и средствами их достижения ("конформизм", "инновация", "ритуализм", "ретризм" – уход от действительности, "бунт"). В этом перечне только конформизм является типом не девиантного поведения.

В социологии проблемы П.О. рассматривались также в культурологических теориях, усматривающих причины социальных отклонений в конфликте между нормами субкультур (см.) и доминирующей культуры. Э. Сатерленд – автор теории дифференцированной связи, разработанной в 1930-е, утверждал, что преступности обучаются, что преступная девиация зачастую является следствием многократного и продолжительного общения индивида с носителями девиантных норм поведения. В 1950-е А. Коэном была разработана концепция деликвентных субкультур. В концепции дифференцированных возможностей Р. Клауорда и Л. Оулина (1960-е) отмечалось, что для индивида может быть весьма привлекательным использование ролевой модели поведения добившихся успеха девиантов, поскольку это может открыть для подражателя, ограниченного в доступе к законным средствам достижения цели, благоприятные возможности повторения успеха.

В теории стигматизации ("клеймения") Г. Беккер, Э. Лемерт, И. Гофман (см.) и др. указывали, что социальные отклонения являются результатом негативной социальной реакции (оценки) со стороны общества, присвоения индивиду "ярлыка" девианта. На социологию П.О. оказала заметное влияние и теория символического интеракционизма (см.), в которой для характеристики П.О. было использовано понятие "карьера". Г. Беккер использовал его для обозначения этапов карьеры курильщика марихуаны (от обучения технике потребления наркотического средства до обучения получению наслаждения от курения).

В рамках конфликтологического подхода проблемы П.О. разрабатывались "радикальными криминологами" (О. Турк, И. Тэйлор, П. Уолтон, Д. Янг).

Столь сложное и многообразное социальное явление как П.О. является предметом исследования целого ряда отраслей научного знания – социологии, криминологии, психологии, психиатрии, этики, педагогики, конфликтологии и др. К важнейшим направлениям социологических исследований П.О. можно отнести выявление причин, вызывающих девиацию, а также условий, способствующих их возникновению и развитию, механизмов их образования и степени распространенности; изучение структуры и динамики антиобщественного поведения (прежде всего преступности), его региональных особенностей; изучение личности девианта, процесса ее социализации; исследование девиантных субкультур. Весьма важным направлением является разработка методов и средств социальной и индивидуальной профилактики П.О., прогнозирование социальных отклонений и др.

О.Г. Лукашова

ПОВЕДЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЕ – П. человека (см. **Поведение**), которое формируется, развивается и проявляется в условиях общественной жизни, а поэтому носит социально обусловленный характер. П. как таковое представляет собой совокупность внешне наблюдаемых поступков и действий отдельных индивидов (см.) и их групп, их определенную направленность и последовательность, так или иначе затрагивающих интересы других людей, социальных групп (см.), социальных общностей (см.) или всего общества (см.). В П. проявляются социальные качества человека, особенности его воспитания, культурного уровня, темперамента, характера, его потребности, убеждения, взгляды, вкусы, формируется и реализуется его отношение к окружающей природной и социальной действительности, к другим людям и к самому себе.

Социология исследует и интерпретирует П. прежде всего в терминах деятельности, общения, вознаграждения, ценности и потребности. Человек испытывает потребность в общении и совместной деятельности с другими людьми, он хочет быть любимым, уважаемым, справедливо оцениваемым и вознагражденным за свои поступки. В своем П. люди взаимодействуют друг с другом, оценивают друг друга и стремятся влиять на своих партнеров по общению.

Микросоциология ищет причины и устанавливает особенности человеческого П. во взаимодействии между личностью (см.) и другими людьми прежде всего в малых группах – семья (см.), трудовой коллектив, группа сверстников и т.д. Макросоциология исследует П. главным образом в процессах взаимодействия крупномасштабных социальных общностей – этносов (см.), наций (см.), государств (см.), социальных институтов (см.) и т.п. Однако в конкретном социальном контексте взаимодействия нередко сочетаются элементы обоих этих уровней социологического анализа П. Так, например, повседневное П. и взаимодействие между членами семьи осуществляется на микроуровне. В то же время семья как специфическая социальная общность является социальным институтом, изучаемым на макроуровне, поскольку она связана с системой социальных взаимодействий (см.) между классами и слоями общества, с рынком рабочей силы, с системой социальной политики, с образованием, здравоохранением, культурой.

В рамках микросоциологического и психологического анализа П. наибольшую известность приобрел *бихевиористский подход* (наиболее крупные представители – Э. Торндайк, Д. Уотсон, К. Лешли, Б. Скиннер и др.). Его исходной предпосылкой служит признание взаимовлияния П. (behaviour – П.) человека и событий, происходящих в его окружении, связи поступков с тем, что происходит до и после них, а также влияния на П. непредвиденных обстоятельств. Здесь широко используется понятие вероятности для описания связи между изучаемым П. и его предпосылками и последствиями. Считается, что П. базируется на трех различных формах реакции человека на окружающую среду. Они таковы: 1) эмоциональная, или аффективная, основанная на чувствах и эмоциях; 2) компетентная, или когнитивная, базирующаяся на знании и размышлении; 3) прямое открытое реагирование по механизму: стимул – реакция.

Знание особенностей действия каждого звена этой трехкомпонентной структуры, считает Б. Скиннер, дает возмож-

ность сделать П. человека предсказуемым, поскольку именно эти звенья представляют собой социально-психологические механизмы влияния социального окружения на поведенческие акты. Именно такой подход, пишет он, дает возможность понять, что "личность ответственна за свое П. не только в том смысле, что она может быть осуждена или наказана в случае, если ведет себя дурно, но также и в том смысле, что ей можно доверять и восхищаться ее достижениями". При таком подходе раскрывается решающая "избирательная роль окружения в оформлении и поддержании П. индивида, а это дает возможность смоделировать П. человека в определенных условиях, т.е. разработать и применить на практике технологию поведения".

В теоретической части бихевиористских исследований П. основное внимание сосредоточенно на признании того, что внешние переменные, т.е. поведенческие реакции, определяемые и контролируемые влиянием социального окружения, имеют приоритет над внутриличностными процессами – мыслями, чувствами и аффектами. Бихевиористы уделяют первоочередное внимание определению ресурсов личности и ее окружения, которые способны обеспечить достижение желаемых результатов. Анализ сосредоточен на конкретных видах П. в реальной жизненной обстановке – в семье, в классе, вагоне метро, купе поезда и т.п. – и его функциях, органически связанных с факторами окружения, которые изучаются по изменениям, наблюдаемым до и после реализации действия. В своем прикладном спектре бихевиористские исследования зарекомендовали себя в разработке методик управления П. учеников в классе, совершенствования способностей индивидов, отстающих в развитии, а также в лечении приступов депрессии, тревожности, гнева и др. Бихевиористы считают, что символические процессы – подражание, косвенное усвоение и предвосхищение последствий – являются существенными компонентами процесса социального обучения.

Большое внимание исследованию П.С. уделяется в социологической теории обмена, одним из основных авторов которой является американский социолог и социальный психолог Дж. Хоманс (**см.**). Исходной единицей социологического анализа Хоманс считает "элементарное социальное П.", т.е. непосредственный обмен поведенческими актами между двумя, тремя и т.д. индивидами. Описывая социальное П. как универсальный обмен, он формулирует четыре принципа межиндивидуального взаимодействия. Первый из них гласит: чем чаще и больше вознаграждается определенный тип П., тем охотнее и чаще он повторяется индивидами – будь это в бизнесе, спорте или рыбной ловле. Согласно второму принципу, если вознаграждение за определенные типы П. зависит от каких-то условий, человек стремится воссоздать эти условия. В соответствии с третьим принципом, когда вознаграждение за определенное П. велико, человек готов затратить больше усилий ради его получения. И, наконец, четвертый принцип утверждает: когда потребности человека близки к насыщению, он в меньшей степени готов прилагать усилия для их удовлетворения.

Таким образом, в хомансовской концепции П.С. и взаимодействие индивидов предстает как система обменов поведенческими актами, посредством которых "они санкционируют друг друга, т.е. один вознаграждает или наказывает действия другого". Такая система действительно нередко реализуется во взаимодействиях людей друг с другом, в частности, в области бизнеса. Но в целом П. людей более многогранно, чем предполагает теория обмена. В области исследовательской деятельности, художественного творчества, в отношениях дружбы, любви и т.д. П. людей отнюдь не сводится к уравновешиванию затрат и вознаграждений, ибо все это и многое другое в человеческой жизни не имеет стоимостного характера, определяемого обменом товаров и услуг на другие товары и услуги.

Значительный вклад в социологическое изучение П. людей внесла теория символического взаимодействия, развитая главным образом в трудах американских социологов Ч. Кули (**см.**) и Дж. Мида (**см.**).

Ч. Кули ввел в социологию различение первичных групп (сам этот термин был введен в социологию именно им) и вторичных общественных институтов. Первичные группы (семья, компания сверстников, соседство, местная община), считал он, являются основными социальными ячейками, в которых происходит формирование личности, ее социализация (**см.**), а П. индивидов характеризуется тесными интимными, личностными, неформальными связями и взаимодействиями. "Первичные группы, – отмечал он, – первичны в том смысле, что они дают индивиду самый ранний и наиболее полный опыт социального единства, а также в том смысле, что они не изменяются в такой же степени, как более сложные отношения, но образуют сравнительно неизменный источник, из которого постоянно рождаются эти последние". Кули предложил специфический термин "зеркальное Я", согласно которому в процессе П., особенно во взаимодействии с другими, люди смотрят на себя как бы со стороны, глазами другого человека, т.е. "смотрят на себя в зеркало". В поведенческих актах люди служат друг другу своеобразными зеркалами, поэтому наше представление о себе во многом зависит от наших отношений с другими индивидами.

Дж. Мид продвинул предложенный Ч. Кули поведенческий анализ социального взаимодействия значительно дальше. Он отрицал, что П. людей – это пассивная реакция на вознаграждение и наказание, и рассматривал человеческие поступки как П.С., основанное на коммуникации. По его утверждению, человек реагирует не только на поступки других людей, но и на их намерения. Он разгадывает значение поступка другого человека прежде, чем ответить на него. Но чтобы сделать это, говорит Мид, необходимо поставить себя на место собеседника или партнера, "принять роль другого". Когда же мы придаем значение чему-то, оно становится символом, т.е. понятие, оценка, действие или предмет в нашем взаимодействии с другими людьми символизируют или выражают смысл другого действия, другого предмета или понятия. Поднятая рука может символизировать приветствие, просьбу остановить автомобиль или намерение нанести удар другому человеку. Только поняв значение данного жеста, его смысл, мы можем правильно на него реагировать: пожать

руку другому человеку, остановить автомобиль, уклониться от удара или нанести ответный удар.

Итак, чтобы наше П. стало адекватным ситуации, мы должны приобрести определенные умения и навыки, прежде всего научиться понимать и использовать символы. Исходя из этого, Мид выделил два основных компонента поведенческого взаимодействия у людей в процессе их социализации: ум (мнение) и Я-сам. Чтобы стать самими собой, т.е. социализироваться как личности, и научиться правильно взаимодействовать с другими людьми, мы должны научиться понимать символы и уметь использовать символы в своем П. Через долгий опыт наблюдения за реакцией других на то, что мы делаем, мы получаем не только понятие о том, что мы собой представляем, но получаем умение поставить себя на место другого.

Мид отмечал, что пока дети не способны "принять роль другого", они не могут принять эффективного участия в большинстве игр. Чтобы научиться играть в мяч, например, в футболе, ребенок должен ставить себя "во все роли, участвующие в игре, и совершать свои действия в согласии с другими". Когда вы проходите мимо футбольного поля, где играют маленькие дети, обратите внимание, что они стараются толпиться вокруг мяча. Каждый ребенок стремится получить мяч и никто не хочет передать его другому или получить передачу. Детям необходимо время, чтобы научиться брать на себя роль другого – понять, что когда Том получит мяч, я приму передачу, а Джордж перебежит на другую сторону поля, и я передал ему мяч и т.д., что только в таком случае получится настоящая игра. Следовательно, каждый ребенок, участвующий в игре, должен знать, что собирается делать любой другой игрок, чтобы выполнить свою собственную роль. Он должен принять на себя все эти роли. Сама же игра организована так, чтобы "установки одного индивида вызвали соответствующие установки другого".

Согласно концепции Мида, мы развиваем себя и свое П. через взаимодействие с другими, но мы не превратимся в умелых во взаимодействии, пока не разовьем самих себя. От процесса взаимодействия друг с другом мы переходим к модели многократных взаимодействий с определенными группами людей. Благодаря этому каждый из нас приспосабливает свои поступки, свое П. к ожиданиям и действиям других людей в соответствии с их значениями для нас. Исходя из того, что П. человека во взаимодействии с другими людьми представляет собой непрерывный диалог, в процессе которого люди наблюдают, осмысливают посредством понимания символов намерения друг друга, один из учеников и последователей Дж. Мида – Г. Блумер (см.) назвал в 1969 рассматриваемую социологическую концепцию П. символическим интеракционизмом (см.).

Серьезное внимание социологическому анализу П.С. уделяют П. Сорокин (см.), Т. Парсонс (см.), Р. Мертон (см.), Р. Дарендорф (см.) и другие известные социологи. П. Сорокин, в частности сравнивал человеческое общество с волнующимся морем, в котором отдельные люди, подобно волнам, своим П. действуют на окружение себе подобных, обмениваются с ними идеями, художественными образами, волевыми импульсами и т.д. Нельзя себе представить повседневное П. людей, считал он, без взаимного обмена чувствами. П. каждого из нас представляет собой непрерывный процесс взаимодействия между нами и другими людьми на основе дружбы, любви, сострадания, вражды, ненависти и т.п. Без этого не бывает П. ни в коммерции, ни в хозяйственной, ни в научной, ни в благотворительной, ни в какой иной сфере деятельности.

Т. Парсонс исследовал П. людей как взаимодействие социальных субъектов, связанных между собой "системой взаимных ожиданий" в том смысле, что их поступки ориентированы на определенные ожидания партнера. В результате социального взаимодействия, подчеркивал Парсонс, складывается специфическая структура "потребностных диспозиций деятеля (актора) и других, включенных в систему социального взаимодействия с ним". На П. человека оказывает формирующее взаимодействие не только система ожиданий его партнеров по взаимодействию, но и нормы, ценности культуры, господствующие в обществе. Именно "наиболее общие культурные образцы", выступающие в виде идей, идеалов, ценностей и т.п., придают, по утверждению Парсонса, согласованность нормам П., приписываемым ролевым статусам, точнее говоря, "типам ролей в социальной системе". Если принять во внимание этот принципиальный тезис, то станет ясно, почему Парсонс предпочитал термин "действие" термину "П.": ведь его как социального теоретика интересовали прежде всего "не физическая событийность поведения сама по себе, но его образец, смыслосодержащие продукты действия (физические, культурные и др.), от простых орудий до произведений искусства, а также механизмы и процессы, контролирующие этот образец".

Если же от этих типичных образцов перейти к более конкретному уровню социологического анализа, то в концепции Парсонса выделяются два основных компонента. Это, во-первых сами поведенческие акты, совершаемые человеком в определенной ситуации при взаимодействии с другими людьми, и, во-вторых, ситуационное окружение, в котором совершается П. и от которого оно зависит. Если говорить о первом из них, самыми существенными его сторонами являются биологический организм, выступающий в качестве биологических характеристик, составляющих видовое отличие homo sapiens, а также культурные системы, в которые включается человек и благодаря которым он обретает социальный опыт и реализует его в своем П. Именно культурная система создает институционализированные образцы П., давая тем самым критерий правильности или неправильности тех или иных поступков индивида. Под этим углом зрения Парсонсом анализируются тенденции развития молодежной субкультуры, в соответствии с предписаниями которой ценности и нормы, господствующие в обществе, не являются более ясными указателями должного П. молодых людей или теряют свою значимость для них. Центральное место в регулировании П. юношества в такой социальной ситуации уже играет не семья или школа, а "группа ровесников". Молодежные субкультуры, согласно Парсонсу, выполняют, одновременно позитивные и деструктивные функции. С одной стороны, они пис-

провергают традиционные ценности, отрывая молодежь от семьи и взрослых, а с другой, являются средством трансформации старых ценностных систем, утверждения новых ценностей, оказывающих индивиду социальную поддержку в его П. и взаимодействии со сверстниками в течении длительного времени – от момента "выпадения" из семьи родителей и до создания собственной. Взаимопереплетение этих двух функций порождает в молодежной среде внутренние (между разными молодежными группами) и внешние (со взрослым социальным окружением) конфликты.

Итак, уже в концепции Т. Парсонса уделено большое внимание выяснению значимости "ролевых статусов" в П. индивидов. Однако более обстоятельно значение социальной роли как нормативно одобряемого способа П., обязательного для индивида и становящегося вследствие этого решающей характеристикой его личности, исследовано в так называемой теории ролей, разработанной Р. Линтоном, А. Радклиф-Брауном (**см.**) и другими социологами. Согласно Линтону, понятие роли относится к таким ситуациям социального взаимодействия, когда регулярно и на протяжении длительного времени воспроизводятся определенные стереотипы социального П. Каждый конкретный индивид может выступать во взаимодействии с другими индивидами во множестве ролей. Например, один и тот же человек может являться одновременно – губернатором штата Техас, членом республиканской партии, отцом семейства, игроком в гольф и т.д., выполняя в различных ситуациях различные роли. Поэтому социальная роль, взятая в отдельности, есть только отдельный компонент целостного П. человека. Совокупность же таких ролей выступает в качестве динамического аспекта социального статуса, т.е. позиции, занимаемой индивидом в социальной структуре общества. Общество через действующую в нем нормативную систему навязывает индивиду определенные социальные роли, но их принятие, исполнение либо отвержение во многом зависят от его личностного выбора, от социальной позиции. И это противоречивое взаимодействие (норм общества и личностных ориентаций) всегда накладывает отпечаток на реальное П. человека.

И парсоновская теория социального действия, и ролевая теория вплотную подводят к проблеме нормативности и ненормативности (антинормативности) П.С. И в первом, и во втором случае П. рассматривается преимущественно как нормативно регулируемое на основе общепринятых норм П. Однако нередки случаи, когда те или иные индивиды в своем П. сознательно или несознательно уклоняются от предписываемых обществом норм, игнорируют их либо преднамеренно их нарушают. Те виды П., которые соответствуют общепринятым в обществе нормам, обычно характеризуют как "нормальные", те же, которые в той или иной мере расходятся с ними, называют отклоняющимся (от норм) либо девиантным П. (**см.**). Под последним понимается не только правонарушение, но и любое П., нарушающее господствующие в данном обществе правила и нормы. Девиация чрезвычайно многолика. К ее различным проявлениям относятся и алкоголизм, и наркомания, и проституция, и рэкет, и коррупция, и подделка банкнот, и измена Родине, и убийство, и самоубийство, и многое, многое другое. Можно ли считать, что у всей этой обширной и многоликой области социального П. есть что-то общее? Да, можно, общее у них есть то, что все эти и многие другие формы П. отклоняются от принятых в обществе норм, нарушают эти нормы либо просто отвергают их. В этом и проявляется их ненормативность либо антинормативность.

Итак, девиантное П. определяется соответствием или несоответствием тех или иных поступков социальным нормам и ожиданиям. Однако критерии определения П. как девиантного неоднозначны и часто вызывают разногласия и споры. Существует довольно сложная проблема относительно того, что считать девиантным П., и граница между нормой и отклонением от нее может быть достаточно размытой, передвигаемой то в одну, то в другую сторону в зависимости от позиции того, кто дает оценку тому или другому поведенческому акту. С точки зрения религии или морали, девиантный поступок – олицетворение зла, с точки зрения медицины – болезнь, а с точки зрения права – нарушение закона, беззаконие.

Как сами нормы, так и П., отклоняющееся от них, не являются однородными, а существенно отличаются по своей социальной значимости. Если нарушаются моральные нормы, существующие в обществе обычаи, традиции, правила общежития, то эти нарушения называются *асоциальным* П. (антиобщественные поступки). Для этих форм П. характерна небольшая степень общественной опасности, которую целесообразно назвать общественной вредностью. Если же нарушаются не только моральные, но и правовые нормы, то мы имеем дело с *противоправным* П., к которому относятся хулиганство, хищения и другие преступления.

В зависимости, во-первых, от степени причиняемого вреда интересам личности, социальной группе, обществу в целом, и, во-вторых, от типа нарушаемых норм, можно различать следующие основные виды отклоняющегося П.

1. *Деструктивное* П., причиняющее вред только самой личности и не соответствующее общепринятым социально-нравственным нормам, – накопительство, конформизм, мазохизм и др.

2. *Асоциальное* П., причиняющее вред личности и социальным общностям (семья, компания друзей, соседи и др.) и проявляющееся в алкоголизме, наркомании, самоубийстве и др.

3. *Противоправное* П., представляющее собою нарушение как моральных, так и правовых норм и выражающееся в грабежах, убийствах и других преступлениях.

Развивая основные положения социологической теории аномии (**см.**), Р. Мертон подчеркивал, что основной причиной отклоняющегося П. является конфликт между системой культуры, культурными целями, диктуемыми обществом, с одной стороны, и социально одобряемыми средствами их достижения. По его мнению, современное американское общество в огромных масштабах порождает у людей самого различного социального положения такое противоречие между внушаемыми им господствующей культурой стремлениями и законно достижимыми, что это приводит к резкому снижению эффективности действия социальных норм и институтов, регулирующих П. людей, а в конечном счете – к отрицанию авторитета норм и к всевозможным отклонениям от них.

Поскольку люди являются существами социальными, важнейшее значение в их жизнедеятельности имеют различные виды коллективного П. Самое серьезное внимание социологическому анализу коллективного П. уделяли такие известные социологи, как Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Маркс (см.), Т. Парсонс, Г. Блумер и др.

К. Маркс, в частности, подчеркивал, что "одним из природных условий производства (т.е. деятельности, направленной на производство необходимых для жизни предметов) для живого индивида является его принадлежность к какому-либо *естественно сложившемуся коллективу:* племена и т.п. Его собственное производительное существование возможно только при этом условии". Только в коллективном П., считал он, формируется язык как средство общения между людьми, формируется и сама индивидуальность каждого из членов коллектива. Более того, утверждал К. Маркс, "только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода".

Т. Парсонс, придавая огромное значение индивидуальному П. личности, тем не менее подчеркивал, что это П. состоит не только из реакций на определенные стимулы социальной ситуации, но также из совокупности определенного П. других индивидов, включенных в систему некоторой коллективной организации. Поэтому "индивиды осуществляют *социетально* важные функции в коллективе в качестве его членов". А отсюда вытекает, что "функционирование коллективной организации связано в первую очередь – с реальным достижением целей в интересах социальной системы". Воплощая в индивидуальном П. свои интересы и потребности, личность в социальной системе включается в сложную и многогранную сеть коллективного П. и "производит какие-то *услуги* в некотором контексте коллективной организации. В результате долгого эволюционного процесса в современных обществах эти услуги институционализируются в основном в виде профессиональной роли в рамках специфики функционирующего коллектива или бюрократической организации".

Обобщая многочисленные и разнообразные социологические исследования коллективного П., Г. Блумер счел необходимым даже выделить изучение этого феномена в отдельный раздел социологии. Такой высокий статус данному феномену по его мнению, надлежит придать потому, что "исследователь коллективного поведения стремится к пониманию условий возникновения нового социального строя, так как его появление равнозначно возникновению новых форм коллективного поведения".

С точки зрения такого именно подхода "практически всякая групповая активность, – утверждал Г. Блумер, – может мыслиться как коллективное поведение. Групповая активность означает, что индивиды действуют *вместе* определенным образом, что между ними существует некое разделение труда и что налицо определенное взаимное приспособление различных линий индивидуального поведения. В этом смысле групповая активность является коллективным делом". Отмечая чрезвычайно широкую распространенность различных форм коллективного П., он утверждает, что когда социолог изучает обычаи, предания, игровые традиции, нравы, институты и социальную организацию, он имеет дело с социальными правилами и социальными детерминантами, посредством которых организуется коллективное П. Особенно важное значение, по мнению Г. Блумера (и здесь он вполне согласен с К. Марксом), имеют *социальные движения*, которые следует рассматривать как "коллективные предприятия, нацеленные на установление нового строя жизни". Охарактеризовав различные типы социальных движений, в том числе религиозных, реформистских, националистических, революционных, он особенно подчеркивает, что "при изучении коллективного поведения мы касаемся процесса построения того или иного социального строя". Именно этими особенностями и определяется роль различных типов коллективного П. в формировании общества, в возникновении нового социального строя, следовательно, более высокоразвитых социальных систем.

Е.М. Бабосов

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ (нем. Alltaglichkeit) – термин, предложенный А. Шюцем (см.) для иной (социологической) концептуализации понятий "естественная установка" и "жизненный мир", введенных в научный оборот в феноменологии Э. Гуссерля, сделавшей возможной саму тематизацию того, что затем стало фиксироваться как П. В классической и неоклассической социологии проблематика и тематика П. (обыденной жизни людей), как правило, игнорировалась и третировалась как лежащая вне научной дисциплинарности (см.). В перспективе же феноменологической традиции П. стала трактоваться в контексте поиска предельных оснований социальной реальности (см.) как таковой. Шюц ввел данный термин для понятийного схватывания интерсубъективной реальности, значимой для социальных акторов (деятелей) как репрезентация (см.) нерасчлененной целостности мира человеческого бытия, постоянно воспроизводимая ими в своих практиках через процедуры (пере)интерпретации и типизации значений в ситуациях "лицом-к-лицу".

Данные ситуации рассматриваются как прототипные (архетипические) для конституирования социальных взаимодействий, собственно и порождающих мир социального. Это связано с тем, что именно в ситуациях "лицом-к-лицу" "Я" конституирует "Другого" как, в свою очередь, конституирующего его ("Я") в этот же момент совместности. Именно на этом уровне задается латентная упорядоченность социального мира, так как параметры данных ситуаций воспринимаются их участниками как "обычные", "принимаемые на веру", "само собой разумеющиеся" свойства самой действительности. Предполагается, что опыт "Другого" невозможно воспринять теоретическими средствами, но он воспринимаем в П. через совмещение перспектив деятелей (акторов) и/или совпадение систем релевантностей, внутри которых происходит действование (фактически, внутри лингвистических "мы-групп"). Мир переживается (а тем самым и познается) деятелем (актором) в потоке интенциональностей в терминах типического с "наивной" точки зрения находящегося в конкретной ситуации "Я". Разделяемые "всеми" в повседневных ситуациях значе-

ния образуют мир первичных типизированных (анонимизированных) значений, оперирование которыми и позволяет совмещать перспективы деятелей (акторов), действующих как "обыденные социологи", производящие мысленные взаимные перестановки ("себя" на место "другого" и "другого" на место "себя") в единых для них ситуациях. Типическое рассматривается при этом как усредненно-тавтологическое, как "осадок" исторического, отвердевшего в инвариантах и сохраняющегося при всех разночтениях как фон, опосредующий и определяющий перспективу видения нового опыта. Оно опривычивает, традиционализирует любое уникально-новое, отождествляя его с тем, что "уже было", вписывая его в уже отработанную и принятую "всеми" схему.

За пределами (первичного) мира П. находятся (вторичные) области профессионализированных "конечных смысловых сфер" (термин У. Джеймса), значения которых доступны в полной мере только вовлеченным в эти сферы специализированным в них деятелям (акторам) и "непрозрачны" для "непосвященных". На основе мира П., но "над" ним специфицируются "замкнутые на себя" (в своем накопленном опыте) области науки, искусства, душевной болезни, игры и т.д., обладающие отличающими их друг от друга и от мира П. собственными "когнитивными стилями". П. выступает в этом взаимодействии сфер как реальность par excellence – самоочевидная и непреодолимая фактичность (с "неустранимостью" в процедурах редукции "жизненного мира" впервые столкнулся в полной мере уже Гуссерль), предполагающая воздержание от всяких сомнений в существовании мира, а тем самым и отсутствие процедур критической рефлексии внутри мира П. как особого типа социальности (см.). Социальное – это реальность в том виде, в каком она предстает обыденному сознанию людей, включенных в многообразные отношения взаимодействия. Тем самым социальное всегда формируется как продукт объективации знания в процессе обыденных человеческих практик (интерсубъективного мира, т.е. мира, разделяемого с другими, и мира) и в этом отношении всегда исходно явлена в "естественной установке".

Впоследствии в феноменологической социологии знания (см.) П.Л. Бергером (см.) и Т. Лукманом (см.) был усилен акцент конструирования социальной реальности в мире П., продолжаемый в социальной теории; в символическом интеракционизме (см.) была прописана конкретика механизмов социального взаимодействия (см.); в этнометодологии (см.) Г. Гарфинкеля и в когнитивной социологии А. Сикурела вскрыты процедуры типизации значений. На этой основе была дана развернутая критика традиционной социологии, нерефлексирующей одновременную принадлежность социолога двум мирам. Как "человек науки" он находится вне мира П. и, следовательно, не может дать ему адекватную интерпретацию. Как "член социума" он не способен различить основополагающие структуры П. "изнутри", так как "изнутри" они не рефлексируются, что ведет к неосознанному приписыванию их продуцируемым суждениям об обществе. Эта принципиальная неадекватность воспроизводится как при описаниях "своей", так и "чужой" культур, в силу неясности самих оснований производства социологического типа дискурса. Необходимо знание "глубинных" ("проговариваемых в языке"), а не только "поверхностных" (эксплицированных в социальных нормах) нормативных схем интерпретации действительности как на профессиональном, так и на обыденном уровнях действования в тех или иных ситуациях. Традиционная же социология неизменно "застревает" на уровне исследования "поверхностных" социальных норм, так как не вскрывает процедуры приписывания значений. Следовательно, основной предмет социологии – процедуры (схемы, методы, способы, приемы и т.д.) интерпретации, практикуемые в социуме в рамках той или иной культуры и, по сути, постоянно конституирующие данные социумы и культуры, как и самих деятелей (акторов) внутри них. Отсюда сами действия индивида уже на уровне повседневной жизни следует понимать и трактовать как воплощение "методов" (схем, способов и т.д.) упорядочивания (рационализации и практического объяснения) самой этой повседневной жизни.

Параллельно в фокус внимания исследователей П. попала проблематика реификации (овеществления) социальных связей и отношений и процедур разрушения устойчивых и упорядоченных на нерефлексированных основаниях систем представлений о социокультурной реальности. Будучи заявлены в собственно феноменологических подходах к П., данные тематизмы были специально проанализированы соответственно в феноменологически "повернутых" версиях неомарксистской и деконструктивистской социологий. Социолог должен обладать техниками постановки под сомнение контекстов значений, в которых "по умолчанию" были установлены (приняты) способы (схемы, правила и т.д.) объяснения индивидами собственных действий, с тем чтобы вскрыть основания конституирования самих этих контекстов как практических реализаций. Без соблюдения названных процедур и применения соответствующих техник невозможно обнаружить те свойства реальности, которые принимаются на веру "всеми" как само собой разумеющиеся, но никогда не подвергающиеся рефлексии и анализу. Таким образом, сами ситуации взаимодействия акторов (деятелей) должны быть реорганизованы через обнаружение "глубинных" нормативных оснований, латентно обусловивших реификацию ситуаций социальных взаимодействий, контролируемых "поверхностными" социальными нормами.

Неомарксистскую версию анализа мира П. хорошо репрезентирует социология А. Лефевра, исходно провозглашающая необходимость смещения внимания марксистской теории с проблем завоевания политической власти на проблематику изменения повседневной жизни людей. Дезонтологизируя понятие бытия, Лефевр заменяет его понятием "тотальности в социальной практике", выводимом, в свою очередь, из понятия повседневной жизни, состоящей из элементарных атрибутов (борьбы, любви, игры, воспроизводства и т.д.), "упорядочивающих изначальный хаос". Каждый атрибут (момент) характеризуется стабильными установками, правилами, ритуалами и т.д., реифицирующимися в собственно социальном, отчужденном от личностно-индивидуального и фрагментирующем единство человеческой сущности в объективациях ее внешних проявлений. Отсюда основная оппозиция современ-

ной культуры централизация (на уровне социума) – фрагментация (на уровне индивида). Иначе – удушение индивидуальности публичностью. Снятие этой оппозиции требует продуцирования праксиса нового типа, который возможен лишь в мире П. Согласно Лефевру, реальна лишь П., в которой происходит дереификация товаров и продуктов производства в "блага", теряющие фетишистский и "количественный" характер первых, обретая личностное (качественное) измерение. П. суть "место" сохранения человеческих смыслов, последнее убежище распадающейся личности в современном мире, так как в других областях жизни люди уже передоверили (реифицировали) свои интересы экспертам, компьютерам, бюрократам и т.д. Вне мира П. происходит "внешняя" для человека игра, к которой он не имеет никакого отношения. Новую практику нельзя ввести, "декретировать сверху", она может лишь прорасти в П. ("родиться сама"; при этом Лефевр оговаривает возможность ее "моделирования" и средствами искусства, исходящего из П. и возвращающегося в нее).

В деконструктивистской линии анализа мира П. акцент был сделан на необходимости дереификации знаниевых конструктов (прежде всего порожденных социальными науками), образовавших барьер между социокультурным миром и миром повседневной жизни человека. В результате последний живет в мире "воображаемых сообществ" (термин конституирован Б. Андерсоном). Отсюда тезис, сформулированный как в постмодернистской перспективе (прежде всего М. Маффесоли), так и в теориях "позднего модерна" (Э. Гидденс – **см.**, Ю.Хабермас – **см.**) о необходимости возвращения социального теоретика (социолога) "домой" – в мир повседневной жизни как основного предмета его познавательного интереса. Более того, осмысление проблематики и тематики П. провозглашается критерием становления парадигматики постнеклассического социального знания как такового. В этой перспективе З. Бауман (**см.**) определяет суть современной социологии как развернутого комментария к П. Тем самым сам социолог определяется не как "сторонний" и/или "абсолютный" наблюдатель и/или регистратор событий, а как непосредственный участник социокультурной жизни "наравне с другими", погруженный в мир типичных и рутинных форм практик. Соответственно и представление о социологии как строгой научной дисциплинарности начинает тесниться ее трактовками прежде всего как продуцирования особого типа дискурсивности, принципиально вписанной в контекстуальность определенной культуры и языка и воспроизводимой в определенных коммуникативных практиках. Тем самым само понятие П., соответствующая проблематика и тематика, конституированные в рамках неклассической социологии и отсутствовавшие в социологии классической, оказались "деконструктивными" для традиционного понимания сути, задач, методов и возможностей социологического (шире – социального) знания, потребовали его координального переосмысления и переопределения его места в современном мире.

В.Л. Абушенко

ПОДХОД – комплекс парадигматических, синтагматических и прагматических структур и механизмов в познании и/или практике, характеризующий конкурирующие между собой (или исторически сменяющие друг друга) стратегии и программы в философии, науке, политике или в организации жизни и деятельности людей. Обычно к анализу категории П. обращаются в особые периоды развития той или иной деятельности, когда фиксируются принципиальные изменения или возникают неразрешимые наличными средствами проблемы. В развитии науки и научной деятельности Кун (**см.**) назвал эти периоды научными революциями. В более широком смысле, вся наука представляет собой особый П. к миру, базовой парадигмой которого являются развернутые представления о природе или онтология природы. Природная или натуралистическая парадигма настолько утвердилась в мировоззрении и в содержании образования, что только философы, методологи и историки науки помнят о том, что наука в современном виде существовала не всегда, что она оформлялась как особый П. к миру в 16-18 вв., что сама онтологическая картина природы является продуктом развития науки, а не непосредственной данностью. Натурализм три века конкурировал с другими подходами: теизмом, деизмом, гилозоизмом и т.д. В самой науке возникали, конкурировали между собой и исчезали самостоятельные надпредметные П. (механицизм, позитивизм), предпринимались попытки распространить дисциплинарные и предметные парадигмы и синтагмы на науку в целом (физикализм, социологизм, психологизм, биологизм).

Категория П. до 20 в. была продуктом методологической рефлексии и философской критики, поэтому подходные характеристики либо обсуждались как отрицание иного П., который описывается ретроспективно (Платон и софисты, Аристотель и античные физики, Ф. Бэкон и Аристотель, эмпириокритицизм Маха и эмпиризм Локка), либо формулировались как аргументы в полемике (номинализм – реализм, корпускулярная и волновая теории света, дарвинизм – ламаркизм). Методологи 20 в. помимо этого занимаются непосредственным конструированием П., причем не только новых, но и тех, которым они противопоставлены. Так например, Поппер формулирует положения историцизма, приписывает историцизм как П. целому ряду философов и мыслителей прошлого, анализирует проблемы историцизма, а в качестве ответа на эти проблемы предлагает парадигму "открытого общества". Методологизация практически всех сфер мышления и деятельности в 20 в. обеспечила множество подходных предложений разного масштаба.

С начала 20 ст. как П. в различных сферах культуры разрабатывались: феноменология, экзистенциализм, структурализм (**см.**), тектология (**см.**), научная организация труда (**см.**). Затем появились кибернетика, общая теория систем, синергетика, СМД-методология (**см.**) и т.д. Разрабатываются различные П. в конкретных науках, где они либо сменяют друг друга как этапы (например, описанная Куном революционная смена парадигмы в физике, или кейнсианский этап в экономике), либо сосуществуют, не нарушая дисциплинарной целостности, но создавая полипредметность в рамках одной дисциплины (например, бихевиоризм, гештальтизм, или культурно-историческая концепция в психологии). Иногда П., возникшие как междисциплинарные, сворачиваются в пред-

мет (экология, кибернетика, семиотика), иногда разворачиваются в метатеорию (общая теория систем), или просто становятся идеологией некоторого широкого движения (например, системное движение за рамками общей теории систем, или "зеленое" движение вненаучной экологии).

Принципиальное значение для интеллектуальной ситуации второй половины 20 в. приобретает оппозиция натуралистического и деятельностного П.: первый рассматривает мир (универсум) как природу, данную (или берущуюся) в субъект-объектных познавательных схемах, а второй – как мир мышления и деятельности, требующих привлечения различных схем знания. П. манифестируется в эпистемологии и истории (генезисе или развитии) мышления. О ставшем или становящемся П. можно говорить только тогда, когда объявлены и обоснованы его принципиальные отличия от иного П. хотя бы в одном из трех эпистемических пространств: в парадигме (онтологические картины, схемы и описания объектов); в синтагме (способы и методы доказательства, аргументации, языки описания, объяснения и понимания); в прагматике (цели, ценности, задачи, предписания, разрешенные и запрещенные формы употребления элементов синтагмы и парадигмы). Основное противоречие и парадокс феномена П. состоит в том, что П. присутствует в деятельности и мышлении как в рефлексируемом, так и в нерефлексируемом виде. В периоды формирования П. хорошо осознается, что представления об объекте, да и сам объект как особая организованность, задаются и определяются не только и даже не столько его объективными характеристиками, сколько средствами и методами нашего мышления и нашей деятельности, а потом (в периоды функционирования ставшего П.) об этом забывают. Методологическая рефлексия замыкается в рамках П., и сам П. становится нефиксируемым. Мышление и деятельность адептов П. подчиняются "эпистемической машине", заданной парадигмой и синтагмой, нечто новое может производится этой машиной только в рамках дозволенного прагматикой П. Так например, изобретения и достижения периода 18-19 вв., были продуктами "эпистемической машины" научного П., сконструированной поколением методологов науки от Ф. Бэкона и Декарта до Ньютона, которые сменили познавательную парадигму, и участвовали в подходной революции. В 20 в. цикл жизни П. сокращается. Научные (подходные) революции и нормальная наука укладываются в годы жизни человека или карьеры ученого, а иногда и не один раз. Это обстоятельство требует от участников процессов деятельности и мышления навыков методологической рефлексии, своеобразного "расподхоживания" по аналогии с гегелевским распредмечиванием.

В.В. Мацкевич

ПОЗИТИВИЗМ (лат. positivus – положительный) – (1) парадигмальная гносео-методологическая установка, согласно которой позитивное знание может быть получено как результат сугубо научного (не философского) познания; программно-сциентистский пафос П. заключается в отказе от философии ("метафизики") в качестве познавательной деятельности, обладающей в контексте развития конкретно-научного познания синтезирующим и прогностическим потенциалом; (2) – философское направление, фундированное означенной установкой.

В эволюции П. могут быть выделены следующие этапы: I – так называемый "первый П." (Конт, Милль, Спенсер, Э. Литтре, П. Лаффит, И. Тэн, Э.Ж. Ренан и др.); II – "второй П." (Авенариус, Мах); III – "третий П." или неопозитивизм, представленный аналитической философией (Куайн, Поппер, Айдукевич, Лукасевич, Котарбиньский, Г. Райл, Дж. Уисдом, П. Строссон, Остин, М. Блэк, Н. Малкольм, Н. Гудмен, А. Пап и др.) и Венским кружком, на основе которого оформляется логический П. (Шлик, Карнап, Нейрат, Ф. Вайсман, Г. Фейгль, Г. Ган, В. Крофт, Ф. Кауфман, Гедель и др.); IV – постпозитивизм, в рамках которого намечается очевидная тенденция к смягчению исходного методологического радикализма и установка на аналитику роли социокультурных факторов в динамике науки (Кун, Лакатос, Тулмин, Фейерабенд. Аналитическая философия, Венский кружок).

Ю.В. Баранчик

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ – фиксация и закрепление в структуре дискурса (**см.**) определенного места (см. **Позиция**) социального субъекта в соответствии с его социальным статусом (**см.**) и социальной ролью (**см.**). В отличие от социальной стратификации (**см.**), определяющей параметры социального взаимодействия (**см.**) в пределах структурной организации социума, П. вводит субъекта в иерархически организованное языковое пространство культуры, где для него открывается доступ к дополнительным символическим ресурсам. Концепция П. была разработана американскими рекламистами и маркетологами Э. Райсом и Дж. Страутом в 1972, когда в специализированном издании "Advertising Age" была опубликована серия их статей под общим названием "Эра позиционирования" (The Positioning Era). Первоначально понятие "П." использовалось лишь в сфере рекламной деятельности, но постепенно стало применяться и в области политики, массмедиа и социальных технологий в целом.

П. осуществляется как процедура по ориентации интересов и ожиданий потребителей на восприятие и идентификацию, а также закрепление и усиление позитивного имиджа (**см.**) различных торговых марок, услуг, компаний, институтов, общественных и политических деятелей. В основе П. лежит принцип сравнения (сопоставления), а также противопоставления по контрасту, когда внимание аудитории (**см.**) направляется на объект, репрезентируемый далеко не всегда как самый лучший, но обязательно отличающийся от сходных с ним объектов того же класса. В дальнейшем первоначальный эффект закрепляется посредством распространения информации с помощью средств массовых коммуникаций (ТВ, радио, пресса, Интернет и пр.) и максимально широкого охвата аудитории в ходе PR-кампаний (см. **PR**) и маркетинговых операций, связанных с сегментированием рынка сбыта и потребления.

А.Я. Сарна

ПОЗИЦИЯ – четко фиксируемый и поддающийся объективации фрагмент социальной реальности (**см.**), в котором

физический и символический планы совпадают и могут оказывать влияние друг на друга, взаимодействуя по принципу "обратной связи". П. характеризуется наличием специфических средств воздействия на массовое сознание (риторических, идеологических, эстетических), которые позволяют индивиду (**см.**) или социальной группе (**см.**) идентифицировать себя в качестве субъектов социального взаимодействия. В отличие от страты, соответствующей месту субъекта в социальной структуре, П. предполагает наличие специфической "точки пересечения" дискурсов (**см.**) и функционирует фактически как механизм переключения каналов социальной коммуникации (**см.**). В результате П. закрепляется в сознании потребителя как возможность самореализации и социализации (**см.**) в тех или иных областях социальной деятельности за счет расширения диапазона реализации различных речевых практик.

А.Я. Сарна

"ПОЗНАВАЯ МЕДИА / ПОНЯТЬ МЕДИА: О РАСШИРЕНИИ ЧЕЛОВЕКА" или **"Познавая медиа / Понять медиа: О продолжении человеческого существа"** ("Understanding media: the extention of man") – одна из основных работ канадского социального теоретика Маклюэна (**см.**), вышедшая в свет в 1964. В книге изложена концепция "медиа", успевшая за прошедшие десятилетия с момента выхода книги стать классической, и рассмотрены различные формы медиа или "медиумов" – от устной речи и колеса до телевидения и роботов. В этой и других книгах Маклюэн сделал решающий шаг в теоретическом анализе социального и культурного ландшафта, изменяющегося под воздействием стремительного развития средств массовой информации и иных "медиа", которые опосредуют отношения человека к миру, расширяя / продлевая само человеческое существо ("extension of man") в физическом и социокультурном пространствах. Несмотря на то, что расцвет популярности Маклюэна и его работ пришелся на 1960-1970-е, в конце 20 ст. они вновь оказались в центре теоретических дискуссий и произошло второе рождение "маклюэнизма".

В первой части книги (обе части не имеют собственных названий) Маклюэн формулирует общие принципы своей теории. Различные "медиа" формируются в рамках общей для них всех культурной логики, которую и фиксирует знаменитое высказывание Маклюэна – "medium is the message": средство передачи сообщения само есть сообщение, поскольку любой медиум может быть содержанием другого медиума. "Содержание письма – речь, так же как написанное слово содержится в печатном, а печатное является содержанием телеграфа". Своего рода "медиа-матрешка": устное слово фиксируется на письме, газетный или журнальный материал возникает в радио- или телепрограмме, новости из Интернета оказываются новостями газет или ТВ, письменный текст перепечатывается на машинке, устная речь фиксируется на диктофон, потом используется в радиоматериале и так далее. Медиум, таким образом, утверждает – абсолютно бессодержательное – существование другого медиума. Маклюэн относит к миру "медиа" речь и письмо, одежду, здания, транспорт ("колесо, велосипед, самолет"), деньги, часы, печать, телеграф, печатную машинку, игры, радио, телевидение, звукозапись и еще целый ряд явлений. Однако прежде всего его интересует исторический процесс медиатизации и ее важнейший аспект – "гибридизация" медиа.

Переход от одного медиума к другому (скажем, от романа к кино) ускоряет и усиливает коммуникативную функцию, что приводит к социальным и культурным изменениям. Этот закон был менее очевиден в Гуттенберговой культуре книги, но в электронной культуре средств массовой информации и социальном пространстве "мировой деревни" /см. **Всемирная деревня.** – *Д.Г.*/ (знаменитая метафора Маклюэна) он открывается во всей ясности. К примеру, то, что происходит при электрическом освещении, происходит благодаря электричеству и как его конструкт; в произведении искусства кубизма более нет того, о чем оно повествует, есть лишь сам медиум, передающий самого себя как трехмерное сообщение. Появление радио и авиаперевозок привело к децентрации социально-политической структуры: Квебек сам себе центр в Канаде, Куба сама себе хозяин и центр у враждебных берегов США.

Механистический мир 17-19 вв. – мир последовательностей и связей – трансформируется в креативные конфигурации и структуры электронной медиации. В бесконечном мелькании разрозненных образов, не связанных общей логической связью, причина и следствие, знак и значение сливаются в подвижной медиа-конфигурации. Это финальная стадия расширения человека: с помощью медиа он глобализует свою центральную нервную систему, преодолевая ограничения пространства и времени. Именно поэтому постоянное присутствие медиа – включенного телевизора, например – становится столь необходимым: ведь медиа – уже часть нашей нервной системы. Маклюэн называет это "технологической симуляцией сознания", подчеркивая тем самым, что "медиа" имеют только и исключительно антропологическое определение как "продолжение человека". При этом эффекты медиа-технологий проявляются не на уровне мнения или концепции, а изменяют шаблоны восприятия без какого-либо сопротивления. Медиа эффект заключается не в информировании и осведомлении ("make aware"). Скорее медиа выполняют роль побуждения/принуждения чему-либо случиться ("make happen"). Медиа функционируют как перформатив – важнейшая установка Маклюэна. Перформативность относится в первую очередь к гибридным медиа-формам.

"Гибрид или сочетание двух медиа есть момент истины и откровения, рождающий новые формы... момент свободы и пробуждения из обычного оцепенения и немоты, в которые сами же меди повергают наши чувства". Гибридизация – противоречивый исторический процесс. Кино и телевидение сильно навредили популярности театров и ночных клубов, но одновременно подтолкнули поэтов и писателей к более интенсивным живым контактам с публикой в публичных местах (кафе, парках). Художники особенно склонны к активной гибридизации различных медиа на своей творческой кухне, они также "владеют средствами предвосхищения и избегания обстоятельств технологической травмы" и именно искусство,

считает Маклюэн, способно привить обществу и культуре иммунитет для безболезненной адаптации к вызовам новых технологий.

Однако медиатизация приводит к антропологической реверсии: приспосабливаясь к новым техно-органам, человек сам становится сервисным механизмом, обслуживающим воспроизводство и развитие технологической машины. Человек мутирует, становясь "половым органом машинного мира". Более того, возникает особое эротическое тяготение между медиа/техно объектами и людьми. Маклюэн настаивает, что подобное обращение означает блокирование нервной системы, отключение рациональной регуляции и активности восприятия, что ведет к преобладанию бессознательной нарциссической апатии (наркотический эффект медиа, "гаджет-любовник: нарцисс как наркоз"). Однако на фоне подобной деструктивной деиндивидуализации формируется внешнее "социальное сознание", особое чувство человечества, что означает переход от индивидуально-приватной рациональности и автономии к социальной разумности. Механизмом этой коллективной креативности, позволяющей одновременно вывести индивидуальную нервную систему из оцепенения, становится уже упоминавшаяся гибридизация медиа, дающая новую энергию для новых форм.

Медиа-технологии выполняют фундаментальную культурную функцию трансляции ("медиа как трансляторы"), переводя опыт в эксплицитные формы. "Технология – это эксплицитность", – настаивает Маклюэн. В обычной речи мы эксплицируем самих себя и речь, таким образом, играет роль технологии. В мире электронной информации мы все больше обретаем собственную эксплицитность за счет перевода себя в различные форматы данных. Технология, следовательно, всегда предполагает трансформацию опыта, переход границы прежнего опыта, трансгрессию.

Во второй части книги Маклюэн анализирует свойства различных видов медиа, методично выстраивая генеалогию медиумов по принципу включенности предыдущего в последующий, когда каждый новый медиум изменяет физические и социальные координаты существования человека, стремясь преодолеть границы и предшествующие стандарты культуры. Последовательность глав отражает этапы медиа-генеалогии и одновременно содержит основные идеи историко-культурной теории Маклюэна. Маклюэн начинает с речи (устного слова) и далее по порядку переходит к письму (письменное слово – "глаз для уха"), колесу и дорогам, числу ("профиль толпы"), одежде ("наша вторая кожа"), жилью, деньгам ("кредитная карта бедняка"), часам ("аромат времени"), печати, комиксам, велосипедам и самолетам, фотографии ("бордель без стен"), прессе, автомобилю ("механическая невеста"), рекламе, играм, телеграфу ("социальный гармон"), печатной машинке, телефону, кино ("мир в рулоне"), радио ("туземный барабан"), телевидению ("застенчивый гигант"), оружию (главы в большинстве своем имеют весьма экстравагантные названия).

Первая глава посвящена устному слову и озаглавлена так: "Слово изреченное: цветок зла?". Перечисляются принципиальные особенности устной речи (влияние голоса, звуковых модуляций, интонаций, жестов) и ее отличия от письменной (доминирование слуха, тональная окраска, разнообразие устной передачи письменного текста). Продолжение человека: речь и язык делают для разума то же, что делает колесо для ног и перемещения тела. Рассматривая письменное слово как "глаз для уха", Маклюэн утверждает, что ценности западного общества основаны на письменности (доминирование литературы) и даже электронная культура так или иначе унаследовала визуальную доминанту письма. Система фонетического алфавита определяет не только неразрывную связь письма и речи, но задает систематику социальной структуры (отличия Европы и Китая заложены в линейности и последовательности алфавитной культуры Запада). Аналогичным образом "колесо" и все транспортные коммуникации в целом как медиум служат для расширения границ социальной организации, активизации динамики обмена, политической экспансии.

Рассматривая далее число как "профиль толпы", Маклюэн показывает, что количественные показатели есть медиум=сообщение ("миллионы тонн", "рост ВНП в %", "доход на душу населения", и даже торговые марки – "7/11", рейтинги и названия "Top 10" /верхняя десятка популярности. – *Ред.*/, а также тотальная нумеризация пространства и времени), которое посылает себе западное общество, созидающее себя как массовое. Запад тысячелетиями воспроизводит античное поклонение числу. И если одежду и жилье – тоже медиумы – следует рассматривать в качестве продолжения телесной оболочки (кожи), приспосабливающейся к температурным параметрам среды и обустраивающей пространственные границы социальной коммуникации, то гибридный медиум "деньги" ("кредитная карта бедняка") возвращает нас к предшествующим формам медиа: алфавиту, письму/печати, транспорту и числу. Именно в силу своей гибридности деньги приобретают столь универсальную медиа-функциональность (например, деньги-число становятся универсальной мерой "труда"). Высокая гибридность и абстрактность позволяют деньгам расширять вовне такие аспекты человеческого существа как мотивы, желания, чувства и эстетические стремления (мода).

Часы ("аромат времени") представляют, согласно Маклюэну, из себя другой вид более сложного медиа-гибрида, сочетающий в себе примитивный фрагментирующий алфавитный порядок выражения, число и его абстрактность, письмо и его визуализацию, колесо (механические часы) и моду как время для смены стиля одежды. Часы расширяют существо человека в мир скорости и мобильности.

Однако главной вехой перехода к современности являются не часы, а печать и "печатное слово", внесшие революционные изменения в структуру социальных коммуникаций. Без печати, – замечает Маклюэн – невозможно представить западную цивилизацию с ее наукой, литературой и искусством, технологией и коммуникациями. И это в существенной мере благодаря присущей печати серийной механической репродукции, стандартизации и унификации текста, визуальной ориентации и способности индивидуализировать автора/читателя. Печать – инструмент отчуждения. Она дала человеку способность (=власть) действовать на расстоянии, не будучи обязанным реагировать, эмоционально участвовать и

быть вовлеченным. "Именно типографическое расширение человека принесло национализм, индустриализм, рынок массовой продукции и всеобщую грамотность". Но если книга конституировала приватное как таковое и следовательно возможность "точки зрения", то пресса с ее "мозаичным" форматом создала механизм общественного (публичного) участия.

Фотография ("бардель без стен", империя глянцевых журналов), в свою очередь, определила дальнейшую эволюцию от Человека Типографического к Человеку Графическому и превратила общество потребления в одержимое потреблением визуальных образов, опосредующих и обостряющих восприятие персон, товаров, мест (=путешествий), событий, концепций. Далее реклама принимает эстафету фотографии на этом поле визуального удовольствия. Она создает единство образа, мотива/желания и рыночного структурирования общества. В идеале – это запрограммированная гармония рыночных импульсов/стимулов и потребительских реакций. Маклюэн считает, что этим обозначается уход от приватного мира книги и переход в публичный мир визуальной иконографии. С появлением кино, жизнь – особенно в США – переместилась на экран с рекламой нон-стоп. Сюда же следует добавить игру, которая производит расширение человека-социального в пространство взаимодействий, где социально инкорпорированы действия и реакции, где внутренний мир человека экстраполируется в межличностные коммуникации.

Электрический беспроводной телеграф ("социальный гармон"), изначально подчиненный прессе и железным дорогам, приобретает, по мнению Маклюэна, характер глубинной органической социальной связи, образующей подобие центральной нервной системы общества (новое качество расширения человека), благодаря высокой скорости передачи данных и экстенсивности охвата аудитории. Эволюция медиа переходит от медиа-механики на стадию электрической медиации. Здесь возникает разрыв с линеарностью (т.е. алфавитной структурой) прежних медиа и формируется новый принцип мозаичной организации медиа (аналогом и отчасти предвосхищением мозаичности можно считать импрессионистский "взгляд" и технику изображения), на котором основаны все электрические средства информации и под который реорганизуется социальная структура информационного общества.

Мозаичность печатной машинки радикально преобразила мир литературы и по сути создала мир популярных женских профессий (машинистка). Мозаичная децентрализация телефонной связи – экстенсия слуха и голоса – преодолевает отчужденность печати и создает новые не-иерархические пространства личного вовлечения и социального участия/партнерства (это ключевое, революционное отличие телефона, – считает Маклюэн). И далее уже кино продуцирует идеализированные платонические миры, одновременно космос и космологию, утопию и приватные фантазии: "экран открывает свою белую дверь в гарем прекрасных видений и детских грез". Экспансивный супергибрид, "мир в рулоне", рекламный монстр – кино все еще принадлежит книжной / алфавитной культуре в качестве адаптации книги к диалогу и участию. Однако кино не может сравниться по силе персонификации и социальной интеграции с радио, которое способно созывать народы и заставлять их со всем участием вслушиваться в звуки небольшой говорящей коробки: радио (обычно в сочетании со звукозаписью), несмотря на дискомфорт невизуализации, аудиоприватизации и "независимой изоляции", пробуждает первобытное чувство родства. Аналогичным образом телевидение ("застенчивый гигант") апеллирует к участию и более глубинному вовлечению вплоть до момента, когда зритель "превращается" в экран. Телеобраз не есть снимок или изображение, это предельно мозаичная точечная телеиконика; это абстрактный скульптурный контур вещей – высвечивающий, а не высвеченный – однако не способный давать детальную информацию о чем либо. Телевидение в большей мере концентрируется на формальном ходе процесса, на последовательных этапах происходящего и разнообразии меняющихся реакций, чем на итогах и результатах события (это закон для ТВ-шоу). В ТВ доминирует не визуальная и не информативная составляющие, а тактильная, – настаивает Маклюэн. Экран есть провокация и иллюзия тактильного контакта. Он заражает этим эффектом имплозии прикосновений зрителей и окружающие вещи, находя продолжение в одежде, походке, прическе, жестах.

Широта и сила телеоблучения завершает не только переход от механической эры к электронной, но осуществляет превращение человеческого обитания на планете в "мировую деревню", построенную на глобальной нервной системе электронных медиа. Апогей технологической имплозии – автоматизация (кибернетизация). Благодаря могуществу электричества, всегда независимому от питаемого устройства и производящего эффект мгновенной передачи данных, автоматика окончательно стирает границы между культурой и технологией, между искусством и коммерцией, между работой и досугом. Социальная имплозия электрического века производит слияние в одно целое производства, потребления и обучения, радикально преобразуя принципы социальной организации (специализация) механического века. "Мировая деревня" есть модель нового типа глобальной органической интеграции обществ, в которой существование каждой части определяется существованием других частей, однако отсутствует единый центр и предзаданная иерархия. Маклюэн заканчивает работу на оптимистической ноте либерального прогноза о будущем социальной медиа-эмансипации.

Одним из основных лейтмотивов книги Маклюэна является сопоставление письменной (медиа)-культуры Запада и неписьменных (примитивных) культур, насыщенное социо-антропологическими комментариями. Этим Маклюэн стремится вновь и вновь продемонстрировать, что суть социальной организации и культурных достижений Запада предопределена логикой медиа, присущей исключительно западной цивилизации. Но и в мире информации – мире телефонии, телеграфа, звукозаписи, телевидения, кино, радио и т.п. – человек остается не более чем собирателем данных в духе примитивного собирательства эпохи палеолита.

Экстравагантные цитаты В. Шекспира и интерпретации Дж. Джойса, вновь и вновь появляющиеся в различных местах книги, создают особый колорит и особую атмосферу чте-

ния столь незаурядного по содержанию и композиции текста. Кроме того, Маклюэн последовательно и убедительно делает ссылки на авторитетные философские, исторические, социологические, экономические работы – А. Бергсон, Ф. Ницше, Тойнби (см.), Ш. Бодлер, Шпенглер (см.), Мэмфорд (см.), Канетти (см.), – что безусловно придает книге теоретическую глубину и вписывает ее в более широкий контекст теоретической традиции Запада.

Д.В. Галкин

ПОЗНАНИЕ – творческая деятельность субъекта, ориентированная на получение достоверных знаний о мире. П. является сущностной характеристикой бытия культуры и в зависимости от своего функционального предназначения, характера знания и соответствующих средств и методов может осуществляться в следующих формах: обыденное, мифологическое, религиозное, художественное, философское и научное.

Исходную структуру П. представляет субъект-объектное отношение, где вопрос о возможности адекватного воспроизведения субъектом сущностных характеристик объекта (проблема истины) является центральной темой гносеологии (теории П.). В зависимости от решения этого вопроса в философии выделяются позиции познавательного оптимизма, скептицизма и агностицизма. Истина выступает в качестве универсальной цели П. При этом представления об истине и путях ее достижения в контексте историко-философской традиции конкретизировались через разведение фундаментальных оппозиций "знания и мнения" (античность), "разума и веры" (средние века), "знания и незнания" (Новое время). Понимание характера субъект-объектных отношений обусловливает соответствующие взгляды на природу П. Для классической философии процесс П. – это созерцание, что предполагает пассивную роль субъекта в восприятии внеположенных ему абсолютных и неизменных законов объективной действительности. Само П. при этом может интерпретироваться в двух основных ракурсах: 1) восходящая к Платону и разрабатываемая преимущественно в контексте рационально-идеалистической традиции трактовка П. как припоминания (теория анамнесиса); 2) характеристика П. как отражения, наиболее ярко реализовавшаяся в моделях материализма и эмпиризма.

Начиная с "коперниканского поворота" И. Канта, философия отходит от созерцательного объективизма в гносеологии и актуализирует активную роль субъекта в познавательном процессе. Для немецкого идеализма открывающийся в П. мир уже выступает проекцией творчества трансцендентального субъекта (Кант, И.Г. Фихте, Ф. Шеллинг) или продуктом деятельности социально-исторического субъекта (Г. Гегель). Интерпретация П. как творческой деятельности отличает современную неклассическую философию. Характерно, что подчеркивая творческий статус субъекта в познавательном процессе, современная философия во многом отказалась не только от онтологизма классической мысли, но и от установок на объективную истину, которая фактически приносится в жертву социально-историческим, прагматическим и психологическим интересам субъекта. Природа познавательной деятельности здесь может рассматриваться в контексте праксиологического, семантического и аналитического подходов. Акцент на практической природе П. в современной философии характерен прежде всего для марксизма и прагматизма. Однако если в марксизме П., будучи формой опережающего отражения действительности, выступает как важнейший момент природопреобразующей и социально-исторической практики общества, то в прагматизме П., преодолевая сомнение, обеспечивает психологическую уверенность субъекта в своих силах, позволяя ему тем самым наиболее эффективно осуществлять практическую деятельность. Семантический подход к П. реализуется сегодня в рамках феноменологии и герменевтики. П. здесь – это процесс смыслообразования, позволяющий человеку расширить горизонты понимания не столько внешней действительности, сколько себя самого. И, наконец, аналитический подход связан с течениями нео- и постпозитивизма и структурализма, ориентированных на рассмотрение П. как научного анализа знаковых структур, более или менее адекватно описывающего сложившиеся логические и семиотические инварианты, но никоим образом не претендующего на их подлинное понимание.

В структуре познавательного процесса выделяют также чувственный и рациональный уровни П., противопоставление которых в новоевропейской философии обусловило возникновение дилеммы рационализма и эмпиризма. Чувственное П. (его основные формы: ощущение, восприятие и представление) является результатом непосредственного взаимодействия субъекта и объекта, что обусловливает конкретность, индивидуальность и ситуативность получаемого здесь знания. Будучи основанием познавательной деятельности в целом, чувственный уровень П. особое значение имеет в искусстве и обыденной практике. Рациональное П. (его формы: понятие, суждение и умозаключение) предполагает возможность объективации индивидуальных знаний, их обобщения, трансляции и т.п. Именно рациональное П. обеспечивает существование таких форм познавательного творчества, как наука и философия. Помимо чувственного и рационального, особую роль в познавательном процессе играет интуиция, свидетельствующая об особых механизмах П. на уровне бессознательных структур психики. Структурировать П. можно также в зависимости от объекта П. и соответствующего ему типу знания. В качестве наиболее общих объектов П. можно выделить природу, общество и человека и соотнесенные с ними естественное, социальное и гуманитарное знания. Особым видом П. выступает самопознание, которое, со времен Сократа, является одной из центральных тем в философии и одновременно представляет собой один из наиболее существенных модусов индивидуального бытия. Проблемы П. на сегодняшний день изучаются целым рядом как философских (гносеология, эпистемология, культурология, логика и методология науки), так и специ-

альных (когнитивная психология, науковедение, социология знания и науки и др.) дисциплин.

Е.В. Хомич

ПОКОЛЕНИЕ – возрастная генерация в семье (см.): дочь, мать, бабушка, например, рассматриваются как репрезентанты младшего, среднего и старшего П. по прямой восходящей линии. Параметр "возраста" значим для определения П. лишь относительно: так, президентом "общества бабушек" в США некогда была избрана женщина, достигшая 22-летнего возраста.

В демографическом измерении П. – группа людей, появившихся на свет в течение определенного – сравнительно непродолжительного – периода времени ("П. оккупации" в Польше, "П. войны" в СССР и т.п.).

Учитывая предельную продолжительность жизни человека, население может представлять собой совокупность более чем 120 П. (в однолетней группировке).

A. Wozniak

ПОЛАНИ (Polanyi) Майкл (1891-1976) – британский философ, один из основателей постпозитивизма, выходец из Венгрии, сотрудник (с 1923) Института физической химии (Берлин), в эмиграции с 1933, профессор физической химии (затем – социальных наук) Манчестерского университета (с 1933). В главных сочинениях по философии и социологии науки: "Личностное знание. На пути к посткритической философии" (1958), "Неуважение свободы" (1940), "Основания академической свободы" (1947), "Логика свободы" (1951), "Знание и бытие, эссе" (1969) и др. выступил в 1940-х с критикой основных принципов логического позитивизма, в 1950-х – разработал концепцию "неявного знания".

Стремился конструктивно преодолеть идею о возможности деперсонифицированного представления научного знания, неправомерно приравниваемого к объективности последнего. В структуре ориентировочной и познавательной активности – в сенсомоторных навыках, восприятии, использовании языка, методах диагностики и экспериментирования, актах научного творчества и т.д. – П. выделял явные и неявные компоненты. Последние, по П., осваиваются человеком в практических действиях, в совместной научной работе и служат основанием его целенаправленной активности. В науке явное знание представлено как интерперсональное знание (в понятиях и теориях), неявное – как личностное знание, вплетенное в искусство экспериментирования и теоретические навыки ученых, в их пристрастия и убеждения. Неявное знание, согласно П., не допускает полной экспликации и транслируется через непосредственное ("из рук в руки") обучение мастерству научного поиска и личные контакты ученых. Научный опыт у П. – внутренне переживаем, обусловлен страстным желанием исследователя достичь подлинно научной истины, явно личностно окрашен. П. ввел в научный оборот понятие "научное сообщество". В ряде работ подчеркивал необходимость определенных социокультурных условий для поддержания свободной научной коммуникации и сохранения научных традиций.

А.А. Грицанов

ПОЛИТИКА (от греч. "polis" – гора, скала, город, городская община, государство) – сфера деятельности, в которой реализуются отношения господства и подчинения между социальными классами и слоями, связанные с завоеванием, распределением, удержанием, осуществлением или ниспровержением, а также использованием власти.

П. – многозначное понятие применяемое для обозначения сфер П. (внутренняя и внешняя П., экономическая П., культурная П. и т.д.); уровней П. (общинная П., региональная П., федеральная П.); политических целей (П. разрядки, П. мира, оборонная П.); носителей П. (П. правительства, П. оппозиции); наконец, способа политических действий (конфронтационная П., П. компромисса). Кроме того, часто говорят о П. властей, партийной П., П. персонала, что и вовсе с трудом поддается классификации. В современной политической науке нет единого определения П. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести наиболее расхожие определения П. в специальной литературе: 1) "Политика представляет собой учение о целях государства и о наилучших средствах (учреждениях, формах, действиях) для их осуществления" (словарь Brockhaus). 2) "Под политикой мы понимаем искусство упорядочивать и осуществлять руководство людьми" (А. Бергштрессер). 3) "Политическую науку можно определить как ту специальную область социальных наук, которая предметно-критически исследует государство ... под его властным аспектом на предмет того, как эти властные феномены непосредственно взаимодействуют с государством" (О. Флейтхайн). 4) "Политика... означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает" (М. Вебер). 5) "Политикка есть участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач содержания и деятельности государства" (В.И. Ленин). 6) "Предметом и целью политики является мир" (Д. Штарбергер). 7) "Политика представляет собой общественное действие, которое направлено на то, чтобы связанно регулировать общественные конфликты по поводу основных ценностей" (Г. Лембрух).

М. Вебер в первом приближении определял П. как "способность добиться послушания у других людей, безотносительно к тому, на чем основано это послушание". Ее основными компонентами являются: 1) наличие властвующих, тех, кто осуществляет власть; 2) наличие подвластных, тех, над кем осуществляется власть; 3) нормы властвования, т.е. основные законы, процедуры, правила; 4) санкции за нарушение норм и вознаграждение за их выполнение. За каждым из четырех элементов стоят соответствующие институты и принятые образцы поведения. В ходе исторического развития они меняются. Разнообразие этих институтов и форм поведения фиксируются в понятии политической системы.

В структуре П.выделяются:

Политический интерес – реальная причина политической деятельности, внутренний, осознанный источник политического поведения, побуждающий людей к постановке определенных политических целей и осуществлению конкретных действий по их достижению.

Политическое сознание – совокупность идей, теоретических концепций, взглядов, представлений, мнений, оценочных суждений, состояний субъектов политических отношений, выражающих зависимость политических действий от осознания социальными группами общественно значимых интересов.

Политические отношения воплощают в себе характер взаимодействий между субъектами П., политическими институтами и властью.

Политическая деятельность – воплощение социальной активности индивидов и общностей, выражающаяся в участии, организации и осуществлении власти, разработки и осуществлении средств и методов П., определении стратегии и тактики, выборе решений, организации социально-политических союзов, проведении реформ, способах разрешения конфликтов и нахождения компромиссов. Политическая деятельность проявляется через политическую активность путем распределения граждан по политическим ролям.

Политические институты и организации – государство, политические партии, парламент, президент, группы давления, оппозиция и др. органы законодательной, исполнительной, судебной властей, общественно-политических движений, групп давления, союзов и ассоциаций и т.д., представляющие политические интересы групп и социальных общностей, составляющих общество.

Универсальность, многовариантность, всеохватывающий характер П. позволяют ей выполнять следующие функции:

Целеполагание – важнейшая функция П. Суть ее заключается в определении сознательно поставленных политических целей, соответствующих общественным потребностям и интересам; в выработке путей, методов и средств их реализации.

Функция интеграции непосредственно вытекает из сущности П. и выражает ее главное предназначение – сохранение целостности и устойчивости социальной системы.

Аксиологическая функция П. заключается в выработке, поддержании и развитии политических ценностей и идеалов, способных обеспечить единство действий всех субъектов П., преемственность инноваций развития общества и человека.

Инструментальная или *регулятивная* функция П. связана с выработкой рекомендаций по регулированию и управлению политическими и социальными процессами.

Функция *социализации личности*, отражает процесс включенности личности в сложный мир политических отношений.

Мотивационная функция П. воплощается в мотивировании ею определенных политических ориентаций и действий: либеральных, демократических, коммунистических, националистических и т.п.

Мобилизирующая функция П. реализуется в мобилизации различных социальных групп и отношений на служение тем или иным политическим идеалам, целям, режимам и т.п.

Нормативная функция П. связана с формированием и распространением в обществе определенных политических норм, образцов, эталонов поведения.

Информационная функция П. заключается в информировании индивидов, группы, общественных движений о целях, задачах, успехах, сложностях в реализации П.

Е.М. Бабосов

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ ПИРАМИДА – графическое изображение данных о половозрастном составе населения. В П.П. по центральной вертикальной оси строится шкала возрастных групп (по возрастанию снизу вверх). По обе стороны от центральной оси откладываются отрезки, длина которых отвечает численности лиц каждого интервального возраста (влево – мужчин, вправо – женщин).

Половозрастная пирамида

Е.А. Кечина

"ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В РОССИИ" – работа В.В. Берви-Флеровского (1869).

В сочинении Берви-Флеровского получила яркое выражение мысль, что одна реформа 19 февраля 1861 не произвела, да и не могла произвести серьезного улучшения в положении народных масс. "Природа дает возможность поражать мир таким же благодеянием, каким его поражает демократия Американских Соединенных Штатов, а социальные условия заставляют поражаться такими бедствиями рабочего населения, которые почти неслыханны, в сравнении с которыми много раз оплаканные судьбы европейского пауперизма должны представляться райским блаженством и недосягаемым благополучием".

Для тогдашней эпохи является характерным то, что автор не выделяет рабочий вопрос из крестьянского, и большую часть его книги занимает описание положения именно земледельческого населения. Причину крестьянского обеднения автор видит в тяжести оброков и податей и во вредном влиянии помещичьего землевладения. "Мы можем быть вполне уверены, что если бы у нас не было помещичьих земель, то Россия по благосостоянию своему немедленно сравнялась бы с Европой, а при улучшении финансовой системы стала бы догонять Америку".

Что касается характеристики положения рабочих, на примере центра промышленного производства г. Енисейска, то Берви-Флеровский выделяет по характеру работы пять главных групп: это "рабочие по общему контракту, конюхи, рабочие для вскрытия торфов, золотишники и розыскные партии". Рабочие по общему контракту составляют большинство рабочих и имеют самую тяжелую работу и самое плохое содержание, по сравнению с другими группами. "Что же делать, – скажет мне политико-эконом, – заработная плата определяется законами конкуренции, остается им подчиниться, – пишет Берви-Флеровский. – Итак, – продолжает он свою мысль, – если заработная плата определяется конкуренцией, то следовательно общество должно смотреть сложа руки на все безобразные явления, которые происходят от такого положения, явления, поражающие не только отдельную личность, но всю массу рабочего населения? Если право собственности имеет какое-либо полезное значение для общества, то только потому, что посредством его труд может получить полное вознаграждение. Приобретение без труда есть приобретение насчет чужого труда, а приобретение насчет чужого труда есть нарушение права собственности. Не забудем же это".

"Нельзя не заметить, – рассуждает Берви-Флеровский, – что современный порядок, при котором произведения фабрик и заводов принадлежат одному капиталисту, в высшей степени убыточен для рабочих. Общество должно сделать все от него зависящее, чтобы поставить работника по отношению к капиталисту в такое положение, при котором он не соглашался бы быть наемником. Капиталист дает свой капитал, работник – свой труд, произведение есть плод их общих усилий. Работник не должен отказываться от своих прав на него ради жалкой заработной платы. Наем на фабрики и промыслы заменил собою рабство; но это отношение не окончательное, а составляющее для работника только одну ступень выше крепостного труда; настанет время, когда наем будет воспрещен, как воспрещено рабство. Между работником и капиталистом должно быть равенство, а его не будет до тех пор, пока будет существовать наем, пока капиталист и работник будут наниматель и наемник, а не товарищи, пока работники не будут такими же хозяйствами произведений фабрики, как и капиталист".

Таким образом, идея равенства, *идея товарищества* между капиталистом и работником, идея разделения изведенного продукта по трудовому вкладу становится основной идеей работы Берви-Флеровского. "Рабство уничтожено и уступило свое место найму – наем должен уступить товариществу. Между трудом и капиталом должно быть равенство, между работниками и капиталистом – товарищество". Удивительно, – считает Берви-Флеровский, – что социалисты Западной Европы, бившиеся как рыба об лед из-за вопроса о рабочем классе, не сумели понять, что в высшей степени несправедливо, чтобы то, что было произведением капитала и труда, составляло собственность одного капитала. Работники должны иметь на ход дела такое же влияние, как и капиталисты, они товарищи. Доходы фабрики, капитал, на нее определенный, должны быть одинаково известны и тем, и другим. Капиталисты получают процент в вознаграждение за риск, работники – остальное".

"Конечно, – отмечает далее Берви-Флеровский, – *социальный вопрос* в деле промышленного производства этим еще не решается; его разрешение началось бы со дня окончательного устранения капитала от производства; во всяком случае ожесточение между пролетарием и капиталистом увидало бы свой конец".

Так Берви-Флеровский подходит к вопросу о самоуправлении, когда "работники могут с пользой участвовать в управлении промышленными заведениями, где ход дела им часто известен лучше, чем хозяину".

Сравнивая губернии с крупными чугунно-плавильными заводами и с мелкой кустарной промышленностью, автор приходит к заключению, что мелкая промышленность гораздо лучше обеспечивает население, чем крупная. "Неужели можно равнодушно смотреть на то, что машины – этот важнейший благодетель человеческого рода, это плодоносное орудие, которое дает рабочему возможность при несравненно меньших усилиях производить не только вдвое и втрое, но иногда во 100 раз более, – эти машины делаются бичом для рабочего класса? Не только для работников, для целых местностей оказывается более выгодным производить мало и дорого, чем производить много и дешево".

Берви-Флеровский задает вопрос: в чем же выход? И отвечает на него: "Спасти Россию от всех этих бедствий (дороговизны продуктов и нищеты населения), – говорит он относительно горной промышленности, – можно только передачей промыслов и заводов в руки заводских артелей. Между различными артелями будет конкуренция. Капиталист тут совершенно излишний, от него нужно избавиться при первой возможности".

Необходимость подобного рода действий автор выводит из того, что на фабриках и заводах рабочий поставлен в такое положение, что он не может существовать своими заработками, хотя производительность его была бы достаточна для роскошного содержания; вследствие недостаточных заработков, дурной расплаты и обсчитывания он везде погрязает в долгах. Как часто фабрикант находит более выгодным бесчестным образом держать рабочих в кабале посредством подобных долгов, чем честно обеспечивать их существование. Работники и даже дети изнуряются непосильной работой по 16 часов в день. Ярославский статистический комитет нашел образцовым положение рабочих на фабриках, где мужчины, женщины и дети работали по 14 с половиной часов в сутки и жили в казармах. Для охранения здоровья работника не принимается никаких мер, и в то время, когда работники гибнут самым несчастным образом, капиталисты получают на свой капитал по 60% в год. Чаще всего администрация не принимает никаких мер для сохранения здоровья рабочего, но и там, где меры эти по разным причинам принимаются, они остаются безуспешными. Задержка заработной платы, эксплуатация при помощи фабричных лавок, полнейшее пренебрежение предпринимателей не только к здоровью, но и к жизни рабочих, нищенская плата при чрезмерной продолжительности рабочего дня – все эти явления, типические для

данного времени, были констатированы со всеми подробностями в отчетах фабричной инспекции в середине 1880-х.

В.В. Берви-Флеровский обобщил большой статистический материал и личные наблюдения, касающиеся социально-экономического развития трудящихся в разных губерниях России. Анализ типов хозяйства (помещичьего, фермерского и крестьянско-общинного) ведется им с привлечением как экономических категорий, так и социальных – описания условий труда и быта людей, их образа и уровня жизни. К. Маркс назвал его работу самой значительной после произведения Ф. Энгельса "Положение рабочего класса в Англии".

Г.Н. Соколова

"ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В РОССИИ" – сочинение К.А. Пажитнова (1906).

В работе описывается положение фабрично-заводских рабочих в течение *первого* этапа (до середины 1880-х) и *второго* этапа (с середины 1880-х по 1904). Сравнивая ее с аналогичной работой В.В. Берви-Флеровского [см. **"Положение рабочего класса в России" (Берви-Флеровский)**], вышедшей почти на полстолетия раньше, можно видеть значительный прогресс в научном освещении исследований и подходе к проблемам. Для обоих авторов характерен жанр исторической социологии, т.е. попытка провести сопоставление положения рабочего класса в разные исторические периоды. В то же время у К.А. Пажитнова наблюдается резкий отход от метода сюжетных зарисовок и очерков, касающихся отдельных сторон жизни рабочих, в направлении к построению эмпирически обоснованной социально-экономической концепции. За эмпирическими фактами и статистическими выкладками он стремится обнаружить не просто объективную логику происходящего, но и его социальную подоплеку.

Так, положение фабрично-заводских рабочих до середины 1880-х Пажитнов рассматривает на основании систематизации и анализа отчетов фабричных инспекторов и земских исследований. В 1879 Московское губернское земство приступило к изучению санитарного положения фабрик и заводов во всех уездах губернии. Материалы этого исследования, проводившегося с 1879 по 1885, вместе с отчетами фабричных инспекторов, являются главным и высокоценным источником при изучении положения рабочего класса в течение *первого* этапа в развитии отношений между работодателями и рабочими.

Одновременно Пажитновым анализируются сфера применения и социальные последствия действия основных законов, направленных на улучшение положения фабрично-заводских рабочих. Так, в 1882 вышел закон, согласно которому дети, не достигшие 12 лет от роду, к работам на фабриках и заводах не допускаются. Кроме того, малолетние от 12 до 15 лет не могут работать более 8 часов в сутки. Ночная работа (от 9 часов вечера до 5 часов утра), а также работа в воскресные и праздничные дни для них не допускается. Одновременно с этим учреждалась должность фабричных инспекторов. Однако вследствие сопротивления фабрикантов, применение закона о малолетних было отсрочено на два года, да и впоследствии этот закон в очень многих случаях игнорировался из-за недостаточности контроля.

Обращаясь к отчетам окружных фабричных инспекторов, Пажитнов уделяет особое внимание сахарным заводам как главным, если не единственным представителям крупной капиталистической промышленности, так как громадная часть остальных заведений мелки как по числу рабочих, так и по стоимости производства и даже носят полукустарный характер. Из отчета инспектора Киевского округа г-на Новицкого за 1885 следует, что "...на всех осмотренных заводах не имеется почти никаких особых вентиляционных приспособлений...; нередко рабочие помещения бывают переполнены парами, а часто и резким запахом фильтрационной грязи. Помещения для мойки бураков отличаются крайней сыростью, темны и грязны: рабочим при общей сырости приходится стоять босыми в воде. К числу наиболее вредных работ на сахарных заводах следует отнести работы с известью, которые состоят в гашении, переноске и разбалтывании извести с водой. Мельчайшие частицы ее носятся в воздухе, покрывают платье и тело рабочих, разъедают глаза, проникают в легкие и вызывают разного рода легочные заболевания... Весьма существенный недостаток почти всех сахарных заводов – это отсутствие ограждений при машинах и опасных частях механизмов; существующие ограждения крайне несовершенны и состоят обычно из легких деревянных перил, поставленных кое-как. Передаточные ремни редко бывают закрыты футляром или огорожены".

Остальные промышленные предприятия принадлежат в большинстве случаев к мелким, следует из того же отчета, как например, стеклянные заводы, почти все суконные фабрики и другие. С них и спрашивать нечего. На стеклянных заводах обращает на себя внимание устройство самих заводов, каждый из которых представляет собой большой сарай с плохо устроенными стенами, мало защищающими рабочих от внешнего влияния погоды. В таком сарае помещается весь стеклянный завод со всеми его приспособлениями, как то: плавильными и калильными печами, а иногда в нем находится и помещение хозяина или его приказчика. Понятно, что такое устройство заводов отзывается, особенно зимой, крайне вредно на здоровье рабочих, а особенно на малолетних, работающих обыкновенно в плохой одежде и босиком.

Обратимся теперь к отчету инспектора Харьковского округа г-на Святловского. Мастерские суконных фабрик в большей или меньшей степени страдают тесным расположением машин, что представляет существенный недостаток с санитарной точки зрения. Особенная теснота замечается в расположении прядильных и других крайне опасных машин. Но особенно плохи на суконных фабриках "мокрые" отделения – это настоящие сырые промозглые подвалы: а между тем полураздетые работницы постоянно ходят из них в сушильню, где температура доходит до 40 градусов по Цельсию. Воздух даже в ткацких отделениях крайне спертый и зловонный. А между тем, это крупные фабрики.

Большая часть табачных фабрик отличается крайней скученностью рабочих. Благодаря этому обстоятельству воздух в них почти всегда спертый, душный, причем в порче

его участвуют не только человеческие испарения, но и недостаток вентиляции, а также примесь продуктов горения газа, керосина и свечей. Вентиляции почти не имеется. Желудочные скоропреходящие боли знакомы всем табачным работникам и представляют настоящее профессиональное заболевание. Просторны, светлы и удовлетворяют санитарным требованиям только машиностроительные и чугунолитейные заводы.

В отчете инспектора Воронежского округа г-на Мирольского за 1885 отмечается разница между фабриками городскими и деревенскими. Для городских фабрик и заводов неизбежны и характерны теснота, скученность фабричных построек, а вместе с тем недостаточное освещение мастерских днем; грязь и нечистота вследствие дороговизны и затруднительности вывоза нечистот и отбросов. В сельских местностях почти все заводы и фабрики расположены просторно, света и воздуха здесь достаточно. Но выгодность таких условий с санитарной точки зрения уменьшается тем, что, нуждаясь в воде для производства, фабрики и заводы располагаются обычно вдоль рек, озер или прудов, в сырых и вредных для здоровья местах. Почти все они черны и мрачны на вид, плохо освещаются и грязно содержатся.

Инспектор Казанского округа г-н Шидловский в своем отчете за 1885 отмечает, что устройство рабочих помещений приспособлено почти исключительно к требованиям производства; удобства же рабочих, а тем более какие-либо санитарные требования по большей части не принимаются в расчет. При этом хозяева обыкновенно ссылаются на то, что "ни один рабочий, в какой бы дурной обстановке ему ни приходилось работать, никогда не жалуется на нее". Но только как ему жаловаться, когда за жалобой следует расчет?

Если хлопчатобумажное производство, говорит инспектор Владимирского округа д-р Песков, по своей пыли справедливо считается очень вредным, то обработка льна, по употребляемым при нем способам и той обстановке, при которой она совершается на льняных фабриках, представляет собой еще более вредное производство, особенно для детей. Пыль, выделяющаяся при обработке льна, содержит в себе, кроме волокон, кремнекислые соединения, действующие весьма вредно на легкие. Обстановка представляет верх нарушения всяких гигиенических правил.

В своем отчете за 1885 инспектор Московского округа г-н Янжул за интересующими нас сведениями отсылает к отчету за 1882-1883 по Московской губернии, – отмечает Пажитнов. Мы присоединяем сюда, – добавляет он, – еще данные, добытые санитарным исследованием, предпринятым Московским губернским земством за период 1879-1885. В отчете анализируется ситуация на бумагопрядильных и бумаготкацких фабриках, на ситценабивных и механических красильно-отделочных фабриках, на химических заводах. "На многих фабриках, – говорит Янжул, – машины расставлены слишком тесно, многие механизмы, требующие ограждения, в действительности не ограждены, что грозит большой опасностью для работающих и ведет к большому количеству несчастий, начиная с ничтожных порезов и кончая изуродованием и лишением жизни". Почти полная безответственность хозяев за несчастия с рабочими ведет не только к недостатку ограждений опасных частей машин, но даже к полнейшему невниманию к ним там, где они уже существуют.

Итак, по отзывам всех инспекторов, санитарное состояние посещенных ими промышленных заведений представляет картину довольно неприглядную, причем не замечается в этом отношении большой разницы между различными губерниями России. В громадном большинстве заведений против таких последствий фабрично-заводских производств, как чрезмерно высокая или низкая температура, сырость, пары, зловоние, ядовитые газы и др., почти никаких мер не принимается. Вентиляции, а равно и других приспособлений или не существует, или они крайне неудовлетворительны и потому не достигают своей цели. Точно так же мало внимания обращается на необходимость ограждения опасных механизмов, результатом чего является множество несчастных случаев с рабочими, и особенно с малолетними. Наиболее действенным средством для борьбы с этим злом и его последствиями является установление ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими и надлежащего контроля за принятием со стороны промышленников необходимых предупредительных мер. Правда, еще в 1862 был выработан Устав о промышленности, где хозяевам вменялось в обязанность под страхом взысканий соблюдать разработанные общие и специальные правила о мерах предосторожности. Но проект этот так и остался проектом. Не только не было издано соответствующего закона, но и отчеты фабричной инспекции с 1885 г. перестали публиковаться.

Изучаемый Пажитновым этап – до середины 1880-х – характеризовался тем, что не только исключительно низко оплачивался вообще труд человека, но и право рабочего на свой полный заработок признавалось предпринимателями с большими ограничениями, т.е. под непременным условием его дальнейшей эксплуатации. До закона 1886, регулировавшего взаимные отношения сторон, "у большинства промышленных заведений, – говорит фабричный инспектор Янжул, – плата заработанных денег производилась, когда хозяин пожелает и имеет нужные для этого деньги. Другими словами, рабочие ссужали капиталистам беспроцентно более или менее значительную часть своей заработной платы, а те на эти деньги совершали торгово-промышленные операции уже с наложением процентов. Это явление по своей распространенности являлось общим и составляло одну из характерных черт периода так называемых "патриархальных отношений".

Рабочий, по заключению Пажитнова, "использовался" предпринимателем не только как рабочая, но и как потребительская сила, не только внутри фабрики, но и за ее пределами. Как может существовать рабочий без денег? Очень просто. Рабочий оставлял предпринимателю часть своей заработной платы, и на эти деньги предприниматель открывал ему кредит (хотя и не беспроцентно – в этом вся разница). Для этого существовали так называемые фабричные лавки, где отпускались необходимые вещи. Неопределенная расплата в разные сроки составляла, несомненно, одну из существенных причин неудовлетворительного экономического положения

рабочих, о чем неоднократно сообщалось многими исследователями русского рабочего быта.

Такова, в самых общих чертах, картина, которая открылась глазам русского общества, когда была приподнята наконец завеса, так долго ее скрывавшая. Картина эта была столь ужасна и сами трудящиеся массы столь явственно к этому времени давали об этом знать, что хотя завеса была вновь опущена и фабричные отчеты перестали опубликовываться, оставить все по-прежнему было невозможным. Чтобы задержать, если не остановить, рабочее движение, правительство России вступило на путь вмешательства в отношения между трудом и капиталом; этим и заканчивается первый этап, открывая место второму.

Второй этап (с середины 1880-х) характеризуется в экономической жизни России быстрым ростом промышленного капитализма. Это нашло отражение и в возрастании числа фабрично-заводских рабочих: в 1886 – 837.382 человек, в 1890 – 959.345 человек, в 1893 – 1.118.000 человек; в 1902 – 1.710.773 человек. Таким образом, число фабрично-заводских рабочих за 40 лет – с 1860 по 1900 – возросло почти в три раза.

Какие же изменения произошли в положении фабрично-заводских рабочих с 1885 по 1904, что принесло с собой государственное вмешательство для смягчения того мрачного фона, на котором вырисовывается этап, рассмотренный ранее? Прежде чем сделать общее заключение, Пажитнов приводит имеющиеся в его распоряжении факты, начиная с рассмотрения санитарного положения фабрично-заводских заведений, а затем – жилых помещений для рабочих.

Что касается *санитарного положения*, то ему приходится констатировать, что "специальных санитарных законов у нас нет, как не было их и на предыдущем этапе, все дело ограничивалось одними лишь проектами, не получившими своего подтверждения". Если велика была потребность, заставлявшая государственные органы выступать с проектами защиты рабочих, то не менее велика была и сила сопротивления со стороны заинтересованных сфер, о которую непрестанно разбивались все эти попытки. И в результате не предъявлялось никаких особых требований к владельцам промышленных заведений относительно ограждения здоровья и жизни рабочих.

При отсутствии санитарного законодательства и специальной ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими, немудрено, отмечает Пажитнов, что большинство фабрик и заводов являются, по выражению одного из фабричных инспекторов, лабораториями травматизма и источниками всевозможных заболеваний. Причиной всех этих несчастных случаев, калечений, увечий, ожогов, болезней и проч. является не злой рок, не беспечность рабочих, а такие обстоятельства, как: конструктивные недостатки самих машин и других механических приборов в смысле их опасности, отсутствие правильного технического надзора в большинстве фабрик, игнорирование или незнакомство лиц, руководящих делом, с санитарной наукой и отсутствие предохранительных приспособлений.

Обнаруживающиеся в период 1882-1898 улучшения технико-санитарных условий на отдельных русских фабриках и заводах совершенно не соответствовали гигантскому росту национальной промышленности и потому не могли сколько-нибудь заметно отразиться на общих санитарных условиях страны, которые, по заключению Русского Технического Общества, прогрессивно ухудшались. Анализируя эти условия, автор постоянно проводит сравнение с постановкой этого дела в Германии, где кроме огромной массы книг и обширных руководств по фабричной гигиене, насчитывалось свыше 30 периодических изданий, чьи рекомендации по охране жизни, здоровья и умственного развития рабочего населения успешно воплощались в реальность.

Вышедший в 1903 закон об обеспечении пострадавших рабочих, как по объему действия, так и по своему характеру, признавался специалистами лишь жалким паллиативом, только частичной заплатой, поскольку не распространялся на рабочих строительных, сельскохозяйственных и ремесленных отраслей; не относился к профессиональным заболеваниям, а только к телесным повреждениям; включал в себя массу оговорок, практически сводивших на нет его действие. Таким образом, вмешательство государства в отношения между трудом и капиталом в том, что касается элементарных санитарно-гигиенических условий и безопасности труда и самой жизни рабочих, было совершенно неэффективным.

Как уже говорилось, отчеты окружных фабричных инспекций появились только за 1885; затем они перестали опубликовываться, и вплоть до 1905 покров тайны окутывал внутреннюю жизнь на фабриках и заводах, – с одной стороны, там как будто творилось что-то ужасное, а с другой – как будто бы все обстояло благополучно. Лишь с 1900 стали появляться своды отчетов фабричных инспекторов, т.е. не подлинные отчеты, а лишь извлечения из них, в виде голых цифр, и не по всем, а только по некоторым сторонам фабрично-заводской жизни. Таким образом, научная общественность была лишена возможности черпать оттуда сведения, относящиеся к санитарной обстановке в мастерских и жилых помещениях, и должна была обращаться к другим источникам, включая различного рода обследования. Большинством из них констатировалось дальнейшее ухудшение условий на промышленных предприятиях и рост профессиональных заболеваний. Это – различного рода легочные заболевания у ткачей и стеклодувов, развитие ревматизма у рабочих кирпичных заводов, преждевременное физическое изнашивание организма работников почти во всех отраслях производства.

В области *жилищного вопроса*, говорит Пажитнов, мы совершенно напрасно стали бы возлагать на второй этап какие-нибудь надежды; наоборот, общее ухудшение обнаруживается здесь пожалуй резче, чем где-либо еще. Последние 15-20 лет были временем усиленного бегства из деревни: города и промышленные центры развивались с поразительной – американской – быстротой, поглощая с каждым годом многие сотни тысяч людей. Первые товарищества и акционерные общества по постройке дешевых жилищ были основаны еще в конце 1850 – начале 1860-х. На них возлагались большие надежды сторонниками "упрощенного" разрешения социального вопроса в России; но прошло более 40 лет и дальше начинаний дело не пошло. Таким образом, промышленные цен-

тры – как в городах, так и вне их – оказались неподготовленными к выполнению задачи – обеспечить вновь приливающим массам рабочего люда удовлетворительные в санитарном отношении условия существования. На этой почве и выросли страшная грязь, теснота и эксплуатация.

С поразительной быстротой, так сказать, по-американски происходит ассимиляция пригорода с городом, со всеми отрицательными сторонами последнего, но без соответствующих коррективов. По наиболее подробным и наиболее ценным данным автора относительно состояния квартир, в которых проживает большая часть рабочего люда г. Москвы, из всех коечно-коморочных квартир Москвы 11.180, или 70,2 %, настолько переполнены, что на каждого человека, находящего в них приют, приходится менее полутора квадратных метров. Это значит, что население в них поставлено в условия, прямо сокращающие человеческую жизнь. Автор приводит ужасающие свидетельства скученности населения как в столичных, так и в провинциальных городах, и обосновывает необходимость разрешения квартирного вопроса. Снова и снова он обращается к опыту Западной Европы, где государство предпринимает ряд мер, направленных к поощрению акционерного строительства дешевых жилищ и заключающихся в освобождении этих жилищ от налога и в широком кредите из государственных средств. Со своей стороны, органы местного самоуправления приобретают целые кварталы, где расположены десятки и сотни антисанитарных домов беднейшего населения, разрушают до основания эти вредные для здоровья притоны и на их месте возводят дешевые жилища.

"Наши общественные управления..., но они состояли из представителей домовладельческих и торгово-промышленных сфер; как же им заботиться об интересах рабочих?! – восклицает автор. Лишь после 1905, с падением старого режима, может идти речь о рациональном санитарном законодательстве, о кредите из государственных средств, о деятельном участии муниципалитетов в разрешении квартирного вопроса... Предварительным условием является, конечно, участие самих трудящихся масс как в местном самоуправлении, так и в центральных государственных учреждениях, т.е. реорганизация их на демократических началах при установлении всеобщего избирательного права".

Таким образом, как благодаря многочисленным лазейкам, оставленным в законах, выпускаемых для урегулирования отношений между предпринимателями и работниками, так и благодаря последующим циркулярам, сводящим постепенно действие этих законов на нет, попытка урегулировать эти отношения сверху должна быть признана совершенно неудачной. Существенных перемен в жизнь рабочего класса она не внесла, и второй этап являлся лишь продолжением первого. Можно ли, спрашивает Пажитнов, более очевидным образом показать, что так называемое фабричное законодательство, законодательство по охране труда, преследует интересы не трудящихся масс, а административно-полицейские выгоды и выгоды капиталистов-предпринимателей? И утверждает, что нужен был опыт революционного 1905 года, чтобы вскрыть и показать всю искусственность, всю фальшь фабричного законодательства и вывести его на широкую открытую дорогу.

Г.Н. Соколова

ПОЛУЗАКРЫТЫЙ ВОПРОС – см. **ОПРОС АНКЕТНЫЙ.**

ПОНИМАНИЕ – процедура постижения или порождения смысла. П. не вписывается в субъект-объектную познавательную схему, так как не познание порождает потребность в П., а, наоборот, потребность в П. ведет к познанию. Категориальный статус П. придал Ф. Шлейермахер, понимавший его как процедуры обнаружения смысла текста в процессе его интерпретации, реконструирующей изначальный его замысел. Таким образом П. у него – это способ экспликации того, что уже изначально предзадано, заложено в тексте. Тем самым были сформулированы основы классической концепции П. как средства преодоления культурной и временной дистанции. В. Виндельбанд и Г. Риккерт предложили неокантианскую версию П., трактуя его как суть идиографического метода познания, схватывающего индивидуальные особенности исторических фактов и противопоставленного номотетическому методу, обобщающему (генерализующему) и устанавливающему законы, суть которого составляет объяснение. П. возможно через установление в науках о культуре "отношения к ценности", в котором и проявляется мера индивидуального разнообразия. Благодаря неокантианству, П. надолго оказалось связанным с оценочным познанием и актами оценивания, но прежде всего им было заложено ставшее теперь традиционным истолкование П. как эвристической познавательной процедуры, дающей приращение знания, а не только "восстанавливающей" изначальное.

Таким образом была задана совершенно самостоятельная тема гносеологии, эпистемологии и методологии – тема противопоставления или согласования "понимающих" и "объясняющих" схем в научном знании и познании. Основная ее тенденция – универсализация процедур П., которые из исторического гуманитарного знания – усилиями В. Дильтея (см.), М. Вебера (см.), А. Шютца (см.) и др. – были перенесены в знание социальное, а затем стали рассматриваться как основа, рамка познания. Дорефлексивное схватывание смыслов начинает трактоваться как основа любой аналитической операции. За П. признается функция продуцирования знания, но оно трактуется, в целом как знание, нуждающееся в дополнительных процедурах, позволяющих перевести его в статус знания научного. П. при этом во многом понимается как интерпретация: объяснение на одном уровне знания подготавливает почву для переинтерпретации фактов на более высоком уровне, переинтерпретация фактов дает новый импульс объяснению, но сама переинтерпретация есть лишь возможность. Тем самым П. становится возможным толковать как объяснение в понятиях необходимых условий ("как возможно?"), построенное по схеме практического вывода (Вригт).

Несколько иной поворот трактовки П. задало признание имманентного присутствия в феномене эпистемологического –

феноменов социокультурного и личностного (постпозитивизм, социология знания). Объяснение в подобных моделях чаще всего трактуется как логическая рационализация уже понятых (размещенных в когнитивной модели) реальных соотношений, для которых необходимо отыскание закона, устанавливающего всеобщее в них. В самой уже существующей когнитивной модели признается при этом наличие "образной компоненты". В целом это линия втягивания П. в сферу "рацио" и ее радикализация связана с признанием возможности разных типов рациональности.

Данный ракурс темы П. активно разрабатывается в различных версиях "понимающей" науки (прежде всего психологии и социологии). Исходной здесь явилась версия описательной психологии Дильтея, сформировавшего методологическую установку на П. жизни из нее самой, т.е. ее временности и историчности, и трактовавшего П. как непосредственное постижение некоторой душевно-духовной целостности, т.е. как интуитивное проникновение одной жизни в другую. М. Вебер в версии понимающей социологии (**см.**) снял "психологизм" концепции Дильтея и выдвинул идею формальной рациональности, основанной на принципе максимизации эффективности деятельности в разных сферах социальной жизни, культурно и ментально закрепляемой. Соответственно задача социологии формулируется им как анализ смысловых элементов социокультурной жизни, "задающих" возможные меры рационализации. Любое социальное действие содержит, по М. Веберу, конституирующий его смысл, соотносимый со смыслами действий других людей. Реализуемая совокупность таких соотношений образует "смысловую связь поведения", которая является объектом понимающего исследования.

Эта базовая посылка М. Вебера была универсализирована в феноменологической социологии (**см.**) как предпосылка любых социальных взаимодействий, а также социальных структур и институтов, возникающих на их основе, т.е. П. стало трактоваться как предоснова любых возможных мыслительных процессов и процедур. Отсюда возможно движение или к признанию социологии знания единственно возможной социологией (с ее "экспансированием" как за рамку дисциплинарности, так и за рамку науки в целом), или разработка диалогических концепций социального взаимодействия и "онтологии поступка" (предполагающих и диалоговую, а не только интерпретационную версию П.), что ведет к герменевтизации дисциплины.

Вывод проблематики П. за пределы его истолкования как метода или процедур П. был осуществлен М. Хайдеггером и закреплен в концепции герменевтики Г.-Г. Гадамера. Хайдеггер трактовал П. как специфическое отношение к действительности, в котором человек выступает толкующим себя бытием (т.е. "понимающим бытием"), что означает онтологизацию П. Хайдеггер ввел понятие "предпонимание", выражающее развертывание П. как онтологического определения человеческого бытия, задающее непреодолимый горизонт познания. П. как предпонимание изначально и предполагает мышление и поведение – через "предмнения", "предвидения" и "предвосхищения", делая возможным производное ("вторичное") П. как методы и процедуры познания. Онтологический статус П. был закреплен герменевтикой, в котором П. – центральное понятие. Герменевтика отделяет П. как поиск смысла в качестве собственного предмета и П. как процедуры приписывания значений, настаивая на изначальной "герменевтичности человеческого" существования, имманентности ему "понимательности" (что предшествует любым процедурам приписывания значений). При этом акцент смещается с самих смыслов на языковые практики-дискурсы как предмет непосредственного анализа.

Эти различные направления и версии П. в истории европейской философской и социальной мысли пытаются синтезировать современная эпистемология и методология прежде всего через разработку проблематики разных типов рациональности. В предельной рамке П. начинает трактоваться как умение действовать соответственно социокультурному контексту, т.е. оно выражает отношение субъекта, владеющего нормами данной культуры, к произведенному в рамке этой культуры тексту (в расширительном его толковании). Процесс П. наделяется деятельностно-коммуникативной природой. Задание способов действования и коммуницирования – это и есть запуск механизмов формирования П. В такой трактовке именно П. создает смыслы, т.е. последние не понимаются, а продуцируются в процессах П. в конкретных деятельностно-коммуникативных ситуациях. Понимается не смысл или текст, а коммуникативно-деятельностная ситуация, в которой находится понимающий человек. В этом отношении смысл как ситуативно создаваемый и отличается от включаемых в ситуацию в качестве готовых значений. Мы всегда понимаем не сделанное, а сделанным. Порождаемые смыслы схватываются в процедурах рефлексии. Рефлексия не только проясняет смыслы, но и обнаруживает смысловые лакуны, запуская тем самым новые акты смыслопродуцирующей деятельности и коммуникации. Достигнутый уровень П. накладывает, в свою очередь, онтологические и интерпретационные ограничения на объекты деятельностного оперирования, но оставляет открытыми диалогово-коммуникативные практики, позволяющие выходить за пределы онтологических представлений и утвердившихся интерпретационных схем, перемещая системы значений в новые контексты и провоцируя столкновения разных контекстов (онтологий, языков), а тем самым запуская и новые интерпретации. Не-П. при этом может быть истолковано как проявление психологической и (или) теоретической замкнутости мышления, приверженного следованию догматизированным усвоенным схемам, что выражается в неспособности осмысливать новые ситуации коммуницирования и действования. (В этом отношении следует заметить, что одну из первых технологий преодоления психологической замкнутости вне проблематики П. предложил психоанализ. Аналогичную роль играли исследования парадоксов и аномалий в научном знании.) Следовательно, условие П. – разблокировка процессов мышления в коммуникативно-деятельностных и рефлексивных практиках. Тем самым П. предполагает прежде всего онтологическое (а не гносеологическое) самоопределение субъекта, будучи проблемой

практического отношения и практического разума. Именно сращенность человека с бытием и придает П. свойство естественно складывающегося события.

В.Л. Абушенко

ПОНИМАЮЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ – в узком смысле – социологическая концепция М. Вебера (**см.**), предположившего и сам термин "П.С."; в широком смысле – одно из основных направлений социологии, связанное с ориентацией на преодоление ее натуралистических установок и позитивистской методологии, заложившее в конце 19 – начале 20 в. основы последующих неклассических ее версий: феноменологической социологии, этнометодологии, когнитивной социологии и т.д., вплоть до ее постмодернистского проекта (З. Бауман – **см.**, В. Вельш и др.), а также таких неклассических направлений в социологическом анализе, как социология культуры (**см.**) (культур-социология) и социология знания (**см.**). П.С. можно рассматривать и как одну из первых редакций гуманистической альтернативы в социальном знании в целом.

Становление понимающей теоретико-методологической парадигмы в социогуманитарном знании связано прежде всего с именами В. Дильтея (**см.**) и М. Вебера, а также Г. Зиммеля (**см.**) и отчасти (что признается далеко не всеми историками социологии) Дж.Г. Мида (**см.**). В качестве отдаленных истоков П.С. рассматриваются идеи исторического анализа Дж. Вико (понимаемо лишь то, что совершено) и концепция герменевтики Ф. Шлейермахера. В качестве непосредственных источников П.С. выступают философия жизни и неокантианство (прежде всего в лице Баденской школы). При этом, если в историцизме Дильтея доминируют идеи философии жизни, то у М. Вебера – неокантианства, а Зиммель в разные периоды жизни акцентировал как собственную версию философии жизни, так и свой же проект формальной социологии, увязывая их с проблематикой понимания. Качественный поворот в судьбах "понимающей парадигмы" связан с именем А. Шюца (**см.**), социологически переориентировавшего феноменологию позднего Э. Гуссерля, а позднее с включением в фокус социологического анализа проблем языка, предзаданным "лингвистическим поворотом" позднего Л. Витгенштейна и становлением современного герменевтического анализа. В российской философской и социогуманитарной мысли близкий к П.С. проект был предложен (с иных теоретико-методологических позиций) С. Франком (**см.**). Однако реализована была П.С. впервые именно в социологии (проект Франка не получил социологического воплощения). В то же время для П.С. (как изначально, так и в последующих вариантах) был характерен постоянный интерес к метатеоретическому уровню анализа и постоянные экскурсы в область собственно философского знания.

Так, объединяющей исходной теоретико-методологической посылкой для "понимающих" социологов является утверждение принципиально разных онтологий природного и социального миров и установка на исследование способов и (или) методов (опять же особых, отличных от общенаучных) конституирования индивидами социума в ходе их непосредственного взаимодействия и (или) в их духовном бытии. С этой посылкой тесно связана другая, ставящая под принципиальное сомнение возможность (и необходимость) реализации в социальной жизни объект-субъектной познавательной схемы как через акцентирование "определяемости" ("простраиваемости") объекта субъектом, так и через вскрытие процессуальной природы социальной реальности, параллельно с утверждением личностной и исторической природы социальных субъектов. При этом конституирующим началом может выступать или накопленное содержание опыта субъектов (то, что переживается как настоящее, всегда содержит воспоминание о том, что только что было настоящим, – Дильтей), или должное возможное будущее (то, что полагается и осмысливается в социальном, прежде всего и главным образом, целерациональном действии, – М. Вебер), или преодоление сопротивления "оформившихся" в "очевидности" практически направленных интересов субъектов (непрерывная смена "ставших" форм, фиксирующих и организующих опыт, – Зиммель). Таким образом, во всех трех первоначальных версиях "понимающей" ориентации исследовательский интерес принципиально смещается на уровень анализа непосредственных субъектов социальной активности, акцентируется "рамка личности" в социологическом знании.

Наиболее отчетливо эта линия была проведена в последующем феноменологическом варианте П.С. и, особенно, в этнометодологии (у М. Вебера же находим, например, вполне "классический" социологический анализ бюрократического типа социальной организации, а у Зиммеля – анализ "чистой" формы). Актуализация внутренних смысловых аспектов опыта и (или) социального действия обозначила поворот в "понимающей" ориентации к анализу культуры как области объективации смыслов, как "предзадающей" возможность конституирования себя как индивидуальной целостности, как "организующей" возможность понимания "Я" и "Другого" ("выражения" Дильтея, "типизации" М. Вебера, "формы" Зиммеля). В этом отношении П.С. оказывается весьма близка другому влиятельному социологическому направлению – символическому интеракционизму (**см.**), – что и позволяет сближать их (при всем различии теоретико-методологических истоков) между собой и видеть в Дж.Г. Миде (как основоположнике символического интеракционизма) одного из классиков "понимающей" ориентации. Однако, корректнее все же дифференцировать эти направления как различные, но объединяющиеся в рамке культурсоциологической ориентации как целостности более высокого метатеоретического уровня. Наконец, объединяющей темой для мыслителей рассматриваемого круга являлась собственно проблема понимания, давшего название всему теоретико-методологическому направлению в целом. Причем с самого начала в исследовательскую программу П.С. были заложены все основные (в последующем развернутые) версии понимания, но все они сходились в том, что лишь понимание может обеспечить доступ к основам ("истокам") социальных феноменов. М. Вебером была предложена концепция понимания как процедуры (метода), предваряющей и делающей единственно возможным социологическое объяснение. Социальное действие консти-

туируется осознанием (и / или наличием) смысла, не привносимого извне, а переживаемого субъектом и требующего соотнесения возможного на его основе действия с возможными действиями других. Переплетение таких соотнесений образует "смысловую связь поведения" (М. Вебер). Последняя является непосредственным предметом социологического изучения, задача которого, интерпретируя, понимать социальное действие. Средством понимания (понимающего истолкования) выступают логически конструируемые идеальные типы, обеспечивающие понимание через узнавание в легитимируемых и санкционируемых культурой типизациях. Последнее позволяет М. Веберу трансцендировать смысл психологическому переживанию и обосновать стратегию целерационального действия как наиболее полно выявляющую смысловую основу социальной реальности. Остальные стратегии социального действия рассматриваются как отклоняющиеся от этой "идеальной" модели и "затемняющие" смыслы (убывание рациональности в действии суть одновременно уменьшение возможности понимания).

Зиммель в своей концепции предвосхитил последующую универсализацию понимания как специфического отношения человека к действительности, способа "здесь-и-теперь" бытия, с одной стороны, и возможность его истолкования как универсальной метапознавательной практики – с другой. Тем самым понимание можно рассматривать и как основное событие человеческой жизни, как отношение одного духа к другому, как способ перемещения их одного культурного мира в другой, и как универсальный способ "критики самоочевидностей", "внесения" в познание субъективной компоненты (но и одновременного контроля за ней), подключения в познание "практически направленного интереса".

В концепции Дильтея (по мере ее развития) можно обнаружить три версии понимания: 1) как непосредственного усмотрения "внутренним взором" (в интроспекции) "конечной реальности" человеческой жизни; 2) как познание-переживание другого во внутреннем опыте через данные извне знаки; 3) как развертывания самопонимания через расширение жизненных контекстов и их постоянное переистолкование (переинтерпретацию), фиксируемое средствами языка в определенных текстах. Выход П.С. на исследование проблем собственно понимания способствовал в дальнейшем "сращиванию" внутри данной теоретико-методологической ориентации проблематики культур-социологии и социологии знания.

В.Л. Абушенко

ПОНСЕ (Ponce) Анибал Норберто (1898-1938) – аргентинский философ, социолог, педагог, общественный деятель. Называл свою концепцию "натуралистическим монизмом" и считал, что в ней объединены принципы и теоретико-методологические установки марксизма и нового гуманизма. Ученик и последователь Х. Ингеньероса (см.) (издал его полное собрание сочинений), учитель Э.П. Агости. Одним из своих духовных учителей считал Д.Ф. Сармьенто, которому П. посвятил две свои работы. Учился в Колехио насиональ централь (Национальный колледж), затем на факультете философии и гуманитарных наук Университета Буэнос-Айреса (несколько лет учился и медицине). С 1918 – активный участник Движения за университетскую реформу (был в его руководстве). В 1920 познакомился с Ингеньеросом, помогал издавать ему журнал "Ревиста де философиа", поддержал концепцию "аргентинидада" (аналог "философии мексиканской сущности"). В 1926, 1929, 1934 посещал Европу (в последнюю поездку был в СССР). В 1929 участвовал в создании Свободного колледжа (колехио) высшего образования в Буэнос-Айресе. В 1930 выступил с программной лекцией "Долг интеллигенции", имевшей широкий резонанс. Входил в оргкомитет и участвовал в работе Латиноамериканского конгресса против империалистической войны в Монтевидео (Уругвай) в 1933 (выступил с речью "Массы Америки против мировой войны"). Занимался литературно-публицистической деятельностью, основатель журнала "Диалектика". В 1936 подвергся политическим преследованиям, был лишен кафедры в Национальном колледже, в 1937 эмигрировал в Мексику, где читал лекции в Мичиоканском университете. Близко познакомился с Н. Гильеном. Погиб в автокатастрофе.

Типологически работы П. второго этапа творчества близки теориям западноевропейского неомарксизма (см.), хотя его исходные марксистские установки были ближе к работам Н. Бухарина (см.). Основные работы П.: "Хосе Ингеньерос. Жизнь и творчество" (1925); "Старость Сармьенто" (1927); "Грамматика чувств" (1929); "Сармьенто – строитель новой Аргентины" (1930); "Проблемы детской психологии" (1931); "Ветер над миром" (1933, ознаменовала собой начало второго этапа творчества); "Проблема образования и борьба классов" (1934, наиболее показательна для второго этапа творчества П.); "Гуманизм буржуазный и гуманизм пролетарский" (1935); "Стремления и страдания подростков" (издана в 1936); "Интимный дневник подростка" (издана в 1938); "Философские основы социализма" (работа осталась незавершенной, как и работы по творчеству Ш. Фурье и Маркса); "Произведения и дни" (при жизни не публиковалась) и др.

П. воспринял в своем творчестве основные теоретико-методологические установки Ингеньероса, усилив их социальное обоснование и акцентировав их антропологическую составляющую. Знание у него принципиально соотнесено с продуцирующим и активно использующим его в своих практиках субъектом. Оно открыто вовне, подвержено постоянным изменениям-интерпретациям в соответствии с возникающими в деятельности импульсами, а потому исходно антидогматично (его догматизация стимулируется также извне определенными социокультурными условиями). Восприняв идею Ингеньероса о гипотетичности, постоянном "приближении" философского (метафизического) знания к опыту (опытному научному знанию), а, следовательно, и о его вероятностной природе, П., в духе западноевропейских неомарксистских дискурсов, универсализировал этот круг представлений. Он пытался обосновать тезис о "вплетенности" знания в реальность, его укорененности в "жизни", его практических основаниях. Тем самым, по П., знание не может быть достаточно жестко отграничено от эмоционально-волевой составляющей и наличных "верований", что ограничивает притязания разума. В результате снимается проводимая Ингеньеро-

сом демаркация (хотя последний и признавал относительность, подвижность ее границ) между философским, научным, обыденным и иными (например, продуцируемым "литераторами") типами знания, основной тенденцией развития которого оказывается поддержание собственной целостности (при всей неизбежной его дифференциации в "сложных" типах обществ). Познание и сам разум, согласно П., оказываются исторически-изменчивыми, выражающими специфический дух эпох и страны ("расы" и нации), т.е. "чувствительными" к конкретике социокультурного опыта. "Подозреваем мы или нет, – отмечает П., – но каждое наше действие, сколь бы независимым оно не казалось, несет на себе социальный отпечаток переживаемого нами часа. В наших мнениях или наших идеалах всегда говорит голос времени на языке того социального класса, в рамках которого мы формировались". Второй контур "зависимостей" разума и познания – их связь с языком (и речью). Аргентинская социогуманитарная и философская традиция всегда чутко реагировала на языковые проблемы (так, в 19 в. вполне серьезно дебатировалась идея создания особого "аргентинского" языка как одного из условий преодоления внешней культурной зависимости в мышлении), требование исправления языка как составляющую "новой метафизики" выдвигал Инхеньерос.

Принимая установку Инхеньероса, согласно которой неточное выражение извращает истину, а ошибка в стиле приводит к научной ошибке, П. усилил ее введением специфичной аргентинской языковой ситуации: "Не имея собственного языка в точном смысле этого понятия, наше своеобразие зиждется на отборе слов, на гибкости идиом, на мобильности синтаксиса, на богатстве новых выражений...". Более того, П. выдвинул тезис о взаимозависимости интеллектуальных и речевых структур индивида и их историческом развитии как обусловливающем этапы развития человека. Артикуляция и рефлексия всех обнаруживаемых "зависимостей" знания происходит в формулируемом социокультурном идеале эпохи ("расы" и нации) выражающем основные установки и ориентации культуры в ее соотнесении с "базисом" общества, закрепляющем структуру наличествующих и господствующих потребностей и интересов. "Базис" П. трактует как совершенствование объективного процесса производства материальных благ, необходимых индивиду для его преобразующей деятельности, и задающий соответствующую подвижную (изменяющуюся) социальную структуру, получающую более или менее адекватное политическое оформление. Однако саму суть "базисных" процессов П. видит именно в их "рациональном совершенствовании" под контролем идеала эпохи. Тем самым П. вскрывает ограниченность идеи "экономического детерминизма", абсолютизирующей роль базиса, и противопоставляет ей идею "просвещения" как составляющей исторического развития.

Суть "исторической константы" просвещения, по мысли П., – "растущая популяризация культуры" и "расширение сферы ее действия". При этом само общество начинает трактоваться как развивающаяся (1), открытая (2), субъектная (3) система (открытости и изменчивости общества соответствует открытость и изменчивость описывающего его знания), презентируемая совокупностью жизнедеятельностных практик. "Просвещение" конденсирует в себе тот духовный потенциал (культуру, продуцирующую идеал), которым обладает та или иная эпоха ("раса" или нация). Невозможно что-либо качественно сделать (тем более изменить общество), не обладая соответствующим духовным потенциалом. Таким образом, кардинальные изменения в развитии общества обеспечиваются и во многом предопределяются революциями в развитии "просвещения". Отсюда изменение детерминант развития классического марксизма; суть развития задается взаимоотношением "эпохи" (культуры, продуцирующей идеалы) и личностей (обладающих целостным открытым знанием и руководствующихся в своей деятельности идеалом), опосредуемым социо-экономо-политической средой (т.е. собственно социумом, основанном на конкретном "базисе"). Вектор же развития определяется как становление интеллектуальных и речевых структур индивида.

Переинтерпретация марксизма производится П. в духе идей "раннего Маркса", его концепции развертывания "родовой сущности" человека, которую П. истолковывает как появление индивидуальности и субъектности истории. Историческая плата за это – утеря первоначальной и "первобытной" целостности, что порождает два параллельно протекающих процесса: 1) нарастание "частичности" человека и усиление его отчуждения (точка апогея – современный капитализм, полностью подчинивший человека среде (социуме); в этом ключе П. исследует "измельчение" буржуа вчерашнего в буржуа сегодняшнем); 2) развитие процесса индивидуализации (начатого в античности) в форме индивидуализма (точка апогея – личность и творчество Ницше). Цену неизбежной "платы" П. рассматривает в терминах доктрины "вынужденного социального зла". ("Когда культурой пользуются как привилегией, культура теряет достоинство так же, как золото".) Преодолеть неизбежное зло можно лишь на пути "подавления индивидуализма, но пробуждения индивидуальности", что и является для П. сутью социализма (см.).

Восприняв формулу Инхеньероса "справедливость в неравенстве", П. видит в ней возможность преодоления отчуждения людей от своей сущности на основе перманентной скрытой борьбы за возвращение индивиду его целостности (что в современных условиях в социальном плане выливается в борьбу с империализмом во всех его проявлениях). Справедливость при этом понимается как преодоление экономических и социальных антагонизмов, а неравенство трактуется через меру проявления индивидуальности человека в его отношении к продуцируемому культурой идеалу эпохи ("расы" и нации). Тем самым проблема перехода к иному (новому) типу общества не решается моментальным прямым действием, а есть длительный процесс становления индивида как индивидуальности, предполагающий борьбу с попытками подчинения личности, борьбу за ее освобождение, что требует от каждого прямых и ответственных действий. Типологически эта программа П. весьма близка неомарксизму А. Грамши (см.), а сам он определяет ее как программу "действенного гуманизма, нацеленную на формирование "нового

человека". Гуманизм, как ядерная структура "просвещения", свойственен любой исторической эпохе и характеризует степень развитости личности как индивидуальности. Таким образом, гуманизм развивается в конкретно-исторических сменяющих друг друга формах. А в его эволюции можно выделить ряд качественно отличающихся друг от друга ступеней. Исходная точка движения – своего рода "первобытный" гуманизм, основанный на ценностях рода и характеризующийся синкретичной цельностью и погруженностью в "формы самой жизни". Следующая ступень становления гуманизма связана с возникновением социальной иерархии, порождающей экономическое и политическое неравенство и ведущей к конституированию классовой борьбы, которая достигает своего апогея и становится сознательной лишь в эпоху капитализма (т.е. она, согласно П., проходит длительную латентную стадию в своем развитии). Античность, преодолевая силу обычая, утверждая ценность жизни согласно разуму, создает условия для возникновения автономности человека (соотнося его с социумом либо как гражданина полиса в Греции, либо как государственного "администратора" в Риме), но лишь возможность для сознательной формулировки принципов гуманизма. Возникновение собственно гуманизма, который явно был возможен изначально только как "буржуазный гуманизм", датируется эпохой Возрождения. Однако это был, как указывает П., гуманизм индивида, но не "человека как человечества". Эта форма гуманизма достигла пика в своем развитии в 18 в. с победой "буржуа" и принципов индивидуализма. Эпоха капитализма характеризуется, с одной стороны, классовой борьбой за экономическую и политическую власть (социальная составляющая), и противостоянием церкви (но не религии) как институту догматизации ("просвещенческая" составляющая). Культовыми фигурами этой эпохи являются, по П., М. Лютер ("энтузиазм эпохи"), Эразм Роттердамский ("разум эпохи"), Б. Франклин ("деятель эпохи", человек, утвердивший принцип "сделай себя сам"). После пика 18 в. "буржуазный гуманизм" стал исчерпывать себя, насущным стал возврат к "родовой сущности" человека, т.е. переход к социализму с параллельным (точнее, опережающим) утверждением принципов "нового действенного гуманизма" – гуманизма человечества на основе человеческой индивидуальности.

Компонента "просвещения" и принципы гуманизма реализуются, согласно П., в технологиях и институциях воспитания-образования, что делает последние одной из основополагающих практик общества (особенно современного). Однако, ориентируясь на "эпоху", образование испытывает влияние экономико-политической среды (социума), что проявляется в возникновении "школы" (которой не было в "первобытности", где "школой" являлась целостность социальной и культурной жизни, праксис в терминологии западноевропейского неомарксизма). Со своей стороны, реформа "школы" есть основа изменения общества (отсюда движение за университетскую реформу в Аргентине (аналогичное движение в это же время существовало, например, в Перу), активным участником и идеологом которой был П.). Зависимость практик образования от конкретики социального ставит задачу отделить "гуманизм" от "конъюнктурно-исторического". В этой перспективе П., во-первых, видит в "просвещении" "лишь две революции" (разделение общества на классы после эпохи "первобытности" и победа буржуазии и утверждение эпохи капитализма) при постоянно идущих реформах как поисках устраивающих всех компромиссов; во-вторых, констатируя всеобщий духовный кризис, симптомами которого выступили Первая мировая война, революция в России, угроза распространения фашизма, утверждает необходимость новой "просвещенческой" революции; и, в-третьих, утверждает, что социокультурный идеал эпохи есть, по сути, педагогический идеал, схватывающий самые глубинные потребности и интересы человеческого рода-"расы"-нации.

Соответственно, по П., "педагогические идеалы – это не искусственные творения, открываемые мыслителем в одиночку, которые он пытается навязать затем другим, уверовав в их истинность". Речь при смене педагогических идеалов в настоящее время идет прежде всего о реформе сознания через: 1) уяснение оснований собственного мышления, 2) понимание смысла собственных действий, 3) избавление от разного рода "идолов" и "грез", 4) осознание истории собственной страны, 5) культивирование чувства собственного достоинства, т.е., в конечном итоге, о победе "нового морального сознания" (термин заимствован у Инхеньероса), равно "нового действенного гуманизма", равно социализма. В этой перспективе классы не есть сущностная характеристика бытия, все социальные иерархии преходящи (хотя постоянно неравенство в индивидуальности), классовая борьба неизбежно заменяется принципами социальной солидарности, а высшими ценностями являются ценности нации-"расы"-человеческого вида. В этой части своей концепции П. пытается отыскать истоки концепции "архентинидада", разработанной Инхеньеросом, в концепции "варварства-цивилизации" Сармьенто, противопоставлявшего социокультурные возможности "чистых", способных к порождению и поддержанию ценностей "цивилизации" "рас" (прежде всего – "белой") и "метисных рас", неизбежно воспроизводящих элементы "варварства". С этой точки зрения, латиноамериканская цивилизация несостоятельна в силу своего метисного индейско-мулатогаучского происхождения (гаучо – пастухи-скотоводы аргентинской пампы, отличающиеся, согласно национальной мифологии, необузданностью нрава и презрением к "благам цивилизации", в данном случае – образ "белого" латиноамериканца вообще).

П. поддержал провозглашенную Сармьенто программу строительства новой Аргентины, включавшую тезис об "исправлении расы" посредством стимулирования иммиграции из Европы и утверждения европейских ценностей. Кроме последних, концепция "архентинидада", в интерпретации П., базируется на антииспанизме (преодолении колониального наследия), антииндеанизме (антиметисности) и антигаучизме, позволяющих объединиться на платформе антиимпериализма с другими латиноамериканскими нациями и обеспечить духовное (культурное) единство "Нашей Америки" (метафора Марти-и-Переса). В мексиканской эмиграции П. начал пересмотр этой слишком натурализированной схемы, характерной

для раннего этапа его творчества, после знакомства с идеями "философии мексиканской сущности", отстаивавшей ценности и преимущества "метисности" (метисации) культуры, и идеями самоценности африканского компонента в латиноамериканскости, развивавшимися кубинским поэтом Гильеном, жившим в тот период в Мексике и ставшим близким другом П. Вторым основанием пересмотра этой схемы стала развиваемая П. еще с конца 1920-х концепция "морального долга интеллигенции", послужившая, в свою очередь, основанием для ревизии основополагающего тезиса "архентинидада" о сопротивлении "духовному империализму", впервые изложенному в эссе Родо "Ариэль" (этот же тезис в другой редакции развивался Марти-и-Пересом). П. обратился к ставшим уже привычными (после эссе Родо) для латиноамериканского сознания образам-мифологемам из "Бури" У. Шекспира, но истолковал их не в духе Родо, а на основе идей Э. Ренана (1823-1892). Так, Просперо истолкован как просвещенный тиран, Калибан – как народные массы, Ариэль – как дух воздуха, носитель знания, служащий Просперо. Ренан ("Калибан. Продолжение "Бури") смоделировал ситуацию прихода к власти Калибана (в русле своей антидемократической критики), приведшую к усилению тирании, но уже непросвещенной, так как Ариэль может служить только Просперо (в "царстве" Калибана Ариэлю нет места). Эта трактовка соответствует, согласно П., латиноамериканской ситуации, характеризующейся разрывом между "просвещенным меньшинством, следующим идеалу" (в терминологии Ихеньероса) и "народом", не поддерживающим (точнее, не способным поддержать) лозунг борьбы с "духовным империализмом", и прихода которого к власти боится интеллигенция – носитель духа Ариэля. Проблема – в недейственности последней, отсутствии у нее связи с жизненными практиками (она "витает в воздухе"). А ведь, согласно П., "писать – это действовать", поэтому необходим переход от обличения "духовного империализма" к практической ответственности за собственные поступки, т.е. к единению "теории" и "практики" в "праксисе". Преодолеть ограниченность разума – значит включить его в "жизнь", сделав долг интеллигенции перед собой ее долгом перед другими, перед нацией в целом. "Будьте же ответственны за ваши поступки, за ваши действия, за вашу жизнь, – призывает П., – речь идет не о чисто военных или политических сражениях. Это – битва принципов, это – схватка идеалов. Долг интеллигенции – установление истины, право интеллигенции – провозглашать правду во весь голос, но надо иметь право на это право: "Не имеет право писать тот, кто не готов ценою жизни отстаивать свое мнение". Согласно П., действовать ответственно – это быть открытым будущему и проектировать это будущее. Из прошлого мы имеем идеи "Энциклопедии" и "Общественного договора", в настоящем – идеи Маркса, так что наше "сейчас" обеспечено, считает П., и настало время воплотить девиз Сармьенто: "Нам остается только начать создавать будущее" (в соответствии с откорректированной концепцией "архентинидада" как создания нового языка и "разума чувств, страстей и эмоций"). См. также: **Неомарксизм.**

В.Л. Абушенко

ПОНЯТИЕ – форма мысли, обобщенно отражающая предметы и явления посредством фиксации их существенных свойств. Первые П. относились к чувственно воспринимаемым предметам и имели наглядно-образный характер. С умножением потребностей человека и усложнением видов его деятельности появились более отвлеченные П., непосредственно не связанные с чувственным отражением, но, вместе с тем, являющиеся более близкими к реальности в смысле отражения ее сущности. Таковы, например, П.: "молекула", "атом", "электрон". Они образовались не только через сравнение наглядных образов, но и путем применения логических приемов: анализа, синтеза, абстрагирования, индукции, дедукции, аналогии, идеализации и т.д. Каждое П. характеризуется со стороны его содержания и объема. Содержание П. – это совокупность отраженных свойств предметов. Например, в содержании П. "атом" в числе других признаков входит признак "быть мельчайшей частицей химического элемента, сохраняющей его свойства". Объем П. – это множество (класс) предметов, каждому из которых принадлежат признаки, относящиеся к содержанию П. Так, объем П. "атом" составляет множество, к которому относятся атомы всех химических элементов. Применительно к содержанию и объему П. действует закон их обратного отношения: чем больше содержание П., тем меньше его объем, и наоборот. Если, например, к содержанию П. "химический элемент" добавить признак "неметалл, обладающий наибольшей активностью", то мы получим новое П., объем которого меньше объема исходного П. и которое выражается термином "фтор". Вступая в связи между собой, П. образуют различные виды отношений. Так, объемы П. могут находиться в отношении совместимости (когда они хотя бы частично совпадают) или несовместимости (когда они даже частично не совпадают). В свою очередь, отношение совместимости может быть отношением тождества (объемы понятий полностью совпадают – например, "столица Беларуси" и "самый большой город в Беларуси"); пересечения (объемы совпадают лишь частично – например, "студент" и "спортсмен"); подчинения (объем одного понятия входит в объем другого, но не наоборот – например, "студент" и "учащийся"). Среди отношений несовместимости выделяются: соподчинение (два или более непересекающиеся П. подчинены общему для них П., не исчерпывая его объем; таковы, например, П. "физика" и "биология" по отношению к П. "научная дисциплина") и противоречия (два непересекающихся П. подчинены общему для них П., исчерпывая его объем; например, "справедливая война" и "несправедливая война"). Знание отношений между П. по объему предостерегает от ошибок при таких логических операциях, как определение, деление, обобщение и др., способствует углубленному пониманию текстов.

В.Ф. Берков

ПОНЯТИЙНО-ПРОБЛЕМНЫЕ КОМПЛЕКСЫ – совокупность различных традиционных и новационных понятий (см.) и категорий, связанных общим назначением, ориентированным на фиксацию, всестороннее исследование, осмысление и познание определенной проблемы, конкретного пред-

мета (вещи), процесса или явления. П.-П.К. создаются и трансформируются преимущественно в начальных фазисах познавательного процесса. В дальнейшем они образуют понятийно-проблемные ассоциации, которые, в свою очередь, репродуцируют и репрезентируют себя (как правило, частично) в соответствующих категориально-понятийных рядах, обладающих различной степенью сопряженности.

В.И. Овчаренко

ПОППЕР (Popper) Карл Раймунд (1902-1994) – британский философ, логик и социолог. До 1937 работал в Вене, с 1946 до середины 1970-х – профессор Лондонской школы экономики и политических наук. Автор и представитель школы "критического рационализма" – попытки конструктивного теоретического преодоления логического позитивизма (согласно П., методами последнего "уничтожена не только метафизика, но точно так же и естествознание. Ибо законы природы не более сводимы к утверждениям наблюдателя, чем метафизические изречения"). Основные сочинения: "Логика научного исследования" (1935), "Открытое общество и его враги" (1945), "Нищета историцизма" (1945), "Предположения и опровержения" (1963), "Объективное знание. Эволюционный подход" (1972), "Автобиография (Поиску нет конца)" (1974), "Ответ моим критикам" (1974), "Личность и ее мозг" (в соавторстве с Дж. Экклсом, 1977), "Реализм и цель науки" (1983) и др.

Глобальное мировоззрение П. (принципиально не онтологического характера) выступало в облике теории трех миров: мира физических явлений; мира субъективных (ментальных и психических) состояний сознания; мира объективного содержания мышления и предметов человеческого сознания вне познающего субъекта (подтвердившиеся и неподтвердившиеся гипотезы, научные теории, материализовавшиеся проекты и непрочитанные никем книги и т.д.). По П., знание в объективном смысле есть знание без познающего: это знание без знающего субъекта. "Мир" у П. – скорее метафора для обозначения существования разнокачественных уровней реальности. "Третий" мир нигде не локализован и относительно автономен, ибо любая теория или идея – первооснова для любых немыслимых для ее авторов следствий (самый первый числовой ряд содержал в себе и геометрию Евклида, и всю воспоследовавшую математику). Как утверждал П., "...существует много теорий в себе, и аргументов в себе, и проблемных ситуаций в себе, которые никогда не были произведены или поняты и, может быть, никогда не будут произведены или поняты людьми". Этот мир и воздействует на сознание людей, цивилизация есть результат реализации идеальных объектов. Мир первый и мир третий взаимодействуют в процессе интеракции только через второй мир. Человек обретает свою самость (самость – "пилот тела-корабля") в процессе развития. Единственное орудие, на которое человек, по П., генетически запрограммирован, – это язык. Эволюция самости и эволюция языка тесно переплетаются. /Результаты размышлений П. по проблемам логики и методологии науки, механизмов эволюции научного знания и т.п. выходят за рамки данного издания. – *А.Г.*/

Общественным идеалом П. выступало "открытое общество" (**см.**), власть разума, справедливость, свобода, равенство и предотвращение международных преступлений. По мнению П., "закрытые общества" (тоталитарные государства) характеризуются верой в существование магических табу в отличие от "открытого общества", в рамках которого "люди (в значительной степени) научились критически относиться к табу и основывать свои решения на совместном обсуждении и возможностях собственного интеллекта". П. подчеркивал, что только лишь учета общественного мнения недостаточно для конституирования общества в "открытое": общественное мнение, по П. нередко ошибочно, необучаемо и подвержено манипулированию. Согласно П., любые доктрины "общественной избранности" возникают как специфическая реакция на тот или иной вид угнетения: доктрина избранности еврейского народа возникает в эпоху "вавилонского пленения", доктрина господствующей арийской расы Ж. Гобино выступила ответом аристократа-эмигранта на идею об изгнании французской революцией "агрессивных тевтонцев", пророчества Маркса (**см.**) о всемирно-историческом торжестве пролетариата (**см.**) появились в период наиболее жестокой эксплуатации рабочего класса в середине 19 в.

С точки зрения П., тезис Маркса о том, что классовое сознание рабочих (основанное на единстве и солидарности) может быть аккумулировано и сохранено после окончания классовой борьбы и с необходимостью должно и способно пережить породившие его условия и силы, не согласуется как с диалектикой самого Маркса, так и с его теорией о том, что классовое сознание рабочих является отражением тяжелых общественных условий их существования. То, что человек являлся рабочим, не есть гарантия того, что он всегда будет помнить о солидарности угнетенных и не будет стремиться к эксплуатации своих коллег. Пророчества и предсказания Маркса о необходимости и неизбежности пришествия социализма явились, по П., результатом "мышления, основанного на субъективных желаниях, веры в мистический коллективизм и иррациональной реакции на ход развития цивилизации". Глобальные теории общественного развития вкупе с социальными пророчествами могут результироваться только катастрофой. Недопустимо формулировать утопичную социальную цель и затем подыскивать рациональные средства для ее достижения.

П. таким образом сформулировал запрет на процедуры социальной инженерии коммунистического толка, не трактуя при этом даже "открытое общество" как некий проект, а лишь как своеобычное общественное должное: "если мы хотим остаться людьми, то для этого есть только один путь – путь в открытое общество". С точки зрения П., "единой истории человечества нет, а есть лишь бесконечное множество историй, связанных с разными аспектами человеческой жизни, и среди них – история политической власти. Ее обычно возводят в ранг мировой истории, но... это оскорбительно для любой серьезной концепции развития человечества... история политической власти есть не что иное, как история международных преступлений и массовых убийств (включая, правда, некоторые попытки их пресечения)".

П. принципиально отвергал "историцизм" "лжепророков Гегеля, Маркса и других оракулов". Историцизм у П. – концепция, согласно которой "область наук об обществе совпадает с областью применения исторического, или эволюционистского, метода и, в особенности, исторического пророчества". История, по П., не имеет смысла: "с нашей точки зрения не может быть законов истории. Обобщение принадлежит к совершенно иному кругу интересов, который должен быть строго отделен от интереса к отдельным событиям и их причинному объяснению, составляющему дело истории". Только люди, по схеме П., в состоянии придать истории цель и смысл. П. доказывал, что "мы несем полную ответственность даже за те образцы, которые выбираем для подражания". "Историцизм допускает, что мы можем пожинать то, что мы не сеяли, убеждает нас в том, что все будет и должно быть хорошо, если мы пойдем в ногу с историей... Он пытается переложить нашу ответственность на историю... Историцизм рождается из крайнего разочарования в рациональности и ответственности наших действий... Историцизм есть попытка подменить надежду и веру человека, которые порождены моральным энтузиазмом и презрением к успеху, некоей уверенностью, основанной на... "человеческой природе" или на историческом предопределении... Если мы думаем, что история прогрессирует или что мы вынуждены прогрессировать, то мы совершаем такую же ошибку, как и те, кто верит, что история имеет смысл, который может быть в ней открыт, а не придан ей. Ведь прогрессировать – значит двигаться к некоей цели, которая существует для нас, как для человеческих существ. Для "истории" это невозможно. Прогрессировать можем только мы, человеческие индивидуумы... защищая и усиливая те демократические институты, от которых зависит свобода... и прогресс... Мы должны стать творцами своей судьбы... Отбросив идею о том, что история политической власти нас рассудит, и избавившись от беспокойства по поводу того, оправдает нас история или нет, мы, возможно, достигнем успеха в установлении контроля над властью. Именно таким образом мы... сможем оправдать историю".

Мы, по мнению П., "не можем сотворить небеса на земле", надо отказаться от поиска чудодейственной формулы, которая превратит наше развращенное человеческое общество в идеальное "золотое" сообщество. За такими взглядами и надеждами стоит древняя как мир вера в возможность изгнания дьявола из нашего мира через разрушение государства (анархизм) либо путем ликвидации существующей экономической системы (Маркс). Значимые социальные успехи вполне достижимы, но цель политики в том, чтобы выбирать наименьшее зло из всех мыслимых.

А.А. Грицанов

ПОРНОГРАФИЯ (греч. pornos – развратник, grapho – пишу) – понятие, посредством которого может обозначаться духовно-виртуально-практический феномен, выступающий итогом трансформации публичных сексуальных контактов – из сферы сугубо личного выбора индивидов, партнерских пар и малых социальных групп – в подчеркнуто рыночно ориентированный "производственный" процесс непосредственного осуществления половых актов. П. сводима к предельно наглядной и жесткой объективации процедур обретения людьми психофизиологических состояний экстаза и оргазма.

Происхождение термина "П." традиционно относимо к заглавию книги Ретиф де ла Бретонна "Порнограф, или Размышление порядочного человека об истинной безнравственности проституции" – Франция, 18 в. (Последующая экспликация термина "П." осознанно выносится за рамки практики репрессивно ориентированных правоохранительных органов, структур "полиции нравов", а также за рамки диапазона индивидуальных эстетико-поведенческих предпочтений.) В социальной философии, социологии, социальной психологии и сексологии второй половины 20 ст. возникновение П. традиционно связывается с сексуальным раскрепощением значительной массы населения Западной Европы и Северной Америки по мере осуществления сексуальной революции (процессом "развытеснения вытесненного" – см. **Маркузе, Сексуальная революция**). В ходе последней – свойственная этим регионам традиция эпатирующей культуры непристойности оказалась замещена П., открывающей тело и его наслаждения с целью продуцирования оппозиции подавленному желанию, которое оказалось избыточно порабощено нравственным законом (согласно Маркузе, "репрессивная десублимация" или мистическое "развытеснение" осуществилось столь же тотально, сколь и триумф вытеснения).

В отличие от "совращения" (самого по себе и того, что его вызывает), под которым, в частности, Бодрийар (см.) предлагал понимать "манящую, искушающую, соблазнительную прелесть вещей", П. в действительности своей аналогична производству – репертуары продуцирования наслаждения акцентированно технологичны и жестко актуализируются. В рамках понимания смысла производства как процесса насильственного "очеловечивания", "овещнения" компонентов природы, изначально принадлежащих к "внечеловеческому" строю материальных объектов, очевидна суть П.: в отличие от соблазна, искушения, изымающих "нечто" из строя зримого и очевидного (не может быть соблазна без тайны либо ее симуляции), – производство и П. трансформируют любой объект, шифр либо мыслеобраз с целью достижения последними степени прозрачности анатомической реконструкции. П. элиминирует "соблазн" из системы культурных ценностей: бесконечная и "сверхнаглядная" аккумуляция знаков секса в произведениях жанра П. одновременно знаменует конец и самому сексу. Добавляя дополнительное измерение пространству секса, добиваясь неизмеримо более концентрированного восприятия его, П. делает изображение секса более реальным, чем собственное его существование. В контексте понимания философии постмодернизма (Бодрийар) произведения в жанре П. выступают тем самым не только как "сверхобозначение", но и как симулякр, "эффект истины", скрывающий тот факт, что истины (секса) уже нет. В отличие от традиционалистской непристойности, дезавуирующей собственный предмет отображения (непристойность фундирована намеком, ее потребители никогда не видят, как именно функционирует наш пол), П. благодаря анатомической пристальности упраздняет дистанцию человеческого взгляда, замещая ее

мгновенным и обостренным изображением – "строем сверхреференции, сверхистины, сверхточности" (Бодрийар). (Согласно Бодрийару, правомерна параллель: как ретроспективное обеспечение квадрофонического звука для классической музыки искусственно "достраивает" прежнюю реальность, ибо *такой* музыки никогда не существовало, ее *так* никто никогда не слушал, ее не сочиняли, чтобы *так* слушать, так и П. – это "квадрофония" секса: галлюцинация детали, микроскопическая истина пола, "крупный план" клеточных и даже уже "молекулярных" структур, "оргия реализма". П. полагает "фаллодизайн" и "дизайн наготы" как самодостаточные ценности.)

П., по мысли Бодрийара, – это тотальный триумф именно непристойного *тела* вплоть до полного стирания человеческого лица: у актеров порнокино, как правило, лица "отсутствуют" – функциональная нагота оставляет место лишь для зрелищности самого секса. Данные функциональные и органические характеристики П. делают неразрешимым окончательное разрешение вопроса о всеобъемлющей цензуре над ней, либо о ее "хорошо темперированном" вытеснении: П. является непосредственным естественным продолжением как человеческого реального в его норме, так и воплощением предельно бредовых иллюзий людей во всем мыслимом спектре их патологий.

А.А. Грицанов

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО – широко распространенный в западной социологии термин, применяемый для обозначения современного общества. Концепция П.О. была разработана американским социологом Д. Беллом (см.). Своеобразие историко-культурного развития капитализма в различных странах обусловило формирование разных вариантов концепции П.О., среди которых можно выделить два основных: либеральное, опирающееся на американскую модель капиталистического развития, и радикальное, основывающееся на европейской модели.

В основе концепции П.О. лежит разделение всего общественного развития на три этапа: доиндустриальное (традиционное – см.), индустриальное (см.) и постиндустриальное. В доиндустриальном обществе определяющей являлась сельскохозяйственная сфера, с церковью и армией как главными институтами общества; в индустриальном обществе – промышленность, с корпорацией и фирмой во главе; в П.О. – теоретические знания с университетом как главным местом его производства и сосредоточения.

Переход от индустриального к П.О. определяется рядом факторов. Во-первых, это изменение от товаропроизводящей к обслуживающей экономике, что означает превосходство сферы услуг над сферой производства. В США в 1990-х более 65% рабочей силы было в обслуживании, около 30% в производстве, около 5% в сельском хозяйстве. Сфера обслуживания содержит огромное множество услуг – от внутренних до научных исследований и науки. Основной чертой изменений явилось то, что расширение в человеческих и профессиональных услугах оказалось важнее, чем, скажем, транспортные услуги или услуги предприятий общественного пользования. Во-вторых, это изменения в социальной структуре общества, когда классовое деление уступает место профессиональному, с включением таких профессиональных групп, как служащие профессиональные и технические, управляющие и администрация и др. (свыше 50%), так называемые "синие воротнички" (33%), обслуживающие рабочие (17%). В-третьих, это подъем "информационной экономики". Категории сельского хозяйства, производства и услуг выросли из старых социально-расчетных систем, и они тем не менее позволяют увидеть подъем важных новых секторов, особенно секторов знаний и информации. В развитых западных странах под "научные промышленности" рассчитывается примерно 30% валового национального продукта. В-четвертых, это расширение неприбыльного сектора. Основное направление – от расширения в профессиональной и технической работе к расширению государственных услуг, особенно в сферах образования, здоровья и благосостояния. Собственность как критерий социальной стратификации общества теряет свое значение, решающим становится уровень образования и знания. В отличие от индустриального общества, где основной конфликт между трудом и капиталом обусловлен сосредоточением собственности в руках капиталистов, в П.О. основной конфликт проявляется в борьбе между знанием и некомпетентностью.

В настоящее время большое признание получают важные, с точки зрения социологии постиндустриализма, предсказания Белла о дальнейшем развитии П.О. и переходе его в информационное общество (см.).

Г.И. Соколова

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, постколониальные штудии – совокупность достаточно методологически и дисциплинарно гетерогенных, но тематически взаимосвязанных концептуальных дискурсов, рефлексирующих себя в единой рамке (сети) критических проектов и программ, направленных на преодоление последствий экономической, политической, но прежде всего культурной и интеллектуальной зависимости "незападного мира" от "западных" образцов и прототипов. В странах Западной Европы и Северной Америки П.И. локализированы по-преимуществу в академических и университетских границах и принимают форму научной теории – "постколониальные штудии". В "незападном мире" они концептуализируются прежде всего через литературное творчество и эссеистскую критику. Исследовательские группы, ориентирующиеся на постколониальные типы дискурсов, существуют и в "постсоветском пространстве" – в Беларуси и Украине.

Принято считать, что "взрыв постколониальности" произошел в 1979, после выхода в свет книги Э. Саида "Ориентализм". Дискурс ориентализма, согласно Саиду, представляет собой сложный комплекс знания-власти, выработанный на протяжении нескольких веков в европейской традиции ("Западом") относительно "Востока", и тесно связанный с (нео)колониальными практиками, синхронизированными, в конечном итоге, с ним. Контролируя процессы производства знания, страны "Запада" смогли выработать и навязать "Вос-

току" такой образ его идентичности, в которой ему изначально отводилось зависимое и подчиненное положение. Несмотря на чуть ли не всеобщее возмущение и развернутую критику книги Саида учеными-ориенталистами, она сразу же заняла место "культового текста" в П.И. Тем самым был задан основной вектор концептуального развития последних – объединение "высокой западной теории" (в случае Саида – идеи знания-власти Фуко – см.) и незападной реальности, причем такое объединение, которое давало бы возможность оборачивать теории "Запада" против его же властно-знаниевых стратегий. "Запад" превращается в П.И. в объект рассмотрения, анализа и деконструкции.

Другим основателем П.И. считается Г. Спивак, которая в 1985 адресовала западным интеллектуалам радикальный вопрос "Can the subaltern speak?" – "Может ли угнетенный (подчиненный) говорить?" – в одноименном тексте, который также стал постколониальной классикой. Этот вопрос вызревал с начала 1980-х в небольшой исследовательской группе, которая обозначила себя как Subaltern Studies group – группа исследований угнетения (подчинения). Ответ Спивак был абсолютно прозрачен: угнетенный (подчиненный) говорить не в состоянии, он не имеет возможности "пробиться", "возвысить" свой голос до уровня репрезентации. В силу этого, за него и от его имени всегда говорят-репрезентируют другие.

Третьим основателем П.И. стал Г. Бхабха. В своих работах, собранных в книге "Локализации культуры", он сформулировал несколько идей, которые оказались стержневыми для понимания "постколониальности". Это идеи гибридности и различия (различности) – разнообразия. Являясь методологически и дисциплинарно гетерогенным, дискурс постколониальности объединен тематизацией актуализации разнообразных различаемых Инаковых (Иных), которым в западной традиции отказано в праве голоса, анализом опыта подчинения (угнетения), а тем самым и колонизации (которая и есть по сути подчинение-угнетение), а также признанием современного интеллектуального состояния "постколониальным". Формально слово "постколониальный" означает временной период – период "после колониализма", что обычно интерпретируется как "период после получения независимости той или иной страной или территорией". Это достижение независимости, как отмечала Л. Гандги, часто сопровождается "волей к забыванию" колониального прошлого, попыткой вместо истории подчинения (угнетения) выдвинуть на авансцену историю героического сопротивления или даже самодостаточный, замкнутый нарратив национального, в котором колонизатор или занимает маргинальное место, или вообще не существует.

В этом контексте П.И. можно рассматривать как теоретическое сопротивление такого рода амнезии, как проект "вспоминания" ("припоминания") и переосмысливания колониального прошлого, как реконструкцию всей амбивалентности взаимоотношений колонизатора и колонизированного, которые включают не только опыт подчинения (угнетения) и сопротивления, но и опыт взаимодостаточности (отдельности) и симбиоза. Термин "постколониальность" представляется временным маркером, который обозначает период и (или) процесс деколонизации, дискурс, который сопровождает этот процесс. Таким образом "пост" в П.И. ориентирует вовсе не во времени: "пост" означает определенную позицию, определенный ракурс видения, из которого опознаются и анализируются разноаспектные проблемы: протоколониальные, колониальные и послеколониальные. Приставка "пост-" играет роль теста, с помощью которого очищается ("опустошается" в смысле деконструктивистски очищается) пространство для методологической рефлексии и теоретической критики, – пространство, до сих пор донельзя заполненное колониальными доминациями и номинациями, как и антиколониальной борьбой. Рядом с двумя привычными фигурантами – колонизатором и колонизированным – появляется еще один персонаж – постколониальный критик-теоретик. И именно ему мы обязаны появлением постколониального дискурса. В связи с этим под постколониальностью обычно понимается определенное пространство субъектных позиций, в которых и из которых развертываются разноаспектные рефлексивно-критические проекты и программы, принципиально отличные как от направленных на колонизацию, так и продуцируемых с позиций уже колонизированных.

Таким образом, в П.И. органически включены: 1) проект деконструкции "Запада" как субъекта имперского дискурса, программа демаскирования его претензий на универсальность, фундированная критика исторической и культурной ограниченности "западных" моделей; "Запад" рассматривается при этом как Великий Колонизатор; 2) проект легитимации противо-дискурсов, программа выработки и рефлексии различных антиколониальных стратегий; здесь тематически выделяется проблематика антиколониального национализма, который вписывается в общую картину асинхронной модернизации; 3) проект метаязыка для постколониальной ситуации. Практики постколониального письма породили то, что может быть названо постколониальной литературой. Задача "нового" интеллектуала в этом контексте выглядит достаточно утопичной – выработка "неподеленного" языка или дискурса, который не базировался бы на трагическом разломе между колонизатором и колонизированным, но и не игнорировал бы этот разлом. Чтобы реализовать эту задачу, постколониальный критик вынужден перемещаться (скользить) по краям как колониальных, так и антиколониальных текстов, читать их не поперек, а навстречу. Он обнаруживает себя в "пограничье", "между". Его субъектность зачастую не совпадает с институциональной позицией, а географическая локализация зачастую противоречит и первому и второму. Этот интеллектуальный протеизм, везде-себя-нахождение, полифоничность, полидискурсивность постколониального критика имеет на другом полюсе – уже не интеллектуальном, а социокультурном – ситуацию неукорененности в конкретный культурный контекст, ситуацию конкретного выбора: страны, идентичности, культурной традиции.

В сферу адаптированных и использованных в П.И. методологий входили в разное время экзистенциализм, (нео)марксизм, психоанализ, структурализм и постструктурализм. В свою очередь идеи и проблемы П.И. "проникли" в пограничные дисциплины и дискурсы и существуют

там на правах "собственной проблематики". П.И. считаются одним из базовых критических дискурсов современности (постсовременности), наряду с постмодернизмом и феминизмом. В Украине в центре постколониального анализа находятся практики культурного колониализма. Последний понимается при этом как комплекс идеологий, практик, риторических стратегий (обеспечиваемых соответствующей институционализацией), направленных на поддержку политической и экономической власти-гегемонии (термин Грамши – см.) через создание и "натурализацию" оппозиций: универсальное – местное (как локальное), общечеловеческое – частное (этнографическое), модерновое (перспективное) – отсталое (внеисторическое), ответственное (взрослое) – несамостоятельное (подростковое), в которых первый термин каждой пары оценивается позитивно и является атрибутом метрополии, а второй – негативно – как принадлежащий колонии. Метрополия стремится при этом присвоить себе то, что высоко ценится по мировой шкале культурных ценностей, в том числе и мифы про "первородство". В то же время культурный колониализм свойствен культуре колонизированного не менее, чем культуре колонизатора. В Беларуси соответствующие исследования акцентированы на проблематике маргинальности, репрессированной идентичности, транскультурности и "войны культур".

И.М. Бобков

"ПОСТМОДЕРНИЗМ, ИЛИ ЛОГИКА КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА" ("Postmodernism or The Cultural Logic of Late Capitalism", 1991) – работа Джеймисона (см.), ставшая философским бестселлером; одно из первых исследований высокого концептуального уровня и огромного фактографического объема, посвященных постмодернизму. Характерной ее особенностью в качестве определенного образца постмодернистского теоретизирования является целое поле взаимосвязанных отсылок в самые различные области духовной и материальной культуры, включающее данное исследование в общий интеллектуальный контекст последних десятилетий. (Основные идеи "П.илиЛ.К.П.К." сконцентрированы в программной главе книги.)

По мысли Джеймисона, последние несколько лет были отмечены некой "обратной апокалиптичностью" ("an inverted millenarianism"), в которой предчувствия будущего, катастрофического или спасительного, заместились ощущениями конца того или этого (конца идеологии, искусства или социальных классов; "кризис" ленинизма, социальной демократии или общества всеобщего благосостояния и т.п.); взятые вместе они, возможно, составляют то, что все чаще обозначается постмодернизмом. Доводы в пользу его существования опираются на гипотезу некоторого радикального "перелома" или "разрыва", в общем виде восходящего к концу 1950-х – началу 1960-х. Перелом этот прежде всего связан с представлениями об угасании столетнего современного развития (или идеологическим или эстетическим отказом от него). Так, абстрактный импрессионизм в живописи, экзистенциализм в философии, предельные формы изображения (representation) в романах, фильмы знаменитых режиссеров или модернистская школа поэзии – все это сейчас выглядит как последнее причудливое цветение модернистского порыва, который в нем растратился и исчерпался. В области архитектуры обозначенные сдвиги в эстетическом производстве заметны наиболее отчетливо и наиболее концентрированно поставлены и заострены их теологические проблемы; именно из споров об архитектуре, – отмечает Джеймисон, – стала первоначально складываться моя собственная концепция постмодернизма. Более решительно, чем в других видах искусства и средствах массовой коммуникации, постмодернистские позиции в архитектуре были связаны с беспощадной критикой архитектуры модернизма или так называемого интернационального стиля (Ле Корбюзье, Мис ван дер Роэ и др.), где формальная критика и анализ (модернистского превращения здания в настоящую скульптуру или, по словам Роберта Вентури, монументальную "утку") идут рука об руку с изменениями на уровне градостроительства и эстетического уклада. Модернизму, таким образом, приписывается разрушение строения традиционного города и его старой культуры квартала (путем радикального разведения нового утопического модернистского здания и его окружения), в то время как пророческая элитарность и авторитаризм современного движения без колебаний отождествляются с повелительным жестом харизматического Господина.

Согласно Джеймисону, постмодернизм в архитектуре сам по себе будет логически достаточным феноменом в качестве разновидности эстетического популизма, как предполагается уже в самом названии влиятельного манифеста Вентури "Учиться у Лас-Вегаса". Однако, в конце концов, по мысли Джеймисона, у нас может возникнуть желание оценить его популистскую риторику, что имеет как минимум одно преимущество – это привлечет наше внимание к одной базисной характеристике всех постмодернизмов: а именно, стиранию в них старых (существенно модернистских) границ между высокой культурой и так называемой массовой или коммерческой культурой и появлению новых видов текстов, наполненных формами, понятиями, содержанием той самой культурной индустрии, которая так энергично отвергалась всеми идеологами модернизма от американской Новой критики до Адорно (см.) и Франкфуртской школы (см.). Постмодернизм действительно был очарован именно этим полностью "деградировавшим" пейзажем халтуры и китча, культуры телесериалов и дайджеста, рекламы и мотелей, последних шоу и второразрядных голливудских фильмов, так называемой паралитературы с ее одноразовыми вокзальными изданиями рыцарских романов и любовных историй, популярных жизнеописаний, кровавых мистерий и научной фантастики. Произошло то, что эстетическое производство сегодня встроилось в товарное производство в целом: бешеная экономическая потребность производства новых волн еще более конструктивно совершенных товаров (от одежды до аэроплана) с большим динамизмом оборота [капитала] предписывает в настоящий момент все более существенную структурную функцию и место [в производстве] эстетическим нововведениям и экспериментам. Такие экономические потребности

находят отклик в различных формах институциальной поддержки, предназначенной для новейшего искусства, от фондов и стипендий до музеев и других видов попечительства. Из всех искусств по устройству архитектура ближе всего к экономике, с которой она, действительно, напрямую соприкасается через вознаграждение и стоимость земли. Поэтому не станет неожиданностью обнаружение необычайного расцвета новой постмодернистской архитектуры, базирующейся на опеке многонационального капитала, чье развитие и распространение приходится в точности на то же самое время.

Правомерно, с точки зрения Джеймисона, выделить следующие определяющие характеристики постмодернизма: новое отсутствие глубины, находящее свое продолжение как в современной "теории", так и в целиком новой культуре имиджа и симулякрума; последовательное ослабление историчности как в нашем отношении к общественной Истории, так и в новых формах нашей индивидуальной темпоральности, чья "шизофреническая" структура (по Лакану) предопределит новые типы синтаксических и синтагматических отношений в наиболее темпоральных искусствах; совершенно новые виды базисных эмоциональных состояний, – которые Джеймисон предлагает называть "интенсивностями", – наилучшим образом могущие быть уловленными через возврат к старым понятиям возвышенного; глубинные конститутивные отношения всего этого к совершенно новой мировой экономической системе; и затем краткая оценка постмодернистских мутаций на уровне непосредственного переживания самого архитектурного пространства (built space), некоторые размышления по поводу назначения политического искусства в запутывании нового мирового пространства позднего или многонационального капитала. Произошла, по мысли Джеймисона, фундаментальная мутация как самого предметного мира – ставшего сегодня набором текстов или симулякров, – так и конфигурации субъекта.

Все сказанное подводит к характеристике, которую Джеймисон советует называть угасанием аффекта в постмодернистской культуре. Было бы неточным полагать, согласно Джеймисону, что все аффекты, все чувства или эмоции, все субъективные переживания исчезли из новейшего [художественного] образа: картина Эдварда Мунка "Крик" является образцовым выражением грандиозных модернистских тем отчуждения, отсутствия ценностей, одиночества, социального распада и изолированности, настоящей программной эмблемой того, что принято называть веком тревоги. Это прочитывается как воплощение не просто выражения определенного рода аффекта, но, еще дальше, как настоящее разрушение самой эстетики выражения, которая, кажется, в значительной мере доминировала в том, что мы называем модернизмом, но исчезла – как в силу практических, так и теоретических причин – в постмодернистском мире. То, что сегодня называется современной теорией – или, лучше, теоретическим дискурсом, – само является, по Джеймисону, в самом точном смысле постмодернистским феноменом.

Без подготовки возможно, согласно Джеймисону, перечислить, помимо герменевтической модели внутреннего и внешнего, развиваемой в картине Мунка, как минимум, четыре другие базисные глубинные модели, в общем виде отвергаемые в современной теории: (1) диалектическая модель сущности и явления (вместе с целым рядом понятий идеологии или ложного сознания, сопровождающих ее); (2) фрейдовская модель скрытого и явного, или вытеснения (которая, разумеется, служит мишенью для программного и симптоматичного сочинения Фуко "Воля к знанию" [история сексуальности]); (3) экзистенциальная модель подлинности и неподлинности, чья героическая или трагическая тематика тесно связана с другой принципиальной оппозицией отчуждения и его преодоления; (4) новейшая фундаментальная семиотическая оппозиция означающего и означаемого, которая была быстро раскручена и деконструирована за время своего недолгого пика популярности в 1960-х и 1970-х. То, что пришло на смену этим различным разновидностям глубинных моделей, это большей частью концепция практик, дискурсов, текстуальной игры. Здесь тоже глубина замещается поверхностью или множеством поверхностей (что, в случае зачастую даваемого им обозначения интертекстуальности, перестает в этом смысле быть содержанием глубины). Это отсутствие глубины, по мысли Джеймисона, не является также и попросту метафорическим: оно может быть воспринято физически и "буквально" любым, кто, поднимаясь по тому, что некогда было мемориальным холмом от больших магазинов Chicano на Бродвее и Четвертой улицы южной части Лос-Анжелеса, неожиданно наталкивается на огромную стоящую саму по себе стену [административного здания] Wells Fargo Court – поверхность, которая, кажется, не поддерживается никаким объемом или чей мнимый объем (прямоугольный? трапецеидальный?) совершенно проблематичен для глаза. Это огромное полотно окон, с его бросающей вызов тяготению двумерностью, моментально превращающей твердую почву, на которой стоит человек, в стереоскопические фантомы, картонные профили, располагающиеся там и здесь вокруг людей. Если этот новый многонациональный деловой город упразднил старое, разрушенное, насильственно замещенное его строение, – отмечает Джеймисон, – не может ли нечто подобное быть сказано и о способе, каким эта странная новая поверхность, по своему безапелляционно, делает нашу прежнюю систему восприятия города какой-то архаической и бесцельной, не предлагая ничего взамен? Из всего сказанного возникает более общая историческая гипотеза: а именно, что такие понятия как тревога и отчуждение (и переживания, которым они соответствуют, как в "Крике") неуместны более в мире постмодернизма. Могло бы показаться, что великие персонажи Уорхола – сама Мерилин или Эди Сэджвик – скандальные случаи [само]истощения и саморазрушения конца 1960-х годов, интенсивные доминирующие опыты наркотиков и шизофрении имеют отныне мало общего как с истериками или невротиками времен Фрейда, так и с теми характерными переживаниями полной изоляции и одиночества, отсутствия ценностей, индивидуального бунта, безумия ван-гоговского типа, которые превалировали на этапе модернизма. Это изменение в динамике культурной патологии может быть охарактеризовано как сдвиг, в результате которого отчуждение субъекта замещается его распадением. Эти терми-

ны неизбежно напоминают об одной из наиболее модных в современной гуманитаристике тем – "смерти" самого субъекта – конце автономной буржуазной монады, или "ego", или индивидуума и сопутствующего акцента на децентрации в виде ли некоторого нового нравственного идеала или же эмпирического описания, этого ранее центрированного субъекта или души. Из двух возможных версий этой концепции – исторической, полагающей, что ранее существовавший центрированный субъект периода классического капитализма и атомарной семьи сегодня в условиях общества управленческой бюрократии распался; и более радикальной постструктуралистской позиции, для которой такой субъект никогда и не существовал, но представлял собою нечто вроде идеологического миража, – Джеймисон акцентированно склоняется к первой; последняя должна в любом случае принять во внимание что-то вроде "реальности внешнего проявления". Сама проблема выражения тесно связана с концепцией субъекта как монадоподобного контейнера, в котором явления воспринимаются и затем выражаются посредством проекции вовне. Необходимо, однако, подчеркнуть, согласно Джеймисону, ту степень, в которой модернистское понятие стиля и сопутствующие общественные идеалы художественного или политического авангарда сохраняются или рушатся вместе с этим старым понятием (или опытом) так называемого центрированного субъекта. Картина Мунка, по Джеймисону, также выступает здесь в виде сложного размышления над этой запутанной ситуацией: она показывает нам, что выражение требует категории индивидуальной монады, но она показывает еще и ту большую цену, которая должна быть заплачена за упомянутое условие, заостряя печальный парадокс того, что когда вы организуете свою индивидуальную субъективность в качестве самодостаточного поля и закрытой области, вы отделяетесь от всего остального и обрекаете себя на бессмысленное одиночество монады, погребенной заживо и обреченной на тюремную камеру без выхода. Постмодернизм, вероятно, сигнализирует о конце описанной дилеммы, заменяя ее новой. Конец буржуазного ego или монады, без сомнения, согласно Джеймисону, несет с собой также и конец психопатологий этого ego – то, что называется угасанием аффекта. Но это означает конец гораздо большего – конец стиля, например, в смысле уникального и личного, конец отличительного индивидуального мазка (символизируемого возникающим господством механической репродукции). Что касается выражения чувств или эмоций, освобождение в современном обществе от прежнего отсутствия ценностей, свойственного центрированному субъекту, означает также не просто освобождение от тревоги, но освобождение и от всякого другого рода чувства, поскольку в настоящем не существует более Я, чтобы чувствовать. Это не значит, – резюмирует Джеймисон, – что культурная продукция эпохи постмодернизма полностью лишена чувств, скорее эти чувства – что, по Лиотару, может быть лучше и точнее названо "интенсивностями" – сейчас текучи и имперсональны и имеют тенденцию к подчинению особому виду эйфории. Угасание аффекта, тем не менее, могло бы также быть охарактеризовано в более узком контексте литературной критики как исчезновение огромного [пласта] модернистской тематики времени и временности, мечтательных мистерий длительности и памяти (нечто, что должно быть понято в равной степени как категория литературной критики, связанная с модернизмом, и как [характеристика] самих произведений). Однако много уже говорено о том, подчеркивает Джеймисон, что мы обитаем сейчас скорее в синхронном, чем диахронном [мире], и можно считать по крайней мере, эмпирически доказуемым, что в нашей повседневной жизни, нашем психологическом опыте, наших культурных языках сегодня доминируют скорее категории пространства, чем времени, как это было в предшествующий период модернизма.

Исчезновение индивидуального субъекта, наряду со своими внешними следствиями, возрастающей невозможностью индивидуального стиля порождает, по мысли Джеймисона, почти что повсеместную практику того, что сегодня может быть названо "пастишем". Это понятие, заимствованное у Т. Манна (из "Доктора Фаустуса"), который в свою очередь позаимствовал его из обширного труда Адорно, посвященного двум направлениям в авангардном музыкальном экспериментировании (новаторское построение Шенберга и иррациональный эклектизм Стравинского), необходимо четко отличать от воспринимаемой с большей готовностью идеи пародии. Конечно, пародия находит благодатную почву в характерных особенностях современных авторов и их "неподражаемых" стилях: например, распространенное предложение Фолкнера с его деепричастными оборотами на одном дыхании; хайдеггеровская глубокомысленно-серьезная практика ложных этимологий как способа "доказательства". Все это производит, по Джеймисону, впечатление чего-то характеристического, поскольку все эти примеры нарочито, но необязательно агрессивно, отклоняются от вновь утверждающей себя впоследствии нормы, посредством систематической имитации своих преднамеренных эксцентричностей. В диалектическом скачке от количества к качеству распыление модернистской литературы на множество специфических индивидуальных стилей и манер имело следствием языковую фрагментаризацию социальной жизни до такой степени, когда утрачивает свою силу сама норма, сводящаяся к нейтральной, очищенной официальной речи (достаточно далекой от утопических устремлений изобретателей эсперанто или стандартной грамматики английского языка), которая сама становится всего лишь еще одним идиолектом среди прочих. Модернистские стили превращаются, таким образом, в постмодернистские коды. И то, что сегодня колоссальное разрастание социальных кодов в профессиональные и дисциплинарные жаргоны (но также и виде символов удостоверяющих этническую, половую, расовую, религиозную и классовую принадлежность) является также политическим феноменом, в достаточной мере, с точки зрения Джеймисона, демонстрирует проблема микрополитики. Если идеи правящего класса были некогда доминирующей (или господствующей) идеологией буржуазного общества, в настоящий момент развитые капиталистические страны представляют собой поле лингвистической и дискурсивной разнородности без какой-либо нормы. Безличные правители продолжают модифицировать экономи-

ческие стратегии, предписывающие границы нашему существованию, но они не нуждаются более в том, чтобы навязывать свой язык (или отныне не в состоянии делать это); постграмотность мира позднего капитала отражает не только отсутствие какого бы то ни было коллективного проекта, но также и непригодность прежнего национального языка самого по себе. В этой ситуации пародия обнаруживает собственную ненужность: она отжила свое, и этот странный новый феномен пастиша постепенно занимает ее место. Пастиш, подобно пародии, является подражанием особенному, уникальному, специфическому стилю, пользованием лингвистической маской, речью мертвого языка. Но это нейтральная практика такого подражания без каких-либо скрытых пародийных намерений, с ампутированным сатирическим началом, лишенная смеха и уверенности в том, что наряду с аномальным языком, который вы на время переняли, все еще существует некоторая здоровая лингвистическая норма. Эта ситуация очевидным образом определяет то, что историки архитектуры называют "историцизмом", то есть неупорядоченное поглощение всех стилей прошлого, игра случайными стилистическими аллюзиями и, в целом, то, что А. Лефевр называл возрастающим главенством "нео". Эта вездесущность пастиша не является, однако, несовместимой с определенным темпераментом или свободной от всех эмоций: она, как минимум, согласуется с пристрастием, с всецело исторического происхождения потребительским влечением к миру, превращенному в чистые образы самого себя, к псевдособытиям и "зрелищам". Именно для таких объектов можно зарезервировать платоновскую концепцию "симулякрума" – точной копии, оригинал которой никогда не существовал. Соответственно, культура симулякрума возникает в обществе, в котором меновая стоимость распространена в такой мере, что стирается сама память о стоимости потребительской, в обществе, где, как констатировал Г. Дебор (**см.**) в замечательном высказывании, "образ стал крайней формой товарного овеществления". Можно ожидать, что в данный момент новая пространственная логика симулякра окажет серьезное воздействие на то, что принято считать историческим временем. Посредством ее видоизменяется само прошлое: что было некогда в историческом романе, по определению Лукача (**см.**), органической генеалогией буржуазного коллективного проекта – что для искупительной историографии Томпсона или американской "устной истории", для воскрешения из мертвых неизвестных или замалчиваемых поколений все еще является ретроспективным измерением, обязательным для всякой существенной переориентации нашего коллективного будущего, – постепенно само превратилось в гигантское собрание образов, множественный фотографический симулякр. Впечатляющий лозунг Г. Дебора сегодня еще более уместен для "предыстории" общества, лишенного историчности; общества, чье мнимое прошлое является не более чем набором скучных зрелищ.

В полном соответствии с постструктуралистской лингвистической теорией, – отмечает Джеймисон, – прошлое как "референт" постепенно обнаруживает себя вынесенным за скобки и, затем, стертым вообще, оставляя нас только лишь с текстами. Кризис историчности диктует возврат, с иных позиций, к вопросу об общей темпоральной организации в постмодернистском силовом поле, то есть к формам, которые время, временность, синтагматические [феномены] будут способны принять в культуре со всевозрастающим подчинением пространству и пространственной логике. Если в действительности субъект утратил свою способность деятельно распределять свои напряжения ожидания и памяти (protension and re-tensions) на временном векторе и организовывать свое прошлое и будущее в виде связного опыта, становится достаточно проблематичной перспектива того, как культурная продукция такого субъекта может быть чем-то иным, кроме "нагромождений фрагментов" и практики [создания] беспорядочно разнородного, отрывочного, случайного. Все это тем не менее является именно теми ключевыми терминами, в которых анализируется (и даже отстаивается своими апологетами) постмодернистское культурное производство. Эти термины, однако, характеризуют предмет пока лишь с отрицательной стороны: более позитивные формулировки носят такие наименования, как текстуальность, письмо или шизофреническое письмо.

Джеймисон отмечает, что он находит лакановскую оценку шизофрении в данном отношении полезной не потому, что имеет какие-либо сведения о ее клинической эффективности, но главным образом потому, что – скорее в качестве описания, чем диагноза – она, как кажется, предлагает наводящую на размышления эстетическую модель. Очень кратко Лакан (**см.**) описывает шизофрению как разрыв цепи означающих, то есть взаимосцепления синтагматических последовательностей означающих, которое конституирует высказывание и значение. В основе лакановской концепции цепи означающих заложен один из фундаментальных принципов (и одно из выдающихся открытий) соссюрианской лингвистики, а именно, положение о том, что значение не является однозначным соотношением означающего и означаемого, материальности языка, слова или наименования и его референта или понятия. Значение, с новой точки зрения, порождается движением от означающего к означающему. То, что в общем виде называется означаемым – значение или понятийное содержание высказывания, – должно рассматриваться, скорее, как видимость значения, объективный мираж означивания, порожденный и сформированный соотношением означающих между собой. Когда это соотношение нарушается, когда обрываются связи цепи означающих, тогда мы имеем шизофрению в виде обрывков отдельных, несвязанных означающих. Связь между такого рода лингвистическим расстройством и сознанием шизофреника может быть, таким образом, уловлена посредством двойного предположения: во-первых, что сама персональная тождественность [субъекта] является эффектом определенного временного упорядочивания прошлого и будущего относительно его настоящего; и, во-вторых, что такое активное упорядочивание само по себе является функцией языка или, точнее, предложения, поскольку оно движется через время по своему герменевтическому кругу.

Как отмечает Джеймисон, если мы не в состоянии объединить прошлое, настоящее и будущее [в рамках] предложе-

ния, тогда сходным образом мы не состоянии объединить прошлое, настоящее и будущее в нашем опыте собственной биографии и психической жизни. С разрывом цепи означающих шизофреник замыкается в переживании чистых материальных означающих или, другими словами, серий чистых, несвязанных моментов настоящего во времени. Принципиальное положение Джеймисона заключается в данном контексте в том, что позднейшая мутация пространства – постмодернистское гиперпространство – в итоге преуспела в преодолении способностей индивидуального человеческого тела локализовать себя, перцептивно организовать свое ближайшее окружение, и познавательно обозначить свое положение в картографируемом внешнем мире. Можно предположить, отмечает автор, что это вызывающее тревогу рассогласование между телом и его архитектурным окружением, которое находится в таком же отношении к первоначальному замешательству прежнего модернизма, как скорость космического корабля к скорости автомобиля, – может само служить символом и аналогией той, еще более заостренной дилеммы неспособности наших сознаний, по крайней мере в настоящий момент, составить карту огромной многонациональной и децентрированной сети коммуникаций, пойманными в которую мы, как индивидуальные субъекты, чувствуем себя сегодня. Эстетика когнитивной картографии – педагогической политической культуры, которая стремится наделить индивидуального субъекта новым, укрепленным ощущением своего места в глобальной системе – с необходимостью должна будет учитывать эту, в настоящее время чудовищно сложную диалектику репрезентации и изобретать принципиально новые способы, чтобы должным образом ее оценить. Ясно, по версии Джеймисона, что это не призыв к возвращению к какой-либо разновидности старого устройства, прежнему, более упорядоченному национальному пространству, более традиционной, стабильной перспективе или миметическому принципу; новое политическое искусство (если таковое вообще возможно) должно будет придерживаться истины постмодернизма, так сказать, его базисного объекта – мирового пространства многонационального капитала – и в то же время совершить прорыв к некоторому пока непредставимому типу репрезентации последнего, через который мы снова начнем схватывать нашу диспозицию как индивидуальных и коллективных субъектов и восстановим способность действовать и бороться, нейтрализованную в настоящее время как нашим пространственным, так и социальным замешательством.

Политическая форма постмодернизма, если подобная когда-либо появится, будет иметь, по мысли Джеймисона, в качестве своей задачи разработку и воплощение глобального когнитивного картографирования как в социальном, так и в пространственном измерении.

А.А. Горных

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ – общее название версий социально-философского и социологического теоретизирования – Ж. Бодрийар (**см.**), З. Бауман (**см.**), М. Маффесоли и др., – акцентирующих исчерпанность эпистемологии и онтологии модерна (см. **Modern**) и осуществляющих тем самым радикальную переинтерпретацию идеи социологии.

В качестве оснований для манифестации возможности П.С. выступают: 1) применение концептуального аппарата постструктурализма к маргинальной для него проблематике социального, что приводит к существенной модификации и развитию самого постструктурализма за счет социологической эмпирико-операционалистской направленности; 2) проблематизации в рамках метасоциологической перспективы (в отличие от специально- или частносоциологической) таких категорий как "знание", "повседневность", "культура", что с одной стороны выражается в их экстраполяции на социальное вообще, а с другой – в постановке под вопрос самой социологии как особой повседневной, знаниевой и культурполитической практики; 3) трансформация "современных" индустриальных обществ в "постсовременные" постиндустриальные. Тем самым задается различие между П.С. и так называемой "социологией постмодерна", соотносимой с именами Э. Гидденса (**см.**) и Ю. Хабермаса (**см.**), которые, сохраняя позиции рационализма, постулируют преемственность и незавершенность модернистского проекта, констатируют "распад организованного модерна" и переход к "рефлексивной современности" и "посттрадиционному порядку".

Первоначальной задачей П.С. выступила фиксация симптоматики кризиса модерна с последующим различением кризиса социального и кризиса социологического и необходимостью деконструкции социологического дискурса и тотальной ревизии концептуального аппарата. Итогом явились отказ от понятия "общество", которое в рамках установок на текстуализацию и хаотизацию мира, было определено как пространство социального текста – одновременно была предложена локальная трактовка социальности; преодоление бинарных оппозиций как общесоциологического порядка (противопоставление объекта и субъекта познания, центра и периферии в социальной структуре), так и оппозиций мужского женскому в гендерных и метрополии и колонии – в постколониальных исследованиях; постулирование интертекстуальности сознания и трактовка личности как самоповествования "открытой идентичности"; провокационная и эпатажная критика социологического mainstream'a /"генеральной линии". – *Н.К.*/ – в первую очередь теории структурного функционализма и практик опросов "общественного мнения".

В результате социология была определена как проект модерна, конституированного бинарной оппозицией "социальный порядок – аномия", из которой следовали ее "родовые черты", а именно: 1) Проективность. Идея социального порядка была представлена как идеал, которого необходимо достичь; аномия в таком случае есть исходная характеристика социальной реальности, хаос, который требует порядка. В радикальных версиях социологического теоретизирования проективность принимала форму социального утопизма (например, технократизм, коммунизм). Кроме того, проективистская установка покоилась на фундаменте идеи линеарного развертывания времени, первоначально представленной в виде социального прогресса, а впоследствии переосмыслен-

ной как модернизация. 2) Проблематичные отношения с философией. Подрыв спекулятивной философии осуществлялся сразу в трех направлениях: во-первых, во вскрытии социальных оснований философии, что выразилось в появлении смежной проблематики социологии знания; во-вторых, в предложении радикально иного или существенно модифицированного метода; и, в-третьих, в формировании представлений об операциональном – а значит "реальном" – объекте, с последующим различением натуралистического и деятельностного подходов к этому объекту. Таким образом, социология артикулировалась как проект "приведения в порядок" философии, который ставил своей целью формирование позитивного (О. Конт – **см.**), калькулируемого (В. Кетле – **см.**) и/или "действенного" (К. Маркс – **см.**) знания; 3) Проблематичные отношения со сферой гуманитарных наук.

Социология, принадлежа к сфере наук о человеке, в то же время в значительной степени дистанцировалась от изучения собственно индивидуального, детерминируя его общим или социальным. В этом плане можно говорить о незамеченной "смерти" как на теоретическом уровне (например, концепт структуры в структурном функционализме), так и на эмпирическом (респондент вместо субъекта). Кроме того, такие науки о человеке, как психология и медицина, оказались способными к радикальной операционализации своего знания, т.е. к формированию особого "больничного" пространства, в котором (в идеале) только и могли осуществляться те или иные практики, и в котором субъект познания мог становиться его объектом. Социология же собственного, "социологического" пространства не имела и во многом выступила "зеркалом социальной природы". Заложенные в социологический проект установки оказались полностью эквивалентны обществу эпохи модерна.

Согласно З. Бауману, модерновая социальная реальность выступала в качестве объекта *администрирования*: "это был мир, обозреваемый с высоты стола генерального директора. Это был мир, в котором ставились и реализовывались цели, а общую цель расщепляли на подпроблемы для исполнения, мир, в котором сегодняшнее состояние оценивалось по тому, приближается оно или отдаляется от запланированного на завтра, и в котором главным условием достижения целей (и уже поставленных и еще не придуманных) была сплоченность рядов исполнителей. Она достигалась благодаря всеобщей лояльности по отношению к задачам, выдвигаемым начальством, и в вере в право начальства ставить их, а также благодаря желанию избежать наказания за непослушание, либо личной заинтересованности каждого в общих целях и в образе жизни, зависящем от достижения этих целей".

Принципами, на которых, по мнению Баумана, покоилась перспектива указанного *администрирования* явились: 1) *Целостность моделируемого мира*. В социологии предельной рамкой удержания ее целостности было понятие "общество", зачастую отождествляемое с национальным государством, а также понятие "культура", редуцированное к интегративной функции. Эпистемологически эта целостность фундировалась идеей присутствия истины, ее укорененности в бытии и как следствие – значимости модусов аутентичности, идентичности и оригинальности. 2) *Когерентность*. Социум и культура мыслились не только целостными, но и, пронизанными многочисленными и взаимными связями, отношениями и функциями, действующими как слаженный механизм (общество как "сфера принципиальной координации" – в структурном функционализме). Отсюда – вся проблематика общественного согласия (вариант – конфликта), социализации (девиации) и социальной нормы (аномии). 3) *Кумулятивность и направленность времени*. Мир – это проект-в-процессе-реализации, в котором совмещаются линеарность развертывания времени, берущая свое начало в христианской эсхатологии и позднее оформленная в концепте детерминизма, и установки на трансформативность и эффективность, делающие возможной интенсификацию Истории на основе "накопленных" оснований (ср. "Время, вперед!"). Таким образом, социология изначально проектировалась как "теория" или дисциплина знания и "практика" дисциплинирования социальности, т.е. как способ отправления власти-знания.

Кризис модерна, определяемый как недоверие к метанаррациям (см. **Метанаррация**) (Ж.-Ф. Лиотар – **см.**), результат эволюции дисциплин (М. Фуко – **см.**), переоценка модерна как универсалистского Проекта (З.Бауман), подорвал казавшееся незыблемым соответствие между теорией и практикой. Общим основанием, задающим социетальную конфигурацию постмодерна, может выступить принцип "двойного кодирования". В общем виде код представляет собой определенную структуру правил означивания, имеющую свою историю (т.е. отсылающую к пра-текстам) и конституирующую определенную неравновероятностную конфигурацию содержания. (Ср. интерпретацию кода Р. Бартом как "пути смыслообразования", а также У. Эко, понимающего под кодами занявшие место объективных структур познания фикции, "рассматриваемые в качестве социальных установлений; как попытки обрисовать механизм событий, а также объяснить порождение сообщений, исходя при этом из лежащих в их основе системы правил"). Двойное кодирование в этом смысле есть попытка здесь-и-сейчас приуменьшить или элиминировать вовсе зависимость от истории (истории как прошлого и истории как рассказа).

В рамках разработанной Бодрийаром концепции гиперреальности (**см.**), переход к состоянию постмодерна характеризуется как прецессия симулякров (**см.**). Тем самым проблематика "двойного кодирования" получает дальнейшее развитие, а также отмечается "радикальное изменение взаимоотношений между историей и повседневностью, между публичной и частной сферами". Социальное, ставшее предметом индивидуального потребления, в таких условиях может мыслиться исключительно как симуляционная модель социального, означающая в конечном итоге смерть и социального и социологии. "Социология в состоянии лишь описывать экспансию социального и ее перипетии. Она существует лишь благодаря позитивному и допущению социального. Устранение, имплозия социального от нее ускользают". Развитие коммуникации и особенно коммуникации массовой формируют явление массы, которая "не обладает ни атрибутом, ни предикатом, ни качеством, ни референцией"; массу "состав-

ляют лишь те, кто свободен от своих символических обязанностей", т.е. являются "многоликими терминалами" бесконечных сетей коммуникации. "Массы не являются референтом, поскольку не принадлежат порядку представления. Они не выражают себя – их зондируют. Они не рефлектируют – их подвергают тестированию… Однако зондирование, тесты, референдум, средства массовой информации выступают в качестве механизмов, которые действуют уже в плане симуляции, а не репрезентации". В такой ситуации репрезентация масс – молчаливого большинства – оказывается не более чем очередной симуляцией, исходящей из "полагания надежности" – наивной веры во всесилие рекламы, техники, политики, науки – смысла вообще. Масса не приемлет смысла и "интересуется лишь знаковостью", коммуникация для нее – беспрерывное поглощение знаков, обусловленное жаждой зрелища. Масса, не являясь ни объектом (поскольку сопротивляется всякому воздействию), ни субъектом (поскольку не может быть носителем автономного сознания), является в то же время еще большим медиумом, чем сами mass media: используя стратегии "нейтрализующего присвоения", перекодирует все сообщения из плана рационального в план воображаемого и заставляет их циркулировать по своим внутренним правилам. Техника, наука и знание в этом случае "обречены на существование в качестве магических практик и предназначены для потребления зрелищ".

Во многом разделяя установки Бодрийара, М. Маффесоли тем не менее занимает более взвешенную и оптимистичную позицию. "Молчание масс" трактуется им как естественная защитная реакция на тотализирующие дискурсы и способствует освобождению. Опираясь на тексты социологической и философской классики, М. Маффесоли характеризует переход к постмодерну как трансформацию "социального" в "социальность". Если первому соответствуют "общество" (Gesellschaft у Ф. Тенниса – **см.**), "прометеевская" культура и основой социальных связей выступает "механическая солидарность" Э. Дюркгейма (**см.**), характеризуемая инструментализмом, проективностью, рациональностью и телеологизмом, то постмодерный социальный порядок описывается в терминах "общины" (Gemeinschaft у Тенниса), ценностями "дионисийской" культуры и "органической" (или "оргиастической") солидарностью с ее завороженностью настоящим, нонлогическим, имморализмом и коммуникацией. Симптомом наступления "неотрайбализма" выступает "возрождающийся интерес ко всему натуральному и чувство околдованности мира". Следуя инверсионной интерпретации повседневности, снимающей бинарную оппозицию между сакральным и профанным и используя метод "общинной эмпатии", М. Маффесоли отмечает трансформацию "индивида" в "персону", обладающую полифункциональными характеристиками – "масками", а "группы" или "организации" – в "племя" и массу. Племя же понимается как микрообщность со свободным членством, интерсубъективность, основанная на аффекте, чаще всего спонтанная, рассеянная, неустойчивая консолидация социальности. Отличительной особенностью племен является их "имманентная трансцендентность", когда социальность трансцендирует своих членов, но сама ничем не трансцендирована. При этом границы массы и племени крайне неустойчивы и размыты, в силу "постоянного встречного движения" и смены "масок". Таким образом, сенсуализация, мифологизация и возрождение ценности территории, тела, оргии, зрелища и наслаждения обозначает регрессию к архаике и конституируют социальность как повседневность. З. Бауман, с методологических позиций, манифестирует П.С. как комментарий к повседневности. Его вывод основан на противопоставлении "законодательного разума", наследника модернистской метафизики, и разума "интерпретативного", ведущего диалог и "относящегося к каждому акту овладения [Другим] как к предложению продолжить обмен".

Для Фуко комментарий, наряду с принципами автора и дисциплины, выступал принципом контроля над производством дискурса: "комментарий ограничивал случайность дискурса такой игрой идентичности, формой которой, похоже, были повторение и тождественность". Но комментарий, даже как вторичный текст, не сводится к репродуцированию оригинального смысла и имеет конструктивистскую составляющую: "роль комментария, какие бы техники при этом ни были пущены в ход, заключается лишь в том, чтобы сказать наконец то, что безмолвно уже было высказано там" (Фуко). Однако при этом происходит удвоение, утроение и т.д. этого, уже "безмолвно высказанного", так как: "…комментировать – значит признавать, по определению, избыток означаемых над означающими, неизбежно несформулированный остаток мысли, который язык оставляет во тьме, остаток, составляющий саму суть, выталкивающую наружу свой секрет. Но комментировать – также предполагает, что это невысказанное спит в речи, и что благодаря избыточности, присущей означающему, можно, вопрошая, заставить говорить содержание, которое отчетливо не было означено". Двойная избыточность комментария – со стороны означающих и со стороны означаемых – в случае социологии и в контексте понимания социального пространства как социального текста, в значительной степени усложняет задачу, поскольку, во-первых, социальные практики и практики социологические могут описываться в терминах означаемого и означающего, во-вторых, помимо этого, практики и социологов, и социальных агентов уже представлены как взаимодействие означаемого и означающего, в-третьих, при том, что каждая теория должна описывать условия своей возможности, сохраняется опасность бесконечности социологии знания. В то же время становилось очевидным, что означающее и означаемое получают также существенную автономию, которая обеспечивает каждому по отдельности сокровище возможного означения. В пределе одно могло бы существовать без другого и начать говорить о себе самом: комментарий располагается в этом мнимом пространстве. Тем самым в это "между" попадает и то, что в социологии модерна обозначалось как "социальная реальность". Последняя оказывается не более чем фикцией – трикстером, обеспечивающим травести, перевод одного в другое в через изменение облика в бесконечном процессе "переодевания". "Комментарий покоится на постулате, что речь – это акт "перевода", что она имеет опасную привилегию показывать изображения, скрывая их, и что она может бесконечно подме-

няться ею же самой в открытой серии дискурсивных повторов" (Фуко). Таким образом, принцип комментария по способу своего функционирования изоморфен концепту Differance Ж. Деррида (см.). Комментарий отталкивается от первичного текста, который выступает его основанием, и отталкивает этот текст; тем самым комментарий одновременно означает (различает) инкорпорацию первоначального смысла и свою инаковость ("вне-находимость") по отношению к нему. Понимание П.С. как комментария к повседневности в конечном итоге переопределяет социологию как особую практику означивания социальности. Тем не менее парадоксы, изначально заложенные в основание П.С., – сохранение в ней проективности в виде "проекта уничтожения проекта", дисциплинарная неопределенность, ориентация на плюральность и антиуниверсализм позволяют предположить, что предлагаемая переинтерпретация "идеи социологии" должна оказаться далеко не последней.

Н.Л. Кацук

"ПОСТМОДЕРНИСТСКОЕ СОСТОЯНИЕ: ДОКЛАД О ЗНАНИИ" ("La condition postmoderne. Rapport sur le savoir", 1979) – программная работа Лиотара (см.), посвященная анализу "состояния знания в наиболее развитых обществах". Лиотар, характеризуя такое состояние культуры как "постмодерн", основывается на концепции "языковых игр", избирая ее в качестве метода, и понятиях "дискурсивность" (см.) и "власть – знание" Фуко (см.).

Социальность, полагает Лиотар, нельзя мыслить в категориях функционального единства (Т. Парсонс – см.) или диалектических противоположностей (Маркс – см.), она носит характер дискурсивной разнородности, в основании которой лежат языковые игры – "минимальные отношения для существования общества", ограничивающие возможности его дезинтеграции.

Языковые игры обозначают то, что "каждый из различных видов высказываний может быть определен посредством правил, определяющих их характеристики и возможные употребления", и обладают следующими чертами: 1) правила игры не являются ее легитимацией, 2) изменение правил означает изменение игры и 3) каждое высказывание – это ход в игре. Таким образом знание в своей основе имеет языковые игры, каждой из которых соответствует свой критерий компетенции – истина, технологическая эффективность, справедливость, красота.

Нарратив (повествование, рассказ) – "атрибутивная форма обыденного знания" – (1) содержит в себе позитивные или негативные образцы поведения и вырабатывает консенсус относительно критерия компетенции, посредством которого участники языковых игр могут оценить свои действия; (2) сочетает в себе плюрализм языковых игр (денотативных, прескриптивных, перформативных и т.д.), которые (3) в свою очередь подчинены правилам, задающим "нарративные должности" участникам; наконец (4) нарратив структурирует время – "является синтезом метра, разбивающего время на равные периоды, и акцента, который изменяет долготу или интенсивность некоторых из них". Нарратив тем самым строится на "необходимости забывать". Научное знание, напротив, основано лишь на одной денотативной игре; лишь опосредованно порождает социальные связи, а именно: только в той степени, в какой становится профессией и дает начало социальным институциям; не требует специальной компетенции адресата (т.е. предписанной "нарративной должности"), а только компетенции производящего высказывание; и, наконец, строится на диахронности и кумулятивности, предполагающих память и проект.

Различая легитимность (см.) "гражданского закона", основанную на идее справедливости, и легитимность научного высказывания, которое в свою очередь, чтобы восприниматься как таковое и в конечном итоге как истинное, должно удовлетворять совокупности условий (например, экспериментальной проверке), Лиотар тем не менее отмечает свойственную западной культуре "родственность" языка науки и языка этики и политики. С позиции власти легитимация представляет собой процесс, наделяющий законодателя правом провозглашать данный закон в качестве нормы. Тогда как с позиций знания она есть "процесс, по которому законодателю, трактующему научный дискурс, разрешено предписывать указанные условия [...] для того, чтобы некое высказывание составило часть этого дискурса и могло быть принято к вниманию научным сообществом". В силу этого речь должна вестись о проблеме "двойной легитимации": "кто решает, что есть знание, и кто знает, что нужно решать?".

Характеризуя состояние современной науки как кризисное, Лиотар связывает его появление с ситуацией постмодерна и общей делегитимации языковых игр. Возникновение ситуации модерна в науке связывается Лиотаром с возникновением дискурса легитимации вокруг ее статуса, т.е. философии. Модернистская наука, не обладая собственными средствами легитимации, за обоснованием знания обращалась к спекулятивному философскому или политическому "большому повествованию – как, например, диалектика духа, герменевтика смысла, освобождение человека разумного или трудящегося, или увеличение благосостояния". В общем виде "Большое Повествование", или "метанарратив", представляет собой эпистемологический конструкт, легитимирующий способы мышления, социальные институции и всю социальную систему и создающий тем самым возможность тотального мировоззрения.

"Постмодернизм" определяется Лиотаром как "недоверие к метаповествованиям", в результате которого они "теряют своих "действующих лиц", "великих героев", свои "опасности", "великие приключения" и "великую цель", рассыпаются на множества локальных языковых элементов и утрачивают свою легитимирующую мощь. Катализатором данного процесса оказалась постнеклассическая наука с ее неопределенностью, неполнотой, неверифицируемостью, катастрофичностью, парадоксальностью. Темы энтропии, разногласия, плюрализма, прагматизма, языковой игры вытеснили "великие рассказы" о диалектике и просвещении, антропологии, истине, свободе и справедливости, основанные на духовном единстве, консенсусе между говорящими. Прогресс современной

науки превратил цель, функции героев классической философии истории в языковые элементы, прагматичные ценности антииерархичной, дробной постмодернистской культуры с ее чувствительностью к дифференциации и несоизмеримости различных объектов. Попытки технократии управлять социумом с помощью компьютера породили страх перед "технологическим террором". Соотнесение многих научных открытий в различных областях с вопросами морали и политики акцентировали возможность превращения нового знания в информационный товар, служащий узкому кругу людей источником наживы и являющимся одним из инструментов власти. Движущей силой делегитимации, по Лиотару, выступает сам процесс легитимации, обращаемый на самого себя, иными словами: как доказать доказательство? Как легитимировать легитимацию? (Ср. у Ницше: "европейский нигилизм" исходит из самоприложения научного требования истинности к самому этому требованию.) Постмодернизм, проистекающий из развития техники и прогресса наук, "сместил акценты с результатов действия на его средства" и привел к своеобразной "эрозии знания" и распаду "энциклопедической структуры" науки, где каждая ее отрасль занимала строго отведенную ей территорию. Главной чертой постмодернистского научного знания является "эксплицитная имманентность самому себе" дискурса о правилах, которые его узаконивают. Постмодернистская наука, интердисциплинарная по своему характеру, играет в собственную языковую игру, не нуждается больше в легитимирующих метанарративах и довольствуется малыми повествованиями – "атрибутивной формой творческих открытий". Постмодернистский тип языковой игры отличается от ненаучного (традиционного) и классического научного типов языковых игр. Традиционное знание исходит из плюрализма языковых игр. Повествовательный характер данного знания отливается в форму рассказа, легенды, сказки, мифа. Это знание, имеющее множество слоев, в нем можно найти "денотативные высказывания относящиеся... к небу, ко временам года, к флоре и фауне...", это знание также передает слушателю посредством героя и его поступков свод прагматических правил, образующих общественные связи. Традиционное знание синхронично, оно не нуждается в поддержке прошлого, не нуждается в легитимации, так как имманентно повествованию. Классическое знание делает ставку на один тип языковой игры, главная задача которой – истина. Такое знание добровольно изолировано от всех других языковых игр, в том числе и социальных. Связь знания и общества носит внешний характер и требует с необходимостью легитимации и институализации. Философия выступает легитимирующим дискурсом классической науки, примером могут служить "великие легитимирующие рассказы": диалектика Духа, герменевтика смысла и т.д. Главным достижением считается консенсус между отправителем и получателем ценностного высказывания об истине, если оно вписывается в перспективу единодушия научного сообщества по какому-либо вопросу (эпоха Просвещения, где герой работает ради великой энциклопедической цели). В процессе передачи знания преподаватель выступает носителем истины, одновременно являясь экспертом в данной проблематике. Классическое знание характеризуется диахроничностью, верифицируемостью и фальсифицируемостью. Специфика постмодернистской ситуации в том, что отсутствует как универсальный метаязык, на поиск которого была ориентирована вся классическая наука, так и традиционная легитимация знания. Это не отрицает самой возможности повествовательности: например, диктор, рассказывающий что-либо по телевидению. Ведущей фигурой становится не профессор, а экспериментатор. В современных условиях, когда новые науки открываются на стыках дисциплин, отвергаются любые формы регламентации. Происходит разрыв социальной связи и переход социальных групп в состояние некой массы, состоящей из атомов. "Самость" оказывается встроенной в сложную и мобильную ткань социальных отношений. Человек оказывается расположенным на углах линий коммуникаций, какими малыми они бы не были. Прагматика постмодернистского знания имеет мало общего с поиском результативности. Работать над доказательством значит искать конкретный пример; разрабатывать аргументацию значит искать "парадокс" и легитимировать его с помощью новых правил игры. Эффективность не является самоцелью, она появляется в дополнение и иногда с опозданием. Основная черта постмодернистского знания – имманентность самому себе дискурсов о правилах, которые они узаконивают. Расчету поддается таким образом только вероятность, что это высказывание будет скорее о том-то, а не о том-то. Вопрос состоит не в том, чтобы знать, кто является противником, а в том, чтобы знать, в какую игру из множества возможных игр он играет. Постмодернистская наука не препятствует появлению большого количества малых нарративов. Место мобилизующих повествований с их легитимирующей функцией занимают малые нарративы, законные в рамках локальных коммуникативных сообществ и не претендующие на тотализацию. Наука является нестабильной и открытой системой, а поэтому, по Лиотару, для обоснования знания к ней неприменим ни критерий производительности, ни предлагаемый Хабермасом критерий консенсуса. Производительность, во-первых, не подходит для суждения об истинности или ложности, во-вторых, она основывается на представлении о стабильной системе и детерминизме: причина должна стабильно определять следствие, наука же "продуцирует не известное, а неизвестное", продукт науки никогда не может быть задан заранее. С другой стороны, применение критерия производительности означает террор системы по отношению к языковым играм: "будьте операциональны, так сказать, технологичны, или вы исчезнете".

Полемизируя с Хабермасом (см.), Лиотар отмечает, что его концепция проистекает из метанарратива освобождения человечества. По его словам, Хабермас исходит из "веры" в то, что "человечество как коллективный субъект желает своего общего освобождения посредством урегулирования "ударов", допускаемых во всех языковых играх, и что "человечество как коллективный субъект желает своего общего освобождения посредством урегулирования "ударов", допускаемых во всех языковых играх, и что легитимность некоторых высказываний состоит во вкладе в это освобождение". Достижение консенсуса посредством "диалога аргументаций"

предполагает редукцию разнородных языковых игр к универсальному метаязыку предписаний, описывающего правила всех игр, т.е. к новому метанарративу. Помимо этого, консенсус у Хабермаса означает окончание диалога, хотя скорее должен представлять его временное состояние. С другой стороны, "консенсус служит элементом системы, которая манипулирует им в целях поддержать и повысить свою производительность". В конечном итоге он является инструментом легитимации системы и власти. "Консенсус стал устаревшей и подозрительной ценностью. Вот уж что не является им, так это справедливость". Лиотар в качестве легитимации знания предлагает паралогию, которая изоморфна понятию "differance" Деррида и предполагает "открытую систематику", локальность, "антиметод". Паралогия легитимирует высказывания науки (как "антимодели стабильной системы") в той мере, в какой они разрушают прежние высказывания и правила игр и генерируют новые. Работа Лиотара, развивая идеи интертекстуальности и диалоговости, формирует методологию "новой непрозрачности", переориентирующую науку на поиск различий, нестабильностей, случайностей и противоборствующих стратегий со стороны ее объекта.

Н.Л. Кащук, И.А. Белоус

"ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: СУВЕРЕНИЗАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ. ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ" (Москва, 1997) – работа Ж.Т. Тощенко (см.), посвященная социологическому анализу этнополитических проблем как эпицентра общественной жизни. События последнего десятилетия в этой сфере достигли драматического размаха, выраженного в военном, политическом и экономическом противостоянии как на локальном, так и на межрегиональном уровне. Вопреки надеждам теоретиков нового политического мышления истекшее десятилетие показало, что люди в большей степени готовы идти на жертвы во имя поливариантной этнической идентичности, чем стремиться к выдаваемым за общечеловеческие ценностям западной цивилизации.

В книге Ж.Т. Тощенко дается профессиональное осмысление динамических процессов этнополитической жизни в границах распавшегося СССР и современной России за истекшее десятилетие. В состав очерков вошел ряд публицистических статей и научных докладов автора, с которыми он выступал преимущественно на страницах популярных изданий. В целом рецензируемая книга представляет собой своеобразный свод аналитических обозрений тех событий и процессов, современником которых автор выступает, оценивая и прогнозируя ход их развития.

Своеобразной точкой отсчета для автора служит эпоха перестройки, всколыхнувшая массовые этнополитические движения, сотрясающая мощь которых разрушила единое и целостное пространство Союза ССР. Однако ученый отмечает, что разрушительная энергия межэтнической направленности накапливалась десятилетиями. Исход русскоязычного населения из бывших союзных республик имел предысторию. Симптомы этого процесса автор обнаруживает еще в середине 1970-х. Именно тогда в первой среди этих республик – Грузии демографами было зафиксировано сокращение числа русских, проживающих на этой территории. Но проблема беженцев возникла значительно позже – на рубеже 1990-х. Социологический анализ свидетельствует о размахе страданий миллионов людей, оказавшихся в такой ситуации, как об одной из самых "болевых точек" в постсоветском обществе. Не случайно эта тема занимает в очерках одно из ключевых мест.

С перестройкой автор связывает появление ряда мифов, пополнивших идеологию как систему "ложного сознания", компрометирующую один народ в глазах другого (например, армяне – азербайджанцы, грузины – абхазцы, русские – украинцы и т.д.). Идеология, пронизывающая духовную сферу жизни, дала начало экономическим и политическим процессам, в русле которых продолжала развиваться этносоциальная напряженность в обществе. Периодизация ее развития и эволюции этнополитических процессов, согласно Ж.Т. Тощенко, такова: до 1987 кризис вызревал в основном в духовной сфере; на рубеже 1987 – 1988 доминировал процесс формирования национального экономического сознания; следующий этап – политическая эскалация напряженности. Каждый из этих этапов получил в книге лаконичную и емкую характеристику. Фаза национального движения в духовной сфере была связана с развитием самосознания, исторической памяти, консолидацией и активизацией националистических сил. Далее следует устремление к экономической независимости, мифическое упование на которую обернулось огромными издержками для абсолютного большинства членов общества и экономики каждой из вновь образованных стран. А политическое завершение пространственной трансформации постсоветского общества привело к целому ряду войн и конфликтов с последующим долгим и трудным поиском способов согласования национальных интересов и путей регуляции взаимоотношений, форм сотрудничества.

Рецензируемая книга изобилует интересными социологическими обобщениями. В этом плане показательна классификация уровней этнонапряженности, в рамках которой автор выделяет и характеризует этноограниченность, этноэгоизм и этнофобию. Описанные в книге "болевые точки" межнациональных отношений "привязаны" к определенным зонам постсоветского пространства, в котором Ж.Т. Тощенко выделяет следующие зоны: острых кризисных ситуаций (военных конфликтов или балансирования на их грани); потенциальных кризисных ситуаций; сильного регионального сепаратизма; среднего регионального сепаратизма; вялотекущего сепаратизма.

Интересны созданные автором сценарные варианты развития этнополитического процесса, которые составляют вероятностный прогноз развития событий, начиная с первого, так называемого идеального варианта, – до четвертого, "югославского", в рамках которого возможны эскалация насилия и страданий миллионов людей. По какому пути будут развиваться события? Это во многом зависит от реализации геополитической стратегии, варианты которой автор связывает с идеями Евразийского Союза (первый вариант), идеей возрождения СССР (второй), Союзом Отечества (третий), Славянским флюсом (четвертый) либо с другими вариантами. Про-

гнозируя линию развития событий, Ж.Т. Тощенко пишет: "В целом период до 2000 года не будет годами противостояния непосредственно национальных групп или конфессий. Это будет время "войны" федеральных и национально-республиканских структур по поводу раздела государственной собственности и полномочий, вопросов о гражданстве, о государственном языке и, особенно, по поводу продажи (или перераспределения) земли". О том, в какой мере данный прогноз сбывается, можно судить по событиям 1996 – 1997.

В контексте распада и созидания постсоветского пространства автор акцентирует внимание на новом понимании федерализма, важнейшим свойством которого ему представляется принцип не иерархии, а асимметричности, который, согласно автору, исключительно важен для решения проблем национального строительства в современных условиях, поскольку предполагает многозначное, а не однопорядковое решение национального вопроса и более верно отражает многообразие интересов, учитывает разнонаправленность устремлений и потребностей различных национальных групп. На наш взгляд, идея асимметричности не утратила бы своей привлекательности и при обозначении достоинств альтернативных моделей федерализма. При этом эффект сопоставления, диалогичности усилил бы научную состоятельность работы.

Большой интерес для этносоциологии и политической практики в области межнациональных отношений представляет проблема диаспоры. В аспекте современной трансформации этнического пространства эта категория занимает исключительно важное место. Ж.Т. Тощенко отмежевывается от претензии на исторический обзор диаспор в мире и его отдельных регионах. Однако очерк, посвященный диаспоре, представляется вполне глубоким и состоятельным как в теоретическом, так и в историческом плане. Исследование феномена диаспоры автор проводит в аспекте описания ее социальной природы, типологии и функций. Можно согласиться с данной в очерках критикой концепции национальной политики, не учитывающей категорию диаспоры в качестве действенного инструмента регуляции межнациональных отношений в поисках путей мира и согласия.

Наряду с категориями науки язык автора насыщен образными сравнениями, метафорами, усиливающими эмоциональное воздействие на читателя. В этом ключе выдержаны рассуждения о формах "территориального мародерства", феномене "бытового шовинизма и национализма", "языковом беспределе" и других гранях развития и проявления этносоциальных конфликтов. Между тем включение в очерки подобных метафорических определений, на наш взгляд, несколько снижает статус научно-объективного подхода. Подчинение излагаемого материала эмоциональной схеме в актуальном плане кажется более привлекательным, однако со временем сказывается изъян некой одномерности, преодоление которого становится важным условием развития темы.

В заключение следует сказать, что в этносоциологических очерках заинтересованный читатель найдет ответ на многие волнующие современное российское общество вопросы, возникшие на гребне волны обострения межнациональных отношений. Можно с уверенностью сказать, что эта книга содержит исключительно актуальную для современных теоретиков и практиков систему научных взглядов, изложенных в популярной форме, доступной для широкой аудитории. Эмоциональное изложение материала не умаляет той объективности и здравомыслия, а также логики разума, дефицит на которые сказывался на протяжении многих лет при обсуждении межэтнических проблем. Пафос книги – это призыв к ответственности и толерантности. Поэтому очерки представляются столь полезными для дела образования и воспитания. Их можно рекомендовать в качестве настольной книги политическим деятелям, руководителям различного ранга, а также преподавателям высшей и общеобразовательной школы, студентам и учащимся, всем, кто интересуется вопросами национальной политики.

В.А. Писачкин

ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМ – совокупное обозначение ряда подходов в социогуманитарном познании 1970-1980-х, ориентированных на семиотическое истолкование реальности ("текстуализованный мир" П.), опирающихся, подобно структурализму, на концепцию знака как единства означающего и означаемого, но осуществляющих пересмотр структуралистской парадигмы в плане центрации внимания на "внеструктурных" параметрах ("изнанке") структуры и связанных с их постижением когнитивных процессах. Получил развитие сначала во Франции, а затем в США. П. обычно связывают с именами Деррида (см.), Делёза (см.), Гваттари (см.), Бодрийара (см.), Ю. Кристевой, Лиотара (см.), К. Касториадиса, "позднего" Р. Барта (см.), Фуко (см.), а также ряда других исследователей.

П. унаследовал от структурализма определенную общность проблемного поля и отсутствие собственной цельной программы. Иногда П. характеризуют как попытку осуществить то, что не удалось сделать на первом этапе, и, следовательно, как закономерное развитие структурализма, выявление его апорий и парадоксов. Обнаруживается взаимная дополняемость структурализма и П., так или иначе опирающихся на концепцию знака как единства означающего и означаемого и особый интерес к проблемам языка. Налицо двойная проблематичность П.: 1) эпистемологическая проблема: является П. простой трансформацией ("траекторией перемещения, а не отказа", согласно Р. Барту), мутацией или радикальным переворотом? 2) "географическая" проблема определения границ: если хронологический рубеж датируется 1968, то теоретически П. пересекается с семиотической теорией, постмодернизмом, леворадикальными течениями, различными литературными практиками (например, с американским деконструктивизмом, для которого деконструкция не более чем методика анализа текстов). Впрочем, постструктуралисты сами настаивают на относительности всяких границ (между означаемым и означающим, философией и литературой, литературой и критикой), что, в частности, характеризует их аксиологические ориентации.

Учитывая все разнообразие постструктуралистских практик и их терминологическую необычность, затрудняющие интерпретацию (в общепринятом понимании этого слова),

тем не менее можно эксплицировать ряд основных задач, выдвигаемых П.: 1) критика западноевропейской метафизики с ее логоцентризмом, проблема кризиса репрезентации; 2) демистификация, изобличение, фиксация возникающих на всех уровнях очагов власти стратегий принуждения, сокрытых под оболочкой бессознательного; 3) поиск зон свободы – маргинальных, находящихся за пределами структуры, но оказывающихся в результате в качестве предельной, далее нерасчленяемой реальности, не контролируемой силами власти (желание, история, "хаосмос", аффекты, тело, жест и т.д.). Нужно иметь в виду, что "вне текста" для П. нет ничего, реальность для него – это по преимуществу языковая реальность (текстуализованный мир). Постструктуралисты, анализируя европейскую метафизическую традицию, усматривают главную ее особенность в логоцентризме (Деррида). Понятие Истины (в П. – "Трансцендентальное Означаемое") – это порождение логоцентрического сознания, стремящегося во всем найти порядок и смысл, отыскать первопричину, а точнее – навязать их всему, на что направлена мысль человека, но при этом не способного постичь и выразить алогичную сущность мира, налагающего в силу своей косности запрет на любые свободные интерпретации. Порочная практика, по оценке П., насильственного овладения текстом (направленная на поиск Истины) восходит к гуманистам, для которых понять текст значило "присвоить" его себе, подчинив смысловым стереотипам, господствовавшим в их сознании. Навязывание тексту его формы осуществляется "говорящим Субъектом", картезианским "cogito", предающимся иллюзии о независимости, автономности своего сознания. Это и есть тот "классический центр", который, пользуясь привилегией управления, структурирования, сам в то же время остается вне структурного поля. Согласно П., текст всегда задается собственным комментарием: интерпретация литературного текста, наравне с его "объектом" и "предметом" относятся к одному проблемному полю. Интерпретация выступает таким образом атрибутом литературного корпуса: каждый литературный объект определенным образом дистанцирован относительно своего "имманентного" значения, а следовательно, необходимо содержит интерпретационную составляющую. Оппозиция между текстом как объектом и внешними ему интерпретациями (классическая парадигма) замещается в П. представлением о континууме бесконечного литературного текста, который всегда выступает своей собственной интерпретацией и тем самым дистанцирован сам от себя.

В итоге для П. в высшей степени характерно истолкование любого теоретического текста как литературного. А следовательно П. выносит за скобки претензии всякого текста на истинность, реконструируя текстуальные механизмы, продуцирующих "эффект истинности". (По мысли Ю. Хабермаса – см., П. присуща своеобычная универсальная эстетизация, посредством которой "истина" в своем пределе редуцируется к одному из стилевых эффектов дискурсивного выражения.) Согласно П., классицистское сведение риторических приемов к внешним средствам выражения, не связанным каким бы то ни было образом с планом содержания, иллюзорно. Стилистические приемы построения текста необходимо задают его внутреннее понятийное содержание. При этом, согласно постструктуралистским моделям, нулевая степень любого метаязыка – естественный, обычный язык – содержит в себе все мыслимые интерпретации всех метаязыков: обычный язык, таким образом, выступает фундаментальным метаязыком. Естественный язык являет собой собственный метаязык, он самореференциален, конституируясь в пространство бесконечного саморефлексивного движения. Предполагается, что объективный мир всегда оказывается структурирован при помощи тех или иных языковых средств. Согласно П., не может существовать чистого языка-объекта, который был бы способен функционировать как абсолютно прозрачное средство означивания предзаданной ему действительности. Всевозможные "объективные заключения" о природе вещей всегда неизбежно самодистанцированы, имманентно включая в себя отклонение означающего от собственного "буквального смысла". Постструктуралисты подрывают представление о референции, о бытии как присутствии. Претензии на репрезентацию, на соотнесение текстов культуры с реальностью несостоятельны, означаемое не существует, оно – всего лишь иллюзия. По Бодрийару, современность характеризуется скрадыванием различия между реальностью и ее представлением, остаются одни лишь "симулякры", не обладающие никакими референтами, имеющие отношение только к собственной воображаемой реальности. Означающее теряет свою непосредственную связь с означаемым вследствие "отсрочки", откладывания в будущее представления об означаемом явлении. Знак обозначает скорее "отсутствие" предмета, а, в конечном счете, и принципиальное отличие от самого себя. П. утверждает необходимость игрового отношения к смыслу вообще, выдвигает принцип "диссеминации" (Деррида), т.е. рассеивания, дисперсии любого смысла среди множества дифференцированных его оттенков, идея "различия" должна уступить место идее "различения", что означает конец власти одних смыслов над другими. Отсутствие предельного значения открывает неограниченное пространство для движения означающих, что фиксируется в понятии "гено-текст" Ю. Кристевой. Взгляд на мир только через призму означающих снимает проблемы объективности, метода, истины, обесценивает научное знание. Но это происходит еще и потому, что "науке предопределено насилие", она связана с признанием порядка, который определяется властными отношениями (М. Серр).

Постструктуралисты пытаются обнаружить за всеми культурными феноменами дискурс власти, всепроникающая способность которой позволяет ей "пересекать", "координировать", "прерывать" любые социальные структуры и установления, что дает возможность Делезу говорить о "древоподобности" власти. Язык, символизирующий собой любые формы принудительной власти, функционирует как такого рода древоподобная структура. Как можно разрушить эту властную машину языка и противостоять принудительной силе тотальной бинаризации всей культуры? Такую вожделенную зону свободы, где законы силы, господства и подчинения не действуют, представляет собой, согласно П., текст – авансцена борьбы множества сил, равноправных дискурсов,

являющихся одновременно объектами борьбы за власть, но также и сильными властными позициями. По существу, это "интертекст", предполагающий соответствующую "революционную" процедуру чтения (Ф. Соллерс) и элиминирующий традиционную фигуру Автора (Р. Барт, Фуко). Главное предназначение текста – увернуться от власти. Поиск "глубинного, подрывного значения", "истинного уровня языка" (Деррида), не подвластных общепринятым кодам и структурам, обнаруживает значимость элементов внесистемных, маргинальных, асоциальных. Возможно, именно они являются онтологической основой предельной, нередуцированной реальности ("уровень бытия желания"). Прорисовывается "изнанка" структуры, размываются границы внутреннего и внешнего в искривленном пространстве современной культуры.

Своеобразие П. состоит в том, что он легитимировал пересмотр многих классических философских понятий, обозначил новую картографию культурного пространства. В отношении постмодернизма П. может быть рассмотрен как наиболее фундаментальная его теоретическая предпосылка в сугубо концептуальном отношении, ибо в отношении персональном невозможность исчерпывающе четкого дистанцирования "постструктуралистского" и "постмодернистского" этапов развития творчества того или иного автора является скорее правилом, нежели исключением. См. также: **Власть, Чтение.**

А.Р. Усманова

ПРАВО – многоаспектное понятие гуманитарных дисциплин. И. Кант определял П. как совокупность условий, при которых произвол одного может быть согласован с произволом другого по общему для них правилу свободы. Таким образом, П. можно определять как норму свободы.

Существует множество научных направлений, формирующих представления о П.: теория естественного П.; историческая школа П.; психологическая теория П.; материалистическая теория П.; нормативистское направление его исследования. В литературе, исходя из множественности взглядов на П., называют следующие основные его признаки: 1) П. – это система правил поведения людей, которая устанавливается или санкционируется государством; 2) в силу того, что П. имеет общеобязательный характер, его применение и реализация при необходимости обеспечивается государственным принуждением; для этих целей может быть использован специальный аппарат (полиция, суд, армия и др.). В силу своей общеобязательности П. отличается от других социальных норм (морали, обычаев, религии и др.); 3) П. выражается в официальной форме (имеет свои источники, например, законы). П. имеет определенные принципы – основные идеи его существования и развития. Есть принципы, которые распространяются на всю систему П. (общие принципы) – справедливости, равноправия, гуманизма; демократизма и другие; межотраслевые, охватывающие две или более отраслей П.; отраслевые (например: в трудовом П. принцип свободы трудового договора и др.).

П. тесно связано с экономикой. Экономическое развитие того или иного государства предопределяет соответствующее содержание П. П. может быть как тормозом общественного развития, так и важнейшим регулятором прогрессивных экономических и социальных преобразований. В П. выражается политика государства, так как правовые нормы издаются государством. П. имеет как общее, так и различное с моралью. Единство П. и морали обусловливается их нормативностью. Различие состоит в форме выражения (нормы морали обычно не фиксируются в специальных актах), в способе защиты от нарушений и т.д.

Среди важнейших источников П. могут быть названы следующие: 1) правовые обычаи; 2) нормативно-правовые акты государственных органов; 3) судебные прецеденты. Формы П. зависят от правовой системы того или иного государства. Правовым обычаем является санкционированное государством, сложившееся в результате многократного повторения правило поведения. Нормативными правовыми актами являются решения уполномоченных на то государственных органов, в которых содержатся нормы П. Система нормативно-правовых актов в государстве, как правило, определяется Конституцией и изданными в соответствии с ней подконституционными актами. В них определены органы, имеющие П. принимать нормативные акты, и порядок издания таких актов. Нормативный правовой акт – это письменный официальный документ установленной формы, принятый правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм, то есть общеобязательных предписаний постоянного или временного характера, рассчитанных на многократное применение. В систему нормативных актов государства, согласно названному закону, входят, в частности, Конституция, законы, а также имеющие нормативный характер указы Президента. Нормативными актами являются акты, принятые уполномоченными на то государственными органами, общественными объединениями, должностными лицами, иными субъектами нормотворчества, состоящие в целом или частично из общеобязательных норм, то есть правил поведения, распространяющихся на индивидуально неопределенный круг лиц и рассчитанных на неоднократное применение. Одни и те же органы могут издавать как нормативные, так и индивидуальные акты. К нормативно-правовым актам тесно примыкают акты толкования правовых норм. Нормативно правовые акты различаются по своей юридической силе. В зависимости от этого может быть определена иерархия, то есть соподчиненность нормативных актов.

Иерархия нормативных актов (на примере Республики Беларусь) может быть определена следующим образом: 1) Конституция (в том числе и акты толкования Конституции); 2) международные договоры, действующие на территории Республики Беларусь; 3) законы, декреты и указы Президента (особое место здесь должны занимать программные законы); 4) указы Президента, изданные на основе закона; 5) постановления Правительства; 6) нормативные акты министерств и ведомств. Замыкают эту иерархию нормативные акты, принимаемые местными органами государственной власти, в том числе и в порядке делегирования им некоторых полномочий вышестоящими органами. Определяя иерархию нормативных актов нельзя забывать о норме, закрепленной в статье 8 Кон-

ституции, согласно которой Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного П. и обеспечивает соответствие им законодательства. По существу эта норма является вектором развития правовой системы Беларуси.

Высшее место в иерархии законодательных актов обычно занимает Конституция. Конституция отличается от иного закона как по юридической силе, так и по форме и содержанию. Конституция является таким Основным Законом государства, который регулирует главные стороны государственной, общественной жизни, допуская и прямо предполагая процесс правового, в том числе законодательного регулирования, стимулируя и направляя его. Все остальные законы в той или иной форме тем или иным способом развивают и конкретизируют конституционные положения. Никакой другой акт не может стать высшей юридической нормой по отношению к Конституции. Приоритет Конституции – неотъемлемый и непременный признак правового государства. Интерпретация как Конституции, так и основоположений закона в юриспруденции понимается как деятельность по установлению точного содержания правового акта для его практической реализации. Необходимость в толковании возникает прежде всего потому, что любой акт не может применяться автоматически, вначале его суть должна быть уяснена правоприменителями, а также лицами, на которых он распространяет свое действие. Однако вслед за уяснением, как первым и обязательным элементом интерпретации, следует разъяснение содержания закона с целью разрешения возникшей двусмысленности. Орган, наделенный П. давать официальные толкования, должен раскрыть материальное содержание, то есть достоверно и обоснованно выразить цель и истинную мысль законодателя, изложенную в той или иной норме, вызвавшей различное понимание и разнобой при практическом применении. В этих случаях требуется, как правило, уточнение формулировки соответствующей нормы П. Акт толкования, независимо от того, когда он принят, по времени действия совпадает с толкуемым нормативным актом. При отмене нормативных актов полностью или частично утрачивают силу соответствующие нормы акта толкования. Толкуемый акт и акт толкования должны совпадать по своему объему, однако последний может приниматься и для того, чтобы внести элементы новизны в понимание первого с учетом сложившихся новых политических и социально-экономических отношений. Использование норм закона (иного акта) вопреки толкованию означает нарушение закона (иного акта). Создание акта толкования осуществляется с учетом действия всех процедур правотворческого процесса. Ослаблению стремления протолковать ту или иную норму в угоду политической конъюнктуре способствует не только введение квалифицированного большинства голосов для принятия акта толкования Конституции, но и привлечение к этому процессу другой ветви власти – исполнительной. Решить это удается, если акты толкования Конституции и законов принимаются в форме законов, а не постановлений. В отличие от нормативного толкования, которое неотделимо от толкуемой нормы, казуальное толкование осуществляется при применении нормы П., разрешении конкретного дела. Следует иметь в виду, что казуальное толкование не сводится только к прямым разъяснениям и может быть сделано в скрытом виде, например, в решении суда. Наряду с аутентичным толкованием Конституции Парламентом у Конституционного Суда есть П. на правоприменительное толкование. При возникновении коллизий между актами о толковании Конституции, принимаемыми Парламентом и Конституционным Судом, приоритет должно иметь решение Конституционного Суда. Конституционный Суд проверяет конституционность всех актов, в том числе это относится и к актам о толковании Конституции и даже законов о внесении в нее изменений. Конституция не допускает заключения противоречащих ей международных договоров.

Наиболее значительной по объему группой законодательных актов являются обыкновенные законы. Они чаще всего регулируют отдельные виды общественных отношений, реже носят комплексный характер, вбирая в себя нормы, относящиеся к различным сферам общественной жизни. Обычные законы принимаются парламентом простым большинством голосов избранных депутатов. Закон определяется как нормативный акт, регулирующий важнейшие общественные отношения, принимаемый в установленном порядке высшим органом государственной власти или путем референдума и обладающий высшей юридической силой. Закон рассматривается также как акт государственной власти, содержащий правовые нормы общего характера, а закон в формальном смысле охватывает любые акты, изданные законодательным органом безотносительно к характеру содержащихся в них норм. Иногда закон определяют более упрощенно, – как то, что проголосовано парламентом. Однако нередко к законам могут относить и акты исполнительной власти. Часто декреты Президента, Правительства обладают той же силой, что и законы Парламента. Необходимо проводить различие между законами и постановлениями Парламента.

Возможна классификация законов по различным основаниям. По мнению некоторых авторов законы можно подразделять на органические, планово-бюджетные и обыкновенные законы. Безусловно, на классификацию оказывает влияние существующая в государстве правовая система. Так, во Франции особую группу составляют программные законы.

Наряду с правовыми обычаями и нормативно-правовыми актами к источникам П. относят судебный и административный прецеденты. Сущность прецедента (судебного, административного) состоит в том, что ранее принятое решение суда (иного уполномоченного на то органа) в связи с рассмотрением конкретного вопроса является правовой основой для последующего разрешения аналогичных дел. Родиной прецедентного П. является Англия. Судебный прецедент является более распространенной формой П., нежели административный прецедент. В странах, где он признается в качестве источника П., по существу суды занимаются правотворческой деятельностью. В этом отношении весьма показательно и выражение: закон – это то, что о нем говорят суды. П. по своему внутреннему строению является сложной системой, имеющей относительно самостоятельные элементы (отрасли,

правовые институты). Основным элементом является отрасль П., как совокупность правовых норм, регулирующих самостоятельный вид общественных отношений. Отрасли П. различаются друг от друга как по предмету, так и методу регулирования общественных отношений. Исходя из этого можно назвать конституционное, административное, финансовое, гражданское, жилищное, природоресурсовое, трудовое, семейное, гражданско-процессуальное, уголовное, уголовно-процессуальное, исправительно-трудовое П. и др.

Г.А. Василевич

ПРАКСЕОЛОГИЯ (греч. praxis – действие) – философская концепция деятельности, имеющая в настоящее время статус программно-концептуального проекта; проект П. как специальной научной дисциплины, презентирующей общую теорию организации деятельности, предложен Котарбиньским (**см.**).

Программа П. была призвана синтезировать идущие от нужд практической деятельности разработки в области (научной) организации труда, интерпретируя в своем содержании их общие схемы и принципы, разработанные в методологии и логике науки. Проект изначально мыслился как носящий метатеоретический и методологический характер, как общая "грамматика действия", упорядочивающая праксеологические отношения (по аналогии с общей грамматикой языка). Он предполагал три соотносимых уровня анализа: 1) типологии действий и построения системы категорий (понятий), 2) разработки эффективных нормативных систем действия, позволяющих погружать рассматриваемую проблематику в конкретно-исторические социокультурные контексты, 3) критику истории развития человеческих действий с точки зрения их технических достоинств и критику методов, применяющихся в этих действиях в настоящее время.

Центральное понятие П. – понятие метода, что способствует превращению ее самой в общую методологию. Котарбиньский неоднократно предпринимал попытки придать П. дисциплинарный статус – прежде всего в "Трактате о хорошей работе" (первое издание – 1955, второе (с которого сделано большинство переводов) – 1958; первая версия работы погибла во время Варшавского восстания 1944), однако основное влияние на современное социально-философское знание П. оказала, скорее, своими теоретико-методологическими посылками, восприятием ее как особой области внефилософских междисциплинарных анализов. Показательно, что попытки дисциплинарной разработки П. привели к оригинальной концепции теории организации и управления Я. Зеленевского, но сняли ряд методологических проблем, заложенных в ее первоначальный проект основателем П. (аналогичные последствия имели попытки ее переистолкования с позиций кибернетики). К вопросам П. Котарбиньский обращался и в ряде других своих работ: "Очерки о практике" (1913); "Понятие внешней возможности действия" (1923); "Об отношении возможности действия" (1923); "Об отношении виновности" (1925); "Действие" (1934); "Из проблем общей теории борьбы" (1938); "О сущности и задачах общей методологии" (1938); "Принципы рациональной организации деятельности" (1946); "Праксеология" (1947) и др. С пропагандой и развитием идей П. во многом связан весь последний (послевоенный) период творчества Котарбиньского. Свою теорию он мыслил как синтез накопленных в истории знания праксеологических идей (будучи известным историком философии и логики, он сам же дал и развернутый анализ некоторых из них). Среди работ по организации труда, легших в основание П., Котарбиньский называл прежде всего идеи и работы Ф.У. Тейлора, Г. Форда, А. Файоля, С. Томпсона, Ж. Гостеле и др. Ссылался он и на польскую традицию "философии действия", прослеживаемую с середины 19 в.

Основными философскими основаниями П. являются, по Котарбиньскому, прагматизм (в том числе и в версии инструментализма), "второй" позитивизм (прежде всего концепция всеобщей организационной науки – тектологии (**см.**) – Богданова – **см.**), марксизм (**см.**); праксеологом Котарбиньский считал и Дж.Г. Мида (**см.**), но отмечал, что мало знаком с его концепцией. Что касается марксизма, то его влияние на П., как и на все творчество Котарбиньского, – двойственно. Несомненно, марксизм импонировал ему акцентированием действенной, преобразующей позиции по отношению к действительности, из марксизма в П. была заимствована сама идея практического отношения к миру, но протрактована она была, скорее, в неомарксистском ключе. В этом отношении важно заметить, что среди праксеологических теорий Котарбиньский называет концепцию структуры событий Г. Петровича – одного из основных авторов югославского журнала "Праксис", разрабатывавшего собственную версию неомарксизма (**см.**). Кроме того, в условиях послевоенной Польши такая переинтерпретация идей Маркса в целом оппонировала его упрощенным практикуемым формам. Однако при всем многообразии возможных источников и параллелей праксеологических идей основополагающими для становления П. стали интенции философской и логической доктрины самого Котарбиньского (в частности, стремление смягчить номиналистическую ориентацию его концепции реизма).

П. как общая методология рассматривает способы деятельности (в том числе и мыслительной) с точки зрения их практических свойств, т.е. в смысле их эффективности. Для того, чтобы быть эффективной, деятельность должна являться результативной, продуктивной или плодотворной (т.е. достигать поставленной цели), "правильной" (точной, адекватной, т.е. максимально приближаться к задаваемому образцу – норме), "чистой" (т.е. максимально избегать не предусмотренных последствий и ненужных добавочных включений), "надежной" (приемы деятельности тем более надежны, чем больше объективная возможность достижения этими приемами намеченного результата) и последовательной. Фактически, основной критерий практической "успешности" действия – его целесообразность. Трактовка Котарбиньского оказывается, таким образом, близкой стратегии целерационального действия М. Вебера (**см.**), однако, по Котарбиньскому, действие может быть оценено и как безразличное с точки зрения определенной цели, т.е. как нецелесообразное, но не как противоцелесообразное. Отсюда – акцентирование среди аспектов эффективности действия его "правильности" ("неправильно-

сти"), подлежащей закреплению в вырабатываемых и закрепляемых в П. нормах, позволяющих согласовать плюральность реальных образцов деятелей с идеальным образцом (накапливаемого обыденного опыта и сознательно избираемых стратегий).

В целом, согласно Котарбиньскому, действие тем более рационально, чем лучше оно приспособлено ко всей сумме наличных обстоятельств. Однако это рациональность в вещественном смысле. Рациональность же должна быть понята и в методологическом смысле, который "мы имеем в виду тогда, когда признаем благоразумным или рациональным поведение данного индивидума, если он поступает соответственно имеющимся у него знаниям, а под имеющимися знаниями мы здесь понимаем сумму всех тех информаций, которым, учитывая способ их обоснования, этот индивидуум должен приписать достаточную правдоподобность, чтобы поступить так, будто они были истинными (во всяком случае до тех пор, пока не будет обосновано обратное)". Иррационализм поступка в вещественном смысле прямо связан с характером привлекаемого для его осуществления знания (часто недостаточного для реализации какой-либо цели). Однако имеют место и парадоксальные случаи рациональной практической ошибки (которая суть производство импульса, не соответствующего цели, в крайнем случае – противоцелесообразного), равно как и случаи успешности действия вопреки его иррациональности (связанной с теоретической ошибкой, или ошибкой мышления – принятием ошибочного суждения). Отсюда требования "надежности" и последовательности, тесно связанные с оценками осторожности, смелости и рискованности поступка.

В этой связи Котарбиньский вводит еще два важнейших для П. концепта: "виновник действия" и "техника борьбы". "Виновник" – тот, кто вызвал воздействие, существенное и достаточное среди условий для данного изменения (иначе – тот и только тот, чье произвольное действие является причиной данного события). В этом смысле человек суть "виновник" не только преднамеренных следствий, но также и тех, которые он вызвал, не желая этого (но никогда не бывает "виновника" без произвольности – а не необходимости – самого действия). Однако в социальной жизни часто "виновником" одного и того же события является более, чем одно лицо. В этих случаях "умышленное действие каждого из них является существенной составной частью достаточного условия этого события". При этом возможно два типа взаимодействия (кооперации) людей: положительная (сотрудничество) и отрицательная (борьба); более универсален второй тип взаимодействия. Борьба – это "любое действие с участием по крайней мере двух субъектов (исходя из предпосылки, что и коллектив может быть субъектом), где по крайней мере один из субъектов препятствует другому". Ее бо́льшая "универсальность" связана с тем, что вынуждает учитывать действия "другой" стороны, т.е. включать в свою стратегию элементы сотрудничества, с одной стороны, и активизировать собственный творческий потенциал – с другой. Котарбиньский предлагал даже проект разработки особой теории отрицательной кооперации – агонологию (греч. – "взаимная борьба").

Особенно важна в общем контексте проблематики П. актуализация творческого (инновационного) потенциала деятелей, т.к. в результате снимаются существовавшие ранее ограничения на конкретные (слишком рискованные до этого) действия и расширяется поле возможности субъектов, а в случае "борьбы" к инновационному преодолению "трудностей" принуждает сама ситуация взаимодействия. Однако движение в этом направлении приводит к "парадоксам прогресса". Нарастают требования к инструментальному и интеллектуальному оснащению действия, оно качественно усложняется и требует все более глубокого анализа отношений "виновности" для своей эффективной реализации. Теперь уже культура, вобравшая в себя предшествующие достижения, начинает продуцировать принудительные ситуации (и соответственно социальная активность все больше превращается в культурную активность). "Вес культуры возрастает вместе с накоплением ее элементов. Все больше приходится учиться, все больше нужно запоминать, чтобы быть на ее уровне, а тем более, если возникает желание продвинуться в этой области". Этот феномен Котарбиньский называет "инициативной препарацией". Деятельность по систематическому усвоению уже накопленного дает преимущество перед творческим усилием, если последнее пренебрегает инициативной препарацией. "Груз" культурного наследия одновременно затрудняет "овладение целым", – отсюда главное требование прогресса в современном обществе: "освобождаться от потерявших значение элементов культуры". Еще одна возникающая по мере "инновационного накопления" проблема – рост опосредующих инструментальных действий, не позволяющих непосредственно достигать формулируемых целей и требующих сложного кооперирования систем действий внутри все более расширяющегося социального целого. Тотальность начинает довлеть над индивидуальностью, возвращая ее к выполнению специализированной частичной (пусть и на качественно ином уровне, чем это было, например, при конвейерной форме организации труда) функции. Соответственно возникает "проблема границ специализации, оптимум которой не обязательно равен максимализму", и поиска новых технологий работы со знанием, новых механизмов его структурирования для рационализации действий в методологическом смысле слова (в этом контексте Котарбиньский дает развернутые анализы целого ряда таких технологий: активизации, автономизации, инструментализации, антиципации, интеграции, имманентизации, программатизации и т.д.). Таким образом, круг проблем, поднимаемых Котарбиньским в связи с обсуждением проекта П., далеко выходит за рамки ее как возможной дисциплины, затрагивая основополагающие темы постнеклассической науки и методологии как особого типа знания.

В.Л. Абушенко

"ПРАКСИС" ("Praxis") – философский журнал, издававшийся в Загребе (СФРЮ) с 1964 по 1975. Объединял вокруг себя сторонников "гуманистической" интерпретации марксизма не только из числа югославских философов (М. Маркович, Г. Петрович, С. Стоянович и др.), но и из других социалистических и капиталистических стран (К. Косик, Блох, Гароди, Ф. Марек, Э. Фишер и др.). Предистория "П." началась за несколько лет до его создания с широких философских и социологических дискуссий, в которых выявилась конфронтация между теми, кто оставался на прежних позициях и теми, кто более или менее радикально отбрасывал не только традиционалистскую, сталинскую концепцию диалектического материализма, но и сталинский дух и

способ понимания философии как таковой. Наиболее острый спор разгорелся вокруг теории отражения на симпозиуме в Бледе (ноябрь 1960). Защитники теории отражения и традиционного понимания диалектического материализма остались в меньшинстве, тогда как большая часть философов взяла ориентацию на новые проблемы и новое понимание традиционных философских вопросов. Группа, которая делала главный акцент на историческом, гуманистическом и критическом характере марксизма, основала позже "Корчуланскую летнюю школу" (1963) и журнал "П.", которые собрали вокруг себя большинство философов и социологов СФРЮ. "Корчуланская летняя школа", ежегодные летние заседания которой проходили на острове Корчула, расположенном в Адриатическом море, вскоре привлекла многих видных, оппозиционно настроенных по отношению к традиционному марксизму мыслителей мира и стала местом свободного обмена мнений по крупнейшим проблемам современности. Хотя у сторонников "П." существовали значительные разногласия в понимании отдельных частных вопросов, а также в трактовке крупных философских проблем, их общие ориентации можно было бы сформулировать следующим образом: человек является "существом практики", т.е. существом, способным к свободной творческой деятельности, при помощи которой он изменяет мир, реализует свои специфические потенциальные способности и удовлетворяет других индивидов. Исторические условия могут тормозить этот процесс самореализации человека и противодействовать ему. Основной целью критического изучения, следовательно, является открытие внутренних существенных ограничений таких исторических институтов, как государство, рынок, партия, и определение практических этапов, которые приведут к уничтожению этих ограничений. Революция не должна сводится к захвату политической власти, но должна быть понята как радикальные изменения человеческих отношений. Исходя из этих позиций, представители "П." особое внимание уделяли критике бюрократически-этатистских структур, которые проявились в тогдашнем развитии социализма и которые, по их мнению, лишь порождали новые формы отчуждения. Радикально критикуя деформации социализма, группа "П." с течением времени превратилась в интеллектуальную оппозицию существующей власти. В начале 1975 восемь профессоров философского факультета Белградского университета, активно сотрудничавших с "П." были исключены из его стен "за подрывную деятельность", весной же 1975 был закрыт и сам "П.".

Ю.С. Шипкарь

ПРАКТИКА – категория, которая может быть отнесена ко всей сфере человеческой деятельности и мышления, но обычно ее употребление конкретизируется через категориальные оппозиции: а) поэзия и П.: П. в платонизме характеризовала человеческую деятельность, детерминированную содержанием, понимаемым как благо, красота или польза, в отличие от поэзии, детерминированной формой; б) теория и П.: в такой оппозиции противопоставляется созерцательное отношение к действительности, деятельность наблюдателя, стремящегося исключить все субъективное, присущее наблюдателю из описания созерцаемого или познаваемого объекта, с одной стороны, и активное отношение, включенность, субъективную заинтересованность в деятельности и ее результатах, с другой стороны; в) опыт (эмпирия) и П.: эта категориальная пара характеризуется посредством отношения своих членов к теории (в опыте теория проверяется, верифицируется или фальсифицируется, а в П. – используется и употребляется для достижения целей, не связанных с теорией и познанием).

Практическая сфера, по И. Канту, базируется на понятии свободы, которая выступает основанием для предписаний и регулятивов деятельности. Поскольку свобода фундирует предписания и регулятивы деятельности, постольку последние и становятся практическими или этическими. В традиции Просвещения П. связывалась со здравым смыслом и рассудком (Т. Рид, А. Смит). Своеобразной практической проверкой теорий и философских спекуляций на тему П. стала Великая французская революция, которая в дальнейшем стала рефлексироваться как явление общественно-политической П., в первую очередь, в марксизме (см.). Кроме того, в этот период произошло объединение в педагогике и образовании теоретической науки и технического отношения к природе (К. Монж), что дало начало высшему инженерному образованию и инженерии как новой П. 19-20 вв.

Особое место занимает П. в философии марксизма. В "Тезисах о Фейербахе" Маркс (см.) объявляет непрактичность предшествующей философии ошибкой и формулирует философскую задачу для себя – рассматривать мир как чувственно-субъективную человеческую деятельность и преобразовывать его. Объект в таком контексте понимался "как деятельность, как практика, субъективно". В дальнейшем сложилась марксистская формула – "от непосредственного созерцания к абстрактному мышлению, а от него к П.", и представление о П. как о критерии истины. Трактовка П. как критерия истины представляла собой радикальную смену методологических принципов и установок. Предшествующая философия знала несколько критериев истины: логическая непротиворечивость, божественное откровение и опыт. Каждый из этих критериев характеризовался непредвзятостью и ненамеренностью (незлонамеренностью), тогда как П., с ее откровенной предвзятостью, в силу неотделимости П. от представлений о добре и зле, в силу принадлежности к сфере желания и воли, всегда рассматривалась как нечто, не связанное с истиной. Практичное не значит истинное, истинное не обязательно практично. Принятие П. как критерия истины требовало полного пересмотра гносеологических, этических и методологических парадигм. Марксизм оказался бессильным перед лицом этих задач. В гносеологии марксизма была вульгаризирована формула – "от непосредственного созерцания к абстрактному мышлению, а от него к П.", через отождествление П. и эмпирики. В диалектическом материализме (см.), который усвоил от позитивизма культ научности, исходная формула понималась как "от созерцания к мышлению, а потом опять к созерцанию, но уже в виде научного эксперимента". Вместо трехуровневой схемы: чувственный опыт, мышление, П., рассматривалась двухуровневая: опыт – мышление. Все развитие сводилось к переходу от чувственного опыта к научно организованному опыту – эксперименту.

Вульгаризация категории П. в этике привела к формулировке такого понятия, как классовая мораль, и к нравственному релятивизму. Если критерий истины – П., а сама П. предвзята, т.е. не может не ориентироваться на полезность, добро, или кантовскую свободу, то истинно то, что полезно, что приносит добро, что дает свободу. А поскольку нет и не может быть единого понимания полезности, добра и свободы, то истина определяется тем субъектом практической деятельности, который эту деятельность осуществляет – классом, или партией этого класса, или лидером этой партии. Кантовский практический разум был защищен против такого парадокса категорическим императивом. Марксизм же снимал ограничения априорных форм, поэтому разум становился произвольным, воля определялась социальными условиями и "классовым сознанием". П. как критерий истины добавляет к логической и эмпирической истинности правовые и этические аспекты. См. также: **Праксеология**.

В.В. Мацкевич

ПРЕДИКТОР – см. **ПЕРЕМЕННАЯ НЕЗАВИСИМАЯ.**

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ – это основной субъект предпринимательской активности, стремящийся к максимизации своей прибыли за счет сознательного повышения экономического риска, связанного с вложением в дело собственных средств и принятием на себя имущественной ответственности за результаты хозяйственной деятельности. Один из первых исследователей, обобщивших опыт развития предпринимательства (**см.**), Й. Шумпетер (**см.**) характеризовал П. прежде всего как новатора, который реформирует и революционизирует производство путем внедрения изобретений, использования инновационных технологий для производства новых товаров или выпуска прежних товаров иными способами.

В постсоветских государствах смысловое содержание понятия "П." несколько расширилось: П. стали называть любого делового человека, который осуществляет хозяйственную деятельность в негосударственном секторе экономики. Вместе с тем неизменно высокой остается оценка роли П. в общественном развитии, которая в концентрированном виде состоит в постоянном "возмущении" общественного производства, предохраняющем последнее от "застоя". Преследуя в процессе своей хозяйственной деятельности собственные экономические интересы, П., в результате, заставляют эволюционировать всю макроэкономическую систему.

В настоящее время общепризнано, что успешное осуществление предпринимательской деятельности наряду с объективными условиями, определяемыми структурами государственного и общественного управления, связано с наличием у П. таких субъективных характеристик, как: инновационный образ мышления, уверенность в себе и своих силах, целеустремленность, работоспособность, оптимизм, способность к быстрому обучению и переобучению и др. Невысокая вероятность индивидуального обладания достаточно полным набором описанных черт обусловливает тот факт, что способностью к предпринимательской деятельности наделены лишь 5-8% трудоспособного населения. Фактическая ограниченность социального слоя П. на фоне высокой значимости выполняемой или общественной роли обусловливает необходимость выработки на уровне государства экономико-правовых условий, способствующих легальному раскрытию производственного, организационно-управленческого и инновационного потенциала этой группы хозяйствующих субъектов во имя наиболее полного удовлетворения общественных потребностей.

Реализация этой задачи связана с органичным согласованием частных интересов П. с интересами общества в целом в контексте непротиворечивого функционирования выработанных субъектами управления социальных механизмов регулирования экономических процессов и объективных законов общественного развития.

О.В. Кобяк

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ представляет собой упорядоченную совокупность осознанных, социально и личностно значимых действий предпринимателя (**см.**), отражающих используемые данным хозяйствующим субъектом принципы отбора экономических альтернатив. Отдельные действия предпринимателя могут быть самыми разнообразными, но вместе с тем их объединяет нечто особенное. Эта специфика замечается внешним социальным окружением, выделяется и становится характеристикой как П.П., так и самого хозяйствующего субъекта. Например, когда о предпринимателе говорят, что на него можно положиться, это означает, что он совершил множество действий, в которых был верен заключенным договорам, выполнял свои обязательства и доводил до конца начатое дело. Таким образом, характеристика действий предпринимателя становится характеристикой его поведения, которая, в свою очередь, распространяется на внутренний мир хозяйствующего субъекта. П.П. соотносится с предпринимательской деятельностью как особенное с общим. Все, что характеризует деятельность, распространяется как общее на поведение, а поведение, будучи особенным, вносит в деятельность собственное разнообразие, так или иначе влияя на ее результат. Понятие "П.П." отличается от понятия "действие предпринимателя" повторяющейся особенностью и целостностью, которые предполагают единство духовного, социального и биологического в каждом хозяйствующем субъекте. Нарушение этого единства порождает внутренний конфликт как несоответствие личностного общественному (проблема возможностей) или личностного индивидуальному (проблема средств). Пути выхода из сложившейся конфликтной ситуации связаны в первом случае – со сменой макрохозяйственной системы, в которой предприниматель осуществляет свою деятельность, во втором – с целенаправленным повышением собственного потенциала (финансового, образовательного, физического).

П.П. является, как правило, активным типом экономического поведения с выраженными компонентами инновационного поведения. В социологии критериями выделения того или иного вида П.П. являются степени его соответствия различным общественным нормам (профессиональным, правовым, моральным и т.д.), причем адекватная социальная оцен-

ка конкретного П.П. возможна на основе сравнительного анализа результатов его классификации по разным основаниям. Например, П.П. главного героя художественного к/ф "Берегись автомобиля!" Юрия Деточкина было абсолютно противозаконным и вместе с тем высокопрофессиональным, социально ответственным и весьма моральным.

В целом же эффективность П.П. для его носителя определяется результативностью совершенных предпринимателем действий по реализации предпринимательской идеи в процессе достижения предпринимательского успеха. Что касается социальной эффективности П.П., то она определяется вкладом конкретного вида поведения в расширение спектра возможностей для развития человеческого потенциала в рамках данного сообщества.

О.В. Кобяк

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО – форма проявления общественных отношений, возникающих в результате инициативной деятельности индивидуальных или коллективных хозяйствующих субъектов в сферах производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ, нацеленной, как правило, на получение прибыли (дохода) и осуществляемой от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность.

Признанные исследователи феномена П. – Дж.С. Милль, А. Маршалл, Й. Шумпетер, Ж.Б. Сэй и др. – полагали, что специфика этого явления, в отличие от хозяйственной деятельности как таковой, состоит в осуществлении новых комбинаций факторов производства и обращения. Логически завершенную версию этого подхода отражает позиция фон Хайека (**см.**), который рассматривал П. как деятельность своеобразного типа хозяйственника – предпринимателя (**см.**), для которого главное – анализ и использование различных возможностей для выпуска новых товаров, открытие альтернативных источников сырья, рынков сбыта, новых способов организации производства и т.д. Таким образом, предпринимательское поведение (**см.**) представляется в той или иной мере инновационным поведением социальных субъектов в сфере производства широкого спектра благ и последующего оперирования ими.

В зависимости от уровня субъекта, посредством активности которого осуществляется предпринимательская деятельность, различают государственное П. и частное П. Первое представляет собой форму воздействия государства на развитие частной инициативы, а также включает предпринимательскую деятельность государственных хозяйствующих субъектов. Второе является самодеятельной активностью индивидуальных и коллективных хозяйствующих субъектов негосударственной формы собственности. Оба типа П. выполняют в обществе особые функции, а способ их взаимодействия во многом определяет производственную структуру макрохозяйственной системы.

Еще в 1920-е А. Пигу пришел к выводу, что прямое вмешательство правительства в деятельность предприятий, нацеливание их на производство остро необходимых обществу благ целесообразно только в экстремальных условиях (напр., в состоянии войны), когда хозяйственные издержки от грубого государственного вмешательства не принимаются в расчет. Когда же общество выходит из кризисной ситуации, на первый план выходит задача поддержания оптимальной структуры производства, которая достигается посредством ограничения государственного предпринимательства и усиления частной деловой активности. Отмеченная закономерность предпочтительности частной инициативы для поддержания оптимальной структуры производства при общей регулирующей роли государства сохранилась и к началу 21 в.

Исследования Всемирного банка в 76 странах мира показали, что при минимальных размерах государственного П. (если государственные предприятия производят менее 7% ВВП) темпы экономического роста достигают максимальных значений, и напротив – с увеличением масштабов государственного П. темпы экономического роста падают. Сущность данной закономерности кроется в более низкой эффективности государственных предприятий по сравнению с частными, что было выявлено в ходе ряда международных и отечественных социально-экономических исследований.

В Республике Беларусь со второй половины 1980-х П. прошло в своем развитии три основных этапа: 1) кооперативное П. (1988-1991), при котором основным источником предпринимательских доходов было использование разницы между государственными и свободными ценами; 2) П. в условиях свободного ценообразования (1992-1995), когда происходил бурный рост предпринимательской активности, а сами предприниматели начали осознавать себя как социальный слой со своими экономическими интересами; 3) П. в условиях централизованного государственного регулирования (с 1996 по настоящее время). На данном этапе осуществление масштабной предпринимательской деятельности в Беларуси возможно лишь при непосредственной патерналистской поддержке органов государственного управления. Однако в изначально рыночной предпринимательской сфере возможности использования административно-командных методов управления ограничены, поэтому в основу регулирования предпринимательского поведения целесообразно закладывать предварительно адаптированные экономические методы управления. При этом эффективность государственной политики в сфере П. определяется органичностью согласования экономических интересов предпринимателей с общенациональными интересами.

О.В. Кобяк

ПРЕДПРИЯТИЕ – самостоятельный хозяйствующий субъект, который выпускает и (или) реализует продукцию либо оказывает услуги. С экономической точки зрения П. является первичным производственным звеном, с правовой – представляет собой неделимое юридическое лицо, с социальной – выступает, как правило, в качестве коллективного хозяйствующего субъекта – трудового коллектива. Это обусловливает рассмотрение П. в качестве целостного субъекта хозяйственных связей и отношений.

В условиях рыночной экономики основной целью П. является прибыль, которую оно получает в результате производства и (или) реализации различных благ и направляет на удовлетворение интересов членов трудового коллектива и собственника имущества П. Выпуск продукции осуществляется за счет использования трудовым коллективом П. средств производства, включающих предметы труда, на которые на-

правлен труд работников, и средства труда – машины, станки, приборы и т. д. Реализация производимых благ связана с созданием собственной торговой сети и (или) кооперацией с торгово-посредническими предприятиями. Механизм согласования интересов работников П. с интересами собственника и, соответственно, способ удовлетворения этих интересов зависит от хозяйственно-правовой формы П., которая определяется, в первую очередь, его формой собственности. Различают П., основанные на государственной, коллективной, частной, совместной и смешанной формах собственности. Коллективная форма собственности отличается наибольшим спектром хозяйственно-правовых форм П., среди которых: хозяйственные общества (акционерные, с ограниченной ответственностью, с дополнительной ответственностью); хозяйственные товарищества; кооперативы и др. Распространенность П. коллективной формы собственности, имущество которых формируется за счет вкладов нескольких физических или юридических лиц, обусловлена относительной ограниченностью финансовых ресурсов отдельных индивидуальных собственников в сравнении с растущими потребностями производства.

Основными функциями П. являются: производственно-экономическая, связанная с изготовлением продукции, выполнением работ, услуг, которые составляют материальную основу жизнедеятельности людей и определяют уровень экономического благосостояния общества; структурообразующая, которая связана с определяющей ролью П. в формировании и развитии экономической системы государства, его производственно-финансовой инфраструктуры; координирующая, связанная с тем, что П. являются важными компонентами механизма общественной координации, обеспечивая в русле действия социально-экономического закона разделения труда, взаимодействие субъектов производства, стремящихся к реализации своих экономических интересов; социально-интегрирующая, обусловленная тем, что основу П. составляет человек или, чаще, трудовой коллектив, в котором работник реализует свой умственный и физический потенциал, развивает себя как личность, вносит вклад в общественное производство, осознает сопричастность к делам общества.

На индустриальном этапе развития социально-экономической системы наибольшую роль в ее функционировании играют промышленные П., занятые добычей, заготовкой сырья и переработкой его в готовую продукцию. Эти П. составляют самостоятельную отрасль материального производства – промышленность. Кроме промышленности, к отраслям материального производства относят сельское, лесное хозяйство, грузовой транспорт, связь, общественное питание и некоторые другие отрасли.

В Республике Беларусь, по состоянию на 2000, было зарегистрировано 2427 промышленных П., совокупная численность промышленно-производственного персонала (ППП) которых составила 1150 тыс. человек. Для сравнения, в 1990 в республике функционировали 1522 предприятия промышленности, на которых были заняты 1537 тыс. человек. Падение общей численности ППП при возрастании количества промышленных П. отражает процессы разукрупнения структуры промышленности и постепенного перелива рабочей силы в другие отрасли, в том числе нематериального производства.

О.В. Кобяк

ПРЕДПРИЯТИЯ КУЛЬТУРА ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ – особый способ выработки и реализации решений относительно использования внутренних и внешних ресурсов, который складывается на предприятии под влиянием объективных (отраслевая принадлежность, форма собственности и др.) и субъективных (социально-психологический микроклимат в коллективе, стиль руководства и т.д.) факторов. Производство необходимых обществу благ в условиях рыночной экономики связано с проблемой рационального использования ресурсов. Процесс принятия решений по использованию ограниченных ресурсов внутри предприятий определяется термином "хозяйствование" и составляет предмет исследования теории экономики предприятия (1). Результаты социально-экономических исследований производственной сферы (2), в ряде из которых автор принимал участие, свидетельствуют о том, что на каждом предприятии складывается своя система принципов использования необходимых ресурсов, т.е. формируется специфическая *культура хозяйствования* (3).

Опыт проведенных исследований показал, что в настоящее время в отечественной экономике сложились два основных типа культуры хозяйствования предприятий. *Первый тип* характерен для так называемых "советских" предприятий, созданных до распада Советского Союза. Предприятия данной группы прошли в своем развитии несколько этапов: 1) период становления и развития в условиях планово-административной экономики, когда степень экономической свободы, а соответственно и хозяйственные риски предприятий были минимальными; 2) "перестройку", когда государственные экономические надсистемы в русле новой идеологии ориентировали предприятия на внедрение, преимущественно, организационных инноваций; 3) период социально-экономического кризиса первой половины 1990-х; 4) стабилизация положения в новых экономических условиях. Культура хозяйствования "советских" предприятий, впитав в себя опыт всех перечисленных этапов, сохранила основные дореформенные характеристики, адаптировав их к новым условиям хозяйствования.

Вновь созданные – "постсоветские" – предприятия прошли в своем развитии две основные стадии: 1) период становления, когда молодые предприятия формировали свою нишу и боролись за "место под солнцем", апробируя различные производственные и организационные способы хозяйствования; 2) этап оформления организационно-производственной структуры и интеграции в экономическую сферу общества. Предприятия этой группы, конкурируя с "советскими" предприятиями и друг с другом, были вынуждены форсировать развитие, прежде всего таких качеств культуры хозяйствования, как рыночность и рациональность (с целью минимизации ошибок в выборе стратегии), а также учиться "трудоэкономности" (с целью снижения производственных издержек).

В рамках *второго* рассматриваемого типа культуры хозяйствования, характерного для "постсоветских" предприятий, выделяются два вида культуры.

Первый вид характерен для предприятий, созданных инициативными работниками бывших советских предприятий на основе привлечения в новый коллектив своих бывших сотрудников. Это путь выделения и "автономизации" субкультуры хозяйствования, которая является модернизированным и адаптированным к новым условиям видом, порожден-

ным в результате форсированного выполнения культурой селекционной и инновационной функций.

Второй вид культуры характерен для "постсоветских" предприятий, созданных "с нуля". Для них в большей степени характерно заимствование западных образцов организационных и производственных структур, а также принципов их функционирования, которые в процессе работы адаптируются к отечественным особенностям хозяйствования.

Сравнительный анализ основных типов культур хозяйствования предприятий показал, что их общими содержательными доминантами, являющимися "проекцией краеугольных камней" отечественной культуры в целом на сферу общественного производства, являются: авторитарность, неформальность, замкнутость. Очевидно, эти компоненты имеют глубинную природу и слабо подвержены изменениям даже в условиях значительных социально-экономических трансформаций. Вместе с тем выявлены элементы культуры хозяйствования, в той или иной степени поддающиеся регулятивному воздействию. Их содержательные характеристики варьируют в диапазонах: "технократичность – рыночность", "интуитивность – рациональность", "трудозатратность – трудоэкономность", смещаясь в область "рыночно-рационального" спектра.

Данные процессы в постсоветской экономике обусловлены прежде всего возрождением действия закона конкуренции, который в "советский" период был редуцирован до своего частного проявления – закона социалистического соревнования (4).

Вполне закономерным представляется то, что "рыночные" элементы культуры хозяйствования, в наибольшей степени характерны для "постсоветских" предприятий, непродолжительная, но бурная история которых – это история конкурентной борьбы. По всей видимости, в случае дальнейшего поступательного развития постсоветской макроэкономической системы по пути эволюционных инноваций произойдет "диффузия" двух типов культуры хозяйствования в один – "рыночный", позволяющий формировать эффективные программы индивидуального развития предприятий всех отраслей и форм собственности в русле действия объективных социально-экономических законов.

О.В. Кобяк

ПРЕДПРИЯТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА – система норм, правил и образцов поведения коллективного хозяйствующего субъекта, которая играет роль социального механизма регуляции его экономической деятельности. Данный механизм обеспечивает трансформацию объективно сложившейся стратегии экономического развития макросистемы, в структуре которой функционирует предприятие, в тактику его конкретных практических действий. При этом предполагается, что вырабатываемая хозяйствующим субъектом тактика формируется на основе преимущественно рационального выбора экономических альтернатив, способствующих в своей совокупности сохранению и развитию предприятия в целом.

Основой социального механизма П.Э.К. является способ организации в единую систему его технической, экономической и социальной подсистем. Техническая подсистема объединяет два компонента: вещественно-технический (орудия труда, строения, сырье и технологические процессы) и социально-организационный (инженерное, конструкторское и технологическое обеспечение производства). Органическое взаимодействие названных компонентов составляет базу функционирования и развития технической подсистемы, цель которой – техническое и технологическое обеспечение производства. Экономическая подсистема предприятия состоит из производственно-экономического компонента, включающего производственно-организационные структуры (предприятие – цех – смена – бригада – звено), а также системы обеспечения экономической эффективности производства, и социально-организационного компонента, к которому относятся функциональные действия представителей трудового коллектива по обеспечению работы первого компонента экономической подсистемы. Социально-организационный компонент складывается из профессиональной деятельности различных экономических служб – службы главного экономиста, главного бухгалтера, маркетинга и т. п. Взаимодействие двух компонентов экономической подсистемы призвано обеспечить предприятию экономическую эффективность его хозяйственной деятельности в контексте производственно-экономического развития отрасли и макроэкономической системы в целом. Социальная подсистема предприятия включает как социальные отношения внутри трудового коллектива, так и его отношения с внешней средой в процессе хозяйственной деятельности. Данная подсистема, подвергаясь воздействию материально-вещественных компонентов всей системы предприятия, способна сама оказывать мощное влияние на техническую и экономическую подсистемы.

Социальные, демографические, психологические и др. индивидуальные характеристики работников, преломляясь через их отношения в процессе производственной деятельности, нередко выступают весомым фактором, определяющим специфику взаимодействия составляющих предприятие подсистем. Таким образом, социальная подсистема может оказывать значимое влияние на способ организации всей системы предприятия. В процессе хозяйственной деятельности предприятия вырабатываются определенные специфические правила взаимодействия его подсистем. Эти правила составляют содержание П.Э.К. Последняя выполняет три основные функции по отношению к трансформируемой стратегии развития экономической системы, в структуре которой предприятие осуществляет свою деятельность – *трансляционную*, *селекционную* и *инновационную*.

Если в сфере П.Э.К. преобладают традиционные для хозяйственной среды правила, нормы и ценности, определяющие в своей совокупности принцип взаимодействия подсистем предприятия, то экономическая культура выполняет преимущественно трансляционную функцию. Такой тип культуры определяется как *традиционный*. В том случае, если П.Э.К. не только транслирует, но и отбирает из задаваемых стратегией норм, правил и образцов поведения те, которые в большей степени способствуют выживанию и развитию предприятия, то такая культура может быть названа *селекционной*. Когда же наряду с трансляционной и селекционной функциями П.Э.К. выполняет инновационную, суть которой заключается в самостоятельной выработке или заимствовании из других хозяйственных систем новых правил и образцов поведения, то такой тип экономической культуры называется *инновационным*.

Представленная типология в значительной мере идеальна. На практике целесообразно говорить лишь о преобладании в П.Э.К. черт того или иного типа. Традиционный тип экономической культуры характерен для предприятий, осуществляющих свою хозяйственную деятельность в условиях командно-административной экономики; селекционный тип – для коллективных субъектов, функционирующих в условиях переходной экономики; а инновационный тип экономической культуры – отличительная особенность предприятий, работающих в условиях развитой экономической макросистемы с богатой структурой и вариативными связями, которые обеспечивают хозяйствующему субъекту широту и свободу выбора. Плодотворность рассмотрения экономической культуры коллективного хозяйствующего субъекта с позиции социального механизма заключается в возможности выхода на способы корректировки экономического поведения предприятия посредством воздействия на способ организации его подсистем. Вскрытие закономерностей взаимодействия компонентов системы – необходимое условие выработки рациональной хозяйственной тактики, цель которой – оптимизация использования доступных ресурсов (материальных, энергетических, финансовых, трудовых и т.д.) для достижения максимально возможного экономического эффекта во имя сохранения и развития структуры предприятия.

О.В. Кобяк

ПРИБАВОЧНАЯ РЕПРЕССИЯ (дополнительное подавление) – понятие Маркузе (см.), которым он обозначал социо-исторические компоненты и социо-исторические формы ограничений и дополнительного контроля, налагаемые на людей социальной властью и культурой.

В.И. Овчаренко

ПРИГОЖИН Аркадий Ильич (р. 1940) – российский социолог, специалист в области социологии организаций, индустриальной социологии и социологии катастроф.

Окончил философский факультет МГУ (1965). Доктор философских наук (1987), профессор (1994). Зав. кафедрой социальных проблем и психологии Академии народного хозяйства.

П. начал специализацию по социологии организаций в МГУ под руководством Д.М. Гвишиани (см.). Защитил кандидатскую диссертацию по теме: "Проблема неформальной организации в индустриальной социологии" (1969). Возглавлял секцию по социологии организаций в Советской социологической ассоциации; преподавал основы социологии организаций на социологическом факультете МГУ и прикладную социологию управления в ИПК. В 1992 П. основал Школу консультантов по управлению в структуре Академии народного хозяйства при Правительстве РФ. Президент Ассоциации консультантов по управлению и организационному развитию.

П. – автор более 130 научных работ, в том числе: "Организации: системы и люди" (1989); "Нововведения: стимулы и препятствия" (1989); "Перестройка: переходные процессы и механизмы" (1990); "Современная социология организаций" (1995) и др.

"ПРИЗРАКИ МАРКСА" ("Spectres de Marx") – книга Деррида (см.), опубликованная на французском языке в 1993, переведена на английский и опубликована в США в 1994. Первоначально доклад под таким же названием был прочитан Деррида на конференции в Калифорнийском университете в апреле 1993 ("Whilst Marxism? Global Crises in International Perspective") и посвящен активисту Африканского Национального Конгресса Крису Хани, убитому за несколько дней до начала конференции.

Общая композиция текста представляет собой анализ текстов Маркса (см.) через призму их культурной реализации с несколькими дополнительными направлениями, идущими к марксизму (см.) от У. Шекспира ("Гамлет"), П. Валери ("Кризис разума"), Ф. Фукуямы (см.) ("Конец истории и последний человек"), а также М. Бланшо (см.) ("Три голоса Маркса"). Сквозной темой "П.М.", как свидетельствует само название, является обращение к посмертным судьбам Маркса и созданного им учения, и в связи с Марксом – к проблемам посмертного бытования вообще, к теме жизни и смерти, к тому, что сопровождает смерть в представлениях живущих – к призракам, фантомам, духам. "П.М.", рассматриваемые через призму (предполагаемого) увлечения марксизмом молодого Деррида, вызвали весьма внушительный резонанс в кругах левых интеллектуалов Запада, в особенности в США. Ситуация, в которой появилась эта книга, – время кризиса марксизма в связи с распадом государственных систем, избравших его своей идеологией, – толкуется, как аналогия временам, предшествующим появлению Первого Интернационала, когда все силы старой Европы объединились, по замечанию Маркса в "Манифесте", в попытке противостоять марксизму (соблазн к такому толкованию, кстати сказать, подает сам Деррида, когда говорит о необходимости создания некоторой новой общности интеллектуалов, которую он называет в "П.М." Новым Интернационалом). Толки о возврате Деррида на свои (предполагаемые) прежние позиции, особенно в связи с его посещением Москвы в 1989 и последующей публикацией (1995) по этому поводу дополняются обсуждением двух тем, которые рассматриваются этими авторами как основные в "П.М.", – политики и политического, а также мессианизма. Мессианизм может быть опознан, как один из (по крайней мере, двух) мотивов "П.М.", при условии иного толкования, попытка которого будет предпринята в заключительном фрагменте данной статьи.

"П.М." начинаются примечательной фразой, в которой Деррида сразу же заявляет о важнейшей задаче своего анализа – прояснении взаимоотношений философии и жизни. "Кто-нибудь, вы или я, может произнести сакраментальную фразу: "Я бы хотел, наконец, научиться жизни". Хотя Деррида и не дает отсылки здесь к какому-либо источнику, но из контекста последующего изложения становится очевидно, что это и есть тот вопрос, на который стремится ответить марксизм. Вообще говоря, подобное дидактическое устремление присуще любому философствованию, но, пожалуй, только марксизм, из всех нетеологических философий, сделал это устремление, согласно Деррида, краеугольным камнем всего своего проекта. Странное словосочетание: научиться жизни. Размышляя о

нем, Деррида замечает, что жизнь, по самому определению, в самой основе своей, не есть то, чему можно научиться: жизнь не предполагает самообразования. Если и можно учиться жизни, то у смерти и у другого, т.е., в некоторой пограничной ситуации, внешней (смерть) или внутренней (другой) по отношению к жизни. Оставляя на время тему смерти, Деррида обращается к анализу проблемы, которая, несомненно, является центральной в его новейших работах, – проблеме Другого. Итак, как другой может знать о смерти, точнее, кто тот другой, кто знает? Только тот, отвечает Деррида, кто уже умер – призрак, уже умерший и, значит, не присутствующий в этой жизни другой. Сочетание внешней и внутренней границ жизни и смерти, насколько невероятным это ни покажется, уже давно заявлено в ментальности культуры; это – призрак умершего другого. Проникая в нашу жизнь со стороны смерти, призрак присутствует в ней, не бытийствуя: он здесь, но он не существует. Важно, однако, что это – другой, обнаруживающий себя в каких-то измерениях нашей жизни, являющихся одновременно гранями призрачного (не-) существования. Это мистическое представление отнюдь не склонного к мистицизму Деррида уже давно было предуготовано самой стратегией деконструкции. Коммуникация с призраками представляется возможной для живых, потому что в определенном смысле мы все, живущие, – призраки по отношению к присутствию. Пребывание в фантасмагорическом мире смыслоозначения – мире différance – ставит нас внепространственно-временной метрики реального мира Бытия, вводит в пространство и время призраков. Оборачивание проблемы "Кто где?" некоторым парадоксальным образом сближает нас с призраками, позволяя приложить концептуальные разработки спектрологии (деконструктивистской концепции призраков) к миру человеческого. Но это – дальше, а пока обратимся к миру призраков. Время призраков – всегда-уже-прошедшее-в-проекциях-будущего (спустя несколько страниц Деррида говорит о диахронии времени призраков, даже об ахронии их бытования. Пространство призраков – следы следов присутствия. Направление эволюции – обратное хайдеггеровскому бытию по направлению к смерти, это – смерть, направляющаяся к жизни. Деррида впоследствии уточняет, что речь должна идти о присутствии смерти в жизни человеческой, и призраки являются весьма существенным гарантом и индикатором этого присутствия.

Поскольку речь пока идет о призраках применительно к Марксу, неизбежным предварительным вопросом будет их количество: "Почему "призраки Маркса" во множественном числе?" Деррида предлагает несколько возможных толкований: 1) призраки, преследовавшие Маркса; 2) призраки, порожденные Марксом; 3) призраки самого марксизма (хотя, возможно, Маркс и не должен иметь к ним прямого отношения; Деррида приводит его признание Энгельсу (**см.**) о том, что он не считает себя марксистом в том смысле, который господствовал в Первом Интернационале); 4) масса людей или целое общество, в котором утвердился марксизм и которое, по этой причине, представляет собой скопление призраков; 5) призраки, распространяемые этим обществом по всему миру. Любопытно, что заглавие книги было выбрано независимо от текстов Маркса, и только много позднее Деррида был поражен тем, что он прочел в самом начале "Манифеста" – о призраке коммунизма, который бродит по Европе. Деррида усматривает в этом поразительное сходство "Манифеста" с "Гамлетом", посвященном принцу распадающегося королевства, где речь также идет главным образом о призраках и видениях. Эта "гайстология" или "спектрология", по Деррида, есть непосредственное отражение драматургии Европы, установившейся здесь, как культурный регулятив, начиная с нового времени. Это – драматургия великих объединяющих проектов разума, театральные постановки на сцене жизни. Недаром Маркс, по замечанию Деррида, так любил Шекспира и черпал вдохновение в его безудержной театрализации. П. Валери, рассмотрению текстов которого Деррида посвящает много места в "П.М.", развивает анализ призрака, исходя из которого Деррида обозначает, как он выражается, три вещи, на которые разлагается призрак (не состоит из них, а ведет к ним, распадается в них) – оплакивание, язык и работа. Оплакивание представляет собой, пожалуй, одно из основных понятий поздней деконструкции. Оплакивание есть попытка онтологизировать останки, сделать их присутствующими (важное замечание Деррида в скобках – любая онтологизация, равно как и семантизация, философская ли, герменевтическая или психоаналитическая, всегда уже уловлена в ситуацию оплакивания, обнаруживает себя в ней, хотя и не мыслит об этом, не признается в этом). Язык упомянут здесь Деррида потому, что только язык позволяет говорить о призраках в аспекте их универсальности, доступности индивидуальных перцепций коммуникации с другими. И, наконец, работа, которая поставлена в этот ряд потому, что призрак, как это ни покажется странным, производит массу трансформаций практически во всех ситуациях человеческого существования, трансформаций, неподвластных никому и ничему другому. Здесь Деррида вводит еще одно толкование самого термина "призрак", которое также присутствует в семантике русского языка – "дух" (l'esprit), что близко к разуму, на котором основывается весь проект западной культуры. Еще и по этой причине (а, возможно, прежде всего по этой причине) призраки, духи имманентно присущи этой культуре, инициируют и производят всю интеллектуальную работу в ней. Это замечание Деррида (и он прекрасно отдает себе в этом отчет) вызовет массу возражений со стороны интеллектуалов, теоретиков, наблюдателей, вообще всех тех, кто верит только тому, что видимо, обозреваемо, доказуемо. Обращаясь к данному феномену, Деррида отмечает трудность его восприятия разве что для философов или ученых, но не для литераторов, по крайней мере, великих. Само замечание, кстати, – почти цитата из "Гамлета", где Марсилио говорит о неспособности ученых мужей видеть призраки. Деррида усматривает неоспоримую заслугу Маркса в том, что будучи одним из них, ученых мужей, он прекрасно видел призраков и верил в них. Урок марксизма, преподнесенный всей западной цивилизации, состоит в том, что марксизм не просто верил в призраков, но наделил их реальным существованием в культурной химере социалистического государства. Еще один урок спектрологии, по Деррида, марксизм преподносит интеллектуалам сейчас,

когда возвращается в свою прежнюю позицию культурного призрака, не изучать или даже не видеть который теперь, после того как он доказал свою способность превращать целые культуры в призраки, уже просто непростительно.

Довольно забавно, продолжает Деррида, что в сущности марксизм уже давно и успешно этой своей спектризацией осуществил то, что стало такой модой среди интеллектуалов 1990-х – рассуждения о конце: конце истории, философии, человека, культуры (здесь Деррида вполне естественно ссылается на Фукуяму). Хлеб апокалипсиса уже давно наш, философский хлеб насущный, и то, что Деррида иногда называет "апокалиптическим тоном в философии", было внесено в философию, по сути, марксизмом. Но конец ведь еще и смерть, замечает Деррида. То, что стало столь модным в современной философии, и в чем обвиняют преимущественно деконструкцию, хотя и безосновательно (сюда следует отнести Гегеля, Маркса, Ницше и Хайдеггера прежде всего) – это похороны философии, необходимо влекущие за собой появление призраков. Призраки Маркса здесь, в общем, одни из многих потусторонних видений, но что делает их особенными для нашей эпохи погребений и оплакивания, так это не только то, что именно они во многом ее инициировали, но также и то, что они привили ей мессианский тон конца, приучили культуру к мысли и предощущению катастрофы, сделали фразу Шекспира о времени, которое сошло со своего круга, культурной реалией нашего существования.

Начало новому мироощущению, согласно Деррида, было положено толкованием социального строя, существовавшего в середине 19 в., как строя неистинного и потому несуществующего. Не вполне законный оборот гегелевской диалектики: "все существующее/действительное разумно, все разумное существует/действительно" привел к марксову: "неразумное не существует, точнее, его существование неистинно, и потому может и должно быть прекращено". Это своеобразное разрешение, полученное (хотя и без достаточных оснований) со стороны философа, которого Маркс ценил больше всего и которого подверг тем не менее радикальной критике и трансформации, определило меру решительности и размах самого проекта уничтожения целого общества – проекта, равного которому, Деррида заявляет недвусмысленно, история человечества не знала. В "П.М." он говорит о том, что этот проект вовлек в свои тексты практически всех живших, живущих, и тех, кто еще не родился, на многие поколения вперед. Чем же был этот проект с позиции спектрологии? Парадоксальным образом (парадоксальным как раз потому, что марксизм был едва ли не единственной философией, открыто заявлявшей о своей приверженности материализму – ориентации весьма невыигрышной и по сути тупиковой в философском плане) весь этот проект разворачивался в сфере духов, призраков, видений и кошмаров (это последнее – на стадии его исторической реализации).

И хотя проект этот начинался, как путешествие призрака ("Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма"), он был призван осуществить первый, по-настоящему действенный философский проект в истории западной культуры. Одиннадцатый тезис о Фейербахе заявляет об этом с полной очевидностью ("Философы только объясняли мир, изменить его – вот в чем задача философии"). Менять, однако, предстояло то, что никак, с точки зрения самого же Маркса, нельзя было признать реальным, истинным существованием – химерическое общество, иллюзорное бытование огромного множества призраков, основной из которых – деньги – задавал тон всей этой фантасмагории. То, что предлагалось в качестве метода реализации этой глобальной иллюзии, этого видения существования, была, в буквальном смысле, утопия, построенная средствами разума (великого обманщика, по словам Ницше). Разум здесь показал себя настоящим духом, пожалуй, впервые в истории западной цивилизации продемонстрировавшем свою сущность и предназначение – создание грандиозной иллюзии существования в модусе настоящего времени и в пространстве физического мира. И хотя Маркс свято верил в возможность водораздела, абсолютной черты между химерами прошлого, капиталистического общества, и реальным существованием нового, коммунистического общества – в революцию – он оставался весьма амбивалентным в оценке сроков подобной реализации, равно как и самой ее возможности.

Таким образом, замечает Деррида, коммунизм не только начинался, как призрак, но, по сути, таковым и остался. "Коммунизм всегда был и остается призрачным, он все еще наступает, он всегда в будущем". "Призрак, о котором говорил Маркс тогда, в "Манифесте", не имел реального бытования, не бытийствовал. Он еще не наступил. Но он никогда и не наступит. Ибо у призрака нет и не может быть реального бытия, Dasein. Нет у него и смерти – призрак никогда не умирает, ибо он всегда возвращается к живым". Согласно Деррида, коммунизм был призраком, боявшимся самого себя, как мертвеца, тянувшего за собой живых, фантома, пытавшегося вести их к достижению невозможного идеала, к реализации невероятной утопии, к абсолютной жизни, которая как таковая может быть только абсолютной смертью. В этом – отсутствии жизни – была одна из самых глубоких его тайн. Мертвящее дыхание безжизненного идеала приводило к невероятным, невиданным в истории человечества пароксизмам смерти, к истреблению огромного количества людей, пусть даже из-за пароксизмов страха, навеваемого им. Коммунизм был призраком, которого боялись другие. "Нет ничего ревизионистского в интерпретации генезиса тоталитаризма как взаимных реакций страха и боязни призрака коммунизма". Никто не собирается, замечает Деррида, делать этот призрак ответственным за нацизм, геноцид и прочие бедствия нашего века, однако совершенно очевидно, что вся новейшая история была бы совершенно иной, если бы этот призрак не пустился в свои странствия по миру. И поскольку эти странствия еще далеко не закончены, то неисчислимы те проблемы, социальные и индивидуальные, которые будут неизбежно инициированы ими.

В какой мере Маркс, – вопрошает автор "П.М.", – может почитаться ответственным за все эти странствия? Достаточно очевидно, говорит Деррида, что Маркс предвидел грандиозное и пугающее будущее порожденного им призрака. Он был озабочен этим призраком, он вообще был чрезвычайно озабочен призраками и химерами. Его "Капитал" посвящен анализу

химер и иллюзорных трюков капиталистической экономики товарного фетишизма; в "Немецкой идеологии" речь идет почти исключительно о призраках и видениях, обуревавших, правда, Штирнера, но присущих, как показывает Деррида в своем скрупулезном анализе, и самому Марксу; то же самое можно сказать и о "18 брюмера Луи Бонапарта". В своей спектрализации Маркс, однако, не был абсолютным новатором. Маркс, по замечанию Деррида, следовал здесь платонической традиции – отождествлению образа с призраком, идола с фантазмом. Фантазмы, о которых говорит Платон в "Федре" (81д) и "Тимее" (71а) – это "души мертвых, которые преследуют живых днем и ночью". Для того чтобы дать покой этим неприкаянным душам, им следует дать тело, но тело, как говорит Деррида вслед за Платоном, более низкого онтологического уровня – неживое тело, тело идола. Деррида предпринимает чрезвычайно интересную и очень сложную для понимания попытку проследить, как эта платоническая стратегия проявляется в марксовом анализе товарного фетишизма. Нечто схожее по механизму Деррида обнаруживает и в "Немецкой идеологии", и в "18 брюмера". Все это дает основания для вывода Деррида о том, что Маркс был достаточно традиционен в самом подходе, хотя несомненно оригинален в своих трактовках. Это определялось целевой установкой его анализа – попытаться уловить фантомы в зеркале реконструкции и деконструировать их ложные онтологические тела, как культурно-значащие идолы. Но попытка увидеть призрак в зеркале, замечает Деррида, это как раз то, что никогда не удастся по отношению к призраку. "Как можно распознать призрак? По тому, что он не имеет отражения в зеркале". Маркс стремится уловить призраки в зеркале онтологии – "онтологии присутствия, как актуальной реальности и объективности. Эта критическая онтология стремится разоблачить фантомы и то, что их порождает, атрибутировать их ложному сознанию, и самим развенчанием вернуть их прообразы в реальный мир производства и работы".

Кроме метафоры зеркала, Деррида обращается еще к образу светильника, свету разума, которым знание должно, по мысли просветителей, освещать мир и давать его реальные отображения. Маркс уповает на объективное знание, которое должно нести с собой и в себе образы мира; одним из основных своих завоеваний марксизм считает распространение идеала объективного знания на реалии, никогда, в общем, не считавшиеся ему подвластными – культурные и социальные. Критический анализ и развенчание призраков поэтому должны прежде всего быть, согласно Марксу, критикой субъективной репрезентации и абстракции, которая отрывается от реальности, которая исходит из разума как такового, и затем пускается этим самым разумом в обращение в реальном мире, без всякого упоминания о том, что она – его собственная химера. Это как раз то, замечает Деррида, что с таким блеском и остроумием атакует Маркс в текстах Штирнера (**см.**). Но это как раз то, что не может, в общем, быть сколько-нибудь убедительным образом оспорено. Принципиальная ограниченность материализма состоит в том, что ему никогда не удавалось преодолеть пропасть между миром и сознанием, показать, как образы сознания могут быть детерминированы материальным существованием человеческого тела, социальным бытованием человека, даже языком, если его понимать как объективированную реальность человеческого бытия. Если природные процессы, тем или иным образом уловленные в образах сознания, еще могут, как образы, найти какое-то приложение к внешнему миру и претендовать на статус объективной истины (хотя, по всей видимости, это не более чем претензия, по крайней мере, так считает деконструкция), то ничего подобного такому знанию невозможно относительно сознания как такового. Ведь тогда то, что деконструкция считает невозможным осуществиться даже однажды, должно произойти дважды (выход сознания вовне и возврат к самому себе, но уже обогащенному образами самого себя, отраженными в окружающем его мире). Призраки сознания принадлежат только ему самому; нет такого объективного зеркала, в котором можно было бы пытаться отразить и сознание, и его образы самого себя, и его фантазии об окружающем мире. Сознание, со всем его бесконечным многообразием, может отразиться только в зеркале собственных аналогий.

То, по Деррида, что произошло со спектрологией Маркса и за что его можно считать ответственным, таким образом, – это вовсе не его неспособность развенчать призраки и вскрыть иллюзорную сущность сознания и продуктов его деятельности. Деррида не находит подобное развенчание возможным в принципе. Проблема, очевидно, совсем в другом, – в том, что Маркс посчитал себя справившимся с ними и, что еще более серьезно, убедил многих в своей победе над ними. В сущности, столь многих, что они попытались реализовать марксов идеал общества, свободного от призраков, и обнаружили себя в окружении монстров, идолов, фетишей намного более низкого интеллектуального уровня (вспомним онтологический уровень платоновских идолов), чем те, с которыми они могли бы сосуществовать (точнее, которых могли бы производить), не случись этого грандиозного социального катаклизма. "Мы должны учиться говорить с призраками и слушать их, если хотим научиться тому, чему марксизм считал возможным научить нас – жизни. Призраки всегда здесь, всегда с нами, даже если они уже не с нами или еще не здесь".

Деррида заканчивает "П.М." цитатой из "Гамлета": "Ты ученый, так поговори же с ним, Горацио". Эта последняя фраза "П.М." приглашает к разговору, который пока еще не состоялся в деконструкции. Подчеркивая это "пока", не следует, видимо, надеяться, что в ближайшем будущем такой разговор состоится; возможно, его и не следует ожидать в рамках деконструкции. Сама посылка, исходная интенция деконструкции – развенчание философии/культуры логоцентризма – делает возможность такого разговора маловероятной. Для того, чтобы он состоялся, требуется продвижение в иную (пока "ничейную") зону философствования.

Два момента, развиваемые Деррида во всем корпусе его текстов и особенно в "П.М.", стыкуют деконструкцию с этим подходом: 1) представление о конце западной философии и развенчание логоцентристского дискурса западной культуры; 2) обращение к Марксу и марксизму как радикально новому элементу западного философского дискурса. Итак, деконст-

рукция концептуализирует идею конца философии, со всеми полагающимися данному случаю аксессуарами – поминанием, погребальным звоном, призраками и чувством невозвратимой утраты. И все же – всегда ли конец есть непременно и погребение? Почему не предположить возможность философствования как "концеведения"? Как ни проста может показаться эта идея, ее последовательная реализация требует чрезвычайно радикального пересмотра и самой сущности философии, и способов ее функционирования (если, конечно, представить философию не призраком, а полножизненной бытийственностью).

© Е.Н. Гурко

ПРИНЦИП (лат. principium – начало, основа, происхождение, первопричина) – основание некоторой совокупности фактов или знаний, исходный пункт объяснения или руководства к действиям. В античности онтологическое определение П. как субстанции, в своем существовании не нуждающийся ни в чем, кроме себя, делает возможным понимание бытия и основополагание философии как исследования вопроса о бытии. Предметом рассмотрения берется чаще всего природа (Милетская школа), а также идеальные сущности (пифагорейцы, Платон). Первоначало, или П., обусловливает необходимость, закон становления явлений. В дальнейшем прояснение предельного основания бытия становится фундаментальной задачей философии. В постканти анской традиции различаются конститутивный П. – как онтологическое основание некоей действительности и регулятивный П. – как инструментальное основание той или иной деятельности. В логике П. – центральное понятие системы, представляющие обобщение и распространение некоторого положения на все явления области, из которой данный П. абстрагирован. В этике П., как внутреннее убеждение, максима задает общую установку по отношению к действительности, нормам поведения и деятельности.

С.А. Радионова

ПРИНЦИП ПОСТОЯНСТВА (лат. principium – основа, начало) – по Фрейду (см.), один из принципов регуляции психической деятельности, сущность которого состоит в том, что психический аппарат обладает тенденцией удерживать имеющееся в нем количество возбуждения на возможно более низком или по меньшей мере постоянном уровне, обнаруживая при этом в качестве общего признака "экономический принцип" бережливости в расходовании энергии. Это представление было введено в научный оборот на несколько лет раньше аналогичных представлений о гомеостазе, предложенных американским физиологом У. Кеннoном в 1929.

В.И. Овчаренко

ПРИНЦИП ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ – по Маркузе (см.), одна из исторических форм принципа реальности, преобладание которой в современной цивилизации оказывает влияние на содержание принципа реальности и обусловливает непрерывное расширение антагонистического общества. Согласно Маркузе, П.П. определяет целостную репрессивную организацию сексуальности и инстинкта разрушения, а также раскол общества в соответствии с конкурентными видами экономической деятельности.

В.И. Овчаренко

ПРИНЦИП РЕАЛЬНОСТИ (лат. principium – основа, начало и лат. realis – вещественный) – по Фрейду (см.), один из руководящих принципов регуляции психической деятельности, обеспечивающий приведение бессознательных индивидуалистических стремлений к получению удовольствия в известное соответствие с требованиями внешнего мира, с объективной реальностью. П.Р. формируется в процессе и результате социального становления личности. Оттеснение и частичное замещение принципа удовольствия П.Р. побуждает человека к отказу от безраздельного стремления к скорейшему достижению удовольствия. Однако, в конечном счете, П.Р. действует против принципа удовольствия во имя и в интересах принципа удовольствия, поскольку он лишь отсрочивает удовлетворение и ведет к удовольствию длинным окольным путем. Единство и борьба принципов реальности и удовольствия обусловливает в некоторой части изначальную и извечную конфликтность психической жизни человека и психодинамику.

В.И. Овчаренко

ПРИНЦИП УДОВОЛЬСТВИЯ (лат. principium – основа, начало) – по Фрейду (см.), господствующий принцип регуляции психической деятельности, в основе которого лежит изначально присущее человеческому организму бессознательное стремление к получению удовольствия и удовлетворения либо непосредственно, либо опосредованно (в т.ч. путем избегания неудовольствия). П.У., который находится в подчинении у "влечения к смерти" (Танатоса) выводился Фрейдом из принципа постоянства. По Фрейду, течение психических процессов автоматически регулируется П.У., возбуждаясь каждый раз связанным с неудовольствием напряжением и принимая затем направление, совпадающее в конечном счете с уменьшением этого напряжения, т.е. с устранением неудовольствия или получением У. Провозглашая П.У. главенствующим принципом психической жизни, Фрейд все же признавал, что он не управляет течением всех психических процессов, поскольку ему противостоят различные другие силы и условия, в силу чего конечный исход не всегда соответствует П.У. В качестве основной силы, противостоящей П.У., Фрейд рассматривал принцип реальности.

В.И. Овчаренко

ПРИНЦИПЫ ПСИХИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ (лат. Principium – основа, начало) – основания, фундаментальные тенденции, детерминаторы и регуляторы деятельности психики и личности. Представление о существовании П.П.Ж. было разработано в психоаналитическом учении Фрейда (см.), в котором утверждалось существование трех неравнозначных П.П.Ж.: 1. Принципа удовольствия. 2. Принципа реальности. 3. Принципа постоянства.

В.И. Овчаренко

ПРОБЛЕМА (греч. problema – преграда, трудность, задача) – в широком смысле – сложный теоретический или практический вопрос, требующий разрешения; в узком смысле – ситуация, характеризующаяся недостаточностью средств для достижения некоторой цели. Творчество как процесс создания нового неизбежно связано с постановкой и разрешением П. Разрешение всякой П. можно представить как ряд по-

следовательных, взаимосвязанных шагов, ведущих, в конечном счете, к уменьшению неопределенности в знаниях и деятельности человека и, тем не менее, до самого последнего момента отличающихся недостаточностью возможностей для получения окончательного решения, являющегося целью творческого поиска.

Цель П. достигается лишь тогда, когда вырабатывается идея, могущая выполнить роль необходимого и достаточного средства для получения такого решения. Тем самым П. преобразуется в задачу, решаемую по правилам преобразования ее условий. Возникновение П. детерминировано предшествующим знаниям и господствующими ценностными установками и определяется, в конечном счете, социальными потребностями людей. Благодаря ценностным установкам в П. вводятся компоненты, считающиеся важными, необходимыми для того или иного этапа творческой деятельности и содержащие критерий приемлемости или предпочтительности отыскиваемого решения, запрещающую и разрешающую информацию для ведения стратегии и тактики его выработки. Вместе с тем условия, необходимые для возникновения П., не обязательно являются условиями, необходимыми для ее разрешения. В процессе вызревания П. многие из них отбрасываются как избыточные или противоречивые. Вместе с тем противоречия познания и П. – не тождественные понятия. Появление противоречия может свидетельствовать о необходимости запрета на определенные этапы или результаты деятельности, но не выдвижения П. Кроме того, противоречие вызывает постановку П. лишь при надлежащей ценностно-познавательной ориентации человека, а именно, когда он руководствуется в своей деятельности идеалами единства и непротиворечивости ее результатов. В процессе творчества происходит отделение действительных от мнимых и сомнительных П., необходимо сопутствующих творчеству. Критерии отделения могут быть подразделены на два класса – в зависимости от того, относятся ли они к форме или содержанию П.

К важнейшим критериям формального характера относится соблюдение правил языка, применяемого для формулирования П. Критерии содержательного характера могут быть сформулированы по отношению к предпосылкам (условиям) и выдвигаемой цели. Предпосылки формулирования действительных П. должны: а) содержать истинные положения; б) заключать в себе знания и ценностные ориентиры, имеющие необходимый характер для данного этапа творчества; в) формулироваться ясно. Цель соответственно должна: а) выражаться на языке предпосылок; б) не вступать в противоречие со средствами своего достижения; в) быть содержательнее имеющихся исследовательских средств; г) удовлетворять требованию последовательности при выдвижении; д) предполагать наличие надежного способа проверки результата; е) формулироваться ясно.

В.Ф. Берков

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ – формы и методы постановки и употребления проблем в мышлении. П. определяется через трактовку смысла и функции проблемы в деятельности и мышлении. Термин "проблема" (в данном контексте) употребляется как минимум в трех смысловых значениях:

1) Как препятствие в деятельности, непреодолимое наличными и известными деятелю средствами и методами. Собственно проблема в этом смысле характеризует не само препятствие, а отношение деятеля к препятствию (она есть субъективное отношение к препятствиям при достижении целей). В такой субъективной трактовке проблема может восприниматься как вызов, требующий ответа, усилия, подвига или изобретения. Для того чтобы препятствие в деятельности стало проблемой, кроме субъективного восприятия его как вызова, необходима соответствующая эпистемическая ситуация, в которой возможно решение проблемы. Например, выражение "летательный аппарат тяжелее воздуха" обретает откровенный характер вызова для инженерного мышления и творчества в период после изобретения воздушного шара, когда искусственный полет человека в принципе возможен, но на аппаратах легче воздуха, с одной стороны, и при наличии знаний аэродинамики и баллистики – с другой.

2) Как "ученое незнание" или знание о незнании. Со времен Николая Кузанского очерчивание в знании зоны незнания широко используется как мотивирующий прием в организации исследований. Все географические знания получены экспедициями, направляемыми в те места земного шара, которые помечены "белыми пятнами" на его модели – глобусе. Аналогичную функцию выполняли сочинения типа "Мировых загадок" Геккеля, даже если они выражались в форме – "не знаем и никогда не узнаем", как у П. Дюбуа-Раймона.

3) Как столкновение двух внутренне непротиворечивых знаний об одном и том же. Самым древним и классическим примером проблемы этого типа являются некоторые античные апории. В апориях элеатов упор делался на противоположности рассудочного вывода из данных чувственного опыта: "Стрела", "Ахиллес и черепаха" и др. У поздних софистов и в рамках Мегарской школы более популярными стали иные, формально-номинативные парадоксы: "Лжец", "Брадобрей", "Лысый", или грамматические ловушки, например, "Рогатый", где не соблюдается закон тождества, хотя это может быть незаметным на некотором этапе развития логики. Функция проблем этого типа в развитии знания описывается схемой: тезис – антитезис – синтезис. Понятно, что проблемы второго и третьего типа сами могут становиться препятствиями в деятельности, особенно, если это деятельность, ориентированная на познание. Тогда логические парадоксы и "ученое незнание" (Николай Кузанский) сами становятся вызовом, а проблема – объектом пересечения логики, онтологии и этики.

Основная трудность проблем и П. состоит в том, чтобы тезис и антитезис относились к одному и тому же объекту. В противном случае получается просто паралогизм или логическая ошибка – нарушение закона тождества. Поэтому нельзя представлять П. просто как оппозицию двух логических суждений, это только форма выражения проблемы. В П. противопоставляются типы и формы знания, способы и методы доказательства и обоснования. Для античности было актуальным противопоставление застывшего традиционного знания и обычая, с одной стороны, и динамичного полисного политического знания, с другой, чувственного обоснования знания обывателя и противоположного ему рассудочно-абстрактного обоснования и доказательства софиста или философа. Схоласты пытались добиться согласования "двух истин": истины откровения (теология) и истин разума и здравого смысла (философия и практическая жизнь). Для методологов науки Но-

вого времени (Галилей, Ф. Бэкон, Декарт) принципиальное значение приобрела оппозиция дедуктивного вывода и индуктивного экспериментального доказательства (рационализм и эмпиризм). И. Кант специально останавливается на проблемах чистого разума – антиномиях, а Г. Гегель формулирует для работы с ними законы "единства и борьбы противоположностей" и "отрицания отрицания". После Канта и Гегеля к П. перестали относиться как к предмету философских спекуляций. Проблемы стали материалом и содержанием методологической рефлексии. Различные направления методологии разрабатывали техники П. и определяли разные функции проблем в структуре метода. Предлагалось даже выделение исследований проблемы в специальную дисциплину – апоретику (Н. Гартман). В 19 в. остро стояла проблема применимости естественно-научного метода в гуманитарных исследованиях, а в 20 – актуализировалась оппозиция натуралистического и деятельностного подходов в науке, инженерии и гуманитарной практике.

П. может быть представлена как организованность трех действительностей: критико-онтологической (отнесение тезиса и антитезиса к объему, причем одному), логико-технической (форма выражения и техники П.) и этической (субъективация вызова, прагматический мотив поведения и деятельности). Так, например, Галилею при сравнении двух утверждений "ускорение свободного падения зависит от массы тела" и "ускорение свободного падения – константа" пришлось провести онтологическую критику и показать, что эти утверждения относятся к разным объектам: к падению тел в воздухе и к падению тел в идеальной пустоте. Затем ему пришлось отказаться от формально-логических рассуждений Аристотеля и воспользоваться формой представления движения, предложенной Николаем Оремом. Кроме того, ему пришлось принять вызов и набраться смелости для противостояния авторитету Аристотеля. Таким образом, проблема может быть понята только как историческое явление или как организованность в исторической практике. Как триединство онтологии, логики и этики она может быть решена, диалектически снята в синтезисе, или она может утратить актуальность, после чего в культуре сохраняется только логическая форма выражения проблемы, которая уже ни для кого не способна стать вызовом. Кроме того, могут измениться объектные представления (идеальная пустота Галилея и торричелева пустота, эмпирически открытая много лет спустя), может измениться научная парадигма. А если мотивирующий заряд проблемы сохраняется для философа иной эпохи (например, апория "Лжец" для Рассела), то выражается она уже в иных знаках, логиках и языках. В истории философии и науки проблемы имеют самостоятельное значение независимо от их решения. Например, как аргумент в критике – парадокс "третьего человека", сформулированный Аристотелем в "Метафизике" для критики платоновского мира идей; как тема философствования или предмет многолетней дискуссии – проблема универсалий в средневековой философии, или психофизическая проблема в физиологии и психологии 19 в. и т.д.; как инструмент фальсификации научной теории (Поппер) – проблема свободного падения тел, сформулированная Галилеем для фальсификации представлений Аристотеля, или почти аналогичная галилеевской проблема неаддитивности света, возникшая в классической физике после эксперимента Майкельсона-Морли.

В.В. Мацкевич

ПРОГНОЗ – вероятностное научно-обоснованное суждение о состоянии какого-либо явления в будущем. Критериями типологизации П. могут быть их цели, задачи, объекты, предметы, проблемы, характер, период упреждения, методы и т.д. В качестве основополагающего выступает проблемно-целевой критерий, по которому различаются П. поисковые и нормативные. Поисковый П. представляет собой определение возможных состояний явления в будущем на основе гипотетического перенесения в будущее тенденций, присущих явлению в прошлом и настоящем. При этом исключается из рассмотрения возможное принятие решений, реализация которых способна повлиять на тенденции радикальным образом, в т.ч. вызвать т.наз. самоосуществление или саморазрушение П. Таким образом поисковый П. определяются наиболее вероятные перспективы при условии сохранения наличных тенденций. Нормативный П. представляет собой определение путей и сроков достижения возможных состояний явления, которые являются желательными. Данному П. предпосылается задание норм, идеалов, стимулов, целей. Построение поискового П. осуществляется на определенной шкале (поле, спектре) возможностей, на которой затем устанавливается степень вероятности прогнозируемого явления. При нормативном прогнозировании аналогичное распределение вероятностей осуществляется в обратном порядке, от заданного состояния к наблюдаемым тенденциям – тем самым производится вероятностное описание возможных путей достижения некоторых целей.

Применение П. в сфере управления, обслуживание ими различных форм конкретизации управления (целеполагания, планирования, проектирования, организации управления) позволяет выделить ряд соответствующих подтипов поисковых и нормативных П.: 1) Целевой П. (собственно желаемых состояний) определяет, что именно желательно и почему. 2) Плановый П. определяет, как, в каком направлении ориентировать планирование, чтобы эффективнее достичь желательных целей. 3) Программный П. возможных путей, мер и условий достижения предполагаемого желательного состояния прогнозируемого явления определяет, что конкретно необходимо, чтобы достичь желаемого. 4) Проектный П. конкретных образов того или иного явления в будущем при допущении ряда отсутствующих в данное время условий отвечает на вопрос, как это возможно и как может выглядеть. 5) Организационный П. текущих решений (в сфере управления для достижения предусмотренного желаемого состояния явления, поставленных целей отвечает на вопрос, в каком направлении ориентировать решения для постижения цели.

По промежутку времени, на который рассчитывается П. (периоду упреждения) различаются П. оперативные (текущие), кратко-, средне-, долго- и дальнесрочные (сверхдолгосрочные). Оперативный П. рассчитывается, как правило, на

перспективу, на протяжении которой не ожидается существенных изменений исследуемого объекта. Краткосрочный П. – на перспективу только количественных изменений. Долгосрочный П. – не только количественных, но (преимущественно) качественных изменений. Среднесрочный П. охватывает перспективу между кратко- и долгосрочным П., с преобладанием количественных изменений над качественными, дальнесрочный (сверхдолгосрочный) П. строится на перспективу, когда ожидаемые качественные изменения будут столь значительны, что позволяют говорить только о самых общих возможностях развития природы и общества. Оперативные П. содержат, как правило, детально-количественные оценки, краткосрочные П. – общие количественные, среднесрочные П. – количественно-качественные, долгосрочные П. – качественно-количественные, дальнесрочные П. – общие количественные оценки. Конкретные временные границы периодов упреждения П. зависят от объекта исследования, характера и цели данного П. В социально-экономических П. эмпирически установлены следующие масштабы: оперативные П. – до 1 мес., краткосрочные П. – до 1 года, среднесрочные П. – несколько (как правило, 5 лет), долгосрочные П. – на период от 5 до 15-20 лет, дальнесрочные – за пределами долгосрочных.

По объекту исследования различаются П. естествоведческие, научно-технические и обществоведческие. Естествоведческие П. делаются касательно явлений, на которые невозможно повлиять средствами социального управления и делятся на следующие подтипы: метеорологические, гидрологические, геологические, биологические (включая фенологические и сельскохозяйственные), медико-биологические, космологические, физико-химические (П. явлений микромира). Научно-технические П. в узком смысле (технологические, инженерные) касаются перспектив состояний всех явлений техносферы (материалов, механизмов, приборов и т. п.). В широком смысле они охватывают перспективы развития научно-технического прогресса: науки (ее структуры, кадров, учреждений и т. д.) и техники (в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве, связи и т. д.). Обществоведческие П. делаются относительно явлений, на которые возможно влияние средств социального управления, вплоть до явлений самоосуществления или саморазрушения П. К этой группе относятся П.: социально-медицинские, социально-географические (перспектив освоения земной поверхности), социально-экологические, социально-космические (перспектив освоения космоса), экономические, социологические (или социальные в узком смысле – перспектив развития социальных отношений), психологические П. (личности, ее поведения, деятельности), демографические, филолого-этнографические, архитектурно-градостроительные, образовательно-педагогические, культурно-эстетические, государственно-правовые, внутриполитические, внешнеполитические, военные. По возможности управленческого воздействия научно-технические П. занимают промежуточное место между естествоведческими и обществоведческими.

М.И. Мазаник

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ – в широком смысле – разработка прогнозов; в узком – специальное научное исследование, предметом которого выступают перспективы развития явления. П. несводимо к созданию определенной картины будущего и предполагает учет многосторонней детерминации развития исследуемых явлений, а также наличия ряда возможных вариантов. Как одна из форм научного предвидения, П. в социальной сфере связано с целеполаганием, планированием, проектированием, управлением. Теория и практика П. носит название "прогностика" (в широком значении термина). П. использует три основных взаимодополняющих источника информации о будущем: оценка перспектив развития исследуемого явления на основании опыта, чаще всего на основе аналогии с уже изученными сходными явлениями и процессами; условное продолжение в будущее тенденций, закономерности развития которых в прошлом и настоящем достаточно хорошо известны (экстраполяция); создание модели будущего состояния исследуемого явления, процесса в соответствии с ожидаемым или желательным изменением ряда условий, перспективы развития которых достаточно хорошо известны.

Этим источникам соответствуют следующие способы П.: 1) Опрос населения, экспертов (анкетирование, интервьюирование) с целью объективизации, упорядочения индивидуальных оценок прогнозного характера. 2) Экстраполирование и интерполирование, т.е. построение динамических рядов показателей прогнозируемого явления на протяжении периодов основания прогноза в прошлом и упреждения прогноза в будущем (ретроспекции и проспекции прогнозных разработок). 3) Моделирование – построение поисковых и нормативных моделей с учетом вероятного или желательного изменения прогнозируемого явления на период упреждения прогноза по имеющимся прямым или косвенным данным о масштабах и направлении изменений. Наиболее эффективными прогнозными моделями являются системы уравнений. В качестве моделей могут быть использованы также сценарии, имитации, графы, матрицы, подборки показателей, графические изображения. Каждый из приведенных способов П. не применяется изолированно и реализуется только в сочетании с двумя другими. В П. применяются также методы аналогии, индукции и дедукции, различные статистические, экономические, социологические и другие методы. Конкретные методики, по которым ведется П., образуются путем сочетания ряда методов. Иногда несколько методик составляют т.наз. прогнозирующую систему.

Типовая методика П. состоит из следующих основных этапов исследования: 1) Предпрогнозная ориентация (определение объекта, предмета, проблемы, целей, задач, времени упреждения, рабочих гипотез, методов, структуры и организации исследования). 2) Построение исходной (базовой) модели прогнозируемого объекта методами системного анализа. 3) Сбор данных прогнозного фона (совокупности внешних по отношению к объекту П. условий, существенных для решения задачи прогноза). 4) Построение динамических рядов показателей методами экстраполяции. 5) Построение серии гипотетических (предварительных) поисковых моделей методами

поискового анализа. 6) Построение серии гипотетических (предварительных) поисковых моделей методами нормативного анализа. 7) Оценка достоверности, обоснованности, точности прогноза (обычно опросом экспертов). 8) Выработка рекомендаций для решений в сфере управления. 9) Экспертиза прогноза. 10) Вновь предпрогнозная ориентация.

М.Н. Мазаник

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ (греч. prognosis – знание будущего) – одно из направлений социологических исследований, результатом которых является научное предвидение хода социальных процессов, изменений в системе общественных отношений, преобразования социальных объектов и их структур, динамического развития социальных систем.

П.С. представляет собой: а) комплексное предвидение преобразований социальной среды под влиянием объективных и субъективных факторов; б) определение перспектив развития социальной сферы, т.е. всего, что связано с жизнедеятельностью общества и является предметом социального управления или социального регулирования; в) определение социальных последствий принятия тех или иных экономических или политических решений, непосредственно влияющих на пути развития общества. По пространственному критерию различают П.С. на государственном, региональном и местном уровнях.

В зависимости от уровня, П.С. различается по масштабу охвата социальных явлений, комплексности, конкретности и адресности. По временному критерию различают краткосрочное (оперативное), среднесрочное (тактическое) и долгосрочное (стратегическое) П.С. В социальных науках краткосрочным считается 1 – 2-летнее прогнозирование, среднесрочным – до 5 лет, долгосрочным – до 10 – 15 лет. Выделяют два основные вида прогнозов – поисковые и нормативные. Поисковые, в основном социологические, прогнозы (изыскательские, исследовательские, трендовые и др.) – это такие разработки будущего состояния социальных процессов, систем и объектов, которые основаны на выявлении тенденций их развития, с помощью ретро- и интроспективных методологий, и пролонгировании этих тенденций при соблюдении определенных социально-экономических и политических условий. Нормативные, по преимуществу экономические, прогнозы разрабатываются на основе заранее определенных, специально разработанных, изученных социальных целей, идеалов, норм, стандартов и т.п. Если поисковые прогнозы отвечают на вопрос: что возможно, каким может быть состояние социального процесса, системы, объекта, то нормативные отвечают на вопрос: как достичь предсказываемого будущего. Они существенно отличаются друг от друга по распределению вероятности на условной шкале возможностей. Если в поисковых прогнозах это распределение идет по направлению от выявленной тенденции к заданной перспективе, то в нормативных все строится в обратном порядке: от заданного (идеального) образца к наблюдаемым тенденциям с расчетом их последовательного изменения, вплоть до достижения заданной перспективы. Специфика нормативных прогнозов заключается в том, что они в большей степени, чем поисковые, носят прагматический характер; они используются в управленческой практике и служат для обоснования перспективных целей, задач, программных и плановых разработок, среднесрочных и долгосрочных решений. Оценка степени достоверности поисковых и нормативных прогнозов осуществляется с помощью социологической экспертизы.

Источниками информации о будущем, лежащими в основе П.С., являются: основанная на опыте и аналогиях оценка путей развития и перспектив прогнозируемого явления; экстраполяция известных тенденций; социологическая модель состояния явления в будущем, основанная на учете изменений тех показателей, перспективы развития которых достаточно известны. Соответственно возможны три основные группы методов П.С. в социальной сфере: опрос населения (экспертов) с целью упорядочения, систематизации субъективных оценок прогнозного характера; экстраполирование и интерполирование – построение динамических рядов развития показателей прогнозируемого процесса; моделирование – построение поисковых и нормативных моделей с учетом вероятного или желательного изменения прогнозируемого явления на основе наличных данных о масштабе и направлении изменений.

Одна из наиболее обоснованных технологий разработки социологических прогнозов предложена И.В. Бестужевым-Ладой (см.) и сводится к следующим операциям: 1) разработка предпрогнозной ориентации с определением объекта и предмета исследования, предварительным анализом проблемы, формулированием целей и задач, выдвижением гипотез, определением структуры, методов и организации исследования; 2) построение исходной модели объекта и предмета исследования в виде описанной системы качественных и количественных характеристик и показателей; 3) построение прогностического фона, определение места обследуемого объекта в общей картине социального бытия (с анализом системы условий и факторов, которые воздействовали, воздействуют или могут воздействовать на развитие объекта); 4) построение поисковой модели путем экстраполяции выявленных тенденций и закономерностей на исходном состоянии объекта с упреждением на будущее; 5) разработка путей движения к тому состоянию объекта, которое найдено упреждающим и другими путями на поисковой модели.

П.С. прямо или косвенно служит повышению эффективности социального управления и социального регулирования социальных процессов. Оно приобретает особую актуальность в периоды системных кризисов и особенно в переходные периоды развития общества, при переходе от одной формы экономических отношений к другой; при разработке не только так называемых прогнозов-маяков, но и прогнозов-следствий – положительных или отрицательных для жизнедеятельности общества и отдельных его сфер.

Г.Н. Соколова

ПРОГРАММА (греч. programma – объявление, предписание) – способ пошаговой (поэтапной) организации деятель-

ности по развертыванию какого-либо содержания, а также по организации и реализации познавательных (исследовательских) содержаний и процедур. Конечная цель, которую призвана реализовать П., всегда формулируется как возможная, желательная, должная, соотносимая с каким-либо идеалом, предполагающая вариативные пути своего достижения и не содержащая изначальных гарантий своей реализуемости. В этом отношении она отличается от "сценарного" способа организации деятельности, где цель (финитность) предзадается изначально, хотя и может варьироваться в зависимости от индивидуального мастерства социальных акторов. П. предполагает свое переопределение, перезадание, как минимум – уточнение (если она задается жестко) в ходе реализации каждого из этапов (шагов) – как в плане удержания продуцируемых новых содержаний, требующих постоянной рефлексии над собой, так и в плане отслеживания процедур деятельности и оценки их эффективности. Каждое последующее решение принимается на основе реализации предыдущих, ретроспективно видоизменяя и их. Таким образом, внутри принятой П. субъект приобретает достаточную автономность и активную позицию.

В этом отношении П. противостоит "рецептурному" способу задания деятельности, предполагающему точную выверенность каждого шага и решения и запрещающему какую-либо самодеятельность субъекта, который обязан строго следовать предписанному плану. Сам же "рецепт" обнаруживается через серию проб и ошибок, а будучи найденным, догматизируется и транслируется в последующем без каких-либо изменений. Разные "рецепты" предполагают строго разграниченную локализацию в социокультурном пространстве, они закрепляются за конкретными носителями, максимально ограничивающими к ним доступ "другим", т.е. носителям иных "рецептов". Поэтому даже если какие-то изменения в "рецептуре" и происходят, то они не "публикуются", а наоборот, скрываются. Своеобразное сочетание П. и рецепта представляет собой канон. Последний предполагает программное поле, содержащее внутри себя возможные варианты решений и действований, но последние оформляются как "рецепты", что, порождая индивидуальную стилистику, препятствует выходу за пределы канона. Канон нельзя поменять, как можно поменять П.

П. и канон можно рассматривать как метатексты, содержащие правила построения конкретных текстов. Однако если канон направлен на закрепление традиции и личностное начало в нем вторично (рукой иконописца водит Провидение), то П. презентирует собой тип инновационной практики, в которой личный вклад каждого строго фиксируется и налагается запрет на повтор и плагиат. Кроме того, если канон развертывается по линейной схеме (предписанная последовательность шагов), то П. может (и в последнее время все больше) строиться по многоуровневой схеме, где программирование отдельных задач идет параллельно друг другу и постоянно накладывается друг на друга. В этом отношении работа с П. близка работе со схемами (схемотехниками), однако в отличие от последних, программирование всегда предполагает выход в "натурный" режим работы, свою предметную (объективированную) развертку. В более узком смысле понятие П. как способа организации и реализации исследовательских и познавательных содержаний и процедур наиболее отчетливо презентируют П. социологического исследования, с одной стороны, и концепция "сильной П." как способа удержания когнитивной рамки в целом, – с другой. П. социологического исследования понимается как документ, содержащий изложение теоретико-методологических предпосылок, структурирование концепции, целей и гипотез реализуемого проекта (методологическая часть П.) с пошаговым прописыванием процедур и техник его развертывания, а также способов контроля (проверки, анализа и рефлексии), получаемых в исследовании содержаний (процедурная часть П.).

Проект "сильной П." был оформлен в рамках социологии знания (см.) в книге Д. Блура "Знание и социальные представления" (1976). Знание понимается здесь прежде всего как определенный культурный ресурс, позволяющий упорядочивать действительность и осуществлять контроль над ней, в частности – через владение коммуникациями. Это предполагает социально поддерживаемое согласие относительно возможных способов работы со знанием и постоянную модификацию имеющихся понятийно выраженных содержаний знания. Таким образом "сильная П." определяется не только своими способностями рационально организовывать знание, но и, программируя действия людей, задавать определенные социальные порядки. Тем самым происходит замыкание узкого и широкого понимания П. в общей социальной рамке и универсализация программных типов организации содержаний и деятельностей, по крайней мере, внутри европейского культурного ареала.

В.Л. Абушенко

ПРОГРАММА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ – один из важнейших социологических документов, в котором содержатся методологические, методические и процедурные основы исследования социального объекта. П.С.И. – это, по существу, есть теория и методология конкретного исследования отдельного эмпирического объекта или явления и представляет собой теоретико-методическую основу процедур всех этапов исследования сбора, обработки и анализа информации. П.С.И. выполняет три функции: методологическую, методическую и организационную.

Методологическая функция П.С.И. позволяет четко определить изучаемую проблему, сформировать цели и задачи исследования, определить и провести предварительный анализ объекта и предмета исследования, установить отношение данного исследования к ранее выполненным или параллельно выполняемым исследованиям по аналогичным проблемам.

Методическая функция П.С.И. позволяет разработать общий логический план исследования, на основе которого осуществляется цикл исследования: теория – факты – теория.

Организационную функцию обеспечивает разработка четкой системы разделения обязанностей между членами исследовательского коллектива, обеспечивает эффективную организацию исследовательского процесса.

П.С.И. как научный документ должна отвечать ряду необходимых требований. В ней отражается определенная последовательность, поэтапность социологического исследования. Каждый этап – относительно самостоятельная часть познавательного процесса – характеризуется специфическими задачами, решение которых связано общей целью исследования. Все составляющие

части П.С.И. логически связаны, подчинены общему замыслу научного поиска. Принцип строгой поэтапности проведения исследования выдвигает особые требования к структуре и содержанию П.С.И.

П.С.И. состоит из двух основных частей: методологической и процедурной.

Методологическая часть начинается с осмысления и анализа возникшей проблемы и формирования проблемной ситуации. Соотношение проблемы и проблемной ситуации зависит от вида исследования, от масштабности и глубины социологического изучения объекта. Определение объекта эмпирического социологического исследования предполагает получение пространственно-временных и качественно-количественных характеристик. В реально существующем объекте выделяется какое-то его свойство, определяется его сторона, которые обусловлены характером проблемы, тем самым обозначается предмет исследования. Предмет означает границы, в пределах которых конкретный объект изучается в данном случае. Далее необходимо поставить цели и задачи исследования, которые обеспечивают системность и последовательность действий в социологическом исследовании. Эмпирическое исследование ориентировано прежде всего на достижение практической цели, поиск алгоритмов решения тех или иных социальных проблем, выработку практических рекомендаций. Разработка системы основных и неосновных задач обеспечивает комплексный характер исследования, сочетание его теоретических и практических аспектов. Важное место в разработке программы исследования занимает формулирование гипотез (**см.**), которые конкретизируют цель исследования и представляют собой его главный методологический инструмент. Гипотеза должна соответствовать теории, быть научно обоснованной, иметь смысл в рамках изучаемой проблемы, должна проверяться эмпирическим путем, быть логичной, непротиворечивой. Основная трудность формулирования гипотез заключается в соотнесении их с целями и задачами исследования и разработке однозначных высказываний, которые имеют ясные и точные понятия.

С целью использования единого понятийного аппарата в П.С.И. определяются основные понятия, их эмпирическая интерпретация и операционализация, в ходе которых осуществляется обнаружение элементов основного понятия по строго заданным критериям, которые отражают качественные стороны предмета исследования. Весь процесс логического анализа сводится к переводу теоретических (абстрактных) понятий к операциональным, при помощи которых составляется инструментарий для сбора эмпирических данных. На этом заканчивается работа над первой (методологической) частью П.С.И. и начинается работа над второй ее частью.

Процедурная часть П.С.И. включает методику и технику исследования, т.е. описание способов сбора, обработки и анализа социологической информации.

Эмпирические исследования проводятся на выборочной совокупности (**см.**). Тип и способ выборки напрямую зависят от вида исследования, его целей и гипотез. Главное требование, предъявляемое к выборкам в аналитическом исследовании – репрезентативность: свойство выборочной совокупности представлять основные характеристики генеральной совокупности (**см.**). Выборочный метод основан на двух принципиальных посылках: взаимосвязи и взаимообусловленности качественных характеристик объекта исследования и на правомерности выводов о целом на основании рассмотрения его части, которая по своей структуре является микромоделью целого (генеральной совокупности).

В зависимости от специфики объекта осуществляется выбор методов сбора социологической информации – наблюдения, анкетирования, интервьюирования и т.д. и на этой основе разрабатывается инструментарий исследования (анкеты, опросные листы, карточки наблюдения и др.). Описание методов сбора информации предполагает обоснование избранных методов, фиксацию основных элементов инструментария и технических приемов работы с ними. Описание способов обработки и анализа информации предполагает указание, каким образом это будет производится, с использованием каких пакетов прикладных программ ЭВМ.

П.С.И. – документ, который организует и направляет в определенное русло исследовательскую деятельность, намечая пути ее осуществления. Подготовка П.С.И. требует высокой профессиональной квалификации и затрат времени. От качества П.С.И. во многом зависит успех эмпирического социологического исследования.

Е.В. Баранова

ПРОГРАММИРОВАНИЕ – особая форма организации проблемного мышления и деятельности. Расширяющееся в настоящее время пространство развития – превалирование процессов искусственных преобразований – указывает на то, что в мире массовое распространение получают гуманитарные технологии, проявляющие проблемную организацию мышления и деятельности. Такая организация реализуется в разных формах, из числа которых можно выделить П.

Как гуманитарная технология (**см.**), П. представляется мысленной имитацией (проигрыванием) предстоящей работы в целом, которая по мере осуществления переходит непосредственно в исполнение самой работы "в натуре" (т.е. П. является гуманитарной технологией "работы с будущим", позволяющей человеку обеспечить процесс развития). П. предполагает смену естественно-научного подхода на деятельностный, который так или иначе включает искусственную компоненту, требует критического анализа, оценки и проблематизации настоящего (в рамках естественно-научного подхода строительство будущего невозможно в принципе, т.к. естественная наука лишь прогнозирует будущее своих объектов, которое ей неподвластно и от нее не зависит). Именно поэтому гуманитарное П. позволяет наряду с известным программировать также и неизвестное; субъект же П. должен иметь средства и методы: а) фиксации этого неизвестного ("знания о незнании"), б) преобразования неизвестного в известное.

Содержанием П. является разработка программы (**см.**). Программа в таком контексте – особая форма связывания идеальной и социокультурной действительностей, своеобразный способ перехода из одной в другую. В таком понимании программы любого типа и уровня не могут и не должны содержать лозунгов и призывов (место которых в документах другого рода, напри-

мер, в манифестах): в отличие от лозунга, программа должна давать конкретный и развернутый ответ на вопрос "Что делать?". Кроме того, в отличие от плана, который всегда составляется "от достигнутого" (т.к. запланировать можно только известное), программа должна обеспечивать прорыв в будущее: она задается как ряд этапов, на которых постоянно производится проектная работа – создание альтернативных и конкурирующих проектов, направленных на решение поставленных в рамках программы реализационных задач. Именно поэтому в СМД-методологии под программой понимается искусство и наука организации, призванные соорганизовывать деятельность людей, имеющих разнонаправленные цели и интересы. В программе фиксируются только типы работ (а не их содержание) и принципы их соорганизации, т.е. в отличие от проекта программа бессодержательна: приступая к решению какой-то сложной социотехнической задачи, деятель должен себя вообще выключить из работы по содержанию и сконцентрировать все внимание и энергию на осуществляющихся работах независимо от их содержания. Вся суть такой бессодержательной деятельности заключается в том, что в позиции программиста необходимо одновременно в исходный, нулевой момент времени начать и параллельно проводить очень много разных работ, т.к. нет ни средств, ни времени проводить эти работы по отдельности. Проблемный характер мышления и деятельности проявляется в том, что П. включает в себя постоянный процесс проблематизации: еще не решенные проблемы и задачи, еще не выполненные работы – "ячейки или "дырки" – суть основные элементы программы – непрерывно оконтуриваются, прорисовываются, а затем заполняются. А в ходе их заполнения прорисовываются новые "дырки" – ставятся новые задачи и проблемы, которые необходимо решить в рамках данной программы. Программа считается законченной – реализованной – со "снятием" проблем, лежащих в ее основании (или решением задач, ее породивших). Таким образом, П. выступает средством организации работы и самоорганизации ее участников не только в условиях неопределенности, но и в условиях недостаточности средств и методов, онтологических картин и представлений.

Соответственно, можно утверждать, что программная организация работ в корне отличается от т.наз. "плановой" по ряду признаков: 1. Программу нельзя построить, а потом реализовать. Построение программы включает ее реализацию, ибо П. есть средство организации и соорганизации работ, которые выполняются в контексте программы и в процессе П. Иначе говоря, программа – это нечто вроде сетки, "набрасываемой" на человеческую деятельность и мыследеятельность, сетки, особым образом структурирующей и организующей эту деятельность. Но "набрасывается" она не на исполнителей, а на работы, которые, занимая свои функциональные места в ячейках сетки, становятся органической составной частью программы. Таким образом программа естественным образом переходит (или перерастает) в реализацию. 2. Программа не может быть "спущена" исполнителям, "доведена" до них. Программная организация предполагает, что каждый участник работы – исполнитель – сам программирует свою работу, но обязательно в рамках и контексте целого (иначе он не сможет самоопределиться и прорисовать ситуацию). Следовательно, по своей сути П. – демократическая форма организации коллективной работы. 3. Характерной чертой П. является проблемная организация работ. Благодаря такой организации дело движется не только вперед – на раз и навсегда зафиксированном уровне понимания ситуации и целей (что характерно для задачной организации), – но и вглубь: мы периодически пересматриваем свое самоопределение, цели, ситуацию, сообразуясь с непрерывно перестраивающейся сеткой (которая, соответственно, тоже перестраивается и меняется с пересмотром целей, ситуации). Таким образом, функционирование программы обеспечивается движением вперед – к уже поставленным целям, ее развитие (впрочем, как и программистов) – движением вглубь, к пересмотру целей и задач. Такое двойное движение накладывает запрет на последовательное выполнение отдельных видов работ, входящих в схему П. Именно поэтому их приходится выполнять одновременно и тогда (в отличие от плана или проекта) в программе не разделяются ее разработка и реализация (в частности, реализация программы начинается одновременно с ее разработкой). 4. Обоснование входит в программу как ее органическая составная часть, т.е. программа не нуждается в специальном обосновании. Основанием программы оказывается неудовлетворенность ее будущих авторов и исполнителей существующей ситуацией. Эта неудовлетворенность проявляется и в прорисовке ими ситуации, и в самоопределении, и в целеполагании. И именно этот блок выполняет функции обоснования программы. В этом случае оказывается, что программа может "зародиться" в любой точке общества: она может стать продуктом деятельности любого "не-удовлетворенного", начавшего анализировать ситуацию, в которую он так или иначе вписан, и которая его (по тем или иным причинам) не устраивает. Это и есть то, что называется инициатива, но облеченная в особую форму – программную). 5. Двигателем программы является проблематизация, а ее "горючим" – конфликты: различие ценностных ориентаций, разнонаправленность целей и интересов участников общей работы непрерывно порождает конфликты. Если при этом в споре рождается "истина", то мы получаем задачи, которые нам надо решать (чаще же в споре рождается проблема, требующая для своего решения разработки специальных средств и методов, но это уже задача науки и методологии). "Истина" – это не то абсолютное понимание значения и смысла, одинаковое для всех и всегда. Под истиной здесь понимаются те смыслы, о которых договорились участники работы с будущим, т.е. согласованные ими для себя и актуальные в этом временном периоде значения понятий, с которыми им предстоит работать. Это в таком ракурсе и есть "концепция" – идеальное представление о будущем, разделяемое теми, кто программирует ее (концепции) осуществление. Для программистов необходимыми условиями осуществления концептуализации (разработки концепции и, соответственно, разработки своих замыслов) являются проблематизация имеющейся ситуации и ее самоопределение. Под самоопределением понимается основной механизм обретения и проявления внутренней свободы – процесс и результат выбора человеком своей позиции, целей и средств самоосуществления в конкретных обстоятельствах жизни, в котором последовательная рефлексия действий, деятельности, бытия выступает в качестве способа самоопределения. Именно рефлексия служит и ключом к реализации замыслов, и средством интен-

сификации интеллектуальных функций (мышления, понимания, мысль-коммуникации, мыследействия), образующих систему мыследеятельности. Поэтому отсутствие рефлексии столь губительно для человека и общества, тогда как именно ее наличие является необходимым условием осуществления гуманитарной технологии – строительства будущего. Такое понимание базируется на деятельностной парадигматике: мир человека – это мир его мышления и деятельности, и природа (социокультурная ситуация, информация и т.д.) входит в него не непосредственно, а опосредованно – как объект деятельности и мышления. Следовательно, при работе с будущим "переделке" подлежит непосредственно мир мышления и деятельности работающего (а то, в какой мере и как это скажется на включенной в него природе – вещах, социальных институтах, профессиональной деятельности и т.д. – отдельная тема для рассмотрения), т.е. его работа с мечтой – расширение плана идеального, которая становится первым шагом П. развития. "Идеальный план" – это гуманитарное знание (собранные человеком воедино смыслы, соответствующие им знаки и их значения, которые "живут" в его понятийном аппарате). Концепция как особая форма существования понятий является средством формирования идеальной действительности, образования и самообразования, самосотворения участников процесса работы с будущим. При этом необходимо четко понимать, что производимые ими действия по программе изменяют первоначальную ситуацию. Следовательно, каждый раз новая ситуация требует пересмотра концепции (что изначально должно быть предусмотрено в программе) и, соответственно, перенормирования деятельности. Получается, что разработка идеи и есть собственно П., "втягивающие" в себя и проектирование, и процесс ее (идеи) реализации. Поэтому ответственность за реализацию своих идей должна ложиться на плечи авторов-разработчиков: гуманитарные программу и проекты, разработанные одной авторской группой, нельзя передать кому-то другому для их осуществления. При необходимости расширения пространства работ, каждый раз включающихся в программу новых участников необходимо "посвящать" в деятельность, передавая им всю полноту программного замысла. Соответственно, реализуемость, практичность и эффективность замыслов оказывается прямой функцией форм самоорганизации, принимаемых авторской группой. С позиций деятельностного подхода жизнедеятельность человека характеризуется постоянным воспроизведением отношений "ситуация – способ деятельности", где "ситуация" означает условия протекания жизненных процессов, а "деятельность" – способы присвоения, а значит, и формирования ситуации. Соответственно, уровень социальной активности человека будет определяться качеством присваиваемой и образуемой им ситуации, владением способами присвоения и образования ситуации, организации деятельности по ее преобразованию, реализации преобразований и проявлению отношения к преобразованной ситуации и своим действиям по ее преобразованию. Перечисленные факторы являются составными частями П. как средства реализации гуманитарных технологий. Человек же, обладающий данными технологиями, является профессионалом – человеком, способным не только выполнить существующие нормы профессиональной деятельности, но и реализовать то, что он хочет (считает нужным), изменяя при этом в случае необходимости и сами нормы профессиональной деятельности (известные ему как нормативно-одобренные способы деятельности), который в отличие от специалиста способен к развитию себя, собственной деятельности и целостной сферы своей профессиональной деятельности, кооперации с другими людьми и т.д. Активность профессионала выражается в мышлении, характере его мыследеятельности и регулируется его личностными ценностями и ситуационными целями. Профессионал – это субъект, у которого профессиональная деятельность входит в сферу его личностных ценностей и смыслов. Он деятель, обладающий своей профессиональной позицией. Профессиональная позиция человека описывается не только совокупностью его символических "капиталов" (экономическим, информационно-образовательным, социальным потенциалами), но и теми специфическими видами практик, которые он осуществляет; она рассматривается как понятие, характеризующее профессиональную деятельность человека и его возможности в обеспечении развития сферы профессиональной деятельности. Содержательно профессиональная позиция определяется как личностная философия человека (ценности, носителем которых он является) в сочетании со способностью занимать определенные места в кооперированной сфере деятельности.

Профессиональную позицию человека можно описать через определение его: а) уровня целеполагания, характеризующего наличие или отсутствие личностного смысла в деятельности и ее направленность; б) профессионального тезауруса (оперативного понятийного аппарата), предъявляющего уровень владения профессиональным языком и возможность артикулировать то, что он делает и собирается делать; в) технического репертуара (имеющегося набора средств и навыков для осуществления деятельности в профессиональной сфере), обеспечивающего возможность реализации человеком своей собственной профессиональной концепции. Профессиональные позиции людей проявляются в профессиональных сообществах, которые, разрабатывая в сфере профессиональной деятельности идеальные представления, призваны обеспечить продуктивную совместную работу его участников, взаимоподдержку, интеллектуальный успех, выработку коллективно согласованных решений. Именно клубная организация деятельности является необходимым условием осуществления П.: если необходимо не только добиться цели, но и совершить осмысленное действие, то начинать свою работу надо в сфере клуба. Профессиональное сообщество как разновидность клуба является социумом профессионалов, совместно осуществляющим изменения характера и содержания профессиональной деятельности на основании реализации П. При П. многокомплексных динамических систем (к которым можно отнести и образовательные системы) недостаточно одного руководства: традиционная для организации отечественных систем деятельность руководства является достаточно эффективной только в условиях технологизированных производственных процессов. Реформирование образования (как программная задача реализации гуманитарной технологии) дела-

ет необходимой управленческую деятельность. Ее осуществление возможно при появлении в образовании методологической позиции, которая не фиксируется институционально, а присваивается сообществом неформальным образом: методолог не проектирует системы, он занимается соорганизацией деятельности субъектов, ее проектирующих.

Н.Г. Алексеев выделяет пять методологических принципов (под которыми понимается совокупность сознательных, рефлексируемых и бессознательных, неотрефлексированных установок, определяющих получаемый в итоге продукт по схеме акта деятельности: постановка задач; используемые для их решения средства; общая организация процесса и т.д.), которые достаточно полно очерчивают совокупность различных видов деятельности и их возможную со-организацию в общих процессах П. и проектирования гуманитарных систем: 1) построение взаимодействующей системы субъектов проектирования (их совместность); 2) развитие мыследеятельности как ядро создания и организации образовательных общностей; 3) "выворачивание" в образование других сфер деятельности (как ведущий процесс построения сферы образования); 4) рефлексивное развертывание одновременных и взаимосвязанных процессов проектирования и реализации; 5) индивидуализация проектирования. При этом необходимо помнить, что в методологических принципах выделяются два взаимосвязанных, но далеко не тождественных слоя (без единства которых любой методологический принцип перестает работать): онтологический (слой видения и понимания) и организационно-деятельностный (слой действия и его организации). Реализационными категориями П. являются: 1) организованности мышления (метод, онтологическая схема, предметные знания); 2) организованности деятельности (исследование, технология и инфраструктура функционирующей программы, мониторинг и анализ ситуации); 3) феноменальность (образование и образовательный процесс, подготовка кадров и разворачивание квалификации, материальные преобразования), задающие 9 срезов программы, движение по которым организуется линейно со своим временным хронотопом и содержанием.

Обеспечивая осуществление П., прежде всего необходимо выделить основные ориентации мысли профессионалов, намеривающихся произвести те или иные преобразования, разрабатывая программу.

Вспоминая схему "шага развития", можно заметить, что необходимо: а) прорисовать и проанализировать ситуацию предстоящего действия, собирающую в себе историю и современное состояние подлежащей преобразованию системы; б) сделать прогноз, а если это невозможно, попытаться предсказать траекторию естественной эволюции системы и зафиксировать то ее будущее состояние, которое, собственно, не устраивает и побуждает к преобразованиям; в) прорисовать желательное состояние системы; г) выложить свои ценности, самоопределиться, произвести инвентаризацию наличных подходов и представлений, методов и средств предстоящей работы, а при наличии дефицита озаботиться разработкой недостающих.

Далее: 1) наметить ту или иную стратегию планируемых преобразований (с учетом выявленных ранее обстоятельств и необходимости поддерживать стабильность жизни системы в процессе преобразований; 2) продумать возможные последствия своих действий и возможные ответные действия представителей других позиций, чьи интересы так или иначе затрагиваются намеченными преобразованиями.

Из этого схематичного перечня (именно перечня взаимосвязанных и взаимно дополнительных ориентаций, а не последовательности работ) можно сделать ряд важных выводов: 1. Развертываемая по перечисленным направлениям работа мысли может закончиться только вместе с завершением намечаемых преобразований, осуществлением их результатов. 2. Разработка концепции – самый ответственный и сложный (а следовательно, дорогой и длительный) фрагмент преобразований. Ее (концепции) существенное изменение, по сути дела, означает, что всю работу надо начинать сызнова: если видение исходной ситуации, прогнозы и картины будущего могут (и должны) существенно меняться по ходу работы, то концепция, по идее, может лишь уточняться и корректироваться в деталях, в целом оставаясь неизменной. По смыслу дела концепция разрабатывается в качестве долгоживущей организованности. 3. Работы по разным направлениям могут и должны осуществляться параллельно и во взаимной увязке. 4. Реализация этой сложной интеллектуальной деятельности требует организации особой команды, каждый из членов которой имел бы свою специализацию, свои функции и границы ответственности.

С.Б. Савелова

ПРОГРАММИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВО – разновидность широко распространенной в западных странах теории постиндустриального общества. Сторонники концепции П.О. (Турен – см. и др.) считают, что постиндустриальное общество, в котором возрастающую роль играют компьютерные системы, соединенные в мощные коммуникационные сети, и их программное обеспечение, становится в самой своей глубинной сущности обществом программируемых коммуникаций. Одна из примечательных его особенностей – резкое увеличение масштабов и разнообразия информации и связанное с этим возрастание возможностей выбора человеком тех или иных информационных потоков. Об этом, в частности, свидетельствует большой и неуклонно возрастающий интерес к доступу к различным культурам, отдаленным от нашей как во времени, так и в пространстве. А эта тенденция приводит к включению практически всех категорий населения во все более интенсивные коммуникации и обмены различными культурными ценностями и идеями. Все это резко расширяет социальное пространство для все более разнообразных культурных нововведений. В итоге расширяются возможности модернизации ценностных ориентаций, установок, жизненных позиций, открываются новые благоприятные пути к открытому обществу. Но возрастающая открытость общества отнюдь не сопровождается снижением его конфликтности.

В отличие от индустриального общества, где основной классовый конфликт воплощен в противоборстве рабочего с боссом, в П.О., основной социальный конфликт пролегает между механизмом производства и управления, с одной стороны, и самим потребителем, с другой. Поскольку это общество становится более активным, мобильным и самоорганизующимся, способным создавать и реализовать все новые модели управления и

культурных нововведений, постольку в нем возникает все более разнообразный и широкий спектр различных социальных действий и движений. Все эти разнородные и разнонаправленные действия и движения резко усиливают жизненность и распространенность конфликтных взаимодействий, и это, в свою очередь, способствует более быстрой и эффективной адаптации социальной системы, ее отдельных сегментов к изменяющейся социокультурной и экологической ситуации. Такая насыщенность нововведениями всех сторон П.О. приводит к резкому возрастанию значимости для всех социальных субъектов их индивидуальности и идентичности. Идентичность в таких условиях индивидуализируется и оказывается неразрывно связанной со все более разнообразными инициативами, устраняющими со своего пути традиционные барьеры (пример тому – движение контркультуры, "зеленых" и др.).

П.О. наделяется в рамках данной концепции двумя важными отличительными чертами: 1. П.О. является частью природы и вместе с тем ответственно за защиту природы. 2. П.О. больше не признает над собой никакого божества, кроме себя самого, поскольку обладает способностью трансформировать себя почти полностью или даже разрушить себя. Вот почему П.О. в качестве целого должно рассматриваться как система деятельности, в которой все более важную роль играют культурные нововведения. Вследствие этого, считает Турен, говоря о П.О., было бы более корректно слово "общество" заменить словом "культура", указывая тем самым, что оно соответствует более сложной, менее механической и менее стабильной модели организации, открытой для разнообразных трансформаций. В этой социальной системе углубляется разлад между социальными отношениями, гражданским обществом и государством. В ней область конфронтации постоянно приближается к области знания и идей, а сердцевину социальных конфликтов составляет интеллектуальный мир, способствующий самопорождению и углубленной саморефлексии социальной системы.

Е.М. Бабосов

ПРОГРЕСС – тип, направление развития (**см.**), характеризующееся переходом от низшего к высшему, к более совершенным формам, что выражается в их более высокой организации, адаптации к среде, росте эволюционных возможностей. О П. можно говорить применительно как к системе в целом, так и к отдельным ее элементам и параметрам. Понятие П. соотносительно понятию регресса – такому направлению развития, для которого характерны явления деградации, снижения уровня организации, сужение поля возможностей. Применительно к истории человечества П. традиционалистски трактовался как социальный П. Представления об определенной направленности социальных изменений идут из глубокой древности.

Античные авторы приходят к выводу о наличии только умственного П.; в нравственном отношении человечество регрессирует (Сенека), в социально-политическом – имеет место постоянный циклический круговорот (Платон, Аристотель). Идею П. как движения к некоему будущему совершенству привносит христианство, что, в частности, свидетельствует о религиозной составляющей теорий П., всегда (в основном неявно) в них присутствующей. Христианство формулирует идею нравственного П., опирающегося на свободный выбор личности. При этом достижение совершенства (спасения) выносится за пределы истории, когда в результате эсхатологической катастрофы наступит Царство Божие. Выдвигалась, правда, и другая концепция (хилиазм), утверждавшая возможность светлого конца истории (Тысячелетнего Царства Христова) уже здесь, на земле. Именно эта идея оказала ключевое влияние на множество последующих концепций П. В 18 в. формулируется светская версия идеи П. На основе успехов естествознания в его механистической форме, утверждавших единство эволюционирующего мира, а также единство исторического процесса (Вико, Гердер), мыслители этого столетия (Тюрго, Кондорсе, Кант и др.) приходят (в духе фаталистического оптимизма) к выводу о неизбежности бесконечного, исключающего какой-либо регресс, совершенствования общества на основе торжества научного метода, разума, просвещения, которые приведут к идеальному обществу и идеальному человеку. Мыслители 19 в. обращают внимание на подчеркнутую еще Руссо противоречивость П. и стремятся дать научное обоснование путей и этапов прогрессивной эволюции, включающей в качестве необходимого элемента и регрессивные изменения. Т.обр., было снято отождествление П. и эволюции. При этом неизменной осталась идея о грядущем торжестве разумно устроенного общества: либо это самопознание абсолютного духа, воплотившегося в своей истине в идеальном государстве (Гегель); либо это торжество науки и положительной философии в конечной гармонической индустриальной стадии эволюции (Сен-Симон, Конт); либо это закономерное движение от одной общественно-экономической формации к другой, когда в результате неизбежной пролетарской революции завершается предыстория человечества ("царство необходимости") и начинается его история ("царство свободы") в форме планомерно организованного коммунистического общества (Маркс – **см.**). Иными словами все теории П. 18-19 вв. исходят (в духе хилиазма) из веры в возможность "земного рая", высказывая убеждение (особенно теории 19 в.), что человечество уже приближается к заключительной стадии своего существования и что известна та истина, которая приведет людей к этому высшему и последнему пределу истории. А поскольку научно доказать это было невозможно, то теории П. приняли форму светской религии спасения через имеющее абсолютный характер общественное начало. Совершенное состояние мыслилось как прерывание истории чудесным образом, причем чудо это трактовалось как всецелое и всеобщее.

Социальные процессы 19 и особенно 20 в. обнаружили явное несоответствие реальности разнообразным оптимистическим версиям П., в том числе и их новейшей технократической интерпретации. Оказалось, что прогрессивные изменения в одних измерениях сопровождаются регрессом в других, что сведение П. к любому одному аспекту деструктивно для системы в целом, ведет к деградации общества и человека. Обсуждение проблемы цены П. привело к широкому распространению идущего от Ф. Ницше и др. умонастроения "разочарования" в П., рассматривающего историю как упадок и регресс, а саму идею П. как суеверие.

Современная социальная мысль отказывается от идеи совершенного общества, которое якобы преодолеет трагизм и страдания человека, подчеркивает необходимость выявления

личностного смысла П., который не может быть сведен только к изменению социальных форм, вера в однозначную спасительность которых безответственна. Причины кризиса идеи П. – в сути самой индустриальной эпохи, ее неуемного стремления к обладанию, абсолютной свободе и безбрежному счастью, что ведет к росту агрессивности и насилия по отношению к природе и человеку. Одновременно это и кризис классического рационализма. Иными словами, необходим отказ от мысли, что возможна такая идея, которая откроет абсолютную форму жизни, и от надежды, что когда-нибудь такой счастливый эпилог исторической драмы будет достигнут. П. в истории должен быть понят не как достижение земного рая, а как постоянное стремление к вечному идеалу, как неустанные попытки его осуществления в повседневности: Бердяев (см.), Ортега-и-Гассет (см.), Фромм (см.), Новгородцев (см.) и др.

Особую сложность представляет проблема критериев общественного П. В истории социальной мысли при всех частных нюансах можно выявить два пути решения проблемы в зависимости от того, какое начало считается исходным – общество или личность. В первом случае критерием П. признается становление социальных форм, обеспечивающих организованность общества как целого, что и определяет положение человека. В качестве ключевого, а иногда и единственного условия этого рассматривают развитие производительных сил на основе научно-технического П.: Г. Гегель, Конт (см.), Маркс, Спенсер (см.), Ростоу (см.) и др. При втором подходе критерий П. усматривается в положении человека в обществе, в уровне его свободы, счастья и благоденствия, в социальном самочувствии и цельности личности, степени ее индивидуализации: Михайловский (см.), Сорокин (см.), Фромм (см.) и др.

Исторический опыт показывает, что вторая позиция более реалистична и одновременно универсальна и гуманистична, ибо, признавая несомненную проблематичность человеческого существования, она обосновывает идею, что мир личности шире и глубже любой общественности, он бесконечен, а потому не "обетованная земля", а непреклонная личность – последняя опора социума, чем утверждается подлинное бытие индивида в форме его внутренней созидательной активности. Личность в таком случае выступает не как средство, а как цель и критерий П. Однако при этом возникает вопрос о "единице" измерения счастья и свободы личности, о способах ее связи с интересами целого, особенно в свете широко распространенных идеологем, что одни поколения должны страдать, чтобы обеспечить счастье других. За этой проблемой скрыт спор абсолютного индивидуализма (Ницше) и абсолютного коллективизма (марксизм). Решение проблемы может быть следующим: "Свободная личность – вот основание для построения общественного идеала, но личность, не отрешенная от связи с другими, а носящая в себе сознание общего закона и подчиняющая себя высшему идеалу" (Новгородцев). Основой этого является абсолютный идеал добра (утверждение безусловного нравственного достоинства личности), воплощенный в системе абсолютных ценностей. Этот идеал имеет внеопытное происхождение и удостоверяется только верой, но исторический опыт (особенно 20 в.) показывает, что отказ от него и абсолютизация каких-либо относительных ценностей неминуемо ведут к социальному регрессу. Поэтому для спасения цивилизации, для ее подлинного П. необходим новый гуманизм, человеческая революция в форме изменения отношения человека к себе и другим, становление культурного универсализма (Бердяев, Фромм, А. Печчеи, Ясперс и др.).

Современное понимание П. отвергает идею неумолимости П. в силу объективных социальных законов и строит свои рассуждения на принципе "есть надежда на переход к миру лучшему, чем наш", не считая этот мир окончательным. Социальный процесс включает различные тенденции, выбор которых в качестве прогрессивных (желательных) зависит от людей, а не изначально задан. Для понимания тенденций важны не столько описания будущего, сколько широкая социальная информация об опасностях настоящего, что позволяет людям делать правильный выбор. Иначе говоря, П. может быть понят как единство относительного и абсолютного: эволюция относительных явлений бесконечна и разнонаправлена, но на каждой ступени этого процесса осуществляется абсолютное, что и может быть признано за закон социального П. (Новгородцев, С. Булгаков). История не выстраивается в прямую линию, это совокупность множества ситуаций и форм, обязывающая признать единственной подлинной социальной реальностью живую человеческую личность, через которую должны быть осуществлены идеальные требования.

Г.Я. Мирденков

ПРОЕКТ (лат. projectus – выступающий вперед) – прототип, прообраз предлагаемого объекта. Работа по созданию П. требует, во-первых, знания об объектах проектирования и знания о назначении и функционировании сферы деятельности (действительности), в которую вводятся преобразуемые объекты; во-вторых, знания методик и понятийных средств проектирования как специфической деятельности. Гипотетическое преобразование объекта связано не только с описанием данности, но учитывает также возможность практического приведения существующего объекта к тому виду, который задается в П.

Основания, определяющие выбор направления преобразований (или идеалы), должны соотноситься с широким контекстом системы, в которую входят изменяемые объекты. Желательное изображение объекта рассматривается в качестве П. в том случае, если оно реализуется в виде объекта или может быть реализовано. Оценивание П. не с точки зрения истинности – ложности, но реализуемости требует от объекта наличия свойств, поддающихся непосредственному воздействию преобразователя, что фиксируется в П.

Задание объекта начинается с выделения процессов в этом объекте, прежде всего функции как осуществления вводимых преобразований. Процессы функционирования очерчивают границы объекта проектирования как системы. В соответствии с полученным способом функционирования выбирается обеспечивающий его материал. Специфический порядок выделения и организации объекта (обратный классическому естественнонаучному) характеризует структуру проективного исследования. Понимание П. как одного из результатов методологической работы, которой охватываются познавательная, практическая и

организационно-управленческая деятельности, распространяет принципы проектирования на научное исследование как таковое, что приводит к изменению типа объектов, которыми оперирует наука, и изменению структуры научного познания.

С.А. Радионова

ПРОЕКТИРОВАНИЕ – деятельность, под которой в предельно сжатой характеристике понимается промышливание того, что должно быть. Исходя из этого понимания, можно сказать, что П. характеризуется двумя моментами: идеальным характером действия и его нацеленностью на появление (образование) чего-либо в будущем. Именно это две характеристики отличают П. как таковое от других широких (в некотором смысле предельных) типов гуманитарных технологий, например, от исследования. Кроме того, под П. традиционно понимается особая деятельность, имеющая своей целью разработку проектов. "*Проект* (лат. – прожект, фр. – план, предположение, предначертание) – задуманное, предположенное дело и само изложение его на письме или в чертеже. Прожектировать (фр.) – задумать, загадать, сообразить и предположить к исполнению" (В. Даль).

Из сопоставления предъявленных пониманий следует, что могут существовать и реально существуют самые различные виды, методы и способы П. Например, различают: А) техническое П., организованное задачным образом, т.е. по прототипам (например, решение определенного круга задач при разработке проектно-сметной документации, разработке реализационных проектов по достижению заранее известных целей, осуществление которых – удел других специалистов). Обоснованием такого проекта служат существующие нормативно-правовые акты, условия и правила осуществления производственных технологий (например, СНиПы в строительстве и т.д.). На основании норм, указанных в проекте, последний проверяется на "истинность" – соответствие разработки этим нормам. Б) гуманитарное П., с которым связана проблемная организация мышления и деятельности, т.е. собственно П. в узком и точном смысле слова. Гуманитарное П. – это технология осуществления изменений в том случае, когда результат проектного решения наперед неизвестен, что требует проверки гуманитарного проекта не на истинность, а на реализуемость. Наличие проблем в деятельности авторов проекта, их позиция, самоопределение на изменения и выбор способа осуществления перемен являются обоснованием гуманитарного проекта. Как способ проблемной организации мышления и деятельности П. принципиально отличается от программирования: если программирование предъявляет способ движения, приводящий к "снятию" проблемы (на основании реализации концептуального представления идеального – "беспроблемного" состояния некоего места), то П. – культурно-оформленная деятельность "по построению утопии" – содержит способ "обустройства" этого места (которого сегодня еще нет).

Этапами разработки гуманитарного проекта являются: 1) вычленение и формулирование проблемы, определение проектной идеи, 2) последовательная разработка проектного замысла и 3) собственно проекта, включающая и его реализацию.

1. Проектная идея – концепция (описание "места, которого нет"): это не научный прогноз, а проект, мыслительная конструкция, задающая место для заполнения идеальными представлениями будущего для тех, кто ее разрабатывает. Концептуализация (работа по согласованию понятий и выстраиванию собственных представлений) является средством формирования идеальной действительности, соорганизации разнонаправленных и многообразных течений, образования и самообразования, самосотворения участников процесса работы с будущим, позволяющей привести к "снятию" имеющейся проблемы. В деятельности – проблемы гуманитарные. Они не имеют ярко выраженной предметной направленности (т.е., как правило, не могут быть "сняты" средствами однопредметного знания). Способы разрешения гуманитарных проблем "лежат" в области интегрированного знания. Соответственно, определение и построение этих способов – удел деятельности полипрофессионального сообщества, объединяющего разнопредметных специалистов, имеющих общее содержание (совпадающую проблему в деятельности) и выстраивающих на этом основании согласованный предмет деятельности средствами надпредметного знания. Соответственно, если мы озабочены развитием (а по этому поводу "сколько голов, столько и умов"), то единственный способ договориться состоит в движении к основаниям – вглубь, а не вперед. В гуманитарном П. обсуждать надо не "светлое будущее", которое всем видится поразному, а те понятия и представления, онтологические картины, методы, средства, формы самоорганизации, которые необходимы проектировщикам для такого странного движения: вперед к разным целям. То, что обсуждается, и есть общий (согласованный) предмет деятельности – проектная идея. Гуманитарные проекты – это не предложения, внедряемые откуда-то извне в деятельность социальных групп (когда последние оказываются в роли только исполнителей чьих-то замыслов). Замыслы гуманитарных проектов (даже если они рождаются и вне этой социальной группы) должны быть поняты и приняты участниками его осуществления, становящимися соавторами проектной идеи и ее держателями. Но поскольку сегодня в образовании ощущается недостаточный уровень гуманитарного мышления и знания, гуманитарной и технологической подготовки, и, соответственно, профессиональной готовности специалистов к разработке и реализации собственных проектов, то разработка гуманитарных проектов должна предваряться специальной работой по подготовке социального пространства как потенциальной "площадки" гуманитарного П. Подготовка "площадки" в этом контексте – это своеобразная пропедевтическая работа по наращиванию и кадрового, и материально-технического, и финансового ресурсов гуманитарного проекта. Одним из признаков готовности является деятельность в данном пространстве полипрофессионального сообщества, где под сообществом понимается клубная структура, основанная на самоопределении и предъявлении позиции ее участников, объединенных наличием общей проблемы в деятельности, желанием взаимодействовать в поиске путей ее разрешения.

2. Разрабатывая проектный замысел (который включает не только описание и обоснование проектной идеи, но и технологию создания проектной базы), проектировщики, отвечая одновременно на вопросы, что и как делать и как устроен мир делания, обязаны получить механизм реализации проектной идеи: концепция выступает соорганизующей рамкой полилогичной организации деятельности, на основании которой рождается

программа реализации проекта как средство его управления. Деятельность по программе в свою очередь меняет ситуацию, а новая ситуация требует пересмотра концепции, т.е. перепроектирования. При этом реализуемость, практичность и эффективность замыслов оказывается прямой функцией принимаемых проектировщиками форм самоорганизации: нет и не может быть вопроса о том, кто из сторонников или противников проекта прав "на самом деле", потому что каждый прав по-своему. Рефлексия своей позиции как частичной, частной, находящейся в ряду других, в т.ч. и конкурирующих, вменена проектирующим самой ситуацией преобразований. Следовательно, если мы не хотим действовать силой или обманом, в гуманитарном П. оказывается безальтернативной полилогичная организация деятельности, в которой возникает рациональность другого рода, чем в науке. Разрабатывая программу реализации проекта, полипрофессиональное сообщество, "удерживая" общий предмет деятельности, трансформируется в профессионально-деятельностное ("общность, которая должна действовать"). В рамках проектного замысла именно профессионально-деятельностное сообщество способно обеспечить согласованную деятельность разнопредметных специалистов (осуществляемую в общем содержании – предмете деятельности, но специфическими средствами определенных специальностей).

3. Доводя проектный замысел до уровня проекта, это сообщество, отталкиваясь от необходимого, составляет согласованный план действий и бюджет, обосновывая последний разработанной сметой расходов. Именно такая технология осуществления гуманитарного П. (искусственного, целенаправленного, осуществляемого за счет собственных усилий преобразования, обеспечивающего развитие) позволяет авторам-разработчикам брать на себя ответственность за реализацию своих идей. Именно в таком случае будущее не прогнозируется, а строится, а гуманитарное П. оказывается технологией "работы с будущим", включающей в себя разработку замыслов преобразования мира (ситуации, деятельности и т.д.) и их реализацию, в результате которой преобразуемое становится не просто другим (как оно изменилось бы в ходе естественной эволюции), но именно таким, как было задумано. Проверка гуманитарного проекта по критерию "реализуемость" проводится по следующим показателям: а) обоснованность проекта (актуальность и доказательность проектной идеи; точность выявления и формулирования проблемы); б) уровень квалификации авторов (соответствие авторского самоопределения и границ анализируемой ими ситуации; возможность "снятия" проблемы реализацией заявленной идеи; возможность реализации проектной идеи ее авторами – оценка предъявленного опыта); в) проработанность проекта (доказанность возможности осуществления заявленной идеи; продуманность технологии и механизма реализации).

С.Б. Савелова

ПРОЖИТОЧНЫЙ МИНИМУМ – понятие и статистический стандарт, характеризующие минимум средств, необходимых для физического и духовного выживания и развития человека. Бюджет П.М. – это его стоимостной показатель, который включает в себя стоимостную оценку натурального набора, а также расходы на обязательные платежи (налоги, коммунальные расходы и др.). П.М. официально обозначает границу бедности и на его основе, как правило, устанавливается минимальный размер оплаты труда и минимальный размер трудовой пенсии. Размер П.М. различается в зависимости от местных условий проживания (в частности, экономических возможностей, политической линии, национальных традиций, плотности населения, климата и т.д). Бюджет П.М. рассчитывается как в среднем на душу населения, так и отдельно для трудоспособных граждан, пенсионеров, подростков и детей. Семьи, имеющие душевой доход ниже П.М., являются бедными и могут претендовать на получение адресной социальной помощи. Обычно выделяют два вида П.М.: социальный и жизненный. Жизненный основан на удовлетворении только главных физических потребностей и основных услуг. С методологической точки зрения он представляет собой стоимостное или материальное выражение материальных ценностей, соответствующих данному уровню. Социальный минимум содержит затраты на минимальные духовные и социальные запросы, помимо минимальных норм удовлетворения физических потребностей. Он представляет собой стоимостное выражение совокупности материальных благ и услуг, предназначенных для сохранения приемлемого уровня жизни.

Основой расчета П.М. является потребительская корзина, в которую включаются традиционные продукты питания, непродовольственные товары и услуги. Обычно каждое государство рассчитывает П.М. по своей методике. Например, в постсоциалистической Болгарии существовали два подхода для определения П.М. – на абсолютной и относительной основе. Относительная оценка исчислялась на основе определения порога бедности как процент от конкретного среднего социального стандарта, характерного для всего общества. В соответствии с этим методом увеличение жизненного стандарта приводит к повышению порога бедности, а, следовательно, растут расходы на поддержание социально приемлемого минимального стандарта. Для нахождения абсолютного уровня П.М. используются разные методы. Например: метод нормативного содержания минимума потребительской корзины; регрессивная модель описания отношений разных статей расходов и доходов (либо определение П.М., как соответствующего наименьшему по стоимости потреблению); метод экспертных оценок; социологический метод.

В бывших социалистических странах наиболее распространен метод потребительской корзины, так как он лучше всего отражает состав минимального потребления. В Болгарии были предложены различные варианты определения П.М., зависящие от состава семей по разным признакам. Для семьи из двух человек в корзину было включено 552 позиции, из трех – 639, из четырех – 652. Корзина содержала приблизительно 149 продовольственных статей, что составляло около 25% от общего числа позиций указанных типов семей. При этом использовались минимальные, но физиологически достаточные нормы питания. В потребление непродовольственных товаров было заложено удлинение сроков их действия. При составлении корзины товары и услуги учитывались по низким ценам. В Венгрии в 1991 произошли изменения в методологии расчета П.М. Потребительская корзина продовольствия стала заполняться постатейно, а остальные главные затраты, в том числе квартирная плата, исчислялись общей суммой. Данный метод позволял установить такой размер

месячной суммы, при которой семья может существовать скромно, находясь при этом на общественно-приемлемом уровне потребления. Данный метод позволяет сопоставлять минимальные расходы наиболее часто встречающихся типов семей со всеми типами или распространять их на все типы. Следует отметить, что при наполнении потребительской корзины во внимание принималось не только количество продуктов, но и необходимое содержание в них жиров и углеводов. При исчислении П.М. учитываются различные факторы: возрастные особенности в питании, структура питания в разное время года и пр. При расчете данного показателя в Эстонии в потребительскую корзину не включались алкогольные напитки и табачные изделия, хотя общая методика исчисления социального минимума предполагает их наличие в потреблении. В Литве П.М. исчисляется на основе минимальных потребностей, присущих типичной семье, состоящей из двух взрослых и двух детей – мальчика 12-14 лет, и девочки – 6-8 лет. В России существует несколько вариантов определения П.М., рассчитываемого различными ведомствами: Госкомитетом, Министерством труда, Всероссийским центром уровня жизни. Различия между ними заключаются в объеме потребительской корзины. В 1992 самая минимальная корзина была в варианте, представленном Министерством труда. Продовольственная часть содержала 50-60 видов продуктов питания, а минимальные нормы потребления были гораздо ниже, чем при расчетах, проводимых в других ведомствах. Ныне в России затраты на продукты питания составляют от 61,6% до 82,9% общего бюджета П.М. В настоящее время весьма значительная часть человечества существует ниже порога П.М.

А.А. Гришин

ПРОЗРАЧНОСТЬ (транспарентность, от англ. transparency – прозрачность) – одно из основных понятий современной теории информационного общества (Р. Барбрук, Э. Камерон, Д. Брин, Д. Лайон, М. Постер), постмодернистской социальной теории (Ж. Бодрийар – **см.**, П. Вирильо – **см.**) и социологии надзора (Р. Вайтекер), характеризующее влияние информации (**см.**) и медиа на механизмы социальной организации (**см.**). П. означает возможность исчерпывающего представления общественных структур и индивидов (**см.**) в общем поле информации/сведений о каждой из них, будь то семья, политические институты, образование или бизнес. Исторически непрозрачность доинформационных обществ трактуется как отсутствие фокусированного и систематического сбора и обработки информации (баз данных, высокоскоростных средств передачи данных и т.д.). Нередко стремление информационных обществ к П. интерпретируется как отражение страха перед хаосом, нестабильностью, скрытым, неизвестным, непонятным.

В операциональном аспекте П. прежде всего предполагает доступность, скорость и высокую степень структурированности информации, удобство ее преобразования в различные, легко читаемые форматы, и наличие постоянной обратной связи. Последнее как некий императив взаимодействия добавляет к пониманию прозрачности принцип интерактивности (см. **Интерактивность**). П., таким образом, базируется не просто на наличии обстоятельной информации, но и на интерактивном участии, вовлечении людей в активные информационные обмены, чтобы постоянно поддерживать и пополнять "базы данных".

С одной стороны, идея П. безусловно отсылает к либеральной установке на свободный доступ к информации и характеризует новую степень индивидуальной свободы в использовании информации (Р. Барбрук, Э. Камерон). Такая трактовка П. очень близка по сути пониманию открытости и открытого общества (Д. Брин). Например, А. Шапиро настаивает на том, что информационная П., которую создает сеть Интернет есть достижение "революции контроля", которая невероятно быстро сделала дискурсивные практики общения "многих-со-многими" (many-to-many-interactivity) и универсальный доступ в глобальную сеть естественной (привычной, незамечаемой) частью повседневной жизни. Гигантская функциональная мощь и П. информации в мировой паутине позволяет увеличить индивидуальную степень свободы и спектр индивидуального выбора. Такая персонализация имеет следствием возможность обходить многие препятствия и уклоняться от внешнего контроля, одновременно наращивая неопределенность, дезорганизацию и конфликтность ценностей.

С другой стороны, П. открывает беспрецедентные возможности для осуществления тотального надзора и тотализации власти. И именно в аспекте обратной связи, интерактивности и вовлечения П. обнаруживает непростую проблематику трансформации представлений о приватном (частной жизни) и возможности острого конфликта между приватным и прозрачным. Кроме того, здесь же возникает проблема надзора, поскольку П. может быть несимметричной, односторонней. Тогда П. становится ключевой характеристикой нового типа электронной паноптической власти [см. **"Надзирать и наказывать" (Фуко)**], что, несомненно, представлено такими социальными феноменами, как системы наблюдения в публичных местах (камеры слежения), универсальные системы идентификации (ИНН, номер социального страхования, банковские карты), системы наблюдения и идентификации на рабочем месте (тайминг, камеры внутреннего наблюдения, мониторинг операций), коммерческие базы данных (от примитивных коллекций адресов до подборок практически по любому признаку, включая здоровье; еще в 1990 Lotus Co. выпустила коммерческий CDR с базой данных на 120 миллионов американцев), системы спутникового слежения.

Анализируя эти явления с точки зрения социологии надзора, Д. Лайон убедительно демонстрирует, что электронные средства коммуникации за счет создания эффекта П. усиливают возможности социального конструирования надзора в различных сферах: национальная безопасность, полиция, производство и потребление (Лайон использует здесь несколько ироничную модель личности: "тело, душа и кредитная карта"). Наша жизнь собирается, хранится, обрабатывается в базах данных корпораций и министерств, которые следуют принципу П. как стратегической установке, обеспечивающей социальную управляемость и эффективность. Общество надзора – открытие отнюдь не сегодняшнего дня, а развитие очень давних исторических тенденций. Однако для современного общества П. есть требование немедленной идентификации как необходимой предпосылки для того, чтобы действовать. Критически анализируя возможности "электронного паноптикума", Лайон считает, что самый принципи-

альный вопрос состоит в том, насколько присуща П. и паноптическая власть всем социальным сферам. С его точки зрения, в современном фрагментированном обществе не может быть абсолютной П. и оперирующего ею тотального надзора. Рабочее место, школа и прочие институты не являются клетками тюрьмы (в этом пункте Д. Лайон видит недостатки концепции надзора Фуко – **см.**). Он признает, что проблема надзора с развитием информационных технологий и приносимых ими изменений становится постмодерной, и вслед за Ж. Бодрийаром (**см.**) и З. Бауманом (**см.**) считает, что П. как соблазн/совращение интегрирована в паноптический механизм. Однако Лайон стремится предостеречь от "постмодерной паранойи" – стремления видеть в новейших формах П. тотальный/фатальный механизм контроля и подавления – считая, что П. и надзор многолики и способны выполнять позитивные социальные функции, способны обернуться заботой и защитой.

В теории симулякров (**см.**) Ж. Бодрийара среда П. формируется как базовая характеристика гиперреальности (**см.**), где эффект П. достигается за счет того, что все становится сверхвидимым, приобретает избыток реальности в сверхмикродетализации и серийной репродукции. П. совращает, создавая ощущение непристойной близости. Формула П. как непристойности: "Все, что сокрыто, что еще наслаждается запретом, будет откопано, извлечено на свет, предано огласке и очевидности". Другим аспектом П. является имплозия – взаимное смешение и взаимопроникновение структур, категорий и ценностей. Таким образом, П. оказывается характеристикой социальной деконструкции.

Следуя за Бодрийаром, который интерпретирует П. как непристойность и гиперрепрезентацию абсолютных всех, даже мельчайших, но все еще сокрытых деталей, А. Крокер и М. Вайнстайн видят в П. репрессивный механизм исключения того, что сопротивляется быть прозрачным. В духе постмодернизма и критической теории они проделывают детальный анализ П. в аспекте механизмов электронной нормализации и контроля. Универсальность П. в интересах виртуального надзора основана: а) на властных амбициях "виртуального класса" владельцев компьютерной, медиа- и телекоммуникационных индустрий; б) на их стремлении стимулировать рост индивидуализма в использовании информации; в) на построении универсальной интерактивной среды; г) функциональном контроле при помощи экспертных программ. П. с точки зрения амбиций виртуальной элиты преподносится как идеологический образ индивидуалистической эмансипации, однако в действительности П. означает электронную нормализацию тел, которые приравниваются к бестелесным потокам данных.

Столь же радикально ставит проблему П. и контроля Р. Вайтекер, утверждая, что П. означает конец приватного – тотальный контроль становится реальностью. На примерах использования телекоммуникационных, компьютерных и биотехнологий он пытается показать, что П. и тотальный контроль становятся все более возможными и осуществимыми, причем уже не на уровне микрофизики власти (Фуко), а на уровне микробиологии, на уровне технологической коррекции генетического кода ДНК. Рассматривая эту тенденцию в духе Оруэлла (**см.**), Вайтекер утверждает, что П. содержит угрозу полной редукции частной сферы и превращения всего социального пространства в территорию тотального электронного надзора, гиперконтроля, тотальной управляемости и предопределенности. В политическом контексте идея П. находит все больше сторонников среди правящих элит западных обществ как принцип построения электронного правительства (e-governance). Первые десятилетия 21 в. обещают довольно быстрый прогресс в этой сфере.

Д.В. Галкин

"ПРОЗРАЧНОСТЬ ЗЛА" ("La transparence du mal", Paris, 1990) – сочинение Бодрийара (**см.**). Книга посвящена философскому осмыслению современного мира и продолжает, в частности, тему философско-художественное эссе "Америка" ("Amérique", Grasset, 1986).

Речь идет о мироустройстве, главной особенностью которого является, по Бодрийару, создание все более обыскусственной среды обитания людей, в которой человек более не страдает от тяжкого труда, болезней, голода, насилия, войн и даже не переживает экзистенциальных душевных конфликтов. Предваряется исследование мыслями о том, что "коль скоро мир движется к бредовому положению вещей, мы также должны смещаться к бредовой точке зрения" и "лучше погибнуть от крайностей, чем от отчаянья".

Как отмечает Бодрийар, "если бы мне надо было дать название современному положению вещей, я сказал бы, что это – состояние после оргии. Оргия – это каждый взрывной момент в современном мире, это момент освобождения в какой бы то ни было сфере. [...] Это была всеобъемлющая оргия материального, рационального, сексуального, критического и антикритического, – оргия всего, что связано с ростом и болезнями роста. Мы прошли всеми путями производства и скрытого сверхпроизводства предметов, символов, посланий, идеологий, наслаждений. Сегодня игра окончена – все освобождено. И все мы задаем себе главный вопрос: что делать теперь, после оргии?" По мысли Бодрийара, человечество спешит в пустоту, потому что все конечные цели освобождения остались позади, людей неотступно "преследует и мучает предвосхищение всех результатов, априорное знание всех знаков, форм и желаний". Общество достигло такого состояния, когда ничто (даже Бог) не исчезает более, достигнув своего конца или смерти; нет больше фатальной формы исчезновения, есть лишь частичный распад как форма рассеяния.

Как отмечает Бодрийар, ранее он полагал возможным построение следующей классификации ценностей (**см.**): 1) Начальная стадия, когда существовали повседневные, бытовые ценности; ей соответствовало естественное состояние мира, ценности развивались согласно существовавшим естественным обычаям. 2) Рыночная стадия, когда ценность выступает как средство обмена; этой стадии присуща эквивалентность ценностей, ценности эволюционируют согласно логике торговли. 3) Структурная стадия, когда появляется ценность-символ, некие своды соответствующих правил; ценности развиваются в соответствии с существующей совокупностью образов. По Бодрийару, после начальной, рыночной и структурной стадий эволюции ценностей возникает стадия их "дробления" – стадия диффузии ценностей,

когда уже не существует соответствия чего бы то не было чему бы то ни было. На этой стадии не существует более равноценности, присущей другим стадиям, нет больше и самого закона ценности; есть лишь нечто, похожее на эпидемию ценности, на ее распространение и рассеяние, зависящее лишь от воли случая. Добро не располагается более по ту сторону зла. Вещи, знаки, действия освобождаются от своих идей и концепций, от сущности и ценности, от происхождения и предназначения, вступая на путь бесконечного самовоспроизводства. Все сущее продолжает функционировать, тогда как смысл существования давно исчез. Таким образом, по Бодрийару, "идея прогресса исчезла, но прогресс продолжается".

"Идея богатства", которая предполагает производство, исчезла, но производство как таковое осуществляется наилучшим образом. Доминирует размножение путем "ракового деления", которое более не повинуется генетическому коду ценности: постепенно исчезают любовные приключения – приключения существ, наделенных половыми признаками; они отступают перед предшествующей стадией существ бессмертных и бесполых, которые, подобно одноклеточным организмам, размножались путем простого деления одного и того же вещества и отклонением от существующего кода. Современные технологически оснащенные существа – машины, клоны, протезы – тяготеют именно к этому типу воспроизводства. Как отмечает Бодрийар, в эпоху сексуального освобождения провозглашался лозунг максимума сексуальности и минимума воспроизводства. Сегодня мечта клонического общества: максимум воспроизводства и как можно меньше секса. Прежде тело было метафорой души, потом – метафорой пола. Сегодня метафора исчезает во всех сферах. Таков один из аспектов общей транссексуальности. Экономика, ставшая трансэкономикой, эстетика, ставшая трансэстетикой, сексуальность, ставшая транссексуальностью, – все это сливается в универсальном процессе. Все становится сексуальным, все являет собой объект желания: власть, знания – все истолковывается в терминах фантазмов и отталкивания; сексуальный стереотип проник повсюду.

По Бодрийару, пролетариату (см.) со времен Маркса (см.) так и не удалось опровергнуть самого себя в качестве такового. Ему удалось лишь опровергнуть себя в качестве класса и тем самым упразднить классовое общество. Только буржуазия (см.), по Бодрийару, оказалась подлинным классом и смогла опровергнуть самое себя, заодно уничтожив капитал и породив бесклассовое общество: пролетариат просто рассеялся вместе с классовой борьбой. Анализ Маркса, согласно Бодрийару, остается абсолютно безупречным. Он просто не предвидел, что перед лицом неминуемой угрозы капитал может в какой-то мере трансполитизироваться, переместиться на другую орбиту – за пределы производственных отношений и политических антагонизмов, представить весь мир во всем его многообразии по своему образу и подобию.

Бодрийар отмечает, что искусство в смысле символического соглашения, отличающего его от чистого и простого производства эстетических ценностей или культуры, исчезло. Стремление Запада поставить все в мире в зависимость от судьбы товара свелось к эстетизации мира, к превращению его в космополитическое пространство, в совокупность изображений, в семиотическое образование: каждая вещь посредством рекламы, средств массовой информации и изображений приобрела свой символ. Система, по Бодрийару, скорее функционирует за счет эстетической прибавочной стоимости знака, нежели за счет прибавочной стоимости товара; система функционирует все меньше как множество товаров и все больше – как множество эстетических знаков.

Согласно Бодрийару, "традиционная" сексуальность связана с наслаждением (это – лейтмотив освобождения), транссексуальность же – с искусственностью, будь то уловки, направленные на изменение пола, или присущая трансвеститу игра знаков, относящихся к одежде, морфологии, жестам. Миф о сексуальной свободе остается живым в многочисленных формах в реальном мире, а в воображении доминирует именно транссексуальный миф с присущими ему двуполыми и гермафродитическими вариантами. После оргии наступает время маскарада, после желания появляется все то, что уподобляется эротическому, хаос и трансексуальный беспредел (кич) во всей своей славе. Если Чиччолина может быть сегодня избрана депутатом итальянского парламента, то именно потому, что трансексуальность и трансполитика объединяются в одном и том же ироничном безразличии. Не только сексуальная, но и политическая культура перешла на сторону маскарада. Образ жизни трансвестита, согласно Бодрийару, стал самой основой наших действий, даже тех, что направлены на поиск подлинности и различий.

Кибернетическая революция подводит человека, оказавшегося перед лицом равновесия между мозгом и компьютером, к решающему вопросу: человек я или машина? Происходящая в наши дни генетическая революция подводит человека к вопросу: человек я или виртуальный клон? Сексуальная революция (см.), освобождая все виртуальные аспекты желания, ведет к основному вопросу: мужчина я или женщина? (Психоанализ положил начало этой неуверенности.)

Что же касается политической и социальной революции (см.), послужившей прототипом для всех других, она, предоставив человеку право на свободу и собственную волю, с беспощадной логикой заставила его спросить себя, в чем же состоит его собственная воля. Таков парадоксальный итог любой революции: вместе с ней приходят неопределенность, тревога и путаница. По окончании оргии освобождение поставило весь мир перед проблемой поиска своей родовой и половой идентичности, оставляя все меньше и меньше возможных ответов, если учесть циркуляцию знаков и множественность желаний. Именно таким образом мы стали трансексуалами.

Характеризуя феномен "трансэкономики", Бодрийар начинает с идеи о том, что современным механизмам информации, коммуникации, памяти, складирования, созидания и разрушения присуща "дьявольская беременность", они столь избыточны, что заранее застрахованы от какого-либо использования. Не люди покончили с потребительской стоимостью, а сама система ликвидировала ее путем перепроизводства.

Произведено и накоплено столько вещей, что они просто не успеют сослужить свою службу. Написано и распространено столько знаков и сообщений, что они никогда не будут прочитаны.

По версии Бодрийара, СПИД, экономический крах, компьютерные вирусы, терроризм не являются более взаимозаменяемыми, они связаны родственными узами. СПИД – разновидность краха сексуальных ценностей; вычислительные машины сыграли "вирусную" роль в крахе на Уолл-стрит, но поскольку они тоже заражены, их подстерегает крах информационных ценностей. Заражение активно не только внутри каждой системы, оно переходит из одной системы в другую. И весь этот комплекс вращается вокруг одной главной фигуры, которая и есть катастрофа.

По мысли Бодрийара, "когда-то говорили, что массы безмолвствуют. Это молчание было свойственно прошлым поколениям. Ныне массы воздействуют не отступничеством, а заражением. Своей причудливой фантазией они заражают опросы и прогнозы. Определяющими факторами являются уже не воздержание и молчание – проявления нигилистические, а использование массами самих пружин неуверенности... Это означает, что без ведома экспертов, которые их изучают, и манипуляторов, которые думают, что влияют на них, массы поняли, что политическое виртуально мертво, но что теперь им дано сыграть в новую игру – столь же возбуждающую, как игра на колебаниях биржи, игру, где они с необычайной легкостью могут подчинить себе общественность... Массы, с точки зрения социологии, воплощают в себе принцип неопределенности. Если система власти организует, как умеет, статистический порядок (а социальный порядок сегодня является статистическим), то массы втайне заботятся о статистическом беспорядке".

Сегодня, по Бодрийару, господствует фактичность симулякра, благодаря прозрачности нашей искусственной цивилизации. Это похоже на то, как будто человек освещен со всех сторон, свет пронизывает его насквозь, но он остается невидимым в ярком свете. Мы освещены техникой, образами, информацией, мы подчинены этой белой активности: отбеленной социальности, отбеленной телесности, что привело к тотальному асепсису как денег, так мозга и памяти. Добела отстирана власть, чисто вымыта история в гигантском проекте хирургии красоты, которая излечивает как индивида, так и общество от разнообразных наростов. Большая проблема нашего времени: ничто не является само по себе источником наслаждения – надо заставить наслаждаться и самого себя, и других. Наслаждение становится актом коммуникации: ты принимаешь меня, я принимаю тебя, происходит обмен наслаждением – один из способов взаимодействия. Если бы кто-нибудь захотел наслаждения без коммуникации, его сочли бы глупцом.

Наше зло, констатирует Бодрийар, – морально-символическое по происхождению. Борьба с так понимаемым злом настолько захватила человечество, что большинство придуманных им законов направлены на полное искоренение зла. Вместе с тем его не убавляется, и это поддерживает манихейский пессимизм. Люди разочаровались в своем уме: они загоняют его в машины, чтобы иметь возможность играть с ним (или на нем) и насмехаться над ним. Доверить свой интеллект машине – значит, по Бодрийару, освободиться от всякой претензии на знание, подобно тому, как делегирование власти политикам позволяет нам смеяться над всякой претензией на власть. "Как очки и контактные линзы стали нашими родовыми протезами, ибо мы теряем зрение, так и компьютер становится искусственным протезом теряющих способность мыслить людей". Являюсь я человеком или машиной? На этот антропологический вопрос больше нет ответа. Мы живем в эпоху конца антропологии, которая тайным образом конфискована машинами и новейшими технологиями. Недостоверность, которая возникает из несовершенства машинных сетей, и сексуальная недостоверность (кто я: мужчина или женщина?), связанная с техниками бессознательного и телесного, имеют нечто общее с недостоверностью, вызванной изменением статуса объекта в микрофизике. Нет больше отчуждения (**см.**) человека человеком, есть гомеостазис человека и машины.

Бодрийар отмечает, что в любом смешении людей с их собственным кодом всегда есть угроза кровосмесительной вирулентности, дьявольского изменения, появляющегося с целью испортить этот столь красивый механизм. Это выход на поверхность принципа Зла в иной форме. В системах, развивающихся по пути всеобщей позитивности и утраты символов, зло в любых своих формах равносильно основному правилу обратимости.

Формулируя проблему "куда же проникло Зло", Бодрийар фиксирует: зло проникло повсюду – анаморфоз всех современных форм Зла бесконечен. В обществе, которое, встав на путь профилактики и умерщвления своих естественных отношений методами эстетической хирургии, хирургического облагораживания отрицательного, не желает иметь дела ни с чем, кроме четкого управления и дискуссий о Добре, – в таком обществе Зло трансформируется в различные вирусные и террористические формы, преследующие нас.

Весь современный мир ислама стремится создать пустоту вокруг западной системы, пробивая время от времени единым действием или словом в этой системе бреши, через которые все наши ценности проваливаются в пустоту. Ислам довольствуется тем, что лишает Запад стабильности посредством вирусной атаки во имя принципа Зла, которому нам нечего противопоставить, а также путем постоянной угрозы внезапной разгерметизации и исчезновения воздуха ценностей, которым мы дышим.

Мы, – пишет Бодрийар, – "больше не умеем произносить проклятия. Мы умеем произносить только речи о правах человека – об этой благоговейной, слабой, бесполезной, лицемерной ценности, которая зиждется на просвещенной вере в естественную силу Добра, на идеализации человеческих отношений (тогда как для Зла не существует иной трактовки, нежели само Зло)... Если в отношении той или иной вещи возникает необходимость установления права, то это означает, что сама эта вещь приближается к своей гибели... Права

человека теряют свой смысл с того момента, когда человек перестает быть существом безумным, лишенным своей собственной сути, чуждым самому себе, каковым он был в обществе эксплуатации и нищеты. Человек стал, в своем постмодернистском воплощении, самоутверждающимся и самосовершенствующимся... Индивидуум податливый, подвижный, многогранный перестает быть объектом права; он – тактик и хозяин своего собственного существования, он более не ссылается на какую-либо правовую инстанцию, но исходит из качества своих действий и достигнутых результатов. Однако именно сегодня права человека становятся актуальной идеологией во всем мире. Это единственная идеология, имеющаяся в запасе на сегодняшний день. Это и говорит о нулевой ступени в идеологии, об обесценивании всей истории. Права человека и экология – вот два сосца консенсуса. Современная всемирная хартия – это хартия Новой Политической Экологии".

Осмысливая, в частности, ход полемик о мере и степени ангажированности М. Хайдеггера идеологией национал-социализма, Бодрийар отмечает, что "напрасная шумиха вокруг Хайдеггера не имеет собственно философского смысла, она... фанатично возвращается к своим истокам... и в конце века заново с болью переживает свой примитивный облик начала века. Говоря более обобщенно, ситуация с Хайдеггером симптоматична для коллективного возрождения, завладевшего обществом в час подведения всякого итога: это возрождение фашизма, нацизма, истребления. Здесь и соблазн произвести новое расследование ранних периодов истории, обелить умерших и окончательно выверить все счета, и в то же время извращенное стремление вернуться к источникам насилия, всеобщая галлюцинация исторической правдивости Зла".

По мысли Бодрийара, самозащита философии, поглядывающей на двусмысленность своих мэтров, суть самозащита всего общества, обреченного, за неимением возможности породить другую историю, муссировать историю предшествующую, чтобы доказать свое существование и даже свои преступления. Именно потому, что "сегодня мы более не существуем ни политически, ни исторически (и в этом суть нашей проблемы), мы хотим доказать, что мы умерли между 1940 и 1945 годами, в Освенциме или Хиросиме: ведь это, по крайней мере, достойная история. Поскольку философия сегодня исчезла (в этом и состоит ее проблема: как существовать в исчезнувшем состоянии?), она должна доказать, что была окончательно скомпрометирована, как, например, в случае с Хайдеггером, или же была лишена голоса, как это произошло в Освенциме".

Согласно Бодрийару, сейчас слишком легко забывают, что вся наша реальность, в том числе и трагические события прошлого, была пропущена через средства массовой информации. Это означает, что сейчас уже слишком поздно все проверять и исторически осмысливать, так как для нашей эпохи, для конца нашего века весьма характерно исчезновение всех средств для выяснения исторической правды. Опасна не ностальгия по фашизму; действительно опасным, хотя и смехотворным, является это патологическое возрождение прошлого, в котором все, как ниспровергатели, так и защитники факта существования газовых камер, как хулители, так и апологеты Хайдеггера становятся одновременно действующими лицами и почти сообщниками; опасна эта коллективная галлюцинация, которая переносит все отсутствующее воображение нашей эпохи, всякий смысл насилия и столь призрачной на сегодняшний день реальности на другую эпоху, провоцируя при этом некое принуждение заново пережить ее и вызывая глубокое чувство вины, порожденное нашим неучастием в ней.

Критически оценивая метаморфозы в умонастроениях общественности Запада по поводу крушения коммунизма (см.) в качестве влиятельной и агрессивной геополитической системы, Бодрийар отмечает: "Несомненно, эта оттепель, имевшая место в восточных странах, это высвобождение свободы из-под глыб льда являет собой необычную ситуацию, но чем становится свобода после того, как она выведена из замороженного состояния? Рискованная операция с весьма двусмысленным результатом... СССР и страны Восточного блока представляли собой, одновременно с морозильной камерой, испытательный стенд и экспериментальную установку для свободы, ибо именно там она была секвестирована и подвергнута высокому давлению. Запад же есть хранилище или, скорее, свалка свободы и Прав Человека... На Западе Свобода, идея свободы умерла самой настоящей смертью, и ее исчезновение четко прослеживается во всех недавних воспоминаниях. На Востоке она была убита, но преступление никогда не бывает безукоризненным. С экспериментальной точки зрения будет интересно увидеть, что делается со свободой, когда она снова появляется на поверхности, когда ее воскрешают, предварительно уничтожив все ее признаки... А что, если мы заметим, что единственное, в чем она проявляет поспешность – это в рвении к автомобилям, электробытовым приборам и даже к психотропным средствам и порнографическим фильмам..?"

По мнению Бодрийара, если страны Востока приведут в движение весь огромный запас свободы, который они удерживали, то тем самым лишится стабильности хрупкий метаболизм ценностей Запада, который желает свободы не как действия, но как виртуального согласованного взаимодействия, не как драмы, но как глобальной психологической драмы либерализма. Внезапная инъекция свободы, как реальный обмен, как грубая и активная трансцендентность, как Идея, была бы целиком катастрофичной для нашей существующей в определенном температурном режиме формы распределения ценностей. Однако это как раз то, чего мы от них требуем: свобода или видимость свободы в обмен на материальные символы свободы. Получается поистине дьявольский договор, при котором одни рискуют потерять свою душу, другие – свой комфорт. Но, быть может, – заключает Бодрийар, – "так даже лучше для обеих сторон".

Бодрийар формулирует "теорему о проклятой стороне вещей", согласно которой "есть одно ужасающее последствие непрерывного созидания позитивного. Если негативное порождает кризис и критику, то позитивное, возвеличенное до уровня гиперболы, порождает катастрофу в силу невозможности выделить кризис и критику даже в гомеопатических дозах. Любая структура, которая преследует, изгоняет, заклинает свои негативные элементы, подвергается риску катастрофы... Все, что извергает из себя проклятую сторону своей сути, подписывает себе смертный приговор". Как полагает

Бодрийар, всякое освобождение затрагивает в одинаковой степени и Добро, и Зло. Оно приносит свободу нравов и умов, но оно же дает волю преступлениям и катастрофам. "Освобождение права и наслаждения неотвратимо ведет к освобождению преступления; это очень хорошо понимал маркиз де Сад, чего ему так никогда и не простили", – завершает Бодрийар.

А.А. Грицанов

ПРОЛЕТАРИАТ (нем. proletariat от лат. proletarius – обозначение представителей неимущих социальных слоев в Древнем Риме; также – рабочий класс) – социально-философское, социологическое и политологическое понятие, используемое для обозначения совокупности социальных групп в обществе, лично свободных, но не имеющих собственности на средства производства либо землю, вынужденных в той или иной форме продавать свою рабочую силу.

В истории обществоведения вплоть до второй четверти 19 в. П. традиционно трактовался как общность социальных аутсайдеров и маргиналов, неспособных ни к осознанию собственных политико-экономических интересов, ни к консолидации в самоосознающий социальный класс, ни к инициированию конструктивных системных трансформаций социума. Стремительный рост удельного веса П. в социальной структуре общества при капитализме, его тяжелое материальное и духовное состояние как результат перманентного нарастания общественных напряжений фазиса раннего индустриального общества, радикальные по содержанию и силовые по форме репертуары борьбы П. за удовлетворение собственных требований (Западная Европа второй-третьей четверти 19 ст.) результировались в конституировании иных трактовок исторических судеб П. Диапазон последних варьировался от реформистских программ обретения П. гражданских прав в полном объеме с последующим реформаторским преобразованием буржуазного общества в общество социальной справедливости до мессианистских трактовок П. как главного носителя идеи коммунизма и сопряженных волонтаристских процедур его построения, результатом чего выступит "освобождающий весь мир подвиг". Первым цельным программным документом такого рода явился "Манифест Коммунистической партии" Маркса – Энгельса. Содержание дальнейших полемик по проблеме социально-исторического статуса П. определялось многомерной альтернативой возможных общественно-политических ориентаций как представителей самого П., так и его лидеров: на одном ее полюсе помещались модели классового сотрудничества, предполагающие возможность интегрирования П. в структуры "демократического капитализма" с последующей трансформацией его в "средний класс" буржуазного общества (лидеры европейской социал-демократии конца 19-20 вв.), на другом – социальные программы насильственного тотального разрушения существующего строя пролетарскими массами, организуемыми и направляемыми их собственными вождями (Маркс – Энгельс) либо организацией профессиональных революционеров (Ленин) в ходе "пролетарской революции" и установления "диктатуры П." (**см.**).

Исторический неуспех второй альтернативы был обусловлен рядом социально-экономических трансформаций социума в 20 ст. вкупе с определенными духовными феноменами: а) достижения системы "демократического капитализма" в преодолении глобальных экономических кризисов, в противодействии геополитической экспансии тоталитарных режимов, в сохранении либерально-демократической системы ценностей (см. **Демократический капитализм, Открытое общество**); б) реальная антигуманная общественная практика социалистических и национал-социалистических режимов в государствах "победившего П." или "победивших трудящихся" (см. **Большевизм, Социализм, Коммунизм, Тоталитаризм, Фашизм**); в) жесткая опережающая критика интеллектуалами Европы и США радикально-силовых репертуаров классовой борьбы П. наряду с опровержением догматов "научного социализма", марксизма и ленинизма (см.: **Арон, Бердяев, Гароди, И. Ильин, Лебон, Поппер, Райх, Ростоу, Фромм, Хайек** и др.). Тем не менее возможные сценарии глобального развития планетарного сообщества в 21 ст. (см. **Геополитика**) сохраняют определенный потенциал саморазвития программ силового переустройства мирового порядка "в интересах П., трудящихся и угнетенных всех стран" как результата противоборства наиболее развитых постиндустриальных держав ("большая семерка") и государств – их нынешних сырьевых придатков.

А.А. Грицанов

ПРОМЫШЛЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ – специальная социологическая теория о содержании и значении "человеческого фактора" промышленности, т. е. о структуре, механизмах и эффективности общественных, коллективных и индивидуальных действий и отношений промышленных работников.

Объектом П.С. выступает промышленное производство в контексте общественных условий. Польские социологи А. Сарапата и К. Доктур отмечают, что П.С. "занимается влиянием промышленного производства на мотивы, процесс и результаты труда, а также общественными последствиями промышленного производства". Социальная проблематика промышленности рассматривается на трех уровнях: общем (связывающем промышленность со всем обществом (промышленные отношения в обществе); частном, или отраслевом, который ориентируется на социальные явления в промышленности (социальные отношения в промышленности); единичном, который относится к социальным явлениям внутри промышленного предприятия ("человеческие отношения" внутри предприятия). Очевидно, эти три уровня должны быть зафиксированы в исходном определении П.С.

П.С. изучает, в качестве своего предмета, социальные процессы, происходящие в отраслях, на предприятиях, в цехах и т. д. Для нее характерно многостороннее понимание структуры производственных коллективов и их функций, умение различать производственно-технические и социальные стороны организации, а также цели и стимулы производственной деятельности.

Кратко проблемы, рассматриваемые П.С., можно охарактеризовать следующим образом: 1) предприятие как социальная система; 2) функциональные особенности производственных групп (цехов, бригад и др.) и отдельных работников; 3) проблемы управления производственными коллективами; 4) проблемы социальных коммуникаций; 5) внутри- и межколлективные отношения; 6) структура социального контроля; 7) сравнительный анализ производственных организаций.

Основные положения П.С. в области проблематики и методики ориентированы преимущественно на эмпирические исследования и через них на практические проблемы социальных процессов в промышленности. Схема здесь такова: постановка и обоснование проблемы – эмпирическое описание ее объективных компонентов – предписание и практическая реализация изменений. Ни одну из частей схемы нельзя оторвать или противопоставить другим без ущерба для практического результата и развития самой теории. П.С. по смыслу своего существования является систематизацией проблематики и методики изучения социальных процессов промышленности. Ее задача состоит в постановке и обосновании проблем, определении путей сбора и обработки информации и в основанных на этом рекомендациях.

Важной теоретической проблемой П.С. является выделение исходной категории, которая служила бы первой аналитической единицей. Зная специфику промышленного производства, можно считать, что такой единицей является *промышленное предприятие*. П.С. не занимается изучением предприятия как целого в содержании каждой его стороны. П.С. прежде всего интересует та особая система отношений, которая образует совокупность позиций, ролей, ценностей, связей между работниками, т.е. социальную организацию предприятия. Это значит, что социальная организация предприятия рассматривается прежде всего как система отношений между людьми, включая все формы отношений – от технологических до социально-психологических. Все они оцениваются с определенной, именно социологической точки зрения, специфика которой состоит во внимании к структуре социальных взаимодействий.

В состав категориального аппарата П.С. входит такое понятие, как *"человеческий фактор"*, в содержании которого принято выделять два компонента – *производственный коллектив* и *работник*. Эмпирические признаки производственного коллектива, по мнению многих авторов, включают совместную работу и устойчивые непосредственные связи между его членами. Таким образом, внутри предприятия выделяются первичные коллективы. Более высокие уровни коллективных связей теряют признак контактности, но приобретают черты, сближающие *коллектив* с более широкими системами общественных отношений. Работник в первоначальном определении – это любой человек, входящий в социальный состав предприятия и выполняющий какую-то часть производственного процесса. В деятельности производственного коллектива возникают и развиваются различные формы связи между предметами труда, орудиями труда и работниками, между самими работниками. Связи существуют и в вещественной структуре производства, отношения – только в структуре коллектива либо во взаимодействии человека с вещами. Поэтому структуру коллектива можно определить как систему отношений между людьми или в условиях производства – между работниками. Однако социальная структура имеет и другие особенности, исходя из которых можно указать три существенных критерия дифференциации социальных структур внутри предприятия, образующих самостоятельные основания классификации: социальная структура по критерию различия объективных признаков (демографических и паспортных); социальная структура по критерию различия типов отношений (технико-технологические, социально-экономические, социально-психологические и др.); социальная структура по критерию различия форм деятельности. Практика показывает, что рациональное применение средств и методов П.С. дает необходимый результат в том случае, если на промышленном предприятии рационально и эффективно решаются технологические и экономические вопросы.

Г.Н. Соколова

"ПРОТЕСТАНТСКАЯ ЭТИКА И ДУХ КАПИТАЛИЗМА" (1904-1905) – работа немецкого социолога М. Вебера (см.), входящая в корпус его исследований по проблемам исторической социологии культуры. "Капитализмом, – пишет Вебер, – "будем называть такое ведение хозяйства, которое основано на ожидании прибыли посредством использования возможностей обмена, то есть мирного (формально) приобретательства". Такой капитализм, когда "хозяйственная деятельность действительно ориентирована на сопоставление дохода и издержек в денежном выражении", существовал "...в Китае, Индии, Вавилоне, Египте, в средиземноморских государствах древности, средних веков и нового времени", но только капитализм Запада явил такие "типы, формы и направления, которых ранее нигде не было". Западный тип капитализма – нигде ранее не существовавший – это "ориентированная на товарный рынок" "рациональная капиталистическая организация свободного (формально) труда": к этому свойству следует добавить еще "отделение предприятия от домашнего хозяйства" и "рациональную бухгалтерскую отчетность", опора на "науки и основанную на них технику", использование которой поощрялось "рациональной структурой права и управления". Т.о., основной спецификой западной версии капитализма выступает его рационализм, истоки которого и пытается определить Вебер.

В своем дальнейшем исследовании Вебер исходит из того, что "в такой же степени, как от рациональной техники и рационального права, экономический рационализм зависит и от способности и предрасположенности людей к определенным видам практически рационального жизненного поведения. Там, где определенные психологические факторы служат ему препятствием, развитие хозяйственно-рационального жизненного поведения также наталкивается на серьезные внутренние трудности". В прошлом эти психологические факторы формировались "религиозными идеями и коренившимися в них этическими представлениями о долге" и, следовательно, в центр исследования попадает "обусловленность "хозяйственного мышления", "этоса" данной формы хозяйства определенной религиозной направленностью". Иллюстрацией этой обусловленности, по Веберу, служит связь современного западноевропейского хозяйственного этоса с "рациональной этикой аскетического протестантизма": в начале работы Вебер приводит статистику, которая указывает, что во многих конфессиональных районах Германии именно некоторые типы протестантов обладают (пропорционально остальных верующих) наибольшим процентом богатств и экономически выгодных позиций.

Метод исследования связи религии и хозяйственного поведения – определение "избирательного сродства" (термин И. Гёте) между формами религиозного верования и профессиональной этикой, т.е. поиск непротиворечия основных положений протестантской этики такому отношению к хозяйственно-экономи-

ческой деятельности, которое и выражает дух современного капитализма. Необходимо отметить, что Вебер был далек от одностороннего понимания такой обусловленности: "Мы ни в коей мере не намерены защищать столь нелепый доктринерский тезис, будто "капиталистический дух" ...мог возникнуть только в результате влияния определенных сторон Реформации, будто капитализм как хозяйственная система является продуктом Реформации"; "Мы стремимся установить лишь следующее: играло ли также и религиозное влияние – и в какой степени – определенную роль в качественном формировании и количественной экспансии "капиталистического духа" и какие конкретные стороны сложившейся на капиталистической основе культуры восходят к этому религиозному влиянию".

Историческими носителями "рациональной этики аскетического протестантизма" (пуританами) являются кальвинизм, пиетизм, методизм и некоторые, вышедшие из анабаптизма секты. Принимая за основу пуританской этики кальвинизм, Вебер приходит к выводу, что именно "пуританизм стоял у колыбели современного "экономического человека ...способствовал установлению буржуазного, рационального с экономической точки зрения образа жизни...".

Аргументы Вебера в пользу этого вывода следующие. 1. Пуританское вероучение (вера в предопределенность спасения или гибели; обязанность любого трудиться во славу Божию; вера в спасение как дар Божий; строгий аскетизм и т.п.) исключает мистицизм и носит антиритуальный характер, т.е. устраняет главные препятствия на пути "расколдовывания мира" трезвого, рационального мировосприятия. 2. Мировоззрение пуританина позволило увидеть верующему признак своей избранности к спасению в успехе своей профессиональной деятельности: понимание своей профессии как неустанного труда во славу Божию и снятие с зарабатываемых (в результате труда) денег клейма греха сребролюбия. 3. Этика пуритан носит ярко выраженный аскетический характер и сводит к минимуму личное потребление, что при постоянном росте зарабатываемых средств автоматически приводит к постоянному инвестированию производства и его непрерывному расширению. Анализ аскезы занимает у Вебера особое место; он отмечает ее исторический путь как смену двух этапов: первый – когда "аскеза перемещалась из монашеской кельи в профессиональную жизнь и приобретала господство над мирской нравственностью" (это период одухотворения капитализма этикой Реформации), и второй – современный: "По мере того как аскеза начала преобразовывать мир, оказывая на него все большее воздействие, внешние мирские блага все сильнее подчиняли себе людей... В настоящее время дух аскезы... ушел из этой мирской оболочки. Во всяком случае, победивший капитализм не нуждается более в подобной опоре с тех пор, как покоится на механической основе.

На этапе своего генезиса, новоевропейский капитализм, освященный аскетической этикой пуритан, обладал некоторыми особенностями. Во-первых, его носителями были "поднимающиеся средние слои ремесленников", т.е. представители среднего класса, которым противостоял крупный капитализм старого типа "капиталистические предприниматели из кругов торгового патрициата", воплощением которого выступали благородные наследники купеческого капитала и еврейские финансовые круги: "еврейский капитализм был спекулятивным капитализмом париев, пуританский капитализм – буржуазной организацией трудовой деятельности". Во-вторых, социально-этический тип провозвестника нарождающегося капитализма – это "люди, прошедшие суровую школу жизни, осмотрительные и решительные одновременно, люди сдержанные, умеренные и упорные по своей природе, полностью преданные своему делу, со строго буржуазными воззрениями и принципами".

Вывод исследования: протестантская этика (с ее понятием "профессионального долга", "внутримирским аскетизмом" и бережливостью, идеалом личной инициативы и ответственности только за себя) наиболее полно выражала основные идеологические и психологические моменты духа новоевропейского капитализма. Дух протестантской этики "нашел в капиталистическом предприятии свою наиболее адекватную форму, а капиталистическое предприятие... нашло в нем наиболее адекватную духовную движущую силу".

Данная работа Вебера породила много дискуссий и комментариев, которые выявили бесспорность методологической установки Вебера на то, "что поведение людей в различных обществах может быть понято лишь в рамках их общего концептуального представления о своем существовании, что религиозные догмы и их толкование – составная часть их видения мира, что необходимо понять эти догмы, чтобы понять поведение индивидов и групп..." (Р. Арон – см.). "Максу Веберу удалось первому достоверно связать саму возможность накопления материальных благ ... с выработкой подхода к божескому миру как не имеющему объяснимого отношения к миру реальному" (Ж. Батай).

Д.К. Безнюк

ПРОФЕССИЙ ПРЕСТИЖ (франц. prestige – первонач. – обаяние, очарование) – значимость, авторитет, уважение, влияние, которыми наделяются в обществе различные виды деятельности (профессии).

П.П. определяется на основании сложившейся системы ценностей и является феноменом общественного сознания, в котором отражается существующая в обществе иерархия профессий. Последняя выстраивается в результате оценки имеющихся различий в степени сложности и важности разных видов трудовой деятельности, необходимого для их осуществления уровня образования, ответственности, величины оплаты труда и т.д.

П.П. измеряется посредством шкал П.П., полученных в результате социологических опросов, в которых респонденты соотносят социальную значимость или привлекательность различных профессий и выстраивают их относительно друг друга. Шкалы П.П. обладают относительной устойчивостью. Поскольку молодежь не имеет своего собственного опыта в сфере труда, она заимствует шкалу П.П. у работающего населения, у более старшего поколения. Формирование П.П. обусловлено различиями в труде и его последствиях для представителей различных профессий. П.П. представляет собой оценку социальной значимости профессии, выработанную группой. П.П. является составным элементом представления о профессии, тесно связанным с социальным аспектом самоопределения.

Отражая социальную неоднородность общества, П.П. отражает и престижность различных социальных слоев населения.

Его изучение может способствовать разработке механизма воспроизводства социальной структуры. В западной социологии, в частности, в работе Д. Треймана "Престиж профессии в сравнительном ракурсе" П.П. рассматривается в рамках концепций социальной стратификации (см.). Отечественные исследования в большей степени затрагивают П.П. в контексте социального самоопределения (см.) молодежи и ее профессионального выбора. Оказывая сильное влияние на профессиональную ориентацию молодежи, П.П. воздействует и на ее профессиональную мобильность.

О.Г. Лукашова

ПРОФЕССИОГРАММА – описание системы признаков, характеризующих ту или иную профессию и включающее в себя перечень норм и требований, предъявляемых этой профессией или специальностью к работнику. П. может включать в себя, например, перечень гигиенических или психологических характеристик, которым должны соответствовать представители конкретных профессиональных групп. В последнем случае описание профессии будет носить название психограммы.

Для составления П. используются различные методы и способы, которыми оперируют социология, психология и другие науки, занимающиеся изучением различных аспектов профессиональной деятельности. Такими методами, к примеру, являются метод экспертных оценок, метод эксперимента, метод наблюдения. Применяется также фотографирование и хронометрирование как отдельных трудовых функций и операций, так и всего комплекса работ в целом, анализ эффективности различных трудовых приемов и др. Для составления вторичных П. применяется метод анализа документов, т.е. официальных источников, уже содержащих описание условий и порядок работы по конкретной профессии либо специальности.

П. должна удовлетворять определенным требованиям: во-первых, быть полной, т.е. содержать информацию в достаточной степени отражающую явление. Во-вторых, П. должна быть определенной, т.е. описывать явление научно-корректными, однозначными понятиями и хорошо сформулированными, четкими предложениями. В-третьих, она должна отвечать требованиям соразмерности, т.е. укладываться в определенные границы и не содержать избыточной или второстепенной информации. Кроме того, объем П., ее содержание и структура должны оптимально удовлетворять тем целям, для которых она разрабатывалась. Для обозначения раздела знаний, занимающегося научным описанием специальностей и профессий и конструированием П., используется термин "профессиография".

О.Г. Лукашова

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ – высокая степень овладения какой-либо профессией, характеризуемая мастерством и высокой компетентностью. Достижение работником определенного уровня П. базируется на приобретении им необходимого объема теоретических знаний и овладении трудовыми умениями и навыками в практической деятельности. Совершенствование в профессиональном отношении предполагает прохождение индивидом ряда этапов, включающих различные формы специального образования, рост квалификации, специализацию.

П. является качественной характеристикой работника, он присущ представителям социальной группы профессионалов. В социологических исследованиях П. рассматривается в противопоставлении бюрократической ментальности и бюрократии, как особой системы управления. П. исследуется в рамках таких специальных социологических теорий, как социология труда, социология организаций, социология профессий.

Во втором значении понятие П. используется для обозначения слов и выражений, присущих представителям той или иной профессии, эмоционально окрашенных и в силу этого зачастую переходящих из профессионального просторечия в общелитературное употребление (в основном, в устную речь), где они становятся просторечными эквивалентами терминов. Например, "нагора" из речи шахтеров; "задраить" из речи моряков; "разбор полета", "от винта" из речи летчиков.

О.Г. Лукашова

ПРОФЕССИОНАЛЫ – представители особого социального слоя, обладающие следующими характеристиками: 1) занятость на основе применения навыков, базирующихся на теоретическом знании; 2) специализированное образование и обучение этим навыкам; 3) особая компетентность, гарантированная сданными экзаменами; 4) наличие определенного кодекса поведения, обеспечивающего профессиональную идентичность; 5) исполнение определенных служебных обязанностей на благо общества; 6) членство в профессиональной ассоциации. Эти критерии могут использоваться также для измерения той степени, в которой то или иное занятие приближено к категории "профессия".

П., как правило, имеют высокую заработную плату, высокий социальный статус и независимость в работе. Вместе с тем П. все больше оказываются вовлеченными в работу бюрократических организаций как в государственном, так и в частном секторах экономики. Возможно возникновение конфликта между определенными профессиональными и организационными ценностями: между профессиональной этикой и организационной практикой; между ориентацией индивида на профессиональное сообщество в целом и ожиданиями со стороны организации того, что он будет в большей степени идентифицироваться с ней; между профессиональной автономией в работе и бюрократическим управлением. П. вынуждены делать выбор между профессиональными и организационными ценностями, исходя из внешних обстоятельств и своих внутренних предпочтений.

Г.Н. Соколова

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ – переход индивида или профессиональной группы из одной профессиональной позиции в другую. Существуют два основных типа П.М. – горизонтальная и вертикальная. Под горизонтальной П.М. подразумевается переход индивида из одной профессиональной группы в другую, расположенную на том же уровне в плане оплаты и престижности профессии. Под вертикальной П.М. подразумеваются те отношения, которые возникают при перемещении индивида из одного профессионального пласта в другой.

В зависимости от направления перемещения существуют два типа вертикальной П.М.: восходящая и нисходящая, т. е.

профессиональный подъем и профессиональный спуск. Восходящие течения существуют в двух основных формах: овладение индивидом более высокой профессиональной позицией или обучение профессиональной группы, к которой принадлежит индивид, новой перспективной профессии и перемещение этой группы на новый профессиональный уровень. Соответственно и нисходящие течения также имеют две формы: первая заключается в переходе индивида с более высокой профессиональной позиции на более низкую; другая форма проявляется в деградации профессиональной группы в целом, в понижении ее ранга на фоне других профессиональных групп.

С количественной точки зрения следует разграничить интенсивность и всеобщность вертикальной П.М. Под интенсивностью понимается вертикальная профессиональная дистанция или количество профессиональных слоев, проходимых индивидом в его восходящем или нисходящем движении за определенный период времени. Под всеобщностью вертикальной П.М. подразумевается число индивидов, которые изменили свое профессиональное положение в вертикальном направлении за определенный промежуток времени. Абсолютное число таких индивидов дает абсолютную всеобщность вертикальной П.М. в профессионально-квалификационной структуре занятых в экономике страны; пропорция таких индивидов в профессионально-квалификационной структуре дает относительную всеобщность вертикальной П.М. Интенсивность и всеобщность вертикальной П.М. колеблется в рамках одного и того же общества в разные периоды его истории. В ходе истории любой страны или профессиональной группы существуют периоды, когда вертикальная П.М. увеличивается как количественно, так и качественно, однако существуют и периоды, когда она уменьшается. В этих изменениях не существует постоянной тенденции ни к усилению, ни к ослаблению вертикальной П.М.

Функции тестирования, селекционирования и распределения индивидов в те или иные профессиональные группы выполняются профессиональными организациями. Если семья и школа являются механизмами, тестирующими общие свойства индивидов, то профессиональные организации – механизмами, тестирующими специфические качества индивидов, необходимые для выполнения специальных функций, связанных с той или иной профессией. Профессиональное тестирование и селекция проявляются прежде всего в том, что сам факт существования особых профессий требует определенного отбора людей, которые могут войти и укрепиться в данной профессии, заниматься ею. Вторая основная форма тестирования и селекции индивидов профессиональными организациями проявляется в восходящем продвижении, блокировании или нисходящем движении внутри профессиональных рангов и межпрофессиональных слоев. Третья форма профессионального тестирования, селекции и распределения индивидов выражается в факте перемещения человека из одной профессиональной сферы, непригодной для него, в другую, которая лучше соответствует его способностям и призванию. Таковы, по сути, функции, выполняемые профессиональными группами в плане контроля за социальной циркуляцией и распределением индивидов.

Социальная значимость этих функций состоит в том, что они способствуют расширенному воспроизводству человеческого капитала в плане формирования гибкой и универсальной рабочей силы, успешно участвующей в развертывании научно-технического прогресса.

Г.Н. Соколова

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ (профориентация или ориентация на профессию) – процесс определения индивидом того вида трудовой деятельности, в которой он хочет себя проявить, осознание своих склонностей и способностей к этому виду деятельности и осведомленность о каналах и средствах приобретения знаний, умений и навыков для овладения конкретной профессией.

Ориентация на определенный вид деятельности и выбор профессии приобретает и более широкое значение, выступая в качестве одной из сторон ориентации социальной – направленности индивида на вхождение в определенный социальный класс, слой, социальную группу общества. В социологии проблемы П.О. личности рассматриваются в тесной связи с феноменом профессий престижа (см.), отражающем их значимость и авторитет в общественном мнении.

Процесс формирования П.О. у молодых людей может осуществляется под влиянием их ближайшего окружения – родителей, знакомых, друзей, либо под влиянием системы мер, целенаправленно воздействующей на выбор профессии молодежью со стороны официальных институтов – школы, СМИ, службы занятости, специализированных профориентационных центров и кабинетов, отдельных предприятий и организаций, заинтересованных в привлечении специалистов необходимого им профиля. В систему мер по профориентации входит пропаганда наиболее необходимых обществу профессий, сведения о востребованности специалистов той или иной профессии на рынке труда, индивидуальные консультации, информация об учебных заведениях всех уровней (профессионально-технических, средне-специальных и высших) и т.д.

Одним из наиболее важных показателей сформированности П.О. является намерение лица работать или продолжить учебу в соответствии с приобретенной им профессией. Неудовлетворенность полученной профессией или невозможность трудоустройства по имеющейся профессии зачастую ведут к новому витку процесса П.О. и пересмотру своего выбора. Особое значение развитие системы профориентации имеет в период экономических преобразований в стране, обостряющих безработицу, когда резко меняется востребованность отдельных профессий на рынке труда, когда у индивида возникает потребность в выборе и приобретении не одной, а двух или трех профессий для успешного трудоустройства.

О.Г. Лукашова

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА – совокупность социальных групп, критерием выделения которых является распределение работников на основании их принадлежности к определенному виду деятельности (профессии), а также система взаимосвязей между этими группами.

П.С. базируется на профессиональном разделении труда, отражающем производственно-технологическую сторону и функциональное содержание труда. В результате профессионального разделения труда идет процесс обособления профессий, а внутри них – выделение специальностей. П.С. находится во взаимосвязи с социальной структурой общества, поскольку профессиональное разделение труда тесно связано с его общественным разделением. Поэтому П.С. часто рассматривается и в этом ракурсе – как социально-профессиональная структура. Профессиональное разделение труда связано со всеми видами общественного разделения труда, в особенности с отраслевым и квалификационным. Отсюда тесная взаимосвязь П.С. с отраслевой структурой. Каждой отрасли экономики соответствует определенная группа профессий. Существуют профессии, общие для нескольких отраслей ("сквозные" профессии). Наряду с П.С. отраслей и сфер хозяйственной деятельности выделяют П.С. регионов (территорий) и отдельных предприятий.

П.С. является достаточно динамичной. С течением времени в обществе возникают новые профессии. Происходит постоянный рост их числа, а также числа специальностей и занятий. Несколько более медленными темпами протекает обратный процесс – естественный процесс отмирания устаревших профессий. Происходит сужение либо расширение профессиональных групп по числу работников, меняется место этих групп в иерархии профессий. Наиболее традиционными основаниями для классификации профессий могут служить: характер труда (профессии преимущественно умственного и преимущественно физического труда; или ручного, механизированного и автоматизированного труда); сложность выполняемой работы, требующая определенного уровня квалификации работника (профессии высококвалифицированного, квалифицированного, малоквалифицированного и неквалифицированного труда); характер выполняемых функций (профессии вспомогательные, обслуживающие, основные). В основу классификаций видов деятельности (профессий) могут быть заложены разные основания (критерии) в зависимости от целей исследования. В Беларуси наиболее общей классификацией является Общегосударственный классификатор Республики Беларусь профессий рабочих и должностей служащих, утвержденный приказом Белстандарта от 30 декабря 1996. Исследования П.С. базируются на материалах переписей населения и профессионального состава рабочих (последняя всесоюзная перепись населения в СССР состоялась в январе 1989; в Республике Беларусь перепись населения проводилась с 16 февраля 1999).

Отслеживание изменений, происходящих в П.С., является весьма важным для решения задач по прогнозированию развития отдельных отраслей, регионов, конкретных профессий; для разрешения проблем занятости и безработицы; для планирования подготовки и переподготовки кадров, исходя из потребностей экономики и социальной политики в сфере труда; для изучения процессов профессиональной мобильности; гендерных аспектов профессионализации; отношения индивидов к профессиям, их профессионального поведения; престижа профессии и т.д.

Социологические исследования П.С. относятся к области социологии профессий, близко связанной с социологией труда (**см.**), а также экономической социологией (**см.**).

О.Г. Лукашова

ПРОФЕССИЯ – 1) устойчивый и относительно широкий род трудовой деятельности, являющийся источником дохода, предусматривающий определенную совокупность теоретических знаний, практического опыта и трудовых навыков и определяемый разделением труда, а также его функциональным содержанием; 2) большая группа людей, объединенная общим родом занятий, трудовой деятельностью.

Совокупность П. и их взаимосвязь образуют профессиональную структуру общества. Поскольку профессиональное разделение труда связано с делением общества на социальные группы занятых отдельными видами труда и отношениями между группами в зависимости от их социального статуса и престижа профессий, то профессиональная структура связана и взаимодействует с социальной структурой.

Более детальное описание элементов П. можно выразить следующим образом: общее образование – специальная подготовка – квалификация – специальность. Значение общего образования состоит в том, что в современных условиях оно является необходимой предпосылкой профессионального развития. Специальная подготовка включает в себя специфические знания трудовых функций, которые предстоит выполнять. Уровень квалификации определяется сочетанием уровней всех элементов П., причем существует естественная зависимость последующих элементов от предыдущих. Когда П. конкретизируется, став достоянием одного лица, занятого данным видом работы, она приобретает характер специальности. П. независимо от специальности существует лишь как предпосылка, которая должна быть реализована в действительном труде. Практическая связь П. и трудовой функции достигается на уровне специальности, которая завершает профессиональное развитие работника. Система однородных специальностей образует профессиональную общность или П. в широком смысле слова.

Распределение занятого населения Республики Беларусь по профессионально-должностным группам (по данным 1998) выглядит следующим образом. Руководители составляют 13,6%; специалисты высшего уровня квалификации – 26,4%; специалисты среднего уровня квалификации – 9,5%; служащие – 6,9%; работники сферы обслуживания – 8,5%; квалифицированные рабочие промышленности – 19,6%; операторы, аппаратчики, машинисты промышленных установок – 7,8%; неквалифицированные рабочие – 7,7%.

Граница П., число и виды входящих в нее специальностей изменчивы и подвижны. Нарастающая специализация физического труда в ходе научно-технического прогресса сочетается с формированием групп родственных профессий, появлением "сквозных" профессий, свойственных различным отраслям производства. В то же время многие виды умственного труда "технизируются" благодаря применению современных компьютерных устройств. В результате растущее число профессий занимает пограничное положение в общественном разделении труда, сочетая в себе разные его виды.

Г.Н. Соколова

ПСИХОАНАЛИЗ – понятие, введенное З. Фрейдом (**см.**) для обозначения нового метода изучения и лечения психических расстройств. Впервые понятие "П." он использовал в статье об

этиологии неврозов, опубликованной сперва на французском, а затем на немецком языках, соответственно 30 марта и 15 мая 1896. Предыстория возникновения П. начиналась с так называемого катартического метода, использованного австрийским врачом И. Брейером при лечении случая истории молодой девушки в 1880-1882. Связанная с катарсисом (очищением души) терапия основывалась на воспоминаниях о переживаниях, вызванных к жизни душевными травмами, их воспроизведением в состоянии гипноза и соответствующим "отреагированием" больного, которое ведет к исчезновению симптомов заболевания.

История возникновения П. началась с отказа Фрейда от гипноза и использования им техники свободных ассоциаций. На смену гипноза приходит новая техника, основанная на том, что пациенту предлагается свободное высказывание всех мыслей, возникших у него в процессе обсуждения с врачом тех или иных вопросов, рассмотрения сновидений, построения гипотез, связанных с поиском истоков заболевания. Переход от катартического метода к П. сопровождался разработкой техники свободных ассоциаций, обоснованием теории вытеснения и сопротивления, восстановлением в правах детской сексуальности и толкованием сновидений в процессе изучения бессознательного. По словам Фрейда, учение о вытеснении и сопротивлении, о бессознательном, об этиологическом (связанном с происхождением) значении сексуальной жизни и важности детских переживаний являются "главными составными частями учения о психоанализе".

Развитие П. сопровождалось вторжением психоаналитических идей в разнообразные сферы знания, включая науку, религию, философию. По мере его выхода на международную арену само понятие П. стало столь распространенным и широко используемым в медицинской, психологической и культурологической литературе 20 ст., что превратилось в многозначное и неопределенное. Первоначально данное понятие означало определенный терапевтический прием. Затем оно стало названием науки о бессознательной душевной деятельности человека. И, наконец, превратилось в расхожее понятие, применимое едва ли не ко всем сферам жизнедеятельности человека, общества и культуры. Неопределенность в трактовке понятия П. отчасти вызвана неадекватной интерпретацией со стороны многих исследователей тех или иных идей и концепций, которые в свое время были выдвинуты Фрейдом. Однако не только этим объясняется многосмысленность данного понятия. Дело в том, что в работах самого Фрейда содержатся многочисленные определения П. Они не только дополняют друг друга, но подчас вступают в противоречие между собой, что затрудняет адекватное понимание П. как такового. В различных работах Фрейда встречаются следующие определения П.: П. – часть психологии как науки и представляет собой незаменимое средство научного исследования, способ исследования психических процессов, учение о психически бессознательном; П. – это орудие, которое дает возможность Я овладеть Оно; любое исследование, признающее факты переноса и сопротивления, как исходные положения работы, можно назвать П.; это вспомогательное средство исследования в разнообразных областях духовной жизни; П., не научное, свободное от тенденциозности исследование, а терапевтический прием; это один из видов самопознания; П. – искусство истолкования ошибочных действий, сновидений, симптомов заболеваний; он – нечто среднее между медициной и философией; это работа, при помощи которой в сознание больного вводится вытесненное им в его душевной жизни; и, наконец, П. – метод лечения нервнобольных. Таким образом, диапазон трактовок П. у Фрейда довольно обширен.

Для большей ясности в этом вопросе ему самому понадобилось уточнение в определении названия П., что и было сделано им в энциклопедической статье "Психоанализ" и "теория либидо". В этой статье он подчеркнул, что П. называется: 1) способ исследования психических процессов, иначе недоступных пониманию; 2) основанный на этом исследовании метод лечения невротических расстройств; 3) возникший в результате этого ряд психологических концепций, постепенно развивающихся и складывающихся в новую научную дисциплину. Если за исходное определение взять данную Фрейдом какую-то одну трактовку, то тем самым ускользает почва для адекватного понимания П. Поэтому нет ничего удивительного в том, что до сих пор среди различных исследователей ведутся дискуссии по поводу трактовки значения, смысла и определения П. Является ли П. наукой, способной к объективному изучению и объяснению бессознательных влечений и желаний человека? Представляет ли он собой герменевтику, т.е. искусство истолкования сновидений, текстов художественных произведений, явлений культуры? Или П. – это один из методов лечения, используемых в психотерапии? Ответы на поставленные таким образом вопросы зависят от того, под каким углом зрения рассматривается психоаналитическое учение Фрейда о человеке и культуре. Например, вопрос о научном статусе П. остается проблематичным, несмотря на все усилия опытным путем подтвердить или опровергнуть различные психоаналитические идеи и концепции. Одни исследователи считают, что П. является такой же естественной наукой, как, скажем, химия или физика. Другие заявляют о том, что П. не отвечает требованиям науки и представляет собой не что иное, как миф, интеллектуальное заблуждение одаренного воображением человека, каким был Фрейд. Вопрос об эффективности П. как метода лечения психических расстройств также остается открытым. Его сторонники убеждены, что П. является эффективным средством лечения там, где оказывается бессильной психиатрия, ориентированная на медикаментозное лечение. Его противники считают, что П. – дорогостоящее удовольствие, не приносящее реального выздоровления. Приходится считаться с реальным фактом многозначности определения П. как его сторонниками и противниками, так и самим его основателем. Однако это не должно служить помехой для выявления специфики П.

Прежде всего важно иметь в виду, что основной предпосылкой П. является разделение психики на сознание и бессознательное. Психоаналитик не считает сознание сутью психики. Он исходит из того, что бессознательные влечения и желания предопределяют мышление и поведение человека. Уходя своими корнями в травмирующие психику ребенка переживания детства, бессознательные влечения и желания сексуального и агрессивного характера приходят в столкновение с существующими в обществе нравственными и культурными нормами, порождая тем самым внутрипсихические конфликты. Разрешение этих конфликтов осуществляется путем вытеснения из сознания "дур-

ных" влечений и желаний. Вытесненные из сознания влечения и желания не исчезают бесследно. Они загоняются в глубины человеческой психики и так или иначе, рано или поздно дают знать о себе. Благодаря механизмам сублимации (переключения сексуальной энергии на социально одобренные цели) они могут выливаться в художественное творчество. Далеко не все люди обладают подобной способностью. Вытесненные влечения и желания могут подтолкнуть человека к "бегству в болезнь", к возникновению психических расстройств, вызванных как внешними, так и внутренними факторами, предопределившими невротический способ разрешения стоящих перед человеком проблем и противоречий жизни. В теории П. нацелен на выявление смысла и значения бессознательного в жизни человека, на раскрытие и понимание механизмов функционирования человеческой психики. Этому способствуют различные психоаналитические предположения, допущения, гипотезы и идеи, на основе которых сделаны следующие умозаключения: в психике нет ничего случайного; психическая жизнь является функцией аппарата, ответственного за расположение психических процессов в пространстве; ранние стадии психосексуального развития ребенка заметно сказываются на мышлении и поведении взрослого человека; события первых лет имеют первостепенное значение для всей дальнейшей жизни; эдипов комплекс является не только ядром неврозов, но и источником возникновения нравственности, морали, религии, общества, культуры; психический аппарат состоит из трех сфер или областей – бессознательного Оно (включающего в себя все то, что наследуется, присутствует при рождении и заложено в конституции, т. е. прежде всего влечения и инстинкты, берущие свое начало в соматической структуре и находящие свое психическое проявление в неосознаваемых формах), сознательного Я (наделенного функцией самосохранения и контроля над требованиями Оно, стремящегося к избежанию неудовольствия и получению удовольствия) и гиперморального Сверх-Я (см.), олицетворяющего собой авторитет родителей, социальные идеалы, совесть; основополагающие влечения человека – влечение к жизни (Эрос) и влечение к смерти, включающее в себя инстинкт разрушения; мышление и поведение человека осуществляется под воздействием различных психических механизмов и процессов, среди которых наиболее значимыми представляются такие, как вытеснение, подавление, регрессия, проекция, интроекция, идентификация, сублимация и некоторые другие; психоаналитическое понимание работы психики предполагает метапсихологический подход, основанный на топическом (по месту расположения бессознательного, предсознательного и сознательного), динамическом (переход из одной системы в другую) и экономическом (количественном распределении психической энергии или катектировании либидо) видении психических процессов.

В клинической практике П. ориентирован на устранение невротических симптомов, включающее в себя осознание пациентом бессознательных влечений и желаний с целью понимания и последующего сознательного разрешения внутрипсихических конфликтов, что предполагает терпеливую работу аналитика по выявлению различных видов подавления, вытеснения, сопротивления, переноса, "потребности быть больным и страдающим", возникающих как в повседневной жизни анализируемого, так и в процессе психоаналитической терапии. Используя различные аналогии, Фрейд сравнивал психоаналитическую терапевтическую работу с работой химика (химический анализ), археолога (раскопки древних слоев), вмешательством хирурга, воздействием ортопеда или влиянием воспитателя. В понимании Фрейда в своей терапевтической деятельности психоаналитик по-разному служит пациенту: в качестве авторитета и заместителей его родителей; в качестве учителя и воспитателя; и, если ему удается поднять психические процессы в Я больного до нормального уровня, преобразовать бессознательное и подавленное в пред-сознательный материал и таким образом вернуть его во власть Я пациента, то в качестве аналитика он сделает для него все возможное. Стратегия психоаналитического лечения базируется на том, что, по выражению Фрейда, "врач-аналитик и ослабленное Я его пациента, основываясь на реальном внешнем мире, должны объединиться против неприятеля – инстинктивных требований Оно и сознательных требований Сверх-Я".

По мере развития теории и практики П. менялась и его техника. Первоначально во время катартического лечения целью терапии было разъяснение смысла симптомов. Затем вместо разъяснения симптомов в центре внимания оказалось раскрытие комплексов. Потом основной задачей психоаналитического лечения стало выявление и преодоление различных видов сопротивления, работа с переносом, неврозом переноса и контрпереносом. Наконец, психоаналитическая техника претерпела некоторые модификации в зависимости от формы болезни (невроз, психоз, шизофрения, нарциссический невроз и др.), преобладающих влечений у больных и их структуры характера. Психоаналитическая работа осуществляется на материале, получаемом из различных источников, включая информацию, предоставляемую пациентом и его свободными ассоциациями, почерпнутую из анализа его сновидений и ошибочных действий (промахов), выявленную на основе того, что обнаруживается в его переносах. Этот материал дает возможность аналитику создавать конструкции того, что случилось с пациентом в прошлом и было забыто и то, что неосознанно происходит в нем в настоящее время, т.е. "здесь и сейчас". Поскольку знание аналитика и знание пациента не совпадают друг с другом, то от первого требуется терапевтическое искусство по истолкованию полученного материала, изложению своих конструкций и объяснению того и другого пациенту в подходящее время и в нужный момент, т. е. не ранее того, как тот оказывается готов к восприятию их, но и не позднее того, как у него возникнет столь сильное сопротивление, что пациент прервет анализ и покинет аналитика. Окончательный исход аналитического лечения зависит от количественного отношения, а именно от доли энергии, которую аналитик может мобилизовать в пациенте в пользу вы-

здоровления (уменьшения деструктивных и увеличения конструктивных сил) по сравнению с количеством энергии сил, работающих против аналитика и поддерживающих состояние болезни.

При определении, рассмотрении и оценке П. не следует упускать из виду рекомендации, данные в свое время Фрейдом. По его собственным словам, П. возник как терапия. Но он рекомендовал использовать П. не только и не столько в качестве терапии, сколько из-за содержащихся в нем разъяснений и связей. Он имел в виду те разъяснения, которые П. дает о том, что касается человека прежде всего, а именно его сущности. Говоря о связях, Фрейд подразумевал те из них, которые П. вскрывает в самых различных областях жизнедеятельности человека и в разнообразных сферах знания, включая философию, социологию, мифологию, религию, литературу, культуру в целом. Неслучайно ему самому принадлежат работы, не имеющие прямого отношения психоаналитической терапии. К их числу относятся такие публикации, как "Остроумие и его отношение к бессознательному", "Бред и сны в "Градиве" В. Иенсена", "Воспоминание Леонардо да Винчи о раннем детстве", "Тотем и табу", "Массовая психология и анализ человеческого Я" (см.), "Будущее одной иллюзии", "Достоевский и отцеубийство", "Недовольство культурой" (см.), "Человек Моисей и монотеистическая религия" и др. Не стоит упускать из виду и то, что Фрейд проводил различие между научным и прикладным (используемом в медицине и за ее пределами) П., неоднократно высказывал опасения по поводу того, что со временем П. может превратиться "в служанку психиатрии", и выступал за "самоценность психоанализа и его независимость от медицинского применения". См. также: **Фрейд, Юнг, Фромм, Сверх-Я, Шизоанализ, "Эго", "Анатомия человеческой деструктивности" (Фромм), Бегство от свободы, "Будущее одной иллюзии" (Фрейд), "Иметь или быть" (Фромм), "Неудовлетворенность культурой" (Фрейд), "Психология масс и анализ человеческого Я" (Фрейд), "Человек для себя" (Фромм), "Человек Моисей и монотеистическая религия" (Фрейд), "Я и Оно" (Фрейд), Салливан, Хорни.**

В.М. Лейбин

ПСИХОБИОГРАФИЯ (греч. psyche – душа и греч. biographia – жизнеописание, история жизни; жизнь) – метод психологического анализа биографий и личностей конкретных исторических лиц и соответствующий ему жанр жизнеописаний, уделяющий особое внимание психическим факторам жизни и творчества людей. В основном сложился в конце 19 – начале 20 в. В значительной части своей развивается и реализуется в форме патографий.

Особую роль в становлении П. сыграли патографические исследования Мебиуса (опубликовавшего работы о жизнедеятельности Гете, Руссо, Шопенгауэра, Р. Шумана и др.) и Фрейда (осуществившего изучение жизни и деятельности Леонардо да Винчи, В. Вильсона, Достоевского и др.). В 20 в. П. эволюционирует преимущественно в связи с психоаналитическими идеями и ориентациями. Одной из доминирующих новейших форм П. являются разнообразные психоисторические изыскания, восходящие к творчеству Э. Эриксона (см.), осуществившего исследования жизни и личности Франциска Ассизского, М. Ганди, М. Горького, Лютера и др. Как жанр жизнеописаний П. пользуется всевозрастающей популярностью.

В.И. Овчаренко

ПСИХОДРАМА (греч. psyche – душа и греч. drama – действие) – созданный Дж. Морено (см.) один из первых видов групповой психотерапии (группового психоанализа), в процессе которой пациенты играют роли, направленные на моделирование жизненно важных для них ситуаций, с целью диагностики, терапии и коррекции неадекватных состояний и реакций. П. (психодрамотерапия) может быть понята как оригинальный психотерапевтический театр контролируемой импровизации и ролевой игры, ориентированный, преимущественно, на групповое врачевание последствий ролевых конфликтов людей посредством реанимации их психосоциальной целостности, расширения сознания и внутреннего освобождения.

В П. обычно выделяют следующие фазы: разминку, действие и интеграцию (последующее обсуждение). В качестве средств психодрамотерапии выступают ролевой тренинг (бихевиодрама) и педагогическая ролевая игра, включающие в себя терапевтический, педагогический и театральный компоненты. Эффективность этой групповой, игровой психотерапии в значительной мере обеспечивается благодаря ее ориентации на достижение группового катарсиса и изобретенным Морено конститутентам (инструментам) П., к которым относятся: сцена, ведущий (директор), главный исполнитель (протагонист), партнеры (вспомогательные "Я"), группа людей, различные психодраматические техники (обмен ролями, дублирование, "зеркало", "репетиция будущего") и пр. Психодраматическое действие в качестве желаемого конечного результата обычно предполагает достижение максимально возможных значений понимания, инсайта и катарсиса (с соответствующим психотерапевтическим эффектом).

В.И. Овчаренко

ПСИХОЛОГИЯ МАСС – область психологии (см.), предметом исследований которой являются природа, сущность, закономерности возникновения, формирования, функционирования и развития толп и масс, как специфических форм сообществ людей. Создана в конце 19 в. французским социологом и психологом Лебоном (см.), итальянским психологом и юристом С. Сегеле (1868-1913) и др.

Основное внимание уделяет исследованию психического склада, характерных свойств, черт, типов и поведения разнообразных толп и масс в относительно стандартных и нестандартных ситуациях. К числу традиционных предметов исследовательского интереса П.М. принято относить различные собрания людей, демонстрации, митинги, явления массовой

эйфории, агрессии, паники, массовых психозов, массового вандализма и т.д. Значительное внимание П.М. уделяет изучению идей, мотивов, установок, настроений, мнений, эмоций, стереотипов мышления, механизмов и действий масс, вопросам поведения людей в толпе, взаимодействия личности и массы, индивида и толпы и т.д. В определенной мере П.М. ориентируется на сформули-рованный Лебоном "психологический закон духовного единства толпы", согласно которому в позднейшей фазе формирования организованной толпы в ней происходит нивелирующая деперсонализация и деиндивидуализация людей, в силу чего на основе общих качеств, управляемых бессознательным, образуется временная "коллективная душа" толпы. В качестве методов исследования П.М. использует гамму традиционных методов познания психологии и социологии. П.М. оказала значительное влияние на формирование социальной психологии, социологии и развитие социальной мысли.

В.И. Овчаренко

"ПСИХОЛОГИЯ МАСС И АНАЛИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО Я" – произведение З. Фрейда (**см.**) (1921), посвященное социально-психологическому анализу массовидных общностей. Данная работа знаменует переход от трактовки психоанализа как терапевтической методологии к психоанализу как форме философствования. Такой переход осуществляется в форме применения положений психоанализа к объяснению социальных процессов и явлений. Фрейд стремится связать уровень индивидуально-психического со структурными и динамическими аспектами общественных феноменов. Согласно Фрейду, психология личности в расширенном смысле является одновременно и социальной ("массовой") психологией, так как в психической жизни человека всегда присутствует "другой".

"Массовая психология" рассматривает человека как члена социальной общности или как составную часть толпы. Фрейд, используя материал Лебона (**см.**) и Мак-Дугалла (**см.**), указывает на социально-психологические эффекты, возникающие в массе, – повышение аффективности и снижение интеллекта. Индивидуально-психические основы процессов образования и функционирования массовидных общностей трактуются им на основании теории либидо. Под либидо понимается энергия первичных позывов, "которые имеют дело со всем тем, что можно обобщить понятием любви". Возникающие на основе либидо эмоциональные связи и представляют собой сущность "массовой души".

Фрейд рассматривает массы на примере церкви и войска. И церковь, и войско представляют собой искусственные (связанные с наличием внешнего принуждения) массы. Функционирование церкви и войска основано на культивировании иллюзии о наличии верховного властителя, любящего равной любовью каждого отдельного члена массы (Христа в церкви, полководца в армии), либо заменяющей его ведущей идеи. Связь каждого члена массы с верховным существом является, по мнению Фрейда, одновременно и причиной связи между членами массы. В этих массах каждый человек либидонозно связан в двух направлениях: с одной стороны, с вождем, а с другой стороны – с другими членами массы. При этом общность индивидов в данной массе коррелирует с враждебностью к другим массам. Объединение людей в массу рассматривается как влекущее за собой ограничение индивидуального нарциссизма (**см.**).

По мысли Фрейда, ограничение в массе нарциссического себялюбия является доказательством того, что сущность массообразования заключается в специфических либидонозных связях членов массы друг с другом. Механизмами таких связей являются перенаправление сексуальной энергии и идентификация. Идентификация представляет собой самую первоначальную форму эмоциональной связи с объектом; регрессивным путем (интроекцией объекта в Я) она становится заменой либидинозной объектной связи; она может возникнуть при каждой вновь замеченной общности с лицом, не являющимся объектом сексуальных первичных позывов. Идентификация как механизм массообразования действует через принятие некоторым числом индивидов одного и того же объекта в качестве Я-идеала. Отдельный человек замещает свой Я-идеал массовым идеалом, воплощенным в вожде. Как результат, индивиды идентифицируются между собой в своем Я.

Фрейд утверждает, что в массовидных общностях пробуждаются социально-психологические механизмы "первобытной орды". К ним относятся "психология индивидов" и "психология отца, возглавителя, вождя". Вождь-"праотец", полагает Фрейд, не был связан либидонозными ограничениями и при этом препятствовал удовлетворению сексуальных потребностей своих сыновей. Отношения в массе трактуются как восходящие к таковым в первобытной орде. Вождь массы является эквивалентом праотца, к которому все преисполнены страха. Праотец является идеалом массы и вместо Я-идеала владеет человеческим Я. Наиболее подверженными такой трансформации оказываются индивиды нарциссичные, с низкой степенью отграниченности Я от Я-идеала. Соответственно вождю зачастую нужно обладать типичными характеристиками членов массы и производить впечатление большей силы и либидонозной свободы, чтобы занять доминирующую позицию. Другие же индивиды – с идеалом, несоответствующим данному, – вовлекаются через механизм идентификации.

М.Н. Мазаник

ПУБЛИКА – регулятивный идеал демократической формы правления; социологический феномен; норма и принцип, во имя которого возможна критика демократических институтов; центральная категория либерально-демократической теории. Получила развитие в виде понятий "публичного пространства" (Арендт – **см.**) и "публичной сферы", или "публичности" и "общественного мнения" (приведены основные варианты перевода на другие языки разработанного Хабермасом (**см.**) понятия *die Offentlichkeit*).

Между этими концепциями есть три ключевых отличия. Во-первых, если Арендт мыслит П. как группу людей, видящих друг друга (как на греческой агоре), то, развивая ее идеи, Хабермас делает акцент не столько на видимости членов П. друг для друга, сколько на их слышимости друг для друга, возможной благодаря росту книгопечатания и складыванию массовой коммуникации. Для Арендт в описании П. важны пространственные метафоры (такие как "пространство появления", "город и его стены"). Хабермас предпочитает описывать ее как виртуальную общность, идентичность которой складывается с ростом печатных изданий и образована общностью тех, кто читает, пишет и интерпретирует. Во-вторых, если Арендт констатирует упадок публичной сферы в условиях модерности, то Хабермас отмечает возникновение в ходе Просвещения новой формы публичности – П. частных индивидов, вместе обсуждающих общественные проблемы, опираясь на текст печатно высказавшего свое мнение автора. В-третьих, для Арендт публичное пространство есть арена действий людей, совершаемых ими перед лицом друг друга. Тем самым публичность для нее связана с прямым взаимодействием индивидов, разделяющих ту или иную систему ценностей, что составляет залог того, что они правильно интерпретируют действия друг друга. Напротив, Хабермас мыслит публичную сферу как принципиально внеличностный феномен, в котором не столько осуществляются действия, сколько происходит коммуникация, обмен информацией, мнениями. В понимании Хабермаса публичная сфера десубстанциализируется.

Нарастание сложностей осуществления принципов представительной демократии в Европе и Северной Америке привело в начале 20 ст. к критическому пересмотру понятия "П.", ярким выражением чего явилась работа У. Липмана "Публика-фантом". В полемике с этим элитистским и пессимистическим трудом Д. Дьюи в работе "Публика и ее проблемы", также признавая "утрату П.", попытался сформулировать концепцию радикальной демократии, согласно которой индивиды могут быть конституированы в качестве демократических граждан, если будут возрождены ранние американские демократические идеалы. Исследователи отмечают в связи с этим сильные ностальгические настроения, свойственные многим работам, посвященным П. и организованным вокруг следующего тропа: некогда публичная сфера существовала во всем своем цвете, сегодня, когда вкус к коллективному обсуждению и участию утрачен, она искажена и ослаблена. Для Арендт предметом ностальгии был дух античной агоры, для Дьюи – публичные собрания в городах Новой Англии в 18-19 вв., для Хабермаса – европейские кофейни. П. (независимые граждане) сама править не может, она может лишь контролировать действие административной власти, правительственных институтов и направлять их в необходимом направлении.

Хабермас подразделяет "*сильную*", институциональную, и "*слабую*", неформальную, П. Первая – организованная, формальная – наделена прерогативами принятия и достижения решений. Вторая – неорганизованная, неформальная – есть "*публичная сфера*", формирующая общественное мнение, распознавая новые проблемы, которые нуждаются в широком рассмотрении людьми, свободными от бремени принятия решений. Поэтому основные черты "слабой" П. – открытость, спонтанность, плюрализм. Публичная сфера понимается поздним Хабермасом как открытая сеть перекрывающихся "субкультурных П.", имеющих подвижные временные, социальные, субстанциальные границы. В пределах гарантированных конституционными правами, структуры такой плюралистической сферы развиваются более или менее спонтанно. Течения публичной коммуникации направляются масс-медиа и проходят через различные П., неформально развивающиеся внутри организаций (Хабермас). Поэтому публичная сфера, с одной стороны, не может быть организована, администрирована, заключена в замкнутые общности, а с другой стороны, не может составлять единую и недифференцированную аудиторию. Публичная сфера состоит из множества подсфер, которые функционируют самостоятельно, но связаны друг с другом множеством нитей. Существование некоторых из них обусловлено географическими факторами (национальные, региональные, городские границы). В основе возникновения других может лежать интерес к определенной теме (социальной или образовательной политике, искусству или религии, науке или кинематографу и т.д.). Одни виды П. (дискуссии между собравшимися в кафе) более спонтанны, чем другие (добровольные объединения, читатели периодических изданий, участники общественных движений). П. отличаются также и по масштабу: от постоянных взаимодействий лицом-к-лицу до абстрактной публичной сферы, порожденной масс-медиа. Публичная сфера всегда есть, по выражению А. Феррара, *публика публик*. Коммуникативные потоки не подлежат регуляции с помощью четко фиксированных процедур, поэтому публичная сфера неограничена и гибка, представляя собою существенный ресурс для тематизации новых потребностей. Публичная сфера, согласно Хабермасу, есть неформальная сеть для обмена информацией и точками зрения. Подобно *жизненному миру* в целом, публичная сфера воспроизводится через коммуникативное действие, для которого достаточно владения родным языком. В основе участия в ней лежит общая постижимость повседневной коммуникативной практики. С жизненным миром – "резервуаром простых взаимодействий", откуда происходит публичная сфера, она связана иначе, нежели составляющие его основные подсистемы, такие как религия, система образования, семья (главные функции которых – воспроизводить жизненный мир). Повседневное использование языка для коммуникации создает *социальное пространство*. Публичная сфера связана с жизненным миром как отражение социального пространства. Если для традиционных обществ были характерны замкнутые метафоры социального пространства (форум, арена, сцена), то для сложных современных обществ есть смысл говорить о создаваемом электронными масс-медиа виртуальном социальном пространстве, расширяющем для каждого потенци-

ального участника возможность вмешательства в процессы коммуникации. Публичную сферу можно определить поэтому как виртуальное пространство, в котором выделяются и обсуждаются общественно значимые темы и формируется общественное мнение. Поскольку публичная сфера не существует ни в формальных, системных контекстах, ни в приватных, – к примеру, семейных связях, ей необходима организационная поддержка. Публичная сфера поддерживается гражданским обществом (**см.**) – сетью ассоциаций, организаций и движений, черпающих свои цели и ценности из публичных дебатов.

Хабермас выделяет три основных типа участников публичной сферы. Участники первого типа приходят в нее "извне": из организованных и формально структурированных контекстом в поисках главного ресурса, которым располагает публичная сфера – влияния. В этом случае публичная сфера инструментально используется членами политических партий, разного рода лоббистами, членами парламента или правительства. Участники второго типа пополняют публичную сферу "изнутри", ратуя за те или иные общественные интересы, институциональные реформы, новые права, отстаивая те или иные коллективные идентичности. Наконец, третий тип – журналисты, деятели масс-медиа, которые контролируют отбор тем, текстов и авторов, циркулирующих в публичной сфере.

Публичный разум – понятие, введенное Д. Роулсом в работе "Политический либерализм" (1993), близкое понятию дискурсивной сферы, состоящей из т.наз. *публичного знания*, то есть общих оснований, на которых принимаются общие решения и ограничивающих "территорию", в пределах которой возможно публичное убеждение. Публичный разум не тождествен "перекрывающемуся консенсусу", отличаясь от (единожды) достигнутого совпадения мнений динамичностью, способностью порождать новые консенсусы. Подчинение суждений индивида доводам публичного разума продиктовано уважением к социальным идеалам (в этом смысле публичный разум есть переформулировка темы "общего блага").

Публичный разговор – понятие, с помощью которого ученица Хабермаса С. Бенхабиб пытается оттенить существо постиндустриальной "новой публики" – не обладающей никаким местом в пространстве, потому что локализована сразу во множестве мест и в пределе включающей в себя бесконечное количество голосов. "Членство" в ней означает лишь отправку и получение электронных сообщений. В отличие от тех аналитиков, которые связывают будущее демократии с электронными медиа, Бенхабиб фиксирует следующее противоречие между резко возросшим доступом к публичным средствам коммуникации и ослаблением качества публичных дебатов. Публичная сфера сегодня – сфера нарциссической самопрезентации (см. **Нарциссизм**).

Граница между интимностью и публичностью в современную эпоху стерта. Р. Барт (**см.**) называет эту "*публичность приватного*" "новой общественной ценностью", подчеркивая, что "взрыв приватного на публике", то есть публичное потребление приватного, есть процесс глубоко амбивалентный. С одной стороны, он отрицает границу между двумя категориями, с другой стороны, он от нее существенно зависит. В итоге граница постоянно переопределяется. Публичность и интимность, общественное и частное, публичное и приватное взаимозависимы, составляют бинарную оппозицию. С возникновением государственных институтов модерности и становлением капиталистической экономики термин "приватное" стал относиться к широкому кругу феноменов: во-первых, к домашнему хозяйству, во-вторых, к экономическому порядку рыночного производства, обмена, распределения и потребления, в-третьих, к сфере гражданских, культурных, научных, художественных ассоциаций, функционирующих в рамках гражданского общества. Бинарная оппозиция "приватное/публичное" в последние три десятилетия подверглась серьезной критике со стороны феминистских авторов, настаивающих на ее пересмотре. Если в начале этого переосмысления речь по преимуществу шла о расширении участия женщин в жизни публичной сферы, то впоследствии внимание исследователей переключилось на защиту privacy в условиях роста государственной и негосударственной бюрократии в современных обществах. Приватное определяется как те аспекты жизни и деятельности, куда личность имеет право не допускать других, то есть не то, что исключают публичные институты, но то, что сама личность предпочитает держать подальше от публичного внимания (А. Янг).

Е.Г. Трубина

***p*-ЗНАЧЕНИЕ** – величина, применяемая при статистической проверке гипотез (**см.**) с использованием компьютерных программ статистического анализа данных, например, в SPSS (**см.**) она называется significance – значимость. Представляет собой одностороннюю или двустороннюю вероятность того, что значение случайной величины превысит, по абсолютной величине, вычисленное по выборке значение критерия проверяемой гипотезы статистической (**см.**). Решение о принятии/отклонении нулевой гипотезы (**см.**) принимается в результате сравнения p с выбранным уровнем значимости (**см.**) α: если $p < \alpha$, нулевая гипотеза должна быть отклонена в пользу альтернативной. Если $p > \alpha$, для отклонения нулевой гипотезы (принятия альтернативной) нет достаточных оснований. При использовании p нет необходимости использовать статистические таблицы.

О.В. Терещенко

PR (англ. public relations – связи с общественностью) – деятельность, направленная на достижение эффективной коммуникации как внутри организации, так и между организацией и общественностью. Целью PR является достижение эффективной коммуникации, а главной задачей PR выступает организация эффективного коммуникативного пространства общества. PR традиционно рассматривают с двух точек зрения: с одной стороны, как систему методов и приемов, по-

средством которых достигается эффективная коммуникация, а с другой – как подразделение, службу, ориентированную на эффективную коммуникацию с общественностью, то есть (в данном контексте) с внешней и внутренней средой организации. В более широком смысле PR – это процесс содействия установлению взаимопонимания и доброжелательных отношений между личностью, организацией и другими людьми, группами людей, обществом в целом посредством распространения разъяснительных материалов, обмена информацией и анализа общественной реакции. "Американское общество PR" так видит свои задачи: "PR помогает комплексному, плюралистическому обществу принимать решения и функционировать более эффективно путем достижения взаимопонимания между группами и учреждениями. Она помогает гармоничному сочетанию частных и общественных интересов".

Конкретное содержание PR-мероприятий зависит от сферы действия данного PR-подразделения и групп общественности, с которыми ведется работа. Так, главное назначение связей с общественностью в сфере бизнеса – формировать благоприятное мнение общественности об организации путем создания представления о том, что организация производит и реализует товар или услуги в интересах покупателей, для удовлетворения рыночных потребностей, а не только ради получения дохода. Основной задачей PR в отношениях с государством в данном случае будет лоббирование, то есть влияние организации на принятие решений властными структурами; в отношениях с инвесторами – обеспечение акционеров информацией (через коммуникации с финансовой общественностью), чтобы те могли решать – покупать, держать или продавать акции компании.

Отдельной сферой PR-деятельности являются внутренние коммуникации – построение гармоничных и доброжелательных отношений с собственными работниками. Особая роль традиционных и электронных СМИ в современном обществе определяет и особую значимость отношений любой организации со СМИ. Современный мир подчинен следующему правилу: реальное событие только тогда существенно, когда о нем широкой публике рассказали средства массовой информации. Поэтому, с одной стороны, организация стремится передать информацию о себе в СМИ, а с другой – отследить содержание массовых коммуникаций по ряду вопросов, в том числе и о себе самой (мониторинг СМИ). К основным сферам деятельности пресс-службы организации, кроме мониторинга, относятся: распространение информации о деятельности организации, ее оперативное взаимодействие со СМИ; организация пресс-конференций и брифингов, подготовка интервью должностных лиц организации для СМИ; информационно-аналитическое обеспечение сотрудников организации по вопросам, затрагивающим ее интересы; создание информационного банка данных, фонотеки, видеотеки, отражающих общественно значимую деятельность организации. PR относятся к маркетинговым коммуникациям, так как нацелены на специализированные, сегментированные аудитории, однако по ряду позиций существенным образом отличаются от других маркетинговых коммуникаций. Так, PR отличаются от "маркетинга" тем, что продвигают не столько продукт на рынке, сколько саму организацию в глазах общественности, причем если маркетинг использует платное средство информирования – рекламу, то PR практически бесплатны для организации. В отличие от рекламы PR призваны выходить на широкую публику, а не на узко очерченный круг потенциальных покупателей. Кроме того, если реклама видит в человеке клиента-потребителя и стремится спровоцировать желание сделать покупку, то PR адресуются к человеку как к существу социальному с целью вызвать его доверие. Многие специалисты видят отличия PR от рекламы еще и в том, что не все организации используют рекламу, чего нельзя сказать о PR (к примеру, пожарные, президентская администрация, правительство не занимаются рекламой, в то время как PR входят в круг их интересов). См. **Имидж, Реклама.**

И.В. Сидорская

Р

РАДАЕВ Вадим Валерьевич (р. 1961) – российский социолог, специалист в области экономической социологии. Окончил экономический факультет МГУ (1983). Кандидат экономических наук (1986), доктор экономических наук (1998).

С 1987 работает в Институте экономики РАН, с 1991 – зав. сектором экономической социологии Института экономики РАН, с 1995 по настоящее время – зав. отделом экономической социологии и экономики труда Института экономики РАН.

Р. – руководитель ряда исследовательских проектов, в том числе: "Социология нового российского предпринимательства" (1993-1995, при поддержке Интерцентра), "Основы экономической социологии" (1995-1996). Р. читает курсы лекций по темам: "Экономическая социология", "Социальная стратификация" (Высшая школа экономики, Московская школа социальных и экономических наук).

Р. предпринял системную попытку оформления экономической социологии как особого исследовательского направления; обосновал сочетание теоретических и эмпирических подходов в социологии исследования современных хозяйственных явлений.

Р. – автор более 100 научных работ, в том числе: "Отчуждение труда: История и современность" (1989); "Социальная стратификация" (1995); "Экономическая социология" (1997); "Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика" (1998) и др.

РАДКЛИФ-БРАУН (Radcliffe-Brown) Альфред Реджинальд (1881-1955) – британский антрополог, создатель структурно-функционалистского подхода в антропологии. Изучал философию, экономику, психологию и антропологию в Кембридже. Ученик У. Риверса. Проводил полевые исследования в Австралии, Африке, Полинезии и на Андаманских островах. Директор департамента образования Королевства Тонга (1916-1919). Создал школу Африканских исследований в университете Кейптауна (1921-1926) и кафедру антропологии в Сиднейском университете (1926-1931). Профессор и глава кафедры социальной антропологии в Оксфорде (1937-1946). Основные сочинения: "Андаманские островитяне" (1922); "Социальная структура" (1949); "Структура и функция в примитивном обществе" (1952); "Метод в социальной антропологии" (1958) и др.

В 1920-х Р.-Б. был сторонником функционалистского подхода Малиновского (**см.**). Неудовлетворенность его возможностями побудила Р.-Б. ввести в контекст функционального анализа понятие "структура". Последнюю он определял как "сложную сеть реально существующих социальных отношений". Понимание структуры как набора невидимых отношений, производящих видимый результат на поверхности общества в формах институциализированного поведения, была позаимствована Р.-Б. из естественных наук, прежде всего из атомной физики. Каждое общество, по Р.-Б., вырабатывает свою культурную модель социальных отношений. Социализация посредством этих моделей вырабатывает сходные формы поведения среди множества людей. Благодаря этому каждый индивидуум обнаруживает себя в схожей структурной позиции по отношению к сети социальных отношений и исполняет предписанную ему социальную роль.

Структура, по Р.-Б., включает в себя три взаимосвязанных аспекта. Во-первых, это "структура сама по себе", которая может быть обнаружена в социальных ролях как в узлах сети отношений, конституирующих общество. Видимые аспекты социальной структуры подобны анатомии живых существ. Однако реальная структура состоит из невидимых отношений, которая, по Р.-Б., пребывает в статическом состоянии. Во-вторых, это "функция", понятием которой Р.-Б. пользовался для того, чтобы показать структуру в действии. "Функция" определялась им как социально стандартизированный способ деятельности или мышления, направленный на поддержание существования социальной структуры. В-третьих, это "изменения" или "социальная эволюция", которые, по Р.-Б., являются не менее важной составляющей структуры, чем функции. При этом он предлагал различать радикальные изменения, затрагивающие саму структуру, и текущие, например, демографические процессы рождения и смерти.

Важной научной заслугой Р.-Б. стала институциализация социальной антропологии как самостоятельной дисциплины. Ее он определял как "науку о человеке и человеческой жизни во всех ее аспектах". Цель антропологии Р.-Б. видел в обнаружении общих законов социального и культурного развития человечества. Антропологию он подразделял на три части: археологию, биологическую антропологию и этнологию, под которой понимал сравнительно-историческое изучение отдельных народов. Такой подход к пониманию антропологии характерен в целом и для ее современного состояния.

П.В. Терешкович

РАЗВИТИЕ – характеристика качественных изменений объектов, появления новых форм бытия, инноваций и нововведений и сопряженная с преобразованием их внутренних и внешних связей. Выражая прежде всего процессы изменений, Р. предполагает сохранение (системного) качества развивающихся объектов. Концепции Р. тесно связаны с пониманием процессуальности и исторической изменчивости систем и явлений.

В социологии первоначальное осознание процессуальности было связано с введенным Контом (**см.**) соотношением социальной статики и социальной динамики, а осознание историчности – с разработкой Марксом (**см.**) гегелевского принципа единства логического и исторического. Причем изначально эти две установки практически никак концептуально не соотносились между собой, а наоборот, чаще противопоставлялись друг другу. Само общество описывалось при этом в различных концептуальных моделях, вводивших свои понимания идеи Р.: 1) организмической [линия Спенсера (**см.**), в которой уже разделялась структура как строение (форма) целого, и функция – как способы деятельности и трансформации целого]; 2) системной [линия Дюркгейма (**см.**) с двумя продолжениями: функциональным императивизмом Парсонса (**см.**) и функциональным структурализмом Мертона – **см.**]; 3) системно-процессуальной [линия Сорокина (**см.**), введшего представление о процессе как любом виде модификаций и трансформаций, касающихся как количественных, так и качественных параметров объекта или системы]; 4) альтернативных (по отношению к предыдущим) моделях [линия символического интеракционизма (нет социальных структур, есть структуры взаимодействия), линия Бурдье (**см.**) (анализ взаимодействующих социокультурных полей]; 5) цивилизационной (линия А. Тойнби и О. Шпенглера – локализация разных типов Р. в самодостаточных социокультурных целостностях); 6) стадиальной (линия Маркса – Р. как смена способов производства, конституирующих особые целостности – общественно-экономические формации).

Проблема $Р_{ф}$ связывается в этих моделях с цикличностью или направленностью (линеарной или нелинеарной) процессуальных изменений; с их одно- или многовекторностью (факторностью в "теории факторов"); с их однозначной (естественно-исторической) предзаданностью или возможностью альтернатив; с эволюционным или скачкообразным (революционным) характером социокультурных изменений; с мерой их "искусственности" (организуемости) и "естественности". Все эти дихотомии синтезируются в основополагающей проблеме любой теории Р. – критериях оценки качества изменений (дополнительная задача – понимание самого этого качества).

Часть моделей связывает Р. с идеей прогресса – эволюционным или революционным, линеарным или нелинеарным приращением качества. Это порождает проблемы: выбора критериев (прогресс разума, технический прогресс и т.п.); обоснования их безусловности и "нулевой" (исходной) точки отсчета; применимости за пределами рассматриваемой области (есть ли прогресс техники, например, одновременно и прогресс нравственности и т.д.); определения временной (достаточно длительной) перспективы, позволяющей увидеть "последствия" Р.; универсальности данного типа Р. для иных социокультурных систем и т.д. Таким образом, понятие прогресса оказывается выходящим за пределы рационального обоснования и фундирующим идеологические концепции.

Другая часть моделей пытается избегать отождествления Р. с прогрессом и задавать формальные основания Р. и критерии его оценки, что позволяет выделять в процессах Р. как наращивание, так и потерю качества, которое важно удержать в социокультурной системе для поддержания ее идентичности и целостности. Тогда Р. во многом отождествляется с процессуальной изменчивостью и противопоставляется фазам консервации и (или) стагнации социокультурных целостностей, связанных, как правило, с их переструктурацией функциональным и (или) смысловым переопределением, меняющим вектора изменений.

Одна из первых попыток задания формальных критериев Р., нашедшая в дальнейшем широкую поддержку и породившая целый ряд переинтерпретаций, связана с идеей Спенсера о Р. как усложнении элементного состава и дифференциации структур и функций, организации взаимодействия и отношений между людьми. В этом же смысле можно трактовать идею Поппера (**см.**) об открытых и закрытых типах обществ, что предполагает разные критерии Р. в закрытых и открытых социокультурных системах и задает общую линию изменений – от структур закрытого типа к открытым. Это позволяет обосновывать формальные требования, которым должна удовлетворять система открытого типа, и класть их в основу конкретных анализов и программных проектов Р.

Культурология конца 20 в. активно разрабатывает дополнительную к формальному типу задания понятия Р. идею полифоничности и многомерности Р., а также его разнотипности в традиционных и нетрадиционных обществах. Особые области в современных анализах Р. – концепции модернизации и социокультурных трансформаций.

В.Л. Абушенко

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА – функционально интегрированная система производственных ролей и специализаций внутри общества. В организационно-техническом аспекте Р.Т. соотносится с изменением его содержания как способа связи производителя со средствами производства, определяемого уровнем развития производительных сил. В социально-экономическом аспекте Р.Т. соотносится с изменением его характера как способа связи производителя со средствами производства, определяемого уровнем развития производственных (экономических) отношений. Р.Т. на его различные виды: физический и умственный, промышленный и сельскохозяйственный, квалифицированный и неквалифицированный, управленческий и исполнительский и др. – является основой деления общества на социальные группы занятых названными видами труда и отношения между группами в зависимости от их социального статуса и престижа.

Закономерность Р.Т. обусловлена исторически объективным процессом, создающим предпосылки экономического и социального развития общества. В античную эпоху, в условиях почти полного отрыва умственной деятельности от задач материального производства, существенной чертой Р.Т. была его кооперация, без которой труд рабов, оснащенный примитивными орудиями, не мог бы обеспечить выполнение титанических работ. В феодальную эпоху особен-

ности Р.Т. связаны с характером феодальной собственности. В соответствии с двумя формами собственности (земельной – феодалов и корпоративной – ремесленников) все более резкие черты приобретало Р.Т. на сельскохозяйственный и ремесленный. Обособление торговли от производства вызвало появление особого слоя – купцов, сосредоточивших в своих руках все торговые связи. Возросшая потребность в товарах массового пользования (наряду с уникальными ремесленными изделиями) обусловила возникновение мануфактур, определяющих разделение труда внутри предприятия. В технико-организационном аспекте мануфактуры были необходимым историческим этапом становления организации производства в интересах повышения производительности труда. В социально-экономическом аспекте мануфактуры представляли собой особый метод производства относительно прибавочной стоимости, отражающий уровень развития экономических отношений в обществе.

В период раннего капитализма мануфактурное Р.Т. создало предпосылки для возникновения крупной промышленности. Приближение ко все большей синхронности операций положило начало стройной организации производства и непрерывности производственных процессов. На основе этих предпосылок осуществилась промышленная революция 18-19 вв., сущность которой состоит в грандиозном скачке уровня производительности общественного труда, осуществленном путем замены мануфактурного производства производством, основанным на применении системы машин. В середине 20 в. Р.Т. из эволюционного становится революционным, с превращением науки в необходимый компонент производства.

Первое проявление воздействия науки на Р.Т. внутри предприятия выразилось в том, что в системе машин Р.Т. стало определяться объективным производственным механизмом. Второе состоит в том, что машинное производство минимизировало необходимость прикрепления рабочих к пожизненному выполнению одних и тех же функций. Воплощаясь в системы машин, наука постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а тем самым и в функциях рабочих, требуя их переучивания. Третье проявление связано с главным направлением в изменении функций рабочих: внедрение в производство научных достижений изменяет пропорции в соотношении затрат умственного и физического труда (в индустриально развитых странах оно составляет 70:30). По мере развития данной закономерности Р.Т. становится главным фактором развития универсальной рабочей силы на рынке труда.

Г.Н. Соколова

"РАЗЛИЧЕНИЕ. СОЦИАЛЬНАЯ КРИТИКА СУЖДЕНИЯ" ("La Distinction. Critique sociale du jugement". Paris: Ed. de Minuit, 1979) – одна из главных работ Бурдье (**см.**). Наряду с "Самоубийством" (**см.**) Э. Дюркгейма (**см.**) и "Протестантской этикой и духом капитализма" (**см.**) М. Вебера (**см.**) является одной из трех наиболее цитируемых в социологии книг 20 в. На материалах многих эмпирических исследований Бурдье анализирует стили жизни и суждения о вкусе различных социальных групп. Исследование затронуло все основные области культурного потребления: живопись, литературу, музыку, кино, а также кулинарные предпочтения и политические пристрастия. Книга состоит из 8 глав, сгруппированных в 3 части, в которых рассматриваются: 1) социальная критика суждений вкуса, 2) экономика практик, 3) вкусы класса и стили жизни. Кроме того, она снабжена большим приложением с описанием методик, опросных листов, методов построения выборки и других инструментов исследования: приводятся таблицы и графики, отражающие результаты статистического анализа эмпирических материалов исследования.

Исходный тезис Бурдье состоит в том, что существует "экономика культурных благ", но она обладает специфической логикой, которую необходимо обнаружить, чтобы не впасть в вульгарный экономизм. Для этого нужно прежде всего определить условия, в которых сформировались потребители культурных благ и их вкусы, рассмотреть различные способы потребления легитимных благ (тех, которые в данный момент времени считаются произведениями искусства), а также социальные условия становления принятых в обществе способов освоения и присвоения культуры. Автор показывает, что эстетические представления и вкусы не являются чем-то "сакральным" или результатом свободного выбора индивида, но вытекают из его социальных условий социализации и наличного положения в обществе. Связи между системами классификации (которые называют вкусом) и условиями существования (т.е. тем, что социолог именует социальным классом), предстают внешнему наблюдателю в превращенной форме, как "выбор", совершаемый социальными субъектами. Социальные субъекты различаются по тому, как они производят различия между красивым и безобразным, вкусным и безвкусным, утонченным и грубым и т.п., в которых выражается или через которые "выдает себя" их положение в объективной социальной классификации. Никто, по мнению Бурдье, не классифицирует себя более, чем сам субъект, когда он определяет, как ему приличествует одеваться, вести себя, говорить, куда ходить в свободное время и т.д. Проведенное автором исследование дает картину, в которой неразрывно связаны положение в социальной структуре и стили жизни. "В противовес харизматической идеологии, которая представляет вкусы в границах легитимной культуры как природный дар, научное наблюдение показывает, что культурные потребности являются продуктом воспитания: опрос фиксирует, что все виды культурной практики (посещение музеев, концертов, выставок, чтение и т.п.), а также литературные, художественные и музыкальные предпочтения тесно связаны с уровнем образования (измеренным по наличию и типу диплома или по количеству лет обучения) и, во вторую очередь, с социальным происхождением". Среди факторов, определяющих культурные предпочтения, Бурдье выделяет семейное воспитание (накопленный семьей культурный капитал) и образование, эффективность и продолжительность которого, в свою очередь, зависит от социального происхождения. Особенно сильно эти факторы проявляются в случае восприятия и оценки авангардных культурных течений. Социально признаваемой иерархии течений, стилей, школ в искусстве соответствует социальная иерархия потребителей, поэтому вкус служит "маркером" класса.

Характерологические структуры определенного класса условий существования, понимаемые как экономическая и социальная необходимость и семейные связи, лежат в основе того, что Бурдье называет ансамблем практических схем

(схем производства практик агентом) или габитусом (см.), порождающим практики и представления. "Габитус как структурирующая структура (которая организует практики и их восприятие), есть также и структурированная структура: принцип деления на логические классы, организующий восприятие социального мира, сам является продуктом инкорпорации деления на социальные классы. ...Наиболее основополагающие оппозиции структуры состояний (высокий/низкий, богатый/бедный и т. п.) стремятся навязать себя в качестве фундаментальных принципов структурирования практик и восприятия этих практик. ...Стили жизни также являются систематическими продуктами габитусов, которые, будучи восприняты во взаимосвязях в соответствии со схемами габитуса, становятся системами социально квалифицированных знаков (например, "утонченный", "вульгарный" и т.п.). Диалектика состояний и габитусов лежит в основании алхимии, трансформирующей распределение капитала как итога отношения сил – в систему воспринимаемых различий, отличающих свойств, т.е. в распределение символического капитала, т.е. легитимного капитала, непризнанного в своей объективной истине".

Как заметил Э. Дюркгейм, в каждом из нас живет "вчерашний человек", поскольку настоящее лишь в незначительной мере сравнимо с прошлым, откуда мы родом и в котором мы сформировались. Мы не рефлектируем прошлое, так как оно инкорпорировано в нас, составляет наше бессознательное. Вследствие этого мы не не предрасположены принимать во внимание его законные притязания на руководство нашим поведением, восприятием и т.д. И, наоборот, самые последние социальные установления мы ощущаем очень остро, поскольку они еще не превратились в наше бессознательное. Подобно этому габитус есть история, "ставшая природой", и тем самым отрицаемая в качестве таковой: диспозиции, составляющие габитус, по большей части неосознанны. "Габитусы являются порождающими принципами практик – различительных и различающих: что ест рабочий и особенно его манера есть, спорт, которым он занимается и его манера им заниматься, политические мнения и его манера выражать их – различают систематическим образом потребление и соответствующие практики рабочего от хозяина промышленного предприятия; здесь же различные схемы классификации, основания классификации, принципы видения и деления, вкусы. ...Однако одно и то же поведение или одно и те же благо может казаться утонченным для одних, претенциозным или "вычурным" для других и вульгарным для третьих".

При социологическом исследовании габитуса можно выделять в нем функциональные сегменты, такие как "этос" (совокупность усвоенных моральных правил и норм) и "экзис" (манеры поведения, телесные диспозиции, способы "внешней" самопрезентации), а также исследовать его в диахронном плане (первичный и вторичный габитус) или в форме социологических обобщений (классовый и групповой габитус). Как и социализация, формирование габитуса в процессе интериоризации социальных отношений осуществляется в несколько этапов: первичный габитус, сложившийся в семье, служит основой восприятия и усвоения школьного образования; вторичный (школьный) габитус выступает условием и предпосылкой восприятия и оценивания окружающего мира, культуры и т.д. Важнейшим моментом интериоризации является *инкорпорация* – воплощение социальных отношений в теле агента в виде его устойчивых диспозиций определенным образом говорить, ходить, чувствовать, держать спину и т.п. В любом обществе подобным деталям поведения придают большое значение, поскольку тело рассматривается как память: "общества доверяют ему в конспективной и практической, т.е. мнемотехнической форме, фундаментальные принципы культурного произвола".

Желание дистанцироваться, отличаться указывает на стремление человека существовать не только физически, но и социально, т.е. быть признанным другими. С помощью средств, находящихся в распоряжении индивидов, они приобретают наиболее престижные ярлыки и названия, или стараются добиться более престижной значимости для тех званий, которые они уже приобрели, либо усиленно содействуют созданию новых званий, как бы "сшитых по мерке". В этой деятельности по приданию большего значения дистанцированию агент, как правило, не остается одиноким. Его личный интерес неотделим от интересов неких других агентов, даже если он их лично не знает. Объясняется этот феномен просто: любой интерес есть позиционный интерес, т.е. интерес, неразрывно связанный с позицией поля, которую всегда занимает более или менее многочисленная популяция агентов.

Габитус генерирует и структурирует практики и представления так, что они оказываются объективно адаптированными к системе социальных отношений, продуктом которой он сам является. На этом основан эффект его *гистерезиса* (отставания, запаздывания): какое-то время после того, как социальные отношения изменились (или агент занял другую позицию в них), агент по-прежнему воспроизводит старые социальные отношения, продуктом которых является его габитус. Иными словами, габитус сохраняет постоянство в изменении, тем самым сообщая практикам свойства непрерывности и упорядоченности.

Теория социального мира Бурдье базируется на утверждении, что индивиды и группы существуют лишь через и в различиях с другими индивидами и группами. Социальные характеристики и особенности имеют смысл не сами по себе, но в структуре связей и иерархий. Сама эта структура находится в постоянном движении: различия меняются содержательно, но иерархии между ними остаются, отношения господства и подчинения сохраняются.

И.А. Шматко

"РАЗУМ И РЕВОЛЮЦИЯ. Гегель и становление социальной теории" ("Reason and Revolution. Hegel and the rise of social theory", 1941) – работа Маркузе (см.). По мысли автора, "возникновение фашизма заставляет по-новому осмыслить философию Гегеля".

Целью автора выступает стремление показать "несовместимость основных идей Гегеля с теми тенденциями, которые приводят к теории и практике фашизма". (Речь шла о распространившихся в 1930-е оценках Гегеля как "философа тоталитаризма": комментировались его тезисы о государстве как о "самостоятельной силе, в которой индивиды не более чем моменты"; о том, что "государство суть шествие Бога в мире"; о том, что государству, осуществляющему "право, безразличное к особенности", в принципе не важно, есть ли индивид либо его нет.) Как отмечает Маркузе, не-

мецкий идеализм обычно называют "теорией Французской революции". Философия Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля сформировалась как ответ на брошенный из Франции призыв перестроить государство и общество на рациональной основе, дабы социальные и политические институты не противоречили свободе и интересам личности. Идея разума, согласно Маркузе, – "средоточие философии Гегеля". Идея Гегеля о том, что мысль должна управлять действительностью, согласно Маркузе, – сердце его философии.

"Р.и Р." состоит из двух главных частей: "Основы философии Гегеля" и "Становление социальной теории" /преимущественно социологии. – *А.Г.*/. По мысли Маркузе, философская система Г. Гегеля проходит в собственном развитии пять этапов: 1) 1790-1800, попытка заложить религиозные основы философии; 2) 1800-1801, формулировка своей оригинальной точки зрения, анализ современной философии (особенно идей И. Канта, И.Г. Фихте, Ф. Шеллинга); 3) 1801-1806, написание "Иенской системы" – ранней формы завершенной системы Гегеля; 4) 1807 – создание "Феноменологии духа"; 5) 1808-1817, окончательное формирование философской системы, обозначенное "Философской пропедевтикой", завершенное "Наукой логики", "Энциклопедией философских наук", "Философией права" и др. Параллельно, по мысли Маркузе, осуществлялось осмысление Гегелем современных ему социально-политических контекстов (вплоть до 1831, исследование, посвященное английскому "Биллю о реформе").

Во второй части "Р.и Р." анализируются: "основы диалектической теории общества" (полемики С. Кьеркегора, Л. Фейербаха, анализ трудового процесса и диалектика К. Маркса – см.); "основы позитивизма и становление социологии" [Сен-Симон (см.), Конт (см.), Ф.Ю. Шталь, Л. Штейн – см.]. В "Заключении" Маркузе осмысливает разновидности неогегельянства и ревизию Гегеля, осуществленную национал-социалистическими идеологами.

Как утверждает Маркузе, "в основе философии Гегеля лежит структура, идеи которой – свобода, субъект, дух, понятие – являются производными от идеи разума": гегелевское понятие разума отличается критической и полемической направленностью, противоборствует любой готовности принять существующее положение дел, отрицает гегемонию любой существующей формы существования, выявляя антагонизмы, преобразующие ее в другие формы. Философская система Гегеля, согласно Маркузе, суть "последняя великая попытка сделать мысль прибежищем разума и свободы". Гносеология немецкого идеализма утверждала способность структуры индивидуального мышления (субъективности) к порождению всеобщих законов и идей, способных конституировать всеобщие нормы рациональности. По Гегелю, является осуществимым построение всеобщего рационального порядка на автономии индивида. Пафос такой философии, согласно Маркузе, отыскание единящего начала для индивидуалистического по природе своей общества. (В отличие от традиции британского эмпиризма, трактующего единство разума как единство обычая или единство привычки, сообразующихся с фактами, но "никогда не управляющих ими".)

Как отмечается в "Р.и Р.", философия Гегеля на самом деле являет собой философию отрицания: "она изначально движима убеждением в том, что данность, которая кажется здравому смыслу достоверным знаком истины, в действительности является ее отрицанием, так что истина может утвердиться только благодаря уничтожению этой данности. В этой критической убежденности и кроется движущая сила диалектического метода". Маркузе констатирует, что "историческое наследие гегелевской философии не перешло к гегельянцам ... ее критические тенденции скорее были восприняты в марксистской теории общества". Но при этом "переход от Гегеля к Марксу" есть "переход к принципиально иному порядку истины, который нельзя истолковать в терминах философии": все философские понятия марксистской теории являются общественно-экономическими категориями, тогда как общественно-экономические категории Гегеля представляют собой философские понятия. Уже даже ранние работы Маркса являют собой "отрицание философии, хотя и выраженное философским языком". У Маркса, по мысли Маркузе, "на смену идее разума приходит идея счастья". Гегель решительно отвергал мысль о том, что прогресс разума может иметь что-то общее с удовлетворением индивидуального стремления к счастью; у Гегеля "разум может господствовать даже тогда, когда реальность вопиет от страданий индивида: идеалистическая культура и технологический прогресс гражданского общества свидетельствуют об этом". И далее – в "Р.и Р." – "требование, согласно которому свободные индивиды должны обрести удовлетворение, противоречит всему укладу традиционной культуры". Маркузе, отвергая обвинения Гегелю в философском тоталитаризме, подчеркивает: в национал-социализме не единение свободных индивидов и не рациональное целое гегелевского государства, а "природный" организм расы конституируют социальную общность.

Анализ Маркузе приводит его к следующему выводу: духовная свобода Европы в ее протестантской версии, осмысленная системами философского идеализма, располагалась (акцентированно онтологически) вне рамок наличной данности консервативных и косных социально-политических структур. Еще Лютер утвердил религиозную свободу как внутреннюю реальность жизни духа, существующую безотносительно к социально-политической конкретике истории. Как итог, "люди, обретшие свободу свыше 400 лет назад, продолжают прекрасно маршировать в единых колоннах авторитарного государства". Немецкая культура оказалась обращена не столько к вещам, сколько к их идее, полагая свободу мысли прежде свободы действия, нравственность – прежде практической справедливости, внутреннюю жизнь – прежде общественной жизни человека. Критическая направленность системы Гегеля была утеряна в последующих философских метаморфозах: "история гегельянства превратилась в историю борьбы против Гегеля". Как полагает Маркузе, "в самой своей сущности разум есть противоречие, противостояние, отрицание до тех пор, пока свобода не будет реализована. Если противоречивая, противоборствующая, отрицательная сила разума терпит поражение, реальность совершает свое движение, повинуясь собственному позитивному закону, и, не встречая противодействия со стороны духа, раскрывает свою репрессивную силу". В дальнейшем становление позитивистского, социологического стиля мышления трансформировали самосознающее Я в начало, обусловленное чем-то внешним; Я из активного субъекта мысли превращается в пассивного субъекта вос-

приятия. Такой интеллектуальный поворот, по Маркузе, и привел к трагедиям 20 ст. Именно позитивизм, инициированный Контом, а не система Гегеля, содержал в себе, согласно Маркузе, "семена философского оправдания авторитаризма". Маркузе цитирует известного идеолога национал-социализма К. Шмитта (**см.**): "В тот день, когда Гитлер пришел к власти, Гегель, так сказать, умер".

А.А. Грицанов

РАЙХ (Reich) Вильгельм (1897-1957) – австро-американский психолог, психиатр и психоаналитик. Один из лидеров леворадикального фрейдизма. Ученик и коллега Фрейда. Доктор медицины (1922). Основные труды: "Функции оргазма" (1927), "Анализ характера" (1928), "Генитальный и невротический характеры" (1929), "Массовая психология фашизма" (1933), "Сексуальная революция" (1936) и др. Под влиянием идей З. Фрейда (**см.**), А. Адлера (**см.**), К. Маркса (**см.**), А. Бергсона и буддистских доктрин развивал собственные психоаналитически ориентированные концепции. В 1920 вступил в Венское психоаналитическое общество. В 1924-1930 практиковал психоанализ в Венском психоаналитическом институте.

Считая сексуальность и оргазм основным регулирующим механизмом человеческой жизнедеятельности, разрабатывал науку о "сексуальной экономии", основанную, по Р., "на социологическом фундаменте Маркса и на психологическом фундаменте Фрейда", которая одновременно должна была быть "массово-психологической и сексуально-социологической". Заложил основания фрейдомарксизма, идеи которого развил в работе "Диалектический материализм и психоанализ" (1924). Принимал участие в рабочем движении, основал несколько организаций для проведения в жизнь "сексуальной политики пролетариата". В книге "Массовая психология фашизма" осуществил первое крупное исследование по психологии и психопатологии фашизма. Отошел от ортодоксального психоанализа и в 1934 покинул Международную психоаналитическую ассоциацию. В связи с установлением нацистской диктатуры эмигрировал и с 1939 жил и работал в США.

Р. разрабатывал проблемы и теорию сексуальной революции (**см.**), которую считал атрибутом революционного и реформистского процесса. Утверждал, что сексуальная революция является предпосылкой и основой "подлинно человеческой революции", поскольку она освобождает людей от подавленной сексуальности, раскрепощает их и тем самым создает условия для настоящей социальной революции. Создал учение о существующей системе сексуальной репрессивности, которая использует семью, политику и культуру в целях подавления сексуальности и свободы человека и тем самым формирует консервативный тип характера людей, ориентированный на слепое подчинение и поддержку диктатуры. Разработал ряд символов общественной репрессии сексуальности. Проанализировал сексуальное подавление как основной источник массовой невротизации и неврозов. Разработал натурфилософское учение об "оргонной энергии" (естественной, свободнотекущей сексуализированной жизненной энергии) и методике ее психотерапевтического использования. См. также: **Оргазм, Сексуальная революция**.

В.И. Овчаренко

РАКОВ Андрей Андреевич (р. 1931) – белорусский социолог, экономист. Окончил Белгосуниверситет (1954), кандидат экономических наук (1960), доктор социологических наук (1985) – тема: "Демографическое прогнозирование в системе планирования социального и экономического развития", профессор (1990). Зав. отделом Института экономики АН БССР (1981-1990).

Награжден Грамотой Верховного Совета БССР.

Область научных интересов: социальная и экономическая демография, демографическая социология. Подготовил 8 кандидатов наук.

Р. опубликовал более 200 научных работ, в том числе: "Население БССР" (1969), "Белоруссия в демографическом измерении" (1974), "Социально-экономические детерминанты рождаемости" (1976), "Демографические перспективы села" (1976), "Демографические основы народнохозяйственного планирования" (1990) и др.

РАМОС МАГАНЬЯ (Ramos Magana) Самуэль (1897-1959) – мексиканский философ, одним из первых концептуализировавший основные тематизмы "философии латиноамериканской сущности" в своей версии "философии мексиканской сущности" (мексиканидада). Идеи Р.М. были восприняты идеологами правящей Институционально-революционной (тогда – Национально-революционной) партии (в частности, тезис о "перманентности мексиканской революции"), легли в основу политики "всего мексиканского", проводившейся президентом страны Л. Карденасом. Значительное влияние на становление взглядов Р.М. оказали работы Ортеги-и-Гассета (**см.**) (перспективизм, историцизм – прежде всего тезис о полицентричности истории человечества, сам Р.М. считал, что в философии Ортеги-и-Гассета его поколение мексиканцев нашло эпистемологическое оправдание национальной философии).

Центральный тезис концепции Р.М. – "неподлинность" (неаутентичность) бытия человека в Мексике, как и Мексики как таковой. В этом плане Р.М. персонализирует собой одну из версий "философии мексиканского" (две другие персонализированы Касо и Васконселосом; с последним Р. сотрудничал в журнале "Факел"). Учился в колехио в г. Морелия, готовился к карьере врача. На последнем курсе под влиянием Х. Торреса (1890-1925) – философа-позитивиста, лекций Касо, а также знатока схоластики Ф. Аранды увлекся философией. Долгое время колебался в своем выборе между "линиями" позитивизма и Касо. С 1921 Р.М. читал курс лекций по философии в Национальной подготовительной школе. В 1925 увлекся учением Кроче и перевел его основные эстетические работы. В это же время испытал влияние идей психоанализа А. Адлера (**см.**). В 1926 совершил поездку по Европе (слушал лекции в Сорбонне), в частности, посетил СССР. 1927 считается годом начала его собственного оригинального творчества – был опубликован его очерк "Эстетика Антонио Касо", на который Касо ответил статьей "Рамос и я". Р. стал преемником Касо на кафедре общих проблем философии в Национальной подготовительной школе. Испытал духовный кризис во второй половине 1930-х, стимулировавший пересмотр ряда положений его доктрины. В 1941 Р.М. открывает и возглавляет на философском факультете УНАМ (Национального автономного университета Мексики) кафедру истории мексиканской философии, где и

работал в последние годы жизни. В 1940-1950 – президент Мексикано-американского института культурных связей. Основные идеи Р.М. были развиты в работах О. Паса "Лабиринт одиночества" (1950); Э. Уранги "Анализ мексиканца" (1952), Сеа "Сознание и возможности мексиканца" (1952). Основные работы Р.М.: "Гипотезы" (1928); "Диего Ривера" (1930); "Креольская раса" (1931); "Психоанализ мексиканца" (1932); "Мотивы для исследования мексиканца" (1932); "Образ человека и культура в Мексике" (1934, центральная концептуальная работа Р.М., ее первое издание осталось незамеченным, известность к Р.М. стала приходить после второго издания 1938, окончательная редакция опубликована в 1963 уже после смерти Р.М.); "К новому гуманизму" (1940); "Нация и новый гуманизм: программа философской антропологии" (1940); "История философии в Мексике" (1943, ознаменовала выход Р.М. из духовного кризиса); "Проблема знания "априори" и "опыт" (1955) и др.

Философию и социологию Р.М. можно определить как рефлексию национального самосознания на основе преодоления европоцентризма, поиска путей этнокультурного синтеза и выявления подлинной (аутентичной) сущности, скрытой за неподлинными формами социокультурного существования нации как основного субъекта исторического развития. Философская программа Р.М. базируется на установках "сознательного эклектизма", усвоенного им у своего учителя и друга Касо. При этом эклектизм понимается как такая теоретико-методологическая позиция, которая, стремясь к максимально широкому междисциплинарному знаниевому синтезу, исходит из самоанализа собственных возможностей и опыта в конкретных контекстах исторического бытия и направлена на преобразование себя как субъекта социокультурных практик. В этом ключе эклектизм трактуется как принципиальный антидогматизм и антицентризм, позволяющий избегать односторонности предлагаемых трактовок, учитывать все многообразие конкретики жизни, удерживать вписанность в универсальные рамки глобального современного развития через определение своего места в нем и выявление векторов социокультурных изменений. Он должен обеспечивать удержание критической рефлексивной позиции, целостность видения через совмещение в нем различных перспектив, включенность в пространство философского диалога. В конечном итоге речь идет о позитивно-ориентированном отборе (выборе) того, что имеет непосредственное отношение к субъекту (деятелю) и обстоятельствам (месту) его жизни. "Мое существование – не только существование моего тела и духа, но также круг реальностей, которые сосуществуют со мной". Фактически же эклектический метод для Р.М. есть средство усвоения историцистско-перспективистской концепции Ортеги-и-Гассета, что он сам и отмечает: "В этой фразе Ортеги *Я есть Я + моё окружение, и если я не спасу окружения, то не спасусь сам* автор этих строк видел правило, обязательное для применения к Мексике, проблемы которой и действительность которой философия совершенно не знала. Философское размышление может хорошо послужить для определения мексиканского окружения, определения того, что есть или будет ее культура с учетом характерных черт нашей истории и форм, которые она придала своеобразной личности мексиканца". Тем самым Р.М. видел позитивную часть своей философской программы именно в рефлексии и "спасении" своей ситуации, исходя из чего трактовал философию не столько как инструмент упорядочения мышления, но, прежде всего, как средство организации культурной деятельности, творчества как такового. По сути, он концептуализирует философию как "антропоповернутую" философию культуры (культура при этом понимается как открытое вовне, для чужого опыта, творческое продуцирование собственной аутентичности). Философская рефлексия культуры вскрывает ее горизонт и прилагает усилия по его расширению, "удлиняет перспективы" и "расширяет границы" видения, открывая культуру опыту иного как условию обнаружения подлинности собственного. "Мне кажется, – указывает Р.М., – что наиболее высокая ценность, которую может иметь для нас философское произведение, зиждется на способности разбудить каким-то образом сознание нашего собственного бытия для того, чтобы помочь определить нашу личность в ее формировании". Коль скоро основная тема новой философии суть человек и его мир, т.е. культура как выражение человеческой сущности, то философия в Мексике возможна лишь как "философия мексиканской сущности" (мексиканидад), как "расшифровка подлинной реальности" Мексики и характера мексиканца. Мексиканидад обнаруживает "неподлинность характера" мексиканца, воплощенного в культуре. Современная мексиканская культура "заражена" комплексом неполноценности (**см.**) (понятие которого заимствовано Р.М. в психоанализе Адлера), так как аутентичность явлена в ней через европейскую школу ценностей и замаскирована в чужих формах жизни. Возникнув как самостоятельная целостность вместе с завоеванием государственной независимости, Мексика только пытается выйти из состояния "детства" и "подростковости". "Родившись, Мексика оказалась с цивилизованным миром в тех же отношениях, в каких ребенок находится со взрослыми. Она вышла на историческую арену, когда господствовала зрелая цивилизация, и понять ее наш детский ум мог только частично. Из этого неудобного положения выросло чувство неполноценности". Важным этапом на пути преодоления комплекса неполноценности наряду с оформившимся сознанием инакости Нового Света Р.М. считал мексиканскую революцию, впервые "снизу" выплеснувшую подавленную "энергетику" нации. Революция непосредственно повернула мексиканца к его собственным проблемам (что потребовало, правда, колоссальных жертв), но так и не смогла предложить адекватных форм национального самосознания (что и требует "перманентного" дления революции как процесса самообретения).

В последующем, под воздействием конструктивной критики, Р.М. смягчил некоторые аспекты своей концепции. Прежде всего он "отодвинул" начало формирования "неадекватности" (термин был предложен Урангой) во времена конкисты и колонизации, а главное – переформулировал само свое понимание "комплекса неполноценности". В последней редакции (опубликованной в 1963) он трактуется как заниженность самооценок мексиканцев, что порождает их несправедливость по отношению к самим себе. Таким образом, и в этом случае сохраняется стремление мексиканца быть не тем, кем он есть на самом деле [т.е. он подвержен еще и действию комплекса боваризма (от имени героини Г. Флобера мадам Бовари), описанному Касо], его формы поведения по-прежнему неадекватны его обстоятельствам. "Психология мексиканца – это итоговый результат всех ре-

акций, направленных на скрывание чувства неполноценности". Не умея совладать с обстоятельствами, он не способен прояснить и собственный характер. Основной модус мексиканского существования – "маргинальность" фактически всех слоев общества, их несоотнесенность с традиционными социальными статусами. Это касается и элит, и средних слоев, и масс, что порождает "отсутствие веры в себя" (позднее – "недооценку самих себя"). Как крайнюю форму неадекватности Р.М. социологическими и культурологическими средствами анализирует феномен агрессивно-самоутверждающего поведения "пеладо" – слоя городских "босяков" 1930-х. (О.Пас продолжил эту линию в анализе так называемых "дохляков" – мексиканских "пеладо" 1940-х североамериканских городов.) Неадекватность порождает в поведении феномены агрессии, болезненного самоутверждения, неискренности, подсознательных страхов, одиночества, предшествующие и опосредующие любые контакты между людьми и вещами. Глубинная же основа этих феноменов – исходная неорганичность, расколотость, двуединость и эклектичность, неподлинность жизни, мироощущения и миросознания людей Мексики на протяжении всей ее истории. С одной стороны, "мексиканец – не европеец, поскольку живет в Америке, но не американец, ибо сохраняет атавистическую привязанность к Европе". Поэтому "европейскость" – это всего лишь калейдоскоп масок (тема, также развитая Пасом), деформирующих подлинность лица. С другой стороны, мексиканец разорван и "внутренне", что проявляется в противопоставлении креольского и индейского начал, породивших отсутствие "национальной солидарности". Исходно Р.М. настаивал на ценности "креольского", подверженного искажению "индейским" (европейский динамизм и испанский индивидуализм, граничащий с авантюрностью), искаженный "египетской неподвижностью", пассивностью, медлительностью, консерватизмом, инертностью индейцев). В этом пункте Р.М. оппонировал тезису о метисности как прообразу "новой расы" Васконселоса, но под действием Уранги и Сеа сформулировал в начале 1950-х тезис о равноценности креольской и индейской традиций как источников современной культуры Мексики: "Даже если испанские завоеватели и подчинили себе индейцев благодаря превосходству своей цивилизации, остается фактом то, что они в известном смысле были побеждены сами". В этом ключе показателен эстетический анализ Р.М. творчества мексиканского художника индейского происхождения Диего Риверы. Однако во всех случаях Р.М. исходил из сложившейся в итоге "двухприродности" мексиканца: 1) его подлинной, но скрытой сущности, требующей своего проявления (а тем самым открытия перспективы будущего), 2) его явленности в неаутентичных формах существования, требующих их разоблачения и изживания (а тем самым снятия груза прошлого).

Отсюда берет начало переформулировка Р.М. идей "Атенео молодежи" в духе идей Родо во второй период его творчества, вылившаяся в двуединую программу конституирования национальной философии и реализации идеалов "нового гуманизма", проясняющую "прошлое и настоящее мексиканской культуры для того, чтобы определить условие ее будущего". Р.М. воспринял основную установку "интраистории" Унамуно – "текущие события" суть только внешняя часть истории, смысл которой, выражение сущности национального духа, остается скрытой за ними. Дабы ее вскрыть, необходимо "познать мир в целом через особый случай – наш маленький мексиканский мир", т.е. "все наше мышление должно исходить из признания того, что мы – мексиканцы и что мы должны видеть мир с единственной точки зрения, являющейся результатом нашего положения в нем. Отсюда задача истории философии – сформировать национальное видение и тем самым "определить собственную судьбу во взаимоотношении со всем человечеством". В этом случае национальная история философии ориентируется на собственную логику развития, а не только на "мировые образцы" и "общепризнанные авторитеты" европейской мысли, но в обязательном порядке требует выражения культурно-ментального своеобразия мысли и учёта социальных контекстов (критерий – способность философа побуждать сознание общества, предложить основания для социокультурной рефлексии) – "по-настоящему значимо в нашей истории философии то, что она заставляет понять, какие идеи и учения и каким образом способствовали формированию нашей личности и нашей национальной культуры, какие философские идеи усваивались, превращаясь в жизненные элементы нашего мексиканского существования". Ценности национальной мысли должны быть положены в основание "нового гуманизма", который через систему просвещения (воспитания и образования субъекта) позволит выйти на подлинную "сущность мексиканского", вскрыть его смыслы и возможности целевой ориентации, выступая одновременно законным наследником предшествующих исторических форм гуманизма (античной, христианской, возрожденческой и натуралистической) именно в силу вписывания аутентично человеческого в космическое (в этом пункте Р.М., несомненно, зависим от Васконселоса). Важно появление нового типа мексиканца, способного преодолеть ложную дихотомию латиноамериканской созерцательности и североамериканского прагматизированного активизма (шире – европейской рациональности). "Норма" мышления не может быть навязана жизни извне, исходя из абстрактного принципа (что, например, пытался делать классический либерализм). "Доминирующие черты, которые могли бы охватить национальное мышление", должны быть (если это возможно) выявлены в самом этом мышлении (что в примере с либерализмом могло бы "социализировать" его применительно к контексту, и тем самым сделать действенным). Одновременно доктрины нового типа могли бы способствовать реализации программы "нового гуманизма", если они окажутся способными "предложить динамические идеалы, имманентные земному существованию человека" и выразить "в привлекательной форме моральные постулаты", т.е. способствовать раскрытию аутентичной времени и контексту сущности человека, в чем, собственно, и заключается сущность любого гуманизма (как реализации человеческой судьбы). Моральные постулаты фиксируют дух культуры как "жизнь субъекта, выходящую за рамки его индивидуальности в поисках своего закона в объективном, реальном или идеальном мире. Дух – это направление человеческой жизни, начало которой сугубо лично, а цель – внеиндивидуальна". Именно соотнесенность с духом позволяет человеку открыть собственные возможности, найти пути изменения собственного мышления, обрести уверенность в себе. Тем самым национальный "взгляд на вещи" не противоречит "универсальной человеческой точке зрения", которую всегда претендовала выразить философия; необходимо только

не забывать об историчности и плюралистичности самой философии, а также о том, что она не дает готовых ответов, а пытается говорить о том, как человек может чего-либо достигнуть, и прежде всего стать самим собой в конкретике своего бытия. Свобода как основной гуманистический идеал не внеположена человеку, а есть или нет внутри самого индивида. В аутентичном культурном бытии субъект и объект не противостоят друг другу, а совпадают: человек и мир человека суть одно и то же. Разрыв субъекта и объекта неизбежно порождает мимикрию и симулирование как психологические механизмы защиты, "создавая видимость культуры" и позволяя избежать гнета "депрессивности". Способ избежать этого разрыва – умение видеть Европу из Мексики, а не Мексику из Европы.

В.Л. Абушенко

РАНДОМИЗАЦИЯ – процедуры случайного распределения участников эксперимента (**см.**) по группам или порядка предъявления им экспериментальных условий. Также процедуры, обеспечивающие случайный отбор респондентов при построении выборки случайной.

Для каждой из экспериментальных схем (**см.**) существуют свои методы Р.

Для межгрупповой схемы, основной недостаток которой заключается в том, что существует постоянная опасность смешения из-за различий между испытуемыми в группах, используются две техники распределения испытуемых по группам, которые помогают избежать этого нежелательного эффекта. Первая техника – распределение случайным образом (Р.). При этом методе характеристики испытуемых игнорируются и распределение по группам является случайным и непредвзятым. Это значит, что любой испытуемый имеет равные шансы попасть в любую группу. Способы формирования групп – простейший генератор или таблица случайных чисел. Следует, однако, учитывать, что Р. не гарантирует равенства групп по важным для исследователя показателям. Вторая техника – распределение по условиям (попарный отбор, метод "копий-пар") – употребляется реже, чем первая. Экспериментальная и контрольные группы составляются из индивидов, эквивалентных по значимым для экспериментатора параметрам. Обычно распределение производится по переменной, которая вероятнее всего может вызвать смешение. Такое распределение имеет ряд проблем:

1) невозможность соотнести все характеристики с условиями эксперимента;

2) экспериментатор может не знать, какие характеристики следует принимать во внимание;

3) даже если группы уже сформированы, все равно экспериментатор может пропустить какую-либо характеристику, потенциально связанную с независимой переменной;

4) распределение по одной переменной может нарушить распределение по другим переменным;

5) потеря испытуемых, т.е. один или несколько испытуемых не участвуют в эксперименте до конца, или их поведение меняется радикально по причинам, далеким от независимой переменной. Испытуемый может заболеть, отказаться от дальнейшего участия или же выполнять тесты с таким количеством ошибок, что результаты становятся неинтерпретируемыми. В длительном эксперименте испытуемые могут взрослеть и их характеристики будут изменяться. Несмотря на тщательное распределение испытуемых по группам, потеря даже одного испытуемого может сделать группы неравными по своим характеристикам.

В интраиндивидуальной экспериментальной схеме основное допущение – объект остается идентичен самому себе с течением времени – может нарушаться из-за ряда причин. При этом систематическая разница в наблюдениях будет вызвана не действием независимой переменной, а другими факторами. Например, изменения в поведении участников могут произойти из-за влияния времени, т.е. исследуемый эффект наступил с течением времени не из-за действия влияющего фактора, а сам собой (привыкание, обучение, усталость) или в результате действия третьего фактора (что-либо случилось с участниками во время эксперимента или они стали свидетелями некоторого события, повлиявшего на них существенным образом). Таким образом, наблюдаемый эффект вызывается фазами исследований, а не действием независимой переменной. Изменения могут также произойти под влиянием порядка предъявления условий – влияние условий одного испытания на последующие. Для того чтобы избежать этой опасности, существуют две методики. Первая – случайное распределение (Р.) условий: порядок предъявления уровней независимой переменной определяется случайным образом для каждого испытуемого. Однако данная методика не гарантирует устранения эффекта влияния. Вторая методика – уравнивание (контрбалансировка): каждое условие встречается в любой период эксперимента. Таким образом, каждое условие имеет одинаковые шансы получить влияние смещенной переменной. Полное уравнивание требует, чтобы все возможные порядки испытаний были использованы. Однако, чем больше число условий, тем больше число их порядков. Если число условий n, то число порядков $n!$ Поэтому на определенном этапе полное уравнивание становится невозможным. При невозможности полного уравнивания применяют методику частичного уравнивания (латинский квадрат).

В латинском квадрате каждое условие (уровень независимой переменной) встречается в каждой части эксперимента. Например, условие *А* встречается в 1-й, 2-й, 3-й и т.д. части; условие *В* – также, условие *С* – также, и т.д. Для четырех условий схема латинского квадрата приведена на рисунке 1.

№ испытуемого	Порядок следования условий			
1	*А*	*В*	*С*	*Д*
2	*В*	*С*	*Д*	*А*
3	*С*	*Д*	*А*	*В*
4	*Д*	*А*	*В*	*С*

Рис. 1. Латинский квадрат для четырех условий

В латинском квадрате число испытаний равно числу условий (n). Поэтому количество испытуемых должно равняться, по крайней мере, количеству испытаний. Для статистических расчетов лучше использовать большее количество испытуемых – их число должно быть кратно n. В этом случае мы можем повторить исследование несколько раз. Каждый раз мы можем: а) использовать один и тот же латинский квадрат для всех случаев. Однако может возникнуть следующая проблема: выбор некоторой определенной схемы латинского квадрата вместо полного уравнивания приведет к серьезным погрешностям, если латинский квадрат оказался по каким-то причинам неудачным. Поэтому после проведения

эксперимента стоит провести статистический тест на единственность квадрата. Если тест статистически значимый, считается, что частичное уравнивание не дало нужного эффекта и результаты исследования под вопросом. Если тест не значимый, то у нас нет формального основания сомневаться в полученных данных; б) использовать другой латинский квадрат на каждые следующие *n* испытуемых. Такая процедура хороша тем, что ближе к полному уравниванию, однако для нее не существует статистического теста на единственность квадрата и у нас нет никакого формального теста для проверки степени уравнивания условий; в) использовать так называемый *сбалансированный латинский квадрат*, в котором каждое условие идет до и после каждого другого условия (рис. 2).

№ испытуемого	Порядок следования условий			
1	*А*	*В*	*С*	*Д*
2	*В*	*Д*	*А*	*С*
3	*С*	*А*	*Д*	*В*
4	*Д*	*С*	*В*	*А*

Рис. 2. Сбалансированный латинский квадрат

Многие исследователи считают, что лучше использовать именно этот тип латинского квадрата, хотя нет никакого статистического теста, подтверждающего такую точку зрения. Кроме того, сбалансированный латинский квадрат имеет дополнительный недостаток – он не подходит, когда число условий нечетное.

Следует отметить, что полное уравнивание – самая надежная техника при интраиндивидуальной схеме эксперимента. Если количество условий мало, предпочтительно использовать именно эту процедуру; если число условий велико, следует использовать латинские квадраты, дающие частичное уравнивание.

Р. участников и условий является обязательным требованием применимости критериев на статистическую значимость разницы результатов.

А.П. Репеко

РАППОРТ (франц. rapport – сообщение, отношение, связь) – тип связи и связь между людьми, характеризующиеся наличием взаимных позитивных эмоциональных отношений и определенной мерой взаимопонимания. Понятие "Р." обычно употребляется в нескольких широких и узких, специальных (специализированных) значениях для обозначения связи и типа связи устанавливаемых: 1) в любых положительных отношениях людей; 2) в различных близких межличностных отношениях; 3) в функциональных отношениях людей в естественных или искусственных условиях, в т.ч. для характеристики контакта: а) между исследователем и исследуемым, б) гипнотизирующим (гипнотизером) и гипнотизируемым, в) психоаналитиком и пациентом.

Согласно Юнгу (**см.**), "психотерапии, чтобы быть эффективной, нужен закрытый раппорт (взаимное согласие), настолько закрытый, чтобы врач не мог глаз отвести от высот и низин человеческого страдания. Данный раппорт заключается прежде всего в постоянном сравнении и взаимном постижении, в диалектической конфронтации двух противоположных психических реальностей. Если по каким-то причинам эти взаимные впечатления не состыковываются, терапевтический процесс будет неэффективен, не произойдет никаких изменений. И до тех пор, пока доктор и пациент будут составлять лишь проблему один для другого, решения не найти".

Особое внимание установлению и изучению Р. уделяется в гипнозе и психоанализе (**см.**), поскольку считается, что без Р. осуществление эффективного гипноза или психоанализа невозможно.

В.И. Овчаренко

РАСОВО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА – разновидность биологического направления в социологии второй половины 19 – начала 20 в. Основателем школы является французский социолог Ж. Гобино (**см.**). Основным трудом Гобино, в котором были заложены теоретические направления Р.-А.Ш., явилась книга "О неравенстве человеческих рас" (1839-1840). В этой работе Гобино сделал попытку обосновать необходимость существования господствующей в обществе элиты и выдвинул теорию, согласно которой неравенство, связанное с расовыми различиями, и вытекающая из него борьба рас являются главной движущей силой развития народов и общества.

По мнению Гобино, наиболее способной к культурному развитию является белая раса, и особенно ее германская ветвь, что и определяет ее ведущую роль по отношению к другим расам. Гобино отмечал, что, стремясь к расширению своего влияния, белая раса постепенно смешивается с представителями других рас, а это оказывает негативное влияние на ее способности и культуру. Гобино вошел в историю науки как ученый, выдвинувший первую расистскую концепцию. Другими известными представителями Р.-А.Ш. являются Ж. Лапуж (Франция), Х. Чемберлен и Ф. Гальтон (Великобритания), Л. Вольтман и О. Аммон (Германия) и др. Чемберлен в своих работах призывал к возрождению "арийского духа" и явился одним из главных предшественников идеологии немецкого фашизма. Аммон и Лапуж явились основоположниками такой ветви Р.-А.Ш., как антропосоциология, сделав попытку установить и научно обосновать универсальную связь между классовой принадлежностью и некоторыми размерами головы человека. Несмотря на различное содержание исследований, относящихся к Р.-А.Ш., можно выделить общие черты и положения этого направления в социологии. Это представление о том, что культура и социальная жизнь являются, в первую очередь, результатом воздействия расово-антропологических факторов; отрицание существования равенства рас; деление рас на "высшие" и "низшие"; интерпретация общественного развития и социального поведения людей в понятиях биологической наследственности и борьбы "высших" и "низших" рас; оценка смешения рас как негативного явления с точки зрения социального и культурного развития общества. Концепции Р.-А.Ш. оказали сильное влияние на развитие концепций расизма, проповедующего физическую и психологическую исполноценность некоторых человеческих рас, исконное разделение людей на полноценные и неполноценные расы, определяющие влияние расовых различий на историю и культуру общества. Хотя идеи Р.-А.Ш. и подвергаются резкой критике, отдельные ее положения еще оказывают влияние на интерпретацию данных антропологии, этнопсихологии и других наук, изучающих специфику расовой культуры современного общества.

Е.А. Кечина

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАКОПЛЕННЫХ ЧАСТОТ – см. **РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЧАСТОТ.**

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЧАСТОТ – совокупность значений (или интервалов значений) переменной (**см.**) и их частот. Значения переменной X обычно обозначают x_i, соответствующие им частоты – f_i. Различают абсолютные или относительные частоты. Абсолютная частота представляет собой количество объектов из выборки, обладающих соответствующим значением переменной. Сумма абсолютных частот равна объему выборки. Относительная частота может выражаться в долях единицы или в процентах:

Сумма относительных частот, выраженных в долях, равна 1, сумма относительных частот в процентах – 100%.

Если переменная является дискретной, частоты обычно вычисляют для каждого значения:

значения (x_i)	1	2	3	4	5	$\sum$
частоты (f_i)	15	30	40	25	10	120
накопленные частоты (F_i)	15	45	85	110	120	

Если переменная является непрерывной, значения предварительно должны быть сгруппированы в интервалы (см. **Группировка**). (См. **Таблицу 7** на стр. 1292.)

Для количественных и порядковых переменных может вычисляться накопленная частота (F_i), представляющая собой сумму частот всех значений, от X_1 до X_i: $F_i = \sum_{j=1}^{i} f_j$. По накопленной частоте F_i можно определить, для какой части выборки значения переменной X не превосходят значения x_i. Так, в примере с 5-балльной шкалой 85 респондентов из 120 поставили оценки, не превосходящие 3 баллов (1, 2 и 3). Во втором примере накопленная частота 41,5% для интервала 20-29 лет свидетельствует о том, что 41,5% населения не достигло 30-летнего возраста.

О.В. Терещенко

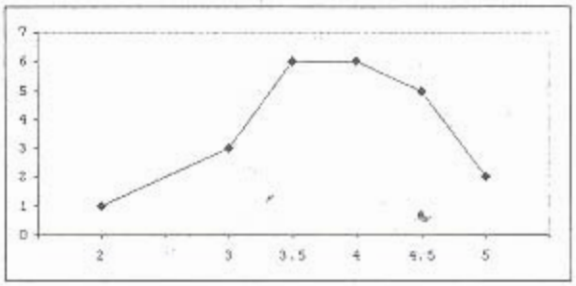
РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПЛОТНОСТЬ – величина, применяемая при анализе распределения количественной переменной (**см.**), сгруппированной в интервалы. Вычисляется по формуле $\rho_i = f_i / l_i$, где i – номер интервала; ρ_i – плотность распределения для интервала с номером i; f_i – частота для интервала i (абсолютная или относительная); l_i – длина интервала i. Интерпретируется как средняя частота, приходящаяся на 1 единицу измерения шкалы. Применяется при определении моды статистической (**см.**), построении гистограммы распределения (**см.**) и полигона распределения (**см.**). Если все интервалы группировки имеют одинаковую длину, вычислением Р.П. можно пренебречь.

О.В. Терещенко

РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛИГОН – график распределения частот (**см.**) для порядковых и количественных переменных (**см.**) (см. также **Шкала измерительная**). Представляет собой ломаную линию, наглядно демонстрирующую распределение частот. Линия Р.П. соединяет точки, координаты которых для дискретных и непрерывных переменных определяются по-разному.

Для дискретной переменной Р.П. строится в пространстве двух координатных осей: по оси абсцисс традиционно представляются значения переменной, упорядоченные по возрастанию, по оси ординат – их частоты.

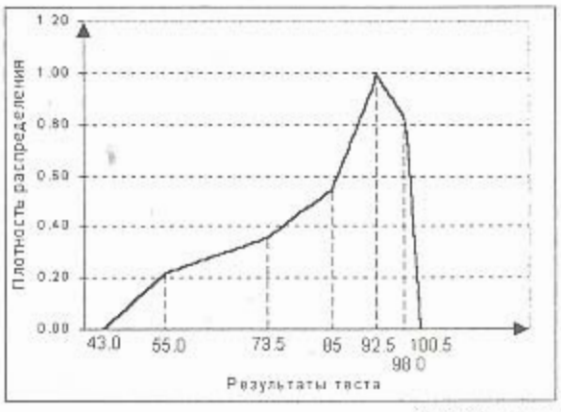
Пример 1. Распределение оценок по сочинению.



При построении Р.П. для непрерывной переменной в качестве абсциссы выбирается середина интервала, в качестве ординаты – распределения плотность (**см.**) для данного интервала. Края Р.П. для сгруппированной переменной могут быть сведены к нулю в нижней границе первого и в верхней границе последнего интервала.

Если значения количественной переменной, реально представленные в выборке, значительно удалены от нуля, ось переменной может быть прервана, как показано на следующем рисунке. Прерывать ось частот или плотности распределения категорически запрещено.

Пример 2. Распределение результатов теста по иностранному языку.



О.В. Терещенко

"РАССУЖДЕНИЕ О ПОЗИТИВНОМ ДУХЕ" (1844) – сочинение Конта (**см.**). Вышло в виде предисловия к "Философскому трактату о популярной астрономии". Первая часть

работы именуется "Умственное превосходство позитивного духа".

В ее первой главе Конт размышляет о "законе интеллектуальной эволюции человечества", называемом обычно "законом трех стадий". По мысли Конта, вначале человечество прошло "теологическую", или фиктивную, стадию, состоящую из трех фаз: "фетишизма", характеризующегося логикой чувств, "политеизма", которому присуща логика образов, и "монотеизма", придающего главное значение логике знаков. Затем наступает очередь "метафизического", или абстрактного, состояния. Конт доказывает необходимость этой промежуточной стадии – чисто критической по природе своей – и ее историческую роль, состоящую в разрушении существующего порядка. И наконец, наступает третья стадия – "позитивная", или реальная. На данной стадии человечество стремится к тому, чтобы сформулировать законы природы. Этой цели человек должен постоянно подчинять свое воображение при наблюдении. Разум "признает теперь, как фундаментальное правило, что всякое предположение, не сводящееся строго к простому установлению факта, частного или общего, не может иметь никакого действительного и внятного смысла. Принципы разума сами по себе есть не более чем истинные факты, только более общие и абстрактные, чем те, которые эти принципы связывают между собой. Каким бы ни был способ их обнаружения – теоретическим или экспериментальным, – лишь их соответствие, прямое или косвенное, наблюдаемым явлениям, исключительно определяет их научную ценность". Конт уточняет природу позитивного духа по отношению к организации и социальной эволюции человека. Ведь предназначение позитивных законов заключается в способности предвидения. Но к познанию законов, то есть универсальных понятий, Человечество /правописание Конта. – *А.Г.*/ приходит в результате долгой и медленной эволюции.

Во второй главе рассматривается вопрос о "предназначении позитивного духа", как интеллектуальном, так и социальном. Конт размышляет о структуре умственной гармонии. Он объясняет, что единство любого акта познания заключается в том, что разнообразные концепции, получаемые нами, становятся в нашем разуме непрерывными и однородными. Конт различает два вида законов. По его мнению, единство разума не может быть объективным, то есть связанным с единством мира, как утверждают материалисты. Единство разума субъективно. Но при соотнесении всех наших концепций с Человечеством единство становится более полным и устойчивым, чем при соотнесении с Богом. Наука о Человечестве является единственной, способной привести общество в систему и заложить основы конечного единства человеческого рода. Наука и искусство гармонично связаны друг с другом. Наука организует искусство, понимаемое как рациональное воздействие человека на природу, причем не только на неорганическую и биологическую, но, в первую очередь, на политическую и моральную. Социальное предназначение определяет, уточняет и дополняет исследование научных законов. Промышленное производство как непосредственно благодаря своему объекту, так и опосредованию, по самой своей исключающей религию природе ведет к замене теологического закона позитивным. Конт убежден в несовместимости науки и теологии. Эта несовместимость, поначалу неявная, но всегда радикальная, является одновременно логической и теоретической. Противоречие между наукой и теологией проявляется лишь постепенно, по мере эволюции. Под влиянием прогресса науки теологизм сводится к монотеизму. Это противоречие в конце концов распространяется и на сам монотеизм, который наука вытесняет в обеих своих сферах – умственной и социальной. Одним из решающих проявлений влияния позитивного духа явился компромисс в метафизике, по которому Природа сочетается с Богом, а ее законы – с волями. Другим свидетельством этого влияния стала замена догмы о конечной цели на принцип условий существования. Сама эта замена все более и более подчеркивает несовершенство существующего порядка, в улучшении которого состоит цель каждодневной человеческой деятельности.

В третьей главе доказывается "солидарность позитивного духа и здравого смысла". Само слово "позитивный", по убеждению Конта, свидетельствует о его реальности, полезности, верности и точности. Эти общие свойства отличают позитивный дух от всех других философских методов, особенно от методологии метафизики. Конт показывает сходства и различия между позитивным духом и универсальным здравым смыслом. Позитивный метод мышления заимствует свои основные принципы из здравого смысла, но при этом обобщает их и придает им последовательность. Ведь метод ни в коем случае нельзя отделять от теории. Основы позитивной философии, согласно Конту, были заложены еще в 17 в. При своем распространении на явления разного порядка эта философия вызывает особого рода воздействие практического, или конкретного, разума на разум теоретический, или абстрактный. Достижение окончательной гармонии между наукой и здравым смыслом требует решения двух задач: 1) сделать позитивными общественные науки и нравственность; 2) систематизировать все позитивные концепции с точки зрения их отношения к человеку. Целью системы позитивной философии является выполнение этой двойной программы.

Часть вторая сочинения обозначена автором как "Общественное превосходство позитивного духа". По мысли Конта, предназначение позитивной философии заключается в том, чтобы вызвать в обществе революцию. В первой главе автор пытается доказать, что позитивный дух может организовать революцию путем примирения порядка и прогресса. Философские школы, предшествовавшие позитивистской, оказались на это не способны. Некоторые из них строились на чистом отрицании. Они критиковали, и справедливо, существующий порядок, но не смогли предложить ничего лучшего. Другие были откровенно реакционными. Они предлагали возвращение на предыдущую стадию развития, отрицая возможность прогресса. Те же системы, что занимали промежуточную позицию между этими двумя, не имели серьезного философского обоснования. Конт предлагает свою концепцию Великого кризиса (имеется в виду Великая французская революция). Он размышляет и о ситуации, сложившейся в его собственную эпоху (революция 1830 во Франции). Философ доказывает недостаточность и бессилие как реакционной, так и негативной школ перед лицом проблем, требующих своего решения. Он считает необходимым примирить эмпирическим путем две антагонистические школы – ту, что выступает за свободу, и ту, что отстаивает идею общественного порядка. Каким образом можно сочe-

тать порядок и прогресс? Позитивная школа должна стремиться привести общество в нормальное состояние. Любой человек, разделяющий позитивистские взгляды, понимает, что порядок есть необходимое условие прогресса, а прогресс – условие порядка. Что касается порядка, то позитивный дух коренным образом пересматривает научную методологию, подходя ко всем важнейшим проблемам, в первую очередь, с точки зрения морали и выводя их из познания прошлого и основных позитивистских концепций. Он всегда представляет искусственный, или законный, порядок как простое продолжение порядка естественного. Для сторонников прогресса позитивная философия привлекательна тем, что основным ее требованием является непрерывное совершенствование нашего положения и нашей натуры в стремлении, в идеале, к практически полному преобладанию интеллекта и способности жить в обществе, т.е. человеческой сущности над сущностью животной. Окончательным доказательством превосходства позитивного духа является то, что он способен полностью объяснить все человеческое прошлое. Все исторические эпохи представляют собой лишь фазы единой фундаментальной эволюции, каждая фаза вытекает из предыдущей и готовит следующую, подчиняясь неизменным законам.

Вторая глава посвящена "систематизации человеческой морали". По Конту, система морали является главной сферой применения всякой истинной теории Человечества. Философ исследует эволюцию позитивной морали. Прежде всего он констатирует, что глобальные результаты, достигнутые католицизмом, все более компрометируются его догмами, враждебными современному разуму. Затем Конт переходит к закону эволюции нравственных установок. Вначале они опирались на религиозную основу. Но со временем эта основа становилась все более и более рациональной и позитивной. Человечество нельзя осуждать за то, что оно способно основывать правила своего поведения только на химерических мотивах. Следует поэтому сделать мораль независимой от религиозных взглядов. Ведь теология, когда имеет дело с нравственными нормами, не только не консолидирует их, но делает еще более уязвимыми из-за порождаемых ею вымыслов, неспособности внушить уважение к нравственному закону, а главное – из-за тех препятствий, которые она воздвигает на пути чисто человеческой морали. И если, несмотря на упадок теологии, практическая нравственность все же улучшается, то объяснить это можно лишь наступлением позитивного духа, опирающегося на здравый смысл. В качестве примеров Конт приводит непопулярность разводов и борьбу между солдатами революции, атеистами, носителями идей прогресса, защитниками национального единства, и вандейцами, фанатично религиозными реакционерами, связанными с чужеземными врагами Франции. Конт критикует систему коллективного лицемерия (иезуитство), сторонником которой был, по его мнению, Кант, углубивший упадок теологии. Люди становятся все более свободными, и теология не способна более управлять активными умами. Значит, необходимо установить духовную власть позитивной философии. Конт считает, что полная победа позитивного духа нужна, в первую очередь, в интересах морали. Ведь систематическое и энергичное вмешательство новой духовной власти должно окончательно избавить общество от предрассудков.

В третьей главе Конт рассуждает о том, "как позитивный дух поощряет и укрепляет чувство долга". Прежняя система морали имела чисто личный характер. Каждый хотел обеспечить свое собственное спасение. Такие взгляды по сути не что иное, как проявление индивидуализма. Эгоизм метафизической морали вытекает из теологии, которая по природе своей глубоко индивидуальна, а отнюдь не коллективна. Позитивная мораль, напротив, альтруистична в своей основе. Позитивный дух признает действительное существование лишь Человечества. А значит, он носит в высшей степени общественный характер. Активная жизнь, неизменно направленная на благо общества, может продолжаться лишь как существование рода людского. Это и есть единственная будущая жизнь, включающая в себя индивидуальное существование.

Третья часть работы "Р.оП.Д." именуется Контом "Условия победы позитивной школы. Союз пролетариев и философов". В первой главе говорится о необходимости "введения народного высшего образования". Эту необходимость Конт объясняет общественной потребностью в замене бесплодной политической пропаганды на могучее интеллектуальное движение, опирающееся на позитивную философскую школу. Конечно, перед этим движением возникнет множество препятствий. Активные сторонники теологии и метафизики, то есть большинство ученых, сопротивляются его созданию. Однако общество чувствует насущную потребность во всеобщем просвещении. Для возрождения научного духа необходимо распространение образования, основанного на позитивных принципах. Оно похоже на христианское образование в том отношении, что имеет целью добиться универсальности умов. Почему в стремлении распространить позитивное образование Конт обращается к народу? Пролетарии нуждаются в нем, поскольку для них закрыта официальная образовательная система. К тому же они должны быть восприимчивыми к позитивной философии, потому что она имеет социальную направленность. Характерное отношение к труду, согласно убеждению Конта, сближает их с философами как в моральном, так и в интеллектуальном отношении. Позитивное образование, в котором ведущая роль принадлежит естественным наукам, противоположно преобладающему в обществе гуманитарному образованию, которое деклассирует и принижает пролетариев. Во второй главе говорится о необходимости "создания особого народного политического движения". Между политической и социальной программой пролетариев и позитивным учением существует определенное сходство. Ведь пролетарии ставят перед собой простые задачи: обеспечить для всех нормальное образование и постоянную работу. Именно из этих требований по сути дела и должна состоять пролетарская социальная программа. Политика, предлагаемая позитивной философией, ориентирована именно в этом направлении. Поэтому всем правительствам придется согласиться с организацией народного образования, независимой от существующей на данный момент власти. Третья глава касается "обязательного порядка изучения позитивных наук". Конт настаивает на прогрессивной направленности обучения. Учащийся должен продвигаться от простого к сложному. А значит, существует и обязательный порядок в изложении накопленных человечеством знаний. Неукоснительное его соблюдение обеспечит максимальную умствен-

ную и общественную эффективность занятий. Главная идея, лежащая в основе этого порядка, состоит в том, что каждый человек должен повторить путь всего человечества. Кроме того, в науках существует определенная иерархия. Логично предположить, что начинать следует с изучения внешнего Мира, затем переходить к Земле и, наконец, к Человеку. Соответственно, натуральная философия должна начинаться с астрономии, продолжаться химией и заканчиваться биологией. Но изучение астрономии требует определенных математических знаний. Значит, начинать нужно с математики. После астрономии следует переходить к физике. Этот порядок обязателен для получения полноценного позитивного образования. Конт сожалеет, что ученые его времени слишком часто не понимают необходимости такого порядка изучения наук и по-детски беспечно замыкаются в узких рамках своей научной дисциплины. А ведь теория классификации наук неотделима от закона трех стадий. Она однозначно соответствует последовательности прохождения этих стадий в индивидуальном сознании. Эта теория обеспечивает независимость различных наук, поскольку гарантирует им реальность, не прибегая к материализму, и достоинство, не нуждающееся в спиритуализме.

А.А. Грицанов

РАТЦЕЛЬ Фридрих (1844-1904) – немецкий мыслитель, наиболее крупный представитель социогеографии в социологии. Социологическая концепция Р., которую он называл "антропогеография", раскрывала связь природной среды и деятельности человека.

Р. также сформулировал идею (но не термин) диффузионизма (**см.**): заимствование и распространение культуры, каналы этого процесса; фактически проанализировал этногенез разных народов. Р. принадлежит формулирование семи законов "пространственного роста государств", основное содержание которых сводилось к неизбежности экспансии государств с целью выживания и улучшения своего географического положения. Эти идеи были впоследствии использованы для оправдания немецкой колониальной политики.

РАТЦЕНХОФЕР Густав (1842-1904) – австрийский военный теоретик, представитель социал-дарвинизма в социологии.

Р. – автор книг "Сущность и цель политики" (1893), "Социологическое познание" (1898) и посмертно опубликованной работы "Социология. Позитивное учение о человеческих взаимоотношениях" (1907).

По мнению Р., социология является особой философской наукой, выступающей в роли основы всех социальных наук и практической политики, поскольку она познает фундаментальные общественные закономерности.

Основными явлениями и процессами социальной жизни Р. считал следующие: размножение и самосохранение индивидов, изменение индивидуального и социального типов, борьбу за существование и абсолютную враждебность рас, расовую дифференциацию, пространственное расположение, господство и подчинение, чередование социализации и индивидуализации общественных структур, эволюцию интересов, государство, глобальное общество.

Отрицая противоположность наук о природе и наук о духе, Р. полагал, что социологические закономерности близки химическим и особенно биологическим закономерностям.

В качестве основной задачи социологии Р. выдвинул изучение и описание "взаимоотношений единиц сознания", коренящихся в биологии человека и определяемых "первичной силой" и "внутренним интересом", являющими собой космическую силу и присущими всем общественным и природным явлениям.

Разрабатывая идеи социального дарвинизма, Р. стремился к истолкованию "внутреннего интереса" как регулирующего фактора сознания и общественных процессов, как силы, обусловливающей борьбу за существование.

Основой социологического учения Р. являлась концепция конфликта интересов. Разделяя мнение Гумпловича (**см.**) о конфликтной природе социального процесса, Р. утверждал, что социальная жизнь основывается на конфликте противоречивых интересов социальных групп и индивидов. По его мнению, значительное разнообразие человеческих интересов может быть сведено к пяти основным типам: прокреативным (стимулирующим продолжение рода), физиологическим (связанным с питанием), индивидуальным (связанным со стремлением к самоутверждению), социальным (родственным и групповым) и трансцендентным (религиозным).

В отличие от Гумпловича, придававшего социальному конфликту статус извечной всеобщности, Р. стремился к выработке более взвешенной оценки роли конфликта в общественной жизни и детальной разработке системы значений интересов, лишь намеченной его предшественником. Признавая первичность и универсальность конфликта, Р. тем не менее обращал особо пристальное внимание на выявление возможностей его социализации, которая понималась им как присущая конфликту тенденция к самоликвидации. В качестве единственно реального пути преодоления социального конфликта Р. называл сотрудничество между людьми. Последнее, по его мнению, достижимо на основе действия закона "приведения по взаимное соответствие индивидуальных и социальных интересов", который квалифицировался им как базовый закон социологии. Сформулированные Р. идеи о возможной регуляции различных общественных конфликтов стали в дальнейшем одним из распространенных мотивов западной социологии.

Существенно важным моментом социологических изысканий Р. явилась систематическая разработка им теории борьбы за существование. В ее контексте Р. довел антидемократическую направленность собственного учения до попытки доказательства того, что идеи равенства, интернационализма и свободы являются фантомами, социальными иллюзиями. Многие же тезисы Р. (об общественно-исторической значимости насилия и подчинения; об истории общества как борьбе рас; о войне как "форме развития" общества) непосредственно смыкались с возникшей несколько позже идеологией геополитики (**см.**).

В.И. Овчаренко, А.А. Грицанов

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ – по М.Веберу (**см.**) – важнейшая характеристика капиталистического общества, процесс проникновения рационального начала во все сферы его материальной и духовной культуры, включая образ жизни и мыслей, хозяйственную этику, производство, бухгалтерию,

технику, право и т.д. Культурная Р. нацелена на создание непротиворечивых и целесообразных ценностей и норм в обществе; производственная Р. представляет собой совокупность мероприятий по совершенствованию организации производственных процессов с целью повышения эффективности производства. Согласно концепции рациональности – эффективной деятельности по достижению поставленных целей, – экономические акторы (действующие лица) стремятся максимально повысить собственную экономическую отдачу.

В качестве методологического инструментария Р. Вебер ввел категорию социального действия и указал четыре идеальных типа поведения: 1) целерациональное – направленное к достижению ясно осознаваемых целей при использовании адекватных средств (критерием рациональности является успех); 2) ценностно-рациональное, осуществляемое через сознательную веру в этическую, эстетическую, религиозную и какую-либо другую ценность (независимо от успеха); 3) аффективное, особенно-эмоциональное, – через актуальные аффекты и чувства; 4) традиционное, осуществляемое через привычку. Социальным действием, по Веберу, называется человеческое поведение в том случае и постольку, если и поскольку действующий индивид или действующие индивиды связывают с ним субъективный смысл. Хозяйственная деятельность индивида только в том случае становится социальным действием, если при распоряжении определенными экономическими благами во внимание принимаются другие индивиды и действие протекает с ориентацией на них.

Р., по Веберу, есть результат соединения ряда исторических факторов, предопределивших развитие Европы за последние 300-400 лет. Это – античная наука, особенно математика, приобретшая характер новой, экспериментальной науки, внутренне связанной с техникой; рациональное римское право; рациональный способ ведения хозяйства, возникший благодаря отделению рабочей силы от средств производства; протестантизм, создавший мировоззренческие предпосылки для осуществления рационального способа ведения хозяйства и позволивший синтезировать все остальные факторы. Что же означает возрастание роли Р. с точки зрения структуры общества в целом? Рационализируется способ ведения хозяйства, рационализируется управление – в области экономики, политики, науки, культуры, во всех сферах социальной жизни; рационализируется образ мышления людей и образ жизни в целом. Все это сопровождается возрастанием социальной роли науки, представляющей собой, по Веберу, наиболее чистое воплощение принципа рациональности. Наука проникает прежде всего в производство, затем – в управление, затем – в быт, – и в этом Вебер видит одно из свидетельств универсальной Р. современного общества.

Г.И. Соколова

"РЕАЛИИ ОТКРЫТОГО ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ: К ПОНИМАНИЮ НАШЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ" – текст И. Валлерстайна (**см.**), опубликованный в ряде источников в середине 1980-х.

По мысли Валлерстайна, время и пространство – менее зависящие от нас внешние реальности, чем созданные обществом геоисторические явления. Существуют многочисленные разновидности социального времени, относительная важность и социальное использование которых могут быть проанализированы. К каждой разновидности социального времени примыкает разновидность социального пространства, и, таким образом, мы действительно можем говорить о социальном пространстве-времени.

Понимание существования многочисленных пространств-времен имеет заметное значение для научной деятельности. Кроме того, это имеет значение для морального выбора индивидов в тех точках пространства-времени, где "порядок" уступает место "хаосу", что происходит в переходные периоды структур. Четкость выбора зависит от использования наиболее адекватных категорий пространства-времени.

По мысли Валлерстайна, "мы все сейчас стремимся знать, даже держать на передовой линии нашего мышления то, что существует много богов, много общественных систем, много семейных укладов и ценностей и, конечно, много языков, много различных типов общественного поведения, много вариантов сексуальности ... Но немногие из нас скажут, что существует много видов времени и много видов пространства. По некоторым причинам, наше образование в области социального релятивизма, социального происхождения наших социальных концепций имеет тенденцию не переступать грани времени и пространства. Время и пространство для большинства из нас вечны, объективны, неизменны. Время не ждет человека, – говорим мы. Но так ли это?"

В 1958, – пишет Валлерстайн, – Фернанд Бродель опубликовал знаменитое эссе "История и общественные науки: Большая длительность". В этой работе он доказывает, что время было социальным творением и что историк не может позволить себе попасть под впечатление использования только одной разновидности времени. Бродель выделяет три основные категории социального времени, которое он определяет двояко: как протяженность промежутка времени и как объект измерения. В терминах протяженности промежутка времени он называет свои времена коротким периодом, средним периодом и длинным периодом.

Конечно, Бродель не остановился на этом. Он сразу дал своим трем промежуткам времени самостоятельные названия.

1) Короткий период времени, – говорит он, – это время "история событий" ("эпизодическая история", как уточняет Валлерстайн), термин, взятый Броделем у Поля Лакомба и Франсуа Симиана, которые изобрели его в начале 20 в.

2) Средний период времени – это время, которое он называет "l'histoire conjoncturelle". [Согласно Валлерстайну, термин "conjoncture" на самом деле относится не к стечению обстоятельств (конъюнктуре), а скорее, к одной из двух фаз (возрастающей или убывающей) циклического процесса, где одна половина – так называемая колоколообразная кривая на схеме. По Валлерстайну, было бы более плодотворно перевести это как-нибудь вроде "циклической истории", хотя этот термин в английском языке звучит слишком неопределенно, поскольку цикл относится не к истории человечества в целом, как если бы мы сказали, что у Тойнби циклический концепт истории, согласно которому каждая цивилизация повторяет некоторые основные модели. Циклы Броделя – это циклы в пределах чего-либо.]

3) Длинный период времени, longue duree, как теперь начали говорить даже по-английски, это время l'histoire structurelle. Это что-либо – то, к чему относится l'histoire structurelle. По Валлерстайну, это можно перевести – как обычно, как "структурную историю", но и здесь тоже тогда немедленно возникает путаница. Мы привыкли воспринимать "структуры" как антиномию "исторического", как в структуралистской антропологии Леви-Строса. Сам Бродель знает об этой возможной путанице. Поэтому он фактически добавляет четвертое время, "очень длительный период времени", который, – говорит он, – взят из "структур" Леви-Строса. Он еще называет это "слишком длительным периодом", и говорит о нем, что "если оно существует, оно может быть только временным периодом мудрецов".

По мнению Валлерстайна, чтобы понять категории Броделя, приходится учитывать, что он ведет войну на два фронта, против двух номинально противоположных позиций, в которых доминирует социальное, начиная, по крайней мере, с середины 19 в., – идиографические и номотетические эпистемологии.

Одну сторону представляют традиционные историки, идиографы, у которых время состоит из серии событий, происходящих в специфические моменты времени. Эти моменты времени, даты – это, прежде всего, даты политических событий. Время – вот оно, на календаре. Оно отмечает моменты войн, подписаний договоров, восхождений на трон монархов и учрежденных законами изменений. Датировка таких событий дает нам хронологию и в связи с этим повествование, рассказ, историю единственную и объяснимую только в своих собственных терминах. Факты существуют где-то вне, дожидаясь, что их откроют историки, которые гонятся за точными данными, первичными данными, в архивах, где сохранились для нас эти данные.

Несомненно, – говорит Бродель, – эти события, вероятно, имели место. Но нужно заметить две вещи.

Первое: некоторые события записываются сразу же, а некоторые – нет. Нет первостепенных причин, чтобы допустить, что событие 1450, записанное в 1452, а рассмотренное как таковое историками в 1952 – в терминах сегодняшней истины, – более или менее важно, чем другое событие 1450, незаписанное или неизученное.

Второе: даже если мы записали и рассмотрели как событие более важное, чем другое, менее значительное, играет ли это какую-нибудь роль в любом смысле?

Бродель как-то сказал, что "события суть пыль". В области событий, которые "суть пыль", Бродель побуждает нас сфокусировать внимание на двух объектах анализа, двух видах времени, которые он считает наиболее реальными. Это долговременные структуры (в основном экономические и социальные), которые определяют longue duree нашего общественного поведения, нашу социальную экологию, образцы нашей цивилизации, наши виды продукции.

Существуют циклические ритмы функционирования этих структур – расширение и сужение экономики, чередование особого значения политических и культурных явлений, которые происходят регулярно. В основании преходящих явлений сиюминутной общественной жизни лежит вечная протяженность моделей (включая неустойчивые модели), которая меняется медленно.

Но, по Валлерстайну, заклиная нас помнить, что фундаментальные исторические изменения происходят медленно, Бродель торопится напомнить нам, что, тем не менее, история – это последовательность социальных перемен. Таким образом он подходит ко второму фронту, против которого он ведет интеллектуальную борьбу. В поисках универсальной вечной модели человеческого поведения он чувствует большую опасность. При таких условиях историческое время становится действительно неважным.

Социологи не являются оппонентами истории, но выступают оппонентами исторического времени – реалии, которая все еще остается могущественной, даже когда ее пытаются разбить на части и разнообразить. Историки никогда не могут избежать этой принужденности, но социологи почти всегда ее избегают; они стремятся либо к навечно зафиксированному моменту, который сам по себе находится над временем, либо к повторяющимся явлениям, которые не принадлежат к определенной эпохе; итак, они работают согласно отношениям умонастроений, которые находятся на разных полюсах, ограничивая себя строжайшей концентрацией на событии или очень длинным периодом времени.

Вот, коротко, согласно Валлерстайну, суть проблемы. Два противоположных полюса: идиографическая история и номотетическая социальная наука – на самом деле единая интеллектуальная позиция, поскольку это не что иное, как две разновидности попыток уйти от принужденности исторической реальности.

Но что такое историческая реальность? Это реальность длительных, но не вечных установок структур ("исторических систем"), у которых имеются свои модели действий ("циклические ритмы"), но еще имеется и продолжительный медленный процесс трансформации ("светские тенденции"). События – суть пыль не только потому, что они преходящи, но и потому, что они – пыль в наших глазах.

Остерегайтесь, – предупреждает Бродель, – бесконечных морфологий, которые порождает универсалистская социальная наука. Вот как он сказал об одной из таких попыток Г. Гурвича /см. – *А.Г.*/, даже Г. Гурвича, который для Броделя представляет "дружественное, почти братское направление в социологии": "Как может историк позволить себе быть убежденным этим? С такой палитрой цветов невозможно реконструировать единый белый, которым он должен обладать... Это способ переписывания тех же самых уравнений, не изменяя их".

В этих анализах разновидностей социального времени, в этом бесстрастном доводе Броделя, что в том, что случилось так, что наше коллективное внимание должно повернуться от эпизодического и вечного к структурному и циклическому времени, нет любопытствующего упоминания о пространстве. Это все более любопытно, поскольку в наиболее важных его работах пространство – центральный предмет его анализа.

Валлерстайн пишет: "Что бы я хотел сделать, так это взять четыре времени Броделя – эпизодическое время, циклическое время, структурное время и время мудрецов – и доказать, что у каждого из этих времен есть пространство. И, далее, я хотел бы доказать,что время и пространство – не две отдельные категории, а одна, которую я буду называть пространством-временем".

Бродель различает свои четыре "времени" двумя путями: по продолжительности отрезков времени и по названию описываемого объекта. Пространственной параллелью продолжительности отрезков времени может быть широта пространственного обзора. Но это маловразумительно. В любом случае, как мы заметили, тяжело найти точную качественную меру протяженности отрезка времени. Сколько длятся события? Мгновение, день, год, десятилетие? Сколько живет структура? 500 лет? Тысячелетие? И мы можем испытать даже больше трудностей с широтой пространственного обзора".

Валлерстайн пишет: "Я бы предложил, чтобы мы вместо этого повернулись к субстантивным объектам, которые рассматриваются. Здесь мы можем найти некоторые вероятные пространственные дубликации категорий социального времени. Эпизодическое время обслуживается непосредственным геополитическим пространством, которое, конечно, противоречиво в каждой своей части, и каждая часть конструирует явление.

Возьмем, например, предполагаемое событие 1987-1988, которое газеты доносят до нас как "Палестинские волнения в Израиле". Мы наверняка столкнемся с трудностями при их датировке. Начались они в конце 1987 или в 1948, или в 1917? Но так же, как и во времени, их трудно локализовать геополитически. Происходят ли эти беспорядки в Израиле или в Палестине, или на Западном берегу и в секторе Газа, или на территориях, занятых Израилем, или в Газе, Иудее и Самарии? Или это происходит на более обширном пространстве, которое мы называем Ближним Востоком? Я не предлагаю отвечать на эти вопросы, поскольку (что очевидно) на них не существует правильного ответа. Любой ответ несет с собой политическую и историческую оценку именно о том, по какой причине происходят беспорядки. И до сих пор у нас не существует рассуждения об этих беспорядках, свободного от их привязки к сегодняшнему геополитическому пространству.

При этом границы пространства ненамного четче, чем если бы мы взяли эпизод из более ранних веков.

Валлерстайн продолжает: "Я думаю, что к циклическому времени приложимо то, что я буду называть "идеологическим пространством" ... Это, например, Восток-Запад. Если я использую этот термин, все мы знаем, что это относится к к современному делению мира – политическому, военному, культурному, и, прежде всего, идеологическому. Мы знаем, что между Востоком и Западом имела место холодная война. Но, конечно, именно это использование терминов Запад и Восток не уходит в прошлое далее 1945 ... Понятно, что современное использование термина Восток-Запад привязано к особой циклической фазе истории современного мира. И непонятно, доживет ли термин до конца текущего политико-экономического цикла. Далее, Восток-Запад – это, бесспорно, не категоризация пространства. С самого начала были противники в области использования этого разграничения. В 1950-х возросла политическая сила этих противников в мировой системе и до 1960-х они пропагандировали соперничество пространственых разделений как более значимые, поэтому мы пришли к наименованию Север-Юг".

Но все эти обозначения, согласно Валлерстайну, являются категориями, связанными с данным периодом времени. Этот период слишком продолжителен для того, чтобы быть названным временным отрезком события. Эти категории гораздо шире этого. Они связаны, объяснялись и снова объясняются крупнейшими экономическими, политическими и социальными убеждениями, которые в некотором смысле представляют собой "средний отрезок" в продолжительности времени.

Со структурным (дительным промежутком времени) соотносится структурное (широко обозреваемое) пространство. Более того, этому структурному пространству не надо быть постоянным по отношению к хронологическому времени.

Валлерстайн размышляет: "Позвольте мне проиллюстрировать этот вопрос очень просто на примере исторической системы, о которой я пишу, мировой капиталистической экономики. Как все исторические системы, мировая капиталистическая экономика имеет начало во времени и будет иметь конец во времени. Конечно, эти границы во времени ни в коем случае не самоочевидны. Я, например, доказал в моих работах, что мировая капиталистическая экономика начала существовать в 17 в. Другие называют более позднюю дату. Немногие – более раннюю. И, конечно, не все согласны, что такая историческая система вообще существовала. Более того, понятно, что никто в течение всего 17 ст. (или фактически никто) не осознавал еще эту историческую систему как систему. В самом деле, до 19 в. никто не начинал серьезно анализировать эту историческую систему вообще. И только в последние 20 лет этот концепт, мировая капиталистическая экономика, появился в мировой науке, хотя даже и теперь – только среди некоторых ученых. Но, конечно, легко объяснить, почему признание структурного времени, вовлеченного в эту систему, намного опоздало по сравнению с разворачиванием исторической реальности".

Валлерстайн ставит проблему: "Что такое структурное пространство мировой капиталистической экономики? Первое, что нужно сказать, это что сюда вовлечены дополнительные ограничения. Второе, что нужно сказать, это что ведутся крупные дебаты о том, где и как. Я сам считаю, что в 17 ст. мировая капиталистическая экономика географически включала в себя большую часть Европы и, частично, Америку, но в это время не включала ни Россию, ни Османскую Империю, ни Индийский полуостров, ни Западную Африку. Я считаю, что эти последние территории были включены в эту мировую систему в ходе второй великой экспансии, которая происходила, приблизительно, с 1750 по 1850. Но другие, используя эту же основную модель, могут доказать, что эти территории были уже "внутри" мировой системы в 16-17 вв. Это – составляющая эмпирических дебатов. Но это даже, более того, теоретические дебаты о природе структурного пространства. Подобные же структурные дебаты идут о границах мировой капиталистической экономики после 1945. Многие помещают так называемый социалистический блок стран вне этой системы. Они считают, что эти страны, в некотором смысле, выведены из этой системы. Немногие, включая меня, считают, что это – неверный способ концептуализации того, что происходит исторически. Это вопрос того, как мы концептуализуем и как мы измеряем структурное пространство".

По Валлерстайну, некоторые из концепций структурного пространства, относящиеся к мировой экономике, имеют

общий способ выражения. Эту концептуальную пару "сердцевина-периферия", хотя она и была изобретена в своем современном использовании в 1920-х, не распространилась даже среди меньшинства ученых только приблизительно с 1950, теперь приходится искать в энциклопедиях.

"Сердцевина-периферия" соотносится с пространственной концентрацией экономической деятельности, обнаруживаемой внутри мировой капиталистической экономики. Но должны ли такие "пространственные" концентрации описываться на уровне государственных границ? Если так, можем ли мы определить некоторые государства как сердцевинные государства, а другие – как периферийные государства?

Возможно, Север-Юг может служить метафорой для обозначения сердцевины-периферии, и становится не идеологическим пространством, каким является средний промежуток времени, но структурным пространством, каким является длительный промежуток времени, существующий, следовательно, не в циклическом времени, а в структурном времени.

Валлерстайн пишет: "Это поднимает множество других вопросов. Могут ли через некоторый период времени пространственные локализации (в смысле теперешнего геополитического пространства) изменить свое местонахождение в идеологическом пространстве, посредством этого оставаясь противопоставленными разрушающему структурному пространству? Конечно. Мы называем это "возрастанием и упадком наций", и, конечно, это может быть проанализировано с использованием концепций структурного пространства. Вчера Япония была местом дешевого труда. Сегодня она – так называемое сердцевинное государство. Завтра она может стать диктующей мировой силой. В этом процессе меняется идеологическое пространство ... Но структурное пространство не изменяется. Те же самые структурные категории продолжают существовать несмотря на геополитические перемещения. Более того, сердцевина и периферия не исчерпывают возможных концепций. Существует противоречивая концепция полупериферии как длящихся, продолжающихся местонахождений в структурном пространстве капиталистической мировой экономики".

Наконец, по Валлерстайну, соотносящимся со "временем мудрецов" может быть названо постоянное (eternal) пространство, и оно должно быть найдено в обобщениях номотетической социальной науки, которая претендует на владение истиной "сквозь время и пространство". Как только время становится неважным в такой формулировке, то же самое, конечно, происходит и с пространством.

Бродель говорит об очень длинном промежутке времени, слишком длинном промежутке времени, если оно существует, что это должно быть время мудрецов. С этой точки зрения, если постоянное пространство существует, то это, должно быть, там, где проповедуют мудрецы.

Валлерстайн уточняет: "Где же мы тогда? Пространство-время наших номотетических социальных ученых кажется несущественной иллюзией. Пространство-время наших идиографических историков – события в сегодняшнем геополитическом пространстве – кажется рядом самоценных измышлений, насчет которых никогда не наступит согласия, по крайней мере, пока существует в мире политическая периферия. В других случаях пространство-время серьезно принимается в расчет как основная составляющая нашего геоисторического мира. Но поскольку эти две группы совместно доминируют в нашем социальном анализе уже два века, не удивительно, что нас никогда не учили серьезно думать о времени или пространстве. Неудивительно, что мы склонны думать о них как о чем-то, что где-то здесь. Нам надлежит стать гораздо более осторожными, гораздо более осмотрительными в нашем использовании реалий пространства-времени. Прежде всего это чисто лингвистическая проблема. Доминирование идиографическо-номотетического совладения над социальным миром за последние два века принесло всему нашему словарю невероятную путаницу в большинстве всех изучаемых языков. Такие слова, как время и пространство – как слова типа государство или семья – кажутся имеющими понятное значение. Но они имеют это очевидное значение, только если вы принимаете предпосылки идиографов и номотетистов. Если же нет, то, возможно, было бы лучше использовать совершенно разные слова для различных видов времени и пространства, различных видов государств и семей, и, на самом деле, мы видим, что люди так и делали во многих из так называемых до-современных языков".

Согласно Валлерстайну, данная лингвистическая проблема "невелика, но, однако, за ней стоит более фундаментальная интеллектуальная социальная проблема – как мы воспринимаем наш мир, для чего мы используем наши усилия в познании, как мы организуем нашу научную деятельность. Объединенное идиографически-немотетическое видение было частью и посылкой сайентизма и оптимизма, что формировало идеологическое единство нашей теперешней исторической системы, мировой капиталистической экономики. Эта идеология пришла к своей зрелой версии в Просвещении 18 в. и его религиозных обязательствах по отношению к неизбежности прогресса человечества. До 19 в. идеи Просвещения были принимаемы без анализа не только интеллектуалами, но и общественной мыслью. В этой атмосфере было совершенно понятно, что эпистемологические дебаты о новоявленных социальных науках, включая и историю, и географию, должны быть ограничены, поскольку появились только две вероятные альтернативы: исключительная реальность кажущегося конкретным, научные данные (покончено со всеми философскими догадками!) или исключительная реальность универсально правильной научной теоремы (покончено с неприятной непонятностью непроанализированной сложности!)".

По Валлерстайну, мы должны реконструировать самые способы нашего мышления. Мы должны перепроверить самые очевидные из наших концепций и, следовательно, прежде всего (или, может быть, после всего) – время и пространство. Последнее, что нужно понимать, это пространство-время. Это время, о котором теологи говорят kairos, противоположность ему chronos – "правильное" время, в противопоставлении к "формальному" времени. Тиллих доказал, что это разграничение между "количественным" и "качественным" временем. Такие теологические концепции глубоко встроены в хронософии человечества. Они просто одеты в светские одежды.

Валлерстайн вопрошает: "Но когда и где случаются кризисы и изменения? Мы слишком явно взываем к терминам. Кризисы и изменения не относятся к циклическо-

идеологическому пространству-времени, несмотря на нашу склонность определять каждую нижнюю точку цикла как кризис и каждую высшую точку цикла – как изменение в сторону нового порядка. Циклическо-идеологическое пространство-время повторяемо в своей основе, хотя и в форме спирали ... Но настоящие изменения, фундаментальные изменения, структурные изменения, конечно, происходят. Структурное пространство-время связано с сегодняшней геоисторической системой. Постольку, поскольку они системы, они продолжают существовать несмотря на циклический процесс, который управляет ими. Итак, поскольку они продолжают существовать, они обладают некими неизменными чертами; иначе их нельзя бы было назвать системами. Но постольку, поскольку они исторические, они постоянно меняются. Они никогда не остаются в следующее мгновение такими, какими были в предыдущее. Они меняются в каждой детали, включая, конечно, их пространственные параметры. Это напряжение между циклическими ритмами и светскими тенденциями – определяющая характеристика геоисторической социальной системы. У них у всех есть противоречия, которые подразумевают, что они должны в некоторой точке прийти к концу. Когда они приходят к концу, это означает, что система в кризисе и должна, следовательно, перейти к чему-то другому. Концепция kairos относится именно к "правильному месту" и "правильному времени". Теологи напоминают нам о чем-то фундаментальном, о существовании фундаментального морального выбора, который является редко, но когда является, является неизбежно.

Люди сопротивляются фундаментальному моральному выбору. Они всегда есть, они всегда будут. Выбрать нелегко и для большей части невозможно. На самом деле правда то, что большинство того, что мы делаем, предопределено, что нас сдерживают, даже во внутренних тайниках нашего мышления, наши социальные биографии ... Но определение наших действий – результат эффективного функционирования развивающейся геоисторической системы".

Валлерстайн задает вопрос: "Предположим, однако, что система больше не развивается. Предположим, что противоречия системы развились настолько полно, что мы находимся в системном кризисе и, следовательно, в переходе. Является ли это выходом из кризиса из этого предопределенного перехода? Многие из нас хотели бы так думать. В древние времена мы предоставляли ответственность за фундаментальный моральный выбор богам и вверяли себя их хорошему расположению духа. Современных сторонников светских школ пристыдили отходом от богов.

Но, не вольные сделать свой выбор, они вверяются реальным воплощениям богов – Истории с большой буквы, которая гарантировала Прогресс с большой буквы. Переход всегда и необходимо происходит от менее хорошего к лучшему, от дикарей к цивилизованным людям, от рабства к свободе, от эксплуатации к равенству.

К несчастью, kairos – это пространство-время человеческого выбора. Это редкий момент возможности свободной воли.

"Исторический" путь, по которому эволюционирует система по мере того, как возрастает контрольный параметр, характеризуется последовательностью стабильных регионов, где доминируют детерминистские законы, и нестабильных, раздваивающихся пунктов, где система может "выбирать" между более чем одним возможным будущим (И. Пригожин, И. Стенгерс, 1984). Следовательно, человеческое бытие сталкивается с kairos, сталкивается с тем, что называется трансформирующимся пространством-временем, и не может избежать морального выбора. Это давит на него в "правильном" времени и месте, в какой-то момент качественного времени и пространства, протяженность и широта распространения которого – неопределенных измерений и непредсказуемого местонахождения. Но несмотря на все эти неконтролируемые элементы, люди могут быть уверены, что существует kairos, пространство-время, в котором происходят трансформации, пространство-время, в котором мы все употребляем нашу свободную волю во благо или во зло. И когда это приходит, мы выбираем наш новый порядок".

Валлерстайн резюмирует: "Предлагая эту небольшую модель пяти видов пространства-времени – эпизодическое геополитическое пространство-время, циклическо-идеологическое пространство-время, структурное пространство-время, длительное пространство-время и трансформирующееся пространство-время, – я не предлагал вам детскую книжку-раскраску, где можно найти инструкции, какой карандаш использовать. Скорее, я бы предположил, что мы вступили на очень трудную, очень неустроенную дорогу задавания вопросов о сути нашего знания, наших представлений о времени и пространстве. В конце этой дороги находится не простота, но сложность. Но наши геоисторические социальные системы сложны, на самом деле они – самые сложные структуры во Вселенной. Если у нас должна быть некая надежда (больше того быть не может) их модернизации или их реконструирования, или построения их человечески удовлетворительными способами, тогда мы должны понять их в их сложности. И в качестве первого шага мы должны посмотреть, как мы очерчивали категории пространства-времени, чтобы прочитать эту реальность..."

А.А. Грицанов

"РЕВОЛЮЦИОННЫЙ НЕВРОЗ" – работа французских ученых О. Кабанеса и Л. Насса (издана в 1906), в которой было осуществлено детальное описание поведения масс и отдельных их представителей в эпоху социальных потрясений времен Великой французской революции.

Авторы считают психологической основой революционного невроза тотальный страх, охватывающий людей, добровольно лишившихся социальной организации, ценностных ориентаций и предоставленных неизвестности. Падение интеллектуального уровня поведения, эмоциональные крайности, освобождение низменных потребностей и патологических влечений, садизм и массовая истерия являются непременными спутниками революций. По мысли авторов, "революционный невроз – не праздное слово. Он действительно и несомненно существует и вносит самое беспорядочное смятение не только в души отдельных личностей, но и в души целых обществ. Он присущ не одной французской революции и наблюдается при одинаковых обстоятельствах, вызывается одинаковыми причинами, проявляется теми же симптомами и даже развивается с той же последовательностью каждый раз, когда какой-нибудь народ под влиянием исторических условий оказывается в положении, из которого нет другого выхода, кроме радикальной ломки угнетаю-

щего его строя, и направляется поэтому на путь насильственных переворотов. В силу этого закона проявления революционного невроза наблюдаются последовательно и в Древнем Риме, и в мелких государствах и республиках Италии эпохи Возрождения, и в Англии, и в Нидерландах, и во Франции, а не сегодня – завтра увидим их и в переживающей ныне острый кризис России. ... Мы, несомненно, теперь и просвещеннее, и воспитаннее, и образованнее, чем были сто лет назад, но все же, когда дух возмущения овладеет озлобленным сердцем толпы, то никакая образованность и гуманность не будут и впредь в силах удержать в должных границах ее пробуждающиеся животные инстинкты. Народы, как и отдельные личности, болеют лихорадками, во время которых их организмы отлагают свои злокачественные и ядовитые соки. Этот процесс бывает подчас весьма продолжительным и болезненным, но имеет, несомненно, и свою высокополезную сторону. ...Если против революционного невроза могут существовать какие-либо средства, то разве только средства предварительные и предупредительные. Но раз уж он проявился, он не поддается более никаким усилиям и не может быть подавлен. Задача правительства поэтому и заключается в том, чтобы предвидеть события и по возможности руководить ими, не давать разгораться народному неудовольствию и возмущению, строго блюдя с этой целью правосудие и преследуя беззаконие".

В "Р.Н." авторы анализируют инстинкты толпы, психологию поведения преследователей и преследуемых, рассматривают проявления революционного вандализма, а также экстравагантности революционной моды, фанатизм революционного языка, особенности революционной литературы и проявления собственно Р.Н. Анализируя психопатологические элементы, управлявшие французским обществом в 1785-1793, авторы приходят к выводу, что в сущности человек властвует над ходом революционных событий только фиктивно, в действительности же он лишь переживает таковые безо всякой реальной возможности ими управлять или руководить; что, напротив, никогда его ум не господствует менее над событиями, как в подобные моменты, и что, наконец, никогда он и сам не бывает более рабом слепых и непреодолимых законов случайности, как во время таких исторических переломов народной жизни. В периоды революций в обществе данной страны наблюдается обыкновенно и притом одновременно, с одной стороны, значительное понижение умственных сил, а наряду с этим, с другой – победоносное пробуждение первобытных, чисто животных инстинктов, и что таким образом оно в подобные периоды оказывается во власти стихийных, не поддающихся никакому умственному контролю порывов и побуждений. Среди овладевающих в подобные моменты всем обществом инстинктивных движений едва ли не первое место должно быть отведено паническому страху. Во всех поступках, за которые единственным ответственным лицом является анонимная толпа, страх, несомненно, играет выдающуюся роль. Это чувство страха сообщает нередко ходу событий самое непредвиденное, но вместе с тем и самое непредотвратимое направление, вводя эти события в такие русла, изменить которые затем уже никто не в силах. История всех войн и революций – это история панических страхов толпы. Эти народные движения изменяются в своих симптомах и конечных результатах сообразно особенностям каждой эпохи, но почти всегда одинаковы по своим внешним проявлениям.

С Великой революцией, считают авторы, во Франции в 1789 вновь проснулась общественная паника, которая считалась, после Вольтера и Д. Дидро, навсегда погребенной во тьме веков. Несомненно и то, что во время революции страх играл весьма выдающуюся роль. Население постоянно терроризировалось всевозможными злодеями и разбойниками, нередко даже и существовавшими-то исключительно лишь в больной и возбужденной фантазии народа. Центр Франции в то время подвергся своеобразной эпидемии под названием "Великого страха", и в каждом почти городе повторялась приблизительно одна и та же история. В какой-нибудь прекрасный вечер по городу проносился слух о приближении к его стенам несметных полчищ разбойников, отмечающих свой путь погромами и разрушением. Всем ясно, что через час-другой город подвергнется разгрому. Тотчас же все вооружаются. Ружья, штыки, пики, топоры и даже рабочий инструмент – все собирается, чтобы оказать отчаянное сопротивление. Наиболее отважные образуют передовой отряд, который спешит навстречу неприятелю. Вернутся ли храбрецы? А пока в томительном ожидании женщины, дрожа от страха за своих детей, прячут в тайники, зарывают в землю наиболее ценное имущество. Наступает ночь, страх и смятение усиливаются, под защиту городских стен сбегаются крестьяне из окружных селений. Но вот высланный вперед отряд возвращается с известием, что он не видел нигде никаких разбойников. Авторы утверждают, что революционное общество можно до некоторой степени сравнить с толпой школьников, убежавших тайком от воспитателя на ближайшее поле. Сперва они бегают, шалят, играют и шумно радуются минутной свободе... Но вот наступает вечер, и детьми овладевает смутное чувство тревоги перед мраком неизвестного будущего. Еще немного – и они трусливо жмутся друг к другу, испуганно переглядываясь между собой. Затем внезапно, изо всех сил, бросаются обратно в школу, где их ждет и выговор, и даже наказание, но где они все-таки осознают себя, наконец, в полной безопасности.

Как отмечается в "Р.Н.", стены Бастилии обрушились с таким адским грохотом, что его эхо гулко пронеслось до последней убогой хижины Франции. Самый темный селянин постиг в эту минуту, что свершилось что-то важное, великое, нарушившее надолго однообразное течение истории. Все прошлое рухнуло со всеми своими вековыми традициями, и застигнутый врасплох таким крушением народ невольно спрашивал самого себя: что же даст ему ближайшее будущее, что принесет ему завтрашний день? Не станет ли этот день днем полного торжества анархии, днем победы толпы оборванцев и нищих, этой язвы страны, сдержать которую будет не в силах никакая власть? По мнению авторов, "Великий страх" был именно такой боязнью имущих классов перед нарождающимся пролетариатом, он был продуктом опасений, охвативших обеспеченную среду, которая начала сознавать, что революция из буржуазной превращается силой вещей в социальную, долженствующую неминуемо совершить огромный экономический переворот и переместить накопленное богатство из одних карманов в другие, едва ли назовут такое толкование мистическим или фантастическим. Не подлежит, очевидно, сомнению, что всякий, кто вообще обладал каким-либо достатком, не мог

не опасаться, что босяки отнимут у него последнее достояние. Но все-таки для возникновения "Великого страха" должны были быть и действительно были, помимо всего, причины чисто психологического свойства.

Как пишут авторы, охваченной паникой, озверевшей толпой прежде всего овладевает беспредельная распущенность и разнузданность нравов. Это общий закон, в соответствии с которым в ряду человеческих страстей жестокость и сладострастие следуют всегда одно за другим, грозя сорваться в "садическое безумие". Революция дала много примеров того, как озверевшая толпа усугубляет гнусность убийств отвратительным бесстыдством, доводящим подчас даже до каннибализма. Уже взятие Бастилии послужило первым сигналом для такой вспышки истерически-полового извращения. Возбужденный победой народ ринулся на тех, кого считал виновником своих невзгод. Коменданта Бастилии де Лэне тут же схватили, нанесли удар шпагой, а затем стали рвать ему волосы. Защищаясь, он ударил ногой одного из нападавших. Его немедленно убили, а человеку, которого он ударил, предоставили право отрубить ему голову, что тот и исполнил. Голову, отделенную от туловища, насадили на вилы и понесли во главе революционной "процессии". Постепенно народ привыкал наслаждаться видом крови и отдаваться страсти издевательства над трупами врагов. Причем "садическая" толпа не состояла только из одной черни и подонков общества; напротив, большинство в ней были зажиточные и приличные буржуа, по виду торговцы и рантье. Бесчисленны примеры садических истязаний, жестоких убийств и глумления над телами женщин. Так, одной из цветочниц в Пале-Рояле, заподозренной в роялистских убеждениях, запихали во влагалище сноп соломы, а потом, всю извивающуюся от адской боли, привязали голой к столбу, к которому прибили ее ноги гвоздями, наконец, ей отрезали обе груди и затем подожгли солому. Толпа нападала на больницы и монастыри, убивая их обитательниц без разбора, насилуя и живых, и мертвых. Мученическая смерть постигла сохранившую верность королеве Марии-Антуанетте бывшую обер-гофмейстерину королевского двора принцессу Ламбаль. Мясник Гризон отсек ей голову мясным косарем, обезглавленный труп был брошен на поругание черни. У женщины вырезали груди, потом вскрыли живот и вытащили внутренности. Один из злодеев обмотал их вокруг себя, вырвал сердце и поднес его к своим губам. По свидетельству одного из очевидцев, он даже рвал его зубами. Когда тело Ламбаль было окончательно обезображено и изрублено в куски, убийцы поделили его между собой, а один из них, отрезав половые органы, устроил из них себе искусственные усы.

В числе проявлений революционного невроза авторы называют телесные наказания. Так, часто и долго "битый" по капризу своих бар простодушный Жак Боном /образ "простого" француза конца 18 в. – *К.С.*/, в свою очередь, начинает щедро и основательно расправляться плетью направо и налево. Его усердие возрастает при виде обнаженных прелестей красавиц-аристократок, и дремлющий в нем "садизм" пробуждается. Знатных женщин секли прямо на улицах; монахинь истязали в стенах монастырей, куда врывались толпы черни. Но телесное наказание не было исключительным делом одних только "подозрительных" представителей старого режима; к нему подчас прибегали и соперничающие между собой республиканцы, и нередко уличные схватки между якобинцами и жирондистами оканчивались "генеральной поркой" побежденных. Отличительной чертой всех революций, считают авторы, является подчинение законов и правосудия грубой силе. Против злоупотребления свергнутого режима возмущенный народ выводит на сцену открытое насилие, и нелегкое даже и в мирные времена уравновешение всеобщих прав становится вовсе невозможным. После монархического гнета наступает период народовластия; за революциями наступает реакция. И так продолжается, пока общественное самосознание не восстанавливает в себе способность уравновешивать свои умственные силы, пока между разными классами общества не устанавливается более или менее прочный компромисс.

Вся история 19 ст., отмечают авторы, представляет во Франции лишь ряд таких переходов власти от одной формы правления к другой. Необходимое равновесие было бы, разумеется, достигнуто скорее, и эволюция пошла бы по более ровному пути, если бы "люди 1793-го года" сумели избежать ошибок насилия и террора. Но такое требование к ним свидетельствовало бы лишь о глубочайшем неведении как человеческих слабостей, так и всех психологических основ общественного самосознания. А что нужно? Если из-за злоупотреблений и насилий террора нельзя отвергать весь созидательный труд революции, то, равным образом, нельзя и обелять явных преступников и злодеев исключительно ради величественного памятника, созданного Конвентом в образе французской конституции. Однако в трудах большинства историков революции преобладает именно их партийное направление. На самом же деле историческому бытописателю революции не следует ничего ни осуждать, ни оправдывать, так как перед ним развертываются события, отмеченные роковым характером неизбежности и неминуемости. По мере того, как эти события развивались, они все сильнее отражались в революционных умах и провоцировали их ко все большим излишествам. Варенское бегство королевской четы не могло через 20 месяцев иметь другого логического последствия, как казнь Людовика XVI. Кровь жирондистов вопияла о крови дантонистов, а последняя влекла за собой Термидор. Все, кто пытался остановить эту безумную скачку к бездонной пропасти, были, в конце концов, сами увлечены этим бурным потоком. Игра революционных судеб фатальна: преследователи поочередно меняются ролями со своими жертвами и через известный промежуток времени сами попадают в положение преследуемых, пополняя ряды тех, кои только что пали от их кровожадности. И немногие революционеры сомневались в судьбе, которая их ожидала. Они понимали, что рано или поздно популярность должна изменить им и что неизбежным финалом их тирании для них будет такой же суд и такая же казнь. Но политические страсти в человеке сильнее благоразумия, поэтому каждый в душе, наверное, питал тайную надежду – искусно лавируя, избежать неизбежного.

Чаще же всего, констатируют авторы, такой сценарий никому не удался, а казавшиеся реальными возможности остались нереализованными. Авторы пишут: "Вот перечень. Разве 31 мая жирондисты, невзирая на народное восстание, не могли все же остаться хозяевами положения и владыками Конвента, располагая в нем абсолютным большинством? Разве дантонистам не удалось бы при большей настойчиво-

сти избегнуть обвинительного декрета Собрания? Разве не мог, наконец, Робеспьер, опираясь на страх, который он внушал всем и каждому, произвести государственный переворот и смести с лица земли Национальное собрание, как это сделал впоследствии Наполеон? Но этими людьми внезапно овладевал какой-то упадок сил, и как раз в те моменты, когда им нужно было удесятеряться: с такой удивительной покорностью они бессильно давали себя вести на бойню. Когда же они пробовали, как Дантон, давать отпор, Минотавр террора уже держал их в своей пасти". Эти люди, подчеркивают авторы, столь неосторожно играют с опасностью вовсе не из праздного тщеславия. Так же, как и гибнущие аристократы, они все воодушевлены одним и тем же чувством – верховным презрением смерти. Большая часть осужденных умирала со стоической твердостью, что, может быть, являлось естественным следствием ослабления и даже полной атрофии чувства самосохранения. Людовик XVI умер с полным достоинством, воспротивившись палачу только тогда, когда тот стал связывать ему руки. Его примеру достойно последовала Мария-Антуанетта. Своей героической кончиной жирондисты заслужили сразу переход в бессмертие. Желая полюбоваться их позором, палачи приняли все меры, чтобы перед смертью они не могли выпить ничего возбудительного. Это не помешало им хором запеть "Марсельезу", не как похоронный самим себе псалом, а как победный марш. Дантонисты также были полны презрения к ожидавшей их участи. "Ты покажешь мою голову народу, – сказал Дантон палачу, – она стоит этого...". Сторонники Робеспьера 9 термидора вели себя точно так же. Но "чернь", как называли огромное темное стадо безвестных жертв террора, у которой не было ни идеалов, ни веры, ни энтузиазма, одушевляющих героев, умирала столь же мужественно. Об этом свидетельствует легенда, согласно которой прокурор Революционного трибунал Фукье-Тенвиль приказал пускать осужденным перед казнью кровь, дабы ослабить их силы и мужество, не оставлявшие их до последней минуты, что, видимо, раздражало организаторов террора. Но постоянные казни настолько приучили народ к этому зрелищу, что он перестал реагировать и на мужество и слабость жертв, и на жестокость палачей. "Гильотинирование" чем дальше, тем больше становилось элементом массовой культуры, народной потребностью, и толпа, приучившись к виду крови, уже не могла обходиться без этого психологического стимулятора. К месту казни матери стали приводить детей, отцы поднимали их на плечи, чтобы они могли лучше увидеть действо.

Как считают авторы, человек привязывается к жизни в периоды расцвета спокойствия и безопасности. Лишь по мере того, как его учат, насколько священна чужая жизнь, увеличивается его привязанность к своей собственной. Революция же дала противоположный результат – люди стали испытывать презрение и к жизни, и к смерти. Поэтому самоубийство, считают авторы, является весьма нередким продуктом социального невроза. Каждый раз, когда общество бывает потрясено до основания одним из ужасных социальных шквалов: революцией, войной или иным переворотом, непременно происходят эпидемии самоубийств. Французская революция подтвердила силу этого закона. Достоверных данных о числе самоубийств не имеется, но историки считают, что за время революции не менее 3 тысяч человек добровольно ушли из жизни. Но оставшиеся в архивах списки самоубийств позволяют составить представление об интенсивности этой эпидемии и побудительных мотивах самоубийств. К первой категории следует отнести политиков, которые загнали себя в такие тупики, которые позволяли сделать выбор только между самоубийством и гильотиной. Ко второй относятся обычные обыватели, которых революционная буря привела в такое душевное смятение, что самоубийство расценивалось как меньшее зло. К третьей авторы относят тех, кто не смог пережить гибели близких. Среди последних, поскольку революция уносила людей молодых, преисполненных презрения к опасности, настоящих апостолов своих политических идей, которые обычно и становились избранниками таких же пылких и восторженных женщин, авторы называют жертв любовного отчаяния. В героические времена любят более всего. Любовь в такие моменты перестает быть банальным развлечением, она делается сильной и увлекательной, она ведет одинаково ко всем крайностям – как к величайшим низостям, так и к высочайшим и самоотверженнейшим подвигам. Среди осужденных на казнь женщин были и такие, кто посвящал остаток жизни молитвам, но у большинства, покорявшегося неизбежной судьбе, в последние минуты пробуждалось лишь одно желание: взять от жизни то, что еще возможно. Были случаи, когда женщины добивались разрешения быть заключенными в тюрьмы вместе с мужьями, были случаи, когда женщины, добиваясь спасения возлюбленных, уступали домогательствам тюремщиков. Однако во всех без исключения тюрьмах царил дух весьма беззастенчивого разврата, объясняемого, по мнению авторов, все тем же состоянием Р.Н., в котором почти всецело находилось общество. Существовал и иной мотив: стремясь сохранить себе жизнь, многие женщины стремились забеременеть. Но революция, в теории следовавшая традиции смягчения уголовного наказания беременных женщин, в эпоху террора отвергла гуманные идеи: гильотина перестала признавать разницу между женщиной и ее плодом, между девственницей и зачавшей – все были уравнены под ее мечом. В периоды революционных переворотов, отмечают авторы, как никогда подтверждается изречение Плавта: "Человек человеку – волк". В подобные моменты развивается какая-то особенная жажда ненависти, какой-то особый голод гонения против всех и вся, начиная с людей и кончая неодушевленными предметами.

Согласно "Р.Н.", все народы всегда стремились олицетворять свои политические или религиозные верования в символах. Пока существует вера, люди уважают эти символы, даже поклоняются им; но как только вера начинает ослабевать или исчезает окончательно, она как бы сама обращается против своих символов и при том с большей яростью, чем дольше им поклонялись. Идолопоклонство, в чем выражается его специфическое свойство, превращается в свою противоположность: самые рьяные иконопочитатели становятся самыми безжалостными иконоборцами. Это, подчеркивают авторы, – вступительный период будущей серьезной болезни. Питательная среда для предстоящего разведения болезнетворного микроба готовится исподволь, иногда очень заблаговременно. Весь вопрос лишь в том, взвешивает ли осеменяющий подобную почву все последствия болезни. Чем, например, считать декрет Конвента, пред-

писавший разрушение по всей Франции последних остатков королевских памятников, как не призывом толпы к взрыву кипевшей в ней и искавшей выхода ненависти; призывом, который разбудил самые низкие побуждения толпы. Уничтожение традиционных культурных и духовных ценностей в ходе революции приобрело тотальный характер. Так, пергаменты монастырских архивов, папские буллы, требники и другие раритеты ушли попросту на картузы для пушечных зарядов. Среди членов Конвента были и такие, кто предлагал повторить подвиги калифа Омара в Александрии и сжечь национальную библиотеку. Объектом иконоборчества стали названия улиц и селений. Как полагают авторы, инициаторам тотального переименования, вероятно, казалось, что вслед за устранением всего, напоминавшего прошлое, быстрее исчезнут последние признаки "предрассудков и деспотизма". Для характеристики этого любопытного проявления "республиканского невроза" авторы приводят несколько примеров. После того, как святые были изъяты из календаря, также подвергшегося революционной ревизии, их упразднили и в качестве патронов улиц и городов. Поэтому город Сен-Дени стал Франсиадой, Сен-Жангу – Жувансом, а Сен-Клу (Св. Клавдий) – просто Клу (гвоздь). Место святых и королей в топонимике стали занимать античные герои и деятели революции, философы. И поскольку это было проявлением все того же невроза, получались несуразности. Так, не менее 25-30 селений назвали "Маратом" или "Маратами", а у иных имя Марата соединялось с другими (Марта-Сюр-Оаз и т.п.). В наказание за недостаточно "современный образ мысли" некоторым городам Конвент давал позорящие наименования, а Марсель "за его гнусные преступления" даже попробовал вовсе лишить названия. Но, отмечают авторы, невроз переименований был непродолжительным, и вскоре традиционная топонимика восстановилась. Падение монархического режима вызвало последствия, которые отразились даже в изменении игральных карт и шахматных фигур. Понятно, что отменив все титулы, республиканцы не могли играть картами, где короли, валеты, дамы напоминали подлежащий глубокому искоренению строй. Поэтому было решено заменить королей мудрецами, дам добродетелями, валетов героями. Четырьмя мудрецами стали: Люций Брут (пики), Руссо (трефы), Катон (бубны) и Солон (черви). Добродетелями оказались: Мудрость (пики), Единение (трефы), Благоразумие (бубны) и Правосудие (черви). На роль героев были назначены: Муций Сцевола (пики), Деций (трефы), Гораций (бубны) и Ганнибал (черви). Что касается шахмат, то ставился вопрос о полном их запрещении. Но вместо запрета решено было демократизировать эту игру. В частности, пешка (солдат-пехотинец), взяв с бою противный лагерь, вместо того, чтобы менять свой пол и превращалась в даму, только повышалась в чине. Разумеется, революция не могла не коснуться моды, определив несколько нервический характер поискам новых революционных стандартов. Так, в самый разгар террора, отмечают авторы, неутомимая деятельность "головорубной машины" внушила некоторым женщинам непонятную страсть носить в ушах маленькие гильотинки наподобие тех, которые их мужья вырезали на печатках. Серьги имели форму гильотины с подвеской, представлявшей отрубленную голову в корзине. В области языка революция привела к возникновению многих новых слов и образных выражений, как закрепившихся, так и временных, ненадолго переживших события, их создавшие. Многие слова были заимствованы из иностранных языков, многие изменили традиционный смысл и с ним вошли во французскую лексику. Кроме того, образовалось множество совсем новых терминов: "революционерить", "вешать на фонарях" – "фонарить", "гильотина", "гильотинировать", "цареубийца" и "санкюлот". Они постоянно появлялись в прессе, выражая ее характер и направление. Санкюлотный жаргон стал обязательным для всех, как и обращение на "ты". Письма к министрам начинались обращением: "гражданин-министр", а далее обязательно было писать прямо на "ты". Мотивировалось это, как сказано в ходатайстве депутатов народных обществ Парижа к Конвенту, тем, что "основы нашего языка должны нам быть столь же дороги, как и законы нашей республики. Мы различаем три лица в единственном числе и три лица во множественном, но, вопреки этому правилу, дух фанатизма, гордости и феодализма приучил нас при обращении к одному лицу употреблять множественное число". Обращения "господин" и "госпожа" были заменены более демократическими "гражданин" и "гражданка". Но высказывались опасения, что и это священное для революции слово может послужить для подчеркивания новой иерархии, потому предлагалось отбросить окончательно все титулы и говорить кратко и просто: Петион, Кондорсе, Пайн, подобно тому как в Риме говорили: Катон, Цицерон, Брут.

Авторы завершают "Р.Н." цитатой из "Истории социализма" левого французского мыслителя Ж. Жореса: "Революция есть варварская форма прогресса, как бы ни была она благородна, плодотворна и необходима; всякая революция будет всегда принадлежать к низшей, полуживотной эпохе человечества".

К.И. Скуратович

РЕВОЛЮЦИЯ (исходно, в 17 в. – "процесс прохождения через стадии цикла, которые в конечном счете ведут назад к идентичному или подобному состоянию") – в социально-политической сфере – насильственное овладение государственной властью лидерами массовых движений с целью (действительной или провозглашаемой) осуществления общественных реформ. В отличие от переворотов Р. пользуются массовой поддержкой.

Классическую трактовку Р. осуществили марксизм (см.) и ленинизм (см.). Так, согласно Ленину (см.), революционная ситуация возникает тогда, когда массы не могут жить по-старому, "верхи" не могут править по-старому, а также особо обостряется нищета эксплуатируемых социальных групп и классов. По мысли Ленина, для успеха Р. необходимо наличие авангардной политической партии с соответствующей программой, стратегией, тактикой и организационной дисциплиной.

Термином "Р." может также обозначаться более или менее длительный период коренных трансформаций какой-либо области человеческой деятельности: промышленная Р., сексуальная Р. В наиболее общем виде неизбежность тех или иных Р. в ходе развития человечества обосновал Делез (см.): "Любое общество... представлено всеми своими законами сразу – юридическими, религиозными, политическими, экономическими, законами, регулирующими любовь и труд, деторождение и брак, рабство и свободу, жизнь и смерть. Но

завоевание природы, без которого общество не может существовать, развивается постепенно – от овладения одним источником энергии или объектом труда к овладению другим. Вот почему закон обладает силой еще до того, как известен объект его приложения, и даже при том, что этот объект, возможно, никогда не будет познан. Именно такое неравновесие делает возможными революции... Их возможность определена этим межсериальным зазором – зазором, провоцирующим перестройку экономического и политического целого в соответствии с положением дел в тех или иных областях технического прогресса. Следовательно, есть две ошибки, которые, по сути, представляют собой одно и то же: ошибка реформизма или технократии, которые нацелены на последовательную и частичную реорганизацию социальных отношений согласно ритму технических достижений; и ошибка тоталитаризма, стремящегося подчинить тотальному охвату все, что вообще поддается означению и познанию, согласно ритму того социального целого, что существует на данный момент. Вот почему технократ – естественный друг диктатора... Революционность живет в зазоре, который отделяет технический прогресс от социального целого".

А.А. Грицанов

РЕГРЕССИЯ ЛИНЕЙНАЯ МНОЖЕСТВЕННАЯ – причинная модель статистической связи линейной (**см.**) между переменной зависимой (**см.**) y и переменными независимыми (**см.**) $x_1, x_2, ..., x_k$, представленная уравнением $y = b_1x_1 + b_2x_2 + ... + b_kx_k + a = \sum b_ix_i + a$ (см. **Анализ регрессионный**). Коэффициенты $b_1, b_2, ..., b_k$ называются нестандартизированными коэффициентами, a – свободным членом уравнения регрессии. Уравнение регрессии существует также в стандартизированном виде, когда вместо исходных переменных используются их z-оценки (см. **Переменная стандартизированная**): $z_y = \sum \beta_i z_i$. Здесь z_y – z-оценка переменной y, $z_1, z_2, ..., z_k$ – z-оценки переменных $x_1, x_2, ..., x_k$; $\beta_1, \beta_2, ..., \beta_k$ – стандартизированные коэффициенты регрессии (свободный член отсутствует).

Для того чтобы найти стандартизированные коэффициенты, необходимо решить систему линейных уравнений:

$$\begin{aligned}
&\beta_1 + r_{12}\beta_2 + r_{13}\beta_3 + ... + r_{1k}\beta_k = r_{1y},\\
&r_{21}\beta_1 + \beta_2 + r_{23}\beta_3 + ... + r_{2k}\beta_k = r_{2y},\\
&r_{31}\beta_1 + r_{32}\beta_2 + \beta_3 + ... + r_{3k}\beta_k = r_{3y},\\
&...\\
&r_{k1}\beta_1 + r_{k2}\beta_2 + r_{k3}\beta_3 + ... + \beta_k = r_{ky},
\end{aligned}$$

в которой r_{ij} – коэффициенты линейной корреляции Пирсона (**см.**) для переменных x_i и x_j; r_{iy} – коэффициент корреляции Пирсона для переменных x_i и y.

Нестандартизированные коэффициенты регрессии вычисляются по формуле $b_i = \beta_i \frac{s_y}{s_i}$, где s_y – стандартное отклонение (**см.**) переменной y; s_i – стандартное отклонение переменной x_i. Свободный член уравнения регрессии находится по формуле $a = \bar{y} - \sum b_i\bar{x}_i$, где $\bar{y}$ – среднее арифметическое (**см.**) переменной y, $\bar{x}_i$ – средние арифметические для переменных x_i.

В настоящее время используются два подхода к интерпретации нестандартизированных коэффициентов линейной регрессии b_i. Согласно первому из них, b_i представляет собой величину, на которую изменится предсказанное по модели значение $\hat{y} = \sum b_ix_i$ при увеличении значения независимой переменной x_i на единицу измерения; согласно второму – величину, на которую в среднем изменяется значение переменной y при увеличении независимой переменной x_i на единицу. Значения коэффициентов b_i существенно зависят от масштаба шкал, по которым измеряются переменные y и x_i, поэтому по ним нельзя судить о степени влияния независимых переменных на зависимую. Свободный член уравнения регрессии a равен предсказанному значению зависимой переменной $\hat{y}$ в случае, когда все независимые переменные $x_i = 0$.

Стандартизированные коэффициенты β_i являются показателями степени влияния независимых переменных x_i на зависимую переменную y. Они интерпретируются как "вклад" соответствующей независимой переменной в дисперсию (**см.**) (изменчивость) зависимой переменной.

Качество (объясняющая способность) уравнения множественной линейной регрессии измеряется коэффициентом множественной детерминации (**см.**), который равен квадрату коэффициента корреляции множественной (**см.**) R^2.

Предполагается, что все переменные (**см.**) в уравнении множественной линейной регрессии являются количественными. При необходимости включить в модель номинальные переменные используется техника dummy-кодирования (**см.**).

О.В. Терещенко

РЕГРЕССИЯ ЛИНЕЙНАЯ ПАРНАЯ – причинная модель статистической связи линейной (**см.**) между двумя количественными переменными (**см.**) x и y, представленная уравнением $y = a + bx$, где x – переменная независимая (**см.**) (предиктор), y – переменная зависимая (**см.**) (см. также **Анализ регрессионный**). Коэффициент регрессии b и свободный член уравнения регрессии a вычисляются по формулам:

$$b = r\frac{s_y}{s_x} = \frac{\sum(x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sum(x_i - \bar{x})^2};\quad a = \bar{y} - b\bar{x},$$

где r – коэффициент линейной корреляции Пирсона для переменных x и y; s_x и s_y – стандартные отклонения (**см.**) для переменных x и y; $\bar{x}, \bar{y}$ – средние арифметические (**см.**) для переменных x и y.

Существуют два подхода к интерпретации коэффициента регрессии b. Согласно первому из них, b представляет собой величину, на которую изменяется предсказанное по модели значение $\hat{y}_i = a + bx_i$ при увеличении значения независимой переменной x на одну единицу измерения, согласно второй – величину, на которую в среднем изменяется значение переменной y_i при увеличении независимой переменной x на единицу. На диаграмме рассеяния (см.) коэффициент b представляет тангенс угла наклона линии регрессии $y = a + bx$ к оси абсцисс. Знак коэффициента регрессии совпадает со знаком коэффициента линейной корреляции: значение $b > 0$ свидетельствует о прямой линейной связи, значение $b < 0$ – об обратной. Если $b = 0$, линейная связь между переменными отсутствует (линия регрессии параллельна оси абсцисс).

Свободный член уравнения регрессии a интерпретируется, если для независимой переменной значение $x = 0$ имеет смысл. В этом случае $y = a$, если $x = 0$.

Качество (объясняющая способность) уравнения парной линейной регрессии оценивается с помощью коэффициента детерминации (см.).

О.В. Терещенко

РЕГРЕССИЯ НЕЛИНЕЙНАЯ – статистическая нелинейная связь (см.) причинного характера между двумя количественными переменными (см.) x и y, которая может быть представлена одной из нелинейных математических функций $y = f(x)$, где x – переменная независимая (предиктор) (см.), y – переменная зависимая (см.). В уравнении Р.Н. могут использоваться логарифмические, экспоненциальные, степенные, тригонометрические и прочие функции. В социологии наиболее часто применяются модели логарифмической $y = a + b\ln(x)$ и экспоненциальной $y = e^{a+bx}$ регрессии. Наиболее простая техника построения этих моделей состоит в том, чтобы преобразовать исходные переменные и затем использовать процедуру построения регрессии линейной парной (см.). Так, построение модели логарифмической регрессии $y = a + b\ln(x)$ эквивалентно построению парной линейной регрессии $y = a + bx'$, где $x' = \ln(x)$; построение экспоненциальной модели $y = e^{a+bx}$ эквивалентно построению модели $y' = a + bx$, где $y' = \ln(x)$.

Качество (объясняющая способность) уравнения Р.Н. $y = f(x)$ измеряется долей объясненной дисперсии (см.) независимой переменной y, аналогом коэффициента детерминации (см.)

$$R^2 = 1 - \frac{\sum(y_i - \hat{y}_i)^2}{\sum(y_i - \bar{y})^2},$$

где y_i – измеренное значение переменной y для объекта с номером i; $\hat{y}_i$ – значение переменной y для объекта с номером i, предсказанное по уравнению $y = f(x)$; $\bar{y}$ – среднее арифметическое (см.) переменной y.

О.В. Терещенко

РЕЗНИК Юрий Михайлович (р. 1959) – российский социальный философ, специалист в сфере исследований гражданского общества, социальной инженерии. Окончил философский факультет МГУ (1987). Доктор философских наук (1998), профессор. Работал на кафедре социальной философии философского факультета МГУ (1990-1991); доцент, зав. кафедрой социальной инженерии социологического факультета МГУ (1992-1995); с 1995 – зав. кафедрой управления персоналом факультета повышения квалификации Московского социологического университета, президент социоинженерной ассоциации "Деловое содействие" (1994); главный научный сотрудник Института человека РАН, главный редактор журнала "Личность. Культура. Общество" (междисциплинарный научно-практический журнал социальных и гуманитарных наук РАН и НАН Беларуси).

В работах Р. исследуется сущность и динамика формирования современного гражданского общества, общественная природа жизненных процессов личности и методы конструирования личностных стратегий, теоретические и методологические аспекты социоинженерной деятельности и управления персоналом, применение социальной инженерии для поэтапного построения институтов и организаций гражданского общества; социологическое изучение жизненного мира как мира, соотносимого с системной организацией общественной жизни.

Основные сочинения: "Гражданское общество как феномен цивилизации. В двух частях" (Ч. 1. 1993. Ч. 2. 1998); "Социальная инженерия. Курс лекций. Ч. 1" (1994, соавтор, научный редактор); "Анализ социальных систем. Лекции: В двух выпусках" (1994); "Жизненные стратегии личности: поиск альтернатив" (1995, в соавт. с Т.Е. Резник); "Социальное измерение жизненного мира (введение в социологию жизни)" (1995); "Введение в социальную теорию. Ч. 1. Социальная эпистемология. Ч. 2. Социальная онтология. Пособие" (1999) и др.

РЕЙК (Reik) Теодор (1888-1969) – австро-американский психоаналитик и социолог. Доктор наук. Ученик Фрейда (см.). Стал первым лауреатом Почетной премии за лучшее немедицинское психоаналитическое эссе. Практиковал и преподавал психоанализ в Вене и Берлине до прихода к власти нацистов. С 1938 жил и работал в США. Осуществил психоаналитическое исследование религии. Подробно проанализировал связь между спецификой переживания эдипова комплекса с формированием различных типов набожности, связь религии и религиозного догматизма с неврозом навязчивости и другие проблемы. Исследовал различие между любовью и сексом, явления садизма и мазохизма в религиозных, национальных и социальных общностях. Критиковал теорию сексуальности Фрейда как "великолепную ошибку". Автор книг "Присущее и чуждое Богу. К психоанализу религиозного развития" (1923), "Догма и идея принуждения" (1927), "Ритуал" (1928), "Мазохизм в современном человеке" (1941), "30 лет с Фрейдом" (1956), "Миф и вина" (1957) и др.

В.И. Овчаренко

РЕЙСНЕР Михаил Андреевич (1868-1928) – российский правовед, социальный психолог и историк. Кандидат права (диссертацию защищал у А.Л. Блока – отца известно-

го поэта), профессор. Окончил юридический факультет Варшавского университета (1893). В 1893-1896 преподавал правовые науки в Киевском университете. Сотрудничал с Е.Н. Трубецким. Был командирован в Гейдельберг, где проработал два года. По возвращении (1898) работал экстраординарным профессором юридического факультета Томского университета. С 1903 – в эмиграции. Увлекся марксизмом и политической борьбой. Читал лекции в Парижской высшей школе социальных наук. В 1907 вернулся в Россию. Работал приват-доцентом Петербургского университета и профессором Высших женских курсов и юридического факультета Психоневрологического института. Исследовал различные проблемы истории и теории государства и права. В 1911-1912 опубликовал двухтомный труд "Государство". В 1915-1916 (совместно с дочерью Ларисой) издавал журнал "Рудин".

После октябрьского переворота 1917 развивал идею "пролетарского интуитивного права" в виде "революционного правосознания". Автор текста декрета об отделении церкви от государства. Участвовал в разработке первой конституции РСФСР. Был профессором Петроградского университета, Психоневрологического института и Военной академии Генерального штаба. Разрабатывал проблемы социальной психологии. В 1923 в докладе (и статье) "Проблемы психологии и теория исторического материализма" отметил возможности психоаналитического реформирования психологии. В 1925 выпустил книгу "Проблемы социальной психологии". Призвал переработать "громадный фрейдовский материал" и продолжить его "первоначальную линию монизма и материализма", "очистить драгоценные зерна фрейдизма от идеологической оболочки". В последующие годы занимался изучением социально-психологических проблем и разработкой соответствующих методов. Оказал значительное влияние на становление российской социальной психологии. Автор книги "Право, наше право, чужое право, общее право" (1925) и ряда работ по проблемам социальной психологии, права, религии, государства, политики, идеологии и социологии.

В.И. Овчаренко

РЕЙТИНГ – понятие, характеризующее соотносительные значимость, место, вес, позицию данного объекта по сравнению с другими объектами этого класса (типа). Часто применяется в социологии. В массовом сознании Р. чаще всего ассоциируются с Р. наиболее значимых акторов, персоналий в какой-либо стране – будь то политики, публичные деятели, артисты, журналисты (вообще, наиболее известные люди в данном виде деятельности). Р. традиционно воспринимается как некий показатель, имеющий единственное цифровое численное выражение, например: "Р. Иванова равен столько-то процентам". На самом деле количество видов Р. очень велико и в принципе бесконечно, поскольку бесконечно количество параметров, по которым может рейтинговаться та или иная фигура. Таким образом, Р. одного и того же персонажа (в широком смысле объекта) может выражаться совершенно различными количественными величинами (процентами).

В рамках политической социологии наиболее часто употребляемыми видами Р. являются: 1) Р. *проективного электорального поведения*, данный вид Р. измеряется вопросом "Если бы завтра состоялись выборы, за кого из кандидатов вы бы проголосовали?"; 2) Р. *уровня доверия* измеряется вопросом "Кому из государственных деятелей Вы доверяете в наибольшей степени?"; 3) Р. *степени влияния*: "Кто из нижеперечисленных фигур пользуется наибольшим влиянием в стране?"; 4) Р. *выражения интересов*: "Какая партия в наибольшей степени выражает интересы таких людей, как Вы?" и т.д. Рейтинговые измерения осуществляются как по отношению к персоналиям – индивидуальный уровень, так и по отношению к группам (например, политическим партиям) и социальным институтам – уровень организаций. В области масс-медиа под Р. понимается соотносительный "вес" телеканалов, радиостанций, печатных изданий, а также Р. отдельных временных интервалов эфирного времени (например, феномен "прайм-тайм") и Р. конкретных передач. Специфически медийными видами Р. являются "Share" (доля данного медиа-канала в общем объеме аудитории каналов данного типа – например, телевизионных каналов) и "Reach" (процент смотревших/слушавших данный канал за данный интервал времени). В области маркетинга Р. применяются при определении уровня знания потребителями отдельных товарных марок, при определении частотности приобретения различных видов товаров, при определении самых разнообразных видов потребительских предпочтений в целом.

А.П. Вардомацкий

РЕКЛАМА – в традиционном понимании – одно из маркетинговых средств, призванных стимулировать сбыт продукции. В этом контексте Р. определяется как деятельность (обычно оплачиваемая) по передаче имеющих характер убеждения информационных сообщений о каких-либо товарах, услугах с помощью СМИ – газет, журналов, радио, телевидения, уличных щитов и т.д. Согласно данной трактовке, Р. противопоставляется, с одной стороны, агитации и пропаганде как имеющим дело с товарами идеологического толка; с другой – индивидуальным продажам (direct-marketing), стимулированию продаж (sales promotion) и связям с общественностью (public relations) как трем другим средствам стимулирования сбыта в маркетинге.

В современных условиях подобное толкование сущности Р. может быть расценено как несколько устаревшее, ибо еще с момента возникновения массового производства в задачи Р. стало входить не только простое информирование широкого круга людей о предложениях рынков (характерное для Р. вплоть до конца 19 – начала 20 в.), но и проведение культурно-идеологической обработки населения с тем, чтобы оно как можно более глубоко осваивало ценности и порядок массового потребления и тем самым решало проблему сбыта излишков товаров, ставшую актуальной в связи с растущей продуктивностью экономической системы. Следовательно, современная Р., во-первых, не может быть абсолютно противопоставлена агитации и пропаганде, а во-вторых, предполагает решение стоящих перед ней задач посредством комплексного использования всей совокупности имеющихся маркетинговых средств стимулирования сбыта (иными словами, Р. как комплекс маркетинговых коммуникаций, включающий одновременно: 1) advertising – Р. в СМИ, 2) sales promotion – содействие продажам, 3) public relations – сопряженные "общественные отношения", 4) direct-marketing – направляемый рынок).

В то же время для конца 20 в. характерным является утверждение и проникновение Р. помимо экономики во все большее количество сфер – от выборных и политических кампаний до социального маркетинга и содействия в разрешении социальных проблем; причем, если оценивать социальный маркетинг, заключающийся в продвижении и пропаганде общественно-значимых программ, отличительных образов крупных фирм, групп влияния, политических партий, правящих структур и т.п., то именно данное направление признается одним из наиболее перспективных в развитии современной Р. В связи с вышеизложенным более часто пользуются расширительными трактовками Р., в которых последняя определяется как информирование (информация) о чем-либо, ком-либо, осуществляемое (распространяемая) в любой форме, с помощью любых средств и призванное(ая) формировать и поддерживать интерес к своему предмету.

Бурное развитие рекламной практики во второй половине 20 в. вызвало к жизни большое количество соответствующих прикладных исследований. Речь шла прежде всего о разнообразных психологических исследованиях, имеющих целью способствовать возникновению новых и совершенствованию старых рекламных технологий (благодаря им появились, например, популярные модель AIDA, теория минимальной привязанности, уникального торгового предложения (УТП), имиджа, теория потребностей и мотивов и др. Также достаточно широкое распространение получили социологические исследования Р. маркетингового плана. Но на их фоне отмечается пробуждение и собственно теоретического интереса к вопросам Р.

В рамках социологии (см.), в частности, уже успели заявить о себе исследования, анализировавшие Р. в русле традиционных социальных подходов (социально-исторического, ролевого, структурно-функционального).

Основная их ценность усматривается в осмыслении Р. в качестве специфического социального института, в связи с чем было акцентировано внимание на том, что, во-первых, для Р. характерна система четко обозначенных позиций: 1) рекламодатели – физические и юридические лица, задающие цели рекламной деятельности и оплачивающие предоставляемые услуги; 2) рекламопроизводители – организации, осуществляющие по заказам рекламодателей творческие и исполнительские работы, планирование, разработку и реализацию рекламных кампаний, а также отдельных рекламных мероприятий; 3) рекламораспространители в лице редакций газет, журналов, радио и т.д.; 4) потребители Р. – лица, которым адресуются рекламные обращения.

Во-вторых, логика и принципы взаимоотношений агентов рекламного пространства характеризуются определенной устойчивостью, обнаруживая на современном этапе тенденцию сочетания приверженности манипулятивному подходу, безраздельно господствовавшему ранее в рекламной практике, с установкой на поиск новых, субъект-субъектных форм рекламного общения, не только допускающих, но и предполагающих проявление инициативы со стороны ранее пассивных потребителей Р.

В-третьих, в мире существует отработанный эффективный механизм социального контроля за соблюдением ряда правил рекламной деятельности, сочетающий силы и возможности законодательства (в большинстве стран соответствующие нормы закреплены в гражданском законодательстве) с деятельностью органов саморегуляции – специализирующихся в области Р. профессиональных общественных организаций, ассоциаций и фондов.

В-четвертых, в рамках общественного целого Р. находится в тесной связи с широко понимаемой системой производства и выполняет ряд важных функций: а) информационную – посредством рекламных коммуникаций осуществляется распространение информации о текущих предложениях рынков; б) маркетинговую (сбытовую) – Р. ускоряет процесс движения материальных и идеальных товаров от производителей к потребителям; в) стимулирующую – свобода Р. и увещевающий характер ее обращений способствуют повышенному проявлению деловой активности социальных субъектов и расширенному потреблению; г) социальную – Р. выступает одним из средств поддержания жизнеспособности общественного механизма, к заслугам которого относят, в частности, рост производительности труда, повышение жизненного уровня населения, качественные изменения в работе получивших финансовую независимость СМИ и содействие в борьбе против социального зла. Решение же вопроса об истоках высокой эффективности Р. как социального явления сегодня в большей мере связывается с эвристическим потенциалом современных социологических теорий. В частности, ввиду тесной внутренней связи между Р. и вопросами повседневности, знания и познания, а также общения посредством социально обусловленных кодов, многообещающими представляются исследования, восходящие к символическому интеракционизму (см.), феноменологической социологии (см.) и близким им по духу теориям. Они открывают перспективы: 1) вплотную подойти к рассмотрению глобальной сущности рекламного производства, манипулирующей социальностью человека, и 2) осмыслить Р. и рекламную деятельность в качестве социокультурных феноменов, характеризующихся высокой чувствительностью к настоящему, к "здесь и сейчас" обывателей, к возникающим изменениям в потоках жизни, к актуальным, ярким, выразительным смыслам.

П.А. Матюшевская

РЕКЛЮ Жан (1830-1905) – представитель французской школы социогеографии, профессионально занимавшийся географией. Всемирную известность принесла Р. 19-томная энциклопедия "Земля и люди". Признавая влияние внешней среды на общество, Р. не был географическим детерминистом. Р. сформулировал ряд законов социального развития, идеи которых перекликались с идеями Н.К. Михайловского (см.). Полагая, что главной общественной проблемой является свобода личности, Р. проповедовал идеи анархизма (см.), издавая вместе с Кропоткиным (см.) периодическую литературу анархистского направления.

РЕКРЕАЦИЯ (от. лат. "recreatio" – *букв.* восстановление) – отдых, восстановление сил человека, израсходованных в процессе определенной деятельности (производственной, творческой, физкультурно-спортивной и пр.). Целью Р. выступает обновление организма, что положительно влияет на качество жизни.

Наиболее эффективной Р. является в свободное время человека; она должна быть построена на принципе добровольности. Содержанием Р. является активный отдых, раз-

влечения, способствующие развитию личности человека. Участником Р. может быть каждый индивид, независимо от пола, возраста, физической подготовленности и иных признаков. Не наблюдается также каких-либо негативных последствий сбалансированной и правильно спланированной Р.

В норме Р. являет собой один из видов человеческой деятельности, в котором нет никаких ограничений.

E. Tauber

РЕЛИГИЯ (лат. religio – благочестие, набожность, святыня) – мировоззрение, миропонимание, мироощущение, а также сопряженное с ними поведение людей, определяемое верой в существование сверхъестественной сферы, артикулируемой в зрелых формах Р. в качестве Бога, божества. Р. предполагает доминирование в душе человека чувства зависимости и долженствования по отношению к дающей опору и достойной поклонения трансцендентной и тайной силе. Р. отражает стремление человека и общества к непосредственной связи с Абсолютом (Богом, богами, субстанцией – безусловным средоточием всего существующего, главной святыней). Круг вопросов о существовании и ликах Абсолюта, о путях постижения Его, о практической значимости этого постижения для иных сфер духовной жизни человека, об отношении этого постижения к "посюсторонней" материальной жизни людей неизбывно перекрещивал исторические судьбы Р. и философии, Р. и всего гуманитарного знания.

Так, согласно И. Канту, Р. является познанием наших обязанностей в виде божественных заповедей, но не в виде санкций (произвольных, случайных для самих себя предписаний некоей чужой воли), а как существенных законов любой свободной воли. Ф. Шлейермахер трактовал Р. через особое чувство зависимости человека от бесконечного: "Ощущать, что все тождественно в чувстве Движущего нас в его высшем единстве, опосредовать этим все индивидуальное и особенное, а, следовательно, представить нашу жизнь как бытие и жизнь в Боге и через Бога – это и есть религия". Для Г. Гегеля Р. являлась самосознанием абсолютного духа или знанием божественного духа о себе благодаря опосредованию конечным человеческим духом. Фантастическое отражение в форме внеземных сил внешних обстоятельств, господствующих над человеком, видел в Р. Ф. Энгельс (см.). Согласно же Э. Дюркгейму (см.), Р. – это идеологический механизм, обеспечивающий солидаризацию людей и целостность общества через сакрализацию базовых общественных связей. З. Фрейд (см.), сводя индивидуальную религиозность к неврозу, считал Р. общечеловеческим навязчивым универсальным неврозом, который коренится в комплексе Эдипа, в амбивалентном отношении к отцу и снимает для верующего необходимость выработки собственного персонального невроза. По Б. Малиновскому (см.), "обычному индивиду Р. прагматически необходима для того, чтобы преодолеть ошеломляющее, парализующее предчувствие смерти, несчастье и судьбу".

Р. осмысливает и в различных версиях интерпретирует эволюцию и горизонты духовной связи человека и Абсолюта. Эта связь может полагаться: а) как изначально непосредственная, впоследствии прерванная и подлежащая восстановлению; б) как ориентация на достижение (опосредованно через промежуточные уровни) определенного идеала – непосредственной связи; в) как подлежащая постоянному воспроизведению как в разные периоды жизни индивида, так и в целостном ряду поколений людей. Р. – универсальный феномен, связанный с "исполнением древнейших, сильнейших и жизненно необходимых желаний человечества" (Фрейд). Содержание Р. не конституируется в качестве предмета знания и потому не подлежит идентификации с параметрами шкалы Истинное – Ложное, выступая предметом индивидуальной веры и мировоззренческой парадигмой, принятой в результате свободного выбора. Р., возвещающая человеку о спасении и указывающая путь к нему, являет собой трансцендентную в собственной основе и оказывающую имманентное воздействие теоретически-практическую систему координат для исполненного верой мировоззрения, жизненной позиции и образа жизни. Процедура спасения в различных Р. варьируется. Спасение может, во-первых, полагаться возможным через собственные действия человека (например, буддизм): а) соблюдение определенной совокупности ритуалов, церемониалов и культовых действий; б) "любовь к ближнему"; в) осуществление программы самосовершенствования. (В целом индивид может разделять ценности активного этического действия для своего спасения либо через формирование соответствующей личной установки – "Я" как орудие Божьей воли – и сопряженный с данным миропредставлением аскетизм, либо через модель мистического миросозерцания.) Спасение может, во-вторых, полагаться достижимым через деятельность некоего посредника-спасителя (иудаизм, христианство, ислам). Данная разновидность религиозных воззрений включает в себя такие версии-парадигмы, как: а) институционализацию собственных убеждений (обязательная принадлежность к институту церкви) – католицизм, православие; б) веру как главную предпосылку спасения – иудаизм, лютеранство; в) надежду на ожидаемую милость предопределения (ислам, кальвинизм).

В своих доктрине, этике и ритуале Р. раскрывает перед людьми широкий горизонт понятий, объясняет ему смысл жизни, гарантирует высшие ценности и нормы, делает человека членом духовного сообщества, наделяет его духовной родиной, дает обоснование для протеста и сопротивления всему неправедному. (По мысли С.Н. Булгакова, "люди равны в Боге, но не равны в природе, и это естественное неравенство побеждает этическую идею их равенства там, где эта идея лишена религиозной санкции".) Р. (наряду с иными духовными образованиями) способствует осуществлению процессов утверждения личности, формированию личностного сознания; ритуализации и, следовательно, облагораживанию репертуаров поведения людей; освобождению сознания индивида от предрассудка неограниченной власти роковых случайностей; социальной интеграции; космизации человеческого бытия, выходу его за пределы узкоземного существования; осуществляет профетическую миссию (предвидения желательных и нежелательных сценариев будущего развития). [Жесткое силовое подавление христианских структур в тоталитарном СССР С. Франк (см.) объяснил так: "Вопреки всем распространенным и в христианских и в антихристианских кругах представлениям, благая весть возвещала не ничтожество и слабость человека, а его *вечное аристократическое достоинство*. Это достоинство человека – и при том *всякого* человека в первооснове его существа

(вследствие чего этот аристократизм и становится основанием – и при том *единственным* правомерным основанием – "демократии", т.е. *всеобщности* высшего достоинства человека, прирожденных прав *всех* людей) – определено его *родством с Богом*".]

М. Вебер (см.) предлагал выделять религиозные системы, делающие акцент на моментах: ритуально-культовых, аскетически-деятельностных, мистико-созерцательных (и/или эсхатологических), интеллектуально-догматических. Если наука преуспевает в постижении мира (общественного и природного), разъятого в этих целях на отдельные фрагменты, то Р. в состоянии продуцировать смыслы жизненной целостности космоса, социума, отдельного человека, впоследствии тиражируемые и возобновляемые через культуру вкупе с ритуалами. В тех случаях, когда воспроизводство репертуаров поведения людей не сопровождается имплантацией перманентно обновляемых смыслов, ритуал становится формальной, отягощающей общество самодостаточной и самодовольной псевдоценностью (например, религиозные воззрения ацтеков и майя). Именно поэтому Р. могут либо: а) принимать "посюсторонний" мир; б) отвергать его; в) принимать этот мир на условиях его улучшения в той или иной форме.

Даже самые высокоразвитые Р. в своей истории оказывали на людей не только освобождающее, гуманное, прогрессивное воздействие, но также и регрессивное, подавляющее, реакционное. Этот идейный трагизм присущ истории любой Р.: и Р. мистического склада, устремленным к достижению сверхчувственного единства человека и божества (индуизм, буддизм), и Р. рационально-светским, ориентированным на овладение мудростью жизни в миру (конфуцианство, даосизм), и Р. профетическим (иудаизм, христианство, ислам).

В философии и религиоведении принято вычленять разнокачественные ступени эволюции Р. (не обязательно совпадающие с процессами, развертывающимися в реальном историческом времени): этап естественной Р. (боги обнаруживаются в природных силах); этап Р. законов, требующей повиновения божественным заповедям, основанной на представлениях о всемогущем Боге-господине и могущей трансформироваться в Р. как систему моральных норм без Бога; этап Р. искупления, которая возникает из чувства греховности, не исчезающего даже при великих нравственных устремлениях и возникающая: а) из веры в милосердную любовь и милость оскорбленного Бога, освобождающие от греха (христианство); б) из убеждения (без Бога) в скорбности всего бытия и стремления преодолеть это состояние через определенным образом достигаемое отрешение души (джайнизм, буддизм).

Существование самых разнообразных духовных феноменов в истории человечества, формально не относящихся к явлениям религиозного порядка, но совпадающих с ними по базовым механизмам функционирования, воспроизводства и экспансии, позволяет выделить религиозные и квазирелигиозные системы эгоцентрического, социоцентрического и космоцентрического порядка. Эгоцентрические системы Р. предполагают в качестве высшей и самодостаточной ценности восстановление духовной связи индивида с собственным подлинным "Я" как вселенносоразмерным микрокосмом. (В 20 в. этому содействовали идеи Ницше о смерти Бога и пришествии сверхчеловека, а также поиски подлинной человеческой природы в философии экзистенциализма.) Социоцентрические Р. светского толка отражают неизбывное стремление родового человека или определенных общественных групп к вселенству сущностных сил посредством воплощения искомой духовной целостности в избранном сакральном объекте. Так, утрату архетипа (см.) братства людей пытаются преодолеть такие социоцентрические Р., как культ личности, государства, партии, избранного народа или класса. Космоцентрические Р. ориентированы на установление, восстановление, воспроизводство связей людей с Богом, богами, Абсолютом, средоточием космических сил (христианство, ислам, буддизм). Многие школы буддизма не признают существования Бога: человек в их понимании всегда связан с космическим первоисточником и может приобрести спасение через приближение к оси "колеса жизни", достигая состояния полного покоя. Таким образом, космоцентрические Р. могут существовать в формах теизма, пантеизма и атеизма. Социально-духовные феномены Р. и веры нередко осуществляются в душах людей вне рамок церквей и конфессий. Хотя вера в существование Полноты Бытия (абсолютного "Я" внутри меня или Бога) и типична как смыслообразующий центр миросозерцания Р. любого типа, религиозность может проявляться как внецерковная и внеконфессиональная.

Постулаты той или иной Р. формируются либо истинными пророками, либо соборно: социально и профессионально разобщенные люди стремятся преодолеть свою обезличенность путем совместного дополнения своих сущностных сил универсальным посредником – всеобщим священным идеалом. Ряд концепций Р. утверждают распространенность модели индивидуальной эволюции, когда каждый индивид в процессе индивидуальной эволюции оказывается в состоянии прийти к индивидуальной шкале ценностей в выборе идеала. В границах этого процесса Священное писание запечатлевает базовые идеалы определенной культуры, Священное же предание трансформирует их соборным путем и окончательно формирует традицию. В общественном производстве и воспроизводстве системы сакральных идеалов Р. участвуют все члены религиозной общности. Р. становится неразъемлемой на части культурной целостностью. Значимость интегративных экуменических тенденций современного мира определяется тем, что без мира между религиями не может быть мира между народами. Мир же между религиями возможен лишь как результат диалога между ними.

А.А. Грицанов

РЕПЕРТУАРНЫЕ РЕШЕТКИ – методика исследования индивидуальной категориальной структуры личности, предложенная в 1950-х американским психологом Джорджем А. Келли (1905-1967) для изучения того, как человек воспринимает, интерпретирует, оценивает и прогнозирует свой жизненный опыт и окружающий мир. Техника Р.Р. (далее – ТРР) является также способом представления соответствующей информации.

ТРР используется в различных областях практической деятельности: психологии и психодиагностике, психиатрии, социологии, педагогике, рекламе, дизайне, политике, менеджменте, профконсультировании, лингвистике, истории, риторике и т.д.

Келли, для которого был характерен подчеркнуто субъектно-ориентированный подход к изучению личности, разрабатывал ТРР в рамках своей теории личностных конструктов ("Психология личных конструктов", 1955), философским и гносеологическим основанием которой является принцип "конструктивного альтернативизма": "Когда имеешь дело с миром, всегда есть альтернативные истолкования, доступные для выбора. Никто не должен загонять себя в угол, полностью уступать обстоятельствам или становиться жертвой своей биографии". Теория личностных конструктов Келли, иллюстрирующая когнитивное направление в изучении личности, основывается на убеждении в характерной для всех индивидов исследовательской активности: каждый человек – это исследователь, ученый, который не просто пассивно реагирует на поступающую извне информацию как на какой-то внешний раздражитель, а постоянно выдвигает на базе прошлого опыта собственные предположения о будущем, проверяет их в своей практической деятельности, формирует свою собственную картину мира. При таком подходе исследователи "уравниваются в правах" с испытуемыми и их диалог происходит именно на языке испытуемого.

Оригинальное название предложенного Келли метода исследования – "репертуарный тест ролевого конструкта" (role construct repertory test), сокращенно "Реп-тест". Репертуарный тест первоначально применялся как индивидуальный диагностический инструмент клинической психологии, он был в первую очередь предназначен для исследования ролей личности, прямым образом связанных с пониманием личностью мыслей и поступков других людей. "В той мере, в какой один человек истолковывает процессы истолкования другого, он может играть роль в социальном процессе, включающем этого другого человека".

Келли использовал список из 24 ролевых персонажей (учитель, жена, руководитель, отец, мать, счастливый человек, человек, которого вы жалеете, и т.д.), относящихся к семи группам ("Я", "семья", "отношения", "близкие", "авторитет", "ситуативные персонажи", "ценности").

ТРР (repertory grid) представляет собой немного модифицированную версию первоначального репертуарного теста: если при репертуарном тесте контакт между психологом и испытуемым является более личным, неформализованным, то при применении ТРР этот контакт в какой-то мере опосредуется и формализуется необходимостью заполнения специально подготовленной заранее матрицы. Решетка получила название "репертуарной" из-за ее первоначального назначения – исследования ролей личности. В ней нет однозначно названных объектов для оценивания и сравнения; испытуемому предоставляется инструкция, следуя которой он должен сам подобрать (из имеющегося у него "репертуара") известных ему конкретных лиц на "роли", обозначенные в решетке. В настоящее время РР применяется для исследования самых различных проблем, которые зачастую не имеют непосредственного отношения к ролям личности, однако название метода сохранилось.

ТРР не является тестом в обычном смысле слова, т.к. она не имеет основной целью сравнение оценок и реакций человека с какими-то групповыми данными (хотя это тоже возможно); она может пониматься как *инструмент* побуждения людей к экспликации их личной системы конструктов, лежащих в основе их субъективных оценок и предположений.

Конструкт – "способ истолкования мира" – это особое субъективное средство, "трафарет или шаблон", сконструированный самим человеком на основе собственного опыта, с помощью которого человек воспринимает свое окружение, создает целостный образ мира и определяет в нем свою линию поведения,"... будь она точно сформулированной или безотчетно отыгрываемой, выраженной словесно или совершенно безмолвной,... разумно аргументированной или почувствованной нутром". Основной постулат теории личности Келли заключается в следующем: "Процессы конкретного человека, в психологическом плане, направлены по тем каналам, в русле которых он предугадывает события" ("каналы" здесь следует понимать как "конструкты"). Индивиды располагают целым "репертуаром конструктов", и "каждый человек по-своему, сообразно преследуемым интересам, развивает систему истолкования".

"Конструкты не следует смешивать с теми фактическими данными, персонализированными версиями которых они являются; конструкты представляют собой интерпретации этих фактов". Келли считает конструкт реально существующим, однако "его реальность не идентична реальности элементов, входящих в его контекст. С этими элементами конструкт связан отношениями репрезентативности, а не тождественности".

Конструкт всегда биполярен, он имеет два полюса (например, "черный – белый", "веселый – грустный", "с широким кругозором – ограниченный"). Келли вводит две функции конструкта как биполярного образования: обобщение (установление сходства) и противопоставления (установление контраста); соответственно этому конструкт имеет полюс сходства (эмерджентный) и полюс контраста (имплицитный). Другими словами, конструкт – это основание, по которому объекты сходны либо отличны между собой, "референтная ось, основной параметр оценки".

Основные характеристики конструктов: 1) Диапазон пригодности конструкта, включающий в себя все объекты, к которым испытуемый может его применить [за игнорирование диапазона пригодности часто критикуют некоторые другие методы исследования, например, метод семантического дифференциала (см.)]; классическим случаем расширения диапазона пригодности является поэзия. 2) Фокус пригодности конструкта – круг вопросов, для трактовки которых конструкт является максимально полезным. 3) Контекст конструкта, состоящий из всех объектов, к которым конструкт применяется испытуемым. 4) Степень проницаемости (или открытости) конструкта ("непроницаемым называется конструкт, который строится на строго определенном контексте и не допускает включения дополнительных элементов"; проницаемый конструкт, соответственно, допускает добавления новых элементов). 5) Жесткость фиксации объектов (констеллятивный конструкт строго связан с другими конструктами, фиксирует область принадлежности относящихся к нему объектов; пропозициональный конструкт неоднозначно связывает свои объекты с другими конструктами, допускает в зависимости от контекста множество вариантов конкретных связей; предопределяющий конструкт, который "заранее отводит своим элементам место исключительно в собственной области"). 6) Вербальная выра-

зительность (вербальный конструкт можно выразить словами; в качестве невербальных конструктов могут быть использованы жесты, выражения лица и т.п.). 7) Экспликация (в идеале конструкты должны выявляться в процессе исследования, а не навязываться испытуемому извне). 8) Конструкт можно представить как в виде дискретной оппозиции, так и в виде шкалы. 9) Индивидуальность (конструкты строятся личностью на основании ее собственного уникального опыта). Вследствие того, что человек живет не обособленно, многие конструкты у разных людей могут быть схожи. Однако в любом случае конструкт не задается извне, а строится самим человеком. Согласно теории Келли, различия между людьми коренятся в различной интерпретации ими окружающего мира.10) Гипотетический характер ("проверка конструкта – это его испытание последующими событиями").

В общем виде Р.Р. представляет собой *матрицу* (таблицу), определенным образом организованную, которая заполняется или самим испытуемым, или исследователем в процессе структурированного интервью. В большинстве случаев выявляемые конструкты представлены в виде строк, а объекты (элементы, стимулы, понятия) оценивания – в виде столбцов. Выявление личностных конструктов испытуемого является основной целью ТРР.

В качестве *элементов* часто используются люди, предметы, события, виды деятельности, и выражаются они чаще всего существительными ("сестра", "любимый учитель", "Маргарет Тэтчер", "самый умный человек, которого вы знаете лично", "стиральный порошок X" и т.д.). Список может включать различное количество элементов (в среднем 10-20).

Рекомендации по отбору элементов для ТРР: 1) Элементы должны быть релевантными конструктам, т.е. они должны находиться в диапазоне пригодности используемых конструктов. 2) Отдельная решетка должна содержать конструкты, относящиеся к гомогенной (однородной) области (если исследователя интересует несколько областей сразу, то лучше строить несколько отдельных решеток; анализ отношений между подсистемами конструктов проводить после основной процедуры). Рекомендуется не смешивать классы элементов (людей и вещи, вещи и действия), лучше включать в решетку однотипные элементы одного уровня сложности. 3) Нужно учитывать, что один и тот же объект может быть и элементом, и одним из полюсов конструкта (например, "отец" как элемент и "отец – не отец" как шкала похожести-непохожести на отца). 4) Элементы должны репрезентировать интересующую исследователя область в полной мере, чрезмерное суживание области приводит к выявлению менее значимых конструктов, которые имеют отношение только к конкретному набору элементов. Элементы должны быть значимыми в контексте интересующей исследователя проблемы. Для адекватного отбора элементов целесообразно применять другие методы исследования – например, экспертный опрос, контент-анализ. 5) Предпочтительнее равномерное распределение элементов с точки зрения оценки: желательно, чтобы в списке были равномерно представлены как положительно, так и отрицательно оцениваемые элементы. 6) Элементы должны быть понятны и знакомы испытуемому. 7) Элементы не должны быть подвидами других элементов (некорректно включать в один список элемент, который описывает, например, целый класс каких-нибудь продуктов, и элемент – просто название конкретной марки этого продукта). 8) Элементы должны быть точными и конкретными: расплывчатые описания (например, "переговоры"), абстрактные элементы ("идеальный руководитель") и слишком конкретные ("написание ежедневного отчета") нежелательны. 9) Если элементы в Р.Р. представлены людьми, то необходимо, чтобы испытуемый был в состоянии подставить имена конкретных знакомых ему людей в этот ролевой список. 10) Элементы не должны быть оценочными (если обратное не предполагается изначально); при необходимости следует очень тщательно подбирать прилагательные или наречия при формулировке элементов, т.к. описания элементов легко приобретают оценочный оттенок. 11) Нужно четко различать сами элементы и свойства элементов; последние могут оказаться конструктами, которые выявятся в процессе заполнения ТРР.

Способы отбора элементов для ТРР: 1) Исследователь предлагает испытуемому заданный список элементов (основной недостаток: неосведомленность испытуемого о тех или иных элементах). 2) Список элементов составляется самим испытуемым по просьбе исследователя после того, как был обговорен класс желаемых элементов (основной недостаток: в списке могут оказаться только известные и/или положительно оцениваемые испытуемым элементы, элементы могут не отвечать задачам исследования). 3) Исследователем готовится примерный список вопросов, затрагивающих как положительные, так и отрицательные элементы, ответы на которые приведут к желаемому набору элементов (основной недостаток: занимает больше времени и является более трудоемким). 4) Совместное использование способов 1-3. 5) Для ролевой Р.Р. можно использовать список элементов, созданный на основе тех или иных типологий личности (предполагается, что проверенная психологическая теория личности достаточно полно представляет круг общения любого человека и может считаться репрезентативной).

При заполнении ролевого списка испытуемому следует напомнить о том, что любое лицо может упоминаться в ролевом списке только один раз.

Используются следующие основные *методы* выявления конструктов:

1. **Триады.** А) Метод минимального контекста. Конструкты выявляются следующим образом: испытуемого спрашивают, чем два из трех элементов, отмеченных кружками в первой строке, "сходны между собой и тем самым отличны от третьего элемента". Испытуемого просят поставить крестики в кружки, соответствующие тем двум элементам, которые сходны между собой. Затем ему предлагается озвучить или написать в отведенной для этого графе слово или короткую фразу, разъясняющую, чем именно эти элементы сходны между собой; затем выясняется и записывается противоположный полюс конструкта. После этого испытуемый отмечает в этой же строке галочкой (либо оценивает по шкале конструкта, либо ранжирует) все другие элементы, обладающие указанной им характеристикой. Аналогично заполняются оставшиеся строки решетки. Б) Метод полного контекста. Все элементы выписываются на карточках и раскладываются перед испытуемым. Его просят подумать о важных качествах, характерных

для разных групп людей и выбрать двух человек, наиболее сходных между собой по какому-либо значимому качеству. Когда две первые карточки выбраны, испытуемого спрашивают, в чем они сходны между собой. Затем по мере добавления последующих карточек испытуемого время от времени просят сказать, представляет ли данная карточка все еще ту же категорию, что и первые две карточки. В) Последовательный метод. Аналогично методу минимального контекста, однако триады выбираются с соблюдением следующего правила: каждый раз в триаде только один элемент заменяется новым. Г) Метод самоидентификации. Также аналогично методу минимального контекста, за исключением того, что в каждую триаду включается элемент "Я сам". Д) Метод ролевой персонификации. Отбор триад аналогичен методу самоидентификации, однако испытуемому предлагается иной порядок выявления конструктов: "Представьте, что вы втроем проводите вечер. Как будут развиваться события?..." В вводных вопросах можно использовать самые разные ситуации и условия.

2. **Диады.** Было выяснено, что наиболее явные контрасты выявляются в том случае, когда испытуемого просят назвать полюс, противоположный полюсу сходства, а не в том случае, когда его просят определить, чем третий человек в триаде отличается от двух других. Например, можно использовать метод "лестницы": конструкты выявляются любым обычным способом и испытуемого просят сказать, к какому полюсу каждого конструкта он предпочел бы отнести себя. Инструкция может быть такой: "Вы предпочли у данного конструкта именно этот полюс. Почему вы предпочли оказаться здесь, а не там? Каковы преимущества этого полюса по сравнению с другим?" Ответ испытуемого позволяет определить новый конструкт, более высокого уровня.

3. **Другие методы.** А) Метод построения пирамиды. Исследователь просит испытуемого подумать про известного ему приятного человека и описать его. Когда испытуемый называет какую-нибудь характеристику, исследователь просит указать противоположное этой характеристике качество. Б) Метод самохарактеризации (фиксированной роли). Испытуемого просят описать какого-нибудь "условного" человека, выполняющего определенную роль или обладающего определенным качеством, от имени его друга. В) Проективные методики, свободные сочинения и др.

Количество триад, предъявляемых испытуемому, зависит от цели исследования. Процедуру выявления конструктов следует прекращать либо тогда, когда исследователь получил всю интересующую его информацию, либо когда испытуемый начинает настойчиво повторять конструкты или придумывать им новые названия.

При применении наиболее популярных методов триад для выявления достаточного числа конструктов используется в среднем 15-25 триад. Наиболее простой способ подготовки триад – это задавать их случайным образом. Однако можно применить и целенаправленный отбор. Например, в первоначальном Рeп-тесте Келли триады элементов были обоснованы и соответствовали одному из 22 классов (например, "класс ценностей", "класс семьи", "класс хорошего отношения", "класс потребностей" и т.д.).

В ТРР могут использоваться различные *виды* репертуарных решеток. Наиболее часто используемыми из них являются следующие: 1) Ранговая решетка – после выявления конструкта испытуемого просят проранжировать все элементы от одного полюса конструкта к другому. Ранговая решетка снимает проблему несимметричности конструкта. При этом возможны два порядка процедуры ранжирования: сначала выявить все конструкты и после этого заполнить решетку, или оценивать каждый элемент по только что полученному конструкту. 2) Оценочная решетка – испытуемый оценивает каждый элемент по определенным образом градуированной шкале выявленного конструкта. Процедура оценки похожа на семантический дифференциал (**см.**), количество делений шкалы может быть разным. Оценочная решетка позволяет выявить неинформативные конструкты и конструкты с асимметричным распределением элементов. Так же как и при использовании ранговой решетки, в результате оценивания образуется двумерная матрица данных. Аналогично ранговой решетке возможны два порядка оценивания. 3) Импликативная решетка (Хинкл) – в ней нет элементов в традиционном смысле, но в качестве подразумеваемого элемента используется "Я сам" испытуемого. После вызывания конструктов испытуемому задают такой вопрос: "Представьте себе, что Вы изменились по данному конструкту. По каким из оставшихся конструктов Вы тоже изменитесь?". Процедура повторяется для каждого конструкта. В результате исследователь получает возможность построить иерархию конструктов. 4) Решетка сопротивления изменениям (Хинкл) – испытуемому предлагают пару конструктов, и после того, как он выбрал предпочитаемый полюс по каждому из них, его спрашивают, по какому из этих конструктов он предпочел бы измениться. 5) Решетка зависимости, или репертуарный тест ситуационных возможностей (Келли) – элементы берутся из ролевого списка (конкретные лица выбираются из числа знакомых испытуемого), а в качестве конструктов используются различные стрессовые ситуации. Испытуемому предлагается указать, к кому бы он обратился за помощью в каждой из приведенных ситуаций.

Требования к выявлению конструктов и их характеристикам: 1) Необходимо выявлять уже сложившиеся конструкты. 2) Конструкты должны быть выявлены по единой стандартной процедуре. 3) Желательна применимость конструктов ко всем элементам (иначе могут быть трудности при анализе данных), т.е. выявленные конструкты должны быть проницаемыми. Если же все-таки выявлен конструкт, по которому какой-либо элемент не может быть оценен, то соответствующая ячейка выделяется определенным образом. 4) Конструкты не должны быть излишне проницаемыми ("они оба мужчины"), ситуационными ("они оба из одного города"), избыточно непроницаемыми ("преподаватель языка" – "преподаватель литературы"), поверхностными ("у них у обеих светлые волосы"), неопределенными ("у них у обоих все хорошо"). 5) Вербальное описание конструктов должно объяснять идею, заложенную в конструкте. 6) Всегда нужно учитывать контекст конструкта, т.к. именно в контексте конструкт обладает значением. 7) Важно решить, разрешать ли испытуемому использовать повторяющиеся конструкты (значимость для испытуемого повторяющихся конструктов может быть выше неповторяющихся). 8) Важно однозначно определять оба полюса конструкта; если выявляется конструкт, полюса которого на первый взгляд не связаны, то необходимо определить, возможно ли такой конструкт разбить на большее количество конструктов. 9) При

исследовании ролевых конструктов испытуемый должен быть в состоянии разместить себя самого на осях конструктов. 10) Иногда необходимо использовать заданные конструкты, которые помогают заострить внимание испытуемого на важных, с точки зрения исследователя, аспектах (см. Семантический дифференциал). Однако большинство приверженцев ТРР предостерегают от чрезмерного увлечения заданными конструктами: "Конструкт невозможно задать...Задать можно лишь вербальные наименования, к которым испытуемые привяжут свои собственные конструкты". 11) Ограничение или исключение недифференцирующих конструктов, т.е. тех конструктов, по которым почти все оцениваемые элементы относятся испытуемым к одному и тому же полюсу (например, "все честные за исключением нескольких"). 12) Исключение дублирующих конструктов (например, "добрые – злые" и "доброжелательные – недоброжелательные". Если оценки по этим конструктам полностью или почти полностью совпадают, то один из этих конструктов следует исключить.

Основные методы и способы *количественного* анализа данных, полученных с помощью ТРР: 1) Для анализа единичных решеток используются подсчет частот и совпадений, контент-анализ, факторный анализ, кластерный анализ, многомерное шкалирование. 2) Для сравнения и анализа нескольких Р.Р., когда несколько человек, независимо друг от друга, заполнили решетки, касающиеся изучения проблемы в одной и той же области, используются следующие методы: а) сцепление решеток, имеющих общие элементы, и обработка такой одной "расширенной" решетки конструктов; б) сравнение решеток, имеющих одинаковые элементы и конструкты, позволяющее выявить степень согласованности и различия восприятия тех или иных объектов или явлений; в) аналогично второму способу, однако из исходных решеток удаляются наиболее отличающиеся друг от друга элементы и конструкты, тем самым акцент делается только на согласованности. Сравнение и совместный анализ групп Р.Р. применяется для анализа экспертных оценок.

Качественная интерпретация результатов ТРР включает анализ: 1) количества и разнообразия выявленных конструктов, 2) содержания и характеристик конструктов, 3) связь элементов с конструктами и между собой.

Результаты, полученные при анализе Р.Р., можно разделить на две основные группы: 1) Содержательно-смысловые характеристики (например, интерпретация главных компонент, сравнение элементов, расчет "дистанции" между ними и т.п.). 2) Формально-структурные характеристики системы личностных конструктов.

Система личностных конструктов ("геометрия психологического пространства") обладает следующими характеристиками: 1) Когнитивная дифференцированность: количество составляющих единиц и их качество ("жесткость" и "рыхлость" конструктов), их разветвленность (монолитность или фрагментарность), связь (артикуляция) между конструктами и степень ее интенсивности, конфликты (двойственные отношения между конструктами). 2) Иерархичная организация: конструкты могут быть суперординатными, т.е. конструктами высокого уровня общности, и субординатными, т.е. конструктами подчиненными, обобщаемыми другими конструктами; ядро системы образуют базисные, наиболее значимые, личностные конструкты человека; некоторые конструкты могут быть независимыми.

Система личностных конструктов каждого человека уникальна и развивается в течение всей жизни. Исследователями отмечается зависимость между когнитивной дифференцированностью системы личностных конструктов и способностью личности к анализу и оцениванию воспринимаемых ею объектов. "Когнитивно сложный" человек имеет четко дифференцированные конструкты, умеет четко отличать себя от других, способен прогнозировать поведение других, его оценка других строится по многим категориям. Различия между конструктами у "когнитивно простого" человека неясны, он не всегда четко отделяет себя от других людей, не способен прогнозировать свое поведение и поведение других людей, его восприятие окружения основывается на малом количестве критериев.

Некоторыми исследователями были предприняты попытки найти на базе ТРР устойчивые индивидуальные параметры, которым можно было бы придать статус пожизненных индексов. Однако исследования показали, что решетки постоянно меняются. Утверждение Келли о том, что направления "психологического пространства" меняются в зависимости от контекста, оправдалось. Такой вывод указывает на необходимость пересмотра понятия надежности и валидности по отношению к ТРР. "Ценность решетки должна ... определяться не ее "высокой" или "низкой" надежностью, а возможностью с ее помощью исследовать и уточнять проблемы".

С применением ТРР связан ряд проблем: 1) Человек может не быть склонным обсуждать с исследователем свои базовые конструкты. 2) В процессе исследования возможно обнаружение противоречивых базовых конструктов, которые могут оказать определенное травматическое воздействие на сознание испытуемого; рекомендуется по возможности избегать выявления базовых конструктов. 3) Различия в однозначности понимания и употребления разными людьми (в том числе испытуемого и исследователя) одних и тех же слов. 4) Люди могут иметь сходные конструкты почти на всех уровнях иерархии и все-таки конструировать совершенно различные результаты. 5) Конструкты не всегда можно адекватно вербализировать. 6) Невозможность полноценного использования ТРР при массовых опросах.

Авторы, чьи работы по применению ТРР доступны на русском языке: Ф. Франселла и Д. Баннистер, В.И. Похилько, В. Стюарт, А.Г. Шмелев, Л. Хьелл и Д. Зиглер и др.

М.В. Язневич

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ – многозначное понятие, широко употребляется в философии, психологии, социологии, социальном познании в целом. Наиболее общее определение может быть зафиксировано как "представление одного в другом и посредством другого". Р. является конститутивной функцией знака, поэтому понятия "Р." и "знак" взаимно определяют друг друга. Р. задает знак и сама предстает как знаковый феномен. Оба понятия раскрываются через связь с презентацией как присутствием или наличием, что демонстрирует исторически-традиционный подход к их определению. Связь выражается в том, что феномен Р. изначально задается как "запаздывающий" или вторичный относительно присутствия – презентации, т.е. Р. возникает в силу отсутст-

вия (в момент репрезентирования) объекта, который она репрезентирует. Отсюда выводится ее значение правомочного "представительства", что показывает историческую сферу возникновения Р. как "сакрально-правового" понятия, по замечанию Г.-Г. Гадамера.

Понятие "Р." изначально оказалось осложнено значением "отображения" или образного представления, юридическим значением "представительства" как платежеспособности или правомочного замещения. Однако наибольшее влияние понятия "Р." связано не с юридическим, а с теологическим аспектом. Христианство, основанное на идее воплощения, по-новому проинтерпретировало отношение того, что представляется, к тому, что представляет. Представительство Р. раскрывается, таким образом, через проблематику соотношения и онтологического статуса первообраза и отображения, разработанной философией Платона и далее неоплатонизмом и христианской теологией. Соотнесенность объекта с идеей, одним из возможных воплощений (через это и знаком) которой он является, преобразовалась в западной философской традиции в проблематику возможности познания общего посредством связи общего и единичного. В средневековой теологии единичная, чувственно воплощенная религиозная Р. принимает значение "представительства" постольку, поскольку Р. начинает участвовать в силе отображаемого, т.е. соотносится с ним в онтологическом плане. Воплощенность абсолютного образа, его явленность в Р. побуждает рассматривать мир как "книгу" (одна из центральных идей средневековой философии) и искать "смысл смысла", "потаенный" смысл вещей. Следовательно, проблематика Р. и их сложного статуса может рассматриваться и в рамках спора об универсалиях (дискуссия о происхождении "идей" и их соотношении с "реальностью"). Понятие "Р." сыграло определенную роль в формировании метода рационализма. В картезианстве и философии Нового времени происходит поворот к методологической интерпретации этого понятия. При этом Р. обретает "математическую" трактовку, где получает достаточно строгое толкование "выражения чего-либо" и – соответственно – связи с "однозначностью" и "подчиненностью". Такая трактовка свойственна и учению об "универсальной Р." Г. Лейбница, разные ступени или уровни которой присутствуют в каждой монаде. Таким образом, ни рационализм, опирающийся на теорию "врожденных идей", ни эмпиризм, вышедший из понимания "идей" как результата обобщения чувственных данных, не ставят под сомнение саму возможность познания и достижения истины посредством Р., т.е. способность Р. обеспечить незатененную, "прозрачную" связь между субъектом и объектом познания не проблематизируется. Понятие Р. оказывается "скрытым" за проблематикой развития методов истинного познания, получившим свое наиболее яркое воплощение в установках позитивизма. Методологический аспект задания понятия "Р." через понятие "презентации" был акцентирован феноменологией, прежде всего Э. Гуссерлем. Обострение до предела феноменологическим подходом напряженности и неоднородности этих феноменов, т.е. принципиального отличия презентации как фактичности и Р. как символичности проблематизировало базисные установки научного мышления и метода рационализма как такового. Проблематизация означает критическое исследование истоков методов и установок науки, ставших следствием поворота мышления, произведенного философией Нового времени и получившего свое наиболее полное воплощение в картезианстве и позже в позитивизме. Позитивизм исходит из "данности" и доступности своих объектов в первоисточнике, а также из отделения объекта и субъекта познания. Прозрачность или незатененность с точки зрения референции отношений субъекта и объекта является одним из оснований возможности неискаженного отображения действительности. Проверка результатов познания на "истинность" производится посредством возвращения к этой "данности" при помощи соответствующих методов. Позитивизмом предполагается, что хотя мышление и основано на представлении, между сознанием и объектом "ничего не стоит": постоянно совершенствующиеся методы позволяют соотнести Р. и презентацию посредством отношения "истина – ложь". Таким образом, реальность, с которой имеет дело познающий субъект, задается через понятия "данность", дискурсы идентичности (возможность повторных наблюдений и научно-опытного подтверждения результатов) и тождественности (допускает восприятие объектов или явлений в качестве интерсубъективно "тех же самых", т.е. тождественных во множестве восприятий). Введенное Брентано и развитое Гуссерлем понятие "интенциональность" было заложено в основание критического, относительно указанных выше установок, феноменологического подхода. Критичность понятия интенциональности основано на проблематизации отношения объекта и субъекта. Она предполагает их изначальную соотнесенность и несамодостаточность сознания, с необходимостью связанного с предметом, на который оно направлено. Тем самым преодолевается дуализм внешней, физической, и внутренней, психической, реальности, выражая многообразие опыта единой реальности и способов его полагания. Таким образом, мир выступает с необходимостью как коррелят сознания, то есть предстает как всегда осознанный каким-либо образом. Именно здесь напряженность в отношении презентации и Р. оказывается наиболее острой: восприятие объектов и явлений с необходимостью неадекватно, так как возможные способы явления объекта задаются не только как односторонние, но и так, как это предписывается Р. в процессе "нюансирования – проецирования" (Гуссерль). Однако феноменологический проект, проблематизируя методологические установки, исходил из принципиальной возможности исследования "чистого сознания" и постижения "презентации" сквозь феноменальность Р. Впоследствии М. Хайдеггер также анализировал отношение презентации и Р. с тем, чтобы вернуться к вопросу "о бытии" и присутствию как "несокрытости" посредством исследования оснований дискурса "присутствие". Акцентированные феноменологией проблемы дали толчок к тотальной ревизии принятых установок социального познания.

Таким образом, введение понятия "Р." не как служебного, а как одного из основных для понимания процесса познания, поставило под сомнение концепцию реальности как присутствия, на чем был основан метод позитивизма. Следовательно, презентация, понимаемая как наличное, присутствующее, непосредственно воспринимаемое, первичное, неискаженно представленная символическими средствами в Р., начинает рассматриваться как недоступная для анализа. Перенесение акцента рассмотрения на понятие Р. показыва-

ет, что познание всегда работало с ним, только понимая его как презентацию или уравнивая с ней. "Присутствие" в данном контексте может быть определено как такая Р., посредством которой происходит выражение и "явление" социального и природного мира. Реальность, понимаемая как доступная для познания только через призму ее возможных Р., задается из их различия между собой, в конечном итоге – через понятие "различие" как таковое. Получается, что любая Р. оказывается "подвешенной" и лишенной классического фундамента реальности – присутствия. В контексте проверки Р. презентацией это означает пересмотр дискурса "истины" и снятие оппозиции "истинное – ложное" через перевод рассмотрения отношений Р. только друг к другу. Р. не могут "схватить" истину, но могут быть более или менее адекватными. Является Р. адекватной или нет, зависит от того, расходится ли она с другими Р. или согласуется с ними. Отсюда возникает новая тематика и новая методология социального познания, связанная с исследованием языка, знака, знания, жизненного мира, конструирования социальной реальности, интерсубъективности и других феноменов, научный интерес к изучению которых был стимулирован интерпретацией понятия Р. как методологического принципа.

Наиболее ярко указанные методологические установки проявились в феноменологической концепции А. Шюца (см.) и проекте социологии знания П. Бергера (см.) и Т. Лукмана (см.) (1966). На основании исследования Шюцем повседневного жизненного мира Бергер и Лукман построили модель общества, которая может быть кратко охарактеризована как конструирование социальной реальности посредством Р., производимых в мире повседневности.

Исследование функционирования различных типов Р. в культуре и обществе традиционно отсылает к понятию "коллективных представлений" Э. Дюркгейма (см.). Именно французская школа социального познания внесла важный вклад в изучение этого феномена. В середине 1960-х С. Московичи (см.) разработал теорию социальных представлений, основываясь на символической (знаковой) и социальной интерпретации этого феномена, введя тем самым понятие Р. в широкий социологический и социально-психологический обиход. То есть вместе с определением "социальная" понятие Р. конституируется относительностью и связанностью с определенными социальными группами, что и позволяет использовать это понятие как ключевое для описания жизни традиционных и современных сообществ, где на передний план выходят проблемы их генезиса, трансляции и трансмутации в социальных процессах коммуницирования и действования. Эта проблематика соотносит исследование со свойствами обыденного практического мышления, обозначая социальные Р. как специфическую форму социально обусловленного познания, свойственную мышлению в повседневном жизненном мире.

Линия, задаваемая школой Московичи и социальным конструкционизмом К.Дж. Джерджена и Р. Харре, может быть противопоставлена линии интерпретации понятия "Р" в когнитивной психологии. Когнитивная психология считает понятие "Р." одним из центральных в своей теории, хотя его трактовку нельзя считать устоявшейся. Когнитивная психология исходит из четкого разделения знаний и Р. как постоянных структур и структур, связанных с обстоятельствами, но иногда сохраняется единый термин "Р." для знаний, верований и собственно репрезентаций. В любом случае "Р." исходит из значения замещения в противоположность референции. Р. рассматривается в рамках "информационной" метафоры ментальной деятельности (которая представляет собой попытку преобразовать и усложнить исходную схему "стимул – промежуточная переменная – реакция") и раскрывается в основном на уровне индивидуального сознания как конструкция, построенная в конкретном индивидуальном контексте для специфических целей (например, решения задачи), по определению Ж.Ф. Ришара.

Напротив, социальный конструктивизм понимает ментальные процессы как результат межличностного символического взаимодействия. Понятие "Р." интерпретируется как ментальное образование, имеющее прежде всего социальное происхождение. Информационная метафора когнитивизма рассматривается как не дополняющая теорию социальных смыслов, а как являющаяся частью и результатом социального творчества в конкретных исторических и культурных обстоятельствах. Социальный конструктивизм исходит из фиксации кризиса Р., возникшего вследствие традиционного представления об истинности – ложности когнитивных Р., основанных на соотношении с "объективной реальностью" и логико-эмпиристских представлениях об объективности научного знания. Оформляясь как антирепрезентационизм (в традиционном понимании Р.) и антиэмпиризм, социальный конструкционизм вбирает в себя понимание языка как языка мотивов, связанных с положением в социальной структуре и структуре власти (исследования по идеологии), также как и идеи деконструкции понятия "присутствие", основываясь на несубстанционалистском толковании понятия Р. Таким образом, толкования Р. в феноменологической и психологической традиции пересекаются и согласуются на основании конструктивизма в понимании социальных феноменов.

Дальнейшее исследование проблематики Р. продемонстрировало недостаточность конструктивистского решения. Конструктивизм не позволяет провести четкое различение структур (объективированные результаты социального конструирования) и действий (актуальные практики), а также прояснить механизмы опосредования между этими двумя феноменами, что и относит их к онтологически разным областям явлений. В проекте Бергера и Лукмана происходит своеобразная "экспансия" повседневности, которая принимает на себя роль невозможного (так как методологическая установка заключается в равном статусе всех возможных Р.) "естественного центра" Р., относительно которого производятся определения социальной реальности и который задает все другие реальности, исходя из различия с собой.

Инициирусмая понятием Р. проблема соотношения объективных структур и субъективных практик обретает иное решение при привлечении постструктуралистской концепции полей П. Бурдье (см.). Посредством введения понятий "поле", "позиция", "габитус" Бурдье "децентрирует" Р., освобождая их производство от непосредственной связи с повседневным жизненным миром. Р. фиксируются как таковые и соотносятся с позициями агентов в структурированном социальном пространстве (поле), специфические характеристики которого накладывают ограничения на производимые в данном поле Р. Сохраняя тезис о конструировании соци-

альной реальности в процессах номинирования социальных объектов, концепция полей показывает, что натурализация социальных Р., т.е. их приведение к форме презентации является необходимым условием производства конкретного дискурса в каком-либо поле.

Существующие значения понятия "Р." в сжатом виде могут продемонстрировать множественность способов и уровней его употребления. Понятие Р. в данном контексте охватывает три основных значения: представление или образ, репродукция презентации или повторение, замещение. Во-первых, Р. как представление и есть собственное место идеальности. Во-вторых, Р. с необходимостью участвует в структуре повторения: означающее должно быть узнаваемым, но, т.к. достижение идеальной идентичности нереально, "простой" акт повторения одного и того же заменяет презентацию Р. Сохранение (условие "научности") дискурсов тождественности и идентичности, в которых факт определяется как равный себе, чем и задается возможность его "объективности", инициирует игру различия презентации и Р. Таким образом, второе занимает место первого и претендует на его статус в социальной онтологии. То есть Р., по определению опосредованные и сконструированные (представляют собой артефакт), занимают место презентации, по определению непосредственной и естественной. В-третьих, замещение как еще одна функция Р. вовлекает в процесс бесконечной Р., освещая неполное присутствие с различных сторон или перспектив. В определенном смысле разрыв отношения "презентация – Р. " уничтожает понятие Р. как таковое, т.к. определение Р. и ее значения в круге "бесконечной Р." переводит неоднородность презентации и Р. на уровень номинации феномена в качестве одного или другого. Перевод такого рода не только подрывает исторические корни и традицию употребления обоих понятий, основанных на принципиальном (различие онтологического статуса) разведении указанных феноменов, но и снимает само "различение" Р. и презентации. Снятие различения обращает "в ничто" (Деррида) саму Р., конституированную ее отличием от презентации.

Таким образом, если исторически первое толкование Р. соотносит это понятие с понятием знака, определяя и первое, и второе в модусе деривации как вторичные относительно присутствия, то и современная работа над этим феноменом соединяет судьбу Р. и судьбу знака. Деконструкция понятий "присутствие", "тождество" и "истина" помещает любое возможное определение в ситуацию "Р. круга". В такой ситуации наиболее естественный ход – к поискам абсолютной инаковости: бессознательного, избавленного от необходимости какой-либо презентации, или Другого, когда "присутствие" переходит в "присутствующего", или к балансированию на грани различия как различения.

С.А. Радионова

РЕСПОНДЕНТ (англ. respond – отвечать, лат. responsum – ответ) – участник социологического опроса, который отвечает на вопросы анкеты или интервью и является источником устной или письменной информации. Эквивалент – опрашиваемый, опрошенный.

Взаимодействие анкетера или интервьюера с Р. – важнейшая составная часть социологического исследования. При проведении анкетирования оно опосредовано анкетой: анкетер достаточно отстранен или вообще отсутствует (напр., при почтовом опросе), содержание и смысл вопросов интерпретируется самим Р. в зависимости от представлений и убеждений, сложившихся у него по поводу обсуждаемой проблемы. Р. самостоятельно формулирует ответ и отражает его в анкете. Интервью по сравнению с анкетированием имеет свою специфику. Оно протекает в условиях непосредственного контакта интервьюера (человека, который берет интервью) с Р. Интервьюер активно ведет беседу, задает вопросы, фиксирует полученные ответы. Он может давать пояснения по поводу вопросов при их непонимании Р., уточнять позицию Р., задавать дополнительные, конкретизирующие вопросы. Поэтому при подготовке к опросу необходимо предусмотреть вероятные ошибки восприятия и понимания Р. как обращенных к нему вопросов, так и личности самого анкетера (интервьюера) с тем, чтобы свести к минимуму негативные последствия этих ошибок (отказ от участия в исследовании, искажение информации в результате неадекватного восприятия (понимания) вопроса или психологических причин, связанных с дефектами межличностного общения и т.д.).

Предпринимаются попытки создания теории Р., охватывающей анализ таких проблем, как статус и роль Р. в структуре социологического исследования, психологические аспекты опосредованного (например, через анкету) или непосредственного взаимодействия исследователя и Р., типология Р. и т.д. Наличие такой теории существенно облегчило бы работу социолога, особенно на стадии формулирования вопросов и компоновки анкеты и бланка интервью, при подготовке информации к обработке, при анализе и интерпретации полученных данных.

В.А. Балцевич

РЕФЕРЕНТНАЯ ГРУППА – социальная группа (**см.**), которая служит для индивида (**см.**) своеобразным стандартом, системой отсчета для себя и других, а также источником формирования социальных норм (**см.**) и ценностных ориентаций (**см.**).

По выполняемым функциям различают нормативные и сравнительные Р.Г., по факту членства в группе – группы присутствия и идеальные, в соответствии с согласием или отрицанием индивидом норм и ценностей группы – положительные и отрицательные Р.Г.

Нормативная Р.Г. выступает источником норм, регулирующих поведение индивида, ориентиром по ряду значимых для него проблем. В свою очередь, сравнительная Р.Г. является для индивида эталоном в оценках себя и окружающих. Одна и та же Р.Г. может выступать как и нормативная и сравнительная.

Группа присутствия – это Р.Г., членом которой является индивид. Идеальная Р.Г. – это группа, на мнение которой индивид ориентируется в своем поведении, в оценках важных для него событий, в субъективных отношениях к другим людям, но в состав которой он по каким-либо причинам не входит. Такая группа бывает для него особо притягательной. Идеальная Р.Г. может быть как реально существующей в социальной среде, так и вымышленной (в этом случае эталоном субъективных оценок, жизненных идеалов индивида выступают литературные герои, исторические деятели далекого прошлого и др.).

Если социальные нормы и ценностные ориентации положительной Р.Г. полностью соответствуют представлениям о нормах и ценностях индивида, то система ценностей отрицательной Р.Г. при такой же степени значимости и важности оценок и мнения этой группы для индивида чужда и противоположна его ценностям. Поэтому в своем поведении он старается получить негативную оценку, "неодобрение" своих поступков и позиции со стороны этой группы.

Е.В. Щедриной разработана специальная экспериментальная процедура выявления Р.Г. – референтометрия. Она сводится к установлению и выявлению степени референтности членов группы для каждого входящего в него индивида, т.е. к определению круга лиц, мнение которых по ряду вопросов представляет особое значение для индивида.

В социологии и социальной психологии понятие "Р.Г." используется в основном для объяснения социально-психологических механизмов, участвующих в формировании в индивидуальном сознании установок ценностно-нормативной регуляции личности. В этом плане оно представляет интерес для социологических исследований, связанных с изучением эффективности педагогических и пропагандистских воздействий, т.к. умение находить и выделять Р.Г. существенно упрощает работу по изучению направленности личности и поиск путей целенаправленного влияния на ее формирование.

В.А. Поликарпов, Л.И. Науменко

РИМСКИЙ КЛУБ – международная общественная организация, объединяющая около ста предпринимателей, управляющих, политических деятелей, высокопоставленных служащих, доверенных экспертов, деятелей культуры, ученых из стран Западной Европы, Северной и Южной Америки и др. Свою деятельность Р.К. начал в 1968 со встречи в Академии Деи Линчеи в Риме. Первым президентом Р.К. стал вице-президент компании "Оливетти", член административного совета компании "Фиат" А. Печчеи. У Р.К. нет штата и формального бюджета. Координирует его деятельность исполнительный комитет в составе 8 человек. Изначально финансирующие деятельность Р.К. итальянская фирма "Фиат" и западногерманский концерн "Фольксвагенверк" были заинтересованы в систематическом анализе перспектив энергетической и сырьевой проблем, с которыми связаны возможности расширения рынков сбыта автомобилей. Но ученые: кибернетики, экономисты, социологи и др., привлеченные для разработки этих прогнозов, – в своих отчетах охватывали более широкий круг вопросов, связанный с глобальными проблемами.

Из вышеуказанного следуют и основные цели, которые поставили перед собой деятели Р.К.: 1) дать обществу методику, с помощью которой можно было бы научно анализировать "затруднения человечества", связанные с физической ограниченностью ресурсов Земли, бурным ростом производства и потребления – этими "принципиальными пределами роста"; 2) донести до человечества тревогу представителей Р.К. относительно критической ситуации, которая сложилась в мире по ряду аспектов; 3) подсказать обществу, какие меры оно должно предпринять, чтобы "разумно вести дела" и достичь "глобального равновесия".

Создатели Р.К. задумывали его как некий форум, представляющий самые разные взгляды и мнения, где нет или не обязательна единая точка зрения. Р.К. организует и проводит ежегодные конференции и обращается к общественности с так называемыми "докладами Р.К.". Доклады эти готовят независимые рабочие группы, исследующие по заказу Р.К. критические аспекты складывающейся в мире ситуации. Заказ Р.К. определяет лишь тему и гарантирует финансирование научных исследований, но ни в коем случае не влияет ни на ход работы, ни на ее результаты и выводы; авторы докладов, в том числе и те из них, кто входит в число членов Р.К., пользуются полной свободой и независимостью. Работы финансируются не из средств Р.К., который располагает весьма скромным бюджетом, а из внешних источников, обычно путем привлечения различных фондов. Получив готовый доклад, Р.К. рассматривает и утверждает его, как правило, в ходе ежегодной конференции, нередко в присутствии широкой публики – представителей общественности, науки, политических деятелей, прессы, а затем занимается распространением результатов исследования, публикуя доклады и проводя их обсуждение в разных аудиториях и странах мира.

В 1970 Дж. Форрестер разработал модели "Мир-1" и "Мир-2", включив в них население, производство сельскохозяйственной и промышленной продукции, природные ресурсы и загрязнение окружающей среды, и продемонстрировал членам Р.К. первые машинные прогоны этих моделей. Эксперимент произвел сильное впечатление, и помощнику Форрестера Д. Медоузу было поручено руководство дальнейшей работой. Медоуз возглавил международную группу исследователей, в которую, в числе других 17 исследователей, вошли жена Медоуза, биофизик; физик Ю. Рэндерс и инженер У.В. Беренс.

На основе моделей Форрестера была создана модель "Мир-3", и результаты исследования были опубликованы в 1972 под названием "Пределы роста" как первый доклад Р.К. "Человек, – говорилось в нем, – увидел пределы мировой системы и те ограничения, которые они накладывают на численность населения Земли и деятельность людей. Сегодня более чем когда-либо человек стремится все быстрее наращивать количество обрабатываемой и населенной земли, производства, потребления, затрат и пр., слепо веря, что среда его обитания выдержит подобную экспансию, что другие уступят ему место, что наука и техника уничтожат все препятствия на его пути. Мы хотим установить тот уровень, на котором стремление к росту остается совместимым с размерами нашей небольшой планеты и с основными потребностями формирующегося мирового сообщества от снижения социальной и политической напряженности до повышения уровня жизни каждого человека. Второй целью было помочь определить и исследовать основные факторы, влияющие на долгосрочное поведение мировой системы, и их взаимодействие. Мы уверены, что необходимой здесь суммы знаний получить нельзя, если концентрировать внимание, как это часто делается, на национальных системах и краткосрочном анализе. Мы не собирались создавать футурологический проект. Он должен был стать – и стал – анализом существующих тенденций, их влияния друг на друга, их возможных результатов. Наша цель – предупредить о мировом кризисе, который может возникнуть, если позволить этим тенденциям развиваться в том же направлении, и тем самым предложить внести изменения в политические, эко-

номические, социальные системы, чтобы исключить возможность подобных кризисов".

Доклад "Пределы роста", разошедшийся более чем в пяти миллионах экземпляров, положил начало целому ряду докладов Р.К., в которых получили глубокую разработку вопросы, связанные с экономическим ростом, развитием, обучением, последствиями применения новых технологий, глобальным мышлением. Результаты прогонов модели, представленные в первом докладе "Пределы роста", поразили мир и вызвали ожесточенные, долго не утихавшие споры и возражения специалистов, которые сочли модель неадекватной и неспособной отразить всю сложность мира и мировой проблематики, а заключения об опасностях экономического роста, получившие название концепции "нулевого роста", опасными и вредными. Неоднозначно отнеслись к первому докладу и сами члены Р.К.

Так, известного немецкого специалиста в области системного анализа Э. Пестеля, по его собственному признанию, уже при самых первых прогонах насторожило то, что "не было сделано ни малейшей попытки описать "мир", или, по крайней мере, пару "Север – Юг". "Когда же, – продолжает Пестель, – по моему настоянию такая попытка была сделана, оказалось, что метод "системной динамики" не годится для работы с региональной мировой моделью. Мир, рассматриваемый как монолитная целостность, приобрел не обобщенность, а однородность. Сама суть мировой проблематики – внутренняя противоречивость – оказалась искаженной".

Опираясь на многочисленные критические замечания и собственные соображения, касающиеся сложности глобальной системы, Э. Пестель и американский математик М. Месарович приступили к разработке иной модели мира на основе предложенной Месаровичем в конце 1960-х теории многоуровневых иерархических систем. Обосновывая свой подход, Месарович писал: "Чтобы надежно, достоверно и систематически охватить весь комплекс факторов, связанных с проблематикой, модель должна иметь иерархическую структуру, где каждый уровень иерархии отражает эволюцию мировой системы в контексте, сформированном определенным набором законов и принципов.

Среди этих уровней можно назвать геофизический, экологический, технологический, экономический, институциональный, социально-политический, культурноценностный и уровень биологии человека. Такой подход позволяет оптимально использовать подтвердившиеся научные знания и доступную фактическую информацию". В 1974 Месарович и Пестель, обобщив результаты прогонов модели, представили Р.К. второй доклад под названием "Человечество на перепутье", предлагающий в ответ на критику идеи "нулевого роста" концепцию "органического роста", согласно которой каждый регион мира должен выполнять свою особую функцию, подобно клетке живого организма. В основе идей "нулевого" и "органического" роста лежит именно стремление ограничить ту или иную форму роста и найти выход за счет разнообразия этих форм. То же устаревшее понимание определяет современную стратегию экологической защиты, торгового протекционизма, стихийные движения к патриархальным ценностям, национальной или расовой изоляции. Все это не снимает, а усиливает противоречия развития. Стратегии изоляции или противодействия не решают и не могут решить долговременных задач, возникших на современном этапе развития. Изоляция в современном мире попросту невозможна, а вместо противостояния придется выйти на новый уровень взаимодействия, признав объективную реальность, чтобы не "переделывать мир", а налаживать жизнь на этом новом уровне. Другими словами, вместо поисков способов защиты от негативных последствий процессов, происходящих в старой структуре, надо пытаться перейти к новой структуре "кооперативного" взаимодействия, когда новые процессы станут одним из источников будущего развития. Первые доклады, особенно "Пределы роста" с его всемирным резонансом, дали мощный толчок работам в области глобального моделирования, развернувшимся в 1970-е. Однако с разработкой все новых и новых моделей они привлекали все меньше и меньше внимания общественности, становясь узкой сферой деятельности и интересов специалистов.

Р.К. прислушался к многочисленным упрекам в "техницизме" и стал искать более широкие подходы к глобальной проблематике. К тому времени уже высказывалась серьезная озабоченность состоянием мировой валютной системы, испытавшей настоящий шок в конце 1960-х – начале 1970-х, когда по разным странам мира прокатилась волна инфляции, а также мировой торговли в рамках ГАТТ, вызывавшего все большее недовольство развивающихся стран. Эти проблемы стали предметом обсуждения в ООН, к которому был привлечен и Р.К. Высказанные в ходе дискуссии предложения не удовлетворили его членов, и было решено организовать разработку собственного проекта перестройки структуры мировой экономики. Вскоре проект получил более общее название – "Пересмотр международного порядка", поскольку, по общему мнению, ставя акцент на экономических проблемах, нельзя оставлять в стороне социально-политические вопросы. Руководство рабочей группой взял на себя известный нидерландский экономист, лауреат Нобелевской премии Я.Тинберген. Позже он так сформулировал свои задачи: "Признавая важность принятых ООН резолюций и Хартии экономических прав и обязанностей государств, но сознавая в то же время неопределенность и спорность многих их положений, доктор Печчеи предложил мне создать и возглавить группу специалистов, способных ответить на вопрос: можно ли предложить руководителям и народам стран мира такой новый порядок, который позволит реально и наиболее полно удовлетворить основные потребности сегодняшнего дня и, возможно, нужды будущих поколений".

Третий доклад Р.К. "Пересмотр международного порядка" был опубликован в 1976. Он существенно отличался от двух первых докладов – здесь не применялась специальная научная методология, выдвигались конкретные рекомендации, касающиеся принципов поведения и деятельности, основных направлений политики, создания новых или реорганизации существующих институтов, чтобы обеспечить условия для более устойчивого развития мировой системы. Ожидалось, что доклад РИО, как его сокращенно называли по английской аббревиатуре (Reshaping the International Order), будет иметь значительное политическое звучание. Одна из основных идей доклада – идея взаимозависимости, мысль о том, что неразрывные связи между поступками и делами всех людей на Земле не позволяют действовать только ради собственной выгоды. Главной целью мирового

сообщества его авторы назвали обеспечение достойной жизни и умеренного благосостояния всех граждан мира. По их оценкам, в 1970-е средний доход самых обеспеченных слоев мирового населения был в 13 раз выше среднего дохода беднейших слоев; разрыв же между самыми высокими доходами наиболее развитых стран и самыми низкими наиболее отсталых оказался во много раз больше. Чтобы сблизить средний уровень доходов в мировом масштабе, доклад рекомендовал развитым и развивающимся странам принять разные темпы среднегодового роста доходов на душу населения, а именно: чтобы при росте доходов в развивающихся странах на 5 процентов в год развитые страны оставались на прежнем уровне. Для этого необходимы кардинальная перестройка властных структур во всем мире и во всех областях (технической, экономической, политической, военной), новая практика международных отношений, институциональной деятельности, рыночной системы и многое другое. В заключительной части доклада Э. Мани-Боргезе, принимавшая участие в его разработке, редактор Британской энциклопедии, политолог, писала: "Пороки общества потребления", на мой взгляд, скорее следствия, чем причины трудностей, с которыми сталкиваются некоторые благополучные страны... Причины потребительского образа жизни, гонки вооружений, злоупотреблений технологией и неоколониализма кроются во внутренней и внешней политике, во властных структурах: военно-промышленно-научном комплексе, в "корпоративном обществе". Это структурные "и в глубоком смысле политические причины. Мне представляется приоритетной задача погасить их негативное влияние. Все остальное приложится". Новую идеальную социальную организацию людей третий доклад Р.К. назвал "гуманистическим социализмом", обеспечивающим равные возможности внутри и между странами, основываясь на универсальных человеческих ценностях. От третьего доклада ждали многого, но надежды не оправдались – время для его появления было упущено: состоялась дискуссия в ООН, были опубликованы посвященные тем же вопросам доклады "комиссии Пирсона", сформированной по инициативе Мирового банка и министра обороны США Р. Макнамары, и "комиссии Брандта", рекомендовавшей пересмотреть кредитную систему и наладить более тесное взаимодействие между частными банками, правительственными органами, институтами ООН, Мировым банком, Международным валютным Фондом, внеся в соглашения ГАТТ изменения в пользу развивающихся стран. Доклад РИО прошел практически незамеченным, и глубоко задетые этим члены Р.К. приступили к разработке новой стратегии своей деятельности.

Следующий этап в деятельности Р.К. отмечен переходом от количественного анализа глобальных проблем к качественному анализу человеческого бытия, системы целей и ценностей. На первый план вышла концепция "нового гуманизма", идея о первостепенном значении личных человеческих качеств, которые обеспечат "человеческую революцию", "революцию сознания" и преображение общества.

Все эти понятия появились в опубликованном в 1977 докладе под названием "Цели для человечества". Основой для него стала концепция глобальной солидарности, путь к которой откроют "революция мировой солидарности", перестройка сознания, формирование нового "глобального этноса", когда нормы поведения человека и нормы государственной политики будет определять "новый стандарт гуманизма". Чтобы начать "революцию мировой солидарности", необходимо было, по мнению авторов, сформулировать цели мирового развития и познакомить с ними широкую общественность. Рабочая группа под руководством профессора философии, системных наук и политологии Э. Ласло проанализировала на национальном и транснациональном уровнях "атлас целей" различных регионов, стран, церквей, многонациональных корпораций, ООН, других международных организаций, опросив максимально возможное число представителей самых разных сфер и направлений человеческой деятельности, и выдвинула четыре глобальные цели. Это: 1) глобальная безопасность – прекращение гонки вооружений, исключение войн и конфликтов, отказ от насилия; 2) решение продовольственной проблемы в глобальном масштабе – ликвидация голода, создание мировой системы, позволяющей удовлетворить потребности в продовольствии всех людей на Земле; 3) глобальный контроль за использованием энергетических и сырьевых ресурсов – разработка рационального и экологически безопасного энергопользования, контроль над технологией, экономически эффективное природопользование; 4) глобальное развитие, ориентированное на качественный рост, а именно – повышение качества жизни, социальная справедливость в распределении материальных и духовных благ. Авторы доклада попытались предложить и несколько практических сценариев "революции мировой солидарности". В одном из них главная роль отводится религиозным общинам и интеллектуальным группировкам, которые, осознав кризисную ситуацию, оказывают воздействие на национальную политику и народные массы: проповеди и научные дискуссии, провозглашая, утверждая новые цели и ценности, влияют на мировосприятие людей и сплачивают их, в то же время вынуждают действовать правительства и финансово-промышленные круги. В другом предполагается, что политические лидеры, правительственные круги организуют обсуждение насущных проблем, привлекая к ним внимание ученых и религиозных деятелей, которые с помощью средств массовой информации воздействуют на общественность, побуждая людей изменить способы потребления, что, в свою очередь, влияет на бизнес. Или – в иной последовательности: правительство обращается к бизнесменам с призывом проводить необходимые реформы, бизнесмены вступают в контакт с религиозными деятелями и влиятельными представителями науки и культуры, обладающими авторитетом в глазах общественности. Ученые, религиозные деятели, представители деловых кругов одной страны могут повлиять на своих коллег в других странах, после чего можно будет "всем миром" рассмотреть критические проблемы и выработать общие пути решения. В то же время шла работа над серией докладов, посвященных отдельным наиболее важным аспектам мировой проблематики.

Одновременно с докладом группы Ласло в 1976-1978 разрабатывался проект под названием "За веком расточительства", более детально рассматривающий затронутую в "Пределах роста" проблему природных ресурсов. Коллектив исследователей возглавили известный британский физик Д. Габор, удостоенный в 1971 Нобелевской премии за изобретение голографии, и итальянский специалист в области управления У. Коломбо. Была сделана попытка исследовать

мировой научно-технический потенциал, выявив возможности его использования для решения энергетических, сырьевых и продовольственных проблем. Доклад утверждал, что современный уровень развития науки и техники позволяет решить практически все проблемы, связанные с дефицитом сырья, ресурсов, энергии и продуктов питания, что пределы экономического роста, возникновение и обострение глобальных проблем обусловлены недостатками социально-политических механизмов и институтов и, чтобы обеспечить дальнейшее поступательное развитие цивилизации, необходимо построить "зрелое общество" с высоким качественным уровнем жизни для людей Земли при условии их разумного отношения к природе.

В 1979 появились сразу два доклада Р.К.: "Энергия: обратный счет", подготовленный французским исследователем, профессором Национальной школы искусств и ремесел Т. Монбриалем и предупреждавший о возможности "второго энергетического кризиса", и "Нет пределов обучению", подготовленный под руководством американского специалиста в области образования Дж. Боткина, ученого из Марокко М. Эльманджры и профессора Бухарестского университета М. Малицы.

К этой серии докладов можно причислить и более поздний проект "Будущее Океанов", завершенный в 1984 под руководством Э. Манн-Боргезе. В докладе "Нет пределов обучению" основными целями человечества названы выживание и обеспечение человеческого достоинства. Возможность трансформации мира, по мнению авторов, открывает концепция "инновационного обучения", под которым понимается не только школьное, университетское или профессиональное образование, но и широкий общий подход к жизненному поведению и мировоззрению человеческой личности, основанный на "человеческой инициативе". Воспитание, развитие сознания человека должно быть "превосходящим" вместо нынешнего "запаздывающего", которое неспособно вести человека в ногу со временем, а лишь адаптирует его к уже случившемуся. Авторы доклада призвали строить будущее, срывая с него налет непроницаемости, предложили обучать людей адекватному поведению перед лицом новых ситуаций, предвидению будущего, оценке последствий принимаемых решений, активному участию в формировании будущего. Человек должен участвовать в общественной жизни так, чтобы было обеспечено органическое сочетание прав личности и ее ответственности за судьбу человечества, свободное развитие каждого и интеграция всех людей в единое сообщество в условиях глобального сотрудничества, основанного на гуманистических ценностях.

В 1980-е появляются доклады Р.К., объединенные одной широкой темой, постоянно заботившей его членов, – проблемой взаимоотношений между Севером и Югом, разрыва между развитыми и развивающимися странами. Это работы сотрудника Министерства национальной экономики Франции М. Гернье "Третий мир – три четверти мира" (1980); "Императивы сотрудничества между Севером и Югом" (1981) Ж. Сен-Жура, директора Департамента экономического прогнозирования Министерства финансов Франции; "Третий мир способен себя прокормить" (1984) Р. Ленуара и "Босоногая революция" (1988) Б. Шнайдера. Гернье анализирует исторически сложившиеся пути экономического и культурного развития стран Азии, Африки и Латинской Америки и предлагает альтернативные направления, предусматривающие возможность самообеспечения развивающихся стран, для чего, по мнению автора, необходима реорганизация сельского хозяйства на принципах децентрализации. В "Босоногой революции" рассматриваются практические результаты нескольких малых проектов, осуществленных в странах Азии, Африки и Латинской Америки различными исследовательскими рабочими группами. Предлагается перейти от микропроектов к интегрированным программам развития, разработанным с учетом глобальной перспективы, и проводить эти программы через прекрасно зарекомендовавшие себя в ходе уже осуществленных проектов неправительственные организации. Это, в сущности, новый подход к развитию: инициатива переходит от Севера к Югу; приоритетным для политики становится удовлетворение потребностей сельского населения; больше внимания уделяется не импорту – экспорту продовольствия, а его местному производству и потреблению. "Босоногой революцией" Шнайдер называет процессы, происходящие сегодня в развивающихся странах. Это, по его мнению, мирная, ненасильственная революция, не связанная с политическими партиями и идеологическими структурами, но способная перерасти либо в плодотворное политическое движение, либо в анархический разрушительный процесс в зависимости от того, какие силы умеют ей воспользоваться.

Опубликованный в 1980 доклад "Маршруты, ведущие в будущее", автором которого стал директор Международного института управления Б. Гаврилишин (США), вновь вынес на обсуждение модель будущего мирового порядка, основанного на сосуществовании различных культур, религий, образов жизни, на коллегиальном руководстве, представительной демократии на высоком уровне и прямой на более низких. В своих рассуждениях Гаврилишин опирался на три, на его взгляд, основных качества человека: 1) способность накапливать знания и опыт, обмениваться информацией, связанной с формированием будущего, а также творческие возможности и интуицию, позволяющие делать неожиданные открытия, глубоко познавать окружающее; 2) способность организовывать личную и общественную жизнь во всех ее разнообразных аспектах; 3) способность руководствоваться ценностными представлениями, для осуществления которых необходимы определенные условия. Проявление этих качеств, по мнению Гаврилишина, тесно связано с эффективностью общества, поскольку доминирующая в государстве система ценностей определяет систему норм поведения, закрепленную в идеологии, юридических и моральных кодексах; организационные способности человека, подчиняющиеся ценностям и нормам поведения, выражаются в политическом руководстве обществом и позволяют создать другой ключевой элемент общественного строя – экономическую систему; наконец, способности человека к обучению и изобретательству порождают еще один ключевой элемент – технологию. По Гаврилишину, с течением времени ключевые компоненты общественного строя: система ценностей, политическая, экономическая и технологическая системы – изменяются, причем разными темпами: система ценностей очень медленно, устойчивостью отличается и политическая система, тогда как технология в последнее время развивается с огромной скоростью. Когда

одни элементы начинают изменяться, а другие стремятся стоять, возникают кризисные явления, продолжающиеся до тех пор, пока не возникнут новые ценности и нормы поведения. Легче всего внести изменения в экономическую систему, скажем, перейти от свободной торговли к регулируемому рынку, но попытки изменить систему политическую, как правило, наталкиваются на серьезное сопротивление. В пример Гаврилишин приводит три системы ценностей в трех государствах – США, СССР и Японии. Понятие индивидуальной конкуренции породило определяющую политическое руководство США идею противодействия – парламентарную демократию с разделением законодательных, исполнительных и юридических органов, а также основанную на свободном предпринимательстве экономическую систему. Но неограниченная свобода конкуренции и предпринимательства, по Гаврилишину, более не способна обеспечить эффективность общественного строя. Советское государство провозгласило принципы равенства и коллективизма. Вкладывая в общий фонд "по способностям", советский человек принял политическую власть, действующую в отсутствии какой-либо официальной оппозиции, и централизованную экономическую систему. На практике ее эффективность оказалась очень низкой, несмотря на обеспеченность страны ресурсами, запасы плодородных земель и потенциал квалифицированной рабочей силы. И, наконец, Япония, где преобладают ценности и нормы группового сотрудничества, корни которого в единомыслии и согласии внутри семьи, основанной на строгих принципах патернализма. В политической системе представители различных слоев общества, придерживающихся разных взглядов, участвуют в процессе принятия решений, отыскивая единую точку зрения и разделяя ответственность за последствия. Гаврилишин утверждает, что принципы группового сотрудничества живут в любом обществе, хотя часто либо дремлют, либо остаются в пренебрежении в атмосфере лихорадочной конкуренции. Если пробудить их, то во всем мире в конце концов установится общественный строй, основанный на этих ценностях, который, конечно, обретет разные институциональные формы в разных государствах, соответственно их историческому опыту, уровню развития, масштабам, качеству человеческих и материальных ресурсов.

Несколько особняком в ряду докладов Р.К. стоят доклады О. Джарини "Диалог о богатстве и благосостоянии" (1980), а также доклад "Микроэлектроника и общество" (1982), представляющий собой сборник статей. В первом из них видный итальянский экономист Джарини проводит глубокий анализ современных экономических тенденций и обращается к мышлению, породившему нынешнюю экономическую систему. Он предлагает пересмотреть понятия "богатство" и "благосостояние", задуматься о способах потребления и создать новую концепцию экономики, представляющую собой синтез экономики и экологии, найти новую стратегию накопления богатства и достижения благосостояния, опираясь на эколого-экономические ценности.

В докладе "Микроэлектроника и общество: на радость или на горе", составленном польским философом А. Шаффом и западногерманским ученым Г. Фридрихсом, на большом фактическом материале рассмотрены различные аспекты компьютеризации мира и вторжения микропроцессоров во все сферы жизни общества, особенно в промышленное производство, информационное обеспечение и образование. Авторы выявили двойственные последствия микроэлектронной революции, которая, с одной стороны, открывает возможности для повышения производительности труда и эффективного обмена информацией, развития экономики услуг, а с другой ведет к массовым увольнениям в традиционных отраслях промышленности, к усилению контроля над людьми и давления на них с помощью электронных досье и, в конце концов, к роботизации человека. Исследователи видели свою задачу в том, чтобы поставить проблемы и призвать к их осмыслению и решению.

Со смертью в 1984 А. Печчеи Р.К. прошел пик популярности, что в немалой степени обусловлено академическим характером его исследования. На повестке дня вопрос о переходе от "хорошо понятой тревоги" к научно-практической деятельности по рационализации взаимодействия человечества с окружающей средой. Все большую известность приобретает Институт экотехники – неправительственная организация клубного типа (председатель М. Нельсон), учрежденная группой энтузиастов в 1969, которая с 1976 проводит конференции в поместье "Ле Марронье" близ города Экс-ан-Прованс во Франции. Генезис парадигмы Института экотехники обусловлен нуждами практической космонавтики в создании искусственных биосфер. Естественным следствием опыта конструирования биосфер с заданными свойствами стало стремление обогатить и улучшить Биосферу-I. Накопленный опыт был осмыслен на основе учения о ноосфере. В интерпретации Института экотехники суть ноосферы – гармоничный синтез биосферы и техносферы. Под техносферой понимается "глобалтех" – вид культуры, имеющий ареалом распространения планетарный рынок. С точки зрения биосферной культурологии факт экспансии "глобалтеха" в космос означает, что экологическое равновесие достижимо лишь при выходе за пределы Биосферы-I. Ареалом экологически устойчивого "глобалтеха" является космос, в котором техносфера воспроизводит свое иное – Биосферу-II. Открытие космоса для биосферного митоза и порождение множества конкурирующих биосфер означает превращение ноосферы в фактор эволюции Вселенной.

Важное место среди докладов Р.К. занимает доклад Э. Пестеля "За пределами роста", который был сделан в 1987 в Ганновере. В нем обсуждаются актуальные проблемы "органического роста" и перспективы возможности их решения в глобальном контексте, учитывающем как достижения науки и техники, включая микроэлектронику, биотехнологию, атомную энергетику, так и международную обстановку. В 1988 он был издан почти одновременно в Москве и Париже. В нем обсуждались актуальные проблемы "органического роста" и перспективы возможного их решения в глобальном контексте, с учетом как достижений науки и техники, так и международной обстановки. Автор доклада приходит к выводу, что "дух ответственности должен и может пройти сквозь все местные государственные и региональные границы, чтобы люди, на деле обученные решать свои местные проблемы, были духовно и практически подготовлены к решению проблем, затрагивающих наше глобальное всемирное достояние – океаны, внешнее пространство, воздух, которым мы дышим, и главное, чтобы вооружить людей для борьбы с опасностью, угрожающей их ду-

ховному и моральному богатству – человеческим ценностям, к которым относится осознание своих обязанностей и своих прав, терпимость и уважение к разным верам и разным расам, и, наконец, но не в последнюю очередь, к нашему социальному и культурному наследию – основе дальнейшего социального и культурного прогресса. Именно здесь лежит главная возможность открыть перед миром дорогу к органическому росту и развитию". Посвященный памяти А. Печчеи – основателя и первого президента Р.К. – доклад как бы подводит итоги пятнадцатилетним дебатам о пределах роста и делает вывод о том, что вопрос заключается не в росте как таковом, а в качестве роста.

После выхода в свет работы Э. Пестеля "За пределами роста" Р.К. на своих встречах в Москве и позднее в Испании пришел к выводу, что, сохраняя ставшую традиционной систему докладов, адресованных Р.К., следует попытаться выступить впервые с докладом от имени самого Р.К., отражающим общую позицию его членов. Окончательное редактирование этого доклада было поручено А. Кингу и Б. Шнайдеру. Таким образом, книга "Первая глобальная революция" практически является отчетом Р.К. за почти 25 лет деятельности. Этот доклад был подготовлен в 1990, переведен на русский язык и издан в Москве в 1991. Авторы доклада провели системный анализ деятельности Р.К., обобщили материалы докладов, представленных Р.К., проделали громадную исследовательскую работу и на этой основе предложили программу действий для решения мировой проблематики. В этом докладе Совет Р.К. снова и снова обращается к произошедшим в последнее время в мире переменам и дает характеристику нынешнего состояния глобальной проблематики в контексте новой ситуации в международных отношениях, возникших после окончания долгого противостояния Востока и Запада; новой экономической ситуации, складывающейся в результате создания новых блоков, появления новых геостратегических сил; новых приоритетов в "традиционном" наборе глобальных проблем (развитие, народонаселение, окружающая среда, ресурсы, энергетика, технология, финансы и т.д.).

В первом собственном докладе Р.К. предлагает новое понятие – "разрешение" ("resolutique") – и продолжает насущно необходимое обсуждение новых нормативных общественных ценностей; взаимодействия культур, болезней и пороков общества, судеб демократии, переходных процессов в разных регионах мира, проблем управляемости и управления глобальными процессами. Некоторые из этих проблем уже получили дальнейшую разработку на конференциях Р.К., прошедших за последние годы, и нам остается ждать следующих его работ, обращенных в будущее. В свое время Р.К. стимулировал международную дискуссию, достигшую беспрецедентного размаха. Наблюдая за бесчисленными симпозиумами, совещаниями и конференциями, мы поняли, что нельзя обсуждать проблемы, не говоря об их практическом решении. Глобальный подход требует взаимосвязанных глобальных действий на всех уровнях общественной структуры, взаимосвязанных решений с учетом глобальной перспективы. Поэтому ответом на мировую проблематику должна стать новая методология, вернее – новый действенный и целенаправленный анализ, который предлагает Р.К., называя его "путями решения мировых проблем". Его разработка, пропаганда и применение – наш долг. Мы должны искать выход из сложных положений, который не может найти государственная и международная бюрократия, стимулировать социальные и гуманитарные нововведения, оказавшиеся в положении "бедных родственников" рядом с техническими инновациями. Мы не предлагаем одновременно решать все глобальные проблемы, что было бы невозможно, но считаем необходимым одновременно воздействовать на их основные факторы. Огромное значение в этом плане имеет проведенная Р.К. в Москве конференция "Устойчивое будущее России".

Под эгидой Р.К. было подготовлено свыше 20 докладов, большая часть которых получила всемирную известность, составив серию бестселлеров по глобальной проблематике. Подобная судьба постигла и последний доклад Р.К., который полным изданием был опубликован в 1997 на английском языке под названием "Фактор 4: в два раза больше богатства из половины ресурсов. Новый доклад Р.К. (авторами его являются Э. фон Вайцзэккер, А. Ловинс, Х. Ловинс). В этом докладе заявлена готовность решить вопросы, поставленные в предыдущих работах Р.К., прежде всего в первом докладе "Пределы роста". И хотя многие из высказанных предложений не являются бесспорными, основная идея этого доклада вызвала небывалый интерес во всем мире. Ее суть состоит в том, что современная цивилизация достигла уровня развития, на котором рост производства фактически во всех отраслях хозяйства способен осуществляться в условиях прогрессирующей экономики без привлечения дополнительных ресурсов и энергии. Человечество "может жить в два раза богаче, расходуя лишь половину ресурсов". О популярности этих идей свидетельствует хотя бы тот факт, что подготовительные материалы доклада за два года были переведены более чем на 10 языков. Основная деятельность Р.К. сегодня направлена на разработку идеи о необходимости экономного расходования имеющихся ресурсов.

Г.А. Круглова

РИСМЕН (Riesman) Дэвид (р. 1909) – американский социолог, юрист и социальный психолог. Доктор социальных наук. Профессор университетов в Буфалло (1937-1941), Чикаго (1946-1958) и Гарварде (с 1958). Под влиянием психоаналитических ориентаций осуществил цикл исследований общественной психики и культуры США. Разработал концепцию типов личности и социальных характеров (в том числе и их эволюции).

Р. полагал, что основные типы характеров соответствуют трем типам общественного устройства. К основным относил три типа характеров: 1) традиционно-ориентированный (на следование своей группе), 2) изнутри-ориентированный (атомистический и динамический), 3) извне-ориентированный (подверженный внешним влияниям, стандартизации, бюрократизации и космополитическим ориентациям). Подробно исследовал "автономную личность" как выразителя позитивного социального характера, ориентированного на свободу, культуру и рациональные цели. Сотрудничал с Э. Фроммом (**см.**). Изучал явление отчуждения (**см.**) и содействовал осознанию важности и популяризации данной проблемы. Автор книг "Толпа одиноких: исследование изменений американского характера" (1950,

совместно с Н. Глэйзером и Р. Денни), "Лица в толпе" (1952) и др.

В.И. Овчаренко

РИТУАЛ (лат. ritualis – обрядовый, ritus – торжественная церемония, культовый обряд) – одно из основных понятий этнологии и культурной антропологии, позволяющее адекватно отобразить своеобразие человеческого поведения в "далеких" культурах (прежде всего архаических и традиционных). В первом приближении Р. может быть определен как священнодействие, основанное на наделении вещей особыми (символическими) свойствами.

Традиционной философией культуры Р. трактовался как несущественное для достижения практического результата "обрамление" здравого технологического рецепта, порожденное дефицитом позитивных знаний и заменой подлинных причин вымышленными. Однако современное историко-культурное исследование, реконструирующее специфические типы человеческого поведения, исходя из ценностных оснований самих изучаемых культур, меняет местами привычное соотношение ритуального и прагматического: в "далеких" культурах Р. оказывается лежащим в основе повседневной трудовой деятельности человека. Такая позиция ставит вопрос о специфической целесообразности Р. Сравнительно легко фиксируются его внешние функции – социальная и психологическая: Р. служит средством интеграции и поддержания целостности человеческих коллективов (Малиновский – см., Дюркгейм – см.), а также снимает психологическое напряжение и гармонизирует человеческую психику (Юнг – см.). На имманентную целенаправленность ритуальных действий указывает семантика языковых обозначений Р., свидетельствующая о близости двух основных значений – "священнодействие" и "порядок Р." – это священнодействие, связанное с установлением или поддержанием вселенской и социальной упорядоченности.

В частности, социальный опыт архаических коллективов может быть представлен как чередование двух основных состояний: а) жизнедеятельности в упорядоченном и стабильном космосе, священные центры которого обеспечивают надежную защиту от сил хаоса, вытесненных за границу обустроенного мира; б) периодической хаотизации космоса при прохождении им критических точек своего существования (фазы "структуры" и "коммунитас", по В. Тэрнеру). Временная бесструктурность мира, обнаруживающаяся в архаическом празднестве, продуктивна – она обеспечивает обновление могущества сакральных объектов. Формой обязательного человеческого участия в праздничном обновлении мира и является архаический Р. Он начинается с действий, подчеркнуто противоречащих общепринятым нормам (погружая тем самым "состарившийся" космос в плодотворный хаос), и затем последовательно восстанавливает исконный порядок вещей. Архаический Р. представляет собой синкретическое действо, к которому восходят в своих истоках более поздние специализированные формы деятельности (производственно-экономическая, военно-политическая, религиозно-культовая, художественная и др.). Религиозный культ отличается от архаического Р. этизацией сакральных объектов (богов), увеличением дистанции между людьми и богами, утверждением однотонно серьезного и торжественного их почитания.

Р. имеет первостепенное значение не только в архаических культурах, но и в традиционных обществах более позднего времени. Р. здесь связан не с праздничным разрушением-восстановлением, а с поддержанием уже прочно установленного порядка. Человеческое действие, определяясь следованием абсолютным образцам поведения, ритуализируется и вписывается в модель идеального равновесия космоса. Системы ритуализированного поведения, обеспечивая непрерывное воспроизводство сакрализованного порядка вещей, являются несущим каркасом традиционных культур. Современное общество, как правило, характеризуется нигилистским отношением к Р. и выдвижением на первый план утилитарно ориентированного действия автономного индивида. Исключением являются общества, связанные с расцветом в 20 в. "тотальных идеологий" (Манхейм) и основанные на вторичной – идеологической – ритуализации человеческого поведения. См. также: **Элиаде**.

В.Н. Фурс

РОБАСТНОСТЬ – см. **СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОЦЕНИВАНИЕ.**

РОДЖЕРС (Rogers) Карл Рэнсом (1902-1987) – американский психолог, известный практик и теоретик психотерапии, один из лидеров гуманистической психологии (феноменологическое направление). Основные сочинения: "Клиническое лечение проблемного ребенка" (1939), "Консультирование и психотерапия" (1942), "Центрированная на клиенте терапия" (1951), "Психотерапия и изменения личности" (1954), "Теория терапии личности и межличностных отношений" (1959), "Становление личности" (1961), "Карл Роджерс о группах встреч" (1970), "Партнерство" (1972), "Карл Роджерс о человеческих возможностях" (1977), "Способ бытия" (1980), "Свобода учиться: 80-е годы" (1983) и др.

Взгляд Р. на природу человека сформировался на основе его клинического опыта работы с людьми, имеющими эмоциональные расстройства и психологические проблемы. Причинность поведения человека он объясняет неким объединяющим, руководящим и единственным мотивом в жизни: тенденцией к актуализации, т.е. сохранением и развитием себя, максимальным выявлением лучших качеств своей личности, заложенных в ней от природы. Индетерминизм и нонконформизм личности рассматриваются Р. в качестве основы "феноменального" поведения человека. Такое поведение предполагает не столько осознание собственного несовершенства в реальном настоящем, сколько конструирование внутреннего мира, способного перестроить и приспособить систему своих жизненных планов под актуальное будущее. Целостность мотивационного конструкта выступает основанием как для психологической реальности (иная реальность, по мнению Р., человеком не воспринимается и не интерпретируется), так и самоопределения людей, которые естественно и неизбежно движутся в направлении большей автономности и зрелости. По Р., факт удовлетворения какой-либо потребности не выступает мотиватором поведения – потребность движет человеком, пока она не удовлетворена. Только в движении к саморазвитию, личностном росте, самореализации и стремлении стать полноценно функционирующей личностью заключается, согласно Р., сущность человеческого поведения.

Теория самости, "Я"-концепция Р. рассматривает стадии процесса психотерапии и становления человека: 1) "Я" закрыто для интерпретации; 2) "Я" формально интерпретируется; 3) свободный поиск интерпретаций о себе; 4) "Я" закрыто для настоящего; 5) "Я" открыто для настоящего; 6) "Я" непосредственно и открыто для опыта; 7) "Я" рефлексивно, в результате чего достигается формирование "внутреннего локуса оценивания", позволяющего самостоятельно осмысливать и реконструировать собственное "Я" в соответствии с реальным жизненным опытом. Пока несоответствие между "Я"-реальным и "Я"-идеальным не осознается, человек не испытывает тревоги и не нуждается в защите (защищается же такой человек не действием, а искажением интерпретации и отрицанием возникшего переживания). В противном случае переживание невозможности сохранить целостность "Я"-структуры приводит к психическим расстройствам. Поэтому "полноценно функционирующий человек", по Р., должен быть открыт для переживаний, жить полной и насыщенной переживаниями жизнью, доверять своим ощущениям, быть субъективно свободным и готовым к творчеству. Р. критически относился к результатам своих теоретических построений и признавал, что в своей психотерапевтической практике ему не удавалось подниматься выше четвертой стадии процесса самоосознания и личностного развития пациента.

Основным препятствием личностного роста Р. называет неготовность социального окружения поддержать стремления индивида к самоактуализации. Это привело Р. и его последователей к необходимости разрабатывать и заниматься популяризацией так называемых групповых поддерживающих методов и технологий: "группы встреч", "группы роста" и т.п. В организации психологической помощи Р. предложил терапию, "центрированную на человеке", когда взаимоотношения терапевта и человека, обратившегося за помощью, приобретают глубоко личностный контакт (эмпатический и качественный в профессиональном отношении), когда снимается несоответствие между переживанием и самостью человека, когда человек берет на себя ответственность за решение собственных проблем путем активизации творческого начала своего "Я". Влияние идей Р. на профессиональную психологию, на формирование терапевтических и образовательных стратегий очень велико. Идеи нашли применение в таких сферах, как социальная работа, уход за больными, семейное консультирование, взаимоотношения и развитие групп, образование. Со времен З. Фрейда (см.) никто не имел большего влияния на практику консультирования и терапии, чем Р.

Д.В. Ермолович

РОЗЕНШТОК-ХЮССИ (Rosenstock-Huessy) Ойген Мориц Фридрих (1888-1973) – немецко-американский христианский мыслитель, философ, историк, принадлежащий к духовной традиции диалогического принципа. Родился в либеральной еврейской семье, в 1906 пережил религиозный кризис и крестился. Рано и успешно начав академическую карьеру, Р.-Х. постепенно отошел от чисто теоретической деятельности, совмещая теоретические изыскания с сугубо практическими и организационными вопросами. Участвовал в Первой мировой войне в качестве боевого офицера, в 1919-1921 – главный редактор газеты автомобильного завода "Даймлер-Бенц" в Штутгарте, в 1921 основал и до 1923 возглавлял Рабочую Академию во Франкфурте-на-Майне, в 1925 избран вице-президентом Всемирной Ассоциации образования взрослых, в 1928-1930 организовывал добровольческие трудовые лагеря для совместного сельскохозяйственного труда рабочих, крестьян и студентов в условиях экономического и политического кризиса. Впоследствии этот опыт был перенесен Р.-Х. в США, куда он переселился в 1933 сразу же после прихода к власти в Германии нацистов. Эта и другие инициативы Р.-Х. послужили основой для создания американского "Корпуса мира". В 1934-1936 Р.-Х. имел профессуру в Гарвардском университете, а с 1936 и до выхода на пенсию в 1957 занимал должность профессора Дартмутского колледжа (г. Хановер, штат Нью-Хэмпшир). Р.-Х. – автор многочисленных статей и книг. Наиболее значительные среди них – монографии "Европейские революции и характер наций" (см.), "Социология" (см.), а также двухтомное собрание этапных статей за все время активной творческой деятельности "Язык рода человеческого" (1963-1964). Кроме того, многие лекции Р.-Х. в Дартмутском колледже были записаны его студентами на магнитную ленту и сейчас доступны и в виде фонограмм, и в виде распечатанных на бумаге текстов. Помимо христианства Р.-Х. испытал влияние различных духовных тенденций, прежде всего иудаизма, философии Гераклита, немецкой трансцендентально-критической философии конца 18 – первой трети 19 в., Фейербаха, концепции И.Г. Гамана, холизма и идей мыслителей, которых он называл "дизангелистами", т.е. "вестниками катастрофы", в противоположность "евангелистам" – носителям "благой вести", и которых резко критиковал – Дарвина, Маркса (см.), Ницше, Фрейда (см.).

Прихотливая и своеобразная мысль Р.-Х. с трудом поддается классификации и совершенно не вписывается в академические схемы. Свой стиль, противостоящий "систематическому" и "эссеистскому", Р.-Х. называл "постсистематическим" и "пост-афористическим", предполагающим наличие не "коллег", а "друзей". Характерной особенностью подавляющего большинства работ Р.-Х. является сочетание основательного исторического анализа с учетом состояния, тенденций и противоречий современной культуры. При этом фоном всех его исследований неизменно оказывается проблема условий совместного существования людей, равно как и условий выживания человечества. Вся концепция Р.-Х. после мучительных и длительных сомнений ее творца была названа им самим "социологией", хотя в ее рамках основы общепринятого понимания социологии стали объектом серьезной критики. "Социология" Р.-Х. и содержит суть его концепции, резко отличающейся от традиционных принципов философского дискурса и представляющей собой альтернативу постмодернистским образцам нетрадиционного мышления.

Историческая концепция Р.-Х. служила для него основой осмысления истоков и критики метафизики, во многом близкой позициям Хайдеггера. Однако в своей позитивной части эта критика радикально отличается от поздних хайдеггеровских проектов и связанных с ними постмодернистских моделей деконструкции, равно как и от принципов шизоанализа и ризоматики. Речь идет об особой, основанной на диалогическом принципе концепции преодоления

метафизики, в ряде пунктов сильно расходящейся даже с аналогичными концепциями других "диалогистов".

При жизни взгляды Р.-Х. были известны лишь немногим его друзьям и студентам, хотя и оценивались высоко такими "властителями дум" двадцатого столетия, как П. Тиллих (см.), Л. Мэмфорд (см.) и Х. Кокс. Концепция языка Р.-Х. оказала сильное влияние на выдающегося американского поэта У.Х. Одена, а через него, возможно, на И. Бродского. В целом Р.-Х. до сих пор остается маргинальным мыслителем, а его идеи проникают в современную гуманитарию главным образом через посредство его немногочисленных учеников и последователей. См. также: **"Социология" (Розеншток-Хюсси), "Европейские революции и характер наций" (Розеншток-Хюсси).**

А.И. Пигалев

РОЛС (Rawls) Джон (р. 1923) – американский философ, автор концепции неоконтрактуализма. Учился в Принстонском и Оксфордском университетах. Преподавал (до 1993) политическую философию в Гарвардском университете. Основные сочинения: "Теория справедливости" (1970), "Политический либерализм" (1993) и др.

Возродив традиции исследований в сфере политической философии, Р. утверждал, что для данной общественной дисциплины понятие "справедливость" должно обрести категориальный статус, сопоставимый с положением терминов "истина" для гносеологии и логики и "красота" для эстетики. ("Справедливость, по мысли Р., есть первая необходимость социальных институтов, как истина – для научной системы".) Акцентируя свое внимание на политическом (а не метафизическом) измерении "справедливости", Р., тем не менее, ясно построил границы для всех соответствующих концепций рационалистического типа. По своему характеру теория "справедливости" Р. явно противопоставлена моделям утилитаризма. По убеждению Р., утилитаристское стремление к наибольшему благосостоянию для наибольшего числа людей необходимо ведет ко всевозрастающей зависимости индивида от общества. А такое положение дел, когда один человек является заложником другого или социального большинства, с точки зрения Р., недопустимо. Одним из опорных пунктов построения теории справедливости у Р. выступает идея "изначальной позиции" индивидов при выработке социальных договоренностей, предполагающая исходное равенство людей. Как отмечает Р., "мы должны каким-то образом смягчить негативное действие тех обстоятельств, которые толкают людей использовать природные блага и социальные обстоятельства в собственных интересах. Стороны не знают, какие есть альтернативы и как они влияют в каждом особом случае, поэтому члены общества обязаны оценивать принципы, исходя из общих рассуждений ... Стороны не интересуются особыми фактами: никто, более того, не знает собственного места в обществе, т.е. социального статуса, как и собственной силы или ума. Ни собственной концепции блага, ни рационально обоснованного жизненного плана, ни даже знания собственных психологических характеристик, как например, склонность к риску, пессимизму или оптимизму, у нас часто нет. Из этого я заключаю, что стороны не знают особых обстоятельств социальной жизни".

В рамках данной позиции, согласно Р., всеохватывающее и все-усредняющее невежество приемлемо для каждого: никто не ведает собственного интереса, все рациональны и обоюдно бескорыстны. По версии Р., "завеса невежества лишает человека всего того, что толкает его к выбору гетерономных начал. Стороны обретают социальное единство только как свободные, равные и разумные существа, ибо только им известны обстоятельства, делающие насущными принципы справедливости".

Важное место в подходе Р. занимает также "индивидуализм", который, по Р., центрируется на признании того, что индивиды принципиально различны во всем мыслимом спектре своих характеристик (для утилитаристов же индивид являет собой цельный фокус локализации блага и полезности). Главное же отличие между людьми, согласно мысли Р., состоит в том, что именно каждый индивид рассматривает в качестве личного блага и блага как такового. Р. выносит за рамки собственной схемы тип социума, в котором людям навязаны жестко-универсальные нравственные идеалы, – предметом его анализа призваны выступать плюралистические общества. ("Индивидам не просто разрешено или запрещено делать что-то, правительство следует законным образом обязать не препятствовать свободе людей думать самостоятельно".) Основной целью "теории справедливости" Р. полагал адекватную реконструкцию процедур распределения справедливости и благ в обществе. Для Р. значима не столько максимизация полной или средней общественной полезности, сколько параметр "честности" в этих процессах.

Р. утверждал, что: а) "каждый имеет равное право на свободу, совместимую фундаментальным образом с такой же свободой других" (принцип "равной свободы"); б) всякая ценность (блага у Р. не что иное, как Божии дары) должна быть доступной для любого индивида (принцип "равной доступности"); в) "экономическое и социальное неравенство, как например, богатство и власть, справедливы только тогда, когда несут общую пользу и компенсируют потери наиболее незащищенных членов общества" (принцип "различия"). Несущая конструкция теории Р. – категория "справедливости" – предполагает, что она должна сопрягаться с базовыми структурами общества, эффективно конституирующими социальный порядок в целом. "В демократических государствах, – отмечает Р., – некоторые политические группы, оказавшись у власти, стремятся подавить конституционные свободы; есть также и среди тех, кто преподает в университетах, противники индивидуальной свободы ... Справедливость не должна требовать жертвы самоотречения, но когда действует конституция, нет никакого основания отказывать нетерпимым в свободе".

Рассматривая проблему реальности и стабильности общества "социальной справедливости", Р. утверждает, что такой тип социума возможен ("реален") потому, что: 1) рационально мыслящие и честные люди способны придерживаться принципов справедливости (ср. с теорией "общественного договора" Руссо); 2) "сильные индивиды", осуществляющие свой перспективный выбор в ситуации "завесы невежества" (отсутствия реального представления о собственном статусе в будущем), аналогично примут соответствующие "правила игры" (ср. с деонтологическими идеями Канта). Достижимость же "стабильности", становящейся не более чем одной из вероятностей в случае разрушения "завесы невежества", Р. обосновывает посредством использо-

вания современных теорий рационального выбора. По его мнению, "рациональные" (rational) люди, осуществившие верный *политический* (не метафизический и не моральный) выбор в пользу принципа справедливости, выступают уже "разумными" (reasonable) индивидами. Последние руководствуются уже не утилитаристским принципом максимизации общей или усредненной социальной полезности, но ориентируются на максимизацию блага для наименее привилегированных членов общества ("максимизимизирующий принцип выбора, по мысли Р.). В политическом измерении, – как полагал Р., – это обеспечивает обществу "перекрывающий консенсус", сопряженный с разумным плюрализмом. (По мнению Р., "то, что одни – в нужде, а другие в это время процветают, возможно и полезно, но несправедливо".) Отвечая на критику Хабермаса (**см.**) (материалы дискуссии с которым были опубликованы в 1995), полагавшего, что полное воплощение в жизнь принципов справедливости как честности означает конец конституционному развитию как таковому, Р. заявил, что это вполне приемлемое состояние общественного организма. Тем не менее, по убеждению Белла (**см.**), модель Р. являет собой не что иное, как "грандиозную попытку" оправдать этику социализма.

А.А. Грицанов

РОРТИ (Rorty) Ричард (р. 1931) – американский философ. После 15 лет преподавания в Принстоне Р. с 1983 – профессор гуманитарных наук университета штата Вирджиния (Шарлоттсвиль). Основные сочинения: "Философия и зеркало природы" (1979), "Значение прагматизма" (сборник очерков 1972-1980, опубликован в 1982), "Философия после философии: Случайность, ирония и солидарность" (1989), "Философские сочинения" (т.1 "Объективность, релятивизм и истина", т.2 "Эссе по Хайдеггеру и другим" – 1991) и др.

Р. выдвинул проект "деструкции" предшествующей философской традиции, обремененной, по его мнению, такими пороками, как метафизичность, трансцендентализм и фундаментализм. Образ ума, стремящегося выработать общую теорию точного представления о мире, как грандиозного зеркала, постоянно подвергающегося анализу и улучшающей его свойства шлифовке, согласно Р., сопряжен с трактовкой философии как трибунала чистого разума, отвергающего либо привечающего то или иное положение культуры.

Критику философии Р. осуществлял в контексте концепции "элиминативного материализма", целью которого выступало устранение неизбывного психофизического дуализма философской традиции посредством переописания "таинственной природы ментального" в терминах нейрофизиологии. Стремясь отмежеваться от сциентизма, Р. подчеркивал, что выбор словаря для такого переописания не ограничен и не должен зависеть только от предпочтений толкователя. Интенция на гуманитарность отразилась в переименовании Р. своей программы из "элиминативного материализма" в "нередуктивный физикализм" и "текстуализм". (Р., правда, предлагал не акцентировать собственный "текстуализм", полагая его лишь в качестве "наименьшего общего знаменателя между де Маном и Деррридой".)

В контексте "аналитического неопрагматизма" Р. позитивный характер имеют такие описания действительности, которые предельно полезны в рамках той или иной особой ситуации; язык тем самым выступает как базовое орудие эффективного действия индивида в окружающем мире.

В целом антиметафизическая позиция Р. являла собой своеобразный космополитический сплав идей американского прагматизма, аналитической философии и европейского нигилизма (пожалуй, для пропаганды лозунга о "смерти эпистемологии" Р. сделал столько, сколько не сделал ни один другой мыслитель второй половины 20 в.). Подобно Деррида, Р. избегал конструирования системного мировоззрения, относя систематичность и определенность к характеристикам метафизического мышления. Р. объяснял появление дуалистических картин мира с конкретно-историческими обычаями словоупотребления. Р. противопоставлял прагматизм как наиболее целостное, открытое и творческое мировосприятие всей остальной философии.

История философии, согласно Р., есть давний спор прагматизма с репрезентативизмом, или эпистемологией как квинтэссенцией дуалистического мышления. На место философии как своеобразного синтеза гносеологии, оснований культуры ("идеологии") и "строгой науки" должно быть поставлено, по Р., всестороннее, индифферентное к дисциплинарным и мировоззренческим делениям исследование индивидуальности и социума. Цементирует это знание лишь идея "вездесущности языка" как всеобъемлющей формы человеческого опыта, а также понятие о человеке как творческом (т.е. создающем, а не открывающем истины) существе, реализующем себя в языке и самотворящемся как своеобычный "текст". Сущность подлинно гуманитарного мышления должна вследствие этого совпадать с сущностью не философии, а "литературной критики".

В идеях Р. нашла выражение коммунологическая тенденция современной философии. Считая претензии науки на достоверное знание неоправданными, Р. предлагал отвергнуть "идеал научности" и не признавать науку парадигмой человеческой активности. Согласно Р., "истинной" можно назвать лишь ту теорию, которая помогает нам "управляться с окружением". Согласно Р., истина – это скорее "то, во что для нас вернее верить", нежели "точное изображение реальности".

Р. отвергает тезис, согласно которому мир разумен, и индивиды в состоянии рациональными методами отыскать свое место внутри рационально же организованного мира (иначе говоря, самость в состоянии ассимилировать необходимое в свою субстанцию). В границах миропонимания Р. именно на таковую доктрину освобождения разумом, как правило, опирается большинство националистических, тоталитарных, авторитарных и коммунистических движений. По их представлениям, все моральные и политические проблемы в принципе разрешимы, причем в рамках допущения, что возможно и достижимо одно, единственно верное решение. Р. отрицает необходимость подобного смыслового "центра".

По Р., вероятная социальная надежда призвана опереться не на "объективность", а на "солидарность". "Есть два основных способа, с помощью которых размышляющие человеческие существа, помещая свои жизни в более широкий контекст, придают смысл своим жизням. Первый – через рассказ истории о сделанном для сообщества вкладе. Этим сообществом может быть действительное историческое сообщество, в котором они живут, или другое, тоже

действительное, но отдаленное в пространстве и времени, или совершенно воображаемое... Второй способ – описание самих себя, как находящихся в непосредственном отношении с нечеловеческой реальностью. Это отношение непосредственно в том смысле, что оно не выводится из отношения между такой реальностью и их племенем, или нацией, или воображаемой группой товарищей". (Очевидно, что в первом случае "сплетение историй" Р. объясняет желанием солидарности, во втором – желанием "объективности".) Таким образом, для Р. главным выступает не столько вопрос соответствующего определения понятий "истина", "объективность", "рациональность", сколько проблема того, какой именно собственный образ должно иметь человеческое сообщество.

Философия в целом получает у Р. право на существование лишь в качестве одного из многих "голосов в разговоре человечества", как картина всеобщей связи, посредница во взаимопонимании людей. Р. предлагает различать философию поучительную, предлагающую сатиру и афоризмы, бичующую человеческие и общественные пороки, "разрушающую во благо собственного поколения", с одной стороны, и философию систематическую, разрабатывающую конструктивные аргументации, теории на "вечные времена", а также верящую в собственную монополию на разум и мировую истину. ("Философия не является ни систематизирующей науки дисциплиной, ни средством духовных преобразований: она – лишь один из способов сглаживания напряжений между сферами культуры, показывающий, что эти напряжения менее значительные, чем предполагалось". По мысли Р., ограниченность классической версии аналитической философии, ныне господствующей в США, связана с профессионализацией последней, результировавшейся в ее редукции до объема академической дисциплины, фундированной неокантианством и пафосным гносеологизмом.)

Р. разработал вариант "прагматической герменевтики" – концепцию всецелой зависимости интерпретаций "текста" от потребностей толкователя или сообщества, к которому он принадлежит. Единственное обоснование познания и истины, по Р., – то, что в ходе языкового общения (дискурса) некоторая теория принимается культурным сообществом – в первую очередь "северо-атлантической либеральной интеллигенцией". Отождествляя социум с общением, Р. особо приветствовал мировую экспансию ценностей и идеалов либерально-демократических обществ, не приемлющих никакой власти и унификации, кроме "общего интереса собеседников": эти общества оказывались в состоянии локализовывать дискуссии по принципиальным мировоззренческим вопросам, строить солидарность на основании "ненасильственного соглашения" (подобно древним грекам, которые несмотря на многобожие формировали устойчивые традиции гражданского согласия). Элиминируя из своих интеллектуальных построений традиционалистские несущие конструкции метафизического толка ("объективность", "истина", "гражданский долг" и т.п.), Р. стремился помыслить достижение гражданского согласия на основе исторически случайных принципов либерализма.

Согласно Р., теорию, способную соединить частное и общественное, создать невозможно. Утешиться возможно лишь тем, что Р. именует "ироническим либерализмом", который постулирует равную значимость солидарности и творческого самосозидания. "Иронизирующий либерал" у Р. посредством иронии высвобождается от всех традиционалистски-философских чар и становится в должном объеме "историцистом и номиналистом"; осознавая случайность собственных наиболее сакральных убеждений, он, по мысли Р., не приемлет жестокости ни при каких условиях. Иронич же тот, кто не скрывает ни от себя, ни от других неуверенности в своих сокровенных символах веры. Надежда на то, что унижение одних другими лишь за их непохожесть когда-либо отомрет, может восприниматься только в ироническом контексте. Либеральная утопия не может быть выведена из каких бы то ни было исторических обобщений: "солидарность не есть открытие рефлексии, она есть то, что создается воображением, особо чувствительным к страданиям и унижениям других".

Р., жестко разводя по либеральной модели (в духе противоположения Дж.С. Милля: "индивидуальная независимость" и "социальный контроль") сферы жизни "публичной" и "приватной", также разграничивает "приватную мораль самосовершенствования" и "публичную мораль взаимоприспособления". Критики Р. неоднократно отмечали по сути кантовский дух данной процедуры (столь же категорически Кант принял как данное разделение между наукой, искусством и моралью), хотя сам Р. и подчеркивал: "Если однажды философы проглотили кантовское "настойчивое различение", тогда они приговорены на бесконечные редукционистские и антиредукционистские ходы. Редукционисты будут пытаться сделать все научным, или политическим (Ленин), или эстетическим (Бодлер, Ницше). Антиредукционисты будут показывать, что не принимают во внимание такие попытки.... Философия модерна состояла в беспрестанной их перестройке, то в сжимании их друг с другом, то в разводе друг от друга. Но неясно, сделали ли эти усилия свое время значительно лучше".

Не разделяя идею Канта о принципиальной невозможности придать нравственный смысл человеческому познанию (по Р., эту ошибочную мысль достраивали с переменным успехом Маркс, Ницше и М. Вебер, "купились" на эту "типично немецкую басню" Фуко и Делез), Р. подчеркивает, что рассмотрение истины отдельно от власти результируется не в том, что язык науки мог бы обеспечить беспристрастную критику институтов социального контроля, а, наоборот, в том, что бюрократия исключительно эффективно пользует вербальную палитру, изобретенную мудрецами от либерализма.

Р. трактует собственное миропонимание как развитие ориентации Ф. Бэкона на науку вкупе с прагматической установкой Фейерабенда "все сгодится, что работает". Описывая "приватную" ипостась морали, Р. отталкивается от ряда гипотез и идей Фрейда. В исследовании "Фрейд и моральная рефлексия" (фрагмент публикации "Эссе по Хайдеггеру и другим") Р. отмечает, что, если Аристотель характеризовал самость человека как структуру, наделенную неким центром, встроенной целью (что задает сущность человеческого и совпадает с социальным долженствованием) и набором периферийных акциденций, то у гениальных адептов торжествующего естествознания (Коперник, Галилей, Дарвин) самость – машина, лишенная центра, хотя и обладающая некоей целеполагающей способностью (дух, душа или сознание). У Фрейда же, по мнению Р., основополагающим

выступает утверждение, что "наши бессознательные самости не бессловесные, зловещие, неуравновешенные животные, но скорее интеллектуальные компаньоны наших сознательных самостей, их возможные собеседники". В итоге, по Р., вышеупомянутых фрейдистских "собеседников" точнее трактовать как орудия изменения мира, нежели как корректировщиков изображения вещей "в самих себе".

"Фундаментализму" традиции Р. противопоставлял принцип историзма в организации мышления о человеке. Его отправным пунктом Р. считал "случайную диалектическую историческую ситуацию" личностного бытия. Понятие "случайности" – ключевое в подходе Р. к феномену творческой индивидуальности. Историю философии Р., в свою очередь, предлагал рассматривать как череду гениальных творений человека – "словарей", обогащающих его "самообраз" и не обязательно принадлежащих сфере философии как таковой. Нравственный прогресс у Р. – постепенное расширение способности людей "симпатизировать" и "доверять". Его критерий – "понижение значимости жестокости". Будучи весьма популярным в среде гуманитарной интеллигенции Запада, Р. не случайно возглавлял индекс цитируемости американской философии начала – середины 1990-х. См. также: **"Случайность, ирония и солидарность" (Рорти).**

А.А. Грицанов

"РОССИЯ: ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЕСЯ ОБЩЕСТВО" (Москва, 2001) – коллективная монография, представленная под редакцией В.А. Ядова (**см.**), в которой на основе сравнительного историко-социологического анализа и кросс-культурных исследований ряда обществ, переживающих радикальные преобразования, дается описание и объяснение многообразных процессов и явлений, происходящих в российском обществе. Российские трансформации рассматриваются под углом зрения разных теоретико-методологических подходов, в частности, классических теорий взаимосвязи социально-экономических, социально-политических и социально-культурных факторов, с позиций веберовского различения двух типов капитализма, новейших теорий социологии пространства и концепции общества рисков в контексте деятельностно-активистской и иных методологий. Значительная часть статей посвящена интерпретации сдвигов в социальной структуре общества, анализу тенденций развития этнических взаимоотношений, рассмотрению способов минимизации и упреждения конфликтов на этой почве, динамике адаптации разных групп населения к меняющимся условиям, социальным проблемам образования, семьи, здоровья, растущей угрозе наркотизации и алкоголизации. Представлены статьи, рассматривающие управленческие действия в условиях бедствий и катастроф, модели формирования взаимодействия между социальными исследователями, административными органами и гражданами при осуществлении различных модернизационных проектов. Книга явилась результатом работы исследовательского коллектива в рамках общеинститутской программы "Социально-культурные процессы в России на пороге XXI века в контексте глобальных социальных изменений" (1998-2001).

В.А. Ядов, исходя из многолетних дискуссий на тему "Куда идет Россия?", теоретических представлений о "движущих силах" исторического процесса и представлений о цивилизационных особенностях российского социального характера и менталитета, формулирует несколько выводов. Вывод первый состоит в том, что российские трансформации будут успешны и эффективны при условии высокого авторитета государственных структур. В любом обществе авторитет власти стабилизируют его социальные институты, но в российском обществе при слабости гражданских "горизонтальных взаимосвязей" этот фактор в трансформационных процессах остается решающим. Второй вывод относится к явлениям, которые можно обозначить как высоко развитую в российском социальном характере адаптивность к трудностям жизни, травмирующим преобразованиям последнего десятилетия. По результатам исследования самоидентификаций обнаруживается достойная удивления сопротивляемость бедных слоев населения признанию себя таковыми: при сопоставимом уровне благосостояния заметная доля поляков определяет себя в категориях бедности, но такая же доля россиян относит себя к "среднему слою". Общероссийские опросы ВЦИОМ фиксируют завидную стабильность пропорций граждан, не желающих признать бесперспективность своего положения. Третий вывод связан с формированием общества "социальной справедливости". Маловероятно, что западная (протестантская) модель, согласно которой преуспевающий в силу своих талантов и усердия достигает благополучия, восторжествует в российском обществе. Успех и благополучие в наших конструкциях социальной реальности традиционно связываются либо со счастливыми обстоятельствами, либо с попранием нравственных основ. Поэтому удачливый и благополучный должен делиться с менее удачливым. То, что называют социальной политикой перераспределения доходов граждан, – единственно возможный путь российских трансформаций в направлении модели социально справедливого общества – поддержки сильными (граждане-налогоплательщики, регионы-доноры) слабых. Реальная проблема – создание экономических и социально-политических условий увеличения доли первых и минимизация доли вторых. Но при этом многократный разрыв в доходах благополучных и бедных останется источником социального напряжения и дезинтеграции.

Ю.Н. Давыдов (**см.**) отмечает, что как "новый русский" капитализм, так и латиноамериканский с одинаковым основанием могут быть подведены под рубрику "компрадорского" капитализма, т.е. живущего за счет распродажи иностранному капиталу национальных богатств и предоставления в его распоряжение дешевой рабочей силы. Вместе с тем главное и принципиальное отличие российского капитализма от всех других типов связано с происхождением "новых русских" капиталов, обусловленным, с одной стороны, экономической коррупцией, проникающей во все поры общества, а с другой – тотальной эрозией культуры. Первое, что обращает на себя внимание при сопоставлении "нового русского" капитализма с "архаическим" (по М. Веберу – **см.**), – это общность их "первоисточника" – предпочтительной сферы добывания стартового капитала и его последующего приумножения. "Архаический" капитал добывался вне производственной сферы и никак не стимулировал производство, он возникал независимо от производственных усилий его обладателей, от какого-либо участия в процессе производства потребительских благ, делая деньги из денег

же. Таким же образом, вне производственной сферы обретается и "новый русский" капитализм, порождая новый тип "нового русского" капиталиста. И хотя исходные пункты этих двух разновидностей одного и того же типа "капиталистической деятельности" были радикально различными, но сошлись они в точке, блокирующей промышленное развитие, лишающей его культурно-исторических и социально-экономических перспектив. Купец-ростовщик, купец-откупщик, купец-поставщик, купец-чиновник, создающий свой капитал с помощью взяточничества, – таковы фигуры капиталистов в условиях "архаического" капитализма (по Веберу), и таковы же – у нас, оттесняя на задний план фигуры, типичные для современного промышленного капитализма. Таким образом, "новый русский" капитализм не дает никаких оснований считать его современным капитализмом. Типологически он гораздо более схож с "архаическим" капитализмом, заставляя ожидать от него то же самое, что он неизменно демонстрировал и продолжает демонстрировать сегодня на Западе.

З.Т. Голенкова (**см.**), рассматривая основные тенденции трансформации социальных неравенств, обращает внимание на обусловленность этих тенденций тремя группами факторов. К первой группе относится глобализация социально-экономических и социокультурных процессов на рубеже веков. При этом наиболее развитые страны в состоянии "шока перед будущим" активно реализуют цивилизационные процессы интеграции, а транзитивные, постсоциалистические общества, переживая синдром "шока от прошлого", становятся на путь дезинтеграции, сопровождаемой религиозными, национальными и социальными конфликтами. Ко второй группе факторов относятся факторы радикальной деконструкции общественных основ, что делает трансформацию как выход из нестабильного состояния неизбежной. Третья группа факторов имеет внутренний, российский характер и заключается в отсутствии теоретически и практически обоснованной политики по социальной реконструкции России, в силу чего такая реконструкция происходит стихийно. Суть происходящего в настоящее время на социальном пространстве российского общества – это изменение общей композиции соотношения групп и слоев, их иерархии и ролевых функций, углубление социального неравенства между ними. В условиях социальной поляризации наблюдается экономический откат, неравномерное развитие разных сфер жизнедеятельности, массовое разрушение этических норм, преобладание дезинтеграционных процессов. Общество, в котором отсутствует средний класс и четко обозначены интересы лишь бедных и богатых, антагонистично, неустойчиво, конфликтно. Для достижения социального консенсуса, при котором только и возможно преодоление экономического и политического кризисов, необходима интеграция совместных усилий всех социальных слоев.

В.А. Мансуров и Л.А. Семенова анализируют некоторые тенденции в развитии профессиональных групп российской интеллигенции. Изучение социальных процессов, имеющих место в реформируемом российском обществе, позволяет им говорить, во-первых, о колоссальном разрыве в уровне доходов между основной массой "бюджетной" интеллигенции и той частью лиц с высшим образованием, которые работают в частном секторе экономики или представляют "свободные профессии". Во-вторых, намечается стирание границ между квалифицированными рабочими и специалистами с высшим образованием, не связанными с властью и бизнесом. Этому способствует прогрессирующая тенденция к росту несоответствия между образовательным уровнем и уровнем оплаты труда. Сравнение интеллигенции (специалистов) с остальной частью населения позволяет сделать вывод о том, что у них совпадает иерархия актуальных проблем: ухудшение материального положения, неуверенность в судьбе своих детей, боязнь стать жертвой преступления. Интеллигенция, которая никогда не была однородной социальной группой, в настоящее время становится еще более дифференцированной. Богатые и бедные, прогрессивно мыслящие и консерваторы, поддерживающие власть и оппозиционно к ней настроенные, чтящие букву закона и исповедующие принцип "революционной целесообразности" и т.п. – такова палитра социальных, психологических и политических различий в нынешней российской интеллигенции.

А.Л. Темницкий, рассматривая стратегии трудового поведения наемных работников, обращает внимание на то, что 1990-е стали временем тяжелых испытаний для большинства наемных работников российского общества, т.к. государство сняло с себя какие-либо обязательства по улучшению их положения. В этих условиях начали активно вырабатываться самостоятельные способы выживания, которые сложились в различные стратегии поведения: от иждивенческой до криминальной. Для активной части наемных работников более всего оказалась приемлемой стратегия максимизации труда; при этом они не довольствуются ориентацией на интенсивный труд на одном предприятии, а стараются расширить арсенал способов выживания за счет вторичной занятости и работы на огородных участках. Наиболее привлекательными для осуществления стратегий максимизации труда стали частные успешно действующие предприятия, на которые устремилась наиболее молодая и квалифицированная часть наемных работников. Стремясь повысить материальное благополучие своих домохозяйств, они выражают готовность поступиться многими привычными и характерными для развитого рынка труда ценностями ради одной: более высокого заработка. Однако ориентация на максимизацию труда в целях достижения возможно более высокого заработка, характерная для 1/3 работников частного предприятия и 1/10 – акционерного, сталкивается с зависимостью труда работника от его взаимоотношений с руководством. Осознание этой зависимости как негативного фактора приводит к повышению неудовлетворенности сложившейся ситуацией и способствует росту трудовой мобильности.

В целом книга формирует у заинтересованного читателя достаточно полное представление о теоретико-методологических подходах к рассмотрению социокультурных процессов в трансформирующемся обществе, раскрывает существо социально-адаптационных явлений, сопровождающих эти процессы, показывает меняющиеся ролевые функции представителей разных социально-демографических и социально-профессиональных групп в меняющемся обществе.

Г.Н. Соколова

РОСТОУ (Rostow) Уолт Уитмен (р. 1916) – американский социолог, экономист, государственный деятель. Про-

фессор Массачусетского технологического института и университета штата Техас (с 1969). Один из авторов концепции "индустриального общества". Автор концепции "стадий экономического роста". Основные сочинения: "Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест" (1960), "Процесс экономического роста" (второе издание – 1962), "Взгляд с седьмого этажа" (1964), "Динамика советского общества" (1967), "Соединенные Штаты на мировой арене. Эссе по современной истории" (1969), "Политика и стадии роста" (1971) и др.

Р. предложил выделить 5 типов общества в соответствии с разнокачественными стадиями его эволюции: 1) "традиционное общество" (аграрное, иерархизированное, с концентрацией власти у землевладельцев, примитивной техникой и наукой); 2) "переходное общество" (характеризующееся интенсификацией сельскохозяйственного производства, складыванием централизованных государств на основе "национализма", появлением нового класса "предприимчивых людей"); 3) общество "стадии сдвига" (эпохи промышленной революции); 4) общество "стадии зрелости" [индустриальное общество со значимым (до 20%) компонентом капиталовложений в структуре национального дохода, широким распространением достижений науки и техники, превращением горожан в преобладающий сектор населения, ростом труда высокой квалификации в общей структуре занятости]; 5) общество "эры высокого массового потребления" (доминирование сфер услуг и производства товаров массового потребления с сопряженными трансформациями "качества жизни" людей). Концепция Р., являвшая собой один из модернистских социологических вариантов опровержения гипотезы об общественно-экономических формациях, в первую очередь обращала на себя внимание акцентированным преодолением европоцентризма, присущего соответствующей доктрине Маркса (**см.**).

А.А. Грицанов

РОТМАН Давид Генрихович (р. 1944) – белорусский социолог, политолог, специалист по проблемам методологии и методики социологических исследований, оперативным и электоральным социологическим исследованиям, доктор социологических наук, профессор. Окончил отделение философии Белорусского государственного университета (1972). В 1972-1974 – социолог Центра НОТ Министерства легкой промышленности Беларуси; в 1974-1991 – младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, заведующий отделом социологических служб Белорусского государственного университета; в 1991-1997 – профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета; с 1997 – Директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета. С 1987 по 1991 – член руководства всесоюзной социологической программы "Общественное мнение" Гособразования СССР; с 1997 – заместитель главного редактора научно-теоретического журнала "Социология"; с 2000 – вице-президент Белорусского социологического общества.

Р. является автором концепции оперативных социологических исследований как самостоятельного направления в социологии, разработчиком методологических подходов к организации и проведению электоральных социологических исследований, создателем ряда оригинальных методик электоральных социологических исследований. Является автором ряда трудов в области социологии политики, социологии молодежи, социологии отклоняющегося поведения, социологии межнациональных отношений.

Основные научные труды: "Оперативные социологические исследования в комсомольской работе" (1988); "Оперативные социологические исследования" (1998); "Оперативные социологические исследования: методика и опыт организации" (2002); "Электоральные социологические исследования" (2002) и др.

РОТХАКЕР (Rothacker) Эрих (1888-1965) – немецкий философ, культуролог и культур-социолог, один из основоположников (наряду с М.Ландманом) версии философской антропологии как культурной антропологии. В 1920-е работал в подходе немецкой исторической школы К. Лампрехта. В 1930-е попал в круг идей Шелера, что предопределило его поворот к философской антропологии. Переинтерпретировал ряд семиотических и кибернетических идей немецкого биолога Я. фон Икскюля. Оппонировал биоантропологической версии философской антропологии (особенно Гелену – **см.**). Ученик Дильтея (**см.**), у которого наследовал концепцию "наук о духе" и идею исторической обусловленности познания. Являлся издателем его теоретического наследия. Многие разработки Р. близки духу последней работы Э. Кассирера "Что такое человек? Опыт философии человеческой природы" (1944) и концепции "герменевтической логики" Х. Липпса. В поздних работах Р. переинтерпретировал концепцию "жизненного мира" Э. Гуссерля. Значительную часть жизни Р. проработал в Боннском университете, где принял в 1929 должность профессора. Основные работы: "Логика и система наук о духе" (1927); "Философия истории" (1934); "Слои личности" (1938, программный труд); "Военное значение философии" (1944); "Проблемы культурной антропологии" (1948); "Человек и история" (1950); "Философская антропология" (1956); "К генеалогии человеческого сознания" (1966) и др.

В своих теоретико-методологических установках Р. исходил из необходимости: 1) преодолеть односторонность как эмпиризма (сведение к объекту), так и априоризма (неспособность связать свой дискурс с опытом и историей) в подходе к человеку; 2) сместить акцент в анализе проблематики человека с его негативных определений (линия Гелена с ее тезисом о принципиальной биологической "недостаточности" человека как животного) на позитивные. В единстве своей предметности и духовной субъективности человек может быть понят только как целостность и конкретность, задающие "содержательность" любым дискурсом философской антропологии. Он всегда погружен в определенную жизненную ситуацию с соответствующим горизонтом мировосприятия (переживаний), исходя из которого и строится его деятельностная активность. Люди всегда принадлежат определенным обществам, образующим их специфическую среду, и самореализуются во вполне конкретных культурах (этнических и языковых с их неповторимыми традициями и установками). Культура задает "жизненные стили" как формы самовыражения индивида. В них человек "ведет себя" и относится к "самому себе", в них он постоянно "переводит себя", объективируя "свое внутреннее". Тем самым он реализуется как творческая историческая личность, конструи-

рующая "свои миры". В стилистике человеческого поведения ничего изначально природно не задано, она постоянно формируется и поддерживается деятельностным усилием, выражает то, что человек сам из себя делает (в этом ключе Р. исследует такие формы специфически-человеческого выражения, как стыд, смущение, замешательство и т.д.). И тем не менее человеческое начало двойственно – оно и дано, и задано, что изначально делает его "подлинность" (аутентичность, идентичность) проблемой. Индивид всегда оказывается "между" (подлинным и неподлинным, истинным и неистинным). Он застает созданное до себя как "данность" (как уже оформленный "материал") и имеет свой проект, подлежащий реализации как "заданность" ("человек живет в мире феноменов, которые он высветил прожектором своих жизненных интересов и выделил из загадочной действительности"). Тем самым Р. накладывает ограничения на тезис об "открытости человека миру", ведь индивиду доступно лишь то, что "высветлено" (т.е. лишь определенные по отношению к конкретным ситуациям жизни "аспекты мира").

По Р., как целостность и конкретность (бытия и сознания, практики и переживания) человек сложно организован, содержит в себе три "слоя": 1) вегетативной и животной жизни; 2) определяемого влечениями и чувствами "Оно"; 3) мыслящего и самопознающего "Я", – подчиняющихся только им имманентным закономерностям. Конституирующим же собственно человеческое выступает "третий слой", открывающий (точнее – приоткрывающий) человека миру, требующий его самовыражения в культуре (как ответе на вызов природы). Здесь Р. следует идее Плеснера (см.) о позициональном дистанцировании человека по отношению к миру и к самому себе как условии раскрытия его "человечности", но максимально "стягивает" ее на тематизмы культурного бытия, бытия культурой (в стилистиках культуры). Личность (во взаимодействии с другими) сама формирует свои "духовные ландшафты" (которые всегда "скрыто" антропоморфны как результат избирательного отношения к миру), конституирует собственные "практики жизни" как совместный с другими (внутри целостных общностей людей) "тотальный" ответ на ситуацию, в которую она заброшена волею судьбы и обстоятельств. "Система" же культуры включает в себя пять относительно автономных "подсистем": язык, хозяйство, искусство, религию, сферы государства и права. Акцентируя какую-либо из них или конфигурируя их индивидуальные сочетания, человек и задает стилистику собственной жизни как обнаруживающую структуры его бытия (т.е. жизненного мира как искусственной среды и жизненного пространства различения своих различий-отличий). "Я"-сознание, соотносясь с "Мы"-сознанием, объективирует себя в культуре прежде всего посредством языка. Да и весь жизненный мир человека есть то, что им интерпретировано и истолковано ("лишь с появлением мореходства появляются бухты").

По Р., "с каждым вполне понятным словом мир изменяется... Сказанное тотчас же включается в мир, уже существующий". Человек, будучи существом творческим (и в этом отношении даже "демоническим"), есть "не пучок, не сумма, не нагромождение извне данных ощущений, но субъект, центр и исходный пункт активности", пункт активности "как свободы и нравственной силы". И в этом своем модусе он всегда есть "тайна", разгадать которую и призвана философская антропология. Последняя же по определению всегда должна быть культурной антропологией – Kulturanthropologie (Р. автор этого термина в немецкоговорящей традиции), которую следует отличать от эмпирически и этнологически ориентированной британо-американской cultural anthropology.

Исходные установки Kulturanthropologie, по Р., вытекают из ее принципов: 1) предметности (конституирования предмета в сознании), 2) личности (как исходной точки дискурса), 3) значимости артикуляции только экзистенциально ценного – и нацелены на исследование культурно-практических структур исторического сознания (переживаемого жизненного мира). Культур-антропология, согласно Р., призвана стать: 1) общеметодологической рефлексией для "наук о культуре", 2) средством выработки обобщенной точки зрения, позволяющей совмещать в себе разнонаправленные культурные перспективы.

В.Л. Абушенко

РУБАНОВ Анатолий Владимирович (р. 1958) – белорусский социолог. Окончил Белгосуниверситет (1981); кандидат социологических наук (1988), доктор социологических наук (1994 – тема: "Социальный субъект: мотивы и деятельность"). Зам. директора Научно-исследовательского института социально-экономических и политических проблем Мингорисполкома.

Младший научный сотрудник, старший научный сотрудник Института философии и права АНБ (1988-1993); старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси (1993-1999).

Область научных интересов: социология социальных изменений, социальная мобильность, социально-психологические механизмы массового поведения.

Р. – автор более 30 научных работ, в том числе двух монографий: "Социальный субъект: мотивы деятельности" (1994), "Социальное развитие: энерго-институциональный подход" (1994).

РУБИНШТЕЙН Сергей Леонидович (1889-1960) – российский философ и психолог, один из организаторов психологической науки в СССР, член-корреспондент АН СССР, действительный член Академии педагогических наук СССР. Основные сочинения: "Исследование по проблеме метода" (1914, нем. яз.); "Основы общей психологии" (1940); "Бытие и сознание" (1957); "О мышлении и путях его исследования" (1958); "Принципы и пути развития психологии" (1959); "Проблемы общей психологии" (1973) и др. Родился в Одессе в семье преуспевающего адвоката. В 1908 для получения высшего образования уехал в Германию и поступил в Марбургский университет, по окончании которого вместо обычной студенческой работы защитил докторскую диссертацию. Учился у Когена и Наторпа. Несмотря на предложение остаться в Германии Р. в 1913 вернулся в Одессу. В 1919 становится доцентом Одесского университета, а затем заведующим библиотекой Одесского университета. В 1930 Р. возглавил кафедру психологии Ленинградского педагогического института.

В 1934 вышла его программная статья "Проблемы психологии в трудах Карла Маркса", с которой он вступил в

психологию в качестве методолога. В этой статье Р. сформулировал основной методологический принцип психологии – единства сознания (психики вообще) и деятельности. В философии и психологии придерживался позиции рационализма, предвосхитив тем самым парадигму современной когнитивной психологии. Создал оригинальную теорию психического как деятельности и как процесса. Принцип деятельности утверждает активность личности в ее взаимодействии с миром и в то же время непрерывное формирование, развитие психики в деятельности. Это взаимодействие человека и мира проявляется в том, что в каждый отдельный момент не наличествуют все детерминанты его функционирования и развития, но в процессе последнего формируются новые детерминанты. Основной принцип детерминизма, сформулированный Р. для психологии, гласит: внешние причины действуют через внутренние условия, которые рассматриваются как текучие, подвижные, меняющиеся в соответствии с направлением деятельности, но не являющиеся ее простым отражением.

Наиболее интересной является идея Р. о психике как процессе, противостоящая большинству статичных, дискретных моделей, ставших популярными в последнее время. Способ существования психического, по Р., – процесс. Психика принципиально незавершима, она постоянно формируется, изменяется. Будучи вплетенной в деятельность, только в ней психика достигает самоидентичности, основанной на самоосознании в параметрах деятельности. При этом все акты психического, по Р., определяются актуальными требованиями деятельности. Даже самые ранние воспоминания, например, иллюстрируют текущую проблему и в то же время, будучи актуализированы, приобретая новые качества, включаются в деятельность как ее новые детерминанты и т.п.

В.А. Поликарпов

РУКАВИШНИКОВ Владимир Олегович (р. 1947) – российский и белорусский социолог, специалист в области сравнительной социологии, социологии города, методологии и методов социологических исследований и анализа статистических данных.

Окончил Ленинградский механический институт (1971). Доктор философских наук (1986). Научный, старший научный сотрудник ИСЭП АН СССР (1975-1979); зав. отделом социологической лаборатории Белорусского государственного университета (1979-1981); зав. отделом ВНИИ профтехобразования (1981-1988). Работает зам. директора, зав. отделом в ИСПИ РАН (1988-1991). В 1990-1996 – член редколлегии журнала "Социологические исследования".

Р. – автор более 150 публикаций в отечественной и зарубежной научной и массовой печати, в том числе 4 монографий. В монографии "Население города" (1980) Р. были представлены социальные карты советских городов и факторные модели социально-пространственной структуры, проведен сравнительный социологический анализ расселения населения в крупных городах СССР и других стран. В статьях 1989-1995 были раскрыты общие закономерности социальной динамики постсоциалистических обществ, проанализированы специфические особенности модернизации российского общества, обусловленные особым характером переходного процесса.

РУМЯНЦЕВА Татьяна Герардовна (р. 1953) – белорусский историк философии и социальный антрополог. Доктор философских наук (1991), профессор (1994). Профессор факультета философии и социальных наук Белгосуниверситета (с 1994). Действительный член Нью-Йоркской академии наук (1994).

Главные направления исследований: основополагающие концепты немецкой трансцендентально-критической философии, главные идеи и теории современной западной философии, проблемы насилия и человеческой агрессии (см.).

Основные труды: "Критический анализ концепций человеческой агрессивности" (1982), "Агрессия: проблемы и поиски в западной философии и науке" (1991), "История социологии" (1997, соавтор и научный редактор), "Немецкая трансцендентально-критическая философия. Глоссарий" (1999), "Новейший философский словарь" (1999 и 2001, соавтор и научный редактор), "Современная западная философия" (2000, соавтор и главный редактор), "Всемирная энциклопедия. Философия" (2001, соавтор и научный редактор), "Всемирная энциклопедия. Философия XX век" (2002, соавтор и научный редактор), "История философии. Энциклопедия" (2002, соавтор и научный редактор), а также около 350 научных статей по истории философии, психологии и философской антропологии.

РУСЕЦКАЯ Ванда Ивановна (р. 1945) – белорусский социолог. Окончила Читинский педагогический институт (1967); кандидат (1982), доктор социологических наук (1992 – тема: "Взаимодействие коллективных и индивидуальных факторов в научной работе"). Старший лаборант, младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник Института философии и права АНБ (1974-1990); ведущий научный сотрудник, главный научный сотрудник, зав. отделом социологии культуры Института социологии НАН Беларуси (1990-1999).

Область научных интересов: социальные аспекты деятельности научных, производственных коллективов; развитие национальных культур, национальных отношений в Беларуси. Подготовила 5 кандидатов наук. Лауреат премии Академии Наук Беларуси за лучшую коллективную работу по общественным наукам.

Р. – автор более 70 научных работ, в том числе: "Роль коллективных начал социализма в формировании личности" (1983), "Коллективистская сущность общественных отношений социализма" (1984), "Трудовой коллектив – центральное звено перестройки" (1989), "Взаимодействие индивидуальных и организационных факторов в научной деятельности" (1991), "Социодинамика научного коллектива" (1993), "Особенности этнонациональной и религиозной идентификации населения в контексте социально-политической трансформации Беларуси" (1996), "О социологии пограничья" (2000) и др.

РУТКЕВИЧ Михаил Николаевич (р. 1917) – российский советский философ и социолог, специалист в области теории и методологии познания, теоретической социологии, социальной структуры.

Окончил Киевский университет (1939). Доктор философских наук (1961), профессор (1960), член-корреспондент

(1970) АН СССР (с 1991 – РАН). Участник Великой Отечественной войны.

Преподавал в Свердловске – в педагогическом институте; Уральском ун-те (1950-1972): зав. кафедрой философии, с 1966 одновременно декан философского факультета. Директор ИСИ АН СССР (1972-1976). Профессор АОН при ЦК КПСС (1976-1978). Зав. кафедрой Академии народного хозяйства при Совете Министров СССР (1978-1990). С 1990 – главный научный сотрудник ИСПИ РАН. Член бюро Отделения философии, социологии, психологии и права РАН, с 1976 – член редколлегии журнала "Социологические исследования".

Р. осуществил разработку проблем структуры социологической теории и уровней социологического знания, соотношения субъекта и объекта в социологическом исследовании, в том числе неприменимости в социологии "принципа дополнительности". При разработке проблем социальной структуры общества Р. были развиты представления о видах социальной структуры и о месте в ней социально-классовой структуры; о критериях социально-классовых различий; о трансформации социальной структуры в период, начавшийся в 1990-е, и общественных противоречиях этого периода; о воспроизводстве социально-классовой структуры общества в процессе смены поколений, об особенностях этого процесса в разных исторических условиях, о роли социальной мобильности в советском обществе, в т.ч. о массовых перемещениях из деревни в город, из рабочего класса и крестьянства в слои специалистов и служащих, в сферу управления; о противоречиях и конфликтах в процессе развития социальной структуры общества на различных этапах истории советского и постсоветского обществ.

Р. – автор около 450 научных работ, в том числе: "Диалектический материализм. Учебник для философских факультетов" (1973); "Диалектика и социология" (1980); "Макросоциология. Методологические очерки" (1995); серия сборников Уральского университета под общим названием "Социальная структура" (1960-е); "Социальные перемещения" (1970, соавтор); "Социальная структура развитого социалистического общества в СССР" (1975, соавтор); "Интеллигенция развитого социалистического общества" (1977); "Становление социальной однородности" (1982); "Жизненные планы молодежи" (1965); "После школы. Опыт социологического исследования" (1995, соавтор) и др.

РЫВКИНА Розалина Владимировна – российский социолог, специалист в области экономической социологии. Окончила философский факультет ЛГУ. Доктор экономических наук (1982), профессор (1988).

Провела анализ предмета социологии как эмпирической науки (1966); предложила и обосновала схему для разработки программы социологического исследования; показала на конкретном материале роль социального эксперимента как одного из методов социологии. Р. участвовала в создании научного направления – экономической социологии. Разработала и внедрила методику измерения шести компонентов образа жизни сельского населения и методику выявления социальных типов сельских жителей; разработала методику организации экспертного мониторинга экономических и социальных перемен в России. Р. – автор 5 учебных программ по курсам "Введение в социологию", "Методология и методика социологического исследования", "Современная социология", "Экономическая социология" (в соавторстве), "Экономическая социология в постсоветской России".

Р. – автор около 300 научных работ, в том числе: "Между социализмом и рынком. Судьба экономической культуры в России" (1994); "Образ жизни сельского населения" (1979); "Евреи в постсоветской России – кто они?" (1996) и др.

РЭНД (Rand) Айн (Алиса Зиновьевна РОЗЕНБАУМ) (1905-1982) – американская писательница российского происхождения. Получила хорошее образование; в женской гимназии училась вместе с Ольгой Набоковой, сестрой известного писателя. Весной 1924 Р. заканчивает Петроградский университет по специальности "социальная педагогика". В 1926 эмигрирует в Америку. Новую жизнь Р. начинает статисткой в Голливуде, в 1930 она приступает к работе над своим первым романом "Мы – живые". Этот роман, как считала она, должен был стать протестом против строя жизни в России и введением в ее философию – будущую философию объективизма. Антикоммунистический настрой Р. достаточно полно отражен в этом романе, который вышел в 1936 в Америке, а в 1937 – в Англии. Все образы коммунистов в нем – злодеи и циники, а единственное сравнение для всей послереволюционной России – кладбище. Тем не менее для американцев роман стал откровением, а некоторые критики и сегодня считают, что по своему художественному воплощению, эмоциональности и передаче "местного колорита" – это лучший роман Р. Оценка романа вдохновила Р., и в 1937 она заканчивает небольшую повесть "Гимн", которая в 1938 выходит в Англии и привлекает внимание необычной постановкой проблемы личности и коллектива. В 1943 выходит в свет книга "Источник". Если романом "Мы – живые" как бы кончается "русский период" творчества Р., роман "Источник" – это уже новая, американская тематика, "новый американский период творчества. "Источник" – первый роман в американской литературе, который можно назвать романом идей, что обусловило не только интерес читателей к нему, но и в не меньшей мере к личности писательницы. "Источник", хотя он и отстоит на довольно значительное время от предыдущего романа, представляет по сути своей лишь переходный этап к ее самому значительному произведению "Атлант расправил плечи", которое выходит в свет в 1957, и большинством критиков считается самым значительным и самым лучшим произведением Р. Этот роман давался писательнице очень трудно. Только одну речь Джона Голта она писала практически два года.

Биографы Р. выделяют следующие наиболее принципиальные моменты. Первый – возможная необходимость для Р. еще раз объяснить читателям свои социально-философские взгляды, несмотря на то, что она считала их уже хорошо известными читателю. На этом настаивали ее друзья, требовавшие продолжения диалога с читателем. Второй – необходимость в процессе создания романа опираться на свои предыдущие творческие достижения, которые позволили реально запустить весь сложный механизм своего многопланового, многоуровневого и весьма протяженного романа. Некоторые критики полагают, что в отношении тематики крупных произведений Р. опиралась на свое раннее творчество, а также на сценарии для кино, работу над которыми

она продолжала все время, пока писала романы. Первое название ее романа "Атлант расправил плечи" – "Забастовка", и, вероятно, это название вполне соответствующее тематике самого романа. Оно появилось под воздействием мнения писательницы, высказываемого в многочисленных беседах в узком кругу друзей. Они настаивали на продолжении знакомства читателей с идеями "Источника", потому что "народ в этом нуждается". Р. отвечала: "Ах, они нуждаются? А что если я забастую? Что если все творческие умы во всем мире забастуют?" И спустя некоторое время прибавляла: "Это могло бы стать темой хорошего романа". Р. – автор трех романов, одной повести, нескольких рассказов и киносценариев.

Роман "Атлант расправил плечи" – полностью утопическое произведение, хотя в нем есть и остаточные реалистические решения. В романе "Источник" была поставлена проблема "вторичных", т.е. большинства людей на земле, которые обязаны своим существованием "первичным", ибо могут жить только за счет их таланта. Первичные имплицитно поставлены таким образом в положение, когда их труд человечество обязано высоко оценивать. Что же может произойти, если человечество, как это бывает и как это исторически всегда случалось, откажется выполнять эту свою "обязанность" – это уже проблема следующего романа Р. "Атлант расправил плечи". Первая волна критики, т.е. самый непосредственный и злободневный отклик на появившееся литературное произведение, была более чем недоброжелательна. Р. критиковали все: как справа, так и слева. Более поздние отклики уже не были столь безапелляционно отрицательны, появились упоминания о художественных достоинствах книги, о необычном характере ее героев, о великолепной архитектонике, что вполне справедливо, ибо речь шла о романе, насчитывающем свыше тысячи страниц. С конца 1950-х Р. вплотную занялась философией, выпуская в различные годы такие свои книги, как: "Капитализм: неизвестный идеал" (1966); "За нового интеллектуала" (1961); "Введение в философию познания объективизма" (1979); "Новые левые: антииндустриальная революция" (1971); "Философия: кому она необходима" (1982); "Добродетель эгоизма" (1964), влияние которых Америка ощущает и сегодня. Р. становится одним из наиболее читаемых и изучаемых философов 20 ст. И хотя продано уже более 30 миллионов экземпляров ее трудов, закончен перевод их на многие иностранные языки, интерес к ним не ослабевает. Библиотека конгресса США сообщает, что ее книги, в особенности "Атлант расправил плечи", занимают второе место в опросах о наиболее читаемых книгах, а также о книгах, которые наиболее влияют на выбор жизненной позиции американцев. В кругу ее почитателей – многие из наиболее известных людей Америки. Р. сама признавала, что развить ее философские положения невозможно за жизнь одного поколения людей. Вместе с тем, как признают многие американские критики, Р. была и остается по существу русским мыслителем. Как и большинство оригинальных мыслителей России, она была художником слова, общественным критиком, философом вне рамок любых известных школ, человеком, идеи которого всегда были направлены против традиционных антиномий западной мысли.

Творчество Р. позволяет считать его одной из самых колоссальных (как по объему, так и по масштабам воздействия на умы) и нетривиальных попыток в 20 ст. дать всеобъемлющий ответ на столь актуальные сегодня вопросы "Что делать?", "Кто виноват?", "Тварь ли я дрожащая или..." Несмотря на то, что романы Р. входят в сотню лучших произведений 20 в., ее имя почти неизвестно в странах постсоветского пространства. Место действия романа "Атлант расправил плечи" – Америка. Но это Америка условная: элементарный комфорт постепенно становится роскошью для немногих избранных: множатся и разрастаются кризисные зоны, где люди умирают от голода, в других местах гниет богатейший урожай, потому что его не вывезти; уцелевшие и вновь народившиеся предприниматели обогащаются не за счет производства, а благодаря связям, позволяющим получить государственные субсидии и льготы; последние талантливые и умные люди исчезают неизвестно куда, а правительство борется с этими "временными трудностями" учреждением новых комитетов и комиссий с неопределенными функциями и неограниченной властью, изданием абсурдных указов, исполнения которых оно добивается подкупом, шантажом, а то и прямым насилием над теми, кто еще способен что-то производить. В 1997 в Вашингтоне отметили 50-летие выхода в свет "Атланта".

Р. сумела выразить словами то, во что верит каждый разумный, рациональный, ответственный человек, каждый творец своего счастья: это антиутопия особого рода. Р. изображает мир, в котором человек творящий (будь то инженер, банкир, философ или плотник), разум и талант которого служил единственным источником всех известных человечеству благ, материальных и духовных, поставлен на грань полного истребления и вынужден вступить в борьбу с теми, кого благодетельствовал на протяжении многих веков. Атланты – одни раньше, другие позже – отказываются держать мир на своих плечах. Р. формулирует проблему: что случится, если немногочисленные в каждом, даже самом демократическом обществе творцы вдруг однажды забастуют? Р. еще в середине 20 в. выработала основные положения своей философии, названной объективизмом.

Опираясь на философский опыт прошлого (Аристотель, Дж.Локк, Нозик – **см.**), Р. сумела синтезировать во многом оригинальное учение, возродив интерес интеллектуальных элит к изучению философии в статусе "науки наук". Первое метафизическое положение философии Р. – это концепция existence exists (это есть). Прежде чем рассматривать что-либо, надо вначале определить, что оно существует. Вторая аксиома – живущий человек обладает сознанием. Третья аксиома – это закон тождества: А – это А и не может одновременно быть не-А. Эпистемология Р. построена на схеме "ощущения – восприятие – мышление". Базовая свобода выбора человека заключается в том, чтобы думать или не думать. Разум не работает автоматически. Вы не можете избежать того, что разум является вашим средством выживания. Вопрос "быть или не быть" приобретает форму "думать или не думать". Этика, по мнению Р., применима не ко всему живому, а только к человеку. Этика определяет код ценностей, которые управляют действиями и выбором человека.

Человек должен определить: 1) природу вселенной, в которой он живет, 2) природу средств познания и 3) свое собственное существо. Прежде чем подойти к этике, вы должны ответить на вопросы метафизики и эпистемологии:

"Является ли человек рациональным существом или же он беспомощное слепое существо, щепка, носимая по волнам Вселенной? Возможны ли достижения и наслаждения для человека на Земле или же он обречен на неудачу и поражение? В зависимости от ответов на эти вопросы вы отвечаете на вопросы этики: Что хорошо и что плохо для человека и почему? Является ли первейшей задачей человека поиск радости и счастья или просто бегство от страдания и боли? Является ли целью жизни реализация своих возможностей или саморазрушение? Человек должен жить по своим ценностям или же ставить интересы других выше своих? Должен ли человек искать счастья или самопожертвования? Ответы на вопросы этики определяют, как человек должен относиться к другим людям. Это уже сфера политики, которая определяет принципы подходящей социальной системы. Политическая философия не ответит вам на вопрос, какое количество продуктов питания вы должны получать по карточкам или на сколько надо субсидировать коммунальные услуги. Он вам скажет, имеет ли государство/правительство право ограничивать цены и устанавливать нормы потребления.

Р. является последовательным сторонником капитализма (см.) как самой моральной и экономически эффективной социально ориентированной системы. Этика объективизма выражается очень кратко: основная ценность – жизнь, первичная ценность – рациональность, получатель благ – сам человек. "Ценность", по Р., – это то, что человек хочет получить или сохранить в результате своих действий. Эта концепция предполагает ответ на вопрос о ценности: "ценный кому и за что". Она предполагает человека, способного действовать для достижения определенной цели при наличии альтернативы. Если нет альтернативы, нет и цели, нет ценности. "Альтернатива" не значит наличие выбора. Это значит, что перед человеком есть два возможных результата: или он успешно достигает намеченной цели, или у него это не получается. Если кому-то гарантировано наличие или запрет на определенную вещь, привилегию, кредит вне зависимости от его действий, значит, эта вещь не является ценностью, которую хотят получить или сохранить. К примеру, пища и знания не гарантированы для человека вне зависимости от его действий и пожеланий. В этой ситуации не может идти речь о постановке цели обеспечить это автоматически. Человек должен принять объективные законы без этической оценки. Процесс медленного роста травы и деревьев, реальной зарплаты не может быть плохим или хорошим, потому что природа не предполагает здесь наличия альтернативы. По мысли Р., фундаментальной альтернативой является жизнь или смерть. Человек живет не для того, чтобы следовать каким-то ценностям. Он следует им для того, чтобы выжить и достичь поставленной цели. Сутью самосохранения является безоговорочное принятие верховенства объективных законов природы. Все, что ведет к сохранению жизни, является хорошим, к ее сокращению – плохим. Именно концепция "жизнь" делает возможной концепцию "ценность". Если, к примеру, вы избегаете вопроса вмешательства государства в жизнь человека, то вы даете "добро" неопределенной, неясной идеологии, объясняющей необходимость ограничения свободного выбора человека, но суть процесса от этого не меняется. Особенно иррациональным, согласно Р., является путаница причин и следствий. Нельзя поставить "Я хочу" выше "это есть". Те, которые ставят свой каприз выше и вопреки законам природы, просто путают причину и следствие. Добровольным выбором человека является сохранение жизни, получение знаний, открытие ценностей. Мораль показывает человеку, как поддерживать жизнь. Мораль определяет код ценностей, целостную, иерархичную, непротиворечивую систему принципов, которая позволяет человеку планировать и действовать на далекую перспективу.

По Р., три основные ценности этики объективизма: разум, цель, самоуважение – соответствуют трем добродетелям: рациональность, производительность, гордость. Производительная работа является основной целью жизни рационального человека, разум является источником, предпосылкой продуктивной работы, гордость – это результат. Многие философы отвергают разум, утверждая, что человек должен руководствоваться чем-то другим, отличным от разума. Чем? Верой – инстинктом-чувством – вкусом – капризом? Они сумели убедить политиков, экономистов и простых людей, что основным стандартом ценности является прихоть, которую называют "субъективным выбором" или "эмоциональным обязательством". Они считают, что этика субъективна. Борьба разворачивается только по вопросу, чья прихоть является определяющей – собственно человека, общества или диктатора? Рационализм – разум – объективная реальность были исключены из области этики как несущественные факторы. Именно поэтому в мире по-прежнему идут войны. Глобальная экономическая, экологическая, геополитическая система постоянно находится на грани коллапса, а работающие социально-экономические системы развитых стран не приносят потребителям ожидаемых результатов. Эстетика основана на метафизике, эпистемологии и этике. Некоторые говорят: "Я никогда не рассуждаю такими абстрактными категориями.

По мнению Р., искусство есть отражение действительности человеком через призму его глубинных ценностей. Р. утверждает, что на протяжении более 200 лет И. Кант ("первый хиппи в истории") призывал к разрушению человеческого мозга. Сегодня мы пожинаем плоды данного культурного наследия. Распространение наркотиков среди молодежи свидетельствует о невыносимости внутреннего состояния молодых людей. Они лишены средств познания и ищут возможности ухода от реальности. Молодые люди боятся независимости. Им нужно "принадлежать" к чему-то – к группе, организации, банде. Большинство из них даже не слышало о философии, но многие чувствуют необходимость ответов на фундаментальные вопросы, в надежде, что толпа скажет, как жить дальше. Они готовы подчиниться любому шаману, гуру или диктатору. (Как отмечала Р., "социальное движение, которое началось с тяжеловесных, головоломных конструкций Гегеля и Маркса, закончилось ордой неумытых детей, топающих ногами и визжащих: *Я хочу прямо сейчас*".) Самое опасное – это сдать свою моральную независимость другим. Человек, по Р., должен принять метафизически данное. Он не может его изменить. В то же время он никогда не должен некритично принимать человеком созданное: объектом, институтом, процедурой или правилом поведения. Человеку свойственно ошибаться. Он делает ошибки по незнанию и специально, обманывая и лицемеря. Созданное человеком может быть продуктом гения, а может

быть продуктом тупости, обмана, злобы и т.д. Кто должен судить? Каждый отдельный человек. Сам. Стандартом суждения является метафизически данное. Метафизически данное не может быть правильным или ложным. Оно попросту существует. Оно является стандартом правильности или ложности. Ничто сделанное человеком не должно быть, потому что оно было сделано по выбору. Поднимать бунт против метафизически данного – это отрицать само существование. Принимать созданное человеком – это попытка отрицать свое сознание. Спокойствие приходит от способности сказать "да" действительности. Смелость приходит от способности сказать "нет" неправильному выбору других.

Р. обобществила основные параметры философско-общественного поведения и выделила три архетипа (см.). Она представила развитие мировой философской мысли именно через призму данных архетипов.

Первым философским архетипом является АТТИЛА. Он восстает против разума. Ключом к трактовке его души является стремление к автоматическому сознанию животного без усилий, ответственности. Он не приемлет необходимости и риска и ответственности рационального познания. Есть только один способ выжить для тех, кто не покоряет природу, – покорить тех, кто это делает. Физическое подчинение человека является способом и средством выживания Аттилы. Он относится к людям, как другие относятся к фруктовому дереву или домашним животным, т.е. как к объектам захвата. В отличие от фермеров и садоводов, которые знают, как обращаться с деревьями или животными, Аттила не "опускается" до этого абстрактного уровня. Он не чувствует необходимости понимать, объяснять, как люди могут производить товары. Он всегда отвечает: "Как-то". Вопросы "как" и "почему" отсутствуют в его мозгах. Его потребности – это иметь большие мускулы, мощное оружие или еще большую банду для того, чтобы захватывать тела и продукты людского ума. Его взгляд на мир исключает силу производства. Для него сила разрушения – метафизически всемогуща. Аттила не думает о созидании. Он думает только о захвате. У него нет цели, плана, системы, чтобы навязать побежденным. Его удовольствия ближе к уровню чувственного восприятия: еда, выпивка, роскошное жилье, богатая одежда, секс без ограничений, азартные игры, т.е. все виды деятельности, которые не требуют концептуального уровня сознания. Он не является источником собственных удовольствий. Он желает и добивается того, к чему стремятся люди вокруг, толпа, элита, руководящий класс. Но человек не может жить только сиюминутными потребностями. Ему нужна некая последовательность, некая степень интеграции, взгляд на действительность, даже самый рудиментарный, поскольку его сознание добровольно.

Кто поставляет ему код ценности? – вопрошает Р. Конечно же, ШАМАН. Метод, средство выживания Шамана, по его собственному убеждению, безопаснее, потому что он избегает опасности физического конфликта. Его метод заключается в победе, подчинении тех, кто побеждает тех, кто побеждает природу. Ему не надо управлять телами человека. Ему надо управлять их душами. Для животного абсолютом является все, что соответствует непосредственной реальной действительности, т.е. то, что он непосредственно чувствует и ощущает. Это и есть эпистемологический идеал Шамана. Для него эмоции – это инструменты познания. Желания берут верх над фактами. Он старается избежать риска получения новых знаний, стирая различие между сознанием и действительностью. Он надеется, что автоматическая уверенность и безошибочные знания Вселенной откроются ему сами по себе, если он подолгу будет смотреть в потолок или в ночное небо. Каждый раз, когда его механизм (организм) производит какой-то продукт, он становится непререкаемым стандартом. Если этот продукт входит в противоречие с реальной действительностью, шаман игнорирует действительность. Поскольку конфликт приобретает постоянный характер, он считает, что воспринимает другую, более высокую реальность, в которой его желания всесильны, где возможны противоречия и А может одновременно быть не-А. Единственной мерой правильности его выводов является подчинение других его высшему знанию. Аттила добивается согласия дубинкой. Шаман использует гораздо более мощное оружие: он завоевывает сферу морали. Невозможно превратить мораль в орудие порабощения, если не "развести" разум человека и цель его жизни. Невозможно ухудшить качество жизни человека, если не принять смертельно опасное противопоставление морального и практического. Мораль, по мысли Р., – это код ценностей, который руководит действиями и выбором человека. Если мораль противопоставлена собственной жизни и разуму, то она заставляет человека действовать против себя, т.е. мазохистски вести к собственному разрушению. Человека нельзя превратить в жертвенное животное, если только не разрушить его самоуважение. Нельзя разрушить его самоуважение, если не привести к отрицанию собственного сознания. Нельзя заставить человека отказаться от собственного сознания, если только не убедить человека в бессилии сознания. Секрет могущества Шамана заключается в том, что человеку необходим интегрированный взгляд на жизнь, отдает он себе отчет в этом или нет. Каждый человек, который делает выбор не интересоваться философией, либо по причине умственной лени, трусости или невежества, чувствует, что философия Шамана верна. Первым это чувствует Аттила. Он готов предоставить свое сознание человеку, предлагающему ему защиту от этих неясных вопросов, которые он боится себе задавать. Страх Аттилы перед реальной действительностью так же велик, как и страх Шамана. Мозг Аттилы – это хаотичный набор неинтегрированных абстракций. Мозг Шамана – это набор абстракций, не имеющих отношения к действительности. Ими движут не мысли, а чувства и капризы. Таким образом, они чувствуют потребность друг в друге. Шаман может предоставить Аттиле своеобразную страховку на темное неизвестное будущее. Шаман чувствует, что Аттила может предоставить ему материальные средства к существованию, может защитить от физической реальности. Шаману под прикрытием Аттилы не надо будет предпринимать никаких практических действий. Они оба являются как бы незаконченными. Человек силы и человек чувства ищут способы выживания без участия мозга. Поскольку ни один человек не может избежать концептуального уровня мышления, то и Аттила, и Шаман думают. Но для них мышление – это не средство постижения реального мира. Это средство оправдания своего отрицания рационального восприятия мира. Разум для них – это средство нанесения поражения своим жертвам. Как и грабитель банка проводит годы, планируя коронное ограбление, которое позволит ему

безбедно жить, так и Аттила и Шаман прибегают к различного рода хитростям, калькуляции, чтобы доказать бессилие мысли и разума. Таким образом, по Р., Аттила и Шаман формируют альянс и делят сферы влияния. Аттила берет на себя сферу физического существования, Шаман – сознание человека. Аттила собирает людей в армии, Шаман определяет цель для полководцев. Аттила покоряет империи, Шаман пишет покоренным законы. Аттила управляет страхом, угрозой уничтожения, Шаман управляет через чувство вины. Он убеждает людей в своей никчемности, неважности, импотенции. Аттила превращает жизнь людей в ад на Земле. Шаман говорит, что не может быть иначе. Но их альянс не прочен, потому что построен на взаимном страхе и презрении. Аттила – экстраверт, пренебрегающий сознанием. Шаман – интроверт, с презрением относящийся к физическому миру. Аттила с презрением относится к ценностям, идеалам, принципам, теориям, абстракциям, Шаман – к материальной собственности, богатству, телу человека. Аттила считает Шамана непрактичным, Шаман считает Аттилу аморальным. При этом Шаман считает, что грубая сила руководит миром. Аттила же считает, что есть нечто сверхъестественное, удача.

Против кого же, по мысли Р., образован этот союз? Против ТВОРЦА, производителя. В любой эпохе были, есть и будут люди, которые думают и работают, которые открывают законы Вселенной, которые производят материальные и интеллектуальные продукты. Для этих людей их усилия, их труд – это единственный источник выживания. Творец у Р. – это каждый человек, который работает и знает, что делает. Он является именно тем Атлантом, который держит небо на каменных плечах. Метод использования сознания определяет метод выживания человека. Производитель – это человек разума, мыслитель. Он – забытый историей человек. За редким исключением творцы не определяли стандарты жизни. Большинство обществ управлялось Аттилами или Шаманами. Причина вовсе не во врожденной порочности человека, а в том, что разум – это добровольное качество. Человек сам себе решает, использовать его или нет. Иррациональность – это качество, которое идет, по Р., "по умолчанию". Когда человек делает выбор не прибегать к разуму, его сознание работает на автоматическом полуживотном восприятии. Согласно схеме Р., до философии Древней Греции философия была отдана на откуп различным религиозным группам, которые контролировали жизни людей. Система Платона была памятником метафизике Шамана с полуиллюзорным, неидеальным миром, подчиненным абстракциям. Философия Аристотеля была, согласно Р., "интеллектуальной Декларацией Независимости... Она определила главные принципы рационального взгляда на бытие и сознание: что существует только одна реальность, ... что задача человеческого сознания в том, чтобы воспринимать, а не создавать реальность, и ... что А есть А". Именно Аристотель сформулировал базовые принципы рационального взгляда на жизнь: единственная реальность существует как объективный абсолют (независимо от наших желаний и чувств), мозг человека – это единственный инструмент познания реальной действительности. Греко-римская цивилизация была под доминацией Аттилы, который, однако, вынужден был считаться с влиянием философии (но не веры). Аттила вернул себе полноту власти в эпоху этатизма в Римской империи, что и привело к ее упадку. Средние века – это период правления Шамана в тесном союзе с Аттилой. Шаман контролировал каждый аспект деятельности человека. Философия существовала лишь как служанка теологии. Платон звучал в интерпретации Плотина и Августина. (Р. жестко ассоциировала неоплатоновскую мистику с природой советского режима: "В сегодняшней культуре доминирует философия мистицизма – альтруизма – коллективизма, следствием которой является сильное государство в разных его формах: коммунистическое, фашистское или так называемое государство всеобщего благоденствия".) Работы Аристотеля были практически забыты. Прелюдией к эпохе Ренессанса, согласно Р., был возврат Аристотеля через Фому Аквинского. Ренессанс – возрождение разума – сломал культурную монополию мистицизма. Аттила потерял уверенность в себе. Он, как многие животные, чувствует себя хорошо только тогда, когда ощущает страх оппонентов. Божественные права королей не были оружием против людей, которые открыли права ЧЕЛОВЕКА.

По мысли Р., промышленная революция завершила работу эпохи Возрождения. Она свергла Аттилу с трона. Впервые в истории человечества человек перестал контролировать другого. Люди открыли науку и политическую свободу. Первым обществом в истории, лидеры которого были ни Аттилами, ни Шаманами, а Производителями, были США. Отцы-основатели были политической группой творцов, они отвергли противопоставление "душа – тело", доктрину страдания как метафизической судьбы, импотенцию разума. Возникло общество, построенное на концептуальном уровне сознания, в котором доминирует философия разума. Разум требует свободы, уверенности в себе и самоуважения. Он требует права думать и руководствоваться собственными мыслями в повседневной жизни. Интеллектуальная свобода не может существовать без политической свободы. Политическая свобода не может существовать без экономической свободы. Свободный разум и свободный рынок – это яркий пример причинно-следственной связи. Система, не имевшая аналогов в истории человечества, называется капитализмом. Конечно, оставалась определенная степень государственного вмешательства, но 19 в. был, несомненно, веком экономической свободы.

Капитализм, согласно Р., уничтожил рабство материи и духа. Он заменил Аттилу и Шамана двумя новыми типами людей – 1) производителем богатства и 2) распространителем знаний, т.е. бизнесменом и интеллектуалом. Капитализм требует лучшего в каждом человеке. Он свободен в выборе работы, специализации, потребления. Его успех зависит от объективной ценности его труда и рациональности тех, кто определяет данную ценность. Когда люди могут свободно торговать, когда разум и реальность являются единственными судьями, когда никто не имеет права использовать физическую силу против другого, то победу одерживает лучший продукт ума и рук. В данном контексте две фигуры действуют как сдвоенный мотор: бизнесмен и философ. Философ определяет курс развития общества, передает идеи на уровень университетской профессуры, на уровень писателей, артистов и художников, прессы, политиков, режиссеров фильмов, человеку с улицы. Интеллектуалы являются глазами, ушами и голосом свободного общества. Их работа заключается в наблюдении событий, происходящих в мире,

оценке их значения и информировании людей в других сферах. Свободное общество должно быть обществом информированным. В контексте динамично развивающегося капиталистического общества человеку нужно нечто большее, чем специфические узкие знания его профессии. Чем больше специализация и диверсификация в обществе, тем больше потребность в интегрирующей силе знаний.

Профессиональный бизнесмен, согласно Р., – это исполнитель главнокомандующего свободного общества – УЧЕНОГО. Бизнесмен реализует на практике лабораторные открытия изобретателей и трансформирует их в потребительские товары, которые нужны людям. Используя машины, он увеличивает производительность труда, повышая уровень вознаграждения. Организуя человеческие усилия, бизнесмен создает рабочие места в бесчисленном количестве профессий. Он является тем человеком, который за короткий промежуток времени освободил человечество от бремени физических потребностей, ужасающей нищеты, ручного труда, голода, эпидемий. При этом близнец бизнесмена, интеллектуал, не смог выполнить свою часть работы. Он предал его, привел людей к духовному банкротству. Бизнесмен поднял уровень материальной жизни, а интеллектуал опустил стандарт мысли до уровня немощного варвара. Многие предлагают простое решение – отказаться от материального прогресса. Реальная причина замалчивается. 19 в. – это век политической свободы, науки, промышленности, бизнеса, торговли. Это результат и последнее достижение силы эпохи Возрождения. Но звезда закатилась при помощи тех, кто обязан был поддерживать ее тепло.

По мысли Р., человеком, который окончательно закрыл двери для философии разума, был И. Кант. Кант метафизически выразил психо-эпистемологию Аттилы и Шамана. Он предоставил мир обратно в руки Аттилы, а мораль вернул Шаману. Цель Канта была спасти мораль самопожертвования. Он знал, что она не может выжить без мистической базы, которую необходимо изолировать от разума. Аттила, по Канту, отвечает за мир физических вещей, чувственное и перцептивное восприятие, разум, науку, Шаман – за высшую реальность, которую познает при помощи чувств. Разум и наука ограничены. Они не могут помочь разобраться в фундаментальных, метафизических вопросах существования. Ноуменальный мир непознаваем. Это мир настоящей реальности, вещей в себе, высшей правды, вещей в восприятии человека. В то время как ученые ломали немыслимые барьеры "непознаваемого" в каждой сфере знаний, философия предложила им, согласно Р., "шаманство" Гегеля, предполагавшего, что знания о физическом мире необходимо получать не через наблюдение фактов и закономерностей, а посредством рефлексии внутри Абсолютной Идеи. И это было предложено как философия разума. Как подчеркивает Р., в то время как бизнесмены достигали поразительных успехов в борьбе с бедностью, детской смертностью, освобождая мощь машин во имя повышения уровня жизни самых репрессированных рабочих, философия предложила чистый Аттилизм Маркса, который провозгласил, что разум не существует, что есть только материя, что она развивается сама по себе. Что правильно сегодня, не будет таковым завтра. Материальные средства производства определяют "идеологические надстройки", т.е., по Марксу, машины определяют мышление человека, а не наоборот: мышечный труд является источником богатства, захват всемогущих машин приведет к захвату власти. В виде защиты от шаманства Канта и Гегеля бизнесмену предложили неомистицизм Аттилы в виде прагматизма. Его адепты объявили, что философия должна быть практичной, что нет такой вещи, как объективная реальность или постоянная правда. Правда суть то, что срабатывает сейчас. Ничего нельзя предугадать заранее, реальность эфемерна, постоянное состояние перехода в новое качество. Более склонные к Канту прагматики внесли уточнение в свою философию: поскольку нет объективной реальности, то реальность составляет либо эгоистичный каприз человека, либо демократический каприз большинства, т.е. объективная реальность состоит из коллективного субъективизма. При помощи опросов общественного мнения можно определить ее содержание. О. Конт (см.), основатель позитивизма, является сторонником рациональной, научной социальной системы, основанной на полном подчинении индивидуума коллективу.

По мысли Р., Ницше восстал против этой формы альтруизма, предложив жертвовать другими ради себя. Он утверждал, что идеальный человек движим не разумом, а кровью, врожденными инстинктами, чувствами, что человек от рождения должен требовать жертвоприношения других. Таким образом, Ницше отверг Шамана и вознес на пьедестал моральный идеал Аттилы, что на практике значит двойное подчинение морали Шаману. Г. Спенсер (см.) решил, что теория эволюции и приспособление к окружающей среде являются ключом к морали человека. Он заявил, что моральным оправданием капитализма является выживание видов, человечества в целом. Кто не представляет никакой ценности для человечества, должен погибнуть. Мораль человека – это приспособление к социальной среде. Эволюционное развитие сотрет различие между эгоизмом и бескорыстием. К. Маркс (см.) же (по Р., самый последовательный сторонник альтруистической морали в практике) сказал, что в обществе все должны жертвовать ради всех.

Таким образом, философы оставили в идеологическом вакууме рационально действующих людей, оставив их без кода рациональной морали. Защитники моральных ценностей не предложили ничего иного, кроме самоотречения, самоуничижения, самопожертвования, кроме страдания, вины и смерти. Жертвой импотенции интеллектуалов стал бизнесмен. Они не делали различия между бизнесменом и Аттилой, между производителем богатства и грабителем. Они страшились материальной реальности. Для традиционных философов человек успеха – это все тот же Аттила. Подобно Шаману, они верили, что сила, обман, ложь, экспроприация, порабощение, убийство – это практичные вещи. Интеллектуалы не утруждали себя поиском причин возникновения богатства. Они учили, что причинность – это иллюзия, что только настоящий момент является реальностью. Их аксиома: богатство может быть получено только силой, состояние – это доказательство грабежа. Они объявили бизнесмена грабителем, не делая различия между производством и принуждением. Не делая различия между вознаграждением и террором, интеллектуалы назвали бизнесмена эксплуататором. Не делая различия между торговлей и силой, они назвали его тираном. Принципиальный вопрос, от которого они уходили, это различие между заработанным и не заработанным. Интеллектуалы, согласно Р., провозгласи-

ли себя защитниками бедных и обездоленных, слабых от сильных, забывая при этом, что богатые не являются Аттилами и что сила не является больше грубой физической силой мышц или оружия, а силой ума. Подобно Аттиле, который в эпоху Возрождения искал своего Шамана, интеллектуалы в эпоху промышленной революции искали своего Аттилу. Альтруистическая мораль объединила их и предоставила им искомое оружие. Их объединил социализм. Не бизнесмены и промышленники, не профсоюзы и рабочие, не остатки аристократии начали бунт против свободы, за абсолютное государство. Это начали интеллектуалы – предполагаемые стражники разума, – требующие права насаждать идею силой, т.е. через государство. Они провозгласили государство формой добра, а человеку в нем отводилась всего лишь роль послушного слуги. Единственным оправданием существования человека было служение обществу, которое могло с ним сделать все что угодно.

Развитие тоталитарных систем 20 в. является, согласно Р., прямым следствием философского декаданса, отрицанием философии разума. Р. утверждает, что современную культуру как Америки, так и Европы пронизывает атмосфера вины: не смотри – не суди – не будь уверенным. С точки зрения психологии и теории познания это значит не интегрируй – не оценивай – сдавайся. Многие современные философы заявляют, что никто не может определить, что такое философия. "Не суди" – это карт-бланш для разрушения невинности и справедливости. Идейный сумбур и отсутствие стройной философии общества, построение которого является стратегической целью трансформационных стран, значительно увеличивает социальные издержки и приводит к деградации и разрушению многих общественно полезных связей, а также единого глобального информационного поля.

Р. предлагает свой неординарный взгляд на решение проблем современного мира, являясь автором концепции рационального эгоизма. Концепция "эгоизм" говорит нам не то, какие действия должен совершать человек, а ТОЛЬКО то, кто должен получить пользу от этих действий. Эгоизм, по мысли Р., определяет, что моральным долгом каждого человека является достижение собственного благосостояния. Он не определяет ценностей или добродетелей. Альтернативой является утверждение, что человек должен служить чему-то или кому-то другому: Богу, обществу, диктатуре – за счет отречения от собственного благополучия. Растения и животных нельзя назвать самостоятельными и эгоистичными. Почему за собственные действия по поддержанию жизни человека оскорбительно называют эгоистом? Если человек не получает пользы от использования собственного ума, равно как промышленник не получает прибыли от работы завода, то в отношении завода это называется "социализм", в отношении ума – "вера в лидера". Этика объективизма отвергает понятие эгоизма "делай все, что тебе хочется".

Двумя величайшими социальными достижениями являются, по мнению Р., знания и торговля. Эгоизм не значит, что человек должен изолировать себя от общества. Напротив. Максимально полное удовлетворение личных потребностей возможно только в процессе участия в социальном разделении труда. Принцип торговли является единственным рациональным принципом во всех человеческих отношениях: личных и общественных, духовных и материальных. Это принцип справедливости. Торговец – это человек, который зарабатывает ценности, а не присваивает незаработанное и незаслуженное. Он относится к людям как к независимым субъектам. Он строит свои отношения с ними на основе добровольного обмена различными ценностями, которые во многих случаях не имеют рыночной стоимости (моральное удовлетворение, духовная близость, психологическое удовольствие). При этом обмен приносит пользу обеим сторонам, участникам процесса торговли. Торговец не надеется, что ему заплатят за его неудачи и поражения. Ему платят только за достижения. Другие люди не платят, если он неудачно инвестировал капитал, разместил депозиты в ненадежных банках или не сберегал на старость, образование детей или здравоохранение. Индивидуализм Р. не только отвергает идею, что человек должен жить ради коллектива. Человек, который старается свалить ответственность за поддержание собственной жизни на других, который выживает не за счет своей головы, усилий и действий, а порабощая, эксплуатируя или руководя другими, не является индивидуалистом. Индивидуалист – это человек, который живет для себя и за свой счет: он не приносит себя в жертву и не требует жертв от других. Иррационалист относится к знаниям и объективной реальности как к "ограничениям" своей свободы и требует снятия этих ограничений. С точки зрения Р., "коллективизм не считает жертвенность временным средством, направленным на достижение желаемой цели. Жертва есть самоцель, жертва есть способ жизни. Коллективисты хотят уничтожить независимость, успех, благополучие и счастье человека. Посмотрите на то рычание, ту истерическую ненависть, с которой они встречают всякий намек на то, что жертва не есть необходимость, что возможно общество, не основанное на жертве, и что только в таком обществе человек может достичь благополучия [...] Если вы хотите увидеть ненависть – не смотрите на войны и концлагеря, все это лишь следствие. Почитайте труды Канта, Дьюи, Маркузе и их последователей, и вы увидите чистую ненависть – ненависть к разуму и ко всему, что он за собой влечет – способности, достижения, успех".

Я.Ч. Романчук

RESSENTIMENT (фр. "мстительность") – понятие, имеющее особое значение для генеалогического метода Ф. Ницше. Сам Ницше предпочитал употреблять слово "R." без перевода. Впоследствии понятие "R." приобрело большую популярность и стало использоваться в трудах многих европейских мыслителей.

Так, в книге Шелера (см.) "Ресентимент в структуре морали" автор следующим образом объясняет значение данного феномена: "В естественном французском словоупотреблении я нахожу два элемента слова "ресентимент": во-первых, речь идет об интенсивном переживании и последующем воспроизведении определенной эмоциональной ответной реакции на другого человека, благодаря которой сама эмоция погружается в центр личности, удаляясь тем самым из зоны выражения и действия личности. Причем постоянное возвращение к этой эмоции, ее переживание резко отличаются от простого интеллектуального воспоминания о ней и о тех процессах, "ответом" на которые она

была. Это – переживание заново самой эмоции, ее послечувствование, вновь-чувствование. Во-вторых, употребление данного слова предполагает, что качество этой эмоции носит негативный характер, т.е. заключает в себе некий посыл враждебности... это блуждающая во тьме души затаенная и независимая от активности Я злоба, которая образуется в результате воспроизведения в себе интенций ненависти или иных враждебных эмоций и, не заключая в себе никаких конкретных намерений, питает своей кровью всевозможные намерения такого рода".

В философии Ницше R. предстает в качестве движущей силы в процессе образования и структурирования моральных ценностей. Он характеризует его как смутную автономную атмосферу враждебности, сопровождаемую появлением ненависти и озлобления, т.е. R. – это психологическое самоотравление, проявляющееся в злопамятстве и мстительности, ненависти, злобе, зависти. Однако взятые по отдельности все эти факторы еще не образуют самого R., для его осуществления необходимо чувство бессилия.

Итак, истина первого рассмотрения (1) – это психология христианства: рождение христианства из духа R., т.е. движение назад, восстание против господства аристократических ценностей. Моральный закон, по Ницше, не существует a priori ни на небе, ни на земле; только лишь то, что биологически оправдано, является добром и истинным законом для человека. Поэтому только сама жизнь имеет ценность. Каждый человек имеет такой тип морали, который больше всего соответствует его природе. Из этого положения Ницше и выводит свою историю морали – вначале мораль господ (сильных людей), а затем победившая ее мораль рабов (победили не силой, а числом). Предпосылками рыцарски-аристократических суждений ценности выступают сила тела, цветущее, бьющее через край здоровье, а также сильная, свободная, радостная активность, проявляющаяся в танце, охоте, турнире, войне. Параллельно с такого рода суждением существовал и жречески-знатный способ оценки (который впоследствии будет доминировать) со свойственными ему нездоровьем, пресыщением жизнью и радикальным лечением всего этого через Ничто (или Бога). Однако главной характеристикой такой оценки Ницше считает бессилие, из которого и вырастает затем ненависть, из которой, в свою очередь, и возникает рабская мораль. Евреи, по мысли Ницше, этот "жреческий" народ, всегда побеждали своих врагов радикальной переоценкой их ценностей, или, по словам философа, путем акта духовной мести. Именно евреи рискнули вывернуть наизнанку аристократическое уравнение ценности ("хороший = знатный = могущественный = прекрасный = счастливый = боговозлюбленный"). Для Ницше такой акт ненависти – это не вина, не преступление, а естественный ход истории морали: чтобы выжить и сохранить себя как народ евреям необходимо было совершить акт бездонной ненависти (ненависти бессилия) – свою слабость они сделали силою. И теперь только отверженные, бедные, бессильные являются хорошими, только страждущие, терпящие лишения, больные являются благочестивыми и только им принадлежит блаженство. Христианство в полной мере унаследовало эту еврейскую переоценку. Так, заключает Ницше, именно с евреев начинается "восстание рабов в морали", так как теперь R. сам становится творческим и порождает ценности. Если всякая преимущественная мораль начинается из самоутверждения: говорит "Да" жизни, то мораль рабов говорит "Нет" всему внешнему, иному. Это обращение вовне вместо обращения к самому себе как раз и есть, по Ницше, выражение R.: для своего возникновения мораль рабов всегда нуждается в противостоящем и внешнем мире, т.е. чтобы действовать, ей нужен внешний раздражитель, "ее акция в корне является реакцией". Ницше отмечает, что человек аристократической морали полон доверия и открытости по отношению к себе, его счастье заключается в деятельности. Наоборот, счастье бессильного выступает как наркоз, "передышка души", оно пассивно. Человек, характеризующийся R., лишен всякой открытости, наивности, честности к самому себе. Если сильным человеком овладевает R., то он исчерпывается в немедленной реакции, оттого он никого не отравляет. Таким образом, из неумения долгое время всерьез относиться к своим врагам проистекает уважение к ним, т.е., по Ницше, настоящая "любовь к врагам своим". Творчество "человека R." измышляет себе "злого врага" и, исходя из этого, считает себя "добрым". Первоначальная нацеленность ненависти постепенно размывается неопределенностью самого процесса объективации. R. больше проявляется в той мести, которая меньше нацелена на какой-либо конкретный объект.

R. формирует чистую идею мести, он лучше всего "произрастает" там, где есть недовольство своим положением в иерархии ценности. Отсюда можно выделить две формы R.: месть, направленная на другого, т.е. другой виноват в том, что я не такой как он; месть, направленная на самого себя, самоотравление. Если первая форма относится к экстравертируемой модели R. – восстанию рабов в морали, то вторая относится к интровертирусмой – аскетическому идеалу.

Т.Г. Румянцева, И.И. Сидоренко

С

САГАНЕНКО Галина Иосифовна (р. 1940) – российский социолог, специалист в области методики и техники социологического исследования, а также социологии образования и культуры.

Окончила ЛГУ (1963). Кандидат философских наук (1974), доктор социологических наук (1992), профессор (1996).

В 1963-1967 – лаборант социологической лаборатории философского факультета ЛГУ. С 1967 работает в АН СССР (РАН).

В своих исследованиях С. осмысливает методико-техническую базу социологического анализа, результаты разработок методов многомерного анализа в эмпирическом исследовании; принципы и методы сравнительного исследования по "жесткой технологии", а также методологию "мягких" лонгитюдных исследований и компьютерной программы контент-анализа.

Основные работы: "Социологическая информация" (1979); "Методологические проблемы оценки надежности сдвигов при повторных исследованиях (по материалам сравнительных исследований отношения к труду 1962 и 1976 гг.)" (1982); "Надежность результатов социологического исследования" (1983); "Компьютерная система "ДИСКАНТ": концептуальное обоснование качественно-количественного анализа массивов с текстами" (1995, соавтор) и др.

САКРАЛИЗАЦИЯ (от лат. sacer – посвященный богу и sacrum – священное) – 1) наделение какого-либо объекта (вещи, явления, животного, человека) священным содержанием, необычным качеством. Понятие "С." выражает представление о разделении мира на профанный (светский, обычный) и сакральный (священный, трансцендентный). Соотношение этих двух миров характеризуется некоторыми особенностями: во-первых, сакральное невыразимо по своей природе и может быть приближено к человеку (его пониманию) только через символ; во-вторых, общение с сакральным требует особой церемонии, придающей человеческому действию священный смысл.

Исторический анализ позволяет установить этапы эволюции понятия о сакральном: первый этап – под сакральным понимается все необычное (как позитивное, святое, так и негативное, проклятое); второй этап – сакральное обозначает существующий порядок, норму и образец действий; третий этап – сакральное функционирует как святое, как идеал и выступает, по мнению Т. Парсонса (см.), как синтез категорий ума и категорий морали. Сакральный мир, считал Э. Дюркгейм (см.), есть совокупность "священных вещей", т.е. "отделенных, запретных вещей", выражающих социально значимые смыслы и отражающих общественную природу человека; разделение на профанное и сакральное является основным признаком религии. Д. Белл (см.) вслед за Дюркгеймом считает, что священное "выделилось как коллективное сознание людей". Многие исследователи (в частности, представители феноменологической школы) убеждены, что С. является естественным механизмом воспроизводства культуры и коренится в самой природе человека, который испытывает необходимость в С. ("трансцендировании") своего биологического существования (Т. Лукман – см.); именно посредством С. (наделения человеческого мира смыслами и значимостями) религия тысячи лет противостоит когнитивному и социальному хаосу (П. Бергер – см.).

2) В религиоведении С. – процесс распространения религиозного мировоззрения и мироощущения в личном и массовом сознании, рост влияния религии в системе общественных и частных отношений. Основной признак С. – появление в культурном обороте религиозных символов и сюжетов как смыслозадающих, объяснительных и санкционирующих схем.

Понятия "С." и "секуляризация" отражают историческую динамику взаимоотношений религии и общества, культуры. С. выступает неотъемлемым элементом процесса формирования и развития человеческого общества: религия (особенно на ранних этапах истории) является важнейшим средством санкционирования всей общественной (власть, политика, право, образование) и личной (семья, хозяйственный уклад, быт, праздники) жизнедеятельности людей. Пик С. для европейского общества и культуры приходится на эпоху Средневековья, когда "главным принципом или главной истиной (ценностью) был Бог. Все важные разделы средневековой культуры выражали этот фундаментальный принцип или ценность" (П. Сорокин – см.). Основной механизм функционирования средневековой жизни – религиозное санкционирование практически любого действия (поступка и мысли), что опиралось на "абсолютную убежденность в самодостаточности Христианского Откровения" (Э. Жильсон).

Начиная с 15 в. С. уступает место процессу секуляризации как одной из важнейших характеристик европейской культуры; но такую смену направлений в религиозности Европы не следует понимать как линейный и однозначный про-

цесс: С. и секуляризация сосуществуют как тенденции одновременно, изменяясь с течением времени по значимости, масштабности, специфике конкретных проявлений и т.д. Во второй половине 20 в. например, наблюдаются явные признаки нарастания С. (рост интереса к религии, появление большого числа нетрадиционных религий и т.п.).

Среди причин современной С., которые крайне разнятся по своему содержанию и значимости, следует отметить: 1) корни религии (гносеологические, психологические, социальные, бытовые и др.) как совокупность условий ее появления и воспроизводства; 2) политическую конъюнктуру как фактор привлечения религии к сфере социального управления и власти; 3) интерес к традиции, следование моде как неотъемлемый элемент организации человеческого поведения; 4) кризис позитивистского, материалистического мировоззрения как причину поиска альтернативных объяснительных схем.

Д.К. Безнюк

САЛЛИВАН (Sullivan) Гарри (1892-1949) – американский социолог, психиатр и психолог; автор оригинальной концепции психиатрии как научной дисциплины о межличностных взаимоотношениях. Представитель неофрейдизма (**см.**). Доктор медицины (1917), профессор. Окончил Чикагский колледж медицины и хирургии (1917). При жизни С. опубликовал единственную книгу "Концепции современной психиатрии" (1947). Ученики и последователи С. издали его книги "Межличностная теория психиатрии" (1953), "Психиатрические беседы" (1954), "Клинические исследования в психиатрии" (1956), "Шизофрения как человеческий процесс" (1962), "Психопатология личности" (1972) и др.

Дистанцировавшись от некоторых биологизаторских подходов психоанализа (**см.**), С. осуществил его социологическую модернизацию, создав "межличностную теорию психиатрии", утвердившую реальные и воображаемые межличностные отношения в качестве главной детерминанты психической эволюции человека. Как отмечал С., "личность никогда не может быть изолирована от комплекса межличностных отношений, в которых она живет". По мысли С., представления о целостности отдельной личности являются мифом; он разработал концепцию личности как многокомпонентной системы, являющей собой продукт межличностных отношений и существующей только в них. Согласно С., личность (**см.**) оказывается лишь "квазистабильным фокусом в системе межперсональных отношений" или "относительно устойчивой моделью повторяющихся межличностных ситуаций, характеризующих человеческую жизнь". Главным мотивом социального поведения С. рассматривал гомеостазис. В контексте социально-исторической изменчивости природы межличностных отношений, С. вычленил ряд стадий онтогенетического развития личности.

В качестве основных элементов структуры личности С. полагал: 1) систему динамизмов (особых энергетических образований, обеспечивающих удовлетворение потребностей и проявляющихся в межличностных отношениях). "Динамизмы", как полагал С., суть механизмы мышления и памяти, реализующие, в частности, функцию защиты от внешнего беспокойства; 2) систему персонификаций (сформировавшихся образов себя и окружающих, стереотипно определяющих отношение к себе и другим); 3) систему когнитивности (когнитивных процессов), включающую в себя "прототаксис" – инфантильное, бессвязное течение и переживание идей, "паратаксис" – фиксацию связей лишь между связанными во времени событиями, безотносительно к их логическому значению, и "синтаксис" – оперирование символами, значение которых принимается и разделяется социальной группой.

В качестве основного механизма защиты личности С. рассматривал "систему самости", являющую собой особую инстанцию личности, санкционирующую и запрещающую различные образцы поведения в зависимости от конкретных межличностных ситуаций. Основной целью собственных теоретических и практических разработок С. считал формирование адекватного приспособления личности к окружающим людям посредством развития ее защитных механизмов. Разработал метод "психиатрического интервью" ("психиатрической беседы"), обеспечивающей активное воздействие психиатра на межличностную ситуацию. Оказал влияние на развитие модернистских версий психоанализа, психиатрию, психологию и социологию малых групп.

А.А. Грицанов

САМНЕР (Sumner) Уильям Грэм (1840-1910) – американский социолог, профессор Йельского университета. С. представил студентам систематизированный курс лекций по социологии "Наука об обществе».

Основными принципами социологии С. считал неуклонный и автоматический характер общественной эволюции, а также всесилие и универсальность естественного отбора и борьбы за существование.

Эволюция, по С., прокладывает себе путь через борьбу за существование, которая столь же "естественна", как сама эволюция или гравитация. Социальное неравенство, с точки зрения С., выступает как естественное состояние и необходимое условие развития цивилизации. Идея естественного отбора трактуется С. как идея естественности и закономерности социального отбора. Нарастание имущественного неравенства, по мнению социолога, – не препятствие общественному прогрессу, а его предпосылка и условие.

Тем не менее, приступив на основе социологического анализа большого этнографического материала к изучению нормативных элементов общественной жизни, С. несколько отошел от традиционалистских представлений.

Первичным фактором, определяющим развитие общества и его социальную структуру, С. считал нравы и "народные обычаи", понимавшиеся им как всякий способ мышления, чувствования, поведения и достижения цели, общий для членов социальной группы.

Анализируя механизмы формирования народных обычаев, или стандартизированных нормативов поведения, С. отмечал, что "действие, в котором формируются народные обычаи, состоит в частом повторении мелких актов обычно большим количеством людей, действующих сообща или по крайней мере действующих сходным образом перед лицом одной проблемы".

Абсолютизируя процессы борьбы за существование и их роль в человеческих сообществах, С. трактовал "народные обычаи" как бессознательно складывающиеся способы борьбы людей между собой и с окружающей живой природой. Основополагающими мотивами человеческих действий он считал голод, сексуальную страсть, честолюбие и страх.

Анализ механизмов возникновения обычаев и привычек С. осуществлял исходя из того, что способы деятельности, которые вырабатываются людьми для удовлетворения потребностей,

постепенно становятся рутинными и выступают для индивида уже как привычки. В результате этого индивид соответствует собственному общественному окружению как участник деятельности социальной группы, как существо, принимающее ее нормы.

Определенную популярность приобрели в западной социологии выработанные С. понятия "мы-группа" и "они-группа", посредством которых фиксировались социальные отношения и установки. По С., "мы-группа" характеризуется отношениями солидарности и сплоченности, а взаимоотношения "мы-группа" и "они-группа" – определенной напряженностью и враждебностью. Эти отношения, свойственные главным образом "примитивным обществам", С. непосредственно связывал с "этноцентризмом", понимаемым им как склонность человека к восприятию и оценке окружающего мира сквозь призму представлений той социальной группы, к которой он принадлежит.

Полагая, что собственная социальная группа является для человека центром всего, а все остальные ранжируются и оцениваются по отношению к ней, С. предложил представление об обществе как конгломерате конкурирующих групп, стремящихся осуществить основную цель жизни – поддержание ее самой.

Это воззрение на общество обусловило мнение С. о том, что стихийная природа всех социальных процессов делает невозможным регулирование людьми собственной общественной жизнедеятельности.

Ограничившись в основном лишь социопсихологической интерпретацией изучаемых и реконструируемых процессов и явлений, С. тем не менее сумел получить ряд значимых результатов, в том числе – постановку проблемы о роли социальных норм в жизни людей.

А.А. Грицанов, В.И. Овчаренко

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ (англ. self-determination) – процесс и результат выбора личностью (**см.**) своей позиции, целей и средств самоосуществления в конкретных обстоятельствах жизни; основной механизм обретения и проявления человеком свободы. До последнего времени тема С. была неактуальна для отечественной социокультурной ситуации. Вычленялась и обеспечивалась лишь сфера профессионального С. (и то только в области выбора вида профессиональной деятельности). В остальных сферах С. носило формальный и декларативно-демонстративный характер.

Актуализация темы С. обусловлена как минимум двумя социокультурными процессами. Во-первых, это нарастание глобальных изменений в обществе, порождающее для каждого человека необходимость выработки собственного отношения к происходящему – т.е. С. становится составной частью процессов, связанных с принятием человеком жизненно важных решений (от поиска новой работы или выбора сферы деловой активности до выбора кандидатов в органы власти). Во-вторых, это разрушение выстроенного в советское время идеологического барьера, который отделял советское "социальное пространство" от всего того, что составляет духовное богатство современного общества (достояний мировой культуры, философии, религии, искусства) – т.е. у человека в плане понимания собственной истории, личных "корней", принадлежности к культурным традициям и многому другому возникают проблемы С., обусловленные образовавшимся "вакуумом" в том месте, которое ранее занимала марксистско-ленинская идеология. Человек как субъект собственной жизни характеризуется жизненным С. – более широким, чем профессиональное, нравственное или гражданское. Смысл жизненного С. – включение в систему ценностей, которые поднимают жизненную активность субъекта на принципиально иной уровень – уровень жизненного "пути" уже не столько человека как такового, сколько ценностей, с которыми он себя идентифицировал и занял свою позицию в социокультурном пространстве. Занимая определенную позицию, предвосхищая свое будущее, осознавая свои реальные достижения и недостатки, человек стремится к самосовершенствованию посредством собственной деятельности, общения с другими людьми. Он выступает как субъект собственного развития, определяющий свою жизненную программу. Для него возникает потребность в самосовершенствовании, в построении себя как личности. Расширение же границ собственных возможностей есть управление развитием, которое можно описать формулой: "С. + самопреодоление".

С. можно понимать как установление внутренних ограничений на собственную деятельность, как расширение границ собственных возможностей, направленных на реализацию замыслов, осуществляемых в рамках принятых ограничений. Саморазвитие обусловлено осознанием несовпадения Я-идеального и Я-реального, борьбой мотивов, преодолением недостатков через организацию деятельности и поведения. Суть процесса С. и состоит в актах выявления и утверждения индивидуальной позиции в проблемных ситуациях, когда человек оказывается перед необходимостью альтернативного выбора и должен принимать экзистенциальные или прагматические решения. Результат С. – выход человека на цели, направления и способы активности, адекватные его индивидуальным особенностям, и на формирование духовной самоценности, способности через целеполагание самобытно и самостоятельно реализовать свое природное и космическое предназначение. Ситуация С., а не просто выбора из альтернатив, С. как движения в основаниях своих действий, дел и деяний может рассматриваться как своеобразная единица творческого процесса развития личности.

Концептуальная схема С. описана как движение в четырех смысловых пространствах: ситуативном, социальном, культурном и экзистенциальном. Поиск оснований для решений в проблемной ситуации в зависимости от типа С. может разворачиваться: как ситуативное поведение, направляемое обстоятельствами (ситуативное пространство); как социальное действие, детерминированное локальной целью (социальное пространство); как рефлексия собственной деятельности и придание ей статуса "дела", вписываемого в некоторую культурную традицию (культурное пространство); как рефлексия бытия и, соответственно, движение в вечных ценностях и вопросах (экзистенциальное пространство). Последовательная рефлексия действий, деятельности, бытия выступает в схеме в качестве способа С., побуждением к которому служат оценивание результатов ситуативного поведения, анализ результатов и последствий самостоятельной деятельности, установление ограничений на собственные замыслы в процессе рефлексии их реализации. Кроме того, рефлексия служит ключом к реализации, средством интенсификации интеллектуальных функций (мышления, понимания, мыслекоммуникации, мыследействия). В сфере образования (**см.**) наряду с процессом передачи знаний происходит и другой процесс – передачи способов С. Образование становится той сферой, в которой создаются прецеденты и образцы С.

Концепция С. по-новому ставит вопрос об "объекте" образования. Им не может выступать ни отдельная личность, ни класс (группа, коллектив), а лишь образовательный материал

(предметы, явления, символы, модели, ситуации, ценности, деятельность, отношения, психологическая атмосфера), в процессе выбора, исследования и преобразования которого происходит С. и саморазвитие субъекта образования (учителя, ученика, взаимодействующей группы, сообщества и т.д.). С. лежит в основании инновационной педагогики, которая ведет к такому типу образования, к такой работе с обучающим, воспитывающим материалом, которые изменяют и сам материал, и самих субъектов образования, и их взаимодействие, взаимовлияние.

С.Б. Савелова

САМОСОЗНАНИЕ (само-со-знание) – противоположное осознанию внешнего мира (объекта) переживание единства и специфичности "Я" как автономной (отдельной) сущности, наделенной мыслями, чувствами, желаниями, способностью к действию. Включает в себя процессы самопознания (само-познания), самоидентификации, самоопределения. Внешне проявляется как система предъявляемых (явно и неявно) самооценок и оценок других, помещающаяся в основание задаваемой модели познавательных и социальных дистанций, позволяющих мне определять мое место в системе складывающихся вне меня связей и отношений как в теоретическом, так и практическом их срезе, а также вырабатывать механизмы самоутверждения меня в мире и самозащиты меня от мира, определяющие индивидуальные качества личности. Это вынесение себя и своего сознания вовне дополняется и фундируется обращением индивида на самого себя, направленностью сознания на самое себя, т.е. "вовнутрь".

С. есть осознание собственных ценностно-символических оснований, предельных смыслов, задающих меня, мои знания, мои возможности отношения с миром и с самим собой. В С. "Я" познает себя и свое сознание, оценивает свое знание, т.е. собственные условия-предпосылки, как бы наблюдая себя со стороны, выходя за собственные пределы, одновременно оставаясь в них (последнее верно только для западной традиции). Отделяя сущности от данностей с помощью мышления (в восточной традиции – отстраняясь от мира), "Я" в понимании простраивает субъективное отношение к предмету, другому и себе как рефлексирование, переинтерпретацию и реорганизацию смысловых структур своего бытия (в восточной традиции – "снимая" субъективное и иные привязки к внешнему миру, а тем самым и саму возможность "Я"). И в восточной и в западной версиях речь идет о самоочищении сознания (выявлении "чистого" сознания) в процессах познания и самопознания. Однако это принципиально разные ориентации: Восток проговаривает необходимость элиминации мышления, возможности безобъектного ("не вовлеченного") сознания, снятии С. (будь то в пассивном пути дао или активных практиках йоги или дзена). Запад принципиально настаивает на опосредовании процессов осознавания мышлением, интенциональности сознания (его направленности всегда "на", его необъяснимости из самого себя), его переводимости и постоянном переходе в С. По сути, речь идет о двух различных установках: негативной (Восток) и позитивной (Запад). Позитивная установка предполагает переопределение позиций в смысловых полях, изменение смысловых границ и систем ценностей ("виденний" – неокантианство, "горизонтов" – феноменология, "перспектив" – символический интеракционизм, "ситуаций" – прагматизм и т.д.). Она предполагает реализацию "проекций", "объективаций", "означиваний", т.е. "привязку" к внешнему, удержание себя в мире, а также различение осознаваемых и неосознаваемых (бессознательное) мыслительных процессов (психоанализ, философия жизни и др.) и признание различных состояний – резче: множественность – "Я" (открытие разных типов рациональности и изобретение схем работы со многими знаниями). В конечном счете эти разные ориентации породили и разные техники работы с собой и своим сознанием – прежде всего медитацию (Восток) и оформляемую в мышлении и посредством мышления рефлексию (Запад). При этом рефлексия может быть рассмотрена как способ перехода от "неявного" в С. (бессознательного, латентного, личностного и т.д.) к явному, но не через работу с предметными содержаниями (смутными или, наоборот, самоочевидными), что есть проблема и задача когнитивных практик (стратегий), но через выявление субъективных отношений к неявному, т.е. через его проблематизацию и выявление лакун, не заполненных знанием и готовыми схемами действия, рационализированными в мышлении; или – другая сторона этого же – через вписывание себя в контексты ситуаций и действий. Рефлексия не имеет собственных содержаний, она есть своего рода остановка в мышлении, попытка увидеть себя в прошлом (в сделанном, прожитом) с поиском в нем опор для определения векторов движения и выявления его смыслов, через понимание (не транслируемых в рационально оформляемых в мышлении схемах) личностных контекстов. Таким образом, речь как раз и идет о проявлении своих самоидентификаций и самоопределений в прошедших жизненных и познавательных ситуациях, выявлении наличных знаний и способов (методов) работы с ним для определения через себя новых возникающих ситуаций (или, в данном случае, действительности). Коль скоро ситуация не видна из самой себя, она должна быть осмыслена в более широкой рамке. Такой предельной рамкой выступает трансцендированное вовне (само) сознание социума – его культура, задающая предельные границы возможных (улавливаемых) для любого "Я" смыслов и координаты для самоидентификаций и самоопределений – абсолютизируемые в культуре ценности и символы. С. культуры, в свою очередь, наиболее адекватно схватывается (проявляется) в философской и/или методологической рефлексии, задающей, соответственно, видения, горизонты, перспективы, ситуации и т.д. для специфицированных и индивидуализированных С. Сознание не локализуемо в каждом отдельном субъекте, оно тотально. Мысль (идея) случается, она развивается и разрабатывается мышлением, фиксируется и переинтерпретируется в рационализированных системах знания, но не вырабатывается в мышлении. Последнее структурируется и процессуализируется, развивается в той или иной традиции культуры. Сознание же, в силу своей тотальности и целостности ("нерасчленимости"), реализуется как С., как способность быть "здесь-и-теперь" в культуре через различные состояния сознания или множественность сознаний, обусловливающих возможные познавательные процедуры.

Установка на осознание сознанием самого себя задана в философии Нового времени Р. Декартом в его "cogito ergo sum": "Если я осознаю, что любые мои действия, в том числе сомнение и отрицание, есть проявление мышления (и, следовательно, оно неустранимо, неотрицаемо), то я как субъект мышления осознаю себя существующим". Установка на С. как наблюдение внутреннего опыта, деятельности и способов ее проявления была сформулирована Дж. Локком. Как осознание сознанием собственных содержаний трактовал С. философ Г. Лейбниц. Переинтерпретация соотношения осознания внешнего мира и С. принадлежит в новоевропейской традиции И. Канту: "Сознание моего собственного наличного бытия есть одновременно непосредственное

осознание бытия других вещей, находящихся вне меня". При этом С. может схватываться как в логической (через сопоставление представлений), так и в трансцендентальной (через установление связи представления с познавательной способностью) рефлексиях. Г. Гегель переинтерпретировал проблему в "Философии духа" как процессуальность саморазвертывания духа в его рефлексии о самом себе. "Перевернул" же проблему И. Фихте, у которого не сознание реализуется "в" и "через" С., а "Я" полагает само себя, свое собственное бытие", именно "Я" полагает "не-Я", т.е. сознание не дано, а задано, порождает себя (синтез "Я" и "не-Я" задается в абсолютном "Я").

Момент предзадаваемости С. структурами практик и культурными формами актуализировала "философия действия" или "социального активизма" (соответственно – марксизм и особенно неомарксизм и неогегельянство). Тема горизонта "жизненного мира" и феноменологической редукции введена феноменологией (специально разрабатывалась в феноменологической социологии), а тема выявления экзистенции как основы С., оставляющая человека один на один с голосом собственной совести в страхе перед "небытием" ("ничто", "пустотой" и т.д.), – экзистенциализмом. Новый поворот проблематике С. задала ее психологизация и социологизация, пошедшая по пути расщепления "Я": соотношение субъективного, отраженного (зеркального) и ролевого "Я" в структурно-функционалистских версиях социологии личности; структур "сверх-Я", "Оно" и "Я" во фрейдизме (**см.**); структур "I" и "me" в символическом интеракционизме (**см.**); проблема "Я – Я" и "Я – Он" в концепции автокоммуникации; соотношение отношений "Я – Ты / Мы" и "Я – Он / Они" ("Оно") в диалогических концепциях и т.д.

В рамках социологии С. рассматривается как присущее не только индивиду, но и социальной группе, классу, этносу, обществу в целом, когда они осознают себя субъектом практической и познавательной деятельности, а также вырабатывают общие идеалы и понимание собственных интересов. В данном случае С. понимается как единство самопознания, эмоционально-ценностного отношения к себе, самоориентации и саморегулирования социальных субъектов, проявляемое в их поведении, деятельности и общении. Внутренним механизмом саморегулирования действенно-волевой сферы С. выступают системы самооценок социальных субъектов, которые закладывают основы их мировоззрений и могут быть институциализированы как отдельные от этих субъектов системы идеологических представлений или идеологии. В современных философских подходах в целом происходит перенесение акцентов с познающего на познаваемый субъект, само С. трактуется не как начало, а как итог реконструкции в познавательных процедурах действий субъектов в рамках той или иной культуры, которая, в свою очередь, понимается как фиксируемая в языковых (дискурсивных) практиках и представляющая собой нецентрированный гипертекст. Отдельной проблемой является выработка процедур и техник открытия замкнутых структур теоретического (научного, аналитического) мышления как опосредующего процессы С. в современных социокультурных ситуациях.

В.Л. Абушенко

"САМОУБИЙСТВО" – книга Э. Дюркгейма (**см.**), увидевшая свет в 1897. Опровергая исключительно психологические трактовки С., Дюркгейм социологически исследовал этот феномен. При анализе С. становится преобладающим понятие аномии (**см.**) – отсутствия или дезинтеграции норм, правил. Кроме того, Дюркгейм обращает внимание при анализе С. на такие феномены, как экономический кризис, плохое приспособление трудящихся к условиям работы, необузданность требований индивидов по отношению к коллективу. Все эти феномены – социальная патология, подталкивающая индивидов к добровольному уходу из жизни. По определению Дюркгейма, "самоубийством называется каждый смертный случай, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах".

Положительное действие в таком случае: выстрелить себе в висок из пистолета. Отрицательный поступок: не покидать горящего дома или отказываться от какой бы то ни было пищи до наступления смерти. Голодовка, приводящая к смерти, есть пример С.

Дюркгейм считал, что необходимо отличать С. как индивидуальный феномен (такой-то человек при таких-то обстоятельствах покончил с собой) от уровня С. как социального феномена, который и должен изучить и объяснить социолог. С теоретической точки зрения самое важное здесь – определить зависимость между индивидуальным (С.) и общественным (уровень С. в обществе) феноменом.

Определив суть явления С., Дюркгейм отбрасывает разного рода психические объяснения, когда врачи или психологи при исследовании индивидуальных С. детерминировали их психологическими или психопатологическими факторами. Он, конечно, признает наличие психологической предрасположенности к С., которую можно объяснить с точки зрения психологии или психопатологии, но основной фактор, предопределяющий С., носит, по его мнению, не психологический, а социальный характер.

Дюркгейм выделял три типа С.: 1) эгоистическое, 2) альтруистическое, 3) аномическое.

1) *Эгоистическое* С. рассматривается посредством корреляции между показателями С. и социальными рамками – интеграторами, в частности религией и семьей, причем последняя рассматривается в двух аспектах: брак и дети. Попытки С. варьируются в зависимости: 1) от возраста, т.е., как правило, растут вместе с ним; 2) от пола: у мужчин показатель выше, чем у женщин; 3) от религии: у протестантов чаще, чем у католиков; 4) от семейного положения: для замужних женщин, не имеющих детей, характерно возрастание числа С. Таким образом, от решимости совершить С. человека защищает не столько сам брак, сколько семья и дети. Притом женщина без детей страдает больше от фрустрации. Этот тип С. обозначается Дюркгеймом термином "эгоизм": мужчины или женщины более склонны к покушению на собственную жизнь, когда они думают только о самих себе, не интегрированы в общественную группу, когда двигающие их желания не соотнесены с групповой оценкой этих желаний и со значением долга, налагаемого близкой и прочной окружающей средой.

2) *Альтруистическое* С. – акт, совершаемый вследствие бескорыстной готовности жертвовать собой для других или ради возвышенной идеи, служения долгу. В архаичном обществе: вдова у индейцев готова взойти на костер, где должно быть сожжено тело ее мужа. Здесь С. происходит не от избытка индивидуализма, а наоборот, вследствие полного растворения индивида в группе. В современном обществе: командир корабля, не желая пережить его гибель, из альтруизма кончает жизнь С. Он жертвует собой во имя интериоризированного социального императива, сознательно подавляя в себе инстинкт самосохранения.

3) *Аномическое* С. – специфический тип добровольного ухода из жизни, приобретающий широкое распространение в те периоды развития общества, когда происходит массовое нарушение наиболее значимых для общества и индивида норм, правил поведения ("аномия", по терминологии Дюркгейма). Оно выявляется с помощью статистической корреляции между частотой С. и фазами экономического цикла. Статистика обнаруживает тенденцию роста числа С. в периоды экономических кризисов и, кроме того (что самое интересное и неожиданное), в периоды высшего благополучия. Интересен и другой феномен: во время значительных политических событий обнаруживается тенденция к сокращению частоты С.: в годы войны число С. уменьшается. Аномические С. относятся не только к тем, число которых возрастает во время экономических кризисов, но и к тем, частота которых соразмерна числу разводов.

Итак: С., в понимании Дюркгейма, – это индивидуальный феномен, причины которого социальны. Первопричиной их служат не отдельные индивиды (хотя некоторые из них имеют определенную предрасположенность к этому), а социальные силы, изменяющиеся от общества к обществу, от группы к группе, от религии к религии. Дюркгейм утверждал, что рост С. в современном обществе – это патология, что сегодняшний уровень С. обнаруживает некоторые патологические черты современного общества. Наибольшее внимание он уделял аномическим С., число которых резко возрастает во время экономических кризисов, во всех тех случаях, когда имеет место усиление конкурентной деятельности, расширение обмена и обострение соперничества.

Сократить С., – считал Дюркгейм, – не в силах ни семья, ни государство, ни религия. Единственная группа, которая может способствовать вовлечению индивидов в коллектив и их интеграцию – это профессиональная группа, или корпорация. Сплачивая нанимателей и нанимающихся, корпорация стоит достаточно близко к индивидам, чтобы быть школой дисциплины и солидарности, пользоваться престижем и властью. Отдельный человек – это человек желаний, а поэтому первейшая обязанность и потребность морали и общества – дисциплина. Человека нужно дисциплинировать с помощью высшей авторитетной и приятной силы, т.е. достойной любви. Такой силой, которая одновременно, но неотвратимо внедряется в жизнедеятельность индивидов и одновременно притягивает их к себе, объединяет их, может быть только само общество.

Е.М. Бабосов

САМОЭФФЕКТИВНОСТЬ – восприятие человеком своей способности успешно действовать в той или иной ситуации. Понятие "С." было разработано американским социологом Альбертом Бандурой в рамках социально-когнитивной теории личности (1977, 1982, 1986). Социально-когнитивная теория основывается на принципе взаимного детерминизма поведения, личностных факторов и окружения. Убеждения относительно С. зарождаются и укрепляются в процессе активной деятельности, направленной на решение задач, которые ставит перед ним ситуация. Концепция С. тесно связана с концепциями выученной беспомощности М. Селигмана и локуса контроля (см.) Дж. Роттера.

Бандура рассматривает С. как важный когнитивный фактор, воздействующий на поведение человека и его результаты посредством когнитивных, мотивационных, аффективных, селективных и физиологических процессов. Высокая воспринимаемая С. изменяет мышление, способствуя увеличению количества самоодобряющих суждений. Она также определяет силу и устойчивость мотивации к деятельности, особенно в том случае, если индивид сталкивается с препятствиями на пути к цели. В аффективной сфере С. связана с уменьшением уровня тревоги и других негативных эмоций, возникающих при неудачах. Воспринимаемая С. влияет на выбор той или иной стратегии действий (селективные процессы). Она способствует тому, что возникающие проблемы воспринимаются человеком не как непреодолимые препятствия, а как вызов, дающий ему возможность проверить и подтвердить свои способности справляться с трудностями. Такая оценка ситуации вызывает возбуждение симпатического отдела вегетативной нервной системы, то есть мобилизацию ресурсов организма и усиление положительных эмоций.

Убеждения относительно С. формируются под воздействием четырех факторов:

1) *Переживание собственных успехов в деятельности*, которое способствует укреплению веры в свои силы и одновременно – более активному и энергичному поведению. Этот фактор развития С. был учтен при разработке стратегий когнитивно-бихевиористской терапии депрессивных расстройств, где он получил название "принцип малых шагов". На начальных стадиях лечения, когда основными проблемами пациента являются апатия и низкая самооценка, ему предлагаются не слишком сложные задачи, успешно решая которые, он становится все более уверенным в себе. В случае же постоянных неудач, пусть даже они обусловлены объективными факторами, человек может вообще разочароваться в своих способностях достигать желаемых целей и, соответственно, управлять результатами своего поведения. Подобное состояние, получившее название "выученная беспомощность" (learned helplessness, М. Селигман), выражается в пассивности, апатии, депрессии, угнетении всех жизненных функций.

2) *Пример других людей*. Наблюдение за тем, как действуют в сложных ситуациях окружающие, изменяет суждения наблюдателя о собственной С. Если в результате наблюдения обнаруживается, что большие усилия, приложенные для достижения цели, оказались напрасными, восприятие С. уменьшается. Чем больше сходства между индивидом, успешно решающим какую-либо задачу, и наблюдателем, тем сильнее у последнего чувство С. Однако в том случае, когда сходство невелико или вообще отсутствует, С. может существенно снизиться. Это положение Бандуры находит частичное подтверждение благодаря исследованиям процессов социального сравнения. Если в качестве объектов сравнения предлагаются выдающиеся люди, успешно решающие какие-либо серьезные проблемы, это может оказать негативное влияние на самооценку наблюдателя (Ш. Тэйлор, Дж. Вуд). Наблюдение не только способствует изменению воспринимаемой С., но и помогает усваивать полезные навыки.

3) *Социальное убеждение*. Когда значимые для индивида люди высоко оценивают его способности и уверяют его в том, что ему по силам преодолеть трудности, восприятие С. усиливается.

4) *Переживание эмоциональных и физиологических состояний, связанных с осуществлением каких-либо действий*. Если человек при решении задачи испытывает высокий уровень тревоги и внутреннего напряжения, он может прийти к выводу о том, что не способен достичь цели. Если же он испытывает приятное возбуждение, положительные эмоции, это усиливает его уверенность в себе. В этой связи следует отметить, что воспри-

ятие С. зависит не столько от реальных характеристик физиологических процессов (и тревога, и сильные положительные эмоции обладают сходными физиологическими характеристиками), сколько от собственной оценки этих состояний.

Бандура подчеркивает роль С. в различных областях жизни человека и общества: здоровье, семья, образование, карьера, политическая и общественная деятельность.

Внутри понятия С. выделяют *индивидуальную эффективность* и *коллективную эффективность*. Последняя связана с восприятием группы людей способности совместно преобразовывать социальную ситуацию, отстаивать определенные политические взгляды и бороться за свои права, то есть, по собственному выражению Бандуры, за желаемое социальное будущее. Он полагает, что коллективная эффективность является важным фактором развития общества на современном этапе. На возникновение убеждений относительно коллективной эффективности влияют следующие условия:

1. *Глобализация политики и экономики, формирование всемирного рынка.* Это приводит к уменьшению ресурсов национальных правительств, к ущемлению интересов отдельных наций и, как следствие, к снижению убежденности граждан в том, что правительство работает эффективно. Кроме того, в результате подобных изменений экономическое благополучие и даже выживание некоторых групп населения (фермеров, сельскохозяйственных рабочих, представителей этнических меньшинств) оказывается поставленным под угрозу. Поэтому граждане все сильнее начинают стремиться к самостоятельному контролю над ситуацией, организуя политические партии и общественные движения (например, экологические, антиглобалистские).

2. *Сложность социальных и естественнонаучных технологий, посредством которых регулируется современная жизнь* (бюрократические процедуры, медицинские и информационные технологии и т.д.). В результате многие люди отказываются от собственного контроля над ситуацией в пользу высокообразованных специалистов. С другой стороны, у некоторых из них возникает желание сделать свою социальную жизнь столь же успешной, сколь успешен технический прогресс.

Бандура подчеркивает, что ключевым фактором позитивных социальных изменений является достижение согласия в целях и методах действий, в противном случае политическая борьба превращается в борьбу самолюбий отдельных лидеров, а плюрализм мнений – в отвержение любых взглядов на жизнь, кроме тех, которых придерживаются представители данной социальной группы.

Эмпирические исследования свидетельствуют о том, что включение фактора С. в формализованные модели поведения способствует увеличению их прогностической значимости. Неудивительно, что данное понятие все больше используется в социологии и в различных отраслях психологии. Тем не менее в адрес концепции С. высказывается достаточно много критических замечаний. Хотя сам Бандура подчеркивает важность точного восприятия С., в работах его последователей этот вопрос до сих пор мало исследован. Если полезные эффекты С. широко известны, негативное влияние завышенной оценки собственных способностей мало обсуждается, а часто и вообще игнорируется. Бандура утверждает также, что понятие С. является культурно универсальным. Тем не менее следует учитывать, что концепция С. возникла в американской психологии и неизбежно отражает ценности, характерные для американской культуры, в частности, ценность достижений и успехов (иногда в ущерб межличностным отношениям и душевному благополучию).

Ю.Г. Фролова

СВЕДБЕРГ (Swedberg) Ричард (р. 1950) – американский социолог, один из наиболее известных в мире специалистов в сфере "новой экономической социологии". Специализировался в области юридический наук и социологии. Имеет диплом юриста Стокгольмского университета и диплом по социологии Бостонского колледжа (1978). В настоящее время преподает в качестве профессора социологическую теорию и экономическую социологию в Стокгольмском университете. Область его интересов – история экономической социологии (с середины 1980-х) и социологическая теория. Согласно С., социология на данном этапе приобретает характер "сравнительной макросоциологии". Ее главные черты – ориентация на сравнительные исследования между странами, постановка вопросов, затрагивающих целостные социальные системы, проблемы мировой экологии, организации экономических связей, демографии. Вместе с тем, по мысли С., экономическая социология разделила вместе с экономической историей интерес к возникновению и вариабельности актуальных рыночных систем и других экономических институтов.

Основной вклад С. в историю экономической социологии – создание концепции рынка как социальной структуры, суть которой состоит в интеграции экономических и социологических отношений к анализу рынка. С. обосновал недостаточность определения рыночных отношений через ценообразующие механизмы (что характерно для экономической теории), так как это не дает полного представления о базисном взаимодействии включенных в рынок индивидов. В анализе истории рынка (от античности до современности) С. уделяет особое внимание рассмотрению рыночных отношений через понятия "обмен" и "конкуренция". Руководствуясь разработками экономистов А. Маршалла и Д. Карлтона и идеями социологов М. Вебера (см.) и Г. Зиммеля (см.), С. создал исторические типологии рынков как социальных структур, существенно отличающихся друг от друга по степени развития обмена и в зависимости от уровня развития конкуренции. Данный подход позволил преодолеть ограниченность традиционного подхода к рынку как механизму регуляции спроса и предложения рабочей силы и рассматривать рынок как сложный социальный феномен с правом на собственное существование.

Основные труды: "Экономическая социология: Прошлое и будущее текущей социологии" (1987); "Экономика и социология – Переосмысление их границ: Беседы с экономистами и социологами" (1990); "Социология экономической жизни" (1992, в соавторстве с М. Грановеттером); "Учебник по экономической социологии" (1994, в соредакторстве с Н. Смелсером); "Макс Вебер и идея экономической социологии" (1998); "Йозеф Шумпетер – Его жизнь и работа" (1999); "Предпринимательство: Взгляд социальной науки" (2000) и др.

Из работ С. на русский язык переведены фрагменты его раздела "Рынки как социальные структуры", из "Учебника по экономической социологии" (в журнале: "Личность. Культура. Общество" за 2002; перевод Г.Н. Соколовой).

Г.Н. Соколова

СВЕРХЧЕЛОВЕК – в социальной философии – метафорический концепт, фиксирующий образ человека, преодолевшего самообусловленность собственной естественной природой и достигшего состояния качественно иного существа.

В качестве легендарных и исторических персонажей, изоморфных (либо так характеризуемых) образу С., в рамках традиции выступали: 1) "герои" – фигуранты древнегреческих мифов; 2) обожествляемые харизматические лидеры античности; 3) персонажи мистических культов, ориентированных на стирание "граней" между человеком и богами; 4) Иисус Христос, апостолы и приобщенные святые (ср. – апостол Павел: "Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною"); 5) культовые фигуры христианских ересей (праведник, вошедший в царство Божье, обозначался в текстах монтанитов – 2 в. – как С.); 6) идеал эпохи Возрождения – человек как "хозяин", "мастер" храма Природы; 7) личности-гении – герои творчества немецкого романтизма и философской классики (Гердер призывал устранить общественные условия, превращающие основную массу индивидов в "полулюдей", а одного из них – в С.); 8) "выдающиеся личности", способные, согласно марксизму, предвидеть осевой вектор истории и, содействуя его осуществлению, реализующие "освобождающий весь мир подвиг"; 9) в концепции футуризма – возвышающийся над взаимозаменяемыми "штифтиками" социальной машины носитель суперволи, свободный от биологической ограниченности и социально-нравственных ограничений ("футурист Мафарка" у Маринетти); 10) персонифицированная несущая конструкция учения Ф. Ницше, репрезентирующая идею, согласно которой, по оценке Фуко (**см.**), "следует освободить жизнь в самом человеке, потому что человек сам является своего рода ее тюремщиком".

Как умозрительный носитель поворотного философского дискурса термин "С." у Ницше был ориентирован на идеал радикального и многомерного освобождения человека посредством *самотворения* – овладения им его же пробужденными иррациональными силами. (В отличие от "Черта" у Ф. Достоевского, С. у Ницше не был дистанцирован автором от самого себя, выступая героем – носителем его личной жизнеразмерной проблемы – "можно ли облагородить человечество?". Провозвестником С. в творчестве Ницше выступает Заратустра: "Смотрите, – заклинает он /Заратустра. – *A.T., T.P.I.*, – я учу вас о сверхчеловеке! Сверхчеловек – смысл земли".) Главными источниками идеи С. явились провозглашенные Ницше бунт против Бога, борьба против христианства. Не являясь попыткой теоретического отрицания Бога, вера в которого, согласно Ницше, "парализует", концепт С. был ориентирован на отказ от морали, обуздывающей подлинную природу человека, на переход последнего "по ту сторону добра и зла". По Ницше, "этот более ценный тип уже существовал нередко, но лишь как счастливая случайность, как исключение, – и никогда как нечто *преднамеренное*. Наоборот, *его* боялись более всего; до сих пор он внушал почти ужас, и из страха перед ним желали, взращивали и *достигали* человека противоположного типа: типа домашнего животного, стадного животного, больного животного – христианина". При этом важно подчеркнуть: в истории людей, согласно Ницше, не было ни одного С.: "Душное сердце и холодная голова – где они встречаются, там возникает ураган, который называют "избавителем". Поистине, были люди более великие и более высокие по рождению, чем те, кого народ называет избавителями, эти увлекающие все за собой ураганы! И еще от более великих, чем были все избавители, должны вы, братья мои, избавиться, если хотите вы найти путь к свободе! Никогда еще не было сверхчеловека! Нагими видел я обоих, самого большого и самого маленького человека. Еще слишком похожи они друг на друга. Поистине, даже самого великого из них находил я – слишком человеческим!" С. у Ницше не утрачивает собственных инстинктов и желаний, он контролирует их, будучи способным творить себя сам.

Идея С. у Ницше оказалась призывом к началу великой борьбы человека за человеческое в себе. Категорически отвергая прагматический, атеоретический и "окончательный" пафос атеизма, Ницше создает экзистенциальный по духу глобальный проект мировой истории. Его Заратустра говорит: "... человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его? Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя; а вы хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека?.. Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью... В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он *переход* и *гибель*". Идея С. суть призыв к достижимому для самих людей, призыв к ним хотя бы частично преодолеть самих себя; идея С. провозглашает человеческие достоинства находящимися в перманентном изменении. Согласно М. Хайдеггеру, "Бог мертв – не атеистический тезис, а глубинный событийный опыт западной истории". (Ср. у Лукача – **см.** – идея о "религиозном атеизме" Ницше.)

Пафосный разрыв Ницше с носителями идеологии черни ("...кого более всего я ненавижу между теперешней сволочью? Сволочь социалистическую..."); провозглашаемая им (не расистская даже, а биологическая) аристократическая "антропологическая революция" – обусловили конституирование достаточно целостных реакционных общественно-политических программ переустройства человеческого существования, традиционно идентифицирующихся с идеей С. Отрицая религию как форму организации повседневного опыта первобытного человека (социальной базой христианства у Ницше выступали "подонки" античного мира); проповедуя преодоление страха смерти из гордости, ибо "жертвенность – удел слабых", – Ницше трактовал обретение подлинной свободы как высшего смысла бытия С. в качестве процедуры осуществления решительных волевых актов вне морали.

Принципиальные иерархичность и имморализм переходного состояния социума по мере его трансформации в общество "сверхлюдей" неизбежно индоктринировали в массовое сознание европейцев начала 20 в. идею позитивности тотальной организации всех форм жизнедеятельности индивидов. Перспективные реконструкции и новаторские интерпретации творчества Ницше, осуществленные во второй половине 20 в., расставили иные акценты и вскрыли новые смыслы в идее С. Элиминация Ницше какого-либо субъекта из структуры философского дискурса (ни человек, ни Бог, а человек на месте Бога – "еще менее того") была, в частности, истолкована Делезом (**см.**) как высокоэвристичное замещение этого субъекта "свободной, анонимной и номадической сингулярностью, пробегающей как по человеку, так и по растениям и животным, независимо от материи их индивидуальности и форм их личности". "С." у Ницше в таком контексте не может означать ничего другого, кроме "высшего типа *всего, что есть*". По мысли Делеза, идея "С." отражает

опору современного человека на принципиально новые внешние ему силы, оперативный механизм которой формируется посредством своеобычной *Сверх-складки*. О конституировании последней "свидетельствуют изгибы, присущие цепочкам генетического кода, возможности кремния в компьютерах третьего поколения, а также контуры фразы в литературе модерна, когда языку "только и остается, что загнуться в вечной оглядке на себя". Тем самым, по мнению Делеза, силы человека взаимодействуют с "силой кремния, берущего реванш над углеродом, с силами генетических компонентов, берущих реванш над организмом, с силой аграмматикальностей, берущих реванш над означающим". В духе концепции Фуко человек тяготеет к тому, чтобы освободить в себе самом жизнь, труд и язык. С. в таком контексте оказывается "формальным соединением новых сил с силами внутри человека, ... формой, проистекающей из новых взаимоотношений сил". "С." – это человек (по версии Фуко и А. Рембо), заряженный "даже животными (код, который может захватить фрагменты других кодов, как это происходит в новых схемах "боковой" или ретроградной эволюции), ... даже горными породами, или же неорганикой (где властвует кремний), ... бытием языка ("той бесформенной, немой, не наделенной значениями области, где язык может освободиться" даже от того, что он должен сказать").

По формулировке Фуко, "речь идет не о том, чтобы утверждать, что человек умер, но о том, чтобы, отправляясь от темы – которая... с конца 19 века беспрестанно воспроизводится, – что человек умер (или что он скоро исчезнет, или что ему на смену придет сверхчеловек), – чтобы, отправляясь от этого, понять, каким образом, согласно каким правилам формировалось и функционировало понятие человека".

А.А. Грицанов, Т.Г. Румянцева

"СВЕРХ-Я" (Супер-Эго, Идеальное-Я, Идеал-Я, Я-Идеал) – понятие и гипотетический конструкт; традиционно используется представителями интеллектуальных направлений, постулирующих идею о принудительно-репрессивном характере по отношению к человеческому "Я" институтов социализации, а также структур социальности и позиций "трансцендирования" /о последнем в данном контексте см. 3) настоящей статьи. – *А.Г., Т.К.*/.

1) В учении З. Фрейда (см.) "С.-Я": А) Часть "Я" (Эго), в котором инициируются и развиваются главные составляющие комплекса совести, моральных черт, идеалов и рефлексивных способностей человека: самоконтроля, самонаблюдения и т.п.; представитель всех моральных ограничений и источник стремлений к нравственному совершенствованию. Б) Сфера осуществления процессов родительных интроекций. Понятие "С.-Я" впервые появилось в работе Фрейда "Я и Оно". Предполагается, что "С.-Я" отлично от сознания тем, что, включая в себя элементы бессознательного, описывается в понятийных рядах общей теории психологии (а не этики). Кроме этого, инициируемые "С.-Я" санкции и табу принадлежат к прошлому опыту индивида и нередко вступают в конфликт с ценностями настоящего. Несмотря на то, что в психоанализе интроекция родителей в сферу "С.-Я" трактуется основополагающим психическим процессом, конституирующим последнее, в современном фрейдизме господствует точка зрения, согласно которой "С.-Я" не может точно воспроизводить интроецированные образы родителей, ибо в юном возрасте ребенок наделяет внешние объекты преимущественно собственными характеристиками и свойствами. Избыточные жесткость и радикализм "С.-Я" нередко объясняются в этом контексте повседневным насилием индивида над собственными чувствами в детстве, а также проявлением черт эдипова комплекса. Энергетической основой "С.-Я" полагаются импульсы агрессии, продуцируемые Оно: в случае направленности агрессивных актов на самого индивида имеет место моральный мазохизм (обращение садизма против себя, присущий неврозам навязчивых состояний или, по Фрейду, когда "желание мучать превращается в самоистязание и самонаказание"). Психотерапевтическая и психоаналитическая коррекция "С.-Я" традиционно осложнена сочетанием в его структуре результатов "архаических" младенческих интроекций, с одной стороны, и компонентов обретенного на базе жизненного опыта человека рефлексивного самосознания – с другой.

2) В языковых играх некоторых субъектов контркультуры 1960-1970-х – Бог. Репертуары интеллектуально-нравственного террора, осуществляемого идеологами "новых левых", предполагали деструкцию основополагающих общественных идеалов с целью разрушения основ капитализма. В 1960-е ниспровержение "С.-Я"-Бога акцентированно носило карнавально-эротический характер, фундированный романтическим утопизмом и кросскультурным молодежным языком универсальных символов-паролей. Разрушение большей части сакральных табу в ходе сексуальной революции результировалось в эмоциональном пресыщении значительной совокупности людей и травмирующем проникновении бессознательного в сферу сознания. Коллективные и индивидуальные проблемы рядовых представителей постиндустриального общества были редуцированы бюрократическими социальными институтами до уровня вопросов терапевтического порядка: соответствующие фантазмы и "фанатизмы" устранялись интенсивным психоанализом, пропагандой поведенческих ритуалов и ценностных смыслов реинкарнации, освоением пространств и техник медитации – системной многомерной психотерапией эпохи *нового* нарциссизма (см.). Последний предполагал в качестве собственной сверхзадачи – обретение возможности преодоления любящего Другого – Бога. По мысли Фуко (см.), данные процедуры поэтапно трансформируют историю как сферу Божественного промысла в сферу осуществления Логоса Другого: соответственно изменяется и статус "С.-Я" в иерархии уровней мотивации человеческого поведения.

3) Согласно М. Мамардашвили, организация человека в качестве "существующего существа" осуществляется посредством "постоянного сознания себя в актах мышления" или в состоянии "трансцендентального сознания" – одного из конституирующих начал "С.-Я". По мысли Мамардашвили, "сверхчеловеческое" – это некое предельное для человека состояние, лишь устремляясь к которому, лишь через собственное отношение к которому человек способен создать себя в качестве человека. Переинтерпретируя мысль Декарта о том, что для воспроизводства бытия требуется вдвое больше усилий, чем для его творения, Мамардашвили утверждает: "Онтологическое устройство бытия воспроизводит себя лишь с включением нашего усилия...". "Личностные основания" мыслей людей, по Мамардашвили, могут быть охарактеризованы "принадлежностью другому пространству и времени": "нравственность должна иметь де факто некоторые абсолютные основания вневременного". В таком контексте "трансцендирование" предполагает не существование абсолютного вневременного мира, а, напротив, означает "выход человека за данную ему стихийно и натурально ситуацию, за его природные качества, способность соотнести себя с чем-то не в природе лежащем". Как полагал Мамардашвили, трансцендирование позволяет выходить за рамки и границы любой культуры, любой

идеологии, любого общества и находить основания своего бытия вне зависимости от их временных изменений: "без форм и изначальных надындивидуальных устоев человек отбрасывается в сферу исторического бессилия, "немоготы".

Ведущими принципами трансцендирования Мамардашвили считает "принципы трех К": а) декартовский принцип cogito – любые события происходят не без участия сознания; б) кантовский принцип, постулирующий право человека на осмысленность – особые умопостигаемые объекты, дающие возможность совершить акт познания или моральной оценки; в) принцип Кафки, предполагающий ситуацию абсурда и заставляющий человека выходить из нее, искать смыслы. С точки зрения Мамардашвили, трансцендирование – это не просто форма, это "бесконечная форма всякой актуальности", это свобода самоосуществления. Последняя в качестве принципиального условия трансцендирования не есть выбор, данная свобода суть "движение, путь человека к самому себе". "Внутренняя свобода", по Мамардашвили, – это размышление о том, "что больше тебя", это "реально явленная свобода в смысле освобожденности человека внутри себя от оков собственных представлений и образов". (Ср. у Дж. Брунера в "Психологии познания": "Три вопроса повторяются неизменно: что в человеке является собственно человеческим? Как он приобрел это человеческое? Как можно усилить в нем эту человеческую сущность?")

А.А. Грицанов, Т.В. Комиссарова

СВЯЗЕЙ ПАРНЫХ СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ – группа методов статистического анализа, предназначенных для анализа взаимодействия между двумя переменными (**см.**). Основными методами анализа парных связей являются анализ таблиц сопряженности (**см.**), анализ корреляционный (**см.**), регрессия линейная парная (**см.**), регрессия нелинейная (**см.**), однофакторный дисперсионный анализ (**см.**).

О.В. Терещенко

СВЯЗИ МЕРЫ – количественные показатели тесноты и направления связи. С.М. конструируются таким образом, чтобы их значения изменялись в интервале [0; 1] или [–1; +1]. Значение коэффициента, равное нулю, может свидетельствовать как об отсутствии связи между переменными, так и о том, что выбранная модель не соответствует характеру изучаемой связи. Положительные значения коэффициента свидетельствует о прямой (положительной) либо о ненаправленной связи между переменными; отрицательные значения – об обратной (отрицательной) связи (см. **Анализ корреляционный**). Чем ближе значение коэффициента к +1 или –1, тем теснее связь. Значение, равное +1 или –1, свидетельствует о полной связи, позволяющей по значению одной переменной точно предсказывать значение другой переменной.

Для связей между номинальными переменными, анализируемыми посредством таблицы сопряженности (**см.**), наиболее общей является модель "хи-квадрат". Коэффициенты тесноты связи, основанные на критерии "хи-квадрат" (**см.**), могут принимать значения в интервале от 0 до +1 (см. **Корреляция качественных переменных**). Значение коэффициента, равное нулю, означает полное отсутствие связи между переменными. Главными недостатками модели являются отсутствие каких-либо представлений о характере связи, а также конструктивные особенности коэффициентов, которые даже при полной связи не всегда достигают значения +1. Для номинальных переменных (за исключением дихотомических) принципиально невозможно исследовать направление связи. Поэтому предназначенные для них коэффициенты, основанные на критерии "хи-квадрат", не могут принимать отрицательных значений.

Для таблиц сопряженности, образованных двумя дихотомическими переменными, используются специальные коэффициенты связи (см. **Корреляция дихотомических переменных**), которые могут принимать значения от –1 до +1. Значение, равное +1, означает полную прямую связь, заключающуюся в том, что признаки появляются или не появляются одновременно; значение, равное –1, – полную обратную связь, при которой признаки появляются только врозь; значение, равное 0, – отсутствие связи, состоящее в том, что признаки появляются совместно и порознь с одинаковой частотой.

Для ранжированных переменных применяются коэффициенты ранговой корреляции. Эти же коэффициенты с поправкой на связность рангов (см. **Корреляция ранговых переменных**) могут с успехом применяться для любых порядковых признаков. Существуют также способы расчета ранговых коэффициентов по таблицам сопряженности, образованным двумя порядковыми признаками. Значения ранговых мер связи изменяются в интервале от –1 до +1. Значение, равное нулю, соответствует отсутствию связи между переменными. Значение, равное +1, свидетельствует о полной прямой связи, то есть о фактическом совпадении рангов измеряемых объектов по двум переменным; значение, равное –1, – о полной обратной связи, т.е. строго обратном порядке ранжирования.

Для количественных переменных наиболее распространенной моделью связи является модель статистической связи линейной (**см.**) $y = bx + a$, а наиболее популярной мерой связи – коэффициент линейной корреляции Пирсона (**см.**). Значение коэффициента, равное нулю, свидетельствует об отсутствии линейной связи между двумя переменными, что не исключает нелинейной связи между ними. Значение, равное +1, говорит о полной прямой линейной связи между переменными, заключающейся в том, что все измеряемые объекты "лежат" на прямой $y = bx + a$, т.е. любая пара измеренных значений (x_i, y_i) удовлетворяет условию $y_i = bx_i + a$, где $b > 0$. Значение, равное –1, соответствует полной обратной линейной связи, при которой любая пара измеренных значений (x_i, y_i) удовлетворяет условию $y_i = bx_i + a$, где $b < 0$.

Если связь между двумя количественными переменными имеет причинный характер и может быть описана некоторой математической функцией (см. **Анализ регрессионный**), ее можно измерить с помощью дисперсии объясненной (**см.**). Доля объясненной дисперсии изменяется в интервале от 0 до +1 и измеряет только тесноту связи, но не ее направление. Значение, равное 0, интерпретируется как отсутствие влияния независимой переменной на зависимую. Значение, равное +1, означает, что все различия в значениях зависимой переменной объясняются исключительно изменениями независимой переменной. Если регрессионная связь является линейной, коэффициент детерминации (**см.**) равен квадрату коэффициента линейной корреляции Пирсона.

Если причинная связь не является линейной или если независимая переменная является номинальной или порядко-

вой, для измерения тесноты связи можно использовать аналог коэффициента детерминации – корреляционное отношение (см.).

Если причинная связь является множественной, т.е. на зависимую переменную одновременно влияют несколько независимых переменных (предикторов), теснота связи зависимой переменной с набором предикторов измеряется с помощью коэффициента множественной корреляции R или квадрата коэффициента множественной корреляции R^2. Последний интерпретируется аналогично коэффициенту детерминации для парной регрессионной связи, он не измеряет направление связи и изменяется в пределах от 0 до +1.

Теснота связи зависимой переменной с каждым из предикторов (см.) в рамках модели множественной линейной регрессии измеряется посредством коэффициентов корреляции частной (см.). Коэффициенты частной корреляции измеряют тесноту и направление частных ("очищенных" от влияния других переменных) связей между зависимой переменной и отдельными предикторами и принимают значения в интервале от –1 до +1. Они интерпретируются аналогично коэффициенту корреляции Пирсона.

О.В. Терещенко

СВЯЗЬ СТАТИСТИЧЕСКАЯ (парная) – соотношение между двумя переменными (см.), при котором изменение значения одной переменной сопровождается изменением распределения второй переменной. Легче всего обнаружить статистическую связь по таблице сопряженности (см.). Таблица 1 демонстрирует наличие С.С. между зарплатой и удовлетворенностью трудом, которая проявляется в том, при переходе от первой строки таблицы (зарплата "низкая") ко второй (зарплата "высокая") распределение удовлетворенности трудом меняется на противоположное (распределение частот 60:40 меняется на распределение 40:60). То же происходит и при переходе от первого столбца таблицы ко второму.

Таблица 1

С.С. между заработной платой и удовлетворенностью трудом

Заработная плата	Удовлетворенность трудом		
	низкая	высокая	ВСЕГО
Низкая	60	40	100
Высокая	40	60	100
ВСЕГО	100	100	200

В таблице 2 представлена гипотетическая ситуация статистической независимости (отсутствия С.С.) между заработной платой и удовлетворенностью трудом – при переходе от первой строки ко второй, равно как и от первого столбца ко второму, распределение не меняется.

Таблица 2

Статистическая независимость между зарплатой и удовлетворенностью трудом

Заработная плата	Удовлетворенность трудом		
	низкая	высокая	ВСЕГО
Низкая	40	60	100
Высокая	40	60	100
ВСЕГО	80	120	200

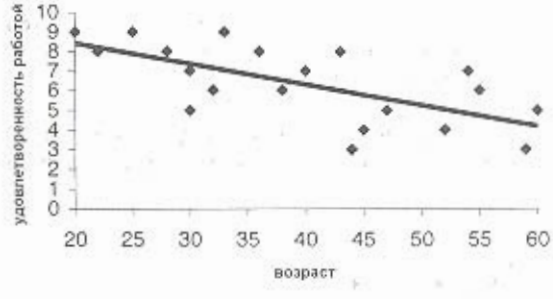
Приведенное выше определение С.С. универсально, оно не отражает характера взаимодействия между переменными. Этому определению соответствует модель связи, получившая название "хи-квадрат" $\left(\chi^2\right)$ (см.), по названию критерия, используемого для проверки гипотезы о статистической связи между двумя переменными по таблице сопряженности. Обычно эта модель применяется только в тех случаях, когда одна или обе переменные являются номинальными (см. **Шкала измерительная**), и связь между ними не является причинной. Для дихотомических, порядковых и количественных переменных существуют более содержательные модели связи статистической прямой (см.) и связи статистической обратной (см.). Кроме того, различают симметричные ("корреляционные") и асимметричные модели связи. Асимметричные и причинные модели () предназначены для исследования причинных связей, в них различают переменную зависимую (см.) и переменную независимую (предиктор) (см.).

Для измерения тесноты (силы) С.С. используются специальные коэффициенты или меры связи (см.).

О.В. Терещенко

СВЯЗЬ СТАТИСТИЧЕСКАЯ ЛИНЕЙНАЯ – вид статистической связи между двумя или несколькими количественными *переменными* (см.), модель которой может быть описана (более или менее удовлетворительно) линейной функцией $y = a + b_1x_1 + b_2x_2 + ... + b_kx_k$.

Для двух количественных переменных x и y модель линейной связи имеет вид $y = a + bx$. На диаграмме рассеяния (см.) это уравнение изображается в виде прямой. Чем ближе точки графика прилегают к прямой, тем сильнее (теснее) С.С.Л. между переменными.



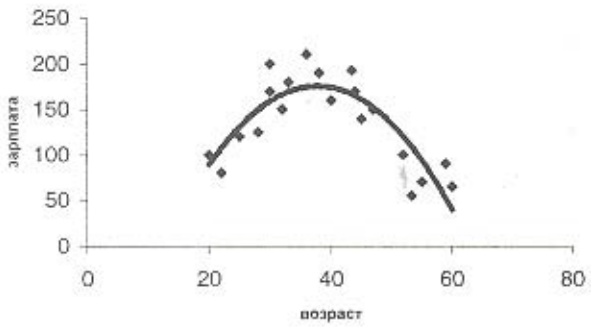
Сила (теснота) парной линейной связи измеряется с помощью коэффициента линейной корреляции Пирсона r; знак которого совпадает со знаком коэффициента b в линейной модели. Если линейная связь между двумя переменными имеет причинный характер, уравнение $y = a + bx$ является уравнением регрессии линейной парной (см.).

О.В. Терещенко

СВЯЗЬ СТАТИСТИЧЕСКАЯ НЕЛИНЕЙНАЯ – статистическая связь (см.) между двумя или несколькими количественными переменными (см.), не являющаяся линейной. В некоторых случаях С.С.Н. может быть описана, более или менее удовлетворительно, одной из нелинейных математических

функций – логарифмической, экспоненциальной, полиномиальной, тригонометрической и т.п.

На диаграмме рассеяния (см.) для двух переменных уравнение нелинейной связи изображается в виде кривой. Чем ближе точки графика прилегают к прямой, тем сильнее (теснее) нелинейная связь между переменными.

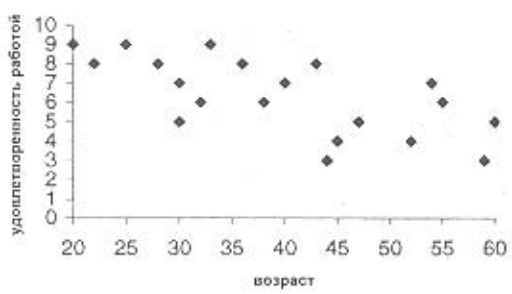


Сила (теснота) парной нелинейной связи измеряется с помощью корреляционного отношения (см.). Если нелинейная связь между двумя переменными имеет причинный характер, уравнение нелинейной связи является уравнением регрессии нелинейной (см.).

О.В. Терещенко

СВЯЗЬ СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОБРАТНАЯ – вид статистической связи для двух порядковых и/или количественных переменных (см.), при которой значения одной переменной возрастают, в то время как значения другой переменной уменьшаются. Наличие С.С.О. между двумя количественными переменными проще всего определить по диаграмме рассеяния (см.). Для измерения такой связи используется коэффициент линейной корреляции (см.) Пирсона.

Пример. Обратная связь между возрастом и удовлетворенностью работой. Коэффициент линейной корреляции Пирсона $r = -0{,}66$.



Существование С.С.О. между двумя порядковыми (или порядковой и количественной) переменными можно определить по таблице сопряженности (см.). Для измерения такой связи используются коэффициенты ранговой корреляции (см.) Спирмана и Кендалла для связных рангов (табл. 1).

Таблица 1

Обратная связь между возрастом и состоянием здоровья. Коэффициент ранговой корреляции Спирмана $r_s = -0{,}68$

Возраст	Состояние здоровья			
	хорошее	среднее	плохое	ВСЕГО
Молодой	2	6	29	37
Средний	2	30	5	37
Зрелый	10	4	1	15
ВСЕГО	14	40	35	89

Для двух дихотомических переменных обратная связь заключается в том, что частота их появления порознь превышает частоту их совместного появления и совместного непоявления. Определить ее можно с помощью таблиц сопряженности. Для измерения такой связи используются коэффициенты φ ("фи") и Юла для таблиц сопряженности размерности 2×2 (табл. 2).

Таблица 2

Обратная связь между удовлетворенностью зарплатой мужа и его отношениями с детьми. Коэффициент $\varphi = -0{,}2$

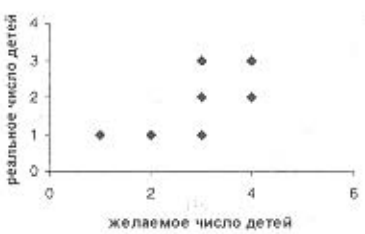
Удовлетворена зарплатой мужа	Удовлетворена отношениями мужа с детьми		
	да	нет	ВСЕГО
Да	40	60	100
Нет	60	40	100
ВСЕГО	100	100	200

Коэффициенты, с помощью которых измеряется обратная связь между переменными, обычно имеют диапазон значений от –1 до +1. О наличии обратной связи свидетельствуют отрицательные значения коэффициентов – чем они ближе к –1, тем обратная связь сильнее.

О.В. Терещенко

СВЯЗЬ СТАТИСТИЧЕСКАЯ ПРЯМАЯ – вид статистической связи для двух порядковых и/или количественных переменных (см.), при которой значения обеих переменных одновременно возрастают или убывают. Наличие прямой связи между двумя количественными переменными проще всего определить по диаграмме рассеяния (см.). Для измерения такой связи используется коэффициент линейной корреляции (см.) Пирсона.

Пример. Прямая линейная связь между желаемым и реальным числом детей. Коэффициент корреляции Пирсона $r = 0{,}67$.



Существование С.С.П. между двумя порядковыми (или порядковой и дихотомической) переменными можно определить по таблице сопряженности (см.). Для измерения такой связи используются коэффициенты ранговой корреляции (см.) Спирмана и Кендалла для связных рангов (табл. 1).

Таблица 1

С.С.П. между удовлетворенностью браком мужей и жен. Коэффициент ранговой корреляции Спирмана $r_s = 0{,}68$

Муж	Жена			
	удовлетворена	трудно сказать	не удовлетворена	ВСЕГО
Удовлетворен	29	6	2	37
Трудно сказать	5	30	2	37
Не удовлетворен	1	4	10	15
ВСЕГО	35	40	14	89

Для двух дихотомических переменных С.С.П. заключается в том, что частота их совместного появления и совместного непоявления превышает частоту их появления порознь. Определить ее можно с помощью таблиц сопряженности. Для измерения такой связи используются коэффициенты Ф ("фи") и Юла для таблиц сопряженности размерности 2×2 (табл. 2).

Таблица 2

С.С.П. между удовлетворенностью содержанием труда и зарплатой. Коэффициент Ф = 0,2

Удовлетворен зарплатой	Удовлетворен содержанием труда		
	да	нет	ВСЕГО
Да	60	40	100
Нет	40	60	100
ВСЕГО	100	100	200

Коэффициенты, с помощью которых измеряется прямая связь между переменными, обычно имеют диапазон значений от –1 до +1. О наличии С.С.П. свидетельствуют положительные значения коэффициентов – чем они ближе к +1, тем положительная связь сильнее.

О.В. Терещенко

СЕКСИЗМ (англ. sex – пол) – категория, введенная представителями феминистской парадигмы и обозначающая позицию или действие, которые принижают, исключают, недооценивают и стереотипизируют людей по признаку пола. Другими словами, С. – это ориентация, которая ставит в неблагоприятные условия один пол по отношению к другому. С. рассматривается как один из видов социальных гендерных стереотипов, которые основаны на принятых в обществе представлениях о маскулинном и феминном и их иерархии. Причем уже сама попытка выстраивания такой иерархии является С. Стереотипы в отношении пола встречают ребенка уже при рождении (первый вопрос, который задают при рождении ребенка: "Мальчик или девочка?") и сопровождают его на протяжении всего жизненного цикла (профессиональное общение, брачно-семейные отношения, образование, воспитание и т.д.). Сексистские предрассудки и стереотипы (наряду с расизмом, национализмом и эйджизмом – дискриминацией по возрасту) не так безопасны, как могло бы показаться, – они с самого детства влияют на сознание и поведение людей, деля их на "своих" и "чужих". Эти готовые шаблоны поведения, мнений, оценок, заменяющие понимание явления его опознанием и отнесением к принятой схеме, иногда столь глубоко укореняются в бессознательные структуры человеческой психики, что с ними трудно бороться рациональными доводами. Стереотипы женственности и мужественности не просто формируют людей, они часто предписывают людям в зависимости от их пола определенные психологические качества, нормы поведения, род занятий, профессии и многое другое.

В традиционном обществе не личность, а биологический пол оказывает решающее влияние на жизнь человека. (Согласно широко распространенной версии, феномен интенсивного распространения идеологии феминизма в Западной Европе в конце 1940 – начале 1950-х был обусловлен следующим обстоятельством: правящие экономические группы стремились заместить высвобождающиеся в результате НТР рабочие места женщинами европейского происхождения, а не неокультуренными иммигрантами-маргиналами афро-азиатского происхождения.) От гендерных стереотипов страдают и женщины, и мужчины. Примером негативного влияния на женщин может служить формирование у девушек-подростков разнообразных комплексов (например, "боязнь успеха"). Табу на эмоциональность, стереотип всегда преуспевающего победителя, "сексуального гиганта" и т.д. вызывают у многих мужчин, не желающих или не умеющих следовать этим стереотипам, стрессы, чувство неудачника, болезни. Сексистские стереотипы часто носят весьма завуалированный характер и могут быть не выражены явно.

Л.Л. Ярмолович, Е.Н. Вежновец

СЕКСУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (лат. sexus – пол и фр. re'volution – переворот) – процесс и результат коренных изменений в сексуальной жизни общества, характеризующихся существенными преобразованиями сексуальных ценностей, ориентаций, норм, санкций и сексуальных отношений, освобождающими подавленную, репрессированную сексуальность, раскрепощающими личность и общество.

Понятие и концепция С.Р. были созданы и разработаны Райхом (см.) и в наиболее целостной форме изложены им в книге "Сексуальная революция" (1936). Считая, что физическое и психическое здоровье человека детерминируются главным образом существованием и разрядкой сексуальной энергии, Райх утверждал, что в конечном счете здоровье и поведение человека в норме и патологии целиком зависят от его сексуальности и способности испытывать оргазм. Однако, по Райху, в современном обществе (и государстве) существует и действует система сексуальной репрессивности, которая использует семью, политику и культуру в целях подавления сексуальности и свободы человека.

В работе "История сексуальности" Фуко (см.) показал, как, начиная с 17 в., посредством дискурсивных практик различного рода европейское общество смогло обеспечить полный контроль над сексуальным поведением населения: "Благодаря различным дискурсам возросло число всевозможных узаконенных санкций за самые малейшие отклонения: сексуальная распущенность была отождествлена с умственным нездоровьем; сексуальное развитие, начиная с младенчества и заканчивая старостью, было увязано с сетью норм и допустимых отклонений; с помощью педагогов и моралистов была организована система контроля и

воздействия; благодаря моралистам и особенно докторам даже самые малейшие фантазии вызывали поток презрительных реплик". Целью же легитимации этого кондуита норм и патологий сексуального поведения было, по мысли Фуко, "воспроизводство рабочей силы, увековечивание существующих форм социальных отношений; короче – формирование такого сексуального поведения, которое бы являлось экономически полезным и политически консервативным". (Фуко при этом осуществил философское осмысление социальной процедуры, когда понятие "норма", порожденное стремлением достичь определенную цель, вначале уподобляется термину "истина", а затем замещает последнюю.) В результате сексуального подавления происходит массовая невротизация людей и формируется консервативный тип характера, ориентированный на слепое подчинение и поддержку диктатур.

Настаивая на несомненной связи сексуальной и социальной свободы, Райх подчеркивал, что в современном обществе традиционный конфликт между инстинктом и моралью эксплуатируется властными структурами, в силу чего он значительно усиливается из-за наличия заведомо избыточных сексуальных запретов, принудительного и репрессивного характера современной морали, неспособности людей совместить сексуальное удовлетворение с успехами в работе, длительного наличия моногамии как единственной официальной формы сексуальности, распространенности предубеждений о патологическом характере детской и юношеской сексуальности и других факторов. Согласно Райху, С.Р. призвана освободить людей от подавленной и подавляемой сексуальности и раскрепостить их.

По Райху, С.Р. является атрибутом реформистского и революционного процесса, естественной предпосылкой и основой "подлинно человеческой революции", необходимой для установления "демократии труда" и освобождения человека от оков ханжеской буржуазной морали и идеологии, социального и экономического угнетения. Райх считал, что С.Р. должна дать соответствующее сексуальное образование всем людям (в особенности молодежи) и привести их к естественному счастью в любви. В социально-политическом плане С.Р. была призвана инициировать социальную революцию, подо-рвать и уничтожить авторитарный строй. Согласно программе Райха, в грядущем новом обществе одну из главных ролей должны были исполнять чиновники-сексологи различных рангов, направляемые единым сексологическим центром. Идеи С.Р. и попытки их реализации оказали определенное влияние на сексологию, психологию, социологию, философию, политику, мораль, искусство, средства массовой информации и сексуальную практику нашего времени. См. также: **Оргазм**.

В.И. Овчаренко, А.А. Грицанов

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ (от позднелат. saecularis – мирской, светский) – десакрализация (см. **Сакрализация**), процесс уменьшения влияния религии (**см.**) на реализацию общественных и частных отношений, потеря религией своих позиций в культуре и обществе.

Процесс С. означает полную или частичную независимость от опеки религии и церкви и может характеризоваться следующими аспектами: экономическим (отторжение церковной собственности в пользу государства или частного лица), политическим (светское государство), культурными (светские искусство, образование, нормы быта). Признаками С. служат: когнитивная автономизация, т.е. отход церковных понятий, норм и ценностей от их религиозной первоосновы (христианская любовь трансформируется в светский гуманизм); встраивание религиозных представлений и логики в более широкую мировоззренческую систему в качестве вспомогательного элемента или полное их выпадение из господствующего мировоззрения; превращение религии в один из социальных институтов наряду с другими, т.е. потеря религией статуса центрального элемента социальной системы.

Природа и значение С. всегда выступали в философии и социологии религии предметом дискуссий. В доктринах французских просветителей-материалистов, а также О. Конта (**см.**), К. Маркса (**см.**), Б. Рассела, Э. Фромма (**см.**), Ж.-П. Сартра, Т.О. Диа и др. С. предстает как естественный процесс "старения" религии, как следствие необратимого развития человеческого духа "от мифа к логосу": С. ведет к отмиранию религии, которую успешно замещает наука и светская этика, помогающие эффективно решать современные проблемы. Противоположная точка зрения – Т. Парсонс (**см.**), П. Бергер (**см.**) и религиозные философы – утверждает, что понимание С. как линейного процесса вытеснения религии неверно: С. ведет не к упадку религии, а к видоизменению ее роли в современной культуре: сегодня религия уходит из общества в человека – религия в светской культуре выбирается добровольно, и это повышает ее значение для личности. Западная цивилизация выросла на религиозной почве, и ничто не изменит этого "врожденного признака". Все положительные черты С. не могут покрыть ее ущербности – С. лишила религию ее важнейших социальных функций: ранее религия освящала и наделяла безусловным смыслом устои общественной и личной жизни, давала объединяющую идею, ценности; С. же постулирует, что нет ничего абсолютного, и это ведет к утрате смыслов и дезинтеграции как личности (внутреннего мира человека), так и общества (социальных институтов, морали).

В европейской культуре процесс С. как широкомасштабное явление появляется в 15-16 вв. Его наиболее значимые этапы: Возрождение (акцент на посюсторонний мир, светское искусство, антропоцентризм как идеология культуры); Реформация (разграничение светской и духовной власти), французское Просвещение (закрепление начатой в 17 в. С. научной и общественной мысли) и период буржуазных революций (светское государство, принцип свободы совести).

С. является характерным признаком современного общества. К причинам С. как признака современной западной культуры следует отнести: 1) светские политические режимы: отделение церкви от государства, школы от церкви, уравнивание в правах верующих и неверующих (и иноверцев); 2) развитие науки как альтернативной религии объяснительной схемы, вытесняющей сферу сверхъестественного из сознания человека; 3) урбанизацию как процесс выпадения человека из-под власти природных условий, как фактор изменения ритма жизни; 4) модернизацию и аккультурацию религии, т.е. своеобразное осовременивание традиционных религий через упрощение вероучения и культа, компромиссы со стороны церкви по спорным вопросам, коммерциализацию религиозных праздников и т.п.; 5) переход некоторых социальных функций религии к другим социальным институтам, падение значимости этих функций в исполнении религиозных институтов.

Д.К. Безюк

СЕЛА СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА – подсистема материальных и духовных средств жизнеобеспечения сельских жителей, способствующая удовлетворению социальных запросов и воспроизводству населения, опосредованно воздействующая на процесс аграрного производства. С.С.И. представляет собой искусственную среду, созданную человеком, обеспечивает функционирование сферы социального обслуживания и включает в себя объекты образования, культуры, здравоохранения, быта, коммуникаций и др. Ее основная функция – создание приемлемых условий для развития индивидов, проживающих на определенной территории, и удовлетворение социально-бытовых потребностей местного населения и работников аграрного сектора.

Специфическими особенностями С.С.И. являются: меньшая развитость и оснащенность материально-техническими средствами по сравнению с аналогичной структурой города; небольшой объем оказываемых услуг; тесная зависимость от экономического состояния местных субъектов хозяйствования. В советский период С.С.И. была сориентирована на финансовое содержание за счет местных предприятий, в первую очередь колхозов и совхозов. Современный экономический кризис аграрного сектора снизил возможности местных источников, что ставит необходимость передачи объектов соцкультбыта в государственную собственность. Однако ограниченность средств госбюджета не позволяет обеспечить содержание С.С.И. и удовлетворять социокультурные и бытовые запросы сельчан в широком ассортименте. Жители села оказались в неравных условиях в сравнении с горожанами по уровню комфортности жилья, состоянию дорог, возможностям духовного развития и др. Многие сельские дома культуры и коллективы художественной самодеятельности вынуждены сворачивать свою деятельность из-за отсутствия средств. Не развивается сеть музыкальных, спортивных школ, секций любительского творчества для детей. В сельской местности низка обеспеченность кадрами врачей и учителей, сокращается число дошкольных учреждений. С.С.И. представляет социальную подсистему, структурированную особо, но вмонтированную в единую цепь социальных отношений и развития человека. Независимо от мест расселения людей им должна быть гарантирована равнодоступность к социокультурным и бытовым услугам как воплощение социальной справедливости и создания предпосылок для развития личности.

Н.Е. Лихачев

СЕЛО (деревня) – исторически сложившаяся, специфическая, социально-территориальная поселенческая общность, возникшая вследствие отделения ремесла от земледелия, одна из первых форм расселения людей, занятых преимущественно сельскохозяйственным трудом, отличающаяся от города малой концентрацией и небольшой численностью населения в пределах определенной территории. Социально-эконо-мическое пространство С. включает в себя: производственную и коммунальную структуры; образовательно-культурный комплекс; воспроизводство трудовых ресурсов; самообеспечение продукцией с личного приусадебного хозяйства; развитие сельской кооперации и др. Совокупность этих социально-культурных и производственно-экономических условий при непосредственном воздействии личностного фактора формирует специфическую сельскую среду. С. представляет собой не только территорию производителей сельскохозяйственной продукции, но и выступает как достаточно сложная социоэкономическая структура, функционирующая в соответствии с определенными закономерностями, правилами и традициями, а также своеобразными условиями жизнедеятельности людей. Особенностями С. являются: неравномерность трудовой занятости; необходимость учитывать циклы природы и погодно-климатические условия; меньшая техническая вооруженность сельхозпроизводства; более низкая комфортность быта по сравнению с городом; необходимость ведения приусадебного хозяйства; меньшие возможности для образовательного и культурного развития; определенная натурализация личных потребностей и др. Это своеобразие проявляется в образе жизни сельчан, характеризующимся большим влиянием обычаев и традиций, простыми формами общения людей, которое носит персонифицированный характер, меньшей автономностью быта, наличием своеобразных форм социального контроля за поведением личности, значительной роли и влияния местного руководства, существенного воздействия общественного мнения на поведенческие установки личности. Быт и производство в сельских условиях объединены в едином территориальном пространстве, не имеют жестких временных рамок, формируют особые приоритеты и социальные запросы сельского населения.

Социальные процессы, происходящие в сельских поселениях, отличаются сложностью и противоречивостью. Распад Советского Союза наиболее отрицательно сказался на состоянии аграрной отрасли, которая стала одним из беднейших секторов экономики из-за резкого удорожания приобретаемых хозяйствами техники, удобрений, горюче-смазочных материалов и др. Обострился кризис неплатежей сельхозпредприятий. Острейшей проблемой сельскохозяйственного сектора является высокая степень изношенности основных фондов и отсутствие оборотных средств для их обновления. Сельское население оказалось наименее защищенной частью общества с точки зрения оплаты труда и получения социально значимых услуг. Зарплата у работников сельского хозяйства составляет менее пятидесяти процентов от ее уровня в промышленности, а наличие подсобного хозяйства не компенсирует падения жизненного уровня сельчан. Это ускорило отток наиболее квалифицированной рабочей силы, особенно молодежи, в города. Миграционные процессы последних лет привели к негативным изменениям в социально-демографической структуре сельского населения, выразившихся в возрастании доли пенсионеров и лиц с невысоким образовательным и техническим уровнем подготовки.

Процесс "раскрестьянивания" С. постоянно сопутствовал советской организации сельского хозяйства, но, начиная с 1960-х, он приобрел массовый характер. Его этапы: укрупнение коллективных хозяйств и ликвидация МТС, массовое переселение жителей из "неперспективных" деревень, авария на ЧАЭС, современные попытки внедрения рыночных отношений. Все эти "новации" лишь усугубляют положение и приводят к деградации С. как социально-территориальной общности. Аграрный сектор и сельское население в течение многих десятилетий выполняют роли ресурсного донора в плане перелива финансовых средств в другие отрасли экономики и поставщика трудовых ресурсов для города.

В настоящее время ситуация с сельскими трудовыми ресурсами достигла такой критической стадии, что сохранение в будущем С. в его традиционном виде сомнительно. За период с 1960 по 2000 сельское население Беларуси сократилось на 45%, на ее территории перестали существовать 11 тысяч поселений, в 1999 в республике насчитывалось около 800 деревень, где нет ни одного жителя. Для приостановления процесса вымирания С.

необходима реализация комплекса мер, включающих в себя модернизацию экономики и хозяйственных отношений, улучшение культурных и социально-бытовых условий сельчан. Центры политического, экономического, научного и культурного управления, сосредоточенные в городах, должны не проводить политику противопоставления деревне, а оказывать помощь в ее обновлении и развитии, составляя единую взаимозависимую социально-территориальную общность поселений.

В индустриальном и постиндустриальном сообществах С., видоизменяясь по форме, должно сохранять свою особость как место социального воспроизводства населения, функционирования демографических и профессиональных групп, сохранения и развития национальных традиций, сельского образа жизни. Процесс интеграции города и С., перспективы развития аграрного сектора, социокультурные, демографические аспекты, образ жизни сельчан исследует социология села (см.) – специальная социологическая теория, занимающаяся изучением закономерностей развития С. как социоэкономической системы, выполняющей важные социальные функции по расселению и обеспечению продовольственной безопасности страны.

Н.Е. Лихачев

СЕЛЬСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ – условия, формы и качественные показатели жизнедеятельности людей, проживающих в сельской местности, занятых преимущественно земледельческим трудом; исторически сложившаяся специфическая форма трудовых, бытовых и социокультурных отношений, проявляющихся в общности интересов сельчан и стереотипах социального поведения. Субъектами С.О.Ж. выступают индивиды, объединенные в сельскую социально-территориальную общность, а также: специфика их трудовой занятости; демографическое поведение; формы общения, обычаи и традиции; условия быта, образования и культуры; возможности внешней и внутренней коммуникации и др.

Структуру С.О.Ж. составляют такие показатели, как: *уровень жизни* – степень удовлетворения материальных и культурных потребностей сельчан; *стиль жизни* – совокупность образцов повседневного поведения, присущих данной социально-демографической группе; *качество жизни* – уровень получаемых медицинских, бытовых, образовательных и культурных услуг, состояние социальной защищенности индивидов.

Специфика С.О.Ж. проявляется в его неотделимости от экономики, в низкой расчлененности повседневной жизни, быта, личного хозяйства и участия в общественном производстве. На формирование С.О.Ж. оказывают воздействие погодно-климатические условия, пространственная рассредоточенность людей, цикличность трудового процесса, когда периоды больших физических напряжений сменяются относительной невостребованностью рабочей силы. Повседневное общение с природной средой способствовало в недавнем прошлом сохранению приверженности сельчан к устоявшимся традициям и нормам, формируя определенный консерватизм мышления и поведения.

В последние десятилетия средства массовой информации, родственники, проживающие в городах, элементы рыночных отношений и др. оказывают заметное влияние на процесс "раскрестьянивания". Изменяются сельский уклад жизни, поведение, иным становится психологический настрой, формируются более высокие запросы к содержанию труда, бытовому комфорту и социокультурным условиям. Стирание многих традиционных черт С.О.Ж. наблюдается в демографическом поведении сельчан, в культурных ориентациях. На смену многодетным семьям, в которых большое число детей служило фактором экономического преуспевания, ибо дети рано включались в производительный труд, приходят малодетные семьи. Современный уровень рождаемости в сельских поселениях не компенсирует даже простого воспроизводства населения. Культурные запросы сельчан, особенно молодых, становятся все более урбанизированными, народные обряды и традиции воспринимаются как анахронизм. Следствием этого является падение интереса к белорусской культуре и языку в обществе вообще, так как именно сельское население является традиционным носителем и хранителем национальной культуры. Разрушаются отношения, присущие сельскохозяйственной общине, где преобладали взаимопомощь и поддержка, все более усиливается индивидуализация быта и форм общения.

Изменение объективных условий жизнедеятельности сельчан в сочетании с субъективным восприятием общественных перемен – ведущее направление исследований социологии села, изучающей сельские поселения не только как территориальные общности, где воспроизводится население, но и как микросоциумы со своими связями и отношениями. С.О.Ж. есть интегрирующий показатель развития человека, условий его труда и быта, составляющих сельское социальное пространство.

Н.Е. Лихачев

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ДИФФЕРЕНЦИАЛ – метод количественного и качественного исследования значений понятий (объектов) с помощью набора биполярных шкал с определенным количеством делений на каждой, задаваемых парой антонимичных прилагательных или другими аналогичными оппозициями. С.Д. широко применяется для исследования объектов в различных сферах деятельности: социологии, социальной психологии, психодиагностике, педагогике, психолингвистике, теории массовых коммуникаций, эстетике, политологии, рекламе, маркетинге, менеджменте и т.д.

С.Д. был предложен группой американских психологов, возглавляемой Ч.Е. Осгудом в работе "Измерение значения" (1957). Первоначально С.Д. предназначался для оценки субъективных оттенков значений слов. По мнению Осгуда, "значение является одной из наиболее значительных, стержневых переменных человеческого поведения". Осгуд предположил, что реакции на знак "предположительно зависят от предшествующего ассоциирования знака с означаемым". Например, если индивид воспринимает знак "гром", то у него в сознании возникает целый пучок избранных реакций-воспоминаний, которые так или иначе связаны с громом: напряжение (лихорадочный поиск укрытия от дождя), смущение (необходимость бежать), романтический момент (тепло камина и грохот грома снаружи) и т.п. В этом смысле С.Д. является процедурой оценки не столько значения предложенных объектов, сколько собственного индивидуального *опыта* респондента, связанного с теми или иными объектами.

Психологическим механизмом, лежащим в основе С.Д., Осгуд считал синестезию. Синестезия – "мышление по аналогии" – психологический феномен, состоящий в возникновении ощущения одной модальности под воздействием раздражителя другой модальности (например, осязание определенного запаха вызывает какое-либо зрительное воспоминание или цветовой образ; в любом языке также можно встретить такие словосочетания, как "кислое лицо", "горячее сердце"). Явление синестезии можно наблюдать в абстрактных картинах современных художников,

которые в своих работах изображают различные, не всегда визуальные, понятия.

По мнению авторов метода, С.Д. позволяет измерять коннотативное значение, связанное с эмоциями, личностным смыслом и опытом, социальными установками, стереотипами и другими эмоционально насыщенными, слабо структурированными и мало- и неосознаваемыми формами восприятия и отношения. По существу методом С.Д. исследуется именно эмоциональная окраска значений. Коннотативное значение можно определить как подразумеваемое значение, т.е. то, что подразумевается, предполагается на уровне индивидуального восприятия и опыта индивидом, когда он говорит или думает о том или ином объекте. Коннотативному значению противопоставляется *денотативное* значение, которое понимается как знание об объекте оценивания, о его реальных характеристиках. Отношение денотативного и коннотативного аспектов во многом соответствует отношению объективного и субъективного и отношению знака к обозначаемому: денотативное значение – когнитивно, межличностно, осознаваемо, объективно (например, "высокое здание"), а коннотативное значение – субъективно, индивидуально, ценностно, эмоционально, метафорично (например, "медленное здание").

С.Д. как методу самоотчета, при применении которого исследователь получает нужную ему информацию со слов самого респондента, свойственны следующие характеристики: 1) Закрытость (ограниченность) – оценивание значения признака по заданной шкале; пространство шкалы между противоположными значениями воспринимается испытуемым как континуум градаций выраженности признака. 2) Направленность (контролируемость) – направленные ассоциации по поводу заданных объектов, оцениваемых респондентами по ряду шкал, представляющих те характеристики объекта исследования, которые интересуют социолога и считаются им важными для исследования той или иной проблемы. 3) Оценивание – процедура С.Д. включает в себя респондента как субъекта оценивания, объект оценивания и шкалу как инструмент оценивания. 4) Шкалирование – метод С.Д. предполагает получение информации о выраженности у объекта тех или иных качеств, заданных набором шкал. 5) Проецирование – в основе метода С.Д. лежит предположение, что для респондента оцениваемый объект приобретает значение не только из-за его объективного содержания, но и по причинам, связанным с личным отношением респондента, придаваемым им объекту исследования. 6) Массовость – возможность использования метода при массовых опросах. 7) Стандартизированность – респондентам предъявляется одинаковая инструкция, объекты оценивания и шкалы.

Применение С.Д. во многих случаях дает возможность избежать попытки респондента соотносить оценки со своим представлением о социально одобряемом ответе, т.к. оценивая те или иные объекты с помощью шкал С.Д., респондент не имеет полного четкого представления о конечных результатах этой процедуры.

Процедура, лежащая в основе метода С.Д., заключается в том, что респонденту предъявляется набор двухполюсных шкал (в среднем задействуется 15 шкал), каждая из которых образована парой оппозиций, которыми чаще всего являются антонимичные прилагательные. Считается, что прилагательным присуща в большей степени оценочная функция. Использование биполярных прилагательных основывается на предположении о том, что в индивидуальном сознании значения существуют в форме антонимичных противоположностей (например, чтобы определить что-то как "плохое", нужно знать, что такое "хорошее").

Респондент оценивает степень соответствия предъявленного ему для оценки объекта тому или иному полюсу каждой шкалы. Чаще всего используются пяти- или семибалльные шкалы, деления которых, в зависимости от специфики исследования, могут быть по-разному представлены респондентам: 1) Словесное определение всех делений шкалы: используются слова "сильно", "средне", "слабо", "очень", "не очень", "немного", оборот "ни …, ни …", "весьма", "всегда", "часто", "редко", "трудно определить" (например, "очень холодный" – … – "ни холодный, ни теплый" – … – "очень теплый"). Согласно некоторым исследованиям, респонденты считают более легким для себя выражать свое отношение при использовании именно таких шкал. 2) Числовые отметки делений шкалы: числа располагаются между полюсами шкалы, при этом могут использоваться как отрицательные и положительные, так и только положительные метки делений (например, "холодный" – 3 – 2 – 1 – 0 – 1 – 2 – 3 – "теплый"). Такой вид шкал используется чаще других, особенно в тех случаях, когда бланк С.Д. представлен в виде таблицы. 3) Немаркированная шкала: в бланке С.Д. указаны только названия полюсов шкалы, между ними оставлено свободное место или нарисована прямая линия, соединяющая эти полюса (например, "холодный" _____ "теплый"). Респондент имеет возможность более точно указать свое отношение к объекту по этой шкале, т.к. она менее других ограничивает его. На этапе обработки заполненного инструментария положение отметки респондента измеряется с помощью линейки или другого аналогичного инструмента. 4) Графическая (невербальная) шкала: в качестве прилагательных используются графические оппозиции. Шкалирование по подобной шкале можно рассматривать, скорее, как оценку по двухбалльной шкале.

Первоначальный отбор шкал из прилагательных проводится в зависимости от целей и задач исследования, однако есть несколько общих положений: 1) Метафоричность шкалы (объекту приписываются качества, которых у него в буквальном смысле чаще всего нет). Тем не менее, допускается использование определенного количества денотативных признаков, т.к. иногда бывает трудно ограничиться только коннотативными качествами. 2) Универсальность шкалы (характеристики, описываемые шкалой, пригодны для любых объектов, интересующих исследователя). 3) Полисемантичность шкалы (осторожное использование многозначных слов, которое может внести неясность для респондента при оценивании объекта). 4) Синонимия при выборе полюсов шкалы (на конце шкалы может расположиться один из нескольких возможных синонимов, выбор одного из этих синонимов во многих случаях оказывает некоторое влияние на ответы респондентов; исследователь должен выбрать наиболее подходящий вариант). 5) Контекстуальность шкалы (учет того, что прилагательные могут иметь контекстуальные значения; в зависимости от контекста уменьшается диапазон уместности антонима) и контекстуальность оценки (введение в процедуру оценивания объектов, имеющих ярко выраженную эмоциональную окраску, повлияет на результаты оценивания других объектов по соответствующим шкалам). 6) Заданность шкалы респонденту (важно осознавать, в какой степени предложенные исследователем шкалы и их формулировка соответствуют индивидуальной концептуальной системе респондента; во многих случаях целесообразно и необходимо для составления С.Д. использовать технику репертуарных решеток (см.), позволяющую выявить индивидуальную

систему смыслов индивидов, лежащую в основе их субъективных оценок). Считается, что явления, лежащие за пределами индивидуального социального опыта и обладающие большой степенью абстрактности, обобщенности, – абстрактные ценности, идеалы, символические представления, научные обобщения – лучше исследовать с помощью заданных шкал; явления, понятия, которые непосредственно связаны с индивидуальным социальным опытом и потребностями личности (например, семья), лучше исследовать с привлечением выявленных шкал. 6) Направленность шкалы (в бланке С.Д. необходимо использовать как шкалы, образованные оппозициями от положительного полюса к отрицательному, так и шкалы, имеющие обратную направленность). Эта мера применяется для пресечения позиционного стиля ответов респондента, когда через некоторое время респондент начинает давать одинаковые ответы. 7) Дублирующие шкалы (для избежания случайных ответов в ряде случаев (не всегда) целесообразно ввести дублирующие друг друга шкалы, отличающиеся, например, направленностью). 8) Неуместные шкалы (включение в С.Д. шкал, которые должны казаться респондентам абсолютно не подходящими к исследуемым объектам). С помощью таких шкал в ряде случаев можно несколько замаскировать цель исследования и поколебать респондентов в намерении давать преимущественно социально желательные, по их мнению, оценки.

Оцениваемыми понятиями могут быть самые разные объекты: люди, явления, события, слова, изображения и т.п. В большинстве исследований в качестве *объектов* брались существительные, реже прилагательные и глаголы.

Существует ограничение на *сочетание* шкал и оцениваемых объектов. Каждая шкала – это признак, который может быть объективно присущ или не присущ объекту. С.Д. составляется таким образом, чтобы ограничить количество сочетаний шкал и объектов, при которых ответы будут буквальными (например, "отец – мужчина"). В список объектов оценивания нужно включать те из них, которые отвечают целям и задачам исследования и репрезентируют выборку. В ряде случаев при составлении С.Д. можно использовать метод контент-анализа, позволяющий отобрать объекты, наиболее адекватно отражающие интересующую исследователя область. Объекты должны быть известными и однозначно понимаемыми всеми респондентами: информация о неизвестных и непонятных респонденту объектах, полученная с помощью метода С.Д., не имеет практической пользы.

Вид С.Д. и сама процедура шкалирования могут варьироваться: 1) Объекты представляются для шкалирования по очереди, за каждым из объектов следует весь набор шкал; объект фиксируется в бланке С.Д. над перечнем шкал. Такой вариант используется чаще всего. 2) Первый объект оценивается по одной из шкал, за ним следует другой объект, также оцениваемый только по одной шкале, выбранной в случайном порядке. Например, понятие "негр" оценивается по шкале "хороший" – "плохой", понятие "русский" – по шкале "сильный" – "слабый", понятие "американец" – по шкале "активный" – "пассивный". В результате все объекты должны быть оценены по всем шкалам. 3) Вверху страницы указывается отдельная шкала (например, "хороший" – "плохой"), следом за ней предлагается весь набор оцениваемых объектов, шкала изображается возле каждого из них, респондент должен оценить все объекты по предлагаемой шкале, а затем переходить к следующей. 4) Аналогично третьему варианту все объекты оцениваются сначала по первой шкале, причем респондент располагает свои оценки для всех объектов, используя условные обозначения, на одном и том же изображении шкалы. После этого респондент переходит к следующей шкале. Такой вариант С.Д. позволяет респонденту визуально соотнести место тех или иных объектов на предложенной шкале. 5) Процедура С.Д. происходит в два этапа: сначала интервьюер спрашивает у респондента, какой полюс шкалы более соответствует оцениваемому объекту, затем просит отметить на шкале степень соответствия.

Исследования показали небольшую разницу в результатах, получаемых при использовании того или иного формата С.Д. Однако, тем не менее, третий и четвертый варианты С.Д. некоторыми исследователями считаются менее предпочтительными, т.к. наблюдается тенденция взаимовлияния проставляемых оценок для разных объектов. С точки зрения легкости и удобства представления данных предпочтителен первый вариант С.Д.

В большинстве случаев анализ данных, полученных с помощью С.Д., требует использования математических средств. Основными математическими методами анализа здесь являются: а) факторный анализ; б) кластерный анализ; в) многомерное шкалирование.

Главной задачей метода С.Д. считается построение семантического пространства, структура которого может служить для исследователя объяснительной моделью того, как индивид воспринимает, классифицирует, сравнивает, оценивает заданные объекты или их характеристики. Семантическое пространство – это модель категориальной системы индивидуального сознания, иерархизированный набор наиболее глобальных, универсальных индивидуальных категорий, определяющих построение и содержание значений в сознании респондента. Семантическое пространство также можно определить как "пространство реакций". В математическом смысле построение семантического пространства является переходом от пространства данных большой размерности к меньшей. Исследователю всегда нужно точно знать, какие связи он хочет изучать – между шкалами или между объектами.

Исходные данные С.Д. можно представить как трехмерный объект, осями которого являются оцениваемые объекты, шкалы и респонденты. Для того чтобы применить методы многомерного анализа, необходимо привести исходные данные к двумерному виду. Основные способы такого преобразования: 1) Рассмотрение ответов одного респондента; усреднение или суммирование по шкалам ответов всех респондентов по каждому из объектов (матрица "объекты – шкалы"). 2) Рассмотрение ответов по одному из оцениваемых объектов (матрица "респонденты – шкалы"). 3) "Растягивание в вереницу" (горизонтальный или вертикальный варианты) оценок респондентов (матрица "объекты – шкалы"). Требует дополнительных процедур расчета (например, усреднения). 4) Рассмотрение ответов респондентов по одной из шкал (матрица "респонденты – объекты"). 5) Усреднение или суммирование оценок, данных по всем шкалам одним респондентом одному объекту (матрица "респонденты – объекты"). 6) Суммирование индивидуальных корреляций, осуществляемое на основе матрицы интеркорреляций строк и столбцов для каждого респондента.

В исследованиях Осгуда строилось семантическое пространство на базе шкалирования понятий из различных понятийных классов и с помощью факторного анализа были выделены и интерпретированы три основных фактора, объясняющих вместе 50-70% общей дисперсии: "Оценка" ("Evaluation") (приятный –

неприятный, чистый – грязный, хороший – плохой, светлый – темный); "Сила" ("Potency") (сильный – слабый, большой – маленький, тяжелый – легкий, твердый – мягкий); "Активность" ("Activity") (активный – пассивный, быстрый – медленный, горячий – холодный, угловатый – округлый). Группировка шкал в факторы позволяла перейти от описания объектов с помощью признаков, заданных шкалами, к более емкому описанию объектов с помощью меньшего набора категорий-факторов, представив коннотативное значение объекта как систему факторов с различными коэффициентами веса.

Многочисленные кросс-культурные исследования показали универсальность выделенного Осгудом семантического пространства EPA. Это не означает, что все респонденты оценивали объекты одинаково. Единство факторных структур показывает, что одинаковыми остаются связи между различными шкалами объектов, т.е. если респондент оценивает объект как "хороший", то он для него и "сладкий", и "светлый", и т.п. Универсальность EPA позволяет сделать вывод о возможности использования уже полученной группировки шкал в факторы без проведения факторного анализа, что существенно облегчает расчеты (нагрузки объектов по каждому из выделенных факторов можно определить как среднее арифметическое оценок объекта по шкалам, входящим в этот фактор).

На основе семантического пространства исследователь получает возможность изучить: 1) Специфику факторов, которые определяют смысловую значимость объектов для респондентов. 2) Собственно "семантическую дифференциацию" – место объектов в семантическом пространстве (различение реакций респондентов на объекты). Происходит проектирование объектов-денотатов в коннотативное пространство: значение объекта для одного индивида представляется в виде точки, значение объекта для группы индивидов – в виде "облака" точек; в качестве координат служат величины факторов. 3) Расстояния и взаимное положение объектов в семантическом пространстве (различия в восприятии объектов) респондента; расстояние вычисляется с помощью формул геометрии на основании координат, которые определяют местонахождение объектов в семантическом пространстве. Сюда же можно отнести изучение различий в оценках одного понятия разными респондентами или группами респондентов, выделение типов людей, имеющих сходную категориальную систему. 4) Сдвиг координат объектов при изменении контекста оценки (например, при вхождении слова в словосочетание). Трансформация отношения индивидов к объектам при изменении каких-либо важных исходных условий лежит в области пристального внимания последователей теории когнитивного соответствия (или "теории конгруэнтности"), к которым относят Осгуда. Изменения значений могут, в частности, возникать из-за воздействия СМИ, изменения социальных или культурных контекстов, в результате обучения, по прошествии определенного времени и т.д.

Основными параметрами структуры семантического пространства выступают направление (близость объектов к тому или иному полюсу фактора), интенсивность (степень удаленности объектов от начала координат), образование семантических групп (сближение координат нескольких понятий), плотность и растянутость его структуры (сгруппированность однородных объектов или их разделение на группы).

Существует также графический способ анализа данных С.Д. – "профиль" объекта, являющийся удобным инструментом для сравнения и представления оценок. Шкалы, по которым респонденты выносили оценки, помещаются одна под другой, а оценки, вынесенные по каждой шкале для определенного объекта, соединяются общей ломаной линией.

Построение С.Д. на базе оценок объектов из определенных областей – частные С.Д. – продемонстрировало возможность трансформации классического семантического пространства EPA и появление новых факторов. Частные С.Д. характеризуются различной размерностью (числом некоррелирующих факторов), разным содержанием выделенных факторов, которые в то же время сохраняют некоторую преемственность с универсальным С.Д. Так, многие факторы частных семантических пространств являются конкретизацией универсальных факторов, которые видоизменяются (объединяются, расщепляются и т.п.) и наполняются определенным денотативным содержанием. Это объясняется тем, что если при конструировании шкал можно столкнуться с проблемой неопределенности антонимов, то в частном С.Д. используемые прилагательные и объекты более контекстуальны, и ассоциация становится более направленной. Одной из разновидностей частных С.Д. являются личностные С.Д., построенные на базе прилагательных, обозначающих черты личности и характера, и ориентированные на оценку и сравнение самого себя и других людей. С помощью личностного С.Д. могут быть исследованы социальные стереотипы.

Метод С.Д. может применяться: 1) в качестве *пилотажа* для определения смысловой наполненности ключевых понятий, используемых в исследовании (представления исследователя об изучаемом явлении дополняются информацией о категориальной системе сознания респондентов; это особенно справедливо при обосновании С.Д. данными, полученными при применении других методов – техники репертуарных решеток, контент-анализа и др.); 2) в качестве основного инструмента, если факторная структура С.Д. уже отработана в предварительных исследованиях; 3) совместно с другими методами социологического исследования.

Преимущества метода С.Д.: 1) Использование метафорических шкал в С.Д. освобождает субъективную оценку респондента от ограниченности реальными свойствами оцениваемого объекта. 2) Исследователь может сам задавать широту оценки объектов и в зависимости от наполнения шкал ориентировать метод как на выделение оценочных (коннотативных) признаков, так и более предметных (денотативных). 3) Пяти- или семибалльные шкалы дают возможность индексировать не только качество, но и интенсивность значения. 4) Метод С.Д. дает квантифицированную информацию о слабоструктурированных аспектах индивидуального сознания. 5) Использование классического варианта С.Д. дает возможность сопоставлять данные, полученные при различных исследованиях. 6) Данные, полученные с использованием шкал С.Д., легко кодируются.

Как и всякий другой метод, С.Д. имеет ряд недостатков: 1) Ошибочное и неполное представление исследователя об объекте результирует в составлении перепрезентативного С.Д. 2) Переход к пространству признаков меньшей размерности связан с потерей информации. 3) Исследователи интерпретируют факторы на основе содержательных и во многом субъективных, а не формальных соображений. 4) С.Д. более "чувствителен" к общим эмоциональным, а не частным оценкам. 5) По заданной точке семантического пространства невозможно

определить без дополнительной информации, какой объект оценивался. 6) С.Д. часто критикуется за то, что он имеет слабый прогнозный потенциал: выявленное субъективное отношение к объектам часто расходится с реальным поведением респондентов. 7) С.Д. не обеспечивает однозначности и релевантности шкал: все объекты оцениваются по шкалам, которые имеют по крайней мере два значения – прямое и метафорическое. Вследствие этого часть респондентов будет сознательно давать объектам экстремальные оценки (противоположные полюса шкал) или, напротив, придерживаться нейтральной позиции. 8) В модели С.Д. более надежен фактор "Оценка", менее – "Активность". "Оценка" может являться также и уязвимым местом С.Д.: в исследованиях социальных установок, стереотипов и т.п. данные, полученные по шкалам "Оценки" могут быть несколько "скошены" из-за эффекта "социальной желательности" в ответах респондента.

Исследователи, работы которых имеют непосредственное отношение к развитию метода С.Д. и изучению его измерительных возможностей (на русском языке): Петренко В.Ф., Шмелев А.Г., Толстова Ю.Н., Дридзе Т.М. (см.), Дудченко О.Н., Похилько В.Н., Нистратов А.А., Апресян Ю., Эткинд А.М., Клименко А.П. и др.

М.В. Язневич

СЕМЕНОВ Юрий Иванович (р. 1929) – российский социальный философ и историк, доктор исторических наук (1963, ученая степень присуждена за монографию "Возникновение человеческого общества" – 1962), профессор. Окончил исторический факультет Красноярского педагогического института (1951), отделение философии курсов преподавателей общественных наук при Уральском университете (1952). С 1972 – сотрудник Института этнографии (ныне – Институт этнологии и антропологии).

В рамках разработки собственной версии социогенеза С. предложил оригинальное решение проблем происхождения производства, социально-экономических отношений, экзогамии, половых и иных запретов, тотемизма, морали, религии, генезиса частной собственности, общественных классов и государства. Осуществил многомерный социально-философский анализ понятий "общественно-экономический уклад" и "социально-исторический организм". Осмыслил версию существования "политарного" ("восточного") общества. Предложил перспективную модель процесса происхождения и эволюции религии.

Основные труды: "Как возникло человечество" (1966), "Происхождение брака и семьи" (1974), "На заре человеческой истории" (1989), "Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество" (1993) и др.

СЕМИОСОЦИОПСИХОЛОГИЯ, или семиосоциопсихологическая парадигма (далее – ССП), разработанная Т.М. Дридзе (см.), рассматривает социальную коммуникацию как обмен действиями порождения и интерпретации текстов, т.е. как текстовую деятельность, в ходе которой выясняется, способны или не способны люди понимать друг друга. Является составной частью парадигмы экоантропоцентрической социологии (см.), исследующей социально значимые процессы в системе "человек – среда". Сама возможность человеко-средовых интеракций осуществляется благодаря социальной коммуникации, которая исследуется в ССП, с одной стороны, как универсальный социокультурный "механизм", ориентированный на взаимодействие социальных субъектов (а соответственно, на воспроизводство и динамику социокультурных норм и образцов такого взаимодействия), а с другой – как интенциональную и целеобусловленную деятельность, осуществляемую людьми в контексте проблемных жизненных ситуаций, лежащих у истоков любых социально значимых проблем.

ССП исходит из того, что для анализа коммуникационных процессов категорий "речь" и "дискурс" недостаточно – тому и другому уподобляется категория "текст", в которой основное внимание фокусируется не столько на том, "о чем?", "что?" и "как?" говорится в тексте, сколько на том, "почему?" и "ради чего?" этот текст порождается, т.е. в чем состоит коммуникативное намерение его создателя, каким образом он это намерение объективирует и сколь адекватно это намерение интерпретируется партнерами по коммуникации. Такой подход открывает возможности для диагностики состояния и регулирования качества взаимодействий людей друг с другом.

Знаковый характер социальной коммуникации отнюдь не означает возможности ее сведения к обмену речью. Знаки, в том числе и словесные, не только "замещают" реальные объекты, но и задают программу деятельности и поведения своим истолкователям. Иными словами, знаки не просто ментальны – они коммуникативны по своей природе и функции. Через разные сочетания знаков задаются алгоритмы "коммуникативных игр". "Играя" коммуникативными знаками, вводя их в те или иные связи (а смысловая информация кроется именно в этих связях) и преобразуя согласно замыслу общения накопленное знание, люди формируют знаки более высокого порядка – тексты.

Включая разные по сложности знаки в многоступенчатые информативные связи, способствующие осуществлению определенной, пусть не всегда четко формулируемой, но все же намеченной цели общения, человек порождает мотивированное и в силу этого обстоятельства целостное содержательно-смысловое образование как культурный объект и единицу общения. Здесь запечатлевается образ коммуникативно-познавательных намерений автора, а значит, и программа по их осмыслению. Это иерархическая коммуникативная единица, при порождении которой кристаллизуется внутренняя потребность субъекта в реализации того или иного коммуникативного намерения, и является собственно текстом-сообщением, возникающим как равнодействующая по меньшей мере трех сил (факторов): 1) проблемной жизненной ситуации субъекта (стечения значимых для индивида жизненных обстоятельств, воспринимаемых им в виде "проблемного синдрома", требующего разрешения с помощью тех или иных средств); 2) его намерений (мотива как внутреннего побуждения в сочетании с искомым результатом спонтанного или отрефлексированного проявления активности; 3) избранной им технологии, т.е. набора приемов воплощения своего коммуникативно-познавательного замысла.

Трактовка текста как иерархически организованной структуры коммуникативно-познавательных программ, цементируемой общей концепцией или замыслом (коммуникативной интенцией) партнеров по общению, а текстовой деятельности как механизма социокультурной коммуникации, содержит идею опредмечивания в актах знакового общения специфической потребности социальных субъектов в диалоге и партнерстве, а значит, наличия нравственной установки и навыков идентификации (самоотождествления) с проблемной жизненной ситуацией других субъектов. Лишь на базе такой идентификации возможен смысловой

контакт, когда благодаря адекватному истолкованию коммуникативных замыслов при обмене действиями порождения и интерпретации текстов-сообщений возникает "эффект диалога", взаимная ситуационная идентификация партнеров по общению, которая приводит к совмещению в их сознании "смысловых фокусов" (коммуникативных доминант) порождаемого и интерпретируемого текстов. Иными словами, речь идет об эффекте "моносубъектности" как платформе для взаимопонимания и диалога в любом переговорном процессе, как бы широко ни трактовалось понятие "переговоры".

"Эффект диалога" как смыслового контакта, основанного на способности и стремлении субъектов к адекватному истолкованию коммуникативных намерений партнеров по общению, является ключевым для ССП концепции социально-коммуникативного процесса. Поэтому наряду с понятием "коммуникация" здесь используются понятия "псевдокоммуникация" (попытка диалога, не увенчавшаяся адекватными интерпретациями коммуникативных интенций) и квазикоммуникация (т.е. ритуальное действо, подменяющее общение и не предполагающее диалога по исходному условию).

В режиме диалога с другими людьми формируются установки личности, ее картина мира, осуществляется обмен идеями; люди узнают о существовании различных черт характера, склонностей и интересов. В диалоге, как непосредственном, так и опосредствованном существующими в современном обществе системами коммуникации, люди усваивают социальный и культурный опыт, который включают в свою повседневную жизнедеятельность. Диалог способствует формированию и поддержанию групповых (ассоциативных) структур. А его нарушение влияет на изменение и разрушение этих структур. Следовательно, диалогичность общения играет чрезвычайно важную роль не только среди других компонентов образа жизни людей, но и в системе человеко-средовых метаболизмов, а значит, и социокультурного воспроизводства как такового.

Итоги экспериментов обнаружили весьма широкую распространенность "смысловых ножниц", которые в самом общем виде могут быть описаны как ситуации возникновения "смыслового вакуума", вызванного несовпадением "смысловых фокусов" в ходе текстовой деятельности партнеров по общению.

При анализе процессов общения в ССП различаются такие формы человеческой активности, как поведение и деятельность. В качестве существенных признаков такого различия выделяется уровень мотивации, сопутствующий созданию текста, и соответствующая ему мера осознания этой мотивации коммуникатором. Отличительной особенностью "поведения" в таком случае оказывается его спонтанность и стереотипность при отсутствии стремления (а часто и необходимости) к осознанию мотивов тех иных поведенческих актов, в то время как "деятельность" – осознанно мотивированная активность. Речевые умения и навыки, т.е. автоматизмы, от "качественности" которых зависит, быть ли адекватному и эффективному общению людей в любых ситуациях, формируются в процессе интенционального, т.е. мотивированного и целенаправленного, обмена действиями порождения и интерпретации текстов как целостных, иерархически организованных коммуникативно-познавательных единиц.

Эффективность процессов коммуникации определяется не только особенностями текстовой деятельности коммуникатора, но и социоментальными (семиосоциопсихологическими) характеристиками партнеров по общению. Таковыми характеристиками являются уровень коммуникативно-познавательных умений и перцептивной готовности партнеров по общению, наличие навыков адекватного цели общения оперирования текстуально организованной смысловой информацией. Выступая как условный группообразующий социально-психологический признак, эти характеристики существенным образом влияют на меру адекватности интерпретации коммуникативной интенции, или мотивов и целей коммуникатора, а значит, и на саму возможность диалога.

ССП открывает богатые возможности для исследования вопросов генезиса и становления социоментальных групп, т.е. групп людей, сходным образом интерпретирующих текстуально организованную информацию, а также особенностей личностного сознания и ситуационных факторов, определяющих их место в социокультурном пространстве-времени. Особый интерес в этом смысле представили бы многоступенчатые исследования интерпретаций, полученных на выборках текстов, репрезентирующих разнообразные сферы материально-практической, культурно-информационной и идеологической деятельности.

В рамках ССП разработан новый исследовательский метод анализа процессов общения – метод интенционального (мотивационно-целевого анализа) (см.), благодаря чему открываются перспективы для сбора полезной информации о механизмах взаимодействия людей и целых сообществ; о путях их рациональной или, напротив, иррациональной организации и мотивах сплочения; о путях формирования мнений, как индивидуальных и групповых, так и общественного мнения; о механизмах социализации людей и становлении тех или иных ценностных ориентаций; о роли и месте средств массовой коммуникации в формировании картины мира, а также в общей системе управления социально значимыми процессами.

Т.З. Адамьянц

СЕМЬЯ – одна из первых исторических форм социальной общности людей и социальных отношений, элемент структуры общества, его "ячейка". / Современное социологическое определение С. см. ниже. – *С.Б.*/ Сложность научного определения С. как социального образования обусловлена ее многотысячелетней историей, недостаточной научной исследованностью человеческих сообществ и этапов их развития в разных уголках нашей планеты, многочисленными научными походами в ее изучении. С. как древнейшая человеческая система имеет исторически определенную и изменяющуюся форму отношений между супругами, между родителями и детьми, родственниками. Общей макротеории С. в строгом ее понимании не существует именно в силу чрезвычайной сложности и многогранности этого социального объекта. Существуют различные направления и подходы при ее анализе. Одними известными мыслителями и учеными С. рассматривалась с биологизаторских позиций (Платон, Аристотель, Кант, Фихте и др.), другими – с эволюционистских [Й. Бахофен, Дж. Мак-Леннан, Л. Морган (см.), Ф. Энгельс (см.), М. Ковалевский (см.), С. Шпилевский, Л. Штернберг и др.]. Среди самых известных подходов к изучению С.: культурологический – К. Циммерман, М. Мид (см.); структурально-функциональный – Э. Дюркгейм (см.), У. Отборн (см.), Т. Парсонс (см.); интеракционистский – Ф. Ле-Пле (см.), Э. Берджесс (см.), Ч. Кули (см.), Ф. Знанецкий (см.), Ж. Пиаже (см.), З. Фрейд (см.), Дж.Г. Мид (см.) и др.; конфликтологический – К. Маркс (см.), Ф. Энгельс (см.), Хартманн, Софилиос-Ротшильд и др.; институциональный и групповой – А.Г. Харчев, М.С. Мацковский, Н.Г. Юркевич и

др. Каждый из подходов имеет свои изъяны и ограничения. Проблема понимания С. как целостного явления состоит в адекватности применяемых концепций и терминологии. Необходимо наличие таких концептуальных конструкций, которые способны зафиксировать характер и степень реализации общественных функций С. на макроуровне в зависимости от внутригруппового взаимодействия членов С., которые одновременно стремятся удовлетворить и свои личные потребности (А.И. Антонов, В.М. Медков). Этому может соответствовать системный подход (Мацковский М.С., Антонов А.И., Медков В.М.). Рассмотрение С. как системы предполагает ее анализ на макро- и микроуровнях в пространственном и временном континууме. Однако это перспективная цель, чрезвычайно сложная и осуществимая лишь общими усилиями многих специалистов и ученых, для достижения которой необходимо решить очень многие методологические и методические задачи.

Родительство и родство – специфическая форма отношений, присущая С., и имеющая как биологическую, так и социальную основу. Связь, возникающая в результате рождения нового человека, имеет биологическую природу и является естественной. Но если биолого-генетические связи между людьми существуют независимо от того, знают о них люди или не знают, то социально-родственные связи существуют только потому, что проходят через сознание людей. (Ю.И. Семенов). Таким образом наличие прав и обязанностей между родственниками свидетельствует о социальном характере их связи, обусловленности ее социально-экономическими отношениями. Биологическое и социальное родительство, как отцовство, так и материнство, дублируется только в обществах с моногамным браком (см.). В ранних обществах при групповом браке наблюдалось разделение биологического и социального материнства. Дети, родившиеся от разных женщин, но принадлежавшие одному роду, вскармливались и воспитывались всеми женщинами совместно, которые выступали в этом случае в качестве общественных матерей. Мать была естественной кормилицей. Социальные отношения по содержанию детей матерью были биологически обусловлены. И понятие о матери возникло как понятие о кормилице (Ю.И. Семенов). У. Риверс, исследовавший дуально-родовую организацию, пришел к выводу, что родство, которое исследуется этнографами, является социальным отношением, и его нельзя путать с биологическим родством. Понятие об отце также возникло как понятие о кормильце детей. Понятие "отец" совпадало с понятием "муж матери", но не как с ее сексуальным партнером, а с тем, кто поддерживал ее экономически. Биологическое отцовство, или так называемое породительство, обществом во внимание не принималось и поэтому не имело общественного значения (Ю.И. Семенов). По данным исследования П.А. Лавровского в 1869, во всех индоевропейских языках первоначальным смыслом слов, обозначающих отца, было не породитель, а кормилец (Ю.И. Семенов). Общество не могло бы полноценно развиваться, если бы заботы о потомстве несли только женщины. Ю.И. Семенов указывает на то, что во многих современных обществах существует линейно-степенное родство, а следовательно, и линии происхождения, которые связывают человека с обоими родителями и их родственниками. Биологическое отцовство стало выступать в качестве и социального лишь тогда, когда мужчина стал единственным кормильцем С. Это было связано с возникновением и распространением моногамного брака. Необходимость содержать потомство обусловила стремление мужчины знать наверняка, что он является биологическим отцом каждого ребенка, в отношении которого он должен нести социальную ответственность. Дети, рожденные вне брака, мужчинами не поддерживались.

Поскольку и супружество и родительство регулируются социально, получают государственную и общественную поддержку, С. выступает как социальный институт. Как институированное общественное образование С. обладает всем комплексом социальных функций и ролей, для которых общество создает, охраняет и поддерживает этот институт. Как малая социально-психологическая группа С. предполагает непосредственность общения между своими членами, эмоциональность, немногочисленность, общность быта, взаимную моральную ответственность и взаимопомощь.

У специалистов, рассматривающих вопросы С. и брака с разных позиций (юристов, демографов, экономистов, педагогов и т.д.), нет общего определения С. Но не только потому, что проявления С. многолики и семейные отношения отличаются большой сложностью и многогранностью, но и потому, что существует множество критериев, которые можно положить в основание этого понятия (социальное предназначение, качество связей, структура, принцип организации и т.д.): многие определения, даваемые специалистами, страдают односторонностью, т.к. учитывают лишь некоторые ее формы и стороны. Наиболее полными являются определения социологов, которые рассматривают С. в социальном контексте.

С. – это социальный институт (по характеру общественного воздействия на брачно-семейные отношения) и в то же время обладающая исторически обусловленной организацией малая социальная группа, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта, взаимной ответственностью, что детерминировано социальной потребностью в воспроизводстве человеческого рода, как физического, так и духовного обновления общества. Это одна из вариаций самого распространенного в отечественной литературе определения С., авторами которого являются известные российские социологи А.Г. Харчев и М.С. Мацковский.

С. может быть основана на браке, близком (кровном) родстве и на факте усыновления (удочерения). Последнее основание является исключением из общего правила возникновения С. на основе брака или близкого родства. С. может включать в себя брачную пару, а может и не включать. Во второй половине 20 ст. широкое распространение получили неполные С., возникшие в результате разводов и внебрачных рождений, и наличие супружеской пары перестало быть обязательным компонентом С. Отличие С. от брака заключается не только в количестве субъектов отношений, но и в качестве этих отношений. Как социальная организация С. отличается от брака тем, что эти отношения имеют многосторонний и разновекторный характер. Они направлены на удовлетворение разнообразных потребностей членов С., на выполнение многих социальных и индивидуальных функций. С. можно назвать и мужа с женой, если их отношения шире, чем брачные. Другими словами, при разделе понятий брака и С. нельзя ограничиваться только количественными характеристиками, необходимо учитывать и качественное различие между ними.

Как социально-правовой институт С. охраняется законом. Правовое регулирование брачно-семейных отношений важно

как для граждан, так и для государства. Граждане получают защиту от государства в случае нарушения своих прав (например, истребование через суд матерью алиментов на детей от расторгнутого брака с отца, уклоняющегося от выполнения своей обязанности материально обеспечивать детей). Государство же при помощи юридических норм устанавливает права и обязанности лиц, выполняющих ответственные общественные функции (прежде всего рождение и воспитание детей), тем самым осуществляя контроль в области брака и С. По форме различают нуклеарные и расширенные С. Под нуклеарной понимается С., состоящая из ядра – двух поколений: родителей и детей. Расширенной называют многопоколенную С., имеющую в своем составе кроме супружеской пары и их детей и других родственников. Социальная сущность С. определяется двумя основными функциями, которые она выполняет в обществе: репродуктивной и первичной социализации нового поколения, осуществляющейся в самой интимной форме с самого рождения человека. С. является единственной группой, которая увеличивается благодаря рождению детей, а не в связи с приемом новых членов (усыновление – исключение). Социальное предназначение С. связано с тем, что она поддерживает биологическую непрерывность общества путем осуществления родительских стремлений; обеспечивает удовлетворение первичных, биологических потребностей своих членов в пище, тепле, целостности тела и организма и др., необходимых и для их социальной деятельности; а также вторичных, социальных – удовлетворяет эмоциональные потребности своих членов и поддерживает их эмоционально-психологическую стабильность; передает культурное наследие новому поколению и формирует у него нормы совместной жизни в обществе; осуществляет первичный социальный контроль за поведением своих членов; предопределяет социальное положение детей. Все это свидетельствует о необходимости существования С. для нормального функционирования общества. В соответствии с потребностями, которые удовлетворяются в С., выделяют ее функции: репродуктивную, социализации, экономическую, хозяйственно-бытовую, рекреационную, эмоциональную, коммуникационную, сексуальную, первичного социального контроля и др. Можно утверждать, что ценность С. как некоей общности людей является непреходящей. Требования к С. в разные времена выдвигаются разные, но потребность в ней сохраняется всегда. Как утверждал в незапамятные времена апостол Павел, лишь редкие люди способны вести самостоятельную жизнь. Подавляющее же большинство нуждается в опоре, которой выступают близкие люди. С. Природа наделила человека определенным набором психологических потребностей, которые в наибольшей мере реализуются только в С. С. призвана предотвращать дезинтеграцию личности, является амортизатором между обществом и индивидуумом. В С. существуют три основных вида отношений: супружество, родительство, родство. Члены С. обычно живут под одной крышей и ведут общее совместное хозяйство. Отношения между членами С. определяются их чувствами друг к другу, семейными ролями, традициями, нормами права и религии.

С. и общество взаимосвязаны. Эволюция С. как социального института обусловлена развитием общества, спецификой социально-экономических и социально-политических процессов. При этом брачно-семейные отношения обладают относительной самостоятельностью, так как помимо объективных, внешних факторов на С. влияет ряд других обстоятельств, в частности, нравственно-психологические характеристики индивидов. В связи с тем, что у многих людей С. сегодня ассоциируется прежде всего с общностью близких людей, нравственно-психологическая и эмоциональная стороны семейной жизни приобретают все большую значимость. При этом С. может восприниматься индивидами в двух значениях. Во-первых, когда двое или более человек создали для себя теплую интимную среду обитания, которую они рассматривают как семейную группу. Это окружение, с которым они обычно разделяют общее жизненное пространство, обязанности, выполняя разнообразные роли и функции. С. в данном случае связана с понятиями тепла и близости по принципу "здесь и теперь". В другом значении С. воспринимается как группа родственников, связанных кровными узами по вертикали и по горизонтали, т.е. это родство поколений и совокупность всех родственников – как живых, так и мертвых. Наличие такой С., осознание своей причастности к ней крайне важно для человека в психологическом плане, независимо от того, поддерживает он с ней близкие отношения или нет. Важность этого связана с необходимостью знать свои корни, свое происхождение, ощущать свою причастность к будущему. Такая трактовка С. поглощает и нормативную, традиционную модель (брачные, родительские и родственные связи), и отклонения от нее, например, неполные, бинуклеарные, бикарьерные С. В современных обществах выполнение важнейших функций традиционной С. – деторождение и воспитание подрастающего поколения – могут переходить к другим формам С.

С 1970-х в европейских индустриальных и постиндустриальных странах растет число людей, которые в состоянии на базе высокопроизводительной экономики и высокоразвитого рынка услуг и товаров обеспечить воспроизводство населения без вступления в брак и создания С. в ее обычном понимании. Это еще одно свидетельство того, что на протяжении истории семейные формы видоизменяются. Семейная форма, подходящая одному поколению, может не подходить другому. Переход от одной семейной структуры к другой связан с приведением ее в соответствие с новыми социальными обстоятельствами и нуждами членов С. и данного общества, поэтому появление новых семейных форм и их разнообразие не означает патологии. Более того, застывшая форма и стабильность С. как критерии ее оценки весьма сомнительны, так как постоянное движение и изменчивость более присущи С. как живому организму, чем устойчивость и неподвижность. Все процессы, происходящие в обществе, воздействуют на С. и ее структуру. Сегодня С. больше, чем раньше, подчиняется требованиям общественного производства. Заботясь об индивиде, его личностном потенциале, она находится под прессом требований рыночных отношений и должна считаться с ними. Будучи общественным институтом, С. должна создавать и формировать индивидов, которые соответствуют существующим общественным ожиданиям и в состоянии активно участвовать в общественной жизни. Кроме этого, в свете новых походов к осмыслению развития человеческого потенциала (феминистского, гендерного и др.) актуализируется и новое представление о мужчинах и женщинах, их предназначении в С. и обществе, т.е. С. должна быть той средой, которая помогает мальчикам и девочкам, женщинам и мужчинам полнее самореализоваться, стать совершеннее и через них сделать общество более гармоничным.

Состояние современной С. характеризуется рядом противоречивых тенденций. Среди них уменьшение прочности брачно-семейных отношений (что подтверждается статистикой разводов и ростом напряженности отношений между родителями и детьми), снижение рождаемости, рост количества неполных (моно-

родительских) семей, внебрачной рождаемости, ослабление роли С. в деле социализации (см.) молодого поколения (рост среди подростков самоубийств, преступности, наркомании, алкоголизма и т.д.). Это с одной стороны. А с другой стороны, есть изменения другого порядка. Растет экономическая и социальная независимость женщин и их духовное раскрепощение как следствие вовлечения в общественную и профессиональную деятельность вне дома. Трудовая активность женщин, с одной стороны, повышает благосостояние С., а с другой стороны, обуславливает их бо́льшие требования к брачно-семейным отношениям и бо́льшую решительность при разводе, тем самым делая С. менее устойчивой. Это неизбежное явление, связанное со становлением новых отношений. Традиционный тип патриархальной С. с жестким распределением семейных ролей и обязанностей постепенно заменяется равноправными семейными отношениями между мужчиной и женщиной, между взрослыми и детьми. Эти процессы сопровождаются изменением брачно-семейной идеологии, взглядов мужчин и женщин на семейную жизнь, распределение ролей в С., супружескую верность, характер отношений между поколениями.

Итак, глобальные общественные изменения вызывают к жизни и новые типы семейных отношений. Отражая социальное воздействие, влияние новых технологий, семейные структуры у разных людей в разное время могут быть и нормальными, и отклоняющимися от нормы. Структура С. следует за теми функциями, которые она выполняет в данное время. В разных обществах С. может иметь разные формы. История модернизации С. может быть рассмотрена как история утраты одних и приобретения других функций. С. показывает свою жизнеспособность во все времена, в том числе и сегодня, адаптируясь и творчески преобразуя свое внутреннее содержание перед лицом быстрых изменений в индустриальном и постиндустриальном мире. Незыблемость С. как основной формы жизни людей кажется неоспоримой, потому что какие бы трансформации ни переживал этот институт, большинство взрослого населения во всем мире сегодня предпочитает жить в С.

С.Н. Бурова

СЕН-СИМОН (Sen-Simon) Клод-Анри де Рувруа (1760-1825) – французский мыслитель, социолог, автор утопических социальных проектов "Промышленная система", "Новое христианство". Потомок старинного рода французских аристократов, ученик Д'Аламбера, математика и энциклопедиста. Юношей поступает на военную службу, участвует в войне за независимость северо-американских колоний против Великобритании. В 1783 возвращается во Францию и, выйдя в отставку, отправляется в путешествие по Европе. Осенью 1789 прибывает на родину, в Пикардию. С интересом следит за ходом революции, пропагандируя ее лозунги свободы, равенства и братства. Отказывается от своего дворянства и графского титула, называя себя "гражданином Бономом". В период Конвента поддерживает якобинцев, затем становится сторонником Директории и Консульства Наполеона Бонапарта. С 1797 обращается к научным знаниям: слушает лекции в Политехнической и Медицинской школах, посещает с образовательными целями Англию и Германию. Конт (см.) некоторое время был его секретарем и соавтором. К концу жизни вокруг С.-С. сплотился небольшой кружок учеников и последователей (Б.П. Анфантен, С.А. Базар, О. Родриг и др.), образовавших затем школу сен-симонизма, которая просуществовала до середины 1830-х. Основные сочинения: "Письма женевского обитателя к современникам" (1802), "Очерк науки о человеке" (1813-1816), "Труд о всемирном тяготении" (1813-1822), "О промышленной системе" (1821), "Катехизис промышленников" (1823-1824), "Новое христианство" (1825).

С.-С., видя, что революция во Франции не достигла цели, что она не построила нового общества, пришел к выводу, что сами революции, порождаясь стихией бедности и стремлением неимущих к равенству и перераспределению богатства, приводят общество в состояние хаоса и анархии. Чтобы избежать подобных потрясений в будущем, будучи рационалистом в духе 19 в., поставил перед собой цель создать и претворить в жизнь научную социальную систему, которая позволит свести "кризисы, которые народы должны испытать на себе и которых не может предотвратить никакая сила в мире, к простым переменам в их правительствах и финансах". Единственный путь к достижению этой цели С.-С. видел в том, что люди должны иметь общество, наиболее выгодное для наибольшей массы и которое способно улучшить положение многочисленного бедного класса. Это заставило С.-С. обратиться к проблемам исторического развития в целом.

Разделяя взгляды французских материалистов и выступая против деизма, С.-С. пришел к выводу, что законы "социальной физики" и, в первую очередь, универсальный характер ньютоновского закона всемирного тяготения распространяются и на общественные явления. Два положения – идея закономерности, объективности развития природы и общества и идея поступательного, прогрессивного развития человечества – составляют сущность философских взглядов С.-С. Главный критерий прогресса – развитие научных знаний, морали, религии, производным от которого является и другой показатель – благосостояние и счастье большинства общества.

Соответственно история, по С.-С., прошла в своем движении от низших общественных форм к высшим три стадии развития: 1) "теологическую" (от первобытного идолопоклонства до политеизма, на котором основывалось рабство); 2) "метафизическую", основанную на монотеизме христианства, приведшего к феодальному строю; 3) "позитивную" – будущий общественный строй, когда единого Бога сменит единый закон притяжения и возникнет научное мировоззрение с его носителями – светскими учеными и "промышленниками". Общество будущего, по С.-С., – это общественный идеал, воплощенный в "промышленной системе", переход к которой является универсальной исторической неизбежностью: "Все народы на земле стремятся к одной цели, она состоит в том, чтобы перейти от правительственного, феодального, военного режима к административному, промышленному и мирному..."

Основной принцип "промышленной системы", согласно С.-С., – искоренение "всякого паразитизма" и всемерное развитие производительных сил общества, которое позволило достичь громадного роста богатства в интересах класса "промышленников", охватывающего всех тех, кто непосредственно занят в системе производства: земледельцев, фабрикантов, инженеров, рабочих, торговцев и др. Будущее общество у С.-С. основано на: научно и планово организованных производствах с сохранением частной собственности и классов; введении обязательного для всех производительного труда, когда каждый имеет право работать и получать вознаграждение "по способностям"; не управлении людьми, а распоряжении вещами и руководстве производством. "Промышленная система" была дополнена концепцией "нового христианства", имевшей религиозную форму изложе-

ния, т.к. С.-С. считал, что "простой народ" не способен принять положительную философию в чистом виде, ему нужна вера и поэтому необходимо новой философской системе придать силу религиозного чувства, согласованного с "прогрессом наук". Религиозная форма учения, его лозунги приоритета общего блага над личным ("Все люди – братья") должны были дополнить материальные стимулы "промышленной системы" также и моральными.

Исторические взгляды С.-С. явились значительным шагом вперед в понимании смысла и движущих сил общественного развития. С.-С. рассматривал историю как смену созидательных и разрушительных периодов, как потом стало принято говорить у сен-симонистов, эпох "органических" и "критических". Первым увидел и понял основу общества в промышленном производстве (индустрии), отвел важнейшую роль в экономической деятельности формам собственности, а также классам, находящимся в определенном отношении к этим формам. С.-С. были высказаны идеи о неизбежности объединительной тенденции в развитии человечества (в первую очередь, Европы) через утверждение всемирной ассоциации народов и стирания национальных границ.

Некоторые мысли С.-С. положили начало ряду конкретных социологических теорий. Например, теория бюрократии (**см.**) имеет теоретические истоки у С.-С., который первым обратил внимание на роль организации и управления в развитии общества; идея особого назначения людей, обладающих знаниями и способностями, необходимыми для достижения общественных целей, заложила основы для теории технократии С.-С., наряду с французскими энциклопедистами, впервые разделил на теоретическом уровне понятия "гражданское общество" и "государство", ввел термины "индустриализация", "индустриальное (промышленное) общество". Идеи С.-С. оказали большое влияние на развитие социалистических учений во Франции, Германии, Италии и России. Идеи С.-С. о роли носителей знания в историческом процессе получили развитие в современных концепциях техно- и экспертократии.

Е.М. Приленко

СИЛЛАСТЕ Галина Георгиевна (р. 1946) – российский социолог, специалист в области политической социологии, социогендерных исследований и социологии безопасности.

Окончила Таллинский политехнический институт (1969), Центральный Государственный институт патентоведения (1971), аспирантуру ИСИ АН СССР (1983). Доктор философских наук (1989), профессор (1989).

Научный секретарь Секции социологических исследований и изучения общественного мнения при ЦК КП Эстонии (1978-1987); с 1989 – профессор АОН при ЦК КПСС, затем Российской академии государственной службы при Президенте РФ. С 1995 – заведующий кафедрой социологии Финансовой академии при правительстве РФ. Член редколлегии журнала "Социологические исследования"; редакционного совета газеты "Москвичка".

С. разработаны концептуальные вопросы гендерной социологии как новой частной социологической теории, раскрыта социальная сущность гендерного подхода; уточнены понятия "социальный статус женщин", "социальная дискриминация женщин", "социальная безопасность женщин"; разработаны типология женского электората в России и модели его поведения.

Основные сочинения: "Мысли и дела молодежи" (1985); "Демократия без женщин – не демократия. Социологические очерки" (1991); "Женские элиты в России и их особенности" (1994); "Социогендерные отношения в период социальных трансформаций в России" (1994); "Женщины. Политика. Власть" (1996); "Русская семья в республиках России в условиях новой межнациональной ситуации (на материалах Мордовии и Чувашии)" (1996); "Основы экономической социологии" (2001); "Социология страхования" (2001) и др.

СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ – формальное различение двух классов межличностных отношений по критерию частоты и длительности контактов. Примером сильных связей являются родственники и друзья, слабых – соседи, знакомые, знакомые знакомых, формальные контакты на работе. В подавляющем большинстве исследований социальных сетей (**см.**) измерялись сильные связи. Это связано не только с тем, что респонденты легко вспоминают о них и потому дают более точную информацию, но и с предположением об их особой роли для индивида (**см.**). Имеются убедительные данные о том, что родственники, друзья и другие референтные лица входят в структуру самости; отсутствие контактов со значимыми другими коррелирует со смертностью (Аламедское лонгитюдное исследование); наличие сильных связей рассматривается как существенная составляющая психологического благополучия; обширная литература посвящена влиянию сильных связей на социальный статус (**см.**), доход и ряд других экономических исходов.

Исследования социальной поддержки свидетельствуют о необходимости различать функциональный и структурный аспекты поддержки. В отношении первого выделяют следующие функции: информационную (советы, инструкции, обратная связь), эмоциональную (поддержание высокой самооценки, психологическая близость), аффилиативную (принадлежность к группам, участие в совместных действиях) и инструментальную (предоставление финансовой помощи и иных ресурсов). Структурный аспект касается обращения за помощью к носителям разных социальных ролей. По имеющимся данным, в случае потенциальных проблем на работе чаще всего ожидают поддержки от коллег, в поисках новой работы надеются в основном на друзей, при повседневных затруднениях – на супруг или супругов, в случае финансовых проблем – на родителей, в случае жилищных затруднений – на государственных служащих, при затруднениях со здоровьем – на врачей и т.д. Очевидно, что во многих затруднительных ситуациях индивиды ждут помощи от тех, с кем они связаны слабыми связями.

В экономической социологии (**см.**) эмпирические аргументы в пользу "силы слабых связей" были выдвинуты представителем гарвардской структуралистской школы Марком Грановеттером (1973, 1974, 1995). Анализируя каналы, посредством которых жившие в районе Бостона мужчины получили информацию о новой работе, он обнаружил, что 56% респондентов использовали личные контакты, а не специальные агентства или объявления. Большинство опрошенных получили информацию о работе от случайных знакомых или через другие слабые связи, и только 31% – от своих друзей или родственников. Сила связи рассматривалась в этом исследовании как сочетание времени, эмоциональной интенсивности, доверительности и взаимности отношений. Грановеттер объяснил результаты тем, что сильные связи индивида информационно избыточны. Родственники и близкие друзья знают друг друга и по существу сообщают индивиду одну и ту же информацию. Напротив, знакомые принадлежат к разным социальным кругам, не связаны между собой и потому

имеют доступ к разным источникам информации. Тезис Грановеттера о "силе слабых связей" поставил под сомнение господствовавшие ранее рациональные экономические модели принятия решений и представления о преимуществах свободно распространяемой публичной информации. Преимущества в поиске работы имеет тот, кто имеет большую сеть непересекающихся контактов. Более сильную теоретическую аргументацию в пользу тезиса о силе слабых связей предложил Р. Бэрт в своей теории *"структурных дыр"*. Тем не менее, в обеих формулировках социальные сети рассматриваются исключительно как каналы передачи информационных ресурсов.

В организационной социологии до сих пор доминируют взгляды о "силе сильных связей" (напр., Д. Краккард), основанные на представлениях Г. Зиммеля (см.) и эмпирическом факте о тенденции сплоченных групп к образованию взаимных и транзитивных отношений. В частности, сильные связи облегчают разрешение конфликтов (см.), принятие организационных решений, достижение консенсуса и передачу сложной экспертной информации. Многие социологи полагают, что сильные связи особенно важны в сплоченных организациях, в традиционных и нерыночных обществах, они поддерживают механизм партикуляризма в распределении статусов, обеспечивают процессы социального влияния. Слабые связи свойственны сетевым организациям и рыночным обществам и поддерживают процессы информационного влияния. В этой аргументации есть противоречия: в условиях совершенного рынка и свободного доступа к информации слабые связи становятся избыточными. Эти альтернативные объяснительные модели в отношении рынка труда проверялись М. Грановеттером и его учениками в США, Китае (Я. Биан), Венгрии (Т. Бартус), России (В. Якубович). Полученные данные не позволяют однозначно подтвердить или опровергнуть тезисы о силе сильных или слабых связей. В контексте организационной социологии было показано, что тенденция к образованию транзитивных триад выше, чем предсказывают сторонники гипотезы о силе слабых связей, но ниже, чем ожидали представители другого лагеря. Обнаружено, что преимущественное использование сильных (зиммелевых) или слабых связей опосредовано характером решаемых задач. В настоящее время дебаты далеки от завершения.

С.В. Сивуха

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИНТЕРАКЦИОНИЗМ (англ. interaction – взаимодействие) – теоретико-методологическое направление в социологии и социальной психологии (см.) (прежде всего американской), кладущее в основу анализа социокультурной реальности социальные (с акцентированием межиндивидуального аспекта) взаимодействия, взятые в их символическом (особенно языковом) выражении. Кроме абсолютизации микросоциологической проблематики (в ее противопоставлении макросоциологическим проблемам) для С.И. характерно подчеркивание процессуальной природы социального. В определенной мере это связано с влиянием на конституирование С.И. идей прагматизма (в том числе и инструментализма Дьюи) и стремлением преодолеть жесткость и схематизм господствовавших бихевиористских концепций социального поведения. Однако, если различные концепции социальных ролей и теории социального обмена (также решавшие сходные задачи) пошли по пути анализа прежде всего функциональных и (или) институционализационных аспектов социальных взаимодействий, породив ряд идей, близких к классическому структурно-функциональному анализу в социологии, то С.И. выдвинул ряд неклассических идей, оказавшихся родственными некоторым положениям понимающей социологии (обращение к внутренним структурам личности, к культурной проблематике, к анализу языка, к принципу конструируемости социальной реальности и т.д.).

В качестве предтеч С.И. называют Кули (см.) и Томаса (см.). Так, Кули исходил в своих построениях из признания социальной природы человека и утверждал примат первичных социальных групп для социализации и самоопределения индивида. Он же, различая познание вещей и личностей, акцентировал внимание на культуре и языке в их сигнификативной (знаковой) функции для понимания взаимодействия "Я" и "Другого" (наше отношение к "Другому" детерминируется нашими представлениями о "Другом" – идеей личности – а не тем, чем он является на самом деле). Отсюда редукция общества Кули к взаимодействию личностей, понимание этого взаимодействия как согласования "идей личности" и формулировка задачи социального познания как "воображения воображаемого". Не менее важны для С.И. оказались и идеи Томаса о предрасположенности (интенциональности), фиксируемой в установках и ценностных ориентациях индивидов к определенному поведению и о вероятности определенного поведения индивидов, задаваемой конституированием индивидами своих ситуаций в актах их оценки (идея, близкая Дьюи). Отсюда так называемая "теорема Томаса": если ситуации определяются как реальные, они реальны по своим последствиям (или: определение ситуации как действительной делает ситуацию действительной).

Однако основоположником С.И. в историко-социологической традиции признаются не Кули и не Томас, а Дж.Г. Мид (см.), несмотря на то, что сам он определял свою концепцию как "социальный бихевиоризм" (термин "С.И." введен его учеником Блумером – см.) и что ряд аналогичных идей (в австрийский период его жизни) параллельно высказал Морено (см.) (даже в историко-социологической литературе этот круг его идей освещается достаточно редко, а акцентируется его социометрия).

Традиционно в С.И. выделяют Чикагскую (Блумер, Т. Шибутани и др.) и Айовскую (М. Кун и др.) школы. Однако версия М. Куна и его последователей ушла от процессуальной трактовки социальности, усвоила ряд позитивистских методологических установок, отказалась от рассмотрения "внутренней" структуры личности, сделав акцент на групповых нормах и сблизившись, в конечном итоге, с теорией социальных ролей. Поэтому как более "аутентичную" следует признать традицию Блумера. В более поздних версиях (испытав "прививку" феноменологии Шюца – см., прежде всего интегрировав в себя понятие интерсубъективности) и эта линия С.И. перевернула исходное основание направления, обозначенное Дж.Г. Мидом: не социальное взаимодействие стало рассматриваться как конституирующее социальность, а социальность как конституирующая социальное взаимодействие.

В качестве самостоятельной версии С.И. может быть рассмотрен социодраматический подход Гофмана (см.), во многом близкий концепции социодрамы Морено. В некоторых исходных основаниях своих идей близок С.И. и Моррис (см.). В любом случае исходное основание направления – изучение интеракций (взаимодействий) людей, в которых различаются непосредственный и символический их типы, причем безусловный приоритет в конституировании реальности (которая в С.И. "простраиваема", а не дана изначально) принадлежит второму типу.

Символическая интеракция определяется (Блумер) как действие на основе значений, получаемых в интерпретациях. Человек живет в мире значимостей, а не стимулов. Он действует, а не реагирует. По сути, смена систем устоявшихся (принятых) значений означает смену мира, в котором мы находимся. Значения нам предзаданы как определения (дефиниции), однако только их понимание задает нам горизонт видения и возможные векторы действия. Это предполагает наше личное отнесение к значениям, их согласование с наличными ситуациями, что уже требует их переинтерпретации. Более того, эта переинтерпретация есть и переопределение ситуации действия, но одновременно и экстернализация новой дефиниции (требующей новой переинтерпретации и т.д.). Таким образом, в социальном взаимодействии мы имеем дело не с объектами, а с дефинициями объектов (т.е. с символами) и интерпретируем их в определенном языке (т.е. посредством символов). Символы, следовательно, в С.И. суть модусы действия, а не средства передачи информации. Отсюда второй круг общих для различных версий С.И. (но различно ими решаемых) проблем – взаимоприспособление деятелей, обладающих множеством перспектив – видений (само действие есть переход из одной перспективы в другую), требующее переоценки старой перспективы – каждое новое будущее требует и нового прошлого. Взаимоприспособление обеспечивается тем, что люди: действуют в объединениях; производят "репетиции в воображении"; способны в рефлексии "отстраняться" от ситуации и осознавать себя как "отдельность", а в результате – "держать паузу" и превращать себя в объект для самого себя; способны "принять роль другого"; переопределяя ситуацию, "встраивать" себя в нее; закрепляют удачные действия; готовы отвечать на экспектации (ожидания) других и т.д. Многообразие возможностей ("механизмов") взаимоприспособления обуславливает и разницу "ответов" в различных версиях С.И.

Особую роль для понимания процессов конституирования социальной реальности играют разработанные Дж.Г. Мидом механизмы выработки представления об "обобщенном другом" (процедуры типизации) и задания социальных дистанций в результате взаимоприспособления. В общую рамку С.И. вписывается и ряд методологических идей, высказанных прежде всего Блумером и имевших принципиальное значение для понимания природы социологического знания. Исследователь, согласно Блумеру, с необходимостью должен встраивать свои стратегии исследования в реальные социальные взаимодействия. Тем самым эти стратегии не могут носить отражательного характера по отношению к некоторой эмпирической данности, а выступают, скорее, как формирующие социальность практики. В силу этого исследователь всегда находится как бы между двумя крайностями. Ему необходимо избегать ложных предположений о связи своих концептов с событиями постоянно переинтерпретирующегося реального мира, с одной стороны. Но с другой стороны, ему постоянно необходимо помнить о своей "вписанности" в реальные ситуации. Отсюда процедура "разведки-проверки", т.е. оценивания используемого понятийного аппарата на адекватность описываемым процессам, акцент на индуктивных и поливариантных исследовательских стратегиях, установка на выявление скрытых пластов поведения. Эти идеи, предложенные внутри проекта С.И., нашли свое продолжение в разработках социологии знания.

В.Л. Абушенко

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ – концепция представителя северо-американской формальной традиции К. Берка [маргинальная линия по отношению к "новой критике" (А. Ричардс, Дж. Рэнсом, А. Тейт, У. Уимсатт и др.), дополняющая первую антропологическим рассмотрением механизмов образования текста]. К. Берк репрезентирует значение С.Д. в эссе "Язык как символическое действие. Очерки по жизни, литературе и методу" (1966).

С.Д. эксплицируется в цельности и связности анализа следующей цепочки: а) специфика содержательной трактовки понятия "человек", раскрывающаяся посредством С.Д. и касающаяся различий между специфически художественными и общими положениями чисто символической системы; б) анализ связи символического, несимволического или экстрасимволического контекста; в) дефинитивное поле природы текста, связанное с феноменом "травмы".

Тема человека представлена следующими вариациями: 1) как потребляющее, производящее и неправильно использующее символы животное (параллель с анализом субъективности Фромма – **см.**); 2) человек – источник негатива; 3) в качестве практикующего существа; 4) иерархичный человек; 5) человек как неудачное совершенствование, движение "назад".

В определении человека Берк вслед за Э. Кассирером демонстрирует и саму линию "новой критики": от эпистемологии – "научности" к большей онтологии – "драматичности" (анализ на примере слова), база которой просматривается уже в схоластической традиции. Основным отличием человеческого начала от животного служит рефлексивный уровень символизации (выстраивание символической системы). Образец такого уровня существовал уже в метафизике Аристотеля в определении Бога как "мысли о мысли" ("thought of thought"). Еще одним примером служит гегелевская диалектика духа. Благодаря рефлексии человек выстраивает отношения с внешним миром. Парадокс языка заключается в том, что человек подразумевает и оперирует понятиями, которых не существует (идеология слов по отношению к субъекту). Символизм выступает в качестве парадоксального пути "единения" человека и реальности (вещей) на уровне сознания. Процесс символизации протекает в модусе аффектированного поведения (проблемы социализации). Очевидно, что само символическое по преимуществу и является языком. Науку о С.Д. Берк называет логологией ("logology").

Подобное знание концентрируется на анализе четырех оснований С.Д.: поэтики, логики, риторики, этики. Имманентность действия и механизмы образования символов в четырех вышеназванных формах стягиваются в единое смысловое целое, формируя пространство коммуникации между людьми (по преимуществу через языковые формы). "Я поступаю символически, в драматическом смысле, когда говорю эти предложения тебе, и ты тоже действуешь символически, поскольку изучаешь и оцениваешь их "смысл" или "значение". Таким образом, вопрос заключается в интерпретации сказанного (вторичное С.Д.). Соотношение социального и индивидуального Берк анализирует на примере трагедии Шекспира "Кориолан", утверждая жертвенность как главный соблазн в символической системе, согласно которому люди строили свои идеи, мечты и представления о взаимоотношениях с обществом.

Символическая природа понятий подразумевает значение слов не в лексическом контексте (как в словаре), а исходит из некоторой забывчивости контекста реальной ситуации (что является трагическим опытом или негативностью). Вещи репрезен-

тируют смысловую нагрузку слова (материализация духа слова – соединение форм языка и групп мотивов. Основная точка зрения: ниоткуда возникает язык, а как из него возникает субъект и объект в связи с так называемой "работой конструкции" в процессе взаимодействия (анализ "расположенности" А. Ричардса как конструктивного принципа организации индивида и социально-нормативных структур посредством функционирования "символического аппарата"). Необходимо учитывать различия и в теориях Брукса и Берка по поводу интерпретации скрытого смысла или значения. Брукс утверждает в работе "Ересь Парафраза", что невозможно при помощи языка пересоздать контекст и вникнуть в действие структуры. Под структурой понимаются логические, сюжетные и магистральные связи произведения. Оппозиция структуре – текстура – подразумевает включение в анализ мелких деталей, косвенных ассоциаций, из которых складывается смысл текста и качественность его восприятия. В противовес Бруксу, Берк определяет такую возможность, что позволит оценить в целом природу С.Д., хотя многие составляющие могут и не быть представлены в тексте. Формалистичность подхода проявляется в прагматичности какой-либо модели или конструкции (соотношение ассоциативных элементов). Задача формального критика (интерпретатора текста) состоит в выявлении соответствия смысла произведения независимо от того, что делает или намеревается сделать автор.

В результате анализа С.Д. была раскрыта логика перехода от частной проблемы цельности и связности поэтического текста к предельно широкому пониманию феномена художественного текста как: 1) знаковой системы, в которой значимость каждого элемента зависит от его соотнесенности со всеми остальными и действует нелинейная логика ее композиции; 2) принципа индивидуации (телесности, где телом является сам язык), индивидуальной модели порождения высказывания; 3) формы коммуникации; 4) универсального модуса восприятия человеком мира, определяемого включенностью индивида в социальные структуры.

В этом переходе природа текста и связывается с феноменом "травмы", трактуемой как фундаментальный антропологический опыт (Ф. Ницше, К. Берк). Понятие травмы как порождающего принципа текста становится одним из центральных объектов постструктуралистской рефлексии, развиваясь в терминах "нехватки" (Ж. Лакан), травматического "архаического графизма", "письменности на телах" (Ж. Делез, Ф. Гваттари), "опасного дополнения" (Ж. Деррида) и замещая различные варианты структуралистских текстовых грамматик, обозначая теоретический потенциал постструктуралистских течений.

Е.В. Матусевич

"СИМУЛЯКРЫ И СИМУЛЯЦИЯ" ("Simulacres et simulation". Paris, 1981) – сочинение Бодрийара (см.), представляющее собой, с одной стороны, попытку обобщения его предыдущих теоретических разработок, а с другой – размышления автора по поводу современных культурных и экономических феноменов.

Книга состоит из 18 глав, каждая из которых вполне могла бы считаться отдельной работой. Это ставит читателя, стремящегося найти в "С.и С." единую логику и изложение стройной теории симулякров, в несколько затруднительное положение.

В первой главе – "Процессия симулякров" – Бодрийар определяет симуляцию как "порождение при помощи моделей реального без истока и реальности: гиперреального". Симуляция настолько широкомасштабна, что она заставляет совпасть все реальное с моделями симуляции. При этом исчезает самое существенное – различие между симуляцией и реальным. И, тем самым, не остается места для метафизики. Нет больше ни сущности и явления, ни реального и его концепта. "Реальное производится, начиная с миниатюрнейших клеточек, матриц и запоминающих устройств, с моделей управления – и может быть воспроизведено несметное количество раз. Оно не обязано более быть рациональным, поскольку оно больше не соизмеряется с некоей, идеальной или негативной, инстанцией. Оно только операционально. Фактически это уже больше и не реальное, поскольку его больше не обволакивает никакое воображаемое. Это гиперреальное, синтетический продукт, излучаемый комбинаторными моделями в безвоздушное гиперпространство". Эра симуляции начинается с устранения всякой соотнесенности, с ликвидации всех референтов и их искусственного воскрешения в системах знаков – более податливом, нежели смысл, материале. Здесь уже не может быть и речи ни о пародии, ни об удвоении, ни об имитации, но лишь о "замене реального знаками реального, то есть об устрашающей манипуляции над всем реальным процессом его операциональным двойником, метастатирующей антропометрической машиной, программируемой и безукоризненной, которая предоставляет все знаки реального и в коротком замыкании – все его перипетии". Симулякр не следует путать с ирреальным – он никогда не может быть заменен реальным, но лишь замениться внутри самого себя. В этом, по Бодрийару, заключается отличие симуляции от представления. Если представление исходит из соразмерности, пусть и утопической, знака и реального, то симуляция, напротив, исходит из "*утопии* принципа соразмерности, исходит из *радикального отрицания знака как ценности*, из знака как реверсии и умерщвления всякой соотнесенности. В то время как представление стремится абсорбировать симуляцию, интерпретируя ее как ложное представление, симуляция обволакивает все сооружение представления как само по себе являющееся симулякром".

Бодрийар выделяет последовательные фазы представления: 1) оно отражает глубинную реальность; 2) оно маскирует и денатурализует глубинную реальность; 3) оно маскирует *отсутствие* глубинной реальности; 4) оно вообще не соотносится с какой бы то ни было реальностью: оно есть чистый симулякр. Бодрийар указывает, что решающим поворотом является переход от знаков, которые диссимулируют наличие чего-то к знакам, диссимулирующим отсутствие чего бы то ни было. Если первые отсылают к теологии истины и тайны, то вторые знаменуют собой собственно наступление эры симуляции и симулякров: здесь уже нет ни Бога, чтобы узнавать своих, ни Страшного Суда, чтобы отделить истинное от ложного, поскольку "все уже умерло и воскрешено заранее". Что же в результате? "Непомерное раздувание мифов об истоках и знаков реальности. Непомерное раздувание вторичных истины, объективности и аутентичности. Эскалация истинного, пережитого, воскрешение образного там, где исчезли предмет и субстанция. Бешеное производство реального и референтного, параллельное и превосходящее по отношению к безумию материального производства: такова симуляция в касающейся нас фазе – стратегия реального, неореального и гиперреального, повсеместно дублируемая стратегией разубеждения".

Тотальная критика капитализма у Бодрийара сопровождается критикой всего того, что на этот момент уже перестало быть революционным в обществе и постепенно приобретает респектабельность (а значит, в каком-то смысле, окаменелость). Это от-

носится в первую очередь к структуралистским теориям и, в частности, к этнологии Леви-Стросса (см.) и к проблематике безумия (см.) у Фуко (см.). Наивно, полагает Бодрийар, отправляться искать этнологию у дикарей или в странах третьего мира – "она здесь, повсеместно, в метрополиях, у Белых, в мире, учтенном и изученном вдоль и поперек, а затем *искусственно воскрешенном под видами реального*, в мире симуляции, галлюцинации истины, шантажирования реального, убийства любой символической формы и ее истерической, исторической ретроспекции – убийства, за которое первыми (положение обязывает) заплатили Дикари, но которое уже давно распространилось на все западные общества". Ничто не изменилось после того, как общество нарушило молчание в отношении безумия. Ничто не изменилось и тогда, когда наука вроде бы разбила зеркальную поверхность своей объективности и склонила голову перед "различиями". По мысли Бодрийара, "по мере того, как этнология все больше обосновывается в классической инсти-туциональности, она перерождается в анти-этнологию, чьей задачей является инцецировать повсюду псевдо-различие, псевдо-Дикаря, чтобы скрыть, что именно этот, наш мир стал на свой манер дикарским, то есть разоренным различием и смертью".

Эра тотальной симуляции изменяет и отношения власти. Если для Фуко власть виделась как реальная и могучая сила, которой следует оказывать сопротивление или от которой следует ускользать, то теперь власть утрачивает свою мрачноватую вездесущность и паноптизм. Она оказывается таким же симулякром, как и сопротивление, ей оказываемое. Что может сделать власть против симуляции? Какой закон применить не к беспорядку, но к полному отсутствию порядка? Даже если симуляция преступления будет установлена, она будет подвергнута или легкой степени наказания, как не имевшая последствий, или же наказана как оскорбление правоохранительных органов – но никогда как симуляция, потому что "как раз в качестве таковой она не может быть приравнена к реальному, а значит, невозможно и подавление". А как быть с симуляцией добродетели? А ведь это грех куда более тяжкий, нежели симуляция преступления. "Пародия уравнивает друг с другом покорность и нарушение, и вот в этом-то и кроется наибольшее преступление, *поскольку оно аннулирует различие, на котором основывается закон*. Установленный порядок ничего не может с этим поделать, поскольку закон представляет собой симулякр второго порядка, тогда как симуляция относится к третьему, располагаясь по ту сторону истинного и ложного, по ту сторону эквивалентного, по ту сторону рациональных отличий, на которых функционируют любое социальное и любая власть. Вот туда-то, *в изъян реального*, и следует нацеливать порядок". Именно поэтому, по мнению Бодрийара, порядок всегда предпочитает иметь дело с реальным. И даже в случае сомнения он всегда склонен считать нечто реальным. Однако это становится все более сложным, поскольку "если практически невозможно отделить процесс симуляции от того "реального по инерции", которое нас окружает, то верно и обратное (и именно это взаимообразие составляет часть устройства симуляции и бессилия власти): то есть тем самым невозможно ни отделить процесс реального, ни предоставить доказательства реального".

Бодрийар полагает, что все ограбления и угоны самолетов в определенном смысле симулятивны, так как в своей реализации и возможных последствиях они уже заранее вписаны в обычные трактовки средств информации. То есть они функционируют как совокупность знаков, признаваемых только вследствие их знаковой повторяемости, а не вследствие их реальной цели. Это уже события гиперреальные, не имеющие ни собственного содержания, ни собственных целей, но лишь до бесконечности преломляющиеся одни в других, в чем и состоит секрет их неподконтрольности порядку. Этот последний может осуществляться только в отношении реального и рационального. Очутившись в пространстве симуляции, власть оказывается дезорганизованной и становится симуляцией власти (она тоже лишается своих собственных целей и обречена рассыпаться на действия власти и симуляцию масс). Все, что ей остается в этом случае – это повсеместно насаждать реальное и референтное, "избавлять нас от реальности социального, от значительности экономики и целей производства. Для этого она пускает в ход преимущественно дискурс кризиса, но также – почему бы и нет? – дискурс желания. "Принимайте ваши желания за реальность" может пониматься как последний лозунг власти, поскольку в ирреферентном мире даже смешение принципа реальности и принципа желания менее опасно, чем заразительная гиперреальность. Мы оказываемся в промежутке между принципами, и в этом власть всегда права". Прежде, когда угроза для власти исходила из реальности, власть разыгрывала разочарование и симуляцию, разрешая все противоречия при помощи производства равноценных знаков. Теперь же угроза исходит от симуляции, и власть играет в действительность, в кризис, в переориентировку художественных, социальных, экономических и политических целей. В результате – характерная для нашего времени истерия: истерия "производства и воспроизводства реального. Прочее производство – ценностей и товаров, золотой век политической экономии, уже с давних пор не имеет значения. Все, к чему стремится, продолжая производить и перепроизводить, целое общество – это воскрешение ускользающей от него реальности. И поэтому само "материальное" производство является на сегодняшний день гиперреальным". Сама власть уже на протяжении долгого времени не производит ничего, кроме знаков своего подобия. Но внезапно перед нами разворачивается иной образ власти: образ "коллективного требования знаков власти – священный союз, создающийся вокруг ее исчезновения. [...] Меланхолия обществ без власти – именно она спровоцировала фашизм, эту передозировку сильного референта в обществе, которое не может справиться со своей траурной работой". Но власть не только превращается в симулякр, она перестает быть опасной еще и потому, что переходит в разряд средств: политическая оппозиция, "левые", критический дискурс – все это "контрастный симулякр, при помощи которого власть старается разбить порочный круг своего несуществования, своей фундаментальной безответственности, своей "текучести". Власть перетекает подобно языку, подобно теориям. Только критика и негативность еще производят призрак реальности власти. И если по той или иной причине они иссякнут, власти ничего другого не останется, как только искусственно их воскресить, галлюцинировать". Власть, бывшая некогда структурой, стратегией, отношением силы, целью, переходит в разряд социального заказа, и вследствие этого "объект закона спроса и предложения больше не является субъектом насилия и смерти. Полностью изгнанный из политического измерения, он происходит, как и всякий прочий товар, из массового производства и потребления".

Четыре следующие главы – "История: ретроспективный сценарий", "Холокост", "Китайский синдром", "Апокалипсис сегодня" – посвящены проблеме взаимоотношения теле- и кинопроизводства и реальности. Бодрийар отмечает, что если в пери-

од между двумя мировыми войнами кино завоевывали миф, вымысел, то сегодня сама история вторгается в кино, следуя тому же сценарию. Историческая цель, изгнанная из нашей повседневности (как это прежде случилось с мифом) посредством гигантской нейтрализации, имя которой мирное сосуществование, прочно воцарилась на экранах, так же, как некогда миф обрел там свое второе рождение. "История, – говорит Бодрийар, – это наш утраченный референт, то есть наш миф". Основным событием нашего времени является агония сильных референтов, агония реального и рационального, открывающая эру симуляции. "Сегодня создается впечатление, будто история удалилась на покой, оставив позади себя непроглядную туманность, пронизанную потоками, но лишенную, тем не менее, своих референций. В отсутствии настоящих событий все прошлые видятся героическими: по крайней мере, имелись цели, происходило движение. Происходит фетишизация прошлого (будь то фашизм, война, послевоенное время). Бодрийар полагает, что она сродни фрейдовской теории фетишизма. Эта травма (утрата референтов) подобна обнаружению ребенком различия полов. Происходит фетишизация какого-либо объекта, имеющая целью утаить это непереносимое открытие, причем таким объектом чаще всего становится тот, который предшествовал раннему открытию.

Точно так же и фетишизируемая история непосредственно предшествует нашей ирреферентной эпохе. "История, – пишет Бодрийар, – осуществляет свое триумфальное вхождение в кино в качестве посмертной (понятие "исторический" подвергается той же участи: "исторические" момент, памятник, съезд, фигура уже самим этим определяются как допотопные). Ее повторное введение не имеет ценности осознания. Но лишь ностальгии по утраченному референту. Это не значит, будто история никогда не появлялась в кино как великая эпоха, как актуальный процесс, как восстание, а не как воскрешение. В "реальном", как и в кино, история была, но ее уже больше нет. История, которой мы располагаем сегодня (как раз потому, что она захвачена нами), имеет не больше отношения к "исторической реальности", чем современная живопись к классическому изображению реальности. Новый способ изображения представляет собой взывание к похожести, но в то же время и явное подтверждение исчезновения объектов в самой их представлении – гиперреальное. Предметы здесь, в некотором роде, блещут гиперподобием (как история в современном кино), что делает их ни на что не похожими, разве что на пустой образ подобия. На пустую форму представления". Что же происходит с кино? Траектория его развития, по мнению Бодрийара, пролегает от наиболее фантастического или мифического к реалистическому и гиперреалистическому. "Ни одна культура не рассматривала знаки столь наивно, параноидально, пуритански и террористично, как кино с его нынешними стремлениями все больше и больше и с максимальным совершенством приблизиться к абсолютной реальности, с его банальностью, с его правдоподобием, с его "голой очевидностью, с его занудством и в то же время с его заносчивостью, с его претензией быть реальным, непосредственным, неозначенным, что является совершенно безумным замыслом. [...] Одновременно с этим стремлением к абсолютному совпадению с реальным кино приближается также к абсолютному совпадению с самим собой – и в этом нет противоречия: это и есть определение гиперреального. Гипотипизация и зрелищность. Кино плагиаторствует у самого себя, вновь и вновь тиражируется, переделывает свою классику, реактивирует свои мифы, переделывает немое кино таким образом, что оно становится более совершенным, нежели изначальное немое кино и т.п.: все это закономерно, кино заворожено самим собой как утраченным объектом, в точности так, как оно (и мы тоже) заворожены реальным как исчезнувшим референтом".

В конце данной главы Бодрийар вновь возвращается к теме истории. "История, – пишет он, – была могучим мифом, последним великим мифом вместе с бессознательным. Это тот самый миф, который поддерживал одновременно возможность "объективной" связности причин и событий и возможность нарративной связности дискурса. Век истории – это также и век романа, если можно так выразиться. Именно сказочность, мифическая энергия события или рассказа, похоже, всегда утрачиваются с самого начала. Позади перформативной и демонстративной логики – одержимость исторической верностью, [...] эта негативная верность одержима материальностью прошлого, настоящего, такой-то сцены прошлого или настоящего, реставрацией абсолютного симулякра прошлого или настоящего, заменившая собой все другие ценности – к этому причастны все мы, и здесь ничего не изменишь. Поскольку само кино внесло свой вклад в исчезновение истории, в пришествие архива. Фотография и кино внесли громадный вклад в секуляризацию истории, в фиксирование ее в визуальной, "объективной" форме взамен мифам, которые ее пронизывали".

Следующий блок глав книги "С.и С.": "Эффект Бобура, имплозия и устрашение", "Гипермаркет и гипертовар", "Имплозия смысла в средствах информации", "Реклама абсолютная, реклама нулевая", "Эффект Бобура" и "Гипермаркет и гипертовар" – посвящены анализу феномена гигантских культурных (Центр Бобур) и торговых универсумов, чудовищных механизмов эры симуляции, в которых происходит непрерывное потребление – товаров, услуг, культуры. "Совершенно безотносительно традиционных заведений столицы Гипермаркет, или Бобур – "Гипермаркет культуры" – уже представляет собой модель целой будущей формы контролируемой социализации: скопление в одном гомогенном пространстве-времени всех разрозненных функций социального тела и жизни (работа, развлечение, медиа, культура), переписывание всех противоречивых тенденций в терминах интегрированных кругооборотов. Пространство-время целой операциональной симуляции социальной жизни. Для этого необходимо, чтобы потребительская масса была эквивалентна или гомологична массе продуктов. Именно противоборство и слияние этих двух масс действуют в гипермаркете такого уровня, как Бобур, представляющем собой нечто совершенно отличное от традиционных культурных сооружений (музеев, галерей, библиотек, домов культуры и т.п.). Именно здесь вырабатывается та критическая масса, сверх которой товар становится гипертоваром, а культура – гиперкультурой, то есть связанной более не с различными обменами или определенными потребностями, но с определенного рода тотальным антропометрическим универсумом, или замкнутой цепью, по которой пробегает импульс от отрезка к отрезку [...]. Вот что являет нам гипермаркет – гиперреальность товара, и то же являет нам Бобур: гиперреальность культуры". Перенасыщение, перешагивание за критическую массу грозят имплозией – взрывом изнутри. "Ниспровержение, насильственное разрушение – это то, что отвечает определенному способу производства. Универсуму сетей, комбинаторики, потоков соответствуют реверсия и имплозия. То же происходит и с учреждениями, Государством, властью и т.п. Мечта узреть все это взрывающимся за счет противоречий – не более, чем мечта. То, что происходит в действительности, – это то, что учреждения имплозируют сами собой, за счет разветвлений, обрат-

ной запитки, чрезмерно развитых циклов контроля. Имплозирует власть, это и есть ее нынешний способ исчезновения. [...] Сегодня появляется совершенно иной тип насилия, который неизвестно как изучать, поскольку он выпадает из традиционной схемы эксплозивного насилия: имплозивное насилие, которое является не результатом расширения системы, но ее перенасыщения и сжатия, как это происходит в звездных системах".

Нечто подобное, полагает Бодрийар, происходит и в информационной сфере. "Мы находимся во вселенной, в которой становится все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла". По этому поводу он выдвигает три гипотезы: 1) Либо информация продуцирует смысл, но оказывается неспособной компенсировать жестокую потерю сигнификации во всех областях. Поглощение, утрачивание смысла происходит быстрее, чем его инъецирование. 2) Либо информация вообще ничего общего не имеет с сигнификацией, относясь к совершенно иному порядку, внешнему по отношению к смыслу и его циркуляции. Такова, в частности, гипотеза Шеннона – существование чисто инструменталистской сферы информации, технического средства, не предполагающего никакого конечного смысла и представляющего собой нечто вроде кода. 3) Либо, напротив, между ними существует жесткая и необходимая корреляция в той мере, в какой информация прямо разрушает или нейтрализует смысл и сигнификацию. Тем самым оказывается, что утрата смысла напрямую связана с растворяющим, разубеждающим действием информации, средств информации и средств массовой информации. Эта последняя гипотеза, хотя и наиболее интересна, однако идет вразрез с общепринятым мнением, поскольку социализация повсеместно измеряется именно количеством получаемой информации. И тот, кто уклоняется каким-либо образом от получения информации, полагается асоциальным. "Информация повсеместно призвана производить все ускоряющееся циркулирование смысла, прибавочную стоимость смысла, аналогичную той, которая имеет место в экономике, и получаемой в результате обращения капитала. Информация полагается создательницей коммуникации, и даже в случае чрезмерных затрат общий консенсус требует, чтобы в итоге был излишек смысла, который впоследствии перераспределится во всех прорехах социального – точно так же, как консенсус требует, чтобы материальное производство, несмотря на функциональные расстройства и нерациональности, выливалось в прирост богатства. Мы все причастны к этому мифу. Это суть альфа и омега нашей современности, без которых было бы подорвано доверие к нашей социальной организации. И, однако, факт состоит в том, что оно-таки подорвано, причем именно по этой самой причине. Поскольку там, где, как мы полагаем, информация производит смысл, происходит обратное. Информация пожирает свои собственные содержания. Она пожирает коммуникацию и социальное".

Бодрийар выделяет две причины, по которым это происходит. Во-первых, потому, что информация, вместо того, чтобы побуждать к коммуникации, занимается ее разыгрыванием. То же и в отношении смысла – информация не производит смысл, а разыгрывает его. И здесь опять-таки имеет место гигантский процесс симуляции. Происходит замыкание процесса – это процесс симуляции, гиперреальный процесс. "Гиперреальность коммуникации и смысла. Более реальное, чем само реальное – вот таким образом оно и упраздняется". Во-вторых, позади этой увлеченной игры в коммуникацию масс-медиа, информация энергично осуществляют деструктурацию социального. "Информация разлагает смысл, разлагает социальное, превращает их в некую туманность, [...] обреченную на тотальную энтропию. Здесь мы говорим об информации лишь в социальном регистре коммуникации. Было бы уместным выдвинуть обратную гипотезу: ИНФОРМАЦИЯ = ЭНТРОПИЯ. Например: информация либо знание, которые можно иметь о некоторой системе или некотором событии, уже представляет собой форму нейтрализации и энтропии этой системы (это относится ко всем наукам вообще и к гуманитарным и социальным наукам в частности). Информация, в которую превращается или при помощи которой распространяется некоторое событие, уже представляет собой деградированную форму этого события". Средства массовой информации осуществляют, таким образом, не социализацию, но, напротив, "имплозию социального в массах", которая представляет собой не что иное, как расширение до макроскопического уровня имплозии смысла, осуществляющейся на микроскопическом уровне, уровне знака. Последнюю Бодрийар предлагает анализировать, отталкиваясь от формулы Мак-Люэна (см.) "medium is message" – "средство есть сообщение".

Речь, по Бодрийару, идет о том, что все смысловые содержания абсорбированы в одну "единствующую" доминирующую форму средства. Независимо от содержаний только средство создает событие. "Вне нейтрализации всех содержаний можно было вдохновить работать средство в его обычной форме и преобразовывать реальное, используя удар средства как формы. Аннулированы все содержания, осталась еще, возможно, единственная потребительская стоимость, революционная, ниспровергающая, средства как такового. Однако... не происходит только лишь имплозия средства в сообщение, но, в том же самом движении, происходит и имплозия средства в реальное, имплозия средства и реальности в некий род гиперреальной туманности, в которой больше неразличимы определение и собственное действие средства. [...] Формула Мак-Люэна "средство есть сообщение", являющаяся ключевой формулой эры симуляции (средство есть сообщение – передатчик есть приемник – замкнутость всех полюсов – конец перспективного и панoптического пространства, – таковы альфа и омега нашей современности), эта формула должна быть нацелена на тот предел, где, после того, как все содержания и сообщения улетучились в средство, уже и само средство улетучивается как таковое". То есть формула "средство есть сообщение" означает не только кончину сообщения, но также и кончину средства. Такая имплозия содержания, поглощение смысла могут показаться катастрофичными и безнадежными. Однако, полагает Бодрийар, только с идеалистической точки зрения, которая господствует в нашем понимании информации. "Мы все пребываем в яростном идеализме смысла и коммуникации, в идеализме коммуникации посредством смысла, и в этой перспективе нас как раз и подстерегает катастрофа смысла". Эту катастрофу, однако, следует понимать как уничтожение лишь в "линейном кумулятивном видении, производительной конечности, которую навязывает нам система. Сам термин этимологически означает всего-навсего искривление, сворачивание цикла, которое приводит к тому, что можно было бы назвать "горизонтом события", к горизонту смысла, к непреодолимому: по ту сторону нет ничего, что имело бы для нас смысл, – однако достаточно выйти

из этого ультиматума смысла, чтобы сама катастрофа уже больше не являлась последней отсрочкой, в качестве которой она функционирует в нашем воображаемом настоящем. За горизонтом смысла – ослепленность, являющаяся результатом нейтрализации и имплозии смысла. За горизонтом социального – массы, представляющие собой результат нейтрализации и имплозии социального".

Существенной, по мнению Бодрийара, является необходимость дать оценку двойному вызову – вызову, брошенному смыслу массами и их молчанием, и вызову, брошенному смыслу медиа и их ослепленностью. На чьей стороне находятся масс-медиа? На стороне власти, помогая ей манипулировать массами, или на стороне масс, способствуя устранению смысла, совоспешествуя творимому над смыслом насилию? Медиа издеваются над смыслом и контр-смыслом, манипулируя одновременно во всех возможных смыслах, продвигая внутреннюю симуляцию системы и симуляцию, разрушающую систему. Ситуацию, в которой мы оказываемся, Бодрийар сравнивает с той, в которой оказывается ребенок в мире взрослых. От него одновременно требуют быть и субъектом (самостоятельным, ответственным, свободным, сознательным), и объектом (покорным, послушным, пассивным). Что делает ребенок? Он вырабатывает свою защитную тактику. На требование подчиниться он отвечает непокорностью, своеволием, то есть проявляет все возможные признаки субъекта. На требование самостоятельности, активности и т.п. он отвечает полным безразличием, пассивностью, покорностью, то есть всем тем, что присуще объекту. Какая из этих стратегий имеет большую ценность? Ни та, ни другая, полагает Бодрийар. Хотя в настоящий момент практика сопротивления по модели субъекта полагается более почетной, позитивной, не следует игнорировать и ценность обратного, объектного сопротивления. "В отношении системы, чьим аргументом является притеснение и подавление, стратегическое сопротивление представляет собой освободительные притязания субъекта. Но это отражает, скорее, предшествующую фазу системы, и даже если мы все еще находимся в афронтации с ней, то это уже не является стратегической областью: актуальным аргументом системы является максимализация слова, максимализация производства смысла. А значит, и стратегическое сопротивление – это отказ от смысла и от слова – или гиперконформистская симуляция самих механизмов системы, представляющая собой форму отказа и неприятия. Она присуща массам – она равным образом отсылает назад к системе ее собственную логику, удваивая ее, и, словно в зеркале, смысл, не поглощая его. Заблуждаться в отношении стратегии грешно. Все движения, играющие только лишь на освобождении, эмансипации, воскрешении субъекта истории, группы, слова, на сознательности (понимай – бессознательности) субъектов и масс, не видят того, что они находятся в русле смысла системы, чьим императивом сегодня является как раз перепроизводство и регенерация смысла и слова".

В третий блок глав "С.и С." вошли: "История клона", "Голограммы", "Крах", "Симуляция и научная фантастика", "Животные, территория и метаморфоза", "Остатки", "Труп в спирали", "Последнее танго ценности", "О нигилизме". В них Бодрийар попытался взглянуть на современную культуру и наиболее значительные исторические и культурные события последнего времени сквозь призму теории симулякров. Главы "Отходы" и "О нигилизме" наиболее репрезентативны.

Неверно, полагает Бодрийар, будто бы, когда мы извлекаем все, не остается ничего. Не может быть, чтобы не было никаких отходов. Эти отходы не располагают, однако, ни автономной реальностью, ни собственным местом: "они являются тем, чье разделение, ограничение, исключение означает.. чего же больше? Именно через извлечение отходов обосновывается и вступает в силу реальность... чего же больше?". Странно другое: этому термину не находится бинарной оппозиции. Отходы и что? Такой термин существует, по мнению Бодрийара, только он анонимен, нестабилен, не имеет определения. Позитивный сам по себе, только через негацию он становится реальным. "Невозможность определить, что же является отходами другого, характеризует фазу симуляции и агонии различающихся систем, фазу, в которой все становится отходами и остаточным. И наоборот, исчезновение роковой структуральной черты, отделяющей отходы от ??? и позволяющей отныне любому термину быть отходами другого, характеризует фазу обратимости, в которой, предположительно, нет больше отходов". Другим аспектом, столь же необычным, что и отсутствие оппозиции, является то, что отходы вызывают смех. "Любая дискуссия на эту тему провоцирует те же словесные игры, ту же двусмысленность и скабрезность, что и дискуссии о сексе и смерти. Секс и смерть являются двумя великими темами, за которыми признается способность провоцировать двусмысленность и смех. Но отходы являются третьей, а возможно, и единственной, две другие сводятся к ней как к самому образу обратимости. Отходы непристойны, поскольку они обратимы и заменяются внутри себя. Они непристойны и вызывают смех, как только может вызывать смех, глубокий смех, неразличимость мужского и женского, неразличимость жизни и смерти". В то же время, понятие отходов, по мнению Бодрийара, куда более серьезно, чем может показаться вначале. "Из отходов, из остающихся нам энергий, из восстановления и консервации отходов сегодня создается критическая проблема человечества. Она неразрешима как таковая. Любая новая энергия, высвобожденная или растраченная, оставляет новые отходы. Любое желание, любая либидинальная энергия производит новое отторжение. [...] Едва будет израсходован последний литр энергии (последним из экологов), едва только будет изучен последний дикарь (последним из этнологов), едва последний товар будет произведен последней "рабочей силой", едва последний фантазм будет высвечен последним аналитиком, едва все будет высвобождено и потреблено "с последней энергией", мы обнаружим, что это гигантская спираль энергии и производства, отторгания и бессознательного, благодаря которой нам удалось замкнуть все в энтропическое и катастрофическое равновесие, что все это в действительности не что иное, как метафизика отходов, и она разразится вдруг во всех своих эффектах".

В последней главе книги Бодрийар размышляет о том, что представляет собой сегодня нигилизм (см.). "Сегодняшний нигилизм, полагает он, это нигилизм транспарентности, и он является в некотором роде более радикальным, более критическим, нежели его предшествующие исторические формы, поскольку эта транспарентность, эта поверхностность является, неразрешимым образом, транспарентностью системы, и транспарентностью любой теории, которая претендует на то, чтобы ее анализировать. Когда Бог умер, еще оставался Ницше, чтобы сказать об этом, – великий нигилист перед Вечностью и трупом Вечности. Но перед симулируемой транспарентностью всех вещей, перед симулякром идеалистической или материалистической завершенности мира в гиперреальности (Бог не умер, он стал гиперре-

альным), нет более теоретического и критического Бога, чтобы узнавать своих". Нигилизм полностью реализовался не в разрушении, а в симуляции и разуверении. Бодрийар выделяет в предшествующем нигилизме две формы. Первая – это романтизм и Просвещение, она соответствует разрушению порядка очевидностей. Вторая – это сюрреализм, дадаизм, абсурд, политический нигилизм, она соответствует разрушению порядка смысла. То, что мы имеем сегодня – это третья форма нигилизма, совершенно отличная от прежних. "Сегодня – прецессия нейтрального, форм нейтрального и индифферентности. Я оставляю за всеми право поразмыслить, есть ли здесь романтизм, эстетика нейтрального. Сам я в это не верю: все, что остается, – это завороженность для пустынных и безразличных форм, для самого действия системы, которая нас аннулирует. Но завороженность (в противовес соблазну, привязанному к явлениям, и диалектическому разуму, привязаному к смыслу) представляет собой превосходную нигилистическую страсть, это есть страсть, присущая способу исчезновения. Мы заворожены всеми формами исчезновения, нашего исчезновения. Меланхоличны и заворожены, таково наше положение в эпоху невольной транспарентности". Бодрийар причисляет себя к нигилистам, если быть таковыми означает предпочесть точку инерции и анализ необратимости системы вплоть до точки невозвратности; если быть таковыми означает находиться во власти способа исчезновения, а не способа производства; если быть таковыми означает переносить на нетерпимый предел гегемонических систем радикальную черту насмешки и насилия, тот вызов, на который система вынуждена ответить своей собственной смертью. "Теоретическое насилие, а не истина – вот что нам остается". Но на этот нигилизм система отвечает своим собственным нигилизмом – нигилизмом нейтрализации: "Система тоже нигилистична, в том смысле, что она обладает мощью превращать все, в том числе и то, что ее отрицает, в индифферентность". По Бодрийару, "нет больше надежды для смысла. И, видимо, так оно и есть: смысл смертен. Но все то, чему он навязывал свое эфемерное царство, то, что он полагал уничтожить, чтобы создать царство Просвещения, очевидностей, – все это бессмертно, неуязвимо для самого нигилизма смысла или бессмысленицы. И вот где начинается соблазн".

В.В. Фурс

СИСТЕМА (греч. systema – составленное из частей, соединенное) – категория, обозначающая объект, организованный в качестве целостности, где энергия связей между элементами С. превышает энергию их связей с элементами других С., и задающая онтологическое ядро системного подхода. Формы объективации этой категории в разных вариантах подхода различны и определяются используемыми теоретико-методологическими представлениями и средствами.

Характеризуя С. как таковую в самом общем плане, традиционно говорят о единстве и целостности взаимосвязанных между собой элементов. Семантическое поле такого понятия С. включает термины "связь", "элемент", "целое", "единство", а также "структура" – схема связей между элементами. Исторически термин С. возникает в античности и включается в контекст философских поисков общих принципов организации мышления и знания. Для понимания генезиса понятия С. принципиален момент включения мифологических представлений о Космосе, Мировом порядке, Едином и т.п. в контекст собственно философско-методологических рассуждений. Например, сформулированный в античности тезис о том, что целое больше суммы его частей, имел уже не только мистический смысл, но и фиксировал проблему организации мышления. Пифагорейцы и элеаты решали проблему не только объяснения и понимания мира, но и онтологического обоснования используемых ими рациональных процедур (сведения одних знаний к другим, использования схематических изображений – чертежей, введения элементов доказательств и др.). Число и Бытие – начала, не столько объясняющие и описывающие мир, сколько выражающие точку зрения становящегося рационального мышления и требование мыслить единство многого. Платон выражает это требование уже в явном виде: "Существующее единое есть одновременно и единое и многое, и целое и части...". Только единство многого, т.е. С., может быть, согласно Платону, предметом познания. Отождествление стоиками С. с мировым порядком можно понять только с учетом всех этих факторов. Таким образом, генезис понятия С. имел главным образом эпистемолого-методологическое значение, задавая принцип организации мышления и систематизации знания. В последующей истории философии, вплоть до начала 19 в., закрепляется чисто эпистемологическая трактовка понятия С. В 16-18 вв. С. называли объекты, подобные "Началам" Евклида. Кант писал: "Под С. я разумею единство многообразных знаний, объединенных одной идеей". Однако начиная с 19 в. распространяются онтологические и натуралистические интерпретации С. Системность начинает трактоваться как свойство объектов познания, а связи между различными слоями знания – как фиксация связей в самих объектах. Речь теперь идет не столько о том, чтобы сформировать С. знания, сколько о том, чтобы воспроизвести в знании объект как С. Этот поворот порождает ряд совершенно новых и специфических проблем. Материальны ли связи? Что можно считать элементом? Может ли С. развиваться? Как связана С. с историческими процессами? и т.д.

Развитие инженерного подхода и технологий в 20 в. открывает эру искусственно-технического освоения С. Теперь С. не только исследуются, но проектируются и конструируются. Одновременно оформляется и организационно-управленческая установка: объекты управления также начинают рассматриваться как С. Это приводит к выделению все новых и новых классов С.: целенаправленных, самоорганизующихся, рефлексивных и др. Сам термин "С." входит в лексикон практически всех профессиональных сфер. Начиная с середины 20 в. широко разворачиваются исследования по общей теории С. и разработки в области системного подхода, складывается межпрофессиональное и междисциплинарное системное движение. Тем не менее категориальный и онтологический статус "С. как таковой" остается во многом неопределенным. Это вызвано, с одной стороны, принципиальными различиями в профессиональных установках сторонников системного подхода, с другой – попытками распространить это понятие на чрезвычайно широкий круг явлений и, наконец, процедурной ограниченностью традиционного понятия С. Вместе с тем во всем многообразии трактовок С. продолжают сохраняться два подхода. С точки зрения первого из них (его можно назвать онтологическим или, более жестко, натуралистическим), системность интерпретируется как фундаментальное свойство объектов познания. Тогда задачей системного исследования становится изучение специфически системных свойств объекта: выделение в нем элементов, связей и структур, зависимостей между связями и пр. Причем элементы, связи, структуры и зависимости трактуются как "натуральные", присущие "природе" самих объектов и в этом смысле объективные. С. в таком подходе полагается как объект, обладающий собственными за-

конами жизни. Другой подход (его можно назвать эпистемологo-методологическим) заключается в том, что С. рассматривается как эпистемологический конструкт, не имеющий естественной природы, и задающий специфический способ организации знаний и мышления. Тогда системность определяется не свойствами самих объектов, но целенаправленностью деятельности и организацией мышления. Различие в целях, средствах и методах деятельности неизбежно производит множественность описаний одного и того же объекта, что порождает в свою очередь установку на их синтез и конфигурирование (системомыследеятельностная – СМД-методология).

Традиционная точка зрения заключается в том, что поведение и свойства С., ее целостность и внутреннее единство определяются прежде всего ее структурностью. Функционирование С. и материальная реализация ее элементов в этом случае вторичны по отношению к структуре и определяются ею. Новая постановка проблемы вызвана, в свою очередь, развитием новых областей человеческой деятельности, в первую очередь технического и социального проектирования. Если в классическом естественнонаучном анализе исследовательское движение осуществлялось от материально выделенных объектов к идеально представленным процессам и механизмам, присущим этим объектам, то при проектировании идут противоположным путем: от функции к процессу функционирования и лишь потом к материалу, обеспечивающему функционирование. "Процесс" и "материал" его реализации образуют исходную категориальную оппозицию понятия С. в СМД-методологии. Другие категориальные слои С. возникают на пути "реализации" процесса на материале: "функциональная структура", задающая пространственный модус процесса, его синхронию; "организованность материала", представляющая результат "наложения" или "отпечатывания" структуры на материале; "морфология" – материальное наполнение функциональных мест структуры. Связи и отношения этих категорий между собой задаются с помощью ряда других категорий, в частности, таких, как "механизм", "форма", "конструкция".

Таким образом, понятие "С." оформляется как определенная организация и иерархия категорий. С этой точки зрения рассмотреть какой-либо объект в виде С. – это значит представить его в четырех категориальных слоях: 1) процессов; 2) функциональной структуры; 3) организованностей материала; 4) морфологии. Затем слой морфологии может быть снова разложен по слоям процессов, структур и организованностей, и это разложение будет образовывать уже второй уровень системного описания. И такая операция может повторяться до тех пор, пока не будет получено представление объекта необходимого уровня конкретности. На этой основе в СМД-методологии была отработана достаточно подробная схема полисистемного анализа, получившая целый ряд перспективных приложений. Прежде всего, это возможность соединить любые процессуальные представления о С. со структурными и организационными. Другим преимуществом являлось эффективное решение проблемы взаимодействия структур.

А.Ю. Бабайцев

"СИСТЕМА ВЕЩЕЙ" ("Le system des objets", 1968) – одна из первых работ Бодрийара (**см.**), намечающая всю дальнейшую проблематику его творчества и представляющая собой развернутую критику "общества потребления" на основе социологизации коннотативной семиологии Р. Барта (**см.**). Помимо очевидного влияния последнего (например, "Нулевой степени письма", "Системы моды", "Мифологий") также прослеживаются следы идей К. Леви-Стросса (**см.**), М. Мосса (**см.**), Ж. Лакана (**см.**), Г. Маркузе (**см.**) и др.

Во многом заимствуя марксистскую и психоаналитическую фразеологию, Бодрийар тем не менее дистанцируется от структуралистской интерпретации марксизма и психоанализа. Данная установка позволяет Бодрийару предвосхитить критику постмодернизма изнутри и зафиксировать воплощение концептуальных построений и мифологем постструктурализма на "реальном", объектном, иначе – вещном уровне. В то же время Бодрийара интересуют не столько сами вещи, "определяемые в зависимости от их функции или же разделенные на те или иные классы для удобства анализа, но процессы человеческих взаимоотношений, систематика возникающих отсюда человеческих поступков и связей". При этом основное внимание уделяется не технологии, представляющей нечто существенное, "глубинный уровень вещей" или денотат, что потребовало бы выявления "технем" по аналогии с морфемами и фонемами, а нарушениям связности технологической системы, т.е. тому, как "рациональность вещей борется с иррациональностью потребностей" и "где действует не связная система вещей, а непосредственно переживаемая противоречивость". В этой связи Бодрийар признает некоторую ограниченность метода Барта, поскольку "в вещи коннотация ощутимо изменяет и искажает ее технические структуры", в силу чего техническая система с неизбежностью ускользает в систему культуры, которая, в свою очередь, "воздействует на технический строй вещей и делает сомнительным их объективный статус". Поэтому, коль скоро "гуманитарная наука может быть лишь наукой о смысле и его нарушении", то "описание системы вещей невозможно без критики практической идеологии этой системы".

Данный подход позволяет Бодрийару выделить четыре самостоятельных и соотносимых друг с другом ракурса описания системы вещей: "функциональную систему, или дискурс вещей", "внефункциональную систему, или дискурс субъекта", "мета- и дисфункциональную систему: гаджеты и роботы" и "социоидеологическую систему вещей и потребления". Функциональная система задается оппозицией расстановки и среды. Если технический императив дискурса расстановки предполагает смыслы игры и исчислимости функций вещей, то культурный дискурс среды – исчислимость красок, материалов, форм и пространства. По сравнению с традиционной обстановкой, где "действует тенденция занять, загромоздить все пространство, сделать его замкнутым", а согласованность и монофункциональность вещей символизируют семейные и социальные структуры патриархата обстановка современная состоит исключительно из вещей, приведенных к нулевой степени и освобожденных в своей функции. "Буржуазная столовая обладала структурностью, но то была замкнутая структура. Функциональная обстановка более открыта, более свободна, зато лишена структурности, раздроблена на различные свои функции". "Таинственно уникальное" отношение к вещи, служившей знаком личности ее обладателя, сменяется конструктивным отношением организатора порядка и сводится лишь к размещению и комбинаторной игре вещей. Современная расстановка – это "кровать без ножек, занавесей и балдахина", разборная мебель. "Окон больше нет, а свет, вместо того, чтобы проникать извне, стал как бы универсальным атрибутом каждой вещи". В то же время, источник света скрыт как "лишнее напоминание о том, откуда происходят вещи". Повсеместно исчезновение зеркал, которое долгое время "не просто отражало

черты индивида, но и в своем развитии сопровождало развитие индивидуального сознания как такового". (Ср. "стадию зеркала" у Лакана.) "Человек расстановки" мыслит мир не как дар, который нужно раскрыть и увековечить, но как нечто приобретенное, как изделие, которое можно и должно калькулировать, трансформировать и контролировать. "Субъект есть порядок, который он вносит в вещи, и в этом порядке не должно быть ничего лишнего, так что человеку остается лишь исчезнуть с рекламной картинки. Его роль играют окружающие его вещи. В доме он создает не убранство, а пространство, и если традиционная обстановка нормально включала в себя фигуру хозяина, которая яснее всего и коннотировалась всей обстановкой, то в "функциональном" пространстве для этой подписи владельца уже нет места". В структурах среды краска подчиняется исчислимому бинарному коду теплого и холодного, задающему комбинаторику оттенков. Яркая краска трансформируется в пастельные тона и выступает "более или менее сложным условием задачи в ряде других, одним из составных элементов общего решения".

По мнению Бодрийара, "именно в этом состоит ее функциональность, то есть абстрагированность и исчислимость". Поэтому даже традиционные, природные краски и материалы выступают лишь в качестве маркера идеи Природы, или "природности". "Домашнюю среду преобразует не "настоящая" природа, а отпускной быт – это симулякр природы, изнанка быта будничного, живущая не природой, а *Идеей Природы*; по отношению к первичной будничной среде отпуск выступает как модель и проецирует на нее свои краски". Подобное освобождение от "природной символики" намечает переход к полиморфности и снимает оппозицию натурального и синтетического как "оппозицию моральную". "В чем, собственно, "неподлинность" бетона по сравнению с камнем?" В этом смысле разнородные сами по себе краски и материалы в силу своей абстрактности оказываются однородными в качестве знаков культуры и могут образовывать связную интегрированную систему. "Абстрактность делает их подвластными любым сочетаниям". С другой стороны, сущность системы наиболее полно выражается в широком применении стекла. В стекле – нулевой степени материала – сосредоточена, по мнению Бодрийара, мифологическая "двойственность среды". Стекло означает близость и дистанцию, "прозрачность без проницаемости", благодаря чему оно становится идеальной упаковкой. Посредством прозрачных стен "весь мир вводится в рамки домашнего мирка как зрелище". Но также и человеческое отношение, возникающее в структурах расстановки и среды, становится мифологизированным, определяется мерцающим чередованием интимности-дистантности и оказывается подвижно-функциональным, "то есть в любой момент возможным, но субъективно нефиксированным, разные типы отношений должны обладать свободой взаимного обмена" (позднее такое отношение было осмыслено Бодрийаром как "cool", или прохладное).

Таким образом, согласно "С.В.", функциональная система среды и расстановки представляет собой децентрализированное пространство сообщающихся (сочетающихся, коммуницирующих) между собой вещей и цветовых пятен. Такая система за счет нарастающей дифференциации функций осуществляет преобразование глубины в поверхность, жестуальности усилия в жестуальность контроля. Если ранее домашний очаг выполнял функции освещения, обогрева и приготовления пищи, то затем кухонная плита берет на себя их часть и, наконец, возникает многообразие предметов, каждый из которых предназначен для выполнения какой-либо одной операции. То, что в трудовой жестуальности сублимировалось (а значит, символически реализовывалось), сегодня просто вытесняется. Система становится "дискретным полем функциональных ассоциаций", питаемых абстрактной энергией (например, электричеством) и абстрактным мышлением. Символическое измерение этой системы, постулирует Бодрийар, равно нулю. "Человеческое тело теперь наделяет вещи лишь знаками своего присутствия, а в остальном они функционируют автономно". Человеку среды и расстановки соответствует "человек функциональный", у которого "первично-телесные функции отступают на второй план перед функциями окультуренными". Причем эта "окультуренная" симулятивная функциональность, или функциональность "второго плана", означает исключительно приспособленность одной формы к другой, т.е. определяется степенью включенности в абстрактную систему культуры. Бодрийар делает вывод: "если симулякр столь хорошо симулирует реальность, что начинает эффективно ее регулировать, то ведь тогда, по отношению к такому симулякру, уже сам человек становится абстракцией!".

Установки функциональной и внефункциональной систем являются, согласно Бодрийару, взаимодополнительными и способствуют интеграции целого; вещь старинная или экзотическая, которая на первый взгляд не вписывается в абстрактно-исчислимое знаковое отношение, также обретает двойственный смысл. Природность вещи в первой оборачивается ее историчностью во второй (т.е. подобно тому, как Природа отрицается природностью, так и История отрицается историчностью). Стремление к подлинности, возрождение мифа о первоначале, реставрирование являются по сути поисками алиби или ино-бытия системы. "Чтобы достигнуть равновесия, система распадается на формально противоречивые, а по сути взаимодополнительные члены". И если функциональный предмет является небытийностью, то в предмете мифологическом, минимально функциональном и максимально значимом, "символизируется внутренняя трансцендентность реальности"; этот "фантазм сублимированной подлинности" представляет собой регрессивный дискурс, обращенный уже не к другим, а к себе, отсылающий к детству, предкам, природе. "В рамках цивилизации, где *синхрония* и *диахрония* стремятся к всеобъемлющему систематическому контролю над действительностью, она образует (как в плане вещей, так и в плане поступков и социальных структур) третье, *анахроническое* измерение. Свидетельствуя о том, что системность дает осечку, это регрессивное измерение тем не менее в этой же самой системе и укрывается, парадоксальным образом позволяя ей функционировать".

Такую цивилизацию Бодрийар определяет как цивилизацию "культурного неоимпериализма": набор современных форм потребления дополняется набором форм потребления прошлого или географически и исторически отдаленного экзотического. В то же время, по Бодрийару, каждая вещь имеет две функции, находящиеся в обратном соотношении, – быть используемой и быть обладаемой. Первая связана "с полем практической тотализации мира субъектом", вторая – "со стремлением к абстрактной самототализации субъекта вне мира". Серия маргинальных вещей, абстрагированных от своей функции, образует коллекцию; вещи, ее составляющие, оказываются "равноценными в плане обладания, то есть страсти к абстракции". Причем предлагаемая Бодрийаром трактовка коллекционирования весьма широка и, наряду с традиционным пониманием, включает обладание пространством ("автомобиль пожирает километры"), временем (часы), разведение домашних животных, любовное обладание, нау-

ку как коллекцию фактов и знаний, наконец, "человек всегда коллекционирует сам себя". "Коллекция может служить нам моделью обладания" и выступает "как мощный компенсаторный фактор в критические фазы сексуальной революции". В силу чего вещи получают всю ту нагрузку, которую не удалось реализовать с людьми. В пределе, коллекция может возникнуть из деструктурируемой вещи, в результате своеобразной перверсии. Иллюстрируя это, Бодрийар приводит пример из фильма Ж.-Л. Годара "Презрение", где "на фоне "обнаженной натуры" разворачивается следующий диалог: – Ты любишь мои ступни? – спрашивает она... – Да, люблю. – Ты любишь мои ноги? – Да. – А мои бедра? – Да, – говорит он опять, – я их люблю. (И так далее снизу вверх, вплоть до волос.) – Значит, ты любишь меня целиком". Тем не менее, различие коллекции и простого накопительства состоит в ее культурной сложности и принципиальной незавершенности. Только недостающая в коллекции вещь может дать начало социальному дискурсу. Замкнутое самонаправленное существование коллекционера осмысленно лишь постольку, поскольку существует уникальный недостающий предмет. Но даже и в этом случае это существование оказывается неполноценным, так как материал коллекции – вещи – "слишком конкретен и дисконтинуален, чтобы сложиться в реальную диалектическую структуру" (за исключением разве что науки или памяти).

Следуя схеме Барта, Бодрийар от рассмотрения вещей в их объективной и субъективной систематизации переходит к анализу их коннотаций. Так, "техническая коннотация" возводится к абсолюту автоматики, которая выступает моделью всей техники. Автоматизация сама по себе вовсе не означает высокой техничности. Напротив, "это определенная замкнутость, функциональное излишество, выталкивающее человека в положение безответственного зрителя. Перед нами – мечта о всецело покоренном мире, о формально безупречной технике, обслуживающей инертно-мечтательное человечество". В то же время автоматика по своей сути антропоморфна, это "персонализация на уровне вещи", сделавшейся "совершенно-автономной монадой". Пределом автоматизации служит "гаджет", "штуковина" – вещь поли-, пара-, гипер- и метафункциональная (например, "очистка яиц от скорлупы с помощью солнечной энергии"). Фактически подобные вещи оказываются лишь субъективно функциональными. "В автоматике иррационально проецировался образ человеческого сознания, тогда как в этом "низофункциональном" мире запечатлеваются одни лишь обсессии". Вещь, переступающая свою объективную функцию, всецело включается в строй воображаемого. В этой связи фантастика, по мнению Бодрийара, "изобрела одну-единственную сверхвещь – робота". Миф о роботе "вбирает в себя все пути бессознательного в сфере вещей", синтезирует "абсолютную функциональность" и "абсолютный антропоморфизм". В мифологии робота сочетаются мотивы раба, неполноценной копии человека (робот лишен пола), бунта и саморазрушения. Именно в этом заключается притягательность соблазна мифологии – недостигаемый предел человеческого. Так и поломка вещи всегда переживается человеком двойственно: "она подрывает надежность нашего положения, но и одновременно и материализует наш постоянный спор с самим собой, который также требует к себе удовлетворения". Вещь, которая не ломается, "вызывает страх". Поломка вещи (в пределе – ее смерть), означая ее фатальность, сексуальность и реальность, питает психологическую систему проекций, для которой важен зазор между функциональностью и дисфункциональностью вещи, ее "фантазматическая, аллегорическая, подсознательная "усвояемость". Другой тип коннотаций возникает в социоидеологической системе вещей. Статус современной вещи определяется оппозицией модели и серии. Если в традиционных обществах модель не порождала серию, а свой статус вещь получала от общественного строя (т.е. трансцендентность модели совпадала со "стильностью"), то в современности серийная вещь не является ирреальной по отношению к идеальной модели, а модель больше не замыкается в рамках привилегированного меньшинства. "Психологически это чрезвычайно важно, поскольку в силу этого пользование серийными вещами всегда имплицитно или эксплицитно сопровождается учреждением модели, несмотря на фрустрацию и полную материальную невозможность такую модель заполучить". "Психосоциологическая динамика" возводит серию в модель и постоянно тиражирует модель в серию, аннигилируя и "чистую модель", и "чистую серию". Следовательно, динамика модели и серии функционирует на некоем вторичном уровне, а именно уровне маргинальных различий, составляющих систему культуры.

Сегодня, полагает Бодрийар, ни одна вещь не предлагается для использования в нулевой степени (см.). Различия и нюансы между вещами столь многочисленны и одновременно незначительны, что покупатель, делая выбор, "*лично*стно вовлекается в нечто трансцендентное вещи", персонализируя ее. Функция персонализации, по Бодрийару, "фактор не просто добавочный, но и паразитарный". Маргинальные различия, образуя моду, "служат двигателем серии и питают собой механизм интеграции". Но механизм этот абстрактен, в конечном итоге, модель трансформируется в идею модели. Наряду с совершенствованием "идеальной модели" "модель реальная" и следующая из нее серия приходят в упадок. Вещь для постоянного обновления системы моды и системы потребления изготавливается искусственно непрочной и недолговечной. Серия не должна ускользать от смерти. Псевдопротиворечие между краткосрочной эфемерностью и долговечной надежностью позволяет переживать модель как серию, быть модным, современным; но также оно наделяет вещь массой экономических коннотаций. В частности, "главные" вещи предстают еще и под знаком кредита – "премии от всего строя производства", составляющей "права и обязанности гражданина потребителя". Если "серия дает нам возможность опережающего пользования моделью", то кредит – "опережающего пользования вещами во времени". В результате этого "магического" процесса человек оказывается отсрочен от своих вещей: ранее он был вынужден экономить, чтобы потом, купив вещь, рассчитаться со своим прошлым и с надеждой смотреть в будущее; сегодня наблюдается феномен "предшествующего будущего", когда потребление опережает производство. "Новая этика потребления" означает и новое принуждение, по аналогии с феодальным; однако "наша система основана на своеобразном сообщничестве" продавца-покупателя – "обязанность покупать, чтобы общество продолжало производить, а сам он мог работать дальше, дабы было чем заплатить за уже купленное". Фактически вещи предназначены только для этого – чтобы их производили и покупали. Человек же, получая от общества кредит формальной свободы, сам кредитует общество, отчуждая от себя собственное будущее. Наконец, вся социологическая система вещей и потребления, а в конечном итоге вся система вещей (такие явления, как "персонализация", метастатическая дифференциация и разрастание функций, различий и самих вещей, "деградация технических структур в пользу структур производства и потребления", поломки и вторичные функции) получает в

рекламе окончательную автономию и завершенность. Реклама (**см.**) как чистая коннотация радикально двойственна: это и дискурс о вещах, и дискурс-вещь, служащая предметом потребления в качестве предмета культуры. Первичная, "объективная" функция рекламы, ставящая целью внушение покупки определенной марки товара, в рекламном дискурсе нейтрализуется: "рекламный дискурс разубеждает не меньше, чем убеждает". Однако, "сопротивляясь все лучше и лучше рекламному *императиву*, мы зато делаемся все более чувствительнее к рекламному *индикативу*". Императив и индикатив в рекламе воспроизводят мифологическую структуру алиби: "под прикрытием его /рекламируемого товара. – *Н.К.*/ наглядной очевидности осуществляется невидимая операция интеграции". Реклама действует согласно "логике Деда Мороза", т.е. логике вовлеченности в легенду – "мы в нее не верим, и однако она нам дорога". Тем самым реклама способствует инфантильной регрессии к социальному консенсусу и "непроизвольному усвоению смыслов социальной среды", тем более, что она всегда предоставляется в дар и "старается восстановить инфантильную неразличимость между предметом и его желанием, отбросить потребителя к той стадии, на которой ребенок еще не отличает мать от ее даров". В то же время реклама подавляет, изображая мир, приспособленный к потребностям индивида; поэтому функцией, по сути пустого, рекламного образа является "*показывать и не даваться*". К тому же реклама как "самый демократический товар" упрощена до предела, она не образует языка, но лишь универсальный языковой код: образ отсылает только к образу, вовлекая в оборот и реальную жизнь. Так, понятие социального статуса все более упрощается, превращаясь в "стэндинг" – социальную характеристику, интегрирующую рекламные опознавательные знаки (например, чай как "знак хорошего вкуса", часы – символ достатка и т.д.).

Подобная виртуализация действительности является, по Бодрийару, следствием эволюции потребления, которое из первоначального удовлетворения потребностей стало "активным модусом отношения" не только к вещи, но и к коллективу и всему миру, т.е. фундаментом нашей культуры. Потребление есть "деятельность систематического оперирования знаками", "тотальная идеалистическая практика". Следовательно, вещь, чтобы быть потребленной, должна стать знаком, точнее, вещи более не потребляются, а только идеи вещей. В этом плане весьма показательна этимология: французский глагол se consommer "потребляться" значит "осуществляться", но также и "уничтожаться".

Тот факт, что Революция стала в обоих смыслах потребляться как Идея Революции, побудил Бодрийара дополнить Марксов анализ капитализма "политической экономией знака". Помимо этого дальнейшее развитие получили уже заложенные в "Системе вещей" идеи симулятивной реальности, утопии символического обмена и смерти, а также метафоры "соблазна", "нулевой степени", "зеркала", "короткого замыкания" и "метастатического размножения". Следуя социально-критической установке Барта "мифологизировать мифологию", Бодрийар по сути противостоит системе и за счет отсутствия строгого определения "вещи" и оперирования "ею" в самых различных контекстах мифологизирует само основание культуры потребления. Разумеется, некоторые высказанные Бодрийаром в 1968 мысли сегодня могут показаться несколько наивными, как может броситься в глаза и непроясненность и произвольность терминологии. Однако уже тогда ему удалось описать маргинальные явления, гораздо позже ставшие очевидными и актуальными, в частности, тот факт, что в системе вся энергия тратится на то, чтобы ее вырабатывать, и что проект модерна не исчез – "просто он довольствуется знаковой реализацией через вещь-объект. То есть объект потребления – это как раз и есть *то самое, в чем "смиряется" "проект"*.

Н.Л. Кацук

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ОБЪЕКТА ИССЛЕДОВАНИЯ – один из этапов разработки программы социологического исследования (**см.**). Суть его состоит в рассмотрении объекта исследования как системы, т.е. комплекса элементов и связей, образующих во взаимодействии органическое целое, в котором фактическое или предполагаемое изменение одного из элементов ведет к изменению других элементов и всей системы в целом. С.А.О.И. включает в себя также и принцип циклической взаимосвязи генезиса (истории), структуры и функций, принцип гомеостазиса. Принцип взаимосвязи генезиса, структуры и функций предполагает изучение структуры объекта путем выделения ее элементов, их функций и взаимосвязи; описание и объяснение эволюции системы; выяснение того, как данный объект функционирует в системе большей общности. Принцип гомеостазиса предполагает выяснение механизмов, обеспечивающих устойчивость, динамическое равновесие системы. В социологических исследованиях С.А.О.И. используется, как правило, не в виде строгих алгоритмов, а как общие методологические установки исследовательской работы.

Допустим, исследуется трудовая деятельность молодых рабочих. Цель исследования – выявление мотивов трудовой деятельности, отношения к труду в зависимости от содержания труда и уровня запросов личности работника. Элементами данного объекта являются факторы, детерминирующие отношение к труду. Их можно разделить на три группы.

Первая группа – общие и специфические факторы. К общим относятся социально-экономические и иные социальные условия трудовой деятельности. Эти факторы, будучи равнодействующими по отношению к любым видам труда и любым типам личности, являются постоянными. К специфическим факторам относятся функциональное содержание труда, условия труда, взаимоотношения в коллективе, особенности внетрудовой деятельности рабочего, личностные и ролевые характеристики работника.

Вторая группа факторов – прямые и косвенные. Прямые факторы непосредственно фиксируются и поддаются контролю в объекте исследования: условия, организация, функциональное содержание, система оплаты труда, отношения в коллективе и отношения рабочих с руководством. Косвенные факторы прямой регистрации не поддаются; семейное воспитание, обучение, воздействие средств массовой информации.

Третья группа – факторы объективные и субъективные. К объективным относятся условия и обстоятельства, образующие независимые от субъекта предпосылки его деятельности, к субъективным – связанные с переработкой внешних условий в сознании и психике индивида Объективные факторы являются стимулами, внешними побуждениями к деятельности, субъективные – мотивами, внутренними побуждениями.

Элементы и связи объекта могут быть изображены графически, с помощью математических моделей или в форме описания. Часть определенных элементов и связей включается в сферу исследования и образует его предмет.

С.А. Шавель

"СКОРОСТЬ И ПОЛИТИКА. ЭССЕ О ДРОМОЛОГИИ" ("Vitesse et politique. Essai de dromologie") – одна из самых известных работ французского философа, теоретика постмодернизма, урбаниста и архитектурного критика П. Вирильо (см.), вышедшая в свет во Франции в 1977. В книге Вирильо формулирует свою оригинальную концепцию, ключевым пунктом которой является понятие "скорость". Технологически обеспечиваемое наращивание скорости – движения/перемещения, вычисления, передачи данных, принятия решения и т.д. – является, по мнению Вирильо, базовым принципом западной цивилизации и основным фактором социальных и культурных трансформаций современности. Тема скорости в книге неразрывно связана с темой войны (см.), военного искусства, решающей роли милитаристического элемента в генезисе политических и экономических процессов. "Скорость и политика" – это прежде всего социально-философский и исторический анализ войны как явления и понятия. Вирильо назвал свою теорию скорости *дромологией*, используя греческий корень dromo, основным значением которого являются различные аспекты скорости и движения.

В первой части книги "Дромократическая революция" Вирильо начинает с тезиса о том, что политическая жизнь детерминирована физической (пространственной) мобильностью масс, которая в наиболее яркой форме представлена в передвижениях толп по улицам городов в дни революций ("любая революция происходит в городе"; город как "обитаемая циркуляция"). Занять улицы означает обеспечить победу революционных масс. Так свершилась победа Великой революции во Франции, так свершилась криминальная революция в Америке начала 20 в. Цитируя Геббельса, Вирильо показывает, что этот же закон уличной политики был основой фашистского режима в Германии с его навязчивым маршевым стимулированием фанатического следования единому ритму нации. Взрыв политической мобильности и революционного завоевания власти всегда канализируется сначала по городским улицам, а затем по дорогам прилежащих территорий ("башмаки вермахта"), и это требует переконфигурации движения и скорости масс.

Однако в эволюции городской среды прослеживается, по Вирильо, иная тенденция, неразрывно связанная с кристаллизацией механизмов власти и собственности. Это тенденция ограничения мобильности и определения точек фиксации, остановки движения. Буржуазная система власти, складывавшаяся в 17-18 вв., базируется не столько на производстве и коммерции, сколько на власти и ее способности "зафиксировать и привязать к месту" всю социальную структуру. И это, безусловно, предопределено милитаристическим контекстом развития городов, которое изначально было детерминировано исключительно целями фортификации: созданием укрепленных поселений, обнесенных стенами и снабженных необходимыми военными и гражданскими коммуникациями (феодальный замок). Концентрированная городская экономика оказалась единственной моделью эффективного обеспечения обороны и снабжения армии. Кроме того, она необходимым образом замыкала весь экономический цикл на неизбежном уничтожении произведенного в ходе военных действий. Отсюда Вирильо делает вывод, что классовая структура буржуазного общества необходимо включает военных и инженеров как самостоятельный класс. Текст книги изобилует иллюстрациями из политической практики (Франции, Германии, США, СССР) и историческими примерами из области организации фортификационных и инженерных работ, наиболее ярким из которых следует признать создание Национального инженерного корпуса, ставшее одной из приоритетных задач буржуазного режима победившей французской революции. Интересы военных и буржуазии исторически совпадают и именно поэтому государственная власть как механизм подавления одного класса другим (в ее марксистском понимании) является вторичным образованием, следующим за альянсом буржуазии и военных. В итоге общая линия политического генезиса государственной власти проходит сначала по улицам городов и дорогам соседних территорий, а затем растворяется в консервации военно-экономической машины и ее классового доминирования. Так, например, нацистский режим консервирует политическую мобильность в массовом развитии автотранспорта (идея "народного автомобиля"), стремясь лишить массы возможности вернуться на улицы и одновременно решая задачи подготовки населения к моторизации армии (по аналогичному пути, – настаивает Вирильо, – пошло и американское правительство, стимулируя массовую автомобилизацию). Именно тоталитарные режимы, но не только они, преуспевают таким образом в том, что Вирильо называет "массовой военной пролетаризацией" (система ГУЛАГ), неразрывно связанной с синхронизацией рабочих тел в общем ритме трудовой/военной жизни (массовая физкультура, гимнастические парады): тело как источник энергии и движущий механизм производства.

Но ситуация меняется с развитием военных технологий, увеличивающих скорость боевых действий и истребляющую мощь оружия (массового поражения). Теперь Скорость – это Время, выигранное у смерти (если атакующий успевает достичь позиций противника в интервале между перезарядкой орудий). Поэтому значение немобильных крепостей уменьшается, и это требует изменения стратегии городского строительства, а с ним и стратегии власти. Анализ этой проблематики углубляется Вирильо во второй части книги с названием "Дромологический прогресс". Здесь он отмечает особую прогрессивную роль военной стратегии, делающей ставку на мобильность военно-морских сил, контролирующих не поле битвы и территорию страны, а огромные открытые морские пространства. Важен сам принцип: подвижность, контроль над пространством ("перемещение без определенного назначения по месту и времени" – подводные лодки), блокирование, устрашение, а не прямое военное столкновение. Здесь уместна почти прямая аналогия между происхождением жизни из воды и возникновением технологической жизни из того же источника (морской витализм с неизбежностью переходит в технологический витализм). Так постепенно меняется концепция насилия и войны, которая впоследствии станет основой стратегии ядерного сдерживания. Меняются также представления о стратегическом значении города-крепости, который по важности уступает теперь абсолютной мобильности революционных изобретений военной технике (мобильность на море подхлестывает увеличение скорости судов; любая машина заменяется более быстрой). Но за всем этим стоит не технологическая или индустриальная революция, а все более истощающая ресурсы революция скорости (дромократическая), которая, однако, создает фундаментальные преимущества и предпосылки превосходства западной цивилизации (быть быстрым значит суметь выжить – аксиома колониальной политики). Именно скорость в конечном итоге является необходимым и достаточным основанием имперской политики. Морская стратегия Запада сделала полем битвы

весь земной шар и переросла в перманентный экспорт войны (= капитализма) в различные регионы планеты.

Уже в 19 в., – считает Вирильо, – война превращается в тотальную войну. Результатом дромологического прогресса неизбежно станет исчезновение социального разнообразия и редуктивное деление населения на "счастливое" (имеющее доступ к скорости, устремляющей его в бесконечность) и "отчаявшееся" (заблокированное ограниченными скоростями). С другой стороны, война превращается в "практическую войну", удобную, рассчитанную. Экономическая составляющая вновь берет свое, когда уничтожение стимулирует потребление. Стратегия войны постоянно смещается в сторону экономических критериев: расходов в день/на душу/на подразделение и т.п. И скорость вновь оказывается решающим фактором экономики войны. Здесь возникает знаменитый образ спидометра военной машины, показывающего не столько скорость, сколько вероятность выживания, поражения, результата боя.

Тему экономики войны Вирильо развивает в третьей части книги ("Дромократическое общество"). Во-первых, мобильность и функциональность европейских армий периода Первой мировой войны приобрела новые черты военной пролетаризации. Теперь протезирование позволяет вернуть военных в строй, и даже физические недостатки солдат обретают функциональное значение: глухих удобнее распределять в артиллерию, горбатых – в автомобильные батальоны (в 1914 такие правила использовались в немецкой армии). Во-вторых, все большее значение приобретает стратегическая военно-экономическая инфраструктура военных действий: железные дороги, мосты, промежуточные базы и т.д. Они позволяют преобразовать скорость перемещения в организованный военный удар. Но здесь же, и это в-третьих, возникает необходимость ведения экономической войны: продовольственной, валютно-финансовой, технологической, торговой. Срабатывает все тот же механизм соединения/единства интересов класса военных и владеющей основными капиталами буржуазии. Например, экспансия американского доллара неразрывно связана с ростом военного могущества США. Суть дромологических процессов в том, что социокультурная динамика движима одним базовым законом: статика есть смерть. Поэтому дромократический режим всегда будет подавлять стабильность и устойчивость (статичность), к которой тяготеет демократия, как это и было в античности, в Европе при нацистах или при "новом курсе" Ф.Д. Рузвельта в США. Вирильо подробно обращается к истории сугубо экономических отношений владения землей и территорией в Европе (преобладают иллюстрации из феодальной истории), пытаясь показать, как под влиянием скорости/мобильности изменялись представления об измерениях и масштабах земельных владений в зависимости от статуса владельца и истории его мобильности. В частности, расчистка переселенцами новых земель под угодья имеет военно-стратегическое значение для армейской инфраструктуры. Таким образом власть эксплуатирует право населения на защиту.

Железный закон скорости требует движения по направлению к тотальной войне, на которую мобилизуются и моральные средства борьбы, разворачивающие боевые действия на духовном фронте, где происходит уничтожение чести и рассеивание душевных сил врага (это медленная смерть, в отличие от мгновенной смерти в бою). Победить врага – значит сломить его духовно, превратить в безвольного раба. В этом неизбежном делении душ на слабые и сильные Вирильо видит общую предпосылку: существует мир безвольных тел (побежденных, зомби, живых мертвецов, скот, превращенный в индустриальную рабочую силу – пролетариат в нацистских лагерях; солдат – рабочий войны, рабочий – солдат труда) и движимая волей к скорости война есть стремление производить такие тела. Она принадлежит общей культурной тенденции Запада уничтожать Другого, оппонента, соперника. Внутри самой военной машины роль такого безвольного изгоя исполняет милитаризованный пролетариат (включая детей, женщин как рабочие/эксплуатируемые тела) – дармовая рабочая сила и идеальный объект приложения власти/дисциплины. Это лишь технологические тела из одной группы с лошадьми и слонами, впряженными в боевые/грузовые повозки; это тела, превращенные в метаболические транспортные средства – проводники скорости. Вирильо последовательно пытается продемонстрировать, что любая власть есть дромократическая власть и она базируется отнюдь не на правах и свободах граждан. Власть стоит на исключении и вытеснении части населения в группы маргинального пролетариата и на его безвольном подчинении, покорности к принуждению, на культе готовности к войне. Власть рушится, как только она отказывается от насилия, похищений, подавления.

Но главный вопрос, на который необходимо найти ответ для понимания связи скорости и власти, заключается в том, каковы пределы ускорения и мобильности? Ведь ресурс покорных тел ограничен. Чем быстрее, мобильнее и сильнее завоеватель, тем более жалкими кажутся результаты побед. Новым способом выживания дромократии становится технология, основанная на скорости машин. И тогда ядерное оружие во второй половине 20 в. превращается в источник конституционного права и модифицирует реальную конституцию государств. Именно так Вирильо интерпретирует политические кризисы 1970-х. Принципиальным вопросом принятия политических решений становится транспортировка бомбы (ядерного заряда) и ее оперативность, а также скорость и ответственность решения о ядерном ударе (основной атрибут государственной власти – "ядерный чемоданчик"). Война, скорость и технология теперь являются фундаментальными основами государственного устройства.

Вирильо отмечает еще одну специфическую тенденцию середины 20 в.: постепенное нивелирование милитаризованного пролетариата, его растворение в социальной среде. Армия отправляет солдат на различные гражданские акции помощи детям, уборки мусора, проведения телекоммуникаций, благотворительные дела и т.д.; армия стремится быть ближе к народу (быть популярнее), проводя совместные локальные мероприятия с муниципалитетами. Большая передислокация: существенно видоизменившись, тотальная война продолжается. Милитаризация постепенно поглощает различные социальные структуры, но наиболее сильный эффект поглощения происходит в отношении рабочего класса ("конец пролетариата"). Особенно яркими примерами тому являются коммунистические и фашистские режимы (Вирильо приравнивает образ атлета на спортивных парадах, закаленного бойца на трудовом фронте и солдата на поле брани к обобщенному образу "арийца-победителя"). Фашизм, считает Вирильо, заложен в самом возвышенном порыве к войне, радикально отрицающем гуманность. Фашизм (а значит, и залог его возрождения!) заложен в самой концепции истории, поскольку

она есть не что иное как темпоральная проекция плана военных действий. Западный мир в целом, его военно-индустриальные демократии, – утверждает Вирильо, – безотчетно следует стратегии построения логистической иерархии скорости и превращает любую социальную структуру в "неизвестного солдата системы скоростей". Внутренняя реверсия этой системы производит эффект неограниченного "потребления безопасности", переводящего линию фронта тотальной войны на территории повседневной жизни ("популярная война"). Эта перманентная, искусственная нужда в безопасности является универсальным инструментом власти для манипулирования обществом. Определить гражданина, его свободы и ответственность – значит определить уровень его потребления безопасности/защиты. Социальная активность концентрируется вокруг "объектов защиты" и развития средств безопасности.

В заключительной четвертой части книги "Чрезвычайное положение" Вирильо описывает обстоятельства дромологического упразднения местоположения и пространства: угрозу тирании проникновения, которое равно уничтожению (среды, объектов), новый тип войны времени/за время, в которой скорость теперь и есть война (Карибский кризис: возможная атака с Кубы – у Америки оставалось лишь 30 секунд на ответный удар; в 1940-х Париж был в часе лета от границы, в 1970-х он в 5 минутах от полного уничтожения). Вирильо приходит к выводу, что в эпоху ядерного оружия (и иных видов оружия массового поражения) техника дерегуляции пространства и времени, создающая векторную многомерность скорости/удара, сменяет тактику их организации. Техника отвечает за время/скорость операции, а значит, включается в принятие решения об атаке, но войска при этом становятся крайне ограниченными в передвижении и маневре. Чрезвычайное положение означает, что уже нет времени (да и нужды) действовать. "Бомба" закрепляется в сознании людей, и это опаснее взрыва реальной ядерной бомбы, поскольку в новых типах оружия угроза их изобретения и более совершенного применения превосходит угрозу их реального использования и его последствий. Чрезвычайное положение означает, что "война перешла со стадии действия на стадию концепции", чрезвычайное положение означает "полную разрядку". Все эти факторы создают ситуацию стратегического сдерживания, при котором неограниченный рост эффективности оружия продолжается, но его количество сокращается. В динамическом аспекте ситуация такова, что ее критическое разрешение должно произойти с приближением скоростных режимов западной цивилизации к скорости света. Здесь Вирильо обозначает проблематику, которая станет центральной в ряде его последующих работ ("Открытые небеса", "Информационная бомба").

Д.В. Галкин

СКУРАТОВИЧ Константин Иванович (р. 1952) – белорусский журналист, философ и социолог.

Окончил Минское суворовское училище (1970), Белорусский государственный университет (1979). Кандидат философских наук (1988, тема диссертации – "Буржуазная массовая культура как средство духовного манипулирования личностью").

Обозреватель еженедельника "Белорусский рынок" (с 1994), постоянный автор ряда негосударственных изданий (всего – автор более 1000 публикаций).

Награды: премия Белорусского фонда Сороса – лучшему экономическому обозревателю (1996), премия Белорусской ассоциации журналистов "За плён ва ўсталяванні свабоды слова ў Беларусі" (1999), премия Посольства Республики Польша в Минске – за лучшее раскрытие темы белорусско-польского сотрудничества (2000, 2001, 2002). В 2002 С. был награжден журналистской премией НИСЭПИ (**см.**).

Согласно С., при осмыслении статуса, роли, функций и исторических судеб социологии в постсоветских государствах необходимо учитывать следующие обстоятельства:

1. Социология как научная дисциплина, сформированная "под идеи" самодостаточной ценности человеческой личности, а также – обеспечения равновесного состояния социума, имеет весьма ограниченное приложение к реалиям постсоветских обществ. В рамках последних социология выражает, скорее, достаточно ограниченный спектр общественного мнения, обусловленного ситуативным и способным (под давлением извне) стремительно меняться в самом широком диапазоне социальным настроением (**см.**) населения.

2. Ни о каком *возрождении социологии* в СССР в 1960-х рассуждать некорректно. Легализация в 1960-е конкретных социологических исследований определялась, с одной стороны, идеологической задачей демонстрации преимуществ социалистического образа жизни, а с другой – практической задачей попытки объяснения ряда негативных тенденций социального и научно-технического развития советского общества.

С. – автор более 50 научных работ, в том числе: "Всемирная энциклопедия. Философия" (2001, соавтор и член редакционного совета), "Новейший философский словарь" (2001, соавтор и член редакционного совета), "История философии" (2002, соавтор), "Всемирная энциклопедия. Философия XX век" (2002, соавтор), "Нарушение социально-экономических прав как причина падения уровня жизни населения в Беларуси" (1998); "Экономическая политика: альтернативы и перспективы" (1999, в соавторстве); "Хроника несостоявшегося времени: десять лет в зеркале "Белорусского рынка" (2000, соавтор); "Беларусь: политическая история – анатомия – окружающая среда" (2001, в соавторстве с Е.Н. Вежновцом – **см.**); "Молодежь: динамика ценностных ориентаций" (2001, в соавторстве с Е.Н. Вежновцом) и др.

"СЛОВА И ВЕЩИ: археология гуманитарных наук" ("Les mots et les choses: une archeologie des sciences humaines", 1966) – книга Фуко (**см.**). В своем исследовании автор стремился вычленить в истории человеческого общества структуры (по Фуко – "эпистемы"), существенно обусловливающие возможность определенных взглядов, концепций, научных теорий и собственно наук в тот или иной исторический период. По мысли Фуко, необходимо разграничивать "археологию", реконструирующую такие структуры, и традиционное историческое знание кумулятивистского типа, фиксирующее различные "мнения" вне проблемы условий их возможности. Упорядочивающим принципом в рамках "эпистемы" ученым полагалось пред-данное на каждом историческом этапе соотношение "слов" и "вещей".

Согласно Фуко, в границах западноевропейской культуры 16-20 вв. правомерно выделять три "эпистемы": "ренессансную" (16 в.), "классическую" (рационализм 17-18 вв.), "современную" (рубеж 18-19 вв. по наше время). С точки зрения Фуко, в ренессансной эпистеме слова и вещи тождественны между собой, непосредственно взаимно соотносимы и (в пределе) взаимозаменяемы в виде "слов-символов". Язык как "язык мира" соприча-

стен миру, а мир – языку: слова и вещи конституируют единый "текст", представляющий собой часть мироздания и могущий трактоваться исследователем как природное существо. Культурное наследие античности воспринимаемо аналогично природным феноменам – магия (предсказание событий) и герменевтическая эрудиция (дешифровка древних текстов) образуют тесное и законосообразное системное единство.

В эпистеме классического рационализма слова и вещи утрачивают непосредственное сходство и становятся соотносимыми лишь опосредованно – через мышление, а также в пространстве познавательных ("не-психологических") представлений в виде "слов-образов". Соотнесение слов и вещей в границах данной эпистемы осуществляется, по Фуко, при помощи процедур отождествления и различения. Основной целью пафосно рационального мышления выступает создание глобальной науки об универсальном порядке; результируется данная познавательная установка в генезисе таких дисциплин, как "естественная история", "всеобщая грамматика", а также в процессах математизации знания. Естественные знаки ренессансной эпохи уступают место в качестве вербального инструментария природо- и обществознания самым разнообразным системам искусственных знаков. Последние – более просты в употреблении, сложные сочетания их элементов выводимы из простых составляющих и позволяют использовать в познавательных процедурах таблицы, комбинаторику, вероятностные подходы и т.д. Язык, с точки зрения Фуко, утратив признак непосредственного подобия миру вещей, обретает статус репрезентанта мышления; включение содержательных пластов мышления в языковые формы структурирует и эксплицирует строй последних. "Язык мира" становится "языком мысли". Сопряженное с этими интеллектуальными процессами становление "всеобщей грамматики" и направлено, как полагал Фуко, на исследование линейных последовательностей словесных знаков в контексте одновременности познавательных представлений (ср. с проектом "Энциклопедии" Дидро и др.: отобразить мир и репертуары его постижения посредством языка и по алфавиту). Фуко обращает внимание на значимые особенности соотношения слов и вещей в организации дисциплин "естественной истории": в ее рамках слова и вещи не неразрывны, но сопринадлежат друг другу в едином смысловом поле постижения мира. Наблюдаемые объекты описываются и характеризуются по своим главным параметрам при помощи корректно простроенного и адекватного им языка. Как отмечал Фуко, наиболее распространенной процедурой организации знания в этот период было составление исчерпывающих таблиц различий и тождеств изучаемых объектов, сопряженное с разработкой наглядной их классификации по внешним признакам. Тем не менее, как отмечал Фуко, даже при внешней противоположенности метода Ж. Бюффона (полное описание одного объекта, последующее сопоставление его с другими, дополнение его иными характерными признаками, в совокупности задающими систему признаков вида либо рода) и системы К. Линнея (наделение последних произвольными признаками, элиминируя противоречащие им), их объединяют вера в то, что природа не допускает "скачков" вкупе с приверженностью упорядоченным схемам тождеств и различий. По мнению Фуко, эволюционизм классического рационализма, фундированный постулатами линейности, а также идеей бесконечного (без качественных подвижек) совершенствования живого в пределах предзаданной иерархии, менее "эволюционен", чем даже концепция Ж. Кювье, допускавшая радикальную прерывность. Философ отмечает, что функции имен и глаголов во "всеобщей грамматике" изоморфны статусу понятия "структура" в естественной истории; осуществимость взаимной трансформации суждений и значений в языке, структуры и признака в естественной истории была обусловлена рационалистическим постулатом перманентности соотношения бытия и его репрезентаций. Тем самым "метафизическая" или философская составляющая классической эпистемы санкционирует, согласно версии Фуко, конкретное знание данной эпохи. Интенцию, приведшую к закату этой эпистемы, согласно Фуко, задал И. Кант, ограничивший своей критической проблематизацией обоснования познания сферу рационального мышления и познавательных представлений.

Переход от классической эпистемы к современной оказался сопряжен с новым способом бытия предметов человеческого познания (по Фуко, "конфигурации эпистемы"): если ранее в этом качестве полагалось пространство, упорядочивающее совокупность отношений тождества и различия, то в настоящий момент роль "пространства" и соответствующей парадигмы постижения бытия обретают "время" и "история". В отличие от современной эпистемы, где слова и вещи, по мысли Фуко, опосредуются "жизнью", "языком", "трудом" и т.д., в границах классической эпистемы мышление и бытие полагались свободными от посредников в процессах их взаимодействия. Лишь обретение "жизнью", "трудом" и "языком" статуса конечных – в пределе потенциально неосмысливаемых – оснований человеческого бытия обусловило ситуацию взаимного обоснования бытия людей и указанных предельных его содержаний. Слова покидают пространство познавательных представлений и являют собой уже совокупность знаков в знаковых системах: язык во всевозрастающей мере становится самодостаточным и обретает самостоятельное бытие. (В случае "слов-замкнутых-на-самое-себя".)

Для современности, с точки зрения Фуко, присуще взаимное "оборачивание" интеллектуальных "уделов" науки и философии: вхождение в предмет филологии проблемы связи формальных структур и их словесных значений наряду с включением в строй биологии вопроса соотношения структур и признаков реально выступали по сути философскими процедурами членения и иерархизации прежнего естественнонаучного мыслительно-бытийного континуума. В свою очередь, вопросы формализации анализируются в настоящее время усилиями специалистов по логико-онтологической проблематике. Репрезентация, познавательные представления, т.обр., утрачивают, по мысли Фуко, свою интегрирующую функцию в познавательном пространстве: смыслы постигаются посредством анализа грамматических систем, а специфические характеристики живых организмов – через имманентную и акцентированно явную их внутреннюю организацию.

Осуществившееся раскалывание цельного познавательного пространства результировалось, по версии Фуко, в конституировании нетрадиционных форм организации познания. Во-первых, трансформация "жизни", "труда" и "языка" в новые предельные "трансценденталии" бытия задала нетрадиционные условия возможности всякого человеческого опыта; во-вторых, была осуществлена проблематизация пределов процесса синтеза представлений в контексте кантовского концепта трансцендентальной субъективности; в-третьих, наметились перспективы позитивного освоения бытия объектов, укорененных в "жизни", "труде" и "языке". С точки зрения Фуко, данная схема ("метафизика объекта – критика – позитивизм") фундировала европейское естествознание, начиная с 19 в. Принципиально новой характеристикой

современной эпистемы, по мнению Фуко, является ее человекоцентрированность. Причем, по гипотезе Фуко, вопрос заключается не столько в том, что на первый план выступила антропологическая проблема обреченного на неизбывный труд и биологически конечного человеческого существа, пронизанного предданными ему и автономными от него языковыми структурами, сколько в том, что был сформулирован важнейший вывод: познание мира осуществляет не "чистая" познающая инстанция, а всегда конкретный человек с присущими ему историческими обусловленными формами потребностей, телесной организации и языка.

Согласно Фуко, науку (см.) в настоящее время неправомерно трактовать как познавательную деятельность либо общественный институт – точнее оценивать ее функции в трех ипостасях: а) как особые типы дискурсов; б) как конституирующие научную реальность социальные практики; в) как сеть властных отношений. Именно вовлечение "жизни", "труда" и "языка" в познавательное пространство и результировалось, по схеме Фуко, в сформировавшееся представление о человеке как о единстве трансцендентального и эмпирического – как о субъекте, и постигающем эмпирические содержания, и осмысливающем их в культурном контексте исторического времени. При этом, осознавая, что вхождение человека в современную эпистему было обусловлено расколом между бытием и представлением, а также раздроблением некогда цельного языкового массива, Фуко неоднократно подчеркивал, что постмодернистские тенденции превращения языка в замкнутую, самодостаточную и "самоосознающую" цельность вновь ставят под вопрос центральное место человека как в системе "бытие – мышление", так и во всей современной культуре.

Фуко подчеркивает: "...человек не является ни самой древней, ни самой постоянной из проблем, возникавших перед человеческим познанием. Взяв... европейскую культуру с начала XVI века, – можно быть уверенным, что человек в ней – изобретение недавнее... И конец его, может быть, недалек. Если эти диспозиции исчезнут так же, как они некогда появились, если какое-нибудь событие... разрушит их, как разрушена была на исходе XVIII века почва классического мышления, тогда – можно поручиться – человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке".

А.А. Грицанов

СЛУЧАЙНАЯ ВЕЛИЧИНА – термин теории вероятностей (см.) и математической статистики, используемый для обозначения численной функции, определенной для всех объектов из генеральной совокупности (см.). Аналог переменной (см.) для объекта из выборки (см.).

О.В. Терещенко

"СЛУЧАЙНОСТЬ, ИРОНИЯ И СОЛИДАРНОСТЬ" ("Contingency, Irony and Solidarity". Cambridge, Mass., 1989) – работа Рорти (см.), представляющая собой попытку философского осмысления проблемы соотношения личного и общественного модусов человеческого бытия. Решение этой проблемы имеет давнюю историко-философскую традицию, в рамках которой Рорти выделяет два основных подхода, определяющих полярные спектры теоретической полемики по этому вопросу. Первый из них восходит к платоновско-христианской версии исходного совпадения целей индивидуальной самореализации и общего блага. Подлинные интересы отдельной личности здесь изначально гармонируют с общечеловеческими ценностями, требования социальной справедливости и нравственного долга определяют единственные адекватные пути личного совершенства. Второй из подходов связан с не менее значимой тенденцией, согласно которой сущностные стороны человеческого бытия понимаются как принципиально антитетичные к потребностям массы или толпы. Центральным в этом контексте становится провозглашение автономии и свободы личности, истинное развитие которой возможно не "благодаря", а "вопреки" обществу, что превращает тем самым не только ницшевского "сверхчеловека", но и просто "человека" в антисоциальное явление. Отмечая несомненную правомерность принципов свободы и солидарности, Рорти одновременно предостерегает от попыток поиска некого промежуточного пути в философии, указывая на невозможность синтеза Ф. Ницше и Маркса (см.), М. Хайдеггера и Хабермаса (см.).

Основная интенция книги Рорти состоит в том, чтобы "...показать, как выглядят вещи, если мы перестаем притязать на теорию, которая унифицирует личное и общественное и содержит удовлетворение требований самореализации и человеческой солидарности как одинаково веских и всегда несоизмеримых". Каждый из этих подходов обрисовывает различные ракурсы человеческого бытия, существующие как нерасторжимо связанные в действительности, но абсолютно несовместимые в теории. Будучи обречена на последовательное развертывание отдельных идей и принципов, теоретическая конструкция никогда не совпадет с жизнью, в распоряжении которой всегда наготове веер исключений, опровергающих самые безупречные философские истины. Несостоятельность философских теорий, по мнению Рорти, обусловлена в первую очередь их исходной неправомерной ориентацией на поиск всеобщих и неизменных свойств бытия. Величайшим метафизическим заблуждением была уверенность в существовании внутренней единой природы мира и человека, которая, с одной стороны, определяла гносеологический оптимизм в возможности достижения объективной истины, а с другой стороны, поддерживала иллюзию осуществления общечеловеческой солидарности. Предположение о наличии неких единых глубинных пластов, в равной мере присущих всем людям, так же как и допущение универсальных и вечных законов бытия приемлемо только в связи с идеей творца, безмерно превосходящего мир и человечество. Однако стремления найти точку опоры вне мира и вне человека для Рорти не только ошибочны, но и опасны, поскольку искусственно возвышают одних людей, убежденных в ее обретении, над другими. Исключительные привилегии метафизиков на обладание единственной и последней истиной были подорваны в конце 18 в., когда усилиями революционеров-утопистов, поэтов-романтиков и немецких идеалистов было оформлено положение о том, что "истина скорее создается, чем находится". Мир ничего не говорит и не подсказывает людям, и истина – это продукт субъективно-человеческих исканий, никогда не приводящих к зеркальному отражению объективной реальности. Момент объективности в истине возникает лишь в процессе вербализации, посредством которого становится возможным обеспечение ее общезначимости. То, что представляется нам истиной, всегда выражено и зафиксировано в языке, что дает возможность Рорти интерпретировать истину прежде всего как "свойство лингвистической реальности, предложений". При этом язык отнюдь не выступает как средство выражения сущностной природы человека или механизм репрезентации действительности. Положительный ответ на вопрос: "Насколько адекватно наш язык отражает нелингвис-

тическую реальность?" возможен только при допущении единой предустановленной природы мира и человечества, и как следствие имеет положение о существовании более или менее привилегированных языков или некоего универсального суперязыка. Такого рода предположения становятся очевидно бесплодными, как только мы попытаемся описать в единой терминологии различные фрагменты бытия, например, сознание и молекулы, факты и ценности, здравый смысл и квантовую физику.

Развивая идеи Л. Витгенштейна и Д. Дэвидсона, Рорти рассматривает язык прежде всего как инструмент, с помощью которого люди открывают для себя новый спектр значений и оперируют уже известными смыслами. Язык здесь – не универсальный посредник между человеком и миром, субъектом и объектом, но просто "флаг", "...который сигнализирует о приемлемости использования определенного словаря, когда стараются справиться с определенным видом организмов". Сам по себе, вне зависимости от человеческой деятельности он не имеет целей или внутренних источников развития. Переход от одних языковых форм к другим по сути дела аналогичен ситуациям создания новых инструментов, заменяющих старые. Разница лишь в том, что, конструируя технический механизм, мастер знает, что он может получить с его помощью. Создание же нового языка является одновременно и процессом создания новой картины реальности, переописанием себя и мира другим словарем.

Понятие "словарь" у Рорти выступает в значении некоего целостного знаково-семантического континуума, в который погружен и которым оперирует отдельный человек или отдельная социальная группа. Словарь тем самым очерчивает круг знакомого и привычного, широко используемого и вспоминаемого лишь в редких ситуациях. Особую роль в наших словарях играют метафоры, которые, согласно интерпретации Дэвидсона – Рорти, фокусируют в себе новые необычные смыслы и идеи. Занимая свое специфическое пространство в тексте или в речи, метафоры всегда крайне ситуативны и практически нередуцируемы к привычному слою значений. Будучи всякий раз неожиданными и непереводимыми, именно метафоры, а не обыденная лексика, составляют основание для отличия одного словаря от другого. Со временем индивидуальные метафоры могут стать общеупотребимыми, что означает изменение традиционных языковых и культурных формообразований. Гениальность великих личностей типа Галилея, Гегеля или Шекспира состоит в том, что в своих индивидуальных словарях и метафорах они смогли уловить новые социально-значимые смыслы, подготовленные соответствующими историческими обстоятельствами. Однако широкая популяризация их метафор отнюдь не была обусловлена какими-то жесткими внешними факторами или внутренними свойствами непротиворечивости и обоснованности.

Ссылаясь на выводы Т. Куна об отсутствии строгих критериев при переходе от одной парадигмы научных исследований к другой, Рорти экстраполирует это положение на историко-лингвистический и историко-культурный процессы в целом. Эволюцию общества он рассматривает по аналогии с эволюцией природы. "Эта аналогия позволяет нам думать о "нашем языке", т.е. о европейской науке и культуре 20 ст., как о чем-то, что приобрело оформленность в результате сотен мелких мутаций, нашедших свои ниши (и миллионов других, не нашедших их), как и в случае с орхидеями и антропоидами". Развитие культуры и языка выступает тем самым как процесс, обусловленный действием стихийных причинно-следственных связей, а не как телеологическое развертывание идей истины и прогресса. При этом сама по себе истина для Рорти отнюдь не совпадает со все более полным и глубоким осмыслением реальности. Принадлежа исключительно к сфере лингвистических конструкций, истина оставляет за собой вопрос: "Почему мы так говорим?", не претендуя на понимание того, как это есть на самом деле. Попытка же осознания правил нашего словаря приводит к выводу об их фундаментальной случайности, произвольно останавливающей исторический выбор на одних метафорах и игнорирующей целый веер других индивидуальных образов. Используя афоризм Ницше, Рорти трактует истину как "подвижную армию метафор", "передислокация" которой всегда осуществляется по воле случая, но не под воздействием фактов. Постижение истины, актуальной только до тех пор, пока она существует как процесс, но не как результат, для Рорти совпадает с процедурой создания новых языков. Неоспоримый исторический приоритет в этом деле принадлежит личностям, которых Рорти вслед за Г. Блумом называет "сильными поэтами", относя к ним тех литераторов, философов, ученых или политиков, которые преуспели в поисках индивидуальных словарей, воплотивших одновременно и будущие социально-значимые тенденции. Именно эти великие личности, а не объективно существующие внечеловеческие силы, определили и определяют основную направленность историко-культурной динамики, составляли и составляют подлинный авангард человечества. "Хотя сильные поэты так же, как все другие существа, причинные продукты естественных сил, они продукты, способные рассказать истории своего собственного создания в словах, никогда ранее не использовавшихся. Таким образом, линия между слабостью и силой – это линия между использованием языка, который привычен и всеобщ, и созданием языка, который первоначально непривычен и слишком характерен, но когда-либо оказывает ощутимое скрытое воздействие на всякое отдельное поведение. Это удача (сорт удачи, определяющий разницу между гениальностью и эксцентричностью), если его язык будет также неизменно воздействовать на следующее поколение". Вместе с тем рождение нового словаря – процесс далеко не столь естественный и беспроблемный. Поскольку язык выступает как инструмент, создание которого влечет за собой открытие новой картины бытия, и поскольку сама по себе реальность не подсказывает поэту нужных слов и метафор, постольку единственное, что творец может в этой ситуации – это воспроизвести свой собственный мир. Однако при этом в его распоряжении оказываются только те слова, которые были сказаны до него, и только те сюжеты, которые когда-то уже случались. При ближайшем рассмотрении человеческое сознание оказывается только опытом прошлого, "пристанищем списанного", коллекцией "неявных отпечатков". Социализация обрекает людей, даже наиболее сильных и творческих, на включенность в систему уже проинтерпретированных значений и прописных истин. Сама возможность нашего существования обеспечивается воспроизводством сложившихся структур, форм и институтов, где всякое настоящее в действительности оказывается лишь "следом прошлого". Даже сильные поэты, по выражению Блума, периодически сталкиваются с "ужасом обнаружить себя только копией или репликой". Сила поэтов заключается в способности переписать свое прошлое, и тем самым пересоздать себя и свой язык. Такая позиция – это "жизнь гения, который может сказать соответствующим отрезкам прошлого: "Я так хочу", потому что он находит способ описать в прошлом то, что прошлое никогда не знало, и тем самым обнаружить себя тем, о возможности кого

его предшественники никогда не знали... Успех этого предприятия... – это успех, который Блум назвал "дать рождение себе". Исходной здесь становится интенция самопреодоления и самосозидания, осуществимая через своеобразный террор по отношению к себе и обстоятельствам. Сильный поэт, как правило, отвергнут, и воспринимается толпой как декадент. Однако именно он преодолевает в человеке то "вымирающее животное", о котором писал Ницше.

Тем не менее нельзя сказать, что Рорти, воспевая сильную личность, является последовательным ницшеанцем в понимании проблемы соотношения личного и общественного факторов существования. "Сильный поэт" значим для него как творец культуры и истории, формирующий в конечном счете словарь и сознание масс. Однако не только великий, но и самый обыкновенный человек ежечасно переживает ту же самую процедуру отречения от своего прошлого. Особую дань уважения в поэтизации "маленького человека" Рорти отдает З. Фрейду (см.), который рассмотрел человеческую жизнь как постоянное стремление к самопереописанию. В известном смысле Фрейд демократизировал гениальность, "наделив каждого гениальным бессознательным". Различные фантазии, порождаемые индивидуальными комплексами и фобиями, по своей природе аналогичны поэтическим метафорам великих творцов слова. Разница состоит лишь в отношении к ним: если фантазирование рассматривается как бесполезное занятие, то поэзию сами поэты воспринимают серьезно. Именно в силу этого обстоятельства их метафоры оказываются в состоянии выразить некоторые характерные фантазии тех, кто так и не решился доверить их бумаге или кинопленке, рассматривая это как ненужную трату времени. Однако то, что кажется бесполезным, иногда может оказаться крайне необходимым. Зачастую, только преодолев болезненность прошлого, мы можем действительно найти себя в настоящем. Лишь перечеркнув старые авторитеты, человек начинает осознавать себя тем, что он есть на самом деле, "дает себе рождение" и одновременно строит свой собственный индивидуальный словарь. "Рассматривая каждого человека как сознательно или бессознательно производящего специфические фантазии, мы можем увидеть отличительно человеческую, в противоположность животной, участь любой человеческой жизни как использование в символических целях каждого отдельного человека, объекта, ситуации, события или слова, встреченных в прошлом". Говоря о самосозидании через свободный выбор своего прошлого, Рорти отмечает значимость игры для осуществления этого процесса. Именно игра позволяет человеку преодолеть навязчивую серьезность жизненного опыта, именно в игре раскрывается оптимальный веер будущих альтернатив. Основное, что отличает игру, – это приемлемость любых метафор и словарей в отличие от диктата одной правильной точки зрения. Здесь каждый волен предлагать свои сценарии, так же как готов с пониманием признать предложения других. Основная стихия игры – это свобода и случайность, однако случайность, но не всегда со свободой, характеризуют и человеческую жизнь в целом.

Рорти отнюдь не останавливается на признании случайности общего вектора историко-лингвистического и историко-культурного процесса. Сознание каждого отдельного человека по своей природе также случайно и также детерминировано стихийными причинными силами. Обоснованием этого положения служит не только чисто автоматическая произвольность сознания, очерченного случайным словарем, но и крайняя неравноценность тех "скрытых следов", которые составляют наш жизненный опыт. Здесь Рорти опять-таки ссылается на Фрейда, показавшего непредсказуемую избирательность наших реакций на происходящие события. Механизмы социализации, несмотря на их существенное совпадение в рамках определенной исторической ситуации, в каждом индивидуальном случае проявляют себя по-разному. Игнорирование одних воздействий и актуализация других превращают сознание каждого отдельного человека в систему случайных следов, что тем самым делает его чем-то большим, чем просто "копия или реплика". Субстанциализация случайности у Фрейда стала возможна через отказ от философских притязаний на обнаружение некой единой сущностной природы человека. Фрейд показал, что нет никакой фундаментальной человеческой способности типа разума или воли, нет непроходимой пропасти между рациональным и иррациональным, нет универсальных объектов симпатий или антипатий, всеобщих верований и желаний. Он десакрализировал человека, указав на неправомерность его разделения на божественное и земное, возвышенное и низменное, страсть и разум. В отличие от моралистов типа Платона или Канта он "приватизировал" моральные ценности, показав, что жестокость, садизм, паранойя являются такими же естественными человеческими свойствами, как любовь и сострадание.

Подводя итоги своих размышлений по поводу Фрейда, Рорти пишет: "Суммируя, поэтический, художественный, философский, научный или политический прогресс есть результат случайного совпадения личных навязчивых идей с общественными потребностями. Великая поэзия, повседневная мораль, революционная мораль, нормальная наука, разновидности фантазии, постигаемой только одним человеком, – все это, с точки зрения Фрейда, различные способы обращения с неявными следами, или, более точно, способы обращения с различными неявными следами: следами, которые могут быть уникально-индивидуальными или общими для членов некоторой исторически обусловленной общности. Ни одна из этих стратегий не обладает привилегиями перед другими в смысле лучшего выражения человеческой природы. Ни одна из этих стратегий не является более или менее гуманной, чем другая, подобно тому, как ручка не более истинный инструмент, чем нож для мяса, а гибридная орхидея не лучший цветок, чем дикая роза".

Рассматривая вслед за Фрейдом различные виды человеческого творчества в качестве форм адаптации к внешней действительности, Рорти еще раз подчеркивает недопустимость привилегированного возвышения одной позиции над другой. Каждый человек имеет право на свою истину, поскольку это позволяет ему ориентироваться в мире, отличать хороших людей от плохих, социальную справедливость от нравственного беззакония. Единственное требование, которое может иметь значение, – это необходимость самореализации и творчества, которые позволяют человеку быть тем, что он есть, без оглядки на диктат прошлого или претензии настоящего. Путь достижения этой цели совпадает с процессом создания нового словаря, формируя который мы одновременно с новыми метафорами выстраиваем себя как новое неповторимое сочетание верований и желаний. По сути дела, быть собой, быть уникально особенным, означает быть поэтом, т.е. ценить свободу метафоры превыше истины, воспроизводить жизнь не такой, какой она была, а такой, какой ты хочешь ее видеть. Реализация такой свободы возможна только при осознании принципиальной случайности своего словаря, сознания, жизни. Ошибкой романтизма, впервые воспевшего и субстанциализировавшего случайность, было восприятие ее как

рока и трагедии. Для романтиков случайность ассоциировалась с капризами судьбы, произвольно разрушающей самые грандиозные человеческие замыслы и обессмысливавшими жизнь неотвратимостью смерти. Для Рорти, напротив, только "...понимание конечности, смертности, случайности человеческого существования позволяет придать значение его жизни...". Именно случайность воспроизводит человека как неповторимое явление, именно случайность, а не бессмертие, заставляет ценить каждое жизненное мгновение, ориентируя личность на постоянное самосознание, дарующее относительное преодоление превратностей внешних обстоятельств.

Современное общество, по мнению Рорти, создает все большее количество людей, приемлющих случайность своего существования. Однако центральной парадигмой европейской культуры 20 ст. во многом еще остается просвещенческая надежда на осуществление идеалов истины, прогресса и солидарности. Задача интеллектуальных исканий при этом зачастую сводится к обнаружению глубинных "философских оснований демократии", которые могут усматриваться либо в просвещенческом "естественном праве", либо в кантовском "моральном законе". Убеждение в существовании такого рода оснований для Рорти – такая же иллюзия, как понятие "единой человеческой природы" или "всеобщих законов бытия". Надежда усмотреть основание там, где их нет и не может быть, выступает как очередная попытка рационализации стихийного процесса, выявления целей там, где их никогда не было. Постфактум можно говорить о каком-то особом предназначении античности или христианства, однако люди, жившие в те времена, ни в коей мере не соотносили себя с теми высшими целями и основаниями, которые им впоследствии приписали.

Единственный вид рациональности исторического прогресса Рорти усматривает в его нейтральности к словарям, в принципиальном допущении их свободного столкновения и состязания. По сути дела, само понятие "рационального" при этом выступает как плохо приспособленный инструмент для описания отношений для старого и нового, поскольку новое отнюдь не является результатом все более полного соответствия каким бы то ни было основаниям, но всего лишь продуктом случайной победы в игре стихийных сил. Современная культура нуждается в новом переоткрытии либерализма, в рамках которого слова типа "философские основания", "рационализм", "релятивизм", "моральный закон" и т.п. будут рассмотрены всего лишь как рудименты устаревших словарей и верований.

В том идеальном либеральном обществе, которое рисует Рорти, будет разрешено называть истиной все, не утруждая себя и других вопросами о достоверности и адекватности высказываемого. Само требование истины здесь будет заменено лозунгом свободы, подлинное утверждение которой означает возможность честного столкновения словарей и истин. "Либеральное общество – единственное, чьи идеалы могут быть воплощены убеждением больше, чем силой, реформой больше, чем революцией, свободным и открытым столкновением наличных лингвистических и других практик с предложениями новых практик. Но это значит сказать, что идеальное либеральное общество – единственное, в котором нет иных целей, кроме свободы, нет цели, кроме желания наблюдать, как это столкновение развивается и завершается. Оно не имеет цели, кроме той, чтобы сделать жизнь легче для поэтов и революционеров, которые рассматриваются в нем как делающие жизнь труднее для других только словами, но не делами". Необходимость подлинного обеспечения свободы оборачивается для Рорти задачей создания нового философского словаря, более соответствующего потребностям времени.

Соглашаясь с высказыванием Гегеля о том, что "философия – это эпоха, схваченная мыслью", Рорти тем не менее занимает по отношению к современной философии достаточно нигилистическую позицию. С его точки зрения, различного рода "-измы", претендовавшие на исключительное обладание истиной, должны быть оставлены ради многообразия индивидуальных описаний. Философия будущего – это не столько теория, сколько литература, и цель сегодняшнего интеллектуального творчества состоит в обеспечении идеи о том, что "мы нуждаемся в переописании либерализма как надежды, что культура в целом может быть "поэтизирована" больше, чем в просвещенческой надежде, что она может быть "рационализирована" или "сциентизирована". Для того, чтобы осуществить подобное переописание, необходимо признать фундаментальную случайность и относительность всякой идеи, метафоры, правила. Способность снисходительно отнестись к себе и к другим отличает уже не столько поэтов, сколько людей, которых Рорти называет "иронистами". Ироник – это тот, кто сомневается в законченности своего словаря, поскольку может оценить достоинства чужих метафор; он не думает о себе как о знающем истину или могущем ее познать. Ироническое отношение направлено против пугающей серьезности здравого смысла, однако не в традиционном сократовском значении. Если Сократ иронизировал над мнением обывателя, утверждая при этом идеальные и вечные конструкции, то ироник у Рорти всегда историк и номиналист. Для него нет ничего, что находилось бы вне досягаемости времени и опыта. Основной метод иронизма – это попытка столкновения разных словарей ради переописания их и себя. При этом от ироника нельзя ожидать какого-либо окончательного вывода, поскольку его творчество ориентировано в большей мере на игру метафор и самореализацию, но не на результат, приемлемый для всех. Такого рода методику Рорти называет "диалектической" (в значении гегелевской диалектики, фактически провозгласившей отказ от достижения истины ради процесса создания новой реальности) или "литературно-критической". Ведущие критики "...не занимаются объяснением действительного содержания книг, не выстраивают их в соответствии с "литературными заслугами". Напротив, они проводят свое время, помещая книги в содержание других книг, авторов в содержание других авторов. Это размещение совершается таким же способом, каким мы вводим новых друзей или врагов в круг старых друзей или врагов. В результате этой процедуры мы пересматриваем наши представления о старом и новом. Одновременно мы изменяем нашу собственную моральную идентичность пересмотром нашего собственного законченного словаря". Такого рода установки на самореализацию безотносительно к каким-либо внешним канонам и правилам обычно опровергаются ссылкой на имморализм и эстетизм.

Так, по мысли Рорти, к примеру, Хабермас (см.), выступающий сегодня как наиболее влиятельный критик субъективизма, видит в мыслителях, провозгласивших автономию индивидуальности, тех, кто "убивает общественную надежду". С его точки зрения, философия должна предложить некий "социальный клей", аналогичный религиозной вере, который смог бы обеспечить нормальное функционирование интерсубъективных коммуникаций. Усматривая в чрезмерном субъективизме непосредственную опасность для общества, Хабермас развивает ошибочную, по мнению Рорти, метафизическую установку, согласно которой истинная философия должна быть соединена с

политической властью ради того, чтобы сделать подавляющую часть населения свободной и счастливой. Для иронизма, замечает Рорти, нет и не может быть ни единственной философии, ни одного на всех рецепта счастья. Сам по себе иронизм равнодушен к социальным проблемам и не претендует на политическую власть. Его единственное политическое требование связано с неприемлемостью силы в отношении личных убеждений. Пафос иронизма состоит не в общественных обещаниях, но в акцентировке индивидуальной свободы и творчества, которые, хоть и зависят в какой-то мере от случайных исторических обстоятельств, но в гораздо большей степени обеспечиваются человеческой способностью к самопереописанию. Вместе с тем теоретическое убеждение в невозможности существования "социального клея" только обнажает проблему практического воплощения иронизма. Можно сколько угодно проповедовать приоритеты творчества, однако зачастую это творчество не имеет никакого отношения к реальным людям на улице. Трагедия современного общества состоит в том, что "...большинство людей не хотят быть переописанными. Они хотят быть приняты в их собственных словах, рассмотрены также серьезно, каковы они сами, и как они говорят. Иронисты указывают им, что язык, на котором они говорят, есть потолок, сдерживающий их и им подобных. Потенциально это в чем-то очень жестокое заявление. Лучший способ причинить людям продолжительную боль – это унизить их, представив вещи, которые казались им наиболее важными, как глупые, ничтожные и бесполезные". Иронизм на сегодняшний день остается привилегией лишь небольшой группы интеллектуалов. Однако, как отмечает Рорти, атеизм в 18 в. также характеризовал только интеллектуальную элиту, а значит есть шанс надеяться, что постметафизическая культура будет также возможна, как и пострелигиозная. Путь к ней опять-таки лежит в большей мере через литературу, чем через философию, поскольку основная посылка, которую хочет выразить иронизм, состоит в признании приемлемости моих верований и моего словаря только для меня одного, но не для социальных надежд. Теория может быть выигрышна только до тех пор, пока она выступает как средство личного совершенствования, но она оказывается в безнадежном проигрыше, как только начинает претендовать на открытие универсальных истин. Рорти очерчивает образы тех некоторых ярких мыслителей, которые попытались быть ироническими теоретиками, т.е. решились на переописание прошлого и на создание своего словаря. Гегель, Ницше, Хайдеггер – все они основывались на том, что Хайдеггер назвал "традицией западной метафизики", однако в отличие от традиционных философских конструкций, устремленных к постижению единого и неизменного, эти авторы попытались субстанциализировать время и случайность. Все они имели "общую идею, что что-то (история, западный человек, метафизика, – что-то достаточно великое, даже неизбежное) исчерпывает свои возможности". Однако если "конец истории" близок, то слишком велико искушение объявить себя "последними философами", выразить в своей системе что-то более величественное, чем ты сам. "Стремление занять эту позицию – это стремление написать то, что было невозможно для кого-то переписать в его собственных словах, невозможно превратить в элемент чьего-либо еще прекрасного образца, в еще одну маленькую вещь". Ориентация на величественное, как "непременное условие всех возможных "х", превращает философию в схему, абсолютно неприемлемую в случае каждого конкретного "х". Вместе с тем иллюзия, что величественное наконец-то постигнуто, дает право мыслителю претендовать на особое положение в философской и культурной традиции. Основная проблема, которую пытались решить, но не решили Гегель, Ницше и Хайдеггер, состояла в том, как оградить себя от своих же ограничений, как избавиться от авторитетов, не провозглашая авторитет. У каждого из этих авторов своя философская судьба. Гегель, который обосновал бесконечность истории, но завершил ее рамками своей собственной системы. Ницше, который вел решительную борьбу с традицией, но оформил своеобразный "перевернутый платонизм", где место разума заняла воля. Хайдеггер, сражавшийся с метафизикой и пришедший к необходимости создания "универсальной поэзии", еще одного варианта метафизики. Их ошибка в том, что они "надеялись соединить наши личные и наши общественные жизни, показав нам, что самореализация и политическая польза могут быть соединены". Они рассчитывали создать словарь, который "был бы прекрасен в небольшом личном масштабе и величественен в большом общественном... Но попытка была безнадежной". Они потерпели фиаско, поскольку прошлое, которое они решили переописать, было не их личным прошлым, а духовным опытом европейской культуры. Переосмыслению здесь подверглись не столько люди, сколько идеи, которые необходимо выстраивались в единственную цепочку: Платон – христианство – Возрождение – Просвещение – Кант – Гегель – Маркс... Проповедуя случайность, они были подчинены в своем творчестве жесткому порядку прошлого, не позволяющего сказать себе: "Я так хочу". Воспроизводя ход истории, они стали думать о себе как о вершителях исторических судеб, предлагая свой собственный индивидуальный словарь в качестве универсального.

В отличие от теории искусство больше преуспело в создании форм иронического осмысления прошлого, что Рорти иллюстрирует на примере Пруста. Его роман – это переописание собственной жизни и тех людей, которых он встречал. "Он ограничил авторитет людей не указанием на то, что они "действительно" представляли, но наблюдая их превращение во что-то отличное от того, чем они были, рассматривая, как они выглядят, будучи переписываемыми в словах, предложенными другими героями, которых он вывел вместо первых. Он создавал случайность, признавая это, и таким образом освободил себя от страха, что случайность, которую он встретил, была чем-то большим, чем просто случайность. Он превратил других людей из своих судей в своих товарищей по несчастью и тем самым преуспел в создании вкуса, в соответствии с которым его оценят". Широкий успех М. Пруста объясняется тем, что он не имел общественных амбиций, но его индивидуальный опыт нашел резонанс в опыте его читателей. Ошибка мыслителей типа Хайдеггера состояла в том, что, обращаясь к Европе, они не смогли понять, что выражения "бытие", "субстанция", "фюзис", "метафизика" были их личными эквивалентами "Жилберта", "Комбрея", "Свана". Единственный способ соединения иронизма и теории в современной культуре, по мнению Рорти, предложил Деррида. Возможным это стало за счет своеобразной "приватизации" теории путем отказа от традиционных философских интенций постичь мир и историю в их неизменных и всеобщих свойствах. При этом вместо очередной попытки постижения традиции в ее наиболее аутентичных качествах Деррида (см.) предложил метод свободных ассоциаций по поводу своих великих предшественников.

Такого рода игру авторитетами у Деррида Рорти рассматривает на примере его "Почтовой открытки". Здесь воспроизводится ситуация написания любовного письма и одно-

временные фантазии, пришедшие в голову под впечатлением от лежащей рядом репродукции "Платон и Сократ". Пара Платон – Сократ в соединении с чисто индивидуальными любовными воспоминаниями вызывает целый веер образов: Фрейд и Хайдеггер, дедушка и бабушка, Хайдеггер и бытие, субъект и объект, субъект и предикат, я и ты, "моя сладкая любовь" и даже Фидо и "Фидо". Это свободное фонтанирование идей, где личные переживания переплетены с философскими смыслами, не имеет никаких особенных целей или правил, кроме единственного: не урезать себя до элементарных слов и предложений, как это делал Хайдеггер, а, напротив, создавать максимальную гамму значений и образов, иметь смелость никогда не повториться и не бояться быть непонятым. При этом Деррида изначально отказался от возможности теоретического соединения индивидуального и общего, игнорируя даже вопросы типа: "Что вы хотели сказать этой работой?" Однако, представив публике вереницу чисто личных переживаний, он тем не менее нашел свою аудиторию, указав тем самым перспективы иронического теоретизирования в целом.

Рорти отмечает, что Деррида "сделал для истории философии то, что Пруст сделал для своей собственной истории. Он играл всеми авторитетными фигурами и всеми описаниями, которые продуцировали в нем эти фигуры, сталкивая их друг с другом, в результате чего действительное понятие "авторитет" потеряло применение в отношении к этой работе... Он избежал хайдеггеровской ностальгии тем же способом, каким Пруст избежал сентиментальной ностальгии – непрерывным переосмыслением всего, что вернула память". Лейтмотив всей иронической литературы – это стремление обрести себя через переосмысление тех неявных следов, которые оставляет в нас жизнь.

Помимо певцов автономии и свободы Рорти интересуют также те авторы, которые акцентуализируют проблемы человеческой солидарности, рассматривают социальные последствия наших действий. Книги, "которые помогают нам стать менее жестокими", Рорти разделяет на две основные разновидности: 1) те, которые показывают нам внешнюю жестокость социальных практик и институтов; 2) те, которые демонстрируют источники и природу индивидуальной жестокости. Разница между этими двумя интенциями во многом совпадает с традиционной дилеммой морализма и эстетизма с их главными героями: "живущими для других" и "артистами". В качестве яркого примера эстетизма Рорти рассматривает творчество Набокова, который достаточно решительно выступил за правомерность и несомненную ценность "легких пустячков" в искусстве. Создание такого рода литературы осуществляется, как правило, не ради назидания, но во многом в порядке личного удовольствия, что тем не менее не мешает им доставлять наслаждение другим. Чистая наука и чистое искусство выступают при этом как высшая кульминация таких "легких пустячков", представляя собой одновременно самое сердце культуры. Развивая установки на индивидуальное самовыражение, свободное от внешних ограничений, подлинные артисты тем не менее имеют хороший шанс воплотить в своем творчестве особенные жизненно важные метафоры, приобретая при этом личное бессмертие в культурной памяти. Их след всегда значим и актуален в отличие от той "армии мертвых метафор", представленной прописными истинами, создатели которых "абстрактно чтимы, но забыты в действительности". Однако социальная полезность эстетов отнюдь не исчерпывается их способностью резонировать в людских душах. Высшая моральность артиста в том, что он замечает то, что "большинство людей не замечают, проявляя любопытство о том, что другие считают само собой разумеющимся, замечая кратковременность радути и не так основанные формальные структуры. Любопытный, чувствительный артист будет образцом моральности, потому что он единственный, кто всегда замечает все". Жестокость, которую подметил В. Набоков, отличает не исторических личностей типа Сталина или Гитлера, но самого обыкновенного пустого негодяя, в облике которого всегда можно найти черты, знакомые по своему прошлому. Привилегией переживать всю гамму чувств обладают только артисты, предостерегая людей от такой самой страшной и самой обыденной вещи, как нечувствительность к чужой боли. При этом именно артисты наиболее широко могут способствовать воплощению идеалов подлинного либерализма, где либерал, по определению Рорти, – это человек, думающий, что жестокость – худшее из того, что мы можем делать. В отличие от Набокова, выявившего внутренние механизмы жестокости, Оруэлл (см.) нарисовал мрачную картину общества, "где равенство становится технически возможным", что чревато самым страшным рабством. Показав, что нет ничего по природе разумного и вечного в человеке, что люди целиком и полностью являются продуктом социализации, Оруэлл продемонстрировал, к каким страшным последствиям может привести история, если люди станут претендовать на специальное министерство истины. При этом дело не в том, "является ли меньшей истиной то, что "дважды два – четыре", чем истина субъективная или "соответствующая внешней реальности". Все дело в том, что если вы верите в это, то вы можете сказать об этом без ущерба для себя. Другими словами, дело в вашей способности говорить другим людям о том, что кажется вам истиной, а не о том, что есть истина в действительности. Если мы позаботимся о свободе, истина сможет позаботиться о себе".

Страшной картине будущего, обрисованной Дж. Оруэллом, естественной альтернативой выступает для Рорти либеральное общество. Будучи основанным на фундаментальных требованиях свободы и релятивизма, это общество не признает каких-либо единых свойств человеческой природы, кроме одного: способности в равной мере чувствовать боль. Выступая как внелингвистическая данность, боль – это тот феномен, который понятен всем, вне зависимости от их индивидуальных словарей. При этом только если мы будем готовы посмотреть на других людей, как на испытывающих такие же страдания, как и мы, мы сможем ощутить действительную солидарность с ними. Вместе с тем чувство солидарности, как отмечает Рорти, всегда конкретно и немыслимо в масштабах человечества.

Для объяснения своей позиции по этому вопросу Рорти использует понятие Селларса "мы-интенции", характеризующее "свой" круг людей, как более локальной и оформленной группы "мы" в противоположность "они". "Наше чувство солидарности сильнее, когда те, с кем мы солидаризируемся, выражаются мыслью как "один из нас", где "мы" означает что-то меньшее или более локальное, чем человеческая раса". Это позволяет нам понять солидарность как то, что формируется под воздействием случайных обстоятельств и создается свободным человеческим выбором, но не как то, что исторично и едино по своей природе. Вместе с тем такого рода этноцентризм в исторической перспективе имеет тенденцию к расширению, и, возможно, настанет время, когда человек сможет сказать "мы, либералы", подразумевая под этим человечество в целом. "Самосомнения, – заключает Рорти, – кажутся мне характерной отметкой первой эпохи в

человеческой истории, в которой большое количество людей становятся способны отделить вопрос: "Вы верите и желаете того же, во что верим и чего желаем мы?" от вопроса: "Страдаете ли вы?" Моими словами, это способность отделить вопрос, разделяете ли вы со мной один и тот же законченный словарь, от вопроса, также ли вам больно. Разделение этих вопросов делает возможным отделить общественное от личного, вопросы о боли от вопросов о принципах человеческой жизни, область либералов от области иронистов. И тем самым делает возможным для одного человека быть обоими".

Е.В. Хомич

СМЕЛСЕР (Smelser) Нейл (р. 1930) – американский социолог, профессор Калифорнийского университета, представитель эволюционного функционализма, ученик и последователь Т. Парсонса (см.). Исследовал социально-психологические аспекты коллективного поведения, воздействие разных социальных институтов (см.) (политических, правовых, религиозных и др.) на экономическую жизнь общества. С. – один из патриархов современной американской социологии и автор пионерных работ по экономической социологии (см.), теории коллективного поведения, теории социальных изменений. На книге С. "Социология экономической жизни", изданной в русском переводе в 1965, выросло целое поколение социологов-шестидесятников, ставших впоследствии лидерами разных школ и направлений в отечественной социологии 1970-1980-х. В работе "Теория коллективного поведения" (1962) С. развернул концепцию ценностно-ориентированного коллективного поведения; в механизмах формирования массового действия он выделяет когнитивные компоненты: единство взглядов, ценностей и верований его участников. Учебник С. "Социология" (1988), переведенный на русский язык в 1994, выдержал за последние десять лет три издания, что является очень хорошей рекомендацией качества лекционного курса.

В настоящее время С. внимательно изучает развертывание в России борьбы за восстановление рынка в качестве главного экономического института. Каким бы ни был результат этой борьбы, считает С., "капиталистическая" Россия не будет повторять пути развития "капиталистического" Запада в силу особенностей своего экономического и политического наследия 20 в. С. придерживается мнения, что экономическая эволюция в России в последующие десятилетия заставит специалистов пересмотреть и подвергнуть переоценке нынешние теории социального развития.

Г.Н. Соколова

СМИРНОВА Розалия Андреевна (р. 1946) – белорусский социолог. Доктор философских наук (1994). Окончила Ленинградский государственный университет (1971). Зав. отделом социологии науки (1999-2001), руководитель Центра оперативных исследований Института социологии и социальных технологий НАН Беларуси (с 2002).

Основные труды: "Социально-мировоззренческие основания научного познания" (1984); "Природа социальной реальности: бытие и познание" (1991); "Изменение социальной реальности и поведение людей" (1992); "Социальная политика суверенной Беларуси" (1996, в соавторстве с С.А. Шавелем); "Социально-психологическая реабилитация населения, пострадавшего в результате аварии" (1997); "Социальная стратификация, мобильность, идентификация" (1998, в соавторстве с С.А. Шавелем, А.В. Рубановым) и др.

Круг профессиональных интересов С. – логика и методология научного знания; методология социо- и гуманитарного знания; наука как социальный институт и сфера человеческой деятельности; мировоззрение личности; человек как объект и субъект социальной политики.

С. – специалист по методологии социально-гуманитарного знания. Исследование вопросов методологии и методики социологии привело к углубленной разработке С. понятия "социальная реальность". Методологическая подмена понятия "социальная реальность" как онтологической данности – понятием "социальная реальность" как схемы мира в научном познании приводила и приводит, по мнению С., к догматизму и схоластике, к принятию одной-единственной истинной социальной теории. В книге "Природа социальной реальности: бытие и познание" С. обосновывает возможность отхода от монолинейного, кумулятивистского и идеализированного образа познания, от признания одной-единственной истины, предлагает принятие концепции многообразия истин, ориентирует современное обществознание на плюралистический образ социальной реальности.

Под углом зрения роли мировоззрения и картины социальной реальности в построении жизненного мира человека С. анализирует процессы социальной идентификации личности. Обращение к этой проблеме вызвано процессами изменения социально-классовой структуры современной Беларуси, появлением новых оснований разделения общества на страты. По мнению С., наряду с объективными основаниями (доход, образование, близость к государственной власти и управлению и др.) большую роль при переходе от одной стратификационной схемы к другой играют субъективные факторы (образ мира и места человека в нем, моделирование картины социальной реальности как проекта жизненной судьбы, "проигрывание", "инсценировка" ее в новых ролях: "челноки", "бизнесмены", "новые русские" и т.п.). Данная идея обоснована С. в книге "Социальная стратификация. Мобильность, идентификация".

СМОЛЛ Альбион (1854-1926) – американский ученый, основатель и руководитель первого в мире факультета социологии в Чикаго (1892), основатель Американского социологического общества, профессионального журнала "American Journal of Sociology", издатель первого американского учебника по социологии.

Заимствовав у Ратценхофера (см.) гипотезу конфликта интересов и исходя из того, что интересы являются первичными элементами общественных действий, С. предложил считать категорию интереса основной единицей социологического анализа и концепции социального процесса.

Уделяя категории "интерес" особое внимание, С. тем не менее не сумел выработать корректного определения ее, поскольку в общих чертах под интересом он понимал лишь "неудовлетворенную способность, соответствующую нереализованному условию, и ее предрасположенность к такой перестройке, которая была бы направлена на реализацию указанного условия".

Полагая, что жизнь индивида в обществе сводима к процессу приспособления и удовлетворения интересов, в ходе которого каждый человек стремится удовлетворить собственные интересы за счет других людей, С. утверждал, что эти простейшие образы действий вполне возможно проследить в поведении индивидов и даже классифицировать их.

Осуществляя эту классификацию, С. сделал вывод, что вся общественная жизнь является результатом взаимодействия шести общих классов интересов, ориентированных на здоровье (пищу, сексуальные отношения), благосостояние (владение вещами), общение, познание, красоту и справедливость (правоту). Подчеркивая особую силу интереса справедливости, С. вместе с тем отмечал, что любой класс интересов притязает на абсолютное доминирование, в результате чего реализуется постоянный конфликт разных классов интересов, выступающий формой выражения их всеобщей связи.

По мнению С., вокруг мощных носителей различных интересов и образуются различные общественные группы и институты. Причем в силу самой природы данных социальных общностей конфликт между ними становится в первую очередь конфликтом интересов.

Психологическая акцентировка социальных проблем, характерная для творчества С., содействовала его частичному отходу от прямолинейного социал-дарвинизма, что выразилось в предложении трактовать социальный конфликт как одну из возможных форм взаимодействия людей.

Истолковывая процесс общественного развития как результат постоянно возрастающего взаимопереплетения интересов индивидов, С. уделил большое внимание проблеме перехода от социального конфликта к социальному согласию. По С., этот переход должен осуществляться с учетом того, что "все социальные проблемы являются проблемами отношений личных единиц, которые имеют в себе определенную инициативу, выбор и силу. Этому личному уравнению должна быть приписана его реальная ценность".

В наиболее концентрированной форме суть социологических ориентаций С. следует из его афоризма, предвосхитившего психологическое направление как в классической, так и в современной социологии Запада: "Нет ничего социального, что не являлось бы психическим".

Придавая большое значение поиску практических возможностей использования социологии для постепенного улучшения всех общественных институтов, С. утверждал, что социология в ее прикладном аспекте может и должна выступать в качестве эффективного компонента "социальной технологии", направленной на гармонизацию социальных структур и отношений.

Существенно важным моментом в теории С. стала формулировка им практической задачи социологии, в качестве которой он рассматривал установление гармоничных внутренних и внешних отношений социальных групп и институтов путем изменения содержания и направленности психических процессов.

В.И. Овчаренко, А.А. Грицанов

СНИЖЕНИЕ РАЗМЕРНОСТИ (пространства переменных) – одна из задач анализа статистического многомерного (**см.**). Предполагает замену пространства исходных переменных пространством меньшей размерности, которое сохраняло бы значительную часть исходной информации. Основными методами С.Р. являются метод главных компонент (**см.**), анализ факторный (**см.**), многомерное шкалирование (**см.**).

СОБСТВЕННОСТИ ИНСТИТУТЫ – исторически сложившиеся, устойчивые формы организации совместной деятельности людей по присвоению полезного эффекта блага, социальной функции и т.п. Объектом анализа здесь выступает поведение субъекта: прежде всего те его свойства и качества, которые актуализируются в деятельности; правила и алгоритмы поведенческих действий; организационные и нормативные условия деятельности и тому подобное.

С.И. характеризуются наличием цели своей деятельности, конкретными функциями, обеспечивающими достижение этой цели, набором социальных ролей типичных для данного института, а также системы санкций, обеспечивающих поощрение желаемого и подавление отклоняющего поведения. Главная функциональная цель – это упорядочение (регулирование) и воспроизведение социальных процессов персонифицированного присвоения в рамках качественно определенных отношений собственности для сохранения их стабильности и поддержания равновесия их структуры.

Другими общесоциальными функциями С.И. являются: 1) закрепление и воспроизводство конкретных отношений собственности; 2) обеспечение коммуникации между людьми в процессе извлечения и присвоения полезного эффекта; 3) трансляция социального опыта.

Общеэкономическими функциями С.И. можно считать: включение (вовлечение) людей, материальных и иных благ в отношения и деятельность по извлечению и присвоению полезного эффекта; обеспечение персонифицированного движения продукта в воспроизводственном цикле; регулирование процессов индивидуального присвоения. С.И. могут быть охарактеризованы как с точки зрения их внешней, материальной структуры (организационная характеристика), так и с точки зрения внутренней – с позиций содержательного анализа его деятельности (функциональная характеристика). Для осуществления своих функций они в обязательном порядке включают в себя определенный набор целесообразно ориентированных стандартов поведения определенных лиц в определенных типичных ситуациях, которые и составляют содержание института. Эти стандарты поведения нормативно урегулированы, они закреплены нормами права либо иными социальными нормами.

К компонентам С.И. обычно относят: субъекта(ов) присвоенческой деятельности (собственника, собственников) с присущими ему (им) социально значимыми свойствами; роль, которую выполняет субъект в рамках института; нормы, которые регулируют поведение субъекта. Собственник характеризуется через совокупность следующих категорий: социально-экономическое положение субъекта относительно других субъектов (его статус как совокупность характеристик исходной позиции в отношениях, фиксация его прав и привилегий, перечень возможных видов и форм поведения); его потребности (материальные и социальные), интересы, мотивы и цели, доступные субъекту средства реализации стремлений. Роль (предприниматель, продавец, менеджер и т.п.) рассматривается как организованная система поведения и социальных отношений, в которой реализуются социально значимые свойства субъекта, в частности, социальные способности, а также интересы, мотивы. Предпосылкой реализации собственником своей роли выступает его деятельностный потенциал, содержанием которого является совокупность специфических трудовых и социальных способностей. Норма трактуется как мера, определяющая стандарт поведения собственника и отношения к нему других членов общества. Посредством ее оценивается их статус, роль, деятельность и определяются санкции по отношению к тем, кто допускает девиантное (отклоняющее) поведение. Структура социальной нормы вклю-

чает: описание типа поведения, которое требуется от лица; предписание, т.е. требование в связи с этим правилом; оценка; санкции. Полнота характеристики С.И. требует описания аппарата по обеспечению реализации норм, а также материальные условия функционирования института.

Е.К. Медведев

СОВЕТСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ (далее – ССА) – добровольная общественная научная организация, созданная в 1958 при Президиуме АН СССР.

В соответствии с Уставом главной ее целью являлась "активная деятельность в интересах социального прогресса и демократизации советского общества на основе повышения профессионального уровня и практической действенности теоретических и прикладных социологических исследований".

ССА объединяла социологов научно-исследовательских институтов Академии наук и отраслевых НИИ, имеющих социологические лаборатории, заводских социологов, преподавателей и научных работников высших учебных заведений, студентов и других лиц, интересующихся проблемами социологии. В число индивидуальных членов региональных отделений ССА и в состав их руководящих органов зачастую входили сотрудники партийного аппарата (КПСС), занимающиеся идеологической работой, некоторые журналисты.

ССА была призвана содействовать развитию социологии в СССР, повышению теоретического уровня исследований, их методологической обоснованности и методической надежности. Много внимания уделялось разработке приоритетных направлений социологических исследований в стране; использованию результатов социологических исследований в практике управления. К задачам, стоящим перед ССА, относились также развитие научных связей и научного сотрудничества как между советскими социологами, так и зарубежными учеными; оказание помощи службам социального развития на предприятиях и в организациях. ССА оказывала содействие развитию системы социологического образования в стране, организации различных форм повышения квалификации социологов и т.д.

ССА осуществляла координацию деятельности входящих в нее членов и публикацию их научных трудов; организацию и проведение конференций, совещаний, симпозиумов, социологических чтений, семинаров, школ молодых ученых и заводских социологов; организацию международных встреч. Проводилась работа по обобщению и распространению опыта лучших служб социального развития, организации консультаций и стажировок социологов в социологических центрах страны.

ССА входила в Международную социологическую ассоциацию (**см.**). ССА принимала участие в работе Всемирных социологических конгрессов, проводимых МСА, деятельности ее исследовательских комитетов.

Состояла ССА из коллективных, индивидуальных и почетных членов. Коллективными членами ССА являлись НИИ, ВУЗы, промышленные предприятия и объединения, организации и учреждения, лаборатории, кафедры, бюро, занимающиеся социологическими исследованиями. В начале 1990-х ССА насчитывала около 6000 индивидуальных и 1300 коллективных членов. В структуре ССА было 20 республиканских и региональных отделений, включающих в себя 92 филиала. Самыми крупными отделениями являлись Московское, Сибирское, Азербайджанское, Уральское, Украинское, Прибалтийское, Поволжское, Белорусское, Северо-Западное.

При ССА функционировали исследовательские комитеты, координирующие и объединяющие деятельность ученых в разработке отдельных направлений в социологии. В ССА были представлены такие комитеты, как методика и техника социологических исследований, социология труда, социология семьи, социология культуры, социология отклоняющегося поведения, социология молодежи и др. Они создавались в соответствии с перечнем исследовательских комитетов МСА и при наличии в регионе достаточного числа социологов, работающих в определенном направлении исследований.

Высшим органом ССА первоначально являлась всесоюзная конференция, позднее – съезд, созываемые с периодичностью раз в четыре года. Состоялся только один съезд социологов СССР (1991). Съезд избрал Правление ассоциации и Ревизионную комиссию, а Правление, в свою очередь, Президиум, в т.ч. президента и вице-президентов. Последним Президентом ССА была избрана академик Т.И. Заславская (**см.**). Президиум осуществлял руководство работой ассоциации в перерывах между заседаниями пленумов Правления. Практическую деятельность по выполнению принятых решений проводил секретариат Правления ССА АН СССР, состоящий из ученых секретарей республиканских и региональных отделений ассоциации. С распадом СССР ассоциация прекратила свое существование как всесоюзная общественная организация социологов, а республиканские отделения были преобразованы в национальные социологические общества.

Белорусское отделение ССА было организовано в 1976 на Учредительном собрании социологов БССР. Важная заслуга в его создании принадлежит Г.П. Давидюку (**см.**), избранному его первым Председателем и членом Президиума Правления ССА. Впоследствии руководил БО ССА и представлял интересы белорусских социологов во всесоюзной организации академик АН БССР Е.М. Бабосов (**см.**). После распада СССР Белорусское отделение ССА было преобразовано в Белорусскую социологическую ассоциацию, являющуюся его правопреемником (1994-2000). Президентом БСА был избран академик Е.М. Бабосов. В 2000 на основе ассоциации было создано и зарегистрировано Белорусское общественное объ-единение "Социологическое общество", президентом которого стал член-корреспондент НАН Беларуси А.Н. Данилов (**см.**).

О.Г. Лукашова

СОКОЛОВА Галина Николаевна (р. 1935) – белорусский социолог, специалист в области социологии труда и экономической социологии, оказавший большое влияние на развитие и институциализацию экономической социологии как научной дисциплины. Доктор философских наук по специальности "Прикладная социология" (1986), профессор по специальности "Социология труда и экономическая социология" (1990), заслуженный работник образования Республики Беларусь (1999). Академик Нью-Йоркской академии наук (1995), действительный член Белорусской академии социальных наук (1998). Лауреат премии Академии наук Беларуси за лучшую работу по общественным наукам (1985).

Заведующая отделом социально-экономических и политологических исследований Института социологии и социальных технологий Национальной академии наук Беларуси. Индивидуальный член Международной Социологической Ассоциации

(МСА) и член Исследовательского комитета "Социология труда" МСА. Входит в редакционный совет журнала "Социологические исследования" от Республики Беларусь и редакционную коллегию журнала "Социология". Преподает в качестве профессора-совместителя кафедры социологии курсы социологии труда и экономической социологии в Белорусском государственном университете. С 1994 по 1998 – председатель экспертного совета БелВАК по социологическим и политическим наукам.

Под научным руководством С. подготовлено 24 кандидата и 7 докторов наук. Она участвовала с докладами в работе X (Мексика, 1982), XI (Индия, 1986), XII (Испания, 1990), XIII (Германия, 1994), XIV (Канада, 1998) Всемирных Социологических Конгрессов, а также в работе Первого Всероссийского социологического конгресса "Общество и социология: новые реалии и новые идеи" (2000).

С. разработаны методологические принципы анализа сферы труда как системной целостности, что позволяет раскрыть природу внутренней противоречивости данного феномена и выявить механизмы его функционирования и развития. Создана методологическая основа экономической социологии как специальной теории с присущими ей объектом, предметом и системой категорий, "работающих" в русле основных социально-экономических законов. В качестве предмета экономической социологии рассматриваются социальные механизмы регулирования экономических процессов и экономических отношений на мезо- и микроуровнях.

С. – автор свыше 500 научных работ (на русском, белорусском, английском и французском языках) по социологии труда и экономической социологии. Основные публикации: "Труд и профессиональная культура" (1980); "Культура труда в социальном развитии рабочего класса" (1984); "Культура труда в социальном развитии технической интеллигенции" (1989); "Словарь прикладной социологии" (1984, соредактор и соавтор); "Социологический словарь" (1991, научный редактор и соавтор); "Экономический образ мышления: реальность и перспективы" (в соавт., 1994); "Экономическая социология" (1995); "Социальные механизмы регулирования рынка рабочей силы" (в соавт., 1998); "Экономическая социология: Учебник для вузов" (1998); "Новейший философский словарь" (1999, соавтор); "Экономическая социология. Учебник. Изд. 2-е, дораб. и доп." (2000); "Социология труда" (2000); "Экономическая социология: Практикум" (в соавт., 2000, 2001); "Рынок труда и механизмы его регулирования" (в соавт., 2001); "Экономическая социология: Вопросы и ответы" (в соавт., 1999, 2000, 2001); "Социология труда: Учебник" (2002); "Экономико-социологический словарь" (2002, соавтор и научный редактор) и др.

СОЛОДОВНИКОВ Сергей Юрьевич (р. 1960) – белорусский экономист и социолог. Старший научный сотрудник Института экономики НАН Беларуси. Автор около 100 научных работ, в том числе монографий: "Социально-классовая структура общества переходного периода: генезис, экономическая обусловленность, перспективы развития" (1997); "Экономическая обусловленность эволюции социально-классовой структуры общества переходного периода" (1999); "Всемирная энциклопедия. Философия XX век" (2002, соавтор и научный редактор) и др.

С. – главный научный редактор и составитель книги "Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия" (2002).

СОРОКИН Питирим Александрович (1889-1968) – русский и американский социолог. Представитель позитивистской ориентации в русской социологии. Сам себя С. считал представителем эмпирического неопозитивизма или критического реализма. В детстве С. рано оказался сиротой и бродяжничал. В 1902 поступил, а в 1904 с отличием окончил Гамскую двухклассную школу, затем поступил в Хреновскую церковно-учительскую школу. В 1906 – арестован за революционную деятельность, заключен в тюрьму в Кинешме, где много читал (Лавров, Михайловский, Маркс, Ленин, Плеханов, Дарвин, Спенсер, Конт и др.). После освобождения решил продолжить образование. В 1909 С. поступает в столичный Психоневрологический институт, где была открыта кафедра социологии Е.В. Де-Роберти (см.) и Ковалевским (см.). Через год С. переводится на юридический факультет университета, где проходит обучение под началом Петражицкого. Главным достижением этого периода творчества С. становится его монографическая работа "Преступление и кара, подвиг и награда" (1914), которая представляет собой обстоятельный обзор современных криминологических теорий. В 1917 С. получил звание приват-доцента Петербургского университета. Был активен в области популяризаторства, пытался донести до читателя мысли Дюркгейма (см.), идеи которого пронизывают почти все его работы. Февральская революция застала С. "посреди дел". Отложив работу, он опять занялся политикой, принимал активное участие в работе Госдумы, Временного правительства, редактировал эсеровские газеты. За это время им была написана целая серия социально-политических памфлетов. В 1918 опять арестован, но уже новым, большевистским правительством. В 1920 С. избирается руководителем кафедры социологии при факультете обществознания Петроградского университета. Предлагает конструирование новой дисциплины – "родиноведения", призванной синтезировать знания разных естественных и гуманитарных наук. Тогда же он пишет популярные учебники по праву и социологии, публикует работу в двух томах "Система социологии" (1920), которая стала венцом его творчества в России. В 1922 начались массовые аресты среди научной и творческой интеллигенции. В России оставаться было опасно и С. вместе с женой эмигрируют за границу. Сначала С. жил и работал в Праге, а потом переехал в Америку и прожил там весь остаток своей жизни.

Творчество С. принято делить на два периода: русский и американский. Его основные работы: русского периода – "Преступление и кара, подвиг и награда" (1913); "Система социологии" (1920); американского – "Социология революции" (1925); "Социальная мобильность" (1927); "Современные социологические теории" (1928); "Систематическая антология сельской социологии" (1930-1932); "Социальная и культурная динамика" (1937-1941); "Общество, культура и личность" (1947) и мн. др.

Значимость фигуры С. все еще адекватно не оценена ни в американской, ни в отечественной социологии. Американцы, безусловно, относят его к числу основателей американской социологии, хотя и оставляют за ним лишь роль "заокеанского наставника", "страстного русского оратора". На историче-

ской же родине имя ученого вплоть до недавнего времени попросту запрещалось произносить вслух. И все же никто не станет отрицать того громадного воздействия, которое оказал С. на развитие современной мысли не только в социологической науке, но и далеко за ее пределами.

О собственном мировоззрении начала 20 ст. и стремлении интегрировать гуманитарное знание своего времени в единую, унифицированную систему многими годами позже сам С. напишет: "С философской точки зрения, возникающая система взглядов была разновидностью эмпирического неопозитивизма или критического реализма, основывающейся на логических и эмпирических научных методах познания. Социологически это был некий синтез социологии и взглядов Спенсера на эволюционное развитие, скорректированный и подкрепленный теориями Н. Михайловского, П. Лаврова, Е. Де Роберти, Л. Петражицкого, М. Ковалевского, М. Ростовцева, П. Кропоткина – из русских мыслителей; Г. Тарда, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, М. Вебера, Р. Штаммлера, К. Маркса, В. Парето и других – из числа западных ученых. Политически – это мое мировоззрение представляло из себя форму социалистической идеологии, основанной на этике солидарности, взаимопомощи и свободы".

В историко-социологической литературе традиционно, хотя, видимо, не вполне справедливо, принято разграничивать два периода в творчестве С. – русский и американский. Конечно же, "оба" С. довольно непохожи друг на друга по кругу анализируемых проблем, по характеру использования материала, по степени зрелости и самостоятельности создаваемых теорий. Однако очевидно то, что интегральная сущность всех работ С. всегда оставалась неизменной. Более того, все его мировоззрение было пронизано философией интегрального синтеза и на уровне сциентистских программ, и на уровне жизненной философии. Пожалуй, в глобализме – главное отличие между молодым и зрелым С.

Центральным понятием для творчества С. становится "ценность". Конечно же, многие мыслители и до него размышляли о природе ценностей, но, пожалуй, никому до него не удалось показать систематизирующую и методологическую значимость ценностной теории в социологии.

Первоначально теоретико-методологические построения С. осуществлялись в духе неопозитивистско-бихевиористического синтеза. В своей первой книге "Преступление и кара, подвиг и награда" (1913) социальный феномен (сфера "надорганики") определяется им как "социальная связь, имеющая психическую природу и реализующаяся в сознании индивидов", то есть всякое взаимодействие, если оно обладает психическим характером, суть социальное явление. Такое явление будет обладать как чисто психологической, внутренне-психологической, так и символической, внешней природой. Игнорируя индивидуальные внутрипсихологические процессы, социолог, по мысли С., призван описывать только внешние факты, то есть не всю социальную жизнь. Отсюда С. констатирует три основные формы актов поведения людей – дозволенные, должные и рекомендуемые, как не противоречащие представлениям о должном и дозволенном, а содержащие в себе "сверхнормальную роскошь". Каждая из этих форм существует как бы в связке с соответствующей ей оппозиционной санкцией: рекомендуемым актам (подвиг или услуга) – награды; запрещенным (преступление) – кара; дозволенным – "должные реакции". Историческое взаимодействие актов реакций, по С., составляет суть всемирного и исторического прогресса.

Через какие-то несколько лет эта на вид довольно наивная схема быстро разбухает и обретает законченный логический вид. В книге "Система социологии" С. формулирует принципы, от которых не отойдет в будущем. Совокупно они составляют самую квинтэссенцию структурного метода. Согласно С., теоретическая социология распадается фактически на три основных раздела: 1) социальную аналитику (социальная анатомия и морфология); 2) социальную механику (ее объект – социальные процессы); 3) социальную генетику (теория эволюции общественной жизни).

В "Системе социологии" С. предлагает пять принципов построения социологии: 1) социология может и должна быть построена по принципу естественных наук; 2) социология должна отказаться от какого-либо нормативизма; 3) она должна изучать только те явления, которые доступны наблюдению, измерению, проверке; 4) социология должна исходить из фактов и отказаться от всякого философствования; 5) социология является изначально плюралистической дисциплиной. Коль скоро социология изучает взаимодействия (духовное и психологическое), то ее задачей будет являться выявление черт этого взаимодействия.

С. формулирует исходный тезис о том, что социальное поведение основано на психофизических механизмах; субъективные же аспекты поведения суть "переменные" величины. В результате "коллективному рефлексу" С. придает значение интегрального фактора всей общественной жизни. Не трудно понаблюдать эту установку С. в его "Социологии революции" (1925), где причины всех великих революций или иных схожих потрясений он видит в подавлении базовых инстинктов людей (пищеварительного, сексуального, самосохранения, самовыражения).

Обоснованный в "Системе" концептуальный подход получает свое дальнейшее развитие в "Социальной мобильности". Согласно С., социальная мобильность есть естественное состояние общества и включает в себя не только социальные перемещения индивидов или групп, но и социальных объектов (ценности), то есть всего того, что создано или видоизменено человеком. Мобильность различается по направленности (восходящая и нисходящая), по форме (коллективная и индивидуальная), по интенсивности и масштабности. Вертикальную мобильность он рассматривает в трех аспектах, соответствующих трем формам социальной стратификации (политическая, экономическая и профессиональная): внутрипрофессиональное или межпрофессиональное перемещение, политическая циркуляция и продвижения по "экономической лестнице". При этом С. четко различал социальную мобильность в так называемые "нормальные" периоды относительной общественной стабильности и в периоды социальной дезорганизации (войны, революционные периоды, голод и т.д.). Если в "нормальные времена мобильность является процессом постепенным, регулируемым определенными и твердыми правилами", то в периоды великих бедствий... поступательность, упорядоченность и строго контролируемый характер мобильности существенно нарушается... Иными словами, приобретает черты хаоса"..

Для С., как, впрочем, и для многих исследователей до и после него, очевиден внеисторический динамизм социальной

стратификации. Абрис и высота социальной стратификации – вневременные, нормативные черты стратификации, а их флюктуации не содержат никакого однонаправленного движения. Социальная стратификация – это постоянная характеристика любого организованного общества. Изменяясь по форме, социальная стратификация существовала во всех обществах, провозглашавших равенство людей. Феодализм и олигархия продолжают существовать в науке и искусстве, политике и менеджменте, банде преступников и демократиях уравнителей, словом – повсюду. По мысли С., история показала, что нестратифицированное общество с "подлинным" равенством всех членов есть миф, никогда не могущий быть реализованным на практике, оставшийся лишь хоругвию эгалитаристов и левых радикалов.

В гарвардский период интегралистские тенденции и настроения в творчестве С. окончательно оформляются в единую модель, что нашло отражение в первую очередь в его четырехтомной "Социальной и культурной динамике".

В частности, все люди, по С., вступают в систему социальных взаимоотношений под влиянием целого комплекса факторов: бессознательных (рефлексы), биосознательных (голод, жажда, половое влечение и т.п.) и социосознательных (значения, нормы, ценности) регуляторов. В отличие от случайностных и временных агрегатов (типа толпы), характеризуемых отсутствием ясных и пролонгированных связей между людьми, только общество способно продуцировать значения, нормы, ценности, существующие как бы внутри социосознательных "эго"-конституирующих общество членов. Поэтому любое общество можно описать и понять лишь только через призму присущей ему системы значений, норм, ценностей. Эта система суть единовременное культурное качество.

Скрытые в социосознательных индивидах и обществах культурные качества обнаруживаются во всех достижениях человеческой цивилизации, сохраняясь также и в дискретные периоды культурной истории (войны, революции, общественные бедствия). Социоэмпирические исследования культурных качеств (значений, норм, ценностей) позволяют выявить весьма длительные периоды истории, в течение которых проявляются относительно близкие и даже идентичные культурные образцы – виды деятельности, мысли, творчества, верований и т.п. Эти продолжительные образцы культурной жизни, несмотря на всевозможные и случайные девиации, эмпирически устанавливаются лишь потому, что сами суть продукт логико-значимых культурных систем. При этом логико-значимые культурно-ценностные системы – детерминанты культурного качества – формируются под воздействием "двойственной" природы человека – существа мыслящего и существа чувствующего. Преимущественное качество тем самым совпадает с одним из полюсов ценностно-культурной шкалы. Если основной акцент сделан на чувственной стороне человеческой природы, то, соответственно, детерминируется чувственный образец культурных ценностей; на воображении и разуме – нечувственный. Причем и в том, и в другом случае полностью не нейтрализуются противоположные мотивы поведения, мышления. При условии же баланса чувственных и рациональных стимулов формируются особые идеалистические культуры. Перегруппировка всех классов ценностей, значений, норм в этом ключе, их открытие в ходе исторического исследования показывают удивительное сочетание с ценностными классами, выработанными древнегреческой философией, а именно: ценности, происходящие в результате познавательной деятельности (Истина); эстетического удовлетворения (Красота); социальной адаптации и морали (Добро); и, наконец, конституирующая все остальные ценности в единое социальное целое (Польза). Любую социально значимую человеческую активность можно объяснить посредством этих четырех, поистине универсальных категорий. Игнорирование их или подмена другими объясняющими факторами неизбежно ведет к сциентической неудаче искусственного перевода этих категорий на язык других и менее адекватных терминов.

Интегральный подход в равной мере применим при описании индивидуального типажа или культурной ценности. В самом деле, любой индивид вписан в систему культурных ценностей – значений – норм, а его бессознательные мотивы и биосознательные стимулы контролируются и подчиняются его социосознательному "эго". Также и культура становится интегральной лишь тогда, когда общество добивается успеха, балансируя и гармонизируя энергию людей, отданную на службу Истине, Красоте, Добру. Подобный "интегрализм" характеризуется логико-значимой взаимосвязью всех существенных компонентов личности или культуры. Модель "интегральной" культурной сверхсистемы – результирующая систематического и гармонизирующего ценностного образца – дает значительно больше для полноценного и адекватного определения и описания культуры, нежели традиционные социологические, антропологические или культурологические методы. По С., базовые факты социологии ментальны по своей природе, а посему могут быть поняты лишь в категориях человеческого социокультурного универса, как чего-то целого. Отсюда вытекают три отличительные системы истины: истина веры, разума и чувств. Все они частью ложны, частью истинны. Интегральная истина ближе всего стоит к абсолютной истине.

Дескриптивный анализ социальной жизни должен быть подчинен исходному примату культурных ценностей даже в таких аспектах социального бытия, где, как может показаться с первого взгляда, отсутствует прямое восхождение к культурным, ценностным системам. К примеру, понятия "группа", "роль", "класс", "стратификация", "социальное действие" и им подобные приобретают научную обоснованность лишь тогда, когда интерпретируются как переменные культурных сверхсистем, конгруэнтных связей ценностей – норм – знаний. В силу этого новая философия истории должна исходить из тезиса о том, что в пределах, заданных относительно константными физическими условиями (климат, географическое положение и т.п.), наиважнейшим фактором социокультурных изменений (динамики) становится распад той или иной доминантной культурной сверхсистемы – "идеациональной", "идеалистической", "чувственной". Именно в этом смысле тождественны социология и философия истории, ибо они концентрируют свое внимание на проблематике генезиса, эволюции, распада и кризиса доминантных систем, в результате чего проясняется вопрос: как, почему и когда происходят те или иные социокультурные изменения?

Современное состояние западной культуры С. диагностировал как кризисное, которое, однако, вовсе не виделось ему в духе шпенглерианского субъективизма – как конец ее исторического существования, смертная агония всей западной цивилизации. Его главное пророчество звучало примерно так: мы живем, мыслим, действуем в конце сияющего чувственного дня, длившегося шесть веков. Лучи заходящего солнца все еще освещают величие уходящей эпохи. Но свет медленно угасает, и в сгущающейся тьме нам все труднее различать это величие и искать надежные

ориентиры в наступающих сумерках. Ночь этой переходной эпохи начинает опускаться на нас, с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами. За ее пределами, однако, различим рассвет новой великой идеациональной культуры, приветствующей новое поколение – поколение людей будущего.

В 1960 С. публикует свое культурно-конверген-циональное кредо-эссе "Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР к смешанному социокультурному типу" (1960), написанное в атмосфере довольно напряженных советско-американских отношений. Эссе начиналось со следующих слов: "Западные лидеры уверяют нас, что будущее принадлежит капиталистическому ("свободное предпринимательство") типу общества и культуры. Наоборот, лидеры коммунистических наций уверенно ожидают победы коммунистов в ближайшее десятилетие. Будучи не согласным с обоими этими предсказаниями, я склонен считать, что если человечество избежит новых мировых войн и сможет преодолеть мрачные критические моменты современности, то господствующим типом возникающего общества и культуры, вероятно, будет не капиталистический и не коммунистический, а тип специфический, который мы можем обозначить как интегральный. Этот тип будет промежуточным между капиталистическим и коммунистическим строем и образом жизни. Он объединит большинство позитивных ценностей и освободится от серьезных дефектов каждого типа". Согласно логике его мысли, мы наблюдаем, с одной стороны, упадок капиталистической системы, а с другой – неспособность экономической и политической системы коммунизма удовлетворить жизненные потребности людей. Последняя складывается в периоды великих бедствий (голод, война, революции, депрессии), однако когда социальная опасность минует и сходит на нет, то в обществе обнаруживается неизбежная тенденция детоталитаризации и реконверсии к менее регламентированной и более свободной жизни. Этот социальный закон, по С., выражается в том, что степень государственного вмешательства в жизнь общества варьируется пропорционально масштабам и характеру бедствия. И если в будущем великие катаклизмы удастся преодолеть, то "коммунистические" и схожие с ними тоталитарные режимы, очевидно, будут приходить в упадок. Речь у С., однако, идет не только о политических переменах и сближении двух стран. Он считает, что фундамент конвергенции заложен в близости систем ценностей, праве, спорте и досуге, изящных искусствах, экономике, семейных и брачных отношениях и даже в религиях обеих держав. Советские философы безвозвратно ушли от ортодоксального марксизма в интерпретациях человека и общества, в то время как материалистическая идеология и философия все активнее проникают в общественную и приватную жизнь американцев. Иными словами, по С., конвергенция заключена не только в реверсивном движении России к образцу американской демократии, но и в усилении тоталитарных элементов в США. Завершая свое эссе, он утверждал, что конвергенция, безусловно, приведет к образованию смешанного социокультурного типа, который при заданных условиях может перерасти в "блистательный интегральный порядок в обеих державах, так же, как и во всей человеческой вселенной".

Профетическая интенция свойственна социологии эпохи модерна. Провозвестник новой идеациональной будущности через очищение и воскрешение культуры, проповедник нравственного возрождения общества, основанного на принципах альтруистической любви и этике солидарности, – таков, в общем не похожий на академического, университетского ученого, С.-социолог и С.-пророк, на долгие годы запомнившийся своим соратникам и ученикам.

А.Ю. Согомонов, Н.В. Александрович

СОРОС (Soros) Джордж (Дьёрдь ШОРОШ) (р. 1930) – американский мыслитель, финансист, инвестор и благотворитель венгерского происхождения. В 1947 покинул коммунистическую Венгрию и после непродолжительного пребывания в Швейцарии поселился в Лондоне. В 1949 С. поступил в Лондонскую школу экономики, в которой тогда преподавали фон Хайек (см.) и Поппер (см.). Влияние идей Поппера на собственное становление С. усматривал в том, что "он серьезно задумался над устройством мира и попытался развить общую философскую схему, которая помогла бы объяснить его". Позднее С. перейдет от теории к практике: разработает теорию о том, "как и почему люди думают именно так, а не иначе", и на основе этого выведет новые теории о функционировании денежного рынка. Позже С. будет постоянно ссылаться на Поппера как на вдохновителя его благотворительной деятельности по созданию открытых обществ в Восточной Европе и бывшем СССР.

Вдохновленный Поппером, С. стремился разработать философскую систему, которая могла бы облагодетельствовать и все человечество, и тех, кому удалось бы ее постичь. Вывод, на котором строил свою философию С., заключается в следующем: "Чем лучше удается определить свою цель в теории, тем проще достигнуть ее на практике". В этом смысле С. считает себя философом и стремится реализовать себя: "С тех пор, как я осознал сам факт своего существования, я страстно стремился постичь его и считаю понимание себя основной проблемой, которую и нужно решать" ("Алхимия финансов", 1987). Тем не менее С. убедился, что разгадка тайн нашей жизни является практически неразрешимой задачей. По простой причине: уже "чтобы приступить к изучению того, кто мы такие, нужно посмотреть на себя объективно. Но сделать мы этого не можем". Для С. это оказалось трагическим откровением: "Мысли являются частью предмета мышления; стало быть, наше мышление не имеет независимой точки отсчета, по которому мы можем его оценивать. Ему не хватает объективности". Поэтому "почти все наши взгляды на мир в какой-то мере ошибочны и искажены". Отсюда задача: выяснить, как эти искажения влияют на ход событий. По словам самого С., он "не был богат до такой степени, чтобы заниматься чистой философией". Поэтому философские задачи нашли у него практическое преломление в финансовой сфере.

Почерпнутые им идеи об общем устройстве мира С. решил применить для изучения устройства биржевой жизни на Уолл-стрит. Интуитивно С. понимал, что проблема заключается в том, что экономисты-теоретики, а вслед за ними и инвесторы, полагают, будто курс акций определяется в основном рациональным путем. Финансисты-"рационалисты" полагают, что если инвесторы располагают всеми сведениями о компании, то каждую акцию последней можно оценить в соответствии с ее истинной ценой. А курс акций всегда можно соотнести с ожидаемыми доходами компании. Таковы самые общие принципы теории совершенного рынка, построенной на предпосылке о том, что мир совершенно рационален, а все курсы акций отражают доступную для наблюдения информацию. Она учила, что рынок стремится к равновесию, и все свои выводы строила на допущении совершенной конкуренции и совершенных знаний. С. же доказывает, что в реальности любая теория, отстаивающая достижимость совершенных знаний, не совершенна. Решения о

продаже и покупке акций основаны не на идеалах экономистов классической школы, но на ожиданиях конкретных людей. А в реальном мире люди могут достичь лишь несовершенных знаний о чем бы то ни было. Согласно С., "главное открытие, сделанное мной в области философии, это постижение роли, которую играет несовершенное знание в развитии событий. Традиционная экономическая наука исходила из теории рыночного равновесия, где предложение и спрос уравновешивают друг друга. Но если понять, насколько важную роль играет наше несовершенное знание, мы поймем и то, что в действительности имеем дело с неким неравновесием". Поняв это, С., по своему собственному признанию, был "очарован хаосом". По его мнению, если экономика является наукой, то можно сформулировать общие теории или даже открыть законы, по которым действует экономика. Но если так, то она должна быть объективной. То есть за экономическими действиями можно пассивно наблюдать, не влияя на сами эти действия. Но это, по мнению С., на практике невозможно. Как экономика может претендовать на объективность, если люди – конечные субъекты экономических действий – необъективны? Если люди, в силу своего участия в экономической жизни, не могут не влиять на саму эту жизнь? По убеждению С., большинство инвесторов начинают верить в свою способность предвидеть будущее поведение рынка еще до того, как те произойдут. Но это невозможно, поскольку "любое мнение о будущих событиях пристрастно". С. вовсе не считает, что факты и мнения существуют независимо друг от друга: "Совсем наоборот... мнения изменяют факты". Рыночные цены не могут быть правильно определены, поскольку всегда игнорируют возможные и реальные последствия будущих событий. Рыночные цены всегда определены неправильно, потому что отражают пристрастия субъектов, а не рациональный взгляд на будущее. Как полагает С., искажение обоюдно. Не только участники рынка пристрастны, но и сами их пристрастия могут повлиять на ход событий. Может показаться, будто рынки способны точно предвидеть будущие события, но на самом деле не будущие события определяют нынешние ожидания, а как раз наоборот, – нынешние ожидания определяют будущие события. Ощущения участников рынка почти всегда ошибочны, и есть обратная связь между ошибочными ощущениями и реальными событиями, что приводит к несоответствию между ними. Эту обратную связь С. назвал "рефлексивностью". Рефлексивная связь, существующая между пристрастиями инвесторов и реальными событиями, т.е. основами экономического поведения фирм, определяет поведение финансовых рынков. "Пристрастия" инвесторов к тем или иным акциям, положительные или отрицательные, вызывают рост или падение курса этих акций. Таким образом, пристрастия действуют как "самовозрастающий" фактор, который впоследствии вместе с прочими "подспудными тенденциями" влияет на ожидания инвесторов. Вызванные ими изменения курсов побуждают менеджеров к новым покупкам акций или даже слиянию, приобретению или выкупу данных компаний, что, в свою очередь, влияет на основные показатели курса акций: "Когда в событиях участвуют мыслящие существа, главное для нас придерживаться не только фактов, но и ощущений участников. Причинно-следственная связь ведет не от факта к факту, но от факта к ощущению и от ощущения к факту". Иными словами, уплачиваемые инвесторами цены не пассивно отражают стоимость акций, а сами активно влияют на определение их стоимости. Вторым ключевым положением теории финансовых рынков стало у С. осознание роли заблуждений. Заблуждения ("расхождения между мыслями участников и действительным положением дел") не устранимы. Иногда такие расхождения сравнительно малы и легко исправимы. В этом случае состояние рынков "близко к равновесию". Но иногда расхождения значительны и не исправляются сами по себе (состояние "далекое от равновесия"). Если расхождения велики, ощущения и реальность удаляются друг от друга и нет способа сблизить их снова, поскольку действие разъединяющих факторов продолжается. "Далекие от равновесия" состояния принимают один из двух видов. В первом случае, хотя ощущение и реальность далеки друг от друга, ситуация стабильна. Для инвестора эта ситуация малоинтересна. Другой крайностью является нестабильная ситуация, когда события развиваются столь стремительно, что мышление участников не поспевает за ними. Эта ситуация наиболее привлекательна для инвестора. Пропасть между ощущениями и реальностью широка, поскольку события выходят из-под контроля и положение на финансовых рынках оказывается типичным для чередований подъемов и спадов. Это своеобразные "мании", "процессы, которые сперва усиливают сами себя, но остаются неустойчивыми, а следовательно могут быть обращены вспять". С точки зрения С., всегда существует возможность чередования подъема и спада. Подобные чередования способны усиливаться, поскольку рынки пребывают в постоянном движении и неопределенности. Определение фазы подъема или спада не составляет труда. Для этого инвестору достаточно узнать, как оценивают другие инвесторы положение экономики в целом. Определение того, что "думает" в каждый конкретный момент рынок, то есть сумма инвесторов, является важнейшей частью метода С. Если инвестор знает, что "думает" рынок, он сможет занять выгодную позицию, поставив на то, чего никто не ждет, сыграть на ожидаемом или уже начавшемся чередовании подъема и спада. С. считает, что финансовые рынки способны влиять на экономическое положение в целом, хотя считается, что они только "отражают" его. По С., "когда это происходит, рынки пребывают в динамическом неравновесии и ведут себя совершенно не так, как считается нормальным в теории совершенных рынков". Чередования подъемов и спадов не часты, но они оказывают разрушительное воздействие на экономику. Чередование подъема и спада может произойти только тогда, когда ситуация на рынке определяется "модой", когда люди покупают в ответ на рост цен и продают в ответ на снижение цен, причем процесс этот имеет самовозрастающий характер. Одностороннее следование за общей тенденцией неизбежно приводит к резкому краху рынка, но само по себе не является причиной краха. В этой связи возникает вопрос: "Что же является следствием подобного поведения?" По мнению С., ошибочные ощущения участников рынка подпитывают себя сами. То есть инвесторы самовозбуждаются и становятся субъектами стадного мышления. А рынки всегда подпитывают свою собственную горячку, всегда склонны к крайностям. Эта сверхвозбудимость, эти скачки к крайностям и вызывают чередования подъема и спада. Для успешного инвестирования важно узнать, в какой именно точке рынки приобретают самодвижущуюся силу, после чего можно определить, началась ли уже новая фаза или вот-вот начнется. Как поясняет С., "смысл рефлексивных процессов можно изложить в общих чертах следующим образом: чем больше неопределенность, тем больше людей подвержены тенденциям, сложившимся на рынке; а чем сильнее вызванная этим спекуляция, тем неопределеннее становится ситуация".

По схеме С., основные фазы типичного чередования подъема и спада таковы: непризнанная тенденция; начало самовозрастающего процесса; успешная проверка рыночных тенденций; растущее среди инвесторов убеждение; расхождение между ощущением и реальностью; апогей; начало зеркального обратного самовозрастающего процесса. Практическое значение теории рефлексивности С. выражается в том, что она утверждает для инвестора необходимость признания неизбежности изменения тенденций на совершенно противоположные, в виду чего надо быть готовым к моменту, когда наступает этот поворот. Инвестор должен усвоить, что когда дела идут отлично, они вот-вот пойдут плохо.

Примеров проявления рефлексивности, по С., много: "Если люди разуверились в национальной валюте, снижение ее курса обычно усиливает инфляцию в стране, а это в свою очередь ускоряет падение обменного курса. Если инвесторы доверяют менеджерам компании, рост курса акций облегчает менеджерам выполнение того, что ожидают от них инвесторы... Такие процессы, поначалу самовозрастающие, а потом и саморазрушительные, есть рефлексивные процессы". Признавая теорию рефлексивности недостаточно зрелой, С. тем не менее полагал, что она помогает прояснить не только состояние финансовых рынков, но и устройство нашего мира вообще: "Я считаю, что пристрастия участников рынка служат ключом к пониманию всех исторических процессов, в которых участвуют мыслящие существа, точно так же, как генетическая мутация служит ключом к разгадке биологической эволюции". При этом С. признавал, что его идея о причинно-следственной связи пристрастий участников рынка, будучи весьма ценной и интересной, недостаточна для подлинной теории. Она чересчур абстрактна. Он был в высшей степени честен, осознавая это. Тем не менее он верил, что, не создав общей теории, нашел подход, способный прояснить то опасное состояние, в котором пребывает финансовая система мира.

Высокая степень участия в глобальной интеллектуальной жизни – это одно из характерных отличий С. Как утверждают его биографы, на С. помимо идей Поппера огромное влияние, видимо, оказали две книги, заполненные эзотерическими галлюцинациями: "Гедель, Эшер, Бах" Д. Хофстадтера и "Шаг к экологии разума" Г. Бейтсона (**см.**). К тому же С. считает себя не только "финансовым спекулянтом", но и философом. Точнее, неудавшимся философом, которому "пришлось переквалифицироваться в спекулянты". Когда его принимали в ректорский совет попечителей Оксфордского университета (1992), С. попросил, чтобы его профессию записали так: "финансовый и философский спекулянт".

С. считает себя интеллектуалом в европейском понимании: человеком влиятельным и деятельным. Эти качества помогли самореализации С. как благотворителя: на эти цели он мог и хотел потратить большие деньги. Но не на отдельных лиц. С. хотел добиться масштабных целей, а для этого нужны были целые группы людей или даже целые общества. Считая водоразделом своей жизни бегство из "закрытого общества", в свое время воцарившегося в Венгрии, он решает помочь жителям Восточной Европы и Советского Союза возродить у себя рыночные и демократические институты. С. решает направить свою финансовую мощь на поддержку открытых обществ, где люди могут действовать самостоятельно, выражать свои мнения и преследовать свои собственные интересы. Таким образом, в отличие от традиционной благотворительности деятельность С. носит активный характер: в процессе ее осуществления объекты благотворительности превращаются в субъекты "исторического процесса". Субсидируя усилия по разрушению коммунизма, С. фактически финансировал политический и интеллектуальный переворот в Европе и СССР. Эта революция происходила не на баррикадах, а в умах граждан. Она мирная, медленная, постепенная, но призвана стать необратимой. В этом случае она может привести к рождению демократии в этих странах. Полем благотворительной деятельности С. были страны, где создаваемые им фонды могли получить максимальную независимость от коммунистических властей.

Начинать С. решил с родной Венгрии. При этом благотворитель и правительство преследовали разные цели. Правительство Я. Кадара в 1980-е было настроено реформаторски и хотело определенных паллиативных изменений в экономике, ориентируясь на "демократизацию" социалистической системы (см. **"Демократический социализм"**). Для укрепления позиций правительству требовалась валюта. А С. сознательно занимался подрывом наличной социально-экономической системы, поддерживая не правительство, а граждан, выделяя множество мелких субсидий, поскольку, по его убеждению, "любое самостоятельное действие подрывает тоталитаристскую догму". И если правительство считало, что дело С. перевести деньги, которые *оно* будет распределять, то С. настаивал на своем праве давать деньги тому, кому сам сочтет нужным. В Венгрии С. удалось добиться независимости: к 1994, через 10 лет после учреждения, соросовский фонд осуществлял 40 программ поддержки интеллектуальных и творческих инициатив. К этому времени фонды С. действовали более чем в двух десятках стран. Но только там их успехи были значительными, где удавалось добиться автономии от властей и избежать бюрократических "контрреволюций" внутри аппаратов управления фондами.

Препятствия благотворительной деятельности С. возникают не только на Востоке, но и на Западе. Когда, например, в сентябре 1992 сделка с английским фунтом принесла С. огромные барыши, его стали обвинять в том, что он "украл" около 12,5 фунта у каждого британца. С. ответил, что он считал и продолжает считать, что Запад должен делать больше для Востока. Поэтому, вкладывая деньги в подрыв коммунистической системы, он с радостью выступает от имени Запада. К тому же 12,5 фунта, по его мнению, – это недорогая плата за свободу. По мнению С., советская система являлась универсальным закрытым обществом, поскольку сам коммунизм был универсальной нормой. Но как догма, коммунизм уже исчез навсегда. По этой причине существовала возможность перехода к универсальному открытому обществу, упущенная потому, что "свободный мир" не смог адекватно отреагировать на вызов времени. В конце второго тысячелетия появилась опасность превращения того, что раньше являлось универсальным закрытым обществом, в отдельные "закрытые общества", построенные на основе менее универсальных, но не менее архаичных догм. См. также: **Открытое общество.**

К.И. Скуратович

СОСЛОВИЕ – понятие для обозначения социальных групп (общностей), главным отличительным признаком которых выступают фиксируемые в обычаях и законах обязанности и права, передаваемые по наследству. С. являлись центральным элементом моделей социальной стратификации (**см.**) обществ доиндустриального типа, атрибутом которых правомерно полагать

иерархию определенной совокупности С., базирующуюся на неравенстве их экономического и политического положения, качественно различающихся привилегиях, а также их не одинаковом правовом статусе в государстве. (В отличие от кастовой – с предельно жестким принципом наследственной трансляции принадлежности – сословная может быть приобретена на тех или иных условиях, дарована либо изъята верховной властью и т.д.) Тем не менее С. не являются общественными корпорациями, членство в которых обусловливается в основном итогами личных усилий входящих в них индивидов.

Разрушение С. традиционно связывается со становлением социально-экономических структур индустриальной цивилизации, а также формированием гражданского общества. В настоящее время понятием "С." нередко обозначают группы людей, объединяемых между собой сходными обычаями и правами, а также ориентированными на определенное общественное признание (аристократия, артисты, ученые, книгоиздатели, журналисты, офицеры, юристы, врачи и т.д.). Сословная самоидентификация – ощущение собственной принадлежности к конкретному С., предполагающее готовность соблюдать соответствующие поведенческие долженствования ("честь С.").

А.А. Грицанов

СОЦИАЛИЗАЦИЯ (от лат. socialis – общественный) – совокупность взаимосвязанных процессов усвоения и воспроизводства индивидом (**см.**) необходимого и достаточного для полноценного включения в общественную жизнь социокультурного опыта и фило-онтогенетического формирования и развития соответствующих свойств и качеств индивида, его становления как конкретно-исторического типа личности (**см.**) и субъекта (актора) социокультурных практик данного общества.

С. предполагает одновременное: усвоение социальных ролей (**см.**) и образцов поведения (**см.**), позволяющих индивиду претендовать на занятие определенных социальных позиций и приобретение соответствующего(их) социального(ых) статуса(ов); овладение формами, ценностями, символами, нормами, традициями, языками, смыслами и т.д. культуры; приобретение собственного социокультурного опыта и личностной (социальной, этнической, конфессиональной и т.д.) идентичности (**см.**); достижение статуса "взрослого" – самостоятельного и автономного деятеля (субъекта, актора), способного к принятию ответственных решений, касающихся его жизни в соответствии с институционально и межличностно транслируемыми предписаниями, запретами и ожиданиями общества, а также социальных общностей и групп, к которым принадлежит индивид. С. – двунаправленный процесс, в котором, с одной стороны, от общества к личности идут процессы трансляции необходимых для усвоения содержаний и осуществляются процедуры целенаправленного (но и стихийного) воздействия и социального контроля (**см.**), призванные обеспечить проектируемые результаты, а с другой – на уровне индивида – происходит в той или иной мере адекватное усвоение социокультурного опыта, его интернализация и формирование самих личностных структур. Через процессы С. обеспечивается воспроизводство людских ресурсов общества и задаются их качественные параметры, обеспечивается его нормальное функционирование и преемственность поколений, закладывается потенциал для последующих социальных изменений и социокультурного развития. С. обеспечивается принятыми в культуре и институциализированными в социуме и его соответствующих подсистемах технологиями и стратегиями обучения, профессиональной подготовки, образования, воспитания, поддержанием необходимого уровня функциональной грамотности социальных деятелей.

Успешность социализационных процессов в любом обществе во многом определяется: привитием меры необходимого для каждого конкретного социума и допустимого его культурой конформизма как принятия и усвоения "правил общественной жизни" в широком смысле слова; успешностью блокирования тех форм, способов, стратегий и технологий социального поведения и действования, которые определяются как девиантные (отклоняющиеся); умением поддержать необходимое и допустимое соотношение между инновационной (креативной) и традиционной (репродуктивной) составляющими в общественной жизни. А в конечном итоге – поддержанием баланса социальных изменений и социальной стабильности, социальной мобильности и социальной организованности, воспроизводством структур, обеспечивающих социальный порядок. Таким образом, С. следует рассматривать как один из основных социообразующих, наряду со стратификацией и институционализацией, процессов, проявляющийся на всех уровнях и охватывающий все сферы общественной жизни. Характер и поддерживаемые параметры социализационных процессов позволяют во многом как типологизировать социумы, относящиеся к разным цивилизациям и эпохам, так и понимать специфичные только для этих социумов и их культур конкретные социокультурные и личностные феномены. Существенны и показательны в социологическом контексте, в частности, те сломы социализационных стратегий и технологий, которые фиксируются при переходах от традиционных к индустриальным (модернистским/модерновым) и от последних к постиндустриальным (постмодернистским/пост-модерновым) типам социальности (**см.**).

В большинстве социологических дискурсов различают первичную и вторичную С., что вводит представление о периодичности и стадиальности протекания социализационных процессов. Первичная С. трактуется при этом как финитный процесс, завершающийся со становлением личностных структур индивида и приобретением им прав "взрослого" в данном типе общества (т.е. началом социальной зрелости). Последнее, как правило, связано: с овладением определенной профессией и началом трудовой деятельности; получением образования, соответствующего тому или иному стандарту; началом самостоятельной семейной жизни и приобретением статуса "родителя"; обретением всей полноты политических, юридических и т.д. прав и обязанностей; закреплением личностной (само)идентификации. В обществах традиционного и особенно архаического типов границы завершения первичной С. фиксируются достаточно четко, например, через прохождение обрядов инициации, и характеризуются, как правило, совпадением (как минимум корреляцией) во времени всех составляющих социализационного процесса. В обществах индустриального типа составляющие С. в той или иной мере автономизируются друг от друга, что ведет к нарастанию их несинхронности во времени. В обществах "позднего модерна" и/или постмодерновых обществах десинхронизация и автономизация этих составляющих многократно усиливается, а сама С. предельно растягивается во времени, вторгаясь отдельными своими компонентами в фазу "социальной зрелости", принципиально определявшуюся как лежащую за пределами первичной С.

Это связано с изменением характера и параметров протекания других социокультурных процессов. Из наиболее существенных факторов в этом отношении следовало бы назвать: прин-

ципиальное изменение демографического поведения, акселерацию, иные стратегии построения брачно-семейных отношений; увеличение требований к получаемому стандарту образования, длительность и сложность овладения современными профессиями, возрастание квалификационных требований; рост территориальной и социальной мобильности, максимальную динамизацию социокультурной жизни, необходимость постоянной корректировки и смены приобретаемых идентичностей; предельную урбанизированность образа жизни, его жесткое подчинение временным ритмам, анонимизацию социальных отношений; изменение моделей экологического, экономического, политического, культурного и индивидуального поведения; влияние массовой культуры, рекламы, средств массовой информации, новых компьютерных и информационных технологий; факторы психологического характера (одиночество, стрессы, культурные шоки, психические заболевания и т.д.). В результате не только размываются этапные границы С., возрастает сложность и насыщенность социализационных процессов, но и массовизируются феномены так называемых "опережающей" и "запаздывающей" С., во многом ставится под вопрос сам финитный характер первичной С. и возникает необходимость переопределения сути С. вторичной.

Под последней в социологии традиционно понимали совокупность процессов социально-адаптационного характера, характеризующих изменения в жизни "социально-зрелого" ("взрослого") человека – носителя сформированных личностных структур, автономного и ответственного за самостоятельно принимаемые решения. При таком подходе к трактовке С. некоторые социологи вообще отрицали необходимость понятийного оформления этих процессов как социализационных, считая возможным рассматривать их в терминах социальной адаптации – приспособления на разных уровнях "включенности" к изменениям социокультурных, жизненных и возрастных ситуаций. Особые, но слабо прописанные проблемы в данном случае представляли собой тематизмы: завершения активного жизненного цикла, в связи с чем предлагалось обсуждение разных версий "десоциализации" пожилых людей, сужающих сферу своей социокультурной активности; маргинализации и пауперизации тех или иных социальных групп и индивидов; ресоциализации отдельных людей, потребность в которой возникала в результате перенесенной болезни или полученной травмы (на чем предметно фиксировались прежде всего психологи); кардинальной смены языковой и/или культурной среды (чем занимались прежде всего культурологи и антропологи). Для описания процессов последнего рода в американской культурной антропологии были предложены термины "культурализация" (К. Клакхон) и "инкультурация" (М. Херсковиц), которые были к тому же полемически противопоставлены термину "С." как делающему акцент на усвоении социальных ролей, в контексте анализа которых в 1930-е/1950-е и была, собственно, конституирована в (прежде всего в американской) социологии проблематика и тематика С. личности; другой канал их концептуализации – европейская психология – прежде всего в лице Л.С. Выготского (**см.**), Ж. Пиаже, З. Фрейда (**см.**), Э. Эриксона (**см.**), а затем и представителей гуманистической психологии, – сосредоточившая внимание на формировании личностных структур и когнитивных и иных способностей ребенка в процессах его все более полного включения в социокультурную жизнь.

Таким образом, в отличие от более или менее соблюдаемого единства (при всем многообразии дисциплинарных и парадигмальных версий), в понимании сути первичной С., наиболее спорным и уязвимым для критики оказался концепт вторичной С., что было усилено критической рефлексией процессов, стимулированных обществами. Находящимися в состоянии "пост-", а также осмыслением материалов, накопленных при исследовании архаических и традиционных обществ, позволившим конституировать новую предметность научного изучения – этнологию (этнографию детства). Тем самым в современных дискурсах понятийно-терминологический ряд, связанный с тематикой и проблематикой С., все больше стал связываться с эвристическими возможностями социологических и психологических парадигм, оформленных в неклассическо-неоклассический период развития социогуманитарного знания, а сама тематика и проблематика, ранее трактовавшаяся как сугубо "социализационная", стала во многом осмысливаться с применением иных методологических и концептуальных средств.

В.Л. Абушенко

СОЦИАЛИЗМ – 1) одна из версий общественного идеала в европейской социально-философской и политической традиции 19 в. В мировоззренческом контексте С. любого толка – один из аксиологических фокусов анализа недостатков капитализма; 2) одна из моделей – тенденций организации жизни индустриального общества, предполагающая значимое вмешательство государства во все сферы жизни социума в целях осуществления глобальных программ "догоняющего развития" – О. Бисмарк, Сталин и др. (антипод либерализма); 3) самообозначение общественно-экономического устройства ряда государств в 20 в. ("национал-С." в Германии при Гитлере, "С." сталинского СССР, "развитой С." в СССР при Брежневе и т.п.).

Выступив реакцией прогрессивных мыслителей Европы на стихийные катаклизмы буржуазного общества конца 18 – первой половины 19 вв., теория и идеология С. претерпела в ходе своей эволюции ряд кардинальных трансформаций. Истоки С. как специфической модели идеального общественного устройства принято усматривать в утопических концепциях (см. **Утопия**), постулирующих позитивную необходимость активного вмешательства государства и его органов в экономическую, социальную и культурную жизнь людей. (Предполагается, что впервые понятие "социалистический" было использовано в леворадикальном британском журнале "Co-operative Magazine" в 1826. Термин же "С." первым употребил Леру в 1834.)

И. Шафаревич в работе "Социализм как явление мировой истории" усматривал социалистический идеал уже в схеме организации государства у Платона. (Согласно же Хайеку, "социализм с самого начала не был движением рабочего класса. Он не представлял собой очевидного средства против очевидного зла, которого требовали интересы рабочего класса. Он был конструкцией теоретиков, возникшей из определенных тенденций абстрактного мышления, с которым долгое время были знакомы только интеллектуалы".)

Оставаясь не более чем амбициозным и претенциозным утопическим идеалом вплоть до середины 19 в., С. приобрел иное общественное звучание после его синтеза с марксовой идеей социально-обновленческого революционизма. В дальнейшем все ортодоксальные марксистские сценарии социалистического общественного переустройства оказывались неразрывно связаны с постулатом позитивности насилия в целях его осуществления.

Насильственная экспроприация собственности у имущих классов на ранних фазах построения С., насильственное "раскулачивание", "разбуржуазивание", "раздворянивание"; вертикальная ротация маргинальных социальных слоев и групп, перманентная насильственная нивелировка населения по имущественным, культурным, мировоззренческим и идеологическим измерениям на всем протяжении его существования (идея Бухарина о складывании "нового типа человека" при С.); упразднение демократии как института, агрессивный атеизм – основа существования С. как общественной системы.

С. как система в исторической перспективе жизнеспособен исключительно в ходе постоянной геополитической экспансии (создание "социалистического лагеря" Сталиным, "доктрина Брежнева", имевшие целью конституирование международного порядка, основанного на классовом подходе, независимом от национальных, культурных и языковых различий между людьми). Мирное экономическое соревнование наглядно продемонстрировало исторически ограниченный потенциал С. в плане конструктивного многомерного самообновления.

А.А. Грицанов

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ (лат. adaptare – приспособлять) – процесс приспособления, освоения, как правило активного, личностью или группой новых для нее социальных условий или социальной среды. В современной социологии С.А. в большинстве случаев понимается как такой социальный процесс, в котором и адаптант (личность, социальная группа), и социальная среда являются адаптивно-адаптирующими системами, то есть активно взаимодействуют, оказывают активное воздействие друг на друга в процессе С.А.

Непосредственным толчком к началу процесса С.А. чаще всего становится осознание личностью или социальной группой того факта, что усвоенные в предыдущей социальной деятельности стереотипы поведения перестают обеспечивать достижение успеха и актуальной становится перестройка поведения в соответствии с требованиями новых социальных условий или новой для адаптанта социальной среды.

В общем виде чаще всего выделяется четыре стадии адаптации личности в новой для нее социальной среде:

1) начальная стадия, когда индивид или группа осознают, как они должны вести себя в новой для них социальной среде, но еще не готовы признать и принять систему ценностей новой среды и стремятся придерживаться прежней системы ценностей;

2) стадия терпимости, когда индивид, группа и новая среда проявляют взаимную терпимость к системам ценностей и образцам поведения друг друга;

3) аккомодация, т.е. признание и принятие индивидом основных элементов системы ценностей новой среды при одновременном признании некоторых ценностей индивида, группы новой социальной средой;

4) ассимиляция, т.е. полное совпадение систем ценностей индивида, группы и среды.

Интенсивность адаптационных процессов в обществе существенным образом зависит от того, какую стадию в своем развитии оно переживает. Во времена серьезных социальных изменений, а тем более социальных катаклизмов адаптационные процессы приобретают особую интенсивность и захватывают практически все слои общества. На примере постсоветского общества хорошо видно, что проблему адаптации к новым социальным условиям, определения и утверждения новой своей позиции в обществе приходится решать практически каждому человеку, и не всегда этот процесс протекает одинаково успешно.

Помимо этого следует отметить, что, по мере ускорения общественного развития, ускоряется и интенсивность адаптационных процессов в обществе в целом. Это приводит к тому, что процессы С.А. даже в эволюционно развивающемся обществе становятся практически непрерывными и умение адаптироваться к изменениям приобретает жизненно важное значение не только для молодых, но и для старших поколений. Готовность к переменам становится одним из главных условий жизненного успеха человека.

В результате в современном обществе значительно повышается роль целенаправленной деятельности государства и общественных организаций, роль образования и прикладной науки в осуществлении процессов С.А.

Особое внимание общество через систему институтов и целевых программ уделяет содействию процессам С.А. тех своих членов, чьи возможности адаптироваться к изменениям самостоятельно ограничены. Так, во многих странах разрабатываются и реализуются программы по С.А. инвалидов, уволенных в запас военнослужащих – в случае массовых сокращений армии, мигрантов, выходящих на свободу заключенных и т.д. Не меньшее значение в современном переходном обществе придается программам содействия С.А. молодежи.

Следует различать адаптацию как процесс и адаптированность как результат, итог процесса С.А. Существуют субъективные и объективные критерии адаптированности. Объективные – степень реализации индивидом норм и правил жизнедеятельности, принятых в данной социальной группе. Субъективные – удовлетворенность членством в данной социальной группе, предоставляемыми условиями для удовлетворения и развития основных социальных потребностей.

В качестве непосредственной социальной среды могут выступать различные социальные группы, такие как семья, производственный коллектив, соседи по дому и т.д. Роль С.А. состоит в том, что она позволяет включить личность в процессы, протекающие в непосредственной социальной среде, и в то же время является одним из средств изменения личности и среды.

Вся сложность процесса С.А. может быть хорошо проиллюстрирована на примере адаптации новых работников на предприятиях, которая наиболее широко исследуется в современной прикладной социологии и социальной психологии, что обусловлено, в свою очередь, практической значимостью проблемы для экономической эффективности деятельности предприятий.

В процессе адаптации организация и личность вступают во взаимодействие как сложные системы. Так, например, на успешность адаптационного процесса существенное влияние оказывают такие характеристики предприятия, как его материально-техническая оснащенность, тип и уровень организации труда, характер внутриколлективных отношений и корпоративная культура, система и уровень оплаты труда. Предприятие через эти свои характеристики предъявляет потенциальному работнику свои требования и одновременно свои преимущества по сравнению с другими участниками рынка труда.

Со стороны индивида на успешность производственной адаптации влияние оказывают как психофизиологические особенности, так и социально-демографические характери-

стики личности. Безусловно, наиболее важны для успешной производственной адаптации профессиональная подготовка индивида, умение работать в группе.

С.А. на предприятии представляет собой единство нескольких адаптационных процессов. В литературе чаще всего выделяют следующие из них: профессиональную адаптацию, социально-психологическую адаптацию и адаптацию к условиям труда. Профессиональная адаптация предусматривает выбор профессии, обучение специальности, а также вхождение в профессию с момента начала работы по специальности. Критерием профессиональной адаптированности является достижение индивидом соответствия профессиональных навыков, личностных качеств требованиям конкретной профессиональной деятельности. Показателями профессиональной адаптированности являются профессиональная квалификация, уровень и стабильность производственных показателей, удовлетворенность профессией.

Социально-психологическая адаптация – процесс вхождения новичка в новый для него производственный коллектив, формирования личностных связей и отношений с другими людьми. В процессе социально-психологической адаптации происходит активное сравнение и взаимоприспособление ценностных ориентаций, нравственных идеалов и представлений коллектива и нового работника. Социально-психологическая адаптация выражается в формировании положительных неформальных отношений с коллегами по работе и руководителями, в достижении ценностного единства работника и коллектива. Основным объективным показателем социально-психологической адаптированности является отсутствие конфликтов с руководством и членами коллектива. Субъективным показателем социально-психологической адаптированности выступает удовлетворенность отношениями с руководителями и коллегами по работе.

Важным аспектом С.А. является принятие индивидом определенной социальной роли (**см.**). Можно говорить о двух формах С.А.: активной, когда индивид стремится воздействовать на среду с тем, чтобы вызвать реакцию изменения (в том числе тех норм, ценностей, форм взаимодействия и деятельности, которые он должен освоить), и пассивной, конформной, когда он не стремится к такому воздействию и изменению. Эффективность С.А. в значительной степени зависит от того, насколько адекватно индивид воспринимает себя и свои социальные связи. Искаженное или недостаточно развитое представление о себе ведет к нарушениям С.А., крайним выражением которых служит аутизм (**см.**).

Показателями успешной С.А. являются высокий социальный статус (**см.**) индивида в данной среде, а также его психологическая удовлетворенность этой средой в целом и ее наиболее важными для него элементами (например, удовлетворенность работой и ее условиями, ее содержанием, вознаграждением, организацией). Показателями низкой С.А. являются стремление индивида к перемещению в другую социальную среду (текучесть кадров, миграция, разводы), аномия и отклоняющееся поведение. Успешность С.А. зависит от характеристик как самого индивида, так и среды. Чем сложнее новая среда (например, шире спектр социальных связей, сложнее совместная деятельность, выше уровень социальной неоднородности), чем интенсивнее в ней происходят изменения, тем более трудным для индивида оказывается процесс С.А. В большой степени значимыми для С.А. являются социально-демографические характеристики индивида – образование и возраст.

Я.В. Леверовская, В.А. Балцевич, С.Я. Балцевич

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ – понятие, традиционно присущее тем социологическим школам и направлениям, которые ориентированы на деятельное, волюнтаристское преодоление наличных диспропорций и социальных напряженностей в границах того или иного общества (см. **Марксизм, Конфликт, Конфликтология**). Предполагается, что посредством С.А. определенных индивидуальных и коллективных субъектов является возможным и осуществимым социальный прогресс социума.

Важной проблемой С.А. (ввиду того, что она способна проявляться в самых разнообразных сферах – досуга, быта, социального порядка) выступает проблема социальной адаптации бывших спортсменов и военнослужащих, покинувших ряды армейских подразделений.

E. Mucha-Szajek

СОЦИАЛЬНАЯ АПАТИЯ – состояние личности или социальной группы, характеризующееся полным безразличием, социальной и психологической пассивностью, полной или частичной утратой интереса к социальной действительности, равнодушием к происходящим в ней процессам и явлениям, ослаблением интересов и побуждений к деятельности. С.А. может быть кратковременной или долговременной. В последнем случае С.А. способна переходить в устойчивое свойство личности или группы – апатичность. Чаще всего С.А. приобретает широкие масштабы распространения в обществе, в котором осуществляется подавление прав и свобод человека, а также в условиях социальных кризисов, носящих затяжной характер, как это происходит в конце 20 в. в Беларуси, России, других странах СНГ.

Е.М. Бабосов

СОЦИАЛЬНАЯ АТОМИЗАЦИЯ – обособление индивидов друг от друга вследствие распада социальных и личностных взаимодействий между ними. Чаще всего происходит в переходные периоды исторического развития, во времена кризисов и катастроф, когда в обществе нарастает недоверие к государственной власти, стремление людей во всем рассчитывать только на собственные силы. Характеризуется нарушением и даже разрушением путей и способов включения человека в профессиональные, территориальные, социокультурные и другие области, обособлением его от других людей и общественной жизни, от ценностей культуры, морали, политики, соседства и т.п. С.А. сопровождается нарушениями законности, ростом преступности, антиобщественным поведением, наркоманией, взяточничеством и другими негативными социальными явлениями. В Беларуси и других странах СНГ процесс С.А. резко расширился в период кризиса в связи с переходом от тоталитарно-административной к демократической системе и к рыночным социально-экономическим отношениям.

Теоретическое осмысление С.А. было впервые осуществлено в концепции английского философа 17 в. Т. Гоббса, считавшего, что природа разъединяет людей, и для них вполне естественной могла бы стать "война всех против всех", если бы такая тенденция не сдерживалась объединяющей деятель-

ностью государства. Эта идея была развита в работах Дж. Локка и А. Смита. Г. Гегель считал С.А. только одним из многих моментов общественного существования индивидов в гражданской общности, оторванной от семьи и государства. К. Маркс трансформировал эту идею в концепцию отчуждения (см.) личности от человеческих условий ее существования в эксплуататорском обществе. В 20 в. концепция С.А. нашла дальнейшее развитие в трудах выдающихся социологов Ф. Тенниса (см.), Г. Маркузе (см.), М. Хоркхаймера (см.), Э. Фромма (см.). Последний считал С.А. одним из полюсов экзистенциальных дихотомий, неустранимых в современном обществе.

Е.М. Бабосов

СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА – любая относительно устойчивая совокупность людей, находящихся во взаимодействии и объединенных общими интересами и целями. В каждой С.Г. воплощаются некоторые специфические взаимосвязи индивидов между собой и обществом в целом в рамках определенного исторического контекста.

Внешние отличительные признаки С.Г.: 1) статика существования С.Г. проявляется в непрерывной динамизации групповых процессов в латентной или явной форме; 2) С.Г. характеризуется определенным набором социальных норм, институциализацией ценностей, репродуцируемых групповым контекстом; 3) С.Г. имеет свою ролевую структуру с достаточно выраженными функциональными нагрузками.

Существует значительное число критериев, характеризующих специфический способ действия каждой С.Г.: их разделяют по числу входящих в них индивидов (большие, средние, малые), по индивидуальным признакам входящих в них индивидов, по характеру внутренней структуры, по статусу в обществе, по уровню сплоченности, по степени взаимодействия членов, по ее культурологическим признакам. История изучения С.Г. имеет давнюю традицию. Еще Т. Гоббс попытался дать определение С.Г. как "...известного числа людей, объединенных общими интересом и делом", и выделил группы упорядоченные и неупорядоченные, политические, частные и другие. В дальнейшем этот термин приобрел более глубокую социальную окраску. Одним из основоположников теории С.Г. является Зиммель (см.), рассмотревший целый спектр закономерностей и аспектов взаимодействия микро- и макроструктур. Значительный вклад в изучение С.Г. внес Кули (см.), рассмотревший влияние на социализацию индивида первичных групп. Дальнейшее развитие теория С.Г. получила в работах Мэйо (см.), акцентировавшем свое внимание на изучении оптимальных условий сотрудничества в производственных групповых образованиях, и Морено (см.), который ввел в оборот методику измерения характера и уровня межличностного взаимодействия, известного в практике как социометрия. Общие проблемы взаимодействия С.Г. с обществом в рамках функционального анализа изучались Парсонсом (см.).

Наибольшее развитие теория С.Г. получила в рамках психологии, где акцентировались именно интрогрупповые характеристики, через призму которых далее проецировался внешний мир. Именно в таком контексте получили жизнь три общепсихологических подхода к изучению группы в целом и межгруппового взаимодействия: 1) мотивационный (Фрейд – см., Адорно – см.), где постулатом являлся момент образования группы на основе общей выгоды и целей с позиций аутгрупповой враждебности и внутригрупповой сплоченности; 2) ситуационный (А. Тэджфел, М. Ширифф), где единственным основанием для образования группы являются цели: "...индивиды, стремящиеся к цели посредством взаимозависимых действий, становятся группой, они развивают социальную иерархию и специфические нормы"; 3) когнитивный (Фергюссон, Келли, Горовитц и др.), когда формирование группы имеет место там, где два или более человека начинают воспринимать себя с позиции ингрупповой-аутгрупповой категоризации. Любая совокупность людей с большей вероятностью будет характеризовать себя как группу, когда субъективно воспринимаемая разница между ними меньше, чем разница между ними и другими людьми в данных условиях.

В социологических теориях вопрос изучения С.Г. имел некоторый функциональный оттенок в контексте выхода не на атмосферу существования группы, а на процессы ее взаимодействия с другими социальными образованиями в обществе. С этой точки зрения имеют место также онтологические подходы, как холизм (теории социальных систем, структурно-функциональный анализ и т.д.), культурологические концепции (антропологические, концепции гуманитарного толка и т.д.), биологизм. В каждом из направлений понятие "С.Г." имеет свою специфику в интерпретации.

Е.А. Коростелева

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА – многозначный термин, под которым в науке прежде всего подразумевают процесс определения и сущностной характеристики социальных явлений и процессов, который выступает как необходимая первая ступень для последующего анализа этих процессов и явлений. С.Д. особенно важна в тех случаях, когда социолог имеет дело с плохо изученным объектом исследования, который вызывает интерес исследователя, или когда, напротив, необходимо на основании многих известных, но разрозненных фактов, характеризующих тот или иной процесс или явление, дать максимально точное его определение, которое позволит проанализировать и природу данного явления и породившие его социальные причины. По мнению ряда авторов, проведение С.Д. является основным условием преодоления кризисных состояний в развитии того или иного социального процесса и эффективным методом борьбы против застойности и консерватизма в обществе в целом.

Термин "диагноз" (от греч. diagnosis – распознание) пришел в социологию из области медицины, где необходимо правильное распознание той или иной болезни по ее внешним проявлениям для выбора оптимальных методов лечения. Помимо социологии, этот термин применяется сейчас в физике (напр., в разработке диагностики плазмы как совокупности методов измерения характеристик плазмы), в технических науках, в инженерной практике (напр., для установления и изучения признаков, характеризующих наличие дефектов в машинах, устройствах, их узлах и т.д.). В социологии первоначально термин "С.Д." также преимущественно использовался при изучении тех или иных социальных болезней, изучении девиаций и отклоняющегося поведения в целом. В истории социологии имеется богатый опыт использования С.Д. в социологических исследованиях. Так, еще в 18-19 вв. во

Франции, Англии, других странах проводились социологические обследования с целью изучения причин бедности, изнуренности рабочих работой и т.п. Диагностические методы использовал Ф. Энгельс (см.) при изучении положения рабочего класса в Англии. В 20 в. они использовались представителями Чикагской школы социологии.

Объектами С.Д. могут являться отдельные личности, социальные группы и слои, другие социальные общности, те или иные объединения (например, органы управления), а также социальные процессы и социальные отношения.

Если в теориях среднего уровня С.Д. используется как система поэтапного изучения того или иного процесса и явления (например, преступности, проституции, наркомании), результатом которой является выявление типичных характеристик и причин указанных форм отклоняющегося поведения для последующего принятия практических рекомендаций по их минимизации, то в методическом плане под С.Д. обычно понимают конкретные методы по установлению и оценке социальных отклонений. Разработка типовых методик проведения С.Д. – одна из прикладных задач социологии.

Процедура диагностирования успешно используется в областях социологии права, семьи, труда, образования и др. В эпоху горбачевской перестройки термин "С.Д." широко использовался для выявления социальных, политических, экономических причин замедления темпов развития общества и перерождения социализма в государственно-бюрократический строй, а также для характеристики сложившейся консервативной системы общественных отношений. В постсоветское время сфера использования понятия "С.Д." опять несколько сузилась – преимущественно до конкретных объектов социологического изучения в рамках специальных теорий.

Социальный диагноз – не самоцель. Он должен быть основанием для решения, в т.ч. планового, прогнозного и др. С.Д. позволяет, с одной стороны, направить усилия общества на борьбу не только с отдельными симптомами той или иной социальной болезни, но и с ее причинами, с другой – находить ростки нового в социальной жизни. С.Д. необходима при создании любого социально-экономического проекта (прогноза) как одно из условий выбора адекватных методов, средств рациональной практической деятельности.

Социальные диагнозы можно классифицировать по разным основаниям:

а) по объекту – распространяемые на все общество, регионы, на социальные общности, в т.ч. локальные;

б) по времени определения – длительные (постоянно определяемые и перманентные), среднесрочные и краткосрочные оперативные;

в) по формообразованию – социально-политические, социально-экономические, социологические, социально-правовые, социально-психологические, морально-этические;

г) по сферообразованию – в сфере труда, образования, науки, культуры, искусства, быта, досуга и т.д.;

д) по диапазону охвата – всесторонние (комплексные), корреляционные, односторонние;

е) по детерминации – объективно обусловленные, субъективно обусловленные;

ж) по методическому обоснованию – аналитические, гипотетические, статистические, экспериментальные. Диагнозы социальных явлений (и позитивные, и негативные) невозможно устанавливать без детерминантного анализа, без установления связей и зависимостей – прямых и косвенных, непосредственных и опосредованных, внутренних и внешних (по отношению к объекту).

С.Д., опираясь на результаты конкретных социологических исследований, в т.ч. выраженные и в количественных, и в качественных показателях, не исчерпывается ими. Получаемые обобщающие показатели – только основа для последующего содержательного анализа совокупной социологической информации. Дальнейший анализ раскрывает связи статистических показателей с реальными социальными процессами (напр., усиление порядка и дисциплины в связи с расширением борьбы с преступностью и коррупцией и т.д.).

С.Д. должна опираться на данные не только конкретных социологических исследований, но и государственной статистики, промышленной статистики, оперативной местной статистики и т.п. Свободный доступ ученых к социальной статистике, оперирование ее данными при С.Д. позволяет сосредоточить внимание на выявлении и решении наиболее сложных вопросов, знакомить с ними общественность и т.д. Закрытость же информации резко ограничивает возможности в выявлении отрицательных тенденций, в поисках адекватных средств их преодоления. Создание широкой информационной базы – основное условие успеха развития С.Д. Ее отсутствие ведет к формированию в общественном сознании полуправдивых, а иногда и ложных представлений о жизни общества. Так, в годы застоя социологи нередко закрывали глаза на негативные явления (напр., рост алкоголизма, наркомании, "теневой экономики" и т. п.), что способствовало их разрастанию, а в общественном сознании – формированию и развитию инертности, двойных стандартов, что в конечном счете вместе с другими деформациями привело к гибели советское общество.

В настоящее время наибольшее развитие С.Д. получила в практике менеджмент-консалтинга. Здесь она предполагает комплексное обследование состояния дел в организации с целью поиска и оценки ее проблемных точек. К ним относятся: организационные противоречия (внутри организации по "горизонтали" и "вертикали", во взаимоотношениях с внешней средой – вышестоящими или аналогичными организациями, администрацией района, города и т.д.), трудности (препятствия, дефициты), неопределенности в целях, связях, нормах и т.п.

Одним из методов С.Д. является позиционный анализ, задача которого – выявление различий в интересах, представлениях о ситуации, целях различных групп (корпоративных, социально-психологических, профессиональных и др.), их суждений как о положении дел в организации, так и в отношении друг друга. Используются также игровые методы С.Д., так называемое "исследование действием". Из способов получения информации для С.Д. чаще используют "диагностическое интервью" с ключевыми лицами организации. Правда, этот способ имеет определенный недостаток: дело в том, что информация здесь вытекает из ряда высказываний, которые являются отражением собственного видения ситуации конкретными респондентами. Потому его необходимо дополнять другими методами исследования, в том числе изучением самих социальных процессов.

Л.Г. Титаренко, В.А. Балцевич

СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ (лат. distantia – расстояние) – понятие, характеризующее размещение социальных групп и индивидов в социальном пространстве и устанавливающее степень близости или отчужденности их между собой – как задаваемую институционально, так и ощущаемую самими агентами социальных взаимодействий. Термин был введен в формальной социологии (**см.**) Зиммелем (**см.**) и лег в основу концепции Визе (**см.**), определявшем через степень С.Д. между индивидом и надиндивидуальными социальными образованиями различия масс, коллективов и групп. Активно использовался термин и представителями Чикагской школы прикладной социологии (прежде всего Э. Берджесом и Р.Э. Парком) в рамках программы изучения локальных сообществ и концентрическо-зонального членения и организации городского пространства Чикаго, а также миграции как коллективного поведения, образующего экологический и надстраиваемые над ним экономический, политический и культурный порядки.

Термин "С.Д." проник в психологию, где стал использоваться для сравнительного описания психологической близости между людьми и механизмов симпатии-антипатии; активно прижился в теории социального обмена (Дж. Хоманс – **см.** – интерпретировал его как показатель меры сплоченности группы) и в теории символического интеракционизма (в частности, в концепциях Гофмана и Т. Шибутани). Так, Шибутани по величине С.Д. определял степень автономности или уступчивости индивида, а увеличение С.Д. трактовал как переход от первичных (персонифицированных) отношений в ситуации "лицом-к-лицу" – к вторичным отношениям, в которых человек начинает видеть в "другом" лишь частный случай определенной социальной категории, а сама С.Д. превращается в объект институционализации (в ролях и нормах) и социального контроля. У Гофмана (**см.**) С.Д. характеризует отношения актеров социальной драмы. В рамках названных концепций оформилось представление о различении личностной (интимной) и публичной дистанций как вариаций расстояния, удерживаемого индивидом между собой и "другими" в процессах взаимодействия.

В структурно-функциональном анализе (**см.**) С.Д. понимается как место индивида (группы) в статусном (структурном) и функциональном пространствах, далеко не всегда совпадающих между собой (так референт или личный секретарь, например, в статусном поле далек от своего босса, но близок к нему в функциональном отношении). В феноменологической социологии (**см.**) "С.Д." истолковывается как механизм преодоления естественной установки, в экзистенциальной – как выход из "бытия-в-себе" в "бытие-для-себя", аналогично в неомарксистской социологии С.Д. характеризует переход от "класса-в-себе" к "классу-для-себя". В социологии Манхейма (**см.**) понятие "С.Д." используется для распределения социальных групп (прежде всего интеллигенции) в знаниевом поле.

Таким образом, понятие "С.Д." становится поистине универсальным в современной социологии. Это связано (во многом) с переходом социальных систем от жесткого задания С.Д. на основе объективных (социальных, экономических, политических) различий между социальными группами – к "мягкому", связанному прежде всего с самоопределением личности в культурном, информационном, образовательном пространствах при приглушении контрастов в экономической сфере (формирование среднего класса, например) и укреплении механизмов представительных демократий. В современных обществах снимается удельный вес прямых институализированных способов введения С.Д. и увеличивается область действия непрямых способов их установления через символизацию и вторичную ритуализацию схем поведения в плюрализированном культурном пространстве. Исторически может быть прослежена тенденция постепенного отхода от сегрегативного задания С.Д., господствовавшего в традиционных обществах и закрепленного в различных вариантах кастового и сословного деления, предлагавших открытое пресечение межгрупповых контактов и насильственное включение групп в социальную иерархию, к формированию С.Д. через присвоение отличительного поведения (стиля жизни), через задействование механизмов социального престижа, моды и т.д. К тому же на уровне национальных государственных программ предпринимаются целенаправленные и последовательные действия и поддерживаются инициативы по преодолению дискриминации и сегрегации людей по каким-либо признакам (движения за рассовое равноправие, феминистическое движение, движения сексуальных меньшинств и т.д.) и разрушению стереотипов, сформированных на противопоставлении "мы" и "они". В динамичных социальных системах С.Д. становятся подвижными и изменяемыми в зависимости от особенностей конкретных ситуаций и личностных качеств взаимодействующих людей.

В.Л. Абушенко

СОЦИАЛЬНАЯ ЗРЕЛОСТЬ – социально и психологически обусловленный этап развития личности (**см.**), который традиционно характеризуется обретением человеком свойств самостоятельности и самодостаточности (см. **Социализация**).

На этапе С.З. человек способен не только осознавать собственные экономические и гражданские права и обязанности, не только эффективно усваивать групповые и общественные нормы, но также и критически относиться к наличному положению дел в рамках социума. Достижение С.З. выступает непрерывным и достаточно продолжительным во времени процессом, иногда сопровождающимся чередой социально-нравственных выборов.

Социология ориентирована на конкретное исследование дисбалансов и противоречий в обретении индивидом состояния С.З. Особенно важны изучения соотношения равных (в идеале) стартовых возможностей людей, с одной стороны, и неодинаковых результатов их деятельности – с другой.

С.З. индивида особенно ярко проявляется в процессах вынужденной смены человеком сферы основной деятельности (бывшие спортсмены, демобилизованные военные и т.п.).

E. Mucha-Szajek

СОЦИАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ (греч. hierarhia, hieros – святой, arche – власть, правление) – система последовательно подчиненных элементов, расположенных от низшего к высшему, и характеризующая многоуровневость социального целого. В этом значении понятие "И." может употребляться и для характеристики частных многоуровневых систем. Например, широко распространилось после работ М. Вебера (**см.**) понятие "бюрократическая И.". Впервые термин был употреблен Псевдо-Дионисием Ареопагитом в его труде "Небесная иерархия и Духовная иерархия" (вторая половина 5 в.). Термин использовался для обозначения системы церковных и духовных рангов. В Римско-католической церкви понятие

"И." объединяет: 1) И. богословского права, 2) И. духовного права, 3) И. юрисдикции. В таком качестве понятие "И." использовалось практически до середины 19 в. и не обладало смысловым оттенком "социального".

В современных социальных теориях понятие "С.И." используется для обозначения: 1) любой системы социальных агентов и/или их отношений, ранжированных один в отношении другого (С.И. отражает их различия во власти, авторитете, материальном положении, социальном статусе и т.д.); 2) организации или классификации восходящих или нисходящих обобщений – уровней сложности. То есть, это система уровней, в соответствии с которыми организуются социальные и другие процессы. В качестве примера можно привести И. наук Конта (см.), где в качестве уровней организации классификации выступили время и последовательность возникновения наук, степень их абстрактности и конкретности, степень сложности. Каждая наука зависит и опирается на предшествующие ей, и является более сложной.

Понятие "С.И." широко используется в рамках структурно-функционального направления. В частности, в концепции Парсонса постулируется наличие И. необходимых условий (нормативных и условий окружения) для объяснения функции кибернетического контроля. Кроме того, в функциональной традиции понятие "С.И." используется для обозначения взаимоотношений между системами и подсистемами. Например, как "И. подсистем социального действия". Интересно употребление понятия "И." в концепции Г. Беккера ("На чьей мы стороне?", 1967), где оно употребляется для обозначения классификации вероятностей "быть услышанным" для отдельного индивида в социуме, которая основана на И. уровней социальной организации и соответствующих им статусных предписаний. В современной социальной философии понятие "С.И." используется и для обозначения И. потребностей, И. ценностей, И. мотивов и др.

Е.А. Угринович

СОЦИАЛЬНАЯ ИНЕРЦИЯ (от лат. inertia – неподвижность) – состояние социального процесса или объекта, при котором те или иные общественные силы направлены на торможение его развития, на нейтрализацию социальных нововведений. При этом активизируется протекание негативных социальных процессов, оказывающих тормозящее воздействие на новые качественные преобразования, а консервативные силы в том или ином временном диапазоне доминируют над инновационными силами. С.И. противостоит социальной инициативе как активной преобразующей деятельности. С.И. обычно приводит к социальному застою, стагнации, кризису и даже разрушению объекта, как это имело место с советским обществом.

С.И. всегда имеет две стороны – объективную и субъективную, из которых первая фиксирует реальное состояние движения объекта, негативное воздействие на него извне, наличие серьезных социальных болезней и т.д., тогда как вторая свидетельствует об инерции мышления субъекта управления, нежелания предпринимать действия по преобразованию состояния объекта или же непонимание того, что эти действия необходимы. В случае с развалом СССР ярко проявилась и объективная инерция, заложенная в экономическом механизме социализма, и субъективная, проявившаяся в нараставшем консерватизме правящей коммунистической партии, которая не смогла вовремя понять, проанализировать, остановить нараставшие в обществе кризисные явления, в результате чего С.И. была пресечена крайне радикальным путем слома всего общества.

Сила С.И. может быть различной. Она определяется влиянием закрепившихся социально-исторических условий, причин, факторов, действовавших продолжительное время в определенных социальных сферах или обществе в целом. В таком аспекте С.И. неизбежна. Чтобы нейтрализовать, погасить силу С.И., необходимо знать характер и закономерности ее проявления, в т.ч. на уровне эмпирических тенденций. Это определяет одну из задач социологического изучения и анализа С.И.

С.И. на различных структурных уровнях и в различных сферах действует по-разному. Менее негативно, но долгосрочно ее действие в морали и искусстве, более негативно – в экономике, политике и праве. Объектом ее действия являются социальные процессы и общественные отношения, механизмы и звенья социального управления. Субъектом и носителем С.И. могут выступать личность, социальные группы, социальные институты, другие социальные общности, общество в целом.

С. И. всегда существует в обществе, но разрушающая сила С.И. особенно сильно проявляется во время социальных перестроек и кризисов (в СССР – в 1920-е, в 1980-е), т.к. она зависит от конкретных социально-исторических условий, целей, ориентиров и установок социального развития, характера социального наследования, утвердившегося стиля жизни, идеологии, общественной морали и психологии, стиля руководства и управления.

Для социологии важное значение имеет диагностика различных форм и видов С.И., выявление причин их появления, определение путей их нейтрализации или погашения. Многие негативные инерционные явления, которые имели место в СССР, были заложены в историческом прошлом: в значительной отсталости царской России (хозяйственно-экономической, научной, культурной, политической и т.п.), в деспотических формах власти, в слабости демократических традиций в России, в гонениях и истреблении царизмом антимонархических, любых демократических общественных движений, в культивировании непререкаемости авторитаризма и т.п. В послереволюционное время, в ходе строительства социализма (особенно в 1930-е) на развитие новых форм С.И. оказала воздействие социальная атмосфера культа личности. С.И. не исчезла и после образования постсоветских независимых государств, поскольку они унаследовали те же исторические причины инерции.

Общие характеристики С.И. включают бюрократизм, формализм, догматизм, разные проявления косности мышления, узости подхода к решению многих социальных проблем, голое администрирование, торможения демократизации общества в целом.

Наиболее важными для социологического анализа эмпирически фиксируемыми фактами С.И. являются следующие: торможение инициатив и нововведений, разрыв между словом и делом, злоупотребление властью, принятие решений, противоречащих интересам развития общества, и т.п. Их изучение необходимо направлять на выявление общих и особенных тенденций, противоречий и поиск путей их разрешения.

Инерционные процессы очень многообразны, их черты переплетаются и в аспектном, и в критериальном плане настолько сложно, что некоторые из них не описываются никакими традиционными характеристиками, не подчиняются никаким исследовательским измерениям. Каждая социальная группа, каждая личность (в т.ч. руководитель) имеют свой комплекс С.И. Типизировать их и выявлять особенности их действия – одна из задач социологии. При этом следует обращать внимание на связь инерции мышления, поведения, общения, социальных отношений.

Социолог должен постоянно учитывать разнообразные проявления С.И. при проведении исследований. Уже на первом этапе социологических исследований (при составлении программы) нужно иметь в виду некоторые особенные проявления С.И. в тех или иных социальных сферах. Например, в политической сфере это связано с неприятием изменения внешнеполитической обстановки, приверженность устаревшим политическим стереотипам, догматическим подходом к анализу политической ситуации, с нейтрализацией политических инициатив, новых форм политических отношений и т.д. С.И. в экономическом мышлении и экономических отношениях – это различные формы торможения рыночного социально-экономического развития, игнорирование новых принципов хозяйствования, приверженность устаревшим, но привычным нормативам и показателям, к абсолютизации государственного регулирования экономикой. В науке, особенно общественной, С.И. – это прежде всего догматизм и косность, нежелание отказаться от устарелых концепций, неспособность переоценить устаревшие идеалы и нормы научного познания, конструирование оторванных от жизни теоретических моделей и схем, неумение вовремя заметить и проанализировать новые явления и т.п. В литературе, искусстве С.И. проявляется в почивании на лаврах, самоуспокоенности, самодовольстве, довольствовании достигнутым. Она мешает расцвету талантов, реализации творческого потенциала.

К наиболее актуальным проблемам изучения С.И. относятся: 1) анализ ее истоков и корней в разных социальных общностях, регионах, обществе в целом; 2) определение специфики форм ее проявления в разных социальных сферах; 3) выявление социального механизма действия С.И.; 4) изучение ее негативного влияния на определенные революционные социальные преобразования; 5) разработка конкретных методов и средств ее преодоления.

Л.Г. Титаренко

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ (лат. integratio – восстановление, восполнение, integer – целый) – процесс превращения относительно самостоятельных, слабо связанных между собой объектов (индивидов, групп, государств) в единую, целостную систему, характеризующуюся согласованностью и взаимозависимостью ее частей на основе общих целей, интересов и т.д.; процесс установления оптимальных связей между социальными институтами, группами, ветвями власти и управления, выработки обществом единой идеологии.

Основой С.И. служит общественная деятельность людей в рамках того или иного общественно-политического строя. При тоталитарном режиме С.И. протекает чаще всего путем насилия, террора, лицемерной проповеди всеобщего согласия и примирения, насаждения в народе патриархальных и монархических иллюзий, ущемления прав и свобод граждан, национальных меньшинств и т.д. В демократическом обществе С.И. осуществляется на основе свободного, равноправного и взаимовыгодного сотрудничества экономических регионов и государств. Она предполагает эффективное разделение труда, обмен научными достижениями и передовыми технологиями, координацию направлений и темпов экономического и социального развития, установление единой системы стандартов в производстве, создание различного рода консультативных и координационных центров и т.д. и имеет целью взаимопомощь, выравнивание показателей экономического и социального развития стран и регионов.

В.А. Балцевич, С.Я. Балцевич

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФОРМАТИКА – интегральная социогуманитарная дисциплина, изучающая социальные последствия применения информационных технологий (далее – ИТ) в институциальных и культурных контекстах. Термин "С.И." введен в употребление в ходе общественных дискуссий в 1996 в США, субституировав собой такие понятия, как "социальные последствия компьютеризации", "социальный анализ компьютеризации" и "бихевиоральные информационные системы". В формировании С.И. как единой системы приняли участие такие ученые, как П. Агр, А. Бишоп, Р. Клинг, С. Сойер и др.

В истории развития С.И. выделяется два периода. В первом (1970-1980-е) акцент был сделан на изучение компьютеризации крупных организаций, а формулировка проблем имела конкретно-ситуационный, прикладной характер. Начавшийся в 1990-х период характеризуется массовой компьютеризацией, распространением сети Интернет и, как следствие, резким расширением проблемного поля С.И. и включением в него таких сравнительно новых вопросов, как удаленное образование, удаленная работа, Интернет-сообщества, электронная коммерция, системы искусственного интеллекта (см.) и др.

На данный момент в С.И. выделились три ориентации: нормативная, аналитическая и критическая. К нормативной ориентации относят исследования, имеющие целью активное воздействие на развитие ИТ путем предоставления достоверных эмпирических данных о возможных последствиях использования ИТ. К аналитической ориентации относят исследования, направленные на углубление понимания ИТ и их возможных социальных последствий. К критической ориентации относят исследования, цель которых – пересмотр существующих концепций ИТ и рассмотрение последних с новых методологических позиций. Современная С.И. выступает в качестве дисциплины, интегрирующей социогуманитарную и техническую области знания.

А.Д. Шукаев

СОЦИАЛЬНАЯ МИКРОСРЕДА – интегральная совокупность социальных групп, социальных общностей, а также социальных институтов и социальных организаций, с которыми непосредственно связан индивид в процессе социализации (см.), межличностного общения и деятельности.

С.М. выступает главным "промежуточным звеном", посредством которого могут транслироваться/блокироваться те массивы социально значимой информации и социальных установок, которые общество стремиться инкорпорировать в сознание индивида.

С.М. может быть как реальной (социальное окружение человека), так и воображаемой (вымышленная или заимствованная из, напрмер, художественной литературы референтная группа – **см.**).

Влияние С.М. на человека, хотя и является, как правило, определяющим, зависит тем не менее от наличных социальных ситуаций, поскольку общество в свою очередь оказывает значимое влияние на элементы С.М. человека.

E. Mucha-Szajek

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ – изменение социального статуса (**см.**), т.е. перемещение индивида (или социальной группы – **см.**) между различными позициями в системе социальной стратификации (**см.**). Поскольку характеристики статуса могут быть представлены в терминах власти, доходов, престижа, образования и т.п., все эти основания стратификации могут использоваться в качестве базы для измерения С.М. Однако в связи с большей доступностью данных о профессиональном положении индикатором С.М. в большинстве исследований выступает социально-профессиональный статус.

С.М. принимает множество форм. В частности, исследователи различают индивидуальную (когда перемещение одного человека происходит независимо от других людей) и групповую (когда перемещения происходят коллективно в связи с повышением или понижением общественной значимости целого класса, сословия и т.п.) С.М. Как показал на историческом материале Сорокин (**см.**), факторами групповой С.М. могут быть социальные революции; иностранные интервенции, нашествия; межгосударственные войны; гражданские войны; военные перевороты; смена политических режимов; замена старой конституции новой; крестьянские восстания; междоусобная борьба аристократических родов; создание империи и т.д. С.М. может быть организована сверху, когда перемещениями управляет государство. Такая организованная С.М. бывает добровольной (в связи с общественными призывами) и недобровольной (например, репатриация малых народов).

От организованной С.М. следует отличать структурную или вынужденную, когда движение из одной профессиональной категории в другую вызывается изменениями в самой профессиональной структуре (сокращением и созданием новых рабочих мест, появлением или исчезновением целых отраслей экономики). Причины этих изменений могут лежать в экономическом росте, политических и экономических трансформациях, технических революциях, различиях в уровне рождаемости внутри конкретных социальных групп. Напротив, циркулярная или обменная С.М., иногда называемая также истинной, заключается во взаимном "обмене" индивидами между слоями. Она характеризует социальные перемещения, которые происходят в силу личных достижений или неудач индивидов, а также появления новых системных возможностей (политических, юридических, образовательных), а не просто новых рабочих мест. Например, в СССР М. между стратами рабочих и инженеров имела одностороннюю направленность: рабочий, получив соответствующее образование, мог стать инженером, но не наоборот. Отмена этого положения открыла возможность для обменной М. между этими стратами.

Важно различать вертикальные и горизонтальные социальные перемещения. Понятие социального перемещения шире, чем понятие С.М., оно включает также трудовую М. и географическую М. (миграцию). Понятие "С.М." обычно связывают с вертикальными перемещениями – из одной страты (класса) в другую. В зависимости от направления перемещений вертикальная М. бывает восходящей и нисходящей. Существуют каналы или "лифты", с помощью которых индивиды совершают эти перемещения. Подробное описание каналов М. осуществил Сорокин (он называл их каналами вертикальной циркуляции). В этом качестве выступают такие социальные институты, как школа, семья, армия, церковь, собственность. Главными показателями вертикальной М. являются дистанция и объем. Дистанция – это количество ступенек (страт), которые удалось пройти индивиду при подъеме (спуске) по социальной лестнице. Под объемом понимается число (процент) индивидов, которые переместились по социальной лестнице в вертикальном направлении за определенный промежуток времени. Горизонтальное перемещение – это переход из одной социальной группы (общности) в другую без изменения статуса, то есть перемещение внутри одной страты. Если перемещение связано со сменой работы (без изменения статуса), говорят о трудовой горизонтальной М., если со сменой места жительства (без изменения статуса населенного пункта) – о горизонтальной миграции. В зависимости от точки отсчета различают межпоколенную и внутрипоколенную М. Межпоколенная М. означает изменение статуса детей по сравнению со статусом их родителей. За точку отсчета принимается статус родителей. Внутрипоколенная (карьерная) М. означает изменение статуса индивида на протяжении жизни, его карьеру. За точку отсчета принимается статус, которым индивид обладал на своем первом рабочем месте.

О.В. Терещенко, С.В. Сивуха

СОЦИАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ – совокупность людей, выделяемая по критерию территориальных и социокультурных параметров и объединяемая устойчивыми связями и отношениями. Некоторое количество людей становится С.О. не потому, что им приписывается предметное содержание, побуждающее к объединению, а потому, что их связь приобретает характер взаимовлияния и взаимоопределения (взаимодействия). "Обобществление" (Vergesellschaftung) и есть та форма, в какой "отдельные индивиды образуют единство" (Зиммель – **см.**).

Формальное понимание отождествляет С.О. и общество как реальное взаимодействие между социальными группами, классами, нациями (виды С.О.), с другой же стороны, предполагает наличие уровня непосредственного взаимодействия и его переживания. Как следствие, анализ С.О. ведется по линии "общественное – частное" и "естественное – искусственное". Общественность обозначает открытость, совместимость жизнедеятельности; естественность (спонтанность) – принцип возникновения и жизнедеятельности С.О. Эти критерии отделяют С.О. от сферы государственного администрирования и экономической подсистемы. В отличие от этого конструктивистская интерпретация утверждает С.О. в качестве производной от теории, т.е. стремления соединить в представлении культуру и государство (Э. Геллнер). Переход к политической номинации, перетолкование (создание заново) традиций и истории вводят в сферу анализа психосоциолингвистические основания С.О. (подражание, образование, воспитание). С.О.

понимаются также как возникшие благодаря сродству индивидов между собой, благодаря общности между ними, типически (Дильтей – см.).

В современной социологии характеристики тотальности/локальности С.О. прилагаются к понятию "новой общественности", ассоциации свободных и равных индивидов, определяющих в ходе коммуникации, аргументированного обсуждения нормативные условия своего существования. Предназначение общественности заключается в способности постоянно устанавливать широкие многомерные связи коммуникации, способности формировать свои автономные объединения, действующие сплоченно, организованно, с рефлексивным пониманием целей (Хабермас – см.).

Д.М. Булыко

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ – понятие социальной философии и социологии; применительно к социальным объектам употребляется в трех смыслах: 1) как элемент социальной структуры – искусственное объединение институционального характера, занимающее определенное место в обществе и предназначенное для выполнения четко очерченных функций (в этом смысле С.О. выступает как социальный институт с известным статусом и рассматривается как автономный объект – система отношений, объединяющая некоторое множество индивидов для достижения определенной цели); 2) вид деятельности – процесс, связанный с целенаправленным воздействием на объект через констатацию соответствующих функций элементов системы, упорядочиванию связей, дефиницию целей и задач и т.д.; 3) степень внутренней упорядоченности, согласованности частей целого – определенная структура, строение, тип связей как способ соединения элементов в систему и т.д.

В социальной философии и социологии первое значение является основным. К существенным признакам С.О. относятся: 1. Наличие целей; 2. Конкретное воплощение отношений общественной власти; 3. Совокупность функциональных положений (статусов) и социальных ролей; 4. Правила, регулирующие отношения между ролями; 5. Формализация значительной части целей, задач и отношений. Важнейшими функциями С.О. в обществе являются: а) интеграция и социализация индивидов в систему общественных отношений; б) упорядочивание и социальный контроль действий ее членов в жизненно важных для них сферах. С.О. могут различаться степенью бюрократизации отношений ее членов: формальная и неформальная. Всякая формальная организация имеет специальный аппарат, основной функцией которого является координирование действий ее членов в целях ее сохранения. Члены такой организации рассматриваются функционально, т.е. не как личности, а как носители определенных ролей. Чем сложнее организация, тем более сложные функции выполняет бюрократический аппарат.

Наряду с бюрократическими принципами организационной структуры в С.О. существуют и неформальные отношения, которые в условиях жесткой системы административных правил повышают эффективность организации и выполняют ряд позитивных функций: 1) служат средством сглаживания возможного иерархического конфликта; 2) способствуют сплоченности членов организации; 3) сохраняют чувство индивидуальной целостности и т.д. Разделение С.О. можно рассматривать соответственно основным сферам жизнедеятельности общества: техническая, экономическая, социальная. Первые исследования, направленные на изучение особенностей С.О. (условий эффективного функционирования и т.д.), были предприняты в начале 20 в. (Тейлор – см., доктрина "человеческих отношений", ситуативизм, теория Ф. Херцберга). Существенный вклад в исследование проблем С.О., ее структуры, функций и т.д. внесли представители структурно-функционального подхода – Парсонс (см.) и М. Вебер (см.). Сегодня вопросам изучения оптимального варианта существования С.О. занимается целая отрасль научного знания – эргономика.

Е.А. Коростелева

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ – наука о взаимовлиянии индивидуального поведения и социального контекста. В подобном духе основной вопрос С.П. был сформулирован О. Контом (см.): каким образом индивид может быть одновременно и причиной, и следствием социальных явлений? Индивидуальное поведение трактуется широко как внешнее, доступное наблюдению, так и внутреннее – чувства, убеждения, аттитюды (см.), интенции, атрибуции и т.д. В отличие от социологии, где поведение за редким исключением анализируется на уровне социальных позиций, т.е. агрегаций индивидов, и структурных свойств социальных систем, объяснения в С.П. включают индивидуальные свойства и тем самым открывают сложность и разнообразие внутри гомогенных социальных позиций.

История С.П.

Условной датой рождения С.П. как самостоятельной области знания иногда считают 1908, когда Э. Россом и У. Макдугалом (см.) были изданы первые учебники по С.П. Однако собственная проблематика С.П. начала выделяться из социальных наук во второй половине 19 в. в работах социальных философов, лингвистов и психологов, главным образом, в Германии и Франции. Развитие взглядов на предмет в С.П. можно представить как смещение внимания с больших групп на малые, а от последних – на индивида и внутриндивидуальные переменные. Первоначально основным объектом исследований были большие, слабо организованные группы (толпа, масса, народ). Исследовательские программы того времени включали изучение языка, верований, мифов, обрядов, механизмов распространения заражения и подражания. В конце столетия были поставлены первые социально-психологические эксперименты. В соответствии с доминировавшей моделью экспериментального метода предполагаемая каузальная связь между независимой и зависимой переменной изолировалась, т.е. другие возможные причины изменений устранялись или контролировались в лабораторных условиях. Изучение влияния социального контекста на поведение индивида требовало постепенного перехода от минимального уровня "социальности" (изолированного индивида) к постепенному обогащению этого контекста (присутствие одного, двух и более наблюдателей или людей, выполняющих совместную деятельность). Центральным предметом С.П. стали фиктивные (лабораторные) малые группы. Наибольшую известность получил эксперимент Н. Триплета (1898), посвященный социальной фасилитации, т.е. улучшению качественных и/или количественных показателей деятельности в присутствии других людей. Эта экспериментальная парадигма оставалась ведущей до 1920-х и постепенно уступила место

прикладным исследованиям естественных малых групп на производстве и в организациях.

В конце 1930-х единственным центром социально-психологических исследований стали США, куда бежали выдающиеся психологи из захваченных фашистами стран Европы. Особенно существенной была роль К. Левина (**см.**), основавшего Центр исследований групповой динамики и положившего начало одной из самых влиятельных школ в С.П. Ее ведущей темой были изменения в жизни малых групп как функция состава и структуры групп, влияния отдельных индивидов и социального контекста. С.П. пополнилась новыми фактами и теориями, методологией экспериментальных исследований и исследований действием (action research). Во время Второй мировой войны и после нее психологи приняли участие в выполнении правительственных заказов, разработке крупных социальных проектов, что способствовало высокой репутации науки.

После войны начались исследования, посвященные формированию и изменению аттитюдов, которые понимались как основная причина индивидуального поведения. Социальные психологи установили условия, опосредующие причинную связь между аттитюдами и поведением, и открыли обратную связь (см. **Аттитюд**). С самого начала С.П. была свойственна когнитивистская ориентация. Стимул понимался скорее как субъективный образ физического стимула, и поведенческая реакция часто изучалась в когнитивных терминах. Это помогло С.П. успешно противостоять распространению идей бихевиоризма (**см.**). Начиная с 1950-х когнитивные теории постепенно вытесняют другие подходы. Основным предметом исследования становятся внутриндивидуальные процессы, такие как социальное сравнение, когнитивный диссонанс, принятие решений, приписывание причин поведения, динамика эмоциональных переживаний. Тематика, связанная с социальным познанием, сохраняет ведущую роль в настоящее время.

Европейская С.П. после Второй мировой войны фактически создавалась заново и была настроена по отношению к американской традиции скептически. Влияние левой идеологии и критических теорий, чувствительность к социальным проблемам в новой Европе были более сильными, чем в США. Пересмотру подверглись практически все концепции, в которых объяснительная роль принадлежала индивидуальным свойствам и процессам. Были поставлены под сомнение валидность и практическая ценность экспериментально полученных данных, предложены более реалистические концепции социального конфликта и социального влияния, разработаны теории социальных представлений, социальной идентичности, влияния меньшинства, важной темой исследований стали процессы конструирования реальности и языковые практики. В целом европейская С.П. была и остается более озабоченной групповыми явлениями, эффектами коммуникаций и языка.

История российской и советской С.П. ведет отсчет с начала 20 в. с изучения социальной фасилитации и групповой продуктивности. В 1920-1930-х обозначилось две С.П.: одна теоретическая, направленная на обоснование исключительности "классовой психологии", другая прикладная, которая занималась продуктивностью групповой (коллективной) деятельности. В середине 1930-х советская С.П. была разгромлена в ходе борьбы с "педологическими извращениями в системе Наркомпроса" и идеологических чисток. В 1960-х осторожными усилиями психологов и социальных философов наука была восстановлена в правах, появились лаборатории и кафедры, а впоследствии – рабочие места на заводах и фабриках. Основное внимание уделялось изучению групп и коллективов, центральной категорией стало понятие "общение", а тематика социального познания появлялась в основном в критических обзорах западных исследований.

Методология С.П.

С момента обособления С.П. от социологии и психологии (конец 19 – начало 20 вв.) в качестве ее основного метода исследования выступает эксперимент. За этим стоит устойчивая ориентация на позитивистские, а затем постпозитивистские идеалы науки и озабоченность практическими, а не семиологическими задачами. Целью С.П. является объяснение, предсказание и управление поведением индивида, а поведение, коль скоро оно состоялось, в отличие от текста не может быть деконструировано или произвольно переписано. В соответствии с позитивистскими канонами и для удобства верификации большинство концепций в С.П. сформулированы как теории среднего ранга или микротеории. Основная линия в истории С.П. может быть представлена как история развития экспериментальной методологии: от лабораторного к контролируемому исследованию в естественных условиях, от сбалансированного дизайна до сложных несбалансированных планов с последовательными измерениями и включением ковариатов. Параллельно тому, как контроль и власть (power) завоевывали центральные позиции в системе понятий С.П., статистический контроль и статистическая мощность (power) стали основными показателями качества и достоверности исследования. Для введения социального контекста при одновременном сохранении управления за экспериментальной ситуацией методологи разработали сложные процедуры, гарантирующие наивность испытуемых (с помощью обмана или фиктивных стимулов) и правдоподобно вводящие релевантные независимые переменные. Одновременно совершенствовались измерительные процедуры, незаметные для испытуемых. Знаменитыми и прототипическими стали эксперименты на конформность (С. Аш), повиновение (С. Милгрэм), деиндивидуализацию (Ф. Зимбардо, "тюремный эксперимент"), недостаточное оправдание собственного поведения (Л. Фестингер), групповую идентификацию (Г. Тэджфел), влияние меньшинства (С. Московичи – **см.**). Крупнейшие критики позитивизма и недостаточной социальности С.П. (С. Московичи, К. Джерджен, Г. Тэджфел) также были вынуждены начинать академическую карьеру с конструирования и проведения экспериментов.

Начиная с 1970-х С.П. стала извне и снаружи подвергаться острой критике за наивность позитивистских установок, искусственность экспериментальных процедур, незаинтересованность в решении острых социальных проблем, защиту существующего социального порядка. Часть упреков несправедлива: прикладные исследования в С.П. всегда играли существенную роль, особенно в проектировании и оценке социальных программ, улучшение физического и психического здоровья, борьбе с дискриминацией, СПИДом и терроризмом, распространении норм помогающего поведения, урегулировании внутри- и межгрупповых конфликтов. Ограниченность экспериментального метода общепризнанна, однако равноценной альтернативы предложено не было. Частичным реше-

нием проблемы стало совершенствование процедур проведения эксперимента и статистического анализа. Уменьшение доли экспериментальных работ в С.П. вызвано скорее обострившейся чувствительностью психологов к этическим проблемам и фактическим запретом на обман или иное причинение вреда испытуемым. Важным методологическим новшеством стало развитие аппарата оценки эффектов в корреляционных исследованиях с учетом мощности статистической процедуры. Эти изменения были отражены в пятом издании "Руководства по подготовке публикаций Американской психологической ассоциации" (2001). В ведущих журналах в отношении количественной методологии продолжаются споры о ценности традиционных методов проверки статистической значимости. Радикальная точка зрения состоит в том, что дихотомические решения о статистической значимости не дают возможности развивать более творческие идеи, отвлекают от практических задач, захламляют экологию социальной науки частными, негенерализуемыми результатами. В качестве альтернативы обсуждаются оценки эффектов, метаанализ, воспроизведения уже проведенных исследований в новых условиях.

С.П. всегда была нечувствительной к внешней и внутренней критике, консервативной в отношении новых идей и практически не подверглась влиянию вульгарных форм постмодернизма, настаивавших на ценности фрагментарного и поверхностного знания и пылко обосновывавших ненужность обоснований. Одна из причин неэффективности критики – отсутствие собственной позитивной программы в большинстве критических теорий. Основным результатом знаменитой статьи К. Джерджена "Социальная психология как история" (1972), констатировавшей "смерть" С.П., стало снижение популярности этой дисциплины среди американских аспирантов и уменьшение бюджетных и частных ассигнований на социально-психологические исследования в 1970-е. Лингвистический и дискурсивный поворот, идеи социального конструктивизма, существенно изменившие ландшафт других социальных наук в последней трети 20 в., в С.П. определили исследовательские программы нескольких научных центров Великобритании, Франции и США и привели к модификации некоторых традиционных теорий. Большинство современных социальных психологов пытаются бороться с эклектикой, видя в ней капитуляцию перед серьезными проблемами своей дисциплины. За схемами упорядоченных классификаций парадигм и методологических ориентаций можно усмотреть попытку перераспределить властные отношения в науке, выбрав будто бы нейтральную и неуязвимую внешнюю точку для наблюдения и оценки.

С.П. и другие науки.

С.П. возникла на пересечении психологии и социологии, и это частично объясняет особенности методов, теорий и языка науки. До сих пор за рубежом и частично в постсоветских странах сохраняется разделение сфер влияния, периодических публикаций, школ, профессиональных ассоциаций, фондов. Наследие психологии более сильно и устойчиво. Более 90% всех англоязычных публикаций можно отнести к психологически ориентированной С.П. Второй за всю историю Нобелевских премий психолог, получивший эту награду в области экономики, когнитивист Д. Канеман, цитируется в журналах психологической С.П. чаще, чем кто-либо из социологов. В этой традиции написаны практически все учебники последних десятилетий. Интересы, методология и методы С.П. пересекаются со многими отраслями психологической науки – когнитивной, политической, экономической, этнической, кросскультурной, эволюционной. Еще одна отрасль – персонология – сейчас находится под таким сильным влиянием С.П. личности, что можно говорить об их слиянии или поглощении персонологии социальной психологией. Эти претензии отражены в названии центрального мирового журнала в этой области ("Journal of Personology and Social Psychology"), в содержании учебников по персонологии, программах конференций, преференциях научных фондов. В области персонологии С.П. показала существенную или даже решающую роль ситуации как причины индивидуального поведения, продемонстрировала недостаточность черт личности как объяснительных средств поведения, обосновала ряд когнитивных и мотивационно-когнитивных единиц анализа личности, исследовала содержание и механизмы конструирования центральной личностной инстанции – самости.

Социальные психологи, принадлежащие к другой традиции, работают на кафедрах и в институтах социологии и продолжают развивать идеи символического интеракционизма (коммуникации, диадическое взаимодействие, ролевое поведение), диспозиционизма (аттитюды и ценностные ориентации), групповой динамики (лидерство – **см.**, референтные группы – **см.**), социобиологии (альтруистическое поведение), "структурной С.П." (социальная диффузия, социометрия – **см.**). Идеи этнометодологии (**см.**) и анализа разговора также созвучны С.П., поскольку специфическим предметом последней является повседневное поведение и обыденные объяснения. Социологическими по духу являются теории социального обмена и социальных представлений.

Основные разделы современной С.П.

Выделяют три основных раздела С.П. с весьма условными границами между ними: социальное познание, социальное влияние и социальные отношения. Формат словарной статьи позволяет осветить лишь по одной важной теме исследований в каждом из указанных разделов. В широком смысле социальное познание – это организация знаний в социальном контексте, который включает влияние культуры, отношения власти, структуры языка, наивные теории, социальные представления, предрассудки; другими словами, это функционирование познавательных процессов человека в естественных ситуациях. Наибольшую популярность получили теории каузальной атрибуции, посвященные механизмам наивного объяснения поведения. Приписывание причин взрослыми людьми происходит почти автоматически, и в этом процессе особенно велика роль информации о намеренности, социальной желательности и последовательности поведения. Современные теории в большей степени делают акцент на когнитивных схемах наивной эпистемологии, на процессах коммуникации и дискурсивных стратегиях. Например, испытуемые, от которых ожидается отчет о том, как они объясняют поведение, рисуют совершенно иную картину, чем те, кто дает спонтанные объяснения. Рассказчик учитывает интересы слушателя. Внутреннее устройство языка, использование некоторых глаголов, прилагательных и местоимений способствуют формированию определенного представления о причинах. Б. Малле различает поверхностные языковые и глубинные концептуальные структуры каузального объяснения, такие как каузальную историю мотивов (reasons), сами мотивы и факторы

возможности. С теориями атрибуции связано представление о предвзятой обработке социальной информации. Показано, что эти ошибки культурно обусловлены: свойственны западной культуре и прививаемы воспитанием. Восьмидесятые годы прошлого века были отмечены воодушевленной охотой за подобными предвзятостями: "обработка информации с выгодой для себя", нечувствительность к объему выборки, игнорирование базовой частоты, игнорирование смещения к среднему, нечувствительность к случайности, чрезмерная уверенность в правильности своих суждений, иллюзорная корреляция, ретроспективная предвзятость и др. Похожая картина наблюдалась в исследованиях эвристик – нерациональных, интуитивных правил формирования суждений, которые люди используют особенно в ситуации отсутствия времени и мотивации мыслить "правильно". Новая область исследований получила название теории социального суждения (inference). Несмотря на востребованность полученных результатов в политической науке, бизнес-консультировании в судебной практике, бурный поиск отклонений от рациональности мышления и поведения и гипотетических механизмов искажения информации привел к "избытку аномалий" (У. Голдстейн и Р. Хогарт). Другими темами исследований социального познания являются когнитивные схемы (в том числе скрипты, предрассудки и схематическая организация представлений человека о самом себе), когнитивные причины и следствия эмоциональных процессов. Многие социальные психологи пытаются ввести в свою дисциплину элементы постмодернистских эпистемологий и создать дискурсивные модели предрассудков, нарративные модели самости и т.д.

Классическими темами в исследованиях социального влияния в 20 в. были фасилитация, процессы убеждения, взаимный обмен, конформность и социальное давление, влияние меньшинства. По разнородности определений, гипотетических механизмов и моделей социальное влияние подобно аморфному понятию социального контроля в социологии. Существенное отличие в том, что представления о социальном влиянии были сформированы для объяснения индивидуального поведения. Исследователи неоднократно и безуспешно пытались создать единую теорию социального влияния, расположив указанные разнородные феномены на единой оси социально-психологической взаимозависимости. Объединяющего понятия найти не удается. Эффективность процесса убеждения зависит не только от ряда характеристик источника, получателя и способа передачи информации, от использованных риторических стратегий и ситуации. Важной переменной, опосредующей изменение аттитюдов адресата, является его или ее вовлеченность в предмет обсуждения и наличие когнитивных ресурсов. Существенную роль играют социальные соглашения о доверии публичным источникам и стремление адресата быть понятым и предсказуемым для других, высказывая мнения и поступая в соответствии с принятыми на себя обязательствами (ранее декларированной позицией). Задача предсказания эффекта убеждающего воздействия еще более усложняется, как только исследователь принимает во внимание существующее поле мнений и процессы группового обсуждения, которые, как правило, приводят к поляризации, т.е. усилению первоначально доминировавших мнений. В зависимости от типа решаемой задачи группа может выбрать разные схемы принятия решений (побеждают "факты", побеждает большинство и т.д.). В другой экспериментальной парадигме, связанной с изучением конформности (С. Аш), была показана зависимость эффективности влияния от количества воздействующих индивидов, единства мнений в лагере большинства и отсутствия единомышленников в лагере меньшинства. Влияние большинства оказалось непрочным и относительно поверхностным. В свете недавних работ по каузальной атрибуции показатель конформности в экспериментах Аша, равный 37% и трактовавшийся ранее как нижний возможный уровень, теперь интерпретируется как сильно завышенный. В остроумных экспериментах С. Московичи и его школы исследовался другой уровень социального воздействия – влияние меньшинства. В отличие от большинства меньшинство инициирует не социальный, а содержательный конфликт по поводу обсуждаемого вопроса; его влияние менее значительно, но более продолжительно и креативно; успех воздействия зависит от того, насколько осмысленно и гибко ведет себя меньшинство. Исследования С. Московичи частично объясняли масштабные социальные реформы, инициированные небольшой группой единомышленников. Делались попытки объединить конформность и влияние меньшинства в единую модель (напр., теория социального воздействия Б. Латане), однако они столкнулись с невозможностью учесть большое количество релевантных переменных в одноуровневых теориях среднего ранга. В последние годы растущую роль в исследованиях социального влияния играют когнитивные понятия, переосмысливаются идеи групповой динамики, используются более поздние модели групповой продуктивности. В информационном обществе (**см.**) социальное влияние становится все более невидимым и апеллирует к нетрадиционным формам власти (экспертной и информационной), к дискурсивному конструированию реальности, системам классификаций. Основным уроком исследований социального влияния является признание необходимости упорядочения микротеорий в иерархические или гетерархические концепции.

Сложные формы социальных отношений изучаются как в академическом, так и в прикладном аспекте. Основными темами являются агрессивное поведение, внутри- и межгрупповые конфликты и достижение примирения, предрассудки, дружба, любовь и ревность, помогающее (просоциальное) поведение. Это самая динамичная и разнородная область современной социальной психологии. Диапазон используемых теорий широк – от социобиологических и эволюционистских до социально-конструктивистских. В силу того обстоятельства, что негативные формы поведения легче определяются и запоминаются, воспринимаются как более информативные и когерентные, одним из первых предметов исследования С.П. стало агрессивное поведение. Поскольку основной мотивацией исследований нежелательного поведения является стремление его предотвратить, основные усилия направляются на поиск причин агрессии, а не на построение простых объяснительных моделей. Исследователи столкнулись с проблемой множественности причин, их зависимостью от социального контекста и неадекватным отражением сложных каузальных связей в редукционистских теориях. Установлено бесспорное влияние относительной депривации (оценки бедственности своего положения на основе социального сравнения). Неприятные события выступают скорее как запускающие стимулы, биологические факторы – как фасилитирующие механизмы, лишенные собственной причинной силы. Социобиологиче-

ское направление в С.П. развивает представление об инструментальности агрессии в установлении и поддержании социальных иерархий. Нетривиальность идеи инструментального обусловливания состоит в том, что причиной поведения является не его предыстория, а его последствия. Такой взгляд требует переосмысления превентивных программ. Агрессивное поведение формируется процессами социального научения, когда окружающие или герои СМИ выступают в качестве примеров для подражания. В последние десятилетия активно развиваются представления о социальном конструировании агрессии, в частности, роль атрибуции намерений и ответственности за поведение, приносящее ущерб, а также процессы социальной категоризации, выступающие как основа для возникновения предрассудков. В силу практической ориентированности исследований социального поведения в этой области доминируют эмпирические работы, часто направленные на воспроизведение известных моделей в новых контекстах и ситуациях.

С.В. Сивуха

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ – действительность социального мира: существующие в действительности социальные явления и процессы. В социальной философии и социологии понятие "С.Р." еще не получило четкой экспликации и употребляется в основном как синоним понятий "общественная жизнь", "общество", "социально-историческое бытие", "общественный процесс" и др. Впервые в социологии понятие "С.Р." стало применяться в понятийном аппарате феноменологической социологии (**см.**).

В настоящее время употребляют термин "С.Р." в двух смыслах: *онтологическом*, отражающим все объективно существующие социальные процессы и явления; и *эпистемологическом*, являющимся предметом конкретных социально-гуманитарных наук и теорий.

В истории социологии понятие "С.Р." в онтологическом смысле рассматривалось двумя доминирующими теоретическими линиями, особенным образом объясняющими сущность и природу С.Р.: индивидуалистской (феноменологическая, экзистенциалистская, волюнтаристская (веберовская), конвенционалистская) и позитивистской (дюркгеймовская, марксова, структуралистская, фунционалистская, бихевиористская и др.). Согласно индивидуалистской позиции, С.Р. есть результат целенаправленного или осмысленного человеческого поведения. Феноменологическая социология определяет С.Р. как "общую сумму объектов и явлений социального мира, каким он представляется обыденному сознанию людей, живущих среди других людей и связанных с ними многообразными отношениями взаимодействия" (А. Шюц – **см.**). С.Р., следовательно, это повседневный мир, переживаемый и интерпретируемый действующими в нем людьми. Это мир значений, выступающих в виде типических представлений об объектах этого мира.

Напротив, позитивистская трактовка С.Р., наиболее ярко выраженная Э. Дюркгеймом (**см.**), предлагает рассматривать С.Р. в виде социальных фактов, исключающих сознание индивидов. Там, где люди вступили во взаимодействие, считал Дюркгейм, возникает новый уровень реальности, несводимый к сознанию индивидов, внешний по отношению к ним и осуществляющий контроль над их действием. Эта реальность включает в себя, согласно Дюркгейму, два рода явлений: во-первых, способы действия, мышления, чувствования, внешние по отношению к индивиду и обладающие силой принуждения, благодаря которой они контролируют индивида и управляют им... Они состоят из представлений и действий... Поскольку источник их вне индивида, их субстратом не может быть ничто иное, кроме общества, будь то политическое общество в целом или какая-либо из составляющих его групп: религиозные, политические, литературные и профессиональные ассоциации и т.д. (это уровень организации). Ко второй группе явлений относятся прочие факты, не обладающие устойчивой формой, но столь же объективные и так же господствующие над индивидом. Они называются "социальными течениями".

Если индивидуалистическая теория рассматривает С.Р. как результат целенаправленного или осмысленного человеческого поведения, то позитивистская – как мир, обладающий своей собственной жизнью, внешней и принудительной к индивиду.

В последние годы получили распространение теории, рассматривающие С.Р. во всем многообразии субъектно-объектных отношений, включающих как индивида со своими смыслами и значениями, так и социальные структуры, организации и институты.

Наиболее адекватно выражает субъективно-объектную природу С.Р. "преобразовательная" модель, где С.Р. выступает в виде взаимосвязи субъективного и объективного, общества и личности (Р. Бхаскар – **см.**). Согласно ей, люди не творят общество; оно всегда предшествует им и составляет необходимое условие для их деятельности. Общество есть совокупность структур, обычных практических процедур и условностей, которые индивиды воспроизводят и преобразуют, но которые реально не существовали бы, если бы они этого не делали. Общество не существует независимо от человеческой деятельности; но оно и не продукт ее.

Общество, следовательно, обеспечивает необходимые условия для целенаправленного (интенционального) человеческого действия, и целенаправленное человеческое действие есть необходимое условие жизни общества. Общество существует только в человеческом действии, но человеческое действие всегда выражает и использует ту или иную социальную форму. Эта концепция связи личности и общества вносит радикальное изменение в понимание С.Р.: 1. С.Р. есть субъективно-объективная реальность; 2. С.Р. не существует независимо от идей и представлений субъектов о сути своей деятельности; 3. С.Р. не может быть познана методами естественных наук (гипотетико-дедуктивными) как "бессловесная" вещь, а предполагает иные методы, направленные на постижение смыслов и значений "человеческого" мира.

Онтологический смысл понятия "С.Р." в обществознании связан прежде всего с *объектом* научного познания. Когда же ученый, социолог рассматривает С.Р. как *предмет* исследования, то в данном случае говорят о С.Р. в эпистемологическом смысле. С.Р. как объект познания обозначает духовно и практически освоенный человеком мир общественных взаимосвязей как со стороны объективного, закономерного, сущностного, так и случайного, субъективного, уникального в нем. В этом смысле С.Р. есть сама жизнь, смысл и существование которой лежит в основе человеческого существования.

Эпистемологический смысл понятия "С.Р." заключается в использовании данного термина для определения сфер С.Р.,

являющихся предметом конкретных социально-гуманитарных теорий и наук.

С.Р. как предмет общественных дисциплин – это объективированный в категориальном аппарате и представленный в виде особого рода "научной С.Р." абстрактный, идеальный момент чувственно-предметной деятельности субъекта. Формирование такой С.Р. – это предпосылка и содержание деятельности внутри обществознания как специфической формы духовного производства. С.Р. в эпистемологическом смысле выступает как гносеологическое определение предметных смыслов этого понятия (историческая реальность, психологическая, правовая, социологическая и др.). Именно поэтому мы различаем С.Р., предложенные в теориях А. Тойнби (см.), Н. Гумилева, К. Маркса (см.), Т. Парсонса (см.), М. Вебера (см.), П. Бергера (см.), Т. Лукмана (см.) и др.; различаем и допускаем возможность их научного употребления и объяснения общественной жизни. Отличие онтологического смысла понятия "С.Р." от эпистемологического выражается в разном понимании "существования" объектов С.Р. В онтологическом смысле для объекта С.Р. "существовать – значит реально быть".

Предметно-эпистемологический подход к С.Р. связан с конкретной социогуманитарной наукой и характеризует такой тип рефлексивного анализа, который направлен на выяснение предметных характеристик социального бытия, определяющего его в качестве социально реального. С.Р. на предметно-эпистемологическом уровне рефлексии есть "непосредственная рабочая данность". Она зависит от парадигмы, стиля мышления, норм и средств предметной работы социолога, историка, правоведа и т.д. "Существовать" для объектов социогуманитарной науки на этом уровне – значит обладать предметно-эпистемологическими характеристиками С.Р. Поэтому проблема существования этноса (см.), нации (см.), социального класса (см.), социальной роли (см.), социального статуса (см.), государства (см.), интерсубъективных значений, социализации (см.) и т.п. разрешается в рамках определенной категориальной схемы и экспериментальных (операциональных и "наблюдательных" в социологии, описательных и объясняющих в исторической науке и т.д.) методик, гипотез и концепций, предполагающих эти сущности (этнос, нация, класс, государство и т.п.) в качестве элементов предметной С.Р.

Такое разноаспектное понимание С.Р. позволяет, во-первых, понять возникновение и возможность существования многообразия социальных теорий (даже альтернативных), объясняющих онтологическую С.Р. и подкрепляющихся эмпирическими данными; во-вторых, избегать онтологизации объяснений конкретно-научных теорий; в-третьих, пересмотреть свои представления об истине, допуская возможность отхода от "жесткого" линейного ее понимания к более лояльному, "мягкому" и моральному значению.

Р.А. Смирнова

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ – нормативно одобренный, относительно устойчивый образец поведения (включая действия, мысли и чувства), воспроизводимый индивидом в зависимости от социального статуса или позиции в обществе. Понятие "Р." было введено независимо друг от друга американскими социологами Р. Линтоном и Дж.Г. Мидом (см.) в 1930-х. Впоследствии оно получило дальнейшую разработку как в западных, так и в марксистских социологических и психологических теориях. Общество или социальную группу можно представить как некий набор определенных социальных позиций, т.е. "мест" в социальном пространстве (инженер, ученый, муж, школьник, солдат и т.д.), действуя в рамках которых человек должен выполнять как бы особый "социальный заказ", т.е. реализовать предписываемую функцию. Следуя этим "правилам игры", конкретный человек исполняет один из нескольких вариантов С.Р. Вот почему в сходных обстоятельствах, например, занимая одинаковые должности, совершенно разные люди ведут себя аналогичным образом. В С.Р. отражаются социально-типические аспекты поведения. В то же время каждый человек вносит в ролевое поведение индивидуальные черты через своеобразное восприятие роли применительно к личностному образу. "Личностная окраска", проявляющаяся в индивидуальном исполнении человеком С.Р., зависит прежде всего от его знания и умения находиться в данной С.Р., от ее значимости для него, от стремления в большей или меньшей степени соответствовать ожиданиям (экспектациям) окружающих. Здесь важен также эффект группового межличностного взаимодействия, в частности, степень идентификации личности с группой.

Ролевое поведение – это своеобразное единство, взаимопроникновение С.Р. и индивидуального исполнителя, которое можно представить как функцию двух переменных: первая (С.Р.) "отвечает" за предзаданность поведения, а вторая (особенности личности) обеспечивает преемственность его. Последняя обозначается как "Я". Соотношение данных детерминант в крайних своих проявлениях выглядит следующим образом: либо они включаются более или менее полно друг в друга, либо отделены друг от друга, противостоят одна другой. Вторая ситуация ведет к внутриличностному конфликту, суть которого в том, что разные люди по-разному представляют себе одну и ту же роль. Наряду с внутриличностными существуют и межролевые конфликты, обусловленные далеко не идентичными, а подчас и противоречивыми требованиями, предъявляемыми к исполнению той или иной роли в социальных группах различной специфики и направленности. Указывая на конкретную С.Р., мы относим человека к определенной социальной группе. Диапазон и количество ролей обусловливается многообразием социальных групп, видов деятельности и отношений, в которые включена личность с ее потребностями, интересами, ценностями. Причем ряд С.Р. предписаны человеку от рождения, т.е. определены его полом, возрастом, социальным происхождением и т.п., – это аскриптивные (предписанные) С.Р. Другие же приобретаются путем личных усилий человека, благодаря его индивидуальным качествам (занимаемая должность, например) – достижительные С.Р. Однако сама по себе С.Р. не определяет деятельность и поведение каждого конкретного ее носителя в деталях: все зависит от того, насколько индивид усвоит, интернализует С.Р. Акт же интернализации детерминирован целым комплексом индивидуальных психологических особенностей каждого конкретного носителя данной С.Р. Последняя "играется" хорошо, когда требуемые для ее выполнения характерные черты и качества воспринимаются индивидом как личные (интернализация). С.Р. никогда не означает абсолютной заданности шаблонов поведения, поскольку так называемые шаблоны (или модели) корректируются конкретной деятельностью личности и меняются в соответствии с ее социальным опытом и жизненными ценностями. Вот почему любая С.Р. всегда оставляет некоторый "диапазон возможностей" для

своего исполнителя, что условно можно назвать "стилем исполнения С.Р.".

Кроме С.Р. (которые стандартизированы и безличны, выступают как бы внешними по отношению к личности и строятся на основе прав и обязанностей, независимо от того, кто является действующим лицом), существуют и межличностные С.Р., в которых права и обязанности целиком зависят от индивидуальных особенностей участников взаимодействия, их чувств и предпочтений. См. также: **Программа, Я.**

И.Н. Андреева

СОЦИАЛЬНАЯ САНКЦИЯ – оперативное средство социального контроля (**см.**) в рамках требований социальных ролей. Система С.С. направлена на обеспечение надлежащего исполнения предписаний, связанных с социальной ролью (**см.**). Под С.С. подразумевается обычно предусмотренное правом (**см.**), налагаемое социальным институтом (**см.**) и являющаяся справедливой мера наказания за нарушение права. Наряду с правовыми С.С. могут быть экономическими, моральными, религиозными.

СОЦИАЛЬНАЯ СВЯЗЬ – совокупность осознанных или неосознанных, необходимых и случайных, устойчивых и спонтанных зависимостей одних социальных субъектов от других. В наибольшей степени С.С. проявляются в разного рода приспособленческом поведении людей, учитывающем признаваемые группой нормы и ценности. Высокой степенью проявления С.С. является деятельность, предпринимаемая людьми с учетом нужд других, особенно тогда, когда она не соответствует личным интересам действующих людей.

Факторами, образующими С.С. и одновременно составляющими их существенные компоненты, являются также объективные отношения и социальные институты, связывающие людей друг с другом независимо от того, сформировалось ли у них чувство принадлежности к определенной группе. Среди этих факторов самыми важными являются институты социального контроля (**см.**), которые определяют существующие в группе эталоны общественных отношений (**см.**) и заставляют людей придерживаться их.

СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ – множество акторов (социальных объектов) и определенное на нем множество отношений. Метафора "социальной ткани" или "паутины отношений" использовалась социальными философами 19 и 20 вв. (напр., Г. Зиммелем – **см.**). Интуитивные рассуждения о социальной структуре можно встретить в "Принципах социологии" Г. Спенсера (1875), однако историю научных исследований С.С. принято отсчитывать с 1930-х, когда Дж. Морено (**см.**) опубликовал серию работ по социометрии (**см.**). В лекциях А. Радклифа-Брауна (**см.**) получило развитие понимание социальной структуры как упорядоченного объединения частей в целое, устойчивого паттерна (**см.**) отношений между людьми. Первоначально интерес исследователей ограничивался связями между индивидами в малых группах. В 1950-е работы английских антропологов Дж. Барнеса и Э. Ботт привлекли внимание к более сложным социальным феноменам, связанным с принадлежностью к С.С. Так, С. Надель выступил за то, чтобы единицами социальной структуры считать не индивидов, а социальные позиции, статусы, роли, группы и институты. Это требование обосновывалось тем, что введение или удаление одного или нескольких человек не меняет устойчивых связей между группами. Сейчас изучают акторов, принадлежащих к разным уровням социальной организации: индивидов, семьи, формальные и неформальные группы, организации и их структурные подразделения, социальные институты, поселения и регионы, локальные рынки, государства.

Под отношением понимают совокупность связей определенного типа между акторами, например, аффективных оценок (симпатий и антипатий), физических контактов, родства, сотрудничества, членства в группах, цитирования, коммуникации и передачи ресурсов. Связи могут быть направленными и ненаправленными, неозначенными и означенными, дихотомическими и количественными (взвешенными), сильными и слабыми (**см.**), единичными и множественными. Так, в знаменитом исследовании Р. Бейлса психологи наблюдали через односторонне проницаемое стекло за тем, как разворачиваются во времени спонтанные взаимодействия незнакомых между собой испытуемых. Эти взаимодействия относились к одной из шести биполярных категорий (проявляет солидарность – антагонизм, соглашается – не соглашается и т.д.). Другими важными понятиями являются диада (пара акторов с определенными на ней связями), триада и подгруппа. Во многих случаях структурно-ориентированный анализ С.С. (**см.**) сводится к декомпозиции сети на эти составляющие.

Аналитический аппарат исследования С.С. уникален по своим возможностям. Это единственная методология в социальных науках, которая позволяет изучать и моделировать не традиционные атрибутивные, а реляционные данные, которые отражают свойства системы социальных отношений и не сводятся к свойствам акторов. К сожалению, концептуальный аппарат исследования С.С. менее зрел. С одной стороны, просматриваются претензии связать в единую концептуальную рамку центральные для социальных наук понятия отношений, структуры, группы, статуса и престижа, позиции и роли, коммуникации, ресурсов, родства, влияния, власти, организации, иерархии, социального капитала. С другой стороны, попрежнему обсуждается статус основного понятия – "С.С." Одни полагают ее формой органистической (в противоположность механистической) социальной организации (**см.**), пришедшей в эпоху глобализации (**см.**) на смену племенам, иерархиям (**см.**) и рынкам. Другие, напр., Ф. Фукуяма, не считают С.С. формальной организацией, а рассматривают ее как *социальный капитал*, совокупность информационных и моральных норм поведения.

Центральными проблемами в эмпирических исследованиях С.С. является их концептуализация и измерение, т.е. способы установления границ С.С. и артикуляции системы отношений между акторами. В более распространенной реалистической традиции границы устанавливают сами акторы, называя своих друзей, сотрудников и т.д. В номиналистической традиции список акторов определяется исследователем с учетом характеристик участников сети, свойств связей, совместного участия акторов в событиях. Из аналитических соображений всякая С.С. полагается конечной и счетной. В зависимости от того, как понимается генеральная совокупность акторов, С.С. исследуют целиком (социометрия малой группы), производят случайный отбор акторов или пар акторов (при изучении больших групп) либо используют метод снежного кома (эго-сеть – **см.**). Различают также одномодальную и бимодальную С.С. В первом случае рассматрива-

ется один класс однотипных акторов, во втором случае – разные классы, например, индивиды и события, в которых они принимали участие (см. **Аффилиативные сети**).

Информацию о связях получают с помощью опроса, наблюдения, эксперимента, технической регистрации взаимодействий, а также из архивов, справочников, каталогов, дневников. Например, взаимодействия в научном сообществе изучают, используя связи цитирования в научной печати, принадлежность к организациям, посещение конференций, наличие общих учителей, коммуникации по электронной почте и др. Некоторые из упомянутых взаимодействий отражены в документах либо регистрируются технически, и потому не требуют опроса.

Морено настаивал на том, что структура С.С. не может быть адекватно описана с помощью единственного критерия, например, дружбы. Многомерное шкалирование множества критериев межличностных связей выявило 4 независимых измерения социальных отношений: кооперативные и дружеские – конкурентные и враждебные; равные – неравные; глубокие – поверхностные; эмоциональные и неформальные – ориентированные на задачу и формальные. Для описания основных свойств С.С. Р. Бэрт считает достаточными 4 типа вопросов: о дружбе, знакомстве, деловых связях и родстве. Обычно когнитивные (основанные на индивидуальном восприятии) и объективные (основанные на наблюдениях за взаимодействиями) критерии, примененные к одним и тем же акторам, дают С.С. с разными структурными свойствами.

Измерение связей, как и любое другое, сопровождается ошибками. Валидность и надежность изучались, в основном, для социометрических методов получения информации. Валидность последних зависит от полноты измерения С.С. Важна не столько точность информации о каждом участнике, сколько охват всех членов группы. Основными причинами снижения надежности является фиксированное число социометрических выборов, что отечественные авторы неудачно назвали параметрической социометрией, и использование дихотомических оценок вместо количественного измерения связей. Самые пессимистичные оценки точности информации, предоставляемой акторами, составляют 50%. На точность ответов влияет интерпретация акторами критериев связей, напр., "друг". Сообщения участников С.С. о взаимодействиях систематически смещены в сторону нормального, привычного хода событий и более важных контактов. В целом неточность информации, предоставляемой испытуемыми в опросах, неизбежна и довольно заметна, однако она существенно не влияет на валидность анализа полной сети. Точность измерения возрастает с увеличением количества критериев отношений. При использовании методов опроса Д. Краскхард рекомендует расспрашивать каждого актора о видении сю или им отношений между всеми участниками С.С. (т.наз. полная когнитивная сеть, в отечественной традиции – автосоциометрия).

Согласно Ф. Паттисон, основными способами описания и моделирования свойств С.С. являются: 1) индексы для сети (плотность, централизация, связность, перепись диад и триад, кластеризуемость), 2) индексы для акторов и связей (центральность, достижимость, избыточность), 3) меры сходства акторов (многомерное шкалирование, структурная и регулярная эквивалентность), 4) наличие и характеристики сплоченных подгрупп (клики, кланы, клубы, плексы, лямбда-множества), 5) блочные матрицы (сбалансированность, транзитивность, кластеризуемость, блочные модели) и 6) стохастические модели (стохастические блоки, p_1, p^*, марковские графы).

Среди известных литературных примеров С.С., изученных сетевыми аналитиками, – отношения между участниками Хоторнского эксперимента (Roethlisberger, Dixon, 1939), связи между руководителями высокотехнологичных компаний (Krackhard, 1988), торговые и дипломатические связи между 63 странами (Smith, White, 1988), браки и деловые связи между знатными флорентийскими семьями начала 15 в. (Padgett, 1987), развитие отношений дружбы в студенческом братстве (Newcomb, 1941), участие 18 женщин в социальных событиях (Davis et. al., 1941; данные получены Л. Уорнером в "Олдсити"), торговые связи по рекам на Руси в 12-13 вв. и сопутствующий рост городов (Pitts, 1978), развитие отношений между монахами Новоанглийского монастыря (Sampson, 1968), деловые связи между руководителями 500 крупнейших, по данным журнала "Fortune", компаний США (Burt, 1992), распространение новшеств среди медиков (Coleman, 1966), динамика связей между компьютерными фирмами в период делового бума в Силиконовой долине (Granovetter et. al., 2001), связи между террористами, участниками нападения на Пентагон и Всемирный торговый центр в Нью-Йорке (Krebs, 2002), многочисленные исследования Интернета, распространения СПИДа, процессов глобализации (Hargittai, Centeno, 2001).

С.В. Сивуха

СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА – совокупность элементов (различных социальных групп, слоев, социальных общностей), находящихся между собой в определенных отношениях и связях и образующих определенную целостность. Наиболее важным является выделение системообразующих связей, обеспечивающих свойство целостности – условие относительно обособленного функционирования и развития С.С.

Функционирование С.С. во внешней среде опирается на определенную упорядоченность ее элементов, отношений и связей. Структурно и функционально различные аспекты упорядоченности образуют основу для выделения в С.С. ее подсистем. Как упорядоченное целостное множество взаимосвязанных элементов, обладающее структурой и организацией, С.С. в своем взаимодействии со средой демонстрирует определенное поведение, которое может быть реактивным (определяться воздействием среды) или активным (определяться собственными целями, предполагающими преобразование среды и подчинение ее своим потребностям). Специфической чертой сложно организованных систем является наличие в них процессов социального управления (**см.**), которое обеспечивает автономность и целенаправленный характер поведения С.С., а специфические черты управления приводят к выделению классов многоуровневых, многоцелевых, самоорганизующихся и других систем.

Г.Н. Соколова

СОЦИАЛЬНАЯ СТАТИСТИКА – отрасль (раздел) статистики, изучающая количественно-качественные характеристики массовых социальных явлений и процессов. В исторически первоначальных формах возникла под давлением практических потребностей людей задолго до н.э. в различных цивилизациях Древнего мира. Как отрасль науки относительно оформилась в 19 в. и получила наибольшее распространение в 20 в. Ориентирована на выявление и изучение

предпосылок, закономерностей и последствий общественной жизнедеятельности. Основным предметом исследования являются социальная, политическая и духовная сферы общественной жизни. Изучает систему показателей, характеризующих социальные условия жизни людей, образ и уровень их жизни, социальную структуру и устройство общества, различные аспекты социального взаимодействия, численность и состав населения, трудовые ресурсы, уровень образования и культуры, здравоохранения, социального обеспечения и потребления, условия труда и отдыха, проблемы семьи, морали, общественного мнения, права и мн. др. Широко применяет разнообразные математические и статистические методы, вычислительную технику и т.д. Материалы учета и исследований используются в социальной философии, социологии, политологии, др. науках и дисциплинах, в практической организации общественной жизнедеятельности.

А.Б. Юрко

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ – термин, применяемый для обозначения структурированного социального неравенства, условий, при которых социальные группы имеют неравный доступ к таким социальным благам, как деньги, власть, престиж, образование, информация, профессиональная карьера, самореализация и т.п. Социальное неравенство может проявляться как неравные возможности (или неравное вознаграждение за одни и те же усилия или достижения) не только для социальных групп, но и для отдельных людей внутри группы. Однако в контексте исследований С.С. рассматривается, главным образом, систематически проявляющееся неравенство между группами людей, возникающее как непреднамеренное следствие социальных отношений и воспроизводящееся в каждом следующем поколении. Таким образом, С.С. является важнейшей категорией макросоциологии, изучающей общество в целом, его стабильность и происходящие с ним изменения.

В отличие от социальной структуры (см.), возникающей в связи с общественным разделением труда (см.), С.С. возникает в связи с общественным распределением результатов труда, то есть социальных благ. С.С. подразумевает некоторую упорядоченность членов общества (или социальных групп) на основе определенных критериев. В социологии выделяют три базовых вида С.С. современного общества – экономическую, политическую, социально-профессиональную. Соответственно, основными измерениями (критериями) С.С. являются размеры доходов и собственности, ранги во властной иерархии, статус, определяемый родом занятий и квалификацией (образованием). Социальная страта (слой) обладает определенной качественной однородностью. Она представляет собой совокупность людей, занимающих в иерархии близкое положение и ведущих сходный образ жизни. Принадлежность к страте имеет две составляющие – объективную (наличие объективных показателей, характерных для данного социального слоя) и субъективную (идентификация себя с определенным слоем).

В научной традиции существует два основных подхода к исследованию С.С., один из которых – классовый – основан на объективных показателях принадлежности к социальному классу или слою, второй – статусный – на субъективных оценках престижа индивидов, социальных групп, профессий. Первая традиция является, по преимуществу, европейской, вторая – американской. Теория классового строения общества восходит к работам Маркса (см.), который впервые в истории социальной мысли выделил борьбу между соперничающими социальными и экономическими классами в качестве центральной характеристики общества и доминирующего источника социальных изменений. По Марксу, классы возникают на основе различающихся позиций, которые индивиды занимают в системе общественного производства. Ключевыми понятиями в данном случае являются способ производства и производственные отношения. Антагонистические классы формируются по двум объективным критериям – общности экономического положения, обусловленной отношением к средствам производства, и общности властных полномочий по сравнению с государственной властью.

Отличительными чертами марксистского подхода к исследованию С.С. являются: 1) признание объективности оснований существования классов и 2) выделение в качестве "базисных" социально-экономических факторов С.С. Маркс утверждал, что при любом типе экономической организации общества существует господствующий класс, который владеет средствами производства и осуществляет над ними контроль. Благодаря экономической власти господствующий класс решает судьбу тех, кто на него работает. Идеология является лишь надстройкой, "надструктурой" общественной системы, история – последовательностью перемен, при которых одна классовая система преобразуется в другую.

Большинство современных западных концепций С.С. сочетают некоторые аспекты теории Маркса с идеями М. Вебера (см.). К экономическому критерию С.С. (богатству) Вебер добавил два других измерения – престиж и власть. Он рассматривал три этих аспекта, взаимодействующих между собой, в качестве основы, на которой строятся иерархии во всех обществах. Различия в собственности создает классы, различия в престиже – статусные группы (социальные страты), различия во власти – политические партии. В отличие от Маркса Вебер предполагал, что общности формируются в большей степени на основе статусных групп, выделяемых по критерию социально предписанного престижа. Различия в статусе ведут к различиям в жизненных стилях, составляющих важнейший элемент социальной исключительности статусных групп. Следуя Марксу и Веберу, западноевропейская традиция рассматривает классы в качестве основы стратификационной структуры любого общества и отправной точки всех стратификационных процессов, в частности – мобильности.

В настоящее время наиболее убедительной считается классовая схема Д. Голдторпа и Р. Эриксона, валидность которой была подтверждена в ряде работ. Последний вариант схемы строится на таких критериях, как отношения собственности (найма), условия найма (оплаты труда), степень автономности и возможность продвижения по службе: 1. а) профессионалы, руководители, интеллигенция высшего уровня; b) крупные работодатели: промышленники, предприниматели, землевладельцы. 2. Профессионалы, руководители, интеллигенция среднего уровня. 3. а) полупрофессионалы, старшие работники офисов, торговли, сферы обслуживания; b) работники офисов, торговли, сферы обслуживания нижнего уровня. 4. а) мелкие работодатели в промышленности, сфере услуг; b) мелкие работодатели в сельском хозяйстве; c) самозанятые в промышленности, сфере услуг; d) самозанятые в сельском хозяйстве. 5. Техники, старшие рабочие (бригадиры и т.п.). 6. Квалифицированные рабочие в промыш-

лепности. 7. a) неквалифицированные рабочие в промышленности; b) сельскохозяйственные рабочие. Дискуссия в "Европейском социологическом обозрении" в 1990-х показала высокую объясняющую способность различных частных вариантов этой схемы, в том числе для межнациональных сопоставительных исследований (проект CASMIN). Согласно европейской традиции, неравенство, или С.С., рассматривается как результат объективных социальных и экономических условий.

Американский подход, основоположником которого можно считать У. Уорнера с его теорией репутаций, базируется на субъективных оценках престижа индивидов, профессий, социальных групп. Многочисленные исследования показали, что оценки престижа профессий очень похожи во всем мире и мало изменяются с течением времени. Теория Д. Треймана объясняет этот феномен следующим образом: "Во всех обществах существует примерно одинаковое разделение труда. В результате специализированного разделения труда складываются различные степени власти. В любом обществе люди, обладающие властью, имеют политическое влияние и различные привилегии. Поскольку власть и привилегии ценятся повсюду, то и связанные с ними профессии считаются престижными". Исследования престижности профессий позволяют разрабатывать стандартные шкалы престижа, такие как шкала Треймана, шкала Сигела (NORC) и т.п., широко используемые в международных сравнительных исследованиях. В подходе, предложенном О. Дунканом, используется высокая корреляционная связь между престижностью профессии, уровнем образования и доходом. Сконструированный им индекс социально-экономического статуса (SES) представляет собой линейную комбинацию образования и дохода и позволяет измерять позицию индивида в социально-экономической иерархии, не прибегая к трудоемким и дорогостоящим измерениям престижа. Социально-экономическая стратификация в американской социологии измеряется посредством группирования шкал престижа или социально-экономического статуса. Различия между такими стратами представляются не столь радикальными, как при классовом подходе. Предполагается, что шкалы престижа измеряют некий континуум престижей или статусов, и между стратами не существует строгих границ. Эта особенность американского подхода к С.С. обусловлена тем, что в США исторически не наблюдалось строгого деления на классы, так как прибывшим в страну эмигрантам с самым разным классовым происхождением приходилось начинать практически с нуля и достигать определенного положения на социальной лестнице благодаря не столько своему происхождению, сколько личным достоинствам. По этой причине американское общество всегда считалось более открытым, с точки зрения социальной мобильности, чем европейское. Классовый и статусный подходы не являются взаимоисключающими; оба они нередко применяются на Западе к одним и тем же данным. Совершенно иная картина наблюдается в советском и постсоветском обществе. Она характеризуется, в первую очередь, отсутствием корреляции между основными измерениями С.С. – богатством, престижем и властью.

Сегодня большинство исследователей сходится на том, что главным критерием С.С. в советском обществе являлось место во властной иерархии, которое определялось не только должностью, но и ведомственной принадлежностью. Сложная система льгот и привилегий в значительно большей мере, чем доходы (при фактическом отсутствии частной собственности), определяла материальное благосостояние индивида. Доходы, различия в которых были не особенно велики, также определялись скорее отраслью народного хозяйства, чем образованием и квалификацией работника. Что же касается престижа профессий он в равной степени определялся идеологическими и материальными факторами. Идеология последовательно поддерживала престиж высокооплачиваемых рабочих профессий (шахтеров, сталеваров), равно как и массовых "интеллигентных" профессий, оплачивавшихся крайне низко (учителей, врачей). Высокий престиж профессий продавца, водителя и т.п. можно объяснить только доступом к дефицитным в то время благам и услугам, позволяющим получать в обмен другие блага и услуги, а также нелегальные доходы.

В постсоветском обществе властная иерархия продолжает оставаться ведущим критерием С.С. Т. Заславская (см.), по-видимому, первой обратила внимание на тот факт, что произошло сращивание политического и экономического капитала социальных групп, которое выражается в контроле над важнейшими экономическими ресурсами и процессами распределения и перераспределения общественного богатства. Либерализация экономики открыла широкий спектр возможностей (от легитимных до криминальных) использовать такой контроль для личного обогащения. Зависимость уровня доходов от количества и качества работы еще более ослабла. Произошло относительное обесценивание квалифицированного ручного труда, оплата которого теперь не намного превышает традиционно низкую оплату труда в "бюджетных" отраслях, таких как образование или медицина. Престиж высшего образования приобрел исключительно прагматический характер. Среди профессий, требующих высокого образовательного уровня, престижными являются высокооплачиваемые. Важными факторами С.С. в постсоветском обществе стали возникновение частного сектора экономики и формирование рынка труда. Особый интерес в частном секторе представляет возникновение рынка финансовых и информационных услуг (юридических, маркетинговых, рекламных, коммуникационных и пр.), характеризующегося наиболее высоким уровнем оплаты труда. На рынке труда следует отметить появление новых социальных групп – крупных, средних и мелких частных предпринимателей, а также безработных.

Отмеченные тенденции позволяют говорить о том, что сегодня для постсоветских стран характерны скорее европейские, чем американские модели С.С. Американский подход, основанный на шкалах профессионального престижа, не отражает всех различий в уровне и стиле жизни различных социальных групп. Европейская же традиция предполагает многокритериальный подход к выделению социальных классов, групп и слоев. Важнейшими из таких критериев сегодня представляются положение на рынке труда, профессионально-должностной статус, позиция во властной иерархии, уровень доходов, наличие собственности, включая собственность на средства производства.

О.В. Терещенко, С.В. Сивуха

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА – совокупность относительно устойчивых связей между элементами социальной системы (см.), отражающая ее сущностные характеристики.

Важнейшая отличительная особенность С.С. заключается в том, что она тождественна системным (эмерджентным) свойствам комплекса составляющих ее элементов, т.е. свойствам, не характеризующим отдельные элементы этого комплекса. В любой структуре можно выделить элементы, составляющие собственно структуру, и комплекс элементов, из которых

структура строится. Сумма всех деревьев остается неизменной независимо от того, стоит ли каждое дерево на отдельном участке или же все деревья составляют лес, т.е. определенную экологическую структуру. Структура социальной группы также отличается от совокупности составляющих ее членов теми свойствами, которые не могут быть использованы для описания отдельных членов группы, так как они характеризуют отношения и взаимодействия большинства или всех этих членов и, следовательно, относятся ко всей группе как целому, например, свойствами сплоченности. Таким образом, социологический анализ С.С. коренным образом отличается от изучения составляющих ее элементов (индивидов, норм, ценностей, социальных статусов, ролей, позиций и т.п.), поскольку такое исследование сосредоточено на системных, эмерджентных (не сводимых к сумме составляющих элементов) свойствах именно совокупности элементов, характеризующих не отдельные из них, а способ их сочетания, отношений и взаимодействий между ними.

См. **Социальная атомизация, Социальная группа, Социальная дистанция, Социальная иерархия, Социальная мобильность, Социальная общность, Социальная роль, Социальная стратификация, "Социальная траектория реформируемой России" (колл. монография), Социальное взаимодействие, "Социальное расслоение и социальная мобильность" (ред. З.Т. Голенкова), Социально-классовая организация общества, Социальный атом, Социальный статус, Структура.**

Е.М. Бабосов

"СОЦИАЛЬНАЯ ТРАЕКТОРИЯ РЕФОРМИРУЕМОЙ РОССИИ: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы" / Ред. кол.; отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. 736 с.

Монография отражает содержательный и методологический вклад Новосибирской экономико-социологической школы в развитие отечественной социологии, в изучение механизмов, закономерностей и социальных последствий трансформационных процессов в российском обществе 1990-х. Содержит семь разделов: развитие Новосибирской экономико-социологической школы: формирование новой методологии; концептуальные представления о трансформации российского общества; инновационные процессы в экономике; социально-экономическая стратификация; социально-территориальная структура общества; проблемы воспроизводства человека; информационное обеспечение и методы анализа социологической информации. Монография заключается библиографией (основными изданиями Новосибирской социологической школы) и сведениями об авторах.

В разделе "Концептуальные представления о трансформации российского общества" особого внимания заслуживает глава, посвященная анализу трансформационного процесса, где обосновывается, что основным результатом социальной трансформации общества выступает качественное преобразование типообразующих институтов данного общества (например, приватизация государственной собственности, становление президентской республики и т.п.). Однако само по себе оно представляет лишь внешний показатель социальной трансформации общества. Внутренним показателем является изменение социально-групповой структуры (в первую очередь, ее классовой и стратификационной проекций). По данным социологического мониторинга ВЦИОМ, модель стратификации российского общества выглядела в 1996 следующим образом: правящая политическая и экономическая элита составляла 0,5%; верхний слой, или субэлита (предприниматели, директорат, верхнее звено федеральной и региональной бюрократии) – 6,5%; средний слой (мелкие предприниматели, менеджеры, руководители учреждений и др.) – 20%; базовый слой (интеллигенция, полуинтеллигенция, рабочие средней и высокой квалификации, работники торговли и сервиса, крестьяне) – 61%; нижний слой (неквалифицированные работники, работники без профессий, временно безработные) – 7%; социальное дно (люмпен) – 5%. Из этих данных следует, что стратификационная модель России является переходной от пирамидальной к веретенообразной; ее переходность проявляется в том, что большинство россиян составляет не высокоразвитый средний слой, как на Западе, а базовый слой, занятый низкооплачиваемым наемным трудом. Основные направления стратификационных сдвигов состоят в следующем: социальная структура стала более подвижной, возросло многообразие социальных статусов, однако нисходящая мобильность крупных социальных групп доминирует над восходящей мобильностью, имеющей индивидуальный характер; существенно изменилась значимость компонентов социального статуса – если раньше положение людей определялось уровнем занимаемой должности то теперь их политический вес все больше определяется величиной капитала; усилилась роль профессионально-квалификационного и культурного фактора в формировании высокостатусных групп и ослабла – в социальной дифференциации основной части населения; локализм и замкнутость региональных рынков труда в условиях отсутствия общероссийского рынка и ограниченной территориальной мобильности не только породили застойную безработицу, но и ослабили зависимость доходов работающего населения от факторов, связанных с личными трудовыми усилиями; снизилась и без того невысокая легитимность статусов верхних групп и слоев, восхождение которых связана с теневой и криминальной деятельностью; многократно возросла социальная поляризация групп и слоев, расширились границы нищеты и бедности, ускорилась люмпенизация населения. Первой задачей новой социальной политики становится легитимизация деятельности правящего слоя, а второй – экономическое, правовое и информационное содействие развитию разных форм легитимной социально-инновационной деятельности слоев общества в сфере хозяйственного предпринимательства и преобразований социальной сферы.

Особый интерес вызывает раздел "Инновационные процессы в экономике". В главе, посвященной становлению субъектов хозяйствования в аграрном секторе России, обосновано, что вектор проводимых аграрных реформ не соответствует сложившейся экономической культуре общества, состоянию общественного сознания, что выражается в противоречии между коллективистским духом значительной части аграрного населения и индивидуальными ценностями, декларируемыми новой экономической политикой. Это противоречие выражается в том, что курс на сплошную фермеризацию страны идет вразрез с доминирующими ориентациями сельского населения на коллективный труд на крупных сельскохозяйственных предприятиях. Формальное изменение статуса хозяйствующих субъектов АПК не привело к радикальному изменению экономического мышления и формированию рыночных моделей экономического поведения сельского населения. Формирующееся институциональное пространство деформирует систему ценностей индивида, снижая или сводя к нулю инструментальную ценность труда в общественном секто-

ре аграрного производства, содействует скорее распространению социального иждивенчества, нежели развитию рыночных стандартов поведения, лишая тем самым преобразования в обществе социальной базы. Институциональная дезорганизация и связанная с ней деформация ролевого поведения основных групп сельского населения, невозможность выполнения ими своих функциональных обязанностей снижают эффективность проводимых преобразований, порождают неуверенность и разочарование сельского населения. Существующие дефекты действующего хозяйственного механизма, тормозя процесс формирования новых субъектов хозяйствования, сдерживают процесс модернизации аграрного сектора.

В главе того же раздела, посвященной трансформации трудовых отношений в ходе приватизации промышленных предприятий, раскрывается направление и содержание изменений в зависимости от экономической стратегии предприятий, особенностей их приватизации, изменений в организационно-технологической структуре и системе управления предприятиями. Основным стало противостояние высшего эшелона заводского руководства всем остальным работникам, которое проявляется в двух главных оппозициях: высший эшелон – среднее звено и рабочие – руководители всех уровней.

Высшая администрация получила почти неограниченную власть на предприятии, снизился статус главного инженера, повысился – коммерческого директора или директора по экономике. В складывающейся системе трудовых отношений высшая администрация заняла позицию распорядителя капитала, эксплуатирующего наемную рабочую силу; то, что этот капитал акционерный, принципиально ничего не меняет. Вместе с тем люди, составляющие высший эшелон власти, не осознают себя эксплуататорами и потому не способны на стратегии, которые счел бы вполне естественными "сознательный" капиталист.

Что касается *руководителей среднего звена,* то они стоят перед жестким выбором: пробиться в высшую лигу либо стать просто менеджером, проводником воли высшей администрации. Положение *рабочих* на современных промышленных предприятиях радикально изменилось: снизился их уровень жизни, ухудшилось удовлетворение социальных нужд, резко снизился интерес к работе. Под давлением недостаточного для жизни заработка резко снизились их требования к условиям труда. Главное, что в ситуации продолжающегося спада производства и снижения его значения для экономики предприятия (по сравнению со сбытом и коммерцией) рабочие потеряли свой статус "гегемона" – ключевой группы в социальной структуре предприятия. Сплоченность и единство рабочих на многих предприятиях снизились и сегодня они поставлены перед фактом обретения статуса наемных работников. Адекватное осознание этого факта обеспечит им адекватные средства борьбы за достойную жизнь. Но такое осознание надо выстрадать и выработать, а до той поры положение рабочих будет, скорее всего, ухудшаться.

Среди прочих субъектов трудовых отношений заметно и неоднозначно изменился статус *работников служб заводоуправления,* особенно – специалистов инженерных подразделений. В современных условиях нестабильного производства их высокая квалификация не востребована и не оценивается по достоинству; это оказывает на них угнетающее психологическое воздействие, так как преобладающий тип мотивации у них – профессиональный. В противовес этому заметно вырос статус ряда экономических и особенно коммерческих служб, которые расширяются. Работники практически всех служб заводоуправления (кроме коммерческих) рассматривают структурные преобразования на предприятии чаще всего негативно, видя в них опасность дальнейшего ухудшения своего положения. В своем отношении к приватизации предприятий, акциям и участию в управлении они еще более ортодоксальны, чем рабочие, и не претендуют на статус реальных собственников, совладельцев предприятия.

В изменившихся социально-экономических условиях новые основания приобрел традиционный конфликт интересов между пожилыми работниками с большим стажем и молодежью. Достаточно благополучная в прошлом социальная группа *пожилых работников* попала в число наиболее неблагополучных. Им трудно адаптироваться к новым условиям, требованиям и нормам работы и жизни, им чужды как понятия частной собственности, так и принципы самостоятельного хозяйствования и хозрасчетных отношений; они – первые кандидаты на увольнение. Именно эта группа в первую очередь оказалась беззащитной перед администрацией, когда на предприятиях ликвидированы парткомы, а традиционные профсоюзы находятся в кризисе. Самостоятельным субъектом трудовых отношений эта группа не явится, а ее сопротивление рыночным нововведениям может тормозить адаптацию некоторых предприятий к новым экономическим условиям. Изменения в положении *молодежи* неоднозначны; ухудшились условия для их обучения и повышения квалификации, они лишились собственной организации (комсомола), они утратили интерес к работе в промышленности. Вместе с тем молодые работники, чья квалификация определяется не столько опытом, сколько образованием (программисты, наладчики сложного оборудования), повысили свой статус на предприятиях. И наконец, совершенно иная ситуация среди управленцев высшего и среднего звена – здесь делается сознательная ставка на обновление и омоложение кадров (особенно в экономических и коммерческих службах).

Итак, трудовые отношения в России заметно меняются, однако процесс этих изменений далеко не гладкий, а их темпы не так высоки, как ожидалось. Причин такого развития событий несколько, но главная из них состоит в том, что в экономике России продолжают пока преобладать дезинтеграционные процессы и все основные субъекты социально-трудового партнерства (работники, работодатели и государство) слабы, плохо консолидированы и не считают установление партнерских отношений друг с другом самой значимой для себя ценностью.

В целом, данная коллективная монография охватывает теоретическими и эмпирическими исследованиями практически все основные направления реформирования России. Мы выделили лишь некоторые из них, наиболее, как нам кажется, значимые для изучения трансформационных процессов в Республике Беларусь. Главное, на что хотелось бы обратить внимание, это – пути и способы разработки новых социологических концепций для объяснения трансформационных процессов коллективом ученых Новосибирской экономико-социологической школы, основные достижения которой представлены в монографии "С.Т.Р.Р.".

Г.Н. Соколова

СОЦИАЛЬНАЯ УСТАНОВКА – фиксированная в социальном опыте личности (группы) предрасположенность воспринимать и оценивать социально значимые объекты, а также го-

товность личности (группы) к определенным действиям, ориентированным на социально значимые объекты.

Понятие "У." было введено впервые в экспериментальной психологии (Л. Ланге, 1888) при изучении особенностей восприятия и понималось как целостная модификация состояния субъекта, направляющая его реакции и взаимодействие (Олпорт – см., Ф. Хайдер, С. Аш, Л. Фестингер). Эффекты "У." непосредственно обнаруживаются в согласовании возникающих конфликтных содержаний. В теории Узнадзе "У." – центральный объяснительный принцип, опосредующий процессы идентификации, номинации, логического мышления. Она означает представленность единого феномена в сфере когнитивного, аффективного и поведенческого.

В социологии понятие "С.У." (attitude) используется впервые Томасом (см.) и Знанецким (см.) для обозначения ориентаций индивида в качестве члена группы относительно ценностей группы. "Определение ситуации" индивидом посредством С.У. и ценностей группы дает представление о степени адаптации индивида. Таким образом, attitude в отличие от "У." в исходном психологическом смысле фиксирует в большей мере ценностное (нормативное) отношение к социальному объекту, указывает и на факт переживания, и на факт разделенности (коммуницируемости). Основной метод измерения С.У. – шкалирование (Р. Ликерт, Л. Терстоун, Л. Гутман, Э. Богардус), распространенное в исследованиях массовых информационных процессов. Совокупности У. изображаются в виде иерархии диспозиций (лат. dispositio – расположение): элементарная фиксированная У. (ситуационная, set), социальная фиксированная У. (обобщенная, attitude), общая доминирующая направленность личности. Диспозиционная концепция С.У. устанавливает связи между социологическими, социально-психологическими и общепсихологическими подходами.

Д.М. Булынко

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ – раздел философии, определенным образом описывающий качественное своеобразие общества, его законы, социальные идеалы, генезис и развитие, судьбы и перспективы, логику социальных процессов. Доминантной характеристикой С.Ф. как совокупности социально-нормативных учений можно считать установление норм общественной жизни, а не рассмотрение ее в конкретной действительности. В качестве пограничной дисциплины С.Ф. анализирует общественные проблемы в контексте категориально-понятийных рядов теоретической социологии, с одной стороны, и сопряженных дисциплин (политической экономии, антропологии, культурологии, психологии и др.) – с другой. Родоначальниками этой традиции в 19 в. выступили Сен-Симон (см.), Конт (см.), Маркс (см.) и Энгельс (см.), Спенсер (см.), а также представители социологического психологизма (см.).

Неомарксизм (см.) 20 ст. соединил социологическую парадигму теоретической реконструкции общества с философско-антропологическим и психологическим подходами. (Согласно Хоркхаймеру – см., С.Ф. – это рефлексия общественной теорией своей собственной социальной обусловленности, что и делает данную теорию "истинно критической".)

В современном обществе С.Ф. становится рефлексирующим выражением динамики развития современного обществознания, "в границах" которого она оказывается. С.Ф. наследует классической философии истории, занимаясь проблемами социальной эволюции и направленности общественных процессов. Не постулируя схем исторического процесса, систем его ценностей и смыслов, С.Ф. опирается (прямо или косвенно) на опыт повседневной деятельности людей и результаты исследований социально-гуманитарного плана. Между философией истории и современной С.Ф. отсутствует непосредственная связь: "лакуна" была почти на столетие заполнена позитивистскими схемами исследования и социологией, которая стремилась элиминировать вопрос о философском осмыслении социального бытия и его познания.

В середине 20 в. социология была вынуждена отступить перед проблемой "человеческого измерения" процессов трансформации социальных систем и признать вопрос о "возвращении людей в теорию" (Хоманс – см.). С.Ф. оказалась перед необходимостью формировать мировоззрение, опирающееся на проблемность социального бытия и познания и дающее некую систему ориентиров человеческой деятельности. В плане динамики и циклического представления социальных процессов мировоззренческая и методологическая функции С.Ф. оказываются взаимообусловленными, а сама С.Ф. предстает особой формой рационального знания, осознающей прерывность социального процесса и обеспечивающей эвристическое понимание его континуальности. В последней четверти 20 в. С.Ф. находит новые импульсы саморазвития в границах радикальной социологии (Гоулднер – см. и др.) и в постструктурализме (Фуко – см. и др.).

А.А. Грицанов

СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ – отношение двух социальных объектов, при котором изменению одного из них сопутствуют изменения другого объекта. В социальных науках под функциями понимаются некоторые устойчивые характеристики объекта, совокупность которых дает общее представление о месте того или иного объекта или процесса в происхождении, существовании, развитии глобального целого, а также о взаимосвязи и зависимости его составляющих.

Понятие "функция" (от лат. functio – исполнение, осуществление, соответствие, отображение) введено в научный оборот Г. Лейбницем. В социологии "функция" выступает как понятие, отражающее зависимость между объектами различного статуса, различных классов, видов и групп, между частью и целым; выполнение тем или иным объектом определенной социальной роли; осуществление определенного назначения, долговременной цели или задачи с достижением определенных результатов, заданной совокупности последствий, которые обеспечивают полезность, необходимость, устойчивость существования объекта. Совокупность наблюдаемых социальных последствий существования того или иного объекта социальной структуры способствует поддержанию упорядоченности внутри этой структуры и баланса между той или иной структурой и внешней средой. Под объектами в данном случае понимаются не только материализованные комплексы, но и те или иные процессы и социальные отношения (например, функции воспитания, дисциплины).

Функции социальных институтов и систем вырабатываются в ходе объективного исторического процесса как социально-необходимый инструмент жизнеподдержания и поступательного развития общества. Нормальное существование социальных систем называют их функционированием. Чем сложнее социальный объект, тем сложнее и богаче система его С.Ф.

Понятие "С.Ф." имеет несколько значений, используемых в социологии: 1) внешнее проявление свойств какого-либо объекта, процесса в той или иной системе отношений (функция-

свойство); 2) роль, которую выполняет определенный социальный институт или процесс по отношению к целому (функции-роли); 3) связь частей с целым, их взаимозависимость (напр., функция преемственности в системе воспитания, функция рационализации в системе управления) (функции-связи). Кроме того, функциональное расчленение сложных объектов, связанное с морфологическим и системным подходами к ним, позволяет, с одной стороны, осуществлять дифференцированное их рассмотрение (как и само существование) с ориентацией на углубленную специализацию, с другой – углублять межобъектную интеграцию.

Понятие "С.Ф." используется в социологии с самого начала существования этой дисциплины. Одним из первых, кто попытался систематически применять его в исследовании общества, был французский социолог Э. Дюркгейм (см.). Социологическое объяснение, по его мнению, покоится на объяснении данного явления в терминах социальных причин и С.Ф., исследуемых отдельно друг от друга. Само понятие "С.Ф." Дюркгейм трактовал в биологическом смысле.

По Дюркгейму, функция социального института, или социального явления (С.Ф.), состоит в налаживании соответствия между ними и определенной потребностью общества, в рамках которого существует данное явление, институт. Например, "спрашивать, какова функция разделения труда, это значит исследовать, какой потребности оно соответствует" (Дюркгейм Э. О разделении общественного труда). Дюркгейм признавал необходимость тщательного анализа С.Ф., хотя отдавал приоритет причинному подходу. Он не настаивал на том, что все социальные явления имеют функции или что все, принимаемое людьми за функции, объективно таковым является. Понятие "С.Ф." "работает" у Дюркгейма, если в качестве методологической предпосылки принять утверждение, что существует социальная система, которая должна иметь необходимое условие для своего существования и отвечать тому, что ожидает от этой системы общество.

На основе все более многостороннего вычленения функций и определения их взаимного пересечения, взаимодополняемости, взаимозависимости в социологии сформировался особый методологический принцип системно-функционального анализа, или функционализм. Он основывается на вычленении изучаемого объекта или процесса для рассмотрения его как целого и определения его места и роли в высшем по социальной иерархии целом, разложении его на составляющие (части, элементы, компоненты, постоянные и переменные), установлении характера и специфики связей между ними и целым, определении его социодинамики, т.е. ускорения его развития на базе упрочения и прогрессивного изменения функции целого и его частей, которые могут совпадать и не совпадать, но должны взаимно дополнять одна другую. Точка отсчета в функционализме – определение целого: способ его вычленения обусловливается явными или скрытыми предпосылками теоретического мышления. Ранний функционализм, опиравшийся на три позитивистских постулата – функционального единства общества, универсального функционализма, функциональной необходимости, – был предназначен скорее для описания существующего общества в позитивном ключе, чем для критического его анализа. Как показал наиболее яркий представитель функционализма 20 в. Р. Мертон (см.), в зависимости от исходных предпосылок функциональный подход к анализу может быть и эвристичным. Он способствует раскрытию механизмов и законов воспроизводства социального целого. Кардинальное изменение функции целого или его основных частей приводит к перестройке социальных механизмов – управления, мышления, деятельности и т.п.

В социологических исследованиях изучение функции социальных институтов и систем – одна из основных задач социологии, особенно специальных социологических теорий. Эффективность ее решения зависит от полноты методологического и процедурного подходов в определении и анализе С.Ф. и реализации их в социальной практике. В ходе социологического анализа реализации С.Ф. теми или иными социальными институтами необходимо определять не только ее полноту и эффективность, но и выявлять причины, по которым та или иная функция слабо реализуется или не реализуется вовсе. Так, ослабление функции социального контроля (см.) приводит, как правило, к различного рода социальным деформациям, к разладке функционирования элементов целого. В системе образования и воспитания ослабление функции социального наследования негативно сказывается на формировании гражданской морали молодого поколения.

В социологических исследованиях важным моментом является построение системы С.Ф. При этом социологам прежде всего следует определить основную (или основные) С.Ф. всех социальных институтов общества. Они и будут интегрирующими функциями (например, в науке – это познавательно-преобразующая, в политике – мобилизующая, в морали и праве – регулятивная, в образовании – познавательная и т.д.). Это не принижает значения других, вспомогательных функций. Их также необходимо тщательно анализировать (в т.ч. ход их реализации).

Грандиозная попытка соединения теоретического и эмпирического трактования понятия "функция" была осуществлена американским социологом Р. Мертоном в работе "Социальная теория и социальная структура". Он различает 5 значений этого термина: 1) общественное поручение, возложенное на конкретного исполнителя; 2) специализированный род занятий, составляющий для индивида постоянный источник деятельности (в более узком смысле – конкретная деятельность, связанная с тем или иным социальным статусом и определенными сферами ролевой деятельности); 3) функция в математическом смысле, когда некая переменная величина есть функция другой или нескольких переменных, если ее значение однозначно определено значением другой переменной; 4) функция как системообразующий принцип связи структурных единиц; 5) функция как объективное следствие, благоприятное для приспособления социальной системы и достижения состояния интегрированности. В этом смысле функция противопоставляется субъективным намерениям отдельных лиц, которыми они начинают практическую реализацию своих представлений о функциональности. Мертону принадлежит разделение функций социальной системы на явные и скрытые (латентные). Анализ латентных функций более сложен, но необходим при исследовании социальных объектов. Кроме того, Мертон ввел в научный обиход социологии еще одно важное понятие – "дисфункция" (выполнение теми или иными частями целого разрушающей, тормозящей роли). Теоретическое и эмпирическое изучение социальных дисфункций не менее важно в исследовании, чем изучение С.Ф. объекта.

Л.Г. Титаренко

СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ – понятие, используемое для обозначения внутренне единой системы социальных изменений, совершающихся в силу общих принципов (законов) системы и выявляющихся в определенных общезначимых тенденциях, ведущих к тем или иным социальным новообразованиям. С эволюционной точки зрения, общество рассматривается как сложная самоорганизующаяся система, где ведущую роль играют адаптивные процессы, направленные на решение возникающих проблем в ходе взаимодействия элементов системы. При этом предполагается четкое выделение эволюционирующих комплексов, взаимосвязанных цепей событий, а также стадий, этапов изменений в контексте большого интервала времени.

В античном мире идея эволюционизма лишь концептуально оформлялась (Демокрит, Аристотель), широкое же распространение он приобретает на основе христианской концепции священной истории (Августин). Статус философского термина понятие "Э." получает у Николая Кузанского. Мыслители Нового времени обращаются к многостороннему анализу социальных изменений в рамках естественной эволюции мира. С.Э. отождествляется с прогрессом как бесконечным совершенствованием общества на основе духовного развития человека. При этом Э. трактуется в духе преформизма (Гегель, Маркс), т.е. представления, что исторический процесс изначально предопределен его исходной сущностью, которая разворачивается во времени, – наподобие роста растения из зерна. Это выливается в идею финализма (например, в утопиях), согласно которому существует некое заранее известное конечное состояние Э. Однако в рамках преформизма и финализма оказывается неразрешимой проблема возникновения нового в социальной жизни. Огромное влияние социальный эволюционизм приобретает в 19 в. под воздействием учения Ч. Дарвина.

Развернутую теорию С.Э., заложившую основы современного понимания эволюции, создал Спенсер (**см.**). Согласно Спенсеру, С.Э. есть движение от однородного к разнородному, единство дифференциации и интеграции, достижение социального равновесия в ходе адаптации системы к внешним и внутренним изменениям. Спенсер отказывается от отождествления С.Э. и прогресса; Э. включает различные формы и направления, подлежащие оценке. С.Э. есть естественный процесс, который нельзя ускорить: человек может только исказить или задержать его ход. В итоге С.Э. начинает рассматриваться как совокупность изначально непредопределенных социальных изменений, когда в ходе взаимодействия элементов начинает действовать "эффект сборки" и возникает новое.

Ориентация ранних эволюционистов на раскрытие С.Э. через изменения безличных структур вызвала в первой половине 20 в. широкую критику эволюционизма вплоть до отказа от него. В результате в рамках неоэволюционизма (Парсонс – **см.** и др.) С.Э. стала рассматриваться как дифференциация в социокультурном и личностном измерениях, причем эволюционирует не само по себе социальное (это абстракция); эволюционируют действующие в контексте определенной системы ценностей индивиды (М. Вебер). На основе данной идеи синтезируются типологический, психологический и культурно-антропологический подходы к С.Э., которая рассматривается как взаимодействие культурной и социальной систем, где культурная система через ценности (образцы) задает структуру мотивации индивидов, а социальная система – условия реализации мотивов. В процессе декодирования культурных матриц и создания новых кодов через движение от одного стационарного состояния к другому общество достигает динамического равновесия. Одновременно на основе общественного разделения труда дифференцируются функции и структуры, увеличивается автономность социальных единиц, развязываются ресурсы.

Достаточно сложным является вопрос об источниках (факторах) С.Э., в качестве которых назывались самые различные явления (географическая сфера, экономика, классовая борьба и др.). Поскольку социальную жизнь правомерно рассматривать как взаимодействие, т.е. обмен духовным, культурным опытом, то здесь и возможно искать исходный пункт социальных изменений. Источник С.Э. – модели мира, создаваемые людьми и определяющие пути, на которых в социальных действиях индивиды реализуют свои интересы, находя способы решения проблем (спасения) и тем самым вводя инновации, что, естественно, порождает новые проблемы – Конт (**см.**), М. Вебер (**см.**), Сорокин (**см.**). При этом возможен как революционный способ изменений, так и более эффективный реформистский, опирающийся на знание конкретных условий и соответствующий человеческой природе. Недопустимо сводить С.Э. к какой-то одной форме развития, она включает множество как измерений, так и изменений. В зависимости от решаемых задач и уровня исследования могут вычленяться этапы С.Э. (например, "историческая эпоха", "культурный цикл"). Поскольку в силу многообразия изменений С.Э. присущи тенденции конкуренции и дивергенции (особенно в современном обществе), то особое значение имеет нахождение механизмов кооперативности изменений с целью достижения компромиссов и солидарности на основе общих целей в процессе сравнения альтернатив. В качестве таковых механизмов должны прежде всего рассматриваться рынок и правовая демократия.

С.Э. современной цивилизации имеет ряд отличительных особенностей в силу радикального изменения способа существования людей, что снижает уровень социальной устойчивости и открывает возможности самых неожиданных результатов. Включение различных народов в общий для всех процесс требует учета многообразных факторов при отказе от единого образца С.Э. С учетом того, что человечество в собственной истории неоднократно сталкивалось с множеством опасностей, с непредсказуемыми последствиями, возникла задача направляемой С.Э. на основе коллективного разума. Речь идет не об определении однозначного направления С.Э., что невозможно в силу непредсказуемости поведения неустойчивых динамических систем, а о поддержке таких тенденций, которые способствовали бы гуманизации общества. При этом С.Э. через коэволюцию общества с природой должна быть вписана в эволюцию универсума, что выражается в концепции универсального (глобального) эволюционизма (И. Пригожин, Н. Моисеев).

Г.Я. Мирепков

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ – недавно возникшая научная дисциплина, предметом которой является изучение закономерностей воздействия общества на биосферу и тех изменений в ней, которые оказывают влияние на общество в целом и каждого человека в отдельности. Концептуальное содержание С.Э. охватывается такими разделами научного знания, как экология человека, социологическая экология, глобальная экология и др. Наличная разноречивость в понимании сущности С.Э. обусловлена широтой охвата проблем, изучаемых ею. Так, в момент своего возникновения экология человека была ориентирована на выявление биологических и социальных факторов развития чело-

века, установления адаптационных возможностей его существования в условиях интенсивного промышленного развития. Впоследствии задачи экологии человека расширились до изучения отношений человека и среды обитания и даже проблем глобального масштаба.

По мнению ряда ученых (М.И. Будыко, С.С. Шварц), предметом экологии человека является изучение глобальных проблем взаимодействия общества и природы, поиск закономерностей планетарного масштаба. Экология человека изучает развитие и взаимодействие человека (общества) с окружающей средой в различных аспектах (экономическом, техническом, физико-техническом, социально-психологическом) и призвана определить оптимальные условия существования человека, включая допустимые пределы его воздействия на окружающую среду. Такое предельно широкое понимание задач экологии человека сближает ее предметное содержание с глобальной экологией, включающей комплекс глобальных проблем взаимодействия человека и природы (С.С. Шварц). Подобного рода отождествление вряд ли обоснованно, поскольку глобальная экология охватывает процессы изменений на уровне биосферы в целом, экология же человека касается места и роли человека в биосфере, рассматривает социально-гигиенические и медико-генетические изменения его здоровья. Сложившаяся расплывчатость в определении предмета этих дисциплин (глобальной экологии и экологии человека) – свидетельство методологической непроясненности их содержательных аспектов. В этом контексте термин "С.Э.", четко указывающий на связь и взаимодействие общества с окружающей средой, приобретает в современной науке строгий и однозначный смысл.

Главное содержание С.Э. сводится к необходимости создания теории взаимодействия общества и биосферы, поскольку процессы данного взаимодействия включают в себя и биосферу, и общество в их взаимовлиянии. Следовательно, законы данного процесса должны быть в известном смысле более общими, чем законы развития каждой из подсистем в отдельности. В С.Э. четко прослеживается основная идея, связанная с изучением закономерностей взаимодействия общества и биосферы. В центре ее внимания поэтому и оказываются закономерности воздействия общества на биосферу и те изменения в ней, которые влияют на общество в целом и каждого человека в отдельности. Одной из важнейших задач С.Э. (и в этом плане она сближается с социологической экологией – О.Н. Яницкий) является изучение способности людей приспосабливаться к происходящим переменам в окружающей среде, выявление недопустимых границ изменений, оказывающих отрицательное воздействие на здоровье людей. Сюда входят проблемы современного урбанизированного общества: отношение людей к требованиям среды и к среде, которую формирует индустрия; вопросы ограничений, которые накладывает эта среда на отношения между людьми (Д. Маркович). Основной задачей С.Э. является изучение механизмов воздействия человека на окружающую среду и тех преобразований в ней, которые выступают результатом человеческой деятельности. Проблемы С.Э. в основном сводятся к трем основным группам: планетарного масштаба – глобальный прогноз на население и ресурсы в условиях интенсивного промышленного развития (глобальная экология) и определение путей дальнейшего развития цивилизации; регионального масштаба – изучение состояния отдельных экосистем на уровне регионов и районов (региональная экология); микромасштаба – изучение основных характеристик и параметров городских условий жизни (экология города, или социология города).

П.А. Водопьянов

СОЦИАЛЬНОГО ОБМЕНА КОНЦЕПЦИЯ – (1) – в узком смысле – теория, разработанная в американской социологии усилиями Блау (см.), Хоманса (см.), Р.М. Эмерсона и их последователей; (2) – в широком смысле – направление в социальном знании (социологии, социальной антропологии, социальной психологии, а также экономики и политологии), трактующее суть социальной жизни как обмен различными типами деятельности, которая, в свою очередь, понимается как обмен чего-либо на что-либо в актах социального взаимодействия с целью удовлетворения потребностей и интересов социальных субъектов (под которыми в большинстве случаев понимаются атомарные социализированные индивиды).

Теоретические основы С.О.К. были заложены в экономическом и этическом утилитаризме А. Смита, И. Бентама, Дж.С. Милля и др., закрепившем принцип оценки явлений с точки зрения их полезности и выгодности, возможности служить средством для достижения какой-либо цели. Согласно экономической версии С.О.К., человек рационально стремится максимально увеличить совокупность своих материальных благ в процессах обменных (деловых) операций, осуществляемых в рамках рынка. В рамках этих представлений была выработана модель так называемого "экономического" человека ("калькулирующего" максимализацию выгоды и минимизацию затрат и действующего на основе расчета издержек) и представление о "невидимой руке рынка" (приводящей цели и интересы индивидов, противостоящие друг другу в конкретных экономических ситуациях (микроуровень), к "согласованию" (балансу) в рамках макроструктуры рынка как такового). В этической версии утилитаризма поведение людей трактуется через их естественное стремление (рационализируемое в конкретных действиях и поступках) испытывать наслаждение и избегать страданий.

Эти версии и модели, переосмысленные в прагматизме, и явились отправной точкой анализа в собственно С.О.К., развитие которой шло параллельно и во многом во взаимодействии (с заимствованием ряда идей и методологических принципов исследования) с антропологическими версиями С.О.К.: Малиновский (см.), Мосс (см.), Леви-Строс (см.) и др.

Социальная антропология существенно изменила и усложнила представления о социальных обменах на основе анализа базовых процессов традиционных обществ. Было показано, что: 1) обмены сложно мотивированы; 2) они стремятся к институционализации и закреплению в культурных образцах и моделях; 3) институциализации обменов играют организующую роль в социальных структурах; 4) позиции, статусы и роли в обменах ведут к процессам социальной дифференциации и иерархизации; 5) значительную часть обменов составляют символические интеракции (взаимодействия), формирующие и закрепляющие различные типы социальности; 6) обмены в большинстве случаев осуществляются внутри социальных групп и от их имени в сложных ценностно-нормативно организованных социальных структурах; 7) характер обменов зависит от ценности перераспределяемого в них ресурса и регулирующих их норм взаимности: обоюдные (прямые) обмены и односторонние (косвенные) обмены, в которых баланс интересов достигается лишь в конечном итоге через целую цепочку обменов и только в определенной социальной целостности.

Развитие социологической С.О.К. шло под лозунгом возвращения человека в социологический анализ, вызванном во многом неудовлетворенностью схемами анализа социального поведения, предложенного бихевиоризмом, с одной стороны, и необходимостью акцентировать внимание на микросоциологическом уровне анализа социальной реальности – с другой. Однако в отличие от символического интеракционизма, исходившего из тех же задач и пошедшего по пути преодоления принципов бихевиоризма и позитивистской методологии анализа, представители С.О.К. предложили по сути их новую реформированную редакцию. Так, вместо концептов пользы (выгоды) и издержек (затрат) были соответственно введены понятия вознаграждения и наказания, что позволило внутри теории обсуждать проблемы мотивированности как отдельных актов, так и обмена в целом, а также принципы выбора тех или иных стратегий поведения. Сохранив исходные положения о рациональности поведения участников и базовости для формирования социальной реальности отношений обмена с целью получения вознаграждений и избегания наказаний, теоретики С.О.К. пошли по пути смягчения исходных посылок анализа. Было признано, что поведение людей далеко не всегда рационально, они редко действуют по экстремальным моделям (типа "стремления к максимальному увеличению прибыли"), часто избираются не самые эффективные стратегии поведения и т.д. Главное же – была выработана методологическая установка на преодоление бихевиористского редукционизма (в наибольшей степени он присущ внутри С.О.К. Хомансу) макроструктур к микроанализам непосредственного поведения.

Основное внимание Блау и Эмерсона было уделено как раз поиску механизмов переходов от микроуровня к макроуровню социальной реальности и адекватных способов их описания (усиление внимания к ценностно-нормативным механизмам; обнаружение "вторичного" подкрепления удачных стратегий поведения (вне самой ситуации обмена); анализ механизмов распределения власти, взаимодействия групп, социальных институтов; учет фактора социокультурной памяти: введение концептов "обменные цепочки", "сети обмена", "продуктивный обмен" и т.д.). Многие положения С.О.К. близки концепции социальных ролей (Р. Линтон и др.), однако в целом отличаются от нее прежде всего акцентом на исследование процессуальности социальной реальности. В поздних версиях С.О.К. заметно возрастание интереса к исследованию структур. В значительной мере С.О.К. (как и теория ролей) оказалась интегрирована в структурно-функциональный анализ в социологии.

В.Л. Абушенко

СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ – процесс непосредственного или опосредованного воздействия социальных объектов друг на друга, в котором взаимодействующие стороны связаны циклической причинной зависимостью. С.В. как вид связи представляет интегрированность действий, функциональную координацию их следствий, т.е. систему действий. Возникает из совместного участия объектов В. в сложной, подвижной сети социальных отношений, задавая способы реализации совместной деятельности, оказываясь основанием общественной солидарности.

Социокультурные опосредования С.В. анализируются в различных моделях, акцентирующих его институциональные или коммуникативные следствия. Для Хоманса (**см.**) диадическое В. (непосредственно личностное) как субстанциальный уровень поведения исследуется с позиции теории обмена, исходя из стремления взаимодействующих индивидов к максимизации выгод и минимизации потерь. Понятие обмена потенциально включает в себя любое действие, характеризуя и процессы, происходящие на институциональном уровне. Функцию приведения системы в равновесное состояние выполняет комплекс институционализированных ожиданий, правил обмена. Парсонс (**см.**) рассматривает социальную систему как созданную процедурами взаимодействия индивидов, каждый из которых одновременно и деятель, преследующий собственные цели, и объект ориентации для других деятелей. Индивидуальные действия направляются взаимосогласованными экспектациями. Регулярное и длительное воспроизведение ситуаций В. приводит к стандартизации ожиданий и формированию норм, структурирующих в глазах индивидов модели взаимодействия и задающие обязательства участия в них (социальные роли). Социальное действие и В. оказываются продуктом исполнения ролей, которые деятель получает извне и интернализует.

Введение социальных значений как культурных детерминант, критериев С.В. позволяет рассматривать действие как детерминируемое характеристиками системы. Эмерджентность социальности, возникающей в ходе В., не существующая до и вне этих В., представлена интеракционистскими концепциями. В символическом интеракционизме акцент переносится со стандартизированного ролевого поведения на процессы выработки значений, интерсубъективного определения и переопределения ситуации в ходе С.В. Социальный мир (единство Я и Другого) актуализируется в виде интерсубъективного мира значений, повседневно конструируемых посредством общих жестов, символов и языка, и интерпретируется в терминах объективированных и осмысленных экспектаций. Социальные структуры как совокупность схем типизаций, на языке которых возможно понимание и общение, определяет ситуацию индивидуального Я через создание способов В. "Я" и социального мира – рутинных процедур его интерпретации и конструирования членами общества как объективного для них (феноменологическая социология, этнометодология).

С.А. Радионова

СОЦИАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ – неравновесное, несимметричное отношение и взаимосвязь индивидов, а также малых социальных групп, в границах которого одна сторона (субъект С.В.) способна навязывать другой стороне (объекту С.В.) собственные убеждения, социальные установки, побуждения и мотивации к мышлению и действию.

В современной социальной психологии С.В. традиционно подразделяется на вознаграждающее и принуждающее (технология "кнута и пряника"), легитимное (инициированное государством и его органами), а также экспертное (основанное на знании в той его версии, которая санкционирована властью). См. также: **Власть, Фуко.**

E. Mucha-Szajek

СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ (обычно во мн.ч.) – массовые коллективные действия одной или нескольких социальных групп (**см.**), связанные с обеспечением групповых или общественных интересов, удовлетворением потребностей как материальных, так и духовных, и направленные на социальные изменения или сопротивления им в конфликтном противодействии с другими социальными группами. Г. Блумер (**см.**) считает, что

"социальные движения можно рассматривать как коллективные предприятия, направленные на установление нового строя жизни. Их начало коренится в состоянии беспокойства, а движущая сила проистекает, с одной стороны, из неудовлетворенности настоящей формой жизни, а с другой – из желаний и надежд на какое-то новое устройство существования".

Содержание понятия "С.Д." органически связано с такими социальными процессами, как коллективные действия, социальные изменения и сопротивления им, конфликтное взаимодействие соперничающих групп и классов, социокультурные ориентации различных сообществ, их борьба за социальный контроль. Но коллективные действия, ориентация их на социальные изменения или сохранение существующих порядков (социальной системы) в неизменном виде, конфликтное соперничество с другими социальными группами всегда оказываются обусловленными групповыми или общественными интересами и целями взаимодействующих социальных групп. Под определение С.Д. подпадает широкий круг движений: экологических, феминистских, религиозных, революционных, политических, молодежных и др.

Следует отличать С.Д. от социальных институтов (**см.**). Если социальные институты представляют собой относительно устойчивые и стабильные общественные образования, выполняющие функцию воспроизводства человека и определенных социальных отношений и взаимодействий в определенных циклах, то С.Д. высокодинамичны, изменчивы и имеют неопределенные жизненные циклы. Кроме того, С.Д. в отличие от социальных институтов не имеют устойчивого институционального статуса и часто не направлены на сохранение существующей системы в неизменном состоянии, а, напротив, ориентированы на социальные изменения.

С.Д. существенно отличаются и от социальных организаций (**см.**). Если социальные организации в большинстве своем являются формальными образованиями с отчетливо выраженным официальным членством и фиксированными уставами, нормами и правилами взаимодействия, жестко закрепленными социальными статусами (**см.**) и социальными ролями (**см.**), то С.Д. не обладают такими признаками, для них характерны спонтанность, неустойчивость культурных образцов и норм, отсутствие жестко закрепляемых за отдельными людьми социальных статусов и ролей.

Для социологического изучения С.Д. весьма существенное значение приобретает их типологизация. Следует подчеркнуть, что типологизация этих процессов является довольно сложной процедурой, поскольку одно С.Д. может стать лишь промежуточным этапом для развития другого, одни из них отчетливо политизированы, другие решительно декларируют свою неполитическую направленность, одни носят экстремистский характер, демонстрируют приверженность к крайним взглядам и действиям, другие проповедуют взвешенность, умеренность во взглядах и действиях. Поэтому в процессе их типологизации правомерно выделять наиболее общие и существенные признаки С.Д., их своеобразные "идеальные типы", инварианты, имеющие множество вариативных проявлений.

Одним из распространенных типов рассматриваемого социального процесса являются общие С.Д. К их числу относят обычно рабочее, молодежное, женское движение и движение в защиту мира. Основное содержание деятельности в таких движениях составляют попытки добиться всеобъемлющих изменений человеческих ценностей. Характерные особенности общих С.Д. можно свести к следующему.

Во-первых, они проявляются в стремлении множества людей развить какую-то новую точку зрения на свое положение в обществе и на свои права, точку зрения, основанную на желаниях и надеждах. Следовательно, их становление и развитие связано с возникновением новых интересов и предположений, новых представлений людей о самих себе и (или) с формированием неудовлетворенности там, где прежде этого не было. Именно таким образом складывалось рабочее, а затем женское движение.

Во-вторых, становление общих С.Д. протекает как процесс нащупывания каких-то новых ценностей и направлений деятельности в форме некоординированных или слабо координированных попыток. У них, по справедливому замечанию Г. Блумера, "есть только какое-то общее направление, в котором они продвигаются медленно, спотыкаясь, но настойчиво. Эти движения неорганизованны, не имеют ни устойчивого руководства, ни признанного членского состава; им свойственна низкая степень управления и контроля".

В-третьих, такие движения направляют свою деятельность на самые различные сферы общественной жизни (женское, например, вторгается и в сферу образования или культуры, и в область промышленности, и в сферу быта, семьи, досуга, и в сферу политики, и т.п., причем в каждой из них ищет таких перемен, которые бы повышали социальный статус женщины.

В-четвертых, общие С.Д. развиваются преимущественно неформально и зачастую неофициально. Средствами их развития становятся прежде всего беседы, дискуссии, чтение соответствующей литературы и следование определенным образцам поведения. Поэтому имеющиеся в их деятельности достижения сосредоточены в большей мере в области индивидуального опыта, чем в хорошо заметной со стороны и согласованной деятельности организованных групп. Чаще всего они оказываются достаточно расплывчатыми, не имеющими общего оформления конгломератами индивидуальных линий и способов поведения, основанных на индивидуальных (реже – групповых) предпочтениях, симпатиях и антипатиях, решениях и действиях.

Наряду с общими в современном обществе имеют широкое распространение специфические С.Д. Нередко они возникают на тех социальных основах, которые присущи общим С.Д., но придают им более конкретное воплощение в своих целях и действиях. Их вполне правомерно рассматривать как кристаллизацию значительной части мотивации неудовлетворенности, надежд и стремлений, пробужденных общим С.Д., со сосредоточением этой мотивации на какой-либо специфической цели. Так, например, на общей платформе рабочего движения возникают и развиваются такие различные по целям и средствам борьбы специфические С.Д., как коммунистическое, социал-демократическое, христианско-демократическое.

Главная отличительная особенность специфического С.Д. – наличие у него четко определенной цели, которую оно стремится достигнуть своими активными действиями. С этим связана и вторая его особенность – наличие организационного оформления (скажем, членство в политической партии, существование ее программы и устава и т.п.), определенной, нередко четко иерархизированной и разветвленной структуры. В процессе своего развития оно формирует определенное, только ему присущее мировоззрение и связанные с ним идеологические установки и системы ценностей, определенные наборы социальных ожиданий и ориентаций, правил поведения. Все это вместе взятое составляет третью его отличительную черту. Четвертая особенность специфического С.Д. заключается в том, что внутри его

складывается определенное разделение труда, а входящие в его состав индивиды обладают определенными социальными статусами, часть из них входит в состав признанного и принятого всеми участниками руководства данным движением. Пятая особенность специфических С.Д. проявляется в наличии у них определенной стратегии социальной деятельности и тактики ее осуществления применительно к изменяющимся обстоятельствам, в проведении агитации и пропаганды, ориентированных на привлечение новых индивидов и групп в состав движения, расширение ареалов его деятельности, увеличение авторитета и степени влияния на развитие социальных процессов.

Приведенные особенности показывают, что достаточно развившееся и оформившееся специфическое С.Д., постепенно обрастая системой упорядоченных статусов и ролей, устоявшихся норм и правил поведения, формализованной структурой, фактически достигает стадии социальной организации, а в случае успешного решения поставленных задач становится социальным институтом, как это случилось, например, с развитием коммунистического движения в царской России, а затем и в Советском Союзе.

Политические движения. В тех случаях, когда массовые действия направлены на завоевание, укрепление или ниспровержение политической власти, существующего политического режима, государственных органов или выражаются в требованиях, обращенных к государству и другим властным органам, специфические С.Д. приобретают характер движений политических. Чрезвычайное многообразие политических движений, вызывающих их причин, а также вовлекаемых в них социальных групп, слоев, классов лишает понятие "политические движения" аналитической строгости. Этот тип движений может классифицироваться, исходя из состава основной массы участников (крестьянские, пролетарские, феминистские и др.); мотивации (религиозные, социокультурные); целей (движения сопротивления, национально-освободительные и др.); особенностей субъективно принятой или объективно сложившейся стратегии (революционные, реформистские и др.); тактики действий (экстремистские, легалистские, гражданского неповиновения и т.п.).

Конкретные политические движения могут иметь страновой характер, т.е. охватывать значительные массы населения в одной стране. Таковыми являлись английский чартизм – политическое движение пролетариата в 1830-1850, цели и требования которого были выражены в так называемой "Народной хартии" (1838), или аболиционизм – развернувшееся в конце 18 – начале 19 вв. в США массовое движение за отмену рабства негров; движение диссидентов в 1970-1980-е в бывшем Советском Союзе.

Политические движения могут распространяться и в нескольких, и многих странах, приобретая тем самым международный характер, каким было, например, анархистское движение во второй половине 19 – начала 20 вв. Широко известно движение сопротивления – развернувшееся во время Второй мировой войны в ряде стран Европы и Азии массовое национально-освободительное антифашистское движение против германских, итальянских, японских оккупантов, их союзников и их местных пособников. В этом движении участвовали рабочие, крестьяне, интеллигенция, патриотически настроенная мелкая и средняя буржуазия, их общей целью было изгнание захватчиков и проведение в послевоенное время демократических преобразований.

Цели, ценности, программы действий политических движений возникают, как правило, не на пустом месте, а в той или иной степени соотносятся с существующими в данной стране или регионе политическими традициями. Это связано с тем, что политические движения возникают в определенных национальных или региональных политических культурах в ответ на новые социальные и политические проблемы, возникающие на определенных этапах развития общества. Так, рождаются сначала либеральные, консервативные, фашистские и иные движения, а на более поздних этапах общественного развития (скажем, в современных социально-политических условиях) появляются неолиберальные, неоконсервативные, неофашистские движения. В условиях кризисного развития тех или иных стран, порождающего массовое недовольство существующей экономической, социально-политической, культурной ситуацией, появляются и пользуются определенной популярностью различного рода популистские движения, характеризующиеся широким декларированием обещаний, далеко не всегда выполняемых при существующих экономических и политических условиях.

В русле структурно-функционального социологического подхода политические движения чаще всего рассматриваются с точки зрения их функциональности по отношению к существующей политической системе, причем широко используются контент-анализ документов, анализ статистических данных, массовые опросы, интервьюирование и другие социологические методы.

Экспрессивные движения – более или менее массовые движения людей, которые более или менее отчетливо понимают непривлекательность и порочность существующей социальной действительности, но стремятся модифицировать, изменить не ее, а свое отношение к ней. Посредством мечтаний, видений, ритуалов, иных, чем господствующие в обществе, норм и образцов культуры (субкультуры), других форм эмоциональной экспрессии они находят долгожданное эмоциональное облегчение, что делает их жизнь приемлемой и терпимой. Именно такой характер имели мистерии (массовые ритуальные и театрализированные, в том числе религиозно окрашенные, действия людей в Древнем Египте, Греции и Риме, в Персии и Индии). Участники таких мистерий совершали сложные ритуалы, массовые танцы и песнопения, слушали прорицателей и магов, создавали и распространяли мистические учения, чтобы отделиться и отдалиться от несовершенной и порочной, с их точки зрения, жизни общества.

В современных условиях экспрессивные движения наиболее распространены и ярко выражены в молодежной среде. Разнообразными проявлениями таких процессов являются движения хиппи, рокеров, люберов, митьков и др. молодежных групп, которые стремятся создать собственную субкультуру и дистанцироваться от чуждого, нелюбимого и презираемого ими общества с его, согласно их взглядам, античеловечной и репрессивной культурой.

Революционные движения – массовые действия, направленные на глубокое и полное изменение существующей социальной действительности, структуры, функций и содержания деятельности большинства или многих социальных институтов – государства, суда, системы образования и др. Таким образом, революционные движения стремятся разрушить существующую социальную систему, свергнуть свойственный ей социальный порядок и структуру власти и установить новый социальный порядок, новую систему власти, коренным образом отличающуюся от прежней. Чаще всего революционные движения успешно развиваются там, где социальные реформы затруднены или блокируются в такой степени, что единственным способом искоренения пороков существующей социально-политической системы становится

ее революционное, чаще всего насильственное ниспровержение. Именно данной особенностью обусловлено слабое развитие коммунистических движений в таких социально благополучных и традиционно демократических странах, широко проводящих различные реформы, как Швеция, Швейцария, Бельгия, Голландия, но сильное развитие их в таких странах, где социальные реформы неэффективны, где широко распространены социально-политические конфликты, где сильны традиции революционных движений – во Франции, Италии, России, других странах, возникших в постсоветском социально-политическом пространстве.

Реформистские движения – массовые политические действия, ориентированные не на революционные ниспровержения существующих социально-политических порядков, а на изменение и совершенствование существующей системы посредством проведения различных реформ. Для возникновения реформистских движений необходимо наличие ряда специфических условий. Среди них самое важное значение имеют: а) участники этих движений должны позитивно относиться к существующим в данной системе социально-политическим порядкам; б) они должны располагать институциональными (т.е. допускаемыми государством, правящей партией, действующим в обществе законодательством и др.) возможностями высказывать свои мнения и осуществлять активные действия в поддержку намечаемых реформ; в) граждане данной страны должны обладать широким набором политических прав и иметь возможность свободно и безболезненно подвергать критике функционирующие в обществе социальные институты, требовать реформирования содержания и форм их деятельности.

Такие движения не могут развиваться в условиях господства тоталитарного политического режима, при котором попытка любых социальных изменений расценивается как угроза существующей системе власти. Как правило, к числу реформистских относятся социал-демократические движения в Германии, Швеции, Франции, других странах Западной Европы, а также возникшие в последние годы (после развала СССР) подобного рода движения в Беларуси, России, других странах СНГ.

Оппозиционные движения – более или менее массовые действия, в которых участвуют люди, которые не удовлетворены тем, что социальные изменения в обществе протекают слишком быстро либо, напротив, слишком медленно и непоследовательно. Подобного рода движения возникают, как правило, за революционными или реформистскими движениями и представляют из себя оппозицию по отношению к ним. Так, проведение реформ в постсоветских Беларуси, России, других странах СНГ привело к возникновению множества оппозиционных движений (движение потребителей, движение обманутых вкладчиков и др.), которые включают людей, не находящих достойного, по их мнению, места в реформируемом обществе или утративших права, привилегии или имущество в процессе проведения таких реформ.

Экологические движения – массовые действия, направленные на трактовку обусловленности человеческой деятельности не только экономическими, социальными и культурными, но и экологическими факторами, роль которых неуклонно возрастает в условиях обостряющегося "экологического дефицита", истощения природных ресурсов, вызванного усиливающимся антропогенным, прежде всего техногенным воздействием на окружающую природную среду, чреватым непредсказуемыми экстремальными ситуациями и катастрофами. Сторонники этих движений убеждены, что тенденции развития общества "не могут быть полностью поняты вне экологической перспективы". Они бросили вызов "обществу потребления", противопоставляя стремлению "иметь больше" желание лучшего "качества жизни". Их девиз: пусть будет меньше денег, меньше потребительских ценностей, но зато больше возможностей для самореализации личности. В этих движениях проявляются две антагонистические тенденции: с одной стороны, антиинституциональный протест против государственных решений, оборачивающихся ущербом для природной среды, а с другой – растущая институализация и формализация, приводящая к формированию на базе данных движений партий "зеленых" во многих странах, в том числе и в Беларуси. Экологические движения с самого периода своего зарождения (более полувека назад) не были однородными ни по составу участников, ни по политическим ориентациям. Как в странах Западной Европы и Америки, так и в странах СНГ в них входили и экополитики, и экопатриоты, и экотехнократы – сторонники тесного сотрудничества с государственными властями, и экоанархисты – противники властных структур, и экоконсервационисты, и экоальтернативисты. При всем их различии в оттенках взглядов и практических действий все-таки превалирующими выступают две тенденции. Первая из них – природоохранная – выражена отчетливо в деятельности тех экологических групп и организаций, лидеры которых неохотно вовлекаются в политику, избегают участия в политических акциях. Вторая все более отчетливо выражается в деятельности и ориентациях тех объединений, включая и партии "зеленых", которые ориентированы на борьбу за власть, а поэтому все более отчетливо политизируются. Однако обе эти тенденции не перекрывают общих целей и интересов движения, которое в целом продолжает понимать разнообразную экологическую деятельность, в том числе и экополитику, прежде всего как охрану природы, сбережение и воспроизводство природных ресурсов. Несмотря на внутреннюю дифференциацию, мировоззренческие и идеологические принципы экологических движений, их различные модификации построены на рациональных основаниях, на вере в науку, в силу человеческого разума, на общности восприятия экологической ситуации как катастрофической, на надеждах на восстановление гармонии человека с природой.

Молодежные движения – массовые действия, в которые включены молодые люди, выступающие за создание для них условий достойной жизни, автономии, свободы выбора профессии, места жительства, образа и стиля жизни. В развитии молодежных движений отчетливо выделяются два существенно различных этапа. Лидеры молодежных движений – в основном студенческих 1960-х – выдвигали грандиозные крупномасштабные планы коренного изменения общества посредством ниспровержения его устоев и структур. Так, массовые студенческие выступления весной 1968 во Франции проходили под лозунгом "трех М" (идеи Маркса, Мао Цзэдуна и Маркузе – лидера леворадикалистской тенденции в социологии и политике) и реализовались преимущественно в формах политического протеста против существующего строя. Лейтмотивом этих массовых молодежных выступлений были революционные идеи, оптимизм и надежда на лучшее будущее.

Совершенно иную политическую окраску приобретает большинство молодежных движений 1980-1990-х. О каком-либо фундаментальном изменении общественного строя речь уже не идет, ныне главная цель молодежных инициатив – лозунг "оставьте нас в покое". Все чаще возникают требования о создании специальных молодежных центров, где бы молодые люди могли

жить своей собственной жизнью: тусоваться, дискутировать, танцевать, рисовать, прослушивать музыкальные записи и т.п. Решающее ключевое слово в требованиях сторонников этих движений "автономия", а в многочисленных надписях в публичных местах почти по всей Европе довольно часто встречается буква "А", которая как раз и обозначает автономию. Буква "А" означает также итальянское amore (любовь) и выражает потребность молодых людей жить в своих общинах, которые им представляются более гуманными, чем холодный, жесткий, порой жестокий внешний социальный мир.

Требования автономии и самоуправления в молодежных центрах, как правило, не разделяются широкой общественностью и государственными структурами, которые не соглашаются, чтобы деятельность этих центров регламентировалась другими нормами и требованиями, чем господствующие в обществе. Особенно остро встает проблема законности молодежных выступлений, когда юноши и девушки захватывают пустующие здания, чтобы превратить их в свои центры, оправдывая свои действия общей недостачей жилья и аморальностью спекуляций в сфере строительства.

Феминистские (женские) движения представляют собой массовые действия за уравнение женщин в правах с мужчинами, за эффективную охрану материнства и детства. Начало возникновения этих движений восходит к эпохе буржуазных революций во Франции, Англии и США. Для первого этапа развития феминистских движений, возникшего в 18 в. и переживающего пик своего подъема в конце 19 в., характерна весьма узкая трактовка социального равенства женщин, понимаемого только в качестве правового равенства, что нашло яркое воплощение в суфражистском (от англ. suffrage – избирательное право) движении во второй половине 19 – начале 20 вв. в Великобритании, США и ряде других стран.

Новый этап феминистских движений начинается в конце 1960-х – начале 1970-х под новым названием неофеминизма, который широко распространен ныне в странах Западной Европы (Германии, Франции, Италии и др.) и в США. В пределах этих движений существуют три основных направления.

Консервативное направление в феминистских движениях опирается на фрейдистские концепции, которые преувеличивают материнскую функцию женщины и отрицают наличие какой-либо дискриминации женщин со стороны государства. Сторонники этого направления обусловливают социальное положение женщины ее биологической сущностью и утверждают, что ее основная задача – рождение и воспитание детей, а участие в производственной и общественно-политической жизни не должно входить в круг ее интересов и жизнедеятельности.

Иные позиции отстаивают сторонники либерально-реформистского течения в феминистских движениях. Они исходят из предположения, что добиться социального равенства женщин с мужчинами вполне возможно в рамках существующего общественного строя посредством проведения социально-экономических, правовых и политических реформ. Отмечая большую социальную значимость и важность материнства и детства, высокую ценность семьи, они вместе с тем выступают за массовое вовлечение женщин в профессиональную, социокультурную и политическую деятельность. Формирование подобных ориентаций обусловлено разрушением патриархальной семьи, изменением традиционной роли женщины в семье и обществе, распространением партнерских ценностных представлений. Причем стремление к созданию ориентированных на современные потребности форм жизнедеятельности проявляется, как правило, в группах более молодых женщин, имеющих высокий уровень общеобразовательной и профессиональной подготовки. Содержание, формы и методы деятельности женских организаций и общностей данного направления определяются их реформистским характером и направлены на оказание давления на законодательные и исполнительные органы государства, на местное самоуправление.

Наиболее резкие и жесткие требования к властным структурам предъявляют поборники радикального направления в феминистских движениях, которые стали развиваться в конце 1960-х. Они критикуют либералов за умеренные реформистские позиции, предлагают более радикальные меры во имя достижения равноправного положения женщин с мужчинами. Их теоретические представления и программы действий базируются на признании антагонизма полов. Поскольку власть, считают они, сосредоточена по-прежнему в руках мужчин, современное общество, основанное на разделении и противопоставлении людей по половым признакам, является патриархальным и должно быть радикально перестроено. Только осуществление женской революции, направленной на преодоление всевластия мужчин, считают поборники радикального направления в современном феминизме, способно привести к желанному равноправию и свободе женщин, их подлинному, полноценному культурному и социальному развитию.

Национально-освободительные движения – массовые действия, направленные на ниспровержение иностранного господства и завоевание национальной независимости, на реализацию национально-этническими общностями права на самоопределение, на создание независимого национального государства. Такие движения развернулись широко в странах Европы и Америки в 16-19 вв.

Новым этапом национально-освободительных движений стала борьба против германского и итальянского фашизма, японского милитаризма в Европе и в Азии в годы Второй мировой войны. Широкое развитие национально-освободительные движения приобрели после Второй мировой войны, когда под их напором рушились колониальные империи Англии, Франции и других высокоразвитых стран.

Своеобразной модификацией национально-освободительных движений стала деятельность народных фронтов в период развала Советского Союза в странах Прибалтики, Закавказья. В Беларуси в этом направлении действует движение Белорусского Народного Фронта, которое в своих программных документах декларирует приверженность "традиции национально-освободительной и демократической борьбы своих предшественников", призывает к формированию "национально-возрожденческого сознания".

В современной России возникло национал-патриотическое движение, поборники которого утверждают, что в условиях слабой государственной власти, хозяйственного хаоса и роста преступности "ярко выраженная доминанта русского национализма оказывается особо привлекательной", что в период формирования новой российской государственности "национализм превращается в важнейший фактор политической стабильности".

Широко распространены в обществе *религиозные* С.Д. Некоторые из них существуют на протяжении длительного исторического периода, другие возникли сравнительно недавно, третьи зарождаются буквально на наших глазах. Две

последних категории получили в мировой социологии наименование *новых религиозных движений*. Одним из самых распространенных среди них является Международное товарищество Сознания Кришны, проповедующее один из вариантов старейшей монотеистической религии мира – вишнаизм (или индуизм) и возникшее в 1965 в Соединенных Штатах Америки. Главными целями своей деятельности кришнаистские организации, действующие во многих странах мира, в том числе и в Беларуси, ставят углубление духовных знаний, формирование братства душ, общим отцом которых является Кришна, отыскание абсолютной истины в старейших святых текстах мира – Ведах, создание альтернативных образцов поведения по отношению к хаотическому и потребительскому сообществу, господствующему сегодня в мире, а также почитание Бога Кришны и распространение знаний о нем среди всех тех, кто стремится к таким знаниям. Сторонники этого религиозного движения пропагандируют вегетарианство, создали более чем в 60 странах вегетарианские бесплатные столовые для нуждающихся, не употребляют мясо, рыбу, лук, чеснок, алкоголь, наркотики, табак, кофе, какао, чай, выступают против сексуальных контактов, которые не имеют целью продолжение рода в рамках семьи.

Движения в защиту мира, против войны представляют собой массовые действия против опасности новых войн, за упрочение мира и дружбы между народами. Их развитие характеризуется цикличностью. Уже в 1920-е после завершения Первой мировой войны пацифисты начали выступать за полное разоружение с тем, чтобы не смогла возникнуть никакая новая война. Однако эти пацифистские движения не смогли предотвратить приход к власти Гитлера и развязывание Второй мировой войны.

Социологический анализ С.Д. предполагает углубленное изучение ситуаций, благоприятствующих возникновению и развитию таких движений. К числу таких относятся прежде всего существенные изменения в ценностях и нормах поведения людей, иначе говоря, культурные изменения. Именно в лоне культуры возникают и развиваются новые идеи и представления о несправедливом и справедливом общественном устройстве, побуждающие людей объединяться в движения, ориентированные на социальные изменения.

Существенным фактором, влияющим на возникновение С.Д., является социальная дезорганизация. Любое общество, входящее в полосу социально-экономических, политических, социокультурных трансформаций, оказывается в той или иной степени подверженным дезорганизации, а порой и хаосу. В таком обществе многие индивиды и даже социальные группы утрачивают привычные ориентиры, ценностные ориентации, традиционные способы идентификации. У них растет убеждение в том, что тщетно рассчитывать на какую-либо экономическую, социальную и психологическую поддержку со стороны государства и других социальных институтов данного общества. Зреющее недовольство и озлобленность подталкивают их к акциям протеста, к консолидации в различные социальные движения.

Мощное детерминирующее воздействие на возникновение С.Д. оказывает и широко распространяющаяся в кризисные эпохи развития общества социальная неудовлетворенность широких масс населения. Именно неудовлетворенность существующей системой распределения материальных и духовных благ, властных полномочий, льгот и привилегий, органически соединяющаяся с представлениями о социальной неудовлетворенности, господствующей в обществе, подталкивает многих людей к протестным движениям. В таких условиях растет уверенность широких слоев населения в том, что общие и организованные совместные действия могут покончить с социальной несправедливостью, ослабить социальную неудовлетворенность и привести к улучшению условий их существования. В результате формирование и развитие С.Д. за изменение существующих условий жизнедеятельности становится естественным и почти неизбежным следствием социодинамики общественного развития и одновременно фактором его изменения.

Е.М. Бабосов

СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ – см. **ДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНЦЕПЦИЯ**.

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ – происходящий с течением времени переход социальных явлений, элементов, структур, связей из одного состояния в другое. С.И. – модификация в структуре общества, сферах его жизни, образцах поведения и мышления составляющих его социальных групп (**см.**) и индивидов (**см.**).

В узком, строго социологическом смысле, С.И. – это изменения, происходящие в той сфере, которая является предметом социологии – т.е. изменения социальной стратификации (**см.**), социальных общностей, социальных институтов (**см.**), социальных организаций (**см.**) и их взаимодействия.

Понятие "С.И." не содержит оценочного компонента, т.е безразлично к направленности (в отличие от социального развития – **см.**).

С.И. могут происходить на макроуровне (международные системы, нации, государства), на мезоуровне (корпорации, социальные институты, ассоциации), на микроуровне (семья, сообщество, группа, индивид). С.И. разных уровней взаимосвязаны: с этой позиции центральным становится вопрос о том, как соотносятся С.И., протекающие на разных уровнях (т.е каков макроэффект микрособытий и наоборот).

С.И. могут касаться количества элементов в системе (размер социальной группы, ее численность и т.д) и собственно подсистем (число подразделений, социальных групп, социальных институтов), их взаимосвязи (социальные связи, взаимодействия, обмен), функций, окружения системы (изменения природных условий, геополитическое положение, изменения в других странах).

Среди источников С.И. выделяют: внешние по отношению к социальной системе (природные, биологические, психологические), так и внутренне присущие ей – теории социального конфликта определяют в С.И. решающую роль конфликта (**см.**), марксизм (**см.**) причиной С.И. считает социальные противоречия, структурный функционализм видит источник С.И. во взаимодействии различных подсистем или их элементов.

В связи с анализом С.И. для социологии характерно разделение на социальную статику и социальную динамику, которое было введено О. Контом (**см.**). Последствием такого противопоставления стало разделение типов исследовательских процедур на синхронные, в которых общество рассматривалось во временной статике, и диахронные – включающие переменную времени и акцентирующиеся на С.И.

Дальнейшее развитие понятие "С.И." получило в рамках системной модели общества (теория систем, функционализм, структурный функционализм). Концепция С.И. основывалась на следующем положении: анализируются различные временные моменты в состоянии одной системы.

С позиции системного анализа различают: 1) изменения внутри системы, когда имеют место отдельные С.И., не отражающиеся на других элементах, – в этом случае целостность системы в целом сохраняется; 2) изменения самой системы, при котором С.И. охватывают систему в целом и затрагивают все ее компоненты, – в результате сама система переходит в качественно иное состояние.

Тесная связь различных С.И. отражена в понятии "социальный процесс", предполагающем взаимосвязь и непрерывность С.И. Перенос акцента на процессуальность социальной реальности (см.) является одной из тенденций современной социологии. Общество рассматривается не как стабильное состояние, претерпевающее дискретные С.И., а как процесс, как поле взаимодействия, структурация. "Онтологически общество не существует и не может существовать в неизменном состоянии. Вся социальная реальность предполагает собой просто динамику" (П. Штомпка).

М.В. Батурчик

СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ (агрессивность, деструктивность) – применение или угроза применения силы (в прямой или косвенной форме) с целью принуждения людей к определенному поведению, – господство одной воли над другой, чаще всего связанное с угрозой человеческой жизни. Н. всегда сопровождало человеческую историю. Каких-либо однозначных оценок его истоков, причин и функций в социальном процессе не существует, поскольку всегда необходим анализ конкретной исторической ситуации с учетом того, что в любой культуре есть по крайней мере две ценностные ориентации: первая исходит из стремления подавления противоположной стороны, навязывания ей своей воли через систему власти; вторая опирается на принцип равноправия сторон, стратегию диалога, компромисса, баланса сил, отказа от репрессивных форм власти. Во взаимодействии этих ориентаций и выявляется эволюция форм Н. в истории, причем налицо две тенденции: движение от явных форм Н. к более скрытым; стремление к ограничению Н. в контексте утверждения неотъемлемых прав человека. В конечном счете основная проблема заключается в том, какую из названных ориентаций с большим правом можно считать фактором эволюции и двигателем прогресса. Ответ на этот вопрос связан с пониманием истоков Н.

Эволюция общества свидетельствует о постоянном росте потенциала Н. в социальных отношениях. В традиционных обществах Н. чаще всего выступало в формах непосредственной реакции на "чужого", вплоть до его уничтожения. Индустриальное общество продолжает эту тенденцию, но здесь на передний план выходят формы косвенного, скрытого Н. Многие исследователи рассматривают индустриальную цивилизацию как исключительно агрессивное общество, где инструментом агрессии становится интеллект на основе рационалистического подхода к миру. Если разум установил истинность каких-либо идей, то все остальное – проблема технологии деятельности, задача которой – реализация истины посредством силового давления на объект. Если сначала такой подход распространяется на природу (в чем и заключаются истоки экологического кризиса), то со второй половины 18 в. он переносится и на общество, принимая форму идеи насильственной революции как способа ускорения социального процесса посредством сознательной организации жизни общества и насильственного облагодетельствования масс со стороны всезнающего и всевластного меньшинства. Наиболее явно эта логика индустриализма выразилась в марксистской трактовке Н.

Маркс (см.), опираясь на реальный исторический материал своего времени, рассматривает Н. как объективный фактор социального прогресса и анализирует его на языке классовых отношений, считая, что Н. имеет только социальные причины и характерно исключительно для эксплуататорских обществ. Соответственно обосновывается идея необходимости и благотворности революционного (прогрессивного) Н. как способа утверждения общества без Н. Практическая реализация подобных идей радикальными движениями 20 в. (особенно большевизмом) показала их ограниченность, неприемлемость логики Н., которое, будучи развязанным и выдвигая даже гуманистические лозунги, в конечном счете выливается в нигилизм, мораль смерти и убийства, террористическую диктатуру.

Гигантский всплеск С.Н. и жестокости в 20 в. показал ограниченность его сугубо социально-классовой трактовки и необходимость обращения к более глубинным его причинам, связанным с человеческой природой. Издавна многие мыслители – Т. Гоббс, Гумплович (см.), Ф. Ницше, З. Фрейд (см.) и др. – утверждали, что тенденция к С.Н. вытекает из особенностей человека, его психологии. В частности, австрийский этолог и философ К. Лоренц (см.) утверждал, что Н. (агрессивность) имеет инстинктивный характер, будучи защитной реакцией организма на среду. Более объемно проблему рассматривал Э. Фромм (см.), отвергающий как натурализм Фрейда и Лоренца, так и социологизм Маркса. Раскрывая "анатомию деструктивности", Фромм признает наличие внутренней агрессивности человека. Выявление же ее зависит от социальных условий, реализующих внутреннюю противоречивость человека, проживание его сразу в двух мирах. Нарастание С.Н. в историческом процессе связано с преобладанием социальных условий, способствующих агрессивности. Формы агрессивности классифицируются от доброкачественных (естественная агрессивность как защита жизненных интересов индивида) до злокачественных (специфически человеческая форма, зачастую ради получения удовольствия). Для человека, согласно Фромму, характерны две ориентации: биофилия и некрофилия. Биофилия – любовь к жизни, к добру, цельности. Некрофилия – любовь к мертвому, темному, механическому, что особенно ярко проявляется в техницизме современного общества, в стремлении к рационализации, что оборачивается страстью разрушения. Психологическая основа деструктивности – конформизм, а также состояние страха перед сложностью бытия.

Исторический опыт показывает, что, хотя Н. в ряде случаев оправданно (сопротивление агрессору, угнетателю и т.п.), оно в конечном счете всегда носит разрушительный характер, отбрасывает общество назад, способствует деморализации и росту проявлений негативных сторон человеческой природы. Особенно опасны широкие насильственные действия в современном обществе с его техническими системами и возможностями. Закономерно, что общество выходит к иным

технологиям социальных изменений на основе равноправия сторон (естественно, признающих фундаментальные права человека), диалога, компромисса, солидарности, сотрудничества, культурно-морального блокирования деструктивных тенденций человека посредством его внутренних, духовных преобразований, принятия собственной ответственности за зло. При этом нужно видеть особую опасность косвенного, психологического насилия, выражающегося в форме навязывания мифов, искаженной информации, манипулирования человеческим сознанием. Понимание того, что Н. порождает только Н., привело к формированию в 20 в. этики и практики ненасильственной борьбы за более справедливое общество (Толстой, М. Ганди, М.Л. Кинг).

Г.Я. Миненков

СОЦИАЛЬНОЕ НАСТРОЕНИЕ – понятие социальной психологии (см.) и социологии (см.) при обозначении преобладающего состояния чувств и умов тех или иных социальных групп (см.) в определенный период времени.

Субъектом С.Н. может выступать как индивид (см.), так и определенная социальная группа и общество в целом.

С.Н. по-разному интерпретируется различными дисциплинами: 1) социальной психологией – как массовидное психическое явление; 2) социологией – как феномен общественного сознания. Принципиальное отличие первого подхода от другого заключается в том, что некоторые эмоциональные переживания, чувства и состояния социального характера могут не осознаваться субъектом С.Н., однако определять его деятельность и поведение.

Интерпретация С.Н. социологами имеет несколько вариантов: 1) как доминирующий феномен общественного сознания, при котором через призму С.Н. рассматривается все его содержание; 2) как один из феноменов общественного сознания наряду с общественным мнением (см.); 3) как элемент собственно общественного мнения. Социологический подход к исследованию С.Н. позволяет исследовать данный феномен расчлененно – в зависимости: 1) от предметной направленности: политическое, экономическое С.Н. и т.п.; 2) от преобладающих факторов материальной или духовной составляющей как социальное самочувствие или социальное умонастроение. С.Н. эмпирически проявляется в нескольких вариантах: состояния; отношения, мнения, убеждения; взаимосвязи установок, социальных ожиданий.

В зависимости от социально-психологического и собственно социологического подхода различаются и методики исследования С.Н.: в социальной психологии применяются тесты, направленные на описание состояния, в частности тест САН (самочувствие, активность, настроение), разработанный сотрудниками Первого Московского медицинского института им. И.М. Сеченова; в социологии – индексы, построенные на основе оценок и мнений, в частности разработанная Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) методика ИСН – индекс С.Н., который состоит из суммы индексов положения семьи, положения республики, ожидания, настроения, потребительского настроения. По мнению разработчиков данной методики, ИСН обладает большими прогностическими возможностями при исследовании влияния субъективного фактора на развитие общества в целом и на реальное поведение населения. Данная методика применяется в ходе исследования общественного мнения методом опроса.

Д.В. Чумак

"СОЦИАЛЬНОЕ НАСТРОЕНИЕ" (Москва, 1996) – монография Ж.Т. Тощенко (см.) и С.В. Харченко, в которой анализируется феномен социального настроения, как целостная форма восприятия людьми их жизни в личном и общественном плане. Речь идет о способе нового понимания и истолкования сущности и значения доминанты общественного сознания, предвосхищающей действительное, реальное поведение людей. Социальное настроение, по мнению авторов, представляет собой такое явление, которое по силе своего воздействия и степени значимости превосходит другие измерения общественного сознания в смысле его готовности действовать во имя достижения (или отвержения) предпочитаемых (или отрицаемых) социальных и личных целей. Роль социального настроения в детерминации индивидуальной и коллективной форм поведения особенно возрастает на этапе общественных трансформаций, когда эмоции зачастую преобладают над разумом и, соответственно, увеличивается вероятность ситуативных, волевых и даже случайных поступков людей.

Авторы поставили перед собой задачу дать социологическую интерпретацию социального настроения. В соответствии с этой задачей *первая часть* книги посвящена раскрытию сущности и структуры социального настроения, а также его места среди родственных понятий – общественного сознания, массового сознания, общественного мнения и т.д. В ходе данной работы выделены сущностные черты анализируемого феномена. Во-первых, социальное настроение носит результирующий характер, оно вбирает в себя как влияние объективных условий, так и субъективных факторов, образующих некий сплав эмоций, чувств, умонастроений, ценностных ориентаций и установок, который не является их механической суммой, неким условным объединением: это принципиально новое качество общественного сознания, по которому можно говорить о нем с большей долей достоверности и определенности. Во-вторых, социальное настроение более наглядно "отражает" предшествующий опыт, "переваривает" его, сопоставляя прошлое и уже происходящее в общественной и личной жизни, делая выводы и уроки на будущее. В-третьих, социальное настроение – это "неотложное", актуализированное, реальное сознание, которое управляет жизнью человека в данный момент времени. В-четвертых – это тот элемент реально функционирующего сознания, который означает практическую готовность к действию и является непосредственным предшественником и даже компонентом поведения. И, наконец, социальное настроение – это еще и фон, который "окрашивает" жизнь людей, показывает с высокой степенью вероятности направленность их поведения и помогает спрогнозировать возможные усиления позитивных и ослабление негативных аспектов общественного сознания.

Рассуждая о структуре социального настроения, авторы определяют в качестве исходного уровня данного феномена социальное самочувствие. Результирующим показателем этого уровня социального настроения выступает потребность в самосохранении себя как социального существа, члена группы и общества, а также оценка уровня и степени благополучия непосредственной микросреды. На втором уровне структуры рассматриваются оценка и самооценка социального статуса, социального положения, которые отражают пред-

ставления людей об их социальных ролях и престижности этих ролей в обществе. Третий структурный элемент социального настроения включает социальные ожидания и социальные притязания, которые проявляют себя в установках, ценностях, убежденности и готовности к действию. Именно на этом уровне проявляются воля, упорство и осознанное стремление к достижению поставленных целей, жизненные ориентации. Завершающим компонентом описываемой структуры выступает социальная позиция, базу которой составляет мировоззрение как система взглядов на мир, оказывающая существенное влияние на деятельность человека. Таким образом, социальное настроение представляет собой многоплановое, многокомпонентное явление, оказывающее важное, а порой решающее воздействие на общественные процессы.

Вторая часть монографии посвящена различным аспектам классификации социального настроения. Используя возможность классификации социального настроения по субъекту (носителю), авторы применяют философский подход, акцентирующий внимание на категориях "единичного", "особенного" и "общего". В соответствии с этим подходом рассматриваются такие субъекты социального настроения, как человек (индивид, личность), социальная группа и общество. Таким образом, социальное настроение анализируется по нескольким направлениям его проявления: 1) как непосредственная реакция индивида на социальную действительность, характеризующая его отношение к социальной практике, условиям жизни и т.д.; 2) как социально-психологическое, эмоционально окрашенное и оценочное состояние группы людей, объединенных едиными социальными целями, интересами и устремлениями; 3) как массовое психосоциальное явление, обладающее способностью "заражать" и объединять людей, подчинять их действия единым целям. При этом подчеркивается, что на переломных этапах истории приоритет принадлежит не столько массовому, сколько групповому, а иногда и индивидуальному социальному настроению, которые в силу своей повышенной активности и динамичности способны задавать тон и социальную окраску всему общественному сознанию.

Социальное настроение не только выражает общую характеристику жизнеощущения, но и обладает предметной направленностью, связанной с тем или иным видом деятельности, причем в конкретном своем воплощении может превалировать над всеми другими формами своего проявления, подчиняя или освещая их своей бесспорной для личности или группы значимостью при решении общественных и повседневных проблем. Авторы расчленяют общество на экономическую, социальную, политическую и духовную сферы, в рамках которых находят свое конкретное воплощение соответствующие формы деятельности и социального настроения. Наряду с рассмотрением предметной направленности социального настроения оно анализируется и как нерасчлененный общий эмоциональный фон (приподнятое, подавленное настроение и т.д.), а также как четко идентифицированное состояние (скука, печаль тоска, страх, увлеченность, радость, ликование, восторг и т.д.). Данные формы социального настроения переживаются по-разному; как влияющие на все без исключения виды и типы поведения людей либо как временное направленное воздействие на решение отдельных социальных проблем.

Подвижность, изменчивость социального настроения проявляется и в его интенсивности: сильная, умеренная, слабая. Она может проявляться бурно, на основе самых глубоких эмоций, со стремлением непременно (а нередко – немедленно) реализовать на практике самую высшую степень убежденности в своей правоте. В другой своей крайности социальное настроение может практически не проявлять себя, полностью или в значительной степени отождествляясь с общественным сознанием, в котором могут отсутствовать доминирующие установки и ориентации, побуждающие к активной деятельности. Анализируя характер социального настроения в российском обществе, авторы, основываясь на результатах ряда социологических исследований, утверждают, что оценки перестройки и рыночных отношений на макро- и микросоциальном уровнях характеризовались в конечном счете (и в 1991 и в 1995) одинаковым пессимизмом. Заметно выражено разочарование тех респондентов, которые надеялись на быстрое восхождение страны и улучшение своего социального самочувствия. Причины плохой жизни люди все чаще стали усматривать в том, что руководство страны уклоняется от государственного регулирования при распределении доходов (об этом заявили 60% опрошенных). При этом 70% респондентов отметили, что они не получили возможности повысить свой уровень жизни за годы реформ. Неудивительно, что в результате 60% опрошенных склоняются к дорыночному типу экономического поведения, предпочитая гарантированные, стабильные, пусть и невысокие доходы, а четверть опрошенных испытывают чувство безысходности, отмечают отсутствие всяких перспектив в своей жизни.

Третья часть книги знакомит читателя с особенностями функционирования социального настроения. Авторы анализируют причины и результаты парадоксальности функционирования этого явления на разных этапах общественного развития; рассматривают роль формальной и неформальной информации в регулировании социального настроения; выявляют, на основе конкретных социологических исследований, закономерности пульсации данного феномена. Отдельная глава посвящена превращенным формам социального настроения, в которых неадекватно отражаются происходящие в обществе процессы. Разрыв между действительностью и реакцией субъектов социального процесса может возникать по нескольким причинам: во-первых, из-за ограниченных возможностей людей познавать, воспринимать и понимать явления окружающего мира во всей их полноте; во-вторых, в связи с глобальным по отношению к индивиду характером некоторых условий (теневая экономика, политический беспредел и т.п.); в-третьих, из-за умышленного искажения сущности и природы общественных процессов, что обычно является результатом воплощения воли, амбиций и корпоративных целей социально-экономических и политических организаций. Именно здесь мы имеем дело с манипуляцией общественным сознанием, его дезориентацией, навязыванием установок и ценностей, которые чужды людям, но в которых заинтересованы определенные общественные (чаще всего – политические) силы.

Четвертая часть раскрывает специфику социологического подхода к изучению социального настроения. Эта специфика состоит в том, что социальное настроение представляет собой интегральное образование, обладающее высокой степенью динамики и кумулятивности, возникающих в результате накопления некоторого комплекса разнородных характеристик и показателей социального и социально-

психологического состояния индивида, группы или массы людей, трудно сводимых суммарно, но вместе с тем образующих в совокупности устойчивое социальное явление. Учитывая, что социальное настроение состоит из двух внутренне сочлененных компонентов – социального и психологического, – авторы определяют следующие пути его исследования и прогнозирования. *Первый* – изучение состояния социального настроения в тесной взаимосвязи с объективными условиями и социальной практикой, в процессе которой реализуются или не реализуются социальные цели, установки и интересы людей. *Второй* – исследование социально-психологического состояния индивидов, социальных групп, институтов и организаций. Причем, учитывая диалектику социального и психологического, следует иметь в виду степень их трансформации: элементы социального и социально-психологического состояния могут передаваться, усваиваться или отвергаться на разных уровнях организации общества – от индивида до всех без исключения социальных групп и слоев, от коллектива до страны в целом. Из этой специфики феномена социального настроения вытекают два важных социологических вывода методологического характера. *Первый:* социальное настроение как интегральная характеристика особого состояния индивида, группы или массы людей не может быть изучено непосредственно только при помощи известных до сих пор методов. Поэтому его приходится изучать опосредованно – через социальные и психические проявления в отдельных сферах жизнедеятельности субъекта. *Второй:* признавая социальное настроение целостным компонентом, мы вынуждены изучать его расчленение, по отдельным составляющим, описывая каждую из них определенной системой показателей, не входящих в какой-то один общий.

Говоря о социальном настроении и путях его эмпирической интерпретации, авторы обращают внимание на тот факт, что оно все в большей мере становится инструментом общественной саморегуляции, ибо может показывать степень политической и социальной напряженности и, будучи насыщенным информацией о нарастающих тревожных, негативных тенденциях, становится средством их снижения, сокращения или предотвращения. Этот элемент саморегуляции проявляется и в возможностях взаимного представления о настроении разных социальных групп. В подобной ситуации социальное настроение становится возможным средством согласования интересов различных участников исторического процесса, достижения компромисса и выработки основ рациональной организации общественной жизни. Но это достижение согласия, компромисса не следует понимать как стихийный, абсолютно независимый процесс – эффективность саморегуляции повышается в тех случаях, когда целенаправленно ослабляются или снимаются препятствия, тормозящие развитие данного процесса. Поэтому одним из необходимых условий достижения согласия между социальными группами и становится знание специфики и закономерностей функционирования феномена социального настроения.

Г.Н. Соколова, О.В. Кобяк

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО – термин, введенный П. Бурдье (**см.**) в работе "Физическое и социальное пространство" (1990) для обозначения абстрактного пространства, конституированного ансамблем подпространств или полей, которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала. С.П. может также восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как инструменты и цели борьбы в различных полях. Реализованное физически С.П. представляет собой распределение в физическом пространстве различных видов благ и услуг, а также индивидуальных агентов и групп, локализованных физически и обладающих возможностями присвоения этих более или менее значительных благ и услуг. Распределения благ и услуг, соответствующих различным полям, накладываются друг на друга, следствием чего является концентрация наиболее дефицитных благ и услуг, а также их владельцев в определенных местах физического пространства, противостоящих во всех отношениях местам, объединяющим наиболее обездоленных. Причем места скопления дефицитных благ не могут рассматриваться иначе, как в соотношении с местами, лишенными этих благ.

С.П. – это не физическое пространство, но оно стремится реализоваться в нем более или менее точно и четко. То пространство, в котором мы обитаем и которое мы познаем, является социально обозначенным и сконструированным. Физическое пространство – это социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии, объективация прошлых и настоящих социальных отношений.

Социальные агенты, а также предметы, обозначенные как собственность агентов, помещены, согласно Бурдье, в некое место С.П., которое может быть охарактеризовано через его позицию по отношению к другим местам и через дистанцию, отделяющую это место от других. С.П. стремится преобразоваться более или менее строгим образом в физическое пространство с помощью искоренения или депортации некоторых людей. С.П. вписано одновременно в объективные пространственные структуры и в субъективные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур.

Места и площади присвоенного физического пространства обязаны своей дефицитностью тому, что они являются целями борьбы, происходящей в различных полях. Эта борьба может принимать как индивидуальные формы (пространственная мобильность, внутри- и межпоколенная мобильность), так и осуществляться на коллективном уровне.

М.С. Терещенко

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ – взаимодействие противоположных тенденций развития общественных явлений, которые вместе с тем находятся во внутреннем единстве и взаимопроникновении, выступая источником самодвижения и развития социальных процессов и их научного познания.

Социологическая трактовка позволяет рассматривать С.П. как взаимодействие противоположных общественно значимых отношений, связанных с несовпадением интересов и целей различных социальных групп и слоев. С.П. – непременное условие самодвижения и саморазвития социальной системы. Можно утверждать, что С.П. возникают только посредством деятельности человека, развиваются и разрешаются также в результате его действий, т.к. общественная форма движения постоянно воспроизводится в предметно-материальной деятельности людей. С.П. всегда так или иначе выражает определенное общественное отношение, а значит,

касается конкретных субъектов, которые оказываются включенными (непосредственно или опосредованно) в структуру этого противоречия. Субъектно-объектная ситуация, применительно к С.П., возможна в различных вариантах: взаимные отношения субъектов в противоречии (по поводу экономических форм собственности, политической идеологии, межнациональных отношений и др.), сторонами которого они являются; отношение социального субъекта к предметно существующему противоречию как объекту его практической деятельности (заинтересованность в сохранении и развертывании одних противоречий при стремлении не допустить или устранить другие); внутрисубъектные отношения противоречия, обусловленные либо расчлененностью субъекта на фракции, либо его объективно существующим общественным статусом; отношение человечества (субъекта) к природе (объекту), нашедшее свое выражение в поисках устойчивого баланса между окружающей средой и процессами социального развития.

С.П. можно классифицировать по следующим критериям: социальное качество противоречия как общественного отношения; субъект – носитель противоречия; социальная сфера обнаружения противоречия; способ существования С.П. По социальному качеству различают С.П. антагонистического и неантагонистического характера – в зависимости от субъекта-носителя становится возможным определить противоречия общечеловеческие, национальные, классовые, групповые и др. В зависимости от социальной среды обнаружения различают противоречия экономические, политические, идеологические и др. По способу существования (реальному бытию общественных отношений и форм социальных действий) противоречия предстают как социальные противоположности, социальные различия и социальные тождества. Социальная противоположность – это отношение конфликта между людьми, выражающееся в столкновении их коренных интересов.

Социальным познанием и практикой выработан ряд понятий, раскрывающих содержание социальной противоположности как особого состояния противоречия: "кризис", "война", "революция" и др. Названные социальные понятия выражают наивысшую степень обострения борьбы в прямом смысле этого слова. Качественно иное состояние противоречия представляет такая форма его существования, как социальное различие. Социальное различие – это отношение несоответствия интересов людей по поводу отдельных социальных объектов, обусловленное их общественным бытием. Конкретное содержание социального различия выражается с помощью терминов "существенное (несущественное) различие", "разногласие", "совпадение (несовпадение)", "диспропорция" и др. В состоянии социального различия противоречие развертывается не в социальных действиях физической борьбы людей, а в использовании социальных механизмов регулирования несовпадающих интересов и субъектов деятельности или преодоления дисфункций в протекании социальных процессов.

Процесс возникновения различий и противоположностей имеет несколько стадий. На первоначальной стадии, зарождаясь в виде возможности, С.П. выступает как тождество, включающее в себя несущественные различия. На следующей стадии, в составе диалектического тождества, нарождаются и углубляются существенные различия, т.е. при общей основе в объекте возникают значительно отличающиеся друг от друга свойства и тенденции. В процессе последующего развития, на его третьей стадии, существенное различие может перерасти в противоположность и выразить себя в таком особом состоянии противоречия, как кризис, война, революция и др. Поэтому особую актуальность приобретает не только научный анализ С.П., но и поиск путей, способов и форм их разрешения на стадиях, еще поддающихся регулятивному воздействию соответствующих социальных механизмов.

Г.Н. Соколова

СОЦИАЛЬНОЕ РАВЕНСТВО – понятие, обозначающее одинаковое социальное положение людей, принадлежащих к различным социальным классам и группам. Идея С.Р. как принципа организации общества в различные исторические эпохи понималась по-разному. Философия античного мира, начиная с Платона, пыталась разрешить проблему выбора между Р. и сословными привилегиями через формулу: "Каждому свое": Р. в рамках каждого сословия и неравенство сословий между собой. В христианской философии средневековой Европы Р. являлось религиозной нормой, определяющей отношение людей к Богу ("перед Богом все равны") и не имеющей никакого отношения к сословному неравенству в обществе. Все эти философско-этические взгляды на проблему заслуг и вознаграждения отражали социально-политическую специфику сословно-кастовых обществ: 1) наследственность привилегий или бесправия; 2) религиозно-юридический характер общественной дифференциации. Но уже в социальных утопиях Возрождения и в философии Просвещения идея С.Р. приобретает светский характер, ставится вопрос о природном Р. людей. В период становления буржуазного общества этот тезис взяли на вооружение прогрессивные идеологи, и феодально-сословному миропорядку были противопоставлены идеи "свободы, Р. и братства". Произошла настоящая революция во взглядах людей на содержание принципа "каждому по делам его": оценка заслуг и, соответственно, распределение благ определялись уже не принадлежностью индивида к той или иной группе, а его личными свойствами и заслугами. Эти идеи отразились в "Декларации прав человека и гражданина" во Франции и в петровской "Табели о рангах" в России. Грань между группами (сословиями и классами) теперь стала только фактической, а не юридической. Главный упор делался на Р. всех граждан перед законом в плане Р. гражданских свобод и формально равных возможностей преуспеть ("идеал Р. шансов", выдвинутый буржуазными революциями в Европе). Идея С.Р. постепенно приобретает форму принципа "каждому по его капиталу". Капитал, обладание им становится одновременно и главным условием неравенства, при котором люди имеют неравный доступ к таким социальным благам, как деньги, власть и престиж.

В 19 в. многие социальные философы, начиная с Сен-Симона (см.), Токвиля (см.) с его знаменитой книгой "Демократия в Америке", стали указывать на явную тенденцию к значительному возрастанию Р. на более высоких уровнях индустриального развития. Так, Токвиль писал, что процесс уравнения идет в Европе уже 700 лет и достижение политического Р. является первой фазой всемирной демократической революции, за которой последует и экономическая революция, когда встанет вопрос о собственности. Он первым обратил внимание на такие дилеммы демократии, как Р.

свобода, Р. и справедливость: "Мы не можем помешать равенству, не от нас зависит, к чему оно приведет – к свободе или рабству, к варварству или просвещению, к нищете или процветанию". Эту же тенденцию отмечал и Сорокин, указывая, что процесс уравнения идет в мировом масштабе два последних века, хотя он далеко еще не закончен, и 20 в. выдвинул политические, экономические и социальные теории, проходящие под знаком "трудовых", где идея С.Р. воплощается в формуле: "Каждому по степени его личного социально полезного труда".

Современные социальные концепции, затрагивающие проблему С.Р. и неравенства, достаточно условно можно разделить на два направления: 1) концепции, которые отстаивают тезис, что неравенство – естественный способ выживания общества – теории функционализма (Дюркгейм – **см.**, К. Дэвис, В. Мур и др.), теория статусных групп М. Вебера (**см.**) и др.; 2) концепции, в которых утверждается, что возможно установить С.Р. и уничтожить или свести к минимуму экономическое неравенство путем социальных революций или на основе реорганизации экономической и социальных систем. К ним относятся теория классов Маркса, различные социал-демократические теории (демократический, этический, кооперативный социализм и т.д.), теории "социального государства".

Е.М. Прилепко

"СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ" (Москва, 1999) – монография, представленная под редакцией З.Т. Голенковой (**см.**), в которой анализируется одна из сложнейших проблем "социального измерения" современного российского общества – трансформация его социально-структурных отношений. Целью работы является попытка показать объективное состояние социальной структуры, оценить масштабы и направленность изменений, произошедших в обществе за годы реформ; монография является результатом работы исследовательского коллектива, выполненной в рамках подпрограммы "Социальное расслоение и социальная мобильность" (руководитель – З.Т. Голенкова) общей программы исследований Института социологии РАН "Социальная динамика и социальный порядок (институционализация социальных отношений и процессы формирования гражданского общества)" (руководитель – В.А. Ядов – **см.**) в 1995 – 1997.

Обосновывается, что современное российское общество является квазигражданским, структуры и институты которого, обладая многими формальными признаками образований гражданского общества, выполняют по сути противоположные функции. В преодолении этого противоречивого состояния, обусловленного процессом трансформации, и состоит специфика современного развития постсоциалистических обществ, перед государствами этих стран стоит задача создания новых взаимоотношений с гражданским обществом, находящимся в стадии становления. Длительное подавление элементов гражданского общества определило неуправляемый характер демократических преобразований в России, ориентированных преимущественно на уничтожение созданных ранее социальных институтов как сферы "несвободы", и поощрение стихийных тенденций общественного развития, выступавших под флагом "свободы". Это обстоятельство в условиях неупорядоченности правовой составляющей социальной жизни ведет к хаотическому развитию, усиливаемому поликультурностью, поликонфессиональностью, полиэтничностью. В то же время следует иметь в виду, что на отечественной почве может успешно развиваться модель формирования гражданского общества, в которой высока, по сравнению с принятым в западной традиции пониманием его как сообщества граждан, "разрешительная" функция государства.

Масштабы, тенденции, глубина и особенности протекания трансформации социальной структуры, ее усложнение определяются комплексом факторов: структурными изменениями в экономике и ее кризисом; глубокими переменами в системе занятости, незанятости и безработицы; снижением уровня жизни подавляющей части населения; социальной аномией (разрушением одной ценностно-нормативной системы и несформированностью другой) и социальной депривацией (ограниченностью доступа к материальным и духовным ресурсам), основные тенденции трансформации социальной структуры современного российского общества – углубление социального неравенства (экономического, политического, социального) и маргинализация значительной части населения. По данным социологических исследований населения, занятого в общественном производстве, стратификационная модель современного российского общества выглядит следующим образом: элита (0,5%); верхний слой – крупные и средние предприниматели, директора предприятий (6,5%); средний слой – представители мелкого бизнеса, квалифицированные профессионалы, среднее звено управления (20%); базовый слой – рядовые специалисты, рабочие, крестьяне (60%); нижний слой – мало- и неквалифицированные работники, временно безработные (7%); социальное дно (6%). В зависимости от уровня материального благосостояния выделяются следующие слои: богатые (0,7%); состоятельные – имеющие достаточно средств не только для высокого уровня жизни, но и для приумножения капитала (5,5%); обеспеченные – имеющие достаточно средств для улучшения жилищных условий и обновления предметов длительного пользования (15,8%); малообеспеченные – средств хватает только на повседневные расходы (57,0%); неимущие – имеющие минимальные средства для поддержания жизни (1,2%). Наложение моделей друг на друга позволяет сделать вывод о том, что "потерян" средний класс интеллектуалов и интеллигенции (в западном понимании – новый средний класс) и получен средний класс предпринимателей (старый средний класс).

Исследование социальной мобильности в переходный период свидетельствует о том, что сформировалась уникальная ситуация скоротечной нисходящей мобильности целой нации, включающей в себя множество народов и социальных групп, почти мгновенный по историческим меркам распад сверхдержавы на отдельные государства привел повсеместно к кризису государственности, воплощенному в кризисе властных структур и ценностей управления. На фоне слабости государственных институтов и неясности главных ценностей российской жизни происходил неуправляемый процесс приватизации материальных ресурсов, приведший к резкому падению производственных показателей. Между тем исторический анализ показывает, что развитие советского общества характеризовалось мощными потоками восходящей социальной мобильности, которая заметно снизилась в конце 1950-х. К 1980-м произошла стабилизация социальной структуры советского общества, т.е. радикальное уменьшение потоков

восходящей социальной мобильности. Процесс стабилизации социальной структуры не коснулся лишь группы руководителей, где наблюдался высокий уровень мобильности, фиксировалось значительное число выходцев из других социальных групп и прежде всего из рядов рабочих и крестьян. На фоне возникших сложностей социального продвижения все более мощным рычагом становилась система неформальных связей, основанных на принципе обмена услугами; она стала одним из главных институтов социальной мобильности в эпоху так называемого застоя. Опыт анализа социальных потоков в трансформационный период показал, что традиционные методы измерения социальной мобильности (по критериям – богатство, власть престиж, доступ к информации) малопригодны в условиях, когда между собой сталкиваются старая социальная структура, характеризуемая должностными деноминаторами, и новая структура, возникающая в иных измерениях. Предлагается измерять социальную мобильность, используя такое важное понятие, как стиль жизни. Можно выделить: стиль жизни российского предпринимателя, ставящего целью расширить бизнес и укрепить свои позиции на рынке; стиль жизни государственного чиновника, стремящегося возвыситься в управленческой иерархии; стиль жизни человека свободной профессии, чья цель заключается не только в достижении материального благополучия, но и сохранения независимости от официальных властных институтов. Диапазон стилей жизни может быть расширен; принципиально важной здесь представляется связь между стилем жизни и целевой установкой выразителя этого стиля.

Далее, на материалах конкретных социологических исследований раскрывается социальная адаптация инженеров оборонного комплекса в условиях конверсии, проблемы трудоустройства молодежи в регионе, уровень жизни собственников, духовная организация общества в контексте его стратификации. В заключение определяются основные направления интеграции социальной структуры: возникновение новых социальных общностей на основе плюрализации форм собственности; консолидация занятых в отдельных отраслях экономики и секторах профессиональной структуры; появление новых видов социальных общностей в системе властных отношений (руководители разного уровня и исполнители); формирование в системе координат "богатство – бедность" социальных групп, объединенных по уровню доходов, источникам их поступления, уровню и стилю жизни. Однако доминирующей стороной становления новой социально-слоевой структуры российского общества являются процессы социальной дезинтеграции. Суть происходящих изменений – это изменения общей композиции, соотношения социальных групп и слоев, их иерархии и ролевых функций.

Г.Н. Соколова

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ – основанное на достоверном знании систематическое воздействие субъекта управления (управляющей подсистемы) на социальный объект (управляемую подсистему), в качестве какового может выступать общество в целом и его отдельные сферы – экономическая, политическая, социальная, духовная, с тем, чтобы обеспечить их нормальное функционирование, совершенствование и развитие, успешное движение к заданной цели. Современное С.У. руководствуется следующими основополагающими принципами:

1. Принцип органической взаимообусловленности целостности субъекта и объекта управления. Управление как процесс целенаправленного и организующего воздействия субъекта (управляющей подсистемы) на объект (коллектив, организация, техническая система, информация и т.п.) должно составлять единую комплексную систему, имеющую одну цель, связь с внешней средой, обратную связь с внешней средой, обратную связь от цели к действию, направленному на ее достижение.

2. Принцип государственной законности системы управления организацией, фирмой, учреждением. Суть его такова: организационно-правовая форма фирмы должна отвечать требованиям и нормам государственного законодательства.

3. Принцип обеспечения внутренней правовой регламентации создания, функционирования и развития фирмы (организации, учреждения и т.п.). Вся деятельность фирмы должна осуществляться в соответствии с требованиями внутреннего устава (учредительного договора), содержание которого должно отвечать законодательству страны и проходить регистрацию в Министерстве юстиции.

4. Принцип найма руководителя: в соответствии с ним решается вопрос – назначать или избирать руководителя. Это определяется содержанием деятельности, целей и задач организации.

5. Принцип единства специализации и унификации процессов управления. Специализация повышает его эффективность. Однако это не всегда можно использовать из-за низкой повторяемости управленческих процессов. Поэтому специализация должна дополняться универсализацией управления, выработкой общих методов.

6. Принцип многовариантности управленческих решений диктуется необходимостью осуществлять выбор одного рационального и эффективного решения из множества возможных, в том числе и альтернативных решений по выполнению функций системы и достижению ею поставленной цели.

7. Принцип обеспечения устойчивости системы по отношению к внешней среде. Устойчивость и стабильность управленческой системы определяется качеством стратегического управления и оперативного регулирования, приводящего к лучшей приспособляемости системы (организации) к изменениям во внешней среде, в том числе и к благоприятным.

8. Принцип мобильности процесса управления. Наряду с устойчивостью управление должно быть мобильным, т.е. быстро и без особых трудностей приспосабливать изменения внутренней среды (организации фирмы) и внешней среды (потребителей товаров и услуг, конъюнктуры рынка) к научно-техническим изменениям.

9. Принцип автоматизации управления. Чем выше уровень автоматизации управления, тем выше качество процесса управления и ниже затраты. Условием автоматизации управления является развитие унификации и стандартизации элементов управленческой системы, производства, специализации выполняемых функций.

10. Принцип единства руководства, сущность которого можно выразить так: в одной организации, будь то промышленное предприятие, торговая фирма, научное учреждение или армия, должны функционировать один руководитель и одна программа для совокупности операций, преследующих одну и ту же цель.

Французский специалист в области теории управления А. Файоль отмечал, что дело не в недостатке или избытке принципов, а в том, что надо уметь ими оперировать. "Без принципов, – утверждал он, – мы во тьме, в хаосе; без опыта и меры, даже с наилучшими принципами, мы тоже в трудном положении. Принцип – это маяк, помогающий ориентироваться: служить он может только тем, кто знает путь в порт". А знать сущность принципов можно только на основе изучения теории, в том числе и социологии управления, которая оставляет широкое поле для творческой инициативы и самодеятельности руководителей в процессе осуществления ими управленческой деятельности.

Субъект и объект управления являются исходными, первичными компонентами управленческой структуры. Субъект управления – это лицо, группа лиц или специально созданный орган, являющийся носителем управленческого воздействия на социальный объект. Объекты управления можно типологизировать: по масштабам и уровням управленческого воздействия (страна, отрасль, регионы и т.п.); по видам регулируемой деятельности (производственная, социальная, политическая, культурная и т.п.); по адресату управленческого воздействия (население социально-территориальных общностей, персонал министерств и ведомств, предприятий и учреждений и т.п.). При этом на передний план в социологическом исследовании управленческой деятельности выдвигаются социальные отношения и взаимодействия людей, вовлеченных в тот или иной вид деятельности, объединенных в те или иные социальные общности и организации.

Особенности С.У. в плане распределения целей и задач между различными уровнями и звеньями управленческой деятельности связаны с организационной структурой управления. Под *организационной структурой управления* понимается совокупность уровней и звеньев управленческой деятельности в единстве с их функциональными областями, расположенными в строгой соподчиненности и обеспечивающими взаимосвязь между управляющей и управляемой системами для эффективного достижения целей. Она ориентирована на установление четких взаимодействий между отдельными подразделениями системы управления, распределением между ними прав, обязанностей и ответственности.

В организационной структуре управления выделяются следующие основные элементы: уровни (ступени) управления, его звенья и связи горизонтальные и вертикальные. Под уровнем управления понимается иерархическая соподчиненность подразделений и звеньев управленческой деятельности, занимающих определенную ступень в системе управления. Ступени управления находятся в вертикальной зависимости друг от друга и подчиняются друг другу по иерархии: руководители более высокой ступени управления разрабатывают и принимают решения, которые конкретизируются и осуществляются руководителями более низкой ступени, а каждое должностное лицо ответственно как за свои собственные решения и действия, так и за решения и действия своих подчиненных, в силу чего каждое должностное лицо располагает властью над теми, кто находится ниже его в управленческой пирамиде.

Т. Парсонс (см.) выделил три основных уровня управления в зависимости от того, какие функции выполняются руководителями разного ранга. Согласно его определению, руководители низового звена, действующие на техническом уровне, в основном занимаются ежедневными операциями и действиями, необходимыми для обеспечения эффективной работы без срывов в производстве продукции или оказании услуг. Руководители, действующие на управленческом уровне, в основном заняты управлением и координацией внутри организации, они согласовывают разнообразные формы деятельности и усилия различных подразделений организации. Руководители, действующие на институциональном уровне, т.е. на уровне социальных институтов, таких, например, как государство, религия, правовая система, вооруженные силы и т.п., заняты в основном формулированием целей, разработкой стратегических решений и долговременных (перспективных) планов, адаптацией управляемой социальной системы к различного рода переменам, управлением взаимодействий данной системы с внешней средой.

Руководители низового звена (операционные руководители) в основном осуществляют контроль за выполнением производственных заданий, отвечают за непосредственное использование выделенных им людских, финансовых, материально-технических и иных ресурсов. Типичные представители этого низового уровня управления – мастер смены, сержант, старшая медсестра, заведующий отделом и т.д.

Руководители среднего звена чаще всего возглавляют крупное подразделение или отделение в организации, а характер их работы определяется прежде всего координированием и управлением работой руководителей низового звена, подготовкой информации для решений, принимаемых руководителями высшего звена, последующей трансформацией полученных сверху решений в технологически удобную форму в виде конкретных заданий руководителям низового звена, а также осуществлением этих решений. Типичными должностями руководителей среднего звена управления являются: заведующий отделом (в бизнесе), декан (в университете), директор филиала, армейский офицер от лейтенанта до полковника.

Руководители высшего звена – это высший организационный уровень управления. Они отвечают за принятие и осуществление важнейших решений на уровне социального института или крупнейших его подразделений, координируют деятельность нижестоящих уровней управления, направляя ее к единой цели. Сильные руководители высшего звена обычно накладывают отпечаток своей личности на деятельность возглавляемого ими социального института. Например, атмосфера, в которой действует правительство, да и вся страна, обычно претерпевает значительные изменения при новом президенте. Типичные представители руководителей высшего звена – президент страны, председатель правительства, министры, генералы, ректоры вузов.

К звеньям управления относятся структурные подразделения, а также специалисты, выполняющие соответствующие управленческие функции. Управленческие звенья органично связаны с уровнями управления, в содержании своей деятельности определяются последними.

В структуре управления обычно выделяют два типа управленческих связей – горизонтальные и вертикальные. Вертикальные связи образуют иерархическую соподчиненность, при которой низовое звено управления находится в вертикальной управленческой зависимости от среднего звена, а то, в свою очередь, в вертикальной зависимости от высшего управленческого звена.

Кроме того, в системе управления существуют и горизонтальные связи, характеризующиеся расстановкой конкретных руководителей во главе отдельных подразделений. Например, на многих предприятиях имеются начальники производственного отдела, финансового отдела, энергетической, конструкторской службы, службы маркетинга.

В *линейной* организационной структуре управления каждый подчиненный имеет одного начальника, а каждый начальник – несколько подчиненных. Такая структура функционирует обычно в небольших организациях и на низших уровнях управления. Ее преимущества состоят в том, что она обеспечивает: а) единство и четкость распорядительства; б) согласованность действий распорядителей; в) простоту канала управления (один канал сверху); г) оперативность в принятии решений; д) личную ответственность руководителя за конечный результат деятельности своего подразделения. Но она обладает и рядом недостатков: а) отсутствие звеньев по планированию и подготовке решений; б) перегрузку руководителя информацией; в) затруднительность связей между управленческими инстанциями; г) концентрацию власти в управленческой верхушке.

Подобные недостатки устраняются при введении *функциональной* организационной структуры управления. Ее основная идея заключается в том, что выполнение отдельных функций по конкретным направлениям деятельности возлагается на специалистов, т.е. каждое звено управления (либо исполнитель) специализированы на выполнение отдельных видов деятельности. В таком случае специалисты одного профиля и уровня объединяются в специализированные структурные подразделения (отделы), например, плановый отдел, бухгалтерия, отдел маркетинга и т.д. Таким образом, общая задача управления организацией подразделяется, начиная со среднего управленческого уровня, по функциональному критерию. Поэтому и управление такого рода носит название – функциональная структура управления.

Преимущества функциональной структуры таковы: а) высокая компетентность специалистов, отвечающих за осуществление конкретных функций; б) освобождение линейных менеджеров, осуществляющих конкретные функции; в) стандартизация, формализация и программирование некоторых специальных вопросов. Но ей присущи и определенные недостатки. Они состоят в следующем: а) чрезмерная заинтересованность в реализации целей и задач "своих" подразделений; б) трудности в поддержании взаимосвязей между различными функциональными службами; в) длительность процедур принятия решений.

В связи с тем, что в системе управления наряду с горизонтальными связями функционируют и связи вертикальные, существуют и вертикальные структуры управления. В них отчетливо вырисовывается иерархическая соподчиненность разных структурных уровней управленческой деятельности. Типичным проявлением такой управленческой структуры является "управленческая вертикаль", функционирующая ныне в Республике Беларусь. На вершине этой вертикали действует президент страны – высшее должностное лицо, гарант суверенитета, независимости и территориальной целостности государства. В его непосредственном подчинении – администрация президента. Ниже ее по степени убывания властности и масштабов управленческой деятельности располагаются областные администрации, еще ниже – администрации районов и городов. В итоге складывается и функционирует многоступенчатая, построенная по принципу вертикальной зависимости, пирамидальная структура управления.

Нередко в системе управления создается специфический симбиоз, конструируемый путем органического совмещения структур двух видов: линейной и вертикальной. Такое совмещение обусловлено необходимостью координации деятельности в тех случаях, когда такая деятельность распределяется по своим целям, задачам, содержанию как по горизонтали, так и по вертикали, что имеет место в крупных современных организациях и в социальных институтах. Подобного рода организационная структура управления называется матричной. Такая матричная структура управления функционирует на крупных предприятиях.

При *матричной* структуре управления руководитель программы (проекта) работает не с подчиненными ему непосредственно специалистами, которые подчинены линейным руководителям, а в основном определяет, что и когда должно быть сделано по конкретной программе, линейные же руководители решают, кто будет выполнять ту или иную работу.

Матричная структура тоже имеет свои преимущества и недостатки. Преимущества ее таковы: 1) возможность быстро реагировать и адаптироваться к изменяющимся внутренним и внешним условиям организации; 2) рациональное использование кадров за счет специализации различных видов трудовой деятельности; 3) увеличение мотивации деятельности за счет децентрализации управления и усиления демократических принципов руководства; 4) сокращение нагрузки на руководителя высокого уровня за счет делегирования определенной части полномочий; 5) повышение личной ответственности управленцев каждого уровня. Но она имеет и определенные недостатки, которые сводятся к следующему: 1) сложная структура соподчинения, в результате чего возникают проблемы, связанные с установлением приоритетов заданий и распределением времени на их выполнение; 2) присутствие нездорового соперничества между руководителями программ; 3) необходимость постоянного контроля за соотношением сил между распределяемыми целями. Создание матричной организационной структуры управления организацией считается целесообразным в том случае, если существует необходимость освоения ряда новых сложных изделий в сжатые сроки, внедрения технологических новшеств и быстрого реагирования на конъюнктурные колебания рынка.

Матричные структуры управления открыли качественно новое направление в развитии наиболее гибких и активных программно-целевых структур управления. Они нацелены на подъем творческой инициативы руководителей и специалистов и выявление возможностей значительного повышения эффективности производства и других сфер деятельности.

Наряду с организационными структурами управления выделяют структуры управления, различающиеся характером и содержанием управленческой деятельности. Так, в частности, в некоторых организациях и учреждениях функционирует механическая структура управления, при которой управленческое воздействие на подчиненных сотрудников осуществляется традиционно-бюрократическими методами, а инновационные приемы управленческой деятельности и изменения в окружающей среде в расчет не принимаются. Совершенно иной характер имеет адаптивная структура управления, позволяющая гибко реагировать на изменения в окружающей среде и принимающая в расчет все инновационные

приемы управленческой деятельности. Значительным своеобразием отличается патисипативная структура управления, основанная на активном включении сотрудников и их представителей в процессы выработки, принятия и реализации управленческих решений (от обмена информацией, консультаций и переговоров до включения представителей сотрудников в наблюдательные и исполнительные советы, их участия в распределении прибылей и в разработке программ совершенствования производства).

Структурная динамика управленческой деятельности органично взаимоувязана с выполняемыми ею функциями. Их единство и взаимообусловленность (функция порождает соответствующую структуру, а возникновение новой структуры неизбежно приводит к появлению новой функции либо превращает латентную функцию, ранее не заметную для управления, в открытую) образует сложную и многогранную систему управленческой деятельности.

Одна из основных функций управленческой деятельности заключается в обеспечении целеполагания и целедостижения силами и средствами, имеющимися в распоряжении управляемой системы.

Функция целеполагания и целедостижения – первая функция управления – реализуется посредством выдвижения: 1) целей-ориентаций, выражающих общие интересы и устремления входящих в состав управляемой организации людей, групп и подразделений; 2) целей-заданий – планов, предписаний, поручений, задаваемых управляемой системе ее управляющей подсистемой или вышестоящей организацией; 3) целей-систем, обеспечивающих стабильность, целостность, устойчивость, динамизм управляемой системы, устанавливаемые управлением и необходимые для функционирования материализованной и объективированной структуры данной организации – фирмы, предприятия, корпорации и т.п. Четкое согласование всех трех компонентов этой функции – важнейшая задача управления, ибо любое их рассогласование – источник дисфункции и социальной патологии управленческой деятельности.

Вторая функция управления – административная, отражающая деятельность управленческой структуры на основе законодательства в области труда и нормативных актов, регулирующих кадровую сферу и складывающиеся трудовые отношения, в том числе составление штатного расписания организации, прием, увольнение, передвижений кадров, соблюдение трудового законодательства и т.п.

Управленческая деятельность неосуществима без выполнения третьей – информационно-аналитической – функции, которая обеспечивает приток информации из окружающей социальной среды в данную организацию и из этой организации в окружающую среду, а также информационное обеспечение управленческой структуры, подчиненных ей структурных подразделений и отдельных индивидов, включенных в состав данного предприятия, фирмы, корпорации и т.п., без чего невозможно обеспечение целеполагания и целеосуществления, сплочение членов организации для решения поставленных перед нею задач.

Четвертая функция управления – социальная, заключающаяся в социальной поддержке и защите работников, создании условий для их эффективного труда, определении уровня заработной платы, социальных льгот, оздоровлении работающих и их семей, организации их содержательного отдыха.

Пятая функция управленческой деятельности – прогнозирование, заключающаяся в определении возможных изменений в окружающей социальной среде, например, конъюнктуры рынка, и соответствующей этому трансформации задач и действий данной организации, а также внутренних изменений в самой организации, в том числе ее кадровом потенциале, в подготовке, переподготовке и повышении квалификации работников, в планировании их служебной карьеры.

Шестой функцией управления является планирование, представляющее собой процесс выбора целей данной системы (организации) и решений, необходимых для их достижения.

Для своей успешной реализации управленческая деятельность должна включать в себя седьмую – мотивационно-стимулирующую функцию, предполагающую создание необходимых условий (материально-технических, финансовых, социально-психологических, бытовых и др.), побуждающих сотрудников к активной и эффективной трудовой деятельности посредством экономических (зарплата, премия и т.п.), моральных (благодарность, награда, почетное звание и др.) и иных рычагов, в первую очередь, с учетом необходимости оценки работы в соответствии с ее качеством, эффективностью и результатом.

Восьмая функция управления – корректирующая деятельность управляемой системы (организации), направленная на недопущение срывов и невыполнения полученных заданий, на повышение эффективности и качества работы всех подразделений и звеньев данного объекта управления.

Девятая функция управленческой деятельности – удерживание возможных отклонений в функционировании системы (организации) в определенных пределах, обеспечивающее сохранение ее целостности, качественной специфики и динамической устойчивости.

Десятая функция управления – обеспечение компетентности и дисциплины всего персонала, всех должностных лиц данной организации в их повседневной служебной деятельности.

Одиннадцатая функция управленческой деятельности – осуществление контроля всех подразделений данной организации, обеспечивающего упорядочивающее и эффективное взаимодействие ее элементов с помощью нормативного (в том числе правового) регулирования.

Двенадцатая функция управленческой деятельности – создание благоприятного климата для успешной работы всех сотрудников организации, способствующего достижению высоких результатов в деятельности данной организации.

Тринадцатая функция успешной управленческой деятельности воплощается в обеспечении целостности системы (организации), сохранении и упрочении ее качественной специфики и динамичного устойчивого развития.

Четырнадцатая функция управления – повышение качества и эффективности служебной деятельности. Она включает в себя разработку прогнозных оценок внешнесредовых и внутрифирменных изменений, формулирование и реализацию предложений и планов по совершенствованию организации труда, по ориентационным изменениям в структурных подразделениях, по улучшению мотивации и стимулирования всех направлений деятельности организации, по обеспечению высокой эффективности ее деятельности.

Оптимальное соотношение рассмотренных функций управленческой деятельности предполагает их интеграцию на основе использования возможностей и пределов каждой из них, их непротиворечивого сочетания и взаимодействия. Например, руководитель любой организации – завода, вуза, банка, торговой фирмы и т.п. – заинтересован в том, чтобы как можно больший объем управленческих решений (распоряжений, заданий, указаний и т.д.) перевести из формы разовых воздействий в форму оптимально действующей системы в соответствии с целями, стоящими перед данной организацией.

Всякий процесс управления носит циклический, относительно замкнутый характер. Этот процесс, взятый в его единичном виде, начинается с определения целей и задач и планирования действий, направленных на их достижение, и завершается их осуществлением, достижением желаемого и планируемого результата. Затем на основе информации о результатах (достижение или недостижение цели) выдвигаются новые задачи, формулируется новая цель и начинается новый управленческий цикл. Единичных циклов управления в социальной системе очень много, чем более масштабной является данная система, тем больше в ней управленческих циклов и тем более они разнообразны. Так, если в качестве объекта управления выступает белорусское общество, то его пространственные рамки определяются территорией Беларуси, ее границами, а временное протяжение – сроками полномочий Президента и Парламента страны. Кроме того, управленческий цикл, особенно если он затрагивает такую большую социальную систему, как общество в целом (например, белорусское общество), включает в себя целый ряд подциклов, которые связаны с управлением промышленностью, сельским хозяйством, торговлей, наукой, здравоохранением и т.п., а те, в свою очередь, дифференцируются на управленческие циклы, осуществляемые в отраслях производства, сельского хозяйства, науки и т.д., а также на отдельных предприятиях и в учреждениях.

В процессе осуществления каждого отдельного цикла независимо от того, в какой области общественной жизни он реализуется, какой объект управляется, действующий субъект управления – работники аппарата управления – совершают ряд определенных, последовательно сменяющих друг друга операций. Эта последовательность операций обусловлена тем, что, имея циклический характер, всякий конкретный процесс управления расчленяется на определенные этапы, стадии, вытекающие друг из друга и сменяющие друг друга. Так, например, выдвижение определенной цели субъектом управления сопровождается формулированием соответствующих задач, за ними следует разработка планов, затем – выработка и принятие управленческого решения, организация его исполнения, регулирования деятельности данной организации или социального института, корректирование этой деятельности в соответствии с изменяющимися условиями, контроль за ее эффективностью, подведением итогов и оценка результатов.

Каждый управленческий цикл начинается со сбора информации, ее осмысления, включает в себя переработку информации в управленческие решения и передачу последних исполнителям и заканчивается получением новой информации, которая является исходной для нового управленческого цикла.

Разработка стратегии управления (перспективных целей и задач), выработка и выбор управленческих решений, организация их выполнения, регулирование и контроль, подведение итогов исходят из получения информации и ее преобразования в команды, но этим не ограничивается. Она предполагает четкое распределение времени и выделение приоритетов в деятельности как системы управления, так и в управляемой системе.

Е.М. Бабосов

СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА – вся совокупность социально-классовых отношений между индивидами, объединенными в социальные классы, социально-классовые группы и в элементарные профессиональные, имущественные и объемно-правовые группы и самих этих индивидов. С.-К.О. охватывает более широкий спектр общественных отношений, чем социально-классовая структура. Первая включает в себя не только устойчивые, сущностные, неслучайные, регулярно повторяющиеся, но и неустойчивые, случайные, нерегулярные отношения.

Долгое время на сложность изучения социальных отношений в советском обществе помимо гносеологических причин накладывал отпечаток партийный подход к изучению всех явлений общественной жизни, который господствовал до потери коммунистической партией лидирующего положения в обществе. Следует вместе с тем отметить, что к чести отечественных обществоведов в 1960-1980-е, несмотря на идеологические обстоятельства, затрудняющие беспристрастный анализ социально-классовой структуры, ими был сделан существенный вклад в развитие представлений о природе социальных отношений и структур. Вместе с тем многие научные проблемы, связанные с социально-классовой структуризацией в современной отечественной (как впрочем, и зарубежной) литературе, не раскрыты вовсе. Особо следует отметить, что нельзя говорить о каком-либо существенном отрыве западной социологии от отечественной. В современном зарубежном обществоведении наблюдается огромное разнообразие взаимоисключающих представлений о социальной и социально-классовой структурах. Западные авторы традиционно вкладывают в это понятие весьма различный смысл. Одни исследователи рассматривают социальную структуру как систему социального неравенства, другие определяют ее как совокупность групп ассоциаций и институтов, третьи считают ее системой статусов и ролей, сводя анализ к функциональной взаимозависимости между ними и т.д. Как пишет ведущий французский социолог П. Ансар в своей книге "Современная социология": "В целом с 1945 до 1970-х во Франции, Италии, как и в ФРГ и США, многие исследователи в области общественных наук, не связывая себя догматически с отдельными деталями марксовых положений, извлекли из них самое существенное с намерением преодолеть границы узкого экономизма (Сартр, 1960) либо в целях подорвать авторитет функционалистских консервативных моделей (Миллс, 1967; Хабермас, 1968)". Однако, отмечает далее этот автор, "1970-1980-е отмечены отходом от этой содержательной стороны марксизма в общественных науках, что было связано с различными причинами, в которых исторические события сыграли не последнюю роль". На сегодняшний день отечественные обществоведы по ряду субстационарных вопросов, связанных с изучением социальных отношений, опережают за-

падных. Поэтому, выделяя специфику социальных отношений, логично обратиться именно к отечественным разработкам.

Патриарх отечественной социологии Руткевич М.Н. в обосновании целесообразности выделения социально-классовой структуры в современных для него условиях (работа была опубликована в 1979) выдвинул следующие основные доводы: во-первых, социальная структура общества, оставаясь классовой и при социализме, включает в себя также иные виды социальных структур данного типа. Вместе с тем социально-классовую структуру ни в коем случае не следует смешивать с национально-этической, социально-демографической, социально-территориальной, профессиональной и другими видами социальной структуры данного типа. Однако, поскольку первая является, по мнению данного автора, наиболее важной из всех перечисленных видов социальной структуры и накладывает свой отпечаток на любую из них, в литературе ее нередко именуют просто социальной структурой. Во-вторых, преодоление существенных различий между двумя формами социалистической собственности – общенародной и колхозно-кооперативной – и вместе с тем между рабочим классом и колхозным крестьянством не исчерпывает собой задач построения бесклассового общества. Термин "социально-классовая структура" обладает тем преимуществом, по мнению М.Н. Руткевича, что ориентирует на преодоление не только различий между двумя "дружественными классами" советского общества, но и еще целого ряда социальных различий как необходимых для "достижения бесклассового общества".

Близко к данной точке зрения и понимание социально-классовых различий, излагаемое в монографии "Проблемы изменения социальной структуры советского общества", где под ними понимается – "категория, характеризующая те явления в системе общественных связей, которые ликвидируются при переходе к коммунизму, которые являются рудиментом классового антагонистического общества".

В работе "Социальная структура развитого социалистического общества в СССР" также говорится, что "поскольку нередко встречаются попытки представить классовую структуру социалистического общества в СССР только как деление общества на два дружественных класса, не принимая во внимание иные, оставшиеся в наследство от классового антагонизма общества различия, постольку представляется оправданным употребление термина "социально-классовая структура", который ориентирует на вычленение рассматриваемой структуры из социальной структуры общества в общем смысле".

Для приведенного подхода, который являлся в то время достаточно типичным, характерны следующие ошибки: 1) Авторами не дается четкого критерия социальных и социально-классовых структур, не показывается соотношение этих категорий. Отсюда социально-классовая, профессиональная, демографическая, имущественная и другие виды социальных структур рассматриваются как однопорядковые, что методологически неверно, поскольку социально-классовая структура включает в себя ряд структур (профессиональную, имущественную и т.д.), которые данные исследователи ставят с ней в один ряд как однопорядковые категории. Исходя из принципов системного подхода, следует признать очевидно ошибочным признание однопорядковыми социальных явлений, одни из которых полностью входят в состав других. 2) Необходимость выделения социально-классовой структуры связывается с конечной целью развития социализма – построением бесклассового общества. В связи с этим авторы пытались рассматривать социально-классовую структуру как пережиток капитализма (т.е. в любом случае пытаются апеллировать к периоду либо до, либо после социализма).

Сегодня в общественных науках стало аксиоматичным как невозможность построения марксистской модели коммунизма, так и признание того факта, что построенное в СССР общество не являлось социалистическим. Естественно, что в свете этих новых теоретических установок апелляции на постулаты теории "научного коммунизма" очевидно нелепы. К чести отечественных обществоведов уже в то время были предприняты попытки (иногда в методологическом плане достаточно успешные) рассмотреть реальные социальные структуры советского общества. Отмечалось, что наше общество развивалось на своей собственной основе и его социальная структура формировалась по законам, присущим исключительно ему самому (Герасимов Н.В.). Соответственно делался вывод, что социально-классовая структура образуется также по законам внутренне присущим советскому обществу. "Однако преобладающая часть современных исследований социальной структуры советского общества, – отмечает М.Х. Титма, – особенно его социально-классовой структуры, посвящена изучению путей достижения социальной однородности. При этом за аксиому берется факт преодоления социально-экономического разделения труда как основы движения в данном направлении. Но в ближайшей исторической перспективе трудно ожидать полного исчезновения даже простого физического труда. Тем более неправомерно рассматривать умственный труд как социально-однородный".

Таким образом, уже в рамках марксистской теории советские обществоведы осознали необходимость искать отличия понятий "социальная структура" и "социально-классовая структура" в явлениях, присущих реальному обществу. В отечественной литературе, если оставить в стороне фактическое отождествление некоторыми авторами социальных отношений с общественными отношениями в целом (Селунская В.М.), можно выделить три основных точки зрения на специфику социальных отношений.

Ряд исследователей разделяют выдвинутое М.Н. Руткевичем понимание социальных отношений как "равенство и неравенство различных групп людей и прежде всего общественных классов по их положению в обществе". Следует согласиться с А.К. Белых и В.М. Алексеевой, которые считали, что специфика социальных отношений не раскрывается в вышеупомянутой точке зрения: "Эти виды отношений охватывают собой все общественные отношения. Действительно, экономические, политические и духовно-идеологические отношения – это все отношения между людьми, их общностями в лице наций, классов, социальных групп, трудовых коллективов. И отношения равенства и неравенства функционируют также во всех общественных сферах – равенство и неравенство экономическое, социальное, политическое и духовно-идеологическое". Данные авторы считали, что "методическим критерием вычленения того или иного вида общественных отношений является объект, по поводу которого складываются отношения между людьми". Последнее замечание само по себе также не вызывает возражений и сегодня. По мнению А.К. Белых и В.М. Алексеевой, социальные от-

ношения представляют собой "отношения между людьми, их коллективами как носителями качественно различных видов труда, различных трудовых функций". "А социальная структура, – отмечает А.К. Белых, – это многообразие социально-трудовых субъектов". Аналогичного подхода к этой проблеме придерживается и Р.И. Косолапов, который пишет, что социальная структура основывается на общественном разделении труда. "Социальная структура – это закономерное отражение разделения труда в облике групп людей, принадлежащих к различным специализированным сферам производства и общественной жизни, в отношениях этих групп друг к другу...". Г.В. Мокроносов также сделал вывод, что "общественное разделение труда и социальная структура общества по существу совпадают, поскольку речь идет об одном и том же – о месте групп, классов в системе производственных отношений".

При таком подходе допускается фактическое отождествление социальных и трудовых отношений, сведение первых к общественному разделению труда теряет смысл в выделении самой категории "социальные отношения", т.к. она может быть полностью заменена категорией "общественное разделение труда". Это ведет к тому, что из социальных отношений выпадают семейные, возрастные, религиозные, политические и многие другие отношения и остаются лишь трудовые отношения.

Другие авторы придерживаются взглядов В.П Тугаринова, согласно которым область социальных отношений включает классы, сословия, нации, народности, профессии и категории, отражающие различные ее взаимоотношения между этими людскими коллективами. Приведенная точка зрения дает достаточно точное представление о специфике социальных отношений. Вместе с тем при таком подходе из социальных отношений исключаются отношения между индивидами, что ведет к искусственному сужению их сферы деятельности. Дополнив вышеприведенный перечень отношениями между отдельными людьми, мы будем в качестве социальных отношений рассматривать все субъект-субъектные отношения. Данная точка зрения соответствует взглядам на специфику социальных отношений М. Вебера (**см.**), который, рассматривая все разнообразие этих отношений, всегда имел в виду "...только определенный тип поведения отдельных людей". Он также отмечал, что "социальным" мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей или ориентируется на него".

Следует отметить, что в обществоведении длительное время сосуществуют два подхода к изучению социальных структур. При одном из них в качестве основных компонентов этой структуры рассматриваются исключительно социальные страты, что не позволяет исследователю раскрыть реальные социально-экономические, политические, этнические и иные общественные противоречия, а также определить реальные, а не мнимые (абстрактные) тенденции развития социума и факторы, их определяющие. При втором подходе основными компонентами социальной структуры принимаются классы, причем внутри самого этого направления существуют принципиально разные подходы.

Во-первых, когда приверженцы классовой теории делают акцент на том, что социальная структура связана прежде всего с дифференциацией между индивидами. В таком случае прежде всего рассматривается не род занятий людей, а их профессиональная позиция, не доходы людей, а распределение доходов между субъектами, что позволяет раскрыть социальное неравенство. В качестве теоретической цели при этом провозглашается необходимость раскрытия и объяснения исторических форм и степеней дифференциации и влияние последней на социальную эволюцию. Очевидным недостатком этого узкого подхода является сужение, сводящее на нет его методологическое значение, содержания вкладываемого в понятие "социальная структура общества" лишь к дифференциации между индивидами. На самом деле названная структура так же включает в себя демографические, нравственные и многие иные отношения.

Во-вторых, когда исследователи расширительно трактуют понятие "классовая структура", реально ведя речь "о тех же иерархиях социальных групп, что и у представителей собственно стратификационного подхода" (Радаев В.В., Шкаратан О.И.).

В-третьих, когда исследователи признают, что категория "социально-классовая структура" более узка, нежели понятие "социальная структура" и что первая структура полностью входит во вторую (интеграционный подход). При этом существует реальная возможность как разграничить названные структуры, так и дать им четкие, внутренне не противоречивые определения.

Всякое общество является сложным социальным агрегатом, состоящим из совокупности взаимодействующих субъектов, распадающихся не непосредственно на индивидов, а на два или большее число социальных общностей, которые уже, в свою очередь, подразделяются на индивидов. В основе выделения той или иной социальной структуры лежит функциональная или причинная связь взаимодействующих индивидов. В зависимости от степени интенсивности этой связи возникает возможность существования ряда структур в одной и той же совокупности людей. Характер такой связи будет показывать рядоположность и пересекающееся сосуществование социальных групп. "Степень интенсивности функциональной связи и ее характер, – писал Сорокин (**см.**), – такова основа возможности сосуществования ряда коллективных единств в одном и том же населении". Далее он указывает, что социальная разновидность процессов взаимодействия или характер связей "влечет за собой многообразие коллективных единств, образуемых различно комбинирующимися индивидами, – с одной стороны, с другой – принадлежность каждого индивида не к одному, а к ряду реальных совокупностей". Все социальные группы в зависимости от количества объединяющихся их признаков могут быть определены как элементарные или кумулятивные (интегральные). "Под элементарным или простым коллективным единством /социальной группой. – *С.С.*/, – пишет Сорокин, – я понимаю реальную, а не мнимую совокупность лиц, объединенных в одно взаимодействующее целое каким-либо одним признаком, достаточно ясным и определенным, не сводимым на другие признаки". В качестве таких признаков могут выступать: профессия, раса, объем прав, язык, территориальная принадлежность, пол и другие. "Под кумулятивной группой... разумеется совокупность взаимодействующих индивидов, связанных в одно организованное целое связями не одной, а рядом элементарных группировок" (Сорокин).

Соответственно и социальная структура, образованная на базе социальных групп, дифференцированных по одному признаку (достаточно ясному и определенному, не сводимому на другие признаки), может быть определена нами как элементарная социальная структура (например, профессиональная структура). Структура, объединяющая в себя несколько элементарных структур, является кумулятивной, или интегральной, структурой. В качестве элементов такой структуры будут выступать кумулятивные группы, которые, в свою очередь, распадаются на элементарные группы. Кумулятивной группой, в частности, является социальный класс. Соответственно, характеризуя социально-классовую структуру, можно говорить о ней как о кумулятивной, или интегральной, социальной структуре. Под классом в современной науке подразумевается понятие, выражающее совокупность предметов, удовлетворяющих каким-либо схожим условиям или признакам. В этой категории нет ничего сверхъестественного, и поскольку в социальных структурах существуют значительные (по численности и социальному статусу) субъектные группировки, объединяющие индивидов на основе каких-то схожих признаков, правомерно наиболее значительные из них описывать, используя понятие "социальный класс".

Уже в Средневековой Западной Европе были предприняты Отцами Церкви попытки разделения человечества на определенные разряды (или классы). Первоначально под разрядами они понимали группы людей, обладающие однородными политическими, социальными и профессиональными признаками, харизматической и корпоративной общностью. Данный "антропологический спиритуализм", согласно которому деление на разряды происходило сверху вниз в зависимости от набора совершенств, предопределенных Августиновой экзегезой трех персонажей Библии – Моисея, Даниила и Иова, воплощающих три типа человеческих характера: созерцательный, религиозный и светский, заботящийся только о земном. При таком подходе даже феодальным сюзеренам не приходилось рассчитывать на какое-либо заметное место в иерархии. Поэтому наряду с названным традиционным подходом в 8 ст. возникает "социологическая антропология", которая предлагала трехчленное деление общества на: свободных, воинов и рабов. Названная схема, однако, не пользовалась успехом, поскольку, во-первых, в ней игнорировалась деятельность духовенства в обществе и, во-вторых, поскольку промежуточное положение воинов между свободными и рабами было характерно лишь для империи. Французские авторы (Адальберт Лаонский и другие) предложили разделять общество на "молящихся" (клирики), "воинов" и "безоружный народ" (трудящиеся). Последняя социологическая схема стала затем общепризнанной. В 17 в. наука констатировала наличие социальных классов (Ш. Фурье, А. Смит, физиократы, О.Тьерри и др.). В последующий период роль и значение данных общественных образований были описаны в трудах А. Смита, Д. Рикардо, социалистов-утопистов, К. Маркса (см.), М. Вебера, П.А. Сорокина. Интересные соображения по противоречивости социально-классовых интересов были высказаны Лениным (см.).

При всех различиях во взглядах этих мыслителей на социальные классы, их точки зрения были схожи в том, что касается методологии классовой дифференциации общества. Они были единодушны в том, что в основе социально-классового расслоения лежит общественное разделение труда (см.) и социально-экономическое неравенство индивидов. Сам по себе данный научный подход не утратил своего гносеологического значения и сегодня. Как уже отмечалось, в современной западной социальной науке наблюдаются существенные различия в трактовках социальных классов и социально-классовой структуры. "Концепция классов, – указывал Р. Дарендорф (см.), – одна из наиболее наглядных иллюстраций неспособности западных исследователей достичь хотя бы минимума согласия по этому кругу проблем".

Однако при всем многообразии воззрений на социально-классовую структуру существует ряд доминирующих направлений. Это объясняется тем, что все авторы западных концепций в той или иной степени прибегали к одному из двух источников – к трудам М. Вебера или П. Сорокина.

По М. Веберу, социальные классы – категории, различающиеся по экономическим признакам, иначе говоря, – это группы людей, находящихся в аналогичном экономическом положении, или обладающие одинаковыми "жизненными шансами". Этот автор предлагает трехчленную модель социальной структуры, в которую включаются классы, статусные группы и партии. Наибольшее число западных социологических разработок посвящено веберовским статусным группам, хотя различные авторы интерпретируют их по-разному. Так, Р. Дарендорф выделяет классы, исходя из близости или удаленности определенных групп к системе власти. Существует также социологическая дифференциация социальных субъектов по объемно-правовому критерию. При этом подходе справедливо подчеркивается значение социальной дифференциации в зависимости от объема властных прерогатив, но неверно игнорируются такие фундаментальные критерии социально-классового расслоения, как собственность на хозяйственные блага и другие элементы экономических отношений.

В период до потери КПСС лидирующего положения в обществе практически все советские ученые подчеркивали использование ленинского определения классов в качестве общей методологической посылки для определения категории "социальный класс" и "социально-классовые отношения". Как известно, под социальными классами В.И. Ленин понимал "большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы – это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства". Однако при интерпретации ленинского определения классов, при толковании отдельных его пунктов, при оценке места и роли классообразующих признаков, их соподчинении, в вопросе о степени применимости ленинского критериального аппарата к современному для того времени обществу ряд исследователей сумел преодолеть узкие рамки догматов ленинской теории классов. Зачастую последняя подменялась трактовками социальных классов, исходя из традиций русской и американской социологических школ.

Так, Т.И. Заславская (см.), рассматривая в качестве критериев выделения классов: 1) отношение к средствам производства; 2) роль в общественной организации труда и 3) долю общественного богатства, отмечает, что "особенность классов заключается в том, что они различаются одновременно по всем названным критериям. Но каждый из этих критериев, рассматриваемый независимо от других, тоже обладает немалой социально-дифференцирующей силой и позволяет выделять группы, хотя и не носящие классового характера, но играющие важную роль в социальном функционировании общества". Последнее высказывание, по сути дела, лежит в контексте взглядов П.А. Сорокина. Данные группы, выделяемые по одному из критериев ("объединенные в одно взаимодействующее целое каким-либо одним признаком" – Сорокин) – являются элементарными коллективными единствами, а социальные классы выступают в качестве кумулятивных (интегральных) групп.

Для определения сущности социально-классовых отношений необходимо рассматривать социальные классы с двух сторон: 1) с точки зрения их места и функциональной роли в обществе; 2) через противоречие социально-классовых интересов. Суть одной из сторон социально-классовых отношений заключается в противоречии интересов прежде всего экономических, тех или иных социальных групп (которое будет проистекать главным образом из возможности одними социальными группами присваивать себе труд других). Наличие противоречия интересов (прежде всего экономических) в качестве критерия выделения социальных классов само по себе не вызывает споров в отечественном обществоведении (другое дело, наличие разночтений в применении его к реальным общественным системами). При рассмотрении же социальных классов по их месту и функциональной роли в обществе до настоящего времени нет единого мнения. Во многом это предопределилось существовавшей долгое время основополагающей установкой на непосредственное применение ленинских критериев при рассмотрении социальных классов и групп в обществе. Это было обусловлено: во-первых, отсутствием однозначного устоявшегося взгляда в современной экономической науке (и в целом в обществоведении) на то, что же следует понимать под "отношением к средствам производства", под "ролью в общественной организации труда" и "под способом получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают". Иначе говоря, на деле в политэкономии происходило определение одного неизвестного (социального класса) через другие неизвестные (т.е. через категории, о которых отсутствует однозначное и точное представление). Во-вторых, налицо было взаимное несоответствие критериев выделения социальных классов у В.И. Ленина. В качестве работающего определения социальных классов по их месту и функциональной роли в обществе может быть использовано определение, данное П.А. Сорокиным. По его мнению, социальным классом "является кумулятивная, нормальная, солидарная, полузакрытая, но с приближением к открытой, типичная для нашего времени группа, составленная из кумуляции трех основных группировок: 1) профессиональной; 2) имущественной; 3) объемно-правовой".

Иначе говоря, социальный класс можно определить как солидарную совокупность индивидов, сходных по профессии, по имущественному положению, по объему прав, а, следовательно, имеющих тождественные профессионально-имущественно-социально-правовые интересы. Профессиональная структура обусловливает существование профессиональных групп, объединенных родом трудовой деятельности, владеющих комплексом специальных теоретических знаний и практических навыков, приобретенных в результате специальной подготовки, опыта работы. Расчленение по профессиям имеет дело с образованием в обществе различных групп, которые разделяются прежде всего не различием взаимных отношений друг к другу, а различием отношений их к объекту деятельности. Такого рода техническое расслоение может доходить до огромного количества видов, подвидов, различных мелких подразделений, и среди бесконечного числа этих подразделений уже образуется социальное неравенство. Профессия представляет собой обычное длительное занятие индивида, дающее ему средства к существованию. Данное профессиональное занятие, как правило, является и главной деятельностью. Иначе говоря, "...источник дохода и социальная функция индивида связаны друг с другом и образуют в своей совокупности профессию" (Сорокин). Данная квалификационно-профессиональная дифференциация будет порождать социальное неравенство. Именно различные специальности, различная квалификация в трудовом процессе ведут к социальным различиям между индивидами.

В основе образования социальных классов лежат укрупненные профессиональные группы (генетический аспект). Вместе с тем в социально-классово-дифференцированном обществе представители одной и той же профессии могут входить в различные социально-классовые образования (функциональный аспект). Имущественная структура (или группировка по степени богатства и бедности), независимо от того, приближается она в данной стране к типу более закрытых групп или менее закрытых, вызывает расслоение всего общества на группы богатых и бедных. Причем богатство и бедность индивида зависят не вполне от его воли. "Члены одной и той же имущественной группы... фатально становятся солидарными во многом, члены различных имущественных групп – фатально антагонистами" (Сорокин). Сходство имущественного положения ведет к стихийной организации сходно-имущественных индивидов. Лица, относящиеся к одной профессии, в зависимости от величины их доходов могут принадлежать к различным группам с противоположными интересами. Объемно-правовая структура (или группировка по объему прав и обязанностей), не совпадая с предыдущими двумя структурами, распадается на две основные группы: привилегированных, составляющих высший социальный ранг, и обделенных, дающих низший социальный ранг. Привилегированные составляют солидарное коллективное единство; такое же единство образуют и "обделенные" (Сорокин). Вместе с тем в любом обществе с развитыми социальными структурами реальная дифференциация индивидов и групп в зависимости от объема их прав и обязанностей намного сложнее вышеприведенной.

Таким образом, в качестве признаков социальных классов выделяются: 1) профессиональный; 2) имущественный; 3) объемно-правовой. Как только в обществе формируются устойчивые профессиональные, имущественные и объемно-правовые группы; как только они приобретают некоторую прочность (как общественная комбинация), сейчас же начинается взаимодействие между обществом, взятым как целое, и между отдельными социальными группами, причем каждая из

сторон влияет на природу другой. Ранее отмечалось, что огромное влияние на индивидов оказывает профессия, имущественное положение и объем прав. Если принадлежность к каждой из данных групп весьма сильно обусловливает поведение людей, то эта обусловленность будет значительно сильнее, когда сливается влияние всех этих трех структур. Индивиды, объединенные всеми тремя связями, будут иметь схожие экономические интересы, что выступает в качестве материального условия для их объединения в социальные классы, в целях более успешной реализации и защиты своих интересов. Общественные группы, резко отличающиеся друг от друга сразу по трем приведенным признакам, будут отталкиваться и противопоставляться гораздо сильнее, чем группы, отличные только по одному какому-либо признаку.

Вместе с тем, говоря об объединении общественных групп в социальные классы, необходимо учитывать всю систему социально-экономических отношений как исчерпывающую характеристику социального класса. Так, Ю.С. Поляков, подчеркивая это, указывает, что, "очевидно, лишь вся совокупность производственных отношений, складывающихся в процессе производства, обмена, распределения и потребления материальных благ дает исчерпывающую политико-экономическую характеристику класса". Поскольку все социальные группы в обществе взаимодействуют друг с другом и при этом стремятся к наиболее оптимальной реализации своих интересов (прежде всего экономических), то все общество объективно должно распадаться на некие большие группы людей, противостоящих друг другу в зависимости от степени совпадения (противопоставления) их интересов (прежде всего экономических). Что же будет предопределять это совпадение (противопоставление)? На наш взгляд, это все та же возможность одними социальными группами присваивать себе труд других (что зависит от их места и функциональной роли). Для защиты своих экономических интересов происходит стихийное объединение тех и других в социальные классы. Такое объединение выступает в качестве экономической базы образования социальных классов.

Дарендорф в работе "Класс и классовый конфликт в индустриальном обществе" (1957) писал по этому поводу, что "класс – это категория, которая используется при анализе динамики социального конфликта и его структурных корней". Вместе с тем социальный класс не только экономическое, но и социальное, политическое и духовно-идеологическое образование. К. Маркс в "Нищете философии" пишет: "Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классами по отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе... эта масса сплачивается, она конституируется как класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами". Из данной цитаты ясно видно, что в процессе возникновения и развития социальных классов, по мнению К. Маркса, существует такая форма, когда люди, находящиеся в положении, определенном приведенными выше критериями (место и роль в системе функционально-трудовых отношений, отношений собственности, управленческих отношений и особые экономические интересы), еще не связаны внутренней связью сознательных (идеологических) отношений, а лишь связью субъективных отношений и объективных зависимостей, существующих в рамках производственных отношений. Тогда мы говорим, что они образуют "класс в себе", который, правда, не является простой совокупностью, поскольку связан системой объективных отношений, но и не представляет еще класса "для себя", т.е. не обладает еще вполне развитым сознанием своих классовых экономических и политических интересов. Причем объективные классовые интересы отражаются в субъективном классовом сознании отнюдь не зеркально. Осознание своих существенных, истинных интересов, без чего невозможно превращение "класса в себя" в "класс для себя", неизбежно происходит через систему психологических установок, данных предыдущим историческим опытом. Социальный класс может стать "классом для себя", лишь выработав собственную идеологию. На основе всего этого и происходит его организационное оформление. Особо отметим, что под влиянием данного положения Маркса о "классе для себя" М. Вебер предлагал разграничивать в социально-классовой структуре "класс" и "социальный класс". Под классом данный автор понимал социальную общность, связанную лишь сходством экономических интересов, "экономического положения" данной категории субъектов. Категорией "социальный класс" М. Вебер показывал, что высшим проявлением классовой общности служит мобилизующая и побуждающая к коллективным действиям осознанность своих классовых экономических и политических интересов и целей.

Современный классик французской социологии П. Бурдье (**см.**) также предлагал разграничивать возможные (логические) и реальные социальные классы. Данный автор пишет, что на основании знания экономических и других отношений можно "вычленить классы в логическом смысле этого слова, т.е. классы как совокупность агентов, занимающих сходную позицию, которые будучи размещены в сходных условиях и подчинены сходным обусловленностям, имеют все шансы для обладания сходными диспозициями и интересами, и, следовательно, для выработки сходной практики и занятия сходных позиций". П. Бурдье справедливо считает, что данный класс "на бумаге" имеет теоретическое существование, "он позволяет объяснить и предвидеть практики и свойства классифицируемых и... поведение, ведущее к объединению их в группу /в реальный социальный класс. – *С.С.*/". "...Это лишь возможный класс, поскольку он есть совокупность агентов, которые объективно будут оказывать меньше сопротивления в случае необходимости их "мобилизации", чем какая-либо другая совокупность агентов". Превращение логического класса в реальный социальный класс, пишет он далее, возможно лишь через выработку у его членов чувства позиции, "занимаемой в социальном пространстве" /социально-классовых отношений. – *С.С.*/. И. Краус также пишет: "Классы... являются конфликтными группами, которые, объединяясь, оспаривают существующее распределение власти, преимуществ и других возможностей... классы формируются, когда совокупность индивидов определяет свои интересы как сходные с интересами других из той же совокупности и как отличающиеся и противостоящие интересам другой совокупности лиц". Данный исследователь подчеркивает важную роль в процессе формирования социального класса наличие у последнего собственной идеологии.

Таким образом, объективные классовые интересы отражаются в субъективном классовом сознании отнюдь не зеркально. Осознание своих существенных, истинных интересов,

без чего невозможно превращение "класса в себя" в "класс для себя", неизбежно происходит через систему психологических установок, данных предыдущим историческим опытом. Социальный класс может стать "классом для себя", лишь выработав собственную идеологию. На основе всего этого и происходит его организационное оформление. В связи с не сводимостью всех компонентов социально-классовой структуры общества только к социальным классам и элементарным профессиональным, имущественным и объемно-правовым группам гносеологически необходимо, исходя из цели более или менее адекватного отражения в теории многообразия корпоративных социальных субъектов, ввести для содержательного описания названной структуры ряд категорий, а так же дополнить вышеприведенное определение социального класса П.А. Сорокина.

Под социальным классом в современной науке понимается кумулятивная, нормальная, солидарная, полузакрытая, но с приближением к открытой, связанная положительной социально-классовой комплиментарностью группа, составленная из кумуляции трех основных группировок: 1) профессиональной; 2) имущественной; 3) объемно-правовой. Понятие комплиментарности положительной (отрицательной) было введено Л.Н. Гумилевым для характеристики этносферы. Под ним понималось "ощущение подсознательной взаимной симпатии (антипатии) членов этнических коллективов, определяющее деление на "своих" и "чужих". Под социально-классовой комплиментарностью понимается ощущение подсознательной взаимной симпатии (антипатии) членов социальных классов, ведущее к формированию у них единой идеологии и определяющее деление на "своих" и "чужих". Положительная социально-классовая комплиментарность – это то, что (по терминологии П. Бурдье) отличает "реальный социальный класс" от "возможного (логического) класса".

Представляется гносеологически перспективным введение в социальную философию ряда понятий, которые фиксируют определенную стадию развития социально-классовой общности – это "класс-слой", "класс-сословие", "дистрахо-класс", "синкретичный класс". Также целесообразно выделить социально-экономические категории, показывающие внутриклассовую дифференциацию субъектов: "социально-классовая группа", "маргинальная социально-классовая группа" и "кастовая социально-классовая группа". Почему перспективно введение понятия "класс-слой"? Дело в том, что в современной социологии не только отсутствуют четкие критерии разграничения категорий "класс" и "слой", но и как справедливо подчеркивает О.И. Шкаратан "для многих авторов они вообще являются синонимами".

Сегодня в обществоведении типичным является представление о том, что любое современное общество состоит из групп или множества индивидов, имеющих или носящих определенные характеристики. При этом эти характеристики рассматриваются в качестве критериев классификации, которые могут быть одно- или, чаще, многомерными (в нашей терминологии – это элементарные или кумулятивные структуры). При таком подходе традиционно внимание исследователя смещено с производства на распределение, без осмысления объективных отношений между ними. Эта ситуация привела сегодня к тому, что, как справедливо отмечают В.В. Радаев и О.И. Шкаратан: "в значительной части исследований одни и те же признаки применяются для выделения и классов и слоев". А отсюда следует широко распространенное среди обществоведов мнение, что категорией класса охватываются неоднородные социальные субъекты в зависимости от того гносеологического контекста, который вкладывают в этот термин различные ученые. "Различен и смысл, – как отмечает О.И. Шкаратан, – вкладываемый разными авторами в термин "социальный слой". Большинство социологов обозначает этим термином общественную дифференциацию в рамках иерархически организованного общества. Зачастую содержание термина ничем не отличается от содержания, вкладываемого в термин "класс". В тех же случаях, когда данные понятия различают, термином "страта" обозначают группы внутри "классов", выделенные по тем же основаниям, что и сами "классы". Поэтому перспективно в научном плане введение в оборот вместо категории "слой" понятие "класс-слой", что позволяет подчеркнуть, что названное состояние социально-классовой общности является одной из стадий жизнедеятельности социального класса и в то же время позволяет четко выделить специфику этой стадии. "Класс-слой" представляет собой общность, отличающуюся от социального класса отсутствием положительной комплиментарности, т.е. близкую по своей сути к "возможному классу" Бурдье. Степень общности индивидов, составляющих класс-слой, уровень осознания ими своих общих потребностей и интересов (прежде всего экономических), степень их сплоченности и организованности меньше, чем у представителей социального класса. Для характеристики внутриклассовых групп используется категория "социально-классовая группа". Под названными группами понимаются такие внутриклассовые группы, которые частично отличаются между собой по одной (или двум) основным куммуляциям: или профессиональной, или имущественной, или объемно-правовой; по остальным же двум (или одному) полностью совпадающие с другими субъектами данного социального класса.

Для анализа процесса эволюции социально-классовой структуры общества сегодня нередко применяется категория социальный "дистрахо-класс" (от латинского слова – distractor – разрывающийся на части). Под данным классом понимается кумулятивная, полузакрытая, но с приближением к открытой, группа, составленная из кумуляции трех основных группировок: 1) профессиональной; 2) имущественной; 3) объемно-правовой, и характеризующаяся повышенной степенью расчлененности и рыхлостью внутренних структур. Дистрахо-класс – это социальный класс в процессе усиления автономизации его внутриклассовых (социально-классовых) групп, ведущих в перспективе к его распаду на несколько новых социальных классов. Как правило, вышеупомянутая социально-классовая общность характеризуется еще меньшей возможностью для совместных действий, чем класс-слой; единая идеологическая позиция у субъектов его составляющих отсутствует.

Признание целесообразности использования в современном обществоведении категории "социальный дистрахо-класс" потребовало введения в научный оборот понятия "эмбриональный (синкретичный) социальный класс" (или, для краткости – "синкретичный класс"). Названная социальная общность представляет собой социально-классовую группу, входящую в дистрахо-класс, в процессе ее превращения в собственно социальный класс. Синкретичный класс отличается слитностью, нерасчлененностью в связи с первоначальной неразвитостью состояния.

В последние годы в философской и социологической литературе уделяется большое внимание такому явлению, как маргинальность, которая выступает в качестве одной из характеристик состояния социальных, в том числе и социально-классовой, структур. Названное понятие, как правило, используется "...для обозначения относительно устойчивых социальных явлений, возникающих *на_границе* / выделено мной. – *С.С.*/ взаимодействия различных культур, социальных общностей, структур, в результате чего определенная часть социальных субъектов оказывается за их пределами" (Попова И.П.). Несмотря на кажущуюся простоту определения названного феномена и его более чем семидесятилетнюю научную историю, до настоящего времени в применении категории "маргинальность" имеется большое количество гносеологических трудностей. Следует согласиться с И.П. Поповой, что причина названного положения вещей трояка: "Во-первых, в практике использования самого термина сложилось несколько подходов (в социологии, социальной психологии, культурологии, политологии, экономике и т.д.), что придает понятию достаточно общий, междисциплинарный характер. Во-вторых, в процессе уточнения и эволюции понятия в социологии утвердилось несколько значений, связанных с различными типами маргинальности. В третьих, его нечеткость, неопределенность делает сложным измерение самого явления, его анализ в контексте социальных процессов". Таким образом, в современном обществоведении целесообразно говорить не о какой-либо абстрактной маргинальности некоего не обозначенного социального явления, а лишь о маргинальности тех или иных типов (или классов) явлений и отношений. Применение понятия "маргинальность" при характеристике компонентов социально-классовой структуры выдвигает на первое место такие ее атрибутивные признаки, как "пограничность", "промежуточность", "неоднозначность" и "неопределенность" (что подчеркивает повышенную степень энтропийности маргинальных социально-классовых субъектов. На наш взгляд, описать современным системным языком социально-классовые организацию и структуру общества нельзя без введения категории "маргинальная социально-классовая группа" (или, для краткости – "маргинальная группа"), которая представляет собой социально-классовую группу, входящую в один социальный класс, но по ряду признаков так же близкую к другому социальному классу. Данная группа занимает специфическое "пограничное" положение в социально-классовой структуре общества. Названная группа с большой степенью вероятности может быть охарактеризована как энтропийный элемент на групповом уровне.

Социальный класс-сословие (или, для краткости – "класс-сословие") представляет собой полузакрытую группу, с приближением к закрытой; доступ в нее ограничен, в том числе обычаями и традициями, ее представители обладают передаваемыми по наследству правами и обязанностями. Примером таких социально-классовых общностей может служить Япония второй половины 20 ст. В этой стране широко развита система наследования политической власти, "когда сыновья, дочери и внуки политиков старших поколений почти автоматически занимают места в парламенте от тех же самых выборных округов (*нисэй* или *сансэй гикн).* В середине 1990-х эти парламентарии во втором или третьем поколении занимали до четверти мест в нижней и до одной пятой – в верхней палате японского парламента. Если к ним добавить супругов, деверей, племянников и других родственников, а также бывших секретарей ушедших на покой парламентариев, то масштабы феномена наследования власти окажутся еще более впечатляющими" (Кравцевич А.И.) К этому следует также добавить, что японский кабинет министров (высшая исполнительная власть) формируется из действующих политиков-парламентариев из правящей или правящих партий. Вместе с тем реальное управление страной находится не в руках министров и их заместителей (политиков, выбранных народом), которые традиционно сменяются ежегодно, а в руках карьерной бюрократии. Последняя же также является сегодня классом-сословием. Система же консультационных совещаний при органах власти, "объединяющая в себе коллективный опыт чиновничества, деловых и академических кругов, профсоюзов и потребителей и призванная содействовать достижению общественного консенсуса в отношении принимаемой политики" (Кравцевич А.И), в большем количестве случаев является ширмой для придания соответствующего антуража подготовленных бюрократией решений.

Кастовые социально-классовые группы (или, для краткости – "касты") – социально-классовые группы, занимающие определенное (строго ранжированное) место в социальной иерархии, связанные с жестко фиксированными видами деятельности и ограниченные в общении друг с другом.

Таким образом, социальный класс – это реальная социологическая категория, которая позволяет выделить по ряду (социально-экономических) признаков группу индивидов, выступающих в социальных и социально-экономических отношениях как большая замкнутая система с определенным динамическим алгоритмом поведения и специфической внутренней структурой, меняющейся в зависимости от стадии развития класса – от степени его "зрелости" (класс-слой, социальный дистрахо-класс и т.д.).

В современном обществоведении под социальным классом понимается кумулятивная, нормальная, солидарная, полузакрытая, но с приближением к открытой, связанная положительной социально-классовой комплиментарностью группа, составленная из кумуляции трех основных группировок: 1) профессиональной; 2) имущественной; 3) объемно-правовой. Под социально-классовой комплиментарностью понимается ощущение подсознательной взаимной симпатии (антипатии) членов социальных классов, ведущее к формированию у них единой идеологии и определяющее деление на "своих" и "чужих". В процессе своей жизнедеятельности социальные классы и социально-классовые группы могут объединяться в социально-классовые группировки ("социальные надклассы") с целью совместной борьбы за оптимизацию условий реализации своих социально-экономических интересов. При этом главным условием названной интеграции выступает временное совпадение интересов объединяющихся субъектов и явное противоречие их социально-экономическим интересам других социальных классов. Такое объединение тех или иных социально-классовых субъектов может происходить на определенный, как правило, достаточно короткий исторический промежуток. Следует так же отметить, что потенциальная возможность названного объединения во многом определяется нравственными отношениями того или иного социума (обычаями, традициями, моральными нормами, идеалами и т.д.).

Исходя из вышеотмеченного, можно определить социально-классовые отношения в узком смысле как отношения между индивидами, включенными в специфические кумуля-

тивные (интегральные) группы – социальные классы. Соответственно, под социально-классовыми отношениями в широком смысле понимаются отношения между людьми, объединенными в элементарные профессиональные, имущественные и объемно-правовые группы и кумулятивные (интегральные) группы – социально-классовые группы и социальные классы.

Социально-классовая структура общества представляет собой совокупность: 1) наиболее устойчивых, существенных, регулярно повторяющихся социально-классовых отношений, которые возникают между индивидами, объединенными в социальные классы, социально-классовые группы и в элементарные профессиональные, имущественные и объемно-правовые группы; 2) самих этих индивидов, объединенных в социальные классы и социально-классовые элементарные общественные группы. В любом реальном обществе существует, постоянно воспроизводясь или исчезая, большое разнообразие социально-классовых отношений. Если предположить, что в каком-либо социуме все названные отношения будут устойчивыми, сущностными, регулярно повторяющимися, то есть что будут отсутствовать какие-либо хаотические социально-классовые процессы или явления, то в названном обществе будет отсутствовать какой-либо динамизм и оно будет обречено на застой.

Как уже отмечалось в специальной литературе (Е.А. Седов), для нормального функционирования и более или менее адекватного реагирования на изменение окружающих социально-экономических реалий (то есть для восприятия информации) хаотические процессы должны не только присутствовать, но и занимать достаточно значительную долю во всей совокупности социально-экономических отношений. Вместе с тем, если данные хаотические процессы переходят определенный предел, то есть если наличие не хаотических процессов становится не достаточным для поддержания определенных структур в социуме, то это общество умирает. При этом происходит деградация социально-классовой структуры. Поэтому для характеристики реальных социально-классовых отношений необходимо использовать понятие "социально-классовая организация общества", которая охватывает более широкий аспект общественных отношений, чем социально-классовая структура. Первая включает в себя не только устойчивые, сущностные, неслучайные, регулярно повторяющиеся, но и неустойчивые, случайные, нерегулярные отношения. Некоторые изменения в социально-классовой организации общества будут выступать в качестве специфического социального "эмбриона" эволюции социально-классовой структуры.

Таким образом, С.-К.О. динамичного общества всегда представляет собой непрерывно изменяющееся социальное явление, динамику которого полностью описать языком современной математики невозможно, даже используя в качестве средства "математический хаос". Вместе с тем представляется теоретически возможным с достаточной степенью вероятности описать социально-классовую организацию общества на какое-то определенное время. Для фиксации этого состояния правомерно использовать категорию "социально-классовый фрактал". Названное понятие относится к некой статичной социальной конфигурации, выступающей как бы мгновенным статистическим (математическим) "снимком" социально-классовой организации. Несколько упрощенно реальное бытие социально-классовой организации общества может быть представлено как бесконечное количество непрерывно сменяющих друг друга социально-классовых фракталов. Категория "социально-классовая структура общества", как отмечалось выше, не описывает всего разнообразия социально-классовых отношений и не несет в себе эволюционного потенциала. Иначе говоря, если представить, что все разнообразие социально-классовых отношений в некой социально-экономической системе свелось лишь к наиболее устойчивым, существенным, регулярно повторяющимся, т.е. к неслучайным детерминированным отношениям, то такая система могла бы существовать лишь при неизменных внешних условиях (стабильные природно-климатические условия, неизменные источники сырья, отсутствие научно-технического прогресса или регресса, застывшая демографическая структура при неизменной численности населения и т.д.), т.е. она в принципе не жизненна. Для того, чтобы реагировать на изменение внешних условий в социально-экономической системе, обязательно должны существовать энтропийные (энтропия – это мера неопределенности стохастических процессов) социально-классовые отношения.

Все реальные, а не мнимые, социально-классовые отношения делятся на два типа: 1) устойчивые, существенные, регулярно повторяющиеся – формирующие социально-классовую структуру и являющиеся в данном случае выражением структурной информации; 2) неустойчивые, случайные, стохастические – являющиеся воплощением энтропийных процессов, ведущих к трансформации социально-классовой структуры и позволяющей последней адекватно реагировать на изменение социально-экономической системы. Именно совокупность всех этих отношений (устойчивых и неустойчивых, статистических и стохастических и т.д.) описывается термином "С.-К.О.". В С.-К.О. любого реального общества будут присутствовать не входящие в социально-классовую структуру элементы – индивиды, которые могут объединяться в определенные, достаточно устойчивые группы. В свою очередь, в любом социальном классе также будут присутствовать энтропийные элементы – обеспечивающие возможность его изменения, и структурно-информационные элементы – обеспечивающие возможность его самосохранения. (Дистрахо-класс – это класс с максимальной энтропией, а социальный класс-сословие – это класс с минимальной энтропией.) Действительный уровень разнообразия на высших уровнях социально-классовой структуры может быть обеспечен за счет ее эффективного ограничения на низших уровнях.

С.Ю. Солодовников

СОЦИАЛЬНОСТЬ – пакетное понятие, пространство адекватных интерпретаций которого: 1) соотносится по объему с содержательной и функциональной "нагруженностью" терминов "история", "культура" и т.п.; 2) относимо к предметностям классической и неклассической социологии; 3) отражает взаимообусловленность индивидного ("атомарного", "ядерного") бытия людей, с одной стороны, и надиндивидуальных структур социальной статики и социальной динамики – с другой. Неразрывное единство фрагментированных единиц человеческого бытия и коллективных форм их существования /читай: совместное, коллективистское по форме воспроизводство дискретной социальной реальности. – *А.Г.*/ конституирует амбивалентность социально-гумани-

тарного познания. В границах последнего различимы познание социального (анализ общественных структур и закономерностей различной степени общности, т.е. опосредованно-общественного) и гуманитарное познание (конкретно-индивидуальное описание феноменов социальной жизни, т.е. непосредственно-личного).

В классических своих трактовках С. выступала в качестве структуры: а) внешней для индивидов, б) противостоящей им (как коллективистское начало), в) центрированной на репертуары "стягивающего" взаимодействия людей. Кардинальная историческая трансформация базовых форм С. была зафиксирована посредством ряда совпадающих финальных характеристик в различных языках социальных описаний 20 ст. (постмодернистская философия, интеракционизм, теории коммуникативного действия, социальная феноменология и т.д.).

А.А. Грицанов

СОЦИАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ – компоненты системы регуляции социального поведения, взаимодействия в группах, обществе, обычно неформализованные; система ожиданий, требований относительно норм исполнения индивидом социальных ролей. Членам группы (общества), занимающим ту или иную социальную позицию, выполняющим ту или иную роль, другие взаимодействующие с ними представители группы предъявляют принятые в данной группе требования, касающиеся форм социального поведения, отношений, установок и т.п. Эти требования, предписания приобретают форму ожидания определенного поведения. Так, от матери окружающие ждут, что она будет заботиться о своем ребенке, от работника – что он будет добросовестно выполнять свои трудовые обязанности и т.п. С.О. представляют собой разновидность социальных санкций, упорядочивающих систему отношений и взаимодействий в группе.

В отличие от официальных предписаний, должностных инструкций и других регуляторов поведения в группе С.О. носят неформальный и не всегда осознаваемый характер. Вместе с тем С.О. не являются произвольными, они отражают степень обязательности, необходимости для группы (общества) предписываемой формы поведения, отношений, без которых группа (напр., семья) не может успешно функционировать. Две основные стороны С.О. – право ожидать от окружающих поведения, соответствующего их ролевой позиции, и обязанность вести себя соответственно ожиданиям других людей. С.О. формируются на основе процессов антиципации – предвосхищения, предвидения, упреждения событий, реакций, отношений, результатов действий – и обеспечивают прогнозируемость поведения, а также санкций и ответных реакций на него. Основные функции С.О. состоят в упорядочении взаимодействий, повышении надежности системы социальных связей, согласованности действий и отношений между членами группы, общества, в повышении эффективности процессов адаптации и оценивания.

В.А. Балцевич

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ (социальные репрезентации) – идеи, мысли, образы, ценности, знания и практики, разделяемые людьми и формирующиеся в социальных взаимодействиях прежде всего под влиянием средств массовой информации. Это конструктивное воспроизведение свойств объекта на уровне конкретных понятий, организованное вокруг одного центрального значения и неотделимое от символической активности субъекта в социальном поле (К. Херцлих); обыденное мышление, практическое освоение социального, материального и идеального окружения (Д. Жоделе). С.П. позволяют конвенционализировать, "оповседневить" объекты, идеи, теории, события и отношения, подчиняя их обыденности, здравому смыслу. Они одновременно являются результатом коммуникации (см.) и служат ее основой, обеспечивая разделяемые коды (см.) социального взаимодействия (см.) и групповую идентичность (см.).

Теория С.П. вместе с дискурсивными исследованиями возвращает в социальную психологию (см.) социальное содержание, практически утерянное сначала бихевиоризмом (см.), а затем индивидуалистской когнитивной психологией. Она оказала существенное влияние на развитие социальной психологии и программы эмпирических исследований в социальных науках в целом.

Понятие "С.П." было предложено в начале 1960-х в докторской диссертации С. Московичи (см.), посвященной усвоению идей психоанализа (см.) населением, далеким от научных занятий. Предложенная концепция была направлена против доминировавшей американской когнитивной традиции в социальной психологии, стремившейся объяснить сложные социальные феномены, такие как социальные стереотипы, мнения, убеждения, исходя из закономерностей функционирования индивидуальной психики. С. Московичи опирался на идеи о роли разделяемых верований в т.н. примитивных обществах (Л. Леви-Брюль – см.), когнитивного развития ребенка (Ж. Пиаже – см.) и особенно идеи коллективных представлений Э. Дюркгейма (см.).

Коллективные и С.П.

Согласно Э. Дюркгейму, коллективные представления обеспечивают групповую солидарность, поддерживая связи между членами данной группы и обеспечивая единство мыслей и действий и передачу опыта. Коллективные представления, к которым были причислены религия и язык, передаются от поколения к поколению и тем самым поддерживают социальное. Они воздействуют на индивидов принудительно.

Разработка новой концепции была мотивирована стремлением избавиться от нежелательных ассоциаций с антропологическими исследованиями примитивных обществ и одновременно ослабить всеобщность и репрессивный характер неизменных коллективных представлений. В современных (пост)индустриальных обществах, в которых динамично изменяющееся научное знание обладает большой ценностью, чем традиция, на смену коллективным представлениям приходят социальные. Они менее тотальны: формируются в процессах коммуникации, различаются от группы к группе и относительно изменчивы. Поскольку С.П. содержат элементы научного знания и постоянно подкрепляются коммуникацией, они предстают обыденному сознанию как перцептивные факты.

С.П. и научное знание.

В информационном обществе источником большинства С.П. служат трансформированные научные понятия и теории: "То, что по истечении определенного времени кажется нам само собой разумеющейся... данностью, всегда оказывается модифицированным продуктом научных исследований" (С. Московичи). Идея о конструировании научных мифов в социальных представлениях основывается на метатеории С.

Московичи о двух видах знания. В модернистских обществах традиционная дихотомия святого и обыденного обретает черты овеществленной, или материальной, реальности (наука) и консенсусной реальности (сфера здравого смысла).

Основной характеристикой последней является ее связь с "неструктурированным" общением между бесконечным количеством участников, тогда как реальность, здравый смысл противятся любой попытке овеществления и превращения понятий и образов в ясные правила и процедуры. Овеществленная реальность поддерживается неравенством позиций участников ее (вос)производства и строгой формализованностью процессов обмена знаниями и практиками. Формализованность коммуникации служит целям прояснения и стабилизации значений научных понятий. В овеществленной реальности значения упорядочены, фиксированы и принудительно предписаны членам сообщества как единственно правильные.

Выходя за рамки академического сообщества, научные понятия становятся С.П., здравым смыслом, и в этом качестве не подчиняются законам формальной логики, от них нельзя дистанцироваться и объективно наблюдать, избегая вовлеченности. Подобные научные мифы получают логическую завершенность, внутреннюю легитимность и самодостаточность. Таким образом, неявным критерием различения научного и обыденного знания выступает степень формализованности процесса коммуникации.

Структура С.П.

В самом общем смысле С.П. состоят из когнитивных и социальных компонентов. Чаще в контексте структуры рассматриваются три компонента: аттитюд, информация и поле представления. Это различение не очень конструктивно, поскольку "компоненты" имеют разную природу и к тому же не получили формального определения в литературе.

С точки зрения "структуралистского" подхода (Ж.-К. Абри), в С.П. можно выделить центральные и периферические элементы. Выделение центрального ядра основывается на гипотезе Московичи о наличии в каждом представлении ригидных, архаичных элементов – "тем". Это базовые идеи, которые направляют и ограничивают когнитивный поиск подобно схемам. Это достаточно стабильное центральное ядро организует другие элементы, определяет смысл С.П. и возможности его изменения, т.е. выполняет организующую и генерирующую функции (Л. Молинари). Содержание ядра обусловлено историческими, социальными и идеологическими условиями существования группы. Оно состоит из знаний особого свойства – нормативных, основанных не на фактах, а на ценностях, и поэтому не может быть изменено без угрозы существованию С.П.

Выделение центрального ядра репрезентации основывается на следующих количественных критериях: 1) уровне согласия мнений членов группы о важности данной характеристики объекта представления, 2) оценке необходимости характеристик для определения объекта. Впрочем, эти критерии недостаточны для определения центральных элементов из-за различной социальной динамики в группах. Элементы центрального ядра активируются в различной степени в зависимости от ситуации. Изменчивость в активации центральных элементов в процессе функционирования социальных репрезентаций во многом определяется типом механизма "зацепления", используемого группой.

Если центральное ядро является наиболее согласованной, основанной на консенсусе частью репрезентации, то периферическая система призвана объяснить индивидуальные различия в процессе репрезентации (см.). Она более изменчива, чем центральное ядро, и потому дает возможность интегрировать различные информации и практики. Она состоит из когнитивных схем и является опосредующим звеном между репрезентацией и реальностью.

Формирование и изменение С.П.

Формирование и изменение С.П. может рассматриваться в аспекте возрастной динамики и динамики организации знаний у взрослых людей в повседневной коммуникации. Формирование С.П. лучше изучено во втором смысле, главным образом на материале оповседневнивания научных теорий. Незнакомые объекты и явления, первоначально недоступные "здравому смыслу", включаются в сеть повседневных коммуникаций и ткань С.П. и через посредство *зацепления* и объективации. В основе выделения этих процессов лежит убеждение в стремлении человека избегать неизвестности и конструировать внутренне непротиворечивую систему знаний.

Под *зацеплением* понимается процесс классификации и присвоения имен незнакомым объектам. Последние сличаются с имеющимися и доступными в данной культуре категориями. В случае высокого сходства с имеющимися категориями новая информация включается в С.П., не изменяя их; в ином случае структура С.П. трансформируется. Понимание незнакомого направляется привычными образами и языком. Этот процесс напоминает модели ассимиляции информации посредством сопо-ставления с наличными категориями и схемами и эмоционального оценивания, разработанные в когнитивной психологии. Объект включается в коммуникационные обмены, прикрепляясь к основной "теме", к ядру и связываясь с другими элементами сети значений.

В. Дуаз выделил три уровня зацепления: психологическое (установление связи новой информацией и более общим знанием на эту тему), социологическое (модификация знаний под влиянием социальной позиции субъекта), психосоциальное (имеет место там, где речь идет о множественных социальных ролях и динамике идентичности, связанной с принадлежностью субъекта к различным социальным группам).

Вторым процессом является объективация, через посредство которой абстрактные понятия и образы преобразуются в конкретные повседневные реалии и образы. Образующиеся структуры обыденного знания имеют для индивида или группы статус факта и используются для категоризации новой информации. Конкретизация знаний происходит через селективный отбор элементов информации и их освобождение от первоначального контекста, в котором научная теория была сформулирована. В результате создается "метафорическая модель" объекта. Эта модель натурализуется, т.е. становится непосредственным конкретным выражением некоторых феноменов. Одновременно абстрактные понятия объективируются (связываются с вполне конкретными "естественными" объектами).

С. Московичи и М. Хьюстон уточнили эту модель для популяризации научных теорий, включив в объективизацию три трансформационных процесса: персонификацию, метафоризацию и онтологизацию. Персонификация связывает научную теорию или понятие с определенным человеком или группой. В процессе метафоризации абстрактные понятия наполняются образным содержанием. Онтологизация связана

с наделением понятий свойствами реально существующих физических объектов.

Ж.-К. Абри распространил эту модель на изменения уже наличных представлений и выделил три уровня трансформации в зависимости от того, в какой степени модифицируется ядро С.П. На уровне поверхностной трансформации изменяются только периферические элементы, на уровне прогрессивной трансформации центральное ядро изменяется за счет включения новых элементов, но без уничтожения имеющихся, на уровне полной модификации ядро разрушается и С.П. организуется вокруг новых идей.

В этих моделях акцент делается на консенсусе мнений и недооценивается индивидуальное разнообразие представлений. Некоторые авторы пытаются решить эту проблему, вводя в теорию С.П. процессы социального влияния, в частности, идеи о креативном влиянии меньшинства и референтности источника.

Критика теории С.П.

Как указывают многие авторы, концептуальный аппарат "теории" двусмыслен. Основное понятие – социальное представление – не имеет ясного определения, используется для описания широкого круга явлений (от индивидуальных когнитивных процессов до общественных идеологий) и сохраняет нежелательные ассоциации с когнитивной психологией. Некоторые критики (Г. Яхода) полагают, что значительно легче указать те социальные феномены, которые *не являются* С.П. Часто упоминаемому противопоставлению коллективных, социальных и индивидуальных представлений также свойственна двусмысленность. По мнению Т. Ибаньеса, не может быть индивидуальных репрезентаций, которые не были бы социальными, а термины "коллективные" и "социальные" представления идентичны.

Другое серьезное возражение связано с причудливым сочетанием социальных метафор и когнитивных по своему существу процессов. Так, Я. Паркер полагает, что использование социологических понятий лишь создает иллюзию социального объяснения. И С.П., и когнитивные категории и схемы являются индивидуальным интериоризованным социальным знанием и направляют обработку информации с помощью похожих механизмов. Указание на определяющую роль социальных условий для когнитивных процессов формирования С.П. не решает проблемы, поскольку любое познание с необходимостью социально, укоренено в культуре и традиции.

Разделение "овеществленной" и "консенсусной" реальности, основанное на оценке формализованности и также степени согласованности знания, является спорным. Наука предполагает такую же систему коммуникации и неформальных влияний, что и "повседневная жизнь". Научное знание не объединяет одинаково мыслящих индивидов. Это означает, что при изучении взаимосвязи научного и повседневного знания необходимо рассматривать не только "продукт" – научные понятия и теории, – но и неформализованный процесс конструирования знания. Выбранная в качестве различительного критерия степень формализованности коммуникации не учитывает различий в строгости организации знаний в различных научных дисциплинах и парадигмах. С.П. должны действовать не только при переходе научного знания в обыденное, но и "внутри" науки.

К сожалению, ни С. Московичи, ни его последователи не сформулировали требований к методологии исследований С.П. Как результат, эта область характеризуется чрезвычайным разнообразием методов: лабораторные эксперименты, опросники, глубинные интервью, семантический дифференциал, контент-анализ эссе и свободных описаний, включенное и невключенное наблюдение, фокус-группа (см.).

Поскольку аргументация концепции тавтологична, понятия не определены, предположения не эксплицированы, а предсказания едва ли возможны, многие авторы отказывают концепции социальных представлений в статусе теории. Например, непонятно, какой должна быть степень совпадения мнений внутри группы, чтобы можно было говорить не об индивидуальных мнениях, а о социальном представлении. Тем не менее, по меньшей мере в отношении трансформации научных идей в обыденные представления – это область исследований весьма продуктивна. Ее побочным результатом является введение социальных понятий и категорий в дисциплины, которые ранее предпочитали индивидуалистические объяснения.

С.В. Сивуха, О.Н. Зубковская

СОЦИАЛЬНЫЙ АТОМ (лат. socialis – общественный, связанный с жизнью и отношениями людей в общества и греч. atomos – неделимый) – в социометрии (см.) Морено (см.) – наименьший и неделимый элемент социальной вселенной и структуры отношений, состоящий из совокупности всех отношений между человеком и окружающими его людьми, которые связаны с ним тем или иным образом в данный момент времени.

Структурно и схематически (графически) С.А. обычно изображается в виде четырех концентрических кругов, отражающих разные степени родства душ и уровни социоэмоциональных отношений индивида с другими людьми. Наименьший из них представляет внутреннее ядро С.А. (лиц, с которыми поддерживаются отношения); больший – внутреннее и внешнее ядро отношений, окружающих индивида; следующий – внешнее ядро (лиц, с которыми хотелось бы иметь отношения); наибольший же – объем знакомств (совокупность всех знакомых конкретного человека, в значительной части своей не имеющих личного значения для индивида в тот или иной момент времени, но способных в какой-то ситуации обрести это значение). Разница между людьми, находящимися с индивидом в эмоциональных отношениях и остальными знакомыми его, определялась Морено как "социальный порог" ("порог С.А."), преодоление которого изнутри или снаружи предполагает необходимость осуществления определенного усилия.

К фундаментальным характеристикам С.А. Морено относил их изменчивость и способность к взаимодействию, которые, в частности, выражаются в регенерации, социостазе, "психосоциальных сетях" и смерти С.А. Согласно Морено, с течением времени каждый С.А. в силу изменчивости человеческих отношений (в т.ч. и их эмоциональных характеристик) и др. причин (перемещения партнера в пространстве, смерти и т.д.) изменяет свою конфигурацию, но при этом он проявляет свойственную ему от природы вещей способность к регенерации, главным образом, посредством включения в себя взамен утраченного партнера по общению какого-то другого (или других). С годами эта способность уменьшается (а ино-

гда и просто утрачивается), но в зрелый период функционирования С.А. они почти постоянно находятся в процессе регенерации и взаимно компенсируют свои потери. Данная тенденция С.А. к взаимной регенерации своих структур и поддержанию равновесия между собой квалифицировалась Морено как социостаз. Морено подчеркивал, что С.А. обладают способностью к соединению в различные агрегаты и образованию "психосоциальных сетей" (т.е. широко разветвленных внутренних психосоциальных структур различных сообществ и общества), в силу чего они и выступают в качестве первичных и существенных оснований социума. На индивидуальном уровне с течением времени величина и спаянность С.А. уменьшаются из-за утраты способности к регенерации, обусловливаемой, по преимуществу, возрастными факторами. И тогда наступают умирание и смерть С.А. Эта социальная смерть выступает как одна из функций социальной реальности, в пределах которой человек оказывается не в состоянии восполнить всевозрастающие утраты общения с эмоционально значимыми для него людьми.

В.И. Овчаренко

СОЦИАЛЬНЫЙ ДЕТЕРМИНИЗМ (лат. determinare – определять) – один из основных принципов социологии, выражающий всеобщую взаимосвязь и взаимообусловленность социальных явлений.

Важнейшей характеристикой С.Д. является причинно-следственная связь, однако к последней не сводятся все формы детерминации (обусловленности). Среди них следует назвать связи случайные и необходимые, возможные и действительные, прямые и косвенные и т.д. Вся совокупность связей и отношений данного класса объектов выступает в качестве важнейшего детерминанта развития. Он имеет две основные формы: во-первых, это строгая детерминация одного социального явления другим, во-вторых, понятие "С.Д." относится к характеристике некоторых свойств или качеств, присущих не отдельному субъекту, а классу объектов в целом.

Из существовавших в истории социологической мысли представлений о связи социальных явлений можно выделить: 1) механистический С.Д., который предполагал жесткую детерминацию, строго однозначный характер всех связей и зависимостей, сведение социального целого к его элементам, отказ от включения случайности в цепь причинно-следственных отношений и приводил к отрицанию свободы воли и фатализму (признанию неотвратимой предопределенности событий); 2) статистический С.Д., делавший упор на значении случайности в социальных процессах и выявлении причин на основе фиксации статистических распределений; 3) системный С.Д., подчеркивавший целостность социальных структур, детерминацию социальной системой своих элементов и др.

В.А. Балцевич

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ – относительно устойчивая форма организации социальной жизни, обеспечивающая устойчивость связей и отношений в рамках общества. С.И. следует отличать от конкретных организаций и социальных групп. Так, понятие "И. моногамной семьи" подразумевает не отдельную семью, а комплекс норм, реализующийся в бесчисленном множестве семей определенного вида.

Основные функции, которые выполняет С.И.: 1) создает возможность членам этого И. удовлетворять свои потребности и интересы; 2) регулирует действия членов общества в рамках социальных отношений; 3) обеспечивает устойчивость общественной жизни; 4) обеспечивает интеграцию стремлений, действий и интересов индивидов; 5) осуществляет социальный контроль.

Деятельность С.И. определяется: 1) набором специфических социальных норм, регулирующих соответствующие типы поведения; 2) интеграцией его в социально-политическую, идеологическую, ценностную структуры общества, что позволяет узаконить формально-правовую основу деятельности; 3) наличием материальных средств и условий, обеспечивающих успешное выполнение нормативных предложений и осуществление социального контроля. С.И. могут быть охарактеризованы не только с т.зр. их формальной структуры, но и содержательно, с позиции анализа их деятельности. С.И. – это не только совокупность лиц, учреждений, снабженных определенными материальными средствами, системой санкций и осуществляющих конкретную общественную функцию.

Успешное функционирование С.И. связано с наличием в рамках И. целостной системы стандартов поведения конкретных лиц в типичных ситуациях. Эти стандарты поведения нормативно урегулированы: они закреплены нормами права и иными социальными нормами. В ходе практики возникают определенные виды социальной активности, причем правовые и социальные нормы, регулирующие эту деятельность, концентрируются в определенную легитимированную и санкционированную систему, обеспечивающую в дальнейшем этот вид социальной деятельности. Такой системой и служит С.И.

В зависимости от сферы действия и их функций С.И. подразделяются на: а) реляционные – определяющие ролевую структуру общества в системе отношений; б) регулятивные, определяющие допустимые рамки независимых по отношению к нормам общества действий во имя личных целей и санкции, карающие за выход за эти рамки (сюда относятся все механизмы социального контроля); в) культурные, связанные с идеологией, религией, искусством и т.д.; г) интегративные, связанные с социальными ролями, ответственными за обеспечение интересов социальной общности как целого.

Развитие социальной системы сводится к эволюции С.И. Источниками такой эволюции могут быть как эндогенные, т.е. происходящие внутри самой системы, так и экзогенные факторы. Среди экзогенных факторов важнейшими являются воздействия на социальную систему культурных и личностных систем, связанных с накоплением нового знания и т.д. Эндогенные изменения происходят, главным образом, потому, что тот или иной С.И. перестает эффективным образом обслуживать цели и интересы определенных социальных групп. История эволюции социальных систем есть постепенное превращение С.И. традиционного типа в современные С.И. Традиционный С.И. характеризуется прежде всего аскриптивностью и партикуляризмом, т.е. основывается на жестко предписанных ритуалом и обычаями правилах поведения и на родственных связях. В ходе же своего развития С.И. становится более специализированным по своим функциям и менее ригоризированным по правилам и рамкам поведения.

Е.А. Коростелева

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС – реальная причина социальных действий, событий, свершений, стоящая за непосредственными побуждениями – мотивами, помыслами, идеями и т. д. – участвующих в этих действиях индивидов, социальных групп, сообществ. С.И. – это форма, в которой индивид (социальная группа, сообщество) непосредственно осознает свое реальное положение и свои потребности, выражающиеся в свою очередь в форме целей, которые ставит себе индивид (класс, общество).

Основная трудность в понимании интересов состоит в антиномии: с одной стороны, признано, что интерес является непосредственным побудительным мотивом деятельности человека, если иметь в виду материальную обусловленность его действий. С другой – интерес есть нечто внешнее, не зависящее от воли и сознания человека. Главная проблема состоит в том, чтобы выяснить, является ли интерес в обоих своих качествах одним и тем же явлением, или одним термином обозначаются различные явления. По мнению А. Г. Здравомыслова, С.И. – это не просто социальное положение; это положение, рефлексирующееся в сознании, и вместе с тем сознание, переходящее в действие. В этом смысле С.И. является и объективным отношением, и одновременно субъективным побудителем, т.е. единством объективного и субъективного.

В структуре С.И. выделяют четыре основные момента: социальное положение субъекта, или совокупность его связей с обществом; степень осознания положения, которая может варьировать от непонимания через смутное ощущение до ясного осознания; мотивы деятельности, направленные на определенные объекты интереса; само действие, представляющее собой утверждение субъекта в объективном мире. С.И., таким образом, отражают социальное положение субъекта и определяются им же. Эту объективную зависимость С.И. индивидов от материальных условий их жизни можно квалифицировать как закономерность. Существует и вторая сторона данного вопроса – проблема включенности С.И. в процессы социально-экономического развития. С.И. могут сами влиять на общественные отношения, и это обратное влияние исследовано явно недостаточно (между тем оно нуждается в глубоком анализе). Проблема влияния С.И. на процессы социально-экономического развития связывается с проблемой субъекта исторического процесса, обладающего сознанием и способностью к целеполаганию.

Исходя из понимания того, что общественные отношения проявляются в виде С.И., можно сделать определенные выводы. Во-первых, С.И. всегда имеют своих носителей, т.е. принадлежат реальным субъектам, вступающим в отношения между собой. Во-вторых, С.И. по природе своей объективны, являясь отражением роли соответствующих субъектов в системе общественного разделения труда, их связи с определенным типом общественного присвоения. В-третьих, общественные отношения (и выражающие их сущность общественные законы), проявляясь в С.И., обретают характер движущих сил общественного развития. Ни законы, рассматриваемые сами по себе, ни общественные отношения как таковые еще не являются источниками движения. Они становятся ими, лишь выражаясь в С.И. субъектов действия. Так как С.И. есть форма выражения общественных отношений, то каждой общественной системе присущи своя особая структура С.И., свой специфический способ их взаимодействия.

В рамках определенного общественного устройства целесообразна структурализация С.И., связанная с: разделением труда и закреплением тех или иных родов деятельности за соответствующими социальными группами; формированием различных форм собственности и возникновением С.И. собственников; производством форм общения как компонентов, составляющих образ жизни людей; персонификацией общественных отношений, т.е. выработкой личностных типов, наиболее пригодных для данного способа производства, жизнедеятельности всего общества. Во всяком обществе, на основе развертывания его внутренних противоречий, складывается определенная иерархия С.И.; при этом удовлетворение и реализация С.И. более общего порядка есть условие удовлетворения С.И. меньшей степени общности. Вопрос о соотношении общих и частных С.И. имеет огромное значение для выработки стратегии социально-экономического развития и ее реализации в решении тактических вопросов. Общий С.И. выражает доминирующую тенденцию развития целого благодаря тому, что в нем наиболее полно выражается комплекс основных социальных противоречий. Вместе с тем неравномерность развития различных компонентов целого способна порождать противоречия между общими и частными С.И. Здесь опасны две крайности – игнорирование и недооценка общих интересов, выдвижение на первый план интересов составляющих частей и, напротив, отрыв общего интереса от своей собственной почвы, превращение общего интереса в абстрактный лозунг (идею), не подкрепляемый конкретными действиями в силу недостаточного развития, недостаточной подготовленности составных частей. И та, и другая крайности ведут к замедлению темпов общественного прогресса, к замедлению реализации как общих, так и частных С.И.

Г.Н. Соколова

СОЦИАЛЬНЫЙ КЛАСС – см. **СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА.**

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ – механизм саморегуляции системы, обеспечивающий упорядоченное взаимодействие составляющих ее элементов посредством нормативного регулирования. Как часть общей системы согласования взаимодействия индивидов и общества, первичный С.К. задается наличием институциальной организации общества. Социальный институт (см.) контролирует поведение, устанавливая образцы, которые придают поведению одно из многих, теоретически возможных направлений. Контролирующий характер институциализации жестко не связан с системой санкций, поддерживающих институт; дополнительные, вторичные механизмы К. требуются в том случае, если процессы институциализации не вполне успешны. Применение санкций как результат категоризации индивидуального или группового акта через отнесение его к определенному типу действий (одобряемому или порицаемому) обеспечивает совпадение или минимизирует расхождение между фактическим и ожидаемым поведением, формируя конформность членов общества. Функционирование санкций охватывает меры стимулирования нормативного – признание, отличие, награда – и репрессирования отклоняющегося поведения – от убеждения и запрета до прямого принуждения и давления. Эффективность С.К. зависит не только от формально созданной системы

барьеров, внутри которой может действовать объект К., но и от интериоризации норм С.К. в процессе социализации и индивидуальных особенностей человека, определяющих стремление к признанию и безопасности. Социализированный индивид усваивает образцы деятельностей, действия и реакций на действия других (взаимодополнительные экспектации), принятые в рамках общего для данной системы символического контекста, включающего культурную традицию и институциональный порядок во всей его целостности.

С.А. Радионова

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК – философско-социологическое понятие, представляющее объяснение того, каким образом форма появляется в общественных отношениях, с одной стороны, а с другой – каким образом социальные системы и их элементы связаны во времени и пространстве. В широком смысле концепции "С.П." призваны ответить на вопрос: "Как возможно общество?". В более узком контексте понятие "С.П." используется в философии, социологии, политологии и других социальных науках для обозначения установленных образцов, постоянных структур, процессов и изменений, присущих социуму, отражающихся на поведении и взаимодействии индивидов и на функционировании социальной системы в целом. Часто употребимыми также являются близкие по смыслу С.П. понятия "моральный П." и "нормативный П.". Последний представляет собой систему правил и разделяемых ожиданий, которые регулируют частные социальные ситуации. Идея существования некоей всеобщей формы – С.П. – бытия социума возникает в философии античности (Платон, Аристотель). Однако в качестве понятия и конструирующих его концепций "С.П." формулируется только в эпоху Просвещения в теории общественного договора. Наиболее известные социально-философские концепции ее принадлежат Т. Гоббсу, Дж. Локку и Ж.-Ж. Руссо. По утверждению Гоббса, безопасность и П. в обществе могут быть достигнуты только посредством заключения договора, согласно которому каждый гражданин уступает свою индивидуальную власть в пользу центральной власти (суверена), получая взамен защиту своей жизни и собственности. Альтернативную концепцию предлагал Локк. "Социальный договор", предложенный им, основывается на "природных законах" – стяжательстве и личном интересе. Руссо представлял "социальный контракт" как основанный на выражении "всеобщей воли" и требующий полного равенства индивидов и возможности демократического участия.

Теории "социального договора", предложенные эпохой Просвещения, оказались достаточно привлекательными и плодотворными, разрабатываясь впоследствии (хотя и в существенно измененном виде) гораздо более поздними авторами. Так, Спенсер (см.) трактовал С.П. в индустриальном обществе, как основанный на совместимых личных интересах и договорных отношениях; к анализу проблематики С.П. через условия общественного договора подходили Поппер (см.) и Хайек (см.).

С некоторой степенью условности можно выделить два классических направления анализа С.П. Первое связывают с именами Дюркгейма (см.), Парсонса (см.) и социально-философской традицией функционализма. Дюркгейм исходил из критики утилитаристских концепций, в том числе концепции социального договора. Он постулирует центральность морали и духовности в объяснении процессов социальной интеграции и П. Продолжая данное рассуждение, Парсонс определил С.П. в обществе как основанный на поддержании и принятии социальных норм и ценностей. Различие концепций Парсонса и Дюркгейма в том, что последний не отрицает наличия и необходимости конфликтов и других деструктивных элементов, особенно в периоды быстрых социальных изменений. Парсонс, напротив, ставит во главу угла социальную солидарность и гармонию как необходимое условие С.П. Само понятие "С.П." в теории Парсонса является антитезой "дезинтеграции". Последовательная позиция Парсонса в наделении социального консенсуса и солидарности решающим значением в концепции С.П. справедливо подвергалась резкой критике со стороны теоретиков социального конфликта и социальных изменений.

Второе направление анализа С.П. развивалось в рамках марксистской традиции. Акцентируя неравенство материального положения и политической власти в капиталистическом обществе как источник постоянного всеобъемлющего конфликта, Маркс (см.) определяет С.П. как поддерживаемый насильственно, за счет экономического, политического и правового принуждения в обществе. Впоследствии в данную материалистическую трактовку С.П. привносится и ценностный нормативный элемент – доминирующая идеология (см.).

Наиболее интересные современные концепции С.П. не обнаруживают тенденции строгого следования одному из заданных направлений, скорее – напротив. Например, Бурдье (см.) основывает теорию С.П. на понятии воспроизводства "современной культуры, которая благоприятствует интересам находящихся у власти через дифференцированную систему дистрибуции знания, через образовательные институты", что, по сути, представляет собой оригинальное соединение классических подходов.

С критикой обоих направлений выступает в своей работе "Солидарность и раскол" (1992) Д. Локвуд, демонстрируя, что и Маркс, и Дюркгейм оказались не в состоянии удовлетворительно решить поставленную задачу, поскольку использовали в своих доказательствах категории, дополняющие друг друга. Как правило, концепции С.П. представляют собой теории макроуровня, но существует ряд социально-философских направлений, анализирующих воспроизводство и реализацию С.П. на микроуровне (теория символического интеракционизма, теория социального обмена и т.п.).

Е.А. Угринович

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРЕСТИЖ – отражение в общественном сознании реального положения в системе общественных отношений индивида, социально-профессиональной группы, трудового коллектива и т.п., характеризующее то влияние, которым они пользуются в обществе. В более узком смысле С.П. означает то место, которое, с точки зрения общественного мнения (см.), занимает тот или иной социальный статус (см.) в иерархии других статусов. В отечественной социологии С.П. изучается в связи с социальными ориентациями преимущественно молодежи (см.).

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС (лат. status – положение) – соотносительное положение индивида или социальной группы в социальной системе, определяемое по ряду признаков, характерных для данной системы. С.С. как элементы соци-

альной организации общества сложно скоординированы и ранжированы относительно господствующей системы ценностей, что придает им особую значимость в общественном мнении. Престиж С.С. зависит от социальных определений реальности в целом и сам является социально определенным, осознается личностью в качестве объекта ориентации социального действия. Каждый С.С. – прежде всего оценка, добиваясь которой субъект усваивает социальные нормы и представления, фиксируемые как предписанная данному положению совокупность прав и обязанностей, реализация которых формирует социальную роль (Р. Линтон).

Различают прирожденный, или наследуемый, С.С. и достигнутый, связанный с активностью субъекта по его обретению; а также личный, определяющий положение субъекта в системе межличностных отношений (особенно в малой группе) в зависимости от признания его личностных качеств. Т.к. каждый участник социальных взаимодействий вписан в систему многообразных связей и деятельностей по поводу обеспечения социальных функций, то субъект одновременно занимает несколько статусных позиций. Возможное расхождение требует предпочтения одного С.С. другому или приводит к конфликту как между ними, так и между субъективно определенными С.С. и объективно (интерсубъективно) предзаданными (Парсонс).

С.А. Радионова

СОЦИАЛЬНЫЙ СТЕРЕОТИП (греч. stereos – телесный, твердый, объемный, пространственный и typos – отпечаток) – "застывший" образ или представление о социальном объекте различных социальных субъектов, выражающие привычный способ восприятия, действия по отношению к данному объекту. Термин "С.С." введен У. Липманом в работе "Общественное мнение" (1922) для обозначения как форм общения, организованных по упрощенным (типизированным на уровне повседневной жизни) схемам, так и оснований выносимых социальными субъектами стандартных оценок представителям общественных, профессиональных, этнических групп. С.С. активно разделяются сообществом, исторически и систематически формируются и закрепляются в социокультурном опыте, отличаются однообразием. Следование С.С. предполагает избегание ситуации выбора, минимизацию риска, распознавание каждой новой ситуации как привычной и непроблемной.

В психологии динамический стереотип – фиксированный порядок действий, описываемый по модели условных рефлексов и включаемый в социальную установку. Социальные ярлыки, эталоны массовой культуры, образцы общественного мнения, парадигмы науки, типизирующие схемы повседневной жизни заранее определены, легко идентифицируются, используются для понимания, организации социального мира и взаимодействия до тех пор, пока ситуация не проблематична. Воспроизводя возможные взаимоотношения, С.С. составляют особый тип логики, работающей в разных контекстах, на любом объеме информации за счет неограниченного приписывания известного неизвестному.

Д.М. Булынко

СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТ – по Э. Дюркгейму (**см.**) – собственная предметная область социологической науки. Концепция С.Ф. разрабатывалась Дюркгеймом в контексте *онтологического* и *методологического* аспекта его социологической теории.

Согласно Дюркгейму (онтологический аспект): 1) Социальная реальность включена в универсальный природный порядок, она столь же устойчива и реальна, как и все другие виды реальности, поэтому развивается по определенным законам. 2) Общество – это реальность особого рода, не сводимая к другим ее видам. Она обладает автономией по отношению к природной, с одной стороны, и по отношению к индивидуальной, т.е. биопсихической реальности, воплощенной в индивидах, с другой. 3) Вследствие этого общество и индивид выступают в форме нескольких дихотомических пар, воплощающих разнородность этих реальностей, к каковым относятся: "индивидуальные факты" – "С.Ф.", "индивидуальные представления" – "коллективные представления", "индивидуальное сознание" – "коллективное сознание". 4) Человек – двойственная реальность, homo duplex, в которой взаимодействуют две сущности: социальная и индивидуальная. 5) Утверждается примат социальной реальности по отношению к индивидуальной. Отсюда основная идея Дюркгейма: индивид возникает из общества, а не общество – из индивидов.

Первичность общества имеет два смысла: а) исторический приоритет общества, где индивиды растворены в целом; б) логический приоритет объекта социальных феноменов, состоящих из С.Ф.

Методологический аспект социологизма Дюркгейма сводим к следующему: а) социология не обречена оставаться отраслью общей философии, а представляет из себя *самостоятельную науку*, способную тесно соприкасаться с конкретными фактами; б) социология изучает особую, а именно *социальную* реальность, *основу* которой составляют С.Ф.; в) в основе социальной методологии должно лежать положение, согласно которому С.Ф. рассматриваются как вещи.

Именно в этой точке концепции Дюркгейма онтологический аспект соприкасается, взаимопереплетается с методологическим: С.Ф. не столько существуют как вещи, сколько их необходимо изучать как вещи. Дюркгейм отмечал: "Рассматривать факты определенного порядка как вещи – не значит зачислять их в ту или иную категорию реальности; это значит занимать по отношению к ним определенную мыслительную позицию".

Дюркгейм подчеркивал, что С.Ф. не сводятся ни к физическим, ни к экономическим, ни к психическим фактам, но обладают специфическими характеристиками, присущими только им. Каковы эти характеристики?

1) С.Ф. выступают как *внешние* по отношению к индивидам, поскольку они заключаются в том обществе, которое их создает, а не в его частях, т.е. его членах. В этом смысле они являются внешними по отношению к индивидуальным сознаниям. Но это вовсе не означает, что они выступают в качестве внешних по отношению к сознанию коллективному.

2) С.Ф. состоят в способах действий или мышления, распознаваемых по тому свойству, что они способны оказывать на отдельные сознания *принуждающие* воздействия. Например, социальные институты (**см.**) навязываются нам, принуждают нас, обязывают нас делать что-то определенным образом.

3) С.Ф. составляют *объективную* реальность, т.е. независимую от индивидуального сознания, но объективную в чисто дюркгеймовском смысле – как независимую от индивидуального сознания. Он пишет: "Когда я действую как брат, супруг

или гражданин, когда я выполняю заключенные мною обязательства, я исполняю обязанности, установленные вне меня и моих действий правом и обычаями. Даже когда они согласны с моими собственными чувствами и когда я признаю в душе их реальность, последняя остается все-таки объективной, так как я не сам создал их, а усвоил их благодаря воспитанию". /Примеры: верующие при рождении своем находят готовыми верования и обряды своей религии, если они существовали до него, то это значит, они существуют вне его. Система знаков, которыми я пользуюсь для выражения моих мыслей, денежная система, употребляемая мною для уплаты долгов, обычаи, соблюдаемые в моей профессии, и т.д. – все они функционируют независимо от моего индивидуального сознания. – *Е.Б.*/

4) С.Ф. (типы поведения и мышления) не только находятся вне индивида, но и наделены *принудительной* силой, вследствие которой они навязываются ему независимо от его желания. Когда я добровольно сообразуюсь с ними, я не замечаю их принуждающего влияния, но принуждение проявится тотчас же, как только я попытаюсь сопротивляться.

Итак, один из основных выводов, соединяющих онтологию и методологию Дюркгейма: категорию С.Ф. "составляют способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются". Они не имеют иного субстрата, кроме общества, чем отличаются от всех других фактов. С.Ф. составляют собственную область социологии. К ним относятся юридические и нравственные правила, религиозные догматы, финансовые системы и т.п. К С.Ф. принадлежат верования, стремления, обычаи группы, взятой коллективно.

В дюркгеймовском варианте определение С.Ф. гласит: "Социальным фактом является всякий способ действия, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение; или иначе, распространенный на всем протяжении данного общества, имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуального проявления".

Из признания специфики социальной реальности (С.Ф.) вытекает самостоятельность социологии как науки, ее несводимость ни к какой другой из наук, в частности, к философии. В отношении к философии проявляется определенная двойственность. В письме к своему ученику Ж. Дали Дюркгейм писал: "Отойдя от философии, я стремлюсь к тому, чтобы к ней вернуться, вернее, я все время возвращался к ней самой природой вопросов, с которыми сталкивался на своем пути". Стремление отделится от философии связано с отношением Дюркгейма к умозрительным спекуляциям в социологической науке. Он считал, что социология должна строиться на эмпирических и рациональных методах материала, что отчетливо проявилось в его работе "Самоубийство" (**см.**).

Еще более решительно восставал Дюркгейм против психологизма, считая необходимым освободить от него социологию.

Дюркгейм подразделял С.Ф. на два типа:

1) Морфологические, имеющие материальный субстрат – плотность населения, частота и интенсивность общения между индивидами, наличие путей сообщения, характер поселений и т.п.

2) Духовные, нематериальные факты – коллективные представления, верования, групповые обычаи, общественное сознание. Основное внимание Дюркгейм уделял коллективному сознанию, его различным формам: религии, морали, праву.

Е.М. Бабосов

СОЦИОБИОЛОГИЯ – междисциплинарное научное направление второй половины 20 в., сложившееся, в основном, в США в 1970-е. Основной целью С. является введение в общественные науки методов биологических наук, которые позволили бы с точностью и определенностью получать и прогнозировать результаты социального поведения людей, используя данные генетики, этологии, эволюционной теории, этнографии, социальной психологии и других наук о человеке. Первоначально в С. изучалось поведение животных и их сообществ, затем С. распространила область своих исследований и на анализ различных форм общественного поведения.

Основоположником С. считается американский зоолог Э. Уилсон, который в своих работах "Социобиология: новый синтез" (1975), "Биофилия" (1984) сформулировал основные положения С. на основе данных естественных и гуманитарных наук. Он предпринял попытку анализа некоторых форм социального поведения человека по аналогии с поведением животных. При этом он утверждал, что человеческое поведение обусловлено естественным отбором и предопределено генетически; а основная задача С. состоит в определении генов, влияющих на поведение индивидов. По мнению Уилсона, основной проблемой С. является вопрос о существовании генетической предрасположенности вхождения индивида в тот или иной класс или социальную группу и выполнения им своих социальных ролей. Помимо Уилсона проблемами С. занимались многие ученые, например, Д. Бэрэш, Ч. Ламсден, Дж. Смит, У. Хамилтон и др. При исследовании общественного поведения выделяются такие его формы, как альтруистическое, эгоистическое, агрессивное, половое и др.

С. опирается на три основные концепции: 1) концепцию "эволюционно стабильной стратегии" (Смит), основным тезисом которой является положение о том, что преобладающие в популяции линии поведения не могут быть заменены другими, если им следует большая часть особей. Поведение члена популяции, отклоняющееся от общепринятых норм и не имеющее полезных для популяции свойств, в популяции не закрепляется; 2) концепцию "совокупной приспособленности" (Хамилтон), суть которой в том, что в каждое последующее поколение вносят вклад не только родительские особи, но и ближайшие родственники, которые способствуют сохранению генотипа популяции; 3) концепцию альтруистического поведения, состоящего в способности особи жертвовать собой в интересах другой особи или вида. При этом отмечается, что альтруистическое поведение может играть важную роль в эволюции, если ему следует значительная часть популяции; в этом случае польза от него перевешивает вред, причиняемый особи-альтруисту (эта концепция не является в С. общепринятой). В целом для социобиологических исследований характерна, с одной стороны, антропоморфизация исследуемых явлений, заключающаяся в использовании социологических категорий для объяснения и анализа биологических явлений, а, с другой стороны, биологизация изучаемых объектов, состоящая в объяснении социальных явлений био-

логическими методами и понятиями, с генетических позиций, распространение на социальное поведение человека закономерностей существования биологических сообществ.

Е.А. Кечина

СОЦИОГРАММА (лат. societas – общество и греч. gramma – письменный знак, черта, линия) – специальное графическое (схематическое) изображение результатов социометрического исследования взаимоотношений людей, проведенного по одному или нескольким тестовым критериям.

В общем виде С. как метод, прием и способ обработки и представления результатов социометрического опроса являет собой карту социометрических выборов, создаваемую на основе социоматрицы посредством использования соответствующих символических обозначений для концентрированного наглядного выражения различных связей и отношений. В качестве графического языка (символических знаков) в С. обычно используются геометрические фигуры (окружности, треугольники, квадраты и пр.) и линии (сплошные и пунктирные; различной толщины, направленности и цветности). Отображение динамических глубинных установок и эмоциональных взаимоотношений людей осуществляется посредством изображения объектов связей (i-членов), субъектов связей (j-членов), объект-субъектного совмещения поведения (ij-членов), положительного выбора, отрицательного выбора, взаимной положительной связи, взаимной отрицательной связи, уровней связи и т.д.

В социометрической практике в зависимости от целей и задач исследования обычно используются несколько типов (видов) С.: 1) С. произвольного вида, иллюстрирующие комбинации установок, отношений и связей с наиболее удобным или оптимальным изображением членов группы (в соответствии с результатами выборов); 2) С. круговые (на которых все участники группы изображаются симметрично на одной окружности, а связи между ними отображаются внутри данной окружности); 3) С. концентрические, "мишеневые" (на которых символы всех членов группы располагаются на вписанных друг в друга концентрических окружностях таким образом, чтобы в центре их оказались те, кто обладает более высоким положительным статусом, т.е. "звезды"); 4) С. локограммного (лат. locus – место) вида (на которых расположение символов людей отражает их реальное местоположение в той или иной ситуации); 5) Аутосоциограммы (на которых опрашиваемые, в соответствии с полученными инструкциями, отображают свои представления о собственном статусе, отношении к людям и их отношении к ним) и др. Наглядно представленная в С. структура взаимоотношений людей позволяет осуществить их качественно-количественное описание и выработать адекватные социодиагностические оценки и рекомендации.

В современной социологии С. выступает как наглядное представление данных социометрического исследования, отражающее внутреннюю структуру (микроструктуру) группы и служащее средством анализа этой структуры. Метод С. получил продолжение в методе сетей социальных (**см.**). Учитывая развитие средств анализа данных (**см.**) и моделирования математического (**см.**), соединяющих геометрические представления, количественные соотношения и развитую компьютерную визуализацию, можно предположить расширение использования идей и опыта метода С.

В.И. Овчаренко, Н.Н. Леонов

СОЦИОДРАМА (лат. societas – общество, греч. drama – действие) – 1) один из видов диагностики и психотерапии внутригрупповых конфликтов, когда члены группы конструируют различные жизненные ситуации, выступая при этом поочередно в качестве участников действия и зрителей. Цель – постижение глубинного значения обстоятельств, в которых они действуют, возможных конфликтов, с тем, чтобы нейтрализовать негативные эмоции и внутреннюю напряженность.

С. развивается на протяжении нескольких этапов и представляет собой процедуру анализа и преодоления конфликтов внутри малой группы, достижения понимания и согласия между участниками взаимодействия по поводу своих задач, прав и обязанностей посредством моделирования межличностных отношений в группе, наиболее типичных обстоятельств, встречающихся в реальной жизни, выработки оптимальных решений относительно путей выхода из конфликтных ситуаций и т.д. С. применяется в деловых играх, в социально-психологическом тренинге.

2) События (обычно игровые или ритуальные), которые наполнены особым символическим смыслом для определенных социальных групп или общества в целом. При этом такие события реализуются как драматические действия, которые общество может наблюдать через средства массовой информации или же непосредственно. Один из примеров – коронация королевы Елизаветы II, которая якобы послужила объединению британского общества. Считается также, что, например, спортивные состязания (футбол, крикет и пр.) способны переводить в разряд игровой драмы те социальные конфликты, которые в противном случае могли бы быть реализованы в действительности. См. также: **Социометрия, Символический интеракционизм, Социализация.**

В.А. Балцевич

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ СЛУЖБА "ЗЕРКАЛО" ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПАНИИ БелаПАН (далее – "З.") – структура, созданная информационной компанией БелаПАН (Беларускае прыватнае агенцтва навін – генеральный директор А.И. Липай) в марте 1995. Являясь структурным подразделением информационной компании, "З.", кроме общих задач, стоящих перед научным формированием аналогичного типа, решает и специфические задачи, свойственные журналистской деятельности. В частности, необходимость оперативного информирования о результатах проведенных в республике социологических исследований требует от "З." поддержания постоянных контактов как с государственными, так и с негосударственными научными и коммерческими социологическими институтами, центрами, предприятиями, лабораториями и т.д., занимающимися изучением общественного мнения методами прикладной социологии, причем с организациями, расположенными как в столице Беларуси, так и в других регионах.

Данные зондажей общественного мнения, отвечающие требованиям научности, репрезентативности, объективности, через сводки и другие издания агентства БелаПАН доводятся до сведения государственных и негосударственных средств массовой коммуникации с целью информирования населения Беларуси и других стран мира.

Основная задача "З." – проведение собственных оперативных опросов по изучению общественного мнения, в том числе по тем актуальным проблемам, которые в текущий отрезок времени не являются объектом исследований других социологических формирований. Разнообразие тематики исследований, определяемой постоянно изменяющейся социально-политической ситуацией в республике, специфика деятельности службы не требуют от "З.", в отличие от институтов и научных центров, теоретических разработок по данным социологических опросов.

"З." использует различные методы прикладных социологических исследований: от телефонных опросов минчан до республиканских интервью, от экспертных, локальных (районных, городских) – до массовых опросов различных социально-демографических групп населения Беларуси. Небольшое количество постоянных сотрудников не ограничивает масштабы выполняемых проектов. Располагая сетью интервьюеров, "З." обеспечивает осуществление исследовательского проекта от постановки проблемы до отчета.

Финансирование проводимых зондажей общественного мнения осуществляется информационной компанией БелаПАН или заказчиками конкретных опросов. Услугами "З." пользуется широкий круг потребителей, в том числе международные организации, правительственные учреждения, политические партии и средства массовой информации.

Специализация "З." – опросы общественного мнения по общественно-политической и маркетинговой тематике. Руководитель социологической службы – кандидат философских наук Л.Н. Михейчиков.

С сентября 1998 "З." издает одноименный ежемесячный бюллетень "Зеркало". Основная цель этого издания – оперативное отражение результатов проведенных в республике социологических исследований, причем как в режиме мониторингового изложения, так и под рубрикой "Оперативные опросы", то есть с рабочего стола социолога. В бюллетене публикуются также аналитические материалы известных ученых по актуальным социальным проблемам республики или же освещается оригинальная методика подготовки, проведения прикладных социологических исследований, анализа полученных результатов. В издании проводятся презентации государственных и негосударственных социологических формирований – институтов, центров, лабораторий, служб и т.д. Публикуются новости прикладной социологии, дайджест материалов прикладных социологических опросов, касающихся Беларуси и опубликованных в газетах. В "З." находят свое отражение не только результаты исследований, проведенные социологическими формированиями г. Минска, но и итоги зондажей общественного мнения, проведенные региональными социологическими центрами, а также данные маркетинговых исследований.

Специфика компании БелаПАН не позволяет социологической службе "З." придавать подготовленной информации какую бы то ни было политическую окраску. Информация, поступающая от службы "З.", является основой для формирования объективного общественного мнения в Беларуси.

Л.Н. Михейчиков

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ СЛУЖБА ПРИ ЦК ПКБ (далее – С.) – структура, созданная при центральном комитете Партии коммунистов белорусской в конце 1997. Работает на общественных началах. Руководит службой секретарь ЦК ПКБ Е.Н. Скриган. В соответствии с постановлением IV пленума ЦК ПКБ от 22 ноября 1997 в каждом населенном пункте Беларуси, где имеются структуры ПКБ, определены операторы для работы в социологической службе соответствующих областных, городских и районных комитетов партии. В качестве анкетеров-интервьюеров привлекаются активисты, члены ПКБ. Решения об изучении конкретных социальных проблем, о сроках проведения зондажей общественного мнения, использовании результатов полученных исследований и т.п. принимаются коллегиально. Итоги зондажей общественного мнения учитываются при определении тактики партии по конкретным направлениям деятельности.

В каждом исследовании, проводимом С., по республике опрашивается около 5000 респондентов. Сроки исследований колеблются от 10 дней до месяца.

Члены руководящих органов Партии коммунистов белорусской исходят также из того, что участие в социологических опросах позволяет коммунистам-интервьюерам приобретать морально-психологическую подготовку и навыки индивидуальной работы с людьми, крайне необходимые в ходе избирательных кампаний. Участие в социологическом исследовании рассматривается ЦК ПКБ как партийное поручение, конкретное дело, на котором проверяются кадры.

Проводя опросы, изучая общественное мнение жителей страны, С. решает и другие задачи. Одна из главных задач социологического формирования партии – пропагандистско-агитационная работа, которая проводится непосредственно в ходе опроса каждого конкретного жителя республики. За пять проведенных республиканских опросов, как отмечалось в партийной прессе, "партия смогла установить активный контакт более чем с 20 тысячами сограждан, а еще сотни тысяч жителей республики познакомились с нашей партией, читая в газетах и журналах результаты этих опросов".

Партия коммунистов белорусская – единственная партия в Республике Беларусь, которая имеет собственную социологическую службу.

Л.Н. Михейчиков

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН В РОССИИ – организован ВЦИОМ и Интерцентром; цель мониторинга – научно-информационная помощь властным структурам в разработке социальной политики экономических преобразований, соответствующей социокультурным характеристикам страны, особенностям массового сознания ее граждан. С.М.Э.иС.П.вР. – это научно обоснованная система анализа и отслеживания динамики массовых представлений о процессах, определяющих условия и отражающих результаты перехода российского общества от планово-распределительного хозяйства к рыночной экономике. Предмет С.М.Э.иС.П.вР. составляют общественные процессы, отражающие политические и социокультурные условия, социальные результаты и косвенные последствия экономических преобразований в России. К процессам первого типа относятся, например, изменение доверия общества к органам власти, распространение коррупции и криминализация государственной власти, развитие межнациональных конфликтов и др. Вторую группу составляют процессы, выражающие социальную суть экономических изменений и принципиально неотделимые от по-

следних. К ним относятся, например, изменение критериев социальной стратификации общества, формирование новых социальных слоев, углубление имущественных различий между стратами, качественное преобразование рынка труда и системы трудовых отношений. Третья группа отслеживаемых С.М.Э.иС.П.вР. процессов отражает спонтанные последствия проводимых реформ. Это сепаратизация республик и регионов, распад традиционных хозяйственных связей, свертывание производства, нарастание инфляции, распространение безработицы, рост социального напряжения.

Мониторинг экономических и социальных перемен призван решать широкий круг научных задач, классифицировать которые можно как по предметному, так и по функциональному основаниям. При первом подходе следует выделить решаемые С.М.Э.иС.П.вР. содержательные проблемы, при втором – типы подлежащих решению задач. Применительно к мониторингу, это методические, научные и информационные задачи: методические задачи заключаются в разработке "Методики С.М.Э.иС.П.вР.". Научные задачи можно разделить на две группы: первая состоит в использовании получаемых данных для отслеживания и анализа социальной динамики; вторая группа задач заключается в проверке справедливости (оценке вероятности реализации) некоторых обсуждаемых научным сообществом гипотез относительно развития российского общества, информационные задачи С.М.Э.иС.П.вР. состоят в обеспечении органов власти, научной и политической общественности России методически надежной и политически независимой информацией о ходе реформ, взглядах и настроения народа.

Внешним выражением предметной структуры проекта служит система социальных индикаторов, ориентированных на решение научных и информационных задач. Она затрагивает политическую, экономическую, социальную и социокультурную сферы жизни, отслеживая объективные условия жизнедеятельности людей, особенности их массового сознания, реальное и прожективное поведение. Основные компоненты системы социальных индикаторов: социокультурные установки и взгляды; социальное самочувствие; политические оценки и взгляды; оценки экономической ситуации; оценки и прогнозы экономических перемен; экономические установки и поведение; оценки социальных перемен.

С.М.Э.иС.П.вР. включает четыре основных направления. Первым из них служат опросы взрослого населения и ставят задачу – оценивать социальное самочувствие людей, фиксировать сдвиги в уровне и качестве их жизни, изучать их политические взгляды, культурные нормы и ценности. Второе направление С.М.Э.иС.П.вР. – опросы населения, занятого в государственном и частном секторах экономики, разных отраслях хозяйства, крупных и мелких предприятиях; большая часть задаваемых им вопросов является постоянной, т.е. повторяется регулярно, третье направление – опросы "экспертов", т.е. специалистов в области социально-экономического развития и социально-экономической политики. Четвертым направлением мониторинга служат опросы групп, требующих особого, фокусированного внимания исследователей. С точки зрения задач С.М.Э.иС.П.вР., особенно важны позиции, оценки и взгляды директоров государственных предприятий, предпринимателей, фермеров, руководителей местных органов власти. Специального внимания заслуживают и "жертвы реформ" – маргинальные группы населения.

Фундаментальный процесс трансформации российского общества включает множество конкретных процессов, различающихся скоростью протекания. Среди них можно выделить: экспресс-процессы, развитие которых следует измерять не реже двух раз в месяц (реакция людей на конкретные события); быстротекущие процессы, требующие измерения не реже одного раза в один-два месяца (рост цен, состояние потребительского рынка и др.); процессы средней скорости, результаты которых следует измерять два-четыре раза в год (приватизация государственных предприятий, динамика рынка труда и др.); сравнительно медленные процессы, развитие которых можно контролировать один раз в год (социокультурные сдвиги, перестройка мировоззрения и др.). "Несущей конструкцией" С.М.Э.иС.П.вР. социально-экономических перемен служат ежемесячные, ежеквартальные и полугодовые опросы. Главными инструментами С.М.Э.иС.П.вР. являются: "Анкета россиянина № 1" (ежемесячная), примерно треть вопросов которой адресуется лицам, занятым в экономике; "Анкета работника" (ежеквартальная) включает три блока – один постоянный и два сменных; "Анкета россиянина № 2" (ежеквартальная) так же включает как постоянный, так и сменные блоки вопросов, используемые раз в полгода; "Анкета руководителя предприятия (владельца дела)" включает унифицированный блок вопросов, обращенный ко всем опрашиваемым, а также специализированные блоки, адресуемые разным группам руководителей; "Анкета эксперта", предназначенная для признанных специалистов в области социально-экономического развития и социально-экономической политики.

Результаты С.М.Э.иС.П.вР. предъявляются общественности и могут использоваться двумя путями – через ежемесячный бюллетень "Экономические и социальные перемены в России" и через объединенный банк данных ВЦИОМ-ИНТЕРЦЕНТР. Информационный бюллетень С.М.Э.иС.П.вР. (ИБМ) предназначен лицам, принимающим решения, работникам научно-информационных и аналитических центров министерств и ведомств, а также средств массовой информации. Издание ИБМ выполняет две взаимосвязанные функции: информационную и научно-аналитическую, заключающуюся в использовании материалов для углубленного анализа происходящих процессов, выработки обещанного взгляда на направления, успехи и неудачи развития российского общества.

Г.И. Соколова

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПСИХОЛОГИЗМ – плюралистическое направление социологии, принимающее в качестве основной предпосылки исследования и объяснения социальных явлений и процессов действие и взаимодействие общественных, групповых и индивидуальных психических факторов. Сциентистские философии и социология как новая наука об обществе были созданы в процессе и результате преодоления кризиса европейской социальной мысли конца 18 – начала 19 в. Создание основ социологии осуществлялось философами, что предопределяло ее сопряженность с философскими традициями, содержание, форму, направленность развития и судьбу. Родоначальники социологии предложили различные версии организации социологического знания, которые условно можно обозначить как физикалистскую (Конт – см.), биоло-

гистскую (Спенсер – **см.**) и философистскую (Маркс – **см.**, Энгельс – **см.**).

В процессе формирования общих представлений о существе социологии, ее предмете, методе, целях, задачах, возможностях, статусе и т.д. в структуре социологического знания под влиянием уже имевшихся версий, а также социальной философии, психологии и антропологии, постепенно сложилась обновленческая альтернатива существующим версиям социологии, ориентировавшаяся на социологическое исследование различного рода психических моментов и являвшая собой психологическую версию организации социологического знания. После прохождения латентной фазы развития эта версия сформировалась как социологическое направление, обычно обозначаемое как психологическая школа в социологии, психологизм в социологии, психологические идеи в социологии, психологическая социология, школа психологизма в социологии, психологическое направление в социологии и т.д.

Правомерно утверждать, что направление социологии, существенным специфическим признаком которого является наличие атрибутивного комплекса психологических моментов, может быть обозначено как С.П. Эволюция С.П. характеризуется наличием разнокачественных состояний, которые могут интерпретированы как три основных этапа его развития: создание и становление С.П.; утверждение, конституирование и институализация С.П.; формирование социологического неопсихологизма. На этапе создания и становления С.П. – происходившем преимущественно на региональном уровне усилиями таких мыслителей, как Гумплович (**см.**), Тард (**см.**), Лебон (**см.**), Уорд (**см.**), Петражицкий (**см.**), Смолл (**см.**), Мак-Дугалл (**см.**) и др. – были определены его основные проблемные поля, разработаны понятийно-проблемные комплексы и собственный категориально-понятийный аппарат, созданы и отсепарированы различные теории.

Основные разновидности современного С.П. – бихевиористская и необихевиористская социология (Дж.Уотсон – **см.**, Хоманс – **см.** и др.), фрейдистская социология, индивидуальная и аналитическая психосоциология (Адлер – **см.**, Юнг – **см.**), сексуально-экономическая психосоциология (Райх – **см.**), неофрейдистская социология (Фромм – **см.**, Хорни – **см.** и др.), социометрия (Морено – **см.**), психосоциология человеческих отношений (Мэйо – **см.** и др.) и пр. – формировались под определяющим воздействием разнообразных ориентаций бихевиористского, фрейдистского и персонологического толка, а также идей влиятельных философий нашего времени (от прагматизма и экзистенциализма до неомарксизма включительно).

В последние десятилетия развитие С.П. определяется усилением его философских, психологических и антропологических компонентов, оперативной адаптацией пограничных идей и концепций, активным использованием феноменологической и этнометодологической социологии, структурного функционализма, экзистенциального психоанализа, экзистенциального анализа, эгопсихологии, трансакционного анализа, медицинской антропологии, психосоматики, психоистории и др. Сопряженные процессы освоения новых проблемных полей, концептуально-методологические новации, расширение категориально-понятийного аппарата при относительной стабилизации его на основе психоаналитических ориентаций и соответствующего им глоссария позволяют полагать, что в настоящее время идет процесс формирования социологического неопсихологизма (Эриксон – **см.**, Л. де Моз, Ф. Александер, Ш. Селесник и др.). В ходе формирования социологического неопсихологизма все более определенно проявляется интегральная функция С.П., позволяющая интерпретировать его как интегральную отрасль знания и социальной мысли.

В.И. Овчаренко, А.А. Грицанов

СОЦИОЛОГИЯ – совокупность познавательных практик, складывающихся в европейской интеллектуальной традиции с 1840-х и изначально артикулированных как самостоятельная (отдельная) научная дисциплина, ставящая своей целью дать ответ на вопрос "что такое общество и как оно возможно?" через познание социальной реальности (социума), "природы" и "механизмов действия" социальности (**см.**) (в различных ее реализациях). Такая формулировка цели и постановка задач позволяет охватить сложившиеся внутри С. тенденции как к максимальному расширению своей предметной области до совокупного теоретико-методологического (частью и фактологического) знания (**см.**) о жизнедеятельности общества в целом, об обществе как таковом (рефлексивного осознания обществом самого себя), так и к редукции своего предмета, к той или иной категоризируемой реализации социальности (при соответствующей трактовке социума – социальной реальности) в рамках конкретных парадигмально-исследовательских стратегий (при осуществляемой, как правило, универсализации собственного видения С. до предельно промысливаемых ее границ). Соответственно данное понимание С. дает возможность одновременно рефлексировать две ее контрустановки: 1) на открытость по отношению к философским дискурсам (**см.**), на философско-социологический синтез, на понимание С. как "иного" философии, с одной стороны; 2) на оборачивание себя в сторону конкретно-научных моделей, на построение себя как строго научной дисциплины (**см.**) с четко обозначенным предметом и методами исследования, вплоть до конституирования себя только как инструментальной инженерно-технологической знаниевой стратегии (что и способствует порождению восприятия С. в обыденном сознании как техник опроса общественного мнения).

Следовательно, С. (как способ (стиль) мышления, коммуницирования и действования) не может иметь своего исчерпывающего определения, предполагает вариативность собственного понимания, интерпретации, трактовок – в зависимости от артикулируемых (или латентно присутствующих) теоретических (онтологических, гносеологических, эпистемологических) и методологических парадигмальных позиций (перспектив) и реализуемых исследовательских стратегий. С. есть, скорее, тип рамочного знания, задающего предельно возможные горизонты "социологического" (в отличие от философского и частнонаучного) видения (с оговоркой о том, что С. способна "в пределе" редуцировать себя в специальную научную дисциплину или совокупность дисциплин – специальных социологических теорий – **см.**). Такую предельную рамку "социологического" видения задает традиционное понятие общества (**см.**), содержательно-предметно достаточно "бедное" и определяемое через соотнесение с "предельными" же понятиями природы и трансцендентного (божественного) начала. (При этом последние могут "втягиваться" в конкретные социологические дискурсы: теологически фундируемую С., например, "теологию освобождения", глобалист-

ские экологические проекты, в частном случае – через маргинальный дискурс социобиологии; собственно же сопряжение "божественного", "общественного" и "природного" – задача для дисциплинарных дискурсов философии и теологии).

Содержательная конкретизация "общества" осуществляется через его развертывание в три конституирующие объемлющую рамку С. понятия: социума, личности (см.) и культуры (см.). Акцент на одном из них (с удержанием понятия общества как такового) и позволяет смещать дисциплинарное видение в сторону "социологичности", "антропологичности" или "культурологичности" (при явно обнаруживаемой с 1970-х тенденции к их "синкретизации" в междисциплинарных социогуманитарных дискурсах). Собственно С. кладет (в устанавливаемое взаимоотношением социума – личности – культуры) "пустое" пространство в ряд категорий-реализаций социальности, репрезентирующих (в той или иной их акцентуализации) определенную картину социального мира в конкретных социологических подходах, предполагающих собственную методологию и стратегии исследований. Тем самым задаются возможные метатеоретические ракурсы описания общества (самоописания культуры в терминах социальности), претендующие на продуцирование методологии социального (а частично и гуманитарного) познания в целом.

Базовой для большинства версий С. категорией-реализацией выступает "социальное взаимодействие" (см.), специально специфицируемое в своей универсальности в концепциях "социального действия". Отсюда попытки в разных социологических подходах задать предмет собственного изучения и рефлексии как организацию совместной общественной жизни (бытия) людей через возникающие и обновляемые в ходе разнообразных социальных взаимодействий социальные формы. В качестве исходных концептуализаций в С. выступают еще как минимум две: 1) "социальная структура" – "стратификация", 2) "социальная организация" – "институциализация", порождаемые и, в свою очередь, порождающие (легитимирующие) определенные социальные взаимодействия. В связи с "феноменологическим поворотом" в С. была конституирована в качестве универсализируемой в различных дискурсах проблематика "мира повседневности", "повседневной жизни людей", так или иначе соотносимая с организационно-структурным уровнем анализа социума. Наконец, в разных контекстах в социологических подходах дискутируется также и тематика "социализации". При этом сама социализация может трактоваться двояко: 1) как "введение" в социокультурную жизнь новых индивидов, агентов, акторов, субъектов (тогда социологическое видение частично антропологизируется, психологизируется и педагогизируется); 2) как легитимация любых инноваций (расширительное культурсоциологическое толкование, по-разному терминологически оформляемое в конкретике той или иной перспективы).

Дальнейшая конкретизация социологического знания осуществляется через наложение (внутри подходов) рамок и категоризаций-реализаций на конкретные объекты деятельности, процессы, области социальной реальности с построением соответствующих специальных социологических теорий изучаемых предметностей. Для концептуализации этого уровня социологического знания ключевую роль сыграло введение Р.К. Мертоном (см.) понятия "теория среднего уровня" (см.), которое позволило: 1) развести метауровень С. (с его открытостью в философское знание и центрированностью на разработке методологии социального познания в целом) и уровень "конкретики" теоретической работы (конфигурировать собственно специальные социологические теории); 2) комплексировать С. с конкретными научными дисциплинами, в чьи объектные области С. "вторгается", выстраивая в них свои предметы (типа: экономическая С. или С. экономики, политическая С. или С. политики, юридическая С. или С. права и т.д.); 3) непосредственно связать (в идеале) во многом разорванные до этого теоретический и эмпирический уровни С., очертить границы поля прикладных социологических исследований, задать возможные режимы технологизации и контур инструментального применения ("потребления") социологического знания. В целом "реформа", предложенная Мертоном, позволила реализовать ("дореализовать") программные установки на конструирование С. как "строгой" научной дисциплины, провозглашенные еще ее "отцом-основателем" О. Контом (см.), развитые Э. Дюркгеймом (см.) и наиболее последовательно концептуально разработанные в структурно-функциональном анализе (см.).

Однако, начиная с М. Вебера (см.) и Г. Зиммеля (см.), с последующей переформулировкой тематики (проблематики) в символическом интеракционизме (см.) и в феноменологической С. А. Шюца (см.) и его последователей, в С. были заложены и другие интенции – на "понимание" (в методологическом плане) и на "открывание" социологического знания в социокультурные контексты, на его "встраивание" в мир повседневной жизни (в онтологическом и эпистемологическом планах). Реализация этих установок привела к 1970-м к замене (точнее – дополнению) "вертикальной" развертки С. прописыванием ее "горизонтали". С. стала трактоваться не только как замкнутая на себя научная дисциплинарность, но и как совокупность вписанных в различные контексты дискурсов с их "утилизацией" в конкретных жизненных практиках, с одной стороны, и как институциализируемый внутри культуры специфический тип коммуникации, обеспечивающий рефлексию общества, переносящую акцент с вопроса "что такое общество?" на вопрос "как оно возможно?", – с другой. Была переосмыслена вся история возникновения и развития С. как целостности познавательных практик, закрепленная в так называемой "социологии С." (термин предложен Р. Фридриксом). Тем самым вновь был выдвинут и переосмыслен тезис о "родовой травме" С., связанный с ее непростыми и несколько раз кардинально изменявшимися отношениями с философией. Обнаруживается, что в момент своего зарождения и становления С., как минимум, трояким образом была связана с философской дисциплинарностью.

Во-первых, ее можно осмысливать как изначально модернистский проект, возникший как продолжение и развитие идей Просвещения, как продукт индустриального общества (с его акцентами на рынке, демократии, гражданском обществе, правах и свободах человека, с его тенденциями к социальной динамике и "ускорению" социокультурных процессов), как инструмент его "достраивания" и "универсализации" через распространение (в пределе) на весь мир. (Показательно здесь размежевание С. с социальной и культурной антропологией в их британо-американской и, частично, французской версиях, как изучающими традиционные типы обществ и переносящими акцент с социума на личность и культуру.) В этом отношении С. выступила правопреемницей и наследницей целого круга идей, уже разработанных к этому времени внутри

философии (уже социальной философии и философии истории, с которых были "сняты" схемы линеарного, циклического и спиралевидного исторического развития общества, переинтерпретированные через понятия социальной эволюции и общественного прогресса). Прежде всего это касается трех групп проблем: 1) проблемы социального порядка (переформулированной как вопрос "что есть общество?"), 2) проблемы автономности и универсальности личности (переосмысленной в терминах отношения общества и личности, индивидуального и надындивидуального), 3) проблемы общественного идеала (реализуемого в доминирующих социологических практиках как идеал индустриализма и "нетрадиционности", а в маргинальных социологических практиках – как идеал социализма и коммунизма с определенным учетом "традиционности": например, в дебатировавшимся в марксизме тезисе о возможности перехода от традиционного общества к социализму, минуя капитализм, т.е. индустриальную фазу развития). Указанный идеал в значительной мере (в "доминанте") или полностью (в "маргиналии") выступал как утопичный (не следует забывать, что первоначально социологический проект был манифестирован внутри утопического социализма К.А. де Сен-Симоном (см.), а Контом был, в значимой мере, лишь переинтерпретирован и разработан). Осознание этой известной утопичности проекта при "строгой" изначальной установке на научность давалось представителям С. долго и нелегко и было впервые ясно артикулировано лишь в концепции С. знания (см.) К. Манхейма (см.).

Во-вторых, С. возникла и конфигурировалась как продукт "распада" классической философии, как критический по отношению к последней и дистанцирующийся от нее уже на уровне установок дискурс (тезис Конта о преодолении философской метафизики позитивной наукой, программа А. де Токвиля, утопия Сен-Симона, известный тезис о практической и действенной природе познания К. Маркса – см.). Более того, позитивистский социологический проект, взявшись решать философские проблемы нефилософскими средствами, пришел в конце концов к осознанию себя как проекта единственно возможной научной философии (по сути – С. как "новая философия"). Тем самым С. стала первым провозвестником перехода философии в неклассическую фазу ее развития (закладывая при этом фундамент систем взглядов, которые позже были осмыслены как классическая С.). Посыл С. был поддержан в других областях социогуманитарного знания – прежде всего в психологии (В. Дильтей, Ф. Брентано, В. Вундт, О. Кюльпе) и (позднее) в экономике (австрийская школа экономики К. Менгера, У.С. Джевонс, Л. Вальрас). Лишь в лице Ф. Ницше переход к неклассической фазе был отчетливо артикулирован, но долго оставался "неуслышанным" самой философией. Во многом это связано с тем, что именно с "вне-философских" позиций можно было предложить "замену" одному из основных концептов философии – трансцендентальному субъекту с его "чистым сознанием". Но если психология, вполне естественно, обратилась к проблемам психического характера, то С. апеллировала к контекстуальной социально-исторической обусловленности субъекта. При этом показательно, что: 1) С. и психология выступили как программы-конкуренты (концепция социологизма и антипсихологизм Дюркгейма как высшее проявление их противостояния), хотя "психологическая составляющая" всегда присутствовала в С. (начиная с так называемой поведенческой С.); 2) психология конституировалась первоначально в значительной мере "внутри" и "средствами" философии (что породило затем установку Э. Гуссерля на преодоление психологизма), С. же изначально манифестировала себя как оппонента философии. Позже, провозгласив себя собственно философией, она вобрала "внутрь" себя социологически переинтерпретированную философскую антиномичность (натурализм – гуманитарная альтернатива; социальный реализм – номинализм; холизм – индивидуализм; становление – ставшее; объяснение – понимание и т. д.), во многом предопределив собственную судьбу. Таким образом, как философия являлась постоянным носителем "вируса" С., так и последняя изначально оказалась "зараженной" философией.

В-третьих, двойственность отношения С. к философии нашла выражение и в предложенном С. решении проблемы сознания. В С. долгое время сохранялось представление о "точечном" (лишенном тела) познающем субъекте, а сама социальная реальность во многом (чаще имплицитно, чем эксплицитно) понималась как результат объективаций сознания действующих субъектов, собственно и подлежащий анализу без обращения к проблеме сознания как таковой. Лишь в феноменологической С. (см.), в ином ракурсе – в этнометодологии, в С. знания М. Шелера (см.), в немецкой философской антропологии (см.) (она же – С. в лице того же Шелера, Х. Плеснера (см.), А. Гелена (см.), Х. Шельски) и некоторых иных версиях субъекту было возвращено "тело", а миру – телесность. В традиции же, идущей от понимающей С., в социологический дискурс и рефлексию стал возвращаться "смысл" как, собственно, их предмет, скрывающийся за внешне явленными объективациями. Данное понимание стало доминирующим в культур-С., особенно после ее "герменевтического поворота", освоения круга идей П. Рикёра и семиотики, а также социологической переинтерпретации диалогистической философии. Радикальным разрывом с предшествующей традицией в этом отношении явилась и "археология знания" (см.) М. Фуко (см.). Тем самым произошло (и происходит) "возвращение" к философии в современных типах теоретического социологического дискурса. Социальный мир перестает быть плоскостью объективаций, приобретает глубину и многомерность, оформленность в актах сознания, закрепленных в слове. (Показательно, что само возникновение С. было связано с обнаружением "вертикали" – распределения неравенства – в обществе, изменчивости социальной реальности и возможности влиять на эти изменения, т.е. "многомерности" социального, что не рефлексировалось в традиционных обществах, осмысливавших общественную жизнь в терминах предустановленного космического, природного, божественного порядка). Сознание стало присутствовать в этом мире через свою интенциональность, задавая способы бытия событий и вещей, связывая их с внутренним опытом субъектов, подрывая унаследованную от классической философии и долго господствовавшую в классических и неклассических типах "социологизирования" обращенность к исследованию "логики вещей". Социальность подлежит "расколдовыванию" (термин-метафора принадлежит М. Веберу) в социологической рефлексии, место "объективности" в которой все больше стала занимать "субъективность".

Подытоживая, можно зафиксировать, что взаимопроникновения и взаимовлияния философии и С. сопровождали всю историю последней. С. и философия выступали друг для дру-

та своего рода "своим иным", что можно проследить (в дополнение к трем обозначенным аспектам их взаимоотношений) в реконструкции логики формирования социологического знания с позиций рефлексии "социологии С.". Можно выделить три основных этапа развития С., соответствующие в целом логике становления как философии, так и большинства социогуманитарных дисциплин, но каждый раз имеющих свои "хронотопные" отличия. Это этапы классики, неклассики (она же в значительной мере неоклассика) и постклассики (пост-не-нео-классики).

В С. период классики связан с конституированием и институциализацией самой дисциплины, выведением ее из латентного существования "внутри" философии в эксплицитное "вовне", что неизбежно провоцировало установку на резкий разрыв с последней. Решить этот комплекс задач в середине – конце 19 в. (подпериод "становления" и поиска своей аутентичности-идентичности, т.е. оснований классики) можно было только через обращение к системе образцов естественнонаучного знания (и/или через построение "научной – позитивной – философии"), что потребовало от С. не менее резкого разрыва со схематизмами обыденного знания, с миром повседневности в целом (при латентно закладываемой в саму С. программы ее собственной технологизации, выведения ее в область прикладных исследований). При этом, пытаясь найти соизмеримость трансцендентальным субъектам классической философии в реальном обществе, С. совершила "жесткую" редукцию по отношению к последней в пользу единой "научной картины мира", а затем неоднократно повторяла редукционные процедуры внутри себя самой в поисках собственных содержаний. Последнее с неизбежностью вело в перспективе: 1) к плюрализации подходов внутри социологического видения; 2) к возникновению альтернативных трактовок самого этого видения; 3) к возникновению в С. (как результата предельных редукций) того, что в ней самой, в других социогуманитарных дисциплинах и в философии схватывалось термином "вульгарный социологизм".

На нереализуемость первоначальной формулировки социологического проекта обратила внимание философия в лице Дильтея и Ницше. Однако если первый искал выход из заданного С. "тупика" в предметном разделении знания на "науки о природе" и "науки о духе" и отводил доминирующую роль последних в психологии, то второй настаивал на невозможности решить философские проблемы "нефилософскими" (в том числе социологическими) средствами и по сути концептуализировал первый проект философской неклассики. Дополнительный импульс "расщеплению" единого социологического проекта придали неокантианцы Баденской школы (В. Виндельбанд и Г. Риккерт) своим смещением фокуса от обсуждения специфики типов знания на методологический дуализм номотетических и индивидуализирующих, генерализирующих и идиографических методов "наук о природе" и "наук о культуре".

На эти новые интенции в философии достаточно оперативно отреагировала С. В программе понимающей С. (см.) М. Вебера и в социологических концепциях русского неокантианства были предложены пути преодоления возникшего методологического дуализма, а осознание ситуации возникающего социологического "тупика" в какой-то мере повлияло на уход Зиммеля из С. в последний период его творчества. Тем самым декларированный "разрыв" с философией в период становления С. оказался нереализованным. Более того, второй подпериод первого этапа развития С., который можно обозначить как подпериод формулировки основных социологических подходов, наглядно демонстрирует, что последние есть не что иное, как "социологическое прочтение" (или "социологический ответ") философии, инициированное конкретно-историческими задачами, с необходимостью решения которых столкнулось индустриальное общество.

Этот подпериод, охватывающий в С. конец 19 в. – начало 1920-х, завершает собой период социологической классики и связан с многовекторной С. Дюркгейма (прежде всего с его программным социологизмом), понимающей С. М. Вебера, культур-С. Зиммеля, формальной С. Ф. Тённиса (как реализацией в значительной мере интенции того же Зиммеля), развертыванием проекта марксистски ориентированной С., становлением бихевиористски ориентированного социологического психологизма (прежде всего в американской традиции, фундированной комплексом идей прагматизма). В российской С. это период господства социологизированного неокантианства, плюралистической С. М.М. Ковалевского (см.), развертывания программы "легального марксизма", этико-субъективной школы в С. [П.Л. Лавров (см.), Н.К. Михайловский (см.), Н.И. Кареев (см.), С.Н. Южаков] – провозвестницы "методологического индивидуализма" западной С.

В компаративистской перспективе период оформления социологической классики совпал со становлением неклассической философии, а его завершение – с началом развертывания основных неклассических философских концепций. Тем самым логика формирования С. шла по модели "ускоренного развития" (сжимания времени развертывания содержаний) и была векторно направлена на синхронизацию себя с логикой концептуализации философских доктрин. Однако если период неклассики в философии в целом закончился уже в 1950-е, то в С. – лишь в 1970-е, что породило в ней глубокий теоретико-методологический кризис, неизбежный в периоды "ломки традиций". Завершение классики в С. совпало во времени с событиями Первой мировой войны, революцией и гражданской войной в России, революционными выступлениями в ряде стран Европы. Оно отмечено ростом "кризисного сознания" как в философии, так и в С. (поздний Зиммель, В. Зомбарт (см.), А. Вебер (см.), западный марксизм и др.; центральная фигура в философии того времени – О. Шпенглер (см.)).

Собственно в С. в это время нарастает волна эмпиризма, инструментализма и операционализма [У.А. Томас (см.), Ч.Х. Кули (см.), П. Лазарсфельд (см.), "гиперэмпиризм" Ж. Гурвича (см.) и др.]. В США оформляется Чикагская школа С., в Европе развивается сеть подобных исследовательских структур. В философской и методологической рефлексиях вновь ставится под вопрос сама возможность С. как научной дисциплины, осознаются новые "тупики" и "ловушки", в которые попала С. С этих позиций наиболее развернутую критику социологического проекта дали русские мыслители (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и особенно С.Л. Франк). Значительное место отвоевывают себе теории социологического психологизма (см.), конфигурируется бихевиористская по своим основаниям концепция социального обмена [П.М. Блау (см.), Дж.К. Хоманс (см.)], возникает психоаналитическая традиция в С. Происходит заметная переориентация на проблемы человека, С. "антропологизируется". В Великобритании и, час-

тично, во Франции происходит "отказ" от С. в пользу антропологии; в Германии конституируется философская антропология, акцентирующаяся первоначально лишь на философской проблематике. Возрастает интерес к тематике культуры: А. Вебер, неомарксизм [Д. Лукач (см.), особенно А. Грамши (см.), позднее – французские неомарксисты], Франкфуртская школа критической социальной теории, интегральная С. П. Сорокина (см.). Шелер провозглашает, а затем Манхейм и его последователи реализуют программу С. знания. Через "прививку" гуссерлианства возникают два принципиально новых подхода: феноменологический и символическо-интеракционистский [Дж.Г. Мид (см.), Г. Блумер (см.), И. Гофман (см.)]. От Т.Б. Веблена (см.) берет начало линия технократизма в С. В это же время значительное распространение получают идеи элитаризма, первоначально сформулированные в рамках итальянской политической социологии (начиная с работ В. Парето (см.)) и получившие широкий резонанс после усвоения их американской социологической традицией, а также после работ Х. Ортеги-и-Гассета (см.). (В СССР период неклассики – это период ликвидации С. как науки и отсутствия социологического дискурса как такового.)

Таким образом, происходит "размывание" принципов социологизма в период "становления" неклассики (ее первый подпериод). Однако дальнейшее развитие С. в период неклассики, связанное со становлением так называемого "стабилизационного сознания" (второй подпериод – после Второй мировой войны), было отмечено возвратом к обновленным принципам социологизма, что может быть осмыслено как попытка переоформления неклассики в неоклассику. В С. происходит институционализация структурализма [К. Леви-Стросс (см.), генетический структурализм Л. Гольдмана (см.) и др.] и различных вариантов структурно-функционального анализа (основные версии – Т. Парсонс и Мертон), постепенно занимающего доминирующие позиции в теоретической С. При этом методология структурно-функционального анализа чуть ли не отождествляется с "социологичностью" вообще настолько, что кризис этой методологии в 1960-е был воспринят как провозвестник очередного кризиса в С. как таковой. Конкуренцию этому подходу пыталась составить С. конфликта [Р. Дарендорф (см.), Л. Козер (см.)], но, хотя ее истоки и восходят к Зиммелю, "пик" ее популярности пришелся на более позднее время – период постклассики.

Основные импульсы критики вновь пришли "извне" – из философии. Это прежде всего программа критики "историцизма" (а через него и социологизма) К. Поппера и программа М. Мерло-Понти, постулировавшая необходимость и неизбежность философско-социологического синтеза. Согласно Мерло-Понти, понимая и интерпретируя факты, социолог неизбежно становится философом, также как и когда он, обращаясь к истокам знания, начинает специально работать с языком. С. нельзя отсечь от философского опыта, но точно также и философия может терять свой смысл, если не судит о "настоящем". Если критика Поппера была направлена прежде всего на тотальность и идеологизированность социологического дискурса, была основанием выработки новой методологии социального познания, которую, с его точки зрения, так и не смогла предложить С., – то Мерло-Понти обращает внимание прежде всего на "разорванность" философского и социологического дискурсов, на невозможность решить социологические задачи метатеоретического уровня исключительно социологическими средствами. В этом аспекте он отрефлексировал стремление С. периода неклассики опираться преимущественно на собственную методологическую базу, на замыкание социологического дискурса внутри самого себя. Так, господствующий в послевоенное время структурно-функциональный подход и был, по преимуществу, собственным детищем С. [частично – британской антропологии: А.Р. Радклиф-Браун (см.), Б.К. Малиновский (см.) и др.]. Более того, он активно проникал практически во все области социогуманитарного знания, подменяя собой традиционные для последнего философские рефлексии.

Исчерпанность не-нео-классического проекта в С., зафиксированная философией с разных сторон в лице Поппера и Мерло-Понти еще в 1940-1950-е (в компаративистской перспективе – время перехода в философии от неклассики к постклассике), был осознан в полной мере в С. к 1970-м. Примечательно, что в переломные точки развития философии – переходы от классики к неклассике и от неклассики к постклассике – отмечены обращением к тематизмам С.; однако при этом не стоит забывать и о том, что утрата предметности и переход в состояние "пост" (как переход к постиндустриальному обществу) был зафиксирован и в самом социальном знании в лице Д. Белла (см.), Дж.К. Гэлбрейта (см.), Р. Арона (см.). Переход к постклассике в С. отмечен "пиком" популярности "критической социальной теории" Франкфуртской школы [в лице позднего Т. Адорно и раннего Ю. Хабермаса (см.) она "перетекала" и в следующий этап социологического развития], проектами "радикальной" и "альтернативной" С. Ч.Р. Миллса (см.) и А. Гоулднера (см.), видевших в современной им институционализированной С. манипулятор для поддержания сложившихся "машинных" социальных порядков. В русле данного подхода возник и социологический дискурс (так дисциплинарно – "школьно" – и не оформившийся) "новых левых". В последующем эти проекты трансформировались в С. контркультуры и "социологию С." как глобальную методологическую рефлексию С. над собственными основаниями.

В это же время началась радикальная критика собственных оснований структурализмом (см.): в социологической перспективе это прежде всего работы Ж. Бодрийара (см.), Р. Барта (см.), а особенно – Фуко. В компаративистской перспективе впервые за время сосуществования С. и философии был достигнут эффект взаимного резонанса – синхронизация обоих типов дискурса, фиксируемая через переход от модерна к постмодерну, от "современности" к "постсовременности" с ее радикальным переосмыслением понятий субъекта и объекта, реальности (в том числе – социальной), основных европейских познавательных практик, самих понятий знания и научного знания, что поставило под вопрос (в очередной раз, но впервые столь радикально) саму возможность С. как научной дисциплины и, более того, как самостоятельного дискурса и типа коммуникации. Именно в это время происходит осознание С. не просто как проекта модерна, а как незавершенного, но исчерпанного проекта модерна, порожденного распадом классической философии. Если в неклассике шла борьба за доминирование между различными социологическими подходами, концепциями, стратегиями, практиками, школами (выигранная в целом структурно-функциональным анализом в разных его версиях), то в постклассике возобладала установка на принципиальный плюрализм С., на снятие

"проникших" в С. уже в момент ее возникновения философских антиномий через философско-социологический синтез и выработку единой (в смысле внедисциплинарной) методологии познания, на рефлексию выбора подходов, концепций, стратегий, практик дискурса, способных взаимозаменять друг друга, на акцентирование рамочности социологического знания.

Наиболее сильные позиции в постклассике С. заняли постструктуралистские версии Э. Гидденса (см.) (теория структурации), П. Бурдье (см.) (теория социального поля), Н. Лумана (см.) (теория референции), теория конструирования реальности П.Л. Бергера (см.) и Т. Лукмана (см.), концепция коммуникативного действия Хабермаса, трансцендентальный реализм Р.Бхаскара (см.), У. Аутвейта (см.) и М. Арчер, динамическая С. или С. социальных изменений [А. Турен (см.), Ж. Баландье, П. Штомпка], постмарксистский дискурс [А. Лефевр, И. Валлерстайн (см.) – миросистемный подход], методологический индивидуализм (Р. Будон), этнометодология и когнитивная С. [Г. Гарфинкель (см.), А. Сикурел], социологизированные версии немецкой философской антропологии (Шельски, Гелен, Плеснер), культурсоциологическая концепция "вовлеченности и отстранения" Н. Элиаса, постмодернистские дискурсы, берущие начало у Ж. Деррида, Ж. Делеза, Ю. Кристевой, Р.Барта, Бодрийара, Фуко, радикальный феминистический социологический дискурс, проекты постмодернистской С. (см.) З. Баумана (см.) и М. Маффесоли. (В СССР в это время происходит возрождение С. через усвоение – достаточно избирательное – социологической неклассики.)

Доминирующие социологические стратегии так или иначе опираются на практики деконструкции и конструирования, снятия тотальности и установки на универсализм, акцентирование ситуативного, "здесь-и-сейчас" происходящих событий. При этом основные социологические версии делают упор на "конструктивные" задачи, на удержание социальности в структурационных, коммуникативных и дискурсионных практиках. Предлагаемые стратегии пытаются "снять" (преодолеть) сложившийся в С. дуализм индивидуального и надындивидуального, личности и социума, организационно-институционального и деятельностно-поведенческого понимания С., микро- и макроуровней исследования, глобального и локального, статики и динамики через совмещаемые диахронно-синхронные срезы, через хронотопное видение реальности.

Другая линия "разлома" в современной С. – акцент или на тезис о "смерти субъекта", или на тезис о "возвращении человека, личности-индивидуальности" в социологические дискурсы. В этом случае доминирует проблематика "возвращения", всесторонне обсуждаются механизмы удержания идентичности и аутентичности личности в беспрерывном потоке различений современного мира (методологический индивидуализм, этнометодология, Элиас и др.), тема тела и телесности (философская антропология). Этот поворот был подготовлен еще в С. неклассики (особенно в символическом интеракционизме) введением в С. дискурса "Другого", а также усвоением диалогистических концепций [М.М. Бахтина, М. Бубера, О.М.Ф. Розенштока-Хюсси (см.)] в культур-С., в том числе и в культурологически повернутой немецкой философской антропологии [Э.Ротхакер (см.), М. Ландман].

Третья доминантная тематика постклассики – также начавшийся в предшествующем периоде дискурс повседневности. В этом случае акцент делается на стирании границ между миром повседневности и иными областями социальной жизни, вплоть до понимания С. как развернутого нарративного комментария к повседневности (Бауман). В значительной мере синтетические задачи решаются постклассической С. за счет "поворота" к культуре, подготовленного в том числе и выходом на доминирующие позиции культур-С. (истоки которой восходят к позднему Дюркгейму, М. Веберу, а особенно – к Зиммелю, позднему Э. Кассиреру и А. Веберу). Культур-С. внутри познавательных социологических практик всегда была той метаобластью, где не только "сходились" часто конфликтующие между собой социологические дискурсы, но и синтетически усваивались подходы из иных областей социогуманитарного и философского знания (в частности, диалогистической философии, семиотики, герменевтики, лингвистики), что позволило выделиться в самостоятельные познавательные стратегии социо-психолингвистике и социосемиотике, а также практике дискурсивных анализов Т.А. ван Дейка (см.). Более того, постклассическая С. в значительной мере может быть проинтерпретирована в терминах культур-С., а частично таковой она (по сути) и является.

Еще один центр "стягивания" социологических дискурсов – С. знания, особенно в ее поздних постпозитивистских и феноменологических версиях, соотносимая и в значительной мере "перекрывающая" в постклассике культур-С., превращающая С. (как совокупность познавательных практик-дискурсов, особого типа коммуникации, прикладных практик и технологий "манипулирования", при одновременной локализации С. как научной дисциплины в стенах университетов) в мощное средство самоописания и саморефлексии "постсовременного" общества, механизм порождения смыслов, стратегии "проверки" социума на "вменяемость". Мощный импульс этим ориентациям придал разработанный Фуко комплекс представлений о власти-знании, опирающийся на его более ранние идеи эпистемного анализа и археологии знания, истоки которого восходят еще к идее практической природы знания и концепции "ложного сознания" Маркса, и тезису о "воле к власти" Ницше [близкий по интенциям круг идей разработали М. Хоркхаймер (см.) и Адорно (см.) в "Диалектике просвещения" (см.), а также Хабермас]. Власть здесь понимается как претворение знания, а знание – как упорядочивание власти, через власть-знание социальность связывается с архивом (фиксирующим накопленные культурные содержания). С. и есть, с этих позиций, такой комплекс власти-знания, что еще раз актуализирует конституционную для постклассической (пост-не-нео-классической) С. (а через нее и для всей С.) проблему "природы" социальной реальности. Радикально она формулируется как проблема "утраты" С. своей реальности, "потери" своих референтов и виртуализации социальности, т.е. своего "предметного поля", что ставит под сомнение возможность самой С. или, по крайней мере, требует ее переопределения в системе социогуманитарного и философского знания.

Предложенные ответы как на первый (социальная реальность как эпифеномен нетранзитивных порождающих механизмов, как "квазизнаковая", гипертекстовая, интертекстовая, ризомная реальность, как беспрерывно структурирующее и самонаблюдающее себя системное целое, как постоянно натурализирующая себя виртуальность, как непрерывное воспроизводство и порождение коммуникативных и дискурсив-

ных практик и т.д.), так и на второй вопрос (что есть С.?) по-прежнему остаются дискуссионными и "стягивающими" на себя социогуманитарный, а в значительной мере и философский дискурсы.

В.Л. Абушенко

"СОЦИОЛОГИЯ" – основное произведение (в двух томах, 1956-1958) Розенштока-Хюсси (см.). В работе затрагиваются как методологические аспекты социологического исследования, так и его конкретные вопросы, далеко выходящие за рамки современной институционализированной социологии и сближающие излагаемые подходы с философской теорией культуры. Вместе с тем работа содержала большое количество оригинальных концепций, относящихся к истории цивилизации от ее возникновения до настоящего времени.

В целом "С." представляет собой такую попытку использования диалогического принципа в качестве средства радикального обновления гуманитарного мышления, которая не ограничивалась бы критикой традиции или выдвижением абстрактных постулатов, но демонстрировала бы свою обоснованность и плодотворность на актуальном материале.

Первый том имеет подзаголовок "Засилье пространств" и включает в себя введение к обоим томам, три части и обширное заключение. Изложение начинается с критического рассмотрения сущности и специфики традиционного понимания социологии в качестве науки о человеке во множественном числе, т.е. о людях, приведенных к общему знаменателю. С самого начала такое понимание отвергается, поскольку, по Розенштоку-Хюсси, никто не может знать всех людей. Поэтому выдвигается положение, согласно которому социология должна основываться на частичном знании, и она может быть истинной лишь при условии явного признания такой неполноты знания. Это – учение о путях и способах действий фрагментарно познаваемых людей, что обусловливает разделение социологического знания на две части, в которых рассматриваются пространственные и временные аспекты социальных процессов. Свобода человека проявляется в его способности всякий раз по-другому выбирать свои пути и способы действий, а следовательно разметку пространств и времен. Поэтому социология, в понимании Розенштока-Хюсси, является прежде всего средством нового завоевания такой свободы, утраченной современным человечеством.

В первой части "Вхождение в крест действительности: Способ представления в социологии" осуществляется подробный анализ различных подходов к пониманию предмета и методов социологии. При этом подчеркивается, что подлинная социология возникает из страсти и никогда не может быть плодом теоретического равнодушия, что и должно обусловливать характерный для нее "способ представления". Подлинное социологическое знание может основываться лишь на реальной вовлеченности социолога в общество (на языке современной институционализированной социологии суть такой методологической установки частично передается понятием "включенное наблюдение"). В данном контексте вводится базовое понятие "крест действительности", позволяющее разделить пространство на внутреннее и внешнее, а время – на прошедшее и будущее. Это понятие, как считает Розеншток-Хюсси, позволяет социологии отказаться от жесткого разделения на субъект и объект, а также учесть существование не единых для всех людей и человеческих сообществ пространства и времени, а множества пространств и времен, что, собственно, и является специфической формой реализации диалогического принципа и обусловленного им "способа представления". В результате разрушается и традиционное для классического гуманитарного мышления понятие абсолютного, надындивидуального (трансцендентального) субъекта, который обеспечивает общезначимость содержания знания путем соотнесения его со всеобщими познавательными формами. Крест действительности, не будучи всеобщей структурой, т.е. единственной "системой отсчета", соотносится с каждым отдельным человеком или отдельной человеческой группой, что позволяет исследователю освободиться от иллюзии обладания абсолютной (монологической) позицией и стать "причастным" к тому, что он изучает. В результате социология перестает понимать свой объект в качестве немого и глухого, превращаясь в "диалогическое мышление". Однако вследствие отрицания наличия естественно существующего единого пространства, такое социологическое знание не в состоянии стать наглядным. Оно может быть только слышимым, и социологу следует, прислушиваясь к окружающему его хору голосов, учитывать, что и его собственный голос принадлежит к этому хору. "Причастность" социолога к внутреннему и внешнему пространству, прошедшему и будущему времени связывается с речью (языком) как формой межчеловеческих отношений. При этом внутреннее пространство ассоциируется с возвратным залогом глагола (рефлексивом), а внешнее – с действительным залогом (активом). Что касается прошедшего и будущего времени, то для их обозначения создаются специальные термины – "траектив" и "преектив" соответственно, которые, впрочем, также ассоциируются с категориями традиционной грамматики – изъявительным и повелительным наклонениями глагола. Для "причастного мышления" действительным считается лишь то, что принадлежит больше, чем к одному пространству, и больше, чем к одному времени, и это является условием возможности многоголосия.

Вторая часть "С." озаглавлена "Игровые пространства нашего рефлексива" и посвящена анализу фантазии человека, т.е. его способности воображения и его способности к игре. Исследование сил действительности по их отражению в образах фантазии и в играх – это их изучение в возвратном залоге, поскольку деятельность замыкается на играющем. Одновременно это предвосхищение действительности, так как игровое поведение не только повторяет прошлый опыт серьезности, но и предшествует новому опыту серьезной жизнедеятельности. Точно таким же свойством обладает и мышление, которое без колебаний относится к игровым формам поведения. Наиболее "цивилизованные" процессы удерживают равновесие между чистой игрой и чистой серьезностью, так как человек во всех ситуациях ищет хотя бы немного свободного времени и некоторое заранее определенное место, т.е. то, что определяет игру. Поэтому игровые моменты наличествуют во всей человеческой жизнедеятельности и вносят изменения в сферу серьезности, поскольку именно отшлифованная в игре форма закрепляется в сфере серьезности, а точное игровое повторение серьезности невозможно. В соответствии со строением креста действительности мир игры разделяется на упоение и восторг внутреннего пространства (в этом контексте дан оригинальный анализ феномена массы), соревнования во внешнем пространстве (спорт), обычаи, ритуалы и церемонии, соответствующие прошедшему времени,

и, наконец, искусства в качестве таких игровых форм жизнедеятельности, которые обеспечивают славу и известность в будущем времени.

В третьей части – "Жизненные пространства нашего актива" – рассматривается сфера серьезности и анализируются такие понятия, как природа, дух, культура и душа. Прежде всего подчеркивается, что никакого "человека вообще" не существует. Всегда налицо лишь половина или даже четверть человека: мужчины и женщины, мальчики и девочки. Человек – родовое существо, но во внешнем пространстве он расщеплен на полы. Природа и понимается как такое внешнее пространство. Части человека собираются воедино при помощи духа, который рассматривается в тесной связи с феноменом речи (языка). Дух, указывает Розеншток-Хюсси, – это объединяющая сила, создающая человеческие сообщества и, следовательно, конституирующая внутреннее пространство. Дух как бы уничтожает кожу, покрывающую каждое человеческое существо и тем самым обеспечивает контакт тел, т.е. превращает человека в родовое существо. Видимой стороной этого процесса является объединяющая способность человеческого языка. Поэтому при рассмотрении языка нельзя, как это делает традиционная грамматика, ограничиваться исследованием только говорящего, необходимо всегда учитывать и слушающего. На этих методологических основаниях рассматривается новая, "глубинная" грамматика. Разделение человека на возрасты (поколения) анализируется в контексте понятия культуры, что соответствует прошедшему времени. Культура в понимании Розеншток-Хюсси – это прочно установившийся мир, который, будучи упорядочен, просто неизменно воспроизводит свою упорядоченность и передает содержание прошлого настоящему. Напротив, понятие души связывается с будущим, а это последнее рассматривается в контексте смерти и процессов умирания. При этом подчеркивается, что вся человеческая культура возникла из страха смерти, поскольку первоначально в смерти видели не источник обновления, а всего лишь завершение существования. Поэтому возникает стремление сделать человеческую действительность независимой от смерти отдельного человека, что, собственно, и составляет суть всех культурных институций в их динамике. Способность преодолевать смерть и называется душой, а важнейшими проявлениями этой способности являются любовь и стыд. Любовь – это всегда прикосновение смерти к человеческой самости, заставляющее человека забывать о себе и выходить навстречу другому. Стыд должен считаться силой, преодолевающей смерть человеческих сообществ, поскольку он препятствует независимости и обособлению членов этих сообществ. Преодолевая смерть, душа делает ее позитивной силой жизни.

В этом контексте (опять же, в соответствии с количеством сторон креста действительности) Розеншток-Хюсси анализируется наследие четырех первопроходцев, предложивших четыре способа включения смерти в жизнь – Будды, Лао-Цзы, Авраама, Иисуса. Заключение первого тома названо "Тирания пространств и ее крах" и посвящено осмыслению того факта, что в концепциях современных естественных, гуманитарных и общественных наук пространственные характеристики действительности преобладают над временными. В связи с этим критическому анализу подвергаются взгляды Декарта и Ницше, концепции которых квалифицируются в качестве основных свидетельств "засилья пространств". Оцениваются последствия такой методологической парадигмы и выявляется ее ограниченность прежде всего в плане сужения диапазона человеческой свободы. Тем самым подготавливается переход к анализу реального времени, который не был бы отягощен традиционными пространственными ассоциациями.

Второй том "С." имеет подзаголовок "Полнота времен", также состоит из трех частей и посвящен проблеме всемирной истории. В первой части, озаглавленной "Возвращение пережитого: (Траектив)", рассматриваются общеметодологические проблемы исследования времени, его структура и способы периодизации. Изложение начинается с обсуждения общего вопроса о необходимости вести счет времени. При этом констатируется, что расхожая схема "прошлое – настоящее – будущее", представляющая модусы времени наглядно, является истолкованием на основе категорий пространства, а потому лишает время его творческой силы. В связи с этим подвергается критике восходящее к Парменида "чистое мышление", для которого понимание сути времени недоступно и которое своим двухтысячелетним господством вызвало катастрофические последствия. Вопреки философии, ставшей институционализированной формой "чистого мышления", время должно быть понято в его экзистенциальных напряжениях, в ритме его живых пульсаций. Это заставляет обратиться к исследованию сути и функций календаря, а также структурирующей любой календарь системы праздников.

В этом контексте Розеншток-Хюсси формулируется "закон отсроченной видимости", согласно которому невидимое (недоступное органам чувств) должно предшествовать во времени видимому (доступному органам чувств), поскольку в противном случае в мире не происходило бы ничего первостепенного. Свободная, обладающая творческим потенциалом, жизнь сперва всегда невидима, как по-настоящему невидимыми для своих современников были все творцы нового и все первопроходцы. Видимое предсказуемо, невидимое сначала всегда представляется чем-то совершенно невозможным, и подлинное историческое время – это цепь инкарнаций, происходящих каждая "в свое время". Попадая в календарь путем установления календарных праздников, прежде непредсказуемое становится предсказуемым и может быть повторено. Тем самым историческое время понимается в духе креационизма как наследование приобретенных качеств и противопоставляется эволюционистскому преформизму типа гегелевско-марксистской диалектики. В свете "закона отсроченной видимости" анализируются праздники, конституирующие экзистенциально напряженный календарь европейской истории – Праздник всех святых, День поминовения всех усопших, Пасха и др. Особое внимание уделяется многообразию календарей и возможности переходить от одной календарной системы к другой. Жизнь, способная созидать новое, не может следовать лишь одному календарю, но свободный переход от одного календаря к другому, как подчеркивает Розеншток-Хюсси, стал возможным только после Христа. Проблема согласования множества календарных ритмов характеризуется как основная проблема отношения ко времени, в связи с которой и рассматриваются различные способы расчленения и, наоборот, обеспечения непрерывности временного потока.

Во второй части, названной "Ход событий: (Преектив)", описываются первичные события, которые определили современный календарь. Подчеркивается, что возвращение пережитого не должно отождествляться с жесткой предопределенностью, с судьбой. Однако именно так, по мнению Розен-

штока-Хюсси, понимает время современный научный историзм, лишающий человека свободы, будущего и, следовательно, творческого потенциала. Будущее – это не повторение прошлого и даже не развертывание заложенных в прошлом потенций, а творение нового, которое, однако, определенным образом связано с прошлым. Именно характер связи будущего с прошлым ведет к необходимости исследования самого хода событий, а не только возвращения пережитого. В горизонте этой задачи анализируются первичные формы человеческих сообществ – род, "территориальные царства" (восточные деспотии), Израиль (древнееврейская культура как религиозно-этническая общность), Древняя Греция. Показывается, что все эти сообщества формируются на основе определенного способа обращения со временем: род тщательно воспроизводит культурные архетипы прошлого, "территориальные царства" соотносят себя с настоящим, считающимся неподвижным, древнееврейская культура устремлена в будущее. Что касается древнегреческой культуры, то она, пытаясь найти "золотую середину" между кочующими родами и оседлыми "территориальными царствами", открывает возможность стать независимой от императивов времени в ситуации досуга как "безвременья". Плодом этого открытия стала философия в качестве школьного, т.е. игрового мышления, абстрагированного и от пространства, и от времени. Соотносясь с различными модусами времени, указанные четыре культуры, по мысли Розеншток-Хюсси, даже соприкоснувшись друг с другом, не могли прийти к синтезу вследствие своей принципиальной взаимной "непрозрачности". Этот синтез стал возможным лишь благодаря христианству, но до сих пор еще не завершен.

Вся история христианской церкви – это история движения к единству человеческого рода, которое, по Розеншток-Хюсси, формируется приблизительно в течение трех тысячелетий. Первое тысячелетие истории христианской церкви проходит под знаком того, что Бог стал человеком. Эта история имеет в качестве своего содержания превращение смерти и умирания в нечто видимое, поскольку распятия, реликвии, пустыни, катакомбы и т.д. превращают умирание в процесс, предшествующий жизни. Благодаря церкви становится понятно, что человек, в отличие от прочих живых существ, – это такое существо, за которое всегда кто-то умер. В соответствии со структурой "креста действительности" христианская церковь ведет борьбу на четырех фронтах: против засилья прошлого, настоящего, будущего и "безвременья досуга". Прорыв каждого из фронтов ведет, соответственно, к расцвету родо-племенных культов (наиболее явно это проявляется в расизме и антисемитизме), ко взлету имперских настроений и абсолютизации локальных церквей, сращенных с государством (национализм), к приоритету чистого будущего (апокалиптическое и милленаристское сектантство), к тоталитарным притязаниям философствующего разума. Однако христианином не может быть тот, кто принадлежит только к одному времени. Содержанием второго тысячелетия, по мнению Розеншток-Хюсси, является революционизация мира, т.е. радикальный переворот в отношениях людей с действительностью. В связи с этим рассматривается прежде всего роль католической церкви в возникновении "мира" как некоей целостности, как единого для всех пространства-времени. Проведенная католической церковью централизация стала предпосылкой новоевропейского естествознания в качестве учения о едином мироздании. Неявным фоном такого учения является представление о вездесущности Бога, которая должна иметь свой образ и подобие – присутствие человека повсюду в мире. Но это требует превращения множества людей в единого "Человека", в качестве какового выступает человеческий род, имеющий в отличие от просто человечества не только пространственное, но и временное измерение. Церковь, главой которой является Иисус Христос, принадлежащий ко всем временам, открывает для каждого возможность такого "присутствия". Третье тысячелетие обращается именно ко времени. Современный человек, будучи расщеплен на множество фрагментов, утратил способность превращать хаос времен в нечто четко структурированное.

По мнению Розеншток-Хюсси, единственным средством свободного вхождения во время и его упорядочения является возрождение древних темпоральных моделей, причем термин "возрождение" сразу же ограждается от сентиментально-этнографических ассоциаций. Инструментом, позволяющим обратиться к древности, является мышление, которое, будучи отражением жизни, воспроизводит зеркальный образ оригинала: то, что является первым в жизни, оказывается последним в мышлении, и наоборот. Поэтому главная особенность возрождения древности заключается в том, что она может восстанавливаться в правах только в обратном порядке – от событий, только что прошедших, до все более и более отдаленных во времени. Более того, согласно Розеншток-Хюсси, человечество продвигается во времени вперед настолько, насколько ему удается посмотреть назад, тем самым постепенно обретая "полноту времен". Но это – не всеобщность и единство человеческих культур в том смысле, как они понимаются в древнегреческой традиции. Греки противопоставляли многообразию законов (полиномии) всех полисов некий единый порядок, который они называли природой (physis). В так понимаемую природу они ускользали, устав от шума и пестроты полисной жизни, и постепенно "природа" превратилась в мир неподвижных идей. Но это чисто пространственный тип единства, который, по мнению Розеншток-Хюсси, стал ныне господствующей парадигмой целостности, и именно он губит современное человечество. Тот тип целостности, который противоположен древнегреческой парадигме, – это темпоральное единство, т.е. именно "полнота времен". Такой тип целостности связывает "пережитое" с "событиями" и, следовательно, составляет основу подлинного историзма.

Суть этого типа целостности конкретизируется в третьей, заключительной части работы, которая называется "Институции: (Пережитое и события подкрепляют друг друга)". В ней изложена детальная концепция всемирной истории от появления первых родов до современности. Эта концепция явным образом противопоставляется секулярному, позитивистски-прогрессистскому историзму, остатки которого до сих пор сохраняют свое влияние в исторической науке. Центральное место в изложении отводится христианству и его определяющей роли в европейской культурной традиции. Христианство открыло, что выжить можно, только умирая, что жизнь вырастает из смерти и, таким образом, смерть способна приносить плод. В свете этой констатации рассматривается история церкви, приведшая к эпохе революций, которая, как считает Розеншток-Хюсси, при подходе к третьему тысячелетию завершается.

Заключительные страницы работы посвящены анализу конкретных способов обретения "полноты времен", т.е. формирования единого человеческого рода в рамках такой модели целостности, которая отлична от чисто пространственной, метафизической модели целостности как "единого, различенного в себе".

Условием этого является формирование человеческой общности, обладающей такой же интенсивностью жизни, как род, "территориальные царства", древнееврейская и древнегреческая культуры, но преодолевающей их локальность, т.е. обладающей универсальностью церкви. Называя себя не "чистым", а "темпоральным" мыслителем, Розеншток-Хюсси поставил в центр своих размышлений особую концепцию языка. Язык понимается им как надындивидуальная целостность типа "гештальта", как некий "эфир", в который погружены все люди. Язык считается носителем всех впечатлений, когда-либо бывших в пространстве и времени и тем самым именно он обеспечивает непрерывность совокупного человеческого опыта. На этой основе пересматривается традиционное понимание взаимоотношения языка и мышления и формулируются основы нового подхода, который называется по-разному – "речевое мышление", "грамматический метод", "метаномика". Именно язык является для Розеншток-Хюсси наиболее выразительным проявлением специфики человеческого существования. Говоря, человек занимает некоторый центр, из которого глаз может смотреть назад, вперед, внутрь и наружу, и эти направления образуют так называемый "крест действительности", создаваемый осями пространства и времени. Соответственно грамматические формы описывают определенные способы согласования пространств и времен, а прорыв одного или нескольких фронтов "креста действительности" означает разрушение единого пространства-времени. Интерпретированная в новом ключе грамматика служит Розеншток-Хюсси методом, с помощью которого осмысляется текущий социальный процесс. При этом вся история предстает в качестве последовательности форм речи и, следовательно, способов организации пространственно-временного континуума культуры. Однако Розеншток-Хюсси считает, что в современных лингвистических и антропологических исследованиях подлинная функция языка остается скрытой. При анализе речи существенным считается лишь говорящий, тогда как слушающий исключается из рассмотрения. Тем самым утрачивается возможность понять речь как систему межчеловеческих отношений, а основой ее изучения становится следующая последовательность: мышление – речь (письмо) – слушание (чтение). Если же считать слушающего неотъемлемым элементом речевого акта, то должна быть принята следующая последовательность: речь (письмо) – слушание (чтение) – мышление.

Важное значение при этом играет понятие одухотворения, которое, равно как и понятие духа, Розеншток-Хюсси толкует как его способность к сплачиванию, объединению людей. Языки были, по Розеншток-Хюсси, орудием одухотворения, и они делают одухотворение бессмертным. Язык – это первоначально не орудие мышления и не средство передачи некоторого "сообщения" (такую функцию он приобретает позже), а средство разрушения биологической обособленности, превращения особи из экземпляра рода в родовое существо. Это означает, что язык не может возникнуть в повседневных ситуациях, а является продуктом одухотворяющего ритуала, для которого характерно экстатическое перенапряжение всех человеческих сил. Именно язык оказывается главнейшим средством создания длящихся условий совместного существования людей. Розеншток-Хюсси различает три уровня языка: звуки, издаваемые животными, формальный человеческий язык и неформальный человеческий язык. Звуки, издаваемые животными, представляют собой, по сути дела, сигналы, обозначающие нечто видимое. Специфика формального человеческого языка заключается в его принципиальной ориентации на невидимое и на использование имен. Он позволяет говорить о том, что было до рождения отдельного человека и что будет после его смерти. Главная задача языка – установление связи между поколениями, т.е. устранение разрывов внутри человеческого рода. Поэтому формальный язык – это язык имен, и он мог быть создан только серьезными мужами и старцами. Неформальный язык опирается на заменители имен (местоимения) и предполагает формальную строгость в качестве исходного пункта и предварительного условия самой возможности неформальности. Включение слушающего в речевой акт служит у Розеншток-Хюсси основой понимания того, как слово становится плотью. Согласно его концепции, имена уже изначально были социальными императивами, а исторически первым падежом является отнюдь не именительный, а звательный. Человек, воспринимающий императив, делающий его "своим", выполняющий его, и делает слово плотью.

Концепция языка служит у Розеншток-Хюсси основой оригинального истолкования исторического процесса. Язык, согласно Розеншток-Хюсси, обеспечивает определенную, общую для всех говорящих и слушающих организацию пространства и времени. В самом деле, человеческая история протекает отнюдь не в физическом пространстве-времени. Каждая культура с помощью особой разметки создает свое пространство и свое время, которые являются искусственными и одинаковыми для всех членов данной общности. Все дохристианские культуры, согласно Розеншток-Хюсси, возникают из диалогической ситуации в качестве данного раз и навсегда ответа на вызовы надындивидуальных принуждающих сил (здесь налицо некоторое сходство с концепцией Тойнби). При этом особое значение Розеншток-Хюсси придает смерти, понимаемой предельно широко. Более того, он утверждает, что человеческая история начинается со смерти и погребения. Любая человеческая общность находится не только в пространстве, но и во времени, и одной из главнейших ее задач является сохранение самотождественности. Если самотождественность в пространстве обеспечивается равенством самим себе членов общности и неизменностью пространственных связей между ними, то сохранение самотождественности во времени сталкивается с феноменом смерти. Смертность человека заставляет искать способ сохранения во времени если не субстанциальной, то хотя бы функциональной самотождественности общности. Поэтому каждый тип культуры создает, согласно Розеншток-Хюсси, особый "плот времени", на котором она, оставаясь равной самой себе, плывет в потоке истории. В силу сказанного ранее, все формы культуры оказываются различными типами одухотворения и соответственно различными типами речевой ориентации, описывающими "диспозиции" господства и подчинения. Если люди говорят друг с другом при помощи слов, то Бог говорит с людьми с помощью "гештальтов", некоторых целостных ситуаций, ставящих под вопрос само человеческое существование.

Поэтому каждая культура, по Розеншток-Хюсси, – это плод божественного императива, это услышанное, получившее ответ слово, ставшее плотью. В этом смысле она – творение Бога. Хотя количество вызовов и даваемых на них ответов в принципе бесконечно, все они укладываются в четыре формы – одновременно общественные и языковые. Первой формой культуры у Розеншток-Хюсси выступает род, организующий время таким образом, что его исходным моментом оказывается смерть культурного героя. Циклическое время

рода построено в соответствии с требованием, чтобы вся деятельность в настоящем была бы точным повторением заданных в прошлом архетипов: род "смотрит" в прошлое. Вторая форма культуры, "космическая империя" или "территориальное царство", представленная Древним Египтом, Древней Индией и т.п., синхронизирует совместную жизнедеятельность в условиях оседлости и на обширной территории, перенося неизменный ритм движения звезд на небосклоне на землю. В силу несопоставимости времени отдельной человеческой жизни и цикла обращения звезд свернутое в кольцо время "территориального царства" представляется застывшим на месте: эта форма культуры "смотрит" в настоящее. Древнееврейская культура (Израиль) направляет свои взоры в будущее. Создав субботу и ее ежегодный аналог, Иом Кипур в качестве точек абсолютного разрыва в круговороте времени, Израиль выходит из области биокосмических процессов в однократность и катастрофичность истории, тем самым размыкая время и делая его линейным. Три модуса времени – прошлое, настоящее и будущее – не исчерпывают совокупности форм дохристианской культуры. Четвертой формой является древнегреческая культура, "очаговая" территория которой (острова и полисы) привела к появлению особых механизмов осуществления культурной идентичности. Поэтому именно в Греции появляются театр в качестве механизма унификации локальных форм мифологии и философия в качестве технологии абстрактного (т.е. отвлеченного от места и времени, от говорящего и слушающего) мышления. Поэтому же в Греции школа становится продуктом досуга (как условия возможности абстрагироваться и абстрагировать) и ставится под покровительство муз, воспевающих события и своей, и других культур: школа превращается в обучение способам понимающего проникновения в чуждые культурные образования. Задача, которую решает древнегреческая культура, – самотождественность в условиях плюрализма, и потому она живет в "безвременье", отвлекаясь не только от пространства, но и от самого времени, ориентируясь на внепространственный, вечный и неизменный мир идей. Каждая из четырех форм культуры изобретает свой особый способ обращения со смертью. Но ни в одной из дохристианских культур она не становится источником жизни. Ответы, даваемые каждой дохритианской культурой, постепенно абсолютизируются в своей неизменности, изолируя культуры друг от друга и упрямо не признавая неизбежность собственной смерти. Христианство отрицает окончательность сформулированных различными культурами ответов, и Иисус Христос умирает для того, чтобы вместе с ним умерли те четыре типа ценностей, которые он собрал в своей душе. Таким образом, это не смерть за неизменные ценности, а смерть для старой жизни ради любви к новой, т.е. "исход" из старого мира. При этом весьма существенна связь Иисуса Христа с революцией, совершенной иудаизмом. В самом деле, уже Авраам отменяет божественность отца для сына, характерную для рода. Бог – это Бог Авраама, Исаака и Иакова, и перед лицом всеобщего отцовства сын приобретает независимость от своего отца, от того уже окаменевшего ответа, который был дан отцами и стал основой соответствующей культуры. Сын получает право дать собственный ответ. Поэтому быть сыном еврейского народа означает право давать ответы, отличные от ответов отцов. Неизменность иудейского закона парадоксальным образом состоит в требовании изменчивости. Но и этот закон, согласно Розенштоку-Хюсси, способен окаменеть, т.е. подойти к своей смерти. Тогда человек будет чувствовать себя только сыном Авраама – но не более того. Иисус Христос действует и как сын Авраама, и как человек, ответ которого состоит в требовании подчиняться Богу больше, чем Аврааму и другим "отцам". Тем самым он становится Сыном Божиим. Он уничтожает расхождения между отцами и сыновьями, неизбежные, если сыновья получают право давать свои ответы. Для этого люди, следуя Христу, должны отказаться от своей "локальной" родословной и включить себя в состав родового древа человеческого рода, стать сыновьями Адама и, тем самым, сыновьями Бога (отсюда две родословные Христа у евангелистов Матфея и Луки: у первого он назван Сыном Давидовым и Сыном Авраамовым, а у второго – Сыном Адамовым, Божиим). Это – тайна смерти Иисуса Христа, поскольку он проживает до конца все четыре формы культуры и прежде всего ту, из которой сам происходит. Он отваживается умереть как иудей в тот момент, когда четыре формы культуры должны были раскрыться навстречу друг другу (по Розенштоку-Хюсси, в разрыве с локальными рамками иудаизма – главный смысл догмата о непорочном зачатии, блестящей речевой формулы, созданной апостолами). Тем самым была разрушена герметичность дохристианских культур. Для этого Иисус Христос отказался от форм жизни и форм языка, которые сделали бы его "великим" или "значительным". Самой своей жизнью, состоявшей из постоянного умирания, и своей крестной смертью Иисус Христос показал, что не может быть никаких ответов, данных раз и навсегда. Поэтому, считает Розеншток-Хюсси, евангелия – это не биографии, а танатографии, и христианская культура стоит не на жизни, а на смерти Иисуса Христа. Своей смертью он попрал смерть дохристианских культур: от смерти нельзя убежать, ее можно только впустить в саму жизнь и уже там преодолеть. Следовательно, Иисус Христос и его апостолы понимаются Розенштоком-Хюсси как люди, пришедшие вовремя, и только на этой основе могла возникнуть церковь как ek-klesia, т.е. группа людей, "вы-званных" из своих социальных ячеек, из своих прежних дохристианских форм жизни. "Кеносис" Бога состоит в том, что Иисус Христос как Слово Божие начинает следовать за человеческими ответами, возникшими из самого этого Слова. Но тем самым все человеческие ответы делаются относительными: они могут воскреснуть, только умерев вместе с Христом. Культура должна измениться, т.е. позволить какой-то своей части умереть для того, чтобы ее не настигла окончательная и полная смерть.

Иисус Христос, подчеркивает Розеншток-Хюсси, зримым образом пережил все ложные вечности, зримым образом продемонстрировал умение предвосхищать свой неизбежный конец, а потому – необходимость своевременно погребать все мертвое в себе. Языческие культуры умирают вместе со своими святынями, если считают их бессмертными. Напротив, христианская культура позволяет части своих ценностей, идеалов, идей, обычаев и т.д. умирать и тем самым ускользает от полной и окончательной смерти. Только христианство, "проявив" смертность языческого мира, разрушает исключительность связи человека с "его" миром и открывает путь к единству культур. Однако Иисус Христос является, согласно Розенштоку-Хюсси, не началом, не концом, а самим средоточием истории. Христианское летоисчисление основывается на той посылке, что некоторый момент времени должен осознаваться в качестве элемента единого времени и что с приходом Иисуса Христа все времена "заговорили", образуя всемирную

историю. Это и означает разрушение герметичности дохристианских культур, поскольку каждая форма культуры, как мы видели, основана на определенной организации времени и, соответственно, на определенной речевой ориентации. Именно поэтому, следуя новозаветной характеристике (1 Тим. 1:17), Розеншток-Хюсси называет Иисуса Христа "царем веков": он собирает все "веки" (эоны), и все они узнают себя в нем. Поэтому и этика не может быть независимой от времени (но не в смысле эмпирической относительности этических норм). Этика может опираться только на религиозный опыт, который понимается прежде всего как способность воспринимать новое и принимать его уникальность. Поэтому смысловым центром религиозного опыта и религии как таковой для Розеншток-Хюсси оказывается изменение, в качестве предельного состояния которого выступает смерть. Именно соотнесение норм поведения с Богом препятствует релятивизации оснований нравственной деятельности. Будучи темпоральными, эти основания исходят только от Бога, который, однако, открывает себя в истории и требует от человека изменения: живой Бог – это сила, заставляющая изменяться. Однако к изменению можно относиться трояко. Во-первых, его можно отрицать, соотнося душу человека с неизменным миром идей, и это – путь философии, а также идеалистической этики. Во-вторых, можно принять изменение и пассивно претерпеть его; это – путь всех разновидностей фатализма, а также теистических религий за исключением христианства. И, наконец, в-третьих, можно добровольно принять участие в собственном изменении и потому самому частично стать Богом; это – путь христианства, начавшего обожение человека через Богочеловека, Сына Божия. Он проложил человечеству путь, добровольно принеся себя в жертву, которая, таким образом, становится искупительной. Тайна Сына заключается в принятии на себя ответственности Отца, и только такое принятие на себя полноты божественной ответственности делает его Богочеловеком. Таким образом, вся история в концепции Розеншток-Хюсси предстает в качестве истории спасения, и ее цель открывается как творение единого человеческого рода. Революции в этом контексте становятся неизбежными и кардинальными изменениями, формирующими новый человеческий тип. Однако в настоящее время, считает Розеншток-Хюсси, эпоха революций завершается. В этом смысле революции – независимо от их моральных оценок – это продолжение творения. Они являются продуктом христианской культуры, несмотря на провалы и откаты назад неизменно продвигающейся к единству. Но возможны и выпадения из христианского летоисчисления: таковым для Розеншток-Хюсси был нацизм и таковым, несомненно, был сталинизм. Иными словами, рецидивы неоязычества не исключены, и христианская культура, как и любая другая, требует постоянно воспроизводящихся человеческих усилий. В настоящее время, считает Розеншток-Хюсси, мы переходим в постхристианскую эпоху, поскольку уже почти нет людей, которые никогда не слышали о Кресте. Постхристианский образ жизни состоит в том, чтобы, живя в соответствии с полнотой собственной истины, быть в состоянии признать истины других людей и даже жить в соответствии с ними. Розеншток-Хюсси выражает это в формуле: "Respondeo etsi mutabor" ("Отвечаю, хотя и должен буду измениться"), которая приходит на смену декартовскому принципу: "Cogito ergo sum" ("Мыслю, следовательно существую") и девизу Ансельма Кентерберийского: "Credo ut intellegam" ("Верую, чтобы понимать").

А.И. Пигалев

СОЦИОЛОГИЯ БЕДНОСТИ – специальная социологическая теория (см.), содержание которой составляют понятия и категории, определяющие бедность (см.) как социальное явление и социальный процесс и раскрывающие совокупность факторов, влияющих на этот процесс. *Объект* С.Б. – бедность как феномен в контексте условий, способствующих его развитию. *Предмет* С.Б. – процессы материальной и духовной деградации индивидов и социальных групп, а также – сужения их перспектив, связанные с развитием бедности.

С.Б. рассматривает бедность не только как экономическое и социокультурное состояние людей, имеющих минимальное количество ликвидных ценностей и ограниченный доступ к социальным благам. С.Б. рассматривает бедность как особый образ и стиль жизни, передающиеся из поколения в поколение, нормы поведения, стереотипы восприятия и психологии. Если неравенство характеризует общество в целом, то бедность касается только части населения. В зависимости от того, насколько высок уровень экономического развития страны (принадлежит ли она к странам с высоким, средним и низким доходом), бедность охватывает большую или меньшую часть населения. Например, в 1996 в США к бедным относили 14% населения, в России – 55%, в Беларуси – 65%.

Масштабом бедности называют долю населения страны (в процентах), проживающего на или под официальной чертой бедности. В Беларуси под официальной чертой бедности, составляющей 60% минимального потребительского бюджета, находилось в 1996 65% всего населения. Состояние бедности при исследовании принято подразделять на абсолютную и относительную. Бедность, определяемая в абсолютном выражении (см. **Бедность абсолютная**), связывается с состоянием, в котором индивиду недостаточно ресурсов, необходимых для существования. Дефиниции относительной бедности (см. **Бедность относительная**), часто предпочитаемые социологами (особенно при изучении бедности в развитых промышленных обществах), связываются с состоянием, когда их жизненные стандарты ниже стандартов референтных групп. Так как относительная бедность есть вопрос дифференциации различий в уровнях материальных ресурсов, порожденных несправедливостью распределения благ в обществе, то измерения относительной бедности не менее объективны, нежели измерения абсолютной бедности. Бедные не являются экономически самостоятельной категорией, так как неспособны обеспечивать материальное благополучие семьи, не прибегая к помощи государства (дотациям, пособиям, разовым выплатам). Хотя они теряют экономический суверенитет, но не лишаются конституционных прав и социальных привилегий, существующих в обществе. Правда, реализовать свои права в обществе в полном объеме они не могут. Полноценная, социально насыщенная жизнь существует как бы не для них. Изучение бедности занимает центральное место в любом исследовании социального неравенства, включая анализ тех, кто беден, и причин этого. Бедность, считаясь показателем классовых и гендерных отношений, в индустриальном обществе также рассматривается в качестве индикатора неравных экономических отношений между государствами: бедность стран "третьего мира" напрямую связывается с накоплением богатства в развитых странах.

А.Б. Александрова

СОЦИОЛОГИЯ В БЕЛАРУСИ (1920 – 1930). Одной из форм существования социологии в Беларуси в этот период стало создание самостоятельных научных центров, в рамках которых отводилось определенное место и социологическим подразделениям. Так, во вновь созданном Белорусском государственном университете (1921) сразу же была открыта кафедра с четкой социологической ориентацией – кафедра социологии и первобытной культуры. В преподавании социологических дисциплин активно участвовали профессора В.И. Пичета, С.З. Каценбоген, В.Н. Ивановский, С.М. Василейский и др. Для студентов факультета общественных наук читались курсы лекций по социологическим проблемам экономики и труда, государства и права, семьи и брака, истории и теории культуры. Уже в 1923 был опубликован первый в республике курс по социологии (Труды БГУ. Мн., 1923, № 4-5).

Масштабы исследовательской работы значительно расширились после создания в январе 1922 Института белорусской культуры, преобразованного в 1929 в Академию наук БССР. Уже в первые годы деятельности Инбелкульта были организованы систематические исследования в области социально-экономических и социально-культурных проблем развития белорусской нации (Е.Ф. Карский, С.М. Некрашевич), динамики ее социальной структуры (В.И. Игнатовский, М.В. Довнар-Запольский), социологии семьи, религии (С.Я. Вольфсон, Б.Э. Быховский), образования и воспитания (С.М. Василейский, А.А. Гайваронский, С.М. Ривес). Целый ряд работ по социологии, опубликованных в 1920-е, получил широкую известность как в республике, так и за ее пределами (Вольфсон С.Я. "Социология брака и семьи". Мн., 1929; Он же. "Современная религиозность". Мн., 1919; Каценбоген С. З. "Марксизм и социология". Саратов, 1926; Ивановский В.Н. "Методологические введения в науку и философию". Мн., 1923; Ривес С.М. "Религиозность и антирелигиозность в детской среде". Мн., 1930; Василейский С.М. и др. "Из теории и практики профориентации и профконсультации". Мн., 1929; Касперович М.И. "Краязнаўства". Мн., 1929 и др.).

В историко-социологическом плане значительный интерес представлял опыт развития социографии и разработки методов эмпирических исследований. В частности, в 1927 в Минске вышла первая в марксистской литературе и единственная в довоенный период монография С.М. Василейского "Введение в теорию и технику психологических, педагогических и психотехнических исследований", посвященная систематическому анализу методов сбора и обработки эмпирической социальной информации. Предпринятая автором попытка модификации процесса социального исследования отражала растущую потребность в методическом обеспечении многочисленных социальных обследований, проводившихся в Беларуси в 1920-е – начале 1930-х. В этот период Центральное Бюро краеведения Инбелкульта публиковало многочисленные программы, на основе которых составлялись стандартные монографические описания в стиле популярной в конце 19 в. "социальной гигиены". Многие из таких описаний отличались достаточно высоким методическим уровнем и воспроизводили широкую панораму общественной жизни и быта сельских и местечковых поселений республики. В настоящее время они представляют ценный источник исторической информации.

В 1927 в Минске вышла в свет коллективная монография "Рабочая молодежь Белоруссии. Численность, состав, быт, условия труда и физическое состояние", подготовленная Б.Я. Смулевичем и другими преподавателями кафедры социальной гигиены. В работе обобщались материалы крупномасштабного обследования влияния социально-экономических условий труда и быта на физическое развитие молодежи. В 1927 под руководством С.М. Василейского было проведено выборочное исследование ценностных ориентаций и уровня культурного развития социальных групп молодежи Беларуси. С помощью анкет и тестов было обследовано более четырех тысяч респондентов. В том же году под руководством П.Я. Панкевича проводилось выборочное исследование образа жизни, состояния нравственного сознания, быта студенческой молодежи. Анкетным опросом было охвачено более 1600 студентов (Асвета. 1928. № 4). В 1920-е активно разрабатывались проблемы профориентации и профотбора, изучались мотивы выбора профессий, жизненные планы молодежи, престиж профессий (Василейский С.М.).

В 1920-е многочисленные исследования были проведены по проблеме быта и духовных ценностей крестьянства. Центральное бюро краеведения при АН БССР разработало специальную методическую справку по изучению белорусского крестьянства. На ее основе специальная комиссия АН БССР обследовала порядка 50 колхозов.

В конце 1920-х – начале 1930-х был проведен ряд крупных выборочных опросов, посвященных изучению религиозности и антирелигиозных установок населения. (Вольфсон С.Я. Современная религиозность. Мн., 1930).

Эмпирические социальные исследования 1920 – 1930-х в большинстве своем имели прикладной характер и были мало связаны с теоретическими концепциями. Обычно они проводились по описательному плану, без предварительной формулировки гипотез. В этих исследованиях применялись наиболее элементарные уровни измерения социальных признаков. Социологические анкеты включали, главным образом, открытые вопросы, что определяло низкий уровень стандартизации процедуры сбора информации. Вместе с тем несомненен и значительный успех белорусской социологической мысли, попытавшейся в новых исторических условиях осмыслить дух революционного преобразования общества, его положительные и отрицательные моменты. Последнее, видимо, не устраивало официальную власть, которая стала с подозрением смотреть на научные разработки в области истории, социологии, статистики и др.

К середине 1930-х, по мере экспансии коммунистической диктатуры, социологические исследования как в СССР в целом, так и в Беларуси стали постепенно свертываться. Режим не желал, чтобы социологи демонстрировали реальные причины снижения прироста населения (массовые расстрелы и гибель людей в лагерях), значительные проблемы в промышленности и сельском хозяйстве, чтобы социологи регистрировали и иные патологии в социальной жизни.

С середины 1930-х и до середины 1960-х собственно социологическая мысль в Беларуси и СССР практически полностью отсутствовала.

Г.П. Давидюк

СОЦИОЛОГИЯ ВОЗРАСТА – специальная социологическая теория (**см.**), изучающая возрастную структуру обще-

ства и отдельных социальных групп и закономерности ее развития, социальные аспекты возрастных характеристик индивидов и социальных групп (молодежи, лиц пожилого возраста и т.д.). Возраст предопределяет стадии активного включения индивидов (социальных групп) в социальные отношения в соответствии с их социально-трудовыми установками, ценностными ориентациями и усвоением ими социальных ролей.

Объектом С.В. выступают различные возрастные группы, а *предметом* социологических исследований – социальное поведение (**см.**), специфическое для каждой возрастной группы, предопределяемое, с одной стороны, – социальной средой и положением в ней той или иной возрастной группы, а с другой – потребностями, социально-трудовыми установками и ценностными ориентациями членов определенных возрастных групп. Выявлено, что возрастной признак причинно связан с рядом психосоциальных свойств индивида, оказывающих влияние на чувствования и верования, желания и стремления, идеи и интересы индивида, а через них – и на все его поведение, а через поведение – и на всю социальную жизнь. Но является ли возрастной признак "магнитным полюсом", заставляющим сцепляться друг с другом одновозрастных лиц в солидарное целое и быть чуждыми лицам иного возраста? Служит ли возраст "вехой", указывающей на новую линию расслоения населения в возрастные реальные группы, не совпадающими друг с другом? Ряд соображений указывает на положительное решение этих вопросов. Если у каждого возраста есть свои интересы, отличные и часто противоположные интересам других возрастов, то тем самым сходство возраста может и должно служить основой для возрастной когорты и для антагонизмов различных возрастных когорт. Если, далее, различие возраста вызывает различие поведения одного и того же человека в разные возрастные периоды, делает лиц определенного возраста более приспособленными для одних функций, а лиц другого возраста – для других, то, очевидно, биологический признак возраста может служить основой для наслоения ряда психосоциальных различий между разновозрастными группами. Иными словами, с возрастом может аккумулироваться и ряд других различий: профессиональных, объемно-правовых, имущественных и др.

Принадлежность к определенной возрастной когорте служит одной из существенных координат, определяющих положение индивида в среде населения, его социальную физиономию, его социальный вес и поведение. Возраст, как и все биологические условия, влияет на поведение человека "изнутри"; императивы поведения возрастной группы носят, главным образом, инстинктивный характер. Иногда организованная возрастная группа действует на своих членов извне, давая им те или иные директивы поведения. По своему характеру возрастная группировка принадлежит к числу закрытых. Более того, возрастная группа дает себя знать и в процессах, не имеющих с первого взгляда прямого отношения к возрастным антагонизмам. Более внимательное изучение ряда революций и реформаций показывает, что в сложном комплексе острой борьбы различных социальных групп, которую представляют собой эпохи трансформаций, если не прямо, то косвенно проявляется и возрастное расслоение.

В общем и целом, эпохи революций – это эпохи доминирования более молодых возрастных групп; они являются главными деятелями и сторонниками радикальных реформ, из них вербуются сторонники нового порядка, из их же рядов выходят и лидеры движений. В эпохи консервативные, спокойные и реакционные дело обстоит наоборот: лидерами, правителями и властителями в такие эпохи обычно являются люди почтенного возраста. Особые проблемы социального плана связаны с социально слабозащищенными лицами, еще не достигшими трудоспособного возраста или вышедшими за его пределы.

Мировое сообщество исходит из того, что молодежь представляет собой наиболее важный ресурс для будущего и более широкие вложения в нее со стороны родителей и общества имеют ключевое значение для обеспечения устойчивого экономического роста и развития государства. Вместе с тем в настоящее время многие страны пересматривают свою политику в свете того принципа, что пожилые люди представляют собой ценный и важный компонент людских ресурсов в обществе. Кроме того, они стремятся выяснить, как наилучшим образом оказывать помощь пожилым людям, испытывающим потребности в долгосрочной поддержке. Мировое сообщество исходит из того, что лица с инвалидностью, представляющие собой значительную часть населения, должны иметь равные с остальными возможности и признание ценности их способностей в процессе социально-экономического развития.

Данные ориентации мирового сообщества и их преломление в Национальной программе Республики Беларусь составили основу концепции устойчивого развития государства. Социальная политика государственного и регионального масштаба нацелена на решение ряда проблем. С одной стороны, молодежь до 18 лет представляет собой важный ресурс будущего, а с другой – ее возможности на рынке труда ограничены профессиями сферы индивидуальных услуг и неквалифицированного труда. Исходя из этого, темпы и масштабы всех форм профессионализации молодежи должны быть увеличены. Поведение на рынке труда лиц предпенсионного возраста имеет свои проблемы: с одной стороны, оно определяется возрастом (50 лет и старше), а с другой – высоким интеллектуальным потенциалом (1/2 – с высшим и незаконченным высшим образованием). Для данной возрастной категории характерен процесс депрофессионализации – вынужденного снижения людьми профессионального и, как следствие, социального статуса ради простого выживания. Исходя из принципа, что пожилые люди представляют собой ценный и важный компонент интеллектуальных ресурсов общества, следует изыскать возможность уменьшения темпов и масштабов их депрофессионализации, а также социальные гарантии их благосостояния. Гибкая социальная политика на уровне государства и региона должны стать одним из основных инструментов работы с феноменом возрастных групп на рынке труда и за пределами рынка труда в рамках С.В.

Г.Н. Соколова

СОЦИОЛОГИЯ ГЕНДЕРНАЯ – (1) специальная социологическая теория (**см.**), изучающая закономерности дифференциации мужских и женских социальных ролей, разделения труда по признаку пола, культурные символы и социально-психологические стереотипы мужественности и женственности, их влияние на разные стороны общественной жизни. Объектом исследования С.Г. являются исторически сложившиеся неравноправные взаимоотношения мужчин и женщин и соответствующий им патриархальный образ социальной

реальности (**см.**). Предметом исследования С.Г. является гендерное неравенство и социальная несправедливость в отношении женщин, которые наиболее полно проявляются в социальной стратификации (**см.**) по признаку пола на микро-мезо- и макроуровнях. Как специальная теория, С.Г. является частью социологического знания в рамках любой из существующих парадигм (функционалистской, марксистской, субъективистской), с разной степенью радикализма решая проблемы женщин.

(2) Новая социологическая парадигма, признающая необходимость кардинального пересмотра всего социологического знания под углом зрения признания исторически сложившегося взаимоотношения полов несправедливым и включения уникального научного и повседневного опыта женщин в социологическое знание. В этом статусе С.Г. рассматривается как рядоположенная с другими парадигмами и ставит своей целью не только понимание и объяснение мира, но и его изменение. Теоретико-методологической основой такого подхода выступает феминизм. Как утверждает радикальная канадская феминистка Дороти Смит, официальная традиционная социология сделала своим объектом знание об обществе, характерное для доминирующей в обществе группы мужчин, поэтому под видом научной объективности эта социология отражает опыт, перспективу и интересы мужчин. Подчиненные группы общества, включая женщин, не могут в этих условиях выразить себя и нуждаются в новых формах знаний об обществе и социальных отношениях вообще. Это знание еще находится в стадии построения, разработки основных теорий и проблем.

В рамках С.Г. существует множество различных теоретических и эмпирических подходов, однако их объединяет признание того, что пол и властные отношения между мужчинами и женщинами считаются одним из решающих или даже решающим организационным принципом общества. Отсюда следует тезис о необходимости переосмысления под углом зрения гендера всех традиционных проблем социологии (социальной стратификации, разделения труда, проблем власти и собственности, социализации личности) и дополнения социологического знания новыми проблемными узлами (т.е. теми проблемами, которые прежде всего релевантны с точки зрения женщин).

Таким образом, в зависимости от того, насколько радикально подходят представители С.Г. к переосмыслению взаимоотношений полов, можно говорить о С.Г. либо как особой, новой специальной теории в сложившейся структуре социологического знания, предметом исследования которой избраны социальные особенности полов и основанные на половом признаке социальные роли (**см.**), социальные стереотипы поведения (**см.**), социальное неравенство в целом, либо как о новой парадигме построения социологического знания, требующей полного отказа от "старых" социологических интерпретаций общества и от "устаревшей", "нерелевантной" социологической науки, под видом объективности и нейтральности протаскивающей и закрепляющей идеи полового неравенства и сексистской культуры.

Большой вклад в развитие С.Г. внесли работы М. Мид (**см.**), Д. Бернард, Б. Фридан, С. де Бовуар, К. Миллет и др. В советской социологии женские проблемы первоначально разрабатывались в рамках социологий семьи, труда, воспитания, однако гендерное звучание они получили относительно недавно. Только после 1991 возникли и первые гендерные исследовательские центры в России, на Украине, в Беларуси.

Несмотря на разнообразие теоретических и эмпирических подходов в рамках С.Г., их объединяет признание того, что пол и властные отношения между мужчинами и женщинами считаются одним из решающих или даже решающим организационным принципом общества. Новаторство гендерного подхода в рассмотрении неравенства полов состоит в попытках придать этому неравенству социальное, социально-экономическое или социально-культурное объяснение, а также показать, что оно исторически сложилось в "патриархальном" обществе и закрепилось в "патриархальных" образах общества и науки. Гендерный подход, во-первых, делает акцент на самоценности личности женщины, признает неотъемлемым ее право на развитие, творчество, на свободу в проявлении себя. Во-вторых, представители гендерного подхода едины в критике традиционной патриархальной культуры, основанной на принципах господства мужчины над женщиной, на отождествлении человека и "подлинно человеческих" качеств с мужчиной и мужскими качествами.

К основополагающим понятиям С.Г. относятся: гендер, патриархат, матриархат, сексизм, феминизм. На базе понятий патриархат и капитализм строятся теория двух систем и теория однородности. Эти теории были созданы в полемике друг против друга представителями разных направлений С.Г. С точки зрения первой, утверждается, что любое общество построено вокруг двух систем эксплуатации, структурно независимых друг от друга: патриархата, позволяющего эксплуатировать женщин, и капитализма, позволяющего эксплуатировать рабочую силу. Система полов и экономическая система существуют вместе, их разделяют только в целях анализа. Так, якобы развитие семейной оплаты труда в конце 19 в. служило интересам не только работодателей, но и мужчин-рабочих, равно заинтересованных в том, чтобы держать женщин в экономической зависимости от дохода мужа и заставить их заниматься домохозяйством, воспроизводством и воспитанием новой рабочей силы. Патриархат здесь предстает системой, являющейся частью семейной структуры, а капитализм – как нечто за пределами семейной сферы. Напротив, с точки зрения сторонников теории однородности, капитализм сам является тесно связанной с полом системой (т.е. что капитализм не нейтрален в отношении пола, что ядро капитализма – именно эксплуатация женщин). Поскольку патриархат и капитализм проявляются в одной и той же социально-экономической структуре, логично говорить об одной системе, материальной базой которой выступает не разделение на классы, а разделение труда по признаку пола. Большинство авторов обеих теорий признает половое разделение труда причиной эксплуатации женщин.

В настоящее время проблематика, разрабатываемая в С.Г., включает выделение пола как важной дифференцирующей переменной в анализе разделения труда, социальной структуры, образа жизни, поведения в семье и в сфере профессиональной деятельности. Относительно новым является анализ сексуального насилия над женщинами в семье и сексуальных домогательств на службе, изучение неоплачиваемого домашнего труда женщин в качестве важного дополнения к труду вне дома, создающему прибавочную стоимость, сравнительный анализ отцовства – материнства (включая совмещение этих ролей). В ряде стран со смешанным этническим

составом исследуются расовые и этнокультурные аспекты тендерных проблем. Широко распространены исследования социального положения женщин, выполненные на стыке социологии с другими дисциплинами.

Эмпирические исследования по гендерной проблематике имеют большое практическое значение и существенно дополняют имеющиеся знания по многим аспектам социальной жизни. С.Г. действительно заполняет существенный пробел, ибо сегодня социология, как отмечает Э. Гидденс (см.), нуждается как в новом теоретическом подходе, так и в эмпирических исследованиях для изучения этого вопроса.

Выбор методов исследования – также важная проблема современной С.Г. Наряду с оправдавшими себя на Западе относительно новыми качественными методами (например, метод устной истории Д. Берто) в отечественной С.Г. широко применяются и традиционные методы опроса, изучения документов, привлекается социальная статистика.

Теоретико-методологические основы проводимых гендерных исследований с необходимостью должны принимать во внимание особенности исторического развития страны, ее социально-экономический уровень развития и специфику культуры. Некоторые положения и результаты, равно как и методы западной С.Г., не применимы в условиях развивающихся стран Азии, Африки или постсоветских стран Восточной Европы.

Л.Г. Титаренко

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА – специальная социологическая теория (см.), *объектом* познания которой является город (см.) как социально-пространственная общность, исторически конкретная поселенческая структура, основная форма расселения людей; а *предметом* изучения – механизм городского устройства как способ взаимосвязи и взаимодействия подсистем и их свойств, которые составляют структуру социально-пространственной системы города. Это: производственная инфраструктура города, города социальная инфраструктура (см.), городской образ жизни (см.), городская культура, городского населения социальный состав, городского населения социальная стратификация, города социальная морфология. Специфика взаимодействия названных подсистем выступает фактором, определяющим состояние экологии города (см.).

Город – доминирующая в настоящее время социально-пространственная форма существования общества, которая отличается высокой степенью организации среды жизнедеятельности, большим разнообразием форм и видов деятельности населения, динамизмом социального развития, архитектурным разнообразием, значительной автономностью и относительно законченной социальной структурой, почти адекватной структуре общества (государства).

Возникновение С.Г. на Западе связано в первую очередь с работами М. Вебера (см.), Г. Зиммеля (см.), О. Шпенглера (см.). В своей книге "Город" (1905) Вебер дал характеристику города как социального института. Становление С.Г. в США в середине 1920-х традиционно связывается с именами социологов – представителей Чикагской школы – Р. Парка (см.), Э. Бёрджесса (см.), Л. Вирта, которые в этот период выпустили свою программную книгу "Город", где описали механизмы пространственной организации города. Существенный вклад в развитие отечественной С.Г. внесли Н.А. Аитов, Э.К. Васильева, Г.М. Лаппо, М.Н. Межевич, Э.А. Орлова, И.Ю. Родзинская, В.О. Рукавишников, О.И. Шкаратан, О.Н. Яницкий, З.А. Янкова и др.

В круг проблем, изучаемых С.Г., традиционно входят: определение места и роли города в обществе; выявление факторов появления и развития городов; изучение подсистем механизма городского устройства и взаимосвязей между ними; определение социальных факторов и следствий миграции городского населения; построение типологии городов; поиск путей и методов научно обоснованного управления развитием городов. Среди проблем, стоящих перед С.Г. в настоящее время, наиболее актуальна проблема городской экологии. Бурно разворачивающийся процесс урбанизации (см.) породил острое противоречие между стремительным ростом городов, потребляющих ресурсы из окружающей среды, и возможностями природной среды восполнять эти ресурсы. Не менее острой проблемой является проблема социальной экологии города. Тотальное распространение городского образа жизни на все общество, помимо связанных с этим процессом позитивных моментов, зачастую опережает психологическую готовность людей к непосредственному погружению в далеко еще не совершенное, бесконечно разнообразное и поразительно "плотное" городское культурное пространство. Следствием этого является высокий уровень подсознательной (а иногда и сознательной) агрессии, различные виды деструктивного, девиантного поведения и т.д. Разрешение этих противоречий – одно из непременных условий дальнейшего развития общества. С.Г. относится к группе специальных социологических теорий – социология села (см.), социология малых групп (см.), социология молодежи (см.), социология народонаселения (см.), – которые исследуют соответствующие социально-территориальные общности.

Специфика подхода С.Г. к исследованию своего объекта заключается в том, что эта специальная социологическая теория описывает не отдельно взятые тенденции, наблюдаемые в сфере социально-пространственной общности города, и даже не просто взаимосвязи между ними, а нечто значительно более сложное: механизм городского устройства, который порождает и регулирует эти взаимосвязи. Такая трактовка предмета изучения С.Г. позволяет определить ее как объяснительную теорию, главная задача которой заключается в раскрытии сущности изучаемого объекта путем установления связей и отношений, определяющих его существенные черты. Данная задача решается посредством изучения закономерностей функционирования механизма городского устройства, фиксирующего эти связи и отношения. В философском смысле под механизмом городского устройства понимается самодостаточное средство воспроизводства и регулирования социально пространственной системы города. В социологическом – способ взаимосвязи подсистем, составляющих структуру этой системы.

Охарактеризуем основные черты механизма городского устройства. Основной функцией названного механизма является воспроизводство и регулирование городской системы как основной формы расселения людей, отвечающей современным потребностям развития общества. 1) В качестве субъектов механизма городского устройства, за счет активности которых этот механизм может функционировать, выступают различные социальные группы городского населения. 2) Рассматриваемый механизм базируется на совокупности социальных норм и культурных образцов, определяющих устой-

чивые формы социального поведения, воспроизводящие городской образ жизни. 3) В состав механизма городского устройства входят явления, относящиеся к общественному бытию и общественному сознанию. Первые составляют материально-предметную сторону городской системы, вторые включают как научное, так и обыденное сознание жителей города, выражающееся в их общественном мнении, социальных ожиданиях, установках и настроениях. В описываемом механизме содержатся как управляемые, так и слабо или совсем не управляемые элементы. К первым относятся, например, правовые элементы работы механизма, они изменяются сравнительно быстро под воздействием субъекта управления. Ко вторым – элементы, подверженные влиянию естественно-исторических процессов (например, демографических). Системный характер механизма городского устройства проявляется, во-первых, в наличии внешних функциональных связей города с обществом и, во-вторых, внутренних связей между элементами, образующими механизм. Раскрытие закономерностей функционирования описанного механизма – главная задача С.Г. Решение этой задачи обеспечивает в каждом конкретном случае научно обоснованное городское планирование социального развития и развития города в целом.

О.В. Кобяк

СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ – метатеоретическая область социологии, анализирующая с различных теоретико-методологических позиций проблематику: социальной природы знания (С.З. в узком смысле); мышления во всей качественной специфике его исторического становления (социология мышления); концептуализации когнитивных систем в конкретных социокультурных контекстах и сферах познавательной деятельности общества (социология познания); парадигматические, синтагматические и прагматические основания самой социологии и ее место и возможности (ограничения) в социогуманитарном знании (социология социологии).

Термин "С.З." введен М. Шелером (**см.**) в 1920-е. Генезис С.З. (в широком смысле) происходил одновременно с анализом внутри нее и параллельно с ней проблематики, которая конституировалась позднее в социологию науки. В настоящее время происходит аналогичное конституирование и отделение от С.З. теории (социологии) идеологии. Кроме того, идеи С.З. активно ассимилируются социологией образования и рядом направлений современной педагогики, кладутся в основу разработки конкретных образовательных, воспитательных, социализационных технологий. С.З. тесно переплетается с проблематикой, принципами и методологией такого направления социологического анализа, как культурсоциология (социология культуры). С.З. и культурсоциология во многом взаимно фундируют друг друга и в целом определяют лицо постнеклассической социологии (хотя и исходят из различных целевых установок). При этом культур-социология движется от переинтерпретации социального в терминах культуры к необходимости анализа ее когнитивного и знакового оформления, фиксации способов ее описания и самоописания, а С.З., идя от анализа систем знания, приходит к анализу конституирования реальности через объективирование знаковых систем в культуре, а через последнюю – также и в схемах, моделях, стратегиях, технологиях, организующих социальную жизнь. Интерпретируя сознание, познавательные и мыслительные стратегии и процессы, С.З. интерпретирует, по сути, феномены культуры. Не затрагивая (или почти не затрагивая) содержательные аспекты, она настаивает на социальной обусловленности и культурной организованности возникновения, функционирования, трансляции и изменения (развития) этих содержаний знания, познания и мышления. В постструктуралистских и постмодернистских социологических проектах, по сути, происходит синтез культурсоциологии и С.З. на основе введения представления о знаковой (текстовой) реальности как единственно подлинной или о социальной реальности как квазизнаковой. Во многом этот синтез можно рассматривать как экстраполяционное завершение тенденций, предзаданных в понимающей и продолженных в феноменологической социологии (**см.**).

С.З. является, таким образом, не столько особым направлением или совокупностью определенных социологических теорий, сколько особой метатеоретической областью, не укладывающейся в традиционную социологическую дисциплинарность. Более того, интенции к оформлению С.З. в особую исследовательскую стратегию шли не только из собственно социологии [Э. Дюркгейм (**см.**), М. Вебер (**см.**), П. Сорокин (**см.**), Р.К. Мертон (**см.**) и др.], но и из философии [философская антропология, прежде всего Шелер как один из основоположников собственно С.З.; неомарксизм (**см.**), начиная с Д. Лукача (**см.**); проект социологизации проблематики мышления К. Мегрелидзе (**см.**) и др.]. С.З. вписывается в общую теоретико-методологическую ориентацию на "преодоление" классической философской проблематики (а частично и тематики) и способов философствования, но отличается от предлагаемых внутри этой ориентации проектов именно привлечением внефилософских средств. Со своей стороны, в этой области анализа и социология не может обойтись только имманентно социологическими средствами.

Выход на метатеоретическую С.З. был в целом подготовлен ходом интеллектуального развития второй половины 19 – начала 20 в., кризисом классического европейского рационализма, исходившего в той или иной мере из модели "чистого сознания" и положившего в свою основу гносеологическую схему субъект-объектного отношения. Одна из первых попыток переосмысления классического наследия – позитивизм – связана в том числе и с конституированием социологии как самостоятельной дисциплины [О. Конт (**см.**), Г. Спенсер (**см.**), Дж.С. Милль и др.]. Оставаясь в целом в кругу традиционных методологических установок эмпирической ориентации в философии, позитивизм интересен в данном случае противопоставлением философского и позитивного знания, которое может быть получено лишь отдельными специальными науками, особая роль среди которых принадлежит социологии, а также лозунгом разрыва с "метафизической" (философской) традицией и собственной претензией на статус "философии науки". Однако роль первого позитивизма в становлении проблематики С.З. изначально невелика. Непосредственное влияние на круг идей уже конституировавшейся С.З. позднее оказал неопозитивизм (прежде всего через анализ знаково-символических средств научного мышления), а ряд положений постпозитивизма [Т.С. Кун (**см.**), И. Лакатос, П. Фейерабенд, С.Э. Тулмин] непосредственно может быть представлен в терминах С.З.

Прямое значение для становления идеи С.З. имело наследие неокантианства (особенно Баденской школы), переосмысленное в понимающей культурсоциологии М. Вебера

(см.). Неокантианство важно в данном случае своей концепцией особой природы и методологии социогуманитарного знания, выводящей на анализ принципов конструирования объектов когнитивных систем и их связанность с точками зрения (перспективами, видением) познающих субъектов. Традиция философии жизни, аранжированная Г. Зиммелем (см.) в его варианте понимающей и формальной социологии (формальная социология Зиммеля ретроспективно – уже исходя из ставшего круга идей С.З. – может быть представлена как первый проект концептуализации эпистомологических возможностей социологии), оказала прямое влияние на Шелера. Философия жизни показала через противопоставление "жизни" и "разума" ("жизни" и "культуры", плюралистических "форм видения" у Зиммеля) несводимость человека к познающему субъекту и вскрыла властные императивы, заключенные в системах знания, например, используемых для реализации "воли к власти" (Ф. Ницше). Кроме того, разрабатывая свое "искусство подозрения", Ницше дал образцы (с ретроспективной точки зрения С.З.) анализа таких феноменов, как обман, самообман, иллюзия и т.д. От В. Дильтея идет методология "понимающего" герменевтического анализа (переживания) событий через истолкование их внутренних значений и смыслов. Не менее важна для С.З. оказалась и дильтеевская концепция историцизма [в частности и для Шелера, и К. Манхейма (см.) – второго основоположника С.З.]. Согласно Дильтею, любая перспектива "жизненного опыта" относительна, а человеческое мышление неизбежно исторично.

Для утверждения исторической постановки вопроса о природе мышления, знания и познания много сделал и марксизм – как в лице самого К. Маркса (см.), так и в неомарксистских версиях Лукача и А. Грамши (см.) (взгляды последнего, правда, долгое время, до 1940-х, оставались малоизвестны и могут быть учтены только в ретроспективном взгляде на проблему). Общественное сознание и его формы рассматривались в марксизме как зависимые от структур общественного бытия и как выражающие реальную расстановку социальных сил в социуме, изменяющемся в исторической перспективе; в вульгаризированных социологизированных версиях они становились в прямую зависимость от экономических факторов и (или) непосредственных социальных (классовых) интересов. Учение о классовой природе сознания и его "продуктов" – систем знания – было развито (с привлечением иных, помимо марксизма, теоретико-методологических оснований) Лукачем, специально анализировавшим как природу антиномичности сознания, так и связанную с ней его фетишизацию. Переинтерпретация же марксовой концепции идеологии была осуществлена Грамши, также акцентировавшем внимание на автономности и определяющей роли духовных образований в жизни общества и (в связи с этим) анализировавшем роль интеллектуалов в социокультурной жизни. Анализ роли интеллектуалов есть фактически одна из получивших широкое хождение в 20 в. (и не только в рамках С.З.) версий идеи Маркса о субъекте развития в социокультурной жизни. (Впервые подобный подход – без его социологической предметизации – был артикулирован Г.В.Ф. Гегелем в негативной форме, т.е. как представление о субъекте, берущем на себя реализацию той или иной возможности развития.) Для самого Маркса в таком качестве выступал пролетариат (в дальнейшем на аналогичную роль "пробовались" в других концепциях также различного рода элиты, менеджеры, молодежь и т.д.).

Новая переинтерпретация этого круга идей Маркса, Лукача, Грамши и др. произошла в рамках "негативной диалектики" Франкфуртской школы (см.). Особо следует отметить значимую в данном контексте идею Маркса о "ложном сознании" (близкую идеям классовой природы сознания и учению об идеологии), которая была развита в С.З. прежде всего усилиями Манхейма, и его же концепт "превращенной формы". Анализ последнего (прежде всего в работах М. Мамардашвили) способствовал в СССР преодолению традиций философствования и социологизирования в рамках ортодоксального марксизма-ленинизма. Еще одной плодотворной для С.З. идеей Маркса и неомарксизма явилась идея практического использования знания как средства преобразования социального мира, породившая не только революционный активизм, но и различные варианты "философии практики", ставшие неотъемлемой частью интеллектуальной истории Западной Европы. Таким образом, воздействие марксизма на С.З. осуществлялось в основном в "снятом" виде: он включен в проблематику С.З. через влияние, оказанное на большинство конституировавших С.З. теорий, или специально реконструируется в С.З. в "аутентичном" прочтении.

Большое воздействие на формулировку ряда традиционных для С.З. тем и проблем оказала и критика марксизма, и историцизма в целом, данная в рассматриваемом ракурсе прежде всего К. Поппером (см.). Важную роль в становлении С.З. сыграли также фрейдизм и психоаналитическая традиция в целом, а также феноменология. Относительно первого подхода необходимо предварительно отметить, что это чуть ли не единственная до недавнего времени линия в психологическом анализе, ассимилированная (и то, по-преимуществу, в своих методологических основаниях и через заимствование ряда концептов: "бессознательное", "ментальность", "архетип" и т.д.) в С.З., принципиально противопоставляющей себя "психологизму" (в идущем еще от Дюркгейма смысле). Например, существенной для конституирования ряда идей С.З. оказалась критика принципов психофизического параллелизма и "экономии мышления" Э. Маха и его последователей в психологии. Примечательно и стремление к преодолению схемы бихевиоризма при трактовке социальных взаимодействий в символическом интеракционизме с привлечением идей, по сути соотносимых с С.З. (символическая природа социальной реальности, познание как созидание мира, принятие роли "обобщенного другого", а также идущая еще от Ч.Х. Кули (см.) и У.А. Томаса (см.) концепция определения ситуации самим деятелем и др.). Прежде всего из психоаналитической традиции в С.З. были ассимилированы идеи индивидуального и коллективного бессознательного, личностных и ментальных компонентов в любой знаниевой системе, иррационального "остатка", который не может быть полностью поглощен ни одной рационализированной (формализированной) теорией и т.д. В собственно С.З. идеи психоаналитической традиции, как и идеи марксизма, во многом пришли в препарированном в конкретных концепциях (Манхейм, постструктурализм и т.д.) виде.

Влияние же феноменологии на С.З. может быть прослежено и как опосредованное (через Шелера, например, или через постоянную актуализацию наследия Э. Гуссерля на разных этапах развития С.З.), и как непосредственное – через

феноменологическую социологию А. Шюца (см.) и во многом выросшие из нее этнометодологию Г. Гарфинкеля, "когнитивную социологию" А. Сикурела, не говоря уже о собственно феноменологической концепции С.З. у П.Л. Бергера (см.) и Т. Лукмана (см.). С.З. восприняла из феноменологии: установку на исследование становления объектности в ходе процессов типизации, происходящих в жизненном мире как предельном и "порождающем" основании; идею естественного отношения к миру и его преобразования в рефлексивных практиках; понимание жизненного мира как "горизонта" целей, проектов, интересов социальных субъектов (деятелей), трактовки его как целостной практики и акцентирования его смысловой природы и др. Феноменологическая С.З. (как проект уже собственно внутри С.З.) исходила из тезиса о тождественности процессов познания и процессов созидания мира, сформулировав свою задачу как выяснение того, как человек создает социальную реальность и как эта реальность создает человека. Тем самым речь идет о социальном конструировании реальности в ходе знаниевых практик, дающих уверенность в том, что феномены нашего мира являются реальными.

В результате интерес С.З. смещается с анализа многообразия существующих "знаний" к процессам, с помощью которых любая система "знания" становится социально признанной в качестве "реальности". Такая постановка вопроса принципиально снимает основную логическую оппозицию "истинность – ложность" и проблему аргументированности знания с помощью научных процедур, заменяя их анализом факторов, делающих ситуацию социального взаимодействия воспринимаемой участниками в качестве "объективной реальности". Показательна и постулируемая в феноменологической С.З. установка на "выведение" за ее границы эпистемологической проблематики (конституированной Шелером и Манхеймом) и оппонирование ее неопозитивистским "междисциплинарным" версиям с целью утвердить С.З. как собственно социологическую теорию. В этом стремлении еще дальше продвинулся опять же феноменологически ориентированный проект С.З., предложенный в рамках этнометодологии, которая разработала ряд методик для "провоцирования" мира повседневности с целью обнаружения "исходных" содержаний и форм обыденных идей и представлений, не схватываемых в "нормальном" течении жизни. Проблематизация (в "провокациях") жизненных ситуаций нарушает или (в пределе) разрушает логику повседневности, т.е. усвоенные типологические интерпретационные схемы, области "предельных значений", т.е. замкнутые на себя миры опыта, требуя интерпретации вторгающихся (через знаково-символические и прежде всего языковые структуры) новых смысловых содержаний внутри накопленного опыта. Примечательно, что дальнейшая проработка проектов феноменологической С.З. и этнометодологии привела к неожиданным по отношению к изначальной установке на формирование собственно социологической теории, но закономерным, с точки зрения исходных принципов С.З., результатам – через "прививку" ряда герменевтических и постструктуралистских идей произошло их синтезирование с культурсоциологией в единую область постнеклассических социологических анализов, а в критическом взаимодействии с постпозитивистскими концепциями – оформление социологии социологии как отдельной области С.З. Эти возможности были заложены уже в первых, сделанных в ключе собственно С.З., проектах Шелера и Манхейма (конец 1920-х – начало 1930-х).

С.З. встраивалась Шелером в общий контекст создания философской антропологии, выступая лишь инструментом, позволяющим преодолеть "историю идей" и вписать человеческое сознание и мышление в социокультурный контекст, в рамках которого они только и реализуются. Примечательно, что сам Шелер выступал против социологического редукционизма и строил свою С.З. как негативный метод [в этом отношении интересны параллели с М. Мерло-Понти или С.Л. Франком (см.), много сделавшими для становления современного социологического мышления, но выступивших с антисоциологических позиций]. В своем проекте С.З. Шелер исходил из идущего от Маркса соотношения "субструктуры" ("базиса", "социума") и "суперструктуры" ("надстройки", "культуры"), имеющих разную онтологическую природу ("реальные" и "идеальные" "факторы"), но берущихся с точки зрения их регулятивных возможностей. Соединение одних факторов с другими происходит в актах человеческих действий. При этом "реальные факторы" (социум) определяют (регулируют) возможность появления определенных "идеальных факторов" в истории, но не предопределяют их природу и содержание (что и делает их недоступными социологическому анализу, а следовательно делает невозможным и любой проект построения позитивной С.З.). Знание дано индивиду в силу его членства в обществе a priori, гарантируя ему смысловой порядок, кажущийся индивиду естественным способом видения мира. Отсюда тезис о том, что нет "Я" без "Мы" ("Мы" всегда раньше "Я"), и концепт "относительно-естественного мировоззрения" (включает в себя признаваемое социальной группой как данное, не требующее обоснования и не могущее быть ею обоснованным), с помощью которого происходит задание рамок для специально разрабатываемых форм знания, одновременно сосуществующих в культуре (прежде всего это религиозное, метафизическое и научное знания, хотя отдельно можно говорить и о мифологическом, мистическом, технологическом и других типах знания). Вырастающее из "относительно-естественного мировоззрения" многообразие когнитивных практик образует суперструктуру как предмет социологии культуры, в которой С.З. является лишь "негативной" ее частью, устанавливающей зависимость "духовных структур" от социальных факторов (последовательно меняющих друг друга в истории факторов родства, политики и экономики), а также фиксирующей возможности преодоления восприятия "Другого" как "чужого" и утверждения "понимающего взаимодействия".

В отличие от Шелера Манхейм изначально пытался строить С.З. как чисто социологический проект, позволяющий внутри себя позитивно рассмотреть практически любой аспект человеческого мышления, так как социокультурная детерминация знания распространяется им с процессов возникновения, актуализации и распространения идей и представлений на их содержание (за исключением, возможно, области естественнонаучного и математического знания). Более того, системы знания, оформляемые в идеологии, рассматриваются Манхеймом как инструменты коллективных действий, обеспечивающие реализацию тех или иных социальных интересов. Важную роль в истории С.З. сыграли его идеи об "экзистенциальной детерминации" знания, о "коллективном подсознательном" в основании знаниевых систем, о "реляцио-

низме" множественности "перспектив" видения реальности, о соотношении науки и идеологии, партикулярной и тотальной идеологий, идеологии и утопии, о роли интеллектуалов в синтезе "перспектив" видения. Однако и Манхейм при всем радикализме своей установки на создание строгой социологической теории заложил основы метатеоретических анализов в С.З. Исходя из идеи, согласно которой "социальная позиция не может быть описана в терминах, которые лишены социальных значений", он выдвинул проект создания всеобщей интеллектуальной истории, преодолевающий понимание последней как филиации идей с позиций перестроенной в свете С.З. эпистемологии. Он же попытался перестроить в свете С.З. и социологию образования (не случайно обратившись к педагогическим проблемам в период своей эмиграции в Великобритании). Он же, введя разделение тотальной идеологии на специальную (не способную критически отнестись к самой себе) и всеобщую, предложил трактовку последней как критического "осознания себя" определенной эпохой и культурой. Таким образом, и Манхейму не удалось освободиться от философской нагруженности своей версии С.З., хотя она и была наиболее продвинута именно как социологический проект (что, в частности, приводит иногда к апеллированию к нему, а не к Шелеру, как к основоположнику С.З.).

Показательно, что к близким итогам пришла и другая (достаточно автономная и самостоятельная по отношению к рассмотренным выше) линия развертывания С.З., исходившая из классических представлений о сути знания, предзаданных позитивизмом, и возникшая внутри собственно социологии, а не привносимая в нее извне. Речь идет об идеях позднего Дюркгейма, Сорокина, Т. Парсонса (см.), Мертона, Р. Старка и их последователей. (В смысле методологических приоритетов можно определить эту линию как традицию структурно-функционального анализа в социологии – в противоположность "понимающей ориентации".) С именем Дюркгейма в С.З. соотносят идею связи сознания в каждый исторический период с задающим структуру социальности и стратегии социального взаимодействия сложившимся разделением труда; идею производности категорий мышления (время, пространство, число, причина и т.д.) от непосредственных условий существования [развитую учениками и последователями Дюркгейма – М. Моссом (см.), Л. Леви-Брюлем (см.), М. Хальбваксом, К. Леви-Строссом (см.) и др.]; идею принципиального различения коллективного и индивидуального сознания и учение о "коллективных представлениях" как выражающих собою прежде всего те или другие состояния социальности (концепт, многократно переинтерпретировавшийся в С.З., в том числе, например, и Манхеймом).

Концепция Сорокина интересна в этой традиции радикальным разделением социальности и культуры и связыванием с последней определенных типов мышления. Культура (а через нее и социальность) оказывается у Сорокина базирующейся на глубинных мировоззренческих установках относительно природы реальности, характера основополагающих потребностей и приемлемых способов их удовлетворения. Парсонс в С.З. известен своей критикой линии М. Вебера – Шелера – Манхейма в С.З., которая, в свою очередь, выводилась им из марксизма, и попыткой снять заложенную в этой С.З. антиномию "реальных" и "идеальных" факторов. Он поддержал идею Сорокина о роли разделения социальной и культурной систем для понимания природы и места знания в социальном действии и сохранении интегративной целостности общества (институционализации культурной системы в социальную). Отсюда – концепция регулятивно-нормативной природы знания и основная антиномия, которую должна разрешить С.З., – ценностей и научного знания. Парсонс предлагает концепцию совместимости институционализированных (нормированных, легитимированных, санкционированных) ценностей с научным знанием в рамках "ценностно-научной деятельности" (концептуальных "идей" как основы для интерпретации эмпирически фиксируемых состояний общества); этот тип ценностей выполняет функцию отбора проблем, подлежащих исследованию и разрешению. Неинституционализированные ценности формируют "идеологии" (как системы искаженного и необъективного знания). Два типа ценностей (формируя разные модусы сознания) закрепляются соответственно за занимающими разное место в социуме субъектами. Мертон, продолжая и корректируя (через понятия дисфункциональности и латентности) анализ Парсонса, сместил рассматриваемую линию в С.З. в область социологии науки. Р. Старк акцентировал внимание на взаимной детерминации социальных условий и "идей". Однако "субструктуры", по Старку, легче понимаются, чем "суперструктура", и в этом отношении выступают основанием для анализа "идей". С.З. призвана установить отношения между материалом познания ("вещи в себе"), объектами познания (феномены), аксиологическим слоем мышления (социальное a priori), физическим аппаратом восприятия (чувственное познание), категориальным слоем мышления (логическое a priori). Вторая ее задача – обеспечить согласование плюрализма возможных в данной аксиологической системе ценностей истин. Необходимо отдать должное и попыткам выхода структурно-функционального направления в С.З. на уровень микросоциологии [Ф.В. Знанецкий (см.), Д. Сильвермен и др.].

Дальнейшее развитие данной линии в С.З. связано с ассимиляцией ряда идей постпозитивистской и аналитической философии в целом. Это идея Куна о консенсусе научного сообщества относительно принимаемой парадигмы и гипотеза "революционного" развития знания; "методологический анархизм" Фейерабенда; концепция "личностного" (неявного) знания М. Полани (см.); "экология интеллекта" Тулмина; идея ядерно-периферийного структурирования знания Лакатоса; идея "сильной программы" Д. Блура; тезис о логико-семантической несоизмеримости теорий (семантическая эпистемология К. Айдукевича, формальная семантика А. Тарского, программа "реизма" Т. Котарбиньского, фундировавшая идеи его праксеологии как общей теории рациональной деятельности, и др.); программа "лингвистического поворота" в философии, идущая от Л. Витгенштейна (теория значения, логические структуры языка, языковые игры, лингвистическое сообщество и т.д.); концепция "возможных миров" (Я.Ю. Хинтикка и др.), критическая программа Поппера и др. В целом данная линия анализа в С.З. остается относительно автономной, сосредоточивает свое внимание прежде всего именно на научном знании, в целом эволюционируя в направлении социологии науки. В отличие от "понимающей" ориентации в С.З. она сохраняет известную дихотомичность социума и культуры, культуры и знания, научного и иных типов знания. В центре ее интересов – социокультурная обусловленность и процессы институционализации знания, концептуальный анализ последнего, актуализация проблематики

социологии социологии. В последнее время в связи с ассимиляцией в С.З. ряда новых философских идей становится отчетливым расщепление структурно-функционалистской ориентации на проблематику, выводящую за пределы собственно С.З. (в социологию науки, например), и усвоением "остатка" "понимающей" ориентацией в С.З., что еще больше усиливает ее метатеоретичность и невписываемость в предметную дисциплинарность.

Однако при всей своей автономности обе линии С.З. принадлежат к одному дискурсивному полю. Они наиболее репрезентативно выражают интенции экстернализма в его споре с интернализмом, противопоставление которых резко обозначилось в 20 в. внутри логики и методологии науки (включая соответствующие исторические реконструкции развития научного знания). Если интернализм (конституированный работами А. Койре) исходил из тезиса о том, что развитие знания происходит по собственным внутренним законам изменения знаниевых систем и/или идей (в соответствии с внутренней логикой преемственности (так называемый кумулятивизм) или эпистемологических разрывов (версия Г. Башляра, по-разному переинтерпретированная Куном и М. Фуко и частично воспринятая Койре), то экстернализм делал акцент на антитезисе – на "внешних" по отношению к знанию факторах, вызывающих его изменение (или, по крайней мере, существенных для этого изменения). Снятие крайностей и сближение позиций интернализма и экстернализма, как и обеих линий в С.З., произошло в поле культуры, признания вписанности знания в соответствующие культурные (и цивилизационные) целостности. Шаг в этом направлении был сделан уже в работах Койре, а наиболее четко эта позиция была артикулирована в концепции смены эпистем Фуко. Для социологии эти шаги послужили дополнительным импульсом к синтезу культурсоциологии и С.З. Сближению же разных линий внутри С.З. дополнительно способствовала критическая рефлексия оснований социологии как таковой, маркировавшая в том числе и ее переход от неклассической к постклассической стадии развития на рубеже 1960-1970-х.

Один из результатов этой рефлексии – конституирование социологии социологии (по названию работы Р. Фридрихса 1970-го "Социология социологии"), а один из основных ее посылов – кризис структурно-функционалистской методологии, переинтерпретация которой "изнутри" была предложена Мертоном, а наиболее жесткая критика "извне" была предложена в разных версиях "радикальной" и/или "альтернативной" социологии, поставивших под вопрос сам неоклассический проект социологии как таковой. Провоцирующую роль в этом отношении последовательно сыграли работы Ч.Р. Миллса "Социологическое воображение" (1959) и А. Гоулднера "Наступающий кризис западной социологии" (1970; ее идеи были затем развернуты и радикализированы в работе 1976 "Диалектика идеологии и технологии"). Их основные идеи, дополненные рефлексией феноменов контркультуры, открыли возможность появления "контркультурной социологии" (противопоставляемой институционализированным формам "манипулятивной социологии"), способствовали размыванию междисциплинарных границ социологии и научной дисциплинарной как таковой, конституировали социологию прежде всего не как дисциплинарность, а как специфический тип дискурсивных культурных практик и социальной коммуникации.

Новые перспективы для развития С.З. в постнеклассический период ее развития задают переинтерпретации идей герменевтики (прежде всего – "конфликта интерпретаций" П. Рикера), археологии знания и знания-власти Фуко, идей деконструктивизма Ж. Деррида, концепции чтения-письма Р. Барта и др., ризомного анализа и шизоанализа Ж. Делеза и Ф. Гваттари, дискурсивных анализов [Т.А. ван Дейк (см.), различные их варианты в постструктурализме], постструктуралистских концепций интер- и гипертекста и т.д. Перспективными могут оказаться попытки интеграции в С.З. идей СМД (системомыследеятельностной) методологии. Ряд интересных в этом отношении проектов оформился в самой социологии: теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, теория поля П. Бурдье, теория референций Н. Лумана и др. Все эти тенденции подтверждают общую тенденцию С.З. на синтезирование с культурсоциологией в единую область постнеклассического социологизирования, тесно переплетающегося с философской проблематикой.

В.Л. Абушенко

СОЦИОЛОГИЯ ИННОВАЦИЙ – специальная социологическая теория объяснительного уровня, изучающая инновацию (см.) как феномен общественной жизни, связанный с материально-предметной и духовной деятельностью людей, в процессе которой они создают новые объекты культуры, а также разрабатывают и осваивают не существовавшие ранее способы производства различных благ.

Объектом С.И. выступает инновация как социальный процесс. *Предметом* С.И. являются социальные механизмы, регулирующие процессы зарождения, разработки, внедрения, адаптации и интеграции инноваций в различных сферах жизни общества – социальной, экономической, политической, культурной и т. д. С.И. исходит из представления об инновации как закономерном проявлении функционирования механизма общественной координации в условиях полноценного функционирования основных социально-экономических законов: разделения труда, перемены труда и конкуренции при их органичном взаимодействии. Воплощаясь в ходе инновационного поведения социальных субъектов, инновация выступает способом развития индивидов, коллективов, социальных сообществ и, наконец, общества в целом. Поэтому специфика подхода С.И. к изучению своего объекта заключается в рассмотрении инновации как способа существования социальных систем.

Названные методологические основания С.И. тесным образом связывают ее с другими специальными социологическими теориями, занимающимися исследованием основных условий и форм жизнедеятельности общества, среди них: социология бизнеса, социология менеджмента, социология предпринимательства, социология труда, экономическая социология. Это обусловливает близость категориальных аппаратов названных теорий с системой категорий С.И.

Внутри специфической группы основных понятий С.И. выделяются: инновационный образ мышления, инновационная культура, инновационное поведение, инновации социальные, инновации культурные и др. Сущность инновационного образа мышления заключается в ориентации его носителей на осуществление перманентных нововведений в сферах своей деятельности. Инновационный образ мышления является, с одной стороны, предпосылкой формирования инновационной

культуры социального субъекта, а с другой – он сам развивается на основе содержащихся в культуре норм и правил организации нововведений. Внешним проявлением мыслительных процессов по поводу осуществления инноваций выступает инновационное поведение индивидуальных или коллективных социальных субъектов, связанное с обновлением способов либо преобразованием объектов их деятельности. При помощи разработанной системы категорий С.И. описывает и объясняет в рамках своего предмета исследования специфические способности социальных механизмов регулировать "инновационный цикл" от зарождения либо привнесения в социальную систему идеи нововведения до ее внедрения и далее – до состояния интеграции, трансформирующей с течением времени инновацию в традицию. Полный "инновационный цикл" насчитывает 5 этапов: зарождение (привнесение); апробация (селекция); адаптация; интеграция; утилизация. При этом, с одной стороны, на каждом из этапов на протекание инновационного процесса значимое влияние оказывают социальные – объективные и субъективные – характеристики носителей инновационного образа мышления, воплощающих на практике инновационный тип поведения, а с другой – сама инновация способна оказывать заметное влияние на изменяемые характеристики социальных субъектов.

Таким образом, в силу особенностей протекания описанных процессов, С.И. определяет *социальный механизм регулирования инновационных процессов* как устойчивую структуру взаимодействий социальных субъектов по поводу реализации конкретных нововведений, порождающую особую систему видов инновационного поведения этих субъектов. Качественное своеобразие результатов внедрения идентичных нововведений в разных социумах обусловливает *цель* С.И., которая состоит в оптимизации функционирования социальных механизмов, регулирующих протекание инновационных процессов в различных обществах. Данная цель предполагает решение ряда взаимосвязанных *задач*, среди которых основными являются социологическая экспертиза социальной эффективности планируемых инноваций; социологическое прогнозирование динамики осуществляемых нововведений; разработка, в случае необходимости, компенсаторных социальных механизмов минимизации негативных последствий внедрения инноваций. Решая названные задачи, С.И. приобретает статус специальной теории, обеспечивающей социологическое "сопровождение" нововведений в различных сферах жизни общества.

О.В. Кобяк

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ, культурсоциология – в первом значении (С.К.) подразумевается специальная социологическая теория (отрасль социологического знания), во втором (К.-С.) – специфическая парадигмальная область социологического знания. В обоих случаях речь идет об исследовании культуры, ее феноменов и динамики концептуальными и методологическими средствами социологии с целью установления зависимостей между ними и социумом, его феноменами и динамикой. В русскоязычной социологической традиции эти значения оставались долгое время (вплоть до начала 1990-х) слабо отрефлексированными и разделенными. По-прежнему остается общепринятым термин "С.К.", поэтому термин "К.-С." следует рассматривать скорее как исследовательский конструкт, позволяющий фиксировать различие двух смыслов, вкладываемых в русском языке в словосочетание "С.К.", которое используется далее только для обозначения его первого возможного значения. (Показателен сам факт тройного изменения за десять лет существования названия соответствующей позиции в номенклатуре социологических специальностей ВАК Беларуси – теперь она обозначается как "специальность 22.00.06 – социология культуры, духовной жизни", что сохраняет возможность ее двойственного понимания – и как С.К. (здесь – "социология духовной жизни"), и как К.-С. (в данном случае обозначенной, правда, как "С.К.").

При всей общности интенций С.К. и К.-С., они представляют собой две различные версии социологического подхода к изучению культуры. В первом случае предпринимается попытка описания и анализа культуры на уровне теории среднего уровня (отраслевой социологии) в аспекте включенности культурной компоненты в социальную жизнь общества и его подсистем (культура труда, быта и т.д., политическая, экономическая и т.д. культура) и/или в аспекте выявления специфической области (сферы) культуры (духовной жизни) как в институциональном, так и в поведенческом срезах, т.е. как особой предметности (особого предмета) социологического изучения. Во втором же случае речь идет об изучении культуры социологическими средствами на метатеоретическом уровне анализа, а тем самым К.-С. претендует на статус фундаментального знания об обществе, в котором само социальное начинает пониматься, трактоваться и интерпретироваться в терминах культурного, а следовательно – не столько культура объясняется через реалии социума (что характерно для версии С.К.), сколько, наоборот, социум становится "производным" от культуры. Несколько огрубляя обозначенную дилемму, в данном случае можно было бы сказать: "Какова культура, таков и социум", а не: "Каков социум, такова и его культура". Крайнюю (редукционистскую) концептуализацию данного тезиса в социологической литературе опознают как культурный детерминизм.

В рамках предлагаемого различения можно выдвинуть и тезис о том, что С.К. обнаруживает свои истоки в самом проекте социологии как дисциплинарном научном знании о современном (индустриальном, в более поздней интерпретации – модернистском) обществе, противопоставляемом обществам традиционного и архаического типов (в марксистской терминологии – знании о трансформации (революционном преобразовании) капиталистического (буржуазного) общества, противопоставляемого первобытнообщинному, "азиатскому", рабовладельческому, феодальному обществам, в социалистическое и/или коммунистическое). Этот проект был развернут в рамках основных парадигм классической социологии и прежде всего в "фактуалистической социологии" Э. Дюркгейма (**см.**), в которой, собственно, и видит свои основания С.К. (особенно это относится к последним работам Дюркгейма, связанным с исследованием феноменов религии и религиозности). В последующем развитии социологии конституирование С.К. было связано с социологической неоклассикой – прежде всего с методологией структурно-функционального анализа, в рамках которого Р.К. Мертоном (**см.**) было концептуализировано само понятие теории среднего уровня (**см.**).

Эти интенции были усвоены в возрождавшейся постсталинской советской социологии, пытавшейся институционализировать себя прежде всего как С.К., а не как К.-С. (в чем

сыграли свою роль и вненаучные причины идеологического характера). Наиболее разработанный вариант С.К. в советской социологии был предложен в Уральской социологической школе, в частности, в работах Л.Н. Когана, его учеников и коллег (наиболее репрезентативны в этом отношении учебное пособие Когана "Социология культуры" – Екатеринбург, 1992 – и коллективная монография "Культурная деятельность: Опыт социологического исследования" – М., 1981). Однако не приобретшие институционализационного статуса идеи К.-С. также присутствовали в советской социологии, в частности, благодаря работам Ю.Н. Давыдова и Л.Г. Ионина (которому принадлежит и репрезентативное по отношению к проблематике, тематизмам и методологическим установкам К.-С. учебное пособие "Социология культуры", вышедшее первым изданием в 1996), а также благодаря переинтерпретации идей западной К.-С. С.Э.Маркаряном и его последователями, много сделавшими для вытеснения идей С.К. на периферию социогуманитарных дискурсов.

В рамках же предложенного тезиса о становлении социологических дискурсов исследования культуры как таковых конституирование К.-С. следует связывать с теми процессами, которые происходили в культурной, социальной и интеллектуальной истории Запада, по крайней мере начиная с последней трети 19-го века. Ее возникновение было инспирировано в значительной мере теми проблемами, которые возникли и обсуждались в европейской (главным образом немецкоязычной) философии того времени и были связаны прежде всего с рефлексией кризиса классической философии и поисками выхода из него. Тотальному пересмотру (сам этот процесс начался гораздо раньше) были подвергнуты практически все концепты немецкого трансцендентального идеализма (начиная с понятия субъекта познания, в качестве какового понималось прежде всего "чистое сознание"), принципы универсализма европейских дискурсов и сами методологические основания философского и научного познания. Эти проблемы не могли не затронуть и социологию, само появление которой можно рассматривать в том числе и как реакцию на "кризис европейского сознания". С одной стороны, под сомнение была поставлена продуктивность социологического проекта как такового, по крайней мере в том виде, как он был заявлен О.Контом и прописан Дюркгеймом. В этой перспективе социология была расценена как принципиально натуралистически ориентированная по своей сути и с неизбежностью позитивистская по своей методологии. С другой стороны, в связи с этим потребовалось переопределение (как минимум – уточнение) онтологических, гносеологических, а самое главное эпистемологических и методологических основ социологической дисциплинарности. Встал вопрос о том, сможет ли социология предложить адекватные ситуации ответы на возникшие вопросы и достойно ответить на критику в свой адрес. Поэтому значительную часть предпосылок возникновения К.-С. следует искать во многом не в социологии, а за ее пределами – в общем контексте "слома эпох" и в рефлексировавшей его философии, переопределявшей себя в том числе и как культурфилософия.

При этом речь идет о философия культуры, понимаемой не как специфический вид (само)рефлексии культуры над собой самой и отличаемой в этом качестве от научного знания о ней (на роль которого претендовала затем в том числе и С.К., а сегодня претендует культурология), а о более узком ее понимании, когда под философией культуры подразумевается конкретное направление европейской (преимущественно немецкоязычной) мысли конца 19 – первой трети 20 в. В последнем случае она и была противопоставлена сначала классической социологии, а позднее – англо-американской культурной (и социальной) антропологии (в нашем контексте и С.К.), основанной на сборе и анализе эмпирических данных, получаемых в ходе полевых исследований и наблюдений над жизнью человеческих (преимущественно этнокультурных и прежде всего архаических и традиционных) сообществ. Социология и антропология, в свою очередь, противопоставляли себя философии как "позитивное и фактуалистическое знание".

Тематика и проблематика философии культуры была адекватно обозначена в Марбургской школе неокантианства Г. Когеном, а затем развита и конституирована как специфическая философская дисциплинарность Э. Кассирером (фактически уже за рамками неокантианства). Однако сам термин "Kulturphilosophie" (по аналогии с которым и предлагается термин "К.-С." – от Kultursoziologie), впервые встречающийся уже у представителя немецкого романтизма А. Мюллера, был введен в широкий оборот неокантианцами Баденской школы (В. Виндельбандом и Г. Риккертом) для обозначения всей линии критического (трансцендентального) идеализма, идущей от И. Канта. В их понимании, выходя в область универсального, интеллектуальная мысль неизбежно приходит к самоопределению себя в терминах культурфилософской рефлексии (философия и есть философия культуры, и, наоборот, – философия культуры и есть философия). Кассирер же попытался задать философии культуры более четкие рамки и определить ее как отдельную подсистему "в систематическом целом философии". Однако и он был вынужден в итоге констатировать, что "границы самого понятия ее никоим образом не установлены и оно однозначно не определено" (эта неопределенность перешла затем и на К.-С.).

Принципиально важными для конституирования К.-С. были и результаты самой неокантианской дискуссии о специфике знания, получаемого в "науках о культуре", и специфике их методов – индивидуализирующих (идиографических) – по сравнению с генерализирующими (номотетическими) методами "наук о природе". Спор о методах гуманитарного знания (а именно оно, наряду с фундирующей его философской рефлексией, и имелось в виду, когда речь шла о "науках о культуре") породил и противопоставление методов и исследовательских стратегий объяснения (как ориентированного на факты и законы) и понимания (как ориентированного на культурные и жизненные смыслы), актуализированный в рамках "философии жизни" В. Дильтем, но отсылающий к кругу герменевтических идей (начиная с Ф. Шлейермахера).

Тем самым в европейской интеллектуальной традиции был, с одной стороны, вновь отрефлексирован тематизм (проблематизм) специфики философского и научного знаний, сопровождавшийся осознанием неоднородности научного знания (естественно-научного, гуманитарного, социального), а с другой – со всей очевидностью произошло осознание того, что сам философ или ученый, что-то утверждающий о культуре, принадлежит определенной культуре, будучи неразрывно связан с ее определенными контекстами. Данная проблематика обозначила переход от классических к неклассическим типам философских и научных дискурсов, а философия

культуры и К.-С. выступили инструментами конституирования самих неклассических философии и науки. Наиболее четко артикулировал суть этого сдвига в европейском мышлении в своей работе "Воля к власти" Ф. Ницше, предложивший "вместо "социологии" – *учение о формах и образах господства*", "вместо "общества" – *культурный комплекс* как *предмет моего* главного интереса (как бы некоторое целое, соотносительное в своих частях)". Им же прописана дилемма античной, а затем и всей европейской культуры и способа мышления – противостояние дионисийского и аполлоновского начал (интуитивного и дискурсивно-рассудочного). Эта же проблематика нашла свое адекватное выражение в концепции "неизбывного трагизма" культуры, противостоящей "жизни" у Г. Зиммеля (см.) и в трактовке цивилизации (см.) как "заката культуры" у О. Шпенглера (см.). В принципе рубеж 1920-х прежде всего в немецкой (но в определенной мере и в российской, и в итальянской, в той мере, в какой в них был представлен комплекс неокантианских и неогегельянских, а также неомарксистских идей) интеллектуальной традиции можно рассматривать как прошедший под знаком "критики культуры" не только в философском, но и в социо-гуманитарном знании в целом.

Таким образом в развитие высказанного тезиса о связи (в своем генезисе) комплекса установок С.К. с классическим этапом развития социологии, можно выдвинуть тезис о связи комплекса установок К.-С. (опять же в их генезисе) с неклассическим этапом в развитии, но уже не только социологии (которая исходно "неклассична" по отношению к философии), но и философии. Доминирование же К.-С. в социологических дискурсах в целом начинается с переходом к этапу постнеклассического знания. Тем самым истоки и развитие К.-С. неразрывно связываются с традициями понимающей (позже – интерпретативной) социологии как иного по отношению к линии Дюркгейма социологического проекта. В то же время необходимо отметить, что версия понимания М. Вебера (в меньшей степени Зиммеля) оппонировала критике социологии Дильтеем, утверждавшим ее неспособность справиться с изучением сложных форм социальной жизни на уровне их пронизанности культурными и личностными смыслами. Соответственно М. Вебер (с его идеей "социологии как эмпирической науки о культуре" и концепцией рационализации ("формальной рациональности") как основания современного типа социальности) и Зиммель (с его концепцией динамического соотношения культурных форм и жизненных процессов, порождающего мир социального) считаются (особенно после веберовского и зиммелевского "ренессансов" в 1970-е и 1980-е) бесспорными основателями К.-С.

Еще один импульс к конституированию К.-С. задал неокантиански окрашенный австромарксизм (интерес к проблемам культуры в котором изначально весьма сильно стимулировался обращением к проблематике национального самоопределения), а затем и основные версии неомарксизма [начиная с круга идей К. Корша (см.), Д. Лукача (см.) и А. Грамши (см.)], в значительной мере сосредоточившиеся на изучении феноменов культуры и сознания. Более того, собственно и само представление о специфике социологического изучения культуры и сам соответствующий термин были впервые введены в научный оборот именно в австромарксизме М. Адлером. Последний видел задачи К.-С. в изучении социальных факторов становления, функционирования и развития культурных феноменов (прежде всего ценностей и соответствующих им норм), рассматриваемых, в свою очередь, в аспекте их определяющего воздействия на социум и социальные взаимодействия людей. Из неомарксизма (исходно же из критики идеологий как ложных форм сознания, имеющих социально-классовые детерминанты в социуме, и тотальной критики капитализма как особого типа общества и общественно-экономической формации К. Маркса – см.) берет начало одна из линий критики культуры как критики общества. Особую роль в этом отношении сыграла публикация в первой трети 20 в. так называемых "ранних" работ Маркса (прежде всего "Немецкой идеологии" и "Экономическо-философских рукописей 1844 года", а затем и "Экономических рукописей 1857-1859 годов"), анализирующих феномены отчуждения, антропологическую проблематику, специфику регионального развития. Вторая линия критики, также развернутая в К.-С., исходит из "критики цивилизации" Шпенглера. Одним из первых "критиков культуры" в собственно социологической традиции выступил А. Вебер (см.). Линию "критики культуры" (с разных концептуальных и методологических позиций и в разных пограничных дисциплинарностях, но с присутствием в той или иной мере импульсов, исходящих из неомарксизма) продолжили работы К. Манхейма (см.), представителей "критической социальной теории" Франкфуртской школы (см.) [центральное место здесь принадлежит совместной работе М. Хоркхаймера (см.) и Т. Адорно (см.) "Диалектика просвещения" – см.], Ю. Хабермаса (см.), Э. Фромма (см.) и фрейдомарксизма, А. Лефевра, альтернативной (леворадикальной) социологии [Ч.Р. Миллс (см.), А. Гоулднер (см.), Т. Роззак и др.]. Для становления неомарксистской линии К.-С. важны позитивные разработки, осуществленные в рамках различных версий концепции праксиса, а особенно в так называемой структуралистской версии неомарксизма [Л.П. Альтюссер (см.) и его ученики, апеллировавшие к идеям "позднего" Маркса и выступавшие под лозунгами "теоретического антигуманизма", "антиисторицизма", "антиидеологизма" и "антиэмпиризма"] и в генетическом структурализме Л. Гольдмана (см.) и его последователей.

Принципиально важным для развития К.-С. явилось конституирование социологии знания (см.) как области метатеоретических исследований. В частности, внутри нее были поставлены и разрабатывались тематизмы знания в культуре и знания о культуре, проблематика знаниевых (затем и языковых) способов описания и действования в культуре, конструктивно-конституирующей (структурирующей) роли вырабатываемого в культуре знания в генезисе и воспроизводстве социальности, многообразия возможных в культуре логик и технологий (рациональностей) действования и их социальной эффективности. Фактически данная проблематика латентно присутствовала в К.-С. изначально. Достаточно сослаться на концепции понимания и "идеальных типов" как способа схватывания многообразия социокультурных феноменов М. Вебера. Однако собственно породителем социологии знания считается М. Шелер, у которого она в значительной мере продуцировалась решением задач его аксиологии (т.е. была связана с той же культурной проблематикой). Эта же связка К.-С. и социологии знания прослеживается и у другого основателя последней – Манхейма. Полностью прозрачной она становится в феноменологической традиции К.-С. и социологии знания, начиная с А. Шюца, введшего новую предметность со-

циологических анализов – мир повседневности. Эти идеи базировались на феноменологической философии Шелера, Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти (специально рассмотревшем вопрос о междисциплинарном соотношении философии и социологии и давшем развернутую критику реифицирования социальных явлений в традиционной позитивистско-натуралистически ориентированной социологии). Особое место в этой традиции принадлежит П.Л. Бергеру (см.) и Т. Лукману (см.), в частности, их совместной работе "Социальное конструирование реальности" (1966). Феноменологическая линия анализа проблематики культуры в разных своих аспектах нашла отражение в этнометодологии Г. Гарфинкеля, когнитивной социологии А. Сикурела, структурно-экзистенциональной социологии Э.А. Тириакьяна, повлияла на становление символического интеракционизма [от Дж.Г. Мида (см.) до драматической социологии И.Гофмана (см.)], деконструктивизма и концепции "воображаемых сообществ" Б. Андерсона, постмодернистской социологии (см.) повседневности М. Маффесоли и др. В современной постнеклассической социологии подходы К.-С. и социологии знания во многом оказались не только близки, но и взаимно предполагают друг в друга.

Еще одна принципиально важная для понимания специфики подхода К.-С. связка образовалась между социологическим исследованием культуры и антропологической проблематикой, также заставившей пересмотреть многие положения классической социологии и статусно-ролевых концепций личности, долгое время доминировавших в неоклассической социологии. Внимание к антропологической проблематике стимулировалось неомарксистской К.-С., особое же значение она приобрела с конституированием первоначально в немецкоязычной традиции философской антропологии, у истоков которой стоял опять же Шелер, а также Кассирер позднего этапа его творчества. Многие представители этого направления одновременно работали и в философии, и в социологии [Х. Плеснер (см.), А. Гелен (см.), Э. Ротхакер (см.), Х. Шельски], ориентируясь на исследование возможных осознанных и критически рефлексируемых структур человеческого опыта мира. Человек сам практически творит мир, в котором живет, он всегда относится к своему совместному с другими бытию ("ведет жизнь"), обращаясь в том числе и прежде всего к самому себе и к своему сознанию. В целом свойственный К.-С. антипсихологизм (при мощном одновременном влиянии на ряд ее версий психоаналитической традиции) дополняется в случае философской антропологии требованием снятия присущих европейскому сознанию дихотомий (прежде всего разделения человека на субъект и объект познания, на тело и душу) и попыткой построить целостное и синтетическое (вне дихотомии естествознание – гуманитаристика) знание о человеке в мире "естественной искусственности", "опосредованной непосредственности" и "утопического местоположения". Иначе – исходя из "эксцентрической позициональности" человека, который есть "ничто", призванное стать посредством собственных усилий тем, кем он исходно уже есть (Плеснер). Ориентируясь на природу (в которой человек искоренен и поэтому есть "недостаточное существо" – Гелен вслед за И.Г. Гердером), и Плеснер, и Гелен приходят, по сути, к культуре, снимая саму дихотомию человека естественного и человека культурного. Культура оказывается, в конечном итоге, тем единственным окружением, в котором только и может "вести жизнь" человек, обеспечивая это "ведение" через социально-институциональный уровень общества (Шельски вслед за Геленом). Ротхакер же, исходя из тезиса о принципиальной человеческой "открытости миру", смещает акцент на конкретику культурных, языковых, этнических, религиозных человеческих сообществ (на "жизненные стили") и переформулирует весь философско-антропологический проект как проект культурантропологии (Kulturanthropologie, противопоставленная эмпирически-описательно ориентированной англо-американской культурной (и социальной) антропологии). Показательно, что и поздняя философская антропология (прежде всего в лице Шельски) приходит к критике самого знаниевого социологического проекта и необходимости очередного переобоснования социологии через обращение к самим социокультурным условиям, делающим возможным социологическое мышление.

Отвлекаясь от некоторых других влияний и версий К.-С., можно в целом говорить о сформированности к рубежу 1970-х основных теоретико-методологических установок (связанных прежде всего с различными трактовками понимающе-интерпретационной и антропологически повернутой философско-социологической традиции, а также с социологией знания), тематического и проблемного поля, основных принципов подхода К.-С., постепенно выходящей из маргиналии на доминирующие позиции в социологических типах дискурса и преодолевающей свою изначальную привязку прежде всего к немецкоязычному интеллектуальному пространству. Последнее происходило в значительной мере за счет столкновения с идеями французского структурализма [в том числе и структурной антропологии К. Леви-Строса (см.) и его последователей], ориентировавшегося на выявление безличностных (анонимных) социальных и прежде всего культурных инвариантных структур (устойчивых к изменениям отношений между элементами целого), а затем и постструктурализма, выступившего под лозунгами тотальной критики культуры как таковой и дезавуации (прежде всего у М. Фуко) идеи человека как идеологической иллюзии.

Размывание исходно заявленной оппозиционности структуралистских дискурсов по отношению к культур-социологическому знанию началось с акцентирования рядом авторов-структуралистов (включая представляющих структуралистски ориентированную семиотику) социально-политических и культурно-исторических контекстов продуцирования смыслов, знаково закрепляемых в текстах, а в этом смысле автономизированных от порождающих их контекстов. Со своей стороны, К.-С., все больше переплетаясь с социологией знания и обратившись к проблематике исследования языковых реалий, также стала размывать границу между социальной (социокультурной) и знаковой ("закрепляющей культуру") реальностями. [В результате этих встречных движений во многом и сложился (во всяком случае во франкоязычной традиции) комплекс постструктуралистских идей на основе (само) критики установок структурализма.] Было отрефлексировано то обстоятельство, что неосознаваемые на уровне социальных взаимодействий акторов "глубинные структуры отношений" и определяют, собственно, суть социокультурной действительности, репрезентируемой через знаково-языковые и знаниевые средства и выступающей, следовательно, в значительной мере как "квазизнаковая реальность". В свою очередь, знаково-языковые и знаниевые целостности открыты к

воспринимающим их контекстам, производящим их селекцию и задающим им ту или иную интерпретацию (а тем самым производящим и их "натурализацию"). Для становления этой исследовательской перспективы существенное значение имели не только разработка идей генетического структурализма Гольдмана; опыты в области "социологии символических форм" П. Бурдье раннего этапа его творчества, концепция "бессубъектных трансформаций" праксиса (практики) Альтюссера, но и собственно работы Леви-Строса. Революционизирующее же значение для последующего пересмотра всей проблематики и тематизмов стуктурализма (и К.-С.) с иных теоретико-методологических позиций сыграли разработки Р. Барта и Фуко [концепты "мифологий", "нулевой степени письма", "смерти автора", "чтения-письма", "культурного кода", "дискурсивных практик" (в этом случае важны и разработки Т.А. ван Дейка (см.), данные с позиций социокогнитивного анализа текста), "эпистемы", "архива", "археологии знания", "дисциплины" и "дисциплинарности", а затем и "власти-знания"], задавшие совершенно специфические по отношению к уже существовавшим представления о "социологике" современных обществ.

Для становления современной русскоязычной К.-С. принципиальное значение имеет ряд идей представителей Тартуско-московской семиотической школы, исходно лежащих за пределами социологической дискурсивности, но допускающих "социологическое прочтение" (переинтерпретацию). В данном контексте речь идет прежде всего о работах Ю.М. Лотмана (см.) (концепты "семиосферы", "вторичных моделирующих систем", "дуальной организации", "автокоммуникации", "культурного взрыва" и ряд других). В эту же перспективу вписывается анализ символа, мифа и прагмем (прагматики языка) А.М. Пятигорского. Принципиально важны для становления русскоязычной К.-С. и изданные в основном только в 90-е годы, но современные по датам написания западным текстам (и главное – социологически ориентированные) работы М.К. Петрова (см.), разрабатывающие специфические версии дисциплинарности и социокодов культуры, знаниевые и коммуникативно-трансляционно-трансмутационные стратегии, адекватные современному миру, механизмы культурной инноватики, проблематику совместимости различных культур (связанную у него прежде всего со столкновением различных знаниевых стратегий и разных режимов общения).

Весь обозначенный круг идей вел к выдвижению в структурных и семиотических анализах на первый план "неструктурного" в структуре и "нетекстового" в тексте, что и способствовало "размыканию" исследуемой проблематики и тематики в широкие и многомерные социокультурные контексты, критике структуралистской методологии с позиций постструктурализма, а главное – фиксировало переход к постнеклассическому периоду в европейском культурном и интеллектуальном развитии. Принципиально важными в этом аспекте для появления новых интенций К.-С. оказались идеи "позднего" Фуко, но прежде всего Ж. Бодрийара (концепция симулякра и симуляции, на которую (в иной – неомарксистской – традиции) как на факт социокультурной жизни обратил внимание уже Лефевр) и Бурдье (концепты "объективирования научного объективирования", "социального поля", "габитуса" и "капитала", "практического смысла", "власти именования" как результата "символической борьбы"). Через соответствующие переинтерпретации в современную К.-С. проник и был усвоен в ее языке и опыт других представителей постструктурализма: Ж. Деррида, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, Ю. Кристевой [тезис о "онто-тео-телео-фаллофоно-лого-центризме" европейских типов дискурса, концепты "деконструкция" (разрабатывавшийся также представителями Йельской школы – США), "differance", "след", "складка", "гипертекст", "интертекст" и некоторые другие].

В рамках собственно социологии большой интерес в настоящее время представляют работы Маффесоли, направленные на поиск путей синтеза различных парадигмальных традиций (дюркгеймовской, веберовской, зиммелевской, ницшеанской, феноменологической) на основе постмодернистских установок в концепции "неоплеменного общества" ("чудесной социальности" постмодернизма, противостоящей "социальному" модернизму). В частности, Маффесоли предлагает версию совмещения в едином дискурсивном поле интенций С.К. и К.-С. Иной вариант парадигмального синтеза в социологии на основе постмодернистских установок (отличаемых им от социологии постмодернизма как анализа самостоятельного, но связанного с модерном периода развития общества) предлагает З. Бауман (см.), задавший понимание социологии как "комментария к нашему повседневному опыту". При этом, как и в случае постструктуралистско-постмодернистского синтеза, речь идет не только о снятии дихотомий различных подходов внутри социологического знания, но и о междисциплинарном синтезе, в том числе и прежде всего при изучении культуры, на основе соотнесения различных "когнитивных перспектив". Свои варианты видения культурсоциологической проблематики были предложены и в конкурирующих с постмодернистско-постструктуралистской трактовкой сути современного общества и происходящих в нем процессов концепциях "общества позднего модерна". Особо следует выделить в этом плане идею противопоставления инструментального (разработанного М. Вебером и его последователями применительно к обществу становящегося модерна) и коммуникативного (характерного для общества позднего модерна) способов действования (и типов разума), предложенную Хабермасом. Еще одно заметное место в современных разработках в области К.-С. принадлежит Н. Элиасу с его проектом "исторической социологии", обнаруживающей существенное сходство с методологическими установками и теоретическими разработками школы "Анналов" (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф и другие, ориентировавшиеся на исследование ментальности и психологии повседневного поведения людей европейского средневековья), доминировавшей во французской историографии начиная с конца 1930-х. Элиас ориентировал социологический анализ на исследование целостных культурных комплексов, все значение которых обнаруживается только в ретроспективе длительных исторических периодов.

Показателен и факт попытки институционализации культур-социологического подхода, предпринятого в 1970-е рядом немецких авторов (Ф.Х. Тенбрук, Х.-П. Турн, В. Липп, А. Хаан, Ю. Шталь, Й. Вайс и некоторые другие) на основе преодоления междисциплинарных границ и синтеза различных парадигмальных ориентаций в самой социологии (социологии знания, философской антропологии, феноменологии, веберовской и зиммелевской традиций, идей Манхейма и Элиаса, этнометодологии, постструктурализма Бурдье), но с сохране-

нием оппонирования теоретико-методологическим установкам англоязычной культурной (и социальной) антропологии. Данная школа ориентировалась на выявление значения целостных смысловых конструкций, определяющих стратегии социального действования, на конституирование феноменов социального, взятого в длительной исторической ретроспективе. Для обозначения таких комплексов Тенбрук ввел представление о репрезентативной культуре, т.е. такой культуре, которая производит идеи, ценности, значения, которые действенны для существующего социального сообщества в силу их фактического признания, что и конституирует эти сообщества (социум является в культуре). Отсюда задача К.-С. для круга авторов этой школы – установление и истолкование (интерпретация) целостных смысловых комплексов репрезентативной культуры. Особое внимание в этой перспективе они уделяли исследованию религии и искусства (снимая тем самым и границы между К.-С. и социологиями религии и искусства).

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно констатировать (вслед за Иониным), что выдвижение культуры на первый план социологического внимания стало свидетельством наступления новой эпохи для социологии, когда "культура постепенно становится для социологов главным инструментом объяснения текущих социальных трансформаций", а "самые замечательные социологические концепции, появившиеся в последние десятилетия… являются по существу развернутыми версиями социологии культуры" (в принятой в статье терминологии – К.-С.). Более того, данный сдвиг в социологии (истоки которого лежат в самом возникновении проекта К.-С.) синхронизируется в настоящее время с общим поворотом постнеклассического знания на исследование и/или критику европейской культуры, на снятие междисциплинарных границ между разными формами знания и дисциплинарностями как порожденными, функционирующими и развивающимися именно внутри определенной культурной целостности (т.е. как обусловленными, хотя и по-разному, этой культурой), на выявление позиции самого что-либо утверждающего о культуре внутри этой культуры. Для современного философского и социогуманитарного знания ничто не может быть адекватно постигнуто (познано) вне тех культурных контекстов, к которым оно имеет (или имело) отношение. Но справедливо и обратное: "Культура – это способность деяния и поведения в условиях неполного знания" (М. Мамардашвили).

По сути, постнеклассическое знание (К.-С. в том числе) переходит на уровень мультидисциплинарных и трансдисциплинарных анализов культуры, что принципиально переводит изучение последней, ее феноменов и динамики в метатеоретическую плоскость и ориентирует на решение задач стратегического характера, требующих соответствующего проектирования и программирования социальных практик (праксисов) в их нацеленности на конституирование "сегодня" будущих состояний социума. Показателен в этом отношении и новый "ренессанс" цивилизационных исследований, начавшийся с конца 80-х годов прошлого века, ориентирующихся на уровень макроанализа и длительные исторические ретроспективы. При этом активно используются наработки П. Сорокина по социальной и культурной динамике и типологии цивилизаций, И. Валлерстайна (см.) по миро-системному анализу, авторов школы "Анналов" и Элиаса. К.-С. в целом, что позволяет обозначить еще одну перспективу междисциплинарного и межпарадигмального синтеза.

Что же касается собственно К.-С. в современном знании, то она маркирует (обозначает), скорее, определенный тип постнеклассического "социологизирования", метатеоретической "социологической подходности" в видении и анализе культуры, чем являет собой некую дисциплинарную и/или парадигмальную целостность, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки ее институционализации как социологической школы и/или особой социологической теории. О ее единстве можно говорить лишь в аспекте удержания социологической рамки при исследовании культуры, задающей в самом общем виде ее предметное поле как продуцирование знания о человеке, социально действующем в своей культуре (на основании различного знания о ней), и для социально действующего в своей культуре человека (выходя, в конечном итоге, на социогуманитарные технологии такого действования). "Внутри" же этой рамки К.-С. может предложить различные версии оформления продуцируемого ею знания в зависимости от тех методологических и концептуальных оснований, которые кладутся конкретными авторами в ее основание. Так, культуру с культурсоциологических позиций можно рассматривать как минимум в предметной, ценностной, символической, текстовой, деятельностной, технологической, игровой, коммуникационной, субъектной и организационной перспективах, порождающих соответствующие концептуализации и теоретические разработки. Ни одна из них не может претендовать на универсальное (в смысле всеобщности охвата содержания) видение культуры, но каждая из них является универсальной в смысле анализа такого среза культуры, который позволяет схватывать ее как целостность, обеспечивающую воспроизводство, функционирование и развитие социума и всех его компонентов, начиная с личностного и заканчивая глобальным уровнем его организованности.

В.Л. Абушенко

СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ – предметная область социологии, занимающаяся: 1) исследованием социокультурной обусловленности человеческой сущности, 2) механизмов, способов и институционализируемых стратегий индивидуально-надындивидуальных взаимоотношений и взаимодействий в обществе. Может пониматься как: 1) специальная социологическая теория (см.), объектно-ориентированная на изучение индивидуального уровня (само)организации и структурации социума, а также протекающих на этом уровне социокультурных процессов (так или иначе связанных с предельно широко понимаемыми процессами социализации и социальной адаптации); 2) совокупность разнопарадигмальных социологически ориентированных теорий личности (статусно-ролевые, диспозиционные, психологизированные, культурологизированные и т.д. теории личности); 3) метатеоретический уровень рефлексии, ориентированный на выявление и критический анализ возможностей и ограничений социологических средств и социологии как научной дисциплинарности (см.) в целом в исследовании личностной проблематики (в этом случае необходим анализ и внедисциплинарной критики основных социологических парадигм и исследовательских стратегий).

Соотношение индивида (личности) и социума (общества) как одно из основных направлений научного анализа было изначально декларировано в проекте социологии как особой социальной науки О. Контом (см.). Оно явилось одним из основных "камней преткновения" для британской версии социологии в силу необходимости согласования установок социологического анализа с доминировавшим в стране индивидуалистически-ориентированным комплексом идей. Достаточно в этом плане сослаться на те трудности, с которыми столкнулся Г. Спенсер (см.) при разработке своей эволюционистской социологии, с одной стороны, и на вытеснение социологических дискурсов разработками британской школы социальной антропологии – с другой. Способы решения этого соотношения легли в основание конституирования основных оппозиций внутри социологического знания – прежде всего между социальным реализмом и социальным номинализмом, между социологизмом (он же выступал и как антипсихологизм) и социологическим психологизмом (см.). Более того, акцент на социальной природе человека для фиксации которой, собственно, и конструируется социологическое понятие "личность" породило жесткую демаркацию с иными, прежде всего религиозно-теологическими, а также философскими трактовками этого же понятия. Для их разграничения во внесоциологических контекстах стали даже чаще использовать термин "персона", чтобы снять социологические коннотации понятия "личность". Однако сама социология, много сделавшая для конституирования и легитимации личностной тематики и проблематики в научном знании и манифестировавшая необходимость изучения индивидуального уровня (само)организации и структурации общества, надолго отошла от изучения этой тематики и проблематики, вытесненной в маргиналии социологических дискурсов. Во многом это было связано с длительным доминированием в последних либо антиперсоналистских установок "фактуалистической социологии" Э. Дюркгейма (см.), либо с акцентированием внимания на почти полной редукции личности к совокупности (ансамблю) общественных отношений (см.) в марксизме (как в его ортодоксальной, так и в неомарксистской версиях, хотя в последнем случае редукция принципиально не могла быть полной).

Таким образом, в дискурсах социальных наук и (в значительной мере) социальной философии специфику подхода в понимании человека задает тематика и проблематика самореализации последнего в контекстах социальных отношений, предметной деятельности и общения, в которых через индивидуальное проявляется типическое (социально значимые черты, связи и отношения конкретного социума и образующих его социальных общностей, групп и институтов), что и фиксируется, собственно, в социологическом понятии "личность". Несколько огрубляя, с социологической точки зрения можно было бы сказать: "Природа ("родовая сущность") человека социальна" (в более "мягкой" формулировке – социокультурна). Избегая, как правило, самого термина "человек" и заменяя его термином "индивид" для обозначения единичного представителя человеческого рода, социологи концентрируют внимание на базовой для них абстракции, специально сконструированном для "фиксации" социальных аспектов человеческого бытия – понятии (концепте) "личность". Социальность человека означает, что он не может поддерживать свою жизнь и удовлетворять свои потребности иначе, чем в определенной общественной структуре, адаптироваться к среде иначе, чем создавая и изменяя социальную структуру, находить свое место в жизни и реализовывать себя иначе, чем в общении с себе подобными в интерсубъективном пространстве сложившихся и регулируемых социальными институтами социальных связей и отношений. Понятие личности как раз и выражает целостность устойчивых свойств и качеств индивида, хотя и сформированных на основе его биопсихологических задатков, но вырастающих: а) из системы связей и отношений групп, общностей и институтов, в которые он был включен и тех, в функционировании которых он в данный момент участвует, б) из его воспитания и социализированности в определенную культуру, в) из его пребывания и активности в определенных макро- и микро-социокультурных средах и ситуациях.

Однако уже обсуждение вопроса о мере социальности человека вызывает существенные расхождения. Так, социобиологи, не отрицая значения социальных детерминант формирования человека, обращают внимание на недооценку природных, генетических и психофизиологических факторов в сложившихся моделях индивидуального и коллективного поведения. Психоаналитическая традиция в философии и социологии акцентирует прежде всего репрессивное начало социальности (и культуры) по отношению к человеческой природе, изначальную конфликтность общества и индивида. Другой полюс представляют теории, редуцирующие (сводящие) сущность человека к тем частичным функциям, которые он выполняет в системе социальных институтов, общностей и групп, социальных связей, отношений и взаимодействий в целом (вульгаризированный марксизм, крайние формы функционализма и интеракционизма). Нельзя обойти вниманием и проблему индивидуальности в социологических трактовках личности. Само понятие "индивидуальность" вводится для обозначения того особенного, специфического, неповторимого, что отличает одного человека от другого. Классическая социология старалась вынести эту проблематику за пределы своего рассмотрения. Мерой человека оказывалась прежде всего мера усвоенного социально-типического в индивиде, характеризующая сложившиеся, нормированные и санкционированные особенности групп, общностей, институтов, социума в целом, а не мера его индивидуальности. С этой точки зрения понятие личности оказывалось применимо к каждому человеку в любом социуме и культуре, коль скоро он индивидуально проявляет их значимые черты, а его образ действий и поведение выступали как одобряемые, поощряемые и ожидаемые. Под воздействием культурологии и психологии данная трактовка подверглась существенной корректировке.

Стало очевидным, что в конкретно-исторических социумах и культурах в понятие "личность" вкладывается существенно различающееся содержание. Традиционное общество предполагало слитость, единство человека с родом, общиной, выступавших как социальное целое, вне которого индивид не мыслился как самостоятельный социально действующий агент. В этом случае речь можно вести скорее только о коллективной личности. Собственно же единичная личность предполагает ту или иную степень автономности и свободы человека (в рамках юридически закрепленных и/или религиозно санкционированных прав и обязанностей) в своих действиях и поведении, персональную ("личностную") ответственность за них. Таким образом, личности нет вне самореализа-

ции индивида, проявления им своей неповторимой индивидуальности. Следствием сказанного становится применение термина "личность" на уровне здравого смысла только для характеристики человека, обладающего развитой индивидуальностью. Как целостность и индивидуальность трактует личность психология. В культурологическом подходе актуализируется вопрос о применимости понятия "личность" за пределами культурного ареала, сформированного под влиянием традиций античности и христианства, с установкой на посюстороннюю самореализацию человека, наиболее полно воплотившейся в идеалах гражданского общества. В социологическом же анализе вводится представление о необходимости учета "трехуровневости" этого понятия, применяемого для характеристики индивида: 1) как носителя социальности вообще; 2) как представителя определенной культуры, социальной общности и группы; 3) как индивидуальности. Эти уровни по-разному учитываются и соотносятся в конкретных социологических теориях личности, присутствуя в явном (эксплицированном) или неявном (имплицитном, латентном) виде в любой из них при определении соотношения в индивидуальных и групповых моделях поведения "внешних" (социокультурных) и "внутренних" (от субъекта идущих) факторов их детерминации.

В частности, они задают разное определение еще одной основополагающей абстракции социальной теории – понятию "базисной личности". Последняя фиксирует репрезентативный для данной культуры, социума, общности, группы тип личности, т.е. комплекс черт, проявляющихся у индивидов к ним принадлежащим чаще всего. Частота же проявления может быть зафиксирована трояко: 1) как статистическая характеристика, фиксируемая в поведении индивидов; 2) как типологический комплекс черт, присущих большому количеству индивидов при всем различии их поведения; 3) как воплощение в поведении ценностей данной культуры, даже если они проявляются в поведении только определенной части членов социума. Соотносимым с понятием "базисной личности" является понятие "культурный идеал личности", фиксирующее комплекс принятых, нормированных и санкционированных представлений о том, какие черты должен воплощать в себе представитель определенной группы, общности, социума, чтобы снискать себе их положительную оценку, пользоваться их поддержкой и чувствовать себя комфортно в тех или иных социокультурных условиях и ситуациях. Если "базисная личность" отражает реально наличествующие в действительности черты индивида, то "культурный идеал личности" – скорее желаемую модель, которая задает шкалы оценок реального поведения людей. То или иное сочетание и соотнесение реального и модельного формируют представления о норме и отклонении от нее. Представления о "нормальности" индивида для данной группы, общности, социума имплицитно содержат в себе обозначение допустимых пределов в компромиссе социума и личности, позволяющие им относительно беспроблемно и бесконфликтно взаимодействовать в рамках принятой модели конформистского поведения.

Для С.Л., особенно для психологически ориентированных ее версий, большое значение имеет выделение и анализ так называемых личностных структур. Под последними имеются в виду целостные "внутренние" комплексы, мотивирующие и побуждающие изменения как в самом индивиде, так и в формах его предметной и коммуникативной активности, и находящиеся в свою очередь под тем или иным стимулирующим эти изменения воздействием "внешней" социокультурной среды, надындивидуальных факторов человеческого бытия. Становление данных структур и анализ механизмов саморегуляции личности на их основе являются предметом анализа прежде всего психологических наук. Социологию же эта проблематика интересует в той мере, в какой она помогает описывать и анализировать процессы самоопределения индивида и различных социокультурных условиях и ситуациях и "простраивать" системы межличностных и надличностных взаимодействий в рамках групп, общностей и социальных институтов. С этой точки зрения необходим анализ трех взаимопроникающих друг в друга систем представлений, лежащих в основе формирования так называемых субъективного, отраженного (зеркального) и ролевого "Я".

Система субъективного "Я" есть комплекс представлений индивида о своей внутренней подлинной сущности, о своей выделенности из среды и противопоставленности другим "Я", структурам "не-Я" в целом. Субъективное "Я" формируется в процессе социализации человека на основе развития его задатков и способностей, накопления индивидуального опыта и выполнения социально значимых функций, под воздействием социального окружения индивида. Однако конечная "цель" субъективного "Я" – автономизировать человека, сформировать его экзистенциальные установки и ориентации, систему его личностных смыслов, т.е., по сути, – его индивидуальность. Оно предполагает наличие механизмов самоидентификации и самозащиты личности, их выражение (в той или иной мере) в самосознании. Самоидентификация опирается на "глубинные" индивидуальные ценности, ее механизмы максимально скрыты от "внешнего наблюдателя", практически не поддаются фиксации средствами социологического анализа. В этом аспекте личность становится предметом философской и религиозно-теологической рефлексий, будь то в аспекте выявления имманентного и трансцендентного (божественного и тварного) начал в индивиде, задающих ее сущность, будь то в аспекте обоснования нравственного поведения (взаимоотношение сущего и должного), будь то в аспекте проявления индивидуальности человека в пограничных жизненных ситуациях. Однако самоидентификация может быть оценена и эмпирически (на степень адекватности различным ситуациям деятельности) и особо явно проявляться в конфликтах личности в ситуациях, предполагающих выбор линии поведения вообще. Субъективное "Я" во многом как раз и предопределяет выбираемые индивидом способы самоутверждения в мире, однако в целом имеет тенденцию к отграничению от внешних действий и поведения человека, образуя зачастую противостоящий и противоречащий им уровень самореализации и самоопределения. Большую роль в соотнесении "внешнего" и "внутреннего" играют выбранные и/или освоенные индивидом механизмы психологической самозащиты, предохраняющие его от потери самоуважения и распада структур деятельности при явном расхождении последних между собой. Среди этих механизмов можно назвать следующие: а) сублимации (переключения внимания и перевода активности в другую область, в которой индивид имеет большие шансы добиться успеха); б) рационализации поведенческих схем (подмены истинных мотивов и/или вытеснения мотивов, неприемлемых в данной ситуации); в) перцептуального отрицания (невосприятия информации, оцениваемой

как негативная); г) проекции (переноса неприемлемого для индивида на других людей).

Субъективное "Я" часто выполняет компенсаторские функции, смягчая для индивида неудачи в реальной деятельности и коммуникации, и поэтому может весьма неадекватно репрезентировать как возможности самого человека, так и реальные социальные коллизии, в которые он попадает. Корректирующую функцию в этом случае может выполнить система отраженного (зеркального) "Я", выступающая в целом своеобразным посредником между планами содержания и выражения, индивидуальной замкнутостью и внешним самоутверждением индивида. Отраженное (зеркальное) "Я" характеризует комплекс представлений человека о себе, складывающийся на основе известных ему или предполагаемых им оценок себя другими людьми и своих реакций на эти реальные или предполагаемые оценки. Оно также может быть в разной степени адекватным реальному положению дел. Ведь люди весьма избирательны в отборе информации и субъективны в оценке реакции других людей и часто бывают малопредсказуемы в своих реакциях. Кроме того, отраженное (зеркальное) "Я" может не только корректировать субъективное "Я", но и вступать с ним в открытое противостояние. Однако в целом оно выступает мощным фактором конформизма, включения человека в систему социального контроля, реальных социальных связей и отношений. Детерминантами формирования отраженного (зеркального) "Я" являются микросреда и первичные группы, в которые входит или в которых социализировался индивид, а также референтные (и эталонные) для него группы.

Ответственность за реальное самоутверждение человека в мире несет его ролевое "Я", формирующееся на основе реально выполняемых или желаемых индивидом социальных функций. В рамках этой структуры он как бы "выносит себя вовне", ориентируясь на достижение внешних, видимых другими результатов, реализовывая свои интенции через формирование комплекса черт и свойств, проявления которых от него ожидают, требуют и санкционируют другие индивиды, группы, общности, институты. Это максимально открытая в социум личностная структура, эксплицирующая внешнюю детерминацию индивидуальных моделей и стратегий поведения. Ее конституирование предполагает активное "задействование" механизмов адаптации к среде не только через процессы воспитания и обучения, но и через прямое внушение, заражение, подражание. Ролевое "Я" также может быть в разной степени согласовано с другими подсистемами Л. Однако его рассогласование с ними ведет не только к возможной дезинтеграции и фрустрации личностных структур, но и к дезорганизации систем социальных взаимодействий, явлениям социальной изоляции или, наоборот, агрессии по отношению к окружению, росту конфликтов, в которые втягивается индивид.

"Наложение" структур субъективного, отраженного (зеркального) и ролевого "Я" друг на друга, их проекции вовне лежат в основе формирования различных моделей и стратегий индивидуального и коллективного (в рамках надиндивидуальных взаимодействий) поведения человека, выработки определенной "концепции жизни", латентных и эксплицированных социальных качеств личности, типологизация которых в их соотнесенности с принятыми культурными идеалами является прямой задачей социологии. Неадекватная оценка себя и своих возможностей, реальных социальных условий и ситуаций, рассогласование подструктур личности, базисных и нормативных ее моделей, возрастание индивидуальной и социальной конфликтности могут приводить к формированию структур так называемого "ложного" ("расколотого" и т.п.) "Я", а в социальном плане фиксироваться как рост различного рода отклонений от норм и характеризоваться как девиантное поведение.

Различная степень учета структур личности приводит к поляризации статусно-ролевых концепций личности, акцентирующих прежде всего "внешнюю" детерминацию индивида и его поведения выполняемыми им социальными функциями (закрепленными в социальных позициях, статусах и ролях индивида), и диспозиционных концепций личности, исходящими из фактора самодетерминации индивида и его поведения его диспозиционными (социальные установки и ценностные ориентации) и мотивационными структурами. В качестве альтернативных им разрабатываются теории, ориентированные на синтез с психологией или культурологией при анализе личностных структур и поведения. В феноменологически ориентированной социологии на первый план выдвигаются понятия интерсубъективного пространства и повседневной жизни, в экзистенциалистски ориентированной социологии (Э.А.Тириакьян и др.) – стратегии ситуативного анализа. Специально становление индивида как социального субъекта (личности), а также формирование личностных структур рассматриваются в различных концепциях социализации, воспитания и образования. Эти различные по своим методологическим основаниям и концептуальному оформлению парадигмальные стратегии изучения личности в целом оформились в неклассический (включая этап неоклассики) период развития социологии, с которым связан "расцвет" личностной проблематики и тематики в социологии (классическая социология в значительной мере маргинализировала данную проблематику и тематику, о чем уже говорилось выше).

Именно становление неоклассических по своей сути дискурсов Чикагской школы, а затем и структурно-функционального анализа способствовало конституированию различных версий статусно-ролевого подхода к пониманию социальной сути человека. Статусно-ролевые концепции личности на долгое время стали ассоциироваться в социологической и внесоциологической традициях как выражающие саму суть С.Л., т.е. социологического видения и понимания личностной проблематики. Они по-новому переоформили классические установки дюркгеймовского социологизма и европейского рационализма, в соответствии с которыми человек в своем личностном аспекте трактовался как: 1) в основе своей редуцируемый к социально-личностной ипостаси, что позволяет отвлечься от психологических компонент личностной структуры; 2) детерминируемый в этом измерении социальными отношениями, взаимодействиями, условиями и ситуациями; 3) принципиально "разумный" (рациональный) при определении стратегий и тактики своего поведения-действования, ориентируемого на институционально транслируемые нормы социальной жизни; 4) предсказуемый ("калькулируемый") в своих социально предопределяемых действиях и поступках.

Предельное основание действий индивида – следование стратегии реализации социальной функции, вменяемой ему как его социальная позиция в социальной системе и "под ко-

торую" он социализирован и адаптирован. При этом социальные позиции типологизируются на предписанные (фактом рождения и наследования, например) и достигаемые (в результате личных усилий индивида), соотношение которых в социуме предопределяет параметры возможностей социальной мобильности внутри него (во многом характеризуя степень открытости-закрытости социальной системы). Занятие той или иной социальной позиции предполагает способность и готовность индивида к исполнению определенной социальной роли. Последнюю можно определять: 1) через совокупность требований, транслируемых от социума и его подструктур к данной социальной позиции; 2) через совокупность действий, которые должен выполнять индивид, занимающий ту или иную социальную позицию; 3) через систему внутренне связанных своей ориентацией на других (другие социальные позиции) действий индивида, занимающего данную социальную позицию; 4) как ожидаемое от индивида социальное поведение, соответствующее занимаемой им социальной позиции в социальной иерархии; 5) как личностную (но обезличенную в смысле деперсонализации и задаваемости социальной позицией) проекцию социальных деятельностей и практик (праксисов); 6) как способ (технологию) реализации социальной функции индивидом, в зависимости от занимаемой им социальной позиции; 7) как институционально предписанный данной социальной позиции способ удовлетворения той или иной потребности индивида. Таким образом, акцент в способе задания (предписывания) роли индивиду выступает как демаркатор той или иной версии в статусно-ролевом подходе к личности.

Занимая одновременно различные социальные позиции, принадлежа одновременно различным социальным пространствам и подсистемам, индивид изначально обречен на одновременное или последовательное исполнение ряда социальных ролей, утрату одних из них и приобретение других. В результате он действует в рамках определенного репертуарного ролевого набора, которому стремится (если оказывается подготовлен к этому) придать характер системности, что требует от него выявления жизненных приоритетов, в данном случае – доминантных для него социальных позиций (которые не обязательно могут соответствовать его предпочитаемым личностным образцам, а выбираться, например, под воздействием внешних обстоятельств, социального давления и т.п. факторов). Если такие приоритеты определены и приняты личностью как руководство к действию, то в рамках данной концепции можно говорить о сформированности ролевой системы индивида.

Каждая социальная роль предполагает наличие ее нормативной структуры и ролевого поведения (стратегии и технологии ее исполнения). В нормативной структуре социальной роли фиксируются ролевые предписания и ожидания, образцы поведения, права и обязанности, система санкций (стимулов и репрессий), критерии оценки исполнения, отсылки к фундирующим роль ценностям. Фактически, соотношение прав (ожиданий индивидом того, что другие будут вести себя по отношению к нему должным образом), обязанностей (ожиданий других от индивида должного поведения) и санкций (мер и средств защиты социального порядка) предопределяет социальный статус индивида, занимающего ту или иную социальную позицию и исполняющего ту или иную социальную роль. В различных версиях статусно-ролевой концепции личности нет единства в вопросах о том, роль определяет статус или, наоборот, статус определяет роль (в этой логике следовало бы говорить о том, что каждая позиция обладает предписанным или достигаемым статусом, диктующим исполнение той или иной роли). Нет в этих версиях и согласия по поводу того, обладает ли индивид единым (интегральным) социальным статусом, независимо от многообразия исполняемых им ролей (если они объединены в рамках единой ролевой системы), или же, меняя социальные позиции и роли, индивид меняет и свои статусы (т.е. он обладает более чем одним социальным статусом одновременно, хотя в рамках ролевой системы может быть определен его основной социальный статус; иное дело – изменение статуса или статусов на протяжении жизни человека).

Для выбора той или иной версии трактовки сути социального статуса и понимания формирования ролевых систем большое значение в статусно-ролевых концепциях личности имеют еще два понятия: социального престижа и ролевого конфликта. Под первым понимается объективированная в определенных критериях и шкалах сравнительная и разделяемая социумом, институтом, общностью, группой, отдельными людьми (имеющими на то санкцию в глазах того или иного сообщества) оценка социальной (социокультурной) значимости для социальных целостностей тех или иных социальных позиций, ролей, но прежде всего статусов. Социальный престиж оформляется, как правило, знаково-символическим образом и во многом связан с властными (в самом широком смысле слова) возможностями обладателя того или иного социального статуса. Последний поддается корректировке через формирование определенного имиджа той или иной позиции и роли. Оценки престижности являются мощным регулятором социального поведения, формирования и перестройки ролевых систем индивида. Формирование и перестройка ролевых систем предполагает ситуацию выбора и согласования ролей, провоцирующую возникновение ролевых конфликтов, требующих от личности иных (чем в условиях нормального функционирования) стратегий и технологий действования и поведения.

Дальнейшее развитие статусно-ролевых концепций происходило как через акцентирование аспекта ролевого поведения в них (рассмотрение механизмов определения и интернализации роли индивидом, стратегий мотивации и т.д.), так и через универсализацию категориально-понятийных средств подхода для анализа иной тематики и проблематики. Так, расширяется понимание социализации, которая начинает трактоваться не только как усвоение социальных ролей, но и как выработка собственных образцов поведения и поиск референтных групп. Аналитические средства подхода переносятся на анализ социальных групп и институтов, которые начинают анализироваться как организованности социальных ролей и статусов. Вводятся представления о стратегиях и технологиях переопределения ситуаций, в которых оказывается индивид и/или группа, механизмах формирования лидерства и принятия решений и т.д. Однако все эти новации лишь смягчают, но не отменяют исходных аксиоматических допущений подхода. Рефлексия последних способствовала конституированию различных версий диспозиционных концепций личности, сформировавших иной (чем статусно-ролевой) подход к пониманию личности в неклассической социологии.

Последний, удерживая тезис о социальности личности и преимущественной детерминации ее поведения "извне" (из социума и культуры), попытался согласовать с ним тезис об активном участии в формировании социального поведения и действования индивидов "внутренних" личностных структур личности. Идя на уступку социологическому психологизму, базирующемуся в С.Л. прежде всего на (нео)бихевиористской и (соответствующим образом препарированной) психоаналитической методологии, представители данного подхода не столько описывали сами эти "внутренние" личностные структуры, сколько "подставляли" их под те факты (объективации) поведения и действования, которые оказывалось сложно и/или невозможно объяснить действием лишь "внешних" (социальных или социокультурных) детерминант. В этом аспекте диспозиционные концепции оказываются оппонирующими близким им, но строящимся в "обратной" логике развертывания теориям символического интеракционизма, в котором социальное вводится для объяснения психологического (их соотнесенность задается здесь через "обобщенный образ другого").

Понятие "диспозиционная структура" было призвано обозначить фиксированную в социокультурном опыте личности предрасположенность и готовность воспринимать и оценивать условия деятельности, а также действовать в этих условиях определенным образом. Образуя "глубинную" личностную структуру, диспозиции остаются недоступными непосредственному социологическому анализу. Они конкретизируются в понятиях фиксированных социальных установок (в иной традиции – аттитюдов – см.) и ценностных ориентаций, о которых уже можно судить через анализ их "внешних" проявлений (оценок и поведенческих реакций). Фактически диспозиции суть то, что "подставляется" под определенные сочетания таких "внешних" проявлений, отличая их друг от друга в их значимости для различных стратегий действования в социуме и культуре. Огрубляя, можно сказать, что они суть "приписанные" индивидам конечные основания, формирующие и структурирующие систему мотивов и мотиваций, сказывающихся на выборе конкретных решений и социальных действий людей. В свою очередь, социальные действия в этих концепциях можно расписывать как развертывание определенных потребностей и интересов личности через определение целей и выбор средств их достижения в связанный набор (систему) осуществляемых операций (актов), ведущих к достижению определенного результата, вновь замыкающегося на потребности-интересы.

Таким образом, в данном типе социологических концепций личности помимо "внешних" социокультурных детерминант, диктующих относительно постоянную и внутренне связную систему нормативно одобряемых действий во исполнение определенной социальной роли в соответствии с занимаемой социальной позицией (наделяемой характеристиками социального статуса и престижа), вводится представление о сложной "внутренней" детерминации, задающей репертуар вариаций ролевого поведения на уровне индивидуального исполнения на трех уровнях: диспозиции – мотивы – цели. Данные уровни, кроме всего прочего, характеризуют меру открытости личностных структур вовне – от закрытых "ядерных" образований, о которых в рамках социологических дискурсов можно судить главным образом лишь косвенно (диспозиции) через уровень мотивов и мотивировок к непосредственно выносимым в деятельностную реализацию целям. Аналогичную соподчиненность можно прослеживать и между структурами субъективного, отраженного (зеркального) и ролевого "Я".

Однако в целом диспозиционные концепции личности, смещая исследовательский интерес на "внутренние" личностные структуры, остаются в рамках основных социологических установок С.Л. и могут быть по ряду параметров соотнесены со статусно-ролевым подходом. В то же время в неклассический период развития социологии сложился и ряд оппозиционных названным версий анализа личностной проблематики, выходящих за пределы доминировавших представлений. Прежде всего изменения в С.Л. вносились за счет психологизации ее концептуального аппарата. В этой перспективе можно выделить несколько основных направлений анализа.

Первое связано с методологическими и теоретическими установками символического интеракционизма (см.), который, исходя из принципов социального бихевиоризма (см.) и предложив их синтез с рядом идей понимающей и феноменологической социологий, а также прагматизма и инструментализма, сумел предложить принципиально иное (новое) прочтение тематики и проблематики С.Л. У истоков символического интеракционизма стояли Ч.Х. Кули (см.) (концепты первичных социальных групп и зеркального (отраженного) "Я", акцент на взаимоотношениях "Я" и "Другого" и на задачах самореализации личности) и У.А. Томас (см.) (тезисы о предрасположенности личности к определенному типу поведения и конструированию (переопределению) ею своих ситуаций). Основной же круг идей направления связан с именами Дж.Г. Мида (см.) и его ученика Г. Блумера (см.), окончательно сместивших акцент при изучении личности на уровень ее интеракций (межиндивидуальных непосредственных, но прежде всего символических взаимодействий) и конституировавших двойственность личностных структур ("Я" как субъекта и "Я" как объекта). К этому направлению близки теории Дж. Морено (см.) (социометрия, психодрама, социодрама) и И. Гофмана (см.) (драматургическая социология).

Второе направление связано с социологической переинтерпретацией психоаналитической традиции, основания для которой заложил уже сам З.Фрейд (см.) (трехчленная модель психики человека, трехчленная структура личности, механизмы психической самозащиты "глубинных" структур личности, учение о комплексах и неврозах, социализационная концепция). Однако в контексте С.Л. важнее то влияние, которое оказал психоанализ (см.) на подходы, как минимум, Г. Маркузе (см.), Э. Фромма (см.), Э. Эриксона (см.), не говоря уже о том, что к его методологическим установкам и концептуальным разработкам в той или иной мере были вынуждены в дальнейшем обращаться чуть ли не все авторы, разрабатывавшие личностную тематику и проблематику, даже если они относились крайне отрицательно к психоаналитической традиции как таковой. С.Л. Маркузе, а в значительной мере и Фромма, кроме психоаналитических имела и неомарксистские корни – критическую социальную теорию Франкфуртской школы, в рамках которой были разработаны и теории личности, не имевшие прямого отношения к психоанализу – в частности, концепция авторитарной личности Т.Адорно (см.) и М. Хоркхаймера (см.). Развернутая же С.Л. в рамках данного направления была предложена Фроммом на основании соотнесения социальных практик современного общества,

подталкивающих индивидов к предпочтению модуса "иметь" модусу "быть", а тем самым к "бегству от свободы", и личностных структур, претерпевающих в результате "утраты свободы", неотделимой от сути человеческого способа быть, деструкцию. Вскрытие анатомии человеческой деструктивности в социуме и поиск способов ее преодоления и есть, согласно Фромму, одна из основных задач С.Л.

Разработки же Эриксона, оставаясь в целом в рамках психологии, но хорошо "накладываясь" на концепции социализации личности, способствовали переинтерпретации (при их развитии) всей проблематики и тематики С.Л. Речь в данном случае идет прежде всего о понятии "идентичность" и тезисе о "смене идентичностей" по мере проживания человеком определенных жизненных циклов и изменения социокультурных условий (через восемь кризисных альтернативных фаз решения возрастных и ситуативных "задач развития"). Идеи Эриксона оказались созвучны ряду положений гуманистической психологии – третьего направления, способствовавшего психологизации С.Л., особенно феноменологически и экзистенциально ориентированных ее версий. В основе гуманистической психологии – представления о человеке как о личности, свободно делающей свой ответственный выбор среди предоставленных возможностей, способной, в том числе, адекватно ответить на вызовы социокультурной среды. Тем самым человек, реализующий свою сущность, "обречен" на постоянное самосовершенствование (беспрерывное становление) как условие его полноценного бытия в социуме и культуре. Наиболее "социологично" интенции данного направления выразил А.Х. Маслоу (см.) – введший представление о системе потребностей человека как разделенной на иерархизированные базисные и равнозначные метапотребности. Базисные потребности (физиологические, экзистенциальные, социальные персональные), согласно Маслоу, актуализируются в конкретике социокультурных ситуаций и "угасают" по мере их удовлетворения и актуализации иных базисных потребностей. Метауровень образуют потребности самоактуализации, предполагающие стремление индивида к самотрансценденции, которое способно в той или иной мере реализовать достаточно ограниченное количество людей. Однако даже если этот уровень остается недостижимым для большинства, само стремление к "возвышению" целей свидетельствует о возможности все более адекватных "вызову" среды "ответах" индивида.

Кроме трех основных направлений психологизации С.Л., необходимо отметить и принципиальные изменения, внесенные в последнюю под воздействием культурологизации ее тематики и проблематики. Процесс культурологизации С.Л. отчетливо обозначился уже через адаптацию в ней круга идей феноменологической социологии и усвоение некоторых версий гуманистической психологии. В последнем случае можно говорить, в частности, об экзистенциальном анализе В. Франкла, центрированного вокруг идеи нахождения (обретения) и реализации смысла, фундированного ценностными универсалиями (творчества, переживания, отношения), человеком, принадлежащим тому или иному обществу. Другое направление этого процесса было задано взаимодействием между социологическими и антропологическими дискурсами. Свою лепту в переинтерпретацию С.Л. внесли как культурная (Л. Уайт, К. Герц и др.), так и структурная (прежде всего К. Леви-Стросс – см.) антропологии. Особо необходимо обозначить заслуги в этом отношении немецкоязычной философской антропологии – М. Шелер (см.), Х. Плеснер (см.), А. Гелен (см.), Э. Ротхакер (см.) и др. Однако наиболее процесс культурологизации проблематики и тематики С.Л. стал заметен со становлением постнеклассического знания в целом, социологии – в частности. Прежде всего это связано с продуцированием постструктуралистского и/или постмодернистского круга идей – М. Фуко (см.), Ж. Бодрийар (см.), М. Маффесоли, З. Бауман (см.) и др. Данный круг идей не только поставил под сомнение возможность понимания С.Л. как специальной социологической теории и/или совокупности разнопарадигмальных теорий, но, будучи принципиально ориентирован на метауровень анализа, стремился "снять с рассмотрения" саму тематику и проблематику субъекта-личности-человека как особых идеологических и методологических конструктов, объяснительные возможности которых объявлялись исчерпанными. Наиболее известны в этом отношении тезисы о "смерти субъекта" и о "человеке как просвещенческой иллюзии-фикции".

Таким образом, С.Л., наработавшая за время своего развития разветвленный понятийный и методический аппарат, ставится в современном социогуманитарном знании перед необходимостью критически-рефлексивного обращения к самим своим методологическим основам и концептуальным допущениям. Без проделывания такого рода работы ее дальнейшее развитие представляется весьма проблематичным.

В.Л. Абушенко

СОЦИОЛОГИЯ МАСС-МЕДИА – направление социологии, изучающее масс-медиа как социально-культурный феномен. Рассматриваются различные аспекты функционирования производства, распространения, получения сообщений масс-медиа. С.М.-М. развивается как направление исследований, концентрирующее внимание на административных, идеологических и культурных аспектах воздействия масс-медиа на социум. С.М.-М. тесно связана с эмпирическими исследованиями, сбор и анализ которых является базовой составляющей изучения масс-медиа. В рамках данного подхода можно определить несколько стратегий изучения масс-медиа. Последователи М. Вебера (см.) анализируют и выстраивают систему значения рациональной составляющей в культурной деятельности. Акцентируя внимание на вопросах организации работы масс-медиа, их включенности в социальную сферу, встроенности в социальный организм.

Сторонники концепции разработанной Э. Дюркгеймом (см.), заняты исследованием общественного восприятия содержания масс-медиа. Анализируя методы формирования коллективных представлений (проблема манипулирования общественным мнением) и рассматривая возможность объединения людей посредством медиа (интегрирующая функция).

Марксизм изучает символические значения текстов масс-медиа, рассматривая последние через призму взаимоотношений базиса и надстройки, при этом масс-медиа относятся к надстройке. В соответствии с неомарксистскими традициями Франкфуртской школы (см.) (М. Хоркхаймер – см., Т. Адорно – см.), концепцией А. Грамши (см.), работой Бирмингемского центра "культурных исследований" (см.) (С. Холл – см., Р. Уильямс – см.) повышается внимание, уделяемое масс-медиа при формировании и развитии культуры. Масс-медиа рас-

сматриваются не только как "рупор" власти для пропаганды доминирующей идеологии, но и как часть и даже характеристика культуры.

Теоретические исследования С.М.-М. представляют собой попытку создания моделей, которые бы описывали закономерности функционирования и прогнозировали перспективы развития масс-медиа. Это такие концепции как информационного общества (**см.**), теория "всемирной деревни" (М. Маклюэн – **см.**).

Для изучения масс-медиа С.М.-М. использует различные эмпирические методы: мониторинг, контент-анализ, рейтинговые методики. Самой популярной формой отчета об исследовании масс-медиа является рейтинг (**см.**). Это можно объяснить спросом на такой формат данных, который является наиболее удобоваримым для специалистов сферы рекламы (**см.**) и маркетинга (**см.**) (основных потребителей С.М.-М.). К рейтинговым показателям относятся Share (процент аудитории, привлеченной масс-медиа в течение определенного времени) и Reach (количественный показатель, отражающий размер аудитории за определенный отрезок времени).

Можно выделить несколько проблем С.М.-М. в методологическом и теоретическом плане. Так при всем разнообразии применяемых С.М.-М. методик, ни одна из них не затрагивает проблему интерпретации сообщений, в результате эта важная составляющая процесса массовой коммуникации, просто выносится за рамки рассмотрения. Слабость С.М.-М. также в том, что при изучении аудитория (**см.**) рассматривается как пассивный участник коммуникации (**см.**) и не принимается в расчет различие интерпретаций при декодировании сообщений. В результате исследований С.М.-М. можно установить предпочтения аудитории, сравнить интерес аудитории к различной тематике, но остается неясным, как проинтерпретировала аудитория полученные сообщения. И положение в рейтинге не позволяет судить о эффективности коммуникации, в плане адекватности интерпретации сообщения масс-медиа. Поэтому С.М.-М. не может конкурировать с семиотическими подходами для изучения репрезентации реальности, пытаясь ограничиться построением репрезентативной выборки.

А.Д. Криволап

СОЦИОЛОГИЯ МЕДИЦИНЫ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ – отрасль социологии, которая изучает широкий спектр проблем, связанных с ролью здравоохранения и медицины в современном обществе. Или – отрасль социологии, "объединяющая исследования, направленные на изучение социальных явлений и фактов, социальных проблем и закономерностей, всего комплекса социальных процессов и социальных отношений, характеризующих особенности сферы медицинского обслуживания и охраны здоровья людей" (Писаренко И.Я. – **см.**)

Эту отрасль социологии некоторые ученые ограничивают социальными проблемами медицины (Изуткин А.М., Петленко В.П., Царегородцев Г.И. Социология медицины. Киев: Здоровь'я, 1981), что является не вполне правомерным, так как медицина представляет собой лишь одну из подсистем сферы здравоохранения, хотя и наиболее значимую, которая в свою очередь является одной из отраслей социальной сферы. Изучающую ее социологическую теорию вернее было бы назвать социологией здравоохранения, но термин "социология медицины" закрепился в научной практике. Поэтому, считаясь с установившимся фактом, но расширив охват социальных процессов и явлений до полного объема в этой отрасли социальной жизни, целесообразно именовать эту специальную социологическую теорию "С.М.иЗ." (Писаренко И.Я.). Она призвана изучать процессы и явления во всей сфере здравоохранения, а не только проблемы, связанные с медицинской деятельностью. Термин "здравоохранение" относится к различным институтам, осуществляющим функции охраны и поддержания здоровья и может быть связан со здравоохранительной деятельностью в сфере семьи, образования, труда, религии, права, экологии и т.д.

В европейских государствах, особенно в Великобритании, Германии, Франции социальные аспекты здоровья изучались в рамках антропологии и социальной медицины с конца 8 в. В это же время под влиянием идей Великой французской революции возникает концепция общественного здоровья. На протяжении почти двух столетий проблематика С.М.иЗ. была растворена в эпидемиологии и социальной гигиене.

Как специализированная отрасль С.М.иЗ. сложилась относительно поздно, в 1950-е в США. После второй мировой войны С.М.иЗ. стала быстро развиваться и в настоящее время за рубежом является одной из наиболее обширных (если не самой обширной) областей социологического знания. Значительный вклад в становление и развитие С.М.иЗ. внесли такие известные социальные мыслители и социологи как Маркс, Энгельс, Франк, Парсонс, Мертон, Фуко, Мэмфорд, Наварро, Уинтер и др.

Рост интереса к С.М.иЗ. связывают с тем, что: 1) в современных обществах происходит осознание того, что многие проблемы, связанные со здоровьем имеют социальную природу; 2) здоровье и жизнь людей начали признаваться высшими социальными ценностями; 3) со стороны медицины наблюдается возрастание внимания к изучению социальных аспектов болезней, особенно это касается таких направлений, как психиатрия, педиатрия, семейная медицина, гериатрия и коммунальная медицина; 4) возникла потребность введения социологического образования в практику преподавания высших медицинских учебных заведений.

Среди современных крупнейших западных социологов нет, пожалуй, ни одного, который бы не занимался вопросами С.М.иЗ. Издается целый ряд солидных изданий, связанных с С.М.иЗ., таких как "Здоровье и социальное поведение", "Социальная наука и медицина", "Социология здоровья и болезни".

В России внимание к проблеме здоровья крепостных крестьян одними из первых привлекли М.В. Ломоносов и А.Н. Радищев. Родоначальником "С.М.иЗ." в России считают А.И. Шингарева, который занимался изучением зависимости состояния здоровья людей от их социально-экономического положения. В 1920-е видные врачи – организаторы советского здравоохранения Н.А. Семашко, С.И. Мицкевич, А.И. Винокуров, Э.П. Соловьев и др. заложили основы С.М.иЗ., обратив внимание на решение не только медицинских, но и социальных проблем здравоохранения в целом. В 1950-1970-е исследованиями в области социологии медицины занимались такие ученые как Бирюков Д.А., Гращенков Н.И., Жданов В.М., Изуткин А.М., Кербиков О.В., Лисицын Ю.П., Сержантов В.Ф., Смулевич Б.Я., Царегородцев Г.И. и др. В частно-

сти, советские авторы Изуткин А.М., Петленко В.П., Царегородцев Г.И. в вышеупомянутой монографии "Социология медицины" сформулировали основные социально-философские проблемы медицины: 1) проблема биосоциального единства человека; 2) проблема взаимоотношений человека и природы; 3) проблема сохранения здоровья и жизни человека в условиях научно-технического прогресса; 4) проблема здоровья и образа жизни; 5) этические проблемы медицины в современном обществе.

В С.М.иЗ. можно выделить три основных направления исследования: изучение здравоохранения как части социальной сферы общества, изучение медицины как социального института и исследование здоровья и отношения к здоровью как социально-культурных феноменов.

Поскольку деятельность *здравоохранения как части социальной сферы* общества связана с воспроизводством реальной повседневной жизни людей, развитием и самоосуществлением социальных субъектов, основные ее измерения следующие: 1) условия сохранения здоровья и медицинского обслуживания; 2) доступность благоприятных для здоровья форм жизнедеятельности и медицинской помощи; 3) гражданские права и гарантии на получение медицинской помощи и проживание в безопасной для здоровья среде обитания; 4) возможность выбора медицинских услуг и благоприятных для здоровья способов поведения и форм жизнедеятельности; 5) возможность развития ресурса здоровья как составляющей жизненного ресурса: в сфере образования, физической культуры, права, медицинского обслуживания и т.д. в соответствии с социальным статусом и статусом здоровья; 6) способы регулирования, социального контроля здравоохранения и медицинского обслуживания со стороны гражданского общества, государства и личности; 7) степень ответственности социальных субъектов за сохранение здоровья; 8) социальное неравенство (условий и возможностей) в вопросах охраны здоровья и медицинского обслуживания; 9) социальные интересы, потребности, ожидания, мотивы и стимулы социальных субъектов (индивидов и групп) в сфере здравоохранения.

Основные измерения *медицины как социального института*: 1) ценности медицины (цели, принципы, кодексы), степень их согласованности с ценностями общества; 2) структура и функции медицины; 3) формы ее внутриинституциальной организации: в зависимости от форм собственности и источников финансирования (частная, государственная, страховая, ведомственная, коммунальная, благотворительная); в зависимости от уровня медицинского обслуживания (первичного, вторичного, третичного – амбулатории, поликлиники, больницы и т.д.); другие формы, например, такие как экстренная медицинская помощь, и другие линии анализа: научная – народная медицина, традиционная – альтернативная, добровольная – принудительная, институт самолечения; 4) символы медицины; 5) статусы и роли (врачи, пациенты, государство и др.) и регуляция отношений между ними – правовая, этическая и т.д.; 6) система профессиональной стратификации: определение статуса медицинских специальностей и профессий в системе профессиональной стратификации общества; исследование организации внутрипрофессионального неравенства; 7) система профессионального образования и профессионального отбора.

Основные измерения здоровья и отношения к здоровью как социально-культурных феноменов: 1) изучение социальных факторов здоровья; 2) изучение социальных факторов болезней; 3) исследование отношения к здоровью на всех уровнях общественной системы – государства, личности, социальных групп, общества в целом: ценности, нормы, ценностные ориентации, установки и реальное поведение; 4) субъективная оценка здоровья (в терминах самооценки, удовлетворенности) и факторов его детерминации.

Данный подход не исключает выделения в С.М.иЗ. других частных областей исследования.

Исторически сложилось и существует до настоящего времени классическое различие между *социологией в медицине* (sociology *in* medicine) и *социологией медицины* (sociology *of* medicine), которые представляют собой два далеких друг от друга направления С.М.иЗ. В первом случае при исследовании конкретных проблем доминирующими являются ценности профессиональной медицинской практики, которые и определяют характер аналитических процедур. *Социологию в медицине* критикуют за то, что ей свойствен, главным образом, "обслуживающий" характер и легитимация власти в отношениях медицины и общества, врачей и пациентов, в то же время признается факт, что работа социологов в медицине носит просветительский характер и способствует формированию у врачей видения социальных аспектов заболеваний и социальных основ функционирования медицины. В частности Л. Вирт (Wirth, 1931), анализируя работу социологов в клиниках, утверждал, что они должны заниматься обучением медицинского персонала, и их деятельность должна стать частью терапевтической деятельности клиники. *Социология в медицине* сложилась в Великобритании, где работа социологов была тесно связана с запросами медицины и здравоохранения, и именно благодаря опеке медицины и ее финансовой поддержке социологам удалось реализовать многие свои цели.

Социология медицины занимает более критическую позицию в отношении медицины и социальной политики в области охраны здоровья. Эта ветвь С.М.иЗ. сложилась в США в рамках кафедр социологии университетов, где социологии работали автономно, вне контактов и влияния медицины. В последние 15-20 лет интерес к методологии американской школы проявляют британские и другие европейские социологи. В круг изучаемых *социологией медицины* проблем входят такие, как *проблема власти* между медициной и обществом, медициной и государством, между врачами и пациентами. Причем, социологи добиваются не только научного признания факта существования этих проблем, но их упорядочения в реальной жизни. Они полагают, что контроль за деятельностью здравоохранения должны осуществлять институты гражданского общества, которые являются политическим противовесом государству и профессиональным монополиям, таким как медицина, суды и армия. С позиции концепта "власти-знания" рассматривает феномен медицины М. Фуко. Он полагает, что современная власть реализуется неразрывно со знанием. Знания и власть пронизывают друг друга, организуя и конструируя пространство понятий, смыслов и значений. По мнению М. Фуко такое понятие как "болезнь", является подлинно культурным феноменом, продуктом производства знания, в том числе медицинского.

И. Иллич (см.) (Illich) занимается исследованием *проблемы ятрогенеза*, т.е. проблемы угрозы человеческому здоровью при вмешательстве медицины: в результате необоснованного применения радикальных методов диагностики и

лечения заболеваний, в случае ошибок в постановке диагноза, побочных негативных эффектов при применении лекарственных препаратов и т.п.

Один из критиков современной медицины Зола И.К. (Zola, 1972) обращает внимание на *проблему медикализации* современного общества, на возрастание роли медицинских знаний, мышления и практик в повседневной жизни людей, зависимости от медицины общества и отдельных индивидов, политического влияния врачей и медицины, особенно в вопросах, выходящих за рамки их компетенции. Критики медикализации обращают внимание также на возникновение новых *этических проблем*, в частности, в связи с применением репродуктивных технологий, клонирования, трансплантации органов и эвтаназии.

В социологической литературе ряд авторов отмечает самоуверенное и высокомерное отношение медицины к представителям других профессий, ее веру в неограниченность своих возможностей в вопросах сохранения здоровья человека. Данный факт, возможно, объясняется тем, что медицина является одной из самых интеллектуально насыщенных сфер профессиональной деятельности. Американский социолог П. Стронг назвал это явление чувством "медицинского империализма" и этот "ярлык" закрепился в социологической литературе.

Однако несмотря на многочисленную критику в адрес медицины, социология не может существовать независимо и изолированно от нее: сложились и развиваются различные формы междисциплинарного сотрудничества, многие социологи работают в медицинском сообществе, другие приглашаются для решения медицинских и междисциплинарных задач. Социологи должны знать и помнить, что именно благодаря опеке со стороны медицины С.М.иЗ. удалось укрепить свой статус в качестве отдельной научной дисциплины, повысить свою роль в медицинском образовании и значительно расширить за счет медицины свою предметную область.

В то же время существует *реальное несовпадение позиций* между С.М.иЗ. и медициной, основанное на *критическом отношении С.М.иЗ. к медицинской модели*. Медицинская модель является основной формой научного объяснения в медицине или основной парадигмой медицины со времени возникновения инфекционной теории болезни в 19 в. Основные положения этой модели заключаются в том, что: 1) пациент считается пассивным объектом медицинского вмешательства; 2) научная медицина лечит, в основном, тело и не учитывает особенности личности. Медицинская модель критикуется за то, что является технократической по своей сути, легитимирует власть врача над пациентом, является эффективной лишь при лечении ограниченного круга болезней, в том числе инфекционных, и не способствует решению проблем современного общества, которое нуждается в такой системе здравоохранения, которая могла бы противостоять распространению хронических заболеваний. Социологи критикуют также медицинский подход к разработке и проведению профилактических мероприятий, который акцентирует свое внимание на поведенческих факторах здоровья и болезни, и исходят в своих построениях из социокультурного подхода, согласно которому негативные образцы поведения, например, такие как курение, привыкание к болезням, плохое питание, воспроизводятся социальным классом (слоем). Критики медицинской модели часто упрекают медицину в том, что она способствует закреплению медицинских "ярлыков" за теми состояниями и типами поведения, которые считаются социально или нравственно нежелательными (такими, как наркомания, алкоголизм, гомосексуализм и т.д.), способствует усилению первичного социального отклонения и социальной изоляции индивидов.

Роль С.М.иЗ. является весьма важной в формировании методологии. Именно она впервые заявила о том, что медицинское знание имеет социальную, культурную и историческую обусловленность и может рассматриваться как объект критического анализа. С.М.иЗ. обратила внимание на тот факт, что медицинское знание может изучаться не только, как форма научной истины, но и как средство влияния на здоровье, причем не обязательно позитивного.

Дальнейшее развитие С.М.иЗ. сдерживается рядом методологических трудностей и проблем. Наиболее острые из них являются неспецифическими для С.М.иЗ., однако по ряду указанных причин имеют особенно неудовлетворительное решение именно в этой области. *Первый круг проблем* касается самих теоретических понятий или конструктов. Так, неверный научный результат может быть вызван как отсутствием в категориальном аппарате специальной социологической теории таких понятий, которые адекватны по сложности решаемым проблемам, так и некорректно сформулированным конструктом или выбором невалидных и ненадежных индикаторов. Пренебрежение информацией о надежности индикаторов приводит к существенному искажению параметров модели. Валидное и надежное измерение в С.М.иЗ. осложняется тем, что здесь используются конструкты, разработанные в разных дисциплинах и в разных традициях. Сказанное, в частности, относится к таким понятиям, как "здоровье", "здоровый образ жизни", "ятрогении", "медицинская власть". Известно, что основными целями научного исследования являются описание и объяснение. Научные результаты представляются, как правило, в виде моделей, под которыми понимаются структурно-функциональные, ассоциативные или причинные связи между несколькими понятиями. *Вторая группа проблем* касается моделей описания и объяснения. Выбор между этими моделями и их верификация требует не только единства языка теоретических предположений и гипотез, но и методологически адекватных методов оценки правдоподобия моделей. С этим, т.е. с дизайном исследования и выбором метода оценки моделей связана *третья группа методологических проблем*.

Комплексность и целостность исследовательского подхода не может быть обеспечена механическим сочетанием отдельных подходов. Необходим, в частности, единый язык описания реальности, единый набор теоретических предположений и допущений, единые средства измерения переменных, что в настоящее время в С.М.иЗ. отсутствует. Более реальна попытка не интеграции отдельных подходов, а их продуктивной компиляции в решении конкретных задач.

В.Р. Шухатович

СОЦИОЛОГИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (этносоциология) – отрасль социологической науки, посвященная исследованию взаимосвязи и взаимовлиянию социальных и этнических процессов. Основателями С.М.О. являются Г. Гарфинкель (см.), В. Вундт, Богардус, перешедших от описательных характеристик этносов к количественным измерениям проявлений национальных особен-

ностей сознания и поведения людей. Основоположниками отечественной школы этносоциологов и этнопсихологов являются Б.Ф. Поршнев (см.), А.Р. Лурия, Ю.В. Бромлей, И.С. Кон (см.), В.И. Козлов, Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева (см.) и др. С.М.О. сложилась на стыке социологии, этнографии, истории, этнопсихологии, культурной и социальной антропологии. Исследует особенности воздействия национальных факторов на формирование социальной структуры, миграционные процессы, социальную детерминацию национального самосознания и межнациональных отношений, особенности ценностных ориентации и стереотипов поведения, культурные запросы и потребности этносоциальных групп.

Объектами исследования С.М.О. являются межнациональные отношения, национальные особенности восприятия и оценки, национальные проявления в политике международного сотрудничества, национальные обычаи, язык, другие элементы культуры, специфика национального самосознания. Важное направление исследований – изучение причин межнациональных конфликтов и способов их урегулирования, анализ факторов, влияющих на развитие национальных движений в их связи с политическими и социально-культурными процессами в обществе, изучаются особенности взаимодействия представителей коренной нации с представителями национальных меньшинств, возможности реализации интересов этнических меньшинств в различных исторических и социально-политических ситуациях.

С.М.О. использует статистические данные, количественные показатели и качественные характеристики межнациональных отношений, результаты непосредственного наблюдения, эмпирический материал, выводы вторичного анализа, данные переписи населения, языка, религии, искусства. Для социологических исследований представляется продуктивным разделение, произведенное Л.Н. Гумилевым в отношении больших этнических общностей (суперэтносов). В их структуре он выделяет этносы, субэтносы (этнические группы, проживающие в различных регионах) и конвиксии (различные слои в этнической общности). Данный подход может быть использован в прикладных исследованиях для фиксации этнохарактеристик различных групп.

Этносоциологическое знание может быть использовано для выработки необходимых управленческих решений, для критического осмысления политики и практики регуляции межнационального взаимодействия.

С.П. Винокурова

СОЦИОЛОГИЯ МЕНЕДЖМЕНТА – специальная социологическая теория, изучающая функции, методы, принципы и приемы руководства людьми и трудовыми процессами в формальных и неформальных организациях. *Объектом* изучения в С.М. – выступает управление как комплексное, целенаправленное воздействие на коллективы и отдельных работников в направлении обеспечения оптимальных условий для инициативного, созидательного труда в организациях, а *предметом* – совокупность конкретных механизмов управления в условиях рыночных отношений.

Одним из основных элементов управления организацией является организационная структура управления, под которой следует понимать совокупность управленческих звеньев, расположенных в строгой соподчиненности и обеспечивающих взаимосвязь между управляющей и управляемой системами. К звеньям управления относятся структурные подразделения, а также отдельные специалисты, выполняющие соответствующие функции. К звеньям управления следует относить и менеджеров, осуществляющих регулирование и координацию деятельности нескольких структурных подразделений. Под уровнем управления понимают совокупность звеньев, занимающих определенную ступень в системах управления организацией. Ступени управления находятся в вертикальной зависимости и подчиняются друг другу по иерархии: менеджеры более высокой ступени управления принимают решения, которые доводятся до нижестоящих звеньев. Отсюда возникла пирамидальная структура управления организацией. Примерами организационных структур в условиях рыночных отношений могут быть общества с ограниченной ответственностью, акционерные общества, совместные предприятия, холдинговые компании и др.

Функции С.М. – это конкретный вид управленческой деятельности, который осуществляется специальными приемами и способами, а также соответствующая организация работы и контроль деятельности. Функции управления можно представить как виды управленческого труда, связанные с воздействием на управляемый объект. Принято считать, что в процессе управления выполняются следующие основные функции: планирование, организация, мотивация и контроль. Каждая из четырех функций М. является для организации жизненно важной. Вместе с тем планирование как функция управления обеспечивает основу для реализации других функций и считается главной из них; функции же организации, мотивации и контроля ориентированы на выполнение тактических и стратегических планов организации. В процессе планирования принимается решение о том, какими должны быть цели организации и что должны делать ее члены, чтобы достичь этих целей. Тип планирования и акцент, который делает менеджер в процессе планирования, зависит от его положения в организационной системе, т. е. процесс планирования осуществляется соответственно уровням организации. Так, стратегическое планирование (высший уровень) – это попытка взглянуть в долгосрочной перспективе на основные параметры организации, тенденции ее развития, оценить конкурентную среду. Главная задача планирования на этом уровне состоит в том, чтобы определить, как организация будет себя вести в своей рыночной нише. Тактическое планирование (средний уровень) ориентировано на промежуточные цели на пути достижения стратегических целей и задач. Оперативное планирование (нижний уровень) – это конкретизация тактических планов в реальной работе членов организации. Все три типа планирования составляют общую систему, которая называется генеральным планом, или бизнес-планом функционирования организации. Организация как функция управления обеспечивает упорядочение технической, экономической, социально-психологической и правовой сторон деятельности организации. Функция организации нацелена на упорядочение деятельности менеджера и исполнителей и позволяет определить, кто именно должен выполнять каждое конкретное задание из большого количества заданий и какие для этого требуются средства. Через организаторскую деятельность, т. е. распределение задач и компетенций происходит управление отношениями в организации. Иными словами, организация – это средство для достижения целей организации. Функция мотивации – это процесс побуждения себя и других к дея-

тельности для достижения личностных целей и целей организации. Современные теории мотивации, предназначенные объяснить этот процесс, можно разделить на содержательные теории мотивации (напр., мотивационно-гигиеническая теория Херцберга) и процессуальные теории мотивации, которые базируются на том, как человек распределяет усилия для достижения конкретных целей и как выбирает конкретный тип поведения. Функция контроля определяется как процесс соизмерения (сопоставления) фактически достигнутых результатов с запланированными. Эффективный управленческий контроль создается на основе его соединения с процессом стратегического планирования. Он обеспечивает наблюдение за осуществлением стратегических планов таким образом, чтобы менеджеры могли определить, насколько хорошо они выполняются и где необходимо сделать изменения или применить регулирующие меры.

Принципы управления можно представить как основополагающие идеи, закономерности и правила поведения менеджеров по осуществлению управленческих функций. Их целесообразно сгруппировать в общие и частные. К общим принципам управления относятся принципы применимости (руководства к действию для всех работников организации); системности (охват системы с учетом внешних и внутренних связей); многофункциональности (охват различных аспектов деятельности – материального, функционального, смыслового, направленного на достижение конечной цели и др.); интеграции (способности интегрировать разные способы отношений и взглядов работников); ориентации на ценности (формирование у работников таких ценностей, как коммуникабельность, профессионализм, чувство принадлежности к фирме и др.). Основным частным принципом М. является принцип оптимального сочетания централизации и децентрализации в управлении, суть которого в оптимальном распределении (делегировании) полномочий при принятии управленческих решений.

Методы управления – это совокупность приемов и способов воздействия на управляемый объект для достижения поставленных организацией целей. Выделяют следующие методы управления: организационно-административные, основанные на прямых директивных указаниях; экономические, обусловленные экономическими стимулами; социально-психологические, применяемые с целью повышения социальной активности работников.

Управление персоналом как предмет С.М. означает, что руководство предприятием – это в первую очередь руководство людьми; удовлетворение потребностей сотрудников организации – одна из важнейших целей, залог ее эффективной работы. В этой связи особую актуальность приобретает М. кадровый, выражающий себя в определенной кадровой политике, т. е. стратегии работы с кадрами. Сюда относится планирование потребности в персонале; планирование приема на работу и сокращения кадров; планирование затрат на подбор и обучение кадров; планирование профессионального обучения персонала, а также перспектив его развития.

Управление трудовыми процессами как предмет С.М. означает, что управленческий труд, хотя и не выступает созидателем материальных благ, является неотъемлемой частью труда совокупного работника, и в этой части является трудом производительным. Основная задача данного труда – обеспечение целенаправленной, скоординированной деятельности как отдельных участников совместного трудового процесса, так и трудовых коллективов в целом. Содержание управленческого труда зависит от его объекта и определяется структурой производственных процессов, приемами труда, его техническим оснащением, а также взаимоотношениями, которые возникают в процессе выполнения управленческих функций. В государствах с переходной экономикой, основная особенность которой – реструктуризация применительно к новым условиям хозяйствования, актуализировался М. инновационный, связанный с реализацией механизмов управления инновационными процессами на предприятиях. Проблема М. инновационного состоит в неразработанности названных механизмов и слабом влиянии на инновационную деятельность в рамках промышленных предприятий.

Исследование инновационных процессов на промышленных предприятиях показало, что инновационная деятельность, изначально ориентированная на минимальную модернизацию производства, в меньшей мере направлена на техническое переоснащение и внедрение новых технологических процессов, а в большей – на разработку и производство новых изделий или замену материалов на более технологичные или дешевые. Маломасштабные, точечные продуктные инновации не перспективны и не вносят существенного вклада в процессы модернизации на промышленных предприятиях. Более того, при нынешнем технико-технологическом состоянии предприятий тактика точечных продуктных инноваций исчерпывает свои возможности и перестает поддерживать потенциал производства. Изменение этой тенденции с помощью перестройки механизмов управления инновационными процессами – одна из основных задач современного отечественного М.

Г.Н. Соколова

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ – отрасль социологии, *объект* которой – молодежь (**см.**) как социально-демографическая группа общества (16-29 лет), а предметная область охватывает особенности ее социализации и социально-демографических характеристик, ценностных ориентаций и мотивации деятельности, характер и направленность ее социальной мобильности, включения в различные социально-стратификационные слои, обретение социальных статусов и ролей, конструирование жизненных планов и степень их реализации в конкретных социально-политических, экономических и социокультурных условиях, участие в их преобразованиях.

С.М. исследует особенности *социализации* вступающих в жизнь поколений, своеобразие образа жизни М., формирование ее *ценностных ориентаций и мотиваций деятельности*, характер и направленность ее *социальной мобильности*, структуру присущих ей *социальных статусов* и выполняемых *социальных ролей*, ее *жизненные планы*, особенности и степень их реализации в конкретных социально-экономических, политических и социокультурных условиях. Согласно социологическим представлениям и теориям конца 20 в., М. – это динамично развивающийся ресурс, в определенных социальных обстоятельствах быстро превращающийся в динамичную и активно действующую силу социально-политических, экономических, культурных трансформаций, ценностных сдвигов, поведенческих перемен.

Современные постсоветские общества находятся в состоянии глубоких социально-стратификационных изменений,

Наряду со старыми социально-стратификационными слоями, оставшимися в наследство от прежней социально-экономической системы – рабочими, колхозным крестьянством, интеллигенцией, в процессе трансформации общества в направлении к социально ориентированной рыночной экономике возникают и разными темпами развиваются новые социально-стратификационые группы: предприниматели, менеджеры, фермеры, банкиры, лица свободных профессий, маргинальные слои, безработные и др. Все они в значительной степени рекрутируются из М., которая стремится взобраться как можно выше по стратификационной лестнице, но это ей далеко не всегда удается.

Такая ситуация обусловлена рядом объективных и субъективных факторов, прежде всего сложностью и трудностью вхождения молодого человека в систему жестких рыночных отношений Чтобы участвовать в процессе становления таких отношений, человеку необходимо иметь определенный стартовый капитал, капитал не только финансовый, материальный, но и достаточно прочный капитал жизненного опыта, знаний, определенных ценностных ориентаций и стереотипов поведения в конкретных ситуациях. Но как раз этого нашей современной М. в подавляющем ее большинстве и недостает. На этом общем фоне социального развития современной белорусской М. существуют более или менее существенные различия, обусловленные как принадлежностью молодых людей к различным возрастным когортам, так и своеобразием социально-экономических и региональных условий, в которых протекает из жизнедеятельность. Все это также должно учитываться социологической юниологией.

Приоритетное место в социологическом изучении М. занимает выявление особенностей и путей вхождения М. в те или иные социально-стратификационные слои общества – рабочие, предприниматели, менеджеры, фермеры, служащие и т.п., обретение юношами и девушками определенного социального статуса и выполнение определенной социальной роли.

Исходные принципы такого именно ориентирования изучения М. заложены в работах Э.Дюркгейма, развиты в трудах американских (Т. Парсонс, Р. Мертон, Н. Смелзер и др.), российских (В.Т. Лисовский, Н.М. Блинов и др.), эстонских (М.Х. Титма), белорусских (Е.М. Бабосов, Г.Н. Соколова, В.И. Русецкая, Е.А. Борковская) социологов. Работами этих и других социологов установлено, что именно социальные структуры – экономическая, стратификационная, политическая, социокультурная, демографическая, социально-территориальная – и процесс их изменений, а в постсоветских странах – глубокой трансформации, играет важную роль в становлении и развитии М. как специфической социальной общности.

Чем же обусловлено своеобразие М. как социальной общности? Оно детерминировано, во-первых, тем, что в общем составе молодого поколения существует значительная доля юношей и девушек (учащиеся, студенты), которые не обладают в полном смысле собственным социальным положением и характеризуются либо своим прошлым социальным статусом – социальным положением родителей, либо своим будущим статусом, связанным с профессиональной подготовкой и намечающейся профессиональной деятельностью. Во-вторых, социальное своеобразие М. детерминируется не только формальной принадлежностью тех или иных ее групп к различным социальным структурам, но и непосредственной включенностью в различные молодежные движения и группировки – политические, субкультурные (хиппи, рокеры), территориальные (люберы), религиозные или псевдорелигиозные (дзен-буддисты, кришнаиты, сатанисты и др.). В-третьих, своеобразие М. как социальной общности определяется тем, что она находится в процессе формирования, становления и развития своих социальных качеств, а этот процесс в силу своей неоднородности и противоречивости, вызванной различными социально-экономическими, политическими, социокультурными влияниями, подвержен значительным изменениям и колебаниям, развертывается не по прямой линии, а по сложной траектории, отличающейся значительными флуктуациями, отклонениями. Поэтому, в-четвертых, специфика социального развития М. как социальной общности обусловлена поэтапным, соответствующим возрастным изменениям социального статуса и вытекающим отсюда многоступенчатым становлением и развитием социальных сущностных сил (личностный потенциал, побудительно-мотивационные установки, социокультурные предпочтения и ценностные ориентации), воплощающихся в специфических формах ее жизнедеятельности.

М. представляет собой открытую социальную систему, включенную во все многообразие связей, отношений и взаимодействий, существующих в обществе. Наиболее характерные для нее *функции – социализационная, воспроизводственная, трансляционная и инновационная*. Это означает, что М. в своем социальном развитии осуществляет включение в общество, его социальную структуру, т.е. процесс социализации. Вместе с тем ей свойствен и процесс воспроизводства, т.е. непрерывного возобновления производства и потребления материальных благ, рабочей силы и производственных отношений. Кроме того, она осуществляет трансляционную функцию, т.е. усвоение и передачу, распространение знаний, достижений, навыков, опыта старших поколений. Одновременно она преобразует этот опыт, вносит в него нечто новое, своеобразное, ранее не существовавшее, возникшее в изменившихся социально-экономических, политических, социокультурных условиях, т.е. осуществляет инновационную функцию.

Вследствие названных особенностей включение М. в социально-стратификационные слои общества носит сложный и противоречивый характер. Такая ситуация обусловлена тем, что нередко возникают противоречия между завышенной социальной самооценкой юношей и девушек и реальными их возможностями приобрести своими практическими действиями, прежде всего своим трудом, определенный социальный статус. Существуют расхождения и противоречия между желаемым и реальным социальным статусом, между уровнем образования и материальным положением, что резко осложняет процессы вхождения юношества в те или иные социальные группы, особенно престижные.

В условиях кризисного общества, переживающего глубокие трансформации, особенно остро проявляется противоречие между стремлением М. к экономической самостоятельности и уровнем реальной осуществленности такого, вполне понятного стремления. Социологические исследования, проведенные в 1997 в Могилевской области, показали, что почти три четверти молодых людей (71,4%) испытывают экономическую зависимость от родителей, хотя более половины из них (56,5%) очень хотели бы обходиться без материальной

помощи родителей, но не могут себе позволить этого вследствие серьезных экономических трудностей. Существенное, а во многих случаях резкое расхождение жизненных стремлений юношей и девушек и реальности их материального положения приводит к тому, что из общего количества опрошенных только ничтожное меньшинство – 5,5% вполне устраивает то материальное положение, в котором они существуют, более половины респондентов (51%) оно не устраивает никоим образом, а 42% утверждает, что их оно устраивает далеко не в полной мере. Если сравнить приведенные данные с результатами республиканского социологического исследования, проведенного в 1993, то окажется, что за четыре последних года произошло почти двукратное уменьшение той доли М. Беларуси, которая удовлетворена своим материальным положением (она снизилась с 10,2 до 5,5%). Такая ситуация резко осложняет процесс социализации М., ее активного включения в продвинутые в социальном отношении социально-стратификационные группы общества.

Сложности и противоречия включения М. в желанные для нее социально-статусные группы, особенно в обществе, переживающем социально-экономический кризис, оказывают негативное влияние как на процесс ее социализации, так и на характер и направленность ее социальной мобильности. Продолжающаяся уже после окончания средней школы *социализация* юношества проявляет в своей траектории значительную зависимость от характера социального самочувствия юношей и девушек, связанного с реализацией тех или иных социальных предпочтений. Социологические исследования, проведенные в Беларуси в 1997, выявили, что по степени приоритетности социальные предпочтения современной М. располагаются в следующем порядке: здоровье, материальное благополучие, семья, работа, дружба, любовь, личная безопасность, образование, демократия, религия, бизнес. Если сравнить эту иерархию с той системой предпочтений, которая была зафиксирована социологическими исследованиями, проведенными в конце 1980-х, то бросается в глаза резкое снижение значимости труда и образования при одновременном столь же резком возвеличении социальной ценности здоровья и материального благополучия.

Сравнивая удельный вес и ранговое место того или иного социального предпочтения с количеством людей, неудовлетворенных возможностями и перспективой их реализации, можно выделить три типа соотношения этих параметров, оказывающих существенное влияние на социальное самочувствие и социализацию М.

Первый из них – *социально-напряженный* уровень, свидетельствующий о широкой распространенности социальной неуверенности и тревожности в определенной группе М., которая испытывает неудовлетворенность в отношении реализации определенных социальных предпочтений и не видит реальных возможностей их осуществления в ближайшей перспективе. Сюда относятся материальное благополучие, перспективы развития полной (двух- или трехдетной семьи), личная безопасность. Количество молодых людей, неудовлетворенных реализацией такого рода социальных притязаний, колеблется в пределах 55-58% от общего массива опрошенных, а удельный вес тех, кто не надеется на их реализацию в будущем, – от 47 до 78%.

Второй уровень – *социально-стабильный*, – свидетельствует о том, что значительная часть М. считает приемлемыми условия и возможности реализации определенных социальных предпочтений. Он характеризуется высоким значением определенного предпочтения для юношества, низким количеством неудовлетворенных уровнем его реализации, высоким удельным весом тех, кто не очень надеется на дальнейшие перспективы более благоприятного осуществления данных социальных притязаний. К этому уровню относятся такие социальные предпочтения, как хорошее образование и хорошая, интересная работа. Удельный вес этих предпочтений в молодежной среде достигает высоких значений – соответственно 69% и 85%, количество неудовлетворенных их реализацией снижается до 13-14; а количество молодых людей, которые не уверены в их полной реализуемости в ближайшей перспективе, составляет 52 и 77% от общего массива опрошенных.

Наконец, третий уровень – это уровень *рассогласования между возрастающей значимостью определенного социального предпочтения и реальной перспективой его реализации* в ближайшем будущем. Таким именно предпочтением у значительной части современной М. является стремление иметь собственное и самостоятельное дело, заниматься бизнесом, количество ориентированных на который в молодежной среде неуклонно возрастает.

Выделение трех уровней соотношения социальных предпочтений и степени их реализации в жизнедеятельности М. позволяет более отчетливо представить, что социализация юношества не представляет собой только пассивное отражение социальных влияний, а является в значительной мере общественным омоложением существующих социальных структур, организаций и институтов, внесения в их функционирование новых элементов, инициативы и творчества. Этот процесс известный болгарский социолог П. Митев назвал *ювентизацией*, т.е. специфическим видом творчества, порожденного новым доступом М. к социально-политической и ценностной системе общества. Исходя из сказанного, можно констатировать, что вхождение М. в социально-стратификационную структуру общества носит двусторонний характер: социализация как форма воспроизводства существующих систем производства и общественных отношений и ювентизация как форма обновления общества, его экономической, социальной и социокультурной структуры, обусловленная включением в его жизнь молодого поколения.

Хорошо известно, что основным источником богатства общества, важнейшим фактором его становления и развития является труд. Поэтому в социальном развитии М. определяющее значение имеет включенность ее в профессионально-трудовую деятельность, в экономическую структуру общества. Социологические исследования, проведенные в Беларуси, России, Украине, свидетельствуют, что трансформация государственно-социалистической экономики в экономику, основанную в решающей степени на частной собственности и ориентированную на развитие рыночных отношений, приводит к коренному преобразованию социально-экономических основ и регуляторов, которые формируют социальную структуру. Формируются новые экономически активные социальные слои (предприниматели, менеджеры, фермеры, коррумпированные и мафиозные группы), складываются новые формы социального расслоения, разделения общества на богатых и бедных, причем к числу последних принадлежит большинство рабочих, крестьян, интеллигенции, а самой отчужденной

от собственности, богатства и жизненного успеха группой оказывается М. Усиливающееся отчуждение в экономической и социальных сферах, уменьшающаяся надежда на благотворность для развития молодого человека складывающихся рыночных отношений и снижающееся в связи с этим доверие к властным и предпринимательским структурам вызывают у молодых людей потребность выработать свои собственные, нередко существенно отличающиеся от принятых в старших возрастных когортах способы вживания в трансформирующуюся социально-экономическую действительность. Для многих юношей и девушек эта действительность представляется враждебной и пугающей. Социологические исследования, проведенные в 1997, показали, что почти 43% опрошенных юношей и девушек Беларуси считают, что экономическая ситуация в республике ухудшается, 14,5% говорят о ее стабилизации и только 4,3% уверены, что она улучшается.

Вполне естественно, что в такой ситуации в общей иерархии ценностных ориентаций, свойственных М., трудовая деятельность, занимавшая в начале 1980-х первое место в ранговом распределении социальных предпочтений, переместилась на четвертое, а большинство юношей и девушек ориентируют свои жизненные планы главным образом на материальное благополучие и удачу (удачный контракт, удачный спонсор, удачная женитьба, удачное замужество и т.п.). Только каждый третий юноша и девушка (в 1982 – две трети) считает, что трудовая деятельность должна представлять возможность личностного саморазвития и быть полезной обществу. Социальное обесценение труда и меркантилизация жизненных планов при резко сузившейся возможности реализовать свои сущностные силы в активной трудовой деятельности способствуют включению М. в асоциальные и преступные формы деятельности (алкоголизм, наркомания, проституция, воровство, мошенничество, рэкет и т.п.)

В этом же направлении действует и сложившаяся в последнее время безработица, которая неуклонно молодеет – ведь в составе безработных ныне более половины составляет М. Негативное влияние безработицы проявляется не только в том, что она вызывает состояние тревожности и неуверенности в будущем более, чем у 43% опрошенных молодых людей, но и в том, что часть юношей и девушек вообще утрачивают стремление заниматься трудовой деятельностью. Они сумели приспособиться к положению безработных, довольствуются случайными заработками, приторговывают либо находятся на иждивении у родителей. Можно сказать, что формируется особый социальный слой молодых людей, у которых превалирует стремление обогатиться любым путем, девальвируются такие понятия, как честность, добросовестность, развиваются криминальные устремления.

Обобщение данных социологических исследований позволяет сделать вывод, что в современной молодежной среде преобладают три основные *стратегии экономического поведения* (**см.**), в зависимости от того, как молодые люди оценивают роль трудовой деятельности в своей жизни и в развитии общества.

Первая и наиболее распространенная из них – *стратегия прагматического экономического поведения*. Она базируется на отношении к работе исключительно как к источнику материального благополучия. Она свойственна большинству юношей и девушек: в 1997 более 92% опрошенных молодых людей в Могилевской области выражали стремление к такой работе, которая бы давала бы возможность высокого заработка. Такой тип поведения наиболее близок к рыночному, ибо предпочитает сознательную ориентацию на добывание материального благополучия собственным напряженным трудом. Молодые люди – носители такой стратегии – чаще всего социально активны, без особых трудностей вписываются в нынешние рыночные отношения, легко меняют род занятий и находят себе новое место, рассчитывают больше всего на свои собственные силы, а не на государственную молодежную политику, которая облегчила бы трудности вхождения М. в рынок, или на центры занятости, призванные помогать ей в трудоустройстве.

Второй тип стратегии экономического поведения можно назвать *безразлично-конформистским*. Для ее носителей работа вообще не представляет реальной ценности, главный их жизненный принцип: все работы одинаковы, а лучше вообще не работать. Эта группа М. не так многочисленна, как первая: только каждый пятый из опрошенных молодых людей (20%) считает, что работа – это неприятная обязанность, а если уж ее и выполнять, то она должна быть легкой, чистой и давать возможность спокойной жизни. Приверженцы такой жизненной стратегии ориентируются главным образом на внетрудовые ценности (прежде всего на здоровье и удачу), готовы приспособиться к любому виду деятельности, не прочь как можно дольше просуществовать на иждивении родителей или при поддержке богатого спонсора. В случае потери рабочего места они с легкостью меняют профессию и вид деятельности, так как не обладают профессиональными привязанностями и амбициями, не очень склонны рассчитывать на повышение квалификации и профессиональный рост при любой работе.

Наконец, третий тип стратегии экономического поведения можно определить как *профессионально-трудовой*. Для ее приверженцев характерна ориентированность на работу как на средство раскрытия и развития личностных способностей, профессионального роста, самоутверждения в обществе. Они стремятся к такой работе, которая бы стала любимым делом (61% от числа опрошенных), вызывала уважение друзей и знакомых (44%), давала возможности развивать и применять свои способности (43%) и приносила бы пользу обществу (42%). Эта группа М. отличается устойчивыми социально-профессиональными стереотипами поведения, не позволяющими ей "опускаться" до менее квалифицированного и престижного пусть даже выше оплачиваемого) труда, до занятий деятельностью, унижающей их профессиональное или личное достоинство. Это, как правило, – квалифицированные, добросовестные работники, от которых в возрастающей степени зависит усиление благоприятной тенденции в экономической сфере, позволяющей надеяться на выход современного постсоветского общества из экономического кризиса. О перспективности развития и усиления именно такой стратегии экономического поведения свидетельствует тот факт, что почти половина опрошенных молодых людей (более 47%) выражают намерение повысить свою квалификацию, еще 29,9% хотели бы приобрести другую профессию, более трех четвертых (77%) молодых людей отнюдь не довольствуются достигнутым в сфере трудовой деятельности и всерьез задумываются о том, как приобрести более высокий квалификационный уровень. Это – очень важный социальный показатель, свидетельствующий о том, что вопреки расхожим пред-

ставлениям некоторых публицистов, современная М. отнюдь не намерена существовать в качестве социальных иждивенцев, а готова к активной жизненной стратегии, чтобы собственными руками создавать свое будущее. Об этом же говорит и тот факт, что 61% респондентов хотели бы заниматься любимым делом, а более четверти (26,5%) считают необходимым, чтобы работа давала возможность добиться высокого положения в обществе.

Для уточнения позиций М. и ее прожективных ориентаций в сфере труда важное значение имеет выяснение вопроса, в какой мере ее естественное стремление к повышению своего материального благосостояния связывается с ориентацией на квалифицированный труд. В ходе исследования выяснено, что в стремлении улучшить свое материальное положение опять-таки больше всего молодых людей рассчитывает на повышение квалификации (25,9%), на втором месте находится стремление приобрести более перспективную работу, третье место занимает желание вступить в брак с состоятельным человеком (21,6%). Итак, если мы сопоставим число тех, кто надеется на удачу, везение (к ним относятся юноши и девушки, рассчитывающие на вступление в брак с состоятельным человеком или на получение наследства), с теми, кто надеется улучшить свое благосостояние упорным квалифицированным трудом, (стремление к повышению квалификации плюс желание приобрести более перспективную профессию), то соотношение между первыми и вторыми составит 28:50). Это свидетельствует, что в прожективных ожиданиях, ориентированных на повышение материального благосостояния, у современной М. расчет на собственную трудовую деятельность превалирует над надеждами на везение и удачу.

Среди прожективных ориентаций М. относительно невысокое место занимает стремление открыть собственное дело, заняться частным предпринимательством. Дело здесь не столько в несформированности рыночных ориентаций (они у М. выражены более сильно, чем у старших возрастных групп), сколько в отсутствии надлежащих стартовых возможностей. 28% респондентов сетует на то, что заняться частным предпринимательством мешает им отсутствие необходимых для этого финансовых средств, более 10% обеспокоены отсутствием необходимой для такого дела помощи со стороны государства.

Следует особо подчеркнуть, что в своем стремлении к лучшей жизни М. вполне реалистично и самокритично оценивает свои реальные возможности. Так только 16,3% респондентов из общего массива опрошенных уверены, что в ближайшее время у них появится возможность обеспечить себя хорошим заработком, но зато почти в пять раз большее их число (78,7%), считают, что они лишены такой возможности. Надеются в ближайшее время найти более интересную работу только 13% опрошенных, считают такую перспективу нереальной для себя 77,2% респондентов; примерно, такое же соотношение (13,3% против 79,6%) тех, кто надеется получить или купить квартиру, и тех, кто такой надежды лишен.

Во всех этих случаях решающая роль принадлежит факторам, которые от М. не зависят. В тех ситуациях, где многое зависит от самих молодых людей, уровень их стремлений и реальность возможного их осуществления сходятся между собой в гораздо большей степени. Так считают, что имеется возможность повысить в ближайшее время уровень своего образования 38,8% молодых людей, а 52,3% их сверстников – лишены такой возможности.

Современный социальный статус М., ее материальное обеспечение, не очень привлекательные перспективы изменения этого обеспечения очень часто ставят юношей и девушек в позицию человека, ожидающего поддержки со стороны родителей, друзей, государства и т.п. В связи с этим важное значение имеет выяснение вопроса, на чью помощь могут рассчитывать молодые люди в социально-экономической ситуации, существующей ныне в республике. В процессе исследования выяснено, что большинство М. Могилевщины – более 63% – рассчитывают на поддержку семьи, прежде всего родителей. Еще 12,7% молодых людей надеются, что им могут помочь друзья и приятели. Совсем ничтожная часть юношей и девушек – всего 5% опрошенных – считают, что им могут оказать помощь государственные органы. Каждые четверо из десяти респондентов рассчитывают только на себя, на свои собственные силы и возможности.

Стратегия экономического поведения и прожективные ориентации М. находятся в органической взаимосвязи с ее включенностью в процесс социальной стратификации и социальной мобильности. Социальная мобильность, т.е. изменение индивидом или социальной группой своего положения в социальной структуре общества, обусловливается наличием или отсутствием собственности, доходом, образованием, профессиональным статусом, доступом к власти. Социальные исследования, проводимые в Беларуси и странах Балтии, а также в ряде регионов России на протяжении более 15 лет, выявили некоторые существенные особенности включения юношества в социально-мобильный процесс. Во всех этих странах сельскохозяйственная страта потеряла привлекательность для образованного молодого поколения. В то же самое время молодая когорта повсеместно намного меньше представлена индустриальными рабочими, чем поколение родителей. Причем в Беларуси и Литве снижение числа индустриальных рабочих происходит главным образом за счет сокращения мужских рабочих рук, хотя молодые мужчины в этой страте все еще превалируют над молодыми женщинами.

В условиях увеличенного воспроизводства специалистов всех звеньев наблюдается низкий уровень выходящей мобильности из этих страт. Больше половины детей специалистов реализуется впоследствии в своей трудовой деятельности не иначе как теми же специалистами. В то же время уровень оттока довольно высок в среде квалифицированных индустриальных рабочих: лишь около трети респондентов остаются в составе этой страты. Во всех других стратах удельный вес оттока намного превышает процент оставшихся в родительской страте. Высок, в частности, отток по направлению к специалистам из страты работников сферы обслуживания.

Из этого вытекает, что отток М. из определенных социальных страт характеризуется резко повышенным уровнем восходящей мобильности, т.е. подъемом многих юношей и девушек к более высокому социальному статусу. В Беларуси, например, воспроизводство в пределах той же социальной страты, которая присуща родителям, свойственно 33% опрошенной М. по отцовской линии и 21% – по материнской, восходящая мобильность характерна для 48% по отцовской и 56% – по материнской линии, а нисходящая – только для 19% по отцовской и 23% – по материнской линии. Это означает,

что в Беларуси восходящая социальная мобильность М. примерно в 2,5 раза превышает нисходящую мобильность. Это – существенный показатель, свидетельствующий о благоприятных тенденциях в развитии социально-стратификационных процессов, в частности, социальной мобильности, в которые включается М.

Одним из существенных факторов социальной мобильности М. является ее включенность в политические процессы и в социокультурную деятельность. Социологические исследования свидетельствуют, что в современном обществе происходят существенные изменения в социокультурных предпочтениях М. Резко возросшая в условиях развала СССР конкуренция традиционно советских, национальных и так называемых "западных" ценностей сильно повлияла на ценностный мир молодых людей, на их культурную самореализацию. В молодежной среде наблюдаются крайне противоречивые тенденции: от приверженности незначительной части М. коммунистическим идеалам, воспринятых от поколения "отцов", до полного отрицания "папиных" ценностей не только в культуре, но даже и в истории собственного государства. В сфере культуры для современной М. наиболее характерной становится преимущественно развлекательная направленность. Наряду с коммуникативной (общение с друзьями) досуг выполняет в основном развлекательную функцию (почти 40% опрошенных в 1997 старшеклассников утверждали, что их любимое занятие на досуге – "ничегонеделание"), в то время как познавательная – эвристическая, человекотворческая функции культуры в молодежной среде реализуются в недостаточной степени. Такая ситуация наиболее рельефно проявляется в музыкальных предпочтениях: почти 90% опрошенных учащихся и студентов ограничивают свои интересы поп-музыкой. Из тех юношей и девушек, которые имеют в своем распоряжении видеотехнику, только чуть больше 5% прослушивают классическую, 8,5% – оперную, 1,5% камерную музыку, а остальные предпочитают – джаз, эстраду, рок, другие виды легкой музыки.

Одновременно происходит "вестернизация", главным образом американизация, культурных потребностей и интересов М. Любимыми героями и в определенной степени образцами для подражания становятся героини так называемых "мыльных опер" (для девушек) и киногерои, выведенные на экраны Сталлоне и Шварценеггером (для юношей). Расхожие стереотипы вестернизированной массовой культуры (а нередко и псевдокультуры) оттесняют на задний план классическую и национальную культуру. Значительно затрудняют культурное развитие и духовное самоопределение и широко распространенные в молодежной среде различные жаргоны. И тем не менее значительная часть М. испытывает потребность в культурной классике, как в области художественной литературы, музыки, изобразительного искусства, так и в сфере языкового общения.

В постсоветском обществе, несмотря на его значительную политизированность, существует отчуждение больших масс М. от политики. Хотя большинство юношей и девушек (юношей – гораздо больше) – 60% интересуется политикой, но проявляют активность в политической жизни в той или иной мере только 3,4% респондентов, а не интересуется и не участвует в политике 34,8% опрошенных молодых людей.

Среди социально-профессиональных групп М. наибольший интерес к политике проявляют студенты (более 64%), они же чаще других своих сверстников принимают участие в политических акциях – демонстрациях, митингах, подписании воззваний и т.п. Сторонниками или членами политических партий не являются и не стремятся ими стать абсолютное большинство молодых людей – от 92 до 95% в различных социально-профессиональных группах. Такая ситуация обусловлена тем, что более трех десятков партий, действующих ныне на политической авансцене Беларуси, является по существу только протопартиями (зачаточными партийными организациями), причем ни одна из них за последние 5-7 лет не смогла не только реализовать, но хотя бы сделать даже одно из своих программных требований популярными среди достаточно широкой массы населения. В таких условиях любая из них не в состоянии обладать многочисленным и стабильным электоратом, особенно в молодежной среде, политические ориентации которой очень подвижны и изменчивы.

Из приведенных эмпирических данных можно сделать два основных вывода: 1) политическая сфера остается для М. в значительной мере заблокированной другими, старшими возрастными когортами; 2) во внешнем проявлении снижения интереса к политике мы имеем дело не столько с деполитизацией М., сколько с переходом к более спокойному, прагматичному пониманию политики. А из этого следует, что по мере выхода из экономического кризиса, улучшения материального благосостояния М., упрочнения демократических принципов в политической жизни общества, включение в нее юношества станет более активным и масштабным, а траектория политического развития общества станет во все большей мере определяться действиями молодых людей.

Е.М. Бабосов

СОЦИОЛОГИЯ МОРАЛИ – направление социологической науки, сложившееся на стыке социологии и этики. Предметом исследований С.М. является взаимосвязь общих социальных явлений и процессов с этическими. Изучаются моральные компоненты жизни общества и индивида, которые формируются и проявляются в сознании социальных групп и индивидов и реализуются в практических действиях всех субъектов социальных процессов. С.М. анализирует закономерности и динамику влияния социальных факторов на особенности образования и развития нравственных процессов и явлений. Основная цель С.М. – исследовать моральный аспект отношений между социальными группами и индивидами, изучить социальную роль морали, особенности и тенденции ее функционирования в конкретной социальной среде. Объектом С.М. выступают нравственное сознание, нравственные отношения и нравственная деятельность различных социальных групп и их представителей, действующих в сфере, труда, быта, досуга .

В С.М. выделяют методологический уровень исследования, уровни общесоциологической и специальной социологической теории (**см.**) и уровень прикладных исследований. На методологическом уровне разрабатываются методы и принципы исследования моральных феноменов. На уровне специальной социологической теории разрабатываются конкретные модели исследования, ведется социологический мониторинг нравственного развития. На прикладном – исследуются различные переменные, характеризующие сферу нравственно-

сти, анализируются показатели уровня развития нравственной культуры личности, типы моральных ориентации, суждений и поведения личности, разрабатывается типология моральных субъектов.

С.М. использует весь арсенал сбора, обработки и анализа социологической информации: традиционные методы социологического измерения (опросы, экспертные оценки, контент-анализ, статистические методы, эксперименты), а также некоторые специализированные средства: вторичный анализ, биографический метод, беседа, нестандартизированное интервью.

Проведение социологических исследований моральных проблем общества определяется запросами общества, экономическими и финансовыми возможностями государства, теоретико-методологическим уровнем разработки социально-нравственных проблем, разработанностью программ и конкретных методик прикладных исследований, наличием подготовленных кадров, имеющих опыт такой работы и способных проводить подобные исследования. Методологические проблемы С.М. разработаны в трудах Л.М. Архангельского, Г.Г. Квасова, Ф.Н. Щербака, Н.В. Рыбаковой, А.Г. Харчева (**см.**). Вклад в разработку проблем С.М. внесли белорусские ученые Е.М. Бабосов (**см.**) (нравственные ориентации молодежи), С.Д. Лаптенок (**см.**) (моральные основы семейных отношений).

Результаты социологических исследований морали используются при разработке рекомендаций и прогнозов в области нравственного воспитания и развития морали в целом, могут быть использованы органами управления, педагогическими и воспитательными учреждениями для эффективного воздействия на процесс формирования и функционирование общественного мнения.

С.П. Винокурова

СОЦИОЛОГИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ – специальная социологическая теория, изучающая процессы воспроизводства населения всей Земли, отдельных стран, регионов, поселений, миграционные и социально-демографические процессы; влияние социальных факторов на социально-демографическую структуру общества, социальных регионов, социальных общностей, с одной стороны, и влияние демографических факторов на ход социальных процессов, на изменение в системе общественных отношений – с другой. Народонаселение – сложная социальная система, в которой условно выделяются несколько подсистем с относительно самостоятельными структурами. Специфическим для С.Н. *объектом* исследований являются социально-демографические совокупности, общности и группы. *Предмет* исследований в рамках С.Н. – демографические процессы в их связи с другими социальными процессами.

С.Н. изучает не только демографическое (чем занимается и демография), но и социальное воспроизводство населения, его влияние на общественное производство, а также влияние демографической ситуации на реализацию социальной политики на разных структурных уровнях общества: в масштабе всего общества, отдельных государств; на уровне социальных регионов и больших поселений; на уровне социальных групп. Исходя из анализа связи демографических и социальных процессов, Маркс пришел к выводу, что "всякому исторически особенному способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер, законы народонаселения". Изучение их действия и взаимодействия с другими социально-экономическими законами – одна из важнейших теоретических задач С.Н.

Согласно П. А. Сорокину, население представляет собой сложный социальный агрегат: состав и строение населения как сложного социального агрегата будет определено, когда будет исследовано: 1) на какие элементарные группы оно распадается и какова каждая из них; 2) какие кумулятивные группы в его среде имеются; 3) какие из них являются кумуляциями нормальными, а какие ненормальными; 4) какие из кумуляций солидарны и какие антагонистичны; 5) какие из них открытые и какие закрытые; 6) какие из имеющихся кумуляций типичны; 7) которые из них наиболее могущественны.

Для полноты характеристики агрегата целесообразно изучить степень закрытости или открытости каждой группы; насколько она закрыта или открыта; в какой мере интенсивна циркуляция индивидов из группы в группу; в каких пределах колеблются объемы (число членов) каждой из существующих групп и с какой быстротой; исчезают ли некоторые из них и появляются ли новые; сколь велика быстрота таких вариаций. Задача подобной систематизации заключается в том, чтобы располагать в одних и тех же группах сложные социальные агрегаты, сходные по совокупности указанных признаков, характеризующих строение сложного социального агрегата. Строение населения не представляет собой нечто неподвижное, а напротив, непрерывно изменяется: равновесие сложных социальных агрегатов имеет характер не закостенелого, а подвижного равновесия. Это значит, что в любом населении, в любое время, с той или иной быстротой происходят процессы социальных перегруппировок.

Под социальными перегруппировками следует понимать изменение строения сложных социальных агрегатов (населения), сводящееся к: 1) перемещению индивидов из одной существующей элементарной или кумулятивной группы в другую, сопровождающемуся колебанием объема этих групп; 2) к исчезновению одних или появлению других элементарных и кумулятивных групп гомогенного (однородного) характера в данном агрегате; 3) к исчезновению целой группировки элементарного и кумулятивного характера и замене ее новой гетерогенной группировкой. Таковы основные формы социальных перегруппировок. Перегруппировки в области биологических коллективов (расы, пола и возраста) возможны только тогда, когда меняется физический состав населения или само население; перегруппировки в области психосоциальных коллективов возможны и без изменения физического состава населения; они могут происходить и происходят среди одного и того же населения. Очевидно, что половые перегруппировки в конечном счете (как и расовые) совершаются только путем неодинакового колебания кривой смертности и рождаемости лиц разного пола, чем бы эти колебания ни вызывались. В нормальных условиях половые перегруппировки имеют место, но совершаются в весьма ограниченных пределах. Войны или повышение эмиграции одного пола иногда заметно нарушают существующее равновесие, но оно носит временный и местный характер. Что касается возрастных перегруппировок, то все более сложной проблемой для социального агрегата становится, в мировом масштабе, ухудшающаяся структура возрастного состава населения, связанная с уменьшением доли трудоспособных возрастных групп.

Данное положение связано как с экономической и демографической политикой государства, так и с демографическими установками и демографическим поведением индивидов и состоящих из них семей. В регуляции сложного социального агрегата принимает непосредственное участие социальная политика на уровне государства, региона и необходимость рассматривать демографическую политику в контексте и взаимодействии с экономической и социальной политикой. Становится реальностью активизация политики в области народонаселения на всех уровнях общегосударственного и регионального управления и планирования. Практическим инструментом, с помощью которого общество научно обосновывает и рассчитывает оптимальный путь комплексной реализации целей и задач развития, является планирование как система взаимоувязанных расчетов, посредством которых устанавливается наилучший путь достижения поставленных целей при помощи имеющихся в распоряжении общества средств.

Г.Н. Соколова

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ – отрасль социологии, изучающая Н. (см. **Наука**) – своеобразную сферу человеческой творческой деятельности, назначение которой – выработка, накопление и теоретическая систематизация научного знания, а также его использование в практической деятельности.

Стремясь определить сущность Н., М. Хайдеггер писал: "Наука – способ, притом решающий, каким для нас предстает все, что есть. Мы должны поэтому сказать: действительность, внутри которой движется и пытается оставаться сегодняшний человек, все больше определяется тем, что называют западноевропейской наукой". Именно поэтому, подчеркивал он, различные отрасли Н. все решительней внедряются во все организованные формы современной жизни: в промышленность, экономику, образование, политику, военное дело, публицистику и т.п. А такая повсеместность усиливающегося вторжения во все сферы человеческой деятельности предопределяется самой сущностью описываемого феномена: "наука есть теория действительного".

Это представление нашло специфическое социологическое преломление в одной из первых попыток конституирования С.Н. в качестве относительно самостоятельной научной дисциплины, предпринятой в середине 1930-х американским социологом Р. Мертоном (см.). В ставшей классической работе "Наука, техника и общество в Англии XVII века" он выдвинул на первый план не экономические, как у К. Маркса, а духовные предпосылки возникновения Н. *как социального института*, подчеркнув решающую роль пуританской религии и морали в становлении Н. Нового времени. Идентифицируя возникновение Н. той эпохи с растущей институциализацией и профессионализацией научной деятельности в первую очередь в сфере физики, механики, химии, где важную роль играет, экспериментирование, Р. Мертон утверждал, что эксперимент был научным выражением практических, активных и методологических наклонностей пуритан. Именно из "нормативного этноса Н." выводилась им институциональная цель Н. – генерирование и расширение достоверного знания с вытекающими отсюда императивами научной деятельности. Социология, с его точки зрения, призвана изучать Н. прежде всего именно как своеобразный социальный институт, охраняющий автономию Н. и стимулирующий деятельность ученых, направленную на получение нового и достоверного знания. Научное открытие является достижением, требующим вознаграждения, которое институционально обеспечивается тем, что научный вклад ученого обменивается на вознаграждение, заключающееся не столько в деньгах, сколько в его признании – факторе, определяющем его престиж, социальный статус и карьеру.

Эти и другие идеи, составившие исходные параметры становления С.Н., получили всестороннее развитие в 1960-1970-х в трудах Дж. Бернала (Англия), У. Огборна (см.), П. Сорокина (см.), Т. Парсонса (см.), Р. Мертона, Т. Куна (см.) (США), Д.М. Гвишиани (см.), Г.Н. Доброва (СССР) и др.

В процессе социологического исследования Н. предстает как сложный и многогранный социальный феномен. В своем многомерном развертывании она выполняет три главных социальных роли: 1) выступает как многоуровневая, динамично развивающаяся *система научных знаний*; 2) функционирует как специфический *вид творческой деятельности*, направленной на создание новых идей, генерирование новых знаний, объективно отражающих окружающий мир и проверяемых на практике; 3) развивается как определенная *совокупность общественных отношений*, связывающих друг с другом исследователей и их научные сообщества, а также последние со всеми подсистемами единой и целостной системы общества – экономической, социальной, политической, духовной, военной, здравоохранительной, образовательной.

Н. функционирует в обществе в качестве единой, многоаспектной и многоуровневой социальной системы знаний и порождающей ее системы творческой познавательной деятельности, включающей в себя и наблюдения, и эксперимент, и объяснение, и обобщение, и построение научной теории, и предсказание, и верификацию (проверку) теоретических концепций, и подтверждение (или опровержение) различных гипотез. Если объяснение или предсказание выражают преимущественно онтологический аспект научной деятельности, поскольку имеют дело с определенными свойствами изучаемых реальных объектов действительности, то верификация, определение, экспликация (объяснение, истолкование) – гносеологические аспекты научного познания, поскольку они в гораздо большей мере зависят от особенностей мыслительной деятельности, эвристических способностей исследователей, уровня их теоретического мышления и т.п. В научной деятельности, как и в Н. в целом, оба эти аспекта выступают одновременно и в органической взаимосвязи друг с другом.

Проблемная область С.Н. достаточно обширна и разнообразна. Сюда входят:

а) выяснение специфики научной деятельности и факторов, особенностей ее детерминации и мотивации;

б) определение параметров и социальной значимости индивидуальных и коллективных факторов развития Н. как системы деятельности и знаний;

в) структура и динамики научных кадров в соотнесенности их с когнитивными процессами, обеспечением возникновения и развития новых научных направлений;

г) социальные аспекты организации исследовательского труда, научных коммуникаций, взаимодействие формальных и неформальных отношений в Н., выяснение их влияния на продуктивность научной деятельности;

д) социальные проблемы, возникающие в связи с процессами дифференциации и интеграции в Н., с развитием междисциплинарных исследований;

е) социокультурная обусловленность научного знания и его развития, роль социальных, в том числе нравственных, идеалов, ценностей и норм, регулирующих социальную деятельность, оценку и стимулы их труда, соотношение институциональных и личностных аспектов научной деятельности.

Основной интерес С.Н. сконцентрирован на изучении и развитии специфики научной деятельности. Через призму этого интереса Н. предстает как специфическая творческая деятельность, направленная на *генерирование, производство новых знаний*, качественно отличающаяся от всех других видов общественного производства. Это коренное отличие проявляется, во-первых, в *цели* деятельности. Если целью материального производства выступает создание материальных благ, искусства как формы духовного производства – создание духовных ценностей, то *научная деятельность сориентирована на производство новых достоверных знаний об окружающей действительности, на создание научной теории действительности.*

Второе качественное отличие научной деятельности заключается в своеобразии ее результата продукта. В то время как результаты материального производства, особенно промышленного, создаются тысячами и даже миллионами, *продукты научной деятельности* – гипотезы, научные идеи, теории, открытия и т.п. производятся единично и поштучно – *они уникальны и неповторимы*, а тиражируются, в том числе и в массовом масштабе, только их материализованные в массовом производстве результаты. Главный критерий эффективности Н. – не материальный эффект, а *новизна научного знания*, открывающая новые горизонты активной деятельности, в том числе и в сфере материального производства.

Третье качественное отличие научной деятельности от всех других видов производства заключается в специфике применяемых ею *инструментов и средств производства*. Они носят не материальный, чувственно осязаемый характер, каковыми отличаются машины, станки, механизмы и т.д., а коренятся в *творческих способностях человеческого познающего мышления*. Среди них важнейшее значение имеют анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, классификация, типологизация процессов и явлений окружающей действительности и их отражение в категориях, законах, концепциях, научных теориях.

Четвертое качественное отличие Н., как специфического вида творческой деятельности, направленной на производство особого продукта – новых знаний, воплощается в *более высокой*, чем в других видах деятельности, *доле живого труда и гораздо меньшей – овеществленного*. Это находит свое выражение в определяющей роли кадровых ресурсов в суммарном научном потенциале, в значительно большем диапазоне функций, выполняемых одним человеком, в повышенной требовательности к совокупности его знаний, навыков, особенностям интеллекта. Большинство из них не ограничивается трудовыми стереотипами, а реализуется в творческом поиске, в эвристических склонностях мышления, в способности увидеть необычное в обычном и тем самым совершить научное открытие или создать принципиально новую научную теорию.

Такой подход позволяет выделить в сложной детерминантной цепи, связывающей Н., выступающую в качестве относительно самостоятельной подсистемы в сложноиерархизированной системе общества, с самой этой системой (в данном случае – метасистемой), основное исходное звено. В качестве такого звена выступает социально-экономическое пространство, в рамках которого возникает Н. как особый вид институциализированной творческой деятельности. Зададим такой вопрос: почему современная Н. в своей институциализированной форме возникла в недрах западноевропейской, а не китайской цивилизации, несмотря на существование и активное действие в Китае социальных групп ремесленников и ученых, подобных европейским? Правильно ответить на данный вопрос можно только в том случае, если мы сумеем дать ответ на другой вопрос: когда возникла институциализированная форма Н.? Общепризнано, что она появилась первоначально в Западной Европе, прежде всего в Англии, в период становления капитализма в 18 в. Отмечая, что "лишь Западу известна рациональная и систематическая, то есть *профессиональная, научная деятельность, специалисты – ученые* в том специфическом современном смысле, который предполагает их господствующее в данной культуре положение, М. Вебер (**см.**) (кстати говоря, вслед за К. Марксом – **см.**) связывает все это с экономическими, мировоззренческими, интеллектуальными устремлениями становящегося капитализма (**см.**) как в высшей степени рационально организованного типа производства и обмена. "Его рациональность, – отмечает М. Вебер, – в большей мере обусловлена *исчисляемостью* решающих технических факторов..., а это, в сущности, означает, что такая рациональность зиждется на своеобразии западной науки, прежде всего естественных наук с их рациональным математическим обоснованием и точными экспериментальными методами. Развитие этих наук и основанной на них техники в свою очередь стимулировалось и стимулируется поныне теми преимуществами, которые предоставляются в ходе практического применения в капиталистической экономике результатов естественнонаучного исследования".

Из приведенных рассуждений можно сделать вывод о том, какова реальная схема детерминантных сетей, на пересечении узловых линий которых возникает и развивается Н. как специфический вид творческой деятельности. В качестве основного, исходного звена этих сложно переплетенных сетей выступает развитие материального производства с его потребностями, запросами и нуждами. Из этой первоосновы вытекает и им обусловливается социально-экономический строй общества. Если первым из названных звеньев вызывается в определенных исторических условиях процесс институциализации Н., то социальную сконструированность ее порождают социально детерминированные образы Н., научного знания. Над этими двумя звеньями надстраивается следующий слой детерминации научной деятельности – идеологические и социально-политические факторы ее развития. Сами же они оказываются тесно связанными, с одной стороны, с идеальными побудительными силами, находящимися в сфере обыденного сознания, с другой – с духовной атмосферой эпохи, оказывая на них мощное воздействие и испытывая в то же время существенное влияние этих духовно-интеллектуальных факторов. Среди последних чрезвычайно важную роль играет категориальный строй мышления определенной исторической эпохи, его социокультурный инвариант, побуждающий ученого направлять свои творческие усилия на тот или иной объект исследования и тем самым вычле-

нять научную проблему, требующую своего разрешения, в той или иной сфере окружающей действительности или внутреннего мира самого человека.

В целом же было бы односторонним признанием, что можно объяснить особенности развития Н. как специфического способа творческой деятельности с помощью какого-то одного детерминирующего фактора. Когда анализируется многоплановая и многоуровневая социокультурная детерминация научной деятельности, то следует иметь в виду, что такая детерминация может иметь не только позитивную, но и негативную направленность, как это было, скажем, в 1930-х в СССР по отношению к развитию генетики. Поэтому в контексте решения общей проблемы о социокультурной обусловленности развития Н. важное значение приобретает тот или иной ответ на вопрос о том, как исследовательская деятельность приводит к получению знания, обладающего статусом научности, как отчленить такое знание от всякого рода вненаучных, антинаучных или околонаучных построений.

Итак, Н. как саморазвивающаяся и саморегулирующаяся социальная система деятельности включена в сложную и многокомпонентную цепь детерминации. Чтобы определить основные векторы такой детерминации, необходимо воссоздать феномен Н. в единстве трех ее основных аспектов – деятельностного, познавательного и институционального.

Деятельностный фактор детерминации Н. дает возможность определить, что Н. как специфическим видом творческой деятельности занимаются определенные группы (общности) специфическим образом организованных людей – ученых, исследователей, для которых генерирование нового знания является профессиональной деятельностью. Такой подход позволяет определить, чем отличается Н. от других видов интеллектуальной деятельности (например, от теологии, или художественного творчества) и оказывается по своему содержанию и сущности деятельностью по производству нового достоверного знания. Исследование деятельностной детерминации научной деятельности предполагает выделение принципов, характеристики и особенностей предметной и социальной ее структурализации, ее дифференциации по научным дисциплинам, проблемным областям, сообществам ученых (научные коллективы, "невидимые колледжи", ассоциации и т.п., специфическим формам, присущим этой деятельности (выдвижение новых идей, построение гипотез, формулирование доказательств, конструирование картины мира и т.д.).

Социологический и науковедческий анализ познавательной детерминации научной деятельности ориентирован на выявление особенностей самого процесса движения научного познания по пути к истине, динамики классического и неклассического стилей научного мышления, эволюционного накопления фактов, объяснений, гипотез, концепций и научных революций, приводящих к возникновению принципиально новой парадигмы научно-теоретического освоения человеком окружающей действительности, к изменению самих стандартов рациональности, применяемых в научном познании. Причем сама динамика научного познания рассматривается в таком случае не столько детерминированной имманентно присущими Н. ее специфическими характеристиками, сколько в социокультурной обусловленности ее возникновения и развития, перехода от одной научной парадигмы к другой, возникновения принципиально новых идей, методов, теоретических концепций. В связи с этим важнейшее значение приобретает выдвижение критерия научности. Если в теоретической концепции, выдвинутой и обоснованной К. Марксом, таким критерием выступает общественная практика, то И. Лакатос (**см.**) выдвигает в качестве критерия научности эмпирическую проверку, в процессе которой сопоставляются друг с другом не столько теория и факт, но скорее две теории, в силу чего при оценке рассматриваемые теории соотносятся не столько с экспериментальными данными, но и с альтернативными теориями. В рамках такого подхода объектом сравнения становится не отдельная научная теория, а целостная научная программа, которая считается прогрессивной в том случае, если каждая новая возникающая теория обладает гораздо большим эмпирическим содержанием по сравнению с предшествующими, а теоретический рост исследовательской программы опережает эмпирический.

Одним из специфических критериев научности выступает так называемый *этос Н.* – категория, введенная в научный оборот Р. Мертоном. По его определению, этос Н. представляет собой "эмоционально воспринимаемый комплекс правил, предписаний, обычаев, мнений, ценностей и предпосылок, которыми руководствуется ученый".

Но как бы ни была теоретически важна и обоснована научная теория, как бы полно ни соответствовала она действительности, она не будет иметь большой социальной значимости до тех пор, пока не сможет не только теоретически осмысливать стоящие перед ней проблемы, но и предлагать практические пути их эффективного решения. А это означает, что важнейшим критерием научности выступает прагматическая, практическая плодотворность научной теории.

В социологическом исследовании Н. важное значение придается функциям, которые выполняет научная деятельность и в целом Н. в качестве социального института.

Важнейшая социальная функция Н. заключается, как уже отмечалось, в *генерировании нового достоверного знания*. Эта функция реализуется в открытии новых, ранее неизвестных фактов и процессов в развитии природы и общества, в самом человеческом мышлении, в выдвижении новых, ранее не существовавших идей, понятий, формул, гипотез и законов, в изменении картины мира, выступающей обобщенным воплощением совокупности научных знаний определенной эпохи.

Эта функция является самой важной и основной, ибо в производстве нового научного знания и заключается социальный смысл научной деятельности. В свою очередь, данная функция подразделяется на ряд подфункций, среди которых наиболее существенными являются: а) получение новых знаний, ибо без этого нет Н. как специфического вида творческой деятельности; б) преемственность, без чего не может существовать и развиваться Н. как многогранно и динамично функционирующая система знаний; в) оценочная деятельность, позволяющая вычленить научную новизну в тех или иных концепциях, установить соответствие выдвигаемых научных идей, гипотез, теорий объективной реальности; г) восприятие и поддержка новых идей, без чего не может быть прогрессивного развития Н.

Второй важной социальной функцией Н. является *истолкование фактов и процессов* в новых понятиях, теоретических концепциях. Мало понять окружающий мир, необходимо правильно истолковать его, уловить его взаимосвязи, показать, почему они именно такие, а не иные, а это как раз и осуществляет Н. в процессе свойственного ей истолкования,

объяснения действительности. Эта функция заключается не только в том, что научная теория объясняет те явления и процессы, которые мы видим в окружающей действительности, но и то, почему мы видим именно это и именно таким, и каким образом можно воздействовать на видимое (а часто и невидимое), чтобы изменить его.

Третья существенная социальная функция Н. проявляется в свойственной ей *верификации*, т.е. в проверке истинности выдвигаемых научных положений и теоретических конструкций, установлении их достоверности эмпирическим, опытным путем. Эмпирическая оценка теории представляет собой достаточно сложную процедуру. Такая сложность обусловлена тем, что в процессе эмпирической проверки противостоят друг другу не теория и факт, а скорее две теории, одна из которых интерпретирует экспериментальные результаты, а другая объясняет их и соотносится с ними. Поэтому в процессе верификации и оценки научные теории сравниваются не только с экспериментальными данными, но и с альтернативными теориями. В таком случае считается более прогрессивной и соответствующей реальности та теория, которая обладает большим эмпирическим содержанием по сравнению с предшествующими, т.е. если она предсказывает новые факты, не вытекающие из ранее известных теорий.

А из этого вытекает, что *четвертой* важной социальной функцией Н. является *предсказательная, прогностическая*. Она заключается в возможности предсказывать возникновение новых, ранее не известных фактов, явлений, процессов, которые могут произойти в более или менее отдаленном будущем. Наиболее известные примеры реализации этой функции – предсказание солнечных и лунных затмений, столкновение Земли с различными космическими объектами, землетрясений, извержений вулканов и т.п.

Пятой существенной функцией Н. является *распространение полученных знаний*. Социальная значимость научной деятельности предопределяется не только ее способностью генерировать новое научное знание, но и возможностью распространять полученное знание, включать его в информационные процессы, связывающие между собой множество индивидов, их различных общностей, организаций и т.п.

Шестая важная функция Н. заключается в ее способности *реализовать полученные новые знания в технике и технологии* сообразно целям, нормам, критериям и т.п., которые складываются в обществе и варьируют от эпохи к эпохе. В современном обществе научные достижения находят практическую реализацию в принципиально новых секторах обширной техносферы. Достаточно назвать процезионные технологии, опирающиеся на потенциальные возможности компьютерной техники, телематику (гибрид телевидения с вычислительной техникой), системы электронной связи (например, Интернет), охватывающие все стороны жизни планетарного сообщества. Принципиально новое "водное хозяйство" – разведение и откорм рыб, других обитателей морей и океанов с последующим промышленным "сбором урожая", распространение "высоких технологий", связанных с энергоснабжением, уменьшением количества отходов, резким ростом производительности труда, улучшением его условий, интеллектуальным развитием работающих людей.

Седьмая социальная функция Н. проявляется в том, что она с самого начала своего возникновения составляла и составляет очень *важный компонент духовной культуры*, служит мощным рычагом духовного прогресса общества. Резко расширяя горизонты познания окружающего мира, создавая условия и предпосылки повышения интеллектуального потенциала человека и общества, Н. своим стремительным развитием приводит к возникновению могущественной *технокультуры*, которая на рубеже 21 в. все более ощутимо трансформируется в *социотехнокультуру*. Эта новая, базирующаяся на достижениях Н. социокультура способна соединить эффективность новых технических систем и их возрастающее технологическое, экономическое, социальное значение с возрастающими духовными запросами личности, которая не намеревается оставаться простым "пользователем" техники, информации и т.п., а стремится в полной мере выразить себя, реализовать свой духовный мир, свои духовные устремления. Научные инновации получают тем больше шансов на успех, чем теснее и гармоничнее соединяют технологические аспекты с социальными и духовными.

Отмеченные функции Н. стали все более рельефно проявляться по мере углубления научно-технической революции (**см.**), которая началась в середине 1940-х и реализовалась первоначально в компьютерной, лазерной, ракетно-космической технике, а сейчас, на втором этапе своего развития, воплощается в высоких технологиях (биотехнология, телематика, космическая промышленность и т.п.). В условиях научно-технической революции (НТР) Н. становится животворным источником и ускорителем технико-экономического и социального прогресса благодаря прежде всего двум взаимосвязанным процессам. Во-первых, быстро и неуклонно сокращается временной отрезок (лаговое смещение) между периодами проведения фундаментальных исследований и практической реализацией полученных на их основе результатов в производстве. Во-вторых, происходит интеграция ранее разобщенно действовавших факторов: Н. – техника – производство. Они взаимосвязываются сейчас столь существенно, что ни один из этих трех компонентов интегрированной системы не может успешно функционировать, не опираясь на два других.

Развертывание НТР, все более масштабное вторжение ее достижений во все сферы жизни общества заставили взглянуть по-новому на соотношение индивидуальных и коллективных детерминант в научном творчестве. Во-первых, стало ясно, что проблема индивидуальной и коллективной детерминации научной деятельности отнюдь не замыкается узко очерченными рамками соотношения индивида и коллектива в исследовательской деятельности, а должна рассматриваться в более широком социокультурном контексте. Во-вторых, вырисовывается узловой характер данной проблемы, ибо в ней перекрещиваются многие, очень важные для понимания специфики научной деятельности вопросы, в частности, взаимоотношение научного сообщества и различных сфер общественной жизни, проблема коммуникации на различных уровнях взаимодействия ученого, научного коллектива и других социальных общностей (профессиональных, территориальных, этнонациональных, государственных и т.п.). В-третьих, при всей важности коллективного творчества, значимость которого в условиях его технологизации, а затем и либерализации в рамках НТР возрастает, все-таки во всех случаях высший уровень научной деятельности – генерирование новых идей – персонифицирован, ибо осуществляется конкретным индивидом, отличающимися специфическими, только

ему свойственными личностными качествами: своеобразными способностями, эвристическими возможностями, индивидуальным подходом к исследуемой проблеме и т.п. Конечно, современный исследователь чаще всего включен в процесс коллективного творчества, а это нередко затемняет, отодвигает на задний план его творческое своеобразие, уникальность его индивидуального дарования.

Но как бы ни индустриализировался научный труд, как бы он ни обобществлялся в рамках определенной исследовательской группы (коллектива), но научное открытие всегда рождается из принципиально новой идеи, из новой догадки, осеняющей чаще всего не множество умов, а одну светлую голову. Поэтому при большой значимости коллективных начал в исследовательской деятельности все-таки решающая роль в возникновении принципиально новых научных идей принадлежит личностному фактору, обусловленному индивидуальными особенностями талантливого ученого, способного стать лидером нового направления в определенной области знания. Именно личностные особенности гениальной одаренности А. Эйнштейна позволили стать ему создателем теории относительности, Н. Винера – кибернетики, И. Пригожина – синергетики.

И здесь возникает очень важная для С.Н. проблема – проблема лидерства в Н. Выдающаяся роль научного лидера обусловлена не только тем, что он выдвигает принципиально новые научные идеи, но и в том, что он передает своим ученикам своеобразный стиль исследовательской деятельности, специфические приемы в отборе, анализе и обобщении эмпирических фактов, своеобразие подхода к пониманию требующей решения научной проблемы. Общение с таким лидером позволяет ученикам и последователям усвоить его взгляды на мир, предназначение и роль Н. в этом мире, на характер и особенности научного исследования. Вместе с тем ученики усваивают представление о специфике и необходимом уровне исследовательской деятельности, стандарты требований к ней и к тем людям, которые ею занимаются. Лидер же научает окружающих другими способами, кроме непосредственного общения, непередаваемому умению, позволяющему из множества проблем выделить наиболее актуальную, важную и доступную для разработки именно на данном этапе развития Н., даже если другим эта проблема кажется надуманной, неважной или неразрешимой. Наконец, предметно ориентированное, профессионально насыщенное общение с выдающимся исследователем – учителем позволяет ученику уверовать в свои силы, почувствовать, что и он может работать на требуемом уровне и рассчитывать на достижение успеха.

Несомненно, что отнюдь не всегда научное лидерство совпадает с формальным руководством тем или иным исследовательским коллективом, скажем, научным институтом. Решающее предназначение подлинного лидера в Н. – не руководить большой научной организацией, а создавать вокруг себя более или менее очерченное во временном и пространственном смысле поле высокого интеллектуального напряжения, позволяющего кристаллизировать интенсивные творческие искания в крупные научные открытия, идеи, проекты и т.п. Выдающимся примером такого именно лидерства является научный подвиг выдающихся английских физиков Дж.Дж. Томсона и Э. Резерфорда, которые "вырастили" в знаменитой Кавендикской лаборатории 18 будущих лауреатов Нобелевской премии различных национальностей.

Весьма существенное значение в социологическом исследовании Н. придается структурной организации последней. Известные американские социологи Т. Парсонс, Н. Сторер, Д. Крейн и др. в качестве важнейшей структурной единицы организации исследовательской деятельности выделяют *научную дисциплину*. Именно она органически связана с деятельностью исследовательских объединений – научных школ, институтов, обществ, лабораторий и т.д., представляющих собой структурно организованные формы деятельности отдельных исследователей в пределах одной специальности. Т. Парсонс и Н. Сторер подчеркивают, что "деление науки на дисциплины, каждая из которых занимается определенной областью знания, возможно, обусловливается как потребностями социальной организации, так и интеллектуальной точностью разделения знания на отдельные части. Хотя наука представляет собой дифференцированную, но непрерывную ткань, все части которой переплетены между собой, несомненно и то, что... в континууме вероятности взаимовлияния областей знания имеются явно различимые разрывы, и, исходя из этого, оформляется организационное размежевание научных специальностей. Пусть в формальном разделении знаний на крупные области и составляющие их дисциплины есть много искусственного, все же эти организационные меры существенно облегчают коммуникации между учеными, имеющими общие интересы, и направляют коллективные усилия на решение важных интеллектуальных проблем".

Однако и в пределах одной научной дисциплины может существовать множество структурных единиц, причем не только сотрудничающих, но и конкурирующих друг с другом – научных сообществ, невидимых колледжей, исследовательских коллективов. Более того, узловые события в развитии той или иной отрасли знания – идет ли речь о некоторой частной идее или крупном научном перевороте – оказываются вполне очевидным образом связанными с деятельностью различного рода исследовательских объединений внутри дисциплинарной структуры Н. – научных сообществ, исследовательских коллективов и т.п. Именно последние, как нам представляется, и выступают в качестве исходной структурной единицы, изучив особенности складывания, развития, функционирования которой можно более рельефно представить специфику и сущностные особенности научной деятельности как таковой. В этом смысле не кажется преувеличением высказанная известным американским науковедом С. Уолгаром мысль о том, что для "теоретических положений относительно процессов роста и развития науки понятие "научный коллектив" является центральным, если не фундаментальным".

Одно из решающих преимуществ исследовательской деятельности, организованной в форме научного коллектива, заключается в возможности распределения ее для достижения общепознавательной цели между членами данного сообщества в соответствии с их интересами, способностями, профессионально-квалификационными качествами. Исследование способов объединения людей в научные коллективы, разделения и кооперации труда между ними позволяет вскрыть существенные особенности деятельности по генерированию, передаче, воспроизводству и применению научных знаний, раскрыть конкретную взаимосвязь между исследовательской деятельностью и социальными отношениями или предметными и социальными аспектами деятельности.

В отличие от других видов трудовых коллективов научный коллектив обладает рядом специфических особенностей и функций, предопределяемых сущностью самой Н. и принципами организации исследователей в научные сообщества. Научный коллектив представляет собой относительно устойчивую функциональную социальную общность, создаваемую и функционирующую с целью производства нового научного знания и определения путей его практического применения, обладающую четко выраженной формальной и неформальной структурой (стратификацией), специфическими механизмами функционирования, саморазвития и саморегуляции.

В способах объединения людей в исследовательский коллектив взаимопереплетаются два детерминирующих фактора. С одной стороны, независимо от конкретных исследовательских целей и задач, содержание научного труда именно как творческой деятельности, направленной на производство нового научного знания и отыскание способов его практического применения, имеет всегда некие общие, инвариантные интеллектуальные и ценностные черты. С другой стороны, распределение исследовательской тематики, конкретных задач и видов деятельности между членами данного сообщества весьма изменчиво и зависит от множества конкретных условий. Взаимосвязь между отдельными видами деятельности и их конкретными носителями – исследователями – устанавливается главным образом на той основе, что участники исследования знают общую проблему, знакомы в общих чертах с исследовательской программой, состоянием соответствующих областей знаний и сознательно, творчески вносят свой индивидуальный вклад в коллективную деятельность. Следовательно, успех сотрудничества обеспечивается как деятельностью каждого члена научного коллектива, так и совместными усилиями всей данной исследовательской общности людей. Поэтому важное значение здесь приобретает не только кадровое, финансовое, материально обеспечение данного коллектива, уровень компетентности его руководителей и всех работников, но и социально-психологические факторы, – уровень сплоченности в коллективе, существующий в нем нравственно-психологический климат, наличие или отсутствие творческой атмосферы и т.п. В свою очередь, последние зависят от взаимных оценок членов группы, от взаимных ожиданий и претензий друг к другу, от статуса, от индивидуальных особенностей членов коллектива и способов их группирования в те или иные неформальные группы (по интересам, по степени самоутверждения в коллективе и т.д.).

Итак, основными линиями структуризации Н. в социологии признаются два основных вектора: а) разделение научной деятельности на более или менее автономно функционирующие научные дисциплины (дисциплинарный подход); б) разделение всей совокупности работающих в научной сфере людей на определенные, четко ограниченные друг от друга коллективы, организации (организационный подход). В свою очередь, для более четкого представления о том, какими специфическими видами научной деятельности занимаются различные исследовательские коллективы, осуществляется типологизация научных организаций.

Если исходить из основной социальной функции Н. – генерирование нового знания, то следует признать, что систематизирующей сущностью типологизации исследовательских коллективов должна стать специфика их деятельности. Именно при таком деятельностном подходе особенности содержания и характер творческой работы исследовательского коллектива, взаимосвязей его сотрудников, системосвязей с заказчиками и другими субъектами реализации полученных результатов и т.п. выступают как вторичные образования, детерминируемые целями, задачами и направленностью научной деятельности.

При таком подходе к организациям первого типа следует отнести те, которые ориентированы в основном на проведение фундаментальных исследований, характерных первопрохождению в неизвестную доселе область знаний. Именно прогресс в этой области изменяет установившиеся точки зрения и теоретические концепции, приводит к возникновению новых областей в Н. и технике, коренным изменениям в технологии, к созданию новых видов производств. Этот тип научных организаций составляют исследовательские учреждения, работающие в системе академической и частично вузовской Н. и занимающиеся преимущественно фундаментальными исследованиями, обеспечивающими постоянный приток новых научных идей, постановку новых проблем, поиск путей, средств и методов их разрешения. Второй тип научных организаций включает в себя сообщества, проводящие фундаментально-прикладные исследования, чаще всего совмещаемые с преподавательской деятельностью, которые функционируют в системе высшей школы. Их преимущества заключаются в том, что они гораздо быстрее первых могут реализовать новые научные идеи в практике преподавания и рекрутировать тем самым новых их приверженцев из числа наиболее одаренных студентов, привлекая последних к научной работе.

К третьему типу научных организаций относятся такие сообщества, которые осуществляют главным образом прикладные исследования в разработке их преимущественно (но не всегда) на отраслевой основе. Их преимущество состоит в том, что они теснее других связаны с потребителями новых технологий, технических систем и других нововведений, лучше ориентированы на запросы производства, быстрее могут реагировать на них, получая тем самым возможность оперативного и достаточно щедрого финансирования своих исследований и разработок. Если такие коллективы тесно связаны с академическими или (лучше) вузовскими научными центрами, то они, как показывает опыт, имеют возможность быстро реализовать фундаментальные научные идеи в прикладных разработках и осуществлять на этой основе создание новых, более продуктивных видов техники.

Наконец, к четвертому типу научной организации относятся группы и объединения (порой достаточно мощные) исследователей и разработчиков новой техники и технологии, работающие непосредственно в сфере материального производства. Такие научно-исследовательские и научно-инженерные центры имеют то преимущество, что получая возможность использовать новые идеи и разработки, поступающие по разным каналам от коллективов первых трех типов, эффективно реализовать, а при необходимости скорректировать их непосредственно в условиях производственной деятельности, резко сократив тем самым обычно довольно длинный в нашей стране путь от новой научной идеи до ее практической производственной реализации.

Как видим, каждый из типов научного сообщества обладает специфическими, свойственными только ему преимуществами (разумеется, и недостатками тоже). Поэтому важней-

шая задача рациональной научно-технической политики заключается в том, чтобы с учетом тех преимуществ, которыми располагает каждый тип научно-исследовательского центра, скоординировать и интегрировать их деятельность таким образом, чтобы сильные стороны одних помогали устранять недостатки и слабые места в деятельности других.

Наряду с целями, ради достижения которых создается и функционирует Н., важнейшей ее характеристикой является кадровый потенциал, без которого она существовать не может. Ни одна из целей научной организации не может быть достигнута без активного участия людей, профессионально занимающихся научной деятельностью, равно как не может быть она реализована в условиях, когда человек действует в одиночку.

Естественно поэтому, что могущество и перспективы развития того или иного государства в современных условиях в решающей степени определяются его научным потенциалом. Этот потенциал представляет собой сложноструктурированное целостное образование, состоящее из взаимодействующих компонентов, среди которых важнейшее значение имеют следующие. Во-первых, обеспеченность научными кадрами – их численность, квалификация, горизонтальная и вертикальная мобильность, возрастная структура, ресурсы. Во-вторых, финансовая и материально-техническая обеспеченность Н. – удельный вес финансирования исследований и разработок в общем объеме национального дохода, соотношение финансирования фундаментальных и прикладных исследований, инженерно-конструкторских разработок, количество и инструментальная оснащенность исследовательских институтов и лабораторий, производство научных приборов, измерительной аппаратуры и специального оборудования. В-третьих, научно-информационная обеспеченность – наличие задела оригинальных научных идей, конкурентоспособных на мировом рынке знаний, информированность о мировом научном опыте, сеть и эффективность работы информационных центров, объем, уровень и количество национальных научных публикаций, открытий, изобретений, патентов, лицензий и т.п. В-четвертых, экономическая эффективность Н. – экономический механизм ее связи с производством, с потребностями и интересами потребителей, с рыночными механизмами регулирования спроса и предложения, в том числе на рынке научных идей, знаний, проектов и т.п., экономическая отдача на каждую единицу финансовых затрат на исследования. В-пятых, уровень организации и управления Н. – умение использовать творческий потенциал ученых и их общностей (институтов, лабораторий, "невидимых колледжей" и т.п.), рациональная организация усилий научных коллективов на решении наиболее актуальных и перспективных проблем, повышение эффективности исследований, ускорение реализации их результатов в производстве, образовании, здравоохранении и других сферах общественной жизни.

В условиях всеохватывающего кризиса, потрясшего все постсоветские страны, возникшие на развалинах СССР, почти все компоненты научного потенциала подверглись разрушительной деформации. В Беларуси, в частности, после развала СССР доля расходной части бюджета, выделяемого на развитие Н., снизилась с 7% до 1,2%. Одновременно происходило резкое сокращение численности научных кадров. Если в 1990 научно-технической деятельностью в Беларуси занимались 107,2 тыс. человек, то в 1997 их численность снизилась до 38,2 тыс. человек, т.е. в 2,7 раза, количество работающих в институтах Национальной Академии наук Беларуси за тот же периода сократилось с 17,5 до 5 тыс. человек, т.е. уменьшилось более, чем втрое.

В последние 1,5-2 года в сфере научной деятельности наметились тенденции к стабилизации. Но чтобы эти тенденции стали необратимыми, необходимо предотвратить дальнейшее разрушение научного потенциала, повысить социальный статус исследователя и уровень его материально-финансового обеспечения, а посредством этого и эффективность научных исследований как важнейшего фактора социально-экономического и духовного развития общества.

Е.М. Бабосов

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ – отрасль социологического знания, выясняющая место и роль О. (см. **Образование**) в системе общественного воспроизводства, его взаимоотношения с экономическими, духовными, демографическими и другими общественными процессами, с динамикой социальной структуры общества (см.) и его культурой (см.), определяет социальное положение и общественную роль учителя (преподавателя) в обучении и воспитании (см.) подрастающего поколения.

Формирование С.О. как самостоятельной дисциплины начинается с трудов Э. Дюркгейма (см.), который подчеркивал, что основная функция О. – передавать подрастающим поколениям ценности господствующей культуры. Существенный вклад в становление С.О. внесли К. Маркс (см.), Дж. Дьюи, Т. Парсонс (см.), Р. Коллинз, П. Бурдье (см.), А. Турэн (см.) и другие выдающиеся социологи 19-20 вв. К. Маркс, в частности, раскрыл связь содержания и функций О. с классовой структурой общества. Р. Коллинз показал, каким образом различные статусные группы влияют на развитие О., на формирование его различных стандартов. Т. Парсонс с позиций структурно-функциональной теории проанализировал роль школьного класса как специфической социальной системы. А. Турэн проследил взаимодействие системы О., особенно университетов, с ее социокультурной средой. Российские социологи М.Н. Руткевич (см.), Л.Н. Коган (см.), Ф.Р. Филиппов (см.), В.Н. Шубкин и др. исследовали роль системы О. как фактора изменения социальной структуры общества и важного канала социальной мобильности (см.). Белорусские социологи Н.И. Латыш, А.И. Левко (см.), В.А. Клименко (см.) выяснили особенности организации национальной системы О. и роль последнего в трансформирующемся обществе.

На современном уровне своего развития социология исследует О. в качестве многоуровневой системы, функционирующей в четырех основных и взаимосвязанных формах:

1) как процесс формирования у индивидов, включенных в то или иное звено О. (учащихся, студентов), системы знаний о мире, в котором они живут и действуют;

2) как процесс цивилизационно-культурных изменений общественного сознания;

3) как мощный фактор социализации (см.) личности (см.), ее воспитания;

4) как своеобразная феноменология личностного сознания, его развития и практической реализации.

Показывая неразрывную связь О. с динамикой социально-экономических, социокультурных и политических изменений в обществе, социология исходит из того, что даже в са-

мых кризисных моментах общественного развития система О. обладает относительной устойчивостью и стабильностью. Это обеспечивает непрерывность общественного воспроизводства, социальных общностей и индивидов, хотя сам процесс такого воспроизводства может переживать весьма существенные трансформации.

Разумеется, относительная устойчивость системы О. ни в коем случае не исключает динамических изменений в ее функционировании, а, напротив, предполагает их. Хорошо известно, например, что в античной Греции в системе О. основное внимание уделялось изучению изящных искусств, а в Древнем Риме акцент делался на подготовке государственных деятелей и военачальников. В средневековой Европе в центре внимания всей образовательной деятельности находилось усвоение христианского вероучения, а эпоха Возрождения сконцентрировала интерес на изучении литературы и искусства. Начиная со второй половины 20 в. на гребне выдающихся достижений, связанных с развертыванием научно-технической революции основной упор делался на изучение естественно-научных дисциплин, прежде всего математики, физики, радиоэлектроники и т.п. А после развала Советского Союза на огромном постсоветском пространстве, в том числе в Беларуси, стали стремительно возрастать контингенты студентов, изучающих психологию, право и экономику. Все эти перемены в содержании О. непосредственно связаны с происходившими в тот или иной период социально-экономическими изменениями, с господствующими в определенную эпоху системами ценностей и ценностных ориентаций, наборов наиболее престижных социальных статусов (см.) и социальных ролей (см.).

В современном обществе, совершающем переход от индустриального типа цивилизации к постиндустриальному, информационному, социальная значимость и роль О. резко возрастает, а набор его функций существенно увеличивается. О. становится не только процессом и результатом приобретения знаний, умений и навыков в учебных заведениях или путем самообразования, но и процессом разностороннего развития человека, осознания им самого себя в окружающем мире. По утверждению выдающегося немецкого философа-экзистенциалиста М. Хайдеггера, настоящее О. предназначено создавать, удерживать и возобновлять все богатство культурно-исторических и духовных ценностей, охватывать духовность человека в целом, открывать его сущность и достоинство, сохранять истину и тайну бытия.

Поэтому в своем широком социальном контексте О. предстает как культурное пространство, которое охватывает своими рамками не только отдельных индивидов, но и семью, группы сверстников, разнообразные учебно-воспитательные и внешкольные учреждения и организации, социально-педагогическую структуру (издание учебной литературы, специализированных журналов, проведение педагогических чтений, конференций, симпозиумов и т.п.), образовательные процессы в системе производства и в общественно-культурной жизни (деятельность различных курсов подготовки и переподготовки кадров, повышения квалификации, лекториев и т.д.), разнообразные формы самообразования и др. Одним словом, О. как социальный институт охватывает собой все звенья и уровни многогранной социальной системы, в которой формируется, возобновляется и совершенствуется интеллектуально-творческий и профессионально-квалификационный потенциал народа.

Для социологического исследования образовательной деятельности существенное значение имеет выделение основных структурных компонентов системы О. Обычно в О. как процессе усвоения и передачи знаний, умений и навыков выделяют два взаимосвязанных структурных компонента. Первый из них, исходный, базисный составляет процесс *обучения*, в результате которого учащиеся овладевают не только знаниями, но и элементами культуры. По словам Т. Парсонса "обучение в широком смысле означает включение стандартных элементов культуры в систему действий отдельного индивида". С точки зрения теория действия, подчеркивает он, важно выделить, каким образом вполне устойчивая культурная система может быть связана с характеристиками как личности, так и социальной системы, чтобы обеспечить полное соответствие между стандартами культурной системы и мотивацией отдельных действующих лиц данной системы. Вот здесь-то и раскрывается более широкий в социальном смысле подход социологии к анализу процесса обучения по сравнению с педагогикой (см.). Педагогика рассматривает этот процесс преимущественно как усвоение учащимися под руководством учителя определенных знаний, умений и навыков. Социология же выясняет, каким образом в процессе обучения определенные наборы знаний, культурных стандартов, умений и навыков их реального применения в различных жизненных ситуациях превращаются в ценностные ориентации и поступки индивидов, как все это обусловлено не только стандартами О. и культуры, но и мотивацией поведения отдельных личностей, особенностями их включения в определенную социальную систему.

Вторым важнейшим компонентом системы О. являются процесс воспитания, который может быть изолирован от процесса обучения только в целях более углубленного его изучения. *Воспитание* представляет собой процесс целенаправленного воздействия на развитие личности в целях усвоения ею ценностей культуры и знаний, социального опыта, стандартов поведения, необходимых для подготовки индивида к активной трудовой, общественной и культурной деятельности. Воспитание является одним из необходимых условий продолжения, возобновления и развития общественного производства, всех сфер существования человека и функционирует, по словам К. Маркса, в качестве сферы практических социальных отношений. Оно всегда неразрывно связано со специфическими особенностями каждой конкретно-исторической ступени развития общества, с господствующей в нем системой ценностей, стандартами культуры, морали, повседневного поведения людей. Поэтому по своему конкретному содержанию, целям и задачам, организации и методам воспитание изменяется в зависимости от изменения социально-экономической, политической и духовной ситуации, в которой оказываются общество, входящие в его состав социальные общности и группы.

В структуре О. обычно выделяют также общее, профессиональное, высшее О., техническое и гуманитарное О., самообразование. В зависимости от объема и сроков обучения различают *общее* О. с тремя его уровнями – начальным, базовым и средним; *профессиональное* О. – допрофессиональную (профессиональная ориентация, отбор) и среднюю профессиональную подготовку (профтехучилище); *высшее* О. – под-

готовку специалистов высшей квалификации для разных отраслей науки, техники, культуры, здравоохранения и др.; О. *взрослых* – самообразование. В зависимости от формы обучения О. подразделяется на дневное (стационарное), вечернее и заочное. В зависимости от отношения к церкви оно может быть светским (независимым от влияния церкви) или конфессиональным (под контролем церкви).

Развертывание научно-технической революции (**см.**) предопределило в середине 1950-х формирование системы *непрерывного* О. Основными условиями его становления являются: широкое распространение научных и культурных знаний; необходимость подготовки не только молодежи, но и взрослого населения к изменяющимся условиям социально-экономического и социокультурного развития; желательность получения дополнительного общего О. для расширяющихся контингентов граждан; необходимость профессиональной подготовки и повышения квалификации кадров на всех ступенях системы О. Под системой непрерывного О. понимается не только постоянный процесс общей и профессиональной подготовки индивида в течение всей его жизни. В этом виде О. основная подготовка дополняется переподготовкой и повышением квалификации, соединением общего и профессионального обучения, дополняемого освоением основ определенного вида производства.

В общем механизме развития общества О. как более или менее самостоятельная система тесно взаимодействует со всеми остальными социальными системами, но наиболее плотно – с производством, наукой и культурой. Это усиливающееся взаимодействие обусловлено тремя главными задачами О.: 1) помочь подрастающему поколению лучше понять тот мир, в котором оно живет и будет жить и трудиться; 2) создать благоприятные условия и возможности, чтобы учащиеся овладели ценностями доминирующей в обществе культуры, нравственными, правовыми и иными нормами, стандартами поведения; 3) подготовить учащихся к активному участию в производственно-трудовой и иных сферах общественной жизни.

Для социологии весьма существенное значение имеет выяснение особенностей взаимодействия О. с социальной структурой общества. Это обусловлено двумя обстоятельствами. С одной стороны, социальная структура общества, воплощающая в себе сложившиеся общественные отношения, в огромной мере влияет на содержание О., на его уровни и темпы развития. С другой стороны, развитие О., особенно специального и профессионального, оказывает решающее воздействие на динамику социальной структуры, изменение в ней положения и роли рабочих, интеллигенции и других социально-профессиональных групп, на развитие социальной мобильности (**см.**), переливы индивидов (**см.**) и групп из одних социальных статусов (**см.**) в другие.

Изучая систему О. в ее развитии и функционировании, социология придает первостепенное значение вычленению основных социальных функций (см.) образовательной деятельности, выяснению их содержания, особенностей и форм проявления.

Одна из основных социальных функций системы О. заключается в *передаче* подрастающему поколению *накопленных знаний*. Эта функция осуществляется через деятельность семьи, дошкольных детских учреждений, школы, других типов учебных заведений.

Вторая важная функция системы О. состоит в том, что она обеспечивает *преемственность социального опыта*. Передаваемые от поколения к поколению знания, умения и навыки, предстают перед современниками как предметно воплощенные человеческие усилия, нормы, эстетические вкусы, нравственные ценности, приемы мастерства, транслятором которых выступает обучение и воспитание. Закрепленный в знаниях, умениях и навыках, человеческий опыт, осуществляясь в конкретных действиях, остается в настоящем, но одновременно актуализирует в себе прошлое и содействует формированию будущего.

Третьей важной функцией О. является *усвоение ценностей господствующей культуры*. Т. Парсонс отмечает, что несмотря на большие способности человеческого организма к обучению и к созданию культурных элементов, ни один индивид сам по себе не в состоянии создать культурную систему. Дело в том, что главные образцы культурных систем изменяются только на протяжении жизни многих поколений, их всегда придерживаются относительно большие группы людей, в силу чего они и становятся доминирующей культурой данного общества. Поэтому каждый отдельный индивид, какими бы большими творческими способностями он ни располагал, только научается благодаря действию различных звеньев системы О. доминирующим в обществе образцам культуры, являющимся по существу "высокоустойчивыми структурными органами", органично связанными с "познавательными элементами действия" в сфере О.

Отсюда становится ясным, что четвертая функция О. проявляется в *раскрытии и развитии способностей личности*. Способности, являющиеся индивидуально-психологическими особенностями личности и составляющие предпосылки успешного выполнения ею того или иного вида деятельности, выявляются и развиваются в процессе обучения и воспитания, в чем решающую роль играют различные звенья системы О.

Пятая функция О. раскрывается в процессе *социализации личности*, в накоплении и развитии ее духовного, интеллектуального и социального потенциала. Социализирующая функция О. воплощается в том, что вхождение формирующейся личности в мир социума в качестве активного и деятельного члена сообщества (общности) происходит через внедрение в структуру сознания и деятельности индивида распространяемых и усваиваемых в процессе обучения и воспитания знаний, умений, навыков, ценностей культуры и соответствующих им стандартов поведения. Социализирующая роль О. проявляется и в том, что те или иные его виды и ступени становятся особенно престижными на определенных этапах развития общества, побуждая детей и их родителей выбирать определенный жизненный путь формирующейся личности, связанный с приобретением профессии офицера, адвоката, менеджера и т.п.

Здесь мы подходим к вычленению шестой важной функции О. – содействовать *продвижению* индивидов с определенным уровнем образованности к *более высокому социальному статусу* и оказывать тем самым существенное влияние на социальную мобильность в обществе. Если в средневековой Европе знаковыми носителями высокого социального статуса считались родство, богатство, рыцарские "доблести" (физическая сила, храбрость, изысканность одежды и украшений и т.п.), то в эпоху развития индустриального, капита-

листического общества при сохранении высокой значимости богатства важные статусные характеристики человеку начинают придавать хорошее О. и воспитание, обучение в престижном учебном заведении, складная речь, владение иностранными языками, предприимчивость. По мере продвижения к обществу постиндустриального типа социальная значимость высокой образованности как знакового маркера (определителя) высокого социального статуса личности возрастает. А это оказывает существенное влияние на социальную мобильность в обществе, в котором высоко ценится О., полученное в престижном университете: Кембриджском или Оксфордском (Англия), Сорбонском (Франция), Гарвардском (США). Разумеется, сама по себе учеба в престижном университете еще не свидетельствует об уровне способностей и возможностей того или иного индивида, но в современном обществе, где одним из признаков принадлежности к высшему социальному слою становится так называемое "престижное потребление", сфера такого потребления распространяется и на определенные типы учебных заведений, специальностей и профессий, овладение которыми осуществляется через систему О.

Исходя из изложенного выше, мы сможем выделить еще одну важную социальную функцию О. Она заключается в том, что функционирование образовательной системы представляет собой специфическое *капиталовложение в будущее*. Определенный уровень О. не является неким предметом или вещью, которую овладевший этим уровнем человек может употреблять немедленно вместе с получением диплома. Скорее такой уровень представляет данному индивиду возможности, которые позволяют ему затраченные в годы учебы усилия реализовать в успешной деятельности – по избранной профессии в будущем. Общество же в целом заинтересовано дать подрастающему поколению необходимый для его успешной и самостоятельной деятельности в будущем образовательно-интеллектуальный потенциал. Именно поэтому оно время от времени осуществляет реформирование системы О. в целом или его отдельных звеньев в связи с изменившимися социально-экономическими, социокультурными условиями.

Содержание, структура и функции О. не остаются неизменными, а видоизменяются в связи с теми изменениями, которые происходят в развитии науки, техники, культуры, материального производства, в социальной структуре общества в свойственной ему системе ценностей. Динамика этого процесса такова, что коренные сдвиги в науке, технике и производстве не только опережают изменения в содержании О., но и протекают гораздо более быстрыми темпами. Иными словами, образуются своеобразные "ножницы" между стремительно уходящей вперед наукой, следующими за ней техникой и производством, с одной стороны, и отстающим от них О. Чтобы О. оставалось на уровне требований, диктуемых определенным уровнем развития общества, размах этих "ножниц" должен быть сведен к возможному минимуму, в чем решающую роль играет изменение содержания О., приведение его в соответствие с достигнутым уровнем науки, техники, производства, культуры и перспективами их дальнейшего развития. Для решения этой сложной задачи осуществляется реформирование системы О.

Опыт реформирования системы О. в различных странах насчитывает более четверти века. Одной из самых нашумевших концепций такого реформирования явилась изданная в США в 1971 книга И. Иллича (см.) "Общество без школы". В этой книге утверждалось, что современная школа напоминает казарму, которая стрижет всех под одну гребенку, не развивает познавательные способности учащихся и умение самостоятельно мыслить, а приучает к стандартным ответам на стандартные, далекие от реальной жизни вопросы. Чтобы избавиться от этих недугов, считал И. Иллич, необходимо сегодняшнюю школу – казарму заменить такими учебными заведениями, в которых бы создавалась "праздничная атмосфера", связанная с тем, что детей обучают любимому делу, а не навязывают им идеи и стандарты, которые их не вдохновляют. Это должны быть частные школы, обладающие широкой автономией в определении своих программ, где учащихся обучают грамоте или определенным профессиональным навыкам, а при поступлении на работу у юноши или девушки работодатели не должны интересоваться, какую школу он закончил, какие оценки получал, а ограничиваться лишь подлинной компетенцией данного человека. Однако реформирование системы О. в развитых странах (США, Японии, Германии и др.) пошло по другому пути, не столь радикальному. Этому в сильной степени содействовал и опыт в развитии О., накопленный в Советском Союзе, который был широко использован в этих странах после ошеломившего весь мир, особенно США, запуска первого космического спутника Земли в 1957. Использование этого опыта и его развитие привели к тому, что, во-первых, резко возросли расходы на О. (в США, например, с 4 до 10 процентов валового национального дохода), во-вторых, было осуществлено совершенствование содержания О., насыщение его элементами, отражающими современные достижения науки, техники и производства (математизация, компьютеризация и др.); в-третьих, значительно расширены масштабы среднего и высшего О.; в-четвертых, увеличены сроки обучения в средней школе до 12 лет.

Сложные процессы реформирования системы О. протекают в обществе, переживающем глубинные социально-экономические и политические трансформации, в том числе и в Беларуси. Решающее воздействие на эти процессы оказывают два важнейших фактора. Первый из них – становление государственной независимости Беларуси, обусловившее необходимость организации собственной национальной системы О., которая становится основной сферой формирования интеллектуально-духовного потенциала белорусского народа, основой социального, экономического и культурного прогресса в обществе. Второй фактор коренных сдвигов в О. – развитие рыночных отношений, предъявляющих качественно новые требования к уровню обучения и воспитания молодежи, к квалификации специалистов, подготавливаемых различными звеньями системы О.

Взаимодействие этих двух факторов вызывает существенное изменение как в содержании, так и в структуре О. Изменения в содержании обучения воплощаются прежде всего в развертывании двух разнонаправленных тенденций. Одна из них заключается в *математизации* и *компьютеризации* различных звеньев и уровней системы О.: испытанные многовековым опытом традиционные средства обучения школьников и студентов – устное и печатное слово преподавателя, профессора – все более широко и активно дополняются компьютерными классами, телевизионными лабораториями, лингофонными кабинетами, видеотеками и другими новейшими учебными средствами. Одновременно набирает темпы и уве-

личивает свои масштабы другая тенденция – *гуманитаризация* всех звеньев и уровней системы О. Она осуществляется не только через расширение сетки часов обязательного преподавания в школах, техникумах, вузах дисциплин гуманитарно-социологического цикла, но и создание в учебных заведениях гуманистически ориентированной среды, содействующей включению формирующейся личности в этнонациональные и мировые культурно-познавательные и цивилизационные изменения, посредством которых конституируется мир жизненных и культурных ценностей в контексте межпоколенной трансляции культуры посредством различных уровней О. Целью гуманитаризации О. становится формирование у обучающихся новых, подлинно гуманных ценностных ориентаций, позволяющих человеку ощущать себя социально и духовно свободной личностью, имеющей право выбора идеалов, мировоззрения, убеждений, политических позиций, всего уклада жизни, реализовать свои способности в сфере научного, технического и художественного творчества, понимания и правильной оценки прекрасного в жизни и искусстве.

Одновременно с изменением содержания О. в трансформирующемся обществе изменяется и структура системы О. С начала 1990-х возникают и развиваются новые структурные элементы системы О.: гимназии, лицеи, специализированные школы. Происходят структурные изменения и в структуре высшей школы: расширяется сеть учебно-производственных комплексов, учебно-научно-производственных комбинатов, соединяющих обучение с наукой и производством. Ряд высших учебных заведений реорганизуются в отраслевые университеты и академии (например, аграрно-технологический университет, академия музыки, политехническая академия). Возникают негосударственные высшие учебные заведения.

Вместе с тем функционирование системы О. в обществе, переживающем глубокий социально-экономический кризис, сталкивается с серьезными трудностями. Все звенья и уровни системы О. испытывают недостаток финансовых средств, новых современных учебников, учебного оборудования. Существует рассогласование между реальной моделью О. и общественной потребностью в количестве выпускаемых специалистов, наборе предлагаемых специальностей, качестве подготовки. Это можно считать следствием того, что административные методы менее эффективно регулируют отношение между социальным запросом и "педагогическим предложением", чем рыночные механизмы. Недостаточное финансирование высшей и средней школы ограничивает возможности информационного обмена в плане ознакомительных поездок, стажировок, закупки литературы, оборудования и т.п. Возникает эффект оторванности, изоляции преподавательского корпуса от передового образовательного опыта других стран. Девальвируется социальный престиж образованности и интеллектуальной деятельности учителей и научно-педагогического персонала.

Реальные пути и перспективы преодоления кризисных явлений в системе О. предусматриваются комплексной программой развития О. и воспитания в Беларуси на период до 2000 и на более отдаленную перспективу.

В современных условиях дальнейшая гуманизация О. становится ведущей тенденцией, в значительной мере влияющей на цели, формы и методы современного обучения. В условиях быстрой смены технико-технологических циклов основной формой станет дистантное (продолженное) обучение, продолжающееся на протяжении всей жизни человека. Раннее выявление и развитие профессиональных способностей и внедрение комплексной системы обучения позволит оптимизировать адаптацию школьника в вузе и выпускника вуза на производстве. Все эти реформационные нововведения позволят существенно повысить эффективность деятельности образовательной системы, ее роль как специфического социального института в экономическом, политическом и духовном развитии современного общества.

Е.М. Бабосов

СОЦИОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ – специальная социологическая теория (см.), предмет изучения которой – закономерности и механизмы формирования и функционирования оценочного отношения больших социальных групп, классов, народа в целом к актуальным проблемам действительности, представляющим общественный интерес. Термин "общественное мнение" (см.) возник в Англии, с конца 18 в. стал общепринятым для выражения одобрения или неодобрения публично обсуждаемых вопросов общественной жизни с помощью опросов.

Прикладное социологическое изучение (замеры) общественного мнения началось в США в 19 в. в связи с потребностями социума в получении информации по рыночным проблемам и политическим вопросам, связанным с выборами, конкуренцией партий и т.д. В 20 в. С.О.М. заняла достойное место среди других отраслевых социологий. Наибольшее число прикладных центров изучения О.М. имеется в США, среди них особую известность получила фирма, а затем международная сеть Джорджа Гэллапа (см.). В Европе огромной известностью пользуется Институт демоскопии в Германии, которым много лет руководила Э. Ноэль. Во Франции видным специалистом в этой области считался Ж. Стетцель, который институционализировал изучение О.М., выпускал журнал "Зондаж." На сегодня международная сеть "Гэллап интернешнл" охватывает почти все страны Северной Америки и Европы.

В России на рубеже 19 – 20 вв. в теоретическом плане общественное мнение изучал профессор Московского университета В. Хвостов (см.), который в отличие от многих западных ученых рассматривал его как проявление классового сознания. Опросов не проводилось, хотя данные земской статистики можно считать предысторией развития опросов общественного мнения в России.

В СССР изучению общественного мнения на фундаментальном и прикладном уровнях уделялось большое внимание. Уже в 1920-е, в работе В. Кузьмичева "Организация общественного мнения" (М.; Л., 1929), были поставлены проблемы диалектической связи и взаимовлияния общественного, группового и индивидуального мнений, перехода количественных изменений в становлении общественного мнения в качественные, скачкообразности в его развитии, сознательного воздействия на его формирование, борьбы с незрелыми, ложными мнениями. В 1930-е эти исследования прекратились и были вновь развернуты лишь в начале 1960-х. Именно к этому времени можно отнести зарождение С.О.М. как социологической дисциплины. В 1960 был создан Институт общественного мнения при газете "Комсомольская правда" под руководством Б. Грушина (см.), который провел 8 всесоюзных опросов, используя разные модели выборки и методы сбора ин-

формации. В 1970-е под его руководством осуществлялось изучение общественного мнения жителей среднего города (на примере Таганрога). Проводились опросы аудитории центральных советских газет, среди которых значительную роль сыграло исследование читателей "Правды" под руководством В. Шляпентоха (см.). С конца 1960-х сформировалось два основных методологических подхода, первый из которых воплощал желание партийных органов представить общественное мнение населения СССР монолитным, а второй демонстрировал реальное разнообразие мнений. В работах А.К. Уледова общественное мнение характеризовалось как "одно из состояний сознания общества". Б.А. Грушин в книге "Мнения о мире и мир мнений" (1967) связал его с массовым сознанием и показал наличие противоречивых групповых мнений. Указанные два подхода, получив широкое распространение в отечественной и зарубежной литературе, продолжали оставаться предметом обсуждений в советское время.

В современной научной литературе подчеркивается, что социологический подход к изучению общественного мнения должен основываться как на понимании его в качестве структурного элемента сознания, так и на фиксации его роли в системе общественных отношений и рассмотрении всего контекста "сознание – социальная среда". Этот подход отражает духовно-практический характер общественного мнения, в свою очередь определяющий выбор стратегии его исследования.

В годы перестройки в СССР начался новый этап в развитии С.О.М. Курс на демократизацию общественной жизни предполагал создание целой системы изучения мнений трудящихся, создания и укрепления правовых основ выражения общественного мнения, гарантий его учета. В условиях коренной трансформации общества стало необходимым предварительное обсуждение важных вопросов и сопоставление различных позиций при выработке управленческих решений. Значительно расширился круг вопросов, решения по которым принимались только после предварительного обсуждения в трудовых коллективах, в постоянных комиссиях Советов народных депутатов, в профсоюзных, комсомольских и других общественных организациях. Проведение опросов общественного мнения и публикация их результатов резко активизировались, хотя по-прежнему оставались под общим партийным контролем. В Москве был создан Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в ряде республик и крупных городов возникли аналогичные центры, активно проводились опросы, связанные с работой депутатов, демократизацией общественной жизни. Все это позволило к началу 1990-х создать инфраструктуру для проведения опросов на всей территории СССР. После его распада эта инфраструктура осталась в России; другие республики, включая Беларусь, вынуждены были формировать ее заново. В связи с этим в 1990-е в Беларуси возникли новые структуры, занимающиеся социологическими опросами общественного мнения (зачастую наряду с другими вопросами): Центр политических и социологических исследований БГУ, Независимый институт социально-экономических и политических исследований, частный центр "Новак" и др. Эти и другие организации разрабатывают вопросы выборки и организации опросов, проводят заказные маркетинговые исследования, участвуют в совместных исследованиях с зарубежными коллегами по широкому спектру проблем, связанных с трансформацией постсоветского общества. В начале 21 в. предвыборные и политические опросы общественного мнения были взяты в Беларуси под особый правительственный контроль, и только коммерческие опросы по-прежнему остались прерогативой самих исследователей.

Л.Г. Титаренко

СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ – наука о взаимодействии политических и социальных систем в процессе функционирования и распределения власти, о закономерностях протекания политических процессов, развертывания политических отношений, о функционировании политических режимов, политических норм, ценностей, политических ожиданий, ориентаций и стремлений, свойственных различным социальным группам.

С.П. – отрасль социологии, представляющая собой соединительное звено между социологией и наукой о П. – политологией. С.П. считается, с одной стороны, специальной дисциплиной социологии, обязанной данной науке теоретико-систематизирующим и историко-эмпирическим аспектами, а с другой, она открывает широкий доступ к комплексным исследованиям П. и к теории политологии. Находясь на стыке философских, социологических, политологических, исторических, экономических наук, С.П. как самостоятельная отрасль научных знаний в начале 21 в., несомненно, станет одним из важнейших направлений в развитии гуманитарных наук. Это объективно обусловлено интенсивным процессом политизации общественной жизни, что обостряет потребность в более глубоком и обстоятельном социологическом анализе всех аспектов П.

С.П. – сравнительно молодая научная дисциплина. Только в 1920-1930-е американская политология стала тесно сближаться с рядом общественных наук, главным образом с социологией, представленной прежде всего ставшей знаменитой к тому времени Чикагской социологической школой, широко разрабатывающей методику и инструментарий социологических исследований. Однако социологическое исследование политических процессов начиналось не с нуля. Оно опиралось на учение выдающихся древнегреческих философов Платона и Аристотеля, внесших основной вклад в создание основ теории П. и государства. Аристотель, в частности, может считаться одним из первых предшественников С.П.: ведь именно он исследовал конституциональные системы 158 городов-государств, сформулировал основы П. и назвал ее "королевой наук". Эти же проблемы в более широком и конкретном плане были развиты такими видными мыслителями Нового времени, как Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Ш. Монтескье, А. Токвиль, Ж. Боден. Однако решающий вклад в становление теоретических предпосылок собственно С.П. внесло первоначально теоретическое различение гражданского общества и государства французскими энциклопедистами, а затем А. Сен-Симоном, А. Фергюсоном и Г.В.Ф. Гегелем, получившее углубленное развитие в работах К. Маркса (см.), а потом, уже в 20 в., изучение политических процессов во взаимодействии с социальной сферой М. Вебером (см.), В. Парето (см.), Г. Лассуэлом. Причем С.П. не просто заимствует концепции и методы из философских и политических теорий, а существенно перерабатывает их в соответствии с общей методологией социологии. Так например, структурный функционализм и теория социальной системы Т. Парсонса (см.) и его последо-

вателей была преобразована С.П. в теорию политических систем, в том числе и в структурно-функционалистской ее разновидности.

Специфика С.П. заключается в том, что она рассматривает П. через анализ социальной структуры (см.), через деятельность социальных институтов (см.), общественного мнения (см.) и поведения, политических интересов, норм и отношений, ценностей, ожиданий и ориентаций.

Что же такое П., с точки зрения социологии? Отвечая на этот вопрос, М. Вебер утверждал: "Политика... означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает". Всякий, кто занимается П., тот стремится к власти над другими людьми и их группами. Выступая в качестве самостоятельной научной дисциплины, политическая социология имеет свой предмет исследования, свою структуру и свой категориальный аппарат. Вместе с тем она под специфическим, только ей свойственным углом зрения использует основную содержательную проблематику социологии как науки об обществе и личности и политологии как науки о П., но интерпретирует эту проблематику в социальном контексте. Ее специфический интерес – изучение процесса функционирования и распределения политической власти в государственно-организованном обществе.

Исходной категорией С.П. является *политическая сфера*, представляющая собой специфическую подсистему общества, связанную с определением коллективных политических целей, принятием соответствующих решений, осуществлением власти. Чтобы яснее представить сущность данной сферы и ее особенности, следует обратиться к сформулированной французским социологом П. Бурдье (см.) концепции социальной топологии. Она представляет социальный мир в виде многомерного пространства, построенного по принципу дифференциации и распределения средств и свойств, способных придавать их владельцу силу и власть в соответствующем секторе (сфере) социального пространства. Социальное пространство состоит из нескольких полей, в каждом из которых существует определенный капитал (власть) – экономический, социальный, политический (престиж, репутация, имя и т.п.). Каждый вид капитала (например, политический) представляет собой власть над соответствующим полем, а позиция каждого индивида или группы определяется распределением власти в этом поле. Совокупность существующих в политическом поле позиций представляет собой процесс и результат альянсов и конфликтов в борьбе за доминирование в сфере П., за установление господства в системе властных отношений, за сохранение или трансформацию существующих властных структур и систем государственной власти. При анализе политического поля (сферы), считает П. Бурдье, необходимо учитывать соотношение политического спроса и предложения в каждый данный момент времени и определяемую в зависимости от этого соотношения политическую позицию индивида или группы, чем и обусловливается логика поведения и борьбы в политическом поле (сфере). В этом взаимодействии индивидов и групп, занимающих различные политические позиции, политические выступления подпадают под своеобразную структурную двойственность. С внешней стороны они непосредственно относятся к мандатам (депутатов, членов партии и т.п.), а в действительности направлены против конкурентов в политическом поле, борьба в котором принимает особенно ожесточенный характер в вопросе о государственной власти.

Совокупность политических взаимодействий в обществе не представляет собой хаотического нагромождения различных поведенческих актов, союзов и борьбы между отдельными индивидами и группами, а складываются в определенную систему, погруженную в социальную среду и реагирующую на ее взаимодействия. Это и есть *политическая система* – базисная категория С.П. Этим термином охватывается система органов государственной власти, политических партий, общественных организаций, которые формируются в процессе борьбы за политическую власть, оказывают ей поддержку или находятся в оппозиции к ней, а также ценностей, норм и правил, регулирующих политическое поведение индивидов и социальных групп. Нормативная сторона политической системы представляет собой своеобразные "правила политической игры", которые регулируют взаимоотношения между различными ветвями власти – законодательной, исполнительной и судебной, отношения между политическими партиями и государственными органами, деятельность общественных движений, партий, их статус, права и обязанности. К области действий, входящих в ее структуру, следует отнести и систему голосования, участие граждан в выборах центральных и местных органов власти.

В процессе общественного развития складывается многообразие политических систем. Американские социологи Г. Алмонд и Д. Пауэлл подразделяют политические системы на примитивные, традиционные и современные. Современные политические системы обладают дифференцированными правительственно-политическими структурами (законодательными, исполнительными, судебными органами), а также дифференцированной политической инфраструктурой: политическими партиями, заинтересованными группами и средствами массовой коммуникации. Такие системы, в свою очередь, подразделяются на два основных типа. Первый из них составляют *демократические* политические системы, в которых вместо "культуры подчинения" превалирующей становится "культура участия", а "подданные" превращаются в "участников". Второй тип – это *авторитарные* системы, основанные на смешанной политической культуре "подчинения – участия". Они предстают в четырех разновидностях: а) радикально-тоталитарные (СССР); б) консервативно-тоталитарные (нацистская Германия); в) консервативно-авторитарные (Испания во времена диктатуры Франко); г) авторитарно-модернизирующие (Бразилия).

С.П. уделяет серьезное внимание анализу *функций*, выполняемых политическими системами. Наиболее существенные из них сводятся к следующему:

1. Функция *артикуляции*, т.е. расчленения интересов, посредством которой индивиды и группы формируют свои требования к политикам, принимающим решения.

2. Функция *выработки правил политической деятельности*, применения этих правил и контроля за их выполнением.

3. Разделение и *распределение законодательных, исполнительных и судебных обязанностей* в политической деятельности.

4. Функция *политической коммуникации*, которая обеспечивает распространение, передачу политической информа-

ции между правителями и управляемыми, а также между различными составными элементами политической системы.

5. *Политическое рекрутирование* – процесс, с помощью которого готовится и отбирается персонал, который должен взять на себя главные роли в П.

6. *Политическая социализация* – функция, посредством которой политические идеи, ценности, нормы (политическая культура) внедряются в сознание и передаются индивидам, которые усваивают эти ценности и ориентиры в отношении политической системы.

7. Функция *адаптации*, т.е. приспособления политической системы к изменяющимся условиям социальной среды (например изменение соотношения политических сил).

8. Функция *сохранения системы* – совокупность действий, направленных на сохранение целостности и устойчивости политической системы по отношению к любым, в том числе и неблагоприятным воздействиям на нее.

Так, в целом, правомерен вывод: политическая система есть реальный сложный механизм формирования и функционирования власти в обществе.

Критерием же различения политических систем по их типам является *политический режим*. Политический режим – это характер и способы организации власти, средства и методы формирования политических процессов и отношений, социальные механизмы взаимоотношений власти, общества (народа) и личности (граждан). Существует три основных типа политических режимов – тоталитарный, авторитарный и демократический. Для *тоталитарного* политического режима характерно полное господство власти над обществом и личностью, всеобъемлющий контроль за гражданами со стороны государства. *Авторитарный* политический режим отличается неограниченной властью одного лица или группы лиц над гражданами при сохранении автономии личности и общества во внеполитических сферах (например, в экономике или культуре). *Демократический* политический режим базируется на признании народа источником власти, его праве участвовать в решении государственных дел в сочетании с широким кругом гражданских прав и свобод, осуществлением контроля общества (большинства) над властью.

Возникает вопрос: с точки зрения С.П., что же такое власть?

В своей содержательной сущности власть представляет собой способность и возможность одного индивида (социального слоя или группы) осуществлять свою волю и, навязывая ее другим, побуждать их выполнять намеченные цели при помощи различных средств: авторитета, права, насилия, знания, денег, демагогии и т.п. В современном обществе власть представляет собой институционально оформленную возможность и способность определять, направлять и контролировать содержание и формы социального поведения различных социальных групп и общностей, отдельных индивидов. Сама же возможность одних социальных групп или индивидов оказывать властное влияние на других вытекает из дифференциации всех людей и общностей, существующих в данном обществе, на две большие группы, одна из которых владеет политической властью и вследствие этого доминирует, господствует над другими людьми и группами, а эти последние, будучи лишенными власти, вынуждены подчиняться первым и выполнять их господствующую волю. Складывающиеся вследствие этого в обществе отношения власти суть не что иное, как отношения *господства и подчинения*. Этим и определяются политические позиции различных социальных групп в обществе: политически господствующие и подчиненные. Интересы же людей, принадлежащих к этим группам, не только различны, но и противоположны: те группы, которые обладают властью, заинтересованы в ее удержании, сохранении и укреплении, те же, которые власти лишены и не имеют к ней доступа, заинтересованы, чтобы изменить существующее положение, добиться перераспределения власти.

Основным средством завоевания, удержания, укрепления, расширения масштабов власти, равно как и ее ниспровержения, является насилие. Политическое насилие представляет собой применение тем или иным индивидом или социальной группой различных (психического, морального, физического и т.д. вплоть до вооруженного) форм принуждения в отношении других социальных групп и классов с целью приобретения политического господства над ними. Само же понятие *политическое господство* означает определенное структурирование в обществе отношений командования (управления) и подчинения, организационное и законодательное оформление разделения в обществе управленческого труда и обычно связанных с ним привилегий. Господство неразрывно связано с властью и является формой ее организации и проявления в обществе.

Политическое господство, выступающее формой реализации власти, может по-разному восприниматься и оцениваться гражданами. Положительная оценка и признание населением права существующей власти осуществлять управление, вытекающее отсюда согласие подчиняться ей, означает ее легитимность (**см.**), т.е. *законность*. Легитимность обычно связана с авторитетом власти, ее соответствием ценностным представлениям большинства граждан. В зависимости от мотивов подчинения М. Вебер выделил три типа легитимности власти.

Первым типом легитимности власти, согласно М. Веберу, является "авторитет вечно вчерашнего", или *традиционное* господство, передаваемое по наследству, когда сын князя после смерти отца становится князем, принц (сын короля) – королем, царевич – царем и т.д. В таком случае вера в легитимность наследственного монарха подкрепляет авторитет государства многовековыми традициями почитания власти и подчинения ей.

Вторым типом легитимности власти является *харизматический*. Он основан на *харизме*, т.е. вере в исключительные качества руководителя, связанные с его способностью оказывать необычайно сильное влияние на окружающих людей, подчинять их своей воле. Харизматическая легитимность свойственна основателям мировых религий и пророкам – Иисусу Христу, Будде, Магомету, выдающимся полководцам – Александру Македонскому, Цезарю, Наполеону, политическим партийным вождям – Ленину, Сталину, Гитлеру. Харизматический вождь чаще всего обожествляется, наделяется в общественном мнении неоспоримым авторитетом, сверхъестественными, волевыми и иными качествами. "Преданность харизме пророка или вождя на войне, или выдающегося демагога в народном собрании или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне "призванным" руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому что верят в него... Именно к личности вождя и ее качествам относится

преданность его сторонников, апостолов, последователей, только ему преданных партийных приверженцев" (М. Вебер).

Третий тип политической легитимности представляет собой *демократическая*, или *рационально-правовая* легитимность. Ее источником выступает рационально понятый политический интерес, который выражается в демократических процедурах выборов по общепризнанным правилам президента или другого высшего должностного лица, в результате чего граждане подчиняются не личности руководителя, а законам, в рамках которых избираются и действуют представители власти.

Серьезное внимание С.П. уделяет исследованию политической деятельности. *Политическая деятельность* – это существующая в обществе, в каждом типе и форме государства борьба за власть между индивидами и социальными группами в защиту их собственных интересов и за участие в общем ориентировании и регулировании жизнедеятельности людей в политической сфере. Изменения в политической жизни общества в 20 в. обусловили возникновение новых типов политической деятельности. Основными среди них являются:

1. Действия политических элит, т.е. носителей наиболее ярко выраженных политико-управленческих качеств и функций, в целях совершенствования государственного управления.

2. Политические движения реформистского, революционного или контрреволюционного характера, выступающие за трансформацию и реформирование политической системы, ее совершенствование либо за ее ниспровержение и создание новой, качественно отличающейся от прежней.

3. Региональные и этнонациональные движения, борющиеся за свободное и эффективное развитие сообществ, основанных на этническом и/или культурном своеобразии соответствующих территорий и представительстве интересов населяющих их социальных групп в принятии и осуществлении политических решений.

4. Межнациональные движения, которые стремятся объединить различные регионы и народы по принципу единства или близости исторических традиций, культурного подобия, экономических и политических интересов.

Французский социолог А. Турэн (см.) выдвинул концепцию, согласно которой общество в результате своей активной социально-политической деятельности приходит к самосознанию, а вследствие этого и к самосозиданию. В этом процессе самосозидания *политические движения* являются силами, которые оспаривают сложившуюся систему политического развития и стремятся направить его в другое русло.

Долговременный успех политических движений зависит от некоторых общих условий. Наиболее важными из них являются два следующих. Во-первых, необходимо, чтобы такие движения обладали четко сформулированной доктриной, которая была бы способна пробудить энтузиазм и подтолкнуть широкие массы населения к политической активности. Такая доктрина должна представляться важной и обоснованной большому количеству людей, должна базироваться на хорошо разработанной социальной теории, способной разъяснить актуальные и спорные проблемы, осветить важные для больших групп людей цели, способы и пути их достижения, а также обрисовать желательные альтернативные формы общества. Во-вторых, необходимы политические организации, способные вовлекать широкие массы людей в борьбу за власть и использовать эту завоеванную власть для переустройства общества.

Важная роль политических движений состоит в том, что они не только создают предпосылки для возникновения новых или трансформации существующих политических систем, но также вырабатывают независимую форму политического решения и действия, которая способна стать существенным, часто высоко эффективным элементом политической борьбы.

В отличие от политического движения, которое основывается на симпатии или приверженности к какой-нибудь доктрине, что выражается в политических дебатах и готовности принимать участие в политических митингах, шествиях и демонстрациях, партия политическая (см.) является специализированной, организационно оформленной и упорядоченной группой, объединяющей приверженцев тех или иных целей и служащей для борьбы за завоевание и использование политической власти. От всех других политических институтов партию отличает определенная внутренняя организация и структура, четко оформленное членство (что подтверждается и специальными атрибутами – партийными удостоверениями), наличие политической программы действий и устава, определенная идеологическая система ориентации деятельности.

В процессе осуществления действий в политической сфере важную роль играет *политическая культура*. Она представляет собой ценностно-нормативную систему идей, идеалов, стандартов поведения, обычаев и традиций, посредством которых определяется содержание и смысл политических явлений и процессов, направляется и регулируется деятельность государства, политических движений и партий, социальных групп, общественных организаций и отдельных личностей. Политическая культура включает в себя определенную совокупность ценностей, таких, например, как свобода, равенство, суверенитет народа и т.п. Такие ценности в современных обществах находят свое правовое оформление и обеспечение в Конституции страны, а также в системе культуры общества, в существующих в нем обычаях и традициях. Но в политической культуре существует и второй слой – нормативный, который имеет большое значение для понимания механизмов осуществления политической власти и функционирования государства.

Политическая культура не дается человеку в готовом виде один раз и навсегда, она формируется в процессе *политической социализации*. Этот процесс включает в себя усвоение человеком культурных ценностей и ориентаций в сфере политики, определенных требований и стандартов поведения, позволяющих ему адаптироваться к данной политической системе и выполнять в ней определенные политические функции. Американские социологии Д. Истон, Л. Коэн, Р. Линтон, Т. Парсонс трактовали этот процесс как процесс усвоения человеком социальных ролей, которые необходимо выполнять в сфере политики, во взаимодействии индивидов и групп с политической системой и ее институтами. Другое социологическое направление, развиваемое преимущественно в Германии (Ю. Хабермас – см., Н. Луман – см.), интерпретирует политическую социализацию как процесс аккультурации, т.е. освоения человеком новых для него культурных ценностей, и связанного с этим формирования политического сознания и поведения.

Политическое поведение людей реализуется в *политических процессах*, которые раскрывают развитие, изменение, динамику политической системы, ее институтов, масштабы участия различных групп населения в политической деятельности, в осуществлении отношений господства и подчинения. Одной из усиливающихся тенденций развития политических процессов во многих странах мира, в том числе в таких различных, как США и Россия, на протяжении последних десятилетий 20 ст. становится упадок политической активности граждан.

Е.М. Бабосов

СОЦИОЛОГИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА – специальная социологическая теория, *объектом* изучения которой является предпринимательство (см.) как социально-экономический феномен, а *предметом* – закономерности формирования и воспроизводства предпринимательского типа *экономического поведения* (см.) в конкретно-исторических условиях. Актуальность развития данной теории определяется высокой значимостью роли предпринимателей в общественном развитии.

Предпринимательство выступает мощным фактором эволюции экономической культуры и культуры хозяйствования предприятий, стимулируя выполнение инновационной функции этих социальных механизмов. Основой предпринимательского поведения является стремление индивидуальных хозяйствующих субъектов к реализации своих экономических интересов. Широкий спектр возможностей для подобной деятельности обеспечивают социально-экономические системы, базирующиеся на рыночных принципах хозяйствования. Поэтому наибольшее разнообразие конкретных типов предпринимательского поведения наблюдается в обществах, которые развиваются в русле объективных социально-экономических законов – разделения труда, перемены труда и закона конкуренции.

Перспективность и значимость разработки объекта С.П. связана с тем, что предпринимательство, как способ хозяйственной деятельности, и даже шире – жизнедеятельности человека выступает важнейшей формой конкурентного взаимодействия социальных субъектов. С ранних стадий эволюции человек вынужден был стремиться к максимальной реализации своего физического и умственного потенциала в жесткой борьбе за обладание ограниченными ресурсами. Вначале ареной конкурентной борьбы была природа, у которой нужно было отвоевывать средства для выживания индивида, семьи, рода. Затем сражения разворачивались за перераспределение добытых у природы либо произведенных благ. Сейчас борьба продолжается в относительно интегрированном социально-экономическом пространстве, в котором продолжает неумолимо действовать закон конкуренции, не давая человеку ни минуты покоя, заставляя его изобретать все новые и новые способы производства, распределения, обмена и потребления благ. Новый – постиндустриальный – этап общественного развития, в который вступили экономически наиболее развитые страны, обусловливает качественное изменение форм и методов конкурентной борьбы, ее перемещение в виртуальные информационные пространства. Следствием этого является преобразование предпринимательства, которое как способ хозяйственной деятельности становится все более наукоемким и информационно насыщенным. Подобные перемены приводят к изменению иерархии факторов, обусловливающих успешность предпринимательской деятельности: так, постепенно, снижается значимость гендерного и возрастного факторов (предприниматель за монитором компьютера обезличен в смысле его половозрастных характеристик) и повышается значимость таких факторов, как уровень и специфика образования, способность к быстрому поиску, обработке и использованию информации, гибкость и адаптоспособность в плане усвоения новых трудовых функций (в данном случае – новой информационно-вычислительной техники и программного обеспечения). Это определяет особый интерес С.П. к изучению закономерностей функционирования экономического мышления индивида – реализатора предпринимательского типа экономического поведения.

Особенность *метода* С.П. состоит в рассмотрении экономического мышления индивида как *механизма* формирования его предпринимательского поведения. Компонентами данного механизма выступают: экономические интересы, социальные стереотипы, экономическая культура и психоэмоциональные качества индивида. Принципы взаимодействия названных компонентов определяются механизмом экономического мышления, который на основе собственного содержания (знаний человека о способах экономической деятельности и его хозяйственного опыта) выводит их "результирующую", задающую вектор выстраиваемой модели индивидуального предпринимательского поведения. Экономическое мышление вынуждено разрешать постоянно возникающие в сознании человека противоречия между желаниями и возможностями, устремлениями и запретами, надеждами и опасениями, стремясь в русле действия глубинных механизмов психологической защиты и сохранения Я-концепции к поддержанию целостного образа "человека хозяйствующего" как непременного условия осуществления индивидуальной предпринимательской деятельности. Названные компоненты механизма экономического мышления имеют объективно-субъективную природу. Вектор направленности и содержание экономического интереса предпринимателя отражают, с одной стороны, стремление изобретательного, компетентного, уверенного в себе человека проявить себя в хозяйственной деятельности и добиться экономического успеха, а с другой – несут отпечаток принадлежности индивида к конкретной социальной группе, страте, классу.

Социальные стереотипы также имеют двойственную природу, в зависимости от способа их формирования. С одной стороны, они вырабатываются в результате предпринимательской активности самого индивида, с другой – воспринимаются, адаптируются и воспроизводятся под влиянием социального окружения. Последнее, таким образом, оказывает значимое влияние на весь набор социальных стереотипов, которые программируют экономическое мышление предпринимателя и предопределяют реализуемые им типы экономического поведения. Экономическая культура, с одной стороны, трансформирует содержание экономического сознания общества на уровень экономического мышления индивида, с другой – формируется в процессе непосредственной предпринимательской деятельности, выражая способ ее осуществления. Психоэмоциональные качества индивида, с одной стороны, имеют глубокую субъективную природу (напр., тип нервной деятельности), с другой – объективно подвержены влиянию социального настроения, доминирующего в группе,

классе, обществе в целом. Таким образом, предпринимательское поведение складывается под влиянием двух групп факторов – внутренних и внешних. Кумулятивное воздействие факторов первой группы определяется режимом работы механизма экономического мышления индивида – степенью его развитости, гибкости, информационной наполненности, психо-эмоциональным балансом. Внешние факторы определяются теми связями и отношениями, в структуру которых включен предприниматель как социальный субъект, осуществляющий независимую, инициативную, хозяйственную деятельность. Поэтому важную роль в процессах формирования и воспроизводства предпринимательских типов экономического поведения играет среда осуществления предпринимательской деятельности – целостное пространство, в котором определенные факторы влияют на профессиональное поведение предпринимателя.

Предпринимательская среда содержит три основных взаимосвязанных компонента – правовой, социальный и экономический. Первый компонент определяет "правила" игры, которые установлены в данном обществе для взаимодействия субъектов предпринимательской деятельности: предпринимателей, потребителей, наемных работников и государства. Второй компонент отражает доминирующее отношение общественного окружения и властных структур к предпринимательству (поддержка – понимание – терпимость – неприятие – ненависть) и определяет социально-психологические условия деятельности предпринимателей. Третий компонент задает прежде всего экономические условия конкурентной борьбы (особенности ценообразования, размер ставок ссудного процента и налогообложения и т.д.). Поскольку предпринимательство является наиболее креативной и организационно гибкой формой хозяйственной деятельности, то уровень его развития выступает одним из основных показателей инновационного потенциала общества в целом, а значит – свидетельствует об адаптоспособности социально-экономической системы и ее возможностях выживать и развиваться в условиях глобального действия закона конкуренции. Неслучайно основу экономик развитых стран составляют прежде всего субъекты малого и среднего предпринимательства, которые моментально реагируют на малейшие изменения рыночной конъюнктуры, корректируя собственное экономическое поведение и обеспечивая тем самым устойчивое состояние хозяйственной системы в целом.

В Республике Беларусь, в соответствии с Законом о государственной поддержке малого предпринимательства, к субъектам малого предпринимательства отнесены предприятия со среднесписочной численностью работников в промышленности и на транспорте до 100 человек, в сельском хозяйстве и научно-технической сфере – до 60, в строительстве и оптовой торговле – до 50, в розничной торговле и бытовом обслуживании населения – до 30, в других отраслях непроизводственной сферы – до 25 человек. По данным Министерства статистики Республики Беларусь по кругу организаций, представивших отчеты, численность работников субъектов малого предпринимательства на конец 2000 – 333,7 тыс. человек, что составляет 7,5% от числа занятых в экономике республики (4441,0 тыс. чел.).

Данные статистики свидетельствуют о воспроизводстве национальной хозяйственной структуры, доставшейся в наследство от Советского Союза, в котором Беларусь была огромным "сборочным цехом". В этой системе пока что продолжают доминировать крупные предприятия, обеспечивая занятость подавляющего большинства экономически активного населения, соответственно претендуя на большее внимание и поддержку со стороны государства, и оставляя тем самым весьма ограниченное пространство для формирования и воспроизводства различных типов предпринимательского поведения индивидуальных хозяйствующих субъектов и субъектов малого предпринимательства.

О.В. Кобяк

СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССИЙ – специальная социологическая теория, содержание которой – состояние и тенденции изменения профессиональной структуры общества (**см.**), отношение людей к сфере профессий (**см.**), выраженное в оценочных суждениях и профессиональном поведении. *Объектом* С.П. выступает профессиональная структура общества, сформированная в процессе профессионального разделения труда. *Предмет* С.П. – проблема соответствия запроса на те или иные профессии в обществе и стремления членов общества к овладению этими профессиями.

В данном ракурсе можно говорить о престиже профессий и, соответственно, о профессиональной ориентации (**см.**) молодежи. Престиж профессий (**см.**) понимается как отражение социальной политики и как прямой перенос государством социального признания на определенные социальные слои. Это – относительно стабильное явление, что позволяет разрабатывать шкалы престижа, служащие своеобразным стандартом той или иной общественной системы. Основы формирования престижа профессий позволяют выявить соотношение его шкалы распространенностью этих профессий в обществе. Известно мнение о двух пирамидах: наиболее высоки престижные оценки сравнительно редких профессий и более низким престижем пользуются массовые профессии. Очевидно, для цивилизованного общества необходимо, чтобы престиж творческих работников, ученых был высоким, чтобы наукой и художественным творчеством занимались наиболее способные в этом отношении люди, поэтому они и пользуются относительно большим социальным признанием. В то же время массовые профессии требуют, как явствует из их названия, привлечения гораздо больших трудовых ресурсов. Молодежь, не имея собственной практики в избираемой сфере труда, заимствует шкалу престижа профессий из окружающей среды. Поэтому, воздействовать на профессиональную ориентацию молодежи можно через изменения шкалы престижа профессий занятого населения. Хотя тяга к той или иной профессии у молодежи формируется стихийно, под воздействием духовной жизни общества, более всего на нее влияют родительская среда, система образования, контакты в мире труда, профессиональная консультация и специальная пропаганда через средства массовой информации.

В С.П. для процесса приобретения профессии и включения человека в профессиональную среду существует особый термин – "*профессионализация*". Объективные условия профессионализации – это прежде всего уровень общественного разделения труда и соответствующее ему богатство форм квалификации. Профессия (**см.**) определяет специализированное место работника в системе производства, но в свою очередь определяется глубиной функциональной специализации. Имея объективную производственную основу, профес-

сионализация означает интенсивный рост специфических личностных ориентаций, "привязывая" каждого работника к конкретному виду деятельности. Углубляя специальную подготовку, человек развивает свою заинтересованность в данной работе, стремится к повышению содержательности труда. Поэтому профессионализация, если рассматривать ее как общее явление, представляет собой реальный прогресс в области отношения к труду. Значение профессионализации для отдельного работника может быть представлено не только как освоение той или иной профессии, но и как процесс его вхождения в определенную профессиональную группу и как развитие специфических признаков такой группы.

Профессиональная группа – это совокупность людей, объединенных одной и той же близкой по содержанию профессией. Профессиональная группа обладает признаками социальной группы, добавляя к ним общность профессиональных характеристик ее членов. Включение человека в профессиональную группу означает не только завершение цикла профессионального развития, но и усвоение *профессиональной культуры* (см.). Совокупность взаимосвязанных профессиональных групп образует профессиональную структуру предприятия (учреждения). Исследование профессиональной структуры не может быть плодотворным без анализа профессиональных перемещений, изменений, или – в более общей формулировке – *профессиональной мобильности* (см.).

Одним из важных направлений социологических исследований в рамках С.П. является исследование *профессиональной адаптации* (см.) – процесса включения и освоения работником условий профессиональной деятельности и норм отношений в профессиональной группе. Иначе говоря, профессиональная адаптация есть единство активных и пассивных форм связи человека со средой, приспособление среды к человеку и человека к среде. Она делится на первичную (вхождение молодых работников в профессиональную сферу) и вторичную (приспособление ко всем последующим изменениям в профессии или освоение новых профессий). Изучение процессов и механизмов профессиональной адаптации является методом повышения эффективности работы профессиональных групп и должно быть поставлено на серьезную научную основу. Основным законом, в рамках которого системным образом организуется категориальный аппарат С.П., является закон перемены труда (см.), непреложное требование которого – ускоряющаяся подвижность трудовых функций и создание новых универсальных профессий.

Г.Н. Соколова

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ – отрасль социологии, изучающая религию (см.) как сферу культуры, как социальный феномен. К факторам, обусловившим возникновение С.Р. можно отнести: идеологию французского Просвещения, сформировавшую критический интерес к религии как социальному институту; накопившийся богатый фактографический материал по истории христианства и неевропейских религий, который требовал упорядочения и осмысления; рационалистическую гносеологию И. Канта и позитивистскую методологию О. Конта (см.), задающих схему анализа религии, которая стала ответом на потребность в конкретно-научном изучении последней.

Основоположниками С.Р. считаются, прежде всего, Э. Дюркгейм (см.) и М. Вебер (см.), а также Г. Зиммель (см.), Б. Малиновский (см.), Э. Трёльч (см.). С.Р. как отдельная отрасль социологического знания заявляет о себе в середине 19 в., когда позитивистская методология новой науки об обществе – социологии – была применена для анализа религии. О. Конт и Э. Дюркгейм задали своеобразный вектор изучения религии, который обусловил тематику С.Р. вплоть до 1970-х. О. Конт – родоначальник социологии – рассматривал религию как глобальную культурную схему, отражающую все важнейшие характеристики индивидуального и общественного сознания, свойственные определенному (теологическому) этапу эволюции человека и человечества. Этот этап характеризуется господством религиозно-мифологического сознания, которое одушевляет явления окружающего мира, а все происходящее объясняет прямым и постоянным действием сверхъестественных сил. В сфере социальной организации на этом этапе господствуют жречество и военная элита. Теологическое сознание проходит свои этапы эволюции: фетишизм, политеизм, монотеизм. На смену теологическому этапу приходит метафизический (философский), а он сменяется позитивным (научным). В конце жизни О. Конт, разуверившись в разумном (научном) устроении общественной жизни, предпринял попытку нового "религиозного синтеза" как средства выработки объединяющей людей идеологии – позитивной религии человечества как единого "Великого Существа". Т.о., О. Конт представил религию как естественный объективный элемент общественной эволюции, как основу социального порядка и детерминанту общественной структуры на определенном историческом этапе. Э. Дюркгейм расширил спектр изучения религии до ставших уже классическими проблем: определение религии, ее структура, функции, перспективы развития. В своей работе "Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии" (1912) Э. Дюркгейм сформировал схему функционалистского анализа религии. Э. Дюркгейм утверждал, что любая развитая мировая религия не содержит ничего, чего бы не было в примитивных религиях. Сущность религии усматривается им не в вере в Бога, а в разделении окружающего человека мира на священный (сакральный) и мирской (профанный), относительно которых люди ведут себя по разному. Священный мир формируется из объектов и субъектов необычного свойства, источником которого, по Э. Дюркгейму, чаще всего выступает коллективная практика (общество). Общество дает индивиду необычные чувства и качества, не свойственные обыденной жизнедеятельности первобытного человека. Общество и становится источником религии, а в лице бога и предметом религиозной веры. Религия определяется Э. Дюркгеймом как связанная система верований и обрядов, относящихся к священным вещам и объединяющих в единую моральную общность (церковь) всех, кто их принимает и разделяет. Структурные элементы религии: вера в священное, обряды и община верующих. Основная социальная функция религии – солидаризация группы, общества. Исчезнуть религия не может, т.к. не исчезнет потребность общества в регулярном подкреплении своей целостности.

Традиция Конта – Дюркгейма, придавшая С.Р. функционалистское направление, "понимает религию как способ выражения и функцию социальных отношений и сил" (Г. Меншинг). Избежать такой логики удалось М. Веберу, который не ставил перед собой задачу постичь сущность религии: социолог "должен иметь дело не с "сущностью рели-

гии", а с условиями и следствиями определенного рода действий общины, понимание которых" лежит в области убеждений и смыслов индивида. М. Вебер придал функционалистскому изучению религии иное направление – он обратился к проблеме мотивации поступка религиозными убеждениями человека. Это изучение М. Вебер поставил в контекст выяснения роли религии в формировании нерелигиозных систем поведения (хозяйственно-экономического, политического и т.п.). В работе "Протестантская этика и дух капитализма" (**см.**) Вебер пришел к выводу о непосредственной каузальной связи между протестантизмом (прежде всего, кальвинизмом) и становлением капиталистических отношений в Европе. Работы М. Вебера вызвали огромный резонанс. Его схема "протестантизм – капитализм" стала применяться к иным культурам и историческим эпохам. В России (и СССР), по этому поводу, следует упомянуть работы С. Булгакова (схема "христианство – труд") и Н. Никольского (схема "русское старообрядчество – капитализм"). В работах М. Вебера по С.Р. обнаруживается еще один аспект, который отличает его от предшественников – он фиксирует два вектора анализа в теме религия и общество: влияние религии на общество (религия формирует мотив социального действия) и влияние общества на религию (общество формирует определенные социальные группы носителей конкретной религии).

С середины 1960-х в С.Р. ощущается влияние сторонников феноменологической школы: прежде всего Т. Лукмана (**см.**) и П. Бергера (**см.**). Лукман (основные работы по С.Р. "Проблема религии в современном обществе" и "Невидимая религия") уверен, что человек религиозен изначально, по своей природе: он не может нормально жить без опыта сакрализации, суть которого заключена в выходе (трансцендировании) за рамки своего биологического существования. Опыт сакрализации – это механизм конструирования смыслов, совокупность которых делает окружающий человека мир реальным, понятным и знакомым. Трансцендирование предстает как процесс объяснения, интерпретации, осмысления мира и самого человека. Если религиозность присуща самой человеческой природе, то нельзя говорить о ее вытеснении или исчезновении; можно говорить только об изменении ее форм. Лукман выделяет две такие формы: церковную и внецерковную религиозность. Первая представляется церковно-ориентированной религиозной идеологией, строго установленной системой догматов, ритуалов и т.п. Внецерковная религиозность (частная или "невидимая" религия) существует за счет: кризиса и упадка церковной религиозности; потребности человека в трансцендировании; процесса секуляризации. В современном мире религия существует наряду с наукой, философией, искусством как одна из мирообъяснительных схем. Соавтор Лукмана по книге "Социальное конструирование реальности" американский социолог Бергер признается одним из ведущих представителей современной С.Р. (его основная работа "Священная завеса"). Религия, по мнению Бергера, занимает центральное место в процессе конструирования смыслов, знания, когнитивного комплекса, который укореняет и ориентирует человека в его жизни. Для придания этому знанию устойчивости, некоторой универсальности, необходимо наделить его характеристиками священного космоса, мира сакрального. Эту процедуру космизации и выполняет религия, которая суть "космизация в форме священного". Сама космизация может быть определена как отождествление осмысленного (т.е. сконструированного человеком) мира с миром как таковым. Священное, которым оперирует религия, противостоит двум явлениям: светскому (профанному в жизни человека) и хаосу (когнитивной пустоте, бессмыслице, которую религия и преодолевает с помощью священного). Главнейшая функция религии – легитимизация (космизация) как наличного общественного порядка, так и самого индивида; религия дает человеку систему норм и ценностей, защищает его от хаоса, придает смысл происходящему и, в конце концов, дает ощущение реальности, объективности сконструированного человеком мира, поднимает профанность самого человека до сакральности Бога.

Помимо феноменологического направления, в современной С.Р. присутствует ряд иных не менее значительных школ: неоэволюционизм (Р. Белла), сравнительный синтез (Н. Смарт), неофункционализм (М. Йингер). Проблемное поле современной С.Р. расширилось за счет новых тем, порожденных послевоенным периодом: секуляризация и положение религии в современной светской культуре; новые (нетрадиционные) религии. Продолжаются дискуссии по методологическим проблемам С.Р.

Современную С.Р. как комплекс изучаемых проблем и уже полученного знания условно можно представить как совокупность трех уровней: методологического, теоретического и эмпирического. На *методологическом уровне* формируются и решаются проблемы самоопределения С.Р. как научной дисциплины: постулируется предметная область С.Р., определяется ее проблемное поле, формулируется специфика социологического подхода к изучению религии и стратегии взаимодействия с другими религиоведческими дисциплинами, упорядочивается категориальный аппарат и т.п. Следует отметить, что эти проблемы не нашли окончательного решения, виной чему небольшой исторический стаж С.Р. и ее междисциплинарный характер (активное взаимодействие с историей, психологией, философией, антропологией, культурологией и мн.др.). На *теоретическом уровне* формируется знание о религии как сфере общества, как социальном институте, как системе социальных отношений. Здесь разрабатываются и циркулируют объяснительные схемы, раскрывающие сущность религии, ее структуру, социальные функции и роль в обществе, определяющие закономерности и тенденции развития религии, описывающие формы и содержание взаимодействия религии с другими общественными сферами и институтами. Здесь же решается проблема определения религии. Содержание *эмпирического уровня* заключается в изучении эмпирически фиксируемых форм, проявлений и особенностей действий социальных субъектов (личности или общности), так или иначе связанных с религией. На этом уровне могут изучаться религиозное сознание и поведение субъекта (их содержание, особенности, условия формирования, мотивы); общественное мнение о религии (отношение к религии и связанным с ней явлениям различных групп населения); религиозные организации и объединения (их специфика, состав и структура, динамика развития, формы взаимодействия с другими группами, в том числе и светскими). Большинство социологов постулируют особый объект исследования на этом уровне – религиозность, т.е. приверженность религии как социальное качество личности. Основными характеристиками религиозности выступают ее уровень, степень, характер проявления и динамика изменения.

Д.К. Безнюк

СОЦИОЛОГИЯ СЕЛА – специальная социологическая теория (см.), объектом познания которой является село (см.) как социально-территориальная общность, исторически конкретная поселенческая структура, одна из первых форм расселения людей, занятых преимущественно сельскохозяйственным трудом, характеризующаяся в отличие от города небольшой концентрацией населения на определенном пространстве; предмет изучения – закономерности и тенденции развития сельского поселения как социальной системы, включающей в себя бытовые, духовно-нравственные и производственные отношения. Ее составной частью являются: процесс сельскохозяйственного производства, сельский образ жизни, сельская культура, социально-демографическая структура села, трудовые ресурсы, сельское управление и самоуправление.

Взаимодействие этих элементов проявляется в специфике сельского поселения как единого комплекса бытовых, территориальных и производственных аспектов бытия людей, связанных с землей и природно-климатическими условиями. Село выполняет подчиненную по отношению к городу роль, жизнедеятельность в нем более однообразна и обусловлена природными циклами, отличается сравнительно тяжелыми условиями труда вследствие его низкой энерговооруженности, меньшей развитостью социальной инфраструктуры, худшими условиями для культурного развития и проведения досуга. В то же время сельское поселение и город взаимодействуют между собой через систему экономических, политико-правовых и культурных отношений, образуя единую социально-территориальную целостность общества. Обеспечивая город продовольствием, село получает от него машины и оборудование, удобрения, новые технологии и квалифицированные кадры. Сосредоточенные в городе политические, экономические и правовые структуры государства определяют общую направленность развития аграрной сферы.

Как самостоятельное научное направление С.С. (крестьяноведение) возникло во второй половине 19 в. и связано на Западе с именами А. Гелена, Ф. Знанецкого (см.), П. Сорокина (см.), К. Циммермана. Изначально эта отрасль обществознания формировалась как комплексная дисциплина, включающая в себя разделы многих наук – социологии, экономики, юриспруденции, истории, этнографии и др. Объясняется это тем, что социальная жизнь сельчанина тесно связана с его производственной деятельностью и природой. Существенный вклад в развитие С.С. (см.) внесли российские ученые В. Большаков, Н. Кондратьев (см.), Н. Макаров, А. Чаянов (см.), А. Челинцев. Работы А. Чаянова "Организация крестьянского хозяйства" и В. Большакова "Деревня (1917-1927)" определили основные направления исследований в области отечественного крестьяноведения.

В современных условиях значительный вклад в развитие С.С. вносят Ю. Арутюнян, В. Данилов, Т. Заславская (см.), П. Симуш, В. Староверов и др.

Проблематика исследований С.С. достаточно обширна и включает в себя: место и роль сельской территориально-поселенческой структуры в обществе; перспективы развития села в системах расселений; характер изменений демографической и профессиональной структур сельского населения; особенности миграционных процессов; своеобразие сельского образа жизни (см.); развитие культуры и др.

Особое место в этой проблематике занимает исследование специфики включенности аграрной сферы в систему формирующихся рыночных отношений. В трансформационный период состояния общества для С.С., как и для других дисциплин, занимающихся крестьяноведением, наиболее актуальной является разработка оптимальной социально-экономической модели аграрной реформы. Колхозно-совхозная система привела к отчуждению сельчанина от труда и его результатов, вытравила чувство хозяина общественного производства, и в старом варианте она исчерпала свои возможности. Сами по себе рыночные отношения в их "свободном проявлении" в аграрном секторе не срабатывают. Главная причина непривлекательности для предпринимательской среды этого сектора экономики – медленная оборачиваемость капитала (один-два раза в год), когда в торговле за этот период он обернется десятки раз. К тому же крестьянство, как правило, настороженно относится к новациям, изменяющим устоявшийся уклад жизни. Специфика современного аграрного реформирования должна заключаться в неприемлемости "революционных" методов изменения сложившихся социально-экономических отношений, а также в необходимости самому государству выступать инициатором и регулировщиком этой модернизации.

Изучая общие закономерности становления и функционирования села, как целостной социальной системы, С.С. относится к группе специальных социологических теорий объяснительного характера, описывающих социальные факты и явления через установление связей и отношений, определяющих существенные черты изучаемого объекта. Ее задача – исследовать сельское поселение как форму объединения людей, имеющих общие интересы в производственной, социально-бытовой и культурной сферах, и выступающее средой социализации индивида. Жители села, совместно проживая на локальной территории и участвуя в трудовом процессе, образуют единую социально-психологическую и производственно-экономическую общность, в которой они выступают носителями социальных ролей и выразителями групповых интересов. Отличаясь от горожан по материальному положению, содержанию и условиям труда, по уровню образования и культуры, сельчане сохраняют особость крестьянской психологии, проявляющейся в определенном консерватизме мышления и сохранении индивидуализма. Характер взаимодействия трудовых и бытовых отношений в разрезе специфики психологических качеств и духовных запросов сельчан, анализ основных факторов, влияющих на происходящие социальные процессы – ведущая задача С.С. в исследовании села как целостной территориально-поселенческой общности.

Н.Е. Лихачев

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ – отрасль социологии, изучающая С. (см. **Семья**) – социальную систему воспроизводства человека, основанную на кровном родстве, браке (см.) или усыновлении, и объединяющую людей общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью. Одна из важнейших отличительных особенностей этой системы заключается в том, что С. одновременно обладает характерными чертами социального института (см.) и малой социальной группы (см.). Как социальный институт С. обладает моральным и правовым узаконением, общественной и государственной поддержкой, характеризуется совокупно-

стью социальных норм, санкций и образцов поведения, регламентирующих взаимоотношения между супругами, родителями и детьми и другими родственниками (например, между прародителями и внуками, братьями и сестрами и др.). При анализе С. как социального института обычно рассматриваются не конкретные С., а образцы семейного поведения, специфичные для определенного типа культуры или социальных групп, характерные роли и распределение власти в С. В качестве *малой социальной группы* С. функционирует как основанная на браке, кровном родстве или усыновлении (удочерении) социальная общность (см.), члены которой связаны единством быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью. При анализе С. как социальной группы основное внимание обращается на специфику формальных и неформальных санкций в сфере брачно-семейных отношений, выяснению причин и мотивов, вследствие которых люди женятся, любят или ненавидят, мстят друг другу, стремятся иметь детей или не иметь их, а их брачный союз оказывается устойчивым или неустойчивым, счастливым или нет.

С.С. уделяет первостепенное внимание выяснению *структуры* и *функций* С. Структура С. – это не только ее количественный состав и число совместно живущих поколений, но и система позиций, социальных ролей отношений ее членов. По структурным особенностям различаются С. нуклеарные и расширенные. *Нуклеарная С.* – это семейная структура, состоящая из взрослых родителей и детей, находящихся на их иждивении. В большинстве обществ именно такая С. считается важным и даже основным социальным объединением. *Расширенная С.* – такая семейная структура, которая помимо нуклеарной С. (супругов и их детей) включает других родственников, например, дедушку и бабушку, внуков, дядю, тетю, двоюродных братьев и сестер.

Структура С. далеко не всегда совпадает со структурой брака, что обусловлено различиями этих двух тесно связанных друг с другом, но все-таки разных социальных явлений.

С. – это групповое взаимодействие внутри малой социальной общности, члены которой связаны единством быта, взаимной помощью и моральной ответственностью. А *брак* – это определенное *правовое* отношение, порождающее права и обязанности вступивших в брачный союз мужчины и женщины по отношению друг к другу и к детям. В реальной действительности брак функционирует как социально признанный союз полов между двумя или большим количеством индивидов. По своим структурным параметрам выделяются следующие формы брака:

1) *Моногамия* – брак между одним мужчиной и одной женщиной, наиболее распространенная форма брака в современных развитых обществах;

2) *Полигамия* – брак между одним и несколькими дружными индивидами, выступающий в двух основных разновидностях: *полигиния* – брак между одним мужчиной и несколькими женщинами; *полиандрия* – брак между одной женщиной и несколькими мужчинами;

3) *Групповой брак* – брак между несколькими мужчинами и несколькими женщинами.

В зависимости от предпочитаемого партнера брак может быть *экзогамией* (характерным для первобытнообщинного строя запретом браков в пределах одной родственной группы) и *эндогамией* (брачной связью внутри определенной социальной группы, например, внутри племени).

По мере развития общества брак из преимущественно экономического института все больше превращается в морально-правовой союз мужчины и женщины, основанный на любви, личном выборе. Происходит перераспределение обязанностей мужа и жены в экономическом обеспечении С., ведении домашнего хозяйства и воспитании детей. В результате ослабления давления экономических и правовых уз в современной С. возрастает роль внутрисемейных отношений в обеспечении ее устойчивости и прочности.

Функции С. органично связаны, с одной стороны, с интересами общества, а с другой – с интересами, запросами и ожиданиями личности, входящей в состав семейной группы. С., функционирующая в качестве социального института, тесно связана с производством и распределением материальных благ. Включаясь в процесс производства материальных благ, трудоспособные члены С. осуществляют функцию добывания средств к жизни, в том числе для нетрудоспособных и несовершеннолетних членов С., т.е. *экономическую функцию*. Успешное осуществление С. данной функции позволяет ей непосредственно включиться в экономическую структуру общественного производства, благотворно влиять на нее и вместе с тем определяет уровень материального благосостояния С. как особого социального института. С ней тесно связана *хозяйственно-бытовая функция*, проявляющаяся в оказании хозяйственно-бытовых услуг одними членами С. другим. Совместное ведение хозяйства повышает удовлетворенность обоих супругов как бытовой устроенностью семейной жизни, так и хозяйственностью супруга, но одновременно снижает уровень социальной напряженности и конфликтности, возникающей тогда, когда в С. хозяйничает один из супругов.

Важнейшей функцией С. как социального института и малой социальной группы является *репродуктивная* функция, реализуемая в биологическом воспроизводстве населения и в удовлетворении естественной потребности в детях. Она включает в себя не только физическое (деторождение), но и духовно-нравственное воспроизводство человека в С.: духовно-нравственная потребность в ребенке, стремление иметь его от любимого человека, иметь духовное родство с детьми.

Весьма существенной функцией, осуществляемой С. как социальной группой, является функция *среды формирования прочных* устойчивых эмоционально насыщенных *взаимодействий* трех родов: 1) *супружества* (между мужем и женой – любовь, эмоциональная поддержка, духовное общение, физиологическая совместимость и т.п.); 2) *родительства* (рождение и воспитание детей); 3) *родства* (взаимодействие с братьями, сестрами, дедушками, бабушками, внуками, дядями, тетями и др.).

Важной функцией, свойственной С., является осуществление *первичного социального контроля*. Ее содержание составляют моральная регламентация поведения членов С. в различных сферах жизнедеятельности, а также регламентация обязательств между супругами, родителями и детьми, представителями старшего и младшего поколений. Сюда входит формирование и поддержание моральных и правовых санкций при нарушении социальных норм членами С.

Весьма существенное значение имеет *воспитательная функция* С., осуществляющая социализацию молодого поколения и определяющая ответственность родителей за духовно-нравственное, эстетическое, патриотическое, физическое

воспитание детей, их личностную и гражданскую самореализацию.

С ней тесно соприкасается и взаимодействует *функция духовного общения*, обеспечивающая развитие членов С., их духовное взаимообогащение, поддержание дружеских отношений и моральную ответственность друг перед другом.

С. выполняет в обществе и *социально-статусную функцию*, определяющую важную роль С. в воспроизводстве социальной структуры общества. Ее содержание реализуется в предоставлении членам С. определенного статуса и в удовлетворении их потребностей в социальном продвижении к более благоприятным и престижным статусам и ролям.

Досуговая функция С. имеет своей целью организацию рационального и благотворного для членов С. проведения свободного времени, оказание им поддержки в развитии своих способностей и талантов, в удовлетворении потребностей в совместном ведении досуга, взаимообогащении интересов.

С нею взаимопереплетается *рекреативная* функция, ориентированная на совместный отдых членов С., на восстановление их сил, израсходованных в процессе труда или обучения.

Существенную роль играет *эмоциональная функция* С., направленная на эмоциональную стабилизацию семейных отношений, получение индивидами психологической поддержки в С., удовлетворению их потребности в любви и личном счастье.

Невозможно представить С. без выполнения ею *сексуальной функции*, без которой невозможно осуществление репродуктивной и некоторых других функций. Сексуальная функция включает в себя удовлетворение сексуальных потребностей мужа и жены и определенный контроль за способами реализации этих потребностей, направленность которых должна переходить от сексуальных ориентаций от "Я" к "Мы" – концепции.

Семейные функции действуют не отдельно друг от друга, а образуют динамичную и целостную систему, которая развивается в течение всех жизненных циклов С., но развитие это протекает успешно и благотворно для всех только в том случае, если членов С. связывают глубокие и сильные эмоциональные связи, прежде всего любовь. *Любовь* – это сложное, интенсивное, напряженное и относительно устойчивое интимное чувство индивида; физиологически обусловленное сексуальными потребностями и выражающееся в стремлении быть с максимальной полнотой представленным своими личностно-значимыми чертами в жизнедеятельности другого таким образом, чтобы пробуждать у него потребность в ответном чувстве той же интенсивности, напряженности и устойчивости. "Любовь, – по утверждению С.Л. Франка, – есть всеобщее драгоценное благо, счастье и утешение человеческой жизни – более того, единственная подлинная ее основа, – это есть истина общераспространенная, как бы прирожденная человеческой душе".

Сейчас много говорят о свободе любви, спорят о том, что включает в себя это понятие. Подчеркнем: свобода любви – это не "свобода перемены сексуальных партнеров или мужей и жен", а свобода при вступлении в брак от утилитарных соображений (богатство, влиятельные связи будущего супруга и т.п.), от влияния различных предрассудков (сословных, национальных, религиозных, субкультурных и др.), от вмешательства третьих лиц – родителей, друзей, сослуживцев и т.д., т.е. свобода заключать семейный союз по личной склонности, по личному выбору, по любви. Только свобода может обеспечить устойчивое и прочное супружеское счастье, чего так часто, к сожалению, не хватает многим современным С.

Взаимопереплетение и взаимоусиление функций С. оказывает благотворное влияние на социальное самочувствие, психическое состояние и физическое здоровье человека. Установлено в частности (данные исследований, проведенных итальянскими социологами), что женатые мужчины умирают от *болезней сердца* на 34,6% реже, чем холостые, и на 105,6% реже, чем разведенные; от *рака легких* – на 14,3% реже холостых и на 132,1% – разведенных; от *рака пищевода* – реже холостых на 40,7%, разведенных – на 77,8%; от *гипертонии* реже холостых в 2 раза, реже разведенных – в 2,5 раза; от *цирроза печени* реже холостых в 3 раза и разведенных – в 7 раз.

С.С. изучает не только структуру и функции С., но и распределение властных отношений в ней, которые радикально изменялись на протяжении истории ее развития. В условиях раннего периода первобытнообщинного строя, в котором главная роль в сохранении устойчивости рода и в воспроизводстве детей и в наследовании имущества отводилось женщине, *власть* в С. принадлежала женщине, в первую очередь матери, а такая С. называется *матриархальной*.

На более поздних стадиях исторического развития, когда преобладающую роль в хозяйственной деятельности, в обществе и в С. приобрели мужчины (это происходило в условиях разложения первобытнообщинного строя, возникновения частной собственности, классов и государства), а наследование имущества стало осуществляться по мужской линии, семейная система стала *патриархальной*. Этот термин обозначает *власть мужчин* над другими членами С. Такой тип властных отношений в С. считается общепринятым и часто узаконенным в Германии, Японии, Бразилии, Иране, Таиланде и многих других странах.

В последние два-три десятилетия по мере увеличения числа работающих женщин и роста их экономической самостоятельности во многих индустриально развитых странах – США, Франции, Швеции, России, Беларуси и др. – влияние и власть в С. распределяется между мужем и женой почти в равной степени. Такая семейная система называется эгалитарной (от франц. эгалите – равенство).

Рассмотренные три типа отношений характеризуют еще один важный аспект структурной динамики С. – структуру власти и лидерства в семейной общности. Этот аспект органически взаимосвязан с другим – с ролевой структурой С., с распределением в ней ролей мужчин и женщин. Эта сторона семейной жизни обстоятельно исследована Е. Весельницкой, которая выявила и детально охарактеризовала несколько типичных семейных ролей и их значимость для семейного благополучия. Таковы, например, характерные для мужчины в С. роли "хозяина", "воина", "шкафа", "авантюриста", для женщины – "хозяйки", "подарка", "приза", "музы" и др.

Структура С., выполняемые ею функции, распределение властных отношений в ней своим совокупным действием создают специфические особенности в межличностных отношениях ее членов, в их позициях во взаимодействии друг с другом, в их ценностных ориентациях и предпочтениях. Если названные факторы взаимодействуют друг с другом без глубоких расхождений и противоречий, то под их благотворным

воздействием складываются и упрочиваются следующие *структуральные особенности:*

1. Положительная эмоциональная направленность межличностных отношений членов С.

2. Сплоченность семейной общности, единство ее целей, задач, ценностных ориентаций, стандартов поведения.

3. Эмоционально насыщенные, согретые любовью и заботой друг о друге непосредственные внутрисемейные контакты между супругами, родителями и детьми.

4. Важная для самоутверждения личности уверенность в собственной нужности и значимости для других.

5. Потребность любить близких людей, помогать, доверять им, заботится о них, ответить любовью на любовь и преданность.

Названные особенности характерны прежде всего для так называемого *супружеского* брака, представляющего собой межличностное взаимодействие мужа и жены, регулируемое правовыми и моральными нормами и поддерживаемое верностью по отношению к личностно-значимым ценностям – любовь, интимность, адаптационный синдром, автономия.

Кроме супружеского брака, в современном постсоветском обществе существуют и некоторые другие типы семейно-брачных отношений. Существенные изменения в социально-экономических условиях жизни, приведшие к тому, что в последнее время женщины нередко быстрее и лучше приспосабливаются к сложно складывающимся рыночным отношениям, чем мужчины, а мужчины, в свою очередь не всегда оказываются в состоянии содержать С., а также к росту разводов и более обширному, чем прежде овдовению, привели к значительному возрастанию численности *неполных материнских* С. В такой С. все тяготы семейных забот возлагаются на женщину – мать, а мужчина – отец – отсутствует, либо появляется в С. изредка в качестве приходящего сексуального партнера, реже – приходящего папы.

Достаточно широкое распространение получили в последнее время и *альтернативные* браки. Под альтернативным браком понимается длительный союз мужчины и женщины, которые не намереваются юридически оформлять сложившиеся между ними интимные, имущественные и другие отношения. Такой брак предполагает верность партнеров друг другу, возможность появления совместного потомства и заботу о нем, возможность материального содержания одного из супругов другим.

В последнее время все чаще раздаются голоса о том, что С. не справляется со своими обязанностями, что современное общество столкнулось с "кризисом С.". Конечно, в условиях глубокого социально-экономического кризиса, в котором продолжает функционировать постсоветское общество, кризисные явления захватили и сферу семейно-брачных отношений. Но в этих кризисных ситуациях С. не является самодовлеющей и даже самодостаточной величиной. И в прежние времена, особенно кризисные (вспомним эпоху упадка римской империи, разложение средневековья, годы разрухи, последовавшие после Октябрьской революции и гражданской войны в России) социальный институт С. испытывал серьезные потрясения, побуждавшие многих говорить о "кризисе С.", но она все-таки выживала в самых тяжелых условиях и продолжала выполнять свои основные функции, пусть и в измененной форме. И в современных социально-экономических и социокультурных условиях она продолжает оставаться одним из социальных устоев общества и одновременно одной из важнейших ценностей общества. Достаточно сказать, что подавляющее большинство населения Беларуси (88%) живет ныне в С., чтобы убедиться в этом. Характерно, что проведенные Институтом социологии НАН Беларуси в 1993 и в 1997 эмпирические исследования показали: в многоступенчатой иерархии ценностей современная молодежь последовательно ставит на первое место С. Такую позицию заняли в 1993 86% респондентов в возрасте 16-29 лет, а в 1997 – 88%. Причем среди молодых женщин высокую важность для них С. отмечают более 90% опрошенных, а среди молодых мужчин несколько меньше – 82%. А среди молодых людей, состоящих в браке, абсолютное большинство опрошенных – 93,3% в качестве наиболее важного для себя назвали именно С., а уже потом назвали здоровье – 93,10%, материальное благополучие – 89,2% и другие ценности. Такие ориентации молодежи свидетельствуют о том, что глобального кризиса С. сегодня не существует, хотя она, конечно же, испытывает серьезные трудности и потрясения в условиях продолжающегося длительное время социально-экономического и социокультурного кризиса.

Каковы же основные трудности и нерешенные проблемы, осложняющие нормальное развитие и функционирование С.?

Среди них, бесспорно, приоритетное место занимает материальная неустроенность многих, особенно молодежных С. Если в целом в Беларуси в 1996 находились ниже черты бедности 36,7% населения, то в С. с двумя детьми таких насчитывалось 40,9%, а с тремя детьми – 56,4%. Если более половины С., в которых обеспечивается расширенное воспроизводство населения страны, оказывается ниже уровня бедности, это свидетельствует, насколько животрепещущей является проблема экономического положения этой важнейшей ячейки общества.

Вторая трудная проблема в развитии современной С. – существенное снижение среднего ее размера и детности. За период с 1959 по 1996 доля небольших С., состоящих из двух человек, возросла в Беларуси в 2 раза (с 17 до 34,6% в общей структуре С.), а доля крупных С., состоящих из 6 и более человек, уменьшилась с 21,5% до 3,1% . Одновременно с нуклеаризацией (сокращение размера) С. происходит снижение их детности. За период с 1959 по 1989 г. доля С., не имеющих детей в возрасте до 18 лет, возросла в общей структурс С. в Беларуси с 22 до 42,5%, т.е. почти удвоилась, при одновременном сокращении С. с 1 ребёнком с 32 до 27,7%, с 2 детьми – с 29 до 24,7%, с 3 детьми – с 17 до 5,1% (более чем втрое).

Третья сложная проблема в развитии современной С. – негативная динамика браков и разводов. Для Беларуси характерна высокая степень брачности населения. Большинство мужчин и женщин каждого поколения раньше или позже вступает в брак. По данным переписки 1989 в возрасте 45-49 лет в республике было всего 3,6% мужчин и 3,3% женщин, никогда не состоявших в браке. На протяжении длительного времени наблюдается тенденция к увеличению доли вступающих в брак в молодых возрастах. Если в 1960 в возрасте до 20 лет среди вступающих в брак было 2,7% мужчин и 12% женщин, то в 1979 уже 4% мужчин и 25,5% женщин, а в 1995 – 5,8% мужчин и 28,9% женщин. Если считать только вступающих в первый брак, то показатели еще выше.

В последние годы существенно возросли масштабы распадения браков, что происходит вследствие овдовения и раз-

водов. Перепись 1989 зарегистрировала, что в возрасте 40-44 года 4,1% женщин и 0,7% мужчин, а в возрасте 50-54 года уже 12% женщин и 2,3% мужчин овдовели. Более высокие показатели овдовения среди женщин объясняются как более высокой смертностью населения мужского пола, так и более высокой интенсивностью повторных браков среди мужчин по сравнению с женщинами. Еще более негативна тенденция к возрастанию численности разводов. В 1959 из каждой тысячи супружеских пар в Беларуси разводилось 2,7, в 1970 – 8,5, в 1995 – уже 13,4. В 1995 в республике было зарегистрировано 77 тыс. браков и 42 тыс. разводов. При такой интенсивности разводимости за 25 лет в республике только в результате разводов распадается более трети, а учитывая растущий уровень овдовения, – почти половина всех браков, заключенных в 1990-е.

Четвертая трудная проблема, обусловленная сложностями развития современной С., – снижение рождаемости. Для того, чтобы эта тенденция выявилась более рельефно, возьмем самый интенсивный по репродуктивности возраст женщин: 25-29 лет. В 1959 в этой возрастной когорте на 1000 женщин в Беларуси приходилось 177,6 родившихся в среднем за год. В 1970 этот показатель снизился до 134,5, в 1979 – 117,8, 1995 – до 71,7%. Решающую роль в этом негативном процессе сыграли спад экономического развития, инфляция, обнищание больших масс населения, появление безработицы.

В С.С. для определения перспектив рождаемости и выработки оптимальной, эффективно действующей демографической политики важное значение придается выяснению мнения различных групп населения об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей в С. *Идеальное* число детей – это представление о наилучшем количестве детей в С. вообще, без учета конкретной жизненной ситуации. *Желаемое* число детей – это количество детей, которое респонденты хотели бы иметь в своей С., исходя из собственных сложностей, но без учета конкретных семейных обстоятельств. *Ожидаемое* число детей – это количество детей в С., которое респонденты намереваются иметь к концу репродуктивного периода. Проведенный в 1995 опрос показал, что даже среднее идеальное число детей в С. составляет только 2,2, т.е. находится на уровне простого воспроизводства и даже ниже. Желаемое число детей составляет 2,02, а ожидаемое – 1,67. Следовательно, большинство населения Беларуси ориентировано на однодвухдетную С. В России показатели несколько ниже: идеальное число детей составляет 2,08, желаемое – 1,89, ожидаемое – 1,60. За последние 25 лет среднее идеальное число детей в Беларуси снизилось с 2,9 до 2,17, ожидаемое – с 2,4 до 1,67.

Основными факторами, побуждаемыми молодых женщин Беларуси отказываться от очередного ребенка, являются экономическая нестабильность (такую оценку дают 80,6% опрошенных), обеспокоенность последствиями Чернобыльской катастрофы – 54,8%, неудовлетворительные жилищные условия (47,6%), трудности совмещения работы с воспитанием ребенка (33,3%), слишком долгий рабочий день (30,6%). Сумма процентов здесь оказывается более 100, т.к. респонденты могли указывать сразу два-три фактора, негативно влияющих на рождаемость.

Очень важное значение имеет выяснение факторов, действие которых помогло бы молодым женщинам решиться на рождение очередного ребенка. Проведенный в 1995 опрос в Беларуси показал, что благоприятно повлиять на повышение рождаемости могли бы следующие факторы: уверенность, что экономическое положение страны улучшиться (так считают 69% респондентов), гарантированная и хорошо оплачиваемая работа супруга и (или) самой женщины (74%), перспектива улучшения жилищных условий (45,2%), уверенность, что влияние последствий Чернобыльской катастрофы не опасно (44,8%), возможность найти работу с сокращенным рабочим днем или частичной занятостью (23,4%). Среди мотивов рождения детей важную роль играют социально-психологические факторы, такие, например, как дети делают жизнь по-настоящему семейной (88,8%), дает ощущение полноценности жизни (94,4%), укрепляет брак (61,1), необходимо для здоровья женщины (61,1%).

Среди проблем, с которыми приходится сталкиваться в настоящее время С.С., наиболее острыми являются проблемы молодежных С., к которым относятся общности супружеских пар, возраст которых не превышает 30 лет. Многие молодые С. находятся в трудном положении из-за низкой материальной обеспеченности, отсутствия собственного жилья, неустроенности быта и т.д. Большинство молодых С. испытывают трудности с жильем (71% С.), денежные затруднения (60% С.), многие – с бюджетом времени (30% С.), с приобретением товаров для детей (23%), в отношениях с родителями мужа или жены (21%).

Существенное значение приобретает в настоящее время выяснение факторов, оказывающих влияние на *стабильность* С. Поскольку количество разводов увеличивается, особенно важно учитывать те факторы, которые дестабилизируют внутрисемейные взаимодействия и способны приводить к распаду семейных общностей. Решающую негативную роль здесь играет общая дестабилизация социально-экономической системы, в которой функционирует С. на огромном постсоветском пространстве. Снижение жизненного уровня большинства населения, продолжающийся экономический кризис, трудности вхождения в рыночные отношения, отсутствие уверенности в будущем, плохие жилищные условия, недостаточная социальная поддержка С., материнства и детства, угроза безработицы (особенно для женщин) – все эти *объективные факторы* оказывают дестабилизирующее влияние на С. Их негативное влияние сочетается с *социально-психологическими*, т.е. *субъективными* факторами, оказывающими дестабилизирующее воздействие на современную С., особенно молодежную. Модели ролевого поведения, жизненные устремления и амбиции молодых мужчин и женщин в С. сблизились, снизился уровень их взаимной дополняемости, что привело не столько к реальному семейному взаимодействию, сколько к его внешней имитации. Зачастую супруги, родители и дети имитируют семейные отношения, сохраняют их традиционную внешнюю форму, не вкладывая при этом в них необходимое внутреннее, эмоционально насыщенное и благотворное для межличностных отношений содержание. Психологическая общность, необходимая для стабильности и прочности С., нередко подменяется чисто внешними, соответствующими принятым в обществе представлениям и приличиям, показными формами отношений и поведения. Все это, усиленное материально-экономическими трудностями и неурядицами, отрицательно влияет на стабильность С., на конфликтность в ней.

Совокупное влияние негативных факторов приводит к ослаблению и обеднению *отношений супружества*. В ре-

зультате число С., характеризующееся сплоченностью, уменьшается, а тех, где превалирует разобщенность – возрастает. Об этом свидетельствуют результаты социологических исследований, проведенных в Могилевской области под руководством Ю.М. Бубнова. Совершенно уверены в своей супружеской удаче 39,5% опрошенных молодых супругов, считают свой брак неудачным примерно втрое меньше респондентов – 12,1%, четвертая часть (26,8%) склоняются к тому, что брак их скорее удачный, чем неудачный, а каждый пятый (19,6%) затрудняется определить степень удачности или неудачности своей семейной жизни.

Чем объяснить ухудшение отношений супружества?

Во-первых, существует различный уровень предбрачных ожиданий, повышены ожидания и, соответственно, притязания женщин значительно сложнее и выше, чем мужчин, отсюда и более частые их разочарования в супружестве.

Во-вторых, именно женщины в большинстве случаев несут на себе основную тяжесть ответственности за семейные дела, а в трудных социально-экономических условиях, в которых находится большинство современных С., это вызывает гораздо большую озабоченность и тревожность у жен по сравнению с мужьями.

В-третьих, внутренний мир мужчины имеет несколько эпицентров: профессиональный рост, политика, любовь, футбол (хоккей и т.п.), повседневные дела и т.д., а большинство женщин обладает концентрической структурой внутреннего мира с единым эпицентром – забота о детях, поэтому основная доминанта их устремлений, сконцентрированная на С. и детях, чаще, чем у мужчин, дает сбои, если происходят какие-либо разногласия, а тем более конфликты в С.

Каков же *уровень конфликтности* в современной С.? Социологические исследования, проведенные Ю.М. Бубновым в 1996, показали, что совсем не ссорятся и не конфликтуют друг с другом 6,1% опрошенных молодых супругов, ссорятся иногда 77,8%, часто вступают в семейные конфликты 14,4% респонденов.

Самым первым и поверхностным срезом исследования конфликтов в С. является выяснение повода, приводившего к конфликтной ситуации. Чаще всего конфликты в С. возникают по пустякам. Именно этот повод как наиболее часто встречающийся назвала почти половина опрошенных (47,3%). Примерно в 2,3 раза меньше в качестве повода выступают недоброжелательные отношения одного из супругов (или их обоих) с родителями и (что покажется невероятным, но – это факт) почти в 3 раза – супружеская неверность.

Но как только от повода мы переходим к глубине и тяжести конфликта для обоих супругов, картина резко изменяется. На абсолютное первое место здесь перемещается супружеская неверность. Ее отмечают в качестве главной причины тяжелого семейного конфликта, чаще всего приводящего к развалу С., почти треть опрошенных (31%). Отношения с родителями среди таких причин перемещаются на шестое место, а случайные ссоры и стычки из-за пустяков – на последнее: их считают нужным выделить в качестве причины только 9% респондентов, т.е. почти в 3,5 раза меньше, чем первую из указанных причин.

Если представить всю панораму причин внутрисемейных конфликтов, то самыми тяжелыми последствиями (в порядке убывания значимости) обладают: супружеская измена, борьба за лидерство в С., денежные и бытовые неурядицы.

Социологический анализ выявил отчетливую взаимную связь между качеством семейной жизни, жизненными установками супругов и частотой конфликтных ситуаций, складывающихся в различных С. Установлено, что супруги-неудачники вдвое чаще, чем счастливые супруги, ориентируются на материальное благополучие (71% выборов у первых и 34% – у вторых). В итоге оказалось, что меркантилизация брака, особенно молодежного, "стоит" 70 дополнительных супружеских катастроф на каждую тысячу С.

Сильнейшим стимулятором конфликтности в С. является пристрастие к алкоголю. Вероятность тяжелой степени конфликтности (часто с оскорблениями, побоями), нередко приводящей к разводу, для пьющих людей составляет 52%, для выпивающих по праздникам – 32, а для непьющих – 26%, т.е. вдвое меньше, чем у пристрастившихся к алкоголю.

В развертывании семейных конфликтов или их предотвращении существенная роль принадлежит взаимоотношениям детей с родителями, особенно в случае совместного проживания молодоженов с родителями одного из супругов. Выяснено, что чем хуже муж и жена живут друг с другом, тем чаще они ссорятся с родителями, как своими, так и супруга. Причем, если конфликтные взаимоотношения развиваются с родителями супруга (супруги), то в 92 случаях из 100 проявляется острая и тяжелая форма конфликтности, в том же случае, когда конфликтный сценарий развертывается через взаимоотношения с собственными родителями, напряженность конфликта резко снижается, достигая уровня острой и тяжелой формы только в 47% случаев, т.е. практически уменьшается вдвое. Характерно также, что социальное самочувствие молодых жен и мужей в случае конфликтов с родителями супруга имеет значительное различие. Так, мужья, часто конфликтующие с родителями жены, в 40 случаях из 100 болезненно переживают состояние зависимости, в то время как жены, столь же часто находившиеся в конфликте с родственниками мужа, лишь в 12% случаев доходят до столь же высокой степени ощущения своей подчиненности, зависимости и т.п.

В развертывании семейных конфликтов, так же как и в других видах внутригрупповых конфликтных взаимодействий, существенную роль играют совместимость индивидов, потенциальные возможности возрастания их сплоченности в различных сферах семейной жизни. Совместимость же супругов в значительной мере зависит от их характерологических особенностей. В частности, в удачных браках, где нет тяжелых конфликтов, чреватых угрозой развода, женщины в качестве основных факторов, способствующих счастливой семейной жизни, поставили на первое место предприимчивость мужчин (59%) в удачном сочетании с умом (57%) и добротой (53%). Совершенно противоположное значение получает женская деловитость: у деловых женщин благоприятные последствия семейные конфликты имеют только для 5% опрошенных, зато риск супружеской катастрофы у них самый высокий – 47%. О разводе всерьез задумываются каждый третий (34%) приверженец социального образа деловой женщины. Для сравнения отметим, что среди женщин, отличающихся добротой, неудачный брак, заполненный ссорами и конфликтами, сложился только у 12%, а удачный бывает у них почти вчетверо чаще – у 45% опрошенных.

Серьезные трудности, испытываемые современной С., особенно молодежной, приводящие к отказу многих молодых

людей от вступления в брак, к малодетности или бездетности, к росту числа рождений у подростков, (в 1997, например, в Беларуси дали жизнь 1160 детям несовершеннолетние девочки), к отказу возрастающего количества молодых женщин от своих детей в роддомах и т.п., приводят на общем фоне нуклеаризации С. к изменению ее ролевой структуры, в том числе и в отношениях: взрослый – ребенок. В сложной С., где взаимодействовали несколько поколений: родители, дети, прародители и т.п., младшие под воздействием старших и, воспринимая от них определенные представления и навыки, постепенно вступали в роль взрослого по отношению к более младшему. Иными словами, они в самой С. усваивали роль взрослого с определенным уровнем ответственности и способности принимать решения. В условиях нарастающей нуклеаризации и малодетности С. подобное ролевое усвоение становится все более редким и малоэффективным, ибо даже взрослеющий ребенок усваивает и выполняет только одну уготованную ему роль – ребенка, перенося ее затем и во взрослую жизнь. Отсюда беспокоящая широкую общественность проблема роста инфантильности, снижения уровня самостоятельности и ответственности молодых и, в конечном счете, девальвация у многих из них ценности С.

В этих условиях возрастающую значимость приобретает научно обоснованная и целеустремленно осуществляемая Государственная семейная политика и вытекающая из нее социальная защита С.

Е.М. Бабосов

СОЦИОЛОГИЯ ТЕЛА – направление социологической науки, изучающее тело (см.) человека в контексте социального взаимодействия, истории и культуры, в частности:

а) роль тела в процессах социального взаимодействия (и как экспрессивной формы, и как объекта манипуляций, связанных с утверждением власти и авторитета);

б) символическое значение тела в культуре (которое проявляется, в частности, в магических и религиозных церемониях);

в) роль социальных процессов в конструировании тела и воплощении в нем системы социальных отношений.

Значение тела для контактов человека с его социальным окружением подчеркивается во многих социологических работах, при этом функция телесных движений не сводится лишь к выражению эмоций. Э. Гофман (см.) подчеркивает, что посредством телесной активности человек проявляет свою принадлежность к определенному социальному классу, индивидуальный стиль жизни со свойственными ему ценностями, и, что не менее важно, вступает во взаимодействие с различными аспектами социального окружения и изменяет их. Человек может достигать своих целей, манипулируя впечатлением, которое он производит на других людей. Гофман рассматривает роль тела в процессе самопрезентации индивида как актера на социальной сцене. В драматургической модели современного общества главной целью "актера" является создание и поддержание желательного имиджа любой ценой, и в этом смысле тело (особенно его внешний вид и движения) может стать как существенным подспорьем, так и препятствием на пути к цели. Во время участия в социальных пьесах индивида всегда подстерегает опасность смущения и стигматизации. Попав в ситуацию, связанную со смущением, он может попытаться "сохранить лицо", однако в случае стигматизации добиться этого практически невозможно. Испытывая страх стигматизации, человек может производить достаточно опасные манипуляции со своим телом, например, делает пластическую операцию, придерживается строгой диеты, и даже вовлекается в рискованное поведение, если того требуют групповые нормы. Важным аспектом концепции Гофмана является утверждение ключевого значения самопрезентации как в политической, так и в обыденной жизни. Тело выступает как свидетельство не только личных достижений, но и достижений партии, корпорации, семьи. Образ успешного человека неизбежно включает в себя "успешное" (т.е. соответствующее определенным социальным канонам) тело, поскольку личность всегда презентирует себя в телесных активностях и телесном облике. Гофман указывает на создание целого ряда социальных институтов, новых профессий и сфер экономики, которые обслуживают интересы "театрального" общества: косметологи, диетологи, визажисты, пластические хирурги, специалисты по имиджу. Драматургическая модель рассматривает социальную обусловленность тела, скорее, как негативный фактор. На роль процессов самопрезентации в формировании личности на современном этапе развития общества указывают и другие авторы: Э. Фромм (см.) (рыночно-ориентированная личность), Д. Рисмен (см.) (направленная на других личность), К. Лэш (нарциссическая личность).

Если Гофман подчеркивает внешний (доступный для зрителя) аспект социального взаимодействия, то П. Бурдье (см.), вводя понятия "поля" и "габитуса" (см.), делает акцент на индивидуальных способах восприятия, оценки и поведения индивида, на том, как в самом теле человека воплощаются социальные отношения. Понятие габитуса определяется Бурдье как совокупность исторических отношений, воплощенных в форме высокоэффективных ментальных и телесных схем перцепции, оценки, действия. Поле рассматривается как изменчивое пространство антагонистических отношений, структура и особенности которого определяются и модифицируются агентами габитуса, сражающимися друг с другом за определение и утверждение собственной (соответствующей их габитусу) позиции. Бурдье указывает на воплощенность отношений власти в теле человека. Он утверждает, например, что противостояние между мужчинами и женщинами реализуется не только в каких-либо социальных действиях, но и в жестах и телесных движениях. Подчинение угнетенных – это не уступка грубой силе, а результат особого способа социализации тела и соматизации отношений доминирования.

М. Мосс (см.) подчеркивает несколько иной аспект телесного функционирования, а именно преобразующе-манипулятивный, направленный на овладение своими движениями, физиологическими функциями и окружающим миром. Он вводит понятие техник тела, которые являются традиционными высокоэффективными способами осуществления телесной активности, конструируются социальным авторитетом и передаются посредством наглядных демонстраций, воспитания и тренировки. Концепция Мосса основывается на представлениях о социально обусловленном формировании человеческого организма (которое на момент рождения является лишь потенциально человеческим). В процессе своего развития индивид овладевает определенным набором навыков (практик), которые позволяют ему эффективно обращаться с телом. Таким образом, любая телесная активность рас-

сматривается в рамках данного подхода как социально сконструированная и культурно специфичная. Мосс определяет понятие техник тела на примере таких активностей, как бег, плавание, танец, грудное вскармливание. Он полагает, что техники тела различаются не только у представителей различных культур, но и у представителей различных временных срезов внутри одной культуры, различных полов, возрастов и социальных классов. Созвучную взглядам М. Мосса точку зрения высказывают и некоторые российские авторы (П.Д. Тищенко), предлагая рассматривать развитие телесности человека по аналогии с развитием высших психических функций, описанным в теории культурно-исторического развития Л.С. Выготского (**см.**). В рамках этих концепций социально обусловленными оказываются большинство физиологических функций (форм телесной активности), причем в теле оказываются воплощенными и индивидуально-психологические (связанные с общением в семье), и социальные смыслы.

Контроль над телом является важным аспектом концепций М. Фуко (**см.**) и большинства теоретиков феминизма (например, Дж. Батлер, Э. Грош, Ю. Кристевой). Фуко отмечает, что этот контроль простирается достаточно широко – от управления поведением людей в экстремальных ситуациях (например, во время эпидемий) до подчинения позы и походки школьников определенным стандартам. В работе "Рождение клиники" он описывает формирование системы здравоохранения. Основываясь на историческом анализе борьбы с эпидемиями, развития сети бесплатных больниц и появления государственного лицензирования медицинской практики, он делает вывод о том, что медицина в эпоху Просвещения все более и более приобретает черты политической системы. Фуко подчеркивает сходство власти врачей над телом и власти священников над душами. Важнейшим и часто обсуждаемым вопросом в социологии тела является контроль над сексуальностью и репродуктивными функциями. Подчинение женщины и детей мужчине как главе семьи было важным условием легитимной передачи собственности в патриархальном обществе. Требования невинности и верности женщины также служили этой важной цели. В эпоху аскетического капитализма сдерживание своих сиюминутных потребностей и упорядоченная сексуальная жизнь также служили целям сохранения и накопления собственности (М. Вебер – **см.**). Может показаться, что в консумеристской фазе развития капитализма идеи гедонизма взяли верх над идеями аскетизма. Однако, во-первых, современный гедонизм – это расчетливый гедонизм, во-вторых, в консумеристской культуре контроль над телом является не менее важным. Он осуществляется ради успешной репрезентации "Я". К. Шиллинг утверждает, что смерть и старение являются главными врагами позитивного социального имиджа. Более того, современный канон красоты подразумевает пластичность человеческого тела, возможность изменить его по воле человека, теперь тело можно контролировать посредством пластической хирургии, фармакологических препаратов, диеты и физических упражнений.

Согласно мнению Дж. Батлера, доминирующий в традиционной науке объективистский дискурс основывается на положении об изначальной "заданности", реальности существования человеческого тела. При этом данный дискурс утверждает, что символическое наполнение тела является попыткой общества осмыслить его природные свойства. В результате различия между полами предстают под маской естественных различий. Батлер, оспаривая такой подход, утверждает, что не существует никакого "реального" тела. Телесность человека создается заново (конструируется посредством определенных дискурсов) в каждой культуре. Различия между полами отражают различия во власти между мужчинами и женщинами. Не только свойства тела как якобы естественного объекта оказываются социально сконструированными, но и сам он распознается посредством первичного дискурсивного акта. Феминистские авторы утверждают, что из гуманитарных наук исключено именно женское тело, в то время как мужское тело является скрытым эталоном, в сравнении с которым тело женщины получает свою оценку. Многие проявления женской телесности рассматриваются как патологические лишь потому, что они не встречаются у мужчин. Обычно в качестве примеров подобного "оценивания" приводятся роды и послеродовая депрессия. Наиболее частым критическим замечанием в адрес конструктивистского подхода к проблеме тела является указание на то, что в этом подходе оно рассматривается как пассивный объект социального дискурса, вне контекста субъективных чувств, страданий и желаний.

Важным условием понимания роли тела в истории и культуре является рассмотрение телесных практик и отношения к телу в религии. Несмотря на то, что в настоящее время большинством авторов современное западное общество рассматривается как светское общество, есть определенные основания считать, что многие религиозные ценности и постулаты были получены им "по наследству" и теперь выступают под маской моральных и политических законов, а также медицинских требований. Например, современный "биопсихосоциальный" подход в медицине можно считать соединением моральной модели здоровья (взятой из христианской этики) с постулатами естественно-научной медицины. М. Дуглас подчеркивает важность телесных метафор в религиозных церемониях. Многие образы Нового Завета связаны с понятиями чистоты и опасности загрязнения, причем угроза чистоте и спасению души исходит от тела. Поэтому прихожанам предлагаются телесные по своему характеру ритуалы очищения и воздержания. Символическое наполнение в религиозных практиках получают еда, сексуальные и репродуктивные функции, функционально-анатомические характеристики человеческого тела, например такие, как право- и леворукость (Р. Херц). Несмотря на то, что доминирующий в христианстве дискурс о теле в основном является негативным, лишь посредством телесных практик человек может приблизить себя к Богу.

Болеющее и умирающее тело является объектом изучения в медицине. И хотя современная медицина в основном старается раскрыть биологические закономерности функционирования человеческого тела, тем не менее социальные факторы всегда оказывали сильное влияние как на медицинские концепции, так и на сам процесс лечения. Наиболее известны в области социологии медицины работы М. Фуко, П. Старра, Р. Фицпатрика, Б. Тернера. Особенностью медицины является то, что это одновременно и научная медицина, и направленная на тело практика. И в этом втором аспекте медицина всегда находилась в особых взаимоотношениях с религией, государством и культурой.

Несмотря на значительное количество публикаций, посвященных социологии тела, это направление пока остается

на периферии гуманитарных наук. Это направление отличается разнообразием концепций при относительно небольшом количестве эмпирических исследований.

Ю.Г. Фролова

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА – специальная социологическая теория, содержание которой – законы и категории, определяющие труд как необходимое условие жизнедеятельности человека и общества. В ней раскрывается специфика общественного труда как социального процесса и совокупность факторов, влияющих на этот процесс. *Предмет* С.Т. – социально типичные процессы, которые находят свое выражение в отношении человека к труду, его социальной активности.

Типичным для С.Т. является анализ установок и поведения человека в зависимости от содержания и характера его труда. В ходе научно-технического прогресса совершенствуются техника (см.) и технология производства. Это в свою очередь вызывает изменение непосредственных производственных функций человека, соотношений ручного, механизированного и автоматизированного, физического и умственного труда (см.), усложнение его организации. Глубокие качественные сдвиги в содержании труда создают предпосылки для изменения его характера. Последний в свою очередь оказывает влияние на содержание труда, тормозя или способствуя его развитию. *Содержание труда* выявляется в конкретной определенности трудовых функций, обусловленных техникой, технологией, организацией производства и мастерством работника. Оно отражает способ соединения производителя со средствами производства, определяемый уровнем развития производительных сил, центральное звено которых – человек. *Характер труда* отражает прежде всего способ соединения производителя со средствами производства, обусловленный господствующими в данном обществе отношениями собственности, т.е. социально-экономическую природу труда в обществе, находящемся на определенной ступени развития. Характер труда обусловливает цели общественного производства, а в сфере распределения – пропорции, в которых общественное богатство распределяется между различными классами и слоями общества. Содержание труда обусловливает природу и уровень профессионализма работника, а характер труда определяет границы его социального развития и меру превращения труда в первую жизненную потребность. Взаимодействие содержания и характера труда проявляется в существовании таких социально, экономически и технически неоднородных его форм, как труд физический и умственный, исполнительский и управленческий, квалифицированный и неквалифицированный. Эти формы труда диктуют различные требования к уровню общего и специального образования работников, их профессиональной культуре, создают различные возможности для реализации их профессиональных и личностных способностей, т. е. оказывают разное социальное воздействие на трудящихся. Содержание и характер труда представляют собой единство сущности и формы общественного труда, подобно тому, как производительные силы и производственные отношения – суть единство способа производства. Рассмотрение труда во взаимосвязи его социально-экономической формы и сущности дает основание для вывода: закон соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил проявляется в сфере труда в виде соответствия его характера и содержания. Закон соответствия характера и содержания труда (см.) выступает одним из основных законов теории С.Т. и организует системным образом категориальный аппарат данной теории. Характер и содержание труда формируют отношение к труду – исторически меняющуюся характеристику трудовой деятельности. В зависимости от уровня развития производительных сил и производственных отношений преобладает тот или иной тип отношения к труду – как к средству существования или как к первой жизненной потребности. В первом случае труд имеет для человека лишь инструментальную ценность, выступая средством реализации иных потребностей, лежащих вне сферы труда (например, на шкале престижа ценность досуга и отдыха может потеснить важность работы, преданность профессии). Отношение к труду как к потребности выражается в том, что человек черпает в нем широкие возможности для творчества, реализует в полной мере свои способности, знания, умения, рассматривает труд как самостоятельную ценность. Исследование отношения к труду невозможно без конкретного анализа форм его проявления в установках, ценностных ориентациях и поведении индивида. Понимание отношения к труду как эмпирического феномена требует ответа на вопросы: какие конкретно проявления экономических отношений формируют социально-типичные установки на труд и в каких действиях эти установки более всего проявляются. При этом в сферу анализа включаются такие понятия, как стимулы и мотивы трудовой деятельности, социальные резервы, социальные ресурсы, трудовая дисциплина, культура труда и другие. Рассмотрение труда в контексте целостного образа жизни позволяет оценить многообразные потребности субъекта труда, источники формирования которых выходят за пределы промышленной организации. Определяется ценность труда в системе ценностей субъекта, включенность в трудовую деятельность, производительность труда и т. д. Рассмотрение работника в качестве субъекта трудовой деятельности предполагает изучение личностных и поведенческих характеристик и позволяет объяснить возможности реализации трудового потенциала работника, его активность в формировании собственного образа жизни.

Г.Н. Соколова

"СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА: УЧЕБНИК" (Минск, 2002) – авторский учебник Г.Н. Соколовой (см.), назначение которого – показать, что социология труда имеет собственное содержание и собственные функции в исследовании меняющегося облика и трудового поведения субъектов труда; обосновать необходимость ее адаптации к условиям переходного периода; воссоздать целостную картину причинно-следственных связей, объясняющих истоки ухудшения в переходный период многих тенденций социального развития как рабочего класса, так и интеллигенции – основных субъектов трудовой деятельности. Социология труда рассматривается как специальная социологическая теория с присущим ей объектом, предметом и системой категорий, определяющих труд как необходимое условие жизнедеятельности человека и общества. В ней раскрывается специфика общественного труда как социального процесса и совокупность влияющих на него факторов. Объектом социологии труда выступает труд как явление и как процесс в их социальной настроенности на человека, а предметом – социально-типичные процессы, которые находят свое выражение в отношении человека к труду, его

трудовом поведении в зависимости от содержания, характера и условий его труда. Категориальный аппарат социологии труда, степень его разработанности отражают состояние развития данной дисциплины. Определение круга основных понятий социологии труда дает возможность создать методологическую основу научных исследований проблемных ситуаций в сфере общественного труда и разрабатывать методики построения систем соответствующих показателей. К категориям объективного плана относятся: содержание труда, условия (социально-экономические, технико-организационные, социально-гигиенические и социально-психологические) труда, характер труда, культура труда, культура общественного производства. Категориями субъективного плана выступают: отношение к труду, удовлетворенность трудом и удовлетворение в труде, трудовая мотивация, ценностные ориентации в трудовой деятельности, профессиональная культура, трудовое поведение, трудовая и творческая активность. Анализ каждой из категорий представляет собой либо авторскую разработку, апробированную в индивидуальных монографиях, либо приращение научного знания, полученное на основе обработки и осмысления фактологического материала статистического характера и результатов крупномасштабных комплексных исследований социального развития рабочего класса и инженерно-технических работников промышленности Республики Беларусь. В рамках этих исследований создана и реализована специальная программа, посвященная социологическому анализу роли культуры труда в социальном развитии рабочего класса и технической интеллигенции.

Г.Н. Соколова задает методологию рассмотрения содержания и характера труда в диалектике их взаимосвязи, разработав их определения, согласно которым, содержание труда отражает способ соединения производителя со средствами производства, определяемый уровнем развития производительных сил, центральное звено которых – человек; характер труда отражает способ соединения производителя со средствами производства, обусловленный господствующими в данном обществе отношениями собственности. Содержание труда в этом случае, обусловливает природу и уровень профессионализма работника, а характер труда – границы его социального развития и меру превращения в первую жизненную потребность. Взаимодействие содержания и характера труда проявляется в существовании таких социально, экономически и технически неоднородных его форм, как труд физический и умственный, исполнительский и управленческий, квалифицированный и неквалифицированный. Эти формы диктуют различные требования к уровню общего и специального образования работников, их профессиональной культуре, создают различные возможности для реализации их профессиональных и личностных способностей, т.е. оказывают разное социальное воздействие на трудящихся.

Содержание и характер труда представляют собой единство сущности и формы общественного труда, подобно тому, как производительные силы и производственные отношения суть единство способа производства. Рассмотрение труда во взаимосвязи его социально-экономической формы и сущности, блестяще сделанное Н.Д. Кондратьевым (см.) на примере развития мирового хозяйства, доказывает циклический характер внутреннего развития производительных сил и взаимосвязь этого развития с реорганизацией производственных отношений. Это явилось основанием для авторского вывода: закон соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил проявляется в сфере труда в виде соответствия его характера и содержания и в условиях капитализма функционирует циклично. Закон соответствия содержания и характера труда выступает одним из основных законов теории социологии труда и организует системным образом категориальный аппарат данной теории.

Содержание и характер труда формируют отношение к труду – исторически эволюционирующую характеристику трудовой деятельности. В зависимости от уровня развития производительных сил и производственных отношений преобладает тот или иной тип отношения к труду – как средству существования или как основной жизненной потребности. В духовном процессе движения человека от инструментального отношения к труду до восприятия его как необходимой потребности принимают большое участие условия труда, поразному влияющие на социальное развитие работников. Если социально-экономические условия выступают мощным стимулом повышения трудовой активности, то социально-гигиенические, при их неудовлетворительном состоянии, оказывают тормозящее влияние на отношение к труду.

Исследование отношения к труду невозможно без конкретного анализа форм его проявления в удовлетворенности конкретной работой, установках ценностных ориентаций, структуре мотивации и трудовом поведении индивида. В сферу анализа включаются такие понятия, как стимулы и мотивы трудовой деятельности, трудовая и творческая активность, творческий характер труда. Рассмотрение работника в качестве субъекта трудовой деятельности предполагает изучение личностных и поведенческих характеристик и позволяет объяснить возможности реализации творческого потенциала работника, его активность в формировании собственного образа жизни.

Авторский учебник имеет двуединое назначение. Во-первых, в нем раскрывается логика формирования специальной социологической теории социологии труда с присущим ей объектом, предметом и системой категорий, "работающих" в русле соответствующих социально-экономических законов; во-вторых, средствами данной теории воссоздается целостная картина эволюции социально-трудовых отношений основных субъектов труда – рабочих и интеллигенции. Особенность специальных социологических теорий заключается в том, что они обеспечивают комплексное изучение сложных социальных объектов. Так, сфера труда рассматривается как целостная система, в которой функционируют субъекты социально-трудовых отношений, от чьей деятельности зависят результаты развертывания научно-технического прогресса. Обосновывается, что трудовая и творческая активность основных социально-профессиональных групп во многом зависит от состояния и регулятивных возможностей внешних и внутренних механизмов культуры труда, от места и роли групп в общественном разделении труда, от трудового вклада групп в научно-техническое развитие производства и, наконец, от способности специфических социальных механизмов регулировать их социально-трудовые отношения.

И в заключение автором обосновывается диалектика взаимосвязи социологии труда и экономической социологии. Переход постсоветских государств к рыночной экономике в условиях экономического кризиса выдвинул на первый план реорганизацию экономических отношений и способствовал

развитию науки экономической социологии, изучающей эти отношения. Однако как показывает опыт развития мирового хозяйства, эта реорганизация должна быть следствием качественных изменений внутри производительных сил, а именно – изменений в способе воздействия работника вкупе со средствами производства на предмет труда, что должно способствовать развитию науки социологии труда. Таким образом, в периоды реорганизации производственных (экономических) отношений актуализируется общественная потребность в науке экономической социологии, а в периоды качественного скачка в развитии производительных сил – потребность в развитии науки социологии труда. Но и та и другая специальные социологические теории объективно должны развиваться во взаимодействии друг с другом.

О.В. Кобяк

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ – специальная социологическая теория, изучающая процессы У. в различных типах общностей, организаций, институтов и общества в целом, осуществляемых для сохранения и обеспечения устойчивости развития соответствующей системы, упорядочения и совершенствования ее структуры, достижения ее целей. С.У. изучает многообразную деятельность органов У. – государственных и общественных, прежде всего как социальных систем, весь комплекс подбора, расстановки, формирования управленческих кадров, отношения и взаимодействия, складывающиеся между работниками аппарата У. и подчиненными им сотрудниками и организационными структурами. Она включает в свою предметную область также исследование и формирование целей У. с точки зрения социально-экономических и социально-психологических критериев их соответствия интересам и ожиданиям управляемых, анализ и оценку социальных последствий принимаемых управленческих решений, определение эффективности управленческих действий. В центре ее внимания – изучение и совершенствование социальных механизмов систематического, основанного на достоверном знании воздействия субъекта У. (управляющей подсистемы) на социальный объект (управляемую подсистему) для сохранения ее качественной специфики и целостности, обеспечения ее нормального функционирования, успешного движения к заданной цели.

С.У. в своем развитии базируется на сформулированных Ф. Тейлором, А. Файолем, М. Вебером, Г. Фордом, Г. Эмерсоном, Э. Мэйо, Р. Мертоном и другими крупными теоретиками и практиками управленческой деятельности принципами научного У. социальными и промышленными организациями.

Первый крупный шаг в становлении науки об У. был сделан в начале 20 ст. Ф. Тейлором, который разработал основные принципы *научного менеджмента*. Он считал, что приоритетное значение имеет развитие научного менеджмента в четырех взаимосвязанных сферах: а) нормирование (любой труд можно структурировать и измерить); б) исследование соотношения времени и задач (желаемый результат необходимо достигать к определенному времени, в противном случае вознаграждение за результат должно быть меньше); в) систематический отбор и обучение кадров (каждая фирма, стремящаяся к успеху, должна думать о постоянном совершенствовании персонала); г) денежные стимулы, вознаграждение за конечный результат (эффективный менеджмент предполагает вознаграждение не за деятельность, а за результат).

Большая заслуга Ф. Тейлора заключается в предложенной им новой структуре У. Суть ее состоит в четком разделении труда распорядительного и исполнительного. Причем при таком разграничении необходимо иметь в виду, что распорядительный труд – это деятельность администрации, которой предстоит стать искусством, многие элементы которого должны быть возведены в норму, зафиксированы, приняты и применены совершенно так же, как сейчас применяются достижения науки.

Дальнейший шаг в рационализации У. производством сделан другим крупным американским специалистом Г. Эмерсоном в его книге "Двенадцать принципов производительности". Эти принципы развертываются им в такой последовательности: 1) точно поставленные идеалы и цели; 2) здравый смысл; 3) компетентная консультация; 4) дисциплина; 5) справедливое отношение к персоналу; 6) оперативный, надежный, полный и точный, постоянный учет; 7) диспетчирование; 8) нормы и расписание; 9) нормализация условий; 10) нормирование операций; 11) написанные стандартные инструкции; 12) вознаграждение за производительный труд. Особенно следует выделить первый из названных принципов – точно поставленные цели. В нем отражена основная тенденция классической школы У. начала 20 в. – тенденция рассматривать производственную организацию как своеобразный "рациональный инструмент" по достижению поставленных целей.

Проблема научного У. перешагнула с американского континента. Здесь наиболее яркой фигурой начала 20 ст. был А. Файоль – предприниматель, организатор, исследователь. Обобщая свои многолетние наблюдения он создал "*теорию администрации*". Если Ф. Тэйлор и Г. Эмерсон анализировали проблемы У. применительно к цеху и предприятию, то А. Файоль сконцентрировал внимание на высшем административном У., принципы которого, сформулированные им, применимы не только в экономике, но и в правительственных службах, в военном деле, торговле и т.п., т.е. носят универсальный характер. В системе У. Файоль выделяет *пять универсальных элементов*, присущих любой организации: планирование, организацию, руководство, координацию, контроль.

Очень существенный вклад в становление и развитие социологии У. сделан выдающимся немецким социологом М. Вебером (см. **Социальное управление**). Все названные концепции У. в той или иной мере строились на вытеснении личностного начала, что приводило нередко к тому, что их применение не всегда давало желаемый эффект, особенно в период между двумя мировыми войнами, когда резко возросла роль личностных факторов в развитии производства. Учитывая это обстоятельство, известный американский социолог, один из лидеров знаменитой "Чикагской школы социологии" Э. Мэйо выдвинул *концепцию "человеческого фактора"*, всесторонний учет которого в У., согласно его утверждению, – важнейший источник роста производительности труда и успешного разрешения социальных противоречий и конфликтов. На основе обобщения результатов знаменитых хоторнских экспериментов в "Вестерн электрик компани" близ Чикаго, он пришел к выводу о том, что в организации У. необходимо обратить внимание прежде всего на психологию общения, неформальные социальные нормы и связи, сущест-

вующие среди работников. Этот вывод он всесторонне обосновал в изданной в 1933 книге "Человеческие проблемы индустриальной цивилизации". В основе выдвинутой им доктрины "человеческих отношений" лежат пять основных положений: 1) человек представляет собой "социальное животное", ориентированное и сплоченное в групповое поведение; 2) жесткая иерархия подчиненности и бюрократическая организация несовместимы с природой человека и его свободой; 3) выработка рабочего определяется скорее групповыми неписанными правилами и нормами, чем его физическими возможностями; 4) рабочие гораздо чаще действуют как члены группы, нежели индивиды, поэтому они обязаны подчиняться неписаным правилам группы, если хотят оставаться ее членами; 5) руководители промышленных и других организаций должны ориентироваться в большей степени на людей, их интересы и стремления, чем на продукцию, что обеспечивает удовлетворенность индивида своей работой и социальную стабильность общества.

Развивая идею о возрастающей роли в системе У. неформальных отношений, американские социологи Ч. Бернард, Г. Саймон и др. выдвинули "*интеракционистскую модель*", в которой сделан акцент на взаимозависимость и взаимодействие между работниками, включающие в себя как формальные, так и неформальные компоненты, не только цели организации, но и интересы индивидов. В такой системе рациональность У. не должна абсолютизироваться, поскольку в управленческой деятельности большую роль играют непредвиденные явления и события.

Эти же идеи, но в другом направлении развиваются американскими социологами Р. Мертоном, А. Этциони и другими. Мертон, в частности, на основе теоретического осмысления обширного класса эмпирических социологических исследований, в том числе и хоуторнских экспериментов, пришел к выводу, что традиционно мыслящие и действующие лица, в том числе и в сфере У., обычно сосредоточивают свое внимание на явных функциях, которые осуществляют управляемые ими организации или их подразделения. Однако по мере усложнения производственных и иных организаций, их связей и взаимодействий с внешней социальной средой для принятия и осуществления эффективных управленческих решений необходимо учитывать и *латентные, скрытые функции*, которые обычно трудно предсказуемы, вследствие чего резко усложняют картину протекания управленческих процессов. В таком случае становится ясно, что цель – лишь один из результатов функционирования, отклонение от цели есть не ошибка, а закономерность совершенствования У. в изменившихся условиях.

Несколько иной подход с точки зрения иерархии целей в различных системах У. развивают Н. Месарович, Д. Мако, И. Тамахара. В выдвинутой ими теории иерархических многоуровневых систем выделяются управляющие системы трех видов: одноуровневые одноцелевые, одноуровневые многоцелевые, многоуровневые многоцелевые. Последние из них, применяемые в У. наиболее сложными многокомпонентными и многоуровневыми организациями, например, крупной фирмой, представляют из себя *иерархические управляющие системы*, включающие в себя ряд или множество структурных компонентов и соответствующих им уровней У.

Обобщая основные концептуальные подходы в различных теориях У. и практический опыт управленческих действий ведущих фирм и корпораций мира, известный японский специалист в области менеджмента М. Огава пришел к выводу, что наибольшим эффектом обладает не та управляющая система, во главе которой находится управляющий-администратор, а та, которую возглавляет менеджер-лидер, обладающий хорошо развитым "социальным умом" и навыками демократического У. В своей книге "*Практический менеджмент*", изданной впервые в Японии в 1990, он сравнивает У. с деревом, пышная зеленая крона которого говорит о том, что дела идут хорошо. Однако благоприятное для роста дерева время может смениться бурей, сотрясающей ствол и обламывающей ветви, или засухой, от которой гибнут и большие деревья. В таких случаях только у дерева с сильным стволом могут вырасти новые ветви, появиться почки, возвратиться пышная зеленая крона. Если же ломается ствол, то дерево гибнет. Прекрасное время для роста любого предприятия – прекрасная конъюнктурная погода, но когда налетает буря – структурный кризис – даже крупные корпорации в судостроении и металлургии, на которые некогда опиралась японская экономика, теряют листья и ветви, а у некоторых ломается ствол, и они становятся банкротами. Основание ствола любого предприятия, корпорации, любой организации, согласно М. Огаве, составляют идеи эффективного У., а выше расположено то, что обычно называют "основной политикой" и "ясными целями". Важно, чтобы эти цели были четко определены и глубоко осознаны персоналом фирмы. Развитие же У. зависит от того, насколько творчески к нему подходят. Именно из соединения идей и политики У. с творчеством рождается эффективный способ У., который становится основой развития предприятия, его мощным стволом.

Все части дерева У., считает М. Огава, абсолютно необходимы, но идеи У., "лидерство и мечта" должны быть собственными, а не подражательными, заимствованными у кого бы то ни было. Чтобы добиться этого, необходимо соединить мечту о лучшем будущем фирмы с лидерством и глубоко осмысленными идеями У., в основе которого должен находиться демократический лидерский стиль, наиболее приемлемый в современных условиях с точки зрения эффективности.

Для реализации такой модели У., утверждает М. Огава, необходимо основные способности лидера соединить с демократическим отношением к подчиненным, порождающим у них доверие к управляющему.

Для того чтобы в практике У. реализовались способности лидера и их оценки подчиненными, необходима творческая управленческая деятельность, состоящая из нескольких взаимосвязанных этапов увязки курса лидера и отношением к ведомым. Они таковы: 1) Разъяснение заданной цели и выдвижение концепции (стратегии). 2) Выработка основного курса по осуществлению данной концепции. 3) Последовательное доведение выбранного курса до подчиненных. 4) Выдвижение конкретных целей и укрепление единомыслия с подчиненными (создание сплоченной общности). 5) Выработка плана, концентрирующего общие идеи (с опорой на подчиненных). 6) Волевое, активное осуществление плана (с опорой на подчиненных).

Итак, по модели У., предложенной М. Огавой, эффективность У. следует оценивать по способности лидера-менеджера устанавливать для подчиненной группы людей

общие цели и задачи, сплачивать группу на их достижение, давать людям уверенность в непременном достижении целей, учитывать их мнения, более того – изменять эти мнения и требования в зависимости от изменения требований окружающей социальной среды, а тем самым увязывать усилия подчиненных людей с положительными практическими результатами.

Большинство крупных специалистов в области теории и С.У. соглашаются с тем, что корпорации, как и нации, имеют свою культуру, состоящую из взаимодействующих факторов, включающих опыт прошлой и современной деятельности, структурные характеристики, способности и взгляды руководителей, их отношения с подчиненными. Составной и очень важной частью этой культуры является культура У., учитывающая комплекс ценностей, разделяемых членами управляемой организации, разделяемых ими мнений и оценок, эталонов поведения, настроений, символов, вырабатываемый в совместной деятельности и общении способ ведения общего дела, в частности бизнеса, обусловливающий индивидуальность компании, корпорации и т.п. в большей степени, чем выпускаемая ею продукция. Сегодня общепризнанным в мире деловых людей является утверждение о том, что наиболее развитой *корпоративной культурой* с богатой и многогранной системой ценностей обладают многие японские компании. Характерно, что в основу отношений гармонии между администрацией и рабочими на предприятиях всемирно известной компании "Тойота" положена концепция "от колыбели до могилы с Тойотой". Ее отличительными особенностями являются система "пожизненного найма" и обеспечение жильем – от общежитий для холостых рабочих до квартир молодоженам и продажи семейных сборных домов, производимых этой же компанией, что в условиях Японии имеет особое значение. Кредит для покупки дома также предоставляет компания, она же снабжает рабочих через кооперативы одеждой и продуктами питания по ценам более низким, чем им пришлось бы платить в городских магазинах. Все это наряду со льготным медицинским обслуживанием, а также заботой о свободном времени (организация хорового пения, спортивных секций, туризм и т.д.) достаточно крепко привязывает квалифицированных рабочих и служащих к компании. Существующая в ее структуре высшая техническая школа готовит специалистов для заводов компании из детей рабочих и служащих, а курсы повышения квалификации обеспечивают переподготовку кадров.

Базисная политика руководства "Тойота моторс корпорейшн" изложена в брошюре "Взаимоотношение труда и управляющих". Суть ее сформулирована так: "Самая главная забота управляющего – это проблема отношений с людьми. Люди, продукция и деньги – ключевые элементы бизнеса, но люди – это самое важное. Не только У. как таковое, но и любой аспект бизнеса зависит от хороших взаимных отношений в общности людей".

По примеру передовых японских корпораций в современных условиях в многогранной и многоуровневой системе управленческой деятельности все большее значение придается У. персоналом. Под *У. персоналом* понимается деятельность органов управляющей подсистемы, направленная на поиск, оценку, отбор, профессиональное развитие персонала, его мотивацию и стимулирование к выполнению задач, стоящих перед предприятием, фирмой, организацией. У. персоналом – это внутреннее качество системы, основными элементами которой являются субъект – управляющий элемент (руководитель и возглавляемый им орган У.) и объект – управляемый элемент (персонал предприятия), постоянно взаимодействующие на началах самоорганизации. Основные компоненты эффективного У. персоналом показаны только что на примере управленческой деятельности корпорации "Тойота".

При исследовании управленческой деятельности С.У. уделяет приоритетное внимание определению структуры и функций этой деятельности. *Структура управленческой деятельности*, как мы уже выяснили при рассмотрении эволюции теорий У., не остается неизменной, а характеризуется подвижностью и изменчивостью. В своих наиболее существенных чертах она определяется теми задачами, которые решаются в процессе осуществления управленческой деятельности.

Одна из основных задач управленческой деятельности, а следовательно, и очень важный компонент ее структуры – *определение основной цели* или дерева целей (для многоуровневой) организации, выработка стратегии действий по ее достижению и формулирование концепции деятельности и развития данной организации – корпорации, фирмы и т.п.

Вторая существенная задача У. и, стало быть, соответствующий ей структурный элемент – *формирование корпоративной культуры*, т.е. объединение персонала вокруг общефирменной цели (или целей). Самое важное в У. – не стремление поставить других людей в одностороннюю зависимость от себя, искусственно приподнять свой статус, усилить свое влияние в организации, а сплотить ее персонал на четкое осознание стоящей перед организацией цели и активную, квалифицированную, добросовестную деятельность во имя ее достижения.

Третья важная задача У. и соответственно весьма существенный ее структурный компонент – хорошо продуманная и рационально организованная *мотивация персонала* на достижение цели фирмы (организации) и успешное решение стоящих перед нею задач.

Четвертая задача У. и определяемый ею структурный элемент управленческой деятельности – формирование в фирме, корпорации и т.п. *организационного порядка*, т.е. системы относительно стабильных, долговременных иерархических связей, стандартов, норм и должностей, нередко зафиксированных документально (устав организации) и регулирующих взаимодействия между организациями, а также между подразделениями и людьми как членами организации по поводу осуществления их функций. Организационный порядок воплощается в формальную организацию, обеспечивающую стабильность и устойчивость данной фирмы, корпорации и т.д., результативность У. ею.

Пятая задача и соответствующий структурный элемент управленческой деятельности – *разработка и осуществление технологии изменений*, ведь эффективность У. в решающей степени определяется по способности к изменениям, по умению вовремя понимать их необходимость, столь же вовремя начинать и быстро проходить переходный этап.

Шестая управленческая задача и соответствующий ей структурный механизм управленческой деятельности – четкое *определение диагностики У.* или, иными словами, определение точек наибольшей и наименьшей управляемости и – вполне вероятно – точек неуправляемости, которые имеются

или могут возникнуть в каждой организации. Установление диагностики У. очень важно, ибо оно дает возможность преодолеть часто встречающееся противоречие между ростом и развитием, между масштабами У., с одной стороны, его целями, методами и средствами, – с другой. Хорошо известен феномен "директора цеха", когда бывший начальник цеха, продвинувшись вверх по служебно-должностной лестнице, готов и заводом, и городом, и областью руководить таким же образом, как и прежде цехом, но только очень большим. В таких случаях в объекте У. возникают не только зоны слабой управляемости, но и точки неуправляемости, что резко сужает диапазон эффективного У. системой.

Седьмая важная задача и соответствующий ей структурный элемент управленческой деятельности – четкое представление о том, какова должна быть *реализация управленческого решения*. К сожалению, в существующей в настоящее время практике управленческой деятельности многих организаций – предприятий, учреждений и т.п. – Беларуси реализация принимаемых решений не воспринимается в качестве самостоятельного структурного компонента и важной стадии разработки и осуществления управленческого решения. Более того, управленческие решения зачастую вообще не просчитываются на реализуемость, а это существенно снижает возможности контроля за их выполнением.

И, наконец, восьмая задача и структурный механизм управленческого процесса – *разработка системы контроля* за выполнением принятого решения, определение и применение стимулов его эффективного исполнения, а также санкций против лиц, социальных групп, организаций или их подразделений, срывающих выполнение принятых решений или недостаточно целеустремленно и активно действующих во имя поставленных управляющей подсистемой целей и задач.

Все названные структурные компоненты не действуют в отрыве друг от друга, а в процессе своего взаимодействия образуют более или менее целостную и динамично развивающуюся систему социального У., своеобразный "управленческий многогранник", действующий в широком социальном диапазоне.

Структурная динамика управленческой деятельности органично взаимоувязана с выполняемыми ею *функциями*. Их единство и взаимообусловленность (функция порождает соответствующую структуру, а возникновение новой структуры неизбежно приводит к появлению новой функции, либо превращает латентную функцию, ранее незаметную для У., в открытую) образует сложную и многогранную систему управленческой деятельности.

Рассматривая социоструктурную динамику У. с социологических позиций, нельзя оставить без внимания одну очень примечательную тенденцию. На рубеже 19-20 ст. лидирующие позиции в мировой экономике зависели преимущественно от лидерства в технике. Германия, мировой лидер конца прошлого века, была обязана своими успехами и позициями научным открытиям и их практическим применениям в области химии, оптики, использованию электрической энергии. США, сменившие Германию в качестве мирового экономического лидера в начале 20 в., сначала лидировали в автомобилестроении, агротехнике, авиации, затем, – уже во второй половине 20 ст. – в области компьютерной техники и средств телекоммуникаций. Но одна из самых мощных в экономическом отношении держав современного мира – Япония не была пионером или лидером ни в одной области науки или техники, не добилась решающего превосходства ни в одной производственной сфере, за исключением, быть может, радиоэлектроники, о чем свидетельствуют всемирно признанные успехи корпорации "Панасоник". Своими внушающими уважение достижениями на рубеже 21 ст. Япония обязана главным образом успехами в одной, но в очень важной сфере деятельности – в области У. Ее менеджеры быстрее и лучше всех усвоили, что главное в управленческой деятельности – относиться к персоналу, к людям как к главному ресурсу успеха, как к наиболее ценному капиталу, который надлежит поддерживать и пестовать. Япония лучше других стран научилась впитывать последние достижения управленческой теории и с успехом использовать их практически.

Нельзя упускать из виду и предупреждение одного из патриархов управленческой мысли, американского социолога и экономиста П. Друкера: "Успех любого предприятия сегодня зависит не от имеющихся в его распоряжении ресурсов, не от объема денежных средств и даже не от благоприятной хозяйственной среды, а от управления, его качества и эффективности". Поэтому в структуре социологического знания на рубеже 21 в. возрастает значимость и роль С.У.

Е.М. Бабосов

СОЦИОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ – специальная отрасль социологии, которая исследует закономерности экономической жизни с помощью системы категорий, разработанных в рамках данной науки. Развитие экономики С.Э. описывает как социальный процесс, движимый активностью функционирующих в ней социальных субъектов, интересами, поведением и взаимодействием социальных групп и слоев.

Объект С.Э. – взаимодействие двух основных сфер общественной жизни – экономической и социальной и соответственно взаимодействие двоякого рода процессов – экономических и социальных. Особенность этого объекта состоит в том, что описываются не отдельно взятые тенденции, наблюдаемые в сфере экономики и общества, и даже не взаимосвязи между ними, а нечто более сложное: механизмы, которые порождают и регулируют эти взаимосвязи. Природа и специфические способности социальных механизмов (см.) регулировать протекание экономических процессов находятся, таким образом, в центре внимания С.Э. и составляют ее *предмет*.

Структура категорий С.Э. может быть представлена как многоуровневая иерархия. Первый уровень образуют две самые абстрактные категории – экономическая сфера и область социальных отношений. Их содержание отражает характеристики общества, наиболее значимые для понимания процессов, происходящих "на пересечении" экономики и общества. Второй уровень образуют категории социального механизма развития экономики и частных социальных механизмов регулирования экономических отношений и экономических процессов. Далее следуют категории, конкретизирующие содержание социальных механизмов, – экономическое сознание и экономическое мышление (см.), социально-экономические стереотипы (см.), экономические интересы (см.), экономическая деятельность и экономическое поведение (см.), экономическая культура (см.) и другие. Сущность экономического сознания связывается с систематизированными знаниями,

основанными на научном познании и сознательном использовании социально-экономических законов. "Экономическое мышление включает в себя взгляды и представления, порожденные практическим опытом людей, их участием в экономической деятельности, теми связями, в которые они вступают в повседневной жизни. Из определений следует, что изучаемые явления связаны с принципиально разными уровнями познания: экономическое сознание – с познанием функционирования и развития социально-экономических законов, а экономическое мышление – с включенностью в социально-экономическую практику. Такой методологический подход позволяет рассматривать экономическое мышление как форму проявления экономического сознания в конкретной общественной ситуации; при этом косность и неразвитость экономического сознания обусловливает противоречивость развития экономического мышления. Оно воспринимает изменение экономических отношений преимущественно эмоционально и совмещает следование политике экономических реформ со сложившимися социальными стереотипами.

Другой важной категорией для обозначения реальных причин и наиболее глубоких стимулов экономической деятельности и экономического поведения людей является категория экономического интереса. Именно экономические интересы способствуют согласованности во взаимодействии разных групп и слоев в ходе непрерывного приспособления к изменениям, формирующим это взаимодействие. Закономерность взаимосвязи экономических интересов и состояния экономических отношений выражается в том, что экономические отношения, проявляясь в экономических интересах, приобретают характер движущих сил общественного развития, побудительных мотивов хозяйственной деятельности людей. Экономические интересы и экономический образ мышления выступают предпосылками экономического поведения, которое можно определить как поведение, связанное с перебором экономических альтернатив с целью рационального выбора, т. е. выбора, в котором минимизируются издержки и максимизируется чистая выгода. Исходя из баланса рациональности своего мышления, индивиды предпринимают лишь те действия, которые принесут им наибольшую чистую пользу (т.е. пользу за вычетом возможных затрат, связанных с этими действиями). В общении между собой, по поводу распределения и потребления ограниченных экономических ресурсов, субъекты преследуют свои экономические интересы, удовлетворяют свои насущные потребности. Это важные предпосылки экономического поведения, позволяющие во многом его предсказать.

Необходимость регулирования экономического поведения положена в основу понимания экономической культуры как совокупности социальных ценностей и норм, являющихся регуляторами экономического поведения и выполняющих роль социальной памяти экономического развития; способствующих трансляции, отбору и обновлению ценностей и норм, функционирующих в сфере экономики и ориентирующих ее субъектов на те или иные формы экономической активности. Предполагается, что активность социальных субъектов во многом зависит: от состояния и регулятивных возможностей экономической культуры; от места и роли тех или иных социальных групп в структуре экономических связей; от динамики их перемещения в иерархии этой структуры в зависимости от принципов организации связи и эластичности их собственных социальных стереотипов; от способности специфических социальных механизмов регулировать экономические отношения.

Использование основных методологических принципов теории С.Э. в изучении регулятивных возможностей социальных механизмов рынка рабочей силы показывает ее способность отражать логику взаимодействия разных социальных механизмов в условиях формирующихся рыночных отношений. Раскрывая взаимозависимость различных решений в контексте проводимой социальной политики, С.Э. привлекает внимание к еще не изученным социальным последствиям проводимых экономических реформ и предлагает необходимый методологический и методический инструментарий.

Г.Н. Соколова

"СОЦИОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ: ОЧЕРКИ ТЕОРИИ" (Новосибирск, 1991) – работа Т.И. Заславской (**см.**) и Р.В. Рывкиной (**см.**), в которой представлена новая экономико-социологическая парадигма, содержащая концепцию социального механизма развития экономики. В качестве объекта экономической социологии выступает взаимодействие двух основных сфер общественной жизни: экономической и социальной и соответственно взаимодействие двоякого рода процессов: экономических и социальных. Предмет экономической социологии – социальный механизм развития экономики, под которым понимается устойчивая система экономического поведения социальных групп, а также взаимодействий этих групп друг с другом и с государством по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг; система, регулируемая, с одной стороны, социальными институтами данного общества, а с другой – социально-экономическим положением и сознанием самих этих групп. Сущность социального механизма развития экономики проявляется в выполняемой им функции передачи "импульсов развития" из области социальных отношений в экономическую сферу и обратно и создании таким образом условий для эффективного использования человеческого фактора. Передача импульсов осуществляется через живую активность (деятельность, поведение) групп, функционирующих в системе экономических отношений и в то же время являющихся субъектами социальных отношений, занимающих то или иное положение в социальной структуре общества. Это значит, что формой, способом функционирования социального механизма развития экономики являются активность субъектов, их деятельность и поведение в экономической и социальной сферах общества. Эта активность в свою очередь детерминируется не только объективными регуляторами, но и состоянием социально-экономического сознания субъектов – их потребностями, ориентациями, интересами.

Авторами рассматриваются особенности метода экономической социологии – междисциплинарность и ориентация на выявление социальных механизмов, а также – система категорий как важнейшее средство научного исследования, используемое для описания и интерпретации изучаемых эмпирических объектов, а также для социологического объяснения. Обосновывается, что выявление социальных механизмов экономических процессов – фундаментальная черта исследований, проводимых в экономической социологии, и ориентированных не только на изучение сложных систем, но и на

совершенствование управления ими. При всем различии трактовок социальных механизмов, выделяются общие черты, составляющие существо их структуры и позволяющие моделировать эти механизмы. Во-первых, основное назначение социального механизма – осуществлять функцию регулирования социальных процессов в соответствии с общественными потребностями; во-вторых, в нем необходимо выделять социальные группы, выступающие субъектами, и группы, выступающие объектами какой-либо деятельности: взаимодействие между ними и составляет специфику функционирования того или иного механизма; в-третьих, данное взаимодействие осуществляется в рамках соответствующих социальных институтов, задающих нормативную основу взаимодействия; в-четвертых, необходимо учитывать вхождение в состав социальных механизмов явлений разной природы: материальных и духовных, относящихся к общественному бытию и к общественному сознанию; в-пятых, нужно принимать во внимание, что в социальных механизмах содержатся как управляемые, легко поддающиеся воздействию, так и слабо или вовсе не управляемые элементы, имеющие традиции и развивающиеся эволюционным путем; в-шестых, системный характер социальных механизмов проявляется в наличии у них не только внутренних связей, но и внешних функциональных связей с обществом, определяющих в своей совокупности характер влияния на общественные процессы.

В качестве одного из важнейших регуляторов функционирования и развития социально-экономических процессов авторами рассматривается экономическая культура. Анализ и отбор всех существующих подходов приводит авторов к рассмотрению экономической культуры как "совокупности социальных ценностей и норм, являющихся регуляторами экономического поведения и выполняющих роль социальной памяти экономического развития: способствующих (или препятствующих) трансляции, отбору и обновлению ценностей, норм и потребностей, функционирующих в сфере экономики и ориентирующих ее субъектов на те или иные формы экономической активности". Основные особенности экономической культуры как механизма, регулирующего экономическое поведение индивидов и групп, состоят в следующем. Во-первых, экономическая культура включает в себя социальные нормы и ценности общественного масштаба, обретающие в экономической сфере свое специфическое значение, и социальные нормы, возникающие из внутренних потребностей экономики. Во-вторых, экономическая культура определяется каналами, через которые она регулирует отношения индивидов и групп через взаимодействие их экономических интересов и взаимных социальных ожиданий. В-третьих, экономическая культура ориентирована на управление экономическим поведением социальных субъектов (индивиды, социальные группы, трудовые коллективы). В качестве социального механизма экономическая культура регулирует экономическое поведение через посредство выполнения трансляционной, селекционной и инновационной функций. Чем более развиты и более полно осуществляются названные функции в процессе регулирования экономического поведения социального субъекта, тем успешнее проявляет себя экономическая культура как социальный механизм регулирования того или иного процесса.

В разделе, посвященном особенностям экономико-социологического подхода к изучению социальной структуры общества, авторы рассматривают социальную структуру в качестве регулятора развития экономики. Указывается на наличие в сфере экономики, по крайней мере, двух укрупненных структур: организационно-управленческой, элементами которой являются организации; экономико-социологической, элементами которой являются многомерные социальные группы, функционирующие в пяти частных подструктурах экономики – этнодемографической, социально-территориальной, профессионально-должностной, социально-трудовой и семейно-хозяйственной. Регулятивное воздействие на развитие общества экономико-социологической структуры определяется полнотой и эффективностью выполнения основных ее функций. Первой из них является поддержание и развитие форм общественного разделения труда, обеспечивающих согласованное функционирование всех сфер общества. Вторая функция заключается в обеспечении эффективной дифференциации положения различных групп, что представляется необходимым для усиления их социальной и профессиональной мобильности. Третья функция экономико-социологической структуры – создание необходимых условий для социального саморазвития общества, что обеспечивается высоким уровнем образования и значительным удельным весом интеллигенции, занятой в сфере образования, науки, культуры и искусства. Четвертая функция – адаптация населения страны к меняющимся условиям развития общества, что обеспечивается социальной мобильностью, передвижением индивидов и групп из нижних слоев в верхние, связанные с квалифицированным, преимущественно умственным трудом. Пятой функцией рассматриваемой структуры является обеспечение одновременного и согласованного выполнения населением экономико-хозяйственных и репродуктивных функций, что связывается с развитием экономики и улучшением качества жизни. Наконец, шестая функция состоит в обеспечении социально справедливого отношения к группам, находящимся в особо неблагоприятном социально-демографическом или социально-психологическом положении, что связывается с разработкой государственных мер защиты социально уязвимого населения.

Таким образом, в рамках авторской парадигмы разработана методология и методика, позволяющая рассматривать экономику как единую систему, в которой протекают социальные процессы и функционируют социальные группы. Концепция социального механизма развития экономики позволяет развивать и совершенствовать методы регулирования экономических процессов через посредство выполнения специфических функций экономической культуры или функций экономико-социологической структуры общества, в зависимости от ракурса рассмотрения явлений.

Г.И. Соколова

СОЦИОМАТРИЦА (лат. societas – общество и лат. matrix – источник, начало, матка) – специальная социометрическая таблица, в которой в математической и наглядной форме фиксируются результаты научных исследований взаимоотношений людей. С. как метод, прием и способ регистрации, классификации и представления информации отражает коммуникации, установки, отношения и статус людей в микрогруппах и малых группах, а также статус различных групп и взаимоотношения между ними.

В общем виде С., как способ обработки результатов социометрического опроса, представляет собой многоразряд-

ную таблицу, отражающую взаимоотношения людей в группе численностью в N-членов, в вертикальных столбцах которой указываются: порядковые номера опрошенных, кто выбирает (фамилии или условные обозначения фамилий опрошенных, j-члены), кого выбирают (i-члены), в котором знаком "плюс" обозначается положительный выбор, знаком "минус" – отрицательный выбор (отвержение) и знаком "0" – нулевой выбор (безразличие), сделанные выборы и общее число отданных выборов; а в горизонтальных столбцах – число полученных выборов и общий итог выборов. В зависимости от предмета научного исследования, его целей и задач С. могут быть построены по одному или нескольким критериям. При наличии больших объемов информации обычно создаются промежуточные и суммарные С. Современная социометрическая техника исследований предполагает использование разнообразных С. и их многочисленных модификаций. При этом все они ориентированы на применение современных математических и статистических методов и методик обработки информации и использование компьютерной техники. С. используется для построения социограмм, графиков, расчета различных индексов, коэффициентов и т.д. С. широко применяются в различных социометрических, социологических, социально-психологических и психолого-педагогических исследованиях и активно используются в ряде специальных областей: космической психологии, военной психологии, психологии спорта и пр.

В.И. Овчаренко

СОЦИОМЕТРИЧЕСКИЙ ТЕСТ (социометрия и англ. test – испытание, исследование) – специальный социометрический метод, прием и способ фиксации, измерения и исследования установок, оценок, предпочтений и желаний людей, проявляемых ими в отношении других людей или групп в процессе социометрического опроса (тестирования). В зависимости от предмета, целей и задач научного исследования, С.Т. проводится по одному или нескольким критериям (в т.ч. по различным разновидностям коммуникативных критериев), посредством которых при анализе ответов на стандартизированные вопросы о желании, предпочтении и возможности взаимодействия с теми или иными людьми устанавливаются сопоставимые выборы людьми друг друга, выражающиеся в форме положительного выбора ("плюс"), отрицательного выбора (отвержения) и нулевого выбора (безразличия, 0). При этом особое значение придается дихотомическому (альтернативному) параметру (критерию) "выбор – отвержение", поскольку считается, что именно он позволяет сфокусировать исследование на изучении динамических глубинных социоэмоциональных структур, т.е. в конечном счете на выявлении и диагностике социоэмоциональной напряженности и ее последствий. С.Т. позволяет также установить величину социодинамического расхождения между официальной (формальной, явной) и неофициальной (неформальной, неявной) социометрическими структурами. В качестве основных требований к проведению С.Т. выдвигаются: рациональное определение целей, задач и возможностей исследования; четкое определение изучаемой совокупности, проблемы, критерия (критериев), форм и вариантов выборов, корректное использование полученной информации и др. Данные С.Т. обрабатываются и выражаются посредством использования различных матричных (социоматрица), графических (социограмма), индексных и статистических методов. Результаты С.Т. выступают в качестве предпосылки и основы для социометрического изменения существующих отношений, в т.ч. и посредством использования в случае необходимости соответствующих терапевтических средств.

В.И. Овчаренко

СОЦИОМЕТРИЯ – метод описательного анализа межличностных отношений в малых группах, разработанный в США в начале 1930-х австрийским эмигрантом психиатром Дж. Морено (см.). Термин "С." был использован им еще в 1916 в письме в Министерство внутренних дел Австро-Венгерской империи, однако исследовательские публикации относятся к 1931-1936. Особый резонанс получило выступление Морено на медицинской конференции в апреле 1933. Заметка в "Нью-Йорк Таймс" заканчивалась утверждением, что он "завершает создание карты психологической географии Нью-Йорка". Морено предложил не только способ измерения отношений (социометрический "тест", включавший наблюдение за взаимодействиями, вопросы о связях разного типа дружбе, предпочтениях, неприязни, доверии), средства визуализации "невидимой структуры" (социограмму), но и связал этот инструментарий с понятиями структуры, социальных ролей и сплоченности. В его работах в зачаточном состоянии присутствуют идеи эго-сетей (см.), которые он называл "социальным атомом" (см.), сплоченных подгрупп (клик) и лонгитюдного исследования социальных сетей. В 1937 г. Морено основал журнал "Социометрия". К этому времени новую методологию признали ведущие социологи, специалисты по менеджменту, антропологи и психологи.

Представления Морено были довольно эклектичными и утопичными. Для объяснения потребности людей устанавливать позитивные и негативные отношения он привлек понятие "теле" – "некий эзотерический фактор". Под социометрической матрицей он понимал все структурные свойства сети, настаивал на нераздельном единстве С. и предложенного им психотерапевтического метода психодрамы (см.), полагал, что все социальные конфликты (см.) могут быть разрешены приведением официальных структур общества к структуре социометрической матрицы, поскольку даже "Бога метафорически можно назвать социометристом на космическом уровне". Он обосновал метод лечения обществ (социатрии) и предложил учредить в США Министерство человеческих отношений, придав ему статус главного департамента страны. Морено болезненно относился к отклонениям от предложенных им исследовательских процедур и отрицал возможность влияния на его идеи работ Г. Зиммеля (см.), Э. Дюркгейма (см.) и М. Вебера (см.) ("я решил... не считать доказанной ни одну социологическую гипотезу, начать с самого начала, как будто нам ничего не известно о социальных отношениях человека"). Хотя для анализа данных Морено и его сотрудники привлекали некоторые формальные методы (меры центральности и централизации – в современной терминологии), основной упор делался на эвристические приемы и психотерапевтическую интерпретацию. По существу, дальнейшее развитие социометрической, сетевой методологии было обеспечено теоретическими новациями социальной психологии, новыми, более мягкими антропологическими методами получения данных о межличностных связях, эмпирическими работами в организационной психологии и особенно разработкой

формальных математических методов анализа социальных сетей (см.).

Наряду с работами Морено важнейшим источником творческих идей в исследованиях межличностных отношений явилось одно из самых популярных направлений социальной психологии 1930-1950-х – групповая динамика, в особенности работы другого эмигранта из Европы – К. Левина (см.) и его непосредственных учеников. Левин пришел в социальную психологию (см.) из физики, с чем связано отчетливое предпочтение лабораторного экспериментального метода и использование физических метафор. Школа Левина обогатила социометрическую традицию не только эмпирическими данными о динамике межличностных отношений в малых группах, но и дала им новую интерпретацию в терминах гештальтпсихологии и теории поля. Другой немецкий эмигрант, Ф. Хайдер, разработал важную идею о тяготении когнитивных и социальных структур к сбалансированности. В современном анализе социальных сетей (см.) на этой идее основаны методы оценки степени кластеризуемости и транзитивности, декомпозиции социальных структур на триады и бикомпоненты.

Антропологические исследования связей между индивидами опирались в 1930-е на иную традицию, в частности, – на работы британского ученого А. Радклифа-Брауна (см.). Его ученик Л. Уорнер использовал методологию, отличную от социометрической, в городских исследованиях. Классические работы Уорнера были выполнены в небольших городках "Янки-сити" в Новой Англии и "Оддсити" на юге США и содержали не только самый большой в то время банк наблюдений за социальными отношениями, но полуформализованный анализ сплоченных клик ("социальных кругов" – по терминологии Уорнера).

В те же годы организационные психологи и социологи из Гарварда проводили исследования групповой эффективности на заводе компании "Уэстерн электрик" в Чикаго (знаменитый Хоторнский эксперимент). Одним из результатов стали диаграммы взаимодействий между членами малой группы, которые по форме напоминали социограммы Морено и содержали идентифицированные клики. Поскольку авторы (Ф. Ротлисбергер и У. Диксон) не ссылаются на работы Морено, Дж. Скотт предположил, что источником идеи визуализации отношений могли стать электрические схемы, использовавшиеся на заводе.

Подлинную стройность социометрические методы приобрели с привлечением формального математического аппарата. В частности, психолог Д. Картрайт и математик Ф. Харари применили для анализа социометрических данных матричную алгебру и теорию графов. Основными событиями в истории С. 1950-х стали закат групповой динамики, теоретико-эмпирические исследования манчестерских антропологов, в которых были предложены новые объяснения индивидуального поведения в терминах структурных свойств социальных групп, и развитие Гарвардской школой новых математических средств анализа социальных отношений. С этого момента С. как самостоятельное и оригинальное направление социальных исследований постепенно уступает место новой синтетической методологии – анализу социальных сетей. Можно сказать, что С. представляет собой частный метод и арсенал средств анализа социальных сетей.

В Советском Союзе социометрические исследования становятся известными психологам и социологам в начале 1960-х, главным образом из работ Морено. Отчасти это было связано с тем, что Морено дважды приезжал в СССР – в 1959 и 1966. Ведущие отечественные школы были основаны в Минске (Я.Л. Коломинский), Ленинграде (И.П. Волков), Эстонии (Ю. Орн). В основном исследователи применяли вариации классической социометрической анкеты (например, "С кем бы ты хотел сидеть за одной партой") для исследования школьных классов и отчасти производственных групп. Одним из распространенных методических заблуждений было ограничение числа социометрических выборов в группе. Определенной новизной обладали предложенные авторами новые процедуры получения данных и вычисления локальных социометрических индексов, хотя последние основывались, главным образом, на идее степени вершины графа. Групповые индексы включали плотность и показатели централизации графа по степени. В. Паниотто и другие математические социологи популяризовали аппарат матричной алгебры и теории графов. Сегодня отечественная социометрическая традиция продолжает основываться на идеях Морено.

С.В. Сивуха

СПЕНСЕР (Spencer) Герберт (1820-1903) – британский философ и социолог. С. отличался необыкновенной эрудицией и работоспособностью. Оставленное им наследие огромно. Фундаментальный десятитомный труд, задуманный как энциклопедический синтез всех наук на принципах эволюционизма, был опубликован в 1862-1896. Этот труд включал: "Основные начала" (1862), "Основания биологии" (1864-1867), "Основания психологии" (1870-1872), трехтомный труд "Основания социологии" (1876-1896), "Социология как предмет изучения" (1903), "Основания этики" (1879-1893).

Творчество С. с наибольшей полнотой воплотило основные идеи эволюционизма, оказало большое влияние на интеллектуальную атмосферу той эпохи. Теоретические взгляды С. формировались главным образом под влиянием достижений естественных наук, все чаще обращавшихся к идее эволюции. Так, в частности, С. высоко оценил "Происхождение видов" Ч. Дарвина. Большое влияние на С. оказали также труды А. Смита и Т.Р. Мальтуса (см.), английских утилитаристов, проповедовавших идеи радикального буржуазного либерализма и индивидуализма. Придерживаясь крайней версии либерализма, С. горячо защищал принципы индивидуальной свободы и свободы конкуренции. Всякое вмешательство в естественный ход событий, тем более социальное планирование, по мнению С., приводит лишь к биологическому вырождению, поощрению "худших за счет лучших". С. выступал за ограничение роли государства в общественной жизни вплоть до отказа бедным в помощи или заботе о воспитании детей.

Основные идеи "синтетической философии" С. звучат сейчас как анахронизм, но в свое время они были популярны. Среди эволюционистов лишь С. предпринял попытку создания всеохватывающей философской системы. Фундаментальные положения С. формулирует в терминах механики: вещество, движение, сила. Из этих абсолютно всеобщих положений (закона постоянства вещества и силы) выводится закон эволюции. Идея всеобщей эволюции – центральный пункт мировоззрения С. Все его усилия были направлены на обоснование этой идеи.

Эволюция любого объекта, по С., характеризуется переходом от бессвязности к связности, от однородного к разнородному, от неопределенности к определенности. С. предлагает следующее определение центрального понятия своей философской системы: "Эволюция есть интеграция вещества, которая сопровождается рассеянием движения и в течение которой вещество переходит из состояния неопределенной, бессвязной однородности в состояние определенной связной разнородности, а сохраненное веществом движение претерпевает аналогичное превращение". Предел, за который эволюция не может перейти, – равновесие системы.

В случае нарушения равновесия начинается распад, который со временем переходит в новый эволюционный процесс. Все, что существует, проходит через этот цикл развития и распада.

С. выделяет три вида эволюционных процессов: неорганический, органический и надорганический. Все они подчиняются общим законам. Однако специфические законы высших фаз не могут быть сведены к законам низших фаз. Так, в надорганической эволюции выступают явления, которые не встречаются в неорганическом и органическом мире. Общество – часть природы, и в этом смысле такой же естественный объект, как и любой другой, оно не создано искусственно, в результате "общественного договора" или божественной воли. С. разделяет представления Т. Гоббса о том, что человек в естественном состоянии "в значительной мере антисоциален". Человек становится социальным существом в ходе длительной эволюции первобытных сообществ в надорганические социальные системы. Как и Мальтус, главным фактором социогенеза он считает численный рост популяции, потребовавшийся для выживания и приспособления социальной организации, которая в свою очередь способствовала выработке и развитию социальных чувств, интеллекта, трудовых навыков. Суть и содержание этой естественной эволюции – социализация человека.

Программа социологии С. изложена в "Основаниях социологии". Здесь впервые дано систематическое изложение предмета, задач и проблематики новой общественной науки. Эта книга была переведена на многие языки, способствовала не только разработке, но и пропаганде социологии.

С. уделяет значительное внимание обоснованию самой возможности социологии как науки, подвергает критике многочисленные аргументы ее противников. Социология возможна уже потому, что общество – часть природы и подчиняется закону "естественной причинности". С. опровергает не только теологические представления об обществе, но и теоретиков "свободной воли", философов, приписывавших решающую роль в истории "выдающимся мыслителям", "общественному договору", выдвигавших на первый план субъективные факторы или указывавших на отсутствие повторяемости в общественной жизни. "Конт предлагает описывать необходимую и реальную филиацию *идей*, – пишет С. – Я предлагаю описывать необходимую и реальную филиацию *вещей*. Конт претендует на то, чтобы объяснить генезис наших *знаний о природе*. Моя цель – объяснить... генезис *явлений, составляющих природу*. Одно субъективно, другое объективно". История, по мнению С., не является продуктом сознательного творчества социальных групп или отдельных личностей, напротив, сама деятельность, ее цели и намерения должны получить естественное обоснование в законах социальной эволюции. Ссылки на неповторимость и уникальность исторических событий опровергаются очевидной статистической регулярностью повседневных поступков людей, к тому же абсолютной повторяемости в мире нет вообще.

Задача социологии, по С., – изучение массовых типичных явлений, социальных фактов, раскрывающих действие всеобщих законов эволюции, процессов, совершающихся независимо от воли отдельных личностей, их индивидуальных свойств и субъективных намерений. Этим социология отличается от истории, которую интересуют конкретные факты. Отрицание социологии, утверждает С., часто происходит от смешений двух групп явлений: массовых, типичных, повторяющихся и индивидуальных, случайных, единичных.

Размышляя о специфике социологии, С. выделяет объективные и субъективные трудности социального познания. Социологические факты нельзя измерить с помощью приборов, наблюдать под микроскопом. Их можно установить лишь опосредованно, путем сравнения множества данных. Социальные факты для С. – это такие явления, в которых проявляются эволюционные процессы, например дифференциация структуры и функций, усложнение политической организации и т.п.

С. не предлагает четких критериев объективности наблюдения в социологии. Обобщая исследовательскую практику, он тщательно перечисляет возможные трудности, растянутость социальных явлений во времени, что затрудняет установление причинно-следственных связей, мифологизацию исторических событий, трудности отделения фактов от оценок свидетелей исторических событий, влияние стереотипов массового сознания, в том числе сословных и классовых предрассудков, чувств, эмоций.

Для понимания спенсеровского определения предмета социологии большое значение имеет его концепция социальных институтов.

С. не дает строгого определения этого центрального понятия своей теоретической системы. Но из контекста его работ следует, что социальные институты – это механизмы самоорганизации совместной жизни людей. Социальные институты обеспечивают превращение асоциального по природе человека в социальное существо, способное к совместным коллективным действиям. Институты возникают в ходе эволюции помимо сознательных намерений или "общественного договора" как ответ на рост численности популяции; согласно общему закону – прирост массы приводит к усложнению структуры и дифференциации функций. Социальные институты – органы самоорганизации и управления, а так как основное свойство любого организма – взаимодействие его частей, то главная задача социологии состоит в изучении синхронного взаимодействия социальных институтов. Идея социальных институтов как структурных элементов общества оформилась задолго до С., но он превратил ее в целостную концепцию, оказавшую значительное влияние на развитие проблематики и методов социологии.

Как и Конт, С. начинает с семьи, брака, проблем воспитания (домашние институты), воспроизводит этапы эволюции семьи от неупорядоченных отношений между полами до моногамии, раскрывает взаимосвязь между типом общества и

типом семьи, исследует изменения внутрисемейных отношений, происходящие под влиянием социального прогресса.

Следующий тип социальных институтов С. обозначил как обрядовые, или церемониальные. Последние призваны регулировать повседневное поведение людей, устанавливая обычаи, обряды, этикет и т.п. Обрядовые институты возникают раньше других и продолжают действовать в любом обществе как необходимый элемент социальной организации, особое и часто гипертрофированное развитие они получают в милитаризованном обществе.

Третий тип институтов – политические. Их появление С. связывал с переносом внутригрупповых конфликтов на сферу конфликтов между группами. Он был убежден в том, что конфликты и войны сыграли решающую роль в становлении политической организации и классовой структуры общества. Классы возникли не в результате завоевания одних народов другими, а как следствие подчинения внутренней организации общества задачам войны. Война разделила первобытные группы на вождей (руководителей) и пассивных исполнителей их воли, на воинов и крестьян, способствовала росту имущественного неравенства, потребовала создания политических институтов, т.е. центральных органов власти, армии, полиции, суда и т.п. На основе традиции формировалось право, укрепление института собственности привело к появлению налоговой системы. Общность функций, которые выполняет любая политическая организация, порождает сходство социального устройства различных обществ. Война и труд – те силы, которые создают государство, причем на начальных этапах роль насилия и военных конфликтов была решающей, так как потребность обороны или завоевания больше всего сплачивают и дисциплинируют общество. В последующем объединяющей силой становятся общественное производство, разделение труда, прямое насилие уступает место внутреннему самоограничению. С. был сторонником ограничения роли государства в современном обществе, поскольку сильное государство неизбежно ведет к ограничению индивидуальной свободы. Еще в своей ранней работе "Социальная статика" он сформулировал закон "равной свободы", согласно которому каждый человек свободен делать все, что он хочет, если он не нарушает равной свободы другого человека. Свобода, по С., ограничивается не государственным принуждением, а свободой другого человека.

Следующий тип – церковные институты, обеспечивающие интеграцию общества. Речь идет не о религиозных институтах, а именно о церкви. Функции духовенства восходят к действиям шаманов и колдунов. Появлению касты жрецов способствовали войны. Постепенно эта каста создает организацию, контролирующую определенные сферы общественной жизни, поддерживая традиции, обычаи, верования.

Завершают типологию С. профессиональные промышленные институты, возникающие на основе разделения труда. Первые (гильдии, цеха, профессиональные союзы) консолидируют группы людей по профессиональным занятиям, вторые поддерживают производственную структуру общества. Значение этих институтов возрастает по мере перехода от военизированных обществ к индустриальным. Промышленные институты принимают на себя все большую часть общественных функций, регулируют трудовые отношения. С. был воинствующим противником социализма. Попытки глобального планирования он называл "социалистической химерой". Социальный прогресс предполагает, по С., постепенное совершенствование человеческой природы, в то время как социализм требует от людей невозможного и приводит лишь к еще большему социальному неравенству. Тем не менее, считает С., европейская цивилизация будет вынуждена пройти через очищающую школу социализма.

Теория социальных институтов С. представляла попытку системного исследования общества. Все институты общества составляют единое целое, функционирование каждого из них зависит от всех других и от четкого разделения сфер влияния и ответственности. В любом обществе имеется определенный уровень согласованности в деятельности основных институтов, в противном случае начинается регресс или распад "социального организма". Каждый социальный институт призван удовлетворять определенную общественную потребность и не подменять другие институты. Расширение полномочий государства, по мнению С., потому и опасно, что подрывает естественное разделение функций между институтами общества, нарушает состояние равновесия в "социальном организме".

Концепция институтов воспроизводит образ общества по аналогии с биологическим организмом. С., по-видимому, осознавал условность такой аналогии, но постоянно пользовался сравнениями типа: "кровяные частицы уподобляются деньгам", "различные части социального организма, подобно различным частям индивидуального организма, борются между собой за пищу и получают большее или меньшее количество ее, смотря по большей или меньшей своей деятельности".

С. подчеркивал не столько материальное сходство, сколько сходство принципов системной организации, стремился соединить организм, растворяющий индивида в обществе, со своим крайним индивидуализмом буржуазного либерала. Это противоречие было источником всех его теоретических трудностей и компромиссов. С. склонялся к признанию общества как особого бытия, указывал на то, что основные его свойства воспроизводятся во времени и пространстве, несмотря на смену поколений.

Он потратил много усилий, определяя специфические черты "социального организма" и выявляя общие системные принципы, делающие его похожим на биологические системы:

1. Общество, как и биологический организм, наращивает массу (численность населения, материальные ресурсы и др.).

2. Как и в случае биологической эволюции, рост массы приводит к усложнению структуры.

3. Усложнение структуры сопровождается дифференциацией функций, выполняемых отдельными частями.

4. В обоих случаях имеет место постепенное усиление взаимозависимости и взаимодействия частей.

5. Как и в биологических организмах, целое всегда более устойчиво, чем отдельные части, стабильность обеспечивается сохранением функций и структур.

С. не только уподоблял общество организму, но и свою биологию наполнял социологическими аналогиями. Пытаясь избежать грубого редукционизма, к которому так склонны были многие эволюционисты, С. использует термин "надорганизм", подчеркивает автономию индивида, в отличие от Конта С. резко критикует органицизм, обращает внимание на существенные различия социального и биологического организма:

1. В отличие от биологического организма, образующего "тело", имеющего конкретную форму, элементы общества рассеяны в пространстве и обладают значительно большей автономией.

2. Эта пространственная рассеянность элементов делает необходимой символическую коммуникацию.

3. В обществе нет единого органа, концентрирующего способность чувствовать и мыслить.

4. Общество отличает пространственная мобильность элементов структуры

5. Но главное в том, что в биологическом организме части служат для целого, в то время как в обществе целое существует ради частей. Общество, по С., существует для блага своих членов, а не члены его существуют для блага общества.

Особенность органицизма С. состояла в том, что он пытался сохранить за индивидом автономию, не поглощая человека системой. "Это объединение органицизма с номинализмом составляло наибольшую теоретическую трудность социологии С. В его социологии содержалась дилемма, которая в последующем привела к формированию противоположных ориентации – Г. Тарда (**см.**) и Э. Дюркгейма (**см.**). С одной стороны, С. утверждал номиналистический тезис о том, что свойства социального целого выводятся из свойств составляющих его частей. С другой – что... "когда общество достигает определенной величины и высокого уровня организации, оно приобретает такую независимость от индивидуальных усилий, что приобретает свой собственный характер".

С. не вполне осознавал, что утилитаристская антропология не согласуется с органицизмом. Он предлагал компромиссное решение: на ранних этапах эволюции природная конституция человека определяет свойства социального агрегата, в последующем решающую роль в социальной эволюции играют свойства целого. Проблема отношений индивида и общества решалась ссылкой на их взаимодействие. Во времена С. трудно было предложить более конкретное решение проблемы, так как социальная психология как наука еще не существовала.

С. критиковал упрощенные однолинейные схемы развития, но как и другие эволюционисты, главной задачей считал исследование этапов развития общества. Методология С. включает классификацию и типологию эволюционных процессов. Классификация располагает все общество по шкале сложности структуры и функциональной организации от "малого простого агрегата" до "большого агрегата". На начальном этапе общество характеризуется преобладанием непосредственных связей между индивидами, отсутствием специальных органов управления и т.д. По мере развития формируется сложная структура, социальная иерархия; включение индивида в общество опосредовано принадлежностью к меньшим общностям (род, каста и др.).

Типология основана на конструировании двух полярных идеальных типов (моделей), с помощью которых выясняются направленность и этапы эволюции, в определенной мере решается проблема предпочтительного типа развития. С. выделяет два типа обществ: военные и промышленные. Военный и промышленный типы общества С. характеризует прямо противоположными социальными свойствами. Зная социальную структуру, формы политического устройства, особенности социальной организации общества военного типа, можно прогнозировать соответствующие характеристики будущего промышленного общества. Разработанная С. типология обществ менее известна, чем его теория эволюции. Между тем в творческом наследии С. она представляет наибольший исторический интерес. По глубине теоретической проработки типология С. уступала разве что известной типологии А. Токвиля (**см.**), делившего общества на аристократические и демократические.

С. использует популярную в первой половине 19 в. оппозицию социального организма и социального механизма, правда в обратном порядке. Содержание исторического процесса, таким образом, описывается как постепенный переход от механического принуждения к органическому объединению на основе общности интересов. Военное общество подчиняет внутреннюю организацию целям борьбы за выживание или агрессии. Классическим примером такого общества С. считает Спарту. Для военного общества характерны доминирование коллективных целей над индивидуальными, жесткая организация и система принуждения, иерархическая структура управления, господство военной касты, наследование власти, высокий уровень сплоченности, дисциплины, религиозность сознания и др. Военные институты распространяют влияние на все сферы общественной жизни, поощряют воспитание патриотизма, лояльности, конформизма, готовности к самопожертвованию. Военизированные общества создают эффективно функционирующую систему, которая, однако, мало приспособлена к социальным изменениям. Такие общества консервативны, и в этом главная причина гибели могущественных милитаристских государств и империй.

Промышленное общество характеризуется противоположными признаками. Реально такие общества только начинают формироваться (Англия и др.), но многие их черты можно предсказать. С. рисует картину будущего промышленного общества, впечатляющую глубиной научного предвидения. В новом обществе управление децентрализованно и строится на принципах самоорганизации и самоуправления, широкое распространение получают различные неформальные объединения, подчинение индивида государству заменяется охраной прав человека, позитивное управление уступит место негативному (по принципу "все, что не запрещено, разрешено"), единство идеологии сменится плюрализмом, вознаграждаться будет не должность, а труд, общества станут открытыми для международного сотрудничества, восприимчивыми к инновациям, сословное право сменится гражданским, сфера общественного контроля будет ограничена, а область частной жизни станет шире и др.

Социальные мыслители 19 ст. остро ощущали свое время как исторический переход к новой цивилизации, пытались предугадать облик будущего общества. Социальный прогресс обычно связывался с переменами в общественном сознании. С., напротив, акцентировал внимание на объективных факторах общественного развития. Предложенная им типология обществ выходила за рамки эволюционистского стиля мышления. Отсюда ее меньшая известность по сравнению с популярными идеями "синтетической философии".

В своих попытках раскрыть движущие силы социальной эволюции С. так и не смог преодолеть дилемму номинализма и реализма. С одной стороны, он постоянно подчеркивал важную роль "человеческой натуры", с другой – также ссылался на действие надындивидуальных сил, "социального организма", "искусственной среды". В итоге концепция фак-

торов эволюции С. отличалась крайним эклектизмом и послужила источником развития прямо противоположных социологических направлений.

Совокупность факторов эволюции С. делит на "первичные" и "вторичные". К первым относит факторы географической среды, биологическую и психическую конституции индивида. Ко вторым – то, что Г.Ф.Г. Гегель назвал "второй природой". Хотя действие привычных факторов сохраняется на протяжении всей эволюции общества, в ходе ее продвижения возрастает и становится решающей роль "второй природы", т. е. культуры. К первичным (природным) свойствам человека добавляются качества, связанные с участием в общественной жизни. Однако эта плодотворная идея не получила развития, так как противоречила антиисторическим установкам эволюционизма, в соответствии с которыми истории как таковой не существует вообще, а есть лишь логика вечных законов эволюции, не допускающих волевого вмешательства.

Философская система С. оказалась слишком тесно связанной с духовной и интеллектуальной атмосферой викторианской эпохи. Другой причиной падения популярности С. явилось то, что созданная им интеллектуальная конструкция была последней попыткой создания всеохватывающей философской системы. Эта форма интеллектуального творчества окончательно изжила себя к концу 19 в. Социальная почва, на которой вырастали такие системы, исчезла вместе с развитием науки и индустриального способа производства. С. опирался на огромный фактический материал, большая часть которого быстро устаревала. Тем не менее стремление С. выйти за рамки абстрактных рассуждений по поводу общества, широко использовать данные общественных и естественных наук способствовали формированию новых стандартов научной деятельности в социологии. С. был последователем Конта, но его учение принципиально отличалось ориентацией на индивидуализм и социологический номинализм. В социологии С. гораздо сильнее выражена натуралистическая тенденция. Вся его теоретическая система была насыщена внутренними противоречиями.

Социология С. была подвергнута острой критике, что не составило труда, поскольку вся система опиралась на общий принцип эволюционизма. С опровержением этого принципа рушилась вся теоретическая конструкция. В истории социологии творческое наследие С. часто оценивается односторонне. Однако в отличие от многих эволюционистов С. никогда не придерживался крайних биологизаторских трактовок общественных явлений. Большое значение имели разработанные им принципы системного анализа общества, несмотря на несовершенный понятийный аппарат. С. способствовал росту интереса к исследованиям первобытного общества, исследованию истории социальных институтов и развития культуры. В современной западной социологии отношение к С. неоднозначное. В основном принципы классического эволюционизма оцениваются отрицательно. Но с ростом интереса к проблемам социального развития возрождается интерес и к самой идее социальной эволюции, к творческому наследию С., что нашло выражение в формировании особого направления "неоэволюционизма" (Дж. Стюард, Дм. Шимкин, Л. Чайм, Т. Чайлд и др.).

Начиная с 1950-х вместе с развитием системных методов и возникновением неоэволюционизма интерес к творчеству С. и других эволюционистов стал возрастать. Историческая справедливость требует признать, что классический эволюционизм оказал значительное влияние на духовную и научную жизнь своей эпохи, способствовал введению в общественные науки проблематики социальных изменений, сближению общественных и естественных наук, приданию социологии статуса науки, стимулировал развитие целого ряда социологических школ и направлений. Наряду с марксизмом это был первый опыт сочетания историко-эволюционного и структурно-функционального подходов к анализу общественных явлений.

А.П. Лимаренко

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ – в классической социологии – определенный уровень социологического знания, сформированный в процессе его интенсивной профессионализации и специализации. Социологическое знание рассматривается как наука об общих и специфических законах и закономерностях развития и функционирования исторически определенных социетальных систем, о механизмах действия и формах проявления этих законов в деятельности личностей, социальных групп, классов, народов. Объектом социологического познания является общество, рассматриваемое как единый социальный организм. В сфере социологического знания насчитывается около пятидесяти специальных отраслей, число которых продолжает расти. Учитывая процессы непрерывной профессионализации социологического знания в мировом сообществе, С.С.Т. можно определить как концепции, объясняющие, в ходе их теоретизации, функционирование и развитие частных социальных процессов в контексте конкретных социальных институтов и систем.

Каждая С.С.Т. рассматривает ту или иную сферу жизнедеятельности общества, социальную общность или социальный процесс как относительно самостоятельные системы с общими и специфическими связями, универсальными и частными характеристиками, общими и особенными условиями происхождения, функционирования и развития. Наиболее общие подходы к построению С.С.Т. заключаются в том, что, во-первых, они рассматривают определенные, более важные чем прочие, структурно-функциональные и причинно-следственные отношения; во-вторых, используют определенные методологические принципы; в-третьих, раскрывают ключевые суждения – закономерности функционирования и развития изучаемых социальных систем или социальных процессов.

Каждая С.С.Т. не только имеет свой объект и предметную область исследований, но и призвана вырабатывать свой особый подход к изучению социальных процессов, специфических явлений общественной жизни. В каждой из них определяется методологическая база и общая методологическая концепция изучаемой сферы, объект и предмет исследования, особый категориальный аппарат, общие и специфические законы функционирования объекта, общая и особенная проблематика, общие и особенные методы, процедуры и техника исследований, перспективы развития изучаемой сферы.

Практика развития социологической науки показывает, что наиболее целесообразно классифицировать социологическое знание по следующим группам исследований:

1) исследование основных условий и форм жизнедеятельности общества (социология быта, социология бедности,

социология бизнеса, социология досуга, социология индустриальная, социология катастроф, социология менеджмента, социология предпринимательства, социология профессий, социология социального процветания, социология труда, социология управления, социология экологии, социология экономическая);

2) исследование социально-политической организации общества и социальных институтов (социология власти, социология военная, социология выборов, социология культуры, социология массовых коммуникаций, социология массовых явлений, социология медицины и здравоохранения, социология межнациональных отношений, социология науки, социология образования, социология общественного мнения, социология организаций, социология политики, социология права, социология религии, социология семьи, социология трансформационных процессов, социология физической культуры и спорта, футурология);

3) исследование отношений личности и общества (социология возраста, социология воспитания, социология гендерная, социология девиантного повеления, социология коллектива, социология коллективного поведения, социология конфликта, социология личности, социология морали, социология преступности);

4) исследование социально-территориальных общностей (социология города, социология села, социология малых групп, социология молодежи, социология народонаселения).

С.С.Т. выполняют методологические функции по отношению к эмпирическим социологическим исследованиям и обогащают свой понятийный аппарат, опираясь на фактологический материал этих исследований. Так, понятия и принципы С.С.Т. обобщают большое число фактологических данных, получаемых в различных социологических исследованиях. Обобщая эмпирический материал, С.С.Т. устанавливает определенные связи и зависимости между различными социальными факторами, определяет логические взаимоотношения между соответствующими теоретическими понятиями, формирует и уточняет их. Определение конкретных закономерностей в данной области позволяет на основе С.С.Т. давать объяснение вновь открываемым фактам, включать их в систему наличного теоретического знания. С объяснительной функцией С.С.Т. неразрывно связана ее прогностическая способность: раскрывая сущностные связи и отношения изучаемой области, С.С.Т. позволяет предсказывать направление развития социальных явлений и процессов. В отличие от эмпирических регулярностей, обнаруживаемых в ходе конкретных исследований, вероятностные утверждения, входящие в структуру С.С.Т., являются обобщениями более высокого уровня и представляют собой идеализированные модели реальных процессов. Создание эмпирической схемы, в которую включаются все формы систематизации фактов, представляет собой сложный процесс. Здесь осуществляется формирование эмпирической модели исследуемых характеристик как системы фактов, которая в дальнейшем должна быть совмещена с исходной концептуальной схемой как предметом исследования. Эмпирическая модель в этом плане способствует развитию исходной концептуальной модели предмета исследования на основе накопленного фактологического материала. Система сформированных научных фактов и эмпирических зависимостей, представленная в эмпирической модели предмета исследования, становится непосредственным результатом эмпирического социологического исследования. Путем сравнения выделенной эмпирической схемы с системой гипотез как выражением концептуальной модели предмета исследования осуществляется предварительное объяснение исследуемой проблемы. Процедура сравнения эмпирической и концептуальной моделей предмета анализа усложняется: отсутствием полной редуцируемости теоретических понятий к их эмпирическим индикаторам; неадекватностью измерительных процедур и методов сбора социологической информации; наличием не охваченных концептуальной схемой эмпирических закономерностей. В силу этого ни концептуальная, ни эмпирическая модель не могут считаться полностью адекватными предмету исследования. Концептуальная схема, базирующаяся на зафиксированном знании, представляет собой экстраполяцию этого знания на еще не исследованные объекты и потому является гипотетической моделью. Эмпирическая схема, формирование которой основывается на применении к исследуемой реальности концептуальной модели предмета исследования, неизбежно содержит в себе погрешности описания и измерения, связанные с несовершенством исследовательских методик. Вследствие этого процедура совмещения эмпирической и концептуальной схем предмета исследования, осуществляемая в процессе анализа его результатов, представляет собой сложный и ответственный этап исследования. Именно данный процесс и рассматривается как создание теории "на выходе" эмпирического социологического исследования.

Способ обоснования исходной гипотетической модели позволяет подразделить С.С.Т. на описательные и объяснительные. В первых теориях раскрываются структурно-функциональные, а во вторых – причинно-следственные связи. *Описательные* С.С.Т. базируются, в основном, на ценностно-нормативном подходе и позволяют связывать воедино действие внешних факторов, определяющих человеческое поведение (ценности, нормы), с внутренними (ценностные ориентации, мотивы, цели и др.), показывая, каким образом внешние факторы интериализуются человеком в процессе его социализации и выступают побудительными силами его поведения. Поскольку общественные ценности и нормы реализуются в деятельности социальных институтов и организаций, то ценностно-нормативный подход позволяет анализировать поведение разных социальных групп с позиций определенного социального института или социальной системы.

В *объяснительных* С.С.Т. главная задача – раскрытие сущности изучаемого объекта посредством социального закона, которому подчиняется данный объект, либо путем установления тех связей и отношений, которые определяют его существенные черты; само по себе, объяснение предполагает описание объекта, подлежащего объяснению, и анализ последнего в контексте его связей, отношений и зависимостей. Наиболее развитая форма объяснения – объяснение на основе социально-экономических законов, связанное с осмыслением объясняемого объекта в структуре социологического знания. В науке широко используется форма социального объяснения, заключающаяся в установлении причинных, следственных и других видов связи объясняемого объекта с условиями и факторами, порождающими эту связь. Основанием таких объяснений выступают общие концептуальные схемы, а сами объяснения могут служить исходным пунктом развития концептуального аппарата С.С.Т.

Г.Н. Соколова

СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА – в марксистской социологии – исторически конкретное единство производительных сил и производственных отношений. Место и значение С.П. в общественной жизни К. Маркс определял следующим образом: "Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще".

Понятие "С.П." характеризует исторически конкретное, качественно определенное производство. С.П. – материальная основа общественно-экономической формации, детерминирующая ее особенности, а изменения в С.П. определяют развитие общественно-экономических формаций, переход от одной формации к другой. Первобытно-общинный строй, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая общественно-экономические формации являются основными ступенями развития человеческого общества.

Развитие С.П. подчиняется *социально-экономическому закону* соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Согласно этому закону, производительные силы определяют производственные отношения, выступающие социальными формами развития этих сил. Производственные отношения в свою очередь придают производительным силам конкретное социальное качество, подчиняют их действию социальных законов, порождают определенные стимулы к производственной деятельности и развитию самих производительных сил. Но, развиваясь, производительные силы перерастают рамки существующих производственных отношений, и последние начинают тормозить дальнейшее развитие производства. Нарастает противоречие между производительными силами и производственными отношениями, которое разрешается (по К. Марксу) в социальной революции, уничтожающей старые и утверждающей новые производственные отношения, соответствующие развившимся производительным силам. Возникает новый С.П. и на этой основе происходит переход от одной общественно-экономической формации к другой, более высокой и прогрессивной.

Г.И. Соколова

СРЕДНЕЕ АРИФМЕТИЧЕСКОЕ – один из показателей центра распределения (ср. **Мода статистическая**, **Медиана**) для количественных переменных (см.); обозначается $\bar{x}$. Представляет собой значение переменной, полученной в результате деления суммы всех ее значений на объем выборки:

$$\bar{x} = \sum_{i=1}^{n} x_i \Big/ n ,$$

где x_i – значение переменной X с номером i;

n – объем выборки.

Например, для выборки из 9 значений – *27, 29, 30, 30, 32, 37, 46, 50, 52* – С.А. будет равно:

$$\bar{x} = \frac{27+29+30+30+32+37+46+50+52}{9} = 37 .$$

Если переменная принимает дискретное значение и ее значения повторяются, С.А. может быть вычислено по формуле:

$$\bar{x} = \sum_{i=1}^{k} x_i f_i \Big/ \sum_{i=1}^{k} f_i ,$$

где x_i – значение переменной X с номером i;

f_i – частота, соответствующая значению x_i;

k – количество значений переменной;

$\sum_{i=1}^{k} f_i = n$ – объем выборки.

Для приведенной ниже таблицы:

$$\bar{x} = \frac{1\times15+2\times30+3\times40+4\times25+5\times10}{120} = 2{,}9 \text{ (балла).}$$

значения (x_i)	1	2	3	4	5	Σ
частоты (f_i)	15	30	40	25	10	120

Если значения непрерывной переменной сгруппированы в интервалы, С.А. может быть вычислено приблизительно по формуле:

$$\bar{x} \approx \sum_{i=1}^{k} \tilde{x}_i f_i \Big/ \sum_{i=1}^{k} f_i ,$$

где $\tilde{x}_i$ – середина интервала с номером i;

f_i – частота, соответствующая интервалу с номером i;

k – количество интервалов;

$\sum_{i=1}^{k} f_i = n$ – объем выборки.

Приведенная ниже таблица позволяет приблизительно определить средний возраст населения:

$$\bar{x} = \frac{5\times11{,}3\% + 15\times16{,}2\% + \ldots + 75\times6{,}3\% + 85\times1{,}8\%}{100\%} =$$

$= 36{,}7$ (лет).

(См. **Таблицу 8** на стр. 1292.)

О.В. Терещенко

СРЕДНЕЕ КВАДРАТИЧЕСКОЕ ОТКЛОНЕНИЕ – см. **СТАНДАРТНОЕ ОТКЛОНЕНИЕ.**

СРЕДНИЙ КЛАСС (англ. middle class – средний класс, франц. аналог – bourgeoisie от позднелат. burgus – укрепленный город) – социолого-политологическое понятие для обозначения промежуточных социальных слоев, располагающихся между элитой, господствующей в обществе, с одной стороны, и пролетариатом вкупе с маргинальными социальными группами, – с другой. Традиционно предполагается, что удельный вес и влияние С.К. в обществе любого типа обусловливают как присущий последнему диапазон возможных общественных противоречий, так и адаптационный потенциал этого общества. В статусе термина, фиксирующего само наличие феномена С.К. в социальной структуре, понятие "С.К." было известно уже римским сборщикам налогов эпохи Империи. Легитимировано в интеллектуальном обороте в начале 19 в.

Социологическое измерение и полемическую заостренность понятие "С.К." приобретает в контексте дискуссий (Западная Европа середины 19 в.) о трансформации буржуазии как С.К. эпохи феодализма в правящий класс капитализма. Согласно версии Маркса (**см.**) – Энгельса (**см.**), рудиментные представители С.К. буржуазного общества (крестьяне, мелкие буржуа и т.п.) обречены самим ходом осуществления исторического процесса на гибель, тем самым превращая социально-классовую схему индустриального общества в исключительную оппозицию относительно немногочисленной буржуазии, с одной стороны, и пролетариата, с другой. (Пафос работ Маркса "Классовая борьба во Франции 1848-1850" и "Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих" сводим к проблеме осуществимости пролетарской революции в случае оптимального поведения основной массы С.К. в ситуации революционного конфликта.)

Современное для 20 в. содержание понятия "С.К." сформировалось как итог осмысления обществоведами преимущественно социал-демократического толка (Каутский – **см.**, Бернштейн – **см.**) процессов превращения служащих (наемных работников нефизического труда) в численно значимый фрагмент общественной структуры капитализма. По версии Каутского – Бернштейна, данный социально-структурный сдвиг необходимо влечет за собой коренную трансформацию буржуазного общества: конформизм "нового С.К." оказывается в состоянии смягчить антагонизмы капитализма, будучи сопряжен с процедурами "обуржуазивания" пролетариата (**см.**).

Резкое сокращение доли неимущих слоев населения в схеме распределения национального богатства развитых государств во второй половине 20 ст. (как итог разворачивания НТР, диффузии собственности в ходе реформ по репертуарам "нового курса" в США и т.д.) трансформировали идею С.К. в наиболее распространенную для западной социологии. Сопоставимый для основной массы населения уровень доходов, возрастающая и постоянно модернизирующаяся структура удовлетворяемых потребностей людей, реформистские по типу основания социальных ожиданий, демократические политические предпочтения, акцентированно "непролетарская" классовая самооценка современных представителей С.К. на Западе являют собой один из ведущих аргументов в пользу тезиса о стабилизирующем воздействии процессов становления постиндустриализма на капиталистическое общество. В данном контексте С.К. правомерно (согласно изложению Т.И. Заславской – **см.**) трактовать как: 1) исполняющий интерактивную функцию "социального медиатора" ввиду своей промежуточной позиции между верхами и низами общества; 2) выступающий социальным стабилизатором общества ввиду сравнительно высокой материальной обеспеченности; 3) исполняющий роль главного агента технологического и социально-экономического прогресса ввиду высокой интеллектуальной квалификации; 4) оказывающийся носителем общественных интересов, с одной стороны, и национальной культуры, – с другой.

Идея и концепция С.К. как гаранта общественной стабильности оказали определенное влияние также и на парадигму Конституции СССР (1977): смысл провозглашения неизбежности и желательности достижения советским обществом на этапе "зрелого социализма" состояния социально-классовой однородности выглядел явным парафразом концепции С.К. См. также: **Буржуазия, Демократический капитализм, Открытое общество.**

А.А. Грицанов

СТАЛИН (ДЖУГАШВИЛИ) Иосиф Виссарионович (1879-1953) – идеолог, теоретик и практик процесса построения социализма (**см.**) в СССР. Учился в духовной семинарии. В 1922-1952 – генеральный секретарь партии большевиков, в 1952-1953 – первый секретарь ЦК КПСС.

Сохранив в качестве обязательной цели утопический и антигосударственный идеал коммунизма (**см.**), обосновывающий историческую легитимность советской диктатуры идеократического типа, С. сумел подчинить деструктивный потенциал коммунистической идеологии великодержавным интересам: "окончательное" построение коммунизма в СССР постоянно откладывалось. С. заместил динамику революционистски-тоталитарного российского большевизма Ленина – Троцкого – Бухарина процедурами построения стабильного тоталитарного государства. С. преодолел большевистскую трактовку разрушения общества, человека и экономики как неизбежной платы за "социалистический прогресс". (Ср. идею Бухарина – **см.** о "законе" падения производительных сил вплоть до формирования новой структуры общества.) Всеобъемлющий государственный контроль оттеснил на второй план экстремистские программы формирования "нового человека". С. выступал приверженцем идеи насильственного коммунистического преобразования мира в планетарном масштабе как результата геополитической экспансии сверхиндустриализованного и милитаризованного Советского Союза. Явился создателем системы социалистического лагеря. (При этом активная материальная и военная помощь партиям и – позднее – государствам-сателлитам, предоставлявшаяся советским режимом в начале 1920-х, была минимизирована при С.; восстановлена в полном объеме она была лишь при Н. Хрущеве и Л. Брежневе.)

По указаниям С. был написан раздел "О диалектическом и историческом материализме" (1938) для "Краткого курса истории ВКП (б)". Эта работа в популярной, схематичной и сжатой форме содержала основы философской теории марксизма-ленинизма, предназначенные для читателя-неофита. Будучи канонизированным при жизни С., очерк позднее был подвергнут критике в официальной советской философии. (Отмечалось игнорирование С. диалектической сущности закона отрицания отрицания, недооценка проблемы единства противоположностей, схематичное изложение процесса взаимосвязи и взаимодействия философии, теории и практики, поспешный вывод об отмирании надстройки вследствие трансформации экономического базиса.) Высокая степень искусственности и схоластичности, присущая этой полемике даже в ее заочном воплощении, сделала еще более очевидной реальную роль С. для судеб отечественной философской культуры. Продолжая линию Ленина на превращение философии в политизированный феномен – орудие тоталитарного режима, С. создал и институализировал устойчивую систему генерирования, отбора, вертикальной ротации и воспроизведения ангажированных властью идеологических кадров, тем самым надолго трансформировав официально-государственную философскую мысль в СССР в агрессивную духовную субстанцию реакционно-религиозного характера.

А.А. Грицанов

СТАНДАРТНАЯ ОШИБКА – величина, характеризующая случайную ошибку выборки (см.) – стандартное отклонение выборочного распределения статистики; обозначается *SE* (standard error). Может вычисляться для любых выборочных статистик; используется при построении соответствующих доверительных интервалов (см.) и статистической проверке гипотез (см.).

Наиболее часто используется С.О. среднего арифметического (см.). Она вычисляется по формуле $SE = s/\sqrt{n}$, где s – стандартное отклонение (см.) переменной, n – объем выборки. Чем меньше стандартное отклонение s и больше объем выборки n, тем меньше С.О. С.О. среднего арифметического применяется при построении доверительного интервала для математического ожидания (см.), интервального оценивания случайной ошибки выборки (см.), нахождения объема репрезентативной выборки (см.) при заданных доверительной вероятности и предельно допустимой ошибке выборки.

О.В. Терещенко

СТАНДАРТНОЕ ОТКЛОНЕНИЕ – наиболее распространенный показатель вариации количественной переменной (см.), измеряет "средний" разброс значений переменной относительно ее среднего арифметического (см.) в тех же единицах измерения, что и сама переменная; равен корню квадратному из дисперсии (см.) (см. также **Сумма квадратов, Коэффициент вариации**). Используется при нахождении стандартной ошибки (см.) среднего арифметического, построении доверительных интервалов (см.), статистической проверке гипотез (см.), измерении линейных связей между переменными и т.п. Вычисляется по формуле:

$$s = \sqrt{s^2} = \sqrt{\sum_{i=1}^{n} (x_i - \bar{x})^2 \Big/ (n-1)},$$

где x_i – значение переменной X с номером i;

$\bar{x}$ – среднее арифметическое для переменной X;

n – объем выборки.

Например, $s = 5$ (см) для переменной "рост" будет означать, что рост респондентов, попавших в выборку, отклоняется от среднего арифметического в среднем на ±5 см.

О.В. Терещенко

СТАТИСТИКА – наука о методах сбора, обработки, анализа и интерпретации данных, характеризующих массовые явления и процессы, т.е. явления и процессы, затрагивающие не отдельные объекты, а целые совокупности. Отличительная особенность статистического подхода состоит в том, что данные, характеризующие статистическую совокупность в целом, получаются в результате обобщения информации о составляющих ее объектах. Термин "С." объединяет целый комплекс специализированных научных дисциплин, в котором можно выделить следующие основные направления: методы сбора данных; методы измерения; методы обработки и анализа данных.

Основными методами сбора данных являются полное или выборочное обследование генеральной совокупности (см.) и эксперимент (см.). Основные дисциплины этого направления – теория выборки и планирование эксперимента.

Методы измерения предусматривают процедуры непосредственного получения информации об объектах, а также процедуры расчета показателей, характеризующих генеральную или выборочную совокупность. Теоретической основой этого направления является общая теория измерений, на базе которой разрабатываются специальные показатели, используемые в математической, а также в официальной и ведомственной С. Системы показателей являются основным содержанием таких дисциплин как общая теория С., С. социально-экономическая (см.) и т.п.

Методы обработки и анализа данных включают теорию вероятностей (см.), математическую С. (см.) и их приложения в различных областях технических наук, а также наук о природе и обществе (прикладная С.). Математическая С. разрабатывает методы статистической обработки и анализа данных, занимается обоснованием и проверкой их валидности (см.), эффективности, условий применения, робастности (устойчивости к нарушению условий применения) и т.п. Прикладная С. выполняет три основные задачи – описание, обобщение, объяснение или/и прогнозирование – и, соответственно, включает три основные группы методов: методы описательной статистики, методы статистического вывода и методы анализа связей и зависимостей. С. дескриптивная или описательная предназначена для получения обобщенных характеристик выборочной совокупности. Методы статистического вывода (см.) позволяют корректно обобщать результаты выборочного исследования на генеральную совокупность (см.). Наиболее обширная группа методов анализа связей предназначена для исследования парных и множественных связей между переменными, как корреляционных, так и причинных (см. **Статистический анализ парных связей, Анализ статистический многомерный**). В некоторых областях знаний приложения С. столь специфичны, что их выделяют в самостоятельные научные дисциплины: теория надежности – в технических науках; эконометрика – в экономике; психометрия – в психологии, биометрия – в биологии и т.п. Такие дисциплины рассматривают специфичные для данной отрасли методы сбора и анализа данных.

Любое статистическое исследование предполагает сбор и обработку данных, поэтому статистические методы разного назначения практически всегда применяются комплексно. Лучшим примером такого применения является перепись населения, проводимая регулярно в большинстве стран мира.

О.В. Терещенко

СТАТИСТИКА ВЫБОРОЧНАЯ – статистический термин, применяемый для обозначений любой количественной характеристики выборочной совокупности (см.). Среднее арифметическое (см.), дисперсия переменной, доля положительных ответов на вопрос анкеты, коэффициент корреляции между двумя показателями, вычисленные по некоторой выборке, являются ее статистиками. Аналогичные характеристики генеральной совокупности называются параметрами.

Значение С.В., как правило, варьирует от выборки к выборке, например, значения среднего дохода, полученные по разным выборкам, будут несколько различаться, даже если все выборки репрезентативны и свободны от систематических ошибок. Это позволяет говорить о распределении С.В.

Понятие "С.В." тесно связано с понятием ошибки выборки (см. **Выборки ошибка**), которая определяется как разность между значениями С.В. и соответствующего параметра генеральной совокупности. Точное значение ошибки выборки

вычислить можно далеко не всегда, так как значение параметра генеральной совокупности обычно неизвестно. В таких случаях ошибка выборки оценивается статистическими методами, использующими теоретические представления о распределении С.В.

О.В. Терещенко

СТАТИСТИКА ДЕСКРИПТИВНАЯ (ОПИСАТЕЛЬНАЯ) – общее название статистических процедур, целью которых является получение обобщенной информации о выборке исследования. К С.Д. относятся анализ распределений частот (см.), получение характеристик центра распределения – моды статистической (см.), медианы (см.), среднего арифметического (см.) – и показателей степени разброса данных – суммы квадратов (см.), стандартного отклонения (см.), дисперсии (см.), коэффициента вариации (см.), анализ формы распределения. В отличие от статистического вывода (см.), С.Д. не ставит своей целью обобщение результатов выборочного исследования на генеральную совокупность (см.).

О.В. Терещенко

СТАТИСТИКА ОБЪЕКТОВ НЕЧИСЛОВОЙ ПРИРОДЫ – раздел математической статистики, имеющий дело с признаками (данными), значения которых суть не числа, а объекты более общей природы. Эти объекты можно разделить на классы, каждый из которых обладает лишь некоторыми свойствами класса числовых данных. Одним из примеров служит класс подмножеств фиксированного множества. Частный случай такого признака – ответ на неальтернативный вопрос анкеты, где респондент может выбрать (отметить) то или иное подмножество из множества предложенных позиций. Другой пример подобного рода – класс ранжировок (упорядочений) некоторого фиксированного множества. Некоторые разделы С.О.Н.П., по существу, содержат в формализованном виде ряд процедур социометрии, особенно метода социограмм (см.).

В С.О.Н.П. можно выделить два подхода. В первом из них с помощью специальных приемов (оцифровка, многомерное шкалирование) нечисловые данные переводятся в числовую форму, после чего применяются традиционные статистические методы. Второй подход предполагает разработку специальных статистических методов для нечисловых данных, что требует дополнительных усилий, но способствует большей адекватности математической модели. Развитие методов перевода различных математических структур в числовую форму сближает эти подходы.

Эффективность С.О.Н.П. увеличивается при обоснованном (адекватном) выборе первоначальной математической структуры на множестве значений данных. Среди этих структур в настоящее время наибольшую роль играют, по-видимому, алгебраические, из которых наиболее широко применяются порядковые структуры. Далее, это топологические структуры, и в первую очередь – так называемые метрические пространства, т.е. множества, между элементами которых задано расстояние, обладающее некоторыми свойствами обычного расстояния. Расстояние можно ввести в частности в упомянутых классах подмножеств и ранжировок. Наконец, активно применяются вероятностные структуры. Поскольку для социологических исследований нечисловые данные весьма характерны, роль С.О.Н.П. здесь постоянно возрастает.

Н.Н. Леонов

СТАТИСТИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ – наука о количественной стороне социальных и экономических явлений в обществе в неразрывной связи с их качественной стороной, т.е. о качественно определенных количествах и проявляющихся в них закономерностях. Роль С.С.-Э. в социальных исследованиях трудно переоценить, поскольку традиционно добиться в общественных науках необходимой точности и конкретности анализа можно было главным образом при использовании статистических методов и обоснования важнейших социально-экономических и политических выводов и положений массовыми фактическими данными.

Так как объектом изучения С.С.-Э. является общество во всем многообразии его форм и проявлений, то она как отрасль научного знания является общественной наукой, которая в свою очередь является инструментом исследования для других общественных дисциплин: социологии, политологии, юридических наук, педагогики, социальной психологии и др.

Основной функцией С.С.-Э. является построение качественно-количественных показателей жизнедеятельности общества, то есть непосредственно формирование системы статистической информации государства. Данные С.С.-Э. являются фундаментом современной системы социальной информации, удовлетворяя потребности общества в части значимой, современной, сопоставимой, точной и доступной количественно-качественной информации. Система показателей С.С.-Э. в настоящее время является совокупностью взаимосвязанных блоков количественно-качественных показателей, представляющих различные отрасли С.С.-Э., а в целом дающих характеристики процессов и явлений в экономической и социальной сферах общества.

Е.А. Кечина

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ – подтвержденность результатов исследования процедурами статистического вывода (см.). Обычно говорят о С.З. различий между какими-либо параметрами генеральной совокупности (см.), мер связи (см.), коэффициентов статистических моделей и т.п.

О.В. Терещенко

СТАТИСТИЧЕСКАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ – отсутствие статистической связи. Гипотеза о С.Н. двух или более переменных (см.) принимается в качестве нулевой гипотезы (см.), если наличие связи не удалось подтвердить. При принятии гипотезы о статистической независимости, следует контролировать мощность статистического критерия (см.).

О.В. Терещенко

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗ – процедура принятия решения, следует ли на основе данных выборочного исследования принять или опровергнуть некое предположение о характеристиках или свойствах генеральной совокупности (см.).

Для того чтобы содержательная гипотеза могла быть проверена средствами статистики, она должна быть сформулирована как статистическая гипотеза (см.), с выделением нулевой и альтернативной гипотез. Проверка гипотезы сводится к принятию решения, следует ли принять нулевую гипотезу или отклонить ее в пользу альтернативной. При этом нулевая гипотеза (постулирующая отсутствие различий) выступает в качестве утверждения, которое считается справед-

ливым до тех пор, пока не будут найдены противоречащие ему факты.

Поскольку решение, касающееся генеральной совокупности, принимается в соответствии с некоторым правилом (критерием) на основе случайной выборки, оно может оказаться как правильным, так и ошибочным (см. таблицу). Ошибка, состоящая в том, чтобы отклонить, согласно критерию, нулевую гипотезу, которая на самом деле верна, называется ошибкой I рода, ее вероятность обозначается греческой буквой α. Ошибка, заключающаяся в том, чтобы, в соответствии с критерием, принять нулевую гипотезу, которая на самом деле не верна, называется ошибкой II рода, ее вероятность обозначается буквой β. Вероятности правильных решений составляют соответственно $(1-\alpha)$ и $(1-\beta)$.

Таблица

Возможные решения при проверке гипотез

В ГЕНЕРАЛЬНОЙ СОВОКУПНОСТИ	РЕШЕНИЕ (на основе выборки):	
	Принять H_0	Отвергнуть H_0
H_0 верна	Правильное принятие H_0 $(1-\alpha)$	Ошибка I рода (α)
H_0 не верна	Ошибка II рода (β)	Правильное отклонение H_0 $(1-\beta)$

Нулевая и альтернативная гипотезы принимаются на основе одного и того же правила, которое называется критерием нулевой гипотезы. Однако условия их принятия принципиально асимметричны. Альтернативная гипотеза принимается в том случае, когда нулевая не подтверждается и должна быть отклонена. Решение о принятии альтернативной гипотезы происходит при зафиксированном значении вероятности ошибки первого рода α, которое выбирается из значений 0,1; 0,05; 0,01 и называется уровнем значимости. Нулевая гипотеза принимается во всех случаях, когда ее нельзя отклонить. Однако при принятии нулевой гипотезы необходимо оценивать вероятность правильности такого решения $(1-\beta)$, которая называется мощностью критерия. Критерий нулевой гипотезы строится на основе специально подобранной численной функции, которая вычисляется по выборке и называется статистикой критерия.

Процедура проверки нулевой гипотезы H_0 против альтернативной гипотезы H_1 состоит в следующем:

для выборки по соответствующей формуле вычисляется значение статистики критерия;

выбирается уровень значимости α;

определяется критическая область, границы которой зависят от свойств критерия, выбранного уровня значимости, а также вида альтернативной гипотезы (односторонней, двусторонней);

принимается решение: если вычисленное значение статистики попадает в критическую область, нулевая гипотеза отклоняется, и принимается альтернативная. Если нет – принимается нулевая гипотеза, после чего по специальным формулам определяется мощность критерия (вероятность того, что решение о принятии нулевой гипотезы не является ошибочным).

Формулы и таблицы для вычисления критериев, определения их мощности и критических областей можно найти в учебной и справочной статистической литературе.

О.В. Терещенко

СТАТИСТИЧЕСКИЙ ВЫВОД – раздел математической статистики, позволяющий обобщать результаты выборочного исследования на генеральную совокупность (**см.**). Включает два основных направления – статистическое оценивание (**см.**) и статистическую проверку гипотез (**см.**).

Необходимо учитывать, что все процедуры С.В. применимы только к случайным (вероятностным) выборкам, извлеченным с помощью методов простого, стратифицированного или гнездового случайного отбора.

О.В. Терещенко

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОЦЕНИВАНИЕ – раздел статистического вывода (**см.**), предназначенный для оценивания характеристик (параметров) генеральной совокупности (**см.**) по результатам выборочного исследования. С.О. параметров генеральной совокупности возможно, если выборка извлечена с использованием вероятностных (случайных) процедур.

Неизвестные параметры генеральной совокупности (популярность политического лидера, рейтинг телевизионного канала, поддержка принимаемых решений со стороны населения и т.п.) чаще всего оценивают по результатам выборочного исследования. Поскольку ни одна выборочная процедура не может гарантировать отсутствие случайных ошибок, выборочный метод не позволяет определить точное (истинное) значение параметра; речь может идти только о приблизительной его оценке.

Различают точечное и интервальное оценивание параметров генеральной совокупности.

Интервальное оценивание предполагает построение доверительного интервала (**см.**), в котором предположительно находится истинное значение параметра генеральной совокупности.

Точечное оценивание предполагает получение приблизительного значения параметра в виде одного числа. Например, средний доход респондентов из выборки рассматривается в качестве оценки среднего дохода лиц, составляющих генеральную совокупность. Основными методами точечного оценивания являются метод моментов, метод максимального правдоподобия, метод оценивания по минимуму χ^2, метод наименьших квадратов. Например, если для переменной "время, затрачиваемое на дорогу от дома до работы" среднее арифметическое по выборке составило 40 минут, то точечная оценка методом моментов будет заключаться в утверждении, что по генеральной совокупности среднее время на дорогу также составляет приблизительно 40 минут.

Поскольку точечные оценки заведомо не являются точными, их желательными качествами являются несмещенность, эффективность, состоятельность, робастность.

Несмещенность предполагает отсутствие систематического смещения значения выборочной статистики по отношению к истинному значению параметра генеральной совокупности, которое могло бы привести к завышению или занижению оценки этого параметра.

Понятие эффективности связано с тем, что иногда для параметра можно найти несколько несмещенных оценок. Лучшей из них представляется та, которая при использовании разных выборок дала бы наименьший разброс значений или, другими словами, обладала бы наименьшей дисперсией (см. **Статистика выборочная**): чем меньше дисперсия, тем выше эффективность оценки. Эффективной называется несмещенная оценка с минимальной дисперсией.

Состоятельной называется оценка, значение которой с увеличением объема выборки приближается к истинному значению параметра генеральной совокупности.

Робастность оценки означает ее устойчивость к наличию резко выделяющихся значений ("выбросов") или к нарушению предположений, ограничивающих применение соответствующего статистического метода.

Исследованиями несмещенности, эффективности, состоятельности, робастности и других свойств статистических оценок занимается математическая статистика.

О.В. Терещенко

СТЕПИН Вячеслав Семенович (р. 1934) – российско-белорусский философ и организатор науки. Предтеча (совместно с Овчаренко – **см.**) Минского философского проекта "Гуманитарная энциклопедия". Доктор философских наук (1976). Профессор (1979), зав. кафедрой философии Белгосуниверситета (1981-1987), директор Института истории естествознания и техники (Москва) (1987-1988), член-корреспондент АН СССР (1987), директор Института философии АН СССР (с 1988). Академик РАН (1994). Иностранный член Академии наук Беларуси (1995) и Украины (1999). Почетный академик Международной академии науки, образования и технологического трансфера (ФРГ) (1992), почетный профессор-консультант Международного Института права и экономических исследований (Гонконг). Почетный доктор Университета г. Карлсруэ (ФРГ) – первый из российских мыслителей, удостоенных этого звания после 1917. Почетный доктор Новгородского государственного университета (Россия). Награжден орденом Дружбы народов (1986). Автор более 300 работ по философской антропологии, социальной философии, логике и методологии науки. Основные труды: "Современный позитивизм и частные науки" (1963), "Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики" (совместно с Л.М. Томильчиком, 1970), "Становление научной теории" (1976), "Природа научного познания" (редактор-составитель и соавтор, 1979), "Идеалы и нормы научного исследования" (редактор-составитель и соавтор, 1981), "Формирование научных теорий" (на финском языке, 1983), "Научные революции в динамике культуры" (редактор-составитель и соавтор, 1987), "Философская антропология и философия науки" (1992), "Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации" (совместно с Л.Ф. Кузнецовой, 1994), "Философия науки и техники" (1995), "Эпоха перемен и сценарии будущего" (1996), "Новейший философский словарь" (1999 и 2001, в соавт.); "Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция" (2000); "Всемирная энциклопедия. Философия" (2001, в соавт.) и др. Переводы работ С. издавались в Англии, США, Франции, ФРГ, Китае, Финляндии, Польше.

С. – автор оригинальной философско-методологической концепции, раскрывающей механизм функционирования науки в социокультурном контексте – от анализа закономерностей становления конкретно-научной теории до исследования природы метатеоретических оснований науки (картины мира, идеалов и норм исследования, стиля научного мышления). С. осуществлен анализ процесса формирования научного знания как феномена культуры, эксплицированы процедуры функционирования и взаимодействия научных теорий, закономерности динамики оснований научного познания и механизмы семантического развития категориального аппарата науки. В философской концепции С. разработана системная модель социокультурной детерминации науки и, в частности, смены парадигм научного поиска. Работает также в области культурологии и социальной философии. Разработал концепцию типов цивилизационного развития, проанализировал роль универсалий культуры в воспроизводстве основных структур социальной жизни.

С. избран действительным членом Международного института (Академия философии) в Париже: в него входят менее 100 выдающихся философов современности: например, Я. Хинтикка, Рорти (**см.**), Хабермас (**см.**), Деррида (**см.**) и др.

А.А. Грицанов

СТОХАСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ социальных сетей – методы анализа связей и отношений между акторами (см. **Социальная сеть**), которые учитывают информацию о распределении структурных характеристик в генеральной совокупности сетей с заданными свойствами (напр., размером) и позволяют проверять гипотезы о форме распределений, значимости параметров модели, пригодности модели для описания данных.

Распределения вероятностей. Как и в общей прикладной статистике, первые методы С.А. были разработаны для параметрического случая, когда известны распределения параметров. Морено (**см.**) и Х. Дженнингс, а затем У. Бронфенбреннер в конце 1930-х – начале 1940-х использовали распределение Бернулли для анализа статистических свойств социометрических данных, в частности, для сравнения полученной и предсказанной доли взаимных связей. Появилась возможность проверять статистические гипотезы о том, что связи в сети распределены по закону Бернулли. Начиная с 1950-х для анализа свойств сети и для проверки гипотез привлекают более сложные условные распределения, когда один или более параметров фиксируются. Наибольшее применение получили равномерные распределения при условии, что количество связей в сети равно заданному числу, что количество сделанных акторами выборов равно некоторой постоянной (это особенно полезно для статистического анализа социометрических данных с ограничениями на количество выборов), что количество взаимных связей равно некоторой постоянной и т.д. Введение условий в распределение позволяет уменьшить число элементов в выборочном пространстве случайных реализаций орграфа заданного размера и тем самым упростить анализ. Для простейших распределений аналитически получены оценки параметров. В более сложных случаях используют метод Монте-Карло или непараметрические критерии.

Диады и триады. Одна из самых продуктивных идей в С.А. состоит в декомпозиции сети на подграфы, особенно на диады и триады, свойства которых хорошо изучены. Декомпозиция на подграфы позволяет связывать в одной модели

микро- и макроструктурные свойства сети и статистически моделировать присущий реальным сетям баланс, дифференциальную популярность акторов, кластеризацию, упорядоченную кластеризацию и транзитивность. Диадой называется неупорядоченная пара акторов i и j с заданными на ней ребрами. Диада принимает четыре состояния: $i \to j$ и $j \to i$; $i \to j$; $j \to i$; ни $i \to j$, ни $j \to i$. Выделяют три изоморфных класса диад: M (от англ. "mutual", т.е. взаимная; $i \to j$ и $j \to i$), A (асимметричная, $i \to j$ или $j \to i$) и N (нулевая, связей между i и j нет). Количество диад каждого типа в сети называется переписью диад и используется как многомерная статистика в более сложных методах анализа.

Триадой называется подграф из трех вершин. Каждая триада может принять одно из 64 состояний, принадлежащих к одному из 16 изоморфных классов. Для обозначения типов триад (изоморфных классов) используют обозначения из переписи диад, например, в триаде 003 нет взаимных и асимметричных связей (M = 0, N = 0) и есть три нулевых связи (N = 0). Ниже представлены 6 классов триад, имеющих особенно интересную интерпретацию.

Выбор (choice; $i \to j$) – это наличие связи между двумя акторами. Этот параметр интерпретируется как показатель плотности сети, насыщенности связей, а также используется для статистического контроля более сложных параметров. Взаимность (mutuality; $i \leftrightarrow j$) – показатель сбалансированности отношений между элементами, тесноты отношений. Экспансия (2-out-star; $k \leftarrow i \to j$) – тенденция актора инициировать связи с другими. Популярность (2-in-star; $k \to i \leftarrow j$) – тенденция других участников сети устанавливать связи с данным актором; экспансия и популярность указывает на доминирование иерархических (однонаправленных) отношений в сети. Посредничество (2-mix-star; $k \to i \to j$) – срединное положение элементов, передаточная функция без взаимности; обычно интерпретируется в совокупности с цикличностью. Транзитивность (transitivity; $i \to j \to k \leftarrow i$) – одно из самых теоретически наполненных свойств сети, показатель гармоничности связей в зиммелевском смысле. Транзитивными являются отношения, когда друг моего друга становится моим другом. Перепись триад (вектор, состоящий из 16 показателей) рассматривается как многомерная статистика, устойчивая к ошибкам измерения свойств сети, и используется при расчете многих важных характеристик.

Логлинейные (логарифмически-линейные) модели. Логлинейные модели связывают логарифм зависимой переменной с независимыми переменными. В первой хорошо обоснованной логлинейной модели для социальных сетей, т. н. p_1 (П. Холанд и С. Линард, 1981) в качестве зависимой переменной использовалась диада, принимающая одно из четырех состояний (см. выше), а независимых – эффекты экспансивности и эффекты популярности для каждого актора и два общих параметра – тенденция к образованию связей и тенденция к образованию взаимных связей. Пригодность этой статистической модели оценивалась через функцию максимального правдоподобия. Метод p_1 реализован в ряде программ по анализу социальных систем, оценки параметров можно также получить с помощью любой программы логлинейного анализа (после адекватного преобразования данных). Использование модели сдерживалось тем, что она основывалась на нереалистичном предположении о независимости диад, а также тем, что количество оцениваемых параметров росло с увеличением количества акторов (это ограничение снималось в моделях, в которых индивиды разбивались на подгруппы в соответствии с некоторыми характеристиками, например, полом). Одним из существенных и перспективных расширений модели p_1 была попытка использования байесова подхода, учитывающего априорные данные о возможных значениях оцениваемых параметров.

Серьезные новшества случились в методах С.А. в 1990-е. С. Вассерман и Ф. Паттисон предложили т.наз. p^*-модели, позволяющие оценивать сложные статистические модели, в которых связь между акторами рассматривается как зависимая переменная, а структурные свойства социальной сети (характеристики подграфов) – как независимые. Тем самым большинству описательных методов (см. **Анализ социальных сетей**) были найдены статистические эквиваленты. p^*-модели основаны на идее марковских случайных графов и их параметрическим представлении, предложенном Франком и Страуссом в 1980-х, а также на методах статистической оценки моделей – псевдомаксимальном правдоподобии. Используя теорему Хаммерсли-Клиффорда о том, что случайный орграф имеет вероятность, зависящую только от полных подграфов графа зависимости, Страусс и Икеда предложили лог-линейную модель для оценки этой вероятности, а Вассерман и Патисон – логит-модель. Зависимой переменной служит логит, или логарифм отношения шансов (условных вероятностей того, что актор i выбирает актора j, и того, что i не выбирает j), а независимыми – структурные свойства графа. В качестве таких структурных параметров используются статистики для триад, поскольку их стохастические свойства известны, и они имеют интересную содержательную интерпретацию. Например, замкнутые транзитивные триады ограничивают возможности индивидуального действия и снижают вероятность конфликтов. p^*-модели могут оцениваться с помощью любой программы логистической регрессии, но перед этим социоматрицу следует преобразовать, т.е. рассчитать триадические и т.п показатели. Предварительные преобразования выполняют программа prepstar или командные файлы для SPSS, доступные в Интернете. Другие программы – PSPAR, STOCNET – позволяют оценивать модели непосредственно. p^*-модели оценивают неслучайность связей в социальных сетях (баланс, кластеризацию, упорядоченную кластеризацию и транзитивность).

Стохастическое блочное моделирование. В литературе представлены два основных подхода. В первом задается детерминистская (нестохастическая) блочная модель (см. **Анализ социальных сетей**), на ее основании предсказываются связи, а затем реально полученные и предсказанные связи сравниваются по одному из критериев пригодности модели. Обычно для этой цели используют непараметрические критерии, напр., перестановок, или аналог квадрата множественной корреляции, известный из регрессионного анализа. Этот подход не является статистическим в прямом смысле слова. В рамках второго подхода сначала делаются предположения о взаимодействии в диадах, затем постулируется стохастическая блочная модель. Критерием стохастической эквивалентности служит неизменность распределения вероятностей при

замене одного эквивалентного параметра другим. Для оценки моделей используется критерий, основанный на функции максимального правдоподобия. Примером развития идеи стохастических блоков служит недавняя модель К. Новицкого и Т. Снайдерса, использующая модель латентных классов. Актуальной методологической задачей является объединение стохастической блочной и p^*-моделей.

С.В. Сивуха

СТРАТА (лат. stratum – слой, пласт) – элемент социальной структуры, конструируемый на основании многомерной классификации и организуемый в иерархический порядок. Стратификация представляет множество признаков, а также структуру позиций и групп (классов) как конкретное наполнение С. Критерии классификации используются для социологического диагностирования общества и натурализации определенных статусных групп в зависимости от того, что считается существенным в системе различий. Рассматриваются номинальные показатели и сопутствующие социально-демографические факторы, строятся статистические модели, но "оценка репутации" субъектами может отличаться от моделируемой. Веберовский Stand (С.) – общность, объединяемая единым стилем жизни, – не имеет принудительной силы в процессах идентификации, но фиксирует внутреннюю целостность и внешнее разнообразие С.

В современном обществе количество классификационных критериев возрастает, классификации переплетаются, взаимодействуют, образуют сложные структуры ("кластеры").

Д.М. Булынко

СТРАТИФИКАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ – разделение общества или общности на основании такого признака, который определяет различия в распределении "жизненных возможностей" и "экономических преимуществ".

Говоря об экономическом статусе группы (сообщества), выделяют два основных типа флуктуаций (колебаний). 1. Флуктуация экономического статуса группы как единого целого: возрастание экономического благосостояния, уменьшение последнего. 2. Флуктуация высоты и профиля С.Э. внутри общества: возвышение экономической пирамиды, уплощение экономической пирамиды.

1. Поднимается ли группа до более высокого экономического уровня или опускается – вопрос, который может быть решен на основе колебаний подушного национального дохода и богатства, измеренных в денежных единицах. Этот критерий позволяет сделать следующие утверждения. Благосостояние и доход различных обществ существенно меняются от одной страны к другой, от одной группы к другой. Средний уровень благосостояния и дохода в одном и том же обществе не постоянный, а меняется во времени. Однако в истории семьи, нации или любой другой группы не существует, как показывает статистика, устойчивой тенденции ни к обогащению, ни к обнищанию. Все хорошо известные тенденции фиксированы только для ограниченного периода времени. История не дает достаточного основания утверждать ни тенденцию в направлении процветания, ни тенденцию в направлении обеднения. История, (согласно фундаментальным исследованиям П.А. Сорокина) показывает только бесцельные флуктуации.

2. Исследование флуктуации высоты и профиля С.Э. внутри общества показывает, что любое общество, переходя от менее к более развитому состоянию, обнаруживает не ослабление, а усиление экономического неравенства. Конечно, аналогия – далеко не адекватный инструмент, но факты истории показывают, что во многих обществах на ранних ступенях развития экономическая дифференциация возрастала и, достигнув кульминационной точки, характеризовалась ослаблением экономических контрастов. Так, распределение национального дохода в европейских странах, будучи достаточно стабильным, показывает только маятниковые колебания. Это означает, что при нормальных социальных условиях экономический конус развитого общества колеблется в определенных пределах, его форма относительно постоянна. При чрезвычайных обстоятельствах эти пределы могут быть нарушены и профиль С.Э. может стать или очень плоским, или очень выпуклым и высоким. В обоих случаях такое положение кратковременно. И если "экономически плоское" общество не погибает, то "плоскость" быстро вытесняется усилением С.Э. Если экономическое неравенство становится слишком сильным и достигает точки перенапряжения, то верхушке общества суждено разрушиться или быть низвергнутой. Таким образом, в любом обществе, в любые времена происходит борьба между силами стратификации и силами выравнивания. Первые работают постоянно и неуклонно, а вторые – стихийно, импульсивно, используя, как правило, насильственные методы.

Г.Н. Соколова

СТРОНИН Александр Иванович (1826-1889) – русский юрист и социолог, представитель органицизма.

Сын крепостного крестьянина кн. Юсупова, отец С. сумел добиться вольной для своих детей. Окончил юридический и словесный факультет Киевского университета (1848). Сочинил "Азбуку" и "Народную энциклопедию" для "низшей интеллигенции". Участвовал в движении "Земля и воля". Будучи сослан в Архангельскую губ., начал заниматься социологическими исследованиями. После окончания ссылки (1869) служил в Петербурге в Государственном контроле, состоял присяжным поверенным, был председателем съезда мировых судей в Люблинской губернии.

Работы С. подвергались резкой критике со стороны Лаврова (**см.**), Де-Роберти (**см.**), Кареева (**см.**), Михайловского (**см.**).

С. считал необходимым строить социальное знание по образу и подобию естественных наук, в первую очередь биологии. Общество, считал он, в реальности являет собой единый организм, а общественные институты – его отдельные фрагменты. Неудивительно поэтому, что он полагал, что "социология необходимо уже должна быть аналогичной с физиологией".

Изображая современное ему общество в виде пирамиды – наиболее устойчивой фигуры, С. считал, что занятие политикой должно быть исключительным уделом высших общественных структур, создающих нравственные и интеллектуальные ценности. При этом, по его мнению, каждый социум, как и любой биологический организм, ограничен в собственном

существовании точно определенным запасом сил, который рано или поздно иссякает. Сравнивая процессы нравственного упадка и крушения социальных идеалов с явлениями биологического вырождения, С. был убежден, что "революционные семена" Западной Европы пагубны и чужды российской действительности.

Биологический редукционизм С. вместе с механицизмом обусловили эвристическую ограниченность его социологической концепции. Тем не менее ряд его теоретических выкладок побудил интеллектуальную мысль России к активной полемике, к дальнейшему развитию социологического теоретизирования если не через разработку концепции самого С., то через конструктивное преодоление ее.

А.А. Грицанов

СТРУВЕ Петр Бернгардович (1870-1944) – российский мыслитель, философ, экономист, правовед, историк. Студент юридического факультета Петербургского университета (с 1890), стажировался у Гумпловича в г. Граце, Австрия (1892). Сдал экстерном экзамены за университетский курс (1895). Преподавал политэкономию в Петербургском политехническом институте (1906-1917). Магистр (1913), доктор наук (1917, тема диссертации – "Хозяйство и цена"). Почетный доктор права Кембриджского университета (1916). Редактор эмигрантского журнала "Освобождение" (1902-1905). Член ЦК партии кадетов (с 1906). Депутат второй Государственной думы (с 1907). Автор концепции "Великой России" (1908). Основатель "Лиги Русской Культуры" (1917). Соавтор сборника "Вехи" (1909), соавтор и инициатор сборника "Из глубины" (1918). Член правительства у П.Н. Врангеля. С 1920 в эмиграции. В молодости – представитель "легального марксизма" (соавтор Манифеста первого съезда РСДРП), позже – приверженец идеологии либерального консерватизма. Основные работы: "Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России" (1894), "Свобода и историческая необходимость" (1897), "Марксовская теория социального развития" (1900), "К характеристике нашего философского развития" (1902), "Вехи" и "Письма" А.И. Эртеля" (1909), "Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. Сб. статей за пять лет (1905-1910)" (1911), "Заметки о плюрализме" (1923), "Метафизика и социология. Универсализм и сингуляризм в античной философии" (1935) и др. (Книга С. "Социальная и экономическая история России с древнейших времен и до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности" осталась незавершенной; рукопись работы "Система критической философии" пропала.)

Исходной посылкой творчества С. выступила полемика против идеологии народничества как "социальной утопии, углублявшей русскую некультурность". Отвергая общинный идеал русского социализма, С. отводил особую роль в грядущей коммунистической революции пролетариату, признавая при этом прогрессивность западной модели буржуазной цивилизованности по сравнению с укладом российского общества рубежа 19-20 вв. "Капитализм не только зло, но и могущественный фактор культурного прогресса, – фактор не только разрушающий, но и созидающий... Вся современная материальная и духовная культура тесно связана с капитализмом", – утверждал он. Государство, по мнению С., может выступать не только как "аппарат принуждения", но и как над- и внеклассовая "организация порядка". В рамках осознания процесса "создания культуры в общественной форме" посредством усилий государства С. подчеркивал, что "культура универсальнее государственности, национальность мягче ее". Патриотизм С. выступал в благородной ипостаси философски осмысленного национализма: "Мы любим наш народ, но не поклоняемся ему. Так можно любить человека, относясь свободно к его личности, видя ее несовершенства и болея ими. Вообще... не следует поклоняться личностям, ни индивидуальным, ни собирательным. Их следует только любить. Наш идеализм поклоняется только идее личности, ценности бестелесной". Патриотизм, осмысленный С. в духе философии В. Соловьева, лишался пороков национального эгоизма и национальной исключительности, либерализм же, к вящей радости русских прогрессистов, приобретал иное, не космополитическое измерение. ("Либерализм в его чистой форме, т.е. как признание неотъемлемых прав личности... и есть единственный вид истинного национализма, подлинного уважения и самоуважения национального духа...") "Я западник и потому – националист", – подчеркивал С. "Национальный дух" у С. – это "идея-форма", в которой и возможно культурное творчество личности.

Культура, по С., – это то поле, причастность которому обеспечивает созвучие человека, наделенного "личной годностью", мирозданию. Через активность личности мир идеалов может быть объективирован в мире действительности. "Праведная общественная деятельность" же должна служить для человека императивом личного подвига. Воспринимая существо государства как религиозное по сути, отстаивая тезис о безличной природе всякой власти, С. утверждал, что "вне отношения к Абсолютному началу человеческая жизнь есть слепая игра слепых сил". С. усматривал в интеллектуальной гипотезе о религиозности грядущей русской революции – В. Соловьев, Бердяев (см.), Дм. Мережковский и др. – отражение "богоматериализма", в значительной степени характерного для православного христианского философского мировосприятия. Последовательный выбор между "гуманистическим идеализмом" и "космическим материализмом", присущими христианству, был, согласно С., осуществлен лишь протестантизмом – определенно в пользу первого. В Европе "крушение богоматериализма" сопроводилось "крушением эсхатологии", и, по С., теперь в России "все усилия богоматериалистов направлены на возрождение эсхатологической веры, которая протестантизмом преодолена".

Трактуя собственные взгляды как "критический позитивизм", отвергающий "мнимо непобедимую" диалектику в философии и "решительный, хотя не правоверный", марксизм в социологии и политической экономии, С. не считал возможным разделять марксистские мифы о позитивности социалистической революции вообще и ее принципиальной осуществимости с пользой для народа России, в частности. Идея революции самой по себе, вне духовно-нравственного идеала, основанного на вненаучном фундаменте, не вызывала у С. исторического оптимизма. (По мысли С., "беда русской интеллигенции: рационалистический утопизм, стремление устроить жизнь по разуму, оторвав ее от объективных начал истории, от органических основ общественного порядка, от святынь народного бытия".) Революционистское истолкование гегелевской диалектики, понимание революции как "скачка из царства необходимости в царство свободы", попытки придать этому тезису статус теоретического положе-

ния, необходимо вытекающего из научных посылок и оснований, отвергались С. категорически. "Диктатура пролетариата" – "якобински-бланкистское понятие", является, по С., ничем иным как "орудием мнимо реалистического объяснения недоступного пониманию социального чуда". В контексте атрибутивных для него идей революции и диктатуры пролетариата марксизм, согласно С., – это всего лишь "чрезвычайно оригинальная форма утопизма".

По схеме С., "ахиллесовой пятой" русского марксизма является "его философия": "Маркс был вовсе не тот имеющий внутреннее родство с Кантом, Фихте, Шеллингом и Гегелем философ критического духа...; это был догматический материалист, вышедший из школы Фейербаха, но более решительно, чем последний, примкнувший к французскому материализму 18 века. Он в этом отношении прямой продолжатель французских социалистов и коммунистов, философски отправлявшихся... от материализма и сенсуализма". Марксизм, по С., вырос из несовместимых источников: а) рационализма Просвещения, стремившегося перестроить историческую действительность на основании конструкций отвлеченного разума; б) теоретической реакции отторжения и преодоления просвещенческого рационализма, результировавшейся в облике концепций общества и его форм как органического продукта стихийного, иррационального творчества, у Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, Сен-Симона (**см.**), Конта (**см.**), Ч. Дарвина и др. В итоге, по мнению С., в марксизме механический рационализм 18 в. слился с органическим историцизмом 19 в., и в этом слиянии окончательно потонула идея личной ответственности человека за себя и за мир. Социализм – в лице марксизма – "отказался от морали и разума". В основе социализма лежит идея полной рационализации всех процессов, совершающихся в обществе. "Ни индивидуальный, ни коллективный разум не способен охватить такое обширное поле и не способен все происходящие в нем процессы подчинить единому плану" (С.).

Искание правды было для С. безусловно выше извивов и цинизма партийной тактики. Теоретическим фундаментом такого мировоззрения С. явился его активный и творческий интерес к ценностям философского идеализма и его метафизики. "Философ в политике" (по определению Б. Николаевского), С. возвел собственный мировоззренческий оппортунизм, убежденность в идеалах "перевоспитания общества" в ранг философского кредо. Политика как процесс воспитания, а не принуждения, как "школа компромиссов" – такое миропонимание С. неизбежно результировалось в его отвращении к "культу силы", характерному для российской социал-демократии. С. отверг теорию и практику большевизма: "Революция, низвергнувшая "режим", оголила и разнуздала Гоголевскую Русь, обрядив ее в красный колпак, и советская власть есть, по существу, николаевский городничий, возведенный в верховную власть великого государства". При этом С. стоял на том, что России всегда будут необходимы "прочно ограждения свобода лица и сильная правительствующая власть". С его точки зрения, революция 1905-1907 привела к крушению миросозерцание, основанное на идеях личной безответственности и социального равенства. Эпоха же Возрождения России – "возрождения духовного, социального и государственного, должна начаться под знаком Силы и Ясности, Меры и Мерности...".

А.А. Грицанов

СТРУГАЦКИЕ, Аркадий Натанович (1925-1991) и Борис Натанович (р. 1933) – российские писатели. Братья А.Н. – японист, Б.Н. – звездный астроном (Пулково). Авторы ряда утопий и антиутопий, написанных в единственно возможном в СССР в 1960-1980-х жанре "научной фантастики". Тираж книг С. в СССР к концу 1980-х превысил один миллион, а количество зарубежных изданий превзошло 300. Основные произведения: "Извне" (1958), "Страна багровых туч" (1959), "Путь на Амальтею" (1960), "Стажеры" (1962), "Полдень, XXII век" (1962), "Попытка к бегству" (1962), "Далекая Радуга" (1963), "Трудно быть богом" (1964), "Хищные вещи века" (1965), "Понедельник начинается в субботу" (1965), "Сказка о Тройке" (1968 – сильно сокращенная версия, 1987), "Улитка на склоне" (1966, 1968), "Второе нашествие марсиан: записки здравомыслящего" (1967), "Отель "У Погибшего Альпиниста" (1970), "Обитаемый остров" (написан в 1968), "Пикник на обочине" (1972), "Парень из преисподней" (1974), "За миллиард лет до конца света" (1976), "Повесть о дружбе и недружбе" (1980), "Град обреченный" (1988, 1989), "Хромая судьба" (1986, 1987), "Жук в муравейнике" (написан в 1979), "Волны гасят ветер" (написан в 1984), "Отягощенные злом" (1988), "Жиды города Питера, или Невеселые беседы при свечах" (1990) и др.

Большинство сюжетов книг С. было посвящено проблематике не столько установления контакта с внеземными гуманоидными сообществами, сколько рассмотрению вопроса о допустимости и оправданности вмешательства либо невмешательства в естественную эволюцию цивилизаций любых типов. С. не только жестко обозначили всю неоднозначность возможных последствий подобных социальных экспериментов, но и особо отметили те сложнейшие и трагичные общественно-нравственные коллизии, которые неизбежно сопряжены с деятельностью исполнителей этих процедур – "прогрессоров". (Образ дона Руматы или Антона в романе "Трудно быть Богом" был изоморфен тому типу личности, в облике которой воспринимали себя – как актуально, так и потенциально – большинство диссидентов и "внутренних эмигрантов" СССР в 1960-1980-х.)

Убежденность С. в пагубности конформизма, а также редуцирования духовности к стандартизированному потреблению препарированных властью идей дополнялась ими акцентированно деидеологизированными размышлениями о характере природно-социальных закономерностей, их нелинейности и асимметричности, о неправомерности их объяснения посредством одной концептуальной описательной схемы. Осмысливая доминирующие идеологемы "развитого социализма" (модель "Града обреченного" как осуществленного коммунизма), а также неоднозначность и многомерность схем мыследеятельности людей ("Улитка на склоне" – потери, обретения и колебания Кандида), С. также адекватно оценивали и реальную значимость поисков представителей передовой науки того времени ("Отягощенные злом" как модель деятельности Московского методологического кружка – 1960-е).

Особую предсказательно-эвристическую силу имеют предположения С. о потенциальном облике социальной структуры цивилизаций, оказавшихся в состоянии управлять не только направленностью, но и темпами собственных изменений. Обозначая такой тип социума самыми разнообразными рабочими определениями, С. не только высказали ряд

предположений о принципиальной невозможности их существования вне контекста перманентной геополитической и "геокосмической" агрессивной экспансии, но и постулировали необходимость создания в их рамках сопряженных механизмов социального контроля, неумолимых в своем принципиальном имморализме и негуманизме. С. сформулировали идею о возможности существования "действительного" (в гегелевском смысле) общества будущего (мир "Островной империи") исключительно как совокупности ряда концентрически выстроенных, самодостаточных и замкнутых общественных страт, включающих в себя людей одного социального типа. Распределение индивидов (каждый из которых в любом качестве остается полноправным и уважаемым гражданином всего социума в целом) по иерархии этих слоев осуществляется принципиально безличными и предельно жесткими управленческими структурами. Диапазон базовых типов личности, репрезентирующих полный спектр каст общества в целом, варьируется от прирожденных, подлинных преступников, палачей, убийц, садистов (периферийный слой – слой, "контактирующий" с внешним миром) до высоконравственных, дружелюбных интеллектуалов и "аристократов духа", образующих "мини-социум", где оказался наконец в состоянии восторжествовать гуманизм во всех его проявлениях. Данная модель может трактоваться как своеобычное полемическое преодоление и творческая переработка предшествующей политолого-социологической традиции (как коммунистического, так и либерального толка).

Статус прогностического социально-философского и социологического творчества С. в современной культуре потенциально сопоставим с платоновской моделью государства в культуре традиционной. Творчество С. сыграло заметную роль в формировании массового инакомыслия в среде интеллигенции СССР 1970-1980-х.

А.А. Грицанов

СТРУКТУРА (лат. structura – строение, расположение, порядок) – совокупность внутренних связей, строение, внутреннее устройство объекта. Иногда в определении понятия С. добавляют, что указанные внутренние связи устойчивы и что они обеспечивают целостность объекта и его тождественность самому себе. Подобное ограничение, по-видимому, излишне, так как в некоторых отраслях знания рассматриваются объекты с переменной, нестационарной и т.п. Понятие С. и родственные ему (такие, как связь, отношение, взаимодействие) играют важную роль в общей теории систем и при использовании системного подхода в различных областях деятельности; понятие С. тесно связано с понятием "функция". См. также: **Система, Структурно-функциональный анализ.**

Н.Н. Леонов

СТРУКТУРАЛИЗМ – обозначение в целом неоднородной сферы гуманитарных исследований, избирающих своим предметом совокупность инвариантных отношений (структур) в динамике различных систем. Начало формирования структуралистской методологии датируется выходом в свет "Курса общей лингвистики" Ф. Соссюра, в котором содержатся две интенции, фундаментальные для последующего развития этого метода. Во-первых, рассматривая язык как упорядоченную от простейших до сложных уровней систему знаков, Соссюр полагает источник его способности обозначать и выражать нечто – только во взаимосвязи каждого элемента с другими, включенности элементов в определенную систему отношений. Тем самым была намечена резкая антитеза как позитивистскому атомизму, пытающемуся выделить "конкретные языковые сущности", элементарные единицы значения, из которых складывается язык, так и эволюционной лингвистике, игнорирующей синхронический аспект изучения языка в пользу диахронического. Во-вторых, в "Курсе..." было выдвинуто стратегически важное положение об отсутствии субстанции языка: даже на уровне простых звуков мы сталкиваемся не с частицей "материи" языка, а с парами взаимоотрицающих элементов, деструктивными фонемами, чистым, без носителя, различием. Начиная с 1920-х идеи Соссюра воспринимаются и развиваются в различных школах структурной лингвистики: Пражским лингвистическим кружком, Копенгагенской глоссематикой, американской дескриптивной лингвистикой. Заметно также влияние соссюрианства на гештальт-психологию и русский формализм. В 1928 выходит "Морфология сказки" В. Проппа, положившая начало структурному анализу текстов. В 1950-х работы Леви-Строса (см.) определяют новый этап в развитии метода – собственно С. (наличие философских импликаций) или "французский С." – основные представители: Р. Барт (см.), Фуко (см.), Лакан (см.). Впрочем, сам Леви-Строс не причисляет последних к "аутентичному" С., замысел которого, по Леви-Стросу, состоял в переносе конкретно-научного метода структурной лингвистики на обширное поле культурологии в целях достижения в ней строгости и объективности по типу естественных наук. Леви-Строс пытается выполнить эту задачу на материале этнографии, формализуя в терминах бинарной оппозиции и теории коммуникации системы родства примитивных народов, ритуалы, мифы и т.д. И Фуко, и Р. Барт, и Лакан работают в стороне от проекта "материализации" гуманитаристики. Фуко выявляет глубинные конфигурации языка различных эпох, анализируя в синхроническом срезе области языкознания, биологии и политической экономии. Р. Барт ищет структурно-семиотические закономерности в "языках" различных феноменов культуры (массовых коммуникаций, моды и т.п.), переходя впоследствии к описанию процессов означивания в литературных, преимущественно модернистских, произведениях. Лакан, исходя из гипотезы об аналогии функционирования бессознательного и языка, реформирует психоанализ, предлагая сосредоточиться на анализе и корректировке символических структур языка, терапевтически вмешиваясь тем самым в бессознательные аномалии.

В общем, С. может быть представлен как суперпозиция ряда определяющих для 20 в. философских стратегий: 1) десубстанциализация традиционной метафизики, систематически начатой еще И. Кантом и наиболее драматично продолженной Ф. Ницше. Утверждая, что реляционные свойства элементов отличаются доступностью для гуманитарного познания и не меньшей, если не большей, гносеологической ценностью, чем субстанциональные, С. практически оставляет за пределами внимания кантовскую "вещь-в-себе". Отсюда понимание собственного метода ведущими представителями С. как кантианства без трансцендентального субъекта или исторического априоризма. Ницшеанские декларации смерти Бога трансформируются в С. в констатации "конца Человека", "смерти Автора", неадекватности понятий "произведение",

"творчество" и т.д.; 2) экспликации внеразумных оснований разума, вехами развития которой стали работы Маркса (см.) и Фрейда (см.). Различные понятийные конструкты – "ментальные структуры" Леви-Строса, "эпистема" Фуко, "символический порядок" Лакана – претендуют на формализацию, развитие, прояснение взглядов на природу и функции бессознательного; 3) неорационализма, полемизирующего с романтическими, интроспекционистскими философскими течениями. Доминантой структуралистского мышления выступает рассмотрение всего разнообразия культурных феноменов сквозь призму языка как формообразующего принципа и ориентация на семиотику, изучающую внутреннее строение знака и механизмы означения в противоположность англо-саксонской семиологии, занимающейся преимущественно проблемами референции и классификации знаков (Пирс).

В 1970-1980-е как извне, так и изнутри усиливается критика ограниченности структуралистского метода, обусловленная его аисторичностью, формализмом, а порой крайними формами сциентизма. Принципиальная бесструктурность целого региона человеческого существования становится отправным пунктом так называемой "философии тела". Положения "позднего" Р. Барта, Фуко периода "генеалогии власти", Ж. Деррида, У. Эко, Делеза (см.), Бодрийара (см.) и др. об "открытости произведения", социально-политических контекстах "структур", переносе акцентов анализа с систем готового значения на процесс его производства с атрибутивными для них моментами разрыва и сбоя – определяют характер "второй волны" С. или постструктурализма.

А.А. Горных

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ, функциональный подход, функционализм – один из наиболее развитых и детально (от метатеории до эмпирических исследований) разработанных подходов в социогуманитарном знании 20 в., задающий принципы исследования социокультурных явлений и процессов (на уровнях общества, социума и культуры, личности, любого социального "объекта" – группы, общности, института, организации) как системно-организованной структурной целостности, в которой каждый элемент имеет определенное функциональное значение (функцию внутри этой целостности). Соотносится со структурным подходом (структурализмом), имеет с ним общие "генетические" корни и теоретико-методологические основания. В середине 20 в. структурный и функциональный анализы были переосмыслены в рамках "объединяющего" их системного подхода как два различных аспекта системного анализа, т.е. исследования систем как целостных единств, и две взаимодополняющие и взаимопроникающие друг в друга (пересекающиеся) стратегии их исследования. Это дало основания универсализировать функциональный и структурный подходы как воплощающие всеобщие принципы любого научного познания, однако релевантной им областью остается, все же, социогуманитарное знание. При этом если структурный анализ в различных своих версиях активно проникал в гуманитарное знание (а во многом и зарождался в нем) – прежде всего в лингвистике и литературоведении, то собственно С.-Ф.А. и возник, и локализовался прежде всего в социальном знании (главным образом, в социологии и британо-американской антропологии).

В социологии структурный подход акцентирует аспект социальной структуры (целостность взаимосвязанных элементов, процессы воспроизводства), а функциональный – аспект социальной организации (принципы соотнесения и функционирования элементов) социума, общества как системы в целом.

Центральным для С.-Ф.А. является понятие функции, которая рассматривается в нем в двух аспектах: 1) как "назначение" ("роль") "одного" из элементов некоторой целостности по отношению к "другому" или к целостности (системе) в целом; 2) как такая зависимость в рамках данной целостности (системы), при которой изменения "одного" оказываются производными (функцией) от изменений "другого" (на уровне прикладных и (или) статистических анализов эта зависимость описывается через взаимоотношения зависимой и независимой переменных). В этом (втором) случае вводится понятие функциональных (функционально-организационных) связей (отношений, зависимостей) в ряду причинных, структурных, генетических связей внутри системы (а также между системами, системой и средой). Соответственно выделяются и процессы функционирования (поддержания организации-организованности, порядка) наряду с процессами производства (ресурсов), воспроизводства (структуры), в совокупности обеспечивающие стабильное существование системы (целостности) и соотносимые с процессами ее изменения и развития (как в результате "естественной" эволюции, так и вследствие специально предпринимаемых ("искусственных") усилий.

В своем развитии С.-Ф.А. прошел ряд этапов становления и представлен несколькими основными версиями: 1) предысторию С.-Ф.А. связывают с идеями органицизма в социологии, прежде всего с именем Спенсера (см.); 2) основы С.-Ф.А. ("его прообраз"), его исходные методологические принципы заложил Дюркгейм (см.) и его школа; 3) так называемый "ранний" функционализм представлен Британской школой антропологии – прежде всего Радклиф-Брауном (см.) и Малиновским (см.); 4) собственно классический американский структурный функционализм стал формироваться с 1930-х под влиянием круга идей Сорокина (см.) (прежде всего Парсонсом – см.); в это же время конституируются методологически близкие ему статусно-ролевые теории личности; 5) в конце 1940-х основные идеи С.-Ф.А. были переинтерпретированы в терминах системного подхода; 6) 1950-1960-е – время доминирования С.-Ф.А. в социологии в виде двух его основных версий: функционального императивизма Парсонса и функционального структурализма Мертона (см.); в это же время происходит экспансия методологии С.-Ф.А. далеко за пределы социологии и антропологии, она начинает трактоваться не только как "подлинно" социологическая, но и как общенаучная методология (например, Хоманс рассматривал ее как новый язык описания в социогуманитарном знании, а Гемпель трактовал ее как широкую исследовательскую программу); основное оппонирование С.-Ф.А. встретил в это время со стороны социологии конфликта – Козер (см.), Дарендорф (см.) – и "критической теории" Франкфуртской школы (см.); 7) со второй половины 1960-х нарастает критика С.-Ф.А. с разных теоретико-методологических позиций как внутри социологии (в меньшей мере – в антропологии), так и в общенаучной методологии. Особенно характерно в этом отношении возникновение различных версий "альтернатив-

ной" и "радикальной" социологии – Миллс (см.), Гоулднер (см.), социология контркультуры, "новые левые", – а прежде всего усиление тенденций к конституированию методологических разработок внутри так называемой "гуманистической перспективы" (концепция конструирования реальности Бергера (см.) и Лукмана (см.), этнометодология, когнитивная социология и т.д.); условно этот период можно назвать "фальсификационным" по отношению к версиям классического С.-Ф.А.; 8) в эти же годы (с середины 1960-х) происходит кардинальное переосмысление основ С.-Ф.А. с позиций социологии социальных изменений – Турен (см.), П. Штомпка и др., что привело к замене системно-организационных моделей описания социума системно-процессуальными, влиятельными в 1970-1980-е не только внутри социологического знания, но и пытавшимися предложить новую методологию социального познания в целом; потенциально возможность "процессуального" прочтения функционализма была предзадана еще в интегральной социологии Сорокина и в теории социального действия Парсонса; 9) в постклассической перспективе (особенно с 1980-х) установки С.-Ф.А. оказались в целом "сняты" в различных версиях постструктуралистски ориентированной социологии – Фуко (см.), Бурдье (см.), Гидденс (см.) и др., – методологического индивидуализма (Р. Будон), теории коммуникативного действия (Хабермас – см.), поздней философской антропологии (в этом отношении показательна творческая эволюция Х. Шельски); наиболее же адекватно ряд принципиальных положений С.-Ф.А. воплотился в перспективе постклассической социологии в концепции референции Лумана (см.), которую иногда трактуют как особую разновидность функционализма; однако если в теоретических дискурсах С.-Ф.А. (во всяком случае в своем классическом виде) утратил к настоящему времени сколь-нибудь заметное влияние, то прикладная методология, разработанная в его рамках, продолжает занимать доминирующие позиции в конкретных эмпирически ориентированных социологических исследованиях (успешно конкурируя с методами качественного анализа и методическими разработками, конституированными в традиции этнометодологии и близких ей направлений).

В историко-социологической ретроспективе, восстанавливая определенные "линии" преемственности (точнее – наследования), можно с достаточным на то основанием утверждать, что "линия С.-Ф.А." является в социологии, фактически, дисциплинообразующей. Она охватывает (в неэксплицитном виде) весь период классической социологии (от Спенсера до Дюркгейма), эксплицитно – весь период неклассической социологии (от Радклиф-Брауна и Малиновского через Сорокина к Парсонсу и Мертону), а частично "проникает" и в постклассический период ее развития (системо-процессуальные модели, концепция Лумана). Она наиболее адекватно воплотила в себе конституирующий для социологии принцип социологизма, впервые отчетливо артикулированный Дюркгеймом (см.), и в этом отношении иные теоретико-методологические версии социологии могут быть осмыслены как в разном отношении и с разной степенью последовательности оппонирующие ей (вплоть до наиболее радикального противостояния ей, задаваемого "линией" понимающей, а затем и феноменологической социологии). Это положение сохранялось вплоть до перехода социологии в постклассическую фазу ее развития. Более того, теоретико-методологические кризисы, которые переживала эта "линия" развития социологии воспринималась как изнутри, так и вне социологии как кризис социологии как таковой, вплоть до постановки под вопрос самой возможности ее конституирования как отдельной научной дисциплинарности (кризис классической позитивистско-дюркгеймовски ориентированной социологии в 1920-х; кризис собственно С.-Ф.А. в конце 1960-х – 1970-е, которая воспринималась как неоклассика в рамках неклассической социологии). При этом социологизм в целом и С.-Ф.А., в частности, в историко-социологической ретроспективе воспринимаются как дискурсы "стабилизационного", а не "кризисного" сознания.

О роли и "весе" С.-Ф.А. в истории социологической мысли свидетельствует и то, что он стал чуть ли не основным "мальчиком для битья" в постклассической перспективе со стороны современных социологически ориентированных дискурсов (будучи в этом качестве мифологизирован наряду с "позитивизмом" и "натурализмом" и встроен в единый с ними ряд, презентирующий то, как не должна строиться современная теоретическая социология). Здесь собственно содержательный анализ С.-Ф.А. отходит на второй план и в "пылу" полемики часто забывается, что и для современных теоретических дискурсов С.-Ф.А. (при его расширительном понимании как "звена в цепи" "линии" социологизма) является "родовым пятном" в смысле конституирования основных концептов социологических дискурсов как таковых, что можно обнаружить именно (и только) в содержательных анализах. В этом случае обнаруживается, что "ведущаяся уже в течение века дискуссия по поводу функционализма уходит корнями в неявный органицизм, сопутствовавший этой концептуальной перспективе. Количество неявных организационных допущений зависело лишь от того, чья схема подвергалась рассмотрению" (Дж. Тернер).

Согласно Тернеру, из органицизма С.-Ф.А. наследовал представления об обществе как: 1) органической саморегулирующейся системе, стремящейся к гомеостазису и равновесию; 2) аналогичной организму самообеспечивающейся системе, обладающей определенными базисными потребностями и нуждами, без удовлетворения которых невозможно его выживание, сохранение гомеостазиса или равновесия; 3) целостности, пребывающей в состоянии постепенного (и непрерывного) наращивания своей сложности и дифференциации своих частей (и функций); 4) состоящем из взаимозависимых частей, когда изменения в одной части влекут за собой изменения в других частях. Эти теоретические допущения Спенсера были переинтерпретированы Дюркгеймом в духе социального реализма о приоритете целого над его частями и дополнены тезисом о "нормальных" и "патологических" (аномических) состояниях целостностей с точки зрения их "функциональных потребностей", что предполагает введение допущения о наличии точек равновесия в системах, вокруг которых и осуществляется их нормальное функционирование. (Согласно С.-Ф.А., "объясняя социальный феномен, мы должны отличать порождающую его причину от выполняемой им функции".) Тезис функционализма был дополнен Дюркгеймом тезисом социологизма, требовавшим объяснять социальное, исходя из самого социального (по типу функциональных зависимостей), не прибегая к "внешним" причинам (и к редукции социального к психологическому или индивидуальному), а также концепцией органической и механистической солидарности (вводящей представление о разных типах самих функциональных связей).

Лидером функционального анализа в антропологии явился Радклиф-Браун, стремившийся преодолеть телеологизм предшествовавших анализов смещением их акцентов на аспект структурности общества (он ввел сам термин "социальная структура"). Функциональные отношения трактовались им как направленные на поддержание необходимой минимальной интеграции частей общества, обеспечение отношений солидарности внутри целостностей (тезис функциональной совместимости элементов в системе или постулат универсальной функциональности). Жизнь общества ("социальной системы", замененной в его более поздних работах понятием "культура") в ее динамике трактовалась Радклиф-Брауном как результат взаимосоотнесения взаимодействий индивидов (уровень "социальной структуры") и взаимодействий деятельностей (уровень "социальной организации"), порождающий импульс к развитию общества (как смене им своего типа). Другой основоположник Британской антропологической школы – Малиновский – ввел в оборот сам термин "функционализм" и сместил фокус анализа с собственно социума на культуру. Сама культура при этом трактовалась как собрание артефактов (продуктов деятельности) и организующих социальную жизнь традиций (предписывающих адаптивные нормативные образцы поведения), формирующих индивидов и позволяющих группам поддерживать интегрированность и преемственность, т.е. целостность общественной жизни. По сути, работы Дюркгейма, Радклиф-Брауна и Малиновского обозначили основные рамки и перспективы (видения и их горизонты) всего функционализма 20 в., акцентировав проблематику поддержания равновесия в устойчивых системах (и задав, тем самым, "дискурс стабилизационного сознания"). Однако классический американский С.-Ф.А. не может быть адекватно понят без еще одной "прививки", сделанной Сорокиным, детально проанализировавшим в их соотнесенности и конституирующей роли по отношению к обществу три его системообразующие составляющие, – социум и личность, соотносимые "внутри" определенной культуры (хотя впервые в своем различении они были проанализированы все же Малиновским), презентирующей ту или иную суперсистему ("чувственную", "умозрительную" или "идеалистическую"), находящуюся в определенной фазе своего развития (но всегда соотносящую в себе в конкретном единстве язык, этику, религию, искусство и науку). Однако если Сорокин в своем проекте интегративной социологии двигался в сторону культурсоциологии ("объективно" выводившей за рамку социологизма и неоклассической социологии вообще), то Парсонс, исходивший из аналогичных методологических установок и не без влияния первого, акцентировав аспект "социальности", собственно и оформил неоклассический дискурс С.-Ф.А.

Парсонс в своем функциональном императивизме исходил из того, что любая система имеет две оси ориентации: 1) ось различения внутреннего-внешнего (акцентирование либо своих собственных проблем, либо событий окружающей среды); 2) ось различения инструментального-консумматорного (акцентирование либо сиюминутных "средств", либо долгосрочных ("самодостаточных") потребностей-целей). Ориентация по этим осям порождает адаптацию и целедостижение (ориентация "вовне"), интеграцию и регуляцию как поддержание образца взаимодействия (ориентация "вовнутрь") как функциональные императивы, характеризующие любые системы на любых уровнях их существования, как и их подсистемы, специализирующиеся на обеспечении одной из этих четырех функций и имеющие также свои собственные императивы. Социум (социальная система) может быть охарактеризован как система функционально взаимосвязанных переменных, исходно задающихся на уровне потребностей личности (система личности) и обеспечиваемых нормативно-ценностной системой культуры, обеспечивающей акторов средствами и технологиями поддержания социального порядка, т. е. поддержания равновесия, устойчивости и консенсуса внутри общества в целом и на каждом уровне и в каждой подсистеме его организации. Непосредственными механизмами усвоения норм и интернализации ценностей выступают стабилизирующие целостности всех типов, способы социализации и социального контроля, легитимированные в организации деятельности и в институционализации социальных процессов. Любая система есть устойчивый комплекс повторяющихся и взаимосвязанных действий, а анализ любого процесса должен проводиться, соответственно, как часть исследования некоторой системы с "сохраняющимися границами". Социальный нормативный порядок есть, следовательно, результирующая тенденций любых целостностей к самосохранению (через поддержание собственной структуры по определенным образцам действия, независимо от колебаний в отношениях системы со внешней средой) и к сохранению границы и постоянства по отношению к внешней среде (сохранение гомеостазиса), поддерживаемых в системности социального действия. Последнее развертывается между личностью и социальной системой в пространстве (поле выбора) между организмически генетически предзаданным и символическими образцами культуры; оно понимается как открытая система, реализующая четыре системные потребности: адаптацию, целеполагание, интеграцию и регуляцию – латентное поддержание образца. "Поле выбора" для действующего актора задается как многомерно простроенное по координатам: 1) универсализм – партикуляризм, 2) эмоциональность – нейтральность, 3) достижение – предписывание, 4) диффузность – специфичность, но закрепляемое в своей "неизменности" во времени как "сеть позиций" – "ролевых статусов". Каждому из последних предписывается определенное ожидаемое поведение по культурой закрепленным, обеспеченным системой санкций, легитимированным нормативным образцам.

В результате С.-Ф.А. должны быть: 1) получены разветвленная и сложносоподчиненная типологии связей частей и элементов друг с другом и с целым, 2) прописаны возможные и допустимые (в смысле сохранения стабильности) состояния социальной системы (системы систем) в целом, 3) определены репертуарные наборы функций (подлежащих реализации через системы действий), 4) осуществлен вывод полученных результатов на уровень исследования переменных в конкретных исследованиях. На методологическом уровне основная проблематика С.-Ф.А. была осознана как изучение отношений между классом структур и классом функций. Она конкретизировалась, в свою очередь, в проблемы функциональной необходимости и функциональных альтернатив действия. Понятие функциональной необходимости исходит из представления о том, что возможно определить минимум функциональных требований, которым должна удовлетворять система (общество), чтобы стабильно функционировать в "нормативном" режиме.

Понятие функциональных альтернатив, введенное Мертоном (в иных версиях – функциональные эквиваленты, функциональные субституты, функциональные аналоги), схватывает "поле" возможных вариантов исполнения действия при данном наборе структурных элементов. В этом контексте Мертон различил функциональные потребности и структурные альтернативы, которые могут удовлетворить эти потребности, и снял требование однозначного соответствия функций структурной единице, в целом смещая при этом проблематику С.-Ф.А. в область исследования социальной структуры и ее влияния (через структурные регулятивы) на социальное действие (отсюда и определение его концепции как функционального структурализма). Полное "функциональное единство", с его точки зрения, – недостижимый ни в одной системе идеал, так как в ней всегда присутствует диссонирующее ей начало, которое он обозначил через понятие дисфункции (то, что функционально для одной части системы, может быть дисфункционально для другой, и наоборот). В этом же ключе Мертон подверг критике тезис об "универсальности функционализма", показывая, что в реальности каждый образец в системе не является исключительно функциональным, а есть, скорее, институциализированное выражение достигнутого в деятельности функционально-дисфункционального баланса. Еще одно важное уточнение классического функционализма, осуществленное Мертоном, – введение разграничения "явных" и "латентных" функций (последние суть неинтенциональные и неосознаваемые социальными акторами объективные для системы следствия их действий). Внося эти изменения в С.-Ф.А., Мертон стремился, с одной стороны, "снять" критику в адрес классического функционализма, а с другой – вывести его на уровень теории среднего уровня, позволяющей непосредственно выходить на анализ эмпирических фактов. "Латентно" Мертон задал дополнительный импульс уже обозначившейся тенденции к переинтерпретации теоретико-методологических основ С.-Ф.А. в терминах системно-процессуальных моделей (предполагающих в том числе и "втягивание" внутрь себя абсорбированной проблематики социологии конфликта; сам Мертон "вернул" в традицию С.-Ф.А. специфически им переинтерпретированное понятие аномии, изгнанное из него под воздействием установки на "интегративно-равновесный" характер социальной системы и общества в целом). Таким образом, уже в поздних версиях самого С.-Ф.А. наметилась тенденция к интеграции его с другими парадигмальными разработками в постклассической перспективе социологии (в этом смысле примечательно замечание Мертона о том, что любой социолог в определенной мере структурный функционалист, коль скоро он социолог). Однако, с другой стороны, в этой же перспективе была осознана вся пагубность "замыкания" дисциплинарного дискурса на одну, пусть и "детально" простроенную, теоретико-методологическую парадигмальность (другой пример такого "замыкания" – марксистская ориентация советской социологии).

Тем не менее в истории социологической мысли С.-Ф.А. остается примером чуть ли не единственной эффективной разработки универсалистски-экспансионистски (по отношению к другим социально-дисциплинарным дискурсам) ориентированной методологии, возникшей на собственном теоретическом основании (более того, при последовательном оппонировании философскому знанию).

В.Л. Абушенко

"СТРУКТУРНЫЕ ДЫРЫ" – отсутствие связей между двумя партнерами эго, или фокального актора, одно из основных понятий структурной теории конкуренции гарвардского (ныне чикагского) социолога Рона Барта (1992). Теория основана на идеях силы слабых связей, значимости посредничества в социальной сети (см.), теории эксклюзивного обмена, а также на различении трех форм капитала – финансового, человеческого и социального. Бэрт отталкивается от следующих фактов: поиск работы наиболее эффективен через посредство слабых связей; в сети деловых отношений присутствуют многочисленные нетранзитивные (открытые) триады, запрещенные в теории сбалансированных отношений; окружающие признают властные полномочия за сотрудниками, имеющими эксклюзивные контакты; прослеживаются связи между показателями посредничества и лидерским положением в организации. Бэрт показывает особую роль социального капитала (знакомств) в условиях несовершенного рынка и ограниченных инвестиций. Наличие большого количества знакомств дает индивиду преимущества в получении информации. Ключевым понятием для Бэрта являются "С.Д.", трактуемые им как каузальный механизм, связывающий сеть связей с экономическими и социальными преимуществами. Индикаторами "С.Д." являются ограничения (инвестиции времени и усилий в каждый контакт "эго" с учетом степени достижимости этого контакта через другие связи "эго") и иерархия (зависимость ограничений от одного контакта). Альтернативный подход связан с концептуализацией полного размера эго-сети (см.) как суммы эффективного размера и избыточности. Избыточность контактов (redundancy) – это их тенденция предоставлять эго-актору одну и ту же информацию. Она быть обусловлена прямыми связями между контактами данного индивида ("эго"), что характерно для сплоченных сетей, и общими связями непосредственных контактов с третьими лицами, т. е. структурной эквивалентностью. Чем больше эффективный размер сети, тем больше "С.Д." и тем больше возможности "эго" в условиях ограниченных ресурсов.

Теория Бэрта популярна в экономике, экономической и организационной социологии, о чем свидетельствуют высокие индексы цитирования. Однако математический аппарат теории запутан. С. Боргатти обнаружил неточности в формулах для расчета эффективного размера эго-сети и тавтологии в определении основных мер, что ставит под сомнение верифицируемость теории. Неясны концептуальные связи индикаторов "С.Д." и других сетевых показателей. Другой проблемой является малочисленность независимых массивов данных для проверки теории в организациях разной структуры.

С.В. Сивуха

СТРУКТУРНЫЕ УРАВНЕНИЯ – метод моделирования отношений между несколькими переменными – зависимыми (далее – ЗП) и независимыми (далее – НП), измеренными и латентными, непрерывными и дискретными, – оформившийся в 1970-х в работах статистиков (К. Йореског и Д. Сёрбом), социологов (Г. Блэлок, О. Дункан), эконометристов (А. Голдбергер) и психометристов (П. Бентлер). В литературе С.У. иногда выступают под именем анализа ковариационных структур, моделирования симультанных уравнений и каузального моделирования (последнее обозначение не только неудачно, но и ошибочно). Отношения между переменными представляются в виде системы линейных уравнений, обычно

в матричной форме. В отличие от традиционной прикладной статистики, в которой моделируются связи между переменными или индивидами, С.У. оценивает отношения между матрицами ковариаций между переменными. Основная цель анализа – проверка соответствия теоретических моделей эмпирическим данным. В этом случае оценивается расхождение между выборочной ковариационной матрицей и матрицей, предсказанной моделью. Другими целями могут быть оценка прямых и опосредованных эффектов, параметров модели, общей дисперсии, объясняемой моделью, надежности и валидности индикаторов, различий между группами, кривых латентного роста в лонгитюдных исследованиях. Качество моделей оценивают с помощью индексов пригодности (статистически значимые показатели указывают на непригодность модели для описания данных), большинство из которых основаны на статистиках χ^2 и максимального правдоподобия; ряд индексов скорректирован на объем выборки, количество оцениваемых параметров или степеней свободы; используются статистики, производные от остатков (ошибок) модели.

В своей полной форме С.У. включают три типа переменных: латентные (теоретические конструкты), измеряемые и ошибки. Отношения между переменными в модели представлены структурными параметрами. Слово "структурный" означает, что параметры не просто описывают реальность, а отражают теоретически заданные (иногда каузальные) связи между переменными.

В С.У. выделяют две частных модели: модель латентных переменных, чаще, несмотря на тавтологию, называемую структурной, и модель измерения. Структурная модель представляет собой систему регрессионных уравнений, известную под названием путевого анализа (см. **Анализ регрессионный**). В отличие от регрессионного в путевом анализе несколько НП могут одновременно влиять на несколько ЗП, и последние могут влиять друг на друга. Регрессионный анализ позволяет статистически контролировать влияние переменных и является основным средством исследования каузальных отношений в неэкспериментальных науках, к которым относится социология. Снятие ограничений на связи между зависимыми переменными, достигнутое в путевом анализе, делает метод адекватным для моделирования многомерных социальных систем.

Модель измерения, заимствованная их психометрики, позволяет учитывать ошибку измерения, оценивать надежность и валидность индикаторов латентных переменных (конструктов). Большинство понятий социологии – статус, власть, неравенство, образование и др. – являются конструктами. Эксплицитное введение в модель ошибок измерения позволяет получать более валидные оценки эффектов, а пренебрежение ошибками приводит к искажениям оценок, предвидеть которые в общем случае невозможно. Модель измерения представляет собой конфирматорный факторный анализ (см. **Валидность**).

Ковариационный, дисперсионный и некоторые другие методы анализа можно также представить как частный случай С.У. В последние годы разработаны модели для латентных механизмов, генерирующих отсутствующие значения (напр., отказы респондентов). Указанные особенности делают метод уникальным и беспрецедентно универсальным.

Предположениями модели С.У. являются многомерная нормальность переменных, в том числе отсутствие экстремальных значений, и линейность связей между переменными. В случае нарушений линейности переменные преобразуются (логарифм, возведение в степень, обратные значения). Еще одним требованием, необходимым для недвусмысленной оценки параметров, является идентифицируемость, т. е. превышение количества единиц наблюдения (ковариаций) над количеством оцениваемых параметров. Во многих случаях для целей идентификации приходится фиксировать некоторые параметры (устанавливать их равными определенным значениям).

Для начинающих исследователей трудность в освоении С.У. связана с тем, что в общей форме они представляются на языке матричной алгебры, а в простых моделях – на языке ковариационной матрицы. Имеется много компьютерных программ для структурного моделирования: EQS, LISCOMP, LISREL, COSAM, AMOS и др. Модули для структурного анализа включены в профессиональные пакеты статистических программ (SAS, SPSS, STATISTICA и др.).

Наиболее популярна программа LISREL, разработанная Йореского и Сёрбомом. LISREL состоит из трех программ, одна из которых (PRELIS) предварительно преобразует сырые данные в форму ковариационных матриц, а две другие оценивают модели, заданные на языке матриц (LISREL) или уравнений (SIMPLIS). Принятая авторами система обозначений восьми типов матриц параметров (матрица коэффициентов регрессий латентных ЗП на другие латентные ЗП, матрица коэффициентов регрессий латентных ЗП на латентные НП, матрица факторных нагрузок латентных ЗП на индикаторы, то же для латентных НП переменных, матрица ковариаций между латентными НП, матрица ковариаций между ошибками предсказания ЗП, матрица ковариаций между ошибками измерения ЗП, то же для НП) с помощью латинских и греческих букв часто используется в зарубежной социологической литературе "по умолчанию".

Бум анализа с использованием С.У. наблюдался в зарубежной социологии в 1980 – начале 1990-х и к настоящему времени сменился периодом разочарования и недоверия. Частично это связано с неграмотной интерпретацией С.У. как средства обнаружения и верификации каузальных связей (см. **Каузальное моделирование**), частично с большой сложностью и высокими требованиями к статистической и математической подготовке исследователей. Последнее ограничение частично снято с появлением нового поколения гибких программ, позволяющих задавать модели графически, посредством нажатия кнопок мыши (AMOS в SPSS и особенно EQS) и появлением новых, более простых формулировок. Напр., в модели Бентлера используются только 3 типа матриц вместо 8 у Йореского и Сёрбома.

С.В. Сивуха

СУБКУЛЬТУРА – система норм и ценностей, отличающих группу от большинства общества. С. (подкультура) – понятие, характеризующее культуру группы или класса, которая отличается от господствующей культуры или же является враждебной этой культуре (контркультура). Современное общество, базирующееся на разделении труда и социальной стратификации, представляет собой систему многообразных групп и С., находящихся в весьма различном отношении друг к другу (например, молодежная С., различные профессиональные С. и др.). Под С. понимают также – (1) совокупность

некоторых негативно интерпретированных норм и ценностей традиционной культуры, функционирующих в качестве культуры преступного слоя общества (делинквентная подкультура), (2) особая форма организации людей (чаще всего молодежи) – автономное целостное образование внутри господствующей культуры, определяющее стиль жизни и мышления ее носителей, отличающееся своими обычаями, нормами, комплексами ценностей и даже институтами (М. Брейк, Р. Швендтер), (3) трансформированная профессиональным мышлением система ценностей традиционной культуры, получившая своеобразную мировоззренческую окраску. Д. Даунс различает С., возникающие как позитивная реакция на социальные и культурные потребности общества (профессиональные С.), и С., являющиеся негативной реакцией на существующую социальную структуру и господствующую в обществе культуру (делинквентные и некоторые молодежные С.).

В целом современные С. представляют собой специфический способ дифференциации развитых национальных и региональных культур, в которых наряду с основной классической тенденцией существует ряд своеобразных культурных образований, как по форме, так и по содержанию отличающихся от ведущей культурной традиции, но являющихся в то же время прямым генетическим порождением последней. С. формируется под влиянием таких факторов, как социальный класс, этническое происхождение, религия и место жительства. Социальной базой формирования С. могут быть возрастные группы, социальные слои, крупные неформальные объединения. Различают официальные и неофициальные С.

С. характеризуются обязательными попытками формирования собственных мировоззрений, оппозиционных (не обязательно враждебных) мировоззрениям других социальных групп или поколений, и своеобразными манерами поведения, стилями одежды и прически, формами проведения досуга и т.д. Использование этого термина не предполагает, что группа культур непременно конфликтует с господствующей в обществе культурой. С. призвана держать социокультурные признаки в определенной изоляции от "иного" культурного слоя. Во многих случаях большинство общества относится к С. с неодобрением или недоверием. Эта проблема может возникнуть даже по отношению к уважаемым С. врачей или учителей. Но иногда группа активно стремится выработать нормы или ценности, которые противоречат основным аспектам господствующей культуры. На основе таких норм и ценностей формируется контркультура. Ценности контркультуры могут быть причиной длительных и неразрешимых конфликтов в обществе. Однако иногда они проникают в саму господствующую культуру – главным образом через СМИ, где эти ценности стали менее вызывающими, поэтому менее привлекательными для контркультуры и, соответственно, менее угрожающими для культуры господствующей (например, распространение элементов С. хиппи в доминирующей культуре в США). В ряде случаев, однако, группы, поставленные в невыгодное, неравноправное положение в обществе или временно лишенные свободного доступа к культурному наследию и возможностей для саморазвития, развивают упрощенные формы культуры, заменяющие ее нормальные, естественные формы и в той или иной степени противостоящие культуре как целому. Таковы, например, С. преступных групп и организаций типа мафии, С. религиозных сект и изолированных утопических коммун. Молодежь развивает собственную С., в частности, создает свой жаргонный язык, моду, музыку, нравственный климат – более богатую в некоторых случаях, чем культура взрослых. Ее особенности объясняются, с одной стороны, избытком жизненной энергии, богатством воображения у молодежи, а с другой – отсутствием у большинства экономической и социальной самостоятельности. Важным принципом структурализации культуры является деление на столицу и провинцию (или периферию), которое в значительной степени сказывается на жизни всякого общества, где существует сильная централизация политической и культурной регуляции. Большей частью провинциальная культура рассматривается как второстепенная, зависимая от столичных веяний и неполноценная, от которой активные элементы стремятся уйти в столицу. Особое внимание среди С. вызывают различные нонконформистские типы отношений молодежи к обществу, диссидентские или альтернативные движения. Эти движения могут различаться как по классовому признаку (рабочая молодежь или "богема"), так и по отношению к перспективам общественного развития ("движение зеленых"). К разряду С. следует причислить и миграционные группы из инородной этнической среды, нетрадиционные религиозные группы и т.д.

За последние десятилетия в развитых индустриальных странах Запада устойчивое признание получили феминистские движения. Эти движения не ограничиваются социальными или политическими требованиями. Они выдвигают и требования изменения обжитого типа культуры, в котором, по их мнению, преобладают "патриархальная" и "мужская" С., способствующие доминированию соответствующих эмоций и ориентаций, а в результате приводят к поощрению насилия, разладу в отношениях между людьми. Особую С. образует жизнь улицы, толпы, трущоб, криминальной среды и т.п. Именно в этой сфере проводятся исследования интереса людей к бульварной литературе, вульгарному языку, заборным надписям и рисункам.

Некоторые из наиболее интересных исследований С. посвящены языку. Например, У. Лабов (1970) старался доказать, что употребление нестандартного английского языка детьми из негритянского гетто не свидетельствует об их "языковой неполноценности". Лабов считает, что негритянские дети не лишены способности общаться, как белые, просто они употребляют иную систему грамматических правил, укоренившихся в С. негров. Проблему С. возможно рассмотреть в рамках концепции социализации. Предполагается, что приобщение к культурным стандартам, вхождение в мир господствующей культуры – процесс сложный и противоречивый. Он постоянно наталкивается на психологические и иные трудности. Это порождает особые жизненные устремления, например, молодежи, которая из духовного фонда присваивает себе то, что отвечает ее жизненному порыву. Манхейм констатировал, что С., хотя и возобновляются постоянно в истории, выражают процесс приспособления к господствующей культуре. В такой системе рассуждений С. лишаются своего преобразовательного статуса. Они являются эпизодом в историческом становлении культуры и интересны тем, что выражают некое преходящее отклонение от главного пути. Понятие С. помогает изучению процессов дифференциации и интеграции культуры, происходящих под воздействием урбанизации, профессионализации ряда социальных групп, усиле-

нию социальной мобильности, приводящей к отрыву от культурных традиций.

И.Н. Красавцева

СУБЪЕКТ МАЛОГО БИЗНЕСА в переходной экономике – физическое или юридическое лицо, испытывающее повышенные риски в осуществлении предпринимательской деятельности в связи с неоформившимся законодательством в экономической и правовой сферах, а также в связи с социально-психологическим отторжением этой деятельности основной массой населения, занятого в общественном производстве.

Согласно статистическим данным 2001, в Беларуси в сфере малого бизнеса работали 7,6% от всех занятых в экономике, а объем произведенной продукции (работ, услуг) составил 15,5% от всего объема ВВП, что говорит о высоких потенциальных возможностях малого бизнеса и о необходимости со стороны государства обеспечения условий, стимулирующих расширение предпринимательской деятельности за счет действенных налоговых и денежно-кредитных механизмов.

Согласно результатам сплошного социологического опроса, проведенного автором в Брестской области (2002), собирательный образ современного белорусского предпринимателя – это мужчина в возрасте 30-39 лет, со средним специальным или высшим образованием, нередко имеющий опыт руководящей работы, состоящий в зарегистрированном браке и имеющий одного-двух детей. Основная сфера деятельности – торговля, в которой заняты 63,5% опрошенных, далее следуют коммерческо-посредническая деятельность – 16,8%, производство продукции – 10,2%, консультативная и финансово-кредитная деятельность – 2,9% и 2,3% соответственно, прочие виды деятельности – 3,2%. В условиях переходной экономики, характеризуемой отсутствием рыночной инфраструктуры, необходимой для развития предпринимательства, а также относительно низкого уровня денежных накоплений и практического опыта, такая сфера малого бизнеса, как производство продукции, не играет той роли, которая ей полагается как двигателю экономического прогресса.

Нестабильное законодательство в экономической и правовой сферах формирует скорее пессимистичное отношение предпринимателей к происходящим в республике экономическим переменам. Одобряя в целом новые экономические реформы, они тем не менее не видят перспектив для себя. Так, 79% предпринимателей считают, что государство должно обеспечивать лишь общее направление экономических преобразований, а 17% отметили необходимость их жесткого регулирования. В становлении нового типа экономики частный сектор, по мнению почти половины респондентов, должен получить приоритетное развитие. Несовершенство законодательной базы приводит к тому, что 1/3 респондентов считают практически невозможным заниматься бизнесом не нарушая законодательства, а 2/3 – что можно, но с большим трудом.

Переход от плановой к рыночной системе хозяйствования породил не только новый социальный слой бизнесменов, но и достаточно устойчивые системы по сути криминализированных экономических отношений. В выигрыше, согласно выражению М. Вебера (**см.**), оказывается капитал, "ориентированный на политику", т.е. на внешнеэкономические структуры и формы деятельности. "Сращенность" капитала с властными структурами любого масштаба выступает своего рода гарантией получения различных льгот, а нередко и защиты от справедливого наказания. Государственно-управленческая должность сама по себе превращается в средство предпринимательства, т.е. в средство извлечения прибыли, связанное с риском.

Столкнувшись с реалами "свободного" рынка, жесткой (часто недобросовестной) конкуренцией, предприниматели мало верят, что состояние появившейся прослойки богатых людей нажито честным и добросовестным трудом или же получением богатого наследства. По мнению 2/3 респондентов нынешние нувориши разбогатели посредством жульнических махинаций, благодаря удачному стечению обстоятельств, в результате преступных действий, за счет использования служебного положения. Финансовую сторону своего бизнеса 1/2 опрошенных предпринимателей оценивают ненадежным, что можно объяснить и чисто психологическим фактором, связанным с ежедневным коммерческим риском.

Учитывая, что сегодня в массовом сознании доминирует негативный образ "нового белоруса", предпринимателям было предложено назвать положительные и отрицательные качества, присущие им самим. В абсолютном большинстве ими были отмечены в качестве положительных – энергичность и инициатива, трудолюбие, хорошие организаторские способности, профессионализм и компетентность. В качестве отрицательных свойств, выделенных почти половиной респондентов, – готовность "обходить" законы, стремление к легкой наживе, рвачество и способность пойти на правонарушения ради обогащения, зависть и "нечестная конкуренция".

Таким образом, С.М.Б. переходного периода экономики во многом формируется издержками этого периода – этапом, который М. Вебер называл "архаическим капитализмом". Суть этого этапа состоит в том, что возникает и используется возможность обогащаться любыми способами в условиях еще не сложившегося законодательства, неразработанных социальных норм и моральных стандартов. Совершенствование нормативно-правовой базы и лояльная по отношению к малому бизнесу политика государственных структур – необходимые предпосылки успешной деятельности предпринимателей.

И.А. Андрос

СУГГЕСТИЯ (внушение) – форма межличностного и межгруппового общения (**см.**), при котором передача информации (**см.**) происходит посредством частично неосознаваемого, направленного сигнала на вербальном и/или невербальном уровнях. Отличается от убеждения сниженным уровнем критичности и потребности в верификации (**см.**) информации. Внушаемость, или подверженность суггестивному воздействию, зависит от состояния сознания суггерента (объекта) и внешних условий, при которых С. осуществляется. Так, эффективность С. повышается в состоянии транса, при утомлении, в условиях неопределенности, в экстремальных условиях, в толпе, при использовании СМИ. С. затрагивает как нервно-психические процессы, так и социальные представления, установки, общественные нормы, ценности, мнения, а также индивидуальное самосознание. Разделяют гетеросугге-

стию – внушение, производимое другим лицом, и аутосуггестию – самовнушение.

С. может быть прямой и косвенной. При прямой С. источник внушения осознается и прослеживается связь между ней и ее действием. При косвенной С. внушение производится опосредованно с использованием промежуточных факторов, на которых и делается основной акцент. Эффективность косвенной С. выше, чем прямой. Распространенность методов и техник С. зависит от уровня развития общественного сознания и культуры социума.

О.В. Шапошникова

СУММА КВАДРАТОВ (отклонений) – показатель "полной" вариации количественной переменной относительно одной или нескольких фиксированных величин. Например, при вычислении дисперсии (**см.**) и стандартного отклонения (**см.**) С.К. вычисляется для отклонений от среднего арифметического $SS_{\bar{x}} = \sum (x_i - \bar{x})^2$, в анализе дисперсионном (**см.**) – для отклонений от групповых средних $SS_{\bar{x}_j} = \sum (x_{ij} - \bar{x}_j)^2$, при построении модели парной линейной регрессии – для отклонений от предсказанных значений $\hat{y}_i$ $SS_{\hat{y}_i} = \sum (y_i - \hat{y}_i)^2$ и т.п. Значение С.К. зависит не только от степени разброса данных, но также от объема выборки (**см.**).

О.В. Терещенко

СХЕМА – знаковая форма представления и отображения содержания мышления или объективного содержания. Простейшая С. задается в виде взаимосвязи, где второй элемент (знак) по определенным законам (посредством отношения значения) замещает или изображает первый (означаемое). Простейшая С. представляет собой атомарный простой знак, который визуализирован (или доступен другим органам чувств), а первый предполагается (реконструируется, воображается и т.д.) через отношение значения. Развернутой С. становится, когда второй элемент выражен группой знаков, связанных между собой по определенным правилам. Дальнейшее усложнение С. встречается тогда, когда в качестве означаемого выступают не объекты действительности или непосредственно содержание мышления, а означаемое присутствует в С. уже в виде С. или знакового комплекса. Так уравнения волновых процессов могут выступать развернутой С. такого объекта как свет, но это будет упрощенная С., поскольку не учитывает корпускулярных описаний света. Значит при построении теории света приходится прибегать к сложной С., где свет, как объективное содержание означаемого в С., присутствует опосредованно, как элемент двух разных знаковых комплексов, связанных между собой принципом дополнительности. Схематизация в мышлении в определенном смысле противостоит языковому мышлению, по крайней мере мышлению с помощью естественного языка. К схематизации прибегают в тех случаях, когда знаковых и символических средств естественного языка недостаточно для замещения содержания мысли, и приходится изобретать искусственные знаки или даже языки. Отношение значения раскладывается на две составляющих: от знака к означаемому – отношение номинации, от означаемого к знаку – отношение референции. Или, иначе, всякому знаку должна соответствовать некоторая организованность содержания мышления (объект), всякий объект может иметь своего референта в мире знаков (знак или С.). Между номинацией и референцией нет изоморфизма, они не взаимообратимы. Именно поэтому возможны заблуждения и ложь. (Ничто не мешает на клетке со слоном написать – буйвол.) Всякому означаемому (объективному содержанию мышления) может быть поставлено в соответствие произвольное число референтов-знаков. Так же и любой знак может быть использован для номинации произвольного множества объектов. Поэтому схематизация возможна только в рамках онтологической критики, контролирующей обоснованность отношений номинации и референции между означаемым и знаком. Правила, по которым из знаков строится собственно С. (семиотические техники, синтаксис, синтагма) представляют собой самостоятельную область исследования и проектирования. Мы оперируем в мышлении знаками и знаковыми формами с допущением, что эти операции так же соответствуют отношениям между частями и элементами в содержании мысли, как сами элементы содержания соответствуют референтным им простым знакам. Оперирование со С. и семиотические техники возможны только в рамках эпистемологической критики, контролирующей правомерность допущений о соответствии отношений межу знаками отношениям в мире объектов.

С. пользовались всегда, но только в 20 в. они стали предметом рефлексии и исследовательского интереса. Наибольший интерес к С. проявляет СМД (системно-мыследеятельностная) методология, в которой им придают особое значение. СМД-методология в первую очередь выделяет два типа С.: объектно-онтологические С. (изображения объектов деятельности и мышления), и организационно-деятельностные (представления самой деятельности и мышления). Типы С. определяются не самой знаковой формой, а характером деятельности со С. С. выступает как объектно-онтологическая, если мы читаем ее как изображение объекта, но она же становится организационно-деятельностной, если мы усматриваем в ней руководство или программу действий, трактуем и понимаем элементы схемы как цели или принципы деятельности, как законы или предписания при работе с объектом. Методология и критика требуют различения С. и знания. С. не представляет собой эксплицированного знания объекта или знания об объекте, который мыслится как означаемое в С.

С. выступает средством экспликации знания. В С. присутствует только функциональное место объекта, знание рассматривается как наполнение этого функционального места. Причем в С. может быть введено функциональное место для самого знания. Использование в С. различных функциональных мест для объектов и знаний позволяет схематизировать как объекты деятельности и мышления, так и саму деятельность и мышление. Таким образом знание эксплицируется в схематизации по разному: 1. Как наполнение функциональных мест, специально вводимых в С. для изображения знания. 2. Как наполнение всех функциональных мест и знаков на С. в отношениях значения (если каждый знак что-то значит/означает, то содержанием этого значения/означения выступает не что иное, как знание). Различение в С. и в каждом отдельном элементе (знаке) схемы функционального места и наполнения этого места содержанием (значением) делает С. не только средством экспликации знания, но и средством познания.

В качестве содержания (значения) в С. может быть эксплицировано знание о незнании ("ученое незнание" Николая Кузанского), что направляет и программирует познание. Назначение С. (способность или свойство ей присущее) для экспликации знания используется в практике СМД-методологии для организации мыследеятельности (коллективной мыследеятельности) и организационно-деятель-ностных игр. С. в этой практике – не инструмент объяснения или обучения, а средство экспликации знаний всех участников мыследеятельности. С. в мыследеятельности вводится как принципиально пустое функциональное место или система функциональных мест, как вызов и предложение наполнять эти функциональные места тем содержанием, которым располагает весь коллектив, принимающий в этом участие. Рефлексия и критика как рамки существования С. контролируют функциональность и содержательность наполнения, уместность привлекаемых знаний и значений в каждом конкретном случае.

В.В. Мацкевич

SPSS (англ. Statistical Package for the Social Sciences – "статистический пакет для социальных наук") – широко распространенная марка компьютерного программного обеспечения статистического анализа данных. Очень популярен у социологов благодаря "дружественному" пользовательскому интерфейсу и наличию большого количества модулей, позволяющих выполнять практически все виды статистического анализа не только количественных, но и категориальных данных. Разрабатывается с 1967. Первая версия для персональных компьютеров появилась в 1983, для операционной системы Windows – в 1994.

Т

ТАБЛИЦА СОПРЯЖЕННОСТИ – средство представления совместного распределения двух переменных (**см.**), предназначенное для исследования связи между ними. Таблица сопряженности является наиболее универсальным средством изучения статистических связей, так как в ней могут быть представлены переменные с любым уровнем измерения (см. **Шкала измерительная**).

Строки Т.С. соответствуют значениям одной переменной, столбцы – значениям другой переменной (количественные шкалы предварительно должны быть сгруппированы в интервалы). На пересечении строки и столбца указывается частота совместного появления f_{ij} соответствующих значений двух признаков x_i и y_j. Сумма частот по строке f_i. называется маргинальной частотой строки; сумма частот по столбцу $f_{\cdot j}$ – маргинальной частотой столбца. Сумма маргинальных частот равна объему выборки n; их распределение представляет собой одномерное распределение переменной, образующей строки или столбцы таблицы (см. **Таблицу 9** на стр. 1293).

В Т.С. могут быть представлены как абсолютные, так и относительные частоты (в долях или процентах). Относительные частоты могут рассчитываться по отношению: а) к маргинальной частоте по строке; б) к маргинальной частоте по столбцу; в) к объему выборки.

(См. **Таблицы 10, 11** на стр. 1293.)

Т.С. используются для проверки гипотезы о наличии связи между двумя признаками (см. **Статистическая связь, Критерий "хи-квадрат"**), а также для измерения тесноты связи (см. **Коэффициент фи, Коэффициент контингенции, Коэффициент Крамера**).

О.В. Терещенко

ТАБУ (от полинезийского слова, означавшего – запрет) – негативные предписания (категорические запреты) на различные действия людей, нарушение которых должно повлечь соответствующие санкции. Возникли и сформировались на социальной, магической и религиозной основе в период первобытного общества, в котором они регламентировали и регулировали жизнь индивидов и групп (семьи, рода, племени и пр.). Совокупность Т., налагаемых жрецами и вождями, охватывала различные стороны жизни и распространялась на слова (запрет произносить имена людей, покойников, духов, богов, названия животных и пр.); людей (женщин, воинов, правителей и др.); тело человека и части тела; общение, сексуальные и брачные отношения, разнообразные формы и виды поведения, действия обыденной жизни (обнажение лица, выход из жилища и пр.); пищу и питье; животных, растения, различные предметы и символы предметов (землю, оружие, амулеты и т.д.), посещение тех или иных мест и мн. др. Согласно существовавшим суевериям и традициям, нарушение запрета влекло кару сверхъестественных сил (в виде порчи, болезни или смерти) и разнообразные социальные санкции со стороны сообществ и их лидеров. В первобытные и последующие времена Т. выступали как средство социального контроля и социального управления. В процессе исторического развития часть трансформировавшихся Т. вошла в виде различных представлений (например, о грехе), ценностей и норм (например, запрет на изображение человека в исламской культуре и т.д.), в мораль, религию, право и обыденную жизнь людей. Считается, что табуирование как обычай, впервые было отмечено в 1771 Дж. Куком у аборигенов островов Тонга (Полинезия) во время кругосветного плавания.

В ряду концепций, объясняющих существенные моменты происхождения, содержания и функционирования Т. наибольшим влиянием пользуются: 1) магическая: рассматривающая запреты как негативную форму практической магии, отличающуюся от колдовства как позитивной формы магии – Фрэзер (**см.**) и др.; 2) религиоведческая: объясняющая Т. как "священные законы" и запреты, связанные с верованиями в духовных существ – Тайлор (**см.**) и др.; 3) психологическая: дающая психоаналитическую трактовку Т. как выражения амбивалентных состояний и отношений, и подчеркивающая роль Т. как формы первобытной морали и одного из "пусковых механизмов цивилизации" – Фрейд (**см.**) и др.; 4) антропологическая: истолковывающая Т. как форму социального контроля (**см.**) – Малиновский (**см.**) и др. и их различные версии и комбинации.

В.И. Овчаренко

ТАБУЛИРОВАНИЕ – см. **ГРУППИРОВКА.**

ТАЙЛОР (Tylor) Эдвард Барнет (1832-1917) – антрополог, общепризнанный лидер раннего английского эволюционизма. Т. часто считают первым профессиональным антропологом, вместе с тем он не получил специального образования, а занимался самостоятельным изучением древних языков, исторической и этнографической литературы. В 1861-1881 опубликовал ряд работ, в том числе принесшую ему мировую известность монографию "Первобытная культура" (1871). В 1883-1886 – хранитель этнографического музея Оксфордского университета. Позднее преподавал в Абердинском и Оксфордском университетах. В последнем основал кафедру антропологии (1896). Дважды избирался президентом Антропологического института Великобритании и Ирландии.

Т. сформулировал базовые идеи, составившие основу теории эволюционизма. По Т., история человеческой культуры составляет неотъемлемую часть эволюции природы. Поэтому законы, определяющие развитие человечества, во многом схожи с законами природы, особенно биологическими. Все явления культуры, включая материальные объекты, обычаи, верования, представляют собой такие же феномены, как виды животных и растений. Поэтому, по Т., антрополог должен, подобно биологу, систематизировать культурные элементы по видам и выстроить их эволюционными рядами.

Культура, по Т., развивается от простых форм к сложным. При этом все общества в своей истории последовательно проходят три стадии развития – от дикости через варварство к цивилизации. Именно принадлежность к разным стадиям прогрессивного развития обусловливает культурную дифференциацию человечества. Т. утверждал, что в современных обществах сохраняются следы предыдущих стадий развития. Такие элементы он сравнивал с "живыми ископаемыми" и называл пережитками, а их существование объяснял иррациональными причинами. Т. сознательно акцентировал внимание на чертах сходства между различными народами. Он считал, что человечество представляет собой единый биологический вид и полагал возможным параллельное изобретение культурных инноваций и, следовательно, подобие эволюционных процессов у различных народов. Вместе с тем Т. отмечал, что элементы культуры могут распространяться путем заимствования и контактов. Особое место в научном наследии Т. занимает концепция происхождения и эволюции религии. По Т., древнейшей формой религии являлся анимизм. Его появление – результат осмысления древними людьми таких явлений, как сон, сновидения, обморок, болезнь, смерть, приведшего к представлениям о душе как о нематериальной субстанции, способной существовать отдельно от физического тела. Дальнейшими стадиями развития религии, согласно Т., стали вера в духов природы, растений и животных, затем – в загробную жизнь, в великих богов природы и на высшей стадии – в верховного Бога.

П.В. Терешкович

ТАКСОНОМИЯ (греч. taxis – расположение по порядку; nomos – закон) – теория классификации и систематизации сложноорганизованных областей действительности и знания, имеющих иерархическое строение (объекты биологии, географии, геологии, языкознания, этнографии, риторики и т.д.). Кардинальным понятием Т. является классификация (см.) (иногда термин "Т." метонимически определяется как "классификация"). Т. как наиболее значимый раздел систематики (греч. systema – целое, составленное из частей) требует установление таксономических рангов, т.е. выполнение процедуры правильной градации, предусматривающей последовательное включение класса в класс (иначе: предполагает классификацию предметов, явлений или категорий по какому-либо признаку или принципу и исследует вопросы объема и взаимного отношения соподчиненных групп или категорий). Таксономические, или систематические, категории – понятия, применяемые в Т. для обозначения соподчиненных групп объектов – таксонов. Таксон – группа дискретных объектов, связанных той или иной степенью общности свойств и признаков. Таксономические схемы делятся на одномерные и многомерные. Идеальными являются одномерные таксономические схемы, строящиеся на основе одного классификационного критерия. Многомерные таксономические схемы учитывают группу признаков при классификации объектов. Т. непосредственно связана с типологией (греч. typos – отпечаток, образец; logos – слово, учение) – научным методом, в основе которого лежит структурирование систем объектов и их группировка с помощью обобщенной модели, или типа (см. **Классификация, Типологизация**).

С.В. Воробьёва

ТАРД (Tarde) Габриэль (1843-1904) – французский социолог, социальный психолог, криминалист. Судья в провинции, затем глава отдела криминальной статистики в Министерстве юстиции, профессор в Свободном колледже социальных наук и в Коллеж де Франс. Основные сочинения: "Законы подражания" (1890), "Социальная логика" (1895), "Этюды по социальной психологии" (1898) и др. Выступал с критикой биологизма и органицизма. Активно полемизировал с Дюркгеймом (см.), отвергая социологизм последнего.

Все социальные процессы основаны, по Т., на межличностных взаимодействиях, изучение которых Т. полагает основной задачей общественных наук. Психологизируя социальную реальность, Т. считал, что социология должна опираться на психологию. Им была выдвинута программа создания социальной психологии как науки о взаимодействиях индивидуальных сознаний. Акты межличностных взаимодействий Т. трактовал как основные социальные факты, лежащие в основе социальных явлений. Фундаментальными социальными процессами, по Т., являются подражание (повторение), адаптация (приспособление) и оппозиция (противоположение). Основанием социальности Т. считал действие универсальных "законов подражания". По мнению Т., именно подражание является базовой формой взаимодействия людей, предшествующей всем прочим. Все социальные явления рассматриваются им как имеющие подражательный характер. С действием "законов подражания" Т. связывается не только социальная интеграция, но и социальное развитие, которое обусловлено, по Т., творческой деятельностью отдельных личностей. Такая деятельность рассматривается как обусловленная (мотивированная) подражанием. Внедрение инноваций также связывается Т. с подражанием (новым образцам).

Социальный процесс оппозиции связывался Т. с наличием различных образцов подражания и противодействием их сторонников. Разрешение оппозиции, по мысли Т., происходит в результате процесса адаптации. В целом творчеству Т. было свойственно гипертрофирование значимости процесса подражания–как в социальной, так и в индивидуальной жизни. К подражанию им сводятся весьма разнородные процессы: социализация (подражание ребенка взрослым), мода (подражание современным образцам), обычаи (подражание традиционным образцам), привычки (подражание человека самому себе). На основе своих концептуальных построений, особенно "законов подражания", Т. пытался анализировать язык, преступность, религию, право.

В границах собственного понимания социальной психологии (см.) Т. исходил из редукции всех психических явлений (а также рассматриваемых – как их производные – явлений социальных) к двум основным формам – верованиям и желаниям. Верования и желания оцениваются им как присущие всем живым организмам. Их проявлениями Т. считает утверждение и отрицание для верований, наслаждение и страдание для желаний. Соответственно социологией и психологией, по Т., могут изучаться социальные и индивидуальные проявления базовых психических форм. Изучение верований (определяемых как согласие ума с какой-либо мыслью) Т. относит

к "логике" (индивидуальной и социальной). Изучением желаний должна, по мысли Т., заниматься индивидуальная и социальная "телеология". Кроме того, термины "логика" и "телеология" Т. относит к самим социальным и индивидуально-психическим процессам и явлениям.

Организация психических и социальных феноменов связывается Т. с существованием "категорий". Для "индивидуального ума" это Пространство – Время, Материя – Сила, Удовольствие и Страдание; для "социального ума" – Божество, Язык, Добро и Зло. "Категории", по Т., есть "постоянные и необходимые условия равновесия", интегрирующее начало. Становление индивидуального психического строя связывается Т. с возникновением сознания собственного "Я". Социальным эквивалентом этого процесса является, согласно Т., появление "социального Я" – "начальника", выдающегося члена первобытного общества. Установление равновесия, согласия между двумя "логиками" и двумя "телеологиями" рассматривается Т. по двум линиям: уничтожение индивидуального в пользу социального и постепенное расширение области индивидуального. Примером первого является Китай, второго – направление движения западноевропейской цивилизации. В то же время Т. полагает нежелательным установление полного равновесия – как для индивидуальности, так и для общества. Поддержание активности и жизнеспособности связывается им с существованием противоречий. Т. проводит аналогию между обществом и мозгом. По его мнению, эта аналогия тем правомернее, чем выше уровень развития общества. Взаимодействие индивидуальностей в рамках общества уподобляется им взаимодействию нервных клеток. Отсюда делается вывод, что социальный прогресс сопровождается не возрастанием дифференциации и неравенства, а, напротив, демократизацией, нарастанием сходства между различными общественными классами, укрепляющими истинную социальную связь.

Общими интенциями индивидов и обществ Т. полагаются стремления к равновесию, к непрестанному возрастанию верования и желания и к примирению этих стремлений. Верования и желания, по Т., увеличиваются в результате последовательных открытий и изобретений и уравновешиваются через образование больших социальных систем. Изобретение рассматривается им как элемент адаптации (индивидуальной и социальной) к действию наличных условий. На изобретения, как и на процессы подражания, действуют, по мысли Т., "логические законы" – "логические поединки" и "логические союзы". Результатом является отбор и комбинация тех или иных изобретений, а также их усвоение. По мнению Т., под влиянием привычки в индивидууме и действием подражания в обществе происходит преобразование изобретения из цели деятельности в средство. Обращаясь к проблеме разрешения индивидуальных и социальных телеологий в их противоречии, Т. отмечает, что синтез утилитаризма эгоистического и утилитаризма коллективного (морального) возможен только в любви – в духе сострадания, доброты, братства. Распространение этого духа рассматривается как главная заслуга высокоразвитых религий. Принципы "логики" и "телеологии" Т. пытался применить также к анализу религии, "сердца" (эмоций), экономики, искусства.

Значительное место в творчестве Т. принадлежит анализу "толпы" и "публики". Т. определял толпу как множество лиц, собравшихся в одно и то же время в определенном месте и объединяемых чувством, верой и действием. Толпа возникает как результат действия "законов подражания" по двум линиям: взаимного подражания включенных в толпу индивидов и подражания общим образцам. Т. описывал толпу как общность, для которой характерны иррациональность, внушаемость, самолюбие, деиндивидуализация. Толпе, по Т., присущи единство мнений и поведения. В отличие от толпы, публика есть общность, в которой, по мнению Т., индивид сохраняет свои личностные характеристики. Если толпа объединена пространственно и эмоционально, то публика характеризуется духовным единством, не зависящим от объединенности в пространстве. Формирование публики связывалось Т. с воздействием средств массовой коммуникации (гл. обр. прессы). Именно публикой, по мысли Т., формируется общественное мнение. По Т., толпа является исходным элементом организации общества в условиях города. Творчество Т. внесло существенный вклад в развитие обществоведения. Им были поставлены проблемы массовой коммуникации, межличностного общения, инноваций, девиантного поведения, социального контроля.

М.Н. Мазаник

ТЕКСТ – в общем плане связная и полная последовательность знаков. Проблема Т., возникая на пересечении лингвистики, поэтики, литературоведения, семиотики, начинает активно обсуждаться в гуманитарном познании второй половины 20 в. В центре внимания полемики оказалась проблема раскрытия ресурсов смыслопорождения или трансформации значения в знаковых макрообразованиях, сопровождающаяся признанием некорректности или недостаточности денотации в качестве основной модели значения. Существуют как расширенная философски нагруженная (романоязычные страны, Германия), так и более частная (англосаксонский вариант) трактовки Т.

Условно их можно обозначить как имманентный (рассматривающий Т. как автономную реальность, выявляющий его внутреннюю структуру) и репрезентативный (выясняющий специфику Т. как особой формы представления знаний о внешней им действительности) подходы. С двумя основными аспектами Т. – внешней связностью, от грамматического строя до нарративной структуры, а также цельностью, внутренней осмысленностью, требующей (в силу своей неочевидности) интерпретации, – связаны различия структуралистского и герменевтического направлений в рамках имманентного подхода к Т.

Первое, опираясь на традицию соссюрианской лингвистики, обособляющей язык в систему, существующую "в себе и для себя", восходит к анализу морфологии русской сказки В. Проппа. В классическом (связанном прежде всего с антропологией К. Леви-Строса – **см.**) структурализме (**см.**) Т. обозначен в виде задачи – как искомая совокупность культурных кодов, в соответствии с которыми организуется знаковое многообразие культуры. Герменевтика выступала против картезианской программы субъект-объектного, предполагающего инструментальную роль языка и философствования на пути постижения некоторой духовной реальности (например, "жизнь" В. Дильтея) из нее самой. Герменевтика шла от понимания филологических Т. в качестве отпечатков целостной субъективности Автора (Ф. Шлейермахер) к представлениям о Т. (литературы, диалога) как языковом выражении герменевтического, онтологически осмысленного опыта, неотделимое от содержания этого опыта (М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер), как атрибутивном способе существования самого жизненного мира человека (П. Рикер).

Статус Т. как одного из центральных философских концептов наиболее последовательно и развернуто утверждается

в постструктурализме (см.) (зачастую именно с ним принято связывать введение в интеллектуальный обиход термина "Т."). Постструктуралистские течения – "грамматология" Деррида (см.), "текстовой анализ" Р. Барта (см.), "семанализ" Ю. Кристевой и др., – переходя от научно ориентированного изучения готового знака к описанию процессов его порождения, по существу лишенных определенной методологии, сближаются с интерпретативными процедурами освоения Т., полагая, однако, что интерпретация направлена "в глубь смысла", а наиболее же адекватным для текстового чтения является поверхностное движение по цепочке метонимии. Изучение Т., таким образом, претендует на открытие некоего "среднего пути" (Ц. Тодоров) между конкретностью литературы и абстрактностью лингвистики.

В целом, учитывая всю метафорическую насыщенность и размытость понятия Т., с постструктуралистских позиций Т. характеризуется как: 1) "сеть" генерации значений без цели и без центра (основной идеи, общей формулы, сведение к которой задавало каноны классической критики и, шире, философии); 2) опровержение "мифа о филиации", наличия источников и влияний, из исторической суммы которых возникает произведение; как анонимный Т., динамический, смысловой горизонт для всех институциализовавшихся (в печатной форме, например) Т.; 3) "множественность смысла", принципиальная открытость, незавершенность значений, не подлающаяся определению и иерархизации со стороны властных структур (или конституирующая первичный уровень власти) и отсылающая к сфере желания, нетематизируемой пограничной области культуры. По мере расширения зоны текстологических исследований их предметом становятся не только вербальные тексты, но и "Т." живописи, кинематографа, архитектуры (Ф. Джеймисон – см., Ч. Дженкс и др.).

Репрезентативный подход к осмыслению Т. опирается на более частные гуманитарные дисциплины – когнитивную психологию, порождающую лингвистику, микросоциологию и др. Лингвистическая теория Т. (Ж. Петефи, Т. ван Дейк – см.) концентрируется на изучении закономерностей сочетания предложений и возможностях макроструктурной семантической интерпретации коммуникативных Т. (например, в Т. газетных новостей входят заголовок, вводная фраза, перечисление событий, комментарий, реакция и т.д., в совокупности определяющие целостность сообщения). Основу понимания Т. в этом случае составляют актуализации различных "моделей ситуаций", личностных знаний носителей языка, аккумулирующих их предшествующий опыт. Прагматика и социолингвистика (Д. Серл, Дж. Остин, С. Эрвин-Трипп) прослеживают прагматические связи между лингвистическими структурами и социальными действиями; функцию особых Т. в этом случае выполняют рассказы повседневной жизни, словесные дуэли между подростками и т.д. См. также: **Структурализм, Постструктурализм**.

А.Р. Усманова

ТЕКТОЛОГИЯ (ВСЕОБЩАЯ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ НАУКА) (от греч. "Т." – учение о строительстве) – научная концепция, выдвинутая в начале 20 в. Богдановым (см.) в книге "Всеобщая организационная наука (тектология)" (Ч. I-III; 1913-1922).

Исходным пунктом Т. является признание необходимости подхода к изучению любого явления с точки зрения его организации. Предмет Т. определяется, по Богданову, тем, что вся вселенная "выступает перед нами как беспредельно развертывающаяся ткань форм разных типов и ступеней организованности – от неизведанных нам элементов эфира до человеческих коллективов и звездных систем". Принять организационную точку зрения – это значит изучать любую систему с точки зрения как отношений всех ее частей, так и отношений ее как целого со средой, т.е. со всеми внешними системами. Законы организации систем едины для любых объектов, самые разнородные явления объединяются общими структурными связями и закономерностями. Богданов утверждает, что "структурные отношения могут быть обобщены до такой же степени формальной чистоты схем, как в математике отношения величин, и на такой основе организационные задачи могут решаться способами, аналогичными математическим. Более того, отношения количественные я рассматриваю как особый тип структурных, и самую математику – как раньше развившуюся, в силу особых причин, ветвь всеобщей организационной науки: этим объясняется гигантская практическая сила математики как орудия организации жизни". В соответствии с организационной точкой зрения, мир рассматривается как находящийся в непрерывном изменении, в нем нет ничего постоянного, все – суть изменения, действия и противодействия. В результате взаимодействия изменяющихся элементов наблюдатель может выделить некоторые типы "организованных комплексов", различающиеся по степени их организованности. Организованный комплекс определяется в Т. на основе принципа несводимости целого к сумме всех его частей, при этом чем больше отличие целого от суммы самих частей, тем более это целое организованно. В организованных комплексах целое больше суммы всех своих частей (т.е. активность-сопротивление комплекса в целом больше суммы активностей-сопротивлений его элементов). В неорганизованных комплексах целое меньше суммы всех своих частей. В нейтральных комплексах целое равно сумме всех своих частей. По мысли Богданова, организованная система бывает таковою не вообще, не универсально, а лишь по отношению к определенным активностям, сопротивлениям, энергиям.

Среди множества организационных форм Богданов выделяет два универсальных типа систем – централистический и скелетный. Для систем первого типа характерно наличие центрального, более высокоорганизованного комплекса, по отношению к которому все остальные комплексы играют роль периферических. Системы второго типа образуются за счет организационно низших группировок, выделяемых сложноорганизованными пластичными комплексами. Здесь проявляется единство и различие пластичности и прочности. Скелетный тип имеет важнейшее положительное значение с организационной точки зрения: лишь он делает возможным развитие пластичных форм, сохраняя нежные комбинации от грубой внешней среды.

Специальному анализу подвергаются Богдановым основные организационные механизмы – механизмы формирования и регулирования систем. К основным формирующим механизмам относятся конъюгация (соединение комплексов), ингрессия (вхождение элемента одного комплекса в другой) и дезингрессия (распад комплекса). Универсальный регулирующий механизм обозначается им понятием "подбор", заимствованным из биологии и распространенным на процессы сохранения и разрушения всех видов систем. В Т. "подбору" (прогрессивному отбору) уделено основное внимание, ибо Богданов считал, что действительное сохранение форм в природе возможно только путем их прогрессивного развития. Отбор может быть положительным или отрицательным – он

действует при развитии комплексов и в процессе их относительного упадка. В совокупности положительный и отрицательный отборы охватывают всю динамику мирового развития. Положительный отбор, усложняя природные формы, увеличивает разнородность бытия, доставляет для него материал, все более возрастающий; отрицательный отбор упрощает этот материал, устраняет из него все непрочное, нестройное, противоречивое, вносит в его связи однородность и согласованность, упорядочивая тем самым последний. Богданов считал, что "взаимодополняя друг друга, оба процесса стихийно организуют мир". По мнению Богданова, "конъюгационная схема возрастающих возможностей развития говорит нам о том, что гибель племен и народностей, хотя бы весьма отсталых, суживает базис дальнейшего развития человечества в его целом. Она означает уничтожение тех своеобразных элементов и условий развития, которые возникают из смешения и из общения разных народностей... Сумма организационных форм в самом широком смысле этого слова, из какой исходит прогресс человечества, уменьшается необходимо и бесповоротно при истреблении отсталых племен".

По мнению ряда ученых, существует глубокое родство Т. с такими современными общенаучными направлениями, как кибернетика, системный подход, структурализм, теория катастроф, синергетика и т.п. В Т. высказана идея изоморфизма различных организационных структур, на которых базируется как кибернетический анализ, так и общая теория систем Берталанфи. Тектологические понятия "цепная связь", "закон наименьших", "принцип минимума" оказываются верными с кибернетической точки зрения. В Т. предвосхищена одна из основных идей кибернетики – идея обратной связи (в Т. – бирегулятора). В отличие от Н. Винера и У.Р. Эшби, Богданов применял исключительно качественные методы.

Хотя Т. и содержит все исходные идеи, позднее развитые общей теорией систем и кибернетикой, она претендовала на нечто большее, ее специфическая область – все формы организации в природе и человеческой деятельности: Т. реально представляет собой предельное расширение любой теории систем. (Сам Богданов полагал, что расцвет Т. "...будет выражать сознательное господство людей как над природой внешней, так и над природой социальной. Ибо всякая задача практики и теории сводится к тектологическому вопросу: о способе наиболее целесообразно организовать некоторую совокупность элементов – реальных или идеальных".) Богданов ошибочно рассматривал общенаучные теоретико-методологические построения в Т. как всеобщие схемы (столь же универсальные, как и философские понятия и концепции, выполняющие те же функции), могущие претендовать на замену "устаревшей" и "непрактичной" философии. Такая установка решающим образом сказалась на отношении к опередившей свое время Т., вытеснив ее из регистра перспективных научных идей. Тем не менее Т. как науку об организации правомерно полагать состоявшейся, поскольку понятие "организация" (подобно понятиям "система", "структура", "связь", "управление" и т.п.) стало неотъемлемой принадлежностью современного научного языка. Т. явилась первым в истории науки развернутым вариантом общесистемной концепции.

С.В. Силков

"ТЕЛЕВИДЕНИЕ: ТЕХНОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ФОРМА" (1974) – книга Р. Уильямса (см.). Была переиздана в 1992. Книга Уильямса – представителя Бирмингемского центра "культурных исследований" (см.) – касается взаимодействия общества и культурных технологий. Проблема взаимовлияния общества и культурных технологий, рассматривается как процесс укоренения новых технологий в социальной реальности.

Книга состоит из **шести глав**.

В **главе первой** ("Технология и общество") телевидение рассматривается как часть культурной технологии, с ее развитием, внедрением и результатами использования. Глава состоит из трех частей.

В *первой части* рассматриваются версии причинно-следственных связей появления новых информационных технологий в обществе. Выделяется девять возможных вариантов, которые могут прояснить следующую проблему: результатом чего стало изобретение телевидения.

Варианты, по Уильямсу, можно объединить в две группы: 1) технология явилась результатом случайного развития науки и если бы телевидение не было бы изобретено, то многие социальные и культурные процессы были бы иными или не существовали вовсе. 2) Появление телевидения есть результат случайного развития технологии, но приобретает значение собственно использование технологии.

Социальная потребность в новых способах коммуникации привела к тому, что если бы телевидение не было бы изобретено, то были бы уже и иные технологии. При этом технологический детерминизм понимается как ортодоксальный взгляд на природу социальных изменений.

Вторая часть. Социальная история телевидения как технология. Анализируется становление и развитие телевидения как технологии с учетом предпосылок для его изобретения: электричество, телеграф, фотография, кино и радио. Подчеркивается, что дальнейшее развитие технологий, новые открытия и изобретения – все уже было предвидено, но не в утопиях, а технологическим путем, в технологии.

Третья часть. Социальная история использования технологии телевидения. Рассматривается взаимовлияние технологии и общества – то, как социум способствует появлению новых технологий коммуникации. Особое место отводится технологии *broadcasting* ("трансляция" или "вещание"). В связи с ее появлением рассматривается усиление влияния СМИ на социум и дальнейшие социальные трансформации. Сначала этот процесс анализируется на примере радио, затем телевидения. Особое внимание уделяется использованию технологии в тоталитарных обществах. Уильямс приходит к выводу, что в отличие от всех других технологий коммуникации радио и телевидение явились системами отвлеченного процесса передачи и восприятия сообщения, даже если они являются фоном, то воздействие оказывается.

Глава вторая – "Институты технологии" – посвящена рассмотрению того, каким образом технологические достижения закрепляются в социуме и способствуют его модернизации. Глава состоит из двух разделов.

А) Типы раннего развития. Ключевым фактором этого периода "технологии трансляции" стала возможность напрямую и быстро передавать сообщение адресатам. Новые возможности коммуникации оказали влияние и на существовавший социальный порядок. У. выделяет три особенности внедрения технологии в Британии: 1) Развитие индустриального общества с созданием сети коммуникаций на малой географической территории стали важной степенью "национализации" культуры. 2) Доминирующее отношение к национальной культуре уже было сформировано в понимании правящего

класса. Поэтому создание "*public service*" (общественного радио и телевидения) стало необходимым для эффективного управления и обслуживания ценностей правящего класса. 3) Создание общественных, но контролируемых и финансируемых государством компаний позволяет делегировать им часть властных полномочий.

В Европе государство напрямую контролировало и регулировало вещание. В тоталитарных обществах прямой государственный контроль был естественным инструментом политики. Альтернативный вариант развития и внедрения технологии осуществился в США, где доминировали интересы капитала. Деятельность СМИ не финансировалась государством. Возникает дискурс о необходимости "общественного контроля", т.к. частные корпорации лоббируют свои интересы. Складывается дихотомическое деление на общественное и коммерческое телевидение. В США общественное телевидение возникает значительно позже, чем в Европе. Функционирует риторика, защищающая капитализм: коммерческое телевидение именуется не коммерческим, а "независимым" и "свободным", противопоставляясь "монополии" и "государственному контролю".

Б) Типы современного развития. После 1950-х определяющим фактором развития технологии вещания стала американская экспансия коммуникационных систем и развитие военной отрасли. Изменилось и понимание коммерческого телевидения. Оно стало трактоваться так: производство телепрограмм для продажи; носитель рекламы; источник для культурного и политического влияния; глобальный политический проект доминирования власти капитала. Телеиндустрия развитых стран поставляет свою продукцию развивающимся странам, что может привести к тому, что собственное национальное телевидение в этих государствах не будет производить свою продукцию. Политическое и культурное влияние поставляется в дешевой упаковке.

В **главе третьей** – "Формы телевидения" – Уильямс рассматривает утверждение, что телевидение представляет собой комбинацию существовавших до его появления культурных форм коммуникации, распространения и получения информации. Проясняя его, автор приходит к выводу о существовании двух направлений развития.

Комбинирование и развитие посредством телевидения прежних форм коммуникации:

1) Новости. Взаимоотношения новостей в газете и в выпуске теленовостей анализируются по следующим критериям: а) последовательность, б) значимость, в) персонифицированное представление, г) визуализация.

2) Аргументация и дискуссии. Полемика, которая существовала на страницах газет и публичных дебатов, превратилась в программы о судебных разбирательствах.

3) Образование. Трансляция образовательных программ, лекции стало можно смотреть по телевидению. Заочное обучение наполняется аудиовизуальными материалами.

4) Драма. Заимствование театральной формы коммуникации. Попытка перенесения драматургии и театральной сцены на телевидение. Трансформация существующей традиции в телесериалы.

5) Кино. По Уильямсу, телевидение многое заимствовало у кино. Существует много общих моментов, но оказывается и много существенных различий. Изменение пропорции зритель–экран, лишает телевидение некоторых эффектов кино. Также телевидение "потребляется" индивидуально в отличие от коллективного опыта в кинотеатре.

6) Варьете. Театры варьете привнесли на телевидение масштабные театрально-музыкальные постановки. Из "*music-hall*" появилось множество телевизионных программ.

7) Спорт. Спортивная составляющая является одной из основополагающих частей телевидения. Спорт на телевидении – это зрелище, а не спорт ради спорта.

8) Реклама. Телевидение не изобрело рекламу, но сильно изменило существовавшие рамки и степень их социального воздействия. Уильямс выделяет четыре наиболее типичных приема создания телерекламы.

9) Приятное времяпрепровождение. Телевидение включает в свою структуру многочисленные развлекательные шоу, игры, викторины, которые нередко представляют современную версию старых и давно знакомых игр, но с вкраплением коммерческой составляющей.

Смешанные и новые формы, развиваемые телевидением:

1) Документальная драма. Подробная аудиовизуальная реконструкция реальных событий предстает на экране как некая история, расследование. Исключительно телевизионный жанр.

2) Образование при просмотре. Предлагается учиться на чужих ошибках. Поучительные истории и образовательные рассказы сопровождаются соответствующим видеорядом.

3) Дискуссии. Телевидение привнесло новую эстетику: разговор ведется не безликими персонами, а "гостями" студии. Фактически гостями телезрителей. 4) Специальные репортажи, совмещающие эссе, журнал и документальный фильм. Особое внимание придается визуальности и наглядности.

5) Последовательность. Некоторые новые культурные формы извлекаются непосредственно из составления телепрограммы, когда желаемое воздействие достигается посредством чередования передач.

6) Уильямс иронично отмечает и такую новую форму телевидения, как само телевидение, как новая форма визуальной коммуникации.

Глава четвертая – "Составление телепрограммы: распределение и течение". Для анализа "телепрограммы" Уильямс использует "статичное" понятие "*распределение*" и "мобильное" понятие "*течение*". Глава состоит из трех разделов.

А) Сравнительное "*распределение*" пяти телевизионных каналов. Анализируются пять телеканалов (3 британских и 2 американских) в марте 1973. Уильямс выделяет 12 условных типов телепрограмм. Сравнив телепрограммы, Уильямс приходит к выводу о наличии двух принципиально различных подходов к наполнению эфира – общественное и коммерческое телевидение. Подчеркнув, что в США это разделение наиболее выражено.

Б) Программирование как последовательность или "*течение*". Феномен планирования вещания (последовательности передач, течения эфира), собственно является одновременно характеристикой трансляции как технологии и как культурной формы. До трансляции все способы коммуникации были дискретными, зависимыми от времени и места. При трансляции телепрограмма предлагает последовательность или альтернативную последовательность похожих событий, доступных для индивидуального оперирования ими. "Программа" – характеристика, традиционно связываемая с театром и мюзик-холлом, стала набором единиц с учетом времени. Ключевым для трансляции стал вопрос о смещении и пропорциональности элементов; "баланс" телепрограммы. Важно отметить смысловое смещение с понятия *последовательности* как

"программы" к пониманию последовательности как "*течения*". В эфире программы разделены и это не "естественные" паузы между программами. Телепрограмма имеет мало общего с эфиром, состоящим из последовательности разрывов и прерываний программ рекламой и анонсами. По мнению Уильямса, "течение" не случайная характеристика телевидения. Более того, программы коммерческого телевидения создаются с учетом этих особенностей телевидения и рекламные паузы не прерывают трансляцию, они такая же ее часть, как и фильмы, новости и пр. Телеэкран никогда не должен быть пустым, течение непрерывно.

В) Анализ "*течения*". Подробно рассматриваются три примера "течения" телевидения и на разном уровне: от последовательности передач в телепрограмме до протекания эфира отдельно взятой программы (выпуск новостей). Уильямс первым предложил подобный анализ телевидения. Находя элементы "течения" в эфире телевидения, Уильямс выделяет некоторые способы связывания и создания непрерывного его течения. "Течение" телевидения конструируется посредством того, что говорится и показывается. Соединение несоединимого для непрерывного течения проявляется в теленовостях – последовательности разрозненных сюжетов. Уильямс приходит к выводу, что именно таким образом посредством "течения" транслируются значения и ценности определенной культуры.

Глава пятая – "Следствия от технологии и ее использования" – состоит из четырех разделов, посвященных изучению влияния внедрения технологий на социум.

А) Причина и следствие в системах коммуникации. Как только телевидение стало популярной социальной формой, сразу же возникли дискуссии о его влиянии. Телевидение рассматривалось как простая система, описываемая схемой причина-следствие. Уильямс останавливается на проблеме изучения "массовых коммуникаций" как наиболее ортодоксальном знании о влиянии СМИ. В рамках причинно-следственного характера понимания СМИ могут быть включены, по Уильямсу, в процесс социализации – как фактор обучения и становления для будущего функционального члена социума. Влияние телевидения (см. **Эффект медиа**) можно изучать только в связи с изначальными намерениями, которые будут существенно отличаться от результатов. Многочисленные исследования влияния телевидения рассматривают его отдельно от социальных и культурных особенностей общества.

Б) Некоторые исследования влияния телевидения. Согласно Уильямсу, распространен пример с ростом насилия в обществе как следствие демонстрации насилия на телевидении. Но это противоречит включением телевидения в систему социализации, как транслятора социальных норм. Хотя в каждой культуре свои собственные понятия нормы. Не менее проблематичны исследования влияния телевидения на политическое поведение, результаты выборов, поведение избирателей. Ортодоксальные исследования влияния телевидения мы, по мысли Уильямса, можем видеть в культурных моделях, которые тяготеют к определению возможностей и методов исследования. Но влияние вообще: телевидения, дома, школы, прессы, работы – понимается дискретно, через взаимодействие. Влияние может быть измерено и технически определено. Обычно это влияние исследуется в отрыве от культурных и политических норм. Изучаются симптомы и последствия, а не первопричины. Исследуется просто "медиум", просто "технология".

В) Технология как причина. Социологические и психологические исследования влияния телевидения 1960-х тяготели к изучению технологии – медиума, как ключевого аспекта в понимании влияния телевидения. Кульминацией такого формального подхода в изучении изолированного понимания СМИ – стали работы Маклюэна (**см.**). У последнего СМИ превращаются в непосредственную функцию идеологии (**см.**). При таком формальном понимании СМИ они никогда не рассматривались на практике, а лишь как абстрактная функция. Риторика Маклюэна, согласно Уильямсу, была примером идеологической репрезентации технологии как причины социального развития.

Г) Технология как следствие. Можно проследить изменения в использовании различных моделей коммуникации в различные исторические периоды. Изобретение и внедрение новых технологий зависит от социальных потребностей, в новых практиках. При этом изобретение новых технологий происходит во многом благодаря инвестициям "правящего класса" для получения новых властных ресурсов или инвестициям капитала с целью извлечения прибыли от новых технологий. Но вместе с тем появляется возможность использования этих же технологий против "правящего класса" или против индустриальной собственности. Если мы отрицаем технологический детермнизм во всех формах, то следует быть также осторожным в отношении зависимости развития технологии. Детерминизм – действительно социальный процесс, но это не обособленная сила, она включает в себя силу капитала, интересов социальных групп. Появившись как совокупность военных, административных и коммерческих интересов, телевидение через некоторое время превратилось в мощное средство социальной коммуникации, превзойдя изначальные ожидания от новой технологии. Даже при контролировании распространения и внедрения технологии всегда появляются неконтролируемые результаты. Уникальность технологии трансляции стала проявляться в социальном развитии. Стирается граница между нашим личным кругом общения и публичной сферой.

Телевидение стало основным источником информации, воспитателем для целых поколений, что стало непредвиденным эффектом от его использования. Развитие телевидения привело к появлению новых форм электронных коммуникаций как результат новых технологий и новых культурных форм. Например, телемост, связь между городами, как реальная альтернатива классической дихотомии адресант-адресат. Кадр в кадре и мультиэкран как радикальная альтернатива определению натравленному течению трансляции.

Телевидение, по Уильямсу, появилось как определенная культурная форма или определенная технология, став впоследствии радикальной альтернативой прежним практикам, пытаясь найти свою собственный путь развития. Технология развивалась уже не как анонимный процесс, начатый инженерами; ее развитие уже обусловлено социально-культурными факторами.

Глава шестая – "Альтернативная технология, альтернативное использование?". Уильямс отмечает, что в начале 1970-х сформировалось новое поколение технологий коммуникаций. Но не было ясности в вопросе о месте коммуникации в социальных процессах. Одна технология может использоваться по разному (вещание общественного и коммерческого телевидения). Уильямс попытался прояснить, во-первых, что есть новая технология, во-вторых, последствия от институциализации этой технологии и ее использования. Согласно Уильямсу, новая технология как продукт социальной системы, становится фактором социального развития.

1) Развитие технологии.

а) Появление цветного телевидения, увеличение размера телеэкрана.

б) Кабельное телевидение. Хотя оно появилось как технология распространения сигнала и не более, Уильямс видит новые направления развития кабельных сетей: от распространения новостей и прогноза погоды, через развитие обратной связи и возможности учитывать мнение зрителей, к интерактивному телевидению и возможности проводить телеконференции и голосовать.

в) Развитие целого комплекса систем визуальной информации. После изобретения спутникового телевидения, появилась возможность комбинировать распространение сигнала: с помощью спутников, наземных станций и кабельных сетей. Это расширяет возможности и для создания многонациональных систем телевидения корпораций.

г) Изобретение видеозаписи и видеокассет.

2) Институциализация новой технологии. Уильямс рассматривает то, как новые технологии закрепляются в социуме в определенных институтах. В поддержку развития кабельного телевидения как технологии зазвучал аргумент в поддержку демократии – о необходимости доступа к информации, о свободе доступа к ней и свободе распространения. Спутниковое телевидение обладает гигантским потенциалом влияния, способным разрушить национальные системы вещания. Опасность "интернационализма", в реальности превратившегося в защитника интересов одной-двух доминирующих культур. По мнению Уильямса две супердержавы способны создать подобную систему, вещающую за пределами своей территории: США и СССР. Понятие "глобальной деревни" становится реальной властью правительств и корпораций навязывать свое видение мира. Кассеты уже привели к незапланированному эффекту от их использования: кроме возможности просмотра, тогда когда этого хочется, появилась возможность создавать видеотеки. Интерактивное телевидение открывает новые возможности для создания новых пространств политической и образовательной сферы.

3) Альтернативные использования. Видеотехнологии как и телевидение – продукт 20 в. и сейчас они только осваиваются и закрепляются в культуре. Есть много пока не видимых проблем, с которыми мы можем столкнуться в 1990-х, касающихся политики использования этих технологий и дальнейшего развития технологии вещания. Возможно, появятся и альтернативные варианты использования этих технологий. Телевидение может стать таким же продуктом, товаром, на который будут подписываться, чтобы потребить его. Но ясно, что дискуссии о том, каким быть телевидению и какое влияние оно будет оказывать, не исчезнут.

А.Д. Криволап

ТЁННИС (Tönnies) Фердинанд (1855-1936) – немецкий социолог. Получил диплом по классической филологии в Тюбингене (1877). В 1881 получил степень доктора по философии в Кильском университете, где работал с 1881 по 1933 (до отстранения от преподавания) (приват-доцент, с 1909 – экстраординарный, с 1913 – ординарный профессор). Вместе с Зомбартом, Зиммелем и М. Вебером явился основателем Немецкого социологического общества, был его первым председателем с 1909 по 1933 (до отстранения нацистами). Сооснователь и президент Гоббсовского общества. Известен как руководитель нескольких общенациональных проектов по прикладной социологии. Основные работы: "Община (общность) и общество" (1887); "Маркс. Жизнь и учение" (1921); "Социологические очерки и критика" (т. 1-3, 1925-1929); "Введение в социологию" (1931) и др.

Среди теоретических источников социологической концепции Т. можно выделить работы Т. Гоббса, Б. Спинозы, А. Шопенгауэра, Э. фон Гартмана, Маркса (**см.**) и Энгельса (**см.**) (с которым Т. состоял в переписке). Определенное влияние на становление его взглядов оказали также работы Ф.К. Савиньи (основоположник "исторической школы права"), Г. Мейна, Моргана, И.Я. Бахофена. Вместе с Зиммелем (**см.**) и фон Визе (**см.**) (его ученик) считается основоположником формальной школы в социологии (**см.**).

Т. остается, несмотря на "тёнисовский ренессанс" в западной мысли, фигурой во многом ритуализированной. Без ссылок на его противопоставление принципов "общества" и "общины" ("общности") не обходится ни одно серьезное социальное исследование, но в то же время этот принцип не отрефлексирован должным образом как одна из доминант социальной философии и социологии 20 в.

В основе двух возможных типов социальности, согласно Т., лежит различение двух типов выраженной в них воли. Основа "общины" ("общности") как первого возможного типа социальности – "сущностная воля" (естественная инстинктивная воля, обусловленная осознанием инстинктивно-чувственной органичности социальных отношений). Это воля, соотнесенная с присущим ей мышлением, непосредственно переходящая в действие, – целостно-самодостаточна, ее субъектом является "самость". Основа "общества" как второго возможного типа социальности – "избирательная воля", определяемая мышлением постольку, поскольку в нем есть волевое начало. Субъект "избирательной воли" задается формально-юридически как "лицо". В соотнесении с типологией социального действия М. Вебера (**см.**), "избирательная воля" связана с целерациональным действием и ориентирована в будущее, "сущностная воля" – с остальными типами действия (ценностно-рациональным, традиционным и аффективным) и предзадается прошлым. В "общине" социальное целое предшествует частям, в "обществе" – социальное целое выступает как совокупность частей. Это различие суть различие между "органикой" и "механикой" (естественностью и искусственностью) частей целого. Т. развивает и переинтерпретирует почерпнутое у Г. Мейна различие "статуса", характеризующего естественное ("общинное") состояние, и "контракта", характеризующего общественно-договорное (искусственное) состояние ("общество"). Но в обоих случаях социальность – это взаимодействие воль, в ходе которого происходит взаимоотчуждение ("общество") или "взаимослияние" ("община").

Любая социальная целостность, по Т., возникает всякий раз только из волевого взаимодействия индивидов. "Волеизъявление" – это условие "взаимоутверждения" людей, без чего невозможна социальность (Т. – автор термина "волюнтаризм"). "Сущностная" воля "разумна", но не обязательно рациональна. Скорее, она фундируется эмоционально-чувственными ("полуинстинктивными") отношениями. "Избирательная воля" изначально рассудочна, предполагает осознанный выбор и формирование целей действия (это – "расчетливый разум"). Общинные отношения включают в себя родово-семейные, соседские и дружеские отношения и соответствующие им социальные формы (семья, формы совместного проживания и т.д.). Общество связано с отношениями рационального обмена. Эти отношения возможны между "индивидуальными лицами" – индивидами как "авто-

номными отдельностями", свободными в целеполагании и выборе средств, и их "производными" – "искусственными лицами". В силу "конструируемости" субъектов отношений обмена возможно появление "фиктивных лиц". Мышление выстраивает в отношениях обмена иерархию целей, намерений и средств, формируя синтетическую мыслительную систему "усмотрения", направляющую и контролирующую "созидательное единение" на основе "согласия".

Т. различает общество в узком смысле, связанное с возникновением государственности и исключающее из себя "общину", и общество в широком смысле, включающее в себя "общину". В последнем случае он анализирует общий вектор развития в истории от "общины" к "обществу" в узком смысле слова и торжество последнего в современной ему европейской реальности. Победа "общественного" начала над "общинным" (при известном сохранении последнего) означает проникновение рационального расчета даже в самые интимные связи, превращение социальных связей и отношений во все более внешние ("вещные") и случайные для их носителей, которые характеризуются возрастающей разновекторностью своих устремлений. В этом отношении Т. выступил как диагност кризисных явлений европейского типа социальности, имевшей одним из своих следствий фашизм (**см.**), открытое неприятие которого он, оставаясь в нацистской Германии, не считал нужным скрывать.

Кроме концепции "общины" – "общества", Т. интересен также своей методологией социального познания и обоснованием принципов формального подхода в социологии. Так, он заложил основы метода конструктивных типов (окончательно оформленного американским представителем формальной школы Г.П. Беккером), который он противопоставлял методу идеальных типов М. Вебера. Т. рассматривал конструктивные типы как орудия объективации познания, понятийные мерки, прикладываемые к действительности, средства выявления "чистых" форм социальности, строго аналитически простроенная система которых может быть применена к исследованию любых социальных содержаний.

Социальное познание, согласно Т., должно строиться на принципах объективности (общезначимости, строгости и однозначности), "натурализма" (вынесении за скобки вопросов о смысле) и независимости от ценностных предпосылок. Последнее в равной мере обеспечивается как избеганием исследовательских предпочтений, так и дистанцированием от конкретики (задач "момента"). При этом Т., хотя и считал необходимым соотносить социологию с общей философской этикой, дистанцировал ее от этической (а также политической) проблематики. В основе социологического мышления, по Т., должен лежать принцип понятийной антиномии, требующий рассматривать любое явление через соотношение "общинного" и "общественного", а также волевого и рационального начал, отношений господства и товарищества. Соответственно проблематике и, главное, используемым методам социология строится как трехуровневая дисциплина: 1) понятийное конструирование реализуется в "чистой" социологии, 2) гипотетико-дедуктивный метод – в "прикладной" социологии, 3) исследование фактов – в "эмпирической" социологии (социографии). Эти три уровня конституируют "специальную" социологию, помимо которой Т. выделял еще и "общую" социологию (суть которой, правда, так до конца и не прояснил, ограничившись указанием на изучение "всех форм существования людей").

В.Л. Абушенко

ТЕОРИИ "СРЕДНЕГО УРОВНЯ (ранга)" ("theories of the middle range") – организованная по правилам построения научной теории совокупность концептуальных, методологометодических и языковых средств, призванных обеспечить процедуры перехода от теоретического уровня знания к эмпирическому и обратно в пределах той или иной выделенной (локализованной) предметной (проблемной, тематической) области исследований. В этом качестве они, согласно Р.К. Мертону (**см.**), введшему в 1947 сам термин и предложившему первоначальную разработку данного понятия, задают пределы возможной степени общности утверждениям (через соответствие заданным эпистемологическим и методологическим критериям), являющимся правомерными для данного конкретного знания и адекватными исследуемой в нем предметной области (проблематике, тематике).

Согласно Мертону, Т.С.У. – это "теории, находящиеся в промежуточном пространстве между частными, но тоже необходимыми рабочими гипотезами, во множестве возникающими в ходе повседневных исследований, и всеохватными систематическими попытками развить единую теорию, которая будет объяснять все наблюдаемые типы социального поведения, социальных ориентаций и социальных изменений". Аналогичный познавательный конструкт для решения примерно этого же круга задач (но опираясь на иные теоретико-методологические основания) ввел Л.С. Выготский (**см.**), несколько сместив, правда, акцент на его "промежуточный" и специализированный характер в системе знания (следует отметить, что работы Выготского долгое время оставались малоизвестными).

Таким образом, эксплицируются два измерения, применительно к которым можно корректно вводить представление о Т.С.У.: 1) перспектива связывания в единое целое концептов, конструктов, высказываний теоретического и эмпирического характера; 2) перспектива локализации применимости этих концептов, конструктов, высказываний в рамках "радиуса действия" теории, к которой они относятся. Акцентирование второго аспекта привело фактически к "схлопыванию" Т.С.У. и специальных социологических теорий (**см.**), сделав их слабо различимыми между собой, по крайней мере, в отечественной социологической традиции. В этом случае они трактуются как некое относительно целостное и самодостаточное (социологическое) знание об определенных социальных объектах (группах, общностях, институтах), сферах, процессах, обладающих, в свою очередь, относительной целостностью и самодостаточностью внутри социума (общества). Акцент же на первом аспекте невольно вызывает коннотации со срединным расположением Т.С.У. на вертикали "верх" – "низ" в структуре научного знания. В отечественной социологической традиции последнее нашло отражение в так называемой "трехуровневой схеме социологического знания" (социологии как науки), в которой выделялись: общесоциологическая (фундаментальная) теория – специальные (частные) социологические теории – эмпирические (конкретные) социологические исследования.

Представления о Т.С.У. были сформированы Мертоном в рамках методологии структурно-функционального анализа (**см.**) и первоначально были вписаны в его концептуальную схему. Переинтерпретируя теоретико-методологические установки Т. Парсонса (**см.**), Мертон предложил 11 правил научного метода (принципов или постулатов структурно-функционального анализа), которые обосновывали в том числе и возможность и необходимость введения представлений о

Т.С.У. Кратко их можно было бы сформулировать следующим образом: 1) даже при изучении уникального явления социология имеет дело со стандартизированными, типичными, повторяющимися (функционально обусловленными) характеристиками; 2) при изучении функциональных характеристик необходимо учитывать субъективные мотивы и цели индивида (субъективные диспозиции) в структуре социального действия; 3) социолог изучает объективные последствия социальных действий и изменений, которые могут быть объяснены через изучение функциональных зависимостей (функции – то, что системно, т.е. имеет значение для системы как структурной и организационной целостности, взаимодействующей со средой); объективных последствий у одного явления может быть множество, но они приводятся в рамках системы к некоторому итоговому балансу; 4) функции приложимы только к совокупности объектов (агрегированному объекту) и выражают его специфику (принцип фокусирования функции); 5) функции обладают принудительной силой по отношению к взаимодействию вовлеченных в систему элементов; 6) функции действуют через обеспечивающие их механизмы (общественное разделение труда, сегментирование социальных ролей и т.п.); 7) существуют функциональные альтернативы, эквиваленты и заменители (т.е. можно говорить о наличии областей возможных вариативностей функций); 8) вариативность функций ограничена структурным контекстом (что не позволяет элиминировать без последствий для системы в целом ее отдельные элементы и функции); 9) изучаться должны и статика, и динамика системы (для изучения динамики важное значение имеют понятия дисфункции, ослабляющей саморегуляцию системы и/или ее приспособление к среде, и латентной функции, не осознаваемой на поведенческом уровне функционирования системы); 10) должны быть методики проверки достоверности (валидности) исследования; 11) функциональный анализ а-идеологичен, но связан с идеологическими аспектами.

Предложенные Мертоном постулаты как раз и были призваны способствовать рефлексии возможностей и границ применимости научной теории, ограничивая (локализуя) ее рамками изучения конкретных системных целостностей (обозримыми полями функциональных зависимостей), что ставит под сомнение претензии той или иной теории на всеохватность и универсальность. В частности в рамках самого структурно-функционального анализа был поставлен вопрос о необходимости корректировки в этом аспекте социологических построений Парсонса. С точки зрения мертоновской методологии, теории универсалистского типа выходят за пределы собственно научного (социологического) анализа, так как предельные научные обобщения ограничены "средним уровнем" (т.е. в этом смысле они всегда носят "частный" характер). В то же время Мертон настаивает на бесконечной глубине социального факта, позволяющего "увидеть" всю систему через анализ его вовлеченности в функциональную связанность некой системной целостности. Отсюда необходимость фиксации исследовательских программ на изучении конкретики – последствий реального социального поведения и изменений в системе. Тем самым, признавая результативность теоретико-методологических установок Чикагской социологической школы, ориентировавшейся на эмпирическое изучение социальной феноменальности, Мертон одновременно выступает и их оппонентом в силу того, что они не позволяли в полной мере увидеть за фактами "систему", так как не были в достаточной мере ориентированы на построение (на раннем этапе развития школы) соответствующей теории исследуемой предметной области. Необходимо было "снять" эти две крайности в социологической методологии через преодоление их дихотомичности. Средство такого "снятия" Мертон и увидел в построении Т.С.У., ориентированных на установление функциональных зависимостей между "фактами" в рамках определенной целостности – системы.

По сути с помощью понятия "Т.С.У.", разрабатываемого в рамках методологии структурно-функционального анализа, Мертон предложил неоклассическую по своей направленности программу обновления социологического знания, призванную конституировать социологию в "промежуточном пространстве", располагающемся между чисто эмпирическими исследованиями социальной реальности и социально-философскими теориями социума "вообще". Развернуто эта его позиция была представлена в работе "О социологических теориях среднего уровня" (1967). Однако в различных переинтерпретациях идея Т.С.У. вышла за пределы социологического знания и стала обсуждаться как применимая к различным дисциплинарностям социогуманитарного цикла (к психологии, истории и т.д.), а в рамках логики и методологии науки – как "универсальный" способ построения теории вообще. В то же время с переходом социологии в постнеклассическую стадию развития идея Т.С.У., как закрепляющая натуралистическую установку, была подвергнута внутридисциплинарной критике и, по сути, отброшена – прежде всего в конструктивистско-деконструктивистской и постмодернистской линиях современной социологии, провозгласивших свою ориентацию на преодоление "остатков" натуралистического подхода и снятие дихотомий классической и неклассической (включая неоклассическую) социологии. В ряду этих дихотомий (объективное – субъективное, коллективное – индивидуальное, институциональное – поведенческое и т.д.) дихотомии теоретическое – эмпирическое и макросоциологическое – микросоциологическое занимали далеко не последнее место. При определенной переинтерпретации теории П.Л. Бергера (см.), Т. Лукмана (см.), Э. Гидденса (см.), П. Бурдье (см.), Ю. Хабермаса (см.) и др. могут быть рассмотрены как предложившие иное решение тех проблем, которые решались с помощью понятия "Т.С.У". В настоящее время само понятие "Т.С.У." [как и понятие "специальные (частные) социологические теории"] применяется главным образом в педагогических (образовательных) практиках в процессах воспроизводства дисциплинарного единства социологии и легитимации социологического экспансионизма.

В.Л. Абушенко

ТЕОРИЯ (греч. theoria – наблюдение, рассмотрение, исследование, умозрение, букв. – "зрелище", "инсценировка") – высшая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных (структурных, функциональных, каузальных, генетических) связях определенной области описываемой действительности (предметного поля объяснений и интерпретаций).

В классической науке Т. в идеале должна представлять собой систему ее законов и презентировать основной категориально-понятийный аппарат ее описания (понимания, истолкования, интерпретации, объяснения и прогнозирования, при акцентуализации последних двух процедур). Она представляет собой дедуктивно (в большинстве случаев) простроенную систему организации знания, вводящую правила логического вывода более конкретного знания (следствий) из наиболее

общих (в пределе – аксиоматических) для данной Т. оснований-посылок. В идеале "правильно" построенная Т. является открытой как в сторону исследования фактов, так и в сторону метатеоретических исследований, в которых она согласовывается с другими Т., имеющими отношение к данной предметно-проблемной области ("фрагменту"). Т. различаются по характеру решаемых задач, способам своего построения, типам реализуемых процедур.

Различают: 1) гипотетико-дедуктивные Т., характеризующиеся иерархической соподчиненностью своих компонентов, обеспечивающей переход от высказываний к высказываниям без привлечения дополнительной информации, и нацеленностью на процедуры объяснения; 2) дескриптивно-прогностические Т., построенные из пропозициональных утверждений примерно одного уровня обобщения (что не требует иерархической соподчиненности), обеспечивающие согласование с эмпирическим (фактуалистическим) уровнем знания и нацеленные на описание (как возможную базу для построения моделей и прогнозов); в этом смысле используют и термин "феноменологические Т."; 3) индуктивно-дедуктивные Т., занимающие срединное положение между первыми и вторыми; 4) формализованные Т. логики и математики.

В структуре "полностью" развернутой Т. выделяют: 1) фундаментальную теоретическую схему – исходные принципы, универсальные (для данной Т.) законы, основные системообразующие категории и понятия; 2) возможные дополнительные частные теоретические схемы, конкретизирующие и проецирующие фундаментальную теоретическую схему на сопредельные предметные области; 3) идеализированную (концептуальную) схему (модель, объект) описываемой области с "прописыванием" основных связей между ее элементами (структурно-организационный срез предметного поля), на которую проецируются интерпретации всех утверждений Т.; 4) логическую схему Т., включающую множество допустимых внутри Т. правил вывода, способов доказательства и принципов ее "оформления"; 5) языковой тезаурус, синтаксис как нормы построения правильных языковых выражений и предъявления полученных результатов (логико-математические Т. вообще понимаются как совокупность предложений некоторого формализованного языка); 6) интерпретационную схему, программирующую возможность перехода от концептуальной (реже – фундаментальной) схемы к уровню фактов и процедур наблюдения и эксперимента (задающую операциональный смысл Т.); 7) совокупность законов и утверждений, логически выведенных из фундаментальной теоретической схемы.

Таким образом, Т. представляет собой систему логически взаимосвязанных утверждений, интерпретируемых на идеализированных предметностях, презентирующих ("референтирующих") тот или иной "фрагмент" изучаемой действительности. Иначе: Т. есть сеть (как целостность) простроенных из исходных концептов конструктов, связанных определенной совокупностью "выведенных" высказываний относительно них. Т. должна максимально полно объяснять известные факты, "подводя" их под систему связей-законов, конституируемых как "лежащие в их основе". В то же время, эвристическая сила Т. определяется ее способностью предсказывать еще неизвестные факты, расширяя сферу "познанного". По отношению к Т. осуществляется ряд процедур ее обоснования: верификация, фальсификация, методологическая рефлексия ее оснований, фальсифицирующая критика оснований Т.-"конкурентов" (особенно в социогуманитарном знании), переконструирование архитектоники и другие процедуры более частного порядка. Фактически, в данном случае речь идет о "натурализации" теоретических схематизмов как описывающих не только идеальные, но и "действительные" объекты, т.е. об фиксации области применения Т. (реальных ситуациях опыта). Переход от схематизмов Т. к уровню фактов осуществляет достаточно подвижный (подвергаемый постоянным переформулировкам) слой гипотез (вытекающих из Т., но обосновываемых эмпирическими данными).

Таким образом, каждая Т. обладает определенным объяснительно-прогностическим потенциалом, указывающим на ее "силу". Последняя влияет на: 1) способность Т. "экспансировать" в сопредельные предметные, даже дисциплинарные области; 2) "конкурентноспособность" Т. в ее столкновении с другими Т., претендующими на объяснение и прогнозирование той же предметной области, но с других теоретико-методологических (концептуальных) оснований. В последнем случае речь может идти о двух разных эпистемологических ситуациях: 1) случай конкурирования "старой" и "новой" теоретических систем; 2) случай конкурирования между собой двух (и более) "новых" концептуальных схем (моделей, гипотез), претендующих на свою институционализацию в качестве Т. той или иной предметной области.

Дополнительными основаниями различения "силы" Т. являются: 1) критерий конструктивности (архитектоника Т.), 2) критерий простоты (способность Т. "сокращать", "сжимать" знание, увеличивать свою информационную "емкость" без дополнительного усложнения своей архитектоники). С методологической точки зрения любая Т. должна стремиться к максимальной полноте и адекватности описания, целостности и выводимости своих положений друг из друга, внутренней непротиворечивости. Актуализация тематики "выбора" Т. сместила акценты общеметодологической рефлексии с проблем "внутренней" организации знания на проблемы его "вписанности" в более "широкие" знаниевые системы, с логического и языкового анализа Т. на вопросы институциональной организации знания, что было закреплено как переход от "неопозитивистской" к "постпозитивистской" фазе в развитии аналитической философии, сделавшей научное знание основным предметом своих анализов. В фокус внимания общеметодологической рефлексии в этом случае попадают проблемы, связанные с рассмотрением вопросов идеалов и норм научного познания; научные картины мира, внутри которых формируются конкретные Т., или которые формируются (изменяются) под воздействием тех или иных Т., а также стратегии, применяемые определенными научными сообществами для закрепления своего доминирующего положения или для достижения такового в той или иной дисциплинарной области. В наиболее широком контексте речь идет о "вписанности" рассматриваемых Т. в систему культуры в целом, об их роли в описаниях (самоописаниях) последней. В этом случае содержание термина "Т." максимально расширяется вплоть до обсуждения теоретической компоненты и способов ее "оформления" в познавательных практиках того или иного типа культуры. В результате понятие Т. соподчиняется с понятиями (или даже заменяется ими) исследовательской программы (термин конституирован Лакатосом), как презентирующей те или иные исследовательские стратегии, или парадигмы (термин конституирован Куном), как презентирующей те или иные видения исследуемой реальности. У истоков "релятивизации" понятия Т. стоял Поппер (см.), у которого начало и завершение определенного этапа изменения знания

маркируются проблемами, а само знание трактуется как принципиально гипотетическое.

Из постпозитивистских дискурсов берет начало тенденция оспаривания понимания развития Т. как куммуляционного процесса. Представления об "усовершенствовании" и "развертывании" Т. в период "нормальной науки" были дополнены представлениями: 1) о "научной революции" и смене конкурирующих парадигм (Кун), 2) о переинтерпретации "защитного пояса" инвариантного ядра исследовательской программы (Лакатос), 3) о "методологическом анархизме", т.е. о равноправии различных сосуществующих Т., что только и способно служить гарантом того, что факты будут замечены и должным образом оценены (Фейерабенд). В этом же ключе можно понимать и введенное Фуко (**см.**) понятие эпистемы, а также анализ "эпистемологических разрывов" Г. Башляром.

Важную роль в пересмотре понятия Т. сыграли также: 1) введение Мертоном (**см.**) понятия "Т. среднего уровня" (**см.**), как опосредующей фундаментально-теоретическое и эмпирически-процессуальное (фактуалистическое) знания; 2) формирование представлений о метатеоретическом уровне организации знания (метатеория и метаязык), позволивших максимально дистанцироваться от конкретно-предметных "фрагментов", описываемых той или иной Т., и выйти на уровень методологической рефлексии над научным знанием того или иного рода или над научным знанием как таковым, с одной стороны, и на "вписывание" теоретического знания в контекст культуры – с другой.

С середины 20 в. наметилась тенденция обособления методологии от научно-теоретического (и философского) знания в особую область знаниевых практик (неорационализм, системо-мыследеятельностная (СМД) методология и др.). Универсальность Т. как высшей формы организации знания постоянно ставилась под вопрос в социогуманитарном знании (начиная с неокантианства). В этой связи обсуждались такие формы его организации как типологизация, идеальные и конструктивные типы и т.д. В более "мягких" версиях критики предлагалось снятие наиболее "строгих" требований, предъявляемых к Т. любого рода, а сама она фактически приобретала вид научной концепции, как задающей видение, логику и средства (концепты) описания той или иной исследуемой области. (В традиции аналитической философии близких взглядов придерживается Тулмин, рассматривающий науку как совокупность эволюционизирующих популяций понятий и объяснительных процедур.) Существенным в этом отношении было и формулирование тезиса о принципиальной мультипарадигмальности (плюралистичности) социальных и гуманитарных дисциплин. Не менее важным для понимания сути и природы научного знания оказались и представления о нем не только (и не столько) как о дисциплинарно-предметно организованном (а тем самым "стремящимся" к выражению себя в форме предельно эвристичной Т.), а как о знании дискурсивном, порождающем специфические дискурсы и коммуникации особого рода. См. также: **Гипотеза, Наука, Дисциплинарность, Знание.**

В.Л. Абушенко

ТЕРЕЩЕНКО Ольга Викентовна (р. 1954) – белорусский социолог и математик. Зав. кафедры социальной коммуникации (**см.**) Белгосуниверситета (с 1999). Кандидат социологических наук (1997, тема диссертации – "Причинная модель как средство объяснения расслоения общества по уровню доходов").

Окончила механико-математический факультет Белгосуниверситета (1977). Работала математиком-программистом в БГУ (1977-1986), научным сотрудником в Институте социологии НАН РБ (1986-1992), старшим преподавателем, доцентом кафедры социологии БГУ (1992-1999).

Научные интересы: статистические методы анализа данных; методы социологических и маркетинговых исследований; социальное неравенство, стратификация, мобильность.

Т. – автор более 100 работ по социологии и статистике, в том числе монографий: "Социолог и ЭВМ" (1991), "Прикладная статистика для социальных наук" (2002), а также "Всемирная энциклопедия. Философия XX век" (2002, соавтор и научный редактор).

ТЕРМИН (лат. terminus – предел, граница) – слово или словосочетание, обозначающее эмпирические или абстрактные объекты, значение которого уточняется в рамках научной теории. В зависимости от наличия или отсутствия денотата (референта) Т. в определяемой области, от степени формализации теории различают эмпирические, теоретические, специально-научные и другие Т.

Среди логических принципов образования Т. в качестве основных выделяют: 1) принцип предметности: символ есть Т. лишь в том случае, если существует денотат данного символа (объект обозначения). Абстрактный Т. теории, не имеющий референта в исходной области ее объектов, должен иметь смысл, который точно определен в рамках теории и который сам является референтом идеального элемента из языка синтаксического исчисления, формализующего содержательную теорию; 2) принцип однозначности: символ есть Т., если имеет только один денотат; 3) принцип осмысленности: смысл Т. заключается исключительно в том, что Т. обозначает некоторый объект.

Специфику появления Т. и выделения их в особый класс в системе языка определяют два основных элемента: формально выраженная мотивация и автоматизм применения. Существует мнение, что Т. должны быть немотивированными, а чисто конвенциальными. Слово, которому придается значение Т., вызывает ассоциации. Предотвратить ложные ассоциации, создать условия для адекватного восприятия Т. можно только в плоскости мотивации. Т. должен не только передавать информацию о содержании понятия, но и по возможности указывать на его место в системе подобных понятий, облегчать вход в систему, взаимопонимание, запоминание и применение. Но этим же одновременно и ограничивается свобода применения Т. без нарушения его значения. Создание нового Т. означает введение понятия в автоматическую систему коммуникации, лишение его образности.

С.В. Воробьёва

ТЕРРОРИЗМ – вид противоправной политически и/или финансово мотивированной активности, сочетающий в себе психологический (угроза насильственных действий) и физический (сами насильственные действия – диверсии, захват заложников и др.) компоненты, осуществляемый индивидами или малыми группами с целью принудить общество, государство или частное лицо (частных лиц) исполнить их требования.

А.А. Грицанов

ТЕСТ (англ. test – проба, испытание, проверка, исследование) – удовлетворяющий критериям научного познания

эмпирико-аналитический метод, представляющий наряду с моделированием, многомерными (нелинейными и динамическими) количественными и качественными методами современную проективную и организационную научную методологию. Тестовый метод состоит в применении системы специально отобранных и предварительно "свернутых", проверенных процедур (репрезентации, формализации, алгоритмизации, инструктирования, фиксации, метрики, анализа и интерпретации) для получения неявной информации об интересующих параметрах и свойствах изучаемого объекта или явления и их профессиональной диагностики. К достоинствам тестового метода относится его экономическая эффективность, более высокая, чем у других методов. К недостаткам тестовых процедур следует отнести их исключительно констатирующую функцию, а специфической особенностью тестового метода является его зависимость от внешних условий, особая "чувствительность" к наличной ситуации исследования. Для более полного и конкретного измерения количественных характеристик объекта исследования создается внутренне согласованная "тестовая батарея" или "тестовый профиль".

Теория конструирования Т. опирается на теорию измерения, которая в свою очередь основывается на многомерном (латентно-структурном) анализе данных. Общие требования к Т., делающие его научным методом, заключаются в соответствии Т. четырем специальным критериям: 1) стандартизации – единообразия всех процедур проведения Т., подсчета и интерпретации результатов; 2) нормировки – задания самого оценивающего стандарта для каждой процедуры; 3) надежности – стабильности оценок, получаемых при повторных испытаниях; 4) валидности (содержательной – логической, критериальной – эмпирической и конструктивной – теоретической) – такого качества Т., которое отражает степень соответствия цели и результата тестирования. Теоретически тестовый метод наиболее полно разработан в психологии.

История Т. как научно обоснованного метода измерения началась в конце 19 в. (Ф. Гальтон, Дж. Кеттел, А. Бине). С теорией Т. тесно связаны создание и развитие математического аппарата корреляционного и факторного анализа. В современной психологии, наряду с традиционными методами наблюдения и эксперимента, широко применяется тестовый метод в качестве стандартизированной психометрической процедуры. Можно расклассифицировать Т. по направленности психологических задач следующим образом: 1) Т. достижений и специальных способностей – исследуется сенсомоторная сфера человека, его поведение, обучаемость, индивидуальные и творческие способности; 2) Т. интеллекта – исследуется умственное развитие человека, оценивается его интеллектуальный возраст; 3) Т. личности и проективные – исследуются различные стороны личности (установки, ценности, эмоциональные, мотивационные и межличностные свойства), темперамент и характер человека, личность как целое, индивидуальное и уникальное образование. Кроме психологии, тестовые методы получили распространение в педагогике, медицине, физиологии, социологии и смежных с ними науках, а также в технике.

Д.В. Ермолович

ТЕХНИКА (греч. techne – искусство, мастерство) – собирательный термин для обозначения множества феноменов, в которых мышление (разум) обнаруживает свое присутствие (здесь бытие) в мире. Понятия Т. получаются путем феноменологической редукции в разных подходах, при этом всякий раз за рамками понятийного оформления остается значительная часть содержания. Множество подходных понятий Т. дополняют друг друга, составляя сложную рефлексивную картину отношения мышления к миру. Результатом субстанциональных редукций выступает распространение понятия Т. на множество инструментов, орудий и машин – включая и такие специфические, как мегамашины Мэмфорда (**см.**), или государство (**см.**). Аксиологическая редукция включает в понятие Т. ценности и цели (власть над природой, выживание, борьбу за существование и отбор, творчество и креативность). Натуралистическая редукция рассматривает феномены Т. как геологическую формацию естественной истории (техносфера, ноосфера де Шардена и Вернадского). Распространены антропологическая, эпистемологическая, социологическая и ряд иных редукций. (См. **Технологический детерминизм, Технофобия**.)

Редукционизм в определениях понятия Т. неизбежен, поскольку полнота рефлексии отношения мышления к миру воплощается в самой Т. Мир, как интенциональный объект мышления внеположен самому мышлению как нечто иррациональное, подлежащее рационализации. Установка (постав) на рационализацию мира находит свое выражение в Т. С другой стороны, Т. выступает мерой рационализации мира. В определенном смысле Т. рядоположна философии и познавательной установке мышления. Т. и философия (в расширительном значении, включая науку, логику, методологию и иные формы проявления) выражают две разные интенции мышления. Каждая из интенций (не путать с первой и второй интенциями схоластов) по своему рационализирует мир, кладет и удерживает внеположенный мышлению мир в своих специфических объектах, предметах и категориях. Отношения между двумя этими интенциями (Т. и философией) могут строиться, скорее, как перевод содержания объектов, предметов и категорий в языках друг друга, нежели как объекты взаимной активности. Философии мир дан в идеальных объектах, понятиях и универсалиях. Т. мир дан во взаимодействии тел и сред. Философия исследует, творит и преобразует свой мир, так же как Т. свой. Т. и философия постоянно обмениваются между собой своими достижениями и продуктами, но их развитие и история гетерохронны. Агрегатные состояния тел и изменяемые среды, с которыми Т. давно имеет дело, гораздо позже становятся предметами интереса философии и науки так же, как и открытия науки и философии далеко не сразу становятся предметом технического отношения.

Синхронизация истории Т. и философии осуществлялась в несколько этапов. В конце 18 в. К. Монж объединил технические и теоретические знания в высшем образовании и в деятельности инженеров. С этого момента ведет свою историю современная инженерия, как деятельность, вобравшая в себя обе интенции мышления. Несколько по другому сборка и комплексирование обеих интенций осуществлялись в философии Т. которая строилась на встречном движении, от философии к Т. и от Т. к философии. Рефлексивное конфигурирование Т. и философии осуществляется в деятельностном подходе. Категоризация Т. может задаваться несколькими способами, категориальными парами. 1) Т. и мир. Т. в этом случае выступает как привнесение в естественный порядок вещей искусственного упорядочивающего начала. Т. как оискусствление (артификация) естественного, достраивание естественного порядка (космоса) искусственным порядком (таксисом). 2) Т. и человек. Т. как усиление естественных способностей человека, с одной стороны, и как проблематика тварно-

сти человека, когда сам человек становится объектом технического отношения. 3) Т. и мышление. Мышление объективирует Т. в понятиях и идеях ("вторая природа", деятельность и т.д. в различных редукциях). В свою очередь мышление рассматривается как деятельность, и проявления мышления рассматриваются как мыслительные Т.

Т. в мире представлена комплексом орудий, машин и механизмов, техногенной средой, в которую включена и природная среда. Ноосферные представления рассматривают иные геологические сферы как включенные в сферу разума и Т. и преобразованные. Так же как биосфера меняет минеральные сферы (атмосферу, гидросферу, литосферу и т.д.), ноосфера преобразует все это и оискусствляет их. Рационализированные искусственные среды оказываются ничуть не лучше естественных для человека, к ним необходимо так же приспосабливаться, или так же менять их, как до оискусствления Т. меняла естественную среду. Это порождает комплекс аксиологических, этических и прагматических проблем, на которые Т. реагирует дальнейшим воздействием на тела (включая тело человека) и среды. Философия, в свою очередь, меняет этические и аксиологические установки и концептуализирует новые среды и сферы (физическая среда, информационная, социальная, семиотическая и т.д.). Т. внедряется и распространяется и на эти среды, большинство из этих сред техногенного происхождения. Техногенные среды парадоксальны относительно Т., их породившей. Будучи искусственными по происхождению, эти среды даны в Т. как оестествленные или просто естественные. Будучи продуктом Т., техногенные среды никогда не присутствовали в ней как цели. Технические цели сосредоточиваются на средовых единицах или атомах. Т. приводит к загрязнению рек и изменению состава воздуха, но цели конкретных технических действий не были направлены на гидросферу и атмосферу. В физических средах цели Т. направлены на тела, изменяя тела, Т. оставляет следы в средах, преобразуя их. Когда для Т. открываются новые среды, возникает проблема аналогов тел в физических средах. Так в семиотической среде (среде техногенного происхождения, порожденной интенцией мышления), аналогом тела (атома) становится знак, относительно знака формулируются технические цели и строятся семиотические орудия и машины (письменность, математика, языки искусства и т.д.).

Целевая направленность Т. на тела или их аналоги в других средах, с одной стороны, и способность Т. порождать техногенные среды, с другой, требуют раздвоения Т. как интенции мышления на две составляющие, по аналогии со схоластическими первой и второй интенциями. Продуктами первой технической интенции являются конкретные технические достижения, изобретения и вещи культуры, продуктами второй технической интенции выступают техногенный мир, культура, Интернет. Первая интенция вынуждает человека посредством Т. строить дом, электростанцию, организовывать добычу топлива, чтобы защитить себя от факторов природной среды, вторая интенция делает мир промышленным и урбанистическим (наполненным новыми телами: домами, электростанциями, угольными отвалами). Первая техническая интенция изобретает рифмованную речь и стихи, результатом второй становятся эстетика поэзии, библиотеки, образование. Относительно человека в объем понятия "Т." необходимо включать проявления улучшения или усиления природных способностей человека, не связанные с творением, по крайней мере материальным творением или творением в материале. Например, Т. прыжков в высоту – фосбери-флоп, Т. бега на 100 метров, Т. письма и пения, или Т. постимпрессионистов – пуантелизм. Т. письма определяется природным устройством кисти руки, но также и инструментом, Т. пения есть чистая форма без опосредования инструментами. Письмо оставляет материальные следы, но при рассмотрении Т. письма они не так важны как эстетическая сторона самих следов, так же как для Т. пения не важны затухающие навсегда звуковые колебания. Всякое проявление человека может раскладываться на отправление природы человека и искусственную форму, которая этому отправлению придается. Эта искусственная форма естественного отправления и есть Т. В такой трактовке машины и машинность, инструменты и инструментальность выступают акциденциями Т., но не ее субстанцией. А с другой стороны в Т. важен именно аспект искусственности. Можно выделить, описать и изобрести несколько Т. спринтерского или марафонского бега. Но нельзя считать Т. разновидности бега у лошадей. Галоп, аллюр, иноходь, рысь – природные особенности бега лошадей. Если же лошадь приходится учить некоторому движению, то речь может идти о Т. дрессировки, т.е. опять же о искусственной форме отправлений человека, где обучаемая лошадь выступает природным материалом преобразования, страдательным и претерпевающим.

Существование современного человека (современность, в данном случае, это 40000 или более лет) вне Т. возможно только в спекулятивных построениях. Феноменально же человек присутствует в искусственной форме своих природных отправлений, т.е. в Т. Т. есть энтелехия человека. Отсюда вся проблематика тварности человека. Проблема субъекта творения (кто: боги, Бог, сам человек, труд). Проблема предиката, что делается? или что сделано? (совершенная и несовершенная форма). Совершенность как в распредмеченном смысле, как эстетический вывод или результат критики способности суждения, так и в опредмеченных – грамматическая категория глагольных форм. Тварность и несовершенность (в обозначенных смыслах), человека делают возможными практику воспитания, антропотехнику (см. **Антропотехника**), социотехнику, гуманитарные технологии. Проблема зеркальности, симметричности и взаимообратимости субъекта и предиката (что есть образ, что подобие? "если бы быки сочинили Илиаду, то олимпийцы имели бы образ быков"). В отношении к мышлению Т. представлена как объект мышления, а мышление как деятельность само представлено Т. мышления. Чаще всего Т. как объект мыслится в прагматических формах. В позитивном отношении такое мышление представлено либо инженерией, либо технократизмом, в отрицательном приобретает черты луддизма или руссоизма. Технократизм должен быть доукомплектован технокритицизмом, предметом которого является не оппонирование технократизму, а критика инженерной рациональности и технической интенции.

Особого обсуждения требует тема философских Т. Например, дискурс как Т. или, изощренная искусственная форма естественного (оестествленного) отправления – речи. То же самое: поэзия, художественная речь, проповедь и т.д. Специальные философские Т.: распредмечивание и опредмечивание, конфигурирование, феноменологическая редукция, рефлексивные Т. (интроспекция и эпохе), майевтика и ирония, критика и аналитика, индукция и дедукция и т.д. Различные философские подходы пользуются разными философскими Т. так же, как и творцы философии, авторы текстов и изобретатели философских Т., что определяется целями, задачами и первой технической интенцией. Но вторая техническая интенция предполагает существование философии как особой

среды. Средовые характеристики философии рефлектируются как эпохи или периоды: Просвещение, Романтизм, Постмодернизм. В постмодернизме философия как среда существования философа рефлектируется наиболее отчетливо. Отсюда специфические объекты интереса постмодернистов к телам и атомам в этой среде (тексты, знаки, симулякры), к Т. работы с телами философии (письмо, нарратив, дискурс), к средовым процессам и взаимодействиям (хаос, ризома, игра, складка). Осознание превалирования (неважно, действительного или мнимого) второй технической интенцией в философии над первой оформляется в тезисе о смерти автора. Приписывание Т. атрибутов автономности и эмерджентности также является концептуальным следствием обнаружения второй технической интенции (при недостаточной концептуализации следствием может стать технофобия). Творец и автор утрачивают контроль за последствиями своих технических действий, Т. как бы живет своей жизнью, сама становясь средой обитания человека и особым миром. Понятийное отождествление тел технической среды (например, машин) с самой средой предполагает, что все искусственное (рукотворное) так же подвластно человеку и Т. как тела. Автомобиль-машина – тело Т., управление автомобилем тоже Т., или искусственно усиленная способность человека манипулировать телами, автомобильное движение складывается из тел, каждое из которых подвластно человеку, почему же человек оказывается жертвой автомобильного движения? В гипертрофированном виде такое отношение человека к рукотворному миру проявляется, когда человек сталкивается со сложными машинами, менее понятными, чем автомобиль. (Художественный текст, вынуждающий автора к определенным сюжетным поворотам помимо авторской воли, компьютерная сеть, порождающая виртуальные потребности. Социальный институт, реализующий собственные цели, вместо выполнения функции, для которой был создан.) Все эти парадоксы, проблемы и фобии являются результатом понятийного редукционизма Т., и снимаются самой Т., как установкой мышления на рационализацию мира. Даже тот мир, который наполнен продуктами рациональной деятельности и имеет техногенное происхождение, внеположен мышлению как иррациональный, значит требующий рационализации, т.е. технического отношения к себе. Рационализация и техническое отношение снимают иррациональность, не оставляя причин для возникновения фобий. Проблемы и парадоксы, возникающие в столкновении человека с техногенной средой, должны быть отнесены к мышлению, где они и решаются в рамках философской интенции, а не к Т.

В.В. Мацкевич

ТЕХНИЦИЗМ – мировоззренческая установка относительно функций и значимости техники в системе культуры, противоположная антитехницизму (**см.**). Т. провозглашает науку (**см.**) и технику (**см.**) основными двигателями социального прогресса и связывает с их развитием разрешение всех социальных проблем и противоречий. Сущность Т. проявляется в отождествлении научно-технического и социального прогресса, в наделении техники и науки способностью к саморазвитию, в некритической вере в позитивную социальную роль техники и силу разума, которые, по сути дела, якобы с неизбежностью обеспечат скорое увеличение материальных благ для людей и сделают человеческую жизнь более обеспеченной и счастливой. Поскольку Т. является как бы оборотной стороной антитехницизма, их общей основой является технический фетишизм – абсолютизация роли техники в обществе, восприятие техники как силы, детерминирующей развитие человека и общества, повелевающей людьми. Т. возник на рубеже 19-20 вв. в науке и массовом сознании как отражение возрастающей роли научно-технического прогресса (**см.**) и признание того, что технические достижения имеют колоссальные последствия для человека, совершенствуют его образ жизни (**см.**), формируют строй мышления. С каждой новой ступенью в развитии техники якобы наступает и новая стадия в развитии общества. Вся история цивилизации делится на три основных периода: традиционное, технологическое, или индустриальное, и постиндустриальное общество, различающиеся степенью развития техники. Общество трактуется здесь как производное от технической системы, а культура (**см.**) понимается как научно-техническая культура, покоящаяся на рационализме. Таким образом, развитие науки и техники автоматически ведет к более гармоничному обществу.

Для Т. характерен социальный оптимизм, вера в неминуемое совершенствование мира, в техническую рациональность. Т., как и антитехницизм, основывается на методологии технологического детерминизма (**см.**) и некритически оценивает технику, отличаясь от антитехницизма лишь знаком "плюс" в этой оценке. Наиболее ярким воплощением Т. в теоретической социологии являются концепции технократизма (**см.**).

Л.Г. Титаренко

ТЕХНОКРАТИЗМ – распространенный в западной общественной мысли принцип объяснения общественного развития, согласно которому власть в обществе должна принадлежать технократам – носителям технического прогресса, высшим слоям технических специалистов. В основе традиционного технократического взгляда на мир лежит методология технологического детерминизма (**см.**), абсолютизирующая развитие техники (**см.**) и технологии и представляющая технику как основу социального прогресса. Если техника – движущая сила развития всего общества, то вполне закономерным представляется, что люди, связанные с техникой, обладающие научно-техническими знаниями и компетенцией, определяющие научно-технический прогресс и развитие производства, могут и должны взять политическую власть в свои руки.

Т. появился на волне успешного научно-технического развития уже в 19 в., но в полной мере проявил себя в философии, социологии, культуре в целом в 20 ст., когда стала развиваться научно-техническая революция (**см.**), и технократическая идеология овладела большими социальными группами, связанными с НТР. Наиболее ярко Т. воплотился в различных утопических технократических идеях и теориях индустриального, технотронного, постиндустриального общества.

В 1960-1970 Т. был положен в основу индустриалистских теорий, которые постулировали реальное воплощение его принципов в практике западного общества. Американский экономист и социолог Дж. Гэлбрейт (**см.**) попытался теоретически и практически доказать, что современное ему американское общество и есть реализованный технократический идеал: главенствующую роль в этом обществе играет техническая рациональность, которой все больше подчиняется экономика, управляемая усилиями техноструктуры. Техноструктура, объединяющая технических специалистов и управляющих разного уровня, – это головной мозг крупных предприятий: она принимает решения на основе научной экспертизы, воплощает и реализует интересы всех работников предприятия, по сути дела, вершит все дела в обществе. Революция уже не нужна: реальная власть уже принадлежит техноструктуре.

Хотя Гэлбрейт и ряд других авторов допускали конвергенцию социализма (см.) и капитализма (см.) в новый тип технократического общества, сам этот образ рисовался по подобию развитого капиталистического общества. Когда в конце 1970 на смену бескризисного этапа развития снова пришла пора кризисов, технократическая идиллия была разрушена, и на смену Т. пришел неотехнократизм (см.).

Л.Г. Титаренко

ТЕХНОКРАТИЯ – термин, под которым в современной западной социологии понимается, во-первых, тип государственного устройства, при котором вся полнота экономической и политической власти находится в руках технических специалистов, якобы пришедших на смену бизнесменам и политикам в результате развития НТР; во-вторых, это сами научно-технические специалисты, носители научно-технических знаний и технической рациональности; в-третьих, это различные технократические концепции в современной теоретической социологии, возвеличивающие социально-преобразующую роль техники в современном обществе. В зависимости от конкретного имени, каким авторы называли новую технократическую элиту общества, можно выделить несколько этапов в эволюции технократизма.

Отцом первой традиционной технократической концепции был Т. Веблен (см.), который называл технократами инженеров, технических специалистов широкого профиля. Подчеркивая "ключевую важность" конфликта между бизнесом и индустрией, Веблен считал необходимым "индустриальный переворот", в результате которого фактическая власть должна была перейти от предпринимателей к техническим специалистам, а капиталистическое общество превратится в технократическое. Идеи Веблена имели широкое распространение среди научно-технических специалистов американского общества в 1920 – начале 1930-х. Затем их сменили идеи "революции менеджеров", которые пропагандировались в работах Берли, Бернхэма (см.), а элита называлась управленческой. В 1950-е появляются концепции индустриального, единого индустриального общества, где впервые провозглашается, что технологический рай на земле уже построен, общество перестало быть как капиталистическим, так и социалистическим: старые "измы" предлагалось отбросить и полностью наслаждаться плодами научно-технической революции (см.). Императивы знания (см.) получили приоритет над императивами идеологии (см.), ценным было признано все, что технологично, совершенствование техники (см.) стало целью общества, вместо политических решений признано необходимым принимать механические решения.

Однако вскоре стало очевидным, что наряду с добром научно-технический прогресс (см.) несет человечеству негативные непредсказуемые последствия, что так называемые глобальные проблемы современности (см.) также связаны с чрезмерным развитием техники. Концепция индустриализма как рая земного рухнула, уступив вскоре место концепциям постиндустриализма и научной интеллигенции как новой элите. Яркую картину постиндустриального общества (см.) нарисовал Д. Белл (см.) в книге "Приход постиндустриального общества", а критику его дал О. Тоффлер (см.). Наконец, в 1980-1990-е получили широкое распространение теории информационно-компьютерного общества, рассматриваемые как современный вариант технократизма и по-прежнему связывающий разрешение социальных противоречий с развитием техники. Новая элита названа датакратией, так как она связана с накоплением информации, баз данных. Таким образом, неотехнократия по своей сущности мало чем отличается от Т.

Л.Г. Титаренко

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ – теоретико-методологическая установка в философских и социологических концепциях, исходящая из решающей роли техники и технологии в развитии социально-экономических структур. Возник в 1920-х в связи с бурными успехами в развитии науки и техники, нарастающей эффективностью их массового применения в развитии производства. В работах Веблена (см.) эта установка нашла реализацию в доктрине, согласно которой решающая роль не только в развитии экономики, но и в принятии управленческих решений в области политики должна принадлежать менеджерам (идея так называемой "революции управляющих"). Ее влияние явственно проявилось в теории стадий роста, выдвинутой в 1960-х Ростоу (см.), в концепциях индустриального (Арон – см., Гэлбрейт – см., А. Берли и др.), постиндустриального (Белл – см., Ж. Фурастье и др.), технотронного (З. Бжезинский), программированного (Турен – см.), информационного (Е. Масуда) общества, "третьей волны" (Тоффлер – см.).

Приверженцы Т.Д. считают, что основной детерминантой социально-экономических и иных изменений в обществе являются более или менее крупные сдвиги в технике и технологической системе производства. Однако слово "технология" означает "не столько машины и инструменты, сколько то представление о мире, которое руководит нашим восприятием всего существующего" (Дж.П. Грант). Согласно Тоффлеру, в сложной архитектонике общества и его динамике решающая роль принадлежит "техносфере", которая производит и распределяет блага и в соответствии с изменениями в которой изменяются социо- и инфосферы, в свою очередь влияющие на сферу власти и психосферу. Таким образом на новейшей стадии своего развития Т.Д. выходит за узкие рамки техницизма и стремится соотнести категорию "технология" с ключевыми понятиями философской рефлексии – цивилизация, культура, прогресс, ценности, идентификация. Однако резкое расширение философского контекста теоретических экспликаций техники и технологии привело к существенной дифференциации точек зрения на сущность, значимость и роль технологических детерминант социально-экономического и социокультурного развития. Наряду с техницистской традицией и в противовес ей современная философская и социологическая мысль выдвинула антитехницистскую линию. Маркузе (см.), Адорно (см.), Эллюль (см.), Хоркхаймер (см.) и др. акцентируют внимание на негативных последствиях чрезмерного увлечения человека могуществом техники. Они связывают феномен техники со всеобщей рационализацией мира и интерпретируют этот феномен как самую опасную для человека форму детерминизма. Техника, считает Эллюль, превращает средства в цель, стандартизирует поведение, интересы, склонности людей, превращая тем самым человека в объект бездуховных "калькуляций и манипуляций". С его точки зрения, необходимо преодолеть узкие рамки Т.Д. и задуматься о возможной поливариантности социального развития, имея в виду, что в любом из вариантов философствования на эту тему необходимо исходить из идеи гуманизации техники и полной переориентации позитивных потенций последней в целях освобождения человека от всех форм социальной зависимости. См. также: **Техника**.

Е.М. Бабосов

ТЕХНОЛОГИЯ ИНФОРМАЦИОННО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ эмпирических социологических исследований – комплекс программно-технических средств и организационных мероприятий, обеспечивающих повышение качества, сокращение сроков и снижение стоимости социологических исследований, что особенно важно при больших потоках исследований или сжатых сроках (например, в маркетинговых исследованиях или оперативных исследованиях в период избирательных кампаний). С другой стороны, наличие постоянного потока исследований позволяет накопить не только опыт, но и необходимые данные для создания технологии. Т.И.-М.О. предполагает соблюдение следующих положений:

1. Максимальная компьютеризация всего процесса. Это касается не только этапа проверки гипотез (что уже достаточно давно делается с помощью ЭВМ и программ анализа данных – **см.**), но и всех остальных, начиная от составления анкеты и до написания отчета. Эту проблему невозможно решить при проведении одного исследования в год. Только в случае непрерывного потока материалов становится возможен сбор информации, ее классификация и анализ и, как следствие, разработка методов, позволяющих алгоритмизировать (а следовательно, и перенести на компьютер) если не весь процесс, то большую его часть. Так, если существует компьютерная база вопросов, использованных в предыдущих исследованиях, причем известно, как на тот или иной вопрос реагируют отдельные группы населения, как вопрос "ведет себя" рядом с другими вопросами, насколько эффективна выбранная шкала при решении конкретной гипотезы и т.д., то существенно упрощается этап составления анкеты. Фактически он сводится к составлению анкеты из уже существующих блоков и добавлению небольшого количества новых вопросов (со временем этих вопросов будет становиться все меньше). Возможна и эффективна компьютеризация других этапов исследования – расчет выборки, планирование и контроль работы сети интервьюеров, контроль качества заполнения анкет, разработка и оформление отчета.

2. Наличие технологической карты – документа, в котором описаны связи между структурными подразделениями исследовательской организации (т.е. что, когда и в каком виде одно подразделение передает другому), а также оговорены сроки выполнения каждого этапа исследования.

3. Строгое описание и соблюдение должностных обязанностей каждого участника исследования.

4. Фиксация, анализ и внесение в базу данных всей информации, касающейся проведенного исследования.

Е.М. Бородачева

ТЕХНОФОБИЯ (греч. techne – мастерство, phobos – страх) – понятие, выражающее страх перед техникой, которая отчуждена от человека и воспринимается им в качестве угрозы его бытию. Первоначально формируется в философских и социологических концепциях, выражающих боязнь интеллигентных кругов индустриально развитых стран перед угрозой дегуманизации общества, его духовного оскудения под воздействием все более могущественной техники и резкого усиления роли последней в социально-экономическом развитии (Адорно – **см.**, Маркузе – **см.**, Мэмфорд – **см.**, Эллюль – **см.** и др.). Фетишизация техники и ее возрастающих возможностей, согласно Адорно, приводит к отчуждению и овеществлению человека, и его бездуховности, в результате чего технологизация общества предстает как "неудавшаяся цивилизация". Главная опасность безудержного технического прогресса, утверждает Эллюль, заключается в том, что, будучи созданной в качестве средства подчинения среды человеку, техника сама становится средой, вследствие чего окружающая нас среда предстает как "вселенная Машины", подчиняющая себе и самого человека. Поэтому в современных условиях "техника – фактор порабощения человека". Это ставит в повестку дня не отказ от техники как таковой, а радикальное отвержение "идеологии техники", бездумного техницизма. Во второй половине 20 в. под воздействием бурного роста техносферы и ее амбивалентного (не только позитивного, но и разрушительного) воздействия на жизнь человеческих сообществ Т. получает широкое распространение и в массовом сознании.

Е.М. Бабосов

ТИЛЛИХ (Tillich) Пауль (1886-1965) – немецко-американский протестантский теолог, философ, культуролог. Учился в университетах Берлина, Тюбингене, Галле и Бреслау. В 1911 получил степень доктора философии в Бреслау, в 1912 – степень лиценциата теологии в Галле. Обе диссертации (теологическая и философская) посвящены философии позднего Ф. Шеллинга, который оказал несомненное влияние на все его творчество. В 1912 Т. стал пастором евангелической лютеранской церкви Бранденбурга. Во время Первой мировой войны служил в германской армии пастором-капелланом. После окончания войны преподавал в университетах Берлина (1919-1924) и Марбурга (1925), в Высшем техническом училище Дрездена (1925-1929) и Франкфуртском университете (1929-1933). Являлся участником движения "религиозного социализма" в 1920-1930-е в Германии. Вскоре после прихода Гитлера к власти по причине своих политических убеждений лишился кафедры и в 1933 по приглашению Р. Нибура переезжает в США. С 1933 по 1955 был профессором систематической теологии и философии религии в Объединенной теологической семинарии в Нью-Йорке. Преподавал в Гарвардском университете (1955-1962). Именно в эмиграции им были написаны главные труды. В США Т. активно занимался общественной деятельностью: в годы войны был председателем Совета по Демократической Германии; почти 15 лет возглавлял Общество помощи эмигрантам из стран Центральной Европы. После окончания Второй мировой войны Т. дважды (1948 и 1951) посетил Германию, выступив с лекциями в Марбурге, Франкфурте и Берлине, а перевод своих книг с английского на немецкий назвал "лучшим способом возвращения на родину".

Основные работы Т.: "К идее теономии культуры" (1919), "Кайрос" (1922), "Преодоление понятия религии в философии религии" (1925), "Интерпретация истории" (1936), "Мужество быть" (1952), "Протестантская эра" (1957), "Теология культуры" (1959); "Систематическая теология" (1951-1963) и др.

Религиозно-философские построения Т. могут служить примером всестороннего осмысления социальной проблематики в современном протестантском модернизме. Формируя свою теологическую концепцию Т. стремится к широкому культурному синтезу не только в чисто религиозных вопросах, но и в понимании истории, морали и т.д. Теология Т. была преимущественно социальной по своему характеру, причем его социальные идеалы носили скорее этический, чем общественно-политический характер. Смыслом всего творчества для него было "сохранение старых ценностей и перевод их в термины новой культуры". Главная тема тиллиховского интереса – соотношение и взаимодействие христианства с

современной культурой – осмысляется им в тесной связи с разработкой онтологической, гносеологической, антропологической и т.п. проблематики. Его доктрина представляет собой образец "философизации" протестантской теологии. Ставя перед собой цель создания такой теологической системы, которая соответствовала бы реалиям современности, Т. прибегает к помощи философии, что выливается у него в философскую интерпретацию традиционных христианских понятий и символов. Отказ Т. от строгой замкнутости богословской системы и его обращение к различным философским течениям (в первую очередь к экзистенциализму) как к средству преодоления этой замкнутости – это попытка найти возможность для сохранения и поддержания авторитета христианской религии в границах современной секуляризированной культуры.

Так как задача философии, по мнению, – ставить экзистенциальные вопросы, а задача теологии – отвечать на них, и в познании реальности они не могут существовать в отрыве друг от друга, их корреляция рассматривается Т. как главная методологическая проблема протестантской теологии. Анализируя человеческую ситуацию, теология, по мнению Т., использует те данные, свойственные творческому самовыражению человека, которые становятся доступными благодаря философии (равно как и литературе, психологии, социологии). И хотя в соответствии с ответом, предложенным в христианской Вести, теология может проанализировать эти данные гораздо глубже, чем философия, анализ этот все же остается философским. В качестве экзистенциальных проблем Т. рассматривает проблемы смерти, смысла жизни и вины. Все они трактуются как проявление "экзистенциальной тревоги", а их смысл заключается в ощущении человеком угрозы небытия. Эти вопросы подробно исследуется теологом в работе "Мужество быть", основополагающая мысль которой заключается в признании и осознании человеком своих границ, пределов своих возможностей. В понятии мужества, по его мнению, сходятся все теологические, социологические и философские проблемы. Это одно из тех ключевых понятий, которое призвано помочь осознать человеческую ситуацию. Разработанная Т. категория "мужество быть" соединяет этическую проблематику с онтологической, охватывая их и открывая путь к новому философскому синтезу. Мужество, хотя и относится к сфере этики, по мнению Т., коренится "во всем многообразии человеческого существования и, в конечном счете, в структуре самого бытия". Будучи убежденным в том, что для того, чтобы понять мужество этически, необходимо осуществить онтологический анализ этого понятия, Т. говорит о мужестве как онтологической категории, как утверждении жизни во всех ее аспектах. Этический вопрос о природе мужества неизбежно приводит к онтологическому вопросу о природе бытия, и наоборот: онтологический вопрос о природе бытия может быть задан как этический вопрос о природе мужества. Поэтому Т. считает, что в категории "мужество быть" объединены оба этих значения мужества: как человеческое действие, которое подлежит оценке, мужество – понятие этическое, а как универсальное и сущностное самоутверждение бытия – понятие онтологическое. "Мужество быть" – это этический акт, в котором человек утверждает свое бытие вопреки тем элементам существования, которое противостоит его сущностному самоутверждению". Трактовка мужества у Т. основана на понимании того, что такое человек и его мир, на понимании структур и ценностей этого мира. Современному человеку мужество в первую очередь нужно для преодоления глубокого сомнения, поразившего 20 ст. и подрывающего стремление к смыслу. Ситуация нашего времени определяется крушением автономной культуры, которое вновь показало, что все существование человека подвержено страшной угрозе.

Лейтмотивом концепции Т. является поиск связи между христианской верой и актуальными социальными проблемами современности. Это объясняет то, что в рамках его творчества значительное место отводится социально-этической проблематике. Мораль рассматривается Т. в ее соотношении с религией и культурой и их взаимодействия как трех глубинных составляющих человеческого духа. "Мы должны различать три основные функции человеческого духа: моральность, культуру и религию – подчеркивает Т. В каждую функцию духа вовлечена цельная личность, а не просто часть ее или элемент". Исходным положением для Т. является та мысль, что в основе всех социальных ценностей лежит общая субстанция культуры вообще – религиозное основание человеческого существования. Причину же современного "почти шизофренического" раздвоения сознания между религиозным и светским Т. видит в игнорировании того многогранного, но тем не менее общего поля культуры, внутри которого оба аспекта существуют. Религиозно-философское осмысление культуры является важнейшим аспектом всей теологической системы Т., главная цель которой – сделать все области культуры предметом христианской теологии. Культура в самом широком понимании этого слова, в качестве объекта социальной философии, может быть определена как социальное бытие. Экзистенциально-религиозное понимание социального бытия у Т. обусловлено его "онтологическим" подходом к трактовке культуры. Социально-этическая проблематика не может быть рассмотрена вне онтологического основания культуры, которая у Т. сводит вместе экзистенциальную человеческую заботу с ее божественным основанием. Человек, по его мнению, не в состоянии разрешить ни одну из своих главных забот, если он не рассматривает их в свете собственного бытия и самобытия.

Основополагающими для теологии культуры Т. служат два основных постулата. Первый – это критика современной европейской культуры, которая все более теряет связь со своими христианскими корнями и становится все более опустошенной и бессмысленной. Вторым является поиск религиозного измерения во всякой культуре, равно как и в бытии человека, морали и истории. Относя культуру к сфере рационально постижимого, Т. отстаивал идею "присутствия божественного смысла в культурном творчестве". Он одним из первых протестантских теологов стремился установить гармонию секулярной культуры с божественным основанием бытия. Т.о. им намечен новый в протестантской доктрине ориентир для религии – корреляция ее с культурой. Т. стремится показать, что культура по своему характеру может быть только религиозной, т.к. она производна от религии и что отрыв ее от этой основы порождает все социальные пороки. Религия как абсолютное отношение человека к безусловному в человеческой ситуации составляет содержание, делающее возможным собственно культуру. Культура же представляет собой всю совокупность форм активности, в которых безусловное себя выражает.

Одна из причин современного кризиса религии, по Т., заключается в ее противопоставлении светской культуре. Проблема заключается в том, что и религия и культура имеют тенденцию к обособлению друг от друга в качестве самостоя-

тельных областей, которая усиливается в 20 в. Однако в культурной истории человечества находит выражение и глубокая внутренняя связь и единство религиозных и культурных элементов. И нынешнее противостояние религии и культуры не отменяет их сущностного единства, поскольку религия всегда есть субстанция культуры, а культура – форма религии.

Т. выделяет три типа культур: теономную, автономную и гетерономную. Последние два типа являются профанирующими: в одном из них содержание подчинено форме, в другом – наоборот. Первый тип – это тип классической культуры, в котором прослеживается единство формы и содержания. В каждой форме культуры, по Т., представлен дуализм профанирующей и религиозной культур. Этот дуализм выражается во множестве оттенков. В чистом виде в истории эти типы не существуют, в каждую эпоху имеются все три типа, при доминировании одного из них. С помощью понятия теономии Т. пытается решить все проблемы современности. Теономия – это "общество духовного возрождения", в котором религия и светская культура совместно будут решать общие задачи, это общество, которое не будет знать различия духовного и мирского. При этом религия не становится особой формой жизни или культуры, внешне управляющей другими формами, но пронизывает изнутри все мысли, действия и переживания человека. Однако такая гармония двух начал не может быть полностью реализована в границах земной истории. Любой тип социального устройства несовершенен и поэтому только финальное торжество "града Божия" после завершения земной истории представляется Т. устраняющим все противоречия.

Ю.В. Никулина

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ (греч. tipos – отпечаток, форма, образец и logos – слово, учение) – метод научного познания, направленный на разбивку некоторой изучаемой совокупности объектов на обладающие определенными свойствами упорядоченные и систематизированные группы с помощью идеализированной модели или типа (идеального или конструктивного).

В основе Т. лежит понятие о нечетких множествах, т.е. множествах, не имеющих четких границ, когда переход от принадлежности элементов множеству к непринадлежности их множеству происходит постепенно, не резко, т.е. элементы некоторой предметной области относятся к ней лишь с известной степенью принадлежности. Т. проводится по выбранному и концептуально обоснованному критерию (критериям) или по эмпирически обнаруженному и теоретически интерпретированному основанию (основаниям), что позволяет различать соответственно теоретические и эмпирические Т. В этом плане Т. следует отличать от метода построения идеальных типов (**см.**), предложенного М. Вебером (**см.**). Метод же построения конструктивных типов, предложенный Г. Беккером (**см.**), но также использовавшийся помимо и до него – Сорокин (**см.**), Парсонс (**см.**) и др., – можно рассматривать как один из вариантов теоретической Т.

Т. следует отличать от классификации (**см.**), предполагающей нахождение четкого места каждому элементу (объекту) в группе (классе) или ряде (последовательности), при четком проведении границ между классами или рядами (один отдельно взятый элемент не может как одновременно принадлежать разным классам/рядам, так и не входить в какой-либо из них вовсе). К тому же считается, что критерий классификации может быть случайным, а критерий Т. всегда сущностен. В то же время некоторые классификации могут быть истолкованы как предварительные (первичные) Т. или как переходная процедура упорядочивания элементов (объектов) на пути к их Т. Результатом Т. выступает обоснованная внутри ее типология. Последняя может рассматриваться в ряде наук (в частности, в социологии) как форма представления знания или как предшествующая построению теории какой-либо предметной области, или как "финитная" (завершающая) при невозможности (или неготовности научного сообщества) сформулировать адекватную области изучения теорию. В этом отношении происходит сближение Т. с методом идеальных типов и методами структурно-функционального анализа, а сама типология начинает осмысливаться как результат сложной и многоуровневой реконструкции исследуемого множества элементов (объектов), возможной одновременно по разным критериям Т. Таким образом, одной предметной области может быть поставлено в соответствие множество типологий – интерпретаций.

Различают Т. по процедурам их построения: морфологические и структурные (статические); процессуальные (динамические); генетические; сравнительно-исторические. В социологии целый ряд задач (сокращение описания, построение выборки, изучение взаимосвязи признаков, анализ механизмов явления и т.д.) – всегда в той или иной степени является Т. как сведением в один тип, типологическую группу, фактор, таксон, кластер и т.д. однокачественных в содержательном смысле, в каком-либо отношении похожих друг на друга объектов. Предполагается, что различия между формирующими тип единицами в интересующем исследователя отношении носят случайный характер (обусловлены не поддающимися учету факторами) и незначительны по сравнению с аналогичными различиями между объектами, относимыми к разным типам. При этом в эмпирической Т. требуется, чтобы однотипность была определяема в терминах наблюдаемых признаков, а в теоретической Т. – чтобы критерии Т. были концептуально различимы (в некоторых случаях добавляется требование возможности на их основе процедур операционализации). В социологии Т. может представлять собой многоуровневую процедуру, когда на основе обнаруженной однородности (типологичности) первого уровня может быть построена (выделена) однородность второго (более сущностного) уровня и т.д. Как правило, полученные социологические типологии принципиально неполны, т.е. не охватывают всю совокупность исследуемых объектов, поэтому на каждом уровне Т. приходится жертвовать определенным объемом исследуемых единиц, что приводит к увеличению абстрактности выбираемых критериев. Таким образом, любой Т. кладется некоторый предел, сверх которого она не может быть продлена, но рядом с ней на той же предметной области часто удастся предложить иной вариант Т.

В.Л. Абушенко

ТИПЫ ПРИКЛАДНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, дифференцируются по критериям их цели, логики осуществления, особенностей организации и конечного результата. Первая укрупненная классификация исследований в социологии – выделение теоретических и прикладных, общесоциологических и конкретно- или частносоциологических. Критерием дифференциации исследований на теоретические (в социологии они совпадают с фундаментальными) и прикладные служит их конечный результат, то воздействие на познавательную и практическую деятельность, которое этот результат оказывает. Теоретические исследования

направлены на выявление законов и закономерностей социальных явлений и процессов, функционирования и развития систем, прикладные – не просто перевод имеющегося знания в рекомендации (как иногда утверждают), а тот же научный поиск, но конкретизированный по уровню обобщения, объекту; по практическим, более близким целям. В свою очередь, общесоциологическими являются исследования, посвященные изучению проблем общества как целостной системы, и конкретно-социологические, посвященные анализу отдельных (сквозных) явлений и процессов общественной жизни как в теоретическом, так и прикладном аспектах.

По критерию внутренней логики (логической определенности) и соответственно решаемым задачам прикладные социологические исследования подразделяются на пилотажные (**см.**), панельные (**см.**), лонгитюдные (**см.**), а также монографические (**см.**), выборочные (репрезентативные) и сплошные. При выделении трех последних типов добавляется и такой показатель, как степень охвата генеральной совокупности (**см.**), но он не заменяет, а лишь дополняет критерий "логика и задачи исследования".

По формам организации и финансирования прикладные социологические исследования могут быть бюджетными и хоздоговорными. Хоздоговорные исследования выполняются на основе хозяйственных договоров между заказчиком – предприятием, организацией, учреждением – и исполнителем, в роли которого могут выступать, например, кафедры вузов.

По характеру и форме конечного результата прикладные социологические исследования подразделяются на четыре типа. Первый тип – исследования, направленные на получение такой социальной информации, которая не поддается статистическому учету (мнения, оценки, установки, предложения и т.д.) или до определенного времени не учитывается статистическими органами (например, контркультурные объединения молодежи и др.). По аналогии с терминологией, принятой в статистике, их можно назвать информационными, социально-статистическими обследованиями. Это – наиболее распространенный тип исследований. Их цель и конечный продукт – оперативная, достоверная, репрезентативная информация. Распространенное категорическое (а потому не всегда верное) требование рекомендации "по принятию управленческого решения" равносильно тому, чтобы метеорологи давали не только прогноз погоды, но и указания, что делать специалистам сельского хозяйства, авиации, коммунальных служб и т.д. при резком похолодании. Целесообразно четко распределять ответственность: социолог отвечает за качество и своевременность получения информации, специалисты и руководители – за ее использование.

Второй тип – исследования, позволяющие измерять латентные (не поддающиеся непосредственному наблюдению) параметры социальных явлений и процессов; факторы, детерминирующие их протекание, связи и отношения между явлениями, а также характеристики индивидов и социальных групп – носителей общественных отношений. Условно эти исследования можно назвать измерительными. Это, например, измерение социальных установок личности, изучение отношения к труду, включенности личности в профсоюзную деятельность и т.п. Этот тип исследований – наиболее сложный, он всегда имеет не только практический, но и теоретический выход, как в виде новых шкал, инструментария, методик, так и приращения социологического знания.

Третий тип – исследования, в ходе которых имеющееся знание переводится в конкретные рекомендации, проекты решения проблем применительно к специфике объекта, а также осуществляется аналитическая и методическая работа по внедрению рекомендаций в практику. Это – инженерно-социологические и управленческо-социологические исследования, основное поле деятельности заводской социологии.

Четвертый тип – экспериментальные исследования. Они включают теоретическое обоснование конкретного социального эксперимента, а также всю аналитическую работу в ходе его осуществления.

Значительное распространение и самостоятельный статус приобрели следующие три типа исследований: сравнительные, диагностические и экспертные. Они не укладываются в приведенную схему критериев, отличаясь и целями, и логикой, и организацией. Каждый из этих типов исследований вызван к жизни определенными потребностями и имеет большое значение: первый – в теоретическом плане, два других – преимущественно для практики.

С.А. Шавель

ТИТАРЕНКО Лариса Григорьевна (р. 1953) – белорусский социолог, специалист в области истории социологии, а также социологии молодежи и общественного мнения. Окончила отделение философии Белорусского госуниверситета в 1975. Кандидат философских наук (1978), доктор социологических наук (1993), профессор (1995). После окончания аспирантуры (1978) постоянно работает в БГУ. Под научным руководством Т. подготовлено три кандидата наук. Занимается активной научно-педагогической деятельностью. Неоднократно приглашалась для преподавания социологии в различные вузы США. Стажировалась в Голландии и США.

Принимает активное участие в научно-исследовательских проектах в Беларуси и за ее пределами по различным проблемам постсоветского развития, политической культуры, молодежи, женщин и др. Сокоординатор европейского проекта по изучению ценностей с 1999. Член редакционной коллегии журнала "Социология." Член Международной социологической ассоциации и Международного института социологии, активный участник многих социологических конгрессов.

Научные интересы Т. связаны с изучением истории технократических концепций в западной социологии и их роли в современном обществе. На основе структурно-функционального анализа технократизма ею была проведена новая классификация технократических теорий и их носителей, а также выявлено латентное инкорпорирование технократизма в советской реальности во второй половине 20 в.

Т. – автор более 150 научных работ (на русском, белорусском, украинском, немецком, английском языках), в том числе 4 учебных пособий и 2 словарей, изданных в России и Беларуси: "Прикладная социология. Словарь" (1991); "Социология молодежи" (1995 и 1996); "История социологии" (1997); "Оперативное социологическое исследование" (1997); "Социология" (1998, 2000, 2002); "Экономико-социологический словарь" (2002).

Основные труды: "Технологический детерминизм: концепции, идеологические функции" (1985); "Социалистическая культура и духовный мир человека" (1985, соавтор); "Диалектика социального развития" (1987, соавтор); "Знание. Компьютер. Общество" (1992, соавтор); "Технократические концепции в западной социологии" (1993); "Современная социологическая теория" (1994, соавтор); "Мир ценностей современной молодежи: к глобальной интеграции" (1994, соавтор); "Молодежь в посткоммунистической России и Восточной Европе" (на английском языке, 1995, соавтор); "Цен-

ности и постсоветская молодежь: проблемы трансформации" (на английском языке, 1995, соавтор); "Местные общности: Принадлежность и идентичность" (на английском языке, 1996, соавтор); "Гендерная социология" (1998); "Общественное мнение в Беларуси" (на английском языке, 1999); "Глобальные тенденции в женском движении и лидерстве" (на английском языке, 2000); "Опасения в посткоммунистических обществах" (на английском языке, 2002, соавтор); "Россия: центр и регионы" (2002, соавтор) и др.

ТИТМА Микк (р. 1939) – эстонский социолог, профессор Тартуского университета, директор Центра социальных исследований в Восточной Европе в Таллинне (с 1990). Закончил факультет права в Тартуском университете (1963), кандидатскую (1968) и докторскую (1975) диссертации защитил в Институте социологических исследований АН СССР (Москва). Преподавал социологию в Тартуском университете, Таллиннском политехническом институте и Таллиннском художественном институте; руководил отделом социологии в Институте философии, социологии и права Эстонской академии наук (1975-1989), возглавлял этот институт (1988-1989). Работал в крупнейших социологических центрах Германии (1982), Японии (1984), Чехословакии (1987), Австралии (1988), США (регулярно с 1991). Возглавлял Балтийскую социологическую ассоциацию (Прибалтийское отделение Советской социологической ассоциации) (1982-1986), был вице-президентом Советской социологической ассоциации (1988-1990), депутатом Эстонского парламента (1990-1991).

Основные направления исследований – социология молодежи; социальная структура, неравенство, стратификация. Т. первым из советских социологов оценил возможности биографического подхода в исследованиях процессов социализации, социальных детерминант жизненного пути молодежи. Под его руководством осуществлены уникальные проекты: Эстонское лонгитюдное исследование (1966-1991) и лонгитюдное исследование "Пути поколения" в 9 бывших советских республиках (1983-1999), научная ценность и сравнительные возможности которого после 1992 возросли многократно. Ежегодные школы для молодых исследователей, работавших в проекте "Пути поколения", способствовали профессиональному становлению целой когорты социологов в большинстве республик бывшего СССР.

Основные публикации: "Выбор профессии как социальная проблема" (1975); "Социально-профессиональные ориентации молодежи. В 2-х частях" (1982); "Престиж профессии" (1984, в соавт. с М. Тальюнайте); "Развитие социальной структуры общества в СССР" (1985, член редколлегии); "Жизненный путь поколения: его выбор и утверждение" (1985, редактор); "Студенты Польши и Прибалтики: сравнительный анализ" (1985, редактор); "Молодое поколение" (1986, в соавтор. с Э. Сааром); "Выбор молодежью жизненного пути" (1988, под ред. Е. Бабосова, Т.); "Советский город, социальная структура" (1988, под ред. Т., А. Аитова, В. Мордковича); "Методологические проблемы выявления социального качества рабочей силы" (1988, в соавт. с Т. Кукк, Е. Хелемяэ); "Эстония: что у нас происходит" (1989); "Начало пути: поколение со средним образованием" (1989, под ред. Т., Л. Коклягиной); "Жизненные пути одного поколения" (1992, под ред. Т., Л. Коклягиной, В. Семеновой); "Интернациональный характер жизненного самоопределения молодежи" (1993, под ред. Т., Ш. Шоисматуллоева); "Социальное расслоение возрастной когорты: выпускники 80-х в постсоветском пространстве" (1997, под ред. Т.) и др.

ТОЙНБИ (Toynbee) Арнольд Джозеф (1889-1975) – британский историк и общественный деятель. Работал преподавателем в высшей школе и служащим Министерства иностранных дел. Один из крупнейших представителей исторической мысли 20 в. Его основной труд – фундаментальное 12-томное "Исследование истории" (1934-1961) – принадлежит к числу высших достижений современной философии истории.

На богатейшей фактологической основе Т. стремился разработать концепцию сущности истории, адекватную состоянию исторического знания и социальному опыту 20 в. Подлинным объектом исторического изучения Т. считает цивилизации – общности, бóльшие в пространственно-временном плане, чем нации, и меньшие, чем все человечество. При этом историческая концепция Т. антропоцентрична: личности создают историю, а общество есть лишь посредник во взаимодействии людей между собой. Понимая человека как существо, возвышающееся над природным и социальным детерминизмом своей сознательностью и способностью осуществлять выбор, Т. разрабатывает оригинальное – "драматическое" – понимание истории.

Элементарной "клеточкой" истории Т. считает столкновение Вызова, ставящего под угрозу существование общества, и творческого Ответа, даваемого людьми. Вызов, в метафизическом плане означающий Божественное испытание человека, позволяющее реализовать его свободу, в своих эмпирических проявлениях многообразен: это может быть ухудшение природных условий, внешнее завоевание, появление в недрах общества инородных социальных сил, давление "варваров" и др. Соответственно, человеческий выбор, в метафизическом смысле представляющий собой выбор между добром и злом, в эмпирическом плане есть творческое усилие, призванное разрешить конкретную проблемную ситуацию. Если в принципиальном плане челночное движение Вызова-и-Ответа трансисторично и образует ткань всей истории, то в конкретных условиях места и времени удачный Ответ рождает "локальную цивилизацию", обладающую неповторимым своеобразием. Автором Ответа, по Т., является не общество в целом, а творческое меньшинство, которое посредством мимесиса (подражания) приобщает инертную массу к новым социальным ценностям. Локальные цивилизации сопоставимы друг с другом, что позволяет посредством сравнительного анализа вывести эмпирически обоснованные закономерности истории. За генезисом цивилизации следует фаза роста поступательного движения, возможного благодаря повторяющемуся чередованию успешных Ответов и все новых Вызовов, рождаемых изменением общества. Критериями роста цивилизации Т. считает процессы самоопределения (переориентации Вызовов извне вовнутрь общества, обретение им неповторимого облика) и дифференциации (усиления внутреннего разнообразия). За ростом следует фаза надлома, вызванная деградацией элиты: творческое меньшинство вырождается в правящее меньшинство, озабоченное лишь сохранением собственной власти, основанной уже не на добровольном подчинении, а на силе. Нравственное отчуждение большинства раскалывает общество, перестающее быть гармоническим единством. Однако, полемизируя со шпенглеровским фатализмом социального старения и смерти, Т. подчеркивает, что цивилизация не есть организм с жестко заданным жизненным циклом. Ход исто-

рии определяется творческим усилием человека, и пока элита сохраняет духовный потенциал, цивилизация жизнеспособна.

Наряду с первичными цивилизациями, возникшими непосредственно из первобытных обществ, Т. выделяет цивилизации второго и третьего поколений. Особенностью перехода от второго к третьему поколению является воспроизводство цивилизации посредством церкви – "куколки". В условиях "универсального государства", создаваемого в фазе распада правящим меньшинством вторичной цивилизации, духовно отчужденный "внутренний пролетариат" творческим усилием создает "вселенскую церковь" как зародыш нового общества. Возникновение "высших религий" – христианства, ислама, индуизма и буддизма – Т. считает важнейшим этапом духовного прогресса человечества.

Вопреки распространенному мнению, можно утверждать, что не замкнутые "локальные цивилизации", а смысловое единство истории находилось в центре внимания Т.: "цивилизации приходят и уходят, а Цивилизация остается". Цивилизация для Т. – это синоним свободы и творческих возможностей человека, бесконечная духовная задача, а не окончательно достигнутый результат. Т. также автор сочинений: "Греческая историческая мысль" (1924), "Христианство и цивилизация" (1946), "Цивилизация перед лицом испытания" (1948), "Мир и Запад" (1953), "Америка и мировая революция" (1962), "Изменение и обычай" (1966), "Города в движении" (1970), "Человечество и колыбель-земля. Нарративная история мира" (1976) и др.

В.Н. Фурс

ТОКВИЛЬ (Tocqueville) Алексис (1805-1859) – французский политический мыслитель, историк, социолог, государственный деятель, министр иностранных дел Франции в 1848. Т. не оказал значительного влияния на социальную науку 19 в., но, заново открытый в середине 20 в., он все чаще признается одним из классиков социологии и политологии. Основные работы Т.: "Демократия в Америке" (1835-1840) и "Старый режим и революция" (1856) – посвящены анализу новейшей социальной истории Америки и Франции.

В центре внимания Т. – проблемы демократии и свободы. Т. специально не занимался вопросами методологии социального познания, но в своей практике исследования конкретных обществ представил образцы оригинального, по сути, социологического подхода к изучению общественных явлений. На формирование взглядов Т. большое влияние оказал Монтескье (см.), в том числе такие его идеи, как детерминизм и историзм в анализе общества. Знаменитая и очень популярная и в конце 20 в. на Западе книга Т. "Демократия в Америке" представляет собой одну из наиболее удачных в 19 в. попыток целостного исследования конкретного общества, во всем многообразии его институтов и связей: обычаи и право, политика и экономика, семья, воспитание и культура и др. Вместе с тем это не монографическое описание, а теоретико-социологическое исследование.

Т. констатирует два полярных идеальных типа исторических обществ: аристократия и демократия, используя эти термины прежде всего в социологическом смысле. Американское общество интересует Т. как конкретный пример исторической эволюции перехода к новому типу общественных отношений. Основным содержанием этого глобального процесса является, по Т., индивидуализация общества, ослабление власти авторитетов и групп, размывание социальных барьеров между группами, рационализация мышления, приватизация частной жизни, ослабление ответственности перед обществом. Т. представил масштабное описание этоса демократического общества в Америке, а также перемен в общественном сознании, образе жизни, семье, воспитании, культуре, происходящих под влиянием изменений социальных условий. Новое общество, в отличие от феодализма, представляется Т. как бесклассовое. Вместе с тем Т. не верил в социалистический идеал. Неравенство, по его мнению, коренится в естественных различиях между людьми. Демократия ликвидирует лишь его традиционные (сословные и т.п.) формы.

Раскрепощая инициативу людей и в целом способствуя возникновению более гуманных отношений, демократия, по Т., порождает проблемы, вытекающие из противоречий равенства и свободы, создавая, например, новые формы социального неравенства: централизацию власти и "индустриальную бюрократию". Изолированные индивиды оказываются "равными" в своей зависимости от всесильной бюрократии. Индивидуализация и централизация, противореча друг другу, являются неотъемлемыми формами демократического процесса. Само возникновение демократии, по мнению Т., было связано с образованием абсолютных монархий. Согласно Т., "в определенную эпоху все монархии становятся абсолютными... и все похожие явления порождены общей причиной. Эта общая причина – переход от одного состояния общества к другому, от феодального неравенства к демократическому равенству". Процесс индивидуализации приводит к утере коллективных связей и оставляет индивида наедине с государственной машиной и "новой аристократией" – промышленными магнатами и их организациями, что создает ситуацию, которую позднее Фромм (см.) обозначил как "бегство от свободы".

Т. дал глубокий анализ противоречий демократий в Европе и Америке. Однако, если для социалистов централизация власти в промышленном обществе являлась исходным пунктом анализа, Т. воспринимал этот процесс как маргинальный. Возникновению политического и других форм деспотизма из самой демократии, по его мнению, должны противостоять растущее самосознание и культура членов демократического общества, возможность свободно объединяться в союзы, развитие местного самоуправления, добровольных ассоциаций, распространение религиозной этики, несовместимой с культом государства. Значение Т. в истории социальных наук определяется оригинальностью его метода, основанного на анализе взаимосвязей социальных институтов, политической истории и промышленной революции во Франции и Америке. На фоне глобальных теоретических конструкций, модных в 19 в., его работа "Демократия в Америке" отличалась редким для того времени сочетанием теоретического анализа и эмпирического исследования. Не получившие справедливой оценки современников идеи Т. оказали значительное влияние на историю социальной мысли в 20 в., в том числе на творчество М. Вебера (см.).

А.П. Лимаренко

ТОЛЕРАНТНОСТЬ (лат. tolerantia – терпение) – терпимость к чужому образу жизни, поведению, чужим обычаям, чувствам, верованиям, мнениям, идеям. Т. является одним из основополагающих демократических принципов, неразрывно связанным с концепциями плюрализма, социальной свободы и прав человека. Начал утверждаться в качестве общезначимого принципа человеческого общения после буржуазных революций, однако до сих пор постоянно нарушается, огра-

ничивается или отвергается на межличностном, межгрупповом и государственном уровнях. Полностью или в некоторой степени отрицается авторитаризмом и тоталитаризмом в силу их мировоззренческого "абсолютизма", убежденности в обладании высшей и окончательной истиной, единственно правильным рецептом достижения благосостояния и счастья, за чем обыкновенно скрываются корыстные интересы правящей элиты. Разброс позиций сторонников Т. чрезвычайно широк – от интерпретации ее как почти ничем не ограничиваемого принципа в разного рода анархистских концепциях до ограничительного истолкования, принимающего во внимание соображения общественного и личного здоровья, законности, морали и т.д.

В.А. Балцевич, С.Я. Балцевич

ТОМАС (Thomas) Уильям Айзек (1863-1947) – американский социолог, представитель чикагской школы.

Первой заявкой на лидерство чикагской школы в области эмпирической социологии была работа Т. и Ф. Знанецкого (**см.**) "Польский крестьянин в Европе и Америке" (1918-1920). В ней были реализованы и апробированы на практике основные идеи социологической теории Т., ядро которой – понятие социальной ситуации, включающее в себя три взаимосвязанных элемента: объективные условия (социальные нормы и ценности); установки индивида и группы; определение ситуации действующим лицом. Главное внимание в названной работе уделено анализу соответствия второго и третьего элементов. Если определение ситуации индивидом не совпадает с групповыми ценностями, то возникает социальная дезинтеграция, порождающая многие болезни современного общества. Определение ситуации на групповом уровне дает представление о нормах, законах, ценностях. Определение ситуации индивидом, исходя из его собственных установок и нормативных (ценностных) предписаний группы, свидетельствует о его приспособляемости к ней, о степени конформности индивида. Исходя из этого, Т. совместно со Знанецким разработали типологию личностей по характеру их приспособляемости к социальному окружению: мещанский тип (для него характерны традиционные установки и стереотипы); богемный (нестойкие и слабо связанные между собой установки); творческий (логически взаимосвязанные между собой установки и творческие потенции, обусловливающие оптимальное определение ситуации).

Т. утверждал, что развитие общественной жизни и культуры определяется творческими личностями, способными к экономическим, политическим и технологическим инновациям. В развитии техники социологического исследования большую роль сыграло использование Т. личных документов (биограмм) – писем, дневников, автобиографий. Работы Т. знаменовали переход американской, а затем и европейской социологии к эмпирическим исследованиям.

Г.Н. Соколова

ТОТАЛИТАРИЗМ (лат. totalitas – цельность, полнота) – понятие, обозначающее политическую (государственную) систему, осуществляющую или стремящуюся осуществлять ради тех или иных целей абсолютный контроль над всеми сферами общественной жизни и над жизнью каждого человека в отдельности. Впервые употреблено критиками режима Муссолини (Дж. Амендола и П. Гобетти) в Италии в 1920-х. В научной литературе Запада вошло в обиход в конце 1930-х. (В дополнительном томе "Оксфордского английского словаря", 1933, впервые упоминается термин "тоталитарный" из журнала "Contemporary review", апрель 1928.)

Изначально Т. однозначно отождествлялся с общественным устройством, двумя различными версиями которого являлись фашизм (**см.**) и коммунизм (**см.**). В идеологии Гитлера и Муссолини термин "тоталитарное государство" содержал позитивное значение. В дальнейшем понятие Т. приобрело (наряду со статусом политологического термина) мощное эмоционально-оценочное звучание. Определяющие характеристики Т.: 1) опора режима на люмпенизированные слои всех классов и социальных групп (люмпен-пролетариат, люмпен-крестьянство, люмпен-интеллигенция и т.п.); 2) наличие особого рода квазирелигиозной утопической идеологии, охватывающей все сферы жизни людей, подавляющей культурную традицию и обосновывающей (в условиях монополизации средств массовой информации) необходимость существующего режима для переустройства общества в целях создания "нового мира", "нового порядка", "преодоления кризисных явлений в политике и экономике" и т.д.; 3) целенаправленное создание и воспроизведение структур социальной мифологии для воздействия на народные массы в интересах господствующих клик; 4) монополизация власти одной политической партией, а в ней – одним лидером, объектом культа ("вождем", "дуче", "фюрером" и т.д.), либо харизматически ориентированным политическим кланом; 5) захват политической верхушкой дискреционных (не ограниченных законом) властных (экономических и политических) полномочий; 6) огосударствление и бюрократизация общества; 7) милитаризация общественной жизни; 8) опора режима на гипертрофированный аппарат тайной полиции, насилие и террор как универсальные средства внутренней и (по возможности) внешней политики; 9) постулирование возможности формирования Т. исключительно за счет кардинального разрушения ставшего, существующего мира, отрицание позитивной значимости гражданского общества и его институтов.

Исследование Т. осуществлялось в трудах Аренд (**см.**) "Происхождение тоталитаризма" (1951), К. Фридриха и З. Бжезинского "Тоталитарная диктатура и автократия" (1956), в антиутопии Оруэлла (**см.**) "1984" и др. (По Бжезинскому и Фридриху, тоталитарная диктатура – есть "автократия, основанная на современной технологии и массовой легитимизации".) Статус научной концепции за понятием "Т." стремились, в частности, утвердить участники интернационального политологического симпозиума (США, 1952), предложившие определять Т. как "закрытую и неподвижную социокультурную и политическую структуру, в которой всякое действие – от воспитания детей до производства и распределения товаров – направляется и контролируется из единого центра". К государствам тоталитарного типа традиционно относят Германию эпохи нацизма, Советский Союз эпохи сталинизма, фашистскую Италию, КНР эпохи Мао Цзэдуна и др. См. также: **Фашизм, Коммунизм, Оруэлл, Новояз, Бегство от свободы, Авторитарная личность, Замятин, Поппер.**

А.А. Грицанов

ТОФФЛЕР (Toffler) Олвин (р. 1928) – американский социолог, философ и публицист-футуролог. Основные сочинения: "Шок будущего" (1970), "Культурные потребители" (1973), "Доклад об эко-спазме" (1975), "Третья волна" (1980), "Предварительные заметки и перспективы" (1983), "Восприимчивая корпорация" (1985) и др. Автор одного из вариантов концепции постиндустриального общества.

Т. считает, что историческая эволюция не может быть описана в виде процесса линеарного, плавного развития, а осуществляется через социальные противоречия и конфликты, которые, однако, не хаотичны, а укладываются в общую картину изменений, протекающих через некие интервалы, дискретности. Этот процесс можно уподобить вечно живому океану, через который время от времени перекатываются огромные волны, втекая в поток изменений всех людей, которые вследствие этого и становятся участниками цивилизационных трансформаций.

В общественном развитии, по Т., взаимодействуют четыре сферы: техно-, социо-, инфо- и психосфера, но решающую роль в волнообразном потоке изменений играет первая из них. Поэтому источником и движущей силой нововведений в обществе выступают технологические революции. В зависимости от характера такой революции определяется и сущность возникающей на ее основе цивилизации. В результате развертывания первой технологической революции – аграрной, по Т., – возникла гигантская волна сельскохозяйственной цивилизации. Основополагающие признаки этой цивилизации таковы: 1) земля – основа экономики, семейной и политической организации, культуры; 2) господство простого разделения труда и связанное с этим наличие нескольких четко определенных каст и классов: знать, духовенство, воины, рабы или крепостные крестьяне; 3) жестко авторитарная власть; 4) сословное положение – определяющий параметр социального статуса и индивида и социальной группы; 5) экономика децентрализована, т.к. каждая община производит большую часть того, в чем испытывает нужду.

На смену этой цивилизации на гребне второй волны приходит новая, индустриальная цивилизация. Ее символом становится заводская труба, главным двигателем – мускульная сила работников промышленного производства, которые становятся придатками машины, порождающей гигантизм и единообразие (массовидность) во всех сферах жизни, включая труд, культуру, образ жизни. Индустриально-заводской тип производства продуцирует машины и их системы, создающие новые машины, а это открывает двери для массовой продукции, массового распределения, массовой торговли и массовой культуры. В соответствии с этим и социосфера, базирующаяся на индустриальной техносфере, приспосабливается к жизни людей, связанных с фабричным производством; возникающие с ней нуклеарная семья, корпорации, массовое образование (школы, вузы), клубы, библиотеки, церкви, профсоюзы, партии, искусство и даже правительство, становящееся политическим эквивалентом фабрики, строятся по принципу массовидной иерархической структуры и ориентированы на рынок, т.е. на анонимного потребителя. Индустриализм расслаивает единство общества, разделяет две половины целостной человеческой жизни – производство и потребление, создавая образ жизни, наполненный экономической напряженностью, социальными конфликтами, семейными драмами и психологическими недомоганиями. Все эти социальные пороки проистекают из действия шести взаимосвязанных принципов индустриализма, программирующих поведение миллионов людей: стандартизации, специализации, синхронизации, концентрации, максимизации и централизации.

Ныне индустриальная цивилизация изжила себя по многим причинам, из которых основными являются две: 1) биосфера больше не в состоянии выдерживать беспрерывные и неконтролируемые индустриальные атаки; 2) мы не можем больше бесконечно полагаться на невосстановимую энергию, являющуюся главной предпосылкой и субсидией индустриального развития. В пределах индустриальной цивилизации во второй половине 20 в. возникла и начала ее захлестывать Третья гигантская волна технологических и социальных трансформаций. Последняя вызвана нарастающим и повсеместным распространением компьютеров, лазерной техники, биотехнологии, генной инженерии, информатики, электроники, теле- и видеокоммуникаций, составляющих базисные отрасли постиндустриального производства. Возникает новая энергетика, базирующаяся на обновляющихся, а не на истощающихся источниках. В отличие от индустриального производства, в котором главными были мускулы и машинная технология, в развитых отраслях постиндустриального производства главными становятся информация, творчество и интеллектуальная технология. На смену пролетариату, являвшемуся придатком машины, приходит, по Т., "когнитариат", т.е. интеллектуальный работник, обладающий мастерством и информацией, которые составляют набор его духовных инструментов, позволяющих квалифицированно и эффективно работать со все более сложной и разнообразной информацией. В процессе преобразования предприятий Второй волны в предприятия Третьей волны возрастает безработица, из различных видов которой наиболее распространенными становятся структурная, технологическая и временная, связанная с коренными технологическими преобразованиями основ производственной деятельности, содержание и характера труда. Происходит воссоединение разделенных индустриализмом производителя и потребителя, возникает новый тип работника – "произтребитель": потребитель более активно вовлекается в производство, в принятие управленческих решений. В этих условиях на каждый доллар, вложенный в экономику Третьей волны, должно приходится несколько долларов, вкладываемых в человеческий капитал – в обучение, образование, переучивание работающих, переселение, социальную реабилитацию, культурную адаптацию. Самое важное здесь – трансформация не машин, а людей, перевооружение их сознания, переход к пониманию первичной значимости культуры в жизни человеческих сообществ. Одновременно с преобразованием техносферы происходит революционизация инфосферы. Эволюция производства демассифицирует умы и культуру. Мир в целом перестает казаться машиной; он заполняется инновациями, для восприятия и понимания которых необходимо постоянное развитие способностей, непрерывное образование, широкомасштабное мышление, подвигающее человека к граням новой эры синтеза, к пониманию связей между событиями, которые на поверхности кажутся независимыми друг от друга, но в сущности составляют звенья единого целого. Разумеется, столкновение Второй и Третьей цивилизационных волн не проходит безболезненно. Если из противоречий зарождающейся индустриальной и сельскохозяйственной цивилизации возникли многочисленные революции, контрреволюции и войны второй половины 18 – 20 в., то из столкновения Третьей волны со Второй проистекают экономический кризис, вызванный хищническим отношением к природе с губительными последствиями для человечества, опасность "электронного смога", информационное загрязнение, борьба за интеллектуальные ресурсы ("инфовойны"), широкое распространение психических заболеваний. Чем активнее и целеустремленнее человечество станет вовлекаться в глобальную революцию Третьей волны, несущую ему с собой "первую действительно гуманную цивилизацию в известной нам истории", считает Т., тем эффективнее будут разрешаться возникающие в процессе этого перехода противоречия и конфликты, тем масштабнее станут создания ценностей за пределами рынка. Разносторонние

уровни и формы индивидуальной и групповой идентичности позволят человеку более быстро, эффективно и безболезненно адаптироваться к ускоряющимся трансформациям в техносфере, экономике и культуре.

Е.М. Бабосов

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич (р. 1935) – российский философ и социолог, специалист в области теории и методологии социологии, социологии труда и управления, политической социологии. Окончил МГУ им. М.В. Ломоносова (1957). Кандидат философских наук (1967), доктор философских наук (1973), профессор (1975), член-корреспондент Российской академии наук (1997). Член издательского комитета Международной социологической ассоциации (1984-1988), активный участник всемирных социологических конгрессов. Вице-президент Советской социологической ассоциации (1983-1991), сопрезидент Содружества социологических ассоциаций (1991-1993). Действительный член Международной академии информатизации, Академии социальных наук. Член-корреспондент Российской академии естественных наук.

С 1957 по 1975 Т. работал в Хакасской автономной области на ряде руководящих должностей ВЛКСМ, затем – в Красноярске, Красноярском университете (доцент, зав. лабораторией, зав. кафедрой). С 1981 по 1991 – в Академии общественных наук при ЦК КПСС (зав. отделом, директор Центра социологических исследований). С 1992 работал в Российской академии управления, Госкомфедерации, Институте социально-политических исследований РАН. С 1995 — главный редактор журнала РАН "Социологические исследования".

В трудах Т. разрабатываются теоретико-методологические проблемы социологии как социологии жизни. Им выдвинута особая трактовка гражданского общества как объекта социологии и единства реально функционирующего общественного сознания, деятельности (поведения) и объективных условий – как предмета социологии. Другое направление научных интересов Т. связано с социальными проблемами труда и управления, при разрешении которых предложено рассматривать генезис идей социологии труда через анализ раскрытия и использования социальных возможностей работника, исходя из реальной практики индустриального и научного развития общества. В 1980-х Т. рассматривались проблемы политической социологии, анализировались тенденции развития реального сознания и поведения. В 1986-1993 Т. была выдвинута идея о социальном настроении как доминирующей характеристике общественного сознания и поведения, отражающего уровень, продолжительность и степень эмоционально-рационального восприятия индивидом, социальной группой, обществом социальных целей и интересов, формирующихся под воздействием экономических, политических и духовных процессов. Другой оригинальной идеей Т. стало исследование феномена "парадоксального человека", в котором отразились не просто противоречия внутри общества, социальных групп, слоев и институтов, но и такая ситуация в реальной жизни, когда человек в одно и то же время искренне преследует взаимоисключающие цели, часто не замечая парадоксальности своего сознания и поведения.

Читает спецкурсы "Социальные резервы труда", "Парадоксы общественного сознания", "Экономическая социология", "Власть и политика: проблемы взаимодействия". Подготовил 46 кандидатов и 14 докторов наук.

Автор свыше 300 научных работ (издавались на английском, немецком, чешском, сербском, болгарском и других языках), в том числе: "Социальная инфраструктура: сущность и пути развития" (1980); "Социальное планирование в СССР" (1981); "Социальное планирование" (1982, соавтор); "Идеология и жизнь" (1983); "Идеологические отношения. Опыт социологического анализа" (1988); "Социальные резервы труда. Актуальные вопросы социологии труда" (1989); "Социология. Общий курс" (1994, 1998, 2000, 2001); "Социальное настроение" (1986, соавтор); "Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция" (1997); "Политическая социология" (1993); "Основы политической социологии" (1998); "Парадоксальный человек" (2001); "Социология жизни как концепция исследования социальной реальности" (2000) и др.

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ – 1. Особенность мировоззрения дописьменных и официальная идеология традиционных обществ, состоящая в идеализации и абсолютизации традиции. 2. Социально-философская доктрина или отдельные консервативно-реакционные идеи, направленные против современного состояния культуры и общества и критикующие это состояние в связи с его отклонением от некоего реконструированного или специально сконструированного образца, который выдается за исторически изначальную, а потому идеальную социокультурную модель, сохраняемую в корпусе особого знания, чаще всего – эзотерического. Эти два значения смысла термина "Т." имеют между собой нечто общее и в то же время отличаются друг от друга. Т. во втором значении представляет собой сублимацию и теоретическое оформление идеалов, систем ценностей, представлений, стихийно складывающихся и сознательно культивируемых в тех обществах, которые превращают особо препарированную традицию в свой эталон. Поэтому естественно, что оба значения объединяет такая общая черта, как повышенная заинтересованность в максимально устойчивом, всеобъемлющем, сакральном порядке, исходящем от некоего предвечного источника (первопредка, культурного героя, бога, абсолюта, изначальной традиции). В то же время оба значения отличаются друг от друга по типу и степени рационализации проблем традиции. Принято считать, что архаические общества не осознают проблемы сохранения наследия, так как оно отождествляется с традицией, а та, в свою очередь, с обрядом и ритуалом, неизменность которых "гарантирована" мифологическими парадигмами периодического возвращения правремени, вследствие чего и происходит восстановление изначального порядка. На "мифологическом" этапе развития представлений о непрерывности традиции рефлексия по поводу противодействия изменениям либо отсутствует, либо очень слаба. Это – Т. без традиционалистов, если под таковыми понимать группу людей, которые пытаются поставить и осмыслить эту проблему. В результате указанную особенность мировоззрения примитивных обществ рассматривают как предтечу Т. (например, С. Уилсон предлагает именовать ее "традиционизм"), или обозначают термином "дорефлективный Т." (С. Аверинцев), "примитивный Т." (Э. Шилз).

Появление "рефлективного Т." (Аверинцев) или "идеологического Т." (Э. Шилз) в зависимости от теоретических предпочтений исследователей связывают как с идейными течениями средневековья, когда сложилось более или менее структурированное самосознание культуры, так и с концом 18 в., когда философы Просвещения посеяли глубокие сомнения в традиционных истинах, и произошел решительный разрыв с прошлым в результате Великой французской революции. Однако, общим в этих предпочтениях оказывается признание

того, что в соответствующую эпоху налицо не только мировоззренческий кризис, но и идеологически оформленная защитная реакция на неотвратимо наступающее будущее со стороны тех мыслителей, которые крайне негативно расценивают его тенденции и перспективы. Именно ускорение урбанизации на этапе складывания национальных государств и глобализация индустриальной культуры в эпоху формирования новой системы взаимодействия религиозной и светской культуры сопровождались невиданным мировоззренческим кризисом, вызванным осознанием кардинальных изменений одновременно в социальной, экономической, геополитической, идеологической и даже природной (как это казалось современникам) сферах. В такие времена, несомненно, появляется или обостряется потребность в обосновании самотождественности культуры (культурной идентичности), в конструировании и выдвижении на первый план такого закона развития, который заведомо не допускал бы прерывистого развития ни одной из ее сфер. Основной целью средневекового Т. становится именно упорядочение модернизирующегося, а потому пришедшего в беспорядок мира. В эту историческую эпоху отличительными особенностями традиционалистских доктрин Востока и Запада, являются, прежде всего моноцентризм и авторитаризм.

Проект формирования централизованного государства, опирающегося на принципы Т., требовал признания некоего единственного источника мира, поставленного над становящимися все более партикулярными системами ценностей различных социальных групп, в чем усматривалась именно угроза традиции в качестве модели прежнего единства. Такой источник притязает на роль онтологического, смыслового и ценностного центра и тем самым высшего, непререкаемого авторитета. Моделью при этом служат различные варианты концепции абсолюта, от которого как от источника высшего и вечного закона исходят главные принципы устройства мира – порядок, лад, гармония, – проявляющиеся и конкретизирующиеся в законах государства. Необходимостью объединения разрозненных, "не ладящих" между собой частей модернизирующегося государственного организма обусловлена такая отличительная особенность средневекового Т., как каноничность. Идея канона также вытекает из требования подчинения всех компонентов универсума некоему единому началу, но в данном случае на первый план выходит его нормативный аспект, считающийся неизменным. В области государственного устройства роль канона играет кодекс, в духовной сфере – культ. Легитимность моноцентризма, авторитаризма и каноничности считается обеспеченной тем, что они освящаются высшими нормами, обоснованными религиозной традицией. Поэтому в соответствии с различиями в толковании сущности сакрального в позднем средневековье выделяются такие разновидности рефлективного Т., как конфессиональный и внеконфессиональный. Тем самым становится ясно, что многие социально-политические проекты позднего средневековья и Ренессанса, называемые утопическими и потому считающиеся обращенными в будущее, на самом деле существенным образом опираются на идеологию Т. Т. в 18 в. вырастает уже из чувства тотального распада всякого порядка, так что даже позднее средневековье на этом фоне выглядит более или менее упорядоченным. Отсюда – яростная критика основ рационалистической философии, которую Т. считает главной виновницей такого положения вещей. Родоначальником этого вида Т. был Э. Берк, в 1790 выпустивший памфлет "Размышления о революции во Франции...", в котором он обвинил французских просветителей в уничтожении строгой общественной иерархии – основы порядка и нормального функционирования всей социальной системы. По мнению Берка, идеи просветителей рано или поздно подорвут традиционные отношения между социальными слоями и индивидами, обеспечивающие стабильность общества, и человек окажется в состоянии одиночества и будет испытывать неизбывный страх перед миром. В этом же духе были написаны многие произведения Л. Бональда, У. Вордсворта, С. Колриджа, Ф. Ламенне, Ж. де Местра, Новалиса, Ф. Савиньи, Ф. Шатобриана и др. На данном этапе рефлективный Т. характеризуется, в первую очередь, преобладанием идеологии антиреволюционаризма и консерватизма и поэтому его можно назвать идеологическим Т. (К. Манхейм обозначает его просто термином "консерватизм"). Следующий всплеск специфического интереса к проблеме традиции связан с реакцией романтизма на соответствующую ему современность. Натурализм, опиравшийся в эпоху Просвещения на концепцию разумной человеческой природы, в романтизме принимает форму веры в истинность и универсальность человеческой культуры, которая трактуется по аналогии с природным космосом в качестве всеохватывающей и всесильной антропной сферы. Задача сакрализации культуры, столкнувшись с негативным отношением романтиков ко времени своего исторического существования, породила проблему поиска критерия и образца "истинной" культурной традиции именно в прошлом. Пафос просвещения светом "естественного" разума превратился в страсть искателей священного огня. В это время Т. в отличие от консерватизма не только не исключает из своей картины мира социальных изменений, а, наоборот, осознает факт, что человек отныне поставлен перед множеством нравственных, социальных, политических, экономических альтернатив, и в связи с этим задача "пророков прошлого" состоит в том, чтобы склонить его к правильному выбору. Однако, несмотря на декларирование безусловной ценности традиции, романтики объективно способствовали ее десакрализации: коль скоро традиций много, возникает ситуация выбора лучшей и, соответственно, критики остальных. В этом смысле рефлективный Т. романтиков – характернейший продукт разрушения традиционной культуры.

Указанное обстоятельство не осталось незамеченным наследниками романтиков – традиционалистами 20 в. (Р. Генном, Ю. Эволой, М. Элиаде и др.), вдохновив их на поиски фундаментальных основ некоей подлинной, единой для всего человечества Традиции, обеспечивающей непрерывность определенного состояния культуры. Противопоставление прошлого настоящему они основывали на радикальном неприятии самой идеологии историзма, чему способствовали и наличные социально-исторические условия. На место линейной концепции истории и идеи прогресса они с редким единодушием стремились поставить архаическую концепцию циклического времени.

Ускорившийся в 20 в. темп истории, сопровождающийся индустриализацией, социальными и национальными конфликтами, выходом на сцену истории "человека-массы", породили в интеллектуальной среде континентальной Европы разнообразные оборонительные идеологии, которые их сторонники предлагали в качестве панацеи от ужасов современного мира. В это время Т. складывается в стройную доктринальную систему, постепенно обретающую академическую респектабельность во Франции и некоторое политическое влияние в фашистской Италии и нацистской Германии. Гло-

бальный субстанциалистский историзм Нового времени оказался особенно сильно дискредитирован после двух мировых войн, что вызвало вполне отчетливую реакцию – недоверие не только к классической философии истории, но и к историзму вообще. И хотя очевидно, что нигилистические попытки обойтись без "Истории" или подняться над историческим существованием являются одной из форм осознания существования истории, интерес философов 20 в. оказался направленным именно на внеисторические и надысторические структуры культуры. Отличием этого этапа философского Т. являются оригинальные методологические подходы (в частности, архаизация и ориентализация метода философствования) и то, что традиционалистское учение усилиями названных выше мыслителей превратилось в стройную социально-философскую систему. Идея возможности установления внеисторического социального порядка в современном обществе трансформировалась в идею необходимости возврата к архаике, а это создало ту историческую точку, через которую проходит граница, разделяющая философский консерватизм 19 в. и философский архаизм (А. Тойнби) или интегральный Т. (Генон). Представители интегрального Т., будучи очень хорошо знакомы с современными тенденциями западноевропейской философии, а также с восточными и западными религиозными, гностическими и оккультными теориями (многие из них получили инициатическое посвящение), переработали их применительно к трем центральным проблемам философии культуры: кризису современной европейской цивилизации, роли консервативно-нормативной функции культурно-исторической традиции, созданию основ "новой метафизики" и антирационалистической и антигуманистической антропологии. Систематическая разработка этих проблем обусловила необходимость написания трудов по остальным разделам философии. Не довольствуясь, как раньше, простым осуждением антифеодальных революций и чисто теоретическим уровнем тематизации проблемы новаций (через образы "щелей", "провалов", "разрывов" социальной ткани), философы-традиционалисты поставили себе цель выявить онтологические основания любой дискретности ("количественности") состояний сферы сущего вообще и культуры – в частности. Разрывы в природной или культурной сфере считаются ими следствием проявления некоего низшего, "теневого" начала ("субстанция", "количество", "Пракрити"), которое противостоит высшей, "светлой" ("сущность", "качество", "Пуруша"). Любое движение рассматривается в качестве обусловленного взаимодействием этих членов диады, и такое взаимодействие происходит по принципу их единства и борьбы. Противоположности в Т. имеют трансцендентные ("сакральные") соответствия, а так как трансцендентное не может быть выражено во всей своей полноте, то язык метафизики объявляется по преимуществу языком символов, образов и парадоксов. При этом источником "сакральной" диалектики и метафизики служит гностический дуализм, который вобрал в себя два типа дуалистических концепций гнозиса – эсхатологическую (зороастризм, манихейство) и диалектическую (платонизм, веданта). Он же – источник антиперсонализма и холизма традиционалистской социальной философии. Согласно этой архаической концепции, движение всегда регрессивно по причине нарастания деструктивных сил количества и вследствие объективной закономерности ("циклические законы"). Время истории – символ такого движения – постепенно "съедает" пространство, являющееся символом ряда тел. Мир, когда-то начав свое движение, тем самым деградирует, "отвердевает", так что процесс развития человечества сопровождается неуклонным нарастанием "материализации". Поэтому периодически происходят природно-социальные катаклизмы, в результате которых истины, ранее доступные человечеству, становятся все более сокрытыми и недосягаемыми. Целью движения мира, согласно Т., является Кали-юга ("эпоха тьмы") или, иными словами, современный мир ("мерзость запустения").

Представители Т. утверждают, что на антропологическом уровне развитие человечества сопровождается неуклонным уменьшением продолжительности жизни, разрушением нравственных ценностей и оскудением разума: торжеством рационализма, сциентизма, индивидуализма, демократии ("нашествие Гога и Магога"), а в конце цикла наступает полный распад. На основе этой теории складывается сотериологическая проблематика выхода из течения истории, вследствие чего проблемы истинности познания, формирования традиционалистской элиты, сохранения традиционного наследия разрабатываются в рамках модели "возвращения к истокам". Диапазон таких разработок весьма широк – от анализа архаических инициатических техник regressus ad uterum ("возвращение в материнское лоно") и платонической теории anamnesis ("воспоминание") до психоаналитической идеи реактуализации событий раннего детства.

В качестве истока жизни, истины, порядка и т.п. Т. рассматривает некую Примордиальную (Изначальную) Традицию, исторически обусловленными формами которой являются ортодоксальные религиозные традиции Востока и Запада (вопрос о том, какие именно религии мира адекватны сакральному – предмет межконфессиональной дискуссии). Познание или узнавание ("расшифровка") символов невыразимой Традиции производится в Т. с помощью особого метода аналогий ("символического метода"), который предполагает постижение сущности феноменов посредством анализа переживаний, являющихся результатом интенционального выхода субъекта к неким символическим объектам ("архетипам", "традиционным принципам"). В результате из различных историко-культурных традиций выделяются внеисторические структуры, имплицитно содержащие смысл, который провозглашается обладающим всеобщим характером и гарантирующим осмысленное человеческое творчество.

В послевоенные годы Т., скомпрометировавший себя связью некоторых его представителей с фашистской идеологией, превратился в маргинальную школу мышления, но с середины 1970-х он вновь начинает усиленно привлекать внимание образованной публики. Расистски и националистически настроенная творческая интеллигенция, творцы массовой культуры, идеологи неоконсерватизма и фундаментализма, представители философии "новых правых" во Франции и неоевразийства в России увидели в нем, прежде всего, теоретическую основу для критики "либерального гуманизма" западной культуры.

А.И. Макаров, А.И. Пигалев

ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО (доиндустриальное общество, примитивное общество) – понятие, фокусирующее в своем содержании совокупность представлений о доиндустриальной стадии развития человечества, характерных для традиционной социологии и культурологии. Единой теории Т.О. не существует. Представления о Т.О. базируются, скорее, на его понимании как асимметричной современному обществу социокультурной модели, чем на генерализации реальных фактов жизни народов, не занятых индустриальным произ-

водством. Характерным для экономики Т.О. считается господство натурального хозяйства. Товарные отношения при этом либо вообще отсутствуют, либо ориентированы на удовлетворение потребностей немногочисленного слоя социальной элиты. Основным принципом организации социальных отношений является жесткая иерархическая стратификация общества, как правило, проявляющаяся в делении на эндогамные касты. При этом основной формой организации социальных отношений для подавляющего большинства населения является относительно замкнутая, изолированная община. Последним обстоятельством продиктовано господство коллективистских социальных представлений, ориентированных на строгое соблюдение традиционных норм поведения и исключающих индивидуальную свободу личности, равно как и понимание ее ценности. В совокупности с кастовым делением эта особенность практически полностью исключает возможность социальной мобильности. Политическая власть монополизируется в рамках отдельной группы (касты, клана, семьи) и существует преимущественно в авторитарных формах. Характерной особенностью Т.О. считается либо полное отсутствие письменности, либо ее существование в виде привилегии отдельных групп (чиновников, жрецов). При этом письменность достаточно часто развивается на языке, отличном от разговорного языка подавляющего большинства населения (латынь в средневековой Европе, арабский язык – на Ближнем Востоке, китайская письменность – на Дальнем Востоке). Поэтому межпоколенная трансляция культуры осуществляется в вербальной, фольклорной форме, а основным институтом социализации является семья и община. Следствием этого была чрезвычайная вариативность культуры одного и того же этноса, проявлявшаяся в локальных и диалектных различиях. В отличие от традиционной социологии, современная социально-культурная антропология не оперирует понятием Т.О. С ее позиций это понятие не отражает реальной истории доиндустриальной стадии развития человечества, а характеризует лишь ее последний этап. Так, социокультурные отличия между народами, находящимися на стадии развития "присваивающего" хозяйства (охота и собирательство) и теми, которые прошли стадию "неолитической революции", могут быть не менее и даже более значительными, чем между "доиндустриальными" и "индустриальными" обществами. Характерно, что в современной теории нации (Э. Гелнер, Б. Андерсон, К. Дойч) для характеристики прединдустриальной стадии развития используется более адекватная, нежели понятие "Т.О.", терминология – "аграрное", "аграрно-письменное общество" и т.д.

П.В. Терешкович

ТРАДИЦИЯ (лат. traditio – передача, придание) – универсальная форма фиксации, закрепления и избирательного сохранения тех или иных элементов социокультурного опыта, а также универсальный механизм его передачи, обеспечивающий устойчивую историко-генетическую преемственность в социокультурных процессах. Тем самым Т. включает в себя то, что передается (признанный как важный и необходимый для нормального функционирования и развития социума и его субъектов определенный объем социокультурной информации), и то, как осуществляется эта передача, т.е. коммуникативно-трансляционно-трансмутационный способ внутри- и межпоколенного взаимодействия людей в рамках той или иной культуры (и соответствующих субкультур) на основе относительно общего понимания и интерпретации накопленных в прошлом данной культуры (и соответствующих субкультур) смыслов и значений. Т. обеспечивает воспроизводство в системах настоящей ("живой", "непосредственной") деятельности апробированных и выдержавших испытание временем образцов прошлой ("мертвой", "овеществленной") деятельности, т.е. она детерминирует настоящее и будущее прошлым, уже сбывшимся и выступающим как сумма условий любой социокультурной активности. Такое понимание Т. делает это понятие применимым практически к любым фрагментам и уровням организации социокультурного опыта (как прошлого – культурное наследие, так и настоящего), что иногда служит основанием для отождествления Т. и социокультурного опыта. Последнее, однако, неправомерно, так как для включения в систему Т. социокультурный опыт должен пройти селективный отбор на устойчивость и относительную массовость воспроизведения в структурах деятельности.

В узком смысле слова термин "Т." употребляется для характеристики самоорганизующихся и саморегулирующихся (автономичных) подсистем человеческой деятельности и связанного с ними социокультурного опыта, функционирование и развитие которых не связано с институциональными формами обеспечения через специальный аппарат власти. Поведение социальных субъектов, организуемое и регулируемое с помощью Т., не предполагает формулирование и экспликацию целей действующими субъектами, его смыслы скрыты (даны) в нем самом. Правомерность традиционных форм действия обосновывается и узаконивается самим фактом их существования в прошлом, а их эффективность оценивается через точность следования принятому образцу. Такой вид Т. можно назвать аутентичной, "первичной", нерефлексивной Т. Она транслируется как непосредственно-практически, через воспроизведение определенных форм действий и следование определенным регламентирующим правилам поведения (ритуал), так и устно через фольклор и мифологию. Все элементы Т. пронизаны символическим содержанием, отсылают к закрепленным в той или иной культуре смыслам и архетипам. Утрата смысловых компонентов в ритуальной форме бытования аутентичной Т. редуцирует ее до уровня обычая как постоянно и массово воспроизводимой формы. Данный вид Т. статично репродуцирует прошлое и способен только к экстенсивному развитию, отбирая элементы социокультурного опыта по закрепленной в данной культуре матрице. Именно о таких Т. идет, как правило, речь, когда говорят о "консервативности", "косности", "неизменности" и т.д. Т. как формы фиксации и механизме передачи культурных содержаний. Уже в древневосточных, а особенно в античном обществах Т. приобретает свою превращенную форму, рефлексируясь и рационализируясь в рамках профессионально создаваемой культуры. Здесь она фиксируется в определенных текстах, получает письменно-знаковое выражение. Пройдя такого рода обработку, Т. вновь возвращается в пласт реального поведения и может вполне осознанно поддерживаться и трансформироваться действующими субъектами. Причем это возвращение носит существенно различный характер в зависимости от агентов, которым адресована Т. Она может быть социализирована в деятельности как "потребителей", так и "творцов" культуры. В последнем случае порождаются такие ее специфические виды как, например, авторская Т., а также вырабатываются Т. работы с письменно-знаково оформленными фрагментами социокультурного опыта. Именно в этих случаях можно говорить о неаутентичных, "вторичных", рефлексивных Т. Совокупность "первичных" и "вторичных" Т.

конституирует понятие Т. в широком смысле слова. Оба эти вида Т. объединяет их самоорганизующаяся природа, функционирование в режиме автономии, не предполагающем институционализированных форм обеспечения. Различает же прежде всего та или иная степень отрефлексированности "вторичных" Т. и изменения за счет этого их регулятивного потенциала. "Вторичные" Т. способны к интенсивному развитию, предполагают возможность перестройки прошлого через его постоянную переинтерпретацию в деятельной и знаковой формах, осуществляют отбор элементов социокультурного опыта через изменение самих укоренных в культуре матриц. В этом смысле возможность изменения Т. выступает условием ее постоянного воспроизводства и сохранения в социокультурных системах.

Широкое понимание Т. позволяет рассматривать ее как универсальную форму и механизм упорядочивания и структурирования имеющих значение для живущих поколений людей содержаний любой культуры и ее подсистем. Она, обеспечивая преемственность, предполагает, с одной стороны, полагание определенных границ человеческой деятельности, придания ей пространственно-временной устойчивости, известной инерции, а с другой – определенный сдвиг значений в передаваемых содержаниях, т.е. постепенное явное или неявное (нерефлексируемое индивидами) их изменение. Инновация только тогда приживается в социуме, когда вписывается в систему имеющихся значений социокультурного опыта, согласуется с имеющейся Т. или порождает новую Т.

Т. в значительной мере есть то, что удерживает нас в культуре и истории. "Связывая" человека прошлым, закрывая (до известной степени) ему возможность ретроспективного произвола, Т. открывает ему перспективу свободы в настоящем и будущем на основе прошлого. Особым видом Т. являются так называемые негативные Т., т.е. основанные не на утверждении каких-либо ценностей, а на отрицании неприемлемых для данной культуры или субъектов ценностей. Последние или осуждаются, или запрещаются явно (через табу) или скрыто (через дозволение иного). Негативная Т. строится на основе образца того, как не следует поступать или на что не нужно ориентироваться. Тем самым она оказывается зависимой от своего "противника", а, следовательно, невольно способствует закреплению, сохранению и трансляции тех смыслов и значений, с которыми пытается бороться. Так, борьба с религиозными ересями способствовала сохранению идей, в них проповедовавшихся. Не попадает в поле действия Т. только явно (рефлексивно) или неявно неоцениваемое – ценностно-нейтральное. Оно не замечается, замалчивается и умирает. Утрата ценности в Т. есть прекращение движения, невозможность развития в данном направлении. Связанные с этой ценностью явления выпадают из системы трансляции и как бы перестают существовать, во всяком случае, актуально. Являясь генетически первичной формой упорядочивания и структурирования социокультурного опыта и деятельности социальных объектов, Т. выступает основой для возникновения социокультурных норм. Однако в развитых социальных системах Т. сама может быть рассмотрена как особый тип нормативного регулирования. Если норма предполагает в пределе гетерономные, авторские источники своего происхождения, как бы привносится в массив наличного опыта субъектом извне и поддерживается определенными социальными институтами, то Т. можно трактовать как разновидность автономных по происхождению и неинституализированных норм, что верно, прежде всего, для "первичных" Т. Уже "вторичные" Т., имея производное от субъекта происхождение, но не нуждаясь в институционализации, могут быть рассмотрены как занимающие промежуточную позицию между собственно нормой и собственно Т. Такую же позицию могут занимать и фрагменты Т., подвергшиеся институциализации, например, так называемое обычное право. С другой стороны, собственно нормы, стереотипизируясь и интериоризируясь в деятельности субъектов, утрачивают необходимость в постоянной институциональной поддержке и могут эволюционировать в Т. Регулирование социальных систем главным образом на основе Т. (как правило, "первичной") или собственно инновационной нормы служит (наряду с другими) одним из критериев различения т.н. традиционных и современных обществ. В современных (индустриальных и постиндустриальных) обществах сфера деятельности Т. сужается, среди самих Т. возрастает вес "вторичных" Т. Т. становится предметом ряда интеллектуальных операций с целью обоснования выбираемого будущего поведения через ссылку на авторитет прошлого или, наоборот, предметом критики под лозунгом "освобождения от гнета прошлого". Однако и в этих обществах роль Т. как незаменимого механизма развития культуры сохраняется.

В.Л. Абушенко

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЩЕСТВЕ (итал. transformare – преобразовывать, превращать) – социолого-политологическое пакетное понятие, используемое с 1950-1960-х для описания радикальных структурных перемен в обществе, а также (в более узком смысле) для обозначения процесса общественно-исторических перемен, осуществляющихся в государствах Центральной Европы с конца 1980-1990-х, а позднее – в новых независимых государствах бывшего СССР. Выражает переход к качественно новому состоянию организации общества, осуществляющийся как результат нарастания удельного веса неравновесных и нелинейных отношений (И. Пригожин) со своим окружением. Сопряженные внутренние изменения социума, сумма которых в определенный момент превышает допустимый для данной системы предел напряжения, вынуждают систему в целом перейти порог устойчивости и становится невозможным предсказать, в каком направлении будет происходить дальнейшее развитие: станет ли состояние системы хаотичным или она перейдет на новый, более дифференцированный и более высокий уровень упорядоченности. Т.П.вО. предполагают: отрицание существенных элементов прошлого и преодоление их, выдвижение новых целей и идеалов, определение способов и средств продвижения к ним.

Т.П.вО. проходят ряд стадий: 1) оценка существующего состояния общества как системно-кризисного; 2) социальная диагностика, т.е. непредвзятая, объективная характеристика возможностей и путей выхода из кризисной ситуации; 3) демонтаж отжившей системы, ликвидация ее элементов, очевидно несоответствующих мировому уровню общественного развития и его тенденциям; 4) новое самоопределение общества, выдвижение и обоснование путей его дальнейшего движения.

В границах системной трансформации общества осуществляются, как правило, следующие изменения: 1) Изменение политической и государственной системы, отказ от монополии на власть какой-либо одной партии, создание парламентской республики, общая демократизация общественных отношений. 2) Обновление экономических основ общественной системы, отход от централизованной плановой экономики с ее доминирующими распределительными функциями, ориентацию на экономику рыночного типа (разгосударствление

собственности и широкая программа приватизации; создание нового правового механизма экономических и финансовых отношений, допускающего многоукладность форм экономической жизни и создающего инфраструктуру для развития частной собственности; введение свободных цен; коренное изменение содержания и роли государственного бюджета, отказ от поддержки нерентабельных предприятий. 3) Отказ от социалистической всеобщности труда, ликвидация системы социального иждивенчества с одновременным провозглашением стандартных либерально-демократических свобод. 4) Практическое приспособление к требованиям мирового рынка, предполагающее новые формы внешнеэкономической деятельности; переструктурирование экономики, т.е. разрушение ее установившихся пропорций и кооперационных связей (в частности, проведение конверсии, т.е. радикального ослабления сектора производства вооружений). 5) Перемена духовно-культурных ориентиров общественного развития.

А.Н. Данилов

ТРЁЛЬЧ (Tröltsch) Эрнст (1865-1923) – немецкий философ и теолог, автор трудов по социологии религии и философии истории. С 1892 – профессор в Бонне, с 1894 – в Гейдельберге, с 1915 – в Берлине. Основные работы: "Социальное учение христианских церквей и групп" (1912), "Историзм и его проблемы" (1922) и др.

Противопоставляя историзм и натурализм, Т. конституирует предмет истории с помощью понятия индивидуальной тотальности, которую можно определить только через имманентный ее сознанию смысл. Понятие индивидуального, введенное романтиками, предполагает применение иного временного масштаба: измерение каждого образования по его собственным идеалам и возможностям. Работа историка по символизации и представительству должна иметь своим результатом, по мысли Т., культурный синтез современности, который обладает и теоретической и практической значимостью одновременно. Связь мировоззрения и истории должна быть нормативно и практически обусловлена и должна придать содержание и направление нашей собственной деятельности. Коренная историзация мышления произошла, по Т., в эпоху Просвещения вместе с конституированием современного государства и возникновением задач его самопонимания. Критическая позиция (или культурное сознание) возникла из освобождения менталитета от церковного мифа и стала частью европейского этоса. Место глобальных схем мировой истории занимает конструирование будущего на основе исторически понятого настоящего.

Вслед за М. Вебером (**см.**) с его типами рациональности Т. различает формальную и материальную философию истории. Материальная философия истории – мышление о ценностях и полагании ценностей, исходя из истории. Это полагание, по Т., не может быть абсолютным. Каждое исторически мыслящее время (или субъект) в зависимости от своей позиции формирует смысловое единство, как включающее эту позицию или идущее к ней как к цели. Развитие, которое следует отличать от естественно-научного понятия эволюции и от секуляризованной версии христианской эсхатологии прогресса, также представляет собой целостность, единый процесс жизни, к которому наблюдатель становится в правильное отношение, считая себя его результатом и продолжением. Таким образом, философия истории превращается в область этически и культурно понятого ответственного решения. Это личное решение – происходящее из ощущаемой, но недоказуемой необходимости. Следовательно, его невозможно обосновать чисто рационально или дедуктивно. Историческое видение соединяет актуальное и потенциальное, допускает различные варианты последующего становления, но из многообразия и борьбы тенденций выбирает те, что наиболее соответствуют действительности (современности). Исследуя логические, гносеологические, мировоззренческие проблемы исторического знания, Т. разрушает рамки, в которых вывод о средствах достижения культурного синтеза мог быть позитивным. Свой анализ историчности культурных явлений Т. переносит в теологическую плоскость, разрабатывая историческую типологию религиозных групп ("секта", "церковь", "религиозное объединение" и др.). Являясь результатом самораспада античности, христианская церковь, согласно Т., спасла государство, общество и культуру в рамках созданной ею собственной организации и сохранила непрерывность между двумя совершенно различными историческими мирами и ступенями развития. Посредством этой функции христианство вводит в западный мир религиозно-социологические моменты, не наблюдаемые в других мировых религиях. Несоответствие христианства социальным и духовным потребностям современности, отсутствие непосредственной очевидности в его основных религиозных идеях определили его слабость, но, отказывая религиозности в познающем упорядочении действительности, Т. не лишает ее статуса значимого элемента этой действительности.

Д.М. Булынко

ТРУД – целесообразная, сознательная деятельность, в процессе которой человек при помощи орудий Т. осваивает, изменяет и приспосабливает к своим целям предметы природы. Т. как обмен веществ между человеком и природой означает, что человек использует механические, физические и химические свойства предметов и явлений природы и заставляет их взаимно влиять друг на друга для достижения заранее намеченной цели. При этом, трудовой деятельности присущи, как отмечал Маркс, опосредствующая, регулирующая и контролирующая функции, изменяющиеся по мере развития науки и техники.

Используя ручную, ремесленную технику и эмпирические познания, человек устанавливал новые взаимосвязи между предметами природы и ее процессами и таким образом осуществлял обмен веществ с природой (опосредствующая функция). Машинная техника и естественно-научные познания позволили человеку оказывать влияние на взаимодействие между различными природными явлениями и предметами (регулирующая функция). И наконец, современная научно-техническая революция дает ему возможность овладевать, контролировать внутренний механизм явлений и предметов природы (контролирующая функция). В этом случае, содержание Т. выявляется в конкретной определенности трудовых функций, обусловленных техникой, технологией, организацией производства и мастерством работника. Оно отражает способ соединения производителя со средствами производства, определяемый уровнем развития производительных сил, центральное звено которых – человек. Будучи естественным условием жизни, Т. всегда осуществлялся в рамках исторически определенных общественных отношений, накладывающих отпечаток на его характер.

Характер Т. отражает способ соединения производителя со средствами производства, обусловленный господствующими в данном обществе отношениями собственности. Например, в рабовладельческом обществе раб и средства Т. соединились как собственность рабовладельца, и это порождало личную зависимость трудящегося от того, кто присваивал резуль-

таты его Т. В обществе, основанном на частной собственности на средства производства, работник может соединяться с ними, продавая свою рабочую силу. Поэтому характер Т. в таком обществе отражает условия найма рабочей силы. Характер Т. отражает его социально-экономическую природу в обществе, находящемся на определенной ступени развития. С этой точки зрения как качественно различные могут рассматриваться такие исторические формы Т., как рабовладельческий, феодальный и различные формы наемного Т.

Характер Т. обусловливает цели общественного производства в широком диапазоне (от простого увеличения прибыли до возведения во главу угла роста материального и духовного благосостояния трудящихся), а в сфере распределения – продукции, в которых общественное богатство распределяется между различными стратами в обществе. Что же касается количества этого богатства, то оно зависит от уровня развития производительных сил.

Содержание и характер Т. представляют собой единство двух сторон одного и того же явления, сущность и форму общественного Т. и определяются как парные категории. Общее, что их объединяет, – это способ связи производителя со средствами производства; различие же их состоит в том, что содержание Т. развивается в зависимости от уровня развития производительных сил, а характер Т. – от состояния экономических отношений в обществе. Для феодального общества был характерен ремесленный Т., основанный на применении ручного инструмента и эмпирической технологии. Квалификация ремесленника непосредственно зависела от сложности предмета Т., а следовательно, и функций по его обработке. Кто желал быть мастером, вынужден был овладеть ремеслом во всей его полноте. Особенности Т. ремесленника обусловливали и специфику его подготовки, которая фактически исключала теоретическое обучение и приобрела характер практического ученичества, растянутого на долгие годы. Универсальность трудовых функций влекла за собой высокую ремесленную квалификацию. Однако эта квалификация сочеталась с низким культурным уровнем работника, обусловленным низким уровнем тогдашних знаний о мире, а также тем, что общее образование для большинства ремесленников было непродолжительными или вовсе отсутствовало. Успех дела в ремесленном производстве зависел прежде всего от таланта ремесленника, его личностных качеств и способностей. Приобретая высокую профессиональную культуру путем многолетней выучки, являясь производителем и предпринимателем, производящим и продающим свой товар, ремесленник выступал субъектом, творцом культуры, но на той низкой культурной и технической основе, которая обусловила чрезвычайно медленное организационно-техническое развитие.

Переход к машинному производству вызвал развитие капиталистических отношений, связанных с использованием наемного Т., в содержании Т. рабочего произошли глубокие качественные изменения, в которых реализуется важнейшая закономерность технического прогресса, – а именно, передача опосредствующих функций от человека к машине. Машинное производство знаменует собой начало превращения науки в непосредственную производительную силу и приобщение рабочего к научно-техническим достижениям, необходимым для управления машиной. Эмпирический опыт в Т. продолжает играть значительную роль, но ограничиться им рабочий уже не может. От него требуется известный уровень общего и специального образования, определенный объем профессиональных знаний, а наряду с этим, владение достаточно сложными навыками физического Т.

В современных условиях, когда значительно больше прибыли "выжимается" из квалификации, нежели из физической силы, целесообразно формировать универсальную рабочую силы с высоким уровнем образования. Технический уклад отечественного производства в нынешних условиях неоднороден. В технике, технологии и организации Т. сосуществуют и переплетаются, во-первых, остатки прошлого – значительные объемы ручного неквалифицированного и тяжелого физического Т.; во-вторых, основа нынешнего производства – комплексно-механизированный Т.; в-третьих, генеральная цель научно-технического прогресса – автоматизированный Т. Это обусловливает разнотипность Т. совокупного работника с точки зрения его содержания и вместе с тем сохранение в современном производстве тех типов Т., которые исторически сменили друг друга. Если в основе смены типов Т. лежит технический прогресс, то главная причина их сосуществования – его неравномерность, переплетение в техническом базисе производства техники прошлого, настоящего и элементов техники будущего. Неравномерность развития техники, технологии и организации производства в разных отраслях, на различных промышленных предприятиях обусловливает сохранение массовости неквалифицированного ручного и тяжелого физического Т., не способствующего социальному и профессиональному развитию трудящихся.

Общественная ситуация такова, что на нынешнем этапе отечественное производство пока что нуждается в 70% носителей преимущественно физического и в 30% преимущественно умственного Т. Деление на эти роды Т. при современном уровне развития производительных сил пока что имеет место, и различие по роли в общественной организации Т. работников, занятых указанными родами Т., выступает в нынешних условиях как различие социальное и культурное. Социальность различий проявляется в том, что физический и умственный, квалифицированный и неквалифицированный Т. диктуют различные требования к уровню общего и специального образования и профессиональной подготовки работников, их профессиональной культуре, и создают различные возможности для реализации профессиональных и личностных способностей в процессе трудовой деятельности.

Основными законами, управляющими развитием общественного Т., являются законы разделения и перемены Т. и усиливающий их взаимодействие закон конкуренции. Содержание закона разделения Т. состоит в том, что общественные формации порождают свои способы разделения Т. и каждая новая формация добавляет присущие лишь ей новые виды разделения Т., вытекающие из уровня развития производительных сил и природы экономических отношений. Прокладывая себе дорогу стихийно и в то же время как объективная необходимость, данный закон определяет динамику разделения Т. на его различные виды (физический и умственный, промышленный и сельскохозяйственный, квалифицированный и неквалифицированный, исполнительский и управленческий и др.) и одновременно – основу деления общества на социальные группы занятых названными видами Т. и отношения между группами в зависимости от их социального статуса и престижа Т. С законом разделения Т. связан закон перемены Т., возникший в процессе замены мануфактурного производства машинным, когда возникла необходимость формирования гибкой, универсальной, многосторонне развитой рабочей силы, способной к перманентному обучению и переобучению в ходе изменения производственных процессов. Непреложное требование закона перемены Т. – уско-

ряющаяся подвижность трудовых функций. Объективным законом, влияющим через отношения субъектов собственности на взаимодействие законов разделения и перемены Т., выступает закон конкуренции, принуждающий капитал, по выражению Маркса, напрягать производительные силы Т., потому что он напрягал их раньше. Ареной закона конкуренции становится все общественное производство в процессе его перманентной революционизации.

Г.Н. Соколова

ТРУДОВАЯ КАРЬЕРА (от итал. carriera – жизненный путь, поприще, бег) – продвижение индивида по ступеням профессиональной лестницы в течение всей трудовой жизни, его профессиональные перемещения, смена видов работ на пути к достижению успеха на служебном поприще, выражающемся в занятии более престижными видами труда, более высокой оплате труда, большей служебной ответственности и власти. В устаревшем значении понятие "карьера" используется также для обозначения конкретного рода занятий, определенной профессии (к примеру, карьера адвоката, военная карьера и др.). В научной литературе наряду с понятием "Т.К." употребляется понятие "профессиональная карьера". Т.К. может быть осуществлена работником как на разных предприятиях, так и в рамках одной организации ("внутрифирменная карьера"). Она может быть реализована индивидом в границах одной профессии, либо со сменой профессий в течение трудовой жизни.

Индивидуальные Т.К. складываются, с одной стороны, под влиянием объективных условий и возможностей, предоставляемых обществом индивиду для осуществления его профессиональных устремлений, а с другой стороны, зависят от способностей личности, таких качеств характера, как настойчивость и целеустремленность, определяются полом индивида, состоянием его здоровья, социальным статусом, семейным положением, родственными связями и т.д.

В литературе советского периода понятие "карьера" зачастую трактовалось весьма негативно. Желание сделать карьеру связывалось в обыденном сознании с карьеризмом – погоней за карьерой, стремлением к личной выгоде любой ценой. Безусловно, быстрый темп и высокий уровень служебного положения в личной карьере иногда достигаются аморальными способами, путем использования нечистоплотных методов в конкурентной борьбе за более престижное место работы. Однако односторонне негативная трактовка понятия "карьера" и отрицательное отношение к осуществлению личной карьеры не отвечают требованиям социального развития. Как общество в целом, так и отдельные отрасли, предприятия должны располагать механизмами отбора и продвижения по профессиональной лестнице наиболее способных и талантливых работников. Обеспечение социального продвижения личности в образовательной, квалификационной, управленческой и др. иерархиях отвечает требованиям научно-технического и социального прогресса.

В западной социологической литературе профессиональная карьера рассматривается как перемена профессиональных ролей, через которые человек проходит в течении своей трудовой жизни, стремясь к повышению своего престижа и добиваясь более высокого вознаграждения за труд, а отношение к личности, сумевшей сделать карьеру, традиционно позитивное, заслуживающее одобрения и подражания. Различают структурированные карьеры (как упорядоченные последовательности связанных друг с другом видов работ, характерных преимущественно для работников умственного труда, для представителей профессиональных групп врачей, юристов и т.д.) и неструктурированные карьеры (как ряд служебных перемещений случайного характера, присущих в основном работникам неквалифицированного физического труда). В западной социологии исследования карьеры выходят за рамки профессиональной сферы. Понятие "карьера" получило разработку в символическом интеракционизме (см.) и применяется в социологии девиантности. Г.С. Беккер ("Аутсайдеры. Исследования по социологии девиантности", 1963) использовал его в исследованиях поведения наркоманов. И. Гофман (см.) применял понятие "моральная карьера" в исследовании пациентов психиатрических больниц.

В социологии для исследования Т.К. личности используются такие методы, как интервью, анкетные опросы, анализ документов (трудовых книжек, личных планов, автобиографий, протоколов избирательных собраний трудовых коллективов, ученых советов, материалы избирательных компаний и т.д.). Изучая Т.К., социологи фиксируют профессиональные позиции индивида в различные временные периоды, начиная с момента его вступления в трудовую жизнь. Весьма эффективно изучение Т.К. в рамках лонгитюдных исследований (см.). Материалы социологических исследований дают возможность определить особенности профессионального продвижения представителей разных гендерных групп, замерить различие в шансах сделать Т.К. у выходцев из разных социальных слоев, учесть влияние поселенческой структуры на профессиональные перемещения, выявить степень успешности в реализации профессиональных планов личности и мн.др.

О.Г. Лукашова

ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ Михаил Иванович (1865-1919) – украинский и русский экономист, социолог, историк, автор работ по истории и теории социализма. В 1888 закончил физико-математический факультет Харьковского университета, одновременно сдав экстерном за юридический. В 1894 получил степень магистра при Московском университете за книгу "Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияния на народную жизнь". В 1898 в Московском университете защитил докторскую диссертацию "Русская фабрика в прошлом и настоящем. История развития русской фабрики. Т. 1.". В 1899 был отстранен за политическую неблагонадежность от преподавания в Петербурге и только в 1905 вернулся на кафедру. В период революции 1905-1907 вступил в партию кадетов. С 1913 – профессор Петербургского политехнического института. После Февральской революции уехал на Украину. Занимал пост министра финансов при Украинской Центральной Раде до января 1918. При участии Т.-Б. была организована Украинская академия наук. Скоропостижно скончался от стенокардического приступа.

Основными направлениями научной деятельности Т.-Б. были исследования в области теории рынков и кризисов, проблем развития капитализма (см.), истории социалистических учений, кооперации. Используя марксистскую схему воспроизводства капитала, Т.-Б. пришел к ряду выводов, касающихся перспектив капитализма и расходящихся с оценками Маркса (см.): 1) цикличность развития является имманентной чертой капиталистической системы хозяйства (из этого факта должно исходить государство, вырабатывая экономическую политику, занимаясь прогнозом развития конъюнктуры); 2) капитализм как экономическая система никогда не умрет

естественной смертью, он внутренне способен к непрерывному развитию. Кризисы, постоянно потрясающие его, – признак не приближающегося краха, а механизм саморегулирования, показатель способности к обновлению. В последующем под влиянием идей И. Канта и Бернштейна (см.) критическое отношение Т.-Б. к марксизму усилилось. Он уделял большое внимание "человеческому фактору" общественного развития, полагая, что гибель капитализму принесет явление отчуждения, которое называл "фетишизмом капиталистического хозяйства": "в капиталистической системе хозяйства заложено внутреннее противоречие, которое с железной (хотя и не экономической) необходимостью должно повести к ее превращению в высшую форму. Противоречие это заключается в том, что капитализм делает из рабочего человека просто хозяйственное средство, и в то же время ведет к распространению правовых воззрений, признающих всякую человеческую личность без различия целью в себе" ("Теоретические основы марксизма", 1905).

Т.-Б. считал, что теория прибавочной стоимости еще ничего не дает для утверждения социалистического идеала, она лишь констатирует факт эксплуатации, исследует ее механизм. И только идея равноценности человеческой личности, которая дает нашему моральному сознанию понимание того, что эксплуатация должна быть уничтожена, может быть теоретическим обоснованием социализма. Эти идеи были развиты в работах "Современный социализм в своем историческом развитии" (1906), "Социализм как положительное учение" (1918) и др. Утверждал, что социалистическое мировоззрение глубоко индивидуалистично по своей сути, т.к. во главу угла оно ставит, прежде всего, человека с его потребностями и способностями, который является одновременно и высшей целью, и важнейшей производительной силой. Классифицировал исторические типы хозяйства на гармонические, характеризующиеся совпадением в одном лице субъекта хозяйствования и работника ("семейное производство для собственного потребления", "меновое хозяйство самостоятельных производителей", "коллективистическое хозяйство будущего, основанное на принципе ассоциаций"), и антагонистические, где работники и владельцы функционируют в роли простых средств производства (рабовладение, крепостничество, капитализм). Полагал, что человечество находится сейчас на начальном этапе перехода от агрессивного типа социального взаимодействия к кооперативному, понимаемому как свободная самоорганизация индивидов, когда общество "должно до конца превратиться в добровольный союз свободных людей – стать насквозь кооперативом... Таков социальный идеал, который полностью никогда не воплотится, но и в приближении к которому и заключается весь исторический процесс человечества" ("Социальные основы кооперации", 1916).

Т.-Б. проанализировал и обобщил опыт мирового кооперативного движения, различные теоретические концепции, дал их классификацию, определил пути развития кооперации в будущем, придавал большое значение развитию кооперативного движения в России, связывал ее будущее именно с кооперированием крестьянского хозяйства в сочетании с государственно регулируемым капитализмом в промышленности, полагая, что до социализма Россия не дозрела, а должна превратиться в "великую крестьянскую демократию" ("Русская революция и социализм", 1917). Анализируя различные социалистические проекты переустройства общества, попытки внесения их в жизнь, разработал классификацию социалистических учений, существенно отличающуюся от марксистской, избрав в качестве критериев способ распределения и форму собственности. Различал социализм государственный, синдикальный, коммунальный и анархический и, соответственно, коммунизм государственный, коммунальный и анархический. Считал государственный социализм – учения Т. Мора, Сен-Симона (см.), Маркса – наиболее продуманным и экономически возможным, хотя и отмечал, что государственная централизация несет в себе огромную опасность для свободы отдельных лиц, т.к. возрастает роль принудительного начала, но полагал, что развитие кооперации и местного самоуправления позволит ослабить эти негативные явления. Т.-Б. – также автор сочинений: "Основы политической экономии" (1909), "Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма" (1905), "Периодические промышленные кризисы" (1914) и др.

Е.М. Приленко

ТУРЕН (Touraine) Ален (р. 1925) – французский философ и социолог, профессор университетов в Нанте и Париже. Главные работы Т.: "Социология действия" (1965), "Движение Мая и коммунистическая утопия" (1968), "Постиндустриальное общество" (1969), "Производство общества" (1973), "К социологии" (1974), "После социализма" (1980) и др.

Основные области исследований Т. – социология труда, методология социального познания, изучение индустриального и постиндустриального общества, социальных движений. В начале своей деятельности Т. – сторонник структурно-функционального подхода к обществу и структурализма (см.), с позиций которых написаны его первые работы по социологии труда. В последующем он отдает предпочтение концепции социального действия как наиболее адекватному методу исследования общества в его динамике, противоречиях и конфликтах. Для отслеживания динамики общественного развития и эволюции различных типов обществ (цивилизаций) Т. широко использует категорию "социетальный тип". Эта категория дает, считает он, возможность проследить сдвиги в человеческой деятельности от одного типа общества к другому; от торговли к производству, от производства к коммуникации, от одного типа культуры к другим типам, от одного типа отношений между коллективностью и ее окружением, от одного типа отношений между "социальными актерами" (действующими субъектами исторического процесса) к другим. С этих позиций доиндустриальные общества аграрного и торгового типа вполне правомерно отождествляются с афинской или римской цивилизацией, где отчетливо проявляется связь между социетальностью и политической целостностью. В случае индустриального общества возникает гораздо большая дистанция между ним и национальным государством. Еще более отдаленной эта связь становится в постиндустриальном, программированном обществе, которому соответствует более сложная, менее механическая и менее стабильная по сравнению с доиндустриальным и индустриальным типами общества модель организации. В отличие от последних, в противовес "пирамидной структуре" обществ с низшими уровнями самоизменения их функционирования, в идущем им на смену постиндустриальном обществе центры принятия решений составляют самоорганизующуюся и самоизменяющуюся систему без центрального пункта. В отличие от индустриального общества, в котором основной классовый конфликт существует между рабочим и боссом, в программированном обществе основной социальный конфликт пролегает, по Т., между механизмом производства и управления и самим потребителем. Переход к нему означает движение к

более открытому обществу, которое побуждает людей, товары и идеи циркулировать в гораздо большей мере, чем это делали предыдущие общества. Постиндустриальное общество действует более глобально на управленческом уровне, используя для этого две главные формы. Во-первых, это нововведения, т.е. способность производить новую продукцию как результат инвестиций в науку и технику; во-вторых, самоуправление становится проявлением способности использовать сложные системы информации и коммуникаций.

Т. признает, что индустриальное общество находится в состоянии кризиса, что проявилось во всеохватывающем кризисе ценностей, кризисе культуры, в широком движении контркультуры, которое прямо поставило под вопрос ценности индустриализации и роста и которое предъявило счет стабильности и тождественности в какой бы то ни было форме, потребовало необходимых трансформаций во всех сферах общества. Однако за этими проявлениями кроются более глубокие и фундаментальные сдвиги в самом способе производства, распределения, обмена, потребления, в самой организации общественной жизни. Суть этих сдвигов состоит в переходе к новому типу общества, более активному и мобильному, более самоорганизующемуся, способному создавать все новые модели управления и осуществлять культурные нововведения, но вместе с тем к более волюнтаристскому и опасному, чем общество, оставленное нами позади. Программированное общество обладает значительно большей степенью мобилизованности, чем индустриальное, и создает более широкий простор для разнообразных и активных систем социального действия. Это находит воплощение в широко распространившихся социальных движениях – освободительных, феминистских, молодежных, экономических, экологических, региональных, этнических, культурных и т.д. Все эти разнородные и разнонаправленные движения придают социальным конфликтам в программированном обществе исключительную жизненность и широкое распространение. Но здесь же кроется и причина слабости этих движений, поскольку обобщенная природа конфликтов в данном случае лишает их общей основы. В такой ситуации пламя социального протеста может вспыхнуть в любом месте, но обществу меньше, чем прежде, угрожает огромный пожар социальных потрясений. Придавая большое значение в развитии общества социальным действиям, Т. создал их своеобразную типологию. Те конфликтные действия, которые представляют собой попытку защитить, реконструировать или адаптировать некоторый слабый элемент социальной системы, будь то ценность, норма, властные отношения или общество в целом, он называл коллективным поведением. Если конфликты представляют собой социальные механизмы для изменения систем принятия решений и являются вследствие этого факторами изменения структуры политических сил в самом широком смысле слова, то речь должна вестись о социальной борьбе. Когда же конфликтные действия направлены на изменение отношений социального господства, касающихся главных культурных ресурсов (производство, знания, этические нормы), они могут быть названы социальными движениями. В процессе развертывания социальных движений главное внимание их инициаторов и участников, согласно Т., концентрируются на самом социальном "актере", на его индивидуальности и идентичности. Акцент на индивидуальности и идентичности служит характеристикой поднимающихся социальных слоев и групп, и особенно новых контролирующих классов, отстаивающих собственную идентичность и индивидуальность, за которыми кроется требование свободы для инициатив и снятия традиционных барьеров, которые препятствуют приходу всякой новой власти.

В последние годы Т. все больше внимания уделяет проблеме гармонизации отношений формирующегося программированного общества с экологическими движениями и окружающей природной средой. Программированное общество не может признать существование природы, отделенной от себя, поэтому оно, с одной стороны, осознает, что является частью природы, а с другой – несет ответственность за защиту природы, берет на себя ответственность за все вероятные последствия модификаций, производимых им в природном порядке. В этой связи современное общество трактуется Т. как коммуникационное, интерпретируемое в понятиях социальных отношений, и одновременно должное рассматриваться как система деятельности. В нем главная область конфронтации приближается к области знаний и идей, знание становится производительной силой, присвоение которой столь же важно, сколь важна в индустриальном обществе проблема собственности. Чем больше это общество расширяет свою способность к самоизменению, тем больше оно руководствуется знаниями о себе и социальном действии, вследствие чего сердцевину социальных конфликтов и движений в нем составляет интеллектуальный мир.

Е.М. Бабосов

ТЮРГО (Turgo) Анн Робер Жак (1727-1781) – французский государственный деятель, философ-просветитель и экономист. Получил теологическое образование, но под влиянием идей новой философии (Дж. Локк, Вольтер, Ш.Л. Монтескье) отказался от духовного звания и поступил на государственную службу в Парижский парламент. Будучи министром финансов и экономики (1774-1776), проявил себя как радикальный буржуазный министр, деятельность которого была введением к Французской революции. На посту генерального контролера финансов провел ряд антифеодальных реформ, которые вызвали сопротивление привилегированных сословий и после отставки Т. были отменены.

Философские воззрения Т. формировались под воздействием идей просветителей Д. Дидро и Д'Аламбера, с которыми он сотрудничал в "Энциклопедии". Т. сформулировал тезис о прогрессе как всеобщем историческом законе: "...Масса человеческого рода... всегда шествует, хотя медленными шагами, ко все большему совершенству". Т. указывал на связь между способом добывания средств к жизни и складывающимися в этом обществе социальными отношениями. В политической экономии Т. примыкал к физиократам, развивая их экономическую теорию.

В основном сочинении "Размышления о создании и распределении богатства" (1766, рус. пер. 1905) Т. отстаивал принцип свободы экономической деятельности. Он впервые подошел к пониманию значения собственности на средства производства в классовом делении общества, различая внутри "земледельческого класса" и "класса ремесленников" предпринимателей и наемных работников. Т., идеолог нарождавшегося капитализма, по словам К. Маркса (см.), был одним из интеллектуальных героев, свергнувших феодальный режим.

И.А. Андрос

У

УАЙТ (White) Лесли Элвин (1900-1975) – американский антрополог, один из лидеров неоэволюционизма. Изучал историю, политические науки, философию, социологию, психологию и культурную антропологию в университетах Луизианы и Чикаго, Колумбийском университете. Докторская диссертация по антропологии (1927) основывалась на полевых материалах, собранных У. на Юго-Западе США. В 1930-1970 У. преподавал в Мичиганском университете. Созданный им факультет антропологии признается одним из лучших в мире. Президент Американской антропологической ассоциации (1964). Основные сочинения: "Энергия и эволюция культуры" (1945, 1947), "Эволюция культуры" (1959), "Эволюция культуры и американская школа исторической этнологии" (1932) и др.

Свою известность У. приобрел на рубеже 1950-1960-х, благодаря критике господствовавших в то время в США антиэволюционистских настроений, выработанных Боасом (см.) и его последователями. У. приложил немало усилий для реабилитации эволюционистов 19 в., особенно Моргана (см.). У. предложил собственную оригинальную концепцию эволюции культуры. Культурное развитие, в отличие от природного, по У., антиэнтропийно и состоит в постоянном увеличении объема используемой человеком энергии. Это положение впоследствии получило наименование "закон У.". Полемизируя с критиками эволюционизма, У. утверждал, что ранжирование культур возможно по таким объективным параметрам, как степень утилизации энергии, а также – дифференциации и специализации социальных институтов. У. видел в технологии наиболее мощный набор стимулов развития социального прогресса общества. Последнее он предлагал рассматривать как общественный способ оперирования технологическими процессами. Этот подход У. получил наименование "культурного материализма". У., безусловно, испытал большое влияние со стороны марксизма. Однако У. не может быть целиком к нему причислен, о чем свидетельствует достаточно жесткая марксистская критика его концепций, включавшая обвинение в "технологическом детерминизме".

Одновременно с реабилитацией эволюционизма не меньшее место в научной деятельности У. занимало исследование феномена культуры. У., в частности, предлагал сформировать для этого самостоятельную науку – культурологию и, судя по всему, был пионером в употреблении этого термина в Америке. Задачей культурологии, по У., должно было стать объяснение культуры, исходя из нее самой, вне связи с психологией. У. отвергал существование свободы воли и полагал, что человеческое поведение жестко детерминировано. Культура является наиболее мощным фактором, влияющим на личность. То, что индивидуум считает свободой выбора, по мнению У., может быть куда более реалистично интерпретировано антропологом как результат взаимодействия культурных доминант. Последние настолько глубоко укоренены в сознании личности, что обычно не осознаются как некая самостоятельная сила.

Особое внимание У. уделял роли символов в формировании феномена культуры. По У., корни культуры состоят в способности человека произвольно придавать вещам такое значение, которое им самим по себе не присуще. А сама эта способность составляет уникальную особенность человека, отличающую его от животного мира. Помимо антропологии У. интересовался философией науки. Он полагал, что наука есть унифицированный способ изучения природы, получивший различные названия (например, физика, биология, антропология) в зависимости от объекта изучения. По У., каждая наука может рассматривать объект изучения исторически, функционально и эволюционно. При этом все эти три подхода взаимодополняемы и не противоречат один другому. У. предлагал оригинальную концепцию эволюции научного знания, согласно которой познание мира начинается с исследования объектов, наиболее отдаленных от человеческого поведения (с астрономии, например) и постепенно смещается в сторону его изучения (культурология).

П.В. Терещкович

УЗНАДЗЕ Дмитрий (1887-1950) – грузинский философ и психолог. Доктор философии (1909), профессор. Академик Академии наук Грузинской ССР (1941). Окончил философский факультет Лейпцигского университета (1909) и историко-филологический факультет Харьковского университета (1913). Принимал участие в создании Тбилисского университета (1918). Организатор отделения психологии, кафедры психологии и лаборатории экспериментальной психологии при ней. В 1918-1950 заведовал кафедрой психологии Тбилисского университета, в 1933-1942 – кафедрой психологии Кутаисского педагогического института. Организатор и директор (1941-1950) Института психологии Академии наук Грузинской ССР.

В 1920-х разработал основы общепсихологического учения об установке (термин введен в научный оборот немецким психологом Л. Ланге в 1888), которое отчасти противопоставлялось психоаналитической концепции бессознательного психического. Трактовал установку (см. **Социальная установка**) как своеобразное целостное бессознательное целеуст-

ремленное состояние субъекта, предшествующее деятельности. Установил наличие нескольких видов установок и осуществил изучение их свойств и условий формирования. Создал свою научную школу (И. Бжалава, А. Прангишвили и др.). Автор книг "Анри Бергсон" (1920), "Общая психология" (1940), "Экспериментальные основы психологии установки" (1949), "Основные положения теории установки" (1961), "Психологические исследования" (1966) и др. работ по различным проблемам философии и психологии.

В.И. Овчаренко

УИЛЬЯМС (Williams) Рэймонд (1921-1988) – британский социолог и теоретик культуры, один из основателей социологии культуры и культурных исследований (см.) в Великобритании. У. является автором широко известных и популярных работ по социологии и истории культуры Англии: "Культура и общество: 1780-1950" (1958), "Долгая революция" (1961), "Страна и город" (1973); по теории культуры и литературы: "Драма от Ибсена до Элиота" (1952), "Современная трагедия" (1966), "Телевидение: технология и культурная форма" (1975), "Ключевые слова: Словарь культуры и общества" (1976), "Марксизм и литература" (1977), "Джордж Оруэлл" (1981), "Социология культуры" (1981). После выхода работы "Общество и культура: 1780-1950" У. стал одним из самых читаемых социологов Великобритании и остается таковым до сих пор, в значительной мере благодаря широте тем и теоретических проблем, рассматриваемых в его трудах.

Будучи родом из семьи валийского железнодорожника, У. до конца своих дней старался сочетать ученую деятельность и политическую активность, открыто выражая симпатии рабочему движению и поддерживая имидж пролетарского происхождения. В конце 1930-х У. стал студентом Кембриджа и с первого курса вступил в Коммунистическую партию. Прервав учебу в начале Второй мировой войны и отслужив танкистом в армии Ее Величества, У. возвращается в Кембридж. Затем, успев попробовать себя в журналистике, У. преподает в Сассексе и Оксфорде. Все это время продолжает активно поддерживать лейбористское движение. Возвращение У.-профессора в Кембридж в начале 1960-х было для него временем зрелого теоретического марксизма, позднее логически перешедшего в "цивилизованное язычество". У. полагал, что Лукач (см.), Плеханов (см.), Альтюссер (см.), Беньямин (см.), Барт (см.), Н. Хомский, Б. Брехт и Ж.-П. Сартр создали культурный марксизм, который благодаря психоанализу (см.) и лингвистике освободился от "деформаций" сталинизма. Хотя в работах самого У. марксизм безусловно не является доминирующей теоретической установкой, поскольку У. следовал скорее своим интуициям и своеобразному стилю мышления, нежели догматике. В 1970-1980-х У. активно поддерживал феминизм, экологические движения, уэльских националистов и борьбу против империалистической экспансии в страны третьего мира.

Анализируя историю культуры Англии 19-20 вв. ("Культура и общество"), У. пытается прежде всего проследить негативное влияние индустриализации на культуру и жизнь различных сообществ. При этом индустриализация стала механизмом "долгой революции" – культурной революции английского общества.

Прослеживая рост читающей публики и развитие индустрии публикаций от древнеримского группового переписывания под диктовку (scriptoria) до распространения массовой читающей публики в 18-19 вв., У. демонстрирует на обширном историческом материале (динамика тиражей и номенклатура изданий, каналы дистрибуции т.д.), как коммерциализация и доступность печатных изданий идут параллельно и – более того – стимулируют колоссальные социально-политические изменения в обществе. Тем не менее культурная дистанция между элитами и массами ("Современная трагедия") продолжает воспроизводиться на новом уровне культурной индустрии. Этот разрыв обедняет и само искусство. Индивидуализм "либеральной" трагедии подчеркивает лишь скудость приватно-утилитарных стремлений буржуазной индивидуальности (по У., "ложные отношения, ложное общество и ложное понятие о человеке") и отсутствие позитивной концепции общественного развития. Именно здесь возникает понимание социальной функции трагедии и драматургии в целом (отчасти как образец формулировки социалистической теории на основе приложения трагедийной драматургии) как средство революционного преодоления пороков индивидуалистического общества: "дегенерации, жестокости, страха и зависти".

В книге "Долгая революция" У. формулирует принципы и систему категорий социологического анализа культуры: "идеальное", "документирование" и "социальное". "Идеальное" отражает процесс совершенствования человечества в терминах абсолютных и универсальных ценностей, которые реконструируются в ходе анализа культуры. "Документирование" есть детальная запись/описание опыта и достижений мысли (культура как тело интеллектуальных и творческих работ), в отношении которых анализ культуры выполняет также критическую функцию по прояснению оснований опыта и идей, особенностей языковых конвенций и исторических классификаций работ в соответствии с традициями. "Социальное" рассматривает культуру как образ жизни, описание и прояснение значений и ценностей соответствующих образу жизни; анализ структур институтов и форм коммуникации (см.). Между тремя категориями есть особые корреляции, создающие целостное видение и определение культуры и делающие их неприемлемыми по отдельности. Анализируя с этих позиций "Антигону" Софокла, У. хочет показать, что античная драма и ее эстетика неразрывно связаны со специфическим социальным контекстом античной Греции. На этом основании У. утверждает, что произведения искусства можно адекватно понять только в определенном социальном контексте, поскольку искусство есть часть общественной жизни (без которой последняя невозможна).

Особый интерес представляет теория культурного опыта, предложенная У. Культурный опыт включает коммуникацию, творчество, восприятие, интерпретации, соорганизацию с другими, передачу опыта и направляется "творческим разумом". Художественное творчество, по мысли У., одной природы с человеческим сотворением мира – это всегда конструирование нового опыта, где искусство является формой наиболее интенсивной коммуникации и передачи опыта, выполняя функцию "подзарядки" энергии общественной жизни. Искусство есть социальный институт, способ соорганизации и интеграции людей, поскольку художественная коммуникация – это не разовый акт, а долгая межпоколенческая связь (в определенной степени само искусство является такой связью). У. убедительно демонстрирует, что творческий человек исторически представляет собой центральную фигуру социальной организации, а искусство как особая активность и выражение

социального вписано в контекст других социальных практик – политики, бизнеса, образования и т.д.

Однако в обществе всегда происходит процесс отбора культурно значимого, который в существенной мере создает эффект дестабилизации и разобщения. Более того, именно в социальной селекции культуры обнаруживаются черты социальной организации в целом. Культурный отбор, с точки зрения У., идет постоянно, происходит регулярный пересмотр результатов предыдущих туров, т.е. вкусов и предпочтений предшествующих поколений. Процесс селекции отражает динамику различных социальных интересов. По меткому выражению У., селективная традиция – это постоянный (пере)отбор прародителей, установление линий судьбы и основ культурной памяти, постоянная (пере)интерпретация прошлого с позиций сегодняшнего дня.

У. предложил собственный оригинальный проект социологии культуры ("Социология культуры"). Он прекрасно осознавал, что социология культуры как особая дисциплина все еще занимает относительно маргинальное положение в социальных науках и был намерен решительно изменить это положение. Необходимо признать, что история и экономика сделали хорошим тоном ставить на первое место изучения политику и экономику, а культуре и теории отводить второстепенные роли подтверждения социального порядка. По У., культуру необходимо изучать в целостном контексте образа жизни, не отводя ей место маргинального десерта. Прежде всего, социология культуры должна базироваться на междисциплинарной и концептуальной конвергенции. Так различия в социоантропологическом понимании культуры как "образа жизни" группы/сообщества и в эстетическом понимании культуры как артистической и интеллектуальной активности могут быть продуктивно сочетаемы в общей для них интерпретации культуры как знаковой системы и суммы практик означивания. Отдавая в социологии культуры приоритет исследованиям сферы культуры (мир искусства, культурной индустрии), У. последовательно проводит линию теоретической конвергенции, которая следует по пути социологии нового типа. Традиционная эмпирическая социология (преимущественно в США и Великобритании) акцентирует внимание на исследованиях институтов (включая медиа), содержательных аспектов искусства и СМИ, а также их социальных эффектов. Альтернативная же традиция, более распространенная в Германии, сочетает социальную теорию, философию, историю в анализе социального контекста искусства и его социального содержания, включая также социальные отношения в сфере искусства (следуя логике конвергенции, структурные сочетания этих трех элементов, сложившиеся исторически, У. называет культурными формациями). Особое внимание уделяется У. проблеме идеологии в противоречивом сочетании культурного производства идеологических убеждений и их трансляции в искусстве. Таким образом, систематическое исследование в социологии культуры должно включать: анализ институтов и формаций культурного производства, анализ отдельных художественных форм (У. предпочитает драму), анализ процессов социального воспроизводства и специальных проблем культурной организации (мир интеллигенции и интеллектуалов).

В одной из самых популярных работ У. – "Словаре общества и культуры" – дается уникальный этимологический и теоретический обзор ключевых терминов социальной теории и политических дискурсов, среди которых "эстетика", "отчуждение", "популярное", "культура", "цивилизация", "демократия", "развитие", "опыт", "коммуникация", "народ", "творчество", "бюрократия", "потребитель", "технология", "вкус", "поколение", "здоровье", "благополучие", "общество", "социология", "индустрия", "история", "человек", "управление", "насилие", "произведение", "труд", "приватное", "миф" и значительное число других фундаментальных "слов", составляющих словари различных интерпретаций культуры и общества.

Д.В. Галкин

УКРАИНЕЦ Павла Петровна (р. 1933) – белорусский социолог и политолог. Окончила Пинское педагогическое училище (1953) и Минскую Высшую партийную школу (1964). С 1951 по 1987 – на журналистской, комсомольской и партийной работе. Кандидат философских наук (1971), доктор исторических наук (1986), профессор (1987). Профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белгосуниверситета (с 1991).

Основные работы: "Партийное руководство и государственное управление" (1976), "Боевое оружие партии. Некоторые вопросы теории и практики устной политической агитации" (1978), "Партийное руководство идейно-воспитательным процессом" (1982), "Социально-культурный комплекс: опыт, проблемы" (1983), "Начала социальной работы" (2001), "Менеджмент: новые технологии. Учебное пособие" (2001), "Политология в вопросах и ответах" (2001) и др.

УОРД (Ward) Лестер (1841-1913) – американский социолог, один из основоположников психологической социологии, геолог и палеонтолог, соосновательпалеоботаники, первый президент (1906-1908) Американского социологического общества (ныне Американской социологической ассоциации), профессор. Предложил широкое понимание сферы психологии, в которую включал все, что не служит исключительно содействию жизненным функциям. Выдвинул положение об активном характере социальной эволюции и определяющем воздействии на нее различных психических сил, – в первую очередь, волевых импульсов. Стремился к созданию целостной психосоциологической системы социальной науки. Предпринял попытку генерализации общественной роли психических факторов, обеспечивающих прогресс цивилизации.

Основой всех действий личности, своего рода "первоначальной социальной силой" считал "желания", выражающие природные импульсы человека. Многообразие человеческих желаний группируется, по У., вокруг двух основных желаний – удовлетворения голода и жажды (связанных с поддержанием жизни индивида) и половых потребностей (отражающих стремление к продолжению рода). Полагал, что этими комплексными желаниями обусловливается активное поведение человека, направленное на преобразование естественной окружающей среды. Наряду с желаниями поведение человека, по У., определяется также и "репродуктивными силами", к которым он относил, в частности, сексуальную, романтическую, супружескую, материнскую и кровную любовь (с соответствующими им различными видами ненависти). Полагал, что в природе этих сил находится источник неравенства, существенный элемент которого – неравенство между мужчиной и женщиной – определяется совокупностью всех иных неравенств. Согласно концепции У., человеческие желания, связанные с удовлетворением голода и жажды, по-

родили труд и обман, которые являются постоянными спутниками цивилизации. Интерпретировал обман как специфическую разновидность труда.

Отмечая противоречивость человеческого существования, У. подчеркивал, что прирожденные интересы людей действуют, как правило, в противоположных направлениях, в силу чего интересы отдельных индивидов сталкиваются, "бросаются друг на друга", и что в этой сфере идет постоянная борьба за существование. В результате, по У., единственной основой для формирования всех социальных учреждений могла быть и является лишь первичная, однородная, недифференцированная общественная плазма – групповое чувство безопасности. Акцентировал исключительную роль человеческого интеллекта как главной движущей силы исторического развития. Особое внимание уделял психическим факторам цивилизации. Полагал, что они слагаются из трех основных групп: субъективных факторов, объективных факторов и синтеза социальных факторов. При этом относил к субъективной психологии все явления, обнимаемые чувством, а к объективной психологии – все явления, обнимаемые интеллектом.

Характерными моментами общей системы представлений У. о психических факторах цивилизации были следующие: к субъективным факторам в числе прочих он относил различные отрасли философии, к объективным – женскую интуицию и спекулятивный гений, а к синтезу социальных факторов – экономию природы и экономию духа. Значительное внимание уделил разработке утопического учения об идеальном обществе – "социократии", существенным отличительным признаком которого должен быть, по У., контроль над социальными силами посредством коллективного разума общества. Настаивал на существовании возможности построения его путем преобразования капитализма на основе введения всеобщего обязательного равного образования. Автор книг "Динамическая социология, или Прикладная социальная наука, основанная на статистической социологии и менее сложных науках" (1883), "Психические факторы цивилизации" (1892), "Очерки социологии" (1898), "Чистая социология" (1903) и др.

В.И. Овчаренко

УПРАВЛЕНИЕ – процесс систематического, сознательного, целенаправленного воздействия людей на общественную систему в целом или ее отдельные звенья (производство, социальную и духовную жизнь, отрасли экономики и др.) на основе познания и использования присущих обществу объективных закономерностей и прогрессивных тенденций в интересах обеспечения его эффективного функционирования и развития. В содержательном плане У. рассматривается как вид интеллектуального труда, представляющего собой систему последовательных управленческих функций, циклов, процессов, которые обеспечивают координацию и регулирование других видов человеческого труда.

УПРАВЛЕНИЕ В ОРГАНИЗАЦИИ – процесс осуществления взаимосвязанных действий по координации, формированию и изменению ресурсов и внутренней среды организации для достижения социально значимых целей. К внутренней среде организации относятся: структура (определение структуры подразделений, их прав и обязанностей, системы взаимодействий, информационных связей и др.); технология (выбор, комбинирование, использование, анализ эффективности, влияния на климат в организации); кадры (кадровое планирование, привлечение, отбор, мотивация, повышение квалификации, планирование карьеры и др.); организационная культура (процесс выработки, поддержания, развития норм и принципов, способствующих функционированию организации); внутриорганизационные процессы координации, коммуникации, принятия решений. У.вО. формирует процедуры и формы осуществления этих процессов.

В деятельности организации выделяют следующие группы функциональных процессов, являющихся объектом У.вО.: производство (разработка и проектирование продукта, выбор технологического процесса, расстановка кадров и др.); маркетинг (см.) (изучение рынка и ценообразования, создание систем сбыта и др.); финансовая деятельность (формирование денежных ресурсов); хозяйственная деятельность; работа с персоналом; создание благоприятного морально-психологического климата.

Н.Н. Сечко

УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТАМИ – в широком смысле процесс контроля самими участниками или внешними силами (общественными институтами, властью, специальными лицами и др.) над конфликтом. Может осуществляться в разных формах, главной из которых является разрешение конфликта – элиминирование или минимизация проблем, разделяющих стороны. Обычно осуществляется через достижение согласия сторон, которое рассматривается как главное условие прочности принятых решений. В качестве основного способа достижения согласия рассматриваются различные виды переговорного процесса – прямые переговоры сторон, переговоры с участием третьей стороны (медиаторство, арбитраж), использование рабочих групп по разрешению конфликтов и др. В связи с потенциальным усилением возможности деструктивного влияния разных форм социальной напряженности на общественную жизнь, появлением новых форм социального насилия, терроризма и т.д. интерес к теории и практике У.К. возрастает.

Н.В. Гришина

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЕ – управление процессами и явлениями социальной сферы общественной жизни, средство реализации социальной политики. У.С. осуществляется путем воздействия на условия жизни людей и их ценностные ориентации.

Сущность социологического подхода к У.С. состоит в выделении трех его компонентов. Первый – ядро механизмов управления; составляет целенаправленное управляющее воздействие включающее целеполагание и целеосуществление. Вторым компонентом является социальная самоорганизация, т.е. спонтанные процессы внутриколлективного регулирования. Оба названных компонента образуют третий – организационный порядок, включающий в себя продукты "прошлого" управленческого труда, объективированные в должностной структуре и административном порядке, и систему стихийно сложившихся правил и норм отношений в коллективе. Оптимальное соотношение этих компонентов предполагает их интеграцию на основе использования возможностей и учета границ каждого из них с целью снятия возможных противоречий. Объектами У.С. являются индивид, группа, организация и другие социальные образования и процессы.

Н.Н. Сечко

УПРАВЛЕНИЯ ИНСТРУМЕНТЫ – совокупность рычагов воздействия субъекта управления на объект, с помощью которых он может побуждать последний выполнять управленческие команды. У.И. подразделяют на: экономические (воздействие на материальные интересы членов организации); социально-психологические (создание мотивации к активной творческой деятельности); социокультурные (формирование и использование культурных традиций и норм); организационные (создание организационных связей, распределение функций, прав, обязанностей, ответственности и др.). В основе У.И. лежит механизм влияния, т.е. возможность влиять на что-либо, имеющее значение для исполнителей, побуждающее их действовать в необходимом направлении.

У.И. подразделяют на формальные, закрепленные в законодательном порядке (оплата труда, штрафы, приказы, выговоры и др.) и неформальные, не закрепленные в законодательном порядке (беседы, благодарности, культурные традиции организации). Кроме того, они подразделяются на инструменты, оказывающие влияние за счет позитивного воздействия (премии, благодарности и др.) и влияющие за счет негативного воздействия (штрафные санкции, выговоры и др.). У.И. основываются на знании психологии, мотивационно-стимуляционных механизмов, особенностей конкретного коллектива. У.И. применяются, как правило, в комплексе, однако имеют ситуационный характер, так как в зависимости от состояния и характеристик объекта в тот или иной момент могут иметь различную степень эффективности.

Н.Н. Сечко

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – это система взаимосвязей между субъектами управления, в основе которой лежит заинтересованность одного субъекта в определенном функционировании другого субъекта, на основе вырабатываемых команд, и заинтересованность второго субъекта вести себя соответственно управленческим командам первого для достижения своих целей, поддержания эффективного функционирования, развития и др. Все разнообразие отношений в системе управления можно разделить на отношения: субординации (выполнение команд, распорядительство); координации (согласование, договорные отношения); внешние (связи и взаимодействия систем управления); внутренние (внутри системы в процессе управления); простые и сложные (по числу организационных связей между субъектами и объектом управления); постоянные и временные (по времени существования).

У.О. реализуется через управление как вид социальной деятельности. Эффективность У.О. зависит от их научной обоснованности, так как они формируются и развиваются под влиянием закономерностей управления. Основными мотиваторами осуществления У.О. выступают цели, поставленные в управлении.

Н.Н. Сечко

УПРАВЛЯЕМОСТЬ – это способность системы определенным образом в заданном направлении и временных границах реагировать на сигналы управления или на управленческое воздействие. Система управляема, если каждому воздействию управления соответствует строго определенное состояние параметров объекта, неуправляема или малоуправляема, – если объект управления меняет свои параметры произвольно. Норма, или масштаб, управляемости связана со структурой организации, числом иерархических уровней и связей. Уменьшение У. связано с увеличением иерархических уровней и расширением структуры по вертикали. Увеличение нормы У. ведет к расширению структуры по горизонтали и уменьшению числа иерархических уровней. Не существует единого масштаба У., однако большинство исследователей сходятся в том, что для высшего звена управляющих он составляет 7-13 человек, для нижнего – 20-30 человек. На масштаб У. влияют факторы, связанные с характеристиками выполняемой работы, с характеристиками субъектов управления, с характеристиками организации и процесса управления.

У. может использоваться как комплексный критерий эффективности деятельности организации. Границы У. определяются сложностью управляемого объекта, расхождением между формальной и неформальной структурами, полнотой и достоверностью информации, качеством решений и др. Наиболее адекватным критерием изменения У. является осуществляемость управленческих решений. Повышение У. обеспечивается за счет улучшения качества управляющих воздействий, усиления сплоченности коллектива, укрепления дисциплины исполнения.

Н.Н. Сечко

УРАВНЕНИЕ РЕГРЕССИИ – см. **РЕГРЕССИЯ ЛИНЕЙНАЯ ПАРНАЯ, РЕГРЕССИЯ НЕЛИНЕЙНАЯ ПАРНАЯ, РЕГРЕССИЯ ЛИНЕЙНАЯ МНОЖЕСТВЕННАЯ.**

УРБАНИЗАЦИЯ (франц. urbanisation, от лат. urbanus – городской, urbs – город) – исторический процесс развития механизма городского устройства, который заключается в росте городов, увеличении доли городского населения и расширенном воспроизводстве городского образа жизни. На протяжении нескольких тысячелетий У. выступает универсальной стратегией развития стран с различным общественным строем и уровнем развития. В разные исторические периоды и в различных регионах "катализаторами", в той или иной степени поддерживающими эволюционное протекание процесса У., были разные группы факторов: экономические, политические, этнические, психологические, религиозные и т.д.

Начиная с 19 в. процесс У. приобретает ярко выраженный революционный характер. В 1800 доля городского населения во всем населении мира составляла 5,1%, в 1850 – 6,3%, в 1900 – 13,3%, в 1950 – 28,9%, в 1980 – 41,3%. По оценкам сотрудников Программы развития Организации Объединенных Наций, доля городского населения в 2000 составила 48,0%, достигая в промышленно развитых странах 76,0%.

Качественные изменения в протекании процесса У. связаны, прежде всего, с интенсификацией действия закона разделения труда после "включения в работу" закона перемены труда в эпоху первых промышленных революций 18-19 вв. С этих пор успех общественного производства неразрывно связан с все большей специализацией, кооперацией и концентрацией труда. Способом организации человеческой жизнедеятельности, наилучшим образом обеспечивающим такие условия, явился город (см.).

Процесс У. имеет две фазы, взаимосвязь которых носит цикличный характер. В первой фазе происходит аккумуляция экономического, культурного и информационного потенциала общества в крупных городских центрах, что создает предпосылки для приращения высших достижений материальной и

духовной деятельности. Во второй фазе эти достижения транслируются на всю остальную территорию и осваиваются периферийными поселениями, что, в свою очередь, дает новый импульс для наращивания потенциала в крупных городских центрах. Таким образом, У. выполняет, с одной стороны, организационно-объединяющую функцию по отношению ко всему пространству жизнедеятельности человека, распространяя городскую культуру и городской образ жизни от центра к периферии; с другой – дифференцирующую, суть которой заключается в увеличении количества отдельных ареалов, в которых в процессе самобытного освоения транслируемых городом достижений материальной и духовной культуры концентрируются специфические и даже уникальные виды деятельности. Выполнение второй функции, наряду со снижением однородности пространства жизнедеятельности человека, повышает вариативность элементов социально-пространственных общностей и их объединений, обогащает набор связей между ними. В ходе эволюции развиваются и взаимодействуют все виды поселений – от маленьких деревень до крупнейших городов (мегаполисов) и городских пространственных групп (агломераций), порождая тем самым бесконечно разнообразную палитру отношений между населяющими их людьми. В результате – повышается адаптационный потенциал всей социально-пространственной системы, создавая предпосылки для дальнейшего развития материальной и духовной культуры человека. Вместе с тем, развертывание процесса У. приводит к возникновению серьезных противоречий – неравномерности развития центральных и периферийных городов, загрязнению окружающей среды, росту числа стрессов и психических заболеваний на почве стремительного увеличения социально-информационной плотности пространства жизнедеятельности человека и т.д. Разрешение названных противоречий и создание сбалансированной, гармонично развивающейся города экологии (**см.**) – одно из необходимых условий дальнейшего развития общества.

О.В. Кобяк

УРЛАНИС Борис Цезаревич (1906-1981) – советский ученый-демограф, специалист по проблемам народонаселения. Окончил статистическое отделение факультета общественных наук МГУ. Работал в финансово-экономическом бюро Наркомзема СССР и НИИ организации сельского хозяйства, преподавал статистику на экономических факультетах МГУ (1930-1949) и ВГИКа (1949-1955), зав. кафедрой статистики и математики Всесоюзного заочного финансово-экономического института (1956-1959), старший научный сотрудник Института экономики АН СССР (1959-1981), преподавал демографию на факультете статистики Московского экономико-статистического института (1963-1974).

У. внес существенный вклад в разработку вопроса о предмете демографии как отрасли обществознания. Важное место в его творчестве занимало изучение факторов рождаемости и продолжительности жизни, идеи У. оказали большое влияние на развитие теории в этой области демографии. Много внимания в своих работах уделял У. вопросам взаимосвязи демографии и социологии, социальным аспектам демографических процессов, методологии изучения демографического поведения личности и семьи. В значительной степени именно трудами У. было подготовлено развитие социологической демографии.

У. был зам. председателя Научного совета по проблемам народонаселения АН СССР и зам. председателя Советской социологической ассоциации, принимал активное участие в работе Научно-методологического совета ЦСУ СССР, экспертного совета ЦСУ РСФСР, редакционного совета издательства "Статистика".

Под редакцией У. вышли два издания справочника "Народонаселение стран мира" (1974, 1978). Более 100 статей У. написал для Большой Советской Энциклопедии.

У. – автор более 200 научных работ, в том числе: "История американских цензов" (1938); "Рост населения в Европе" (1941); "Войны и народонаселение Европы" (1960); "Рождаемость и продолжительность жизни в СССР" (1963); "Динамика и структура населения СССР и США" (1964); "История одного поколения" (1968); "Проблемы динамики населения СССР" (1974); "Эволюция продолжительности жизни" (1978) и др. Монография У. "Войны и народонаселение Европы" была издана в ГДР, Польше, Чехословакии, Финляндии, переведена на англ., фр., исп. языки.

УРОВЕНЬ ЗНАЧИМОСТИ α – зафиксированное значение ошибки I рода, состоящей в том, чтобы на основании данных выборочного исследования принять альтернативную гипотезу (см. **Статистическая проверка гипотез**), в то время как на самом деле она не верна. Выбирается из значений $\alpha = 0{,}1$; 0,05; 0,01 и т.п.

УСЛОВИЯ ТРУДА – совокупность социально-экономических, технико-организационных, социально-гигиенических и социально-психологических, влияющих на здоровье и работоспособность человека, его отношение к труду, степень удовлетворенности им, на эффективность производства, уровень жизни и развитие личности.

Социально-экономические У.Т. непосредственно обусловлены совокупностью производственных отношений, а опосредованно – уровнем развития производительных сил. На уровне эмпирического исследования, в социально-экономические условия включаются: возможность служебного продвижения, возможность повышения квалификации, возможность повышения заработной платы. В ходе эмпирических исследований выявлено, что именно под воздействием этих условий у работников складывается расположенность (или нерасположенность) к тому или иному виду труда, позитивные или негативные ценностные ориентации на труд. Возможности служебного продвижения, повышения квалификации и повышения заработной платы наиболее сильно влияют как на отношение к труду, так и на его производительность. Так, исследования республиканского масштаба, проведенные в Беларуси в 1980-х, показали, что несоответствие желаемых У.Т. их фактическому состоянию составляло в плане служебного продвижения и повышения квалификации 3 : 1, а в плане повышения заработной платы – 5 : 1, и это несоответствие в наибольшей мере влияло на среднюю производительность труда в промышленности Республики Беларусь. По данным исследования, только 1/3 работников работали в полную силу. Таким образом, социально-экономические У.Т., создавая ощущение перспективности работы, активно формируют совокупность ценностных ориентаций на эту перспективность и творческие аспекты работы.

Технико-организационные У.Т. (уровень механизации труда, структура труда по типу трудовых функций, уровень организации труда и управления) непосредственно обусловлены уровнем производительных сил, а опосредованно – про-

изводственными отношениями. По данным названного исследования, уровень механизации труда был таков, что ручным трудом занимались 30,5% рабочих, ручным с механическими инструментами – 19,0%, на машинах – 35,5%, на полуавтоматах – 8,8%, на автоматах – 6,2%. Что касается структуры труда по типу трудовых функций, то в непосредственном производстве было занято 49,6%, простым обслуживанием – 29,6%, сложным обслуживанием – 20,8% рабочих. Технологически необходимая коммуникация у 30,8% рабочих оценивалась как низкая, у 35,7% – как средняя, у 33,5% рабочих – как высокая. Такая равномерность распределения этого показателя говорит о равномерном технико-информационном обеспечении всех рабочих и обнаруживает его практическую независимость от уровня механизации труда рабочих, малую зависимость от уровня квалификации и образования. С повышением квалификации и образования рабочих степень их технологически необходимой коммуникации возрастает в 1,2 раза. Углубленное исследование с применением техники факторного анализа показало, что в условиях недостаточно высокой организации труда его культуроформирующее воздействие на работника значительно снижается.

Социально-гигиенические У.Т. обусловлены спецификой производства и производственного процесса; тяжестью и напряженностью труда; воздействием внешней среды на организм работника и его трудоспособность; режимом труда и отдыха. Хотя они и разнообразны, их объединяет то, что они являются внешними по отношению к работнику, мало зависят от него, но в то же время предопределяют всю его жизнедеятельность во время работы. Состояние социально-гигиенических У.Т. сказывается на здоровье работника, его социально-психологическом настроении и, следовательно, на отсутствии неудовлетворенности работой. В рамках эмпирических исследований социально-гигиенические У.Т. включают в себя: комфортность производственной среды, степень физического напряжения, разнообразие физической нагрузки, степень нервного напряжения, степень умственного напряжения, напряженность темпа работы, безопасность труда, удобные часы работы. По данным названного исследования, несоответствие (в различной степени) желаемых социально-гигиенических У.Т. их фактическому состоянию снижает уровень удовлетворенности работой. Углубленное исследование с применением факторного анализа позволило выявить тормозящее влияние социально-гигиенических У.Т. на отношение к труду и, в частности, на состояние трудовой дисциплины. Тенденция снижения уровня трудовой дисциплины в зависимости от ухудшения социально-гигиенических У.Т. просматривалось довольно отчетливо. Можно сказать, что состояние социально-гигиенических У.Т. пока что не стимулирует социальную активность работников и их отношение к труду.

Социально-психологические У.Т. обусловлены состоянием первичного производственного коллектива. В сфере социально-психологических У.Т. социальный эффект тем полнее, чем глубже человек включился в разнообразные виды деятельности внутри коллектива как исполнитель конкретных трудовых функций и как личность. Примерное соответствие желаемого состояния социально-психологических У.Т. их реальному состоянию, отражает атмосферу благоприятного психологического климата. Однако углубленное исследование с применением техники факторного анализа показало, что благоприятный морально-психологический климат в коллективе "работает" как бы сам на себя, не влияя на производительность труда. Дело в том, что технико-организационные У.Т. формируют определенную природу дисциплины труда (от "палочной" до сознательной); дисциплина труда формирует, в свою очередь, определенный социально-психологический климат, а последний должен способствовать социальной эффективности труда. В названном же исследовании, неудовлетворительные технико-организационные У.Т. слабо формируют состояние трудовой и технологической дисциплины; состояние трудовой дисциплины в этих условиях почти не влияет на трудовую активность; последняя же, не будучи стимулирована в достаточной мере сознательным характером дисциплины труда, имеет незначительную связь с социально-психологическим климатом в коллективе. Получается, что социально-психологический климат в коллективе проявляется в виде товарищества, но имеет мало отношения к эффективности и результатам труда. Это означает, что коллективизм в данных условиях в большей мере основан на хороших отношениях, товариществе, и в меньшей мере – на высокой организации труда, сознательной трудовой дисциплине. Статистически установлено, что уровень организации труда обусловливает состояние трудовой и технологической дисциплины на 80%, а самодисциплина работников – только на 20%. В свою очередь, состояние дисциплины труда в условиях его невысокой организованности слабо влияет на трудовую активность работников, почти не сказываясь на качественных показателях их труда. Между тем, только гармоничное единство всей совокупности отношений, интегрированных в систему труда, и активная включенность в них работника могут обеспечить коллективизм как общность социально значимых целей.

Г.Н. Соколова

УТОПИЯ (греч. ou – отрицательная частица, topos – место, т.е. "место, которого нет") – понятие для обозначения описаний воображаемого/идеального общественного строя, а также сочинений, содержащих соответствующие планы социальных преобразований. Ведет происхождение от названия одноименной книги Т. Мора (1516).

Отказ от исследования наличной общественной действительности, интеллектуализм, стремление репрезентировать интересы человечества в целом отличают У. от, соответственно, науки, мифологии и идеологии. Источником У. на каждом отдельно взятом отрезке реального исторического времени могли выступать социальные идеологии, технологические мифы, экологическая этика и т.д. Формирование У. – свидетельство процессов осознания и рефлексии всеохватывающих кризисных явлений общества. У. возможно трактовать также и в качестве мечты о совершенстве мира, способной обеспечить проверку и отбор наиболее функциональных моделей общественного развития. При этом трагизм процедур осуществления У. нередко истолковывается как следствие того, что У. являют собой "выражение антиприродного, надприродного измерения, которые могут быть только силой внедрены в сознание среднего человека и без которых история была бы менее трагичной". У. в ряду идеальных конструкций человеческого разума способны отражать: мечту о мире постоянного и полного чувственного удовлетворения; поиск идиллических состояний благополучия, сдерживаемого моральными и эстетическими ограничениями; ориентацию на акцентированно упорядоченное разумным и нравственным

государством благополучие; надежду на осуществление одушевленной цели торжества Добра над Злом вне материальных аспектов этого процесса; проект усовершенствования человеческого общества сугубо посредством организационно-интеллектуальных новаций и т.п.

В исторической ретроспективе У. могли быть: а) несбыточными в границах наличных общественных условий, но осуществимыми при трансформировании последних (например, гоббсовский проект гражданского общества в 17 в.); б) перманентно конституирующимися (сопряженно с вызреванием необходимых предпосылок) сейчас и в мыслимом будущем (например, идеалы свободы и равенства в их понимании на рубеже 18-19 вв.); в) неосуществимыми в принципе (коммунистические лозунги всеобщего равенства и универсального изобилия). В античности У. тесно переплетались с легендами о "золотом веке", о "блаженных городах и территориях", являя собой, как правило, иллюстративный материал к тем или иным философско-этическим выводам авторов. В эпоху Возрождения и великих географических открытий У. приобрели преимущественную форму описания совершенных государств, либо якобы существующих, либо существовавших в прошлом где-то на земле ("Город Солнца" Кампанеллы, "Новая Атлантида" Ф. Бэкона, "История севарамбов" Д. Верраса и т.п.). В 17-18 вв. У. получили распространение также как различные проекты социально-политических реформ. С середины 19 в. У. все больше превращаются в специфический жанр полемической литературы, посвященной проблеме общественного идеала.

У. разнообразны по социальным задачам: рабовладельческие У. (Платон – "Государство", Ксенофонт – "Воспитание Кира" и др.); феодально-теократические У. (мистическая философия истории Иоахима Флорского, 13 в.; В. Андреа – "Христианополис", 1619, и др.); буржуазные У. (Дж. Гаррингтон – "Республика Океания", 1656; Э. Беллами – "Взгляд назад", 1888; Т. Герцки – "Фрейландия", 1890, и др.); различные произведения утопического социализма (Ш. Фурье – "Трактат о домоводческо-земледельческой ассоциации", 1822, и "Новый хозяйственный социетарный мир", 1829; де Сен-Симон – "Катехизис промышленников", 1823-1824, и "Новое христианство", 1825, и др.); технократические У. (Веблен – "Инженеры и система цен", 1921, и др.); анархические У. (У. Годвин – "Исследование о политической справедливости", 1793; Штирнер – "Единственный и его собственность", 1845, и др.). Многие утопические сочинения предлагали процедуры решения отдельных важных для человечества проблем: трактаты о "вечном мире" (Эразм Роттердамский, Кант, Бентам и др.), педагогические У. (Я.А. Коменский, Руссо и др.), научно-технические У. (Ф. Бэкон и др.). По ходу модернизации число произведений утопического жанра на Западе в 16-20 вв. возрастало практически в геометрической прогрессии.

В современной социально-философской традиции принято деление У. на "У. реконструкции", направленные на радикальное преобразование общества, "У. бегства" от социальной действительности, а также "обоснованные У.", У. воплощения в жизнь. У. отличаются негативным отношением их авторов к существующему социальному порядку, претензией на универсализм и "окончательность" предлагаемых процедур разрешения общественных противоречий, верой в осуществимость соответствующих проектов. У. есть категория психолого-физиологическая, состояние предощущения и надежды, в чем-то атрибутивное мыслящему субъекту. У. в современную эпоху позволяют предвосхищать некоторые тенденции, ориентированные в вероятное будущее (которое на данном уровне познания не может быть описано в конкретных деталях), а также предостерегать от некоторых отрицательных социальных последствий человеческой деятельности. Эти формы У. стимулировали развитие в социальных науках методов нормативного прогнозирования, а также приемов анализа и оценки желательности и вероятности предполагаемого развития событий.

А.А. Грицанов

УХВАНОВА-ШМЫГОВА Ирина Фроловна (р. 1951) – белорусский филолог и специалист по дискурс-исследованиям, профессор Белорусского государственного университета, в настоящее время заведующая кафедрой английского языка и речевой коммуникации (БГУ).

Окончила Минский государственный институт иностранных языков (1973). В 1980 защитила кандидатскую диссертацию по теме "Отбор и семантическая обработка лексики средствами пропаганды", в которой дала описание четырехпозиционной лингвосемиотической модели плана содержания сложного языкового знака (слова), позволившей вскрыть механизм семантического манипулирования содержанием языкового знака (слова) и идеологического контроля над содержанием лексических единиц языка – "Язык и идеология" (1980). Продолжив работу над теоретическим осмыслением семантического механизма языка и выйдя на уровень предложения, текста, а затем и макротекста, построила авторскую каузально-генетическую теорию плана содержания сложного языкового знака (слова, предложения, текста, макротекста), которая явилась основой для рождения ряда новых качественных методик анализа текста как социологического документа – "План содержания слова: от анализа к синезу, от структуры к системе" (1994). Данное направление научного поиска получило свою реализацию в докторской диссертации "План содержания языкового знака: сущность и феноменология" (на материале текстов СМИ), защита которой состоялась в БГУ в 1995. В настоящее время работает над оптимизацией технологий дискурсных исследований и дискурсной экспертизы.

Участвовала в ряде крупных исследовательских проектов, в том числе, в качестве национального координатора и автора в написании национального отчета в рамках программы ООН "Женщины Беларуси в зеркале эпохи" (1997), руководителя проекта "Дискурс власти и контрдискурсия" (1998-1999), руководителя группы дискурс-аналитиков в рамках международного исследовательского проекта "Компаративные исследования харизматических политических лидеров России, Беларуси, Украины: зарождение, мобилизация, устойчивость" (1999).

Явилась инициатором, редактором и одним из авторов серии научных изданий интердисциплинарного характера "Методология исследований политического дискурса: Актуальные вопросы анализа общественно-политических текстов" (Выпуск 1, 1998; Выпуск 2, 2000; Выпуск 3, 2002).

У.-Ш. – автор более 100 научных работ, опубликованных на четырех языках в девяти странах мира (Беларуси, Германии, Канаде, Норвегии, Польше, России, Франции, Украине, Чехии). Член редколлегии международного журнала "Respectus Philologicus", г. Вильнюс.

"UNDERCLASS" – см. **"АНДЕРКЛАСС"**.

Э

ЭВОЛЮЦИОНИЗМ – исторически первое теоретическое направление в развитии антропологии. Э. стал антропологической интерпретацией идей развития и прогресса, сформировавшихся в конце 18 – первой половине 19 вв. в рамках геологии (Ч. Лайел), биологии (Ж. Ламарк, Ч. Дарвин), философии (Д. Дидро, А. Тюрго) и социологии (Конт – **см.**, Спенсер – **см.**).

В основе Э. лежали представления о закономерной дифференциации общих форм и о трансформации простых явлений в сложные. В антропологическом контексте это означало постулирование биологического и психического единства человечества. Из этого положения вытекала концепция однолинейного единообразия развития культуры от простых форм к сложным. Культурные различия между народами объяснялись их принадлежностью к различным стадиям исторического прогресса. Целью антропологии объявлялась систематизация культурных явлений в виде эволюционных рядов. Базовым приемом проведения таких построений становился сравнительно-исторический метод. Он основывался на представлении о том, что социокультурные системы настоящего в различной степени содержат в себе элементы прошлых стадий развития. Применение сравнительного метода означало выделение этих элементов и построение их в последовательности от простого к сложному. Э. сформировался преимущественно в Великобритании и США, позднее приобрел популярность в большинстве европейских стран.

Общепризнанным лидером британского Э. стал Тайлор, сформулировавший базовые теоретические положения направления и его методологию, в частности, концепцию "пережитков" и периодизацию стадий развития религии. Последней проблемой занимался и Д. Леббок, предложивший более детализированную, чем у Тайлора, схему: от первобытного атеизма через фетишизм, тотемизм и шаманизм к идолопоклонству и антропоморфизму. Еще одним представителем британского Э. – Д. Мак-Леннаном была разработана гипотеза о происхождении брачных отношений, в том числе дано объяснение таких феноменов, как экзогамия, полиандрия, женский счет родства, табу инцеста и т.д. Эта гипотеза была подвергнута критике со стороны крупнейшего представителя американского Э. – Л.Г. Моргана, предложившего собственную периодизацию развития брачно-семейных отношений, а также – наиболее подробную схему развития человеческой культуры, основанную на выделении скачков в развитии технологии. В последней трети 19 в. идеи Э. приобрели большую популярность во Франции (Ш. Летурно), Германии (О. Пешель, Ю. Липперт), России (Ковалевский, Н. Миклуха-Маклай, Н. Харузин). На Беларуси интерпретацией этнографических материалов с позиций методологии Э. занимались М. Довнар-Запольский и А. Богданович.

На рубеже 19-20 вв. Э. постепенно утрачивает позиции ведущего теоретического направления в антропологии. Причиной этого стали предельная схематизация и упрощение концепции культурно-исторического процесса, которая не была подтверждена конкретными этнографическими материалами. В начале 20 в. теории Э. придерживались лишь отдельные исследователи, в том числе Фрезер. Под влиянием разработанной Боасом и его учениками в начале 20 в. концепции культурного релятивизма на несколько десятилетий в антропологии утвердилось крайне негативное отношение к теории раннего Э., преодоленное только в 1960-1970-х в связи с развитием неоэволюционизма в США.

П.В. Терешкович

"ЭГО" ("Я") – в психоанализе (**см.**) – сфера личности (**см.**), характеризующаяся внутренним осознанием самой себя и осуществлением приспособления личности к реальности. Фрейд (**см.**) трактовал Э. как "особую дифференцированную часть Оно (**см.**), которая происходит от первых объектных привязанностей Оно, т.е. от комплекса Эдипа", связанную с сознанием и олицетворяющую "то, что можно назвать разумом и рассудительностью, в противоположность Оно, содержащим страсти". По мысли Фрейда, Э. – это "совокупность организованных сил, которая контролирует слепые, бессознательные силы Оно и пытается привести их в известное соответствие с требованиями внешнего мира путем расположения душевных явлений во времени и осуществлению над ними контроля реальности". Согласно Фрейду, несмотря на непосредственную связь с сознанием, Э. все же, выступая "модифицированной" и обособленной частью Оно, остается в основном бессознательным и частично предсознательным, а "ядро" Э. всегда является бессознательным. (У Фрейда "...Эго – это та часть Оно, которая видоизменилась под непосредственным влиянием внешнего мира... В своем отношении к Оно Эго напоминает всадника, который должен держать в узде превосходящего его по силе коня, с той лишь разницей, что всадник пытается делать это своими собственными силами, тогда как Эго пользуется за-

имствованными".) Фрейд характеризовал Э. как "несчастное существо", которое не является хозяином в собственном доме и находится в услужении у "трех господ" или "трех тиранов": внешнего мира, Сверх-Я (см.) и Оно.

Важнейшим успехом развития Э. у Фрейда полагается переход от принципа удовольствия (см.) к принципу реальности (см.): именно благодаря этому Э. оказывает существенное воздействие на поведение и жизнь человека. С точки зрения Фрейда, представление о собственном Э. развивается у ребенка из первоначального отличения собственного тела от всего прочего мира, и в дальнейшем Э. "всегда остается масштабом, которым оценивается мир".

Для многих представителей обновленного психоанализа фрейдовская идея недифференцированного "Оно", из которого развивается Э., оказалась неприемлемой. В этих версиях Э. понимается как: а) часть личности, имеющая отношение к объектам и/или конституирующаяся посредством интроекции; б) часть личности, постигаемая в качестве опыта оставаться самим собой или "я" индивида; в) вся психика человека: по У. Фэрбейну (W.R.D. Fairbairn), "изначально личность ребенка состоит из единого динамичного Эго". В отличие от самости, традиционно трактуемой в контексте феноменологического подхода (личность как опыт переживания), Э. коррелируется с пониманием личности как особой, внешне обусловленной структуры. В контексте проблематизаций современного философствования Э. трактуется не как относительно стабильная ипостась свободного, автономного и обладающего универсальными характеристиками рационального индивида, а в качестве поля, в границах которого разнообразные дискурсивные практики генерируют соответствующие смыслы. Вместо "Я есть то, что я есть благодаря моему прошлому" приходит "Я есть то, что я есть благодаря контексту, в котором я нахожусь". См. также: **"Оно", "Сверх-Я".**

В.И. Овчаренко, А.А. Грицанов

ЭГОИЗМ (лат. ego – Я) – принцип жизненной ориентации и моральное качество человека, связанное с предпочтением собственных интересов интересам других (индивидуальных и коллективных) субъектов. Э. прямо противоположен альтруизму (см.) – принципу бескорыстной, жертвенной морали служения ближнему. "Как возможен альтруизм без эгоизма? Жертвующие жизнью суть альтруисты, а принимающие жертву, они – кто?", – писал в свое время Н. Федоров.

Феномен Э. полисемичен и многофункционален. В этических концепциях его сущность выводили либо из природы человека, его стремления к счастью (эвдемонизм), наслаждению и удовольствию (гедонизм); либо из потребности получить общественное признание (утилитаризм и прагматизм); либо из совокупности этих факторов (теории "разумного Э."). Б. Спиноза полагал, что человек руководствуется не моральным законом добра, а стремлением к самосохранению и личной выгоде, что свои земные интересы человек может отстоять без Бога. И. Кант относил Э. человека к "радикально злому", к стремлению сконцентрировать все цели на самом себе, собственной выгоде и пользе. А. Шопенгауэр называл Э. реальной пружиной поведения человека, проявлением его исконной природы. Французские философы 18 в. утверждали, что "разумное себялюбие", правильно понятый собственный интерес являются основой социальных добродетелей и успехов. По К.А. Гельвецию, противоречия между общественным и личным интересом порождены корыстью и невежеством людей, несовершенством законов, что преодолевается просвещением и моралью, "гуманностью". В этике Н. Чернышевского "разумный Э." означает сознательное и свободное подчинение человеком своих целей общему делу, от успеха которой выигрывает сам индивид. Феноменологически Э. отражает различные интенции человека. С одной стороны, тщеславие (стремление добиться успеха, славы, вызвать всеобщее восхищение), честолюбие (жажда первенства и признания), попытки реализовать право на счастье и самовыражение. "Моралисты говорят об эгоизме, как о дурной привычке, не спрашивая, может ли человек быть человеком, утратив живое чувство личности", – писал об этих желаниях А. Герцен. С другой стороны, Э. предполагает себялюбие, доходящее до эгоцентризма, корыстолюбие, равнодушие и пренебрежение к другим людям. Известны также формы группового Э. как стремления отстоять частный интерес коллектива в ущерб иным коллективным интересам. Естественно присущее природе человека моральное качество Э. должно и может быть компенсировано участливым отношением к другому, различными формами нравственной взаимности, пониманием.

И.Г. Севостьянова

ЭГО-ПРОЦЕСС (лат. ego – я и лат. processus – продвижение) – в учении Эриксона (см.), сопряженный с биологическими и социальными процессами организационный принцип, обеспечивающий непрерывное существование индивида как цельной личности, характеризуемой тождеством себе и цельностью в отношении внутреннего опыта и актуальности для других.

В.И. Овчаренко

ЭГО-СЕТЬ, или личная сеть, – совокупность социальных связей отдельного индивида (эго). Э.-С. называют также частной (partial), чтобы подчеркнуть отличие от полной сети – отношений между всеми членами группы. Критериями связей в Э.-С. могут быть родственные и дружеские отношения, знакомства, источники информационной или эмоциональной поддержки. Э.-С. классифицируют по двум основаниям: количеству разрешенных выборов (N) и радиусу связей (k). В массовых опросах со случайным отбором индивидов, напр., в Генеральном социальном опросе (GSS, Центр исследования общественного мнения, Чикаго, США), N устанавливают небольшим, от 5 до 9. Такие опросы обычно проводят для изучения структуры связей в генеральной совокупности. Ограничение на количество делаемых выборов облегчает анализ данных, но снижает их достоверность. Другой недостаток связан с тем, что в небольших по размеру сетях изменчивость структурных свойств невелика. В исследованиях локальных сетей или личных связей N устанавливают заведомо большим или не ограничивают. Большинство работ по Э.-С. в социальных науках выполнено для единичного радиуса, т.е. измеряются непосредственные контакты индивида и связи между этими контактами. В работах по социальной диффузии (в социологии коммуникаций и в эпидемиологии) интерес пред-

ставляют связи большего радиуса, для измерения которых обычно используют метод снежного кома. Теоретически при неограниченных N и k частная сеть превращается в полную.

Естественный размер Э.-С. единичного радиуса, размер которой не задан исследователями, зависит от использованного критерия связи. По американским оценкам, для знакомств размер Э.-С. составляет от 500 до 2500 человек, для близких знакомств (периодическое обсуждение личных проблем) – от 6 до 67 со средним значением 19.

Э.-С. используются в социологии для оценки структурных свойств генеральной совокупности, для изучения социальной поддержки (Б. Уэлман), рыночной конкуренции (Р. Бэрт), распространения новшеств и слухов (Д. Краккард), наркотиков и болезней, передаваемых половым путем (Т. Валенте). Социальная эпидемиология сегодня выступает в качестве основной площадки прикладных исследований. Основным средством получения информации является опрос, изредка привлекают метод наблюдения, медицинские записи, архивные данные, средства технической регистрации контактов.

Набор методов анализа Э.-С. весьма ограничен скорее по концептуальным, а не формальным математическим соображениям. Ряд аналитиков выражают сомнение в способности респондентов давать точные сведения о своих связях. При свободном припоминании индивиды склонны переоценивать сильные (см.) и умалчивать о слабых связях. В анализе данных массовых опросов обычно рассчитывают простейшие показатели для каждого эго (напр., плотность сети без учета самого эго) и затем эти показатели соотносят с другими характеристиками эго (возрастом, полом, социальным статусом). Для Э.-С. большого размера применяют меры центральности, идентификацию сплоченных подгрупп, а также методы реконструкции структуры и/или топологии сети, такие как многомерное шкалирование и кластерный анализ (К. Макарти). Эти подходы позволяют изучать не только структурные свойства индивидуальных сетей, но и делать обобщения для сетевых характеристик, общих для представителей той или иной культуры. В последнее время разрабатывается аппарат алгебры локальных ролей (Ф. Патисон, Р. Брейгер, М. Мандэл). Развитие новых методов получения информации и анализа данных об Э.-С. является одной из самых актуальных задач структурной социологии.

С.В. Сивуха

ЭКОАНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ – междисциплинарная социологическая парадигма, интегрирующая разнопредметное знание под общим углом зрения на жизненные и социокультурные реалии как изменчивые следствия человеко-средовых интеракций. Разработана Т.М. Дридзе (см.).

Э.С. изучает механизмы и социально значимые следствия интерактивного обмена (метаболизма) человека с его природным, культурным и социальным окружением, опосредуемого социальной структурой и социальной инфраструктурой, а также жизненными и вытекающими из них локальными социокультурными ситуациями. Восходит к идеям, развивавшимся, с одной стороны, в экзистенциальной философии, социальной и культурной антропологии (см.), этологии, социальной экологии (см.) и социальной географии, а с другой стороны, – в социальной семиотике и семиосоциопсихологии (см.). Позволяет исследовать не только формы, но и механизмы самоорганизации и воспроизводства социальности как человеческого общежития сквозь призму организующих социогенез и актуальную социокультурную жизнь "человеко-средовых" начал. Исходит из того, что социальные институты общества представляют собой кристаллизацию непрерывно происходящего метаболизма (обмена веществом, энергией и информацией) между человеком и средой его обитания. Соответственно, работающий в этой парадигме исследователь акцентирует свое внимание не столько на человеке и/или среде в их обособленности, сколько на тех обменных метаболических процессах, которые происходят между ними.

В экоантропоцентрической парадигме социального синтеза и социального познания изначальны не группы (этнические, конфессиональные, возрастные, профессиональные, статусно-позиционные и т.п.), а люди, которые, осуществляя свой собственный выбор и/или делая его под влиянием среды, сами образуют такие группы и общности. В центре внимания здесь – человек не как представитель вида – "homo sapiens" (человек разумеющий), но – как представитель рода "homo vivens" (человек живущий). Поэтому в сферу исследовательского внимания здесь попадают не только результаты исследовательской практики, но и интенции, лежащие у истоков зарождения, становления и распространения образцов поведения, деятельности, общения и взаимодействия людей. Интуиция и интеллект, память и воля – все это проявления интенциональности (направленности сознания) человека, который неразрывно связан со своей жизненной средой, которая включает в себя как минимум четыре аспекта измерения: природный – флора, фауна, вода, атмосферный воздух; "рукотворный" – плоды технико-технологической цивилизации; информационный – потоки знаков и символов, транслируемые в связывающие людей друг с другом коммуникационные сети; социопсихоантропологический – другие люди с их менталитетом, образом и стилем жизни и т.п. Столь же многомерно, согласно Э.С., и социально-практическое бытие личности, существующей, с одной стороны, во множестве временных ритмов, соответствующих астрофизическому, историко-культурному, психологическому, биологическому времени, а с другой – в системе координат, отвечающим основным видам человеческой деятельности и направленности человеческих усилий – социально-экологическому (воспроизводство жизни), социально-экономическому (воспроизводство ресурсов для жизни) и социализационно-культурному (воспроизводство образцов и норм жизнедеятельности).

Переход к новой парадигме обращает фундаментальную социологию лицом к живому человеку, обитающему в многослойной жизненной среде, благодаря чему открываются обширные возможности для интеграции научного знания о природе, человеке и обществе в практику выработки социально значимых управленческих решений. В Э.С. человек выступает как носитель жизненного потенциала, в той или иной мере позволяющего ему не только адаптироваться в интенсивно меняющейся среде обитания, но и самому менять ее по своему образу и подобию. Эти процессы, с одной стороны, интенциональны и ситуационны, а с другой – регламентированы правилами выживания био- и антропоценозов в среде. Эти правила, запечатлеваясь на различных носителях, сохраняются в памяти индивидов, наследуются и транслируются другим

в коммуникации, формируя "культурную субстанцию", консолидирующую людей.

Культурная субстанция, или культура, складывается, меняется, развивается вместе со сменой менталитета, образа и стиля жизни и, наконец, состава местного населения. Вместе с людьми приходит, поддерживается или исчезает и их культура, хотя следы созданной ими цивилизации или того, что принято называть историко-культурным наследием, остаются. Культура в Э.С. трактуется как система кодифицированных (т.е. в той или иной степени запечатленных на носителях) образцов и норм поведения, деятельности, общения и взаимодействия людей, несущих регулятивную и контрольную функции в социуме. Иными словами, речь идет не об универсальной схеме творческой деятельности "мирового духа", получившего у Г.Ф.Г. Гегеля название "абсолютной идеи", а о вырабатываемых поколениями людей так называемых know how (знаю, как, каким образом). Искусство обращения людей с природой и друг с другом, с материалом и информацией; умение изготавливать и использовать предметы, порождать и интерпретировать тексты, толковать события и управлять не только ими, но и собой, и другими людьми – все это образцы технологий, задающих некие социально значимые правила. Культурная субстанция, порождаемая и развиваемая людьми в коммуникации, "пребывающая" в людях и эволюционирующая вместе с ними, впитывается поколениями людей, консолидируя их вокруг соответствующих норм и образцов. Культурная субстанция, будучи частью порождающих и воспроизводящих ее людей, становится еще и частью их жизненной среды, т.е. того контекста, в котором протекает повседневная жизнедеятельность человека, кристаллизуется его ментальность, вырабатывается его мировоззрение, образ и стиль жизни.

Особая роль в Э.С. принадлежит понятию "ситуация", поскольку отношения человека со средой обитания строятся как опосредуемые обстоятельствами его личной и социокультурной жизни многомерные пространственно-временные, прямые и обратные связи с окружением. В качестве единиц анализа здесь используются понятия "конкретно-историческая ситуация", "социальная (социокультурная) ситуация", "жизненная ситуация". Под жизненной ситуацией индивида подразумевается в виду совокупность значимых, т.е. "втянутых" в орбиту его жизнедеятельности событий и обстоятельств, оказывающих непосредственное или опосредованное влияние на его мировосприятие и поведение в каждый данный конкретный период его жизненного цикла. Жизненные ситуации различаются как "устоявшиеся" и "проблемные". Проблемная ситуация возникает тогда, когда нарушается упорядоченность привычного течения жизни, а необходимость решать ту или иную проблему или несколько проблем одновременно требует от человека повышенной целенаправленной активности, выработки жизненно важных решений и, наконец, выбора той или иной стратегии деятельности, а также средств и способов достижения нужного результата. В рамках Э.С. становится реальной диагностика проблемных жизненных ситуаций разной степени напряженности. Здесь разработана технология прогнозного социального проектирования, основанная на приоритете целей и ценностей воспроизводства физически и нравственно здоровых людей в здоровой жизненной среде. Это "мягкая" социальная технология, позволяющая отслеживать и обнажать психоантропологические и социально-экологические начала социально значимых процессов и явлений. Разработка этой технологии стала возможной на основе сочетания проблемно-ситуативного и средового подходов с трактовкой социальной коммуникации как основного социокультурного механизма, обеспечивающего становление, воспроизводство и модификацию всех социальных связей, возможность научного обоснования и практической реализации доктрины социального участия и партнерства.

Представление о социальной коммуникации (**см.**) как об универсальном механизме человеко-средовых интеракций, реализующихся в форме обмена действиями порождения и интерпретации текстов, составляет предмет семиосоциопсихологии, или семиосоциопсихологической парадигмы, сопряженной Э.С. и обладающей собственным исследовательским методом – методом интенционального (мотивационно-целевого) анализа (**см.**) процессов общения.

Т.З. Адамьянц

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС – термин для обозначения тяжелого переходного состояния экологических систем и биосферы в целом. Параметр "Э.К." предполагает наличие значительных структурных изменений окружающей среды. Э.К. существенным образом отличается от экологической катастрофы, означающей полное разрушение общественной системы, – в случае Э.К. сохраняется возможность восстановления нарушенного состояния на основе эволюционного разрешения противоречий. Традиционно выделяются Э.К. естественного и антропогенного происхождения. Э.К. первого рода органически присущи эволюционному процессу, составляя его неотъемлемую особенность. На протяжении геологической истории Э.К. происходили довольно часто в различных регионах планеты. Кардинально воздействуя на характер протекания эволюционного процесса, Э.К. различного рода были не в состоянии существенно повлиять на целостность биосферы. Причины возникновения Э.К. естественного происхождения весьма многообразны и вызываются как биотическими, так и абиотическими факторами. Э.К. антропогенного характера вызваны зачастую негативным характером человеческой деятельности и оказывают существенное влияние на историческую динамику человечества. В прошлом Э.К. такого рода носили локальный характер, в то время как в современных условиях они приобретают глобальные масштабы и обусловлены загрязнением окружающей среды, уничтожением растительного покрова, животного мира, вовлечением больших территорий в хозяйственный оборот. (См. **Глобальные проблемы современности.**)

Э.К. антропогенного характера с учетом их влияния на экосистемы можно разделить на четыре основные группы: 1) компонентные; 2) репрезентативные; 3) тотальные; 4) глобальный. Такого рода классификация основана на степени масштабов разрушения целостности и иерархичности экосистемы, что позволяет создавать модели Э.К. и учитывать такой важнейший параметр экосистемы, как численность вида. Э.К. компонентного типа происходят на основе изъятия или разрушения определенных компонентов экосистемы, что приводит к нарушению ее стабильности. Э.К. репрезентативного типа возникают на стадии производящего хозяйства,

которое позволило удовлетворять жизненные потребности сравнительно простым способом и открыло неограниченные возможности на пути преобразования природы. Э.К. данного типа приводили к разрушению и деградации отдельных экосистем и сопровождались преобразованием и уничтожением природных биомов и ландшафтов. В свою очередь, преобразование экосистем послужило мощным лимитирующим фактором самого существования человечества. Тотальные Э.К. характеризуются исключительной разрушительной силой, поскольку сопровождаются уничтожением целых классов экосистем. Возросшая производящая мощь человечества позволила ему освободиться от непосредственной зависимости от природной среды и начать стремительное преобразование биосферы, грозящее превратиться в глобальный Э.К. или глобальную экологическую катастрофу. По этой причине у человечества не остается иного выхода как перейти на коэволюционный путь развития, поскольку истоки Э.К. коренятся в несоответствии законов социально-технического развития законам эволюции биосферы.

П.А. Водопьянов

ЭКОЛОГИЯ (греч. oikos – дом, местообитание, убежище, жилище; logos – наука) – термин, введенный в научный оборот Геккелем (1866), определявшем Э. как науку об экономии природы, образе жизни и внешних жизненных отношений организмов друг с другом. "Под экологией, – писал Геккель, – мы понимаем общую науку об отношениях организмов с окружающей средой, куда мы относим в широком смысле все "условия существования". Они частично органической, частично неорганической природы, но как те, так и другие имеют весьма большое значение для форм организмов, так как они принуждают их приспосабливаться к себе. К неорганическим условиям существования, во-первых, относят физические и химические свойства их местообитаний – климат (свет, тепло, влажность и атмосферное электричество), неорганическая пища, состав воды и почвы и т.д. В качестве органических условий существования мы рассматриваем общие отношения по всем остальным организмам, с которыми он вступает в контакт и из которых большинство содействует его пользе или вредит". Такая достаточно четкая дефиниция предмета Э. способствовала ее широкому признанию, поскольку фиксировала внимание на внешних особенностях взаимосвязи организмов и среды их обитания.

В дальнейшем в исследованиях по Э. уделялось внимание изучению реакции живых организмов на различные факторы окружающей среды, экстремальным значениям этих факторов, совместимых с жизнью, смене растительного покрова в отдельных регионах и др. И только, пожалуй, в книге Ч. Элтона "Экология животных" (1930) закладываются теоретические основы Э. Он определяет Э. как науку об естественной истории, которая изучает широкий круг вопросов, начиная от проблем патогенеза клеток и органов, соотношения эволюции и адаптации и включая проблемы социологии (теория народонаселения). Главная задача экологических исследований сводится при этом к изучению распространения генотипических вариаций в популяции и рассмотрению изоляции данной формы в процессе образования нового вида. Особое внимание обращается на рассмотрение вопросов формирования адаптаций и достижения целесообразности строения и поведения организмов, роли естественного отбора и различных форм борьбы за существование в процессе видообразования. Рассмотрение основных проблем Э. в контексте эволюционных идей послужило Ч. Элтону основой для разработки теоретических аспектов Э. В последующих работах многочисленных экологов закладывается не менее значимая программа эколого-эволюционных исследований, в которой проводится анализ видовых приспособлений на основе строения и функций органов животного, раскрываются сложные взаимоотношения между организмами и средой их обитания, устанавливаются их специфические отношения.

Широкое использование методов математического анализа и количественного учета, акцент на изучение популяционного уровня, изучение совокупности экологических связей и отношений, интегративный характер обобщений, содержащихся в работах экологов, послужили теоретической основой для дальнейшего развития Э. Классические исследования многих авторов способствовали разработке проблем эволюционной экологии, которая синтезирует в себе множество эмпирических данных о различных компонентах биосферы и формах ее взаимодействия с биотическими, абиотическими и антропогенными факторами. Сложность объекта исследования Э., обращение к ее проблемам специалистов различного профиля, исключительная актуальность ее проблем для жизни людей определили лидерство данной науки среди других наук. "Соединение этой чрезвычайной сложности с многогранным физическим окружением превращает экологию в науку, охватывающую чрезвычайно широкий круг вопросов. Нет другой такой дисциплины, которая искала бы объяснений для столь многообразных явлений и на столь большом числе разных уровней. Как следствие этого, экология вобрала в себя некоторые аспекты многих наук, например, физики, химии, математики, оперирования с вычислительной техникой, географии, климатологии, геологии, океанографии, экономики, социологии, психологии и антропологии" (Э. Пианка). Не случайно поэтому отдельные авторы, подчеркивая интегративный характер Э., определяют ее как науку о структуре и функциях природы. "Экология, возникшая более 100 лет тому назад как учение о взаимосвязи организма и среды, на наших глазах трансформировалась в науку о структуре природы, науку о том, как работает живой покров Земли в его целостности. Экология на наших глазах становится теоретической основой поведения человека индустриального общества в природе" (С.С. Шварц). Разумеется, столь расширенное понимание Э. есть отражение контуров будущего данной науки.

К настоящему времени достаточно четко разработаны представления о ней как о науке, изучающей закономерности взаимодействия живых организмов с окружающей средой. Среди имеющихся определений Э. она представлена как относительно самостоятельная биологическая дисциплина, предметная сфера которой имеет вполне определенное содержание. Э. – наука, "изучающая условия существования живых организмов и взаимосвязи между организмами и окружающей средой", (Р. Дажо). "Экология, – отмечает Ю. Одум, – наука об отношениях организмов или групп организмов к окружаю-

щей их среде, наука о взаимоотношениях между живыми организмами и средой их обитания". Во всех приведенных определениях так или иначе обращается внимание на то, что Э. – это наука, изучающая закономерности взаимоотношений организмов с окружающей средой, наука, исследующая структуру, динамику и историческое развитие надорганизменных систем, видов, – биогеоценозов и биосферы в целом. Следовательно, предметом современной Э. правомерно считать изучение закономерностей взаимодействия надорганизменных систем (популяций, видов, биогеоценозов и биосферы в целом) с окружающей средой, изучение энергетики данных макросистем, их развитие во времени и пространстве. В современной Э. выделяют три основных раздела: факториальная Э., динамика популяций и биогеоценология. Факториальная Э. изучает воздействие различного рода факторов на живые организмы, которые оказывают на них прямое или косвенное влияние. В качестве экологического фактора выступает любой элемент окружающей среды, оказывающий непосредственное влияние на живые организмы, а также на отношения между ними. Обычно выделяют три основных группы факторов – абиотические, биотические и антропогенные. Абиотические факторы представляют собой совокупность условий неорганической природы, к которым эволюционно приспособились живые организмы. К их числу относятся климатические и химические условия, температура, давление, влажность, солнечная радиация, свет, почва, состав атмосферы и т.п. Биотические факторы – это совокупность влияний одних организмов на другие, обусловленные взаимодействиями между живыми организмами и их сообществами. Данное влияние может носить как непосредственный, так и опосредованный характер через воздействие на условия неорганической природы. Хищничество, паразитизм, конкуренция, нейтрализм и др. – все это примеры взаимных отношений между организмами. Антропогенные факторы – это различного рода факторы, вызванные и обусловленные человеческой деятельностью. Динамика популяций, или популяционная Э., занимается изучением законов динамики численности, законов становления и саморегуляции популяций как элементарных форм существования вида. Третьим разделом современной Э. является биогеоценология (Э. сообществ, изучение экосистем), осмысливающая закономерности становления, развития и нормального функционирования экологических систем. Биогеоценоз – это группировка определенного видового состава, обладающая наличием взаимозависимостей и занимающих определенное пространство. Для каждого биогеоценоза присущ определенный по объему и составу круговорот вещества и энергии, обеспечивающий относительно длительное сосуществование основных компонентов с биокосными факторами, благодаря чему поддерживается постоянство жизни. Взаимодействие между компонентами является важнейшим механизмом поддержания целостности и устойчивости биогеоценозов. Управление ими в интересах человека базируется на знании закономерностей функционирования биогеоценозов, что имеет исключительно важное значение в современных условиях. См. также: **Социальная экология.**

П.А. Водопьянов

ЭКОНОМИКА НЕФОРМАЛЬНАЯ – это всякая экономическая деятельность, не зарегистрированная официально уполномоченными органами. Это такой уклад экономических отношений, который складывается в обществе вопреки законам и формальным правилам хозяйственной жизни. Наличие стандартного показателя, по которому экономисты судят о масштабах Э.Н. (доля в ВВП), означает, что множество видов неформальной экономической деятельности сводимо к общему для них, единому количественному показателю. Действительно, в этом показателе отражаются такие разные экономические действия, как "теневое" производство продукции ("неучтенка"), нецелевое использование бюджетных средств, манипулирование ценами на продукцию и др. Показатель "доля ВВП" как бы уравнивает разные виды неформального экономического поведения, приводит их к единому знаменателю и превращает неформальную экономику в единое компактное целое.

В.В. Радаев относит к Э.Н. экономическую деятельность, не отраженную в статистических отчетах, не зафиксированную в контрактах. Это может быть экономическая деятельность, сознательно укрываемая от статистических и налоговых органов или не попадающая в отчеты в результате неполного охвата обследуемых единиц наблюдения. Экономическая деятельность подобного рода, согласно В.В. Радаеву, может быть легальной, т.е. не фиксируемой в отчетности и контрактах, не нарушающей законодательных норм или прав других хозяйственных агентов (натуральное производство домашних хозяйств, внутрисемейный подряд и др.); полуправовой, т.е. в целом соответствующей законодательству, но периодически выходящей за его пределы (разные способы уклонения от налогов, работа без патента и лицензии, трудовой найм без оформления и др.); неправовой, т.е. нерегламентированной действующим законодательством и находящейся, таким образом, во внеправовых зонах (деятельность финансовых пирамид, "прихватизация" государственной собственности и др.); нелегальной, т.е. запрещенной законом и систематически нарушающей закон (наркобизнес, незаконное производство и торговля оружием, контрабанда, проституция, торговля людьми, рэкет и др.). Разнообразие форм Э.Н. предполагает дифференцированный подход со стороны государства к регулированию этих форм средствами социально-экономических и правовых механизмов.

Г.И. Соколова

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ – см. **СОЦИОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ.**

"ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ" – комплекс учебных изданий: Соколова Г.Н. Экономическая социология: Учеб. для вузов. Изд. 2-е, перераб. и доп. (Москва – Минск, 2000); Соколова Г.Н., Кобяк О.В., Александрова А.Б. Экономическая социология: Практикум / Под ред. Г.Н. Соколовой. (Минск, 2000, 2001); Экономическая социология: Хрестоматия / Авт.-сост.: Г.Н. Соколова, О.В. Кобяк. (Минск, 2000, 2001).

Цель создания комплекса учебных изданий по экономической социологии – обеспечить, на основе многолетнего научно-исследовательского и преподавательского опыта авторов, потребность высших учебных заведений в универсаль-

ном цикле пособий, способном качественно повысить эффективность подготовки студентов – будущих экономистов, социологов, менеджеров, финансистов – в области экономической социологии. Поставленная цель достигается за счет реализации авторами учебного комплекса ряда взаимосвязанных задач. Учебник раскрывает логику построения и развития экономической социологии как специальной социологической теории. Практикум формирует у студентов навыки анализа явлений и процессов экономической жизни с выходом на поиск социальных механизмов управления этими феноменами. Хрестоматия приобщает будущих специалистов к богатому творческому наследию теоретиков и практиков мировой и отечественной социально-экономической мысли, передавая студентам тщательно отобранный опыт хозяйственного развития различных социально-экономических систем в удобном для усвоения виде. Использование учебника, практикума и хрестоматии в учебном процессе позволяет сформировать и закрепить в сознании выпускников вузов глубокое и всестороннее представление о теории и практике экономической социологии, которое выступает одним из непременных условий успешности их будущей профессиональной деятельности.

Комплекс учебных изданий является целостным как по своему содержанию, так и по оформлению. Все компоненты комплекса имеют гриф Министерства образования Республики Беларусь, позволяющий использовать их в качестве учебника и двух учебных пособий для студентов социологических и экономических специальностей высших учебных заведений. Прототипом комплекса выступает первый в Содружестве Независимых Государств учебник для вузов Г.Н. Соколовой "Экономическая социология" (Минск, 1998), который получил высокую оценку преподавателей и студентов и оказался востребованным как в Беларуси, так и в России.

Первый компонент настоящего учебного комплекса остается единственным учебником по курсу экономической социологии в СНГ. Он состоит из двух разделов: исторического и теоретико-методологического. В историческом разделе рассматриваются классический этап становления экономической социологии, основные социологические концепции западных экономических школ в 1950-е, 1970-е и 1990-е, основные этапы становления отечественной экономической социологии. В теоретико-методологическом разделе обоснована логика развития экономической социологии как специальной социологической теории. Раскрыта система основных понятий: экономическое сознание, экономическое мышление, экономические интересы и социальные стереотипы, экономическое поведение, экономическая культура, социальные механизмы регулирования экономических процессов. Рассмотрены социально-экономические законы разделения труда, перемены труда, конкуренции и др. Учебник насыщен богатым фактологическим материалом исследований, проводимых под руководством автора в режиме социологического мониторинга. В него включен словарь важнейших терминов, составленный на базе Оксфордского словаря социологии.

Практикум по экономической социологии представляет собой первый отечественный опыт сопровождения учебника по экономической социологии сборником практических упражнений. Он содержит 12 основных тем, связанных с соответствующими темами учебника. Основные понятия рассматриваются в виде социологических моделей, содержащих социальные механизмы регулирования описываемых этими моделями явлений и процессов. Данный подход позволил предмет науки экономической социологии – социальные механизмы регулирования экономических отношений – сделать предметом рассмотрения в каждом разделе практикума. Принципы системного подхода при анализе явлений и процессов, описываемых основными понятиями экономической социологии, дают возможность научить студентов работать с понятийным аппаратом теории и применять его в конкретных социологических исследованиях с целью решения прикладных социально-экономических задач. Активное привлечение материалов мониторинговых исследований, проводимых в течение многих лет под научным руководством Г.Н. Соколовой, делает содержание практикума внутренне цельным и информационно насыщенным.

Хрестоматия по экономической социологии содержит оригинальные тексты выдающихся мыслителей-социологов, организованные в соответствии с авторским введением-моделью в следующую структуру: классический этап становления экономической социологии (А. Смит, К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Веблен); основные социологические концепции западных экономических школ (П. Сорокин, Т. Парсонс, Р. Мертон, Л. Эрхард, Ф. Хайек, Н. Смелсер, Р. Сведберг, М. Грановеттер, П. Хейне, Р. Кравчик); основные этапы становления отечественной экономической социологии (Н.И. Бухарин, Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов, Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина, В.В. Радаев, В.И. Верховин). Специальный раздел посвящен социально-экономическим концепциям социалистов-утопистов как альтернативе капиталистического способа производства (Т. Мор, Т. Кампанелла, А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн). Каждому тексту предпослан краткий биографический очерк, раскрывающий вклад того или иного ученого в развитие экономической социологии.

Инновационность или ее отдельные элементы присутствуют во всех компонентах комплекса. Так, впервые в качестве предмета экономической социологии рассмотрен социальный механизм регулирования экономических отношений, под которым понимается устойчивая структура взаимодействий социальных субъектов по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг, а также структура типов экономического поведения этих субъектов. Проанализирована природа различных социальных механизмов в рамках методологических подходов К. Маркса, М. Вебера, Т. Веблена; впервые раскрыто содержание понятия конкурентоспособности субъекта рабочей силы на рынке труда; по-новому раскрывается роль экономической культуры в регуляции экономического поведения хозяйствующего субъекта; разработан социологический подход к трактовке понятий "экономическое сознание", "экономическое мышление", "экономическое поведение"; рассмотрены природа и особенности функционирования социального стереотипа как фактора изменения экономического мышления, введено в научный оборот и проанализировано понятие "эффект стереотипизации" в обществе.

Таким образом, в учебнике разработан и систематизирован категориальный аппарат экономической социологии, впервые представленный в своей целостности и взаимосвязи. При этом эмпирическая база, формируемая авторскими исследованиями, позволяет как бы "подпитывать" теорию и давать реальное приращение научного знания. Например, в ходе социологического мониторинга "Регулирование занятости в условиях формирующегося рынка труда" эмпирически выявлена роль стратегических и тактических социальных механизмов в этом процессе, а в ходе социологического мониторинга "Оценка реального уровня занятости, незанятости и безработицы" проанализированы состояние и реальные возможности социальных механизмов в регуляции этих явлений в условиях переходного периода.

Инновационность практикума заключается в принципиально новом способе представления учебного материала в соответствии с концепцией непрерывного образования. Структура каждого из разделов практикума позволяет студентам вначале воспроизвести основное содержание темы учебника, затем познакомиться с принципами социологического моделирования социально-экономического феномена, являющегося предметом рассмотрения в разделе и, наконец, "проиграть" созданную модель на статистических или эмпирических данных. Подобная организация пособия позволяет студентам глубоко усвоить учебный материал на основе его логического осмысления и практического освоения.

Основные понятия экономической социологии рассматриваются в виде социологических моделей-конструктов, а системный подход к исследованию данных моделей позволяет раскрывать содержание социальных механизмов, регулирующих рассматриваемые процессы. Насыщенность практикума целенаправленно отобранными статистическими материалами, а также данными, полученными в ходе авторских исследований, во-первых, позволяют использовать социологические модели как инструмент для работы в реальном информационном поле, а во-вторых, придает изданию самостоятельную ценность именно в качестве учебного пособия для проведения семинарских и практических занятий. Практикум сопровождается кратким терминологическим словарем и типовой программой учебного курса "Экономическая социология".

Инновационность хрестоматии состоит в том, что самой логикой подбора оригинальных текстов, обозначенной во введении-лоции, обосновывается закономерность рассмотрения экономического поведения в качестве предмета исследования в периоды стабильного развития общества и социального механизма экономических процессов в качестве предмета исследования в периоды трансформаций, когда экономическое поведение становится следствием изменения структуры взаимодействия социальных субъектов. В хрестоматии впервые представлены труды современных зарубежных экономических социологов Р. Сведберга (см.) и М. Грановеттера в авторском переводе Г.Н. Соколовой.

Важная особенность комплекса – сопоставительно-дискурсивное изложение курса экономической социологии. Основные вопросы освещаются исходя из различных точек зрения и разных теоретических концепций, что побуждает студентов к размышлению, требует определенной критичности и самостоятельности при осмыслении учебного материала и содействует развитию у будущих специалистов культуры социологического анализа экономических явлений и процессов.

Содержательная целостность комплекса обусловлена наличием научной школы в области экономической социологии профессора Г.Н. Соколовой, изложившей авторскую версию специальной социологической теории в своей научной монографии "Экономическая социология" (Минск, 1995). Накопленный опыт кооперации усилий лидера научной школы и учеников использован и приумножен в процессе создания настоящего комплекса учебных изданий. Так, глава 14 учебника "Экономическая культура как регулятор экономического поведения хозяйствующего субъекта" написана Г.Н. Соколовой в соавторстве с О.В. Кобяком, который построил социологическую модель, позволяющую анализировать экономическую культуру как социальный механизм, регулирующий экономическое поведение субъекта. Глава 6 учебника "Сущность и формы проявления социально-экономического закона конкуренции" написана в соавторстве с А.Б. Александровой, которая обосновала и построила социологическую модель конкурентоспособности работника на рынке труда.

Таким образом, комплекс учебных изданий по экономической социологии (Учебник. Практикум. Хрестоматия) является первым и пока единственным в Республике Беларусь и странах СНГ опытом активного обучения основам данной науки; отличается теоретико-инновационной фундаментальностью и глубоким раскрытием принципов социологического анализа; повышает эффективность подготовки студентов в области усвоения теоретических знаний и приобретении практических навыков работы с социальными механизмами, регулирующими протекание экономических процессов в обществе. В заключение отметим, что созданный авторами комплекс является основной литературой по экономической социологии, используемой в Белорусском государственном университете, Международном гуманитарно-экономическом институте, Институте управления и предпринимательства.

Г.Н. Соколова, О.В. Кобяк

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНТЕРЕС – основная категория для обозначения реальных причин и коренных, наиболее глубоких мотивов экономической деятельности и экономического поведения людей, стоящих за их непосредственными побуждениями – мотивами, помыслами, идеями и т.д. Именно Э.И. способствует согласованности во взаимодействии различных социальных групп и слоев в ходе непрерывного приспособления к экономическим изменениям, формирующим это взаимодействие. Э.И. выступает формой выражения отношений между субъектами экономической деятельности по поводу производства, распределения, обмена и потребления ограниченных материальных ресурсов. Экономические отношения, проявляясь в экономических интересах, приобретают характер движущих сил общественного развития, побудительных мотивов хозяйственной деятельности людей. Люди занимаются хозяйственной деятельностью в конечном счете для того, чтобы удовлетворять свои потребности, которые заключаются в необходимости и возможности приобретения,

сохранения и использования благ, в чем бы они не состояли. "Если некое благо оказывается значимым, желаемым для человека, то оно превращается в *стимул* – внешний объект стремления, актуализированную потребность. Когда же импульс стремления к этому объекту проходит через сознание человека, стимул перерастает в *мотив* – внутреннее побуждение к действию... хозяйственное действие *мотивировано интересом*. При возникновении стимула в виде натурального или денежного блага человек просчитывает возможные последствия предполагаемого действия, оценивая прежде всего два фактора: относительную полезность получаемого блага, настоятельность своей потребности в нем; масштаб издержек, необходимых для получения блага" (В.В. Радаев).

Э.И., в контексте рассматриваемого подхода, можно трактовать как механизм рационализации содержания субъектного интереса в целом. Эту задачу Э.И. выполняет посредством трансформации стимула (как внешнего объекта стремления) в мотив (как внутреннее побуждение к действию) с определением цели действия и программ реализации этой цели. Однако, "взвешивая" выгоды и издержки предполагаемых действий в процессе оценки появившегося стимула, Э.И. трансформирует не все внешние объекты стремления во внутренние побуждения, а, как правило, те, которые обладают относительно более высокой полезностью получаемого блага при допустимом масштабе издержек. Чтобы овладеть стимулом, субъекту необходима соответствующая настройка как инструментальная (навыки, умения, знания), так и психолого-мировоззренческая. Такая настройка субъекта обеспечивает *переход* стимула в мотив по овладению этим стимулом. Если необходимых для формирования стимула объектов нет, то вектор цели сворачивается, деятельность обессмысливается, активность гаснет.

Содержание Э.И. субъекта меняется под воздействием общего Э.И., что может произойти вследствие изменения группой, к которой принадлежит субъект, социально-экономического статуса в обществе. На Э.И. субъекта также оказывают влияние его социально-экономические характеристики, которые могут изменить в те или иные периоды времени представления субъекта о разумности, рациональности, экономичности и т.д. Наряду с этим содержание Э.И. субъекта, определяя, образно говоря, вектор его потенциальной активности, вносит свой вклад в формирование общего экономического интереса (группы, класса, общества в целом).

Рассмотрение Э.И. как социального механизма, обеспечивающего трансформацию стимула (как внешнего объекта стремления) в мотив (как внутреннее побуждение к действию) предполагает суждения о регулятивных возможностях, заложенных в этом механизме относительно экономического поведения субъекта хозяйственной деятельности. Существуют два основных канала регуляции Э.И. – через изменение (индивидуальных или групповых) социально-экономических характеристик субъекта либо путем коррекции частного Э.И. через соотнесение его содержания с содержанием общего Э.И. (группы, класса, общества в целом). Если в результате такого "сравнения" субъект хозяйствования убедится в большей экономической перспективности (как он сам ее понимает) следования "направлению и содержанию" общего Э.И., то и содержание частного Э.И. неизбежно изменится.

Использование настоящей концепции анализа Э.И. позволяет государственным органам сбалансировать основные составляющие экономической политики в переходный период – стабилизацию и структурную перестройку экономики – таким образом, чтобы удовлетворить Э.И. различных социальных групп и обеспечить их максимальный "вклад" в трансформационные процессы общества.

Г.Н. Соколова

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ – взгляды и представления, порожденные практическим опытом людей, их участием в экономической деятельности, связями, в которые они вступают в повседневной жизни. Основные факторы формирования Э.М. субъекта – многообразные формы собственности, в рамках которых субъект осуществляет свою деятельность; другие субъекты экономических отношений, с которыми данный субъект взаимодействует; разнообразие взаимодействующих субъектов (предприятия различных форм собственности, банки, инвестиционные фонды и др.); интенсивность, поливариантность и качественная специфика связей; направленность и сила этих связей и др. Чем более значительными являются факторы формирования Э.М., тем более глубокой становится включенность социального субъекта в экономическую практику, в результате которой компоненты Э.М. объективируются и со временем могут быть включены в сферу экономического сознания.

В рамках социологического подхода экономическое сознание связывается с познанием функционирования и развития социально-экономических законов, разработкой принципов организации экономической жизни, а Э.М. – с включенностью его носителей в социальную практику. Такой подход позволяет рассматривать Э.М. как форму проявления экономического сознания в конкретной общественной ситуации; при этом косность и неразвитость экономического сознания обусловливает противоречивость развития Э.М. Последнее воспринимает изменение экономических отношений преимущественно эмоционально (а не рационально) и успешно совмещает следование политике экономических реформ со сложившимися стереотипами.

Рассмотрение Э.М. как формы проявления экономического сознания в конкретной общественной ситуации позволяет перевести проблему "перестройки" экономического сознания в плоскость проблемы влияния изменений в Э.М. на те или иные аспекты экономического сознания; выяснить, в какой мере эти изменения затрагивают глубинную сущность экономического сознания. Ведь в конкретном социологическом исследовании мы можем измерить не более чем уровень (состояние) Э.М. и выяснить в социальных показателях степень его рациональности, определяемую субъективным восприятием изменений в укладе и образе жизни.

Неразвитое экономическое сознание обусловливает противоречивое, эмоциональное по своей природе Э.М. В свою очередь, противоречивое Э.М. эмоционального характера почти не влияет на развитие экономического сознания. Последнее формируется совсем иным, нежели Э.М., знанием (познанием научных основ действия социально-экономических законов) и в нынешней экономической ситуации

посткоммунистических государств объективной основы для своей перестройки пока что не имеет.

Опыт исследований показал, что Э.М. вовлекает в оборот не все экономические знания, а преимущественно те, которые непосредственно служат практике. Оно тесно связывается с экономическими интересами людей, складывается под влиянием объективных факторов экономического развития, состояния экономического сознания в обществе, участия трудящихся в экономических преобразованиях. Экономический образ мышления выхватывает из широкого круга возможностей лишь немногие, отбрасывая остальное. Он фиксирует внимание на том, как сделать выбор и каким этот выбор должен быть. С проблемой выбора связан акцент на индивиде (будь то социальное сообщество, промышленный или сельскохозяйственный коллектив, корпорация или что-то другое). Первичная характеристика экономического образа мышления – это калькуляция затрат и выгод, на которой основывается экономическое поведение.

Формирование современного Э.М. неизбежно сопровождается преодолением сложившихся стереотипов. В этом процессе немало препятствий, и главное среди них – косная сила инерции. Сохранение старых, отживающих взглядов и представлений в изменившихся условиях экономического и социального развития во многом опирается на опыт прошлого. Однако в значительной мере подобные стереотипы опираются на отлаженные структуры управления и процедуры принятия решений. Социально-экономические трудности и потери, практически неизбежные при разрешении противоречий между требованиями изменившейся экономической ситуации и старыми взглядами, – цена, которую платит общество за живучесть стереотипов Э.М. и поведения.

Г.Н. Соколова

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ – поведение, связанное с перебором экономических альтернатив с целью рационального выбора, т.е. выбора, в котором минимизируются издержки и максимизируется чистая выгода. Предпосылками Э.П. выступают экономическое сознание (**см.**), экономическое мышление (**см.**), экономические интересы (**см.**), социальные стереотипы (**см.**). При этом каждый феномен по-своему формирует тот или иной тип Э.П. Так, например, техника экономического мышления – это некая предпосылка, которой человек руководствуется в своем поведении. Исходя из баланса рациональности и эмоциональности своего мышления индивиды предпринимают лишь те действия, которые принесут им наибольшую чистую пользу (т.е. пользу за вычетом возможных затрат, связанных с этими действиями). В общении между собой, особенно по поводу распределения и потребления ограниченных экономических ресурсов, субъекты преследуют свои экономические интересы, удовлетворяют свои насущные потребности. Это вторая предпосылка их Э.П., позволяющая во многом его предсказывать. Действуя в собственных интересах, люди создают возможность выбора для других, и общественная координация формируется как процесс непрерывного приспособления к изменениям в чистой выгоде, возникающим в ходе их взаимодействия. Существует несколько моделей Э.П. индивидов, содержащих механизмы общественной координации.

Первая модель, основанная на методологии английского экономиста и философа А. Смита, строится на признании компенсаторной роли заработной платы в качестве основы Э.П. субъекта. Функционирование модели детерминируется пятью главными условиями, которые "компенсируют малый денежный заработок в одних занятиях и уравновешивают большой заработок в других: 1) приятность или неприятность самих занятий; 2) легкость и дешевизна или трудность и дороговизна обучения им; 3) постоянство или непостоянство занятий; 4) большее или меньшее доверие, оказываемое тем лицам, которые занимаются ими; 5) вероятность или невероятность успеха в них". Эти условия определяют баланс действительных или воображаемых выгод и издержек, на которых основывается рациональный выбор индивида. Альтернативные варианты, выбираемые в каждом из пяти условий зарабатывания денег исходя из склонностей и предпочтений людей, определяют их Э.П.

Анализ Э.П. индивида, в контексте методологии А. Смита, показывает, что в отечественной экономике в процессе становления рыночных отношений явно доминируют два базовых типа Э.П. индивидов: дорыночный и рыночный. *Дорыночный* тип поведения характеризуется формулой "гарантированный доход ценой минимума трудовых затрат", или "минимум дохода при минимуме трудовых затрат". В целом для носителей дорыночного типа поведения характерно неприятие рынка или настороженное отношение к нему, низкая оценка собственных представлений о рыночной экономике, высокий уровень социальной и психологической напряженности личности, находящейся под сильным влиянием социальных стереотипов, выработанных в годы советской экономики.

Рыночный тип поведения характеризуется формулой "максимум дохода ценой максимума трудовых затрат". Он предполагает высокую степень экономической активности со стороны индивида, понимание им того, что рынок предоставляет возможности для повышения благосостояния соответственно вложенным усилиям, знаниям, умениям. Собственно рыночный тип поведения еще только начинает формироваться и в сильной мере зависит от хода экономических реформ и их соответствия социальным ожиданиям экономически активных индивидов.

Неизбежные издержки формирования рынка труда привели к возникновению еще одного типа Э.П. – псевдорыночного. *Псевдорыночный* тип экономического поведения характеризуется формулой "максимум дохода ценой минимума трудовых затрат". Наличие псевдорыночного типа поведения в той или иной социальной системе свидетельствует о низком уровне ее развития, отсутствии четко выраженной концепции этого развития, что характерно в той или иной мере для развивающихся стран.

Вторая модель, основанная на методологии американского экономиста П. Хейне, исходит из того, что экономический образ мышления имеет четыре взаимосвязанные особенности: люди *выбирают;* только *индивиды* выбирают; индивиды выбирают *рационально;* все общественные отношения можно трактовать как *рыночные отношения*. Названные условия создают определенный баланс действительных или воображаемых выгод и издержек, на которых основывается рацио-

нальный выбор индивида. Делая этот выбор, индивид предпринимает действие, которое принесет ему в соответствии с его ожиданиями наибольшую чистую пользу. При этом чем серьезнее экономические обоснования выбора, тем больше вероятность того, что он будет рациональным.

Необходимыми свойствами-ограничениями экономической теории П. Хейне являются, во-первых, признание безусловной рациональности человека; во-вторых, абсолютизация рационального выбора; в-третьих, акцентирование внимания на возможности осуществления выбора единичным индивидом. Осуществляя рациональные выборы, основанные на ожидании чистой выгоды, индивиды предпринимают определенные действия, прогнозируемые другими людьми. Когда пропорция между ожидаемой выгодой и ожидаемыми затратами на какое-либо действие увеличивается, то люди совершают его чаще, если уменьшается – реже. Тот факт, что почти каждый предпочитает большее количество денег меньшему, неимоверно облегчает весь процесс; деньги здесь подобны смазочному материалу, крайне важному для механизма общественного сотрудничества. Умеренные изменения денежных затрат и денежных выгод в тех или иных случаях могут побудить большое число людей изменить свое поведение таким образом, что оно окажется лучше согласованным с действиями других людей, осуществляемыми в то же самое время. В этом и заключается главный механизм сотрудничества между членами общества, позволяющий им обеспечивать удовлетворение своих потребностей, используя доступные для этого средства.

Ограниченность объяснительных возможностей экономической теории П. Хейне преодолевается в ходе создания социологизированной модели Э.П. Последняя включает в себя: во-первых, действия, детерминированные коллективным выбором; во-вторых, иррациональные выборы индивидов, которые часто имеют место в жизни и связаны с присутствием в структуре человеческой психики компонентов бессознательного; в-третьих, действия, детерминированные экономическими интересами и социальными стереотипами. Согласно этой модели, выбор индивидов в реальной ситуации определяется: состоянием баланса рационального и эмоционального в экономическом мышлении; подвижностью равновесия нормативного и индивидуального в социальном стереотипе: и наконец, более глубинными причинами (часто не зависящими от них) – их экономическими интересами. Преследуя свои экономические интересы, люди приспосабливаются к поведению друг друга, соблюдая принятые правила игры, адаптируются к меняющейся ситуации, стремясь получить максимальную чистую выгоду (за вычетом издержек) в результате своих выборов.

Анализ Э.П. индивидов в контексте методологии П. Хейне позволяет создать типологию Э.П. индивидов исходя, например, из оценки различными группами безработных того, что значила для них прежняя профессия как ценность. В ходе анализа выявлены, на этом основании, стратегии прагматического, профессионального и безразличного поведения лиц, потерявших работу. Стратегия *прагматического* поведения формируется на основе целевой установки, с которой выпускник заканчивает (а безработный закончил) школу, ПТУ, ССУЗ, вуз, – достичь материального благополучия и сделать карьеру. Прагматический тип поведения, как правило, присущ разным образовательным группам и почти не зависит от пола. Вместе с тем он значительно усиливается с возрастом и в старших возрастных группах выражен втрое сильнее, чем в группе до 30 лет. Этот тип поведения наиболее близок к собственно рыночному типу.

Стратегия *профессионального* поведения исходит из установки получить интересную работу в будущем. Данный тип поведения теснее всего связан с уровнем образования индивидов. Парадоксально, но в нынешний переходный период ситуация такова, что чем больше лет потребовалось на образование, тем меньшей горизонтальной мобильностью обладает индивид, тем, следовательно, хуже его социальное самочувствие.

Стратегия *безразличного* поведения исходит из того, что нужно просто получить образование. Этот тип поведения почти не связан с уровнем образования и полом индивидов. Он мало связан с возрастом, не имеет четких субъектных характеристик и тенденций в своих изменениях. Он весьма подвержен влиянию (как положительному, так и отрицательному) всего общественного развития и конкретной общественной ситуации.

Каждая из рассмотренных моделей содержит необходимое количество системных компонентов, взаимодействие которых создает устойчивую структуру типов Э.П. индивидов. Действие каждой модели Э.П. подчинено определенному социальному механизму регулирования экономических отношений, что открывает возможности научного управления ими, повышает надежность прогностических оценок и создает предпосылки для прогрессивного изменения практики.

В рамках концепции Э.П. можно объяснить социальные явления, включая и изменение уровня безработицы, как следствие меняющегося соотношения предполагаемых выгод и издержек. Так, уровень безработицы складывается из целого комплекса решений, которые принимаются и теми, кто предлагает свой труд, и теми, кто предъявляет на него спрос. Очевидно, что все они учитывают ожидаемые выгоды и возможные издержки как результат принятия собственных решений. Различные уровни безработицы среди разных групп населения отражают не только различия в спросе на услуги людей, но и вариации в издержках, с которыми связаны для разных людей поиск, начало или продолжение их работы. Реальное представление о социальных механизмах включения различных категорий населения в рынок труда позволяет государственным органам осуществлять балансирование пассивных и активных мер социальной политики в отношении разных социальных групп в условиях формирующихся рыночных отношений.

Г.Н. Соколова

"ЭКСКУРС В ПРОБЛЕМУ: КАК ВОЗМОЖНО ОБЩЕСТВО?" – статья Г. Зиммеля (**см.**), вышедшая в свет в 1908.

По мысли Зиммеля, фундаментальный вопрос своей философии: "Как возможна природа?" – Кант мог ставить и отвечать на него лишь потому, что природа была для него не чем иным, как представлением о природе... Природа для Канта выступала определенным родом познания, образом, возникающим благодаря нашим категориям познания и внутри них.

Итак, вопрос: как возможна природа? (т.е. какие условия необходимы, чтобы имелась природа) разрешается у Канта через поиск форм, составляющих существо нашего интеллекта и тем самым реализующих природу как таковую.

Зиммель продолжает мысль: "Решающее отличие единства общества от единства природы состоит в следующем: единство природы – с предполагаемой здесь кантовской точки зрения – осуществляется исключительно в наблюдающем субъекте, производится только им среди элементов, которые сами по себе не связаны, и из их числа. Напротив, общественное единство реализуется только своими собственными элементами, ибо они сознательны, синтетически активны, и оно не нуждается ни в каком наблюдателе. Положение Канта о том, что связь никогда не может быть присуща самим вещам, поскольку она осуществляется только субъектом, не имеет силы для общественной связи, которая фактически совершается именно в "вещах", а "вещи" здесь – это индивидуальные души... Общество есть объективное единство, не нуждающееся в созерцателе, который предполагался бы понятием "общество"... Вещи в природе разрознены сильнее, чем души; единству человека с человеком, которое заключается в понимании, любви, совместном труде, – этому единству вообще нет аналогии в пространственном мире, где каждая сущность занимает свое, неделимое с другими пространство".

По Зиммелю, основа представления вообще, чувство сущего Я обладает безусловностью и незыблемостью, недостижимой ни для каких отдельных представлений материально-внешнего. Но той же несомненностью (может она быть обоснована или нет) обладает для нас и факт Ты, и как причину или действие этой несомненности мы ощущаем Ты как нечто независимое от нашего представления, нечто такое, что настолько же есть для себя, как и наше существование. То, что это для-себя-бытие Другого все-таки не препятствует нам делать его своим представлением, что нечто неразложимое в нашем представлении становится содержанием, т.е. продуктом этого представления, – глубочайшая психологическая и теоретико-познавательная схема и проблема обобществления.

По Зиммелю, в этих условиях вопрос: Как возможно общество? – имеет совершенно иной методический смысл, чем вопрос: Как возможна природа? Ибо на последний отвечают формы познания, посредством которых субъект осуществляет синтез данных элементов в "природу", а на первый – a priori положенные в самих элементах условия, посредством которых они реально синтезируются в "общество". В известном смысле, все содержание книги "Социология" разворачивается на основании заявленного в начале принципа и представляет собой подходы к ответу на этот вопрос. Ибо эта книга представляет собой попытку обнаружить те процессы, в конечном счете совершающиеся в индивидах, которые обусловливают их бытие-обществом, но не как причины, по времени предшествующие результату, а как частные процессы синтеза, которые мы совокупно называем обществом... Сознание того, что он образует общество, правда, не присуще in abstracto отдельному человеку, но, во всяком случае, каждый знает, что другой связан с ним: при этом – что обыкновенно знание о другом как обобществленном, познание совокупного общества (это знание и познание) реализуются лишь в отдельных, конкретных содержаниях.

Итак, пишет Зиммель, вопрос заключается в следующем: какова же именно всеобщая и априорная основа, какие предпосылки должны действовать для того, чтобы отдельные, конкретные процессы в индивидуальном сознании были реальными процессами социализации; какие из содержащихся в них элементов делают возможным в качестве результата, абстрактно выражаясь, производство из индивидов общественного единства?

Согласно Зиммелю, речь идет о процессах взаимодействия, означающих для индивида – хотя и не абстрактный, но могущий быть абстрактно выраженным – факт обобществленности. Какие формы должны быть здесь основополагающими, иначе говоря, какие категории человек должен как бы привнести, чтобы возникло это сознание, и каковы формы, носителем которых приходится быть возникшему сознанию (общество как факт знания), – все это можно, пожалуй, назвать теорией познания общества.

Зиммель пишет: Из личностного соприкосновения человек извлекает несколько смещенный образ другого, что обусловлено не просто заблуждениями, связанными с неполнотой опыта, недостаточной остротой зрения, предрассудками симпатии и антипатии. Это принципиальные изменения свойств реального объекта. И происходят они в двух измерениях. Мы видим Другого в некотором роде обобщенно. Может быть, потому, что нам не дано вполне репрезентировать в себе отличную от нас индивидуальность. Всякое воссоздание души определяется сходством с нею, и хотя это не единственное условие душевного познания, поскольку, с одной стороны, необходимой кажется нетождественность для достижения дистанции и объективности, а с другой стороны, интеллектуальная способность, остающаяся за гранью тождественности или нетождественности бытия. Однако совершенное познание все-таки предполагало бы и совершенное тождество. Словно есть в каждом человеке такая точка наиглубочайшей индивидуальности, форму которой внутренне воссоздать не сможет тот, у кого эта точка качественно отлична. А что это требование уже логически несовместимо с требованием дистанции и объективной оценки, на котором помимо всего прочего держится представление Другого, доказывает только, что совершенное знание об индивидуальности Другого для нас недоступно, и недостаточность этого знания в разной степени обусловливает все взаимоотношения людей. Но какова бы ни была причина недостатка знания, следствием его является обобщение образа Другого в душе, расплывчатость очертаний, присовокупляющая к уникальности этого образа отношение к другим.

Мы представляем себе каждого человека (а это имеет особые последствия для нашего практического, соотнесенного с ним поведения) как тип, к которому он принадлежит в силу своей индивидуальности, мы мысленно подводим его, наряду со всей его единичностью, под некую всеобщую категорию, причем, конечно, человек не полностью охватывается ею, а она не полностью охватывается им, последнее отличает это отношение от отношения между общим понятием и частью его объема. В процессе познания человека мы видим в нем не чистую индивидуальность, но то, какого поддержива-

ет, возвышает или же унижает тот всеобщий тип, к которому мы его причисляем. Даже если этот переход столь незаметен, что недоступен для нашего непосредственного познания, даже если отказывают все привычные родовые характерологические понятия ("моральный" или "аморальный", "свободный" или "связанный", "господский" или "рабский"), мы внутренне все равно даем человеку имя в соответствии с каким-то типом, для которого и слова-то нет и с которым не совпадает его чистое для-себя-бытие.

А это заставляет нас спуститься ступенью ниже. Именно из совершенной уникальности личности мы формируем ее образ, не тождественный действительности, однако же и не являющийся общим типом, напротив, это такой образ, какой он явил бы, будучи, так сказать, вполне самим собой, реализуя в хорошую или в дурную сторону ту идеальную возможность, которая есть в каждом человеке. Мы все суть фрагменты не только всеобщего человека, но и нас самих. Мы суть зачатки не только типа человека вообще, не только типа доброго и злого и т.п., но мы суть также зачатки своей собственной индивидуальности и уникальности (чему в принципе нельзя дать определенного названия), которая, словно бы прорисованная идеальными линиями, заключает в себя нашу действительность, которая может быть воспринята. Однако взор Другого восполняет это фрагментарное, делая нас тем, чем мы никогда не являемся чисто и полно. Те фрагменты, которые действительно даны, он совершенно не способен видеть как всего лишь рядоположенные, но подобно тому как, совершенно не осознавая, мы восполняем слепое пятно в нашем поле зрения, так из этого фрагментарного мы творим его индивидуальность во всей ее полноте. Практика жизни заставляет создавать образ человека только из реальных, эмпирически известных отрывков; но именно она-то и основывается на изменениях и дополнениях, на преобразовании данных фрагментов во всеобщий тип и полноту идеальной личности.

Зиммель делает вывод: "Этот принципиальный, хотя в реальности и редко доводимый до совершенства, процесс действует в уже существующем обществе как априори дальнейших взаимодействий, разворачивающихся между индивидами".

По Зиммелю, "повсюду линия реальности скрыта под покровом социального обобщения, так что обнаружить ее в обществе с резкой социальной дифференциацией в принципе невозможно.

Зиммель продолжает: "Другая категория, благодаря которой субъекты воспринимают самих себя и других, чтобы, будучи так оформленными, составить эмпирическое общество, может быть сформулирована в кажущемся тривиальном положении: каждый элемент группы есть не только часть общества, но и, помимо того, еще нечто. Это имеет эффект социального априори постольку, поскольку не обращенная к обществу и не растворенная в нем часть индивида не просто располагается безо всякой связи рядом с его социально значимой частью, не просто есть то внешнее для общества, чему оно волей или неволей дает место. Но некоторыми своими сторонами человек не входит в общество как его элемент, и это образует позитивное условие того, что другими сторонами своего существа он таким элементом является: характер его обобществленности обусловлен или сообусловлен характером его необобществленности. Дальнейшие исследования выявят несколько таких типов. Их социологическое значение, и даже самое глубокое, заключается в том, что каким-то образом они именно исключены из общества, для которого их существование значимо: так обстоит дело с чужаком, с врагом, с преступником и даже с бедняком. Однако то же самое относится не только к таким общим характерам, но – в бесчисленных модификациях – и ко всякому индивидуальному явлению. Каждый миг нас связывают отношения с людьми, и этими отношениями – прямо или косвенно – определяется содержание этого мгновения... Социальная схваченность затрагивает именно те сущности, которые охвачены не полностью.

Зиммель приводит пример: "Мы знаем о чиновнике, что он не только чиновник, о торговце – что он не только торговец, об офицере – что он не только офицер. И это внесоциальное бытие, темперамент и то, в чем выразились его судьба, интересы и ценность личности – сколь бы мало ни меняло это существа его чиновничьих, торговых, военных занятий, – всякий раз придает ему в глазах визави определенный нюанс, вплетая в его социальный образ внесоциальные, не поддающиеся учету факторы. Все общение людей в рамках социальных категорий было бы другим, если бы каждый выступал для другого как партнер лишь в соответствующей социальной категории, как носитель именно теперь выпавшей ему социальной роли. Конечно, индивиды, и профессии, и социальные ситуации различаются тем, в какой мере у них есть или ими допускается наряду с их социальным содержанием некое "помимо того".

Противоположный же полюс, отмечает Зиммель, мы обнаруживаем, например, в явлениях современной культуры, определяемой хозяйством денежного типа. Здесь человек производящий, покупающий или продающий, вообще действующий для результата, приближается к идеалу абсолютной объективности. Если не принимать во внимание самые высокие, руководящие позиции, то индивидуальная жизнь, тон совокупной личности исчез из действий для результата, люди стали лишь носителями совершающегося по объективным нормам возмещения результата ответными действиями, а все, что не относится к этой чистой предметности, действительно из нее исчезло. "Помимо того" вместило в себя всю личность с ее особой окрашенностью, ее иррациональностью, ее внутренней жизнью, оставив общественным занятиям только специфичные для них энергии, начисто обособленные.

Между этими крайностями движутся социальные индивиды, и всегда их энергии и напор, обращенные к внутреннему центру, оказываются некоторым образом значимыми для действий и настроений, которые касаются Другого. Ибо в предельном случае даже сознание того, что эта социальная активность или настроенность есть нечто отдельное от остального человека и отнюдь не вступает в социологическое отношение с тем, чем он еще является и что он еще означает, – даже сознание этого имеет чрезвычайно позитивное влияние на установку субъекта относительно Другого и установку другого относительно субъекта. Априори эмпирической социальной жизни состоит в том, что жизнь не полностью социальна. Мы формируем наши взаимные отношения, не только

негативным образом сохраняя за собой не входящую в них часть своей личности. Эта часть не только воздействует через всеобщие психологические связи как таковые на социальные процессы в душе, напротив, именно формальный факт, что эта часть находится вне этих последних, определяет род такого воздействия. На том, что общества образованы сущностями, которые находятся одновременно и внутри, и вне их, основана одна из важнейших социологических форм: между обществом и его индивидами может быть такое же отношение, как между двумя партиями, и, видимо, оно есть всегда, более или менее открыто. Тем самым общество создает, быть может, самую осознанную, по меньшей же мере, самую общую развернутую основную форму жизни: индивидуальная душа никогда не может находиться в связи, не находясь одновременно вне ее, она не встроена ни в какой порядок, не будучи одновременно и против него. И так обстоит дело, начиная от трансцендентных и самых общих взаимосвязей и до самых единичных и случайных.

Возникает вопрос, пишет Зиммель, "не есть ли отдельный человек всего лишь сосуд, в котором в разной степени смешиваются уже прежде существовавшие элементы; ибо даже если элементы эти в конечном счете производятся отдельными людьми, то вклад каждого исчезающе мал, и только благодаря их родовому и общественному накоплению возникают факторы, синтез которых и составляет опять-таки то, что можно было бы называть "индивидуальностью".

Будучи существами общественными, мы не имеем в нашей жизни автономного центра, но каждое мгновение бываем составлены из взаимоотношений с другими, подобно телесной субстанции, являющейся для нас всего лишь суммой многообразных чувственных ощущений, но не сущим для себя существованием. Мы чувствуем, однако же, что эта социальная диффузия не полностью растворяет нашу личность; речь идет не только о том, что мы сохраняем за собой, о тех отдельных содержаниях, смысл и развитие которых с самого начала принадлежат индивидуальной душе и вообще не имеют места в социальных связях; не только об оформлении социальных содержаний, единство которых в качестве индивидуальной души само уже не имеет общественной сущности... Нет, речь прежде всего идет о другом: все жизненное содержание, пусть даже объяснимое без остатка социальными антецедентами и взаимоотношениями, можно рассматривать одновременно и в категории единичной жизни, как переживание индивида, полностью на него ориентированное... Чтобы локализовать существование индивида, понять его, можно избрать точку зрения как изнутри, так и извне: тотальность жизни со всеми ее социально выводимыми содержаниями может быть постигнута как устремленная к центру судьба ее носителя, по равным образом и жизнь, со всем тем в ней, что неотъемлемо от индивида, может считаться продуктом и элементом жизни социальной.

Зиммель констатирует: "Тем самым факт обобществления ставит индивида в двойственное положение: обобществление заключает его в себе, и одновременно индивид противостоит обобществлению, индивид есть член организма обобществления и в то же время является замкнутым органическим целым, бытием для него и бытием для себя. Но сущность и смысл особого социологического априори, которое на этом основывается, состоит в том, что применительно к индивиду и обществу "пребывание внутри" и "пребывание вне" – это не два независимых определения (хотя иногда они могут принять и такой вид и даже развиться до полной взаимной противоположности), но характеристика позиции человека, живущего социальной жизнью, в ее нераздельном единстве. Существование индивида не просто отчасти социально, отчасти индивидуально – сообразно тому, как распределяются содержания. Здесь господствует фундаментальная, формообразующая, ни к чему не сводимая категория единства, которую мы не можем назвать иначе, кроме как синтезом или одновременностью двух логически взаимопротивоположных определений индивида, каковы его положение элемента и его для-себя-бытие, то, что он – продукт общества, включен в него и что центр своей жизни, ее исток и цель – он сам. Общество состоит из существ, которые частично не обобществлены. Но, кроме того, они еще воспринимают себя, с одной стороны, как совершенно социальные, а с другой (при том же самом содержании) – как совершенно личностные существования".

И – наконец, согласно Зиммелю, "общество образовано из неравных элементов. Ибо даже там, где демократическая или социалистическая тенденции предусматривают "равенство" или частично достигают его, речь всегда идет лишь о равноценности личностей, результатов деятельности, позиций, в то время как равенство людей по их качествам, содержанию жизни и судьбам – вообще не предмет обсуждения. А с другой стороны, там, где порабощенное население образует лишь массу, как в больших восточных деспотиях, это равенство каждого с каждым затрагивает лишь определенные стороны существования, например, политические или хозяйственные, но никогда – существование в целом; присущие ему свойства, личностные отношения, претерпевание судеб неизбежно должны иметь некоторого рода уникальность и неповторимость, причем не только с внутренней стороны жизни, но и по взаимодействию с другими существованиями.

Если представить себе общество как чисто объективную схему, то оно окажется порядком содержаний и результатов, соотнесенных друг с другом соответственно пространству, времени, понятиям и ценностям, так что тут можно отвлечься от персональности, от формы Я как носителя их динамики. Если же внутри этого порядка в силу такого неравенства элементов всякий результат или качество выступают как нечто сугубо индивидуальное, однозначно локализованное, то общество оказывается неким космосом, который, правда, необозримо многообразен в своем бытии и движении, но в котором каждая точка сохраняет свою определенность лишь при неизменности структуры целого.

Жизнь общества, по мысли Зиммеля, протекает (не психологически, но феноменологически, исключительно с точки зрения его социальных содержаний) так, словно бы каждый элемент был предопределен к своему месту в этом целом, и, несмотря на всю дисгармонию, сравнительно с идеальными требованиями, споено бы все элементы находились в некотором едином отношении, так что каждый, именно поскольку он является совершенно особенным, зависел от других, а другие зависели от него.

Что каждому индивиду ввиду его качеств указано определенное место в его социальной среде, что это идеально принадлежащее ему место также и в действительности имеется в социальном целом – это та предпосылка, исходя из которой отдельный человек живет своей общественной жизнью, предпосылка, которую можно назвать всеобщей ценностью индивидуальности.

По мнению Зиммеля, общественная жизнь как таковая основывается на предпосылке о принципиальной гармонии между индивидом и социальным целым, хотя это отнюдь не препятствует резким диссонансам этической и эвдемонистической жизни. Так, любое "профессиональное призвание" нуждается в гармонии (как бы она ни возникала) между строением и жизненным процессом общества и индивидуальными качествами и импульсами. Именно на этой гармонии как общей предпосылке основывается в конечном счете представление о том, что для каждой личности есть в обществе позиция и род деятельности, к которым она "призвана", и императив: искать их, покуда не найдешь. Эмпирическое общество становится "возможным" только благодаря этому априори, достигающему своей вершины в понятии "профессионального призвания".

И.А. Шаркевич

ЭКСПЕКТАЦИЯ (от англ. expectation – ожидание) – преимущественно в структурно-функциональном анализе (см.) – набор индивидуальных ожиданий человека, обусловленный свойственным ему типом социального поведения, его социальным статусом (см.), а также характеристиками современного ему общества.

В свою очередь, положение человека в общественной иерархии может трактоваться как результат исполнения им самим совокупности Э. социума по отношению к нему, а также как результат социального взаимодействия его индивидуальных Э., с одной стороны, и социальных санкций / поощрений – с другой.

A. Wozniak

ЭКСПЕРИМЕНТ (лат. experimentum – проба, опыт) – метод эмпирического познания, при помощи которого в контролируемых и управляемых условиях (зачастую специально конструируемых) получают знание относительно связей (чаще всего причинных) между явлениями и объектами или обнаруживают новые свойства объектов или явлений. Э. могут быть натурными и мысленными. Натурный Э. проводится с объектами и в ситуациях самой изучаемой действительности и предполагает, как правило, вмешательство экспериментатора в естественный ход событий. Мысленный Э. (см.) предполагает задание условной ситуации, проявляющей интересующие исследователя свойства, и оперирование идеализированными объектами (последние зачастую специально конструируются для этих целей). Промежуточный статус носят модельные Э., проводимые с искусственно созданными моделями (которым могут соответствовать, а могут и не соответствовать какие-либо реальные объекты и ситуации), но которые предполагают реальное изменение этих моделей. Э. как исследовательско-преобразовательная деятельность может быть рассмотрен как особая форма практики, позволяющая устанавливать (не)соответствие концептов и конструктов познания, теоретически обнаруживаемых связей и отношений – действительности. В так называемых решающих Э. проверке может подвергаться теория в целом.

Э. представляет собой наиболее сложный и эффективный метод эмпирического познания, с которым связано становление европейской опытной науки и утверждение доминирования объяснительных моделей в естествознании в целом. Он ведет свое начало от исследований Г. Галилея и основанной после его смерти Флорентийской академии опыта. Теоретически Э. был обоснован впервые в работах Ф. Бэкона, последующая разработка идей которого связана с именем Милля. Монопольное положение Э. было поставлено под сомнение только в 20 в. прежде всего в социогуманитарном знании, а также в связи с феноменологическим, а затем и герменевтическим поворотом в философии и науке, с одной стороны, и тенденцией к предельной формализации (математизации) естествознания – с другой (появление и рост удельного веса математических модельных Э.).

Э. предполагает создание искусственных систем (или "обискусствливание" естественных), позволяющих влиять на них путем перегруппировки их элементов, их элиминирования или замены другими. Отслеживая при этом изменения в системе (которые квалифицируются как следствия предпринятых действий), можно раскрыть определенные реальные взаимосвязи между элементами и тем самым выявить новые свойства и закономерности изучаемых явлений. В естествознании изменение условий и контроль за ними осуществляются за счет использования приборов разного уровня сложности (от звонка в опытах И. Павлова по условным рефлексам вплоть до синхрофазотронов и т.п. устройств). Э. проводится для решения определенных познавательных задач, продиктованных состоянием теории, но и сам порождает новые проблемы, требующие своего разрешения в последующих Э., т.е. является также и мощным генератором нового знания.

Э. позволяет: 1) изучать явление в "чистом" виде, когда искусственно устраняются побочные (фоновые) факторы; 2) исследовать свойства предмета в искусственно создаваемых экстремальных условиях или вызывать явления, в естественных режимах слабо или вообще не проявляющиеся; 3) планомерно изменять и варьировать различные условия для получения искомого результата; 4) многократно воспроизводить ход процесса в строго фиксируемых и повторяющихся условиях.

К Э. обычно обращаются: 1) когда пытаются обнаружить у объекта не известные ранее свойства для продуцирования знания, не вытекающего из наличного (исследовательские Э.); 2) когда необходимо проверить правильность гипотез или каких-либо теоретических построений (проверочные Э.); 3) когда в учебных целях "показывают" какое-либо явление (демонстрационные Э.).

Особый тип Э. составляют социальные Э. (в частности, Э. в социологии). По сути, каждое человеческое действие, предпринятое для достижения определенного результата, может быть рассмотрено как своего рода Э. По логической структуре Э. делятся на параллельные (когда процедура экспериментирования основана на сравнении двух групп объек-

тов или явлений, одна из которых испытала воздействие экспериментального фактора – экспериментальная группа, а другая нет – контрольная группа) и последовательные (в которых нет контрольной группы, а замеры делаются на одной и той же группе до и после введения экспериментального фактора).

В.Л. Абушенко

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ СХЕМА – схема проведения эксперимента (**см.**), организующая распределение испытуемых по различным уровням независимой переменной (**см.**). Есть две основные возможности такого распределения:

а) распределять нескольких испытуемых на каждый уровень независимой переменной;

б) распределять всех испытуемых на все уровни независимой переменной.

Можно выделить следующие Э.С.:

1) межгрупповая Э.С. – это предъявление каждого из условий независимой переменной разным группам испытуемых;

2) интраиндивидуальная Э.С. – это предъявление одному или нескольким испытуемым всех исследуемых условий. Иногда такая схема называется также схемой индивидуального эксперимента;

3) смешанная Э.С. – схема, при которой некоторые переменные являются межгрупповыми, а некоторые – интраиндивидуальными.

Каждая из схем обладает своими преимуществами и недостатками. В эксперименте с межгрупповой экспериментальной схемой один уровень независимой переменной не влияет на ее другой уровень и у испытуемых не накапливается эффект от воздействия нескольких уровней независимой переменной. Однако у этой схемы есть и недостаток, так как существует возможность, что испытуемые в двух группах достаточно различны, чтобы это различие повлияло на эффекты независимой переменной. Поэтому любой межгрупповой эксперимент имеет потенциальную опасность смешения из-за разницы испытуемых в группах. Интраиндивидуальная схема свободна от такого недостатка, так как каждый испытуемый сравнивается сам с собой при различных экспериментальных условиях. Наблюдаемый эффект при этом можно отнести к разнице в уровнях независимой переменной, а не к разнице в испытуемых. Однако эта схема также обладает рядом недостатков, влияющих на валидность внутреннюю (**см.**) экспериментов. Основное допущение экспериментов с интраиндивидуальной схемой – объект остается идентичен самому себе с течением времени – может нарушаться в силу ряда причин. При этом систематическая разница в наблюдениях будет вызвана не влиянием независимой переменной, а другими факторами. Указанные недостатки частично устраняются правильно сделанной рандомизацией (**см.**).

Выбор Э.С. можно сделать, исходя из следующих соображений:

1. Если независимая переменная дает какой-либо предполагаемый длительный эффект, то лучше использовать межгрупповую Э.С. Это происходит, когда мы используем следующие переменные: а) вызывающие изменения в развитии или состоянии испытуемого; б) практически все виды физиологических повреждений; в) большинство переменных, зависящих от времени (сюда входят переменные, имеющие эффект обучения); г) большинство переменных, характеризующих испытуемых – пол, возраст, национальность и т.д., которые невозможно изменить.

2. Предпочтение интраиндивидуальной Э.С. отдается, если есть большие индивидуальные различия между испытуемыми в группах.

В некоторых случаях стоит провести эксперименты по двум схемам и сравнить полученные результаты.

А.П. Репеко

ЭКСПЕРИМЕНТ в социальных дисциплинах – один из методов эмпирических исследований, применяемый с целью исследования причинных связей или проверки гипотезы. Он является основой так называемых каузальных исследований. История Э. начинается с работ Дж.С. Милля (**см.**). Милль исходил из того, что природа достаточно регулярна и единообразна. Ее регулярность заключается в том, что все события подчиняются цепочкам причинных связей. Единообразие же обеспечивает стабильность этой регулярности. Причина некоторого события A, согласно Миллю, – это сумма условий, из которых необходимо и достаточно следует A. Если такая причина существует, а она обязана существовать, то ее можно отыскать исходя из суммы наблюдений, используя специальную экспериментальную технику. Цель предложений Милля состояла в том, чтобы дать методы, которые позволили бы "отфильтровать" причинные связи из всех возможных. Суть техники Милля – в систематической сортировке цепочек наблюдаемых явлений с использованием определенных правил.

Идеальный Э., основанный на методе единственного сходства и методе единственного различия, предложенных Миллем, имеет следующую структуру (1):

$$\begin{array}{lll} X & \rightarrow & A \\ X & \rightarrow & A \quad (\text{не } X \rightarrow \text{не } A). \end{array} \qquad (1)$$

В идеальном эксперименте доказывается *необходимость* и *достаточность* условия X для того, чтобы вызвать A (X вызывает A – достаточность, и никакое другое явление не может вызвать A – необходимость). Однако на практике условия не X добиться практически невозможно, так как надо проверить *все* возможные варианты, кроме A. Исследование должно охватить все существующие предметы, и получается бесконечно долгим. Поэтому в реальном Э. следуют лишь методу единственного различия Милля и берут некоторое B, отличное от X. В этом случае реальный эксперимент не показывает необходимости, а показывает лишь достаточность условия. Структура Э. при этом получается следующей (2):

$$\begin{array}{lll} X & \rightarrow & A \\ B & \rightarrow & C. \end{array} \qquad (2)$$

Обычно в ходе Э. используются две группы – *контрольная группа* и *экспериментальная группа*. Экспериментальной группе предъявляется некое условие (один из уровней *независимой переменной*) – в нашем примере X. Это условие являет-

ся единственным различием, претендующее на роль причины интересующего нас явления *A*, а контрольной группе этого условия не предъявляют. Если в экспериментальной группе явление *A* наблюдалось (эффект *независимой переменной*), а в контрольной – нет (*C*), то мы можем сделать вывод о том, что предполагаемой причины *X* было достаточно, чтобы вызвать *A*.

Основная идея Э. как метода – это сравнение условий, где исследователь управляет появлением или непоявлением некоторого события (в нашем примере – *X*) и фиксирует результат. Контроль в Э. осуществляется при помощи непосредственного воздействия (*X* происходит или не происходит по воле исследователя), что дает нам основание для сравнения. Мы требуем от Э. повторяемости. Сравнение, воздействие и постоянство – это и есть основные свойства Э.

Экспериментальные методы, в той форме, в которой они были предложены Миллем, не требуют статистической обработки данных, а Э. в форме (2) может быть применен и для единичного случая. При этом гипотеза может быть и эмпирической, и рациональной по форме. Это уникальное свойство Э. выделяет его среди всех других методов исследования, широко используемых в социальных науках.

В 1893 В. Минто предложил дополнить экспериментальные правила Милля вероятностью и исследованием средних величин. Минто считал, что средние наблюдаемых явлений остаются постоянными. Постоянство средних зависит от постоянства причин, а всякая перемена в средних происходит вследствие какой-либо перемены в производящих условиях. Это позволяет существенно доработать миллевский метод единственного различия и, следовательно, схему Э. (2), введя в него вероятность и сбор статистики. При этом вместо того, чтобы говорить о появлении/непоявлении события, разговор будет вестись о появлении/непоявлении некоторого среднего от группы событий. Одной из существенных недостатков подобной доработки является проблема игнорирования противоречащих наблюдений.

Классическая схема Э. была несколько видоизменена Фишером. Фишер ввел в схему Э. идею отрицания нуль-гипотезы (см.). Пусть требуется узнать, различаются ли результаты в экспериментальной (мы наблюдаем эффект – *A*) и контрольной группе (эффекта быть не должно – *C*). Если признать вероятностную природу измеряемой величины, то, с точки зрения статистики, это будет означать, что в благоприятном случае результаты обеих групп – это выборки из двух различных генеральных совокупностей (совокупностей с двумя разными распределениями). Построенная от противного нуль-гипотеза будет утверждать, что обе выборки принадлежат к одной генеральной совокупности, т.е. разница в эффектах отсутствует или может быть объяснена случайной ошибкой. Статистические тесты (например, Т-критерий Стьюдента или U-критерий Манна-Уитни) могут показать вероятность того, что две *случайным образом взятые* выборки (см.) принадлежат к одной генеральной совокупности. Если эта вероятность мала, то нуль-гипотеза может быть отброшена, т.е. можно сделать заключение, что утверждение "результаты обеих групп являются случайными выборками одной генеральной совокупности" неверно (правильнее было бы сказать – маловероятно). Следует учитывать, что единственный вывод, который правомочно сделать после статистической обработки данных Э., состоит в факте отрицания нуль-гипотезы, а не в "подтверждении" исследовательской гипотезы.

Существуют несколько основных экспериментальных схем (см.), удовлетворяющих структуре Э. (2). Контрольную и экспериментальную группу подбирают случайным образом или так, чтобы важные для исследователя характеристики совпадали в обоих группах (см. **Рандомизация**). Перед Э. можно провести претест /начальное измерение. – *A.P.J.* С теоретической точки зрения в претесте нет никакой необходимости, так как распределение по условиям или случайный выбор участников должны гарантировать статистическое сходство обеих групп. Напротив, претест может как-либо повлиять на участников, и для проверки этого потребуется иметь дополнительную экспериментальную и контрольную группу, где претест не проводился (такая схема была предложена в 1949 американским ученым Р. Соломоном и носит его имя). Если воспользоваться схемой Соломона, то простейший Э. превратится в Э. факторный (см.), где одной из переменных, кроме той, что нас изначально интересовала, *будет наличие претеста*.

А.П. Репеко

ЭКСПЕРИМЕНТ ЕСТЕСТВЕННЫЙ – вид эксперимента в социальных дисциплинах (см.), проводится с группами участников, существующих независимо от экспериментатора (классами в школе, студенческими группами и т.п.). Особенно популярен в педагогических экспериментах, при проверке эффективности обучающих методик. Обладает низкой валидностью внешней (см.), т.к. весьма чувствителен к выбору групп.

О.В. Терещенко

ЭКСПЕРИМЕНТ ЛАБОРАТОРНЫЙ – одна из форм эксперимента (см.), проводится в специально подготовленном помещении (лаборатории) с целью максимально ограничить влияние возможных посторонних факторов на участников эксперимента. Основными требованиями при проведении Э.Л. являются: устранение действия посторонних факторов и рандомизация (см.) распределения участников по группам. Удовлетворить этим требованиям легче всего, проведя эксперимент в лабораторных условиях. В лаборатории все параметры внешней среды остаются постоянными и исследователь уверен, что, по крайней мере, среда не оказала влияния на результаты эксперимента. Кроме того, у исследователя есть возможность должным образом сформировать контрольную и экспериментальную группы (или предъявить экспериментальные условия).

При проведении Э.Л. есть опасность того, что лабораторные условия так существенно влияют на людей, что обобщение результатов на другие ситуации невозможно. "Ради науки" люди способны проделывать в лаборатории то, что никогда бы не сделали в других ситуациях. Так, в 1962 в серии экспериментов по гипнозу американский ученый Орни решил сконструировать бессмысленную задачу, которую загипнотизированный человек либо должен сразу отказаться выполнять, либо выполнять недолго. В качестве задачи участникам Э.Л. предложили складывать огромное количество двухзнач-

ных чисел. После пяти с половиной часов (!) экспериментатор сдался, так как испытуемые продолжали методично выполнять задание. Орни не помогло и придуманное на ходу условие, что каждый использованный лист с числами должен быть порван не менее чем на 32 части. Очевидно, что вне лаборатории человек никогда бы не стал выполнять такую работу. Орни предлагал использовать в Э.Л. так называемую квазиконтрольную группу, т.е. людей, посвященных в цели Э.Л. и играющих роль излишне "хороших" испытуемых. Их роль состоит в том, чтобы поделится впечатлениями, как условия Э.Л. могут изменить стиль их поведения.

Еще одной распространенной процедурой при проведении Э.Л. является проведение симулирующих экспериментов (испытуемых просят действовать так, как если бы они находились в экспериментальных условиях) с целью удостовериться, что для проявления нужного эффекта одного желания испытуемых будет мало, а требуется предъявление экспериментального условия.

А.П. Репеко

ЭКСПЕРИМЕНТ ПОЛЕВОЙ – одна из форм эксперимента (**см.**); проводится в естественных для участников условиях с целью минимизировать нехарактерное для них поведение, вызванное лабораторными условиями (см. **Эксперимент лабораторный**). Достаточно часто исследователю требуется узнать, как ведут себя люди в различных жизненных ситуациях. Создание в лаборатории реальных ситуаций невозможно, и исследователь вынужден проводить экспериментальное исследование в естественных условиях. В Э.П. исследователь управляет независимой переменной (**см.**) и фиксирует изменения зависимой переменной (**см.**). Часто участники Э.П. не догадываются, что их поведение служит объектом исследования и фиксируется. По этой причине исследователю следует заранее подумать об этической стороне предполагаемых исследований.

Полевые исследования обладают большей внешней валидностью (**см.**) по сравнению с лабораторным экспериментом. В тоже время, если эксперимент производится в "полевых" условиях (например, изучение влияния организации труда на мотивацию рабочих), то мы не можем утверждать, что эксперимент отвечает требованиям классической схемы – убрать как можно больше посторонних факторов и, главное, рандомизировать участников – и в этом случае факт отрицания нуль-гипотезы (**см.**) не может быть воспринят как подтверждение первоначальной гипотезы.

К сожалению, сравнение результатов, полученных в лаборатории и "в поле", также будет не совсем корректно, так как если мы примем гипотезу, что люди себя ведут в лаборатории неадекватно, то у нас не будет основы для сравнения с более адекватным поведением в естественных условиях.

А.П. Репеко

ЭКСПЕРИМЕНТ "СЛЕПОЙ" – вид экспериментов (**см.**), в которых участники и задействованные в них лица не посвящены в цели эксперимента. Э."С." проводятся с целью минимизировать нежелательное поведение его участников и повысить внешнюю валидность (**см.**) эксперимента. И в ходе эксперимента полевого (**см.**) и, особенно, в ходе эксперимента лабораторного (**см.**) его участники, зная, что они находятся под наблюдением, могут сознательно или неосознанно изменять свое поведение. Можно выделить следующие основные типы нежелательного поведения участников эксперимента:

1. Нежелательная реакция испытуемых. Условия научного эксперимента часто не столько регистрируют поведение, сколько порождают его. "Во имя науки" участники могут сделать то, что совершенно не характерно для их нормального поведения.

2. Хоторнский эффект – любое изменение в условиях (вне зависимости от свойств) вызывает эффект.

3. В том случае, если участники знают или догадываются о идее эксперимента, могут возникнуть проблемы личных качеств участников – их поведение во время эксперимента будет определяться теми ролями, которые они выберут для себя:

а) роль благодарного участника. Такой участник старается работать на гипотезу экспериментатора;

б) роль неблагодарного участника. Такой участник старается работать против гипотезы экспериментатора;

в) бесстрастный участник – старается действовать как будто он находится в неведенье о цели эксперимента.

Для того чтобы минимизировать нежелательное для исследователя поведение участников, следует проводить так называемые Э."С.". В них истинная цель исследования скрывается от испытуемых. Испытуемым либо ничего не сообщается о цели эксперимента, либо сообщается безобидная ложь.

Кроме ошибок в данных из-за нежелательного поведения участников эксперимента существуют ошибки, произошедшие по вине исследователя. Можно выделить следующие основные типы ошибок, возникающие по вине исследователя (автора идеи эксперимента) и экспериментатора (человека, непосредственно работающего с испытуемыми и собирающего данные):

1. Сознательная предвзятость исследователя:

а) исследователь может путем сознательной манипуляции данными "доказать" ту гипотезу, в которой он заинтересован. Данные можно скрывать, если они противоречат нашим взглядам, "случайно" неаккуратно обрабатывать, размножать, для получения нужного уровня статистической значимости, и т.д.;

б) исследователь может придумать данные и объявить их полученными эмпирическим путем (так, например, произошло при исследовании "феномена" 25 кадра);

в) проект можно специально составить таким образом, чтобы получить желаемый эффект.

2. Бессознательная предвзятость исследователя:

а) используемые методики и подготовленные опросные листы могут быть результатом теоретических взглядов исследователя на интересующую его проблему и порождать только те данные, которые выгодно получить исследователю;

б) ожидания исследователя могут подтолкнуть испытуемых "подыграть" ему. Кроме того, исследователь может по-разному относиться к испытуемым в различных (экспериментальных/контрольных) условиях или по-разному регистрировать и описывать их поведение.

Сознательно допущенные ошибки проверяются лишь репликацией (повторением) исследований другими исследователями. Говорить о методах устранения ошибок исследователя имеет смысл лишь в отношении бессознательных ошибок.

Чтобы ожидания исследователя не оказали влияние на результаты, можно применить процедуру так называемого *двойного слепого эксперимента*. В подобном эксперименте не только участники, но также и лицо, непосредственно работающее с участниками, не информируется о целях эксперимента. Очень часто такая схема применяется при медицинских исследованиях, и человек, работающий с участниками, не знает, в какой группе дается тестируемое лекарство (экспериментальная группа), а в какой – плацебо (контрольная группа). Такое незнание гарантирует одинаковое отношение ко всем участникам. После получения данных считается хорошей практикой поручить их обработку незаинтересованному в результатах исследования человеку.

А.П. Репеко

ЭКСПЕРИМЕНТ ФАКТОРНЫЙ – метод исследования, предназначенный для изучения причинных связей между условиями, в которых находятся испытуемые, и их поведением, реакциями и т.п. Зависимая переменная, измеряющая реакцию участников эксперимента, может быть только количественной (см. **Шкала измерительная**). Независимые переменные (факторы) могут быть номинальными, порядковыми или количественными, сгруппированными в интервалы.

Классический – трехстадийный – Э.Ф. состоит из трех этапов: 1) формирование групп; 2) проведение эксперимента (помещение групп в определенные условия); 3) измерение и обработка результатов эксперимента. Существует несколько оснований для классификации Э.Ф.

Схема эксперимента. Э.Ф. бывают внутригрупповыми и межгрупповыми. Во внутригрупповом эксперименте одна и та же группа испытуемых последовательно помещается в разные условия. В межгрупповом эксперименте возможно помещение двух или нескольких групп с одинаковым составом испытуемых в разные условия либо помещение в одни и те же условия групп, отличающихся друг от друга составом участников.

Число факторов. По числу факторов Э.Ф. делятся на однофакторные, двухфакторные и многофакторные. Однофакторные эксперименты могут разделяться на бивалентные (с двумя группами) и поливалентные (с несколькими группами). Например, "классический" бивалентный эксперимент предполагает наличие опытной и контрольной групп.

Характер факторов. Факторы бывают регулируемыми и выделяемыми. Контролируемые факторы определяют условия, в которых проводится эксперимент. Выделяемые факторы представляют собой характеристики объектов, которые учитываются при формировании групп.

Способ формирования групп. В лабораторном Э.Ф. группы формируются в соответствии со строго заданными критериями. При использовании групп, однородных по составу, практикуется случайное распределение участников по группам. В естественном Э.Ф. участвуют группы, которые уже неким образом существуют, например, школьные классы или академические группы. В полевом Э.Ф. группы формируются из участников, реально находящихся в разных условиях. Например, при исследовании влияния последствий Чернобыльской катастрофы на социальное самочувствие людей группы формируются из проживающих на загрязненных и "чистых" территориях.

Э.Ф. сыграл беспрецедентную роль в развитии науки. На протяжении трехсот с лишним лет он считался единственным корректным методом исследования причинных связей. В последние годы в качестве альтернативной и более гибкой развивается методология множественного регрессионного анализа.

О.В. Терещенко

ЭКСПОЛЯРНАЯ ЭКОНОМИКА – понятие, отражающее присутствие в экономической жизни образований (укладов), которые по принципам функционирования и логике развития существенно отличаются от доминирующих в экономике структур. Такие образования хоть и подвержены влиянию "индустриально-рыночного центра" современной экономики, но сохраняют свои системные свойства, обладают значительной автономией, собственными закономерностями развития и способны оказывать большое влияние на внешнюю среду. К подобным образованиям относятся: семейное хозяйство, мелкое товарное производство, "вторая" и теневая экономика. Признаками эксполярности обладают такие отрасли производства, как традиционные промыслы, сельское хозяйство.

Понятие "Э.Э." введено в активный научный оборот английским историком, социологом, экономистом Т. Шаниным. Оно изначально несло два смысловых аспекта. Первый из них обусловлен "историческим происхождением" термина. Эксполярной названа экономика вне полиса, организация хозяйственной жизни за его пределами; причем под полисом, как в Древней Греции, понимается доминирующий центр системы – государство и начала рыночного общества. Второй аспект обусловлен актуальной проблематикой 20 в., связывающей понятие с экономическими образованиями, расположенными вне двух полюсов – капиталистического рынка и социалистического планового хозяйства. И в том, и в другом случае речь идет о существовании ряда универсальных ниш экономической активности, которые вечно сопутствуют доминирующим структурам, но остаются для них зонами относительной недоступности. Организация хозяйственной жизни в этих сферах носит преимущественно неформальный и персонифицированный характер. Им присущи специфические регулятивы, особые способы воздействия на поведение хозяйствующих субъектов. Э.Э. демонстрируют значительную гибкость в использовании трудовых ресурсов. Деятельность в рамках подобных форм не имеет однозначной ориентации на прибыль (вариант: официальную карьеру), ее цели имеют более широкий, социальный контекст. Логику хозяйственной жизни во многом определяют нормы первичных сообществ (семьи, клана, общины). Во взаимодействии с доминирующими структурами Э.Э. сохраняют свою целостность, внутреннюю упорядоченность, способность к самоорганизации и саморегулированию. С утратой этих системных свойств Э.Э. исчезают как феномены.

А.Л. Подгайский

ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ (лат. extra – сверх, вне и polio – выправляю, изменяю) – логико-методологическая процедура распространения (переноса) выводов, сделанных относительно какой-либо части объектов или явлений на всю совокупность (множество) данных объектов или явлений, а также на их другую какую-либо часть; распространение выводов, сделанных на основе настоящих и (или) прошлых состояний явления или процесса на их будущее (предполагаемое) состояние. В математике и статистике – продолжение динамического ряда данных по определенным формулам; соотносится здесь с понятием "интерполяция" (лат. interpolatio – изменение, подновление), обозначающим нахождение промежуточных значений по ряду логических или статистических данных. Таким образом, Э. могут подвергаться как качественные так и количественные характеристики, а также некоторые уравнения (сформулированные для одной предметной области они переносятся на иные предметные области).

Под Э. может пониматься метод математической гипотезы, чаще же рассматривают иные стратегии Э.: 1) Э. на основе индукции (Э. тенденции); 2) Э. на основе аналогового моделирования; 3) Э. выборочных данных на всю генеральную совокупность при соблюдении требований репрезентативности (по части судят о целом или о другой части, т.е. другой выборке из генеральной совокупности). Особо можно говорить об Э. схем и приемов деятельности в новые практические области (за пределами логико-методологических процедур), об Э. результатов мысленного оперирования знаковыми комплексами в реальные системы действий. Научная Э. предполагает умение правильно оперировать базами Э., т.е. исходным знанием, следование обоснованным правилам переноса, обязательную оценку полученных выводов по избранным критериям. Э. предполагает работу с "неизвестными" на основе известного знания и с "будущим" на основе знания прошлого и настоящего. В этом отношении – она неизбежный прием любого творческого мышления и деятельности. Э. – важнейшее средство диагностических процедур и прогнозирования. Более того, экстраполяционное прогнозирование институализировалось в особую область прогнозной работы наряду с поисковым и нормативным прогнозированием (на качественном уровне – это системный классификационный анализ понятий на предмет их упорядочивания и иерархизации; на количественном – это трендовый анализ динамических рядов с целью отыскания основных тенденций).

В.Л. Абушенко

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ (лат. extremum – крайнее, предельное; situatio – положение) – понятие, посредством которого дается интегративная характеристика радикально или внезапно изменившейся обстановки, связанных с этим особо неблагоприятных или угрожающих факторов для жизнедеятельности человека, а также высокой проблемностью, напряженностью и риском в реализации целесообразной деятельности в данных условиях. Философский смысл понятия "Э.С." сопряжен с отражением экстремального развития событий и их познания во взаимосвязи с функциональной деятельностью субъекта. Система координат измерения существования и деятельности человека – "действующее лицо – ситуация" – предполагает коррелятом содержания понятия Э.С. определенные субъект-объектные отношения: отражение субъектом объективно-сложных условий деятельности в виде проблемно-экстремальной задачи. Развиваемое с античных времен понимание сущности экстремумов, экстремальности и принципов экстремального (Аристотель, Николай Кузанский, Бруно, Монертюи, Лейбниц и др.), поднятое до современных философских обобщений о закономерностях экстремальных изменений (М. Планк, М. Борн, М. Бунге, Л. Канторович, Пригожин и др.), находят свое отражение и в содержании понятия "Э.С.". Экстремальность, как это было зафиксировано еще античной философией, указывает на предельные состояния в существовании вещей. Экстремумы образуют, по сути, границы меры существования вещей, с превышением которых вещи перестают быть самими собой и обретают иное существование. В теоретическом выражении принципы экстремальности утверждают, что та или иная величина, характеризующая состояние, процесс или структуру, принимает крайнее (условно – минимальное или максимальное) значение. Экстремальность проявляет себя как "наискорейшее движение, проходящее по наикратчайшей линии" (Аристотель). Диалектика этого процесса "в доведенных до крайностей состояниях" (Бруно) насыщена бурным взаимным проникновением и превращением противоположностей друг в друга (Гегель), закономерно влекущим "катастрофические или разрушительные изменения" (Р. Том). В рамках современных подходов (П. Лагадек, С. Лихтенстайн и др.) в качестве определяющего или универсального сущностного признака Э.С. рассматривается фактор опасности – прежде всего непосредственной угрозы для здоровья и жизни людей либо же угрозы срыва их деятельности по решению жизненно важных задач. Понятие "Э.С.", таким образом, отражает не просто чрезвычайное, а именно исключительно опасное событие или совокупность опасных событий относительно и только во взаимосвязи с деятельностью людей, их существованием. Э.С. (стихийные бедствия, катастрофы, аварии, кризисы, конфликты), являющиеся порой неизбежными реалиями жизнедеятельности людей, в том числе их профессионально осуществляемой деятельности, несмотря на разнообразный характер, имеют ряд общих сущностных характеристик: 1) внезапность наступления, требующая специальной готовности к экстремальностям; 2) резкий выход за пределы нормы привычных действий и состояний; 3) насыщенность развивающейся ситуации противоречиями, требующими оперативного разрешения; 4) прогрессирующие изменения в состоянии обстановки, условий деятельности, элементов, связей и отношений Э.С., т.е. темпоральность изменений; 5) возрастание сложности протекающих процессов в связи с прогрессирующими изменениями и новизной ситуативных противоречий, состояний; 6) релевантность, переход ситуации в фазу нестабильности, выход к пределам, критичности; 7) порождение изменениями опасностей и угроз (срыва деятельности, гибели, разрушения систем); 8) насыщенность ситуации неопределенностью ряда изменений по причине их стохастичности, непредвиденности и новизны; 9) нарастание напряженности для субъектов экстремальной ситуации (в плане ее осмысления, принятия решений, реагирования) и др.

В рамках философской концепции риска разрабатываются структурно-функциональные модели Э.С., выявляющие как механизмы ее возникновения, так и способы реагирования на вызванную ею дестабилизацию жизнедеятельности (П. Лагадек, А. Томас, П. Словик, П. Сталлен, Б. Фишхофф и др.). В практике особых "профессий риска" понятие "Э.С." как специальный термин применяется в зависимости от акцентации экстремогенных факторов в достаточно широком диапазоне интерпретаций, таких как: "угрожающая ситуация", "опасная девиантность" или "опасный выход за пределы нормы", "критическая ситуация", "нештатная, чрезвычайная ситуация" и т.п. В последние годы понятие "Э.С." обретает статус одной из унифицированных, генерализующих категорий в катастрофологии, конфликтологии, теории безопасности, теориях менеджмента по оптимизации управления, оперативному управлению и др. См. также: **Цивилизация риска.**

Н.П. Баранов

"ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ" (Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. 100 с.) – коллективная монография, в которой рассматриваются ключевые проблемы организации и проведения электоральных социологических исследований в условиях поставторитарного транзита. Предложенный в книге материал является промежуточным итогом работы исследовательского коллектива Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета над теоретико-методологическими проблемами социологического изучения электорального поведения и одновременно обобщением многолетнего опыта практической деятельности в данной области. При изложении авторы (Д.Г. Ротман – см., А.А. Тарнавский, И.В. Левицкая, О.В. Иванюто, В.В. Правдивец, Н.П. Веремеева, И.Ф. Ухванова-Шмыгова, Н.Я. Голубкова, В.Н. Казаков) ориентировались на аудиторию, не обладающую специальной социологической подготовкой, что, фактически, позволило создать практическое руководство по социологическому сопровождению выборов, в котором в доступной форме отражены сущность и содержание основных этапов электорального исследования, рекомендованы конкретные методы его организации и проведения в различных условиях, предложены наиболее эффективные методические приемы построения инструментария и анализа информации.

Разработка проблемы методического обеспечения электоральных социологических исследований на постсоветском пространстве была впервые инициирована Д.Г. Ротманом (Ротман Д.Г. Электоральные исследования: сущность и технология // Социс. 1998. № 9) и далее продолжалась в Центре социологических и политических исследований Белгосуниверситета при участии А.А. Тарнавского, И.В. Левицкой и др. Результаты изучения вопросов методического обеспечения электоральных социологических исследований отражены в ряде публикаций: Ротман Д.Г., Дуб Е.Г., Тарнавский А.А. Некоторые аспекты прогнозирования электорального поведения // Социология. 1998. № 3; Ротман Д.Г., Дмитриев Е.И. Рейтинговые замеры: сущность и проблемы применения // Социология. 1998. № 2; Ротман Д.Г. Общественно-политическая и экономическая ситуация в стране: методические подходы к анализу результатов исследования // Социология. 1999. № 2; Политика, выборы и электоральное поведение (методология оперативного социологического исследования) / А.Н. Елсуков, Д.Г. Ротман, Д.К. Безнюк и др.; Под ред. А.Н. Елсукова, Д.Г.Ротмана. Мн.: БГУ, 2000; Ротман Д.Г., Тарнавский А.А. Использование аналитических моделей в электоральных исследованиях // Социология. 2001. № 2; Левицкая И.В., Ротман Д.Г., Тарнавский А.А. Электоральные социологические исследования: особенности организации и проведения // Выбраныя навуковыя працы Беларускага дзяржаўнага універсітэта. Т. 1. Педагогіка. Псіхалогія. Сацыялогія. Філасофія. Мн.: БДУ, 2001; Ротман Д.Г., Тарнавский А.А. Как сделать социологические исследования зеркалом общественного мнения? // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. Серыя 3. 2001. № 3. С. 77-84.

Большинство оригинальных идей и методических подходов, выдвинутых авторами в 1998-2001, и были объединены в монографии "Э.С.И.". Потребность в подобном издании назрела уже давно, поскольку после распада СССР политическая жизнь на постсоветском пространстве резко активизировалась: на территории СНГ выборы идут практически непрерывно, в то время как квалифицированных специалистов по социологическому обеспечению избирательных кампаний до сих пор хронически не хватает. Люди, на волне демократических перемен оказавшиеся вовлеченными в этот сегмент рынка социологических услуг, нередко приходят из сфер, имеющих с социологией мало общего, поэтому вынуждены заниматься самообразованием, что естественно повышает спрос на соответствующую литературу. Однако большинство изданий, посвященных проблематике организации и проведения социологических исследований, основное внимание уделяют теоретическим вопросам, в то время как интерес аудитории сосредоточен в первую очередь на проблемах сугубо практического характера. С этой точки зрения монография "Э.С.И." выгодно отличается своей практической направленностью. Логика изложения строго подчинена инструментальным принципам: вначале характеризуются электоральные исследования как отрасль прикладной социологии, выделяются его основные фазы, анализируется их содержание, далее авторы последовательно рассматривают принципы построения выборки и знакомят читателя с наиболее часто используемыми методами исследования – интервью (классическое, глубинное, фокусированное), анализ документов, наблюдение. Каждый раздел дает четкое представление о сущности метода, преимуществах и недостатках его использования, и, главное – предоставляются примеры реального инструментария, рассматриваются способы организации и анализа данных, кроме того, авторы не обошли вниманием этические проблемы проведения социологических исследований, которые особенно остро проявляются в период обеспечения избирательной кампании, что позволяет создать комплексное представление об электоральных социологических исследованиях и избежать многих ошибок в ходе их организации и проведения.

В.Л. Абушенко

ЭЛИТАРНАЯ КУЛЬТУРА – специфическая сфера культуротворчества, связанная с профессиональным произ-

водством культурных текстов, приобретающих впоследствии статус культурных канонов. Понятие "Э.К." возникает в западной культурологии для обозначения культурных пластов, диаметрально противоположных по своему содержанию "профанной" массовой культуре. В отличие от присущих любым типам культуры сообществ носителей сакрального или эзотерического знания Э.К. представляет собой сферу промышленного производства культурных образцов, существующую в постоянном взаимодействии с различными формами массовой, локальной и маргинальной культуры. В то же время для Э.К. характерна высокая степень закрытости, обусловленная как специфическими технологиями интеллектуального труда (формирующими узкое профессиональное сообщество), так и необходимостью овладения техниками потребления сложноорганизованных элитарных культурных продуктов, т.е. определенным уровнем образованности. Образцы Э.К. предполагают в процессе своего усвоения необходимость целенаправленного интеллектуального усилия по "расшифровке" авторского послания. Фактически Э.К. ставит адресата элитарного текста в положение соавтора, воссоздающего в своем сознании набор его значений. В отличие от продуктов массовой культуры элитарная культурная продукция рассчитана на неоднократное потребление и обладает принципиальной многозначностью содержания. Э.К. задает ведущие ориентиры актуального типа культуры, определяя как присущий "высокой" культуре набор "интеллектуальных игр", так и популярный набор "низких" жанров и их героев, воспроизводящих базисные архетипы коллективного бессознательного. Любая культурная инновация становится культурным событием лишь в результате своего концептуального оформления на уровне Э.К., включающей ее в актуальный культурный контекст и адаптирующей для массового сознания. Таким образом, "элитарный" статус конкретных форм культуротворчества определяется не столько их закрытостью (характерной и для маргинальной культуры) и сложной организацией культурного продукта (присущей и массовой продукции высокого класса), сколько способностью существенно воздействовать на жизнь социума, моделируя возможные пути его динамики и создавая адекватные общественным потребностям сценарии социального действия, мировоззренческие ориентиры, художественные стили и формы духовного опыта. Только в этом случае можно говорить о культурной элите как привилегированном меньшинстве, выражающем в своем творчестве "дух времени".

Вопреки романтической трактовке Э.К. как самодостаточной "игры в бисер" (Гессе) вдали от прагматизма и пошлости "профанной" культуры большинства, реальный статус Э.К. чаще всего связан с различными формами "игры с властью", сервильного и/или нонконформистского диалога с актуальной политической элитой, а также способностью работать с "низовым", "мусорным" культурным пространством. Только в этом случае Э.К. сохраняет способность влиять на реальное положение дел в обществе.

М.Р. Жбанков

ЭЛИТЫ теории (франц. elite – лучшее, отборное, избранное) – социально-философские, социологические и политологические концепции, утверждающие, что Э. – доминирующие (господствующие) общественные группы, вырабатывающие и осуществляющие государственную, культурную и социально-экономическую политику, – являются необходимыми и жизненно важными структурными элементами для функционирования социума любого типа. (Понятие "Э." употреблялось в Западной Европе для обозначения товаров высшего качества, а также лучших сортов в генетике и семеноводстве, начиная с 17 в. Согласно Оксфордскому словарю 1823, термин "Э." применялся в качестве определения в первом приближении социальных категорий высшей знати, "избранных" людей.) Идейными предтечами классических и современных Э.т. были Платон (идея правящего класса, состоящего из философов-профессионалов), Т. Карлейль (противопоставление "героев" и "толпы"), Ницше (ряд возможных интерпретаций идеала "сверхчеловека").

Придание Э. легитимного статуса в категориально-понятийных комплексах социальных и гуманитарных дисциплин, оформление Э.т. как целостных систем представлений традиционно связываются с творчеством В. Парето (**см.**), итальянского социолога Г. Моски (**см.**), немецкого политолога Р. Михельса (**см.**) и др. Исходя из представлений о социальной гетерогенности, предопределенной, с его точки зрения, изначальным психологическим неравенством индивидов, Парето утверждал, что в каждой области человеческой деятельности индивиду дается некий (реальный либо предполагаемый) индекс, являющийся оценкой его способностей. Совокупность людей, каждый из которых получил в своей области самую высокую оценку, Парето и предлагал назвать "Э.". По мнению Парето, Э. – избранная часть общества, остальная его часть лишь приспосабливается к полученным от нее стимулам. Согласно Парето, история человечества – это история постоянной смены Э.: одни возвышаются, другие приходят в упадок, происходит "классовая циркуляция, или круговорот Э." (или, по Парето, революции). Э. у Парето присущи "продуктивность, высокая степень деятельности", а также умение убеждать, манипулируя эмоциями людей вкупе с готовностью применять силу там и тогда, где и когда это неизбежно. Механизмом обновления правящей Э., по Парето, выступает социальная мобильность – чем больше "открыт" правящий класс, тем более он способен сохранить свое господство. По Г. Моска, во всех обществах и во все времена возникают два класса людей – класс, который правит, и класс, которым правят. Первый, всегда менее многочисленный, выполняет ведущие политические функции, монополизируя власть и наслаждаясь преимуществами, которые она дает, в то время как другой, более многочисленный, управляется и контролируется первым, причем традиционно таким образом, который обеспечивает легитимное функционирование политического организма. (Адекватная социальной реальности "политическая формула", по Моска, предполагает веру "некомпетентного большинства" в то, что оно подчиняется не столько реальной силе, сколько абстрактным принципам осуществления власти.) Э., согласно Моска, формируется как политический класс посредством таких социальных процедур, как наследственность, кооптация, выбор/выборы. Оптимальной моделью функционирования политической Э., по мнению

Моска, выступает некая "равнодействующая" между ее "закрытой кристаллизацией" и перманентным существенным обновлением. Михельс, анализируя исторические судьбы политических Э. Европы первой трети 20 в., сформулировал тезис о неизбежности исторического краха любой бюрократически организованной партийно-государственной Э. Согласно Михельсу, всякая демократическая структура атрибутивно содержит в себе потенциал олигархии ("железный закон олигархии"): "человек-масса", в отличие от представителей Э., не способен действительно участвовать в социальном управлении. Антидемократические тенденции в эволюции любой общественной системы очевидны и не поддаются системному анализу, ибо их первооснова – в самой человеческой природе и в сущности "организаций вообще" как таковых.

Дальнейшее развитие Э.т. в 20 ст. еще более акцентировало полемический аспект данной проблемы. Э. именовались люди, обладающие интеллектуальным или моральным превосходством над массой, наивысшим чувством ответственности (Ортега-и-Гассет – **см.**); люди, пользующиеся в обществе наибольшим престижем, статусом, богатством и, очевидно, принадлежащими власти (А. Этциони); люди, располагающие формальной властью в организациях и институтах, определяющих общественную жизнь (Т. Дай); "боговдохновленные личности" харизматического типа (Л. Фройнд); творческое меньшинство общества в противоположность нетворческому большинству (Тойнби – **см.**) и т.д.

В целом же в 20 в. для исследователей феномена Э. (за исключением Моски и его последователей, отождествляющих Э. с правящим классом) наиболее типично – акцентированное противопоставление дихотомии "Э. – масса" марксистской теории классов и классовой борьбы. Так, по мнению американских политологов К. Прюитта и А. Стоуна, "теории элит находятся в конфликте с марксовой теорией классовой борьбы. Если "Коммунистический манифест" провозглашает, что история до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов, то кредо элитистов заключается в том, что история до сих пор существующих обществ была историей борьбы элит. Не-элиты – пассивные наблюдатели этой борьбы". В конце 1930 – начале 1940-х эмигрировавшие из Германии в США Дж. Шумпетер и Мангейм реконструируют Э.т., стремясь совместить их постулаты с идеалами и пафосом атлантических демократических институтов и ценностей. В концепции Шумпетера различные Э. выносят на рынок свои политические программы, а массы "покупателей" на выборах принимают или отвергают их. По Мангейму же, отличительная черта демократии – не отсутствие Э., а конкуренция между относительно открытыми Э. за власть в контексте "демократического оптимума" отношений Э. и масс. Начиная с 1940-х авторы идей и приверженцы идеалов "демократического элитизма" (Г. Лассуэлл и его школа) становятся ведущими в США, разрабатывая теорию множества Э., выражающих интересы различных социальных групп, уравновешивающих друг друга и предотвращающих тоталитаризм. В 1970-1990-х в американской социальной и политической науке полемизируют сторонники элитного плюрализма и "неоэлитаристы" (Т. Дай, Х. Зиглер и др.). Последние считают, что небольшая по численности элита осуществляет в США власть де-факто, и эта власть "структурна", в принципе не являясь зависимой от исхода тех или иных выборов.

В СССР официальная идеология полностью отрицала существование Э. в государствах и социумах социалистического типа. В действительности дихотомия "Э. – масса" оказалась приложимой к общественному устройству "реального" социализма в неизмеримо большей степени, чем к моделям западных демократий: в СССР сформировался правящий слой, сосредоточивший в своем ведении неограниченную экономическую и политическую власть и пользовавшийся многочисленными институциональными привилегиями. Так называемая перестройка (**см.**) в СССР была задумана не столько в целях ликвидации власти партократической Э., сколько как ее реформирование и модернизация. Однако национальные и региональные Э. советского государства, призванные противопоставить апатии масс и разрушительному потенциалу неадекватных реформ собственные знания, опыт и конструктивную волю, предпочли этому пути на протяжении 1990-х поиск парциальных, местных разрешений кризисных явлений. Результатом в подавляющем большинстве случаев явилась трансформация единой тоталитарной Э. Советского Союза в совокупность все более обособляющихся друг от друга посттоталитарных Э. в большинстве случаев криминального характера.

А.А. Грицанов

ЭЛЛЮЛЬ (Ellul) Жак (1912-1994) – французский философ и социолог, профессор университета в Бордо. Основные сочинения: "Введение в предмет церковных реформ" (1943); "История организаций" (тт. 1-2, 1955-1956); "Техника" (1962); "Пропаганда" (1965); "Политическая иллюзия" (1965); "Аутопсия революции" (1969); "Этика свободы" (тт. 1-2, 1974); "Апокалипсис" (1975); "Техническая система" (1977); "Марксистско-христианская идеология" (1979); "Изменения революции: неизбранный пролетариат" (1982); "Технологический блеф" (1988) и др.

Основные интересы Э. – в сфере философии техники и философии культуры. Трактует технику не только как совокупность машин и механизмов, но и как определенный тип рациональности, свойственный техногенной цивилизации. В условиях этой цивилизации техника, созданная как средство подчинения природной среды человеком, сама становится сплошной средой, делающей природу совершенно бесполезной, покорной, вторичной, малозначительной. В результате происходит фетишизация и демонизация техники, которая превращается в некий абсолют – Технику, Машину, порабощающих человека. В результате все компоненты человеческого бытия, включая мысли и чувственность, заполняются механическими процессами. Даже чистый свет искусства пробивается к нам сквозь толщу технических объектов, а его произведения, созданные художником, уподобляющимся роботу, по Э., становятся отражением технической реальности. Иногда искусство выступает как утешение, компенсация невыносимых сторон технической культуры, в других случаях оно слепо вторит той же технике, но всегда оно оказывается придатком к последней и во всех своих школах, во всех своих выражениях выполняет конформизирующую роль. Да-

же современная политика и власть, по Э., не в силах справиться с техникой и оказываются ею полностью детерминированными. Таким образом, техника превращается в фактор порабощения человека и в производстве, и в культуре, и в политике, и в быту. Отсюда, согласно Э., главная задача – не отвергая техники как таковой, осуществить радикальное отвержение идеологии техники. Это и будет, по Э., подлинная, реалистическая революция, которая, используя автоматизацию и информатизацию, позволит осуществить всестороннее развертывание способностей и диверсификацию знаний, создаст благоприятные возможности для расцвета национальных дарований, для новой культуры, открывающей просторы творчества. Эта единственная революция, заключающаяся в захвате не власти, а позитивных потенций техники и культуры, и полной их переориентации в целях освобождения человека от всех форм порабощения, в том числе и технического, должна привести к новому качеству жизни для всех без исключения и уравнения членов общества. Это будет подлинная мутация человека – мутация психологическая, идеологическая, нравственная, сопровождающаяся преобразованием всех целей жизни. И она должна произойти в каждом человеке. Все остальные революции, направленные против эксплуатации, неравенства, империализма, колониализма, по мнению Э., в современных условиях утратили реальное содержание и социальный смысл. В качестве члена Национального совета протестантской церкви Франции Э. провозглашает в качестве ведущей идеи мысль о достоинстве и ценности человеческой личности. На основе возрождения подлинной духовности, полагает он, можно широко распахнуть двери для инициативы каждого, предоставить личностям и социальным группам право и возможность самопроизвольно выбирать род своей деятельности и тем самым сделать личную свободу действительной и действенной, превратив ее в высшую ценность.

Е.М. Бабосов

ЭМОЦИИ – непосредственное психическое отражение отношений к явлениям окружающей действительности и собственным состояниям, представляющее целостное единство его вегетативных и когнитивных компонентов. Акцент на способе проявления Э. подчеркивает ее физиологическую природу; в Э. задействованы практически все нейрофизиологические и соматические системы организма. Когнитивный компонент Э. более изучен и зачастую идентифицируется с самим феноменом Э. С другой стороны, в Э. непосредственно проявляется истинная природа и внутренняя структура субъекта, что и отличает их от мыслительных процессов как процессов опосредованных пространственно-временными и символически-операторными компонентами.

В рамках становления социологической дисциплины проблематика Э. исключалась из ее предметности как психологическая (сравните статус аффективного действия у М. Вебера – **см.**). Однако трансформации дисциплинарной науки и "новое заколдовывание мира" определяют возрождение интереса к Э. в рамках социологического дискурса. Понимание Э. как конкретных переживаний, затрагивающих и уровень телесности, и уровень культуры, ведет к признанию их роли в детерминации деятельности социальных акторов. "Социология Э." (J.M. Barbalet) вносит свои коррективы в рассмотрение отдельных аспектов социальной структуры (**см.**) и социального действия (**см.**). Тем самым, понятие "Э." используется для анализа не только микросоциологических, но и макросоциологических проблем.

О.В. Шапошникова

ЭНГЕЛЬС (Engels) Фридрих (1820-1895) – немецкий философ, социолог, сооснователь (вместе с Марксом – **см.**) идеологии "научного социализма". В молодости находился под влиянием идей Г. Гегеля, Г. Гейне и немецкого социалиста М. Хесса. Основные сочинения: "Положение рабочего класса в Англии" (**см.**); "Манифест Коммунистической партии" (совместно с Марксом, 1848); "Революция в науке господина Евгения Дюринга" (или "Анти-Дюринг") (1878); "Происхождение семьи, частной собственности и государства" (1884); "Диалектика природы" (1872-1882, опубликована в 1925) и др.

Уже в начале 1840-х Э. пришел к выводу, что социальные конфликты индустриального общества неустранимы без ликвидации института частной собственности посредством классовой борьбы, кульминацией и результатом которой должно явиться коммунистическое общество. В сочинении "Положение рабочего класса в Англии" Э. акцентировал эти идеи и проанализировал колоссальный статистический материал, могущий представлять интерес для социолога и в конце 20 ст. Встреча с Марксом, состоявшаяся в Париже в 1844, положила начало творческому содружеству, продолжавшемуся вплоть до смерти Маркса. Самостоятельное творчество Э. было связано с полемическими ("Анти-Дюринг"), прогностическими (комментарии к войне Севера и Юга в Америке и к Франко-прусской войне 1870-1871) и историческими ("Происхождение семьи...") аппликациями метода и пафоса марксовой доктрины к событиям реальной истории (наличным и ожидаемым), а также к новейшим достижениям научного знания (например, Морган и его "Древнее общество").

Стремление Э. разработать новую и оригинальную философскую концепцию – "диалектический материализм" (**см.**) – и обозначить его место в историко-философском процессе ("Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии", 1886; "Диалектика природы") нельзя считать удавшейся хотя бы вследствие ее очевидной фрагментарности. В то же время эта идея трансформировалась в 20 ст. в основную интенцию официальных философских школ ряда тоталитарных государств коммунистического типа: поиск все новых и новых свидетельств наличия материальных коррелятов материалистической диалектике Маркса – Э. стал там безраздельно господствующим. Особый интерес у историков марксистской философии неизбежно вызывали так называемые "Письма об историческом материализме" Э. (совокупность нескольких посланий эпистолярного жанра, посвященных полемике с теми критиками Маркса, которые упрекали его в вульгарном "экономическом детерминизме"). Э. попытался смягчить остроту критических замечаний, уделив особое внимание акцентировке того, что экономическая основа общества лишь "в конечном счете" обусловливает явления ду-

ховной жизни. Одновременно Э., по сути, признал статистический, вероятностный характер общественных закономерностей (ортодоксы марксизма ленинско-сталинского призыва стремились явно либо неявно обосновать динамический характер подобных социальных связей). По Э., любое историческое событие являет собой результат ("равнодействующую") столкновения значительной совокупности разновекторных людских хотений и воль, а еще точнее то, согласно Э., "чего никто не хотел". Внешне нередко эффектные и эффективные полемики Э. с идейными противниками (Дюринг – см.), его искренняя вера в возможность легитимации марксовой социально-философской парадигмы (в полном ее объеме) в среде интеллектуалов Западной Европы могут быть объяснены тем, что лишь к окончанию 19 ст. социально-гуманитарная мысль континента сумела выработать адекватный концептуальный, идеологический и политический инструментарий для борьбы с одним из "мифов 19-20 столетия" – "научным социализмом" Маркса – Э. Усилиями Бернштейна (см.), Каутского (см.), Лебона (см.) и мн. др. был сформулирован симметричный социал-демократический ответ дискурсу учения Маркса и Э. Индустриальные общества развитого типа амортизировали высочайший деструктивный потенциал теории Маркса и концептуальных публицистических упражнений Э. Общества, исторически более близкие "азиатскому способу производства", оказались несравненно уязвимее для этих идей.

А.А. Грицанов

ЭРИКСОН (Erikson) Эрик (1902-1994) – американский психолог, социолог и психоаналитик. Основатель психоистории и автор психосоциальной теории жизненного цикла человека. Профессор Гарвардского университета (1960). Детство и юность провел в Германии. Увлекался живописью. В Вене работал преподавателем рисования в детской школе А. Фрейд. Под влиянием идей З. Фрейда (см.) и А. Фрейд стал одним из первых профессиональных детских психоаналитиков и видным представителем эгопсихологии. В 1933 получил диплом Венского психоаналитического общества. В 1933 эмигрировал в США. Работал в Психологическом институте Гарвардского университета, где выполнил работы по игровому анализу. В 1937 перешел в Йельский университет. Осуществил исследование жизни и психики индейцев племен сиу и юроков. В годы Второй мировой войны исследовал психологию подводников и выполнил ряд других работ по заданию Пентагона. Опубликовал аналитическую статью о роли образа Гитлера для немецкой молодежи. После войны занимался психологией и психотерапией детского и юношеского возраста. Преподавал в университетах.

В 1950 опубликовал психологический бестселлер "Детство и общество". Осуществил пересмотр некоторых установок классического психоанализа. Подчеркнул биосоциальную природу и адаптивный характер душевной деятельности и поведения человека, интегративным качеством которого считал психосексуальную идентичность. Создал учение об идентичности. Показал, что изменение социокультурных условий порождает необходимость утраты прежней и формирования новой идентичности человека. По мысли Э., чувство глубокого (базисного) доверия, конституирующееся на основании опыта первого года жизни ребенка, правомерно полагать психологическим фундаментом всей жизни человека. (Как отмечал Э., "я полагаю, что матери формируют чувство доверия у своих детей благодаря такому обращению, которое по своей сути состоит из чуткой заботы об индивидуальных потребностях ребенка и отчетливого ощущения того, что она сама – тот человек, которому можно доверять, в том понимании слова "доверие", которое существует в данной культуре применительно к данному стилю жизни. Благодаря этому у ребенка закладывается основа для чувства "все хорошо"; для появления чувства тождества; для становления тем, кем он станет согласно надеждам других".) Именно доверие – неотрефлексированное ощущение узнаваемости, стабильности, сходства переживаний, возникающее при непосредственном контакте матери и дитя, – формирует, по мысли Э., базисную установку, обусловливающую отношение индивида как к самому себе, так и к окружающему миру. Чувство подлинного доверия к самому себе наряду с ощущением расположенности к себе других людей являют собой, по мнению Э., предпосылку и основание "витальной" (действительно здоровой) личности. Согласно Э., "доверие включает в себя не только то, что некто научается надеяться, полагаться на тех, кто извне обеспечивает его жизнь, но и доверие к самому себе, веру в способность своих собственных органов справляться с побуждениями. Такой человек способен чувствовать себя настолько полным доверия, что обеспечивающие его жизнь окружающие не должны постоянно стоять при нем на часах". Такое психическое обретение или новообразование Э. именовал понятием "надежда". Сдвиг же во внутреннем балансе "доверие – недоверие" в сторону последнего (например, в ситуации госпитализма) результируется, по Э., в нарастании болезненного отчуждения и самоотчуждения человека – в острую депрессию у младенцев и паранойю у взрослых.

Э. разработал концепцию и периодизацию эпигенетического развития личности через восемь кризисных альтернативных фаз решения возрастных и ситуативных "задач развития". Исследовал сексуальную этиологию кризисов развития человека. Показал автотерапевтический характер поиска и обретения психосоциальной идентичности. Разработал концепции "диффузии идентичности" и "психического моратория". Создал новые психотерапевтические методы, отчасти направленные на преодоление синдрома массовой "патологии идентичности". Подчеркивал роль психических и личностных факторов в развитии общества. Исследовал взаимосвязь социальных потрясений (войн, революций и т.д.) и массовых неврозов. Развивал идеи об "исторической актуальности". В 1958 опубликовал книгу "Молодой Лютер", ставшую первым серьезным опытом применения психоисторического метода и датой рождения созданной им психоистории. В дальнейшем развивал психоисторические идеи в книге "Истина Ганди" (1969) и ряде др. работ. Исследовал современное "травматическое видение мира", проблемы социальной этики, этнологии, различных массовых движений и пр. Оказал влияние на развитие современных гуманитарных и социальных наук.

В.И. Овчаренко

"ЭРОС И ЦИВИЛИЗАЦИЯ" ("Eros and Civilization", 1955) – работа Маркузе (см.). Опираясь на концепцию

З. Фрейда (**см.**) (подзаголовок книги – "Философское исследование учения Фрейда"), Маркузе анализирует стратегию развития западной цивилизации и выявляет ее репрессивный характер. Имея фундаментом подавление инстинктов и питаясь отнятой у них энергией, культура делает индивида несчастным; на социальном уровне репрессия усилена многократно господствующей властью и становится тотальной. По мнению Маркузе, репрессивность как основополагающая черта западной культуры неизбежно ведет к краху цивилизации: атомная бомба, концентрационные лагеря, массовое истребление людей при высоком уровне развития индустриального общества – предвестники ставшей реальной угрозы самоуничтожения человечества. Единственный путь спасения для западного мира – переход к альтернативному типу культуры – "нерепрессивной цивилизации".

Претендуя на роль теоретического исследования, "Э.иЦ." не лишена драматической напряженности в диагностике болезненных проблем современности; в середине 1960-х "Э.иЦ." и "Одномерный человек" (**см.**) Маркузе явились теоретическим фундаментом идеологии "новых левых" в США. Как отмечает Маркузе, согласно Фрейду, история человека есть история его подавления; принуждению подвергается не только общественное, но и биологическое существование индивида. Свободное удовлетворение инстинктивных потребностей человека (сексуальных и деструктивных – Эрос и Танатос) несовместимо с цивилизованным состоянием человечества, так как инстинкты стремятся к целостному и немедленному удовлетворению, которое культура предоставить не способна. Цивилизация начинается с отказа от стремления к целостному удовольствию и базируется на подавлении и переориентации энергии инстинктов. Принцип удовольствия трансформировался в принцип реальности; сдерживание удовлетворения и тяжелый труд выступают платой за безопасное существование и отсроченное, но гарантированное удовольствие. Под воздействием принципа реальности в человеке развилась функция разума; принцип удовольствия вытеснен в бессознательное. Данный процесс явился травматическим событием и был воспроизведен на родовом (в первобытной орде – монополия отца на удовольствие и принуждение к отказу от него сыновей) и индивидуальном (воспитание ребенка как навязывание повиновения принципу реальности) уровнях. Однако победа принципа реальности не является окончательной: принцип удовольствия продолжает существовать внутри культуры и воздействует на реальность ("возвращение вытесненного" в цивилизации). Подавление инстинктов осуществляется в культуре путем сублимации и репрессивной организации сексуальности (Эрос), переориентации на внешний мир (труд) и внутренний мир человека (совесть) – Танатос. Итогом репрессии инстинктов являются подавленный индивид (сверх-Я как интроекция господства в психике; чувство вины за неповиновение) и репрессивная цивилизация (исторически – в первобытной орде бунт братьев против отца и отцеубийство; чувство вины, раскаяние в содеянном и восстановление господства; возвращение образа отца в религии).

По Маркузе, любая революция обречена на провал: после свержения господства и освобождения вскоре будет установлено новое господство. Основное подавление (базис культуры) усилено прибавочным – дополнительным принуждением со стороны социальной власти (господство). Рациональным основанием господства выступает факт нужды: мир беден для полного удовлетворения человеческих потребностей, необходим труд как комплекс мер по приобретению средств удовлетворения. Согласно Маркузе, господство направлено на возвышение привилегированного положения определенной социальной группы и с этой целью поддерживает неравномерное распределение нужды и подавление. В индустриальном обществе контроль над индивидом осуществляется продолжительностью и содержанием труда, организацией досуга (манипулирование сознанием через СМИ и индустрию развлечений), материальными благами, внушением чувства вины и т.п. Особую роль играет репрессивная организация сексуальности: Эрос ограничен подчинением функции произведения потомства (моногамный брак, табу на перверсии) и десексуализацией тела (приоритет генитальности, превращение тела в инструмент труда). В западной цивилизации репрессивны все сферы культуры, включая такую "сопротивляющуюся" область, как философия (разум в философской традиции агрессивен, завоевывает и упорядочивает мир, главенствует над чувственностью). По мнению Маркузе, данная стратегия культуры фатальна. Прогресс цивилизации оборачивается увеличением подавления и организацией господства (иерархизация общества, господство представлено как рациональное и универсальное, власть приобретает черты безличности, увеличение отчуждения). Репрессивная цивилизация в основном питается энергией, отнятой у Эроса (сублимация); ослабляя инстинкт жизни, она тем самым усиливает и высвобождает деструктивные силы. Культура, основанная на подавлении, склонна к разрушению и агрессии и движется к самоуничтожению.

В отличие от Фрейда Маркузе считает репрессию не сущностной чертой цивилизации, но характеристикой существующей, исторически преходящей формы принципа реальности (принципа производительности). На современном этапе развития общества сложились предпосылки для перехода к лучшему типу цивилизации: побеждена нужда, высокий уровень развития науки и техники отменяет необходимость изнурительного труда, господство устарело и стало иррациональным. Чтобы избежать гибели, западная цивилизация должна стать нерепрессивной – ликвидировать прибавочное подавление при удовлетворении человеческих потребностей. В "Э.иЦ." Маркузе намечает основные контуры будущей модели культуры. На смену Прометею – символу принципа производительности – придут культурные герои "нерепрессивного принципа реальности" – Орфей и Нарцисс; они гармонизируют отношения человека и природы, олицетворяют собой удовлетворение, игру, созерцание, радость, творчество и т.д.; в них примирены Эрос и Танатос, преодолена противоположность между субъектом и объектом. Фантазия и искусство ("островки" принципа удовольствия в рамках репрессивной цивилизации, хранящие в себе память о счастливом доисторическом прошлом) выражают "Великий Отказ" – протест против угнетения и несвободы. По Маркузе, в нерепрессивной цивилизации будут примирены принцип реальности и

принцип удовольствия; ее основа – нерепрессивная сублимация; в условиях преодоления нужды и уничтожения господства сексуальность превратится в Эрос, труд станет свободной игрой человеческих способностей (либидозный труд); появится новая мораль и установятся нерепрессивные общественные отношения. Эрос будет многократно усилен и ослабит разрушительные силы. Средства перехода к новой культуре – освобождение Эроса (новая чувственность и сексуальная мораль как победа над агрессией и виновностью) и полное отчуждение труда (автоматизированный труд освободит время для самореализации личности). Движущую силу грядущей революции, которая способна осуществить Великий Отказ, Маркузе видит в людях, стоящих "вне системы" – маргиналах, протестующей молодежи, неангажированных интеллектуалах ("Политическое предисловие 1966 года").

А.В. Розум

ЭСПИНАС Альфред (1844-1922) – французский социолог, предшественник праксеологии (см.) и этологии (см.). Социальная концепция Э. содержит идеи о том, что рождение социологии было подготовлено изучением связей между животными, а общество – это комплексное живое существо, подверженное в своих изменениях естественным законам.

ЭТКИНД Александр Маркович (р. 1955) – российский психолог. Кандидат психологических наук (1985). Доктор философии (1998). Вице-президент Фонда возрождения русского психоанализа (с 1993). После окончания психологического факультета Ленинградского государственного университета (1976) работал в Психоневрологическом институте им. В.М. Бехтерева. С 1988 – научный сотрудник Института истории естествознания и техники Академии наук СССР (Москва). В 1991 состоял сотрудником Дома наук о человеке (Париж). В 1990-1993 – старший научный сотрудник филиала Института социологии Российской академии наук в Санкт-Петербурге. В 1993-1995 – старший научный сотрудник Восточно-Европейского института психоанализа. Преподавал в ряде американских и германских университетов. С 1999 – профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. Лауреат диплома первой степени № 1 и Почетного приза "Русский Фрейд" Фонда возрождения русского психоанализа "за личные заслуги в возрождении и развитии русской психоаналитической школы" (1996).

Э. – автор книг "Эрос невозможного. История психоанализа в России" (1993); "Содом и Психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века" (1995); "Хлыст: Секты, литература и революция" (1998); "Психология посттоталитаризма в России" (1992, совместно с Л.Я. Гозманом) и ряда статей по психологии, истории психоанализа, политической социологии и др.

В.И. Овчаренко

ЭТНИЧЕСКИЙ СТЕРЕОТИП – устойчивый, эмоционально насыщенный, обобщенный образ этнической группы. Среди Э.С. выделяют этнические авто- и гетеростереотипы. В первом случае объектом Э.С. являются наиболее "типичные" представители своей этнической группы. Во втором – представители иноэтнической (чужой, внешней) группы. Автостереотипы обычно более позитивны, дифференцированны и комплексны в сравнении с гетеростереотипами (Г.У. Солдатова). Соотношение сравнимых, эмпирически измеряемых показателей в авто- и гетеростреотипах используется для психологической диагностики различных аспектов этнического взаимопонимания, а также для оценки сохранности и целостности этнической группы, как субъекта межэтнического взаимодействия. Э.С. отражает как эмоционально-оценочное отношение к представителям этнической группы, так и знания о ней. Содержание Э.С. аккумулирует пристрастные представления об этносе, особенностях внешнего облика его представителей, чертах их характера, поведения, сильных и слабых сторонах, возможностях и специфике взаимодействия с ними и мн. др.

В основе Э.С. лежат опосредованные этнические представления, полученные из разнообразных вторичных источников, включая исторически накопленный опыт предыдущих межэтнических контактов. Являясь разновидностью социального стереотипа, Э.С. обладает общими с ним свойствами: согласованностью (единством представлений, разделяемых преобладающим числом членов стереотипизирующей группы), обобщенностью, схематичностью, упрощенностью содержания, чрезвычайной эмоциональной насыщенностью, поляризацией знака оценки, устойчивостью к новой информации. Однако устойчивость Э.С. не является абсолютной. Э.С. способны с течением времени постепенно трансформироваться, преломляя в своем содержании существенные перемены в облике объекта стереотипизации. Э.С. также могут изменяться в зависимости от изменения характера межэтнических отношений или с увеличением межэтнических контактов. Приписывание общих, сходных характеристик представителям целой группы без достаточного осознания различий между ними является отличительной чертой стереотипизации, одного из распространенных и универсальных механизмов межгруппового восприятия. В стереотипизации реализуется одна из основных психологических функций Э.С. – когнитивная. Она сводится к схематизированному, упрощенному, упорядоченному, "заданному" восприятию. Вторая – ценностно-защитная функция – состоит в сохранении и защите ценностей, позиций и прав индивида (У. Липпман, Г. Тэшфел). Среди социально-психологических функций выделяют функцию межгрупповой дифференциации и функцию поддержания позитивной групповой идентичности. Среди социальных функций – функции объяснения и оправдания существующих межгрупповых отношений (Тэшфел), а также функция сохранения существующих отношений (Т.Г. Стефаненко). Перечисленные функции Э.С. тесно взаимосвязаны с внутри- и внешнеэтнической активностью и реализуются в контексте существующих межэтнических отношений. В ситуациях нарастающей национальной напряженности, Э.С., наряду с этническими предрассудками, усиливают проявления предубежденности к членам чужой этногруппы, усугубляют межэтническое отчуждение, интенсифицируют развитие процессов внутриэтнического обособления и межэтнической поляризации. При соответствующих социально-политических условиях активизируется эффективное влияние Э.С. на кон-

солидацию этнической группы, психологическое единение ее членов. Являясь одними из эффективных психологических регуляторов межэтнических отношений, Э.С. отражают содержание и динамику этих отношений, выступая чутким индикатором их состояния, диагностируя возникновение напряженности во взаимоотношениях, либо указывая на их стабильность и благополучность.

Л.И. Науменко

ЭТНОМЕТОДОЛОГИЯ (ethno – народ, metod – методы, logy – исследование; буквально – "учение о том, как поступают народы") – радикальное теоретико-методологическое направление в американской социологии, принципиально переинтерпретировавшее на основе феноменологических установок и процедур культурной и социальной антропологии предмет и задачи социологии как научной дисциплины. Среди других источников Э. можно назвать лингвистическую философию Л. Витгенштейна и "диалектический гиперэмпиризм" Г. Гурвича (см.). С одной стороны, Э. конституировалась на основе последовательного критического отвержения классического социологического наследия в силу его натуралистической установки. Основные объекты критики Э. – функционализм в лице Дюркгейма (прежде всего его классический тезис об отношении к социальным фактам как к вещам) и Парсонса, а также – позитивизм и марксизм. Натурализму противопоставлялась феноменологическая альтернатива (перераставшая у ряда этнометодологов в герменевтическую), которая затем (в свою очередь) радикализировалась. С другой стороны, конституирующую роль для Э. выполнила не менее последовательная критика традиционной методологии, понимаемой как совокупность методов обнаружения неизменных свойств мира "фактов", а также ее гипостазировано рационалистических (приписывание "разумных" мотивов поведению индивида) и априорных (непроблематичное принятие "очевидностей") исходных допущений. Традиционной социологической методологии противопоставлялись подходы и способы работы "полевой" антропологии, предполагавшие непосредственное "включение" в жизнь исследуемых сообществ, которые затем в Э. универсализировались до общесоциальных методов исследовательской работы. Неудивительно, что в 1970-е (пору наибольшего "взлета" Э.) она встретила резкое неприятие со стороны университетской социологии (дело доходило до запретов на преподавание Э.).

Возникновение Э. как самостоятельного направления связывают с выходом сборника статей Г. Гарфинкеля (р. 1917) "Исследования по этнометодологии" (1967). Другим крупнейшим представителем этого направления является А. Сикурел (р. 1928), концепцию которого ряд авторов рассматривает как самостоятельный проект когнитивной социологии, а также Г. Сакс, А. Блюм, П. Мак-Хью, Б. Лутар, М. Поллнер и др. Принципиально уходя от вопросов субстанциональной природы общества и не приемля как доминантную проблему условий возникновения социального порядка, Э., вслед за феноменологической социологией, актуализирует в качестве темы первостепенного внимания социологии – мир повседневности, однако делает акцент на проблеме выявления методов того, как люди создают и поддерживают друг у друга предположения о том, что социальный мир действительно носит реальный характер и является миром упорядоченным.

Реализация этой целевой дисциплинарной установки потребовала выдвижения Э. семи альтернативных классическим методологических предположений (Дж. Тэрнер) относительно природы социального мира. Исходное допущение – стремление людей во всех ситуациях взаимодействия достичь видимого согласия относительно "релевантных черт обстановки взаимодействия" (1). Это согласие может базироваться на установках, верованиях, знаниях о природе ситуации взаимодействия (2). Оно предполагает различные практики межличностного взаимодействия и соответствующие им методы конструирования, поддержания и изменения кажущегося согласия, которые могут быть как эксплицитны, так и (большей частью) имплицитны (3). Эти практики и методы обеспечиваются восприятием (постоянно создающимся и разрушающимся) того, что ситуации взаимодействия имеют упорядоченную структуру (4). Видимость согласия есть не только результат соглашения ("конвенции"), но и выражение согласия каждого из участников с "правилами и процедурами" создания и разрушения этого согласия, т.е. видимое согласие предполагает "молчаливое" подразумевание ряда допускаемых всеми условий – правил взаимодействия-общения (5). Каждая ситуация уникальна в своем роде и предполагает собственное определение в согласии, которое не может быть некритически перенесено из какой-либо иной ситуации (6). Каждый раз создавая, вновь утверждая или изменяя правила для определения ситуации, втянутые в нее люди предлагают друг другу кажущийся упорядоченным и связанным мир "вне их", побуждающий их к определенным восприятиям и действиям (7). Таким образом, обнаруживается, что любая ситуация взаимодействия проблемна, что все "очевидности" являются результатом постоянных усилий людей по их поддержанию, т.е. по созданию общего смысла, что каждый раз реально люди имеют дело с переходящими друг в друга ситуациями, по поводу которых люди и могут "договориться".

Социокультурная реальность понимается в Э. как поток неповторимых (уникальных) ситуаций, схватываемых и конституируемых (определяемых) в человеческих практиках, прежде всего мыслительных и коммуникативных, редуцируемых в Э. в большинстве случаев к речевому повседневному общению. Отсюда делается кардинальный для судеб социологии вывод Э. – социальный порядок является не субстанционально "положенным" и не "предзаданным" социокультурными механизмами (ценностями, нормами, институтами и т.д.), а каждый раз конституируемым благодаря способности индивидов постоянно создавать и разрушать совокупность представлений в каждой отдельной ситуации взаимодействия и находить "методологическое" согласие в процедурах понимания, рефлексии и интерпретации в речевом (в пределе) общении по поводу легитимизации этого "социального порядка". Отсюда проистекает предельная радикализация феноменологической ориентации в социологии. С точки зрения Э., речь должна идти не о различении конструктов первого и второго порядков (вычлененных из мира повседневности и созданных на их основе), а о принципиальном единстве мето-

дов "профанов" и "спецов", задающимся общим пониманием пути, который необходимо пройти, чтобы, достигнув согласия, утвердиться в существовании "во вне" реальности. Разница лишь в том, что "спец" (социолог) призван выполнить при этом особую миссию – эксплицировать имплицитно встроенные в интерпретационные взаимодействия людей общие правила-методы-схемы. Таким образом, непосредственный предмет социологии в Э. задается как исследование процедур интерпретаций и нерефлексированных механизмов, делающих возможным понимание в коммуникации, а следовательно и саму эту коммуникацию. Это предельно радикальным образом снимает субъект-объектную проблему (как некритическое основание натуралистической социологии), делает недопустимым разрыв между предметом и языком-объектом, с одной стороны, средствами описания и методами анализа, метаязыком – с другой (полная ревизия традиционной методологии), налагает принципиальный запрет на дистанцирование исследователя в "независимого наблюдателя", в силу принципиальной его включенности в контексты повседневного общения – разговора (окончательная ревизия методического оснащения социологического исследования). Коммуникация, согласно Э., всегда содержит сверхвербальную информацию, т.к. она поддерживается неявным фоновым знанием, "по умолчанию" предполагает подразумеваемые смыслы, объединяющие участников взаимодействия. Задача социолога во многом и выполнима только за счет занятия рефлексивной позиции, позволяющей эксплицировать имплицитное, выявлять во взаимодействии когнитивные структуры, "переводить" "индексные суждения" в "объективные". Индексные суждения контекстуально и инструментально характеризуют уникальность "предметов", объективные – описывают (эксплицируют) их общие свойства, "снимая" с них ситуативные характеристики (по аналогии с процедурами типизации в феноменологической социологии). При этом акцент в объективных суждениях делается не на их значениях, а на мере универсальности в их применении. По сути, вопрос ставится о том, как в ходе коммуникации мы способны представить значения своих индексных суждений в терминах объективных признаков, приписываемых реальности "вне нас", ведь социальный порядок поддерживается нашей способностью убедить друг друга в его существовании, нашим общим "видением". Несомненным приоритетом обладает, следовательно, "практический разум". Социологам ("теоретикам") самим приходится решать эту же практическую задачу на "своем уровне" – как найти способы описания событий, приемлемые для сообщества ученых, работающих независимо друг от друга (через рефлексию общих элементов описаний). В конкретных этнометодологических исследованиях было, в частности, показано, что содержание решения (судьи, например) существует ранее, чем решение принимается. То же относится к ставимому диагнозу (например, психиатром). Точно так же текст приобретает осмысленность только тогда, когда уже известен "правильный" подход к нему. В дальнейшем разворачиваются лишь процедуры ретроспективного и контекстуального определения этого решения, диагноза, прочтения, выявление оснований, делающих их "правильными". Рефлексия предполагает "знание" исходной точки начала движения (от непроявленного смысла) и предполагаемого конечного продукта (эксплицированного смысла или порядка отношений различных значений). Объективные суждения суть лишь инструмент и метод преодоления уникальности конкретных ситуаций, приписывания им наших значений и смыслов, т.е. унификации и типизации ситуаций и объективизации своих описаний в качестве квазикатегорий. Таким образом, научное знание есть "инобытие" тематизированного и прояснённого повседневного опыта (здравого смысла), объективация и онтологизация индексных суждений, выявление имманентной радикальности обыденной жизни. ("...поддержание впечатления социального порядка есть никогда не прекращающаяся деятельность".) А. Сикурел усилил этот тезис, переинтерпретировав саму деятельность в "активность толкования значений", когда сама попытка стимулировать (например, социологическая практика) или избежать толкования уже сама по себе есть "толковательная" операция на основе "само собой разумеющихся" правил (но не "само собой разумеющихся" субстанционализированных "очевидных" знаний – выпад в сторону феноменологической социологии). Социальность тогда (как продукт взаимодействия) есть следствие, выводимое из отношения между "поверхностными" (нормы повседневной жизни как "данность") и "интерпретационными" ("глубинными") правилами как внутренней структуры первых, так и основанием возможности любых значений, определяющим закономерности возникновения и функционирования последних: "интерпретационные правила нельзя усвоить в воспитании и обучении". Наоборот, они делают возможными и воспитание, и обучение. При своей контекстуальности значения не переоткрываются каждый раз заново, а лишь получают новое звучание в конкретике ситуаций, т.е. фактически – они инструменты, используемые разными способами в конкретике "случаев". Задача речевых практик состоит в "переводе" многомерных (объемных) восприятий в одномерность (как основы взаимопонимания) речи. Тогда любые конституирующие социальную реальность взаимодействия есть трансляции – переводы восприятий в словесные описания. Описания событий никогда же не будут совпадать с самими событиями, обрекая людей на необходимость перманентного создания "впечатления социального порядка". Таким образом, Э. окончательно выявила возможности иного способа "социологизирования", постулированного в понимающей социологии и разработанного в феноменологической социологии и социологии знания, как альтернативы классической социологии.

В.Л. Абушенко

ЭТНОС (греч. ethnos – группа, племя, народ) – межпоколенная группа людей, объединенная длительным совместным проживанием на определенной территории, общими языком, культурой и самосознанием. Понятие "Э." как категории, обобщающей признаки этнических общностей на всех этапах истории человечества, разрабатывалось преимущественно в российской, советской и постсоветской этнографии.

Основы теории Э. были заложены в 1920-х С.М. Широкогоровым. Он рассматривал Э. как основную форму существования локальных групп человечества, а основными призна-

ками его считал "единство происхождения, обычаев, языка и уклада жизни". В 1960-1980-е концепция Широкогорова была развита советскими этнографами. Наиболее последовательной ее марксистской интерпретацией стала теория Ю.В. Бромлея. Он предлагал различать этникосы (Э. в узком значении слова) как совокупности людей, объединенных общим языком, культурой и самосознанием, и этносоциальные организмы, ЭСО (Э. в широком значении слова) как Э., сопряженные с территориально-политическими общностями. Последние, по Бромлею, представляют собой самостоятельные макроединицы общественного развития. В зависимости от принадлежности к определенной общественно-экономической формации этносоциальные организмы выступают в форме племени, народности (рабовладельческой или феодальной), нации (буржуазной или социалистической). Значительное место в теории Бромлея занимала детализированная классификация этнических процессов – изменений Э., проинтерпретированная применительно к различным эпохам прогресса человечества. В работах представителей другого теоретического направления А.С. Арутюнова и Н.Н. Чебоксарова Э. был рассмотрен в контексте теории коммуникации. Э. представлялись как ареалы повышенной плотности информации. Особое внимание было обращено на межпоколенную трансляцию информации, обеспечивающую преемственность и стабильность этнической системы во времени. Стадиальные типы этнических общностей – племена, народности и нации рассматривались как три разных типа информационной плотности. Концепция Арутюнова и Чебоксарова стала наиболее продуктивным в инструментальном и прикладном отношении вариантом теории Э.

Последовательно немарксистский подход к феномену Э. отличает работы Л. Гумилева. В них Э. представлены как элементы этносферы – особой биосоциальной реальности, развивающейся по своим уникальным законам. Э., по Гумилеву, может пребывать в "персистентном" (цикличном) и "динамичном" состоянии. Переход в последнее обусловлен своего рода мутациями – пассионарными толчками. По Гумилеву, Э. проходит ряд стадий развития и, подобно живому организму, умирает. Благодаря откровенному нонконформизму концепция Гумилева приобрела необычайную популярность, особенно за пределами профессиональной аудитории. При всех различиях концепции Э. имеют ряд общих недостатков. Опора на понятия, объем которых сам по себе является предметом дискуссии (язык, культура, территория), делает построение теории и самого определения Э. крайне затруднительным. Понятие "Э." отражает в полной степени лишь свойства этнических общностей индустриальной эпохи – наций. По отношению к до-национальным стадиям развития, с характерными для них культурно-лингвистической вариативностью и внеэтническими формами самосознания, понятие "Э." оказалось непродуктивным (например, категория "народность"). В зарубежной социально-культурной антропологии понятие "Э." употребляется сравнительно редко, а построение его теории не считается актуальным. Более употребительным является понятие "этничность", отражающее принадлежность к определенной нации или этнической группе.

П.В. Терешкович

ЭТНОЦЕНТРИЗМ (греч. ethnos – народ, племя, лат. centrum – центр круга, средоточие) – механизм межэтнического восприятия, заключающийся в склонности оценивать явления окружающего мира сквозь призму традиций и норм своей этнической группы, рассматриваемой в качестве всеобщего эталона.

Термин "Э." был впервые предложен в 1906 У. Самнером (**см.**) в работе "Народные обычаи" ("Folkways"). Анализируя особенности внутри- и межгрупповых отношений в первобытных обществах, Самнер отмечал, что Э., проявляясь в чувстве превосходства над другими народами и в завышенной оценке собственной группы, неизбежно порождает более негативное отношение к чужим группам, что приводит к отчуждению, неприязни и враждебности в межгрупповых отношениях. Фрейд рассматривал Э. как персориентированное выражение индивидуального нарциссизма. Принимающий групповые масштабы, нарциссизм интерпретируется как психологический механизм, который обеспечивает самосохранение этноса путем переноса его агрессии на внешние группы. С точки зрения Самнера, Э. является универсальным, единственно возможным механизмом межэтнического взаимодействия: отношениям внутри группы изначально придается дух сотрудничества, солидарности и консолидации, а неизбежным атрибутом отношений с представителями чужих внешних групп выступают проявления враждебности, неприятия, презрения, подозрительности и конкуренции. Однако многочисленные факты, выявленные в результате социологических и этнопсихологических исследований, явились убедительным опровержением универсальности положений теории Э. по Самнеру. Эмпирические данные показывают, что отношения между представителями разных этнических групп могут носить характер взаимной толерантности и уважения при сохраняющейся тенденции более благоприятствовать собственной группе. В связи с этим значение понятия "Э." значительно изменилось. Э. все реже используется для обозначения предубежденности и негативизма в отношениях к иноэтническим группам и, в отличие от терминов "этноэгоизм", "этнофобизм", рассматривается прежде всего как тенденция предпочтения своей этногруппы и ее представителей в сравнении с другими группами. Рядом авторов применяется термин "гибкий или благожелательный Э.", предполагающий при сохранении более позитивного отношения к своей группе и терпимости к межгрупповым различиям также проявление стремления понять и без предубежденности оценивать чужую культуру. Проявление Э. может приобретать разную степень выраженности, причины которой связывают как с особенностями самих этнических групп, так и с характером межэтнических отношений, с социальными условиями межэтнического взаимодействия, а также с результативностью последнего (его успешностью или неуспешностью). В условиях этнополитического конфликта воинственный Э. может проявляться от ненависти чужих этногрупп, навязывания им своих ценностей до крайних форм делегитимизации, предполагающей исключение враждебной группы из рода человеческого и оправдывающей любые средства насилия над ней вплоть до уничтожения. Возникновению Э., с точки зрения разных авторов, способствуют такие факторы, как: ограниченность

жизненных ресурсов, вызывающих неизбежную борьбу за выживание у взаимодействующих этногрупп, ожидание внешней угрозы со стороны иноэтнических групп (Д.Т. Кэмпбелл); стремление к сохранению или приобретению группой более высокого статуса в системе межэтнических отношений (Г. Триандис, В. Вассилиу); защита от мигрантов коренным этносом своей исконной территории (И. Амир, С. Бочнер). Являясь одним из механизмов сплочения этноса, Э. зачастую целенаправленно стимулируется и эксплуатируется идеологическими и политическими структурами в целях быстрой и эффективной этнополитической мобилизации и консолидации.

Л.И. Науменко

ЭТЦИОНИ (Etzioni) Амитаи (р. 1929) – американский социолог, основатель и признанный лидер направления, получившего название "коммунитаризм" (см.). Э. родился в Германии (Кёльн), получил образование в Израиле. Именно тогда Э. был вдохновлен философскими идеями М. Бубера, которые пронес через всю свою жизнь и положил в основу своей социальной теории, концептуальные координаты которой находятся на пересечении социологи, этики и социальной философии. Покинув Израиль и переехав в США, Э. уже в 1958 защищает диссертацию по социологии в Калифорнийском Университете (Беркли). С 1958 по 1978 Э. работает на факультете социологии Колумбийского Университета, пройдя путь от инструктора до профессора и декана факультета. В это время Э. опубликует более десятка книг, среди которых следует отметить его первые работы по социологии организаций "Сравнительный анализ сложных организаций" (1961) и "Современные организации" (1964); социологический анализ проблем войны и мира в книгах – "Тяжкий путь к миру: новая стратегия" (1962), "Победа без войны" (1964); исследования процессов социальной динамики – "Исследования по социальному изменению" (1966), "Генетическое местоположение" (1973), "Социальные проблемы" (1976) и др. Пристальное внимание к актуальной социополитической проблематике сохранится и в последующих работах Э. Именно оригинальная *социология политики* позволила Э. стать одним из самых влиятельных политических экспертов в США (в начале 1980-х он уже входил в число 30 ведущих специалистов, внесших наибольший вклад в процесс принятия политических решений). Неслучайно Э. несколько лет проработал старшим советником в Белом Доме. В 1980-1990-х Э. активно выступает в национальных деловых и общественно-политических изданиях "The New York Times", "The Washington Post", "USA Today" and "The Wall Street Journal" (Э. опубликовал более четырехсот статей в научных изданиях и прессе). Конец 1980-х ознаменовался для элитного ученого продолжением карьеры в Школе Бизнеса Гарвардского Университета. Э. некоторое время возглавлял Американскую Социологическую Ассоциацию (1994-1995). С 1980 по настоящее время Э. является исторически первым и ныне одним из четырех "university professors" Университета Джорджа Вашингтона (Вашингтон).

В теоретической социологии 1980-1990-х имя Э. неразрывно связано с социоэкономическим подходом и коммунитаризмом, которые детально рассматриваются в целом ряде широко известных книг Э.: "Ответственное общество" (1991); "Моральные измерения: к новой экономике" (1988); "Дух общности: Права, ответственность и повестка дня коммунитаризма" (1993); "Новое золотое правило: сообщества и мораль в демократическом обществе "(1996); "Пределы приватности" (1999); "Монохромное общество" (2001); "Будущее: Дорога к хорошему обществу" (2001) и др. Коммунитарная сеть (Communitarian Network, базируется в Вашингтоне), лидером которой является Э., издает влиятельный журнал "The Responsive Community", ставший локомотивом коммунитаризма.

Эволюцию идей Э. можно наглядно проследить на уровне терминологии. В конце 1960-х он говорит об "активном обществе", подчеркивая значение социального самоопределения в выборе вектора социальной динамики и отдавая должное неотвратимым факторам перемен (технология). 1970-1980-е стали временем трудного анализа проблем и ценностной составляющей социальных изменений в таких терминах, как "моральное измерение", "коррупция", "новая экономика", "социоэкономика". В 1990-х Э. развивает эти идеи и формулирует ключевые понятия уже в ином языке. Он детально разрабатывает понятия "ответственное общество", "хорошее общество", "баланс прав и обязанностей", "дух сообщества", "монохромное общество", "новое золотое правило". Ключевым становится понятие "хорошее общество" ("good society"). Новый язык – язык коммунитаризма – находит применение не только в теории, но и в социальной и политической практике. В контексте теоретической эволюции идей Э. его поздние работы принципиально отличаются от более ранних очевидной нормативной установкой и отходом от ценностно нейтральной описательной социологии. Более того, пытаясь концептуально выделить свою трактовку ценностей, Э. использует понятие "добродетель" ("virtues"). В отличие от ценностей, "добродетели" заряжены только позитивным социальным содержанием, которое Э. вкладывает в понятие "хорошее общество". У нацистов были "ценности", но у них не было "добродетелей". По этой же линии различения проходит демаркация описательной и нормативной теории общества. При этом Э. обычно ссылается на то обстоятельство, что его теория есть развитие веберианства в том ключевом понимании наследия М. Вебера (см.), в котором центральное место отводится этическим основаниям общественной жизни (М. Вебер и его "Протестантская этика и дух капитализма").

Как социолог Э. начинал с исследований в рамках социологии организаций. В его первой большой книге "Сравнительный анализ сложных организаций" (1961) Э. также продолжает веберианскую традицию анализа бюрократий (см.) как социального явления, специфического для эпохи модерна (см.). Главный объект анализа – механизмы власти в организационных структурах. Власть рассматривается в позитивном залоге: а) как средство достижения поставленных целей и б) как мобилизация персонала для участия в организационном процессе. Именно поэтому анализ властных отношений играет ключевую роль в социологическом прочтении структуры и динамики организаций. Для Э. власть в организации (обычно власть элиты, менеджмента) предполагает вовлечение сотрудников более низкого уровня, которые так или иначе подчиняют свои предпочтения нуждам организации. Таким обра-

зом, формируется система послушания (compliance), и основная идея сравнительной теории организаций Э. заключается в том, что эффективность организационной структуры зависит от типа послушания.

Чтобы определить тип послушания, Э. предлагает классификацию власти и способов вовлечения подчиненных. Власть может быть принудительной (предполагает физическое насилие), заинтересовывающей (основана на материальных стимулах) и нормативной (основана на возможности лишения символических благ – престижа, оценки, любви). В свою очередь, вовлечение персонала, по Э., можно аналитически подразделить на отчужденное (доминирует негативная установка, типично для тюрем и лагерей), расчетливое (позитивная или негативная установки обычно слабые, преобладает личный корыстный интерес) и моральное (сильная позитивная установка, пример – церковь). Послушание конгруэнтно, если власть и вовлечение находятся в следующем соотношении: принудительная власть – отчужденное вовлечение (принудительное послушание); заинтересовывающая власть – расчетливое послушание (утилитарное послушание); нормативная власть – моральное вовлечение (нормативное послушание). Остальные сочетания власти и вовлечения являются вариациями неконгруэнтного послушания.

Основная гипотеза Э. определяет условия эффективности организаций: организации, имеющие конгруэнтный тип послушания более эффективны, чем организации с неконгруэнтными типом. Показательно, что, отдавая должное каждому конгруэнтному типу послушания, сам Э. имплицитно исходит из того, что нормативный тип наиболее человечески и социально адекватен, поскольку предполагает отношение к людям как к цели, как к субъектам, а не как "объективным" средствам достижения цели организации. Этот "нормативный" момент в теории организаций подкрепляется понятием о социальном нормативном послушании, которое относится к неформальным отношениям в первичных группах коллег по работе.

В дальнейшем Э. переходит от анализа организаций к более широкому контексту социального действия и социальных изменений ("социетальных трансформаций"). При этом все более усиливается акцент на том, что в теории организаций рассматривалось как нормативное послушание. В концепции "активного общества" ("active society") Э. уже ясно и отчетливо становится на позиции нормативной социальной теории: "активное общество" не может основываться на принуждении или утилитарных мотивах. Действие всегда на одной линии с моральными ценностями. Социальная активность означает действенное следование моральным идеалам, предполагает прислушивание к голосу морали ("moral voice"), его продолжение в моральном диалоге и утверждение как культурного блага. "Голос морали" может быть внутренним, индивидуальным (как голос совести), либо внешним, коммунальным – голосом других людей, с которыми вместе я принадлежу к данному сообществу. Таким образом, мораль несводима к индивидуальному выбору и политическому контролю – это существенно коммунитарный феномен.

Одновременно Э. все более усиливает критическую составляющую своей теории. Книга "Коррупция: Новая атака на американскую демократию" (1984) содержит последовательную социологическую критику мутации американской демократии в формальное безответственное голосование, плохо закамуфлированную покупку голосов группами интересов, финансирующих избирательные компании; распределение политического влияния между крупными корпоративными агентами и в конечном итоге олигархизацию демократических институтов. В книге "Моральные измерения: К новой экономике" представлена теоретическая критика неоклассической экономической парадигмы: моральный элемент общественной жизни не может быть просто проигнорирован или редуцирован до индивидуального интереса / потребности / удовольствия потребителя. Любое действие аффирмативно – оно содержит утверждение (affirmation) определенного морального требования и непременно приносит моральное (не)удовлетворение в результате. Будучи моральным, действие заряжает активность аффективно. Даже в потребительском выборе логические и эмпирические аспекты вторичны по отношению к моральному основанию выбора, которое всегда первично. Э. приходит к заключению, что рыночная самоорганизация и конкуренция не являются достаточным основанием социального порядка в целом. Более того, рыночные структуры могут быть достаточны эффективными только будучи помещенными в более широкую структуру ("капсулу") социетального порядка, в которой, в частности, государство играет важную регулирующую роль, наряду с моральными и социальными институтами. Именно эти идеи несколько позднее станут основой социоэкономической парадигмы, которая сегодня составляет все более серьезную конкуренцию неолиберализму. В частности, в поздних работах Э. ("Монохромное общество") обсуждаются аргументы в пользу постиндустриальной экономики, базирующейся на знании, как более адекватной модели для существенного экономического усиления фундамента социальной справедливости.

Социоэкономический подход исходит из видения исторической перспективы, в которой современность заканчивает свой цикл и в некотором смысле обращает историю в прошлое, вопрошая о ценностях и устоях традиционализма. Модерная либерализация проходит фазу своей исчерпанности и обращается к преимуществам традиционного культивирования порядка: порядок должен быть органично интегрирован в достигнутый уровень реализации прав и свобод эпохи модерна. Новое "золотое правило" должно гласить: относись к моральному порядку общества так же, как ты хотел бы, чтобы общество относилось к твоей автономии (одна из самых известных книг Э. так и называется "Новое золотое правило: сообщества и мораль в демократическом обществе"). Новый универсальный принцип ("золотое правило") есть принцип создания принципиально новой модели социальной организации, которую Э. определяет как "хорошее общество". Оно определяется фундаментальными отношениями "Я – Ты" (термин М. Бубера), с их обоюдностью и исключением волюнтаризма. Эти отношения кристаллизуются в моральных связях членов "хорошего общества" и передачей моральных ценностей от поколения к поколению. Именно такой механизм социальной связи фундирует "хорошее общество". Социальные структуры западных обществ исторически пришли

к осознанию перспективы "хорошего общества" в терминах порядка. Однако историческая ситуация других обществ (например, Китая) требует формулировки перспективы "хорошего общества" в терминах "прав и свобод", подразумевая, безусловно, баланс между исторически преобладающим порядком и расширением спектра свобод. Или, например, приводя данные всероссийских опросов (за 1996: 77% опрошенных предпочитают усиление порядка, 9% – расширение свобод), Э. показывает, что для исторической ситуации современной России порядок важнее свободы, превратившейся в анархическое бедствие.

Э. описывает "хорошее общество" как трехсекторную модель, в которой ключевую роль играет баланс между государством, рынком и сообществами ("третьим сектором"). Баланс предполагает широкий спектр партнерских отношений, в которых исключена редукция роли одного из агентов к обслуживанию роли другого. Государство и рынок выполняют задачи инструментального характера, тогда как сообщества отвечают за моральный порядок. Э. настаивает, что эта модель основана на принципах функциональной теории общества, с единственной оговоркой: универсальность социальных потребностей исторически предполагает различные институциональные "ответы" (в терминологии Малиновского – см.) для удовлетворения потребностей. С этих позиций концепт гражданского общества оказывается очень узким. От Токвиля (см.) до Р. Патнема гражданское общество (см.) предстает как фабрика добровольных ассоциаций, защищающая граждан, относящихся друг к другу только как граждане, от произвола государства. Это крайне упрощенное и редуктивное видение социальных отношений, упускающее из виду общество как таковое. Коммунитаристская идея сообщества строится на морали, на понимании сложных взаимодополняющих отношений государства, рынка и сообществ. Не исключено, по Э., что мы не достигнем осуществления моральной солидарности в ее полноте, но не менее важно то, что мы будем сознательно к ней идти.

В "хорошем обществе" следование индивидуальному интересу как абсолюту губительно для рынка, политики и общественной жизни. Э. говорит об особой важности открытого выражения моральных требований, включая их дискуссионность. Это шаг на пути понимания не только нашего правового, но и морального равенства. В "хорошем обществе" ответственность толкуется не в терминах закона, а в терминах оправдания ожиданий сообщества. Когда закон тотально покрывает поле ответственности – это гигантский социальный кризис. Поэтому должно быть ясное распределение ответственности и четкая институциональная дифференциация: то, что призвана обеспечивать семья, не должно делать правительство или образование. Национальные власти не должны решать задачи местных властей. Вмешательство правительства необходимо только там, где другие институты не справляются. Э. подчеркивает, что в "хорошем обществе" нужно творчески экспериментировать с вариантами партнерства секторов в образовании, здравоохранении, социальных сервисах. На практике баланс между правами и ответственностью, группами и индивидами, рынком и гражданским обществом может быть достигнут только в конкретном историческом контексте – в этом месте и в это время.

Рассматривая перспективы американского общества как "хорошего общества", Э. считает необходимым ответить на ряд ключевых вопросов: не стремясь полагаться на рынок и государство, что мы можем сделать как члены сообществ, семей, добровольных ассоциаций? Как мы можем определиться с ценностями, избежать морального анархизма и детерминизма одновременно? Как декриминализировать и очистить политику, создать надежные доверительные правила игры? Как нам осознавать наше разнообразие, его издержки и сохраниться как нация? Какую роль в хорошем обществе играет государство и насколько приемлемо его вмешательство/невмешательство? Как совместить экономический рост с социальным развитием и не впасть в редукцию социального к обслуживанию рынка? Следует ли американцам и далее наращивать зажиточность и благосостояние, или направить энергию на более важные цели?

С позиций коммунитаризма, социальное многообразие США является действительным источником моральных ресурсов в ситуации, когда общество де-нормализуется, индивидуализируется, растаскивается макроинтересами. Голос морали взывает к ответственности сообщества перед абсолютно всеми его членами и их человеческими потребностями. При этом ответственность должна соответствовать критериям недескриминации и всеобщности, которые имеют ясную формулировку, но одновременно достаточно обобщены, чтобы охватывать весь спектр легитимных потребностей и ценностей без присвоения приоритетов. Э. считает, что ценности всех американцев несомненно включают уважение достоинства каждого, убежденность в том, что толерантность – добродетельна, дискриминация – нет; что мирное разрешение конфликтов выше насилия; что говорить правду морально выше, чем лгать; что демократия морально выше авторитаризма и тоталитаризма; что каждый должен получать заработанные деньги; что самому сберегать для себя и для страны лучше, чем полагаться на сбережения других.

Э. остро критикует возбуждение политиков и теоретиков по поводу стремительного изменения расового состава населения США. Тот факт, что в Америке 21 в. различные этнические группы по общему количеству будут превосходить белое население, абсолютно не означает радикальное изменение политического и культурного ландшафта страны. Э. считает такую постановку вопроса расизмом. На обширном социологическом материале он доказывает, что и сегодня и белое большинство, и этнические группы считают себя нацией с общими ценностями вне зависимости от расы. Тип пигментации кожи не определяет американское общество. Его этническое разнообразие тяготеет к моральному единству нации, в котором Э. видит предпосылки движения к "хорошему обществу" в США.

На политическом уровне американцам необходимо восстановить публичную жизнь (согласно данным национальных опросов, 2/3 граждан США считают себя выключенными из публичной жизни). Проблема в том, что политики свели публичную активность к покупке внимания, доступа к власти влиятельных групп интересов, все более редуцируя равенство политических ролей к плутократической формуле "1 доллар = 1 голос". Поэтому в Америке сегодня нужно свести роль частных денег в политическом участии к минимуму настолько,

насколько это возможно (как вариант, было бы вполне оправдано получение кандидатами значительной финансовой поддержки государства). Без таких мер невозможно возрождение реальной публичной политической ответственности.

Другая острейшая проблема, согласно Э., – ограничение приватного (privacy) или необходимость регулирования вмешательства в частную жизнь ("Пределы приватности"). Эта сфера считается священной в западном мире. Но с точки зрения интересов сообществ, возводить приватное в абсолют чревато неприятными последствиями. Э. задает своим студентам и читателям вопросы, иллюстрирующие эту сторону проблемы: если вы собираетесь нанять сиделку престарелым родителям, хотели бы вы знать, имеют ли потенциальные кандидаты криминальное прошлое? Если в вашем квартале недавно поселился молодой человек, с которым стала дружить ваша дочь, не станет ли вас волновать его прошлое? Комментируя ответы, Э. приводит данные опросов: 12-14% социальных работников (в том числе, сиделки) имели проблемы с законом и, в частности, по поводу издевательства над престарелыми. Распространение подобных сведений о каждом из них – вмешательство в частную жизнь, но неинформированность увеличивает опасность для сообщества. Аналогичным образом, свобода слова не распространяется на ложную тревогу: "Пожар! Пожар!" в переполненном концертном зале. Э. предлагает некоторую формулу баланса между неприкосновенностью частной жизни и соблюдением общественных интересов: такие общие блага (common goods) как безопасность и здоровье общества должны быть приоритетными. Ее применение только усилит гарантии для частной сферы, поскольку действительная угроза частной жизни исходит не со стороны интересов общего блага, а со стороны частных же интересов корпораций и коррумпированной власти, использующих информацию приватного характера исключительно в целях максимизации прибыли. Как и другие проблемы баланса между правами и обязанностями, проблема ограничения частной жизни должна решаться в данной конкретной ситуации данного конкретного общества.

Исходя из этого, Э. предлагает ряд критериев, соответствие которым может служить основанием ограничения privacy ("приватности"). Для "хорошего общества" такими критериями являются: 1) достаточно полно документированный вред, нанесенный (реально, не гипотетически) общему благу; 2) данный вред сначала должен быть оценен с точки зрения возможностей не ограничения privacy; 3) если ограничения privacy необходимы, они должны быть осуществлены в минимально возможной степени; 4) приоритетными являются такие способы ограничения privacy, которые направлены на предотвращение нежелательных побочных последствий. В книге "Пределы приватности" Э. детально анализирует различные прецеденты из области экономики и политической практики с точки зрения перспектив решения актуальных проблем на основе предложенных критериев.

По масштабу теоретических разработок и уровню политического влияния Э., безусловно, принадлежит к числу крупнейших социальных теоретиков конца 20 – начала 21 в. наряду с З. Бауманом (см.), Ю.Хабермасом (см.), Э. Гидденсом (см.), П. Бурдье (см.).

Д.В. Галкин

ЭФФЕКТ МЕДИА – феномен, связанный с изменениями в поведении людей, которые напрямую зависят от информации, полученной из массмедиа. Разработаны различные теории понимания Э.М., влияния массмедиа на социум: социального обучения, культивации, селективного процесса и др., в рамках которых Э.М. понимается как копирование людьми образцов поведения и социальных норм, с которым они соприкоснулись в текстах массмедиа. С помощью Э.М. объясняют увеличение различных проявлений антисоциального поведения среди членов аудитории медиа. Между содержанием медиа и антисоциальным поведением пытаются найти причинно-следственные связи. Серия экспериментов "Куклы" социального психолога А. Бандуры (Bandura) являются одним из объяснений того, как имитация насилия в медиа становится причиной роста насилия в социуме и иллюстрацией того, как работает Э.М. Однако прямой зависимости здесь не найдено и редуцирование Э.М. к слепому копированию людьми поведения – некорректно. При этом существует реальная опасность того, что все факты насилия, равно как и дискриминации в социуме, будут объясняться присутствием подобного в массмедиа. В этом случае подход к Э.М. исходит от обратного: начиная от массмедиа и затем выстраивая связи к индивидам и социуму, игнорируя социально-культурные предпосылки и условия для существования массмедиа.

А.Д. Криволап

ЭФФЕКТ РЕАЛЬНОСТИ – феномен, возникающий, когда поглощенное референтом означаемое становится означающим понятия "реализм". Когда "реальность", будучи изгнанной из реалистического высказывания как денотативное означаемое, входит в него как означаемое конотативное. Достаточно признать, что некоторые элементы высказывания непосредственно отсылают к реальности, как они сразу начинают означать ее. К ним относятся "повествовательные излишества" "ненужные детали" и "конкретные детали", которые возникают при прямой смычке референта с означающим. Из знака исключается означаемое, а вместе с ним и возможность разработать форму означаемого. Э.Р. является основой скрытого правдоподобия, его сущность не в соблюдении "законов жанра" или даже в их видимости, а в стремлении нарушить трехчленную природу знака, сделать так, чтобы предмет встречался со своим выражением без посредников. Проблема Э.Р. детально рассмотрена в работе Р. Барта "Эффект реальности" (1968).

А.Д. Криволап

Ю

ЮНГ (Jung) Карл Густав (1875-1961) – швейцарский психоаналитик, психиатр, философ культуры. Основатель аналитической психологии. Доктор наук (1902, тема исследования – "О психологии и патологии так называемых оккультных феноменов"), профессор университетов в Цюрихе (1933-1941) и Базеле (1942). В 1911-1914 – Президент Международного психоаналитического общества. Основные сочинения: "О психологии и патологии так называемых оккультных феноменов" (1902); "О психологии. Dementia prae cox" (1907); "Трансцендентная функция" (1916); "Об энергетике души" (1928); "Проблемы души в наше время" (1931); "Действительность души" (1934); "Психология и религия" (1940); "О психологии бессознательного" (1943); "Психология и алхимия" (1944); "Психология и воспитание" (1946); "Символика духа" (1948); "Символы трансформации" (1952); "Ответ Иову" (1952); "О корнях сознания" (1954); "Современный миф" (1958); "Подход к бессознательному" (1961) и др.

На ранних стадиях философского творчества ("О психологии и патологии так называемых оккультных феноменов") Ю. ориентировался на концептуальный синтез учения Э. Гартмана о бессознательной воле с теорией П. Жане о диссоциации личности. Являясь в 1907-1912 одним из ближайших сотрудников З. Фрейда (**см.**), Ю. впоследствии осуществил кардинальный пересмотр ряда положений ортодоксального психоанализа, что и обусловило разрыв между Ю. и Фрейдом в 1913. Сохранив фрейдистскую ориентацию на признание психики в качестве энергетической системы, подпитываемой потенциалом соматических влечений, а также принимая версию о биполярности последних, обусловливающую наличие амбивалентных психических структур, Ю. постулировал модель психики как закрытой (а не открытой) сферы, фундированной реализацией принципа компенсации, количество энергии в которой – постоянно. Ю. отверг мысль Фрейда об инфантильной этиологии параметров характера и сопряженных неврозов, полагая психоанализ игровой комбинацией проекций, ориентированных в детство, а отнюдь не актуализацией прошлого опыта. "Классическую" символистику сновидений, трактуемых Фрейдом как преходящие и случайные образы основополагающей реальности, требующие рационального осмысления, Ю. заменил положением о том, что сновидения – непосредственное изоморфное продолжение области бессознательного, а не его "мимикрия".

В книге "Метаморфоза и символы либидо" (1912) отверг сексуальную интерпретацию либидо Фрейдом, провозгласив трактовку либидо как психической энергии (созвучно идее "жизненного порыва" А. Бергсона), выдвинул концепцию, согласно которой индивидуальное бессознательное Фрейда – всего лишь часть гораздо более обширного "коллективного бессознательного" (общей памяти всего человеческого рода, хранящейся в тайниках человеческой души), а также сформулировал идею архетипов – общечеловеческих первообразов – содержания коллективного бессознательного. Согласно версии Ю., "...у этих содержаний есть одна удивительная способность – их мифологический характер. Они как бы принадлежат строю души, свойственному не какой-то отдельной личности, а *человечеству вообще*. Впервые столкнувшись с подобными содержаниями, я задумался о том, не могут ли они быть унаследованными, и предположил, что их можно объяснить расовой наследственностью. Для того чтобы во всем этом разобраться, я отправился в Соединенные Штаты, где, изучая сны чистокровных негров, имел возможность убедиться в том, что эти образы не имеют никакого отношения к так называемой расовой или кровной наследственности, равно как и не являются продуктами личного опыта индивида. Они принадлежат человечеству в целом, поэтому имеют *коллективную* природу. Воспользовавшись выражением Святого Августина, я назвал эти коллективные проформы *архетипами* (**см.**). "Архетип" означает type (отпечаток), определенное образование архаического характера, содержащее, как по форме, так и по смыслу, мифологические мотивы. В чистом виде последние присутствуют в сказках, мифах, легендах, фольклоре". (На разных этапах творчества Ю. трактовал архетипы по-разному: то в рамках представлений оккультизма, гностицизма и сочинений "отцов церкви"; то в качестве некоего коррелята инстинктов; то как "результат спонтанного порождения образов инвариантными для всех времен и народов нейродинамическими структурами мозга"; то в русле гипотезы о роли рецессивных генов.)

По Ю., коллективное бессознательное идентично у всех людей и образует всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным. Этот слой психики непосредственно связан с инстинктами, то есть наследуемыми факторами. Динамика архетипов (например, образов героя, демона, матери-земли и т.п.), согласно Ю., лежит в основе мифов, символики художественного творчества, сновидений. Ю. допускал существование не только "коллективного", но также "группового" и даже "расового" бессознательного: эта идея пользовалась некоторой популярностью у идеологов

германского фашизма, хотя в 1940-х учение Ю. было в "третьем Рейхе" запрещено.

В качестве основной задачи психотерапии Ю. полагал овладение "искусством жизни", сводящимся к мистически-окрашенному восстановлению нарушенных связей между различными уровнями и системами психики (интеграция содержаний коллективного бессознательного, по Ю., – цель процесса становления личности). Бытие психического Ю. реконструировал как динамическое единство ряда разнокачественных систем: Я (Эго), Маска (Persona), Тень (Ombra, Schatten), образ души (Anima) – связка между Я и бессознательным, лично-бессознательное с его комплексами, коллективное бессознательное с его архетипами. Их делает цельными Самость (das Selbst), интеграция которой с Эго есть предельная цель совершенствования личности (индивидуации). "Социальной кожей" Я – Ю. полагал его "Маску", способную подчинить Я себе и принудить его к нарастающей деградации. (Ср. репрессивность das Man у Хайдеггера.) "Тень" у Ю. – темная компонента личности ("ветхий человек"): "Тень" в отличие от "Оно" у Фрейда не безлична, а являет собой мое персонифицированное зло – основу Я, – могущую и должную быть "раскрытой" и тем самым элиминированной. В нижнем архитектоническом пределе структуры психики Ю. помещает ипостась "зверочеловека" (Tiermensch) – область господства подлинно животных инстинктов.

Ю. разработал типологию характеров ("Психологические типы" – 1921), в основе которой располагается выделение доминирующей психической функции (мышление, ощущение, интуиция, чувство) и преобладающей направленности на внешний и внутренний мир (экстравертивный и интравертивный типы). Исследовал обширный круг разнообразных проблем: мифы, обряды, ритуалы, символику, сновидения, фольклор, религии, астрологию, алхимию, психические расстройства, культуру и др. Так, осуществив комментарий к тибетской "Книге мертвых", Ю. утверждал, что поскольку "восточная мудрость" не знала принципа причинности, постольку она не создала науку. Вместо этого ею был глубоко постигнут мгновенный медитативный индивидуальный опыт, который, по мысли Ю., должен быть положен в основу идеи "акаузальной синхронной связи", синтезирующей в едином мгновении внутренние и внешние события, и посредством которой могут быть объяснены механизмы предсказаний и действий оракулов, астрологов и парапсихологов. Биология и психология интерпретировались Ю. в духе "философии жизни" Ницше и Шопенгауэра, видевших и в культуре, и в разуме проявление таинственных жизненных сил.

Принадлежа к протестантской церкви, Ю. считал ее косвенным источником психологического кризиса западной цивилизации в 19-20 вв., завершившегося невиданным распространением атеизма. Остерегаясь этих тенденций, Ю. тем не менее полагал, что они являют собой новую эпоху в эволюции культуры Запада. По Ю., любой бог – только лишь символ Бога, обитающего внутри нас, в коллективном бессознательном, – следовательно, если мы перестаем верить в этот символ, мы сталкиваемся с Богом лицом к лицу. У людей появляется шанс постигнуть Бога как один из феноменов собственного внутреннего мира. Значительное внимание уделял разработке оригинальной концепции личности (вопросам ее становления, структуры и самореализации), которую частично изложил в работах "Отношения между Я и бессознательным" (1928), "Неоткрытое Я" (1957) и др. В качестве основного содержания психической жизни человека принимал стремление личности к полному воплощению своих возможностей и потенций. Наше "Я", по Ю., не является подлинным центром психики, его считает таковым лишь современный человек, сознание которого оторвано от бессознательного. Необходима "амплификация" – расширение сознания, постигающего свои глубинные основания. Эти психические процессы, ведущие также и к исчезновению невротических симптомов, Ю. обозначил понятием "индивидуация". Подчеркивая мощь и опасность архаического наследия человечества, таящегося в структурах коллективного бессознательного, Ю. отмечал, что психологически люди все еще пребывают на стадии детства. У них пока нет необходимого опыта развития и биопсихической фиксации феноменов культуры. Полагая, что основой культуры выступает прогресс символообразования, Ю. истолковывал развитие культуры и человека как болезненный процесс подавления инстинктивной природы людей.

Трагический разрыв между природой и культурой породил, по Ю., универсальный человеческий невроз, который значительно осложняется по мере прогресса культуры и деградации окружающей среды. Индустриальная революция, по мнению Ю., еще более отдалила человека от его бессознательного и природы. Это повлекло за собой усиление коллективных иррациональных сил, психическую инфляцию, обезличивание и атомизацию людей, появление массового человека с его труднопреодолимым стремлением к катастрофе. Вследствие этого, по Ю., нарастает опасность возникновения различных массовых психозов и господства тоталитаризма. Средствами для обуздания неискоренимой агрессивности людей и их неизбывного влечения к власти Ю. считал демократию как форму организации общественной жизни и гуманистическое изменение жизненных ориентаций индивидов. В качестве организованного психоаналитического движения юнгианство оформилось вскоре после Второй мировой войны: в 1948 в Цюрихе был образован Институт Ю., а в 1958 – Международное общество аналитической психологии. См. **Архетип**.

А.А. Грицанов

ЮНГЕР (Junger) Эрнст (1895-1998) – немецкий мыслитель и философ. Участник Первой (14 ранений, высшая прусская награда – "За заслуги" – в 1918) и Второй (офицер вермахта в Париже, заслуживший репутацию "культурного атташе" Германии) мировых войн. Изучал философию и зоологию в Лейпциге и Неаполе (1923-1926). Совместно с М. Элиаде издавал журнал "Antaios" (1959-1971). Лауреат премии имени Гёте (1982). Патриот Германии и оппонент национал-социализма. Культовая фигура многих западноевропейских интеллектуалов и политиков 20 в. – вне зависимости от их политических ориентаций (М. Хайдеггер, Г. Коль, А. Жид, маршал Ф. Фош, П. Пикассо, Ф. Миттеран, Ж.-М. Ле Пен, И. Бехер, А. Гитлер и др.). Основные сочинения: "Стальные грозы" (1920); "Тотальная мобилизация" (1930); "Рабочий. Власть и персонаж" (1932); "О боли" (1934); "На мраморных утесах" (1939); "Хвала звуку" или "Секреты речи" (1941); "Излучения" (1944); "Речь и телосложение" (1947); "За чертой" (1950); "Гордиев узел" (1953); "У временной стены" (1959); "Типаж, имя, действующее лицо" (1963); "Заметки к

"Рабочему" (1964) и др. В 1978-1983 в ФРГ были изданы сочинения Ю. в 18 томах. Испытал существенное влияние взглядов Ф. Ницше и О. Шпенглера.

Ю. – сторонник миропонимания "философии жизни". В русле этих интеллектуальных традиций Ю. сумел продемонстрировать высокую эффективность замены традиционалистских философских категорий мифологизированными образами действительности и в середине – второй половине 20 ст. (Ю. дополняет традиционный терминологический строй "философии жизни" такими понятиями, как "кровь", "огонь", "ужас", "боль" и т.п., являющими собой, по его мнению, продолжение категориального ряда, сопряженного с античным Эросом. Так, у Ю. – "боль принадлежит к числу тех ключей, которыми можно открыть не только самое сокровенное, но в то же время и мир". При чувстве боли мир актуализируется как нечто, несущее угрозу. Скука суть "разрешение боли во времени".)

Основные проблемы социально-философского творчества Ю. – "диагностика эпохи": связь человека и космоса, соотношение жизни и смерти, оппозиция мира и войны. Целостную совокупность исходных, первичных жизненных сил, воплощающих в себе нерасторжимую связь индивида с родом, Ю. трактовал как основу одушевленной телесности любого человеческого организма. Выступая как неотъемлемая часть природы, человек, согласно Ю., переживает изначальную глубину мироздания вне границ непосредственного опыта посредством таких эмоций, как: а) мира сновидений; б) ощущений страха и ужаса, минимизирующих дистанцию между личностью и предожиданием смерти; в) экстаза упоения жизнью на фундаменте крови и неизбежной гибели уходящих поколений. По мысли Ю., существуют позиции, дающие человеку возможность отграничивать себя от тех сфер, где боль и муки располагают неограниченной властью. Достижение этих позиций – дистанцирование от собственной телесности и трансформация своего тела в объект – осуществимо, согласно Ю., посредством техник аскезы и самодисциплины. Человек, по Ю., неизбывно зависит от тотемических, магических, технических и иных внешних, чуждых ему сил.

Современное индустриальное государство, по Ю., предельно технизировано: индивид лишен каких-либо осмысленных представлений о ценностях жизни – культ техники выступает и как "высокая" метафизика, и как повседневная этика, полностью подавляющие его самость. ("Кто сказал, – восклицает Ю., – что мировой дух ярче проявляет себя в осознанных, чем неосознанных действиях?") Мировые войны 20 ст., по мнению Ю., могут быть интерпретированы как один из факторов всеевропейского "гигантского индустриального процесса", как ипостась "воли к власти" (у Ю. – "воли к всевластию", "цели всех целей" – der Wille zur Allmacht), результирующейся в массовом жертвенном самоотречении людей. Пафос героики в данном случае отсутствует: человек реализует собственную предназначенность как придатка технических механизмов. (По версии Ю., "воля к власти" обретает значение в условиях "определенного жизненного состояния" – как конкретная "субстанциональная власть" и как "сфера права"; осуществима же "воля к власти" лишь в рамках ранжированного бытия, которому она и служит.) Тоталитарное государство в целях выживания, объективации своей абсолютной воли и сопряженной с ними геополитической экспансии вынуждено трансформировать идеи "общественного договора" и идеалы либерализма в глобальную модель перспективного "рабочего плана", в рамках которого стираются базисные социальные водоразделы социума и, в частности, каждый "рабочий" ("работник") необходимо выступает и как "солдат". По Ю., "рабочий" как "гештальт" (в трактовке Ю. суть подлинно действительное – принцип, определенным образом конституирующий жизнь) противопоставлен "буржуа", неспособному к организации и господству.

Ю. характеризовал эту новую общественную ипостась так: "Мы привыкли платить по счету и никогда не теряем времени даром... В любую минуту может прозвучать приказ, и жаль каждую минуту, каждую каплю, которая не выпита, и каждое мгновение, которое будет упущено... Мы хотим пить, позволяя себе разбивать о стену горшки и радоваться тому, что мы призваны стать орудием жестокой воли, принадлежа к тем малым цифрам, которыми оплачивают счета... Мы хотим сделать праздник из нашей гибели – праздник, в честь которого должен прозвучать опрокидывающий весь мир громовой, еще никогда не слыханный салют... Раскаленную ниву, ожидающую нас, не видел в своих мечтах ни один поэт. Тут – железный ад, пустыня с огненными пальмовыми островами, грохочущие валы из огня и стали, через которые перекатываются красные молнии; стая стальных птиц парит в облаках, закованные в броню машины фыркают, пробегая через поле. И все, что имеется в чувствах, от ужасной телесной боли до высокого торжества победы, – все сливается в шумном единстве в блестящий символ жизни. Песни, молитвы и ликование, проклятия и вино – чего еще нам желать?".

В динамике как мирного, так и военного времени (согласно Ю., это в конечном счете взаимозаменяемые понятия) данный "рабочий план" может быть обозначен как состояние "тотальной мобилизации". (С точки зрения Ю., "...в глубине, за теми сферами, в которых диалектика целей войны получает свое значение, немец встречает одну из самых могущественных сил: он встречает самого себя. Прошлая война была для него прежде всего средством осуществления самого себя. И отсюда должно быть начато новое вооружение, о котором мы заботимся, призывая немцев к мобилизации. Ничего кроме.") "Рабочий" у Ю. – это не столько обобщенный термин для обозначения представителя определенного общественного класса, сколько категориальная словоформа для фиксации "подлочвенной субстанции" немецкой расы в ее скрытых потенциях и открытых действиях – для маркировки универсального типа человека. Последний являет собой естественный продукт эволюции техники, выступая носителем новаторского сознания, присущего 20 ст. Техника у Ю. – способ, посредством которого "мобилизует" мир гештальт Рабочего. В системе техники ("органической конструкции" или включенности человека в мир машин) и выступает новый, принципиально альтернативный мир. Этот мир, с точки зрения Ю., "по определению" настолько радикален, что находится "по ту сторону" параметров "прогресса" или "упадка"; этот мир – планетарен: такие общественно-политические формы, как национализм или социализм (центрирующиеся на особенном нации или класса) несоразмерны ему.

По Ю., "наш век по праву носит название века рабочего... Работа – это ритм кулака, мысли и сердца, жизнь днем и ночью, наука, любовь, искусство, вера, культ, война; работа – это полет атома и сила, движущая звезды и солнечную систему". "Рабочий" был призван "порвать юридические путы

буржуазного общества", "сделать собственное бытие масштабом истолкования мира", и, наконец, выбросить на свалку истории мировоззренческие утопии "нечистого духа" (и материализм, и идеализм), ибо, согласно Ю., "твердость мира преодолевается только твердостью, а не мировоззренческими фокусами". Значимость обретения абстрактной свободы для таких людей, по Ю., в пределе своем уступает активному участию в репертуарах героического служения Отчизне и безукоризненному выполнению своих функциональных обязанностей как граждан. (По мысли Ю., удел поколений, переживших войну, не может иметь аналогов: "И если поколение, которое столкнулось с этим, смогло бы оплатить вину, почву для которой взрыхлили другие, то оно, может быть, собрало бы в свой единственный и ужасный час в раскаленном чистилище такую добычу, которая позднее принесет свои плоды и которая весит больше, чем все смерти и все страдания".)

В эпоху второй половины 20 в., маркированной знамением термоядерной катастрофы и насущной необходимостью переоценки многих ценностей, Ю. призывал обратить пристальное внимание на уроки того прошлого, когда "труд и наука повернулись на службу смерти, меч защищал несправедливость, судья принижал право до оружия пиратов, учителя... разрушали в детях образ Бога". Такие исторические времена Ю. оценивал как фазис нигилизма, когда "новые порядки уже значительно продвинулись вперед, а соответствующие этим порядкам ценности еще не видны" (ценность у Ю. противополагается боли). Но в условиях новых реалий Ю. усматривает спасительные для человека нравственно-волевые основания не в "гештальте Рабочего", а в учении Достоевского о целительном потенциале боли. Фундаментом этих личных обретений могут служить, по мысли Ю., искусство и философия – элементы области "неупорядоченного" или "пустоши" (нем. Wildnis) – принципиально ускользающие от тисков современной системы порядка. В разделе "Измеримое и время судьбы" (эссе "У временной стены") Ю. выдвигает версию о том, что астрологическое, вненаучное постижение мира может оказываться эффективнее его научного истолкования. В контексте задаваемой в этих рамках модели метаисторического деления времени Ю. формулирует схему "мировой истории" с присущей ей шкалой "туманных членений" и разграничивает от "истории Земли" с ее "сидерическими членениями". По мысли Ю., анализирующего посредством "космической экономии" место и роль НТР в судьбе человечества, принципиальное равновесие земной цивилизации непарушимо техническим прогрессом. Речь должна идти не об экологической катастрофичности, а – скорее – о переменах качественно иного масштаба. Ю. стремился (дневниковые записи времен Второй мировой войны) тематизировать "сверхвременные константы" "праистории", схватывающую жизнь в ее вневременном измерении: "Все эти пять лет, что земля, на которой живет человек, дрожит и разверзается под нашими ногами, в нас просыпается сознание того, что мы стали объектом игры таких энергий, которые в миллионы раз превосходят возможности нашей индивидуальной свободы. Для величайших реалистов становится все более очевидным, что нынешний кризис простирается далеко за пределы хозяйственных и политических факторов, которыми он будто бы был вызван и в рамках которых, как мы, возможно, себя убедили, он должен был оставаться".

Философско-историческая концепция Ю. четко увязывает характер суждений, выносимых о настоящем, с одной стороны, и наличные модели исторического понимания – с другой. Предлагаемая модель истории Земли способна позволить, с точки зрения Ю., заслонить традиционное историческое мировосприятие – "временной стеной" конца мировой истории. Результатом этого должно явиться осмысление индивидами их отношения к космической "первоосноне", откуда и черпаются постоянно обновляющиеся вселенские гештальты. Ю. был убежден в том, что каждый, кто в состоянии осознать и бороться за свою индивидуальную свободу, осознав ее ценность, способен выбрать для себя (пусть даже и в полном одиночестве и изоляции) так называемый "путь через лес" (эссе Ю. "Прогулка в лесу"). Человек, готовый в одиночку противостоять тоталитарному государству, – "человек, идущий через лес" – неизбежно, по Ю., обречен на обретение встречи с подлинным самим собой, восстанавливая свою изначальную духовно-телесную связь с родом, т.е. свое истинное наследие. Смерть – не угроза для человека, наконец обретшего себя. Согласно Ю., "с возрастом надо укреплять дружбу со смертью... давая ей прорасти в тебе деревом, дающим тень".

А.А. Грицанов

Я

Я – см. **ИНДИВИД, ЛИЧНОСТЬ, "ЭГО".**

ЯДОВ Владимир Александрович (р. 1929) – российский социолог.

По окончании философского факультета Ленинградского университета был исключен из партии и работал сначала учителем логики и психологии, затем фрезеровщиком на заводе. В 1954 был восстановлен в КПСС и принят в аспирантуру ЛГУ, после XX съезда КПСС перешел на комсомольскую работу и был избран первым секретарем Василеостровского райкома ВЛКСМ Ленинграда. Под влиянием идей Макинтайра, Узнадзе, Ананьева, Мясищева Я. были развиты предпосылки теории диспозиционной регуляции социального поведения личности, которая впоследствии сыграла значительную роль в формировании тематической программы российской социологии.

В конце 1950-х Я. организовал лабораторию социологических исследований при ЛГУ, которая впервые в СССР стала изучать трудовую мотивацию. В 1963-1964 прошел стажировку в Университете Манчестера и Лондонской школе экономики и политических наук, где изучал методику и технику социологических исследований. Под руководством Я. в Ленинграде сложился коллектив высококвалифицированных специалистов, осуществивший исследовательский проект "Человек и его работа". На протяжении 1960 – 1970-х возглавляемая Я. ленинградская социологическая школа провела фундаментальные исследования ценностных ориентаций, в результате которых была разработана и получила широкое признание диспозиционная теория регуляции социального поведения личности, сыгравшая важную роль в обособлении социологической теории от доктрины истмата.

Согласно концепции Я., высшие диспозиции личности, будучи продуктом общих социальных условий и отвечая наиболее общим потребностям личности – потребностям слияния с социумом, активно взаимодействуют с диспозициями личности нижележащих уровней. Последние же, особенно ситуативные установки, обладают относительной самостоятельностью, что обеспечивает адаптацию личности к меняющимся условиям деятельности при сохранении устойчивости высших диспозиций личности. Согласно диспозиционной теории саморегуляции социального поведения личности, иерархически организованная система диспозиций личности – продукт предшествующего опыта, в котором формируются привычные способы удовлетворения различных потребностей личности в привычных общественных условиях.

В конце 1960-х, когда был создан Институт конкретных социологических исследований, Я. возглавил его ленинградский отдел, затем социологический отдел Института социально-экономических проблем.

Принципиальное значение для институциализации социологической науки в СССР имела научно-педагогическая работа Я. В 1968 он опубликовал первое в СССР учебное пособие по методологии социологических исследований, которое неоднократно переиздавалось и в настоящее время является базовым учебником для вузов.

Я. опубликовано более 270 научных работ по социологии труда, социологии науки, теории и истории социологии, многие из которых были переведены на иностранные языки.
В 1988 Я. был избран директором Института социологии АН СССР. Занимая руководящие посты в Международной социологической ассоциации, Международном институте социологии, Европейской ассоциации экспериментальной социальной психологии, возглавляя Российское общество социологии, Институт социологии образования Российского центра гуманитарного образования, Я. внес выдающийся вклад в институциализацию социологической науки в России, ее признание за рубежом и воспроизводство научных кадров. Им подготовлено свыше 50 докторов и кандидатов наук.

Основные сочинения: "Методология и процедуры социологических исследований" (1968); "Социологическое исследование: Методология, программа, методы" (1972); "Отношение к труду: концептуальная модель и реальные тенденции" (1983); "Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности" (1995); "Структура социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности" (1998) и др.

"ЯЗЫК ТЕЛА" – совокупность телесных проявлений (особенностей внешнего облика, движений, мимики и жестов, внутренних ощущений людей), отражающая душевное состояние человека, его мотивы и особенности взаимоотношений с окружающим миром. Можно выделить по меньшей мере три различных аспекта "Я.Т.": 1) коммуникативный, 2) психодинамический, 3) культурно-исторический.

В своем *коммуникативном* аспекте "Я.Т." рассматривается как семиотическая система, участвующая в процессе соз-

дания, хранения и передачи информации, т.е. в наибольшей степени уподобляется языку в традиционном понимании этого слова. Широко распространено разделение коммуникации на лингвистический (вербальный), просодический (мелодический, ритмический, тембральный, временной, звуковысотный) и кинезический (мимический, жестовый) компоненты. Именно кинезический компонент и является основой "Я.Т." в рассматриваемом аспекте. Разделение коммуникации на отдельные составляющие в определенной степени условно, поскольку на практике они, как правило, тесно связаны друг с другом. Например, неверно считать кинезический компонент вспомогательным по отношению к просодическому и лингвистическому. Исследования показывают, что для достижения взаимопонимания необходим целостный анализ информации, поступающей по всем трем каналам. Посредством языка жестов можно не просто передавать определенные сведения, но и дезавуировать, отрицать параллельное вербальное сообщение. В психотерапевтической практике широко используется термин "конгруэнтность", под которым понимается соответствие, согласованность вербальных и невербальных компонентов коммуникации. Достижение конгруэнтности в общении признается важной целью терапевтического процесса. Психотерапевтов обучают распознавать неконгруэнтность и побуждать своих клиентов к более согласованной, а значит и к более эффективной коммуникации. В психотерапевтической практике широко распространено мнение о том, что невербальная коммуникация более валидна по сравнению с вербальной. Особое внимание уделяется осознанию клиентом своей позы и собственных жестов, которые могут отражать некие подавленные эмоции и желания. "Я.Т." в его коммуникативном аспекте – это кинесика, т.е. совокупность кинем – значимых жестовых, мимических и пантомимических движений. В свою очередь, минимальной единицей жестового языка является херема (греч. hejr – рука). Число херем сравнимо с числом фонем звукового языка. Херемы одного класса указывают на место исполнения жеста, другого – на конфигурацию руки, третьего – на характер движения. Кинезические единицы могут быть врожденными и социально обусловленными. Кинемы первого типа употребляются индивидом непроизвольно и сходны с аналогичными у высших приматов. Психолингвистические исследования показали, что кинезические элементы хранятся в памяти независимо от элементов звукового языка. Считается, что в филогенезе звуковые языки формировались на основе языка жестов, который уже имелся у приматов. В процессе коммуникации происходит не просто более или менее осознанная передача информации, но и определяется, уточняется сам характер общения. Большинство специалистов согласны с тем, что с помощью невербальных компонентов коммуникации могут передаваться такие ее особенности, как близость/дистанция и контроль/подчинение. Например, отношения близости и дистанции выражаются во взаимном расположении участников коммуникации, специфических жестах, контактах глазами, прикосновениях. Также через невербальные каналы передается информация об эмоциональном состоянии индивидов. Еще Аристотель в своей "Физиогномике" связывал мимику человека с определенными психическими характеристиками. Он полагал, что существуют высоко специфичные, общие для всех людей способы проявления радости, горя, страха, эротического возбуждения. Аристотель, а вслед за ним многие психологи и биологи (например, Дарвин) считали, что эмоциональная экспрессия носит универсальный характер, а также что эта универсальность способствовала выживанию человечества в процессе эволюции. Со времен античности накоплено достаточно много фактов, свидетельствующих как в пользу "гипотезы универсальности", так и против нее. Действительно, способы выражения так называемых "базовых" эмоций в различных культурах достаточно схожи. Тем не менее даже эти эмоции не распознаются людьми с абсолютной точностью. С одной стороны, человек способен улавливать такие тонкие изменения в мимике, как незначительное расширение зрачков (означающее возникновение эмоции интереса), а с другой – восприятие мимики, как и другие виды восприятия, сильно зависит от контекста, собственного состояния воспринимающего, его понимания данной эмоции. В настоящее время показано, что наиболее точно, основываясь на мимике, мы опознаем, скорее, не сами эмоции, а так называемые "эмоциональные кластеры"; т.е. совокупности сходных эмоциональных состояний, например, удовольствие или неудовольствие. Существует также определенная культурная специфика как в выражении, так и в восприятии эмоций, причем она связана не только с предписаниями относительно способов выражения эмоции, но и с укоренившимися в культуре представлениями о ее сути и причинах. В отличие от языка жестов язык мимики используется большинством людей непроизвольно и не вполне осознанно. Кроме того, мимические движения несут в себе гораздо меньше доступной осознанию информации, нежели жесты. Они являются не столько средством сообщения, сколько средством самовыражения. Некоторые психологи (У. Джеймс, Ф. Ланге) утверждают, что выразительные движения являются как бы "изнанкой", неотъемлемой и рефлекторной составляющей эмоции. Люди существенно различаются по своей способности адекватно воспринимать и правильно интерпретировать невербальные сообщения. Хотя все определения коммуникации в той или иной степени включают в себя такие ее характеристики, как осознанность и интенциональность (намеренность, произвольность), все же именно невербальные компоненты коммуникации в наименьшей степени соответствуют данным требованиям.

Психодинамический подход к "Я.Т." связывает его с динамикой бессознательных процессов. Следует отметить, что и сам термин "Я.Т." наиболее часто используется в этом теоретическом направлении. Здесь под "Я.Т." понимается совокупность физиологических реакций, выражающих в символической форме вытесненный конфликт (Фрейд). Для обозначения процесса и результата символической переработки в Бессознательном подавленных переживаний вводится термин "истерическая конверсия на орган". Фрейд считал, что конверсионный симптом представляет собой остаточное содержание подавленного аффективного переживания. Таким образом, "Я.Т." для многих психоаналитиков – это язык Бессознательного. Если буквально следовать концепции истерической конверсии, то приходится признать, что бессознательные процессы могут непосредственно влиять на ход физиологических процессов. Для Фрейда вытеснение в Бессознательное эквивалентно вытеснению на уровень физиологических процессов. "Я.Т." в психоанализе рассматривается как первичный по отношению к вербальной коммуникации, как протоязык. С помощью него может быть "рассказана" история ранней психической травмы, случившейся на довербальной стадии раз-

вития. Иногда переработка аффективных переживаний на языке симптомов является единственным доступным видом символической переработки. Фрейд полагал, что символы, существующие в языке, и телесные символы – явления одного и того же порядка. Большинство метафор в основе своей отражают некоторую телесную реальность, они возникли по аналогии с человеческим телом (М. Кляйн). Поэтому возможно переходить в процессе анализа с одного уровня на другой (с психологического – на телесный). Симптом может служить эквивалентом мысли и замещать ее. Под воздействием психологических травм некоторые индивиды регрессируют настолько сильно, что становятся неспособными использовать лингвистические символы для выражения аффектов. Подбирая соответствующие вербальные метафоры и работая с речью, психоаналитик способствует устранению соматических симптомов. Психоаналитическая работа с "Я.Т." позволяет каждому пациенту отыскать смысл даже для изначально недоступного пониманию страдания, что играет, несомненно, позитивную роль в процессе психотерапии. "Я.Т." в психоаналитическом понимании – это язык, используемый вынужденно, непроизвольно. Он далеко не всегда понятен окружающим и нуждается в истолковании со стороны психоаналитика. Можно сказать, что значения отдельных элементов "Я.Т." рождаются в терапевтическом процессе и не существуют вне его. Например, боли в мышцах и суставах рассматриваются как следствие подавленной моторной агрессии, высыпания на коже – как неосознанная попытка уплотнить, сделать более ощутимой границу между собой и миром, неумеренное потребление пищи – как стремление заполнить внутреннюю пустоту, "насытиться любовью". Психоаналитики в целом придерживаются мнения о том, что духовно зрелая личность должна быть способна выражать свои желания и чувства на вербальном уровне, не подавляя их. Осмысление симптомов клиентом в ходе терапии или спонтанно еще не означает того, что этот смысл был присущ симптомам изначально. Скорее, человек, как мыслящее существо, склонен находить смысл даже для органических по своей природе симптомов. Несмотря на продуктивность концепции истерической конверсии, с ней связан ряд неразрешенных и по настоящее время вопросов. В частности, это вопрос о разграничении типичных для заболевания и уникальных, присущих только данному пациенту телесных симптомов. Согласно теории Фрейда, симптомы должны отражать характер внутриличностного конфликта. Однако с таких позиций невозможно объяснить возникновение нозологически специфичных телесных симптомов, каковыми при истерии, например, являются расстройства произвольных движений и сенсорной сферы. Ф. Александер, разрабатывая в дальнейшем теорию психосоматической специфичности, вынужден был включить в нее в качестве этиологических факторов не только особенности конфликта, но и наследственную предрасположенность, стресс. Как в традиционном коммуникативном подходе, так и в психодинамическом подходе тело играет подчиненную по отношению к душе роль, выступая либо как ее пассивный инструмент, либо как "отдушина", "канал" для выражения подавленных психических импульсов. Кроме того, в этих направлениях игнорируется социальный характер "Я.Т.".

Культурно-исторический подход подразумевает рассмотрение телесности человека как его специфического способа существования (Рубинштейн). Телесность человека не тождественна биологическому организму и не сводится к выразительным движениям. Все ее проявления осмысливаются индивидом с позиций конкретной культуры. Разгадать "Я.Т.", научиться распознавать и обозначать вербально внутренние состояния – одна из важных задач в ходе онтогенеза. При этом "Я.Т." отражает не столько индивидуально-психологические, сколько социальные характеристики, в частности, общественный статус, гендерную специфику, отношения власти и подчинения, культурные представления о телесности. Он существует постольку, поскольку человек является мыслящим существом, изначально находящимся к миру в семиотическом отношении. На ранних этапах онтогенеза общение с матерью происходит в процессе и по поводу удовлетворения витальных потребностей. Мать "угадывает", "раскрывает" значение телесных проявлений (состояний) ребенка, реагирует соответствующим образом и тем самым задает поле телесных значений. В данном случае она выступает как "носитель" исторически и культурно-специфичных знаний о телесной жизни, техник тела, смыслов физиологических состояний. Кроме того, источниками информации могут служить и внешний вид окружающих ребенка людей, и их беседы, и продукты культуры: книги, кинофильмы, реклама и пр. Одновременно происходит общение между матерью и ребенком, таким образом, язык потребностей ребенка – это тот первый язык, посредством которого он вступает в контакт с окружающими. Впоследствии ребенок обучается более зрелым способам коммуникации, в частности, с помощью речи. В то же время первичный (довербальный) способ коммуникации может использоваться в том случае, если человек находится в кризисной для себя ситуации, не умеет добиваться своих целей другим способом. Таким образом, овладение собственным телом осуществляется через овладение исторически и культурно-специфичными способами социальной коммуникации. При этом происходит не только семиотическое наполнение телесных функций, но и их изменение на физиологическом уровне. Тело в таком подходе может рассматриваться как текст, написанный на двух языках – природы и культуры (П.Д. Тищенко). То есть в данном случае под "Я.Т." понимается социальная по своему происхождению и высоко культурно-специфичная система телесных знаков (ощущений, движений, потребностей), при посредстве которой осуществляется вхождение человека (как существа телесного) в общество.

Ю.Г. Фролова

ЯРОШЕВСКИЙ Михаил Григорьевич (1915-2002) – российский психолог, историк науки, методолог и философ. Доктор психологических наук (1961), профессор (1961). Академик Академии педагогических и социальных наук (1996), Действительный член Нью-Йоркской академии наук (1994), Почетный академик Российской академии образования. Окончил факультет русского языка и литературы Ленинградского педагогического института (1937). В 1938 был репрессирован в связи с делом Л.Н. Гумилева. До 1940 находился в заключении. (Реабилитирован в мае 1991.) В 1941-1943 работал учителем в школах Средней Азии и старшим преподавателем кафедры языка и литературы Ленинабадского педагогического института (Таджикская ССР). С 1943 был аспирантом кафедры психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1945

защитил кандидатскую диссертацию "Учение А.А. Потебни о языке и сознании". В 1945-1951 работал научным сотрудником сектора психологии Института философии АН СССР (Москва). В 1950 Я. было присвоено учёное звание старшего научного сотрудника по психологии. С 1951 работал старшим преподавателем кафедры педагогики и психологии Ленинабадского педагогического института. С 1955 заведовал кафедрой психологии Кулябского педагогического института. В 1960-1965 заведовал организованной им кафедрой психологии Душанбинского педагогического института и созданной им лабораторией экспериментальной психологии Таджикского государственного университета. В 1965-1968 работал старшим научным сотрудником Ленинградского филиала Института истории естествознания и техники АН СССР. В 1968-1989 заведовал сектором проблем научного творчества и в 1989-1997 работал главным научным сотрудником Института истории естествознания и техники АН СССР и РАН (Москва).

Опубликовал ряд принципиально важных работ по теории и истории психологии, психологии научной деятельности и социальной психологии науки. Разработал основания исторической психологии науки. Ввел в научный оборот понятия: "идеогенез", "оппонентный круг", "психогностическая проблема" и др. Впервые после полувекового перерыва инициировал и организовал публикации работ З. Фрейда (см.) в России в 1980-1990-х, сопроводил их вступительными статьями, комментариями и примечаниями. Соредактор словарей: "Краткий психологический словарь" (1985, 1998); "Психология. Словарь" (1990). Главный редактор и соавтор книг "Репрессированная наука" (1990, 1994, в 2 т.). Автор книг: "История психологии" (1966, 1976, 1985); "Психология в XX столетии" (1971, 1974); "Развитие и современное состояние зарубежной психологии" (1974, совм. с Л.И. Анцыферовой); "Сеченов и мировая психологическая мысль" (1981); "Выготский: в поисках новой психологии" (1993); "Историческая психология науки" (1995); "История психологии от античности до середины XX столетия" (1996); "Наука о поведении: русский путь" (1996); "История и теория психологии" (1996, в 2 т.; совм. с А.В. Петровским); "100 выдающихся психологов мира" (1996, совм. с Т.Д. Марцинковской); "Основы теоретической психологии" (1998, совм. с А.В. Петровским) и др.

В.И. Овчаренко

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

ОДНОФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ ДИСПЕРСИОННЫЙ

Источник дисперсии	Сумма квадратов	Степени свободы	Средний квадрат	F -отношение
Межгрупповая	$SS_{межгр} = \Sigma(\bar{y}_j - \bar{y})^2 n_j$	$df_{межгр} = k - 1$	$MSS_{межгр} = SS_{межгр} / df_{межгр}$	$F = MSS_{межгр} / MSS_{внгр}$
Внутригрупповая	$SS_{внгр} = \Sigma(y_{ij} - \bar{y}_j)^2$	$df_{внгр} = n - k$	$MSS_{внгр} = SS_{внгр} / df_{внгр}$	
Полная	$SS_{общ} = \Sigma(y_{ij} - \bar{y})^2$	$df_{общ} = n - 1$		

Таблица 2

ТРЕХКОМПОНЕНТНАЯ СТРУКТУРА АТТИТЮДА (РОЗЕНБЕРГ И ХОВЛАНД, 1960)

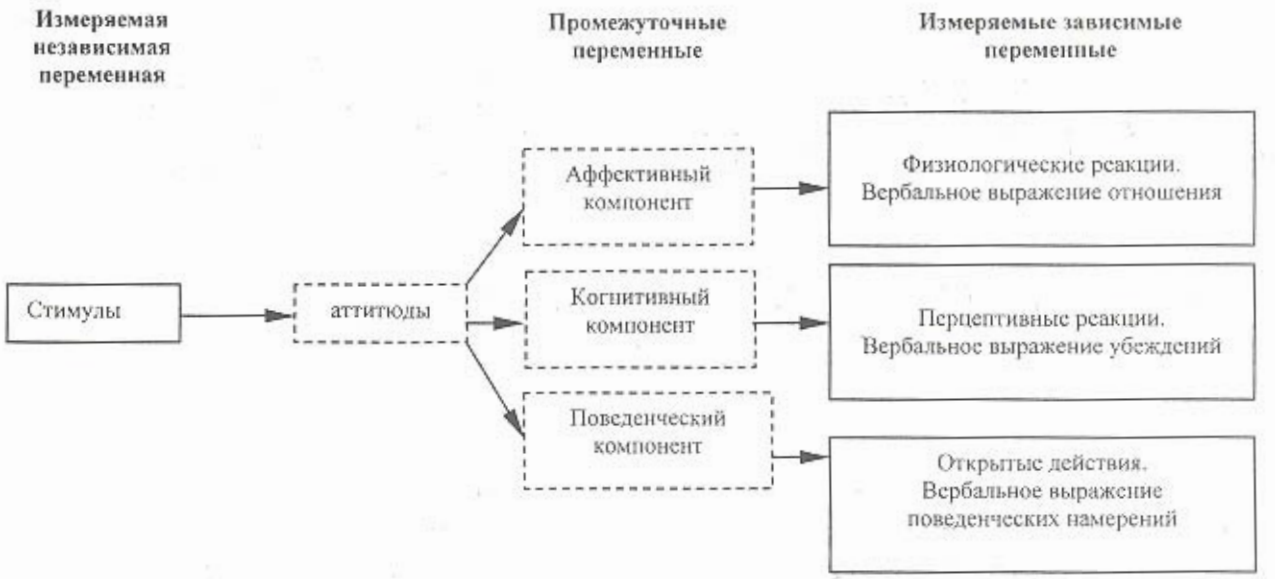


Таблица 3

ФРАГМЕНТ МАТРИЦЫ ДАННЫХ О СОТРУДНИКАХ ФИРМЫ[1]

Личный номер	Пол	Дата рождения	Образование	Категория	Зарплата	Начальная зарплата	Стаж в фирме	Предшествующий опыт
1	1	02/03/52	15	3	$57000	$27000	98	144
36	2	08/07/63	8	1	$31350	$11250	96	52
96	1	10/02/33	8	2	$30750	$15000	92	432
168	2	04/23/62	16	3	$46875	$17250	86	19
321	2	10/26/53	12	1	$22050	$12000	76	6

[1] Фрагмент матрицы данных из файла *Employee.SAV*, пакет прикладных программ SPSS for Windows 7.0.

Таблица 4

СХЕМЫ КВАЗИ-ЭКСПЕРИМЕНТОВ, ВОЗМОЖНЫЕ ОПАСНОСТИ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОЦЕДУРА	ОПАСНОСТИ ДЛЯ ВНУТРЕННЕЙ ВАЛИДНОСТИ	ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ВАЛИДНОСТИ
частные случаи	• история • взросление • предвзятый выбор	• анализ отклонений (неэквивалентный контроль) • аналитическая работа
лонгитюдные исследования	• параллельные изменения в испытуемых и окружении • медленно проявляющиеся эффекты	• неэквивалентная контрольная группа • исследования нескольких переменных
схемы с переменными, характеризующими испытуемых	• неравномерность групп • возврат к среднему	• распределение по условию
схемы с использованием возраста как переменной	смешение с • временем тестирования • поколением испытуемых	• включение нескольких независимых переменных и поиск взаимодействий • возрастно-периодический метод

Таблица 5

Возраст	0–9	10–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	70–79	80+	Σ
f_i	11,3%	16,2%	14%	15,4%	14,9%	9,6%	10,5%	6,3%	1,8%	100%
F_i	11,3%	27,5%	41,5%	56,9%	71,8%	81,4%	91,9%	98,2%	100%	

Таблица 6

Возраст	0–9	10–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	70–79	80+	Σ
f_i	11,3%	16,2%	14%	15,4%	14,9%	9,6%	10,5%	6,3%	1,8%	100%

Таблица 7

Возраст	0–9	10–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	70–79	80+	Σ
f_i	11,3%	16,2%	14%	15,4%	14,9%	9,6%	10,5%	6,3%	1,8%	100%
F_i	11,3%	27,5%	41,5%	56,9%	71,8%	81,4%	91,9%	98,2%	100%	

Таблица 8

Возраст	0–9	10–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	70–79	80+	Σ
Середина интервала $\overline{x}_i$	5	15	25	35	45	55	65	75	85	
Частота f_i	11,3%	16,2%	14%	15,4%	14,9%	9,6%	10,5%	6,3%	1,8%	100%

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 9

Значения переменной x	Значения переменной y						ВСЕГО
	1	2	…	j	…	c	
1	f_{11}	f_{12}	…	f_{1j}	…	f_{1c}	$f_{1.}$
2	f_{21}	f_{22}	…	f_{2j}	…	f_{2c}	$f_{2.}$
…	…	…	…	…	…	…	…
i	f_{i1}	f_{i2}	…	f_{ij}	…	f_{ic}	$f_{i.}$
…	…	…	…	…	…	…	…
r	f_{r1}	f_{r2}	…	f_{rj}	…	f_{rc}	$f_{r.}$
ВСЕГО	$f_{.1}$	$f_{.2}$	…	$f_{.j}$	…	$f_{.c}$	n

Таблица 10

СОВМЕСТНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРЕМЕННЫХ "ПОЛ РЕСПОНДЕНТА" И "УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ БРАКОМ" (АБСОЛЮТНЫЕ ЧАСТОТЫ)

Пол респондента	Удовлетворенность браком			
	Высокая	Средняя	Низкая	ВСЕГО
Мужской	40	30	10	80
Женский	20	40	20	80
ВСЕГО	60	70	30	160

Таблица 11

СОВМЕСТНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРЕМЕННЫХ "ПОЛ РЕСПОНДЕНТА" И "УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ БРАКОМ" (ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТОТЫ ПО СТРОКЕ, %)

Пол респондента	Удовлетворенность браком			
	Высокая	Средняя	Низкая	ВСЕГО
Мужской	50%	37,5%	12,5%	100%
Женский	25%	50%	25%	100%
ВСЕГО	37,5%	43,8%	18,7%	100%

АВТОРЫ СТАТЕЙ

АБУШЕНКО В.Л. Айя де ла Торре, Аксиология, Аксиоматический метод, Аксиометрия, Альберт, "Археология знания" (Фуко), Ассман, Бакунин, Бихевиоризм, Блау, Блумер, Бофф, Бюрократия, Воспитание, Гелен, Гипотеза, Гольдман, Гоулднер, Гофман, Грамши, Гурвич, Диахронность и Синхронность, Дисциплинарность, Дуссель, Зиммель, Знанецкий, Знание, Идентичность, Индивид, индивидуальность, Инновация, Инструментализм, Инхеньерос, Кареев, Касо, Кафедра социологии Белгосуниверситета, Кистяковский, Классификация, Ковалевский, Конструкт, Конструктивный тип, Концепт, Концептуализация, Концепция, Котарбиньский, Лаппо-Данилевский, Манхейм, Мариатеги, Мегрелидзе, Мертон, Метод, Мид Дж.Г., Миллс, Модернизм, Мысленный эксперимент, Наблюдение, Негритюд, Нкрума, Новгородцев, Норма, Образ жизни, Общение, Объяснение, "Оперативные социологические исследования: методика и опыт организации" (колл. монография), Операционализация, Операционализм, Операциональное определение понятий, Описание, Опредмечивание и Распредмечивание, Оценка, Паттерн, Петражицкий, Петров, Плеснер, Повседневность, Понимание, Понимающая социология, Поисс, Праксеология, Программа, Развитие, Рамос Маганья, Ротхакер, Самосознание, Символический интеракционизм, Социализация, Социальная дистанция, Социального обмена концепция, Социология, Социология знания, Социология культуры, Социология личности, Структурно-функциональный анализ, Тённис, Теории "среднего уровня", Теория, Типологизация, Традиция, Фанон, Феноменологическая социология, Философская антропология, Харизма, Хвостов, Хоманс, Хюбнер, Ценностные ориентации, Ценность, Чтение, Шелер, Эксперимент, Экстраполяция, "Электоральные социологические исследования" (колл. монография), Этнометодология.

АДАМЬЯНЦ Т.З. Интенциональный (мотивационно-целевой) анализ, Семиосоциопсихология, Экоантропоцентрическая социология.

АЛЕКСАНДРОВА А.Б. Бедности порог, Бедность абсолютная, Бедность догоняющая, Бедность относительная, Социология бедности.

АЛЕКСАНДРОВА С.Н. Адорно.

АЛЕКСАНДРОВИЧ Н.В. Дарендорф, Сорокин.

АНАНЬЕВ В.Л. "Законы и объяснения в социологии" (Аутвейт), Культурного отставания закон, Линтон.

АНДРЕЕВА И.Н. Каутский, Кропоткин, Общественные отношения, Социальная роль.

АНДРОС И.А. Субъект малого бизнеса в переходной экономике, Тюрго.

БАБАЙЦЕВ А.Ю. Зиновьев, Интеллектуальная экология, Искусственное и Естественное, Коммуникация, Конфигурирование, Система.

БАБОСОВ Е.М. Анализ документов, Арон, Безопасность, Белл, Государство, Индустриальное общество, Конкретное социологическое исследование, Мегамашина, Мэмфорд, Наблюдение социологическое, Поведение социальное, Политика, Программированное общество, "Самоубийство" (Дюркгейм), Социальная апатия, Социальная атомизация, Социальная структура, Социальное движение, Социальное управление, Социальный факт, Социология молодежи, Социология науки, Социология образования, Социология политики, Социология семьи, Социология управления, Технологический детерминизм, Технофобия, Тоффлер, Турен, Цивилизация риска, Эллюль.

БАКАНОВ А.А. Гэлбрейт, Мальтус, Хайек.

БАКАНОВА М.Г. Веблен, Гэлбрейт.

БАЛЦЕВИЧ В.А. Географическое направление в социологии, Гэллапа институт, Демоскопия, Естественно-научная школа в социологии, Липсет, Макайвер, Межличностные отношения, Михельс, Мэйо, Респондент, Социальная адаптация, Социальная диагностика, Социальная интеграция, Социальные ожидания, Социальный детерминизм, Социодрама, Толерантность.

БАЛЦЕВИЧ С.Я. Географическое направление в социологии, Социальная адаптация, Социальная интеграция, Толерантность.

БАРАНОВ Н.П. Война, Экстремальная ситуация.

БАРАНОВА Е.В. Программа социологического исследования.

БАРАНОВСКИЙ Н.А. Виктимология.

БАРАНЧИК Ю.В. Позитивизм, Формализация.

БАТУРЧИК М.В. Аудитория СМИ, Габитус, Социальное изменение.

БЕЗНЮК Д.К. Культ, Мода, Писаренко, "Протестантская этика и дух капитализма" (М. Вебер), Сакрализация, Секуляризация, Социология религии.

БЕЛОУС И.А. "Постмодернистское состояние: доклад о знании" (Лиотар).

БЕЛЯЕВ Г.В. Алгоритм.

БЕРКОВ В.Ф. Понятие, Проблема.

БЕССОНОВА О.Э. Новосибирская экономико-социологическая школа.

БОБКОВ И.М. Постколониальные исследования.

БОБРИКОВА А.В. Биоэтика.

БОБРОВИЧ В.И. Консерватизм, Шмитт.

БОЖАНОВ В.А. Партия политическая.

БОРОДАЧЕВА Е.М. Технология информационно-математического обеспечения эмпирических социологических исследований.

БРЫЛЕВ Д.П. "Неудовлетворенность культурой" (Фрейд).

БУЛЫНКО Д.М. Аутвейт, Бурдье, Бхаскар, Класс, Лотман, Моделирование, Московичи, Мотив, Социальная общность, Социальная установка, Социальный стереотип, Страта, Трёльч.

БУРАК П.М. "Переходное общество: Проблемы системной трансформации" (Данилов).

БУРОВА С.Н. Брак, Семья.

ВАРДОМАЦКИЙ А.П. Рейтинг.

ВАСИЛЕВИЧ Г.А. Право.

ВАШКЕВИЧ А.В. Барт, Шизоанализ.

ВЕЖНОВЕЦ Е.Н. Алкоголь, Глобализация, Молодежь, Сексизм.

ВИНОКУРОВА С.П. Национальное самоопределение, Национальное самосознание, Национальность, Национальные интересы, Национальные процессы, Патриотизм, Пацифизм, Социология межнациональных отношений (этносоциология), Социология морали.

ВОДОЛАЖСКАЯ Т.В. Идентичность гражданская.

ВОДОПЬЯНОВ П.А. Глобальные проблемы современности, Катастрофизм, Ноосфера, "Переходное общество: Проблемы системной трансформации" (Данилов), Социальная экология, Экологический кризис, Экология.

ВОРОБЬЕВА С.В. Абсолютизация, Абстрактное и Конкретное, Актуализация, Анализ и Синтез, Генерализация, Гипостазирование, Таксономия, Термин.

ГАЛКИН Д.В. Автокоммуникационные процессы, Бауман, Бодрийар, Вирильо, Виртуальная реальность, Интерактивность, Коммунитаризм, Крокер, Культурная политика, Культуры социологические исследования, Новые Медиа, "Познавая медиа: О расширении человека" (Маклюэн), Прозрачность, "Скорость и политика. Эссе о дромологии" (Вирильо), Уильямс, Этциони.

ГОЛУБЕВА М.Н. "Миссия Университета" (Ортега-и-Гассет).

ГОРНЫХ А.А. Власть, Джеймисон, Лакан, Леви-Строс, "Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма" (Джеймисон), Структурализм.

ГРИЦАНОВ А.А. Абсолютное и Относительное, Абстракция, Абсурд, Адлер, Алкоголь, Альтюссер, "Америка" (Бодрийар), Анархия, "Анналов" школа, Аномия, Антиутопия, Бабосов, Бакунин, Батай, Безумие, Беньямин, Бердяев, Бернхэм, Блох, Бокль, Большевизм, Бродель, Буржуазия, Бухарин, Бюрократия, Верификация, Визе, Виртуальная реальность, Волюнтаризм, Восленский, "Восстание масс" (Ортега-и-Гассет), "Враг народа", Всемирная история, "В тени молчаливого большинства, или Конец социального" (Бодрийар), Выготский, Гарфинкель, Гваттари, Геополитика, Гиддингс, Глюксман, Гражданское общество, Гуманизм, Гуревич А.Я., Делез, Демократический капитализм, "Демократический социализм", Де-Роберти, Диалектический материализм, Дильтей, Диспозитив, "Желание и наслаждение" (Делез), Жижек, "Забыть Фуко" (Бодрийар), "Зияющие высоты" (Зиновьев), Идеология, Ильин, Инстинкт, Исторический материализм, Капитализм, Клоссовски, Коммунизм, Комплекс неполноценности, Конт, Коркунов, Корш, Лабриола, Лаптенок, Лем, Ленин, Ленинизм, Леру, Лилиенфельд, Лиотар, Лукач, Мак-Дугалл, Маркс, Марксизм, Марксизм-ленинизм, Маркузе, Метод, Методология, Мечников, Милюков, "Мир-системный анализ" (Валлерстайн), Модернизм, Монтескье, Моррис, Modern, "Надзирать и наказывать" (Фуко), Национализм, "Немецкая идеология" (Маркс, Энгельс), Неомарксизм, Новак, Новояз, Нозик, "Общение. Пример чистой, или формальной, социологии" (Зиммель), Общество изобилия, "Общность" и "Общество", Овчаренко, "Одномерный Человек" (Маркузе), "Оно", Оргазм, Органическое общество, Ортега-и-Гассет, Оруэлл, "Основы социально-философской антропологии" (Барулин), Отчуждение, Письмо, Плеханов, Полани, Поппер, Порнография, "Прозрачность Зла" (Бодрийар), Пролетариат, "Разум и Революция" (Маркузе), "Рассуждение о позитивном духе" (Конт), Ратценхофер, "Реалии открытого пространства-времени: к пониманию нашей исторической системы" (Валлерстайн), Революция, Религия, Ролс, Рорти, Ростоу, Салливан, Самнер, Сверхчеловек, "Сверх-Я", Сексуальная революция, "Слова и вещи" (Фуко), Смолл, Сословие, Социализм, Социальная философия, Социальность, Социологический психологизм, Средний класс, Сталин, Степин, Стронин, Струве, Стругацкие, Терроризм, Тоталитаризм, Утопия, Фальсификация, Фашизм, Формализация, Фрейд, Фуко, "Фуко" (Делез), Хабермас, Хантингтон, Харизма, Хоркхаймер, Хорни, Цивилизация, Шизоанализ, "Эго", Элиты теории, Энгельс, Юнг, Юнгер.

ГРИЦАНОВ О.А. "Америка" (Бодрийар).

ГРИШИН А.А. Бедность, Прожиточный минимум.

ГРИШИНА Н.В. Козер, Конфликт, Конфликтология, Левин, Медиаторство, Определение ситуации, Управление конфликтами.

ГУРКО Е.Н. "Призраки Маркса" (Деррида).

ДАВИДОВИЧ В.Е. "Парадоксальный человек" (Гоценко).

ДАВИДЮК Г.П. Гумплович, Дюркгейм, Конт, Общественный институт социальных исследований при ЦК КПБ, Парето, Социология в Беларуси (1920-1930), Ферраротти, Шюц.

ДАНИЛОВ А.Н. Трансформационные процессы в обществе.

ДОЖДИКОВА Р.Н. Базис и Надстройка.

ДУДИНСКИЙ Л.С. Диктатура пролетариата, Плюрализм.

ЕВЕЛЬКИН Г.М. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Метод многомерного шкалирования, Метод обобщения характеристик.

ЕРМОЛОВИЧ Д.В. Маслоу, Роджерс, Тест.

ЕФИМОВА Н.В. Имидж.

ЖБАНКОВ М.Р. Диалог культур, Игра, Инновация культурная, Коммуникация социокультурная, Контркультура, Культурный шок, Маргинальная культура, Массовая культура, Массовое сознание, Паранаучное знание, Элитарная культура.

ЗАДВОРНАЯ Е.Г. Дискурсивные эпистемические трансформации, "Онтологически неуверенная личность".

ЗАХАРИН Д.В. Медиа-план.

ЗУБКОВСКАЯ О.Н. Лидерство, Социальные представления (социальные репрезентации).

ИВАНОВ А.Е. Виртуалистика, Виртуальная реальность.

ИЗОХ В.Г. Общество.

ИОНИН Л.Г. Вебер М.

КАРПЕНКО И.Д. Виртуальная реальность, Искусственный интеллект.

КАЦУК Н.Л. Дисциплинарность, Контекст, Концепт, Нулевая степень, Постмодернистская социология, "Постмодернистское состояние: доклад о знании" (Лиотар), "Система вещей" (Бодрийар).

КЕЧИНА Е.А. Воспроизводство населения, Демографический взрыв, Демографический процесс, Демография, Евгеника, Половозрастная пирамида, Расово-антропологическая школа, Социобиология, Статистика социально-экономическая.

КИРИЛЕНКО В.Н. Бейтсон.

КОБЯК О.В. Белорусская экономико-социологическая школа, Город, Города социальная инфраструктура, Города социальная морфология, Города экология, Городского населения социальная стратификация, Городского населения социальный состав, Городское культурное пространство, Городское планирование социального развития, Городской образ жизни, Изобретательство, Инновации социальные, Инновационная культура, Инновационное поведение, Инновационный образ мышления, Компьютеризация, Организационная культура, Организационное поведение, Предприниматель, Предпринимательское поведение, Предпринимательство, Предприятие, Предприятия культура хозяйствования, Предприятия экономическая культура, "Социальное настроение" (Тощенко, Харченко), Социология инноваций, Социология предпринимательства, "Социология труда: Учебник" (Соколова), Урбанизация, "Экономическая социология" (комплекс учебных изданий).

КОМИССАРОВА Т.В. "Сверх-Я".

КОРОСТЕЛЕВА Е.А. Социальная группа, Социальная организация, Социальный институт.

КОРОТЧЕНКО Е.П. Авангардизм, Гиперреальность, Идеологические аппараты государства, Метанаррация.

КОРШУНОВ Г.П. Миф.

КОРШУНОВ Ю.А. Актуализация.

КОСТЮК В.В. Андрогиния, Информационное общество, Феминистская методология.

КРАСАВЦЕВА И.Н. Дридзе, Общение, Субкультура.

КРИВОЛАП А.Д. Социология масс-медиа, "Телевидение: технология и культурная форма" (Уильямс), Эффект медиа, Эффект реальности.

КРУГЛОВА Г.А. Римский клуб.

КРУКОВИЧ Е.И. Нарративное интервью, Нарративный анализ.

КРУПНИК С.А. Гуманитарные технологии, Функциональная грамотность.

КУДИНА В.А. "Диалектика Просвещения" (Хоркхаймер, Адорно).

КУКРАК О.Н. Искусство.

КУНИЦКИЙ Д.В. Люмпенизация.

КУПЧИНОВА Т.В. Культура организационная.

КУЧИНСКИЙ Г.М. Пиаже.

КУЧКО Е.Е. Анкета, Анкетер, Анкетирование, Инновационные социальные технологии, Инновационный процесс, Интервью, Интервью глубинное, Интервью групповое, Интервью нестандартизированное, Интервью полустандартизированное, Интервью стандартизированное, Интервью фокусированное, Нововведение, Опрос, Опрос анкетный, Опрос почтовый, Опрос прессовый, Опрос экспертный.

ЛАПИНА С.В. Франкфуртская школа.

ЛАПТЕНОК С.Д. Мораль.

ЛЕВЕРОВСКАЯ Я.В. Диаспора, Социальная адаптация.

ЛЕЙБИН В.М. Аутизм, Бегство от свободы, Деструктивность, Защита, Защитные механизмы, Коллективное бессознательное, Неофрейдизм, Психоанализ.

ЛЕОНОВ Н.Н. Анализ данных, Вероятностей теория, Математическая социология, Моделирование имитационное в социологии, Моделирование математическое в социологии, Социограмма, Статистика объектов нечисловой природы, Структура, Функция.

ЛИМАРЕНКО А.П. Кетле, Милль, Спенсер, Токвиль, Формальная школа.

ЛИХАЧЕВ Н.Е. Села социальная инфраструктура, Село, Сельский образ жизни, Социология села.

ЛОЙКО А.И. Идеал, Идеализированный объект.

ЛУКАШОВ А.И. Поведение делинквентное.

ЛУКАШОВА О.Г. Белорусское общественное объединение "Социологическое общество", Бригадир опросной сети, Международная социологическая ассоциация, Поведение делинквентное, Поведение отклоняющееся, Профессий престиж, Профессиограмма, Профессионализм, Профессиональная ориентация, Профессиональная структура, Советская социологическая ассоциация, Трудовая карьера, Центры социологические в Республике Беларусь.

МАЕВСКАЯ Е.В. Имидж.

МАЗАНИК М.Н. Авторитарная личность, "Анатомия человеческой деструктивности" (Фромм), Зомбарт, "Иметь или Быть" (Фромм), Кули, Лебон, Луман, "Неудовлетворенность культурой" (Фрейд), Прогноз, Прогнозирование, "Психология масс и анализ человеческого Я" (Фрейд), Тард, Фромм, Футурология, "Человек для себя" (Фромм).

МАЙБОРОДА Д.В. Альтруизм, Гедонизм, Диалог, Диалогизм.

МАКАРОВ А.И. Традиционализм.

МАНАЕВ О.Т. Контент-анализ, НИСЭПИ (Независимый институт социально-экономических и политических исследований).

МАНЖУЛА Г.Г. Биографический метод в социологии.

МАТУСЕВИЧ Е.В. Вкусовая культура, Негативность, Символическое действие, Хаксли.

МАТЮШЕВСКАЯ П.А. Имидж, Реклама.

МАЦКЕВИЧ В.В. Антропотехника, Идеальных типов метод, Образование, Педагогика, Подход, Практика, Проблематизация, Схема, Техника, Функциональная грамотность.

МЕДВЕДЕВ Е.К. Собственности институты.

МЕДВЕДЕВА И.А. Факт.

МИНЕНКОВ Г.Я. Данилевский, Лавров, Михайловский, Общественно-экономическая формация, Прогресс, Социальная эволюция, Социальное насилие.

МИХЕЙЧИКОВ Л.Н. "ACNielsen–Bel", Минский научно-исследовательский институт социально-экономических и политических проблем, Могилевский институт региональных социально-политических исследований, "Новак" (лаборатория аксиометрических исследований), ОДО "Социальные и экологические исследования", Социологическая служба "Зеркало" информационной компании БелаПАН, Социологическая служба при ЦК ПКБ, Центр социологических и политических исследований БГУ.

НАУМЕНКО Л.И. Идентификация, Идентичность этническая, Национальный характер, Референтная группа, Этнический стереотип, Этноцентризм.

НИКУЛИНА Ю.В. Тиллих.

НОВИКОВ В.Т. Канчевский.

НОВИКОВА О.В. Канчевский.

ОВЧАРЕНКО В.И. Авторитарная личность, Антропоанализ, Барулин, Бенедикт, Бердяев, Берн, Бисексуальность, Влечение, Восленский, Выготский, Гиддингс, Гуревич П.С., Дильтей, Дисперсионная психоаналитическая среда, Дисперсионная рациональная среда, Залкинд, Зейгарник, Золотое правило поведения, Идеология, Инверсия, Инцест, Кардинер, Комплекс, Латентная и Контактная всемирная история, Лейбин, Лейнг, Мак-Дугалл, Мильштейн, Морено, Мялкин, Нарциссизм, Огборн, "Оно", "Основы социально-философской антропологии" (Барулин), Понятийно-проблемные комплексы, Прибавочная репрессия, Принцип постоянства, Принцип производительности, Принцип реальности, Принцип удовольствия, Принципы психической жизни, Психобиография, Психодрама, Психология масс, Райх, Раппорт, Ратценхофер, Рейк, Рейснер, Рисмен, Самнер, Сексуальная революция, Смолл, Социальный атом, Социограмма, Социологическая группа, Социологический психологизм, Социоматрица, Социометрический тест, Табу, Узнадзе, Уорд, Фрейд З., Шутц, "Эго", Эго-процесс, Эриксон, Эткинд, Ярошевский.

ОВЧАРЕНКО И.И. "Великие неврозы" нашего времени, Одиночество.

ПАНИОТТО В.И. Метод парных сравнений.

ПЕТУШКОВА Е.В. Поведение.

ПИГАЛЕВ А.И. "Европейские революции и характер наций" (Розеншток-Хюсси), Розеншток-Хюсси, "Социология" (Розеншток-Хюсси), Традиционализм, Центризм.

ПИСАЧКИН В.А. "Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. Этносоциологические очерки" (Тощенко).

ПОДГАЙСКИЙ А.Л. Эксполярная экономика.

ПОЛИКАРПОВ В.А. Референтная группа, Рубинштейн.

ПРАВДИВЕЦ В.В. Фокус-группа.

ПРИЛЕПКО Е.М. Бернштейн, Богданов, Сен-Симон, Социальное равенство, Туган-Барановский.

ПУЗИКОВ В.В. Безопасности экономической обеспечение, Безопасность национальная, Безопасность экономическая.

РАБИНОВИЧ А.О. Аттитюд.

РАДИОНОВА С.А. Абушенко, Бергер Л., Вебер А., Легитимность, Лотман, Лукман, Модель, Мотивация, Отклоняющееся (девиантное) поведение, Принцип, Проект, Репрезентация, Социальное взаимодействие, Социальный контроль, Социальный статус.

РАДКЕВИЧ Н.В. Когнитивный диссонанс.

РЕПЕКО А.П. Анализ естественных событий, Анализ путевой, Валидность внешняя, Валидность внутренняя, Валидность конструктивная, Возраст как переменная, Группа контрольная, Группа экспериментальная, Исследование случая, Квази-эксперимент, Переменная зависимая, Переменная контрольная, Переменная независимая, Рандомизация, Экспериментальная схема, Эксперимент в социальных дисциплинах, Эксперимент лабораторный, Эксперимент полевой, Эксперимент "слепой".

РОЗУМ А.В. "Эрос и Цивилизация" (Маркузе).

РОМАНОВА С.П. Гидденс.

РОМАНЧУК Я.Ч. Рэнд.

РУМЯНЦЕВА Т.Г. Агрессия, Дильтей, Маркузе, Ressentiment, Сверхчеловек, Фашизм, Шпенглер.

САВЕЛОВА С.Б. Воспитание, Педагогика, Программирование, Проектирование, Самоопределение.

САГАЛЬЧИК Л.М. Биоэтика.

САМУЩИК Т.В. Закон.

САРНА А.Я. Анализ дискурса, Дискурсивные практики, "Наивное письмо", Позиционирование, Позиция.

СЕВОСТЬЯНОВА Н.Г. Общечеловеческие ценности, Эгоизм.

СЕМЕНКОВ О.И. Информация.

СЕЧКО Н.Н. Управление в организации, Управление социальное, Управления инструменты, Управленческие отношения, Управляемость.

СИВУХА С.В. Анализ доглинейный, Анализ событийный, Анализ социальных сетей, Аффилиативные сети, Валидность, Группа общественная в социологии, Капитал социаль-

ный, Капитал человеческий, Каузальное моделирование, "Малый мир", Надежность, Сильные и слабые социальные связи, Социальная мобильность, Социальная психология, Социальная сеть, Социальная стратификация, Социальные представления (социальные репрезентации), Социометрия, Стохастический анализ социальных сетей, "Структурные дыры", Структурные уравнения, Эго-сеть.

СИДОРЕНКО И.Н. Ressentiment.

СИДОРСКАЯ И.В. Всемирная деревня, Глобализация, Информационные технологии, Коммуникация массовая, Коммуникация организационная, Открытое общество, PR.

СИЛКОВ С.В. Винер, Информационная война, Кибернетика, Тектология.

СКУРАТОВИЧ К.И. Антисемитизм, "Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза" (Восленский), Перестройка, "Революционный невроз" (Кабанес, Насс), Сорос.

СМИРНОВА Р.А. Социальная реальность.

СОГОМОНОВ А.Ю. Сорокин.

СОКОЛОВА Г.Н. Автоматизация, Адаптация профессиональная, Безработица, Берджесс, "Большие циклы конъюнктуры" (Кондратьев), Воспроизводство рабочей силы, Геронтосоциология, Деиндустриализация, Действия социального концепция, Деятельность, Закон конкуренции, Закон перемены труда, Закон разделения труда, Закон соответствия содержания и характера труда, Занятость, Занятость вторичная, Индекс развития человеческого потенциала, Индустриализация, Индустриальные отношения, Индустриальный конфликт, Интеллектуал, Интеллигенции люмпенизация, Интеллигенция, Информатизация, Компьютеризация, Конгрессы социологические всемирные, Конкуренция, Культура профессиональная, Культура труда, Культура экономическая, Лазарсфельд, Маркетинг, Менеджмент инновационный, Механическая и Органическая солидарность, Модернизация, Мониторинг социологический, Мотивации концепции эволюция, Мотивационно-гигиеническая теория Херцберга, Научно-техническая революция (НТР), Научно-технический прогресс (НТП), Парк, Перемена труда, "Положение рабочего класса в России" (Берви-Флеровский), "Положение рабочего класса в России" (Пажитнов), Постиндустриальное общество, Прогнозирование социологическое, Промышленная социология, Профессиональная мобильность, Профессионалы, Профессия, Разделение труда, Рационализация, "Россия: трансформирующееся общество" (редактор В.А. Ядов), Сведберг, Смелсер, Социальная система, "Социальная траектория реформируемой России" (колл. монография), "Социальное настроение" (Тощенко, Харченко), Социальное противоречие, "Социальное расслоение и социальная мобильность" (ред. З.Т. Голенкова), Социальный интерес, Социологический мониторинг экономических и социальных перемен в России, Социология возраста, Социология менеджмента, Социология народонаселения, Социология профессии, Социология труда, Социология экономическая, "Социология экономической жизни: Очерки теории" (Заславская, Рывкина), Специальные социологические теории, Способ производства, Стратификация экономическая, Томас, Труд, Условия труда, Шельский, Экономика неформальная, "Экономическая социология" (комплекс учебных изданий), Экономический интерес, Экономическое мышление, Экономическое поведение.

СОЛОДОВНИКОВ С.Ю. Автаркия, Автократия, Каста, Класс "в себе" и Класс "для себя", Социально-классовая организация общества, Шовинизм.

СТЕПИН В.С. Культура, Наука, Философия.

ТАРНАВСКИЙ А.А. Exit poll.

ТЕРЕШКОВИЧ П.В. Антропология, Антропология культурная, Боас, Леви-Брюль, Малиновский, Морган, Нация, Радклиф-Браун, Тайлор, Традиционное общество, Уайт, Эволюционизм, Этнос.

ТЕРЕЩЕНКО М.С. "Андеркласс", Социальное пространство.

ТЕРЕЩЕНКО О.В. Анализ данных вторичный, Анализ дискриминантный, Анализ дисперсионный, Анализ кластерный, Анализ корреляционный, Анализ многомерный статистический, Анализ регрессионный, Анализ факторный, Вероятность, Вероятность доверительная, Выборка доступная, Выборка квотная, Выборка кластерная (гнездовая), Выборка маршрутная, Выборка методом основного массива, Выборка методом снежного кома, Выборка многоступенчатая, Выборка обучающая, Выборка районированная, Выборка серийная, Выборка систематическая, Выборка случайная (вероятностная), Выборка случайная (простая), Выборка стратифицированная (расслоенная), Выборка теоретическая, Выборки взвешивание, Выборки дизайн, Выборки основа, Выборки ошибка, Выборки ошибка случайная, Выборки репрезентативность, Выборки случайной репрезентативной объем, Выборочная совокупность (выборка), Генеральная совокупность, Генеральной совокупности параметр, Гипотеза статистическая, Гистограмма распределения, График накопленных частот, Группировка, Данные социологического исследования, Данных матрица, Диаграмма круговая, Диаграмма ленточная, Диаграмма рассеяния, Диаграмма столбцов (полос), Дизайн социологического исследования, Дисперсия, Дисперсия объясненная, Доверительный интервал, Dummy-кодирование, Закон больших чисел, Измерение, Интеркорреляция, Кафедра социальной коммуникации Белгосуниверситета, Квантиль распределения, Кластер, Ковариация, Когорта, Коммуникация социальная, Корреляционное отношение, Корреляция, Корреляция бисериальная, Корреляция линейная, Корреляция множественная, Корреляция ранговая, Корреляция тетрахорическая, Корреляция частная, Коэффициент вариации, Коэффициент детерминации, Коэффициент контингенции Пирсона, Коэффициент Крамера, Коэффициент Ф, Коэффициент φ, Критерии (принципы) каузальности, Критерий "хи-квадрат", Лонгитюдное исследование, Математическое ожидание, Матрица корреляций, Матрица факторных нагрузок, Медиана, Метод главных компонент, Методы множественных сравнений,

Многомерное шкалирование, Мода статистическая, Моделирование статистическое, Нуль-гипотеза, Обработка данных, Переменная, Переменная стандартизированная, *p*-Значение, Распределение частот, Распределения плотность, Распределения полигон, Регрессия линейная множественная, Регрессия линейная парная, Регрессия нелинейная, Связей парных статистический анализ, Связи меры, Связь статистическая, Связь статистическая линейная, Связь статистическая нелинейная, Связь статистическая обратная, Связь статистическая прямая, Случайная величина, Социальная мобильность, Социальная стратификация, Среднее арифметическое, Стандартная ошибка, Стандартное отклонение, Статистика, Статистика выборочная, Статистика дескриптивная (описательная), Статистическая значимость, Статистическая независимость, Статистическая проверка гипотез, Статистический вывод, Статистическое оценивание, Сумма квадратов, Таблица сопряженности, Число степеней свободы, Шкала измерительная, Эксперимент естественный, Эксперимент факторный.

ТИТАРЕНКО Л.Г. Антитехницизм, Аудитория, Белорусская экономико-социологическая школа, Гендерное разделение профессий, Гендерное разделение труда, Гендерные стереотипы, Неотехнократизм, Социальная диагностика, Социальная инерция, Социальная функция, Социология гендерная, Социология общественного мнения, Техницизм, Технократизм, Технократия.

ТРУБИНА Е.Г. Публика.

УГРИНОВИЧ Е.А. Общественное мнение, Парсонс, Социальная иерархия, Социальный порядок.

УСМАНОВА А.Р. Дебор, Дискурс, Код, "Культурные исследования", Маргинальность, Постструктурализм, Текст, Холл, Читатель.

УХВАНОВА-ШМЫГОВА И.Ф. Бергер А., Квалитативный (качественный) анализ текста, Квантитативный (количественный) анализ текста.

ФИЛИППОВИЧ А.В. Альтюссер.

ФРОЛОВА Ю.Г. Анорексия, Локус контроля, Самоэффективность, Социология тела, "Язык тела".

ФУРС В.В. "Симулякры и симуляция" (Бодрийар).

ФУРС В.Н. Архетип, Идеальный тип, История, Ритуал, Тойнби, Хабермас.

ХОМИЧ Е.В. Кун, Парадигма, Познание, "Случайность, ирония и солидарность" (Рорти), Человек.

ХУРС М.Н. Институт социально-политических исследований при Администрации Президента Республики Беларусь.

ЧИКАЛОВА И.Р. Гендер, Гендерные исследования.

ЧУМАК Д.В. Социальное настроение.

ШАБАНОВА М.А. Новосибирская экономико-социологическая школа.

ШАВЕЛЬ С.А. Интерпретация понятий, Нормальное распределение, Системный анализ объекта исследования, Типы прикладных социологических исследований.

ШАПОШНИКОВА О.В. Восприятие, Настроение, Планы жизненные, Суггестия, Эмоции.

ШАРКЕВИЧ И.А. "Экскурс в проблему: Как возможно общество?" (Зиммель).

ШАХОТЬКО Л.П. Демографическая политика, Демографические установки, Демографический переход, Демографический сценарий, Демографическое поведение.

ШИЛО Н.Ю. Мид М., Мосс.

ШИНКАРЬ Ю.С. "Праксис".

ШМАТКО Н.А. Бурдье, "Различение. Социальная критика суждения" (Бурдье).

ШУКАЕВ А.Д. Информациональное общество, Информационно-технологическая среда, Кастельс, Маклюэн, Социальная информатика.

ШУМАН А.Н. "Оно".

ШУХАТОВИЧ В.Р. Здоровый образ жизни, Медикализация, Социология медицины и здравоохранения.

ЮРКО А.Б. Грицанов, Социальная статистика, Фридмен.

ЮРКО Г.Б. Гришина.

ЯЗНЕВИЧ М.В. Репертуарные решетки, Семантический дифференциал.

ЯНЧУК Е.И. Гендер, Феминизм.

ЯРМОЛОВИЧ А.А. Сексизм.

ЯСКЕВИЧ Я.С. Аргументация, Обоснование

BERGER A.A. Бергер А.

van DIJK. ван Дейк.

MUCHA-SZAJEK E. Облик нравственный, Социальная активность, Социальная зрелость, Социальная микросреда, Социальное влияние.

TAUBER E. Воля, Досуг, Заражение психическое, Качество жизни, Рекреация.

WOZNIAK A. Авторитет, Быт, Детерминизм культурный, Поколение, Физическая культура, Экспектация.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Абсолютизация 7
Абсолютное и Относительное 7
Абстрактное и Конкретное 7
Абстракция 8
Абсурд 8
Абушенко 9
Авангардизм 9
Автаркия 10
Автокоммуникационные процессы 10
Автократия 11
Автоматизация 11
Авторитарная личность 12
Авторитет 12
Агрессия 13
Адаптация профессиональная 13
Адекватный 13
Адлер 13
Адорно 14
Айя де ла Торре 15
Аккультурация 17
Аксиология 17
Аксиоматический метод 21
Аксиометрия 21
Актуализация 21
Алгоритм 22
Александер 22
Алкоголь 22
Альберт 23
Альтруизм 24
Альтюссер 24
"Америка" (Бодрийар) 26
Анализ данных 27
Анализ данных вторичный 27
Анализ дискриминантный 28
Анализ дискурса 28
Анализ дисперсионный 31
Анализ документов 32
Анализ естественных событий 36
Анализ и Синтез 36
Анализ кластерный 37
Анализ корреляционный 38
Анализ логлинейный 38
Анализ многомерный статистический 39
Анализ путевой 39
Анализ регрессионный 40
Анализ событийный 41
Анализ социальных сетей 42
Анализ структурно-функциональный 45
Анализ факторный 45
Анархия 46
"Анатомия человеческой деструктивности" (Фромм) 46
"Андеркласс" 48
Андреева 49
Андрогиния 49
Анкета 50
Анкетер 50
Анкетирование 51
"Анналов" школа 51
Аномия 52
Анорексия 53
Антисемитизм 54
Антитехницизм 56
Антиутопия 56
Антонович 57
Антропоанализ 57
Антропология 57
Антропология культурная 58
Антропология философская 59
Антропотехника 59
Аргументация 60
Арендт 61
Арон 62
Артюхин 62
"Археология знания" (Фуко) 63
Архетип 70
Ассимиляция 70
Ассман 70
Аттитюд 71
Аудитория 77
Аудитория СМИ 77
Аутвейт 78
Аутизм 78
Аффилиативные сети 79
Ашин 79
"ACNielsen –Bel" 79
Бабосов 81
Базис и Надстройка 81
Бакунин 82
Барановский 82
Барт 83
Барулин 84

Батай 84
Батыгин 86
Бауман 86
Бегство от свободы 89
Бедности порог 90
Бедность 90
Бедность абсолютная 91
Бедность догоняющая 91
Бедность относительная 91
Безнюк 91
Безопасности экономической обеспечение 91
Безопасность 95
Безопасность национальная 96
Безопасность экономическая 99
Безработица 104
Безумие 105
Бейтсон 106
Белл 106
Белорусская экономико-социологическая школа 107
Белорусское общественное объединение "Социологическое общество" 109
Бенедикт 109
Беньямин 110
Бергер А. 113
Бергер Л. 113
Берджесс 114
Бердяев 114
Берн 117
Берхэм 117
Бернштейн 118
Бестужев-Лада 119
Бетанели 119
Биографический метод в социологии 119
Биоэтика 120
Бисексуальность 121
Бихевиоризм 121
Блау 122
Блох 123
Блумер 125
Боас 126
Богданов 126
Бодрийар 128
Бокль 130
Большевизм 131
"Большие циклы конъюнктуры" (Кондратьев) 132
Бородкин 134
Бофф 135
Брак 136
Бригадир опросной сети 143
Бродель 143
Бурдье 144
Буржуазия 146
Бутенко 147
Бухарин 147
Бхаскар 149
Быт 149
Бюрократия 149
Валидность 151
Валидность внешняя 154
Валидность внутренняя 154
Валидность конструктивная 154
Валлерстайн 155
Вардомацкий 155
Вебер А. 155
Вебер М. 156
Веблен 166
Вежновец 167
"Великие неврозы" нашего времени 167
Верификация 167
Вероятностей теория 168
Вероятность 169
Вероятность доверительная 169
Визе 169
Виктимология 169
Винер 170
Винокурова 172
Вирильо 172
Виртуалистика 175
Виртуальная реальность 175
Вкусовая культура 177
Власть 177
Влечение 178
Возраст как переменная 178
Возрастная пирамида 179
Война 179
Волюнтаризм 183
Воля 183
Вормс 183
Восленский 183
Воспитание 183
Восприятие 186
Воспроизводство населения 186
Воспроизводство рабочей силы 187
Воспроизводство социальное 187
"Восстание масс" (Ортега-и-Гассет) 187
"Враг народа" 188
Всемирная деревня 188
Всемирная история 189
"В тени молчаливого большинства, или Конец социального" (Бодрийар) 192
Выборка 193
Выборка доступная 193
Выборка квотная 193
Выборка кластерная (гнездовая) 194
Выборка маршрутная 194
Выборка методом основного массива 195
Выборка методом снежного кома 195
Выборка многоступенчатая 196
Выборка обучающая 196
Выборка производственная 196
Выборка районированная 196
Выборка серийная 196
Выборка систематическая 196
Выборка случайная (вероятностная) 197
Выборка случайная (простая) 197
Выборка стратифицированная (расслоенная) 197
Выборка теоретическая 198
Выборка территориальная 198
Выборки взвешивание 198
Выборки дизайн 199
Выборки основа 199
Выборки ошибка 199
Выборки ошибка случайная 200
Выборки репрезентативность 200

Выборки случайной репрезентативной объем 201
Выборочная совокупность (выборка) 201
Выготский 202
Габитус 203
Гарфинкель 203
Гваттари 205
Гвишиани 207
Гедонизм 207
Гелен 207
Гендер 209
Гендерная социология 210
Гендерное разделение профессий 210
Гендерное разделение труда 211
Гендерные исследования 211
Гендерные стереотипы 211
Генерализация 213
Генеральная совокупность 213
Генеральной совокупности параметр 213
Географическое направление в социологии 213
Геополитика 214
Геронтосоциология 215
Гидденс 215
Гиддингс 222
Гиперреальность 223
Гипостазирование 224
Гипотеза 224
Гипотеза статистическая 225
Гистограмма распределения 226
Глобализация 226
Глобальные проблемы современности 227
Глюксман 228
Гобино 229
Голенкова 229
Голод 230
Голосенко 230
Гольдман 230
Гордон 232
Город 232
Города социальная инфраструктура 233
Города социальная морфология 233
Города социология 234
Города экология 234
Городского населения социальная стратификация 234
Городского населения социальный состав 234
Городское культурное пространство 235
Городское планирование социального развития 235
Городской образ жизни 235
Горшков 236
Государство 236
Гоулднер 239
Гофман А. 240
Гофман И. 241
Гражданское общество 241
Грамши 242
График накопленных частот 244
Гречихин 244
Грицанов 244
Гришина 244
Группа контрольная 244
Группа общественная в социологии 245
Группа экспериментальная 245
Группировка 245
Грушин 246
Гуманизм 246
Гуманитарные технологии 247
Гумплович 249
Гурвич 249
Гуревич А. 251
Гуревич П. 251
Гэлбрейт 251
Гэллапа институт 252
Давидюк 253
Давыдов 253
Данилевский 254
Данилов 254
Данные социологического исследования 255
Данных матрица 255
Дарендорф 255
Дебор 256
Деиндустриализация 258
Дейк ван 258
Действия социального концепция 259
Делёз 260
Демографическая политика 263
Демографические установки 264
Демографический взрыв 264
Демографический переход 265
Демографический процесс 265
Демографический сценарий 265
Демографическое поведение 265
Демография 266
Демократический капитализм 267
"Демократический социализм" 268
Демоскопия 269
Де-Роберти 269
Деструктивность 270
Детерминизм культурный 272
Деятельность 272
Джеймисон 272
Диаграмма круговая 276
Диаграмма ленточная 277
Диаграмма рассеяния 277
Диаграмма столбцов (полос) 277
"Диалектика Просвещения. Философские фрагменты" (Хоркхаймер, Адорно) 278
Диалектический материализм 280
Диалог 280
Диалогизм 281
Диалог культур 281
Диаспора 282
Диахронность и Синхронность 283
Дизайн социологического исследования 283
Диктатура пролетариата 286
Дильтей 286
Дискурс 288
Дискурсивные практики 288
Дискурсивные эпистемические трансформации 288
Дисперсионная психоаналитическая среда 289
Дисперсионная рациональная среда 289
Дисперсия 290

Дисперсия объясненная 290
Диспозитив....290
Дисциплинарность 291
Добреньков 296
Доверительный интервал....296
Доля объясненной дисперсии....297
Досуг....297
Дридзе 297
Дробижева....298
Дряхлов 298
Дуссель....299
Дюркгейм 303
Dummy-кодирование....304
Евгеника....305
Евелькин....305
"Европейские революции и характер наций" (Розеншток-Хюсси)....305
Елсуков....307
Естественно-научная школа в социологии....308
Exit poll....308
"Желание и наслаждение" (Делёз)....309
Жижек 310
"Забыть Фуко" (Бодрийар) 313
Закон....313
Закон больших чисел 314
Закон конкуренции....314
Закон перемены труда....315
Закон разделения труда....315
Закон соответствия содержания и характера труда....316
"Законы и объяснения в социологии" (Аутвейт) 317
Закрытый вопрос 325
Залкинд....325
Замошкин 325
Занятость....325
Занятость вторичная....326
Заражение психическое 326
Заславская 326
Защита 327
Защитные механизмы....328
Здоровый образ жизни 330
Здравомыслов 330
Зейгарник....331
Зиммель 331
Зиновьев....332
"Зияющие высоты" (Зиновьев) 334
Знанецкий 337
Знание 337
Золотое правило поведения....339
Зомбарт 339
Иванов....341
Игра....341
Идеал....342
Идеализированный объект 343
Идеальный тип 343
Идеальных типов метод....343
Идентификация 344
Идентичность 344
Идентичность гражданская 349
Идентичность этническая....351
Идеологические аппараты государства....352
Идеология 352
Измерение....354
Изобретательство 356
Иллич 356
Ильин 357
"Иметь или быть" (Фромм)....358
Имидж....359
Инверсия....361
Индекс развития человеческого потенциала....361
Индивид, индивидуальность....362
Индикатор....363
Индустриализация 363
Индустриальное общество 363
Индустриальные отношения....364
Индустриальный конфликт....364
Инновации социальные 364
Инновационная культура 365
Инновационное поведение....365
Инновационные социальные технологии 366
Инновационный образ мышления 367
Инновационный процесс....367
Инновация 368
Инновация культурная 369
Инстинкт 369
Институт социально-политических исследований при Администрации Президента Республики Беларусь 370
Институт социологии Национальной академии наук Беларуси 370
Инструментализм 372
Интеллектуал 372
Интеллектуальная экология....373
Интеллигенции люмпенизация....375
Интеллигенция 376
Интенциональный (мотивационно-целевой) анализ....376
Интерактивность....377
Интервью....379
Интервью глубинное 382
Интервью групповое 383
Интервью нестандартизированное....383
Интервью полустандартизированное 383
Интервью стандартизированное....383
Интервью фокусированное 383
Интеркорреляция....383
Интерпретация понятий 383
Информатизация....384
Информациональное общество 384
Информационная война 385
Информационное общество....386
Информационно-технологическая среда 387
Информационные технологии....387
Информация....388
Инхеньерос....391
Инцест 395
Ионин....395
Искусственное и Естественное....396
Искусственный интеллект 397
Искусство 398
Исследование случая....400
Исторический материализм 400
История....401
"Id"....402
Канчевский....403

Капитализм 404
Капитал социальный 405
Капитал человеческий 406
Кардинер 407
Кареев 408
Касо 409
Каста 412
Кастельс 412
Катастрофизм 413
Каузальное моделирование 413
Каутский 414
Кафедра социальной коммуникации Белгосуниверситета 415
Кафедра социологии Белгосуниверситета 415
Качанов 417
Качество жизни 417
Квази-эксперимент 417
Квалитативный (качественный) анализ текста 417
Квантиль распределения 418
Квантитативный (количественный) анализ текста 418
Кейс-стади 418
Кетле 418
Кибернетика 419
Кистяковский 422
Класс 423
Класс "в себе" и Класс "для себя" 423
Классификация 424
Кластер 424
Клименко 424
Клопов 425
Клоссовски 425
Кобяк 426
Ковалевский 426
Ковариация 427
Коган 427
Когнитивный диссонанс 428
Когорта 428
Код 428
Козер 429
Коллективное бессознательное 429
Коллонтай 430
Коммунизм 431
Коммуникация 433
Коммуникация массовая 434
Коммуникация организационная 435
Коммуникация социальная 435
Коммуникация социокультурная 437
Коммунитаризм 438
Комплекс 440
Комплекс неполноценности 441
Компьютеризация 441
Кон 442
Конгрессы социологические всемирные 442
Кондратьев 443
Конкретное социологическое исследование 444
Конкуренция 448
Консерватизм 449
Конструкт 451
Конструктивный тип 452
Конт 453
Контекст 455
Контент-анализ 455
Контркультура 457
Конфигурирование 457
Конфликт 458
Конфликтология 458
Концепт 461
Концептуализация 462
Концепция 463
Коркунов 464
Коробейников 465
Корреляционное отношение 465
Корреляция 466
Корреляция бисериальная 466
Корреляция линейная 466
Корреляция множественная 466
Корреляция ранговая 467
Корреляция тетрахорическая 467
Корреляция частная 467
Корш 468
Котарбиньский 468
Котляров 469
Коэффициент вариации 470
Коэффициент детерминации 470
Коэффициент контингенции Пирсона 470
Коэффициент Крамера 470
Коэффициент линейной корреляции Пирсона 470
Коэффициент ранговой корреляции Спирмана 471
Коэффициент регрессии 471
Коэффициент Ф 471
Коэффициент φ 471
Кравченко 471
Критерии (принципы) каузальности 472
Критерий "хи-квадрат" 472
Крокер 472
Кропоткин 475
Круковский 476
Кузьмин 476
Кули 476
Культ 477
Культура 478
Культура организационная 480
Культура профессиональная 481
Культура труда 481
Культура экономическая 482
Культурная политика 483
Культурного отставания закон 484
"Культурные исследования" 484
Культурный шок 489
Культуры социологические исследования 489
Кумулята 491
Кун 491
Куропятник 492
Лабриола 493
Лавров 493
Лазарсфельд 494
Лакан 494
Лапин 498
Лапина 499
Лаппо-Данилевский 499
Лаптенок 500
Латентная и Контактная всемирная история 500

Лебон 500
Левада 501
Леви-Брюль 501
Левин 502
Леви-Строс 502
Левко 503
Левыкин 503
Легитимность 504
Лейбин 504
Лейнг 504
Лем 505
Ленин 506
Ленинизм 506
Леру 506
Лидерство 507
Лилиенфельд 512
Лимаренко 512
Линтон 512
Лиотар 513
Липсет 515
Личность 515
Локус контроля 515
Лонгитюдное исследование 517
Лотман 517
Лукач 518
Лукман 519
Луман 519
Люмпенизация 520
Макайвер 521
Мак-Дугалл 522
Маклюэн 522
Малиновский 523
"Малый мир" 524
Мальтус 524
Манаев 525
Манхейм 525
Маргинальная культура 526
Маргинальность 527
Мариатеги 528
Маркарян 531
Маркетинг 532
Маркс 533
Марксизм 534
Марксизм-ленинизм 535
Маркузе 535
Маслоу 536
Массовая культура 537
Массовое сознание 538
Математическая социология 539
Математическое ожидание 539
Матрица корреляций 539
Матрица факторных нагрузок 539
Мегамашина 539
Мегрелидзе 540
Медиана 541
Медиа-план 542
Медиаторство 543
Медикализация 543
Международная социологическая ассоциация 544
Межличностные отношения 545
Менеджмент 545
Менеджмент инновационный 545
Мертон 546
Метанаррация 548
Метод 549
Метод главных компонент 550
Метод многомерного шкалирования 550
Метод обобщения характеристик 553
Методология 554
Метод парных сравнений 554
Методы множественных сравнений 555
Механическая и Органическая солидарность 555
Мечников 556
Мид Дж.Г. 556
Мид М. 557
Миллс 558
Милль 559
Мильштейн 560
Милюков 560
Минский научно-исследовательский институт социально-экономических и политических проблем 561
"Миро-системный анализ" (Валлерстайн) 561
Мискевич 568
"Миссия Университета" (Ортега-и-Гассет) 569
Миф 571
Михайловский 578
Михейчиков 579
Михельс 579
Многомерное шкалирование 580
Могилевский институт региональных социально-политических исследований 580
Мода 581
Мода статистическая 581
Моделирование 582
Моделирование имитационное в социологии 582
Моделирование математическое в социологии 582
Моделирование статистическое 582
Модель 583
Модернизация 583
Модернизм 584
Молодежь 585
Момджян 585
Мониторинг социологический 585
Монтескье 586
Мораль 587
Морган 587
Морено 588
Моррис 589
Московичи 590
Мосс 590
Мотив 591
Мотивации концепции эволюция 591
Мотивационно-гигиеническая теория Херцберга 592
Мотивация 593
Мощность статистического критерия 593
Мысленный эксперимент 593
Мэйо 594
Мэмфорд 595
Мялкин 595
Modern 595

Наблюдение 597
Наблюдение социологическое 597
Надежность 601
"Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы" (Фуко) 602
"Наивное письмо" 605
Нарративное интервью 606
Нарративный анализ 607
Нарциссизм 610
Настроение 612
Наука 612
Науменко 614
Научно-техническая революция (НТР) 614
Научно-технический прогресс (НТП) 615
Национализм 615
Национальное самоопределение 616
Национальное самосознание 616
Национальность 617
Национальные интересы 617
Национальные процессы 618
Национальный характер 618
Нация 619
Негативность 619
Негритюд 620
"Немецкая идеология" (Маркс, Энгельс) 622
Необихевиоризм 624
Неомарксизм 625
Неотехнократизм 625
Неофрейдизм 626
Несветайлов 627
"Неудовлетворенность культурой" (Фрейд) 628
НИСЭПИ (Независимый институт социально-экономических и политических исследований) 629
Нкрума 630
Новак 632
"Новак" (лаборатория аксиометрических исследований) 633
Новгородцев 634
Новикова 634
Нововведение 635
Новосибирская экономико-социологическая школа 635
Новояз 637
Новые Медиа 638
Нозик 640
"Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза" (Восленский) 641
Ноосфера 643
Норма 643
Нормальное распределение 644
Нулевая степень 645
Нуль-гипотеза 648
Облик нравственный 649
Обоснование 649
Обработка данных 650
Образ жизни 651
Образование 653
Общение 660
"Общение. Пример чистой, или формальной, социологии" (Зиммель) 660
Общественное мнение 663
Общественно-экономическая формация 664
Общественные отношения 664
Общественный институт социальных исследований при ЦК КПБ 665
Общество 665
Общество изобилия 666
"Общество спектакля" 666
Общечеловеческие ценности 666
"Общность" и "Общество" 666
Объяснение 671
Овсянников 672
Овчаренко 673
Огборн 673
Одиночество 674
"Одномерный Человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества" (Маркузе) 674
ОДО "Социальные и экологические исследования" 674
"Оно" 675
"Онтологически неуверенная личность" 675
"Оперативные социологические исследования: методика и опыт организации" (колл. монография) 676
Операционализация 677
Операционализм 677
Операциональное определение понятий 679
Описание 680
Определение ситуации 680
Опредмечивание и Распредмечивание 681
Опрос 682
Опрос анкетный 682
Опрос почтовый 684
Опрос прессовый 686
Опрос экспертный 687
Оргазм 689
Организационная культура 689
Организационное поведение 690
Органическое общество 691
Ортега-и-Гассет 691
Оруэлл 694
Осипов 697
Осипова Е. 697
Осипова Н. 698
Осипова О. 698
"Основы социально-философской антропологии" (Барулин) 698
Отклоняющееся (девиантное) поведение 700
Открытое общество 701
Открытый вопрос 702
Отчуждение 702
Оценка 703
Оценка интервальная 704
Оценка несмещенная 704
Оценка робастная 704
Оценка состоятельная 704
Оценка точечная 704
Оценка эффективная 704
Ошибка выборки систематическая 704
Ошибка выборки случайная 704

Пажитнов 705
Панарин 705
Панельное исследование 705
Парадигма 705
"Парадоксальный человек" (Тощенко) 706
Паранаучное знание 708
Парето 709
Парк 710
Парсонс 711
Партия политическая 712
Патриотизм 713
Паттерн 713
Пацифизм 714
Педагогика 714
Перемена труда 715
Переменная 716
Переменная зависимая 716
Переменная контрольная 716
Переменная независимая 716
Переменная стандартизированная 717
Перепись населения 717
Перестройка 717
"Переходное общество: Проблемы системной трансформации" (Данилов) 718
Петражицкий 721
Петров 721
Пиаже 729
Писаренко 729
Письмо 730
Планы жизненные 732
Плеснер 732
Плеханов 734
Плюрализм 734
Поведение 734
Поведение делинквентное 735
Поведение отклоняющееся (девиантное) 736
Поведение социальное 737
Повседневность 741
Подход 743
Позитивизм 744
Позиционирование 744
Позиция 744
"Познавая медиа / Понять медиа: О расширении человека" (Маклюэн) .. 745
Познание 748
Поколение 749
Полани 749
Политика 749
Половозрастная пирамида 750
"Положение рабочего класса в России" (Берви-Флеровский) 750
"Положение рабочего класса в России" (Пажитнов) 752
Полузакрытый вопрос 755
Понимание 755
Понимающая социология 757
Поисе 758
Понятие 761
Понятийно-проблемные комплексы 761
Поппер 762
Порнография 763
Постиндустриальное общество 764
Постколониальные исследования 764
"Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма" (Джеймисон) 766
Постмодернистская социология 770
"Постмодернистское состояние: доклад о знании" (Лиотар) 773
"Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. Этносоциологические очерки" (Тощенко) ... 775
Постструктурализм 776
Право 778
Праксеология 780
"Праксис" 781
Практика 782
Предиктор 783
Предприниматель 783
Предпринимательское поведение 783
Предпринимательство 784
Предприятие 784
Предприятия культура хозяйствования 785
Предприятия экономическая культура 786
Прибавочная репрессия 787
Пригожин 787
"Призраки Маркса" (Деррида) 787
Принцип 791
Принцип постоянства 791
Принцип производительности 791
Принцип реальности 791
Принцип удовольствия 791
Принципы психической жизни 791
Проблема 791
Проблематизация 792
Прогноз 793
Прогнозирование 794
Прогнозирование социологическое 795
Программа 795
Программа социологического исследования 796
Программирование 797
Программированное общество 800
Прогресс 801
Проект 802
Проектирование 803
Прожиточный минимум 804
Прозрачность 805
"Прозрачность Зла" (Бодрийар) 806
Пролетариат 810
Промышленная социология 810
"Протестантская этика и дух капитализма" (М. Вебер) 811
Профессий престиж 812
Профессиограмма 813
Профессионализм 813
Профессионалы 813
Профессиональная мобильность 813
Профессиональная ориентация 814
Профессиональная структура 814
Профессия 815
Психоанализ 815
Психобиография 818
Психодрама 818
Психология масс 818
"Психология масс и анализ человеческого Я" (Фрейд) 819
Публика 819

p-Значение....821
PR....821
Радаев....823
Радклиф-Браун....823
Развитие....824
Разделение труда....824
"Различение. Социальная критика суждения" (Бурдье)....825
"Разум и Революция. Гегель и становление социальной теории" (Маркузе)....826
Райх....828
Раков....828
Рамос Маганья....828
Рандомизация....831
Раппорт....832
Расово-антропологическая школа....832
Распределение накопленных частот 833
Распределение частот....833
Распределения плотность....833
Распределения полигон....833
"Рассуждение о позитивном духе" (Конт)....833
Ратцель....836
Ратценхофер....836
Рационализация....836
"Реалии открытого пространства-времени: к пониманию нашей исторической системы" (Валлерстайн)....837
"Революционный невроз" (Кабанес, Насс)....841
Революция....845
Регрессия линейная множественная 846
Регрессия линейная парная....846
Регрессия нелинейная....847
Резник....847
Рейк....847
Рейснер....847
Рейтинг....848
Реклама....848
Реклю....849
Рекреация....849
Религия....850
Репертуарные решетки....851
Репрезентация....855
Респондент....858
Референтная группа....858
Римский клуб....859
Рисмен....864
Ритуал....865
Робастность....865
Роджерс....865
Розеншток-Хюсси....866
Ролс....867
Рорти....868
"Россия: трансформирующееся общество" (колл. монография)....870
Ростоу....871
Ротман....872
Ротхакер....872
Рубанов....873
Рубинштейн....873
Рукавишников....874
Румянцева....874
Русецкая....874
Руткевич....874
Рывкина....875
Рэнд....875
Ressentiment....881
Саганенко....883
Сакрализация....883
Салливан....884
Самнер....884
Самоопределение....885
Самосознание....886
"Самоубийство" (Дюркгейм)....887
Самоэффективность....888
Сведберг....889
Сверхчеловек....890
"Сверх-Я"....891
Связей парных статистический анализ....892
Связи меры....892
Связь статистическая....893
Связь статистическая линейная....893
Связь статистическая нелинейная....893
Связь статистическая обратная....894
Связь статистическая прямая....894
Сексизм....895
Сексуальная революция....895
Секуляризация....896
Села социальная инфраструктура....897
Село....897
Сельский образ жизни....898
Семантический дифференциал....898
Семенов....902
Семиосоциопсихология....902
Семья....903
Сен-Симон....906
Силласте....907
Сильные и слабые социальные связи....907
Символический интеракционизм....908
Символическое действие....909
"Симулякры и симуляция" (Бодрийар)....910
Система....915
"Система вещей" (Бодрийар)....916
Системный анализ объекта исследования....919
"Скорость и политика. Эссе о дромологии" (Вирильо)....920
Скуратович....922
"Слова и вещи: археология гуманитарных наук" (Фуко)....922
Случайная величина....924
"Случайность, ирония и солидарность" (Рорти)....924
Смелсер....930
Смирнова....930
Смолл....930
Снижение размерности....931
Собственности институты....931
Советская социологическая ассоциация....932
Соколова....932
Солодовников....933
Сорокин....933
Сорос....936
Сословие....938
Социализация....939
Социализм....940

Социальная адаптация 941
Социальная активность....942
Социальная апатия 942
Социальная атомизация 942
Социальная группа....943
Социальная диагностика....943
Социальная дистанция 945
Социальная зрелость....945
Социальная иерархия 945
Социальная инерция....946
Социальная интеграция 947
Социальная информатика....947
Социальная микросреда....947
Социальная мобильность....948
Социальная общность 948
Социальная организация....949
Социальная психология 949
Социальная реальность 953
Социальная роль....954
Социальная санкция....955
Социальная связь....955
Социальная сеть 955
Социальная система 956
Социальная статистика 956
Социальная стратификация 957
Социальная структура....958
"Социальная траектория реформируемой России" (колл. монография) 959
Социальная установка....960
Социальная философия....961
Социальная функция....961
Социальная эволюция....963
Социальная экология 963
Социального обмена концепция 964
Социальное взаимодействие....965
Социальное влияние....965
Социальное движение....965
Социальное действие 970
Социальное изменение....970
Социальное насилие....971
Социальное настроение 972
"Социальное настроение" (Тощенко, Харченко) 972
Социальное пространство....974
Социальное противоречие....974
Социальное равенство 975
"Социальное расслоение и социальная мобильность" (ред. З.Т. Голенкова) 976
Социальное управление....977
Социально-классовая организация общества 981
Социальность 989
Социальные ожидания....990
Социальные представления (социальные репрезентации)....990
Социальный атом 992
Социальный детерминизм....993
Социальный институт....993
Социальный интерес....994
Социальный класс....994
Социальный контроль 994
Социальный порядок 995
Социальный престиж 995
Социальный статус 995
Социальный стереотип 996
Социальный факт 996
Социобиология....997
Социограмма 998
Социодрама 998
Социологическая служба "Зеркало" информационной компании БелаПАН 998
Социологическая служба при ЦК ПКБ....999
Социологический мониторинг экономических и социальных перемен в России 999
Социологический психологизм 1000
Социология....1001
"Социология" (Розеншток-Хюсси). 1007
Социология бедности 1012
Социология в Беларуси (1920-1930) 1013
Социология возраста 1013
Социология гендерная....1014
Социология города....1016
Социология знания 1017
Социология инноваций 1021
Социология культуры 1022
Социология личности....1027
Социология масс-медиа 1033
Социология медицины и здравоохранения 1034
Социология межнациональных отношений (этносоциология) 1036
Социология менеджмента....1037
Социология молодежи 1038
Социология морали 1043
Социология народонаселения....1044
Социология науки....1045
Социология образования....1051
Социология общественного мнения 1055
Социология политики 1056
Социология предпринимательства 1060
Социология профессий 1061
Социология религии....1062
Социология села 1064
Социология семьи....1064
Социология тела 1070
Социология труда 1072
"Социология труда: Учебник" (Соколова) 1072
Социология управления 1074
Социология экономическая 1077
"Социология экономической жизни: Очерки теории" (Заславская, Рывкина)....1078
Социоматрица....1079
Социометрический тест 1080
Социометрия....1080
Спенсер....1081
Специальные социологические теории 1085
Способ производства....1087
Среднее арифметическое 1087
Среднее квадратическое отклонение....1087
Средний класс....1087
Сталин 1088
Стандартная ошибка....1089

Стандартное отклонение....1089
Статистика....1089
Статистика выборочная....1089
Статистика дескриптивная (описательная)....1090
Статистика объектов нечисловой природы....1090
Статистика социально-экономическая....1090
Статистическая значимость....1090
Статистическая независимость....1090
Статистическая проверка гипотез....1090
Статистический вывод....1091
Статистическое оценивание....1091
Степин....1092
Стохастический анализ социальных сетей....1092
Страта....1094
Стратификация экономическая....1094
Стронин....1094
Струве....1095
Стругацкие....1096
Структура....1097
Структурализм....1097
Структурно-функциональный анализ....1098
"Структурные дыры"....1101
Структурные уравнения....1101
Субкультура....1102
Субъект малого бизнеса в переходной экономике....1104
Суггестия....1104
Сумма квадратов....1105
Схема....1105
SPSS....1106
Таблица сопряженности....1107
Табу....1107
Табулирование....1107
Тайлор....1107
Таксономия....1108
Тард....1108
Текст....1109
Тектология....1110
"Телевидение: технология и культурная форма" (Уильямс)....1111
Тённис....1114
Теории "среднего уровня (ранга)"....1115
Теория....1116
Терещенко....1118
Термин....1118
Терроризм....1118
Тест....1118
Техника....1119
Техницизм....1121
Технократизм....1121
Технократия....1122
Технологический детерминизм....1122
Технология информационно-математического обеспечения эмпирических социологических исследований....1123
Технофобия....1123
Тиллих....1123
Типологизация....1125
Типы прикладных социологических исследований....1125
Титаренко....1126
Титма....1127
Тойнби....1127
Токвиль....1128
Толерантность....1128
Томас....1129
Тоталитаризм....1129
Тоффлер....1129
Тощенко....1131
Традиционализм....1131
Традиционное общество....1133
Традиция....1134
Трансформационные процессы в обществе....1135
Трёльч....1136
Труд....1136
Трудовая карьера....1138
Туган-Барановский....1138
Турен....1139
Тюрго....1140
Уайт....1141
Узнадзе....1141
Уильямс....1142
Украинец....1143
Уорд....1143
Управление....1144
Управление в организации....1144
Управление конфликтами....1144
Управление социальное....1144
Управления инструменты....1145
Управленческие отношения....1145
Управляемость....1145
Уравнение регрессии....1145
Урбанизация....1145
Урланис....1146
Уровень значимости....1146
Условия труда....1146
Утопия....1147
Ухванова-Шмыгова....1148
"Underclass"....1148
Факт....1149
Фальсификация....1149
Фанон....1150
Фашизм, национал-социализм....1153
Феминизм....1154
Феминистская методология....1156
Феноменологическая социология....1158
Ферраротти....1159
Физическая культура....1160
Филиппов....1160
Философия....1161
Философская антропология....1163
Фокус-группа, групповые фокусированные интервью....1166
Формализация....1167
Формальная школа....1168
Франкфуртская школа....1168
Фрейд....1170
Фридмен....1171
Фромм....1171
Фуко....1173
"Фуко" (Делёз)....1179
Функциональная грамотность....1185
Функция....1186
Футурология....1186

Хабермас ... 1187
Хайек ... 1197
Хаксли ... 1198
Хантингтон ... 1198
Харизма ... 1199
Харчев ... 1199
Хвостов ... 1200
Холл ... 1201
Хоманс ... 1205
Хоркхаймер ... 1205
Хорни ... 1207
Хюбнер ... 1207
Ценностные ориентации ... 1215
Ценность ... 1216
"Центризм" ... 1216
Центр социологических и политических исследований БГУ ... 1220
Центры социологические в Республике Беларусь ... 1220
Цивилизация ... 1221
Цивилизация риска ... 1221
Частота абсолютная ... 1223
Частота накопленная ... 1223
Частота относительная ... 1223
Человек ... 1223
"Человек для себя. Исследование психологических проблем этики" (Фромм) ... 1224
Черных ... 1225
Число степеней свободы ... 1226
Читатель ... 1226
Чтение ... 1230
Шавель ... 1235
Шахотько ... 1235
Шелер ... 1236
Шельский ... 1239
Шеффле ... 1239
Шизоанализ ... 1239
Шкала измерительная ... 1243
Шкаратан ... 1244
Шляпентох ... 1244
Шмитт ... 1244
Шовинизм ... 1246
Шпенглер ... 1246
Штомпка ... 1247
Шутц ... 1248
Шюц ... 1248
Эволюционизм ... 1249
"Эго" ... 1249
Эгоизм ... 1250
Эго-процесс ... 1250
Эго-сеть ... 1250
Экоантропоцентрическая социология ... 1251
Экологический кризис ... 1252
Экология ... 1253
Экономика неформальная ... 1254
Экономическая социология ... 1254
"Экономическая социология" (комплекс учебных изданий) ... 1254
Экономический интерес ... 1256
Экономическое мышление ... 1257
Экономическое поведение ... 1258
"Экскурс в проблему: как возможно общество?" (Зиммель) ... 1259
Экспектация ... 1263
Эксперимент ... 1263
Экспериментальная схема ... 1264
Эксперимент в социальных дисциплинах ... 1264
Эксперимент естественный ... 1265
Эксперимент лабораторный ... 1265
Эксперимент полевой ... 1266
Эксперимент "слепой" ... 1266
Эксперимент факторный ... 1267
Эксполярная экономика ... 1267
Экстраполяция ... 1268
Экстремальная ситуация ... 1268
"Электоральные социологические исследования" (колл. монография) 1269
Элитарная культура ... 1269
Элиты теории ... 1270
Эллюль ... 1271
Эмоции ... 1272
Энгельс ... 1272
Эриксон ... 1273
"Эрос и Цивилизация" (Маркузе) ... 1273
Эспинас ... 1275
Эткинд ... 1275
Этнический стереотип ... 1275
Этнометодология ... 1276
Этнос ... 1277
Этноцентризм ... 1278
Этционии ... 1279
Эффект медиа ... 1282
Эффект реальности ... 1282
Юнг ... 1283
Юнгер ... 1284
Я ... 1287
Ядов ... 1287
"Язык тела" ... 1287
Ярошевский ... 1289
Приложение ... 1291
Авторы статей ... 1294

Книга выпущена по заказу и при финансово-маркетинговой поддержке ООО "ИНТЕРПРЕССЕРВИС"

По вопросам реализации обращаться в ООО "ИНТЕРПРЕССЕРВИС".
Тел. в Минске: (1037517) 255-76-90, 253-60-11, 253-71-91, 253-77-78.
Тел. в Москве: (107095) 233-91-88, 104-95-71.

ISBN 985-428-619-3

9 789854 286198

Серия "Мир энциклопедий"

Научное и справочное издание

Составители:
Александр Алексеевич Грицанов, Владимир Леонидович Абушенко, Георгий Михайлович Евелькин, Галина Николаевна Соколова, Ольга Викентовна Терещенко

СОЦИОЛОГИЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Художник и художественный редактор *А.Н. Ткачук*
Компьютерный дизайн: *С.В. Чепиков*
Технические редакторы: *Г.В. Викентьева, А.Е. Лобан*
Корректор *Д.П. Троицкая*
Директор-издатель *С.В. Кузьмин*

Подписано в печать с диапозитивов заказчика 25.03.2003. Формат 84x108 1/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Печ. л. 82,0. Усл. печ. л. 95,1.
Уч.-изд. л. 179,8. Тираж 5030 экз. Заказ 662

УП "Книжный Дом". 220023, Минск, пр-т Ф.Скорины, 98. Тел. 263-50-58.
Лицензия ЛВ № 124 от 29.01.2001.

Отпечатано в Республиканском унитарном предприятии "Издательство "Белорусский Дом печати".
220013, Минск, пр-т Ф.Скорины, 79.